

Е. М. ВЕРЕЩАГИН
В. Г. КОСТОМАРОВ

ЯЗЫК

И

КУЛЬТУРА

Язык (старин.) племя народов.

Язык (старин.), пльничка у котораго выведывают о сех гояни и расположении неприятельскаго войска.

Язык (старин.), оговоричка по казыкающии на кого-либо на судѣ.

Язык, въ самомъ обширномъ значеніи — всякое выраженіе пралетельныхъ положительныхъ чувствованій и мыслей.

Язык, органъ некоторыхъ позвоночныхъ животныхъ, служащій для обозначенія качествъ, приписываемыхъ имъ.

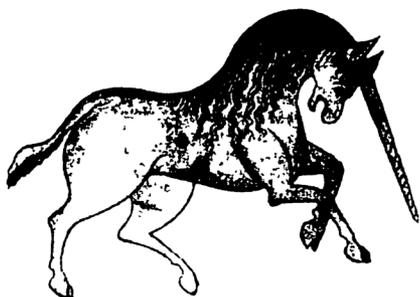
Культура (лат.) 1) духовное и материальное развитіе страны; то же что цивилизація въ области промышленности человека, происходящая въ развитіи его природныхъ качествъ путемъ одухотворенія;

2) развитіе и уходъ за растеніями и животными; культурная растенія, тѣ, которыя воздѣлываются человекомъ для употребленія ихъ.

Культъ (лат.) религиозное служеніе, выраженіе почитанія въ фактѣ, въ или инакъ. Въ теологическомъ управленіи канонической Церковью все, что относится къ въ духовному образованію страны.

Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров

Язык и культура

*Под редакцией и с послесловием
академика Ю. С. Степанова*

Государственный Институт русского языка им. А. С. Пушкина

Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров

Язык и культура

Три лингвострановедческие концепции:
лексического фона, рече-поведенческих тактик
и сапиентемы

 ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ИНДРИК»
Москва 2005

УДК 81
ББК 81
В 31

*Исследование осуществлено при финансовой поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 99-06-80315)*

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (проект № 03-04-16019д)*

Рецензенты:

доктор филологических наук проф. *Н. Д. Бурвикова*
доктор филологических наук проф. *В. В. Морковкин*

Верещагин Е. М., Костомаров В. Г.

Язык и культура. Три лингвострановедческие концепции: лексического фона, рече-поведенческих тактик и сапиентемы / Под редакцией и с послесловием академика Ю. С. Степанова. — М.: «Индрик», 2005. — 1040 с.

ISBN 5-85759-289-5

В этой фундаментальной монографии авторы подытожили свои разыскания протяженно-стью без малого в сорок лет. Исследование состоит из 3 разделов, 12 частей, 56 глав (и имеет еще материалы, составившие экскурсы и приложения).

В книге впервые целокупно и всесторонне изложено лингвострановедческое понимание центральной лингвистической проблемы — соотношения языка и культуры. Предлагаемый филологический инструментарий действительно позволяет объективировать национальную культуру через язык (и тексты) и улавливать специфику семантики языка в аспекте генезиса и функционирования культуры.

Два раздела монографии покоятся на методике исчисления смыслов: в первом исчисляются семантические доли *лексического фона*; в втором — *рече-поведенческие тактики*, реализуемые в текстах. Применяв указанную методику, авторы по-новому подошли к ряду традиционных исследовательских тем, а также открыли дальнейшие перспективы для научного поиска. Теория постоянно поверяется практикой: в книге содержится немало насыщенных материалом частных исследований, с одной стороны, призванных подтвердить и проиллюстрировать общие положения и, с другой, имеющих самостоятельную ценность. В третьем разделе предлагается всеобъемлющая, оригинальная и дискуссионная концепция *сапиентемы* — (отчасти метафизическое) умозрение, которое, по мнению авторов, наконец-то позволяет исследовать «место встречи» априорного (и невербального) и апостериорного (и вербального) опыта, а также прояснить механизм двоякой (щадящей), а затем и троякой (строгой) этической оценки, способной решающим образом сказаться на поведении отдельного человека и сообщества. На протяжении всей монографии последовательно осуществляется объективация объемной сапиентемы **ДОМ, ЖИЛИЩЕ**.

Указатели: 1) Именной; 2) Предметно-тематический; 3) Указатель лексики, фразеологии и афористики приложены на CD.

Предназначается для филологов (лингвистов, литературоведов), философов, этнографов, культурологов, богословов, религиоведов, преподавателей языков, других специалистов гуманитарного профиля, а также для всех, кто интересуется вопросами языка и культуры.

© Верещагин Е. М., Костомаров В. Г., 2005
© Государственный институт русского языка
им. А. С. Пушкина, 2005
© Оформление. «Индрик», 2005

ISBN 5-85759-289-5

Оглавление

Введение.....	16
Раздел первый. Аспект статики: язык как носитель и источник национально-культурной информации	41
Часть I. Номинативные единицы вербального языка	43
Глава 1. Слово: соотношение планов содержания и выражения	43
01–1. <i>Понятие есть — лексемы нет</i>	46
01–2. <i>Одно понятие — несколько лексем</i>	49
01–3. <i>Лексема есть — понятия нет</i>	54
01–4. <i>Одна лексема — несколько понятий</i>	59
Глава 2. Лексическое понятие и межъязыковая (без)эквивалентность	62
Глава 3. Лексический фон и межъязыковая неполноэквивалентность	69
03–1. <i>Общее описание феномена, названного «лексическим фоном»</i>	69
03–2. <i>Коротко о номинативных и реляционных языковых единицах</i>	74
03–3. <i>Лексическое понятие и понятийная безэквивалентность</i>	76
03–4. <i>Лексический фон и фоновая неполноэквивалентность</i>	78
03–5. <i>Классификация безэквивалентной и неполноэквивалентной лексики</i>	80
Экскурс 1. ЛФ историзма <i>артель</i>	90
03–6. <i>Фоновые особенности терминологической лексики</i>	94
03–7. <i>Фоновые особенности ономастической лексики</i>	98
03–8. <i>Свойства ЛФона</i>	114
Кумулятивная функция	114
Словообразовательная и метафорическая деривация	118
03–9. <i>Заключительные замечания</i>	122
Глава 4. Способы объективации лексических фонов	123
Глава 5. Осмысленность коммуникации	134
Глава 6. Коммуникация как передача знаний	138
Глава 7. Генезис и миграция семантических долей лексического фона	148
Глава 8. Лингвострановедческая интерференция и компарация лексических фонов	152
Глава 9. Общественная динамика ЛФонов	156
Глава 10. СДоли в индивидуальном сознании	159
Глава 11. Экзотерические и эзотерические СДоли	161
Глава 12. Зрительный образ как часть ЛФона	171
Глава 13. Национально-культурная семантика русской фразеологии	174
13–1. <i>Уточнение понятия фразеологизма</i>	174
13–2. <i>Номинативная семантика фразеологизма: итоговое определение</i>	176
13–3. <i>Двуплановость семантики фразеологизма: фразеологический фон</i>	176
13–4. <i>Национально-культурная семантика фразеологического фона</i>	178

Э к с к у р с 2. Метафора как средство фразеологизации: <i>подвести черту, отметить галочкой, зажечь красный свет, вывести на орбиту</i>	181
Глава 14. Национально-культурная семантика языковых афоризмов	186
14–1. Уточнение понятия языкового афоризма	186
14–2. Афористический уровень языка	188
14–3. Двуплановость семантики афоризма: афористический фон.....	189
14–4. Национально-культурная семантика афористического фона	191
Кумулятивная функция	191
Директивная функция	193
14–5. Использование и модификации языковых афоризмов в речи	194
Глава 15. Лексика, фразеология, афористика как лингвострановедческие источники ...	195
15–1. Структура семантики номинативной единицы языка	195
15–2. Лингвострановедческая семантизация фонов	196
15–3. Лингвострановедческие словари фразеологии и афористики	198
15–4. Групповые способы семантизации фонов	200
15–5. Мотивированное итоговое именование изложенной концепции	202
Глава 16. «Окказиональные» пометы в «Словаре русского языка» С. И. Ожегова. К определению места безэквивалентной и фоновой лексики в современном русском литературном языке.....	204
Глава 17. Континическая концепция в конкретном синхроническом анализе: русский Мефистофель у Пушкина	215
17–1. Пушкинский Мефистофель — это не Мефистофель Гёте	218
17–2. Применение концепции ЛФона к конкретному анализу	222
17–3. Исчисление фоновых СДолей лексемы бес и сопряженных слов в произведениях Пушкина	224
17–4. Систематизация фоновых СДолей лексемы бес.....	245
Сопоставление П-исчисления с СДолями, извлеченными из евангельских текстов.....	247
Сопоставление П-исчисления с СДолями, извлеченными из фольклорных текстов	249
17–5. Демон в одноименной поэме Лермонтова — это не бес Евангелия и фольклора.....	252
Глава 18. Континическая концепция в конкретных диахронических разысканиях	264
18–1. Жизнь, животъ, житиѣ.....	264
18–2. Слава.....	272
18–3. Стоудъ	282
18–3. Адамьскѣи образъ.....	288
18–4. Свѣтъ въ торъи.....	295
Приложение 1 (к подглавке 03–5). Лингвострановедческая археология: <i>четверть и четвертачок</i> в России второй половины XIX в.	300
Приложение 2 (к подглавке 03–5). Лингвострановедческая археология: <i>активист и общественник</i> в советскую эпоху	306

Приложение 3 (к подглавке 03–5). Лингвострановедческая археология: что в 1985 г. казалось естественным советской учительнице и было непонятно учительнице из ФРГ	309
Приложение 4 (к подглавке 03–7). Образ святого, как он выявляется через фоновое комментирование его имени	311
Приложение 5 (к подглавке 13–4). <i>Бить во все тяжкая</i> и <i>звонить во все колокола</i>	319
Приложение 6 (к главе 17). <i>Молех</i> в Танахе в отличие от пушкинского <i>Молока</i> : исчисление фоновых СДолей	322
Приложение 7 (к главе 17). Пушкин, Рильке и проблема соотношения национальной культуры и надкультурной цивилизации	326
Первое наблюдение	326
Второе наблюдение	328
Общий вывод	331
Часть II. Реляционные единицы вербального языка как носители и источники национально-культурной информации	337
Глава 1. Русская фонетика и интонация как феномен национальной культуры	337
Глава 2. Словообразование, морфология и синтаксис как феномен национальной культуры	352
Часть III. Национально-культурное своеобразие русского литературного языка как результат взаимодействия двух стихий	359
Глава 1. А. С. Пушкин как историк и создатель русского литературного языка	359
01–1. А. С. Пушкин об истории русского литературного языка	359
01–2. Учение о «двух стихиях» в становлении и развитии русского литературного языка	361
Экскурс 1. Пушкин читает Изборник Святослава 1073 г.	366
Экскурс 2. Пушкин интерпретирует «Слово о полку Игореве»	366
01–3. Ломка русского языка в Петровскую эпоху	368
01–4. Роль Российской Академии	369
Глава 2. Пушкин как творец современного русского литературного языка	370
02–1. Роль народно-разговорной стихии	371
02–2. Роль книжно-славянской стихии	373
02–3. Опасность галломании	376
Экскурс 3. Макароническая поэзия Ишки Мятлева	376
02–4. Опасность салонности языка и жеманства	378
02–5. Синтез народно-разговорной и книжно-славянской стихий в языке Пушкина	379
Экскурс 4. Пушкин и Библия	380
Приложение 1 (к подглавке 02–5). Два переложения с церковнославянского на русский: великопостной молитвы Ефрема Сирина и молитвы «Отче наш»	383
Приложение 2 (к подглавке 02–5). «Когтистый зверь, скребущий сердце» — совесть	387

Часть IV. Невербальные языки как носители	
и источники национально-культурной информации	391
Глава 1. Русский соматический язык	392
Глава 2. Пласт соматических речений в русском языке	399
02–1. <i>Один и тот же соматизм может быть выражен разными речениями</i>	401
02–2. <i>Одно и то же речение способно обозначать разные соматизмы</i>	403
02–3. <i>Речение может отражать не форму, а смысл соматизма</i>	405
02–4. <i>Соматизмы выражаются речениями различной степени экспликации</i>	407
02–5. <i>Эйдетическое речение передает значение соматизма полностью</i>	409
02–6. <i>Универбализация и фразеологизация соматических словосочетаний</i> <i>и проблематика лингвострановедческой семантизации</i>	413
Часть V. Язык — дом бытия? Бытие — дом языка?	
Обобщение концепции ЛФона	421
Глава 1. Лексический фон: априорные взгляды	427
Глава 2. Компонентный анализ семантики дома, жилища человека: исчисление фоновых СДолей семи лексем (<i>крыша, стена, окно, дверь, крыльцо, порог, угол</i>)	431
02–1. <i>Крыша, кровля, (по)кров</i>	431
02–2. <i>Стена (дома)</i>	438
02–3. <i>Окно (дома)</i>	442
02–4. <i>Вход в жилище: дверь</i>	449
02–5. <i>Вход в жилище: порог</i>	456
02–6. <i>Минимальное пространство в доме: угол (не исчислено)</i>	460
02–7. <i>Обобщение процедур исчисления</i>	460
Выявление фоновых СДолей.....	460
Создание перечня СДолей.....	461
Глава 3. Целостный анализ семантики дома, жилища человека: исчисление фоновых СДолей.....	462
03–1. <i>Религиозные представления о доме, жилище</i>	462
03–2. <i>Дом, жилище как таковые</i>	468
03–3. <i>Традиционное русское жилище</i>	472
03–4. <i>Жилище в России XIX — начала XX в. (СД не исчислены)</i>	498
03–5. <i>Жилище в советской России (1917–1991) (СД не исчислены)</i>	498
03–6. <i>Жилище в постсоветской России</i>	498
Глава 4. Лексический фон: апостериорные наблюдения	504
04–1. <i>В последний раз о структуре слова</i>	504
04–2. <i>Кумулятивная функция языка</i>	505
04–3. <i>Индивидуальный и общественный аспекты процесса коммуникации</i>	506
04–4. <i>Моносемность речений в коммуникативном акте</i>	507
04–5. <i>Два типа коммуникации — прагматическая и метаязыковая</i>	508

04–6. Компрессия метаязыковых текстов в процессе формирования ЛФона.....	509
04–7. Генезис и исходная принадлежность фоновых СДолей	510
04–8. Общественная динамика ЛФона.....	511
04–9. Природа бытия СДолей в индивидуальном сознании.....	513
04–10. Экзотерические и эзотерические СДоли.....	514
Раздел второй. Аспект динамики: текст как носитель и источник национально-культурной информации	517
Часть I. Текст как совокупность национально-культурных рече-поведенческих тактик	519
Глава 1. Вступительные замечания.....	519
01–1. Деликт: оправдание и извинение по Дж. Остину	520
01–2. РПТактика: индуктивная дескрипция понятия	523
01–3. Социальная природа РПТактики и реализующих ее речений.....	526
01–4. Национально-культурные особенности РПТактики и реализующих ее речений	527
Глава 2. Морально-безоценочное (мирское) изглаживание деликта.....	531
02–1. Общие сведения	531
02–1А. Шесть рече-поведенческих ситуаций; показательные речения	531
02–1Б. Метафорические представления о вине-деликте	533
02–1В. Невербальное бытие РПТактики и ее вербальные реализации	533
02–1Г. Конструкты и трехуровневое распределение РПТактик	534
02–1Д. Перлокутивный эффект и иллокутивные цели.....	535
02–2. Совокупность тактик самоосознания вины	535
02–2А. Группа РПТактик прямого признания себя виновным.....	535
02–2Б. Группа РПТактик минимизации деликта.....	536
02–2В. Группа РПТактик аггравации деликта	538
02–3. Совокупность РПТактик вынуждаемого признания вины	539
02–3А. Группа РПТактик истинного обвинения	539
02–3Б. Группа РПТактик ложного обличения.....	543
02–3В. Группа РПТактик непринятия обвинения.....	545
02–4. Совокупность РПТактик добровольного извинения (не исчислена).....	546
02–5. Совокупность РПТактик вынуждаемого извинения (не исчислена)	546
02–6. Совокупность РПТактик принятого извинения (не исчислена).....	546
02–7. Совокупность РПТактик отвергнутого извинения (не исчислена).....	546
02–7А. Группа РПТактик коммуниканта-2.....	547
02–7Б. Группа РПТактик коммуниканта-1	549
02–8. Выбор серии РПТактик в зависимости от стратегии	551
02–9. Морально-безоценочный облик двух коммуникантов в секулярном мире	552

<i>02–10. Моральная оценка аполгии и конфронтации в мире с духовной доминантой</i>	554
Э к с к у р с 1. Учение о нуминозном в религии и идеологии (Р. Отто)	556
Э к с к у р с 2. Учение о корреляции религии и идеологии (П. Тиллиха)	559
Глава 3. Изглаживание деликта с позиции щадящей этики	560
<i>03–1. РПТактики в покаянной дисциплине Церкви и в воспитательной работе Партии</i>	560
<i>03–2. Исчисление исповедных и воспитательных РПТактик</i>	563
<i>03–3. Предписания и запреты в этике воздержания</i>	567
<i>03–4. Статус праведного</i>	569
Глава 4. Изглаживание деликта с позиции строгой этики	570
<i>04–1. Триада этических оценок и идеал святости</i>	571
<i>04–2. РПТактики, полученные анализом Прόλοга</i>	573
<i>04–3. РПТактики, полученные анализом ктиторских уставов</i>	579
<i>04–4. РПТактики, полученные историческим анализом одной семантико-поведенческой парадигмы: ἐλέγχειν и обличати</i>	582
<i>04–5. Идеологически мотивированная строгая этика</i>	589
Глава 5. Лингвострановедческая археология: исчисление РПТактик очердника	596
<i>05–1. Словарное и обиходное определения очереди</i>	596
<i>05–2. Стратегии в поведении массы очердников</i>	597
<i>05–3. РПТактики поведения в массе</i>	598
<i>05–4. РПТактики поведения индивида</i>	600
<i>05–5. Образчик дискурса в очереди</i>	603
<i>05–6. Коллизии в очереди</i>	604
Глава 6. Динамическое исчисление РПТактик: незавершенные перемены в отношении русских к деньгам	605
<i>06–1. Два показательных примера и постановка проблемы</i>	605
<i>06–2. Группа РПТактик «Деньги — это (не) всё в нашем мире»</i>	607
Глава 7. Дальнейшие примеры исчисления РПТактик	614
<i>07–1. Призыв к откровенности (на материале русской культуры)</i>	614
<i>07–2. РПТактики призыва к откровенности: попытка контрастивным путем проникнуть в идиоматику речевого поведения</i>	623
07–2А. Показательные примеры и постановка проблемы	623
07–2Б. Анализ понятия «откровенность»	625
07–2В. Сверхзадача «призыв к откровенности» и реализующие ее РПТактики	626
07–2Г. Прагматическая характеристика «призыва к откровенности»	629
Место сверхзадачи, РПТактик и реплик в диалоговой структуре	629
Взаимное иерархическое положение секретника и конфиденнта	629
Наиболее типичные коммуникативные ситуации реализации ПО	629
Конечные цели ПО	630

07–2Д. РПТактики призыва к откровенности: языковой материал	630
Элементарные ТПО	630
Редуцирующие и конкретизирующие ТПО	631
Мягкие (или успокаивающие) ТПО	632
Жесткие (или угрожающие) ТПО	634
07–2Е. Некоторые результаты контрастивного анализа	635
07–3. <i>Пессимистические предостережения и прогнозы</i>	636
07–4. <i>Угроза</i>	636
Глава 8. Заключительные замечания	642
Приложение 1 (к подглавке 04–4). Исчисление РПТактик тропарей древнейшего канона св. Димитрию Солунскому	645
Приложение 2 (к главе 5). «Скрытым себя осенили крестом»: РПТактики советских православных криптохристиан	673
Приложение 3 (к главе 6). «В выражениях не стесняемся»: русский мат и культура низа	680
Часть II. Нарративный текст в лингвострановедческом рассмотрении	688
Глава 1. Прагматичные и проективные тексты	689
Глава 2. Прагматичный текст	692
Глава 3. Проективный текст	697
03–1. <i>О подтексте и контексте</i>	697
03–2. <i>О подтексте и затексте</i>	700
03–3. <i>О сюжете и замысле</i>	702
03–4. <i>Лингвострановедческий комментарий</i>	703
03–5. <i>Первый вид лингвострановедческого комментария: прагматичный</i>	705
03–6. <i>Второй вид лингвострановедческого комментария:</i> <i>проективный с ориентацией на контекст</i>	705
03–7. <i>Третий вид лингвострановедческого комментария:</i> <i>проективный с ориентацией на затекст</i>	707
Глава 4. Лингвострановедческое чтение: прагматичный и проективные тексты в связке	708
Глава 5. Лингвострановедческое освоение произведений искусства	711
05–1. <i>Что такое обязательное произведение искусства?</i>	715
05–2. <i>Наводящий метод лингвострановедческого освоения</i> <i>произведений искусства</i>	716
05–3. <i>Первый прием наводящего метода:</i> <i>вычленение основного смысла художественного образа</i>	717
05–4. <i>Второй прием наводящего метода:</i> <i>присоединение проективных показателей к основному смыслу</i>	718
05–5. <i>Третий прием наводящего метода: настройка на основной смысл</i>	720
05–6. <i>Четвертый прием наводящего метода: усиление проективных показателей</i> ..	721
05–7. <i>Еще раз о роли филологии в лингвострановедении</i>	723

Часть III. Художественный текст: анализ путем исчисления РПТактик	725
Глава 1. Исчисление воздержательных (абстинативных) рече-поведенческих тактик в повести А. С. Пушкина «Станционный смотритель»	725
01–1. <i>Разногласица интерпретаций</i>	726
Реконструкция литературой истории повести	726
Выяснение авторского замысла	727
01–2. <i>Анализ речевого поведения шести персонажей повести</i>	730
Краткое повторное представление концепции рече-поведенческих тактик	730
РПТактики Самсона Вырина	732
Э к с к у р с 1. Какой суммой ротмистр хотел откупиться?	734
Э к с к у р с 2. Самсон Вырин или, может быть, все-таки Симеон?	735
РПТактики ротмистра Минского	737
РПТактики лекаря-немца	737
РПТактики хмельного ямщика	738
РПТактики «жены пивоваровой»	738
РПТактики «рыжего и кривого» Ваньки	738
01–3. <i>Textsorte притча; воздержательные (абстинативные) РПТактики</i>	739
Жанровые признаки <i>притчи</i>	739
Понятие абстинативной (воздержательной) РПТактики	742
Э к с к у р с 3. Почему Сильвио не хотел стрелять?	744
Рече-поведенческая парадигма в Притче о блудном сыне	745
01–4. <i>Абстинативные РПТактики Авдотьи Самсоновны и их смысл</i>	747
Жизненный (не)успех как стимул к покаянию	747
Э к с к у р с 4. Пушкинская выписка из Жития Иоанна Кущника	748
Благовременность покаяния как поведенческая парадигма в Притче о блудном сыне	748
Пушкин как проponent новозаветной этики	750
Абстинативные тактики Авдотьи Самсоновны, не сопряженные с Притчей о блудном сыне	751
01–5. <i>Притча о блудном сыне в приложении к самому Пушкину</i>	753
Заключительные замечания	756
Глава 2. Сингулярные рече-поведенческие тактики в стихотворном рассказе Б. Садовского «Федя Косопуз»	757
02–1. <i>Разбор стихотворного рассказа Б. Садовского «Федя Косопуз» и определение базовых терминов</i>	757
02–2. <i>Что замечали окружающие во взгляде Федя</i>	759
02–3. <i>Определение гнезда терминов с опорным словом сингулярный</i>	760
02–4. <i>Что замечали окружающие, когда Федя говорил и совершал поступки</i>	761
02–5. <i>Что замечали окружающие, когда Федя ничего не говорил и не совершал поступков</i>	764
02–6. <i>Нарушения поведенческой нормы как стимул и содержание сингулярного речения</i>	770
02–7. <i>Силлогизм как логическая природа сингулярного речения</i>	772
02–8. <i>Выявление каузальности как конечная цель сингулярных речений</i>	777
Э к с к у р с 1. Свидетельство ветхозаветной поговорки	780
02–9. <i>Разноречивость оценок поведенческой нормы</i>	784
02–10. <i>Исчисление сингулярных рече-поведенческих тактик</i>	787

Часть IV. Художественный текст	
в комплексном лингвострановедческом рассмотрении.....	797
Глава 1. «Бородино» М. Ю. Лермонтова в лингвострановедческом рассмотрении...	797
Глава 2. «На поле Куликовом» А. А. Блока в лингвострановедческом рассмотрении ..	803
Глава 3. «Матренин двор» А. И. Солженицына	
в лингвострановедческом рассмотрении.....	806
03–1. Проблема национального идеала.....	807
03–2. Проблема национальной самокритичности.....	812
Авось, небось да как-нибудь.....	812
«Высокий процент успеваемости»	817
Раздел третий. Синтез статики и динамики: умозрение сапиентемы.....	825
Часть I. Предварительные подступы к концепции сапиентемы.....	834
Глава 1. Первый предварительный подступ: <i>Cogito, ergo sapienteme est</i>	834
01–1. От интуиции к дискурсии: о способе изложения	834
01–2. Пропедевтическая демонстрация интуиции о сапиентеме	838
Космогонические номинации Быт 1: 1–10.....	838
Глава 2. Второй предварительный подступ: <i>латентность в речепорождении</i>	
как свидетельство о его невербальности.....	840
02–1. Уточнение терминологии	841
Анализирующая грамматика	841
Синтезирующая грамматика	842
Креационная грамматика.....	843
02–2. Моделирование речепорождения	844
Латентный процесс речепорождения: осознаваемые механизмы	845
Латентный процесс речепорождения: несознаваемые механизмы.....	848
Глава 3. Третий предварительный подступ:	
<i>неэтичное, этическое и сверхэтичное поведение</i>	855
03–1. Первое наблюдение: <i>дома хорошо, а скитаться — благодатно</i>	855
Построфный анализ стихотворения И. А. Бунина.....	855
Феномен <i>странничества</i> в повести Л. Н. Толстого «Отец Сергей».....	856
Феномен <i>бездомности</i> в Евангелии	861
Пресуппозиция «дом — это благо» на фоне новозаветной заповеди странничества.....	862
Ветхозаветные предикации о ценности дома.....	864
Блжённи <i>изгнани правды радн</i>	864
03–2. Второе наблюдение: <i>«Не мози горы ради оставити учения своего»</i>	865
03–3. И. Кант и Иоанн Златоуст о разделении <i>щадящей и строгой этики</i>	866
03–4. Пример <i>щадящей этики</i>	866
Последование исповеди в старопечатном Потребнике	867
Этика бездействия (<i>воздержательности</i>) в Пс 1: 1	868
03–5. Примеры <i>строгой этики в Свц. Писании</i>	869
03–6. Примеры <i>строгой этики в славяно-русском Прологе</i>	870
Краткая история возникновения Пролога	871
Из Жития прп. Марии, преложившей себя Марином	872

Из Жития прп. Иоанна, нареченного Варсонофием	872
Из Жития прп. Никона Синайского, якобы соблудившего с дочерью некоего «фараонита»	872
Слово от патерика: обиженный извиняется перед обидчиком	873
Приложение 1 (к подглавке 03–4). Вопросы Потребника как зеркало нравов на Руси середины XVII в.	874
Часть II. Рецепция умозрения Платона об идеях и об их врожденности	879
Глава 1. Рецепция Платоновой концепции <i>идеи</i>	879
01–1. <i>Еще раз о способе изложения: наведение на внутреннее опытное знание</i>	879
Ignoramus et ignorabimus или ignoramus, sed non ignorabimus?	879
01–2. <i>Платоново учение об идеях: анализ двух интерпретаций</i>	881
Идея коня, конности	882
01–3. <i>Платоново учение об идее блага</i>	887
Притча об узниках пещеры	889
Идеи <i>волоса, грязи, сора</i> не имеют бытия	890
Глава 2. Рецепция Платонова учения о <i>врожденности</i> идей	891
<i>Познавать — значит припоминать</i>	892
Глава 3. Исчисление СДолей <i>идеи</i> (с учетом ее <i>врожденности</i>)	894
03–1. <i>Дефиниция идеи через эквиваленцию</i>	894
03–2. <i>Онтологические атрибуты идеи</i>	894
03–3. <i>Идея — понятие — «вещь»</i>	895
03–4. <i>Генетические атрибуты идеи</i>	895
Intra te quaere Deum!	896
03–5. <i>Статичность и динамичность идеи</i>	896
Часть III. Суть феномена <i>сапиентемы</i>	898
Глава 1. Сапиентема «жилище — (это) благо»: умозрение синэргетической сущности	898
01–1. <i>Три показательных примера</i>	898
Бомжи	898
Бесприютный Иов	899
Бездомный Владимир Дубровский	901
01–2. <i>Сапиентема — копуляция идей</i>	901
Вода, хлеб, риза и дом	902
01–3. <i>Жилище как убежище от вторжения извне</i>	909
Наф-Наф «дом построил из камней»	910
«...убиты в подъездах собственных домов»	911
Каменная твердыня, дом прибежища	911
Приватность за закрытыми дверями	912
01–4. <i>Жилище как убежище от непогоды и место для сна</i>	913
Ужасы грома и молнии	915
Деревянная связь в доме, фундамент	916
«Сон — очима, веждама — дремание»	917

Глава 2. Сапиентема — программа развертывания априорных смыслов	918
СДоли и РПТактики темы <i>надежного убежища</i>	919
В чем Г. С. Сковорода видел для себя <i>жизненное благо</i> ?	922
Референтная группа, от имени которой говорил философ-скиталец	923
Умозрительная, практическая и «словесная» жизнь	923
Релятивизм абстрактного и конкретного	924
СДоли и РПТактики темы <i>прочного убежища</i>	925
Глава 3. Лингвосапиентема — программа развертывания апостериорных смыслов..	927
Двускатная и плоская крыша	928
По различным основаниям <i>дом-жилище</i> имеет ряд номинаций	933
У каждого есть представление, какова типичная конструкция дома	933
Пришедшему в дом гостю обычно предлагают трапезу	933
Домом-жильем можно завладеть разными способами: построить, купить, унаследовать, получить в приданое, получить от государства, выменять	933
Собственный дом высоко ценится	935
Наличие жилья — условие семейного благополучия	935
Дом нуждается в постоянных усилиях по поддержанию; иначе разрушается	936
Дом допускает многообразное использование: для проживания семьи, вложения денег, извлечения дохода	936
Роль главы дома оценивается высоко	937
Роль жены, хозяйки в доме оценивается высоко	938
Благосостоятельный дом должен быть обеспечен водой и пищевыми припасами	939
Благополучный дом — зажиточный	940
Дети, дети, куда вас дети?	940
Дом — (только) для «своих», не для «чужих»	941
Метафорическое (расширительное) использование понятия <i>дома</i>	942
Дом имеет помещения для физиологических отпращиваний	942
Глава 4. Сапиентема как программа тройких этических оценок	942
04–1. <i>Еще раз об этическом, неэтическом и сверхэтическом</i>	942
Припасы в доме — условие жизни	943
Добровольная смерть как сверхэтическое поведение	944
04–2. <i>Двоякая этическая оценка</i>	946
Кто мне ближний?	947
Совесть как естественный закон	948
04–3. <i>Тройкая этическая оценка</i>	950
«Красота — это страшная, ужасная вещь!»	950
Глава 5. Десять итоговых тезисов о сапиентеме	951
Заключение	955
Литература	982
Послесловие (Ю. С. Степанов)	1033

- 1) Именной указатель; 2) Предметно-тематический указатель;
3) Указатель лексики, фразеологии и афористики (на CD)

ВВЕДЕНИЕ*

В монографии впервые изложено лингвострановедческое понимание фундаментальной лингвистической проблемы — *соотношения* языка и культуры¹. Объем монографии позволил рассмотреть проблему со всех сторон и дать ее целокупный синтез.

Что язык и культура *сопряжены* между собой — это *sententia communis*: несогласных нет. Нетрудно, начав с античности, привести множество соответствующих суждений². Хотя для науки единодушие, как правило, не характерно, никто не сомневается в том, что семантика языка производна от национальной картины мира. Впрочем, язык в свой черед оказывает обратное влияние на культуру. Стало быть, как культура имеет бытие в языке, так и язык, в том числе даже искусственный, без культуры не существует³.

* Нижеследующее исследование выполнено в рамках проекта «Лингвострановедческая концепция коммуникации», поддержанного Российским фондом фундаментальных исследований (РФФИ; грант № 99-06-80315). Предшествующие публикации по тому же гранту см.: [Верещагин, Костомаров 1999; 2000а–г; 2001; 2002а, б; Верещагин 2003а]. Издание осуществлено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ; проект № 03-04-16019д).

¹ Общепринятого определения понятия *культура* в научной литературе нет, хотя у большинства исследователей можно заметить одну и ту же интуицию. К тому же и сам термин неустойчив и является расплывчатым: нередко *культура* и *цивилизация* употребляются как синонимы, а иногда — противопоставляются друг другу. Чтобы отделить научную интерпретацию культуры от одноименного обиходного понятия, нужно отказаться от аксиологических (оценочных) суждений. В обиходной речи слово *культура* понимается как раз аксиологически и содержит в своем значении оценочный критерий: ср. выражения *культурный [человек]* (хорошо) и *некультурный* (плохо). Культура противопоставляется *бескультурыю*, дикости, варварству. По приводимому сейчас предварительному (и одностороннему) определению (которое далее будет уточнено), культура — это совокупность результатов и процессов любой социальной деятельности человека; культура противопоставляется *природе*, т. е. совокупности внешних, не зависящих от человека условий его существования. Таким образом, окружающая человека действительность дана в виде природы и культуры. Три критерия в содержании концепта являются общепризнанными: культура понимается как продукт социальной (а не биологической) активности человека; культура имеет исторический генезис: она накапливает, аккумулирует ценности, а наследование культуры от поколения к поколению называется *традицией*; культура очень важна для становления человеческой личности: индивид складывается всегда как член определенной общности людей, так что становление человека, если отвлечься от биологических особенностей личности, — это *социализация*, т. е. формирование его внутреннего мира под воздействием норм и ценностей, свойственных определенному социальному коллективу. Частным случаем социализации является *аккультурация* — процесс усвоения личностью, сформированной в культуре А, элементов культуры Б.

² Уже Гераклит Эфесский (VI–V вв. до н. э.), один из основоположников диалектики, считал язык, в частности слово, «седалищем», вместилищем знания. Линия Гераклита была продолжена Платоном, который в своем известном диалоге «Кратил, или о правильности имен» обсуждает вопрос, являются ли слова («имена») орудиями познания и связаны ли они (если да, то как) с внеязыковой действительностью. Впоследствии Аристотель совершенно определенно выводил значение слова за пределы языка (но внешнюю форму слова оставляя, конечно, в его пределах). Более подробно о развитии взглядов на язык как на вместилище знаний (как на мирознание) см. в настоящем предисловии несколько ниже.

³ Впрочем, в гносеологическом аспекте нет препятствий для того, чтобы исследователь сосредоточился на так называемой внутренней структуре языка, т. е. рассматривал исключительно совокупность релятивных (обусловленных друг другом) средств выражения. Иное дело абсолютизировать релятивизм и выводить всю прочую проблематику за пределы лингвистики. Ср. известную позицию Ф. де Соссюра: «Единственным и истинным объектом лингвистики является язык, рассматриваемый в самом себе и для себя» [Соссюр 1960: 359] (т. е. в отрыве от внеязыковой действи-

Нас, однако, интересует не общая декларация, — она выражена в первой номинации на титульном листе посредством союза («Язык и культура»), — а выявление реальных механизмов, *как именно язык отражает культуру и как на деле культура живет в языке*. А когда речь заходит о конкретной природе сопряжения языка и культуры, начинается разногласие мнений, к сожалению, иногда — и нередко! — сводимая к игре словами и демонстрации неверифицируемой убежденности.

Поэтому если мы желаем на чьей-либо стороне *мотивированно* включиться в дискуссию или высказать собственные взгляды, представив их *как выводы* из наблюдений над объектом, то исследование необходимо строить в виде череды **конкретных разысканий**. Эта направленность, по нашему замыслу, выражена на титуле конкретизирующим подзаголовком: вопреки искушению, мы предполагаем рассмотреть общую проблему как раз не в общем же виде, не путем рассуждений и умствований, а через филологический анализ манифестаций связи языка и культуры, т. е. так, как эта связь — всякий раз в ином качестве — отложилась, во-первых, в соположенных феноменах *лексического фона и рече-поведенческой тактики*, а также, во-вторых, в гиперфеномене *сапиентемы*.

Такова установка.

Почему бы не реализовать ее уже с самого начала?

Соответственно круг проблем, которым посвящена монография, мы решили продемонстрировать посредством одного частного филологического исследования.

Среди множества рече-поведенческих тактик (далее: *РПТактики*)⁴ особенно интересны тактики *сингулярные*, т. е. такой способ вести себя и высказываться, когда адресат узнает о чем-то неожиданном, нарушающем привычные ожидания⁵.

Среди сингулярных РПТактик, путем дальнейшего членения предмета рассмотрения, можно выделить и такие, которые структурно содержат прилагательное отрицание *не*, сообщающее о несоблюдении (т. е. нарушении)⁶ поведенческой нор-

тельности). Не возражая против временного (обусловленного конкретными научными задачами) ограничения поля исследовательской работы, со всей решительностью укажем на невозможность свести язык к его релятивным свойствам. Иначе его природа искажается.

⁴ О РПТактиках еще не раз пойдет речь в настоящей книге. Если пропедевтически сказать кратко и в самом общем виде, то РПТактика — это (в границах определенной рече-поведенческой ситуации) однородная по интенции и реализации установка, стоящая за вербальным поведением коммуниканта и входящая в его усилия ради достижения стратегического перлокутивного эффекта. РПТактика сама по себе — невербальна (она представляет собой *sensus purus*), но она состоит из вербальных (т. е. речевых) актов, а также из актов поведенческих (нередко в переплетении). Соответственно *рече-поведенческий* предпочитаем писать не слитно, а через дефис, поскольку прилагательное стягивает сочинительное словосочетание *речь и поведение* (а не подчинительное: *речевое поведение*). Весьма нередко в вербальных речевых актах представлены разного рода клише. РПТактики могут быть в двух культурах тождественными, но гораздо чаще они имеют национально-культурные особенности. Совокупности РПТактик с национально-культурным компонентом в семантике и мотивации ответственны за неуловимые, но реальные явления, которые метафорически описываются как «русский дух», «национальная психология», «душа народа» и т. п.

⁵ Более подробно о сингулярных РПТактиках в монографии говорится в Разделе втором (часть III, глава 2).

⁶ С точки зрения говорящего.

мы, — таково так наз. *ne improvisum*⁷ («не непредвиденное»). О сингулярных тактиках с этим «не непредвиденным» и говорится непосредственно ниже.

У Владимира Высоцкого⁸ есть (не слишком известная) шуточная песенная трилогия: «Про любовь в каменном веке», «Про любовь в Средние века», «Про любовь в эпоху Возрождения»⁹. Историческая привязка и антураж, естественно, не должны обманывать: трилогия, написанная в 1969 г., отражает современные барду нравы и поведенческие нормы. В частности, в первой песне муж, мнящий себя «гегемоном», — ибо матриархат недавно закончился, — наставляет жену, предъявляет ей ряд претензий, среди которых есть и такая:

Выгадывать не смей на мелочах,
Не опошляй семейный наш уклад!
Не убрана пещера и очаг, —
Разбаловалась ты в матриархат!

С точки зрения «гегемона», нравственно-поведенческая норма такова: экономить («выгадывать») — нехорошо («пошло»). В другой песне («Про речку Вачу и попутчицу Валю») Высоцкий еще раз формулирует эту же норму (естественно, не от своего лица, а «в образе»):

Рупь — не деньги, рупь — бумажка,
Экономить — тяжкий грех.
Ах, душа моя тельняшка —
В сорок пóлос, семь прорех!

Вернемся к песне, в которой описываются, как в ней сказано, «отношения первобытнообщинные». Итак, *большая посылка* силлогизма: экономить — нехорошо. Большими посылками, как известно, *significantur universalia*¹⁰ (в данном случае универсальность — это, так сказать, «*всеобщая*» оценка [может быть, правда, характерная только для мужской среды]).

Малая посылка: жена — экономит. Малыми посылками *pominantur singularia*¹¹ (в данном случае, если держаться формальной логики, сингулярность состоит в на-

⁷ Отсюда *импровизация* — речь, сказанная без подготовки, или музыкальное произведение, сочиненное в момент исполнения, и т. д.

⁸ Здесь и далее приводим выписки из поэтических произведений Высоцкого. В наше время, кажется, можно не сомневаться, что его творчество стало неотъемлемой частью русской литературы. Сошлемся на авторитет: для нас существенно неподкупное мнение такого весьма тонкого ценителя, как Иосиф Бродский. На вопрос (применительно к песням Высоцкого) «Это поп-культура или культура, по-Вашему?» поэт ответил: «Для России это культура». «Переживет время?» — «Думаю, что да. Если Вертинский пережил, то он, думаю, да. <...> В нем было абсолютно подлинное чутье языковое. И рифмы совершенно замечательные». — Из песни слова не выкинешь: в советское время творчество Высоцкого подвергалось разносной критике. Так, однажды С. Куняев ополчился против «блатной» и «алкогольной» серии песен барда и рассуждал об «опасной инъекции весьма сомнительных идей» («Литературная газета», 1982, № 23).

⁹ См.: [Высоцкий 2002: 213–218].

¹⁰ Известный латинский логический афоризм, парафразированный нами в настоящем абзаце, принадлежит Иоанну Салисберийскому (1115–1180). Большая посылка силлогизма отсылает к «универсалии», т. е. к понятию, объем которого больше объема понятия, называемого в малой посылке.

¹¹ Малая посылка силлогизма отсылает к «сингулярии», т. е. к понятию, объем которого меньше объема «универсалии», названной в большой посылке.

рушении нормы). *Сингулярность* — поведение, идущее вразрез с нашими ожиданиями¹². Пусть сообщения внешнего наблюдателя о некоторых сингулярностях соответственно называются *сингулярными речениями*. Иначе сказать, *сингулярное речение* — это такое речение, в котором не просто говорится об определенном событии или обстоятельстве, а одновременно имплицитно (но для адресата вполне внятно!) сообщается о том, что это событие или обстоятельство чем-либо нарушает нормативные ожидания адресанта (и расценивается им как заслуживающее упоминания).

Продолжаем разбор песни Высоцкого. Из обычного для силлогизма сопоставления большой и малой посылок следует *вывод: жена поступает нехорошо*¹³.

Отсюда — РПТактика, производная от вывода силлогизма и вводящая в номинацию общий член обеих посылок (*terminus medius*): прибегая (структурно) к *ne improvisum*, «гегемон» запрещает «выгадывать на мелочах» (*крохоборничать, скопидомствовать, мелочиться, сквалыжничать, трястись над копеечкой* и т. д.). Таковы сингулярные РПТактики вообще: в них называется отдельный поступок или регулярное поведение, которые, с точки зрения говорящего, являются ненормативными. Обернем суждение: номинация сингулярной рече-поведенческой тактики прямо указывает на поведенческую норму и, в ряде случаев, содержит открытую нравственную оценку. (Скрытая, косвенная оценка, естественно, присутствует всегда).

Если *нейтральное сообщение* адресат воспринимает благодаря аккумулярованию (присоединению друг к другу и смысловому объединению) квантов информации, передаваемой строевыми (номинативными) единицами (т. е. словами) во фразе, то *сингулярное сообщение* адресат воспринимает через операцию силлогизма (обычно неявного, свернутого и сокращенного). Операция силлогизма — это активный процесс, и, выполняя ее, адресат не просто усваивает информацию, поступающую к нему извне, а сам добывает и пополняет ее, активно сопоставляя пропозиции, являя в них средний член и производя умозаключение.

Сингулярные РПТактики зачастую заполняются клишированными речениями; это значит, что они интересны в чисто языковом отношении. Сингулярные РПТактики, если их эксплицитировать, интересны и как индикаторы национальной культуры. Иначе говоря, они обладают повышенной информативностью в сфере культуры¹⁴, особенно если подходить к ним контрастивно, т. е. рассматривать их на фоне другого языка¹⁵.

Между прочим, конкретное порицаемое поведение (например, то же «выгадывание на мелочах») обычно бывает частью более общей этической парадигмы. Так,

¹² Термины *сингулярность, сингулярный* и т. д. действительно нужны. Во-первых, однословное прилагательное замещает многословное словосочетание (*идуций-вразрез-с-нашими-ожиданиями*). Во-вторых, без вводимых терминов трудно обойтись содержательно: лат. прилагательное *singularis*, образованное от *singulus* «отдельный, единичный», в отличие от этого последнего имеет специализацию и нюансировку значения: *singularis* — «отличный (от обыкновенного)», т. е. «необычный», далее: «исключительный», «чрезвычайный», «небывалый» «беспримерный», «единственный (в своем роде)», «уникальный», «специфичный», «удивительный», «достойный внимания» или «обращающий на себя внимание», «замечательный», «странный», «из ряда вон выходящий» и даже «противоречащий ожиданиям».

¹³ Претензий, как упоминалось, множество: «Придержи свое мнение»; «Я не могу весь век сидеть с тобой»; «Не ссорь меня с общиной»; «Не клевети на нашу молодежь» и т. д.

¹⁴ Более подробно см. в брошюре [Верещагин, Костомаров 2000].

¹⁵ См. подробнее: [Верещагин, Ратмайр, Ройтер 1992]. См. также замечательную монографию: [Rathmaur 1996]; перевод [Ратмайр 2003].

для русских¹⁶ эпохи Владимира Высоцкого (60–80-е гг. прошлого века) было характерно представление о себе как о людях, для которых деньги ни в коем случае не являются первейшей ценностью. Напротив, «денежный вопрос» отодвигался на последний план: говорить о деньгах считалось неприличным; практика предоставления денег займа под проценты была совершенно неизвестна; классическая и советская литература едко разоблачала погоню за деньгами, фольклор не отставал от нее¹⁷, да и официальная пропаганда вносила свою лепту; жадность до денег считалась сопряженной с другими нравственными пороками¹⁸; даже простая передача денег из рук в руки становилась этической проблемой¹⁹. Во всяком случае, про-

¹⁶ Конечно, русские — разные, и когда говорится, что «русским» свойственно или не свойственно то или другое, всегда имеется в виду лишь *относительное* большинство, а также *идеальные* представления членов национально-культурной общности о себе.

¹⁷ Ср. клише, употребительные до сих пор, но уже, пожалуй, не воспринимаемые всерьез: *Не в деньгах счастье; Деньги, что вода* (уплывают); *Деньги/богатства с собой не возьмешь / нехватишь; За деньги отца и матери не купишь; Ума за деньги не купишь; Уговор дороже денег; Мне не дорог твой подарок, дорога твоя любовь* (из известной песни «По улице мостовой»); *Не имей сто рублей, а имей сто друзей; Не с деньгами жить, а с добрыми людьми.*

¹⁸ Ср. у Пушкина:

Всяк суетится, лжет за двух,
И всюду меркантильный дух.

Меркантильный — значит торгашеский, а купцы и торговцы находились, особенно в глазах благородного класса, под подозрением в нечестности. Их дяляческий дух и приверженность деньгам отвергались с возмущением. Ср. обличение современного классика: «Бес оголтелой коммерции внедрен как верховная идеология» (А. Солженицын, Наука в пиратском государстве). Надо отметить, что Пушкин со скепсисом относился и к другому идолу современности: Недорого цену я громкие права, / От коих не одна кружится голова.

¹⁹ Характерна сценка вручения доктору гонорара за визит:

«Л и з а (*улыбается*). Это доктору. Только я никогда не умею как отдать.

К а р е н и н. Ну и я тоже не могу.

А н н а П а в л о в н а (*подходит*). Что не могу?

Л и з а. Давать деньги доктору. Он спас мне больше, чем жизнь, а я даю деньги. Что-то тут такое неприятное» (Л. Толстой, Живой труп).

Собственно, любая операция с деньгами в дворянской среде воспринималась как что-то «нехорошее», «неприятное» и даже *faux pas*. Получатель — ныне невообразимо! — мог отказаться принять деньги, даже если испытывал в них острую нужду. Ср. письмо Феди Протасова: «Очень жаль, что вы прислали мне деньги на ведение дела развода. Это неприятно и непохоже на вас. <...> Деньги возвращаются» (Там же). Презрение к деньгам выражалось, в частности, в том, что их вручали исключительно в конверте; импликация: уже одно прикосновение к купюрам способно замарать. Даже в первые послереволюционные годы, когда были отброшены все и всяческие «буржуазные» предрассудки, обычай передачи денег в конверте (даже в таком низменном акте, как взятка) держался твердо. Ср. вирши революционного поэта А. Безыменского «Маскировка» (написаны до 1925 г.):

Преддомком у нас, поверьте,

С новой почтою знаком.

Денежки в простом *конверте*

Очень любит преддомком. <...>

Если хвостиком он вертит,

Скажет: ордер будет дан!

Значит, денежки в *конверте*

Быстро прыгнули в карман.

Конечно, вмешивается «Вечек», и преддомкома забирают. Ср. также свидетельство времени 1960–70-х гг.: «Каждый месяц он вручал Майке деньги на уроки — разумеется, в конверте. Так было принято в его кругу — не заставлять людей лишний раз прикасаться к деньгам» (И. Грекова, Кафедра).

слыть *скупердяем, жадюгой, жлобом* или *крохобором* считалось позорным. Человек радовался, если его считали «широкой натурой», а в это понятие входила и готовность расставаться с деньгами без сожаления (ибо *деньги — дело наживное*), в том числе — рисковать ими (например, в карточной игре), по-пустому сорить деньгами.

В достоверном зеркале А. Островского и Н. Лескова даже купцы, которым, казалось бы, положено тянуть к себе каждую копейку, пускаясь в разгул, «по широте натуры» не считали сотенных; во всяком случае, «ухарь-купец» из народной песни, возвращаясь с ярмарки, отсыпал девице «полный подол серебра». Говорят, современные российские предприниматели (так наз. новые русские) «на отдыхе», особенно за границей, продолжают традицию молодечества.

Идеал «широкой натуры»²⁰ невозможно свести к стереотипам и объявить мифом. Он, наряду с действительно добрыми чертами народного характера (открытость, искренность, душевность, доброта, бескорыстие, взаимопомощь, любовь к отечеству, готовность к самопожертвованию и т. д.), содержит, — отмечаем с сожалением, — и ряд объективно негативных поведенческих норм, в массовом сознании расцениваемых тем не менее как положительные, как якобы выгодно отличающие русских от других народов. В частности, может быть, и лихо, но все-таки едва ли похвально сорить деньгами, а поэтизация «разливанного моря» (характерная в том числе и для барда, о котором говорим, и фатальная для него) может иметь последствием деградацию народа.

Надо, пожалуй, отметить, что идеал «широкой натуры» (в денежном аспекте) — это отчасти гендерная проблема. Даже для дворянских женщин была характерна тенденция «экономить на всем». Так, Елизавета Петровна Янькова, со слов которой были записаны «Рассказы бабушки», сообщает, что, выйдя замуж, первым делом закрыла «отверстую руку» мужа своего Дмитрия Александровича. Если он до женитьбы мог отвалить нищему рублевую милостыню (так что за раз издерживал до полусотни рублей), то Елизавета Петровна раздачу милостыни взяла на себя, заранее разменивала рубль, подавала грошиками и в общей сумме обходилась полтинником.

Нельзя исключать, что «широкая натура» русских и поныне, когда «свободный рынок» в России бытует уже второй десяток лет, тормозит развитие «денежных отношений»²¹. Впрочем, для молодых поколений менталитет Высоцкого, несмотря на сохраняющуюся популярность его песен, уже не характерен.

Обратимся теперь к дальнейшему выборочному анализу сингулярных РПТактик, содержащих прилагательное *не*.

Сингулярное поведение бывает как *реальным*, т. е. состоящим из совершённых поступков, так и *виртуальным*, т. е. состоящим из поступков возможных, но все же

²⁰ Он отменно выражен в известном апологетическом стихотворении Ф. Тютчева («Умом Россию не понять...»).

²¹ Тормозом является, вероятно, и по традиции отрицательное отношение к «дельцам»-предпринимателям, по крайней мере у старшего поколения. См. в качестве свидетельства посмертно опубликованное стихотворение Евгения Винокурова («Новый мир», 1993, № 12):

Мы не были с отцом чужие, —
читал я тоже «Капитал»...
И к мировой буржуазии
я просто ненависть питал!..
Хочу я разобраться в сути,
ведь разобраться-то пора!..

Дельцы же ведь такие ж люди
и тоже ведь корпят с утра.
Когда я многим был моложе,
тогда я был не прав вполне!..
Но и сейчас скажу я все же:
чужие эти люди мне!..

не совершённых. У Высоцкого есть песня, написанная для кинофильма «Одинойды один» и повествующая о возвращении солдата, которому изменила жена:

Окна словно боялись в глаза мне взглянуть,
И хозяйка *не рада* солдату:
Не припала в слезах на могучую грудь,
А руками всплеснула — и в хату. <...>
Я себя в поясище согнул,
Силу воли позвал на подмогу:
«Извините, товарищи, что завернул
По ошибке к чужому порогу...»
Дескать, мир да любовь вам, да хлеба на стол,
Чтоб согласное по дому ходило...
Ну а он даже *ухом в ответ не повел*:
Вроде *так и положено было*.
Зашатался некрашенный пол,
Я *не хлопнул дверьми*, как когда-то, —
Только окна раскрылись, когда я ушел,
И взглянули мне вслед виновато²².

Нормативное поведение («как положено»): жена рада возвращению мужа, и, по русскому ритуалу встречи, плачет у него на груди. От обманутого мужа ожидается разного рода эмоциональная реакция: в частности, уходя, он может хлопнуть дверью так, что стекла задребезжат. Поскольку нормативное поведение не имело места, коммуникант сообщает о нарушениях нормы (собственно, о «том, чего не было») перечислением виртуальных (несостоявшихся) действий.

Собственно, какое ожидаемое поведение стоит за выражением *и ухом не повел?* Между тем имеется ряд клише, призванных описывать именно виртуальные поступки: все они, имея различную образность и расходящиеся мотивировки, выражают виртуальность в самом общем виде: *в ус не дует* = ничего не предпринимает; *и ухом не ведет* = ничего не предпринимает; *и не почешется* = ничего не предпринимает. Ср. далее: *С места не сдвинулся/стронулся.*; *Мизинцем не пошевелил.*; *Ни один мускул не дрогнул на его лице!*²³ и т. д. Что именно надо было предпринять, как именно перемениться внешне, — клише не сообщают. Действительно, ведь не ожидается же, что, *почесавшись*, человек действительно изменит ситуацию. Тем не менее удивление (возмущение) от сингулярности выражено отчетливо.

Ср., далее, небольшую подборку соответствующих клише: *не отдавая себе отчета*; *не мычит*, *не телится*; *не взглянуть / не глядеть / не смотреть на кого-л.*²⁴; *не подать / не протянуть руки*; *не спускать взгляда с кого-л.*; *не сводить / отводить глаз/очей с кого-л.*²⁵; *не отрывать взгляда*; *не поднимать глаз/головы*; *слона-то и не*

²² Здесь и далее в цитатах, за исключением особо оговоренных случаев, курсив — авторов книги.

²³ Ср.: И глаза, глядевшие тускло, Ни один не двинулся мускул
Не сводил с моего кольца, Просветленно-злого лица. (А. Ахматова, Гость)

²⁴ В русской культуре принято смотреть собеседнику в глаза.

²⁵ По этикету, «в обществе» (т. е. вне прямого диалога) не принято пристально смотреть на кого-л., «фиксировать взглядом». Герой Зошенко замечает: «Чего уставился? На мне узоров нету». Надо сказать, что «аномалии» взгляда часто бывают содержанием сингулярных речений: *Смотрит ки-*

приметить; не житье (, а каторга); калачом не заманишь; не иметь своего угла; не давать проходу; не казать глаз/носа; некуда деваться; не называть по имени; не находить себе места; не поворачивается язык; рука не поднимается; не дать шагу сделать (ступить, шагнуть); не от мира сего; смотреть не отрываясь; не поверить собственным глазам (ушам); не подать виду; не полезть за словом в карман; не проронить ни словечка; не удостоить взгляда; не видеть в упор; не замечать кого-л.; не по чину берешь; на всякое безобразие есть свое приличие; (с ним) не свариишь каши; ни алтына за душой и т. д. Кроме того, имеются коллокационные схемы, специализированно отражающие сингулярное поведение; например, «и не + глагол»: и не пикнет; и не охнет; и не закричит; и бровью (ухом) не (по)ведет; и не шелохнется; и пальцем (о палец) не ударит; и с места не сдвинется; и не краснеет; и не повернется; и глазом не моргнет; и шагу (лишнего) не ступит / не сделает и т. д.

С точки зрения грамматической формы, сингулярные РПТактики не всегда содержат отрицание. Тем не менее логическое отрицание неустранимо. Соответственно глаголы и словосочетания с семантикой бездействия типа *промолчал, сдержался, овладел собой, продолжал (сидеть, улыбаться)* легко переводятся во фразы, называющие несостоявшееся действие: *не сказал ни единого слова, не вскипел и не взорвался, не встал, не перестал улыбаться* и т. д.

Таково представление феномена сингулярных РПТактик в самом кратком изложении²⁶.

Остается сказать, что в художественной литературе образ персонажа обычно лепится перечислением черт характера и поступков, выделяющих его на фоне национально-культурной нормы. Соответственно сингулярные РПТактики и предложения не могут быть пропущены при внимательном чтении. Важно только помнить, что преобразованием негативного предложения в позитивное мы получаем (как правило, имплицитное, но способное к развертыванию) именование элемента нормы — конечно, для своего времени, определенной территории России, соответствующего социального слоя и т. д. Этико-поведенческие нормы релятивны.

сло/волком (как затравленный волчонок); Нос воротит; Уставился как баран на новые ворота; Чего пляшишь? На мне картинок нет; Взглянет — молоко скиснет; Чего надулся как мышь на крупу? Чего насунился? Чего набычился?; Она всегда смотрит поверх голов; Все глаза к небу заводит; Глаза отводит; Глаза бегают...; Ну-ка, посмотри мне прямо в глаза и т. д.

²⁶ Чтобы показать неслучайность использования сингулярных тактик как средства художественности, приводим еще ряд выписок из поэтических произведений В. Высоцкого, содержащих *le improvisum*: И гражданин начальник Токарев / Из-за меня не спал ночей; К Склифосовскому попал, — / Навестить меня ты даже не пришла; Я в дела чужие не суюсь; Если друг / оказался вдруг / И не друг, и не враг, / а так...; Если ж он не скулил, не ныл...; И ни церковь, ни табак — / Ничего не свято! / Нет, ребята, всё не так! / Всё не так, ребята...; И не захватывает дух на скоростях, / Не холодеет кровь на выражах; И не прихватывает горло от любви, / И нервы больше не в натяжку, — хочешь — рви...; Не напрягаюсь, не стремлюсь, а как-то так... / Не вдохновляет даже самый факт атак. / Сорвиголов не принимаю и корю, / Про тех, кто в омут с головой, — не говорю; Не ноют раны, да и шрамы не болят — / На них наложены стерильные бинты. / И не волнуют, не свербят, не теребят / Ни мысли, ни вопросы, ни мечты; Ни философский камень больше не ищу, / Ни корень жизни, — ведь уже нашли женьшень. / Не вдохновляюсь, не стремлюсь, не трепещу / И не надеюсь поразить мишень; С людьми в ладу — не понукал, не помыкал, / Спины не гнул — прямым ходил, / И в ус не дул, и жил как жил; Он не вышел ни званием, ни ростом...; Под собою ног не чую; Я вам, ребята, на мозги не капаю; Такое не приснится и Струтацким; И нас хотя расстрелы не косили, / Но жили мы поднять не смея глаз...; Судьбу не обойти на выраже / И на кривой на вашей не объехать.

Так, образ Татьяны Лариной в значительной мере обрисован перечислением того, что ей не было свойственно, и поступков, которых она не совершала:

Но куклы, даже в эти годы,
Татьяна в руки не брала;
Про вести города, про моды
Беседы с нею не вела. <...>
Когда же няня собирала
Для Ольги, на широкий луг,
Всех маленьких ее подруг,
Она в горелки не играла. («Евгений Онегин», II, 27)

И тайну сердца своего,
Заветный клад и слез и счастья
Хранит безмолвно между тем
И им не делится ни с кем. (VII, 47)

Она была не тороплива,
Не холодна, не говорлива,
Без взора наглого для всех,
Без притязаний на успех,
Без этих маленьких ужимок,
Без подражательных затей...
Все тихо, просто было в ней. (VII, 54)

(Онегина подводят к вышедшей замуж Татьяне:)

И что ей душу ни смутило,
Как сильно ни была она
Удивлена, поражена,
Но ей ничто не изменило:
В ней сохранился тот же тон,
Был так же тих ее поклон.
Ей-ей! не то, чтоб содрогнулась
Иль стала вдруг бледна, красна...
У ней и бровь не шевельнулась;
Не сжала даже губ она. (VIII, 18–19)

Она его не замечает,
Как он ни бейся, хоть умри.
Свободно дома принимает,
В гостях с ним молвит слова три,
Порой одним поклоном встретит,
Порою вовсе не заметит. (VIII, 31)

Не допуская никаких сближений, все же отметим, что сингулярные РПТактики остаются излюбленным художественным приемом русских литераторов как по-запрошлого, XIX, так и прошлого, XX века. Стало быть, их роль в выявлении национально-культурного компонента текста без преувеличения должна быть признана немаловажной.

Итак, какие же проблемы сопряженности языка и культуры допустимо усмотреть на материале анализа конкретного поэтического текста В. Высоцкого?

1. Семья, как имплицитруется Высоцким, существовала уже в каменном веке. Описана та ступень развития института семьи, когда главенствующее положение занимает муж; ср. расхожую истину: «муж — глава семьи». Некогда было, однако, главенствующее положение у жены («Разбаловалась ты в матриархат!»). Может, когда-то человечество вообще обходилось без семьи? Исследователи примитивных обществ свидетельствуют, что такое вполне реально, однако в Ветхом Завете прокламируется изначальность семейно-брачных отношений: «...оставит человек отца своего и мать свою и прилепится к жене своей; и будут [два] одна плоть» (Быт 2: 24). Библия, как кажется, исходит из представлений о парном браке, однако в ней же содержится немало упоминаний о полигамии (точнее: полигинии). Известна и полиандрия. В настоящее время повседневной стала неполная семья, т. е. такая, в которой, при наличии детей, один из супругов (обычно муж) отсутствует. В некоторых европейских странах и североамериканских штатах узаконены гомосексуальные семьи. С юридической точки зрения, семья состоялась, если супруги ведут совместное хозяйство, но бывают и «приходящие» мужья, а также и такая практика, когда супруги не объединяют свои ресурсы. Церковное благословение брака и светская «регистрация», можно сказать, утратили свою обязательность. В каждой культуре складываются свои брачные ритуалы, обычаи, законы, а также распределение ролей между супругами (так, у Высоцкого именно жена ведет домашнее хозяйство) и привычные ролевые ожидания (отсюда стереотип: жена — экономит, муж — транжирит). Можно было бы без конца перечислять (и заполнить ими не одну монографию) ассоциации, сопряженные с лексемами *семья, муж, жена, сын, дочь* и т. д.

Вот и вопрос, подлежащий исследованию. Является ли интеллектуально-этическая информация, относящаяся к таким фундаментальным концептам, как *семья, дом, собственность, безопасность, здоровье/болезнь, жизнь/смерть, любовь/ненависть, добро(благо)/зло* и т. д., производной от человеческого опыта или же она, будучи всем людям врожденной, опережает и определяет опыт? Если она производна от опыта, то, скорее всего, она имеет язык своим материальным носителем и является продуктом научения в социуме. Если же человек рождается в мир с определенным знанием, то оно, это знание, может иметь идеально-духовное (нематериальное) бытие, а явлением культуры становится лишь на каком-то этапе. Развиваемая нами концепция *сапиентемы* как места встречи априорного опыта индивидуального и коллективного человека с опытом апостериорным, по мнению авторов, позволяет разрешить дилемму.

2. Муж, наставляющий жену, мнит себя «гегемоном». Казалось бы, заимствование (ср. греч. ἡγεμών) от глагола ἡγεύομαι «идти вперед, предводительствовать»), отражая реальные в любом социуме отношения доминирования и подчиненности, должно иметь сугубо номинативный характер. Так оно и есть; ср. заимствование прямо из греческого: *игумен* — «предстоятель монашеской обители». Между тем заимствование через западноевропейское посредство привело, во-первых, к сужению семантики лексемы (в Советскую эпоху *гегемоном* избирательно называли пролетариат): герой песни Высоцкого — «работяга». Во-вторых, слово намекает на низкий умственный и нравственный уровень человека (как правило, занятого неквалифи-

цированным трудом), т. е. оно приобрело пейоративные обертоны: «У нас в доме сплошняком гегемон живет — все лампочки повывинчивали» (пример взят из словаря [Мокиенко, Никитина 1998: 114]).

Отсюда проблема, которой уделено много внимания в монографии. Слово имеет номинативный характер, но одновременно оно бывает носителем национально-культурной информации, которая проявляет себя, в частности, в его сочетаемости с другими словами, а также в словопроизводстве. Какова в таком случае структура семантики слова? При этом интересна не объяснительная схема, имеющая характер конструкта, а реальный механизм накопления в слове новых смыслов и изгнания старых. Предлагаемая нами концепция *лексического фона*, как представляется, отвечает на многие вопросы, связанные со словом как центральным механизмом сопряжения языка и культуры.

Впрочем, национально-культурную ценность имеют и другие уровни языка, а также жесты, мимика и позы. В монографии единообразным способом реализуется представление о том, что *национально-культурная семантика* характерна как для единиц всех уровней языка (не исключая и фонетического), так и для невербального знакового поведения. В частности, в анализе песни В. Высоцкого особое внимание было уделено фразеологии.

Присущая языку национально-культурная семантика является, с одной стороны, продуктом кумуляции сведений, — и в таком случае можно говорить о культуронакопительной (или культуроносной) функции языка; с другой стороны, язык сам приобщает своих носителей к национальной культуре, — такова его культуро-приобщающая функция.

3. Выражая свое неудовольствие, «гегемон» осыпает жену грудой упреков: «Экономить — тяжкий грех!», «Выгадывать не смей на мелочах!», «Не опошляй семейный наш уклад!». Индивид, казалось бы, попадает в единственную ситуацию и строит фразы от себя «лично», но на самом деле ситуации повторяются, роли актантов типизированы, а речевые акты бывают производны от социальных (т. е. санкционированных социумом) рече-поведенческих тактик. Отсюда очередная проблема, разбираемая в книге, — мы предлагаем *концепцию РПТактик*, показываем сопряженность РПТактик с национальной культурой и предлагаем методику их исчисления.

4. Кроме того, что за «странное» отношение к деньгам перед нами? Естественная (щадящая) этика отнюдь не запрещает бережного отношения к средствам; она запрещает лишь злоупотребление богатством. Действительно, в наше время (честное) накопление капиталов становится, если уже не стало, идеологией России. *Сапиентема* как духовный феномен, сочетающий интеллектуальное сознание с этической оценкой содержания этого сознания, позволяет, путем возвышений, усмотреть тот пункт в развитии (руководимого *нуминозным*²⁷) человечества, на котором сильная этика (пусть не для всех, а только для некоторых мотивированных слоев в составе национально-культурной общности) оборачивает установку ДЕНЬГИ — (это) БЛАГО в эмоциональную убежденность ДЕНЬГИ — (это) ЗЛО. Темный «гегемон» Высоцкого, конечно, ничего не ведает о генезисе своего пренебрежения, но как продукт социализации он (в данном случае по инерции) выступает в качестве носителя именно сильного этического начала.

²⁷ Понятие *нуминозного* подробно рассмотрено в *Экскурсе 1* во 2-й главе Первой части Раздела второго.

5. Впрочем, песня Высоцкого ставит и еще один не разрешенный пока вопрос: в какой мере тексты художественной литературы способны быть источниками информации о национальной культуре. В частности, когда литератор описывает сингулярное поведение своего героя, он лишь косвенно сообщает о нарушениях социальных норм, а во внимание следует принять еще и такие художественные приемы, как метафоризация и аллюзирование. Иногда думают, — и такое мышление отразилось в философии прагматизма, — что научную ценность имеет только та социальная информация, которая зафиксирована к протоколам непосредственного наблюдения; на подобной методике покоятся многочисленные социологические исследования. Вопреки этому взгляду, мы настаиваем на том, что художественная литература вполне способна быть источником сведений о сопряженности языка и культуры, только для этого надо научиться объективировать контекстную и затекстную информацию. Художественное произведение может прочитываться с разными целеустановками; соответственно в монографии предлагается развернутая концепция так наз. *лингвострановедческого прочтения* художественного текста, прочтения с установкой на познание отраженной к тексту культуры и средств ее выражения.

Таковы (в самом общем и кратком представлении) проблемы, которые рассмотрены и, на наш взгляд, разрешены в монографии. Естественно, наши личные и пристрастные решения открыты для дискуссии.

Исследование по дисциплинарной принадлежности имеет отчетливо выраженный *филологический характер*.

В общем и целом мы разделяем позицию (недавно скончавшегося) патриарха отечественной лингвистической науки В. И. Абаева²⁸. Поскольку она представляется существенной для нашей методологии, сейчас, отнюдь не воспроизводя всего спектра суждений ученого, приведем небольшое число выписок. Кроме того, мы разделяем взгляды на филологию Г. О. Винокура, которые также кратко изложены ниже.

«Языкознание и литературоведение — это два раздела одной большой науки, науки о Человеке. Формализация этих наук равносильна их дегуманизации. Почему? Да просто потому, что человек заложен в *содержательной* стороне языка и литературы, а не в формальной. <...> В любой науке переход от описательной стадии к объяснительной неотвратно связан с вовлечением в свою орбиту данных тех или иных смежных наук. <...> Совершенно так же перед объяснительным языкознанием встают межнаучные проблемы, которых не знает языкознание описательное» ([Абаев 1986: 31]; курсив автора. — *Е. В., В. Г.*). Далее у В. И. Абаева перечислены смежные для языкознания науки: антропология, философия, психология, социология, история, культурология, фольклористика и литературоведение. Применительно к области сопряжения языка и культуры смежными областями знания являются, сверх перечисленного, научные дисциплины религиозной сферы (о которых в середине 80-х гг. ученый не мог говорить), а именно: *богословие* (и философия, его *ancilla*), *библистика*, *агиография*²⁹ и др. С опорой на них нами далее и предлагается интерпретация части тра-

²⁸ См. статью в сборнике в честь 100-летия со дня рождения ученого: [Верещагин, Костомаров 2001]).

²⁹ Богословие, библистика, агиография, гимнография и т. д., строго говоря, состоят из конгломерата дисциплин, так что наше причисление их лишь к одной области знания имеет условный характер.

диционных текстов. «Филологию в широком понимании можно определить как науку, занимающуюся истолкованием текста. <...> В истолковании текста следует различать пять аспектов: 1) лингвистический (язык, диалект; лексика, грамматика); 2) филологический в узком смысле (жанр, форма, композиция, выразительные средства, поэтика...); 3) текстологический (история текста, критика текста); 4) идейно-содержательный (содержание текста, его назначение, социальная информативная функция, отраженное в нем мировоззрение); 5) реальный или исторический (текст как свидетельство о реалиях конкретной исторической действительности)» [Абаев 1982: 18].

Точно так же Г. О. Винокур с сочувствием воспроизводит аналогичную позицию филологов XIX в., согласно которой филология — это «воспознание познанного» (*Wiedererkenntnis des Erkannten*). Под «познанным» понимается любое содержание, нашедшее свое закрепление в каком-либо сообщении, знаке, образе, слове. Ученый прислушивается к подсказке естественного языка: греч. префиксальный глагол ἀναγινώσκω, называющий процесс чтения, является производным от γινώσκω (узнавать, понимать, знать, познавать, разуметь, усматривать), так что он, собственно, значит «узнавать точно, обстоятельно, достоверно; вновь познавать», тогда как распространившееся значение «читать» — является вторичным. Воспознание познанного и есть истолкование, а чтение — это техника и искусство извлекать содержание из текстов. *Истолковать* один (недостаточно внятный) текст означает показать его зависимость от другого, более понятного. В то же время не менее важно соотнести исследуемый текст с самим собой, особенно если он непонятен в силу неисправности, возникшей в ходе бытования. Согласно Винокуру, мастер чтения — это и есть филолог. Винокур, кроме того, связывает умение прочесть текст со способностью объяснить его другому [Винокур 2000: 43, 54, 61]³⁰.

Когда на титульном листе есть заголовок и подзаголовок, первый, как правило, отсылает к общей области исследования, а второй вносит уточнения, т. е. указывает на определенный фрагмент проблематики.

Уже упоминалось о том, что, назвав книгу «Язык и культура», мы обозначили проблемный материал, который в ней исследуется. Кроме указания на общую проблематику, заголовок иного не сообщает. Подзаголовок вносит уточнения: нам предстоит выяснить лингвострановедческие предпосылки вербальной коммуникации.

Коммуникативная функция языка много и интенсивно обсуждается в современной науке. В исследовательских трудах, в любом языковедческом вузовском

³⁰ Известный эллинист прошлого века Ф. Ф. Зелинский также считал филологию «наукой, имеющей своим содержанием изучение творений человеческого духа»: мы должны, по его мнению, текст «понять, и притом понять всесторонне, так чтобы в нем не осталось ни одной невыясненной стороны» [Зелинский б. г.: 811]. Аналогичные доводы выдвинул один из зачинателей современного языкознания И. А. Бодуэн де Куртенэ: филология «является своего рода энциклопедией, в которой найдется место и для истории общих понятий, т. е. истории философии; и для истории литературного творчества и умственного движения, т. е. истории литературы; и для истории общества и политико-социальной борьбы, т. е. так называемой всеобщей истории; и для истории правовой организации, для истории обычного права и законодательства; и для истории обычаев и нравов, т. е. этнологии; и для истории поверий, т. е. мифологии; и для истории языка и грамматики в широком смысле этого слова, т. е. языкознания. Будучи слепком с разных наук, филология соединяется в одно целое единством изучаемого предмета, т. е. единством народа, духовная и общественная жизнь которого составляет ей материал» [Бодуэн де Куртенэ 1974: 201–202].

курсе коммуникативная функция оказывается на первом месте и по сравнению с прочими ей уделяется преимущественное внимание. В этом нет ничего удивительного: назначение языка быть средством общения очевидно, равно как любому понятна важность обмена информацией.

Между тем в длительной истории лингвистики бывали периоды, когда сущность языка усматривали совсем не в этой функции, но, напротив, отодвигали ее на второй план. Так, для одного из основоположников новейшего языкознания В. Гумбольдта язык возникает не как «внешнее средство общения людей в обществе», а как средство познания мира, как инструмент «развития их [людей] духовных сил и образования мировоззрения» (цит. по: [Гумбольдт 1960: 69]). Следовательно, ведущей функцией языка Гумбольдт считал *гностическую*, познавательную. Указанная точка зрения (взгляд на язык как на непосредственную действительность мысли) восходит к обширной и разветвленной научной традиции.

Указанная концепция покоится на обширной и разветвленной научной традиции. Ее основателем является Гераклит из Эфеса: в его учении выражен подход к языку как к орудию познания человеком мира. По мнению Гераклита, слово, язык изначально даны людям в виде готового знания, и люди должны ждать, пока слово само себя раскроет им. Знаменитый 115-й Гераклитов фрагмент подытоживает и обобщает эту априорную концепцию слова: «душе свойствен логос — самого себя растящий (λόγος ἑαυτὸν ἀτῆων)». По Гераклиту, не человек как существо, активно познающее мир, «растит» логос, но, напротив, логос увеличивает самого себя и, следовательно, самопроизвольно раскрывается для человека³¹. Наивысшего развития понимание логоса как носителя знания достигло в учении Филона Александрийского (рубеж I в. н. э.), который, разделяя взгляды Гераклита, внес в них существенное новшество. По мнению Филона, человек может помочь возрастанию в нем слова; для этого ученый разработал систему приемов интерпретации слова и текста, вообще приближения слова к пониманию человека. Оригинальным достижением Филона является основание науки экспликации, толкования, перефразирования, замены одних (непонятных) знаков другими (понятными). Кроме того, Филон развил аллегорический метод толкования текста, который позволил воспринимать текст по крайней мере на двух уровнях³². Таким образом, если Гераклит достиг понимания слова как орудия познания и вместилища знания, то Филон предложил совокупность конкретных приемов для извлечения этого знания из слова. Следующий шаг в качественном развитии данной Гераклитовой традиции был сделан уже в новейшее время — Фридрихом Шлейермахером (1768—1834), основавшим науку герменевтику [Schleiermacher 1911]. Собственно, ἑρμηνεύω значит «разъясняю, толкую», поэтому можно было бы подумать, что перед нами просто еще одно имя для обозначения науки о толковании текста и слова, синонимичное экзегетике или интерпретации. На самом же деле герменевтика в известном смысле противоположна интерпретации: если интерпретатор, переводя одни слова в другие, прибегая к подстановкам и описательным выражениям, приближает слово или текст к пользователю, т. е. как бы снижает слово (текст) до уровня адресата (причем возможны различные уровни упрощения), то в герменевтике акцент сделан

³¹ Перевод 115-го фрагмента даем по Нилендеру [Гераклит Эфесский 1910].

³² Концепция Филона наиболее полно изложена им в кн. [Филон Александрийский 1971: XXXIII, I].

на росте постигающего текст (или слово) человека (причем возможны различные уровни этого роста и соответственно понимания). Как видим, концепции Гераклита, Филона и Шлейермахера в равной мере основываются на подходе к языку как к «самоговорящему устройству»: язык содержит в себе знания, и дело человека — воспринять, усвоить, расшифровать их. Различия концепций состоят в расходящихся представлениях о путях приобщения человека к заложенным в языке знаниям. По Гераклиту, логос раскрывается автоматически, «сам по себе»; согласно Филону, это раскрытие может быть облегчено и ускорено, если преобразовать, перефразировать текст, путем интерпретации (истолкования) приблизить его к пользователю, поэтому один человек может помочь другому; по Шлейермахеру, раскрытие слова (или текста) бывает адекватным лишь благодаря духовному росту пользователя, лишь при условии его приобщения к культуре, стоящей за словом, поэтому человек может помочь исключительно самому себе. Этот схематичный обзор смены идей в традиции признания за языком в первую очередь гносеологической функции должен быть дополнен упоминанием о научной школе А. А. Потебни: ученый предложил различение ближайшего и дальнейшего значений слова и дал определение слова как «сгущения мысли» [Потебня 1976: 168 и 211]; он признавал слово (и текст) динамичным явлением, а главный акцент он ставил на механизме «роста» слова. Один из продолжателей потебнианского учения о слове, П. А. Флоренский, подчеркивал, что семантическая сторона слова «способна беспредельно расширяться, изменяя строение соотносенных с ней духовных элементов, менять свои очертания, приглушать старое, одним словом, она живет, как и всякая душа, — жизнь ее в непрестанном становлении» [Флоренский 1973: 356]³³.

Гностическая функция языка неоднородна и в свою очередь разделяется на две — пусть связанные между собой, но все же различные — (под)функции: кумулятивную и дискурсивную. Обе функции отражают два плана в познании мира.

Кумулятивная (накопительная) функция языка соответствует «статичному» плану познавательной деятельности, т. е. сознанию, которое и делает вербальное мышление возможным. Кумулятивная функция — это отражение, фиксация и сохранение в языковых единицах информации о постигнутой человеком действительности. Собственно, все уровни языка подобную информацию собирают и удерживают, и все же кумулятивная функция в первую очередь обеспечивается строевыми языковыми единицами — лексикой, фразеологией и языковой афористикой³⁴.

Кумулятивной функции языка, ее природе, а самое главное — ее роли в накоплении человеком (и человечеством) знаний посвящен Раздел первый нашей книги («Аспект *статики*: язык как носитель и источник национально-культурной информации»). Центральным феноменом, рассматриваемым в данном разделе, является лексический (фразеологический, афористический) *фон* (background) (сокращенно — фон).

³³ Веривший в высокую эффективность художественного способа познания мира, Флоренский цитирует здесь весьма уместный отрывок из К. Бальмонта:

Слова — хамелеоны,	Они спешат меняться,
Они живут спеша.	Являя все цвета,
У них свои законы —	Поблекнут, обновятся,
Особая душа.	И в том их красота...

³⁴ Под *языковой афористикой* мы понимаем массово распространенные, всем известные пословицы, поговорки, крылатые выражения.

шенно: *ЛФон*). Это понятие было введено нами более тридцати лет назад; в полном объеме оно обсуждалось уже во 2-м издании нашей книги «Язык и культура» [Верещагин, Костомаров 1976: 70 и сл.]. Сейчас концепция фона уточнена и расширена, но радикальных изменений она не претерпела.

Дискурсивная (нарративно-контемплативная) функция языка соответствует «динамическому», процессуальному плану познавательной деятельности, т. е. повествованию и мышлению (как про себя, так и — в рассуждении вслух — для других), формированию и сцепке мыслей. Множество исследований посвящено влиянию языка на мышление, единству мышления и языка, влиянию мышления на язык. (Правда, в последнее время интерес к очерченной проблематике, к сожалению, поубавился.)

Дискурсивной функции языка, ее природе, а самое главное — роли национально-культурной семантики в передаче информации адресантом и восприятию ее адресатом посвящен **Раздел второй** нашей книги («Аспект *динамики*: текст как носитель и источник национально-культурной информации»).

Центральным феноменом, рассматриваемым в данном разделе, является рече-поведенческая тактика. Понятие РПТактики было введено нами в конце 80-х гг.; оно кратко, но всесторонне обсуждалось в 4-м издании нашей книги «Язык и культура» [Верещагин, Костомаров 1990: 218 и сл.]. Сейчас концепция РПТактик уточнена и расширена, но, подобно концепции *ЛФона*, радикальных изменений она также не претерпела.

С одной стороны, язык — общественное явление, и, взятый в своем социальном плане, он выступает хранителем информации о мире, характерной для всего коллектива говорящих, для всей этнолингвистической, культуроразовой общности. С другой стороны, будучи достоянием отдельной личности, усвоенный человеком язык индивидуален. Он может быть хранителем уникального, неповторимого (для другого) жизненного опыта. Однако (подчеркнем со всей ясностью) индивидуальное сознание — это подлинное *со-знание*, совместное знание; это в значительной части продукт социализации человека, усвоения им хранимого языком общественного опыта.

Со-знание, о котором говорим, в данной книге изучается применительно к трем языковым уровням — лексике, фразеологии и языковой афористике. По отношению к слову можно утверждать: слово вмещает в себя и хранит знания о действительности. На лексему, так сказать, «навешиваются» сведения и суждения о них³⁵; весь внешний мир проходит через слова и отыскивается в них; слово — это коллективная память носителей языка, «памятник культуры», зеркало жизни нации; слово — ключ к образу жизни соответствующего народа, вообще ключ к знаниям. Можно было бы и дальше продолжать перечисление образных выражений, емко и точно отражающих основной взгляд на слово, о котором мы собираемся говорить: слово, наряду с назначением быть средством общения, накапливает и хранит информацию о постигнутом мире. Сказанное в той же мере относится к фразеологизмам и языковым афоризмам.

Сделать данное заявление — значит присоединиться к пусть и не безраздельно, но все же распространенной в науке точке зрения. Мы не отрицаем значения аргументированных деклараций, но тем не менее важен не только общий вывод, но и путь, которым к нему пришли; важна не только глобальная концепция, но и прак-

³⁵ Ср. речение английского литератора позапрошлого века Г. Бичера: «All words are pegs to hang ideas on».

тические, конкретные результаты, достижимые с ее помощью. Именно поэтому значение своей книги и ее назначение мы усматриваем отнюдь не в общих суждениях, а в конкретном анализе того, *как именно* слово (фразеологизм, афоризм) становится средоточием накапливаемой информации, вместителем знания и каковы *конкретные проявления* кумулятивной и дискурсивной функций в языке и речи.

Как ЛФон, так и РПТактики исследуются нами в аспекте отражения ими национальной культуры носителей языка. Именно фоновый шлейф номинативных языковых единиц, именно РПТактики, типичные для культурно-языковой общности, в наибольшей мере накапливают, хранят и выражают национальную культуру, и это делает их источниками сведений о тех фрагментах национальной культуры, которые и неприметны на первый взгляд.

Новацией настоящей книги является **Раздел третий** («Синтез статичности и динамики: умозрение сапиентемы»). В нем анализируется феномен, который, как нам сейчас представляется, с одной стороны, способен обобщить суть ЛФона и суть РПТактики и показать их общий генезис и общую природу, а с другой стороны, может конкретно разъяснить, в чем состоит существо явлений, которые до сих пор описываются с помощью одних метафор (под именами *народного духа, национального гения, самобытности, русскости* и т. п.).

Что имеется в виду под именем сапиентемы, сейчас даже и намекнуть затруднительно: скажем только, ибо отчасти метафизический концепт принципиально не раскрывается посредством родо-видовой дефиниции; приходится пробуждать у читателя интуицию, использовать процедуру наведения на смысл, а она требует много места. Иными словами, обозначив здесь, что в Третьем разделе анализируется *сапиентема*, за дальнейшими разъяснениями и отсылаем к этому разделу.

Поскольку феномен *сапиентемы* представляет собой не что иное, как пополнение учения Платона об *идеях*, в исследовании сначала обстоятельно изложена наша рецепция этого учения. Затем феномен *сапиентемы* рассматривается как программа развертывания смыслов; показана роль лексических фонов и рече-поведенческих тактик в материализации сапиентемы. Сапиентема интерпретируется нами также как программа тройкой этической оценки. По мнению соавторов, сапиентема, взятая в аспекте исчисления смыслов, позволяет постигнуть механизм взаимодействия национальной культуры и языка и объективировать результаты такого взаимодействия в виде тезауруса, в дальнейшем допускающего многоцелевое использование (включая лингвострановедческое преподавание иностранных языков, в том числе и русского языка как иностранного).

Скажем, мы надеемся, что читатель уловит разницу между лексическим фоном и лексическим понятием, освоит технику исчисления рече-поведенческих тактик и, наконец, усмотрит, в чем состоит суть сапиентемы, но непротиворечивых определений обещать не можем. Действительно, *сапиентема* производна от расплывчатых понятий-первоначал *жизнь, человек, общество, язык, речь, слово* и т. д., которые «сами собой разумеются»³⁶. Все они общепринятых дефиниций как не имели

³⁶ К этим понятиям неприменимы законы формальной логики, а именно: 1) закон *тождества*, ибо понятия *жизни, человека* или *языка, слова* — разные у разных мыслителей; 2) закон *противоречия*, ибо неопределенность понятий не исключает возможности приписывать каждому из них противоречивые свойства. Подробнее о «расплывчатых категориях» и их роли в научном познании см. [Лосева, интернет]. Ср. также характерное суждение Ф. де Соссюра: «...Слово, несмотря на труд-

(например, в эпоху Платона), так и до сих пор не имеют (что, конечно, не мешает нам отличать, например, человека от коровы, толпу от стада, а язык от мычания).

Иными словами, по своей гносеологической принадлежности наша монография представляет собой не только головное знание, но и «мирознание», *онтологическую рефлексию*³⁷ — в ней речь идет о «сущем», об объективных «сущностях» (у Платона: *οὐσίαι*), за которыми мы признаем реальное бытие, пусть они и не допускают чувственно-материальной объективации и, может быть, еще не были прямыми объектами специального изучения. Внимание исследователей избирательно, а лагун в описании мира идей гораздо больше, чем в описании материального мира. Онтологическая рефлексия покоится на двух предпосылках: истина — это объективная реальность, бытие вне субъекта, независимо от его сознания; истина исследуемого предмета открывается, когда предмет слит с разумом. Истина состоит не в том, чтобы составить себе понятие о предмете, а в том, чтобы его осмыслить, внести в него смысл, дойти до самой сути, т. е. от понятия перейти к пониманию.

Среди примененных в книге исследовательских методов много внимания уделено суждениям наших предшественников (отсюда библиография весьма разрослась). При оценке разноголосных суждений держимся, конечно, субъективного критерия, сформулированного не нами (1 Фес 5: 21)³⁸. Центральное место занимает *анализ*, т. е., в согласии с прямой семантикой термина (*ἀνάλυσις* от *ἀνα-λύω* «рас-пускать, разделять»), обнаружение в сложном явлении более простых составляющих (*πρωτογενή-παραμυθισμός*). Если анализ не удастся, то используются другие, более успешные методы, в том числе и сообщение информации посредством майевтического комплексного погружения. Частным случаем синтеза является практикуемое нами *исчисление* единиц (семантических долей, рече-поведенческих тактик). Если мы не умеем познать феномен с той мерой глубины, которая бы нас удовлетворила, то наше нынешнее вынужденное *hodie ignoramus*, вопреки абсолютному скепсису, не лишено оптимизма на будущее (*sed ignorabimus*).

Что касается способа изложения, характерного для всех трех разделов, то в работе принята *методика опережающего описания* (как правило, больших объемов) однородного фактического материала с последующим рассуждением. Все главы представляют собой звенья в логическом развертывании концепции, как бы «шаги» на пути анализа, поэтому итог предшествующей главы представляет собой постановку проблемы для последующей.

Однако наряду с эмпирико-логической методикой в исследовании используется также прием доказательной иллюстрации. Отсюда обильные примеры, многочисленные конкретные факты и наблюдения — они не избыточны, а необходимы, причем необходимы не только для наглядности или большей доступности и даже не только для углубления мысли, но и (иногда) для завершения логического построения. Кроме того, некоторые материалы, призванные обосновать общий тезис,

ность определить это понятие, есть единица, неотступно представляющаяся нашему уму как нечто центральное во всем механизме языка» [Соссюр 1933: 111].

³⁷ Развитую концепцию онтологического мышления недавно предложил А. Р. Абдуллин [Абдуллин 2002].

³⁸ «Всё испытывайте, хорошего держитесь!»

оказываются, на наш взгляд, имеющими самостоятельное значение³⁹. В таком случае соответствующие фрагменты обособляются (и мы показываем их границы). Если фрагмент сравнительно небольшой, то он называется *экскурсом* и оставляется на своем месте в основном тексте главы. Обширные фрагменты называются *приложениями*, и, чтобы не прерывать основного изложения, мы их помещаем в конце соответствующей части. Экскурсы и приложения упоминаются в сводном Оглавлении.

Мы придаем исключительное значение анализу обширного по объему фактического материала и всячески поддерживаем ориентацию *ad fontes*. Выводы предлагаются лишь после обширных эмпирических наблюдений: коллекция фактов сообщается не только потому, что она интересна сама по себе, но и ради вовлечения читателя-специалиста в исследование. Материал у нас не факультативен, он не просто иллюстрирует или поясняет, а ведет за собой: *Exempla sunt necessaria*. Авторы были бы разочарованы, если бы их адресат избрал для себя тактику «проскакивания» фрагментов исследования, содержащих обсуждение *fontes*. Надо здесь заметить, что конкретные разыскания, конечно, отражают личные пристрастия авторов и их — у каждого свою — узкую специализацию.

Мы стараемся менять манеру изложения с тем, чтоб избежать монотонности. В некоторых — редких — случаях ради связности речи потребовались повторы, причем иногда даже и повторы примеров. На протяжении огромного текста трудно к концу удерживать в памяти то, что было введено в начале.

Форме изложения, при всей ее важности, не придается решающего значения. Если некоторые литературоведы и философы (например, Хайдеггер) доказательную силу усматривают в том, *как* сформулирована ими мысль (и при этом она не может быть переформулирована), для нас определяющей является *суть* аргумента (а она допускает синонимическое перевыражение).

Наконец, о самом важном. Через всю книгу красной нитью проходит постулат о *нематериальной природе* описываемых нами феноменов. И лексический фон, и рече-поведенческая тактика, и сапиентема реально бытуют в массе слов, словосочетаний, фраз и многофразовых текстов, но тем не менее (в отличие, например, от лексического понятия или элементарного рече-поведенческого акта) однозначной сопряженности с каким-либо определенным «носителем» они не имеют.

Жизнь современного оседлого человека протекает в доме и определяется целым рядом «естественных» правил: *приходя домой, отпри ключом дверь (если нет ключа, позвони, постучи и ответь на вопрос «Кто там?»)*⁴⁰, *сними в передней обувь и верхнюю одежду, надень домашние тапочки, зайди в ванную и вымой руки, садись за стол, убери со стола, вымой посуду, включи телевизор, подойди к телефону, проветри комнату, закрой форточку, разбери кровать, потуши свет...* Сюда же принадлежат и более сложные тактики: *если сосед не умеет себя вести, то его нельзя пускать на порог, ему надо отказать от дома...; если потек в кухне кран, то надо позвонить в контору, вызвать слесаря...; в случае болезни, надо вызвать врача, измерить температуру, принять лекарство...; при неудачной семейной жизни подают в суд на развод, делят*

³⁹ Данная работа вполне определенно адресована специалистам, которым интересны конкретные факты, обстоятельства, подробности, частности, детали. Из стеклышек мозаики, впрочем, может сложиться и общая картина.

⁴⁰ Детей приучают не открывать дверь без ответа на этот вопрос: важно услышать голос пришедшего человека. Обычно откликаются: «Сво-и-и!».

имущество, разменивают квартиру... и т. д. Возникает вопрос: где, как, на какой материальной базе в нашем сознании существуют все эти разнообразные порядки мысли, образы чувств, рецепты действий, принятые ритуалы, привычки? Они относятся к царству культуры (культуры поведения, культуры быта, культуры труда и отдыха, культуры взаимоотношений между людьми, культуры мысли и чувства), передаются примером старших и авторитетных, процессом аккультурации, нередко и принуждением. Ментальность как сумма единиц иррационально-субъективной природы не базируется на данной нам в опыте материи, но тем не менее реально существует. Таковы, в частности, ритуалы свадьбы, похорон и т. д. (*садитесь за стол, за здоровье молодых!, горько!.., обмыть и обрядить, бросить на гроб горсть земли, со святыми упокой...*), традиции (*встречать хлебом-солью — встречающий отламывает кусочек.., присядем на дорогу, сели что ли?.. будь здоров и — при повторном чиханье — расти большой и не кашляй!.., приятного аппетита...*), табуизмы (*на пол не плевать, старших не перебивай, не говори с полным ртом еды, не говори под руку..., чокнувшись рюмку на стол не ставят..., не свисти, а то денег в доме не будет*), алгоритмы оправдания, извинения, обвинения, утешения и т. д.

Когда во время оно один из соавторов выступил с догадкой о том, что основные носители национальной культуры, хотя и способны к вербализации, тем не менее сами по себе нематериальны [Верещагин 1967а], его секли за идеализм. К счастью, провокативная публикация состоялась в малотиражном издании и не привлекла к себе большого внимания. На дальнейшее от откровенных суждений пришлось отказаться. Ныне миновало время не только ярлыков, но и прикровенного языка: мы изучаем объективно сущие явления, и если они нематериальны — так и говорим. На основании опыта рецепции предварительной публикации (имеется в виду малотиражная брошюра [Верещагин, Костомаров 2002]⁴¹) допускаем, что какие-то части настоящей монографии (особенно Раздел третий) могут показаться странными и эпатажными — особенно держащемуся привычных ожиданий читателю. (Эпатаж уж точно в наши замыслы не входил!) Как бы то ни было, монографию нельзя просто отнести к «философии языка» (которая может быть и марксистской). В поисках для нее места сошлемся на аналогию. Известно, что сочинения Аристотеля, обнимающие 14 книг, в которых изложены наиболее общие суждения о бытии «как таковом», т. е. отличном от мира природы, систематизатор (вероятно, Андроник Родосский) поставил после сочинений, посвященных миру природы, и совокупил их под названием *Τὰ μετὰ τὰ φυσικά* («идущие после природных»). Если предположить гипотетическую возможность лингвистической метафизики, то лингвострановедческое исследование языка и культуры (не полностью, а отчасти) должно найти себе место именно в этом разделе знания.

Здраво оценивая свои усилия и результаты, мы, вопреки субъективной убежденности в обратном, готовы допустить, что развиваемая нами модель языка и культуры является всего лишь объяснительной. Мы вывели ее из *sensibilia* (т. е. конкретных фактов и доступных органам восприятия наблюдений над имеющими материальное бытие текстами), и все же остается сомнение: можно ли материальными средствами уловить идеальное и не исказить его?

⁴¹ Точнее сказать, имеется в виду отзыв В. В. Морковкина, помещенный в качестве приложения к брошюре [Морковкин 2002: 165–168].

Монография, будучи самодостаточной, в то же время продолжает разыскания, составившие содержание предыдущих публикаций авторов (а их накопилось немало). Первая статья лингвострановедческой тематики [Верещагин 1969] и первая книга [Верещагин, Костомаров 1971] вышли в свет целую эпоху назад. За истекшее с 1969 г. время лингвострановедение закрепилось как самостоятельная научная дисциплина, вышло за пределы теоретизирования, привело к формированию лингвострановедческих учебных пособий и словарей и заняло место в системе профессиональной подготовки филологов⁴².

Подробнее о первоначальном развитии наших взглядов говорится далее, в Разделе первом монографии, но уже сейчас пропедевтически уместно отметить, что *лингвострановедение* с самого начала понималось нами как область *филологического* знания, изучающего связи языка и страноведения, а под страноведением мы подразумевали *всю совокупность* знаний, представлений, предрассудков, чувствований, бытующих в стране (или странах) распространения данного языка. В то же время, понимая термин *культура* максимально расширительно, мы иногда краткости ради говорили о том, что предметом лингвострановедения является связь языка и культуры.

С течением времени появился конкурирующий термин, образованный, впрочем, по предложенной нами словообразовательной модели, — *лингвокультурология*. На основании обзора интерпретаций трех смежных наименований — *лингвострановедение*, *лингвокультурология* и *этнолингвистика* — Е. О. Опарина пришла к следующему заключению: «Лингвокультурология отличается от ряда ранее сформировавшихся исследовательских направлений, изучающих взаимоотношения языка и культуры, материалом, целью и методом анализа. Так, в отличие от этнолингвистики, восстанавливающей по данным языка и текста менталитет и элементы культуры в исторической ретроспективе, лингвокультурология ориентирована на корреспонденции языка и культуры в синхронном аспекте. Ее материал — не сугубо фольклорные тексты, а живые коммуникативные процессы и различные дискурсы (литературный, философский, религиозный, фольклор) как источники культурной информации в языковых единицах и выражениях. Лингвострановедение рассматривается как прикладная дисциплина, реализующая данные теоретических исследований лингвокультурологии в процессе преподавания языка и при составлении словарей» [Опарина 1999а: 2; см. также Опарина 1999б; Ольшанский 1999].

Приведенному разграничению свойственна простота и четкость, но все же оно, к сожалению, страдает схематизмом: точно такого противопоставления трех дисциплин не держится ни один из авторов, пользующихся термином *лингвокультурология*. Кроме того, и создатели термина *лингвострановедение* определяли и сейчас

⁴² Об этом, в частности, свидетельствует появление в интернете рефератов, посвященных лингвострановедению; см.: 1) реферат, состоящий из 7 разделов (Введение; Проблемы коммуникации; Лингвистический аспект лингвострановедения; Язык как средство хранения культурно-исторической информации; Социально-культурный аспект значение; Заключение; Библиографии) на 10 страницах (от {referat.su/refs_new/13246/ref_part_0.shtml} и до {referat.su/refs_new/13246/ref_part_9.shtml}); 2) реферат, состоящий из 6 разделов (Вступительная часть. Задачи реферата; Коммуникативная лингвистика. Понятие; Содержание обучения иностранному языку; Лингвострановедение; Лингвистическая азбука; Использование приема коллажирования; Заключение) на 6 страницах (от {www.referat.su/refs_new/897/ref_part_0.shtml} и до {www.referat.su/refs_new/897/ref_part_5.shtml}).

определяют предмет соответствующей отрасли знания иначе, чем это представлено в приведенной выписке.

Действительно, в свое время мы подчеркивали, что «лингвострановедение исследует язык с целью выявления в нем национально-культурной семантики» и поэтому «ему свойственна *лингвистическая* (точнее, социолингвистическая) принадлежность» [Верещагин 1990: 27]. Что же до преподавания иностранных языков (в том числе и русского языка как иностранного), то в методике, по нашему мнению, следует выделять *аспект* соизучения новой национальной культуры в процессе овладения языком, т. е. лингвострановедческий *аспект* (аналогичный фонетическому, грамматическому, лексическому и любому другому)⁴³. Как выделение фонетического аспекта преподавания не отменяет бытия фонетики как самостоятельной лингвистической области знания, так и лингвострановедческий аспект методики не только не исчерпывает проблематики лингвострановедения, но, напротив, предполагает его самостоятельное бытие⁴⁴.

Иными словами, с нашей точки зрения *лингвострановедение* и *лингвокультуроведение* — это термины, в общем и целом называющие одну и ту же область знания. Если это так, то нам представляется, что термин *лингвокультуроведение* по своим коннотациям менее пригоден, чем термин *лингвострановедение*. Действительно, термин *культура* имеет устойчивое семантическое наполнение, характерное не только для научного, но и для общеупотребительного языка, причем сфера приложения термина имеет ограничения различного рода: даже если отвлечься от того, что понятию культуры свойствен оценочный аспект, культура не тождественна и временами может быть противопоставлена природе⁴⁵, цивилизации, науке, географии, экономике, обществу, быту, праву, государству, даже литературе (включая фольклор) и т. д. Между тем природа, экономика, география и тем более литература существенно определяют национально-культурную специфику языка («языковую картину мира») и не могут быть оставлены за рамками рассмотрения. Несколько расплывчатый термин *страноведение* ограничителей разного рода не имеет, так что его объем намного шире объема термина *культура*. По этой причине в ситуации выбора термин *лингвострановедение* точнее охватыв-

⁴³ Именно как *аспект* определяют лингвострановедение авторы «Словаря методических терминов»: «Лингвострановедение (от лат. lingua + страноведение) — аспект в практическом курсе иностранного языка и теоретическом курсе методики его преподавания» [Азимов, Шукин 1999: 139]. См. также [Прохоров, Чернявская 1998].

⁴⁴ Анонимный автор ряда серьезных интернетных рефератов, посвященных соотношению языка и культуры, правильно подчеркнул несводимость лингвострановедения к прикладным задачам преподавания языков: «Фоновые знания, как основной объект лингвострановедения, рассматривают в своих работах Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров. С именами этих ученых связано становление отечественного лингвострановедения как самостоятельной науки, которую, с моей точки зрения, считать лишь частью лингводидактики было бы не совсем верно. Конечно, нельзя отрицать, что все достижения лингвострановедения отвечают целям и задачам методики преподавания иностранных языков и в настоящее время широко применяются. Однако мы не можем недооценивать и тот факт, что, заложив теоретический фундамент лингвострановедения, Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров затронули широкий круг проблем, над которыми в настоящее время работают ученые из разных областей знаний: лингвисты, психологи, психолингвисты, социологи, социолингвисты» [Аноним].

⁴⁵ Культура (cultura) есть все то, что создано человеком, в отличие от природы (natura), которая окружает человека как данность.

вает исследовательский предмет социолингвистики и его употребление легче мотивировать, чем термин *лингвокультурология*⁴⁶.

Впрочем, споры о словах на сути дела не сказываются.

Мы сказали, что наши первые публикации по лингвострановедческой проблематике вышли в свет эпоху назад. Прежние публикации, естественно, несут на себе отпечаток этой самой эпохи, но основные идеи относительно сопряженности языка и культуры, изложенные в них (особенно в том, что касается фоновых знаний, невербальных языков, рече-поведенческих тактик и многого другого), как нам кажется, — не устарели, и они, с естественными модификациями (обусловленными свободами нынешнего времени), имеют право на дальнейшее бытие⁴⁷.

⁴⁶ По затронутым вопросам см. конструктивную статью [Корженевска-Берчинска 2002].

⁴⁷ Брошюра 1971 г. имеет эпиграфом известную декларацию Л. В. Щербы («Каждый язык отражает культуру того народа, который на нем говорит») и представляет собой ее конкретизацию. В брошюре, в частности, содержатся следующие суждения. «Язык — не индифферентное орудие образования мыслей и их передачи, а средство воспроизводства окружающей нас действительности, вносящее в него своеобразные коррективы и оставляющее свой отпечаток. Кроме основной логической картины мира, <...> формируется и некоторая побочная лингвистическая картина мира, которая не соответствует первой, но сопутствует ей, сохраняя относительную самостоятельность. <...> Мир языковых представлений о реальной действительности, хотя и возникает в процессе познания, обусловлен имманентными законами данного языка и относительно самостоятелен» [Костомаров, Верещагин 1971: 5]. «Самое расчленение языка на орудие общения и мышления <...> и самостоятельный компонент национальной культуры (существующий, как и все другие ее компоненты, в языке, т. е. в себе самом) весьма условно <...>. Ведь язык как орудие общения и мышления возможен, поскольку существует язык как явление культуры, и наоборот. Эта круговая, замкнутая взаимообусловленность порождает у ученых диаметрально противоположные утверждения, приводит к самым различным интерпретациям соотношения языка и культуры» [там же: 6]. Брошюра преимущественно проводит мысль, что при всей несомненной связи языка и культуры все же и язык и культура — феномены относительно самостоятельные, так что при их сочетании возможны различные комбинации; соответственно, книжка состоит из трех глав: «Несовпадение культур и язык»; «Несовпадение языков и культура»; «Узус как пересечение языка и культуры». В брошюре, в частности, рассматриваются: безэквивалентная лексика; ее классификация (по семи совокупностям); комментирование безэквивалентных слов русского языка (для иностранцев); национально-коннотативные компоненты семантики апеллятивной, ономастической и фольклорной лексики; узуальное поведение в стандартных речевых ситуациях и др. Отчасти обильный фактический материал брошюры (а ведь материал никогда не устаревает) использован и в настоящей итоговой книге. В заключении брошюры среди прочего сказано: «Если верно, что для современной лингвистики <...> характерно постулирование связи между языком и культурой, то, к сожалению, верно также, что сама эта связь в ее качественных характеристиках изучена недостаточно. Во всяком случае, за этапом крайности в оценке соотношения языка и культуры, выразившемся в учениях В. фон Гумбольдта, Э. Сепира и Б. Уорфа, и за этапом противоположной крайности, выразившемся в полном и безоговорочном отрицании гипотез указанных ученых, последовал этап синтеза, на котором проводится структурный, расчлененный подход к явлениям языка и культуры» [там же: 83]. — Здесь уместно заметить, что в начале 80-х гг. возникла своеобразная американская версия лингвострановедения, удивительно совпадающая со многими положениями российских работ этой тематики и получившая название «культурной грамотности» (см. *Hirsch E. D. Jr. Cultural Literacy*. Boston, 1987; критический разбор книги дан в журнале «Русский язык за рубежом» (1989. № 6). — Лингвострановедение — подобно другим общественным наукам и вместе с ними — не могло не пострадать в атмосфере застойного периода. Ему навязывали и в известной мере навязали индоктринационную функцию, и соответственно оно понесло значительный ущерб, как собственно научный, так и нравственный. Ныне авторы, получив свободу выражения, устранили те недоговоренности, на которые приходилось вынужденно идти, и включили ту проблематику, которая изжнялась. Продумав до конца свои воззрения, они не без удивления отметили, что в области филологии принадлежат к приверженцам учения Платона.

Однако основное содержание настоящего труда заключается в анализе новых проблем.

В попытке донести до читателя итоги своих без малого сорокалетних размышлений придерживаемся принципов изложения, эффективность которых подтверждена временем. (Эта испытанность временем отражена, в частности, в лат. формулировках, приводимых ниже, а они восходят к практике катехизации Тридентского собора.)

Во-первых, само научное изложение (*doctrina*) складывается из трех процедур: преподавания нового, т.е. тех истин, которыми, по предположению, потенциальный «ученый читатель» не обладает (*Patefac veritates, quas lector doctus ignorat*)⁴⁸; приумножения позитивных знаний, наличие которых у читателя предполагается (*Auge cognitionem, quam habet*); предостережения против распространенных, но негативных воззрений⁴⁹, которые, возможно, также наличествуют у читателя (*Emenda, ubi errat*).

Во-вторых, излагается только то, что авторы безусловно относят к чистой, бесприимесной истине (*Doce castam, non adulteratam veritatem*), а это значит: мы не поддаживаемся под так наз. общепринятые взгляды, никогда не апеллируем к ним, не опасаемся для себя производных от них издержек (при восприятии изложенного нами) и сознательно игнорируем реальную перспективу оказаться в неловкой изоляции⁵⁰.

В-третьих, манера изложения имеет целью убедить читателя (*Doce perspicue: ut te auditores tui intelligant*): стремимся к ясности⁵¹ и доступности⁵²; избегаем недоговоренностей; прибегаем к доказательствам от противного, приводим примеры и уподобления, оцениваем сочувственные или критикуемые суждения других ученых и отчасти допускаем повторы-парафразы (все эти приемы способствуют закреплению сведений).

В-четвертых, научное убеждение достигается не каким-либо, а преимущественно рациональным путем, с учетом аргументов как *pro*, так и *contra*, и при этом без доктринерства, суггестии, оглядки на устоявшуюся традицию и других способов иррационального сообщения информации (*Doce fundate: demonstra argumentis, quod doces*). Впрочем, метафическая природа сапиентемы иногда вынуждает апеллировать к (сродной с нашей) интуицией.

⁴⁸ Здесь и далее приводим (конденсированные в единообразной форме легко запоминаемых императивов) формулировки, которые, на наш взгляд, эффективны в мнемоническом отношении и потому заимствуются нами, иногда в преобразованном виде, из одного схоластического учебника на латыни [Pollaschek 1831: 12–22].

⁴⁹ Говорим о таких воззрениях, которые авторы склонны отнести к заблуждениям.

⁵⁰ *Etiam si omnes — nos non.*

⁵¹ В частности, с четким отделением одного тезиса от другого (для чего предпринимается их нумерация) и с разъяснениями такой степени подробности, которая иногда может показаться избыточной. Из сказанного не вытекает, что наше изложение претендует быть в логическом смысле строгим, т.е. покоящимся исключительно на однозначных терминах. Поскольку категория *сапиентемы*, вводимая в Разделе третьем книги, явно принадлежит к области еще не устоявшегося междисциплинарного знания, приходится отчасти оперировать так наз. «расплывчатыми категориями», которые и вообще характерны для гуманитарных наук. О допустимости этих категорий в науке и их повышенной ценности см. в эпистемологических разысканиях [Бейтсон 2000]; мыслитель, в частности, подчеркивает, что «...прогресс научной мысли проистекает из комбинации расплывчатого и строгого мышления, и эта комбинация — самый драгоценный инструмент науки» [там же: 107].

⁵² Применяем к уровню профессиональной подготовки филолога, проявляющего интерес к общим вопросам своей отрасли знания.

В-пятых, теоретические выводы и прозрения по мере возможности сопрягаются с тезисами практического характера (*Doce cum applicatione, adiungendo usum practicum*). В частности, учитываем запросы и потребности преподавания русского языка как иностранного.

Подготовка данной книги имеет предысторию. В 1999 г. руководство Российского фонда фундаментальных исследований удовлетворило заявку соавторов на финансирование проекта «Лингвострановедческая концепция коммуникации». Во исполнение проекта № 99-06-80315 мы подготовили и напечатали (в качестве предварительных публикаций) пять небольших книг, объединенных подзаголовком «В поисках новых путей развития лингвострановедения».

Эти книги таковы: 1) «Концепция рече-поведенческих тактик» (М., 1999, 84 с.), 2) «Сингулярные рече-поведенческие тактики» (М., 2000, 64 с.), 3) «Хранитель и Творец русского языка и культуры. Опыт применения методик исчисления смыслов к произведениям А. С. Пушкина» (М., 2000, 158 с.), 4) «Дом бытия языка» (М., 2000, 124 с.) и 5) «Мирознание вне и посредством языка» (М., 2002, 168 с.). Указанные публикации в переработанном виде вошли в настоящую монографию. С благодарностью отметим, что за четыре книги из перечисленных соавторы были удостоены, в рамках лингвокультурологического исследования коллектива из пяти человек, Премии Президента Российской Федерации в области образования (Указ № 1374 от 30 ноября 2001 г.).

Сердечно благодарим руководство РФФИ за средства, выделенные на проведение исследования, и руководство РГНФ за средства на печатание монографии. Без этой щедрой поддержки узкоспециальное исследование не было бы исполнено и не увидело бы света.

Выражаем большую благодарность титульному редактору книги акад. Ю. С. Степанову, к тому же написавшему Послесловие, и нашим рецензентам — проф. В. В. Морковкину и проф. Н. Д. Бурвиковой.

Руководство издательства «Индрик» великодушно пошло на значительное превышение первоначально запланированного объема: низкий поклон генеральному директору К. А. Ваху, директору С. Г. Григоренко и главному редактору Т. А. Агапкиной. Спасибо и за технически трудное осуществление книги. Благодарим также терпеливых и великодушных сотрудников издательства А. И. Рыко, Л. Е. Коритыцкую, А. С. Старчеуса и Т. И. Томашевскую: редактура, макетирование и корректура дались им нелегко.

Ноябрь 2004 г.
Москва

Аспект *статики*:

ЯЗЫК КАК НОСИТЕЛЬ И ИСТОЧНИК
НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ ИНФОРМАЦИИ

Номинативные единицы вербального языка

Глава 1. Слово: соотношение планов содержания и выражения

Как название, как указание на предмет слово является вещью культурно-исторической.

В. В. Виноградов, Русский язык

Вообще говоря, мы имеем в виду три номинативные единицы (слово, фразеологизм и языковой афоризм), но ради экономии усилий в настоящей главе рассматриваем единственно феномен слова. Полученные на лексическом уровне выводы надеемся в дальнейшем аргументированно экстраполировать и на два оставшихся способа номинации.

Основной общий тезис главы отчасти предвосхищен нами во Введении. Исходя из того, что план содержания слова — нематериален, мы стремимся показать, что он в ряде случаев — не всегда! — не имеет жесткой привязки к плану выражения и, стало быть, вопреки распространенным взглядам, способен существовать и без материальной подпорки. Тем не менее сама привязка не отрицается, и для нас важно выяснить, какие виды и формы она может принимать.

Наша терминология зависит от взглядов Н. И. Толстого. Проводя членение слова, ученый в свое время писал: «В плане выражения слово — *лексема*, в плане содержания — *семема*. Под лексемой, таким образом, нужно понимать лишь звуковую оболочку слова, под семемой — его содержание» [Толстой 1963: 30].

При таком понимании семема представляет собой комплексную совокупность всей информации, свойственной слову. Если же из семантики слова (для исследовательских целей) исключить значения, обусловленные различными языковыми уровнями (деривационное, морфологическое и синтаксическое), не учитывать внутренней формы слова, «образного значения», эстетических ассоциаций, то в остатке окажется так наз. *экстралингвистическое содержание*, которое прямо и непосредственно отражает обслуживаемую языком национальную культуру. Соответственно при строгом отделении в семантике слова всего языкового, реляционного от внеязыкового, восходящего к действительности, — а на важность подобного различия

указывалось¹, — то можно говорить о *культурном компоненте* в плане содержания слова, непосредственно связанном с кумулятивной функцией языка (о ней — ниже) или, точнее сказать, являющемся ее манифестацией. В дальнейшем термин *семема* употребляется нами именно в таком (ограничительном) смысле.

Семема — исследовательский предмет отдельной лингвистической дисциплины — семасиологии, а «основной задачей семасиологии является исследование того, как в единицах языка (словах) отображается внеязыковая действительность» [Шмелев 1977: 18]. Двуплановость слова (описываемая под разными терминами) изучается в ряде гуманитарных наук: в частности, и семасиологию следует считать не чисто лингвистической, а социолингвистической наукой.

Семема, по нашим представлениям, в свою очередь членима и состоит из семантических долей, которые группируются и образуют два принципиально различных феномена — *лексическое понятие* и *лексический фон*. Действуя постепенно, в рамках настоящей главы из содержания слова мы исследуем одно лишь лексическое понятие.

Следует также подчеркнуть, что настоящая глава имеет по отношению к другим главам Части I настоящего Раздела книги пропедевтический характер. Ниже мы собираемся исследовать национально-культурную семантику номинативных единиц вербального языка, но для сути концепции лексического, фразеологического и афористического фона, которую предстоит изложить, необходимо быть уверенным, что оба плана слова, фразеологизма и языкового афоризма — план содержания и план выражения — имеют самостоятельное бытие. Во всяком случае, семантика слова может быть отделена от своего материального носителя — от так называемой «звуковой оболочки».

Впрочем, членение семантики слова характерно далеко не для всех исследователей; многие из них как раз считают семему неделимой и, когда приходится говорить о ее логико-психологическом качестве, отождествляют ее с лексическим понятием.

Под *лексическим* (не *логическим!*) понятием имеются в виду «бытовые», «обиходные» понятия, т. е. понятия, являющиеся плодами нестрогой классифицирующей деятельности людей (членов определенной культурно-языковой общности).

Л. С. Выготский в свое время обосновал тождество семантики слова и понятия [Выготский 1956: 322], и затем его взгляды прочно закрепились в отечественной науке. Сторонники содержательного разделения терминов *понятие* и *лексическое значение*, как кажется, допускают непоследовательность, поскольку они или недостаточно строго выделяют лексемный уровень и включают поэтому в лексическое значение также и «грамматические моменты», или вычлениают из семемы логическое понятие, относя к лексическому значению то, что остается в остатке.

Понятие и лексема сопрягаются, ассоциируются друг с другом. Однако что касается детальной характеристики этой ассоциации, то здесь имеются два основных подхода.

Во-первых, в связи с общим положением о единстве языка и мышления проблема связи лексемы с понятием нередко рассматривается как частный случай первого, более широкого круга вопросов. Приведем для примера характерное суждение: «Связь между словом (= *лексемой*) и понятием так же органична и неразрывна,

¹ «...Надо строго отграничить собственно лингвистические и стилевые явления от явлений экстралингвистических и экстрастилистических» [Виноградов, Костомаров 1967: 6].

как органична и неразрывна связь языка и мышления» [Богуславский 1957: 275]. Мнение о «неразрывном единстве» лексемы и понятия, господствовавшее в среде советских ученых (философов, психологов и лингвистов), и до сих пор довольно широко распространено.

Кроме общефилософских соображений, на формирование названной концепции, по-видимому, оказали влияние идеи де Соссюра относительно знака. Как известно, свое представление о знаке де Соссюр иллюстрировал аналогией с листом бумаги, и знак, как и лист бумаги, представлялся непременно имеющим две стороны, причем «мысль — его лицевая сторона, а звук — оборотная; как нельзя разрезать лицевую сторону, не разрезав оборотную, так и в языке нельзя отделить ни мысли от звука, ни звука от мысли» [Соссюр 1933: 113]. Сказано ярко; образ дан наглядный; и неудивительно, что он оказал большое влияние. Тем не менее этот образ, будучи, может быть, пригоден для искусственного языка или для научной терминологии, к обиходному языку едва ли применим.

Характерно, что концепции «неразрывного единства» лексемы и понятия обычно высказываются не на основе анализа фактического материала, а исходя из определенных мировоззренческих установок или (как мы видели на примере аргумента «от листа бумаги») под влиянием образной аналогии (доказательная сила которой сама должна быть доказана).

Во-вторых, в связи с противоположным философским положением об относительной самостоятельности языка и мышления проблема связи лексемы с понятием может рассматриваться также как частный случай более широкого круга вопросов.

В психологии мысль о самостоятельности языка и мышления образует логическую основу учения о вербализации. При порождении или, напротив, восприятии речи имеют место проходящие во времени процессы или выражения мысли в словесных знаках (*вербализация*) или, напротив, превращения словесных знаков в мысль (*девербализация*)². В свете указанного подхода легко сделать вывод и об относительной самостоятельности лексемы и понятия, и этот вывод действительно был сделан. Сильной чертой данного взгляда является его обоснованность реально наблюдаемыми фактами.

Следует отметить, однако, что доводы, приводимые в поддержку идеи самостоятельного существования и функционирования лексем и понятий, не сведены в систему. Кроме того, эти доводы, хотя бы отчасти, сделаны специалистами по речевым расстройствам, и их можно было бы отвести, сославшись, что патология не всегда выявляет норму.

Нижеследующее изложение, посвященное обоснованию второй из названных точек зрения, содержит систематическое изложение уместных здесь аргументов. Как будет также показано, имеется достаточно большое количество фактов, наблюдаемых в условиях полной нормы.

Чтобы можно было говорить об относительной самостоятельности понятия и лексемы, необходимо продемонстрировать два явления. Во-первых, требуется показать, что в определенных ситуациях говорящий располагает понятием, для которого лексема отыскивается не сразу или совсем не отыскивается. В таком случае можно говорить о том, что выпадение по какой-либо причине лексемы не ведет за

² Само понятие (*де*)вербализации тщательно разработано Х. Джексоном; см. [Jackson 1958].

собой выпадения понятия. Отсюда следует, что понятие способно выступать как самостоятельное явление. Во-вторых, требуется также показать, что в определенных ситуациях говорящий располагает лексемой, не ассоциирующейся с понятием. Если такой факт наблюдается, то можно сделать заключение о том, что лексема, подобно понятию, способна выступать как самостоятельное явление. Поэтому дальнейшее изложение распадается на две половины (в каждой из них — по два раздела).

С помощью понятий человек классифицирует предметы и явления окружающей действительности. Поэтому если испытуемый способен объединить некоторые предметы в один класс, то это означает, что у него имеется требуемое для этого понятие, в объем которого включаются сгруппированные предметы. Однако в данном случае нельзя судить, имелось ли у человека понятие до предъявления ему набора предметов, или оно выработалось в процессе рассмотрения этой группы. В то же время мы можем предположить, что если информант относит предъявленный ему единичный предмет к классу предметов, то это означает, что у него до предъявления предмета соответствующее понятие — имелось. Следовательно, критерием, по которому можно судить, имеется ли у человека определенное понятие или нет, является узнавание предмета. Узнавание представляет собой этап включения предъявленного предмета в объем соответствующего понятия. В большинстве случаев узнавание сопровождается номинацией, т. е. названием предмета, поскольку, как было сказано выше, понятие ассоциируется с лексемой.

Если теперь переформулировать изложенные выше две точки зрения на характер этой связи, то в согласии с первой этапы узнавания и понимания обязательно следуют друг за другом, т. е. друг без друга невозможны. Разумеется, человек не обязательно произносит лексему вслух; возможна и номинация про себя; однако, следуя первой точке зрения, узнавания без номинации не бывает. Если встать на вторую точку зрения, то этап номинации не обязательно следует за этапом узнавания. Предмет может быть узнан, но не назван. Здесь опять-таки имеется в виду не только произносимая речь, но и речь про себя.

Поэтому, чтобы говорить об относительной самостоятельности понятия, требуется показать, что узнавание не всегда сопровождается номинацией, что лексема по какой-либо причине может отсутствовать, а понятие тем не менее актуализироваться. Аналогичным образом, чтобы говорить об относительной самостоятельности лексемы, требуется показать, что номинация не всегда приводит к актуализации понятия.

Разумеется, показать наличие понятия нельзя непосредственно, поскольку механизмы психической деятельности вообще прямо не наблюдаемы. Судить об этом можно только на основании косвенных показателей, которые, впрочем, достаточно показательны.

01–1. ПОНЯТИЕ ЕСТЬ — ЛЕКСЕМЫ НЕТ

Многочисленны свидетельства о том, как трудно подобрать нужное слово для выражения мысли. Об этом говорят ученые и особенно часто писатели. Выражение «Нет на свете мук сильнее муки слова» (С. Надсон) стало крылатым. Субъективно переживание «мук слова» сводится к тому, что человек обладает «мыслью», для которой не находится «слова». Поскольку психологи в качестве материала для анализа широко привлекают самонаблюдения, подобные свидетельства допустимо учитывать.

Можно сказать, что ситуация, при которой предмет правильно узнается, но не получает номинации, знакома каждому. Ф. Кайнц, специально исследовавший этот вопрос, считает, что в большинстве случаев выпадают редкие (низкочастотные) лексемы, однако возможны выпадения и самых употребительных лексем.

Так, он приводит диалог: *Дай, пожалуйста, вон ту вещицу. — Что за вещицу? — Да вот ту, для мытья.* Говорящий так и не называет лексему *мочалка*, хотя он, разумеется, узнает соответствующий предмет (знает его назначение) и избирательно на него указывает [Kainz s. a.: 110]. Подобные случаи неоднократно описывались в художественной литературе, и, в частности, Л. С. Выготский в указанном аспекте проанализировал рассказ Глеба Успенского «Ходок» [Выготский 1956: 377].

Ф. Кайнц перечисляет возможные типы компенсаций при выпадении искомой лексемы. Их всего четыре. Во-первых, может появиться *эмбол* (или слово-губка), который используется, нередко в сопровождении жестикуляции, для номинации любого предмета в поле зрения адресата и адресанта (например, *вещичка*). Во-вторых, встречаются дескрипции типа *Вон тот зеленый* (лексема *шарф* по какой-то причине не может актуализироваться). В-третьих, наблюдаются наименования из той же смысловой сферы, что и искомая лексема (*Передвинь мебель* вместо *Передвинь диван*). И, наконец, в-четвертых, наблюдается употребление близких по звучанию, но разных по семантике лексем, т. е. паронимов (*бледный* вместо *блеклый*) [Kainz s. a.: 109]. Характерно, что все эти замены, как правило, не удовлетворяют говорящего, который, уже обозначив предмет с помощью одного из четырех способов, обычно продолжает поиски выпавшей лексемы.

Нет никаких оснований сомневаться в том, что понятия, выражаемые выпавшими лексемами, действительно актуализируются. Это можно проверить с помощью так называемой негативной методики. Если информант не находит лексему и если ему последовательно подсказывать целый ряд лексем, не обозначающих актуализированного понятия, то он их регулярно отвергает, пока не будет названа требуемая. Например, мы наблюдали случай, когда говорящий не мог вспомнить название определенной болезни, названной в Ветхом Завете. *К заболевшему никто не прикасается... — Холера? — Нет. — Чума? — Нет. — Тиф? — Нет. — Прокказа? — Да, да, проказа.* Подобные случаи отвержения подсказок описывались в художественной литературе (ср. поиски «лошадиной фамилии» у Чехова).

Наличие понятия и отсутствие лексемы особенно ярко наблюдается при пониженном уровне бодрствования или в патологических состояниях человека. В научной литературе приводятся наблюдения, когда вполне здоровые люди в полудремотном состоянии, в состоянии усталости, утомления и нервного истощения, а также при отвлечении внимания не находят лексем для актуализированного понятия гораздо чаще, чем в тех случаях, при которых перечисленные условия не имеют места [Goldstein 1948: 5].

После того как человек выспится, никаких затруднений в поисках лексем не наблюдается, так что описанное явление преходяще. В случае речевой патологии, однако, оно отмечается у человека в течение длительного времени. В литературе вопроса описано страдание, полностью аналогичное приведенным выше наблюдениям в условиях нормы, — амнестическая (или номинативная) афазия, когда при сохранности всех речевых модальностей нарушена исключительно связь лексемы с понятием. Если судить только по симптоматике, а не по органическим показате-

лям, то болезнь состоит лишь в том, что случаи выпадения лексемы, как мы уже отмечали, значительно более частотны, чем в норме. Поэтому к данному заболеванию вполне применимо известное высказывание, что патология — это крайнее проявление имеющегося в норме. Характерно, что при попытках компенсации дефекта используются те же четыре способа, которые описаны Ф. Кайнцем. Например, больные могут или описать предмет (*метла* — «это мести»; *ключ* — «запирать»; *сахар* — «белый, сладкий»), или дать эмбол (предъявлена вилка. — *Хорошая вещишка. У меня была такая*) и т. п. Как и со здоровыми, с больными амнестической афазией можно работать с помощью негативной методики (предъявлена вилка. — «*Это нож?* — Нет. — *Это ложка?* — Нет. — *Ключ?* — Нет. — *Вилка?* — Да, да, вилка»).

Р. О. Якобсон предложил в этой связи интересную гипотезу, согласно которой при забвении лексемы обычно сохраняется ее место в системе, определяемое негативно, т. е. отличием данной лексемы от всех других [Jakobson 1959: 62–65; цит. по: Иванов 1962: 80].

Те авторы, которые полагают, что при амнестической афазии нет интеллектуальных расстройств³, представляют себе этот тип афазии как нарушение связей, ассоциаций между понятиями и лексемами. Отсюда легко сделать логический вывод о существовании различным образом локализованных и отграниченных друг от друга моторных и сенсорных «центров» — центра лексем и центра понятий. Амнестическая афазия в таком случае представляется ничем иным, как нарушением ассоциативных связей между двумя названными центрами. Эта же модель присутствует в скрытом виде, когда говорят о «памяти понятий» и «памяти слов» и даже противопоставляют эти виды памяти друг другу [Пенфильд, Робертс 1964: 209]. Следуя такой модели, вполне можно говорить об относительной самостоятельности лексем и понятий (актуализация понятия не всегда ведет к актуализации лексемы и обратно). «Явление афазии свидетельствует о том, что две стороны языкового знака — означаемая и означающая — относительно самостоятельны, так как нарушение одной из них может сопровождаться сохранением другой» [Иванов 1962: 80].

Дефект, аналогичный амнестической афазии, можно вызвать искусственным путем. Так, В. Пенфильд во время тех нейрохирургических операций, когда больной может сотрудничать с исследователем, электростимуляцией определенных участков коры доминантного полушария показал неспособность пациентов, у которых не было афазических симптомов, называть предметы, хотя само понятие может актуализироваться. Один больной, которого во время раздражения речевой области попросили назвать предмет, изображенный на картинке, сказал: *О, я знаю, что это такое! Это то, на что надевают ботинок*. После удаления электрода он добавил: *Нога*. Немного позже он не смог дать название изображенному на картинке дереву, хотя знал, что это было, и правильно назвал его, как только раздражающий ток был

³ См. подробнее: [Лурия 1959: 68]. Имеется группа ученых, полагающих, что амнестическая афазия — страдание в первую очередь интеллектуальное, т. е. что в первую очередь нарушаются понятия, а отсутствие лексем — вторично. Надо отметить, что интеллект афазиков специально исследовался, и результаты таковы, что об интеллектуальных снижениях не приходится говорить. Следует тем не менее подчеркнуть, что исход полемики не может повлиять на предлагаемую нами концепцию. Спор идет о том, меняется понятие или нет. Нас же интересует только, обязательно ли актуализация понятия приводит к актуализации лексемы. То, что понятие (пусть измененное) при амнестической афазии все же актуализируется, сторонниками первичности интеллектуальных расстройств не отрицается.

выключен. Другой больной во время электрического раздражения не смог вспомнить слово *гребень*, хотя, когда его спросили о назначении предмета, ответил: *Я причесываю им волосы*. Его еще раз попросили назвать предмет, но он не смог этого сделать, пока электрод не был отключен.

В. Пенфильд полагает, что в подобных опытах нарушается связь между, как он говорит, «ганглиозными эквивалентами слова» и «ганглиозными эквивалентами понятия», которая в норме является «рефлекторной и автоматической» [Пенфильд, Робертс 1964: 211, 214].

Нарушение связи между лексемами и понятиями, следовательно, представляет собой дефект процесса вербализации или — шире — кодирования, причем в последнем случае следует иметь в виду не только речь, но и иные средства общения. Действительно, афазия часто сопровождается нарушениями жестикуляции. Больной вполне владеет мышцами головы и шеи, но он «не в состоянии кивнуть головой вместо того, чтобы сказать „да“, и покачать ею взамен утеряннного слова „нет“». Утеряны не только слова, но и жесты: они также являются символами понятий» [Иванов 1962: 76]. Жесты, как и слова, человеком не наследуются, а приобретаются посредством обучения; в противоположность им так наз. естественные знаки (мимика и восклицания страха, радости, боли и т. п.) при афазии появляются нормально.

Комплекс явлений из серии «Понятие есть — лексема нет» сознательно используется в некоторых развлечениях. Действительно, кроссворды и чайнворды построены на принципе актуализации понятия при отсутствии лексемы. Разгадывающему кроссворд или чайнворд — правда, не всегда — дается определение понятия, а оно влечет за собой его актуализацию. Игра построена на уверенности, что в этом случае не всегда или не сразу актуализируется лексема, называющая понятие. Например, у части играющих не сразу возникли лексемы по восприятию определений «соединительная черточка между словами» (*дефис*), «государство в восточной части римской империи, возникшее в результате ее распада» (*Византия*), «мелочной торговец, сопровождавший в прежнее время армию в походе» (*маркитант*) и т. д.

Таковы эмпирические факты, свидетельствующие, что понятие может актуализироваться в сознании человека и без того, чтобы актуализировалась соответствующая лексема.

01–2. Одно понятие — несколько лексем

Если принять тезис о неразрывности связи между лексемой и понятием, то с необходимостью приходится говорить о взаимно-однозначном соответствии этих двух сущностей. Одно понятие должно быть связано с одной и только одной лексемой. И обратно: одна лексема должна быть связана лишь с одним понятием. Если напротив, принять допущение, что одно и то же понятие может выражаться то одной лексемой, то другой (отличной по своей форме от первой), то логически необходимо предположить известную самостоятельность как понятия, так и лексемы. Действительно, нельзя говорить о «неразрывной связи» лексемы с понятием, если при выражении одного понятия разными лексемами само понятие не разрушается и способно актуализироваться. Требуется, однако, показать, что при таком положении мы наблюдаем именно одно и то же понятие. Требуется также показать, что с одним понятием действительно связываются различные лексемы.

Ярким примером мены лексем при неизменившемся понятии служат время от времени наблюдаемые в любой науке периоды «унификации и упорядочения» терминов. Термин, как известно, ничем не отличается от слова кроме того, что его содержательной стороной является научное (а не обиходное) понятие. Научное понятие легко определяется, так что при мене лексем всегда можно точно определить, изменилось понятие или нет. Если при мене лексем определение не изменяется, то, следовательно, не меняется и само понятие. Модификации лексем при соблюдении такого условия в терминологии являются правилом⁴. Проблемы «упорядочения и унификации» научно-технической терминологии строятся на предположении, что понятие не изменится, если его обозначить новой лексемой.

На этом предположении построены попытки создания искусственных международных языков (эсперанто, идо, новиаль, интер-лингва, latino sine flexione) или использования некоторых мертвых или живых языков в качестве интернациональных средств выражения политической или научной мысли (вспомогательные языки) (см. [Jacob 1947; Kloss 1927]). Не следует думать, что здесь мы сталкиваемся с частным случаем владения вторым, иностранным языком. Как правило (знающее, впрочем, исключения), здесь приходится говорить об опосредствованной ассоциации лексем с понятием, при которой человек сначала выражает понятие лексемой родного языка и лишь затем (с помощью перевода) лексемой искусственного или вспомогательного языка (см. экспериментальное исследование [Верещагин 1966а]). Следовательно, с понятием связываются, сменяя друг друга, две лексемы.

Выше шла речь о целенаправленном и сознательном изменении формы слова. Аналогичный процесс проходит и в естественных условиях, т. е. стихийно. Здесь мы имеем в виду те явления, которые в лингвистике именуются «тайными языками» (сюда относятся детские и блатные языки⁵, языки деклассированных элементов и языки бродячих торговцев), «табу» и «эвфемизмами». Все они характеризуются тем, что по некоторым причинам определенное понятие перестает выражаться одной лексемой и начинает выражаться другой. Аналогия между специальными языками науки и естественными языками — полная, поскольку все они служат взаимопониманию только в рамках определенной группы. Таким образом, из специального языка при известных обстоятельствах может развиваться тайный язык.

На предположении, что понятие не изменяется, если выражающая его лексема изменила свою форму или просто уступила место другой лексеме, основана так называемая языковая политика.

Термин «языковая политика», если его понимать более узко, может быть сведен к мероприятиям, включаемым в понятия «культура речи» или «защита правильности (чистоты) языка»⁶.

⁴ В терминологии правилом является и другое явление, говорящее в пользу самостоятельности лексем и понятия, — возможность связать с одной и той же лексемой любое понятие по воле исследователя.

⁵ См.: [Виноградов 1926; Трахтенберг 1908 (со значительным предисловием И. А. Бодуэна де Куртенэ); Потапов 1927]. В тридцатые годы проблема тайных языков особенно рассматривалась Кабинетом социальной диалектологии Института речевой культуры в Ленинграде. Результаты изысканий изложены в VII томе неперидического сборника «Язык и литература» (статьи Б. А. Ларина, М. М. Фридман, А. П. Баранникова и Н. К. Дмитриева).

⁶ См. характерное название статьи В. П. Григорьева — «Культура языка — языковая политика» [1963]. Языковая политика как работа над культурой речи прокламировалась и ранее; см. [Винокур 1929: 139, 165].

Концепции А. А. Шахматова и Ф. де Соссюра, согласно которым говорить о целенаправленной нормализаторской деятельности применительно к языку, в том числе литературному, — явный нонсенс⁷, все же, пожалуй, ошибочны. Напротив, требование использовать все рычаги для искоренения «порчи языка» и утверждения «правильной» речи не сходит со страниц как популярных, так и научных изданий⁸.

В самом начале 60-х гг. прошлого века было прокламировано появление новой науки — ортологии (см. [Скребнев 1960]). Когда ее пришлось теоретически обосновывать, то было сказано, что «основной категорией ортологии является категория вариантности», а «в основе категории вариантности лежит существование параллельных способов выражения» [Ахманова, Бельчиков, Веселитский 1960: 35]. Отсюда следует, что применительно к интересующей нас проблеме одно понятие может иметь параллельные способы выражения (например, *транвай* и *трамвай*; *позвбнишь* и *позвонйшь*), причем сказанное относится не к различным индивидам, а к одному и тому же лицу. Таким образом, вся работа по «культуре речи» (пусть неявно) строится на предположении относительной самостоятельности лексемы и понятия и на отрицании «неразрывной связи» между ними. Понятие не изменяется, если меняется выразительная сторона слова.

Вариантность лексем при неизменяемом понятии наблюдается и вне проблемы «культуры речи». Например, лексемы *бутсы* и *буцы*, *калоша* — *галoша*, *кентавр* — *центавр*, *шкаф* — *шкaп*, *бивак* — *бивуак*, *ноль* — *нуль*, *атомный* — *атoмный*, *пекло* — *пёкло*, *шелопай* — *шалопай*, *опричина* — *опричина*, *мышление* — *мышлёние*, *трибализм* — *трайбализм* попарно сопряжены только с одним понятием. Отмеченная вариативность особенно частотна в заимствованных словах. См. подробнее: [Горбачевич 1978].

Таким образом, в отношении содержательной стороны «слово может оставаться, и в большинстве случаев остается, одним и тем же словом, несмотря на возможность изменений как его звуковой оболочки, так и морфологического строения» [Ахманова 1956: 42].

Наличие нескольких лексем при одном понятии наблюдается также при переходе от одного стиля речи к другому. В частности, данное явление составляет проблематику *lento*- или *allegro*-формы, полного или стяженного произношения (например, *человек* — *чек*, *говорит* — *грит*, *здравствуйте* — *здрасте* и т. д.). Стяженные формы в бытовой устной речи частотнее полных. Однако и полные формы в ней все же появляются, когда мы «употребляем редкое, для собеседника малопонятное слово, когда говорим из другой комнаты, когда говорим занятому человеку, рассеянному, глухому и т. п., когда поправляем детей, когда хотим привлечь внимание на то или другое слово или даже часть его <...>, когда тянем слова в недоумении или удивлении, когда говорим нараспев или попросту поем и т. д. и т. п.» [Щерба 1915: 342].

Сюда же относятся различные стили чтения. Например, одни произносительные нормы наблюдаются при чтении гражданского и другие — церковного текстов, хотя написаны они на одном и том же языке. Например, в Московском Воздвиженском храме старообрядцев-федосеевцев при чтении церковного текста квалифицированным лицом появляются лексемы: *отэц*, *дэрзновение*, *обитэль* (с твердой согласной) и *отъступил*, *Конъстантин*, *варварьский* (буква [ъ] передает краткий гласный неопределенного каче-

⁷ Изложение относящихся к делу взглядов названных авторов см.: [Истрина 1946: 415; Якубинский 1931].

⁸ См., например: [Ожегов 1955; Ахманова, Бельчиков, Веселитский 1960; Скребнев 1960; Виноградов 1964].

ства), тогда как при чтении гражданского текста и в устной речи произношение другое: *отец, дерзновение, обитель, отступил, Константин, варварский* и т. д.

Если обратиться к процессу восприятия речи, то оказывается, что нередко различные лексемны способны актуализировать у слушающего одно и то же понятие. Например, говорящий может произнести лексему неправильно или в результате неполного владения языком (*мальшик* вместо *мальчик*), или в результате дефекта речевого аппарата (*пгоклятая колзина* вместо *проклятая корзина*)⁹, или по причине влияния диалекта (*гусь* вместо *гусь*), или из-за приблизительного знания формы лексемны (*болдынья* вместо *болонья*). Лексемы могут исказиться из-за помех в канале связи (*Вэнниманиз, на нэрэвью пэлэтфэрэму нэрэбэваэт позэд*)¹⁰. Неправильные лексемны с точки зрения литературного языка наблюдаются в местных произносительных нормах¹¹ и особенно часто в произношении иностранцев.

Иногда искаженные формы лексем порождаются говорящим (или даже определенной социальной группой говорящих) умышленно. Например, для создания образа претенциозного человека Р. Плят в пьесе Б. Нушича «Госпожа министерша» регулярно произносил *люб[о]вник* ([ö] как в нем. öde). А. Куприн описал речевую манеру старших кадетов (*Слюшай, мэльчишка*). В настоящее время искаженные формы иногда встречаются в разговорной речи для создания непринужденности или комического эффекта (*Как жисть?* или *Как жистья?*; *Напала болесть*; *Должон шесть рублѐв* и т. д.). Тем не менее, конечно, все искаженные формы лексем актуализируют у слушающего одно и то же понятие¹².

Отметим, что изложенные факты допускают различное толкование, и их можно изложить таким образом, что они и не будут свидетельствовать в пользу взглядов, которых мы придерживаемся. Поэтому будем считать эти доводы косвенными. Продолжим, однако, перечисление прямых аргументов.

О том, что с одним понятием может связываться несколько лексем, говорит факт замен лексем в определенных контекстах без изменения смысла. Например, в предложении *Консулы выполняли разнообразные функции* вместо *выполняли* можно сказать *исполняли, осуществляли, отправляли*, и его смысл не изменится¹³. Применительно к этим и подобным случаям А. Б. Долгопольский в свое время предложил говорить о «вероятностном характере связи означаемого с означающим» [Долгопольский 1963].

Кроме того, при изучении иностранного языка или при стихийном билингвизме может сложиться положение, что одно понятие сопрягается с лексемнами двух разных языков. Л. В. Щерба предложил в таких случаях говорить о «словах с двумя

⁹ От косноязычия (дизартрия, моторные и сенсорные алалии, дислалия, ринолалия и т. п.) следует отличать несовершенно владение речевым аппаратом (например, шепелявость на раннем этапе овладения языком). О косноязычии см.: [Очерки 1960]. Шепелявость отразилась в детском стихотворении Н. Палагуты «Шмешные шлова»:

— Шлушай, кот, и повторай: Но смеется кот в ответ:
Шом, шорока, шад, шарай. — Да таких и шлов-то нет!

¹⁰ Так писатель передает звучание громкоговорителя на вокзале; см.: [Никитин 1964: 240].

¹¹ См., например, [Махароблидзе 1963].

¹² Искажение формы не может, однако, выйти за пределы определенных границ (см. подробнее [Licklider 1951]).

¹³ См. подробнее [Каменская 1965: 34].

терминами». Он пишет по этому поводу: «То, что называется словом, у двуязычных состоит из трех элементов: представления значения и двух звуковых представлений» [Щерба 1962: 38].

Факт неизменности понятий при модификациях лексем или просто их замене ощущается информантами в тех случаях, когда принято говорить о пуризме. Например, при обилии заимствований ревнители находят неестественным положение, когда говорят «вместо *подсвечников* — *шандалы*, вместо *занавесок* — *гардины*, вместо *зеркал* и *паникадил* — *люстра*, вместо *утвари* — *мебель*, вместо *приборов* — *куверты*, вместо *всего хорошего* и *превосходного* — *тре биен* и *сюперб*. Вместо *всякого размера* — *симметрия*, вместо *серебра* — *аплике*, а слуг зовут *ляке*» [Мемуары 1871: 413]. Часто в таких случаях наблюдаются действительно (по Щербе) «слова с двумя терминами», или абсолютные синонимы. То же самое наблюдается в тех случаях, когда приходится проводить модернизацию архаичного текста. Например, полагая, что понятие не изменится, если архаичную лексему заменить более употребительной, Алексей, митрополит Московский, в своем переводе Евангелия (XIV в.) употребил много новых лексем.

Известны возмущения ревнителей против модернизации, что также представляет собой род пуризма. Например, церковные историки Никифор и Созомен сообщают, что Спиридон, епископ Тримифунтский (ок. 348 г.; память 12 декабря), обличал ученика своего Трифилия за то, что тот заменил (цитируем по славянскому переводу жития святого) лексему *одр* лексемой *ложе*. Ср. также аналогичную реакцию идеологов русского церковного раскола на справу церковных книг патриархом Никоном, при которой была предпринята широкая модернизация лексемного состава богослужебных книг.

Напоследок остановимся на оговорках. *Оговорками* называется такое речевое явление, когда говорящий, по самонаблюдению, «думает одно, а говорит другое», т. е. когда при актуализации определенного понятия актуализируется (но при самоконтроле не всегда произносится) лексема, выражающая понятие иное. Например, в речи вполне здорового человека возможны антонимические и паронимические замены: *Со старости* (имеется в виду: *с молодости*) *до сих пор*; *Жарко* (имеется в виду: *холодно*) *мне пиджачок снимать*; *С крыши свисают сосиски* (адресат хотел сказать: *сосульки*) и т. п. Ф. Кайнц подробно описывает типологию оговорок как в устной речи, так и при чтении (вслух и про себя) [Kainz 1956: 398–405]. Г. И. Мchedlishvili усматривает в оговорках «функциональные эквиваленты» уместных, но не актуализировавшихся лексем [Мchedlishvili 1966: 123]. Оговорки учащаются при утомлении человека, при невнимательности и при афазии. В патологии, как в норме, они возникают на основе или близости звучания лексем (*блондин* вместо *пингвин*), или близости по смыслу (*перерыв* вместо *отпуск*) [Schuell, Jenkins 1961: 244–259], или противоположности по смыслу (*девочка* вместо *мальчик*), или по отнесенности к одной ситуации (*Залил чайник воду* вместо *горелку*). Здесь важно отметить, что механизм оговорок хорошо объясняется с позиций ассоцианизма, — слово вступает в ассоциативные связи как своей выразительной стороной (отсюда оговорки по близости звучания), так и содержательной (отсюда оговорки по близости или противоположности понятий).

К оговоркам примыкают так называемые *литеральные парафазии*. Если при «простых оговорках» актуализируются пусть неуместные, но все же имеющиеся в

языке лексемы, то при литеральных парафазиях в речи появляется неологизм. Например, *У него потекли слинки (= слюнки), Я востроил (= устроил) ребенка в детский сад, Что ты окрыбился (= окрысился)?* и т. д. Парафазия нередко является контаминацией двух по какому-то основанию близких слов (*кобудка* вместо *конура* или *будка*, *чахар* вместо *чай* или *сахар*).

Вероятно, на основе приведенных выше фактов можно сделать заключение об относительной самостоятельности бытия как лексемы, так и понятия. Во-первых, актуализация понятия не всегда приводит к актуализации соответствующей лексемы. Во-вторых, актуализировавшееся понятие может быть выражено не одной-единственной лексемой, а двумя и более, так что взаимно-однозначного соответствия лексемы и понятия не устанавливается.

Выше (в подглавках 01–1 и 01–2) были приведены доводы в пользу относительной самостоятельности понятия, его независимости от лексемы.

Ниже (в подглавках 01–3 и 01–4) перечисляются факты, на основе которых можно говорить об относительной самостоятельности лексемы, о ее независимости от понятия.

01–3. ЛЕКСЕМА ЕСТЬ — ПОНЯТИЯ НЕТ

«Что слово существует независимо от своего значения, видно из того факта, что ребенок может выучить слово, а взрослый — слова иностранного языка, не зная, что они означают» [Веселитский 1965: 73]. Действительно, когда в мини-эксперименте группе информантов, имеющих высшее образование (25 чел.), нами был предъявлен список лексем, относительно которых мы интуитивно полагали, что они могут выражать неизвестные информантам понятия, то из полусотни лексем списка ряд информантов не смог определить семь понятий (*бердыш, бурмистр, анахорет, бодяга, аркебуза, амбра и астролябия*). Информанты тем не менее утверждали, что перечисленные лексемы им известны.

Нередко не связываются с понятиями лексемы, входящие в состав устойчивых словосочетаний, и информанты не знают, например, что такое *баклуши* или даже *шлея* (из выражений *бить баклуши* и *попала шлея под хвост*). В этом случае часто действует народная этимология, в результате которой лексема снова начинает актуализировать (другое) понятие. Например, говорится *На тебе, боже, что нам не гоже* или *Не все коту маслище* (вместо *небоже* [≈ *несчастнейший*] и *масленица*¹⁴). Аналогично: *вверительные грамоты* вместо *верительные* и т. п.

Может забыться содержательная сторона слов сакрального или литургического языка, однако выразительная сторона (благодаря книге) сохраняется. Мельников-Печерский описывает бесплодный спор старообрядческих начетчиков, аргументировавших лексемой *изгидошася*, причем оба споривших не знали, что она значит.

Знание лексемы и незнание понятия приводят к логически несовместимым сочетаниям понятий (с точки зрения человека, владеющего обеими сторонами слова), ср.: *Верховой ездой затягивает суню и садится на облучок; Волны падают стре-*

¹⁴ Что имеется в виду не *маслище*, а именно *масленица* (*сырная*, «обжорная» *седмица* перед Великим постом), можно уверенно заключить, если продолжить пословицу до конца: *Не все коту масленица, придет и Великий пост*.

мительным дократом (Ильф и Петров); *Сердце не так аритмично бьется, как хотелось бы*; *Наводишь на все самокритику* (Зоценко).

Некоторые подобные формы стали или почти узуальными (*рассказывать свою автобиографию, сняться в анфас*) или определенно узуальными (*для проформы*).

На предположении, что название лексемы не всегда приводит к актуализации понятия или даже никогда не приводит, основаны некоторые развлечения. Лет тридцать назад читателям популярного еженедельника «Неделя» была предложена игра «В карман за словом»: требовалось установить, какое из определений выражается приведенной лексемой, — например, *аргамак* (горный баран; химический элемент; скаковая лошадь; сказочное чудовище), *аттик* (город в Италии; подводный риф; коллекционер; часть здания), *карбас* (водяная крыса; город в Аргентине; речное судно; народный инструмент), *конгрев* (вид домны; способ печатания; канатная дорога; хребет на Памире), *эскапада* (военное укрепление; холодное оружие; мост; обидная выходка) и т. п.

Наблюдаются также случаи, когда лексема не способна актуализировать понятие некоторое время. Иногда это зависит от того, на что направлено внимание воспринимающего речь. Известно, что можно слушать только лексему, не вникая в их смысл. Лексемы в таком случае все же воспринимаются, так как их вполне можно повторить.

Восприятие лексем, не связанных с понятиями, наблюдается в генезисе речи — при так называемой *эхолалии*. Ребенок повторяет услышанную лексему, однако содержательная сторона слова им еще не воспринята. Эхолалия наблюдается и у взрослых, повторяющих услышанную фразу, чтобы ее лучше понять (таким образом, первоначальное восприятие актуализации всех понятий не вызывает).

Лексемы перестают актуализировать понятия, если они повторяются много раз. Так, можно произносить заученные молитвы, стихи, песни, не вникая в их смысл. Было отмечено, что речевой штамп также подвержен выветриванию слов входящих к нему слов. Штампы тем не менее выполняют социальную функцию — они поддерживают течение речи (если, например, или нечего сказать, или говорящий затрудняется в подборе слов). Например, в следующем отрывке штампы, выделенные квадратными скобками, не несут никакой информации, однако способствуют порождению речи говорящим. Ср.: [*Понимаешь,*] *подхожу я к нему, [как его?] к Борису. А он, [сам знаешь,*] *никогда, [разумеется,*] *свободен не бывает.* Подробно контактообразующая функция языка описана Р. Якобсоном. Характерно, что, повторяя заученные фразы, человек одновременно способен выполнять иную умственную деятельность (например, производить арифметические операции), в то время как при активном говорении это невозможно. Подчеркнем, однако, что во всех случаях, перечисленных в этом абзаце, речь идет о временном отчуждении лексемы от понятия; волевым усилием эту связь можно восстановить. Применительно к молитве это всегда понималось; так, св. Нил Сорский предостерегал: «Кто молится только устами, не заботясь об уме, тот воздуху молится. Бог внимает уму».

Неспособность лексемы актуализировать понятие наблюдается и тогда, когда человек утомлен, истощен, соматически болен и т. п. И здесь следует говорить о преходящем характере явления.

Если, однако, эта связь не может восстановиться в течение длительного срока, то приходится говорить о речевой патологии. В литературе вопроса описано явле-

ние, при котором больной воспринимает лексему, способен ее повторить, однако не приписывает ей никакой содержательной стороны («отчуждения смысла слов»). Здесь отмечается примерно то же самое, что и у здоровых информантов, когда им предлагают фразу Л. В. Щербы *Глокая куздра штеко будланула бокренка*. Все лексемы воспринимаются, их можно повторить, однако они не сопрягаются с лексическими понятиями. Подобное довольно часто наблюдается в речевых ситуациях, когда слушающий впервые встречает новую лексему. Лексема воспринимается, однако что она выражает, неизвестно. Здесь слушающий реализует метаязыковую функцию языка, чтобы выяснить содержательную сторону слова. «Пропишу вам *визин*. — А что это такое? — То же самое, что *фурацилин*. — А это что? — *Фурацилин* — это лекарство против воспаления».

«Отчуждение смысла слов» используется в качестве художественного приема в литературе. Здесь оно наблюдается в тех случаях, когда эффект заключен не только или не столько в содержании произведения, сколько в его форме. Приведем два примера явного «отчуждения смысла слов» (из стихов Н. Матвеевой).

Как сосулька с отколотым кончиком,
Или звон столкновения льдин,
Или птичье крыло с колокольчиком
Призвенелось мне слово «пингвин».
Что такое «Пин Гвин»?
Где разыскивать?
А какой он, «Пинг Вин»?
Где живет?
.....
«Маслины», шептал он, «гирлянда, бутон,
Муслин, марципаны, софа...»
И слушал, как сладостно тают потом
По комнатам эти слова.

Крайним проявлением явного «отчуждения смысла слов» являются известные вирши из «Алисы в стране чудес» и «В зазеркалье» Л. Кэрролла и опыты русских футуристов (А. Крученых, В. Каменского, В. Хлебникова) по «заумному языку».

Бессмысленные наборы лексем наблюдаются, кроме того, в детских считалках и дразнилках, а также в детской эгоцентрической речи.

Однако значительно чаще примат лексем по отношению к понятиям выступает в литературе в скрытом виде. В литературной практике широко распространено «музыкаписание языком». Как выразительная сторона музыки заключена в ее форме, так и поэтический язык музыкален. Для музыкаписания языком предпринимается в первую очередь подбор лексем, однако в умеренных опытах учитываются и выражаемые ими понятия. Приведем два примера (из стихов той же Н. Матвеевой):

Гомон *гонга*,
Говор *Ганга*,
Мерный шаг слона <...>
Отползи поскорее к затону,
Отрасти себе жабры и хвост,

Ибо путь от Платона к планктону
И от Фидия к мидии — прост.

Музыкаписание теоретически особенно исследовалось в начале прошлого века (А. Белый, В. Брюсов, Б. Эйхенбаум) и было провозглашено основным принципом поэтического языка. Факт отождествления стиха с музыкой виден из того, что стали говорить об «инструментовке» произведений, писать «симфонии» (А. Белый) и т. п. В. Брюсов, противопоставляя друг другу язык научный и поэтический, пишет, что если в научном языке ведущим является понятие, «то поэтический язык выдвигает на первое место представление, вызываемое словом, широко пользуется его строением и применяет понятие, содержащееся в слове, лишь как вспомогательное средство» [Брюсов 1924: 8].

К музыкаписанию относится ряд понятий поэтической техники: *аллитерация, ассонанс, диссонанс, звукопись, звукоподражание, инструментовка, напевность, онома-топья, скандирование, ритмика, эвритмия, эвфония* и многие другие.

Обращение к лексеме при известном игнорировании ее понятийной стороны наблюдается также в поговорках, пословицах и особенно в скороговорках: *Около колá — колоколá; Архип осип, Осип охрип*. О распространенности последней скороговорки в конце XIX в. свидетельствует А. П. Чехов (в рассказе «Попрыгуныя»): «Ольга Ивановна всегда звала мужа, как всех знакомых мужчин, не по имени, а по фамилии; его имя Осип не нравилось ей, потому что напоминало гоголевского Осипа и каламбур: „Осип охрип, а Архип осип“».

В том же рассказе воспроизведена практика подбора рифмы, когда семантика рифмующихся лексем не имеет значения и когда ради созвучия могут изобретаться и не существующие слова: «— *Nature morte... первый сорт*, — бормотал он (Рябовский), подбирая рифму, — *курорт... чёрт... порт...*»; «*Nature morte, порт*, — думала она (Ольга Ивановна), опять впадая в забытье, — *спорт... курорт...* А как *Шрек? Шрек, грек, врек... крек*». Слов *врек, крек* в русском языке нет.

Игнорирование понятийной стороны лексемы отмечается также в языковых развлечениях (шарадах, метаграммах, энигмах, логогрифах, анаграммах): всякий раз проводятся некоторые манипуляции с лексемой, а понятие учитывается только постольку постольку.

«Отчуждение смысла слов» наблюдается также и в пении. В пении сочетаются два компонента: музыка и речь. Однако они не равноправны. «Как кажется, музыка является доминирующим элементом. Иными словами, именно язык подвергается большему разрушению, подчиняясь музыке, чем музыка, подчиняясь языку» [Реформатский 1955: 177]. Во-первых, здесь повторяется то же явление, которое наблюдается при произнесении заученных фраз. Кроме того, текст обычно подчиняется мелодике, так что лексемы могут менять свою форму (особенно часто это наблюдается в *bel canto* и в колоратурном голосоведении). В результате модификации формы лексемы слушающие оказываются не в состоянии воспринять текст.

Например, в древнерусском церковном пении в согласии с византийской традицией для украшения использовались *ананайки-ананейки* (повторяющиеся слоги *на, не*) и *хабувы* (повторяющиеся слоги *ха, хе, хо*), которые по произволу вставлялись прямо в лексему. Если привести образец, то лексема *Романе* (зват. падеж) с ананайками и хабувами распевалась как «Ро-о-о-о-ма-ха-ха-не-хе-хе-е-е» [Успенский 1965: 177]. Ясно, что слушающий едва ли может воспринять лексему, если

весь текст не известен заранее, и это обстоятельство отмечалось в ряде челобитных князьям и царям [Смоленский 1901: 27].

В общем виде можно сказать, что в пении лексема может использоваться не для передачи информации, а как простой материальный субстрат — носитель мелодии. (Конечно, мы не говорим о *куплетах* и *шансонах*, тяготеющих более к декламации, чем к пению.)

Крайний случай отмеченного выше явления представляет собой, с одной стороны, исполнение песнопений на непонятном исполнителю сакральном или литургическом языке или, с другой стороны, на языке забытом в силу определенных условий. Например, в лингвистической литературе сообщается, что аляскинские эскимосы, хотя уже и успели забыть русский язык, тем не менее сохраняют его в литургии и в некоторых мирских песнях. Поскольку, однако, содержательная сторона русских слов уже не воспринимается, они начинают модифицироваться и своей выразительной стороной.

Таковы эмпирические наблюдения, свидетельствующие, что актуализация лексем не обязательно и не всегда актуализирует понятие. Во всех приведенных нами примерах слово используется без того, чтобы в сознании человека присутствовала его содержательная сторона. Здесь, таким образом, лексема не выступает в функции знака.

Имеется обширная группа фактов, когда при актуализации лексем человек способен приписать ей определенную содержательную сторону, однако содержательным планом такого слова оказывается феномен, который нельзя считать понятием (что это за феномен, говорится непосредственно ниже).

Вернемся к описанной выше группе информантов и к списку лексем из 50 единиц. Семь лексем, хотя и были известны информантам, не актуализировали никакого понятия. Однако относительно большинства лексем информанты, хотя и смогли определить, к какой смысловой сфере относятся выражаемые лексемами понятия, все же сами понятия не дефинировали. Например, информанты знали, что лексем *сойка* и *трясогузка* обозначают птиц, *акватинта* и *гуашь* — относятся к живописи, *туба* и *валторна* — к музыкальным инструментам, *ариозо*, *арпеджио* и *адажио* — к музыке вообще, *базилика*, *ротонда*, *восьмерик* — к архитектуре, *бизань*, *бриг* — к морскому делу, *багряница*, *аксельбант* — к одежде человека и т. п. Уточняющие вопросы типа «Что за птица *сойка*?», «Как она выглядит?», «Где обитает?», «Чем питается?», «Полезная она или вредная?» остались без ответа. Наблюдались и ложные отнесения: *каплица* — нечто музыкальное, *братина* — род артели.

Установить, что здесь отсутствует понятие, можно двояким способом. Известно, что любое понятие характеризуется объемом и содержанием. Поэтому можно, во-первых, исследовать объем понятия. В обычных условиях процесс отражения на уровне понятий представляет собой движение от конкретного предмета к введению его в сознание человека через посредство понятия, ассоциирующегося с лексемой. Таково *узнавание*, за которым следует этап «привязки» понятия к лексеме (*номинация*). Если движение проходит в обратном порядке, то названная лексема актуализирует понятие, в объем которого из множества предметов включаются лишь некоторые. Таким образом, в данном случае — сначала *номинация*, а затем — *узнавание*. Если *узнавание* отсутствует, т. е. если из некоторого множества предметов информант не может выбрать требуемый, то следует говорить, что понятие у него не актуализировалось.

Если нет узнавания и, следовательно, выбора, то, стало быть, не «всплывает» понятие: например, на фотографиях изображены разные породы обезьян, но указать среди них на *лемура* или *бабуина* способны далеко не все информанты. Лексемы же им, по самосвидетельству, хорошо знакомы. На дополнительный вопрос: «А есть ли *лемур* и *бабуин* на картинках?» ответа не последовало.

Если исследовать содержания естественных понятий, то приходится обращаться к суждениям информантов, задавая им вопросы на дифференциацию, т. е. спрашивая их, чем один предмет отличается от другого (например, в чем отличие *стола* от *стула*). Говоря об этом отличии, информант как раз и описывает содержание понятия, так как он перечисляет критерии, на основе которых определенные предметы включаются в его объем. Случается, однако, что такое противопоставление невозможно («между словами разницы нет»); это, с одной стороны, означает, что перед нами синонимичные слова (например, у самолета — *пропеллер* или *винт*). Понятие же в таком случае у информанта имеется. Однако, с другой стороны, невозможность противопоставления слов иногда дает основание думать об отсутствии понятий, выражаемых с их помощью, и в этом случае информант все же сообщает, что «между словами разница есть».

Применительно к занимающей нас проблеме мы просили информантов выше-названной группы определить, в чем разница между *терьером*, *догом* и *борзой*; между *орлом*, *беркутом* и *грифоном*; между *барицной*, *издольщиной* и *кабалой* и т. д. Во всех этих случаях информанты утверждали, что «слова выражают разные вещи», однако объяснить, в чем между ними разница, они могли не всегда. Вяч. Вс. Иванов наблюдал то же самое: «Многие городские жители знакомы только с различиями в означающей стороне конкретных названий птиц, цветов, ягод, но не знают, чем реально отличаются друг от друга соответствующие предметы» [Иванов 1962: 83].

Описанное явление было предметом рассмотрения в психологической литературе и получило название *локальной ассоциации* [Самарин 1962: 219]. Понятие — это не всякое знание, но именно обобщенное знание, отражающее существенные стороны предметов и явлений. Локальная ассоциация — это единственное знание о предмете или о группе предметов, она представляет собой мельчайшую аналитическую единицу умственной деятельности. Локальная ассоциация может быть этапом формирования понятия, так что когда человек усвоил лексему в сочетании с локальной ассоциацией, развитие понятия, можно считать, началось. Однако может случиться и так, что на этапе локальной ассоциации развитие замирает. Например, лексемы *ададжио*, *арпеджио*, *алегретто*, *виваче*, *интерлюдия* у информантов, не имеющих специальной музыкальной подготовки, имеют одну и ту же локальную ассоциацию («что-то по музыке»).

Таковы эмпирические факты, уместные в подглавке «Лексема есть — понятия нет».

01–4. ОДНА ЛЕКСЕМА — НЕСКОЛЬКО ПОНЯТИЙ

Если бы удалось показать, что одна лексема (разумеется, в контексте, т. е. в естественных условиях) актуализирует более одного понятия, то это лишней раз свидетельствовало бы нам об относительной самостоятельности лексемы и понятия.

Л. С. Выготским было показано, что в момент усвоения человеком лексемы усваивается одно понятие, а впоследствии с этой лексемой связывается понятие другое. «В момент усвоения нового слова процесс развития соответствующего понятия не заканчивается, а только начинается». Ученый настаивает на том, что значение слова — не константно. Оно «изменяется в ходе развития ребенка... Оно представляет собой скорее динамическое, чем статическое образование» [Выготский 1956: 329]. Способность изменения содержательной стороны слова при сохранении выразительной особенно ярко наблюдается, когда человек выходит из детского возраста.

Здесь Л. С. Выготский рассуждает следующим образом. Сначала он противопоставляет друг другу так наз. *комплекс* (псевдопонятие, предпонятие) и собственно *понятие*. В психологическом плане различия между этими сущностями нет. Оно лежит в плане социальном. Слово имеет определенную идеальную сторону; если эта последняя ни своим объемом, ни своим содержанием не отличается от той, которая присуща большинству членов языковой общности, то она по конвенции может быть поименована *понятием*. Если она, однако, отличается от смыслового содержания, присущего большинству, то говорят, опять-таки по конвенции, лучше применять дифференцирующий термин *комплекс*. Характерно, что объемы как понятия, так и комплекса совпадают. Например, если ребенок отличает трамваи от троллейбусов на том основании, что «трамваи красенькие, а троллейбусы синенькие», у него наличествует не понятие, а именно комплекс. Критерий классификации не верен, однако сама классификация объективно проводится правильно, т. е. по объему совпадает с классификацией, присущей большинству людей. С возрастом у ребенка комплекс заменится на понятие.

Обратная направленность процесса наблюдается при душевных заболеваниях. Когда слишком многие понятия замещаются комплексами, говорят об *аутическом* (относительно необусловленном социально) мышлении (при паранойе, шизофрении).

Таким образом, при сохранении одной и той же выразительной стороны слова его содержательная сторона может меняться.

Изменение содержательной стороны слова при сохранении выразительной может осуществляться не только стихийно, как это было показано, но и сознательно. Здесь имеется в виду терминология. С одной и той же лексемой вполне возможно последовательно связать ряд научных понятий (ср., например, античное [неделимый] и современное [делимый] понятие *атома*). С одной и той же лексемой возможно также одновременно связать ряд научных понятий (термин *морфология* в лингвистике и в медицине выражает совершенно разные понятия).

Аналогичные ситуации наблюдаются и тогда, когда разные люди одной и той же лексеме приписывают разное содержание. Например, Хлестаков, не подозревая, за кого его принимают, в ответ на предложение городничего перебраться *на другую*, более удобную, *квартиру* говорит: «Нет, я не хочу! Я знаю, что значит *на другую квартиру*...» Ф. Кайнц сообщает, как он воспринял рассказ своего знакомого об опере С. С. Прокофьева «Петя и волк». Знакомый сказал: *Das ist eine ganz neue musikalische Form. Am Beginn stehen immer einige kurze Sätze, die dann programmatisch illustriert werden.* Ф. Кайнц воспринял лексему *Sätze* как музыкальный термин (*фразы*), однако оказалось, что в начале каждого акта на сцене появлялась сказочница, говорившая обычной прозой, так что знакомый имел в виду просто: *предложения* (или разговорные фразы).

Таким образом, одна и та же лексема (в контексте!) способна актуализировать у разных людей разные понятия. Более того, одна и та же лексема у одного и того же человека может актуализировать более одного понятия. Это наблюдается, с одной стороны, тогда, когда высказывание почему-либо не окончено. Например, «the right...» актуализирует два понятия — «правый» и «правильный», и пока высказывание не закончено («the right way to study», «the right hand»), следует говорить не о детерминационной («неразрывной») связи лексемы и понятия, а о вероятностной.

Подобное наблюдается, с другой стороны, в тех случаях, когда воспринимающему речь неизвестна речевая ситуация. Например, в такой ситуации лексема *коса* актуализирует даже три понятия («наточенная металлическая полоса, которой косят траву»; «вытянутая в море полоска суши»; «заплетенные волосы»).

На отмеченном факте построены каламбуры («Хорошо ружье бьет. Упало, три чашки разбило»). Иногда каламбур строится на небольшой модификации формы лексемы. Характерно, что каламбур может быть построен только на орфографии, исчезая в произношении («В деревне хорошо. Я здесь буду *развеваться*, загорать и *заколюсь* на солнце, поворачиваясь с *бачка* на *бачок*. Хорошо *посесть* на берегу с удочкой...»). В данном примере фонемы, на которых построен каламбур, стоят в безударной, нейтрализуемой позиции, и в устной речи каламбур исчезает.

Сюда же относятся *антиципации*, возникающие при разрушении устойчивых словосочетаний. Известно, что в устойчивых сочетаниях при появлении предшествующего элемента велика вероятность актуализации последующего, так что если он даже и не реализован, неназванное понятие тем не менее «выплывает». Например, предположим, предложение «*Хулиган сел на скамью...*» не окончено; и тем не менее «...*подсудимых*» все равно актуализируется. Если приведенное высказывание закончено лексемой «...*потерпевших*» (это не оговорка, так как имеется в виду хулиган, в начатой им драке сам получивший повреждение), то одновременно актуализируются именно два понятия.

Таковы доводы, приводимые для доказательства относительной независимости лексемы от понятия. Во-первых, актуализация лексемы не всегда приводит к актуализации соответствующего понятия (подглавка 01–03). Во-вторых, лексема может связываться не с одним-единственным понятием, а с двумя и более, так что взаимно-однозначного соответствия лексемы и понятия может не отмечаться (подглавка 01–4).

Итак, понятие, как и лексема, относительно самостоятельны, т. е. могут иметь бытие друг без друга.

Изложенную здесь точку зрения не следует понимать в том смысле, что понятие абсолютно независимо от лексемы и обратно. Как было показано, понятия формируются на основе лексем; образование понятий на этой опоре — типичный случай (хотя может быть и иначе). Отнесение к одному классу, как правило, возможно при повторяющемся одном и том же знаке. Поэтому есть все основания говорить о единстве компонентов слова, о единстве понятия и лексемы, имея в виду, что термин «единство» не предполагает «неразрывной связи» между ними. Возникновение понятия предполагает наличие лексемы, однако актуализация понятия без актуализации соответствующей лексемы может иметь место.

Признавая относительную самостоятельность лексемы и понятия, можно по-новому рассмотреть ряд известных лингвистических проблем (например, синонимии, омонимии, метафоризации, семантической динамики и т. п.). Для целей настоящей книги важно подчеркнуть, что теперь мы получили покоящуюся на фактах основу для развития концепций лексического фона, рече-поведенческих тактик и, самое главное, сапипентемы. К первой из этих трех концепций и переходим в следующей, второй, главе.

Глава 2. Лексическое понятие и межъязыковая (без)эквивалентность

Словарь народа содержит в себе всю его культуру.

H. Hojer, The Relation of Language and Culture

Ниже на всем протяжении Части I настоящего раздела книги всесторонне рассматривается и обсуждается семасиологический феномен — *лексический фон (ЛФон)*. Первоначальные наблюдения, как упоминалось, были сделаны нами более четверти века назад. В концепцию, которая по сути не переменялась, сейчас (середина 2004 г.) внесены уточнения. Пересмотрен и значительно пополнен фактический материал. Семантика ЛФона меняется значительно быстрее семантики *лексического понятия*, поэтому ныне мы имеем возможность сопоставить ЛФоны тех же самых слов на «временных срезах» 1976 и 2004 гг. и, поскольку за истекшее время радикально изменился общественный строй, показать общее направление семантического развития.

Смеем думать, что ЛФон может и должен занять одно из центральных мест в (социо)лингвистическом анализе языка. Феномен весьма существен также в лингводидактическом отношении. Авторам неизвестны целостные и законченные исследования, которые были бы специально посвящены явлению, называемому здесь *ЛФоном*. Поэтому данная семасиологическая категория обсуждается с должной обстоятельностью, на обширном иллюстративном материале и во всех характеристиках, объективированных к настоящему времени.

Нижеследующие главы Раздела первого, Части I книги могут быть тематически распределены по пяти группам.

В главах 2–5 ЛФон описывается как таковой, как социолингвистический феномен, как факт языка: в них данное лингвистическое понятие отграничивается от близких и смежных, т. е. дается его дескрипция.

Главы 6–13 посвящены значению ЛФона для речевой деятельности (в качестве субстрата существования знаний — для осмысленной коммуникации), а также его свойствам (историзму, динамичности, сопряженности со зрительным образом и т. д.).

В главах 14–15 говорится о национально-культурной семантике фразеологизмов и афоризмов, причем и в этих языковых единицах усматривается феномен, во всем подобный ЛФону. В остальных главах подводятся промежуточные итоги и содержатся дополнительные частные разыскания, в том числе в области лингвострановедческой лексикографии и лингводидактики.

Переходим к существу дела.

Итак, слово, как и любой другой языковой знак, обладает двумя планами. Как упоминалось, план выражения слова (его звуковую оболочку), вслед за Н. И. Толстым, мы назвали *лексемой*. Что касается плана содержания слова, то в лингвистике (и в смежных гуманитарных науках) велись и ведутся затяжные споры по поводу того, какой категории человеческой психики соответствует семантика слова.

Фактически возобладала точка зрения, согласно которой планом содержания слова является так наз. *лексическое понятие*, — естественно, онтологически (т. е. применительно к реальному функционированию слова в речи человека), потому что гносеологически (т. е. с познавательными целями) семантику слова не только допустимо, но и необходимо членить и расслаивать. Как следует из материалов, приведенных и осмысленных выше (в главе I), лексема и понятия могут сопрягаться друг с другом, но могут иметь и самостоятельное бытие.

Сторонники содержательного разделения терминов «понятие» и «лексическое значение», как нам представляется, неправы, потому что они или недостаточно последовательно выделяют лексический уровень языка (включая в «значение» так наз. «грамматические моменты»), или неправомерно сопоставляют идеальную сторону слова с терминологическим понятием. Еще раз оговоримся, что гносеологически вполне правильно расчленять семантику слова и говорить, например, об эстетическом, прагматическом, ассоциативном, ближайшем и дальнейшем, эмфатическом, потенциальном и других значениях слова, а также понимать «значение» слова как отношение между тем, что мы называли лексемой, и тем, что было названо лексическим понятием (так в духе логистических идей Ч. Пирса, Ч. Морриса, Р. Карнапа, К. Огдена и И. Ричардса в лингвистике поступает, например, С. Ульман).

Лексические (= общеязыковые) понятия противопоставляются *терминологическим*. Первые — это понятия, соответствующие обыденному уровню отражения действительности, понятия обиходные, «языковые», свойственные всем членам определенной этнокультурной и языковой общности. В терминологических понятиях объективируется научный уровень отражения действительности; они, как правило, принадлежат ограниченной и временами довольно узкой сфере систематизированного (теоретического) знания и по этой причине далеко не всегда обладают свойством повсеместной распространенности. Разница между словами и терминами убедительно продемонстрирована в лингвистике, особенно в лексикографии¹⁵. Однако сейчас все чаще приходится заниматься не противопоставлением слов терминам, а сопоставлением их, потому что в связи с повышением образованности носителей языка обыденный уровень сознания постепенно повышается до теоретического (многочисленные так называемые «общенаучные» термины начинают употребляться практически всеми говорящими наравне со словами)¹⁶.

¹⁵ Л. В. Щерба привел ставший классическим пример различия между лексическим понятием обиходного слова *прямая* (линия, которая не уклоняется ни вправо, ни влево, а также ни вверх, ни вниз) и научным (геометрическим) понятием термина *прямая* (кратчайшее расстояние между двумя точками) [Щерба 1974: 280].

¹⁶ О динамике и взаимопроникновении обыденного и теоретического уровней сознания см., например, [Носков, Яновский 1974]. В лингвистической литературе тезис об общеязыковом употреблении некоторых научных терминов никем не оспаривается.

Итак, план содержания слова — это лексическое понятие. Но что же это такое? Рассматриваемая категория человеческой психики, как и другие сопряженные психические категории, слишком многогранна, чтобы ее можно было охватить в недвусмысленном и всесторонне пригодном определении. Обычно в определениях понятия «понятие» подчеркивают его отдельные характеристики (сами же определения не исключают друг друга), поэтому и мы остановимся на той трактовке явления, которая наиболее подходит для лингвострановедческих задач.

Возьмем одно типичное определение из ряда подобных, схожих. Понятие — это «правило, применение которого к описанию объекта позволяет определить, принадлежит ли данный объект к тому множеству, которому соответствует рассматриваемое наименование» [Хант, Марин, Стоун 1970: 34]. Таким образом, та категория психики (точнее, сознания), которая называется понятием, — это сначала (по происхождению) продукт и затем (по функции) инструмент одной из познавательных способностей человека, а именно классифицирующей¹⁷. Функция понятия состоит в установлении принадлежности или непринадлежности некоторого конкретного предмета (или явления) к известной совокупности однородных предметов (или явлений), обозначаемых данной лексемой.

Например, предмет мебели для сидения одного человека, снабженный спинкой, может быть включен представителем европейской культуры в объем понятия *стул* и соответственно назван этим словом (или *chair*, или *chaise*, или *Stuhl*). Другой пример: учебное заведение (в первую очередь для детей) для получения общего образования — это *школа* (или *school*, или *école*, или *Schule*) и т. д.

Таким образом, лексическое понятие тесно связано с познанием. Поскольку понятие обычно рассматривается как итог познания, в котором резюмируется определенная совокупность знаний, оно, с одной стороны, принадлежит психике, мышлению и соответственно изучается в психологии. С другой стороны, понятие «привязано» к лексеме и принадлежит языку, единицы которого, кстати, действительно могут влиять на лексическое понятие, — следовательно, оно изучается и в лингвистике. Таким образом, если можно говорить о речемыслительной деятельности, то именно слово является ее носителем, ее субстратом. Конечно, в исследовательских целях допустимо изолировать лексическое понятие от лексемы (и изучать его только как элемент мышления) или, напротив, изолировать лексему от понятия (и изучать ее только в составе языковой системы), но онтологически, по природе своей, слово не допускает чисто реляционного (внутриязыкового) подхода, потому что лексическое понятие — продукт мышления, познания, а они, в свою очередь, безусловно (целиком и полностью) определены внеязыковой действительностью.

Вернемся к понятию как инструменту классификации явлений действительно-сти. Каким образом устанавливается принадлежность предмета классу?

«*Стул*» без спинки — это в русской культуре вовсе не *стул*, а *табурет(ка)*; «стул», у которого есть подлокотники, — не *стул*, а *кресло*. Учебное заведение, в котором получают не общее, а специальное образование, в зависимости от уровня образования называется *техникумом* или *институтом* (сейчас все чаще *университетом* или *академией*), но не *школой*. Лексические понятия слов *стул*, *табурет(ка)*, *кресло* (а также *лавка*, *диван*, *скамья* и др.) и слов *школа*, *техникум*, *институт* (а также *училище*,

¹⁷ См.: [Кравченко, Лазарев 1967: 315].

университет и др.), как видно, родственны, близки друг другу. Это значит, что понятия могут между собой сопоставляться не глобально, как цельные, нерасчлняемые категории мышления, а своими элементами, составными частями своих содержаний. Таким образом, понятие — это совокупность элементов (со свойствами закрытого упорядоченного множества, т. е. структуры)

Собственно, элементы содержания понятия — это тоже понятия (*предмет мебели, спинка, заведение, образование* и т. д.), они выступают как элементы лишь применительно к рассматриваемому понятию, но их также можно расчлнить на составные части, которые в свою очередь окажутся понятиями, и т. д. Понятие, как было сказано, — это правило классификации; сформулировать это правило — значит соотнести между собой элементы из содержания понятия, построить, в терминах теории множеств, их пересечение. Пересечение множеств (или пересечение понятий) — это взаимное их ограничение: *учреждения* — не только *школы*, но и *театры* (культурно-просветительное учреждение), *детские сады*, *исследовательские институты* и т. д.; понятие «учебности» приложимо в равной мере не только к *школам*, но и *учебникам* (учебная книга), *классам* (учебное помещение), *урокам* (учебное занятие), а также к *научным дисциплинам*, *наглядным пособиям* и т. д. Сочетание двух понятий (*учебное заведение*) взаимно ограничивает их объем, а присоединение третьего (*для получения общего образования*) приводит к дальнейшему ограничению объема, вплоть до того, что включаемые в понятие предметы могут быть названы только одним словом.

Элементарные (в свете сделанных оговорок) понятия в составе объединяющего их, общего для них понятия в логике и в лингвистике называются по-разному — *признаками* (в содержании понятия), *семантическими компонентами*, *семантическими множителями*, а мы, по соображениям гомогенности собственного терминотворчества, предлагаем назвать *семантическими долями* (далее сокращенно: *СДоля* или *СДоли*)¹⁸.

СДоли обладают свойством самостоятельности и могут входить в разные лексические понятия. Например, СДоля *предмет мебели* входит в лексические понятия слов *шкаф*, *стол*, *диван*, *тумбочка* и т. д. Количество повторяющихся СДолей в составе двух разных понятий может быть значительным, а для различения их необходима хотя бы одна специфицирующая (присутствующая лишь в одном понятии из пары) СДоля. Из сказанного, между прочим, следует, что СДоля — явление объективное, отнюдь не плод научного, логического анализа.

В самом деле, носители языка вполне способны — и без какой-либо научной подготовки — выделять СДоли в составе лексических понятий. Если информанта спросить (такие вопросы очень приняты в диалектологических исследованиях), что значит то или другое слово, то в ответах обычно указываются как раз СДоли.

Например, во время диалектологической экспедиции на вопрос «Что такое *ветошь?*» информант ответил: «Ето вот трава прошлогодняя, *ветошь* называем» [Сахарный, Орлова 1969: 89], т. е. назвал две СДоли (*трава; предмет, относящийся к прошлому году*). Таким образом, СДоли психически реальны.

Собственно, само явление реально, но конкретные семантические единицы, которые выделяются учеными, нередко (или заведомо) принадлежат только анализу

¹⁸ Собственно, для терминирования подошли бы слова «элемент», «единица», «компонент», однако все они уже используются в семасиологии в других значениях. Слово «доля» своей общеязыковой семантикой («составная часть целого») наиболее подходит для наших целей.

или нуждаются в демонстрации своей психической реальности. Например, Т. П. Ломтев, изучая совокупность наименований лиц, «определяемых по их отношению к материальным благам», выделил восемь «дифференциальных семантических элементов»: «увеличивающий свои материальные блага умеренно» (*рачительный, расчётливый, экономный*); «увеличивающий свои блага неумеренно» (*стяжатель, хапуга*) и т. д.¹⁹ [Ломтев 1976: 402]. Полученные в его анализе «элементы», вероятно, не более как результат (или инструмент) научного поиска, возможно, не отражающий реально существующих (в сознании говорящих) СДолей.

Таким образом, каждая конкретная СДоля, полученная априорным анализом, должна проверяться в работе с информантами.

Составляющие слово лексема и лексическое понятие, хотя и ассоциируются друг с другом, не связаны неразрывной связью. Расхожее мнение, согласно которому «связь между словом и понятием так же органична и неразрывна, как органична и неразрывна связь языка и мышления» [Богуславский 1957: 275], представляется преувеличенным. Практически каждому знакомы случаи, когда предмет вполне узнается (т. е. актуализируется соответствующее понятие), но по каким-то причинам не находится обозначающей этот предмет лексемы. Наблюдается и обратное явление: слово наличествует, лексема говорящему вполне известна, но он не знает, что обозначает это слово, т. е. в его сознании отсутствует сопрягаемое с лексемой понятие. Факты, которые могут подтвердить справедливость сказанного, весьма многочисленны, и они отчасти собраны выше (в главе 1), а самым убедительным аргументом в поддержку мысли об относительной самостоятельности лексемы и лексического понятия служит существование так называемых межъязыковых лексических понятий.

Межъязыковое лексическое понятие, как подсказывает общий смысл терминологического словосочетания, — это такое понятие, которое присутствует в двух этнокультурных общностях (скажем, русской и английской) и без потерь информации, адекватно выражается на двух разных языках.

Если продолжить анализ наших примеров, то *стул* — это «род мебели для сидения (такова первая СДоля) со спинкой (вторая СДоля) на одного человека (третья СДоля)» (Ожегов). В малом толковом словаре английского языка [Hornby 1958] *chair* (*стул*) разъясняется как *a seat* (сиденье) (первая СДоля) *for one person* (для одного лица) (вторая СДоля) *usually with a back* (обычно со спинкой) (третья СДоля)²⁰. Как видим, порядок следования СДолей в обоих толкованиях различается, но сами СДоли по своему качеству совпадают совершенно точно. Перед нами межъязыковое лексическое понятие, которое ассоциируется как с русской, так и с английской лексемами. Если увеличить число рассматриваемых языков, то окажется, что данное межъязыковое лексическое понятие без затруднений передается едва ли не на всех языках мира.

¹⁹ А. А. Медведев, разрабатывая для филологического словаря толкования наименований птиц, выделил 14 признаков, комбинацией которых, по его мнению, можно непротиворечиво истолковать 136 названий птиц [Медведев 1972: 16]. Эти 14 СДолей определенно не присутствуют в сознании носителей языка, которые, различая на словах, скажем, *трясогузку* и *пеночку*, не в состоянии указать признаков, которыми эти птицы различаются.

²⁰ Авторы продолжают толкование уточнением (...и с четырьмя ножками), однако оно может быть оспорено.

В указанных выше русском и английском словарях совпадают также толкования слов *школа* и *school*: «учебное заведение (преимущественно о низшем или среднем)», «a building or institution for teaching and learning» (здание или учреждение для преподавания и обучения).

Самостоятельность лексического понятия, его относительная независимость от лексемы видна в том, что человек, изучающий, предположим, английский язык, совсем не должен вырабатывать в своем сознании новые лексические понятия при усвоении слов *chair* или *school*, равно как и англичанину нет нужды затрачивать усилия на усвоение понятийного плана слов *стул* или *школа*: эти лексические понятия, выработанные в одном языке, легко переносятся в другой язык, т. е. отрываются от той лексемы, с которой они первоначально были ассоциированы.

Слова, лексические понятия которых являются *межъязыковыми*, в лингвистике и лингводидактике обычно называются *эквивалентными* (переводимыми) и противопоставляются *безэквивалентным*, т. е. таким, план содержания которых невозможно точно сопоставить с каким-либо иноязычным лексическим понятием (в известном смысле безэквивалентные слова непереводаемы, их приходится передавать описательными выражениями или с помощью пояснений²¹).

Из факта относительной самостоятельности обоих компонентов слова вытекает, что усвоение слова человеком включает в действие два различных механизма. Ребенок или изучающий иностранный язык прежде всего должен отработать «звуковую оболочку» слова, научиться его правильно артикулировать, в результате чего усваивается лексема. Кроме того (у ребенка, как правило, одновременно с усвоением каждой лексемы, а у изучающего иностранный язык взрослого только при усвоении безэквивалентных слов), формируется ассоциируемое с лексемой лексическое понятие путем постепенного накопления СДолей в своем содержании, что известно из исследований генезиса детской речи, причем если лексема вполне усвоена и артикулируется правильно, это отнюдь не значит, что завершилось и формирование лексического понятия.

Напомним, что формирование понятия представляет собой познание действительности и что тем самым это формирование оказывается процессом. В начале развития лексического понятия в нем может быть только одна СДоля. Ю. А. Самарин, автор одной из психологических концепций мышления, назвал случай включения в лексическое понятие одной-единственной СДоли локальной ассоциацией²². Например, ребенок овладел СДолей *предмет мебели для сидения* и включил ее в объем понятия *стул*, но поскольку другие СДоли еще не освоены, он называет *стульчиком* и *табуретку*, и *кресло*.

²¹ И. И. Ревзин и В. Ю. Розенцвейг справедливо писали по этому поводу: «Нет основания отрицать полностью мысль о непереводаемости. Нет переводчика, который в своей практической деятельности не наталкивался бы на явления, не поддающиеся переводу. Да и теоретически ясно, что существуют такие категории языка, между которыми соответствия установить нельзя, а следовательно, нельзя сохранить и инвариантность смысла» [Ревзин, Розенцвейг 1964: 70]. Продолжая свою мысль, авторы в качестве иллюстрации приводят попытку буквальной передачи некоторых категорий русского языка английскими средствами (*маленький мальчик катается на коньках* переводится как *He-small he-boy drives himself on little he-horses*) и приходят к выводу: «Если определять перевод как преобразование, при котором не происходит никакая потеря, а передается все своеобразие содержания и формы оригинала, то придется признать, что такое преобразование полностью неосуществимо, т. е. признать полностью правомерность гипотезы Уорфа» [там же: 75].

²² Локальная ассоциация чаще всего — это просто отнесение обозначаемого словом предмета к какой-либо сфере.

Иногда и для взрослых формирование понятия ограничивается локальной ассоциацией (речь идет о редких предметах и соответственно словах с периферии словарного состава)²³, однако чаще понятие «развивается», т. е. накапливает СДоли в своем содержании. Слово, таким образом, выступает аккумулятором, хранителем человеческого опыта — как индивидуального, так и общего (последнего в несравненно большей степени, потому что усвоение языка проходит только в обществе). Короче говоря, мы еще раз убеждаемся в том, что слово (его лексическое понятие) — продукт познавательной (в частности, классифицирующей) деятельности человека.

Сформировавшись, лексическое понятие становится инструментом классифицирующей деятельности, — такова (на первый взгляд, парадоксальная) диалектическая взаимосвязь продукта²⁴ и инструмента одной и той же деятельности.

Теперь несколько замечаний по поводу функционирования понятия как орудия классификации. Сейчас уже никто не думает, что возможно прямое соотношение обозначаемого предмета и лексемы. В некогда знаменитом «треугольнике значения» (рис. 1), предложенном К. Огденом и И. Ричардсом (1927), связь «знака» (в наших терминах, «лексемы») с предметом показана не обычной сплошной линией, а прерывистой, потому что, по мнению авторов, без посредства «мысли» («лексического понятия») связь между «знаком» и предметом невозможна.

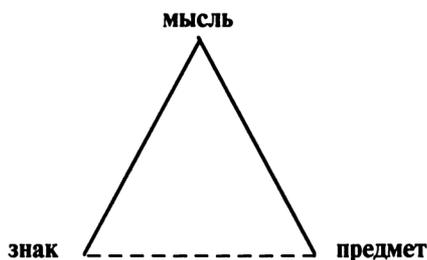

Рис. 1. «Треугольник значения»
К. Огдена и И. Ричардса

Классификация предметов и явлений состоит, следовательно, не меньше чем из двух этапов. Первый этап — узнавание: некоторый наблюдаемый предмет включается в объем соответствующего понятия. Второй этап — называние (или номинация): понятие приводит к актуализации ассоциированной с ним лексемы. Поэтому, может быть, правильнее сказать, что лексемы (на обыденном языке: слова) называют понятия и только через их посредство обозначают предметы²⁵.

Получается, что слово крайне важно субъективно, для данного человека, потому что лексическое понятие служит орудием познания. Классифицируя мир на основании коллективного культурно-исторического опыта, человек приобретает громадные потенции для его скорого и адекватного постижения. Глубоко показательно, что некоторые физиологи расшифровывают английскую аббревиатуру CNS (Central Nervous System; русский эквивалент ЦНС, т. е. центральная нервная система) как Conceptual Nervous System, т. е. *понятийная нервная система*²⁶.

²³ Именно поэтому говорящие иногда относят к некоторой тематической сфере много слов, но не противопоставляют их.

²⁴ Формирующееся понятие уже может быть инструментом классификации. Функционирование понятия в целях классификации приводит к накоплению им самим новых СДолей.

²⁵ Что лексемы называют только понятия, видно в случаях двуязычной номинации, когда билингв через посредство лексемы родного языка ищет лексему другого языка, — предмет исключается из поля внимания и информант «работает» только с лексемами и понятиями.

²⁶ Об этом со ссылкой на Д. О. Хэбба писал А. Р. Лурия [Лурия 1970: 106]. См. также: [Пенфильд, Робертс 1964: 209].

Что же касается функционирования слова коммуникационно, т. е. для другого, для собеседника, то лексема, вопреки принятому мнению, не передает информации как таковой — она лишь актуализирует, возбуждает в сознании слушающего уже имеющиеся у него лексические понятия и тем самым создает базу для передачи информации. Например, во фразе *Мать не любит сына* информация состоит лишь в известии об этом факте, а лексические понятия слов *мать*, *любит*, *сын* заранее сформированы у слушающего, и, если бы они не были известны, информация не была бы воспринята. Таким образом, словами предварительно обеспечивается возможность передачи информации, но актуально передается она не словами, а комбинациями слов.

Глава 3. Лексический фон и межъязыковая неполноэквивалентность

03–1. ОБЩЕЕ ОПИСАНИЕ ФЕНОМЕНА, НАЗВАННОГО «ЛЕКСИЧЕСКИМ ФОНОМ»

В семасиологической литературе превалирует, как говорилось, отождествление плана содержания (значения) слова с лексическим понятием. Так, в 1975 г. Ю. С. Степанов значение слова описывал как «высшую степень отражения действительности в сознании человека, ту же степень, что и понятие»; по его мнению, значение слова определяется точно так же, как понятие («значение слова отражает общие и одновременно существенные признаки предмета, познанные в общественной практике людей»). Если все-таки можно обнаружить различия между значением и понятием, то они преходящи, потому что «значение слова стремится к понятию как к своему пределу» [Степанов 1975: 13]²⁷. Короче говоря, в указанной концепции семантика слова исчерпывается лексическим понятием²⁸.

Между тем некоторые факты заставили нас заподозрить, что семантика слова — не одночленна, а членима и что в ней, наряду с понятием, присутствует еще один компонент.

За доказательством обратимся поначалу к словам с так называемой живой внутренней формой. Мотивировка наименования, тот признак, который делается представителем понятия для сознания, — это несомненная СДоля, вполне подобная входящим в содержание понятия и, если ее вывести в светлое поле сознания, вполне ощущаемая носителем языка, но тем не менее мотивирующие СДоли обычно остаются за границами понятия.

Скажем, «в слове *чернила* связь с *черный* еще достаточно очевидна, но мы о ней никогда не вспоминаем, так как признак черного цвета перестал быть характерным

²⁷ На подобных позициях стоят и другие советские авторы вузовских курсов введения в языкознание и общего языкознания.

²⁸ Правда, ряд исследователей приписывает плану содержания слова некоторые непонятные семантические элементы (называя их «значениями» — категориально-грамматическое, деривационное, окказиональное, образное, символическое, фонетическое и другие). Какова соотносительность этих «значений» с категориями мышления, обычно не указывается.

для чернил: они могут быть и красными, и синими, и зелеными (показательно, что в сочетаниях типа *красные чернила* мы нормально не ощущаем какого-либо противоречия и нелогичности)» [Маслов 1975: 140]. В самом деле, в толковании лексического понятия слова (С. И. Ожеговым) указаны три СДоли (*жидкость; красящая; для писания*), но нет никакого упоминания о цвете красящей жидкости (характерно, что «чернильный» цвет как раз не черный, а темно-фиолетовый. — *Е. В., В. К.*). Тем не менее в ситуации, когда внимание направлено на язык, обычный информант, отнюдь не филолог, способен заметить, что *чернила* и *черный* — однокоренные слова.

Равным образом *столовая* — это комната, где принимают пищу, или учреждение общественного питания, а тот признак, что питаются «за столом» или что в столовой стоят «столы», в содержание понятия может и не входить.

Точно так же *столяр* — это, по Ожегову, «рабочий, занимающийся обработкой дерева и изготовлением изделий из него», т. е. любых деревянных изделий, а не только «столов».

Факультативность мотивирующей СДоли особенно ясно видна, когда одно и то же наименование, выражающее идентичные понятия, мотивировано по-разному: в русских диалектах *одуванчик* (мотивирующая СДоля производна от *дуть*) называется еще *пухлянкой* (мотивирующая СДоля производна от *пухлый*), *летучий* (от *летать*) и *молочником* (так как сок его стеблей своим беловатым цветом напоминает *молоко*) [Маслов 1975: 137].

Уже создатели учения о внутренней форме языка подчеркивали, что мотивировка слова не входит в его «значение».

Так, А. А. Потебня, который термином «представление значения» называет то, что у нас именуется «мотивировкой», указывал: «Уже при самом возникновении слова между его значением и представлением, т. е. способом, каким обозначено это значение, существует неравенство: в значении всегда заключено больше, чем в представлении. <...> Относительно широкое и глубокое значение слова (например, *защита*) стремится оторваться от сравнительно ничтожного представления (взятого из слова *щит*)» [Потебня 1976: 302]. Более того, мотивировка совсем не является необходимой составной частью слова: «...третий элемент слова, то, что мы называем представлением, с течением времени исчезает» [там же: 535].

Подчеркнем важное для нас: мотивирующая СДоля, если она есть, представляет собой несомненный элемент плана содержания слова, но этот элемент обычно не входит в объем лексического понятия²⁹.

Существование непонятных СДолей, относящихся к плану содержания слова, может быть показано и другим способом — через анализ функционирования слова в речи. Непонятные СДоли обнаруживают себя при сопоставлении контекстной семантики эквивалентных слов разных языков.

Например, лексическое понятие слова *аптека* толкуется как «учреждение, в котором изготавливаются и продаются лекарства» (Ожегов). Перед нами межъязыко-

²⁹ Мотивирующая СДоля все же тесно связана с лексическим понятием. Например, если согласиться с народной этимологией, то *подушку* надо непременно класть «*под ушко*», и она действительно нередко кладется под голову; в *чайнике* не всегда готовится *чай*, но все же в нем он обычно заваривается или в нем кипятят воду для чая.

вое лексическое понятие — точно такие же учреждения для продажи лекарств имеются в Болгарии, Франции, Англии или США. Однако в путевых заметках советского журналиста, побывавшего в США, читаем: «Посетитель аптеки может по ходу дела отведать сэндвичи или сосиски, вкусно именуемые там „хот дог“ (горячая собака), приобрести школьную готовальню, не говоря уже о жевательных резинках». Другой журналист пишет, что он приобрел в американской аптеке четырехцентовую марку для письма, а также кулек конфет. Тем не менее аптека в США не только по своему вполне прозрачному, мотивированному наименованию — drug-store от drug (таблетка, лекарство), но и по основному назначению — лечебное учреждение. Для нашего соотечественника и современника фраза *Пойди в аптеку и купи почтовую марку* представляется бессмысленной (хотя она вполне правильна с точки зрения фонетики и грамматики), и это, вероятно, потому, что *СДоля марки продаются в аптеке* свойственна английскому слову (американского варианта языка), но не свойственна русскому.

Л. В. Щерба в свое время подчеркивал, что в содержательные планы слов непременно входят идеологические компоненты, т. е. СДоли, обусловленные мировоззрением, характерным для данной этнокультурной общности. «В конце концов, идеология должна сказаться не только в составе словника, но и в переводах, и это, конечно, самый важный, но и самый трудный вопрос. В самом деле, множество понятий изменилось у нас в своем содержании, но как отразить это просто и понятно в переводе? Совершенно очевидно, что, например, наш *прокурор* не то же самое, что в буржуазных странах, но тем не менее мы переводим его словом *procureur*, и так в бесконечном ряде случаев» [Щерба 1974: 311]. Великий ученый имел в виду советскую идеологию, но его слова вполне относимы и к демократической России, в которой на словах нет идеологии, но на самом деле есть хотя бы отрицание идеологии советской, что уже само по себе — идеология.

Интересующие нас непонятные СДоли описывались (но не осмыслялись) многократно.

Например, В. Л. Муравьев (он, правда, терминологически не членит содержательного плана слова и сводит его исключительно к лексическому понятию) приводит яркие французо-русские сопоставления, причем русский материал восходит еще к советской эпохе. Ученый разбирает слова *журналист*, *почтальон*, *аптекарь* и их французские понятийные соответствия *journaliste*, *facteur*, *pharmacien*. «В данных случаях, помимо основной идеи, свойственной обоим языкам, — почтальон — это человек, который разносит по домам корреспонденцию, журналист — тот, кто пишет статьи в журнале или в газете, и т. д. — появляются различительные оттенки, которые уже труднее игнорировать: французский журналист работает в совершенно иных условиях, чем его советский коллега — часто гоним является единственным вознаграждением за его труд, французский почтальон, как правило, мужчина, французский аптекарь обычно является хозяином своего магазина и т. д. При всех указанных различиях основная идея („человек, который разносит корреспонденцию“) все еще является общей для двух слов. Во всяком случае, такая окраска понятий все еще не противоречит возможностям коммуникации, хотя мы сознаем, что данные понятия, строго говоря, находятся на пути к расхождению» [Муравьев 1975: 29]. Он же показал, что при совпадении лексических понятий слов *chansonnier* и *куплетист* французское слово, как правило, включает в себя дополнительную СДолю автор *собственных куплетов*.

Почтовые ящики в нашей стране, как правило, висят на стенах здания, а в Великобритании (и в странах бывшей британской колониальной империи) почтовые ящики стоят на тротуаре. Ср. журналистское сообщение середины 70-х гг.: «...в Лондоне вновь начали взрываться бомбы. Чугунные, как говорят, еще викторианских времен красные тумбы почтовых ящиков разлетались вдребезги, раня осколками прохожих. <...> Вчера я видел, как люди в форме почтового ведомства переходили от одной красной тумбы к другой, навинчивали на прорези для писем железные пластинки — чтобы в щель мог пролезть конверт, но без „начинки“».

Л. Кочневска приводит пример из практики преподавания русского языка полякам, из которого видно, что непонятные СДоли слов, выражающих межъязыковые понятия, могут даже препятствовать коммуникации. Она сообщает, что полякам не совсем понятны фразы одного учебника: *Петровы отдыхали на юге; Мы пообедали в кафе и Я зашел в бакалею и купил мыло*. Л. Кочневска продолжает: «Но юг в данном случае для русского — Крым или Кавказ, для поляка — страны на юг от польской границы. В кафе в Польше не пообедаешь: там, как известно, можно посидеть за чашкой кофе с пирожным. А мыло покупают в москательном магазине, и непонятно, зачем надо заходить туда, где торгуют крупой, мукой, конфетами, сахаром и прочей снедь» [Koczniewska 1974: 160].

Приведем еще пример. Ранее мы показали, что со словами *школа* и *school* ассоциируются межъязыковые лексические понятия. Однако если рассмотреть функционирование слов в речи, то обнаруживается их значительное расхождение. Действительно, для русского (нашего соотечественника и современника) *школа* может быть *начальной, средней и высшей*, а также *музыкальной, художественной*, (в советское время) *спортивной*, а для англичанина к *school* приложимы атрибуты *infant* (т. е. для малышей), *junior* (буквально: младшая), *modern* (современная), *grammar* (грамматическая), *technical* (техническая) и *public* (общественная). Мы даем буквальный перевод, но он нередко запутывает: *public schools* (общественные школы), но *паблик скулз* как раз не общественные, а частные, платные [Малькова, Вульфсон 1975: 120]³⁰. Таким образом, понятийная тождественность слов *школа* и *school* не мешает им иметь в своей семантике ряд непонятных СДолей, которые противопоставляют одно слово другому.

Изложенные наблюдения — непонятная мотивировка наименования, непонятные «добавочные» СДоли в эквивалентных словах двух языков — заставляют сомневаться в том, что семантика слова исчерпывается лексическим понятием. Несомненно, справедливо как раз обратное: *семантика слова лексическим понятием не исчерпывается*.

Внесем теперь вытекающие из изложенного терминологические уточнения.

Пусть вся семантика, весь план содержания слова охватывается термином *семема*³¹.

³⁰ См. также: [Burgess 1973: 108]. Ср. оценку журналиста: «Буквально *паблик скул* переводится как *общественная школа*, однако... сочетание некоторых слов здесь совершенно не соответствует своему лингвистическому значению. И *паблик скул* в таком ряду имеет все основания претендовать на первенство. Единственный общественный элемент в таких школах исчерпывается тем, что они находятся под наблюдением совета опекунов. <...> Остальные черты можно охарактеризовать эпитетами *частный, привилегированный, закрытый*, но только не *общественный*».

³¹ Этот термин является парным термину *лексема* (т. е. план выражения слова, его звуковая оболочка), который мы ввели раньше, и на практике опять-таки заимствуется у Н. И. Толстого. Приведем еще раз выписку, в которой соотнесены оба термина: «В плане выражения слово — лек-

Семема членима и складывается из множества СДолей.

Те СДоли, которые обеспечивают классификацию предмета, входят в состав лексического понятия; соответственно их следует назвать *понятийными*.

Если из семемы «вычесть» понятийные СДоли (так можно поступить, естественно, только в ходе научного анализа, в мысленном эксперименте), то в остатке окажется совокупность *непонятийных* СДолей. Эту совокупность мы именуем *лексическим фоном* (ЛФон)³².

Для номинации выбран термин *фон*, и это не случайно. Назовем две причины. Во-первых, поскольку по обиходной семантике *фон* — это среда, почва, кулиса-задник, основной цвет, на котором по контрасту отчетливо выделяется некоторое другое явление, мы, говоря о *ЛФоне*, имплицуем, что ЛФон — это среда, в которой формируется и бытует лексическое понятие. Лексический фон для чего? — Для лексического понятия. Во-вторых, ЛФон мотивирован социологическим термином *фоновые знания* (background knowledge). В дальнейшем будет показано, что ЛФон как раз и есть тот компонент лексической семантики, который ответствен за накопление, преобразование, хранение, а также отчасти и за активное производство национально-культурной информации.

Непонятийные СДоли теперь можно обозначить не через отрицание, а позитивно: пусть они по принадлежности называются *фоновыми*.

Лексический фон — это те (взятые вместе) непонятийные СДоли, которые входят в семему, но не участвуют в опосредованной языком классифицирующей деятельности человека (эти фоновые СДоли выполняют другие немаловажные функции, о чем говорится ниже).

Мысль о существовании в семантике слова некоторого «сверхпонятийного» смысла, т. е. того явления, которое мы обозначили как *ЛФон*, вообще говоря, высказывалась в лингвистической науке, однако тенденция отождествлять план содержания слова с некоторой нечленимой, глобальной, целостной единицей мышления (со «значением» или с «понятием») сильна и обладает такой инерцией, что писавшие по данному вопросу не идут на разрыв с ней, хотя бы терминологический.

Итак, мысль о неоднородности семантики слова, о членимости его семемы несколько противоречива: с одной стороны, в семантике фиксируются две сущности (как их назвать — вопрос второй); с другой стороны, обе сущности включаются в объем одного и того же научного понятия (и обозначаются одним и тем же термином), т. е. фактически оказываются единой сущностью. Стало быть, речь идет только о степени присутствия некоторого качества: минимум сведений, например, о *дереве*, по Потемне, — это ближайшее значение, максимум (в ботаническом описании) — дальнейшее. Ниже будет предпринята попытка показать качественное своеобразие лексического понятия и лексического фона, но сейчас удовлетворимся указанием на отмечавшийся в науке факт членимости лексической семантики.

В заключение приведем схему структуры слова, которая следует из сказанного выше:

сема, а плане содержания — *семема*. Под лексемой, таким образом, нужно понимать лишь звуковую оболочку слова, под семемой — его содержание» [Толстой 1963: 30].

³² Впервые сам термин и краткая теория лексического фона были введены в статье [Верещагин, Костомаров, Морковкин 1974].

Рис. 2. Структура слова

семантическая доля (относительно самостоятельная и элементарная СДоля плана содержания слова) и *лексический фон* (совокупность непонятных СДолей в составе семемы).

Из дальнейшего изложения будет видно, что в семеме входит значительно больше фоновых СДолей, чем понятийных, поэтому на схеме отведено под фон больше места, чем под понятие.

Итак, выше были обсуждены три сопряженных, но и отдельных феномена: *лексическое понятие* (оно интерпретируется как правило классификации),

03–2. КОРОТКО О НОМИНАТИВНЫХ И РЕЛЯЦИОННЫХ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦАХ

Все языковые единицы, в том числе фонемы и синтаксические модели, — напомним о хорошо известном — обладают планом выражения (т. е. формой) и планом значения (т. е. содержанием). Хорошо известно также, что семантика флексии (например, *-ами* в слове *книгами*) качественно отлична от значения деривационного суффикса (например, *-ник* в слове *книжник*) или что абстрактный смысл синтаксической конструкции (скажем, конструкции принадлежности, реализованной в словосочетании *книга брата*) совсем не равен лексическим значениям входящих в нее слов (*книга, брат*). Именно поэтому лингвистический термин «значение» обычно употребляется с уточняющими определениями: фонетическое, деривационное, грамматическое (морфологическое и синтаксическое), лексическое, фразеологическое, стилистическое и т. д. Каждая языковая единица имеет свое собственное означаемое, находящееся на определенном уровне абстракции.

Однако все языковые единицы в зависимости от природы свойственного им означаемого разделяются на две большие группы. Это деление, кстати, обнаруживает и разнородные функции двух типов единиц.

Во-первых, для языковых единиц трех уровней характерно *номинативное* значение, т. е. такое, которое непосредственно направлено на предметы, явления, действия и качества действительности, включая и внутреннюю жизнь человека, и отражает их общественное понимание.

Так, если перед вами «вещь», которую можно определить как «произведение печати в виде переплетенных листов бумаги с каким-нибудь текстом» (Ожегов), то этот реальный предмет по-русски называется *книгой*. Номинативное значение слова *книга* как раз и состоит в том, что с его помощью во многообразии окружающих нас предметов и явлений мы выделяем определенный вид «произведений печати», не смешивая его с *альбомом, брошюрой* и т. д.

В некоторых случаях для правильного наименования факта действительности требуется предварительное знание: по внешнему виду человека не скажешь, что он

чей-то *брат*, т. е., по словарной дефиниции, «сын в отношении к другим детям одних родителей»; для адекватной номинации, следовательно, нужны и некоторые неявные признаки.

Основная языковая единица, обладающая номинативным значением, — это слово. Этим же значением обладают и словосочетания различной степени устойчивости — важно, чтобы их семантика была нераздельной, цельной, направленной на внутренне единый предмет или на единое явление (так, значение выражения *Красная книга* «запись исчезающих видов растений и животных» отвечает этим критериям; ср: *красная книга*, т. е. книга в красном переплете).

Напомним, что некоторые устойчивые словосочетания, те, что «воспроизводимы в речи» и обладают к тому же «целостным значением», называются фразеологизмами. Мы сейчас указали два признака, объединяющих фразеологизмы со словами (которые тоже «воспроизводимы» и семантически «целостны»).

Эта близость слов и фразеологизмов особенно заметна, когда членимость словосочетания уже не распознается (что такое *баклуши* в словосочетании *бить баклуши*, точно неизвестно даже специалистам) или когда словосочетание имеет однословный синоним (*бить баклуши* = *бездельничать*). Таким образом, фразеологизмы — это словосочетания по своей синтаксической форме, но по своей спаянной семантике — это слова.

Итак, направленная на непосредственную внеязыковую действительность, т. е. *номинативная*, семантика свойственна *словам и фразеологизмам*.

Она же присуща так называемым *языковым афоризмам* — фразам, столь же массово воспроизводимым, как слова и фразеологизмы, но, в отличие от них, означающим не предметы или явления, а типичные, повторяющиеся жизненные ситуации. Например, пословица *Москва не сразу строилась* («всякое дело начинается с малого, постепенно приобретая размах») применяется в ситуации, когда нужно оправдать медленное развитие событий, особенно если торопыга подгоняет работающих. Следовательно, имеющие форму фразы пословицы, поговорки и крылатые выражения, безусловно, номинативны: их означаемое — типичные жизненные ситуации.

Во-вторых, для языковых единиц четырех уровней — фонетическо-интонационного, деривационного, морфологического и синтаксического — характерно *реляционное* значение, т. е. такое, которое указывает отношения (*реляции*) между номинативными языковыми единицами. Каждому уровню языка свойственны своя степень и свое качество абстракции.

Так, отношение деятеля может быть выражено средствами словопроизводства (*охотник*) и средствами синтаксиса (во фразе *Мать любит дочь* агент определяется порядком слов). Отношение обладания на грамматическом уровне абстракции в русском языке легко выражается только флексиями (ср.: *парадоксы друга и парадоксов друг*). Отношение иногда выражается даже отсутствием формы, например: *лингвист* (деятель означен суффиксально) и *языковед* (деятель означен «нулевым» суффиксом). О значении фонем и звукотипов говорят несколько условно, подчеркивая скорее не их семантику, а их функцию — назначение различать формы всех других языковых единиц.

Номинативность и реляционность единиц языка неотделимы от их роли в речи, хотя эта роль, конечно, не может оцениваться в житейских категориях важности или подчиненности. Реляционные единицы «обслуживают» номинативную, веще-

ственную языковую единицу, определяя ее формально-грамматическую принадлежность и затем включая ее в пространственные отношения словосочетания и, далее, фразы.

Однако для наших задач важно выделить еще одну черту реляционных языковых единиц. Обычно количество таких единиц невелико, вполне перечислимо, а для их внутренней природы характерны системные отношения. Когда языковые единицы входят в систему, то их частная семантика оказывается производной от общей семантики всей системы. Так, спектр грамматических падежно-предложных значений в русском языке распределен по шести падежам, а в немецком — по четырем, и значение каждого русского или немецкого падежа вполне можно освоить, изучая ту или иную совокупность и отнюдь не выходя за рамки первой или второй систем. Более того: реляционные отношения — это абстракция особого рода, и ее можно осознать, только оставаясь среди однородных языковых единиц, а переступить за их пределы — значит менять уровень абстракции.

Следовательно, реляционная семантика обусловлена противопоставленностью элементов в закрытой системе однородных единиц. Короче говоря, семантика реляционных единиц порождена самим языком, и она не только по происхождению, но и по современному статусу является внутриязыковой. А из этого надо сделать вывод: реляционная семантика лишь слабо связана с внеязыковой действительностью.

В этом смысле реляционные языковые единицы существенно отличаются от номинативных, которые, напротив, целиком и полностью ориентированы на предметы, явления, действия и качества действительности. Отсюда вытекает: национально-культурную семантику надо искать преимущественно у слов, фразеологизмов и афоризмов.

В дальнейшем нам предстоит показать, что и реляционные единицы не лишены национально-культурной семантики (см. далее Часть II настоящего раздела). Ее обнаружение, однако, требует опытности, она не столь очевидна, как в номинативных единицах.

Заключительное замечание. Выше мы распределили по двум группам единицы семи уровней: фонетико-интонационного, деривационного, лексического, фразеологического, морфологического, синтаксического и афористического. О стилистике, однако, ничего не сказали. Дело в том, что, по нашему мнению, стилистический уровень языка — особый, своеобразный, ему не соответствует какая-либо определенная языковая единица: будучи непосредственно связан с национальной культурой, он выводит обширную семантику из форм языка. Иными словами, стилистика занимает промежуточное положение между двумя группами уровней. Поэтому стилистическая проблематика рассматривается нами в распределении по всем разделам книги.

03–3. ЛЕКСИЧЕСКОЕ ПОНЯТИЕ И ПОНЯТИЙНАЯ БЕЗЭКВИВАЛЕНТНОСТЬ

Означающее слова (его звуковая оболочка), как мы уже говорили, называется лексемой. Означаемое слова — это не предмет или явление, как можно было бы подумать, а (если на время отвлечься от ЛФона) — лексическое понятие, т. е. набор признаков (СДолей), с помощью которых люди определяют, можно ли назвать данный предмет данным словом.

Если вспомнить, что понятие (средство конципирования, смыслового членения окружающего мира) — это, собственно, по-ятие, стало быть, взятие, поднятие (как и в латыни *conceptus*³³ от *concipio* «поднимать»), то понятие можно уподобить емкости (например, корзине), а СДоли — ручкам, позволяющим поднимать эту емкость (причем ручек может быть не две, а сколько угодно).

Так, СДолями понятия (современная) «книга» являются: 1) *произведение* (стало быть, продукт человеческой деятельности, а не природное явление) 2) *печати* в виде 3) *бумажных листов* 4) *с текстом* и 5) *в переплете*. СДоли, обеспечивающие адекватное название предмета или явления, взятые как совокупность, и образуют *лексическое понятие*.

Лексическое понятие может быть межъязыковым. В самом деле: предмет, отвечающий пяти СДолям, перечисленным ранее, «позволяет» себя назвать не только русским словом *книга*, но и английским словом *book*, и немецким *Buch*, и французским *livre* и т. д. Межъязыковое лексическое понятие — такое, которое присутствует в двух (трех и т. д.) этнокультурных и языковых общностях (скажем, в русской и английской) и без потерь информации, адекватно передается на двух (трех и т. д.) языках.

Самостоятельность лексического понятия, его относительная независимость от лексемы видны в том, что человек, изучающий, предположим, английский язык, совсем не должен вырабатывать в своем сознании новое понятие, чтобы адекватно пользоваться словом *book*.

Соответственно, слова, лексические понятия которых являются межъязыковыми, называются *эквивалентными*: они легко переводятся, и при их усвоении вполне допустим семантический перенос.

Напротив, слова, план содержания которых невозможно сопоставить с какими-либо иноязычными лексическими понятиями, называются *безэквивалентными*. Такие слова, строго говоря, непереводаемы.

Безэквивалентная лексика обычно заимствуется из языка в язык. Например, после Октябрьского переворота 1917 г. для английского языка безэквивалентными явились русские ключевые слова актуальной социальной тематики типа *советский*, *большевик*, *колхоз* и т. д.; они в свое время были заимствованы (*soviet*, *bolshevik*, *kolkhos*) и вошли даже в самые краткие (карманные) словари, но сейчас, когда их актуальность исчерпана, они, можно считать, уже вышли из лексического запаса. Ленин еще в 1920 г. подчеркивал в этой связи: «Наше русское слово *Совет* — одно из самых распространенных, оно даже не переводится на другие языки, а везде произносится по-русски».

Если же безэквивалентное слово не заимствовано (например, из той же советской социальной сферы: *исполком*, *субботник*, *дружинник*), то его ни в коем случае нельзя выразить на иностранном языке с помощью точного соответствия, однословного перевода. В этом случае лексическое понятие приходится многословно описывать. «Поскольку системы понятий в разных языках не совпадают... постольку при изучении иностранного языка приходится усваивать себе не только новую звуковую форму слов, но и новую систему понятий, лежащую в их основе» [Шерба 1974: 67].

³³ В античном языке *conceptus* — это рядовое причастие *perfecti passivi* от глагола *concipio* с его обиходной семантикой. В средневековой латыни, однако, *conceptus* становится логическим термином. Рус. *понятие* — это поморфемная калька лат. *conceptus*.

03–4. ЛЕКСИЧЕСКИЙ ФОН И ФОНОВАЯ НЕПОЛНОЭКВИВАЛЕНТНОСТЬ

Как уже говорилось, семантика слова не исчерпывается одним лишь лексическим понятием. Лексическое понятие восходит к классифицирующей и номинативной функциям языка, однако в слове имеется и семантический компонент, который соответствует кумулятивной, накопительной функции.

Собственно, совокупность СДолей, образующих лексическое понятие, — это определенный объем знаний: в понятийном плане назначение языка быть хранителем знаний проступает достаточно отчетливо. Однако вокруг каждого слова, особенно центрального, ключевого, складывается целый ореол всевозможных сведений.

Так, слово *книга* сопряжено отнюдь не только с пятью СДолями, которые были перечислены выше. Действительно, без усилий припоминаются крылатые выражения, пословицы и загадки, связанные с книгой: *Ему и книги в руки; Уж коли зло пресечь: забрать все книги бы, да сжечь; Книги имеют свою судьбу; Сшита, да не рубашка, с листьями, да не дерево, без языка, а рассказывает*. Цепь ассоциаций свидетельствует, что мы знаем: и как издается книга, и где ее можно купить или взять почитать, и как она выглядит, и для чего и когда употребляется, и где хранится, и кем пишется, и кто издал первую русскую книгу и т. д. Ср. бесконечный список языковых носителей «книжной» информации: *книжное издательство, книготорговля, книжный магазин/киоск, книгообмен, книголюб, общество книголюбов, книжный знак (экслибрис), подписка, подписное издание, библиотека (районная, домашняя, научная), букинист, антикварная книга, первопечатник* (Иван Федоров) и т. д.

Если сюда прибавить еще и другие значения слова *книга*, то объем стоящих за словом знаний разрастается еще больше: *бухгалтерские книги; родословная, метрическая, адресная, домовая книга; книга жалоб*, (в советское время) *дефицитная книга, книжная подписка, книжный голод* и т. д. Все эти сведения, в отличие от понятийных СДолей, всплывают в сознании человека не сразу, а постепенно, благодаря проходящему во времени процессу ассоциаций, как спонтанных, так и сознательно направляемых.

Вся совокупность непонятных СДолей, относящихся к слову, как также уже упоминалось, — это его ЛФон. Термин, производный от социолингвистического терминосочетания «фоновые знания», подчеркивает существо дела: знания, которые имеются в виду, хранятся в памяти человека и соответственно коллектива, но их актуализация зависит от потребности, нужды в них и протекает не одновременно, а последовательно.

Не следует думать, что ЛФон — это индивидуальное достояние отдельного человека. Конечно, какие-то сведения могут быть сугубо личными, но все же ЛФон, как и лексическое понятие, как и само слово в двух своих планах, — это принадлежность языка, явление общественного (или, что то же самое, языкового) сознания.

Подобно тому как лексема обладает свойством массовой воспроизводимости, повсеместной известности, так и ЛФон в его основных, стержневых СДолях устойчиво известен всем членам национально-культурной и языковой общности людей.

Действительно, во-первых, от лексического фона, а не от лексического понятия производны тематические связи слова (например, *книга — писатель, читатель, букинист, библиотекарь, переплетчик, издатель, хранитель, любитель* и т. д.). Во-вто-

рых, именно ЛФон ответствен за синтаксическую сочетаемость слова: *написать, создать, переделать, иллюстрировать, редактировать, рецензировать, обсуждать, критиковать, издать, напечатать, опубликовать, выпустить* (в свет), *переплести, просмотреть, пролистать, прочитать, перечитать, раскрыть, послать, заказать* — книгу.

Ранее мы сказали, что слова *книга* и *book* понятийно эквивалентны. Можно ли говорить и об их фоновой эквивалентности? На этот вопрос нельзя ответить однозначно. Так, например, *книги* и *books* и у нас, и в Англии печатаются, переплетаются в мягкую или в твердую обложку, продаются, покупаются, хранятся в библиотеках, читаются и перечитываются, дарятся, критикуются, исчезают с книжных прилавков и т. д. Однако у нас до недавнего времени не было устойчивой традиции издания книг в мягких переплетах (*paperbacks*) как самостоятельного и наиболее массового выпуска книжной продукции; в послеперестроечное время подобная практика появилась, но язык отчасти отстает от изменений в культуре: устойчивого перевода номинативного словосочетания *a paperback book* пока так еще и не появилось. В общем до недавнего времени не было также традиции серийной публикации одноформатных так называемых *карманных книг* (*pocket book*). Конечно, книги малого формата издавались, но специального расчета, что книга должна уместиться во внутреннем кармане пиджака (следовательно, она не может быть толще известного предела), явно не было; сейчас данная традиция также появилась, но под *карманной книжкой* все еще скорее разумеется записная книжка (может быть, и электронная).

Книги настольного формата и в твердых переплетах стоят в Англии (или во Франции, или в Германии) в пять и даже десять раз дороже «карманных» и в мягких переплетах; в России такого большого разрыва в ценах пока не наблюдается (может быть, потому, что еще не появилась в достаточном количестве состоятельная и претенциозная элита — рядом с не имеющей лишних денег «массой»).

Таким образом, ясно, что фоновая эквивалентность слов *книга* и *book* не безгранична, не полна. Вопрос, эквивалентны ли фоны слов, которые полностью эквивалентны в понятийном плане, не допускает альтернативного ответа. Некоторые фоновые СДоли двух слов совпадают, а некоторые расходятся.

Этот случай частичного наложения и частичного расхождения фонов понятийно эквивалентных слов является типичным, распространенным. Поэтому мы не можем говорить ни о полной эквивалентности, ни о полной безэквивалентности ЛФонов; допустимо, стало быть, говорить об их неполноэквивалентности.

Подчеркнем в заключение, что как безэквивалентные (в понятийной части), так и неполноэквивалентные (в фоновой части) слова — категория не абсолютная, а относительная. Судить о том, можно ли определенное слово назвать безэквивалентным, возможно лишь по отношению к какому-либо языку. При этом случается, что слово языка А, являющееся безэквивалентным по сравнению с лексикой языка Б, оказывается полностью эквивалентным применительно к языку В. То же самое правильно, если иметь в виду фоновые слова. Безэквивалентные и неполноэквивалентные слова русского языка отличаются от соответствующих иноязычных слов, потому что отражают специфику национальной культуры российского народа. Они являются хранителями национально-культурной семантики.

03–5. КЛАССИФИКАЦИЯ БЕЗЭКВИВАЛЕНТНОЙ И НЕПОЛНОЭКВИВАЛЕНТНОЙ ЛЕКСИКИ

Безэквивалентные и неполноэквивалентные слова, подобно вехам, отмечают все самое существенное в прошлом и настоящем русского народа, его взгляды, оценки, суждения. Язык, по крылатому выражению, не склад, а сито: мелкое, преходящее, незначительное просеивается, а остается только то, что заслуживает хранения. Следовательно, если определенная информация закрепилась в языке, то она молчаливым, но непререкаемым общественным мнением признана важной.

Чтобы убедиться в этом, предложим классификацию безэквивалентной и неполноэквивалентной лексики. За критерий отсчета взяты западноевропейские языки. Классификация может быть синхронной и исторической, однако ниже мы предлагаем смешанный вид разделения лексики — генетические основания классификации сочетаются с тематическими.

Не преследуя цели хотя бы в каком-то приближении охватить весь словарный запас русского языка, мы выделили и кратко прокомментировали семь групп слов (и номинативных словосочетаний), наделенных национально-культурной семантикой.

1. «Демократизмы» (название условное; произведено от самоименования *демократы* [усвоенного себе сторонниками либеральных рыночных отношений]) — слова и словосочетания, выражающие понятия, появившиеся (и отчасти возвращенные из пассивного запаса) вследствие общественного переустройства России после распада Советского Союза (в 1991 г.) и, в том числе, связанные с критикой прежней советской системы и ее пережитков: *авторитарный, административно-командный* (или *командно-административный*), *антисоветчик, бартер, братки, ваучер(изация)*³⁴, *ближнее* (и *дальнее*) *зарубежье, застой, демократизация, губернатор, (Государственная) Дума, ельцинисты, жириновцы, западники, коммуянки, красно-коричневые, крутые, крыша*³⁵, *либерализация (цен), мэр, национал-патриот, новые русские, обвал, обнищание, олигархи, пофигизм, правозащитник, правые*³⁶ (*силы*), *предпринимательство, приватизация, ризлтер, дилер, киллер*³⁷, *русскаяязычный*³⁸, *ры-*

³⁴ «Ценная бумага, удостоверяющая право ее владельца на долю в государственной (общенародной) собственности» [БТС: 112]. Ассоциируется с *ваучерной приватизацией* начала 1990-х гг. Ее противники называли ваучеры (по имени известного государственного деятеля) *чубайсиками*.

³⁵ В ТС (с. 345) сказано нейтрально и безоценочно: *крыша* — это «прикрытие; то, что охраняет, защищает». Семантизация БТС (с. 476), пожалуй, точнее: «жарг. охранное предприятие, обеспечивающее защиту предпринимателя от вымогательства»; «преступная группировка, оказывающая на определенных условиях покровительство кому-л.».

³⁶ В ТС (с. 493) дано устаревшее определение: «сторонники консервативных политических убеждений, взглядов и методов политической борьбы; противоп. *левые*», причем в статье *правый* (с. 494) даже сказано: «коммунистический и прокоммунистический, верный идеям марксизма, отвергающий демократические преобразования». Примерно так же и в БТС. Между тем семантика понятия радикально переменялась: *правые* (2004 г.) — сторонники демократических убеждений в политике и либерализма в экономике, активно борющиеся с коммунистами (ср. платформу партии «Союз правых сил» [СПС]); на выборах 2003 г. не преодолели 5-процентный барьер и не попали в Государственную Думу.

³⁷ Ср. оценку Т. Кибирова — по нашему мнению, одного из выдающихся современных поэтов. Кибиров редко поднимается до обличений:

ночная экономика, ракет³⁹, СНГ, совок⁴⁰, совковость, управляемая демократия, финансовая пирамида, суверенитет, теневая экономика (должна выйти из тени), челнок⁴¹, черный нал⁴² и т. д. Противники демократических преобразований из части ходовых «демократизмов» образовали каламбуры, естественно, пейоративной семантики; эти каламбуры настолько распространились, что уже отражаются в словарях; ср.: *демокрады*, *дерьмократия*⁴³, *демократура*, *катастройка*, *прихватизация*⁴⁴ и т. д. Как известно, возвращение любого слова, побывавшего в пассивном словарном запасе, делает его неологизмом. В этом отношении характерна обновленная судьба традиционного пласта лексики, выражающего возвращаемые ныне нравственные и религиозные понятия, сопряженные с российским православием: *бескорыстие*, *милосердие*, *благотворительность*, *покаяние*⁴⁵, *духовность*, *сострадание*, *утешение*, *смирение*⁴⁶ и др.

Что ж, наверно, это *дилер*,
или *киллер*, Саша, или
силовых структур боец,
или на дуде игрец,
словом, кто-нибудь из этих,
отмороженных, погретых
(Саша — дочь поэта.)

жаром нынешних свобод.
Всякий, доченька, урод
нынче может, слава Богу,
проложить себе дорогу
в эксклюзивный этот мир,
в пятизвездочный трактир.

³⁸ «Русский, живущий за пределами России» [ТС: 553]; надо добавить: «в странах СНГ».

³⁹ Рэкет — не просто вымогательство, а такое, которое «направлено преимущественно на предпринимателей» [ТС: 556]. Рэкетеры совершают «наезды» — являются к «новым русским» и угрожают им. В этом значении лексема *наезд* в ТС не зафиксирована, но в БТС она представлена (с. 580).

⁴⁰ Совок — «разг. *неодобр.* о советском человеке» [ТС: 597]. В БТС (с. 1227) полнее: «о том, у кого сильны привычки и навыки, сложившиеся в условиях господства коммунистической идеологии».

⁴¹ «Мелкий торговец, ввозящий товар из-за рубежа и вывозящий его за границу с последующей реализацией на местных рынках» [ТС: 671].

⁴² Оплата работников наличными, минуя бухгалтерию, чтобы уклониться от налога.

⁴³ «В речи противников демократических преобразований в России или в стилизованной речи: о демократии. Контаминация слов *дерьмо* и *демократия*» [ТС: 205].

⁴⁴ «О *приватизации* как средстве обогащения тех, кто ее проводит» [ТС: 510]. Здесь же дана оправдательная цитата: «Вчера вступил в силу закон „О приватизации государственного имущества“. Этот объемный документ (31 статья) ставит точку на этапе массовой раздачи госсобственности, получившей в народе прозвище *прихватизации*» («Комсомольская правда», 05.08.97).

⁴⁵ Возвращению слова весьма способствовал фильм «Покаяние» режиссера Тенгиза Абуладзе, прошедший широким экраном в конце 1980-х гг.

⁴⁶ Как известно, без малого тысячу лет церковнославянский язык жил на Руси полнокровной жизнью: его изучали в школе, и почти все население им так или иначе владело. Русский литературный язык весьма насыщен славянизмами. В 1918 г. второй Владимир приступил к работе, противоположной той, которую в 988 г. выполнил тезоименитый великий князь, — началось раскрещение Руси. Вместе с утратой церковнославянского языка из русского литературного языка постепенно вышел целый пласт важных этических наименований. Собственно, возникло состояние, известное как вербализм: лексема еще помнилась, но что она значит, представители послереволюционных поколений уже не знали. Даже в словари в застойное время проникли искаженные толкования. Например, в доперестроечных изданиях «Словаря русского языка» С. И. Ожегова семантизация слов, способных иметь религиозные ассоциации, давалась искаженно: «Благотворительность: в буржуазном обществе оказание частными лицами материальной помощи бедным из милости». Когда с конца 1980-х гг., после торжеств по случаю тысячелетия крещения Руси, церковнославянизмы стали возвращаться, люди поначалу их не понимали. Так, в заметке «Благотворительность», помещенной в «Правде» (!), говорилось: «Случайно услышал в автобусе разговор двух женщин. Одна из них рассказывала о том, что на работе вместе с зарплатой выдали какой-то благотворительный

Ср. пародийный текст «Улётная тусовка», отражающий «демократический» дискурс наших дней [Цисовска, интернет]. Его невозможно перевести на иностранный язык, поскольку он содержит множество национально-культурной лексики. Любая пародия, в том числе и эта, хороша тем, что концентрирует признаки явления. «На прошлой неделе в Московском *универе* прошла *крутая тусовка* о проблемах риторики и *клёвого трёпа*. Несмотря на то, что во многих конторах *без мазы* не получить *бабки* на командировочные расходы, в Москву *приканали* перлы риторики и *культуры базара* из разных городов страны. В докладах *тусовщиков* прозвучала куча *хиповых приколов*, которые по жизни заинтересовали слушателей и вызвали как классную дискуссию, так и отдельные *наезды* на докладчиков. Почти никто из выступавших *в натуре* не *грузил* аудиторию и не *морозил* в ходе дискуссии. Участники тусовки *тащились* и *торчали* не только от докладов, но и от *чёткого трёпа* в кулуарах. Короче, все было *ништяк*. В результате тусовки все *привалившие* в *универ* пришли к единодушному выводу о *хреновом, блин*, уровне культуры базара у наших соотечественников». Г. Цисовска привела словарь «новых, современных» терминов: *крутая тусовка* — престижная встреча группы людей с целью обмена мнениями по злободневным вопросам; *универ* — усечение от *университет*; *клёвый трёп* — здесь: красивая, правильная речь, интересная манера разговора; *приканать* — приехать; *культура базара* — культура речи, манеры разговаривать; *тусовщики* — группа людей, собирающихся в определенном месте, объединенных общими интересами, взглядами, увлечениями; *куча хиповых приколов* — множество классных высказываний, забавных случаев, анекдотов; *классная дискуссия* — оживленная дискуссия на высоком профессиональном уровне; *наезд на докладчика* — здесь: словесное давление на докладчика (в более широком смысле и физическое); *в натуре* — вводное выражение для экспрессивного «обогащения» речи, означающее: *действительно, в самом деле*; *грузить аудиторию* — утомлять аудиторию излишней неинтересной информацией; *тормозить в ходе дискуссии* — слишком медленно читать свой доклад, нарушать общий ритм работы; *тащиться (от чего-либо)* — испытывать удовольствие, быть в восторге, быть в экстазе; *торчать (от чего-либо)* — то же, что *тащиться*; *чёткий трёп* — разговор на красивом, качественном, эффективном языке; *ништяк* — отлично, замечательно; *блин* — экспрессивный, «нормативный» в настоящее время заменитель мата.

2. Советизмы, т. е. слова, выражающие понятия, которые появились в результате Октябрьского переворота 1917 г. и нового быта. Советская власть (*Совдения*; см. словарь [Мокиенко, Никитина 1998]) продержалась более 70 лет, и неудивительно, что фонд советизмов⁴⁷ оказался обширным: *Верховный Совет, Совет Союза, Совет Национальностей, Советы народных депутатов, агитпункт, наказ избирателей; соцстраховская путевка, дом отдыха, профилакторий, очередной отпуск, декретный отпуск, общественные фонды, заводская поликлиника, детский дом, детский сад; производственное собрание, передовик, ударник, рабочая династия, пятилетка, выполнение плана, заводской треугольник; праздник Великого Октября, Первое мая, Восьмое мар-*

билет стоимостью один рубль. Воскликнула: „Я не знаю, что с ним делать! На него ничего не выпраешь“. Как видим, недоумевающая женщина приняла благотворительный билет за лотерейный.

⁴⁷ Поскольку *советизмы* сопряжены с тоталитарным общественным устройством, им можно поставить в типологическую параллель так наз. *гитлеризмы*, т. е. слова, выражающие понятия, которые появились после прихода Гитлера к власти в январе 1933 г. и производные от идеологии нацизма. См.: [Энциклопедия 1999].

та, День учителя; партлиния, установка, перегибы; колхоз, совхоз, правление колхоза, бригадный подряд, приусадебный участок, сельский клуб; исполком, райсовет, сельсовет, Партия⁴⁸, партсобрание, партактив, райком, выборная должность, первичная организация, комсомол, комсомольская путевка; большевик, гражданская война, индустриализация, электрификация, «Молодая гвардия», стахановское движение; парк культуры и отдыха, зона отдыха; самодеятельность, смотр художественной самодеятельности; жилищная площадь, коммуналка, ордер на квартиру, жилищно-строительный кооператив; лимитчик; стилист, стилиста; туняедец; невыездной, невозвращенец, отказник; толстый журнал, многотиражка; антисоветчик, идеологическая диверсия; вечер вопросов и ответов, устный выпуск журнала, концерт-загадка, лекция-концерт; зачетка, неуд, третий семестр; выходной день; нарпит; ликбез; номенклатура; знатные люди; партбилет; субботник⁴⁹, воскресник, массовка; Дворец бракосочетания, ЗАГС, комсомольская свадьба; стенгазета, кинопередвижка, рабфак, совхоз; национальная политика, коренизация, русификация⁵⁰; закрытый распределитель; лишенец; самоотвод, массовик, общественник, администрирование, плановость, снабженец, оперативность, целинник, допризывник, дояр, шефствовать, перевыполнять; спецкор, прораб, главк, сельпо, райфо, стройматериалы, агитпункт, горсовет, медсестра, хозрасчет, редколлегия, зарплата; трудовой коллектив, социальная справедливость, хозрасчет, самофинансирование, бригадный подряд, человеческий фактор; коллективное руководство и т. д. Относительно слов активист и общественник см. в Приложении I (к подглавке 03–5).

В лингвистическом отношении интересно переосмысление старых слов в послеоктябрьский период: *заведующий, звеньевой, пионер, вожатый, актив, староста, ясли (детские), клуб, сознательный, передовой, маяк, прослойка, смычка, общественная нагрузка, сигнал, самодеятельность, участок (работы), отставание, перегиб, неотложка, товарищ, ударник, знатный, треугольник* (например, заводской), *обыватель, мещанин, гражданин* и т. д.

Вероятно, к советизмам следует отнести и два ключевых слова, активно насаждавшихся после апреля 1985 г. (когда генеральным секретарем ЦК КПСС стал М. С. Горба-

⁴⁸ Имеется в виду: Коммунистическая Партия. Интересное наблюдение принадлежит П. П. Недошивину: когда (до Октябрьского переворота) слово *Бог* писалось с прописной буквы, слово *партия* писалось со строчной; чтобы *Партия* можно было писать с большой, потребовалось *бог* писать с малой; по-видимому, нельзя одновременно писать и *Бог*, и *Партия*.

⁴⁹ Согласно официальной советской версии событий, 10 мая 1919 г., в субботу, рабочие станции Москва-Сортировочная Московско-Казанской железной дороги якобы добровольно вышли на смену и бесплатно отремонтировали несколько паровозов. Для того времени это было очень важно: разруха парализовала народное хозяйство молодого советского государства, поэтому трудовой энтузиазм рабочих имел прежде всего экономическое значение. Власть, однако, усмотрела в единичном случае «зачатки коммунистического отношения к труду», и В. И. Ленин сразу же откликнулся на событие статьей «Великий почин». До 1919 г. слово *субботник* обозначало просто любое событие, регулярно повторяющееся в субботу. Например, А. П. Чехов записывает в своем дневнике: «...буду изредка, раз в месяц писать *субботники*...», имея в виду статьи для *субботней* газеты. В Москве в 20-е гг. были популярны творческие собрания писателей *по субботам*, так называемые *Никитинские субботники* (было даже издательство с этим названием). В советскую эпоху слово *субботник* окончательно специализировалось и больше не имело иного значения, кроме как добровольный и бескорыстный труд в субботу, то есть в нерабочий день. Ныне вышло из употребления.

⁵⁰ Любопытное замечание в сторону. Термин *обрусение* в написании с литерой «е» (в суффиксе) означал политику государственного (принудительного) воздействия на индивида или группу с целью их русификации. Написанное же через «ять» (*обрусение*) означало процесс добровольного принятия индивидом или группой «русскости».

чев) — *перестройка* и *гласность*. Соответствующие кампании проводились чисто по-советски: осуществлялись по разнарядке сверху и были максимально формализованы. Слова *перестройка* и *гласность* были на протяжении пяти лет (до смещения Горбачева) настолько употребительными, что смогли на время войти как заимствования в иностранные языки. Оба слова, собственно говоря, принадлежат к исконной русской лексике (ср., например, гнездо: *глас, гласный, гласность, (не)согласие, разногласия, разногласица, единогласие, оглашение, глашатай, голосование* и т. д.)⁵¹.

Ряд лексических номинаций советской эпохи отражал негативные явления, на которые «в порядке самокритики» указывала сама партия или которые обсуждались в быту. Ср. лексемы: *застой, торможение, догматизм, коррупция, начетничество, комчванство, приписки, лакировка, аппаратчики, протекционизм, кумовство, землячество,*

⁵¹ Слова *ре-волюция* (буквально: *пере-ворот*) и *пере-стройка* близки не только структурно, но и по смыслу. Сам Горбачев определенно говорил, что *перестройка* продолжает Октябрь 1917 года: «Я бы поставил знак равенства между словами *перестройка* и *революция*»; «Да, это *революция*, но речь идет не о власти, речь идет об эффективном использовании той же самой власти рабочих и крестьян для перехода социализма на новую ступень». Когда слово *перестройка* пытались перевести на иностранные языки, то обычно в качестве соответствия ставили нечто вроде *реконструкция* (а это не совсем точно). Что касается *гласности*, то и здесь попытки перевода вызвали немало недоумений. Что это — *openness*, т. е. «открытость (в том числе для критики)», или же *publicity*, т. е. «активная реклама с нажимом на позитивные моменты»? Действительно, слово *гласность* не назовешь простым, поскольку лексема занимает прочное место в системе русского языка, а стоящее за словом общественное явление имеет длительный исторический генезис. Так, в *гласности* отражена «игра» полногласия и неполногласия: *глас* — неполногласный вариант слова *голос*; ср. также *голосистость*. В настоящее время *глас* не употребляется в прямом значении («звук, возникающие вследствие колебания голосовых связок при разговоре, крике, пении»), но еще для Пушкина *глас* и *голос* были синонимами и свободно заменяли друг друга: «Тогда-то свыше вдохновенный / Раздался звучный *глас* Петра» («Полтава»); «Как труп в пустыне я лежал, / И Бога *глас* ко мне воззвал» («Пророк»). Искони *глас/голос* имел и переносное значение: «высказанное мнение, заявленная точка зрения». Человеком «съ гласомъ» в феодальном обществе мог быть не каждый. Человек «безъ гласа» был и без веса; примечательно, что таков же атрибут мертвеца: *безгласенъ* (в одном ряду с *нечувствень, мертвень, недвижимъ*; из последования погребения мирян). Отсюда *безгласность* (= безответность). Ныне прилагательное *глас-н-ый* означает «доступный для общественного ознакомления и обсуждения» (ср. принцип *гласного судопроизводства*), но еще в прошлом веке *гласными* (субстантивированное прилагательное) назывались выборные представители какой-либо группы населения, которые в органах местного самоуправления (например, в городской думе или на земском собрании) участвовали в обсуждениях решений и принимали их. *Гласный* (по-современному *депутат*) получал наказы от своих избирателей; соответственно, чтобы провести их в жизнь, *гласному* на собрании нередко приходилось вести себя громогласно: по историческим свидетельствам, новгородские вече бывали шумными (желанного решения добивались громкими *голосами*, отсюда *голосовать* [не поднятием рук, а *возгласами*; «голосить»]). Ср. крылатое выражение *Новгородское вече* («крикливое собрание, на котором ораторы говорят все враз и не слушают друг друга»). Конечно, случалось, что решение принималось «въ единъ гласъ», *единогласно*, но все же нормой были *разно-глас-ия* (ср. *разногласица*). Традиция гласного (открытого) обсуждения дел (особенно местных) держалась упорно, в том числе в крестьянской общине. Во введенной Горбачевым *гласности* можно усмотреть два сопряженных между собой, но все же самостоятельных оттенка смысла. Во-первых, это доступность принимаемого решения, вообще деятельности определенного лица или учреждения общественному контролю (*гласность* ведет к *о-глас-к-е*, обнародованию неблагоприятных поступков). Второй оттенок смысла скрыт в двусмысленности слова *глас/голос*: наряду с информированностью, *гласность* — возможность повлиять на принимаемые решения. С одной стороны, *подать голос* означает — «заявить о своей позиции»; с другой стороны, *подать голос* — «проголосовать» (поднятием руки, посредством бюллетеня). Таким образом, Горбачев на небольшой срок обновил слово *гласность*: «Давнишнее слово *гласность* нынче выглядит новорожденным» (Р. Рождественский). Кампания давно закончилась: сейчас (в середине 2004 г.) требуют не *гласности*, а *свободы слова*; общественный феномен все еще остается desideratum.

*дефицит, уравниловка, вседозволенность, отказник, пятый пункт, привилегии*⁵², а также словосочетания: *зоны вне критики, трибунное лицемерие, разоружиться перед партией, потребительский образ жизни, личная преданность, злоупотребление служебным положением, приукрашивание действительности* и т. д. и т. д. К советизмам относятся также номинации, связанные с *культом личности, с незаконными репрессиями (и реабилитацией)*, формами дискриминации разного рода (например, по социальному или этническому происхождению) и прочими издержками тоталитарной идеологии. Ср.:

Мутна была погода,
мертва листа словес:
лишенец, враг народа,
в расход, лагпункт, обрез.
Что вынести Отчизне
пришлось — и для чего?
Лишенец... смысла жизни?
Враг... брата своего?
Слова, как брань, как окрик,
как свист хлыста, сквозь век:
кулак, рабсила, контрик,
нацмен, баланда, ээк. (Глеб Горбовский, Мертвые слова⁵³)

Ср. также пародийный текст, весьма насыщенный лексикой и словосочетаемостью советского времени «периода застоя»: «Он (партийный руководитель NN) сумел каким-то мистическим образом всю сознательную жизнь уклоняться от дела. Но вместе с тем был чрезвычайно занят. Он *заседал, занимал места в президиуме, обсуждал решения, горячо одобрял, голосовал двумя руками, аплодировал, устраивал оваацию, выносил решения и постановления, преумножал традиции, каленым железом выжигал родимые пятна и пережитки, еще теснее сплавивал ряды, изгонял из рядов, звал в свои ряды, высоко поднимал и держал знамя, блюл чистоту учения, разоблачал ревизионистов и их приспешников, проявлял отеческую заботу, проявлял принципиальность, стоял на страже интересов, отстаивал достижения, выполнял и перевыполнял планы, принимал встречный план, отвечал/откликнулся на призывы Партии и родного Советского Правительства, брал повышенные обязательства, рапортовал, хранил заветы, смело вскрывал недостатки, отстаивал линию, разоблачал происки, обеспечивал торжество большой правды над правдой факта, отстаивал идеалы социализма и строил коммунизм.* Кроме того, *не щадя сил боролся с извращениями идей, поповщиной, примирительным отношением к, с религиозным дурманом, чуждыми влияниями, женскими брюками, узкими штанами (дудочками), рок-н-роллом, космополитизмом, генетикой, кибернетикой, сионизмом, национализмом, шовинистическими настроениями, диссидентами и чехословацкими оппортунистами.* Он учил трудящихся любить Родину и ненавидеть „классовых врагов“. При этом товарищ NN: *был всегда готов, находился под глубоким впечатлением ярких речей, демонстрировал беззавет-*

⁵² «Вы знаете, что существуют так называемые *списочники и позвоночники*, то есть те, кто проходит „по спискам“ и „по звонкам“» (Ю. Трифонов, *Время и место*). Характерно, что борьба с привилегиями, которую написал себе на знамени Б. Н. Ельцин в конце 80-х — начале 90-х гг., принесла ему немало голов избирателей. Впоследствии выяснилось, что привилегии не исчезают с исчезновением советского строя, и Ельцина уже в конце 90-х гг. называли *борцом с привилегиями* исключительно юмористически.

⁵³ «Аврора», 1988, № 12, с. 5.

ную преданность, чутко реагировал, неустанно восхищался и самоотверженно улаживал вышестоящих, молниеносно дистанцировался от смещенных с постов...» (из газеты).

Ср. аналогичное (и, в отличие от предыдущего, благожелательное) свидетельство одного из наших лучших поэтов (В. Берестова) с характерным названием «На языке тех лет». Оно отражает ситуацию до начала Отечественной войны 1941–1945 гг.:

Был праздник под названием *МЮД*,
И в *МОПР* вступал рабочий люд.
Отец мой дважды в *шестидневку*
В Народный дом ходил на спевку.
Лишь незадолго до войны
Недели были введены.
Спорт звали только *физкультурой*,
Любую ткань — *мануфактурой*.
Мне горло кутали кашнэ,
С *зажимом* галстук был на мне.
А на зажиме — пять поленьев
И пламени пять языков —
Эмблема *пионерских звеньев*,
Союз пяти материков.
В копилки клали мы монетки
Для *новостроек пятилетки*.
Друзьям на языке тех лет
Мы слали *пламенный привет*.
А *недостатки* мы вскрывали
И постепенно *изживали*.
И *жизнь отдать* за счастье *масс*
Мечтали лучшие из нас.

Пораженной советским новоязом оказалась не только деловая речь. Так, недавно Д. Е. Галковский опубликовал (под названием «Уткоречь»⁵⁴) антологию советской поэзии. Галковский включил в антологию те поэтические произведения советской поры, которые посчитал для соцэпохи типичными. Список авторов велик: Алтаузен, Антокольский, Бауков, Баумволь, Беляев, Бершадский, Блинов, Бобохидзе, Боков, Браун, Бялосинская, Ваншенкин, Н. Васильев, С. Васильев и так далее вплоть до Вас. Федорова, Вл. Федорова, Флорова, Цыдендамбаева, Чивилихина, Шабшая, Щипачева и Яшина [Галковский 2002]. Оказалось, что стихотворения имеют множество общих чисто языковых черт.

Пласт советизмов заслуживает специального анализа; он в значительной мере собран в словарях [Мокиенко, Никитина 1998; Гусейнов 2003], а также в свободных сочинениях полумемуарного (и, к сожалению, весьма ангажированного) жанра [Сарнов 2002; Вайль, Генис 2001]. Ср. также две претендующие на объективность и в то же время (при)страстные книги, в заглавии которых употреблена одна и та же номинация («советская цивилизация»), — первая написана обличительно [Синявский 1999⁵⁵], а вторая — апологетически [Кара-Мурза 2001].

⁵⁴ Как поясняет Галковский, *уткоречь* — именование заимствованное: «говорить так, как крикает утка» (по Оруэллу, говорить в духе *новояза*).

⁵⁵ В основе книги лежат лекции, читанные автором в Сорбонне в 1976–1984 гг.

В научной и чаще в околонучной среде приходится сталкиваться с желанием вычистить советизмы из языка, забыть про них. Между тем опыт как раз недавней советской эпохи вполне поучителен: после захвата власти большевики принялись перелицовывать всю предшествующую историю России, и созданные ими мифологемы продолжают владеть умами. Сейчас снова зовут закрасить все одной краской: в Совдепии, мол, безраздельно царили мрак и ужас. Подобная неофилия циклична: несомненно, будут предприняты попытки вычеркнуть из истории России и период после буржуазно-демократической революции 1989–1993 гг.

3. **Наименования предметов и явлений традиционного быта** (мы приводим их без комментариев, а классификацию обозначаем точкой с запятой): *щи, рассольник, окрошка, борщ, каша, кисель, ряженка, блины, сушки, бублик, баранка, черный хлеб, квас, мед* (как напиток)⁵⁶, *оладьи, пирожки, холодец; папиросы; косоворотка, сорочка, передник, сарафан, шапка-ушанка, валенки, варежки; городки, русские шашки, лапта, салочки, каравай, жмурки; баян, гусли, балалайка, гармошка; барыня* (танец), *трепак, хоровод, частушки; чайная, закусовая; изба, форточка, сени, хомут, попона, подвода, коса, сноп, оглобли, тройка, розвальни; папиросы; рукомойник; форточка* и т. д., *пододеяльник* и т. д. С переходом России на метрическую систему мер вышли из употребления традиционные «русские меры»: (меры веса) *фунт, лот, золотник, доля*; (линейные меры) *верста, сажень, аршин, вершок*; (меры объема для сыпучих веществ) *четверть, четверик, осьмина, гарнец*; (меры объема для жидкостей) *ведро, штоф, чарка, шкалик*. (Впрочем, *пуд* как мера взвешивания зерновых до сих пор остался.) О *четверти* как «русской мере» объема сыпучих веществ см. Приложение 1 (к подглавке 03–5) «Лингвострановедческая археология: *четверть* и *четвертачок* в России второй половины XIX в.».

Ср. также живые слова, обозначающие мертвые реалии: *трактир, кабак, извозчик, пролетка, лихач, барин/барыня* и т. д. Казалось бы, помещения для гигиены тела имеются во всех культурах, однако традиционная баня на Руси — это не то же самое, что баня у наших ближайших соседей — финнов; отсюда постоянный эпитет — *русская баня*.

Так, в современной финской действительности немалое место занимает культурный факт, называемый словом, ставшим международным, — *сауна*. Согласно собственным свидетельствам финнов, сауна необходима для людей всех возрастов, начиная с младенцев: считается, что сауной может пользоваться каждый, кто в состоянии до нее дойти. К сауне прибегают во всех случаях жизни; некогда популярный в Советском Союзе финский писатель Мартти Ларни со ссылкой на традицию

⁵⁶ Не исключено, что *мед* — это самый первый славянский апеллатив, зафиксированный на письме. В 448 г. в ставку правителя гуннского союза племен Аттилы прибыло византийское посольство, отправленное императором Феодосием. В составе посольства находился ритор Приск Панийский, известный своей образованностью. Без предубеждения и ненависти приглядывавшийся к «варварам», ритор Приск вел подробный дневник, фрагменты которого дошли до нас. Описывая пиры, которые Аттила и его знать устраивали в честь ромеев, Приск отметил, что во время застолий подавали, наряду с другими, напиток, название которого он и записал греческими буквами — *миод*. Благодаря свидетельству Приска, между прочим, можно быть уверенным, что в союзе племен, во главе которого стоял Аттила, присутствовали славяне (возможнс, под этнонимом *сарматы*). *Мед* — это первое записанное нарицательное слово, а славянские имена вождей и названия географических объектов приводили уже античные историографы.

говорит: «Если ты идешь в гости — прими сауну, если ты принимаешь гостя — сначала прими сауну. В сауне слезы высохнут, а плохое настроение сгорит». В 70-е гг. прошлого века 80% жителей Финляндии имели свои сауны, а сейчас это число, надо думать, выросло. Сауны строятся у живописных озер, окна домика обычно направлены на запад, чтобы лучи заходящего солнца (а финны принимают сауну, как правило, в конце дня) усиливали впечатление тишины и спокойствия. Пар в сауне — *loulu* «сухой», температура между 80 и 110 градусами. Веник — *vihta* — обязательно из березы. Нахлестывание веником — это не самобичевание: вихта усиливает приток крови. После процедуры паренья непременно следует охлаждение: можно нырнуть в озеро, в плавательный бассейн или постоять под душем с холодной водой. В парильню входят несколько раз. Посещение сауны иногда не просто семейный, но и социальный акт: знакомых приглашают в гости «на сауну», а в программе официальных мероприятий (заседаний, конгрессов) также предусматривается посещение сауны. Устойчивое пожелание: *huvia louluja* «хорошего пара».

Приверженность русских к бане, пожалуй, ничуть не меньше приверженности финнов к сауне: согласно пословице (у Даля), «Баня — мать вторая». Считается, что баня полезна всем здоровым и еще больше в случае нездоровья: «Баня парит, баня правит, баня все поправит». Русская баня в деревне — простое и вместе с тем остроумное сооружение; конструкция бани не менялась на протяжении веков. Небольшая избушка, сложенная из бревен, имеет *предбанник*, где раздеваются, и *парилку*. В парилке — *каменка*, печь, в которую наложены камни. Когда печь топят, камни раскаляются: их поливают несколько раз, что называется *поддать пару*. Парилка наполняется жарким влажным *паром* (в сауне пар — *сухой*). Как и финны, русские парятся вениками из березы. Парятся на *полке*, устроенном в виде трех-четырёх ступенек. Деревянная *шайка* (тазик), мыло, веник, *мочалка*, которую дерут с липы, — таковы предметы, нужные в бане.

Раньше, как и в традиции сауны, считалось необходимым после пара охладиться — нырнуть в озеро или, зимой, *повалиться на снегу*. Ср. у А. Вознесенского: *Бани! Бани! Двери — хлоп! / Бабы прыгают в сугроб. / Прямо с пылу, прямо с жару — / Ну и ну! / Слабовато Ренуару / До таких сибирских «ню»!* Ср. также поэтизацию бани у А. Твардовского («Василий Теркин», глава «В бане»). В «Повести временных лет», начальной русской летописи, уже упоминаются «бани древены». Петр Первый, Емельян Пугачев, Пушкин, Шляпин, другие знаменитые русские люди очень любили попариться. После бани по русскому обычаю полагается отдохнуть, попить *квасу*, *побаловаться чаем*.

Поскольку баня занимала немалое место в традиционном русском быте, в современном русском языке сохранилось значительное число фразеологизмов и афоризмов, восходящих к банной процедуре. *Задать кому-л. баню* или *пару* = сильно (вы)ругать, (вы)бранить кого-л. *Будет баня* или *быть бане* = предстоит выговор, проборка. *Пристал как* (будто, словно, точно) *банный лист* = неотвязно, назойливо, надоедливо. *Дым коромыслом* (*пар столбом*) = шум, гам, беспорядок, суматоха. *Пар костей не ломит* говорится тогда, когда кто-либо не испытывает неудобства от чрезмерной жары (в помещении, на улице, в результате слишком теплой, не по сезону, одежды)⁵⁷.

⁵⁷ В основе справки лежит статья [Верещагин, Тамм 1978]. При составлении справки использованы публикации: [Галицкий 1975; Vahros 1966; Фразеологический словарь 1967; Жуков 1968; Баня и печь 2004].

4. **Историзмы**, т. е. слова, обозначающие предметы и явления предшествующих исторических периодов, например: *сажень, аршин, верста, золотник, фунт, пуд; лапти, кафтан, кушак, армяк, соха; волость, уезд, губерния, земство* и т. д. Многие историзмы относятся к исчезнувшим общественным институтам, к устаревшим традициям, реалиям: *оброк, барщина, помещик, крепостной, купчая крепость; бурлак, извозчик, коробейник; боярин, дума, дворянин, местничество, терем, усадьба; стрелец, ополченец, дружина, воевода; кириллица, глаголица, уставное письмо; городничий, предводитель дворянства, попечитель учебных заведений, пристав, городской; вече, челобитная; разночинец, народоволец; военный коммунизм, нэп, кулак, раскулачивание* и т. д. В «Словаре русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой приводятся и другие историзмы: *варяг, вотчина, государь, кабала, опричнина, посад, скomorох, холоп, откуп, слобода, обыватель, богадельня, маевка, приют, сословие, децник, прислуга, бесприданница, булава, табор, дань, община* и т. д. Как известно, данный словарь предназначен для массового читателя и отражает общеупотребительный словарный состав современного русского языка.

В этом можно усмотреть еще один аргумент в пользу того, что лексика не исчезает с ушедшими понятиями, а продолжает жить (часто в переносном смысле). Например, слова *мещанин, мещанство, мещанский*, утратив характер сословных терминов, закрепились в качестве морально-оценочных обозначений. Слово *местничество* в переосмысленном значении можно определить как «соблюдение лишь узко местных интересов в ущерб данному делу».

В современном языке историзмы, как правило, употребляются в переносном значении; они живы в сознании говорящих и, составляя часть культурного наследия национальной общности, играют важную роль во внутреннем мире человека. Многие историзмы относятся к исчезнувшим общественным институтам, к устаревшим традициям: *оброк, барщина, помещик, крепостной, купчая крепость, усадьба; бурлак, извозчик, городской, коробейник; боярин, дума, дворянин, местничество, стрелец, дружина, воевода; глаголица, уставное письмо; разночинец, народоволец, социал-революционер; красноармеец, военный коммунизм, нэп, коллективизация, кулак, раскулачивание* и т. д.

Некоторые понятия и представления-историзмы, бывшие предметом хулы и насмешки в советскую эпоху, ныне постепенно возвращаются.

Историзмы не вдруг исчезают вместе с ушедшими понятиями, а иногда продолжают жить (часто с переосмыслением). Например, *старостой* теперь называется не выборный голова в сельской общине, а, скажем, в студенческой группе специально выбранный человек для сношений с деканатом; *всесоюзным старостой* называли М. И. Калинина, который в течение многих лет стоял во главе нашего государства. Слова *мещанин, мещанство, мещанский*, утратив характер сословных терминов, закрепились в качестве морально-оценочных обозначений. Если слово *местничество* в собственном значении определяется как «порядок замещения высших должностей в зависимости не от личных качеств и заслуг, а от знатности рода и важности должностей, занимаемых предками (в Московской Руси XV–XVII вв.)», то ныне слово переосмыслено (см. выше). Историзмы *подвода, помещик, прапорщик, управа, присутствие, столоначальник, аршин, фунт, верста* прокомментировал А. Е. Супрун. История развития и переосмысления слов *крестьянин, дворянин, дворецкий, придворный, крепостной, крепостник, гражданин* изложена Е. Г. Ковалевской. Ср., наконец, список слов, обозначающих явления и предметы традиционного быта, в словаре Т. Вуорелы: *алтын, амбар, армяк, аршин, ар-*

тель, багор, баранка, батог, болван, боярин, бочка, бурлак, городки, гумно, хлев, хомут, яр-марка, кафтан, каша, кисель, кольцо, короб, коса, косарь, кудель, купец, кушак, лапоть, мошна, нужник, оброк, обод, оладья, передник, перина, попона, посох, прасол, сарафан, сбитень, спицы, сноп, шушун, трех [Vuorela 1964]. Этот словарь вообще можно назвать образцом словаря национально-бытовых реалий.

Историзмы, однако, употребляются не только в переносном значении. В поговорах, поговорках, во фразеологических единицах речи они выступают в своем прямом значении. Относительно фоновых ассоциаций *артели* ниже помещен особый экскурс.

Экскурс 1. ЛФон историзма *артель*

Голос Федора Шаляпина не спутаешь ни с каким другим. По советскому радио он звучал часто. Считалось, что Шаляпин — лучший исполнитель русских народных песен⁵⁸. Едва ли ошибемся, если скажем, что нижеследующее четверостишие было в советское время всем известно именно с голоса великого певца:

Много песен слышал я в родной стороне,
В них про радость и горе мне пели,
Но из песен одна в память врезалась мне —
Это песня рабочей *артели*.

Собственно, «дубинушки» выпевались-выкрикивались в дореволюционной России во время любого труда, требующего согласованных усилий, одновременного напора, дружного натиска. Но, судя по ритму, возникли они явно при забивании свай.

Вот как описывает эту трудную работу М. Горький (в рассказе «Коновалов», 1896): «У копра стояла густая, пестрая толпа народа, и в ней кто-то протяжно тенором выпевал:

И-эх-ма, бра-атцы, дюже жарко!
И-эх! Никому-то нас не жалко!
О-ой, ду-убинушка,
У-ухнем!

Мощно гудела толпа, натягивая тросы, и кусок чугуна, взлетая вверх по дудке копра, падал оттуда, раздавался тупой охающий звук, и копер вздрагивал... Копер скрипел и дрожал, над головами толпы поднимались обнаженные, загорелые и волосатые руки, вытягиваясь вместе с веревкой; их мускулы вздувались шишками, сорокапудовый кусок чугуна взлетал вверх».

⁵⁸ Ср., впрочем, реакцию человека из настоящего народа: «Исполнял Шаляпин русские песни. Матрена стояла-стояла, слушала и проговорила решительно: — Чудно поют, не по-нашему. — Да что вы, Матрена Васильевна, да прислушайтесь! Еще послушала. Сжала губы: — Не. Не так. Ладу не нашего. И голосом балует» (А. Солженицын, Матренин двор). Шаляпин, как известно, в царское время фрондировал и, в частности, исполняя «Дубинушку», держался «революционной» версии слов. Явно искусственной кажется концовка, в которой говорится:

Но настанет пора, и проснется народ,
Разогнет он могучую спину,
И на бар и царя, на попов и господ
Он отыщет покрепче дубину.

Много говорили и писали о примитивизме рабочей артели. Но тем не менее строительные артели возвели колокольню Ивана Великого в Москве, Зимний дворец в Петербурге, протянули железную дорогу вплоть до самого Владивостока и дальше... С незапамятных времен существовали на Руси артели плотников, лесорубов, печников, каменщиков, лепщиков, живописцев-богомазов, гончаров, кузнецов, крючников, бондарей, бурлаков, ямщиков и других «специалистов»... Даже были и артели профессиональных нищих.

Откуда взялось само слово «артель» (скорее всего, из тюркских языков), не выяснено, но несомненно, что явление жизни, стоящее за словом, восходит к древнерусской эпохе.

Артель, подобно сельскому миру, выражала дух стихийного русского коллективизма, не отрицавшего единоначалия.

В словаре В. И. Даля находим описание: «Артель — товарищество за круговой поручкой, братство, где все за одного, один за всех; дружина, соглас, община, общество, товарищество, братство, братчина, для общего хозяйства и особенно пищи, также для работы сообща и раздела заработков, за вычетом расходов, прогула и пр.». Вот пословицы, приведенные В. И. Далем: *Атаманом артель крепка, Артель суймом крепка. Атаман* — предводитель, указчик, управитель, старший, старшой, большак; слово *атаман* впервые встречается в грамоте новгородского князя Андрея Александровича от 1294 г. *Суйм* — совет, совещание, обсуждение (ср. польск *сейм*); известна точная дата первой фиксации в письменном источнике и этого слова — в Новгородской летописи под 1372 г. Отсюда судим и о древности *артели* (ватаги).

В артели царила самая простая, но подлинная демократия. О бытовом укладе типичной артели правдиво написал Н. Лесков (в «Запечатленном ангеле»), а он знал Россию как никто другой.

Все артельщики собирались на *сходку*, или на *круг*, и за каждым полноценным работником признавалось право голоса. Когда выбирали атамана, или *мана*, или *большака*, или — еще иначе — *старосту*, обсуждали человека со всех сторон. Решение принималось единогласно; тот, кто не был согласен с выбором общины, просто-напросто выходил из нее. Когда выборы состоялись, *артельщики*, или *общинники*, или *дружинники*, или *ватажники*, — Россия велика, и говорят в ней по-разному, — давали друг другу на кругу руки (отсюда выражение: *круговая порука*) и действительно старались честно и добросовестно жить в артели, в мире между собой и с большаком. Для закрепления решения служился молебен. Представление о том, что лучше работать в кругу артельщиков, выражено в пословице «Дружно не грузно, а врозь — хоть брось», употребительной до сих пор.

Артель отвечала за своего члена, в том числе и материально. Если артельщик, скажем, набирал в лавке товара в долг, то обязанность выплатить долг ложилась на всю артель. *На артельных началах* — значит, за исключением личных вещей, всё общее, общинное. Особое значение придавалось *артельным харчам* — совместной еде; никто, в том числе большак, не готовил себе отдельной пищи, а все ели из одного котла и на глазах друг друга. Так же — публично, прилюдно — производился денежный расчет.

Слово *артель* в советскую эпоху удерживалось: так, сельскохозяйственная *артель* — это иное наименование колхоза. Ср. также: рыболовецкая *артель*, *артель* промысловой кооперации. И традиционные артельные навыки в Совдепии пытались воскресить: ра-

ботника завода или учреждения, совершившего нетяжкое правонарушение, можно было извинить от тюрьмы, взяв его, по решению общего собрания, на поруки.

Ныне *артель* как явление более не существует, а слово окончательно перешло в разряд историзмов.

5. **Лексика фразеологических единиц:** *узнать всю подноготную, турысы на колесах, коломенская верста, бить челом, бить в набат* и т. д. (см. об этом в настоящей Части, гл. 14). С фразеологической сходна лексика афористики (см. далее гл. 15).

6. **Слова из фольклора и из диалекта.** Среди фольклоризмов можно назвать: *добрый молодец, красна девица; не по дням, а по часам; суженый, суженая: судьбина; кудесник; Снегурочка, чудо-юдо, русалка, баба-яга, Кощей (Бессмертный), жар-птица, сивка-бурка (вещая каурка); в тридевятом царстве, в тридесятом государстве; молочные реки, кисельные берега; нечистая сила, домовой, леший, водяной, оборотень* и т. д. Каждый русский знает некоторые фольклорные формулы: *Вот и сказке конец, а кто слушал — молодец; Я там был, мед-пиво пил, по усам текло, а в рот не попало; Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается* и т. д.

Интересны в фольклорной лексике единицы, образующие пары к общеупотребительным словам благодаря противопоставлению русского полногласия церковнославянскому неполногласию: *ворота — врата, город — град, золото — злато, голос — глас, ворог — враг, холод — хлад, молод — млад, берег — брег* и т. д. Ср. также прочие русские и славянские противопоставления: *шелом — шлем, палец — перст, глаз — око, лоб — чело, щеки — ланиты, грудь — перси, губы — уста* и т. д.

Фольклорные слова в противоположность словам прочих тематических групп, рассматриваемых здесь, как правило, имеют нейтральные соответствия (вместо *кручина* можно сказать *тоска*, вместо *суженый* — *женых*, вместо *кудесник* — *волшебник*).

Фольклоризмы, естественно, неперевоимы на другие языки.

Неперевоимы также и диалектизмы, т. е. лексемы из словарного состава того или другого русского диалекта, хотя и оставшиеся за пределами лексического фонда русского литературного языка, но тем не менее включаемые в книжно-письменные тексты для характеристики речи персонажа или жанровой принадлежности всего текста. Диалектизмы, конечно, могут показывать, где персонаж родился или провел свои ранние годы, но чаще они свидетельствуют о его принадлежности к «простонародью», к прослойке людей, в школе не овладевших литературной нормой. Иными словами, диалектизмы сигнализируют о безграмотной речи. К диалектизмам принадлежат также (в аспекте литературной нормы) «неправильные» грамматические формы слова, включая варьирование грамматического рода, произносительные варианты общелитературных слов, а также ряд предлогов, частиц, союзов, междометий и даже суффиксов (ср. *выпимши*) и флексий (ср. *ходят*)⁵⁹. Граница между внелитературными диалектизмами и общелитературной низкой лексикой является зыбкой.

В художественной литературе выработалась (отчасти конвенциональная) система показа диалектных языковых единиц. Любое отклонение от нормы вызывает смех, так что, например, *это — это* комический вариант общелитературного указательного местоимения.

⁵⁹ В кинофильме «Сельская учительница» ученик пишет «Вас *хочут* убить»; учительница медленно исправляет: «*хотят*».

Так, диалектизмами насыщена знаменитая сказочка «по мотивам русского фольклора» «Про Федота-стрельца, удалого молодца» Л. Филатова:

...Царь на вид сморчок,
 Башка с кулачок,
 А злобности в ём —
 Агромадный объём...
 ...Собирайся, братец, в путь
 Да съестного нам добудь —
 Глухаря иль куропатку,
 Аль ишо кого-нибудь.
 Не сможешь — кого винить?
 Я должен тебя казнить...

Ниже из этой сказки выписаны диалектно-просторечные формы: *аглицкий, аж(но), аксурат, аль, антирес(оваться), балабонить, во(о)бче, в обчем, втихаря, вынать, вчерась, даве, дак/дык, докладать, досель, евойный, ейный, жисть, издаля, ишо, какава, к завтрему, краля, куды, (с)могёшь, на бюлютне, на кой, наскрозь, на скольких, нешто, намедни, неча, ничаво, ноне, нужон, обмишуриться, обчество, окромя, опосля, опричь, отседа, отсель, отчаво, подь (сюды), припер(ся), прям, пужать(ся), Расея, робяты, слобода, смысел, социальный, спробовать, сумлеваться, супротів, сурьезный, сьмать, сюды, теперича, участь, чай, чаво(й-то), хотишь, хошь, хранцуз, хужей, цельный, шпиен, эвон, энто(т)* и т. д.

Вспоминается также знаменитое *тае* в речи Акима во «Власти тьмы» Л. Толстого⁶⁰ и *чаво?* в «Злоумышленнике» А. Чехова: «— Денис Григорьев! — начинает следователь. — Подойди поближе и отвечай на мои вопросы. Седьмого числа сего июля железнодорожный сторож Иван Семенов Акинфов, проходя утром по линии, на 141-й версте, застал тебя за отвинчиванием гайки, коей рельсы прикрепляются к шпалам. Вот она, эта гайка!.. С каковою гайкой он и задержал тебя. Так ли это было? — *Чаво?* — Так ли всё это было, как объясняет Акинфов? — Знамо, было. — Хорошо; ну, а для чего ты отвинчивал гайку? — *Чаво?* — Ты это свое „чаво“ брось, а отвечай на вопрос: для чего ты отвинчивал гайку?»

При переводе рассказа на иностранный язык передать *чаво?* можно только путем компенсации.

Ср. также диалектно-просторечные словечки и реченьца в рассказах В. Шукшина: *ничо, ишо, сёдня, радуисся, чижало, счас, стреча, об ем, у ей, лехко, щасливая, обчество, вопчем, тверезый, вытимиши, исть* «есть, потреблять пищу», *спомнил, силов нету, этто, капиратив, кспертиза, обои «обе», вить «ведь», чево-нибудь, денюжки, организм, кара-теристика, чявой-то, на сколь, здремнул, пришей-пристебай, рысковать «рисковать», кустюм «костюм», шизя, все курют, вона!, с волосьями* и т. д. Характерны также прибауточки: (в ответ на реплику «Да брось ты!») *Хошь брось, хошь положи — на месте будет; Тонкий намек на толстые обстоятельства; Кто с перебивом, тому с перевивом;* (утешение при утрате денег) *Не они нас наживают — мы их;* (в ответ на реплику «Да жалко!») *Жалко — у пчелки в жопке;* (при большом удивлении) *Здрассте, я ваша тетя; Тьфу — да растереть; Ну? — Гну!; Утебя образование-то какое? — Какое есть, всё моё; В чем дело? — В шляпе; Ты, лисица, спой. А ворона ей: а ху-ху не хо-хо?; сказать свое «фэ»* и т. д.

⁶⁰ Во всем остальном эта речь является литературной.

7. Слова нерусского происхождения, так называемые тюркизмы, монголизмы, украинизмы и т. д.: *тайга, базар, аркан, буран, тюбетейка, халат, папаха, кубанка, изюм, вареники, брынза, балык, инжир, морошка, пельмени, плов, шашлык, харчо, арба, чайхана, минарет, мечеть, кишлак, аул, аксакал, караван, чалма, бай, кошма, арык, акын, кетмень, пиала, саксаул, ишак, зурна, сакля, калым, саман, чадра, орда, парубок, гетман, кумыс* и т. д. Наша страна — это искони симбиоз больших и малых народов, и процесс взаимообмена культур этих народов начался уже в глубокой древности. Слова, о которых говорим, можно было бы назвать дважды безэквивалентными: сначала они не имели эквивалентов с точки зрения русского языка, и это обусловило их заимствование; теперь они не имеют эквивалентов уже с точки зрения иностранных языков по отношению к русскому. Нерусские по происхождению слова в русском языке принадлежат двум большим пластам лексики: во-первых, они относятся к заимствованным русскими культурным элементам, а во-вторых, они отражают характерные черты национальных культур ряда народов нашей страны (ср., например, «обрусевший» *сарафан* и оставшуюся «кавказской» *бурку*).

Широкому проникновению нерусских слов в русскую речь способствовали отражавшие национальную тематику произведения русских советских писателей (например, о Средней Азии писали Л. Леонов, Н. Тихонов, К. Паустовский и др.) и писателей — представителей различных национальностей (Ч. Айтматов, М. Ауэзов, С. Айни, Ю. Рытхэу и др.). Их книги сравнительно недавно широко читались.

Итак, мы рассмотрели семь генетико-тематических пластов лексики: «демократизмы», советизмы и наименования реалий советского быта, наименования предметов и явлений традиционного быта, историзмы, лексику фразеологизмов и афоризмов, фольклорную лексику, слова нерусского происхождения. Этим безэквивалентная и неполноэквивалентная лексика современного русского языка, конечно, не исчерпывается.

По некоторым подсчетам, безэквивалентная лексика (неполноэквивалентная не учитывалась) составляет 6–7% от общего количества активно употребляемых русских слов. Казалось бы, количество небольшое, однако оно не соответствует весу данной лексики. Она отражает самое существенное в национальной культуре и показывает глубокие корни отечественной истории и общественной жизни. Объем неполноэквивалентной лексики практически невозможно установить.

03–6. ФОНОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ

Категории «лексическое понятие» и «ЛФон» относятся не только к нарицательной (апеллятивной) лексике. Они приложимы также и к терминам, и к именам собственным, однако в том, что касается ЛФона, эти группы лексики имеют определенные особенности.

Некоторые термины — например, *арахнология* (раздел зоологии, изучающий паукообразных), *импеданс* (реактивное сопротивление, которое живая ткань оказывает электротоку) или *стратопанза* (переходный слой между стратосферой и мезосферой, расположенный на высоте 50–55 км) — встречаются только в языке определенной отрасли знания, и мы их из дальнейшего анализа исключаем. Однако огромное число терминов (*металл, нитроглицерин, партитура, соль, ткань* и т. д.) одновременно являются обычными словами общенародного языка: они известны ка-

ждому говорящему, почему их можно найти не только в специальных справочниках, но и в филологических (например, толковых) словарях.

Так, согласно толкованию «Словаря русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой, металл — это «химически простое вещество (а также сплав), обладающее особым *блеском, ковкостью, хорошей теплопроводностью и электропроводностью*» (курсивом нами выделены понятийные СДоли. — *Е. В., В. К.*). Кроме того, все знают, что металлы — это прежде всего *железо, медь, серебро, золото, сталь, алюминий*; что металлы бывают *черные, цветные, драгоценные*; что они используются, например, для изготовления разменной *монеты*; что металлы различаются по *весу* (скажем, алюминий легче свинца); что они тонут в воде; что некоторые металлы окисляются и ржавеют; что они, будучи, как правило, твердыми, бывают и мягкими. Многие люди (совсем не специалисты) способны рассказать о том, какое значение для человеческой цивилизации имело открытие обработки металлов (*век железа*), а также о том, что центрами производства металлов в нашей стране являются *Донбасс и Урал*, что после Октября 1917 г. металлургия получила у нас преимущественное развитие (*Магнитогорский металлургический комбинат*), поскольку именно металлургия вместе с энергетикой легли в основу *индустриализации* страны и т. д. вплоть до частных. Рядовой носитель языка, отнюдь не причастный к металлургии, мог бы вспомнить и о *Курской магнитной аномалии*, и о заводчиках *Демидовых* (прославившихся качеством своего чугуна), и о *Кузбассе*, и о *плавке железной руды*, а также о *металле* в голосе, о *железной (стальной) воле и дисциплине*, о русском *булате* (г. Златоуст), а представители старшего поколения еще помнят о *железном потоке* и, конечно, о том, *как закалялась сталь*. Нет границы, которая прервала бы подобный поток ассоциаций, и важно подчеркнуть, что сейчас мы перечислили сведения, которые обладают свойством «взвешенности», т. е. всеобщей известности.

Эти фоновые СДоли действительно присутствуют в сознании русского человека, и именно они обуславливают осмысленное употребление слова в речи. Например, в толкование слова *металл* (по С. И. Ожегову) не включено упоминание о его специфическом *звоне*, но СДоля «металлы звенят» присутствует в привычных словосочетаниях *металлический голос* (или *с металлом в голосе*), *звон монет*, *звонкий колокол*, *бренчание колокольчиков*, *звяканье кастрюль* и т. д.

Итак, в общеязыковом употреблении *металл* ведет себя как обычное слово из словарного запаса языка. Обратимся теперь к термину *металл* и посмотрим, как он понимается в специальной отрасли знания. Мы взяли «Краткую химическую энциклопедию» и выписали из нее дефиницию металлов: «...это вещества, основной отличительной особенностью которых в конденсированном состоянии является наличие свободных электронов, способных перемещаться по всему объему тела». Здесь указан тот признак, на основании которого, с точки зрения химика, металлы отличаются, например, от солей, кислот, щелочей, органических соединений и вообще от неметаллов. Заметим, что этого признака нет в общеязыковом толковании слова *металл*, да он и невразумителен для неспециалистов. В химической дефиниции ничего не говорится ни о ковкости, ни о теплопроводности и, конечно, не упоминается о блеске — все эти СДоли для специалиста-химика являются несущественными по сравнению с основной характеристикой (наличие перемещающихся свободных электронов).

Далее в энциклопедической статье говорится о свойствах металлов, перечисляются химические реакции, в которые металлы вступают, указывается на зависимость между удельным весом металла и его свойствами, самым подробным образом рассказывается о применении металлов в химической промышленности, называются имена ученых, внесших вклад в металлообработку химическими способами.

При совершенно очевидном различии между «взвешенными» знаниями, относящимися к слову, и знаниями специалиста, объективированными в термине, между содержаниями как слова, так и термина имеется значительное сходство (и в общеязыковом словаре, и в отраслевой энциклопедии упоминается о ковкости, теплопроводности, электропроводности металлов, их способности участвовать в реакциях и т. д.).

Таким образом, с точки зрения семантической структуры слово и термин равны между собой: они оба обладают понятием и фоном. Однако содержание понятия и фона слова существенно отличается от содержания понятия и фона термина, поэтому дальше мы не можем говорить об этих элементах без должной дифференциации, т. е. без атрибута *лексический* или *научный*. Лексическое и научное понятия, лексический и научный фоны накладываются друг на друга.

По происхождению термины входят в две группы лексики — *терминированную* (перешедшую из общего языка в терминологию) и *терминологического происхождения* (перешедшую из терминологии в общий язык).

Терминированная лексика, как правило, не теряет своей живой внутренней формы, не лишается образности, не «порывает» с теми культурно-историческими ассоциациями, которые имеются у исходного слова. Так, химический термин *соль* сохраняет ассоциации общеязыкового слова *соль* «в нейтральном употреблении»: *подсыпать соли в разговор; соль земли*. Можно выявить значительный пласт терминов, ЛФоны которых обладают национально-культурной семантикой: *белок, большинство, ведущий, величина, вершина, вес, ветвь, вещество, взаимосвязь, взрыв, вклад, вода, воздух, волна, волчок, время, выбор, выход, глина, гнездо, грани, давление, движение, деление, длина, дно, доклад, доля, допущение, дуга, единица, закон, запас, запах, игла, исключение, испытание, качество, клетка, колебания, колесо, кольцо, кора, круг, крыло, лампа, лента, луч, медь, мел, множество, мощность, набор, нагрузка, назначение, наличие, напор, направление, начало, нить, область, обогащение, обработка, образец, определение, осадок, освещать, ось, ответ, отвод, отзыв, отличие, отметка, отрасль, отчет, охрана, оценка, очистка, падение, пара, переход, плечо, поверхность, подъем, покой, поле, полнота, порох, порошок, правило, предмет, прибор, прочность, работа, размах, ребро, резьба, рычаг, свет, свойство, связь, сетка, сеть, сила, сито, сачок, скорость, след, слой, смесь, соль, сопротивление, сосуд, сохранение, спица, среда, суть, сушка, твердость, тело, толщина, точка, трещина, тяжесть, угол, удельный, условие, цепь, частица, часть, число, щель, ядро*.

Национально-культурную семантику имеет также лексика терминологического происхождения. Конечно, большое количество терминов, сложившись в определенной науке, за ее пределы не выходит. Тем не менее (в связи с повышением уровня образованности носителей языка) многие из них попадают в общий язык и, не отрываясь от «терминологической» семантики, развивают вторичные, уже собственно лексические значения. Как в свое время писала Л. Л. Кутина, «существенной будет фиксация тех точек смысла, от которых потянутся ассоциации в общий

язык. Эти ассоциации служат отправным пунктом в развитии новых (уже не специальных) знаний». Она же разбирает показательный пример: «В научном анализе *атмосферы* уже давно были выделены такие ее признаки, как состав (воздух и пары), положение (оболочка земного шара), высота, строение (слои в атмосфере), давление атмосферы, рефракция света, метеорологические явления, „перемены“ в атмосфере. На основании этих „точек смысла“ одноименное исходному термину общеязыковое слово развило ряд переносных употреблений и соответственно сочетаний: *давление, тяжесть, гнетение атмосфер/ы; густая, редкая, легкая, холодная, спокойная, мрачная, нечистая* ~-а, ~-а *нагревается, очищается, освежается*; ~-а *в комнате; дышать одной* ~-ой *с кем-либо; это не его* ~-а; ~-а *давит, гнетет*, *отсюда гнетущая, мрачная, невыносимая* или, напротив, *спокойная, радостная* ~-а» [Кутина 1976: 29].

Лексика терминологического происхождения участвует в становлении общеязыковой фразеологии: *заложить фундамент, спустить на тормозах, на холостом ходу, открыть шлюзы, ставить на новые рельсы, взять на буксир, шлифовать форму, цементировать союз, испытывать на прочность, жить в вакууме, вирус безразличия/бешенства, стартовая площадка, запрограммированное действие, инкубационный период, иметь/вызвать резонанс, установить контакт, поставить диагноз, определить параметры, выбрать оптимальный режим, придать необратимый характер* и т. д. (материалы Л. А. Капанадзе). Если слово *орбита* до конца 50-х гг. развило лишь фразеологизмы, тесно связанные с исходным значением термина (*орбита влияния, быть в орбите чего-л.*), то в связи с запуском искусственных спутников Земли и космических кораблей слово это получило новую жизнь. Изменилась его лексико-семантическая сочетаемость, появились и широко распространились фразеологизмы *вывести/выйти на орбиту, на орбите, по орбите, запустить на орбиту*. Очень частотны и переносные значения слова *орбита* в атрибутивных сочетаниях.

В советское время в газетах и журналах получили распространение фразеологизмы с ключевым термином *вахта* («дежурство, сменная работа»): *стахановская вахта, встать на вахту в честь* (например, *годовщины Великого Октября*), *нести почетную вахту, быть на вахте* (например, *пятилетки*) и т. д. Аналогично понятийная часть термина *закалка* («придание какому-л. сплаву твердости») не содержит упоминания о технологии достижения повышенной твердости («путем нагрева и последующего быстрого охлаждения металла с целью фиксации его высокотемпературного состояния»), поскольку соответствующая информация входит не в понятие, а в ЛФон термина; но когда термин перешел в общий язык, то на передний план вышла СДоля не из состава понятия, а из состава ЛФона: по словарной дефиниции, *закалка* — это «перемена условий, подверженность физическим и моральным трудностям» (ср.: *в конкурентной борьбе акционеры получили хорошую закалку*). Несомненно, что в советское время активности слова сильно содействовало название романа Н. Островского «Как закалялась сталь».

Приведем список слов терминологического происхождения, имеющих национально-культурную ценность: *аксиома, анализ, аргумент, график, закаливать(-ся), залежи, замыкание, запуск, каркас, касательная, клапан, комплект, масса, масштаб, молекула, напряжение, непроницаемость, обойма, однородность, остаток, отливка, пары, плавка, план, проблема, пропорция, процесс, разность, реакция, руда, сборка, сердечник, система, степень, съемка, сырье, теория, уравнение, функция, электрон, эффект*.

03–7. ФОНОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОНОМАСТИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ

Относительно ономастической лексики не все и не сразу согласятся, что ей присуща *кумулятивная* функция. Имена собственные, на первый взгляд, обладают исключительно функцией *номинативной* («Вот *Петр*, а вот *Павел*»). Фактически если о человеке известно только, как его зовут или какова его фамилия, то только это и известно. В советское время в подобной ситуации приводили расхожую цитату: «Я ничего не знаю о человеке, если знаю всего лишь, что его зовут Павел». Бывают такие фамилии, которые не позволяют установить даже пол человека. Обзор взглядов на присутствие/ отсутствие собственной семантики у *nomina propria* см.: [Суперанская 1973: 250 и сл.]⁶¹.

Тем не менее национально-культурный компонент свойств именам собственным не в меньшей степени, чем апеллятивам. Ниже рассматриваются *антропонимы* (имена людей), *зоонимы* (клички животных) и *топонимы* (названия географических объектов) и *этнонимы* (названия народов и представителей народов).

Имя собственное, как и апеллятив, обладает ЛФоном. Оно, может быть, действительно лишено лексического понятия, но его ЛФон оказывается обширным и качественно сложным. Правда, сказанное справедливо по отношению лишь к ряду наиболее употребительных имен собственных, а не ко всем именам сплошь.

СДоли фона имени собственного, с одной стороны, относят его к совокупности однородных имен и, с другой, придают конкретному имени неповторимый облик, индивидуализируют его.

Каждое имя сигнализирует о своей принадлежности к соположенным именам, так что весь *именник* (т. е. состав русских имен) распадается на отдельные, отчасти противопоставленные друг другу и отчасти друг друга перекрывающие, совокупности.

Ярким и для всех русских ясным критерием классификации является **возраст** имени (1): *Октябрина*, *Майя*, *Владлен*, *Нинель*, *Алла*, *Римма* и т. д. — (относительно) новые имена, противопоставленные традиционным *Игорь*, *Олег*, *Владислав*⁶², а также *Петр*, *Павел*, *Анастасия*, *Варвара*, *Елизавета* и т. д.

Носители языка ощущают, далее, **происхождение** имени (2): *Альберт*, *Герман*, *Эдуард*, *Альбина*, *Белла*, *Вероника* и т. д. относятся к числу иностранных имен и противопоставляются таким именам, как *Владимир*, *Вячеслав*, *Мстислав*, *Всеволод*, *Вера*,

⁶¹ Прекрасный терминологический словарь ономастики составлен Т. Витковским [Witkowski 1964]. Среди итоговых монографий, кроме упомянутой книги А. В. Суперанской [1973], назовем еще: [Никонов: 1974].

⁶² Реальная ситуация сложнее. В сочетании имени и отчества *Октябрина Владимировна* имя — *Октябрина* — когда-то (в 20–30-е гг. прошлого века) внятно заявляло о себе: «Я новое», но поскольку ныне девочек *Октябринами* не называют, оно постепенно перешло в разряд имен, ощущаемых как «старые» или по крайней мере «старомодные». Отчество — *Владимировна* — восходит к киевскому великому князю *Владимиру* Красну Солнышку (умершему в 1015 г.) и, казалось бы, должно столь же внятно свидетельствовать о своей старине, но поскольку и поныне мальчиков продолжают называть *Владимирами*, оно как «старое» не воспринимается. После Октябрьского переворота русский *именник* за счет идеологически нагруженных личных имен сильно пополнился, но они продержались недолго (примерно до середины 40-х гг.). Один из авторов этой книги учился (в середине 50-х гг.) в одной школе с дочерьми кадрового политработника, одну из которых звали *Сталина*, а другую — *Маркэнгелена!* (Второе имя составлено из усеченных фамилий трех «классиков марксизма-ленинизма»). Обе девочки родились в конце 30-х гг. В обиходе первую звали *Лена*, а вторую — *Мара*.

Надежда, Любовь и т. д., которые осознаются как славянские или прямо русские. Заметим, что весьма многие по происхождению греческие и еврейские имена, попавшие в именник с принятием христианства, в обыденном сознании воспринимаются как чисто русские — *Иван, Михаил, Екатерина, Ирина, Татьяна, Анна* и т. д.

Имена различаются, кроме того, теперь устаревшей, но все еще ощущаемой социальной окраской (3): *Иван, Сидор, Емельян, Анисья*⁶³, *Лукерья, Федосья, Аким*⁶⁴, *Митрофан, Матрена*⁶⁵, *Пелагея* и т. д. ассоциируются с крестьянскими именами, а *Евгений, Вера, Тамара, Роберт, Вадим, Марина, Полина*, так же как и все ощущаемые иноязычными имена, соотносятся с именами городскими⁶⁶. Возможно и более дробное (пережиточное) социальное деление: *Олег, Ярослав, Игорь, Владимир, Ольга, Всеволод* — княжеские имена; *Иона, Исаакий, Никон, Пимен* (например, летописец у Пушкина), *Зосима, Савватий, Варлаам* — монашеские⁶⁷; *Гордей, Фома, Савва* (наследственное имя купцов Морозовых), *Олимпиада, Васса* (имя купчихи Железновой у М. Горького) — купеческие; *Илья, Никита* (ср. «Детство Никиты» А. Н. Толстого) — имена дворянской интеллигенции и т. д. Виртуозный подбор имен находим в пьесах А. Н. Островского. Социальное место имени может быть выражено суффиксами: героиня «Воскресения» Л. Н. Толстого Екатерина Маслова простого происхождения, но воспитывалась как барышня, поэтому ее звали не *Катька* как «простолюдинку» и не *Катенька* как «благородную», а нейтрально — *Катюша*.

⁶³ Ср.: «у бабушки было редкое имя *Анисья*. — Крестьянское имя, — объясняла она» (А. Алексин, В тылу как в тылу).

⁶⁴ Знаменитого косноязычного крестьянина из «Власти тьмы», который уже упоминался, Л. Н. Толстой не случайно назвал *Акимом*.

⁶⁵ В 60-е гг. прошлого века зарубежные составители учебников русского языка, — а они обычно не имели никакого контакта с Россией, — стремились давать своим героям «типично русские» личные имена. Например, в одном таком учебнике [Fayer 1969] — он посвящен современной жизни — главный герой носит имя *Акима*. В другом учебнике [Wiens 1961] — и в нем события также относятся к нашему времени — действующие лица получили имена *Митрофана* и *Матрены*. Казалось бы, хорошо. Если обратиться к имеющимся словарям русских имен, — скажем, к словарю [Петровский 1966], — то там все три имени приведены. Следовательно, можно думать, употребление имен в учебниках оправдано. Ведь важно, чтобы герой носил русское имя, и это условие выполнено. К тому же, как известно, имена собственные не привязаны к каким-либо качествам, свойствам человека, так что его, по всей видимости, можно произвольно назвать *Иваном, Петром, Сидором* или же *Акимом* и *Митрофаном*. См., однако, сн. 69.

⁶⁶ Ср.: «Что за беспокойное создание Полина Матвеевна! И не *Полина* ведь вовсе, а *Пелагея*. О том, правда, почти никто не знает, но в этом вся она. Не *Пелагея*, как в паспорте, а *Полина* — так „интеллигентнее“. Не просто жена известного в городе врача, а существо капризное и избалованное. Такой она отнюдь не была, но быть такой ей казалось признаком утонченности и принадлежности к какому-то высшему кругу» (В. Славич, Конфликт). В святцах имя *Пелагея* занимает три дня (10 июня, 3 августа, 8 октября), поэтому при крещении оно использовалось нередко, тогда как имени *Полина* в святцах нет.

⁶⁷ Социальные ассоциации личных имен могут быть крайне настоятельными, даже категоричными, свидетельством чему является... главный собор Петербурга — *Исаакиевский*. Царственный младенец, в будущем основатель города, родился 30 мая 1672 года, и, по обычаям XVII века, его должны были назвать именем того святого, в день памяти которого он появился на свет — преп. *Исаакия*, игумена обители Далматской. От обычая, однако, пришлось отступить, поскольку *Исаакий* — не «царское имя». Ближайшим по месяцеслову «царским» оказалось имя *Петр*. Все же и *Исаакий* Далматский не был забыт: в его память воздвигли замечательное произведение архитектуры, на западном фронте которого можно видеть скульптурную группу, представляющую собой встречу Исаакия Далматского с императором Феодосием.

Имена оцениваются также с точки зрения их стилевой принадлежности (4): например, *Гаврила, Михайла, Данила, Пантелей, Прасковья* — просторечные, «простонародные» имена по сравнению с «официальными» формами *Гавриил, Михаил, Даниил, Пантелеймон, Параскева*.

Имена несут, далее, информацию об их употребительности (5): сейчас популярны, «модны» имена *Александр, Алексей, Денис, Анатолий, Андрей*⁶⁸ и т. д., а имена *Аввакум, Акакий, Варлаам, Василиса, Герасим, Глафира*⁶⁹ и т. д., хотя достаточно известны, принадлежат тем не менее к категории редких.

Частным случаем сочетания критериев стилистической окраски и употребительности служат церковные имена, т. е. имена в той форме, которая характерна для официального православного месяцеслова. Собственно, при крещении ребенок получает только и исключительно церковное имя (например, *Иоанн*), но затем регулярно используется (если не считать записочек при поминании и обрядов венчания и отпевания) мирская форма, в том числе и в гражданской документации (например, *Иван*). Ср. аналогичные пары: *Алексий — Алексей, Анастасий — Анастас, Антоний — Антон, Артемий — Артем, Варлаам — Варлам, Власий — Влас, Гавриил — Гаврил(а), Дамиан — Демьян, Димитрий — Дмитрий, Дионисий — Денис, Евдокия — Авдотья, Евфимий — Ефим, Елисавета — Елизавета, Емилиан — Емельян, Захарий — Захар, Иаким — Аким, Иаков — Яков, Илия — Илья, Иосиф — Осип, Исидор — Сидор, Кассиан — Касьян, Климент — Клим, Косма — Кузьма, Макарий — Макар, Мария — Марья, Матфей — Матвей, Мелания — Маланья, Панкратий — Панкрат, Пантелеимон — Пантелей, Параскева — Прасковья, Пахомий — Пахом, Прокопий — Прокоп, Сергей — Сергей, София — Софья, Стефан — Степан, Симеон — Семен, Таисия — Таисья, Татиана — Татьяна, Феодор — Федор, Феодот — Федот, Феодул — Федул* и др. Некоторые достаточно известные (особенно в церковных кругах, поскольку они и поныне даются архиереям и монахам) церковные имена не имеют мирского соответствия: *Агапит, Амвросий, Андроник, Варсонофий, Викторин, Гермоген, Диодор, Евсевий, Зосима, Иларион, Нектарий, Никодим, Никон, Нил, Паисий, Пимен, Птиризм, Тихон, Феодосий, Филарет, Ювеналий* и др.

Имена могут быть локализованы и территориально (6): *Оксана, Тарас, Остап, Трофим* сопологаются с югом России, может быть, с Украиной.

⁶⁸ По данным В. А. Никонова [Никонов 1974: 72–75], частотных, популярных мужских имен всего 38. Это, если продолжить список, начатый в основном тексте подглавки, — *Аркадий, Борис, Вадим, Валентин, Валерий, Василий, Виктор, Виталий, Владимир, Владислав, Вячеслав, Геннадий, Георгий, Герман, Григорий, Дмитрий, Евгений, Иван, Игорь, Константин, Лев, Леонид, Михаил, Николай, Олег, Павел, Петр, Роман, Сергей, Станислав, Федор, Эдуард* и *Юрий*.

⁶⁹ Что касается употребительности, то здесь никак нельзя ориентироваться на личное имя в родном языке и прибегать к эквиваленции. Как правильно отметила Дж. Гергард [Gerhart 1974], русский *Василий* и английский *Vasil* не имеют одинакового статуса, хотя они одного и того же происхождения. Английские имена *James* или *Thomas* весьма частотны и своими ассоциациями отнюдь не равны русским именам *Яков* и *Фома*; точно так же немецкие *Johann* с производным *Hans* совсем не совпадают с *Иваном* или *Ваней*. Вот почему в учебнике М. Файера читатель спотыкается на имени *Аким*: это имя старое (1), неупотребительное (5) и крестьянское (3); поэтому читатель ожидает, что события, описываемые в учебнике, будут отнесены к прошлому веку или по крайней мере *Аким* окажется глубоким стариком (а на самом деле *Аким* в учебнике — молодой человек и наш современник, коренной горожанин). Крестьянского (3) происхождения и неупотребительные (5) просторечные (4) имена *Матрены* и *Митрофана* (герои учебника Г. Винса), но их носители ведут себя вразрез с ожиданиями, возникающими в связи с именами. Все три имени, по данным В. А. Никонова, на миллион обследованных современных носителей русского языка не встретились ни разу [Никонов 1967: 72–75].

Наконец, имена с живой **внутренней формой** (7) противопоставляются именам с «темной» внутренней формой; ср.: *Владимир, Лев, Владлен, Вера, Любовь, Людмила* в противоположность *Геннадий, Даниил, Петр, Фома, Глеб, Борис, Виталий, Сергей* и т. д.

Ср. рассуждение А. П. Чехова относительно имени, которое по старой орфографии записывалось как *Владимирь*. Дореволюционное правописание различало произносительные омонимы: *мирь* — это «окружающий нас мир»; *миръ* — «отсутствие войны», так что *Владимирь* буквально значит «владыка вселенной». Чехов пишет: «Владеть нельзя *миром*, это правда. Нельзя владеть и *миром*, но называть человека *владыкою мира* можно. Скажите Володе, что из чувства благодарности <...> народы имеют право величать своих избранников как угодно, не боясь оскорбить величие Божие и возвысить человека до самого Бога. Дело в том, что в человеке мы называем не человека, а его достоинства, именно то Божеское начало, которое он сумел развить в себе до высокой степени. <...> Князя *Владимира* звали *владыкою всего мира*, хотя он владел только клочком земли. <...> Вот почему русский князь может называться *владыкой мира*; это имя может носить и мой приятель Володя, потому что имена даются не за заслуги, а в честь и в воспоминание когда-то живших замечательных людей» (А. Чехов, Дневники).

В заключение надо сказать, что одно и то же имя может входить в несколько смысловых групп, например: *Всеволод* — старое (1), русское (2), социально высокое (3), стилистически полное (4), умеренной употребительности (5) имя, не лишенное, пожалуй, и живой внутренней формы (7).

Если групповая информация присуща семантике любого имени собственного, то лишь некоторые из них обладают еще и индивидуальной информацией (и она тоже имеет внеязыковой характер).

Имена могут встречаться в (8) **пословицах, поговорках, загадках**, и благодаря этому они становятся значимыми. Например, *Макар* представляется неудачником, нерасторопным человеком, потому что в пословице *На бедного Макара все шишки валяются* он показан совсем безответным; *Емеля* — болтун, пустомеля, вероятно потому, что именно так его характеризует пословица *Мели, Емеля, твоя неделя*. Между прочим, некоторые имена и известны-то нашим современникам только из-за сохранности в пословицах или поговорках: например, имя *Тит* (*Тит, поди молотить!* — *Живот болит.* — *Тит, поди кашу есть!* — *А где моя большая ложка?*). Ср. другие пословицы и поговорки, содержащие антропонимы: *Я ему про Фому, а он про Ерему; По Сеньке и шапка; Велика Федора, да дура; Любопытной Варваре на базаре нос оторвали*.

Имена собственные часто встречаются и в составе фразеологизмов: *куда Макар телят не гонял, кондрашка хватил, как Сидорову козу, Шемякин суд, при царе Горохе* и т. д. Они же непременно присутствуют в составе загадок: *Стоит Антошка на одной ножке; Сидит Марья в избе, а коса на улице*. Наконец, антропонимы активны в былинах, сказках, народных песнях и в других фольклорных жанрах: *Василиса Прекрасная, Вольга, Добрыня Никитич, Илья Муромец, Алеша Попович*. Таким образом, можно говорить о некоторых именах собственных, которые избирательно ассоциируются с жанрами или персонажами фольклора и тем самым приобретают индивидуальную семантику.

Далее, ряд личных имен (и фамилий) получил (9) **репрезентативный**, почти нарицательный смысл. Например, *Иван* — это символическое имя русского, *Иван*

Иванович и *Иван Никифорович* (персонажи повести Н. Гоголя) — двое друзей, рассорившихся из-за пустяка, *дядя Степа* (герой известного стихотворения С. Михалкова) — высокий человек и т. п. Иногда говорящий не знает или уже не помнит, к какому событию или литературному произведению восходит имя собственное, но тем не менее его использование в нарицательном смысле протекает незатрудненно.

Некоторые имена устойчиво сопологаются с (10) героями, персонажами литературных произведений (и поэтому «тянут за собой» отчество, фамилию, прозвище): *Евгений* — Онегин, *Татьяна* — Ларина (у А. Пушкина), *Василий* — Теркин (герой поэмы А. Твардовского) и т. д.

Антропонимы ассоциируются со знаменитыми государственными, политическими деятелями, полководцами, художниками, композиторами, писателями и другими (11) известными людьми. Например, *Александр* — Невский, Радищев, Грибоедов, Пушкин, Герцен и т. д. Известный — не значит непременно великий: все знают по имени, отчеству и фамилии Акакия Акакиевича Башмачкина, «маленького человека» из «Шинели» Гоголя. Если речь идет об известном русском святом, то его имя циркулирует в церковной форме: например, *Гермоген* (патриарх-мученик), *Сергей* Радонежский.

Кстати сказать, фамилия *Пушкин* в обиходной речи иногда (сейчас все реже) приобретает значение «неизвестно кто»: «Никанор Иванович <...> совершенно не знал произведений поэта Пушкина, но самого его знал прекрасно и ежедневно по несколько раз произносил фразы вроде: „А за квартиру *Пушкин* платить будет?“ или „Лампочку на лестнице, стало быть, *Пушкин* вывинтил?“, „Нефть, стало быть, *Пушкин* покупать будет?“» (М. Булгаков, Мастер и Маргарита).

Наконец, личные имена (опять-таки избирательно) становятся (12) кличками животных: *Михайло Потапыч* или *Мишка* — медведь, *Васька* — кот, *Петька* — петух и т. д.

Мы не перечислили всех видов ни групповой, ни индивидуальной информации, передаваемой личными именами. Важно в принципе показать, что практически любое имя собственное может быть нагружено индивидуальной семантикой, но эта возможность реализуется только в зависимости от неязыковых обстоятельств: от того, какое имя войдет в пословицу или как писатель назовет своего героя, а также от того, получит пословица или художественное произведение достаточное распространение.

Итак, групповая информация свойственна любому имени, а индивидуальная — только тем из них, которые «чем-то отличились». Свои групповые характеристики «отличившееся» имя может сменить: например, *Татьяна* из-за отождествления имени с героиней пушкинского стихотворного романа с течением времени перешла из группы крестьянских, «простонародных» в число имен городских, дворянских и стилистически высоких.

Пушкину, когда он героиней романа сделал Татьяну, приходилось «оправдываться» перед читателями:

Ее сестра звалась Татьяна...
Впервые именем таким
Страницы нежные романа
Мы своевольно освятим.
И что ж? Оно приятно, звучно;
Но с ним, я знаю, неразлучно
Воспомяненье старины

Иль девичьей! Мы все должны
Признаться: вкусу очень мало
У нас и в наших именах
(Не говорим уж о стихах);
Нам просвещение не пристало,
И нам досталось от него
Жеманство, — больше ничего.

Как видим, Пушкин указывает на современные ему ассоциации имени *Татьяна*: или архаичное, или простонародное. В примечании к данной строфе он с обидой замечает: «Сладкозвучнейшие греческие имена, каковы, например: *Агафон, Филат, Федора, Фекла* и проч., употребляются у нас только между простолюдинами».

Сказанное по поводу личных имен, безусловно, справедливо и по отношению к русским отчествам и фамилиям, т. е. оно относится ко всем антропонимам.

Таким образом, имена собственные обладают яркой национально-культурной семантикой, поскольку их групповое и индивидуальное значение прямо производно от истории и культуры народа — носителя языка.

До сих пор мы рассматривали материал из сферы *антропонимики*. Однако изложенное выше относится и к другим группам ономастической лексики.

Действительно, *топонимы*, являясь именованиями народной географии, в то же время обладают своей фоновой семантикой.

Иногда соответствующие СДоли могут быть выведены из формы наименования: *Новгород* — новый город, *Петербург* — город первоверховного апостола Петра (но не Петра Великого, как полагают многие). Однако гораздо чаще наблюдаются коннотации историко-социального плана: *Киев — мать городов русских; Велика Россия, а отступать некуда — позади Москва*.

Топонимы, подобно антропонимам, обладают групповой информацией. Например, одно из возможных объединений — общеизвестные «исторические» русские города: *Ростов Великий, Суздаль, Владимир, Муром, Арзамас, Архангельск, Новгород, Нижний Новгород, Ярославль, Смоленск, Тверь, Галич, Елец, Калуга, Коломна, Кострома, Курск, Можайск, Рязань, Серпухов, Севастополь, Тобольск, Томск, Тула, Узлич...* В этом списке можно выделить подгруппы: города, названные по именам древнерусских князей (*Ярославль, Юрьев, Владимир*); топонимы, связанные с воинской славой русского оружия (*Полтава, Нарва, Березина, Бородино*). Мы, естественно, далеко не исчерпали «исторического списка».

Особняком стоит в нем «первопрестольная» столица России — *Москва*. Эмоциональное восклицание А. С. Пушкина точно передает чувства и тех русских, которые никогда в Москве не бывали: «Москва... как много в этом звуке / Для сердца русского слилось! / Как много в нем отозвалось!» По многовековой традиции всенародная любовь к Москве уподоблена любви к матери: *Москва-матушка*. Наряду с Москвой, *матушкой* названа одна только *Волга* (а батюшкой — один лишь *Урал*). Устойчивый атрибут Москвы — *белокаменная*. За время своего существования Москва не раз обносилась крепостными стенами; в XIV в. были построены стены и башни из *белого камня* — подмосковного известняка. Они обветшали, и в 1485 г. было приступлено к строительству стен из красного кирпича. Уже четыреста лет Кремль обнесен красной стеной, но язык помнит, что когда-то эта стена была белой. Белокаменными остались только знаменитые кремлевские соборы — Успенский, Благовещенский, Архангельский и колокольня «Иван Великий». Многовековая история Москвы отложилась в пословице: *Москва не сразу строилась*⁷⁰. В другой пословице (*Москва красна*) отложилось общенародное мнение, что Москва — красива; ср. также: *Кто в Москве не бывал, красоты не видал*. По по-

⁷⁰ Эта пословица, как и любая другая, употребляется в переносном значении: ничто великое не делается сразу, все большое и значительное развивается из малого и на протяжении долгого времени. Так говорят, чтобы оправдать постепенный характер какой-либо деятельности, особенно когда кому-то кажется, что можно действовать быстрее.

ясному времени Москвы сверяет свои часы вся страна; отсюда: *московское время*. Известен: *московский калач* — круглая булка из лучших сортов пшеницы особой формы («с ушком»). Больше ста лет назад один ныне забытый поэт, перечисляя, чем славен тот или другой русский город (Астрахань — арбузами, Тула — ружьями...), о Москве написал: «Москва же славится давно / Невестами и калачами».

До сих пор мы говорили о традиционных топонимах, но еще недавно на географической карте было множество советизмов: особенно в 20-е и 30-е гг. прошлого века было принято переименовывать города, поселки, площади и улицы. Ср.: *Ленинград, Сталинград (Волгоград), Калининград, Горький, Дзержинск, Днепро-дзержинск, Жуковский, Киров, Комсомольск-на-Амуре, Краснодар, Куйбышев, Орджоникидзе, Свердловск, Ульяновск, Фрунзе, Фурманов* и т. д. Сейчас большинству географических объектов возвращены исконные имена, но «старые» советские еще кое-где удерживаются, а если и сменены, то не забыты. Такова инерция народной памяти: жители (и поныне не переименованного) города *Кирова* (областного) помнят, что прежде его имя — *Вятка* и что еще раньше он назывался *Хлыновом*.

Как *potina prorgia*, так и топонимы нередко используются в художественной литературе в качестве «говорящих имен» и несут культурно-национальную информацию.

Ср. хрестоматийную выписку из поэмы Н. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо»:

Мы мужики степенные,	Окольных деревень:
Из временнообязанных,	<i>Заплатова, Дырявина,</i>
<i>Подтянутой губернии,</i>	<i>Разутова, Знобишина,</i>
<i>Уезда Терпигорева,</i>	<i>Горелова, Неелова —</i>
<i>Пустопорожней волости,</i>	Неурожайки тож...

Иногда этимоны подобных литературных топонимов вполне прозрачны. Иной раз они требуют от читателя прозорливости, начитанности, даже специальных исследований. Так, у Пушкина не все говорящие имена являются, так сказать, *самоговорящими*. Вспомним строфу из V главы «Евгения Онегина». В гости к Лариным на именины Татьяны съехались соседи:

С своей супругою дородной	От тридцати до двух годов;
Приехал толстый <i>Пустяков</i> ;	Уездный франтик <i>Петушков</i> ,
<i>Гвоздин</i> , хозяин превосходный,	Мой брат двоюродный <i>Буянов</i>
Владелец нищих мужиков;	В пуху, в картузе с козырьком
<i>Скотинины</i> , чета седая,	(Как вам, конечно, он знаком)...
С детьми всех возрастов, считая	

Пушкин в этой строфе продолжает традицию русской литературы XVIII в., когда говорящие имена собственные были в особой моде. Он хочет сказать, что типы помещиков, запечатленные и обличенные Д. Фонвизиным, оставались живы и через пятьдесят лет. Фамилия *Скотинины* прямо заимствована из «Недоросля». Фамилия *Пустяков* напоминает *Простакову*. Легко понять этимон *Петушкова*: перед мысленным взором встает образ голенастого *петушка*, который красуется перед курами.

Не столь просто, однако, расшифровывается *Гвоздин*. Это фонвизинская фамилия: надо вспомнить капитана *Гвоздилина* из «Бригадира». *Гвоздилин гвоздит*, т. е. мучает, всех, кто его окружает: жену, своих крестьян. Пушкинский *Гвоздин* также не случайно стал *владельцем нищих мужиков*. *Скотинины*, чадородная «чета седая»: перед нами

еще одна литературная перекличка. Г-жа Простакова так говорит о своей семье: «Вить я по отце *Скотининых*. Покойник батюшка женился на покойнице матушке. <...> Нас, детей, было у них восемнадцать человек». Наконец, в рассматриваемой строфе курьезные ассоциации кроются за второстепенным действующим лицом «Евгения Онегина» — *Буяновым*: в согласии со значением своей фамилии, он, человек «задорный», *буянит*, почему его и извлекли в пуху.

Приведем еще один показательный пример, связанный с Пушкиным, — рассмотрим имена собственные в романе «Дубровский».

Деревня, которой владели Дубровские, называлась *Кистеневкой*. События частично развертываются в *Кистеневской* роще.

Если атрибуты русского бунта⁷¹, по Пушкину, топор⁷² и пожар⁷³, то третьим атрибутом является кистень. *Кистень* — это (по Далю) древнее боевое оружие, представляющее собой короткую палку, на одном конце которой на ремне или цепи подвешен металлический шар, а на другом конце укреплен петля для надевания на руку. Крестьяне во время бунта редко использовали огнестрельное оружие. Они прибегали к «подручным средствам», к топору, косе, вилам, цепам, т. е. предметам быта и обихода. Единственным боевым оружием был кистень, довольно примитивный в рукопашном бою, но в то же время и достаточно эффективный при нападениях из засады.

Нельзя исключать, что, назвав вотчину Дубровских *Кистеневкой*, — а в художественном тексте не бывает ничего случайного, — Пушкин хотел показать бунтарский, непокорный нрав вотчинников.

С другой стороны, деревенька близ Болдина в Нижегородской губернии, доставшаяся Пушкину в наследство от отца, также называлась *Кистеневкой* (или *Кистеневом*)⁷⁴. Поэт в одном из писем жене писал: «Охота тебе, женка, соперничать с графиней Сол.[огуб]? Ты красавица, ты бой-баба, а она шкурка. Что тебе перебивать у ней поклонников? Все равно кабы гр.[аф] Шереметев стал оттягивать у меня *Кистеневских* моих мужиков». Из письма видно, что Пушкин как бы примерял к себе ту ситуацию, в которой в тяжбе с Троекуровым оказался Владимир Дубровский. Само слово *кистень* в письменном наследии поэта употреблено дважды.

Бунтарский, непокорный нрав владельцев деревни *Кистеневки*⁷⁵ свидетельствуется также их родовым именем — фамилией *Дубровские*.

⁷¹ Свое отношение к стихийным крестьянским выступлениям, участвовавшим в 30-е гг. XIX в., Пушкин выразил в пропущенной главе «Капитанской дочки»: в ней русский бунт назван «бессмысленным и беспощадным». К работе над «Дубровским» Пушкин приступил в октябре 1832 г.

⁷² «Да как же без топора нонече и ходить», — говорит кузнец Архип.

⁷³ Инициатором пожара в *Кистеневке* стал сам молодой Дубровский.

⁷⁴ Современный поэт так упоминает о ней: «Послал министру Канкрину / Письмо, в котором говорит, что он желает / Немедленно, притом сполна вернуть / Свой долг царю. Имень *Кистенево* / Принять он просит в счет уплаты долга. / А долг не мал — почти полсотни тысяч» (Н. Доризо, Третья дуэль).

⁷⁵ Любопытно, что иностранные студенты-русисты, не всегда воспринимая социальный заряд «Дубровского», как правило, вычитывали из текста непокорный характер владельцев *Кистеневки*. Одна девушка написала: «Пушкин хотел сказать, что очень опасно говорить против большого человека. Дубровский-отец сначала сходит с ума, потом умирает, у него горит дом, нет крестьян, и сын стал разбойником. Лучше было не говорить против». В другом отзыве прозвучала мысль, что все русские вообще — слишком темпераментные и поэтому легко идут на конфликт. См. подробнее [Верещагин, Костомаров 1985б: 5].

Дуброва — это то же самое, что *дубрава*, лес или роща, состоящие из деревьев дуба. *Дуброва/дубрава* — место укрытия бунтовщиков. Если принять за истину, что *popen est oten*, то Владимир *Дубров*-ский должен был оказаться в *дубров-е*, «посреди дремучего леса», в том самом «маленьком земляном укреплении, состоящем из вала и рва, за коими находились несколько шалашей и землянок» (гл. 19).

Ср. песню о зеленой *дубравушке*; *дубравушка* не случайно названа «мати», матерью. *Дубрава* и укроет, и покроет, и защитит, и накормит, и крышу даст, и не выдаст:

Не шуми, мати зелена *дубравушка*,
Не мешай мне, молодцу, думу думати.

Эта песня была записана Пушкиным в местах Пугачевского восстания (она являлась, можно считать, гимном пугачевцев), и примечательно, что именно ее затягивает караульщик укрепленного лагеря крестьян, предводительствуемых Дубровским.

В свете сказанного можно установить переключку между романом «Дубровский» и повестью «Капитанская дочка». Там восставшие принимают решение идти штурмом на Оренбург и затягивают любимую песню своего вождя:

Не шуми ты, мати зеленая *дубровушка*,
Не мешай мне, доброму молодцу, думу думати.
Что завтра мне, доброму молодцу, в допрос идти
Пред грозного судию, самого царя...

Текстуально песня дана в несколько другом варианте, но перед нами, конечно, одна и та же песня.

Заключая настоящую подглавку, отметим, что в имеющихся ономастических словарях национально-культурные сведения обычно не приводятся⁷⁶. Словари, как правило, дают лишь диахронические сведения: например, в них можно найти сведения об этимологическом значении имени, но эти сведения, как правило, остаются исключительным достоянием ученых, а носители языка ими не располагают. Так, в словаре [Петровский 1966: 207] сообщается, что имя *Татьяна* — или от имени сабинского царя *Tatius* или от греч. глагола *τάττω* (или *τάσσω* «устанавливать, определять, назначать»), но, конечно, никакого упоминания о пушкинской *Татьяне* нет⁷⁷.

⁷⁶ В имеющихся словарях можно найти сведения об этимологическом значении имени; эти сведения остаются исключительным достоянием ученых, потому что носители языка, как правило, — если, конечно, имя не имеет прозрачной внутренней формы, — не знают, что значит то или другое имя. Ср., например, подобный (по преимуществу этимологический) словарь собственных имен: [Петровский 1966]. Кроме этимологии, в имеющихся словарях можно найти данные об этиологии имени (его первом употреблении, о среде, в которой имя возникло, и т. д.), но и эти сведения отнюдь не распространены среди носителей языка. См.: [Тупиков 1903; Веселовский 1974]. В некоторых случаях приводятся пометы групповой информации (например, в словаре Н. А. Петровского указывается стилистическая принадлежность и употребительность имени), а индивидуальная информация в редких случаях указывается — но не в ономастических, а в словарях крылатых слов. Ср., например, статьи *Петрушка*, *Митрофанушка*, *Обломов*, *Хлестаков* в словарях: [Михельсон 1896; Ашукин, Ашукина 1966].

⁷⁷ Кроме этимологии, в словарях можно найти данные об этиологии имени (его первом употреблении, о среде, в которой имя возникло), но и эти сведения отнюдь не распространены повсеместно. В некоторых случаях приводятся пометы групповой информации, но не последовательно, неполно и даже неверно, а индивидуальная информация (по крайней мере, в русских словарях) не приводится никогда. Так, в прекрасном словаре М. Н. Тупикова [Тупиков 1903] и в дополняющем его словаре С. Б. Веселовского [Веселовский 1974] даются сведения о первой письменной фикса-

В наличествующих словарях отсутствует синхронная информация, на основании которой можно было бы судить о современной ассоциативной загруженности имен, подобной той, которая была обсуждена выше⁷⁸. Соответственно, сейчас хотелось бы предложить образец возможной словарной статьи подобного словаря.

Что касается отбора собственных имен в словник, то в первую очередь надо принимать во внимание *актуальность* имени для современного языкового сознания. Скажем, у Петровского на букву А — 394 единицы (*Аарон, Абагор, Абакум, Абамон, Абдаикл, Абия, Абнодий, Абрам, Абрамин, Абсей, Аввакир* и т. д.), однако из них мы отобрали только 29 имен (*Александр, Александра, Алексей, Алла, Анастасия, Анатолий, Андрей, Анна, Антон, Аркадий* и т. д.). Вероятность того, что русский человек когда-нибудь столкнется с единицами, исключенными из словника, крайне мала, а для иностранцев она еще больше падает. Частный принцип применим и по отношению к фамилиям (см. [Марков 1971]).

Поскольку имя собственное лишено понятия⁷⁹, но фон ему вполне свойствен, при семантизации собственного имени может быть применено только изъяснение. Семантизация проводится по принципам *изъяснения* с ориентацией исключительно на современное обыденное языковое сознание.

Это означает, что историко-этимологические сведения, если они неизвестны нашим современникам, в изъяснение не вводятся. Изъясняется групповая и индивидуальная информация. Основной характеристикой изъяснения служит ориентация исключительно на современное обыденное языковое знание. Это означает, что словарь не должен содержать ни этимологии, ни этиологии собственного имени, если ни та, ни другая не известны нашим современникам. Самое главное в словарной статье должна составить презентация групповой и индивидуальной информации. Следовательно, семантизация, вообще говоря, не будет содержать нового для самих русских, которые, как правило, с детства владеют фоном русских собственных имен⁸⁰.

ции имен и прозвищ, ставших в дальнейшем фамилиями. Среда, в которой возникли фамилии, хорошо описана Б. Унбегауном [Unbegaun 1972]. См. также: [Никонов 1972, 1973]. Что касается индивидуальной информации, то в редких случаях она указывается — но не в ономастических, а в словарях крылатых слов. Ср., например, статьи *Петрушка, Митрофанушка, Обломов, Хлестаков* в словарях [Михельсон 1896; Ашукин, Ашукина 1966].

⁷⁸ Синхронические словари русских собственных имен с подобной семантизацией — пока в наше поле зрения не попадали. В иноязычных словарях такая информация иногда встречается. Например, в работе [Рыбакин 1973] под именем Benjamin сказано: 1) в Библии *Вениамин* — младший сын Иакова от Рахили, брат Иосифа; 2) сэр *Бенджамин Бэкбайт* — злобный сплетник, действующее лицо комедии Шеридана «Школа злословия» (1777). Можно считать, что второе толкование действительно понятно, но о первом этого не скажешь. Ведь наш современник совсем не знает генеалогии библейских персонажей. Достаточно было бы пояснить: образ последнего и самого любимого сына.

⁷⁹ См. [Реформатский 1967: 60 и сл.]. Возражения противников этой точки зрения (они наиболее выпукло изложены С. А. Копорским [Копорский 1956]) сводятся к тому, что у собственного имени есть семантический элемент, нами названный *фоном*.

⁸⁰ Словарь описывает имя только с позиций языка. Не приводятся сведения об употреблении имени в речевой ситуации (как проходит называние и самоназывание; см. [Николаева 1972]), о том, каков этикет обращения (см. [Копыленко 1972], как сочетать имя с отчеством или имя-отчество с фамилией (см. [Акишина, Формановская 1978: 9 и сл.]) и т. д. Также за скобки вынесена информация о *деривации* имени (без перемены корней). Скажем, имя *Александр* сопряжено с пятью корневыми основами для словопроизводства: *Ал-* (*Алик, Алечка*), *Алекс-* (*Алекسانя, Алексюшенька*), *Сан-* (*Саня, Санька*), *Саш-* (*Саша, Сашок*) и *Шур-* (*Шура, Шурик*), причем каждый ряд довольно трудно исчерпать. Ясно, что суффиксы имен собственных — например, *-к-* в личных

Структура словарной статьи такова. В первом разделе приводится заголовочное слово и дается общая характеристика имени. Второй раздел содержит деривацию, основные словообразовательные формы. Используются сокращения: *Личн.* — производные личные имена (ласкательные, пренебрежительные и т. д.); *Отч.* — производные отчества; *Фам.* — производные фамилии; *Топ.* — производные топонимы; *Фраз.* — фразеологизмы. Кроме того, применяются общеупотребительные в лексикографии стилистические пометы: *разг.* — разговорная форма, *высок.* — высокий стиль и т. д. В третьем разделе приводится национально-культурная информация, и в нем употребляются заголовки (типа *В фольклоре*, *Вторичные наименования* и т. д.), которые выделены подчеркиваниями. Курсивом выделяются формы языка.

ИВА́Н, -а, м. В прошлом самое распространенное крестьянское имя. В наше время личным именем становится реже, хотя по-прежнему очень часто встречается в фамилиях. Стар.: *Иоанн*.

Личн.: *Ваня*, ласк. *Иванушка*, *Ванюша*, *Ванечка*, пренебр. *Ивашка*, *Ванька*. Отч.: *Иванович*, *Ивановна*, разг. *Иваныч*, *Иванна*. Фам.: *Иванов*, *Ивановский*, *Ванюшин*, *Ивашкин*. Топ.: *Ивановка*, *Иваново*, *Ивановское*.

В силу своей широкой употребительности имя *Иван* приобрело репрезентативный смысл, стало символом русского человека, крестьянина (как и фамилия *Иванов*). Ср.: *русский Иван*; *Иванов*, *Петров*, *Сидоров*.

В фольклоре. *Иван* — излюбленный герой сказок: *Иван-царевич*, *Иван-дурак*, *Иванушка-дурачок*. Сказочный *Иван* обычно выходит победителем в приключениях, симпатии рассказчика и слушателей всегда на его стороне. Тем не менее поскольку *Иван* — все-таки дурак, антропоним *Ваня* стал апеллятивом — так называют простеца, недалекого человека. Например, в рассказе В. Шукшина «Непротивленец Макар Жеребцов» отец (*Иван* Соломин) хочет назвать новорожденного *Иваном*, а мать — ни в какую: «*Иванов* нынче осталось — ты да *Ваня-дурачок* в сказке. Умру — не дам *Ванькой* назвать! Сам как *Ваня-дурачок*». В другом месте Соломину говорят: «Эх ты, *Ваня* и есть». На юге России старинный народный (языческий по происхождению) праздник *Ивана Купалы* (т. е. Крестителя, Купала — от *купать*) отмечался в конце июня: по поверью, в эту ночь зацветает папоротник, а кто найдет цветок папоротника, тот найдет и клад; молодежь вьет венки и бросает их в реку, разводит костры и прыгает через огонь.

В пословицах. *Велика Федора, да дура, а Иван мал, да удал*. Рост, сила человека не связаны с его умом, сноровкой. Говорится при желании одернуть, осадить гордящегося своей физической силой. *Ни в городе Иван, ни в селе Селифан*. Ни то, ни се; некий человек не годится ни для одного дела, занятия, ни для другого.

Исторические деятели. *Иван Калита*, т. е. кошель, денежный мешок, — московский князь (†1340), собиратель земель вокруг Москвы. *Иван Грозный* (1530—1584) — первый русский царь. Проводил политику неограниченного самодержавия и про-

именах, *-ск-* в названиях городов — также должно описать в одном месте, потому что они используются с любимыми корнями достаточно произвольно. С другой же стороны, основы для деривации надо указывать под каждым именем (видимо, в форме сочетания с наиболее типичным для данного корня суффиксом). Это особенно необходимо, потому что иногда в словарях фиксируются личностные, «семейные» основы, лишённые повсеместной распространённости, в том числе и самые фантастические. См.: *Архип* — *Хила*, *Борис* — *Буся*, *Анатолий* — *Туля* и т. д. [Benson 1967]. Наконец, и типично ономастическую морфологию (скажем, разговорный «звательный падеж» — *Петь, Вань, Коль*, от *Петя, Ваня, Коля*) также лучше обсудить в одном месте.

славился своей жестокостью (за что и прозван *Грозным*). *Иван Федоров* — первый русский печатник, в 1564 г. выпустил в свет первую типографскую русскую книгу («Апостол»), напечатал также полную славянскую библию («Острожская библия»).

Вторичные наименования. *Иван-да-марья* (род. пад. *иван-да-марьи*) и *иван-чай* (*иван-чая*) — названия распространенных цветов. *Иван Великий* — колокольня в Московском Кремле (построена в 1600 г.), долгое время самое высокое строение в России. Фраз. [некто] *ростом с Ивана Великого*, т. е. очень высокий. *Иван родства не помнящий* или *Иван Непомнящий* — наименование в крепостное время (т. е. до 1861) беглого крестьянина, а в дальнейшем вообще человека, который не имеет паспорта и называет себя Иваном, а своей фамилии и места рождения «не помнит». Современное значение: человек, не признающий культурно-национальных традиций. *Ваня* — в прошлом самое распространенное русское производное имя. *Дядя Ваня* — главный персонаж известной пьесы А. Чехова, которая так и называется «Дядя Ваня» (1897). *Ванька Жуков* — ученик сапожника (персонаж рассказа Чехова), написавший письмо «на деревню дедушке»⁸¹.

Ванька. Фраз. Устар. *Валять ваньку* — «валять дурака», т. е. делать глупости, паясничать. **Вторичные наименования.** *Ванька* — в дореволюционном быту и художественной литературе прошлого века дешевый извозчик с плохой упряжью (в противоположность лихачу — дорогому извозчику). *Ванька-встанька* — детская игрушка, кукла, закругленный низ которой заполнен свинцом. Если ваньку-встаньку положить, то он опять примет вертикальное положение, «встанет». С ванькой-встанькой сравнивают человека, который всегда выпрямляется после больших трудностей, болезней.

Иван Иванович и *Иван Никифорович* — персонажи повести Гоголя, образы двух некогда близких друзей, которые поссорились из-за пустяка.

Иванов — одна из самых распространенных русских фамилий. Ударение *Ива́нов* свидетельствует о дворянском происхождении предка, носителя фамилии. Чехов пьесу о типичной судьбе русского интеллигента назвал «Ива́нов» и этим сразу подчеркнул собирательность образа. Так как *Ивановых* в России было слишком много и их путали, представители интеллигенции стали прибавлять к своей фамилии топоним (название местности) или другое уточняющее наименование; так появились двойные фамилии типа *Иванов-Смоленский*, *Иванов-Муромский*, *Иванов-Крамской*, *Иванов-Разумник* и т. д. В «Большой советской энциклопедии» (3-е изд.) дана характеристика 43 Ивановых с простой и 5 с двойной фамилией.

Носители фамилии. *Александр Андреевич Ива́нов* — художник XIX в., автор широко известной картины «Явление Христа народу». *Всеволод Вячеславович Ива́нов* (1895–1963) — известный советский писатель, драматург, автор пьесы «Бронепоезд 14-69».

Топонимы. *Иваново, Ивановка, Ивановское* — широко распространенные русские названия сел, деревень, городов. *Иваново* (раньше: *Иваново-Вознесенск*) — областной центр в РСФСР. Известен боевыми выступлениями ткачей во время революций 1905–1907 и 1917. В этом городе родилась новая форма «народовластия» — *советы*, давшая наименование советскому строю. *Иваново* — «столица» хлопчатобумажного ткацкого производства. *Ивановская* — площадь в Московском Кремле возле колокольни Ивана

⁸¹ В «Новом мире» (1974, № 8) была опубликована повесть А. Харчикова «Перед дальней дорогой». Рецензент пишет о герое повести: «Слесаря Ивана Жукова как-то трудно воспринимать. Чувствуется определенная неловкость, потому что понимаешь это имя и эту фамилию как повзрослевшего чеховского Ваньку Жукова» («Литературная газета», 1975, № 12).

Великого. На площади вплоть до XVIII в. объявлялись царские решения, указы. Площадь обширная, народу собиралось много, поэтому дьякам, которые читали указы, приходилось громко кричать. Так образовался фраз. *кричать* (*орать, кричать, играть* на музыкальном инструменте) *во всю Ивановскую*, т. е. очень громко или со всей силой.

Можно легко убедиться в том, что фон имени собственного в одной национальной культуре сильно отличается от фона сопоставимого имени другой национально-культурной области. Ниже приведены ассоциации некоторых иностранных имен, этимологически сопоставимых с русским *Иваном*.

Для поляка *Ян* (Jan) — такое же популярное имя, как и рус. *Иван*. Имеется и женское имя *Янина*. Уменьшительные имена — *Ясь, Яся, Яна, Янка*. Формы обращения: *Ясю! Яська! Ян Ковальский* репрезентирует типичного поляка. *Глупый Ясь* (Głupi Jaś) — дурачок; так называют человека нелепого вида или с растрепанной прической. *Ясек* — маленькая белая подушечка, которую подкладывают под голову; думка. Пословица: *Чему Ясь не научится, того Ян не сумеет. Янко-музыкант* — персонаж популярного рассказа Г. Сенкевича. *Ян* и *Малгося* — герои популярной сказки. В Польше празднуется *день св. Яна*, эквивалентный празднику Ивана Купалы. Исторические фигуры: *Ян II Казимир, Ян III Собеский*, поэт и баснописец *Ян Кохановский*, польский молодежный деятель *Янек Красицкий* (погиб во время войны). Географические названия: *Янув-Любельски, Янув-Подляски*.

Для немца имя Johannes не менее популярно, чем *Иван* и *Ян*. Фон имени столь же богат и разнообразен. Варианты: *Иоганн, Ганс, Гензель* (особенно в сочетании с *Гретель* из популярной сказки). В сочетании с Hans образуется немало описательных выражений: Hans im Glück «счастливчик», Hans Dampf «пострел», Hans Huckebein «горемыка», Hans Liederlich «ветреник», Hans Ohnesorge «беззаботный человек». Известная пословица очень похожа на польскую: *чего Гансик не узнает, тому и Ганс не научится* — Was Hänschen nicht lernt, lernt Hans nimmermehr. Фраз. lang wie der Tag vor Johanni (букв. «длинный, продолжительный, как день перед праздником Иоанна Крестителя») и сложные существительные Johannisnacht «Иванова ночь» и Johannisfeuer «Иванов костер» восходят к празднику, аналогичному дню Ивана Купалы. Производный глагол — hänseln «дразнить». Среди знаменитостей, носивших рассматриваемое имя: *Иоганн Вольфганг Гёте, Иоганн Себастьян Бах, Ганс Фаллада*.

Для болгарина семантика сопоставимого с русским личного имени — оно, кстати, по своей форме полностью совпадает с русским, т. е. записывается как *Иван*, — обнаруживает известное своеобразие. Имеется женское соответствие *Иванка*, которое в наши дни употребляется редко. С Запада пришло и имя *Иоанна, Иоханна*, но оно встречается только в больших городах. Форма *Иванов* может быть как отчеством, так и фамилией, причем в качестве фамилии весьма часто. По принятому в Болгарии мнению, *Иван* — самое распространенное, самое болгарское имя собственное. В фольклоре *Иванчо* — герой сказок, умный, смелый, находчивый, всегда одерживающий верх над своими противниками. Имя активно во фразеологии: *нероденият Иванчо* (букв. «нерожденный Иванчо») — это преждевременные заботы и разговоры о том, чего может и не произойти. Принятие любимого человека, невзирая на его происхождение и недостатки, выражается поговоркой: *от кал да е, ама Иван да е*. Наконец, описательное выражение *Дядо Иван* (букв. «Дед Иван») — собирательное название России, особенно в смысле вечного и надежного союзника, друга болгарского народа. Сейчас выходит из употребления.

Если сравнить фоны собственных имен, характерные для русских, поляков, немцев, болгар, — сопоставления можно было бы легко расширить, — то бросается в глаза их значительная разнородность, и разнородность эта, безусловно, отнюдь не выводится из внутриязыковой семантики, а восходит к особенностям истории и культуры народов — носителей соответствующих языков.

В заключение приводится еще одна возможная статья из ономастического словаря, ориентированного на национальную культуру.

ПЁТР, *Петра́* (ср. чередование *ě/e!*), м. Современное русское имя. К числу высокочастотных не принадлежит.

Личн.: *Петя*, ласк. разг. *Петенька*, *Петрушка*, пренебр. *Петька*, *Петруха*. Отч.: *Петрович*, *Петровна*. Фам.: *Петров*, *Петин*, *Петрухин*, *Петряев*. Топ.: *Петровское*, *Петровск*, *Петроград*.

В фольклоре. *Петрушка* — скоморох, клоун в традиционных народных представлениях. В красном колпаке, с длинным носом и пискливым голосом. Главное действующее лицо народного кукольного театра. Переносно: *петрушка* «человек, который паясничает, несерьезно себя держит».

Фраз. *Иван кивает на Петра, а Пётр (кивает) на Ивана*. Каждый уклоняется от дела, от ответственности, стремится переложить дело на плечи другого.

Зооним. *Петя* или *Петька* — кличка петуха (очевидно, по созвучию с наименованием). Из детского стишка: *Петя, Петя, петушок, / Золотой гребешок, / Маслена головушка, / Шелкова бородушка, / Что ты рано встаешь, / Ване спать не даешь!*

Исторические деятели. *Петр Первый* (или *Великий*, 1672–1725) — царь-реформатор, добившийся выхода России к Балтийскому морю (открывший «окно в Европу»).

Вторичные наименования. *Ботик Петра Великого* — «дедушка русского флота», небольшое судно, с которого началось строительство русского флота. *Птенцы гнезда Петрова* — описательное название сподвижников, помощников Петра Первого (литературная цитата; из поэмы Пушкина «Полтава»). *Петровская эпоха* — период преобразований Петра Первого.

Топонимы. *Петровск*, *Петровское*, (в сочетании с именем Павла, второго первоверховного апостола) *Петропавловск*, *Петропавловское*. В прошлом села и города часто назывались по имени главной церкви. На Руси были популярны храмы во имя святых Петра и Павла (их общий праздник приходится на 29 июня), поэтому появилось много топонимов, составленных из двух имен. *Петропавловск-Камчатский* — самый восточный город Советского Союза. *Петропавловская крепость* построена Петром Первым на Балтийском море (1703). Впоследствии главная политическая тюрьма России. В настоящее время музей. *Петербург* (затем *Петроград*, в советское время *Ленинград*, сейчас снова *Петроград*) — город, основанный Петром Первым. С 1712 по 1918 — столица России. *Петродворец (Петергоф)* — город в Ленинградской области, заложенный Петром Первым. Был летней резиденцией царей. Известен своими великолепными фонтанами и водными каскадами.

В конце настоящей Части I имеется Приложение к данной подглавке: «Образ святого, как он выявляется через фоновое комментирование его имени».

Сделанные наблюдения над личными именами, фамилиями, зоонимами и топонимами по аналогии относятся и к *этнонимам* — наименованиям как собственного народа, так и народов-соседей. В качестве показательного примера ниже рассмотрен этноним *немцы*.

Исконно *немцами* именовали всех иностранцев вообще, и в народной среде подобное именование сохранялось до начала XIX в. Действительно, в так наз. *Немецкой слободе* в Москве проживали (например, в царствование Алексея Михайловича [XVII в.]) не только выходцы из германских земель. У Пушкина (в повествовании от имени автора) читаем: «Не доезжая до заставы, <...> *француз* (Дубровский) велел остановиться, — вылез из брички, и пошел пешком, объяснив знаками ямщику, что бричку и чемодан дарит ему на водку». Затем воспроизводится точка зрения человека из народа: «Ямщик <...>, заключив из того, что *немец* сошел с ума, <...> поблагодарил его усердным поклоном» («Дубровский»). Различия между *французом* и *немцем* ямщик не делал. Германия — иначе *Неметчина*, пейоративное именование немца — *немчура*.

Немцам русские приписывают качества *ума, учености, прилежности в работе, честности, неподкупности, верности, аккуратности, педантичности, чистоплотности, расчетливости, бережливости, систематичности*, но одновременно *ограниченности, скучности, мелочности, скупости, мещанства*. Ср. у А. Ремизова: «Маракулина за его аккуратность и точность в шутку *немцем* прозвали». Немцы — народ ученый, «народ поэтов и философов», но без полета. Германия — страна, куда русская молодежь, начиная с эпохи Петра I, ездила на учебу: «Он из Германии туманной / Привез *учености* плоды» (Пушкин, Евгений Онегин). В то же время «германский гений» — «сумрачный» (А. Блок, Скифы). «— Германн немец: он *расчетлив*, вот и все! — заметил Томский» (Пушкин, Пиковая дама); «Я отобедал у Андрея Карловича, втроем с его старым адъютантом. Строгая *немецкая экономия* царствовала за его столом» (Пушкин, Капитанская дочка); «И хлебник, *немец аккуратный*, / В бумажном колпаке, не раз / Уж отворял свой васисдас» (Пушкин, Евгений Онегин).

Немец обычно представляется носителем высокой бытовой культуры, любителем размеренной жизни и уюта. Спит на перине и в колпаке. Немцы в глазах русских *законопослушны*: по анекдоту, совершая революцию, не взяли здание вокзала, потому что у кассира кончились перронные билеты.

Считается, что немцы хорошие, храбрые, но жестокие солдаты, отсюда им, особенно пруссакам, приписывается милитаризм («Пушки вместо масла»), строевая выучка — маршировка (под барабан и флейту; «гусиный шаг»), казарменные привычки. Немецкий патриотизм (национальный гимн: «Германия превыше всего») в прошлом оборачивался шовинизмом: отсюда представления о *сверхчеловеке* и *белокурой бестии*. Отсюда также расистские предрассудки: славяне как остическая раса в отличие от германцев (нордической расы) — якобы *недолюдики* (Untermenschen). Свирепая *немецкая овчарка* имеет немецкий характер.

За немцами признаются достоинства отличных администраторов и организаторов (образец — императрица Екатерина II, по происхождению принцесса София Августа Фредерика Ангальт-Цербстская), но немецкого порядка, в том числе нового, русские по традиции боялись. В XVIII–XIX вв. немцы охотно поступали на русскую службу и служили верно. «Германн был сын *обрусевшего немца*, оставившего ему маленький капитал» (Пушкин, Пиковая дама). Считается, что в XVIII–XIX вв. в России (в верхнем слое) было немецкое засилье; так, общеизвестна борьба М. В. Ломоносова с академиками-немцами. По манифесту Екатерины II немцы-колонисты широко расселились по России (ср. *волжские немцы* и *русские немцы* [репатрианты] сейчас в Германии).

Неистребимый немецкий акцент в русской речи (в частности, оглушение звонких согласных) вызывал смех: «Старый полинялый мундир напоминал война вре-

мен Анны Иоанновны, а в его речи сильно отзывался немецкий выговор. Я подал ему письмо от бабушки. При имени его он взглянул на меня быстро: „*Поже мой!* — сказал он. — *Тавно ли, кажется, Андрей Петрович был еще твоих лет, а теперь вот уш какой у него молотец! Ах, фремя, фремя*“, — он распечатал письмо и стал читать его вполголоса» (Пушкин, Капитанская дочка). Известен анекдот: если немец сказал *сопор*, то неизвестно, что он имеет в виду — *забор, запор или собор*.

Писатели любят вводить в текст якобы немецкую речь для создания комического эффекта. Так, в начальной редакции «Ревизора» была сцена с Растаковским и Гибнером, в которой последний говорит: «Вы мне *гибт* [дайте] теперь, а я вам после назат *отгибаю* [отдам]». Эта сцена была снята самим Гоголем, но Мейерхольд возобновил ее в своей знаменитой постановке. Ср. также у Лескова: (при демонстрации немцу кукиша) «Хабен зи дас гевидел?» [«А это ты видел?»].

Итоговая точка зрения русского на немца, скорее всего, такова: «молодцы, но для нас немецкая жизнь не подходит». *Что русскому здорово, то немцу смерть* (поговорка). Что касается отношений между немцами и русскими, то, начиная с Ледового побоища, когда св. благоверный князь Александр Невский разбил крестоносцев, считается, что для Германии характерен постоянный «натиск на Восток» (*Drang nach Osten*), последним по времени проявлением которого явилась Великая Отечественная война 1941–1945 гг. С другой стороны, для династии Романовых характерны многочисленные браки с немцами: последняя российская императрица Александра Федоровна — немка.

Дразнилка: «Немец, перец, колбаса, кислая капуста». Прочие ассоциации: колбасники, любители шпека (сала), пива и шнапса. На оккупированных территориях якобы мародерствовали: «Матка, курка, яйки». В России известны «типично немецкие имена» (Иоганн, Ганс, Гюнтер, Вальтер, Вольфганг, Вильгельм и т. д.) и «типично немецкие фамилии» (Шмидт, Миллер). По личному имени во время последней войны и всех немцев называли *фрицами*; ср. песню военного времени из репертуара Л. Утесова: «Парень я молодой, / А хожу все с бородой... / Вот когда прогоним *фрица*, / Будет время — будем бриться».

В царской России были весьма популярны немецкие сказки (например, братьев Гримм) и широко переводились на русский язык немецкие поэты, писатели, философы. Исполнялась музыка немецких композиторов. Собственно, и марксизм пришел из Германии. Ср. крылатые слова: *Вот где собака зарыта!*; *Одним махом семерых убивахом* (Сказка братьев Гримм о храбром портняжке); *Гамбургский счет*; *Луну делают в Гамбурге* (Гоголь, Записки сумасшедшего); *вечно-женственное* (*das Ewig-Weibliche*); *мировая скорбь* (*Weltschmerz*); *вещь в себе* (*Ding an sich*) и т. д.

Немецкий язык изучали в России наряду с французским, но он не вызывал к себе теплых чувств. Считалось, что немецкий язык — некрасивый, отрывистый («говорят, словно лают»). Так, Пушкин, Набоков и Бродский, по собственным признаниям, испытывали отвращение к немецкому языку и не хотели его учить. (См. в настоящем Разделе монографии Приложение «Пушкин, Рильке и проблема соотношения национальной культуры и надкультурной цивилизации».) Общеизвестны немецкие выражения, в том числе и искаженные: *хенде хох!*, *ауф видерзеен!*, *гут морген!* (Киса Воробьянинов в «Двенадцати стульях» Ильфа и Петрова), *хальт!*, *ейн-цвей-дрей!* (особенно когда показывают фокусы), *битте-дритте* («Битте-дритте, фрау-мадам, / Я урочек сейчас вам дам» [из оперетты «Свадьба в Малиновке»]).

Ходячий афоризм «Что в имени тебе моем?», как кажется, требует ответа «Ничего». Другой афоризм *non est omen* всё в человеке объясняет его именем. Истина, как всегда бывает, не в крайностях, а между ними.

03–8. СВОЙСТВА ЛФОНА

Кумулятивная функция. Итак, семантика слова не исчерпывается лексическим понятием, но включает в себя также компонент, называемый лексическим фоном.

В толковых словарях обычно описывается только лексическое понятие. В них можно найти, например, что *вечер* — это «время суток перед наступлением ночи» (Ожегов/Шведова) или «пора между концом дня и началом ночи, время около заката солнца» (Даль); здесь перечислены СДоли, благодаря которым определенное время суток можно назвать *вечером*.

Однако в сознании носителей языка со словом сопрягается, кроме того, значительный объем информации. *Вечер* — это пора завершения работы; время, когда вся семья собирается вместе; свободное время (отсюда *вечер отдыха*); пора, когда готовятся к ночлегу; часть суток, когда начинаются занятия для студентов, обучающихся без отрыва от производства (*вечерники*), и т. д.

Лексические понятия, как мы уже отмечали, очень часто бывают межъязыковыми, понятийно эквивалентными для двух, трех и более языков, особенно если языки обслуживают коллективы людей, сложившиеся на одной и той же культурной традиции и в пределах единого географического региона. В «Словаре русского языка» Ожегова/Шведовой слово *дом* семантизируется как «жилое (или для учреждения) здание, а также люди, живущие в нем» и как «квартира, а также семья, люди, живущие вместе, их хозяйство». Оба толкования производны от представления о месте для укрытия человека (от непогоды), которое он создает себе сам, о месте для его обитания. Англ. *house* и нем. *Haus* или фр. *maison* в соответствующих словарях определяются так же, как эквивалентное русское слово.

Однако в сфере лексических фонов регулярно наблюдается неполноэквивалентность. Во Части II настоящего Раздела книги рассматривается ЛФон *дома*, и легко убедиться, насколько он велик, разветвлен и связан с национальной культурой. Тем не менее сейчас приведем несколько сведений.

Ассоциаты по отношению к слову *дом* типа *деревянный, кирпичный, высотный (блочный, панельный* и т. д.) вполне сопоставимы с ассоциатами типа *Holz-, Ziegel-, Hochhaus*; перед нами межъязыковые СДоли. Однако СДоли, которые описывают традиционное русское жилище, его устройство, как правило, оказываются национально-культурными, т. е. свойственными лишь определенной национальной культуре и отсутствующими в другой. Скажем, *стены (дома), окна, крыша* — это межъязыковые СДоли (да и то на понятийном уровне), но *крыльцо, сени, порог, ставни, карниз, подоконник* — СДоли национально-культурные. Примечательно, что даже если в двух языках ассоциаты совпадают, то это не значит, что их качество одинаково. Так, *окно* — элемент жилища и в нашей стране, и на Кубе, и в Индии, но у нас *окно* в первую очередь хранит тепло, а на Кубе или в Индии оно только защищает внутренность жилища от дождя и злоумышленников, но что касается тепла, то окно как раз должно выпускать как можно больше тепла, поэтому дома строятся таким образом, чтобы они

лучше продувались. Традиционный «русский» дом имеет *скатную* крышу, а восточный — *плоскую*, поэтому в ряде стран Востока можно *сидеть* или *спать на крыше дома*.

Слова, которыми говорящий пользуется для выражения собственной мысли, принадлежат не ему одному, а всем членам языковой общности людей. Сочетание слов является, казалось бы, сугубо личным. Слова *мальчик*, *идти*, *дом* — это социальные средства общения, но что именно будет сказано (*мальчик идет в дом*, *мальчик не идет в дом*, *мальчик идет из дома* и т. д.), зависит от мысли, которую хочет высказать отдельный человек. Тем не менее и сочетаемость слов в конечном итоге не является индивидуальной.

Лексический фон устанавливает границы осмысленной сочетаемости слов: личный выбор действует только в их пределах. Так, поскольку любой *дом* прочно стоит на земле, ни в коем случае (разве что в сказке или в шутку) нельзя сказать: *мальчик идет из-под дома*. С точки зрения материала *дом* может быть *деревянным*, *глинобитным*, *кирпичным*, *каменным*, даже *соломенным* или *карточным*, — в зависимости от конкретного дома говорящий выбирает для номинации тот или другой атрибут. Если же дом назван *ледяным*, то нарушением границ возможного выбора достигается не прагматический, а художественный эффект (в сказке у лисы была избушка *ледяная*⁸², на «потешном празднике» императрица Анна Иоанновна приказала построить на Неве *ледяной дом*⁸³). Между прочим, подобные экспрессивные «неправильные» словосочетания, как любое исключение, только подтверждают правило: индивидуальный выбор коммуникант совершает лишь в границах, очерченных лексическим фоном.

Лексический фон устанавливает не только границы осмысленной коммуникации, но и ее языковую форму. Так, прилагательные *домашний* и *домовый* означают, казалось бы, одно и то же, но в фоне слова *кухня* оба слова противопоставляются друг другу (*домовая кухня* — это [в советском быту] небольшой магазин в доме, там продаются пищевые полуфабрикаты, а *домашняя кухня* — это пища, приготовленная в семье, дома). Ср. далее: с одной стороны, лишь *домашняя аптечка*, *домашние задания*, *домашнее воспитание*, *домашние животные*, а с другой — только *домовая мышь*, *домовый сверчок*, *домовая книга*.

Лексическое понятие может оставаться подобным себе на протяжении весьма длительных периодов: во времена великого князя Владимира *домом* называли жилое здание и людей, живущих в нем; никаких перемен с номинативной точки зрения слово не претерпело. Однако лексический фон значительно динамичнее: одни СДолы выходят из него, а другие входят.

Например, из художественной литературы XIX в. известны словосочетания *рабочный дом* и *странноприимный дом*. Однако что стоит за ними? *Рабочный дом*, по толкованию словаря Брокгауза и Ефрона, «доставлял неимущим прокормление» и привлекал «праздношатающихся» к принудительным работам; *странноприимный дом* — это собирательное название для богадельни и больницы, расположенных в одном здании. Хотя мы еще помним сами словосочетания, сопряженная с ними внеязыковая информация уже вышла из актуального общественного сознания (ср. и другие аналогичные словосочетания: *казенный*, *воспитательный*, *ночлежный*, *вдовий*, *инвалидный*, *питейный дом*...). Правда, состав лексического фона обладает не-

⁸² Фольклорно-литературных «домов» довольно много — «Кошкин дом» Маршака, «Дом с мезонином» Чехова, «Дом на набережной» Ю. Трифонова, причем свой вклад вносит и иностранная литература («Холодный дом», «Дом с привидениями», «Дом, который построил Джек»).

⁸³ Вероятно, русское общество забыло бы о том, что императрица Анна Иоанновна в середине XVIII в. на потешном празднике приказала построить на Неве *дом из льда*, а словосочетание не стало бы устойчивым, если бы из круга чтения вышел знаменитый исторический роман «Ледяной дом» И. Лажечникова.

малой инерцией, которая поддерживается широко читаемыми произведениями художественной литературы прошлого. Так, о существовании *ночлежных домов* представители старшего поколения русских помнят, несомненно, под влиянием творчества М. Горького (впрочем, за последнее десятилетие *ночлежки* постепенно стали возвращаться в жизнь). О *мертвом доме* помнится благодаря Ф. Достоевскому.

Одновременно фон слова *дом* постоянно обогащается по сравнению с предшествующими периодами все новыми и новыми СДолями.

Например, в советскую эпоху появились, а к настоящему времени вновь вышли или выходят из употребления словосочетания: *дом отдыха, Дом политического просвещения, Дом детской книги, Дом архитектора, Дом литераторов, Дом союзов, Дом политического просвещения, Дом санитарного просвещения, Дом ученых, Дом учителя, Дом художника* и т. д. Например, характерный советизм — *Дом (Дворец) пионеров*. Примечательна судьба другого характерного советизма — *Дворца Советов*: его предполагалось построить на месте взорванного храма Христа Спасителя, был утвержден проект колоссального сооружения высотой 420 метров, и здание даже стало жить виртуальной жизнью (его, словно реальность, показывали на картах-планах Москвы; расположенная рядом станция метро называлась *Дворец Советов* [ныне *Кропоткинская*]; издавался одноименный журнал; изображения тиражировались на открытках, этикетках, конфетных обертках и т. д.). Проект осуществлен не был, а храм Христа Спасителя вернулся на свое место.

Итак, если понятийная семантика слова весьма стабильна, то ЛФоны значительно модифицируются — даже на протяжении жизни одного поколения. Так, пожилой человек, герой повести И. Грековой «Кафедра», правильно замечает: «Как трансформировались за мой долгий век реалии быта, исчезли одни, появились другие. Нынешние дети не до конца понимают, скажем „Мойдодыра“ Чуковского: „Я за свечку, / свечка — в печку“; „Я хочу напиться чаю, / к самовару подбегаю“; „Вдруг из маминой из спальни, / кривоногий и хромой, / выбегает умывальник...“». Упразднены не только *самовар* и *умывальник*, но и *спальня* (да еще *мамина*). Неужели через полвека дети так же не будут понимать, что такое *телевизор*?⁸⁴ Кстати сказать, нынешним детям *Мойдодыр* известен уже далеко не всем⁸⁵.

⁸⁴ Уже от собственного имени И. Грекова (псевдоним Е. С. Вентцель) в журнальной статье о К. И. Чуковском («Новый мир», 1982, № 3, с. 234) написала: «Любопытно отметить одно обстоятельство. За то время — более полувека! — что стихи Корнея Ивановича служат нашим детям, многие реалии быта, в них отраженные, стали уже архаикой. В том же „Мойдодыре“ кружащиеся и действующие вещи — свечка, печка, самовар, умывальник, кочерга, вакса, медный таз — детям (по крайней мере городским), может быть, уже малознакомы». И. Грекова отмечает также и устаревание языка в детской поэзии Чуковского: *поклонились, схоронились, разбежались*. В другой статье («Литературная газета», 1982, № 15) она же пишет о детских стихах С. Маршака: «Как меняются реалии! У почтальона Маршака „цифра 5 на медной бляшке“, „старая форменная фуражка“. Кроме того, почтальон Маршака — определенно мужчина, а часто ли в последнее время приходится видеть мужчину в этой роли? Только и остается, выходит, толстая сумка на ремне... Может быть, настанет время, когда стихи Маршака о почте будут вовсе непонятны детям и придется объяснять им, кто такой почтальон и для чего у него толстая сумка». Кажется, это время наступило: поскольку массовая подписка на периодику и корреспонденция (в том числе некогда обязательные поздравления [открытками] с государственными праздниками и днями рождения), можно считать, прекратились, почтальон перестал быть знаковой фигурой быта. Во многих московских домах ныне (середина 2004 г.) почтовые ящики заброшены и не запираются.

⁸⁵ Перестают восприниматься и метафоры. В 60–70-е гг. приемники имели т.н. индикатор настройки — зеленый глазок, в котором, в зависимости от устойчивости приема станции, то расширялся, то суживался темный треугольник. Ср. у А. Вознесенского: «Мой кот, как радиоприемник, /

Приведенная выписка интересна и поучительна также тем, что она подчеркивает ведущую роль изменений в культуре по отношению к изменениям ЛФона. Именно культура задает темпы и направления перемен в ЛФоне, который лишь отражает и фиксирует эти изменения. Однако в то же время нельзя думать, что ЛФон является механическим фиксатором или складом, в котором хранится то, что в него поставлено. Во-первых, язык воспринимает далеко не все из того, что имеет место в жизни: проходящие, случайные, периферийные явления появляются и исчезают, не оставляя следа в языке. Во-вторых, ЛФон, как мы видели, не лишен собственной инерции: явление может исчезнуть из актуальной действительности, но язык помогает ему сохраниться в коллективной памяти членов языковой общности. Следовательно, лексический фон является не пассивным, а активным инструментом просеивания, отбора и хранения коллективного опыта.

Динамичность лексического фона весьма высока. По предположению, в течение десяти лет фоны большинства ключевых слов претерпевают существенные изменения, а если в обществе совершается социальный переворот, то темпы динамики ускоряются.

С. Маршак в стихотворении 1930-х гг. «Быль-небылица» воспроизводит беседу старика, родившегося за двадцать лет до Октябрьской революции, с советскими школьниками-пионерами:

— Вы, верно, жители Москвы?
 — Да, здешние, с Арбата.
 — Ну, так не скажете ли вы,
 Чей это дом, ребята?
 — Чей это дом? Который дом?
 — А тот, где надпись «Гастроном»
 И на стене газета.
 — Ничей, — ответил пионер.

Другой сказал: — СССР.
 А третий: — Моссовега.
 Старик подумал, покурил
 И не спеша заговорил:
 — Была владелицей его
 До вашего рожденья
 Аделаида Хитрово.

В сознании пионеров это не укладывается: в сталинской Москве огромный семиэтажный городской дом не мог принадлежать одному человеку.

Спросили мальчики: — Чего?
 Что это значит — Хитрово?
 Какое учреждение?
 — Не учреждение, а лицо! —

Сказал невозмутимо
 Старик и выпустил кольцо
 Махорочного дыма.

Мальчики немедленно переносят на сказанное свои представления: они убеждены, что домом можно владеть только для того, чтобы жить в нем.

зеленым глазом ловит мир». Сейчас подобные приемники исчезли, и метафора обесмыслилась. — В 80-е гг. прошлого века постановщики фильма «Отцы и дети» обращались в Пушкинский дом в Ленинграде, чтобы выяснить, каков «цвет Аделаиды», упомянутый Тургеневым. Ответ поступил не сразу: темно-синий цвет. Автор настоящего сообщения в «Литературной газете» (1982, № 6) задается вопросом: «Кто знает, не придется ли когда-нибудь в каком-либо авторитетном учреждении справляться, что такое *водолазка* (она же *битловка*) и какое отношение имела *лапша* к модной одежде? Во всяком случае, названия причесок двадцатилетней давности уже нынешней молодежи ровным счетом ничего не говорят». Через 20 лет прогноз оправдался: современные двадцатилетние действительно не знают, что такое *битловка* и как выглядит некогда модная *лапша*, равно как тем более не представляют себе стрижку *полечкой* или *под бокс*.

— Да неужель жила она
До революции одна
В семиэтажном доме,

В авторемонтной мастерской,
И в парикмахерской мужской,
И даже в «Гастрономе»?

Старый рабочий сообщает, что *домовладелица* «...своей семиэтажный дом / Сдавать изволила внаем».

До революции, согласно данным Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона, *домовладельцы* рассматривались как самостоятельное сословие и считались «основными жителями города, его постоянным элементом». Фамилия владельца давала имя дому, а иногда по имени *домохозяйина* называлась и целая улица. После Октября 1917 г. исчезло сословие домовладельцев, исчезли и глагольные словосочетания: *нанять квартиру, арендовать квартиру, сдать квартиру внаем*. Появилось новое и очень характерное сочетание *получить квартиру*. Получивший квартиру (в Москве — от Моссовета) становится *квартиросъемщиком* и начинает платить *квартплату*.

Небольшой дом как предмет личной собственности и в советское время можно было купить и продать, так что понятие *владелец дома* не устарело. Но многоквартирные дома не продавались и не покупались, и соответственно слова *домовладелец* и *домовладыка* употреблялись только для описания жизни и быта царской России. Лишившись *домохозяев*, после революции жилые дома сменили свою принадлежность. Если дом принадлежит местному Совету депутатов трудящихся (исполкому), то он называется *государственным*; не случайно пионер у Маршака высказал догадку, что арбатский дом — это дом *Моссовета*. Бывает в роли хозяина дома и какая-либо организация (министерство, предприятие). В таком случае дом называется *ведомственным*. Мальчики у Маршака правильно предполагают, что владеть домом может *учреждение*. Кроме того дом может принадлежать *жилищно-строительному кооперативу*, т. е. объединению людей, желающих купить себе квартиру в доме.

Итак, после Октябрьской революции общественные отношения были установлены на новых принципах. Соответственно множество слов и словосочетаний, отражающих дореволюционный уклад жизни, перешло в пассивный фонд русского языка.

Еще два дома-образа, дома-понятия. *Дом Пашкова* — старое здание Государственной библиотеки, которая и по сей день в обиходе зовется *Ленинкой*. *Пушкинский дом* — Институт русской литературы Академии наук СССР.

Итак, понятие слова *дом* — понятие общечеловеческое. Но весь ореол *русского дома*, как культурно-исторического явления и как слова, зависит от национальных особенностей русского народа, его истории, культуры, быта. Зависит также от общественных событий, особенно переломных, от социального развития. Быстротекущая жизнь меняет язык. Но что ушло из повседневной жизни, к счастью, не сразу уходит из языка.

В качестве итога подошла бы апофтегма А. де Сент-Экзюпери: «Язык выражает мир сегодняшний и помнит о мире вчерашнем».

Словообразовательная и метафорическая деривация. Семантические доли ЛФона ответственны за семантику производных слов. Словопроизводство (т. е. образование новых слов от одной и той же лексической основы) может быть не только с помощью аффиксов, но и благодаря метафоризации.

Как мы видели раньше, лексическое понятие *дом* определяется указанием на СДоли «здание», «квартира», «люди, живущие вместе». Понятийная семантика не содержит, естественно, никакого упоминания о «сверхъестественном существе, якобы обитающем в каждом доме», но в фоновой семантике эта СДоля — в прошлом (вплоть до начала XX в.) — присутствовала.

Между тем производное от слова *дом* слово *домовой* содержит эту СДолю именно в своей понятийной семантике: «В каждом доме свой *домовой*. Он сидит в углу, в подполье. Переходишь в другой дом, надо позвать с собой и своего *домового*» (Н. Гарин-Михайловский, Несколько лет в деревне). Культ домового был еще вполне развит в XIX в.: домовому молились, его действительно «брали с собой» при перемене квартиры.

Поместья мирного незримый покровитель,
Молю тебя, мой добрый *домовой*,
Храни селенье, лес и дикой садик мой
И скромную семью моей обитель. (Пушкин)

М. Горький (в повести «Детство») вспоминает: «Когда переезжали на квартиру, бабушка взяла старый лапоть на длинном оборе, закинула его в подпечек и, присев на корточки, начала вызывать *домового*: — Домовик-родовик, вот тебе сани, поезжай-то с нами на новое место, на иное счастье...».

В понятийной части семантики слова *дом* нет явного указания на то, что дома люди не только спят или принимают пищу, но и могут выполнять работу, в том числе и для заработка. Производное слово *надомник*, однако, эту фоновую для слова *дом* СДолю переводит именно в понятийную сферу своей семантики: *надомник* — «человек, работающий по заказу на дому». В ЛФон слова *дом* входит, конечно, знание об имуществе, находящемся в доме, а в производном слове *домушник* эта фоновая СД стала понятийной: *домушник*, по словарному определению, — «вор, занимающийся кражей домашнего имущества».

Как легко видеть, три производных слова — *домовой*, *надомник*, *домушник* — возникли в результате актуализации фоновых СДолей исходного слова *дом*, и те СД, которые были фоновыми для исходного слова, стали понятийными для производных. Эти сдвиги сопровождаются закреплением, специализацией средств деривации. Действительно, с точки зрения абстрактного, общего деривационного значения все три слова — *домовой*, *надомник*, *домушник* — эквиваленты (если учесть семантику суффиксов и только ее) и означают *po men actionis* мужского рода, имеющий отношение к дому (и больше ничего).

Закрепление каждого слова для выражения более узкого, конкретного смысла происходит благодаря узусу. Аналогично: *домик* и *домок* (при учете одного только абстрактно-деривационного значения) — в обоих случаях «маленький, небольшой дом», но *домок* дополнительно имеет узуальное со-значение, а именно: представление о скупости, накопительстве его владельцев. Ср.: *скопи домок* или *скопи дом* — *скопидом*. Р. Р. Гельгардт анализом словарей показал, что в данном семантическом развитии узус сыграл первостепенную роль. Он пишет: «...существительное *скопидом*, по свидетельству Словаря Академии Российской, означало в просторечии „бережливый, который напрасно ничего не тратит“, *скопидомство* истолковывалось как „хозяйство“ и „бережливость“» (часть IV, стлб. 179). В Словаре Даля *скопидом* — «хороший, бережливый хозяин» (т. IV, с. 192) и *скопидомство* — «скромная бережливая жизнь без лишних трат, старательное хозяйство» (Там же). О последующем «ухудшении» значения этих слов можно судить по их современному для нас семантическому наполнению: *скопидом* — «разг. тот, кто одержим страстью к накоплению и бережлив до скупости», и *скопидомство* — «разг. страсть к накоплению и чрезмерная бережливость, доходящая до скупости» (САН, IV, с. 161). Теперь в семантической структуре этих лексем особенно акцентируются семы,

обладающие отрицательно-оценочной экспрессией. Она остается устойчивой и в актах речевой манифестации, что нельзя считать безотносительным к отражению социальной действительности — изменившемуся состоянию господствующей общественной идеологии и психологии» [Гельгардт 1978: 19–20]⁸⁶.

Выше мы рассмотрели словопроизводство, характерное для общезыкового узуса. Еще нагляднее роль фоновых семантических долей проявляется в индивидуальном словопроизводстве. Например, *домашний* (по Ожегову) значит «относящийся к дому, семье, частному быту»; однако если исходить из противопоставления дома улице, частного общественному, своего чужому, то *домашний* в индивидуальной речи может выражать целую гамму «несловарных» значений. Например, Ремизов (в «Крестовых сестрах») говорит о регулярной возможности двух мнений: «одного мнения *домашнего*, какое дома высказывается в тесном семейном кругу, другого — уличного, какое на людях заявляется». Здесь из фона слова *дом* в личном употреблении говорящего актуализировались СДоли непринужденности, искренности и отсюда доверительности — тех отношений, которые обычно складываются в семье.

Приведем еще один пример, способный яснее показать, что имеется в виду. В повести «Детство» Горького встречается глагол *мартышничать*, и автор берет его в кавычки, чтобы подчеркнуть индивидуальное употребление этого слова или, во всяком случае, его необычность. Почти все опрошенные нами интерпретировали данный глагол (он предьявлялся во фразе: «Мы, мальчишки, вообще много *мартышничали*») как «гримасничать», «строить рожи», «паясничать», «передразнивать, копировать, изображать кого-либо». Действительно, в фон слова *мартышка* обыденное языковое сознание включило СДолю «гримасничать» (считается, что мартышки, вообще обезьяны, любят передразнивать, копировать людей, животных; ср. глагол *обезьяничать*⁸⁷), поэтому реакция участников небольшого эксперимента отнюдь не была неожиданной. Однако у Горького глагол помещен в контекст, требующий другого понимания: «[Мы]... главным образом занимались воровством с барж и вообще „*мартышничали*“ на Волге и Оке, хватая все, что было плохо положено». Следовательно, писатель актуализировал этим глаголом другую фоновую СДолю ЛФона лексемы *мартышка*, а именно «красть, воровать», — вороватость, как и гримасничество, повсеместно приписывается всем обезьянам. Этот пример отчетливо демонстрирует, что фоновая СДоля в словопроизводстве может стать и становится понятийной.

Та же динамика, взаимопереход фоновых СДолей в понятийные наблюдаются не только в словопроизводстве, но и в речи, так что слово иногда выступает в акте коммуникации, будучи на время лишено своей понятийной семантики.

Например, *чердак*, по словарному определению, — это «помещение между последним этажом дома и крышей», а *подвал* — «помещение, образованное фундаментом дома» (обычно ниже уровня земли). Фон первого слова содержит СДолю «расположен в верхней части вертикали строения», а фон второго — «расположен в нижней части вертикали». Обе СДоли в речи иногда выступают на первый план,

⁸⁶ Любопытно, что в дореволюционном «Русско-английском словаре» Александра *скопидом* — это все еще только «saver, economist».

⁸⁷ Иракий Андроников свидетельствует сам о себе, что он умел прекрасно подражать другим людям, копировать их походку, манеру говорить, тембр голоса. Он упоминает о мнении одного из слышавших подражания: «Ваш Андроников — *макака* порядочный» [Андроников 1979]. Ср. также нем. глагол *affen* «обезьяничать».

фактически нейтрализуя понятийную семантику данных слов. Ср. у Лескова (в «Вотельнице»): «— Да у тебя на *чердаке*-то что, говорит, напхано? Сено? — Извините, говорю, милостивый государь, у меня, слава моему создателю, пока еще на плечах не *чердак*, а голова...». Ср. также в мемуарах Эренбурга: «Редактор, не читая, подпisał статью в набор, и на следующее утро она вышла большим *подвалом*».

В понятийной части слова *медаль* содержится информация об особенностях этой формы отличия, но одновременно все знают, что медаль прикалывается, привешивается к одежде; ср. заключительную фразу повести «Детство» Горького: «— Ну, Лексей, ты — не *медаль*, на шею у меня не место тебе, а иди-ка ты в люди...».

Бревно — это обделанный (очищенный от веток и коры) и опиленный с двух сторон ствол дерева, однако в то же время бревну приписывают такие качества, как бесчувственность, тупость, равнодушие; ср.: «А ведь дело-то совсем не в том, что человек человека *бревно*, дело проще» (Ремизов).

Утром называется часть суток непосредственно до и после восхода солнца, а *вечером* — до и после захода, и в ЛФоне первого слова есть СДоля «начало дня», а в ЛФоне второго — «конец дня». Ср.: «Только утро любви хорошо» (Надсон); «Еще не вечер» (Бабель), т. е. не конец.

Так мы вплотную подошли к вопросу о роли лексического фона в языковой метафоре: языковая метафора представляет собой перемещение определенной СДоли из фоновой части семантики слова в понятийную часть. Скажем, по словарному определению, *пчела* — это «насекомое, имеющее свое место в энтомологической классификации и обладающее известными признаками строения», тогда как обыденное сознание приписывает *пчеле* такое качество, как трудолюбие, отсюда *пчелой* может быть назван трудолюбивый, неустанно трудящийся человек. Кроме того, в обыденном сознании *пчела* перелетает с цветка на цветок и собирает нектар, который затем относит в улей. Соответственно в старину «*Пчелой*» называли (переведенную с греческого) книгу, представляющую собой выписки из разных авторов, собранные по темам в одном месте для справок и возможной полемики с иноверцами. Поскольку *пчела* (известное насекомое) и *пчела* (трудолюбивый человек) выражают два различных лексических понятия, можно полагать, что языковая метафора приводит к образованию новых слов, к омонимии.

Как бы то ни было, метафоризация возможна только потому, что в лексическом фоне исходного слова имеется СДоля, которая для последующего слова станет понятийной. Ср.: *осел* — «животное, которому молва приписывает упрямство», отсюда метафорически упрямец — *осел*. *Собака* бывает злой и лает на прохожих, отсюда склонный к брани человек называется *собакой* (ср. глагол *собачиться*) и т. д. Иногда в процессе метафоризации используются две или три СД из фона исходного слова: так, в обыденном сознании облик *обезьяны* признается некрасивым, а основной чертой повадок животного — гримасничанье, отсюда две языковые метафоры — *обезьяна* в значении «страшный, некрасивый, (морщинистый) человек» и *обезьяна* в значении «человек, который кривляется, гримасничает».

Одного порядка с метафоризацией следует признать устойчивые языковые сравнения: упряма не обязательно прямо называть *ослом*, а можно прибегнуть к уподоблению (упрямый как *осел*). Ср.: голодный как *волк*; усталый как *собака*; плавает как *топор*; мчится как *вихрь*; работает как *вал*; стучит как *дятел*; прыгает как *мячик* и т. д. «Он ровно *курочка* помаленьку кушает» (Мельников-Печерский, В лесах).

В настоящей подглавке мы сознательно свели вместе суффиксально-префиксальное и метафорическое словопроизводство. С сугубо семантической точки зрения и первый, и второй способы приводят к появлению новых слов, возможность образования которых кроется в ЛФоне исходного слова.

03–9. ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

В заключение еще несколько соображений по поводу ЛФона.

Хотя представление о равенстве лексической семантики понятию все еще является весьма распространенным и реализуется в практике создания толковых словарей, все же в науке не раз звучали голоса против такого отождествления. Указав на приоритет Потебни, В. В. Виноградов решительно высказывается за признание большей широты семантики слова, ее многослойности, во всяком случае несводимости к понятию: «Разные виды значений слов по-разному служат отражению и закреплению в языке успехов познавательной деятельности народа. А. А. Потебня правильно указывал на то, что лексические значения слов, органически связанные с грамматическими, являются структурными элементами языка, и в этом смысле они формальны — по сравнению с теми понятиями, которые складываются и закрепляются на их основе и с их помощью. Понятие может стать свободным, номинативным значением слова, но и в этом случае семантика слова, рассматриваемого в аспекте системы языка, не исчерпывается и не ограничивается только выражением этого понятия. Что же касается других видов лексических значений слов, то эти значения настолько слиты со спецификой данного конкретного языка, что общечеловеческое, понятийное, логическое содержание в них обрастает со всех сторон своеобразными формами и смысловыми оттенками национального творчества данного народа».

О размерах влияния экстралингвистического фактора на план содержания языка (в первую очередь слова) Е. Д. Поливанов выразился так: «Я уверен, что когда мы будем обладать полным списком факторов внеязыкового быта, способных проецироваться на языковом развитии, мы будем удивлены его размерами. Но учет этот — дело будущего, проблема, для которой еще надо собрать материал» [Поливанов 1928: 42].

В литературе — научной и художественной — обращалось внимание на повышенную изменчивость, переменчивость, вообще социальную мобильность того непонятийного компонента лексической семантики, который у нас назван ЛФоном. Понятийная семантика, действительно, весьма стабильна, а ЛФоны значительно модифицируются на протяжении жизни даже одного поколения. Подтверждающий пример устаревания фоновой семантики отчасти читаемого детьми и поныне «Мойдодыра» Чуковского (пример заимствован из повести И. Грековой «Кафедра») мы уже приводили: свечка, печка, самовар, мамина спальня, «кривоногий и хромой» умывальник (похожий на шкаф) не вызывают тех образов, которые они вызывали в начале XX в. (в царской России).

Язык как бы постоянно несколько отстает от перемен в жизни, от сдвигов в общественном сознании, хотя это отставание касается только и исключительно формы выражения. Кто-то заметил, что давно восприняв гелиоцентрическую систему Коперника, в языке мы все еще держимся геоцентрической системы Птолемея (ср. *солнце взо-*

шло, поднялось, село, зашло), а Сент-Экзюпери выразил то же в общем виде: «Чтобы понять значение сегодняшнего мира, мы пользуемся языком мира вчерашнего»⁸⁸.

Присутствие в семантике слова лексического фона обнаруживается не только благодаря очевидным переменам смыслов и сочетаемости на протяжении какого-то времени. Лексические фоны становятся неопровержимо видны также при сопоставлениях понятийно-эквивалентных слов разных языков. Так, русск. *каша* и нем. *Grütze* выражают одно и то же межъязыковое лексическое понятие, но для русского *каша* представляется чем-то беспорядочным, спутанным (отсюда *каша в голове* «человек, который не может разобраться в собственных мыслях», *каша во рту* — «обладает плохой артикуляцией»), а для немца *Grütze* кажется чем-то ценным, питательным, полезным (отсюда *Grütze im Kopf haben* — «быть башковитым, иметь смекалку»). Болгарская исследовательница пишет, что переводом на болгарский язык русской фразы *Наконец выступили киты* должно быть выражение *изказаха се лъвовете*, так как *кит* (метафорически «важный, заслуженный, авторитетный человек»; подчеркивается объем) в этом случае метафорико-функционально равен болгарскому *лъву* (подчеркивается сила)⁸⁹.

Именно поэтому трудно согласиться с мнением, что изучение иностранного языка представляет собой не более чем овладение еще одним способом участвовать в коммуникации. Интуитивно усваивая родной или иностранный язык, как кажется, только для того, чтобы общаться на нем, человек вдруг осознает, что получает в значении слов колоссальное духовное богатство от своего или чужого народа. И действительно: язык, а в нем в первую очередь слово, — это главнейшее орудие социализации человека сначала в родной для него национальной культуре, а потом (если изучается второй язык) — и во вторичной (иностранной) культуре. Конечно, иностранный язык иногда может изучаться на материале родной культуры, как новый код, но в нормальном случае необходимы определенные усилия, для того чтобы и в учебном процессе сохранить естественную связь языка и культуры. В методике преподавания иностранных языков соответствующая проблематика вот уже более тридцати лет рассматривается под именем лингвострановедения, а если говорить избирательно только о лексическом уровне языка, то в дополнение к толковым словарям должны быть созданы — и уже созданы (см. [Денисова 1978; Великобритания 1978⁹⁰; Чернявская 1984]), а также создаются — лингвострановедческие словари. Толковые словари семантизируют лексические понятия, а лингвострановедческие — ЛФоны.

Глава 4. Способы объективации лексических фонов

Сначала о том, каким образом можно судить о фоновых СДолях, т. е. о составе ЛФона, о количестве и качестве входящих в него непонятных смысловых единиц.

⁸⁸ Хорошее изложение проблемы см. в емкой кн.: [Горбачевич 1965]. Автор пишет: «...Язык не только орудие создания культурных ценностей. Он в то же время памятник культуры, зеркало жизни нации» [там же: 3].

⁸⁹ [Васева-Кадынкова 1978: 63]. Она же показала неэквивалентность метафорической семантики рус. *грач* и болг. *гарван*, а также обусловленное метафорикой разное значение фразеологизмов типа *точить зубы на кого-л.* и *точа си зьбите за нещо* «страстно желать заполучить нечто», *водить за нос* и *водя за носа* «командовать кем-л.» и т. д.

⁹⁰ См. также близкое по замыслу и исполнению произведение [Paul 1975].

Первый способ заключается в непосредственной работе с носителями языка, выступающими в роли информантов. Обследование информантов принимает различные формы; мы рассмотрим только опрос и эксперимент.

Опрос — это путь, которым следуют диалектологи, когда им нужно получить толкование лексического понятия (некоторого неизвестного в литературном языке местного слова). В ответ на вопрос типа *Что такое ветошь?* информанты, как мы видели, перечисляют понятные СДоли. Опрос — метод получения сведений, широко используемый в этнографии [Итс 1974], однако в отличие от диалектологов этнографы прибегают и к вопросам, направленным на выявление ЛФона. Вопросы формулируются не только как *Что такое...?*, но *Что вы знаете о...?*, и в ответ информант перечисляет как раз фоновые СДоли. Процедура опроса, естественно, может применяться и в работе с информантами — носителями литературной речи.

Интересен также «самоопрос» информантов. Ср., например, выписку из газеты, содержащую обращенные к себе вопросы, причем ответы на них объективируют именно фоновые СДоли: «Что мы с вами знаем о *молоке*? Знаем, что оно бывает *бутылочное, пакетное, парное, топленое, шестипроцентное* и *сгущенное*, вот, пожалуй, и все. Да! Еще *прокисшее*. Но это уже не молоко, а простокваша. Спроси нас: для чего существует молоко? Чтобы его *пить!* — не задумываясь ответим мы...»⁹¹. Мы вынуждены, однако, признать, что информант весьма поспешил заявить о своих фоновых знаниях: «вот, пожалуй, и все». Поскольку он обычно называет лишь один элемент контрастной пары (или тройки) слов, имеются все основания полагать, что и второй (и третий) элемент присутствует в его сознании, в его памяти. Так, едва ли автору неизвестно, что молоко бывает не только *бутылочное* или *пакетное*, но и *разливное*, что оно бывает не только *парным*, но и *холодным* (а также *горячим*), не только *топленным*, но и *сырым* (а также *пастеризованным* или *кипяченым*), не только *шестипроцентным*, но и *трехпроцентным*, не только *сгущенным*, но и *натуральным* (а также *порошковым*), не только *прокисшим* (*кислым*), но и *свежим*, что молоко можно не только *пить*, но и *перерабатывать*, скажем, в *сметану, кефир, сливки, масло, сыр* и другие молочные продукты.

Работа с информантами, кроме опроса, принимает также форму эксперимента, в частности ассоциативного.

Ассоциация, как известно, — это «отражение взаимосвязей предметов и явлений действительности в форме закономерной связи между нервно-психическими явлениями» [Ярошевский 1960]⁹². Поскольку психика выполняет прежде всего отражательные

⁹¹ Вот еще несколько газетных выписок, содержащих самоопросы. «Как вы полагаете, нужна ли современному человеку *баня*? Нет, нет, не *финская*, не знаменитая сауна с сухим паром... а обычная *русская баня с горячей водой, влажным паром и березовым веничком*. Авторы смело берутся утверждать, что нужна. Потому что баня — не просто моечное предприятие, а замечательная дань давней *традиции*, огромное удовольствие...». «У нас в стране издавна существовала традиция семейного *чаепития*. За столом вся семья — от мала до велика... На столе — *самовар* (чисто *российское изобретение!*). Почему-то чай из самовара особенно вкусен. К чаю — *варенье, сахар, мед, пироги*. Не спеша, со *вкусом* пьет семья чай, ведет общий дружный разговор...». «Когда в «Садко» поется „...не честь алмазов в каменных пещерах... далекой *Индии чудес*“, многие представляют себе захватывающие *тайны*, гигантские *храмы*, *лунные камни* фантастической ценности, *укротителей змей* и тому подобное, но никто не думает о научно-техническом развитии великой страны».

⁹² Систематический анализ психологических учений об ассоциативных процессах (начиная с XVII в.) см. также [Ярошевский 1976].

функции, ассоциации охватывают весь род психической деятельности человека. Что касается языка, речи, то ассоциативные механизмы проявляют себя в том, что одно слово произвольно вызывает в сознании человека другое, причем если второе слово приходит на ум без усилий, само по себе, связь между слоями все же отнюдь не произвольна.

Сущность ассоциативного эксперимента «состоит в том, что испытуемым предлагается в ответ на тот или иной словесный стимул выдать „первую пришедшую в голову“ словесную реакцию» [Титова 1975а; 1975б]. В эксперименте, проведенном Л. Н. Титовой [1975б: 45], испытуемые привели следующие слова ассоциаты (в качестве реакций на стимул *молоко*): *белое, корова, парное, вкусное, свежее, холодное, кипяченое, пить, сметана, теплое, вкусно, кефир, вода, стакан, хлеб, бутылка, топленое, кислое, коровье, масло, сливки*.

Мы сопоставили сведения, полученные путем опроса и с помощью эксперимента (см. таблицу), расположив слова по внешнему признаку — по алфавиту (хотя в данных Л. Н. Титовой слова расположены по мере убывания количества совпадающих реакций: ассоциат *белое* имеет наивысший показатель, а ассоциат *сливки* — самый низкий).

Опрос	Эксперимент	Опрос	Эксперимент	
бутылочное	белое	перерабатывать	<i>пить</i>	
	бутылка	<i>пить</i>		
горячее <i>кефир</i> <i>кипяченое</i> <i>кислое</i>	вкусно	порошковое	<i>свежее</i> <i>сливки</i> <i>сметана</i> стакан	
	вкусное	прокисшее		
	вода	разливное		
	<i>кефир</i> <i>кипяченое</i> <i>кислое</i> корова	<i>кефир</i>		<i>свежее</i>
		<i>кипяченое</i>		<i>сливки</i>
		<i>кислое</i>		сметана
		корова		сырое
коровье	<i>топленое</i>	теплое		
масло	трехпроцентное	<i>топленое</i>		
парное	парное	<i>холодное</i>	хлеб	
пастеризованное		шестипроцентное	<i>холодное</i>	

Легко заметить, что результаты опроса и эксперимента оказались в значительной мере совпадающими (эти слова набраны курсивом), и не случайно, так как опрос (т. е., несколько упрощая, обследование одного информанта) и эксперимент, предполагающий обследование такого количества информантов, чтобы полученные материалы отвечали статистическим критериям достоверности) — это разные формы одной и той же, качественно однородной работы. Различие между данными опроса и эксперимента — только количественное⁹³, причем иногда единичный опрос может даже дополнять массовый эксперимент (например, в эксперименте по поводу температуры молока указаны только две реакции — *парное* и *холодное*, в то время как в опросе имеется и третья — *горячее*, и весьма вероятно, что она также присутствует в соз-

⁹³ Достоинство эксперимента состоит в том, что он устраняет сугубо личные ответы; в этой характеристике можно, конечно, видеть и качественное расхождение между опросом и экспериментом.

нании испытуемых). Мы говорим об этом, чтобы убедиться в возможности использовать и единичные свидетельства для суждений о семантике слова.

Научная литература по вербальным ассоциациям велика⁹⁴ и постоянно увеличивается; особенно отметим в ней до сих пор не превзойденный «Словарь ассоциативных норм русского языка» [1977] (некоторые нормы, однако, за четверть века устарели).

Итак, первый способ, с помощью которого можно судить о фоновых СДолях слова, — работа с информантами в форме опроса или в форме эксперимента. Второй способ в известной мере является продолжением или даже частным случаем первого.

О фоновых СДолях слова можно судить на основании лексикографических источников. Как известно, в них собраны, систематизированы и единообразно представлены результаты самонаблюдений, самоопроса составителей, данные картотек, в которых содержатся выписки из письменных материалов (художественной литературы, прессы и т. д.), и в некоторых случаях записи живой речи. Следовательно, словарь сочетает в себе указанные ранее характеристики опроса и эксперимента.

Правда, в лексикографических работах (например, в толковых — explanatory — словарях), как правило, регулярно отражается и поясняется только лексическое понятие. Например, в Словаре Ожегова и Шведовой в семантике слова *молоко* вычленяются только два прямых значения: «1) белая жидкость, выделяемая грудными железами женщин и самок млекопитающих после родов для вскармливания младенца, детеныша; 2) такая жидкость, получаемая от коров и употребляемая как продукт питания». Тем не менее сопровождающие толкования иллюстративные примеры нередко отражают и непонятнейшие СДоли, т. е. во вспомогательном аппарате словарной статьи (пусть неполно и далеко не систематически) просвечивает и ЛФон.

Например, оба значения слова *молоко* иллюстрируются так: 1. Грудное м. (женское). Козье м. Коровье м. Овечье м. 2. Купить м. М. в пакетах. Кислое м. (прокисшее, а также, разг., простокваша). Сгущенное м. Топленое м. Каша с м. В [БАС] СДолей фона перечисляется, естественно, больше: *молоко на губах не обсохло, птичьего молока не хватает, всасывать что-либо с молоком матери, как от козла молока, кровь с молоком, парное молоко* (перечисляем только тот материал, который отсутствует в Словаре Ожегова и Шведовой. — Е. В., В. К.). Если учесть иллюстративный материал к производным от слова *молоко* (например, к слову *молочный*), то число СДолей фона еще больше увеличивается: *молочный брат, молочная сестра, молочный поросенок (теленек), молочная промышленность, молочные продукты, молочная кухня, молочный суп, молочная диета, молочные реки (и кисельные берега), молочная спелость, молочные зубы* и др.

Таким образом, из иллюстративной части толковых словарей и из показа в этих словарях сочетаемости заголовочного слова можно извлечь немало информации, относящейся к ЛФону.

Следовательно, общеязыковые (толковые) словари содержат сведения, благодаря которым можно судить о фоновых СДолях слова, но эти сведения подаются без системы, выборочно, лишь для примера (иллюстрации).

Мы хотели бы, однако, отметить, что в некоторых специальных словарях семантизация лексических фонов проводится именно систематически, с широким охватом фоновых

⁹⁴ Ср., например: [Речь и интеллект 1930; Бикчентай, Лаврова-Бикчентай 1929; Виноградова, Эйслер 1959; Палермо 1966]. Обширный обзор литературы и техники ассоциативных экспериментов см.: [Залевская 1971; Титова 1975а; Титова 1975б]. Ср. также литературу вопроса на иностранных языках: [Miller 1951; Deese 1966; Rommetveit 1969].

СДолей. Таковы словари с этнографическим уклоном, прежде всего «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля (далее: *Словарь Даля*). Несмотря на то что этот словарь, несомненно, является филологическим, он «представляет собою своего рода энциклопедию народной русской жизни, преимущественно XIX века» [Канкава 1958: 115]⁹⁵.

Например, С. И. Ожегов приводит в статье ЛЕШИЙ следующие сведения: «в русской мифологии: человекообразное сказочное существо, живущее в лесу». В. И. Даль тоже дает определение лексического понятия («лесной дух, пугало»), но затем помещает систематические сведения и, в наших терминах, перечисляет фоновые СДоли: «лесной дух, пугало, как *домовой, полевой, водяной*; леший поет голосом без слов, бьет в ладоши, свищет, аукает, хохочет, плачет, перекидывается в мужика с котомкой, в волка, в филина, обходит мужиков и лесников, заставляя их плутать; избавляются от этого, одев все платье наизнанку; звери, особенно зайцы, в его ведении; их лешие проигрывают друг другу в карты и перегоняют из колка в колок. <...> Леший нем, но голосист, без шапки, волоса зачесаны налево, кафтан запахивает направо, бровей и ресниц нет. Леший подходит греться к кострам, но прячет рожу. Уводит детей, проклятых отцом-матерью» (т. 2). Ср. также статьи БАБА, БУБЛИК, БАРАНКА, БАБА-ЯГА, ДОМОВОЙ, КИКИМОРА, ПЕРУН, РУСАЛКА, СОРОКА, СУЖЕНЫЙ, ЯРИЛО и т. д.

Примечательно, что подробные сведения по лексическому фону даются далеко не для каждого слова (например, их нет в словарной статье МОЛОКО). Даль прибегал к семантизации ЛФона только тогда, когда у него имелись основания полагать, что обозначаемое словом явление неизвестно или плохо известно его потенциальным читателям. По отношению к общезыковой лексике Даль ограничивается краткими напоминаниями, желая оживить лексическое понятие (и ЛФон) в памяти человека.

Кроме этнографических, целенаправленно семантизируют ЛФон словарной единицы и так называемые словари реалий или словари-комментарии к произведениям авторов, творивших в предшествующие эпохи.

Например, в сборнике материалов о жизни и творчестве А. С. Пушкина, предназначенном для школьников [Боголепов, Верховская, Сосницкая 1974], имеется «Словарь к художественным произведениям Пушкина», в котором, в частности, регулярно описывается ЛФон: «*мушка* — кусочек черного пластыря или тафты, который, по старинной моде, приклеивали на лицо в виде родинки. Мушки употреблялись не только как косметическое средство, но и как условные знаки, которыми дамы объяснялись без слов со своими поклонниками» [там же: 431]; «*облатка* — маленький кружок из бумаги, смазанный сухим клеем; в старину употреблялся для запечатывания писем. Чтобы наклеить облатку, ее надо слегка смочить» [там же: 439].

Эти и подобные им сведения крайне существенны для правильного понимания художественного текста. Действительно, пушкинские строки «Письмо дрожит в ее руке, / Облатка розовая сохнет / На воспаленном языке» или просто не замечаются школьниками при чтении, или истолковываются ошибочно: у Татьяны якобы разболелась голова, и

⁹⁵ Из эпиграфа, предпосланного словарю Далем, вытекает, что он понимал лексикографические приемы толкования именно как разъяснение того, что выходит за пределы лексического понятия. Однако в лексикографической практике закрепилось понимание толкования не в смысле пояснения подробностей значения слова, а как пояснение только самого значения. Словарь толковый — «одноязычный словарь, разъясняющий и употребление включаемых слов путем объяснений, парафраз, синонимов и т. п., т. е. разных вариантов (разновидностей) интравербального перевода» [Ахманова 1966: 421].

она приняла таблетку. Современники Пушкина знали, что слова «Служив отлично-благородно» — формула служебного аттестата, а сегодняшний читатель об этом понятия не имеет. Читатель Гаршина в 1885 г. не нуждался в разъяснении слов *дипломат* и *пальмерстон* (эти предметы женского туалета упоминаются в рассказе «Надежда Николаевна»). До 1917 г. было бы нелепо напоминать, что значит *товарищ министра*, а нынешний читатель иногда бывает уверен, что это *друг министра*. Яркие примеры легко умножаются.

Разумеется, в словарях реалий и в словарях-комментариях, как и в этнографических словарях, не поясняется общезыковая лексика: семантизируется только то, что, по мнению составителей, может быть недостаточно известно нашим современникам и соотечественникам⁹⁶.

И все же призыв семантизировать фоны именно общезыковых слов в лексикографической литературе нам встретился! В небольшой книге П. Хохрякова (1889), которая среди лексикографических работ стоит особняком, содержится предложение давать систематические пояснения лексических фонов общезыковых слов: эти пояснения, полагает автор, нужны для иностранцев, которым приходится изучать русский язык. Автор обращает внимание на «слова, относящиеся до особенностей быта частного, общественного и государственного, как они были даны историческим ходом развития» русского народа, и полагает, что «они требуют обстоятельных объяснений, без которых настоящее значение их всегда останется для иностранца непонятно... Как перевести, например, русские термины *становой*, *исправник* и английские *шериф*, *атторней*? Ничего не остается делать, как объяснять их по существу до ясного представления обязанностей и деятельности этих органов правительственной власти. Между тем в каких словарях сообщаются сведения подобного рода? Составители их премудро рассуждают: это не наше дело, пусть каждый узнает особенности административных и правительственных учреждений из надлежащих книг. Легко сказать: из надлежащих книг; разве сотая часть из лиц, изучающих иностранные языки, имеет возможность добывать себе необходимые сведения таким путем» [Хохряков 1889: 61–62]. Истинность своих слов автор подтвердил многочисленными примерами, да и аргументация его неуязвима, но тем не менее его книга, насколько мы знаем, никакого следствия не имела.

Наконец, следует упомянуть о том типе толкового словаря русского языка, который в свое время готовился проблемной Группой по экспериментальной и прикладной лингвистике Института русского языка АН СССР. В этом толковом словаре предполагалось отражать — систематически в каждой статье — и те единицы семантики слова, которые мы называем фоновыми СДолями. Приведем для примера всего одну словарную статью [Альперин 1973].

БОЛЬНИЦА. Учреждение (обычно гражданское), имеющее постоянное помещение и предназначенное для того, чтобы его сотрудники обследовали или лечили людей, живущих во время лечения в этом помещении. <...> Ср.: поликлиника, лечебница, санаторий, диспансер, медпункт, ветпункт, санчасть, лазарет, санпункт.

Лексика: стационар, лечебное учреждение, сеть больниц, главврач, лежать в больнице, находиться на излечении в больнице, больной, выздоравливающий, попасть в больницу, поступить в больницу, выписываться/выходить из больницы, класть в боль-

⁹⁶ Книга Н. Л. Бродского «Комментарий к роману А. С. Пушкина „Евгений Онегин“», изданная в 1932 г., в значительной мере определила форму комментариев, вышедших впоследствии.

ницу, ложиться в больницу, выписывать из больницы, палата (комната в больнице, в которой живут больные), халат белый (одежда врача, персонала), пижама (одежда больного), койка (единица способности вмещать больных): больница на 300 коек.

Классификация: 1) по специализации: психиатрическая (психбольница), гинекологическая, кожно-венерологическая, инфекционная, терапевтическая и др.; 2) по подчинению (в СССР): областная, городская, районная, сельская, ведомственная, клиническая (клиника: больница, являющаяся базой для прохождения практики студентами медицинского вуза или для научных исследований какой-либо медицинской организации).

Строение больницы: 1) персонал: врачи, медсестры, сиделки, санитарки (разг. нянечки); 2) помещения: палаты, процедурные кабинеты, перевязочные, операционные, изоляторы, приемное отделение (приемный покой), регистратура, морг. Крупные больницы часто имеют несколько корпусов. Отделения специализируются на лечении больных определенными заболеваниями, определенными средствами или процедурами (травматологическое, инфекционное, терапевтическое, хирургическое); амбулаторное (поликлиническое) отделение лечит проходящих больных (пациентов) или на дому. С момента начала лечения в больнице заводят на больного больничную карту. Врачи периодически (не реже одного раза в день) совершают обход, осматривая больных. Режим (распорядок) дня. Мертвый (тихий) час, дни посещения и передачи.

Известные больницы: Институт скорой помощи им. Склифосовского (разг. Склифосовский), больница им. Боткина, Первая, Вторая, Третья городская больница, психиатрическая больница им. Кащенко.

В приведенной словарной статье первая фраза представляет собой семантизацию лексического понятия, а остальные материалы посвящены семантизации лексического фона (правда, они иногда выходят за пределы общественных знаний).

О возможности использования еще двух типов словарей (тематических; словосочетаемости) для суждения о фоновых долях слова см. далее.

Итак, если первым способом, позволяющим объективировать фон слова, является работа с информантами (опрос, эксперимент), то вторым — анализ лексикографических источников. Обратимся к третьему способу — он в какой-то мере продолжает второй и, в частности, перекликается с мыслями П. Хохрякова.

Этот третий способ заключается в анализе суждений лиц, изучающих иностранные языки и попавших в новую для них национально-культурную общность. Воспринимая и оценивая непривычную культуру, пытаясь постичь образ жизни народа — носителя изучаемого языка, иностранцы нередко проявляют завидную наблюдательность и отмечают те фоновые СДоли в семантике слова, которые ускользают от внимания члена национальной культуры. Например, никому из русских не придет в голову *варить чай* (и словосочетания такого в русском языке нет), потому что у нас *чай заваривают*, и поступать с чаем именно так кажется настолько естественным, что данная фоновая СДоля слова специально никогда не отмечается. Между тем если учесть, что, например, в Венгрии чай именно варят [Вуйович 1972: 70], то при исчислении СДолей «русского чая» необходимо упомянуть и о принятом в России способе его приготовления. Мы не обращаем внимания на то, что у нас мужчины по традиции пьют чай из *стакана* (который ставится в специальный, обычно художественной работы, *подстаканник*), но иностранцы это обстоятельство отмечают. В нашей стране чай, пожалуй, самый популярный напиток, так что русский приглашает гостя «на чашку чая», тогда как поляк — «на чашку кофе», поскольку в Польше приня-

то пить именно кофе. Когда болгарину, приглашенному в гости в московскую семью, предложили чай, то он осторожно отодвинул его и заметил, что «он не болен» (в Болгарии чай употребляется преимущественно как лечебное средство).

Конечно, иногда замечания иностранцев о нашей повседневной действительности поверхностны и прямо ошибочны⁹⁷, однако чаще эти замечания направляют внимание исследователя ЛФона на скрытые, неочевидные, неприметные СДоли.

К рассматриваемому способу выявления фоновых принадлежит также его, так сказать, зеркальное отражение, т. е. свидетельства русских, побывавших за границей, которые, делаясь своими впечатлениями, неосознанно сопоставляют факты двух культур и соответственно ЛФоны иностранного и русского (понятийно эквивалентного) слова.

Приведем примеры из заметок журналиста В. Осипова («Британия глазами русского». М., 1976), в скобках указывается отличающаяся от английской фоновая СДоля русского слова:

Даблдекер — в буквальном переводе *двухпалубный автобус* — едва ли не самая типичная вещь во всех мало-мальски крупных городах и даже на провинциальных дорогах Англии» (в России автобусы почти исключительно *одноэтажные*). «Англичане, кроме шампиньонов, ни белых, ни подосиновиков, ни каких-либо других грибов не признают» (у нас грибы — излюбленная пища, даже лакомство, особенно белые). «Как правило, бесснежная в этих краях, зима неприятна своими дождями, ветрами и туманами. На лыжах катаются только в Шотландии, да и то в горах повыше. Крытых катков в Лондоне всего два. А многочисленные пруды замерзают только раз лет в двадцать. О подледном лове понятия не имеют». (Русская зима, кстати сказать, вызывает противоположные ассоциации: обилие снега, массовое катанье на лыжах и коньках, широко распространенный подледный лов рыбы; дожди и туманы зимой редки⁹⁸.) «В семь, восемь часов вечера обедают» (у русских обеда ассоциируется с серединой дня) и т. д.

⁹⁷ О неадекватном восприятии нашей действительности иностранцами (особенно под влиянием так называемых стереотипов сознания) см. подробнее: [Верещагин, Костомаров 1973а: 7–11, 17–19, 22–23].

⁹⁸ В Словаре словосочетаний английского языка Дж. Родейла под словом *winter* (зима) приведены атрибуты: *безотрадная* (cheerless), *губительная* (disastrous), *жестокая* (cruel), *недобрая* (wicked), *мрачная* (gloomy), *отвратительная* (disgusting), *скудная* (dull), *тяжелая* (hard), *ужасная* (terrible), *унылая*, *чудовищная*... Всего в словаре 29 прилагательных, сочетающихся со словом *winter*, и все имеют отрицательный характер. Таково всеобщее мнение: зима — это время года, которое надо переждать, перетерпеть, пережить; оно передано в 97-м сонете Шекспира: «Мне показалось, что была зима, / Когда тебя не видел я, мой друг. / Какой мороз стоял, какая тьма, / Какой пустой декабрь царил вокруг». Русские к зиме относятся по-иному. В «Словаре сочетаемости слов русского языка» (он аналогичен книге Дж. Родейла) даны эпитеты: *хорошая, прекрасная, чудесная, славная, чудная, дивная, чародейка, кудесница, зимушка-зима* и — *долгожданная*. Если где-то ждут, чтобы зима поскорее прошла, то русские, напротив, ждут не дождутся, чтобы она поскорее наступила: «В тот год осенняя погода / Стояла долго на дворе, / Зимы ждала, ждала природа. / Снег выпал только в январе». Ср. еще две хрестоматийные пушкинские цитаты: «Зима!.. Крестьянин, торжествуя, / На дровнях обновляет путь»; «Блеснул мороз. И рады мы / Проказам матушки-зимы». По пословице, «декабрь и замостит, и затвоздит, и саням ход даст». Еще пословица: «В зимний холод каждый молод». Когда в старое время в первый раз отправлялись в дорогу на санях, говорили: *обновляем путь*. Кроме того, зима — это время *зимних радостей*, особенно для детей: у них бывают *зимние каникулы*. Лыжи, санки, снежки, снежная баба, Морозко, елка, Снегурочка, Дед Мороз, Новый год, Рождество. Напрашивается литературная ассоциация: чеховский Ванька Жуков ездил с дедушкой в лес за елкой, «и дед кричал, и мороз кричал, а глядя на них, и Ванька кричал». Обратимся в последний раз к «Евгению Онегину»: «Татьяна (русская душою. / Сама не зная, почему) / С ее холодной красотою / Любила русскую зиму, / На солнце иней в день морозный, / И сани, и зарю поздней / Сиянье розовых снегов, / И мглу крещенских вечеров».

Таким образом, восприятие культуры глазами «внешнего» человека (русской культуры иностранцем; иностранной культуры нашим соотечественником) позволяет судить о фоновых СДолях русских слов (именно русских, даже если, как мы видели, описывается культура, скажем, Великобритании). В этой связи сошлемся на высказывание Ю. С. Степанова [1971: 36]: «...человек, долго проживший в какой-нибудь стране и знающий ее не лучше и не хуже, чем любой ее житель, делается обладателем ценнейших знаний об этой стране, как только переезжает в другую страну».

Эти знания, как уже не раз говорилось, в социологической и лингвистической литературе называются *фоновыми*⁹⁹.

Итак, третий способ выявления фоновых СДолей слова — это анализ наблюдений и впечатлений лиц, попавших в условия новой для них национальной культуры.

Четвертый и последний способ объективации ЛФона — это развертывание, экспликация информации, которая присутствует в тексте в скрытом виде. Имеются в виду в первую очередь бытовые, публицистические и художественные тексты.

Например, бытовые фразы: *Взвесьте мне два кило слив.; Сколько стоит десяток яиц?; Майя, пойдем в кафе пообедаем* имплицитно содержат фоновые СДоли (фрукты продаются весом, на килограммы; яйца, напротив, продаются поштучно, *десятками*; в кафе можно *пообедать*), которые, кстати, совсем не очевидны для иностранцев¹⁰⁰ и могут вызвать лингвострановедческую интерференцию. Что касается публицистических и художественных произведений, то здесь экспликация скрыто присутствующих в тексте фоновых СДолей принимает несколько иные формы. Разберем пример (Л. Толстой, Воскресение, ч. II, гл. 17): «Обедали шестеро: граф, графиня, их сын, угрюмый гвардейский офицер, клавший локти на стол...». Текст, безусловно, понятен любому владеющему русским языком, но только тот, кто помнит, что в «обществе» XIX в. *класть локти на стол* считалось неприличным, уловит и второй план текста: гвардейский офицер или не обладал хорошими манерами, или сознательно не придерживался правил приличия (= фрондировал).

Следовательно, прояснение фоновой СДоли (*класть локти на стол неприлично*) — она, как известно, устарела к настоящему времени и в объем нашей актуальной культуры уже не входит, — экспликация фоновой доли возможна только извне: читающий (и слушающий) сам привносит в буквально понятый смысл некоторую дополнительную информацию, которая, хотя и стимулируется исходным текстом, все же в нем не содержится.

⁹⁹ О. С. Ахманова [1966: 498] *фоновые знания* определяет как «обоюдное знание реалий говорящим и слушающим, являющееся основой языкового общения». Этот же термин употребляет И. Бар-Хиллел [Бар-Хиллел 1962: 206], который, рассматривая вопросы автоматического перевода, считает, что формальный, основанный исключительно на знании реляционной структуры языка, подход к переводу (машина способна только на него) не может обеспечить передачи смысла. «Полная автоматизация переводческой деятельности представляется совершенно утопичной, так как книги... обычно пишутся для читателей с определенными фоновыми знаниями». Примерно так же подходит к фоновым знаниям В. М. Павлов [1969: 132]: «Адекватное понимание речевого произведения одного лица другим лицом опирается не только на их владение языком и, следовательно, на формы и значения, более или менее непосредственно воплощенные в тексте, но и на взаимное соответствие фонового знания общающихся».

¹⁰⁰ И действительно, в одном учебнике русского языка, составленном за границей, можно прочитать диалог: «Почем эти сливы? Да они спелые?» — «Спелые и очень сладкие. По полтора рубля за фунт» (т. е. предполагается, что мерой веса при продаже фруктов является фунт). Другой пример. Финский стажер обратился к удивленной московской продавщице: «Взвесьте мне полкило яиц» (он полагал, что, как и в Финляндии, яйца у нас продаются на *вес*).

Поэтому способ объективации фоновых СДолей в публицистическом или художественном произведении принципиально отличается от всех других способов, рассмотренных раньше. Если раньше мы сталкивались с прямо называемыми фоновыми СДолями¹⁰¹, то публицистический и художественный тексты указывают на наличие в тексте фоновой СДоли лишь *косвенно*, а ее экспликация, прояснение зависят от внимательного читателя или даже от исследователя¹⁰².

Вот, например, как журналистка описывает начало учебного года в российской школе: «Утренний город похож был на движущийся сад или какое-то театральное действо. Девочки и мальчики несли цветы. Лиловые астры, царственные гладиолусы, бордовые гвоздики, осенние розы застенчивых скромных окрасок. Особенно трогательны казались малыши-первачки. Девочки, сознавая важность момента, несли букеты благоговейно, правда, стараясь не прижимать к груди, чтобы не зазеленить платье. Взрослые при виде детей улыбались. Можно подумывать, все хмурые люди в этот день куда-то исчезли из города».

Здесь имплицитно содержатся фоновые доли номинативного словосочетания *начало учебного года*: оно бывает осенью (первого сентября); это фактически праздничный день; первого сентября школьники дарят учителям цветы; особенно торжественно провожают в школу первоклассников.

В других странах новый школьный год начинается иначе. Например, в ответ на просьбу описать начало учебного года в Финляндии финские студенты сообщили следующее: занятия начинаются в разные даты, но во второй половине августа; первый день учебы не бывает праздничным, это обычный организационный день; все выстраиваются по классам, затем читается молитва, после которой ректор произносит небольшую напутственную речь; учебных занятий в первый день не бывает, поэтому звонок вообще не звенит, и т. д.

В большинстве случаев фоновая информация в художественном или публицистическом тексте бывает перифразирована, превращена в намек, аллюзию, иносказание, т. е. как бы зашифрована, поэтому ее извлечение — процедура непростая¹⁰³. Между тем без такой расшифровки подлинный смысл публицистики или художественного произведения не постигается (уместно привести бытующий в среде литературоведов афоризм «без образованности нет образности»: неподготовленный читатель неспособен к адекватному восприятию художественной книги).

¹⁰¹ Исключая, правда, одну из разновидностей третьего способа: когда нашим соотечественником описывается иностранная действительность, то он лишь намекает на аналогичные факты нашей жизни, а читатель должен сам себе их представить (не случайно нам пришлось показывать в скобках выявляемые фоновые СД).

¹⁰² Е. Д. Поливанов [1968: 296] писал в данной связи: «„Это поймет только тот, кто знает, в чем дело“, — говорит комический педант в одном старом водевиле, заканчивая длинную свою тираду; но в сущности все, что мы говорим, нуждается в слушателе, понимающем „в чем дело“. Если бы все, что мы желаем высказать, заключалось в формальных значениях употребленных нами слов, то нужно было бы употреблять для высказывания каждой отдельной мысли гораздо более слов, чем это делается в действительности. Мы говорим только намеками; раз они вызывают в слушателе нужную нам мысль, цель достигается; и говорить иначе было бы безрассудной расточительностью».

¹⁰³ Когда культура сильно изменилась, владение языком не обеспечивает понимания художественного произведения. Например, «Слово о полку Игореве» писалось для «современников, для людей XII в.»; поэма «вся пронизана тончайшими намеками, которые с полуслова были понятны тем, к кому она обращалась, но потребовали многих десятков лет от ученых, занимающихся их расшифровкой» [Рыбаков 1971: 34].

Таким образом, мы разобрали четыре способа объективации ЛФона — получение сведений: 1) от носителей языка, 2) из имеющихся филологических словарей; 3) путем анализа суждений лиц, переместившихся из одной национально-культурной общности в другую, и, наконец, 4) благодаря развертыванию информации, в скрытом виде заключенной в художественных и публицистических текстах.

Следует в заключение отметить, что оптимальный путь объективации ЛФона — *комплексный*, т. е. пополнение (и коррекция) информации, полученной посредством одного способа, сведениями, добытыми с помощью другого способа. Необходимо помнить, что могут быть непреодолимые обстоятельства, препятствующие объективной и полной подаче информации посредством каждого из четырех способов (по отдельности); при комплексном подходе, однако, необъективность и неполнота — компенсируются.

Для примера обратимся к словнику вышедшего двумя изданиями лингвострановедческого словаря «Народное образование в СССР» [Денисова 1983]. Начиная со слова *абитуриент* и заканчиваясь словом *юннат*, словарь содержит множество фоновой информации, и ценность его со временем возрастает, поскольку современное (начала ХХI в.) образование, претерпевая реформы, радикально меняется, и те фоновые знания, которые были массовыми вплоть до исхода 80-х гг. прошлого века, теперь позабылись или позабываются. Ср.: *актив* — комсомольский, пионерский, студенческий, ученический, класса, школы; *вести* — дневник, занятия, кружок, обучение, преподавание, семинар, собрание, урок, факультатив, внеклассную/внешкольную работу; *вечерн/ий* — вуз, институт, рабфак, техникум, факультет, *-я* школа, *-е* образование, обучение, отделение, училище, *-ие* занятия; *выпускной* — вечер, класс, экзамен; *выдержать* — экзамен, конкурс; *пройти* — собеседование, переподготовку, отбор; *грамота* — похвальная, почетная; *дисциплины* — гуманитарные, общественные, педагогические, профилирующие, теоретические, учебные; *дневник* — вести, просматривать, проверять, подписывать, сделать запись в *-е*; *занятия* — вечерние, выездные, дополнительные, лабораторные, практические, семинарские, теоретические, учебные, факультативные и т. д. Если вникнуть в словарные статьи, семантизирующие ЛФоны, можно заметить, насколько кардинально переменялась жизнь.

В словаре 1983 г. оказались в наличии некоторые слова негативно-оценочной семантики: в нем упоминается о *неуспеваемости, академической задолженности, отстающих учениках, неудовлетворительных оценках, второгодничестве, отчислениях* из школы или института и пр. И тем не менее словарь рисует беспроблемную, предельно оптимистическую, исключительно радужную картину. Как и во всей советской лексикографии, установка была на приукрашивание советской средней и высшей школы, и соответственно в словнике были пропущены (вернее сказать: в словник по идеологическим препонам не были бы пропущены) характерные слова и выражения, за которыми стояли жгучие, а потому пропагандистски «невыгодные» проблемы и вопросы. (Вспоминаются упорные баталии, которые приходилось тогда вести, в частности, с издательскими редакторами. У них, видимо, были непреклонные руководящие указания, и постоянно маячила альтернатива: или вы делаете уступки, или — «Что ж, в таком случае забирайте рукопись».)

Например, о *бесплатности* обучения в словаре говорится не раз и не два, а о его оборотной стороне — низком качестве — нет никакого упоминания. Не упомянут, естественно, и *остаточный принцип* финансирования народного обра-

зования. Рассказывается о *показательных* (или *открытых*) уроках, но не сказано о *заорганизованности* и *показухе*. Сообщается о *высокой успеваемости*, но не сообщается в *завышении оценок, процентомании и выводилровке*.

Короче говоря, совершенно ясно, что информативность лингвострановедческого словаря — однобокая. Если, однако, обратиться к четвертому способу объективации фоновой информации (к художественной литературе), то отмеченный крен можно выправить. Несомненно, художественная литература — это не страноведческое пособие. Но, с другой стороны, непроходимой преграды между жизнью и искусством нет. В приведенном эпизоде — а он не имеет большого значения для развития сюжета, так что при беглом чтении его можно «проскочить» — виден, как в капле воды, коренной порок советской школы — настойчивое стремление начальства показать «высокий процент успеваемости», приводящий к тому, что ученики теряют стимулы к учебе, привыкают к двоедушию и обману и, получая документ об образовании, образованными людьми не становятся.

В эпизоде отразились теневые стороны характерной для советского времени обязательности, принудительности всеобщего среднего образования. Ученика нельзя было отчислить из школы, «оставить за бортом». Примечательно, что и тогда (причем и в самые трудные годы) лучшие учителя, по нравственным побуждениям, всеми силами непреклонно выступали против процентомании и по возможности старались не участвовать в показухе. Впрочем, если педагог не желал потерять работу, то чистоту риз ему сохранить не удавалось.

К настойчивому этическому императиву расчета с прошлым необходимо отнести полный отказ от утаивания определенной «невыгодной» информации и, соответственно, от противоестественного усечения, обеднения языка. Язык выступает как надежный критерий: что объективно содержится в нем и что фиксируется без предустановки, то, как известно, присуще и жизни.

Таким образом, оптимальным путем объективации ЛФонов является взаимодополняющее применение всех четырех способов, проверка каждого из них — другими.

Глава 5. Осмысленность коммуникации

Переходим к разбору онтологической природы лексического фона. Пора ответить на вопрос: принадлежит ли ЛФон к языку, к сфере ведения лингвистики, к филологии?

Выше говорилось о *фоновых сведениях, фоновых знаниях, фоновой информации*, а эти слова-термины обычно не определяются как члены лингвистической терминологической системы, но, напротив, выводятся за ее пределы. Язык — это средство коммуникации, т. е. посредник в передаче информации (обмена сведениями, знаниями), и если из этого сделать логический вывод, то информация должна существовать вне языка и соединяться с ним только для (и во время) акта коммуникации.

Если считать язык исключительно средством передачи информации, то тогда, действительно, ЛФон следует исключить из лингвистической проблематики, признать его явлением экстралингвистическим, внешним по отношению к языку, к лексике. Заметим, что по сходным соображениям вне языка и лингвистики должно

быть оставлено и лексическое понятие, потому что оно тоже представляет собой итог познания, определенную совокупность знаний. Подобные выводы и на самом деле известны из истории лингвистических учений.

Сказанное было бы справедливо, если бы язык был только средством общения. Язык, несомненно, — средство коммуникации, но не только. Уже отмечалось, что, хотя коммуникативная функция языка является для него одной из основных, язык является еще и хранителем (а также выразителем) культуры, т. е., наряду с коммуникативной, ему свойственна еще функция, которую предлагаем именовать *кумулятивной*.

Конечно, для целей анализа от этой функции можно на время отвлечься и рассматривать исключительно реляционную семантику языка (такая изоляция исследовательского предмета методологически правомерна), но с точки зрения реально существующего феномена (т. е. онтологически) язык не только передает внеязыковую информацию от адресанта к адресату, но и накапливает ее (для всех членов национально-культурной общности), а также сохраняет.

Для подтверждения данной мысли Н. Г. Комлев провел в свое время убедительный мысленный эксперимент. Представим себе, что к нам попала запись инопланетного языка. Культура планеты неизвестна. Лингвистическими приемами можно установить (если текстов достаточно много) структурные элементы неизвестного языка и даже определить их реляционное значение, однако «семантические элементы, поскольку они связаны со своеобразием совершенно неизвестной нам жизни данных существ <...> остались бы скрытыми от нас навсегда». Эту семантику слова, связанную с национальной культурой, Н. Г. Комлев называет *культурным компонентом* значения слова. Он продолжает: «Признавая наличие какого-то „внутреннего“ содержания слова-знака, т. е. факта, что слово-знак выражает нечто кроме самого себя, мы обязаны признать и наличие культурного компонента. Слова языка как социального явления несут на себе отпечаток жизни общества, его материальной и духовной культуры. Это „культурное значение“ есть часть языка» [Комлев 1966: 46]. Таким образом, поскольку слово непременно выражает нечто расположенное вне системы реляционных средств выражения, передает экстралингвистическое содержание¹⁰⁴, лексическая семантика (пусть хотя бы лексическое понятие) представляет собой «часть языка», выступает как языковое явление.

Эта же точка зрения может быть обоснована не только лингвистически, но и философски. Тезис о единстве (не тождестве!) языка и мышления имеет приложимость не только к определенному индивиду, но и ко всему обществу, так что он может пониматься и как утверждение единства языка и (общественного) сознания.

Если исходить из единства языка и сознания, то именно язык представляет собой материальный субстрат для существования сознания, поскольку план выражения языка (на лексическом уровне — *лексема*) безусловно материален. Однако что касается плана содержания языка, то за вычетом внутриязыковой (реляционной) семантики он может быть весьма сближен с содержанием общественного сознания (которое отражает уровень познания действительности в некоторой этнокультурной общности). Если язык соотнести с общественным сознанием, то они по существу тождественны: сознание существует как язык. В каче-

¹⁰⁴ Исключая, конечно, искусственные (например, изобретенные в экспериментальных целях) слова, т. е. псевдослова: *куздра* (Щерба), *недотыкомка* (Ф. Сологуб), *реникса* (Чехов).

стве исходной позиции для дальнейшего приходится воспроизводить общие места: язык — это бытие познавательной деятельности человека.

Следовательно, если отвлечься от свойственных плану содержания языка реляционных значений, которые представляют собой результат противопоставленности языковых форм друг другу (ср. деривационную, морфологическую или синтаксическую семантику), то с философских позиций план содержания может быть приравнен к тому уровню познания окружающей действительности, который превалирует в данной культурно-языковой общности, т. е., иными словами, к общественному сознанию. Данная позиция, естественно, не повторяет ни концепции лингвистической относительности, ни принципов логического позитивизма, ни учения лингвистической философии.

В свете изложенного слово — точнее, план выражения слова, т. е. *лексема*, — мыслится как материальная основа, опора для фиксации той совокупности знаний, которую языковая общность относит к классу предметов или явлений, обозначаемых *лексемой*. Сама классификация предметов и явлений — феномен как сознания, так и языка (хотя бы потому, что она предполагает языковую номинацию). Действительно: номинируемый предмет сначала включается в объем лексического понятия, а затем называется лексемой. Трудно сомневаться в языковой природе лексического понятия, а в практике создания филологических словарей узаконено такое толкование лексических понятий, которое обращено к действительности, к общественному сознанию. Таким образом, лексическое понятие, отражающее, казалось бы, внеязыковую действительность, тем не менее — «часть языка».

Теперь мы хотели бы показать, что философский принцип единства языка и сознания, равно как и лингвистический принцип представленности в слове «культурного компонента значения», распространяется не только на лексическое понятие, но и на ЛФон. ЛФон, как и понятие, также имеет языковую природу. Этот тезис не очевиден, и его надо поддерживать в первую очередь не логическим построением, а фактами.

Вот, например, ассоциации, следовавшие на стимул *стул*: *стол, мягкий, деревянный, удобный, сидеть, кресло, стоит, сломанный, дерево, высокий, красивый, кровать, мебель, жесткий, коричневый, маленький, новый, пол* [Титова 1975а: 44]. Раньше мы отметили в лексическом понятии слова три СДоли: из них только одна объективируется в ассоциативном эксперименте (*род мебели для сидения*, ср. слова-ассоциаты *мебель, сидеть*), а две (*со спинкой; на одного человека*) не обнаружили себя. Другие слова-ассоциаты отражают не понятийные, а фоновые СДоли: на стульях сидят за *столом*; стулья бывают *мягкие и жесткие*; материалом для изготовления стульев чаще всего служит *дерево*, поэтому они, как правило, *деревянные*; не всякий стул *удобный*; ближайший вид мебели — *кресло*, а более далекий — *кровать*; стулья имеют ножки и стоят на *полу*; они *ломаются* и т. д.

Заметим, что в эксперименте выявлены не все фоновые СДоли (например, по противоположности ассоциатам *высокий, новый* вероятны также реакции *низкий, старый*, а также возможны *плетеный, колченогий, складной, тяжелый, гнутый, венский* и даже *гамбсовский* стул [поскольку «Двенадцать стульев» Ильфа и Петрова еще не вышли из круга чтения русских]).

Достаточно увеличить число испытуемых или просить их давать больше реакций, как количество слов-ассоциатов значительно возрастает. Например, в «Словаре ассоциативных норм русского языка» [с. 169] приведены такие ассоциации на стимул *стол*: *стул, круглый, черный, деревянный, письменный, мебель, дубовый, большой, квадратный, дерево, пол, полированный, в комнате, книги, кухня, кухонный,*

кресло, новый, парта, плоский, рабочий, сидеть, столб, табуретка, богатый, бюро, гладить, гладкий, грубый, двигать, делать, диван, диетический, длинный, еда, кривой, на трех ножках, неуклюжий, низкий, ножка, однотумбовый, писать, письмо, подоконник, поломанный, праздничный, простой, раскладной, скамейка, скатерть, стоит, телеграф, тень, удобный, учительский, хромо́й, чашка, четыре ноги, четырехугольный, широкий, ящик. Слова *стол* и *стул* — одноплановые, однако реакций почти в четыре раза больше, чем в опытах Л. Н. Титовой, и эти количественные показатели зависят, конечно, не от природы слова, а исключительно от условий эксперимента.

Итак, не все фоновые СДоли выявляются ассоциативным путем, но в ответах и понятийные СДоли представлены лишь на одну треть. Более того: иногда в ассоциативных экспериментах понятийные СДоли не видны вовсе, но сейчас нам важно подчеркнуть иную мысль.

Ассоциативные эксперименты выявляют некоторую однородную совокупность слов-ассоциатов, и на их основе возможно судить о знаниях, сопрягаемых с предметом (который обозначается словом-стимулом). Если судить по экспериментам, то эти знания — одного и того же характера. Некоторые из них, однако, обеспечивают узнавание предмета, его классификацию, т. е. входят в лексическое понятие, — данные понятийные СДоли имеют языковую природу. Поскольку другие выявленные в экспериментах знания не отличаются от понятийных, им также следует приписать языковую природу. С точки зрения ассоциативных опытов, понятийные и фоновые СДоли без какого-либо различия принадлежат к единству языка и сознания.

Таков «ассоциативный» аргумент. Совокупности слов, которые возникают ассоциативно, в лингвистике осмысляются как лексические (или лексико-семантические, а также словесные) поля. Действительно, основоположник теории лексико-семантических полей И. Трир [Trier 1931: 1] исходил как раз из ассоциативных связей: при произнесении слова, писал он, в сознании человека «возникает множество других слов, которые по смыслу более или менее соседствуют с произнесенным. Таковы его понятийные родственники. Они образуют между собой и вместе с произнесенным словом расчлененное целое, совокупность, которую можно назвать словесным полем»¹⁰⁵, однако в лингвистических разысканиях понятие *поля* ограничилось ассоциативными совокупностями слов; оно используется в двух различных (может быть, даже противоположных) исследовательских подходах.

Первый подход — дедуктивный. Исследователь подходит к делу ономастологически, тематически или логически; он сам выбирает (как правило, абстрактное, «общее») понятие, которое будет изучаться (скажем, *родственные отношения*, наименование *цветов спектра* или обозначения *радости*), т. е. ученый сам задает интегральную СДолю и сам формирует поле в согласии с ней.

Дедуктивную процедуру выявления лексических полей совершенно справедливо упрекают в известной произвольности¹⁰⁶, хотя полученные с ее помощью лексические

¹⁰⁵ Обзор проблематики лексико-семантического поля см.: [Кузнецова 1963; Уфимцева 1968; Щур 1974; Noberg 1970].

¹⁰⁶ Вопрос, является ли дедуктивным путем полученное поле «объективно присущим языку свойством» или только эвристическим приемом, остается дискуссионным: произвол в определении состава полей бросается в глаза. Если А. Вифstrand [Wifstrand 1942] в поле *желания* включил всего два греческих глагола, хотя этот интегральный признак явно присущ большему числу лексем, то О. Духачек [Duchaček: 1960] в поле *красоты* включает около 1000 слов, правда, у некоторых

совокупности, представленные, в частности, в тематических (идеографических) словарях, и могут (с осторожностью!) использоваться при выявлении ЛФона.

Второй подход — индуктивный. С помощью формальной процедуры, не зависящей от воли исследователя, устанавливается некая совокупность слов, которая (при условии, что выявится интегральная, объединяющая все слова СДоля) может оказаться лексико-семантическим полем. Например, в свое время А. Я. Шайкевич на материале английской поэзии изучил совместную встречаемость двух прилагательных, статистически показал, что она не случайна, и этим формальным путем (без учета значений) обнаружил группы слов, у которых затем были выявлены и интегральные СДоли (*жизни, высоты, размера, тонкости* и т. д.). Исследовательская процедура состояла, таким образом, из двух этапов: «не обращаясь к анализу значения, выявить связи слов и соответствующие группы слов; в дальнейшем переходить к интерпретации этих отношений уже с учетом соответствующих реалий» [Шайкевич 1963: 15]¹⁰⁷.

Ассоциативные поля представляют собой вид лексико-семантического поля (той его разновидности, которая образуется с помощью индуктивной исследовательской процедуры). Если, таким образом, совокупность слов-ассоциатов — это частный случай более общего лингвистического явления, именуемого лексико-семантическим полем, то и «ассоциативный» аргумент в пользу языкового характера лексического фона может быть преобразован в более сильный аргумент «лексико-семантического поля».

Собственно, за ассоциативными совокупностями лексики и вообще за лексико-семантическими полями стоит единая и единственная закономерность — связь внеязыковых предметов и явлений в действительности¹⁰⁸, отраженная в сознании (т. е. в общественном сознании некоторой национально-культурной общности людей) и соответственно в языке. Следовательно, показывая языковую природу ЛФона, мы одновременно не должны забывать его обращенности к внеязыковой действительности, т. е. о том, что лексический знак и вся лексическая семантика (семема) — это, собственно, форма существования общественного сознания в языке.

Итак, отвечая на вопрос об онтологической природе ЛФона, мы имеем основания признать его «частью языка» и отнести к сфере ведения лингвистики, к филологии.

Глава 6. Коммуникация как передача знаний

С позиций теории ЛФона, как представляется, можно по-новому взглянуть на процесс коммуникации.

Коммуникация — это обмен информацией, а по отношению к языку — вербальное сообщение некоторого содержания от адресанта адресату. Третье звено в коммуникативном акте — общий посредствующий язык. Коммуникация через посредство естест-

из них присутствие данного значения можно подвергнуть сомнению. Обширный список исследований, использующих дедуктивную методику, привел Ю. Н. Караулов [Караулов 19766].

¹⁰⁷ См. также: [Шайкевич 1976]. Индуктивная методика была использована и одним из соавторов книги в процессе выявления лексико-семантических полей церковнославянского (старославянского) языка (см. [Верещагин 1978; 1997а: 269–295]).

¹⁰⁸ Отвлекаемся от известной специфики плана выражения лексико-семантического поля, имеющей внутриязыковой характер.

венного языка — в самом простом и одновременно самом типичном случае ¹⁰⁹ — имеет место между людьми, владеющими общим языком.

Содержание, передаваемое в акте коммуникации, — индивидуальное: любой акт общения отражает конкретную («неповторимую») внеязыковую ситуацию. Ср. взятый для примера из повседневной жизни диалог между покупательницей и продавщицей: *Шестипроцентное пакетное есть? — Есть. Акт общения сугубо частный*: один из коммуникантов получает интересующие его сведения. Содержание сообщения — индивидуально: интересующие одного из коммуникантов сведения могут не представлять интереса для другого.

Тем не менее было бы упрощением считать коммуникацию явлением сугубо индивидуальной природы. Характер коммуникации — двойственный, одновременно индивидуальный и общественный: сообщение — это *индивидуальное* сочетание *социальных* средств выражения (слов), поэтому общественный аспект коммуникации надо видеть в используемых словах, а ее индивидуальный аспект — в неповторимом сочетании этих слов.

Та совокупность фоновых СДолей, которая приведена выше (см. гл. 3), фактически достаточно строго задает как содержательные пределы, в которых фактически проходит или в общем виде может проходить коммуникация, так и языковую форму сообщения.

В нашем примере лексический фон ключевого для нашего диалога слова *молоко* определил границы осмысленной коммуникации и одновременно ее языковую форму. Если говорящих интересует форма продажи молока, то в их суждениях может актуализироваться (на выбор) одна из двух фоновых СДолей — *в бутылках, в пакетах*. Если коммуниканты станут говорить о жирности молока, то фоновых СДолей для выбора больше: *жидкое как вода, жирное как сметана, шестипроцентное*; число фоновых СДолей еще больше увеличится, если речь пойдет просто о качестве продукта, а также о его цвете, происхождении, способе переработки, формах употребления и т. д., но границы допустимых сочетаний слов во фразах весьма заметны, особенно при попытках сочетать слова на подлинно индивидуальной основе, вопреки фоновым СДолям, т. е. произвольно (предположим, **черное молоко* ¹¹⁰).

Бессмысленность или осмысленность словосочетания или фразы — относительна и определяется внеязыковой действительностью, национальной культурой. Словосочетание (фраза), которое легко переводится с языка на язык, иногда оказывается лишенным смысла в переводе, в то время как исходный текст вполне осмыслен; причина этого заключается в расхождении лексических фонов понятийно-эквивалентных слов.

Например, в одном из рассказов А. Кристи человек, который заведомо дома, не отвечает на настойчивый стук в дверь: «Мисс Политт взялась за молоток (took hold of the knocker) и вежливо постучала в дверь. Подождав сколько следовало, она постучала снова. <...> Она заколебалась, прежде чем прибегнуть к молотку в третий раз (before using the knocker for the third time). <...> Крепко схватив молоток (seizing

¹⁰⁹ Этот случай не является ли всеобъемлющим? Он, безусловно, охватывает как индивидуальную отсроченную коммуникацию (через посредство, скажем, письма, телеграммы, электронной почты), так и массовую коммуникацию (с помощью книг, печати, радио, телевидения, интернета).

¹¹⁰ Излюбленный жанр русских скоморохов — перевертыш («Ехала деревня мимо мужика, / Вдруг из-под собаки лают ворота...») — как раз и построен на эффекте, который покоится на нарушении границ осмысленной коммуникации, на сознательном смещении фоновых СДолей разных слов.

the knocker), она устроила оглушительный грохот...» (Selected Stories by Agatha Christie. Moscow, 1976: 107–109).

Как и в английской, в нашей культуре в фон слова *дверь* входит СДоля *стучать*, но стучат костяшками *пальцев, кулаком* и в исключительных случаях *ногами, молотком* же никогда не стучат; поэтому стимул *дверь* у русских не имеет ассоциата *молоток* и, соответственно, этой СДоли нет в фоне слова-стимула. Студенты, владеющие английским языком в объеме первого курса языкового вуза, прочитали приведенные фразы в подлиннике и в переводе, но текст им показался бессмысленным: «откуда появился молоток? мисс Политт принесла его с собой? может быть, он лежал рядом?». Между тем текст безупречен с точки зрения (традиционной) английской культуры, потому что в лексический фон слова *door (дверь)* входит СДоля *knocker (молоток)*; по Словарю Хорнби *knocker* — это «металлический молоток (hammer), снабженный ручкой, который прикрепляется к двери, так что им можно стучать по металлической пластинке для привлечения внимания (например, молотком стучит почтальон, опустивший письма в почтовый ящик)».

Этот пример показывает, что сочетание слов в сообщении не есть плод сугубо индивидуального творчества: сочетания производны от ЛФонов и поэтому имеют в той же мере социальный характер, как и входящие в сочетания слова. Если же диктуемые ЛФонами законы сочетаемости нарушаются, то коммуникация теряет смысл и не может состояться или создается комический эффект.

Итак, в акте коммуникации сочетания слов оказываются или осмысленными, санкционированными в рамках данной культурно-языковой общности, или лишены смысла (опять-таки по социальным обстоятельствам). Отсюда следует, что общественная природа коммуникации видна не только в строевых единицах высказывания, т. е. в словах, но и (вопреки распространенному мнению) в, казалось бы, индивидуальных сочетаниях слов.

В чем же тогда на самом деле заключается индивидуальный, личностный план конкретного акта языковой коммуникации?

Он заключается, как мы полагаем, во-первых, в осуществлении *выбора* той СДоли из числа присутствующих в семеме слова, которая отвечает данной ситуации, реальному положению вещей, а также интенции говорящего. Операция выбора особенно актуальна применительно к тем фоновым СДолям, которые находятся в отношении альтернативности, т. е. взаимного исключения: это или антонимические СДоли (например, *свежее* ↔ *прокисшее*, *горячее* ↔ *холодное* молоко), или тематически связанные СДоли (доли, которые расчленяют, описывают одну и ту же речемыслительную сферу, например способ продажи молока: *в бутылках*, *в пакетах*).

Аналогично во фразе *Мой сын учится во втором классе* осуществлен продиктованный реальными фактами и интенцией говорящего выбор порядкового номера класса, а порядковые номера от *первого* до *одиннадцатого* представляют собой альтернативные фоновые СДоли слова *класс*. Альтернативные СДоли не сочетаются в одной фразе: нет смысла в сообщении **Коля — способный бездарный ученик*.

Индивидуальный план коммуникации виден, во-вторых, в осуществлении *подбора* уже выбранных фоновых СДолей. Комплементарные, дополняющие друг друга, СДоли могут быть введены во фразу одновременно. Таковы синонимические СДоли, например: *способный, талантливый, семи пядей во лбу, выдающийся, гениальный, одаренный* ученик. Таковы же тематически разобщенные СД: скажем, по отношению к

одаренности ученика (*способный, бездарный...*) или по отношению к его прилежанию (*усердный, усидчивый, ленивый...*).

Комплементарные СДоли могут нанизываться бесконечно и разнообразно, и их подбор, как и выбор альтернативных СДолей, зависит от конкретной внеязыковой ситуации и от замысла говорящего (ср., предположим, набор характеристик в сообщении *Коля — талантливый и блестящий ученик, но не очень прилежный, упорный и усидчивый, да и не всегда дисциплинированный*). В этой фразе фоновые СДоли слова *ученик*, представленные в цепочке атрибутов, выбраны из парадигматического ряда всех фоновых СДолей этого слова конкретным говорящим, т. е. индивидуально. В этой же фразе предварительно выбранные СДоли сукцессивно расположены на синтагматической оси, подобраны друг к другу опять-таки конкретным коммуникантом. Естественно поэтому, что фраза возникла в момент речи и построена творчески.

Подчеркнем еще раз диалектику общественного и личного в построении коммуникативного акта, социального и индивидуального: общественная природа языка обнаруживается в употребленных во фразе словах и в (парных) словосочетаниях с опорным словом (*прилежный ученик, усидчивый ученик* и т. д.); личностная природа речи обнаруживается в индивидуальном выборе парадигматически сосуществующих СДолей (выбраны атрибуты *талантливый* и *блестящий*, а не *способный* и *оригинальный*, конечно, не *бездарный* и *средний*) и в столь же индивидуальном синтагматическом подборе выбранных слов (в нашем примере видим цепочку: *прилежный, упорный, усидчивый*, но не *упорный, усидчивый, прилежный* и не *усидчивый, прилежный, упорный* и т. д.). Фон слова своими СДолями как бы показывает возможные направления высказывания, но какое именно направление из числа возможных будет выбрано и в комбинации с каким, зависит от конкретных коммуникантов, от отражаемой ими ситуации общения и от свойственных им интеллектуально-эмоциональных интенций. (Заметим, что если ЛФон не содержит указания на какое-либо направление высказывания, то это всегда имплицитно означает, что такое высказывание окажется бессмысленным.)

Эта направляющая (содержание высказывания) функция ЛФона определяет еще один интересный аспект коммуникации (о котором скажем кратко), а именно: ее моносемность в непосредственно сочетающихся словах (не в цепочках слов — *талантливый, прилежный, дисциплинированный ученик*, а в прямых сочетаниях — *талантливый ученик, прилежный ученик* и т. д.). Возьмем для примера фразу *Кто сидел на моем стуле?*, в которой реализовано словосочетание *сидеть на стуле*. Фон слова *стул* содержит немало СДолей (см. гл. 5), однако сейчас актуализировалась только одна — *сидеть*. С другой стороны, и слово *сидеть* имеет немало фоновых СДолей, но сейчас из их числа стала актуальной лишь одна СДоля — *стул*, т. е. СДоля одного слова предполагает не произвольную, а определенную СДолю другого (и обратно), т. е. СДоли непосредственно сочетающихся слов предполагают друг друга, согласуются между собой; в акте коммуникации слова как бы подлаживаются одно к другому, подстраиваются.

Следовательно, при учете согласованности СДолей непосредственно сочетающихся слов можно говорить не только об участии слова в сочетании именно одной семьей (т. е. о моносемности слова в коммуникации), но и о моносемности всего (непосредственного) словосочетания.

Обратной стороной моносемности слова и словосочетания в акте коммуникации является нейтрализация в момент речи всех других СДолей, входящих в ЛФоны соче-

тающихся слов. Таким образом, в операции выбора слов для акта коммуникации имеет место их моносемизация для непосредственного словосочетания.

В сказанном, конечно, нет утверждения о моносемности всего акта коммуникации: моносемность непосредственных словосочетаний в любой фразе, независимо от ее длины, в принципе остается, но поскольку фраза может охватывать несколько непосредственных словосочетаний, — а они накладываются друг на друга, взаимодействуют между собой, так что некоторое (опорное) слово оказывается центром ряда словосочетаний, — акт коммуникации, как правило, бывает полисемным.

Теперь о передаче знаний в акте коммуникации. Сообщаются ли в нем общественные знания? Отвечая, нужно иметь в виду два принципиально различных типа коммуникации и, соответственно, две языковые функции.

Во-первых, на поставленный вопрос можно ответить отрицательно, т. е. признать, что бывают такие акты коммуникации, которые представляют собой обмен индивидуальными мыслями, сугубо личностным знанием, без сообщения общественного опыта. ЛФон слова делает семантику слова в известной мере неопределенной (скажем, *ученик*, согласно входящим в семантику слова СДолей, может быть *прилежным и ленивым, умным и глупым, отличником и двоечником* и т. д.); во фразе эта неопределенность снимается: *Коля — способный ученик*. Что такое *ученик* (лексическое понятие) и какие бывают *ученики* (ЛФон), обоим участникам коммуникативного акта хорошо известно заранее, но одному из коммуникантов неизвестно, каковы качества «этого самого» мальчика Коли как ученика. В акте общения передается личное знание одного коммуниканта другому, и эта передача возможна, конечно, только с опорой на общественное знание (т. е. на владение — обоюдное! — семантикой слов), однако сообщения элементов общественного сознания нельзя усмотреть. В этом и подобных актах общения коммуникативная функция языка выступает в своем чистом неосложненном виде.

Во-вторых, на этот же вопрос можно ответить положительно: такие случаи наблюдаются регулярно, если коммуниканты по-разному понимают семантику слов, употребленных во фразе.

Р. Якобсон [1975: 202] приводит показательный пример диалога, когда коммуниканты уточняют семантику слов, которыми пользуется один из говорящих: «Софомора завалили. — А что такое *завалили*? — *Завалили* — это то же самое, что *засыпали*. — А *засыпали*? — *Засыпаться* — это значит *не сдать экзамен*. — And what is sophomore (А что такое *софомор*)? — настаивает собеседник, незнакомый со студенческим жаргоном. — A sophomore is (or means) a second-year student (*Софомор* — значит *второкурсник*)». Обсуждая свой пример, Р. Якобсон пишет: «Все эти предложения, устанавливающие тождество высказываний, несут информацию лишь о лексическом коде английского языка; их функция является строго метаязыковой. В процессе изучения языка, в особенности при усвоении родного языка ребенком, широко используются подобные метаязыковые операции» [там же]. Автор выделяет особую — *метаязыковую* — функцию речи, т. е. «функцию толкования». Он ограничивает ее, правда, только лишь эквивалентией одной формы языка другой (*софомор* — это то же самое, что *второкурсник*), в то время как гораздо чаще коммуникация в аналогичных случаях используется для того, чтобы один из коммуникантов или усвоил новое слово (как лексему, так и семему), или уточнил, модифицировал в целом-то известное ему слово (т. е. чтобы он прибавил к лексическому фону или даже к лексическому понятию новую СДолю).

Именно так проходит коммуникация при обучении детей: *Троллейбус похож на автобус, но мотор у него действует от электрического тока. Поэтому у троллейбуса есть дуга, как у трамвая, но ходит он не по рельсам, а по обычным улицам, и у него, как у любой машины, колеса на шинах.* Здесь мы видим не эквиваленцию, а прямое перечисление тех СДолей, которые ребенок должен включить в семантику усваиваемого слова *троллейбус*. Точно так же проходит коммуникация и при любом другом (бытовом) обучении.

Метаязыковая коммуникация направлена, таким образом, на передачу не индивидуального, а общественного знания, т. е. этот вид передачи информации формирует семантику слов.

Итак, в акте коммуникации может передаваться как индивидуальное, так и общественное знание. В последнем случае в процессе коммуникации не только используются слова (строевые элементы), но и формируются новые лексемы.

Эта метаязыковая коммуникация¹¹¹, приводящая к формированию лексического понятия (если слово неизвестно) или к модификации лексического фона известного слова, была в свое время регулярно использована в семантизирующей части лингвострановедческого словаря «Народное образование в СССР» [Денисова 1983]¹¹².

Введенный в практику специально для этого словаря лексикографический прием *изъяснения* лексического фона слова целиком и полностью покоится на метаязыковой коммуникации. Приведем для примера одну из статей указанного лингвострановедческого словаря.

ДНЕВНИК -а, м.

Специальная тетрадь учащихся средней школы * для записи *домашних заданий* и занесения *отметок**.

Учащиеся регулярно ведут *дневник*. Ежедневно в конце каждого *урока** *учитель** диктует классу или пишет на доске *домашнее задание*, а ученики записывают его в графе того дня, на который урок задан.

Когда учитель *вызывает ученика к доске*, то ученик берет с собой *дневник* и кладет его на стол учителя. После ответа учитель *ставит отметку* в *классный журнал** и в *дневник*, в котором расписывается. В конце недели *классный руководитель** *представляет в дневнике отметки* за письменные контрольные работы по всем предметам. Родители должны каждую неделю *просматривать дневник* и подписывать его.

Последняя страница дневника отведена под сведения об успеваемости, где представляются отметки за учебную *четверть** (полугодие) и за весь *учебный год**. Здесь же отмечается, переведен ученик в следующий класс или оставлен на второй год.

Ожидается, что благодаря этой словарной статье у иностранного студента, даже если он никогда в жизни не сталкивался с ведением школьных дневников (например, в Англии дневников не бывает), сформируется не только соответствующее лексическое понятие (*тетрадь для записи домашних заданий и занесения отметок*), но и ЛФон (представленный в СДолях: *заполнять/вести, просматривать/подписы-*

¹¹¹ Онтологически коммуникация едина, т. е. нет никаких различий в передаче как личного, так и общественного знания, но с гносеологическими целями все же целесообразно выделять метаязыковую коммуникацию и даже (вслед за Р. Якобсоном) метаязыковую функцию речи.

¹¹² О концепции лингвострановедческих словарей см. подробнее [Верещагин, Костомаров, Морковкин 1977].

вать дневник; ставить отметку/оценку в дневник; выходить с дневником к доске и т. д.). Таким образом, метаязыковая коммуникация, с одной стороны, — обычный продукт ЛФона (разъясняющий адресант строит свое высказывание с помощью обычных операций выбора и подбора, а ЛФон определяет возможное содержание высказывания). С другой же стороны, метаязыковая коммуникация — это формирование семантики слова для второго участника коммуникации, для адресата.

С логической необходимостью возникает дальнейший круг вопросов. Каким образом фиксируются в индивидуальном сознании переданные в метаязыковой коммуникации общественные знания? Запоминается ли сам текст? Имеет ли место компрессия (свертывание) текста? Если да, то какова природа этой компрессии? Иначе говоря, мы снова сталкиваемся с фундаментальной для науки о человеке проблемой определения субстрата и формы существования знаний в индивидуальном сознании.

Иногда встречается мысль о том, что индивидуальные и общественные знания фиксируются не в словах, а в текстах. В таком случае знания уподобляются совокупности текстов, аналогичной энциклопедии.

Между тем в индивидуальном сознании полученные в коммуникации сведения ни в коем случае не фиксируются в своем исходном виде (исключая, конечно, редкие случаи заучивания наизусть правил, стихотворений), и это с несомненностью видно хотя бы в том, что полученные в коммуникации знания (как непосредственно, так и особенно после отсрочки) *никогда* не воспроизводятся в исходном виде.

Например, в одном эксперименте двум информантам было прочитано стихотворение французского поэта XVII в. Поля Скаррона «Париж» (пер. М. Кудинова):

Везде на улицах навоз,	Измены, драки, злые лица,
Везде прохожих вереницы,	Лакеи, франты без гроша,
Прилавки, грязь из-под колес,	Писак продажная душа,
Монастыри, дворцы, темницы,	Пажи, карманники, вельможи,
Брюнеты, старцы без волос,	Нагромождение домов,
Ханжи, продажные девицы,	Кареты, кони, стук подков:
Кого-то тащат на допрос,	Вот вам Париж. Ну как, похоже?

По прочтении текста оба испытуемых (но по отдельности) рассказали, каким представляют себе Париж XVII в. по описанию Скаррона. Первый из информантов сказал: «Грязный город, но уже тогда многолюдный, бурлящий жизнью; создалось впечатление калейдоскопа». Второй ответил: «Монастыри, монахи, воры, слуги, старики, кареты и в этом ложь, злоба, продажность; недобрый и неприятный город».

Естественно, что исходный текст (при непосредственном, неотсроченном опросе!) воспроизведен не был, но тем не менее ясно видно, что в результате коммуникации слушатели некоторые знания получили и зафиксировали. Однако эти знания, с одной стороны, свернуты до голый идеи (*калейдоскоп; неприятный город*), с другой — облечены в новую форму (вместо *карманников* были указаны *воры*, вместо *лакеев* — *слуги*, вместо *старцев* — *старики*). Точные воспроизведения отдельных слов исходного текста возможны (*грязь, монастырь, кареты*), но совсем не типичны.

Самый же существенный вывод из наблюдения состоит в том, что один и тот же текст воспринят по-разному (первый информант зафиксировал в своей памяти знание о Париже великого века французской литературы как о городе, в котором бурлит

жизнь; второй запечатлел мысль об отрицательных чертах метрополии). Исходный текст действительно содержит обе мысли, однако они в совокупности усвоены не были, а каждый испытуемый сосредоточился на одной из них.

Если обратиться теперь к способу существования в индивидуальном сознании сведений, усвоенных благодаря метаязыковой коммуникации (например, путем целенаправленного обучения в школе или в результате социализации человека в определенной среде), то и в этом случае не приходится говорить о фиксации знаний в текстах. Более того: исходные тексты обычно забываются, и информант, как правило, даже не может указать на источник, из которого почерпнуто то или другое сведение.

Давным-давно (в 1967 г.) один из соавторов [Верецагин 1969в] провел массовый эксперимент по выявлению так называемых взвешенных, т. е. практически всем известных внеязыковых фактов, сопрягаемых со словами (в том числе и с именами собственными). Было изучено 180 анкет, и ни один ответ не совпадал с другим по форме. Речь идет, правда, о несовпадениях исключительно по форме, потому что по своему содержанию ответы — единообразны.

Ср., например, как испытуемые (все они имели среднее образование, но окончили школу не менее десяти лет назад) раскрыли значение слова *крепостничество*:

- это когда помещик может продать мужика,
- было сто лет назад,
- при крепостном праве пороли крестьян,
- крепостные крестьяне были неграмотны,
- писатель Шевченко был крепостным и т. д. [там же: 35].

Конечно, в некоторых ответах была раскрыта подлинная сущность формации, но все же можно сказать, что информация воспринимается и запоминается преимущественно по принципу яркости впечатления (поэтому во взвешенном знании, в обыденном общественном сознании довольно много несущественных, но зато ярких подробностей).

Например, принципу массовой представленности в общественном сознании в нашем эксперименте соответствовали следующие сведения о Петре Первом:

- носил сапоги сорок пятого размера,
- был высокого роста,
- брил бороды боярам,
- «открыл окно в Европу»,
- был женат на Екатерине и т. д. [там же: 36]¹¹³.

Подобные сведения, действительно распространенные, информантами воспроизводятся регулярно в совпадающем виде, но только по общему смыслу, в информативном плане, а в речевом выражении ответы регулярно не совпадают между собой, и различия бывают разительными. Например, мысль о большом росте царя-реформатора, вообще о его выше средних «телесных характеристиках» в анкетах выражалась и в об-

¹¹³ Любопытно, что и в массовом сознании простых людей — современников Петра Первого — его образ не вызывал общей оценки его преобразовательной деятельности, а сопрягался с рядом несущественных, но очень ярких деталей. Не общий смысл деятельности, но ее форма привела к тому, что «Петр воспринимался современниками (отчасти же и последующими поколениями) как Антихрист» [Успенский 1976: 286].

шем виде, и конкретно, и через сравнение, и через намек, т. е. весьма прихотливо: «Рост у него был значительно больше, чем у других людей; Силой отличался необыкновенной, зубы рвал в два счета; В Эрмитаже есть восковая фигура Петра Первого, и его палка выше меня; Силен был, как бык; Ел и пил за двоих, водки мог выпить ведро; Сапоги носил сорок пятого размера; Благодаря своей силе легко работал плотником, играючи поднимал тяжелые бревна» и т. д.

Таким образом, прямо наблюдаемые факты заставляют отказаться от суждения о фиксации знаний в предложениях, в целых текстах как несостоятельного.

Однако если обратиться не к индивидуальному, а к общественному сознанию, то, может быть, это суждение все же справедливо? Ведь многие привыкли думать, что общественно важные сведения существуют, фиксируются в летописях, учебниках, энциклопедиях, вообще в книгах, а также в других средствах хранения информации, параллельных книгам или даже вытесняющих их (например, в магнитозаписи, кинолентах, а в последнее время на дисках CD-ROM и во «всемирной паутине», т. е. в интернете).

Это мнение легко разрушается, если сделать из него все логические выводы. Встанем на данную точку зрения — получится, что общественные знания без текстов не существуют и не фиксируются, а на самом деле они, безусловно, представлены в самом обществе. Если считать, что общественные знания вне текстов невозможны, то тексты первичны, а общественное сознание производно от них, вторично, — невозможная ситуация.

Иное дело, что сведения отражаются, передаются с помощью текстов, т. е. через посредство летописи, учебников, энциклопедий, но они существуют до написания, скажем, летописи или в общественном сознании (и тем самым в индивидуальном сознании летописца), или исключительно в индивидуальном сознании. Текст имеет только коммуникативное значение, и по прочтении источника переданные знания получают отдельное от него, самостоятельное существование.

В общем виде общественное сознание не зависит от различия письменности (бесписьменные народы не лишены общественного сознания), а в национально-культурных общностях, использующих письменность, эта последняя, отнюдь не являясь способом существования общественного сознания, представляет собой способ его передачи (трансляции) как от индивида к индивиду, так и от поколения к поколению. Как ни понимать термин «текст» (устное или письменное речевое или письменное речевое произведение), он только передает сведения, но информация существует до текста и сохраняется, когда устная речь отзвучала или закрыта прочитанная книга.

Итак, ни в индивидуальном, ни в общественном сознании знания не фиксируются и не существуют в форме текстов.

Тезис «передаваемые в метаязыковой коммуникации знания не остаются в форме исходных текстов» с необходимостью приводит к сопряженной проблеме: в какую именно форму преобразуются тексты? каков же все-таки субстрат существования получаемых в ходе социализации знаний?

Если мы уверены в том, что воспринятый человеком текст при запоминании непременно преобразуется, природа самого процесса этого преобразования до конца не ясна. Выше мы отмечали, что исходный текст (например, «Париж») в памяти индивида непременно сокращается, подвергается компрессии (*калейдоскоп; неприятный город*), однако мы ничего не можем сказать ни о природе этой компрессии, ни о ее механизмах. Д. Слобин писал по этому поводу четверть века назад: «...Ясно, что мы *должны* сокращать

то, что запоминаем, до того момента, когда получаем своего рода резюме. <...> Как происходит подобная редукция, представляет для нас еще во многом тайну» [Слобин, Грин 1976: 176]. С тех пор эта тайна отнюдь не разгадана.

Таким образом, если о процессе редукции можно говорить пока лишь гадательно, ее результаты наблюдаются прямо, непосредственно: невербальное впечатление или вербальный текст преобразуются, сокращаются вплоть до словосочетания или, может быть, даже до одного слова, и этот результат процесса перекодирования запоминается и впоследствии может быть воспроизведен (и развернут). Д. Слобин рассуждает так: «Я предполагаю, что один из способов „сгущения“ в памяти — это перекодирование продолжительного впечатления в форме короткого описания — может быть, даже в одно слово — в надежде на то, что впоследствии детали могут быть восстановлены благодаря хранению в памяти краткого вербального описания или ярлычка» [там же: 176].

Мы, однако, полагаем, что результатом перекодирования является не слово как таковое (слово слишком сложная языковая единица, чтобы мы могли удовлетвориться простым указанием на него), а новая ассоциация, новая СДоля в семантике слова, т. е. имеет место пополнение ЛФона (а в некоторых случаях и лексического понятия). Эта новая СДоля, по нашему представлению, не связана жестко и строго с некоторой языковой формой выражения (общая «идея» *бурлящей жизни в городе* одним и тем же говорящим может быть выражена по-разному: *калейдоскоп, коловращение, суэта, вечное движение, беготня, никакого покоя* и т. д.), но в принципе она усвоена и связана с апеллятивом или именем собственным (в данном случае — *Париж*).

Предположение о выраженности усвоенных СДолей различными языковыми способами подтверждается и другим материалом проведенного эксперимента: вместо *карманников* в воспроизведении оказались *воры*, вместо *лакеев* — *слуги* и т. д. Напомним о том, каким большим числом способов выражалась одна и та же «идея» о *физической мощи* Петра Великого.

Мы не знаем, каким образом СДоля находит для себя (вариантные) языковые способы выражения. Однако мы все же, вероятно, можем утверждать, что перекодирование исходного текста приводит к образованию еще одной смысловой связи между семемами слов, стоявших до этого особняком, к развитию ЛФонов, к прибавлению в их составе еще хотя бы одной СДоли, а обычно — серии СДолей.

Таким образом, мы утверждаем, что знания существуют в семантике слов, накапливаются с опорой на лексику, которая выступает как материальный субстрат получаемой человеком информации, как бы притягивая к себе извлекаемые из исходных текстов СДоли и выступая в качестве их средоточия. ЛФон и есть тот фиксатор информации, индивидуальной и общественной, которая передается в актах коммуникации. Следовательно, знания, информация передаются в актах речи в *текстах*, но они *накапливаются*, фиксируются, существуют в строевых единицах языка, в частности в *словах*. Речи свойственна коммуникативная функция, а языку — кумулятивная.

Надо прибавить, что кумулятивная функция свойственна семантике не только лексики, но, бесспорно, еще семантике фразеологизмов и языковых афоризмов.

В заключение данной главы суммируем изложенное в ней:

ЛФон, во-первых, обеспечивает осмысленную коммуникацию, которая представляет собой передачу как индивидуального, так и общественного знания;

во-вторых, благодаря метаязыковой функции речи коммуникация приводит к формированию семантики слова или к ее модификациям. Это наблюдение (лекси-

ческий фон направляет коммуникацию и одновременно сам формируется в ней) отнюдь не противоречиво.

Глава 7. Генезис и миграция семантических долей лексического фона

Рассмотрим лексический фон сначала с точки зрения *генезиса*, происхождения входящих в него СДолей, а затем и с точки зрения их принадлежности (исконной или заимствованной) индивиду и этнокультурной общности людей. На этой основе возможно установить, какие СДоли отражают специфику национальной культуры, а какие не имеют к ней прямого отношения.

Итак, сначала о *генезисе* фоновых СДолей.

Напомним, что ЛФоны имеют индивидуальный статус, т. е. они входят в сознание данного вполне конкретного человека, будучи фиксаторами его знаний. Поскольку в сознании человека выделяются знания, принадлежащие исключительно ему, в индивидуальном лексическом фоне следует выделять *личностные* СДоли, являющиеся носителями единиц такого знания. Указанные СДоли возникают в результате преобразования текстов, воспринятых человеком в актах неповторимой коммуникации, а также в ходе его собственной речевой мыслительной деятельности. Такова, например, динамика семантики терминов в ходе научной работы, следы «жизненного опыта», эмоциональные и эстетические впечатления (насколько они переводимы в слова), «личные тайны», художественно-образный подход к слову, характерный для литераторов, и многое другое.

Несомненно, что индивидуальный опыт человека принципиально неотделим от общественного, социального опыта, однако было бы неоправданным упрощением по этой причине закрывать глаза на существование личностных СДолей в ЛФоне. Слово в плане его функционирования в речемыслительной деятельности человека одновременно принадлежит и конкретному индивиду, и всему обществу, поэтому личностные СДоли в семантике слова вытекают из онтологической природы данной языковой единицы. Таково первое основание для членения входящих в лексический фон СДолей — их индивидуальное или общественное происхождение. Личностные СДоли в дальнейшем нас не будут интересовать.

Что же касается *социальных* СДолей, т. е. тех СДолей, которые конкретный носитель языка разделяет со своими соотечественниками и современниками, то они в зависимости от подхода допускают самые различные классификации.

Рассматривая понятийно-эквивалентные (переводимые) слова двух и более языков, мы уже говорили о том, что некоторые понятийные СДоли имеют межъязыковой статус, т. е. с самого начала (в результате независимого развития) совпадают в ряде языков и культур. Межъязыковыми бывают также и фоновые СДоли. Например, киргизское слово *терезе* и русское *окно*, которые являются понятийно-эквивалентными, в ассоциативных экспериментах дали также целый ряд межъязыковых фоновых СДолей: жарык *светлое*, айнек *стекло*, ачык *открытое*, таза *чистое* [Титова 1975а: 47]. Отмеченные и подобные им межъязыковые фоновые СДоли (все они, естественно, являются социальными) классифицируются на основе их распространенности.

Межъязыковые СДоли, с одной стороны, бывают общечеловеческими, например: *солнце светит, греет, восходит и заходит, поднимается, опускается, скрывается за облаками, выходит из-за туч* и т. д. для всех людей планеты Земля. С другой стороны, межъязыковые СДоли могут быть лишь региональными, т. е. типичными для группы или в предельном случае для двух этнокультурных общностей. Например, СДоля *незаходящее* по отношению к тому же слову *солнце* типична только для языков народов, на территории проживания которых бывает *полярная ночь* и соответственно *полярный день*. Подобным образом СДоля *белая* применительно к слову *ночь* невозможна, скажем, в языках стран экваториальной Африки.

Обычно ЛФоны слов, обозначающих явления природы, биологии человека, форм его труда и жизни в коллективе, имеют в своих составах немало общечеловеческих СДолей, но тем не менее даже самые, казалось бы, распространенные, повсеместно известные слова (*дерево, трава, жизнь, ребенок, дом, пить, голод, печаль, деньги, красота* и т. д.) непременно включают в свой состав и региональные СДоли, например: от региона к региону разнятся сопровождающие рождение *ребенка* обряды, детская одежда, детские игры, формы присмотра за детьми, способы обучения и воспитания, хотя СДоли типа *маленький, плачет, мать, кричит, играет, милый, голый, смеется* [Титова 1975а: 21], конечно, принадлежат к числу общечеловеческих.

Общечеловеческие и региональные СДоли — это следствие параллельного и независимого развития лексической семантики ряда языков в одном направлении, причем движущей причиной этого конвергентного развития служит совпадающая для всех народов или для народов определенного региона внеязыковая действительность.

Наконец, некоторые социальные СДоли по своему генезису не являются ни общечеловеческими, ни региональными, и их нельзя считать межъязыковыми. Некоторые социальные СДоли складываются, формируются в границах определенной этнокультурной и национально-языковой общности. Данные национально-культурные СДоли объективируют особенности территории распространения общности людей, специфику ее экономической жизни, самобытность национальной психологии и своеобразие национальной культуры (отсюда их наименование).

Состав ЛФона не может исчерпываться национально-культурными СДолями: в нем, безусловно, присутствуют также и межъязыковые СДоли. Тем не менее если национально-культурные СДоли входят в содержание лексического понятия, то такое слово правильно считать возникшим внутри данной исторической общности людей и непереводаемым на другие языки, т. е. безэквивалентным. С другой стороны, семантика слов, обозначающих, казалось бы, повсеместно распространенные предметы и явления, как правило, не исчерпывается межъязыковыми СДолями и включает в себе, как минимум, одну национально-культурную СДолю. Наиболее ярко сказанное иллюстрируется спецификациями, восходящими к топонимам или к историко-культурным ассоциациям (молоко — *можайское*, сыр — *пошехонский*, масло — *вологодское*, хлеб — *бородинский*, ружье — *тульское*, игрушки — *дымковские*, даже время — *московское*).

Итак, по происхождению СДоли бывают личностными и социальными, причем последние разделяются на межъязыковые (общечеловеческие и региональные) и национально-культурные.

Остановимся теперь и на вопросе исконной или гетерогенной принадлежности СДолей.

Однажды возникнув в индивидуальном языковом сознании, некоторые СДоли (предположим, Земля — *круглая*, Земля *вращается вокруг Солнца*), благодаря коммуникативной функции речи (как устной, так и письменной, особенно последней), могут внедриться сначала в групповое сознание (например, непосредственного окружения человека, высказавшего новое мнение), затем в сословное или профессиональное (например, ученых) и, наконец, в сознание всей нации, всего человечества. Коммуникативная функция речи оборачивается кумулятивной функцией строевых единиц языка, в частности накоплением в лексических фонах новых СДолей: одновременно с возрастанием образованности носителей языка, с распространением школьных знаний пережиточные СДоли *плоская* (по отношению к Земле) и *вращается вокруг Земли* (по отношению к Солнцу) заменены указанными ранее СДолями, исторически имевшими индивидуальный статус и тесно сопряженными с именем высказавшего их человека (ср. терминологическое словосочетание *гелиоцентрическая система Коперника*)¹¹⁴.

Совершенно аналогично национально-культурные СДоли и безэквивалентные слова, в свое время сформировавшиеся в определенной исторической общности людей, благодаря международному общению и средствам массовой коммуникации, могут стать межъязыковыми и понятийно-эквивалентными.

Таким образом, классификация фоновых СДолей по происхождению и их классификация по распространенности, принадлежности (индивиду или коллективу людей) — разные вещи, потому что статус распространения СДолей может серьезно меняться. Личностные СДоли при наличии благоприятных условий с течением времени становятся национально-культурными, национально-культурные — региональными и региональные — общечеловеческими, т. е. межъязыковыми. Возможно и обратное развитие СДоли: когда пережиточная СДоля вытесняется, она сначала «уходит» из общечеловеческого сознания, затем из регионального, из общественного сознания национально-культурной общности и только в последнюю очередь из сознания отдельных индивидов.

Обычно полагают, что, когда некоторая национально-культурная СДоля становится (с точки зрения ее распространенности) межъязыковой или когда понятийно-безэквивалентное слово становится эквивалентным, имеет место обязательный перенос и обозначаемого словом предмета (явления) из одной культуры в другую. Вероятно, в предшествующие эпохи жизни человечества это было справедливо, однако сейчас, благодаря возросшему международному общению, регулярным переводам с языка на язык и огромной эффективности средств массовой коммуникации, превративших Землю в единое информационное пространство, каждая национально-культурная общность включает в свой язык значительное количество заимствованных слов или заимствованных СДолей исконных слов, причем без одновременного заимствования соответствующих предметов и явлений.

¹¹⁴ Правда, в обиходном языке все еще отражается геоцентрическая Птолемея система, ср.: отправиться на *край земли/света*, со *всех концов земли*; солнце *взошло* или *зашло/село*. Эта пережиточная семантика не воспринимается общественным сознанием, как не учитывается им, например, СДоля *черный* в слове *чернила*.

Таковы, с одной стороны, целиком относящиеся к иностранной действительности и перешедшие в русский язык полностью заимствованные или только используемые иноязычные слова, например: наименования зарубежных парламентов (*бундестаг, кнессет, конгресс, кортесы, меджлис, рейхстаг, сейм, скупщина, фолькетинг, хурал* и т. д.), а также названия атрибутов иного образа жизни (*галлон, гульден, динго, инквизиция, канцлер, квакер, книксен, крупье, мормон* и др.). С другой стороны, в ЛФоны исконных слов включаются СДоли, относящие слово к иностранной культуре. Особенно часто путем пословного перевода возникают номинативные словосочетания, употребление которых ограничивается исключительно привязкой к зарубежной действительности. В послеперестроечный период иноязычные понятия хлынули в российскую действительность и, можно считать, уже укоренились в ней: *алия, а-ля фуришет, аэробика, аятолла, багги, байт, баксы, бодибилдинг, бодисатва, ваучер, венчурный* и т. д. и т. п.

Совершенно аналогично целый ряд русских слов перешел в иностранные (особенно западноевропейские) языки, и некоторые иноязычные слова под влиянием русского языка развили СДоли, отражающие российскую действительность. В. С. Лизунов насчитал 230 лексических единиц, проникших в немецкий язык до 1917 г., причем большинство из них отражает специфику географии, истории, культуры России: *Steppe* (степь), *Droschke* (дрожки), *Podsol* (подзол). *Byline* (былина), *Chogowod* (хоровод), *Dekabrist* (декабрист) и др. ([Лизунов 1976: 13]; см. также [Наркевич 1973]).

Следовательно, в языке А могут наличествовать слова, целиком направленные на иноязычную культуру Б, а исконные слова языка А могут содержать фоновые СДоли, также отражающие культуру Б. Обычно такую иноязычную семантику (семантику языка Б) в языке А называют *экзотической*¹¹⁵, а переносимые из языка в язык (иногда и без адаптации) слова — *варваризмами*, однако поскольку данные термины отягощены отрицательными оценочными ассоциациями, лучше от них отказаться. Представляется, что для мотивированного обозначения рассматриваемого явления целесообразно сочетать генетический атрибут (*национально-культурное слово, национально-культурная СДоля*) с атрибутом, отражающим распространенность явления (*межъязыковая СД*), т. е. говорить о *межъязыковых СДолях национально-культурного происхождения*.

Все изложенные выше рассуждения о личностных, социальных, национально-культурных и межъязыковых СДолях были предприняты для более точного выяснения той лексической семантики и общественных знаний и соответственно фоновых СДолей.

Таким образом, понятийные и фоновые СДоли по-разному классифицируются с точки зрения их существования в индивидуальном и общественном сознании, а также в зависимости от их генезиса и распространенности.

¹¹⁵ Об использовании иноязычной лексики имеется немало трудов, вышедших из-под пера великодушных исследователей: [Брандт 1884; Дмитриев 1930; Виноградов 1938; Булаховский 1939] и др.

Глава 8. Лингвострановедческая интерференция и компарация лексических фонов

Для ответа на новые вопросы необходимо еще раз рассмотреть структуру слова с точки зрения ее существования в индивидуальном сознании билингва.

Раньше было сказано, что лексическое понятие, сложившееся с опорой на лексему родного языка, при освоении понятийно-эквивалентных слов иностранного языка способно переходить и на лексему изучаемого языка (т. е. эквивалентное понятие не вырабатывается заново, а переносится из языка в язык). Структуру понятийно-эквивалентного слова (например, русского *письмо* и английского *letter* [французского *lettre*, немецкого *Brief*])¹¹⁶ в индивидуальном сознании билингва можно показать на схеме (рис. 3).

Рис. 3. Структура понятийно-эквивалентного слова в индивидуальном сознании билингва

Понятийно-безэквивалентные слова по форме своего существования в сознании двуязычного человека ничем не отличаются от обычных слов в сознании монолингва: поскольку изучающий язык вырабатывает для себя новое лексическое понятие и связывает его с новой, вновь запоминаяемой лексемой, возникает не трехчленная структура, подобная только что приведенной, а обычная двучленная (рис. 4)¹¹⁷.

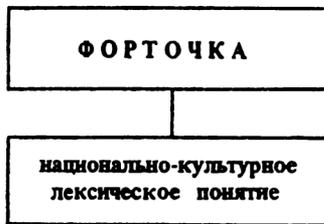

Рис. 4. Структура понятийно-безэквивалентного русского слова с точки зрения иностранца

Если мы теперь станем учитывать ЛФоны понятийно-эквивалентных разноязычных слов, то схематические изображения усложнятся не только количественно, за счет увеличения числа учитываемых элементов, но и качественно, потому что нам придется отразить такие отношения между элементами, которые между лексемами и понятиями не отмечаются.

Как мы уже говорили, в лексических фонах можно выделить общечеловеческие и региональные СДоли. Например, и *письмо*, и *letter* *пишутся* на бумаге, *вкладываются* в конверт, на конверте должна быть *почтовая марка*, письма и *letters* одинаково опускаются в *почтовые ящики*, *доставляются* адресату, *заклеиваются* и *распечатываются*, *прочитываются*; письма и *letters* в равной мере *ждут*; на них

¹¹⁶ По Ожегову, *письмо* — это «написанный текст, посылаемый для сообщения чего-нибудь кому-нибудь», а *letter*, по Хорнби, — это «a written message, a piece of news, information, etc. or a request, sent from one person to another» («письменное сообщение, новости, информация и т. д. или требования, посылаемые от одного лица к другому»).

¹¹⁷ По Ожегову, *форточка* или *форточка* — это «стеклянная дверца в окне для проветривания», и структура окна с форточкой неизвестна ни в Западной Европе, ни в США, поэтому в описаниях «мира русских» для иностранцев обычно на нее обращают специальное внимание. Дж. Герхарт пишет: «Зимы холодные, а русские любят, чтобы в комнатах было тепло, поэтому традиционные окна — двойные, причем внутренняя рама часто убирается на лето. Обе рамы имеют специальную секцию, *форточку* (это слово в английском тексте дано по-русски, оно непереводаемо. — Б. В., В. К.), которая открывается отдельно» [Gerhart 1974: 54].

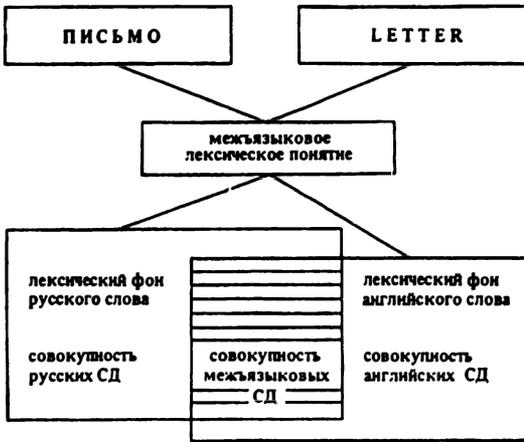

Рис. 5. Структура понятийно-эквивалентного слова с учетом лексического фона

сторона, лексические фоны этих же слов содержательно расходятся, потому что каждое из них включает в себя некоторое количество национально-культурных СДолей. Структуру слова с учетом лексического фона в индивидуальном сознании билингва можно представить на схеме (рис. 5).

Как показывает опыт, если изучающий иностранный язык отождествил в своем сознании слово родного языка со словом иностранного, то он практически отождествляет и ЛФоны обоих слов, и в результате в речи билингвов наблюдается интерференция особого рода — лингвострановедческая.

Например, преподавательница русского языка из Франции, находясь в Москве на стажировке, заболела, и к ней был вызван врач из районной поликлиники. Фраза, с которой стажерка обратилась к врачу по завершении осмотра (*Сколько я Вам должна за визит?*), не содержит ошибок фонетического и грамматического характера, но тем не менее она отнюдь не свободна от интерференции, потому что, владея межъязыковым лексическим понятием эквивалентных слов *medicin* и *врач*, говорившая ложно перенесла на русское слово лексический фон французского. В настоящее время (конец 2004 г.) врачи государственных поликлиник денег за визиты еще не берут. Фраза, которая, видимо, не только уместна, но и необходима при завершении посещения врачом больного во Франции, бессмысленна в наших условиях, при пока еще сохраняющейся бесплатной медицинской помощи. Иное дело, что поскольку Россия встала на путь капиталистических отношений, пережитки социальных «завоеваний» постепенно будут ликвидированы, и тогда между Францией и Россией не будет разницы. Сейчас же пациент, если он желает отблагодарить врача, или сует ему деньги в карман, или заранее готовит существенный подарок (не ниже коробки конфет), который и вручается вместо платы. Прямо предлагать деньги, да еще в присутствии посторонних — неприлично.

Перед нами лингвострановедческая интерференция, в основе которой лежит перенос иностранцем, говорящим по-русски, навыков и сведений из привычной ему действительности во вторичную культуру; таким образом, в противоположность фонетической и грамматической интерференции, лингвострановедческая обус-

надеются; на них *отвечают* и т. д. Таким образом, лексические фоны обоих слов совпадают значительным количеством межъязыковых СДолей — подобно тому как совпадают лексические понятия.

Однако подобие идет лишь до известного предела. Если лексические понятия эквивалентных слов *всегда* совпадают, то ЛФоны никогда полностью не совпадают.

Таким образом, с одной стороны, лексические фоны двух разноязычных понятийно-эквивалентных слов содержат межъязыковые СДоли, т. е. содержательно совпадают между собой. С другой

ловлена не воздействием одного языка на другой, а воздействием одной культуры на другую, но результат интерференции культур проявляет себя именно в речи¹¹⁸.

Лингвострановедческая интерференция может относиться не только к отдельным ЛФонам, не только к единичным словам, но и к целым лексическим полям, обширным тематическим группам слов.

Интересные наблюдения в свое время выполнила Ю. Ю. Дешериева. Она сопоставила школьные системы Англии и СССР: если в СССР обязательный возраст поступления в школу семь лет, то в Англии — пять лет; занятия в российских средних школах перед летними каникулами завершаются в июне, в Англии — в конце июля; у нас большая перемена между уроками двадцать минут, а в Англии так называемая перемена на обед продолжается около двух часов; в советских школах о начале и конце урока оповещает звонок, в то время как в Англии учитель по собственным часам следит за продолжительностью занятия; в школьных спортивных соревнованиях в одну команду у нас никогда не включаются ученики совместно с преподавателями, а в Англии такое возможно; наконец, если у нас при комплектовании параллельных классов способности учеников во внимание не принимаются, то в Англии параллельные классы состоят из учеников, которые, по мнению руководства школы, более способны (одарены), менее способны и еще менее способны, — это разделение учеников по параллельным классам в зависимости от приписываемых им способностей обозначается безэквивалентным для русского языка словом *streaming* (стриминг). Ср. фразы: *Когда ребенку исполнилось пять лет, его отдали в школу; В жаркое июльское лето школьники занимаются в школе; Как поступит ученик, если он оставил дома тетрадь по математике? На перемене на обед ученик может съездить домой и взять тетрадь; Учитель истории забыл часы дома, и он спросил у ученика время, чтобы узнать о конце урока; Партнерами в спортивных соревнованиях в школе могут быть команды, состоящие из учеников и преподавателей; Ученики 5А более умные и имеют более способностей, чем учащиеся 5Б* [Дешериева 1976]. С точки зрения российской национальной культуры все эти фразы содержат лингвострановедческую интерференцию. Будучи корректными с точки зрения языка, они корректны применительно к английской культуре и некорректны применительно к русской.

Таким образом, учет национальной культуры учащихся нужен прежде всего для предупреждения лингвострановедческой интерференции, которая может выступать в явном виде. Однако в значительном числе случаев перенос ЛФона слова родного языка на слово изучаемого остается для внешнего наблюдателя незаметным, скрытым и не выводится в речь. О том, что скрытая лингвострановедческая интерференция все же имела место, приходится судить на основании косвенных показателей и принимать во внимание не факты речи, а некоторые неречевые индикаторы.

¹¹⁸ Результаты процесса, названного сейчас лингвострановедческой интерференцией, безусловно, многократно описывались; его осмысление предложил, в частности, К. Бабов. Он же приводит примеры ошибок, объясняемых спецификой болгарской культуры: «Счет этажей многоэтажного дома и счет комнат в квартире не совпадает в русском и болгарском употреблении; поэтому болгарские учащиеся могут допускать типичные ошибки: *Они живут на первом этаже* (вм. *на втором*); *Я поднялся на первый этаж* (вм. *на второй* — на первый этаж можно только спуститься); *У них однокомнатная квартира: спальня, общая жилая комната или холл и кухня* (это для русских *двухкомнатная квартира*)» [Бабов 1974: 28–29].

Так, по свидетельству Л. А. Шеймана и Н. М. Варич, кочевники-киргизы одной из сельских школ на уроках русского языка должны были прочитать по ролям известную басню И. А. Крылова «Волк и Ягненок», в которой, как известно, Ягненок представлен в положительном, а Волк — в отрицательном свете. Тем не менее «когда дело дошло до инсценировки, все поголовно отказались читать текст за Ягненка. Большинство вызвалось исполнять роль Волка, некоторые — автора» (Шейман, Варич 1976: 10). Волк, несмотря на прямой смысл басни, вызывал у сельских школьников-киргизов исключительно позитивные ассоциации — *добрый, грозный, сильный, храбрый, красивый, лукавый, волшебный*. Характерно, что в подтверждение своей правоты шестиклассники ссылались на сказку «Алтын куш» и на эпос «Манас». Следовательно, ЛФон киргизского слова, понятийно эквивалентного русскому слову *волк*, был перенесен из родного языка в изучаемый, т. е. семантическая структура русского слова перестроилась в сознании школьников под влиянием родного киргизского языка. Перед нами случай лексической интерференции, но если бы не индикатор, имеющий поведенческий, а не речевой характер (стремление детей отмежеваться от Ягненка и, напротив, отождествить себя с Волком), мы бы на совершившийся негативный перенос не обратили внимания. Кстати, русские дети во время подобной инсценировки отказывались читать как раз за Волка (*добрым* его никто не назвал).

Скрытая интерференция на бытовом уровне, конечно, просто любопытна; скрытая интерференция на уровне оценки существенных элементов национальной культуры может привести к искаженному их восприятию. Здесь большую роль играют стереотипы сознания. Обычно в основе стереотипа лежит некоторый элемент истины, однако эта истина или огрублена, доведена до абсурда, распространена на неправоммерно большой круг фактов, или просто устарела. Стереотипы подчеркивают нетипичное и затушевывают важное, фиксируют детали и забывают о целом, упрощают сложное и запутывают простое. Поскольку формой существования стереотипов сознания являются обычные фоновые СДоли, т. е. поскольку стереотипы, подобно любому другому знанию, фиксируются в словах, они входят в индивидуальное сознание человека, так сказать, принудительно, навязываются ему.

Так, стереотипы наиболее устойчивы по отношению к восприятию членами одной национально-культурной общности членов другой; в частности, у западноевропейцев и североамериканцев в представлениях о «типичном русском человеке» можно отметить определенное количество неадекватных фоновых СДолей.

Например, один из западноевропейских студентов после чтения рассказа А. Чехова «Смерть чиновника» так изложил свое впечатление: «Я, конечно, знаю, что русский человек легко идет от огорчения к радости и совсем не оценивает свою жизнь. Такая восточная мистика. Я уже читал, что один служащий сразу умер, когда у него украли пальто. Теперь другой служащий умирает по причине крика генерала. Ничего удивительного». Как видим, восприятие чеховского замысла не состоялось, потому что этому воспрепятствовало интерферирующее влияние стереотипизированного образа русского, «не ценящего свою жизнь», которое сложилось у студентов еще до приезда в Москву, т. е. в результате социализации в своей стране. Прочитанная в свое время «Шинель» Гоголя наложилась на «Смерть чиновника».

Осознание важности фоновых знаний для успешной коммуникации иногда не отмечается даже у ученых. Один известный английский лингвист, выступая с докла-

дом перед аудиторией своих московских коллег, хотел пояснить сложную мысль и сказал: «Представьте себе игру в гольф; правила языка очень похожи на правила игры в гольф». Слушатели вежливо промолчали, но в импрессионном плане коммуникация все же не состоялась, так как в *гольф* у нас не играют и соответственно правила этой игры никому не известны.

Глава 9. Общественная динамика ЛФонов

Личностная динамика ЛФона частично была рассмотрена выше (см. гл. 7). В коммуникации индивид накапливает СДоли, включаемые в фон соответствующего слова. Так проходит обучение детей (усваивающих с помощью языка социальный опыт). Модификации ЛФонов в сознании человека (конечно, не так интенсивно, как в раннем детстве) продолжают на протяжении всей его жизни.

Обратимся теперь к общественной динамике ЛФонов.

В качестве сквозного примера мы уже использовали слово *молоко*. В фоне слова появилась СДоля, которая лет сорок назад показалась бы совершенно невозможной. Как и любую другую жидкость, молоко можно хранить в *бутылке, молочнике, кувшине, кастрюле, бидоне* и любом другом сосуде постоянной формы. Если бы в конце 40-х гг. или начале 50-х гг. прошлого столетия кто-нибудь сказал *Я купил пакет молока*, произнесенную фразу посчитали бы за перевертыш типа *Ехала деревня мимо мужика*. *Пакет* — «бумажный мешок для продуктов, кулек» (словарная дефиниция), причем речь шла только о сыпучих и вообще «субстанциональных» продуктах (ср. *пакет муки, пакет яблок*). Промышленность, однако, освоила бумагу, не пропускающую воду, и эта бумага теперь широко применяется как упаковка в продаже молока, поэтому в фон слова *молоко* вошла СДоля *пакет* (равно как и в фон слова *пакет* вошла СДоля *молоко*), — так словосочетание *пакет молока* стало вполне привычным и повседневным. На примере видно, как в ЛФон входит новая СДоля и как в результате этого меняется сочетаемость слова с другими словами.

С другой стороны, рассматриваемое слово может быть примером постепенного исключения из лексического фона присутствовавшей в нем СДоли. Люди старшего поколения еще помнят время, когда мерой продажи молока была *четверть* (исторически четвертая часть ведра, т. е. три литра). Для современной молодежи и особенно для школьников слово *четверть* означает или — преимущественно — часть учебного года, или промежуток времени в пятнадцать минут. Словосочетание *четверть молока* сейчас можно встретить лишь в литературе; оно не только кажется, но и действительно *стало* бессмысленным.

Заметим, что лексическое понятие «молоко» ни в малейшей мере не изменилось. Отмечается только и исключительно, с одной стороны, включение в семантику слова и, с другой, устранение из нее именно *фоновых*, а не понятийных СДолей.

Отметим также, что и сочетаемость слова с другими оказывается производной от фоновых СДолей. Так как эти последние полностью определяются внеязыковой действительностью, в рассмотренном и подобных случаях язык следует за переменами действительности; он, конечно, благодаря возможности выбора из наличест-

вующих средств выражения, не остается в акте номинации пассивным (скажем, закрепилось наименование именно *пакет*, а не **кулек молока*, хотя и *пакет*, и *кулек* — это бумажные мешки для продуктов), но тем не менее сам стимул для номинации лежит за пределами языка.

Общественная динамика ЛФонов — явление константное, может быть даже внутренне присущее природе языка. Надо, однако, обратить внимание на заметное отставание динамики лексического фона от темпов изменения действительности. Предположим, определенный факт действительности исчез, вышел из активного употребления. Например, в наши дни никто не пишет пером птицы, тем не менее в ЛФоне слова *перо* есть не только СДоля *стальное*, но и СДоля *гусиное*. Ведь до сих пор в круг чтения наших современников входят классические тексты, в которых упоминается об употреблении при письме *гусиных перьев*.

Таким образом, если внеязыковое явление ушло из актуальной культуры, СДоля фона слова, отражающая предшествующий этап развития национальной культуры, сохраняется довольно долго, и в этом как раз видна хранительная, кумулятивная функция языка. Из сказанного вытекает, что с точки зрения динамики лексического фона надо различать в его составе, во-первых, *диахронические* и, во-вторых, *синхронические* СДоли.

Как мы знаем, история входит в современность (и переходит в будущее), а предшествующие этапы развития национальной культуры в своей (отнюдь не механической, а избирательной) сумме определяют ее состояние в данный отрезок времени (и в будущем). Все члены некоторой этнокультурной общности людей путем обучения в школе и в результате неформальной социализации получают представление о развитии своей страны в прошлом, о ее возникновении, о ее выдающихся государственных, военных деятелях, ученых, художниках, музыкантах и т. д., о сложившихся исторически явлениях и фактах материальной и духовной культуры. Все слушают в детстве и запоминают со слуха примерно одни и те же сказки. В школе, да и вне ее, читают и обсуждают в значительной мере совпадающий для всех круг литературных произведений, в том числе и даже прежде всего писателей предшествующих периодов развития отечественной литературы, поэтому русских писателей позапрошлого (XIX) века следует считать нашими современниками.

Во-первых, существует некоторый перечень произведений фольклора и художественной литературы, знакомство с которыми обязательно для каждого образованного русского. Во-вторых, каждому этапу развития человека соответствуют определенные книги, так что литературный багаж взрослого человека (т. е. совокупность прочитанного или услышанного им) складывается из тех слоев, которые специалистами называются литературой для дошкольного, младшего, среднего и старшего школьного возраста, для юношества, для молодежи, а также из так называемой взрослой литературы. Этот список книг, типичных для литературного багажа «среднего» русского, нуждается в уточнении, но его существование (для каждого временного среза) нельзя отрицать. Входящие в этот список книги во 2-м издании «Языка и культуры» [1976: 293 и сл.] были нами названы *облигаторными*.

Короче говоря, передача культуры от поколения к поколению представляет собой механизм, в котором именно слово, будучи носителем общественного знания, оказывается, так сказать, памятью культуры. Диахронические СДоли в составе

ЛФона — это отнюдь не пережиточные, не механически ушедшие или уходящие элементы лексической семантики, а зачастую элементы столь же актуальные, как и синхронические СДоли.

Хотя диахронические доли в составе ЛФона довольно устойчивы, тем не менее временная динамика ЛФона в первую очередь касается, конечно, именно диахронических СДолей. Из их числа с течением времени выпадает то одна, то другая СДоля (как, например, из фона слова *молоко* «ушла» СДоля *четверть*), причем причины подобного устранения не могут объясняться исключительно переменами во внеязыковой действительности (как было показано раньше, исчезновение некоторого факта из актуальной культуры не приводит к немедленному уходу соответствующих знаний из общественного сознания и тем самым к модификациям ЛФона).

На сложном вопросе выявления причин перемен в актуальном общественном сознании некоторой группы людей не будем останавливаться, отметим только, что диахронические СДоли постепенно теряют из своего состава те или другие единицы.

Динамику лексического фона можно изобразить схематически (рис. 6).

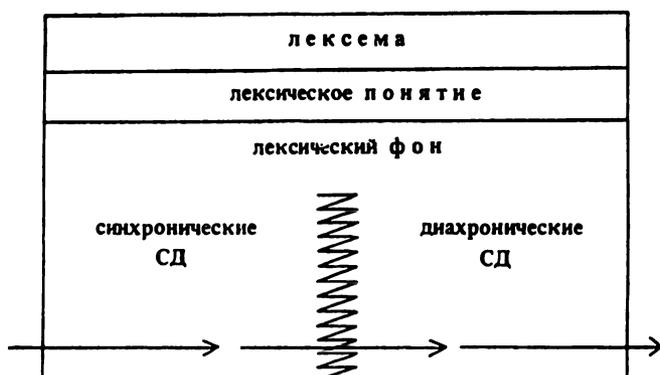

Рис. 6. Динамика лексического фона во времени

На схеме разделение и группировка синхронических и диахронических СДолей проведены, конечно, условно; зигзагообразная линия — граница между ними — призвана намекнуть, что некоторые СДоли не имеют определенного статуса: хотя действительно можно выделить в ЛФоне СДоли, отражающие актуальную культуру, и СДоли, сопряженные с ее предшествующими состояниями, тем не менее всегда остается часть таких СДолей, которые еще не стали диахроническими, но уже перестали быть синхроническими.

Итак, ЛФон — категория динамичная: с одной стороны, он накапливает СДоли, а с другой — некоторые из СДолей, представленных в его составе, постепенно из него исключаются. Тем не менее семантика слова отражает перемены в актуальной культуре с запозданием (синхронические СДоли переходят в диахронические, но не исчезают вообще) — благодаря этому слово оказывается хранителем культуры и фиксатором исторических пластов в современном общественном сознании. Требуется большой срок и особые условия, чтобы ставшая диахронической СДоля совершенно вышла из ЛФона и совсем утратилась.

Глава 10. СДоли в индивидуальном сознании

Вопросы порождают вопросы. Настал черед выяснить, какова же собственная природа понятийных и фоновых СДолей. Нас интересует, естественно, имеют ли СДоли вербальную природу. Проблема допускает альтернативное решение.

Во-первых, можно полагать, что СДоли имеют вербальную природу, т. е. представляют собой слова. Например, как мы видели раньше, в фон слова *молоко* входит представление о его цвете. С приведенной точки зрения это значит, что со словом *молоко* тесно связано другое слово — *белое* (напомним, что *молоко* вызывает и другие вербальные ассоциации — *парное, топленое* и т. д.). Так как все ассоциации объективируют именно СДоли понятия или фона, получается, что ЛФон слова *молоко* — это обычное лексическое поле, в котором центральное место занимает интересующая нас лексическая единица. Конечно, и слова-реакции имеют свои фоны (скажем, *белый* — *снег, свет...*, *белая* — *простыня, горячка...*, а *белое* — *облако* или как раз *молоко*), поэтому одно и то же слово может быть и в центре лексического поля, и на его периферии, может являться носителем как ЛФона, так и СДоли, включаемой в ЛФон другого слова. Короче говоря, всю совокупность лексики придется наглядно представить себе как сеть взаимосвязей и взаимозависимостей. Ассоциативные эксперименты как будто подтверждают справедливость понимания СДоли как слова на периферии, связанного с центральным словом-стимулом.

Во-вторых, имеются основания полагать, что СДоли не имеют вербальной природы, что они в индивидуальном сознании человека существуют и фиксируются в некоторой (пока не определяемой ближе) форме: единственная характеристика этой формы и есть отрицание ее вербального характера. В таком случае, существуя в индивидуальном сознании независимо от слов, СДоли соединяются со словом в акте речи. Думать так нас заставляют те трудности поиска слова для выражения СДолей, которые можно наблюдать в жизни.

Из двух альтернативных позиций нами, естественно, поддерживается вторая, и в первой главе настоящего раздела были приведены многочисленные доводы в ее поддержку. Сейчас мы прибавим к ним еще два аргумента.

Первый аргумент в поддержку невербальной природы СДоли, собственно, уже изложен выше: говорить о поиске слова для наличной СДоли логически возможно лишь при допущении, что СДоля существует в индивидуальном сознании отдельно от лексемы, в невербальной форме. Каковая эта форма — вопрос другой; важно подчеркнуть, что лексема не есть материальный носитель ассоциатов.

Второй — и главный — аргумент покоится на наблюдениях за речепроизводством и речевосприятием билингов. Выше говорилось о межъязыковых лексических понятиях: описываемое явление мы иллюстрировали сопоставлением слов *стул* и *chair*, *школа* и *school*. Межъязыковые лексические понятия легко переносятся из языка в язык. Естественно, если мы говорим о переносе понятия из языка в язык, то мы имплицитно предполагаем, что понятие из языка в язык переносится невербально, без иноязычной лексемы: в противном случае нам пришлось бы говорить о переносе из языка в язык слова, но не понятия.

Так как лексическое понятие складывается из СДолей, мысль о невербальности лексического понятия в то же время является утверждением невербальности

СДолей. Поскольку между понятийными и фоновыми СДолями нет качественного различия, невербальны, естественно, как понятийные СДоли, так и фоновые.

Следовательно, и лексическое понятие, и ЛФон существуют в индивидуальном сознании человека вне связи с лексемами, т. е. невербально.

Пока мы не в состоянии охарактеризовать природу существования лексической семантики «в голове» человека иначе как апофатически, перечислением отрицательных свойств. Приняв вторую точку зрения из двух альтернативных, мы подчеркнули те признаки, которые существованию семантики в индивидуальном сознании *не свойственны* (невербальность, несловесность), но ничего не сообщили о позитивных качествах. Это апофатическое знание относится к природе бытия лексической семантики, конечно, только в симультанном, даже вневременном аспекте, в тех условиях, когда некоторое слово или некоторая СДоля просто хранится в индивидуальном языковом сознании, образуя лишь возможность для высказывания или восприятия речи (слово *in potentia*).

Что же касается сукцессивного аспекта лексики, т. е. ее использования для производства или восприятия последовательно развертываемой во времени речи (слово *in praesentia*), то в речепроизводстве актуализация в сознании человека некоторого слова актуализирует (в зависимости от смысловой интенции) и соответствующую СДолю фона этого слова: например, для высказывания о *молоке* потребовалась СДоля *цвет*. Затем данная СДоля «ищет»¹¹⁹ для себя — как мы видели, иногда и безуспешно (или не сразу успешно) — вербальную форму выражения, «стремится» соединить себя с адекватным словом: скажем, СДоля *цвет (молока)* для образования осмысленного высказывания может быть выражена лишь в двух словах (*белое, желтое*). В процессе речевосприятия имеет место противоположное движение — от лексем к СДоле, причем эта последняя затем запоминается и хранится, а передавшая ее лексема, как правило, забывается.

Процессы речепроизводства и речевосприятия не наблюдаются прямо; поэтому их отражают конкурирующие и даже взаимоисключающие научные модели, — важно отметить, что постулируемые нами межъязыковые лексические понятия с непреложной логической необходимостью заставляют отрицать вербальную природу любых лексических понятий (в том числе и в ситуации монолингвизма). Если это так, то невербальны входящие в них понятийные, а также однородные с последними фоновые СДоли. На этой основе мы приходим к выводу, что природа симультанного существования ЛФона в равной мере невербальна.

Таковы два аргумента в поддержку тезиса о существовании СДолей в индивидуальном сознании отдельно от лексем: поиск слова для выражения СДолей и существование межъязыковых СДолей.

Этот второй аргумент имеет модификации применительно к двум частным случаям реализации межъязыковых СДолей. На его основе можно правильно понять процесс перевода текста с языка на язык: невербальные СДоли служат тем инвариантом смысла, который сохраняется при переводе, и благодаря им возможен перевод. Кроме того, лишь при предположении, что СДоли невербальны, можно объяснить случаи восприятия информации на одном языке и ее воспроизведения на другом.

¹¹⁹ Так как мы ничего определенного о процедуре поиска не можем сказать и судим только по результатам, приходится употреблять антропоморфные выражения. Они, конечно, употребляются метафорически, поэтому заключаем их в кавычки.

Тезис о невербальности СДолей, о невербальной природе лексического понятия и ЛФона существен потому, что он открывает и теоретически обосновывает возможность использовать для семантизации слова языка А речь на языке Б.

Цепочка посылок и следствий строится так: знания, передаваемые в текстовой форме, ни в индивидуальном, ни в общественном сознании не фиксируются и не существуют в форме исходных текстов (см. гл. 5); знания преобразуются в невербальные (понятийные и фоновые) СДоли для хранения в индивидуальном языковом сознании, т. е. знания отрываются от того языка, посредством которого они вошли в сознание человека.

Следовательно, в условиях двуязычия (при хорошем владении двумя языками) одни и те же знания могут быть введены на обоих известных человеку языках и воспроизведены в речи на любом из них. Это в свою очередь означает, что слово языка А может быть семантизировано с помощью речи на языке Б (используемой в метаязыковой функции).

А такое требуется. Когда язык А только лишь изучается и не может использоваться в метаязыковой функции (на начальном этапе обучения) и когда семантизации подлежит сложный и многоплановый ЛФон (например, ключевого для национальной культуры слова), слово изучаемого языка А допустимо и, как будет ниже показано, эффективно семантизировать с помощью речи на родном для обучающегося языке Б (или на хорошо известном обучающемуся языке-посреднике). Этот вывод не содержит в себе ни логического противоречия, ни рассогласованности с природой лексической семантики.

Глава 11. Экзотерические и эзотерические СДоли

Разбирая методики объективации фоновых СДолей, мы обратили внимание на следующие обстоятельства. Во-первых, в фоне слова, если его представить в виде перечня, оказывается довольно много СД¹²⁰. Во-вторых, теоретически неясно, все ли фоновые доли удастся выявить; мы не знаем, является совокупность СДолей, входящих в фон некоторого слова, закрытым, конечным множеством или это множество принципиально допускает постоянную прибавку либо произвольное опущение (или прибавку) одной, и еще одной, и еще единицы (т. е. оказывается открытым)¹²¹.

Итак, возникают два вопроса.

Определимо ли вплоть до единицы количество СДолей в фоне некоторого слова, и если да, то как? Можно ли упорядочить СДоли в составе ЛФона на основании какого-либо признака (или признаков), и если да, то как именно?

Выдвигая новую проблему, мы имеем в виду на сей раз, конечно, не индивидуальное сознание, потому что фон слова в сознании отдельного человека отражает

¹²⁰ Например, на слово *стул* оказалось 18 реакций, а на слово *стол* — 61.

¹²¹ Столь большое количественное расхождение реакций на стимулы *стул* и *стол* вызвано условиями эксперимента и, следовательно, объясняется не природой лексических фонов обоих слов, а внешними причинами. Никак нельзя думать, что шестью десятками реакций исчерпывается фон слова *стол*; напротив, можно с уверенностью сказать, что реакций и, соответственно, СДолей больше. Но сколько всего?

неповторимые условия социализации и прихотливо как включает в себя СДоли, так и исключает их.

Л. Толстой в «Юности» пишет о «своем языке», который устанавливается между людьми одного кружка или семейства для облегчения одинакового понимания: «...у нас с Володей установились, бог знает как, следующие слова с соответствующими понятиями: *изюм* означало тщеславное желание показать, что у меня есть деньги, *шишка* (при этом надо было соединить пальцы и сделать особенное ударение на оба ш) означало что-то свежее, здоровое, изящное, но не шегольское; существительное, употребленное во множественном числе, означало несправедливое пристрастие к этому предмету и т. д. и т. д.» (гл. «В деревне»). Перед нами типичный случай личностной семантики слова.

Задача перечисления и группировки СДолей разумна только по отношению к общественному сознанию, потому что лишь применительно к слову как межличностной сущности можно говорить о полноте его семантики (в индивидуальном сознании фон слова может быть усвоен не до конца) и о стабильности его семантики (семантика слова в личностном сознании значительно более подвижна).

Поставленная задача относится к общественному сознанию и еще по одной причине. Как кажется, свойство стабильности присуще всем языковым единицам, в том числе и единицам лексического уровня. Во-первых, относительно стабильна лексема (звуковая оболочка слова). Во-вторых, стабильно число СДолей в составе лексического понятия (они, как правило, перечисляются в толкованиях, причем исчерпывающе). Почему бы, в-третьих, не иметь стабильного состава лексическому фону?

Конечно, выше мы наблюдали, как из состава лексического фона выходят диалектические СДоли и как актуальные (новые) СДоли входят в него. Этот процесс нередко занимает небольшие промежутки времени (примерно за десять лет здание культуры весьма модифицируется, а в случае перемены общественного строя модифицируется даже его фундамент).

В то же время наблюдения над динамикой фона не запрещают думать о его стабильности, пусть применительно к меньшим временным периодам по сравнению с лексическим понятием и особенно лексемой¹²². Рассуждаем чисто логически: будучи в постоянном развитии, семантика слова как средства общения должна быть одновременно устойчивой, в том числе и в области лексического фона: если бы она лишилась устойчивости и «поплыла», то общение не выходило бы из затруднений.

Мы уже говорили, что СДоли фона выделяются с помощью ассоциативной методики. В качестве примера назовем ассоциации, которые возникли у информантов как реакции на стимулы *стол*, *стул*, *кровать*. В противоположность практиковавшейся раньше подаче материала в порядке его частотности (т. е. как в ассоциативных словарях) сейчас реакции сгруппированы на основании некоторых смысловых признаков (табл. 1).

¹²² Таковы, между прочим, всеобщие отношения между динамикой и статикой. Понятие движения непременно предполагает понятие покоя: о том, что вещь движется, можно судить только относительно ее же состояний покоя, и мы говорим, что вещь покойна, подразумевая, что в противоположном случае она движется. Если бы не было покоя, нельзя было бы судить о движении; обе категории в мышлении сопряжены. Сказанное относится к вещам в самом широком смысле философского термина, охватывая и духовное движение.

Таблица 1

Смысловой признак	Реакция на слово-стимул		
	СТУЛ	СТОЛ	КРОВАТЬ
Исходный материал. Из чего сделан предмет	<i>деревянный дерево</i>	<i>деревянный дерево</i>	<i>деревянная железная железо</i>
Родовое понятие	<i>мебель</i>	<i>мебель</i>	
Цвет	<i>коричневый</i>	<i>черный</i>	
Тематически смежные предметы	<i>стол кресло кровать</i>	<i>кресло диван скамейка табуретка бюро парта стул</i>	<i>диван</i>
Соположенные предметы. Где помещается предмет, обозначенный словом-стимулом	<i>пол</i>	<i>пол кухня комната</i>	<i>дом</i>
Элементы состава. Что непосредственно относится к стимулу		<i>ножка однотумбовый раскладной скатерть</i>	<i>постель одеяло подушка сетка матрац</i>
Пространственные характеристики предмета, его формы	<i>большой высокий маленький</i>	<i>большой широкий низкий длинный плоский кривой круглый квадратный четырёхугольный</i>	<i>широкая</i>
Назначение предмета. Какую потребность человека удовлетворяет предмет	<i>сидеть</i>	<i>сидеть еда кухонный писать письмо письменный учительский рабочий</i>	<i>сон спать двуспальная</i>
Статика и динамика предмета. Какие действия и состояния типичны для предмета	<i>стоит</i>	<i>стоит двигать делать</i>	<i>стоит скрип скрипит</i>

Таблица 1 (продолжение)

Смысловый признак	Реакция на слово-стимул		
	СТУЛ	СТОЛ	КРОВАТЬ
Качества предмета	<i>новый</i> <i>сломанный</i>	<i>новый</i> <i>гладкий</i> <i>полированный</i> <i>поломанный</i> <i>хромой</i> <i>на трех ножках</i>	
Субъективные оценки предмета	<i>удобный</i> <i>мягкий</i> <i>жесткий</i>	<i>удобный</i> <i>неуклюжий</i> <i>простой</i> <i>богатый</i> <i>гладкий</i>	<i>мягкая</i>

Примечание. Ассоциации выписаны из словаря Л. Н. Титовой [1975а]. Были оставлены в стороне некоторые реакции на стимул *стол* (столб, подоконник, телеграф, тень, чашка, ящик).

Можно ли на основании материалов, полученных ассоциативным путем, судить обо *всех* фоновых СДолях, относящихся к слову?

Первое побуждение — сказать «нет», и такой вывод мы уже излагали (см. гл. 5). Достаточно увеличить число испытуемых или просить их давать больше реакций, как количество слово-ассоциатов значительно возрастет. Например, на стимул *стул* была дана только одна цветовая реакция *коричневый*, но *стул* может быть и *черным* и *белым*. *Кровать* вообще не вызвала цветовых реакций, хотя все три прилагательных, конечно, относятся и к ней. Если по отношению к *стулу* и *столу* выявлены ассоциаты *большой*, то ассоциат *маленький* почему-то выявился лишь у *стула*, хотя, естественно, он относится и к *столу*.

А если обратиться к субъективным оценкам предмета, то количество возможных прилагательных возрастет беспредельно: по отношению к *стулу* выявились реакции *удобный*, *мягкий*, *жесткий*, но к нему можно отнести и реакции на слово *стол* — *неуклюжий*, *простой*, *богатый*, *гладкий*, да и целый ряд других оценок: *хороший*, *плохой*, *великолепный*, *отвратительный*, *дорогой*, *дешевый*, *примитивный*, *изысканный*, *любимый*, *модный*, *старомодный*, *гигантский*, *крошечный*, *надоевший*, *желанный*, *прекрасный*, *безобразный*, *нужный*, *заброшенный*, *лишний* и т. д. Короче говоря, ассоциативные материалы легко пополняются, и притом не единичными фактами, а большими массами возможных реакций (мы, кстати, не учитывали реакции глаголами и именами существительными, а они серьезно увеличили бы количество потенциальных фоновых СДолей). Таким образом, ассоциативным путем установить фоновые СДоли некоторого слова *полностью*, все без исключения — невозможно.

Такова одна, известная и раньше, сторона дела. Обратим сейчас внимание на другую; она касается только что принятого нами сопоставления реакций на слова близких тематических сфер.

Как видно из табл. 1, некоторые реакции оказываются общими для двух или даже трех слов-стимулов (их мы заблаговременно выделили курсивом). Если считать, что сло-

весные реакции действительно объективируют невербальные СДоли¹²³, то, стало быть, по крайней мере некоторые фоновые СДоли слова А не принадлежат ему одному. Они одновременно принадлежат слову Б, а также слову В и, вероятно, в общем виде до какого-то слова N (а может быть, и вообще без предела). СДоли, которые не принадлежат только и исключительно фону слова А, являются по отношению к слову А внешними; пусть они соответственно и называются *экзотерическими*¹²⁴.

Предположим, что существуют и внутренние фоновые СДоли, т. е. СДоли, относящиеся к фону слова А, и только к нему одному; назовем такие СДоли *эзотерическими*. Мы сказали: предположим, потому что существование эзотерических фоновых СДолей совсем не очевидно (на табл. 1 они не видны) и нуждается в специальном показе. В самом деле: реакция *ножка*, которая в ассоциативном эксперименте оказалась отнесенной к стимулу *стол*, отнюдь не является принадлежностью фона одного этого слова и, вне сомнения, может быть приписана также стимулам *стул* и *кровать*. Следовательно, поставленная нами проблема выявления всех СДолей лексического фона по отношению к эзотерическим СДолям разделяется: сначала надо продемонстрировать принципиальное существование эзотерических СДолей, а затем, если оно будет показано, научиться выявлять их с некоторой полнотой.

Чтобы показать существование эзотерических СДолей в семантике слова, используем так называемую методику приписывания. В табл. 1 много незаполненных клеток. Например, под стимулом *кровать* есть реакция *железная*, а под стимулами *стол* и *стул* реакции *железный* нет; перед нами два пробела в таблице, две лакуны, которые, на наш взгляд, допускают заполнение: ведь *стол* и *стул* вполне могут быть *металлическими*, *железными*. Припишем теперь эти (хотя и не выявившие себя в эксперименте, но, безусловно, допустимые) реакции обоим словам-стимулам. Подобные приписывания не всегда возможны: скажем, если *матрац* является обычным ассоциатом стимула *кровать*, то эта реакция не имеет отношения ни к *стулу*, ни к *столу*.

Наряду с абсолютной невозможностью приписывания, говорим и об относительной невозможности (опираясь при этом на критерий типичности, регулярности связей явлений действительности и соответственно слов): скажем, *стул* и *стол* дают ассоциаты *сидеть*, а стимул *кровать* такого ассоциата не имеет (вообще говоря, на кровати можно сидеть, но типичным, регулярным это действие не является).

Таким образом, методика приписывания покоится на заполнении только тех лакун, семантика реакций которых, по мнению авторов данных строк, безусловна: она должна быть принципиально возможной по отношению к слову-стимулу, типичной для него и, конечно, лишенной метафорического и других образных переносов (табл. 2; приписанные СДоли выделены курсивом).

¹²³ Хотелось бы еще раз напомнить, что СДоли, по нашему мнению, невербальны. Следовательно, однозначной связи между некоторой СДолей и некоторым словом нет, и описание содержания СДоли средствами русского языка дается условно. Например, идея «предметности» выражается не только словом *предмет*, но и словами *вещь*, *тело*, Gegenstand, Ding, Sache и описательными словосочетаниями *нечто материальное*; *то, что имеет форму*; *то, что измеряется в длину, ширину и высоту*. Как было сказано раньше (см. гл. 10), актуализация в сознании человека некоторой СДоли не означает одновременной актуализации адекватного слова, а представляет собой только начало поиска подходящего слова.

¹²⁴ Этот термин и следующий ниже парный к нему (*эзотерический*) основываются на греческих прилагательных *ἐξωτερός* (внешний, наружный) и *ἐσωτερός* (внутренний, сокровенный).

Таблица 2

Реакции на слово-стимул		
СТУЛ	СТОЛ	КРОВАТЬ
деревянный <i>железный</i> мебель коричневый черный кресло <i>диван</i> <i>скамейка</i> <i>табуретка</i> <i>бюро</i> <i>парта</i> пол <i>кухня</i> <i>комната</i> <i>ножка</i> <i>раскладной</i>	деревянный <i>железный</i> мебель <i>коричневый</i> черный кресло диван скамейка табуретка бюро парта пол кухня комната ножка однотумбовый раскладной скатерть большой <i>высокий</i> <i>маленький</i> широкий низкий длинный плоский кривой круглый квадратный четырёхугольный сидеть еда кухонный писать письменный учительский рабочий	деревянная <i>железная</i> мебель <i>коричневая</i> <i>черная</i> <i>кресло</i> диван <i>скамейка</i> <i>табуретка</i> <i>пол</i> <i>комната</i> <i>ножка</i> <i>раскладная</i> постель одеяло подушка сетка матрац <i>большая</i> <i>высокая</i> <i>маленькая</i> широкая <i>низкая</i> <i>длинная</i> кривая сон спать двухспальная

Таблица 2 (продолжение)

Реакции на слово-стимул		
СТУЛ	СТОЛ	КРОВАТЬ
стоит <i>двигать</i> <i>скрипит</i> <i>делать</i> новый	стоит <i>двигать</i> <i>скрипит</i> делать новый гладкий полированный сломанный хромой на трех ножках удобный	стоит <i>двигать</i> <i>скрипит</i> <i>делать</i> <i>новая</i> полированная <i>сломанная</i> <i>хромая</i> <i>на трех ножках</i> <i>удобная</i> мягкая жесткая <i>неуклюжий</i> <i>простой</i> <i>богатый</i>
сломанный <i>хромой</i> <i>на трех ножках</i> удобный мягкий жесткий <i>неуклюжий</i> <i>простой</i> <i>богатый</i>	неуклюжий простой богатый	<i>неуклюжая</i> <i>простая</i> <i>богатая</i>

Методика приписывания, может быть, не столь надежна, как ассоциативные материалы (эти последние, как известно, получены опросом большого числа информантов и, следовательно, являются репрезентативными), однако с ее помощью удастся устранить из ассоциативных материалов тот элемент случайности, непредсказуемости (реакций), который и явился прямой причиной наличия слишком многих немотивированных лакун.

В интерпретации материала сначала разберем экзотерические СДоли, а затем — эзотерические.

Первое наблюдение относительно экзотерических СДолей состоит в том, что они, собственно, не принадлежат некоторому слову *А* как целому, а принадлежат определенной СДоле в составе семантики этого слова.

Например, по толкованию лексического понятия, *стул* — это предмет (мебели, для сидения, со спинкой, без подлокотников, на одного человека), и СДоля *предмет* в семантике слова *стул* приписывает этой семантике дальнейшие СДоли; они относятся к пространственным характеристикам предмета (*высокий, низкий, большой, маленький, широкий*) или к его формам (*квадратный, четырехугольный, круглый*), а также к его материалу (*деревянный, железный*) и цвету (*коричневый, черный*). Как и *стул, стол* — также предмет, поэтому все СДоли, отражающие «предметные» характеристики, относятся и к нему. Следовательно, как кажется, достаточно приписать некоторому слову СДолю *предмет*, чтобы на него перешли все те конкретные СДоли, которые эту предметность отражают, объективируют.

Получается, что экзотерические СДоли в (словарной) семантизации конкретного слова и не нужно указывать, их следует как бы вынести за скобки: указать,

предположим, в одном месте все СДоли, объективирующие свойства предмета (а также действия, которым подвергаются предметы), а по отношению к определенному слову просто указывать, имеется в его семантике СДоля *предмет* или нет.

Итак, первое наблюдение заключается в том, что экзотерические СДоли находятся скорее за пределами семантики конкретного слова, чем в ее границах.

Особенно наглядно это видно на материале оценочных СДолей. Доли *хороший, плохой, прекрасный, отвратительный, великолепный, мерзкий, (не)приятный* и т. д. приписываются как предметам, так и жидкостям, как материальным, так и духовным вещам, поэтому перечисленные СДоли являются экзотерическими по отношению к огромным массивам лексики.

Именно поэтому можно сомневаться в целесообразности (словарного) показа оценочной (и вообще массово переносимой экзотерической) сочетаемости слова, если, конечно, она не идиоматична.

Действительно, если известно, что стул — *предмет*, то из этого следует, что он имеет цвет; если известно, что стул — *предмет мебели*, то из всех цветов спектра, которые прилагаются к предметам вообще, могут быть выбраны лишь некоторые; если сказано, что стул — это предмет мебели для сидения, то в ЛФоне слова оказываются глаголы *сесть, садиться, присаживаться* (но запрещаются глаголы *лечь, лежать*). Как видно, взаимное ограничение понятий приводит к тому, что фиксируются СДоли, которые относятся только и исключительно к данному слову, но это наложение понятий имеет место за пределами собственной семантики слова.

Итак, экзотерические СДоли должны семантизироваться по отношению к классам равноположенных слов или, что то же самое, по отношению к более абстрактному слову, выступающему в качестве наименования этого класса.

Важный для учебного процесса вывод: в семантизации лексического фона могут отсутствовать упоминания о сведениях, приложимых и к другим словам. Например, при описании семантики слова *стул*, если бы вдруг потребовалось дать ее полностью, можно не говорить, что *стулья скрипят, гнутся, ломаются, расклеиваются*, что их делают *столяры* или что *стулья горят* (ср. у А. Н. Толстого в «Хождении по мукам»: «на растопку пришлось употребить два ореховых стула из бабушкиного кабинета»). Достаточно, видимо, отметить, что *стулья изготавливают из дерева*. Поскольку из *дерева* бывают также *столы* и *кровати*, они тоже *скрипят, гнутся, ломаются, расклеиваются*, производятся *столярами* и *горят*. Так как перечисленные глаголы относятся сразу ко всему классу слов, они должны быть названы внешними по отношению к каждому слову — члену класса.

Факт экзотеричности перечисленных СДолей доказывается и другим способом: стóбит принять во внимание другой материал, как *железный стул* приобретает, по сравнению с *деревянным*, иную сочетаемость, прямо противоположную: *железный стул* не пойдет на растопку, он не может расклеиться, да и к производству его столяр не имеет отношения. Находясь за пределами собственной семантики слова, экзотерические СДоли предполагают семантизацию вне привязки к этому слову.

Так, вероятно, и проходит освоение мира ребенком в процессе социализации: он не по отдельности узнает, что *деревянный стул горит*, а *железный нет*, а прямо усваивает свойства *дерева* и *железа* и затем переносит их на все предметы из соответствующего материала.

Экзотерические СДоли включают слово в систему общего знания коллектива говорящих и соответственно соплагают слово с другими, смежными словами. Получается, что экзотерические СДоли в семантике слова (идет ли речь о понятийных СДолях или о фоновых) ни в коем случае не являются *элементарными*, простыми, лишенными собственного состава, предельными единицами деления.

Мы говорим об этом, потому что термин *элемент* имеет два значения, обычно сопрягаемых не только в обыденном, но и в научном сознании. Начиная с Аристотеля под *элементом* понимают «то основное в составе вещи, из чего вещь складывается», так что СДоли, из которых складывается лексическое понятие или которые входят в ЛФон, также могут мыслиться как элементы семантики. Собственно, до сих пор мы и не задавались вопросом их дальнейшей делимости (и большинство семасиологов так поступает: например, СДоля *предмет* или СДоля *жидкость* считались элементами семантики слов).

Если бы термин *элемент* означал только единицу состава в рамках целого, то его можно было бы и дальше безболезненно использовать в семасиологических разысканиях (в том числе и в нашем). Однако термин содержит в своем значении еще и представление простоты: в обиходном языке *элементарный случай* или *элементы математики* — это *простой случай* и *самое простое введение в математику*; в научных воззрениях *элемент* также непременно прост: у Аристотеля элемент не делится дальше по виду так, чтобы образовать другой, низший вид.

Это второе значение термина не годится для СДолей как элементов лексической семантики. Экзотерические СДоли не только не просты, но, может быть, парадоксальным образом даже сложнее семантики слова, в состав которой они входят (ср. СДолю *человек* в составе лексического понятия *стул*: более сложное понятие оказывается в составе относительно простого).

Между прочим, из сказанного следует, что экзотерические СДоли в составе лексической семантики настолько количественно велики, что задача исчерпать их становится неразумной. В самом деле: можно ли исчерпать все оценочные суждения? имеет ли смысл перечислять все возможные формы предметов? стоит ли пытаться точно зафиксировать все возможные действия, которые предметы сами способны произвести или которым они подвергаются? Экзотерические СДоли, сопрягаясь с дальнейшими СДолями самой различной степени абстракции, практически неисчерпаемы. По отношению к конкретному слову эти СДоли представляют собой лишь относительные «атомы» — подобные тем выделяемым в науке атомам на различных уровнях познания, которые объективируют различные стороны объекта и различные по глубине степени его познания. Таким образом, ответим на вопрос, поставленный в начале данной главы: некоторые СДоли в составе ЛФона (а именно экзотерические) не могут быть перечислены до конца и не образуют закрытого конечного множества.

Что же касается экзотерических СДолей, то их бытие представляется несомненным. Гипотеза о наличии внутренних, относящихся только к данному слову СДолей подтверждается фактами. Например, СДоля *скатерть* («изделие какого-либо материала, которым застилают стол») по дефиниции относится только к *столу*: к *столу* и *кровати* (да и к другим предметам мебели) она отношения не имеет.

Правда, многие реакции (они неприложимы к другим словам из обследованного нами массива; в табл. 2 выделены полужирным шрифтом) уникальны лишь

применительно к рассмотренному, т. е. ограниченному материалу. Скажем, СДоля *кухонный* не входит в фоны слов *стул* или *кровать*, но она присутствует в фонах слов *шкаф* или *гарнитур*. Поэтому хотя действительно имеются строго эзотерические СДоли, они по сравнению с экзотерическими весьма малочисленны и даже теряются в обильном количестве характеристик слова, относящих его к самым различным классам других слов. Индивидуализирующие признаки оказываются в явном меньшинстве.

Они, однако, имеют высокую лингвострановедческую ценность.

Например, по нашим материалам в семантике слова *стул* не обнаружилось СДоли, которые отсутствовали бы в фоне слова *стол* или в фоне слова *кровать*, т. е. ассоциативным путем выявились исключительно экзотерические фоновые СДоли. Однако если рассмотреть функционирование слова, например, в русской идиоматике (фразеологии и афористике), то все соответствующие фоновые СДоли оказываются принадлежащими этому слову, и только ему.

Ср. фразеологизм *сидеть между двух стульев* (*между двумя стульями*), т. е. в одно и то же время высказывать противоположные точки зрения, пытаться поддержать каждого из участников спора. Ср., далее, пословицу *на посуле, как на стуле*, т. е. пообещать что-либо легко, ничего не стоит, а человек, которому пообещали, испытывает благодарность. Ср., кроме того, крылатое выражение *Александр Македонский герой, но зачем же стулья ломать?* (слова Городничего из «Ревизора»), которое может быть стянуто до фразеологизма *ломать стулья*, т. е. переходить в чем-либо меру, переступать границы. Можно, наконец, сослаться на ставшее расхожим клише название популярного юмористического романа «*Двенадцать стульев*» и на популярную в советское время развлекательную телепрограмму «*Кабачок 13 стульев*». Указанные СДоли слова *стул* являются, безусловно, эзотерическими.

Эзотерические СДоли в противоположность экзотерическим, вероятно, могут быть исчислены и приведены списком — количественно их немного. Тем не менее в силу принципиальной разницы между понятийными и фоновыми СДолями эта возможность оказывается скорее теоретической, чем практической. Понятийные СДоли обязательно должны быть указаны исчерпывающе, потому что пропуск хотя бы одной из них уже нарушает узнавание и номинацию (см. гл. 2). Пропуск в перечислении не только одной, но и нескольких фоновых СДолей (речь идет при этом лишь об эзотерических СДолях, так как экзотерические практически не могут быть исчислены) к каким-либо серьезным последствиям не приводит.

Конечно, в определенной ситуации говорящий может обнаружить, что он не владеет некоторой фоновой СДолей, но ждать такой ситуации приходится долго (и для некоторых членов языковой общности она вообще никогда не наступает).

Поэтому, разбирая фоновые СДоли, исследователь часто испытывает затруднения, особенно если перед ним возможные диахронические СДоли: например, включать в лексический фон слова *стол* СДолю *венский* или СДолю *гамбсовский*? включать ли в фон слова *молоко* СДолю *четверть*? Именно в этом смысле мы и говорим, что возможность перечислить эзотерические доли в виде списка теоретически имеется, но практически не реализуется.

Действительно, например, в лексический фон слова *письмо* входят те действия, которые с письмом можно произвести, в их числе такие: *разорвать, смять, скомкать, сжечь, разглядить, свернуть, развернуть* письмо, *шуриать, размахивать* письмом

и т. д., но все они, собственно, относятся к материалу (к бумаге), из которого изготовлен предмет, т. е. соответствующие СДоли являются экзотерическими и, может быть, подлежат (словарной) семантизации под словом *бумага*, но не под словом *письмо*.

Аналогично письмо можно (со)хранить, выбросить, носить с собой, вложить в ящик (или книгу), письмом можно гордиться, пренебречь, о письме можно думать, тревожиться и т. д. — и все соответствующие СДоли опять-таки скорее относятся или просто к предмету, или к одному из видов предметов (например, к книге, журналу, газете, вообще к тексту), так что перед нами снова экзотерические фоновые СДоли, не подлежащие семантизации. Так, в словарной статье ПИСЬМО, в свое время написанной В. В. Морковкиным (и вошедшей во 2-е изд. «Языка и культуры» [1976: 125–126]), все эти экзотерические СДоли отсутствуют, а те СДоли, которые он семантизирует (*почтовый конверт, марка, отправитель, получатель, адресовать, бросить в почтовый ящик, запечатать, распечатать, до востребования* и т. д.), относятся исключительно (или преимущественно) к заголовочному слову и, стало быть, являются эзотерическими.

Итак, можно ли определить точное количество СДолей в фоне слова? Ответы окажутся противоположными в зависимости от того, какой вид фоновых СДолей иметь в виду.

Экзотерические СДоли — это связи данного слова с другими словами, причем через посредство словесной цепочки слово может оказаться сопряженным по смыслу с весьма отдаленными лексическими единицами; экзотерические СДоли помещают слово в парадигму сопряженных слов. Так как степень абстракции экзотерических СДолей при движении от семантического ядра к его периферии повышается, значительно возрастают и количества СДолей, которые включаются в фон слова. Мы не оговорились: экзотерические СДоли не статически включены в фон слова, а динамически включаются в него (в общественном сознании ЛФон — это набор возможностей для включения СДолей в семантику слова, а в индивидуальном — реализация этих возможностей). Таким образом, экзотерические СДоли потому и называются внешними, что они, вероятно, находятся за пределами собственной семантики слова и лишь включаются в нее.

Следовательно, будучи способными к постоянному количественному возрастанию, экзотерические СДоли — практически неперечислимы.

Эзотерические СДоли объективируют собственную семантику слова, фиксируют в ней историю и современное состояние именно того класса предметов, который называется данным словом, поэтому они с точки зрения теории — перечислимы.

Глава 12. Зрительный образ как часть ЛФона

В настоящей главе мы хотели бы выяснить, входят ли в лексическую семантику визуальные компоненты, и если да, то можно ли их классифицировать (например, по степени абстрактности) и соотнести с компонентами семантической структуры слова (например, с какой-либо СДолей, с лексическим понятием или со всем ЛФоном).

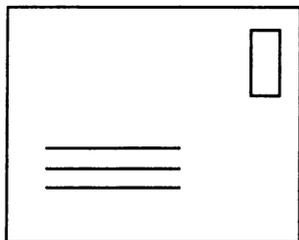

Рис. 7

Намереваясь исследовать природу визуального компонента ЛФона, рассмотрим, за неимением другой возможности, сначала учебную зрительную семантизацию лексики: в учебном процессе большая или меньшая детализация изображения находится в зависимости от желаемой полноты освоения содержания слова.

Первый тип (учебного) иллюстрирования отражает понятийный уровень семантизации. Если имеются в виду межъязыковые понятия, то понятийная иллюстрация не более чем напоминает о понятии и стимулирует прямой

перенос межъязыкового лексического понятия из культуры в культуру, из родного языка в изучаемый.

Например, лексическое понятие, выражаемое словами *письмо*, letter, Brief и lettre, описывается толковыми словарями примерно одинаково: «написанный текст, посылаемый для сообщения чего-нибудь кому-нибудь». Поэтому, как мы говорили раньше, при изучении русского языка ни англичанину, ни немцу, ни французу усваивать понятие заново не требуется, так что изображение (рис. 7) должно как бы исключить родной язык и привязать к наличествующему понятию новую форму, новую лексему. В этом случае зрительный образ как бы подсказывает: что это такое, ты хорошо знаешь; ты пока не знаешь, как «это» называется по-русски.

Естественно, подобный подход возможен только по отношению к понятийно-эквивалентным словам. Безэквивалентному слову соответствует безэквивалентный зрительный образ, т. е. такое изображение, которое не имеет никакого соответствия в инокультурной действительности. Безэквивалентный образ обычно ставит наблюдателя в тупик, заставляет его фантазировать; наименование, которое в таком случае отыскивается, естественно, не может быть адекватным.

Приведем примеры. На рис. 8 показан некий предмет¹²⁵. Что это такое? *Ключ* для аппарата азбуки Морзе, сломанная *дверная ручка*? На рисунке изображен кноскер (дверной молоток), элемент традиционного жилища в Великобритании, — безэквивалентное для отечественной культуры явление, которое мы уже обсуждали.

С другой стороны, для иностранца безэквивалентны, в том числе и в аспекте зрительной составляющей, слова *самовар* (рис. 9) *городки* (*городошные фигуры*; рис. 11) и др.

Рис. 8

Кроме реакции «не знаю», в восприятии безэквивалентных зрительных образов наблюдается также явление «смотрю, но не вижу». Если безэквивалентный зрительный образ входит в картину (фотографию) как ее деталь или составная часть, то велика вероятность, что он вообще не будет замечен. Например, иностранцы, рассматривавшие картину советского художника Ю. М. Непринцева «Отдых после боя», поголовно не заметили *кисета* в руках солдата-балагура, хотя именно кисет образует композиционный центр картины и ярким пятном бросается в глаза.

¹²⁵ Рисунок взят из учебного словаря английского языка Хорнби.

То же самое психологическое явление невозможности воспринять образ, находящийся в поле зрения, по причине недостаточных предварительных знаний отмечается и при восприятии предметов и явлений, номинации которых относятся к числу фоновых лексем. Например, рис. 10, взятый из учебного словаря Хорнби, призван быть иллюстрацией слова *plug* «пробка (которой затыкают сток в умывальнике, чтобы набралась вода, — англичане предпочитают умываться ополаскиванием)». Если этот рисунок предъявить в аудитории российских студентов, то если они еще не знают значения лексемы *plug*, то (на основе рисунка) они отождествляют ее с *умывальником* (или с *раковиной* умывальника). Вербальное толкование Хорнби — *a piece of wood, rubber, metal, etc. shaped to fit tightly into a hole and prevent water, etc. from escaping (e. g. in a wash-basin)*, «кусочек дерева, резины, металла и т. д. такой формы, что он плотно входит в отверстие и не дает воде и т. д. вытекать (например, из раковины умывальника)» — заставляет их отказаться от первоначального мнения.

Тем не менее недоумение остается: какая связь между *пробкой* и *раковиной*? Русские в городах, как правило, умываются под струей бегущей воды, а англичане по традиции умываются ополаскиванием (если говорить о старом способе, то наливают воду в *таз* из *кувшина*, а в современных условиях затыкают раковину, напускают воду и зачерпывают ее¹²⁶).

Таким образом, два сопряженных со зрительными образами понятийно-эквивалентных слова (разных языков), если они разошлись своими ЛФонами, имеют в качестве ассоциаций СДоли, ответственные за *разные* типовые зрительные образы.

Таким образом, визуальные компоненты, будучи аналогами зрительных представлений, являются компонентами семантики слова. Зрительное представление складывается из обобщенных признаков конкретных вещей, входящих в предметный класс (например, представление *дерева* или *умывальника*); представление это отчасти визуальный аналог понятия. Правда, следует допустить, что в лексической семантике представлен не один-единственный зрительный образ, а несколько. Собственно, типичное зрительное представление на самом деле одно, но человек по своей воле может или насыщать его деталями, или освобождать от деталей (вплоть до абстрактного образа). Входящее в лексическую семанти-

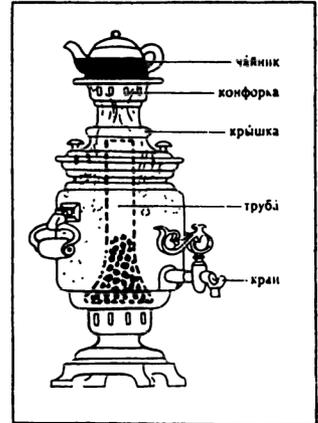

Рис. 9

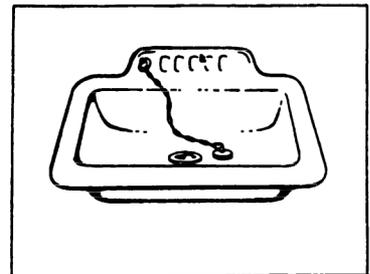

Рис. 10

¹²⁶ Рукомойник как устройство для умывания до широкого введения водопровода англичанам не был известен, поэтому Дж. Герхарт приходилось истолковывать это слово: *inside, often near the Russian stove, was a hand-washer (literally, a hand-washer), some kind of dispenser hanging over a large bucket.* Примечательно, что в Англии краны с горячей и холодной водой часто не соединяются смесителями (поскольку желаемая температура достигается смешиванием воды в раковине), тогда как в России смесители устанавливаются регулярно, и вода вытекает из (одного!) крана уже нужной температуры.

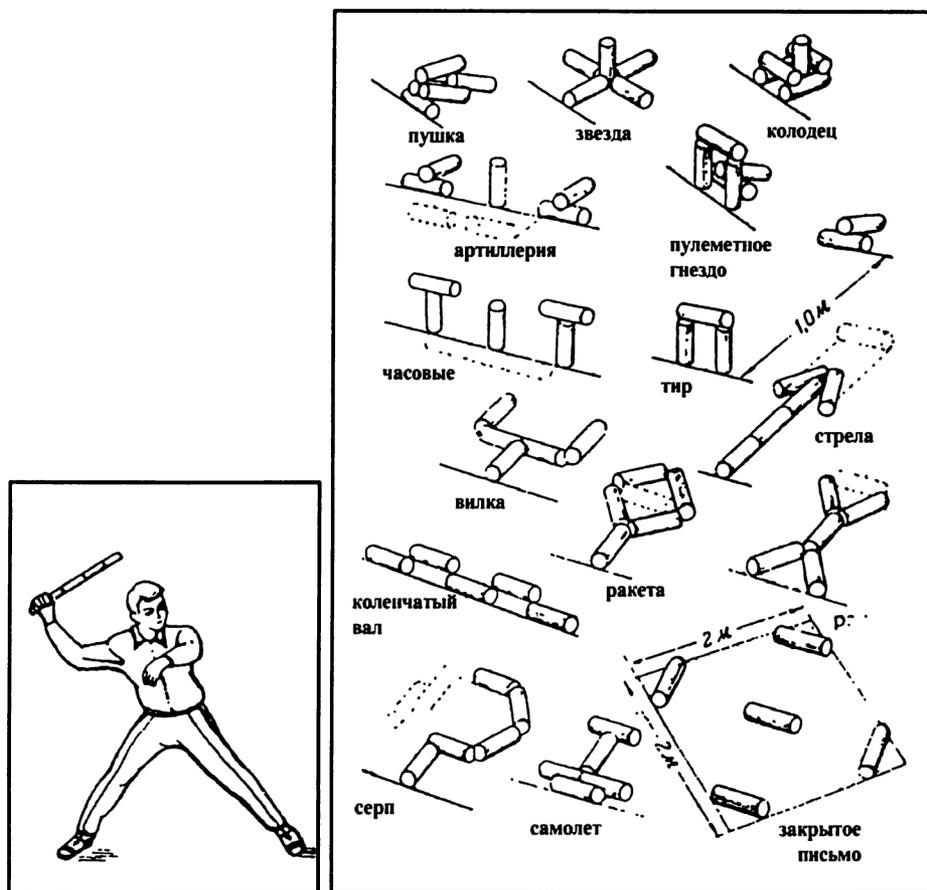

Рис. 11

ку зрительное представление складывается из ряда различных по степени детальности зрительных образов.

Глава 13. Национально-культурная семантика русской фразеологии

13-1. Уточнение понятия фразеологизма

Согласно распространенному взгляду, *фразеологизм* — это масово воспроизводимое словосочетание, общее значение которого не выводится кумулятивным путем из самостоятельных значений каждого слова, в него входящего. Например, смысл фразы *Петр работает плохо* складывается из отдельных смыслов слов *работать* и *плохо*. Если же перед нами фраза *Петр работает спустя рукава*, то смысл «плохо, небрежно» не вытекает из значений глагола *спустить* и существительного *рукава*. С синхронной точки зрения заранее нельзя предвидеть, каков бу-

дет семантический итог фразеологического словосочетания при сложении самостоятельных слов. Ср: *отложить в долгий ящик* «затянуть какое-нибудь дело»; *очертя голову* «безрассудно, не думая о последствиях»; *бить баклуши* «бездельничать» и т. д.

Свойство фразеологического сочетания производить своеобразный и (без исторического исследования) немотивированный итоговый смысл всего высказывания (т. е. невыводимость его семантики из значений слов его состава) называется *идиоматичностью*.

Другим свойством фразеологизма является воспроизводимость словосочетания. Некоторые сочетания слов говорящий сам строит в речи. Например, о чрезвычайно умном человеке можно по своему выбору сказать: *чрезвычайно умен, весьма разумен, великолепно мыслит, умная голова* и т. д. Однако фразеологизм *семи пядей во лбу* «весьма умен» не создан в момент речи путем комбинирования самостоятельных слов, а извлечен из памяти.

Как известно, воспроизводимость — это свойство языковых (а не речевых) единиц. Языковые единицы человек в процессе овладения языком усваивает как нечто цельное, а во время речи — равным образом как нечто цельное — извлекает их из памяти. Названной своей характеристикой — воспроизводимостью — фразеологизмы объединяются с другими номинативными единицами языка, т. е. со словами и языковыми афоризмами (об этих последних см. гл. 14).

Остановимся теперь на отличиях фразеологизмов от слов и языковых афоризмов. Языковые афоризмы (пословицы, крылатые выражения) имеют синтаксическую форму фразы: *Заварил кашу — сам и расхлебывай* (пословица). Фразеологизмы имеют синтаксическую форму словосочетания: *заварить кашу* «затянуть какое-нибудь хлопотное или неприятное дело»; *расхлебывать кашу* «распутывать какое-нибудь хлопотное или неприятное дело». Что же касается слов (точнее, словоформ), то они синтаксической формы, т. е. членности на самостоятельные морфологические единицы, не имеют; слова обладают лишь морфологической формой: *заварить, каша, сам, расхлебывать*. В отличие от слов фразеологизмы синтаксически членимы.

Оба фразеологизма (*заварить/расхлебывать кашу*) и еще один (*крутая каша* «запутанное, трудное дело») обыграны в балладе А. К. Толстого:

— Государь, ты наш батюшка,
 Государь Петр Алексеевич,
 Что ты изволишь в котле варить?
 — Кашицу, матушка, кашицу,
 Кашицу, сударыня, кашицу! <...>
 — Государь, ты наш батюшка,
 Государь Петр Алексеевич,
 А ведь каша-то выйдет крутенька?
 — Крутенька, матушка, крутенька,
 Крутенька, сударыня, крутенька! <...>
 — Государь, ты наш батюшка,
 Государь Петр Алексеевич,
 А кто ж будет её расхлёбывать?
 — Детушки, матушка, детушки,
 Детушки, сударыня, детушки!

Теперь о качестве значения фразеологизмов. Синтаксическая членимость фразеологизма не препятствует ему выполнять в составе фразы функции, аналогичные

фразовой роли отдельных словоформ. Фразеологизмы бывают обычными членами предложения. Например, обстоятельство образа действия может быть выражено как одним словом (*Работа идет успешно*), так и фразеологическим словосочетанием (*Работа идет без сучка без задоринки*). Что же касается не синтаксической, а собственной семантики фразеологизмов, то она практически совпадает с семантикой слов и противопоставляется семантике языковых афоризмов.

13–2. НОМИНАТИВНАЯ СЕМАНТИКА ФРАЗЕОЛОГИЗМА: ИТОГОВОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ

Фразеологизм, как и слово, обладает номинативным значением, т. е. непосредственной направленностью на предметы, явления, действия и качества действительности. Классифицирующая и соответственно номинативная природа слова практически равна природе фразеологизма, хотя последний обычно стилистически и эмоционально более экспрессивен. Именно поэтому возможны синонимические замены типа *бить баклуши* = *бездельничать*, *бразды правления* = *власть*, *скалить зубы* = *насмехаться*, *как курица лапой* = *неразборчиво*, *благим матом* = *громко*, *вставлять палки в колеса* = *мешать* и т. д. Если же и не находится однословной замены, то все равно фразеологизм означает отдельный предмет или отдельное явление, и свойственная ему номинация совпадает с лексической. Например, *оказаться у разбитого корыта* значит «потерять все то, что имел, приобрел», причем еще нужно уточнить: «говорится по поводу резко и неожиданно ухудшившегося материального или социального положения, когда, казалось, ничто не предвещало таких перемен». Данное многословное толкование, как ясно видно, относится не к совокупности фактов или явлений, а как раз к отдельному явлению.

В этом и заключается отличие номинативной семантики фразеологизмов от номинативной семантики языковых афоризмов: если первые называют отдельные предметы или явления, то вторые — отношения между предметами или явлениями, т. е. комплексные ситуации, так что афоризмы обычно являются эквивалентами целых нарративов.

Таким образом, фразеологизм — это самостоятельная (не сводимая ни к словам, ни к языковым афоризмам) номинативная (непосредственно соотнесенная с внеязыковой действительностью) языковая (массово воспроизводимая) единица, обладающая синтаксически членимой формой (= словосочетания) и исполняющая во фразе цельную синтаксическую функцию (= члена предложения); номинативность фразеологизма имеет лексический характер, причем речь идет об идиоматичной семантике. Предложенное определение — операционно, и чтобы отделить фразеологизм от свободных словосочетаний и языковых афоризмов — от близких, но разнородных явлений, — необходимо выполнить все операции, вошедшие в дескрипцию.

13–3. ДВУПЛАНОВОСТЬ СЕМАНТИКИ ФРАЗЕОЛОГИЗМА: ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЙ ФОН

Идиоматичность фразеологизма приводит к цельности, неделимости его значения. Так, *работать засучив рукава* означает «с большим усердием», но какое отношение имеют рукава к усердной работе? Идиоматичный смысл возникает как бы помимо слов выражения и может даже противоречить им. Так, в одной газетной за-

метке сказано: *Лесорубы вкалывали засучив рукава*; ее автору и в голову не пришло, что он только что упомянул о работе на морозе и о теплых полушубках. Тем не менее то же самое сочетание слов *засучив рукава* может и не быть фразеологизмом; его допустимо понять и дословно, «буквально», в прямом смысле (например, во фразе *Засучив рукава, Аксинья протирала окна, мыла полы*).

Прямое значение словосочетания всегда предшествует появлению у него идиоматического смысла. На Руси был принят покрой одежды с длинными рукавами, которые доходили до колен; простейшее дело нельзя было сделать со спущенными рукавами — сначала их засучивали, поднимали на руки складками. Давно исчезла одежда с чрезмерно длинными рукавами, но выражение *засучив рукава* путем обычного в языке переноса значения с конкретной ситуации на более широкий круг смежных явлений (в данном случае по принципу «от части к целому») стало идиоматическим. Фразеологизм возникает, когда словосочетание утрачивает свой прямой смысл.

Итак, имеется группа словосочетаний, которые сейчас, в наши дни, могут пониматься как в прямом смысле, так и идиоматически: *мерить на свой аршин, белены объелся, печь как блины, встать на вахту, считать ворон, закручивать гайки, согнуть в дугу, становиться на дыбы, ставить знак равенства* и т. д. Такова синхронная (современная, актуальная) двуплановость некоторых фразеологических словосочетаний.

Однако еще бóльшая группа фразеологизмов обладает двуплановостью семантики только с диахронной точки зрения (т. е. в историко-временной перспективе). Это значит, что прямой смысл словосочетания, который лежит в основе фразеологизма, рядовой носитель языка (не лингвист по профессии или по интересам) уже не воспринимает и использует только идиоматическое значение.

Такое происходит по двум причинам. Иногда устаревают, выходят из употребления слова (или их формы) в составе фразеологизма: *еле можаху, как зеницу ока, как лунь седой, тупун тебе на язык, турусы на колесах, паче чаяния* и т. д. Чаще же забывается явление (обычай, примета, ремесло, быт), которое легло в основу некогда свободного словосочетания. Например, сейчас забылось, что можно *гадать на бобах*, а выражение *остаться на бобах* живет и из активного употребления не выходит. Следовательно, в анализе следует различать сам фразеологизм и генетический его прототип — свободное словосочетание с прямым смыслом. Это различие является важным для подхода к фразеологии как к хранителю и источнику национально-культурной информации.

Если прототип фразеологизма еще воспринимается с синхронной точки зрения, то его семантика присутствует в актуальном сознании говорящих наряду и одновременно с идиоматическим смыслом. Семантика фразеологизма, как и слово, не сводится к одной лишь понятийной части, а содержит и некоторый непонятный остаток.

В непонятную часть семантики фразеологизма входят также значения слов, его составляющих, что, как мы знаем (см. гл. 6), влечет за собой целые комплексы всевозможных фоновых знаний. Например, фразеологизм *на большой палец* означает «отлично, великолепно» или «отличный, великолепный». Одновременно каждый помнит о жесте, лежащем в основе этой идиомы (выражая восхищение чем-либо, поднимают большой палец руки вверх, остальные сжаты в кулак); следовательно, ощущается семантика прототипа фразеологизма. Кроме того, оба слова (*большой, палец*) сохраняют свою семантику, как понятийную, так и фоновую. Даже если какое-либо из слов уже лишено лексического значения, другое слово сочетания или другие слова обычно оста-

ются для носителей языка вполне внятные, т. е. сохраняющими свою соотнесенность с действительностью.

Таким образом, если иметь в виду «полный случай» (когда и прототип жив, и значения сочетающихся слов живы), то во фразеологизме рядом с идиоматичным значением присутствует еще обширная семантическая сфера. Идиоматичное значение, как мы говорили, обеспечивает номинацию. Таким образом, оно ничем не отличается от лексического понятия, представляя собой воплощение классифицирующей способности человечества. При отвлечении от эмоциональных обертонов можно утверждать, что одно и то же понятие обеспечивает наименование, например, определенного поведения человека (*бездельничает = бьет баклуши*). Итак, фразеологизму присуще лексическое понятие, которое и объединяет эту языковую единицу со словом.

Однако фразеологизму присущ и аналог лексического фона. В самом деле: *мамаево побоище* — это не только обозначение, скажем, домашнего беспорядка, но и напоминание о длительном периоде истории России; *путевка в жизнь* — не просто «напутствие, оказание поддержки в начале какой-либо деятельности», но и указание на одноименный популярный советский фильм (который ныне уже не помнится); *получить прокол* — не только означает «сделать промах и получить за него наказание», но и отсылает к известным обстоятельствам автомобилизма в нашей стране (которые также устарели).

Однако если идиоматичное значение фразеологизма мы можем прямо приравнять к лексическому понятию, то его непонятную информацию (в силу своеобразной ее природы — связь с прототипом, сопряженность со словами-членами) нельзя отождествить с ЛФоном: она лишь аналогична ему. Поэтому предлагается называть *фразеологическим фоном* все те непонятные СДоли, которые свойственны фразеологизму. Фоновые доли фразеологизма, согласно этому определению, легко отделить от номинативных (или, что то же самое, понятных): они не входят в идиоматичное значение фразеологизма, но, напротив, всегда помещаются за пределами такого значения.

В заключение подчеркнем изоморфизм слова и фразеологизма. Изоморфизмом в лингвистике называется признание одинакового строения языковых единиц разных уровней. С интересующей нас точки зрения слово и фразеологизм изоморфны друг другу, поскольку их означаемое членимо и разделяется на классифицирующую и номинативную часть (понятие) и на кумулятивную часть (фон).

13–4. НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ СЕМАНТИКА ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОГО ФОНА

Национально-культурная ценность фразеологизмов складывается из трех составляющих.

Во-первых, они отражают национальную культуру нерасчлененно, комплексно, всеми своими элементами, взятыми вместе, т. е. своими идиоматичными значениями. Некоторые фразеологизмы называют также явления прошлого и настоящего нашей страны, которые не имеют прямых аналогов в зарубежных национальных культурах. Ср.: *похвальная грамота, бить в набат, казанская сирота, сбрасывать со счетов* и т. д.

Во-вторых, русские фразеологизмы отражают национальную культуру расчлененно, единицами своего состава. Некоторые из таких слов принадлежат к числу безэквивалентных. Например, слово *ферт* во фразеологизме *ходить фертом* «держат руки в боки, принимать самоуверенную, вызывающую позу» (*фертом* в старину на-

звалась буква *ф*, напоминающая подбоченившегося человека). Ср. далее: *как аршин проглотил, коломенская верста, тертый калач, развесистая клюква, лыка не вяжет, семи пядей во лбу, лезть на рожон, косая сажень в плечах, на ять и т. д.*

Наконец, в-третьих, фразеологизмы отражают русскую национальную культуру своими прототипами, поскольку генетически свободные словосочетания описывали определенные обычаи, традиции, подробности быта и культуры, исторические события и многое другое. Прототипы фразеологизмов могут, например, рассказать о традиционной русской грамотности: *начать с азов, не знать ни аза, от доски до доски, от корки до корки, с красной строки, приложить руку, поставить точку*¹²⁷ и т. д.; подробнее см. ниже. Прототипы фразеологизмов могут, далее, рассказать о детских играх (*играть в прятки / в кошки-мышки / в жмурки / в бирюльки, куча мала, нашего полку прибыло*), о денежной системе (*за длинным рублем, ни гроша / ни копейки / ни алтына за душой, гроша ломаного не стоит*), о ремеслах (*вить веревки, бить баклуши*), о традиционном врачевании (*заговаривать зубы, выжигать каленым железом, до свадьбы заживет*), об охоте и рыбной ловле (*забрасывать/ закидывать/ сматывать удочки/удочку, подцепить на удочку, вывести на чистую воду, ловить рыбу в мутной воде, как рыба в воде, замечать следы, гоняться за двумя зайцами*), о типичной русской флоре (*с бору да с сосенки, елки-палки, через пень-колоду, смотреть в лес, кто в лес кто по дрова, как в темном лесу, наломать дров*) и фауне (*дразнить гусей, как с гуся вода, куры не клюют, брать быка за рога, ни бе ни ме, как баран на новые ворота, жевать жвачку, как корове седло, волком выть, медвежий угол, медведь на ухо наступил, делить шкуру неубитого медведя, Лиса Патрикеевна, дрожать как заяц, глухая тетеря*). Можно выделить фразеологические группы, прототипы которых отражают внешний вид человека, его одежду и обувь (*посмеиваться в бороду, спустя/засучив рукава, заткнуть за пояс, дать по шапке, два сапога пара* и т. д.).

Жизнь крестьянина, его орудия производства, домашние и трудовые обязанности, печали и радости представлены в прототипах многих фразеологизмов: *огород городить, бросать/кидать камешки в (чей-либо) огород, вожджа/шлея под хвост попала, пятое колесо в телеге, выбиваться из колеи, войти в колею, погибать салазки, как обухом по голове, вбивать клин, дым коромыслом, грести лопатой, хоть кол на голове теши, вилами на воде писано, выносить сор из избы*. Некоторые, казалось бы частные, подробности повседневного быта особенно активны во фразеологизмах: производство лыка (*не лыком шит, не всякое лыко в строку, лыка не вяжет, ободрать как липку*), «культ» русской парной бани (*пристал как банный лист, задать баню/пару/жару*), обычай колокольного звона (*звонить во все колокола, бить тревогу / в набат, во все тяжкая, смотреть со своей колокольни*), обычаи молодечества, кулачного боя-игры (*стенка на стенку, брать/взять чью-либо сторону, становится на чью-либо сторону, класть на лопатки, выбивать почву из-под ног*), устройство крестьянского двора (*ни кола ни двора, не ко двору*), наказания детей (*дать/отведать*

¹²⁷ Ср. строки анонимного стихотворения (из кинофильма «Назначение», 1980-е гг.), свидетельствующие о полностью состоявшейся фразеологизации словосочетания:

Отныне ставлю вас в известность,
Что без отсрочки, проволочки
Я выбыл из игры нечестной.
На этом я поставил точку. <...>

Кто хочет — ловит, салит, тащит.
Кто хочет — бьется в стенку лбом.
Отныне — скромный и молчаливый —
Поставил точку я на том.

березовой каши, всыпать горячих), портновское (на один покрой, на одну мерку) и парикмахерское (стричь всех под одну гребенку) дело. Даже сравнительно недавняя эпоха интенсивного железнодорожного строительства успела отложиться во фразеологизмах¹²⁸. Относительно обычая колокольного звона см. Приложение 4 (к настоящей подглавке 13—4) под названием «Бить во все тяжкая и звонить во все колокола».

Прототипы фразеологизмов содержат русские имена собственные (по Сеньке и шапка, куда Макар телят не гонял, показать Кузькину мать, как Сидорову козу), символику цвета (красный петух, черный день, белый флаг), нравственные представления (чувство локтя, плечом к плечу, дать честное слово, держать камень за пазухой), специфику российского исторического развития (вольный казак, как Мамай прошел, казанская сирота, во всю Ивановскую).

Фразеологизмами стали многие привычные, клишированные обороты русского фольклора (из сказок, былин, песен): на все четыре стороны, скоро сказка сказывается, любо-дорого смотреть, подбру-поздорову, ни жив ни мертв, за тридевять земель, откуда ни возьмись, провалиться сквозь землю, по щучьему веленью.

Заметим, кстати, что фразеологизмы обнаруживают тесную связь с пословицами: пословица может просто разделиться на две части, на два фразеологизма, но чаще она усекается (*Не в свои сани не садись: садиться не в свои сани; За двумя зайцами погонишься — ни одного не поймаешь: гоняться за двумя зайцами; Близок локоть, да не укусишь: кусать себе локти*).

Группа фольклорных фразеологизмов очень интересна не только с национально-культурной, но и с эстетической точки зрения. К ней примыкают фразеологизмы, прототипы которых восходят к художественной литературе: *остаться/оказаться у разбитого корыта* (Пушкин), *есть еще порох в пороховницах* (Гоголь), *рыльце в пушку, зелен виноград* (Крылов), *человек в футляре* (Чехов).

Несколько замечаний о фразеологии новейшего времени. Переход от индивидуального словоупотребления к массовому, т. е. преобразование речевого факта в языковую единицу, по природе своей требует весьма длительных промежутков времени, поэтому новых фразеологизмов — немного. Так, после Октябрьского социально-политического переворота и за время советской власти появились: *равняться на передовиков, брать курс* (на что-л.), *занять первое место, выйти на финишную прямую, получить добро, ставить вопрос ребром, поставить заслон, стоять на платформе, брать на заметку / на карандаш, ставить знак равенства, отметить*

¹²⁸ Первая железная дорога в России была открыта в 1837 году между Петербургом и Павловском (протяженностью в 27 километров). Строительство железных дорог сразу же стало развиваться быстрыми темпами: достаточно сказать, что уже в конце XIX в. началось строительство Великой Сибирской магистрали протяженностью в 7 тысяч километров, которая связала европейскую часть России с Дальним Востоком. Нельзя не указать также и на Байкало-Амурскую магистраль (БАМ) протяженностью почти в 4,5 тысячи километров (строительство БАМа было начато в советскую эпоху и сейчас продолжается). «Железнодорожные» фразеологизмы успели широко распространиться и закрепиться в современном русском языке: *на всех парах, полным ходом, на курьерских, перейти на новые рельсы, дать зеленую улицу*. Что касается последнего выражения, то не все знают его мотивировку: когда движется поезд с важным грузом и недопустимы промедления, то такому поезду на всем протяжении его движения открывают зеленые семафоры. Это и называется *дать зеленую улицу*. Значение же фразеологизма, как всегда, переносное: всячески способствовать выполнению определенного дела, устраняя все преграды и препятствия.

галочкой, подвести черту, наклеивать ярлыки и др. Существенным источником обогащения фразеологии является современная наука и техника: *заложить фундамент, спустить на тормозах, на холостом ходу, цементировать союз, испытывать на прочность, жить в вакууме, иметь/вызвать резонанс, установить контакт, поставить диагноз, выбрать оптимальный режим, определить параметры, придать необратимый характер*. Особенно активна «астрономическая» и «космическая» фразеология: *дышать одной атмосферой* (с кем-л.), *накалять атмосферу, быть на орбите, выйти/вывести/запустить на орбиту* и т. д.

Итак, обширный материал (который здесь, конечно же, не исчерпан) убеждает, что целый ряд фразеологизмов содержит в своей семантике национально-культурный компонент — или синхронно, с позиции современного языкового сознания, или диахронно, т. е. только по причине сопряженности с национальной культурой словосочетания-прототипа.

Экскурс 2. Метафора как средство фразеологизации: *подвести черту, отметить галочкой, зажечь красный свет, вывести на орбиту*

В одном из последних стихотворений А. Твардовского говорится:

На дне моей жизни, на самом доньшке
Захочется мне посидеть на солнышке
На теплом пёнушке...
Я думу свою без помехи дослушаю,
Черту подведу стариковскую палочкой.
Нет, все-таки нет, ничего, что по случаю
Я здесь побывал и *отметился галочкой.*

Когда на уроке учитель (или староста класса, или руководитель любого собрания) хочет проверить, все ли ученики (или участники) пришли, то производится переключка, в ходе которой *отмечают присутствующих*. Выкликаются фамилии по списку, а названный обозначает себя: «Иванов?» — «Здесь!» — «Петрова?» — «Присутствует!» — «Сидоров?» — «Я!». Проводящий переключку двумя движениями (вниз—вверх) выводит против названной фамилии подобие острого угла — традиционную русскую *галочку*. Значок напоминает птицу в полете, а почему это именно *галка*, птица из семейства вороновых, отряда воробьиных (а не *грач* или *сорока*), — вопрос узуса. Если же кто-то из учеников отсутствует, то против его фамилии в соответствующей графе появляется знак сокращения *н/б* («не был»).

Когда Твардовский написал, что он «побывал» в этой жизни и «отметился галочкой», он хотел сказать, что был свидетелем, очевидцем, участником важных событий и не уклонялся от них, что от его присутствия остался отчетливый след. Твардовский, автор поэмы «Василий Теркин», активный и отважный общественный деятель (между прочим, открывший А. Солженицына), чувствовал себя вправе так сказать о себе.

Еще немного о деловых собраниях, этой отличительной черте советского времени. Когда обсуждался животрепещущий вопрос, дискуссия могла принять острые формы: кто-то согласен, кто-то горячо возражает, и обычно много желающих

высказаться. Но вот обсуждаемый вопрос для большинства ясен. Тогда председатель собрания спрашивает зал: «Предлагается подвести черту. Какие будут мнения?» *Подвести черту* — значит прекратить прения. Если присутствующие согласны с предложением, то поднимается лес рук. Если не согласны, то председатель объявляет: «Ну что ж, продолжим дискуссию».

«Подводили черту» и еще в одном случае. Выдвигая кандидатуры при выборах профсоюзного комитета или руководства иной учрежденческой общественной организации, участники собрания выкрикали (обычно согласованные с парткомом) фамилии: «Сидорова! Николаеву!» Если в помещении есть доска, то фамилии одна за другой мелом записывались на доску. Когда, по мнению собрания, названо и записано достаточно фамилий, раздается предложение *подвести черту*, то есть прекратить дальнейшее выдвижение кандидатур. И тогда писавший на самом деле в конце списка проводил жирную черту.

Твардовский сказал: «Черту подведу стариковскою палочкой». Если бы он написал «черту проведу», то это означало бы, что он просто своей палочкой чертит на песке. Но он недвусмысленно сказал: «черту подведу!»

Метафорические выражения имеют свой прообраз, прототип, и в этом прототипе надо искать прямую фиксацию явлений окружающей действительности, истории, экономики, географии, культуры.

В заключение — пространный свод русской фразеологии (и отчасти афористики) из тематической сферы книжности.

В традиционном русском быту обучение детей грамоте начиналось с показа первых букв и с заучивания их названий: А — *аз*, Б — *буки*. В — *веди* и т. д. Такой способ обучения сохранялся даже до начала XX в. М. Горький вспоминает, как однажды подозвал его к себе дедушка, достал новенькую книжку и начал учение: «Видишь фигуру? Это — аз. Говори: Аз! Буки! Веди!» («Детство»). По названию первых букв русский алфавит называется *азбукой*; самая первая учебная книга называлась *азбукой* (впоследствии *букварем*).

Отсюда и выражение *азбучная истина* «сведения, знания, которые очень просты и к тому же всем хорошо известны с детства». Синоним: *прописная истина*. Оба выражения часто употребляются во мн. ч.: *Эта книга — набор азбучных истин*. Фразеологизмы *Это же азбука!*, *Ведь это азбука!* также характеризуют что-то давно известное и простое: «Ведь это азбука эстетики» (И. Гончаров).

Начать с азов — начать с самого простого, элементарного, с самых основ. «Занятия в нейрохирургической клинике Иван Иванович, уже опытный хирург, начал почти с азов, а через три года блестяще защитил кандидатскую диссертацию» (А. Коптяева). *Не знать ни аза* «совершенно ничего не знать, не понимать, быть неученым и к тому же непонятливым, бестолковым человеком». «Я смотрю только на поведение. Я поставлю полные баллы во всех науках тому, кто ни аза не знает, да ведет себя похвально» (Гоголь).

Затем, после знакомства с буквами азбуки, детей начинали учить читать. Сначала дети читали *по буквам* или *по складам*, они должны были при чтении произносить название каждой буквы и затем *складывать* буквы в слог. Горький продолжает: «Вскоре я уже читал по складам Псалтырь... — Буки-люди-аз-ла-бла; живе-те-уже-же-блаже; наш-ер-блажен, — выговаривал я, вода указкой по странице». Затем начиналось чтение *по толкам*, уже не побуквенное, а пословное, осмысленное, поэтому слово *толк* стало

синонимично слову *смысл*. «Читай не так, как пономарь, / А с чувством, с толком, с расстановкой» (Грибоедов).

Отсюда *читать по буквам/по складам* «читать плохо, медленно, с запинками, с трудом разбирать написанное»: «Почерк у генерала был трудный, поэтому записку пришлось читать по складам».

Выражение *выходит толк* (букв. «получается смысл», т. е. образуется из букв слово) сейчас приобрело более общее значение «что-то получается, приходит к хорошему результату»: «Мальчик очень старается, много занимается, из него выйдет толк». *Взять в толк* «понять, уяснить себе»: «Ты в толк возьми, что на войне поспешно ничего не делается» (Шолохов). *Без толку* «неясно, непонятно», *добиться толку* «получить нужный, желаемый результат», *знать/понимать толк* в чем-л. «хорошо разбираться в чем-л.», *сбиться с толку* «растеряться, запутаться, потерять смысл».

Некоторые буквы русской азбуки особенно привлекали к себе внимание учеников своим видом, трудностью соответствующих орфографических правил, поэтому возникли «буквенные» фразеологизмы.

Писать/выделять (ногами) *мыслёте*. Буква М (*мыслёте*) представляет собой зигзаг, ломаную линию, отсюда значение фразеологизма «идти шатаясь, покачиваясь из стороны в сторону, двигаться зигзагами». Обычно употребляется шутливо, иронически о пьяном: «Смотрите, смотрите, на ногах не держится. Этакое мыслёте он всякий день пишет» (Гоголь). Синонимы: *писать/выделять вензеля/кренделя*.

Поставить/составить (столы) *покоём* (устар.). Использован внешний вид буквы П (покой). Значение «сгруппировать столы в виде буквы П».

Стоять/ходить фертом. Буква Ф (*ферт*) напоминает человека, который упирает руки в боки, а человек, который стоит (или ходит) в такой позе, воспринимается (русскими) как человек самоуверенный, высокомерный, надменный. Отсюда *ферт* «самодовольный, развязный и обычно франтоватый человек»: «Руки в боки, взгляд с задором, смотрит фертom, — смотрим да только поплеываем» (Достоевский).

Сделать/знать... что-л. *на ять*. Буква «ѣ» (*ять*) произносилась точно так же, как Е, поэтому ученикам приходилось запоминать слова, в которых следовало писать эту букву. «Если бы от меня зависело, я бы упразднил и *ять*, и *фиту* (дурацкая буква), и *ижицу*, и *i*. Эти буквы мешают только школьному делу... и составляют совершенно излишнее украшение нашей грамматики» (Чехов). (Кстати, в 1918 г. буква «ѣ» была устранена из русского алфавита.) Когда же ученику удавалось прочно усвоить правила употребления «ѣ», то считалось, что он прекрасно, *на ять*, овладел грамотой. Фразеологизм активен в современном языке; он значит «очень хорошо, в совершенстве знать что-л. или быть прекрасным по своим качествам»: «Начальник изыскательской партии знал эти места на ять» (М. Шагинян); «Вы посмотрите на себя в зеркало. Вы красивая, умная, как говорится, интеллектуально развитая. Вообще женщина на ять» (М. Булгаков). Синоним: *на большой палец*.

Прописать ижицу. Еще одна трудная буква старого русского алфавита. Она произносилась как И, и правила написания буквы практически отсутствовали (каждое слово с *ижицей* надо было запоминать отдельно). Если учесть, что в алфавите было еще и третье И (i), можно представить себе, как часто ошибались ученики, вызывая гнев учителя. Отсюда *прописать ижицу* «сильно наказать кого-л., дать кому-л. жестокий урок» (обычно как выражение угрозы). Некоторые ученые считают, что на формирование фразеологизма повлияло сходство буквы с плетью. Это

предположение поддерживается устаревшей пословицей: «Фита да ижица — к ленивому плеть ближится»; «Ого! Пускай-ка, пускай их флот сунется к нашим фортам, — ему пропишут ижицу!» (С. Сергеев-Ценский).

Обучение грамоте предполагало также усвоение грамматики. В частности, ученикам приходилось склонять то или иное слово *по надежам*, и здесь также, вероятно, часто возникали ошибки. Отсюда *склонять во всех надежах* «часто упоминать о ком-л. в неодобрительном, осуждающем смысле, настойчиво говорить о недостатках кого-л.»: «Петро невзлюбил нового учителя и пользовался любым случаем, чтобы проклонять его во всех падежах». Синоним: *склонять на все лады, честить на все корки*.

Трудности возникали и при расстановке знаков препинания, особенно, вероятно, при расстановке *запятых* (по-старому *закавык, закавычек*). Отсюда *тут (вышла) запятая/закавыка/закавычка* «получилась задержка, заминка», *с закавыкой* «с хитростью, лукавством, неспроста»: «Да-с, но вот тут-то для меня и запятая! Господа, вы извините, что зафилософствовался...» (Достоевский); «Слова попросту не скажет, а все с закавыкой» (М. Шолохов); «Написал [Митенька] умненькое этакое письмецо с закавычками небольшими: хотелось ему объяснить, что он обязан к матери быть благодарен и почтителен» (А. Писемский).

Но когда человек выучивался быстро и бегло читать и мог к тому же разъяснить прочитанное, он пользовался уважением, про такого говорили, что ему и *книги в руки*. Сейчас фразеологизм означает «у кого-л. есть все возможности, он имеет полное право делать что-л.». Обычно говорится в качестве оправдания чьей-л. компетенции или как призыв высказаться, приняться за сложное дело: «Извольте, вам и книги в руки: вы хозяин, мы гости» (Лермонтов); «Понятно, ему [Стасову, знаменитому русскому искусствоведа и критику] и книги в руки во всем, что касается рисунка, лепки, колорита» (В. Гаршин). Синоним: *(и) карты в руки*.

Если же, напротив, обучение оставалось безуспешным, то про такого человека говорилось: *Смотрит в книгу, а видит фигу*. Фразеологизм высмеивает псевдоученого человека, употребляется только в разговорно-бытовой речи и исключительно иронически: «Был он похож на того рассеянного ученика, который глядит в книгу, но в то же время видит фигу, подставленную его товарищем» (Гоголь).

Таковы фразеологизмы, связанные с чтением. Много также фразеологизмов, связанных с письмом.

До развития книгопечатания (первая русская печатная книга была издана Иваном Федоровым в Москве, в 1564 г.) книги переписывались, причем большое значение придавалось тому, чтобы переписываемый текст был передан совершенно точно — *слово в слово, буква в букву, точка в точку*. Книги писали *черным по белому*, красной краской (киноварью) рисовали *большие буквы*. Старинные русские книги были большими, переплеты (корки) изготовлялись из тонких досок и обтягивались кожей. К стати, сначала и писали на обработанной коже (пергамене), но после распространения бумаги пергамен постепенно вышел из употребления.

Слово в слово «дословно, точно пересказать что-л., буквально»: «У него [Княжина] не было самостоятельного таланта, но как он был человек умный, образованный, знавший иностранные языки и хорошо владевший русским, — то и пользовался с успехом богатою трапезою французского театра, лепя свои трагедии и комедии из отрывков французских драматургов, которые переводил почти слово в слово» (В. Белинский).

Буква в букву «очень точно запоминать/передавать/повторять что-л.». *Точка в точку* (чаще *точь-в-точь*) «абсолютно точно»: «Дай посмотреть, на кого ты похож! Ну, так и есть, на братца... точка в точку вылитый в него!» (М. Салтыков-Щедрин); «Сердечное страданье / Уже пришло ему не в мочь. / Вот вам письмо его точь-в-точь (Пушкин).

С большой буквы «настоящий, достойный (человек)»: «Вы, с ее точки зрения, человек с большой буквы» (Ю. Герман).

Черным по белому «совершенно четко, ясно, определенно сказать что-л., без каких-л. сомнений, неясностей»: «Я простой человек, который пишет черным по белому для миллионов своего народа» (Л. Леонов).

От корки до корки, от доски до доски «от начала до конца, целиком, полностью (читать, изучать что-л.), ничего не пропуская»: «Я немедленно... прочел всю статью от доски до доски — и, разумеется, тоже вспылал негодованием (Тургенев); «Бельтов прочитал письмо, положил его на стол, отер слезу, прошелся по комнате, постоял у окна, снова взял письмо, прочел его от доски до доски» (А. Герцен).

В связи с высоким престижем рукописной книги и вообще письменного документа (указа, грамоты) считалось, что написанное должно непременно исполняться, что оно имеет как бы принудительную силу. Ср. поговорку *Что написано пером, не вырубишь топором*, т. е., если написанное вошло в силу, стало известно, то уже ничего нельзя изменить, исправить: «Произнесенное метко, все равно, что писанное, не вырубливается топором» (Гоголь).

На роду написано «предопределено заранее, суждено»: «Есть такие люди, у которых на роду написано, что с ними должны случаться разные необыкновенные вещи!» (Лермонтов). *На лбу написано* «сразу видно, заметно что-л. по внешнему облику человека»: «А наше солнышко, наш клад? / На лбу написано: театр и маскарад» (Грибоедов).

Вилами по/на воде писано «ненадежно, неизвестно, будет ли так, как предполагается».

Книги и другие бумаги вплоть до XIX в. писали гусиными перьями, затачивали их специальными перочинными ножами. Перед тем как пустить новое перо в работу, писец обычно *пробовал* его на ненужном листке бумаги. Если он писал красиво, ясно, то о нем говорили: *владеет пером*. В России имелось целое сословие писцов, которые составляли жалобы, прошения (челобитные), завещания и т. д. Составленный документ заказчик должен был подписать, удостоверить, как говорилось, *приложить руку* (собственно, выражение восходит еще к тому времени, когда неграмотный прикладывал к документу намазанный чернилами палец). Отсюда целый ряд фразеологизмов.

Проба пера «первое сочинение, первая картина». Говорится, когда просят о снисходительной оценке: «Это первый сборник стихов начинающего поэта. Так сказать, проба пера».

Владеть пером «обладать способностью, опытом свободно и легко излагать свои мысли»: «Плохо владея пером, Силин отвечал мало, короткими неловкими фразами; но Нежданов не нуждался в пространных ответах» (Тургенев). *Иметь бойкое перо* «писать легко, быстро, но не очень глубоко, поверхностно»: «Сам пишет, ух, как пишет! Перо такое бойкое, и слогу пропасть» (Достоевский).

Приложить руку. 1. Устар. «подписаться»: «К сему прошению руку приложил дворянин миргородского повета Иван Никифоров сын Довгочун (Гоголь)». 2. Совр.

«быть причастным к чему-л., обычно нехорошему, принять участие в некотором (обычно плохом) деле».

Подписаться (обеими руками) «быть полностью согласным с чем-л.»: «Я с большим удовольствием прочел вашу статью о женщинах и обеими руками подписываюсь под ее выводами» (Л. Толстой).

Писать как курица лапой «неразборчиво; иметь плохой, некрасивый почерк»: «Ты пишешь как курица лапой» (Д. Мамин-Сибиряк).

Таковы фразеологизмы, отражающие русскую письменность, книжность, грамотность. Само слово *грамота* «письменный документ» до сих пор широко используется: *верительные грамоты, ратификационная грамота, похвальная грамота* (похвальный лист, которым награждаются школьники за отличную успеваемость и примерное поведение), *почетная грамота* (форма награждения трудовых коллективов и отдельных работников за достигнутые успехи).

На аналогичных принципах комплексного представления национально-культурного компонента фразеологии построены словари: [Фелицына, Мокиенко 1990; Мальцева 2002].

Глава 14. Национально-культурная семантика языковых афоризмов

14–1. УТОЧНЕНИЕ ПОНЯТИЯ ЯЗЫКОВОГО АФОРИЗМА

Языковой афоризм — (по синтаксической форме) фраза, которая известна практически всем носителям языка и поэтому в речи не творится заново, а извлекается из памяти. В число языковых афоризмов входят:

1. **Пословицы и поговорки** — устные краткие изречения, восходящие к фольклору. Пословица в обобщенном виде констатирует свойства людей или явлений, дает им оценку или предписывает образ действий: *В гостях хорошо, а дома лучше; Век живи, век учишь; Дело мастера боится; Не место красит человека, а человек место; Старый друг лучше новых двух; Не имей сто рублей, а имей сто друзей; Ученье — свет, а неученье — тьма; Один за всех, все за одного* и т. д.

Если пословицы содержат в первую очередь обобщение, конденсируют «мудрость народа», то поговорки больше пригодны для выражения чувства или просто для оживления речи, им присущ лишь конкретный и частный смысл, хотя они и соотносятся с типичными ситуациями. Пословицы обычно бытуют в виде устойчивых, завершенных фраз, а поговорки допускают варьирование своего состава и не всегда выражают законченное суждение. Поговорки — это переход от фразеологизмов к пословицам: *Посмотрит—рублем подарит; Выступает словно пава; Мал, да удал; А он и был таков; Мы сами с усами; Погиб как швед под Полтавой; Из молодых, да ранний; Не в службу, а в дружбу; Ни нашим ни вашим; Час от часу не легче* и т. д.

2. **Крылатые слова**, т. е. вошедшие в нашу речь из литературных источников словечки, краткие цитаты, образные выражения, изречения исторических лиц.

Иногда это на самом деле всего одно слово (ср. гагаринское *Поехали!*¹²⁹), но чаще все-таки тексты из некоторого (небольшого) количества слов.

Крылатые слова отличаются от пословиц, во-первых, своим происхождением и, во-вторых, сферой употребления (крылатые слова — принадлежность литературной речи). Ср. для примера крылатые слова из произведений Пушкина (извлечены из [Фелицына, Прохоров 1979: 223–224]): *А счастье было так возможно, так близко!; Без божества, без вдохновенья; Блажен, кто смолоду был молод; Бойцы вспоминают минувшие дни; Все флаги в гости будут к нам; Гений чистой красоты; Глаголом жги сердца людей; Дела давно минувших дней; Еще одно, последнее сказанье; Здесь будет город заложён; Здравствуй, племя младое, незнакомое!; Иных уж нет, а те далече; Любви все возрасты покорны; Мечтам и годам нет возврата; Не зарастет народная тропа; Не мудрствуя лукаво; (Но) близок, близок миг победы; Остаться у разбитого корыта; Ох, тяжела ты, шапка Мономаха!; Пора, мой друг, пора!; Привычка свыше нам дана; Поверить алгеброй гармонию; С корабля на бал; С ученым видом знатока; Ученый малый, но педант.*

3. Призывы, девизы, лозунги и другие крылатые фразы, которые выражают определенные философские, социальные, политические воззрения. Некоторые из них, особенно в наши дни, имеют скоропреходящий характер. Ср: *Голосуй, или проиграешь!; Наш дом — Россия; Никто нам не поможет, кроме нас самих!; Выбирай сердцем!; Голосуйте за Ивана!; Налоги надо платить; Пора выйти из тени.* Сюда же относятся речения, вдолбленные рекламой: *Передохни, сникерсни!; Пива должно быть много; Ваша киска купила бы «Вискас»; Изменим жизнь к лучшему!; Новое поколение выбирает «Пепси»!; Кто пойдет за «Клинским»?; Есть Икеа!* Советская эпоха была особенно богата на лозунги и призывы, и некоторые из них, хотя нынче и не употребительны, помнятся до сих пор: *Вся власть Советам!; Учиться, учиться и учиться; Свобода, равенство, братство; Коммунисты, вперед!; За Родину, за Сталина!; Всё для человека, всё для блага человека!; Мир, труд, май; Любите книгу — источник знания; Дашь Магнитку (Днепрогэс, БАМ)! и т. д.*

¹²⁹ 12 апреля 1961 г. по радио и телевидению неоднократно звучало экстренное сообщение: «Внимание, внимание! Говорит Москва. Работают все радиостанции Советского Союза. Передаем сообщение ТАСС о первом в мире полете человека в космическое пространство». Язык также оказался вовлеченным в «освоение космоса»; сложилась и стала подвергаться метафоризации большая группа тематических («космических») слов и словосочетаний, в том числе фразеологизмов: *невесомость, ракета-носитель, орбита, (искусственный) спутник (Земли), космическая эра; дать старт, вывести на орбиту, запустить на орбиту, быть на орбите, быть в орбите (влияния), произвести стыковку, произвести мягкую посадку* и т. д. По хронометрии памятного дня, Ю. А. Гагарин в момент отрыва своего корабля от земли (это было в 9 часов 7 минут утра) якобы произнес слова, не положенные по уставу: *По-е-ха-ли!* Узуальное словцо, — его действительно ритуально произносят, отправляясь в дальнюю дорогу, — обогатившись новыми оттенками смысла, вошло в афористический фонд русского языка. В нем, пожалуй, отразилась, во-первых, российская традиция путешествий (*хождений, земле- и первопродства*) и, во-вторых, свойственная русским (и подмеченная Гоголем [ср. образ *птицы-тройки*]) любовь к быстрой езде. Сошлемся на два примера. Тверской купец Афанасий Никитин, первым из европейцев побывав в Индии, оставил свои путевые записки («Хождение за три моря»). Память о первопроходе Е. П. Хабарове запечатлена на географической карте (ср. *Хабаровск*). Популярности крылатого слова способствовала популярная в 60-е гг. песня, в которой акцентирована «космическая скорость»:

Он сказал: «*Поехали!*»
Он махнул рукой,
Словно вдоль по Питерской, Питерской,
Пронесся над Землей.

4. Общественно-научные формулы и естественнонаучные формулировки. Они также были особенно широко распространены в советское время: *Народ — творец истории; Практика — критерий истины; Бытие определяет сознание; Труд создал человека; Идея становится материальной силой, как только овладевает массами; Качество переходит в качество; Язык — первоэлемент литературы; Свобода — осознанная необходимость* и т. д.

Воспроизводимые фразы классифицируются и соответственно по-разному называются в зависимости от своего происхождения. Пословицы возникли в фольклоре, крылатые слова восходят к высказываниям исторических лиц, лозунги — к публицистике, а формулы заимствуются из (популярной) науки.

Итак, афоризмы — это, во-первых, фразы (т. е. синтаксически они являются предложениями) и, во-вторых, мысли (т. е. логически они представляют собой суждения); отличительный признак афоризмов, по которому они противопоставляются обычным фразам, — воспроизводимость.

14–2. АФОРИСТИЧЕСКИЙ УРОВЕНЬ ЯЗЫКА

Воспроизводимость (устойчивость) афоризмов свидетельствует прежде всего о том, что перед нами строевые элементы речи, или (что то же самое) элементы языка. В самом деле, в речи единицы языка лишь комбинируются заново, поскольку они известны говорящим заранее. Во фразе *Одежду береги, пока она новая, а честь береги с юности* каждое слово известно, а сама фраза — создана заново, она построена в момент ее написания. Другое дело фраза *Береги платье снову, а честь смолоду*; эта фраза обычно усваивается членами русской языковой общности еще в детстве или в отрочестве (может быть, из «Капитанской дочки»¹³⁰), и мы воспроизводим ее без малейших перемен (даже с архаичными формами — ср. устаревшее наречие *снову*). Соответственно воспроизводимость афоризмов — аргумент в пользу признания их элементами языка. Аргумент необходимый, но не достаточный.

Имеются воспроизводимые фразы, которые едва ли следует причислять к языку. Например, многие знают на память всю первую строфу пушкинского «Евгения Онегина»; широко бытуют слова популярных, в том числе по происхождению народных, песен. Тем не менее во всех этих случаях, хотя и констатируется воспроизводимость фраз, надо говорить о явлениях фольклора или литературы (т. е. искусства слова), а не языка.

Чтобы воспроизводимость стала подлинным аргументом в пользу именно языковой принадлежности афоризмов, надо показать ее массовый, а не индивидуальный характер. Если афоризм известен всем носителям языка (так же, как любое слово или любой фразеологизм), то он должен считаться принадлежащим языку.

Здесь кроется серьезная научная проблема. Составители сборников пословиц, собиратели крылатых слов объезжают немало сел и деревень и прочитывают массу художественной и исторической литературы, так что представляемые ими афоризмы исчисляются многими тысячами. Поскольку, однако, включаемые в сборники изречения или не выходят за пределы местного бытования, или даже остаются достоя-

¹³⁰ Благословляя сына, Андрей Петрович Гринев произнес целую цепь языковых афоризмов: «Прощай, Петр. Служи верно, кому присягнешь; слушайся начальников; за их лаской не гоняйся; на службу не напрашивайся; от службы не отговаривайся; и помни пословицу: *береги платье снову, а честь смолоду*».

нием отдельных лиц, перед нами не более чем фольклорный или литературный материал. Лишь малое число пословиц и крылатых слов (по подсчетам Г. Л. Пермякова, примерно 800–1500 единиц [Пермяков 1971]) известны повсеместно и активно употребляются в речи, получая тем самым право называться элементами общенародного языка.

Таким образом, доказательством языкового характера конкретного афоризма (а решать всегда приходится в каждом отдельном случае) служит именно *массовая воспроизводимость*.

Имеются и другие доводы. Лингвист и фольклорист И. А. Оссовецкий писал в свое время, что пословицы и поговорки надо рассматривать как единицы, «свойственные языку вообще, а не только языку художественного произведения. И по условиям своего бытования в языке пословицы и поговорки непохожи на фольклор, они никогда не „исполняются“, а существуют в языке и функционируют в нем так же, как и другие фразеологические обороты. Думается, что изучение пословиц и поговорок должно входить составной частью в изучение лексики и фразеологии языка в целом» [Оссовецкий 1952: 98]. Примерно такие же аргументы приводят и другие авторы.

Аналогию между афоризмами и прочими языковыми знаками, т. е. их изоморфность прочим языковым единицам, по мнению Г. Л. Пермякова, можно показать так: если сравнивать слова, фразеологические обороты и афоризмы, то все они представляют собой *клише* (т. е. воспроизводятся), являются *знаками*, могут иметь *мотивировку* своего значения, *омонимы*, *синонимы* и *антонимы*, обладают *функциональным сходством*, обладают *парадигмами* [Пермяков 1970].

В то же время афоризмы как знаки языка обладают собственной семантикой, своей спецификой, и поэтому их нельзя прямо отождествить с фразеологизмами и тем более со словами. Главный аргумент таков: «...не являясь эквивалентом слова, а будучи эквивалентом целого рассказа, описания событий, и представляя собой законченную фразу с прямым значением, пословица не может считаться фразеологизмом в этом узком смысле слова» [Фелицына 1964: 202]. Фразеологизмы выступают как знаки понятий, и поэтому они содержательно эквивалентны словам; афоризмы — это знаки ситуаций или отношений между вещами, и семантически они эквивалентны предложениям. «Вместо того чтобы долго и скучно описывать какую-либо часто встречающуюся ситуацию, например такую, как „Когда у нас нет какой-либо (нужной) вещи, ее может заменить и заменяет другая, не обладающая всеми свойствами первой“, мы просто говорим: „На безрыбье и рак рыба“» [Пермяков 1975: 251].

Итак, языковыми афоризмами являются лишь те предложения, которые, подобно словам и фразеологизмам, воспроизводятся массово. В дальнейшем мы всегда имеем в виду именно *языковые* афоризмы, если даже и опускаем в наименовании атрибут-прилагательное.

14–3. ДВУПЛАНОВОСТЬ СЕМАНТИКИ АФОРИЗМА: АФОРИСТИЧЕСКИЙ ФОН

Языковой афоризм номинативен, ему свойственна назывная функция, однако ее качество отличается от назывных характеристик слова и фразеологизма.

Означаемым слова является понятие, логическим, мыслительным аналогом афоризма является суждение, т. е. сочетание понятий, из которых одно определяется

и раскрывается через другое. Например, фраза *Стол большой* выражает единое, цельное суждение, в котором первое понятие (*стол*) определено через второе. Хотя суждение действительно является логическим соответствием афоризма, который по форме ничем не отличается от обычной фразы, означаемым анализируемой единицы следует считать другую сущность — ситуацию.

Например, *лежащего не бьют*, конечно, суждение, однако в отличие от простой фразы афоризм никогда не произносится ради самого себя, как собственная творческая мысль говорящего. Он, как правило, привязан к сложившимся обстоятельствам, которые подводятся под некоторый типичный случай, и афоризм как раз и означает этот типичный случай. Так, если оба говорящих знают о некотором человеке, попавшем в беду, и им известно, что у несчастного могут быть и дополнительные неприятности, один из них, отвлекаясь от конкретных признаков дела и превращая его в уже известный, повторяющийся случай, может произнести «Лежащего не бьют». Сказанное надо понимать так: он постарается не причинять попавшему в беду дополнительных огорчений и для поддержки своей позиции ссылается на авторитетную народную рекомендацию. Означаемым афоризма являются и все конкретные обстоятельства происшедшего, и его типичные черты, и его оценка, и опора на прецедент и авторитет, и намерение говорящего. Следовательно, суждение представляет собой лишь часть того массива информации, который несет в себе афоризм. Именно поэтому означаемым афоризма следует считать типовую ситуацию, т. е. совокупность обстоятельств, признаков, оценок, положений, но на известном уровне абстракции — в отвлечении от мелких и несущественных характеристик.

Классифицирующая, номинативная функция языка на афористическом уровне проявляется в вычленении, обособлении и назывании ситуаций. Так, если речь идет о трудностях, с которыми связаны высокое положение, известность, популярность, то можно применить афоризм *Ох, тяжела ты, шапка Мономаха!*

Семантическое пространство этого афоризма не исчерпывается одной лишь номинативной семантикой, и фразу можно понять буквально: шапка на самом деле весит немало. Кроме того, говорящие немедленно вспоминают, что произнесена цитата, более того, известно, кому она принадлежит и в каком произведении употреблена. Далее, русский, наш современник и соотечественник, может припомнить, кто такой Владимир Мономах, по имени которого названа шапка, один из символов царской власти. Наконец, некоторые могут знать и судьбу этой шапки, место ее хранения, ее внешний вид и т. д.

Подобно фразеологизму, афоризм имеет свой прототип. Ясно, что для автора крылатого выражения (например, для Пушкина) в момент его создания соответствующая фраза является творческой и насыщенной конкретным, а не отвлеченным смыслом. Обычно прототип фразеологизма воспринимается не только исторически, но и синхронно. Так, если кто-то мал ростом или еще молод, но имеет много неожиданных достоинств, можно сказать: *мал золотник, да дорог*. Афоризм произносится не для того, чтобы назвать старую русскую меру драгоценных металлов и охарактеризовать ее как небольшую по весу, однако при желании каждый может понять фразу и в таком смысле.

Семантика прототипа не имеет непосредственного отношения к его номинативной функции. В неноминативную семантику афоризма входят также значения слов, его составляющих. Слова же в свою очередь влекут за собой целые комплексы

всевозможных фоновых знаний. Например, *золотник* — мера веса, которая использовалась в России до введения метрической системы мер. *Золотник* (4,266 г) соотносился с другими традиционными мерами веса — *фунтом* (409,5 г) и *пудом* (16,38 кг): фунт содержал 96 золотников.

Если номинативное значение афоризма мы можем уподобить лексическому понятию, неноминативную информацию нельзя приравнивать к лексическому фону: она ему аналогична, но не тождественна. Пусть та несомая афоризмом информация, которая не связана с его номинативной семантикой, в своей совокупности называется *афористическим фоном*. Всевозможные ассоциации языковой единицы — время и обстоятельства ее создания, ее автор, фоновые знания (насколько они свойственны словам из ее состава), этические воззрения и многое другое — это и есть афористический фон.

Остается подчеркнуть еще один момент: слово, фразеология и языковой афоризм изоморфны друг другу, так как их означаемое является комплексным и разделяется на классифицирующе-номинативную часть (понятие; ситуация) и на кумулятивную часть (фон).

14–4. НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ СЕМАНТИКА АФОРИСТИЧЕСКОГО ФОНА

Сначала остановимся на специфике кумулятивной функции афоризмов, а затем проанализируем использование их в речи с целью воздействия на говорящего.

Кумулятивная функция. Любой афоризм (поговорка, крылатое выражение, лозунг, формула) прежде всего фиксирует коллективный опыт людей. «Пословица не просто изречение. Она выражает мнение народа. В ней заключена народная оценка жизни, наблюдения народного ума. Не всякое изречение становилось поговоркой, а только такое, которое согласовывалось с образом жизни и с мыслями множества людей, — такое изречение могло существовать тысячелетия, переходя из века в век» [Аникин 1966: 3]. Если по своим истокам языковой афоризм отражает индивидуальный опыт (по отношению к крылатым выражениям это вполне очевидно), то тем не менее, как правило, заслуживающий общего признания.

Приведем краткий список афоризмов, отражающих общенародную оценку типичных ситуаций жизни: *Где тонко, там и рвется; Готовь сани летом, а телегу зимой; Дело мастера боится; За двумя зайцами погонишься, ни одного не поймаешь; Как аукнется, так и откликнется; Сколько волка ни корми, он все в лес смотрит; Кашу маслом не испортишь; Лучшие синица в руках, чем журавль в небе; Первый блин — комом; После драки кулаками не машут; Своя ноша не тянет; Семеро одного не ждут; Сколько веревочке ни виться, а конец будет; Снявши голову, по волосам не плачут; Старого воробья на мякине не проведешь; Тише едешь — дальше будешь; У семи нянек дитя без глаза; У страха глаза велики; Цыплят по осени считают; Что посеешь, то и пожнешь; Шила в мешке не утаишь; Без труда не вынешь и рыбку из пруда; Все хорошо, что хорошо кончается; Долг платежом красен; Друзья познаются в беде; Жизнь прожить — не поле перейти; Кто не работает, тот не ест; Лучше поздно, чем никогда; Милые бранятся — только тешатся; На вкус и цвет товарищей нет; Насильно*

мил не будешь; Нет худа без добра; Охота пуще неволи; Повинную голову меч не сечет; Повторение — мать учения; Поспешишь — людей насмешишь; Слово не воробей, вылетит — не поймает; Терпение и труд все перетрут; Уговор дороже денег; Ум — хорошо, а два — лучше; Что написано пером, не вырубишь топором и т. д.

Укажем еще несколько афоризмов (на этот раз — только крылатые выражения) с ярко выраженной кумулятивной функцией: *Беда, коль пироги начнет печи сапожник, а сапоги тачать пирожник; Блажен, кто смолоду был молод, блажен, кто вовремя созрел; В карете прошлого далеко не уедешь; И дым отечества нам сладок и приятен; Из искры возгорится пламя; Любви все возрасты покорны; Науки юношей питают, отраду старым подают и т. д.*

Афоризмы накапливают в своем содержании и хранят не только человеческий опыт: они отражают также условия жизни народа — носителя языка, его историю, культуру, географию страны: *Язык до Киева доведет; Москва не сразу строилась; Вот тебе, бабушка, и Юрьев день; Тяжела ты, шапка Мономаха; Бойцы вспоминают минувшие дни и битвы, где вместе рубились они; Москва... как много в этом звуке для сердца русского слилось; Москва слезам не верит; Еще одно, последнее сказанье, и летопись окончена моя; Птенцы гнезда Петрова; Здесь будет город заложен; Окно в Европу; Было дело под Полтавой; И грянул бой, Полтавский бой; Кто с мечом к нам войдет, от меча и погибнет.* Советская эпоха также породила целый пласт языковых афоризмов (ныне быстро выходящих из употребления): *Разворачивайтесь в марше!; Время, вперед!; Размаха шага сажень; Велика Россия, а отступить некуда: позади Москва и т. д.*

Языковые афоризмы являются выразителями «мудрости», и в этом видна еще одна сторона свойственной им кумулятивной функции.

Поскольку афоризмы накапливают в своем содержании и коллективный опыт народа, и особенности его национальной культуры, даже в адекватных по смыслу афоризмах разных культурно-языковых общностей обнаруживается местный колорит. Именно поэтому далеко не всегда возможен их прямой перевод с языка на язык. Ср., например, образность русской пословицы *Волков бояться — в лес не ходить* и японского эквивалента (в точном переводе:) *Не войти в нору тигра — не поймать даже тигренка*. Ср. локальный колорит русской пословицы *В огороде бузина, а в Киеве дядька* и сирийского эквивалента *Свадьба в Думе, а барабан в Харасте* (Дума и Хараста — деревни недалеко от Дамаска).

Последний аспект кумулятивной функции языковых афоризмов: каждый из них (или во всяком случае большинство) является как бы представителем более широкого контекста. Например, скажете русскому: *Уж сколько раз твердили миру...*, или *А ларчик просто открывался*, или *Ты виноват уж тем, что хочется мне кушать* — и в сознании собеседников всплывает образ И. Крылова, вспоминаются соответствующие басни.

Употребление в речи афоризмов русских и советских писателей говорит о круге чтения людей, об их образованности и интересах. Несомненно, что классика отнюдь не мертва и не есть принадлежность музея: Пушкин, Гоголь, Некрасов, Толстой, Достоевский, Чехов не только близки нам, они — наши современники. Правда, в последнее время в конкуренцию с ними вступили авторы (и авторессы) многочисленных и разнообразных детективных повестей и романов, которыми поголовно зачитывается общество.

Таким образом, кумулятивная функция афоризмов выступает в двух отношениях.

Во-первых, афоризмы отражают национальную культуру нерасчлененно, комплексно, всеми своими элементами, взятыми вместе, т. е. как цельные знаки. Например, как знак ситуации пословица *В Тулу со своим самоваром не ездят* имеет смысл «с собой не следует брать то, чем славится место, куда направляются».

Во-вторых, афоризмы отражают национально-культурный компонент языка единицами своего состава: национальны и топоним *Тула*, и реалия *самовар*, а сама фраза в буквальном прочтении покоится на всеобщем знании, что Тула издавна славится производством самоваров.

Среди страноведчески ценных единиц в составе афоризмов выделяются безэквивалентные и неполноэквивалентные (по ЛФону) слова, которые группируются на основе своего происхождения или тематической принадлежности. Выделяются наименования предметов и явлений национального традиционного быта: *каша* (*Кашу маслом не испортишь*), *каравай* (*На чужой каравай рот не разевай*), *лыко* (*Не всякое лыко в строку*), *копейка*, *рубль* (*Копейка рубль бережет*). Велика группа историзмов *грош*, *алтын* (*Не было ни гроша, да вдруг алтын*), *масленица* (*Не все коту масленица*). Можно выделить группу стилистически окрашенной лексики (славянизмов, архаизмов, диалектизмов): *совет* (*Совет да любовь*), *уста* (*Вашими бы устами да мед пить*), *польмя* (*Из огня да в польмя*).

Ценными в аспекте национально-культурной семантики являются также: личные имена собственные — *Емеля* (*Мели, Емеля, твоя неделя*), *Ляпкин-Тяпкин* (*А подать сюда Ляпкина-Тяпкина*); зоонимы, имена-клички животных — *Васька* (*А Васька слушает да ест*), *сивка* (*Укатали Сивку крутые горки*), географические названия — *Киев* (*Язык до Киева доведет*), *Полтава* (*Было дело под Полтавой*).

Следует отметить еще одну сторону языковых афоризмов — эстетическую. Среди крылатых выражений, как известно, много стихов. В пословицах регулярно встречается ритмическая речь (*Из песни слова не выкинешь*), полная или приближительная рифма (*Дружба дружбой, а служба службой; И на старуху бывает проруха*), в том числе и в середине фразы (*За морем телушка полушка, да рубль перевоз*), а также аллитерация (*Береженого и Бог бережет*). Художественная выразительность пословиц достигается также с помощью синтаксического параллелизма; т. е. построения фразы из двух синтаксически одинаковых частей (*И волки сыты, и овцы целы; На охоту ехать — собак кормить*).

Директивная функция. С кумулятивной функцией афоризмов тесно связана еще одна, вторая — непосредственного управления поведением человека, или *директивная*.

Ссылка на общезначимый опыт производится, во-первых, для того, чтобы вызвать, стимулировать или исправить, модифицировать поведение адресата; стало быть, языковой афоризм, как правило, неотделим от перлокутивной цели. Например, безличностной пословицей *Ученье — свет, а неученье — тьма* можно (невзирая на юношеский негативизм) побудить школьника к усердию, а репликой *Слово не воробей, вылетит — не поймает* останавливают поспешное и необдуманное высказывание. Во-вторых, афоризм иногда приводится, чтобы оправдать, мотивировать собственное поведение. Например, резервируя себе время на обдумывание и избегая поспешного решения, говорят: *Утро вечера мудренее*. Следовательно, директивная функция афоризмов может быть направлена как на другого, так и на самого себя.

Имеется ряд пословиц и крылатых выражений, у которых директивная функция выступает на первый план. Приведем небольшой список таких единиц: *Взялся за гуж, не говори, что не дюж; Куй железо, пока горячо; Любишь кататься — люби и саночки возить; Назвался груздем — полезай в кузов!; На чужой каравай рот не разевай; Не в свои сани не садись; Не говори «гоп», пока не перепрыгнешь.; Не плюй в колодец: пригодится воды напиться; Век живи — век учись; Делу — время, потехе — час; Кончил дело — гуляй смело; Поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан; Жди меня, и я вернусь; Глаголом жги сердца людей!* и т. д.

Если обычные побудительные фразы одного лица, равно как высказанное им суждение на основе собственного опыта, воздействуют на адресата тем сильнее, чем выше авторитет говорящего, то пословица и крылатое слово, выражающие общее мнение, в принципе не могут быть оспорены, даже когда они передают взаимоисключающие суждения.

14–5. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ И МОДИФИКАЦИИ ЯЗЫКОВЫХ АФОРИЗМОВ В РЕЧИ

Языковые афоризмы используются в речи для достижения по меньшей мере двоякого эффекта.

Во-первых, благодаря афоризмам мысль говорящего выражается не только точнее, но и более информативно, образно и — самое главное — значительно эмоциональнее.

Во-вторых, языковые афоризмы употребляются говорящим для подкрепления собственной мысли, для большей убедительности своих слов. Ссылаясь на общую «мудрость», говорящий примыкает к ней, а, по Далю, «пословица несудима». Языковыми афоризмами, правда, как упоминалось, можно поддержать едва ли не любые суждения, в том числе исключаящие друг друга.

Например, в сказке Л. Толстого «Два брата» братья спорят о том, стоит ли отправляться на поиски счастья.

Тогда старший сказал:

— И пословица говорит: искать большего счастья — малое потерять; да еще: не сули журавля в небе, а дай синицу в руки.

А меньшей сказал:

— А я слышал: волков бояться, в лес не ходить; да еще: под лежащий камень вода не потечет. По мне, надо идти.

Меньшой брат пошел, а старший остался.

Наряду с такой опорой мысли на ходячую «мудрость» часто — а в последнее время все чаще — встречаемся с использованием языковых афоризмов «к слову», для украшения, расцвечивания речи, привязки ее к определенному стилю. Пословицы и крылатые выражения весьма популярны в заглавиях книг, а также публицистических материалов.

Применение языковых афоризмов «к слову» (примечательно, что обычно только в этой функции) сопровождается модификациями их формы. Пословицы, поговорки, крылатые выражения усекаются, перефразируются — иногда до такой степени, что приобретают противоположное значение. Ср., например, газетный заголовок «Здравствуй, племя младое, но знакомое» (при исходной форме *Здравствуй*

вуй, племя младое, незнакомое). Еще несколько трансформированных афоризмов: «Это — журавль в небе» (при основной форме *Лучше синица в руках, чем журавль в небе*); «Его статья — первый ком» (*Первый блин — комом*); «На нашем безрыбье и от нее есть польза» (*На безрыбье и рак рыба*); «Теперь я могу гулять смело» (*Кончил дело — гуляй смело*). Естественно, для того чтобы заметить в речи афоризм, особенно трансформированный, и воспринять его эстетико-эмоциональный заряд, необходимо заранее знать исходную форму афоризма и владеть его семантикой.

В заключение упомянем о группе так называемых парафразированных выражений среди крылатых слов, особенно с юмористической сверхзадачей: *Не имей сто рублей, [а имей сто тысяч]*; *Тише едешь, дальше будешь [от того места, куда едешь]*; *Ученье свет, [а неученых тьма]* и т. д.

Глава 15. Лексика, фразеология, афористика как лингвострановедческие источники

15–1. СТРУКТУРА СЕМАНТИКИ НОМИНАТИВНОЙ ЕДИНИЦЫ ЯЗЫКА

Ранее уже было сказано, что слова, фразеологизмы и афоризмы изоморфны друг другу. Их изоморфизм состоит в следующем.

Во-первых, все они имеют материальное, вполне произносимое означающее. Нет сомнения в том, что, предположим, синтаксическая модель лингвистически реальна, но ее можно получить лишь в отвлечении от конкретных однотипных фраз (поэтому ее обычно и записывают с помощью символов), а в противоположность реляционным языковым единицам лексика, фразеология и афористика доступны непосредственному восприятию в своей звучащей форме.

Во-вторых, семантическая сфера этих трех языковых единиц членится на СДоли, т. е. строевые смысловые единицы, или компоненты, или семантические множители, или признаки.

В-третьих, некоторая — количественно небольшая — часть СДолей обеспечивает их использование для классификации предметов, явлений и ситуаций. Слова и фразеологизмы классифицируют предметы и явления, а афоризмы — ситуации.

В-четвертых, классифицирующая функция рассматриваемых языковых единиц неразрывно связана с их номинативной функцией.

Предмет или ситуация могут быть названы, если отнесены к какому-либо типу, следовательно, когда в конкретном выявлено абстрактное (сущностное, повторяющееся). Если сказать точнее, то означающее называет не сами конкретные предметы и ситуации, а лексические понятия и суждения, поэтому наименование единственного и в полном объеме неповторимого всегда имеет место через посредство классифицирующей, типизирующей способности человеческого сознания.

Наконец, в-пятых, слова, фразеологизмы и афоризмы имеют, наряду с номинативной, еще и кумулятивную функцию — фиксации, хранения и передачи немалого объема информации о постигнутой обществом действительности. Те СДоли, которые не кажутся прямо номинации, но благодаря которым люди удерживают в памяти знания о мире, в своей совокупности называются фоном слова, фразеологизма или афоризма.

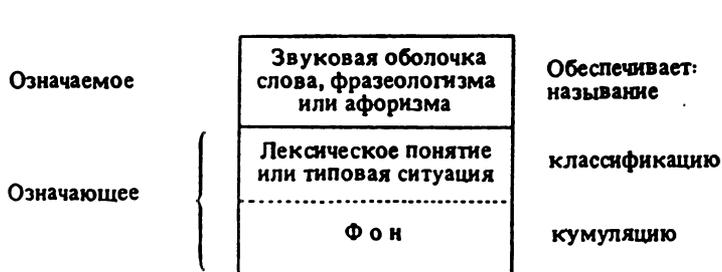

Рис. 12. Структура семантики и функции номинативной единицы

Такое обобщение позволяет еще раз повторить и тем самым систематизировать сказанное ранее — мы стремимся подчеркнуть аналогичное строение всех трех номинативных единиц языка (рис. 12).

Изоморфизм семантической структуры номинативных единиц языка позволяет подойти к ним как к внутренне однородному хранителю и источнику национально-культурной информации.

Изоморфизм семантической структуры номинативных единиц языка позволяет подойти к ним как к внутренне однородному хранителю и источнику национально-культурной информации.

15–2. ЛИНГВОСТРАНОВЕДЧЕСКАЯ СЕМАНТИЗАЦИЯ ФОНОВ

Понятие *семантизации*¹³¹ наиболее употребительно в лексикографии. Оно же используется и в лингводидактике. Сейчас мы рассматриваем только вопросы семантизации лексики, но основные результаты, которые достигаются на материале слов, могут быть перенесены как на фразеологию, так и на афористику.

В теории создания словарей хорошо изучена разница между филологическим толкованием слова и энциклопедическим определением одноименного термина. Л. В. Щерба [1974: 280] так писал по этому поводу: «Много есть и таких терминов, которые входят и в литературный язык. Однако очень часто они будут иметь разные значения в общелитературном и в специальных языках. Слово *золотник* (в машине) всем хорошо известно, но кто из нас, не получивших элементарного технического образования, знает как следует, в чем тут дело? Кто может сказать, что вот это *золотник*, а вот это нет? Поэтому в общем словаре приходится так определять слово *золотник*: „одна из частей паровой машины“. *Прямая* (линия) определяется в геометрии как „кратчайшее расстояние между двумя точками“. Но в литературном языке это, очевидно, не так. Я думаю, что *прямой* мы называем в быту „линию, которая не уклоняется ни вправо, ни влево (а также ни вверх, ни вниз)“». Л. В. Щерба прямо предостерегает против смешения семантики слов с семантикой терминов: «...нужно помнить, что нет никаких оснований навязывать общему языку понятия, которые ему вовсе не свойственны» [там же]. На приведенном примере видны содержательные различия между филологическим толкованием и энциклопедическим определением. В филологии слово семантизируется с позиций обиходного, обыденного, бытового сознания — таковы толковые словари (например, В. И. Даля, С. И. Ожегова). В энциклопедических словарях термины семантизируются с позиций строго научного знания.

Толковые словари одними толкованиями заголовочных единиц обычно и исчерпываются. Но в энциклопедии за определением следуют — в зависимости от ее

¹³¹ *Семантизация* — это любая по качеству процедура описания, направленная на выявление значения некоторой языковой единицы.

размера — более или менее развернутые научные сведения, которые сопряжены с термином. Например, в толковом «Словаре русского языка» (В 4 т. М., 1957–1961) под словом *класс* сказано: «комната в школе, в которой происходят учебные занятия». В специализированных же словарных изданиях (в «Педагогическом словаре» и в «Педагогической энциклопедии») определение сформулировано совсем иначе: «Основное учебное помещение в школе, оборудованное специальной мебелью и удовлетворяющее установленным санитарно-гигиеническим требованиям (освещение, площадь, кубатура, вентиляция и др.)», причем после определения термина содержатся многочисленные сведения о нормах вместимости класса, об оптимальной площади классной комнаты в расчете на одного ученика, о кубатуре, вентиляции и освещенности классов, о сквозном проветривании, об инсоляции (освещенности солнцем) и т. д.

С одной стороны, это описание значительно шире обыденного сознания: носитель языка, конечно, не знает, например, как вычисляется и какой должна быть норма «световой площади». С другой же стороны, семантизация термина оказывается уже обыденного понятия: так, все носители языка знают, что в классе стоят *столы* или (реже) *парты*, что на стене висит школьная *доска* и т. д.

Итак, в энциклопедиях, наряду с определением научного понятия, имеется еще описание непонятных сведений, т. е. научного фона. Таким образом, семантизирующая часть энциклопедической словарной статьи разделяется на две составляющие.

Не так обстоит дело с филологическими словарями: в них есть толкование лексического понятия, но нет никакого аналога семантизации ЛФона. Фон слова, таким образом, не бывает предметом филологической фиксации в словарях.

Почему сложилось такое положение, понять нетрудно. Зачем включать в словарь русского языка, адресованный русским, сведения о *партах* или о классной *доске*, если любой наш современник и соотечественник и так об этом знает? Словари пишутся, чтобы сообщить адресату что-то новое, поэтому помещение в них обиходных сведений было бы нечем оправдать.

Иное дело, если адресатом оказывается иностранец.

Соответственно мы в свое время предложили форму лингвострановедческой семантизации ЛФона, которая была бы аналогична описаниям энциклопедий по месту в структуре словарной статьи, но которая отличалась бы от них по направленности (не на профессиональные, групповые знания, а на знания общераспространенные, фоновые).

Тогда же был предложен новый лексикографический термин. Пусть *изъяснением* называется семантизация ЛФона — моделирование, описание всех тех сведений, которые стоят за словом и которые являются общераспространенными. Этот прием изъяснения оказалось возможным распространить также и на фразеологические и афористические словари, поэтому нужно дать его общее определение. *Изъяснение — это характерная для лингвострановедческой лексикографии семантизация фоновой части номинативной языковой единицы.*

Так как обиходные знания семантизируются в филологических словарях, изъяснение — это также филологический прием. Стало быть, аналогию между филологическими и энциклопедическими словарями можно выразить пропорцией:

$$\frac{\text{определение}}{\text{толкование}} = \frac{\text{описание}}{\text{изъяснение}}$$

Таким образом, в лингвострановедческой лексикографии семантизируются как лексические понятия, так и ЛФоны. Если же иметь в виду еще и фразеологизмы с афоризмами, то можно дать следующее общее определение. *Лингвострановедческий словарь — это такой учебный словарь, в котором в качестве средств семантизации применяются как толкование номинативной сферы языковой единицы, так и изъяснение ее фоновой семантики.*

В качестве примера приведем выписку из лингвострановедческого словаря [Чернявская 1984; выделения в тексте опущены. — *Е. В., В. К.*]:

БАЛАЛАЙКА, -и, ж. Русский народный струнный щипковый музыкальный инструмент.

Первое упоминание о балалайке относится к началу XVIII в. В XVIII—XIX вв. она была в России одним из самых распространенных и любимых народных инструментов. На ней аккомпанировали пению и пляске, исполняли музыкальные импровизации — наигрыши. Балалайка часто упоминается в русских народных сказках, песнях, частушках. Изображение музыканта, который играет на балалайке, балалаечника, можно встретить на старинных русских лубках.

Корпус у балалайки треугольный (реже овальной формы), на длинном грифе натянуты три струны. Когда играют на балалайке, бряцают (ударяют) указательным пальцем правой руки по всем струнам сверху вниз и обратно, а также зашпиывают отдельные струны. Иногда бряцают по струнам сразу четырьмя пальцами, этот прием называется «дробью». Балалайка звучит негромко, но звонко.

В конце XIX в. балалайка была усовершенствована по указаниям русского музыканта-балалаечника В. В. Андреева, были улучшены ее качества, создано семейство балалаек разных размеров и строя. В. В. Андреев организовал ансамбль балалаечников, а затем первый оркестр русских народных инструментов, основу которого составили балалайки.

На балалайке играют соло и в ансамбле, исполняют обработки народных мелодий и переложения произведений музыкальной классики. Русские и советские композиторы (А. К. Глазунов, М. М. Ипполитов-Иванов, С. Н. Василенко и др.) создали крупные произведения специально для балалайки — вариации, фантазии, концерты для балалайки с оркестром.

См. Оркестр народных инструментов. Оркестр русских народных инструментов имени В. В. Андреева, Баян, Гармонь, Гусли, Домра, Жалейка, Ложки, Рожок, Свирель, Народное творчество.

15–3. ЛИНГВОСТРАНЕВЕДЧЕСКИЕ СЛОВАРИ ФРАЗЕОЛОГИИ И АФОРИСТИКИ

На близких или аналогичных теоретических принципах построены лингвострановедческие словари «Русские пословицы, поговорки и крылатые выражения» [Фелицына, Прохоров 1979/1988] и «Русские фразеологизмы» [Фелицына, Мокиенко 1990]. В них главное внимание также уделяется семантизации фонов соответствующих языковых единиц, и в этом отношении словари близки лингвострановедческим словарям тематической лексики. Однако своеобразие фразеологизмов и языковых афоризмов потребовало разработки особой структуры словарных статей.

(1) ЛЕЗТЬ НА РОЖОН

(2) *Идти/переть на рожон / против рожна; напороться на рожон.*

(3) заостренная большая длинная крепкая палка (*кол*), *шест*. Слово и сейчас известно в русских говорах: *рожном* погоняют крупных домашних животных (волов, быков). Выражение восходит к приему русской медвежьей охоты: будили в берлоге спящего медведя, охотник упирал тупой конец рожна в землю, а острый выставлял перед собой, разъяренный медведь лез на рожон и погибал.

(4) Предпринимать что-л. рискованное, с очень небольшими шансами на успех или заведомо безуспешное, особенно необдуманно, сгоряча, забыв о последствиях и в ситуации, когда противодействие велико, непреодолимо. Выражение разговорно-бытовое, а некоторые его варианты (*переть/напороться на рожон*) даже грубы. Говорится неодобрительно, с целью удержать человека от необдуманного поступка или осудить его действия.

(5) *На площадке он только и занимался тем, что демонстрировал свою отвагу: лез на рожон, пытался прорваться в одиночку к чужим воротам, ввязывался во всякую драку. — Для чего в боксе установлены весовые категории? Потому что сила удара у боксера легкого веса значительно меньше, чем у тяжеловеса. Выступить легковесу против тяжеловеса означало бы идти на рожон.*

(6) *Идти против течения, идти напролом.*(7) *Против рожна не попрешь.*

В качестве *заголовочной единицы* (1) указывается наиболее употребительная форма фразеологизма (или соответственно афоризма), а также наименее окрашенная стилистически. В числе *вариантов* (2) редкие и заведомо устаревшие речения не указываются. *Толкование слов* (3) предпринимается на основе имеющихся общезыковых толковых словарей. *Изъяснение прототипа* отражает ту интерпретацию, которая лучше согласуется с массовым языковым сознанием. Семантизация *идиоматического смысла* (4) составляется достаточно подробно: иностранец должен не только понять смысл, но и почувствовать узус фразеологизма. Обучающий, а не подтверждающий характер имеют *цитаты* (5). Они призваны наглядно продемонстрировать ситуацию говорения, типичную и повторяющуюся. Если имеется, приводится (6) *синонимия* (только фразеологическая). Лексическая синонимия (в этом случае ее не оказалось; ср. в других случаях: *у черта на куличках = далеко; задать баню = отругать*) указывается в разделе «Семантизация фразеологизма». Наконец, приводятся (по возможности) сопряженные с заголовочной единицей *пословицы* (7).

Вторая иллюстрация заимствована из лингвострановедческого словаря «Русские пословицы, поговорки и крылатые выражения». Семантизируется крылатое выражение, которое широко употреблялось в советское время и ныне устарело (хотя средним и старшим поколением еще и помнится).

ПУТЕВКА В ЖИЗНЬ

Название первого советского звукового кинофильма (1931).

Путевка — документ, направление, которое выдается человеку, направляемому куда-л.

В кинофильме рассказывается об организации трудовой коммуны для беспризорных детей, которые потеряли своих родителей в годы революции и гражданской войны.

То, что открывает дорогу кому-л. или чему-л., предоставляет право, возможность полезного существования, свидетельствует о пригодности к использованию. Употребляется обычно в сочетании с глаголами *получить* и *дать*.

«Завтра рукопись будет отослана в Ленинград... Если там *дадут* книге *путевку в жизнь*, ее передадут в издательство (Н. Островский); В последние годы Валерий Чкалов работал летчиком-испытателем и *дал путевку в жизнь* многим новым самолетам (из газет).

Образцы словарных статей — безразлично, о лексическом, фразеологическом или афористическом словаре идет речь, — демонстрируют отличие лингвострановедческого способа семантизации от привычных лексикографических толкований. Статьи не только отражают номинативную функцию языковой единицы; они целенаправленно и последовательно представляют экстралингвистическую информацию, хранимую словом, фразеологизмом или афоризмом, т. е. раскрывают их кумулятивную функцию.

15-4. ГРУППОВЫЕ СПОСОБЫ СЕМАНТИЗАЦИИ ФОНОВ

Семантизация номинативных языковых единиц принимает два основных вида.

В первом случае в центре внимания стоит сама отдельная лексическая, фразеологическая или афористическая единица, по отношению к которой и проводится изъяснение страноведческих сведений; таков *единичный* подход (примеры помещены выше).

Во втором случае номинативные единицы группируются, по некоторым признакам сводятся в совокупности, и семантизирующие сведения сообщаются уже не применительно к отдельным словам или фразеологизмам, а по отношению к объединениям номинативных единиц; таков *групповой* подход. В этом последнем различаем два типа семантизации.

Групповая семантизация может быть названа *системной*, если предметом изъяснения оказывается не слово (или фразеологизм, или афоризм), а лексическая система, в которую интересующее нас слово входит как ее член. Системная лингвострановедческая семантизация — это изъяснение отдельного слова через одновременное (но краткое) изъяснение соположенных слов. Если же в группу объединяются, наряду с соположенными, слова других степеней абстракции, так что связывающим началом оказывается только общая тематическая принадлежность, то групповая семантизация соположенных слов может быть названа *комплексной*. В таком случае комплексное изъяснение состоит в связанном рассказе на определенную тему. См. выше комплексное изъяснение тематической группы фразеологизмов ПИСЬМЕННОСТЬ, КНИЖНОСТЬ.

Приведенный образец комплексного изъяснения построен на ономаσιологической основе. Комплексный тип изъяснения, однако, может строиться и на семаσιологических основаниях: здесь берется за отправную точку слово (или другая номинативная единица) и выясняется, какое содержание оно может выразить.

Единичная семантизация — это изъяснение слова (фразеологизма, афоризма) лишь в одном значении. Комплексное групповое изъяснение на семаσιологических началах — это изъяснение языковой единицы во всех ее значениях. Собственно группу образует здесь не совокупность разных по форме номинативных единиц, а совокупность разных значений одной и той же единицы. Поскольку значения, как правило, связаны между собой отношениями развития и перехода, единая и

цельная семантизация хотя и разных, но производных друг от друга значений и фонов закономерна.

Ниже помещен образец комплексного изъяснения такого вида.

КРАСНЫЙ, прилаг.

1. Первоначальное значение «красивый». Отсюда: «праздничный, нарядный». Слово образовано с помощью суффикса *-н-* от существительного *краса* «красота».

В первоначальном значении слово сохранилось в словосочетаниях *красно говорить* «красиво говорить», *красно баять* (*краснобай*, *краснобайство*) и *красно рещи* (*красноречие*, *красноречивый*).

В этом же значении: *красный угол* «наиболее почетное, торжественное место в избе». *Красноярск* — город на сибирской реке Енисей, административный центр одноименного края; *яр* — высокий берег. *Красная площадь* — главная площадь Москвы и всего государства; был период, когда это имя в языковом сознании связывается также со значением 3, но сейчас этого больше нет.

Прилагательное *красный* очень активно в фольклоре, где оно выступает в виде постоянного эпитета, ключа жанра. Ср.: *лето красное*, *весна красна*, *солнце красное*. Ср. также пословицы: *Долг платежом красен*; *Не красна изба углами, а красна пирогами*; *красная девица* «красивая девушка». *Ради красного словца* «с риторическими целями, для краснобайства». «Он никогда не острит бесцельно, ради красного словца» (И. Ильф, Е. Петров). *Для-ради красного слова не пожалеет и родного отца*.

2. Более позднее значение — цветовое (цвета крови). Отсюда несколько фразеологизмов.

Начать с красной строки «начать писать с новой строки, немного отступя вправо» (из деятельности переписчиков книг). Древнерусские книги писались *чернилами*, *черной жидкостью*, но когда надо было начать с новой строки, особенно новый раздел книги, применялась *киноварь*, красная краска. Поэтому и всю первую строчку абзаца стали называть *красной строкой*.

Красный петух — описательное название пожара. *Пустить красного петуха* «поджечь».

3. Символическое значение в советскую эпоху — цвет Октябрьской революции.

В этом смысле прилагательное *красный* синонимично словам *коммунистический*, *пролетарский*, *большевистский*, *советский*, *революционный*, *передовой*. *Красное знамя* — флаг СССР (ныне флаг Российской армии). *Орден Боевого* (или *Трудового*) *Красного Знамени*; награжденный таким орденом полк или военный ансамбль называется *Краснознаменным*. *Красная Армия*, *Красный Флот*, *Красная гвардия* — отряды вооруженных рабочих и крестьян в первые советские десятилетия. *Красный угол* — (в советское время) помещение (комната, небольшой зал) на заводе, в учреждении, в школе и т. д., в котором проводилась культурно-просветительная работа: здесь можно почитать свежие газеты, посмотреть телевизор, послушать лекцию или беседу, поиграть в шахматы и т. д.

Символическое значение прилагательного отразилось на переосмыслении названия *Красная площадь* — революционная, советская. Красная площадь в Москве была местом проведения «демонстраций трудящихся», в том числе 7 ноября, в день годовщины Октябрьской революции.

4. Символическое значение в постсоветскую эпоху — цвет сторонников старого строя. Позитивно (члены новой Компартии о себе): *Мы — красные! Мы — за бедных!* Негативно (в устах демократов), в том числе с усилением пейоративности: *крас-*

но-коричневые (о сплаве коммунистических и националистических взглядов). Ср.: «Красно-коричневые собрались на съезд» (из газет). «В наше время образовалось множество партий, движений, фронтов, организаций, обществ. Некоторые из них стали, скажем так, очень «красными», другие — очень «черными». Нет ли опасности смешения этих двух цветов и образования в стране чего-то «коричневого»» (из газет; см. [ТС: 238]). Отчасти разделяющий коммунистическую идеологию — *розовый*.

5. Цвет опасности. Красный сигнал светофора — «стоп». Отсюда *зажечь красный свет* (кому-л.) «запретить чью-л. деятельность, поставить преграду».

Таким образом, по критерию количества семантизируемых языковых единиц различаются единичный и групповой типы изъяснения. По критерию качества включаемых в группу языковых единиц различают системную и комплексную семантизацию. Наконец, в рамках группового изъяснения в зависимости от направленности изложения (от формы языковой единицы к содержанию или от содержания к форме) говорится о семасиологическом и ономасиологическом подходах.

15–5. МОТИВИРОВАННОЕ ИТОГОВОЕ ИМЕНОВАНИЕ ИЗЛОЖЕННОЙ КОНЦЕПЦИИ

После того как со всех сторон рассмотрен феномен ЛФона и его аналогов во фразеологии и языковой афористике, мы хотели бы конденсировать главный смысл концепции и, «прикрепив» этот смысл к подходящему слову-губке, обозначить его. По замыслу, совсем краткое, кратчайшее наименование — своей общеязыковой внутренней формой — должно оттенить ведущий признак изложенных нами взглядов.

Следуя собственной же теории, мы искали слово, которое обладало бы ЛФоном, способным вызывать ассоциации в нужном нам направлении. Сейчас нам кажется, что подходит отыменный глагол *вместить/вмещать*, производный от апеллятива *место*.

В таком случае итоговое высказывание в виде предикативной суммы могло бы принять вид: *Слово (фразеологизм, языковой афоризм) вмещает в себе и вмещает в себя фрагмент мирознания*. Предикативное высказывание может быть преобразовано и в номинативную сумму: *слово как вместилище мирознания*.

Глагол *вместить/вмещать* обладает рядом значений, из которых нам интересны только два.

Во-первых, *вмещать* — «заключать, содержать что-л. в себе», «иметь достаточно места» (для определенного количества людей, предметов, груза, жидкости и т. д.). Например: «Гавань может *вместить* до десятка крупных кораблей»; «Бассейн *вмещает* 300 кубических метров воды».

Итак, *вмещать* — это (статически) *содержать в себе*. Подчеркивается итог движения, т. е. состояние: так говорят, когда определенный предмет по размерам таков, что он смог *поместиться* внутри некоего большего объема. При этом не имеет значения, один такой предмет содержится в объеме или же он содержится там наряду с другими предметами. Данные зримые пространственные отношения метафорически прилагаются и к духовным «предметам».

Во-вторых, *вмещать* — «вставлять, влагать, вкладывать, помещать что-л. в себя», «принимать, охватывать». Например: «Зал, казалось, раздвигал свои стены и *вмещал* все новых и новых делегатов»; «Молоко не *вместилось* в бутылку. Переносно: «*Сколько ума, чувств, воспоминаний вмещается в душу человека!*»

Итак, *вмещать* — это (динамически) *присоединять к себе*. Подчеркивается движение, т. е. процесс: так говорят, когда предметы один за другим включаются в определеннный объем.

Оба значения, конечно, отчасти обусловлены видовыми различиями в семантике пары *вместить/вмещать*, а также грамматическим значением возвратной формы *вместиться/вмещаться*, но особенно ярко отмеченная нами результативность и процессуальность выражается в падежно-предложном управлении. В результативном значении глагол управляет именем в предложном падеже с предлогом *в*, а в процессуальном — с тем же предлогом, но в винительном падеже. Ср.: *Шкаф вмещает в себе (все наши) книги — Шкаф вмещает в себя (все новые и новые) книги*. Производные имена (*вместимость, вместительность, вместилище; вместительный, вместимый*) процессуальность и результативность выражают, как кажется, нерасчлененно.

Хотя номинативная формула «слово как *вместилище* знания» хорошо отражает существо концепции лексического фона, от суммирующего имени затруднительно и, пожалуй, даже невозможно образовать атрибут в виде прилагательного, а такой атрибут нужен для удобного, рабочего обозначения семантической концепции в связном изложении.

В поисках пригодного прилагательного мы приняли во внимание традицию терминообразования, существующую в отечественной лингвистике, и остановились на самостоятельно сконструированном термине, производном от иноязычного корня.

Вмещать, заключать в себя, *охватывать, присоединять* к себе, а в переносном смысле *помнить*, на латыни — *continere* (от глагола конкретного значения *tenere* «держат, удерживать»). Ср. *контейнер* (восходит к *continere* через посредство англ. *container*): 1) резервуар, бак, приемник (например, для продуктов перегонки нефти); 2) ящик определенных размеров и устройства для перевозки товара на грузовых автомобилях, железнодорожных платформах; 3) съемный кузов вагонов и повозок, применяемый для перевозки грузов без тары. Ср. также *континент, контингент*. *Continere* имеет несколько производных, более или менее соответствующих русским производным от глагола *вмещать*: *continentia* (главное содержание, суть), *continentivus* (содержащий, вмещающий).

Если латинский корень оформить средствами русского языка, то по аналогии с принятыми и лингвистике терминами *грамматический, лексический, синтагматический, парадигматический* и т. д. легко образуется нужный нам атрибут-прилагательное *континический*. На нем и остановимся.

Итак, оба аспекта русского ключевого слова (*вмещать в себе* [результат] и *вмещать в себя* [процесс]) существенны для выдвигаемой нами континической концепции слова. Соответственно формулировка «Слово вмещает знания — в себе и в себя», с одной стороны, позволяет увидеть и осознать то новое, что несет с собой континическая теория в семасиологии, а с другой стороны, она не дает возможности смешать нашу точку зрения не только с далекими, но и с близкими научными воззрениями.

Взгляд на лексический фон как на *вместилище*, которое стабильно и прочно удерживает в себе совокупность единиц общественного знания, т. е. СД, позволяет считать слово важным носителем информации о внеязыковой действительности, в том числе — этот вид информации интересен для нас в первую очередь — и об особенностях национальной культуры страны. Считалось, что только текст (в минимальном случае фраза) может быть источником любых, следовательно, и страноведческих, сведений; континическая концепция лексического фона (с массовой, социальной точки зрения и в ее синхронном аспекте) прибавляет к этому важному источнику еще один, не менее важный.

Вывод для лингводидактики: поскольку слово-вместилище — *носитель* информации о стране, оно может стать также ее *источником*; требуется только разработать эффективные приемы и способы извлечения, презентации и закрепления лингвострановедческих сведений. Кроме того, подход к слову как к вместилищу, которое способно включать *в себя* все новые и новые единицы знания и накапливать их (в сознании отдельного человека), открывает возможность именно слово сделать средоточие накопления упомянутой страноведческой информации. Следует сознательно и целенаправленно добиваться, чтобы вводимые СДоли ассоциировались с определенным словом, формируя в сознании обучающегося парадигматическое окружение данного слова и расширяя его синтагматическую сочетаемость.

Ясно, что выделение статичного и динамичного аспектов в лексическом фоне тесно сопряжено с различием его двух планов — социального, общественного, и индивидуального, личностного. «Общественное» слово в первый момент соприкосновения с ним иностранца (т. е. когда он усвоил лексему, звуковую оболочку слова), естественно, или совсем лишено для него семантики (если он осваивает понятийно-безэквивалентное слово), или охватывает одни межъязыковые СДоли. Короче говоря, «общественное» слово не равно «индивидуальному». В процессе метаязыковой коммуникации (в учебных условиях такая коммуникация проводится сознательно и называется семантизацией) «общественное» слово как бы отдает «индивидуальному» свои национально-культурные СДоли. «Индивидуальное» слово подравнивается к «общественному», семантически приближается к нему и в конечном итоге (в результате усилий преподавателя и студента) может с ним совпасть. В дополнение к хорошо известному пониманию семантизации слова как разового учебного акта континентальная концепция лексического фона выдвигает представление о длительном процессе семантизации (одного и того же) слова изучаемого языка. По отношению к ключевым словам многократная, продолжительная семантизация может быть даже перманентной.

Глава 16. «Окказиональные» пометы в «Словаре русского языка» С. И. Ожегова. К определению места безэквивалентной и фоновой лексики в современном русском литературном языке

Завершая Часть I Раздела, попытаемся хотя бы примерно определить количество лексики в русском языке, семантика которой особенно нагружена национально-культурным содержанием. Одним из способов выявления интересующей нас лексики может послужить учет специальных оговорок, «несистемных» или «окказиональных» помет в толкованиях слов, например, в «Словаре русского языка» С. И. Ожегова¹³². Анализ этого материала вычленяет прежде всего историческую страноведческую лексику, к которой относятся следующие единицы:

¹³² Самое понятие «окказиональных» или «несистемных» помет, насколько нам известно, никогда не описывалось и не исследовалось, хотя оно широко используется в лексикографической практике.

I. Слова, словоупотребления и выражения, в толковании которых имеется сочетание «в Древней Руси», например: варяг. В Древней Руси: скандинавские выходцы...; витязь. В Древней Руси: отважный, доблестный воин; вотчина. В Древней Руси: родовое, наследственное землевладение; гривна 1. Денежная единица в Древней Руси... 2. В Древней Руси: серебряное или золотое украшение...; соха 2. Мера земли в Древней Руси ...; тиун. Название некоторых должностных лиц в Древней Руси: ...; чудь. В Древней Руси: общее название финских племен.

Это указание нередко сосуществует с другими указателями или уточнителями: волость 1. В Древней Руси: ... 2. Административно-территориальная единица... в России и в СССР до районирования; государь В Древней Руси и в царской России: ...; ендова Большая открытая посуда с рыльцем, употр. в Древней Руси и в русском флоте...; кабала 1. В Древней Руси: ... 2. В Московской Руси XIV—XVII вв.: ...; ... великий князь (... , а в Древней Руси: ...); удел 1. В Древней Руси: ... 2. В дореволюционной России: ...; уезд 1. В Древней Руси: ... 2. В России и СССР до районирования; холоп 1. В Древней Руси: раб; в крепостной России — крестьянин, слуга; черны 3. В старину: курной... 9. В Древней Руси: государственный.

Всего таких слов 42: *варяги, вече, витязь, воевода, волость 1, вотчина, государь, гривна 1, 2, дружина 1, дьяк, ендова, изгой, кабала 1, великий князь, окольниковый, опричнина 3, посад 1, посадник, пригород 2, пристав 2, скоморох 1, скоморошество 1, смерд, сокольник, сокольниковый, соха 2, стол 2, стольник, тархан, терем, тиун, тысяцкий 1, удел 1, уезд 1, ушкуйник, холоп 1, целовальник 1, челобитная, челобитчик, челобитье 1, 2, черный 9, чудь.*

II. Слова, в толковании которых имеется сочетание «в Московской Руси»: боярин В Московской Руси: крупный землевладелец...; дума 3. Название некоторых учреждений (в царской России и Московской Руси); однопалатный Крестьянин, происходивший из низшего разряда служилых людей Московской Руси; спальник Придворный чин в Московской Руси; стряпчий Название некоторых должностных лиц (например, придворного в Московской Руси: ...).

Сочетание нередко употребляется вместе с другими уточнителями: кабала 1. В Древней Руси: ... 2. В Московской Руси XIV—XVII вв.: ...; казак В Московской Руси и в старину на Украине: ...; ловчий В Московской Руси и в помещичьем быту: ...; местничество В Московской Руси XV—XVII вв.: ...; стрелец В Московской Руси XVI—XVII вв. ...; тягло и тягло 1. В Московской Руси: ... 2, 3, 4. При крепостническом хозяйстве: ...; ясак... в Московской Руси и царской России: ...

Всего таких слов 16: *боярин, дума 3, кабала 2, казак, кравчий, ловчий, местничество, однопалатный, подьячий, рында, служилый, спальник, стрелец, стряпчий, тягло, ясак.*

III. Многочисленна и разнообразна группа слов, в толковании которых имеется уточнение «в России», обязательно сопровождаемое дополнительным указателем качественно-временного характера. Соответственно здесь обнаруживаются следующие подгруппы:

III.1. Около десяти слов типа: городничий Начальник города (в России до середины XIX в.); волость 2. ... в России и в СССР до районирования; градоначальник В России XIX в.: ...; градоначальство В России XIX в.: ...; губерния ... в России с начала XVIII в. и в СССР до районирования; кружило В старину в России: ...; недоросль 1. В XVIII в. в России: ...; нигилист В 60-х гг. XIX в. в России: ...; откуп В России XIX в.: ...; разночинец В XIX в., в России: ...; ра-

туша 1. В России XVIII — начале XIX в.: ... 2. ... (в Польше, Прибалтике); сентиментализм 1. Литературное направление (в России в конце XVIII — начале XIX в.); уезд 2. ... в России и СССР до районирования; шестидесятник ... деятель 60-х гг. XIX в. в России.

Сюда же можно отнести некоторые слова лишь с собственно временным указателем в толковании, например: ревизия 3. В XVIII — начале XIX в.: перепись; свободомыслящий 2. В XIX — начале XX в.: либеральный; и под. Ср., впрочем: ротонда В XIX — начале XX в.: ...; и тому под.

Сюда же тяготеют два уникальных толкования: опричина 1. В царствование Ивана Грозного: ... 2. Специальные войска этого времени. 3. В Древней Руси: ...; фискал 1. При Петре I: ...; ср. также небольшую группу слов с прилагательным «крепостной» в толковании, относящуюся, скорее, к общественно-социальной, а не исторической лексике (см. с. 224); бурмистр При крепостном праве: ...; дворня При крепостном праве: ...; оброк При крепостном праве ...; тягло и тягло́ 1. В Московской Руси: ...; 2. ...; 3. ...; 4. ... При крепостническом хозяйстве: ...; слобода 1. До отмены крепостного права в России: ...; холоп 1. В Древней Руси: раб; в крепостной России — крестьянин, слуга; человек 2. При крепостном праве: ...; челядь При крепостном праве: ...

III.2. Довольно многочисленны слова и выражения, в толковании которых имеется сочетание «в царской России», например: благородие В царской России: в соединении с местоимениями Ваше, его, ее, их — титулование обер-офицерских и равных им гражданских чинов; ...быть по сему В царской России: форма утвердительной резолюции царя; ...волчий билет или паспорт В царской России: документ с отметкой о политической неблагонадежности; генерал-губернатор В Царской России и капиталистических странах: ...; государь В Древней Руси и в царской России: ...; губернатор Начальник какой-нибудь области (например, губернии в царской России, штата в США...); департамент В царской России и некоторых других странах: ...; десятский Выборное должностное лицо из крестьян, исполнявшее полицейские обязанности в деревне в царской России; дума 3. Название некоторых учреждений (в царской России и Московской Руси); ...околоточный надзиратель или околоточный (полицейский чин в царской России: ...); паж 1. В средние века и в монархических странах: ... 2. В царской России: ...; ...присяжной поверенный (в царской России: адвокат); полицмейстер и полицеймейстер Начальник полиции в крупных городах царской России; пристав 1. В царской России: ... 2. В Древней Руси: ...; статский 2. Первая часть составных названий некоторых гражданских чинов в царской России; ...тайный советник, действительный тайный советник (названия... чинов в царской России); урядник 1. В царской армии: ... 2. В царской России: ...; я с а к... в Московской Руси и царской России...

Всего таких слов и выражений 55: *благородие, быть по сему, вольноопределяющийся, волчий билет или паспорт, высокородие, гардемарин, генерал-губернатор, городской, государь, губернатор, департамент, десятский, дума 3, инородец, земский начальник, исправник, казенная палата, корпус 3, лицей 1, мещанин 1, мещанство 1, надворный советник, наместник, наместничество, неблагонадежный, обыватель 1, околоток 3, околоточный надзиратель или околоточный, паж, присяжной поверенный, податной, полицмейстер и полицеймейстер, попечение 2, правовед 2, предводитель*

дворянства, пристав 1, судебный пристав, ратник 2, сотский, стан 3, статский, стражник, тайный советник, действительный тайный советник, титулярный тайный советник, урядник, участок 5, флигель-адъютант, церковно-приходской, цесаревич, черносотенец, экзекутор, экспедитор 2, юнкер, ясак.

III.3. К этой группе примыкают слова, в толковании которых имеется сочетание «в царской армии», вообще, очевидно, относящиеся не только к исторической, но, скорее, к повседневно-терминологической и бытовой лексике, например: бомбардир В царской армии: ефрейтор в артиллерии; вахмистр В царской армии: звание фельдфебеля в кавалерии; гусар В царской и некоторых иностранных армиях: ... (с такой пометой даны: драгун, улан, унтер-офицер, фельдмаршал, фельдфебель; весьма непоследовательно, впрочем, при слове унтер-офицер помета читается: «в царской и некоторых других армиях»); подхорунжий В казачьих войсках царской армии: ...; сотник 1. В старину: ... 2. В царской армии: казачий офицерский чин; урядник 1. В царской армии... 2. В царской России.

Всего таких слов 32: *бомбардир, вахмистр, гренадер, гусар, драгун, есаул, кавалергард, конногвардеец 2, корнет, нижний чин, ополчение 2, подпоручик, подпрапорщик, подхорунжий, подъесаул, поручик, прапорщик, ротмистр, светский офицер, сотник 2, войсковой старшина, субалтерн: субалтерн-офицер, улан, унтер-офицер, урядник 1, фейерверкер, фельдмаршал, фельдфебель, хорунжий, штаб-офицер, штаб-ротмистр, штабс-капитан.*

Нельзя не заметить, что эта группа весьма нечетко отграничена от слов соседних групп III.2 и III.4. Здесь нет, например, слова кадет До революции: воспитанник среднего военно-учебного заведения (кадетского корпуса) и слова гардемаринов В царской России: кадет старшего класса морского корпуса. Не попало в этот список и звание флигель-адъютант, данное с пометой «в царской России». Весьма сомнительна и дифференцированная характеристика двух значений слова урядник 1. В царской армии: ... 2. В царской России... И т. д.

III.4. В целом недостаточно отграничены от группы слов с пометой «в царской России» и составляющие особую группу слова, в толковании которых наличествуют сочетания «в дореволюционной России» и «до революции», например: адъюнкт 2. В дореволюционной России и Западной Европе: ...; гильдия 1. В средние века... 2. В дореволюционной России: ...; мадам 1. ...во Франции ...2. В буржуазно-дворянском быту дореволюционной России: ...; охранное отделение (орган тайного полицейского надзора в дореволюционной России); удел 1. В Древней Руси: ... 2. В дореволюционной России: ...; управа 2. Название некоторых учреждений в дореволюционной России; хлыстовство Одна из мистических христианских сект в дореволюционной России. Ср. также: богадельня До революции: приют для инвалидов; бонна До революции: воспитательница из иностранок при маленьких детях в буржуазно-дворянской семье; классная дама (надзирательница в женском учебном заведении до революции); магистр 1. До революции: ... 2. В средние века: ...

Всего таких слов $18 + 13 = 31$: *адъюнкт, высочайший 2, гильдия 2, гласный, дантист, кадет, курсистка, мадам 2, маевка, охранное отделение, патент 2, приют 2, сословие 2, столоначальник, удел 2, управа 2, хлыстовство, часть 7 (в части); богадельня, бонна, вицмундир, классная дама, децик, земство, извоз, кадет, магистр 1,*

реалист, реальное училище, старшина 3, уздень. К ним примыкают также следующие пять слов: *мироед, надел 2, сельский староста,* в толковании которых находим сочетание «в дореволюционной деревне», и прислуга 1. В дореволюционном быту: ...; *полоса 3.* В доколхозной деревне: ...

Заметим, что для проникновения в существо рассматриваемой лексики существенны такие факты, как, например, помета «до революции» при слове реалист или помета «в дореволюционной России» при слове курсистка (ср. также кадет, гардемарин, адъютант) и отсутствие каких-либо помет при слове студент или пометы «устар.» при словах гимназист, гимназистка, пометы «разг.» при слове студиец и т. д.

Заканчивая обзор подгрупп рассматриваемой группы исторической лексики, следует указать небольшой список слов, кроме упомянутых *волость, губерния, уезд,* в толковании которых присутствует сочетание «в СССР»: милиция 1. В СССР: ...; саман На юге СССР: кирпич ...; трест 1. В Советском Союзе: ... 2. В капиталистическом обществе: ... Ср. также: нэп ... принятая в 1921 г. особая политика ...; лишенец До принятия конституции: ...

IV. Весьма обширна лексика, имеющая в толковании исторические уточнители, но не обязательно относящиеся к русской истории; ср.: гетто, гильдия 1, лен 1, ленник, магистр 2, меченосец, олигархия 1, оруженосец, паж, паладин, философский камень, шабаш, сопровождаемые сочетанием «в Средние века» и т. д.

Однако в подобных списках нетрудно обнаружить и несомненно русскую страноведческую лексику. Так, среди слов с вводным сочетанием «в древности», вообще относящихся преимущественно к античной Греции и Риму, имеются: виночерпий, городище, катапульта, орда; ср. также возлияние У древних: ...; волхв У древних славян: ...; тризна У древних славян: ... Весьма разнородны слова, в толковании которых наличествуют прилагательные «древний» или «старинный», указывающие чаще всего на «устарелость» вещи, а не слова; глаголица Древнейшая славянская азбука: ...; глаголь Старинное название буквы «г»; кистень Старинное оружие: ...; притча 1. В старинной литературе: ...; праща Древнее ... оружие; распять ... (древний вид казни); рекрут В старой России: ...; травник 2. Древнерусская книга-лечебник. В этих списках легко вычленяются этнографические или бытовые лексические группы: названия одежды и головных уборов, вроде: кичка, кокошник, однорядка, сибирка, ферязь; названия орудий, вроде: кистень, палица, петарда, пищаль, секира; названия единиц измерения и монет, вроде: алтын, грош 1, пядь, пятерик, пятиалтынный, четверик и т. д.; ср. прежние названия народов, вроде вотяки «удмурты», пермяки «коми», остяки «ханты», черемисы «марийцы», тунгусы «эвенки», а также татары, хозары, чудь. Всю эту лексику удобнее подробно рассмотреть в группе бытовой или повседневно-терминологической, этнографической.

Разнородна и обширна лексика, толкуемая при помощи вводного сочетания «в старину», например: бесприданница В старину: бедная девушка; вор 2. В старину: изменник, злодей; данник В старину: тот, кто платит дань; светец В старину: подставка для лучины. Далеко не всегда при таких словах есть географические и иные уточнители, вроде: булава Короткая палка..., служившая в старину оружием, а у казаков символом власти; заимка В старину: земельный участок;

теперь в Сибири: ...; казак В Московской Руси и в старину на Украине: ...; кру-
жило В старину в России: ...; óхабень В старину у русских бояр: ...; само-
крутка В старину в крестьянском и купеческом быту: ..., ...; сени В деревенских
избах и в старину в городских домах: ...; табор 1. ..., а в старину также (у казаков)
лагерь войска с обозом. Из слов, сопровождаемых пометой «в старину» (всего их
140), к русской исторической лексике можно отнести: *бесприданница, бечевая тяга,*
богоугодный, ботфорты, бригадир, будочник, булава, бурса, венценосец, вольница, воль-
ноотпущенный, вольноотпущенник, вор, гáер, гонец, данник, дань, действие, дурак 2,
душа 5, дыба, дядька, заимка, запятки, затворник, затворничество, земский 2, зем-
щина, знак, истукан, кабак, казак, кибитка 1, ключник, кобыла 2, колесовать, колод-
ник, колодки, колчан, коробейник, костоправ, косуля 2, кошка 3, кружало, кунсткаме-
ра, курень 3, курной, латы, лобный 1, лосина 2, мореход, негоциант, община 1, огнóво,
опала, опальный, óпахень, офеня, óхабень, перевязь для сабли, писцовые книги, пись-
мовник, погост, подорожная, подстава, подушный (подушная подать), полушка, поро-
ховница, поставéц, почта 2, ехать на почтовых, прогоны, пустынный, пúстьнь, пыж,
раек, редут, рыдан, самокрутка, самосожжение, сбитенщик, сбитень, светец, све-
тильник, светлица, светоч 1, священнодействовать 1, сени, собор 1, сокол, сонник,
сотник 1, старьевщик, стенобитный, столбовой дворянин, стремянный (и стремен-
ной), судебник, сурьмить, табор 1, треуголка, треух, тьма 1, тьма тем 1, уложение,
флешь, хоругвь 1, чернокнижие, чернокнижник, черный 3, четвертовать, шелом, шишак,
штурмовая лестница, шут 1, кислые щи, ям, ямской.

Окидывая взором весь приведенный материал, можно сделать ряд общих заме-
чаний о русской исторической страноведческой лексике, как она представлена в
словаре С. И. Ожегова. Во-первых, ее количество определяется приблизительно в
350 слов и выражений. Во-вторых, она дана крайне непоследовательно: 1) пометы
часто плохо дифференцированы, например, «в царской России» и «в царской ар-
мии», «в дореволюционной России» и «до революции», а также «в старину», «в
древности», «у древних», «старинный», «древний», «старый», «прежний» и т. д.;
2) часто нет разграничения историзмов и бытовизмов, общественной повседневной
терминологии. В-третьих, весьма неясны взаимоотношения рассматриваемой лек-
сики с принятыми в словаре системными стилистическими пометами, в частности
с пометами «стар.» и «устар.»¹³³. В то же время не подлежит сомнению, что мы

¹³³ Любопытно, что «окказиональные» или «несистемные пометы» обычно исключают постановку
одной из принятых в словаре «системных» стилистических помет, как бы выводя слово за пределы
принятой системы стилистической дифференциации лексики вообще. Однако материал не позволяет
корректно утверждать, что «окказиональные» пометы относятся исключительно к реалиям, а не к
словам; ср.: ш е л о м В старину: шлем 1. Показательны такие примеры: г р и в н а 1. Денежная еди-
ница в Древней Руси... 2. В Древней Руси: ... украшение... 3. Гривенник (устар.); правовед
1. Юрист (устар.) 2. В царской России: воспитанник училища; целовальник 1. В Древней Руси:
должностное лицо... 2. Продавец в кабаке (стар.) и т.д.; впрочем: в ы с о ч а й ш и й 2. В дореволю-
ционной России: царский, императорский (устар.); о б ы в а т е л ь 1. В царской России: постоян-
ный житель... (устар.); 3. В царской России... (устар.); р а з н о ч и н е ц (устар.) В XIX в. в России:
интеллигент...; ц е с а р е в и ч (устар.) В царской России: звание наследника престола; э к з е к у -
т о р (устар.) В царской России: чиновник...; м и р о е д (презр.) В дореволюционной деревне: ...

В принципе, однако, эти обстоятельства не меняют разрабатываемый путь решения задачи
выявления страноведческой лексики; сведения о распределении «системных» стилистических по-
мет в словаре С. И. Ожегова даны в ст.: *Денисов П. Н., Костомаров В. Г. Стилистическая дифферен-*
циация лексики и проблема разговорной речи // Вопросы учебной лексикографии. М., 1969.

имеем здесь перед собою ценнейший фактический материал для суждений о страноведческом минимуме, хотя бы уже потому, что все эти слова включены — пусть и с недостаточно дифференцированными оговорками — в словарь толковый, в словарь нормативно-литературный и современный.

V. Следующую большую группу лексики, подлежащую рассмотрению с интересующей нас точки зрения, составляют слова и выражения, в толковании которых наличествуют сочетания типа *в таком-то обществе, в таких-то странах, в таком-то быту*. В этой **социально-терминологической и, отчасти, этнографической лексике** выявляются следующие группы, порой перекликающиеся с группами исторической лексики:

V.1. Слова с указателями «при феодальном строе», «в феодальном обществе», «в рабовладельческих монархиях», «в монархических странах», «в монархических государствах», «в первобытном обществе», «в доклассовом обществе», «в эпоху феодализма», «в родовом обществе», «у первобытных народов». Относящихся к русскому страноведению среди них не более 12: дворянство В феодальном и, позднее, в капиталистическом обществе: ...; камергер В монархических странах: ...; камер-юнкер В монархических странах: ...; князь 1. ...в феодальной, удельной Руси; коронный (устар.) В монархических государствах: правительственный; огнепоклонник В первобытном обществе: ...; паж 1. В средние века и в монархических странах: ...; племя 1. В доклассовом обществе: ...; раб 1. В докапиталистическом (рабовладельческом, феодальном) обществе: ...; старейшина В родовом обществе: ...; титул В феодальном и буржуазном обществе: ...; фрейлина В монархических государствах: ...

Сюда с очевидностью примыкают уже упоминавшиеся слова, в толковании которых есть сочетание «в средние века», практически не дающие специфически русской лексики, а также отдельные слова типа броненосец... (в конце XIX — начале XX в.), паровик 2. Во времена до развития городского электрического транспорта: ...; и все слова с пометой «при крепостном праве».

V.2. Обширна лексика с пометами, относящими ее к дворянскому, буржуазному и капиталистическому обществу; несмотря на выделение относящейся сюда русской лексики в особых, уже рассмотренных группах «в царской России», «до революции», «в дореволюционной России», здесь также обнаруживается много специфического, принадлежащего именно нашему страноведению. Примером могут служить слова с пометой «в буржуазно-дворянском быту»: *вольнодумец, вольнодумство, дама 1, жуир, жуировать, камердинер, камеристка, книксен, кузен, кузина, люди 3* ...слуги (устар.); *людская, мадам 1*. Во Франции; 2. В буржуазно-дворянском быту дореволюционной России: ...воспитательница...¹³⁴; *салон 2* ...гостиная (устар.); *тонный* (разг., устар.), *холуй 1* ...о слуге, лакее (устар.). Ср.: *великосветский* (устар.) В дворянском быту: ...; *дворецкий* В помещичьем и буржуазном быту: ...; *казачок 2, клака* В буржуазном быту: ...; *ловчий* В Московской Руси и в помещичьем быту: ...; *раут* (устар.) В буржуазном быту: ...; *фешенебельный* (книжн. устар.) В буржуазном обиходе: ... Практически все такие слова могут быть отнесены к русскому страноведению. Сюда можно отнести более 25 слов.

¹³⁴ Ср. также иное оформление сходных слов: бонна До революции: воспитательница из иностранок при маленьких детях в буржуазно-дворянской семье; гувернер Воспитатель детей в дворянских и буржуазных семьях; и т. п.

Интересны несколько слов, непосредственно относящихся к речи: *материалист* (устар.) В буржуазно-дворянской речи: ...; *материалистичный* (устар.) В буржуазно-дворянской речи: ...; *мужик* 3. В буржуазно-дворянском жаргоне: ... (устар.); *низкий* 6. В дворянском жаргоне: *неродовитый* (стар.); 7. В XVIII — начале XIX в. о стилях речи: *просторечный* (стар.); *общество* 5. В буржуазно-дворянском жаргоне: ... (устар.); *плебей* 1. В Древнем Риме: ...; 2. В буржуазно-дворянском жаргоне: ... (устар.); *свет* 2. В буржуазно-дворянской речи: ... (устар.); *светский* (устар.) 1. В буржуазно-дворянской речи: ... Ср. также слова типа: *урбанизм* (книжн.) 2. В буржуазном искусстве и литературе: ...

Сочетание «в буржуазно-дворянском обществе», слабо дифференцированное по отношению к только что разобранным, сопровождается следующие слова: *майорат*, *меценат*, *низ* 2 мн. (устар.), *дуэль*¹³⁵, *земледелец*, *знать*, *простонародный* (устар.), *простонародье* (устар.), *реверанс*, *содержанка* (устар.), *чернь* (устар.). Недостаточно дифференцированными нельзя не считать и следующие сочетания: «в буржуазном обществе» — *грум*, *комиссионер*, *коммерсант*, *коммерция*, *коммивояжер*, *крах* 1, *магнат*, *маклер*, *превосходительство*, *ростовщик*, *ростовщичество*, *титул* 1 (в феодальном и буржуазном обществе: ...), *умеренный* 3; «в буржуазных странах» — *жандармерия*, *импресарио*, *клерикализм*, *коррупция*, *крупье*, *курильня*, *магистратура*, *миссионер*, *официоз*, *официозный*, *охранка* (разг. презр.), *охранник* 3... (презр.), *политзаключенный*, *стерилизовать* 2 (в буржуазных странах: ... кастрировать), *филер*, *чиновник* 1, *шансонетка* 1; «в условиях буржуазного общества» — *обструкция*, *синекура* (книжн. презр. устар.) «при буржуазных общественных отношениях» — *содержать* 5... (устар.).

Ср. также: «в капиталистических странах» — *консорциум*, *патрон* 2, *погром*, *полиция*, *протекционизм*, *социалистический* 3, *тантьема* (спец.), *черные списки*, *штрейк-брехер* (презр.); «в капиталистическом обществе» — *куртаж*, *люмпен-пролетариат*, *обезземелить*, *отверженный* (высок.), *панاما*, *проституция*, *публичный дом*, *рабочий* 2, *рантье*, *рента*, *сверхприбыль*, *сутенер*, *трест* 2, *ферма* 2; «в феодальном и, позднее, в капиталистическом обществе» — *дворянство*; «в империалистических странах» — *концерн*; «в условиях капитализма» — *полупролетарий*; «в условиях капиталистического общества» — *эксплуатация*; «в антагонистических классовых обществах» — *революция* 1; «в условиях классового расслоения деревни» — *подкулачник*; «в социалистическом обществе» — *рабочий* 1.

Особую группу лексики составляют слова с пометами такого же рода, но одновременно с уточнителями географического характера, например: *деспот* В рабовладельческих монархиях Древнего Востока: ...; *падишах* Титул некоторых монархов восточных стран; *раджа* Феодальный владетель в Индии; *рыцарь* 1 В феодальной Европе: ...; *третье сословие* — ...во Франции до революции 1789 г.: ...; *харакири* У японских самураев: ... Для нас здесь могут представлять интерес слова, связанные не непосредственно с Россией, но с народами СССР в целом: *бай* Кулак, *богач* (в Средней Азии); *богара* В Средней Азии: посевы без искусственного орошения; *газават* У воинствующих реакционных мусульман: священная война против немусульман; *гайдамак* 1 В XVII—XVIII вв.: украинский казак...; *гетман* 1 На Украине в старину: ...; *гяур* У магометан: человек иной веры; *дежканин* В Средней Азии: крестьянин; *джигит*

¹³⁵ Это слово сопровождается сочетанием «в дворянско-буржуазном обществе», что вряд ли создаст различие.

Искусный наездник (первонач. у кавказских горцев); *запорожец* Казак из Запорожской Сечи: ...; *калым* У некоторых народностей Востока, сохранивших пережиточные обычаи родового быта: ...; *кунак* У кавказских горцев: ...; *орда* 1 В древности у тюркских кочевых народов: ... (первонач. становище кочевых племен); *оселедец* В старину у украинцев: ...; *парубок* На Украине: ...; *сакля* Крестьянский дом на Кавказе: ...; *улус* 1. Становище: ...; (напр., у некоторых народов Сибири). 2. Округа, район (напр., у якутов); умыкание (у некоторых народов); *феска*... (головной убор в некоторых странах Ближнего Востока); *чадра* У мусульман: ...; *чайхана* Чайная в Средней Азии: ...; *чалма* У мусульман: ...; *черкеска* У кавказских горцев и казаков: ...; *чувяки* Мягкая обувь... (на Кавказе, в Крыму); *чум* В Сибири: ...; *чумак* В старину на Украине: ...; *чурек* На Кавказе: ...

Сюда примыкает собственно бытовая и этнографическая лексика, в частности названия предметов одежды, кушаний и т. д.; ср. хотя бы: *галушки* Украинское кушанье: ...; *жупан* У украинцев и поляков: старинный полукафтан: ...; *кбзз* Старинный украинский щипковый музыкальный инструмент; *плáхта* Кустарная украинская ткань. Любопытно, что русская лексика такого рода обычно оговорками не сопровождается, кроме обозначающей редкие или устарелые предметы: *ферзь* Старинная русская одежда.

VI. Особую группу составляют слова и выражения, связанные с обычаями, народными играми, с фольклором в широком смысле слова. Выявление собственно русской страноведческой части в этой лексике¹³⁶ довольно очевидно, хотя и явно интуитивно. Вырисовываются следующие разряды:

VI.1. Слова, в толковании которых имеется сочетание «в русской мифологии»: *леший*, *нэжить*, ср. также: *водяной* 1. В славянской мифологии: ...; а также: *волхв* У древних славян: чародей, колдун; *русалки* У древних славян: ...; *калика*: калики переходящие в русском народном эпосе: ...; *плач* 3. Старинная обрядовая жалобная песня: ...; *сирин* 1. В древнерусской литературе: ...; *стих* 3. Произведение старинной устной народной поэзии на библейскую тему. Ср. также: *херувим*, *серафим*, *демон*, снабженные сочетанием «в христианской мифологии», а также ряд слов с сочетанием «у суеверных людей», например: *накликать* (обл.), *наколдовать*, *нашептать* 2, *тот свет* «в суеверных представлениях», например: *кудесник*, *приворожить* 1 (устар.), *примета* 2. Ср.: *сверхъестественный* 1. В мифических представлениях: ...; *чудо* 1 ... (первоначальн. в религиозных представлениях: ...). Всего таких слов 30.

Сюда же примыкают слова, в толковании которых есть сочетание «в народных обрядах»: *величать* 2, *плакальщица* (устар.) В народном похоронном обряде: ...; *поезжанин* В народном свадебном обряде: ... Ср.: *нечистая сила*, *нэчисть* («в поверьях»), *порча* 2, *приворотный* (устар.) («в народных поверьях»), *русалка*, *русалочка* 2 («в народных поверьях и сказках»), *упырь* («в сказках, поверьях»).

¹³⁶ Ср. относящиеся сюда, явно не русско-страноведческие слова: *гурия* («в восточной мифологии»), *демон*, *серафим*, *херувим* («в христианской мифологии»), *дриада*, *наяда*, *нектар* 1, *нимфа*, *сатир*, *сирена* 1 («в греческой мифологии»), *золотое руно*, *сфинкс* 2, *тартар*, *титан*, *тритон* 1, *феникс*, *хаос* («в древнегреческой мифологии»), *купидон* («в римской мифологии»), *фавн* («в древнеримской мифологии»), *зефир* («у древних греков»), *серенада* («в западноевропейской средневековой поэзии»), *скальд* («древнескандинавский певец-поэт»), *тарантелла* («итальянский народный танец: ...»), *фея* («в западноевропейской сказочной литературе: волшебница»), *шабаш* 1, 2 («в средневековых поверьях: ...»), *эльф* («в скандинавской мифологии»).

VI.2. Значительную группу составляют слова с пометой «в сказках»: *волшебник, волшебство, жар-птица, молочные реки, кисельные берега, колобок, королевич, королева, кощей, неведомая сила, невеличка... 2. птичка-невеличка, невидимка 1, обернуться б кем-чем или в кого-что, оборотень, обратить кого-н. в зверя, подколодный: змея подколодная, русалка, русалочка 2, самобранка; скатерть-самобранка: ..., сивка и сивко... сивка-бурка, трехглавый змей, тридевятый: в тридевятиом царстве: ..., тридевять: за тридевять земель, тридесятый, яга («в сказках: баба-яга»)*. Иногда это сочетание как-то уточняется: *королевич* Сын короля (обычно в сказках), *королева* Дочь короля (обычно в сказках); *кощей* 1. В русских народных сказках: ...; *русалка* В народных поверьях и сказках: ...; *русалочка* 2. В народных поверьях и сказках: ...; *упырь* В сказках, поверьях: вампир (в 1 знач.); *снегурочка* Сказочный образ девушки из снега; *чудо-юдо* Сказочное чудовище. Всего таких слов более 30.

С очевидностью к ним примыкает 37 слов с пометой «в народной поэзии»: *голубить, златоверхий, златокovaný* (любопытно, что *злато, златой* даны с пометой «стар.», а *златокудрий, златоуст* — «устар.»), *касатик, кипень, красный 3, кручина, кручиниться, лада, лазоревый, миловать, миловаться, молодец, мурава, немилый, ненаглядный, перекатный: голь перекатная* (устар.), *поднебесная, поднебесье, пригожий, прямоезжий* («В народной поэзии о дороге: прямой»), *разлучник* (прост.), *размыкать, размыкаться, ратай* (стар.), *речка и речушка* (... разг.), ласк. *реченька* (... в народной поэзии), *ретивое* («В народной поэзии: сердце»), *сокол ясный, старинушка, судьбина* («В народной поэзии: судьба»), *суженая, суженый, сухота 3, уж 4* («В народной поэзии употр. в знач. вот, и»), *утица* («В народной поэзии: утка»); ср.: постоянный эпитет (напр., в народной поэзии — *синее море*).

VII. В силу разных технических обстоятельств весьма затруднительно выявить в Словаре явно относящуюся к социально-терминологическому и этнографическому пласту лексическую группу, связанную собственно с бытом. К ней относятся идущие с «несистемными пометами» бытовые термины, вышедшие из употребления в связи с отказом от самих реалий (или ограниченностью этих реалий, скажем, музейными экспозициями, сценическим искусством и т. д.), а также идущие часто безо всяких помет названия реалий, сохраняющихся и в современном русском быту. Это легко иллюстрируется, например, названиями одежды, национальных блюд, орудий производства и борьбы и т. д. Ср.: *кичка, охабень, сибирка, ферязь* и под., *сарафан, поддевка, кафтан, косоворотка* и под., *рубашка, сорочка, майка* и под. Или: *сбитень, мед, квас, щи, окрошка, холодец* и т. д. Для советской эпохи существования русского языка остро стоит вопрос и о присоединении сюда многочисленных иноязычных названий реалий, широко вошедших в русский быт из национальной специфики других народов Советского Союза.

Нередки случаи очевидных новообразований по аналогии со старыми названиями содержательно меняющихся реалий; ср. *октябрины* на фоне христианского *крестины* и народного *смотрины*. Широко продуктивным в разных стилях становится первоначально сказочно-народное употребление элемента *горе* — в ироническом сочетании с существительными в значении «плохой, неважный».

Специфически окрашенными выглядят некоторые слова и выражения, вроде: *бай-бай* У детей: ...; *неведомо* Неизвестно (с оттенком недовольствия, пренебрежения); *антонов огонь* (народное название гангрены, заражения крови; устар.); *плакун-трава* Народное название некоторых трав; *нашего полку прибыло* (...из народной песни); *трепак*

Русский народный танец: ...; *тысяцкий* 1. В Древней Руси: ...; 2. В крестьянском свадебном обряде: ... (устар. и обл.); *чара зелена вина* (из народных песен); *чижик* В игре «в чижика»...; *чур* 1. Возглас (обычно в детских играх)...; *шалун* (...преимущ. о детях); *юла* Волчок.

Для выделения описываемой лексики недостаточно принятой методики анализа Словаря Ожегова и требуется иной подход семантико-содержательного лексического исследования.

VIII. К группе социально-терминологической и этнографической лексики следует отнести и сравнительно объемный пласт слов и выражений с «несистемными пометами» общего содержания «религия» и «суеверия». Кроме уже упоминавшихся слов типа *водяной* В славянской мифологии: ...; *тризна* У древних славян: ...¹³⁷, здесь выявляются такие подгруппы:

«По религиозно-мистическим представлениям»: *загробный*.

«В религиозной мифологии»: *геенна*.

«В суеверных представлениях»: *кудесник, околдовать 1, сглазить, талисман*.

«В религиозно-мистических представлениях»: *магия, потусторонний, пророк, рай, светопреставление 1, святой 3, священный 2, троица...* (у христиан), *чудотворец 1, чудотворный 1*.

«По суеверным представлениям»: *наваждение*.

«В мистических представлениях»: *окультный* (книжн.).

«В религиозных представлениях»: *провидение, чудо 1*.

«По религиозным представлениям»: *свыше 2*.

«В суеверных, мистических представлениях»: *фатализм*.

«В старинных суеверных представлениях»: *черт* (и *чорт*)... теперь употр. как бранное слово.

«В религиозно-мистической мифологии»: *чистилице*.

«В христианской мифологии»: *демон, херувим*.

«В библейской мифологии»: *ковчег 1*.

«По библейской легенде»: *манна 1, потоп 1*.

«В первобытных анимистических представлениях»: *одушевить 1*.

«У суеверных людей»: *заклинание 2, знахарь, наговор 2, накликасть* (обл.), *наколдовать, нашептать 2, сонник* В старину у суеверных людей: ...; *хиромантия*.

¹³⁷ Ср. слова с «несистемными» пометами, относящимися к семантическому полю «верований и религий», но не связанные именно с русским страноведением: *газават* У воинствующих реакционных мусульман: ...; *гном* В западноевропейской мифологии: ...; *гриф 1*. В античной мифологии: ...; *гурия* В восточной мифологии: ...; *гяур* У магометан: ...; *диссидент* У католиков: ...; *дриада* В греческой мифологии: ...; *индальгенция* У католиков: ...; *калым* У некоторых народностей Востока, сохранивших пережиточные обычаи родового строя: ...; *купидон* В римской мифологии: ...; *легат 1*. В Древнем Риме: ... 2. В католической церкви: ...; *маца* В еврейском религиозном быту: ...; *муза 1*. В греческой мифологии: ...; *наяда* В греческой мифологии: ...; *нектар 1* В греческой мифологии: ...; *нимфа* В греческой мифологии: ...; *нирвана* В мистическом учении буддистов: ...; *олимпиец* В древнегреческой мифологии: ...; *оракул 1*. В античном мире: ... 2. (ирон. устар.)... 3. (стар.)...; *пифия* Жрица при храме Аполлона; *полубог* В древнегреческой и римской мифологии: ...; *раввин* Служитель культа в еврейской общине; *суеверие* У культурно отсталых людей: ...; *сфинкс 1*. В Древнем Египте: ... 2. В древнегреческой мифологии: ...; *табу* У первобытных народов: ...; *тора* У евреев: ...; *тотем* В верованиях некоторых примитивных народов: ...; *чадра* У мусульман; *чалма* У мусульман: ...; *четки* В церковном обиходе некоторых религий: ...; *шабаш 2* В средневековых поверьях: ...; *шайтан* Дьявол (у тюркских народов); *шаман* У некоторых сибирских народов: колдун, знахарь; *шариат* Свод мусульманских религиозных и бытовых правил: ... (Список неполный!).

«У суеверных, религиозных людей»: *юродивый* 2 сущ.

«У христиан»: *господь* (Господи! — старинный зват. п.; устар.), *пасха* 2, *церковь* 2, *святой* 4, *троица*.

«В православной церкви»: *дьякон*, *ковчег* 2, *консистория*.

«В церковных обрядах»: *заупокойный*.

«В церковном обиходе»: *синодик* (устар.).

«У церковников»: *таинство*.

«В церковном свадебном обряде»: *шафер* (устар.).

«В православной церковной организации»: *экзарх*. Ср.: *хоругвь* 1. В старину: ...; 2. Принадлежность церковного украшения.

«У верующих»: *говеть*, *грех*, *грешить*, *епитимья*, *ересь* 1, *заговенье*, *заговориться*, *икона*, *исповедник*, *исповедь*, *крестильный*, *крестины*, *крестный*, *молитва* 1, *мясоед* (устар.), [*мясопут* (устар.) — без системной пометы], *набожный*, *посягнуть* 3, *поститься* 4, *постник* (устар.), *праведник* (устар.), *праведный* (устар.), *приобщить* 3.

У верующих: *причастить* (устар.); *приобщиться* 2 (устар.), *причастие*, *причастить*, *причаститься*, *разговориться* (устар.), *святить*, *святки*, *святыцы*, *служить* 5, *соборование*, *соборовать*, *собороваться*, *сорокоуст*, *треба*, *угодник* 2, *христосоваться*¹³⁸.

Для уточнения этого вывода мы изучили «Словарь русского языка» С. И. Ожегова (изд. 3-е, М., 1953); это нормативно-литературный список безусловно употребительных слов современного русского языка, т. е. содержащиеся в нем 51 533 слова могут быть интерпретированы как обязательная активная (и лишь отчасти пассивная) часть языкового знания среднего грамотного носителя русской речи. Безэквивалентные слова четырех из семи рассмотренных групп насчитывают 486 (по группе традиционного быта), 453 (по группе историзмов), 249 (по фольклорной группе), 273 (по «иноязычной» группе), т. е. 1461 единицу, или 2,83%. Можно полагать, что безэквивалентная лексика составляет около 5–6% живого словаря современного русского языка.

Глава 17. Континическая концепция в конкретном синхроническом анализе: русский Мефистофель у Пушкина

«При имени Пушкина тотчас осеняет мысль о русском национальном поэте» (Н. В. Гоголь. «Несколько слов о Пушкине»; см. [Гоголь 1959: 33]).

Далее в той же статье Гоголь продолжает: «В самом деле, никто из поэтов наших не выше его и не может более назваться национальным; это право решительно принадлежит ему. В нем, как будто в лексиконе, заключилось все богатство, сила и гибкость нашего языка. Он более всех, он далее раздвинул ему границы и более показал все его пространство. Пушкин есть явление чрезвычайное и, может быть, единственное явление русского духа: это русский человек в его развитии, в каком он, может быть, явится через двести лет. В нем русская природа, русская душа, рус-

¹³⁸ Забавно, что безо всяких оговорок даны *молиться*, *пономарь*, *привидение*, *пост* 2, *ад*, *алтарь*, *придел*, *псалом*, *псаломщик*, *псалтырь*, *дьячок*, *дьяк*, *священник*, *синод*, *схима*, *схимник* и очень мн. др.

ский язык, русский характер отразились в такой же чистоте, в такой очищенной красоте, в какой отражается ландшафт на выпуклой поверхности оптического стекла. Самая его жизнь совершенно русская».

Чеканный афоризм Гоголя, надо отметить, сложился в подспудном полемическом контексте. Посылка разногласия состоит в том, что Пушкин, в силу своего образования и воспитания, — а оно было европейским, — может быть, вовсе и не является русским национальным поэтом. Французский был для поэта вторым родным языком (и он оставил после себя множество документов, написанных по-французски).

О роли французского языка в мирознании поэта см. ниже Приложение № 6 («Пушкин, Рильке и проблема соотношения национальной культуры и надкультурной цивилизации»).

У Пушкина имеется множество *подражаний* иноземцам («Анакреону», «Андрей Шень», «арабскому», «итальянскому», «Оссиану», «турецкой песне», «французскому», «древним», «Корану», «на темы „Песни песней“») и *заимствованных сюжетов и мотивов* («Из Alfieri», «Из Анакреона», «Из Ариостова Orlando Furioso», «Из Арно», «Из Афеня», «Из Байрона», «Из Барри Корнуола», «Из Беньяна» и так далее¹³⁹). Творчество поэта переполнено *античными образами и реминисценциями*.

Исходя из сказанного, легко понять известные суждения о поэте как о «всемирно-европейце», о его *всемирной отзывчивости*. Разве не правы те, кто стремился и стремится подчеркнуть космополитизм Пушкина?

Гоголь считает необходимым дать разъяснения: «...истинная национальность состоит не в описании сарафана, но в самом духе народа. Поэт даже может быть и тогда национален, когда описывает совершенно сторонний мир, но смотрит на него глазами своей национальной стихии, глазами всего народа, когда говорит и чувствует так, что соотечественникам его кажется, будто это чувствуют и говорят они сами» [Гоголь 1959: 33–35].

Таким образом, по Гоголю, Пушкин (в отличие от некоторых других, в том числе и знаменитых, русских писателей) остается национальным, даже если он в своем творчестве обращается к античности, к французской и вообще европейской литературе или, пуше того, к турецким песням и Корану. Что уж говорить о его творениях, темой которых является российская действительность?

Тезис Гоголя, правду сказать, парадоксален: как может текст произведения оставаться национальным, если предметом описания является, например, французская или немецкая действительность? Тем не менее мысль автора «Мертвых душ», по нашему мнению, — (строго логически) отнюдь не противоречива. Еще важнее, что ее можно обосновать обращением к самим пушкинским творениям. Подтверждению и развитию этой мысли — не декларативно, а на конкретном и обильном материале — посвящены нижеследующие разыскания.

Чтение всего Пушкина — это приобщение читателя, в том числе и читателя-иностранца, не только к личному, персональному, неповторимому духовному миру поэта, но и к национальной, всеобщей русской культуре, которая, несмотря на все беды и изломы, жива, сохраняет свое преемственное качество и, надеемся, не сдаст своих по-

¹³⁹ В Алфавитном указателе произведений А. С. Пушкина, содержащемся в Полном собрании сочинений в 10 т. (т. 9), перечень произведений, начинающихся как «Из....», занимает с. 585–588.

зиций. Пушкин, как никто другой, собрал, совокупил и сфокусировал (свою личную — и всенародную российскую!) культуру в (своем неповторимом — и всецело народном!) русском языке. Удачно найденный Гоголем образ передает существо дела: Пушкин представил язык и культуру как бы «на выпуклой поверхности оптического стекла».

Тем не менее отойдем от импрессии и, разъяв в обычном научном анализе фактический материал, поверим азбукой гармонию.

Анализ основан на двух методиках: они, надеемся, — безличностны и объективны, не сопряжены ни с предпочтениями исследователя, ни с априорными оценками. О второй методике речь пойдет далее, а непосредственно ниже представляется первая — методика *исчисления фоновых семантических долей*.

Материалом для анализа послужила обширная совокупность произведений Пушкина, содержащих «демонологические» темы и мотивы («Сцена из Фауста», «Наброски к замыслу о Фаусте», «Бесы», «Демон», «Ангел», «Сказка о попе и о работнике его Балде», «Русалка», «Монах», «Гусар», «Царь Никита и сорок его дочерей», «Выстрел», «Евгений Онегин» и др.). В итоге исчисления, как кажется, удалось получить упорядоченный и многосоставный (125 единиц) перечень тех представлений, ассоциаций, знаний, которые во времена Пушкина сопрягались с лексемами *бес, черт, демон, дьявол, сатана, злой/нечистый дух, враг* и др.

Очень похоже, что данное фоновое поле, извлеченное из личностных, авторских, оригинальных текстов, совпадает с аналогичным фоновым полем, характерным для *всей национальной культуры* первой половины XIX в. и отчасти для современной (пусть в виде шутивно воспринимаемых, пережиточных «суеверий»).

В другой пушкинской главе нашей книги (Раздел второй, часть III, глава I) в качестве исследовательской методики выбрано *исчисление рече-поведенческих тактик*. Материалом послужила повесть «Станционный смотритель». Повесть, безусловно, отличается оригинальным замыслом и сюжетом. Над разгадкой, «что хотел сказать Пушкин», потрудились не одно поколение пушкинистов. Здесь мы вводим понятие *воздержательной, или абстинативной, рече-поведенческой тактики*, и, как оказалось, внимание к элементам поведения, которые не имели места (хотя и ожидалось), позволяет показать, насколько национально содержание произведения.

Исходим из того, что православие — это часть национальной культуры русского народа. В свете известной Притчи о блудном сыне история Самсона Вырина и его блудной дочери осмыслена нами как совокупность осуществленных и не осуществленных рече-поведенческих тактик¹⁴⁰.

Исчисленные рече-поведенческие тактики (подобно исчисленным фоновым семантическим долям) во всем оказались зеркалом фрагмента национальной русской культуры. И это несмотря на всю оригинальность и неожиданность сюжетных поворотов!

Забегая вперед, уже сейчас скажем, что между рече-поведенческими тактиками и фоновыми СДолями, несмотря на различия между ними, имеется сущностное сходство, *изоморфизм*. Фоновые СДоли выявляются в анализе *лексики и фразеологии*, т. е. строевых единиц языка, тогда как рече-поведенческие тактики устанавливаются путем исследования *речевых актов*, т. е. единиц речи. Различия не должны затемнить глубин-

¹⁴⁰ На юбилейной научной конференции «Пушкин и наш язык», состоявшейся в Институте русского языка РАН (19–20 октября 1999 г.), нами был прочитан доклад «Рече-поведенческое исследование Притчи Пушкина о блудной дочери». Переработанная и расширенная версия доклада опубликована [Верещагин, Костомаров 2000а].

ного сходства: и там и здесь выражается и, стало быть, отражается одна и та же национальная культура. Исчисления долей и тактик не только верифицируют (подтверждают) результаты двух разнородных анализов, но еще имеют эффект взаимодополнительности, т. е. ведут к приросту информации.

Таким образом, мы применяем две сродные методики к анализу *языка* Пушкина и пушкинских *текстов*. К творчеству писателя обе методики, насколько мы знаем, прилагаются в первый раз.

В текстологическом отношении наиболее исправными остаются два полных собрания сочинений Пушкина — [ПСС-16] («Большое академическое») и [ПСС-10] («Малое академическое»). Мы пользовались вторым источником, указывая том и страницу.

17-1. ПУШКИНСКИЙ МЕФИСТОФЕЛЬ — ЭТО НЕ МЕФИСТОФЕЛЬ ГЁТЕ

Среди вошедших в круг пушкинского внимания мотивов «совершенно стороннего мира» интересен «замысел о Фаусте» — намерение воссоздать на русском языке распространенную средневековую легенду об алхимике, который ради познания и всемогущества продал душу дьяволу.

Литературных обработок легенды — великое множество, но Пушкин, конечно, познакомился с ней благодаря драматической поэме Гёте (1749–1832)¹⁴¹. Исследователи не сомневаются, что оба фаустовских фрагмента Пушкина — «Сцена из Фауста» и «Наброски к замыслу о Фаусте» (1825) — и примыкающие «демонические» стихотворения — «Демон» (1823) и «Ангел» (1827) — были написаны под влиянием гения Гёте.

И тем не менее «Сцена из Фауста» у Пушкина почти полностью оригинальна: конечно, в ней нельзя не заметить следов знакомства с «Фаустом» Гёте, но в то же время какому-либо отрывку немецкого оригинала она не соответствует¹⁴².

(1) Фауст

Мне скучно, бес.

Мефистофель

Что делать, Фауст?

Таков вам положен предел,

Егож никто не преступает.

Вся тварь разумная скучает:

Иной от лени, тот от дел;

Кто верит, тот утратил веру;

Тот насладиться не успел,

Тот насладился через меру,

И всяк зеваёт да живет —

И всех вас гроб, зевая, ждёт.

Зевай и ты... (И т. д.)

¹⁴¹ Показательно, что Пушкин принимал живое участие в работе Губера над переводом «Фауста». Более того, по свидетельству переводчика, «многие места перевода исправлены Пушкиным» [Пу-теводитель 1997: 103].

¹⁴² Проводим (цифрами в круглых скобках) сплошную нумерацию фрагментов произведений Пушкина.

Интересно, что здесь глагол *зевать* (во втором употреблении — применительно ко гробу) принял на себя семантику церковнославянского глагола *знати* — «раскрывать рот, пасть» (знание «зев, глотка») ¹⁴³, переносно «быть отверстым». В первом и третьем употреблении *зевать* имеет специализированное значение — «непроизвольно глубоко вдыхать воздух широко раскрытым ртом, сразу же затем его выдыхать»; *зевота* нападает при желании спать; желание спать появляется, когда делаешь неинтересное, скучное дело; отсюда *зевать* — «скучать». Ср. у Пушкина: «Без вас мне скучно, — я зеваю». В. В. Виноградов в свое время указал и еще один контекст (в стихотворении «Когда за городом, задумчив, я брожу»), в котором *зевать* имеет значение «зирать»:

Могилы склизкие, которы также тут,
Зеваючи жильцов к себе на утро ждут.

Ученый говорит также об отражении образа, возникшего под пером Пушкина, у Гоголя и у Тургенева. Ср.: «Зевота видна была на строениях, крыши тоже зевали» (Гоголь, *Мертвые души*); «Внизу дверь на балкон широко зевала, раскрытая настежь» (Тургенев, *Дворянское гнездо*). Ср. [Виноградов 1982: 263]. По отношению к рассматриваемому сближению церковнославянской и русской лексики Виноградов считает, что здесь «очень остро и тонко применяется Пушкиным „шишковский“ принцип включения в русские лексемы церковнославянских значений» [Виноградов 1994: 900]. Подробнее об отношении Пушкина к «шишковистам» см. в подглавке 02–2 Части III.

Черновые «Наброски к замыслу о Фаусте» (имевшийся у Пушкина замысел драмы о Фаусте в аду осуществлен не был) представляют собой разрозненные записи, объединенные в три группы.

- (2) «Скажи, какие заклинанья
Имеют над тобою власть?»
— Все хороши: на все призванья
Готов я как бы с неба пасть.
Довольно одного желанья —
Я, как догадливый холоп,
В ладони по-турецки хлоп,
Присвистни, позвони, и мигом
Явлюсь. Что делать — я служу,
Живу, крихчу под вечным игом.
Как нянька бедная, хожу
За вами — слушаю, гляжу.

Фактически здесь выражена информация:

- Мефистофель является по первому зову человека («довольно одного желанья») [1] ¹⁴⁴;
- Мефистофель подпадает под власть человека (= готов ему служить: «как нянька бедная, хожу за вами») [2];
- Мефистофель подчиняется заклинаниям человека («Какие заклинанья Имеют над тобою власть? — Все хороши») [3].

¹⁴³ В данном значении глагол встречается уже в Супрасльской рукописи, источнике XI в.

¹⁴⁴ Проводим (цифрами в квадратных скобках) сплошную нумерацию извлекаемых из произведений поэта сведений о бесах, демонах и вообще нечистой силе. Кроме того, сведения помечаются маркерами (в форме черной точки).

В «Набросках» есть живые, танцевальные ритмы:

- (3) Что горит во мгле?
 Что кипит в котле?
 Фауст, ха-ха-ха,
 Посмотри — уха,
 Погляди — цари.
 О, вари, вари!..

В «Набросках» великолепно написаны живые, остроумные, быстрые диалоги:

- (4) — Что козырь? — Черви. — Мне ходить.
 — Я бью. — Нельзя ли погодить?
 — Беру. — Кругом нас обыграла.
 — Эй, смерть! Ты, право, сплутовала.
 — Молчи! *ты глуп и молоденец.*
 Уж не тебе меня ловить.
 Ведь мы играем не из денег,
 А только б вечность проводить!

Здесь явно сказано, что

- бесы режутся в карты [4];
- бесы могут быть глупыми («Молчи! Ты глуп») [5];
- бесы различаются по возрасту («Молчи! Ты... молоденец») [6].

Если философская драматическая поэма Гёте действительно соответствует высоким признакам жанра *драмы*, то по прочтении пушкинских фрагментов, особенно «Набросков», остается впечатление *фарса*: ни Мефистофель, ни сама смерть не имеют никаких угрожающих, мрачных черт, а Фауст, попав в ад, не сокрушается, а скорее потешается:

- (5) Сегодня бал у сатаны —
 На именины мы званы.
 — Смотри, как эти два бесенка
 Усердно жарят поросенка,
 А этот бес — как важен он,
 Как чинно выметает вон
 Опилки, серу, пыль и кости.
 — Скажи мне, скоро ль будут гости?

Примечательно, что зловеще выписанный Гёте образ Мефистофеля, злого духа, демона, гения, противоборца самого Господа Бога, под пером Пушкина претворяется то в «догадливого холопа», являющегося, стоит лишь присвистнуть или позвонить, то в «нянюку бедную», с кряхтением смотрящую за грешными людьми. Гётевский Сатана полон достоинства, он требует договора, подписанного кровью, он способен возратить старцу молодость, он, за исключением креста, ничего не боится; Мефистофель Пушкина, напротив, не гнушается быть шутом, арлекином, он добровольно и охотно холопствует, опускается до плоских скабрёзностей, с азартом «режется в карты», а в случае нужды предлагает Фаусту... оседлать его.

(6) Но, помнится, тогда со скуки,
 Как арлекина, из огня
 Ты *вызвал* наконец *меня*.
 Я *мелким бесом извивался*,
 Развеселить тебя старался,
 Возил и к ведьмам и к духам,
 И что же? всё по пустякам.
 — Вот Коцит ¹⁴⁵, вот Ахерон ¹⁴⁶,
 Вот горящий Флегетон ¹⁴⁷.
 Доктор Фауст, ну смелее,
 Там нам будет веселее. —
 — Где же мост? — Какой тут мост.
 На вот — сядь ко мне на хвост.

Еще раз сказано, что

- человек может вызвать к себе дьявола [7];
- бес выполняет желания предавшегося ему человека [8].

Исполненный достоинства, основательный, глубокомысленный, вальяжный, тяжеловатый Мефистофель Гёте полон благоговения перед «мировой загадкой» смерти; Мефистофель Пушкина «запросто» болтает со Смертью, которая в свой черед ничуть не чванится и без долгих проволочек, в виде услуги Мефистофелю, пропускает Фауста в ад живым.

(7) — Кто там? — Здорово, господа!
 — Зачем пожаловал сюда?
 — *Привел я гостя*. — Ах, создатель!..
 — Вот доктор Фауст, наш приятель.
 — *Живой!* — *Он жив, да наш давно*. —
 Сегодня ль, завтра ль. — Всё равно.
 — Об этом думают двояко,
 Обычай требовал однако
 Соизволенья моего,
 Но впрочем это ничего.
 Вы знаете, всегда я другу
 Готова оказать услугу...

Путем простого обобщения предпосылок, на которых строится диалог, легко заключить, что

- живой человек не допускается в ад («Привел я гостя... — Живой! — Он... жив!») [9];
- предавшийся дьяволу человек тем не менее может быть живым допущен в ад («Он жив, да наш давно!») [10].

¹⁴⁵ Река плача. В греч. мифологии одна из рек, окружавших подземное царство.

¹⁴⁶ В греч. мифологии подземная река, через которую перевозили души умерших.

¹⁴⁷ В греч. мифологии огненная река, окружающая подземное царство и впадающая в реку Ахерон.

Как отличен Мефистофель у Пушкина от Мефистофеля у Гёте, столь же разительно отличен пушкинский Фауст от «германского» Фауста. К этой теме мы еще обратимся, а пока рассмотрим ближе образ Мефистофеля.

Ключевое слово для образа Мефистофеля у Гёте — *дух* (Geist), серьезное, внушительное, многозначительное, философски отягощенное слово-термин. Ключевое слово для Мефистофеля у Пушкина — отнюдь не (*злой*) *дух*, не «злбный» *гений*, не *демон*, не *сатана*, не *диавол* и не *дьявол*, даже не *черт*, *враг* или *лукавый*, а *БЕС*. Так звучит первая, а потому и ключевая реплика Фауста: «Мне скучно, *БЕС*».

«Русский» *бес* — несопоставим с немецким Geist. Более того: *бес* вообще едва ли может быть переведен на другие языки.

Действительно, в фундаментальном Словаре Павловского [Павловский 1900: 98] *блсь* переводится как Teufel, Satan, der böse Geist, der böse Dämon, Unhold, der Böse, der Schwarze, der Gottseibeius. *Бесенок* переводится как kleiner Teufel, kleiner Unhold. Русский *бес* — это не черт, не сатана, не злой дух, не злой демон, не лукавый, не «чернявый» и не «Господь-буди-с-нами».

Если на понятийном уровне *бес* и тождествен *черту*, — а черти «водятся» во многих языках, — то как языковое представление «русский» *бес* хотя и может быть передан, перетолкован путем многословного описания, но одного-единственного устойчивого иноязычного эквивалента он не имеет. Ассоциации *беса* для русских совершенно специфичны, тесно сопряжены с этнопсихологией.

Мефистофель Пушкина — это *русский* *бес*, и пушкинский Мефистофель не выдерживает никакого сравнения с *германским*. *Русский* Мефистофель — карикатура германского. Казалось бы, воссоздавая сюжеты Гёте, Пушкин должен был отойти от русской национальной культуры (что и сделали все переводчики «Фауста» на русский язык). На практике же оказалось, что Пушкин остался в рамках русской культуры, и именно она, а не творение Гёте, продиктовала ему то поведение Мефистофеля, которое отразилось как в «Сцене из Фауста», так и в «Набросках к замыслу о Фаусте».

Далее, отправляясь от той же лексемы *бес* и группы семантически соотнесенных слов, постараемся показать, что перед нами не уникальный случай. Повсюду, когда Пушкину приходилось обращаться к теме нечистой и вражьей силы, он рисовал бесов так, как их представляли себе (всерьез или в шутку), как их и сейчас себе представляют насельники страны, называемой Россией.

Чтобы, однако, ввести инструмент анализа конкретного материала, необходимо кратко возобновить в памяти общелингвистическую концепцию *лексического фона* (ЛФона).

17–2. ПРИМЕНЕНИЕ КОНЦЕПЦИИ ЛФОНА К КОНКРЕТНОМУ АНАЛИЗУ

Напомним, что лексическое *понятие* — это набор СДолей, с помощью которых люди (как правило, неосознанно) определяют, можно ли данный предмет назвать тем или другим словом. Например, согласно словарному определению (СРЯ I: 80), *бес* — это «в суеверном представлении: злой дух, искушающий человека; нечистая сила, черт». Лексическое понятие обеспечивает *номинацию*. Напомним также, что во-круг каждого слова — особенно центрального, ключевого — складывается некоторое множество *непонятийных* (т. е. не имеющих прямого отношения к номинации) СДолей,

которые содержат в себе элементы *всем* известных — т. е. *фоновых* (background) — знаний. Совокупность подобных СДолей называется *лексическим фоном*. ЛФон обеспечивает *кумуляцию* (накопление) познанного. Функциональное назначение лексического фона состоит в обеспечении осмысленного дискурса: в словосочетание сцепляются лишь те лексемы, которые обладают хотя бы одной общей фоновой СДолей.

Понятие лексического фона отчасти пересекается с понятием *пресуппозиции*, но не покрывается им. Пресуппозиция — это невыраженная СДоля, подразумеваемая в данном конкретном речении; лексический фон — это совокупность всех СДолей.

Под *исчислением* фоновых СДолей понимается как само выявление СДолей (по единой методике и средствами единообразного метаязыка)¹⁴⁸, так и перечисление СДолей в форме (механического или, оптимальнее, логически упорядоченного) списка.

Указанная методика, насколько известно, до сих пор в анализе языка писателя не применялась. Между тем если фон слова общего языка (например, современного русского) носитель этого языка может успешно исчислить интуитивно, путем интроспекции, то аналогичная процедура неприменима к авторским текстам, семантика которых в ряде случаев — в силу дистанции времени или мировоззрения (и по другим причинам) — для исследователя является не данным, а искомым. Здесь требуется объективно-отстраненный, безличностный подход, который, как кажется, методика исчисления фоновых СДолей действительно способна обеспечить.

Попытаемся приложить ее к лексико-семантическому полю *вражьей* (или *вражей*) и *нечистой силы*, как это поле представлено у поэта. Состав поля отчасти указал Даль; по его определению [Даль I: 157], БЕС — это «злое, бесплотное существо; злой дух, демон, сатана, диавол, черт, вельзевул»¹⁴⁹.

Пусть центральная для поля лексема *БЕС* и станет — условно — представительницей всего поля. Это означает, что когда в исчислении СДолей единообразно говорится *БЕС*, то в тексте может быть: *черт, дьявол, сатана, демон, злой/нечистый дух, враг, лукавый, леший, домовой, колдунья, ведьма* и т. д. Перед нами — синонимическое поле, и что это так, видно из регулярных замен одной лексемы на другую в идентичных контекстах.

В частности, уже в приведенном выше определении Даля содержится перечень синонимов. Закольцованной синонимикой он определяет не только *беса*, но и *демона* (злой дух, диавол, сатана, бес, черт, нечистый, лукавый), *сатану* (диавол или черт, бес, нечистый, злой дух, шайтан), *диавола* (злой, нечистый дух, бес, черт, сатана, демон, лукавый) и *черта* (олицетворенье зла, враг рода человеческого; нечистый, сатана, диавол, лукавый, шайтан). Кроме того, в приведенных выше пушкинских фрагментах также представлены контекстуальные синонимы: *бес* («мне скучно, бес»), *сатана* («сегодня бал у сатаны»), *ведьма* и (злой) *дух* («возил и к ведьмам и к духам»). Еще больше подобной синонимики можно наблюдать в материале, который приводится ниже.

Ниже указаны три процедуры исчисления СДолей, особенно важные для нашего конкретного материала.

Во-первых, условием выявления фоновой СДоли является анализ *достаточного и цельного контекста*. По этой причине выше цитировались и в дальнейшем

¹⁴⁸ Степень полноты исчисления определяется материалом, который подвергается анализу. Поскольку нередко материал ограничен чисто внешними обстоятельствами, исчисление не может быть исчерпывающим.

¹⁴⁹ Здесь и далее даем выборочный список; критерием отбора является представленность лексемы в современном языковом сознании.

цитируются те фрагменты из пушкинских произведений, которые характеризуются смысловой завершенностью. В этих фрагментах могут быть лакуны (помечаемые отточиями) — опускаются побочные и параллельные смысловые движения, не относящиеся к фиксируемой СДоле.

Во-вторых, фоновая СДоля выявляется путем *расчленения синкретично выраженных смыслов* высказывания (и, в дальнейшем, отдельного представления этих смыслов в виде списка). Известно, что для художественного творчества характерен именно синкретичный, аллюзивный (намекающий) способ коммуникации, отсылающий к затексту (к начитанности адресата, привносящего информацию от себя). Соответственно, аллюзивность — это производное компрессии или неполной выраженности части семантики текста, так что итоговый смысл СДоли по объему может быть больше суммы смыслов входящих в состав фразы слов.

Вследствие параллельного наложения аллюзий, в одной, даже краткой, синтагме могут быть представлены две-три СДоли. В анализе они должны быть отделены друг от друга и перечислены по отдельности, а также информационно восполнены в тех случаях, когда из-за семантической компрессии нет отчетливости. Поэтому фиксация¹⁵⁰ ряда СДолей, извлеченных из синкретичного текста, иногда бывает пространнее исходного текста. Эта пространность вполне понятна и по той причине, что дескрипция фоновой СДоли, в отличие от понятийной, как правило, бывает экспликацией исходного знания (т. е. дескрипция состоит из фразы и содержит рему).

Наконец, в-третьих, объективация СДолей с помощью метаязыка обычно представляет собой *генерализацию*, обобщение. За конкретным сообщением необходимо увидеть общий принцип. В определенном тексте СДоля, естественно, выступает в своем конкретном применении, но сама возможность этого конкретного применения вытекает из того, что по природе СДоля — абстрактна. По этой причине исследователь обязан при фиксации СДолей переходить с уровня конкретного наблюдения на обобщающе-абстрактный уровень. Абстрагирование позволяет усматривать одну и ту же СДолю в контекстах, имеющих различное конкретное содержание.

Итак, приступаем к исчислению фоновых СДолей в произведениях Пушкина, содержащих «демонологические» сюжеты и темы. Все *выделения курсивом* в пушкинских текстах предприняты нами: они указывают на присутствие той или другой СДоли. В некоторых случаях, когда ударение в пушкинском тексте отличается от современного, мы поставили знаки ударения.

17–3. ИСЧИСЛЕНИЕ ФОНОВЫХ СДОЛЕЙ ЛЕКСЕМЫ БЕС И СОПРЯЖЕННЫХ СЛОВ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ПУШКИНА

«Бесы»

Начнем со стихотворения, «демонологическая» принадлежность которого сигнализируется самим его названием¹⁵¹. В знаменитом стихотворении «Бесы» (З: 176–177), написанном в Болдине 7 сентября 1830 г., читается:

¹⁵⁰ С помощью единообразного метаязыка.

¹⁵¹ В ходе сплошного обследования художественных произведений Пушкина мы с благодарностью имели возможность опираться на электронный набор, осуществленный в Машинном фонде Института русского языка им. акад. В. В. Виноградова. Особо благодарим за помощь сотрудников Фонда А. Я. Шайкевича и Е. Н. Морозову.

(8) Хоть убей, следа не видно;
Сбились мы. Что делать нам!
В поле бес нас *водит*, видно,
Да *кружит* по сторонам.

Здесь отчетливо представлена СДоля:

- бес сбивает людей с дороги, заставляет плутать [11].

(9) Посмотри: вон, вон *играет*,
Дует, плкбует на меня;
Вот — теперь в овраг толкает
Одичалого коня;
То *верстою* небывалой
Он торчал передо мной;
Там сверкнул он *искрой малой*
И пропал во тьме пустой.

- бес может забавляться, играть [12];
- бес может менять размеры: от огромного до малого [13].

(10) Вьюга злится, вьюга плачет;
Кони чуткие храпят;
Вот уж он далече *скачет*;
Лишь *глаза* во мгле *горят*;
Кони снова понеслися;
Колокольчик дин-дин-дин...
Вижу: духи *собралися*
Средь белеющих равнин.

- бесовские глаза горят огнем [14];
- бесы сбиваются в рой, стаи [15].

(11) *Бесконечны, безобразны*,
В мутной месяца игре
Закружились бесы *разны*,
Будто листья в ноябре...
Сколько их! Куда их гонят?
Что так жалобно *поют*?
Домового ли хоронят,
Ведьму ль замуж выдают?

- бесы очень велики числом [16];
- бесы безобразны видом [17];
- бесы «поют» (= воют) [18];
- бесы разнообразны: они разделяются на разряды (например, в их среде имеются *домовые*) [19];
- бесы — не бесполое существа (так, в их среде имеются *ведьмы*) [20].

(12) Мчатся бесы рой за роем
В беспредельной высоте,

Визгом жалобным и воем
Надрывая сердце мне...

- бесы пугают, страшат человека [21].

«Сказка о попе и о работнике его Балде»

Сказка (4: 418–425) написана в Болдине 13 сентября 1830 г., но при жизни Пушкина не печаталась. Поскольку немалый объем содержания сказки составляет выколачивание оброка из сообщества бесов, ее также можно отнести к «демонологическим» произведениям поэта.

- (13) Вот из моря вылез старый Бес:
«Зачем ты, Балда, к нам залез?»
— «Да вот веревкой хочу море морщить,
Да вас, проклятое племя, корчить».
Беса старого взяла тут унылость.
«Скажи, за что такая немилость?»

- бесы обитают в море [22];
- человек может нанести ущерб бесам [23];
- человек бесстрашно выступает против бесов [24].

- (14) «...Погоди, вышлю к тебе внука».
Балда мыслит: «Этого провести не штука!»
Вынырнул подосланный бесенок,
Замяукал он как голодный котенок...

- человек хитрее беса [25];
- бесы совсем не страшны и даже вызывают жалость¹⁵² [26].

- (15) Засмеялся Балда лукаво:
«Что ты это выдумал, право?
Где тебе *тягаться* со мною,
Со мною, с самим Балдою?
Экого послали *супостата!*
Подожди-ка моего меньшого брата».
<...>
«Ты, бесенок, еще молодец,
Со мною *тягаться слабенец*;
Это было б лишь времени трата.

- человек намного хитрее беса [27].

- (16) Вот, море кругом обежавши,
Высунув язык, *мордку* поднявши,
Прибежал бесенок, задыхаясь,
Весь мокрешенек, *лапкой* утираясь...

¹⁵² Мяукающий от голода котенок вызывает жалость.

Бесенок оторопел,
Хвостик поджал, совсем присмирел...

- у бесов не *лицо*, а *морда* [28];
- у бесов не *руки*, а *лапы* [29];
- бесы — *хвостаты* [30].

Каковы были у Пушкина зрительные представления о бесах, можно судить на основании его собственных иллюстраций к сказке.

Так, на рисунке «Балда и бѣсенокъ» (4: 420) Балда гладит «меньшого брата» (зайку). Бесенок в недоумении разводит «лапками». Он движется на копытцах. Виден хвостик. Рожки — длинные. Волосы всклокочены. Бесенок — мерзкий, но совсем не страшный. Балда изображен в позе хозяина положения, а «бедненький бес» стоит перед ним и трепещет.

Широко известен рисунок Пушкина, им самим подписанный, — «старый бѣсъ» (4: 422). Всклокоченные волосы, сросшиеся густые брови, борода, отвисшая нижняя губа. Бес изображен лукавым мужичком-пройдохой с длинными, топорщающимися кошачьими усами и немалыми рожками. Он жмурится-щурится, как бы избредает очередную каверзу. Конечно, легко домыслить у этого беса хвост (равно как по аналогии мы вправе домыслить у пушкинского хвостатого Мефистофеля рожки¹⁵³). Ужаса бес совсем не вызывает.

Отличительное пушкинское слово *молоденек* протягивает прочные нити между «Сказкой о попе» и «Набросками к замыслу о Фаусте»: «Ты бесенок, еще *молоденек*, Со мною тягаться слабенек»; «Молчи! ты глуп и *молоденек*. Уже не тебе меня ловить. Ведь мы играем не из денег, А только б вечность проводить!»

А представленные в «Набросках» два бесенка, которые «усердно жарят поросенка», и важный бес, который «чинно выметает вон опилки, серу, пыль и кости», — разве не хочется мысленно перенести их в «Сказку о попе»? Ассоциации, несомненно, те же самые.

«История села Горюхина»

Бесы обитают не столько в море, как в «Сказке о попе и о работнике его Балде», сколько вообще в водной стихии. В частности, в «Истории села Горюхина» (6: 186) читаем:

(17) «К востоку примыкает она [«страна, по имени столицы своей Горюхиным называемая». — *Е. В., В. К.*] к диким, необитаемым местам, к непроходимому болоту, <...> где суеверное предание предполагает быть *обиталищу* некоего *беса*. NB Сие болото и называется *Бесовским*. Рассказывают, будто одна полоумная пастушка стерегла стадо свиней недалеко от сего уединенного места. Она сделалась беременною и никак не могла удовлетворительно объяснить сего случая. Глас народный обвинил *болотного беса*...».

- бесы обитают на болоте [31]¹⁵⁴;

¹⁵³ Мефистофель Гёте, конечно, лишен таких «вульгарных» атрибутов, как рожки, копыта и хвост.

¹⁵⁴ Болотные бесы хорошо известны из пословиц (цитируем по Снегиреву): *вольно черту в своем болоте орать; все бесы в воду, а пузырья вверх; в тихом омуте черти водятся; в доме ворочает, как лукавый в болоте; дать черту мёду, уйдет в воду; дошел черт броду, кинулся в воду; ты черта крести, а он в воду лезет; два черта не живут в болоте; навели нехристи на беду, как бес на болото; работа не*

- бесы могут совокупляться с людьми [32] ¹⁵⁵.

черт, в воду не уйдет; у черта на куличках (= кулижках); было бы болото, а черти найдутся; один, как черт на болоте; два черта в одном болоте и т. д. Молок, как мы видели, панически боится воды. Вообще же говоря, некоторые «пушкинские» бесы воды не боятся: они обитают в ней. Достаточно также вспомнить «Сказку о попе и о работнике его Балде»: не заплатившие оброка бесы жили во глубине морской.

¹⁵⁵ История другого влюбленного беса рассказана в книге Товита (или, в еврейской произносительной традиции, *Тобита*). Собственно, книга содержит повествование об отце и сыне. Они оба носили одно и то же имя — (согласно позднейшим еврейским источникам) טָרְבִי, но в греческом и славянском (и соответственно в русском) текстах имена разведены: отец — *Товит*, а сын — *Товия*. Историю Товита оставим в стороне, а линия любви и брака Товии, сына Товитова, и Сарры, дочери Рагуиловой, станет предметом непосредственного рассмотрения. Кстати сказать, этот сказочный сюжет, как считают исследователи источника, первоначально представлял собой самостоятельный рассказ, который лишь впоследствии вошел в книгу Товии и сплавился с ней в единое целое [Тобит: 881]. — Товит отправил юношу Товию в путь (в Раги Мидийские) для взыскания долга, и в пути последнему сопутствовал ангел Рафаил, принявший облик человека и скрывшийся под именем Азарии. На пути они поймали рыбу, и Азария велел Товии ее разрезать, вынуть сердце, печень и желчь и сберечь их. «И сказал юноша Ангелу: брат Азария, к чему эта печень и сердце и желчь из рыбы? Он отвечал: если кого мучит демон или злой дух (δαίμόνιον ἢ πνεῦμα πονηρόν), то сердцем и печенью должно курить пред таким мужчиною или женщиною, и более уже не будет мучиться; а желчью помазать человека, который имеет бельма на глазах, и он исцелится» (Тов 6: 7–9). — Вторая сюжетная линия связана с судьбой Сарры, пригожей и умной девицы из того же рода, что Товия. «...она была отдаваема семи мужьям, но Асмодей, злой дух (Ἀσμοδαῖος, τὸ πονηρὸν δαίμόνιον), умерщвлял их прежде, нежели они были с нею, как с женою» (Тов 3: 8). Девица была в отчаянии и в молитве испрашивала себе у Бога смерти. — Когда Товия и Азария «приближались к Раге, Ангел сказал юноше: брат, ныне мы переночуем у Рагуила, твоего родственника, у которого есть дочь, по имени Сарра. Я поговорю о ней, чтобы дали ее тебе в жену, ибо тебе предназначено наследство ее, так как ты один из рода ее; а девица прекрасная и умная. Так послушайся меня; я поговорю с ее отцом и, когда мы возвратимся из Раг, совершим брак. Я знаю Рагуила: он никак не даст ее мужу чужому вопреки закону Моисееву; иначе повинен будешь смерти, так как наследство следует получить тебе, а не другому кому. Тогда юноша сказал Ангелу: брат Азария, я слышал, что эту девицу отдавали семи мужам, но все они погибли в брачной комнате; а я один у отца и боюсь, как бы, войдя к ней, не умереть подобно прежним; ее любит демон (δαίμόνιον φιλῆτ' αὐτήν), который никому не вредит, кроме приближающихся к ней. И потому я боюсь, как бы мне не умереть и не свести жизнь отца моего и матери моей печалью обо мне во гроб их; а другого сына, который похоронил бы их, нет у них. Ангел сказал ему: разве ты забыл слова, которые заповедал тебе отец твой, чтобы ты взял жену из рода твоего? Послушай же меня, брат: ей следует быть твоею женою, а о демоне не беспокойся; в эту же ночь отдадут тебе ее в жену. Только, когда ты войдешь в брачную комнату, возьми курильницу, вложи в нее сердца и печени рыбы, и покури; и демон ошутит запах и удалится, и не возвратится никогда. Когда же тебе надобно будет приблизиться к ней, встаньте оба, воззовите к милосердному Богу, и Он спасет и помилует вас. Не бойся; ибо она предназначена тебе от века, и ты спасешь ее, и она пойдет с тобою, и я знаю, что у тебя будут от нее дети. Выслушав это, Товия полюбил ее, и душа его крепко прилеплась к ней» (Тов 6: 10–18) — Сказочная история получает счастливое разрешение: «Когда окончили ужин, ввели к ней Товию. Он же идя вспомнил слова Рафаила и взял курильницу, и положил сердца и печень рыбы, и курил. Демон, ощутив этот запах, убежал в верхние страны Египта, и связал его Ангел» (Тов 8: 1–3). — История *Асмодея* или *Ашмедая* (אַשְׁמֹדַי), главы демонов, весьма любопытна. Он фигурирует во псевдоэпиграфическом источнике «Завет Соломона», и, как там описано, одна из его функций состоит в том, чтобы разлучать новобрачных и не допускать, чтобы они познали друг друга. — Типологическое сопоставление влюбленного болотного беса Пушкина и злого духа Асмодея из книги Товита позволяет увидеть лишь одну-единственную (но и существенную) общую черту между ними: и тот и другой влюбляются в земную женщину. Горюхинский бес добился взаимности и даже оставил потомство. Асмодей, как видно из повествования, сам к Сарре не приближался, но и другим из ревности не позволял приблизиться к ней. Между тем сюжету о влюбленном бесе (*демоне*), имевшем свое начало в книге Товита (написана примерно за 200 лет до н. э.), предстояло стать бродячим.

Драма «Русалка», запись в альбом Ек. Н. Ушаковой
и баллада «Жил на свете рыцарь бедный»

Впрочем,

- бесы обитают также и в доме человека — например, за печкой [33].

В незавершенной драме, которая у Пушкина не получила названия, — позднейшие издатели назвали ее «Русалкой» (4: 446), — безумный мельник говорит князю:

(18) Я продал мельницу *бесам запечным*.

Здесь же представлена СДоля:

- бесы венчают блудные браки [34]. Ср.:

(19) Дочь (сымает с себя повязку)
Вот венец мой,
Венец позорный! вот чем нас *венчал*
Лукавый враг, когда я отреклася
Ото всего, чем прежде дорожила.

В этой же драме имеется контекст, показывающий, каким образом возможно противостоять бесам.

(20) Княгиня
Ах боже мой! в лесу ночной порою
И дикий зверь и лютый человек
И *леший* бродит — долго ль до беды.
Скорей *зажги свечу* перед иконой.

- свеча перед иконой отгоняет бесов [35].

Время бесов — ночь, но как только начинается утреннее богослужение (заутреня или обедня), их власти приходит конец. Об этом вскользь упомянуто в небольшом стихотворении «Надеясь на мое презренье» (3: 150):

(21) Пусть он, как бес перед обедней,
Себе покоя не дает...

- бесы теряют силу с началом богослужения [36].

Оборониться от беса можно также, если произнести заклинание. Так, 3 апреля 1827 г. Пушкин написал в альбом Екатерины Николаевны Ушаковой (1809–1872) стихотворение (3: 11), начальные строки которого таковы:

(22) Когда, бывало, в старину
Являлся дух иль привиденье,
То *прогоняло сатану*
Простое это изречение:
«Аминь, аминь, рассыпья!». В наши дни
Гораздо менее бесов и привидений
(Бог ведает, куда девались они)...

- беса можно прогнать (христианским) заклинанием [37].

Пушкин хорошо знал обряд христианского отречения от дьявола, входящий в таинство крещения младенца. Священник произносит молитвы «запрещения дьявола», в которых, что примечательно, содержатся прямые обращения к сатане: *Ѡстѣпнѣ Ѡ созданиѣ сегѡ со всею силою ѥ ангелы твои ми; Ѡстѣпнѣ Ѡ ѥже ко стѡмѣ просвѣщенію готѡвѣцагѡса*. По обряду, священник, ради отгнания дьявола, дует на уста, чело, перси младенца, и затем от лица последнего его восприемник (крестный отец) трижды «отрицается» и трижды «отрекается» от сатаны. После чего священник приглашает восприемника: *ѥ дѣни, ѥ плѡни на негѡ*. Ср. фрагмент из письма Пушкина П. А. Плетневу от 7 янв. 1831 г.:

(23) «Кого вздумал просить себе в кумовья! вообрази, в какое положение приведет он и священника и дьячка, и куму, и бабу, да и самого кума, которого заставят же отречься от дьявола, плевать, дуть, сочетаться и прочие творить проделки» (10: 331).

Отметим как курьез, что на основании строки из «Бесов» (Дует, плюет на меня) один священник сделал заключение о безбожии поэта: «...церковнославянское „дует, плюет“ у Пушкина — не что иное, как передразнивание слов требника, наглый бесовский ответ совершителю таинства» [Ардов 1998: 283].

Конечно, лучшей заступой от беса является вмешательство божества. В балладе «Жил на свете рыцарь бедный» читаем:

(24) ...Между тем как он кончался,
Дух лукавый подоспел,
 Душу рыцаря собирался
Бес тащить уж в свой предел:
 Он-де Богу не молился,
 Он не ведал-де поста,
 Не путем-де волочился
 Он за Матушкой Христа.
 Но Пречистая сердечно
 Заступилась за него
И впустила в Царство вечно
 Паладина своего.

- бес охотится за душой умершего, чтобы отвести ее в свое царство [38];
- бес берет на себя функцию посмертного обличения человека [39];
- Бог, Богородица и святые могут отнять душу умершего у беса [35].

«Руслан и Людмила»

Бес обитает не только в избе и за печкой, но и в лесу. Ср. фрагменты из «Руслана и Людмилы»:

(25) Там чудеса: там *леший* бродит,
 Русалка на ветвях сидит. (4: 11)
 <...>
 «Людмила спит, — сказал Фарлаф. —
 Я так нашел ее недавно

В пустынных муромских лесах
У злого лешего в руках....» (4: 91)

- бесы обитают в лесу [41].

Дальнейший контекст еще раз подтверждает представление о том, что бесы — это оборотни:

(26) И час торжественный настал.
К нему *волшебница явилась*,
Вещая: «Знаешь ли меня?
Ступай за мной; седлай коня!»
И *ведьма*¹⁵⁶ *кошкой обратилась*;
Оседлан конь, она пустилась;
Тропами мрачными дубрав
За нею следует Фарлаф. (4: 84)

- ведьмы (предпочтительно) превращаются в кошек [42].

Вспоминается «Майская ночь, или Утопленница» Гоголя: «Глядит [панночка. — *Е. В., В. К.*]: страшная кошка крадется к ней; шерсть на ней горит, и железные когти стучат по полу. В испуге вскочила она на лавку, — кошка за нею. Перепрыгнула на лежанку, — кошка и туда, и вдруг бросилась к ней на шею и душит ее. <...> На стене висела отцовская сабля. Схватила ее и бряк по полу — лапа с железными когтями отскочила, и кошка с визгом пропала в темном углу. Целый день не выходила из светлицы своей молодая жена; на третий день вышла с перевязанною рукой. Угадала бедная панночка, что мачеха ее ведьма и что она ей перерубила руку».

«Борис Годунов»

В трагедии неоднократно встречаются упоминания о нечистой силе. Приводим их по мере появления контекстов,

(27) Григорий
Ты все писал и сном не позабылся,
А мой покой *бесовское* мечтанье
Тревожило, и *враг* меня *мутит*.
Мне снилось... (5: 233)

- бес мутит человека (внушает ему греховные замыслы) преимущественно во время сна [43].

(28) Патриарх
Ах, он, *сосуд дьявольский!* <...> эдака ересь! Буду царем на Москве! Поймать, поймать *врагоугодника*, да и сослать в Соловецкий на вечное покаяние... (5: 239–240)

- слушающий беса дает ему обиталище у себя [44];
- слушающий беса делает угодное ему [45];
- за послушание бесу положено церковное покаяние [46].

¹⁵⁶ *Волшебница и ведьма* — Наина.

(29) Григорий (читает)

«Чудова монастыря недостойный чернец Григорий <...> дерзнул, *наученный дьяволом*, возмущать святую братию всякими соблазнами и беззакониями...» (5: 251)

- дьявол подучивает человека на дерзости, соблазны и беззакония ¹⁵⁷ [47].

(30) Патриарх

Бесовский сын, расстрига окаянный,
Прослыть умел Димитрием в народе. (5: 291)

- человек, который слушает беса, становится его сыном [48].

«Монах»

Рассмотрим еще одно «демонологическое» произведение Пушкина.

«Монах», эта потаенная поэма Пушкина, наряду с другими автографами поэта, была обнаружена в архиве Александра Михайловича Горчакова (1798–1883) ¹⁵⁸. В письме кн. А. И. Урусова к издателю «Русского архива» от 20 апреля 1871 г. ¹⁵⁹ говорится о последней встрече Пушкина с Горчаковым в августе 1825 г., когда поэт читал Горчакову отрывки из «Бориса Годунова», и приводится самосвидетельство светлейшего князя: «Пушкин вообще любил читать мне свои вещи, — заметил князь с улыбкою, — как Мольер читал комедии своей кухарке». В этом же письме содержится следующее важное сообщение: «Пользуясь своим влиянием на Пушкина, князь Горчаков побудил его уничтожить одно произведение, „которое могло бы оставить пятно на его памяти“. Пушкин написал было поэму „Монах“. Князь Горчаков взял ее на прочтение и сжег, объявив автору, что это недостойно его имени» [Бартенев 1992: 415]. На самом же деле автограф был не сожжен, а сбережен Горчаковым, который, однако, как благородный человек до конца своих дней так и не объявил, что хранит у себя рукопись фривольной поэмы, к тому же направленной «против рясок». Автограф был обнаружен в архиве Горчакова лишь в 1928 г. П. Е. Щеголевым ¹⁶⁰.

В оставшейся незавершенной озорной поэме «Монах» (она относится к стихотворениям лицейского периода) иноку Панкратию удастся поймать беса и подчинить его себе.

(31) Хочу воспеть, как дух нечистый ада

Оседлан был братастым стариком;
Как овладел он черным клубуком,
Как он *втокнул монаха грешных в стадо*.

¹⁵⁷ Ср.: На грех меня *лукавый толкнул*. / Из стога у попа я клоч сенца стянул (Крылов, Мор зверей).

¹⁵⁸ Лицейский товарищ Пушкина, впрочем, не разделявший его взглядов. В стихотворении «19 октября» (1825 г.) о Горчакове говорится: «Нам разный путь судьбой назначен строгой; / Ступая в жизнь, мы быстро разошлись...». Ряд ранних стихотворений поэта также сопряжен с именем светлейшего князя. В дальнейшем товарищ Пушкина был министром иностранных дел, канцлером.

¹⁵⁹ Опубликовано в «Русском архиве» за 1883 г. (кн. 2, с. 205–206); перепечатано: [Пушкин в воспоминаниях 1985: 402–403].

¹⁶⁰ См.: Красный архив, т. 31 (1928), с. 160–201; там же, т. 32 (1929), с. 183–190. См. также: [Щеголев 1931: 9–38].

- бес может выступать под разными нарицательными именами (например, *нечистый дух, дух ада*) [39];
- люди могут получать власть над бесом (в частности, в христианской книжности представлен [бродячий] сюжет о том, как монах ездил на бесе в Иерусалим) [40].

В Житии Иоанна, архиеп. Новгородского (†1186), повествуется о том, что святой «быль въ единой ноши из Нова-града во Иеросалиме-граде и паку возвратися в Великий Новъ-град тоеже ноши». Ради освобождения от заклятья, бес в течение одной ночи переносит Иоанна в Иерусалим на поклонение гробу Господню и затем возвращает его в Новгород. Мотив крестного заклятия беса и чудесного путешествия на нем представлен также в повести Гоголя «Ночь перед Рождеством». См. подробнее [Дмитриев 1989: 514–517].

- бесы имеют власть искушать людей и доводить их до грехопадения, причем бесовская власть распространяется даже на монахов [41].

(32) Панкратий жил счастлив в уединенье,
 Надеялся увидеть вскоре рай,
 Но ни один земли безвестный край
Защитить нас от дьявола не может.
 И в тех местах, где *черный сатана*
 Под стражею от злости *когти гложет*,
 Узнали вдруг, что разгорожена
 К монастырям свободная дорога.
 И вдруг толпой все черти поднялись,
По воздуху на крыльях понеслись...

- ни один человек не защищен от наскоков беса [52];
- бес представляется черным на вид [53];
- у беса на лапах звериные когти [54];
- бесы снабжены крыльями и умеют летать по воздуху [55].

(33) Пришел *Молок* (так *дьявола зовут*)¹⁶¹,
 Панкратия *под черной ряской скрился*.
 Святой монах молился уж, молился,
 Вздыхал, вздыхал, а дьявол *тут как тут*.

¹⁶¹ *Молок* — французская форма имени *Молох*. Молох фигурирует в поэме Мильтона «Потерянный рай» (1: 392–398), а Пушкин познакомился с ней по французскому переводу и из нее усвоил имя. Оттуда же и в том же значении взята и форма *Мамон* [Путеводитель 1997: 257]. Приходится думать, что юный Пушкин еще не был начитан в славянской Библии, — в ней оба имени даны в другой форме — *Молóх* и *Мамóна*. Иначе он, безусловно, предпочел бы, например, в передаче имени первого беса привычные славянские написания (с «хером») галлицизм (с непривычным «како»). Впервые вышедшая при императрице Елисавете редакция Библии не раз переиздавалась (например, в начале XIX в. [в 1802 г.] было осуществлено уже 11-е издание); она могла быть, но к 1813 г. еще не стала известной поэту. В Елисаветинской Библии, кстати сказать, содержался «Каталог собственных еврейских, греческих, и несобственных без перевода во всей Библии оставленных имен, по алфавиту собранных и истолкованных», и в нем оба интересующих нас имени действительно разъяснены. *Молохъ ѿма їдшла Млѡавітска. зри Мелухомъ* (и дается отсылка к Лев 18: 21; в статье *Мелухомъ* дан перевод: *црѣ. людѣй*). *Мамона — сѣрское речѣніе значітъ богатство: ѿкоже Златоустъ ѿ Іерушїмъ толкуютъ* (и дается отсылка к Мф 6: 24).

- бесы могут иметь различные собственные имена [56];
- бесы прячутся, где хотят [57];
- даже молитва не всегда отгоняет беса [58].

(34) Тотчас Молок вдруг *в мужу превратился*
 И полетел жужжать вокруг него.
 Летал, летал, по комнате кружился
 И на нос сел монаха моего.
 Панкратья вновь он *соблазнять пустился*.

- бесы могут превращаться в кого угодно [59];
- бесам дана власть соблазнять людей [60].

(35) Но *леший* вдруг, мелькнув из-за кусточка,
 Панкратья хватя юбочкою в лицо.

- бесы разделяются на разряды (например, в их среде имеются *лешие*) [61].

(36) Что делает теперь седой Панкратий?
 Что делает и враг его *косматый*?

<...>

И вот пред ним *с рогами и с хвостом*,
 Как серый волк, *щетиной* весь покрытый,
 Как добрый конь с подкованным копытом,
 Предстал Молок, дрожащий под столом,
 С главы до ног облитый весь водою,
 Закрыв себя подолом епанчи,
Вращал глаза, как фонари в ночи.
 «Ура! — вскричал монах с усмешкой злою, —
 Поймал тебя, *подземный чародей*.
 Ты мой теперь, не вырвешься, *злодей*.
 Все шалости заплатишь головою.
Иди в бутыль, закупорю тебя,
 Сейчас ее в колодезь брошу я.
 Ага, *Мамон!* дрожишь передо мною».

- бесы бывают косматы, покрыты щетиной [62];
- бесы вращают горящими глазами [63];
- бесы обитают под землей [64];
- человек может получить власть над бесами [65].

Эпизод заклятия беса в сосуде повторяется в двух древнерусских житиях. В Житии Авраамия, архимандрита Ростовского (подвизался во второй половине XI в.; память 29 октября), воспроизводимом по старопечатному Прологу, говорится: «Аврамий нача труд к трудам прилагати. Диявол же, хотя спону сотворити святому, во время убо молитв святаго причащения, певшу преподобному и хотящу руке умыти, влезе бес в умывальницу святаго отца. Святый же, разумев коварство вражие, взял крест, положи на верх сосуда оногo и огради около сосуда крестным знаменiem. И не могий изыти оттоле диявол, жгом в сосуде на многи дни». В пролож-

ном Житии Иоанна, архиепископа Новгородского (вторая половина XII в.; память 7 сентября), рассказан подобный же эпизод, причем отчасти теми же словами: «Иногда же стоящу святому на молитве в келии своей, хотяще ему враг спону сотворити и пострашити святаго, но паче сам побежден бысть. Начат бо диявол трепетаться в рукомойнике, святыи же огради умывальницу крестом Христовым, оному же вопиюще яко человеку, дабы его испустил, палим бо силою крестною, не можаше терпети».

- бесы могут иметь имена собственные (в частности, *Мамон[a]*) [66].

(37) — «Ты победил, почтенный старичок, —
 Так отвечал смиренхонько Молок. —
 Ты победил, но будь великодушен,
 В гнилой воде меня *не потопи*.
 Я буду *век за то тебе послушен*,
 Спокойно ешь, спокойно ночью спи,
 Уж соблазнять тебя никак не стану».

И далее бес сулит монаху богатства, прельщает его женским полом и, под конец, предлагает свезти его в Иерусалим.

— «Минуту дай с тобою изъясниться,
 Оставь меня, не будь врагом моим.
 Поступок сей наверно наградится,
 А я тебя свезу в Иерусалим».

- бес иногда вступает с человеком в сделку [67].

Завершая рассмотрение поэмы «Монах», упомянем, что И. М. Снегиреву, современнику Пушкина, известному собирателю русских пословиц, — о нем см. ниже, — была известна пословица: *Панкрат лезет на небо, а черт держит за ногу* [Снегирев 1999: 210].

О том, что бесы черны, Пушкин упоминает несколько раз. Например, в историческом романе «Арап Петра Великого» представлен диалог:

(38) — ...За кого ж царь сватает Наташу?
 — За арапа Ибрагима. <...>
 — Батюшка-братец, — сказала старушка слезливым голосом, — не погуби ты своего родимого дитяти, не дай ты Наташеньки в когти черному дьяволу (6: 43).

- черного человека принимают за дьявола [68];
- у дьявола вместо ногтей — звериные когти [69].

В незаглавленной рукописи, которая после смерти поэта печаталась под названием «Родословная Пушкиных и Ганнибалов», а ныне известна как «Начало автобиографии», говорится:

(39) «Дед мой, Осип Абрамович (настоящее имя его было Януарий, но прабабушка моя не согласилась звать его этим именем, трудным для ее немецкого произношения: *Шорн Шорт*, говорила она, *делит мне шорни репят и дает им шертовск имя*) — дед мой служил во флоте и женился на Марье Алексеевне Пушкиной...» (8: 81).

Пушкинские терцины

Во втором стихотворном отрывке, представляющем собой шуточное подражание эпизодам из «Божественной комедии» Данте, снова говорится о черноте бесов.

(40) Тогда я демонов увидел *черный рой*,
 Подобный издали *ватаге муравьиной* —
 И бесы тешились проклятою игрой...
 <...>
 Звения, растрескалась колючими звездами.
 Тогда других *чертей* нетерпеливый *рой*
 За *жертвой* кинулся с ужасными словами.
 <...>
 Порыв отчаянья я внял в их вопле диком;
 Стекло их резало, впивалось в тело им —
 А *бесы прыгали в веселии* великом. (3: 234)

- бесы любят сбиваться в стаи (подобно пчелиному рою или муравейнику) [70];
- бесы гоняются за своими жертвами [71];
- настигнув жертву, бесы предаются радости [72].

В первом отрывке из подражания Данте («И дале мы пошли») также есть «демонологическая» нота:

(41) И дале мы пошли — и страх обнял меня.
 Бесенок, под себя поджав копыто,
 Крутил ростовщика у адского огня. (3: 233)

- бесы поджаривают грешников [73].

Вспоминается угроза Плюшкина Мавре: «Вот погоди-ка: на Страшном чуде черти припекут тебя за это железными рогатками! Вот посмотришь, как припекут! <...> скажут: „А вот тебе, мошеница, за то, что барина-то обманывала!“ — да горячими-то тебя и припекут!» (Гоголь, Мертвые души).

«Гусар»

В написанном 18 апреля 1833 г. стихотворении «Гусар» (3: 249–253) Пушкин продолжает тему противоборства между бесами и человеком, равно как и чудесных перемещений в пространстве посредством вражьей силы.

(42) Скребницей чистил он коня,
 А сам ворчал, сердясь не в меру:
 «Занес же *вражий дух* меня
 На распроклятую квартиру!
 <...>
 Кажись: о чем бы горевать?
 Живи в довольстве, безобидно;
 Да нет: я вздумал ревновать.
 Что делать? *враг попутал* видно.

- бесы толкают людей на гибельные поступки (отсюда общезыковые клише: *бес занес/принес/попутал*) [74].

Далее гусар-рассказчик попадает на шабаш:

- (43) Гляжу: *гора*. На той горе
 Кипят котлы; *поют, играют*,
 Свистят и в мерзостной игре
 Жида с лягушкою венчают.
 <...>
 Я *плюнул* и сказать хотел...
 И вдруг бежит моя Маруся:
 Домой! кто звал тебя, пострел?
 Тебя *съедают!* Но я, не струя:
 Домой? да! чорта с два! почем
 Мне знать дорогу? — Ах, он странный!
 Вот *кочерга*, садись верхом
 И убирайся, окаянный.

- сборища нечистой силы бывают на горах [75]. Так, по поверью, шабаш бесов и ведьм творится на *Лысой горе* под Киевом ¹⁶²;
- при виде нечистой силы человек должен сплюнуть [76];
- бесы способны съесть, замучить, убить человека [77];
- бесовский конь — *кочерга* [78].

«Всем красны боярские конюшни»

«Всем красны боярские конюшни» (3: 31) — это одно из первых стихотворений Пушкина, написанных в народном духе. Дело ограничилось наброском: затем сюжет был сообщен поэту-крестьянину Слепушкину, который и написал полную балладу «Конь и домовой».

- (44) Лишь одним конюшни непригожи —
Домовой повадился в конюшни.
 По ночам ходит он в конюшни,
 Чистит, холит коней боярских,
Заплетает гриву им в косички,
 Туго *хвост завязывает* в узел.
 Как не влюбит он вороного.
 На вечерней заре с водопою
 Обойду я боярские конюшни
 И зайду в стойло к вороному —
 Конь стоит исправен и смирен.

¹⁶² Лысую гору как место для шабаша упоминает также А. К. Толстой («Поток-богатырь»):

Но Поток говорит, очутясь на дворе:
 То ж бывало у нас и на Лысой Горе,
 Только ведьмы, хоть голы и босы,
 Но по крайности есть у них косы.

А поутру отопрешь конюшню,
 Конь не тих, *весь в мыле, жаром пышет,*
 С морды каплет *кровавая пена.*
 Во всю ночь *домовой* на нем *ездил*
 По горам, по лесам, по болотам,
 С полуночи до белого света —
 До заката месяца златого.

- бес может излюбленно обитать в конюшне [79];
- бес спутывает гриву и хвост у коней [80];
- бесы по ночам ездят на лошадях, загоняют их [81].

«Домовому»

Домовой, однако, не всегда выступает как враждебная сила. В стихотворном послании «Домовому» (1: 362), написанном в Михайловском в июле—августе 1819 г., среди прочего говорится:

(45) Поместья моего незримый покровитель,
 Тебя молю, мой *добрый домовой,*
 Храни селенье, лес и дикий садик мой
 И скромную семьи моей обитель!

- бесы в редких случаях могут выступать на стороне человека [82].

«Царь Никита и сорок его дочерей»

В нескромной сказке (2: 138—145) выведена ведьма, которая, как и домовый, обитавший в Михайловском, скорее помогает людям, чем вредит им.

(46) Баба *ведьмою* слыла,
 Всем *недугам* *пособляла,*
Немошь членов *исцеляла.*
 Вот ее бы разыскать;
 Ведьма *дело все поправит:*
 А что надо — то и вставит.

- ведьма иногда исцеляет человека от болезней [83].

(47) — «Так за ней сейчас послать!»
 Воскликает царь Никита,
 Брови сдвинувши сердито:
 — «Тотчас ведьму отыскать!
 Если ж нас она обманет,
 Чего надо не достанет,
 На бобах нас проведет,
 Или с умыслом солжет, —
 Будь не царь я, а бездельник,
 Если в *чистый понедельник*

Сжечь колдунью не велю:

И тем небо умолю».

- обличенную ведьму надлежит сжечь [84];
- сожжение ведьмы приурочено к *чистому понедельнику* (т. е. понедельнику первой седмицы Великого поста) [85];
- истребление нечистой силы — богоугодное дело [86].

«(Подражание итальянскому)»

В довольно точном подражании (3: 367) «Сонету об Иуде» (Sonetto supra Guida) итальянского поэта-импровизатора Фр. Джанни (1760—1822), — правда, сонет был известен Пушкину лишь в переводе на французский язык Антони Дешана, — читаем:

(48) Как с древа сорвался предатель ученик,
Диявол прилетел, к лицу его приник,
 Дхнул жизнь в него, взвился с своей добычей смрадной
 И бросил труп живой в гортань *геенны гладной...*

- по смерти грешника бесы принимают его душу [87];
- бесы приносят душу грешника в геенну огненную [88].

(49) Там бесы, *радуясь* и плéща, на рога
Прияли с хохотом всемирного врага
 И шумно понесли к проклятому владыке,
 И сатана, привстав, с *веселием* на лике
Лобзанием своим насквозь *прожжг уста*,
 В предательскую ночь лобзавшие Христа.

- у бесов имеются рога; у них бывает великая радость по кончине грешника [89];
- бесовская печать — Иудин поцелуй [90].

Еще один раз аналогичная тематика прозвучала в пьесе «Пир во время чумы», представляющей собой, как сказано в подзаголовке, переработку одной сцены из драматической поэмы Джона Вильсона «Чумной город» («The City of the Plague»).

(50) Священник
 Подумать мог бы я, что нынче *бесы*
Погибший дух безбожника терзают
 И в *тьму кромешную тащát* со смехом. (5: 420)

- достоянием бесов оказываются безбожники [91];
- души безбожников бесы относят во «тьму кромешную» [92];
- бесы радуются гибели грешника [93].

«Выстрел»

В произведении (6: 85—101), которым открываются «Повести покойного Ивана Петровича Белкина», косвенно описано, как, по представлениям, должен выглядеть дьявол.

(51) ...мы сели... и молча закурили трубки. Мрачная бледность [Сильвио. — *Е.В., В.К.*], сверкающие глаза и густой дым, выходящий изо рта, придавали ему вид настоящего дьявола.

- бес мрачен [94];
- бес не только черен, но бледен [95];
- у беса сверкают глаза [96];
- изо рта у беса валит густой дым [97].

«Евгений Онегин»

«Демонологическая» тема отчасти отражена и в знаменитом романе. В частности, воспроизводя сон Татьяны (V, 16–19)¹⁶³, поэт дает волю своей безудержной фантазии и описывает обличья, которые могут принимать бесы. Преимущественно это облики животных, сочетаемые самым причудливым образом.

(52) И что же видит? ...за столом

Сидят чудовища кругом:
 Один *в рогах с собачьей мордой,*
 Другой *с петушьей головой,*
 Здесь ведьма *с козьей бородой,*
 Тут остов чопорный и гордый,
 Там карла *с хвостиком,* а вот
Полужуравль и полукот.
 <...>

Еще страшней, еще чуднее:
 Вот *рак верхом на пауке,*
 Вот череп *на гусиной шее*
 Вертится в красном колпаке,
 Вот мельница вприсядку пляшет
 И крыльями трещит и машет;
 Лай, хохот, пенье, свист и хлоп
 Людская молвь и конский топ!
 <...>

Вдруг ветер дунул, загашая
 Огонь светильников ночных;
 Смутилась *шайка домовых...*
 <...>

Явилась дева; ярый смех
 Раздался дико; очи всех,
Копыта, хоботы кривые,
Хвосты хохлатые, клыки,
 Усы, кровавы языки,
Рога и пальцы костяные,
 Всё указывает на нее,
 И все кричат: мое! мое! (V, 16–20)

¹⁶³ При цитировании «Евгения Онегина» римской цифрой указываем главу, арабскими — строфы.

- бесы сбиваются в шайки [98];
- бесы собираются на свои празднества — шабаши [99];
- бесы, хотя и имеют собственный облик, могут превращаться в различных животных и в предметы [100].

Описание чудовищ в сне Татьяны в ходе работы над романом подвергалось перedelкам. Особенно перedelывался первый стих 17-й строфы: *Там крысы в розовой ливрее; Там петухи в цветной ливрее; Там ворон в голубой ливрее*. В первом издании этот стих читался: *Там суетливый еж в ливрее*. В конце концов Пушкин предполагал дать версию: *Там змей в очках, там еж в ливрее, / Там филин на крылатом змее*. В связи с изменениями в описаниях чудовищ Пушкин менял и перечень слов, которые Татьяна ищет в соннике (строфа 24). Из изложенного видно, что бесы, в понимании поэта, могут надевать на себя невообразимые личины.

Поскольку с бесами сопряжены разнообразные превращения, не удивительно, что о них рассказывают всякие истории:

(53) ...Я, бывало,
Хранила в памяти немало
Старинных *былей, небылиц*
Про злых духов и про девиц. (III, 17)

- рассказы о бесах — излюбленная тема в фольклоре [101];
- бесы считаются злыми и не вызывают симпатии [102].

Понятие *беса* метафорически (нередко на основании маргинального *tertium comparationis*) приложимо также к людям. Так, поэт дважды приложил его к Онегину и один раз к себе.

(54) Чудак печальный и опасный,
Созданье ада иль небес,
Сей ангел, сей *надменный бес*,
Что ж он?.. (5: 150)

- основание для сопоставления с бесом — надменность [103].

(55) Друзья мои, что ж толку в этом?
Быть может, волею небес,
Я перестану быть поэтом,
В меня *вселится новый бес*,
И, Фебовы презрев угрозы,
Унижусь до смиренной прозы... (III, 13)

- основание для сравнения — зуд некоторой (обычно не одобряемой) деятельности [104].

Скажем кстати: представление о том, что бес вселяется в человека, отразилось и в «Сказке о золотом петушке»:

(56) Крайне царь бы изумлен.
«Что ты? — старцу молвил он, —
Или *бес в тебя ввернулся*,
Или ты с ума рехнулся,
Что ты в голову забрал?..» (4: 490)

Еще раз кстати скажем, что в сатире «Тень Фонвизина» понятие беса приложено к Наполеону (1: 171):

(57) «Открылась тайн священных дверь!..

*Из бездн исходит Луцифер,
Смиранный, но челоперунный.
Наполеон! Наполеон!
Париж, и новый Вавилон,
И кроткий агнец белорунный,
Превосходясь, как дивий Гог,
Упал, как дух Сатанаила,
Исчезла демонская сила!..
Благословен Господь наш Бог!..»*

- бесы обитают в безднах [105];
- бесы имеют различные имена (в данном случае: Луцифер и Сатанаил) [106];
- бесы гордятся и превозносятся [107];
- бесам в конечном итоге уготовано поражение (падение) [108];
- в противоборстве с бесами побеждает Бог [109].

Во второй раз сопоставляя Онегина с бесом, Пушкин выбирает иную, более возвышенную, лексему — *демон*.

(58) Предметом став суждений шумных,
Несносно (согласитесь в том)
Между людей благоразумных
Прослыть притворным чудаком,
Или печальным сумасбродом,
Иль *сатаническим уродом*,
Иль даже *демоном моим*... (VIII, 12)

- приверженность сатане — (нравственное) уродство [110];
- чудака, сумасброд уподобляется демону, беснуется [111].

Выражение «демоном моим» явно отсылает к одноименному стихотворению самого Пушкина, напечатанному в 1824 г. и наделавшему много шума (см. ниже, в следующей подглавке).

Следует отметить, что когда бес или демон вселяется в человека, то последний становится *одержимым* (бесами) и начинает *бесноваться* (неистовствовать), т. е. теряет человеческий облик.

Стихотворение «Бородинская годовщина» написано 5 сентября 1831 г., по получении известия о взятии Варшавы (падение Варшавы [26 августа] пришлось на годовщину Бородинского сражения). Оно было напечатано в брошюре «На взятие Варшавы» (сентябрь 1831 г.) вместе с другим нашумевшим произведением Пушкина — «Клеветникам России»¹⁶⁴. В «Бородинской годовщине» читаем:

¹⁶⁴ В написании брошюры участвовал также В. А. Жуковский.

(59) Сильна ли Русь? Война, и мор,
И бунт, и внешних бурь напор
Ее, *беснуясь*, потрясали —
Смотрите ж: все стоит она! (3: 226)

Ср. также выписку из «Бориса Годунова»:

(60) Ц а р ь
Я отворил им житницы, я злато
Рассыпал им, я им сыскал работы —
Они ж меня, *беснуясь*, проклинали! (5: 242)

«Д е м о н»

Современникам поэта казалось, что в стихотворении нарисован психологический портрет конкретного человека. Сам поэт в наброске «О стихотворении „Демон“» (7: 36–37) отметил: «...иные даже указывали на лицо, которое Пушкин будто бы хотел изобразить в своем странном стихотворении». Лицо это — полковник Александр Николаевич Раевский (1795–1868), выразитель идеологии левого крыла южных заговорщиков, (по отзыву монархиста Ф. Ф. Вигеля) «демагог и изувер». Пушкин действительно подпал под влияние Раевского; по донесению полиции от 13 июля 1827 г., поэт «во время дружеских излияний совершенно открыто признается, что никогда не натворил бы столько безумства и глупостей, если бы не находился под влиянием Александра Раевского» [Путеводитель 1997: 329].

(61) Тогда какой-то *злбный гений*
Стал тайно навещать меня.
Печальны были наши встречи:
Его улыбка, чудный взгляд,
Его *язвительные речи*
Вливали в душу *хладный яд*.
Неистошимой *клеветой*
Он провиденье *искушал*;
Он звал прекрасное мечтою;
Он вдохновенье презирал;
Не верил он любви, свободе;
На жизнь *насмешливо глядел* —
И ничего во всей природе
Благословить он не хотел. (2: 159)

- бес — злобен, язвительен [112];
- бес — клеветник [113];
- бес — искуситель [114];
- бес — насмешник [115];
- бес не способен видеть добро в мире [116].

Аналогичные мысли содержатся в стихотворном диалоге «Разговор книгопродавца с поэтом»:

(62) П о э т

Какой-то демон обладал
 Моими играми, досугом;
 За мной повсюду он летал,
 Мне звуки дивные шептал,
 И тяжким, пламенным недугом
 Была полна моя глава. (2: 192)

- дьявол может полностью овладеть человеком [117];
- бес повсюду гоняется за своей жертвой [118].

В поэме «Граф Нулин» еще раз подчеркнута неотвязчивость беса:

(63) Несносный жар его объемлет,
 Не спится графу — бес не дремлет
 И дразнит грешною мечтой
 В нем чувства... (4: 246)

«А н г е л»

Правду сказать, все же поэт допускал, что бес может оказаться восприимчив к добру. Ср. стихотворение «Ангел» (3: 17), выписанное нами полностью:

(64) В дверях Эдема ангел нежный
 Главой поникшею сиял,
 А демон мрачный и мятежный
 Над адской бездною летал.
 Дух отрицающа, дух сомнеюща
 На духа чистого взирал
 И жар невольный умилеюща
 Впервые смутно познавал.
 «Прости, — он рек, — тебя я видел,
 И ты недаром мне сиял:
 Не все я в небе ненавидел,
 Не все я в мире презирал».

- бес — мрачный [119];
- бес — мятежный [120];
- бес умеет летать [121];
- бес отрицает (Бога) [122];
- бес сомневается (в Боге) [123].

Примечательно, что мотив бесовского отрицания и сомнения, по собственному признанию поэта, является для него заимным. В уже цитированном наброске «О стихотворении «Демон»» (7: 37) он говорит о себе в третьем лице: «Недаром великий Гёте называет вечного врага человечества *духом отрицающим*. И Пушкин не хотел ли в своем демоне олицетворить сей дух *отрицания или сомнения*, и в сжатой картине начертал отличительные признаки и печальное влияние оного на нравственность нашего века».

17–4. СИСТЕМАТИЗАЦИЯ ФОНОВЫХ СДОЛЕЙ ЛЕКСЕМЫ БЕС

Итак, в предыдущей (сугубо эмпирической) главе мы получили список СДолей. Он почерпнут из пушкинских произведений, содержащих «демонологические» сюжеты и мотивы.

Конечно, ни в коем случае нельзя утверждать, что этот перечень *полно* отражает всю совокупность фоновых знаний, которую образованные дворяне его времени соотносили с лексемой *бес* и ее синонимами. Хотя исследованный нами текстовый корпус довольно велик по объему, все равно нельзя исключать, что в силу случайности определенные СДоли в пушкинских текстах совсем не представлены.

И тем не менее даже на ограниченном материале удалось выявить существенные СДоли лексемы *бес* и сопряженных с ней слов. Их совокупность дает возможность судить о том, кто такой и каков *бес* в представлении автора «Бесов».

Сейчас нам предстоит предпринять систематизацию СДолей, выявленных выше механическим путем, т. е. превратить список из неупорядоченного набора единиц в организованный логически.

1. По теме «Характеристики и свойства бесов» в произведениях Пушкина отразились следующие СД:

а) *по внешнему виду они:*

безобразные [17], мрачные [40, 109], черные [53] (отчего черного человека принимают за беса [68]), бледные [95], косматые [30], покрытые щетиной [62]; изо рта у них валит дым [97]; они меняют свои размеры [13], превращаются в предметы [60, 100] и в животных, причем ведьмы предпочитают кошек [42]; у них горят [14], сверкают [96] глаза, которыми они вращают [14]; у них не лица, а (звериные) морды [28], не руки, а лапы [29], не ногти, а когти [54, 69]; бывают бесы женского пола (ведьмы) [112]; бесы бывают разного возраста, бесенята и старики [6];

б) *по внутренним характеристикам бесы:*

глупые [5], мятежные [120], надменные [103, 107], язвительные и злые [112], искусители [114], насмешники [115], скептики [116], клеветники [113]; для них характерен зуд (неодобряемой) деятельности [104]; бесы могут иметь собственные имена: Молок/Молох [56], Мамон/Мамона [66], Луцифер/Люцифер и Сатанаил [106];

в) *по месту обитания бесы разделяются на разряды, а именно:*

домовые [19], запечные [33], лешие [41], болотные [31], морские [22], подземные [64]; бесы обитают в конюшне [42] и в бездне [106];

г) *бесы заняты разными видами активности:*

умеют летать [45, 111], в том числе на кочерге [42]; сбиваются в стаи [15] и шайки [40], подобно пчелиному рою и муравейнику [70]; поют (= воют) [18], играют [12], в том числе в карты [4], собираются на шабаш на горах [75, 99]; настигнув жертву, ликуют [72, 93]; имеют власть над людьми [117], и никто от них не защищен [52], даже монашествующие [51]; теряют свою власть над людьми с началом богослужений [36]; бесы сомневаются в бытии Бога [123] и отрицают его [122], но в противоборстве с ним обречены на поражение [108, 109].

2. По теме «Отношение бесов к человеку и животным» выявился следующий список СД:

а) *они вредят человеку:*

страшат, пугают людей [21], мучают, убивают, съедают [41]; заставляют плутать [10]; внушают греховные помыслы [47], особенно во время сна [43], и реально доводят до

греха [52, 74], причем являются по первому зову [31]; при жизни человека гоняются за ним [71, 118] и после смерти ловят его душу [38, 87]; бесы обличают умершего [39], относят его душу в геенну огненную [88, 92]; в аду поджаривают грешников [73]; безраздельным достоянием бесов оказываются безбожники [91], причем поцелуем дается знак, что бес полностью овладел человеком [90]; бесы венчают блудные браки [34]; могут совокупляться с людьми и давать потомство [32];

б) *бесы вредят животным:*

спутывают гриву и хвост у лошадей [42], загоняют их [42];

в) *выступают на стороне человека:*

хранят лес, селенье, сад, дом [82], иногда исцеляют человека [73].

3. По теме «Отношение человека к бесам»:

а) *человек ненавидит бесов и обороняется от них:*

не любит бесов [101]; для отпугивания нечистой силы зажигает свечу перед иконой [35], проносит заклятье-оберег [3, 37], прибегает к заступлению божества [40], при виде беса сплевывает [86]; ведьму сжигают [84], предпочтительно в чистый понедельник [85], причем истребление нечистой силы считается богоугодным делом [86];

б) *человек может добровольно предаться бесам:*

он призывает беса к себе [7] и становится нравственным уродом [110]; дает бесу обителище у себя [44], становится бесовым сыном [48], вступает с ним в сделку [67] и угождает ему [31]; за послушание бесам положено церковное покаяние [46]; человек может хотя и не предаться, но уподобиться бесу [111];

в) *человек иногда получает власть над бесами* [40, 55]:

русский человек не боится бесов [14, 16], может их перехитрить [25, 27], нанести им ущерб [23], заставить служить себе [2, 8], поэтому бесы иногда даже вызывают жалость [26]¹⁶⁵; о проделках бесов рассказывают истории [111].

Таким образом, теперь мы получили *упорядоченный* перечень фоновых СДолей, выписанных из произведений Пушкина. Если в пушкинских текстах СДоли присутствовали в виде аллюзий, намеков и иносказаний, — нашим современникам не всегда внятных, — то сейчас перечень принял форму нарратива, перлокутивная цель которого состоит в последовательном сообщении информации, рассчитанной не на эмоционально-эстетическое, а на рациональное восприятие. Перечень можно читать как связный текст, имеющий свою логику расположения материала и свою динамику.

¹⁶⁵ Ср. четверостишия из «Болотных чертеняток» А. Блока:

Я прогнал тебя кнутом
В полдень сквозь кусты.
Чтоб дожидаться здесь вдвоем
Тихой пустоты.

Вот — сидим с тобой на мху
Посреди болот.
Третий — месяц наверху —
Искривил свой рот.

Я, как ты, дитя дубрав,
Лик мой тоже стерт.
Тише вод и ниже трав —
Захудалый черт.

На дурачком колпаке
Бубенец разлук.
За плечами — вдалеке —
Сеть речных излук...

И сидим мы, дурачки, —
Нежить, немочь вод.
Зеленеют колпачки
Задом наперед.

Зачумленный сон воды,
Ржавчина волны...
Мы — забытые следы
Чьей-то глубины...

Пусть полученный упорядоченный перечень, для удобства отсылок к нему, кратко называется *П-исчислением*, т. е. исчислением СДолей, отраженных в *пушкинских* произведениях.

Остается выяснить, является ли П-исчисление *зеркалом национальной культуры*. Вопрос не праздный.

Действительно, с одной стороны, поэт мог создать свою собственную «демонологию» — как, например, поступил Гёте, отразивший в «Фаусте» собственные представления. Дуально-диалектическая суть образа Мефистофеля Гёте, выраженная в известном афоризме «Я вечно хочу зла и вечно творю благо», отнюдь не представлена ни в христианской традиции, ни в народной. В ответ на вопрос Фауста «*Wer bist du denn?*» Мефистофель говорит: «*Ein Teil von jener Kraft, die stets das Böse will und stets das Gute schafft*». В этом ответе на практике полностью переосмыслена роль нечистой силы в космогоническом замысле, как он изложен в христианском Свщ. Писании.

С другой стороны, нельзя исключать, что П-исчисление содержит плод знакомства Пушкина с иноземными культурами. Уже было сказано, насколько велик в творчестве поэта удельный вес подражаний, заимствований и других реминисценций.

Сопоставление П-исчисления с СДолями, извлеченными из евангельских текстов. Нередко полагают, что все представления, связанные с бесами, являются по происхождению языческими. Языческий элемент, без всякого сомнения, присутствовал и присутствует в русской национальной традиции, но одновременно в ней занимает свое, и немаловажное, место христианско-православный культурный пласт. Значительная часть фоновых знаний восходит к Евангелию, к христианской гимнографии, агиографии, иконописи и к другим источникам, не только не отвергаемым в православии, но, напротив, высоко почитаемым и авторитетным. Ветхозаветные представления, поскольку они были восприняты христианством, перешли и в русскую «демонологию». Впрочем, за редкими исключениями, далее мы ограничимся сопоставлениями только с Евангелием (выписки приводим по синодальному переводу книги на современный русский язык).

Переходим к показательному примеру. Рассматривается эпизод *Daemoniacus Gerasenus*. Он представлен у всех трех синоптиков (Мф 8: 28–34, Мк 5: 1–20, Лк 8: 26–39); ниже приводится версия ап. Луки. К евангельскому тексту применена та же самая методика исчисления фоновых СДолей, которая уже была в анализе корпуса произведений Пушкина. В скобках указываются СДоли из П-исчисления.

Когда же вышел Он на берег, встретил Его один человек из города, *одержимый бесами* с давнего времени, и в одежду не одевавшийся, и живший не в доме, а в гробах. Он, увидев Иисуса, вскричал, пал пред Ним и громким голосом сказал: что Тебе до меня, Иисус, Сын Бога Всевышнего? умоляю Тебя, не мучь меня. Ибо Иисус повелел нечистому духу выйти из сего человека, потому что он долгое время мучил его, так что его связывали цепями и узами, сберегая его; но он разрывал узы и был гоним бесом в пустыни. Иисус спросил его: как тебе имя? Он сказал: легион, — потому что много бесов вошло в него. И они просили Иисуса, чтобы не повелел им идти в бездну. Тут же на горе паслось большое стадо свиней; и бесы просили Его, чтобы позволил им войти в них. Он позволил им. Бесы, выйдя из человека, вошли в свиней, и бросилось стадо с крутизны в озеро и потонуло (Лк 8: 27–33).

- бесы могут войти в человека (ср. в П-исчислении [44]);
- бесы могут входить в животных (в П-исчислении [42]);

- бесы мучают человека ([41]);
- бесы заставляют человека плутать ([10]);
- бесы обитают в бездне ([105]);
- бесов можно изгнать из человека ([3, 35, 37]).

Представление о том, что бес вселяется в человека, является ветхозаветным: одержимый бесами начинает *бесноваться, неистовствовать* (ср. выше в П-исчислении СДолгу [111]). Это же представление перекочевало и в Евангелие.

Одержим злым духом был царь Саул: «напал злой дух от Бога на Саула, и он *бесновался* в доме своем» (1 Цар 18: 10). Бесновались также пророки Ваала: «И стали они кричать громким голосом, и кололи себя по своему обыкновению ножами и копьями, так что кровь лилась по ним. Прошел полдень, а они все еще *бесновались* до самого времени вечернего жертвоприношения» (3 Цар 18: 28–29). Далее следуют евангельские выписки: «И вот, женщина Хананеянка, выйдя из тех мест, кричала Ему: помилуй меня, Господи, сын Давидов, дочь моя жестоко *беснуется*» (Мф 15: 22); «Господи! помилуй сына моего; он в новолуния *беснуется* и тяжело страдает, ибо часто бросается в огонь и часто в воду» (Мф 17: 15).

В Евангелии весьма широко распространены представления, что бес может внедриться в человека. В таком случае беса надо изгнать.

Был в синагоге человек, имевший *нечистого духа бесовского*, и он закричал громким голосом: оставь; что Тебе до нас, Иисус Назарянин? Ты пришел погубить нас; знаю Тебя, кто Ты, Святой Божий. Иисус *запретил ему*, сказав: замолчи и *выйди из него*. И бес, повергнув его посреди синагоги, *вышел из него*, нимало не повредив ему. И напал на всех ужас, и рассуждали между собою: что это значит, что Он со властью и силою повелевает *нечистым духам*, и они выходят? (Лк 4: 33–36).

Вселившийся в человека бес внушает греховные помыслы и побуждает исполнить их (ср. [47, 52]):

Вошел же сатана в Иуду, прозванного Искаротом, одного из числа двенадцати, и он *пошел, и говорил* с первосвященниками и начальниками, как *Его предать* им (Лк 22: 3–4).

Человек, однако, в свой черед может получить власть над бесами (ср. [50, 65]):

Семьдесят учеников возвратились с радостью и говорили: Господи! и *бесы повинуются нам* о имени Твоем. Он же сказал им: Я видел сатану, спадшего с неба, как молнию; се, даю вам *власть наступать* на змей и скорпионов и на всю силу вражью, и ничто не повредит вам; однако ж тому не радуйтесь, что *духи вам повинуются*, но радуйтесь тому, что имена ваши написаны на небесах (Лк 10: 17–20).

В Евангелии бесы имеют свои имена (ср. [47, 52]):

А книжники, пришедшие из Иерусалима, говорили, что Он имеет в Себе *веельзевула* и что изгоняет бесов силою бесовского князя. И, призвав их, говорил им притчами: как может *сатана изгонять сатану?* (Мк 3: 23).

В частности, в Свщ. Писании представлены два дьявольских имени, употребленные Пушкиным (Маммона ¹⁶⁶ [встречается в Евангелии] и Молох ¹⁶⁷ [встречается в Ветхом Завете]).

Диавол, согласно Евангелию, имеет власть искушать любого человека, даже святого (ср. [117, 42, 41]). Отсюда один из атрибутов диавола — *искуситель*:

Тогда Иисус возведен был Духом в пустыню, для *искушения от диавола*, и, постившись сорок дней и сорок ночей, напоследок взалкал. И приступил к Нему *искуситель* и сказал: если Ты Сын Божий, скажи, чтобы камни сии сделались хлебами. Он же сказал ему в ответ: написано: не хлебом одним будет жить человек, но всяким словом, исходящим из уст Божиих. Потом *берет Его диавол* в святой город и поставляет Его на крыле храма, и говорит Ему: если Ты Сын Божий, бросься вниз, ибо написано: Ангелам Своим заповедает о Тебе, и на руках понесут Тебя, да не преткнешься о камень ногою Твоею. Иисус сказал ему: написано также: не искушай Господа Бога твоего. *Опять берет Его диавол* на весьма высокую гору и показывает Ему все царства мира и славу их, и говорит Ему: все это дам Тебе, если, пав, поклонишься мне. Тогда Иисус говорит ему: отойди от Меня, сатана, ибо написано: Господу Богу твоему поклоняйся и Ему одному служи. Тогда *оставляет Его диавол*, и се, Ангелы приступили и служили Ему (Мф 4: 1–11).

Человек может уподобиться сатане (ср. [111]):

Он же, обратившись, сказал Петру: отойди от Меня, сатана! ты Мне соблазн! потому что думаешь не о том, что Божие, но что человеческое (Мф 16: 23).

Сатана строит каверзы людям (ср. [21, 41]):

Посеянное при дороге означает тех, в которых сеется слово, но к которым, когда услышат, тотчас приходит сатана и похищает слово, посеянное в сердцах их (Мк 4: 15).

Легко заметить, что известное количество СДолей является *общим* как для П-исчисления, так и для (далеко не полного) исчисления фоновых СДолей, содержащихся в Свщ. Писании.

Сопоставление П-исчисления с СДолями, извлеченными из фольклорных текстов. Подобную общность нетрудно продемонстрировать и по отношению к фольклорным текстам. Чтобы не умножать сейчас материала, который, правду сказать, является неохватным, ограничимся только пословицами и клишированными предложениями, преимущественно актуальными до сих пор. Они выборочно выписаны из двух известных сборников «Русские народные пословицы и притчи» (М., 1848) и «Новый сборник русских пословиц и притчей» (М., 1857) И. М. Снегирева (перепечатку см. [Снегирев 1999]) ¹⁶⁸, Толкового словаря В. И. Даля, его же сборника «Пословицы

¹⁶⁶ *Богатство.*

¹⁶⁷ *Царь.*

¹⁶⁸ Сборники И. М. Снегирева (1793–1868) показательны для нас тем, что они хронологически наиболее близки эпохе Пушкина. (Сохранилось одно письмо поэта Снегиреву [от 9 апреля 1829 г.].) Конечно, мы принимали во внимание известное обстоятельство, что не все приводимые Снегиревым пословицы достоверны; учитывались только те из них, бытование которых подтверждается и другими авторами. Снегирев предпочитает ортограммы *чорт*, *ладон* и т. д.; ради единообразия мы

русского народа» [ПРН] и из «Сборника образных слов и иносказаний» М. И. Михельсона [Михельсон б. г.]. Мы ограничились именно выборкой, чтобы продемонстрировать общность СДолей только в принципе. Разыскания с целью исчерпать материал не предпринимались. См., впрочем, удачную попытку систематического исследования народной психологии путем анализа пословиц [Иллюстров 1915]. Русские пословицы на литературном и общеславянском фоне также были предметом научного рассмотрения (см., например, [Адрианова-Перетц 1970, Мудрое слово]).

Далее мы воспроизводим фрагменты П-исчисления, причем учитываются лишь те СДоли, для которых отыскивались смысловые соответствия среди пословиц или клише. Порядок следования СДолей П-исчисления сохраняется. После двоеточия СДолям приписаны соответствующие речения (они выделены курсивом).

- по внешнему виду бесы — безобразные [17]: *во что черт ни нарядится, а все чертом останется* (С-65); *очень хорош, на черта похож* (С-210); *покажется сатана лучше ясного сокола* (С-214); *(о мужчине) чуть казистее черта — красавец*;
- у бесов имеются рога [89]: *(не был только) у черта на рогах*;
- бесы — косматы [30]: *оба святы, а оба косматы* (С-89);
- бесы бывают разного возраста, бесенята и старики [6]: *старого черта да поднял бес* (С-244); *бесенок = резвый шалун; черта лысого*¹⁶⁹ *(получишь)!;*
- бесы — злые [112]: *в лукавом правды не сыщешь* (С-72); *не смыслит ни бельмеса, а сердится бесом* (С-193); *сатанинская злоба; сатанеть = быть одержимым неистовой злобой; бесить = приводить в гнев, в бешенство, сердить, гневить, доводить до иступления*;
- бесы обитают на болоте [31], вообще в воде: *вольно черту в своем болоте орать* (С-63); *все беси в воду, а пузырья вверх* (С-51); *в тихом омуте черти водятся* (С-74); *в доме ворочает, как лукавый в болоте* (С-71); *дать черту меду, уйдет в воду* (С-89); *дошел черт броду, кинулся в воду* (С-98); *ты черта крести, а он в воду лезет* (С-256); *два черта не живут в болоте* (С-299); *навели нехристи на беду, как бес на болото* (С-304); *работа не черт, в воду не уйдет* (С-412); *у черта на куличках (= кулижках)*¹⁷⁰; *было бы болото, а черти найдутся; один, как черт на болоте; два черта в одном болоте*;
- бесы обитают в лесу [41]: *Брат, так брат! А не брат, отдай крест, да и к черту в лес* (С-54); *поехал было в лес, да попался навстречу бес* (С-210); *смечал черт лес, да помешал ему бес* (С-240).
- бесы имеют власть вредить людям [117]: *Бог дал родню, а дьявол вражду* (С-51); *Бог даст денежку, а черт дырочку, и пойдет Божья денежка в дырочку* (С-51); *ты за порог, а черт поперек* (С-256); *чем черт не шутит (, пока Бог спит); силен бес: и горами качает, а людьми, что вениками, трясет; бес качает горами, не только нами; враг-то силен — горами шатает*¹⁷¹; *не было печали, так черти накачали*.
- никто не защищен от бесов [52], даже монашествующие [51]: *бесы не плачут, когда черницы скачут* (С-58); *бесы плачут, как иноки алчут*¹⁷² (С-58); *бородушка апостоль-*

повсюду заменяем их на *черт, ладан* и т. д. Выписки из сборников Снегирева без дифференциации помечаются литерой С; арабская цифра отсылает к странице нового издания.

¹⁶⁹ Пресуппозиция: лысеют с возрастом.

¹⁷⁰ *Кулига* — кочка на болоте.

¹⁷¹ Ср: Ан *бес* меня впотьмах так с лестницы толкнул, / Что... вот я с той поры калека (Крылов, Два мужика).

¹⁷² Т. е. соблюдают посты.

- ская, а усок дьявольский (С-51); *Господь умудряет слепца, а дьявол искушает чернца* (С-85); *Панкрат лезет на небо, а черт держит за ногу* (С-210); *одолели черти святое место* (С-205); *радостен бес, что отпущен инок в лес; на черта только слава* (, а монах поросенка съел);
- бесы теряют власть над людьми с началом богослужений [36]: *вертеться* (*метаться*), *словно бес перед заутреней*¹⁷³;
 - бесы заставляют человека плутать [10]: *Бог — путь, а черт — крюк; черт при(за)нес* (о неудачном прибытии, о нежеланном госте); *не сам пришел — черт принес; черт, черт, поиграй, а опять отдай!* (когда что-то потеряно, завязывают черту бороду, т. е. перевязывают ниточкой ножку стола);
 - бесы внушают человеку греховные помыслы, прельщают его, нагоняют тоску [47]: *Божье крепко, а вражье легко*¹⁷⁴ (С-51); *дай черту ухватить за один волос, а он и за всю голову* (С-88); *поп свое, а черт свое* (С-217); *рад бы в гостии, да черт тоску нанес* (С-226); *кого черт рогами под бока не пырля!* (= искушал); *бесовское наваждение* (= бред наяву, видения, искушения, соблазны);
 - бесы реально доводят человека до греха [52, 74]: *не было печали, так черти накачали; черт дернул* (= побудил; неудовольствие поступком); *черт их словно веревкой связал* (= о тесной, но неподходящей дружбе);
 - при жизни человека гоняются за ним и угрожают ему [71, 118]: *мелким бесом рассыпаться*¹⁷⁵ (= лстить, убедительно склонять кого-л. на свою сторону);
 - и после смерти ловят его душу [38, 87]: *не стой надо мной, как черт над душой*;
 - бесы спутывают гриву и хвост у лошадей [42]: *домовой (дедушка, соседко) лошади гриву завил*;
 - бесы загоняют лошадей [42]: *Домовой лошадь изломал, крестец насадил, в подворотню протащил*;
 - бесы, иногда выступая на стороне человека, хранят лес, селенье, сад, дом [82]: (из обряда приглашения домового при переезде) *Дедушка домовый! Прошу твою милость с нами на новожитье; прими нашу хлеб-соль, мы тебе рады, только мы пойдем дорогой, а ты стороной* (говорит хозяин при переходе в новую избу, держа в одной руке икону, а в другой ломоть хлеба с солью);
 - для отгнания нечистой силы человек зажигает свечу перед иконой [35], курит ладаном: *ладаном дьявола не отгонишь!* (С-149); *ладан на вороту, а черт на шее* (С-149); *боится, что (как) черт ладана*;
 - против бесов произносят заклетье-оберег, молитву, выставляют крест [3, 37]: *аминем беса не отбудешь* (С-43); *велика у дьявола сила, да воли ему нет* (С-59); *черт Ваньку не обманет, Ванька молитву знает* (С-281); *ездил черт в Ростов, да набегался от крестов* (С-291); *от беса крестом, от свиньи пестом* (можно отделаться); *ни крестом, ни пестом* (не отделаешься).

Примечательно, что когда человек «возлагается на одр» для ночного сна, то ему, согласно молитвослову, предписано «знаменати себе крестом», т. е. перекреститься, и

¹⁷³ По поверью, первый удар колокола к заутрени прогоняет бесов в пекло, так что они спешат натешиться на земле до тех пор.

¹⁷⁴ Т. е. красиво, прельстительно.

¹⁷⁵ Ср.: Гусар Пыхтин гостил у нас; / Уж как он Танею прельщался, / Как мелким бесом рассыпался (ЕО 7–26).

прочитать молитву ограждения — на отгнание бесов именно крестным знамением: ...тáкѡ да погнѣнѣтъ бѣси ѿ лица любящихъ бѣга и знаменѣющихъ крѣтнымъ знаменѣемъ и въ веселїи глаголющихъ: радѣйсѧ, пречѣтнѣи и животворящїи крѣте гдѣнь, прогонѧи бѣсы силою на тѣбѣ пропѣтагѡ їиса хрѣта, во ѡдѣ сшѣдшаго и поправшагѡ силѡу дѣволю и даровавшагѡ намъ тѣбѣ, крѣтъ своѣи чѣтнѣи, на прогнѣнїе всѧкагѡ съпостѣта... Молитва начинается словами 67-го псалма «Да воскреснет Бог», который, по мнению свв. Отцов (например, Анастасия Синайского), обладает особой силой отгонять бесов, тогда как другие псалмы и даже молитва Господня «Отче наш» — «не вреждают» им. Отсюда встречающееся надписание 67-го псалма: «На прогнание бесом zelo потребен».

- человек может дать бесу обиталище у себя [44]: *вселился черт в боярской двор (С-67); Вина напилась, вся бесу отдалась (С-61); седина в бороду, а бес в ребро* (о сенильной любви);
- человек может стать бесовым сыном [48]: *бешеный, бесноватый, одержимый бесом* (= сумасшедший или запальчивый, вспылчивый, неистово горячий),
- человек может угождать бесам [31]: *беса тешить* (= сидя качать ногами; дурить, много хохотать, плясать);

Заключение, которое можно сделать по рассмотрении фольклорного материала, почти не отличается от вывода, к которому мы пришли, завершив анализ «демонологических» фрагментов Евангелия. СДоли, содержащиеся в П-исчислении, т. е. характерные для произведений Пушкина, в значительной мере являются характерными также и для фольклора.

Естественно, мы не охватили всех СДолей, содержащихся в П-исчислении. Добиться полного охвата, по нашему предположению, было бы возможно, но в таком случае, во-первых, нам пришлось бы увеличить число источников и, во-вторых, не ограничиваться (как было сделано выше) теми речениями, которые остаются, хотя бы пассивно, актуальными и поныне.

17–5. ДЕМОН В ОДНОИМЕННОЙ ПОЭМЕ ЛЕРМОНТОВА — ЭТО НЕ БЕС ЕВАНГЕЛИЯ И ФОЛЬКЛОРА

Возникает закономерный вопрос. Может быть, *любой* писатель, творящий по-русски, является зеркалом русской национальной культуры? Может быть, вообще невозможно выступить из поля воздействия культуры, в которой человек вырос, и выйти за границу того круга, который очерчен народной традицией?

Чтобы ответить на вопрос, рассмотрим одно из произведений младшего современника Пушкина — поэму М. Ю. Лермонтова «Демон». Эта поэма, содержание которой задано ее названием, как известно, занимает в творчестве Лермонтова центральное место.

Лермонтова весьма занимала тема любви земной девы и демона: наряду с «Демоном» (который на протяжении десятилетия неоднократно перерабатывался и в итоге имеет восемь редакций), эта тема представлена в наброске, озаглавленном издателями «Азраил», а также в небольшой поэме «Ангел смерти». Начало сочинения «Демона» восходит к 1829 г.; последняя редакция помечена 1841 г. Хотя в лермонтовском «Демоне» и чувствуется влияние лирики Пушкина (одноименного сти-

хотворения, а также стихотворения «Ангел»¹⁷⁶), все же исследователи творчества поэта единодушно отмечают, что влияние западных легенд о дьяволе, восставшем против Бога, оказалось определяющим. Речь идет о литературных обработках этих легенд (у Мильтона в «Потерянном рае», Байрона в «Каине», Гёте в «Фаусте» и др.).

Кроме того, можно указать и на конкретный источник, которому, хотя бы отчасти, следовал Лермонтов. При написании «Демона» поэт дал свободный парафраз поэмы Альфреда де Виньи (1797–1863) «Элоа, или Сестра ангелов», в которой говорится о любви девы-ангела к сатане. Писатель-романтик, А. де Виньи вообще оказал немалое влияние на творчество Лермонтова, а что касается зависимости «Демона» от «Элоа», то поэт (в беседе со своим троюродным братом и другом А. П. Шан-Гиреем [1818–1883]) сам говорил о переключке между финалом «Элоа» и концовкой своей поэмы. См. подробнее: [Лермонтовская энциклопедия: 86–87; 131–137].

Европейская традиция, согласно которой отрицающее начало и мятежность — это позитивные качества, а падший ангел (*демон*) способен стремиться к добру и красоте и, следовательно, не есть абсолютное зло (умонастроение, для которого характерен протест против средневековых взглядов), — такая традиция была воспринята Лермонтовым. Впрочем, не только им одним — «целое поколение устами своих поэтов пыталось выразить в этом образе [образе демона. — *Е. В., В. К.*] одержимость философским сомнением и общественную неприкаянность, высказать неудовлетворенность нормативной моралью» (И. Б. Роднянская; см. [Лермонтовская энциклопедия: 133]).

Сохраняет свое значение оценка В. Г. Белинского: «Демон не пугал Лермонтова: он был его певцом» [Белинский 7: 37]. О демонизме поэта как проявлении его романтического умонастроения и даже нигилизма много говорили и писали; впрочем, в незавершенной полусушительной поэме «Сказка для детей» представлено — может быть, отчасти условное, игровое — отречение от образа Демона:

Герой известен, и не нов предмет;
Тем лучше: устарело все, что ново!
Кипя огнем и силой юных лет,
Я прежде пел про демона иного:
То был безумный, страстный, *детский бред*.

<...>

Но я не так всегда воображал
Врага святых и чистых побуждений.
Мой юный ум, бывало, возмущал
Могучий образ. Меж иных видений,
Как царь, немой и гордый, он сиял
Такой волшебной сладкой красотой,
Что было страшно... и душа тоскою
Сжималась — *и этот дикий бред*
Преследовал мой разум много лет...
Но я, расставшись с прочими мечтами,
И от него отделался — стихами.

Демон в «Демоне» — это совсем не *бес*. Примечательно, что в поэме синонимически варьируются *демон*/(гордый/злой/лукавый/адский) *дух*, но нет замены *демон*/*бес*.

¹⁷⁶ В названном стихотворении, как упоминалось, есть намек на восприимчивость беса к добру.

Впрочем, в поэме «Сашка» есть и «хромой бес», и *черт* «с рогами и когтями», равно как в «Сказке для детей» упомянут «*мелкий бес* из самых нечиновных», да еще прибавлено: «*бесов* вообще рисуют безобразных». Иными словами, Лермонтов знал «нормативный», народный образ *беса*, но сознательно противопоставлял ему своего *демона*.

Излишне упоминать, что заимствованные из европейской литературы смыслы, о которых говорилось выше, идут вразрез с традиционными русскими представлениями о нечистой силе, которая воспринимается как носительница абсолютного зла, вызывает омерзение и проделки которой никогда не одобряются.

Чтобы удостовериться в том, что в написанном по-русски произведении вполне может быть выражена иноземная культурная традиция, предпримем обычное исчисление СДолей. Исследуется «Демон» по тексту 8-й редакции [СС 2: 81–112]. Полученные СДоли сразу же сопоставляются с СДолями из П-исчисления, и если соответствие у Пушкина есть, то в квадратных скобках после точки с запятой ставим знак эквивалентности (=) и приводим номер этой доли. Кроме того, эквивалентную СДолю подчеркиваем.

(1) Печальный Демон, дух изгнанья,
Летал над грешною землей...

- демон — печален [1];
- демон — изгнан [2];
- демон летает [3; = 45, 111].

(2) И лучших дней воспоминанья
Пред ним теснились толпой;
Тех дней, когда в жилище света
Блистал он, чистый *херувим*...

- когда-то демон был ангелом [4].

(3) Счастливый *первенец творенья!*..

- демон — это первенец творенья [5].

(4) Давно *отверженный* блуждал
В пустыне мира без приюта...

- демон отвергнут Богом, т. е. демон — *диавол*¹⁷⁷ [6].

(5) Он *сеял зло* без наслажденья.
Нигде искусству своему
Он не встречал сопротивленья —
И зло наскучило ему.

- демон — сеятель зла [7; = 2, 41, 10, 47, 52, 74 и др.].

(6) И над вершинами Кавказа
Изгнанник рая пролетал...

- демон — изгнан из рая [8].

¹⁷⁷ Греч. *διάβολος* (от *διά-* и *βάλλω*) — в прямом смысле «от-верженный», а в переносном «клеветник, (ложный) обвинитель, обманщик».

(7) И дик и чуден был вокруг
Весь Божий мир; но *гордый* дух
Презрительным окинул оком
Творенье Бога своего...

- демон — горд [9; = 103, 107];
- демон презирает сотворенный мир [10].

(8) Но, кроме *зависти* холодной,
Природы блеск не возбудил
В груди изгнанника *бесплодной*
Ни новых чувств, ни новых сил;
И все, что пред собой он видел,
Он презирал иль *ненавидел*.

- демон — завистлив [11];
- демон — бесплоден [12];
- демон ненавидит сотворенный мир [13].

(9) И Демон видел... На мгновенье
Неизъяснимое волненье
В себе почувствовал он вдруг.
Немой души его пустыню
Наполнил благодатный звук —
И вновь *постигнул он святыню*
Любви, добра и красоты!

- демон способен на добрые чувства [14].

(10) Но презрел удалой жених
Обычай прадедов своих.
Его коварною мечтою
Лукавый Демон возмущал:
Он *в мыслях*, под ночную тьмою,
Уста невесты целовал.

- демон — лукавый [15];
- демон внушает человеку греховные мысли [16; = 47].

(11) И вот она как будто слышит
Волшебный голос над собой:
«Не плачь, дитя! Не плачь напрасно!...»

- демон способен прямо говорить с человеком [17; = 31].

(12) «...Лишь только месяц золотой
Из-за горы тихонько встанет
И на тебя украдкой глянет, —
К тебе я стану прилетать;
Гостить я буду до денницы
И на шелковые ресницы
Сны золотые навевать...»

- демон бывает гостем человека [18];
- демон заставляет человека видеть определенные сны [19; = 43].

(13) Пришлец туманный и немой,

*Красой блистая неземной,
К ее склонился изголовью;
И взор его с такой любовью,
Так грустно на нее смотрел,
Как будто б он о ней жалел.*

<...>

*То не был ада дух ужасный,
Порочный мученик — о нет!
Он был похож на вечер ясный:
Ни день, ни ночь, — ни мрак, ни свет!...*

- демон бывает красив [20];
- демон способен искренне полюбить человека [21];
- демон испытывает к человеку жалость [22];
- некоторые демоны отличны от других «духов ада» (лучше их) [23];
- демон может не быть носителем абсолютного зла [24].

(14) «...Меня терзает дух лукавый

*Неотразимую мечтой;
Я гибну, сжался надо мной!
Отдай в священную обитель
Дочь безрассудную свою;
Там защитит меня спаситель...»*

- демон внушает мысли, которым невозможно противостоять [25];
- человек ощущает, что демон губит его [26];
- от искушения демона, по общему мнению, можно спастись в монастыре [27; = 51].

(15) Но и в монашеской одежде,

*Как под узорною парчой,
Все беззаконною мечтой
В ней сердце билось, как прежде.
Пред алтарем, при блеске свеч,
В часы торжественного пенья,
Знакомая, среди моленья,
Ей часто слышалася речь.
Под сводом сумрачного храма
Знакомый образ иногда
Скользил без звука и следа
В тумане легком фимиама;
Сиял он тихо, как звезда;
Манил и звал он... но — куда?...*

- демон Лермонтова проникает даже в монастырь [28; = 51];
- демона не отгоняет ни церковное пение, ни каждение [29].

(16) Но *полно думою преступной,*
Тамары сердце недоступно
Восторгам чистым.

- демон способен овладеть помыслами инокини [30].

(17) Уж много дней она томится,
Сама не зная почему;
Святым захочет ли молиться —
А сердце молится *ему*...
<...>
Пылают грудь ее и плечи,
Нет сил дышать, туман в очах,
Объятья жадно ищут встречи,
Лобзання тают на устах...

- человек может молиться демону [31];
- человек не в силах противиться демонским искушениям [32; = 52].

(18) Вечерней мглы покров воздушный
Уж холмы Грузии одел.
Привычке сладостной послушный,
В обитель Демон прилетел.
Но долго, долго он не смел
Святыню мирного приюта
Нарушить. И была минута,
Когда казался он готов
Оставить умысел жестокой.

- демону открыт путь в монастырь [33];
- демон может отказаться от своего злого умысла [34].

(19) Он входит, смотрит — перед ним
Посланник рая, херувим,
Хранитель грешницы прекрасной,
Стоит с блистающим челом
И от врага с улыбкой ясной
Приосенил ее крылом...

- за душу человека совершается борьба между демоном и ангелом [35];

(20) «*Дух беспокойный, дух порочный,*
Кто звал тебя во тьме полночной?...»
<...>

Ему в ответ

Злой дух коварно усмехнулся;
Зарделся ревностью взгляд;
И вновь в душе его проснулся
Старинной ненависти яд.

- демон — беспокойный [36];

- демон — порочный [37];
- демон — злой дух [38];
- демон издавна привержен ненависти [39].

(21) «Она моя! — сказал он грозно, —
 Оставь ее, она моя!
 Явился ты, защитник, поздно,
 И ей, как мне, ты не судья.
 На сердце, полное гордыни,
 Я наложил печать мою;
 Здесь больше нет твоей святости,
 Здесь я владею и люблю!»
 И Ангел грустными очами
 На жертву бедную взглянул
 И медленно, взмахнув крылами,
 В эфире неба потонул.

- в споре за душу человека демон может победить ангела [40];
- ангел может оставить человека на произвол демона [41].

(22) Та м а р а
 О! Кто ты? Речь твоя опасна!
 Тебя послал мне ад иль рай?

- человек не всегда способен распознать, ангел или демон перед ним [42].

(23) Д е м о н
 ...Я тот, чей взор надежду губит;
 Я тот, кого никто не любит;
 Я бич рабов моих земных;
 Я царь познания и свободы,
 Я враг небес, я зло природы...

- демон — за «прогресс», за познание и свободу [43];
- демон враждует с самим Господом Богом, т. е. демон — это *сатана*¹⁷⁸ [44].

(24) ...Меня добру и небесам
 Ты возратить могла бы словом.

¹⁷⁸ שָׂטָן (*сатан*) Танаха (в транскрипции Септуагинты: σατάν) — злой дух, букв. «супостат, противник, враг». Лексема сложной семантики. Как удачно сказано в одном словаре, שָׂטָן — это «потенциальный саботажник (Saboteur) в собственных рядах» [Theologisches Begriffslexikon 1993: 1057]. Что же касается термина *бес* שָׂדֵד (*шед*), то в традиции Танаха он впервые появляется в последней книге Торы: «Приносили жертвы *бесам* (שָׂדֵדִים)» (Исх 32: 17); в Септуагинте: ἑβσσαν δαιμονίου» (Втор 32: 17). В близком контексте ср. также Пс 105/106: 37: «Приносили сыновей своих и дочерей своих в жертву *бесам*». Всего в Танахе термин *шедим* употреблен два раза. Оба раза лексеме שָׂדֵד в Септуагинте соответствием служит лексема δαίμων. Шире используется номинация רוּחַ רָעָה (*руах ра'а'а*), «злой дух». Она впервые встретилась в книге Судей: «И послал Бог *злого духа* между Авимелехом и между жителями Сихема» (Суд 9: 23). Кроме того, хорошо известна история ниспослания *злого духа* Богом (!) на Саула: «А от Саула отступил Дух Господень, и возмутил его *злой дух* от Господа (רוּחַ רָעָה מֵאֵת יְהוָה)» (1 Цар 16: 14; далее там же 16: 15, 16, 23; 18: 10; 19: 9). Термин *злой дух* употреблен в Танахе 7 раз. Номинативное словосочетание τὸ πνεῦμα τὸ πονηρὸν (*злой дух*) дважды употреблено в Новом Завете (Деян 19: 15, 16), а если нет атрибута, то используется (и часто) лексема δαίμων.

<...>

Лишь только я тебя увидел —
И тайно вдруг возненавидел
Бессмертие и власть мою.

<...>

Что без тебя мне эта *вечность*?
Моих владений бесконечность?

- человек может обратиться демона к добру и к Богу [45].
- демон — бессмертен [46];
- демон — всевластен [47].

(25) Та м а р а

Оставь меня, о дух лукавый!
Молчи, не верю я врагу...
Творец... Увы! я *не могу*
Молиться... гибельной отравой
Мой ум слабеющий объят!
Послушай, *ты меня погубишь*;
Твои слова — огонь и яд...

- демон лишает человека возможности молиться Богу [48];
- демон может погубить даже инока [49].

(26) ... И я людьми недолго правил,

Греху недолго их учил,
Все *благородное бесславил*
И *все прекрасное хулил.*

- Демон правит людьми.
- демон извращает все прекрасное [50].

(27) Та м а р а

Нас могут слышать!
Д е м о н
Мы одне.
Та м а р а
А Бог!
Д е м о н
На нас не кинет взгляда:
Он занят небом, не землей!

- демон выступает как обвинитель Бога [51].

(28) Та м а р а

А наказанье, муки ада?
Д е м о н
Так что ж? Ты будешь там со мной!

- за общенье с демоном положено загробное воздаяние [52; = 88, 92];

(29) Та м а р а

Клянися мне... от злых стяжаний

Отречься ныне дай обет.

<...>

Д е м о н

Клянусь я первым днем творенья,

Клянусь его последним днем

<...>

Я отрекся от старой мести,

Я отрекся от гордых дум;

Отныне яд коварной лести

Ничей уж не встревожит ум;

Хочу я с небом примириться,

Хочу любить, хочу молиться,

Хочу я веровать добру.

- демон способен обратиться к добру [53];
- демон может любить [54];
- демон может молиться Богу [55].

(30) Д е м о н

Оставь же прежние желанья

И жалкий свет его судьбе:

Пучину гордого познания

Взамен открою я тебе.

Толпу духов моих служебных

Я приведу к твоим стопам;

Прислужниц легких и волшебных

Тебе, красавица, я дам...

- демон прельщает человека («прогрессивным») соблазном познания [56];
- демон прельщает человека земными благами [57].

(31) Увы, злой дух *торжествовал!*

- демон способен победить человека [58].

(32) *Канон угодника* святого

Спешит он в страхе прочесть,

Чтоб *наваждение* духа злого

От грешной мысли *отогнать*...

- молитва отгоняет демонов [59; = 3, 37, 40].

(33) В пространстве синего эфира

Один из ангелов святых

Летел на крыльях золотых,

И душу грешную от мира

Он нес в объятиях своих.

<...>

...как вдруг,
 Свободный путь пересекая,
 Взвился из бездны адский дух.
 <...>
 К груди хранительной прижалась,
 Молитвой ужас заглуша,
 Тамары грешная душа.
 Судьба грядущего решалась...

- посмертная судьба человека решается в противоборстве ангела и демона [60].

(34) «Исчезни, мрачный *дух сомненья!* —

Посланник неба отвечал: —
Довольно ты торжествовал;
 Но час суда теперь настал —
 И благо Божие решенье!»

- демон — дух сомненья [61];
- торжество демона не является окончательным [62].

(35) И Ангел строгими очами
 На искусителя взглянул...

- демон — искуситель [63; = 45, 111].

(35) И вновь остался он, *надменный,*
Один, как прежде, во вселенной
 Без *упованья и любви!*

- демон — надменный [64; = 103, 107];
- демон — одинокий [65];
- демон — безнадежный [66];
- демон не вызывает любви [67].

Таким образом, всего в результате исчисления получено 67 СДолей. Некоторые из них, правда, повторяют друг друга или являются синонимичными.

Небольшая часть «лермонтовских» СДолей совпала с «пушкинскими». Так, бесы и демоны у Пушкина и у Лермонтова одинаково умеют летать [3; = 45, 111], одинаково превозносятся и надмеваются [3; = 45, 111], одинаково сеют зло [7; = 2, 41, 10, 47, 52, 74 и др.], искушают человека [63; = 45, 111], внушают ему греховные мысли [16; = 47] и заставляют видеть определенные сны [19; = 43], одинаково способны прямо говорить с человеком [17; = 31], причем человек не в силах противиться демонским искушениям [32; = 52], если только не сотворит молитву [59; = 3, 37, 40]. Бес и демон и у Пушкина, и у Лермонтова способны определить загробную судьбу человека: за общение с демоном положено воздаяние [52; = 88, 92]. Наконец, оба писателя приводят общее мнение, согласно которому от беса можно спастись в монастыре [27; = 51], но в то же время признают, что бес проникает даже в иноческую обитель [28; = 51]. Таким образом, всего подобных смысловых переключек мы насчитали ровно дюжину.

Из оставшихся 54 «лермонтовских» СДолей часть просто никак не соотносится с «пушкинскими». Так, Лермонтов ничего не сообщает о месте обитания своего де-

мона, тогда как, по Пушкину, бесы бывают домовые [19], запечные [33], лешие [41], болотные [31], морские [22], подземные [64] и живущие в конюшне [42]. У Пушкина подробно сообщается о том, как бесы выглядят: они — безобразны [17], мрачны [40, 109], черны [53] или, напротив, бледны [95], косматы [30], покрыты щетиной [62]; рот у них курится дымом [97]; они меняют свои размеры [13], превращаются в предметы [60, 100] и в животных [42]; у них горят [14], сверкают [96] глаза, которыми они вращают [14]; у них звериные морды [28], лапы [29], когти [54, 69]. Короче говоря, бесы — отвратительны видом. Они вызывают омерзение у человека.

Между тем демон Лермонтова — красив [20], а поскольку он — падший ангел [4] и первенец творенья [5], то он — ангельски красив. Все эти и другие СДоли, перечисляемые ниже в этом абзаце, — **противоречат** характеристикам беса, данным Пушкиным и подтвержденным в Евангелии и в фольклоре. Так, демон совсем не имеет отталкивающей наружности, и поэтому дева способна от души полюбить его [30], мечтать о нем [25] и принимать его у себя [18]. Он — изгнан [2, 6], причем из рая [8], стало быть является пострадавшей стороной, так что человек может ему посочувствовать; отсюда демон — романтически печален [1], безнадежен [66] и одинок [65]. Хотя лермонтовский демон завистлив [11], бесплоден [12] и ненавидит мир [13], все же он, не являясь носителем абсолютного зла [24], способен и на добрые чувства [14], вплоть до того, что ощущает потребность... молиться Богу [55]. Демон, испытывая к человеку жалость [22], способен увлечься его красотой и искренне полюбить его [21]. Хотя демон и порочен [37] и вообще — злой, а не добрый дух [38], хотя он способен на ненависть [39], но тем не менее у него немало привлекательных качеств: он — за «прогресс», безграничное познание [56], свободу [43], земные блага [56] и вообще за добро [53]. Демон наделен дерзновенным скепсисом [61], так что его вражда против «отсталого» Бога [44], его обвинения в адрес Бога [51] — в целом вызывают симпатию. Короче говоря, демон Лермонтова наделен романтическими чертами богоборца Прометея, также вступившего в борьбу с Зевсом ради блага человека. Вот почему еще сравнительно недавно поэму «Демон» интерпретировали, особенно для школьной аудитории, как прославление (социальной) революции, богоборчества и бесстрашия.

Таким образом, ясно, что демон Лермонтова — это не бес Пушкина, Евангелия и фольклора. Лермонтовский демон — явление явно заемное, он не имеет корней в национальной действительности. Источники влияния мы указали выше: они были как косвенными (Мильтон, Байрон, Гёте и др.), так и прямыми (поэма А. де Виньи «Элоа, или Сестра ангелов»).

Исчислением СДолей лексемы *демон* в одноименной поэме Лермонтова и сопоставлением результата с аналогичным П-исчислением мы получили ответ на вопрос, которым задались в начале данной главы: *не любой* писатель, творящий по-русски, является зеркалом русской национальной культуры. Под инокультурным влиянием вполне возможно выступить из поля воздействия собственной культуры и народной традиции.

Закljučая главу, обратимся еще раз к произведениям Пушкина, в которых фигурирует германский черт — Мефистофель. Он оказался германским только по имени; во всем остальном пушкинский Мефистофель — это русский черт.

Более того, Мефистофель у Пушкина, вопреки Гёте, — *мелкий бес*.

Уже упоминалось, что у Пушкина встречается фразеологизм *рассыпаться мелким бесом*:

Уж как он Танею прельщался,
Как мелким бесом рассыпался!

В «Сцене из Фауста» дан вариант того же фразеологизма (кстати, весьма выразительный):

Я мелким бесом извивался,
Развеселить тебя старался.

Выразительность достигается за счет того, что читатель не может не оживить перед своим взором тот образ, который лежит в основе фразеологического сочетания; тогда комизм достигает своей вершины: *бес* (Мефистофель) извивается мелким *бесом*!

Мелкий бес — в современном понимании не более чем мелкий пакостник. Таков, например, Передонов в известном романе Федора Сологуба. Напакотив, *бес* ожидает возмездия; отсюда другой фразеологизм — *трястись, как бес перед заутреней*. Смысловые ассоциации, содержащиеся в дериватах с корнем *-бес-* ([вз]беситься, бешеный, бешенство, забес, бесноваться, бесноватый, взбешенный и т. д.) — хотя и внушают в некоторых случаях страх (скажем, перед бешеной собакой), но все же содержат немалую долю или презрения, или иронии. *Бес* может *попутать*, и случается, что *седина в бороде, а бес в ребро*, но в целом *бес* недостаточно силен и догадлив, чтобы полностью погубить душу человека. Зачастую *бесы* представляются просто глупыми¹⁷⁹. Напротив, на зловещих ассоциациях построен приобретший сей-час новую актуальность роман Достоевского «Бесы» (в нем употреблены как эпиграф как раз пушкинские стихотворные строки).

Какое же *общее заключение* допустимо сделать по рассмотрении приведенного фактического материала? Русские люди никогда не воспринимали и не воспринимают всерьез и не боятся бесов, чертей, вражьей и темной силы. Ясно понимавший и до конца познавший русский язык, Пушкин, несомненно, отдавал себе отчет в том, что первая фраза его фаустовских набросков («Мне скучно, *бес*») немедленно настраивает читателя на соответствующее восприятие дальнейшего. Если Мефистофель — не дух, не диавол, не сатана, а БЕС, то он должен и вести себя должным образом. Он должен озорничать, резаться в карты, подставлять свой хвост, скабрезничать, короче говоря, он должен *бесноваться*. Не более того.

Иными словами, хотя Пушкин и обратился к бродячему литературному мотиву, хотя он, безусловно, испытал на себе воздействие драмы Гёте, хотя он, таким образом, приступил к описанию, казалось бы, «совершенно стороннего мира», все же в конце концов поэт остался национальным, потому что он взглянул на этот иной мир «глазами своей национальной стихии, глазами всего народа». Он ввел международный сюжет в стихию родного языка, и одного слова хватило, чтобы творение приобрело отчетливые, неустранимые черты национальности, русского духа.

Мы предприняли попытку показать исконно русские черты *Мефистофеля-беса*; аналогичным способом можно продемонстрировать и русскую принадлежность пушкинского *Фауста* (с его ключевым словом-камертоном *скучно*). (Кстати, даже само словосочетание «русский Фауст» у Пушкина встречается¹⁸⁰.)

«*Всеевропеец*», всемирно отзывчивый Пушкин, 200-летие со дня рождения которого благоговейно отмечал весь мир в 1999 году, потому-то и таков, что *он без ос-*

¹⁷⁹ В известной басне Крылова бесенок не может догадаться, что яйцо удобно испечь... на свечке.

¹⁸⁰ Так в «Арапе Петра Великого» назван Яков Вилимонович Брюс, который слыл в народе за колдуна.

тата русский. «При имени Пушкина тотчас осеняет мысль о русском национальном поэте». Пушкинские творения — кажется, все без исключения — национальны.

Во всяком случае, во Разделе втором нашей работы (часть III, глава 1) предпринимается попытка еще раз подойти к вопросу национального духа в творчестве поэта. На сей раз берется всего одно, к тому же прозаическое, произведение — «Станционный смотритель». На сей раз используется другая исследовательская методика — исчисления рече-поведенческих тактик. Но общий итог, — скажем об этом, забегая вперед, — не отличается от сформулированного выше.

В конце настоящей Части I имеется Приложение (№ 6) к данной главе «*Молех* в Танахе в отличие от пушкинского *Молока*: исчисление фоновых СДолей».

Глава 18. Континическая концепция в конкретном диахроническом анализе

В разыскания историко-лингвистической тематики новые методики вносятся довольно редко. По нашему мнению, однако, подобный консерватизм, объяснимый и оправданный психологически и обладающий немалой инерцией, отчасти сдерживает прогресс в данной отрасли знания. Действительно, когда исследуется семантика единиц мертвого языка или текстов на этом языке, ученый лишен возможности опираться на свое естественное языковое чутье носителя живого языка, и отсюда значение формальной процедуры анализа (когда фактический материал собирается как бы автоматически и выводы также имеют принудительный характер) переоценить невозможно.

Кроме того, следовало бы, пожалуй, подчеркнуть, что в историко-лингвистических разысканиях лишь спорадически исследуется феномен, названный нами ЛФоном.

Соответственно ниже мы хотели бы перенести методику исчисления СДолей ЛФона, разработанную в рамках континической концепции и опробованную пока лишь на текстах живого языка, в историко-лингвистическую сферу.

18-1. Жизнь, животъ, житие

Методика исчисления фоновых СДолей, подобная или близкая той, которая представлена в предыдущей главе, насколько мы знаем, до сих пор к древним славяно-русским текстам не прилагалась. Между тем если фон слова живого языка (например, современного русского) носитель этого языка может успешно исчислить интуитивно, путем интроспекции, то аналогичная процедура неприменима к текстам, семантика которых для исследователя является не данным, а искомым. Здесь требуется объективно-отстраненный, безличностный подход, который, как кажется, методика исчисления СДолей действительно способна обеспечить.

Попытаемся приложить ее сейчас (а также в подглавках 18-2 — 18-4) к древнейшему гимнографическому источнику, выдающееся значение которого стало раскрываться лишь в самое последнее время.

Речь идет об архаичной, единственной в своем роде и весьма интересной славяно-русской рукописи из собрания Российского Государственного Архива древних актов (РГАДА [Москва], ф. 381 [Син. тип.], № 131; см. ее описания: [СК: № 76] и [Каталог 1988: № 16])¹⁸¹, именуемой (по выходной записи¹⁸² на л. 136^v¹⁸³) *Ильиной книгой* (в дальнейшем: *Ил*).

Ил содержит ряд служб на двенадцатые праздники и избранным святым с сентября по февраль, а далее — последование на Успение Богородицы, стихиры Борису и Глебу и первомученице Христине Тирской, а также последование пророку Илии Фезвитянину.

Строгая кодикологическая квалификация источника в его первоначальном составе встречается с трудностями. Первоначально Ил, несомненно, имела также и триодную часть (о чем свидетельствует запись на л. 125^v 15), но поскольку сейчас в книге содержатся только службы на двенадцатые праздники и избранным святым, ее можно рассматривать как *минею праздничную*, или *трефоло(гу)й*.

Об архаичности самой Ил и о ее восхождении к южнославянскому протографу свидетельствуют многочисленные факты языка: юсовое письмо, в том числе высокочастотное использование ж и обоих юсов с йотацией; жд на месте *dj; жд на месте *zg, *zd; ц на месте *tj, *kt; жл, жи и цр из *zlj, *znj и *strj; написания типа птрът на месте *тът; неполногласие; ра- на месте *от; начальное ю-; утрата интервокального [j]; отверждение [p'], и т. д. (всего 20 признаков). Эти (и другие) факты, при в целом немногочисленных русизмах, позволяют отнести Ил к самому начальному этапу освоения южнославянского книжного наследия на Руси. Лексические приметы Ил заставляют заключить о раннем переводе ее протографа и, в отличие от других древних миней, о длительном самостоятельном бытовании текста (т. е. без справки по греч. образцу). Действительно, в Ил сохранилось множество непереведенных греч. лексем (что, по критерию Ягича [Jagić 1913: 299], свидетельствует о начальной эпохе переводов). Обилие случаев удаляющей от греч. оригинала паронимии (на фоне всех прочих древних — правленных, сближающих с греч. источником — минейных текстов и, в частности, Типографских [Ягичевых] миней) говорит о продолжительном неконтролируемом периоде копирования. В Ил нет следов сверки с греч. оригиналами второй половины XI в.¹⁸⁴, которая отчетливо заметна во всех других известных служебных минеях, в том числе и древнейших¹⁸⁵. Общее пред-

¹⁸¹ Всего в рукописи, по пагинации карандашом, 147 листов. Фактически листов — 145. Счетчик дважды перескочил через лист: с 28-го перешел сразу на 30-й и с 38-го — на 40-й. В самом тексте, однако, здесь пропусков текста нет.

¹⁸² *илна псалъ възвѣн попинъ цркѣ сѣго възнесенна.*

¹⁸³ Здесь и далее в этой главе номер листа рукописи показывается арабскими цифрами, а сторона листа — поднятыми латинскими литерами (*лицевая* ^r и *оборотная* ^v). Все цитаты из источника приводятся непосредственно по рукописи. Указываем номер листа и его сторону. Конец строки обозначается одной вертикальной чертой (|), конец страницы — двумя (||).

¹⁸⁴ Об этой правке гимнографических текстов писала, например, М. А. Момина; см.: [Motina 1990].

¹⁸⁵ Рукопись Ил в этих обзорах обычно датируется XII в., но применительно к четвертям века имеются расхождения. В Сводном каталоге [СК: 117] и в Каталоге РГАДА [Каталог 1988, 1: 62] дифференциации по четвертям или хотя бы полугодиям XII в. не предпринято. Пока от нового определения времени создания рукописи следует воздержаться, но тем не менее ее передатировка (на основе комплексного изучения пергамента, разлиновки, чернил, начерков букв и неум, пропелов для древнего переплета и т. д.), в свете отмеченного разброса оценок, стоит на повестке дня.

ставление Ил уже состоялось (см. [Верещагин, Крысько 1999; Верещагин 2001: 251–418])¹⁸⁶. Полное издание источника — на повестке дня¹⁸⁷.

Поскольку *общие сведения* об Ил уже сделаны достоянием науки, теперь драгоценный лингвистический источник подлежит частному, т. е. *аспектному*, изучению.

Именно таковы нижеследующие разыскания: в них исследуется семантика трех ключевых слов, связанных между собой явлением синонимии. Все они выражают общую семантику *витальности* — «жизни» (с широким спектром частных значений: *естественное [органическое] бытие; полнота проявления физических и духовных сил; период существования кого-л. на земле; вечное существование за гробом; [подлежащий этической оценке] образ существования человека на земле* и т. д.). Гимнографический жанр книжности Древней Руси посвящен прославлению праздников и памяти святых. Концепт *жизни* занимает в песнопениях немаловажное место.

Церковный год начинается с сентября. Далее в порядке очередности появления текстов, которые содержат хотя бы одну из трех указанных в заголовке статьи лексем, приводим фактический материал и исчисляем фоновые СДоли, получая в каждом случае их механический список. Логическая систематизация списков отнесена на конец главы.

Напомним, что в свете изложенного в предыдущей главе монографии условием выделения фоновой СДоли является наличие семантически цельного контекста. По этой причине в дальнейшем цитируются те фрагменты песнопений, которые характеризуются смысловой завершенностью. В этих фрагментах могут быть лакуны (помечаемые отточиями) — опускаются побочные и параллельные смысловые движения, не относящиеся к фиксируемой СДоле. Такова первая предпосылка выявления фоновой СДоли.

Вторая заключается в расчленении смыслов синкретичного высказывания и раздельном представлении этих смыслов. Для гимнографии характерен именно синкретичный, аллюзивный (намекающий) способ коммуникации, отсылающий к затексту (к начитанности адресата, привносящего информацию от себя). Соответственно аллюзивность — это производное компрессии или даже полной невыраженности части семантики текста, так что итоговый смысл по объему больше суммы смыслов входящих в состав фразы слов. Кроме того, вследствие параллельного наложения аллюзий, в одной, даже краткой, синтагме могут быть представлены две-три СДоли. Таким образом, в анализе они должны быть отделены друг от друга и перечислены по отдельности, а также информационно восполнены в тех случаях, когда из-за семантической компрессии нет отчетливости. Поэтому фиксация¹⁸⁸ ряда СДолей, извлеченных из синкретичного текста, может быть

¹⁸⁶ Ил проглядели, и она до сих пор не была предметом целенаправленного внимания специалистов. Нельзя сказать, чтобы к ней не обращались, — об этом свидетельствует отнюдь не пустой учетный лист просмотревших ее ученых. Тем не менее в библиографическом разделе описаний Ил [СК: № 76, с. 118] названы лишь обзорные труды (в них о существовании рукописи — упоминается, не больше того). Ни одной специально посвященной ей статьи, ни одной монографии! Остается пожалеть, что Ил осталась неизвестной И. В. Ягичу и не была учтена им в издании служебных миней за первую четверть церковного года (по рукописям 1095–1097 гг.) [Ягич 1886]. Сама публикация, надо думать, приняла бы иной вид.

¹⁸⁷ В осуществляемом ныне (в продолжение дела Ягича) издании Декабрьской служебной миней [Rothe, Vereščagin 1993, 1996, 1997, 1999] Ил — отражается (в коллациях разночтений). Тем настоятельнее видна, на основе накопленного опыта, необходимость осуществить ее полную научную публикацию и приступить к всестороннему исследованию.

¹⁸⁸ С помощью единообразного метаязыка.

пространнее исходного текста. Эта пространность вполне понятна и по той причине, что дескрипция фоновой СДоли, в отличие от понятийной, как правило, бывает экспликацией исходного текста (т. е. дескрипция состоит из фразы и содержит рему).

Святой, память которого молитвенно воспоминается в первый день церковного года (т. е. 1 сентября), — Симеон Столпник.

Образ его жизни воспет в ряде песнопений.

Так, в самом первом тропаре (1^в 4–7)¹⁸⁹ читается: Сѣтъи из младаства // и-чрева | извѣранъ боу // тако свѣтъъ на|мъ зарить // доврзы дѣтели | житиѣ своего- | Общий итоговый смысл таков: *добродетельным житием святой стал светильником для христиан*. Применением методики расчленения смыслов синкретичного текста выделяются следующие СДоли:

- святость — это (в числе других признаков) добродетельная жизнь на земле [1]¹⁹⁰;
- к добродетельной жизни будущий святой предызбирается от чрева матери [2];
- эта жизнь может быть примером (= светильником) для верующих [3].

В другом тропаре (2^г 18–21, 2^в 1–2) читаем: Анѣльское житиѣ на земли | живъи // тавнаъ еси, моудре...

- жизнь человека на земле (т. е. во плоти) может быть ангельской¹⁹¹ [4].

Наконец, в третьем песнопении Симеону Столпнику, в седальне 5-го гласа (4^г 17–19, 4^в 1–6), каждая строка первой половины строфы содержит хотя бы одну СДолю, так или иначе характеризующую добродетельную жизнь: Пошениемъ житиѣ оукра- | си|лъ еси // оумръщвъ си тѣло|| // прѣбралъ еси вражиа прѣлогы, оче блажене, // прѣстави са къ| боу на вѣчнѣжъ жизнь // достоиноужъ наслѣдовавъ...

- пошение — это украшение земной жизни [5а], и похваляемо жить на земле, умерщвляя плоть [5б];
- на земле следует отражать наскоки диавола [6];
- по завершении земной начинается небесная жизнь [7];
- человек способен стать наследником вечной жизни [8].

23 октября поминается мученическая кончина ап. Иакова, брата Господня по плоти, которого, по житию, иудеи свергли с крыши Иерусалимского храма, а затем добились, размозжив ему голову деревянным вальком. Соответственно в тропаре (27^в 19, 28^г 1–5) упоминается об этом событии: Гн, аще и древомъ глава аплска съкрж||шена въистъ // нъ въ ран же дрѣва жи|зни наслаждаетъ са...

¹⁸⁹ Следуем эдиционным правилам, принятым в российско-германском коллективе, осуществляющем издание Декабрьской служебной минеи по древнейшим рукописям (см. [Rothe, Vereschtschagin 1996]). Ил воспроизводится буква в букву. Пунктуация и диакритика рукописи опущены; анахронистически вносим от себя только опоясывающие запятые (чтобы выделить обращения) и двусторонние кавычки (показывающие границы прямой речи), а также вводящие прямую речь двоеточия. Словоделение и стихометрия (счет стихов-строк) привнесены нами (они отражают интерпретацию текста публикатором). Для песнопений приисканы греч. соответствия (по [Μηναῖα 1888–1901]). Выпущенные фрагменты показываются отточием.

¹⁹⁰ Цифрами в квадратных скобках начинается счет фоновых СД.

¹⁹¹ Сейчас оставим в стороне проблему: *реально* становится человек ангелом еще при земной жизни или же всего лишь *уподобляется* ангелу (см. подробнее [Верещагин 1994]).

- земные страдания следует переносить стойко [9];
- за страдания на земле наградой будет наслаждение в раю [10].

В последовании под 1 ноября, на память бесребренников и чудотворцев Космы и Дамиана, один из тропарей (34^г 2–6) опять-таки в каждой строке дает семантическую долю: Житиѣ еже паче члѣкъ // и добродѣтельноуѣж жизнь // кѣи члѣкъ вѣзъмьздыноуѣ достойно не възхвалянтъ // вельми на земли жива // чюдеса творита присно|.

- человек может жить на земле по сверхъестественным нравственным нормам [11];
- добродетельная жизнь на земле — возможна [12];
- добродетели (например, бесребреничество) следует похвалить [13];
- за добродетели дается дар чудотворения [14].

Под 13 ноября содержится последование знаменитому христианскому проповеднику Иоанну Златоусту. В одном из тропарей (45^в 16–21, 46^г 1) говорится: Истинныѣ наслада сѣ, оѣе, жизни // о| неже подвижа сѣ... // жити|емь поживъ англьскомь на земли|...

- земная жизнь — неистинная (неподлинная), загробная жизнь — подлинная [15];
- чтобы заслужить вечную жизнь, совершают подвиги [16];
- вечная жизнь — блаженство [17];
- человек способен вести на земле ангельский (или ангелоподобный) образ жизни [18].

В другом тропаре (46^г 2–7) читается: Словеса ти, блажене, словеса жизни¹⁹² // жизнь исходащю бесконьчюуѣ|... Во второй строке глагол изменен в процессе бытования, так что должно быть так, как, например, в Типографской минее (см. [Ягич 1886]): жизнь исходатающа бесконьчюуѣ¹⁹³.

- наставлениями можно научить доброму образу жизни на земле [19];
- земная жизнь — конечная, будущая жизнь — бесконечная [20];
- святой может быть посредником для достижения другим человеком вечной жизни [21].

На 14 ноября выпадает память ап. Филиппа. В тропаре из его последования (50^г 15–20, 50^в 1), среди прочего, говорится: кладязь точан| жизнь мѣдрости чьрпаниемь.

- жить следует согласно (христианской) мудрости [22];
- мудрости этой можно научиться [23].

На 6 декабря приходится память одного из самых почитаемых христианских святых — Николая Мирликийского. В одном из тропарей канона святителю Николаю (71^г 8–12) говорится: Англообразно житиѣ // имѣвъ на земли, // оѣе николаѣ... В другом тропаре (71^в 4–8) выражена та же самая СДоля: Въ плѣти бесплѣтно житиѣ // сътажавъ,| оѣе...

- человек способен вести на земле ангелоподобную жизнь [24].

В третьем тропаре (71^в 1–4) читается: Сѣбно пристанище // водж нетлѣньнѣ| та нѣна имѣще // житнискъа бѣдѣ| // избѣгаемъ и мѣлвѣти...

¹⁹² В качестве греч. соответствия здесь выступает лексема πολιτεία «образ жизни».

¹⁹³ Это чтение подтверждается греч. оригиналом: τὴν ζωὴν προξενούντες τὴν ἀληκτον.

- земная жизнь представляется как цепь бедствий [25].

В первой стихире из последования под 22 декабря, посвященной великомученице Анастасии Узорешительнице (81^v 14–18, 82^r 1–4), есть слова: Мчница ти, млтве, ... // за вждоущиюж| жизнь // батьство раздѣли ници|мъ... // тѣло нетѣлѣниемъ съхра|ни.

- наряду с нынешней, существует еще будущая жизнь [26];
- ради будущей жизни стоит раздать свое богатство нищим [27];
- ради нее же стоит соблюдать чистоту (целомудрие) тела [28].

7 января воспоминается Иоанн, предтеча Христов и креститель, о котором в одном из тропарей (112^r 4–7) сказано: на| земли тако ангѣлъ жити|емъ чи|стомъ, влжне, нарече с.в. |

- ангельское житие на земле — достижимо [29].

В заключение рассмотрим несколько песнопений из последования на Успение пресв. Богородицы (15 августа).

В одной из блаженн (137^v 16–20, 138^r 1–2) записано: Къ вѣ-с-ъмрътѣнѣи жизни // Ѡ временнз|га, ги, // живоприятнз|ин кивотъ... // съ славою| прѣстави // прѣложение сѣа // примз| въ ржкоу, влѣко...

- жизнь бывает временная (смертная) [30];
- жизнь бывает вечная (бессмертная) [31];
- от временной жизни возможен переход к жизни вечной [32];
- такой переход совершается со славою [33а], и он не есть смерть (именуется *представлением, преложением*¹⁹⁴ и еще иначе) [33б].

В тропаре (139^v 12–16) из Второго канона Успению (кир Иоанна) наблюдается игра интересующей нас «витальной» лексемой жизнь: знаменитый гимнограф (Иоанн Дамаскин) намеренно сталкивает различные СДоли, так что, при кажущейся реитерации одного и того же слова, на самом деле каждый раз воспринимается иная, новая информация. Ниже указанный тропарь выписан полностью, стихометрически и с греч. соответствием:

- (1) Ζωῆς ὑπάρξασα τέμενος,
Жити вгивъши мѣсто стѣне
- (2) ζωῆς τῆς αἰδίου τετύχησας·
жизнь! присносщиюж оуљчи
- (3) διὰ θανάτου γάρ, πρὸς τὴν ζωὴν μεταβέβησας,
оумьр|твинемъ во къ жизни прѣминоу|ла ѳси
- (4) ἢ τὴν ζωὴν τεκοῦσα τῆν ἐνυπόστατον.
порожшина жизнь оупо|сьноу|ж·|

В строке (1) имеется порча текста вследствие его бытования; должно читаться¹⁹⁵: Жизни вгивши... Соответственно имеется в виду Христос в своем модуле Вечной Жизни и Жизнеподателя. Отсюда:

- Христос — это Жизнь [34].

¹⁹⁴ То есть переходом в несколько иное (а именно: бестелесное) состояние, которое, однако, по основному качеству (а именно: личностному бытию) остается неизменным.

¹⁹⁵ Так, как в древней минее Типографского собрания (РГАДА, ф. 381, № 121).

В строках (2–3) содержатся СДоли:

- вечная жизнь даруется как награда [35];
- по земной смерти святой человек переходит к (подлинной) жизни [36].

В строке (4) необходима конъектура (поскольку переписчик допустил пропуск слога): вместо оупо|сьноуѣж следует читать оупо|сьтасьноуѣж. Здесь выражена СДоля:

- существует особая жизнь (= образ бытия), свойственная ипостасям ¹⁹⁶ Троицы [37].

СДоля [37] выражена также и в тропаре (138^v 1–5): исхо|жение съврши рожши же чи|стѣж жизнь // къ жизни прѣс|та|ви са божи оупостасьнѣи...

На этом завершается список СДолей, почерпнутый из Ильиной книги. Конечно, ни в коем случае нельзя утверждать, что этот перечень полно отражает всю совокупность фоновых знаний, которую христиане времени создания богослужебных канонов (IX–X вв.) и их переводов на славянский язык (X–XI вв.) соотносили с лексемами *жизнь*, *животъ* и *житиѣ*.

И тем не менее даже на ограниченном материале выявились существенные СДоли лексического фона трех единиц, рассматриваемых в данной статье. Их совокупность дает представление о том, что такое *ЖИЗНЬ* с христианской точки зрения. Сейчас нам предстоит предпринять систематизацию СДолей, которые были выявлены выше, т. е. превратить список из механического набора СДолей в логически упорядоченный.

1. По теме «Два рола жизни» гимнография Ильиной книги отразила следующие СДоли:

- а) *реальность двух родов жизни*:
по завершении земной начинается небесная жизнь [7]; Христос — это и есть Жизнь [34];
- б) *возможность наследования человеком небесной жизни*:
человек способен стать наследником вечной жизни [8]; от временной жизни возможен переход к жизни вечной [32]; по земной смерти святой человек переходит к жизни за гробом [36]; переход от земной жизни к небесной совершается со славою [33а]; переход от земной жизни к небесной не может быть поименован смертью (именуется *преставлением*, *преложением* и еще иначе) [33б];
- в) *контрастные характеристики двух родов жизни*:
земная жизнь — неистинная (неподлинная), загробная жизнь — подлинная [15]; земная жизнь — конечная, будущая жизнь — бесконечная [20]); нынешняя жизнь — временная (смертная) [30], будущая жизнь — вечная (бессмертная) [31].

2. По теме «Добродетельная жизнь на земле» также выявился список СДолей:

- а) *святость есть добродетельная жизнь на земле*:
святость — (в числе других признаков) добродетельная жизнь на земле [1];
- б) *добродетельная жизнь на земле для человека возможна*:
человек может жить на земле по сверхъестественным нормам [11]; добродетельная жизнь на земле — возможна [12];
- в) *человек во плоти может быть ангелом*:
жизнь человека на земле (т. е. во плоти) может быть ангельской или ангелоподобной [4]; человек способен вести на земле ангельский (или ангелоподобный) образ жизни [18]; человек способен вести на земле ангелоподобную жизнь [24]); ангельское житие на земле — достижимо [29].

¹⁹⁶ Осверхсложном понятии *ипостаси* (или *лица* Пресв. Троицы) см., например, [Христианство 1993: 642].

г) *что есть добродетельная жизнь:*

пощение — украшение земной жизни [5a]; похваляемо жить, умерщвляя плоть [5б]; на земле следует отражать наскоки диавола [6]; земные страдания следует переносить стойко [9]; жить следует по (христианской) мудрости [22]; христианской мудрости можно научиться [23];

д) *как приходят к добродетельной жизни:*

к добродетельной жизни будущий предызбирается от чрева матери [2]; наставлениями можно научить доброму образу жизни на земле [19];

е) *следствия добродетельной жизни:*

добродетели (например, бессребреничество) следует похвалять [13]; добродетельная жизнь — пример (= светильник) для верующих [3]; за страдания на земле наградой будет наслаждение в раю [10]; вечная жизнь даруется как награда [35]; за добродетели дается дар чудотворения [14]; святой может быть посредником для достижения другим человеком вечной жизни [21].

3. По теме «Земная жизнь»:

земная жизнь представляется как цепь бедствий [25].

4. По теме «Небесная жизнь»:

а) *блаженство человека:*

вечная жизнь — блаженство [17];

б) *ипостасное бытие:*

существует особая жизнь (= образ бытия), свойственная ипостасям Троицы [37];

в) *условия достижения небесной жизни:*

ради истинной жизни совершают подвиги [16]; ради будущей жизни стóбит раздать свое богатство нищим [27]; ради будущей жизни стóбит соблюдать чистоту (целомудрие) тела [28].

На этом заканчивается логически упорядоченное исчисление фоновых СДолей. Знакомство с перечнем способно убедить каждого в том, что христианское учение о жизни весьма отличается от атеистических, языческих и даже ветхозаветных представлений.

Кроме того, подчеркнем, что исчисление фоновых СДолей на материале гимнографических текстов (т. е. текстов художественно-образной природы) способно привести к тем же результатам, что и исчисление фоновых СДолей в нарративных (богословско-философских) текстах, в которых не встретишь ни аллюзии, ни аллегории, ни метафоры (из числа последних публикаций по теме древнерусских богословских трактатов см. [Щеглов 1999/5759]).

В Патристическом словаре [Lampe 1976] статьи ζωή и βίος написаны на основании анализа огромного корпуса богословских трактатов. Выявленные здесь семантические доли во многом совпадают с теми, которые были перечислены выше. У Лампе они, правда, эксплицируются не в форме фразы, а — номинативного словосочетания. Тем не менее произвести отождествления не составляет труда: mode, manner of life; period of life, life-time; good life; physical, earthly, natural and temporal life; spiritual and eternal life; the present age, this world in general; biography; true life as distinguished from life of sin; God as life and giver of life; eternal life obtained through Christian life, repentance, faith, charity, chastity, obedience, through martyrdom; mystical and angelic life и т. д.

Словарная статья у Лампе завершается коллекцией выписок на тему ветхозаветного *древа жизни* (ἡ ὕλη τῆς ζωῆς, τὸ ξύλον τῆς ζωῆς, lignum vitae, дре́во жизни) — в свете

первородного греха и искупительной роли креста Христова в Новом Завете. И в текстах Ильиной книги упоминаний о древе жизни встретилось несколько. Конечно, анализ *витальных* лексем без обращения к древу жизни является неполным. Отметим, однако, тему для дальнейшего исследования.

18–2. Глава

В патристическую эпоху в качестве богословского аргумента охотно принималась ссылка на этимологию слова¹⁹⁷. Среди патристических этимологий слова *θεός* «бог», — а в Лексиконе Лампе¹⁹⁸ их указано четыре, — имеется и деривация лексемы от двух глаголов чувственного восприятия, а именно: *θεάομαι* и *θεωρέω*.

Первый глагол в транзитивном употреблении обычно имеет эквивалентом «видеть, созерцать», и соответствующий фрагмент у Евагрия Понтийского (ок. 345–399) А. И. Сидоров так и переводит: «...Богом называется Тот... Кто „все видит“»¹⁹⁹. Комментируя данный фрагмент, ученый ссылается на Иринея Лионского, который — не он один²⁰⁰ — усматривал связь *θεός* с *θεάομαι*.

Между тем в контексте, в котором Иринея упоминает о ней, имплицитно другое понимание производящего глагола, обусловленное его интранзитивным употреблением. В сочинении, обычно кратко называемом «*Adversus haereses*», в 38-й главе IV книги (§ 3), святитель говорит о доступности Бога чувствам человека, причем Бог готовит человечество к восприятию самого себя и для этого проводит его через ряд стадий. «Человеку надлежало сперва произойти и происшедши возрастая, возросши возмужать, возмужавши размножаться, умножившись укрепляться силами, укрепившись прославиться и прославившись видеть своего Владыку». И далее следует содержащая этимологию фраза: «Ибо Бог имеет быть видим»²⁰¹ (*θεός... ὁ μέλλων ὁρᾶσθαι*²⁰²).

По христианскому догмату, невоплощенный Бог — невидим²⁰³, однако для греческих свв. отцов он парадоксальным образом, в том числе и на основе наивной этимологии²⁰⁴, имеет свойство «видимости» (точнее, доступности органам восприятия), правда, только для предуготовленного человека. Бог себя являет, и его мож-

¹⁹⁷ Так, важнейшим трудом Исидора Севильского (ок. 560–636) являются его «*Etymologiae*» (см. у Миня: PL 82), которые, конечно, представляют собой общую энциклопедию современного Исидору знания, но все же в первую очередь объясняют историю (происхождение) слов. Пусть эти объяснения были, с современной точки зрения, фантастическими; христианские книжники тем не менее ссылались на них на протяжении многих веков. Например, Антоний Падуанский (1195–1231) считал своей обязанностью привести несколько этимологий Исидора в *каждой* своей проповеди (см.: [Антоний Падуанский 1997]. Лингвистические разыскания не были для Исидора случайными; ему принадлежит и второй труд на грани языкознания и богословия — «*Супопута*».

¹⁹⁸ [Lampe 1976: 632].

¹⁹⁹ См.: [Творения аввы Евагрия 1994: 155].

²⁰⁰ В Лексиконе Лампе названы еще имена Евсевия Кесарийского и Григория Нисского.

²⁰¹ См.: [Иже во святых отца нашего Иринея 1900: 435].

²⁰² Lampe 1976.

²⁰³ См. резолютное новозаветное суждение — Ин 1: 18.

²⁰⁴ Общепризнанной научной этимологии слова *θεός* не существует, да она сейчас и не нужна нам. Важно отметить, что отцы Церкви прислушивались к подсказке обиходного языка и считали возможным на ее основе делать заключения философского и богословского характера.

но и видеть и слышать, причем не только путем внутреннего духовно-мистического созерцания (оно-то и подсказывается вторым глаголом из пары — θεωρέω²⁰⁵), но и посредством внимательного глаза или прислушивающегося уха.

Каким же, однако, способом Бог сообщает о себе людям? Ответов множество (и почти все в богословии испытаны), но в настоящем кратком анализе остановимся лишь на одном из них. Рассмотрим две взаимосвязанные точки зрения — Ганса Урса фон Бальтазара и Рудольфа Отто.

Великий современный религиозный философ и богослов Ганс Урс фон Бальтазар (1905—1988), — впрочем, мало известный в России²⁰⁶, — считает, что Бог открывается людям посредством одного-единственного качества-свойства, которое, по его мнению, по-немецки удачно — удачнее, чем в других европейских языках — выражено лексемой Herrlichkeit (словарное значение: *великолепие, величие, пышность, блеск*). В церковнославянских и русских текстах Свщ. Писания нем. Herrlichkeit обычно соответствует сла́ва, но между двумя лексемами, хотя и есть полная динамическая сопряженность, полной семантической эквивалентности — нет²⁰⁷. Действительно, они обе обычно переводят евр. כבוד (кавод) и отчасти כְּבוֹד (уфхина[h]), греч. δόξα²⁰⁸ (и лат. gloria), тогда как их фоновые обертоны — различны.

Herrlichkeit, являясь производной, содержит в себе упоминание о Господе (Неп)²⁰⁹. Конечно, в обыденном общении имплицитное присутствие в слове Herrlichkeit божественного обертона не ощущается, но если быть внимательным к языку, — а для немецкой философии XX в. характерно такое прислушивание²¹⁰, — то запрятанный смысл, и без особой натяжки, может быть выведен в центр внимания. Если по модели фиксируемого лексикографически слова *божественность* произвести слово *господственность* и приписать ему (вообще говоря, естественную) семантику «величия» и «великолепия», — и при этом не забывать, что в основе деривата лежит не *господин*, а *Господь*, — то как раз получим подобие нем. Herrlichkeit.

Именно эту лексему Бальтазар и поставил в центр своих разысканий. Более того, он является создателем целого направления в богословии, названного им, впрочем, двусмысленно — *богословской эстетикой* (theologische Ästhetik). Слово Ästhetik (в об-

²⁰⁵ Перечисляя синонимы для передачи смысла глагола θεωρέω, И. Х. Дворецкий знаменательным образом ставит «созерцать» перед «видеть», а при философском употреблении глагола дает соответствия, связанные исключительно с интеллектуально-эмоциональной сферой человека: *созерцать, рассматривать* (= логически выявлять причины и следствия), *размышлять, исследовать* (= обдумывать), *судить, умозаключать*. См.: [Дворецкий 1958, 1: 784].

²⁰⁶ Общую характеристику ученого на русском языке см.: [Каполь 1992]. После кончины Бальтазара за границей появилось несколько монографий, посвященных анализу его духовного наследия. См.: [Balthasar 1989; Queffelec 1991].

²⁰⁷ Павловский, именно в динамическом аспекте, ставит знак равенства между Herrlichkeit и Glorie. Между тем, по данным самого лексикографа, Glorie имеет, а Herrlichkeit не имеет значения Ruhm (ср. рус. *слава* = «молва»). Правда, если по-русски можно обратиться *славу* и сказать: (*о нем идет*) *дурная слава*, то Glorie «глория» пейоративных сочетаний не допускает. См.: [Павловский 1900].

²⁰⁸ В обиходном языке δόξα и ее производные имеют богатый спектр значений: δόξα — «представление, мнение, образ мыслей, ожидание»; «отзывы толпы, молва, слава» (от δοκέω «мню, думаю, полагаю»); ἔνδοξος — «славный, очень известный»; παράδοξος, -ον — «страшный, необыкновенный»; «невероятный, чудесный»; παραδόξια — «удивление, чудесность».

²⁰⁹ В других европейских языках подобной импликации нет: лат. magnificentia или splendor, франц. magnificence, англ. glory или grandeur, ит. magnificenza, исп. magnificencia.

²¹⁰ Достаточно сослаться на способ философирования, характерный для Мартина Хайдеггера.

щепринятом смысле) — это *Wissenschaft oder Philosophie des Schönen* «наука или философия прекрасного»), тогда как в узусе ученого *Ästhetik* семантически равна греч. αἴσθησις «ощущение, восприятие, зрение, умозрение, прозрение», т. е. любое извне-восприятие чего/кого-либо (у Бальтазара, конечно, Бога) посредством как органов чувств, так и умствования и интуиции. Стало быть, возникла нежеланная омонимия терминов, отчасти, может быть, оправданная тем, что Бальтазар все-таки имеет в виду не любое восприятие, а прежде всего восприятие прекрасного.

Как бы то ни было, Бальтазару принадлежит соответствующий грандиозный труд по богословской эстетике²¹¹ — поражающий и объемом изложенного материала, и громадной эрудицией автора.

Для дальнейшего необходимо, пусть в самом сжатом виде, познакомиться с позицией исследователя. Любому было бы затруднительно предложить резюме семи объемистых книг, но, к счастью, Бальтазар сам такое резюме выполнил²¹². Основные его идеи таковы.

Бог обнаруживает себя людям посредством «господственности»-славы (*kabod-do-ha-gloia*). Это означает, что Бог поначалу приходит к нам не как учитель (носитель *истины*) и не как искупитель (носитель *блага*), а является в любви, выраженной в истинной (= бескорыстной) красоте (т. е. как носитель *прекрасного*). «Для славы Божией был сотворен мир, и ее посредством и ради нее он будет искуплен». (Русскому немедленно приходит на ум: «*Красота спасет мир*».) И лишь тот, кого коснулся луч славы-гории, начинает — сначала чувствами, затем и разумом — воспринимать божество. *Слава* на богословском уровне означает то же самое, что трансцендентальное *прекрасное* на уровне философском. Для западной философии (начиная с Гомера и кончая Хайдеггером) *прекрасное* и *красота* — это крайнее обобщающее качество окружающего нас бытия.

Подход к Богу через эстетику (в указанном выше смысле — как αἴσθησις) может показаться непривычным и даже странным, но тем не менее, по Бальтазару, только он один и отвечает природе божества. «Прекрасное», «истинное» и «благое» синкретически сливаются в *гиперпонятии* любви-славы, и Бальтазар тщательно исследует, как к нему, кроме названных, присоединяются другие атрибуты божества — милость, милосердие, благодать, праведность, правосудие, мир, искупление и другие. Иными словами, *Heirlichkeit*-слава — всеобъемлюща.

Восприятие божественной славы ведет к священному трепету (*timor filialis*²¹³), а этот последний — к познанию источника славы, поклонению и благочестию. Слава — это явление Бога человеку, приближение, пребывание-с-нами. Богословская эстетика остается на уровне света, образа, зрения, и она представляет собой лишь один из уровней богословия. За богоявлением далее начинается ответ человека на явленную ему славу, и этот уровень подлечит ведению другой отрасли богословия — богословию поступка (*Theologie der Tat* (Karl Barth, 1886–1968)).

Бальтазарова концепция богословской эстетики в свою очередь хорошо проясняется на фоне концепции *нуминозного*, предложенной основоположником феноменологии религии — марбургским религиозным философом Рудольфом Отто (1869–

²¹¹ Труд состоит из 4-х томов, изданных в виде 7-ми книг. Все они вышли (некоторые уже третьим изданием) в издательстве: Johannes Verlag, Einsiedeln. Ниже мы указываем лишь последнее по времени издания: [Balthasar 1975, 1984, 1988, 1988, 1989].

²¹² [Balthasar 1990: 62–69].

²¹³ Буквально: сыновний страх (перед Отцом).

1937)²¹⁴. Более подробно о весьма важной интуиции нуминозного говорится у нас в Разделе третьем настоящей монографии. Сейчас приводятся лишь минимальные сведения, необходимые для понимания линии аргументации в данной подглавке 18–2.

Р. Отто назвал *нуминозным* реальный опыт человека, когда тот в определенные моменты отчетливо переживает присутствие чего-то *радикально иного*, чем он сам, заведомо сущностно-непостижимого, хотя и бытийно-реального. Нуминозное — это *mysterium* «тайна». Опыт нуминозного отличен от опыта секулярного как «радикально другой», но не как «совершенно другой»: между «посюсторонним» и «потусторонним» имеет место коммуникация, причем для носителя нуминозного опыта — безусловно реальная, хотя и неуловимая, непонятная. Такое чувство возникает при созерцании природы, восприятии великого произведения искусства, наблюдении подвига и героизма, в присутствии неординарной (харизматической) личности, знакомстве с каким-либо грандиозным учением и т. д., а также во время пребывания индивида в экзальтированной толпе.

Содержанием подобного переживания является *numen* (в генитиве — *numinis*, отсюда и термин). Словарные эквиваленты мало отличаются от таковых *Heftlichkeit*, а именно: «божественность, великолепие, величие» (титул, между прочим, прилагался и к императору). Что такое *numen* в концепции Отто, сказать затруднительно и для самого ее автора, потому что денотатом является личный опыт специфической эмоции или, иначе сказать, персональная эмоция неповторимого опыта. Во всяком случае, это не обязательно чувство присутствия божественного, потому что нуминозное переживается агностиками и даже милитантными атеистами. Кто имел или имеет опыт нуминозного, тот, по Отто, поймет, что имеется в виду, а кто этим опытом не располагает, тому не разъяснишь. Рациональное определение нуминозного невозможно, поскольку это — фундаментальная, изначальная и априорная (хотя и воспринимаемая и тем более развивающаяся апостериорно), т. е. — в смысле Платона, врожденная — категория.

Переживание нуминозного сопровождается двумя разнонаправленными чувствами: чувством *страха-трепета-благоговения* (*mysterium tremendum*) перед лицом *majestas* («величественного»), желанием бежать-скрыться, с одной стороны, и, с другой, чувством *блаженства-притяжения* (*mysterium fascinosum*). Оба чувства находятся между собой в своеобразной гармонии контрастов. От этих двух чувств производно чувство тварности, т. е. сознание своего ничтожества, и благочестия, т. е. желания послужить нуминозному²¹⁵.

Выявив нуминозное как априорную категорию, отличную от истинного (рационального), благого (этического) и прекрасного (эстетического), Отто утвердил религию и идеологию как самостоятельную область человеческого духа и жизни, отграничил ее от философии²¹⁶.

²¹⁴ Как и Бальтазар, Отто почти неизвестен в России. Между тем его основной труд (*Das Heilige*; см. след. сноску) выдержал на родине мыслителя такое количество изданий, что его назвали «самой распространенной немецкой богословской книгой XX в.» [*Zahmt 1967: 57*]. См. посвященные Рудольфу Отто монографии: [*Davidson 1947; Paus 1966*].

²¹⁵ См.: [*Otto 1963: 13–16; 42 f.*].

²¹⁶ Дотошное выявление общих признаков религии и идеологии составило основное содержание трудов другого выдающегося философа и богослова — Пауля Тиллиха. Предшественником Тиллиха на отечественной почве является (оставшийся Тиллиху неизвестным) недооцененный у нас великий религиозный философ М. М. Тареев. Основная идея Тиллиха такова: человеку свойственно

Богословская эстетика (в смысле Бальтазара) сопряжена с нуминозным и не может быть отделена от него: эстетическое переживание прекрасного проходит на фоне эмоции прикосновения к высочайшему, наивозвышенному, величественному и вызывающему трепет. Соответственно, по Бальтазару, в религиозном дискурсе познание совершается не рациональным путем, а, напротив, посредством комплексного, преимущественно эмоционального, восприятия внешнего феномена, точнее сказать: приобщения к нему.

Чувственное восприятие славы предполагает готового к такому восприятию человека и сопровождается теми двумя эмоциями (*mysterium tremendum* и *mysterium fascinosum*), которые всегда возникают в присутствии нуминозного.

То, что описали Бальтазар и Отто, — это изложенный на современном научном языке итог анализа реально и перманентно существующего в религиозных текстах Свщ. Писания (часть из которых, как известно, имеет трехтысячелетний возраст). Оба мыслителя не *изобрели* чего-то абсолютно нового, небывалого, невиданного, а тщательным анализом христианских религиозных текстов выявили, обнаружили, *открыли* то, что в них присутствовало, но или не привлекало к себе внимания, или интерпретировалось по-иному.

Уже в Ветхом Завете содержится почти вся информация, которую Бальтазар сообщил о *Heiligkeit*. Конечно, изложена она совсем по-иному. А чего недостает, то присутствует в Новом Завете.

Ниже рассмотрены контексты, в которых употреблено слово *слава* (в Ветхом Завете, как правило, соответствующее евр. כבוד или ששכנה, а в Новом — греч. δόξα) в составе канона книг, принятого в православии²¹⁷.

Преимущественно перечисляются избранные СДоли гиперпонятия, представленные в Ветхом Завете, по методике исчисления, наиболее полно реализованной выше в подглавке 17–3. Что касается Нового Завета, то в нем прирост информации, вошедшей в фон лексемы δόξα, сравнительно небольшой, но тем не менее отличия от ветхозаветной *славы* названы отчетливо.

Ниже по указанной методике выявлена, рационально сформулирована и в логической последовательности представлена фоновая информация о *славе*, содержащаяся в Свщ. Писании. Нет, конечно, потуги соревноваться с многочисленными лексиконами²¹⁸: в перечень вошли не все, а именно *избранные* семантические доли,

задавать экзистенциальные вопросы (о смысле жизни, о нравственности, о развитии мира и общества, о значении смерти и т. д.), и поскольку как религия, так и всеобъемлющая идеология готовы давать ответы, они обе должны иметь много общего между собой и коррелировать. Различия же между ними оказываются, с этой точки зрения, маргинальными (что, конечно, не упраздняет онтологической истинности религии, а не идеологии). Более того: Тиллих считал, что, поскольку на Западе религиозная традиция утрачивается, именно идеология и, более широко, культура оказываются ныне более пригодными отвечать на экзистенциальные вопросы. Поэтому он объявляет идеологию *религией в широком смысле* (Religion im weiteren Sinn; в противоположность [традиционной] *религии в узком смысле*). Идеология и культура, даже если они объявляют себя атеистическими, являются, по Тиллиху, формой религии. Во всяком случае, по его мнению, перед лицом кризиса религии идеология все же «лучше» секулярного мира, поскольку она, как и религия, противостоит его бессмысленности и цинизму.

²¹⁷ О каноне книг Свщ. Писания, принятом у православных, в отличие от еврейского, католического и протестантского, см.: [Верещагин 2000а: 16–22].

²¹⁸ Например, для Ветхого Завета см.: [Westermann 1984: 794–812]. Для Нового Завета см.: [Rad, Kittel 1957: 235–258].

поскольку прагматичный список составлялся с оглядкой на последующий анализ славяно-русской гимнографии.

Сам Бальтазар выполнил великолепный филологический анализ как ветхозаветной, так и новозаветной Herrlichkeit, и первую он назвал «конкретной»²¹⁹, тогда как вторая обозначена непереводаемым словосочетанием *Bitte um Verherrlichung*²²⁰ (приблизительно [без учета мотивации второго слова]: *молением о прославлении*).

Итак, в Свщ. Писании представлены семантические доли (далее сокращенно: СД) лексемы *слава*. Ниже они перечислены, и каждой СД присвоен номер, заключенный в квадратные скобки:

- [1] Господь сил — это и царь славы (Пс 23: 10), а слава — атрибут божества (Быт 45: 13);
- [2] по модусу бытия божественная слава — *нетленна* (Рим 1: 23), т. е. не подвержена изменениям, обусловленным ходом времени;
- [3] по интенсивности «качества» божественная слава абсолютна, но «славы» тварных предметов допускают градацию²²¹ (1 Кор 15: 40–41);
- [4] впрочем, слава Нового Завета «изобильнее», «преимущественнее» славы Ветхого (2 Кор 3: 7–12), ибо слава Ветхого Завета является «под покрывалом», а Нового — «как в зеркале» (2 Кор 3: 15–17);
- [5] атрибуты (отчасти синонимичные) божественной славы — *величие* (Исх 15: 7), *благословение* (Исх 28: 2), *могущество, победа, великолепие, сила* (1 Пар 29: 11), *красота, правда* (Пс 110: 3);
- [6] слава Господня является взорам людей *экстраординарно*: в виде светлого облака (Исх 16: 10), как «огонь поядающий» (Исх 24: 17), в виде грозных природных явлений («огня, землетрясения, бурного ветра и мороза»; 3 Езд 3: 19) и сияния (Евр 1: 3), а в событии Преображения — посредством «одеяния белого, сверкающего» (Лк 9: 29–32);
- [7] слава Господня приметна и в *обыденных* явлениях: небеса, как и твердь, проповедают славу Божию (Пс 18: 2), славы полна вся земля (Чис 14: 21);
- [8] слава способна покрывать *открытые* пространства (например, гору Синай; Исх 24: 16) и входить в *закрытые* (например, в скинию [Исх 40: 34] или храм [Иез 43: 4]);
- [9] Бог может откликнуться на просьбу человека и в виде *разового* события показать ему свою славу (Исх 33: 18–19);
- [10] человек может быть также *постоянно* приобщен к божественной славе: если он исполняет посреднические функции (например, Моисей входил в облако славы [Исх 24: 18]) или является священником (Исх 28: 2), пророком (как, например, Илия [Лк 9: 31]) и апостолом (как, например, Петр [1 Пет 5: 1]);
- [11] в случае постоянного приобщения к божественной славе такой человек изменяет свой облик (так, лицо его приобретает блеск; Исх 34: 29–35);
- [12] видение человеком божественной славы опасно для него (например, можно лишиться зрения [Деян 22: 11]), и сам Бог заботится, чтобы человек не пострадал (Исх 33: 20–23);
- [13] поскольку человеку прямо видеть саму божественную славу невозможно, он видит лишь «задняя» (Исх 32: 22) и «подобие славы Господней» (Иез 2: 1);

²¹⁹ Balthasar 1975, 1: S. 133–164.

²²⁰ Balthasar 1975, 2: S. 221–254.

²²¹ «Есть тела небесные и тела земные; но иная слава небесных, иная земных. Иная слава солнца, иная слава луны, иная звезд; и звезда от звезды разнится в славе».

- [14] воспринимая славу, человек испытывает священный страх и трепет от своего недостойнства (таков был опыт Моисея; Евр 12: 21²²²; так же Пс 2: 11, Ис 8: 13);
- [15] воспринимая славу, человек не способен описать, что с ним происходит, ибо слава — «невидима», «неизреченна» (Рим 1: 20; 1 Пет 1: 8);
- [16] слава не подчиняет себе человека, и он, по свободной воле, способен намеренно не прислушиваться к ее голосу (Чис 14: 22);
- [17] люди способны предпочесть славе что-то ничтожное (например, «изображение вола, ядущего траву»; Пс 105: 20).

Перечисленные СД допускают группировку: так, СД [1–5] отражают *общие характеристики* славы; СД [6–8] говорят о *способах явления славы*; СД [9–11] описывают *качества людей*, которым слава может быть явлена; СД [12–13] свидетельствуют об *ограниченности восприятия* славы человеком; СД [14–15] говорят об *эмоциях человека*, воспринимающего славу; наконец, СД [16–17] напоминают о «*жестокосвойности*» человека, способного намеренно славу не принять.

В следующем разделе подглавки данный список будет применен к славяно-русской гимнографии. Нас интересует, представлена ли в ней (и если да, то насколько) та вызывающая трепет и притяжение богословская эстетика нуминозного, о которой писали Балтазар и Отто.

На 27 декабря выпадает память первомученика и архидиакона *Стефана*. Богослужбное последование Стефану (далее — ПС) принадлежит к числу древнейших церковнославянских гимнографических текстов; оно представлено уже в самом архаичном богослужбном сборнике — Ильиной книге (далее — *Ил*)²²³.

ПС изучается нами как по неправленной версии *Ил*, так и по версии Син. 162 [далее — *Сн*]²²⁴, которая во второй половине XI в. подверглась редактуре. ПС интересно с различных точек зрения. Ниже исследуется лишь одна из содержащихся в ПС предикаций — о славе Божией.

Первомученик Стефан, достигнув бесплотного состояния, приобрел качество, свойственное ангелам и божественным людям (см. выше СД [10]), а именно: он мог непосредственно воспринимать (т. е. воспринимать как внешний феномен) один из атрибутов Божества — его славу [1]. В 1-м тропаре IV песни канона²²⁵ из ПС (по *Ил*: 90° 7–10; цитируется фрагментарно) об этом сказано так²²⁶:

²²² «И столь ужасно было это видение, что и Моисей сказал: „я в страхе и трепете“».

²²³ Общую характеристику *Ильиной книги* см. в предыдущей подглавке 18–1.

²²⁴ *Син. 162* — славяно-русская рукопись (полная служебная минея за декабрь) с указанным шифром из собрания бывшей Синодальной библиотеки, ныне в ГИМ. Описание см.: [СК: № 83]. Рукопись происходит из числа знаменитых Новгородских Софийских миней. Издается (с коллацией разночтений по другим рукописям) российско-германским коллективом; см.: [Rothe, Vereščagin 1996].

²²⁵ Для этого тропаря греч. соответствие не отыскано.

²²⁶ Здесь и далее следуем эдичионным правилам, принятым в российско-германском коллективе, осуществляющем издание Декабрьской служебной минеи по древнейшим рукописям (см. предыдущую сноску). Древний текст воспроизводится буква в букву. Пунктуация и диакритика рукописи, за исключением титл, вообще говоря, опущены; выносные литеры показаны так, как в источнике. Анахронистически вносим от себя только опоясывающие запятые (чтобы выделить обращения). Словоделение и стихометрия (счет стихов-строк) привнесены (они отражают интерпретацию текста публикатором). Стихометрия по принципиальным соображениям предпринята только на синтаксической основе, отсюда количество строк тропарей в одной и той же песни канона может не совпадать. После номера страницы в рукописи указаны строчные границы песнопения.

- (1) Ζηλώσας τῶν ἀγγέλων προαίρεσιν
Ръвьновавъ воли англьстѣи
(2) καὶ τὴν μορφήν ἀγγελικῶς
и ѱβλчннѣ англьскоѣ
(3) φανότητι κατηγλαίσω
тавлено озарнѣ сѧ
(4) καὶ καθοπτεύεις τὴν δόξαν τὴν θεϊάν...
и видиши славоу божнѧ...

В богородичне V-й песни (91г 7–10)²²⁷ этот феномен непосредственного зрения славы [10] назван с упоминанием Первой Ипостаси Троицы:

- (1) Τὸν ἐπιδημήσαντα ἐξ ἀπειράνδρου μητρὸς
Пришьдъшаго изъ бемоужьнннѣ| мѣре
(2) ὁ πρωτομάρτυς ἐν ἀκινήτῳ τοῦ Πατρὸς
първомчнкъ въ недвижннѣ|мѣ бжствѣ
(3) θεότῃτι εὐστώτα καὶ δόξῃ ἐν οὐρανοῖς τεθέαται.
оцю зърнть славоу| на нѣсьхъ виднть·|

Между греч. оригиналом и слав. переводом, как он представлен в Ил (т. е. как результат бытования, без справки), имеются расхождения. В частности, по-гречески песнопение читается несколько иначе: ...*в недвижимом божестве Отца и славе...* Здесь гимнографически аллюзирован теологумен, по которому Вторая Ипостась («Пришедший из безмужней матери»), даже во время пришествия на землю (= вочеловечения), парадоксальным образом сохраняет свое место в составе нераздельной Троицы.

В стихире 1-го гласа из ПС предикации о славе Божией достигают своей вершины. Правда, в Ил текст пострадал от времени, тогда как в Сн он отлично согласован с греч. источником. Соответственно стихира воспроизводится по Сн (254^r 14–19):

- (1) Πρὸς θεωρίαν τῆς ἄνω θεοφανεΐας ἀφεῖς
На видѣннн въшннаго боговидѣнннѣ въшьдъ||
(2) ὁ ὑψηλότος μάρτυς
въскоооуменъ оученикъ
(3) τῆς Χριστοῦ παρουσίας
хрнстова пришьствннѣ
(4) τὴν ἄφραστου ἐκείνην δόξαν ἰδῶν
ненздреченьноу славоу wnou| видѣвъ
(5) ἐδοξάσθη τὸ πρόσωπον
просвѣтѣ сѧ лице него
(6) ὑπὲρ τοῦ πάλαι Μωσέως ἐν τῷ Σινᾶ
паче дрѣ|вънннлаго мѣстѣнѣ въсннѣ
(7) τὰ ὀπίσθια ἰδόντος Θεοῦ.
задньннѣ видѣ|въша божнѣ :~|

Виденная Стефаном слава названа *неизреченной* (строка 4), т. е. невыразимой в словах [15]. Кроме уже известной нам СД [10], здесь представлена и еще одна семантическая доля — удостоенный видения славы и сам внешне приобретает ее от-

²²⁷ На этот раз греч. соответствие найдено.

блеск (строка 5) [11]. В стихире аллюзировано боговидение Моисея: в библейском повествовании в антропоморфных терминах сказано, что этнарх видел, конечно, не само божество, а лишь его «задняя» (см. строку 7; аллюзируется Исх 33: 22). Когда же Моисей вернулся к народу, лицо этнарха сияло нестерпимым блеском, отчего пришлось прикрыть его платом (Исх 34: 29–35). Поскольку новозаветная слава выше славы ветхозаветной [4], в песнопении специально подчеркнуто, что лицо Стефана просияло «паче» Моисеева. Поскольку сияли лица и других святых, в иконографии сложился канон венчика-нимба.

Итак, человек способен воспринимать славу Божию и наполняться ею. Тогда она становится частью его самогó. Об этом в 1-м тропаре V-й песни (он не сохранился в Ил и цитируется по Сн: 257г 12–15) ясно сказано:

- (1) Ἐλαμφεν ὡς ἄγγελος ὁ πρωτομάρτυς σου
Въсна тако съльнце първомоученикъ| ти
- (2) τῶν οὐρανίων, Χριστὲ, ἀφίδων γερονῶς ὑπέρτερος
небесънъин, христѣ, лоукъ превъ|шьнии бъвъз
- (3) καὶ δόξης ἀβρόητου ἐμφορηθεὶς, φιλόνητος.
славъ неиздрече\нь/нъи| напъльнъ сѧ, милосърде :~|

Об этом же наполнении славой упоминается и в 1-м тропаре VI-й песни. Цитируем его снова по Ил (91г 12–15):

- (1) Ὁ κλεινὸς ταξίαρχος τῶν μαρτύρων Στέφανος πιστοὶ
Славьнъим чинитель мчнкъ сте|фанъ вѣрнии
- (2) τοὺς θεσμούς τῆς φύσεως τῇ χάριτι ἐκβεβηκῶς
объчан нестьства| блгдтъю и-ш-ьдъ
- (3) τῇ θεῖᾳ δόξῃ αἰγάζεται.
вжнѣю славож| озари сѧ·|

Сейчас на время оставим Ил и обратимся к источнику, среди богослужебных славяно-русских рукописей занимающему по архаичности второе место, а именно: к Путятиной минее (сокращенно: ПМ) ²²⁸.

В стихире из последования на память прев. Иова Многострадального по ПМ (л. 24 об.) читается:

- (1) Ὡς θέμις ἀνθρώποις
тко неугдъ ²²⁹ үлкѡмъ вндѣти
- (2) κατιδεῖν τὴν δόξαν σου
славж твоюж
- (3) κατοπτεύσας τὴν ἀβάθανον
зървъз небнднмоуѣж
- (4) φόβῳ κραθεὶς καὶ εὐλαβεῖα
страхомъ раствора сѧ н говъннѣмъ
- (5) ἐβόησεν Ἰὼβ
възъпн трѣпетомъ

²²⁸ Пользуемся электронным набором, подготовленным В. А. Барановым и его сотрудниками. (Шрифт набора — стилизован.) Греч. тексты черпаем из кн.: [Щеголева 2001].

²²⁹ Порча текста. Должно быть неугдовъ.

- (6) λίαν ἔντρομος·
новъ зѣло
(7) σποδῆς ὑπάρχω καὶ γῆ
прѣсть ксма н земаа
(8) σὺ δὲ κύριος...
ты же гѣ...

Здесь выражены СД [12] (строки 1–2), [15] (строка 3) и [14] (строки 4–8).

Связь приуготовленности человека [10] и видения славы ярко выражена в стихире (42) и в седальне (42 об.—43) на память пророка Исаии:

- (1) ...καὶ τὴν θεῖαν δόξαν
...н бжннѣ слава
(2) βλέπει Ἰσαΐας
вндѣвѣ нсанн
(3) διὰ πολλὴν τῆς ἀρετῆς
за многоуѣ дѣтель
(4) περισσίαν καὶ καθαρότητα...
нздраднѣ н чнстотѣ...

- (1) Παθῶν τῶν τοῦ σώματος
страстнн тѣлесньихъ
(2) προκαθαρθεῖς τὴν ψυχὴν
прѣвѣк оуишь дшѣ
(3) τὴν δόξαν τεθέασαι
славоу вндѣлѣ нсн
(4) τὸν ἐπὶ πάντων θεοῦ,
надъ всѣмн бжннѣ,
(5) προφῆτα πανόλβιε,
пррѣвѣ всеславне,
(6) ἔλλαμψας προφητείας
проснмѣвѣ просвѣтннн
(7) σελασφόροις ἀκτίσι...
свѣтѣлѣмн лоуѣамн...

В стихире упоминается также СД [11] (строки 6–7).

Таков достаточно обширный исходный материал, но дальше цитировать связанные тексты у нас нет места. Поэтому аппарат разысканий придется оставить за скобками и сразу предложить его результаты. Возвращаемся к анализу Ил.

Слава выступает в качестве атрибута как самого божества (гѣ славы; слава твоа болѣпнаа) [1], так и его (антропоморфного) пространственного обитания [8]: прѣстолѣ славы; сѣданъ въ славѣ; скрина бжннѣ славы. Тем не менее божественная слава, подобно отраженному свету, может присваиваться [10]; например, об архангеле Михаиле сказано: архангѣ славѣ бжнн; начальниче славѣ бжнн; оукра си тѣ слава. В таком случае слава допускает свое дальнейшее преподание (например, земным людям) через посредников: так, ангелы твои славѣ сълеми бзываютъ къ земьнымъ. Славу можно видеть, но только «умными очами» [15], так что на «умозрение» способны не все, а лишь избранные люди [10]. Умозритель в свой черед

(как в зеркальном отражении) непостижимо показывает славу божества другим людям [11]: *веселатъ сѧ земьнии о стѣни славы твои красоще сѧ; оубоуж тебѣ славоу собою показа* (речь идет об ап. Филиппе).

Слава — не то же самое, что красота, доброта, (вель)лѣпота, хотя в конструкциях *parallelismus membrorum* возможны взаимозамены. Действительно, в 1-м тропаре VII-й песни канона архангелу Михаилу (по Ил: 40^v 4–8) говорится:

- (1) *есть паче оума прѣстола, сѧсе,*
- (2) *нетъ|лѣбѣщаго свѣта*
- (3) *твои величѣн| славы*
- (4) *ангѣлстни чни*
- (5) *твоиуж просвѣщени красотоуж...*

Славьнъ, по модели *прѣмѣдръ* или *всегоузи*, может иметь семантическое усиление: *прѣславьнъ* и *всѣславьнъ*. Ср. по аналогии: *прѣдобръ*, *прѣкрасьнъ*, *прѣоукрашьнъ*.

В припеве канона *Славно бо прослави сѧ* эстетически сближены, но семантически не слиты, а, напротив, друг другу противопоставлены два концепта («молва», «великолепие»); ср. также: *величгъ дньсь славоу твою, славьне*. Впрочем, бывают и синкретичные контексты: *варвара славьная* — и известная, и (божественно) прекрасная.

Не все СД, представленные в Свщ. Писании, отыскились в исследованных гимнографических текстах, но это объясняется исключительно ограниченностью материала.

Из сказанного следует, что феномен, называемый (в славяно-русских богослужбных текстах) лексемой *слава*, в полном соответствии с греческими оригиналами, — это способ целостного постижения божества по его внешнему проявлению, доступному подготовленному человеку.

Стало быть, трепетная богословская эстетика, как она выявлена Бальтазаром и Отто, вполне присутствует в гимнографии. Удивляться тут нечему: литургические произведения — это распетое богословие.

18–3. Стоудъ

Внутреннее побуждение рассмотреть семантику лексемы, указанной в заглавии подглавки, явилось по прочтении недавно опубликованной виртуозной работы Н. Д. Арутюновой [Арутюнова 2000], в которой она исследовала сокровенные смыслы этического концепта *стыда*, в том числе и на архаичном этапе его бытования.

Немного спустя мы обратимся к исчислению СДолей концепта *стыда*, но сейчас начнем с другого архаичного этического представления, а именно: с клятвы-обетования, которую (в Ветхом Завете) способен, вопреки современным религиозным взглядам, дать человеку — Бог. В частности, мы имеем в виду клятву, которую Элогим дал царепроку Давиду.

В Ильиной книге привлекают к себе внимание два песнопения, содержащие упомянутую предикацию и к тому же сопряженные структурно-смысловым параллелизмом. Оба песнопения — рождественские. Первое (97^r 11–19) — это *стихира* 8-го гласа из богослужебного последования Недели по Рождестве Христовом, т. е. как раз дня памяти, наряду с Иосифом Обручником и Иаковом (братом Господним по плоти), *Давида-царя*; *стихира* представляет собой окличку именно псалмопевца. Второе песнопение (7^r 16–20, 7^v 1–5) — *седален* 4-го гласа из последования на Рож-

дество Богородицы (под 8 сентября). Для стихиры греч. оригинал пока не отыскан, а для седальна греч. соответствие отыскалось, и ниже оно напечатано:

- 1) (1) «Издръци, двѣде, възпни ѿвѣ
 (2) что ти клатъ сѧ прѣже глѧ гъ»
 (3) «ѿеже клатъ ми сѧ» рече «сзконьча сѧ дньсь|
 (4) плодъ ми дастъ страшньз
 (5) сѣ|сти на прѣстолѣ моємь
 (6) ѿмѣже| придѣ възсви поклонитъ сѧ²³⁰
 (7) а|нглн възпиктъ: „въ възшньихъ| слава
 (9) и на земли миръ въ чѣвцѣ|хъ бѣговоление“²³¹»|
- 2) (1) Ἀναβόησον, Δαυῖδ, τί ὤμοσε σοι ὁ Θεός;
 «Възъпни, двѣде, что ти клатъ сѧ| бѣ»
 (2) Ἄ μοι ὤμοσε φησί καί ἐκπεπλήρωχεν ἰδού
 «ѿеже ми клатъ сѧ сзконьча| сѧ о҃же
 (3) ἐκ τοῦ καρποῦ τῆς κοιλίας μου δοῦς τὴν Παρθένον
 и-ч-рѣва ми двѣцю давъ|
 (4) ἐξ ἧς ὁ πλαστουργὸς Χριστὸς ὁ νέος Ἀδάμ
 иж неѣже роди сѧ хъ новъи двѣзъ²³²||
 (5) ἐτέχτε βασιλεὺς ἐπὶ τοῦ θρόνου μου
 црѣ на прѣстолѣ моємь
 (6) καὶ βασιλεύει σήμερον
 и| црство҃иетъ въ вѣкы
 (7) ὁ ἔχων τὴν βασιλείαν ἀσάλευτον.
 илѣ|ган црство неѣвнжимо»|
 (8) Ἦ στεῖρα τίχτει τὴν Θεοτόχον
 неплодъи²³³ роди вѣю
 (9) καὶ τροφὸν τῆς ζωῆς ἡμῶν.
 и питате|льницу жизни нашеи·|

Что касается рождественской стихиры [т. е. песнопения 1)], то стоящие за ней аллюзии легко распознаются. Стихира перекликается с известным мессеанским псалмом 131/132.

²³⁰ О поклонении волхвов см. Мф 2: 1–12.

²³¹ Ангельский гимн «Слава в вышних Богу» см. Лк 2: 12–14.

²³² Погрешность, скорее всего, бытования текста; должно быть: адамъ.

²³³ По преданию, прав. Анна, мать Богородицы, и ее отец, прав. Иоаким, до глубокой старости не имели детей. Они провели жизнь в постоянном поношении (= стыде и укорѣ), потому что «во время оно» бесчадие считалось позором. Дело дошло до того, что однажды первосвященник не принял от Иоакима жертвенные дары, считая, что тот наказан бездетностью за тайные пороки. Обоим по молитве на склоне лет была дарована дочь — Дева Мария. В аналогичной ситуации Елисавета, мать Иоанна Предтечи, которая тоже до старости не имела детей, по зачатии похваляла Бога не за что-либо иное, а именно за снятие поношения: зачатъ елисаветъ... і таѣше сѧ д мсцъ глѣжцти. ѣко тако сзтвори мнѣ гдѣ. въ дни въ наже призрѣ. отълати поношение мое в чѣвцѣхъ (Лк 1: 24–25; цитируем по Мариинскому евангелию). — Память «святых праведных Богоотец Иоакима и Анны», родителей Девы Марии, приходится на следующий день по Рождестве Богородицы, т. е. на 9 сентября. Для дальнейшего скажем: по преданию, Иоаким, сын Варпафира, был потомком царя Давида; Анна, дочь Матфана (Мф 1: 15), по отцу происходила из колена Левина, а по матери — из колена Иудина, так что и она происходила из дома Давидова.

Сначала в этом псалме говорится о клятве Давида-царя — Богу (ст. 2–5; цитируем по известному изданию Синайской псалтыри): *ѣко клятѣ сѧ гю: Обѣшта сѧ боу ѣковолю: Аште вьнидж въ село домоу моего: Ан възлѣзж на одръ постелиа моея: Аште дамь сонъ очима мойма: ꙗ вѣкома мойма дрѣманне: ꙗ покоѣ кратафома*²³⁴ *мойма: Дойждеже обрѣштж мѣсто гю: Село боу ѣковолю.* Как видим, здесь напоминает о клятвенном обетовании царя построить Храм для Ковчега Завета. Затем во второй половине псалма, построенной симметрично, речь снова идет о клятве, но на сей раз о клятве зеркальной, — Бога человеку! Ср. ст. 10–12: *Клятѣ сѧ гъ дѣдоу въ рѣснотж: ꙗ не отъврѣжетѣ сѧ его: Отъ плода чрѣва твоего: Посажж на прѣстолаѣ твоемь: Аште сзхраниатѣ снѣе твоѣ завѣтѣ моѣ: ꙗ сзвѣдѣниѣ моѣ сн ѣмъже на оучж ѧ: ꙗ снѣе ѣхъ до вѣка сѧдѣтѣ на прѣстолаѣ твоемь.* Псалом поэтически воспроизводит события, которые в иной библейской книге (именно: 2 Цар 7: 8–16) изложены нарративно²³⁵. Наконец, стих 17-й того же псалма допускает, особенно с христианской точки зрения, прообразовательное прочтение: *Тоу възвращтж рогъ дѣви: оуготовахъ свѣтльникъъ хюу моемоу*²³⁶. Христосъ — это *χριστός* (апеллятив «помазанник», от *χρίω* «мазать маслом», в специальном смысле: «поставлять на царство посредством ритуала помазания»); греч. *χριστός* в переводческой практике Септуагинты всегда соответствует ивр. *מָשִׁיחַ* (*машиах*, совр. рус. *Мессия*; от глагола *משח* «помазывать»). Конечно, стих 17-й имеет в виду потомка царя Давида, который — видимо, по завершении периода упадка или, точнее, падения дома Давидова — восстановит цепь «помазанников», т. е. царей из этого дома, но последователи Иисуса из Назарета (Священным Писанием которых хотя и был ивр. Танах, но в редакции текста, отразившейся в Септуагинте) объявили пророчество осуществившимся. Для христиан Мессия уже пришел и воцарился, причем под «уготованным светильником» богословы патристического периода понимают Иоанна Предтечу²³⁷.

Соответственно в стихире 1) царь-пророк, по воле автора песнопения, говорит об исполнении обетования: *ѣже клятѣ ми сѧ (Бог) сзконецѧ сѧ дньсь: плодъ ми дастъ страшнъ сѣсти на прѣстолаѣ моемь.* Родился Иисус, и тем самым совершилось то, что было обещано с клятвою.

Что касается седальна 2), то здесь речь идет о Богородице. Казалось бы, обетование царя, который воссядет на престоле Давида, не имеет к ней отношения. Тем не менее в христианстве искони были внимательны к генеалогии Девы Марии; легитимность Иисуса как Мессии зависела не только от генеалогии Иосифа, но и от

²³⁴ В масоретской версии Псалтыри и в зависящей от нее синодальной Псалтыри на русском языке этого места нет; в Септуагинте и в синодальной славянской псалтыри соответственно — *ἀνάπαυσιν τοῖς χροτάφοις μου* и *покоѣ скранима мойма* (= вискам).

²³⁵ Пророк Нафан, исполняя поручение, дал Давиду обетование от имени Бога: «Когда же исполнятся дни твои, и ты почишь с отцами твоими, то Я восставлю после тебя сына твоего, которое произойдет из чресл твоих, и упрочу царство его. <...> И будет непоколебим дом твой и царство твое на веки пред лицом Моим, и престол твой устоит во веки» (2 Цар 7: 12, 16).

²³⁶ Примечательно, что в масоретской версии Псалтыри в данном стихе упоминания о Мессии нет; ср.: *לִי נֵר כְּחַיִּיךָ לְדוֹרֵךָ כִּי אֶמְצֵא אֶת פְּנֵי*. Септуагинта, однако, такое упоминание содержит: *ἐκεῖ ἐξανατελῶ κέρασ τῷ Δαυὶδ ἡτοιμασσα λύχνον τῷ χριστῷ μου*; соответственно данный стих для христиан принадлежит к числу мессианских.

²³⁷ Сводку соответствующих проповедей см.: [Ламре 1976: 817]. Иоанн как «(бытовой) светильник» (*λύχνος*) противопоставляется Иисусу Христу как «солнцу» (*ἥλιος*) и «(яркому) свету» (*φῶς*).

того, принадлежит ли Мария к Davididae, ибо происхождение Иисуса от Давида «по плоти» возможно только через Марию. Соответственно, как полагает составитель седальна, для Давида исполнение Божией клятвы началось с рождения Девы Марии, и составитель гимна поручает ему сказать об этом, причем с немедленным упоминанием, что от Девы родится Мессия: *еже ми клятъ сѧ съконьча сѧ оуже: и-ч-рѣва ми дѣцю давъ иж неаже роди сѧ хъсъ*. Иными словами, в седальне 2) речь идет об исполнении того же обетования, что и в стихире 1). Богосыновство Иисуса и одновременно его происхождение из дома Давида засвидетельствованы словами Ангела в момент благовещения: *сѧ вѣдетъ велии. і снъ възшѣнѣаго наречетъ сѧ. і дастъ емоу гъ бѣ прѣстолъ даба отѣа его* (Лк 1: 32). Ясно, что в данном случае имеется в виду принадлежность к дому царя-псалмопевца именно через Деву Марию.

Настал момент, когда пора обратиться к концепту стыда, исследованному, как упоминалось, Н. Д. Арутюновой. «Стыд (чувство стыда) предполагает взгляд извне. Он возникает в условиях „наружного наблюдения“ — реального или воображаемого». «В Ветхом Завете слово „стыд“ (греч. αἰδώς) — это, прежде всего, позор, то есть „внешний стыд“, покрывающий человека в глазах других людей, ущемляющий его достоинство» [Арутюнова 2000: 58 и сл.]. Суждения точные, но все же что именно считается позорным, что ущемляет достоинство человека?

Кроме того, какая связь между клятвой Давиду и стыдом? Связь эту мы и хотели бы показать.

Как ни непривычно это для современного сознания, но стыд, если посмотреть на него ветхозаветными глазами, покрывает человека, когда тот полагается на Бога и даже получает от него (например, через пророка) твердое (= клятвенное) обетование, а Бог на протяжении (в человеческих понятиях) длительного времени не исполняет того, что ожидается. Если Бог дал обетование народу или кому-либо из избранных своих, и тем более дал с клятвой, а затем промедлил, то весь народ или пророк (или царь) покрываются стыдом. Тогда злопыхатели и приступают к поношению²³⁸.

Панорамная картина дана в псалме 43 (10, 14–17): *Нынѣ же отъринѧ посрами ны: ꙗ не издешѣ бже въ слахъ нашихъ*²³⁹: <...> *Положилъ ны еси поношень*²⁴⁰ *сѧ съѣдомъ нашихъ: Подрѣжанье і поржганье сѧ щимъ окръстъ насъ: положилъ ны еси въ притъчѣхъ въ ѧзыцѣхъ: Покъиванье главъ въ людѣхъ: Весь денъ срамъ мой прѣдъ мнѣхъ естъ: ꙗ стоудъ лица моего крѣи мѧ: Отъ гласа поносѧщаго и оклеветавѧщаго: Отъ лица вражнѣхъ изгонѧщаго. «Механизм» поношения вследствие обманутого упования на Господа описан в псалме 21 (7–9): *Азъ же-смѧ чрѣвъ і не чѧкъ: поношенье чѧкомъ: ꙗ оупнѣженъе людемъ: Вѣси видѧштеи мѧ порогаши мѧ сѧ: И глаши оустъи своими покъиваши главами: Оупъва на гѣ да избавгго-и: И спѣто-и ѣште хощетъ емоу*. Из данного текста видно: злопыхатели отмечают, что «чужой» Бог медлит с помощью, отчего уповающие на него — покрываются позором. Поношенье — это, собственно, вербальная или (в более общих случаях) жестовая номинация различных видов стыда. Точно так же ситуация стыда описана в псалмах 30: 12, 118: 22, 118: 38–39 и т. д.*

²³⁸ Отсюда, в частности, в псалмах часты призывы к Богу не откладывать помощи (даже если и не угрожает скорая гибель), ускорить и поспешить: *ꙗ не оудѧи помощи твоѧи отъ мене* (21: 20); *оудѧри изъати мѧ* (30: 3); *бже мой не замлди* (39: 18); *ꙗ не замлди* (69: 6); *ѧдро варѧтъ ны милости твоѧи ꙗ* (78: 8) и т. д.

²³⁹ Т. е. «не выходишь с войсками нашими».

²⁴⁰ В источнике не дописано; должно быть: поношенье.

Эксплицитная формулировка, по которой, собственно, как ни страшно сказать, источником стыда является сам медлящий Бог, представлена в 68: 7–8: Да не постыдятся ся о мнѣ тръпаштеи тѣ ꙗ ꙗ сѣлѣ: Ни посрамляйтѣ же сѣ о мнѣ искжштеи тебе бже ѿнѣлѣ: ꙗко тебе ради прилѣсѣ поношение: покрьти срамота лице мое. Соответственно, псалмопевец, покрытый стыдом «Бога ради», Бога и призывает поскорее исполнить свои обеты (защитить, рассеять врагов и т. д.), чтобы стыд сошел с молящегося и перешел на обидчиков. Ср. 69: 3–4:

Αἰσχυθεῖσαν καὶ ἐντραπίησαν οἱ ζητοῦντές μου τὴν ψυχὴν,
Да постыдятся сѣ ꙗ посрамляйтѣ сѣ искжштеи душа моя:

ἀποστραφεῖσαν εἰς τὰ ὀπίσω καὶ καταίσχυθεῖσαν οἱ βουλόμενοί μοι κακὰ
Да възвратятѣ сѣ въспѣять ꙗ постыдятся сѣ хотѣштеи моемоу зълоу:

ἀποστραφεῖσαν παραυτίκα αἰσχυρόμενοι οἱ λέγοντές μοι εὖγε εὖγε.
Да възвратятѣ сѣ авѣ стъдыштѣ ꙗ глѣжштеи мнѣ благо же благо же.

Будь в нашем распоряжении больше места, мы воспроизвели бы межъязыковой анализ, но сейчас ограничимся лишь тем, что прямо назовем итог: все четыре греч. глагола стыда и поношения, употребленные в выписанном фрагменте (αἰσχύνω, ἐντρέπω, ἀποστρέφω, καταίσχύω), равно как все четыре ивр. глагола-соответствия (שָׁבַח, רָפַח, לָחַץ, מָלַץ), будучи, вообще говоря, многозначными, реально выражают смысл: подвергаться стыду-поношению-насмешкам, потому что «твой Бог» не пришел тебе на помощь вовремя или потому что он медлит выполнить свое обетование. Реальность выражения этого смысла подтверждается контекстами.

Если встать на христианскую точку зрения, то в свете сказанного легко понять, почему, согласно стихире и седальну, царь Давид «радуется и веселится» рождению Девы Марии и тем более Иисуса Мессии. Конечно, «радость и веселие» наполняют христианского Давида, поскольку Спаситель пришел в мир. Но есть и иной аспект: тысяча лет ожидания — это, в свете сказанного выше, срок стыда и поношения (со стороны язычников); наконец-то, он подошел к концу. Стало быть, царь радуется, что с него снято поношение «Бога ради», — чувство стыда не по своей вине, которое тем не менее псалмопевцу, как свидетельствуют его lamentации, пришлось испытать неоднократно.

Вот на этот смысловой оттенок — стыд из-за невмешательства или промедления Божества — мы и хотели бы указать в дополнение к исчерпывающему анализу Н. Д. Арутюновой. Пусть стыд такого рода, поскольку он налагается извне, и к тому же непреложной силой, так и называется — *наложенным*, или *импозитивным*²⁴¹.

Заметим в сторону, что, казалось бы, импозитивный стыд в наши дни совершенно утрачен. Но разве и сейчас, например, бедолага, не совладавший с коварным злопыхателем (и тем более отказавшийся от борьбы), не испытывает наложенного на него стыда и разве хотя бы часть окружающих не считает жертву, совершенно ни в чем не виноватую, «потерявшей лицо»? Во всяком случае, как прекрасно показал Р. Бультман, даже в Новом Завете αἰσχύνω со своими производными все еще в отдельных случаях сохраняет ветхозаветную семантику [Bultmann 1933: 188–190].

Но в целом Новый Завет действительно радикально изменил ее. Симушка из «Доктора Живаго», в развернутой лекции сопоставившая этические системы двух заветов, не

²⁴¹ Лат. *impositus* «наложенный» от *impono* «накладывать, придавать, навязывать».

удержалась от восклицания: «Какого огромного значения перемена!» Христиане стали гордиться («хвалиться»²⁴²) испытаниями, преследованиями, бедами и несчастьями, выпадавшими на их долю (казалось бы, из-за невмешательства Бога); о стыде в случае «не(до)получения обещанного» больше не могло быть и речи. Приведем в подтверждение этого классические слова из Апостола (по Чудовскому Новому Завету 1354 г.): (первохристиане) етери же роуганьи и ранами искоушѣе приша, еще же оузами, и темницями, и каменьяемъ повьени вѣша, и претрени вѣша, искоушени вѣшѣ, оуниствомъ меча оумроша, хдиша в миахтѣ в козыѣ кожѣ лишакеми, скорбѣще озлобляеми, нуже не бѣ достоинъ миръ, в поустыинѣ заблуждающе в горѣ и пещерахъ, и пропасти земнѣ, и ти вси послоушствовани вѣрзи ради, не приша обѣщаѣа боу о на, лоуче что прозрѣвшю, да не кромѣ на свершатся (Евр 11: 36–40). За перестройкой семантики стыда и поношения проследил Р. Бультман в названной выше статье.

Чувство же внутреннего стыда, согласно христианским этическим нормам, настолько императивно, что его наличие метафорически стали приписывать даже неодушевленным предметам. Одушевляясь желанием вводить в научный оборот все новые и новые тексты Ил, ниже публикуем два в этом отношении показательных тропаря по драгоценному источнику.

Первый тропарь (74^v 6–9; по общему счету публикаций из Ил в настоящей статье — третий) взят из канона Недели пред Рождеством Христовым; в нем чувство стыда приписано всепожирающему огню. Второй (9^v 16–20, 10^r 1–3; по общему счету — четвертый) выписан из канона Крестовоздвижению (под 14 сентября); в нем то же чувство «испытывает» огненное оружие, обороняющее рай.

Оба тропаря парадоксальны семантически: имплицитруется, что стыд заставляет воздержаться от действий, которые сами по себе не только не предосудительны, но прямо свойственны предмету (или человеку) по природе, т. е. по акту Божественного творения.

- 3) (1) Τὴν κτίσιν ὑπέταξε νῦν ἡ πίστις τοῖς παῖσι
Тварь всю покори нзынѣ вѣра дѣтѣмъ|
(2) τῇ δωρεᾷ τοῦ Πνεύματος
даромъ сътворьшаго
(3) τὸ γὰρ πῦρ τὸ παμφάγον καὶ ἀναιδές
огнь бо всеѣдѣць| и ве-с-тоудѣнъ
(4) ἠδέσθη τοὺς σέβοντας
оустъидѣ сѣ чьтѣщихъ| тѣ
(5) τοῦ πυρὸς τὸν ἐργάτην Ἰησοῦν τὸν Χριστόν.
огна съдѣтелѣго іс хса|
- 4) (1) Σὲ τὸ αἰοίδιμον ξύλον ἐν ᾧ ἐτάθη Χριστός
Тѣ словѣщене дрѣво на немже| распѣтъ сѣ гь
(2) τὴν Ἐδέμ φυλάττουσα
едема пакъи| хранѣщене
(3) στρεφόμενη ρομφαία, Σταυρὲ, ἠδέσθη
обращаемо орж|жне крѣта оустъидѣ сѣ

²⁴² Ср. характерное речение (по тексту Чудовского Нового Завета): хвалѣ же бра смѣренъи въ взысотѣ свои (Иак 1: 9).

- (4) τὸ φρικτὸν δὲ Χερουβὶμ εἶξε
стра||шьнъ же херовимъ остжпиги|
- (5) τῷ σοὶ παγέντι Χριστῷ
распа|тоумъ х̄оу|
- (6) τῷ παρέχοντι τὴν εἰρήνην ταῖς ψυχαῖς ἡμῶν.
подающоумоу| миръ дшамъ нашимъ·|

18-4. Адамьскъин образъ

Несомненно, апеллатив אָדָם [’адам]²⁴³ означает — «человек».

В двух библейских повествованиях о сотворении человека — элогиста (Быт 1: 26–31) и ягвиста (Быт 2: 5–7) — перед нами, несомненно, апеллатив. Вот контекст сáмого первого употребления лексемы в Танахе:

אָדָם לָשׁוּב אֵי-לֵהָא אָמַר יְיָ²⁴⁴ [ва-йомер ’элохим на’асеh ’адам] («И сказал Бог: сотворим человека»; Быт 1: 26). Как помен ргоріиm אָדָם впервые встречается, может быть, только в Быт 2: 20 (в эпизоде наречения — Адамом?, человеком? — имен «всем скотам и птицам небесным и всем зверям полевым»), но полной уверенности нет. Как несомненное имя собственное אָדָם представлен только начиная с Быт 4: 25.

Если относительно *денотата* апеллатива אָדָם можно быть уверенным, то *этимология* слова вызывает споры, и между учеными нет даже отдаленного согласия.

Во-первых, думают, что мотивировка лексемы אָדָם связана с אֲדָמָה [’адамah] «земля». Действительно, по сообщению ягвиста, первый человек был создан из земли (Быт 2: 7): אָדָם מִן-הָאָרֶץ עָפָר אֲדָמָה אֶת-הָאֱלֹהִים יְיָ יָצַר [ва-йицер ’адонай ’элохим ’эт-ha-’адам ’афар мин-ha-’адамah] («И создал Господь Бог человека из праха земного»; Быт 2: 7). Еще раньше (Быт 2: 5) *человек* и *земля* намеренно поставлены в отчетливую связь: «и не было *человека* (אָדָם) для возделания *земли* (הָאָרֶץ)».

Во-вторых, поскольку есть перекичка между אָדָם и глаголом אָדַם [дамah] «подобиться, быть похожим», предполагают, что אָדָם — это «подобие, образ», тем более что в продолжение частично уже процитированного стиха Быт 1: 26 сказано: כְּדַמּוּתוֹ [ки-д’мутену] «по подобию нашему». В дальнейшем такое же сближение увидим и в Быт 5: 1: אָדָם יִשׁוּב אֵי-לֵהָא בְּדַמּוּת יְיָ [би-д’мут ’элохим ’асаh ’ото] («по подобию Божию создал его [человека]»).

Наконец, в-третьих, имеются попытки мотивировать лексему אָדָם другим созвучным ключевым существительным — דָם [дам] «кровь» и глаголом אָדַם [’адам] «быть красным» (ср. также אָדוּם [’адом] «красный» и אָדוּמִי [’адмони] «рыжий»). В таком случае интересующий нас אָדָם [’адам] — это «имеющий красную кровь».

²⁴³ Общепринятой транслитерации текстов на иврите кириллическими буквами не существует. Мы пользуемся в основном системой проф. Б. М. Гранде (с некоторыми изменениями) [Иврит-русский словарь: 667–675]. Буква «алеф» обозначается значком ’, а буква «айн» — значком ‘. Буква «хе» записывается как h. (Поскольку мы дает транслитерацию, а не транскрипцию, «хе» показывается и там, где, по нынешним нормам, не произносится.) Долгота/краткость гласных и редупликация согласных не показываются, но для демонстрации сверхкратких гласных и подвижного «шва» употребляем поднятые литеры. Предлоги, союзы и артикли по ивритской орфографии в большинстве случаев пишутся слитно со словом, но, чтобы их можно было распознать, отделяем их от лексемы знаком дефиса.

²⁴⁴ При цитировании текстов и при повторном употреблении отдельных лексем огласовку опускаем.

Все три этимологии рассмотрены, например, в словаре [Theologisches Handwörterbuch 1: 42]; см. также: [Adam 1993: 4; Adam 1967: 28]. Между прочим, колебание между двумя этимологиями («красный человек»; «земля (почва)») отразилось в месяцеслове официального церковного календаря [Православный календарь: 78]²⁴⁵.

Ниже предпринята попытка проследить за осмыслением не «одного», а даже «двух» Адамов. Материал, как и в предыдущих двух подглавках, черпается из *Ильиной книги*. Производя выписки, придерживаемся привычных эдизционных правил. Правда, в настоящей подглавке ради экономии места слав. стихи выписываем не в столбик, а в строку. Если к слав. тексту приискан греч. оригинал, то подключаем его не систематически, а только по мере необходимости²⁴⁶. В таком случае сохраняется представление песнопения столбиком.

Прежде всего отметим, что в иудейской традиции Адам, конечно, считается *первым человеком* (адамом со строчной буквы), родоначальником рода людского, но нет никакого представления о *первом* или *втором Адаме* (с прописной буквы); Адам — единственный и неповторимый, и некого поставить ему в параллель (см., например, [Адам, б. г.: 450–459]). Еврейское прочтение Библии = Танаха (у христиан: Ветхий Завет) не может иметь никакого отношения ко Христу²⁴⁷.

Иное дело — христианство, ориентированное на личность своего основателя. Здесь идея о двойном Адаме выражена вполне отчетливо и проводится в жизнь как в Новом Завете, так и в богословской книжности, а затем и в гимнографии.

Ап. Павел пишет: «Написано: «*Первый человек Адам стал душою живущею*»²⁴⁸; а *последний Адам* есть дух животворящий. <...> *Первый человек* (ὁ πρῶτος ἄνθρωπος = ἰψῆρη ὄρη [ha-'адам ha-ришон]) — из земли, перстный; *второй человек* (ὁ δεύτερος ἄνθρωπος = ἰψη ὄρη [ha-'адам ha-шени]) — Господь с неба» (1 Кор 15: 45, 47)²⁴⁹.

Ниже перечисляются — в механическом порядке появления — (и подчеркиваются) предикации относительно *первого* Адама (или *первой* Евы) в Ил. Их содержательное обсуждение отнесено на дальнейшее.

01. 11^Г 4–9

- (1) Ἐύλου γευσάμενος ὁ πρῶτος ἐν βροτοῖς
Отъ дрѣва въкѣшь първъи въ члѣцѣхъ
- (2) φθορᾶ παρώκησε
въ тълѣнии поживе|
- (3) ρῖψιν γὰρ ζωῆς ἀτιμωτάτην καταχρηθεῖς
въчицени бо жизни вещьствованиа осоужденъ

²⁴⁵ В христианстве (в частности, в православии) первочеловек Адам причислен к праотцам и считается святым. Он поминается трижды в год: в Неделю св. праотец и в Неделю св. отец, а также в Неделю сыропустную, в «воспоминание Адамова изгнания».

²⁴⁶ Если слав. текст плохо прочитывается без опоры на греческий.

²⁴⁷ Мимоходом заметим, что уже наименование *Ветхий Завет* для евреев неприемлемо, поскольку, предполагая противопоставление, оно имплицитно подразумевает существование Завета *Нового*.

²⁴⁸ Цитируется Быт 2: 7. Здесь, конечно, имени собственного еще нет, и апостол апостериорно осмыслил библейский стих уже в духе своего христианского богословствования.

²⁴⁹ Пользуемся переводом Нового Завета на иврит, выполненным проф. Ф. Деличем [Новый Завет, б. г.]; впрочем, и в новом переводе, издаваемом Объединенными Библейскими Обществами [Ha-Brit Ha-Nadasha 1976], употреблена та же самая лексика.

- (4) ὄλω τῶ γένοι σωματοσθόρος τις
всемоу| родж т'ѣло т'ѣѣюще ктo
 (5) ὡς λύμη τῆς νόσου μετέδωκεν...
ы|ко вредъ недоугъ подадъ к'єсть...

02. 22Г 2—6

- (1) ἵνα τὴν ἀρὰν τὴν πρώτην ἀφανίσῃς
 Да клатв'ьноіе първо поб'ѣдиши
 (2) καὶ τοῦ θανάτου τὸ κατάκριμα τῆς πάλαι προμήτορος
 и с'ьмьртн осп'ьдениіе др'ѣвн'ь|а прабаб'ь|
 (3) ἐκ Παρθένου Θεομήτορος, Λόγε Θεοῦ, γεγέννησαι
 из д'ѣца м'ѣре, с'їе во|жин, роди с'а
 (4) πᾶσι δεδωρημένος ἀθανασίαν ἀνώλεθρον.
вс'ємъ даровавъ бес'ь|мьртнїе нег'ь|вляюще|

03. 78Г, 2—7

- (1) Геонѝ раздроишиг'ь (2) везначально с'їво приде на землю (3) с'ьз'ьданиа
избавит'ь (4) остроупаєтъ же хероувимъ| (5) и пламенно оржжнїе (6) двьри
ѡбрь|заєтъ ми (7) първ'ь|а жижни...

04. 80Г, 3—7

- (1) Ὡ οἶα пр'ѣже в'ѣк'ъ (2) без матере възпл'ь|ць ся (3) ѡбрьзаєтъ едема (4) затворе|наго
гр'ѣхомъ (5) древле първоз'ьданаго (6) їегоже ради с'ьниде (7) в'ьзи|скатъ забл'ьжшаго...

05. 81Г, 15—18

- (1) жже ост'ьпаєтъ ми пламенно оржжнїе| (2) двьри ѡбрьзъ пак'ь| първ'ь|а жижни|
 (3) женоу во затвори с'а и д'ѣоиж ѡтв'ьрзе с'я| (4) словж б'ьжнїо възпл'ь|цьшю с'а в'ь ню...

06. 87Г 16—20

- (1) Б'їе д'ѣага, (2) рожьшина с'їса (3) остр'ьжїе|ва (ἀνέτρεφας) клатвоу (4) евжиноу първ'ь|ж|
 (5) такo м'ѣи в'ьистъ б'їговолениа о'їа (6) носащи на лонг'ѣ (7) божнїе сло|во възпл'ь|цьено...

07. 119^V 6—9

- (1) Νηπιόφρονα τὸν γεγονότα ἀπάτη
Младооумьнаго в'ьв'ьшаго лыстнїж
 (2) πρωτόπλαστον ἔμπαλιν ἐπανορθώσων
първоз'ьдаго¹ пак'ь| исправлїа
 (3) Θεῶς Λόγος νηπιάσας...
б'ьжнїе слово младо| в'ьв'ь...

1: Естественно, нужна конъектура: първоз'ьданаго.

08. 128^V 16—17, 129Г 1

- (1) Избавльше с'а първаго ѡречениа| адамова (2) товоиж, д'ѣо, обр'ѣтохо||мъ радость
неизг'ьланж...

Таким образом, мы получили восемь вразумительных (в том числе и ставших вразумительными на фоне греч. оригиналов) контекстов. Все они содержат числительное (в нормализованном написании) прьв'ь/прьв'ьин (в Ил, однако, как правило, уже с метатезой). Теперь перечислим — опять-таки механически — предикации в Ил, в которых упоминается имя *Адама* (или/и *Евы*).

09. 5^Г 5–9

- (1) Дньсь адамъ веселѣтъся и евга | (2) съ акимомъ и аноѣ правьднѣкома (3)
и съ патриархъи (4) и пркы | и мнкы (5) въ рождество твоѣ, | прѣптѣта.

10. 7^Г 17–20

- (1) Ἀναβόησον, Δαυῖδ, τί ὤμοσέ σοι ὁ Θεός;
Възъпни, двѣ, что ти клатъ са | б̄ъ
(2) Ἄ μοι ὤμοσε φησὶ καὶ ἐκπεπλήρωκεν ἰδοῦ
еже ми клатъ са съконьча | са оҗже
(3) ἐκ τοῦ καρποῦ τῆς κοιλίας μου δοὺς τὴν Παρθένον·
и-ч-рѣва ми дѣцю давъ |
(4) ἐξ ἧς ὁ πλαστοουργὸς Χριστὸς ὁ νέος Ἀδάμ...
иҗ неҗже роди са х̄съ новъин двѣт̄ | |...

1: Нужна смысловая конъектура: адамъ. Она поддерживается и другими источниками.

11. 35^У 2–3

- (1) Въселѣн са въ чрево дѣвца (2) и въ немъ | адама обновль (3) елнъ еси въ вѣкы |

12. 35^У 12–14

- (1) Въселѣн са въ чрево дѣвца (2) иҗ него | страшно и паче словесе (3) ветъхаа | го
адама обновльша (4) га хвалит̄.- |

13. 80^У 17–19, 81^Г 1

- (1) Иҗран нънѣ и весели са, двѣ, (2) такоже древле прѣдъ кивотомъ скача (3) адамови
възвѣщаѣа и прадѣдомъ всѣмъ (4) при|де на землю иҗзавитель нашъ (5) келж |

14. 83^Г 11–19

- (1) Страшна паче оҗма (2) въ ви-ѡлео | мѣ дн̄ творитъ са (3) невидимъ | и бо всѣми
видимъ бъиваетъ (4) творецъ и г̄ъ (5) еҗгоже трепещиють | херовимъ и серафимъ (6)
страхо | мь държимми (7) въ ницетнѣ о | бразѣ пеленами повнванема (8) о | блачаюца н̄бо
облакы (9) адамъ | скъза въводаща въ црво своѣ | |

15. 84^Г 10–15

- (1) Ὁ τῆς ἐπιπνοίας μετασχὼν
Причащъ са дъхновени
(2) τῆς ἀμείνω Ἀδάμ χοῖκος
лжчышнм | адамъ прѣстънъин
(3) καὶ πρὸς φθορὰν κατολισθήσας
и къ тьлѣнню | испадъ
(4) γυναικεῖα ἀπάτη
женскоѡ лъстнио
(5) Χριστὸν γυναικὸς βοῶ ἐξορῶν·
въпниетъ х̄оу и-женска оҗстава
(6) Ὁ δι' ἧς ἐμὲ κατ' ἐμὲ γεγονώς
мене ра | ди и по мънѣ бъивъ
(7) Ἅγιος εἶ, κύριε.
с̄тъ еси, г̄и. |

16. 85^У 7–13

- (1) Νέον ἐξ Ἀδάμ
Юно иҗъ адама

- (2) παιδίον φυράματος ἐτέχθη Υἱὸς
отроча примѣшени|ж роди сѧ снѣ
(3) καὶ πιστοῖς δέδοται...
и вѣрнѣимъ дастъ| сѧ...

17. 18–20, 89^r 1–2

Носиши, хѣ, тѣзи адамьскѣи образѣ| (2) сѣи образомъ бѣжиемъ (3) и хоцеши|
носимъ бѣгги ржкама, спсе, (4) държа|| ржкожъ вьса...

18. 96^v 15–17

- (1) βινεομε, нѣинѣ весели сѧ (2) едемъ| Ѡврьзажши (3) адама въводиши| (4) дѣда
веселацин...

19. 101^v 4–13

- (1) Писма оупразни сѧ законьное, хѣ,| (2) законодавецъ сѣи прѣвѣчнѣи, бѣ,| (3) яко
млада възлежиши въ пеленахъ (4) грѣховнѣи оузы прѣтърза|а (5) и обрѣзанинѣ
търпинши пльтѣю| яко члѣкъ (6) собоѣ вьсе сѣконьча|вѧа (7) пакѣбѣггитѧ банеиѣ
вьса хѣгѧ очистити (8) кѣ норданѣ подви|заниши сѧ (9) прѣстѣпленинѣ адамо|во
хѣгѧ потопити...

20. 103^v 3–8

- (1) Познавѣши тѧ, влѣко, тварь бездѣшнѧ (2) шьствинѣ свои възврати| (3) творьца
си въ ницѣтнѣ образѣ| пришьдѣша (4) нѣтѣство обнови|тѣ адамова (5) и спѣтѣ
завлѣжъ|шаго...

21. 103^v 12–13

- (1) Ἀδὰμ τὸν φθαρέντα ἀναπλάττει
Адама тѣлѣннѧ пакѣи зиждетъ|
(2) ρεῖθροις Ἰορδάνου...
водами нерданьскими...

22. 108^v 10–19

- (1) «Градѧ ми сѣдѣважшю танинѣ спснтельноу», (2) прѣтчи отъ|рече хѣ бѣ,
(3) «посложѧ» спсѣ вѣ|мъ «и не оустраши (4) сѣкржшѣнаго адама прѣгрѣшениемъ|
обнавлѧю (5) крыцаиѣ сѧ яко| члѣкъ родѣмъ си безгрѣшнѣи (6) въ водѣ нерданьстѣи
(7) въ| ненже видиши ма столицѧ»·|

23. 119^v 2–5

- (1) Ὁ πρωτότοχος ἐκ Πατρὸς πρὸ αἰώνων
Първѣннѣцъ нзъ оца прѣже вѣкѣ|
(2) πρωτότοχος νήπιος Κόρης ἀφθόνου
младѣ же нзъ дѣвѣи нѣтѣлѣннѣи
(3) τῷ Ἀδὰμ χεῖρας προτείνων
адамоу ржкѣ простираѧ|
(4) ἐπέφανε.
тави сѧ·|

24. 121^r 9–12

- (1) Ἀδὰμ ἐμφανίσων ἄπειμι
Адамови показѧ «ндоу»

- (2) εἰς ἄδου διατρίβοντι
въ адѣ| ѿмоу жнвѣщю
 (3) καὶ τῇ Εὐφ̄ προσχομίσων εὐαγγέλια...
и евзѣ̄ приношж̄ елговѣщение...

25. 20° 4–7

- (1) Ицѣлала евжино старое прѣствѣ|пленнѣ (2) въ тл непорочному, прѣстага, въсели
 са (3) всего ма чѣка| овнови падъша, (4) прѣбжѣтвѣнзѣ̄|

Таковы 25 выписок, содержащих немало количество предикаций о «двух адамах». Выписки осуществлялись, как упомянуто, чисто механически, т. е. они пока просто собраны в одно место. Соответственно предикации разрознены, расположены чересполосно, и их трудно представить себе в совокупности.

Чтобы сделать их обозримыми и представить в виде упорядоченного списка, нужна некоторая филологическая процедура, а именно та процедура исчисления фоновых СДолей, которая нами названа *исчислением*. Она, как мы показали ранее (особенно в подглавке 17–3), состоит из двух этапов: во-первых, необходимо выявить представленные в тексте СДоли — по единой методике и средствами единообразного метаязыка²⁵⁰ (по отношению к «двум адамам» этот этап выше уже осуществлен); во-вторых, необходимо перечислить СДоли в форме логически упорядоченного списка (к чему и переходим непосредственно ниже). Необходимо подчеркнуть, что условием выделения фоновой СДоли является наличие семантически цельного и недвусмысленного контекста. Поэтому выше мы приводили в виде выписок большие фрагменты песнопений (или даже их целиком); кроме того, когда славянский текст оказывался невразумительным, мы приводили также и греческий оригинал. Вторая предпосылка заключается в расчленении смыслов синкретичного высказывания и в раздельном представлении этих смыслов. Для гимнографии характерен именно синкретичный, аллюзивный (намекающий) способ коммуникации, отсылающий к затексту (к начитанности адресата, привносящего информацию от себя). Соответственно аллюзивность — это производное компрессии или даже полной невыраженности части семантики текста, так что итоговый смысл по объему больше суммы смыслов входящих в состав фразы слов. Кроме того, вследствие параллельного наложения аллюзий, в одной, даже краткой, синтагме могут быть представлены две-три СДоли. В анализе, однако, они должны быть отделены друг от друга и перечислены по отдельности, а также информационно восполнены в тех случаях, когда из-за семантической компрессии нет отчетливости. Поэтому фиксация ряда СДолей, извлеченных из синкретичного текста, может быть пространнее исходного текста (поскольку дескрипция, как правило, состоит из фразы и содержит ремю). Указанная методика, на наш взгляд, может с особым успехом прилагаться к древним текстам.

²⁵⁰ Степень полноты исчисления определяется материалом, который подвергается анализу. Поскольку нередко материал ограничен чисто внешними обстоятельствами, исчисление не может быть исчерпывающим. Именно таков наш случай: объем материала ограничивается спецификой гимнографического творчества (в котором, в отличие от богословского трактата, никогда не бывает тематико-содержательной полноты), избирательностью и вариативностью славянских переводов, сохранностью источников и принципиальной невозможностью охватить весь их корпус (в силу огромного числа созданных за двадцать веков песнопений).

Ниже в угловых скобках первая цифра указывает на номер выписки, а (после дефиса) вторая — на номер строки. Итак, в гимнографии «двум адамам» приписаны следующие СДоли.

Первый Адам —

древний <04–5>, первозданный человек <04–5, 07–2>, сотворенный из земли-«персти» <15–2>; не устоял перед «женскою лестию» <15–4>, т. е. искушением <07–1> от Евы <05–3>; по собственному «младоумию», т. е. неразумию <07–1>, впал в заблуждение <04–7> и отрекся от Бога <08–1>; вкусил от древа (познания добра и зла) <01–1> и тем самым совершил грехопадение; после этого первочеловек, вместе с Евой <06–3>, подпал под «первое», т. е. древнее <06–5>, проклятие Божие <02–1>, стал рабом «подзаконным» <19–1>; в наказание он, вместе с «прабабой» Евой <02–2>, был осужден <02–1> на смерть <02–2> и, другими словами, его жизнь стала «тленна» <01–2, 15–3> и «бесчестна» <01–3>; вместе с падшим Адамом «тлеющее» (т. е. смертное) тело получил и род людской <01–4>, который подвергся «вреду» (эпидемии) болезни; Адам был изгнан из райского сада, и двери рая для него, в наследственное наказание за первородный грех <04–4>, закрылись <01–1>, так что он, вместе с Евой <19–3>, томился в аду <24–2, 3>.

Второй Адам = Иисус Христос —

поставлен в параллель первому, «ветхому» Адаму <9–1, 11–2, 16–1>, образ которого Он носит <17–1> и которого должен «обновить» <11–2, 22–4>, но в отличие от которого не находится под проклятием первородного греха <22–5>; Христос — «безначальное слово» <03–1>, т. е. Второе Лице Триипостасного Божества; сошел на землю <03–2> в поисках первого, заблудшего <04–7, 20–5> Адама, ради него <04–6>, чтобы его исправить <07–2>, спасти <20–5>, «упразднить букву закона» <19–1>, изгладить «преступление Адамово» <19–8>, «исцелить Евжино старое преступление» <25–1>, обновить «естество Адамово» <20–4> и, взяв праотца за руку, вывести его из ада <23–3>; для этого он, Воплощенное Слово <05–4>, превечно рожденный от Бога-Отца <23–1>, вошел в чрево Марии <05–4, 06–2>, непорочной Девы <23–2>, новой Евы, родился от нее <06–2>, был младенцем <07–3> и повивался пеленами <19–3>; предпознав от царя Давида <13–3> роль Марии, праотец Адам и праматерь Ева возрадовались в момент ее рождения <09–1, 5>; события рождества Нового Адама <10–4> от Девы Бог «с клятвою» обетовал царю-пророку Давиду <10–1>; Христос (= Второй Адам) спас тварное человечество <01–1>, остановил «тление» <21–1>, всем людям даровал «бессмертие негиблющее» <02–4>, обновил «падших» <25–3> и привел их, «адамских» <14–8>, к «неизглаголанной радости» <08–1> «пакибытия», т. е. новой жизни <19–7>; разрушил ад-геенну <03–1>, побудил стерегущего райский сад херувима «опустить пламенное оружие» <03–5> и открыть врата «эдема»-рая <03–6, 04–3, 18–2>, чем вернул первого Адама к «первой жизни», т. е. к жизни в райском саду <03–7>, и ввел его в рай <18–3>.

Принято считать, что гимнография состоит из общих мест и восклицаний и что ее информативность весьма невысока. Это правда, что песнопения по их содержательной насыщенности нельзя сопоставить ни с богословскими трактатами, ни с житийными текстами. И тем не менее, как убеждаешься по прочтении выше-

приведенного конкретного упорядоченного списка фоновых СДолей, гимнографы путем аллюзий превратили свое творчество в «повторение» и теологических, и житейных предикаций.

Второй Адам — это собственно Первый Адам, причем основание для отождествления — это *человеческая* природа Первого и Второго: взять не себя грехи Первого может только *Богочеловек*. Второй Адам — это совсем не Первый Адам, причем основание для дифференциации — это *божественная* природа Второго в отличие от Первого: исправить павшего первочеловека и с ним все человечество может только *Богочеловек*.

18–5. СВѢТЪ ВЪТОРЫИ

В древнейшем списке Канона на усение Кирилла Философа²⁵¹ (далее: КУ) содержится тропарь (1-й VIII песни), ключевой для нравственно-богословской оценки личности первоучителя, но и непростой для интерпретации, а именно:

- (1) СВѢТѢ ПРѢЛОЖЬ¹ СЯ СВѢТЪ ГАВИ СЯ|
- (2) ВЪНИТІЮ ІЕЖЕ Ѡ² БА, О ФИЛОСОФЕ,|
- (3) НИЪ БО ОБРѢТЕ СЯ ПАВЪЛЪ
- (4) ДѢТЕЛМІ³| ПРѢРИСТАА⁴ ВСЮ⁵ ЗЕМЛЮ
- (5) ВЪ ПАЗЫЦѢХЪ СЛЦА⁶ СВѢТЪЛѢИЕ⁷
- (6) СЛОВОМЪ⁸ ОУЧЕНИА, ОУЧИТЕЛЮ БЛАЖЕНЕ|

Разночтения по С: 1 -ри-; 2 отъ; 3 -льми; 4 -ри-, -та; 5 въ-; 6 съльниц-; 7 -лѣи; 8 -въ-. В издании Канона по средне-болгарскому списку из собрания Григоровича (Лавров 1930: 121) после (5) *свѣтълѣи* добавлено: *снѣж*.

Тропарь непрост *синтаксически*. Вообще говоря, по синтаксическим связям лексему *вънितिю* можно отнести как к синтагме (1), так и к синтагме (3). Лексема *дѣтелмї* может рассматриваться и в составе (3), и в составе (4). Сейчас, предприняв строкоделение, мы руководствовались подсказкой ирмоса. Обращает на себя внимание троекратная инверсия (в строках 2–4), а также дистантное размещение единиц в узлах непосредственно составляющих (2–3).

Тропарь труден и *лексически*. Так, что такое это самое *вънिति*? Сослаться просто на действие по глаголу *вънिति*²⁵² — значит создать (в данном контексте) семантическую апорию²⁵³. Далее, как здесь понимать *дѣтель* — как «действие», «деятельность»

²⁵¹ До недавнего времени считалось, что древнейший список последования на Кириллово усение содержится в полной служебной минее за февраль XII в. (Син. 164 ГИМ); описание источника см.: [СК: № 85]). Между тем ныне, когда в научный оборот введена *Ильина книга*, наиболее архаичная служебная минея на избранные праздники, — а в ней под 14 февраля также содержится последование на память Кирилла, — привычные взгляды должны быть пересмотрены.

²⁵² Так в кн. [Словарь 1989: 185].

²⁵³ Лексема *вънिति* встретила в слав. Апостоле, где она переводит греч. *εἰσοδος* (Деян 13: 24). Контекст допускает различные интерпретации, но в патристической литературе утвердилось конкретизированное понимание *εἰσοδος* как *entrance of Christ into world = incarnation* [Lampe 1976: 423]. В указанном Лексиконе приведены подтверждающие выписки из Григория Нисского и Иоанна Златоуста.

или же в нравственном смысле как добродѣтель? В зависимости от интерпретации изменится и трактовка синтаксического места слова.

Непрост также и богословский аспект рассматриваемого тропаря. В КУ немало песнопений, содержащих исторические, географические, житийные и подобные сведения и аллюзии, но данный тропарь, безусловно, перлокутивной целью имеет сообщение именно богословской информации.

Один из аллюзируемых теологуменов — внятен без дальнейшего. Мотив именования Кирилла «другим Павлом», т. е. «апостолом языков», лежит на поверхности. Собственно, и Мефодий в другом месте назван «новым Павлом», причем по тем же основаниям: за заслуги в проповеди христианства язычникам, сопряженной с непрестанным скитальчеством²⁵⁴.

Напротив, второй теологумен, выраженный в строке (1) *Свѣтъ ꙗви сѧ*, отнюдь не столь очевиден. Догадка, что перед нами банальная метафора, отражающая противопоставление света тьме, далее (по итогам предстоящего анализа) не подтвердится.

Интерпретации строки (1) и посвящены нижеследующие небольшие разыскания; они ограничены только богословскими предикациями о свете. Композиция такова: сначала приводится материал, а новое обращение к тропарю из КУ оставлено под конец. Исследование представляет собой исчисление фоновых СДолей лексемы *свѣтъ* и проводится по уже (выше трижды опробованной нами) методике. Материал почерпнут из той же самой рукописи, в которой содержится и КУ, т. е. из *Ил*. Поскольку тексты *Ил* в своем большинстве представляют собой переводы с греческого, об их смысле судим с опорой на греческие оригиналы. Основной же метод выявления семантики — обычный, контекстный. СДоли пронумерованы, и номера заключены в квадратные скобки (когда доля вводится впервые, ее номер выделяется полужирным шрифтом).

В одном из тропарей ап. Филиппу (49^v 9—13) для нашей темы показательны строки (3—4):

- (1) Ὁραϊσμένος ἀλλεὶ νοητῆς εὐπρεπείας
Оукрашенъ добротойъ оумна веселѣнѣа
- (2) καὶ βασιλείας στέφος περιχέιμενος, θεόφρον,
црства вѣньць носѧ, бѡмждре,
- (3) καὶ πλουσίας, Φίλιππε, περιχέομενος φωτοδοσίας,
и бѣта, филппе, наводьнаѣма свѣтода|аннѣа
- (4) τῆς τοῦ ὑπερουσίου φωτὸς μαρμαρυγῆς...
прѣсжщнаго свѣта свѣтьло|стѣмн...

«Световых» семантических долей общим числом — 4: имеется в виду не простой, природный свет, а — свет святости, «пресущный», сверхъестественный (ὑπερούσιος; согласно [Lampe 1976: 1441] beyond all being, supra-essential) [1]; человек, по своему естеству, изначально не обладает пресущным светом [2], а «обогащается им» (= получает его) от божества (в акте/актах «светодаяния») [3]; этого света может быть по количеству столько, что он уподоблен потоку или наводнению [4].

²⁵⁴ См. 4-й тропарь IV песни Канона на 6 апреля (по списку Син. 165): *Обрѣте сѧ новъи павълъ, премоудре, / всь миръ вогови прибрѣте / съмыслно крестъ христовъ еѧ сѧ възпримѧ / донде до запад, свѣте, / всѧ ереси, влажене, потрѣвлѧ [Лавров 1930: 112]. О скитальчестве Кирилло-Мефодиевской дружины см. [Верещагин 2002: 5–9].*

Ср. сочетание семантических долей [1] и [3] в одном из тропарей канона Василию Великому (99^Г 12–16): Непостижнъ свѣтъ (Τὸ ἀκατάληπτον φῶς) почивъ на тебѣ (ἀναπαυσάμενον ἐν σοί), прѣподобне. Аспект приобретения «непостижного света» от божества, между прочим, выражен также во 2-м тропаре I песни КУ (127^ν 11–15):

- (1) Просвѣщъ яко свѣтило тѣ
- (2) свѣто|давць бгъ нашъ
- (3) всѣмъ ми|рѣ ави оучителѣ
- (4) и посъла Тѣ| оучитъ тьмьнѣихъ
- (5) книгамі| закона
- (6) азъ|къ западнѣиѣ|.

Хотя свет, о котором говорится в вероучении (и соответственно в гимнографии), — «пресущный» и «непостижный», т. е. умозрительный, тем не менее он доступен зрительному восприятию, пусть хотя бы для некоторой части людей [5]. Так, Фаворский свет, который ярче солнца, ап. Петр тем не менее видел (и исполнился им). Об этом, в частности, говорится в Каноне Поклонению честным веригам ап. Петра (115^Г 18, 115^ν 1–3): Бгда свѣтъ оузрьѣ на фаворѣ|| вльщащъ сѣ, петре, и покрыва|ищъ слнчнѣиѣ лжѣ свѣтъ ѿ свѣта припатъ...

В наиболее полном случае человек — весь! — становится светом [6]. В одном из тропарей Иоанну Богослову (20^ν 8–13) об апостоле сказано так: Нбсьнѣи оумъ... всьъ бзвѣ| свѣтъмъ (ὅλος φῶς γενόμενος).

В другом тропаре (47^Г 18–19, 47^ν 1–3) из последования ап. Филиппу этот количественный аспект доставшегося апостолу света выражен еще раз, но все же сказано, что наиболее полный, «великий», свет — это Христос [7]:

- (1) Ὑπάρχων ἐμπλεως φωτός
Бъ испълнь свѣта
- (2) πρακτικῆς θεωρίας
дѣаньна видѣниѣ||
- (3) τῷ φωτι τῷ μεγάλῳ γενομένῳ μεθ' ἡμῶν
свѣтоу великоумъ бзвѣшжмоу сѣ на|ми
- (4) κατηξιώθης Χριστῷ λειτουργῆσαι, Φίλιππε θεοπέσιε.
сзподоби сѣ слжити х̄оу, фили|пе божествомъ|

Как мы видели, если наполненность человека «пресущным светом» допускает градации, то Христос наполнен светом абсолютно. При всей абсолютности, парадоксальным образом свет Христов — таков же, как свет других ипостасей Пресв. Троицы [8]. В одной из стихир на рождество Христово (87^ν 20, 88^Г 1–7) читается: свѣтъ намъ въ снѣ, х̄е бѣ, твоимъ пришьствнемъ свѣтъ... ѿ свѣта (φῶς ἐκ φωτός) оѣе заренне (τοῦ Πατρὸς τὸ ἀπαύρασμα). В стихире повторяется номинация Христа из Символа веры (свѣтъ ѿ свѣта), чем лишний раз подчеркивается догматическое значение гимнографии (как «распетого богословия»).

Кстати сказать, гимнографы не устают повторять, что как абсолютный свет Христов, так и относительные светы святых — сверхъестественной природы, «паче естества». Например, такое говорится в Каноне на собор Иоанна Предтечи (113^ν 8–13) Свѣтъ намъ, дбо, не тебе паче истъства въ снѣ х̄с.

От «великого света», «солнца», «светодавца» Христа святой человек и получает «пресущный свет» [9]. Например, в стихире ап. Андрею (64г 9—13) сказано: *Андреа, раджи са и играи зане обрѣлѣ| еси въ свѣтълѣ| снании славы| сѣца| сѣца| ѿ свѣтодавца.*

Наконец, в гимнографии представлен теологумен о ангелах как «вторых светах» [10], который, весьма вероятно, позволяет однозначно интерпретировать (иначе многосмысленную) предикацию о Кирилле Философе.

В тропаре Канона архангелу Михаилу (38г 11—16) сказано: *Възъпнимъ... михаилъ... тако свѣтъ сы въторъи исплѣни ны свѣта първаго... Противопоставление «второго света» (Архангелова) «первому» (Божественному) — отражение знакомства гимнографа с патристическим учением, изложенным, например, Григорием Богословом²⁵⁵, а также (Псевдо-)Дионисием Ареопагитом. Иоанн Дамаскин ввел теологумен в законченную систему.*

Григорий в Слове 44 (На неделю новую) пишет: «Бог есть свет непреступный...; немногие ... созерцают Его во всей полноте. Силы, окружающие Бога, и служебные духи — суть вторые светы, отблески Света первого²⁵⁶»; «Бог есть свет высочайший, непреступный, неизглаголаный ... Второй же свет Ангел — некоторая струя, или причастие первого Света; он находит себе просвещение в стремлении к первому Свету и в служении Ему» [Григорий 1994, 1: 656; 545—546]. В другом Слове (28-м, О богословии втором) сказано немного иначе: «...есть какие-то Ангелы, Архангелы, Престолы, Господства, Начала, Власти, Светлости, Восхождения, умные Силы, или Умы, природы чистые, беспримесные...; они так вообразили и напечатлели в себе Благо, что соделались вторичными светями, и посредством первого Света могут просвещать других...»; «...выше ума естество даже вторичных существ, а не только Первого и Единого...» [Григорий 1994, 1: 412—413]. Между прочим, богослов допускает бытие и «третьих светов» — земных людей. Специальное суждение, согласно которому первый свет — это христианская Троица, см. у Григория в так наз. *Сagmina dogmatica* (в Слове 6, Об умных сущностях; [Григорий 1994, 2: 29])²⁵⁷.

Наш анализ ангелологической концепции Дионисия Ареопагита см. в другом месте²⁵⁸. Чтобы завершить тему, приведем еще две выписки из «Точного изложения православной веры» Иоанна Дамаскина: «Ангелы — вторые мыслящие светы, имеющие просвещение от первого и безначального света... Все ангелы... достигли совершенства... соответственно своему достоинству и чину имея участие в свете и благодати» [Дамаскин 2002: 188].

В свете изложенного именование архангела Михаила «вторым светом» (*свѣтъ сы въторъи исплѣни ны свѣта първаго*) представляется вполне ожидаемым; в нем реализована семантическая доля «ангелы — носители второго света» [10]. Когда че-

²⁵⁵ Согласно его Житию, Кирилл Философ был особым приверженцем великого богослова. Наш анализ Кирилловой «Похвалы» Григорию Богослову см. [Верещагин 2001a: 78—93].

²⁵⁶ Здесь и далее выписки из корпуса (патристической) греч. книжности приводим с опорой на электронное издание: Musaios. Version 1.0d-32. By Darl J. Dumont and Randall M. Smith. Pacific Palisades, California [Copyright 1992—1995]. Чтобы отыскать цитируемое место, необходимо задать в поиск лексему, которая нами подчеркнута [причем непременно в той же морфологической форме].) Использование «Мусайоса» позволяет не просто расширить цитатный материал Лексикона Лампе, но и получить дополнительные сведения. За помощь в работе с опорой на электронное издание сердечно благодарю Р. Н. Кривко.

²⁵⁷ Современный анализ концепции Григория Богослова см. [Иларион (Алфеев) 2001a].

²⁵⁸ Она представлена в кн. [Верещагин 2001a: 406—418].

ловек достигает святости и переходит в чин ангелов, он (человек) соответственно также становится «вторым светом» [11], вследствие чего приобретает способность передавать свой свет земным людям [12]. Ср. соответствующие предикации из Канона спадению вериг ап. Петра (114^v 3–7):

- (1) Ὁλος τῷ φωτὶ ἐνούμενος
Всьь къ свѣтѣ примѣшь сѧ
- (2) τῷ καθαρωτάτῳ αὐτοῦ ταῖς θείαις μεθέξεσι
прчистжмоу (sic!), бл҃жне, бопричащени|
- (3) φῶς ὠράτης δεύτερον, Πέτρε,
свѣтъ вѣторъин тави сѧ, петре,|
- (4) καταυγάζον τὰς ψυχὰς ἡμῶν.
просвѣтѣвати дѣла наша|

Если суммировать, что здесь сказано явно и что имплицуется, то Петр, как все люди, изначально не имел в себе света святости [2], но со временем «причастился Богу», «пречистому (= первому) свету» Пресв. Троицы [8], в частности, свету Христову [7, 9], и путем светодаiania [3] стал «вторым светом» [10], т. е. вошел в чин ангельский [11], что позволило ему передавать свой свет дальше «вниз», т. е. «просвещать» души земных людей [12].

Осталось сделать последний шаг в анализе. Рассмотрим две аналогичных предикации из уже введенных песнопений.

Об ап. Петре сказано: Всьь къ свѣтѣ примѣшь сѧ прчистжмоу... свѣтъ вѣторъин тави сѧ. Двусоставная предикация (по способу изложения смыслов) является полной и эксплицитной, так что ее перлокутивная цель — (веро)учительная, назидательная.

О первоучителе Кирилле сказано: Свѣтѣ прѣложь сѧ свѣтъ тави сѧ. Предикация также двусоставная, но смыслы изложены кратко и имплицитно. Имеются в виду два вида света, однако номинации их — пропущены. Соответственно перлокутивная цель фразы — аллюзивно-напоминательная: конденсированная строка ключевого тропаря должна возобновить в памяти адресата патристическое учение о свете и указать на место первоучителя в иерархии светов²⁵⁹. В целом же на образ Кирилла Философа должны быть перенесены все те семантические доли, которые выше приписаны ап. Петру (т. е. [2, 3, 7–12]). Если аллюзии эксплицировать, то получим именование Кирилла «вторым светом». Именование динамическое: подобно Мефодию, он оставил свой первоначальный чин и, приобщившись «первому свету», стал равнѣнъ ангеломъ²⁶⁰.

Предпринятое в настоящей главе исследование показывает: во-первых, методика исчисления фоновых СДолей применима не только к текстам на русском языке — она может быть перенесена и на материал других языков; во-вторых, методика применима не только в синхроническом, но и в диахроническом анализе.

²⁵⁹ О переходе первоучителя Мефодия в чин ангельский эксплицитно сказано во 2-м тропаре V песни Канона на 6-е апреля (Син. 165; [Лавров 1930: 113]): Ангельсѣма чинъ преспѣлъ еси, моудре, / на земли тако бесплѣтънъ тави сѧ / христовънъими зарями просвѣщаа всѣселенюю.

²⁶⁰ Ср. 4-й тропарь III песни Канона на 6 апреля (Син. 165; Лавров 1930: 112): Иеоеискоуоу слоужь-боу / възносѧ предъ бога / и обрете сѧ достоинъ / равнѣнъ ангеломъ, отъче мефодие.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1. **ЛИНГВОСТРАНОВЕДЧЕСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ:**
 (к подглавке 03–5) **ЧЕТВЕРТЬ И ЧЕТВЕРТАЧОК**
В РОССИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В.

В конце сентября 1881 г. один великий русский поэт, пребывая в своей усадьбе, был занят привычным делом. Он писал стихи, и выписка из его много-строфного послания родственнику и другу приведена ниже. Курсивом помечены слова и словосочетания, называющие предметы и поступки, ныне вышедшие из жизни.

- (1) ²⁶¹ ...Вчера, подсланный лукаво,
- (2) Молчанов-*fiis* у нас гостил,
- (3) И я ему, обдумав здраво,
- (4) *В кредит* пшеницу отпустил.
 (5) Её и всей-то оказалось
 (6) Не больше тысячи и ста.
 (7) Так чтоб *на месте подымалась*
 (8) И *забиралась без хвоста*,
- (9) За *четверть* с десяти целковых
- (10) *Четвертачок* я уступил.
- (11) *В задаток* тысячу всё новых
- (12) Кредитками я получил.
 (13) Затем сиди и жди: когда-то
 (14) Увидишь светлую зарю;
 (15) В двадцатом ноября уплата
 (16) Двух тысяч, трех же — к январю.
- (17) А там опять он скажет: *warfe* ²⁶²,
- (18) И уж последних тысяч пять
- (19) Двадцатого уплатит в марте.
- (20) На месте трудно продавать.
 (21) Как цену наперед узнаешь?
 (22) Пойдет ли *в гору* иль *в отвал*?
 (23) *Найдешь барыш* иль *прогадаешь*?
 (24) Подумал — да и подписал. <...>

Отпустить в кредит (строка 4) — и тогда значило и сейчас значит: «продать в долг». Тем не менее между обиходным *долгом* и юридически правильно оформленным *кредитом* есть, конечно, большая разница.

Если не находится *покупщик* ²⁶³, готовый оплатить товар наличными, то *продащик*, войдя в положение покупателя (у которого сейчас, может быть, и нет де-

²⁶¹ В круглых скобках для удобства отсылок нумеруем строки.

²⁶² Нем. «подожди».

²⁶³ Чтобы отнестись ситуацию к старому времени и избежать ассоциаций с современными магазинами, примем архаичную лексику — не *продавец*, а *продащик*, не *покупатель*, а *покупщик*. Обе лексемы зафиксированы у Даля. Ср. также у Гоголя: «— А ваше имя как? — спросила помещица [Коробочка]. — Ведь вы, я чай, заседатель? — Нет, матушка, — отвечал Чичиков, усмехнувшись, — чай, не заседатель, а так ездим по своим делишкам. — А, так вы *покупщик*! Как же жаль, право, что я продала мед купцам так дешево, а вот ты бы, отец мой, у меня, верно, его купил».

нег) и поверив²⁶⁴ ему (а также истребовав у него на свое имя обязывающий документ [например, *вексель*, т. е. «долговое обязательство»²⁶⁵]), может позволить покупщику забрать товар сейчас, а деньги выплатить потом (возможно, как видно из стихотворения, по частям, т. е. с *рассрочкой* платежа), причем к оговоренному (и внесенному в вексель) сроку.

В некоторых случаях могло продаваться (обычно на семена) немолотое зерно. Но здесь под *пшеницей* (4) имеется в виду уже смолотая *мука*²⁶⁶. Пшеницы у продавщика оказалось — «не больше тысячи и ста» (5). Ясно, что имеется в виду какая-то мера. Но какая именно?

Читатель начала ХХI в. знает, что мерой зерновых в России является *пуд*. Но оказывается, автор стихотворения имеет в виду *четверть* (9). До введения метрической системы в России зерно продавали на *четверти*, а четверть была мерой не веса, а объема (примерно 210 литров²⁶⁷, что для зерна и муки составляло немногим более 9 пудов). Так зерно и отпускали: весов не было, но была в ходу как раз сбитая из плотно подогнанных досок (с ручками по краям, чтобы можно было взяться двоим) *четверть* и, чаще (поскольку она в два раза легче), (*в*)*осьмушка* (в форме *кади*, или *бочки*, часто для прочности окованной обручами); ее засыпали доверху, а затем (если речь шла о муке) пересыпали в одинакового размера мешки, или *кули*. Засыпка в кули производилась на мельнице, а затем владелец зерна забирал кули и складывал на хранение в *амбар*. Предназначенное для продажи зерно мололи крупно (и такая мука называлась *зерном крупного* [или *первого*] *первого помола* или в обиходе *крупчаткой*); в дальнейшем покупщик, в зависимости от своих намерений, мог осуществить *мелкий помол* — сам.

Куль муки — это как раз и была *четверть*. Фактически в стихотворении воспевается продажа 1100 *кулей* муки (или, как тогда говорили, *хлеба*²⁶⁸), или без малого 100 000 пудов.

Продавщик оговорил, чтобы покупщик сам вывез муку с места, причем сполна. В стихотворный ряд вошли торговые профессионализмы: *подымать* (7) товар — то же самое, что *забирать* (8), т. е. *вывозить*; по контексту видно, что *подымать* и *забирать* должен покупщик сам, своим транспортом. *Подымать на месте* (7) — вывозить прямо с усадьбы; *забрать без хвоста* (8) — вывезти не по частям, а всё сразу.

²⁶⁴ Лат. *creditor* — «поверивший, оказавший доверие».

²⁶⁵ Вот образчик заполнения *простого векселя* («сроком от его составления во столько-то времени»): «С.-Петербург, 5 ноября 1912 г. От сего числа через три месяца по сему векселю повинен я заплатить торговому дому „Иван Захаров и К^о“ в Костроме, Почтовая ул., собственный дом, две тысячи рублей. С.-Петербургский купец Василий Иванович Андреев» [День за днем 1912: 230]. Вексель надлежало засвидетельствовать у нотариуса, которому выплачивалось вознаграждение: при заемном обязательстве на сумму не свыше 500 р. — 50 коп., свыше 500 р. — 1 р. и сверх того $\frac{1}{10}\%$ с суммы векселя.

²⁶⁶ И сам автор стихотворения, продолжая свое повествование, сообщает о том, что у него имеются коммерческие отношения с местным мельником:

Изволь расхлебывать. Вот мельник
Пришел с расчетами за рожь, —
А не подумает бездельник,
Как дорог мой и рубль, и грош.

²⁶⁷ Точнее: одна *четверть* (или 2 *осьмины* или 8 *четвериков*) равнялась 2,09 *гектолитра* (209,91 *литра*).

²⁶⁸ Поэтизацию *куля* хлеба см. [Максимов 1987].

Вероятно, первоначально сошлись на том, что четверть будет стоить «десять целковых» (9), т. е. 10 рублей. Стало быть, за 1100 четвертей следовало уплатить 11 000 рублей. Правда, слово *целковый* стихотворец использовал в расширительном значении; он имеет в виду *кредитки* (12), кредитные билеты, т. е. бумажные денежные знаки, тогда как *целковый* — это монета из серебра (в России до 1917 г.).

Но при условии, что пшеница будет вывезена покупщиком самостоятельно и без задержки, продавец согласился «уступить четвертачок» (10), т. е. *скостить* (= сбросить кости на счетах) по двадцати пяти копеек с каждых десяти рублей. Иными словами, ему предстояло получить на 275 рублей меньше. Тем не менее он *на круг* оценивает сделку в 11 тысяч рублей.

По обычаю, покупатель, берущий товар в кредит, должен внести *здаток* — сумму, которая останется у продавца, если сделка по вине покупателя сорвется. Здаток всегда бывал соразмерно большим (чтобы его потеря была для покупателя ощутимой): в данном случае он составил тысячу рублей (11), без малого десятую часть всей «уплаты» (15).

В стихотворении сквозит любовь продавца к деньгам как таковым: он радуется, что *кредитки* («кредитные билеты», т. е. купюры) были «всё новые» (12). В другом месте он воспевае деньги, назвав их (конечно, с иронией) на редкость лирически — «светлой зарей» (13).

Правда, кредит, это неизбежное зло, огорчае любого продавца, ибо только свободные наличные деньги можно пустить в оборот. И автор стихотворения не скрывает своей досады: «Затем сиди и жди: когда-то / Увидишь светлую зарю» (13–14).

Соответственно продавец и покупатель тщательно (вплоть до точной календарной даты) оговорили (и внесли их, если был выдан, в вексель) сроки внесения денег: первая «уплата» (двух тысяч) — 20 ноября, вторая (трех тысяч) — «к январю», третья (оставшихся пяти тысяч) — 20 марта. Исходя из предложенного ритма погашения полугодового кредита (через каждые два месяца), можно быть уверенным, что вторая «уплата» пришлась именно на 20 января и что сама сделка совершилась — 20 сентября.

Иными словами, хотя стихотворец сам не проставил дня и месяца написания своего произведения, можно быть почти уверенным, что оно было написано сразу же после совершения продажи. Ведь 20 ноября представляется ему еще далеким.

Кроме того, легко вычислить размеры всей сделки: 1000 рублей залога, 2000 — ноябрьская уплата, 3000 — январская и, наконец, 5000 — мартовская; если постучать костями на счетах, то выйдет как раз 11 000.

Продавец исходит из того, что покупатель будет реализовывать оптом купленную пшеницу постепенно и что именно к концу марта она должна быть распродана. В его пресуппозиции входит также, что покупщику, чтобы не остаться в накладе, придется вывезти товар подальше от места покупки («На месте трудно продавать»; [20]).

Последняя, шестая, строфа интересна психологически. 20 сентября 1881 г. в Щигровском уезде Курской губернии в селе Ртищевская Воробьевка (в десяти верстах от Коренной Пустыни, знаменитого монастыря), — а именно там совершилась сделка (о чем ниже), — цена четверти пшеницы, продаваемой оптом и в кредит, составляла 10 рублей. Продавец, человек бывалый, безусловно, справился о среднем уровне цен. Он, однако, знает, что цены не устоят на месте, но как они будут складываться в дальнейшем — неизвестно («Как цену наперед узнаешь?»; [21]). Пойдет ли

цена «в гору» или, напротив, «в отвал» (22)? Если подождать, то можно, с одной стороны, «найти барыш» и, с другой, «прогадать».

Вот и мучается «бедный» продавец — он дважды подчеркивает, что обдумывал и, призывая весь свой здравый смысл, взвешивал вопрос: «сейчас?» или «потом?». У него к тому же имелось подозрение, что Молчанова «подослали», и подослали «лукаво» (1), т. е. что покупатель обладает некоторой информацией, которая позволяет ему считать, что он берет пшеницу дешевле будущей цены.

Надо заметить, что в патриархальные времена сделки не заключались «в один присест». Покупщик Молчанов делал вид, что он по-приятельски гостит (1); продавец же играл роль хлебосола. Обедали, почивали, говорили о политике и об отвлеченном, ужинали и снова почивали. В усадьбе, естественно, был биллиард: как не «промахнуть»?²⁶⁹ Как не показать конюшню, псарню? К делу подбирались не спеша, торговались и лавировали упорно, знали пределы. А дело-то сидит в голове, не отвлечься. Стало быть, помучиться пришлось изрядно.

Мучения, как заключает стихотворец, разрешились русским способом. Поскольку явный проигрыш не просматривался, а оттяжка сделки связана с дальнейшими волнениями, продавец поступил по-русски: «подумал — да и подписал». Перед мысленным взором встает живая картина: продавец (может быть, буквально) *махнул рукой*, «понадеялся на русский *авось*» да и «подписал» (24). Из стихотворения не ясно, ограничилось дело векселем (который подписывали обе стороны), или же был заполнен еще какой-либо нотариальный документ. (Понятие *купчая* [крепость] относилось только к недвижимому имуществу.)

Общественные и, в частности, торгово-финансовые отношения за сто двадцать лет в России настолько изменились, что для читателя, нашего современника, приходится сообщать много информации. Сами слова и выражения типа *подымать* (в профессиональном значении), *забирать без хвоста*, *четверть*, *четвертачок* (25 копеек), *целковый*, *кредитки*, *вексель*, *в гору*, *купчая* и т. д. из языка не ушли и примерно понятны или, может быть, мнимо понятны, но что именно (в деталях) стоит за ними, уже неизвестно.

На этом реальностный комментарий стихотворного послания заканчивается.

Кто же, однако, его автор? Дело в том, что даже в пространные (однотомные) собрания сочинений великого поэта произведение не включается, и о нем, насколько мы знаем, никогда не писали специалисты.

Хотя автор, с точки зрения содержания, пишет на купеческую тематику, все же он явно не входит в сословие купцов (даже «просвещенных» — à la *Ермолай Лопухин* из «Вишневого сада»). Купцу в голову не придет сообщать товарищу о сделке стихами; между тем продавец виртуозно владеет стихотворческой техникой²⁷⁰ (что и

²⁶⁹ Приглашая друга и соседа к себе на именины (а они у него выпадали на редкого святого [с днем памяти 22 февраля]), владелец усадьбы специально упоминает «бильярд»:

Так посети — хоть вместе ляжем, — И новых жеребят покажем,
Наш теплый верх тебе знаком, — И на бильярде промахнем.

²⁷⁰ В частности, в цитируемом послании он — конечно, юмористически — в двух строфах уверенно обыграл, разложив его на части, морфологически неразложимое наречие *впояхах*:

Вы как здоровьем? Хоть бы вновь я Признаться, самому до смерти
Не услышал о серых днях. Мне надоели *попыхи*;
Что детки? Всё ли так же Софья Куда тебя ни сунут черти —
Сергевна в вечных *попыхах*? Весь свет исполнен чепухи.

не удивительно: в свое время (в 1844 г.) он окончил словесное отделение Московского университета). В лексиконе купца нет «светлой зари». Наконец, выражение Молчанов-Гііs (т. е. Молчанов-сын) выдает образованного человека.

Автор — помещик, владелец крупной усадьбы Ртищевская Воробьевка.

«Деревня Воробьевка стоит на левом, луговом берегу реки, а господская усадьба — на правом берегу, очень высоком. Каменный дом окружен с востока каменными же службами, а с юга и запада огромным парком на 18-ти десятинах, состоящим большей частью из вековых дубов. Место так высоко, что из парка ясно видны церкви Коренной Пустыни. Множество соловьев, грачи и цапли, гнездящиеся в саду, цветники, разбитые по скату к реке, фонтан, устроенный в самом низу возле балкона — всё это отразилось в стихах владельца» [Страхов 1894/1988: 328].

Впрочем, владельцем Воробьевки, некогда вотчины бояр Ртищевых, стихотворец стал недавно: в 1877 г. он купил ее за 105 тыс. рублей.

Это была не первая купленная им усадьба: до этого, в 1860 г. он за 20 тыс. рублей из приданого жены купил захудалый хутор Степановку с 200 десятинами земли и превратил его в процветающее хозяйство. В Степановке человек, о котором идет речь, «отделал дом и расширил его пристройки, развел цветники, насадил аллеи, выкопал пруды и колодцы и, главное, усердно повел хлебопашество», так что началось «постепенно возрастание имущества, достигшее под конец той величины, которую можно назвать богатством» [там же: 331]. Наглядным примером противостоя «русской напасти», хозяин Степановки на месте прежней непролазной колеи вымостил отличную подъездную дорогу. Воробьевка была куплена им уже на свои деньги, и на 850 десятинах, прилегавших к усадьбе, была продолжена энергическая хозяйственная деятельность, с наемным управляющим.

Итак, автор стихов о проданной пшенице — помещик. Однако он совсем не похож на Любовь Андреевну Раневскую: у него Лопахин не купил бы вишневого сада. Имелись, стало быть, в России умевшие считать и преумножать деньги помещики.

И писать стихи! Именно человек, уподобивший кредитные билеты *светлой заре*, ввел в широкое поэтическое употребление самый что ни на есть лирический (любовный) образ *зари*²⁷¹:

* * *

На *заре* ты ее не буди,
На *заре* она сладко так спит;
Утро дышит у ней на груди,
Ярко пышет на ямках ланит <...>.

Оттого-то на юной груди,
На ланитах так утро горит.
Не буди ж ты ее, не буди...
На *заре* она сладко так спит!²⁷²

* * *

В дымных тучках пурпур розы,
Отблеск янтаря,

И лобзания, и слезы,
И *заря, заря!*..²⁷³

²⁷¹ Его следует отличать от символа *зари* в свободолюбивой, т. е. общественной, поэзии.

²⁷² Стихотворение, написанное 22-летним поэтом в 1842 г., положил на музыку А. Варламов, и оно стало народной песней.

Конечно, Афанасий Фет!

Поэт «чистой лирики», любви, разлитой по всему мирозданию; служитель «красоты», умеющий слышать и видеть ее космическое измерение; главный представитель *l'art pour l'art* в России, ставивший искусство превыше всего на свете; приверженец экстастики (вдохновенности) в искусстве и отрицавший в нем расчет и планомерность; хрестоматийный²⁷⁴ певец по-неземному тончайших оттенков чувства и переживания; мастер импрессионистического стиля (в описаниях природы); убежденный противник литературы с *направлением* и теории общественной полезности искусства, твердо плывший против течения и за всю жизнь «не согрешивший ни одним „гражданским мотивом“»²⁷⁵ (отсюда «реакционер», мишень ненависти радикального разночинского племени²⁷⁶), Афанасий Афанасьевич Фет-Шеншин проводил резкую грань между «поэтическим идеалом» и «прозой жизни».

Может быть, две фамилии судьба ему послала неслучайно: в нем сосуществовали утонченный литератор *Фет*²⁷⁷, русский Гейне²⁷⁸, и *Шеншин*, его отчим Афанасий Неофитович, человек, по собственным словами пасынка, погруженный всецело в «практическую действительность» и начисто лишенный «порывов к идеальному» (цит. по: [Тархов 1988: 10]). Иногда, как кажется, поэт и сам привязывал свою раздвоенность²⁷⁹ к своим фамилиям²⁸⁰.

²⁷³ С этого безглагольного стихотворения «Шепот, робкое дыханье...», напечатанного в 1850 г., поэт приобрел всероссийскую славу.

²⁷⁴ Достаточно вспомнить: «Чудная картина, / Как ты мне родна...»; «Не отходи от меня, / Друг мой, останься со мной!...»; «Я пришел к тебе с приветом...»; «Какая ночь! На всем какая нега!...»; «Уноси мое сердце в звенящую даль...»; «Какая грусть! Конец аллеи / Опять с утра исчез в пыли...»; «Сияла ночь. Луной был полон сад...»; «Это утро, радость эта...»; «Учись у них — у дуба, у березы...»; «Природы праздный соглядатай...»; «Я тебе ничего не скажу...»; «Как беден наш язык!...»; «Мама! Глянь-ка из окошка — / Знать, вчера недаром кошка...» и др. Примечательно, что хрестоматийность стихов Фета была уловлена очень рано: составитель десятки раз потом издававшейся «Русской хрестоматии» А. Галахов уже в первое издание (1843 г.) включил стихи тогда всего лишь 23-летнего поэта и затем пополнял их состав («Печальная береза...»; «Постой! Здесь хорошо...»; «Вдали огонек за рекою...»; «Я жду... Соловьиное эхо...»; «Посейдон»; «Теплый ветер тихо веет...»).

²⁷⁵ [Семенкович 1902/1988: 452].

²⁷⁶ Племянник Фета писал об этом: «Отсюда и гонение на дядю: в то время нельзя было выказать и тени неудовольствия или несогласия с господствующим мнением. Кто не с нами, — тот против нас... таков был лозунг. <...> И вот его объявили „ретроградом“, „газильником“, „мракобесом“, и я не знаю уж, каких кличек ему не давали...» [Семенкович 1902/1988: 453]. — Ср. свидетельство А. П. Чехова (в «Дневниках»): «Фет-Шеншин, известный лирик, проезжая по Моховой, опускал в карете окно и плевал на университет. Харкнет и плюнет: тьфу! Кучер так привык к этому, что всякий раз, проезжая мимо университета, останавливался».

²⁷⁷ Ситуация запутывается, потому что, строго говоря, у поэта фамилий было три: по матери (и фактическому отцу) он — *Фёт* (Foeth), так и писался, но в подписи к стихотворению «Посейдон», опубликованному в конце 1841 г., по недосмотру наборщика и корректора буква *Ѣ* была заменена буквой *е*. Иными словами, *Фет* — это не что иное как литературный псевдоним. Мать поэта, как считали многие его современники, была немкой еврейского происхождения.

²⁷⁸ Поэт сам осознавал свою зависимость от литературной моды и, в частности, в ранний период своего творчества указывал на Гейне как на образец для подражания. Тургенев, правда, написал ему: «Что Вы мне пишете о Гейне? Вы выше Гейне, потому что шире и свободнее его» (цит. по: [Страхов 1894/1988: 330]).

²⁷⁹ Эту раздвоенность отмечали многие его современники. Ср. из мемуаров: «Афанасий Афанасьевич был очень однообразен, но вместе с тем и своеобразен. Он вмещал в себе двух разнообразных людей: поэта и очень практичного житейского человека» [Кузьминская 1968/1988: 410].

Итак, поэт-помещик видел грань между «поэзией» стихов и «прозой» хозяйствования²⁸¹. Правда, в стихотворном послании 1881 г. (Д. П. Боткину) с отчетом о житейских делах (шесть строф из которого помещены выше) великий поэт, уступая моде писания стихов на случай, эту грань переступил²⁸².

ПРИЛОЖЕНИЕ 2. *ЛИНГВОСТРАНОВЕДЧЕСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ:* (к подглавке 03–5) *АКТИВИСТ И ОБЩЕСТВЕННИК В СОВЕТСКУЮ ЭПОХУ*

Ниже без комментариев помещена стенограмма дискуссии «Быть активистом, общественником» [«Пионер», 1979, 1: 38–40]. Ключевые «советские слова», позволяющие судить о ЛФонах двух лексем, выделены нами. На основе закурсивленных фрагментов текста нетрудно провести исчисление СДолей по методике, образцы которой содержатся в главе 17.

(От редакции) На XXV съезде Коммунистической партии в выступлениях делегатов часто звучали слова: *инициатива, творческий поиск, умение сегодня работать лучше, чем вчера, высокая требовательность к себе и к своей работе, ответственность за порученное дело*. Это относится и к тебе и к твоему отряду. <...>

Олег Шевченко. Каким должен быть *активист*? Мне кажется, в нашем отряде есть ребята, которые имеют право так называться. Вот Коля Сторчевой такой человек. Всегда выполнит *отрядное поручение*, вечно сам придумывает что-то новое, *помогает отстающим*. Я даже не знаю, когда он успевает уроки делать... А он учится хорошо.

Алла Гох. *Настоящим активистом* можно назвать нашего *председателя совета отряда* Наташу Ярош. К сожалению, не всегда человек, которого выбрали в *актив отряда*, в душе настоящий активист. Если честно, то я бы во время будущих выборов

²⁸⁰ Ср.: Пора и кончить мне. Будь здрав, прими привет.
Хоть подпишу Шеншин, а все же выйдет — Фет <...>;
Смушаюсь я не раз один:
Как мне писать в делах текущих?
Я между плачущих Шеншин,
И Фет я только средь поющих.

²⁸¹ Свой помещичий образ жизни А. Фет описал и «теоретически» обосновал в рассказе «Вне моды». Его «Письма из деревни» вызвали дружную ненависть «прогрессивной» журналистики. Б. А. Садовской приводит любопытное предание о привычках «крепостника» Фета в своей усадьбе. «В семье Полонских осталось воспоминание, как летом 1890 года в Воробьевке гостил с женою и детьми Я. П. Полонский. Фет после обеда усаживался отдыхать в маленькой гостиной. Здесь секретарша читала ему вслух, жена тем временем занималась рукоделием, а маленькая дворовая девочка почесывала осторожно темя барину, пока он дремал. Вернее всего думать, что в последнем случае Фету просто хотелось подразнить либерального товарища крепостнической замашкой, заменив часаньем головы классическое „чесание пяток“» [Садовской 1988: 446]. Между тем «простой народ» уважал «крепостника» и, по свидетельству В. Н. Семенковича, называл его «правильным баринном».

²⁸² «Противоестественность» такого поступка поэт сознавал. Завершая другое, отчасти деловое, послание в стихах, он заметил:

Но извини меня! я заврался безбожно,
Да сам же подал ты пример неосторожно
Ломать язык богов над будничным письмом.
Пора и перестать. Кончаю. Дело в том <...>

кое-кого в нашем совете отряда поменяла, хотя у нас там сплошные *отличники* и «примерные дети». А Ярош оставила бы, хотя она и отличница.

Миша Берлинский. Напрасно ты так на отличников нападаешь. Зачем же мы тогда *добиваемся*, чтобы все хорошо учились? Жаль только, что, когда выбирают в совет отряда, слишком часто смотрят на «репутацию»: «отличник — неотличник».

Алла Гох. Вот, вот! У нас, например, в отряде Таню Грибову никуда не выбирают — у нее есть тройки. А она настоящая *звеньевая* — на *сборе звена* ребята только ее и слушают, и дела она самые интересные организует. <...>

Миша Берлинский. И все-таки не зря отличников в актив выбирают. Кто такой *троечник*? В основном человек, который чересчур «уважает» свои желания. Захотелось ему фильм посмотреть, и он бросает уроки. Выберем такого председателем или звеньевым, а ему однажды вместо сбора захочется на лыжах покататься? Активист должен не только «гореть» и «призывать», он еще должен уметь начатое дело довести до конца. То есть быть организованным и ответственным за свои поступки человеком. А эти качества чаще всего у ребят, которые хорошо учатся.

Ира Косенкова. Вот именно, «ответственным за СВОИ поступки». Разве не бывает, что человек хорошо учится, но кроме себя самого, *его ничто не интересует*? В отряде такой человек, как чужой, ничего ему не надо... <...> Если у человека есть желание работать для других людей, это важнее оценок. Вот тогда он активист. <...>

Алла Гох. Что, интересно, произойдет, если в один прекрасный день актив отряда исчезнет? Что тогда будут делать «неактивисты»? Жизнь в отряде, наверное, будет как в лесу, — тишина, покой, отучились — и домой, *каждый сам по себе*.

Миша Берлинский. Они выберут себе другой актив. Разве сейчас у этих ребят нет своих *вожачков*?

Алла Гох. Есть. У нас в отряде это Брылев. Некоторые мальчишки за ним, как хвосты, ходят. Нагрубит он учителю, они в восторге: какой Брылев смелый! Нахватает двоек — опять восторг: какой Брылев независимый, ему на оценки наплевать! Если разобратся, то Брылев тоже «активист», только наоборот: вечно организует всякие проделки, но от них людям одни огорчения, а не польза. <...>

Надежда Семеновна Шилова, секретарь партийного комитета фабрики имени Калинина. Проблемы, о которых вы, ребята, говорите, мне хорошо известны. Я много лет *проработала вожатой*. И вот что я думаю. Активист в первую очередь должен быть *инициативным* человеком. Но только этого мало. Настоящий активист должен быть примером во всем. Как он будет *бороться за успеваемость* в отряде, если у него самого тройки? <...> Я пришла на фабрику имени Калинина в шестнадцать лет. Выбрали меня сначала секретарем комсомольской организации цеха, потом завода. Работала вожатой в *фабричном пионерском лагере*. Теперь вот *доверили* мне люди быть *секретарем партийного комитета*. Всего я проработала на фабрике двадцать семь лет и за это время много встретила людей, которые по праву могут назвать себя активистами. И всегда это были люди, которые выполняли свою работу не для собственного успеха, а для того, чтобы другим жилось лучше. <...>

Лида Давыдова, вожатая школы № 629. <...> Слишком часто мы «неактивистам» повторяем, что они такие-сякие ... Есть у нас в школе мальчик. «Трудный»... Так мы считали. Выбрали мы его в отряд юных друзей пожарных. И вот однажды загорелся стог сена — школа у нас на окраине города, рядом совхозные поля. Так этот мальчишка мигом свой отряд поднял и стог до приезда пожарной команды погасил. Потом,

правда, оказалось, что стог гасить не нужно было, его специально сжигали. Но я все равно предложила этого мальчишку наградить. <...> Если человек так, не раздумывая, бросается *спасать государственное добро* (он же не знал, в чем дело!), значит у него уже есть качества настоящего активиста. Их надо только открыть, поддержать, укрепить, развить. <...> Надо больше поощрять ребят. Мы наградим, поздравим три отряда, занявшие первые места на марше «Бери с коммунистов пример!». А другие тоже немало *добрых дел сделали*. Я не хочу сказать, что активисты должны работать за вымпелы, награды и поощрительные слова... Нет. И настоящие активисты, *сознательные* ребята, это понимают. Я говорю о ребятах, которые только начинают чувствовать вкус к общественной работе, — вот кого надо поддерживать и поощрять. <...>

Ирина Кудря, вожатая школы № 533. К нас в школу приходят иногда родители и просят *освободить их детей* от общественной работы. Им кажется, что из-за нее у детей не хватает времени на учебу, на спорт, на факультативы, на музыкальную школу. Из-за этого происходят неприятные вещи. <...>

Люба Тихонова, вожатая школы № 880. Время — большой вопрос активистов. *Дополнительные* по математике тоже ох как нужны. Но активист такой человек: уроки ночью будет учить, а дела общественные выполнит вовремя. <...>

Ирина Кудря. <...> Некоторым папам и мамам кажется, если бы не эта общественная работа, ребенок еще в какой-нибудь кружок успел бы. Только, по-моему, общественная работа дает человеку то, что ни один кружок не даст, — умение думать не только о себе, но и о других людях.

Борис Ильич Калашников, заведующий отделом пропаганды и агитации Советского райкома партии. <...> Родителей, которые считают, что общественная работа детям мешает, надо пытаться делать своими союзниками. Если бы вы, ребята и вожатые, держали их постоянно в курсе школьных дел, приглашали чаще в отряды, показывали, какие *добрые* и *полезные дела* делают их дети, разве не изменилось бы их отношение? <...> Общественная работа отнимает, конечно, много времени. Но активист должен уметь организовать свое время. Знать, что такое НОТ, активисту необходимо. И дело не только в научной организации труда. Часто ребята в отряде на одного человека наваливают целый воз дел. <...> Сегодня много говорилось, каким должен быть активист. Мне кажется, хорошо, если бы, кроме всего перечисленного, активист обладал ПРАКТИЧЕСКИМИ умениями. Умел бы *горнить*, *барабанить*, умел бы *ходить в строю*, знал великолепно *ритуалы* пионерской организации. <...> Нужно *не оставить без внимания* ни одного человека в звене и отряде. Иногда бывает так. Объявляют: все на сбор металлолома. Нет чтобы поговорить с отдельными ребятами, объяснить им, что такому-то заводу очень нужен металлолом. Еще раз поговорить об операции «БАМу — пионерские рельсы!», в которой принимает участие *пионерия* страны. Нет, *отдают приказание* — всем прийти, и все. И приходят вместо двадцати человек — десять. А почему те десять не пришли, опять никого не интересует. Надо бы *разобраться* с каждым в отдельности. Активист *на одних приказах* свою работу не построит. Так он скоро станет зазнашкой, и товарищи от него отвернутся. Надо уметь находить общий язык с людьми, быть добрым, сердечным, тогда к тебе люди потянутся, будут к твоим словам прислушиваться. И еще мне хотелось бы сегодня напомнить пионерам слова, обращенные к вам Леонидом Ильичем Брежневым: «Сегодня вы дети, а завтра советский народ». Это значит, вы уже сегодня должны думать о том, что через некоторое время из *активистов* своего отряда, своей *дружины* вы превратитесь в активистов своего завода, своей лаборатории, своего

колхоза. Те *человеческие качества*, которые вам понадобятся в вашей взрослой жизни, вы должны вырабатывать у себя уже сейчас.

(От редакции) Пионерские активисты — это люди, у которых всегда много дел, забот, перед ними стоят важные задачи. И поэтому у них всегда есть вопросы, на которые нужен ответ. Ты и твои друзья тоже ищут эти ответы. Вместе с вами обо всех ваших проблемах думают и взрослые — недавно в Москве состоялся пленум Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина «О дальнейшем совершенствовании работы по обучению и воспитанию пионерского актива». И сегодняшний наш разговор о работе активистов не закончился. Мы ждем, что ты продолжишь его... <...>

Считаешь ли ты себя *активистом* и *общественником*, если нет, что мешает тебе им стать?

Как проходят выборы актива в вашем отряде? *Насколько самостоятельно вы выдвигаете* кандидатуры или это зависит от взрослых: учителей и вожатых? <...>

Как твой отряд, дружина поддерживают связь с районным пионерским штабом, как это помогает вам в работе?

Готовите ли вы своих делегатов на седьмой слет пионеров? Как проходит у вас обсуждение делегатов для поездки в Артек? Ждем писем!

ПРИЛОЖЕНИЕ 3. *ЛИНГВОСТРАНОВЕДЧЕСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ: ЧТО В 1985 Г. КАЗАЛОСЬ ЕСТЕСТВЕННЫМ СОВЕТСКОЙ УЧИТЕЛЬНИЦЕ И ЧТО БЫЛО НЕПОНЯТНО УЧИТЕЛЬНИЦЕ ИЗ ФРГ*

(к подглавке 03–5)

Крутая общественная ломка начала 1990-х гг. имела следствием и коренную перестройку языка. Ниже приведена сначала текстовая, а затем и лингвострановедческая расшифровка (несколько сокращенной) реальной магнито-записи, сделанной накануне начала зимних каникул в одной из московских школ молодой преподавательницей русского языка из ФРГ, стажеркой Отдела лингвострановедения Института русского языка им. А. С. Пушкина. (Назовем ее *Сабиной*.) Сабина очень хорошо говорила по-русски. Расшифровка была выполнена в январе 1985 г. по ее просьбе. Принеся магнитозапись, Сабина, краснея, призналась, что хотя она ясно разбирает все слова, общий смысл дискурса ускользает от ее понимания, так что требовался не языковой, а именно лингвострановедческий комментарий.

Ниже сначала воспроизводится то, что было записано на пленку.

(Голос учительницы:) Вот, ребята, и подошла к концу вторая четверть, Контрольные по русскому и математике вы написали неплохо. По итогам у вас в классе один отличник — вернее, отличница, это снова Маша Владимирова, а восемь учеников успевают на «четыре» и «пять». Двоечников нет, а троечникам надо подтянуться. В шестом «В» на двух отличников больше. И стенгазета класса мне понравилась, я на педсовете буду просить, чтобы ее на конкурс района выдвинули. Староста, раздай, пожалуйста, дневники. Что ж, ребята, каникулы начались. Ты, Сабинин, что будешь делать?

(Сабинин:) У меня билет есть на елку во Дворец пионеров!

(Голос девочки:) А я пойду на елку к шефам! Мне достали еще билет в ТЮЗ!

(Голос учительницы:) А у тебя, Наташа, какие планы?

(Наташа:) Маме выделили для меня путевку в зимний лагерь!
 (Голос учительницы:) А как же октябрятский утреник?
 (Наташа:) А я его уже завтра проведу.

Сабине сказали, что она побывала не на обычном уроке, а на *классном собрании*. В лингвострановедческом словаре «Народное образование» [Денисова 1983: 107] дана семантизация:

«*Классное собрание*, или *классный час*, в школе обычно проводится сразу после уроков. На собрании школьники обсуждают учебу и поведение одноклассников, намечают планы внеклассной работы (проведение экскурсий, субботников, пионерских сборов, вечеров отдыха и т. д.), подводят итоги сделанного. Подготовку классного часа осуществляет актив класса с помощью классного руководителя. Ведет собрание один из учеников или учитель».

Все правильно, но не упомянуто, что классные собрания в советской школе непременно проводились в конце каждой *четверти*, и на них «подводились итоги». Как раз на таком собрании и побывала Сабина. В дополнение к *четверти*, представляющей собой меру сыпучих тел (см. выше Приложение № 1), перед нами еще одна *четверть* (четвертая часть учебного года), упомянутая классной руководительницей — *вторая*, по завершении которой начинаются двухнедельные зимние каникулы.

В конце каждой четверти советские школьники непременно писали контрольные *работы* по основным предметам: как правило, по русскому языку и литературе, по математике, реже — по физике и химии. Оценки, которые ученик получит по контрольной работе, имели большое значение: на основе текущих *отметок* — за домашние и классные работы, по *результатам опроса* и особенно контрольных работ — «выводились» четвертные оценки. Вот почему классная руководительница делает в классе важное сообщение: «Контрольные по русскому и по математике вы написали неплохо».

Справку о слове *староста* можно получить в том же словаре М. А. Денисовой [1983: 172]:

«*Староста класса* в школе — основной помощник учителя в первых—третьих классах и классного руководителя в пятых—десятых классах. Он следит за порядком и чистотой в классе, за работой дежурных, помогает учителю во всех организационных мероприятиях». Надо добавить, что в советской школе делали вид, будто существует *самоуправление* учеников: в частности, староста, как утверждалось, не назначался взрослыми, а выбирался самими детьми. Естественно, на самом деле кого назначит классный руководитель старостой, того и «выбирали».

Что касается *дневника*, то речь идет о специальной тетради, в которую ученики записывают домашние задания, а учителя заносят отметки за ответы учеников в классе, у доски, а также за контрольные работы. Родители должны каждую неделю просматривать дневник и расписываться в нем: таков еще один из декларированных принципов советской системы образования — *связь семьи и школы*.

Но почему староста раздает дневники? В конце четверти классный руководитель собирает дневники своих учеников и проставляет в них четвертные отметки. Ясно, что ученики с нетерпением ждут возврата дневников, потому что не все уверены, «сколько выйдет в четверти».

А далее начинается лингвострановедческая археология. Из современной действительности исчезло так наз. *шефство*. Если судить по фасаду, то в советском обществе под *шефством* понималась добровольная, общественная, но одновременно постоянная, систематическая деятельность по оказанию какой-либо помощи. Так, в городе крупные предприятия *брали шефство* над средними школами своего района. *Шефами* бывали также колхозы и другие организации. Школьные *шефы* реально помогали оборудовать кабинеты и мастерские в школе, бесплатно руководили школьными кружками. А под Новый год и в первой декаде января *шефы* устраивали у себя (например, в клубе завода) праздник елки для подшефных школьников.

Разговорная, обиходная речь всегда сжата, конденсирована. Вместо того чтобы сказать *контрольная работа по русскому языку*, учительница говорит: *контрольная по русскому*. Ей незачем полностью развертывать: *в параллельном шестом классе «В»*; в данном контексте достаточно сказать: *в шестом «В»*. В официальном отчете она написала бы *«неуспевающих учеников нет»*, но в непринужденной беседе с классом говорит: *двоечников нет*. Таким образом, разговорная, обиходная речь — это настоящий «конденсат» действительности, и обиходные диалоги теснейшей, интимнейшей связью переплетены с образом жизни говорящих, с общими и частными чертами их национальной культуры.

Чтобы провести лингвострановедческую расшифровку трехминутной магнитозаписи для иностранки, потребовалась получасовая беседа. Основные ее тезисы изложены выше.

Через какое-то время магнитозапись будет непонятной и для наших соотечественников.

ПРИЛОЖЕНИЕ 4*. *ОБРАЗ СВЯТОГО, КАК ОН ВЫЯВЛЯЕТСЯ* (к подглавке 03—7) *ЧЕРЕЗ ФОНОВОЕ КОММЕНТИРОВАНИЕ ЕГО ИМЕНИ*

Нижеследующие конкретные наблюдения непосредственно примыкают к теоретическим взглядам, обоснованным в подглавке 03—7 «Фоновые особенности ономастической лексики». Эти наблюдения подкрепляют тезис, согласно которому имя собственное способно стать хранилищем индивидуальной информации.

На 1/14 января выпадает двойной праздник — Обрезание Господне и память одного из трех *вселенских учителей* — Василия Великого (ок. 330—379), архиепископа Кесарии, что в Каппадокии²⁸³.

Св. Василий Великий — один из созвездия великих богословов Пресв. Троицы (так наз. «Каппадокийских отцов») ²⁸⁴, автор «Шестоднева», Литургии своего имени и своего же имени Монастырского устава, непреклонный борец с арианством, стойкий поборник православия, проponent христианской благотворительности и т. д. Хотя, видимо, и нет нужды представлять его специально, все же сошлемся на исчерпывающую справку [Bardenhewer 1901: 239—249].

* В основе настоящего Приложения лежит статья [Верещагин, Костомаров 2001a].

²⁸³ Память Василия Великого во второй раз приходится на 30 января (в «соборе вселенских учителей и святителей Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоустого»). Поскольку праздник был установлен лишь в 1076 г., в Ильиной книге он еще не отразился.

²⁸⁴ Совместно со своим братом Григорием Нисским (†395) и закадычным другом Григорием Назянзином (Богословом; †389).

В древнейшем славяно-русском богослужебном сборнике — *Ильиной книге* (сокращенно: *Ил*), источнике, о котором говорилось в главе 18 настоящего раздела, — под 1 января содержится последование, состоящее из текстов трех жанров — канона, стихир и седальнов²⁸⁵.

Канон в *Ил* — комбинированный. Большинство песней канона (I, III, IV, VI, VII, VIII и IX) состоит из ирмоса (показанного инципитом) и четырех тропарей: 1-й тропарь берется из канона Обрезанию (Стефана Савваита), 2-й и 3-й заимствуются из канона Василию (Иоанна Дамаскина), а богородичны — общие для двух канонов. Что же касается выпавшей из ряда V-й песни, то хотя в ней и четыре тропаря по счету, но их распределение иное: 1-й тропарь — Обрезанию, 2-й и 3-й — Василию, 4-й — хотя и взят из канона Василию, все же по содержанию посвящен совместно Обрезанию и Василию, а богородична нет вообще. В последование еще вошли четыре *стихиры*, из которых 1-я — Обрезанию, а 2-я, 3-я и 4-я — Василию. *Седальнов* — два: 1-й — Обрезанию и Василию — 2-й. Как видим, по количеству гимнографического материала память святого превзошла господский праздник!

Ниже предпринята публикация выборки песнопений из *Васильева круга* гимнографических текстов по *Ил*. О критерии отбора текстов для анализа см. непосредственно ниже.

Придерживаемся эдиционных принципов, реализованных в публикации текстов *Ил* в главе 18. *Васильева служба* в *Ил* начинается на листе 98-м (лицевая сторона, строка 6) и завершается на листе 102-м (оборотная сторона, строка 20). Поскольку нередко слав. тексты сами по себе понять невозможно, к ним приписаны греческие соответствия.

Как известно, гимнография аллюзивна. Это означает, что человек, не располагающий *фоновыми знаниями*, не выйдет за пределы буквального понимания текстов. Между тем тропари и стихиры рассчитаны на восприятие именно затекстных аллюзий. Развитая греч. гимнография создала обширный инструментарий аллюзивирования, вполне внятный только подготовленному книжнику. Соответственно к публикуемым песнопениям нами систематически прибавляются *фоновые комментарии*, призванные руководить вниманием адресата (нашего современника) и способные позволить ему восприятие аллюзий древнего гимнографического канона.

Фоновые комментарии отличаются от прочих тем, что они содержат не «вообще полезную» информацию, а именно и только такие сведения, которые позволяют осмыслить данный, вполне конкретный аллюзивный затекст.

Остается сказать, что не все тропари *Васильева круга* требуют фонового комментария: иногда содержание тропаря или стихиры рассчитано на прямое восприятие (т. е. такой тропарь не имеет аллюзий); иногда тропарь или стихира состоит сплошь из гимнографических *loci communes*²⁸⁶. Подобные тропари нами опущены, т. е. для данного Приложения мы произвели выборку. Тем не менее полное последование Василию Великому по *Ил* также опубликовано нами, но в другом месте (см. [Верещагин, Костомаров 2001]).

²⁸⁵ Собственно, *седальны* — это вид *стихир*.

²⁸⁶ *Locī communes* (общие места) в принципе аллюзивны, но их следует комментировать за скобками конкретного богослужебного последования, ибо они, собственно, к нему не принадлежат, имея (по определению) всеобщую применимость.

Фоновые комментарии относятся ко всему тексту песнопения. В некоторых (особенно интересных) случаях мы приводим также текстологические и переводоведческие комментарии, и они всегда привязаны к фрагментам текста (соотнесены с ними арабскими цифрами). Когда фоновые и текстологические комментарии сочетаются, то сначала приводятся текстологические, а затем — фоновые (первые отделяются от вторых знаком *тильды*: ~).

98° 3—7

- [1] Παιδείας γεγωνῶς ἀπάσης ἔμπλεως
Наказаннѣа вѣистъ вѣсего исплѣ|ненъ
- [2] οὐ μόνον τῆς κάτω καὶ πατουμένης
нъ тѣкмо нижнѣа и по|пирѣама
- [3] πολλῶ μᾶλλον δὲ τῆς κρείττονος
зѣло же паче лжч|шаго
- [4] ἀνεδείχθη τῷ κόσμῳ φῶς, Βασίλειε.
мирови свѣтѣ тѣи св.,| василинѣ|

Аллижировуется отличное образование, полученное св. Василием. В Кесарии, Царьграде и Афинах он слушал лекции языческих философов. Вернувшись в Кесарию, и сам с большим успехом преподавал красноречие. Оставил богатое богословское наследство, в том числе знаменитые «Беседы на Шестоднев» (9 бесед на 1-ю главу Книги Бытия) (рус. перевод см. [Творения Василия, 1: 1—94]). Василию Великому принадлежит Литургия, и поныне носящая его имя (научное издание см. [Собрание 1875: 45—80]). Высокое образование Василия аллижировуется также в последующем тропаре.

98° 8—11

- [1] Τῷ φόβῳ τοῦ Κυρίου στοιχειούμενος·
Ἔτραχος γῆνιμὲς οὐπρᾶνιμὲς
- [2] ἀρχὴ γὰρ σοφίας οὗτος ὑπάρχει·
зачало бо прѣмудрости сице кестъ|
- [3] τῇ φιλίᾳ τῆς ἀμείνονος
любѣвьѣк лжчшѣиѣк
- [4] ἐπτερώθη σοφίας, ὦ Βασίλειε.
вѣперн св.,| прѣмудростникъ, василинѣ|

В тропаре содержится парафраз широко известного стиха Прем 9: 10 (приводим по синодальной Славянской Библии): Начало премудрости страхъ гдень. В масоретской версии на месте страхъ стоит лексема פֶּחַי, которую следует перевести скорее как «благоговейный трепет» (а он радикально отличен от «житейского» страха). Не случайно «набожный» — סִיפֵחַ קָדִים («трепещущий перед Богом»; обычно переводится: «боящийся Бога»).

98° 20, 99° 1—2

- [1] Σεμνυνόμενος τέχνον ὑπάρχειν Θεοῦ
Главлѣа св чадѣ вѣггн
- [2] Θεότητα εἰς κτίσιν εὐσεβῶς, Βασίλειε, οὐ κατήγαγες.
вжствѣна||а твѣрь вѣрьно, василинѣ, не низвѣ|веде|

Текст без поддержки греческого понять невозможно: в строке (1) нет соответствия Θεοῦ (так что мысль не окончена); строка (2) означает: *Божественность* (т. е. божественную природу) *до твари* (т. е. до тварной природы) *по благочестию не низвел*. Поскольку ариане отрицали божественную природу Бога-Сына (Иисуса Христа), они-то как раз и низводили нетварное до тварного.

99° 3—4

- [1] Τῇ ἐκκλησίᾳ δέδοσαι παρὰ Θεοῦ
Цркѣи тѣи данъ кси Ѡ ба

[2] *χαράκιμα καὶ τεῖχος ὄχυρόν, Βασίλειε παμμακάριστε.*
острогъ| и стѣна твърда, василіе прѣблне·-

При помощи метафор аллюзируется борьба Василия против арианства. Хотя ересь и была осуждена еще на Никейском соборе 325 г., да и сам Арий давно умер, все же арианство во второй половине IV в. искоренить не удалось. В частности, восточный император Валент, на время правления которого (364–378 гг.) приходится церковная деятельность Василия как архиепископа Кесарии Каппадокийской, пытался добиться, чтобы святитель отказался от православного термина *ὁμοούσιος ἐκδησῶν* в Никейском символе веры, и при посредстве епарха (префекта) Модеста угрожал ему изгнанием, конфискацией имущества, мучениями и даже казнью. Когда, однако, сам Валент прибыл в Кесарию и состоялась его встреча со святителем, Василию удалось переубедить императора, и тот не только не отправил епископа в ссылку (хотя уже был заготовлен указ), но и сделал богатые вложения в его странноприимный дом (об этом доме см. ниже комментарий к тропарию *Не законодатель монси*). В книжно-письменном наследии св. Василия представлены трактаты, проповеди и письма, посвященные обороне православия от арианства.

99° 17–19, 99° 1

[1] *Οὐ νομοθέτης Μωσῆς,*

Не законодатель монси

[2] *οὐ πρὸ τοῦ νόμου Ἰωσήφ γέγονε*

не прѣже| закона носифъ вѣстѣ

[3] *τῆς κατὰ σὲ τροφῆς σιτομέτρης·*

твоѣ| пици живодатель¹

[4] *τῆς θείας γὰρ σαρκὸς² αὐτὸς ἐστιάτωρ ἐδείχθης, Βασίλειε.*

вѣниа во|| тѣи вѣсельникъ³ ави са, василіе·|

1: На основании греч. соответствия требуется конъектура: жито-. Механизм ошибки (в процессе бытования текста) — паронимия. Греч. лексема *σιτομέτριον* (букв. «мера хлеба», вообще «пропитание») — из текста Евангелия (Лк 12: 42); в Маринском и Зографском евангелиях переведена как житомѣренье. 2: Греч. лексема или изначально пропущена при переводе, или утратилась в процессе бытования. 3: Греч. соответствие *ἐστιάτωρ* буквально означает «устраивающий пир», переносно: «(раз)дающий пищу»; слав. перевод — словообразовательная калька. Поскольку в слав. тексте утрачена ключевая лексема (плоть), осмыслить его невозможно. В греч. оригинале применен риторический прием параллелизма: *Как Моисей раздавал (избранному народу) Закон, а до него Иосиф — хлеб, так св. Василий преподавал (в Евхаристии причастникам) Божию плоть*. Аллюзируется ежедневное служение святителем литургии. ~ Моисей (1) назван законодателем потому, что получил от Бога и вынес к народу скрижали Закона (ср. Исх 34: 1–29). Аллюзируется богословская (= законоположительная) деятельность св. Василия. ~ Иосиф (2), в слав. традиции названный *Прекрасным*, жил «прежде Закона», т. е. до получения скрижалей. Известен, в числе прочего, тем, что во время голода в Египте отворил житницы и снабжал народ хлебом. Ему в параллель поставлена благотворительная деятельность Василия Великого: во время голода в Кесарии он также питал народ. Григорий Богослов в знаменитом слове 43-м («надгробном Василию, архиепископу Кесарии Каппадокийския»), на которое еще предстоит сослаться, ставит подвиг Василия выше «хлебодающий» Иосифа: «Ибо Иосиф извлекает прибыток из глаза <...>. А Василий был милостив даром, без выгод для себя помогал в раздавании хлеба»; «Иосиф был раздаятелем хлеба, но для одного Египта, притом не многократно, и хлеба телесного. А Василий был раздаятелем для всех, всегда, и хлеба духовного, что для меня важнее Иосифова житомерия» [Творения Григория 1: 626–649]. По словам Григория Богослова, Василий создал недалеко от Кесарии «новый город» — странноприимный дом, где концентрировались бесплатные столовые для немущих, больные (в том числе лепрозорий), богадельни для нетрудоспособных и работные дома для безработных. Практикуя благотворительность, св. Василий подражал «социальной деятельности» Церкви апостольского времени (см. Деян 4: 32–37). О щедром вкладе в «новый город» императора Валента уже упоминалось.

100° 8–13

[1] *Πατὴρ ὄρφανῶν*

Оць сиротамъ

- [2] καὶ χηρῶν προασπιστής
вздовницамъ застѣпникъ
- [3] καὶ πλοῦτος πένης
нищимъ бѣгательство
- [4] τῶν ἀσθενούντων ἢ παράκλησις
недѣжнзимъ оутѣшение
- [5] καὶ τῶν ἐν πλούτῳ κυβέρνησις
'οὐβογζι|мъ крѣмление'
- [6] γήρως βακτηρία ἐδείχθης
старости жьзль| ави сѧ
- [7] παιδαγωγία νεότητος
и наказание о҃ности
- [8] καὶ μοναζόντων ἀρετῆς κανὼν, Βασίλειε.
и чьрнорнзѣцемъ нстое правило, василие.|

1—1: Если судить по греч. оригиналу, то должен быть совсем другой перевод, например: богатымъ окрѣмление; переосмысление имело место, вероятно, в процессе бытования (под влиянием смысловой инерции [так как в предыдущих строках говорится о неимущих и обездоленных] и вследствие паронимии). ~ Еще раз аллюзируется (на сей раз более конкретно) широкая благотворительность св. Василия: упоминаются приюты для сирот (1) и неимущих (3), богадельни для вдовиц (2) и престарелых (6), больницы для недужных (4). В строке (7) упоминается педагогическая деятельность Василия в среде молодежи. ~ Имеется в виду деятельность св. Василия как монастырского ктитора (он лично основал несколько монастырей и был игуменом). Его «Правила для иноков» (написанные совместно с Григорием Богословом) составили эпоху (ср. и до сих пор существующий на Западе орден *базилиан*). Отличительной чертой монастырей, следующих уставу (κανὼν) Василия Великого, является именно благотворительность.

100' 14—18

- [1] Ὡ σύμπνοια νοῦ, ἱερά τε ξυνωρίς
О лепо доуха свѣтенага же врьста
- [2] ἢ ὥσπερ μία ψυχὴ
ѧ|ко дѣша ѧдина
- [3] ἐν δυοῖ σώμασιν ἀδιαίρετος
вз двоиж тѣлесж нера|злжчима
- [4] ἐν Γρηγορίῳ Βασίλειος
вз григорин василин
- [5] πόθῳ θεϊκῶ' συνημμένοι
Бѡ|любъвъж съвъкоупленѣ
- [6] οὐν ἰχετεύσατε Χριστὸν ὑπὲρ τῆς ποιμνῆς ὑμῶν.
нзынѣ молинта сѧ хрѡ о стадѣ своенемъ.|

1: В версии Ил оставлена без перевода (или утратилась) строка греч. тропаря: ἐν Βασιλείῳ Γρηγόριος. ~ Аллюзируется тесный духовный союз Василия Великого и Григория Богослова, который они заключили во время совместной учебы в Афинах и сохранили на всю жизнь. У Григория есть суждение, соответствующее строкам (2—3) тропаря: «...одна душа в обоих поддерживает два тела» [Творения Григория, 1: 616]. Строке (4) и пропущенной в Ил симметричной строке ἐν Βασιλείῳ Γρηγόριος также есть близкое соответствие у Григория: «...мы были один в другом и один у другого» (там же). Уместно здесь вообще отметить, что Иоанн Дамаскин написал свой канон, широко опираясь на «надробное слово Василию» Григория Богослова. Тропарь молитвенно обращен сразу к двум святым.

100' 6—10

- [1] Τὸν ἀφράστῳ προνοίᾳ
Неиздреченноѡж волеж

- [2] δωρησάμενον Βασιλείον τῷ κόσμῳ
даровавъ|шаго василиа мирови
- [3] φῶς εὐσεβείας
свѣтъ Бочь|стниа
- [4] σάλπιγγά τε θεολογίας
трѣбж же Бословниа
- [5] εὐλογεῖτε τὰ ἔργα Κυρίου τὸν Κύριον.
бл̑те. |

В строке (4) еще раз аллюзируется высокое богословствование св. Василия.

101' 8–13

- [1] Τοῦ ἀρχιποίμενος
Пьрваго паст'ыра
- [2] ὡς πρόβατον πιστὸν Χριστοῦ, Βασιλείε,
так овьча х̑б| мѣдра василиа
- [3] τοῖς ζωφόροις ἔχνεσιν ἐπηκολούθησας·
живоносном| словомь¹ послѣдова о҃чнтелю² |
- [4] ψυχῆν, πάτερ, προδέδωκας
дшю своиж прѣдавъ, о҃че,
- [5] προκινδυνεύων ἄριστα
³бѣдж при|емла³ нзщцно
- [6] τῆς ἐκκλησίας, παμμακάριστε.
по црк̑вн сѣ̑н, | прѣблаженѣ. |

1: Необходима конъектура. Поскольку ἔχνος — «след», в качестве чтения слав. протографа следовало бы предположить слѣдомь. Ошибка имела место при бытовании текста вследствие паронимии. 2: В слав. переводе пропущена греч. строка: τῷ τυράννῳ γὰρ τὴν σαυτοῦ. 3–3: Поскольку προκινδυνεύω — («с опасностью для себя) вступать в бой за кого-л. (= рисковать ради кого-л.)», слав. перевод бѣдж приемла нельзя признать точным (он передает лишь часть исходного смысла). ~ Архипастырская деятельность св. Василия описана на фоне евангельской притчи о Добром Пастыре, который дѣшѣ своѣ полагаетъ за ѣвцы (4), — ср. Ин 10: 11, 14. Эксплицитно сказано также и о том, что в пастырских трудах Василий подражал Христу (3). Василий перед лицом угроз епарха Модеста не колебался и был готов за православие пожертвовать жизнью.

101' 14–18

- [1] Τῆς τῶν ἀποστόλων καθέδρας
дп̑лко сѣданнѣ
- [2] τῆς χορείας τε τῶν ἀθλοφόρων
лика же страсто|трьпць
- [3] Χριστοῦ πατριαρχῶν σκηνης
х̑бъ патрнархъ селеннѣ
- [4] καὶ τῶν δικαίων τρυφῆς
и правьдникъ пица
- [5] τῆς χορείας τε τῶν προφητῶν ἠξιώθης, Βασιλείε·
радостн| же пророчьстѣн с̑подобен с̑, василнѣ,
- [6] τῆς Θεοτόκου λάτρις γὰρ καὶ τῆς Τριάδος μύστις γέγονας.
в̑ца во сл̑га и жченикъ¹ тр̑ца б̑ѣ. |

1: Необходима конъектура. Собственно, на наш взгляд, равно допустимы две поправки. 1) Вызывает сомнение невозможное употребление юса в лексеме жченикъ. Попробуем прочитать мжченикъ. В таком случае следует предположить, что переводчик имел перед глазами (или ошибочно прочитал) вместо μύστις — μάρτυς. Василий, как мы знаем, был готов, не щадя жизни, свидетельствовать

о единосушии Пресв. Троицы (ср. в тропаре строку [2]). 2) Μύστις — «ведущий тайны, тайноведец»; поэтому если все-таки жченикъ — это просто грубая ошибка в написании лексемы ογченикъ, то придется еще раз предположить (менее вероятную) паронимию в греческом: переводчик прочитал (или, может быть, имел перед глазами) μαθητής. ~ О пророческом даре св. Василия известно мало (5). В Житии, правда, подробно воспроизводится эпизод крещения святителем лекаря Иосифа. Из Жития вытекает, что святому было открыто время его кончины.

101' 16—20, 102' 1—4

- [1] Ὁ ἐπωνύμως κληθεὶς τῆς βασιλείας
Нареченъим именовъмъ црствниа
- [2] ὅτε τὸ βασιλεῖον σὺ ἱεράτευμα
и҃гда црствниа тъи свѣщениѣ
- [3] τὸ τοῦ Χριστοῦ ἔθνος ἄγιον
кѣзъ|кѣ сѣъ хъъ
- [4] φιλοσοφία καὶ ἐπιστήμη, πάτερ, ἐποίμενας
прѣмъдростниѣ и о҃гченниемъ, о҃че, о҃гпаче
- [5] τότε διαδήματι σὲ κατεχόσμησε τῆς βασιλείας, Βασιλεῖε,
тогда же вѣ|ньцьмъ тебе о҃грасова црствниа, васнлиѣ,
- [6] βασιλευόντων ὁ βασιλεύων καὶ πάντων Κύριος
црѣ црѣио҃щнмъ и всѣ|мнъ гъ
- [7] ὁ τῶ' τεκόντι συννοούμενος
рождъшюмъ съразжмѣ|немъ
- [8] αἰδίδως Υἱὸς καὶ συνάναρχος·
прносносжщнъ снъ и съвезначальнъ
- [9] ὃν ἰκέτευε
и҃мъже помолн сѣ
- [10] σῶσαι καὶ φωτίσαι τὰς ψυχὰς ἡμῶν.
сѣ|

Тропарь построен на распространенном в гимнографии риторическом приеме этимологизирования (figura etymologica) имени собственного святого, т. е. на обыгрывании-сближении помет rporium с апеллятивом, от которого это имя и происходит. Βασιλεύς, βασιλειος, βασιλεία, βασιλεύω — «царь», «царский», «царство», «царствовать»; Βασιλειος — имя святого. В слав. переводах игра слов утрачивается. ~ В строках (7—8) изложено направленное против ариан православное учение о Второй Ипостаси Пресв. Троицы (Бога-Слова, Сына Божия).

102' 5—13

- [1] Ἱεραρχίας στολαῖς ἡγλαῖσμένος
С҃тительства одеждѣи просвѣщенъ
- [2] χαίρων ἀνεκήρυξας τὸ εὐαγγέλιον τῆς βασιλείας, Βασιλεῖε,
радъ е҃нглиѣ проповѣдалъ и҃сн црствниа, васнлиѣ,
- [3] ὀρθοδοξίας τῇ ἐκκλησίᾳ βλύσας διδάγματα·
правовѣ|рѣя цркви источн о҃гчениа
- [4] οἷς νῦν φωτιζόμενοι
нмиже проповѣдѣ
- [5] μίαν Θεότητα τὴν ἐν Πατρὶ παντοκράτορι
едино е҃ство [въ о]|цѣи всѣдържителн
- [6] μονογενεῖ τε τοῦ Θεοῦ Λόγῳ
единочадѣ| же е҃жин словесн
- [7] καὶ θεῖῳ Πνεύματι θεολογοῦμεν
и о е҃жин джсѣ бо|словествнмъ

- [8] καὶ δοξάζομεν ἕν Προσώποις¹ Τρισὶν ἀδιαίρετον
и прославляемъ| въ трѣх неразлччмъ
[9] ἦν ἰκέτευε σωσαι καὶ φωτίσαι τὰς ψυχὰς ἡμῶν.
негоже мо.|

1—1: В слав. тексте утрачен перевод ключевой лексемы. Смысл: *в трех Лицах (Ипостасях) нераздельно*. ~ Стихира тематически посвящена богословствованию св. Василия, а также его деятельности как апологета православия. Упоминание «Евангелия царствия» (2) предпринято в том числе и для того, чтобы в греч. тексте еще раз обыграть однокоренные βασιλεία и Βασίλειος. Богословие Василия подчеркнуто названо православным (3): варьирование *правовѣрнъ/православнъ* относительно одной и той же греч. лексемы *ὀρθόδοξος* (причем оба перевода — «неправильны»; требовалось бы: *правомыслнъ*²⁸⁷) отражает *флуктуационный* этап бытования слав. богословской терминологии, в конце которого возобладала вторая лексема (см. [Верещагин 1997а: 135]). В строках (4—7) еще раз изложена православная интерпретация Пресв. Троицы в противовес арианской ереси. Ключевая лексема *единчадъ* также восходит к флуктуационному этапу слав. терминологии (в дальнейшем возобладает конкурирующий вариант *единороднъ*).

102^г 14—21, 102^у 1—3 нно· гла̇ а̇ самогласн̇|

- [1] Πάντων τῶν ἀγίων ἀνεμάξω τὰς ἀρετάς, πατὴρ Βασίλειε·
всѣхъ свѣихъ въсприимъ ѳси до|врж дѣтель, оѣе василне,
[2] Μωϋσέως τὸ πρᾶον·
мосе|вж кротость
[3] Ἡλιοῦ τὸν ζῆλον·
нлннж рьвьность|
[4] Πετροῦ τὴν ὁμολογίαν·
петрово исповѣданне
[5] Ἰωάννου τὴν θεολογίαν·
ноаньна| бѣослови|е|
[6] ὡς ὁ Παῦλος ἐκβῶν οὐκ ἐπαύσω·
такъ павълъ въпни|а| не прѣсталъ ѳси:
[7] Τίς ἀσθενεῖ καὶ οὐκ ἀσθενῶ;
«кто нзнимага|етъ и не нзнимагаж
[8] τίς σκανδαλίζεται καὶ οὐκ ἐγὼ πυροῦμαι;
кто събла|жнма|етъ с|а и азъ не раждизаю| с|а»
[9] Ὅθεν σὴν αὐτοῖς ἀύλιζόμενος,
нъ о҃во съ нимн лнжжа
[10] ἰκέτευε σωθῆναι τὰς ψυχὰς ἡμῶν.
мо|ли с|а о дш|ахъ нашихъ.|

Законодатель Моисей; ревностный пророк Илия; страстный апостол Петр (несмотря на временное падение, непоколебимый в исповедании Иисуса Христом [Мф 16: 16]); «апостол любви», евангелист Иоанн Богослов (изложивший в Прологе своего Евангелия [Ин 1: 1—18] грандиозное новозаветное учение о Логосе); наконец, апостол Павел (который «для всех сделался всем, чтобы спасти по крайней мере некоторых» [1 Кор 9: 22]) — таков ряд святых, так сказать, первого ряда, к которому гимнограф, не колеблясь, присовокупил и имя Василия Великого. Влияние Григория Богослова при написании тропаря несомненно: Григорий начинает уподобления от Адама и через Еноха, Авраама, Исаака, Иакова, Иосифа, Иова, Моисея, Аарона, Иисуса Навина, Давида, Соломона, Илию, Елисея, седмерицу Маккавеев, Иоанна Предтечу, Петра, Павла, «сынов Заведеевых», «всех апостолов» доводит до первоученика Стефана. ~ Песнопевец (Иоанн Дамаскин) весьма точно

²⁸⁷ Δοκέω в прямом смысле не означает ни «верить», ни «славить», а — «мыслить, судить, придерживаться мнения». В семантике лексемы *δόξα* семантическая доля «слава» (так дается семантизация в словарях) равнозначна «молве» (т. е. «мнению толпы»).

процитировал большой фрагмент из одного из Павловых посланий (7–8); ср. его по синодальной Славянской Библии: *Κτὸ ἡγνεμογάετῶ, ἢ νε ἡγνεμογάю; κτὸ σοβλαзнάετῶ ἢ ἄζῶ νε разжизάюса* (2 Кор 11: 29). Подобное прямое цитирование Свщ. Писания в гимнографии встречается нечасто.

102' 13–20 нно· гла· ѿ·|

- [1] Ὁς βασιλειον κόσμον τῆς ἐκκλησίας Χριστοῦ
 ИАко црског красотж цркви хѣѣ
- [2] τὸν Βασιλειον πάντες ἀνευφημήσωμεν
 ва|снлннѣ всн да похвалнмъ
- [3] τῶν δαγμάτων θησαυρὸν τὸν ἀνέκλειπτον·
 о҃чени|жъ сѣкроуице нескжднне
- [4] διὰ τούτων γὰρ αὐτὸς ἐξεπαίδευσεν ἡμᾶς
 тѣмъ| о҃убо самъ нао҃чнлъ нзи неси
- [5] Τριάδα σέβειν ἁγίαν
 трѣцю| чнстн сѣжж
- [6] ἡνωμένην μὲν τὴν οὐσίαν
 сѣвѣкжплнж же| сжцѣствомъ
- [7] διαρετὴν δὲ ταῖς ὑποστάσεσι.
 раздлченж же о҃|постасьмн·|

Седален суммирует церковную оценку значения Василия Великого как богослова Пресв. Троицы, «единосущной» и «неслиянной».

Таким образом, комментирование имени собственного показывает, что попеп *rogium* обладает ЛФоном, который способен накапливать, наряду с групповой, также и индивидуальную информацию.

ПРИЛОЖЕНИЕ 5. *БИТЬ ВО ВСЕ ТЯЖКАЯ И ЗВОНИТЬ ВО ВСЕ КОЛОКОЛА* (к подглавке 13–4)

До Октябрьского переворота 1917 г. церковная *колокольня* и *колокольный* звон были такими же приметами русского пейзажа, как белая береза, «волнистые туманы», «разливы рек, подобные морям». Стихотворение «Вечерний звон», переведенное с английского языка поэтом И. И. Козловым (1779–1840), настолько обрусело, что давно стало народной песней.

Вечерний звон, вечерний звон!	Где я любил, где отчий дом,
Как много дум наводит он	И как я, с ним навек простясь,
О юных днях в краю родном,	Там слушал звон в последний раз!

Ее великолепно исполнял замечательный тенор И. С. Козловский: высокий голос возносится к небесам, а хор подражает ударам мерного колокола: «Бом! Бом!».

Однако в старое время *колокол* можно было видеть не только на колокольне. Новгородский *вечевой колокол* как раз висел на особом столбе. И, как говорят, каждый — конечно, по важному поводу — имел право потянуть за веревку, раскатать язык и звоном собрать горожан на площадь. Этот колокол вошел в нашу историю. По его звону новгородцы собирались с оружием в руках, чтобы дать отпор карательной экспедиции, направленной царем Иваном Грозным. За это царь приказал

снять колокол и (это не адекдот) присудил его, словно живого человека, к наказанию... плетьюми. Вечевой колокол погрузили на подводы. Под крепкой охраной поезд тронулся по направлению к Москве. На *Валдае* колокол якобы треснул. И там, совсем неподалеку от Новгорода, ни к чему больше не пригодный *вечевик* бросили. «Бунташный» колокол умер. И родилась красивая легенда. Русский поэт XIX века К. Случевский писал:

Разбили *колокол*, разбили!
Сгребли *валдайцы* медный сор
И колокольчики отлили,
И отливают до сих пор.

И, быть старинную вещая,
В тиши степей, в глуши лесной
Тот *колокольчик*, изнывая,
Гудит и бьется под дугой!..

Колокольчики, бубенчики — неотъемлемая часть традиционной русской упряжи, многократно воспетая в стихах и песнях:

...Вот мчится тройка удалая
По Волге-матушке зимой,
И колокольчик, *дар Валдая*,
Гремит уныло под дугой...

...Тройка мчится, тройка скачет,
Вьется пыль из-под копыт,
Колокольчик звонко плачет,
То хохочет, то звенит...

...Однозвучно гремит *колокольчик*
И дорога пылится слегка,
И уныло по ровному полю
Разливается песнь ямщика...

...Ну, дружной, звончей, *бубенчики*,
Заливные голоса!
Эх ты, удаль молодецкая,
Эх ты, девичья краса...

В. Г. Белинский, «демократический» критик, в целом человек отнюдь не лирический, тем не менее не без живого чувства описал привычные представления, возникающие у русского человека при упоминании о зимней дороге: «Когда вы едете зимою на лихой тройке и снег трещит под полозьями ваших саней, морозное небо усеяно мириадами звезд и взор ваш теряется на необъятной снежной равнине, осеребренной уединенным скитальцем — месяцем, как понятна покажется вам протяжная, заунывная песня вашего ямщика, и как будет гармонировать с нею однообразный звон *колокольчика*, надрывающий сердце, по выражению Пушкина!»

Вот картина зимней дороги в беспокойную, буранную ночь, которую имеет в виду «неистовый Виссарион»:

Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освещает снег летучий;
Мутно небо, ночь мутна.

Еду, еду в чистом поле;
Колокольчик дин-дин-дин...
Страшно, страшно поневоле
Средь неведомых равнин!..

Первое назначение больших колоколов — оповещать народ, извещать о радости и горе. В «Песне про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова» Лермонтова читаем:

«...В большой *колокол* прикажу звонить, Как на площади народ собирается:
Чтобы знали все люди московские, Заунывный *гудит-воет колокол*,
Что и ты не оставлен моей милостью...» Разглашает всюду весть недобрую.

Отсюда современные фразеологизмы: *звонить во все колокола* (всем сообщать какую-либо новость), *раззвонить, разстрезвонить* (разболтать, раскрыть секрет), даже просто *звонить* — всем о чем-либо рассказывать. Отсюда пословица: *Слышал*

звон, да не знает, где он. Она означает: человек знает о чем-то понаслышке, неточно, неправильно. Если в колокол колотят быстрыми, задыхающимися ударами, то такой звон называется *набатным*. *Бить в набат* — то же самое, что *бить тревогу*.

Другой колокольный звон — светлый, малиновый, плясовой — возвещал великую радость. Таков колокольный звон, сопровождающий хор «Славься!» в финале оперы Глинки «Жизнь за царя», звоны-перезвоны у Мусоргского в «Борисе Годунове», у Римского-Корсакова в «Псковитянке».

Звонили «*во все тяжкая*», т. е. не только в легкие, но и в тяжелые колокола; звонили «*во всю Ивановскую*», и оба выражения получили также и переносный смысл. Построенная в XVI веке московская колокольня «Иван Великий», гигантский Царь-колокол — символы русской силы и умелости, исторического величия нашего государства.

Кто, силач, возьмет в охапку	У Ивана-звонаря?
Холм Кремля-богатыря?	Кто Царь-колокол подымет?
Кто собьет золотую шапку	Кто Царь-пушку повернет? (Ф. Глинка)

В советскую эпоху казалось, что культура колокольного звона у нас безвозвратно утрачена. Для приманки туристов в 60–70-е гг. была восстановлена звонница Ростовского кремля, и экскурсанты имели возможность услышать замечательную гармонию звонов разного вида: переборов, переливов, трезвона и набата. Была выпущена и грампластинка «Ростовские звоны». Сейчас колокольный звон имеется едва ли не в каждом православном храме. По праздникам звучит и молчавший семь десятилетий колокол Ивана Великого в Московском Кремле.

Колокольный звон был частью повседневного традиционного быта. Простые горожане и сельские жители не имели часов, так что звон с ближайшей колокольни («к утрене», «к обедне», «к вечерне») оповещал о времени суток. Ср. старую (и малоизвестную) поговорку, интересную изысканным созвучием слов: *К обедне ходят по звону, а в гости — по зову*. Масса других выражений связана в языке с традицией повседневного звона: *Отзвонил — и с колокольни долой*; (смотреть, судить) *со своей колокольни...*

Как язык подражает звону колоколов и колокольчиков? Тяжелых — *бом! бом!* или *бам! бам!* Колокольчики звенят: *динь-динь!* Сочетание тяжелых и легких колоколов передается как: *тили-бом! тили-бом-бом!*

Тили-бом! Тили-бом!
Загорелся Кошкин дом! (С. Маршак, Кошкин дом)

У Кошки загорелся дом, и стали бить во все колокола.

Некоторые *колокольчики*, однако, не звенят. Травянистые растения с лиловыми или темно-голубыми цветками, которые обязательно увидишь на лугу в средней России, похожи на маленькие колокола, о них писал «второй великий Толстой» — Алексей Константинович:

<i>Колокольчики мои,</i>	И о чем звените вы
<i>Цветики степные!</i>	В день веселый мая,
<i>Что глядите на меня,</i>	Средь некошеной травы
<i>Темно-голубые?</i>	Головой качая?

ПРИЛОЖЕНИЕ 6. МОЛЕХ В ТАНАХЕ В ОТЛИЧИЕ ОТ ПУШКИНСКОГО МОЛОКА:
(к главе 17) ИСЧИСЛЕНИЕ ФОНОВЫХ СДОЛЕЙ

Нижеследующие конкретные наблюдения непосредственно примыкают к исчислению СДолей лексемы *бес* (и ее синонимов) на материале произведений А. С. Пушкина (соответствующий анализ содержится в главе 17 «Русский Мефистофель у Пушкина»). Эти новые наблюдения подкрепляют тезис, согласно которому фоновые представления со временем способны значительно разойтись в культурах А и Б, даже если элемент национальной культуры А был некогда заимствован в культуру Б и, казалось бы, по преемству должен сохранять исходную семантику.

Как мимоходом упоминалось в главе 17, *Молок* — еще один пушкинский галлицизм. «Русский» *Молок* восходит к славянской Библии, где *молохъ* точно повторяет форму Септуагинты (Μολόχ), а также Вульгаты (Moloch). Считается, что «подлинное имя» божества מלך (от аппелятива «царь») должно иметь и огласовку аппелятива, т. е. *мелех*, но масореты, как иногда бывало, придали ему огласовку оценочной (пейоративной) лексемы פושט (бошет, «стыд, позор»; переносно «позорный идол»), и так в Танахе возникло и утвердилось произношение *молах*. Вероятно, подобная дифференциация нужна и для того, чтобы отделить истинного Бога, который также имел атрибут מלך (с огласовкой: *мелех*; ср. Пс. 93: 1, 97: 1, 99: 1; Ис 52: 7), от национального бога аммонитян.

Сейчас мы приведем ряд сведений о Молохе, содержащихся в Танахе. Затем они, будучи исчислены и представлены в виде фоновых семантических долей, войдут в список. После этого предпримем типологическое сопоставление списка с итогами аналогичного исследования фона пушкинского имени Молок.

В Танахе имеется большой пассаж, в котором имя Молоха употребляется подряд четыре раза, причем вначале три раза употреблена стереотипная формула «(от)давать детей Молаху», а под конец смысл ее расшифрован содержательно. (Цитируем по синодальному переводу, который преимущественно выполнен по Танаху.) «И сказал Господь Моисею, говоря: <...> кто из сынов Израилевых и из пришельцев <...> даст из детей своих Молоху (אשר יתן מזרעו למלך), тот да будет предан смерти <...>; и Я <...> истреблю его из народа его за то, что он дал из детей своих Молоху (כי מזרעו נתן למלך), чтоб осквернить святилище Мое и обесчестить святое имя Мое; и если народ земли не обратит очей своих на человека того, когда он даст из детей своих Молоху (הזרע בחתו מזרעו למלך), и не умертвит его, то Я обращу лице Мое на человека того и на род его и истреблю его из народа его, и всех блудящих по следам его, чтобы блудно ходить вслед Молоха (לזנות אדרי המלך)» (Левит 20: 1–5). Концовку было бы лучше перевести с употреблением субстантива: «... на блудное хождение за Молахом» (как сделано, например, в [Тора 1993: 643]). Действительно, что такое זנות (зенут; ж. р.) — хорошо известно: субстантив произведен от глагола זנן, и в прямом смысле זנות — это (сексуальное) *распутство*, а в переносном — неверность завету с Господом (завет же понимался как брак).

Конечно, поскольку Молах или Молох — это бог аммонитян и ханаанеян, *зенут* «распутство» в данном контексте может быть понята в переносном смысле. Тем не менее в Танахе есть контекст с упоминанием Молоха, допускающий понимание лишь в прямом смысле. Таков стих Лев 18: 21 (непосредственно ниже он выделен курсивом).

Ср. появление имени Молоха в череде сексуальных «постановлений» и «законов». «Соблюдайте постановления Мои и законы Мои (אַתָּה־תִּקְחֵי וְאֵת־מִשְׁפָּטַי), которые исполняя, человек будет жив. Я Господь. Никто ни к какой родственнице по плоти не должен приближаться с тем, чтобы открыть наготу. Я Господь. Наготы отца твоего и наготы матери твоей не открывай <...>. Наготы жены отца твоего не открывай <...>. Наготы сестры твоей <...>. Наготы дочери сына твоего или дочери дочери твоей, не открывай наготы их <...>. Наготы дочери жены отца твоего <...>. Наготы сестры отца твоего не открывай <...>. Наготы сестры матери твоей не открывай <...>. Наготы брата отца твоего не открывай и к жене его не приближайся <...>. Наготы невестки твоей не открывай <...>. Наготы жены брата твоего не открывай <...>. Наготы жены и дочери ее не открывай <...>. Не бери жены вместе с сестрою ее <...>. И к жене во время очищения нечистот ее не приближайся <...>. И с женою ближнего твоего не ложись <...>. Из детей твоих не отдавай на служение Молоху и не бесчести имени Бога твоего. <...>. Не ложись с мужчиною, как с женщиною <...>. И ни с каким скотом не ложись <...>; и женщина не должна становиться пред скотом для совокупления с ним» (Лев 18: 5–23).

Поскольку на всем протяжении фрагмента (до выделенного курсивом стиха и после него) речь идет исключительно о сексуальном распутстве (и нет смены темы), когерентность текста диктует, что и стих 18: 21 должен отражать ту же самую семантическую линию. Соответственно в одном из библейских комментариев поставлен закономерный («риторический») вопрос: Sah man einen Zusammenhang zwischen dem Moloch-Kult und den im folgenden genannten Perversionen? [Stuttgarter Bibel 1992: 156]. Иными словами, в рассматриваемом стихе речь, скорее всего, идет о запрете отдавать детей на сексуальное растление.

Перед нами сложный случай. В Танахе начало стиха Лев 18: 21 читается: וְמִזְרַעְךָ לֹא־תִתֵּן לְהַעֲבִיר לְמֹלֶךְ «И из детей твоих не давай проводить перед Молехом». Между тем в древних версиях Септуагинты имя Молоха вообще не представлено, а употреблен описательный апеллятив ἄρχων «предводитель, князь, владыка»: καὶ ἀπὸ τοῦ σπέρματός σου οὐ δώσεις λατρεύειν ἄρχοντι. Правда, в версии Септуагинты, принятой в Царьградской церкви, на месте ἄρχοντι стоит τῷ Μολόχ. Эта версия с именем собственным также является древней: она представлена в Вульгате, которая применительно к данному стиху следует не форме Танаха, впоследствии принятой масоретами, а какой-то иной: De semine tuo non dabis ut consecretur idolo Moloch. (Как видно, переводчик на латынь пожелал дать пояснение и прибавил лексему *idolum*.) Текст слав. Библии зависит от Септуагинты: ѿ ѿ сѣмене твоегѡ да не даси слѣжити молѡхѡ.

Если вновь обратиться к чтению из масоретского Танаха, то нельзя исключать, что перед нами подравнивание текста к привычной и частотной формуле «(от)давать детей Молеху» (как выше в Лев 20: 2, 3, 4) и, следовательно, текстологически представляет собой *lectio facilior*; следовательно, по общему принципу предпочтительности *lectio difficilior* текст Септуагинты, переведившийся с особой (неизвестной, но не масоретской) версии Танаха, имеет право на законное бытие.

Тема «отдания детей Молеху» звучит в Танахе неоднократно. Поскольку Молох в семитическом культурно-языковом пространстве считался то владыкой подземных сил и особенно огня, то богом неба и солнца, ему приносились жертвы в форме всеожжения, в том числе и человеческие жертвы, в том числе и жертвы детей, и не только иноплеменных, но и собственных, и даже первенцы царей.

Впрочем, терминированное речение Танаха «провести сына или дочь через огонь» (см. Втор 18: 10; 4 Цар 16: 3, 23; 10; Иер 32: 32, 35; Иез 16: 21) не допускает точной интерпретации. В Иер 7: 31, однако, сказано недвусмысленно: «И устроили высоты Тофета в долине сынов Енномовых, чтобы *сожигать* (לִשְׂרֹף) сыновей своих и дочерей своих *в огне* (בְּאֵשׁ)» (примерно так же Иер 19: 5; 4 Цар 17: 31). Имеется в виду то самое место, которое упомянуто и в 4 Цар 23: 10, но действие там названо лишь описательно: «И осквернил он Тофет, что на долине сыновей Еннома, чтобы *никто не проводил* (שֶׁלֹּא יֵלְכֶם לְהַעֲבִיר אִישׁ) сына своего и дочери своей *через огонь Молоху* (בְּאֵשׁ לְמֹלֶךְ)». Высказавшись прагматично, пророк Иеремия в параллельном месте возвращается к привычному описательному речению: «Устроили капища Ваалу в долине сыновей Енномовых, чтобы *проводить через огонь* сыновей своих и дочерей своих *в честь Молоху*» (Иер 32: 35).

Поскольку в ряде контекстов опускается упоминание о Молохе, некоторые экзегеты полагали, что «проводить через огонь» равнозначно ритуальному очищению, подобно тому, как «проводили через огонь» металлические предметы, захваченные в бою с иноплеменниками («Золото, серебро, медь, железо, олово и свинец, всё, что проходит чрез огонь, проведите чрез огонь, чтоб оно очистилось» [Числ 31: 22–23]) (см. [Каменецкий: 219]). Правда, если детей провести через огонь, то окажется, что они, в отличие от металлов, «не проходят через огонь». Скорее всего, однако, предназначенные для жертвы дети все же не сжигались живыми, а предварительно убивались.

«Позднейшая народная фантазия нарисовала другую картину этого ритуала, будто живые дети клались на расprostертые руки металлического идола с бычачьей головой, который нагревался изнутри, а плач детей заглушался грохотом барабанов (последнее, очевидно, заимствовано из слова פֶּתַח, место приношения детей в жертву близ Иерусалима, причем народная этимология скомбинировала это слово со словом פֶּתַח — барабан)» [Каменецкий: 219].

Имеются в виду те самые «высоты Тофета в долине сынов Енномовых», которые выше уже упоминались не раз. О долине *Бен-хинном* (בֶּן חִינּוֹם) см. справку [Певзнер: 148]: здесь «находилось изображение Молоха, которому евреи приносили в жертву детей своих», на возвышенностях, называвшихся *бамот ha-tofet* (בְּמוֹת הַתּוֹפֵת). В отличие от Каменецкого, Певзнер считает, что название Тофет на самом деле «было присвоено этой горе от того, что крики приносимых там в жертву детей заглушались громкими звуками барабана». Впоследствии из-за удушливого дыма именем долины стали называть ад, «геенну огненную» (גֵּיהֵנוֹם).

Култ Молоха был настолько распространен, что в него уклонился даже Соломон, желавший потрафить своим иноплеменным женам: «И делал Соломон неуютное пред очами Господа и не вполне последовал Господу, как Давид, отец его. Тогда построил Соломон капище Хамосу, мерзости Моавитской, на горе, которая пред Иерусалимом, и Молоху, мерзости Аммонитской. Так сделал он для всех своих чужестранных жен, которые кадили и приносили жертвы своим богам» (3 Цар 11: 6–8).

На основании вышеприведенной справки о Молохе в Танахе нами было исполнено исчисление семантических долей, присущих фону теонима *Молох/Молех* (по методике исчисления состава лексического фона *Молока* у Пушкина). Не имея намерения охватить все семантические доли, представленные в Танахе²⁸⁸, мы перечислили их общим числом — 16.

²⁸⁸ См. подробнее [Рассел 2001: 207–252].

- По происхождению имени Молох — *царь*, высший владыка [1];
- чтобы «обличить» ложного бога, масореты придали (исходно непунктированной) ортограмме огласовку лексемы «стыд» [2];
- Молох — ложный бог теплоты (или солнца, или подземного огня), и поэтому ему приносились огненные жертвы [3];
- чуждый для евреев культ Молоха был тем не менее настолько распространен среди них, что смог вступить в конкуренцию с культом подлинного Б-га [4];
- в народном представлении идол Молоха был отлит из металла — в виде человека, но с головой быка, увенчанной рогами [5];
- культ Молоха для евреев — чужеземный [6];
- Молох непрерывно требует себе жертв, прежде всего человеческих, и древние иудеи приносили их [7].

Ассоциации беспощадности в требовании жертв отразились в использовании слова в современном русском языке. Ср. словарную дефиницию: «(с прописной буквы) употребляется как символ жестокой неумолимой силы, требующей множества человеческих жертв». Например, *Молох войны*, *Молох Французской революции* (= гильотина), *кровавый/кровожадный/ненасытный Молох*, (в советскую эпоху) *капиталистический Молох*. «Во мне теперь живет к другому гораздо более сильное чувство, и, кажется, этот новый Молох мой больше мне по характеру» (Писемский, В водовороте).

Ср. также характерное название повести А. И. Куприна — «Молох» (1896). Главный герой повести, инженер Бобров, указывая на непрерывно функционирующий завод, восклицает: «— Вот он — Молох, требующий теплой человеческой крови!»;

- Молох требует приносить себе в жертву самое лучшее, и ему «отдавали детей» и «проводили чрез огонь», в том числе даже царских первенцев [8];
- всеожжения совершались в долине *Бен-хинном* на возвышенности *Тофет* [9];
- впоследствии имя долины стало апеллятивом — как наименование ада [10];
- крики сжигаемых детей заглушались грохотом барабанов [11];
- культ Молоха сопряжен с сексуальным распутством, в том числе с гомосексуализмом и скотоложством [12];
- Молоху поклонялся не только простой народ, но даже и царь Соломон [13];
- как сам Б-г, так и пророки Израиля на протяжении многих веков выступали против культа Молоха, «мерзости Аммонитской» [14];
- приверженность Молоху рассматривалась как нарушение завета, (в переносном смысле) как прелюбодеяние и распутство [15];
- за следование культу Молоха Танах предусматривает (как установление Б-га) смертную казнь [16].

Попытаемся теперь сопоставить полученный список с характеристиками Молока у Пушкина. По внешнему виду Молок и Молох — различны: правда, у того и другого на голове рога (ср. соответственно в двух списках семантические доли [3] и [5]), но у Молоха нет ни хвоста, ни копыт, ни когтей, ни крыльев; если Молох (выше пояса) имеет признаки быка, то Молок (ниже пояса), невзирая на рога, — конь с копытами. По характеристикам Молок и Молох оба отличаются злобностью, но если Молок — труженик, который «весь день был на работе», то Молох — царь, и он лишь принимает служение себе, но сам не трудится. По месту обитания Молок живет в аду и под землей, тогда как Молох хотя и является владыкой преисподней, все же одновременно обладает и небом, и солнцем. Наконец, если

человек может оборониться от Молока, перехитрить его и даже поставить себе на службу, то Молох — всемогущий и неумолим. При сопоставлении двух списков только, пожалуй, «пушкинская» семантическая доля [25] повторяется в семантической доле [12] Танаха; оба беса — блудники, распутники, прелюбодеи, и того же они требуют от людей.

На этом сходство заканчивается. Остается огромное пространство различия. Пушкинский Молок поэмы «Монах», боящийся христианского Бога и подчиняющегося молитвам и закланиям, — совсем не могущественный, беспощадный, кровожадный Молох Танаха, способный, как упоминалось, составить конкуренцию самому ПППП ('адонай).

Молок у Пушкина — библейский бес только по имени; точно так же у него и германский черт (*Мефистофель*), невзирая на имя, во всем остальном — это русский черт.

Приложение 7. *Пушкин, Рильке и проблема соотношения
(к главе 17) национальной культуры
и надкультурной цивилизации*

У поэзии с культурой
Отношения не ахти!..
Как, собственно, и у самой культуры
С цивилизацией.
Т. е. отношения-то близкие,
Можно сказать, родственные,
Но не простые.
Ну, как у Бульбы и Андрия... <...>
Да и непонятно — кто кого породил,
Кто кого убьет?

Т. Кибиров

Ниже изложены два наблюдения.

Первое наблюдение. Давид Иванович де Будри²⁸⁹ не мог нахвалиться своим воспитанником: «Он проникателен и даже умен. Крайне прилежен, и его приметные успехи <...> определяют ему место среди первых по французскому языку» [Жизнь 1988, 1: 151]²⁹⁰.

Федор Матвеевич Гауеншильд²⁹¹, напротив, давал самые отрицательные отзывы: «Кажется, он никогда не занимался немецким до поступления в лицей, и, кажется, не желает делать этого и сейчас» [152]. Вражда преподавателя и ученика дошла до такой степени, что первый подавал жалобу на второго самому министру просвещения²⁹², а второй вывел первого в сатирическом контексте²⁹³.

²⁸⁹ В 1811—1821 гг. был профессором французской словесности в Царскосельском лицее (см. [Черейский 1989: 50]).

²⁹⁰ Далее ссылки на страницы данного издания просто приводятся в прямых скобках.

²⁹¹ В 1811—1822 гг. был профессором немецкой словесности в Царскосельском лицее [Черейский 1989: 96]).

²⁹² Правда, не только на него одного. Об этом писал И. И. Пущин в своих «Записках о Пушкине». Сам Пущин, Пушкин и Малиновский затеяли выпить «гогель-могелю» и влили в него бутылку рому. Когда «взвинченность» лицеистов была замечена и установлена ее причина, исправлявший тогда

Сопоставим полярные отзывы об успехах: с одной стороны, «считается между первыми²⁹⁴; весьма прилежен» и, с другой, «мало успехов; не прилежен» [155]. Между тем речь идет об одном и том же лице — воспитаннике Александре Пушкине: он блистал на уроках французского²⁹⁵, имел за то от сотоварищей прозвание «француза»²⁹⁶, с малолетства писал прекрасные французские стихи²⁹⁷, в бытовом и ученом разговоре постоянно сбивался на французский²⁹⁸ и, по вопиющему контрасту, еле лепил слова на немецком.

Конечно, выдающуюся одаренность Пушкина к языкам отмечал благосклонный к нему де Будри. Но и отнюдь не расположенный к Пушкину Гауеншильд никогда не отрицал такой одаренности, а отставание объяснял исключительно нежеланием Пушкина учить немецкий: «С огорчением вижу, что этот ученик, одаренный в высшей степени пронизательностью и памятью, упорствует в равнодушии к моему предмету». Если бы Пушкин изменил отношение к немецкому языку, то, по словам Гауеншильда, дело пошло бы на лад: «...если бы он захотел на это решиться, он сделал бы успехи самые быстрые, будучи очень одаренным пронизательностью и памятью» [154, 152].

должность директора Гауеншильд донес о происшествии министру. Граф А. К. Разумовский затруднился и специально приехал из Петербурга. Он сделал всем троим формальный строгий выговор; их фамилии были даже занесены в «черную книгу». Впрочем, в итоге лицеисты не пострадали, но пострадал слабохарактерный Фома, дядька, купивший для них ром. По словам Пушкина, «мы кой-как вознаградили его за потерю места». Гауеншильд не был обязан непременно доносить министру; как пишет Пущин, поступил он другим образом, «всё могло окончиться домашним порядком». См. [Пушкин в воспоминаниях 1985, 1: 78–79]. Этот эпизод отражен в послании Пушкина к Пущину, известном как «Воспоминание» (1815), в котором Гауеншильд назван «педантом». История приготовления «гогель-могеля» описана также в кн. [Грот 1911: 291].

²⁹³ Вдруг педанта глас ужасный
Нам послышался вдали...

²⁹⁴ В Табели об успехах конца 1812 г. относительно немецкого языка сказано: «нимало не успеваает», а относительно французского: «2-й ученик» [155]. Первым был, конечно, «всегда первый из первых» Александр Михайлович Горчаков, будущий министр иностранных дел и канцлер Российской империи, светлейший князь. Это, между прочим, тот самый Горчаков, в архиве которого сохранилась фривольная поэма Пушкина «Монах» (она была обнаружена лишь в 1928 г.), о которой шла речь в подглавке 17–3.

²⁹⁵ Директор лицея В. Ф. Малиновский также отмечал: «искусен в французском языке» [152].

²⁹⁶ «Как в школе всякий имеет свой собрикет, то мы его прозвали „французом“ <...> вследствие особенного знания им французского языка», — писал о Пушкине М. А. Корф, его соученик по лицее [192–193]. (Sobriquet — «прозвище», «дразнилка».) Корф в своих воспоминаниях весьма пристрастен и недружелюбен по отношению к Пушкину, но и он признает, что владение французским было у Пушкина «особенное».

²⁹⁷ Сохранились два написанных по-французски стихотворения Пушкина 1814 г.: Stances (Avez-vous vu la tendre rose...) и Mon portrait (Vous me demandez mon portrait...).

²⁹⁸ Граф П. Х. Граббе в своих «Памятных записках» рассказал о встрече с Пушкиным на обеде в «Демутовом трактире»: «К досаде моей, Пушкин часто сбивался на французский язык... Русской плавной, свободной речи от него я что-то не припомню» [Разговоры 1929: X]. И действительно, мемуаристы нередко воспроизводят слова Пушкина не по-русски, а именно по-французски (ср., например, в том же сборнике [Разговоры 1929: 7, 50, 58–59, 60, 79, 80, 81 и т. д.]). По-французски Пушкин рассказал о своем примечательном разговоре с императором, когда признался, что был бы в числе бунтовщиков 14 декабря [там же: 70]. Впрочем, во французскую речь он вставлял русские слова; об одной глупой даме (княгине Н. С. Апраксиной) он отзывался так: «...в сущности она русская *труперда* и *толпёга*, но так как она все делает по-французски, то мы будем ее звать: *la princesse-tolpege*» [там же: 83]. В примечании составители сборника записали: «*Труперда* — толстая, неповоротливая, ленивая женщина; *толпёга* — бестолковая, грубая, неотесанная женщина (обл. нар.)».

Причиной блистательных успехов Пушкина во французском явилась его приверженность французской культуре, в частности французской литературе²⁹⁹.

Лицейский товарищ поэта С. Д. Комовский в работе под названием «Из воспоминаний о детстве Пушкина» пишет: «А. С. Пушкин <...> отличался <...> превосходным знанием французского языка и словесности. Ему стоило только прочесть раза два страницу какого-нибудь стихотворения, и он мог уже повторить оное наизусть без малейшей ошибки. Будучи еще двенадцати лет, он не только знал на память все лучшие стихотворения французских поэтов, но даже сам писал довольно хорошие стихи на этом языке. Упражнения в словесности французской и российской были всегда любимыми занятиями Пушкина, в которых он наиболее успевал» [190].

Причиной вопиющего неуспеха в немецком языке у человека, имевшего ярко выраженную языковую одаренность, следует считать отсутствие у него интереса к немецкой культуре. Об этом имеется ряд свидетельств его современников.

Тот же С. Д. Комовский пишет: «По другим же предметам»³⁰⁰, в том числе по немецкому языку, поэт «всегда находился в числе последних воспитанников второго разряда и при выпуске из Лицея получил чин 10-го класса» (190). П. И. Бартенев также отмечает: «Но немецкий язык не полюбился Пушкину. Несмотря на то, что лицеистов обязывали говорить по-немецки, несмотря на пример и внушения Дельвига, он почти вовсе не знал этого языка» [Бартенев 1992: 74].

Второе наблюдение. Известен период в жизни Р. М. Рильке, когда поэт был всей душой увлечен Россией³⁰¹. Он побывал в России дважды — весной 1899 г. и летом 1900 г.

В письме Л. О. Пастернаку от 5 февраля 1900 г. Рильке писал о своей первой поездке в Россию:

«Nun muß ich Ihnen zunächst erzählen, daß Rußland mir <...> mehr als flüchtiges Ereignis war, daß ich seit August vorigen Jahres fast ausschließlich damit beschäftigt bin, russische Geschichte, Kunst, Kultur und nicht zu vergessen: Ihre schöne, unvergleichliche Sprache zu studieren; wenn ich auch noch nicht sprechen kann, lese ich doch ziemlich mühelos Ihre großen (Ihre so großen) Dichter! Auch verstehe ich das meiste, was man sagt. Und was für eine Freude ist es, Lermontoffsche Verse oder Tolstois Prosa im Original zu lesen. Wie genieß ich das!»³⁰² [Rilke 1986: № 23]. Обратите, пожалуйста, внимание на ключевое выражение: Рильке изучает русскую культуру (преимущественно по-немецки), но только русский язык дает ему возможность этой культурой — наслаждаться (genießen).

²⁹⁹ Эту приверженность не поколебало даже «нашествие на Москву и на Россию галлов и с ними двадцати язык» в памятном 1812 г.

³⁰⁰ Имеется в виду: исключая французскую и русскую словесность.

³⁰¹ Все материалы, связывавшие Рильке с Россией, тщательно собраны К. М. Азадовским в кн. [Rilke 1986]. Обширный труд был отмечен премией Фридриха Гундольфа (1989).

³⁰² «А теперь прежде всего доложу Вам, что Россия для меня <...> оказалась отнюдь не поверхностным событием, и я, начиная с августа прошлого года, почти исключительно занят тем, что изучаю русскую историю, искусство и культуру и, не на последнем месте, Ваш прекрасный, несравненный язык. Я еще не говорю, но все же без труда читаю Ваших великих (столь великих) поэтов! Что за радость читать в оригинале стихи Лермонтова или прозу Толстого. Какое наслаждение!»

Во время своей второй поездки в Россию Рильке написал письма по-русски Л. О. Пастернаку (не сохранилось) и С. Д. Дрожжину (от 16/29 июля 1900 г.; см. [Rilke 1986: № 56]), а вернувшись в Германию, разразился огромным русским письмом С. Н. Шиль³⁰³ (от 29 августа 1900 г.; см. [там же: № 64])³⁰⁴, за которым последовали еще русские письма Дрожжину (от 29 декабря 1900 г.; см. [там же: № 85]) и Пастернаку (от 13 февраля 1901 г.; см. [там же: № 102]). В письме А. Н. Бенуа (от 28 июля 1901; см. [там же: № 112]), написанном по-немецки, имеются обширные русские вставки, и одна из них интересна тем, что имеет филологический характер.

«...какъ трудно для меня, что я долженъ писать на томъ языкѣ[,] въ которомъ нѣтъ имени того чувства, которое самый главное чувство моей жизни: *тоска*. Что это: *Sehnsucht*? Намъ надо глѣдѣть въ словарь[,] переводить: „тоска“. Тамъ разніе слова можемъ найти, какъ н. пр.: *Bangigkeit, Kummer des Herzens bis Langeweile!* Но вы будете соглашаться, если скажу, что, по моему, ни одно изъ десять словъ не даетъ смыслъ имено „тоскы“. И вѣдь, это потому, что немецъ вовсе не тоскуетъ, и его *Sehnsucht* вовсе не то, а совсѣмъ другое сентиментальное состояніе души[,] изъ котораго никогда не выидеть ничего хорошаго. Но изъ „тоскы“ народились величайшыя художники, богатыри и чудотворцы русской земли. И мнѣ всегда кажется[,] какъ будто эти три на первомъ взглядѣ такъ близкія выраженія: *langueur, Sehnsucht, тоска*, масштабами глубины народовъ[,] которымъ они принадлежуютъ...» [там же: № 112, с. 291].

Письма на русском языке были написаны и позже. Так, в письме Н. А. Толстому от 11 января [там же: № 128, с. 324] Рильке сообщает о продолжении своих занятий русским языком:

«Но, извините, не смотря на то[,] что я много читаю, я еще слишком плохо выражаю на русскомъ языкѣ, и этимъ только вам хочу показать[,] что я ничего не забылъ, а[,] напротивъ[,] кое-какъ посозрѣлъ... немножко».

Наряду с письмами, Райнер Осипович, как он сам называл себя (и как его называли друзья), «*unversehens*» («неожиданно для себя самого»), сочинил в ноябре-декабре 1900 г. шесть стихотворений на русском языке, а в апреле следующего года сделал два стихотворных наброска по-русски ([Rilke 1986: 488–494]; четыре стихотворения и наброски в упрощенной передаче напечатаны также в [Рильке 1977: 366–370]).

В стихотворении «Песня» есть удивительное (этимологически, конечно, невозможное) осмысление лексемы *брат* как отглагольного субстантива от *братъ* [Rilke 1986: 489]:

темнеетъ Богъ, ... страдающій народ
пришелъ къ нему и *бралъ* его какъ *брата*.

³⁰³ В свое время довольно известная писательница (1861–1928), писавшая под псевдонимом *Сергей Орловский*.

³⁰⁴ Вот начало письма Шиль от 29 августа 1900 г.: «Многоуважаемая милая Софія Николаевна! Не испугаетесь: это я! Я начинаю писать Вам на русскомъ языкѣ. Сказал: начинаю, потому что не извѣстно[,] могу ли я продолжать в этомъ роде до самого конца». Рильке «смогъ продолжать» и осилил огромный текст!

Игра словами чужого языка обнаруживается и в стихотворении «Утро» [там же: 491]:

Всё *былое былина* стало...

Эта игра словами и соответственно поэтичность утрачиваются в переводе [там же: 620]:

...kam zu ihm und *nahm* ihn wie einen *Bruder* auf;
...Alles *Vergangene* ward zur *Sage*.

Как написали издатели русского Рильке, «хотя Рильке недостаточно хорошо знал русский язык, однако поэтическая ценность этих опытов сейчас никем не оспаривается» [Рильке 1977: 526]. Ср. первый из набросков [Rilke 1986: 494]:

теперь молчаніе свое слышу я —
оно растет[,] как в ночи страхъ[;]
темнѣть[,] как последний *ахъ*
забытаго, умершаго ребенка.

Как в случае Пушкина, Рильке делает за короткое время громадные успехи в освоении чужого языка только и исключительно потому, что его до глубины души взволновала и потрясла русская культура.

Русское влияние сказалось также и в творчестве поэта на родном немецком языке. Так, когда он выпустил (в 1905 г.) свой знаменитый «Часослов» (Das Stunden-Buch), первую книгу, в которой Рильке предстал как «подлинный» Рильке, то в ней целый ряд стихотворений вдохновлен Россией и прямо посвящен России. Поэт включает в стихи русские слова, словосочетания и даже показывает ударения: *Selten ist Sonne im Sobór*³⁰⁵; *Habe alte, alte Kurgane / wachsend und kaumerkannt; die Troitzka Lawra; das Monastir; Gossudar*. Одна из книг «Часослова» — вторая (Das Buch von der Pilgerschaft³⁰⁶) — отражает, скорее всего, поэзию странничества (или скитальчества) — феномена, который поэт мог наблюдать в России³⁰⁷.

Примечательно, что в разгар застоя комментатор Рильке (Н. С. Литвинец), разбирая из стихотворения «*Ich war bei den ältesten Mönchen*»³⁰⁸ (первая книга «Часо-

³⁰⁵ Имеется в виду храм Василия Блаженного на Красной площади в Москве. Рильке был восхищен собором во время своей первой поездки по России.

³⁰⁶ Обычно переводят: «Книга паломничества». И действительно, в книге упоминается паломничество к образу Божией Матери Иверской в Москве. Между тем, если судить по более широкому контексту (лирический герой добирается до берегов Волги и вообще странствует), было бы умнее перевести: «Книга странничества».

³⁰⁷ Феномен странничества как массового явления на Руси рассматривается нами в Третьем разделе настоящей монографии (в подглавке 02–1).

³⁰⁸ Этот гимн христианской России — поучителен. Он имеет хороший (по смыслу) перевод (М. В. Пиккель). Перевод помещен в труднодоступном издании [Рильке 1994: 39–40], поэтому мы решили его перепечатать:

Я бывал у старейших монахов, художников, древних поэтов,
что мирные сказки слагали и мифы почтили хвалой;
и ты как виденье вставала, лесами, ветрами одета —
рубеж христианства, казалось, лежал предо мной —
страна, где нет света.

слова») относящуюся к России фразу: ...*rauschend am Rande des Christentums, / du Land, nicht zu lichten...*, могла написать (и опубликовать!) следующие значительные слова: «Стихотворение обращено к России, стране, расположенной, как представляется Рильке, „на окраине христианства“ и поэтому свободной от всех его негативных моментов, столь ощутимых в духовной жизни Западной Европы. И в религиозности русского человека Рильке видит не бессмысленную верность обрядам и догмам, а прежде всего истинную человечность <...>. На основе двух поездок в Россию у Рильке постепенно формируется собственное представление об этой стране, как наиболее совершенной по своему человеческому устройству, о стране, где общественный и религиозный порядок сберегли в нетронутом виде то, что давно утрачено на Западе, — неотчужденную сущность человека, его „открытость“ миру. Рильке объясняет это сохранившимся в русском народе непосредственным религиозным чувством, благодаря которому каждый человек постоянно ощущает себя рядом с богом³⁰⁹. <...> Представления (русских религиозных философов. — *Е. В., В. К.*) о том, что России уготован собственный, отличный от других стран путь развития, что именно сюда переместился центр всемирной интересности и значимости, что русские люди с их врожденной философской чуткостью и неутолимой религиозной жадью являются европейцами в высшей степени, что русский дух и русское слово лягут в основу будущей всемирно-исторической культуры, были во многом созвучны собственным впечатлениям Рильке от России» [Rilke 1981: 418–419].

Общий вывод. Сухой остаток от анализа двух конкретных наблюдений состоит в тезисе, который не является очевидным и может быть оспорен.

Пушкин был предан французскому языку и делал в его изучении замечательные успехи, потому что его покорила французская словесность и, шире, французская национальная культура. Рильке наслаждался русским языком и пытался сделать его для себя поэтическим средством самовыражения, потому что его захватила российская духовная жизнь рубежа XIX–XX вв., русская литература и, в конечном итоге, целокупная русская история и культура.

Стало быть, тезис таков: условием усвоения иностранного языка *до степени высокого совершенства* является (нередко опережающая изучение языка) влюбленность в национальную культуру, которая сложилась и выражается посредством

Я поведать хочу о тебе, хочу про тебя написать
не золотом — краской древесной простой.
Я не буду листы заточать в переплет дорогой —
твой трепетный образ, что найден моею душой,
от похвал угасает — ему в простоте обитать.

Потому я к Вещам прикоснусь лишь намеком названья.
Твоих вспомню князей, их прихода седое призванье:
на полях моих книг всё, что было, оставит приметы.

Ты — почва, и все Времена для тебя — только лето;
о близком ты думаешь так же, как о далеком, —
застроят тебя или нивой оставят широкой, —
лишь жатва тебя всколыхнет непреклонностью срока.
Но сеятель, жнец ли идет — ты не слышишь, кто это.

³⁰⁹ Конечно, слово *Бог* советский комментатор не мог (= не имел права) напечатать с прописной буквы.

этого языка³¹⁰. Если условие не выполняется, если вместо любви — безразличие и тем более ненависть, результат будет как у Пушкина: за шесть лет лица он не пожелал научиться ни сносно говорить, ни писать по-немецки. Впрочем, объясниться с немцем он смог бы, и в его произведениях встречаются немецкие речения, но подобные навыки характерны для *весьма слабого речевого механизма*.

Ключевое слово в первом случае, т. е. в случае энтузиазма по отношению к иностранному языку и совершенного овладения им, — *национальная культура*. Ключевое слово во втором случае, т. е. при нежелании овладевать конкретным иностранным языком, поверхностном отношении и тем более отвращении к нему, — *наднациональная цивилизация*. Человек, способный поздороваться на неродном языке и снять номер в гостинице (но, конечно, не способный с наслаждением читать на этом языке художественную литературу), в освоении новой национальной культуры не нуждается, поскольку он может опереться на присущие любой национальной культуре (мы говорим о европейской культуре) цивилизационные элементы.

Соответственно оба ключевых понятия — *культура* и *цивилизация* — заслуживают более подробного рассмотрения.

Оба понятия в общественных науках то сливаются³¹¹, то противопоставляются³¹². Оценочные суждения также отнюдь не одинаковы: иногда и культура, и цивилизация оцениваются в равной мере положительно, иногда же цивилизацию от всей души проклинают³¹³. То же наблюдается в спонтанном словоупотреблении:

³¹⁰ Наш тезис не беспорен; иногда отношения переворачивают: если иностранный язык усвоен «как родной», то возникает и укрепляется погруженность в иноязычную культуру.

³¹¹ Ср. одно исследование, в заголовке которого предпринята эквиваленция двух понятий: [White 1949]. Ср. также определение цивилизации через культуру: «*Цивилизация* (от лат. *civilis* «гражданский», «государственно-правовой») — понятие, введенное просветителями XVIII в. для обозначения высокоразвитого в культурном отношении (!) общества, основанного на государственно-правовых, разумных и справедливых началах» [Человек: 412]. Цивилизация противопоставляется патриархальным, родоплеменным отношениям, отсталости, варварству, дикости, бесправию, (религиозному) обскурантизму.

³¹² Традиция различения терминов *цивилизация* и *культура* — немецкая. За *цивилизацией* в Германии закрепилось описание достижений европейского общества в политической, социальной, экономической, юридической, технологической областях, но из объема понятия исключаются феномены, связанные с философской, научной, художественной и религиозной жизнью. Уже В. фон Гумбольдт неодобрительно противопоставляет «органичную культуру» цивилизации. Французская традиция — иная: *civilisation* — вся совокупность технологических и духовных достижений, внешних и внутренних ценностей европейского человечества.

³¹³ Ср. суждение оригинального философа, тонкого интерпретатора Достоевского: «Наука дала человечеству одно страшное понятие — понятие мирового вакуума. <...> Когда наука мужественно объявила о вакууме природы, тотчас под угрозой вакуума оказалась и культура, вся сила которой заключалась в ее одухотворенности. Надо было спасти „дух“, чтобы спасти культуру, иначе она обращалась в изощреннейшую технику — в цивилизацию: полезную, удобную, аморальную, пустую. <...> Страшная инфекция нравственного нигилизма охватила культурные умы. <...> (Человеком) руководит бог комфорта — по сути циничный, обольстительный, предприимчивый, самодовольный, прорывающийся вперед, как некая *bestia triumphante*... <...> Имагинация и есть тот дух, который спасает культуру от вакуума мира и дает ей одухотворенность. Поэтому торможение воображения <...> всегда угрожает самой культуре вакуумом — пустотой. А это значит: угрожает заменой культуры техникой цивилизации, прикрываемой великими лозунгами человеческого оптимизма и самодовольства, а также сопровождающей эту цивилизацию великой суетой в пустоте, за которой неминуемо следует ощущение бессмысленности существования со всеми вытекающими отсюда последствиями: усталостью, поисками опьянения, скрытым страхом, нравственным безразличием и прочими про-

так, журналисты или сталкивают культуру и цивилизацию лбами, и высекаются искры (причем всегда именно цивилизация мажется черной краской³¹⁴), или же не усматривают между ними ни малейшего зазора. Наконец, приверженцы космополитизма и глобализации не видят перспектив для национальных культур стран и народов и провозглашают триумф якобы безнациональной цивилизации. В их представлении оптимальный человек будущего (отчасти и настоящего) — это высокоцивилизованное свободное лицо «открытого общества»³¹⁵, равноудаленное от всех национально-культурных корней, то бишь «пережитков», потому что у него, в традиционном смысле слова, нет эмоциональной родины.

Поскольку копаться в словарях и руководствах бессмысленно, мы хотели бы изложить собственное видение культуры и цивилизации и условиться об этих терминах. Национальная (т. е. всегда региональная) культура не противоположна глобалистской цивилизации, поскольку она включает в себя множество «всечеловеческих» компонентов, но культура и цивилизация — это все же не синонимы. Обоим закурсивленным терминам ниже приписаны «наши» смыслы.

Различие между культурой и цивилизацией проявляется в их отношении к развитию человечества: цивилизация вплетена в прогресс, а к культуре понятие прогресса вообще неприменимо. Действительно, подлинный факт культуры — совершенное произведение искусства, художественный текст, ритуал и т. д. — не подвержен старению. Факты цивилизации, напротив, преходящи и, сыграв свою роль в улучшении производства и жизни, они постоянно и бесконечно заменяются более удачными, совершенными, экономичными, о чем наглядно свидетельствуют достижения техники. Таким образом, цивилизация, так сказать, синонимична необходимому обновлению, модернизации.

Культура, искусство, музыка, беллетристика существуют «ради самих себя»; цивилизация, наука, техника, экономика, торговля — ради полезности, ради практических, повседневных жизненных целей. Разумеется, отдельные факты цивилизации могут сохранять свое значение, будучи уже превзойденными и потеряв функциональность. Если они остроумны или ценны в историческом отношении, то их сохраняют в качестве былых назидательных источников изобретений и экономических свершений; в этом случае они, строго говоря, становятся фактами культуры, превратившись в неподвижные музейные экспонаты, памятники былого.

Цивилизация пронизана рационализацией и интеллектуализацией, она с очевидностью облегчает сферу практического существования, бытовую жизнь человека, но только культура, с ее природной иррациональностью, воздействующей на

дуктами цинизма и свирепости. Тогда воображение замещается фантазией, иногда весьма темной, полной коварных прихотей и суеверия, открывая поле то для фанатизма и господства и извращения низших инстинктов, то для полного погружения в нирвану гедонизма или пышного самодовольства» [Голосовкер 1987: 115–117]. Под *bestia triumphante* («торжествующий зверь») Голосовкер имеет в виду апокалиптический образ зла, справляющего триумф (Откр., гл. 13).

³¹⁴ Например, А. Д. Синявский, неоднократно говоривший о своей любви к русской культуре (и об этом, вопреки иным мнениям, все-таки свидетельствуют его литературоведческие труды; см. [Терц 1992]), читал в Сорбонне в 1976–1984 гг. курс «Основы советской цивилизации» (недавно опубликован и в России). Обещая научную объективность, профессор едва сдерживал (иногда и не сдерживал) свою ненависть.

³¹⁵ Понятие *open society* («открытое общество») предложил Карл Поппер, написавший специальное исследование вопроса (см. [Popper 1966]).

подсознание, ведет к истинному «наслаждению» (вспомните Рильке!), приближает нас к познанию смысла человеческой жизни. Именно поэтому говорят о «вечности» искусства, о непреходящей ценности совершенных произведений музыки, живописи, поэзии. Очень часто важные цивилизационные оценки логико-понятийной определенности, математического анализа, утилитарной пользы, экспериментальной проверки здесь абсолютно неприменимы.

Особо следует вновь подчеркнуть этническую обусловленность культуры — в отличие от цивилизации, тяготеющей к выходу из национальных рамок, к универсализации, к унификации своих достижений, в какой бы стране они первоначально ни появились, к интернациональной глобализации³¹⁶.

В предложенном разделении культуры и цивилизации нет романтики иррационального, как нет и попытки умалить значение глобальной цивилизации. Во многих узлах они переплетаются, взаимодействуют, дополняют друг друга, обеспечивая нормальную жизнь ойкумены — с ее противоположными характеристиками этнических и языковых самобытностей и исторически усиливающимися интернациональными связями. Культура рождает духовность, без которой жизнь человека лишается смысла, как бы ни была она благополучна в материальном смысле. Цивилизация же всегда ведет к секуляризации³¹⁷: цивилизация, будучи на словах мно-

³¹⁶ «Вне зависимости от того, где живет индивид — в Японии, Африке, России, Италии, Канаде — он имеет возможность сесть на самолет типовой конструкции, совершить перелет в любую точку земли, приземлиться на типовой аэродром, пройти типовые процедуры таможенного досмотра, получения багажа и обмена валюты в типовом здании аэровокзала; на такси известной всему миру марки доехать до типового отеля с широким ассортиментом типовых услуг; в „рогатом“ экскурсионном автобусе доехать до какого-нибудь среднего храма, выслушав лекцию гида, построенную по типовому шаблону. Храм будет непременно опоясан типовым кольцом из автостоянок, постов охраны, билетных касс, сувенирных лавок. Гид, получающий мзду в одной из них, непременно найдет время, чтобы сводить туда группу. Очень хорошо идут типовые открытки с „видами“. Здесь все будет как везде — только храм, утопающий в единообразии всемирной цивилизации, покажется пришельцем из другого мира... Вернувшись в отель, можно будет сходить на пляж, оборудованный как тысячи других пляжей на всей планете, потом включить в номере телевизор (такие же продаются на всех континентах), увидеть диктора в пиджаке и галстук, модных на данный момент во всех цивилизованных странах, получить комплекс типовых новостей и насладиться типовым шабашем типовой рок-группы. На экране TV будут одновременно видеть эту группу и слушать эту как бы музыку несколько десятков миллионов землян. Через неделю индивид должен будет возвратиться в типовой шумный мегаполис, открыть дверь типовой квартиры, отправиться на типовую работу. Он квалифицированный специалист. Окончил типовой колледж или университет, где его мозги нагрузили типовым набором знаний и типовым мировидением. Вот оно: все люди равны от рождения и должны иметь равные возможности; республика есть наилучший способ общественного устройства, удовлетворяющий запросам большинства; подлинно демократическое голосование — прямое, равное, тайное; монархия — пережиток прошлого; суд присяжных — прогресс по сравнению с судом без присяжных; войны — суть зло и ничего более; религия представляет собой либо нравственную обязанность, либо скопище предрассудков; есть более прогрессивные и менее прогрессивные религии; наука решает всё; преступление — род сумасшествия; соблюдение закона и общественных приличий гарантирует отсутствие неприятностей; улыбайтесь, пользуйтесь мятными таблетками и дезодорантом, не пейте сырую воду... Индивид, может быть, возразит, что сердце его, душу, сокровеннейшие чувства унифицировать невозможно. Ан нет, милейший, самое сокровенное можно подсмотреть в качественной видеомелодраме и скопировать в жизни. А можно вычитать в качественном любовном романе» [Володихин 2000: 173–174]. Тот же автор утверждает, что мир XX–XXI вв. — это «парад стандартов», «мегатиражный учебник по благовоспитанному хэппенингу», «мир универсализма и серийности», т. е., короче говоря, «евроамериканская цивилизация».

³¹⁷ *Секуляризация* (от *secularis* «мирской, светский») — это, как считается, процесс раскрепощения гражданского общества, освобождение его от влияния религии. Предполагает строгое разде-

гоконфессиональной и не отрицая Бога, тем не менее не признает понятия греха и на практике атеистична.

Наконец, в последнее время вышла на первый план такая имманентная черта цивилизации, как культ не простой вседозволенности, а неумеренности³¹⁸, причем отнюдь не только в агрессивном потреблении (за рамками разумного, уже на грани паранойи). Неумеренность цивилизации, к сожалению, проявляет себя также в стремлении нивелировать культуры «просто так», ради «удовлетворения» от дальнейшего продвижения глобалистского катка³¹⁹. Цивилизация все больше навязывает

ление светской и духовной властей. Церковь отделяется от государства и образование от церкви. Невозможное — состоялось: секуляризация пришла в конфессиональное богословие! Тиллих, Барт и не в последнюю очередь Бонхеффер сыграли центральную роль в победе богословски фундированной секуляризации: с подкупающей убежденностью честных людей они провозгласили допустимость и желательность сознательного отхода от религии (якобы для самоутверждения человека). Собственно говоря, в «нормальной жизни» человек инстинктивно выстраивает мосты к Богу. Но бесстрастный профессорский голос Барта говорит во всей реформатской ригорозности: Alles Schrott. Die Brücken können so golden aussehen, Schrott. Кстати сказать, есть связь между секуляризацией и десакрализацией традиционных религиозных ценностей. Напротив, сакрализуются новые идолы: спорт, мода, эзотерика, секс, деньги, насилие, цинизм, насмешка-трусение, эгоизм-эгоцентризм, безразличие к справедливости (отсутствие чувства ответственности перед Кантовым «моральным законом в себе» — совестью), исчезновение культуры стыда, непонятность раскаяния. Обесценились старые (религиозного происхождения) понятия: доброта, милосердие, благотворительность, (все)прощение, самоотверженность, жертвенность, бескорыстие, приветливость. Семь десятилетий откровенного атеистического социализма у нас в стране не прошли даром. Пришедший ему на смену капитализм оказался — на деле, не на словах — также безбожным. Характерна в этой связи оценка, данная человеком, который в свое время диссидентствовал и был вынужден выехать из СССР: «Коммунизму не удалось уничтожить душу народа (а дух даже окреп благодаря мученикам), — симулякры и экраны нынешних дней бьют без промаха, уничтожая глубинную сущность русскости» [Горичева 1996: 182].

³¹⁸ Святитель Иоанн Златоуст (IV в.) — естественно, в других понятиях — в свое время писал примерно о том же. В увещании избегать излишества он умело связал неумеренность со стяжательством: «Ибо как ап. Павел корнем всех зол назвал сребролюбие, так и не погрешит, если кто источником всех зол назовет неумеренность и наше желание во всем перейти за пределы нужды. Ибо если бы мы захотели и в пище, и в одеждах, и в жилищах, и в других телесных потребностях не искать ничего лишнего, а только необходимого, то от многих зол освободился бы род человеческий». Причин человеческой неумеренности проповедник не ведает: «Я не знаю, отчего каждый из нас более или менее подвержен болезни любостыжания и никогда не старается ограничиваться необходимым». Люди «не по нужде и не для пользы облачаются такими (роскошными. — *Е. В., В. К.*) одеждами, но для неги и тщеславия, для того, чтобы удивлялись им на торжищах народных» [Собрание поучений 1893: 170–171].

³¹⁹ Например, в конце лета 2001 г. в ряде газет, как по сигналу, были напечатаны статьи в поддержку инициативы преобразовать традиционную русскую кириллическую «гражданку» в латиницу. Так, член-корр. РАН С. А. Арутюнов («Независимая газета» от 7 авг. 2001 г.), горячо поддерживая стремление экстремистской части интеллигенции Татарстана перевести татарское письмо на латиницу, пишет: «Я полагаю, что глобализация и компьютеризация нашей жизни в конечном итоге приведет к тому, что в нынешнем столетии на латинский алфавит перейдет и русская письменность. Кириллица устарела уже и для славянских языков. Даже в Болгарии, на родине кириллического алфавита, и то сейчас звучат голоса о необходимости перехода на латиницу. Препятствует тому идея русской великодержавности. Идея какой-то особости России, особости русского пути, евразийства и так далее. Это вредная идея, реакционная. Россия должна интегрироваться в Европу. И одним из необходимых условий этого, по моему глубокоому убеждению, является перевод письменности всех народов России на латинский алфавит». Автор статьи упрекает русский народ в цивилизационной отсталости: «К сожалению, судя по настроению некоторых, русский язык перейдет на эту графику, видимо, одним из последних, что приведет лишь к тому, что другие, неславянские, народы России будут опережать русский народ в своем цивилизационном развитии».

вает себя (даже тем, кто хотел бы от нее уклониться), тогда как культура отказывается даже от арьергардных боев.

В заключение сошлемся на авторитетное мнение. Находясь в отпуске летом 2001 г., В. В. Путин побывал в северных православных обителях. Он вынес впечатление, подобное тому, которое некогда вынес Рильке, посетивший Троице-Сергиеву лавру.

«В беседе с журналистами после поклонения святыням Спасо-Преображенского Соловецкого монастыря Владимир Путин сказал: „Испокон веков наша страна называлась Святой Русью. Это имело свои географические и исторические границы. Но прежде всего в это название вкладывался большой нравственный смысл, подчеркивалась та особая роль, которую Россия взяла на себя как хранительница исторических христианских ценностей“. Президент сказал, что трудно не согласиться с теми, кто утверждает, что „без христианства, православной веры, без возникшей на их базе культуры вряд ли состоялась бы Россия“. „Именно поэтому, — заявил Путин, — важно вернуться к этим первоисточникам, когда мы вновь обретаем себя, ищем нравственные основы жизни“. Мы слышим такое заявление первого лица государства впервые после 1917 года»³²⁰.

Вероятно, С. А. Арутюнов (как заведующий Отделом Кавказа в Институте этнологии РАН), будучи последовательным, лишь по забывчивости не потребовал перевода на латинский алфавит армянской и грузинской письменности (вслед за латинизацией азербайджанского языка). Однако сами армяне и грузины почему-то с такими требованиями не выступают! Как еще, однако, много остается народов, алфавиты которых обрекают их на нецивилизованное бытие! Греки, евреи, арабы, народы Индии, японцы, китайцы... Исчерпывающую критику позиции С. А. Арутюнова по всем пунктам дал В. М. Алпатов («Независимая газета» от 5 сент. 2001 г.). Мы не намерены включаться в политические (= ненаучные) споры, но подобная неумеренность цивилизации в, строго говоря, безразличных для нее вопросах представляет собой реальную угрозу для национальных культур. Может найтись полновластный чинуша, который, как было на заре Советской власти, прикажет опустошить наборные кассы (= вывести из употребления определенные компьютерные шрифты). Сердцем духовной культуры является язык, а если этот язык имеет алфавит тысячелетней традиции, на котором написаны и напечатаны миллионы и миллионы книг, то призыв изменить алфавит на проверку оказывается призывом отказаться и от всей предшествующей духовной культуры. Фактически перед нами призыв населить Россию неграмотными людьми. Даже и в Татарстане, где традиция кириллицы сравнительно неглубока, тем не менее на ее основе за полстолетия удалось добиться почти поголовной грамотности татарского населения. Изданы тысячи и тысячи книг. Неужели их ждет судьба татарских книг, вышедших в царской России на арабице, — их читают лишь единицы специалистов? Проф. А. Б. Халидов (еженедельник «Восточный экспресс» [Казань], 2001, № 48) бросил фразу: «Кириллица — смерть для татарского языка». До сих пор татарский язык жил благодаря кириллице, а, оказывается, это была смерть. Правильнее как раз обратное: одно-моментный перевод языка на латиницу — это и есть его фактическая гибель (по крайней мере для двух-трех поколений). Надо принять во внимание при этом, что часть татарского народа (*кряшены*) латиницы не примет (таковы результаты недавней кряшенской конференции). (Подобное же «алфавитное противостояние» уже случилось в разделенной Молдавии.) Что же до России, то даже если ей грозит опасность якобы оказаться за бортом цивилизации, народ (к сожалению, может быть, в отличие от части прогрессивной интеллигенции) легко свое культурное достояние — в этом С. А. Арутюнов прав — не отдаст. Впрочем, алфавит к цивилизации не имеет никакого отношения, а временные технические компьютерные проблемы, связанные с кириллицей, уже и на сегодня оптимальным образом разрешены. Культура не должна приспосабливаться к технике, а техника, действительно, обязана служить ей.

³²⁰ Цит. по: газ. «Радонеж», 2001, № 17–18, с. 2.

Реляционные единицы вербального языка как носители и источники национально-культурной информации

Разница между номинативными и реляционными языковыми единицами очевидна: если слова, фразеологизмы и афоризмы прямо и непосредственно соотносены с национальной культурой, то единицы фонетико-интонационного, деривационного, морфологического и синтаксического уровней имеют лишь внутриязыковую семантику, которая в значительной мере «навязывается» внеязыковой действительности.

Отношение к плану содержания реляционных единиц с интересующей нас точки зрения диалектично. С одной стороны, реляционные единицы как таковые, т. е. взятые в качестве элементов инвентаря, не могут быть соотносены с конкретными событиями отечественной истории или с особенностями национальной, материальной и духовной, культуры; они остаются по отношению к внеязыковой действительности нейтральными. Например, наличие мягких согласных в русском языке, несомненно, составляет его специфику, однако палатализованные согласные сами по себе не могут быть объяснены или просто даже сопряжены с тем или иным конкретным фактом истории или характера русского народа. С другой же стороны, реляционные единицы (некоторые особенно ярко и бесспорно) составляют национальную специфику русского языка, делают его неповторимым и своеобразным; эти единицы сами по себе могут считаться явлениями русской национальной культуры, ее важным достоянием.

Реляционные языковые единицы способны — это можно в свете сказанного утверждать по отношению хотя бы к части их — быть носителями и источниками национально-культурной информации. Ниже обсуждается страноведческий потенциал фонем и звукотипов и других реляционных единиц.

Глава 1. Русская фонетика и интонация как феномен национальной культуры

Поскольку назначение фонем, реализуемых в речи звукотипами, заключается в идентификации или, напротив, дифференциации единиц следующего языкового уровня — морфов, ясно, что фонемы — это единицы коммуникации. В са-

мом деле: если говорящий соблюдает все принятые в данной языковой (особенно литературно-языковой) общности нормы, то его речь, за исключением данных о половой и — не всегда — возрастной принадлежности, не несет иной информации, кроме содержащейся в строевых единицах языка. В свете изложенного можно заключить, что, несомненно, существуют такие ситуации говорения, когда фонетико-интонационные средства языка обеспечивают акт коммуникации, но никак не заявляют сами о себе и парадоксальным образом остаются «неслышимыми».

Иное дело, если говорящий по какой-либо причине отклоняется от принятых в языковой общности норм. Даже при условии незатрудненного протекания коммуникации (рациональной, «вещественной») звуковая форма речи в этом случае оказывается информативной: она говорит о человеке (его территориально-диалектной принадлежности или социальном происхождении, образовании, профессии и т. п.) или о характере текста, который он произносит (времени написания, принадлежности к определенному стилю, назначении и т. д.).

Избрав в качестве точки отсчета нейтральный стиль произношения современного русского литературного языка, рассмотрим подробнее обе группы явлений.

Присутствующий в лингвистической понятийной системе, но редкий концепт *шибболета*¹ восходит к библейскому повествованию о междоусобице между племенами галаадитян и ефремлян. Галаадитяне рассеяли противников и захватили переправу через Иордан. Ефремляне подходили к переправе под видом членов других колен еврейского народа, и отличить их не было никакой возможности. Впрочем, нашелся именно языковой, точнее, диалектный признак. Галаадитяне требовали от каждого, кто желал переправиться: «Скажи „шибболет“». Все иноплеменники, за исключением ефремлян, без труда повторяли фразу. Ефремляне же говорили «сибболет» и не могли выговорить иначе; тогда их закалывали у переправы. Эпос бесстрастно сообщает: и погибло 42 тысячи ефремлян (Суд 12: 5–7). Так внешняя форма слова оказалась способной сообщить о происхождении говорящего.

Соответственно в лингвистике под шибболетом понимается некоторая черта, характеристика устной речи или письменного текста, на основе которой возможны суждения не о содержании произнесенного или написанного, а о самом говорящем или пишущем (о его происхождении, профессии, возрасте, поле, о его душевном состоянии и т. д.), а также о времени и обстоятельствах протекания акта коммуникации. На основании некоторых (несущественных для собственно коммуникации, для ее содержания) признаков в произношении говорящего окружающие судят о нем, получая сведения о его прошлом и настоящем, и на основании этого или видят в говорящем члена своей социально-культурной общности, или отказывают ему в таком признании.

Так, Е. Д. Поливанов, описывая современную ему фонетику «интеллигентского языка» (начала XX в.), подчеркивал, что в некоторых иноязычных словах было обязательным произношение «/ среднего» (или «/ западноевропейского»): «В произношении ноты /а наличие или отсутствие среднего / именно и служило критерием „интеллигентского выговора“: певицу, которая произносила вместо /а или /а, или /а, сразу определяли как „не нашего поля ягоду“» [Поливанов 1968: 233].

¹ Шибболет (שִׁבּוֹלֶט) — «колос» (иврит).

Особенности произношения могут сообщить о том, где говорящий родился и вырос.

Так, М. Горький всю жизнь сохранял отчетливое нижегородское оканье. Особенности того или другого русского территориального диалекта как бы собраны воедино в специальных «дразнилках»: «Псковичане цисто англичане, только наречие другое»; «У нас в Рязани хрибы с хлазами: их ядят, а они хлядят»; «С Масквы, с пасада, с калашнава ряда»; «Болого [благо] в Володимере стакан испить — голова болить»; «Вяцкие рябятя хвацкие»; «В Котельниче три мельнички: паровича, водяничка и ветренича»; «Ён ходить, гуляить, баткю поминаить» (дразнилка рязанцев и тамбовцев).

Произношение свидетельствует также о социальных признаках, приметах. В этом случае индикатором-шибболетом может быть «неграмотное», «простонародное», «просторечное» произнесение слов литературного языка.

Будочник в гоголевской «Шинели» окликает замечтавшегося Акакия Акакиевича: «Чего лезешь в самое рыло, разве нет тебе *трохтуара?*» Начальник штаба Копылов объясняет Григорию Мелехову, почему тот не может стать офицером: «А говоришь ты как? Ужас! Вместо *квартира* — *фатера*, вместо *эвакуироваться* — *акуироваться*, вместо *как будто* — *кубыть*, вместо *артиллерия* — *антилерия*. И, как всякий безграмотный человек, ты имеешь необъяснимое пристрастие к звучным иностранным словам» (М. Шолохов, Тихий Дон).

Внешняя форма слова не всегда бывает шибболетом. Если же она оказывается таковым, то она всегда включает в себе не общечеловеческую, а национально-культурную семантику, отражает специфику истории быта, расселения, материальных и духовных ценностей некоторого вполне определенного народа. Далее речь пойдет о национально-культурной семантике русского слова в соотношении с литературной нормой нашего времени.

1. Внешняя форма слова, несущая информацию о человеке, может заключать в себе два вида сведений — одни сведения об адресанте адресат воспринимает помимо воли говорящего или пишущего; другие определяются коммуникативным намерением адресанта.

Так, говорящий — как правило, не по своему желанию — внешней формой некоторых слов сообщает о месте своего воспитания. Такова территориально-диалектная информация, например: «— Заливные луга наши *знаашь?* — Она так и сказала *знаашь*, с таким длинным *а*; *знаашь, поделашь* — так она говорила» (С. Иванов, Из жизни Потапова). Как видим, писатель специально обращает внимание своих читателей на особенности внешней формы отдельных слов. Ср. еще: «Говор у Просвирняка действительно был не московский — скорее южный, на мягкое *ж*» (М. Рошин, Шура и Просвирняк); «— На *о* ударяешь. Из Самары или из Нижнего. Я угадал? — Угадали, — согласился Лубоцкий, однако уточнять не стал» (И. Щеголихин, Бремя выбора).

Если говорящий по какой-либо причине намерен лишиться своей речи диалектного шибболета, то и в этом случае вопреки его намерению соответствующая черта дает о себе знать: «— А ну, атступись! — отмахнулась Анфя <...>. Она, видно было, усилен-

но стремилась говорить по-московски, но однако изредка у нее прорывалась родная стихия. Один раз она назвала стакан *стоканом*» (В. Белов, Плотницкие рассказы).

Стяжение глагольной флексии, речь на *о* или на *а* — это очевидные для всякого русского диалектные признаки. В других случаях не классы однородных слов, а отдельные слова свидетельствуют не столько о месте, где человек провел детские годы, сколько о среде социализации. Соответствующая информация заключается в элементах просторечия, например: «Они *хочут* свою образованность показать» (А. Чехов, Свадьба). Форма глагола здесь не соотносит говорящего с определенной территорией, но подчеркивает, что он не овладел литературной языковой нормой, имеет низкий уровень образования.

И здесь шибболет также нередко проявляется вопреки намерению говорящего.

В художественной литературе выработалась устойчивая традиция введения в речевую характеристику персонажей некоторого количества одних и тех же диалектных и просторечных слов. В советское время против шаблонного применения этого приема выступала «Литературная газета»: «Автор убежден, что если он будет писать *омманываешь* вместо *обманываешь*, *унученька* вместо *внученька*, *этто* вместо *это*, *ружжо* вместо *ружье*, да обильно уснащать речь героев междометиями *дак* и *чай*, то в народном характере повести никто не усумнится».

Диалектные и просторечные слова-шибболеты нередко — особенно в наше время — используются и теми говорящими, которые вполне и безусловно владеют литературной нормой. В этих случаях, то есть когда заведомо известно, что адресант способен говорить и писать «правильно», его намеренное отступление от нормы нацелено на повышение экспрессивности высказывания и, следовательно, оно входит в коммуникативное задание.

Например, один из персонажей романа «Время и место» Ю. Трифонова говорит, «хлопая Антипова по плечу: — Старик, ты *могёшь!*» В двух других случаях у него же: «Водитель захлопнул дверь вовсе не по необходимости, а оттого, что так ему пожелалось, такой у него *ндрав*»; «А после того, что случилось, она [помешавшаяся женщина. — Е. В., В. К.] стала вовсе „таво“». «К лесной объездческой службе годный, бьет с правой и левой одинаково не *здря*» (С. Залыгин, Комиссия). В последнем примере отчетливо видно, что просторечная внешняя форма слова никак не соотносится с речевой характеристикой человека (автор критической заметки не знает, как говорит водитель) и что ее роль — чисто экспрессивная. Намеренность такой экспрессивной информации не вызывает сомнения².

Внешняя форма слов, не нарушая коммуникации, сообщает также, к какой национальности принадлежит нерусский человек, если он не овладел русской речью полностью.

Грузинский князь в «Яме» А. Куприна, в передаче писателя, говорит так: «Душа мой, поверь мне, что женшшына, покамест она женшшына, так она женшшына». В художественной литературе выработались приемы передачи речи представителей различных народов. Андрей Карлович из «Капитанской дочки» Пушкина говорит, оглушая звонкие согласные («Поже мой!.. Ах, фремя, фремя!.. Это что за серемо-

² Интересные наблюдения над отражением диалектного произношения в произведениях русских писателей-классиков принадлежат В. И. Чернышеву (см. [Чернышев 1970]).

нии? Фуй, как ему не софестно!»), а Карл Иванович (Л. Толстой, Отрочество) не произносит звука [шч] и мягкого [р]: «Я был нешаслив ишо во чрева моей матри»³.

Внешней формой слов адресант может передать сложные намерения, которые не всегда поддаются адекватному вербальному выражению. Ср.: «Я пил из горлышка с устатку и не емиши» (В. Высоцкий). Об экспрессивной значимости внешней формы слова говорит то обстоятельство, что адресант нередко настаивает на просторечно-диалектном слове и не соглашается заменить его на литературно-нейтральное. Ср.: «Девушки читают / Не романы — «рбманы» / И хранят в альбомах / Нежные стихи» (М. Исаковский).

Диалектным и просторечным средствам противостоят формы, которые своим звучанием или написанием сигнализируют о высокой, нередко и самим адресантом подчеркиваемой, образованности, интеллигентности, даже элитарности.

Так, интеллигенты старшего поколения и подражающие им произносят в заимствованных словах в предударной позиции полное [о]: *бокал, костюм, портфель, проблема, новелла, конкретно, контакт* и т. д. Именно так, судя по мемуарам, произносил указанные слова А. В. Луначарский. Еще недавно можно было заметить особенности и в постановке ударения: *библиотека, унижённый*. Кстати, вероятно, именно так произносил последнее слово Ф. Достоевский, — его роман «Униженные и оскорблённые» содержит рифму в названии, которая теряется, если сказать «униженные». В кинофильме 30-х гг. «Волга-Волга» артисты-участники представляются в песне, среди них: «заслужённый артист Володин». Ср. далее: *кладбище, дебаркадёр*. Сообщаемая при помощи подобных шибболетных слов информация может быть названа архаико-интеллигентской (см. подробнее [Воронцова 1979]).

Кроме того, особенности произношения могут сообщать окружающим, какова профессия говорящего, а принятые в литературном языке, но отличные от языка специалистов формы слова немедленно сигнализируют профессионалам, что перед ними не профессионал.

Шоферы говорят *искра́* (а не *искра*), моряки — *компа́с*, шахтеры — *добыча*, почтальоны — *дбставка*, физики — *атомный*, летчики — *шасси* и т. д. Один и тот же человек в среде своих сослуживцев-профессионалов говорит *километр*, а вне этой среды — *киломе́тр*. Постановка ударения в фамилиях ученых, известных в среде специалистов, но не имеющих более широкой известности, также «разоблачает» новичка или любителя. Так, если студент-первокурсник на семинаре говорит *Щерба́*, то ясно, что он, может быть, и читал учебник, но пропустил лекцию о Л. В. Щёрбе. Аналогично: несмотря на распространенное произношение *Тарле́*, для историков знаменитый ученый — всегда Е. В. Та́рле. Таким образом, внешняя форма слова может нести в себе профессионально-сословную информацию.

Поскольку зашла речь об именах собственных, следует сказать о шибболетной функции таких вариантов одной и той же лексемы, как, например, просторечное *Лексей*, нейтрально-литературное *Алексей* и экклезиальное *Алексий*.

³ См. подробнее: *Листрова Ю. Т.* Художественные функции немецких вкраплений в русской речи Карла Ивановича (Л. Толстой. «Детство» и «Отрочество») // Материалы по русскому и славянскому языкознанию. Воронеж, 1974. Здесь же кратко разобрана литературная традиция изображения персонажей-немцев (у Фонвизина, Пушкина, Гоголя, Тургенева, Достоевского).

«Ну, Лексей, ты — не медаль, на шее у меня — не место тебе, а иди-ка ты в люди» (М. Горький, *Детство*). Примечательно, что в «Детстве» Горького встречается и диалектная, окающая форма того же имени: *Олеша*. Ср. имена в «Канители» А. Чехова: *Митрий, Марья, Пантелей, Левонтий, Арина, Федосья, Авдотья*.

Информативность внешнего вида имени подтверждается тем, что носители, как правило, настаивают лишь на одном из возможных произнесений своего имени, а другие отвергают.

Так, поэт Вячеслав *Ива́нов*, по воспоминаниям, не отзывался, если его по незнанию окликали: *Иванов*, а *Куприн* сердился, когда его фамилию произносили как *Куприн*. Л. Н. Толстой, по свидетельству В. Шкловского, настаивал на том, что фамилию одного из персонажей писать и произносить нужно *Левин*, а не *Левин*, да и свое собственное имя было для него *Лёв Николаевич* вопреки современному произношению. Образцом принципиального отношения к внешней форме имени является неприятие староверами языковой реформы патр. Никона: для них не *Никола́й*, а только *Нико́ла*, не *Миха́йл* и не *Авваку́м*, а только *Миха́ил* и *Авва́кум* (см. подробнее: [Успенский 1969]).

Все сказанное свидетельствует о той роли, которую играет звучание слова в характеристике говорящего или пишущего человека.

2. Внешняя форма слова может служить шибболетом, позволяющим судить о произнесенном или написанном тексте. Имеется в виду не непосредственное содержание текста, а признаки, которые называются привходящими: информация о времени создания текста, его назначении, условиях использования, его жанре и стиле. Так, фонетико-интонационные черты даже одного «показательного» слова способны определить жанрово-стилевую принадлежность всего текста. Эти «казовые слова» тщательно регистрируются писателями и включаются в речевую характеристику как авторского повествования, так и действующих лиц.

Ср. в «Лошадиной фамилии» у А. Чехова: «— *Накося!* — сказал генерал с презрением и поднес к лицу его два кукиша. — Не нужно мне теперь твоей лошадиной фамилии! *Накося!*» Известно, что Тургенев в «Отцах и детях» разделил своих героев на аристократов и демократов, заставив их по-разному произносить слово *принцип* (*принсип* и *принцип*). Можно обратить внимание на современные разговорные формы ряда слов (*щас*, *тыща*, *вообще* [или *вобще*], *скоко*, *стоко*, *токо*, *чо-то*, *куда-нить*, *здрате*, *Марь Ванна*⁴ и под.), которые в силу своей высокой употребительности немедленно сигнализируют о разговорном стиле речи. У Мусоргского: «*Дяинька*». Сюда вплотную примыкают слова-индикаторы «сниженного» разговорного стиля (*деушка*, *баушка*, *слоум* «словом», *грит* «говорит», *бум* «будем») и прямого просторечия (*чтой-то*⁵, *сурьезный*, *свершенно* «совершенно»). В аналогичных случаях А. А. Реформатский говорит о «компрессивно-аллеговой речи»: *пжалста*, *вапцед гваря*, *Сан Санч* (Александр Александрович), *Пал Осич* (Павел Иосифович), *тыща*, *унверстет*, *пугвица*, *сутолка*, *всетки*, *драссьте*, *прет* (привет!) и др. [Реформатский 1979].

⁴ Ср. популярный в 30-е гг. стишок Л. Квитко: «Анна Ванна, наш отряд / Хочет видеть поросят».

⁵ Ср. у Есенина («Клен ты мой опавший»): «Ах, и стал я нынче, / *Чтой-то* стал нестойкий, / не дойду до дому / С дружеской попойки». Интересно, что в исполнении романса на слова Есенина советской певицей Геленой Великановой «нестойк[ы]й» дается в «концертном произношении».

Аналогично, хотя и о противоположном — высоком, сценическом — стиле речи свидетельствуют произнесения типа *Чайковск[ы]й* или же сохранение церковнославянского произношения отдельных слов там, где уже восторжествовала русская норма.

«— ...Знаешь, Петр, — говорил он [подъесаул Калмыков], обращаясь к сотнику Персинцеву, произнося слово *Петр* с подчеркнутым *e* вместо *ě*. — Я не доживу до конца этой войны» (М. Шолохов, Тихий Дон). В пушкинском «Анчаре» рифма подсказывает необходимость произнесения слов *раскаленный, потек* с [e], а не с [o]. Ценнейшие теоретические положения относительно функционирования церковнославянского языка в русском принадлежат В. В. Виноградову [Виноградов 1978]. Созвучные мысли высказывал и Б. Унбегаун: «Главной и единственно серьезной проблемой русского литературного языка, в его прошлом и настоящем, является соотношение в нем русской и церковнославянской стихий» [Унбегаун 1971]. Ср. также близкую позицию Г. О. Винокура [Винокур 1959] и итоговое исследование Б. А. Успенского [Успенский 1983]. Что касается фрикативного звонкого [ɣ], то оно до сих пор встречается в слове *господь* (но не *господин* или *господство*) и в косвенных падежах слова *бог (бога)*/ Ср. эмфатическое — и только с фрикативным [ɣ] возможное — употребление первого слова у О. Мандельштама: «Образ твой, мучительный и зыбкий, / Я не мог в тумане осязать. / *Господи!* — сказал я по ошибке, / Сам того не думая сказать». В наивысшей мере эстетический эффект славянизмов (конечно, не только фонетических) использован Пушкиным в «Пророке». К фонетическим славянизмам в «Пророке» принадлежит, между прочим, произнесение родительного падежа слова *Бог* с фрикативным [ɣ]: «И Бога глас ко мне воззвал».

Использование славянизмов в качестве стилеобразующего и поэтического средства, несомненно, факт отечественной культуры. Поэтому художественное произведение, содержащее славянизмы, всегда дает повод для размышлений о путях и судьбах русского образования и российской книжности. «Если бы русский литературный язык не вырос в атмосфере церковнославянского, то немислимо было бы то замечательное стихотворение Пушкина „Пророк“, которым мы восторгаемся и до сих пор» [Щерба 1957: 123; см. также: Замкова 1975]. Осознаваемость славянизмов несомненна и в наши дни. Ср.: «Он [сторож] шел, торжественно шатаясь, и пел: Христос воскрес из мёртвых... Почему-то меня раздражило это *ě* в слове *мертвых*. Старый человек, он должен был бы помнить, как это слово произносится» (И. Грекова, Кафедра).

«Казовые слова» способны сигнализировать также о времени возникновения того или другого текста.

Так, например, А. Радищев в своем «Путешествии из Петербурга в Москву» дает греческую лексику в византийском («Рейхлиновом») произношении, в то время как к концу первой половины XIX в. в России возобладало западноевропейское («Эразмово») чтение. У Радищева находим: *ифика* на месте *этики*, *ирой* на месте *героя*, *афеисты* — *атеисты* и т. д. Пушкин писал из Одессы Вяземскому: «Ты хочешь знать, что я делаю, — пишу пестрые строфы романтической поэмы и беру уроки чистого *афеизма*. Здесь англичанин, глухой философ, единственный умный *афей*, которого я еще встретил». Еще В. Белинский продолжал называть *Геракла Ираклom*. Кстати сказать, примечательно, что старые заимствования из греческого (*олады, кулич, кровать* и т. д.) принадлежат (по экспрессии) к нейтральному пласту русской лек-

сики, тогда как новые заимствования (в Эразмовой версии: *эфеб, гармония, эрос*) до сих пор кажутся благозвучными и, следовательно, звучат высоко.

Показателями давнего происхождения текста наряду с указанными признаками служат также место ударения, использование междометий, полные или стяженные варианты слова (типа *веселье — веселие*), полногласные или неполногласные варианты (типа *ворон — вран, мороз — мраз, холод — хлад, ветер — ветр, череда — чреда, середя — среда, середина — средина, порох — прах, голос — глас, волос — влас, колос — клас, борода — брада* [ср. *брадобрей*], *город — град, хоронить — хранить*⁶, *молад — млад, ворог — враг, Зевес*⁷ — *Зевс, шелом — шлём, полон — полн*⁸, *уголь — угль*⁹) и т. д.

Например, у Пушкина слово *музыка* имело ударение на втором слоге (под влиянием польского или, что вероятнее, французского): «Гремит музыка полковая». Н. Некрасов говорит не *по тюрмам*, а *по тюрма́м*: «Стонет он по полям, по дорогам, / Стонет он по тюрма́м, по острогам» («Размышления у парадного подъезда»). По свидетельству мемуаристов, И. П. Павлов обращался к посетителям, побуждая их начать разговор, междометием *Ну-те-с*, и сразу было видно, что он человек прошлого века.

Кстати, о *присыкивании*, или об употреблении словоерсов. Прибавление почти к каждому слову «частицы вежливости» -с (к этому звуку стянулось обращение *сударь*) — признак текста XIX в.

В «Соборях» Н. Лескова «демократка» Бизюкина желает отучить своего лакея от *присыкивания*: «— Да эдак не изволь мне отвечать по-лакейски: чего *изволите-с* да я вам *докладывал-с*, а прямо говори: чего, мол, вам нужно? или: я, мол, вам говорил. Понимаешь? — *Понимаю-с*. — Не *понимаю-с*, глупый мальчишка, а *понимаю, ю, ю, ю*; просто понимаю! <...> — Слушаю и понимаю, но только мне эдак, сударыня, трудно». Ср. также в «Братьях Карамазовых» Ф. Достоевского: «— Николай Ильич Снегирев-с. <...> Скорее бы надо сказать: штабс-капитан Словоерсов, а не Снегирев, ибо лишь со второй половины жизни стал говорить словоерсами. Слово-ер-с приобретается в унижении. <...> Все не говорил, целую жизнь не говорил словоерсами, вдруг упал, а встал с словоерсами».

С другой стороны, высокий стиль речи также имеет фонетико-просодические характеристики, выполняющие роль шибболета. Рассмотрим так называемую сценическую речь, ограничившись сценическим воплощением классических произведений прошлого века.

Ср., например, ударение часто встречающегося в «Горе от ума» А. Грибоедова обращения *сударь*. Форма *сударь*, сохраняющая акцентуационную связь с *осударь* (*государь*), в первой половине XIX века еще была употребительной и широко представлена в речи Фамусова: «Боюсь, сударь, я одного смертельно, / Чтоб множество не накопилося их...»; «А вас, сударь, прошу я толком / Туда не жаловать ни прямо, ни проселком». Естественно, что современному актеру, занятому в «Горе от ума»

⁶ Ср. каламбур, в свое время напечатанный в «Литературной газете» (1982, № 14): «...из овощехранилища база превратилась в овощехоронилице...».

⁷ Ср. у Тютчева: «...кормя *Зевесова* орла...».

⁸ Ср. у Пушкина: «Я снова жизни *полн* — таков мой организм».

⁹ Ср. у Пушкина: «И *угль*, пылающий огнем, / Во грудь отверстую водвинул».

(да и в других пьесах начала позапрошлого века, например, в «Маскараде» М. Лермонтова), следует тщательно соблюдать устаревшую просодику, особенно когда она диктуется стихотворным текстом. В случаях подобных отклонений звучания слов от современной нормы возникает эффект высокого стиля речи, возможно, и не входивший в первоначальные намерения автора. Такой эффект, впрочем, мог и сознательно «закладываться» в текст авторами прошлого века, использовавшими в поэтической речи славянизмы. Так, в пушкинском «Анчаре» рифма подсказывает необходимость произношения слов *раскаленный*, *потек* с [e], а не с [o]: «В пустыне чахлой и скупой / На почве, зноем раскаленной, / Анчар, как грозный часовой, / Стоит — один во всей вселенной. <...> Но человека человек / Послал к анчару властным взглядом, / И тот послушно в путь потек / И к утру возвратился с ядом».

Можно обратить внимание и на эстетически значимую игру неполногласной (церковнославянской) и полногласной (восточнославянской, русской) форм слова, прежде всего в фольклоре. Наряду с превалирующими полногласными словами (из «Вольги и Микулы»: «Жил Святослав девяносто лет, / Жил Святослав да переставился»; *оболоко*, *дружинушка хоробрая* — полногласие былин простирается значительно дальше полногласия литературного языка), встречаются пары типа *золото* — *злато*, *дорог* — *драгоценный* (особенно часто в сказках), и это еще раз показывает, насколько широко славянизмы проникли в народный русский язык. Противопоставление бытового и высокого заметно в выписке из некогда модного педагогического наследия В. А. Сухомлинского: «Мать не только *рожает*, но и *рождает*. Если бы она только *рожала*, она не была бы творцом рода человеческого. Мать *рождает* наше бытие, мать одухотворяет живой комочек жизни духом своего народа, родным словом, мыслью, любовью».

Остановимся, наконец, на такой характеристике текста, как его эмоциональная насыщенность. Внешне она проявляется в усилении, подчеркивании определенных показательных слов: например: «— Подглядывать, между прочим, *не-хо-ро-шо*, — говорит Алеша» (Ю. Трифонов, *Время и место*); «— *Тррру!* Купчишка! Презренный Кит Китыч! *Тррру!* Заяц толстопузый!» (А. Чехов, *Месть*); «— *Наррод*, расходись! Не толпись! По домам!» (А. Чехов, *Унтер Пришибеев*). М. Салтыков-Щедрин на знаменах аракеевщины написал: «Не *потеррлю* и *рразорю!*». «— А когда же стихи будут? — жеманно спрашивает какая-то девица. — А вам хочется, чтобы поскорее *интэрэсное* началось? — так же жеманно басит Маяковский» (Л. Кассиль, *Маяковский — сам*).

Такова вкратце роль звуковой формы слова в характеристике текста, в выражении интенции говорящего, а также его эмоционального состояния. Совершенно очевидно, что распределение материала по двум рубрикам (информация о человеке; информация о тексте) имеет относительный смысл, потому что особенности говорящего или пишущего человека неотделимы от специфики создаваемого текста (и наоборот). Это же нужно сказать о выделяемой ниже третьей рубрике.

3. Внешняя форма слова может быть тесно связана с мыслью человека как члена национально-культурной и языковой общности, в каком-то смысле даже формировать саму мысль. Таким образом, внешний вид слова выступает как *шибболет* в смыслообразующей функции языка. Не раз высказывалась мысль, что «слова, связанные рифмой или звуковыми повторами, оказываются тем самым родственными и по смыслу» [Панов 1979: 238]. В архиве Марины Цветаевой есть аналогичная за-

пись: «Внешняя рифма — только путь к рифме внутренней, слуховое созвучие — только путь к смысловому созвучию». Ср. категорическую убежденность В. Брюсова: «Созвучья слова не случайны! / Пусть связь речений далека, / В ней неразгаданные тайны / Всегда живого языка»; «Верь в звук слов: / Смысл тайн — в них». См. также точку зрения В. П. Григорьева [Григорьев 1975].

Действительно, наиболее прочно помнятся и сильнее воздействуют на адресата те пословицы, которые построены на созвучиях слов. В первую очередь имеются в виду, конечно, единоокончания слов, т. е. конечная рифма: *кому чин, кому блин, а кому и клин; ни крестом, ни пестом (не проймешь); не слыть, а быть; бара — по грошу пара; и швец, и жнец, и в дуду игрец; конец — делу венец; от трудов праведных не наживешь палат каменных; вся семья вместе, так и душа на месте; на всякого Егорку есть поговорка; не в службу, а в дружбу; какой муж ни ворона, а все жене оборона; бывало, щука клевала, а ноне и плотва — едва; каков поп, таков приход; мирская молва — морская волна; желтый цвет — женский привет: как цвет отцветет, привет пропадет* (два последних примера принадлежат А. А. Потебне). Последнюю пословицу Потебня считал во всех отношениях совершенным поэтическим шедевром. По его мнению, коллективное творчество народа, отложившееся в фольклоре, никогда не знало разделения на содержание и форму: языковая форма глубоко содержательна, а содержание неотделимо от языковой формы. Искать, что первично и что вторично, утверждал ученый, — пустое занятие. Из пословицы, как и из песни, ни одного слова не выкинешь!

Как уникальное свидетельство в поддержку мысли о важности для поэтического мышления «созвучий слов» приведем фрагмент из написанной по-английски небольшой поэмы В. В. Набокова «An Evening of Russian Poetry» [Nabokov 1990: 608]

...and there are certain customary twins
in Russian as in other tongues. For instance,
love automatically rhymes with *blood*,
nature with *liberty*, *sadness* with *distance*,
human with *everlasting*, *prince* with *mud*,
moon with a multitude of words, but *sun*
and *song* and *wind* and *life* and *death* with none.

Действительно, *любовь* (love) рифмуется с *кровь* (blood), *природа* (nature) — со *свобода* (liberty), *печаль* (sadness) — с *даль* (distance), *человечный* (human) — с *вечный* (everlasting), *князь* (prince) — с *грязь* (mud). *Луна*, по мнению Набокова, рифмуется с массой других слов, а вот *солнце*, *песнь*, *ветер*, *жизнь* и *смерть* — очевидных рифмовок не имеют. О том, что рифмующиеся слова притягивают друг друга, говорит пословица: *Из грязи в князи*.

Созвучия слов выступают как самоценность, потому что, даже если пословица известна в диалектной форме или если некоторые лексические и грамматические явления в ней устарели (и теперь непонятны), все же ее ненормативные компоненты сохраняются и в литературной речи.

Ср.: *пригонит нужда и к поганой луже; Акуля, ты шьешь не оттуля; хорошая мысль приходит опосля; сам с усам, сам с рогам* и т. д. Единоокончания — вообще признак фольклора: они встречаются и в загадках, и в приметах, и в зачинах и концовках сказок и былин, и в заговорах, и в клятвах, и т. д. Ср.: *полон хлевец белых овец* (= зу-

бы); *вот и сказке конец, а кто слушал, молодец; я там был, мед-пиво пил* и т. д. Наряду с единоокончаниями используются и единоначатия слов — этот прием художественной выразительности в современных терминах не совсем точно обозначается как начальная рифма. Ср.: *не до жиру, быть бы живу; пан или пропал* и т. д.

Названные явления естественно присущи художественной литературе как высшему искусству слова. Важность рифмы для смысла стихотворения очевидна. В Маяковский («Как делать стихи?») сказал как бы от лица поэтов: «Я всегда ставлю самое характерное слово в конец строки и достаю к нему рифму во что бы то ни стало». В меньшей степени используются в поэзии единоначатия слов, хотя и они отнюдь не исключены из арсенала поэтических средств. Ср.: «А быть или нет / Стихам на Руси — / *Потоки спроси, / Потомков спроси*» (М. Цветаева); «*Печать забытых троп необъяснима, / Печаль осенних пристаней горька*» (Г. Флоров). Еще реже встречается сочетание единоначатия и единоокончания: «Да будем мы к своим друзьям *пристрастны, / Да будем думать, что они прекрасны*» (Б. Ахмадулина).

Внешняя форма слова самоценна, ее роль, естественно, активна и в звукописи.

Классическим и часто приводимым примером является подражание звону колоколов в некогда весьма популярном стихотворении С. Городецкого «Весна»: «Звоны-стоны, перезвоны, / Звоны-вздохи, звоны-сны. / Высоки крутые склоны, / Крутосклоны зелены...» Столь же хрестоматийным примером звукописи служат строки К. Бальмонта: «Я вольный ветер, я вечно вею, / Волную волны, ласкаю ивы, / В ветвях вздыхаю, вздохнув, немею, / Лелею травы, лелею нивы...» С. Маршак писал по этому поводу: «Слух поэта так обострен, что слова для него не только что-то значат, но и звучат всеми своими гласными и согласными». Ср. у Маяковского: «Били копыта. Пели будто: / — Гриб. Грабь. Гроб. Груб» («Хорошее отношение к лошадям»). Ср. также у П. Антокольского: «Ни дома, ни дыма, / ни думы, ни дамы» («Маяковский»). К рассматриваемой группе явлений принадлежат скороговорки (*Архип осип и Осип охрип*) и содержащие аллитерацию или паронимию фразы типа: *Достоевский достаёт до дна души*. Все эти созвучия (единоокончания, единоначатия слов, аллитерация, паронимия, звукоподражательность, звукопись) не только создают свой смысл, но и содействуют лучшему запоминанию текста. Эту мысль можно усмотреть в эпиграфе к книге С. Максимова «Крылатые слова и выражения» («Не спроста / и не спуста // слово молвится / и до веку не сломится»), где есть и ритм, и рифма, и единоначатие, и звукопись.

Итак, созвучие заставляет говорящего сближать слова, причем этот *homotopie* может быть и коллективным (в фольклоре), и индивидуальным (в художественной литературе). Однако самоценность внешней формы слова и ее сопряженность со смыслообразующей функцией языка видны и в том случае, когда говорящим семантика приписывается исключительно внешнему виду, а собственное, лексическое значение слова или вообще исчезает, или отступает на задний план.

Например, Митю Карамазова в его известном сне поражает, что ямщик сказал *дитё*, а не *дитя* («жалости будто больше»). Анализ этого и других «простонародных» слов у Достоевского в эмоционально-экспрессивной функции см. в кн. [Кантор 1983: 146 и сл.]. Ср. диалог Раскольникова и таинственного обличителя: «— Да что вы... приходите спрашивать... и молчите... да что же это такое? Голос Расколь-

никова прерывался <...>. — *Убиец!* — проговорил он вдруг. — Да что вы... что... кто убийца? — пробормотал Раскольников едва слышно. — Ты *убиец*, — произнес тот еще раздельнее и внушительнее». Обличитель отвергает общеязыковое слово *убийца* и дважды настаивает на простонародном *убиец*. Слово именно в такой форме было так дорого Достоевскому, что он употребляет его и в других произведениях. Так, Смердяков говорит Ивану: «— Вы убили, вы главный *убиец* и есть».

Смысловая самоценность внешней формы слова видна и в многочисленных случаях вживания, всматривания в слово, когда из него извлекается смысл по созвучию с другими словами, будто бы присутствующими внутри него. Так, в средневековой Руси имя реформатора-протестанта Лютера считалось самоговорящим: «*Лютер он лютор, лют то есть*».

Ср. аналогичные смысловые заключения по форме слова: «Кто пьет *кофей*, тот ков на Христа строит», «Кто пьет *чай*, тот спасения не *чай* (или: тот человек *отчаянный*)» (П. Мельников-Печерский, На горах). Отмеченное вживание в слово — явление одного порядка с так называемой народной этимологией: *палисадник* или *поликлиника* истолковываются как *полусадик* или *полуклиника*, *колики* (из французского) возводятся к глаголу *колоть*, *апробировать* сближается с *опробовать* (соответственно при невысокой грамотности и пишется через *о*-) и т. д. «У нас произносили не *капитал*, а *копитал*, производя *капитал* от слова *копить*» (Ф. Достоевский, Записки из мертвого дома); «Я не *аристократ*, чтобы на меня *орать сто крат* (Н. Лесков, Соборяне). Ср. другие известные «словесные деформации» Лескова (в «Левше»): *буреметр*, *мелкоскоп*, *нимфозория*, *укушетка*, *верояции* (вариации), *клеветон*, *долбица* умножения, *Аболон* полведерский. М. Горький воспроизводит восприятие официального для царской России термина *инородцы*: «— Не народы они, а *мимородцы* — <...> мимо Христа родились, мимо Христа идут» («В людях»). Б. Заходер, переводчик «Приключений Алисы в Стране чудес», создал ряд шуточных наименований «учебных предметов»: *истерия*, *лживопись*, *натюр-морды*, *грехческий язык*, *нимфология*. Ср. также в одной миниатюре А. Райкина: *Мурлин Мурло* (Мерилин Монро).

Народной этимологии сродни то вчувствование в слово, которое отмечается в современной поэзии и которое всегда приводит к парадоксальному смыслу.

Например, у М. Кульчицкого: «Я раньше думал: *лейтенант* / Звучит *налейте нам*. / И, зная *топографию*, / он *топает по гравию*». Г. Гачев слышит в слове *критика* — глагол *крыть*, *крик* (панический) и *тик* (нервный). Ср. еще два стихотворения: «Видно, от доски и до доски / Я перелистал словарь тоски. / Знал я те слова наперечет, / А теперь додумался до сути: / *Скорбь* и впрямь *скребет*, / *Печаль печет*, / *Грусть грызет*, / *Беда* наотмашь *бьет*, / *Мука мутит*, / И *кручина крутит*» (В. Берестов, Словарь тоски); «И пашет, пашет, *пашет Паша*, / Лишь пот стекает ручейком, / Не уставая, *машет Маша* / Ему зеленым рукавом. / Привычно, ясно, / Смутно, странно / Живут в России имена, / А степь по имени *Степана* / Однажды *Степью* названа» (Л. Васильева, Русские имена). Характерно, что (по самонаблюдению Берестова) слова, бывшие, до вчувствования в их внешнюю форму, простыми, «известными наперечет», после акта вживания раскрывают свою «суть», становятся источниками ранее скрытого, но очень важного «подспудного» смысла. По сообщению Ф. Степуна, афоризмы А. Белого форсируются фонетикой: *Человек — это*

чело века. Для поэта истина — это или естина (как у Платона; от быть/есть «существовать»), или ѓстина (как у К. Маркса; от [по старой орфографии] глагола ѓсть «питаться, потреблять пищу»). В первом случае сближал истину и бытие, во втором ставил истину в зависимость от экономических отношений [Степун 1962: 154, 166].

В. П. Григорьев обратил внимание на стихотворение Л. Мартынова, являющееся как бы концентратом, ярчайшим выражением наблюдаемого феномена [Григорьев 1977]: «Попробуешь / Слова сличить — / И аж мороз идет по коже! / Недаром / Мучить и учить / Звучат извечно столь похоже. / Но и бывает смысл иной, / Доподлинно необъяснимый: / Казнящий ли владел казной, / или казной владел казнимый? / Земля и тля. / Вина — вино. / Апрель и прель. / Мороз и проседь — / Все это будто не одно, / Но от другого не отбросить! / Березка — розга. / Лик и лак. / Увечить и увековечить... / Неужто это просто так, / Одна случайность — / Чет и нечет?»

Ср. по аналогии некогда знаменитое стихотворение Маяковского «Наш марш»: «Дней *бык пег*. / Медленна лет арба. / Наш *бог бег*. / Сердце наш барабан. / <...> Радости *пей!* / *Пой!* / В жилах весна разлита. / Сердце, *бей бой!*» Поэт играет словами: *бык—пег, бог—бег, пей—пой, бей—бой*. Но разве только ради словесной игры написано замечательное стихотворение? Наставник Маяковского Велимир Хлебников развивал идею «внутреннего склонения слова», причем как раз на примере той же самой цепочки слов: «...слова-родичи должны иметь далекие значения... *Бег* бывает вызван боязнью, а *бог* — существо, к которому должна быть обращена боязнь... Также *бык* есть то, откуда следует ждать удара, а *бок* то место, куда следует направить удар». С научной, лингвистической точки зрения нет никакой связи между словами *бег-бог-бык-бок*, но чуткое ухо выдающегося поэта улавливает не только перекличку смыслов, но и наглядно убеждает в ней читателя-слушателя: «*Бег* могучий, *бег* трескучий / Прямо к солнцу держит *бык*». По Хлебникову, хорошо сказанное слово имеет цену хорошей мысли.

Весь опыт поэзии показывает, что поставленный в этом стихотворении вопрос является риторическим. Конечно, с точки зрения поэта, у которого «слух обострен» (С. Маршак), не может быть и речи о случайности. Близость внешней формы ведет к сближению смыслов слов и, следовательно, к сближению художественных образов. Подтверждением справедливости сказанного может служить стихотворение Б. Ахмадулиной «Сад-всадник», образность которого производна от повторения корня *-сад-* в словах, за пределами поэзии друг с другом не сближаемых.

В заключение скажем о сближении слов, различающихся постановкой ударения. Ср.: «Все перемелется, станет *мукóй!* / Люди утешены этой наукой. / Станет *мукóю*, что было тоской? / Нет, лучше *мúкой!*» (М. Цветаева). Кстати, и суеверная примета («увидеть [во сне] *мукú* — к *мúке*») не имеет под собой никакой другой основы, кроме «игры языка».

Ср. еще: «Слушай, *мóлодец*... Так тебя звали в детском саду? Стань, наконец, *молóдцóm!* Очень прошу: измени ударение!» (А. Алексин, Домашний совет); «За всех *распáчусь*, / за всех *распáчусь*» (В. Маяковский); «Пошлó то, что пóшло» (Д. Мережковский). Сближаются также слова, различающиеся минимально (одним-двумя звуками), — так возникают каламбуры: «Я не *развенчиваю* жизнь, а *развинчиваю* — хочу посмотреть, как она устроена, как ее можно переделать, улучшить» (В. Шкловский). Нередко второе созвучное слово не называется; оно само всплывает по ассо-

циации или вследствие воздействия контекста. Например, В. Хлебников называл внимательных к языку поэтов «творянами».

Звуковая близость слов усиливает их смысловую близость, а иногда и приводит к смысловой близости (в языковых каламбурах). Каламбуры, как правило, сугубо национальны и в принципе непередаваемы: переводчикам приходится использовать приемы компенсации. Примером может служить каламбурное словосочетание *преданный друг* — лейтмотив известной повести О. Форш «Одеты камнем», в которой говорится о предательстве: «...выразительно сказал: — Преданный друг. Какое слово! Ведь не иное, а это — выражение сильного чувства дружбы. Да, да, друг только и дорог, когда он *предан*. У меня есть преданный друг...» И в другом месте: «То Михаил — мой *преданный друг*».

Поскольку в русском языке некоторые слова допускают два ударения, противопоставленность подобных слов может быть использована с эстетико-экспрессивными целями, см.: «*Высоко* он голову носил, / *Высоко-высоко*. / Не ходил, а словно восходил, / Словно солнышко, с востока»; «Тыща лошадей! Подков четыре тыщи / Счастья все ж они не принесли. / Мина кораблю пробила днище / *Далеко-далёко* от земли» (Б. Слуцкий). В мультфильме, поставленном по сценарию Б. Шергина, говорится о «пиджаке с карманами» (предел мечтаний деревенского щеголя).

Говорят: язык — это «оболочка» мысли. Верно. Но иногда язык — это и сама мысль. Не случайно язык, по мысли классика, является главным строительным материалом фольклора и художественной литературы.

В связи с этим уместно вспомнить слова известного ученого: «Признание первичности содержания и обусловленности им средств речевого выражения бытует в стилистике художественной речи едва ли не как тезис аксиоматический, близкий к трюизму. Но творческий акт механически не разделяется на стадию начального отбора того, что составит содержимое как некое абстрактно-семантическое построение, которое назначается для его реализации в речи, и на стадию материально-языкового воплощения, обусловленного внеречевыми факторами... Мы принуждены пока довольствоваться чувством недоверия к тем, кто представляет себе становление литературно-художественного текста в столь упрощенном виде» [Гельгарт 1969: 78]. Так, со ссылками на Ю. М. Лотмана, очень чуткий к поэтическому слову Г. Вытженс под этим углом зрения анализирует знаменитую «Поэму горы» М. Цветаевой [Вытженс 1981]. В ней многократно обыгрывается звуко сочетание *гор*: «Вздروгнешь — и горы с плеч, / И душа — горé! / Дай мне о горé спеть: / О моей горé». Вариации звукового комплекса *гор/гр* захватили в поэме большое количество слов: *грудь, гром, пригород, багрец, бугор, горевать, горький, Агарь, игра, грустить, груз, Гордиев (узел), грязи, горб, горд, грот, надгробие, греша, виноградник, громадный*, в том числе и с обратным расположением звуков: *вздروгнешь, дорого, бурого, другой*. Лейтмотивы *горы* и *горя* приводит к образованию словесного поэтологического ядра. «Поэма горы», заключает Г. Вытженс, действительно является поэмой «горы», потому что в ней обыгрывается это сочетание звуков.

Итак, внешняя форма слова в отличие от его лексического значения, иногда в дополнение, а иногда и вопреки ему, несет информацию о говорящем или пишущем человеке, о произведенном им тексте, а также частично реализует смыслообразующую функцию языка.

Остается сказать, что в художественной литературе выработались регулярные приемы графической и орфографической передачи особенностей устной речи. Эти конвенциональные приемы называются *графонами*.

Например, графоны *н-да* или *м-да* выражают недоверчивость, графонами *здря, ндрав, вытимиши, вобче* передается безграмотная речь, графоны *Чайковский, Мусоргский* сигнализируют о сценическом произношении (так объявляли номера на концертах), графон *пре-дан-ный* означает скандирование, т. е. постановку ударения на каждом слоге слова. Эмфаза графически изображается повторением согласной: «— Пикни только!.. Р-разорву!.. — шипел Челкаш» (М. Горький, Челкаш). Недоверие, сомнение, восхищение, а также презрение, передразнивание передаются повторениями гласной: «— Ах вы, сво-олочь... Га-ады...» (М. Горький, Двадцать шесть и одна). Надо заметить, что графоны применяются писателями не повсеместно, а только когда нужно особо подчеркнуть характерный, не случайный, показательный признак речи¹⁰. Кроме того, графоны зачастую не передают точного или хотя бы близкого к реальному произношения слова; они всего лишь намекают «понимающему» читателю, как персонаж говорит, а читатель на основании собственного опыта должен наполнить печатное слово полнокровным звучанием. Например, у Шолохова в «Тихом Доне»: «*Хнида хадкая*, вонючая, какая ни на есть хуже»; здесь буква «х» в графонах передает фрикативное [χ], а в слове *хуже* — обычное глухое [x], так что правильно понять данный текст может только читатель, заранее знающий, как говорят на Дону. Иными словами, графоны надо уметь читать, поскольку они условны, конвенциональны, как любые другие знаки.

Приведенные выше наблюдения приводят к выводу о национально-культурной специфике внешней формы слова. Русское слово своей звуковой формой, несомненно, несет немало внятной для носителя языка информации. Но эта информация и для русского не без затруднений переводится в рационально-логический план, что же касается ее перевода на другие языки, то такой перевод в собственном смысле едва ли возможен. Вопрос переводимости при этом, скорее, сводится к вопросу о смысловой компенсации; он заслуживает специального обсуждения.

Факты заставляют отказаться от мысли, согласно которой фонемы и звукоטיפы предназначены исключительно для идентификации или дифференциации морфов. Они, безусловно, прежде всего обеспечивают коммуникацию, которая опирается на семантику, выражаемую строевыми единицами языка; но одновременно они нередко обладают собственной, достаточно своеобразной семантикой. Благодаря этому любое отклонение от нормированного произношения и нейтрального стиля речи воспринимается как дополнительная информация о говорящем или о характере текста. Следовательно, фонетико-просодический и интонационный уровень языка сам по себе несет определенную информацию.

¹⁰ Уместно вспомнить идущую от В. В. Виноградова общепринятую сейчас мысль о разной интенсивности, крепости, степени обязательности и широты действия норм на разных уровнях языковой системы. Так, расхождения между старым литературным и «новомосковским» произношениями не влекут за собой обвинений в неправильности, тогда как, скажем, небольшие даже отклонения в фонетике иностранных слов типа *троллейбус* (*троллейбус*), *телевизер* (*телевизор*) служат ярким сигналом отхода от нормы. Одни нарушения норм не замечаются, другие не прощаются; последние С. И. Ожегов назвал «лакмусовыми бумажками» определения степени речевой культуры. Соответственно писатель, лепящий образ, прибегает к графонам лишь тогда, когда нужно отразить такую «лакмусовую бумажку».

Так же, как номинативные единицы языка, реляционные единицы обладают не только функцией отражения, но и культуuroобразующей функцией. Скажем иначе: язык (в том числе его реляционные единицы) не просто обеспечивает коммуникацию в культуре, но является существенным элементом культуры, ее составной частью.

Глава 2. Словообразование, морфология и синтаксис как феномены национальной культуры

Сто двадцать лет назад П. Хохряков, автор книги «Язык и психология» (Казань, 1881), — а в ней (на русской почве — впервые) рассматривается проблематика соотношения языка и культуры, — прямо связал особенности русского словообразования с национальными чертами русского народа.

По его мнению, русская беседа отличается особым качеством — задушевностью, и поэтому в нее включается, наряду со специальными «задушевными словами» (типа *заветный, ненаглядный, душа-человек, отзывчивый, родимый, дорогой, милый, хороший, добрый*), значительный пласт слов-существительных, прилагательных, даже наречий — с уменьшительно-ласкательными суффиксами (*голубчик, душенька, сынок, сестрѐнка, братишка; миленький, хорошенький; быстренько, ладненько*).

Деминутивы — типичная черта русского фольклора, а также художественной литературы, восходящей к фольклору или стилизованной под фольклор. Например, в свое время К. Чуковский отмечал, что особенностью лексики крестьянских стихотворений Н. Некрасова (кто их теперь читает?) является несметное количество уменьшительно-ласкательных слов.

Наряду с задушевностью и фольклорными коннотациями, деминутивы выражают также иронию (*работничек, идеяка, типчик, племянничек*), приторную вежливость (здесь уменьшительные суффиксы присоединяются к словам, денотаты которых невозможно себе представить в «уменьшительно-ласкательном виде», — *налейте супчику, загляну вечером, передайте вилочку*), пренебрежение (*денежки в карман — и домой*) и некоторые другие значения.

Национально-культурная семантика свойственна также и другим суффиксам. Интересно, что даже суффиксы иноязычного происхождения в результате бытования развивают «русскую» семантику. Так, суффикс *-изм*, присоединяемый к исконным корням, приобрел пренебрежительно-уничижительное значение: *хвостизм* (ср. также: *хвостист*), *отзовизм, наплевизм, вещизм*.

Любопытно проследить за словами, которые были введены в язык, например, писателями (*промышленность* Карамзина, *стусеваться* Достоевского; ср. также неологизмы Маяковского).

До сих пор мы говорили о словопроизводстве. Что же касается словосложения, то здесь можно обратить внимание на представленность в русской литературе слов типа *громокипящий, светлоликий, благорастворение, благосеннолиственность, трепетоноздря* (Афродита; у М. Цветаевой), *сверхбессмысленнейшее* (слово; у А. Ахматовой). Подобное словосложение возникло в русском языке не только вследствие переводов Н. Гнедича и увлечения античностью в конце XVIII — начале XIX в.; оно является живым продолжением славянского пласта в языке. Церковнославянский язык, как известно, сложился

под мощнейшим влиянием греческого, и из греческого в него перешли многочисленные композиты.

Известно, что с развитием языка в него приходят и новые слова. Как они образуются? Русский писатель Николай Михайлович Карамзин стал изобретателем слов *промышленность*, *достопримечательность*, *утонченность*, *подозрительность*. Писатель Федор Михайлович Достоевский считал себя автором выражений *штушеваться*, *безудерж*. В произведениях Михаила Евграфовича Салтыкова-Щедрина впервые появились слова *пенкосниматель*, *злыхыхательство*, *благоглупости*, *мягкотелый*. По свидетельству Владимира Ивановича Даля, известного русского лексикографа, художник Карл Брюллов впервые употребил слово *отсебятина*. Поэт начала века Игорь Северянин известен как сочинитель слова *бездарь*. Известный советский писатель Михаил Кольцов ввел в язык выражение *междусобойчик* (так в шутку называют небольшое совещание, вечеринку «между своими»).

Самым плодовитым изобретателем слов по праву считается В. И. Даль. Убежденный противник заимствований в русском языке, Даль предлагал заменить слова иностранного происхождения на русские. Он предлагал *автомат* называть *живулей* (или *самодвигой*), *аптеку* — *снадобницей*, *портрет* — *полицием*, *демократию* — *мироуправством*, *абордаж* — *сценкой*, *маршрут* — *путевиком*, *автограф* — *своеручником*, *револьвер* — *скоропалом*.

Многие русские лингвисты призывали изгнать из нашего языка заимствованные слова. Однако русский язык не пошел по этому пути.

Итак, давайте разберемся, как образуются новые слова.

Н. М. Карамзин на самом деле ввел в русский язык слово *промышленность*. Однако *промышлять* (добывать, искать, разыскивать что-либо, охотиться за чем-либо) — глагол общеславянский, и это значит, что он всегда присутствовал в составе русского языка. Карамзин образовал новое слово, ввел в наше сознание новое понятие. Но отнюдь не на пустом месте. Через посредство прилагательного *промышленный* он образовал существительное с помощью суффикса *-ость*.

Что такое суффикс? Это такой элемент, кирпичик, который помещается между корнем и окончанием и придает слову оттенок значения. Иногда суффиксы по своему значению похожи на обычные слова: *тон-еньк-ий* — это просто очень тонкий, а *тон-юсеньк-ий* — это совсем-совсем тонкий. Иногда суффиксы переводят исходное слово в другую часть речи: *сцеп-ить* — это глагол, а *сцеп-к-а* — это имя существительное.

Этот грамматический термин — суффикс, может быть, и звучит скучновато, отдавая школьной премудростью. Между тем именно в русском языке суффиксы и префиксы (приставки) играют особенно важную роль. От одного корня в русском языке можно образовать много производных слов, причем каждое из них вносит свой вклад в уточнение, в нюансы мысли.

Если посмотреть, как с помощью суффиксов и префиксов образуются слова, то можно сделать заключение о психологии русского народа, о том ее качестве, которое академик Дмитрий Сергеевич Лихачев назвал русскостью. Ничего более русского, чем язык, у нас нет.

Сам Д. С. Лихачев в книге «Заметки о русском» привел яркий пример. Русские люди по психологии своей народ открытый, приветливый, и эта приветливость выражает себя через «признание» родства с другим человеком. Пожилая женщина на улице Москвы может обратиться к вам: *доченька*, *сын*. А в традиционном русском

обиходе страннику, которого принимали в доме, говорили: *роденький, родименький*. Обратите внимание: не *дочь, сын*, не просто *родной* или *родимый*, а *доченька, сынок, роденький* и *родименький*. Уменьшительно-ласкательные суффиксы как раз и выражают приветливость как черту русского национального характера, они придают слову эмоциональную окраску доброжелательности, готовности помочь, принять участие. Не случайно, продолжает ученый, *хороший* в русском языке — это прежде всего *добрый*. *Доброта* — это человеческое качество, ценнейшее из всех. Добрый человек уже самой своей добротой превозмогает все человеческие недостатки.

Наряду с приветливостью русскому человеку свойственна задушевность. В русском языке она выражается грамматическими суффиксами. Для крестьянина живущий рядом человек не *сосед*, а *соседушка*. К ребенку обращаются: *дружок, солнышко*, а взрослому ровеснику говорят: *братец, сестрица*. В известном рассказе А. Чехова «*Душечка*» показана большая сила подобных задушевных слов:

...гости-дамы не могли удержаться, чтобы вдруг среди разговора не схватить ее (Оленьку) за руку и не проговорить в порыве удовольствия:

— *Душечка!*

Кукина похоронили во вторник, в Москве, на Ваганькове. Оленька вернулась домой в среду и, как только вошла к себе, то повалилась на постель и зарыдала так громко, что слышно было на улице и в соседних дворах.

— *Душечка!* — говорили соседки, крестясь. — *Душечка* Ольга Семеновна, *матушка*, как убивается.

Ф. Достоевский в романе «*Братья Карамазовы*» описал другое задушевное слово-обращение. Алеша возвращается с мальчиками с похорон Илюшечки:

— *Голубчики* мои, — дайте я вас так назову — *голубчиками*, потому что вы все очень похожи на них, на этих хорошеньких сизых *птичек*...

Уменьшительно-ласкательные суффиксы настолько тесно связаны с национальной психологией народа, что ими буквально пронизан русский фольклор — сказки, песни, былины и авторские литературные произведения, непосредственно созданные на фольклорной основе.

Вот как трогательно прощается просватанная девушка с матерью:

Ты прощай же, родимая,
 Ненаглядное солнышко!
 Благослови меня, матушка,
 Благослови, не прогневайся,
 Не помни, родименька,
 Моих глупостей девических,
 Моих слов неумильных!

Вспомним некрасовские строки, известные под названием «*Мужичок с ноготок*». Уже в названии два уменьшительно-ласкательных суффикса, а в тексте их еще больше:

Гляжу: поднимается медленно в гору.
Лошадка, везущая хворосту воз...
Лошадку ведет под уздцы *мужичок*...

- В больших рукавицах... а сам с ноготок.
 — Откуда *дровишки*? — «Из лесу, вестимо...»
 — А кой тебе *годик*? — «Шестой миновал...»
 — Ну, мертвая!» — крикнул *малюточка* басом...

Известный детский поэт К. Чуковский, много занимавшийся творчеством Некрасова, писал: «Наиболее заметная особенность лексики крестьянских стихотворений Некрасова, уже с первого взгляда бросающихся в глаза всякому, кто начинает знакомиться с ними, — несметное количество уменьшительно-ласкательных слов».

Приветливость и задушевность распространяются и на животных, и даже на предметы домашнего обихода: *лошадка, лошадушка, коровушка, овечки, рубашонка, чаек, сахарок, шкафчик, платице*... Подчеркнем, что на эти смыслы нередко накладываются и другие, вполне ощутимые, но трудновыразимые значения. К примеру, *хорошенький* или *миленок* — это не только красивый, милый парень, но еще и тот, которого, скорее всего, девушка любит; *молоденький* — не только тот, кто молод по возрасту, но еще и красив, удал...

В чем смысловая разница между словами *березка* и *березонька*, передать трудно, но эта разница определенно есть, и для русского человека она вполне ощутима.

В наше время уменьшительно-ласкательные суффиксы употребляются несколько реже, да и искони свойственные им значения претерпевают изменения. Частично они стали признаком (не всегда стилистически безупречной) приторно-вежливой речи. Парикмахер может сказать вполне взрослому посетителю: «Наклоните головку», а врач — верзиле-студенту: «Откройте ротик». В столовых самообслуживания говорят: «Налейте супчику», «две тарелочки щец», «котлетку без подливочки».

Замечено, что в женской речи уменьшительные суффиксы появляются чаще, чем у мужчин: «Ах, этот синенький перстенок так пошел бы к моей новенькой юбочке». Несомненно, в приведенных примерах присутствует элемент жеманства, но все же они в своих истоках восходят, пожалуй, к незамутненной, чистой задушевности.

В некоторых случаях подобная связь уже совсем потеряна. Так, во фразе: «То же мне *работничек!* *Племянничек* на мою голову!» — присутствует одна лишь ирония, ничего больше. И тем не менее «активность» уменьшительного словообразования, особенно в современной разговорной речи, не снижается. Уникальное, практически только русскому языку свойственное явление — уменьшительные суффиксы встречаются не только в существительных (как в других языках), но и в прилагательных (*хроменькая, белесенький*), наречиях (*быстренько, уютненько*), даже местоимениях (*ничегошеньки*), междометиях (*баиньки!*)

Оставим, однако, уменьшительно-ласкательные суффиксы и вернемся к словообразованию вообще.

Мы видели, что писатели, общественные деятели с помощью суффиксов образуют и вводят в употребление новые слова. Самый же продуктивный творец производных слов — это сам народ. Стоит проследить за словами, связанными между собой одним и тем же лексическим корнем, — корневое, коренное родство покажет направление народной мысли. Чуткий к языку и склонный к философским обобщениям, К. Паустовский в книге «Золотая роза» писал:

«Надо думать, что получилось оно (слово «родник») оттого, что тут вода зарождается. *Родник родит* реку, а река льется-течет через всю нашу матушку-землю, через всю *родину*, кормит *народ*. И все эти слова как бы *родня* между собой».

Писатели, поэты возвращают нам те мотивы для образования слов, над которыми мы уже не задумываемся. Слова *крыль-ц-о* и *ок-н-о*, например, несомненно (в историческом плане), образованы от других, простых слов, но лишь благодаря подсказке поэта современный человек снова слышит их исконный смысл:

Едва лишь вымолвлю «крыльцо»,
 Изба представится мне птицей,
 У ней подбитое крыло,
 Она не может в воздух взвиться.
 И тускловатое окно
 Вдруг обернется ясным оком,
 Истосковавшимся давно
 О небе чистом и высоком. (В. Казанцев)

Вслушаться в состав слова — значит понять его. Значит распознать, как отложилось в слове коллективное народное сознание. Язык — это хранитель народного разума. Как писал поэт Н. Заболоцкий:

И возможно ли русское слово
 Превратить в щебетанье щегла,
 Чтобы смысла живая основа
 Сквозь него прозвучать не могла?
 Тот, кто жизнью живет настоящей,
 Кто к поэзии с детства привык,
 Вечно веруют в животворящий,
 Полный разума русский язык.

На морфологическом уровне отметим обусловленное взаимодействием старославянской и русской стихий варьирование корней (*город*, но *Петроград: золото*, но в фольклоре *злато-серебро*; *ночь*, но *яко тать в нощи*). Подобное варьирование особенно часто встречается во фразеологизмах и афоризмах.

В области флексий национально-культурный компонент морфологической семантики виден в сохраняющихся кратких формах прилагательного (в функции определения: *красна девица, средь бела дня, на босу ногу*), в вариантах падежно-предложных парадигм (*волосы*, но *волоса*; *сахара* — *сахару*; *в цвету* — *во цвете лет* и т. д.). В области морфологии глагола следует назвать «одноразовый вид», который встречается, кстати, у довольно большой группы слов. Ср.: *срубить*, а также *рубнуть* и *рубануть*. Ср. далее: *зевнуть* и *зевануть*, *шагнуть* и *шагануть*, *стегнуть* и *стегануть*, *мигнуть* и *мигануть*, *пугнуть* и *пугануть*, *ругнуть* и *ругануть*, *лягнуть* и *лягануть*, *мазнуть* и *мазануть*, *тявкнуть* и *тявкануть* и т. д. Остается напомнить об известном крылатом выражении А. К. Толстого: *Коль ругнуть, так сгоряча, коль рубнуть, так уж сплеча*. Многие морфологические формы русского языка (например, *разгуляться, приголубить, недовыполнить*) практически не допускают однословных переводов на другие языки. Наконец, так называемые морфологически полные формы (типа *уныние* при варианте *унынье*, *веселие* — *веселье*, *тобою* — *тобой*, *главою* — *главой* или *головой*) являются указаниями на время написания художественного текста или на сознательную стилизацию.

На синтаксическом уровне в национально-культурном отношении интересны «нарушающие нормы» активные речевые процессы, приводящие в дальнейшем к

преобразованиям синтаксических моделей. Так, разговорные фразы типа *Площадь Гагарина — выходите?* или *Телевизор — ему нагреваться не надо*, в которых, казалось бы, нарушено глагольное управление (подобные фразы называются конструкциями с именительным темой), представляют собой следствие свойственного русскому синтаксису свободного порядка слов. Постановка на первое место темообразующего слова — характерное явление в русском языке (ср. у А. Блока: «Революционный держите шаг, / Неугомонный не дремлет враг»), и эта сильная позиция в разговорном синтаксисе усиливается еще больше за счет исключения косвенных падежей и даже предлогов.

На этом заканчиваем обсуждение национально-культурной семантики реляционных языковых единиц. Эти единицы, конечно, в первую очередь выражают внутриязыковые значения, но тем не менее они не отгорожены от объективной действительности непреходимой стеной и в этом смысле близки номинативным.

В то же время, если реляционные единицы рассматривать в качестве самостоятельных и самодостаточных носителей национально-культурной информации, они принципиально отличаются от лексики, фразеологии и афористики. Дело в том, что ни отдельный звукотип, ни суффикс, взятый сам по себе, ни морфологическая модель, если ее отделить от конкретного наполнения, — ничто из них очевидной и однозначной связи с внеязыковой действительностью не обнаруживает. Такая связь не присутствует изначально, а возникает, приобретает только в речевом акте, т. е. в тексте. Следовательно, правильнее говорить не о национально-культурной семантике реляционных языковых единиц как таковых, а о возникновении у них «приращений», национально-культурной семантики в тексте, имеющем особое экспрессивное задание.

Приведем пример. Вопросительно-усилительная частица *же* в текстах прагматичной природы не выражает ничего, кроме вопроса или усиления высказывания. Оленька, персонаж рассказа «Душечка» А. Чехова, задает вопросы: «Зачем же я с тобой повстречалась?», «На кого же ты меня покинул, голубчик мой?», «Володечка, о чем же мне говорить?» Эти фразы отделены друг от друга обширными массивами повествования, и взгляд читателя скользит по ним, не останавливаясь. Иное дело речевое поведение Вареньки, героини рассказа «Человек в футляре»:

— Да ты же, Михайлик, этого не читал! — спорит она громко. — Я же тебе говорю, клянусь, ты не читал же этого вовсе!

— А я тебе говорю, что читал! — кричит Коваленко, гремя палкой по тротуару.

— Ах же, боже ж мой, Минчик! Чего же ты сердиться, ведь у нас же разговор принципиальный.

Здесь употребление частицы *же* явно проективно: писатель изображает южно-русский, «малороссийский» говорок Вареньки и тем самым пронизательный читатель узнает, какого она происхождения.

Приведем пример реализации внеязыковой семантики такой, казалось бы, сугубо внутриязыковой категории, как множественное число. Фраза *Погостить приехали?*, лишенная контекста, представляет собой просто вежливый вопрос. Ср., однако, отрывок из рассказа А. Чехова «Хамелеон»:

«— Да разве братец ихний приехали? Владимир Иванович? — спрашивает Очумелов, и все лицо его заливается улыбкой умиления. — Ишь ты, господи! А я и не

знал! Погостить приехали? — В гости... — Ишь ты, господи... Соскучились по братце». Здесь употребление множественного числа глагола при единственном числе существительного, с которым глагол по формальным признакам должен быть согласован, выражает подчиненное положение и подобострастие говорящего, причем это осознается и признается им самим. Таков подтекст речевой характеристики персонажа. Если же иметь в виду затекст рассказа, то раболепие полицейского надзирателя Очумелова отражает сословную природу общества дореволюционной России. Хотя в произведении и присутствует утверждение «нынче все равны», на практике полиция, юридическая система и вся государственная машина были на стороне «генерала Жигалова», «ихнего братца Владимира Иваныча» и вообще богатых и облеченных властью. Раболепие может быть показано иначе. Наряду с использованием множественного числа глагола при единственном существительного, подчиненность и холопство адресата передавала частица *-с* («словоерс»), представляющая собой, как уже говорилось, реликт почтительного обращения *сударь*. В «Смерти чиновника» Червяков говорит: «Я чихнул-с», «Не нарочно, сами изволите знать-с!», «Я извинялся за то, что, чихая, брызнул-с».

Чтобы окончательно убедиться в том, что не реляционная единица сама по себе несет внеязыковую информацию, а именно ее место в тексте, приведем следующее рассуждение: произношение *библиотека* у лица, которое говорит *портфель*, *доцент*, *километр* — факт просторечия. Произношение *библиотека* в ряду *портфель* (или даже *портфёй*), *доцент*, *километр*, *сонет*, *поэт* (без редукции [о]) свойственно интеллигенции старого поколения, это использование старых норм. Таким образом, не звукотип, не место ударения, не суффикс или частица как таковые ценны для национально-культурной семантики, а их функционирование. Материально одни и те же реляционные единицы в контексте выражают разное содержание, вплоть до противоположностей. По этой причине лингвострановедческий потенциал реляционных единиц — результат информационного приращения. В прагматичных текстах анализируемые единицы выражают только и исключительно внутриязыковую семантику.

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ. ЧАСТЬ III

Национально-культурное своеобразие русского литературного языка как результат взаимодействия двух стихий

Главной и единственно серьезной проблемой русского литературного языка, в его прошлом и настоящем, является соотношение в нем русской и церковнославянской стихий.

Б. Унбегаун, Русский литературный язык

Почти все исследователи истории русского литературного языка подписались бы под суждением Б. Унбегауна. Тем не менее: неужели и сейчас, «в настоящем», церковнославянская стихия столь существенна для нынешнего русского литературного языка, что может быть названа единственной проблемой? А если «да», то какое отношение имеет она к национальному своеобразию современной российской культуры? Ведь церковнославянский язык, как известно, пришел к нам со славянского Юга.

В настоящей монографии мы уже не раз обращались к авторитету Пушкина. Прежде чем рассмотреть, какова роль церковнославянского языка в культуре XXI в. и в чем состоит его лингвострановедческая ценность, попытаемся уяснить себе, какой была эта роль в эпоху поэта, который, как известно, считается создателем именно современного литературного языка (а его временные границы, по расхожей формуле, «от Пушкина до наших дней»).

Глава 1. А. С. Пушкин как историк и создатель русского литературного языка

01–1. А. С. ПУШКИН ОБ ИСТОРИИ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Пушкин — это, конечно, *писатель* — поэт и прозаик. Между тем у него были также *археологические* интересы.

В начале 30-х гг. XIX в. Пушкин познакомился с известным русским египтологом Иваном Александровичем Гульяновым. Сравнительно недавно в архиве Гульянова был найден листок с рисунком пирамиды; рукой ученого сделана французская надпись: «Начертано поэтом Александром Пушкиным во время разговора, который я имел с ним сегодня утром о моих трудах вообще и об иероглифических знаках в частности. Москва, 13 декабря 1831 года». Как видим, великого поэта интересовала археология. И не только древнего Египта: он внимательно осматривает бессарабские курганы (известные под именем Троянова вала), разыскивает гробницу Овидия, но в первую очередь занимается, конечно, русскими «древностями» (так — «древностями» — в начале прошлого века называлась археология). В обстоятельной книге исследователя-археолога [Формозов 1979] убедительно доказано: Пушкина по праву можно считать *археологом*.

У великого поэта было немало *литературоведческих* и литературно-критических публикаций. Он показал себя, далее, и как неутомимый *фольклорист-собираатель*.

Но все же в первую очередь Пушкин зарекомендовал себя как профессиональный *историк-исследователь*.

Среди писателей-классиков, при общем для всех них интересе к прошлому, тем не менее только Карамзин и Пушкин могут быть зачислены в историки-профессионалы. У Пушкина из 10 томов его Полного собрания сочинений два заняты исторической прозой (характерны сами заголовки работ: «Исторические записи», «Исторические заметки», «История Пугачева», «История Петра»). Как и Карамзин, Пушкин прибегал к строгим методам исследования и, отвергая материалы из вторых рук, работал по первоисточникам. Насколько велика научная добросовестность Пушкина как историка, можно убедиться хотя бы на примере изучения им истории Пугачева. Историческая добросовестность Пушкина проявлялась и в его художественных произведениях. Так, при создании образа летописца Пимена в «Борисе Годунове» поэт руководствовался отнюдь не одним художественным зрением или писательской интуицией. Он сам оставил характерное свидетельство: «Характер Пимена не есть мое изобретение. В нем собрал я черты, пленившие меня в наших старых летописях: простодушие, умиленная кротость, <...> совершенное отсутствие суетности, пристрастия — дышат в сих драгоценных памятниках времен давно минувших...».

Приведенный перечень научных занятий поэта должен быть пополнен: Пушкин, несомненно, был настоящим *лингвистом*¹.

Как всегда бывает, здесь важно свидетельство специалистов, — принимали они Пушкина в свою среду или нет. Так, тот же академик И. А. Гульянов (1789—1841) высоко оценил *языковедческие* познания поэта (об этом см.: [Бартенев 1925]). Еще важнее, чем суждения специалистов, оставленные Пушкиным заметки и высказывания о языке. Правда, они разрозненны. Сошлемся, однако, на пушкинский же афоризм: «Всякая строчка великого писателя становится драгоценной для потомства» (т. 7, с. 410)². Поэт имел в виду Вольтера, но афоризм справедлив и по отношению к нему самому.

¹ Пространная антология суждений Пушкина о языке содержится в кн. [Русские писатели о языке 1954: 73—132].

² Здесь и далее, если не сказано другое, цитируется т. 7 [ПСС—10].

Ниже сведены воедино пушкинские лингвистические статьи, записи, посвященные истории развития русского литературного языка. Постигая мысли Пушкина и следуя за ними, с удивлением убеждаешься, насколько его взгляды созвучны современности.

01–2. УЧЕНИЕ О «ДВУХ СТИХИЯХ» В СТАНОВЛЕНИИ И РАЗВИТИИ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

У истоков славяно-русского книжно-письменного языка, как хорошо известно, лежал греческий язык, язык древней культуры и развитой литературы, наследник античности. Братья Кирилл и Мефодий еще в IX веке, создавая первый литературный язык славян, выполнили переводы с греческого, тем самым непосредственно подключив вновь возникший язык к огромному духовному богатству.

Церковнославянская книжность перешла на Русь, и Пушкин так оценил значение этого события:

«Как материал словесности, язык славяно-русский имеет неоспоримое превосходство пред всеми европейскими: судьба его была чрезвычайно счастлива. В IX веке древний греческий язык вдруг открыл ему свой лексикон, сокровищницу гармонии, даровал ему законы обдуманной своей грамматики, свои прекрасные обороты, величественное течение речи; словом, усыновил его, избавя таким образом от медленных усовершенствований времени. Сам по себе уже звучный и выразительный, отселе заемлет он гибкость и правильность. Простонародное наречие необходимо должно было отделиться от книжного; но впоследствии они сблизились, и *такова стихия, данная нам для сообщения наших мыслей*» (с. 27).

Приведенное суждение выписано из небольшой статьи «О Предисловии г-на Лемонте к переводу басен И. А. Крылова», напечатанной в «Московском телеграфе» в 1825 г. Данное суждение весьма важно: в нем следует особо выделить три наблюдения.

Во-первых, поэтом подчеркнута изначальная связь нашего литературного языка с высокоразвитым источником, давшая колоссальную экономию времени. Слово *усыновление*, удачно найденное Пушкиным, превосходно подходит для точного выражения отношений между культурным языком многовековой традиции и вновь создаваемым, молодым, даже юным книжно-письменным языком крещеного славянства. «Сын» наследует лучшие качества «родителя», однако, оказавшись способным к неудержимому росту, «сын» не ограничивается тем, что унаследовано, а приумножает свое наследство.

Во-вторых, в качестве фундамента, несущей основы русского литературного языка названо «простонародное наречие», то есть устная речь крестьянства, и за этим наречием признаются высокие достоинства — звучность и выразительность. Впоследствии Пушкин будет неоднократно возвращаться к народно-разговорной стихии в составе литературного языка.

Наконец, в-третьих, необходимой частью обработанного, культурного, литературного языка Пушкин считает «книжное наречие», которое «заемлет гибкость и правильность» у языка-предшественника, но затем продолжает развиваться, исходя из собственных, внутренних сил. Каково, однако, отношение Пушкина к историческому развитию двух «стихий» в рамках общерусского литературного языка? По

его мысли, сначала они отделились друг от друга, и в этом немалую роль сыграла южнославянская словесность, более тысячи лет назад перенесенная в Киев и Новгород. Но затем начался длительный и очень интересный процесс их сближения. Не противодействия, не борьбы и не отторжения, а именно сближения. Поэтому и по сей день наш язык выгодно отличается от других славянских языков, в которых был перерыв постепенного развития литературной традиции. Действительно, вследствие игры и взаимодействия «простонародной» и «книжной» стихий в русском языке образовалось множество смысловых полу-синонимов (слов близкого значения, но все же с семантическими различиями) и стилистических синонимов (слов, по-разному окрашенных стилистически).

Сравним, например, некоторые (неполные) синонимы и стилистические варианты с *неполногласием* (южнославянская черта) и *полногласием* (собственно русская, а точнее восточнославянская черта):

блато и *болото*, *брада/брадобрей* и *борода*, *бразда* и *борозда*, *брань/бронь/броня* и *оборона*, *брег* и *берег*, *прибрежный* и *береговой*, *бремя* и *беременная*, *ветр/ветровка/ветряк* и *ветер*, *власть* и *волость*, *влачить* и *волочить*, *власы* и *волосы*, *враг/вражеский* и *ворог*, *вран* и *ворон*, *врата* и *ворота*, *глава* и *голова*, *главный* и *головной*, *глад* и *голод*, *глас/гласная/гласность* и *голос*, *град/градоначальник* и *город*, *гражданин* и *горожанка*, *драгой/драгоценный* и *дорогой*, *древ* и *дерево*, *древесный* и *деревянный*, *здравие/здравница* и *здоровье*, *злато/позлащенный* и *золото*, *кладезь* и *колодец*, *краткий/краткосрочный* и *короткий*, *младой* и *молодой*, *младенец* и *молодость*, *мраз* и *мороз*, *нрав/понравиться* и *норов(ить)*, *огнь/огнеупорный* и *огонь*, *пламя* и *польмя*, *плен* и *полон*, *праг* и *порог*, *преграда/преграждать* и *перегородка/перегораживать*, *преступить (закон)/преступник* и *переступить* (с ноги на ногу), *сладкий* и *солод*, *сребро* и *серебро*, *среда/середина* и *середина*, *хлад/хладокombинат/прохладный* и *холодный*, *хладотехника* и *холодильник*, *хранить* и *хоронить*, *чреда* и *черед(а)/очередник* и т. д.

Любителям футбола и хоккея, может быть, невдомек, что слова *вратарь* и *ворота*, также свидетельствующие о синтезе двух стихий, в конечном итоге возвращают нас на десять веков назад, к начальному этапу становления русского литературного языка.

Ниже приводится выборочный список лексики церковнославянского происхождения (и имеющей приметы это происхождения), относящейся к высокому регистру литературного русского языка. В скобках указаны или вторичное (переносное, более позднее) значение, или устойчивые выражения, в состав которых входит славянизм.

Алкать «быть голодным»; *Бдеть* «бодрствовать», *брань* «война, борьба» (ср. *оборона*), *брашно* «пища», *бремя* [*под бременем (доказательств)*]; *Ведать*, *вежды* «веки», *велий* «великий», *вертеп* «пещера», *вещать*, *вкупе* «вместе», *вкушать*, *воистину*, *вретище* «грубая одежда, покаянное одеяние» (*облечься во вретище*), *вскую* «почему», *вспять* «назад», *всуе* «напрасно», *выспренный*, *выя* «шея»; *Гад* «пресмыкающееся», *глаголать* «говорить», *грядущий*; *Дебри*, *денница*, *десница*, *доколе*; *Живот* «жизнь» (*положить живот*; *не щадя живота*), *жито*, *жупел* «сера» («то, чем пугают»); *Заимодавец*, *затворить* «закрывать», *зелье* «трава» («отрава»), *зеница* «зрачок» (*беречь, как зеницу ока*), *злаки*, *злачный* «обильный травой» (*злачное место*), *зело* «очень», (*у*)*зреть* «(у)видеть»; *Киот*, *колена* «племя,

поколение», *кров* «жилище» (*под кровом, войти под кров*), *купно* «вместе»; *Лепота* «красота», *лето* «год» (*летопись* «погодные записи»), *лихва* «барыш от денег, данных в рост», *лик*, *ловитва* «охота», *ложе*, *ложесна* «матка, утроба»; *Мзда* «дар, награда», *мрежа* «рыболовная сеть», *наставлять* «учить»; *Обрести* «найти, отыскать», *обетование*, *овен* «баран» (знак зодиака), *одеяние*, *око/очи* (*смежить очи*), *оковы*, *оплот* «стена из камней без извести» («твердыня»), *ополчиться*, *оскудеть*, *отрасль*, *отринуть*, *отрок*; *Пажить* «пастбище», *пернатый* «имеющий перья», *персть* «прах, земля», *пламень*, *плоть*, *пререкаться*, *престол*, *прозябать* «прорастать» («жить в нищете»), *пря* «распря, спор», *польза*, *поношение*, *почить* «умереть», *пядь* «мера длины» (*ни пяди, семи пядей во лбу*), *пята* «пятка» (*под пятой*); *Ризы* «одежда» («облачения на иконы»), *розга* «ветвь» («орудие наказания»); *Секира* «топор», *сень* «тень», *сеча* «битва», *скверна*, *смердеть*, *смоквы* «винные ягоды», *снедь* «пища», *сонм* «множество народа», *сретение* «встреча», *стезя* «путь, дорога», *столи* «башня» («основа»), *строптивый*, *студенец* «колодец», *стяжать* «приобретать богатство»; *Тварь* «то, что создано (Богом)», *твердь* «небосклон» (*небесная твердь*), *телец* «бык» (знак зодиака), *тело*, *тернии* «шипы», *трапеза* «стол» («прием пищи», «застолье»), *трепет*, *труба*, *труд*, *труп*, *тужить*, *тьма* «десять тысяч» («множество»), *тучный*; *Узы* «цепи» («обязательства»), *уничужение* «унижение», *уныние*, *упование* «надежда», *успение* «смерть», *уста*, *утроба* «внутренности» («желудок»; *набить утробу*), *утешение* «участие в горе»; *Хляби(и)* «водопад» (*хляби небесные*), *храм*; *Чадо* «дитя», *чаяние* «ожидание» (*паче чаяния*), *червь*, *чрево* «желудок» (*набить чрево*), *чуждый*; *Юдоль* «долина» (*юдоль плачевная*)³. — Ср., как Третьяковский любит эту эту двуплановость русского литературного языка:

Не *голос* чтется там, но сладостнейший *глас*;
 Читают *око* все, хоть говорят все *глаз*;
 Не *лоб* там, но *чело*; не *щеки*, но *ланиты*;
 Не *губы* и не *рот*, *уста* там багряниты.

В чем состоит высшее назначение этой двуплановости, удачно выразил известный мыслитель Г. П. Федотов: «Сам по себе *глагол* не благороднее *слова*, *ризы* — *одежды*, *пес* — *собаки*, но присутствие в священном контексте освящает их. Это обогащение путем ассоциации. <...>. Для русского уха славянский словарь — как золото церковных риз или иконных окладов».

Приведем также несколько производных слов (церковнославянского происхождения и бытующих в русском языке), интересных тем, что они представляют собой словообразовательные кальки:

Без-вод-ный, *без-вест-ный*, *без-дна*, *без-/-бес-* (*-законие*, *-умие*, *-честие*), *благо-* (*-воление*, *-вести*, *-дать*, *-деяние*, *-лепие*, *-словение*); *Веле-* (*-лепота*, *-речивый*), *великолепие*, *величие*, *воз-/вос-* (*-величить*, *-веселить*, *-вратить*, *-высить*, *-вестить*, *-гласить*, *-гореться*, *-дать*, *-звать*, *-зреть*, *-любить*, *-мутить*, *-ненавидеть*, *-кликнуть*, *-кресение*, *-питать*, *-поминание*), *всесоожжение*; *Держа-*

³ Более подробные списки церковнославянской лексики, вошедшей в русский язык, см. в научно-популярной кн. [Верещагин 2000а: 83–85, 105–109, 168–169, 171–173].

ва, долготерпение; Едино - (-борство, -мыслие, -рог), Законпреступник, земно-родный, злодейство, Иноплеменный, исповедание, Любодейние, Многомилостивый, Не - (-злобие, -порочен, -честив), Первородный, подножие, полудень «полдень», полночь/ночь «полночь», помышление, представить, преступление, приношение, пророк, противостоять, равнодушный, скорописец, состав, человекоугодник.

На Руси всегда было немало людей, и не обязательно чернецов, которые знали всю Псалтырь наизусть. А уж выборочно Псалтырь знали наизусть все без исключения грамотные жители России вплоть до октября 1917 г., — например, знаменитый покаянный 50-й псалом или не менее знаменитый псалом 90-й, говоримый во время опасности (они оба обязательно заучивались в школе). В XIX в. и в начале XX в. список всем известных крылатых выражений, восходящих к Псалтыри, насчитывал десятки единиц. Ниже помещается фрагмент этого списка (выражения приводятся в написаниях по правилам новой орфографии, особенно применительно к *potina sacra*):

Блажен муж (иже не идет на совет нечестивых); Вскую шаташася языцы?; Господи, что ся умножишася стужающии ми?; Не убоюся от тем людей, окрест нападающих на мя; Исповемя Тебе, Господи, всем сердцем моим; Доколе, Господи, забудеши мя до конца?; Рече безумен в сердце своем: несть Бог; Господи, кто обитает в жилищи Твоем?; Темна вода во облацех; Богом моим преиду стену; Небеса поведают славу Божию; Боже мой, Боже мой, вскую оставил мя еси?; Господь пасет мя, и ничтоже мя лишит; Аз есмь червь, а не человек; На месте злачне (тамо всели мя); Грех юности моя (не помяни); Господь просвещение мое и Спаситель мой, кого убоюся?; Спаси, Господи, люди Твоя и благослови достояние Твое; Вечер водворится плач (а завтра радость); На Тя, Господи, уповах; Приклони ко мне ухо Твое; Помилуй мя, Боже, яко скорблю; Благословлю Господа на всякое время; Удержи язык свой от зла; Уклонися от зла (и сотвори благо); Не остави мене, Господи Боже мой, не отступи от мене; (Умножились грехи мои) паче влас главы моя; Возжада душа моя к Богу Крепкому, Живоному; Бездна бездну призывает; Притча во языцех; Пойте Богови нашему, пойте. Пойте цареви нашему, пойте; Возверзи на Господа печаль твою (и Той тя препитает); Рыть другому яму; Во крове крил Твоих; Услыши ны, Боже, Спасителю наш, упование всех концев земли, и сущих в мори далече; Благослови венец лета благости Твоея; Пройти сквозь огонь, воду (и медные трубы); Да воскреснет Бог и расточатся врази Его!; Взыщите Бога, и жива будет душа ваша; Носить кого-либо на руках; Юдоль плачевная; Вино веселит сердце человека; Начало премудрости — страх Господень; Буди имя Господне благословенно отныне и до века; Честна пред Господем смерть преподобных его; Не умру, но жив буду, (и повем дела Господня); Сей день, егоже сотвори Господь; Благословен грядый во имя Господне!; Благо мне, яко смирил мя еси; Из глубины (воззвах к Тебе, Господи); Помяни, Господи, Давида и всю кротость его; На реках Вавилонских. Господи, воззвах к Тебе, (услыши мя); Да исправится молитва моя, (яко кадило пред Тобою); Щедр и милостив Господь, долготерпелив и многомилостив; Хвали, душе моя, Господа; Хвалите Бога во святых Его, хвалите Его во утвержении силы Его и т. д.

Сам Пушкин, прошедший обычную для людей его круга школу, хорошо знал церковнославянский язык; у него есть стихотворения, художественный эффект ко-

торых обусловлен стилистикой славянизмов, а также особенностями букв славянского алфавита.

Ф. Н. Глинка, ныне полузабытый литератор XIX в. писал и печатал стихотворные псалмы, переложения библейских. Пушкин не удержался от эпиграммы:

Наш друг *Фита*, Кутейкин в эполетах,
 Бормочет нам растянутый псалом:
 Поэт *Фита*, не становись *Фертбм!*
 Дьячок *Фита*, ты *Ижица* в поэтах!

Глинка назван *Фитой*, потому что его имя во всем его церковном великолепии — *Феодоръ* — начиналось с ныне упраздненной фиты. Почему — *Кутейкин*? Намек на дьячка-учителя Кутейкина из «Недоросля» Фонвизина, который вычурно выражается по-церковнославянски. Отчего Кутейкин в эполетах? Ф. Н. Глинка был гвардейским полковником. Выражение *становиться фертом* живо и в современном фразеологизме. Кроме того, буквы *фита* и *ферт* в эпоху Пушкина произносились одинаково. Наконец, *ижица* — это последняя буква славянской азбуки, и Пушкин хочет сказать, что Глинке отведено последнее место на российском Парнасе. (Все же наш поэт слишком строг к Глинке. Его переложения псалмов, действительно, может быть, слишком пространны, но среди них встречаются — например, «Желание Бога» [пс. 41] — исполненные неподдельного чувства. Переписка Пушкина с Глинкой вполне дружелюбна. Глинка оставил трогательные воспоминания о Пушкине.) Кроме того, в ранней редакции 3-й главы «Евгения Онегина» (содержащей письмо Татьяны) имеются строки, не вошедшие в основную текст, и в них литеры поименованы по-славянски:

В волнение сидя на постеле,
 Татьяна чуть могла дышать,
 Письма не смея в самом деле
 Ни перечесть, ни подписать.
 И думала: что скажут люди?
 И подписала: *Т. Л.* (т. 5, с. 526)

Читать инициалы *Т. Л.* (*Татьяна Ларина*) надо так, как называются церковнославянские буквы, т. е. *твёрдо* и *люди*, иначе рифма разрушится. В окончательной редакции, однако, Пушкин предпочел русские названия букв:

Татьяна пред окном стояла,
 На стекла хладные дыша,
 Задумавшись, моя душа
 Прелестным пальчиком писала
 На отуманенном стекле
 Заветный вензель *О да Е.*

А. С. Пушкину принадлежит небольшая заметка о наименованиях церковнославянских букв: «Буквы, составляющие славенскую азбуку, не представляют никакого смысла. *Аз, буки, веди, глаголь, добро* etc. суть отдельные слова, выбранные только для начального их звука» (с. 516).

Оценка, данная Пушкиным начальному этапу развития «славяно-русского», или «славяно-росского», литературного языка, не устарела и сегодня. Она не голо-

слова: поэт не просто интересовался древнейшим периодом нашего языка и древнерусской литературой, но и исследовал древние тексты. Эту мысль призваны подтвердить два экскурса.

Экскурс 1. Пушкин читает Изборник Святослава 1073 г.

В 1836 г. в «Современнике», во 2-й книжке журнала, поэт напечатал пространный отчет о заседании в Российской Академии, бывшем 18 января⁴ (с. 365–372), и в нем привел пространные выписки из знаменитого Изборника 1073 г., процитировав статью, которая и должна была заинтересовать его больше всего, статью Георгия Хировоска (VII или VIII в.) «Об образех» (Георьгина хоуровьска о образѣхъ). Выписав именованія всех 25 тропов, Пушкин затем воспроизвел определение первого из них. Поскольку в современных изданиях этот фрагмент, вопреки сохранившемуся автографу, воспроизводится небезошибочно, ниже помещаем его во всей его графической и орфографической красе: Инословнѣ оубо есть · ино нѣчто глшти · а инъ разоумъ оуказашти · такоже еже е(сть) речено отъ ба зми проклата тъи и отъ всѣхъ звѣри слово бо акы зми есть · на дивола же инорѣчнѣ змиемь нарицаема разоумѣванемъ · (цит. по [Изборник Святослава 1983: л. 237г]).

Экскурс 2. Пушкин интерпретирует «Слово о полку Игореве»

Наряду с Изборником Святослава, творческое внимание поэта было направлено и на «Слово о полку Игореве». Результаты разысканий поэта до сих пор принимают к сведению современные ученые. Это означает, что они не во всем устарели.

Заметим: возражая уже тогда объявившимся скептикам, Пушкин отклонял версию о подделке текста.

«Подлинность же самой песни доказывается духом древности, под который невозможно подделаться. Кто из наших писателей в 18 веке мог иметь на то довольно таланта? <...> Кому пришло бы в голову взять в предмет песни темный поход неизвестного князя? Кто с таким искусством мог затмить некоторые места из своей песни словами, открытыми впоследствии в старых летописях или отысканными в других славянских наречиях, где еще сохранились они во всей свежести употребления?» (с. 501–502).

Поэт вносит свой вклад и в интерпретацию отдельных трудных фрагментов «Слова».

Текст первого издания памятника открывается фразой, которую поэт выписывает: «Не льпо ли ны вшеть, братіе, начати старыми словесы трудных повѣстий о пълкѣ Игоревѣ, Игоря Святъславича. начати же ся тѣи пѣсни по зынамъ сего времени, а не по замышлению Болню (с. 502). Пушкин комментирует этот фрагмент так: «Все занимавшиеся толкованием „Слова о полку Игореве“ перевели: „Не прилично ли будет нам, не лучше ли нам, не пристойно ли бы нам, не славно ли, други, братья, братцы, было воспеть древним складом, старым слогом, древним языком трудную, печальную песнь о полку Игореве, Игоря Святославича?“ Но в древнем

⁴ Кроме того, в следующей, 3-й книжке «Современника» за 1836 г. Пушкин в виде отчета напечатал «мнение» действительного члена Академии М. Е. Лобанова «о духе словесности, как иностранной, так и отечественной» (с. 399–410).

славянском языке частица *ли* не всегда дает смысл вопросительный, подобно латинскому *не*; иногда *ли* значит *только*, иногда — *бы*, иногда — *же*; доньше в сербском языке сохраняет она сии знаменования. В русском частица *ли* есть или союз раздельный, или вопросительный, если управляет ею отрицательное *не*; в песнях не имеет она иногда никакого смысла и вставляется для меры так же, как и частицы *и*, *что*, *а*, *как уж*, *уж как...*» (с. 502–503).

Как видим, поэт подвергает сомнению истолкование первой фразы как вопроса и показывает подлинное значение частицы *ли*.

Если последовать далее за мыслью Пушкина-лингвиста, то можно убедиться, насколько профессиональным оказывается его анализ.

«Во-первых, рассмотрим смысл речи. По мнению переводчиков, поэт говорит: Не воспеть ли нам об Игоре по-старому? Начнем же петь по былинам сего времени (то есть по-новому) — а не по замыслению Боянову (т. е. не по-старому). Явное противуречие! Если же признаем, что частица *ли* смысла вопросительного не дает, то выйдет: Не прилично, братья, начать старым слогом печальную песнь об Игоре Святославиче; начаться же песни по былинам сего времени, а не по вымыслам Бояна. Стихотворцы никогда не любили упрека в подражании, и неизвестный творец «Слова о полку Игореве» не преминул объявить в начале своей поэмы, что он будет петь по-своему, по-новому, а не тащиться по следам старого Бояна. Глагол *бьшеть* подтверждает замечание мое: он употреблен в прошедшем времени <...> и предполагает условную частицу: Неприлично было *бы*. Вопрос же требовал бы настоящего или будущего» (с. 504).

Пушкин выступает как подлинный специалист: прибегает к сравнительному анализу, ссылается на латынь, на сербский язык, проводит анализ контекста, анализирует возможности смыслового сочетания прошедшего времени глагола *быти* и частицы *ли* и, наконец, опирается на психологию художественного творчества. В свете сказанного закономерно, что результат профессионального анализа не может устареть и сохраняет свою ценность для современной науки.

Выше мы сказали, что современные ученые принимают интерпретации Пушкина.

Действительно, ср. точку зрения Н. А. Мещерского и А. А. Бурыкина: «*Нельпо ли ны бьшеть*. Принято думать, что текст памятника начинается риторическим вопросом: „не следует ли начать?“, „не пристало ли начать повествование о походе Игоря?“ Такое понимание не бесспорно. Мы принимаем толкование, данное А. С. Пушкиным, согласно которому в начале памятника мы встречаем не вопросительное, а утвердительное предложение: „Неприлично было бы...“ Данное прочтение согласуется с пунктуацией текста в первом издании, где в конце первой строки стоит восклицательный знак. В Екатерининской копии эта фраза заканчивается вопросительным знаком, что свидетельствует о колебаниях в понимании текста издателями. Впоследствии в большинстве изданий появился вопросительный знак» [Мещерский, Бурыкин 1985: 441].

Кроме зачина «*Нельпо ли ны бьшеть...*», Пушкин прокомментировал еще целый ряд фрагментов «Слова о полку Игореве»: «*Боянь бо вѣщій, аще кому хотяше пѣснь творити...*», «*Помняшеть бо речь пѣрвыхъ времяь усобицѣ...*», «*Почнемъ же, братіе, повѣсть сію...*» и другие (всего 11 фрагментов). Примечательно, что он аргу-

ментирует свои интерпретации обращением к другим славянским языкам. Толкуя слово *кметь* (по Пушкину, «крестьянин, мужик»), он приводит пословицу на словенском языке: *Kar gospòda stori krivo, kmeti mòrjo plàzhat' shivo* (Коль господа чинят несправедливость, крестьяне должны платиться жизнью) (с. 508).

01–3. Ломка русского языка в Петровскую эпоху

Пушкина весьма интересовал также XVIII век. Петровская эпоха, переломная для истории России, оказалась переломной и для ее литературного языка. Поэт вполне понимал грандиозность начинаний Петра, преобразователя России, и особо подчеркивал любовь царя к «природному» русскому языку:

«Только революционная голова, подобная Мирабо и Петру, может любить Россию так, как писатель только может любить ее язык» (с. 512). (Граф О. Г. Р. Мирабо [1749–1791] — видный деятель Великой французской революции 1789–1794 гг. Примечательно, что Пушкин его ставит в один ряд с Петром.) И дальше в той же заметке Пушкин прибавляет слова, которые звучат как действенный призыв: «Все должно творить в этой России и в этом русском языке» (с. 512). В оценке роли Петра для русского языка и словесности поэт подчеркивает необыкновенную прозорливость царя-преобразователя: «Он (Петр I) бросил на словесность взор рассеянный, но пронизательный. Он возвысил Феофана, ободрил Копиевича, не взлюбил Татищева за легкомыслие и вольнодумство, угадал в бедном школьнике *вечного труженика* Тредьяковского. Семена были посеяны. Сын молдавского господаря воспитывался в его походах; а сын холмогорского рыбака, убежав от берегов Белого моря, стучался у ворот Заиконоспасского училища: новая словесность, плод новообразованного общества, скоро должна была родиться» (с. 308).

Поэт перечисляет общественных деятелей и ученых, а также писателей Петровского времени, повлиявших на развитие русского литературного языка, причем некоторые названы описательно.

«Сын молдавского господаря»⁵ — это князь Антиох Дмитриевич Кантемир (1708–1744), один из основоположников русского классицизма как литературного направления. Классицизм потребовал определенной перестройки языка. Вполне ясно также, кто скрывается под описательным выражением «сын холмогорского рыбака», стучащийся «у ворот Заиконоспасского училища». Как раз к 100-летию прихода этого «отрока» в Славяно-греко-латинскую академию при Заиконоспасском монастыре Пушкин сочинил торжественные гекзаметры:

Невод рыбак расстилал по берегу студеного моря;
 Мальчик отцу помогал. Отрок, оставь рыбака!
 Мрежи иные тебя ожидают, иные заботы:
 Будешь умы уловлять, будешь помощник царям.

Поэт точно и правильно оценивает значение вклада М. В. Ломоносова (ок. 1711–1765) в развитие русского литературного языка: «Слог его (Ломоносова), ровный, цветущий и живописный, заимлет главное достоинство от глубокого знания книж-

⁵ *Господарь* — владетель.

ного славянского языка и от счастливого слияния одного с языком простонародным» (с. 29).

Легко заметить, что в последнем высказывании Пушкин продолжает свой основной взгляд на историю нашего литературного языка как на органичное сближение книжной и разговорной «стихий». В этом отношении он, безусловно, продолжает линию самого Михаила Васильевича, наиболее выпукло отраженную в его «Предисловии о пользе книг церковных в российском языке». Ломоносов в одном своем суждении возвысился до пророчества: «Российский язык в полной славе, красоте и богатстве переменам и упадку неподвержен утвердится, коль долго Церковь Российская славословием Божиим на славянском языке украшаться будет».

Еще одно меткое суждение Ломоносова: «Российский язык от владения Владимира до нынешнего века, больше семи сот лет, не столько отменился, чтобы старого разуместь не можно было: не так как многие народы, не учась, не разумеют языка, которым предки их за четыреста лет писали, ради великой его перемены, случившейся через то время».

Пушкин не прошел мимо издержек петровских реформ, в частности чрезмерного иностранного влияния на русский язык. Его оскорбляли заимствования, проникшие в язык вследствие недоразумений и прямого невежества.

«Множество слов и выражений, насильственным образом введенных в употребление, остались и укоренились в нашем языке. Например, *трогательный* от слова *touchant* <...>. *Хладнокровие*, это слово не только перевод буквальный, но еще и ошибочный. Настоящее выражение французское есть *sens froid* — хладомыслие, а не *sang froid*. *Dans son assiette ordinaire*. *Assiette* значит положение, от слова *asseoir*, но мы перевели каламбуром — „в своей тарелке“» (с. 518).

Говоря о засилье иностранных слов в Петровскую эпоху (о чем см. подробнее [Смирнов 1910]), Пушкин опять-таки по достоинству выделил благотворную роль Ломоносова:

«В царствование Петра I начал он (литературный русский язык. — *Е. В., В. К.*) приметно искажаться от необходимого введения голландских, немецких и французских слов. Сия мода распространяла свое влияние и на писателей, в то время покровительствуемых государями и вельможами; к счастью, явился Ломоносов» (с. 28).

01–4. Роль Российской Академии

Нельзя обойти молчанием отношение Пушкина к Российской Академии — особому, отличному от Академии наук, центру по изучению русского языка и словесности; главной задачей Российской Академии было нормирование языка. В отдельной статье, так и озаглавленной — «Российская Академия», поэт пишет:

«Екатерина II основала Российскую Академию в 1783 году... Екатерина, стремившаяся во всем установить закон и незыблемый порядок, хотела дать уложение и русскому языку. Академия, повинувшись ее наказу, тотчас приступила к составлению словаря» (с. 365).

Пушкин отчетливо осознавал, в отличие от императрицы, всю масштабность, трудоемкость, а значит, и медлительность такого общенационального дела, как создание полного словаря. Указывая на прецеденты, он пишет:

«Французская Академия, основанная в 1634 году и с тех пор беспрерывно занимавшаяся составлением своего словаря, издала оный не прежде, как в 1694». Иными словами, потребовалось 60 лет! Между тем Российская Академия «должна была изумить государыню поспешным исполнением высочайшей ее воли: словарь окончен был в течение шести лет» (с. 366). И действительно, первый том знаменитого «Словаря Академии Российской» вышел в свет в 1789 году, а все первое издание было завершено в 1794-м.

Итак, подключение к греческому языку, начавшееся через посредство южнославянской книжности, обеспечило древнерусскому литературному языку «чрезвычайно счастливую судьбу». Основной тенденцией развития было первоначальное отделение книжной стихии от народно-разговорной с последующим их гармоничным слиянием. Это явление благотворно сказалось как на лексическом, так и стилистическом богатстве русского литературного языка.

«Двуслиянность» книжно-письменного и народно-разговорного начал нашла свое высшее выражение в Ломоносове, основателе Академии Российской, с деятельности которой началось нормирование языка, сознательное воздействие на него.

Таковы основные черты развития нашего литературного языка до начала XIX века, когда, к счастью, «явился Пушкин» — не сторонний исследователь-наблюдатель, а непосредственный творец русского литературного языка.

Глава 2. Пушкин как творец современного русского литературного языка

Язык А. С. Пушкина, его взгляды на историю языка и перспективы языкового развития, его влияние на последующий прогресс русского литературного языка — тема необъятная. Она привлекла к себе целую армию исследователей-пушкинистов.

На этом фоне выделяются труды акад. В. В. Виноградова о языке и стиле Пушкина⁶. Ниже приведены основные выводы ученого.

«В языке Пушкина вся предшествующая культура русского художественного слова не только достигла своего высшего расцвета, но и нашла решительное преобразование. Язык Пушкина <...> определил во многих направлениях пути последующего развития русской литературной речи и продолжает служить живым источником и непревзойденным образцом художественного слова для современного читателя» [Виноградов 1982: 250]. «...В языке Пушкина впервые пришли в равновесие основные стихии русской речи. Осуществив своеобразный синтез основных стихий русского литературного языка, Пушкин навсегда стер границы между классическими тремя стилями XVIII в. Разрушив эту схему, Пушкин создал и санкционировал многообразие национальных стилей <...>».

⁶ В первую очередь мы имеем в виду очерк, вошедший в известный учебник великого ученого по истории русского литературного языка XVII–XIX вв. (см. [Виноградов 1982: 250–294]).

Вследствие этого открылась возможность бесконечного индивидуально-художественного варьирования литературных стилей» [Виноградов 1982: 294].

Поскольку многое, почти все, в языке Пушкина уже исследовано, было бы опрометчиво браться за сформулированную в названии главы тему, не имея собственного взгляда. Соответственно нам хотелось бы рассмотреть проблемы сегодняшнего состояния русского литературного языка через призму пушкинской языковой концепции. Может быть, лучше говорить не о концепции, а о *языковой практике* Пушкина, поскольку основные черты его языка появились не вдруг, сложились не без борьбы и закрепились не без противодействия.

Предварительно, однако, напомним, в чем состоит суть этой практики.

02–1. РОЛЬ НАРОДНО-РАЗГОВОРНОЙ СТИХИИ

В. В. Вересаев потратил немало труда, чтобы составить «систематический свод подлинных свидетельств современников» о нашем великом поэте. Так возникла знаменитая книга «Пушкин в жизни». Интересны, в частности, собранные Вересаевым рассказы очевидцев о том, с каким пристрастием относился поэт к народным ярмаркам. Он объяснял, например, свой интерес к ним так:

«Разговорный язык простого народа (не читающего иностранных книг и, слава богу, не выражающего, как мы, своих мыслей на французском языке) достоин также глубочайших исследований. Альфиери изучал итальянский язык на флорентийском базаре: не худо нам иногда прислушиваться к московским просвирям. Они говорят удивительно чистым и правильным языком» (с. 175).

Витторио Альфиери [1749–1803] — итальянский поэт, известный, в частности, тем, что вводил разговорные слова в свои классические трагедии. *Просвирия* — женщина, обычно из простого народа, которая печет просвиры, маленькие хлебцы, употребляемые в христианских обрядах; под «московскими просвирами» Пушкин явно понимает простой народ.

Не праздность заставляла поэта изо дня в день записывать «из уст народных» песни, пословицы, поговорки и особо любимые сказки. «Что за прелесть эти сказки! — восклицал он. — Каждая есть поэма!» (т. 10, с. 108). Ниже следует начало одной из сказок, записанной Пушкиным, вероятно, со слов Арины Родионовны:

«Поп поехал искать работника. Навстречу ему Балда. Соглашается Балда идти ему в работники, платы требует только три щелка в лоб попу. Поп радехонек, попадая говорит: „Каков будет щёлк“. Балда дюж и работающ, но срок уже близок, а поп начинает беспокоиться...» (т. 3, с. 452). Сказку эту ни с какой не спутаешь, на фоне прозы проступают памятные стихи:

Жил-был поп,
Толоконный лоб.
Пошел поп по базару
Посмотреть кой-какого товару,
Навстречу ему Балда
Идет, сам не зная куда.
«Что, батька, так рано поднялся?
Чего ты взыскался?»

Сейчас к «Сказке о попе и о работнике его Балде» привыкли, но представьте себе ощущения русской «читающей публики», воспитанной на славянщине «шишковистов» или на салонном языке «карамзинистов», когда ей предлагают высокую, вполне литературную поэзию на простонародном, разговорном языке! В другом месте Пушкин поясняет, для чего ему нужны записи народной речи:

«Изучение старинных песен, сказок и т. п. необходимо для совершенного знания свойств русского языка» (с. 171)⁷. «Вслушивайтесь в простонародное наречие, молодые писатели, — вы в нем можете научиться многому, чего не найдете в наших журналах» (с. 77). И немного далее (в той же полемической заметке «Возражение на статью „Атеня“»): «Читайте простонародные сказки, молодые писатели, чтоб видеть свойства русского языка» (с. 79).

Пушкин и сам так писал сказки, что в них народная основа русского языка выступала на первый план:

Ты, волна моя, волна!
Ты *гульлива* и вольна;
Плещешь ты, куда захочешь,
Ты морские камни точишь... («Сказка о царе Салтане»).

Гульливый (или *гулливый*) «любящий погулять, разгуляться» — редкое в литературном языке слово (хотя в Словаре С. И. Ожегова оно присутствует). Пушкин, несомненно, подслушал слово как раз на какой-нибудь ярмарке где-нибудь на псковской земле. В «Псковском областном словаре» можно найти подтверждение, что и в наше время местные старожилы все еще употребляют это слово: *Хозяйка гульливая, любит праздники, гулянья; Была я песнехорка, гульлива; Бабка такая гульливая смолоду была, сколько люди ни ругали — крутель баба, и мужа не боялась; Наша горюшка катлива, / Наши девушки гулливы, / Молодушки веселы, / Стары бабы журливы.*

В качестве еще одного примера процитируем 2-ю строфу из «Зимнего утра»:

Вечор, ты помнишь, вьюга злилась,
На мутном небе мгла носилась;
Луна, как бледное пятно,
Сквозь тучи мрачные желтела,
И ты печальная сидела —
А *нынче*... погляди в окно...

Противопоставление слов *вечор* и *нынче* показывает, что *вечор* у Пушкина означает: «вчера, накануне». Поэт активно им пользуется:

Пора, дитя мое, вставай.
Да ты, красавица, готова!
О пташка ранняя моя!
Вечор уж как боялась я!
Да, слава Богу, ты здорова!
Тоски ночной и следу нет... («Евгений Онегин»)

⁷ Здесь и далее, если не сказано другое, продолжаем цитировать т. 7 ПСС—10.

Между тем *вечор* — это опять-таки характерное выражение псковского диалекта: *Все утро раскидывала* (т. е. вешала на просушку) *белье, стирала вечор; Вечор большой-то был гром и дождь, так и светило огнем.*

Живя в Михайловском и часто навещаясь в Святогорский монастырь, поэт воспринял и ввел в свое литературное творчество довольно много местных псковских слов, чем, безусловно, обогатил общенародный литературный язык. Далее приводится начальный (только на 4 литеры) список народно-разговорной лексики, введенной в общелитературное употребление не в последнюю очередь благодаря авторитету Пушкина: *авось, байбак, балагур, баламут, барыш, батог, башка, баять* (говорить, толковать), *безделка, белобока, бельмес, белянка* (белолицая девушка), *бишь, блажь, богомаз, вавакнуть* (сказать), *ватага, вестимо, вещун, вздуриться, взыскаться, вихорь, внука* (внучка), *ворог, ворожба, впросонках, впрямь, враженок, глязеть, глядь, гнусить, голь, горесть, горючий, гремушка, гулебщик, гуртом, давешний, девка, дескать, детина, детушки, докучливый, досужий, душка* и т. д.

Если вспомнить еще раз развернутое и вполне определенное высказывание Пушкина о важности знания «удивительно чистого и правильного языка московских просвирен» и учесть, что он прямо вводил этот язык в свое литературное творчество, то легко понять: поэт настаивал на народной основе русского литературного языка. Такова его устойчивая точка зрения.

02–2. Роль книжно-славянской стихии

Одновременно Пушкин предостерегал и от крайности — от забвения наследства «славяно-росского», книжно-письменного языка. С одной стороны, по его мнению, «письменный язык оживляется поминутно выражениями, рождающимися в разговоре», но все же, с другой стороны, язык литературы «не должен отречься от приобретенного им в течение веков». Поэт высказывается резко: «Писать единственно языком разговорным — значит не знать языка». И далее развивает эту мысль: «Может ли письменный язык быть совершенно подобным разговорному? Нет, так же, как разговорный язык никогда не может быть совершенно подобным письменному» (с. 479). Зато между «просторечием» и «простомыслием» поэт ставит знак равенства и, чтобы не было никаких сомнений относительно «просто-мыслия», приводит французский эквивалент *plaiserie* — «глупость» (с. 181).

Прежде чем показать, какое место в творчестве самого Пушкина занимала «славянская» стихия, следует заметить, что, призывая опираться на книжно-славянское наследие, Пушкин отнюдь не имел в виду «славянщины» адмирала А. С. Шишкова (1754–1841), главы литературного общества «Беседа любителей русского слова», убежденного архаиста и гонителя любого иностранного слова. Впрочем, отношение поэта к Шишкову менялось: от вышучивания он перешел к уважительной корректности.

Александр Семенович Шишков, президент Российской Академии (1813–1841), автор «Рассуждения о старом и новом слоге российского языка» (1802), был одним из основателей упомянутой «Беседы». Пушкин, как член противоположного по духу общества «Арзамас», еще лицеистом включился в интенсивную и запальчивую полемику (не исключено, что по корпоративным мотивам): 8 декабря 1815 г. он сочинил известную эпиграмму, в которой буквально просклонял «тройку злую» дея-

телей «Беседы», фамилии которых начинались на литеру «ш»: «Шихматов, Шаховской, Шишков»⁸. Известны нелестные эпитеты, которыми Пушкин награждал адмирала — «попами воскормленный», «дьячком псалтири обученный». Поругивает Шишкова поэт и в письмах. Пушкин упоминает Шишкова в «Евгении Онегине», когда в шутку признается, что не может перевести на русский выражения *comme il faut*. Со временем противостояние «карамзинистов» и «шишковистов» утратило остроту, и взгляды Пушкина также переменялись. У него в целом сложилась позитивная установка на Академию: хотя и не нравилось, что Шишков ее якобы «набил попами», все же поэт бывал на ее заседаниях и даже дал отчет об одном из них (18 января 1836 г.; в статье «Российская Академия»). Именно Шишков в 1832 г. выступил с предложением избрать Пушкина членом своей Академии; в 1933 г. он же подписал Пушкину соответствующий диплом. Когда Шишков был назначен министром народного просвещения (1824) на смену А. Н. Голицыну (а Пушкин называл последнего «губителем просвещения») и поставлен во главе Цензурного ведомства, Пушкин не без надежды обратил к Шишкову вполне благожелательные строки. Дважды упомянутую поэтом честность Шишкова подчеркивали и другие его современники. Пушкин выделяет также, что среди вельмож Шишков был единственным, кто преданно любил русскую словесность:

...Обдумав наконец намеренья благие,
 Министра честного наш добрый царь избрал,
 Шишков наук уже правленью восприял.
 Сей старец дорог нам: друг чести, друг народа,
 Он славен славою двенадцатого года;
 Один в толпе вельмож он русских муз любил,
 Их, незамеченных, созвал, соединил... («Второе послание к цензору»)

Среди близких к Пушкину людей были славянофильски настроенные и писавшие не без архаики П. А. Катенин и В. К. Кюхельбекер. Под влиянием последних, вероятно, поэт отказался от огульного осуждения принципов автора «Рассуждения о старом и новом слоге российского языка».

П. А. Катенин (1792–1853), как известно, был признанным главой шишковистов романтического направления. Влияние Катенина на Пушкина сказалось в языке «Руслана и Людмилы» и ряда баллад («Жених», «Утопленник», «Вурдалак», «Гусар»), что (применительно к «Руслану и Людмиле») вызвало недовольство оппонента шишковистов Н. М. Карамзина. Отношение Пушкина к Катенину, с которым поэт состоял в дружеской переписке, противоречиво, особенно по политиче-

⁸ К этому времени (июнь 1816 г.) относится шуточная эпитафия дяди поэта В. Л. Пушкина:

Здесь Пушкин наш лежит; о нем скажу два слова:
 Он пел Буянова и не любил Шишкова.

Что касается воспевания Буянова, то, почти несомненно, имеются в виду вирши на случай, в собраниях сочинений А. С. Пушкина помещаемые в разделе «Коллективное», а именно:

Любезнейший наш друг, о ты, Василий Львович!
 Буянов в старину, а нынешний Храбров,
 Меж проповедников Парнаса — Прокопович!
 Пленительный толмач и граций и скотов,
 Что делаешь в Москве, первопрестольном граде? (и т. д.)

ским мотивам (ср. стихотворный «Ответ Катенину»), но как литератора поэт всегда его высоко ставил.

В. К. Кюхельбекер (1799–1846), как и Катенин, находился в лагере шишковистов и был, под влиянием Грибоедова, горячим сторонником библейской стилистики в литературе. Кюхельбекер в 1833 г., имея в виду себя и Пушкина, вспоминал: «... Мы, кажется, шли с 1820 г. совершенно различными дорогами: он всегда выдавал себя <...> за приверженца так называемых очистителей языка (основоположником которых был Карамзин), а я вот уже 12 лет служу в дружине «славян», под знаменем Шишкова, Катенина, Грибоедова, Шихматова» [Путеводитель 1997: 230]⁹. Если Шишков и С. А. Ширинский-Шихматов — это «славяне-классики», то себя Кюхельбекер причислял к «романтикам». Отношение Пушкина к творчеству Кюхельбекера, при большой личной дружбе, было устойчиво отрицательным. В письме Л. С. Пушкину поэт, имея в виду стихотворение Кюхельбекера «Глагол Господень был ко мне», писал: «Читал стихи и прозу Кюхельбекера — что за чудак! Только в его голову могла войти жидовская мысль воспевать Грецию, великолепную, классическую, поэтическую Грецию, Грецию, где все дышит мифологией и героизмом, — славяно-русскими стихами, целиком взятыми из Иеремия» (т. 10, с. 44). Здесь же Пушкин высмеивает цитату из одного юношеского стихотворения Кюхельбекера «Страх при звоне...», которая рассматривается ниже. Впрочем, Пушкина эти стихи заинтересовали, и он просит брата справиться о них у барона Дельвига. Вкусы Кюхельбекера были настолько противоположны пушкинским, что он не принял даже «Евгения Онегина».

Вопреки крайним воззрениям Шишкова, Пушкин полагал, что церковнославянский язык не может быть литературным языком современной ему России.

«Давно ли мы стали писать языком общепонятным? Убедились ли мы, что славенский язык не есть язык русский и что мы не можем смешивать их своенравно, что если многие слова, многие обороты счастливо могут быть заимствованы из церковных книг, то из сего еще не следует, чтобы мы могли писать *да лобжет мя лобзанием* вместо *целуй меня* etc!» (с. 631).

Пушкин возражал, когда «шишковисты» привлекали к себе в сторонники Ломоносова:

«Конечно, и Ломоносов того не думал и предлагал изучение славенского языка как необходимое средство к основательному знанию языка русского» (с. 631).

К какой степени отрыва литературного языка от естественной, разговорной речи мог привести «путь Шишкова», показывает поэт в письме брату Льву. Пушкин разбирает нижеприведенные строки из стихотворения Кюхельбекера, который, как упоминалось, по литературным вкусам принадлежал к архаистам:

Страх при звоне меди заставляет народ уstraшенный
Толпами стремиться в храм священный.
Зри, Боже! число, великий, унылых, тебя просящих,
Сохранить им — цел труд, многим людям принадлежащий.

⁹ Имеется в виду Сергей Александрович Ширинский-Шихматов (1783–1837), член «Беседы любителей русского слова», поэт, который в своих стихах широко использовал славянизмы. Творчество Шихматова вызывало у Пушкина резкое неприятие.

В синтаксисе этого произведения нелегко разобраться. Ясно, что подобные искусственные построения значительно затрудняют непосредственное восприятие текста. Пушкин полностью прав, отрицая такое чрезмерно вычурное использование (в целом драгоценного) церковнославянского наследия в русском литературном языке.

02–3. ОПАСНОСТЬ ГАЛЛОМАНИИ

Итак, первая опасность заключалась в архаизации языка, которая неизбежно привела бы к консерватизму мышления.

Вторая — состояла в том, что к началу XIX века в России сложилась парадоксальная ситуация: образованные русские люди... не умели говорить по-русски. Ведь и Татьяна Ларина написала свое знаменитое письмо Онегину по-французски:

...Она по-русски плохо знала,
Журналов наших не читала,
И выражалась с трудом
На языке своем родном,
Итак, писала по-французски...
Что делать! повторяю вновь:
Доныне дамская любовь
Не изъяснялась по-русски,
Доныне гордый наш язык
К почтовой прозе не привык.

Негодование звучит в словах поэта, обращенных к русскому дворянству:

Сокровищем родного слова
(Заметят важные умы)
Для лепетания чужого
Безумно пренебрегли мы.
Мы любим муз чужих игрушки,
Чужих наречий погремушки.

В письме из Кишинева Пушкин упрекает даже любимого брата: «Сперва хочу с тобою побраниться; как тебе не стыдно, мой милый, писать полурусское, полужанцузское письмо, ты не московская кузина» (т. 10, с. 33), и просит его: «...пиши мне по-русски, потому что, слава Богу, с моими конституционными друзьями я скоро позабуду русскую азбуку». «Конституционные друзья» Пушкина в Кишиневе — это, конечно, передовые русские офицеры, будущие участники тайных обществ, стало быть, будущие декабристы, и даже они, рассуждая о благе России, прибежали к французскому языку!

Эккурс 3. Макароническая поэзия *Ишки* Мятлева

Поэт первой половины XIX века И. П. Мятлев (1796–1844), — дружеское прозвище *Ишка*, — близкий знакомый Пушкина¹⁰, в своей популярной книге «Сенсации и заме-

¹⁰ Известны три письма Мятлева к Пушкину.

чания г-жи Курдюковой за границей, *дан л'этранже*» (ч. 1–3, 1840–1844) отразил речь современного ему и Пушкину полусвета, зараженного галломанией ¹¹:

Как выросла, мала ль, велика
Ла морковка, ла клубника,
лез арбузы, а ле пом,
Посмотрите, — *брав ли ом*,
Ваш прикащик?.. (ч. 1, с. 53)

Сделаю в такой обнове
Я большой эффект в Тамбове,
Как явлюся в ней *о балъ*
Дю губернский марешаль. (ч. 2, с. 105)

Чай, у вас есть *де* медведи?
Де бобры? — Мои соседи
Еще сделали вопрос.
Я сказала: *Вуй, тре бо-с*. (ч. 2, с. 65)

Же не ди па, ла каша
Манная, *авек де* пенки,
Поросенок *су ле хрен*,
Ле кисель э ле студень
Очень вкусны, но не в этом
Ле патриотизм! (ч. 2, с. 115)

Чем французско-нижегородские макаронизмы отличаются от современного молодежного сленга с его американизмами? ¹² Ср.:

Стрёмный флэт. Открылась дверь...
«*Пипл! Пипл!* Что за зверь
На пороге в серой шкуре?!»
Ой, да это ж мент в натуре!

О текущей языковой ситуации в России см. ниже, в подглавке 02–6.

Итак, Пушкин отвергал галломанию как моду, как поветрие. В письме П. А. Вяземскому он подчеркивал:

«Я не люблю видеть в первобытном нашем языке следы европейского жеманства и французской утонченности. Грубость и простота более ему пристали» (т. 10, с. 76). Правда, он тут же обращает упрек и в свой адрес: «Проповедую из внутреннего убеждения, но по привычке пишу иначе».

Отвергая галломанию, в то же самое время Пушкин видел, что современный ему русский литературный язык развит явно недостаточно, отсюда — объективная необходимость обращаться к другим языкам. С этой точки зрения поэт бывал и защитником галлицизмов. В другом письме П. А. Вяземскому он пишет:

«Ты хорошо сделал, что заступился явно за галлицизмы. Когда-нибудь должно же вслух сказать, что русский метафизический язык находится у нас еще в диком состоянии. Дай Бог ему когда-нибудь образоваться наподобие французского (ясного, точного языка

¹¹ См. подробнее: [Верещагин 1969б].

¹² См. подробнее: [Верещагин 1990а].

прозы, т. е. языка мыслей). Об этом есть у меня строфы три и в „Онегине“ (т. 10, с. 153). «Просвещение века требует важных предметов размышления для пищи умов, ...но ученость, политика и философия еще по-русски не изъяснялись — метафизического языка у нас вовсе не существует; проза наша так еще мало обработана, что даже в простой переписке мы принуждены создавать обороты слов для изъяснения понятий самых обыкновенных; и леность наша охотнее выражается на языке чужом...» (там же, с. 18). Поэт приводит пример своих собственных затруднений: «Душа моя, как перевести по-русски *bévues*? — должно бы издавать у нас журнал „*Revue des Bévues*“» (там же, с. 52). *Bévues* — это промахи, оплошности. Отмечая многочисленные огрехи современных ему журналов, Пушкин шутливо предлагал затеять еще один — «Обозрение промахов».

02–4. ОПАСНОСТЬ САЛОННОСТИ ЯЗЫКА И ЖЕМАНСТВА

Наряду с архаизацией и засилием чужого языка и «иноплеменных слов» (т. 5, с. 21), молодой русский литературный язык Пушкинской эпохи подстегала еще одна, третья, — опять-таки идущая из Европы — опасность, а именно: салонность языка, чопорность, жеманство, речевое щегольство, ложная патетика.

Впрочем, в своем раннем творчестве Пушкин и сам был подвержен влиянию русских «европеистов», и его язык «до конца 10-х — начала 20-х годов движется в русле „западнических“ традиций карамзинского течения» [Виноградов 1982: 253].

Отрицать значение Н. М. Карамзина и его школы на русский литературный язык было бы опрометчиво и несерьезно. Под влиянием литературных вкусов Карамзина сложились такие русские писатели, как Баратынский, Батюшков, Вяземский, Жуковский. Отчасти, как уже было сказано, и Пушкин. Пушкин разделял точку зрения Карамзина, согласно которой литературный язык должен ориентироваться на нормы «хорошего общества», т. е. общества истинно образованных и воспитанных людей. Поэт, как хорошо известно, так сказать официально вступил в литературное общество «Арзамас»¹³, в которое входили сторонники «карамзинского направления» в литературе, в том числе В. А. Жуковский.

Но постепенно Пушкин произвел переоценку своих позиций и стал не без ехидства подмечать несуразницы в эстетике и стилистике карамзинистов. Так, он приводит выписку из сочинения французского энциклопедиста-просветителя Ж. Л. Д'Аламбера:

«Не выхваляйте мне Бюфона. Этот человек пишет: *Благороднейшее* изо всех приобретений человека было сие животное гордое, пылкое и проч. Зачем просто не сказать лошадь» (речь идет о Ж. Л. Л. Бюффоне [1707–1788], французском естествоиспытателе, который свои научные труды писал образным, художественным языком). Пушкин выступает в поддержку Д'Аламбера: «...я почти согласен с его мнением. Замечу мимоходом, что дело шло о Бюфоне — великом живописце природы, коего слог цветущий, полный всегда будет образцом описательной прозы, некоторые картины отделаны кистью мастерской. Но что сказать о наших писателях, которые, почитая за низость изъяснить просто вещи самые обыкновенные, думают оживить детскую прозу вялыми метафорами? Эти люди никогда не скажут *дружба*, не прибавя: сие священное чувство, коего благородный пламень и пр. Должно бы сказать: рано поутру — а они пишут: *Едва* первые лучи восходящего солнца озарили восточные края лазурного неба». Какая иро-

¹³ Пушкин получил в обществе прозвище *Сверчок*.

ния звучит в той же статье далее, причем поэт особо предостерегает против излишнего обращения к античным образам: «Читаю отчет какого-нибудь любителя театра: сия юная питомица Талии и Мельпомены, щедро одаренная Апол... Боже мой, да поставь: эта молодая хорошая актриса — и продолжай» (с. 14–15).

Приведем другой пример:

«Пришли мне бумаги почтовой..., не забудь... витую сталь, пронзающую засмоленную главу бутылки — т. е. штопор», — иронизирует поэт в письме Л. С. Пушкину (т. 10, с. 117).

02–5. СИНТЕЗ НАРОДНО-РАЗГОВОРНОЙ И КНИЖНО-СЛАВЯНСКОЙ СТИХИЙ В ЯЗЫКЕ ПУШКИНА

Таково было положение с русским литературным языком в начале прошлого века. Отвергая крайности, уклоны, неумеренность, великий поэт и теоретически обосновал, и в своем творчестве развил магистральный путь формирования и жизни нашего языка.

Щедро черпая из народного источника, но не пренебрегая традиционными, духовными и выразительными богатствами языка, Пушкин не просто призывал, он добился синтеза двух стихий нашего языка — народно-разговорной и книжно-письменной. Неуместное под другим пером становилось уместным и правильным в его поэзии, а потом приобретало права гражданства и в общем языке:

В крови горит огонь желанья,
Душа тобой уязвлена,
Лобзай меня: твои лобзанья
Мне слаще мирра и вина... (т. 2, с. 290)

Один из пушкинистов [Мурьянов 1979: 152] справедливо доказывает, что вместо «слаще мирра» должно быть «слаще мира» или, еще лучше, «мвра», так как после *м* должна была стоять ныне упраздненная *ижица*. «Мвро» — это восточное благовоние, а «мирра» — горький сок травы наподобие полыни.

Если прочитать стихотворение до конца, то нельзя не заметить, что оно все построено на эстетике церковнославянской стихии в русском языке:

Склонись ко мне главою нежной,
И да почию безмятежный,
Пока дохнет веселый день
И двинется ночная тень.

Восьмистишие представляет собой парафраз одной из библейских книг — Песни Песней царя Соломона. Когда Пушкин создавал свое стихотворение (1825 г.), перевода Песни Песней на русский язык еще не было, так что поэт знал книгу в церковнославянском виде. Соответственно для выявления параллелей необходимо церковнославянское цитирование (1: 1–2): Да лобжетъ мѧ ѿ лобзаній оустъ своихъ: ꙗкоже вѣла сосѣдъ твоѧ ꙗче вина, ѧ вонѧ¹⁴ мѧра твоѧ ꙗче всѣхъ аромѧтъ. Второе двустручие вдохновлено библейским стихом 2: 17: дождеже дхнѧтъ дѧнь, ѧ двинѧтъсѧ сѣнн. Поэт, ви-

¹⁴ вонѧ — запах, благоухание.

димо, предполагал постепенно осуществить перевод всего источника, — еще одно стихотворение («Вертоград моей сестры») относится к тому же 1825 г. и, может быть, наряду с первым, представляет собой дальнейший фрагмент задуманного целого:

Вертоград моей сестры,
Вертоград уединенный;
Чистый ключ у ней с горы
Не бежит запечатленный.

Это четверостишие легко сопоставляется с параллельными стихами из Песни Песней (4: 12):

Вертогра́дъ заключёнъ сестра́ моя невѣста,
вертогра́дъ заключёнъ, источникъ запечатлёнъ.

Пушкин не случайно обратился к Песни Песней. Эта книга представляет собой вершинное произведение любовной поэзии. В ней встречаются пронзительные строки (8: 6–7):

крѣпка́ ѣкъ смѣръть любу́,
жестока́ ѣкъ ѡдъ рѣвность:
крила́ ѣа́ крила́ о́гна́,
оўглатѣ́ о́гненно́ пла́мы ѣа́:
вода́ мно́га не мо́жетъ оўгасити́ любу́,
и рѣки́ не потопла́тъ ѣа́.

Любы, пламы — это любовь и пламя, а крила здесь — это стрелы.

Экскурс 4. Пушкин и Библия

Образы Библии неоднократно вдохновляли Пушкина. Достаточно вспомнить стихотворение «Пророк» («Духовной жаждой томим»), в котором воспроизведены мотивы 6-й главы книги пророка Исаии. А в менее известном стихотворном послании «Из письма к Вигелю» («Проклятый город Кишинев!») развернуто пересказывается история разрушения Содома и Гоморры (Быт, гл. 18, 19), причем Пушкин делает здесь заявление о своем хорошем знакомстве со Священным Писанием: «Я слишком с Библией знаком». Уместно вспомнить¹⁵ также переложение великопостной молитвы Ефрема Сирина («Отцы пустынники и жены непорочны»). Кроме того, в художественных произведениях Пушкина и в его корреспонденции немало евангельских, вообще библейских и, еще шире, православно-христианских выражений, образов, иносказаний, аллюзий, отсылок и т. д. Отчасти об этом говорилось выше.

Ниже приведена небольшая коллекция евангельских цитат в переписке Пушкина. «В руки Твои предаюся, отче!» (из письма А. И. Тургеневу, 7 мая 1821 г.). «Начал я было за здравие, да свел за упокой. Начал нежностями, а кончил плюхой. Виноват, женка. Остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должником нашим» (из письма Н. Н. Пушкиной, 30 апреля 1834 г.). Когда императрица Елисавета взошла на престол, тогда Ганнибал написал ей евангельские слова: «Помяни мя, егда приидеши во цар-

¹⁵ Речь идет о переложении не из Библии, а из древней христианской словесности.

ствие свое» (начало автобиографии). Приведем еще несколько выписок, свидетельствующих о знании Пушкиным также и ветхозаветной части Библии. «Удалось от зла и сотворю благо: брошу службу, займусь рифмой» (из письма А. И. Тургеневу, 14 июля 1824 г.). «Если ты можешь влюбить в себя Елизу, то сделай мне эту Божию милость. Я сохранил свою целомудренность, оставя в руках ее не плащ, а рубашку <...>. Избавь меня от Пентефрейхи» (из письма П. А. Вяземскому, март 1830 г.). «Простираю к вам руки и вопию гласом велиим» (из письма М. П. Погодину, ноябрь 1830 г.). «Боюсь ужасно для тебя семейственных сцен. Помяни, Господи, царя Давида и всю кротость его» (из письма Н. Н. Пушкиной, 28 апреля 1834 г.). «Гений с одного взгляда открывает истину, а истина сильнее царя, говорит Священное Писание» (из письма К. Ф. Толю, 26 января 1837 г.).

Поскольку библейская начитанность Пушкина важна для темы настоящего изложения, кратко остановимся на этом вопросе.

«Пушкин никогда не был *esprit fort* (вольнодумец), по крайней мере, не был им в последние годы жизни своей: напротив, он имел сильное религиозное чувство, читал и любил читать Евангелие, был проникнут красотой многих молитв, знал их наизусть и часто твердил их». Таково свидетельство человека, который знал Пушкина с его детских лет, никогда не прерывал своей с ним дружбы и неотступно провел возле него, умиравшего, последние часы, — кн. П. А. Вяземского (1792–1878).

В подлинных¹⁶ «Автобиографических записках» А. О. Смирновой-Россет (1809–1882) приведено аналогичное свидетельство:

«Обычно в марте Пушкиным овладевала ужасная тоска, он видался только с Плетневым, нашим учителем литературы, <...> и все повторял: «Грустно, тоска». <...> Плетнев предлагал ему читать. Он отвечал: «Вот уже год, любезный друг, что я, кроме Евангелия, ничего не читаю»».

В сомнительной части «Записок» приводятся, может быть, и апокрифические, но правдоподобные реплики, приписанные поэту:

«В Библии есть вещи неприличные и бесполезные для детей», заметил славянофил А. С. Хомяков (1804–1860). Пушкин возразил: «Какое заблуждение! Для чистых все чисто; невинное воображение ребенка никогда не загрязняется, потому что оно чисто... Поэзия Библии особенно доступна чистому воображению, и передавать этот удивительный текст пошлым современным языком — это кощунство даже относительно эстетики, вкуса и здравого смысла». Пушкин говорил о необходимости, по примеру английских родителей, приучать детей постоянно читать Библию. Его спросили (вероятно, в надежде, что он поддержит линию Библейского общества¹⁷): «На каком языке?» Поэт ответил: «Мои дети будут читать Библию в подлиннике». Дошлый собеседник, по преданию, уточнил: «По-славянски?». «По-славянски» — подтвердил Пушкин и прибавил: «Я сам обучу ему».

¹⁶ То есть не попавших в фальсификацию, осуществленную дочерью Александры Осиповны.

¹⁷ Библейское общество, деятельность которого император Николай I запретил сразу же по восшествии на престол (а именно: в 1826 г.), распространяло книги Свщ. Писания на русском языке. В российском обществе первой половины XIX в. по вопросу о необходимости перевода Библии на русский язык умы разделились. См.: [Пыпин 2000].

П. В. Дыдыцкая сообщает, что даже в Кишиневе, во время, казалось бы, пика пушкинского «аеизма», поэта можно было застать за чтением Евангелия. Впрочем, к этому времени относится и уже приведенное признание самого Пушкина, сделанное им в стихотворном послании к Вигелю. И через много лет в письме Н. Н. Пушкиной от сентября 1834 г. говорится: «Читаю Вальтер Скотта и Библию». Видимо, это чтение подвигнуло поэта на набросок поэмы «Юдифь» («Когда владыка ассирийский»; написано 9 ноября 1835 г.). Действительно, написанное близко соотносится с пятью первыми главами библейской книги Юдифь. На библейские темы написаны также: эпиграмма «Певец Давид был ростом мал» и стихотворение по случаю петербургского наводнения 7 ноября 1824 г. «Напрасно ахнула Европа». Известному стихотворению «Свободы сеятель пустынный» (написано в ноябре 1823 г.) Пушкин предпослал в качестве эпиграфа строку из Притчи о сеятеле: *Изыде сеятель сеяти семена своя*¹⁸. В письме к А. И. Тургеневу (1784—1845) от 1 декабря 1823 г. Пушкин раскаивается за свой «либеральный бред» предшествующих годов и о стихотворении «Свободы сеятель пустынный» пишет, что оно есть «подражание басне умеренного демократа Иисуса Христа» (т. 10, с. 75).

Однажды Библии не оказалось под руками у поэта. Тогда в письме брату Л. С. Пушкину от ноября 1824 г. (из Михайловского в Петербург) он просит прислать ему Библию. Когда же исполнение просьбы задержалось, он еще раз (уже в декабрьском письме) настойчиво возвращается к своей «докуке» и, что очень ценно для нас, попутно дает свою оценку: «Михайло привез мне всё благополучно, а Библии нет. Библия для христианина то же, что история для народа».

Подытоживающее суждение Пушкина о Евангелии (оно вошло в небольшую статью-отклик «Об обязанностях человека. *Сочинение Сильвио Пеллико*») приводится ниже:

«Есть книга, коей каждое слово истолковано, объяснено, проповедано во всех концах земли, применено ко всевозможным обстоятельствам жизни и происшествиям мира; из коей нельзя повторить ни единого выражения, которого бы не знали все наизусть, которое не было бы уже *пословицею народов*; она не включает уже для нас ничего неизвестного; но книга сия называется Евангелием, — и такова ея вечно новая прелесть, что если мы, пресыщенные миром или удрученные унынием, случайно откроем ея, то уже не в силах противиться ея сладостному увлечению и погружаемся духом в ея божественное красноречие» (т. 7, с. 470).

Пушкин (в статье «Заметки по русской истории XVIII века»; датированы в рукописи 2 августа 1822 г.) еще молодым человеком отметил: «...Греческое (т. е. православное. — *Е. В., В. К.*) вероисповедание, отдельное от всех прочих, дает нам особенный национальный характер» (т. 8, с. 130). Если это так, то выразителем нашего национального характера является именно книжно-письменный, т. е. церковнославянский, язык. Духовная культура России сопряжена не с одним, а в двумя литературными языками¹⁹, причем отношения между ними, согласно Пушкину, генеалогические: старший «усыновил» младшего.

¹⁸ Пушкин, видимо, дал эпиграф по памяти. В комментарии [ПСС—10, 2: 416] евангельская строка отождествлена как Мф 13: 3 (здесь читаем: *изыде сеѣль да сеѣтъ*). Между тем Притча о сеятеле встречается у всех трех синоптиков (Мф 13: 1—23; Мк 4: 1—9; Лк 8: 4—8), и наиболее близкое к пушкинскому чтению находим в Лк 8: 5: *изыде сеѣль сеѣти семене своего*.

¹⁹ Язык Кирилла и Мефодия не умер: он и сейчас в немалой мере понятен без специальной подготовки, так что уподобить его непонятной латыни, скажем, в немецком обществе — никак нельзя.

Таким образом, будучи хорошо начитан в церковнославянской книжности, поэт не случайно создал множество стихотворений, в которых книжно-славянские слова выходят на первый план, несут основную поэтическую нагрузку.

Персты, зеницы, отверзлись, горний полет, гад морских подводный ход, дольней лозы прозябанье, уголь, отверстый, глас, глагол — таковы славянизмы из знаменитого стихотворения «Пророк». «Памятник» — еще одно выражение этой традиции синтеза разговорной и книжно-славянской стихий:

Я памятник себе воздвиг нерукотворный,
К нему не зарастет народная тропа, —
Вознесся выше он главою непокорной
Александрійского столпа...

Нерукотворным памятником поэту остается современный русский литературный язык. Об этом ясно и точно сказал И. С. Тургенев:

«Не следует забывать, что ему одному пришлось исполнить две работы, в других странах разделенные целым столетием и более, а именно: установить язык и создать литературу... Нет сомнения, что он создал наш поэтический, наш литературный язык и что нам и нашим потомкам остается только идти по пути, проложенному его гением». И далее: «Заслуги Пушкина перед Россией велики и достойны народной признательности. Он дал окончательную обработку нашему языку, который теперь по своему богатству, силе, логике и красоте формы признаётся даже иностранными филологами едва ли не первым после древнегреческого...» (Речь <...> по поводу открытия памятника А. С. Пушкину, 1880).

Как бы ни пытались представить творчество Пушкина уже наполовину непонятым, на деле великий поэт — наш современник, и постигается он — непосредственно.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1. *ДВА ПЕРЕЛОЖЕНИЯ С ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКОГО НА РУССКИЙ:
ВЕЛИКОПОСТНОЙ МОЛИТВЫ ЕФРЕМА СИРИНА
И МОЛИТВЫ «ОТЧЕ НАШ»*

(к подглавке 02–5)

За шесть месяцев до своей трагической кончины, 22 июля 1836 г., Пушкин написал переложение молитвы Ефрема Сирина, чтимой на часах в среду и пятницу сырной седмицы (т. е. масленой недели) и на протяжении всех дней Великого поста, за исключением суббот и воскресений. Ниже сначала помещено это переложение, а затем — исходный славянский текст, причем лексика, которая повторяется здесь и там, выделена курсивом:

Отцы пустынники и жены непорочны,
Чтоб сердцем возлетать во области заочны,
Чтоб укреплять его средь дольних бурь и битв,
Сложили множество божественных молитв;
Но ни одна из них меня не умиляет,
Как та, которую священник повторяет
Во дни печальные Великого поста;

Всех чаще мне она приходит на уста
 И падшего крепит неведомою силой:
Владыко дней моих! дух праздности унылой,
Любоначалия, змеи сокрытой сей,
 И *празднословия* не дай душе моей.
 Но дай мне *зреть* мои, о Боже, *прегрешенья,*
 Да *брат* мой от меня не примет *осужденья,*
 И дух *смирения, терпения, любви*
 И *целомудрия* мне в сердце оживи.

По-славянски молитва Ефрема Сирина читается следующим образом:

Господи и *Владыко* живота моего,
 дух *праздности, уныния, любоначалия* и *празднословия* не даждь ми.
 Дух же *смиреномудрия, терпения* и *любве* даруй ми рабу твоему.
 Ей Господи Царю, даруй ми *зрети* моя *прегрешения* и не *осуждати* брата моего,
 яко благословен еси во веки веков, аминь.

Ефрем, как сигнализирует его атрибут, писал по-сирийски, причем знаменитая молитва была написана стихами. Затем ее перевели на греческий язык, а с греческого на славянский, и в этом двукратном переводе молитва утратила регулярный ритм, соразмерность строк и другие признаки поэзии. Иными словами, когда Пушкин (казалось бы, отступая от буквы) добавлял и отнимал слова и даже поменял местами второе и третье прошения, он на практике возвратил творению «Сирийского пророка»²⁰ важнейшее качество — прозаический текст вновь стал поэтическим. Кроме того, — и это не менее важно, — старый текст нашел себе место и обрел новую жизнь в современной российской культуре.

Пушкинское переложение — это полноценный литургический текст, так что его на практике допустимо вводить в домашнюю молитву. Обращает на себя внимание, насколько последовательно поэт сохранил в русском тексте церковнославянскую ключевую лексику. Собственно, русский язык не дает своих лексических единиц для выражения тех понятий, которые выражаются церковнославянизмами, которые можно неограниченно переносить в русский, переменяя единственно морфологические формы.

Хотелось бы рассмотреть еще одну (и намного более важную) христианскую молитву, переложение которой приписывается Пушкину, но без стопроцентной уверенности. Речь идет о переложении молитвы «Отче наш» (Мф 6: 9–13).

Известный пушкинист В. П. Острогорский летом 1898 г. получил в Михайловском от семьи барона Вревского альбом А. Н. Вульф, в котором нашлось стихотворение, представляющее собой переложение Молитвы Господней. Стихотворение подписано не было, но на основании стилистических и других доводов Острогорский признал его за пушкинское. Хотя экспертизе Острогорского не всегда можно доверять, все же лексика действительно не выпадает из пушкинского ряда, а главное — в переложении реализован тот же принцип максимального удержания славянской лексики, который характерен и для «Отцов пустынников». Известна неж-

²⁰ Таков еще один атрибут преп. Ефрема.

ная дружба поэта с А. Н. Вульф, помещицей села Тригорского, соседкой Пушкина по Михайловскому. Поэт посвятил Анне Николаевне три стихотворения, писал ей в альбом и, в частности, 2 октября 1835 г. вписал в него отрывок из VI главы «Евгения Онегина». Тем не менее отождествленное Острогорским стихотворение переписано не рукою Пушкина.

Атрибуция Острогорского принята не была, и в собрания сочинений Пушкина переложение Господней Молитвы не включается. Действительно, в стихотворении имеются некоторые стилистические неуклюжести. С другой стороны, перед нами не автограф: если стихотворение было записано по памяти, то не исключается порча текста. Как бы то ни было, на парафраз падает тень поэта:

Я слышал, в келлии простой	И, как прощаем мы людей,
Старик молитвою чудесной	Так нас, ничтожных пред Тобюю,
Молился тихо предо мной:	Прости, Отец, своих детей;
«Отец людей, Отец небесный!	Не ввергни нас во искушенье,
Да <i>Имя</i> вечное Твое	И от лукавого прельщенья
<i>Святится</i> нашими сердцами;	<i>Избави нас</i> ». Перед крестом
Да <i>придет царствие Твое</i> ;	Так он молился. Свет лампы
<i>Твоя да будет воля</i> с нами,	Чуть-чуть мерцал издалика,
<i>Насущный хлеб</i> нам ниспосли	А сердце чайло отрады
Своею щедрою рукою;	От той молитвы старика.

Как бы ни относиться к подлинности приведенного переложения, все же вполне аутентична высокая оценка им Книги, в которой содержится Господня молитва. Эта его оценка вошла в небольшую статью-отклик «Об обязанностях человека», напечатанную в журнале «Современник» в 1836 г.: «Есть книга, коей каждое слово истолковано, объяснено, проповедано во всех концах земли, применено ко всевозможным обстоятельствам жизни и происшествиям мира; из коей нельзя повторить ни единого выражения, которого не знали бы все наизусть, которое не было бы уже пословицею народов; она не заключает уже для нас ничего неизвестного, но книга сия называется Евангелием, — и такова ее вечно новая прелесть, что если мы, пресыщенные миром или удрученные унынием, случайно откроем ее, то уже не в силах противиться ее сладостному увлечению и погружаемся духом в ее божественное красноречие». А Ф. Н. Глинке, — тому самому, который сподобился едкой эпиграммы, — Пушкин сказал однажды, что Евангелие — это «единственная книга, в которой все есть».

Как бы то ни было, в произведениях Пушкина встречается огромное количество церковнославянских по происхождению слов, и все они остались и в нынешнем общелитературном употреблении не в последнюю очередь благодаря авторитету нашего национального поэта. Вот их выборочный список (как и в случае с народно-просторечной лексикой, лишь на первые четыре буквы алфавита):

агнец, ад, акафист, алкать, аллилуйя, алтарь, алчность, амвон, аминь, анафема, анахорет, ангел, апология, апостол, архиепископ, архиерей, архимандрит, архипастырь, багряница, басня, баять, бдение, безбожие, безверие, бездна, бездыханный, беззаконие, безмолвие, безмятежный, безнадежный, безначалие, безнравственность, безобразие, безответный, безотрадный, безрассудный, безропотно, безумие, безутешный, безымянный, безыскусный, беседа, бескорыстие, беспамятный, беспечный, бесплодный, бесплотный, беспорочный, беспрекословный, беспрерывный, беспристрастие, бес-

словесный, бессмертие, бессмысленный, бессовестный, бесстыдный, бестолковый, бесчеловечный, бесчестие, бесчувствие, библеизм, библейский, Библия, благо, благовещание, благоволение, благовоние, благоговейно, благодарение, благодать, благоденственный, благодетание, благонадежный, благонамеренный, благополучие, благоприличие, благоприобретенный, благопристойный, благоприятный, благоразумие, благорасположение, благородство, благосклонность, благословение, благостыня, благость, благотворительность, благоусмотрение, благоустроено, благоуханье, благочестие, благочиние, блаженный, блаженство, ближний, блудный, блюститель, богадельня, Богоматерь, богомолец, богомолье, Богородица, богослуженье, богоспасаемый, боготворить, Богочеловек, богоявление, бодрствовать, Божество, бразда, брань (в значении: война), братия, братство, брашно, время, бранный, броня, бытие, бытописание, ваятель, введение, вдохновение, ведомость, ведомство, вежды, велегласно, веленье, велеречивый, великодушие, великолепие, величавость, величие, вельми, венец, венчание, вервие, верига, верноподданный, вероисповедание, веротерпимость, вертопрах, ветхий, вечерня, вечеря, вечность, вешать, вещественность, взывать, взыскание, взыскательный, взятие, видение, вития, витийствовать, вкратце, влага, владеть, владетель, власть, владыка, владычество, властвовать, властолюбие, власяница, влачить(ся), влечение, влечь, внимание, вновь, внушать, внушение, внятный, вождь, вожделение, возбудить, возвеличить; возвестить, возвратить, возвысить, возвышенный, возгордиться, возглаголющий, воздавать, воздаянье, воздвигнуть, воздержаться, воздержанность, воздыхание, возжечь, воззвание, воззрение, возлиянье, возложить, возлюбить, возмездие, возмечтать, возмутить, вознаградить, вознамериться, возненавидеть, вознесение, возобновить, возопить, возрадоваться, возрастать, возрождаться, возрождение, возроптать, возрыдать, возыметь, воистину, волнение, вольнодумец, вольнолюбивый, вольный, воображение, вопиать, воплощение, воплощенный, вопрошать, восклицание, воскресение, воскрешать, воспаленный, воспевать, воспитание, воспламенить, воспоить, воспользоваться, воспоминание, воспрещать, воспылать, воссесть, восславить, восстановить, восстановление, востребование, восхитительный, восхищение, восшествие, воцариться, вперить, впечатление, впоследствии, вражда, враждебный, врожденный, вручить, всевидящий, всевозможный, всевышний, вседержитель, вселенная, всемирный, всемогущество, всенощная, всеобъемлющий, всеподданнейший, всепокорнейше, вследствие, вспоможение, вспомоществовать, вспомнать, вступление, всуе, высокомерие, высокопарный, высокопреосвященство, высококородный, выпренный, глава, глагол, глад, глас, гласить, гласность, глубокомысленный, глумиться, гордыня, горлица, горний, Господь, гражданин, град (в значении: город), грех, греховный, громогласно, грясти и т. д. (на остальные буквы алфавита).

Соблюсти симметрию по отношению к списку народно-просторечной лексики не удалось: на литеры А—Г церковнославянизмов оказалось несравненно больше. На основании списка можно сделать два наблюдения. Во-первых, церковнославянизмов в русском литературном языке такое множество, что никак нельзя говорить о том, что они заимствованы в него. Даже при массовом заимствовании иноязычной лексики все же не бывает, чтобы она составила треть или даже (с учетом совпадающих в двух языках слов) половину лексического фонда. Во-вторых, только принимая во внимание понятия, выражаемые церковнославянизмами, можно понять духовный мир поэта.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2. «КОГТИСТЫЙ ЗВЕРЬ,
 (к подглавке 02–5) СКРЕБУЩИЙ СЕРДЦЕ» — СОВЕСТЬ

Как уже не раз было сказано, язык, наряду с *коммуникативной* функцией, имеет еще функцию *кумулятивную* — быть средством накопления, хранения и передачи ценностей национальной культуры. В согласии с названием своей второй функции, язык действительно похож на аккумулятор: как это устройство способно накапливать, хранить и затем отдавать электроэнергию, так и слово национального языка, при условии его длительного бытования в культуре, начинает набирать в себя некоторые культурные смыслы, а когда их накопится некоторое количество, то слово как бы по инерции продолжает хранить их (даже когда сама культура уже изменилась) и властно сообщать их всем членам национально-культурной общности говорящих на данном языке. Эта третья функция языка — быть средством (социализации) говорящих на нем, приобщения их к этно-культурной общности — называется *директивной*, или *управляющей*. Общие суждения, как принято в данной монографии, призваны послужить конкретному анализу.

Сначала приведем четверостишие А. Ахматовой:

Одни глядятся в ласковые взоры,
 Другие пьют до солнечных лучей,
 А я всю ночь веду переговоры
 С неукротимой *совестью* своей.

Эти строки были написаны в конце 1936 г. А ровно за сто лет до нее, в 1836 г., тема совести столь же властно прозвучала в одном из предсмертных произведений Пушкина:

Никому

Отчета не давать, себе лишь самому
 Служить и угождать; для власти, для ливреи
 Не гнуть ни *совести*, ни помыслов, ни шеи («Из Пиндемонти»).

Переключка лет привлекает к себе внимание, но она, конечно, случайна. Обращение же к теме неукротимой, негнушейся совести не случайно — ни для Ахматовой, ни для Пушкина. Так, в «Скупом рыцаре» в уста Барона поэт вложил «определение» *совести*:

...Когтистый зверь, скребущий сердце,
 Незванный гость, докучный собеседник...

Поколения русских людей середины и второй половины XX в. с детства помнили (в том числе и в исполнении Ф. И. Шалапина) сцену мук совести «преступно-го царя» Бориса:

...Но если в ней единое пятно,
 Единое, случайно завелось,
 Тогда — беда! Как язвой моровой
 Душа сгорит, нальется сердце ядом,
 Как молотком, стучит в ушах упрек,
 И все тошнит, и голова кружится,

И мальчики кровавые в глазах...
И рад бежать, да некуда... Ужасно!
Да, жалок тот, в ком совесть нечиста.

Имеется, однако, и другое, противоположное отношение к совести. В басне И. Крылова «Котенок и Скворец» многоопытный Скворец подучивает совестливого Котенка сожрать хозяйского щегла. Вот диалог между ними:

«Но *совесть...*» — Как ты мало знаешь свет!
Поверь, что это сущий бред
И слабых душ одни лишь предрассудки,
А для больших умов — пустые только шутки!
На свете кто силён,
Тот делать все волён...

Прельщенный Котенок взламывает клетку, съедает щегла, а потом — таково нравоучение — в завершение обеда закусывает философом Скворцом.

К подобной «философии» восходит выражение *кровь по совести*: кровопролитие и даже убийство, которое человек разрешает себе «по принципиальным соображениям», уговорив предварительно свою совесть.

Между тем ни в обществе, ни в народном языке подобного отношения к совести нет. Соответственно следует проводить различие между теми выражениями и оборотами, которые созданы и предложены отдельными людьми, — так, именование совести *когтистым зверем* — пушкинское, словосочетание *кровь по совести* — Ф. Достоевского, — и теми формами языка, которые являются общенародными. Так, сочетания *неукротимая совесть* и *нечистая совесть*, хотя и употреблены Ахматовой и Пушкиным, нельзя считать индивидуально-личными, поскольку оба поэта черпали из общего языка. Они не создали этих выражений заново в момент речи, но извлекли их из памяти, примкнув тем самым к общенародному и общезыковому опыту.

Русский язык, как и любой другой, — это «самоговорящее устройство». Сейчас мы имеем в виду лишь один-единственный способ самоговорения: язык запечатлевает, а затем предлагает членам этно-культурной общности свои суждения в устойчивых, воспроизводимых формах — в словосочетаниях, выражениях, оборотах, фразеологизмах, пословицах и крылатых выражениях. Крылатые выражения когда-то имели автора, но если афоризм распространился в народе, то он становится общим мнением и перестает отличаться от анонимной пословицы.

Как же язык судит о совести? Приникнуть к *роднику* языка — это побывать *на родине народа*: не случайно три слова (*на-род*, *род-ник* и *род-ина*) окликают друг друга.

Церковнославянизм *со-вѣсть* — это производное слово: оно состоит из корневой общеславянской основы — *вѣсть* «знание» и приставки *со-*, выражающей в данном случае идею совокупности. Таким образом, *со-вѣсть* означает: совместное знание, *со-знание*, «еще одно знание», «другое (как бы не мое) знание». *Совѣсть* — это переснимок, поэлементное воспроизведение, калька греческого слова *συν-είδησις*, также буквально значащего: «совместное знание». Следовательно, оно пришло на Русь вместе с византийским христианством. Согласно же христианским представлениям, *совесть* — это элемент Богоподобия человека, внесенный в него в момент творения, это глас Божий в человеке, правдивый и справедливый, так что если человек в жизни своей руководству-

ется совестью, то он на земле достигает обожения. Следовательно, христианство, принесшее с собой понятие немолчно звучащего в человеке голоса Божия, объективно способствовало возрастанию народной нравственности. Языческая Русь близкие смыслы выражала двумя словами — *соро́мь* (т. е. *срам*) и *стоудъ* (на современном языке: *стыд*). В них, однако, акцент сделан не на внутреннем переживании человека, а на внешних проявлениях эмоций человека, застигнутого за неприглядным делом. Для суда совести, напротив, совершенно не важно, обнаружилось безобразие или нет.

Укоренившись в народном русском языке, слово *совѣсть* — через сочетаемость, включенность в устойчивые выражения, пословицы и крылатые выражения — стало выражать по крайней мере четыре смысла.

Во-первых, самоговорящий язык считает совесть «вторым я» человека, обладающим внятным голосом.

Этот голос совести должен звучать немолчно, непреклонно, неотступно, ясно, но от человека зависит, будет ли он к этому голосу прислушиваться или же заглушит его, подавит, заставит замолчать. Пока человек не заглушил свою *совесть*, она *взывает, вопиет, грызет, мучит* (отсюда: *муки совести*), *упрекает* (отсюда: *упреки совести*), *угрызает* (*угрызения совести*), *грызет, терзает, томит, гнетет, казнит, кусает, убивает, печет, снедает, зазирает* (отсюда выражения: *ззорно, без зазрения совести*). Каждый глагол выражает свою степень угрызений совести. Обилие языковых единиц, пригодных для выражения определенного смысла, свидетельствует об особой актуальности определенного общественного явления, его центральном месте в народном сознании.

Во-вторых, с точки зрения языка, совесть представляет собой высшую (стало быть, Божественную) нравственную ценность — добродетель.

Ср.: *спокойная, чистая, незапятнанная совесть, жить по совести, в ладу с совестью; Не за страх, а за совесть; В ком стыд, в том и совесть*. Если вдруг случилось, что совесть нечиста, то возможно вернуться к идеалу — для этого надо *очистить, облегчить, успокоить* совесть, *усоветиться* и в дальнейшем *полагаться на совесть*. Если сказано: «Это у меня *лежит (тяготеет) на совести*», то этим признанием свидетельствуется *совестливость*. Отметим и то, что, какими бы мерзкими ни были отдельные греховодники, все же народ как преимущественная совокупность «типичных», «нормальных» русских людей всегда считался носителем чистой совести: «Сила народная, сила могучая — / Совесть спокойная, правда живучая...» (Н. Некрасов).

Далее, **в-третьих**, по мнению православного народа, закрепленному в языке, отсутствие совести — это тяжкое нравственное падение, но все же поправимое.

Эпитеты, характеризующие *черную совесть*, выстраиваются в длинную цепь: *больная, беспокойная, нечистая, грязная, запятнанная, двойная, растяжимая, эластичная* и особенно порицаемая *заемная, не своя, чужая*... Расхожее выражение XX в. «Я освобождаю вас от химеры, называемой *совестью*» родилось не в России, но все же тоталитарный режим в СССР настойчиво пытался заставить человека жить не по своей, а по чужой совести. Это покушение на *индивидуальную* совесть выражалось в подмене ее совестью *коллективной*: «Партия — это ум, честь и совесть нашей эпохи». Ссылки на пример других особенно распространились после Октябрьского переворота: «Как все, так и я», «Все

так поступают», «Я не хуже других», «Иванов (Петров, Сидоров) и не то вытворяет». Отказ от собственной совести даже поэтизировался: если партия «скажет: солги! — солги; / Если скажет: убей! — убей». Впрочем, бессовестных людей было немало и в прошлом, даже и отдаленном. О них, правда, пословицы и фразеологизмы всегда судят отрицательно: *Стыд под каблук, а совесть под подошву; У него совесть, что лихая блесть; Бесстыжих глаз и чад неймет; И не (по)краснеет!; И глаз не ответит!, Ни стыда ни совести.* Ср. также устойчивые выражения: *обессовестился, потерял (всякий) стыд, пустился во все тяжкая, идет против совести.* Поэтизации бессовестности в прошлом не бывало, — это исключительное изобретение XX в. *Лишить человека совести* — это (как можно прочесть в катехизисе) задача бесовской силы, и в качестве приманки она обычно использует материальные выгоды, и связь между выгодами и черной совестью отмечена во множестве пословиц: *Что за стыд, был бы сыт; Брюхо вытрясло, так и совесть вынесло. И все-таки бесы не имеют непреодолимой власти над душой человека, ибо человек самовластен. Поэтому когда кто-то отговаривается: *Бес попутал!*, на эту отговорку есть пословица: *Не вали сорому на всяку сторону!* (т. е. не отводи ответственность от себя).*

Наконец, в-четвертых, догадка о том, что потерявший совесть еще может найти ее вновь, неистребимо жила в народных представлениях.

С одной стороны, Бог может *кликнуть* бесстыжого. В популярной песне про Кудеяра-разбойника говорится, что в нем «совесть Господь пробудил». С другой стороны, и общество, в том числе крестьянский мир, способно воздействовать на обессовестившегося. Самоговорящий язык хранит множество готовых, клишированных формул для этой цели: *Знай совесть!; Пора и честь знать!; Как у тебя совести хватило?; Скажи по совести!; Постыдись!; Не срамись!; Как тебе не совестно/не стыдно?* и т. д. Гиперболой — устойчивой, а потому потерявшей часть своей экспрессивности, — звучит употребленный И. Крыловым упрек: «Не стыдно ль стен тебе, не только что людей?» И народное мнение оказывалось действенным. Русский язык хранит в своей коллективной памяти множество выражений, представляющих состояние раскаивающегося и возвращающегося к совести человека: *отводит/опускает глаза, не знает куда глаза деть, краснеет, натерпелся стыда/стыдобы, готов сквозь землю провалиться, готов сгореть от стыда, места себе не находит, совесть его заказнила, совесть ему спать (покая) не дает...*

Одно из средств *очистки совести* — таинство покаяния, пришедшее на Русь вместе с православием. Русские люди, мучимые совестью, иногда ощущали недостаточность покаяния перед одним лишь священником и прибегали к публичному покаянию (герои Достоевского, кающиеся пред «всем миром»). Конечно, общеславянское слово *каѣти* (сѣ) никак не связано с образом братоубийцы Каина, но случайное созвучие заставляло искать неслучайную связь между словами!

Вот почему в свое время нашумевший фильм «Покаяние» грузинского режиссера Т. Абуладзе попал в самую точку. Ведь семь десятилетий воспитывался культ собственной (классовой) силы и постоянной правоты: «Мне раскаиваться не в чем!» Забвение покаяния и совести — первый признак безбожия: «Если Бога нет, то все позволено!». Писатель Виктор Астафьев заметил однажды: «Сейчас есть категория людей, и немалая, которым слова *лажа, бормотуха, сачковать, хипеж, бич* понятней и ближе, чем, скажем, такие древние слова, как *совесть* и *работа...*» Отчуждение от языка ведет к тому, что он утрачивает свою директивную функцию.

Невербальные языки как носители и источники национально-культурной информации

Вместо того чтобы сказать *Да* или *Согласен*, иногда молча кивают головой. Увидев знакомого, не обязательно говорить *Здравствуйте!* — достаточно протянуть для приветствия руку или наклонить голову. Когда требуется особенно подчеркнуть определенную мысль, иногда поднимают вверх указательный палец. Шаловливому ребенку тоже грозят указательным пальцем, заменяя словесное приказание *Перестань!* Человечество владеет не только произносимыми, звучащими языками, но и «немыми», невербальными. Человек способен говорить, разводя руками, кивая головой, совершая поклон или даже замирая (от восторга или ужаса), т. е. он, если сказать в общем виде, говорит своим телом, иногда не произнося при этом ни единого слова. Соответственно подобный телесный язык и называется *соматическим* (от греч. *σῶμα* «тело, корпус»). Поскольку знаковые системы, которые при этом употребляются, более или менее разнородны, обычно говорят не об одном языке, а о *языках* — *невербальных* (при этом подчеркивается отсутствие звучащей речи) и *соматических* (подчеркивается вовлеченность в коммуникацию тела).

Иногда полагают, что невербальные языки являются интернациональными и что с их помощью люди разных стран всегда договорятся между собой. Это справедливо только по отношению к описательным жестам. На них построено искусство мимов.

Однако если между жестом и его значением отсутствует соотнесенность по зрительному образу (так, поднятый вверх большой палец сжатой в кулак руки «по-русски» означает одобрение, довольство, восхищение), то межнациональная коммуникация обычно нарушается (например, этим же по форме жестом в некоторых странах Западной Европы останавливают попутную автомашину или такси). Жестовая коммуникация — в значительной мере такой же национальный феномен, как и вербальные языки.

Невербальные языки интересны еще и по той причине, что они, как правило, имеют устойчивые вербальные описания, составляющие разветвленный и обширный пласт языка.

Глава 1. Русский соматический язык

Все примеры, приведенные выше, иллюстрируют форму и семантику единиц соматического языка. Что же, однако, входит в его состав?

Во-первых, *жесты* — значащие телодвижения (преимущественно движения рук), исполняемые сознательно и в расчете на наблюдателя.

Одно из замечательных стихотворений А. К. Толстого¹ состоит из трех частей-четверостиший. В первой выражается чувство сомнения:

Лишь только один я останусь с собою,
 Меня голоса призывают толпою.
 Какому же голосу отповедь дам?
 В сомнении рвется душа пополам.

Во второй части поэт говорит о трудных попытках разрешить сомнение и, наконец, принять решение:

Советов, угроз, обещаний так много,
 Но где же прямая, святая дорога?
 С мучительной думой стою на пути —
 Не знаю, направо ль, налево ль идти?

Состоялся ли выбор? И да, и нет. Поэт решается... не решаться. Он отказывается от обдуманного выбора, так что парадоксальным образом выбор все же имеет место:

Махни уж рукой да иди, не робея,
 На голос, который всех манит сильнее,
 Который немолчно, вблизи, вдалеке,
 С тобой говорит на родном языке!

Кульминация выражена жестом: *махни рукой*. Если в двух частях душевное состояние передается вербальными средствами, то в третьей перемена состояния (душевное движение) выражена с помощью языка человеческих телодвижений.

Типичный пример жеста — *махнуть рукой*, что означает «отказаться от каких-л. попыток, отступить, переменить первоначальное решение».

Ср.: «Федор Павлович собирался поставить надгробие своей жене, но вдруг уехал в Одессу, *махнув рукой* не только на могилы, но и на все свои воспоминания» (Достоевский, Братья Карамазовы). Еще пример: «Кипящий Ленский не хотел / Пред поединком Ольгу видеть / На солнце, на часы смотрел, / *Махнул рукою* напоследок — / И очутился у соседок» (Пушкин, Евгений Онегин).

Во-вторых, к соматическому языку относится *мимика* — значащие движения лицевой мускулатуры. Мимика и жесты очень близки по всем характеристикам, но приложимость их разная: мимика избирательно охватывает игру лишь лицевых мышц (даже кивания головой принадлежат уже к жестам). Примеры: услышав явное вранье, «Китайцев только разводил руками и *поднимал глаза к небу*» (Булгаков,

¹ Цит. по изд.: [Толстой А. К. 1978: 44].

Мастер и Маргарита); Понтий Пилат слуге: «Почему в лицо не смотришь, когда подаешь? Разве ты что-нибудь украл?» (там же).

Жесты и мимика динамичны, они определяются через ключевое слово *движение*. В соматический язык, однако, входят и статичные явления.

Поэтому, в-третьих, *позы*, т. е. значащие положения человеческого тела, сохраняемые в течение определенного времени — краткого или продолжительного, тоже являются составной частью соматического языка. Например: «В это время дамы отошли от колодца и поравнялись с нами. Грушницкий успел *принять* драматическую *позу* с помощью костыля...» (Лермонтов, Герой нашего времени). В заключительной немой сцене Городничий остается «в виде столба, с *распростертыми руками и закинутой назад головою*» (Гоголь, Ревизор). Поза Грушницкого не описана, но смысл ее назван (драматизм); поза Городничего, напротив, описана с внешней стороны, а о ее смысле (Городничий поражен известием) читатель должен догадаться сам.

В-четвертых, укажем на так называемые *выражения лиц* — значащие фиксированные положения лицевых мышц. Если позы — статичный аналог жестов, то выражения лиц — статичный аналог мимики. «Он *нахмурил брови, стиснул зубы, неподвижный взгляд* его стал как бы еще неподвижнее» (Достоевский, Братья Карамазовы); «— Теперь я приговорен! — А затем как заоченел на месте, *стиснув зубы и сжав крестом на груди руки*» (там же). Выражения лиц, как бы долго они ни сохранялись, не присущи данному человеку постоянно, поэтому их не следует смешивать с чертами лица.

Отметим, что как в вербальной речи отсутствие высказывания на подобающем ему месте несет информацию, так и «нулевые» жесты и мимика значимы, причем часто не менее, чем исполненные. Героиня одного рассказа (В. Белов, Моя жизнь) пишет о себе: «Я сидела на диване и *даже не пошевелинулась*. Я была уверена, что никуда он не денется» (ср. устойчивые выражения: *глаз не сводит, и глазом не моргнет, и не почесется, и бровью не повел* и т. д., смысл которых заключен в указании на отсутствие ожидаемой мимики или «всегда бывающей» жестикуляции).

Четыре названных явления — жесты, мимика, позы, выражения лица — объединяются такой важной чертой, как намеренность, произвольность. Между тем лицо и тело человека нередко выражают эмоции и чувства, владеющие человеком, непроизвольно. Скажем, внешним признаком испытываемого холода являются посиневшая «гусяная» кожа, мелкая дрожь, класание зубами. «Через мгновение ему стало вдруг очень холодно... „Озноб, что ли, со мной“, — подумал Митя, *передернув плечами*» (Достоевский, Братья Карамазовы); «Выйдя за ворота, он [Коля Красоткин. — *Е. В., В. К.*] огляделся, *передернул плечиками* и, проговорив: „Мороз!“, направился прямо по улице» (там же). Если жесты, как правило, исполняются для стороннего наблюдателя, то непроизвольные телодвижения отмечаются также при его отсутствии: они внешне выражают внутренние, ненаблюдаемые физиологические состояния человека, поэтому их можно назвать симптомами.

Таким образом, в-пятых, к соматическому языку принадлежат разнообразные *симптомы* душевных движений и физиологических состояний. Если жесты, как правило, исполняются для стороннего «наблюдателя», то непроизвольные телодвижения отмечаются и при его отсутствии: более того, на людях они обычно скрываются, хотя далеко не всегда это удается. В частности, симптоматичны перемены цвета лица человека: *покраснел* (жарко или рассердился), *покрылся пятнами* (волнуется, возмущен), *позеленел* (от злости), *побледнел* (волнуется или плохо себя чувствует) и т. д.

Симптомами можно считать также стабильные черты лица человека, как данные ему природой, так и приобретенные с годами: так, уже в IV в. Гиппократ описал лицо больного человека (серый цвет, заострившиеся скулы и т. д.), в совокупности получившие помет *progrium* («лицо Гиппократа»), так что при диагнозе болезни врачи прежде всего обращают внимание на *habitus*. Широко распространена народная физиогномика, состоящая из «ходячих» в повседневной жизни заключений о характере человека на основании его внешнего облика. К симптомам можно отнести нечленораздельные звуки [Гельгардт 1971: 90]², издаваемые человеком от радости, испуга и т. д. «Я разрыдалась, а Павлик... тоже *зашвыркал* носом» (В. Белов, *Моя жизнь*); «— А дети, тебе детей не жалко? — Катя в школу, а Мишку в садик устроим. — Он *хмыкнул*, ничего не сказал» (там же). Эти звуки не следует относить к вербальному (т. е. членораздельному) языку, хотя по традиции их описывают как междометия. Действительно, описательная форма *гм! гм!* далеко не передает подлинного нерасчлененного комплекса, представляющего собой хмыканье: «*Гм! гм!* Читатель благородный, / Здорова ль ваша вся родня?» (Пушкин, Евгений Онегин). К звуковым симптомам относятся, наконец, плач, вой, скрежет зубов, вздохи, визги и т. д.: «Земские школы надо подтянуть... Там учителя нигилисты, — говорил Передонов, — а учительницы в Бога не верят. Они в церкви стоят и *сморкаются*» (Ф. Сологуб, *Мелкий бес*); «...несколько раз пугливо оглянулся на двери и окна, покосился на темный образ... и прерывисто *вздохнул*» (Чехов, *Ванька*).

Жесты и симптомы могут совпадать по внешней форме, например, плевком можно выразить возмущение и презрение (это жест), но одновременно плевком на землю может быть выражением (симптомом) нездоровья человека или его недостаточного воспитания. Возмущенный заимодавец, от которого скрывается фельдкурат Кац, плюнул на пол; Швейк принимает жест за симптом: «Вы *плюете* на землю в трамвае, поезде, в других общественных местах. Я-то все удивлялся, почему там везде висят таблички, что *плевать* на землю воспрещается, а теперь я понимаю, что это из-за вас» (Я. Гашек, *Приключения бравого солдата Швейка*). Соответственно, в сообщении о жестах и мимике может быть введено пояснение о том, как их понимать: «Бабка опять сделала *губы трубочкой* — задумалась» (В. Шукшин, *Сельские жители*). Связь между симптомами и жестами довольно тесная, генетически многие жесты и мимические движения складываются на основе симптомов (обратного движения не бывает).

Итак, в соматическом языке человека различают по крайней мере пять явлений.

В литературе вопроса в качестве однословного родового термина, способного охватить все виды соматического языка, как правило, предложена *кинема* (от греческого глагола *κινέω* «двигать, подвигать»)³. Однако внутренняя форма этого термина, хорошо обобщающего те формы невербального языка, которые отражают внешне проявленные душевные движения (жесты, мимику, часть симптомов), препятствует его распространению на позы, выражения лиц и на ту часть симптомов, которые постоянны или которые меняются по прошествии определенного срока.

² Р. Р. Гельгардт называет их *фонетическими* жестами, но мы не можем воспринять его термин, поскольку строго различаем жесты и симптомы.

³ Именно этим родовым термином и пользуется Р. Р. Гельгардт, следуя устойчивой традиции [там же: 73, 87 и сл.]. Под *кинемой* понимается любое законченное (имеющее определенную структуру, способ исполнения и столь же устойчивое значение) и самостоятельное (отличное от другого) мимическое или жестовое движение [Ахманова 1966: 195].

Соответственно, более подходящей в качестве термина нам представляется лексема *соматизм*: пусть *соматизмом* называется любой значащий признак, положение или движение лица и всего тела человека. Отсюда проясняется терминологическое словосочетание *соматический язык*: под *соматическим языком* соответственно подразумевается совокупность, во-первых, соматизмов (т. е. их инвентарь, аналог словарного состава в вербальном языке) и, во-вторых, правил их исполнения, сочетания друг с другом, редукции, усиления, включения в речевую ситуацию, а также восприятия адресатом (т. е. аналог грамматики).

Следует помнить о том, что некоторые жесты исполняются только в сопровождении типовой реплики: «— Неужель не совестно? — Ни на вот эстолько. Макар показывал кончик мизинца» (В. Шукшин, Непротивленец Макар Жеребцов).

Здесь возникают закономерные вопросы: разве бывают незначащие признаки, движения или положения тела человека? разве есть что-либо в поведении людей, что не несло бы никакой информации для наблюдателя? Отвечая на эти вопросы, введем разграничение двух видов человеческого поведения. Прагматическое действие направлено на достижение непосредственных и конкретных целей, оно самодостаточно, выполняется ради себя самого. Например, чтобы отогнать муху, достаточно *махнуть рукой*. Со всем другим видим в двух примерах: «Многого не говорил, а все *охал* и *качал* на меня [Зосиму] *головой* умиленно» (Достоевский, Братья Карамазовы); в ответ на докучливые приставания Ракитина: «— Отстань! — проговорил вдруг Алеша, <...> устало *махнув рукой*» (там же). Здесь действия направлены на передачу некоторого эмоционального и императивного содержания, поэтому они отнюдь не самодостаточны, а имеют второй, идеальный план — во всем подобно двуплановому слову вербального языка. Только подобное поведение, назначение которого выходит за пределы самого себя, является семиотическим: поэтому в определении соматизма, предложенном выше, и был подчеркнут знаковый характер признака, положения или движения лица и тела человека.

Соматический язык нередко относят к сфере ведения науки, называемой *паралингвистикой*. Так, Р. Р. Гельгардт считает жесты, мимику, позы «манерами речевого поведения, *сопровождающими* речевой акт»; их анализом «ведает паралингвистика» [Гельгардт 1971: 73]. Паралингвистика, по определению Г. В. Колшанского, является «новой языковедческой дисциплиной, занимающейся изучением факторов, сопровождающих речевое общение и участвующих в передаче информации» [Колшанский 1974: 9]; она охватывает *кинесику* (от жестов до пантомимы), *фонацию* (особенности тембра, темпа, интонирования) и *ситуативный контекст*. Таковы же и близки к этим взгляды других ученых, писавших на паралингвистические темы.

Паралингвистика — термин мотивированный, и, стало быть, предмет и частично проблематика этой науки задаются мотивировкой термина. Если перевести на русский язык греческий префикс *παρά-*, то паралингвистика — это «около»-лингвистика, а параязык (ее исследовательский предмет) — это «около»-язык. Под *языком* имеется в виду, конечно, членораздельный вербальный язык. Согласно мотивировке, предметом паралингвистики может быть только то, что «около» вербального языка, что обслуживает его и что зависит от него. В таком случае фонация, безусловно, является предметом данной науки: тембр, темп и интонация неотделимы от вербальной речи. Но зависит ли от вербального языка язык человеческого тела? Производны ли жесты от слов? Всегда ли позы и мимика только *сопровождают* вербальную речь? (Имплицитруется: может быть, они ее *замещают*?)

Принадлежность соматического языка к паралингвистике нуждается в обосновании. Это обоснование не имеет ничего общего с казуистикой, потому что в нем возобновляется хотя и старый, но все еще не решенный вопрос: что первично — соматический язык или вербальный? С одной стороны, действительно, можно указать на ряд случаев, когда соматизмы не более как сопровождают вербальную речь и потому должны причисляться к паралингвистике. Например, говоря о чем-то с осуждением, можно одновременно покачивать головой, подкрепляя смысл, в общем-то и так ясный: когда старец Зосима «провонял», «о сем многие <...> соблазнялись и говорили между собой, *покивая головами*» (Достоевский, Братья Карамазовы). С другой стороны, в несравненно большем количестве случаев соматизмы выступают вполне самостоятельно: при их актуализации вербальная речь отсутствует или выступает в подчиненной сопровождающей функции.

В первую очередь сказанное справедливо по отношению к симптомам. Покрасневший или дрожащий от холода человек в лучшем случае прокомментирует, что с ним происходит, но, как правило, симптомы показательны лишь для наблюдателя, а их носитель молчит или даже их подавляет. Пример комментирования: «Я ни с того ни с сего выскочил из-за стола, присел и, *давая волю своей радости*, прыгнул, стараясь хлопнуть ладонями по потолку. Засмеялся, потому что понял вдруг выражение „телячий восторг“» (В. Белов, Плотницкие рассказы). Пример показательности симптома для наблюдателя: на человека по фамилии Козонков навалились несчастья, а «Козонкову это хоть бы что, *только насвистывает*» (там же). Подавление симптома наиболее часто обусловлено национально-культурными запретами: так, уставший человек на людях *сдерживает зевоту*. Нередко, правда, такое подавление невозможно; застенчивый рад бы *не краснеть*, но это не в его власти: «Потом белокурая девушка купила у торговки булку и два куска постного сахара и подала мне *краснея*: — Мерси вам за руль, гражданин» (О. Форш, Одеты камнем).

Наряду с симптомами имеется большая группа жестов, хотя и основанных на вербальной речи, но не сопровождаемых ею. Жестикуляция дирижера, жестовые объяснения проступка игрока футбольным судьей, манипуляции регулировщика дорожного движения, пальцевая сигнализация рефери в боксе — во всех этих примерах, касающиеся лишь замкнутых профессиональных групп, звучащей речи нет, однако предварительные словесные соглашения очевидны. Кинетические языки глухих также основываются на вербальной речи. Примат вербальной речи очевиден и в попытках создать международный язык в качестве «всемирной жестикуляции» (см. о нем подробнее: [Дрезен 1932: 41 и сл.]).

Между тем естественные жесты не всегда производны от вербальной речи. Первый аргумент в поддержку мысли о самостоятельности жестов и мимики можно усмотреть в затрудненности перевода соматизма в вербальную речь.

Например, три выписки из «Мастера и Маргариты» обнаруживают три разных значения соматизма *плюнуть*, *плюнуть на землю*. 1. Буфетчик неожиданно увидел нескромно одетую горничную: «Гелла повернулась. Буфетчик мысленно *плюнул* и закрыл глаза». Выражено, скорее всего, отвращение; его еще можно выразить иначе: *наморщить нос*, *закрыть лицо (глаза) рукой*; известна и *гримаса отвращения*⁴.

⁴ Весьма выразительную фотографию гримасы отвращения см.: Симеонов В. Общуване без думи // (болгарский журнал) «Отечество», 1979, № 19, с. 43.

2. «— А на голову не обращайтесь внимания, не имеет отношения... На голову *плюньте*, она здесь ни при чем». Здесь *плюнуть* — не обращать внимания на что-либо. 3. Маргарита пошла отворять дверь. «Ты хоть запахнись, — крикнул ей вслед Мастер. — *Плевала* я на это, — ответила Маргарита уже из коридорчика». В этом случае выражаются презрение к принятым нормам и отказ им следовать.

Теперь приведем четыре выписки из «Братьев Карамазовых». 4. Митя не получил от Хохлаковой крайне нужных ему денег. «— О, чтобы черт!.. — взревел вдруг Митя, <...> *плюнул* и быстрыми шагами вышел из комнаты, из дому, на улицу, в темноту». Выражена сильная досада, может быть, перед нами также знак окончательного прекращения всяких отношений. 5. Петр Ильич сначала хотел было последить, чтобы Митю не обсчитали, но вдруг, «сам на себя рассердившись, *плюнул* и пошел в свой трактир играть на биллиарде». Здесь наблюдаем неожиданную перемену первоначального решения — синонимичный жест: *махнуть рукой*. 6. Пан Муссялович отказался от предложенных ему трех тысяч рублей. «— Пфе! А пфе! (Стыд, срам!) — И он *плюнул*. *Плюнул* и пан Врублевский». Перед нами соматическое выражение презрительного отказа от недостойного предложения. 7. Впоследствии Муссялович рассказывал о происшествии: «— Пан Митя в том покое давал мне тржи тысьнцы, чтоб я отбыл. Я *плюнул* пану в физию». Говорящий дает другую интерпретацию своему действию: *плюнуть в лицо* — нанести несмываемое оскорбление. В том же смысле восприняла поступок Мити и Хохлакова: «Он вышел в бешенстве и затопал ногами. <...> Он даже *плюнул в меня*, можете это себе представить?» Таким образом, один и тот же соматизм выражает весьма большой спектр значений: отвращение, игнорирование, презрение, досаду, перемену решения, отказ, оскорбление. Соматизм одновременно передает наблюдателю информацию о том душевном состоянии, которое свойственно для литературного персонажа.

Если попытаться вместо жеста дать вербальное описание, то возникают серьезные затруднения. В принципе такое описание возможно (мы, например, выше приводили свои «переводы» соматизмов на вербальный язык), однако оно оказывается бледнее информации, сообщаемой жестом или мимикой: исчезает эмоциональный контекст, не менее важный для читателя, чем прагматическое сообщение о поступках и событиях. Ср.: «— А ты, случайно, не дебил? — Что такое дебил? — А это у которых в голове не того, — быстро ответила девочка, *покрутив у виска указательным пальцем*» (В. Каверин, Верлиока). Как видим, жестовое сообщение эффективнее вербального, а может быть, и непереводаемо в него. Скажем кстати, что в той же повести В. Каверин приводит текст (перевод французской песенки), содержащий так наз. звуковые жесты: «Кто любит путешествия, / Те *дон-дирон-ди-ди*, / А те, кто их не любит, / Те просто *бри-ди-ди*».

Второй аргумент, поддерживающий тезис о независимости части соматизмов от вербального языка, изложим в виде рассуждения. Вербальный и соматический языки принципиально различаются своей специализацией: один нацелен в первую очередь на отражение рациональной сферы человеческой психики, а второй — эмоциональной. Это наблюдение имеет, естественно, генеральный характер, т. е. оно относится не ко всем фактам, а к их большинству, поэтому не будем смущаться отдельными противоречащими примерами — исключения не отменяют правила. Предположим, человеку страшно. Соматизмы немедленно сообщают об этом: «— Сказывай, где деньги спрятаны? Артем *поджал под себя ноги и замигал глазами*. — Что жмешься?

Где деньги? *Глаза, как сыч, таращит!* Ну? Давай деньги» (Чехов, Беспокойный гость). Конечно, что именно человек чувствует, можно передать вербально: «он боится», «ему страшно», но к этому выводу наблюдатель приходит на основе того, что испытывающий страх *поджимает ноги, часто мигает и таращит глаза*.

Симптомы (т. е. внешние признаки физиологических состояний и эмоций) для всех людей мира одинаковы, но в разных культурах приняты различные правила их сознательного подавления или модификации. Уже Дарвин заключил, что симптомы универсальны, хотя затем неоднократно высказывалась мысль, что выражения эмоций и чувств определяются национальной культурой. П. Экман [Ekman 1974] на обширном материале показал, что обе точки зрения содержат часть истины: для всех людей мира характерны одинаковые сокращения лицевых мышц и симптоматичные телодвижения, которые выражают счастье, блаженство, печаль, гнев, страх, удивление, отвращение, интерес и т. д., однако правила эксплицирования соматизмов (*display rules*) — не только в присутствии других людей, но и наедине — в каждой национальной культуре свои собственные. Эти правила распределяются по четырем группам: 1) снижение интенсивности (например, мальчику от укола больно, но он должен быть мужественным, поэтому *едва поморщился*); 2) увеличение интенсивности (если некто не испытывает особой печали на погребении, он все же «обязан» *плакать* и иметь опечаленный вид); 3) симуляция бездеятельности (т. е. отсутствие каких-либо соматизмов: например, мальчику было больно, а он *даже не поморщился*); 4) маскировка эмоции (соматизмом, относящимся к другой эмоции; скажем, человеку страшно, а на его лице *беззаботная улыбка*). П. Экман пишет, что лицо — это наиболее эффективное средство невербальной коммуникации, но одновременно оно — великолепный невербальный лжец (*nonverbal liar*), потому что человек способен задерживать адекватное выражение лица и выражать на нем чувства, которые ни в коей мере сам не испытывает. Отсюда вытекает, в частности, что при чтении художественных текстов на иностранных языках читателю понятны симптомы, если не включены национально-культурные механизмы их вывода наружу; в противном случае симптоматика может ввести в заблуждение.

Конвенциональные жесты нередко складываются на основе физиологических симптомов. Например, человек, испытывающий гнев, *сжимает руки в кулаки*; на основе этого симптома возникает условный жест угрозы (*грозит кулаком*), который иногда в шутку исполняется и человеком в спокойном состоянии. Невербальный язык генетически возникает, таким образом, без участия вербального языка. На самом деле: человек частично (в области симптомов) разделяет его с животными (например, *оскал* как признак агрессии, *дрожь* от холода; отсюда, между прочим, метафорические зооморфные жесты типа *махнуть хвостом, поджечь хвост, показать зубы/клыки, когти, раскрыть клюв, чистить перышки, ходить на задних лапках*, а также зооморфные симптомы типа *нахохлился, взъерошился*). Если соматический язык старше членораздельной речи вербального языка (нам бы не хотелось здесь включаться в заглохшую дискуссию), то в таком случае его самостоятельность, можно считать, очевидна.

Соматический язык предназначен для выражения душевных состояний и движений, эмоций человека. В силу своей специализации он передает эмоции эффективнее, чем вербальный язык: «grimаса отвращения говорит красноречивее тирад» [Австьян 1968: 9]. Однако может ли соматический язык выразить рациональную

мысль? Попробуйте жестами сказать, например: «Завтра мы возвращаемся с дачи». «Можно взглядом призвать аудиторию ко вниманию, осудить человека, выразить просьбу или упрек, но невозможно ни жестом, ни мимикой, ни даже молчанием передать мысль» [там же: 11]. Ограниченность соматического языка сферой эмоций и императивов, вероятно, в дальнейшем обсуждении не нуждается.

Что же касается вербального языка, то его средства, безусловно, позволяют выразить эмоции, но при этом эмоции рационализируются, разлагаются на составные элементы. Именно поэтому в вербальном языке сформировалось немало единиц (слов и словосочетаний), которые называют не прямо эмоцию, а жест или мимику, возобновляют в памяти адресата некоторый соматизм, и таким косвенным путем эмоция передается адресату наиболее адекватно. Насколько богаче любого рационального описания следующий пассаж, построенный на указании соматизма: «Смотри на меня, пристально смотри!.. Подойдите сюда, Алексей Федорович... дайте вашу руку, вот так... — проговорила она, схватив его холодную руку своею горячею рукой... — Алеша, дайте мне вашу руку, что вы ее отнимаете... она еще больше придвинулась к нему, заглядывая в лицо... — *Не отводи своих глаз, пожалуйста!*» (Достоевский, Братья Карамазовы). Не называя прямо призыв к откровенности, доверительности, писатель обрисовал душевное состояние героини, обрисовал его косвенно, вербально воспроизводя информацию, которая в естественных условиях передается на соматическом языке. Таким образом, специализация вербального языка на передаче в первую очередь мыслей, а эмоций лишь во вторую может быть допущена хотя бы как гипотеза.

Все сказанное приводит к мысли о параллельности двух человеческих языков: они специализированы, несводимы друг к другу и, как итог, самостоятельны. Иными словами, соматический язык — это не «около»-язык, сопутствующий вербальному языку и зависящий от него, а самостоятельный феномен.

Поиски ответа на вопрос, можно ли соматический язык отнести к сфере ведения паралингвистики, заставили нас подвергнуть анализу особенности двух языков, данных человеку, и мы пришли к итогу: соматический язык в силу его природы должен изучаться не как подчиненный, а как самостоятельный феномен⁵.

Глава 2. Пласт соматических речений в русском языке

Вербальный язык — это универсальное средство для отражения человеком окружающего его мира. Разумеется, и невербальный язык вполне может быть и на самом деле является объектом вербального отражения.

Для каждой тематической сферы отражаемого вербальным языком мира вырабатываются *специализированные языковые единицы* — слова, словосочетания, ус-

⁵ Среди исследователей невербальной коммуникации можно назвать римского ритор Квинтилиана, греческого ритора Атеня, немецкого философа Лейбница, основоположника эволюционного учения англичанина Дарвина, знаменитого немецкого психолога Вундта. Правда, к сожалению, общепринятого наименования науки, целенаправленно занимающейся соматическим языком человека, так и не возникло. Марио Пей предлагает пользоваться термином *пасимология* (pasimology). См.: [Darwin 1972; Wundt 1904; Pei 1966: 20; Lehmann 1898–1901; Knapp 1963; Ekman, Friesen, Elisworth 1971].

тойчивые фразы. Соответственно, некоторые его языковые единицы *избирательно* закреплены за отражением жестов, мимики, поз, выражений лиц и симптомов. Предметом нашего внимания как раз и являются специализированные слова, словосочетания, фразы, отражающие соматизмы; назовем эти специализированные языковые единицы *соматическими речениями*.

Для дальнейшего изложения нужно провести границу между *речевыми* соматическими речениями и *языковыми*. Рассмотрим пример: «Надежда Васильевна строго посмотрела на брата. — Как это мило — за дверьми стоять и слушать, — сказала она и, подняв обе руки, *сложила кончики мизинцев под прямым углом*. Гимназист нахмурился и скрылся. Он пошел в свою комнату, стал там в угол и принялся глядеть на часы: *два мизинца углом* — это знак стоять в углу десять минут» (Ф. Сологуб, Мелкий бес). Соматизм, который здесь отражается, является результатом предварительного договора, он отнюдь не известен всем членам русской языковой общности. Соответственно и соматические речения, описывающие соматизм, созданы автором в момент речи — словосочетания *сложить кончики мизинцев под прямым углом*, *два мизинца углом* не извлечены из памяти, а творчески образованы для показа индивидуального жеста. Перед нами речевые словосочетания, образованные по актуализированной в момент говорения синтаксической модели, т. е. в абсолютном смысле свободные словосочетания.

Большинство же соматических словосочетаний не создается в момент речи, а извлекается говорящим из готового инвентаря, хранящегося в памяти. Соматизм, который вербально описывается как *качать головой*, означает сомнение, сожаление, недоверие, а также отказ: «„Теперь пойдут иные речи!“ / Заметил весело один. / „Теперь нас ждут простор и слава!“ / Другой восторженно сказал, / А третий посмотрел лукаво / И *головую покачал*» (Некрасов, Песня о свободном слове); «Что ж *качаешь головую?* / Аль отказываешь нам? / Аль товар не по купцам?» (Пушкин, Сказка о мертвой царевне и о семи богатырях). Если учесть приведенную выше выписку из Достоевского, то придется отклонить любое предположение о свободном характере словосочетания (*по*)*качать головой*. Словосочетания подобного типа обладают двумя важными признаками. Во-первых, они воспроизводятся, будучи усвоены в детстве как цельные знаки (т. е. точно так же, как и прочие языковые единицы). Во-вторых, они имеют массовую представленность: эти речения известны всем членам русской языковой общности.

Предметом дальнейшего описания являются факты языка, т. е. языковые соматические речения⁶. Мы должны выявить возможности их лексикологического анализа, вскрыть механизм, с помощью которого кодируется невербальная коммуникация и благодаря которому закодированные жесты, мимика, позы, выражения лиц и симптомы воспринимаются адресатом.

Ниже сначала изложены некоторые частные наблюдения, а затем предпринята попытка обобщить их в единой закономерности.

⁶ К сожалению, родовой термин *речение*, охватывающий слова, словосочетания и устойчивые фразы, т. е. явления языка, внутренней формой тяготеет к термину *речь*. Поскольку мы не хотели бы порывать с традицией (особенно лексикографической) и не можем отказаться от термина *речение*, обращаемся к читателям с предупреждением о возможной путанице.

02–1. ОДИН И ТОТ ЖЕ СОМАТИЗМ МОЖЕТ БЫТЬ ВЫРАЖЕН РАЗНЫМИ РЕЧЕНИЯМИ

Простейший случай — варьирование синонимических членов в составе предложения, причем совсем не обязательно с переменной его стилистической принадлежности.

Ср. двоякое вербальное описание чувства подавленности и стыда: «Представители разбитого батальона *переступали с ноги на ногу*, даже не пытаясь оправдываться» (Н. Островский, Как закалялась сталь); «...стояли смущенные, *переминаясь с ноги на ногу*» (там же). Отражаемый жест один и тот же, но в предложении синонимичные глаголы *переступить* и *переминаясь* заменили друг друга. Ср. далее: «По высокому месту лобному, <...> *Руки голые потираючи*, / Палач весело похаживает» (Лермонтов, Песня про купца Калашникова); «Маленький доктор от удовольствия даже *потер ладонь о ладонь*, ... любуясь его огромным... телом» (А. Куприн, В цирке). Здесь также жест не переменялся от перемен в составе предложения (на сей раз не по принципу синонимичности, а среди слов одинаковой тематической принадлежности).

Эти примеры не содержат стилистических модификаций, но нередко взаимозаменяемые элементы имеют различную стилистическую приуроченность, так что соответственно и все предложение переходит из одного стиля в другой. Так, *моргать глазами* (от страха, растерянности) — стилистически нейтрально, а *хлопать глазами* — более низкого (фамильярно-разговорного) стиля: «Меня о чем-то спрашивают, а я (не понимая языка) только *глазами хлопаю*» (Тургенев, Заметки о Белинском). И уж совсем вульгарно звучит *хлопать зенками*. Ср.: опустить *глаза/очи вниз/долу*; *поднять/воздуть палец/перст*; *раскрыть/разинуть рот/пасть*; *упасть/повалиться/букнуться* в ноги и т. д.

Многообразии вербального отражения соматизма особенно ярко заметно, если привлечь к анализу индивидуально-авторские предложения и сопоставить их с общеязыковыми⁷.

Так, соматизм сближения бровей, выражающий озабоченность, тревогу, гнев, общеязыковыми средствами объективизируется как *сдвинуть/нахмурить/насупить брови*: «Но сурово *брови* мы *насупим*, / Если враг захочет нас сломать» (В. Лебедев-Кумач, Песня о Родине). Индивидуально-авторские предложения окказиональны, неповторимы: «И ложится упорная гневность / У меня *меж бровей* на челе» (Блок, Знаю я твоё льстивое имя); «*Над бровями* разом вырезались три морщины» (Гоголь, Страшная месть). Заметим, однако, что авторские соматические предложения используются в художественной литературе довольно редко, видимо, потому, что не дают полной уверенности, что жест или мимика будут правильно опознаны: «Молодые бюрократы корчатся, *хмурят брови*, надсаживают свои груди, принимают юпитеровские позы» (Салтыков-Щедрин, Благонамеренные речи); «Она с *нахмуренными бровями* глядела на всех гостей» (Гончаров, Обломов); «Блестевшие из-под *насуп-*

⁷ В добавление к сказанному раньше относительно речевых и языковых соматических предложений приведем точку зрения К. С. Горбачевича и Е. П. Хабло [Горбачевич, Хабло 1979: 7], которые считают словосочетание *языковым*, если 1) между его членами имеется устойчивая связь, 2) все словосочетание воспроизводимо и 3) словосочетание неоднократно употреблялось в речевых произведениях. Общеязыковые словосочетания в противоположность речевым (авторско-индивидуальным) допускают фиксацию в словарях языка; см.: [Учебный словарь 1978].

ленных бровей глаза его говорили о решительности и упрямстве» (Н. Островский, Как закалялась сталь).

Авторское речение нередко отличается от общеязыкового лишь минимально, например, только одним членом, но ценность замены тем не менее велика: авторский синоним, как правило, обладает повышенной образностью и экспрессией, — ср. общеязыковое *обвести/смерить* кого-л. *взглядом* и у Горького [Словарь трилогии 1974: 224] *пощупать/обласкать взглядом*.

Множественность речений, объективирующих один и тот же соматизм, возникает при смене адресатом точек зрения. Если, например, занята позиция агента (лица, исполняющего некоторый жест или принимающего позу), то обычно прямо называется действие. «— Ну, что она? — со вздохом спросил муж, понижая голос и *поднимая брови*» (Л. Толстой, Три смерти). Если же адресат встал на точку зрения наблюдателя за агентом, то описывается впечатление: «*Широкие брови* еще выше *всползли* на гладкий и жирноватый лоб» (Б. Полевой, Повесть о настоящем человеке). Этим обусловлена замена действительного залога страдательным: *поднял брови* — *брови поднялись*, *опустил голову* — *голова опустилась*, *растопырил руки* — *руки растопырились*, *вытянул шею* — *шея вытянулась* и т. д.; ср. иные описания одного и того же соматизма с разных позиций: *заморгал глазами* — *глаза заморгали*, *закрыв лицо рукой* — *лицо было закрыто рукой*, *зажмурил глаза* — *зажмуренные глаза*, *покраснел* — *краска залила лицо*, *побледнел* — *потерял свой румянец*: «— Вы с ума сошли! — вскричала она, *теряя свой румянец*. — Чек подавайте! Чек!» (Булгаков, Мастер и Маргарита).

Сюда, наконец, принадлежат случаи субъективного отражения, т. е. нацеленности сообщения не столько на адекватное представление факта, сколько на его личностную оценку: кинема или действительно производится с повышенной/пониженной интенсивностью или воспринимается адресантом как исполненная более/менее энергично, чем «нормально». Скажем, если некто удивлен лишь немного, то его рот может быть описан как *приоткрытый*, *полуоткрытый*; удивление средней степени дает речения типа *раскрыть рот*; высокая степень того же состояния представлена во фразе «...Парень засмотрелся на „головного“, *разинув* от удивления *рот*, и со всего размаха шлепнулся...» (Н. Островский, Как закалялась сталь). Гипербола речения может и не опираться на действительно исполненную кинему, свидетельствуя больше об отношении к ней адресанта, чем о ней самой: «...Огромный рыбий рот *раскрылся до ушей*» (Герцен, Былое и думы). Некоторые гиперболические речения вообще явно не соотносятся с реальными кинемами: «Темные кольца окружили его глаза, щеки обвисли и нижняя *челюсть отвалилась*» (Булгаков, Мастер и Маргарита); «Уж как не *упирайтесь руками и ногами*, мы вас женим» (Гоголь, Мертвые души); ср. далее: *глаза на лоб лезут*, *пожирать глазами*. В подобных ситуациях люди, наблюдающие определенное выражение лица, жест, симптом, могут словесно по-разному их отражать. Восприятие говорящего, а не реальность сама по себе, лежит в основе гиперболических речений: *глаза на лоб лезут*, *глаза из орбит выскочили*, *повесил язык на плечо*, *разинул рот до ушей*; ср. *тпать головой* — гиперболизованный жест у Салтыкова-Щедрина в «Истории одного города» (ср. *головотяпство*). Также: «Пройдет — *словно солнце осветит!* / Посмотрит — *рублем подарит*» (Некрасов. Мороз Красный нос); «Вдруг по вагону идет человек. Ястребом по всем сторонам, *глаза* — поглядит в молоко, *молоко скиснет*» (Белов, Плотницкие рассказы).

Таким образом, один и тот же соматизм допускает разнообразное вербальное отражение: варьируются лексемы в составе предложения (как без перемены, так и с переменной стилиевой принадлежности); предложения могут существенно расходиться между собой; адресант может изменить свой взгляд на соматизм и вложить в предложение собственное отношение к жесту или мимике, а также к их носителю. Поскольку один и тот же соматизм выражается различными предложениями, между объектом отражения и соответствующим ему вербальным текстом нет однозначной связи, хотя определенный соматизм все же избирательно объективизируется обычно одним или двумя типичными предложениями.

К мысли об отсутствии однозначной связи между соматизмами и соматическими предложениями можно также прийти, двигаясь в противоположном направлении.

02–2. ОДНО И ТО ЖЕ РЕЧЕНИЕ СПОСОБНО ОБОЗНАЧАТЬ РАЗНЫЕ СОМАТИЗМЫ

Рассмотрим соматизмы, которые отличаются друг от друга обоими планами знака: и по форме, и по содержанию.

1. Правая рука согнута в локте параллельно полу, ладонь обращена вниз; резким движением рука опускается. Значение жеста — отказ от намерения, перемена (первоначального) решения.

2. Правая рука согнута в локте и кисть доведена до уровня плеча; резким движением рука опускается до уровня локтя в сторону собеседника. Значение жеста — призыв к собеседнику прекратить какое-либо действие. В приведенном примере Алеша Карамазов этим жестом остановил докучливые приставания Никитина. Любопытно, что *махнуть* можно не только *рукой*. Грушенька приготовилась танцевать, взяла в руки платочек, а помещик Максимов подскочил, чтобы плясать вместе с ней: «Но Грушенька *махнула* на него *платочком* и отогнала его» (Достоевский, Братья Карамазовы). Муж в спешке подошел к телефону босиком и ведет очень важный для него разговор; жена поднесла туфли: «— Туфлю надень, туфлю... Ноги простудишь... — на что Аркадий Аполлонович, *отмахиваясь* от жены босой *ногой* и делая ей зверские глаза, бормотал в телефон: — Да, да, да, как же...» (Булгаков, Мастер и Маргарита). Этот жест вербализуется также глаголом *отмахнуться* и словосочетанием *махать руками*. «— А ну, отступись! — *отмахнулась* Анфeya, но мальчишка и сам уже забыл про свой вопрос» (Белов, Плотничкиные рассказы); «Анна Андреевна: — Что, Авдотья, ты слышала, там приехал кто-то?.. Не слышала? Глупая какая! *Машет руками?* Пусть *машет*, а ты все бы таки его расспросила» (Гоголь, Ревизор).

3. Правая рука согнута в локте, ладонь поднята над головой и обращена от себя; ладонь совершает движения из стороны в сторону или вперед и назад. Значение жеста — приветствовать кого-либо, здороваться или прощаться. «— Кому ты *помахал рукой?* — Да это Петр Павлович, мой старый знакомый!» (Небольсин, На границе); «Провожать тебя я выйду — / Ты *махнешь рукой?*» (Лермонтов, Казачья колыбельная песня).

4. Согнутая в локте рука кистью обращена к собеседнику; производятся движения кистью к себе и от себя; вместо кисти могут действовать палец, платок, палка, зонтик и т. д. Жест означает: подойдите сюда, подойдите поближе! «Анна Андреевна. (*Машет платком*). Эй вы, ступайте сюда! скорее!» (Гоголь, Ревизор). «Те же и Осип. Все бегут ему навстречу, *кивая пальцами*» (там же). Смердяков о Грушеньке:

«Стоило этой барыне вот так только *мизинчиком* перед ними *сделать*, и они бы тотчас в церковь за ними высуня язык побежали» (Достоевский, Братья Карамазовы). Этот жест отражается также глаголами *манить*, *мигнуть* (*пальцем*) и даже *звать*: «Увидав Митю, она [Грушенька] *поманила* его к себе» (там же); «Бобчинский. А Петр-то Иванович уже *мигнул пальцем* и подозвали трактирщика-с» (Гоголь, Ревизор).

5. Всевозможные условные жесты, которые в силу их многообразия не поддаются однозначному описанию и имеют контекстуальное значение — отойди, подойди, унеси, принеси, убери, дай и т. д. «Алеша *махнул* из дверей кучеру, и карета <...> подъехала к выходным дверям» (Достоевский, Братья Карамазовы); «Каган *махнул* слугам *рукой*, они унесли поднос назад» (В. Воскобойников, Братья); «— Нешто не пойдешь? — Куды? — На помощь! — Куда мне! — *махнул рукою* лесник, пожимаясь всем телом» (Чехов, Беспokoйный гость).

Таким образом, одно речение способно выражать несколько соматизмов; мы разбирали случай, когда соматизмы отличаются друг от друга и формой и содержанием. Переходим к соматизмам, которые при одинаковой или близкой внешней форме имеют различную семантику, т. е. к соматизмам-омонимам и к полисемантическим соматизмам. Жесты, мимические движения или симптомы многозначны, видимо, в большей степени, чем слова вербального языка; их семантическая диффузность делает роль контекста для адекватного понимания невербальной информации чрезвычайно важной⁸.

Так, рукопожатием выражается 1) жест приветствия при встрече или прощании: «На берегу мы расстались друзьями; оба *пожали* мне *руку*» (О. Форш, Одеты камнем); 2) рукопожатием примиряются: «— *Подай* ему *руку*. Прости его. — Алексей Александрович *подал* ему *руку*» (Л. Толстой, Анна Каренина); 3) рукопожатием (без слов или со словами) выражают благодарность: «— Спасибо вам за все, Евгений Павлович, — проговорил Никита, несильно *пожимая* его сухую, костистую *руку*» (Ю. Бондарев, Родственники); 4) рукопожатие означает одобрение каких-либо качеств и поступков человека: «— Милый Сережа, как я рад, что в вас не ошибся! — Шувалов *пожал* мою *руку*» (О. Форш, Одеты камнем); 5) обмениваясь рукопожатием, люди скрепляют договор, достигнутое взаимопонимание: «Мы скрепили это решение клятвенным *рукопожатием*» (А. Никитин, Рассказ о первой любви); 6) отказ от рукопожатия, напротив, означает нежелание иметь дело с собеседником, резкое неодобрение его поступков: «— Дмитрий Карамазов, как свободный еще человек, *протягивает* вам свою *руку*. <...> Он действительно *протянул* было *руку*, но Николай Парфенович... почти судорожным каким-то жестом припрятал свои руки назад. Митя заметил это и вздрогнул. *Протянутую* *руку* свою он тотчас же опустил» (Достоевский, Братья Карамазовы); 7) рукопожатие передает, наконец, чувство симпатии, любви: «...*Пожатием* нежным / *руки* белоснежной» (либретто оперы «Иоланта» Чайковского).

Семантика, выражаемая соматизмом, расплывчата, диффузна, поэтому ее расчленение разными исследователями может привести к различным результатам. Все семь соматизмов, кратко рассмотренные выше, вербализуются одинаковыми речениями: *пожать* *руку*, *рукопожатие*, *обменяться рукопожатием*, *подать* *руку*, *протянуть* *руку*. Это не свидетельствует против тезиса, что одно вербальное описание может сопрягаться с различными по исполнению движениями (*кинемами*); каждое

⁸ Эта диффузность семантики соматизмов отмечалась неоднократно. Так, Р. Р. Гельгардт справедливо пишет, что «у кинем семантические границы менее четко очерчены и более размыты», чем у вербальных знаков, «что создает их семантическую емкость» [Гельгардт 1971: 112].

из пяти речений по отдельности способно описать любой из семи жестов: пожать руку *на прощанье*, пожать руку *в знак прощения обид*, пожать руку *из чувства благодарности*, пожать руку защитившему диссертацию *в знак поздравления* и т. д.

Анализ примеров *махнуть рукой* и *пожать руку* убеждает в исключительной роли контекста, без которого нельзя понять, какой именно жест исполняется. Эта недостаточность соматического речения ощущается не только адресатом, но и самим адресантом. Поэтому адресант нередко прямо или косвенно поясняет, в каком смысле следует понимать описываемый жест или симптом: «Зельцер понимающе посмотрел на него и *в отчаянии* махнул рукой» (Н. Островский, Как закалялась сталь); «— Не нарочно, сами изволите знать-с! Генерал *состроил плаксивое лицо* и махнул рукой. — Да вы просто смеетесь, милостисдарь!» (Чехов, Смерть чиновника). Если в этих примерах смысл жеста назван прямо, то в следующем его надо вывести из вербального контекста: «Г о р о д н и ч и й. Теперь: «не погуби!», а прежде что? Я бы вас... (*Махнув рукой.*) Ну, да Бог *простит! полно!* Я не памятозлобен: только теперь смотри держи ухо востро!» (Гоголь, Ревизор); контекст недвусмысленно указывает на интерпретацию жеста как знака прощения и перемены первоначального намерения⁹.

Способность одного и того же слова или словосочетания выражать различные по исполнению и по семантике соматические состояния и движения заставляет отрицать наличие однозначной и обратимой связи между определенной кинемой и определенным речением. И тем не менее качество кинемы благодаря речению можно себе представить — хотя бы в некоторых чертах.

Имеется, однако, группа таких речений, которые, будучи безусловно соотносенными с мимикой, жестикуляцией, позами, выражениями лиц и симптоматикой человека, не позволяют даже отдаленно догадаться, какое именно движение выполняется или что именно в статичном облике имеется в виду.

02–3. РЕЧЕНИЕ МОЖЕТ ОТРАЖАТЬ НЕ ФОРМУ, А СМЫСЛ СОМАТИЗМА

Как и другие знаки, кинема имеет план выражения и план содержания, а в вербальном представлении соматизм иногда элиминируется как раз в своем внешнем аспекте. «Мой сосед хотел что-то возразить ему, но старший садовник *сделал жест*, означавший, что он не любит возражений» (Чехов, Рассказ старшего садовника). Какой именно жест выполнил садовник?; «— Не нарочно, сами изволите знать-с! Генерал *состроил плаксивое лицо* и махнул рукой. — Да вы просто смеетесь, милостисдарь!» (Чехов, Смерть чиновника). Речение таково, что адресат не «видит» соматизма, хотя и улавливает, что некоторое содержание было передано невербальным способом.

Прибегая к непосредственно ориентированным на смысл речениям, адресант принимает точку зрения не носителя соматизма, а стороннего наблюдателя. «Когда мы возвращались с кладбища, то у нас были *скромные постные физиономии*» (Чехов, Человек в футляре). Вероятно, *лица были напряженными и вытянутыми, глаза — опущенными к земле*, но писатель не характеризует мимики, а прямо сообщает о впечатлении, которое она производила на наблюдателя. Когда используются гиперболические и зооморфные

⁹ Р. Р. Гельгардт так говорит о роли контекста: «...без словесного комментирования жест нельзя понять именно в той смысловой функции, в какой читатель должен его декодировать» [там же: 119].

соматические речения, то также передается содержание, а не внешняя форма жеста или мимики. «Тентелеев взял шляпу, да *поджавши хвост* и улизнул» (Тургенев, Дым). Речения типа «Алешка соорил *шутовское лицо*» (А. Эртель, Гарденины), «Прозоров остановился... *в трагической позе*» (Д. Мамин-Сибиряк, Горное гнездо), «...с *каменным лицом* выслушал он мои робкие возражения» (В. Каверин, Два капитана) рассчитаны на сообразительность адресата, который сам должен представить себе лицо шута, трагическую позу или окаменевшую неподвижность мимики.

Следовательно, соматизмы вербальными средствами отражаются двояко. Пусть речения, отражающие соматизм со стороны внешней формы, называются *эйдетическими* (от греч. εἶδος «образ»); тогда речения, которые отражают соматизм в содержательном плане и ориентированы на смысл, можно было бы назвать *сенсуальными*. Эйдетические и сенсуальные соматические речения вступают в отношения частичного параллелизма: они либо одновременно встречаются в едином вербальном сообщении, либо могут взаимозаменяться: ср. эйдетическое описание «Борис *потер* указательный *палец* большим, — *денежки платить надо*» (Леонов, Костров, Операция «Викинг») с сенсуальным отражением того же поведения — «жестом показал, что надо платить денежки».

Параллелизм эйдетического и сенсуального описаний чаще наблюдается применительно к мимике, чем к другим соматизмам: улыбнулся уголками губ — *сдержанно* улыбнулся: губы широко растянулись в улыбке — *радостно* улыбнулся и т. д. Иногда параллелизм нарушается в пользу либо эйдетических, либо сенсуальных речений, доходя даже до взаимной непереводимости. Когда речь идет о нюансах смысла, передаваемых соматически, сенсуальные речения скорее достигают цели, чем эйдетические. Так, улыбка может быть названа *вопросительной, восхищенной, грустной, дурацкой, задумчивой, застенчивой, хитрой, романтической, коварной* и т. д.: эйдетически указать на разницу между *вызывающей* и *дерзкой* улыбками было бы возможно только при большом многословии. Эта разница не всегда и улавливается наблюдателем: «По лицу ее пробегала *не то лукавая, не то мечтательная* улыбка» (В. Полторацкий, В дороге и дома). Если соматизм сложный и многосоставный, то также предпочтаются сенсуальные описания: «Гость сделал жест, *означавший*, что он никогда и никому этого не скажет, и продолжал свой рассказ» (Булгаков, Мастер и Маргарита).

Отмечаются и предпочтения эйдетических речений. Если вербально отражаемый соматизм многозначен и адресант желает опереться сразу на два или даже три смысла, то он скорее опишет симптом, жест или позу, чем даст их истолкования. «Он сидел напротив меня в кресле, *опустив голову*, подняв худые плечи» (В. Каверин. Два капитана). Опустить голову можно *от стыда, раскаяния, в печали, в задумчивости*, выражая *сострадание* собеседнику и т. д.; здесь, однако, эти чувства экономно выражены эйдетическим сочетанием всего двух слов. «Они давно уже с приятелем переговорили обо всем и уже давно перекладывали разговор весьма длинными молчаньями, слегка только *потрепывая* друг друга *по ляжке*» (Гоголь, Шинель). Чувства, владевшие приятелями (расположения, фамильярности, может быть, и скуки) опять-таки трудно рационально обозначить, почему и воспроизведен образ, а не смысл.

Эйдетические речения не переводятся в сенсуальные и тогда, когда соматизм не обладает четко ограниченной семантикой или, напротив, если его семантика слишком конкретна и модифицирована в уникальной речевой ситуации. «— Вы — человек бедный... Ведь вы — человек бедный? — Буфетчик *втянул голову в плечи*, так что стало видно, что он — человек бедный» (Булгаков, Мастер и Маргарита).

Если эйдетическое речение в восприятии адресата можно уподобить *семасиологическим* отношениям в лексике, т. е. движению от формы к содержанию (например, *сделать поклон* или *кивнуть головой* значит «поздороваться»), то сенсуальное описание подобно *ономасиологическому* процессу, потому что, отправляясь от содержания, адресат должен восстановить жестикуляцию, мимику или другой соматизм. Потенциально все синонимичные соматизмы могут быть восстановлены: сенсуальная фраза «молча поздоровался» потенциально переводится в несколько эйдетических — *подал руку, обменялся рукопожатием, помахал рукой, кивнул головой, сделал/отвесил поклон, (при)поднял шляпу*.

С одной стороны, эйдетические и сенсуальные речения близки друг другу двуплановостью («двухэтажностью») своей семантики, но, с другой стороны, противоположны порядком следования обоих планов («этажей») информации; ср. эйдетический способ отражения жеста: «Британский лев, держи нейтралитет, / блудливые глаза прикрой стыдливой лапой» (Маяковский, На цепи!). Здесь сначала описано кинетическое поведение само по себе (*глаза прикрыты ладонью*), и только потом адресант воспринимает душевное состояние, выраженное жестом (глаза спрятаны *от стыда*). Еще пример: «— Так что же делать! Ах, боже мой! — Муж закрыл глаза рукою» (Л. Толстой, Три смерти). Жест передает горе и отчаяние человека. Наконец: «Завидев вооруженного всадника, люди <...>, прикрывая глаза натруженными ладонями, смотрели вслед» (А. Фадеев, Разгром). Симптом (перед нами не жест, так как движение направлено на прагматическое, самодостаточное действие) говорит о внимательном рассматривании проезжающего человека. Во всех примерах адресат переходит к смыслу лишь после того, как воспринята внешняя форма соматизма. В случае сенсуальных речений смысл соматизма адресат воспринимает непосредственно и далеко не всегда восстанавливает в своем сознании его внешнюю форму.

Если перед нами не массово распространенный соматизм, если нет уверенности, что соматизм, который вербально представляется, заведомо всем хорошо знаком, то надо обрисовать его форму с большой словесной детализацией.

02–4. СОМАТИЗМЫ ВЫРАЖАЮТСЯ РЕЧЕНИЯМИ РАЗЛИЧНОЙ СТЕПЕНИ ЭКСПЛИКАЦИИ

Вот как описан жестово-мимический план публичного чтения актером державинской оды «Бог»: «„Я царь“ — солдатская выправка, строгое лицо, плечи приподняты, обе руки на высоте груди, одна зажата в кулак, другая полураскрыта ладонью вверх. Предполагается: в одной скипетр, в другой — держава. „Я раб“ — ноги, согнутые в коленях, руки повисли, голова опущена, лицо печальное. „Я червь“ — спина и шея продольно искривлены, вытянутая вперед рука делает „ползательные“ движения. „Я Бог“ — голова откинута вверх, глаза выпучены, руки распахнуты, обнимая весь мир» (П. Бажов, Дальнее — близкое). Писатель столь детально описывает невербальное поведение читающего патетические стихи, чтобы передать его театральную жестикуляцию, не встречающуюся в повседневной жизни.

На предшествующий опыт, на фоновые знания можно рассчитывать лишь в случае речений, которые отражают массово распространенные обычные соматизмы, для восстановления которых не нужен словесный ряд и достаточно экономично-краткого напоминания — часто даже об одном не всегда самом характерном элементе

соматизма. Например, состояние сильного огорчения обнаруживается так: глаза смотрят вниз и в одну точку (взгляд застыл); лицо напряженное, как маска; голова наклонена вперед; брови насулены. Общеязыковое устойчивое эйдетическое речение передает лишь один элемент этого соматизма (причем с вариантами: *повесить голову/нос*): «Что, Иванушка, невесел? / Что *головушку повесил?*» (П. Ершов, Конек-горбунок); «Все чувства в Ленском помутились, / И молча он *повесил нос*» (Пушкин, Евгений Онегин).

Словосочетания, описывающие соматизмы, обычно состоят из глагола и имени (двух имен); четырехместные речения, как правило, не остаются эйдетическими, а включают в себя сенсуальные элементы (например, закрыть *руками лицо от ужаса* и т. д.). Двухместные эйдетические речения распространены широко (только со стержневыми словами *рука* или *голова* их по несколько десятков): «Мы в *глаза друг другу глянем*. / Руки жаркие сплетем» (М. Исаковский, Лучше нету того цвету) (*сплести руки* — выражение дружбы и любви; синонимы: *взяться за руки, держаться за руки*); «И давно уже в целой России *простирают руки* и взывают остановить бешеную, беспардонную скачку» (Достоевский, Братья Карамазовы) (выражается мольба; синоним: *протягивать руки* к кому-либо); «Зачем живет такой человек! — глухо прорычал Дмитрий Федорович, <...> указывая на старика рукою» (там же) (привлечение внимания; синоним: *указывать пальцем*); «Я <...> *поцеловал руку* ее с истинным чувством сына» (О. Форш, Одеты камнем) (устаревший этикетный жест при приветствии и прощании); После того как Федор Павлович плюнул на образ, его жена «вскочила, *всплеснула руками*, <...> вся затряслась и пала на пол» (Достоевский, Братья Карамазовы) (жест означает отчаяние, ужас, возмущение, негодование); «Народ *поднял вверх руки*: Мирослав был избран» (Карамзин, Марфа Посадница) (поднятие рук означает голосование); «Городничий (*протянув руки по швам*). Желаю здравствовать!» (Гоголь, Ревизор) (военный жест почтения); «На днях я опять читал про одного нищего, ходившего по трактирам и *протягивавшего там руку*. Его арестовали и нашли при нем до пятидесяти тысяч» (Достоевский, Подросток) (внешнее проявление попрошайничества); «Что же мы будем делать? — Узнаю Вас в этом вопросе. Вы никак не можете сидеть *сложив руки*» (Тургенев, Дворянское гнездо) (поза бездельника). Ср. также: *ударить по рукам, подать руку, соединить руки, отнять руку, взять / вести за руку, сделать рукой, воздеть руки, взять под руку / под руки, из рук в руки, лизать руки, отдать руку / и сердце, поднять руки* и т. д.

Рассмотрим теперь ряд общеязыковых трехместных эйдетических словосочетаний с тем же ключевым словом: «*Послал ему рукой поцелуй*» (Достоевский, Братья Карамазовы) (привет, дружба); «Что ты, подожди оплакивать, — улыбнулся старец, *положив правую руку* свою на его *голову*» (там же) (устаревший жест благословения); «Он облокотился на стол и *подпер рукой голову*» (там же) (печаль, тяжелые думы, физическая усталость); Старый профессор не находит номерка от гардероба: «Ну что такое? Где же этот номер? / А может быть, не брал у вас я номер? / Куда он делся? — *Трет рукою лоб*» (Евтушенко, Окно выходит в белые деревья) (напряженное припоминание). Четырехместные словосочетания (со всеми обязательными элементами) в общеязыковом употреблении не встречаются¹⁰.

¹⁰ Г. Л. Пермяков указывает 168 устойчивых словосочетаний со словом *рука*, причем все они восходят к жестам [Регуяков 1979: 193—203].

Если двух- и трехместные словосочетания манифестируют нормальную степень общеязыковой экспликации соматизма, то однословные речения понижают степень экспликации: *кивнуть, нахмуриться, подбочениться, отмахнуться, насунуться, надуться, покраснеть, наморщиться, скоситься, мигнуть, (на)бычиться* и т. д. Нулевая степень экспликации наблюдается, когда отражающее соматизм речение является фразеологизмом. Придурковатого, со странностями человека обозначают жестом: правая рука согнута в локте, все пальцы, кроме указательного, собраны в кулак, указательный вытянут; указательный палец приближается к виску и делает два-три круговых движения. Речение-фразеологизм (*У него не все дома*) никак не эксплицирует внешней формы жеста (*покрутить пальцем у виска*). Ср. другие кинематические фразеологизмы — *нужен дозарезу* (ладонь проводится под подбородком), *вот те крест* (с биением себя в грудь), *милости просим* (с жестом приглашения проходить), *вот где сидит* (похлопывая себя по затылку) и т. д.: «Вот где они у меня сидят, эти интуристы! — интимно пожаловался Коровьев, *тыча пальцем* в свою жилистую шею» (Булгаков, Мастер и Маргарита).

Нулевая степень экспликации отмечается и тогда, когда жест имеет специальное вербальное обозначение. Например, один из известных русских жестов описывается так: «показывают сложенную в кулак руку с большим пальцем, просунутым между указательным и средним» [Гельгардт 1971: 108]. Жест этот называется более или менее нейтрально *кукиши* или стилистически сниженно *фиг(а)*: «Разве не дразнили меня языком? Не показывали мне ежечасно *шиши* и *кукиши*? Если и не показывали их физически, то все равно, это были нравственные *кукиши*» (Достоевский, Село Степанчиково); «Раб с головы до ног, в то же время старающийся, с помощью целой системы показываемых в кармане *кукишей*, обратить свое рабство в шутку» (Салтыков-Щедрин, В среде умеренности); «Глядит в книгу, а видит *фигу*» (пословица). Естественно, сенсуальные речения всегда имеют нулевую экспликацию.

Максимальная же экспликация регулярно имеет место в научных фиксациях соматизмов, вообще в тех жизненных случаях, когда требуется не напоминать адресату о жесте или мимике, а представить ему соматизм точно и недвусмысленно (ср. «иконописные подлинники», в которых тщательно описаны поза, положение рук и выражение лица каждого святого).

02–5. ЭЙДЕТИЧЕСКОЕ РЕЧЕНИЕ

ПЕРЕДАЕТ ЗНАЧЕНИЕ СОМАТИЗМА ПОЛНОСТЬЮ

В отличие от сенсуального эйдетическое речение независимо от степени экспликации позволяет адресату «увидеть» соматизм внутренним взором, и при этом воспринимается не семантика буквального плана речения, а значение соматизма. Так, *смотреть в глаза кому-либо* на уровне смыслов, выводимых из слов словосочетания, означает «направить свои глаза на глаза собеседника»; однако адресат обычно не остается на этом уровне, а воспринимает смысл «быть искренним», свойственный не речению, а именно соматизму-жесту. Буквальный смысл выходит из светлого поля сознания: «Что может, говорит Полкан, приятней быть... / *В глаза глядеть друг другу*» (Крылов, Собачья дружба).

Речения *прятать глаза, отвести глаза, опустить глаза, глядеть в сторону, потупить взор* и т. п. на прагматическом уровне восприятия информации обозначают

определенное действие: «Ракитин... не любил встречаться с Алешей, почти не разговаривал с ним, даже и раскланивался с натугой. Завидя теперь входящего Алешу, он особенно нахмурил брови и *отвел глаза* в сторону, как бы весь занятый застегиванием своего большого... пальто» (Достоевский, Братья Карамазовы). Однако значительно чаще эти речения объективируют соматизмы: «Да неужто же и ты с маловерными?.. Алеша остановился и как-то неопределенно взглянул на отца Паисия, но снова быстро *отвел глаза* и снова *опустил их* к земле» (там же). В этом случае Алеша не просто не хочет смотреть на собеседника, он не хочет сказать ему всей правды; ср. аналогично: «Она умоляюще и вопросительно посмотрела на мужа. Он *опустил глаза* и молчал» (Л. Толстой, Три смерти).

Два антонимичных жеста *смотреть в глаза* и *отвести глаза* выступают и в осложненном виде. Если один из собеседников хочет побудить другого к искренности, он начинает ловить его взгляд: «Она пристально ждала и *ловила его взгляд*. <...> *Поймав* же его *взгляд*, расхохоталась» (Достоевский, Братья Карамазовы); «Я не верю, не верю этому! — проговорила Долли, стараясь *уловить* его *избегающий взгляд*» (Толстой, Анна Каренина).

Обратим внимание на то, что речение *опустить глаза* может описывать не только динамичный жест, но и статичное выражение лица. Например, Жюльену Сорелю пришлось потратить много усилий, чтобы заставить себя всегда появляться в семинарии с опущенными глазами: «...не без причины в этих местах ходят *опустив глаза долу*» (Стендаль, Красное и черное). Отсюда дальнейшее развитие семантики соматизма: человек с постоянно *потупленным взором* (например, Иудушка Головлев) воспринимается как лицемерный святоша.

Не случайно, что при анализе семантики соматических речений постоянно приходится говорить о семантике самих соматизмов: речение лишь напоминает о жесте, позе, мимике, выражении лица или симптоме — в этом заключается его последующая функция. Хотя само речение не более как передает информацию прагматического характера, все же правильно утверждать, что с помощью эйдетических речений значение соматизма сообщается адресату полностью.

Условие адекватной передачи информации — предварительная известность семантики соматизма. Если же это условие не выполнено, то речение само по себе не способно сообщить адресату подлинный смысл сообщения.

В «Разгроме» Фадеева рассказывается о рождении в многодетной шахтерской семье (события относятся к дореволюционной России) еще одного ребенка: «Значит, четвертый... — подытожил отец покорно и *махнул рукой*. — Веселая жизнь». Зарубежные студенты-русисты из одной азиатской страны, в которой многодетность, особенно обилие сыновей, — независимо от достатков семьи, — почитается за счастье, ознакомившись с текстом, утверждали, что отец, конечно же, был очень и очень рад. Противоречащий ироническим словам жест не был известен заранее и соответственно не был воспринят. (Пример приведен в работе: [Гореликова 1976: 149].)

Еще пример: Лейтенант Дуб опустил вниз большой палец правой руки; Швейк не понял, почему он «указывает пальцем на землю» (Гашек, Приключения храброго солдата Швейка). Вообще иностранные жесты и другие соматизмы с помощью речений передаются только на прагматическом уровне. Русскому читателю, как и Швейку, надо, видимо, предварительно объяснить, что *pollice verso* (большой палец вниз) — значащий жест: «Когда в Колизее победивший гладиатор склонялся над побежденным противни-

ком, римская публика либо поднимала большой палец руки вверх, требуя помилования лежащего, либо обращала его вниз, в знак того, чтобы победитель добил раненого»¹¹.

В русской национальной культуре представлено определенное количество заимствованных соматизмов, которые, кстати, нередко сами о себе заявляют, потому что содержат в своих наименованиях специфицирующие атрибуты: *гомерический смех, сардонический смех, олимпийское спокойствие, панический ужас, взгляд василиска, взгляд Медузы, поцелуй Иуды, улыбка Джоконды*. Ряд заимствованных жестов не исполняется, да может быть, и не исполнялся никогда, благодаря чему их иностранное происхождение присутствует в сознании образованных членов языковой общности; ср. библейские соматизмы: *плач и скрежет зубов, лицом к лицу, носить на руках, не взирая на лица, умыть ноги, бросить в кого-либо камень* и т. д.

Итак, речение само по себе не может передать семантики соматизма, оно лишь вызывает в сознании адресата образ жеста или позы, а эти последние передают информацию, закодированную невербально. Предварительное владение соматизмом — непереносимое условие восприятия человеком невербальной информации. При овладении иностранным языком в его вербальной модальности невербальный иностранный язык отнюдь не усваивается, так что необходимы сознательные и целенаправленные усилия по овладению соматическим языком. Для владеющего соматическим языком общезыковые соматические речения выполняют «напоминающую» функцию, причем речение передает значение соматизма полностью — сразу во всех его смыслах и со всеми обертональными (стилистическими, ситуативными) оттенками. Это касается, конечно, эйдетических речений, отражающих наглядные образы; сенсуальные слова и словосочетания сообщают адресату как раз только об одной определенной семе полисемантического соматизма.

Наряду с центральным значением в соматизмах обнаруживаются дополнительные смыслы, накладывающиеся на основные: приветствие, например, обозначается рядом жестов (*махнуть рукой, кивнуть головой, приподнять брови, поклониться, приподнять шляпу, обменяться рукопожатием, расцеловаться* и т. д.), однако каждый из них привязан к ситуативно-этикетным характеристикам и имеет определенную стилистическую тональность. Среди обертональных сем соматизма *подать руку* можно назвать такие: признание адресата рукопожатия равным себе (в противном случае в прошлом *подавали палец*, а сейчас ограничиваются *кивком головы*); выражение нормальных или дружеских отношений между приветствующими друг друга. Если из числа возможных выбирается какой-либо определенный жест, то этот выбор всегда информативен. Например, Тоня встретила с Павкой после большого перерыва: «И вот этот оборванец <...> Ей даже неудобно было *подать* ему *руку*. Что подумает Василий?» (Н. Островский, Как закалялась сталь). Павка совершенно правильно воспринял обертональную информацию: «Два года назад ты была лучше: не стыдилась *руки* рабочему *подать*» (там же). Ср.: «Войдя в комнату, он щегольски расшаркался с дамами и *подал* Гельфрейху *руку*, мне же *сделал* только безмолвный *поклон*» (Н. Гаршин, Надежда Николаевна). Жесты *шаркнуть ногой, подать руку, сделать поклон* синонимичны на уровне основного значения, но отнюдь не синонимичны из-за дополни-

¹¹ [Овруцкий 1962: 133]. Интересно, что данная латинская жестикация воспринята в английской языковой общности: опущение большого пальца вниз означает неодобрение чего-либо, а поднятие вверх — одобрение. См.: [Смирнова 1971: 137].

тельной, выступающей здесь на первый план обертональной семантики. Сенсуальное речение (вошедший в комнату приветствовал присутствующих) не было бы выразительным, потому что для писателя важно показать, что его персонаж галантен с дамами, что он позитивно выделил одного из гостей и не очень вежливо отнесся к другому. Ситуативно-этикетная информация адекватно передается эйдетическими речениями, сенсуальные же речения подобную информацию не воспроизводят.

Для постижения механизмов отражения речениями семантики соматизмов интересен разбор не только ситуативно-этикетных, но еще и стилистических обертонов их основных значений. Скажем, все жесты оскорбления и даже поддразнивания имеют низкую стилистическую тональность: *натянуть нос, показать язык, показать фигу/дулю/кукиш/шиш*, особенно в сопровождении восклицанием типа «Накось, выкуси!». Однако можно ли причислить к сниженным речения, объективирующие эти жесты? Едва ли, потому что речения сами по себе принадлежат к нейтральному стилю. «*Высуньте язык!*», «*Покажите язык!*» в устах врача стилистически нейтральны. Однако: «Когда проходил мимо их порядочный человек, Ванюша *показывал* ему язык, бегал за ним и изо всей силы кричал: пьяница, урод, развратник! зубоскал, писака!» (Пушкин; цит. по: [СЯП, т. II]). Нейтральное само по себе речение как бы заражается стилистикой соматизма, отражаемого им.

При отражении соматизмов, нейтральных по объективным признакам, обычно сознательно выбираются речения разной стилистической принадлежности. «С предписанием осмотреть всю губернию и особенно наш уезд (значительно *поднимает палец* вверх)» (Гоголь, Ревизор). Перед нами нейтральный жест привлечения внимания; его можно описать, однако, при помощи стилистически высоких средств (*воздел перст*), что изменит стилистику всего телесного движения в сознании адресата. Именно адресант устанавливает стилистическую принадлежность вербализующих речений и в конечном итоге задает восприятие второго участника коммуникативного акта. Ср. стилистические ряды: *сделать/состроить гримасу/рожу, скрыть рожу; поднимать/воздымать руки/длани; раскрыть/выпучить/выпялить глаза/шары/бельмы/зенки; поднять/возвести глаза/очи к небу/горе; покраснеть, зардеться, побагроветь* и т. д. — «Что *вылупили шары*-то на меня?» (Горький, В людях); «Дважды *воздымал руки*, как распятый» (Булгаков, Мастер и Маргарита); «Лазурны *очи опустья* / В объятиях Вадима, / Она, как тихое дитя, / Лежала недвижима» (В. Жуковский, Вадим). Стилистический регистр соматического речения иногда не отражает подлинную стилистику соматизма, а привносит ее, отражая точку зрения и оценки адресанта.

Все же стилистическая окраска речения не всегда произвольна по отношению к соматизму и иногда отображает интенсивность исполнения того или иного движения, степень или глубину состояния. «В его присутствии робели все, даже старики протоиереи, все „*бухали*“ ему *в ноги*» (Чехов, Архиерей). Речения *отвесить земной поклон, поклониться в ноги, упасть в ноги* и, наконец, *бухнуть(ся) в ноги* отражают не только возрастание стилистической окраски, но и увеличение интенсивности исполнения одного и того же по центральному значению жеста. Таким образом, вербальный язык не просто «зеркально» отражает соматизмы, но и способен активно привнести дополнительную и важную внешнюю информацию.

Все же нельзя не признать, что в парном соотношении «соматизм — речение» именно соматизм, а не речение занимает ведущее место; значения речения — как основное, так и обертональные — не являются его собственными и восходят к мимике или жесту.

Завершая синхронное рассмотрение природы соматизмов и закономерностей их отражения вербальными речениями, логично обратиться к некоторым диахронным вопросам.

02–6. УНИВЕРБАЛИЗАЦИЯ И ФРАЗЕОЛОГИЗАЦИЯ СОМАТИЧЕСКИХ СЛОВСОЧЕТАНИЙ И ПРОБЛЕМАТИКА ЛИНГВОСТРАНОВЕДЧЕСКОЙ СЕМАНТИЗАЦИИ

Уже упоминались отражающие соматизмы отдельные слова (*по-бледнеть, мигнуть, нахохлиться*). Хотя среди общеязыковых соматических речений словосочетания (обычно двусоставные) образуют основной массив, заметную роль играет их универбализация.

Наблюдается, во-первых, отпадение одного из элементов (как правило — имени): *вешаться на шею — вешаться, зевать по сторонам — зевать, барабанить пальцами — барабанить, кивнуть головой — кивнуть* и т. д. Ср. полное речение во фразе «слегка барабанит двумя пальцами по лбу», выражающее задумчивость (Чехов, Тссс!), с универбом на его месте во фразе «Начальник конторы нетерпеливо барабанил по столу» (В. Кожевников, Живая вода); *скалить зубы — скалиться, хмурить брови — (на)хмуриться, морщить лоб — (на)морщиться, вылупить/выпялить глаза — вылупиться/выпялиться, выпятить грудь — выпятиться, понурить голову — понуриться, надуть губы — надуться, скривить губы — скривиться, упереть руки в боки — подбочениться, сделать поклон — поклониться, махнуть рукой — отмахнуться*. Ср. две фразы (в первом — словосочетание, во второй — универб): «Что ж? Сене от того прибыток вышел мал, / Он, бедный, на низу облизывал лишь зубки. / Федюша сам сверху каштаны убирал, / А другу с дерева бросал одни скорлупки» (Крылов, Два мальчика); «Были в монастыре... откормленные сизые голуби, на которых облизывались кошки» (В. Иванов, Когда я был факиром). Можно привести примеры и сокращений речения путем метафоризации: например, *поднимать руку* (для того, чтобы воспользоваться попутной машиной) переносно замещается однословным речением *голосовать*.

В-третьих, универбализация иногда приводит к номинализации глагольных словосочетаний, к возникновению названий лиц по характерному для них соматизму: *скалить зубы* (= смеяться) — *зубоскал, смотреть по верхам* (= быть поверхностным) — *верхогляд, разевать рот — зевака, растопыривать руки — растопыра, приложить руку* (эвфемистически: прибить) — *рукоприкладство, бить челом — челобитье* и т. д.

В диахроническом отношении словосочетание способно стягиваться в одно слово. Другой диахронический процесс, которому подвергаются соматические словосочетания, — фразеологизация. Фразеологизм — это не сводимая ни к словам, ни к языковым афоризмам самостоятельная строевая (непосредственно соотнесенная с внеязыковой действительностью) языковая (массово воспроизводимая) единица, обладающая синтаксически членимой формой, формой словосочетания, и исполняющая во фразе единую синтаксическую функцию члена предложения; фразеологизму присуща реальная семантика (номинативность) лексического характера, не выводимая из (нередко сохраненной) семантики каждого компонента единицы. Прототипом фразеологизма обычно бывает обыкновенное языковое словосочетание, смысл которого возникает путем прибавления к смыслу первого слова смысла второго и т. д.

Соматизмы внесли во фразеологический состав русского языка свою, и немалую, долю. Некогда существовал суеверный обычай пальцем *очерчивать круг у головы* в

минуту опасности для ее защиты; жест давно забылся, словосочетание больше не расчлняется и, следовательно, стало фразеологизмом со значением «безрассудно, не думая о последствиях» [Фразеологический словарь 1967: 307]. Подчеркнем: жест больше не исполняется, и в речении *очертя голову* больше нет соматического смысла, т. е. оно не возобновляет в нашем сознании никаких телесных движений. Ср. другие фразеологизмы соматического происхождения: *отрясти прах с ног своих, бить челом, вверх тормашками, выделявать мыслете, стоять фертотом, засучив/спустя рукава, надевать личину, ломать шапку, наше вам с кисточкой!* и т. д. Во всех этих примерах налицо все категориальные признаки фразеологизмов: самостоятельность, строевой характер, массовая воспроизводимость, цельность семантики (аналогичная семантике слова) и ее невыводимость из состава слов. Все эти единицы в наши дни не употребляются для отражения соматических действий или состояний.

Фразеологизация соматических речений — закономерный результат развития как невербального языка (из которого соматизмы вышли или выходят), так и вербального (в котором соматические речения теряют свою прямую семантику). Вышеупомянутый «Фразеологический словарь русского языка» к фразеологизмам относит ряд соматических речений: *крутить носом, повернуться спиной, показывать кукиш в кармане, положить руку на сердце, пялить/таращить глаза, раскрыть рот, смежить очи, хлопать глазами, стиснув зубы, чесать в затылке, вешать голову/нос, впиваться глазами в кого-либо, глаза на лоб лезут, делать большие глаза, есть/поедать/пожирать глазами* и т. д. Эти речения принадлежат к числу обычных языковых — они устойчивы, воспроизводимы, но отнюдь не соответствуют всем категориальным признакам фразеологизмов, содержащимся в определении и постулированным также и составителями словаря.

Главный категориальный признак, которого лишены речения типа *махнуть рукой*, — цельность семантики. Допустим, что для этого словосочетания в самом деле характерна семантика «перестать обращать внимание, перестать заниматься кем-либо или делать что-либо», как об этом сказано в словаре. Но ведь с его помощью можно передать еще и отказ от первоначального намерения, и приветствие при встрече или расставании, а также несколько диффузных, ситуативных значений. Считать, что перед нами полисемия речения, нет никаких оснований, потому что жесты, стоящие за каждым смыслом, разные. Семантика речения вытекает из простого прибавления смысла «махнуть» к смыслу «рукой», и только жесты, если они опознаны (а они могут быть и не опознаны), позволяют воспринять не только прагматическое, но еще и символическое значение. Нет принципиальной разницы между речением *махнуть рукой* и речениями *открыть дверь, захлопнуть книгу*; эти последние, также при условии предварительного знания, способны передавать символическую информацию: *открыть дверь*, чтобы могла войти кошка; *захлопнуть книгу*, потому что устал (ср. *махнуть рукой*, чтобы приветствовать знакомого). Следовательно, не речение само по себе несет информацию, а жест или другой соматизм, на который указывает речение. Вопреки мнению составителей фразеологического словаря, немалое число соматических речений, включенных ими в словарь, — не фразеологизмы, поскольку они не имеют цельной семантики.

Вышеприведенные соматические речения в противоположность действительным фразеологизмам, имеющим застывшие формы и большую спаянность элементов в своем составе, весьма вариативны: возможны любые перестановки членов ре-

чения по отношению друг к другу (он *махнул рукой* — его *рука* устало *махнула*), вариативные замены (*прятать/отводить/опускать/потуплять глаза/взгляд/взор/очи*). Наконец, если фразеологизм соотносится со словосочетанием-прототипом исключительно генетически¹², то соматические речения из подвергаемого сомнению списка актуально отражают в наши дни живую мимику и жестикуляцию.

В этой связи, по нашему мнению, едва ли правильно речения типа *вешать/повесить голову, вешать/повесить нос, впиваться глазами в кого-л., глаза на лоб лезут, делать большие глаза, есть/поедать/пожирать глазами, задержать взгляд, чесать затылок/в затылке, крутить носом, махнуть рукой, надувать губы, опускать руки, показывать/тыкать/указывать пальцем, прятать глаза/взгляд/взор, пялить/таращить/пучить глаза, разводить руками, склонять голову, смотреть/глядеть сквозь пальцы, указывать/показывать на дверь, уткнуться носом, хвататься за голову* и т. п. квалифицировать как фразеологизмы [Фразеологический словарь 1967]. Впрочем, мы не отрицаем их особой языковой природы. Если фразеологизм соотносится со словосочетанием-прототипом исключительно генетически (ср. *спустя рукава, заговаривать зубы, отложить в долгий ящик*)¹³, то все перечисленные словосочетания актуально (непосредственно в наши дни) отражают живую мимику и жестикуляцию, а символическую семантику приобретают лишь вторичным образом. В противоположность фразеологизмам, имеющим стабильную форму, данные речения весьма вариативны (*прятать/отводить глаза/взгляд/взор*). Словосочетания типа *вешать голову* и *вешать нос*, далее, — не суть синонимичные фразеологизмы; это — прагматически разные речения, отражающие (с разных позиций) один и тот же жест. Наконец, различна семантическая природа речений типа *бить баклуши* и *махнуть рукой*: первое речение имеет цельное лексическое значение, являющееся категориальным признаком фразеологизма; второе представляет собой хотя и воспроизводимое, но все же свободное словосочетание, лишенное единого лексического значения (если бы такое отмечалось, то *махнуть рукой* не могло бы описывать пять разных соматизмов; см. выше).

Из сказанного, однако, не вытекает, что свободные двусловные (многословные) речения, отражающие кинемы, не способны становиться фразеологизмами.

Чтобы признать соматическое речение фразеологизмом, нужно дождаться, чтобы отражаемый им соматизм вышел из активного употребления. Тогда речение лишается прямого, прагматического значения, одновременно перенимая на себя значение жеста или мимики; передаваемое значение становится цельным, неделимым, лексическим; ср., с одной стороны: «Они оказывали ему наружное почтение, при народе ходили за ним без шапок и *били* ему *челом*» (Пушкин, История Пугачева) и, с другой (когда жест не исполняется, его кинематика забылась): «Дорогой Александр Валентинович, *бью челом* Вам за Ваше милое письмо и за обе рецензии» (Чехов, Письмо Амфитеатрову от 13 апр. 1904 г.).

Кроме того, в пользу состоявшейся фразеологизации могут свидетельствовать случаи, когда жестовое речение приписано предмету или явлению, явно не способ-

¹² Ср.: «Фразеологизм может соотноситься со словосочетанием лишь генетически, то есть по своему происхождению, так как каждый фразеологизм — это то или иное переосмысленное конкретное словосочетание или предложение» [Фразеологический словарь 1976: 9].

¹³ Здесь и далее разбираем категориальные признаки фразеологизма, постулированные составителями книги [Фразеологический словарь 1967].

ному этот жест исполнить. Ср. из популярной некогда песни в исполнении М. Магомаева: «Только грянули гармошки, что есть мочи, И руками развела тишина».

Наблюдения над путями и способами вербализации невербального соматического поведения человека имеют очевидные прикладные цели. Преподавание русского языка иностранцам или в национальной школе ближнего зарубежья требует комплексной фиксации соматизмов и речений в их взаимопереплетённости. Такая фиксация нуждается в единообразных словарных приемах. Поиск этих приемов в наших лексикографических штудиях начнем с повторения тезиса о том, что для современных наук, исследующих знаковое поведение людей, — и для лингвистики в том числе — характерен значительный интерес к невербальным языкам¹⁴; соматизмы (по преимуществу жесты и мимика) описываются как применительно к одной языковой общности, так и в сопоставительном плане¹⁵. Среди публикаций, основанных на русском материале, можно указать работы, в которых так или иначе описывается невербальное поведение русских, причем и в сопоставительном аспекте, и для лингводидактических целей¹⁶. Во всей обширной литературе нам, однако, не встретилось ни одной попытки последовательно и целенаправленно связать в фиксации соматизмы с соответствующими речениями.

Между тем при изучении иностранного языка (и русского как иностранного) важно как раз овладеть не столько национальным соматическим языком, сколько вербальными способами выражения и отражения этого языка. Ведь, во-первых, объективно существующая связь между соматизмами и соматическими речениями не есть связь предмета и зеркала, поскольку она неуклонно смещается в сторону вербального языка. Соматические речения все чаще не отражают, а фактически замещают соматизмы. Жест, мимика или симптом в силу этикетных запретов уже не имеют места, но адресант тем не менее регулярно включает в речь отражающие их речения. Если в наши дни кем-то сказано «Я ему в ножки за это поклонилась», то можно быть уверенным, что поклон на самом деле не был произведен (исключая пародийно-комическую ситуацию). Отсутствующие соматизмы вербализуются в фразах типа: *его все теперь оплевывают; мы его поставим на колени* и т. д. Все возрастающее число соматизмов образует задний, «образный» план вербального высказывания: они как бы и существуют (поскольку соматические речения активны и всем известны стоящие за ними соматизмы), и не существуют (так как никогда не исполняются или исполняются в особых обстоятельствах).

Во-вторых, соматические речения играют большую роль в тех стилях и жанрах вербальной речи, для которых существенно создание образа и в которых передается, наряду с рационально-прагматической, эмоционально-эстетическая информация. Этими характеристиками обладают разговорная речь, публицистика и, конечно, художественная литература. Последняя немыслима без эйдетических и сенсу-

¹⁴ Выше уже были указаны работы Р. Р. Гельгардта, Г. В. Колшанского, Э. Дрезена, П. Экмана, Н. И. Смирновой, а также сохраняющие свою актуальность исследования Ч. Дарвина, В. Вундта и А. Леманна. См. также: [Волоцкая, Николаева 1962; Николаева, Успенский 1966; Степанов 1971; Национально-культурная специфика 1977; Critchley 1952; Birdwhistell 1952; Hall 1959; Stokie 1972; Pike 1967; LaBarre 1964; LaBarre 1966] и др.

¹⁵ См., например: [Duncan 1977; LaFrance 1978; Lado 1957; Landar 1966; Nonverbal Communication 1974; Argyle 1975].

¹⁶ [Капанадзе, Красильникова 1973; Акишина, Формановская 1978; Давыдов 1965; Волос 1972].

альных речений, указаний на значащее соматическое состояние и поведение персонажей¹⁷. Иностранному читателю, если он хочет глубоко погрузиться в художественный текст, должен научиться отличать соматическое речение от прагматического, соотносить его с жестом, мимикой или симптомом и распознавать стоящую за ними символическую информацию.

Знание соматических речений содействует адекватному пониманию художественной литературы, особенно если читатель принадлежит к иной национально-культурной общности¹⁸.

Все это подчеркивает нужность словарной дескрипции связей и зависимостей между соматизмами и общеязыковыми соматическими речениями. Такая дескрипция интересна и для русских, хотя в первую очередь ее следует адресовать изучающим русский язык в качестве второго языка.

Трудно найти краткое, емкое и адекватное название предлагаемого словаря русского соматического языка (т. е. жестов, мимики, выражений лиц, поз и симптомов) и русских соматических речений. Для краткости будем говорить «Словарь соматического языка», хотя имеется в виду связь между соматизмами и речениями.

Словник словаря соматического языка должен охватывать речения, объективирующие актуально исполняемые движения и реально наблюдаемые телесные состояния. Однако из него нельзя исключать гиперболические описания из-за их частотности и соматизмы, которые не исполняются и не наблюдаются, так как они встречаются в литературе XIX в. Не могут быть опущены и жесты, запрещаемые узально-этикетными нормами, ибо соответствующие им речения — характерная черта русской речи. В словник необходимо включить, естественно, жесты и мимику русского происхождения. Однако и заимствованные жесты, особенно из культуры греков и римлян, следует учесть, если они исполняются или представлены в классической литературе.

Словарная статья в своей структуре и содержании подчиняется основной цели — продемонстрировать адресату связь соматизма и речения. Поскольку предполагается, что читатель пожелает справиться о семантике не самого соматизма, а отражающего его речения, то словарную статью эффективнее строить по принципу движения от речения к внешней форме соматизма и затем к его значению. Представляется нужным выделять следующие компоненты структуры словарной статьи.

1. *Заголовочное речение* в его наиболее употребительной, общеязыковой форме. Тут же могут быть указаны варианты речения, причем если отмечаются стилистические модификации, то необходимы соответствующие пометы.

¹⁷ Подробно об этом см. [Шелгунова 1979].

¹⁸ Чтобы убедиться в важности сказанного, достаточно поставить себя в положение иностранца. Так, автор вступительной статьи к сборнику русских переводов азиатских стихов справедливо подчеркивает, что русскому читателю «трудно оценить экзотические сравнения: походки женщины с походкой слона, звона браслетов — с гусиным клетотом, взглядов — с вереницей пчел. <...> Трудно всерьез принять такие поэтические условности, как то, что женщина склоняется от тяжести пышных груди, а влюбленный в отчаянии обязательно разрывает ворот рубахи и т. д.» [Серебряный 1977: 20]. В этой выписке перечислены соматизмы, которые поражают русского. Примечательно, что на основании этого акта удивления мы можем судить не только о фактах иной культуры, но и о явлениях родной для говорящего культуры. Из цитаты можно узнать, например, что для русских странным кажется передавать отчаяние образом разрываемого ворота рубахи (так у нас изображается гнев), — в такой ситуации русский стал бы «рвать на себе волосы». Слоновья походка женщины для русских эквивалентна легкой поступи серны.

2. Представление внешней формы соматизма, распадающееся на а) графическое, зрительно-наглядное изображение жеста, мимики, выражения лица или позы; б) вербальную экспликацию, которая должна быть настолько подробной, чтобы исключалось любое возможное недоразумение. Графическое изображение лучше строить на базе специально созданных семантизирующих рисунков¹⁹, однако по отношению к мимике и позам рекомендуются фотографии²⁰. Вербальная экспликация может проводиться при помощи метаязыка, употребляемого в толковых словарях. Для движений выделяются две части: исходная, в которой описывается начальное положение тела или лицевых мышц человека; кинетическая, в которой эксплицируется перемена положения. Например, жест, соматическим речением для которого служит сочетание *развести руками*, вербально эксплицируется так: руки опущены свободно вдоль туловища, согнуты в локтях; медленным движением руки разводятся вправо и влево от говорящего, плечи чуть приподнимаются. Исходная и кинетическая части отделены друг от друга точкой с запятой.

3. Семантизация значения соматизма. Здесь также уместен метаязык толковых словарей, например, по отношению к жесту *развести руками*: крайне удивляться; недоумевать; не знать, как поступить в затруднительных обстоятельствах.

4. Оправдательно-разъясняющий материал. Литературные цитаты, которыми сопровождается семантизация значения, имеют документальный характер: как и в любом другом филологическом словаре, они призваны показать реальную жизнь речения в естественном тексте. Однако для учебного словаря важно подчеркнуть еще и разъясняющую функцию литературных цитат: они должны отличаться полной ясностью и позволять точно представить себе речевую ситуацию. Если не находится подходящей литературной цитаты, составителю лучше самому составить иллюстрирующую фразу, чем приводить двусмысленную выписку из литературы. Цитаты должны отражать как позицию производящего действие (развести руками), так и точку зрения наблюдателя (с разведенными руками), как нормальное исполнение жеста или мимики, так и разные степени производства соматизма (широко развести руками).

5. Универбализация и фразеологизация соматического речения. Этот структурный компонент является факультативным.

6. Отсылочный аппарат, позволяющий соотнести семантизируемое речение с его антонимами и, что важнее, с омонимами; например, смотреть в глаза — антоним: прятать глаза, отводить взор; покачать головой (= отрицательный ответ) — омоним: покачать головой (= озабоченность).

Приведем две иллюстрации изложенного.

В качестве примера воспроизведена словарная статья МАХНУТЬ РУКОЙ, которая позволяет проиллюстрировать все перечисленные структурные компоненты (из публикации [Амбарцумова 1979]):

1. Заголовочное речение

МАХНУТЬ РУКОЙ

¹⁹ Удачный опыт семантизирующих рисунков можно найти в публикациях Р. П. Волос, а также в словаре Зайтца и Червенки, снабженном выразительными, хорошо передающими движение зарисовками Мела Пекарского [Saitz, Cervenka 1972]. См. также [Григорьева, Григорьев, Крейдлин 2001].

²⁰ На фотографиях построена, например, кн.: [Сухаревский 1966].

2. Внешняя форма соматизма

Рисунок: правая рука согнута в локте, параллельно полу, ладонь обращена вниз; резким движением ладонь опускается.

3. Семантизация значения соматизма

Отказаться от намерения, переменить (первоначальное) решение, перестать обращать внимание на что-л. или отказаться от (безнадежного) дела.

4. Оправдательно — разъясняющий материал

«Кипящий Ленский не хотел / Пред поединком Ольгу видеть. / На солнце, на часы смотрел, / Махнул рукою напоследок / И очутился у соседок» (Пушкин, Евгений Онегин). «Время, когда он (Лев Саввич) возмущался <...> давно уже прошло; он махнул рукой и теперь смотрел сквозь пальцы на романы своей <...> супруги» (Чехов, Месье).

5. Универбализация и фразеологизация

Отмахнуться от чего-л.

6. Отсылочный аппарат

Омонимы: 1) призыв прекратить какое-л. действие; 2) приветствие при прощании и при встрече; 3) призыв подойти, приблизиться.

В качестве второго примера приведен анализ функционирования фразеологизмов и их вербальных описаний в художественной литературе. Психологизм классической русской литературы хорошо известен: конечно, реальный поступок героя бывает важен для сюжетной линии рассказа или романа, однако для подтекста произведения не менее важен мотив этого поступка, цепь размышлений и душевных движений, в результате которых персонаж ведет себя так, а не иначе.

В «Анне Карениной» Л. Толстого Алексей Александрович Каренин ведет трудный разговор об Анне с Дарьей Александровной (Долли) (ч. IV, гл. XII). Долли испытывает большое волнение: «Дарья Александровна <...> чувствовала, что она *бледнеет и губы ее дрожат*». Она хочет вызвать собеседника на откровенную беседу: «Алексей Александрович, — сказала она <...> *глядя ему в глаза*. — Я спрашивала у вас про Анну, вы мне не ответили». Каренин не идет на откровенный разговор. «Она, кажется, здорова, Дарья Александровна, — *не глядя на нее*, отвечал Алексей Александрович». Долли все же удается направить диалог в нужное ей русло, но Каренину это не нравится: «Алексей Александрович *поморщился* и, почти *закрыв глаза, опустил голову*». Долли выражает горячую убежденность в невинности Анны: «Я не верю, не верю, не могу верить этому! — сжимая перед собой свои костлявые руки, с *энергичным жестом* проговорила Долли». Когда все-таки неверность Анны стала очевидной, Долли проникается ужасом. «Нет, нет, не может быть. Нет, ради Бога, вы ошиблись! — говорила Долли, *дотрагиваясь руками до висков и закрывая глаза*». Теперь и Каренин решает, наконец, быть откровенным до конца: «Дарья Александровна! — сказал он, теперь *прямо взглянув* в доброе взволнованное лицо Долли <...>. — Я бы дорого дал, чтобы сомнение еще было возможно». Долли совершенно точно уловила смысл этого прямого взгляда — Каренин говорил чистую правду: «Дарья Александровна поняла это, как только он *взглянул ей в лицо*». Долли смиряется с решением Алексея Александровича пойти на развод. «Я понимаю, я очень понимаю это, — сказала Долли и *опустила голову*». Тем не менее она взывает о милосердии: «Она *умоляющим жестом* сложила руки. — Но постойте! Вы хри-

стианин. Подумайте о ней!» Каренина охватило сильнейшее волнение: «Я думал, Дарья Александровна, и много думал, — говорил Алексей Александрович. Лицо его покраснело пятнами, и мутные глаза глядели прямо на нее». Он просто не видит иного выхода из создавшегося положения. «Что же я могу сделать? — *подняв плечи и брови*, сказал Алексей Александрович». На этом трудная беседа заканчивается: «Я очень благодарю вас за ваше участие, но мне пора, — сказал он, *вставая*».

На всем протяжении главы великий писатель ни разу не назвал — прямо — чувств, которые испытывают персонажи. Однако если читатель не поймет того, что происходит в душе Каренина и Долли, мимо него пройдет большая часть художественности повествования. Персонажи объяснились и поняли друг друга отнюдь не благодаря обмену репликами, — они тщательно наблюдали друг за другом: невербальное поведение не менее важно, чем произносимые слова. А это означает, что и читатель, если он не удовлетворяется одной сюжетной линией, должен уметь видеть за соматическими речениями не телодвижения, не взмахи руки и качания головой, а духовный мир персонажа. Для Л. Толстого и для других русских писателей характерно максимально внимательное отношение к мотивам поведения героев, к психологии, но они, как правило, так описывают происходящее в душе человека, что читатель должен сам догадываться.

Соматические речения, на которых проективно строится изложение, представляют собой ключ к колоссальному духовному богатству. Соматический язык и отражающие его вербальные соматические речения — это часть национальной культуры народа, поэтому практически вопросы включения их в языковой учебный процесс привлекают к себе все больше внимания. В частности, уже создан лингвострановедческий словарь «Жесты и мимика в русской речи» [Акишина, Кано, Акишина 1991]; см. также (менее ориентированный на национальную культуру) «Словарь языка русских жестов» [Григорьева, Григорьев, Крейдлин]. См. также докторскую диссертацию «Невербальная семиотика в ее соотношении с вербальной» Г. Е. Крейдлина [Крейдлин 2000].

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ. ЧАСТЬ V

Язык — дом бытия? Бытие — дом языка? Обобщение концепции ЛФона

Люблю обычные слова,
Как неизведанные страны.
Они понятны лишь сперва,
Потом значенья их туманны.
Их протирают, как стекло,
И в этом наше ремесло.

Д. Самойлов, Слова

Die Worte werden dir manches sagen,
Versuchst du nur sie auszufragen¹.

Paul Heyse, Sprüche

В одном незаурядном учебнике философии [Wieser, Rauter 1974] к имени каждого мыслителя приписана (с дидактическими целями) всего одна строка, характеризующая суть его вклада. Например, главный тезис Платона передан так: «Существует самостоятельное царство идей». Учение Псевдо-Дионисия Ареопагита сведено к фразе: «Понятие Бога можно определить с помощью отрицаний». О Канте сказано: «Метафизические воззрения не выдерживают критики»; о Гегеле: «Все существующее разумно и необходимо»; о Фрейте: «Ego, Id и Super-Ego определяют сущность человека» и т. д.

Здесь же центральный вклад ряда философов описывается с упоминанием о языке. Например, смысл взглядов Виттгенштейна суммирован в авторском афоризме: «Границы языка — это границы моего мира»². У Карнапа выделено: «Логический анализ языка — единственная задача философии». Смысл системы Тарского передан как: «Истина — семантическое понятие» и т. д.

¹ Буквальный перевод: «Слова тебе поведают о многом, стоит лишь выпросить их».

² В оригинальном произведении афоризм звучит совсем близко: «Die Grenzen meiner Sprache bedeuten die Grenzen meiner Welt» [Wittgenstein 1963: 89]. Соответственно, по мнению Виттгенштейна, у философии не осталось иной задачи, нежели анализ языка.

Авторским афоризмом передана суть учения оригинального и влиятельного немецкого философа-экзистенциалиста Мартина Хайдеггера (1889–1976): «Язык — это *дом бытия*» (*Die Sprache ist das Haus des Seins*)³.

Хайдеггер, желая герменевтически постигнуть метафизическое бытие, сконструировал (в качестве инструмента как анализа, так и выражения его результатов) собственный (искусственный) немецкий язык. Мыслитель весьма привержен языковой игре, так что переводы его трудов на другие языки (например, на русский) сопряжены с невозможными издержками.

По Хайдеггеру, бытие человека определяется его конечностью: «вброшенный» в жизнь, человек точно так же будет и «выброшен» из нее. Живя «навстречу смерти», homo sapiens постоянно испытывает «заботу» и безотчетный страх, точнее: *страхи* (тревогу, тоску, томление). В частности, для типического поведения человека, по Хайдеггеру, характерна боязнь ответственности и самостоятельных решений. Человек желает быть «как все», и в бытии — безотчетно — выбирает (для себя лично) безличные рече-поведенческие тактики: примыкает ко «всем», перекладывает ответственность на «всех» и (казалось бы, избирательно для себя) предпочитает всеобщий «образ жизни».

Когда носители языка вербализуют указанные тактики и переводят их в повседневные клише, в идиоматичной немецкой речи регулярно появляется (не имеющее аналога в русском) обобщенно-личное местоимение *man*. Соответственно этикетка для обозначения философии Хайдеггера (*Flucht in die Alltäglichkeit des «Man»*) едва ли может быть адекватно перевыражена по-русски. Поскольку язык обобщает и усредняет индивида, именно в языке человек полагает свое бытие, пытаясь (впрочем, безуспешно) изжить личностные страхи. Этот процесс Хайдеггер осмыслил как «само-речение», «сказывание» языка: не люди говорят «на языке», а язык «сам от себя говорит» посредством людей.

От заботы и страхов, как известно, бегут в защищенное место, — соответственно язык выступает в функции духовного убежища, укрытия, покрова, приюта, пристанища, крепости, бастиона, прибежища. Не случайно, пытаясь уловить природу, смысл и суть человеческого бытия (т. е. излагая фундаментальную онтологию), Хайдеггер выбрал метафору — *дом*.

Дом имеет функцию *защиты* живущего в нем; стало быть, «дом бытия» — это *защищенное бытие*. Язык — «дом» бытия; иными словами, язык — *защита* бытия.

Защита — важная, но не единственная функция дома.

Так, дом имеет стены; иногда он бывает и тесным. Назвав язык *домом* бытия, Хайдеггер фактически (вместе с Виттгенштейном) сказал, что язык задает пределы бытию и бытие в языке ограничивает человека.

Дом в то же время имеет окна и двери, позволяющие выглянуть за свои пределы или даже выйти за стены. Назвав язык *домом*, Хайдеггер (на сей раз в отличие от Виттгенштейна) утверждает, что бытие человека в языке и посредством языка может иметь метафизическое измерение. Действительно, религиозный аспект экзистенциализма Хайдеггера хорошо известен⁴.

³ Выражение заимствовано из работы [Heidegger 1965: 90].

⁴ Так, именно его положил в основу своего богословствования знаменитый протестантский ученый Р. Бульманн.

Дом обычно наследуется в одной семье. Возможно, выбрав метафору, Хайдеггер желал подчеркнуть природу традирования языка. С другой стороны, дом можно надстроить и вообще перестроить, так что бытие в языке оказывается также и инновационным.

Мы пока откажемся от дальнейшего перечисления качеств и функций дома, однако заметим, что, остановившись на многомерной метафоре, мыслитель сделал — безусловно, намеренно — свое определение, как сказал бы Д. Самойлов (см. эпиграф), *туманным*.

Поэт прав: «обычное слово» *дом* — «понятно лишь *сперва*», на первый взгляд. Кажется, что может быть проще и понятнее *дома*? Ни рубленая изба, топившаяся по-черному, ни небоскребы, возводимые индустриальным способом, загадки в себе не содержат.

Поскольку, однако, потребность в ЖИЛИЩЕ — одна из фундаментальных потребностей человека⁵ и лингвокультурная конкретизация одной из врожденных идей (а именно: идеи *экзистенции*, или *бытия*), клубок ассоциаций вокруг дома и вообще среды обитания разросся до такой степени, что символика дома фактически действительно охватывает всю жизнь — и не только практического, перстного, поюстороннего начала в человеке, когда он смотрит только себе под ноги, но и того начала, которое (может быть, и субъективно, но тем не менее весьма императивно) заявляет о себе в *нуминозном*.

Понятие нуминозного существенно для целей, рассматриваемых в данной монографии, и мы специально обратимся к нему в VI части, посвященной всесторонней характеристике *сапиентемы*. Тем не менее уже сейчас дадим краткое представление того, что имеется в виду.

Концепцию *нуминозного* предложил марбургский религиозный философ Рудольф Отто. Нуминозным он назвал не передаваемый словами, но реальный опыт человека, когда тот в определенные моменты отчетливо переживает присутствие чего-то *радикально иного*, чем он сам и окружающий его мир, потусторонне-духовного, непонятного и заведомо сущностно-непостижимого, хотя и бытийно-реального; нуминозное — это *mysterium*. Опыт нуминозного отличен от опыта секулярного как «радикально другой», но не как «совершенно другой»: между «посюсторонним» и «потусторонним» имеет место коммуникация, причем для носителя нуминозного опыта — безусловно реальная, хотя и неуловимая, непонятная. Такое чувство возникает при созерцании природы, восприятии великого произведения искусства, наблюдении подвига и героизма, в присутствии неординарной (харизматической) личности, знакомстве с каким-либо грандиозным (и не до конца понятным) учением и т. д., а также во время пребывания индивида в экзальтированной толпе.

Содержанием подобного переживания является *Нумен* (условный перевод: «божественность, величие, могущество, сверхъестественность»), и что это такое, сказать невозможно, потому что денотатом является личный опыт специфической эмоции или персональная эмоция неповторимого опыта. Во всяком случае, это не обязательно чувство присутствия божественного, потому что нуминозное переживается агностиками и даже милитантными атеистами. Кто имел или имеет опыт нуминозного, тот, по Отто, поймет, о чем идет речь, а кто этим опытом не располагает, тому не разъяснишь. Рацио-

⁵ Об этом прекрасно сказано в Книге премудрости Иисуса, сына Сирахова: *Начало житиѧ чловека вода, ѧ хлѣбъ, ѧ рѣза, ѧ домъ покрываѧй стѣдъ*, т. е. «Главная потребность для жизни — вода и хлеб, и одежда и дом, прикрывающий наготу» (Сир 29: 24).

нальное определение нуминозного невозможно, поскольку это — фундаментальная, изначальная и априорная (хотя и воспринимаемая и тем более развивающаяся апостериорно), т. е. — в смысле Платона, врожденная — категория.

Переживание нуминозного сопровождается двумя разнонаправленными чувствами: чувством *страха-трепета-благоговения* (*mysterium tremendum*) перед лицом *majestas*, «величественного», желанием бежать-скрыться, с одной стороны, и, с другой, чувством *блаженства-притяжения* (*mysterium fascinosum*). Оба чувства находятся между собой в своеобразной гармонии контрастов. От этих двух производно чувство тварности и благочестия, т. е. желания послужить нуминозному. См.: [Otto 1963: 13–16, 42 и сл.]

Выявив нуминозное как априорную категорию, отличную от благого и прекрасного, Отто утвердил религию и идеологию как самостоятельную область человеческого духа и жизни, отграничил ее от философии.

Дотошное выявление общих признаков религии и идеологии составило основное содержание трудов другого выдающегося философа и богослова — Пауля Тиллиха (см. [Tillich: 1959–1975]). Предшественником Тиллиха на отечественной почве является (оставшийся Тиллиху неизвестным) недооцененный у нас⁶ великий религиозный философ М. М. Тареев (см. [Тареев 1902; 1908] и особенно его итоговые труды [Тареев 1916; 1917]). Основная идея Тиллиха такова: человеку свойственно задавать экзистенциальные вопросы (о смысле жизни, о нравственности, о развитии мира и общества, о значении смерти и т. д.), и поскольку как религия, так и всеобъемлющая идеология готовы давать ответы, они обе должны иметь много общего между собой и коррелировать. Различия же между ними оказываются, с этой точки зрения, маргинальными (что, конечно, не упраздняет онтологической истинности религии, а не идеологии). Более того, Тиллих считал, что поскольку на Западе религиозная традиция утрачивается, именно идеология и, более широко, культура оказывается ныне более пригодной отвечать на экзистенциальные вопросы. Поэтому он объявляет идеологию *религией в широком смысле* (*Religion im weiteren Sinn*; в противоположность [традиционной] *религии в узком смысле*). Идеология и культура, даже если они объявляют себя атеистическими, являются, по Тиллиху, формой религии. Во всяком случае, по его мнению, перед лицом кризиса религии идеология все же «лучше» секулярного мира, поскольку она, как и религия, противостоит его бессмысленности и цинизму.

Вернемся к магистральной линии изложения.

Жилище (*dwelling [habitation], demeure, Behausung*) — «естественное или искусственное убежище человека для защиты от непогоды⁷, различным образом устроенное в соответствии с климатическими условиями, для удовлетворения общих че-

⁶ Михаил Михайлович Тареев (1867–1934) шел вразрез с духом времени и противоречил модернистскому богословствованию начала XX в., почему был отнесен к лагерю «реакционеров» и отчасти подвергся остракизму. Забвенье дошло до того, что в авторитетной 5-томной «Философской энциклопедии» в статье *Тареев М. М.* (т. 5, М., 1970, с. 182) искажены имя и отчество ученого (он поименован *Максимом Матвеевичем*). Достоверные сведения см. [Бродский 1994; Голубцов 1999: 92–93].

⁷ Иными словами, потребность человека в жилище, может быть, и не является врожденной: можно представить себе территорию, где всегда стоит теплая погода и не бывает ураганов, где отсутствуют дикие звери и нет понятия о личной собственности; там дома не нужны. Адам не нуждался в доме, потому что в раю, пока не был изгнан, он пребывал в безопасности. Ср. также ситуацию крыловской стрекозы летом: зачем ей дом?

ловеческих потребностей в жилье⁸ (преимущественно для приготовления и приема пищи, отдыха и сна), а начиная с эпохи социальной дифференциации — и из престижных соображений» [СЭП-3: 36].

Плотника или инженера занимают — на самом деле простые — вопросы технологии сооружения избы и небоскреба, но философа, этнографа, психолога и не в последнюю очередь лингвиста ДОМ (= бытие, обитание), ЖИЛИЩЕ (= жизнь, существование) интересуют не как (в философском смысле) *вещи* сами по себе, а как *носители отношения* к этим вещам *человека*, как феномены прежде всего духовной человеческой сферы.

Применительно к языку и речи проблема приобретает собственный исследовательский предмет: лингвист изучает, как именно вещи, понятия и идеи отражены, (пере)выражены и (пере)осмыслены в языке. Во всяком случае, если задаться целью объективировать (лингвистическими средствами) национальную культуру в виде тезауруса, — например, составить «словарь русской культуры» [Степанов 1997] или подготовить «энциклопедию русской души» [Зализняк, Левонтина, Шмелев 1995], — то без учета сферы жилища никак не обойтись.

Соответственно, если искать точную область наших разысканий, то она находится на пересечении лингвистики (семантики русского языка) и *отечествоведения* (или *родиноведения*). Отечествоведение было до Октябрьской революции признанной этнографической дисциплиной и соответствовало области знания, в Германии именовавшейся *Volkskunde* (в отличие от *Völkerkunde*)⁹. В частности, выходил научно-популярный еженедельник «Живописная Россия» (с подзаголовком «Иллю-

⁸ Так, Диоген Синопский (412–323 гг. до н. э.), несмотря на свою крайнюю неприязнательность, тем не менее не мог обходиться хотя бы без бочки, в которой укрывался от дождя и ветра. Философ-киник, происходивший из благородного семейства, вошел в историю как яростный отрицатель культуры и комфорта. Он жил подаянием, отличался бесстыдством (в физиологических отправлениях), переходил с места на место, сидел и спал где придется, ел что попадется, призывал к «переоценке всех ценностей» и вообще проповедовал и сам практиковал неприхотливость в крайней форме (за что и получил от современников презрительное прозвище: *Собака* [χύων]). Тем не менее он всё же в какой-то мере жил оседло и, согласно свидетельству Диогена Лаэртского, приспособил себе в Метрооне (храме Кибелы, матери богов) для жилья большую бочку. В этой бочке, по легенде, он и лежал, когда его нашел Александр Македонский (356–323); в ответ на волю царя исполнить любое желание философа последний якобы сказал: «Отойди немного и не засти мне солнце!» Согласно Плутарху, Александр произнес крылатую фразу: «Не будь я Александр, я бы хотел быть Диогеном». Еще один пример. Юродивый Андрей, византийский святой времени императора Льва Великого (886–911), — между прочим, этнический «словенин», — обычно скитался без пристанища, не имея крова даже ночью, в холод и непогоду. Когда же приспичили особо лютые морозы, Андрей не остался на открытой улице, а приискал себе крышу-«свола» (= кров, укрытие; ἄσβολον ‘перекрытие, поддерживаемое колоннами; галерея’). Место, впрочем, уже служило домом для бродячего пса. Сам Андрей так излагает соответствующий эпизод: *вшед же въ единъ оучолъ емвола и оврѣте пещь. легахъ бланъ его. надъваса съгрѣти ѿ него. ѡи же видивъ. яко бланъ его легахъ. възставъ. штинде. рѣхъ же к себѣ. «лшнене. видиши ли. кольми еси грѣшенъ. яко и пси врѣзгають товою. <...> да оуже что хоцеши дѣяти. да оумри. бладе. оумри. сдѣ бо тебѣ спниа нѣ»* [Молдован 2000: 195]. Лексема *емвола* в некоторых рукописях истолкована: *покровна оулица и темна оулица покровена*. Андрей искал себе и нашел кров над головою.

⁹ *Фолькскунде* — термин, «обозначающий этнографические исследования своего народа, которые сконцентрированы главным образом на изучении исторического развития образа жизни и культуры этого народа вплоть до современности». *Фёлкеркунде* — «раздел этнографической науки, занимающийся исследованием языков неевропейских стран» (СЭП-2: 70).

стрированный вестник *отчизноведения*, истории, культуры, государственной и экономической жизни России»¹⁰ 11.

Итак, «сперва» слово *дом* представляется простым, поскольку прямой объект номинации (денотат: *землянка, изба, пятиэтажная хрущоба*¹² или *небоскреб*) — прост и понятен. Однако за счет метафоричности и других способов семантической экспансии трехфонемное слово *дом*, обрастая сродной лексикой¹³, умножая клишированные коллокации и стягивая к себе элементы фоновых знаний, распространилось, как сказано, практически до неисчерпаемости.

Все, что велико по объему, не может быть изолировано, ограничено, редуцировано, и что имеет разветвленное внутреннее «устройство», не подходит под категорию простого. Онтологически сложное, как и простое, конечно, способно объективироваться в научном описании и осмыслении, но сложное, в противоположность простому, требует не просто количественно больших затрат труда и умственной энергии исследователя, но и внушаемых извне *lumina*.

По совету поэта и новеллиста Пауля Гейзе¹⁴ (1830—1914; см. второй эпитаф), слова следует расспрашивать, и они начинают повествование. Правда, не каждый способен побудить слово к «откровенности»: необходимы особые, профессиональные ухватки, необходимо рутинное «ремесло» и в отдельных случаях «искусство» лингвиста.

Цель нижеследующих разысканий — двоякая:

1) мы стремимся с помощью единообразного аппарата объективировать тот сегмент материально-идеальной действительности, который сопряжен с жилищем и, шире, со сферой обитания человека;

2) хотелось бы продвинуться и в области лингвострановедческой теории (как лингвострановедческой методологии [уточнение процедур семантических *исчислений*], так и онтологии [уточнение лингвострановедческого понятия *лексического фона* и — в третьем разделе настоящей книги — лингвофилософской концепции *сапиентемы*]).

Последнее замечание. Мы придаем исключительное значение анализу обширного по объему фактического материала и всячески поддерживаем призыв *ad fontes!* Теоретические осмысления и общие выводы делаем лишь после обширных эмпирических наблюдений, причем конкретные материалы сообщаются читателю-специалисту не только потому, что они показательны и интересны сами по себе, но и ради вовлечения его в теоретическое обобщение. Соответственно, на наш взгляд, примеры не только иллюстрируют и не только разъясняют: *Exempla sunt necessaria*.

¹⁰ В самопредставлении редакции еще сказано: «Первый русский журнал, посвященный исключительно изучению России в прошлом и настоящем и выяснению и обсуждению ее нужд и потребностей».

¹¹ Отчизноведение, таким образом, имеет целью выявление *индивидуальности*, неповторимости собственного народа; оно недалеко ушло от отчизнолюбия. Надеемся, что охаянное (у нас, но, например, не в США) слово *патриотизм* постепенно снова обретет права гражданства. Истинное отчизнолюбие не противоречит вселенскости и не имеет ничего общего с ксенофобией. Отчизнолюбие — это сердечное принятие и жизневоплощение того особого дара, который Бог дал (как провиденциальное задание) целому народу.

¹² «Пятиэтажный блочный дом, построенный во времена Хрущева» [Мокиенко, Никитина 1998: 643].

¹³ Например, с домом тесно сопряжена domestикация («одомашнивание», от *domesticus* «домашний») как окружающего ландшафта, растений, так и животных и птиц. В частности, кошки, собаки, коровы, лошади, козы, овцы, свиньи, а также куры, утки, гуси, голуби и т. д. теснейшим образом сопряжены с русским домом.

¹⁴ Первым из германских поэтов получил Нобелевскую премию (в 1910 г.).

Авторы были бы разочарованы, если бы наш адресат избрал для себя тактику «про-скакивания» фрагментов исследования, содержащих обсуждение этих самых fontes.

Глава 1. Лексический фон: априорные взгляды

И назвал Бог свет днем, а тьму ночью.
И назвал Бог твердь небом.
И назвал Бог сушу землю,
а собрание вод назвал морями.

(Быт 1: 5, 8, 10)

Но лишь Божественный глагол
До слуха чуткого коснется...

(Пушкин, Поэт)

В настоящей, пятой, части, в согласии со спиралевидным развитием любой науки, мы возвращаемся (на качественно новом витке знания) к семиологическому феномену, подробно рассмотренному нами ранее, в первой части, к феномену *лексического фона*.

Исследование ЛФона имеет немалое общепознавательное значение. В то же время процедура исчисления семантики ЛФона (в качестве исследовательского инструмента) может и, думается, должна занять одно из центральных мест в социолингвистическом анализе языка. Авторам, однако, неизвестны целостные и законченные исследования, посвященные явлению, хотя бы отдаленно напоминающему ЛФон.

Изложение теоретических взглядов проводим с опорой на сквозной пример (ДОМ, ЖИЛИЩЕ и круг производных и сродных слов). Этот пример уже был использован выше в первой части; сейчас он обновлен и пересмотрен радикальным образом (правда, методика анализа не переменялась¹⁵).

Выбор именно слова ДОМ обусловлен, кроме того, тем, что оно имеет обширный и развитый ЛФон — настолько широкий, что Хайдеггеру он показался необъятным. А тематическая сфера ЖИЛИЩА, как ни парадоксально сравнивать одно необъятное с другим, — еще шире.

Применительно к лексическому феномену, аналогичному ДОМУ, академик Ю. С. Степанов использует термин *концепт*. «Концепт — это как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И, с другой стороны, концепт — это то, посредством чего человек — рядовой, обычный человек, не «творец культурных ценностей» — сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее. <...> Концепт — основная ячейка культуры в ментальном мире человека. У концепта сложная структура. С одной стороны, к ней принадлежит все, что принадлежит строению понятия <...>; с другой стороны, в структуру концепта входит все то, что делает его фактом культуры — исходная форма (этимология); сжатая до основных признаков содержания история; современные ассоциации; оценки и т. д.» ([Степанов 1997: 43], выделено автором. — Е. В., В. К.; см. далее подробнейший анализ термина *концепт* на с. 43–83). Поскольку

¹⁵ Процедура исследования тоже изменилась мало.

термин *концепт* — это латинское наименование *понятия* (и Ю. С. Степанов сам подчеркивает «однопорядковость» концепта и понятия [там же: 43]), а для нас лексический фон — не только не понятие, но и явление, по функции противоположное понятию, для дальнейшего самоговорящий («намекающий») термин *сапиентема* своей внутренней формой представляется более пригодным. По сути же наши теоретические взгляды и исследовательская методика чрезвычайно близки подходу Ю. С. Степанова.

Итак, на выбор слова ДОМ в качестве сквозного примера повлияла чрезвычайная обширность и разветвленность его ЛФона. Кроме того, сейчас мы можем рассмотреть ЛФон (русского) ДОМА в динамике. Исчисление семантических единиц, предпринятое нами в 1980 г., ныне пополнено и модифицировано, так что мы можем проследить за развитием культурно-языковых смыслов, сложившихся к середине 2004 г. Оказалось, что ЛФон претерпел немалые и весьма показательные изменения.

Как говорилось ранее, лексический *фон* выявляется через противопоставление традиционному представлению о лексическом *понятии*. Например, внешний (данный нам в восприятии) предмет, описываемый как «здание, строение, предназначенное для жилья, для размещения различных учреждений», может быть включен в объем понятия *дом* и соответственно назван этим русским словом (или по-английски: *house*, или по-французски: *maison*, или по-немецки: *Haus*).

Таким образом, лексическое понятие тесно связано с познанием. Поскольку понятие — это итог познания, в котором собрана определенная (необходимая для классификации) совокупность знаний, оно, с одной стороны, принадлежит сознанию человека (и соответственно изучается в психологии). С другой стороны, понятие «привязано» к лексеме и принадлежит языку, единицы которого, кстати сказать, действительно могут влиять на лексическое понятие, — следовательно, оно изучается и в лингвистике.

Конечно, в исследовательских целях допустимо изолировать лексическое понятие от лексемы (и изучать его только как элемент мышления) или, напротив, изолировать лексему от понятия (и изучать ее только в составе языковой системы), но онтологически, по природе своей, слово не допускает чисто реляционного (внутриязыкового) подхода, потому что лексическое понятие — продукт мышления, познания, а они, в свою очередь, безусловно (целиком и полностью) определены внеязыковой действительностью.

Что же касается функционирования слова коммуникационно (т. е. в передаче информации для другого лица, собеседника), то лексема, вопреки принятому мнению, информации как таковой не сообщает, — она лишь актуализирует, возбуждает в сознании слушающего уже имеющиеся у него лексические понятия и тем самым создает коммуникационную базу. Например, во фразе *Язык — дом бытия* подлинная информация (сообщение нового) состоит в известии о парадоксальном и для «свежего» реципиента, вероятно, новом факте: кажется, до Хайдеггера никто не ставил знак равенства между домом и языком. В то же время лексические понятия слов *язык*, *дом*, *бытие* должны заранее наличествовать у адресата, и, если бы они ему не были известны, восприятие парадокса Хайдеггера не состоялось бы. Таким образом, словами предварительно обеспечивается возможность передачи информации, но актуально передается она не словами, а комбинациями (= сочетаниями) слов.

Для дальнейшего следует напомнить, что выявление фоновых СДолей возможно, во-первых, благодаря учету его мотивировки и, во-вторых, посредством обычной интроспекции.

О допустимости, надежности и обязательности интроспекции (= внутреннего опыта исследователя, если он является естественным носителем подлежащего изучению материала) в гуманитарном научном познании в свое время прекрасно написал крупный российский философ начала XX в. Л. М. Лопатин; его монография не утратила своего значения [Лопатин 1896]¹⁶. Речь идет о подобии так наз. «включенного наблюдения» (или стационарного метода), когда роль «ключевого информанта» берет на себя сам исследователь (см. подробнее [СЭП-2: 205–206]).

Чем продолжительнее интроспекция, тем больший объем информации, стоящей за словом, может быть извлечен из памяти исследователя. Уже сейчас заметим, что если понятийные СДоли при предъявлении денотата практически мгновенно всплывают в сознании человека, то механизм актуализации фоновых СДолей при интроспекции — совсем другой. Далеко не все заведомо известные человеку СДоли сразу всплывают в памяти. Особенно плохо вспоминаются элементы так наз. «старо-традиционной культуры» (той, которая исчезает из современного быта) и так наз. «пережитки». Некоторые СДоли можно вывести в светлое поле сознания лишь с помощью внешней подсказки: например, альтернативного или суггестивного вопроса, показа рисунков и фотографий, а также обращения к «подсказывающей» литературе (к словарям, энциклопедиям, описаниям, а также и к художественным текстам).

Кроме того, в-третьих, непонятные СДоли выявляются путем ссылки и экспликации «нормативных» (или, в других терминах, *прецедентных*¹⁷) текстов, обращающихся в культурно-языковой общности.

Мы говорим прежде всего о текстах, которые помнятся наизусть, распознаются (отождествляются) при предъявлении и как клише (часто в переосмысленном виде) включаются в речь¹⁸. Таковы пословицы, афоризмы, поговорки¹⁹, прибаутки, скороговорки, считалки, загадки, «покупки», крылатые выражения, приветствия, вербализованные приметы, благопожелания, проклятья, (в советское время) лозунги, (ныне) рекламные призывы, фрагменты (цитаты) из популярных стихов, песен,

¹⁶ Известный русский философ под термином *душа* понимает отдельную духовную субстанцию и интроспективно определяет ее характер. Эта субстанция есть нечто познаваемое, имманентное, присутствующее во всех явлениях, сверхвременное; она выражается в памяти и в синтезе ощущений.

¹⁷ Мы предпочитаем все же (пусть даже несколько расплывчатый) термин «нормативные» тексты, а не *прецедентные*. Во-первых, исследуемые нами тексты выходят за пределы тех, которые принято называть прецедентными. Во-вторых, — и это важнее, — мы хотели бы внутренней формой термина подчеркнуть, что «наши» тексты активно формируют рече-поведенческую норму (т. е. они представляют собой *погма погmans*).

¹⁸ В свое время известный паремиолог Григорий Львович Пермяков [1971; 1975; 1988: 152–169] группе испытуемых предъявлял на карточках однотипные стимулы (*Взялся за гуж...; Баба с возу...; Тише едешь...*). Многие из участников эксперимента распознавали, что тексты оборваны, и были в состоянии их продолжать (например, *...не говори, что не дюж; ...кобыле легче; ...дальше будешь*). Выявилось, что целый ряд текстов помнится членами культурно-языковой общности наизусть и что начальный фрагмент таких текстов обладает «пусковым свойством». Подобные тексты ученый назвал *клише* и признал за ними статус подлинного (= воспроизводимого) языкового знака. К клише относятся не только пословицы, поговорки и афоризмы, но и строки из песен, стихотворений, прибауток, сказок, анекдотов, лозунгов, рекламы и других обращающихся в определенной среде произведений фольклора, литературы и mass-media. Если иметь в виду профессиональную общность, то в разряд клише входят также и *молитвы*.

¹⁹ Старательно мы наблюдаем свет, / Старательно людей мы наблюдаем / И чудеса постигнуть уповаем: / Какой же плод науки долгих лет? / Что, наконец, подсмотрят очи зорки? / Что наконец поймет надменный ум / На высоте всех опытов и дум, / Что? — Точный смысл народной поговорки (Баратынский).

анекдотов, быличек, сказок, преданий, а в нынешнее время передач (особенно юмористических), воспринятых по радио или по телевидению, и т. д.

Имеются в виду, далее, произведения постоянно читаемых писателей (например, классиков, которых «проходят» в школе и к которым возвращаются на протяжении жизни) и, наконец, «продукты» периодики (газет, в значительно меньшей мере журналов) и электронных средств массовой информации, поскольку художественные образы и сюжеты, а также образы общественно значимых фигур (политиков, артистов, писателей, журналистов и т. д.) и отражаемые mass-media события реально формируют фоновые знания. Отчасти качеством массовой читаемости обладает (во всяком случае — обладала) также одна из наиболее важных книг христианского Свщ. Писания — Евангелие.

В нашем распоряжении был обширный корпус творений русских писателей (преимущественно XIX в.), массовых российских газет (второй половины 1997 г.), а также Библии на электронных носителях информации, что значительно облегчило выявление и обработку фактического материала²⁰.

Итак, переходим к исчислению фоновых СДолей лексемы ДОМ.

Под исчислением понимаются две исследовательские процедуры: 1) объективное *выявление* фоновых СДолей, *отграничение* одной СДоли от другой и *фиксация* каждой из них с помощью единообразного метаязыка; 2) представление выявленных СДолей в виде *упорядоченного перечня*. Перечень является *упорядоченным*, если его единицы расположены в нем (одна за другой), а также сгруппированы (соподчинены) не произвольно и не в хронологическом порядке их выявления, а на основании сформулированных логических правил.

Перед нами — две возможности исчисления: можно начать прямо с лексемы и затем перейти к компонентам тематического поля *жилища*; можно, напротив, начать с компонентов тематического поля, покрываемого лексемой *дом*, а затем, подытоживая, обратиться к обобщающей лексеме.

Пожалуй, практически удобнее в первую очередь исследовать компоненты, поскольку в таком случае реализуются исследовательские принципы «от простого к сложному» и «от частей к целому». Предпринимаемый нами далее опережающий «компонентный анализ» (componential analysis), применяемый в ряде гуманитарных дисциплин, представляет собой характеристику целостной сущности феномена посредством выявления составляющих его структурных компонентов.

В целом же — скажем еще раз — процедуру исчисления можно уподобить перебору звеньев одной цепи, так что, с какого бы звена ни начать, двигаясь вперед и назад, мы в итоге переберем все звенья.

Приняв решение об опережающем анализе компонентов сферы ЖИЛИЩА, мы смогли сравнительно легко и в то же время объективно определить состав существенных компонентов *дома*.

В свое время, в ответ на просьбу авторов, художник издательства нарисовал для нашей монографии 1980 г. [Верещагин, Костомаров 1980б: 190] самый простой одноэтажный дом (окраинного района нестоличного города). Художника просили: «На-

²⁰ За щедрое предоставление данного фонда в наше распоряжение выражаем глубокую благодарность сотрудникам ИРЯ РАН А. Я. Шайкевичу и Е. Н. Морозовой.

рисуйте, пожалуйста, самый типичный, простой, небольшой, одноэтажный дом, который стоит, может быть, на садовом участке и в котором семья может жить и зимой».

Итоговый рисунок-схема показывает, что типичный дом — это совокупность совсем небольшого числа простых компонентов. Они таковы: 1) *крыша*, 2) *стены*, 3) *окна* и 4) *дверь*, 5) *крыльцо*, 6) *ступенька-порожек* и 7) *печная труба*.

Примерно ту же семеричку элементов охотно изображают малые дети: элементы 1–4 бывают представлены непременно и совокупно. Дети обычно пририсовывают спиралевидный дым, идущий из трубы, а крыльцо и особенно порожек нередко опускают.

Глава 2. Компонентный анализ семантики ДОМА, ЖИЛИЩА человека: исчисление фоновых СДолей семи лексем (КРЫША, СТЕНА, ОКНО, ДВЕРЬ, КРЫЛЬЦО, ПОРОГ, УГОЛ)

Ниже предпринимается исчисление фоновых СДолей не всех семи компонентов типического образа дома, а только четырех неперенных (т. е. три факкультативных пока исключены).

Обобщающие суждения о *процедуре исчисления СДолей ЛФона* приводятся непосредственно по мере выявления разнородного фактического материала. Интроспекция состоит из ряда процедур: их можно отделить одну от другой и привести в виде списка (он и составил заключительный раздел настоящей части монографии).

Замечания по процедуре исчисления помечены сокращением *ПИ* и просчитаны сплошь.

02–1. КРЫША, КРОВЛЯ, (ПО)КРОВ

Понятийные СДоли крыши вытекают из словарной дефиниции (по Словарю Ожегова и Шведовой 1992 г.): *верхняя часть строения, покрывающая его*.

- *Крыша* (или *кровля*, или *кров*) — весь «дом» (метонимия).

Скамья ладья красна от крови
Моей растерзанной мечты,
Но в каждом *доме*, в каждом *крове*
Ищу отважной красоты. (Блок)

Ср. у евангелистов-синоптиков: «Сотник же, отвечая, сказал: Господи! я недостойн, чтобы Ты вошел под *кров* мой, но скажи только слово, и выздоровеет слуга мой» (Мф 8: 8); «Иисус пошел с ними. И когда Он недалеко уже был от дома, сотник прислал к Нему друзей сказать Ему: не трудись, Господи! ибо я недостойн, чтобы Ты вошел под *кров* мой» (Лк 7: 6).

Метонимия представлена и в выражении *бров(к)и домиком* «выражение удивления, недоумения» (брови приподняты и изогнуты таким образом, что напоминают крышу дома) [Акишина, Кано 1991: 8].

ПИ-1: СДоля может быть установлена путем интроспекции-припоминания. В таком случае верификация через ссылку на авторитетные тексты, обращающиеся в национально-культурной общности, имеет характер дополнительной поддержки достоверности интроспекции; такая верификация иногда необходима.

ПИ-2: СДоля может быть установлена также путем анализа авторитетных текстов. Если установленная СДоля в этих текстах повторяется (в том числе у разных авторов; в том числе в различные временные периоды), то верификацию через интроспекцию можно считать факультативной.

ПИ-3: Семантические операции (в данном случае — эквиваленция: *дом = крыша, кровля, кров*; в общем виде — установление синонимов, антонимов, тематически сопряженной лексики, метафорики, метонимии, символизации, олицетворения и т. д.) осуществляются исследователем-лингвистом обычным порядком.

ПИ-4: Наименование выявленной СДоли может быть различным (в данном случае избрана номинативная форма и использована лингвистическая терминология; в общем виде — может иметь место также предикативная форма и употребление терминированных обиходных слов). Следует отметить, что метаязык фиксации выявленных фоновых СДолей едва ли стоит формализовать полностью; в противном случае он становится громоздким и трудным для восприятия.

- *Родной, отчий кров* — родительский дом, родина:

Наскучив странствием и жизни суетою,
Усталый труженик под *кровлю родною*
Вкушает сладостный бездействия покой;
Благодарит богов за мирный угол свой;
Забывтый от людей, блажит уединенье,
Где от забот мирских нашел отдохновенье. (Баратынский)

Снег у крыльца как песок зыбучий.
Вот при такой же луне без слов,
Шапку из кошки на лоб нахлобучив,
Тайно покинул я *отчий кров*.
Снова вернулся я в *край родимый*.
Кто меня помнит? Кто позабыл?
Грустно стою я, как странник гонимый, —
Старый хозяин своей избы. (Есенин)

Фрагменты подтверждающих стихотворных текстов для отделения одного от другого печатаются в шахматном порядке. Чтобы не разрушать природу текста, приходится выписывать двустишие или четверостишие целиком, и соответственно, по сравнению с цитацией прозаических фрагментов, в выписку может попасть и тот материал, который не имеет иллюстрирующей функции.

- *Иметь крышу/кров (над головой)* — «иметь дом, квартиру». Антонимически *не иметь крыши/крова* — «быть бездомным».

«Что ж касается нашего героя, Козлова (бомжа. — *Е. В., В. К.*), то он по-прежнему не имеет *крыши над головой*, хотя имеет *крышку* от канализационного люка. И все-таки это еще не *крышка гроба*» («Московский комсомолец» [далее: МК], июль 1997).

Она несет для мира снова
 Распятъ воскресшего Христа:
 «Ходи, мой сын, живи без крова,
 Зорюй и полднью у куста». (Есенин)

ПИ-5: Подтверждающие (в лексикографии их назвали бы *оправдательными*) ссылки на газеты и журналы имеют ту же доказательную силу, что и ссылки на другие авторитетные (в частности, классические) тексты.

ПИ-6: Синонимические и антонимические смыслы «снимаются» (= отождествляются на более высоком уровне абстракции); соответственно их следует, как правило, считать вариантами-реализациями одной и той же СДоли.

- *Жить под одной крышей / под одним кровом / под одной кровлей, делить с кем-л. кров — «жить в одном доме».*

Будь мне подругою! Со мной
 Живи под кровлею одной! (Баратынский)

Сокроемся, мой друг, и навсегда простимся
 С людьми и с городом: в деревне поселымся,
 Под *мирной кровлею* дни будем проводить:
 Как сладко тишину по буре нам вкушать! (Батюшков)

Мне не надо больше обреченных —
 Пленников, заложников, рабов,
 Только с милым мне и непреклонным
 Буду я делить и хлеб и *кров*. (Ахматова)

«Линда Истман, будущая жена „битла“, съехалась с Полом Маккартни и стала *жить с ним под одной крышей*» (МК, июль 1997).

- *Крыша, (по)кров — «защита».*

Прежде всего, крыша — это физическая защита от внешних погодных условий. Ср. поговорку (= отговорку лентяя): *В дождь крышу не кроют, а в ведро сама не каплет.*

Отождествление *крова* с домом привело к метафорическому развитию семантики слова: *кров* и особенно *покров* стали означать защиту (со стороны божества или могущественного человека).

Ср. первый стих знаменитого 90-го псалма, нередко называемого в народе «Живые помощи»: *Живѣи въ помѣщи вѣшнаго, въ кровѣ бѣга нѣнаго водворитса* (в русском переводе: Живущий под *кровом* Всевышнего под сенью Всемогущего покоится). Ср. также символику омофора Богородицы в празднике Покрова (1/14 октября).

О Саваофе!
Покровом твоим рек и озер
 Прикрой сына! (Есенин)
 Как площади эти обширны,
 Как гулки и круты мосты!
 Тяжелый, беззвездный и мирный
 Над нами *покров* темноты. (Ахматова)

Гость, пребывающий *под кровом* хозяина, пользуется его защитой: «Лот вышел к ним ко входу, и запер за собою дверь, и сказал [им]: братья мои, не делайте зла; вот у меня две дочери, которые не познали мужа; лучше я выведу их к вам, делайте с ними, что вам угодно, только людям сим не делайте ничего, так как они пришли под *кров* дома моего» (Быт 19: 6–8).

- *«Крыша»* — «криминальная защита».

Графический знак (рука с пером) сигнализирует о том, что явление возникло в «послеперестроечный» период, т. е. примерно после 1991 г. В аналогичной функции тот же знак использован в [ТС]. Об отсутствии указанного значения у лексемы *крыша* в советское время надежно судим на основании словаря [Мокиенко, Никитина 1998]; на своем алфавитном месте здесь слова *крыша* вообще нет.

Развитие концепта *дом* в последнее десятилетие привело, в частности, к тому, что *крыша* (в соответствующих контекстах) означает не просто «прикрытие (от непогоды, а переносно и от любой опасности)», а *криминальную* защиту (которую преступники приобретают за деньги и которую нередко навязывают вымогатели [рэкетеры]²¹).

«Естественно, у нас была *крыша*. По тем временам (год 90-й, еще до путча) это были страшно крутые ребята: „Мерседес“, золотые часы, „Мальборо“, „родное“» (МК, июль 1997). Журналист, прибегнув к курсиву, сигнализирует, что еще сознает метафору, несобственное употребление слова *крыша*.

«Старый добрый российский рэкет, как известно, привычек не меняет. Собрав какую можно информацию об обороте и прочих секретах фирмы, он вскоре (с угрозами или без) предложит „крышу“, после чего для отдельных строптивцев могут последовать и серьезные неприятности» (МК, август 1997).

Иметь надежную крышу — «быть в полной безопасности (от возможного преследования правоохранительными органами)».

«Значит, у них есть *надежная крыша* — в Минобороны и в военной прокуратуре» (МК, июль 1997).

Быть под крышей — «находиться под „вывеской“ солидного органа [= пользоваться чужой репутацией] и заниматься неблагоприятной деятельностью».

«Собственно, тут у него хороший пример имелся: его предшественник, „Полтораианов“, разместил *под крышей* Роскомпечати более 10 коммерческих структур» (МК, июль 1997).

«Этот приказ на руку только частному журналу „Пенсия“, который работает *под министерской крышей*» (там же).

ПИ-7: Собственно, данная СД представляет собой дальнейшее метафорическое развитие предыдущей СДоли, но поскольку все же смысловой разрыв между «легитимной» защитой и защитой тех, кого следует не защищать, а как раз преследовать по закону, весьма велик, мы решили обе СДоли не слить, а развести. Общий принцип слияния или разделения смыслов зависит от решения (зачастую интуиции) исследователя, а также практических соображений.

²¹ Ср.: «Появились новые преступления, о которых мы раньше никогда не слышали: убийства по заказу, рэкет или, говоря по-русски, вымогательство, наглое вымогательство» [Солженицын 1995: 6].

- *«Крыша»* — голова (разум, мозг) человека.

«Верховенство» крыши в идее дома видно в ее уподоблении голове человека.

Об этом свидетельствует, в частности, сравнительно новое, ныне весьма распространенное выражение *едет/поехала крыша*. Может быть употреблена и лексема, синонимичная *крыше*: у него *чердак поехал*.

«Даже у телевизионных профессионалов... часто едет „крыша“ от осознания собственной исключительности и неотразимости. До такой степени, что они... объявляют себя, любимых, и генераторами идей, и авторами названий, и родоначальниками стиля, и отцами русской демократии» («Известия», июль 1997). Журналист посчитал нужным поставить лексему *крыша* в кавычки: этим он, вероятно, сигнализировал, что метафора еще не стерлась.

Впрочем, другие журналисты уже считают выражение вполне привычным. Ср.: «Когда 100 раз одну и ту же кассету слушаешь — как тут *крыше не поехать?*» (МК, июль 1997); «Когда уйму молодых мужчин вместе с их бьющими через край молодыми гормонами собирают в одном месте, днем учат воевать (то есть убивать), а ночью укладывают спать всем скопом в одной казарме, у них довольно быстро *едет крыша*. Это закономерно. Противоестественный образ жизни сублимируется в тягу к извращенной агрессивности. Или к агрессивной извращенности» (там же).

ПИ-8: В исчислении СДолей (в качестве самостоятельного смыслового обертона) может фиксироваться возраст той или иной СД (или принадлежность ее к определенному периоду времени, к определенной «эпохе»). Мы выделили один из таких периодов — «послеперестроечное» время — и поместили его особым графическим знаком.

- Скатная «русская» *крыша* не бывает местом социальной активности человека.

ПИ-9: В тех случаях, когда в национальной культуре широко обращаются тексты, отражающие инокультурные явления, допустимо апофатически²² (посредством «познавательного» отрицания) перечислять те СДоли, которые в русской действительности отсутствуют.

Так, поскольку на Руси, в России по традиции устраиваются *скатные* крыши — такого устройства, чтобы дождь и снег сами «скатывались» вниз, — на крыше дома можно увидеть разве что петуха или кошку, а из людей только кровельщика, так что для пребывания на ней «обычных» людей она не годится. На крыше нельзя ни гулять, ни спать, ни беседовать.

Известное хропадание царя Давида с пригожей Вирсавией не случилось бы, если бы кровля царского дворца была скатной: «Однажды под вечер Давид, встав с постели,

²² Апофатическим называется такое суждение, отрицающее присутствие у вещи некоторого признака, которое в конечном итоге ведет к приращению позитивного знания. Основоположителем апофатического (в наших терминах) *исчисления смысловых* единиц является Псевдо-Дионисий Ареопагит. (В учебнике философии, выписки из которого были приведены выше, главный тезис Дионисия выражен фразой: «Понятие Бога можно определить с помощью отрицаний».) Хорошее изложение апофатического метода познания (особенно применительно к богословию) см. [Булгаков 1915]. Что апофатические суждения действительно ведут к приросту позитивного знания, видно из приведенных в основном тексте библейских цитат; отрицая существование в России плоских крыш, мы одновременно утверждаем, что они в принципе возможны и что крыши могут иметь еще и другие функции, кроме функции защиты от дождя, снега и холода.

прогуливался на кровле царского дома и увидел с кровли купающуюся женщину; а та женщина была очень красива» (2 Цар 11: 2)²³. Поскольку по крыше дома можно ходить, одна из ветхозаветных заповедей предписывает устраивать перила и этим предупреждать возможные несчастия: «Если будешь строить новый дом, то сделай *перила около* (= вокруг) *кровли* твоей, чтобы не навести тебе крови на дом твой, когда кто-нибудь упадет с него» (Втор 22: 8). Когда Самсон обрушил дом на пировавших, прежде всего пострадали зеваки, находившиеся на крыше: «Дом же был полон мужчин и женщин; там были все владельцы Филистимские, и *на кровле* было до трех тысяч мужчин и женщин, смотревших на забавляющего их Самсона» (Суд 16: 27). Сделав гигантский скачок во времени, сошлемся на мемуары известного советского арабиста: он вспоминает о душевных вечерних беседах «*на крыше скромного домика у местного учителя*» [Крачковский 1946: 51].

По обычаю, на крыше ближневосточного дома спали в жаркое время года: «И сошли они с высоты в город, и Самуил разговаривал с Саулом *на кровле*, [и *постлали* Саулу *на кровле*, и он спал]. Утром встали они так: когда взошла заря, Самуил *воззвал к Саулу на кровлю* и сказал: встань, я провожу тебя» (1 Цар 9: 25–26).

Ближневосточная крыша употреблялась для хозяйственных надобностей, в частности для просушки снопов: «А сама [Раава] отвела их [соглядатаев] *на кровлю* и скрыла их в снопах льна, *разложенных у нее на кровле*» (Нав 2: 6). На праздник кущей (шалашей-палаток) кущи ставили в том числе и на крышах домов: «И пошел народ, и принесли, и сделали себе кущи, каждый *на своей кровле* и на дворах своих» (Неем 8: 16).

С кровли ближневосточного дома можно беседовать с людьми, стоящими внизу: «Что говорю вам в темноте, говорите при свете; и что на ухо слышите, *проповедуйте на кровлях*» (Мф 10: 27). Евангельский эпизод исцеления расслабленного возможен только потому, что в доме была плоская крыша: «И пришли к Нему с расслабленным, которого несли четверо; и, не имея возможности приблизиться к Нему за многолюдством, *раскрыли кровлю дома*, где Он находился, и, *прокопав ее*, спустили постель, на которой лежал расслабленный» (Мк 2: 3–4); «...не найдя, где пронести его за многолюдством, *влезли на верх дома и сквозь кровлю* спустили его с постелью на средину пред Иисуса» (Лк 5: 19).

На этом в данной работе исчисление фоновых СДолей заканчивается. Это не значит, что все СДоли выявлены и перечислены исчерпывающе. Так, мы оставили в стороне все СДоли, относящиеся к материалу и технике изготовления крыши (*соломенная, черепичная, цинковая, медная* и т. д.; *крашеная, коричневая, зеленая* и т. д.; *высокая, низкая, двускатная* и т. д.). Границы ЛФона вообще довольно расплывчаты, и зачастую от решения исследователя зависит, когда исчисление СДолей прекращается.

Заметим также, что атомарно выявленные СДоли находятся на различных уровнях абстракции, поэтому их расположение в списке также зависит от исследователя, который от себя вносит (а может и не вносить) тот или иной логический порядок.

Таким образом, применительно к ЛФону слова *крыша* (компонента *дома*) путем интроспекции и экспликации обращающихся в национально-культурной общности текстов исчислен ряд СДолей:

²³ Подробнее о грехопадении Давида, как оно отражено в древнерусской книжности, см. [Верещагин 1996б: 38–41].

КРЫША —

- (1) метонимически называет *весь дом*,
- (2) выступает в функции (2а) *защиты* обитателей дома, (2б) в том числе метафорически и *ж* *криминальной*,
- (3) олицетворяет *родину*, дом (пробуждающее ностальгию место), где прошло детство говорящего,
- (4) говорит об *обладании* местом для проживания,
- (5) может символически свидетельствовать о *совместном* проживании,
- (6) наконец, в ряде клише метафорически означает *ж* *голову* (разум) человека.

О значении графически выделенных строк (1) и (2) будет сказано ниже.

Приведенный перечень обладает свойством систематизации: так, СДоли расположены в нем по принципам «от общего к частному» и «логически однородное или близкое — в одно место».

Действительно, прямая функция крыши как защиты (от непогоды, от вторжения) и метафорическая (криминальная крыша) сведены в перечне в одно место [строка (2)], но поскольку СДолей все-таки две, при общей нумерации каждой из них придана собственная литера [СД-(2а) и СД-(2б)].

ПИ-10: Таким образом, при составлении итогового перечня СДолей исследователь 1) вносит от себя логический порядок их следования и 2) сводит в одно место однородные или близкие СДоли.

ПИ-11: Когда механизмы развития семантики и ее функционирования устанавливаются без труда (например, метафора, метонимия, олицетворение-просопопея, символизм и т. д.) или когда ясна эмоциональная окраска лексемы (например, ностальгические чувства), то их следует эксплицитно вводить в формулировки строк перечня.

Легко заметить, что представление СДолей подобным абстрактным списком, хотя и полезно, все же не обладает эвристической ценностью в лингвострановедческом аспекте (если делать акцент на первой лексеме трехчленного слова). Абстрактные формулировки не подсказывают, как именно та или иная СД реализована в языке, в каких клишированных (воспроизводимых, т. е. усвоенных от языкового коллектива) формах отложился накопленный общественный опыт.

Кроме того, не забудем, что мы выявили СДоли любого домашнего покрова над головой, а он может называться как *крышей*, так и *кровом* и *кровлей*. Если же отнести выявленные в списке СДоли только к *крыше*, то часть из них не будет иметь соответствий в виде клише. В дальнейшем, чтобы показать, что имеется в виду не конкретно *заголовочная* (стоящая в начале перечня) лексема, а поле родных лексем, используем литеры шрифта (именно Flavius), привлекающего к себе внимание (и тем самым сигнализирующего: NB!)

ПИ-12: По указанной причине *абстрактную* формулировку следует синтетически сопровождать хотя бы некоторыми (наиболее показательными) *конкретными* языковыми иллюстрациями (ради лаконичности представления — без вариантов).

Итак, см. теперь иначе организованный перечень.

КРЫША —

- (1) метонимически называет *весь дом* [*мой кров*],
- (2) выступает в функции *защиты* обитателей дома [*быть под кровом*], (2а) в том числе метафорически и *ж* *криминальной* [*предлагать крышу*, *быть под крышей*],

- (3) олицетворяет *родину*, дом (пробуждающее ностальгию место), где прошло детство говорящего [*родительский кров*],
- (4) говорит об *обладании* местом для проживания [*иметь крышу над головой*],
- (5) может символически свидетельствовать о *совместном* проживании [*жить под одной крышей, делить с кем-л. кров*],
- (6) в ряде клише метафорически означает *близость* (разум) человека [*крыша поехала*].

Представляется, что данный абстрактно-конкретный перечень СДолей обладает достаточной информативностью. Избранной формой подытоживания исчисления пока удовлетворимся.

02–2. СТЕНА (ДОМА)

- Стены — весь «дом» (метонимия):

А мне сказал, стыдись измены:

«Ступай обратно в дом отца.

Оставь, Мария, *мои стены*», —

И проводил меня с крыльца. (Из песни «Когда б имел золотые горы»)

Нередко в клише упоминаются не просто *стены*, а именно *четыре стены* как метонимическое название дома; ср.: *сидеть/затвориться/запереть себя в четырех стенах* «быть домоседом, неохотно выходить из дома».

В типологии православных святых присутствуют *затворники* — люди, которые (на известный срок, а иногда и до смерти) замуровывают вход к себе в келью (и получают пропитание через небольшое оставленное отверстие). Затворничество практически существует и до сих пор: достаточно вспомнить о святом XIX в. — знаменитом святителе Феофане, *Затворнике Вышенском* (1894).

- Стены дома — «защита», «помощь».

Стены дома символизируют прежде всего нерушимость, а отсюда надежную защиту насельников жилища от внешнего воздействия; особенно надежной защитой, по сравнению к деревянной стеной, воспринимается стена каменная; ср.: *быть/жить/чувствовать себя как за каменной стеной, полагаться на кого-либо как на каменную стену* — «ощущать себя в безопасности».

Отсюда пословица: *Добра (и) стены помогают* «дома или в привычной, знакомой обстановке человек чувствует себя увереннее и спокойней» [Фелицына, Прохоров 1979: 43]. Так может сказать больной, желая выбраться из *чужих* (а стало быть, враждебных) больничных *стен*: «...кормиться было уже не на что, стало скучно без дела, и он [Чикильдеев] решил, что, должно быть, надо ехать к себе домой, в деревню. Дома и хворать легче, и жить дешевле; недаром говорится: *дома стены помогают*» (Чехов, Мужики).

- Стена — нерушима, *стоит прочно*, вечно.

Каменная стена — образ нерушимости; когда сетуют на тесноту жилища, говорят: *Рад бы, да не могу раздвинуть стены*.

Биться головой о стенку можно, только потеряв в гневе или от отчаяния рассудок, ибо *головой стенки не пробьешь*; отсюда первое выражение имеет смысловой оттенок: «производить бессмысленные действия».

Люди старшего поколения помнят фразу, которую обратил к В. И. Ленину арестовавший его жандармский офицер: «Что Вы все бунтуете, молодой человек? Ведь перед Вами — стена». Офицер имел в виду каменную стену и хотел сказать, что действия революционеров — бессмысленны. Отвечая, Ленин дал иную характеристику стены: «Стена, да гнилая; пни, и развалится», т. е. он, во-первых, отказался считать стену каменной (камень не гниет), а во-вторых, уподобил российское самодержавие обветшавшему, прогнившему, готовому рухнуть дому. Приведенный диалог в советское время вдалбливали в средней школе.

- Стена стоит вертикально.

Если стены дома покосились, скривились, то это отмечается как «ненормальное» состояние.

В клише *лезть на стенку* «прийти в неистовство, в исступление» выражено представление о вертикальности стены, поэтому на стену не залезешь.

Стоять, прислонившись к стене, еще недавно считалось неприличной позой: *Что ты стенку подпираешь?; Ты что к стене приклеился?*

Из песни слова не выкинешь, у (обычно наружной, но нередко и у внутренней) стены (подвала) ушедший XX век осуществлял свои расстрелы. *Поставить к стенке* — «расстрелять», *к стенке его!* — «давайте расстреляем». В стенах подвала Ипатьевского дома было много застрявших пуль.

- Поскольку стена — вертикальна, имеется обычай *вешать на стенки* различные предметы.

На внешних стенах домов укрепляют таблички с названием улицы и номером дома (и другие указатели), а в праздничные (или траурные) дни — *вывешивают флаги* (для чего имеются стационарные гнезда). На внешние стены официальных зданий в советское время помещали *транспаранты и лозунги*.

Графический знак *Р* (флажок) сигнализирует о том, что явление возникло в советское время, т. е. в 1917–1991 гг., или относится в советскому времени. Мы отражаем только те советизмы, которые помнятся в настоящее время.

На внутренние стены комнат дома обычно *вешают портреты* родных и близких, а также картины (или их репродукции).

Ты сбежала сюда с портрета,
И пустая рама до света
На стене тебя будет ждать. (Ахматова)

В советское время иногда в квартирах и обязательно в служебных кабинетах, а также в общественных зданиях висели портреты вождей (Ленина, Сталина, Хрущева, Брежнева, членов Политбюро ЦК КПСС). «В этом здании кабинеты росли с ростом чинов их обладателей. <...> Но ревнивей всего росли портреты Вдохновителя и Организатора Побед. Даже в кабинете простых следователей он был изображен много больше своей натуральной величины, в кабинете же Абакумова Вождь Человечества был выписан кремлевским художником-реалистом на полотне пятиметровой высоты, в полный рост от сапог до маршальского картузе, в блеске всех орденов. <...> А еще на одной стене просторно помещался квадратный портрет сладковатого человека в пенсне, который направлял Абакумова непосредственно» (Солженицын, Раковый корпус). В постсоветское время начальствующие, конечно, вешали у себя портрет Ельцина, а сейчас у них повсеместно висит Путин.

Еще десять лет назад в учреждениях имелась обязательная традиция изготовления *стенгазет*. «Во всех коллективах (производственных и учебных) выпускают *стенные газеты*. Они выходят в одном экземпляре, делают их на листе ватмана и вывешивают на стене или специальном стенде, отсюда их название» [Чернявская 1984: 225]. Стенгазеты непременно выпускались к революционным праздникам (Великого Октября, Первого мая и т. д.). По замыслу, статьи и заметки в стенгазете были формой критики — как не-радивых работников, так и администрации. *Продернуть в стенгазете* — «подвергнуть (обычно едкой юмористической) критике» (см. [Мокиенко, Никитина 1998: 480]).

Предлагаю выбрать Свету:

Света пишет в *стенгазету*... (А. Барто)

- *Стена* имеет горизонтальную протяженность.

В выражении *пройти по стенке*, т. е. *держась за стену*, содержится представление о протяженной стене, продвигаясь вдоль которой можно пройти определенное расстояние. Это представление относится к городскому большому дому, а на селе, вероятно, имеется в виду забор-плетень, идущий вдоль улицы от одного крестьянского двора к другому.

Держась/хватаясь за стенки, движется человек, которому дурно, а также и одурманивший себя алкоголем. В. И. Даль свидетельствует, что если «во время оно» выпивший был в состоянии *пройти по стенке* (придерживаясь), то он еще не считался пьяным.

Пресловутая *очередь* (почти исчезнувшая к настоящему времени) обычно выстраивалась *вдоль стены*, — легче стоять, *прислонясь к стенке* (если, конечно, стена не пачкает) (см. подробнее [Верещагин 1996а]).

В учреждении, когда просителю нужно подождать, еще недавно говорилось: *Отойдите пока к стенке! Вас вызовут.*

- Стены (бедного) дома могут быть *побелены*.

Хотя интерьер современного дома весьма изменился, все же в коллективной памяти части членов русской национально-культурной общности хранится представление о том, что внутренние стены традиционного каменного жилища — побелены (обычно известью).

Ср. две выписки из А. А. Ахматовой:

Сквозь стекло лучи дневные

Известь белых стен пестрят...

Остался профиль (кем-то обведенный

На *белоснежной извести* стены)...

Побеленные стены могут испачкать одежду, поэтому предупреждают: *Не прислоняйся к стене!*

Цвет лица побледневшего до сих пор сравнивают со стеной: *побледнел как стена, блее стены.*

Белизна ассоциируется с (нравственной) чистотой. Не отсюда ли вопрошание И. А. Крылова в басне «Кот и повар»: «Не стыдно ль *стен* тебе, не только что людей?» Ср. далее: «Ужасный человек! себя я, *стен стыжусь*» (Грибоедов, Горе от ума). Впрочем, вполне может быть, что стены, поскольку они могут *увидеть* неприглядный поступок, призываются в свидетели.

- Стены (городского) дома могут быть *оклеены обоями*.

Побеленная и пустая стена — признак недостаточности домовладельца, а в богатых домах стены оклеивались бумажными обоями или (в богатом дворянском быту) обтягивались особой — *штофной* — материей²⁴, причем по стенам, как уже упоминалось, развешивались картины и портреты.

Почтенный замок был построен
 Как замки строиться должны:
 Отменно прочен и спокоен
 Во вкусе умной старины.
 Везде высокие покои,
 В гостиной *штофные обои*,
Царей портреты на стенах,
 И печи в пестрых изразцах... (Пушкин)

- Стены не гарантируют полной *интимности*.

Внутренние стены (переборки) в доме могут быть легкими. Они обычно пропускают звук.

Уже старушки нет — уж за стеною
 Не слышу я шагов ее тяжелых,
 Ни кропотливого ее дозора... (Пушкин)

Две гитары за стеной
 Жалобно заныли.
 С детства памятный напев,
 Милый, это ты ли? (А. Григорьев)

Кто-то вздохнул за стеной.
 Что нам за дело, родной? (Колыбельная)

О том, что стены могут *слышать и подслушивать*, говорит клише: *И стены имеют уши* (вариант: *у стен есть уши*).

Предостережение было особенно актуально в российском обществе в период всеобщей подозрительности и доноительства.

Суммируем теперь исчисление в форме абстрактно-конкретного перечня, уже испробованной выше.

СТЕНА —

- (1) метонимически называет *весь дом* [*мои стены, сидеть в четырех стенах*],
- (2) выступает в функции (2а) *защиты* обитателей дома [*быть как за каменной стеной, дома и стены помогают*], но (2б) не гарантирует *приватности* проживания [*стены имеют уши*],
- (3) олицетворяет *прочность*, *нерушимость* [*биться головой о стенку*],
- (4) имеет *вертикальное* измерение [*лезть на стенку, поставить к стенке*],

²⁴ *Штофная* ткань — «иногда это был дорогой шелк, иногда плотная хлопчатобумажная ткань — *крстон*, ныне забытая» [Федосюк 1998: 217].

- (6) имеет *горизонтальное* измерение [*пройти по стенке*],
 (5) *украшается* различными предметами [*развешивать портреты*],
 (8) может быть (8а) *побелена* [*побледнел как стена*] и (8б) *оклеена обоями*.

В строках (1) и (2) названы те же самые СДоли, которые мы уже наблюдали, исследуя ЛФон лексемы *крыша*. Для того чтобы подчеркнуть *групповую*²⁵ (межлексемную) принадлежность некоторых СДолей (а этим еще раз подчеркивается их невербальный характер), здесь и далее групповые СДоли выделяются жирным шрифтом большего размера.

ПИ-13: Межгрупповые СДоли следует 1) формулировать совершенно одинаково и 2) привлекать к ним внимание (например, с помощью графических выделений).

02–3. ОКНО (ДОМА)

- Окно — возможность *посмотреть вовне*.

Понятийная область слова *окно* (по Далю: «проем в стене для свету») далеко не исчерпывает его семантики. Окно, конечно, выпускает в дом дневной свет, а в курной избе выпускало дым из дома, но в сознании носителей языка *окна* — это также еще и *глаза* дома.

Действительно, этимологически *окно* от *ока*, поэтому дому (как одушевленному существу) метафорически приписывается способность зрения.

Ср.: *окна смотрят/глядят* в сад, на реку (т. е. обращены в сторону сада). Синонимическое клише (*окна выходят в сад*), впрочем, построено на метафорике движения.

Тихий дом мой пуст и неприветлив.

Он на лес *глядит* одним *окном*. (Ахматова)

Знаменитая пушкинская цитата (*прорубить*) *окно в Европу* построена с опорой на СДолю «окно — орган зрительного восприятия» (см. подробнее [Фелицына, Прохоров 1979: 155]). Окно в Европу требуется для того, чтобы посмотреть, что там делается.

Здесь будет город заложен

На зло надменному соседу.

Природой здесь нам суждено

В Европу прорубить окно... (Пушкин)

Естественно, *из окон смотрят* насельники дома. В однообразии уединенной жизни смотреть из окна — занятие, способное хотя бы отчасти развлечь и рассеять скуку.

Он в том покое поселился,

Где деревенской старожил

Лет сорок с клошницей бранился,

В окно смотрел и мух давил... (Пушкин)

Отсюда характерный преимущественно для деревни или небольших городов обычай *сидеть у окна* (т. е. длительно смотреть в окно).

²⁵ *Группой* называется (устанавливаемое на определенном основании) объединение двух и более единиц.

То сельский дом — и у окна
Сидит она... и все она! (Пушкин)

А вчера у окна, ввечеру,
Долго, долго сидела она
И следила по тучам игру,
Что, скользя, затевала луна. (Фет)

Характерен глагол *выглядывать* (из окна), вернее два омонима: *выглядывать*¹ «появляться, высовываться (из окна)» и *выглядывать*² (кого-л.) «высматривать, стараться заметить». По пословице, *оконце маленькое, а из него всё видно. Вид из окна — «непеременная картина, которую можно видеть».*

Чтобы расширить *вид из окна*, иногда употребляют зеркала (например, устанавливают зеркальце таким образом, чтобы можно было видеть подошедшего к входным дверям дома). Если же по каким-либо причинам нужно ограничить *вид из окна* (например, согласно инструкции о содержании заключенных), то за окном камеры появляется предмет, называемый *≈ козырьком* или (на фене) *намордником* («непрозрачный щит, установленный за окном камеры таким образом, что заключенные могут видеть лишь полосу неба» [Росси 1991: 228]).

Хотя окно — это действительно вид на мир, все же, по пословице, *Не только свету, что в окне: на улицу выйдешь, больше увидишь*. Пословица представляет собой вариант другой: *Только и свету, что в окне*. Ср. также: *свет в окошке*.

О безобразной женщине пословица (приведена у Михельсона) отзывается юмористически: *Такая красавица, что в окно глянет, конь прянет; на двор выйдет — три дня собаки лают*.

Уподобление окон дома глазам человека заметно также и в том, что в экстерьере дома украшаются именно окна. В традиционной деревенской культуре быта трудно представить себе дом без *оконных наличников* на той стене, которая выходит на улицу. Наличник (накладная рама на окно) не имеет иной функции, кроме как быть украшением.

Обладают ли окна слухом? Едва ли. Чердачное окно называется *слуховым* или, по В. И. Далю, *слухом в кровле*²⁶, но мотив наименования не связан с восприятием именно звуков. Мотив наименования, может быть, тот же, что в названии сторожевой (наиболее высокой), иначе *слуховой*, башни крепости. Со слуховой башни — прежде всего издали высматривают противника. *Слышать*, как и *видеть* и *чуять*, — (в общем смысле) получать информацию, не обязательно (хотя, конечно, преимущественно) посредством уха или соответственно глаза, или носа. Ср.: *Язык не лопатка, слышит (чуёт), что сладко; Душа видит, сердце слышит*.

Под окном, конечно, можно *подслушивать* (разговоры в доме).

- Окно — возможность *заглянуть внутрь* дома.

Ср.: березы *заглядывают* в окно.

Чтобы укрыться от нескромного взгляда, а также для уюта окна *занавешивают, задергивают занавесками*. Ср.: «Одинок стоит домик-крошечка, / Он на всех глядит в три окошечка. / На одном из них занавесочка. / А за ней висит с птичкой клеточка» (романс на стихи С. Любецкого); «*Окна тканью белою завешены, / Полумрак струится голубой...*» (Ахматова).

²⁶ Лексикограф замечает: «хотя тут нечего слушать».

Впрочем, заглядывать в окна первых этажей дома, проходя мимо, считалось неприличным. (Сейчас первый этаж городского дома настолько поднят над землей, что в него и при желании не заглянешь.)

Вероятно, представление об окне как возможности заглянуть в дом в советское время вызвало к жизни именование агитационных плакатов *окнами*. ♪ *Окна РОСТА* — «сатирические плакаты, которые выпускались Российским телеграфным агентством (РОСТА) в 1919–1921 гг. в Москве, Петрограде и некоторых других городах», т. е. во время иностранной интервенции и Гражданской войны. В создании «Окон РОСТА» участвовал, в частности, В. В. Маяковский [Чернявская 1984: 211]. ♪ *Окна ТАСС* — «сатирические политические плакаты, которые выпускались Телеграфным агентством Советского Союза (ТАСС) в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). „Окна ТАСС“ продолжали сатирические традиции „Окон РОСТА“» [там же 1984: 212].

- Окно — возможность *сообщаться* с внешним миром, с «улицей».

В старое время, когда окна находились на уровне роста человека, *под окнами* просили милостыню; отсюда пословица, приводимая Далем: *Лучше подать в окно, чем стоять под окном*.

...скоро свету

Стал чужд. Весь день бродил пешком,

А спал на пристани; питался

В *окошко* поданным куском. (Пушкин о Евгении, герое «Медного всадника»)

Романтический влюбленный может часами *стоять, ходить, вздыхать под окном* в надежде, что в конце концов в окне появится девушка (а также и в уповании, что на него обратят благосклонное внимание). Вероятно, отсюда выражение (*она для него*) *один свет в окошке* «предмет обожания». Во всяком случае, обожатель, стоящий под окном, на это окно постоянно смотрит:

Под окном твоей хрущовки

Без обеда и ночевки

Жду тебя я неустанно,

Но в *окне* твоём темно. (Из песенки ²⁷)

Через окно влюбленные могли и общаться как на свидании:

Солнце догорает, наступает вечер...

А кругом зеленая весна.

Вечер обещает радостную встречу,

Радостную встречу у *окна*.

Ласково и нежно запоем гармошка,

А за ней тихонечко и я.

Дрогнет занавеска, глянет из *окошка*

Милая, хорошая моя. (Лебедев-Кумач, У окошка [песенка из репертуара Л. Утесова])

²⁷ [Мокиенко, Никитина 1998: 643]. *Хрущовка* — «малогобаритная квартира (обычно — в типовом пятиэтажном доме, которые в большом количестве строились в 50–60-х гг.)» (там же).

Вообще *свет в окошке* вечером и ночью — признак того, что обитатель комнаты дома и бодрствует. В популярной песне времен Великой Отечественной войны содержится поэтизация *огонька*, горящего в родимом окне:

На позиции девушка
Провожала бойца.
Темной ночью простилася
На ступеньках крыльца.
И пока за туманами
Видеть мог паренек,
На окошке на девичьем
Всё *горел огонек*.
<...>
И врага ненавистного
Крепче бьет паренек
За Советскую родину,
За родной *огонек*. (Исаковский)

В другом, уже позабытом, шлягере воспевается *«московских окон негасимый свет»*. Популярный *«иллюстрированный еженедельный журнал называется «Огонек»*: кажется, он выходил еще до революции и продолжает выходить и после крушения советской власти, хотя ныне утратил былую популярность.

В окно комнаты, где живет девушка, чтобы привлечь ее внимание (но не родителей), можно легонько *постучать* или, если высоко, *кинуть камушком*.

Итак, через окно можно войти в дом с улицы. *Гони природу в дверь, она войдет в окно*. Человек, если сказать точнее, не *входит* через окно в дом, а *влезает*. В романтических отношениях окно играет свою роль. В этой функции *окно* воспето в одноименном стихотворении Пушкиным:

Недавно темною порою,
Когда пустынная луна
Текла туманною стезею,
Я видел — дева у окна
Одна задумчиво сидела,
Дышала в тайном страхе грудь.
Она с волнением глядела
На темный под холмами путь.
Я здесь! — шепнули торопливо,
И дева трепетной рукой
Окно открыла боязливо...
Луна покрылась темной.
«Счастливец! — молвил я с тоскою, —
Тебя веселье ждет одно.
Когда ж вечернею порою
И мне откроется окно?»

Через окно, открытое другому, пробрался к девушке герой кинофильма *«Живет такой парень»* (по рассказам В. Шукшина).

Через окно можно также выйти, выпрыгнуть из дома. Подколесин, видя, что не пройдет дверью, по словам Феклы, «шмыгнул в окно». «А вот окно открыто; что если в окно? Нет, нельзя; как же, и неприлично, да и высоко. (*Подходит к окну.*) Ну, еще не так высоко: только один фундамент, да и тот низенький. <...> (*Становится на окно и, сказавши: „Господи, благослови“, — соскакивает на улицу*)» (Гоголь, Женидьба).

Соответственно, для предотвращения побегов, в тюремных камерах и в лечебницах для душевнобольных окна *забирают решетками*. Отсюда выражения *сидеть за решеткой* «отбывать наказание в тюремной камере» и (*видеть*) *небо в клетку* «смотреть на небо из-за тюремной (или больничной) решетки». Оконная *решетка* вообще воспринимается как символ неволи.

Сижу за решеткой в темнице сырой
Вскормленный в неволе орел молодой... (Пушкин)

Да вот беда: сойди с ума,
И страшен будешь как чума,
Как раз тебя запрут,
Посадят на цепь дурака
И *сквозь решетку* как зверка
Дразнить тебя придут. (Пушкин)

Нам тошен был и мрак темницы,
И *сквозь решетки* свет денницы,
И стражи клик, и звон цепей,
И легкой шум залетной птицы. (Пушкин)

Доктора, шприцы, таблетки...
Горе-память, отвяжись.
Дом печали. *Небо в клетку*.
(И такое тоже жизнь.) [Роман 1995: 150]

Кстати сказать, если в раскрытое окно *залетит птица*, то это, считается, плохая примета: к покойнику.

- Окна — это *защита* обитателей дома.

Окна имеют функцию отгораживания, защиты насельников дома от внешних вторжений и воздействий. *Хорошо медведя в окно дразнить* (т. е. без опасности встретиться с ним) [Михельсон 1896].

В частности, когда уходят из дома, тщательно *закрывают и запирают* шпингалетами все окна. Оконные стекла, однако, как говорят, ставятся «лишь от честных людей», поэтому когда уезжают на длительный срок, то окна *заколачивают*. Если до окна легко добраться снаружи, то от воров устанавливают решетки. Имеется традиция *забирать решетками* все окна церкви, в том числе и самые высокие; в старинных храмах кованые решетки одновременно исполняют и эстетическую функцию; как бы мы ни идеализировали святую Русь, а святотатство, к сожалению, было распространено.

Ныне в некоторых учреждениях и квартирах на каждое оконное стекло устанавливают датчики: если злоумышленник выдавит стекло, в милиции сработает сигнализация. В последнее время *защита* дома от грабителей, лазающих в окна, стала

особенно актуальной: в рекламной газете «Из рук в руки» множество фирм предлагает установить *решетки на окна*, а также *провести сигнализацию*. Предлагают также *вставить в окна пуленепробиваемые стекла*.

Закрытые окна защищают от неблагоприятной погоды — осенью от дождя и ветра, зимой от снега и мороза, а летом от жары и пыли. Если открытое окно затянуть марлей или мелкой сеткой, то с улицы в комнату не проникнут комары да мухи, а свежий воздух проходить будет. Осенний *стук дождя в окно* (равно как назойливое биенье мух об оконные стекла) ассоциируется с тоской и скукой. С учетом суровой русской зимы приняты *двойные окна*, т. е. рамы с двумя рядами стекол. В старых домах Петербурга можно видеть и тройные рамы. Вторая рама на лето обычно вынимается.

Тихо в комнате просторной,
А за окнами мороз... (Ахматова)

До середины мне видна
Моя поэма. В ней прохладно,
Как в доме, где душистый мрак
И окна заперты от зноя... (Ахматова)

Иногда защитная функция закрытых окон становится чрезмерной, и тогда их открывают, распахивают (например, для проветривания). Ср.: «*Растворил я окно, стало душно невмочь*» (из романа).

«Не спится, няня: здесь так душно!
Открой окно, да сядь ко мне»... (Пушкин)

Зимой рачительный хозяин бережет тепло в доме, поэтому, чтобы проветрить душную горницу, открывают не все окно, а лишь оконце — *фортку* или *форточку*. Хотя лексема заимствована из немецкого, *форточка* как реалия, кажется, чисто русское изобретение.

- Оконные ставни усиливают *защиту* насельников дома.

Наряду со стеклами и решетками защитную функцию исполняют также кое-где сохранившиеся традиционные *ставни* (по Далю, «деревянные затворы к окнам»). Ночью ими плотно закрываются окна, а днем ставни открыты и прислонены к стенам дома (и закреплены), так что типичный облик сельского, или провинциального городского, или окраинного столичного дома включает в себя ставни.

«Темноватый, с некрашеными стенами, голый и скупой дом их стал уютней, когда закрыли ставни — успокоительное отделение от мира, потерянное нашим веком. Каждая ставня прижималась железной полосой, а от нее болт через прорез просовывался в дом, и здесь его проушина заклинивалась костыльком. Не от воров это понадобилось им, тут бы и через распахнутые окна нечем поживиться, но при запертых болтах размягчалась настороженность души» (Солженицын, В круге первом).

Из выписки видно, что оконные ставни, наряду с занавесками, создают домашний уют. Во внешнем убранстве дома ставни, вкупе с *наличниками*, а может быть, еще *черемухой* под окном, исполняют эстетическую функцию. Во всяком случае, эстетизация ставень может входить в ностальгическое представление о родном (деревенском) доме:

Низкий дом с голубыми ставнями,
 Не забыть мне тебя никогда, —
 Слишком были такими недавними
 Отзвучавшие в сумрак года.

До сегодня еще мне снится
 Наше поле, луга и лес,
 Принакрытые сереньким ситцем
 Этих северных бедных небес.

Восхищаться уж я не умею
 И пропасть не хотел бы в глуши,
 Но, наверно, навеки имею
 Нежность грустную русской души.

<...>

Как бы я и хотел не любить,
 Все равно не могу научиться,
 И под этим дешевеньким ситцем
 Ты мила мне, родимая выть.

Потому так и днями недавними
 Уж не юные веют года...

Низкий дом с голубыми ставнями,
 Не забыть мне тебя никогда. (Есенин)

Как свидетельствует Ю. С. Степанов, у части современной молодежи концепт юта уже утрачен: «Уют? — Непонятно. Комфорт, это да!» [Степанов 1997: 698].

ОКНО —

- (1) выступает в функции *защиты* обитателей дома [*закрывать окно, закрыть ставни, забрать решетки*],
- (2) дает возможность (2а) посмотреть *вовне* [*окна смотрят в сад, выглядывать из окна, прорубить окно*] и (2б) позволяет *сообщаться* с внешним миром [*свет в окошке, ходить под окном, влезть в окно*], в том числе и (2в) *проникнуть* в дом [*влезть в окно*],
- (3) дает возможность *заглянуть внутрь* дома.

Групповая СДоля содержится в строке (1): ее описание слово в слово совпадает с формулировкой, уже примененной в исчислении ЛФонов *крыши* и *окна*. Логически соотнесенные СДоли показаны одной (= интегрирующей) арабской цифрой и разными (= дифференцирующими) литерами: (2а), (2б) и (2в).

Приведенный итоговый перечень, если его прочитать отдельно от предшествующего фактического материала, оказывается малоинформативным: на его основе невозможно восстановить ни процедуру анализа, ни его результаты. Это означает, что краткий итоговый перечень СДолей имеет смысл только в качестве *средства напоминания* о ходе самого исчисления, а это последнее, как бы ни стремиться быть лапидарным, все же по необходимости оказывается пространственным. Значение процедуры исчисления итоговым перечнем не умаляется.

Итоговый перечень выполняет функцию *систематизации* и (поскольку материал в системе усваивается лучше бессистемного) *меморизации* уже изложенного

знания, а в функции нарратива (т. е. текста, вводящего новые для адресата знания) он выступать не может²⁸.

ПИ-14: Итоговый систематизирующий перечень не может изолироваться от изложения самой процедуры исчисления СДолей.

02–4. ВХОД В ЖИЛИЩЕ: ДВЕРЬ

Как упоминалось, наряду с *крышей, стенами и окном, дверь*²⁹ обычно присутствует на схематичных изображениях дома, т. е. причисляется к числу его важнейших элементов.

- *Дверь* — весь «дом» (метонимия).

Подобно *крыше и стенам*, дверь также способна называть весь *дом* в целом.

Дверь отперта. Переступи *порог*.

Мой *дом* открыт навстречу всех дорог. (Волошин)

Речение *Мои двери всегда для вас открыты* означает «приходите ко мне в дом». Соответственно речение *Мои двери никогда не откроются для него* означает «не надеюсь приглашать его в гости».

- Функция двери — *обеспечивать* доступ в дом.

Конечно, закрытая дверь препятствует входу в дом, но перед желанным посетителем хозяин дома никогда *не закрывает двери*. Естественно, самому хозяину незачем влезать в окно, так что (для него и для его гостей) «нормальная» функция двери — обеспечивать доступ в дом.

«Истинно, истинно говорю вам: кто не *дверью* *входит* во двор овчий, но перелезает инде³⁰, тот вор и разбойник; а *входящий дверью* есть пастырь овцам» (Ин 10: 1–2).

Именно в значении «проход, доступ» Христос в продолжение приведенных слов уподобил себя *двери*: «Истинно, истинно говорю вам, что Я *дверь* овцам. Все, сколько их ни приходило предо Мною, суть воры и разбойники; но овцы не послушали их. Я *есть дверь*: кто войдет Мною, тот спасется, и войдет, и выйдет, и пажить³¹ *найдет*» (Ин 10: 7–9).

Церковь своей гимнографией уподобила *двери* — Богородицу. Пророчество Иезекииля³² о затворенных вратах прилагается к Деве Марии: *Рáдѹйсѧ, двѣре єдина, ѣюже Слово прѣйде єдино*³³.

²⁸ Аналогией является соотношение основного изложения в монографии и подытоживающего заключения: знакомство с заключением до прочтения основного изложения зачастую не дает смысла.

²⁹ Дефиниция понятия по Ожегову: «проем, отверстие в стене для входа и выхода, а также створ для закрытия этого отверстия».

³⁰ снаружи.

³¹ пастбище.

³² «И привел он меня обратно ко внешним воротам святилища, обращенным лицом на восток, и они были затворены. И сказал мне Господь: ворота сии будут затворены, не откроются, и никакой человек не войдет ими, ибо Господь, Бог Израилев, вошел ими, и они будут затворены» (Иез 44: 1–2).

³³ Канон Акафиста Пресв. Богородице, песнь 3.

На представлении, что только через дверь (или в крайнем случае через окно) можно проникнуть в помещение, строится загадка: «Ни окон, ни *дверей*, полна горница людей» (= огурец).

Надо тем не менее отметить, что «нормальное» положение входной двери — все же *закрытое*. Именно поэтому особо подчеркивают, когда (и если) дверь — открыта. Отсюда выражение *ломиться в открытую дверь* (человек исходит из пресуппозиции, что дверь [обычно] закрыта, поэтому, не пытаясь ее открыть, заранее настойчиво стучится [= ломится] и в незапертую дверь).

Чтобы подчеркнуть свободный доступ в дом, подчеркнуто говорят о его *открытых дверях*, о том, что дверь — *не на запоре, открыта, отворена*. Упоминания о том, что преграда *не замкнута*, распространяются на всю сферу частного обитания человека.

Лишь только вечер затемнится синий, <...>

Отвори потихоньку калитку

И войди в тихий сад ты, как тень... (Из популярного романа³⁴)

Ср. далее переносно: «Короче, как писали раньше в газетах, „Дорогие абитуриенты, перед вами *открыты все двери!*“» (МК, июль 1997). Журналист намекает на советское время.

Ср. также газетный штамп: *политика открытых дверей*.

Отсюда известный с советского времени (и сохранившийся до сих пор) *«день открытых дверей»* (пресуппозиция: в остальные дни — двери *закрыты*). В институтах и техникумах проводились (и сейчас проводятся) эти самые *дни открытых дверей* (т. е. дни ознакомления старшеклассников с высшим или средним специальным учебным заведением) (см. подробнее [Денисова 1983: 80]).

В последнее время выражение *«для него открыты все двери»* (имеется в виду: служебных кабинетов) означает взяточдателя, беспрепятственно входящего к поголовно коррумпированным чиновникам. Ср. аналогично: *он* (к Черномырдину [в бытность его премьер-министром]) *открывает дверь ногой* (= секретари ему не преграждают дорогу).

Открытая дверь иногда вводит в искушение: любопытный склонен заглянуть в дом, а если раздаются голоса, то и подслушать, о чем говорят насельники дома.

В ветхозаветной премудростной литературе подглядывание и подслушивание у дверей — осуждаются: «Неразумный *сквозь дверь заглядывает* в дом, а человек благовоспитанный остановится вне; невежество человека — *подслушивать у дверей*, благоразумный же огорчится таким бесстыдством» (Сир 21: 26–27). В церковнославянской версии очень хороша языковая форма выражения: *Безвѣмный двѣрьми приничетъ въ хрѣмниѣ: мѣжъ же наказанъ внѣ стѣнетъ*. Поскольку *наказывати* по-славянски означает «обучать, наставлять», *мѣжъ наказанъ* — это «хорошо воспитанный человек» (омонимичный русский глагол *наказывать* «применить к кому-л. за проступок болезненную для него меру воздействия» способен оказать возмущающее влияние).

- Функция двери — *препятствовать* доступу в дом.

Дверь издавна исполняет функцию препятствия входу в дом (нежелательных лиц); такова ее защитная функция, и в этом аспекте она аналогична функции *окон* и *стен*. Дверь позволяет *запереть* дом и *запереться* в доме.

³⁴ Слова малоизвестного поэта А. Будищева.

В Псалтыри читается: «Положи, Господи, охрану устам моим, и огради *двери* уст моих» (Пс 140: 3). Ср. еще одну выписку из Свщ. Писания: «...для слов твоих сделай вес и меру, и для уст твоих — *дверь* и запор» (Сир 28: 29).

Ср. также:

Как идола, молю я *дверь*:
 Не пропускай беду!
 Кто воет за стеной, как зверь,
 Что прячется в саду? (Ахматова)

Ср. загадку: *Маленькая собачка / свернувшись лежит, / не лает, не кусает / и в дом не пускает.* Замок уподоблен *собаке*, четвероногому сторожу дома.

Когда ученики Иисуса пребывали вместе после его смерти, они, опасаясь преследований со стороны книжников и фарисеев, запирали *двери* горницы: «В тот же первый день недели вечером, когда *двери* дома, где собирались ученики Его, *были заперты* из опасения от Иудеев, пришел Иисус, и стал посреди, и говорит им: мир вам!» (Ин 20: 19). Фрагменты цитаты в славянской форме *двѣрѣмъ затворѣннымъ и страха ради ѿдѣйска* в XIX в. были широко распространены и, как обычное клише (нередко в разделении на две половины), употреблялись в переносном смысле, — когда надо было оправдать меры предосторожности (которые кому-то могли показаться излишними).

Соответственно отсутствие *дверей* в доме уже в ветхозаветные времена воспринималось как непростительная беспечность: «Вставайте, выступайте против народа мирного, живущего беспечно, говорит Господь; *ни дверей, ни запоров нет у него, живут поодиночке*» (Иер 49: 31).

Нынешний милиционер, пришедший по вызову, в первую очередь выговаривает потерпевшему, что тот не позаботился *с*устроить себе прочную (желательно стальную = *сейфную*) *дверь*. Впрочем, для профессионалов стальная *дверь* — не препятствие: «Взрывом выбило *входную дверь*, но и на этот раз никто не пострадал» (МК, июль 1997).

Перед входом в квартиры на лестничной площадке современные жильцы, сложившись, стараются поставить еще одну, *с*общую, *дверь*, а *дверь* в подъезд также устраивают из металла, запирают ее и устанавливают или *с*кодовый замок, или *с*домофон.

Домофон, «гибридное словообразование из рус. „дом“ и гр. *phoné* „звук“, — техническое устройство у входных *дверей* помещений, с помощью которого связываются с находящимися внутри, подающими сигнал размыкания запора» [Краткий словарь: 163]. *Домофон* представляет собой разновидность замка: пришедший в гости должен предварительно переговорить с хозяином квартиры по телефону, и затем последний, употребив дистанционное устройство, отмыкает замок.

После волны террора, охватившей Москву в 1999–2000 гг., подозрительность жильцов и охрана *дверей* весьма усилились.

Рекламная газета «Из рук в руки» публикует объявления фирм, монтирующих не только решетки на окна, но и стальные *двери*. *с* «*Дверь из бронированной стали* — опять же если защищаетесь от АКМ — 4,5 мм толщины, от снайперской винтовки — 15 мм — еще тысячи две долларов. Кстати, *двери* мы тоже „отстреливаем“. При этом пулю „ловим“ с помощью рентгена, смотрим, как она взаимодействует с

броней. Между прочим, нам единственным в мире удалось изготовить столь тонкую бронированную сталь. У американцев, скажем, двери с таким уровнем защиты в три раза толще. А срок гарантии у нашей двери — 20 лет» (МК, июль 1999).

Современные (начало XXI в.) дома и квартиры в России все чаще буквально реализуют обрусевшую поговорку «*Мой дом — моя крепость*».

По-новому воспринимается старая сказка «Три поросенка» (Нуф-Нуф построил дом-крепость, и взломщик Волк не смог сокрушить входную дверь). «Открывай без разговоров!» — потребовал Волк. «Как бы не так!» — было ему ответом.

Дверь защищает от проникновения не только с помощью засовов и запоров. Иногда роль препятствия берет на себя надпись на двери и секретарь в «предбаннике» начальственного кабинета: к федеральному министру просто так не войдешь, и уж тем более к министру автономной республики. «Лукина проводили к лифту, подняли на какой-то этаж, провели по коридору и остановили у двери с табличкой «Генерал-полковник Абакумов» (МК, июль 1997).

- Дверь — препятствие входу, но не всегда и не для всех.

Будучи препятствием временным, дверь имеет *запор, засов, щеколду, задвижку* и *запирается на замок или на ключ*. Обычаи запираения дверей в разных культурах — разные. Так, в России пока нет традиции запираять вечером входную дверь подъезда многоквартирного дома. Отсюда фраза *Wann wird bei Ihnen die Haustür geschlossen?* (Когда у вас закрывается дверь дома?), вполне узуальная в Германии, может поставить русского в тупик, потому что она нарушает границы осмысленной сочетаемости слов. Ср. также еще одну «непонятную» фразу: *Geben Sie mir einen Schlüssel von der Haustür* (Дайте мне ключ от двери дома). Появившиеся в Москве в последнее время *электронные замки* держат дверь подъезда на запоре не только в вечерне-ночное время, а постоянно.

Накладной (= навесной) замок предполагает наличие дверного *пробоя*. *Пробой* (по В. И. Далю) — это «согнутая проушиной остроконечная железная полоска, пропускаемая насквозь, с загибом концов; на пробой накидывается *наметка*, и продевается замок». Если гость пришел в дом, не застал хозяев и увидел накладной замок, в подобной ситуации говорилось: *поцеловал пробой, да и пошел домой* (= несолоно хлебавши). Пословица употребительна и теперь (приводится, когда хозяина не застали дома), хотя городские квартиры навесными замками больше не запираются.

Лексемой *ключ* мотивировано (к сожалению, особо актуальное для XX в.) слово *заключенный* (первоначально «запертый на ключ»; затем «лишенный свободы; арестант; отбывающий срок наказания в тюрьме»), или *зк* (сокращенно; в записях администрации) *з/к*, или *зэ-ка*, или *зек* (*зэчка*) (см. подробнее ТС: 257–258)³⁵. (Встречаются и орфограммы с «е»: *зек, зечка*; см. [Росси 1991: 130].) «Старый солдовчанин Д. С. Л. уверяет, что он в 1931 г. слышал, как конвоир спросил туземца: „Ты кто? Зэк?“» (Солженицын, Архипелаг ГУЛАГ).

Когда хозяин или другой обладатель ключей подходит к запертой двери, он должен сначала ее *отпереть, отомкнуть* и *открыть*.

Если имеется в виду барская усадьба или большой купеческий дом, то лицо, ведающее ключами от всех комнат, погребов и кладовок, так и называется — *ключником* или *ключницей* (*ключником*). Как известно, за ключницу поначалу принял было Чи-

³⁵ Как ни удивительно, в специальном словаре [Мокиенко, Никитина 1998] ключевой лексемы *зек/зек* нет. Сокращение *ЗК* здесь расшифровано только как «заводской комитет профсоюза, завком».

чиков Плюшкина: «По висевшим у ней за поясом ключам и по тому, что она бранила мужика довольно поносными словами, Чичиков заключил, что это, верно, ключница».

Злоумышленник или *подбирает ключи* (пользуется *отмычкой*), или, срывая пробой, орудует *фомкой* (ломиком, который легко укрыть под одеждой), или просто-напросто топором *взламывает дверь*.

- Дверь обеспечивает приватность проживания.

Дверь сохраняет *тайну* жилища и делает возможной *приватную жизнь*. Ср.: «Ты же, когда молишься, войди в комнату твою и, *затворив дверь* твою, помолись Отцу твоему, Который втайне; и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно» (Мф 6: 6).

Члены семьи — а семья может пониматься расширительно — ведут жизнь прикровенно от других: «Большую часть времени встреча проходила без журналистов, *за закрытыми дверями*». О решениях узкого круга лиц говорят, что они приняты *ке-лейно*, поскольку имплицитно, что двери в монашескую келью всегда закрыты.

- Символика *закрываемой* двери: нежелание продолжать отношения.

Перед посторонними людьми и нежеланными посетителями дверь закрывают: «Однако *двери* в НАТО сразу *захлопнулись*» (МК, июль 1997).

Особенно оскорбительно, когда дверь захлопывают *прямо перед носом* или нагло предлагают: «*Закрой-ка за собой дверь (с той/другой стороны)*!» Ситуация описывается с помощью клише: *выставить* кого-л. *за дверь* или *указать* кому-л. *на дверь*. Это означает, что дальнейшие контакты невозможны.

С другой стороны, оскорбленный посетитель сам может разорвать контакты; для этого ему достаточно (*громко*) *хлопнуть дверью* (т. е., дав выход своему возмущению, демонстративно — рывком и с грохотом — закрыть дверь за собой, показывая, что *эту* дверь он больше никогда не откроет).

Закрытая, затворенная дверь (с наружным засовом) — вполне аналогично зарешеченному окну — для человека, сидящего взаперти, — это символ несвободы; она всегда ненавистна:

*Отворите мне темницу,
Дайте мне сиянье дня... <...>
Но окно тюрьмы высоко,
Дверь тяжелая с замком... (Лермонтов)*

Затворенная дверь тяжела и для человека, находящегося снаружи дома (или, предположим, административного кабинета), куда его не допускают или не пропускают; тогда ему приходится *стоять под (закрытой) дверью* (в надежде, что когда-нибудь ее откроют):

*А если когда-нибудь в этой стране
Воздвигнуть задумают памятник мне,
Согласье на это даю торжество,
Но только с условием — не ставить его
Ни около моря, где я родилась:
Последняя с морем разорвана связь,
Ни в Царском саду у заветного пня,
Где тень безутешная ищет меня,*

А здесь, где *стояла* я триста часов
И где для меня *не открыли засов...* (Ахматова)

Образы открытой и закрытой дверей используются в славяно-русской православленной гимнографии: *Мѡрдѣа двѣри ѡвѣрзи намѣ, бѣгословѣннаѣ ещѣ*³⁶; *Двѣрь твою не затвори мнѣ тогда, гдѣи, гдѣи: но ѡвѣрзи ми сѣю*³⁷.

- Подошедший к запертой двери *дает о себе знать*.

Подошедший к входной двери должен *позвонить* или *постучать*. «Когда хозяин дома встанет и затворит двери, тогда вы, стоя вне, станете стучать в двери и говорить: Господи! Господи! отвори нам» (Лк 13: 25).

Постучать/позвонить в дверь — значит «сообщить о своем присутствии» и «испросить разрешения войти» в дом или в комнату. «Раздался легкий четырехкратный стук в дверь — не стук даже, а четыре мягких поглаживания по ней, будто о дверь скреблась собака. Сталин повернул около оттоманки ручку тяги дистанционного запора, предохранитель сощелкнул и дверь приотворилась» (Солженицын, В круге первом).

Если заведомо находящийся дома человек не отвечает на звонки и на стук, то это, конечно, может значить, что он спит непробудно, но также может быть и тревожным признаком: «Стучали, *стучали в дверь* — бесполезно. Испугавшись, что пациент, как и обещал, истек кровью, вызвали милицию, чтобы *ломать дверь*» (МК, июль 1997).

В нынешнее недоверчивое время *хозяин* квартиры не спешит открывать дверь на стук или звонок: он сначала *посмотрит в глазок*, и если позвонивший незнаком, то будет долго спрашивать «*чего надо?*». Разносчики товаров по домам постепенно исчезают: возможные покупатели, опасаясь засады, не отпирают дверей, не впускают в квартиру и на лестничную площадку не выходят. Слесарю-сантехнику из домоуправления открывают лишь при условии, что его знают или если сами вызвали по телефону.

- Устройство «русской» двери — не интернационально.

Отметим, что дверь — это (пусть на периферии своей семантики) все же не межкультурный феномен.

Если русские *стучат* в дверь костяшками пальцев или в крайнем случае *барабалят* кулаком или ногами, то в традиционной культуре Англии используется специальный *дверной молоток*. (Само словосочетание отсутствует в числе воспроизводимых коллокаций русского языка.)

В Евангелии упоминается *дверь гроба*. Для погребальной культуры Палестины номинация закономерна: покойников помещали в ниши, вырубленные в скале, а отверстия, которые как раз и назывались *дверями гроба*, закладывали каменными плитами: «И положил [Иосиф Аримафейский] его [Иисуса] в новом своем гробе, который высек он в скале; и, привалив большой камень к *двери гроба*, удалился» (Мф 27: 60); «И вот, сделалось великое землетрясение, ибо Ангел Господень, сошедший с небес, приступив, отвалил камень от *двери гроба* и сидел на нем» (Мф 28: 2).

В России покойников не погребают в скале, и никакого аналога ближневосточной *двери гроба* у нас нет.

³⁶ Из Молитвослова.

³⁷ Из Великого канона Андрея Критского, песнь 2.

- «Русские» двери скрипят.

Дверь крепится *на петлях* (и может *сорваться* или *быть сорванной* с петель). Когда смазка высыхает, дверь начинает скрипеть. Сейчас почему-то двери практически бесшумны, но признаком традиционного быта были именно *скрипучие двери*. Отсутствие дверного скрипа представлялось удивительным:

Снова замерло всё до рассвета.

Дверь не скрипнет, не вспыхнет огонь.

Только слышно: на улице где-то

Одинокая бродит гармонь... (Из популярной песни ³⁸).

Гоголь в «Старосветских помещиках» поэтизировал скрип дверей: он его воспринимал как пение. «Но самое замечательное в доме — были поющие двери. Как только наставало утро, пение дверей раздавалось по всему дому. ...замечательно то, что каждая дверь имела свой особенный голос: дверь, ведущая в спальню, пела самым тоненьким дискантом; дверь в столовую хрипела басом; но та, которая была в сенях, издавала какой-то странный дребезжащий и вместе стонущий звук, так что, вслушиваясь в него, очень ясно, наконец, слышалось: „Батюшки, я зябну!“» ³⁹.

- Символика места внутри дома у *дверей*: знак смиренности.

В символическом распределении пространства в комнате место у *дверей* считается скромным; его занимает робкий, а также воспитанный человек. Зависимый человек или проситель, в ответ на приглашение входя в помещение, переступает порог, *встает у дверей* и дальше *не проходит*. Пока не услышит ободряющего «Проходите! Проходите!».

Отсюда, вероятно, выражения: *знать свое место* «не претендовать на (незаслуженные) почести» и *поставить* кого-л. *на место* «напомнить кому-л. о непомерных претензиях (призвать их умерить)». Пословица «Каждый сверчок знай свой шесток» синонимична другой — «Не в свои сани не садись» (см. подробнее [Фелицына, Прохоров 1979: 68]).

- Символика места вне дома у *дверей*: знак временной близости.

Образ (пространственной!) *двери* входит во (временные!) представления о близости некоторых (еще, однако, не начавшихся) событий.

«Так, когда вы увидите все сие, знайте, что близко, *при дверях*» (Мф 24: 33). Ср. также: беда у *дверей/у порога*.

В прямом смысле нет такого пространства, которое называлось бы *преддверием*, но в переносном смысле слово употребляется часто: «Это были такие же игры раннего периода, как НЭП в *преддверии* коллективизации»; «Эстония, еще недавно бурно выражавшая свои территориальные претензии к России, в *преддверии* желанного вступления в НАТО оказалась в сложной ситуации — туда не принимают государства, не решившие свои территориальные споры» (МК, июль 1997).

ДВЕРЬ —

- (1) метонимически называет *весь дом*,

³⁸ Слова М. Исаковского.

³⁹ Фраза не без солецизма.

- (2) выступает в функции защиты обитателей дома, т. е. (2а) *препятствует* доступу в дом [*запереть дверь, Мой дом — моя крепость*], но (2б) *не всегда и не для всех* [*за-/от-переть, за-/ото-мкнуть, за-/от-крыть*], а также (2в) обеспечивает приватность проживания [*за закрытыми дверями, келейно*],
- (3) *обеспечивает* (3а) доступ в дом [*ломиться в открытую дверь, для него открыты все двери*], в частности, (3б) позволяет подошедшему *дать знать о себе*,
- (4) символизирует нежелание продолжать отношения [*захлопнуть дверь (перед носом), закрой-ка дверь с другой стороны, хлопнуть дверью*],
- (5) скрипит,
- (6) символизирует *временную близость* [*у дверей, в преддверии*].
- (7) символизирует (если вошедший остановился у двери) *смирность* [*встать у дверей, знать свое место*].

В традиционный образ двери входит еще *крыльцо, сени и порог*. СДоли *крыльца и сени* оставим пока без рассмотрения, а ЛФон *порога* далее исчисляется в полном объеме.

02–5. ВХОД В ЖИЛИЩЕ: ПОРОГ

Порог, порожек (понятийная дефиниция по Далю: «брус под дверями, для притвора их») с точки зрения его функционирования в доме не имеет большого значения; реально существуют двери, лишенные порога. И тем не менее в ЛФоне *порога* представлено немало СДолей метафорического, метонимического и символического происхождения. Похоже, что в любом доме, в любом жилище русские мысленно видят порог, даже если этого порога в природе нет и быть не может:

Вдруг кто-то в потемках, немного налево
 От яслей рукой отодвинул волхва,
 И тот оглянулся: с порога на Деву,
 Как гостья, смотрела звезда Рождества. (Пастернак)

Поэт воспроизводит события Рождества Христова: Христос родился в *вертене* (т. е. в пещере), где, естественно, реально не было никакого порога.

- Именно *порог* считается рубежом между внешним миром и внутренними помещениями дома.

Соответственно, *подняться на крыльцо, войти в сени* (при традиционном устройстве избы) — это все еще быть вне дома, а переступить порог в горницу — это уже войти в дом. Отсюда, по свидетельству Даля, гостя хозяева встречают *за порогом* и пропускают впереди себя *через порог*. При прощании хозяин также обязан проводить гостя сначала *до порога*, а затем и *через порог*. (В дипломатической практике, построенной по европейским нормам, такого не наблюдается: так, российский президент стоит посреди зала и ждет, пока иностранный гость подойдет к нему.)

Реликтом нормативного поведения остался современный обычай, когда хозяин непременно выходит *к дверям*, чтобы *принять гостя*, и провожает его *до дверей* и *из дверей*, когда гость *откланивается*.

Тот домик помните ль, друзья,
 Где наша верная семья,

Оставя скуку за порогом,
Соединялась в шумный круг? (Баратынский)

Не пустить кого-л. на порог — «далеко отогнать от своего дома».

Весной и солнцем на лугу
Обвита желтая дорога,
И та, чье имя берегу,
Меня прогонит от порога. (Есенин)

Указать кому-л. на порог — то же самое, что *указать на дверь*. В случае ссоры и разрыва отношений и до сих пор говорят: *Вот тебе Бог, а вот порог!* Ср. также: «Степан Трофимович, я ожидаю от вас чрезвычайного одолжения, — вдруг обратилась она к нему с засверкавшими глазами, — сделайте мне милость, оставьте нас сейчас же, а впредь *не переступайте через порог* моего дома» (Достоевский, Бесы).

Пожалуй, средний носитель языка уже не понимает, при чем здесь *Бог*. *Бог* — это, собственно, *божница*, или киот (*кивот*), особая рама, в которой стояли иконы. Божница помещалась в *красном*, или *переднем*, или *большом*, или *образном*, или *кутном* (= почетном) углу в доме: здесь стоял стол, в праздничные дни накрытый самодельной скатертью⁴⁰. «Был святой угол в чистой избе, и иконка Николая Угодника в кухоньке. Забудни стояли они темные, а во время всенощной и с утра по праздникам зажигала Матрена лампадку» (Солженицын, Матренин двор).

Хоть святых вон выноси — «почтение к иконе должно оберегать ее от созерцания всего непристойного, греховного или от присутствия при неприличных событиях» (СРФ: 50). Хотя бы задернуть иконы особой занавеской (как до сих пор принято у старообрядцев), чтобы они не видели пьянства, драк, домашних дразг...

Иконы-образы вынимали из божницы по различным случаям, — например, когда при сговоре благословляли дочь на замужество:

— Матушка, матушка, *образа снимают*,
Сударыня матушка... Меня благословляют...
— Дитятко милое, Господь с тобою! (Рус. нар. песня)

Уходящему, даже если разгорелась интенсивная ссора, все-таки предлагали предварительно помолиться⁴¹. О значении икон в традиционном русском быту, как он отразился в русской словесности (преимущественно XIX и начала XX в.), см. в фундаментальных разысканиях В. В. Лепяхина [Лепяхин 1999а; 1999б; 2000а]; см. также [Лепяхин 2000б].

Отсюда благочестивая пословица: *Без Бога — ни до порога*; она означает: «не помолившись, не выходи из дома».

Верующий, выходя из дома, крестит себе лоб: *С Богом!* Возвращающийся после долгой отлучки останавливается у порога дома, чувствует «величие» момента, осеняет себя крестным знаменем и только после этого входит в дом.

⁴⁰ Не все предметы можно ставить в красный угол. Так, профанный посох можно поставить в любой угол, кроме красного.

⁴¹ Традиционная практика моления при приходе в дом христианина и уходе из дома сохранилась у старообрядцев. Так, встав перед иконами, необходимо положить три поклона с молитвой: *Боже, милостив буди мне грешному* (поклон); *Создавший мя, Господи, помилуй* (поклон); *Без числа согрешших, Господи, прости мя* (поклон). Только после молитвы полагается приветствовать «находящихся в дому» или попрощаться с «остающимися в доме».

Появиться, показаться на пороге — значит «входить в помещение». «Вскоре после открытия магазина на пороге винного отдела *появился ее муж*» (МК, июль 1997). «Вдруг отворилась дверь, и на пороге оказался мужчина лет пятидесяти» (МК, июль 1997).

В условиях традиционного сельского быта девушка, переступившая порог родной избы, уже не чувствует себя под властью родителей: *Девичий стыд до порога, а переступила, так и забыла*.

- Вне привязки к дому порог метафорически означает *любую границу*.

Ср.: *порог* болевых ощущений; Перейдя *порог* в 100 градусов, вода начинает кипеть; «Некоторые теоретики утверждают, что *порог чувствительности* у российской богини правосудия понизился в связи с лавиной умышленных и заказных убийств» (МК, июль 1997); «Вполне отдаю себе отчет, насколько зыбкую сферу пришлось затронуть, однако, кто знает, к какому *порогу*, возможно приблизил нас „эффект Кирлиана“» (МК, июль 1997).

- Через порог гость и хозяин не совершают никаких совместных действий.

Иными словами, состояние, когда гость стоит по ту, а хозяин по сю сторону порога, не должно продолжаться долго.

Так, *через порог не здороваются и не прощаются. Через порог руки не подают*. О причинах суеверия (можно рассердить духов) см. [Ходина 1975: 104]. Иностранец, пришедший в гости к русскому, как раз протягивает руку через порог и бывает удивлен, почему русский инстинктивно *не принимает* протянутой руки. В таких случаях люди старшего поколения прибегают к клишированным формулам *Не через порог!* или *Не в дверях!*, а затем, когда гость войдет в дом, поясняют: *Так у нас принято*. Мотив и происхождение этого обычая современным носителям языка и культуры уже неизвестны.

На пороге не стоят. Это значит, что при входе не затевают никаких разговоров. Вероятно, обычай объясняется тем, что пришедшего принято *пригласить в дом*. Если с пришедшим разговаривают *у порога* (выйдя к нему или позвав его к себе), то он может обидеться: *Не пустили в дом!*

Когда гость прощается, по современной практике как раз *у порога* может быть еще наговорено много всякого, и пословица правильно отмечает: *Бойся гостя стоящего!* (ибо он «никогда не уйдет»). Примечательно, однако, что разговоры продолжают лишь до тех пор, пока гость еще *не переступил порога*.

Через порог ничего не принимают, поскольку, по примете, будет ссора (например, с соседом). Даже в ситуации, когда ссоры никак не может быть, все равно неписаное правило соблюдается. Например, пришел почтальон и принес заказное письмо. Чтобы расписаться в его получении, хозяин квартиры или выходит наружу (на лестничную площадку), или приглашает «письмонощицу» войти в дом.

- Порог метафорически обозначает *пространственную близость*.

«Прошло несколько дней с момента, когда *на пороге* своего дома в Майами-Бич был убит знаменитый итальянский модельер и гомосексуалист Джанни Версаче» (МК, июль 97). *На пороге* — «близко к дому».

Мысленный порог усматривается и в тех ситуациях, когда в действительности порог невозможен.

«Желаю лучше быть у порога в доме Божиим, нежели жить в шатрах нечестия» (Пс 83: 11).

Ср. также: враг у порога (у ворот). Ср. также аналогичное латинское речение: Hannibal ante portas⁴² «опасность близка» (буквально: Ганнибал у ворот)⁴³.

- Порог метафорически обозначает *временную* близость.

У порога, на пороге — «непосредственно перед началом (какого-л. отрезка времени)». Язык (в духе Хайдеггера) имплицитно, что некоторый наступающий период времени — это *дом*, у которого есть *порог*, *преддверие*.

«И тем не менее непонятно, почему едва перешагнувший *порог совершеннолетия* молодой человек более опасен для общества, чем проворовавшийся генерал (речь в статье шла о конкретном лице) или „генерал Дима“» («Известия», июль 1997).

Ср.: смерть, беда, зима и т. д. у порога, т. е. близко.

«Так вот, на пороге нового столетия давайте прикинем, кто из лидеров великих держав века уходящего победил бы на гипотетических выборах» (МК, июль 97).

С порога — «немедленно». «С порога отметая бесчестное Димино предложение, не проявляет ли ваша героиня спесь обнаружившейся графской породы?» (МК, июль 97).

- Порог метонимически обозначает *весь дом*.

«Лишь только Козлов *переступил порог* РУВД, к нему сразу же приставили сотрудника с автоматом» (МК, июль 97). Имеется в виду: *вошел в дом*.

К теплому свету, на отчий порог,
Тянет меня твой задумчивый вздох⁴⁴. (Есенин)

Сюда же относится представление, что, переходя из одного административного здания в другое, посетитель (по-старому, проситель) *обивает пороги*.

Быть может, в этом Божий перст,
Что в жизни нет для вас дороги,
Как у *преддверья* министерств
Покорно *обивать пороги*. (Пастернак)

Не пускать на порог — «не пускать в дом»:

А птичка верит, как в зарок,
В свои рулады
И *не пускает на порог*
Кого не надо. (Пастернак)

«Госкомсевер РФ (сама по себе организация, напоминающая „Рога и копыта“) нанимает себе милицейскую „крышу“, ставит везде охрану и *не пускает на порог* „любяной избушки“ (помните сказку о хитрой лисе?) ее законных владельцев» (МК, август 1997).

⁴² Восходит к Ливию.

⁴³ Как известно, карфагенский полководец Ганнибал, участник II Пунической войны (III в. до н.э.), нанес римлянам поражения в четырех главных сражениях и вплотную подошел к крепостным стенам Рима.

⁴⁴ Рифма «порог — вздох» свидетельствует, что для Есенина было характерно южнорусское фриктивное «г».

- Место у порога — смиренное.

Пришедшие в гости, уже переступив порог, обычно не проходят дальше, а ждут приглашения. Хозяин же или хозяйка обязаны сделать приглашающий жест и прибавить *Проходите! Проходите!* или *Пожалуйста, в комнаты! Присаживайтесь!*

Когда гость от порога *прет* в комнаты, он нарушает этикетные нормы, т. е. ведет себя не так, как от него ожидают. «Услышав звонок в дверь офиса, Ардашева пошла открывать. На пороге стояли люди в милицейской форме. Не дожидаясь приглашения, они вошли внутрь, наскоро представившись сотрудниками 70-го отделения милиции» (МК, июль 97).

ПОРОГ —

- (1) метонимически называет *весь дом* [*не пускать на порог, обивать пороги, переступить порог*],
- (2) символически считается *рубежом* между «улицей» и домом [*не пустить на порог; вот тебе Бог, а вот порог*],
- (3) символизирует также любую *границу* [*порог чувствительности*],
- (4) ритуально не позволяет *совместных действий* [*не через порог*],
- (5) метафорически обозначает *пространственную близость* [*у порога*],
- (6) метафорически обозначает *временную близость* [*у порога, с порога*],
- (7) символизирует (если вошедший остановился у порога) *смирненность* [*встать у порога*].

СДоли, выделенные в строках (6) и (7), объединяют ЛФон *порога* с ЛФоном *двери*. Как вещи, *порог* и *дверь* «устроены» совсем по-разному, но их реальностная разнородность отчасти снимается их общим расположением у входа в дом (или квартиру). Аналогично групповая СДоля (1) защиты (от непогоды, от вторжения) у лексем *крыша, окно, стена* и *дверь* основана на общей для этих компонентов функции *преграды*. Порог не есть преграда, поэтому СДоли защиты у него нет.

ПИ-15: Соответственно, при выявлении групповых фоновых СДолей следует обращать внимание на общий реальностный элемент, лежащий в основе группы.

02–6. МИНИМАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО В ДОМЕ: УГОЛ (НЕ ИСЧИСЛЕНО)

02–7. ОБОБЩЕНИЕ ПРОЦЕДУР ИСЧИСЛЕНИЯ

Выше, следуя за ходом анализа, мы сделали 15 отдельных наблюдений над исследовательскими процедурами (напомним, что они помечены аббревиатурой ПИ- [процедура исчисления]). Поскольку следующее ниже подытоживание является кратким и (по степени абстрагирования) отвлеченным, все вышеприведенные отдельные конкретные замечания (от ПИ-1 до ПИ-15) сохраняют свое значение.

Как говорилось раньше, исчисление состоит из двух этапов. Соответственно и конкретные исследовательские процедуры разделились на две группы.

Выявление фоновых СДолей. 1. Выявление СДолей может быть разнонаправленным. СДоли устанавливаются исследователем, так сказать, *изнутри*, 1а) путем ин-

троспекции, т. е. самонаблюдения и самовопроса. СДоли могут выявляться также *извне*, 1б) путем анализа «нормативных» текстов.

2. Значение верификации при установлении СДолей зависит от способа, которым данная СДоля получена. 2а) Верификация результатов интроспекции через ссылки на «нормативные» тексты имеет (известную из лексикографии) «оправдательную» функцию. Поскольку к интроспекции — на наш взгляд, несправедливо — по традиции относятся с подозрением, верификация ее результатов (особенно когда носители языка расходятся в своих оценках) не просто желательна, а необходима. 2б) Если СДоля выявлена анализом «нормативных» текстов, если она в них повторяется, то верификацию через интроспекцию можно считать факультативной. Впрочем, исследователь обычно не может удержаться от собственных оценок, поэтому когда анализ текстов и интроспекция разошлись между собой, — а такое бывает, если «нормативные» тексты являются старо-традиционными, — то следует или воздержаться от включения СДоли в итоговый перечень, или провести дополнительный опрос носителей языка.

3. Синонимические и антонимические смыслы в принципе считаются принадлежащими одной и той же СДоле, т. е. они (в философском смысле) «снимаются» (= отождествляются на более высоком уровне абстракции). Впрочем, по сущностным и по практическим соображениям их можно и развести, особенно если стилистические и эмоциональные обертоны вариантов не совпадают между собой. Онтологическая природа СДолей не препятствует альтернативным решениям исследователя.

4. Межгрупповые СДоли следует 4а) формулировать совершенно одинаково и 4б) привлекать к ним внимание (например, с помощью графических выделений). Соответственно при выявлении групповых фоновых СДолей следует обращать внимание на 4в) общий реальностный элемент, лежащий в основе группы.

5. В описании СДоли в необходимых случаях следует указывать, как носители языка относятся к ней и, в частности, ощущают ли ее 5а) «возраст». Почти несомненно, что современные русские отчетливо разграничивают три эпохи: *дореволюционную* (СДоли, сложившиеся до 1917 г., а также «вневременные» у нас никак не помечаются); *советскую* (для показа советской эпохи используется знак P) и *постсоветскую* (или «послеперестроечную», или капиталистическую; используется знак C). 5б) Эмоциональные оценки (любование, отвращение, ностальгия и т. д.), если они присутствуют, также следует упоминать.

6. В описании СДоли в необходимых случаях следует называть механизмы развития семантики и ее функционирования (метафора, метонимия и т. д.).

7. Поскольку метаязыковые формулировки в описании СДоли отчасти стирают ее индивидуальность (особенно когда речь идет о групповых СДолях), описание СДоли следует синтетически сопровождать хотя бы некоторыми конкретными языковыми иллюстрациями.

Создание перечня СДолей. 8. Итоговый перечень должен быть *упорядоченным*, т. е. СДоли в его составе следует расположить (одну за другой), а также сгруппировать (соподчинить) на основании некоторых логических правил. Таким образом, при составлении итогового перечня СДолей исследователь вносит от себя 8а) логический порядок их следования и 8б) сводит в одно место однородные или близкие СДоли. Итоговый систематизирующий перечень 8в) не может изолироваться от изложения самой процедуры исчисления СДолей.

Глава 3. Целостный анализ семантики *дома*, *жилища* человека: исчисление фоновых СДолей

В предыдущем разделе мы рассмотрели (отнюдь не стремясь исчерпать их) *компоненты* жизненной сферы человека, сопряженной с жилищем, с местом проживания и обитания, с домом. Сейчас эта сфера будет рассмотрена не в расчленении на компоненты, а *целостно*.

СДолей оказалось — множество.

Ранее, исчисляя СДоли, скажем, *крыши* или *порога*, мы поначалу располагали их как придется и только на этапе итогового перечня вносили логический порядок. Теперь, чтобы не утонуть в материале, пришлось заранее наложить на всю сферу человеческого жилья как бы крупноячеистую сетку и ею руководствоваться. Иначе не избежать полного хаоса.

Если за СДолями мы принципиально признаем их реальное бытие (поскольку они апостериорны), то следующие ниже группы (как и группы СДолей приведенных выше перечней), будучи априорными, естественно, принадлежат к категории конструктов, а их онтологическая природа неизвестна.

Логические группы печатаются полужирным шрифтом. Хотя они для удобства отсылок пронумерованы, не должно создаваться ложного впечатления ни предшествования, ни следования.

03–1. РЕЛИГИОЗНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ДОМЕ, ЖИЛИЩЕ

- Бог обитает в доме, где люди собираются для молитвы.

«А я, по множеству милости Твоей, войду в *дом Твой*, поклонюсь святому *храму Твоему* в страхе Твоем» (Пс 5: 8); Гдѣи, възлюбѣхъ бѣгольнѣ дѣмѣ твоегѣ, ѣ мѣсто селѣнїѣ славы твоѣѣ. «Господи! возлюбил я *обитель дома* Твоего и *место жилища* славы Твоей» (Пс 25: 8)⁴⁵; «Ибо ревность по *доме* Твоем снедает меня» (Пс 68: 10); «Написано: дом Мой есть *дом молитвы*, а вы сделали его *вертепом* разбойников» (Лк 19: 46); «Чтобы, если замедлю, ты знал, как должно поступать в *доме Божиим*, который есть Церковь Бога живаго, столп и утверждение истины» (1 Тим 3: 15).

- Отсюда храмоздательство — важнейшая обязанность верующего человека.

«Не войду в *шатер* дома моего, не взойду на ложе мое; не дам сна очам моим и веждам моим — дремания, доколе не найду места Господу, жилища — Сильному Иакова» (Пс 131: 3–5).

Иметь дом-убежище — важнейшая потребность животных, птиц и человека.

«Главная потребность для жизни — вода и хлеб, и одежда и *дом*, прикрывающий наготу» (Сир 29: 24).

- Соответственно, бездомность и бесприютность — большое бедствие.

⁴⁵ Различия между славянским и русским текстами объясняются тем, что первый переведен с Септуагинты, а второй — с масоретской версии Танаха.

В ветхозаветной литературе мудрецов-*хахамим* на эту тему есть отдельный развернутый пассаж: *Живѣтъ золь ѡдъ дѡмѣ въ домѣ* (и далее) «Худая жизнь — *скитаться* из дома в дом, и где водворишься, не посмеешь и рта открыть; будешь подавать пищу и питье без благодарности, да и сверх того еще услышишь горькое: «пойди сюда, пришлец, приготовь стол и, если есть что у тебя, накорми меня»; «удались, пришлец, ради почетного лица: брат пришел ко мне в гости, дом нужен». «Тяжел для человека с чувством упрек за приют в доме и порицание за одолжение» (Сир 29: 27–31). Ср., далее, неприютность основателя новой религии: «Иисус сказал ему: лисицы имеют норы, и птицы небесные — гнезда; а Сын Человеческий не имеет, где приклонить голову» (Лк 9: 58).

Двадцатый век... Еще *бездомней*,
Еще страшнее жизни мгла
(Еще чернее и огромней
Тень Люциферова крыла). (Блок, Возмездие)

- Для благосостояния дома требуется благословение Божие.

«Если Господь не созиждет дома, напрасно трудятся строящие его; если Господь не охранит города, напрасно бодрствует страж» (Пс 126: 1); «В какой бы город или селение ни вошли вы, навещайте, кто в нем достоин, и там оставайтесь, пока не выйдете; а *входя в дом*, приветствуйте его, говоря: *мир дому сему*; и если дом будет достоин, то мир ваш придет на него; если же не будет достоин, то мир ваш к вам возвратится. А если кто не примет вас и не послушает слов ваших, то, выходя из *дома* или из города того, отрясите прах от ног ваших» (Мф 10: 11–14); «Всякий *дом устрояется* кем-либо; а устроивший все есть Бог» (Евр 3: 4).

- Отсутствии благословения пагубно для дома.

«Кто за добро воздаст злом, от дома того не отойдет зло» (Притч 17: 13); «Се, представляется вам *дом ваш пуст*» (Мф 23: 38).

При входе в дом и при выходе из дома следует призвать на себя благословение Божие.

Сын осеняется крестом.
Сын покидает отчий дом. (Блок, Сын и мать)

- Дом должен быть крепким — иметь прочный фундамент и надежную связь (= внутреннюю конструкцию).

«Итак всякого, кто слушает слова Мои сии и исполняет их, уподоблю мужу благоразумному, который построил *дом свой на камне*; и пошел дождь, и разлились реки, и подули ветры, и устремились на дом тот, и он не упал, потому что основан был на камне. А всякий, кто слушает сии слова Мои и не исполняет их, уподобится человеку безрассудному, который построил *дом свой на песке*; и пошел дождь, и разлились реки, и подули ветры, и налегли на дом тот; и он упал, и было падение его великое» (Мф 7: 24–27). Ср. в синоптическом Евангелии: «Всякий, приходящий ко Мне и слушающий слова Мои и исполняющий их, скажу вам, кому подобен. Он подобен человеку, *строящему дом*, который копал, углубился и положил основание *на камне*; почему, когда случилось наводнение и вода наперла на этот дом, то не могла *поколе-*

бать его, потому что он основан был на камне. А слушающий и не исполняющий подобен человеку, построившему дом на земле без основания, который, когда наперла на него вода, тотчас обрушился; и разрушение дома сего было великое» (Лк 6: 47–49).

В нижеследующей гимнографической цитате из последования св. Клименту Римскому (по древнейшему славяно-русскому богослужебному сборнику — Ильиной книге; 58^r 20, 58^v 1–3) также выделена роль «подлоги и основания», т. е. надежного фундамента: *Подълога и основаннѣ / петрова саовеса имѣѣ тѣѣ / на нежже сзъзда са тако дшевънъин тронца домъ / и капища идолъ низъложн.*

В одной из книг ветхозаветной премудростной литературы читаем: «Включеніе древно связано на созиданіе храмини въ трасеніи не расторгнетса: такожде и сердце оутверждено на размыщеніи совѣта во время страха не оутрашится» «Как деревянная связь в доме, крепко устроенная, не дает ему распасться при сотрясении, так сердце, утвержденное на облуманном совете, не поколеблется во время страха» (Сир 22: 17). В выписке из ветхозаветной книги подчеркнута роль связи, как бы сейчас сказали, несущей конструкции для обширного дома (типа *фахверка*, принятого в Германии).

- Дом должен защищать от внешней угрозы.

Буди ми въ бѣга защитителя, / и въ домъ прибежища, ѣже сѣсти ма. «Будь мне каменной твердыней, домом *прибежища*, чтобы спасти меня» (Пс 30: 3)⁴⁶.

- В доме должно быть светло.

«И, зажегши свечу, не ставят ее под сосудом, но на подсвечнике, и светит всем в доме» (Мф 5: 15).

- В доме имеется скарб и утварь.

«А в большом доме есть сосуды не только золотые и серебряные, но и деревянные и глиняные; и одни в почетном, а другие в низком употреблении» (2 Тим 2: 20).

- Дом держится мужем, *хозяином*.

Аристотель, говоря о верховенстве домохозяина, сослался на авторитет Гомера, т. е. признал ситуацию весьма древней: «Изречение Гомера: каждый властвует над детьми и женами — относится именно к эпохе спорадического образа жизни, а так действительно жили люди в древности» [Аристотель 1893: 6]. И на самом деле в «Одиссее» можно прочитать: *θεμιστεύει δὲ ἕκαστος / παίδων ἢ δ' ἄλόχων*; *jus autem dat unusquisque / liberis atque uxoribus*; «Над женой и детьми безотчетно там каждый / властвует» (Од. IX. 114–115 [Homeri carmina 1837: 372]; русский перевод В. А. Жуковского). Речение Гомера лишь по видимости отражает быт циклопов, а на самом деле относится к людям. Аристотель продолжает: «Власть домохозяина есть монархическая власть (потому что весь дом находится под властью одного)» [Аристотель 1893: 17].

Та же норма выражена в Ветхом Завете: «И послал во все области царя письма, писанные в каждую область письменами ее и к каждому народу на языке его, чтобы всякий муж был *господином в доме своем*, и чтобы это было объявлено каждому на природном языке его» (Есф 1: 22). И в Новом Завете при выборе церковнослужителей апостол рекомендует сначала посмотреть, как человек управляется в своем до-

⁴⁶ О причине расхождения между славянским и русским текстами см. в предыдущей сноске.

ме: «Хорошо *управляющий домом* своим, детей содержащий в послушании со всякою честностью; ибо, кто *не умеет управлять собственным домом*, тот будет ли пещись о Церкви Божией?» (1 Тим 3: 4–5).

Абсолютное верховенство мужчины-домохозяина закреплено в «Домострое» — русском письменном памятнике XVI в. (см. издание [Домострой 1994]), содержащем свод житейских правил и наставлений. В нем декларируется беспрекословное подчинение всех *чад и домочадцев*, включая жену, главе семьи. Само слово *домострой* (в прямом значении: *управление домом*) впоследствии, особенно в советское время, стало пейоративным обозначением консервативного семейно-бытового уклада. Отсюда *домостроевские нравы*, *домостроевский быт*. У русского возникают ассоциации, идущие к нравам косного купечества, вспоминаются персонажи А. Н. Островского (например, Кабаниха из «Грозы»), а также, может быть, строгий старообрядческий быт.

Итак, по традиционным представлениям, муж должен быть главой в доме. Отсюда опасения: «Нет, Кирила Петрович: мой Володька не жених Марии Кириловне. Бедному дворянину, каков он, лучше жениться на бедной дворяночке, да быть *главою в доме*, чем сделаться приказчиком избалованной бабенки» (Пушкин, Дубровский). Осуществленный патриархальный идеал описан Л. Н. Толстым в «Анне Карениной»: Левин «вчера только по делу опеки был у него [предводителя. — *Е. В., В. К.*] дома и видел его во всем величии доброго и семейного человека. Большой дом со старою семейною мебелью; не щеголеватые, грязноватые, но почтительные старые лакеи, очевидно еще из прежних крепостных, не переменявшие хозяина; толстая, добродушная жена в чепчике с кружевами и турецкой шали, ласкавшая хорошенькую внучку, дочь дочери; молодчик сын, гимназист шестого класса, приехавший из гимназии и, здороваясь с отцом, поцеловавший его большую руку; внушительные ласковые речи и жесты *хозяина* — все это вчера возбудило в Левине невольное уважение и сочувствие».

- В доме может быть назначенный *хозяином* временный глава — *домоправитель*.

«Поставил его господином над домом своим и правителем над всем владением своим» (Пс 104: 21). «Евгений Константинович в шикарных комнатах, которые, по его уверениям, ничем не отличаются от тех, принадлежащих Савве Морозову, смотрится естественно. *Как дома*. Прощаясь, я все думаю, кем бы он мог быть при прежнем хозяине? На ум приходит старое словечко „*домоправитель*“ — лицо, управляющее домом, второй человек после хозяина» (МК, июль 1997). «Как сообщили „МК“ в ГУВД Московской области, около 19 часов Алымов вместе с женой, телохранителем и *домоправительницей* поехал с дачи в Москву» (там же).

...Чтоб я увидела верх шапки голубой
И бледного от страха *управдома*. (Ахматова)

- Дом держится женою, *хозяйкой*.

«Красота доброй жены в *убранстве* дома ее» (Сир 26: 21); «*Дом и имение* — наследство от родителей, а разумная жена — от Господа» (Притч 19: 14); «Мудрая жена *устроит дом* свой, а глупая разрушит его своими руками» (Притч 14: 1); «Лучше *жить* в углу *на кровле*, нежели со сварливую женою в просторном доме» (Притч 21: 9).

Ты не получишь воздаянья,
Ты не узнаешь ничего,

Но быть дала ты обещанье
 Хозяйкой дома моего. (Блок)

В СССР, в современной России и тем более в России царской считалось и считается нормальным, если *домашняя хозяйка* (или *домохозяйка*), т. е. замужняя женщина, занятая хозяйством в семье, не имеет никакой другой работы (т. е. должности вне дома): муж зарабатывает деньги, а жена их тратит. Впрочем, и работающая женщина не освобождается от исполнения *женских обязанностей по дому*. Общеобразовательная школа в известной мере готовит девочек к роли домохозяек: на уроках *домоводства* (учебный предмет, обучающий девочек навыкам ведения домашнего хозяйства).

Правда, домохозяйкам стереотипно приписываются невыгодные качества. Например, считается, что у них примитивный кругозор: «Влияние телесериалов на общество не выходит за рамки ввода *домохозяйек* в состояние анабиоза во время трансляции очередной серии одного из бесконечных повествований о, как правило, несчастной любви, которое все же, как это известно всем заранее, будет иметь счастливый конец» («Новая газета», июль 1997). Домохозяйкам приписывается расчетливость, жадность, скупость, заправистость. В «Круте первом» Солженицына Сталин поставил домохозяек в один ряд со спекулянтами: «...Не только социализм, но даже коммунизм давно был бы построен, если бы <...> нэ злоупотребление жилищным фондом! Нэ нахальные спекулянты! Нэ жадные домохозяйки! Нэ испорченные дети! Нэ трамвайные болтуны!»

- Желанные взаимоотношения между насельниками дома — лад, мир, покой, любовь. Молодоженам желают: совет да любовь. В популярной песне сказано: «Важней всего погода в доме, / Всё остальное — суета». Напротив, если в доме начались раздоры и разделения, то он рано или поздно рухнет. Тем не менее домашние нестроения никого не удивляют: согласно пословице, *В каждом доме по кому (а в каком и по два)*.

«Лучше кусок сухого хлеба, и с ним *мир*, нежели *дом*, полный заколотого скота, с *раздором*» (Притч 17: 1); «Но Иисус, зная помышления их, сказал им: всякое царство, разделившееся само в себе, опустеет; и всякий город или *дом*, *разделившийся сам в себе*, не устоит» (Мф 12: 25). Правда, нынешние журналисты уже не помнят генезиса последнего афоризма: «Как говорил еще Линкольн, „*дом разделенный устоять не может*“ — вот разделенный дом консервативной партии и не устоял на выборах перед натиском лейбористов» («Сегодня», июль 1997). С другой стороны, домашние распри считаются легкими и скоротечными:

О чем шумите вы, народные витии?
 Зачем анафемой грозите вы России?
 Что возмутило вас? волнения Литвы?
 Оставьте; это спор славян между собою,
 Домашний, старый спор, уж взвешенный судьбою,
 Вопрос, которого не разрешите вы. (Пушкин)

- К сожалению, живущие в одном доме обычно не способны по достоинству оценить друг друга.

«И соблазнялись о Нем. Иисус же сказал им: не бывает пророк без чести, разве только в отечестве своем и в *доме* своем» (Мф 13: 57).

- Пришедшему в дом гостю обычно предлагают трапезу.

Характерен эпизод гостеприимства праотца Авраама: «Он же сильно упрашивал их [ангелов]; и они пошли к нему и *пришли в дом* его. Он *сделал* им *угощение* и испек пресные хлебы, и они ели» (Быт 19: 3). Ср. далее: «Премудрость построила себе дом, выгесала семь столбов его, заколола жертву, растворила вино свое и *приготовила у себя трапезу*» (Притч 9: 1–2); «И сделал для Него Левий в доме своем большое угощение; и там было множество мытарей и других, которые возлежали с ними» (Лк 5: 29); «В продолжение пути их пришел Он в одно селение; здесь женщина, именем Марфа, *приняла Его в дом* свой. <...> Марфа же заботилась о большом *угощении*» (Лк 10: 38, 40); «И, приведя их в дом свой, [темничный страж] *предложил трапезу* и возрадовался со всем домом своим, что уверовал в Бога» (Деян 16: 34). Ср. пословицу: *Не красна изба углами, а красна пирогами*.

- Дом — только для «своих», и не всякого человека следует вводить в дом.

«Посели в доме твоём чужого, и он расстроит тебя смутами и сделает тебя чужим для твоих» (Сир 11: 34); «*Не* всякого человека *вводи в дом* твой, ибо много козней у коварного» (Сир 11: 29); «Кто приходит к вам и не приносит сего учения, того не *принимайте в дом* и не приветствуйте его» (2 Ин 1: 10).

Свои, *домашние* — это, с одной стороны, те, кто живет в доме, пусть и не постоянно.

Например, в помещицьем и господском быту учителя, гувернеры и гувернантки, бонны, а также наемные служащие (горничные, лакеи-камердинеры и т. д.) причислялись к «своим». «В это время батюшка нанял для меня француза, мосье Бопре, которого выписали из Москвы вместе с годовым запасом вина и прованского масла. <...> Бопре в отечестве своем был парикмахером, потом в Пруссии солдатом, потом приехал в Россию *pour être outchitel*, не очень понимая значения этого слова» (Пушкин, Капитанская дочка).

Согласно компетентной справке, существовала даже официальная должность домашнего наставника. Ср.: *домашние наставники* — «лица, предназначенные для воспитания и первоначального обучения на дому, постоянно проживавшие в домах своих воспитанников». Они считались на действительной службе по ведомству Министерства народного просвещения с правом на пенсию по выслуге лет [Беловинский 1999: 124].

Если хозяйева были недовольны домашним учителем или гувернером, то ему *отказывали от дома*, т. е. увольняли или, скорее, прогоняли со службы, и он был обязан покинуть барский дом. «Батюшка за ворот приподнял его (Бопре) с кровати, вытолкал из дверей и в тот же день *прогнал со двора*, к неописанной радости Савельича» (Пушкин, Капитанская дочка).

С другой стороны, пусть и менее «свои», но все же и не чужие — те, кто регулярно приходит в дом. Например, в дореволюционной России существовал обычай иметь *домашнего* (семейного) *врача*, т. е. такого доктора, который приходил в дом из года в год и знал хворобы всех домочадцев. Желательность возобновления института домашних врачей декларируется и в наши дни: «— А ведь между другими наставниками молодежи мы потеряли еще одного, очень важного, — сказал он (доктор Орешенков), — *семейного доктора!* Девочкам в четырнадцать лет и мальчикам в шестнадцать надо обязательно разговаривать с доктором. И не за партами по сорок человек сразу (да и так-то не разговаривают), и не в школьном кабинете, пропуская каждого в три минуты. Надо, чтобы это был тот самый дядя доктор, которому

они с детства показывали горлышко и который сживал у них за чаем. Если теперь этот беспристрастный дядя доктор, добрый и строгий, которого не возьмешь ни капризом, ни просьбой, вдруг запрется с девочкой или мальчиком в кабинете? <...> Вообще, семейный доктор — это самая нужная фигура в жизни, а ее докорчевали. Поиск врача бывает так интимен, как поиск жены-мужа» (Солженицын, Раковый корпус).

- Не следует злоупотреблять гостеприимством.

«Не учайся входить в дом друга твоего, чтобы он не наскучил тобою и не возненавидел тебя» (Притч 25: 17).

- Насельники дома должны заботиться о нем и защищать его, иначе дом разрушается.

«Соверши дела твои вне дома, окончи их на поле твоём, и потом устрой и дом твой» (Притч 24: 27); «Но это вы знаете, что, если бы ведал хозяин дома, в какую стражу придет вор, то бодрствовал бы и не дал бы *подкопать* дома своего» (Мф 24: 43); «От лени обвиснет потолок, и когда опустятся руки, то протечет дом» (Еккл 10: 18).

- Тело — земной и временный дом человека, а гроб — его небесное и вечное жилище.

«Ибо отходит человек в *вечный дом* свой, и готовы окружить его по улице плакальщицы» (Еккл 12: 5); «Ибо знаем, что, когда земной наш дом, эта хижина, разрушится, мы имеем от Бога жилище на небесах, дом нерукотворенный, вечный» (2 Кор 5: 1).

Но смерть, быть может, сей же час
Ее [чашу жизни] с насмешкой опрокинет -
И мигом в сердце кровь остынет,
И *дом подземный* скроет нас! (Баратынский)

Усопший брат! кто сон твой возмутил?
Кто пренебрег святынею могильной?
В разрытый *дом* к тебе я нисходил,
Я в руки брал твой череп желтый, пыльный! (Баратынский)

Полегоньку, шажком,
В тихий дом, в *подземный дом!* -
Пядь пути, еще мгновенье -
И навек успокоенье
Под дерновым холодком...
Полегоньку, шажком! (Блок, Реквием)

03–2. Дом, жилище как таковые

В исчислении СДолей данной группы наряду с обиходными словами используется терминированная лексика и словосочетания, т. е. такие номинативные единицы, которые употребляются в общераспространенном языке, но в административных и юридических документах — терминируются, т. е. получают строгую дефиницию.

Например, словосочетание *дом усадебного типа*, кумулятивно воспринятое слово за словом, — само по себе понятно, но какой дом называется именно так, можно

узнать только из служебной инструкции. На канцелярите — это «дом на одну-две семьи с примыкающими к нему строениями, службами, садом и огородом».

- Домá, как и любые материальные предметы, имеющие размер, цвет, возраст и т. д., могут классифицироваться на основании множества *внешних* (несобственных) признаков.

Иначе говоря, в ЛФоне присутствуют (или, точнее, привносятся в него) так наз. *экзотерические* (внешние) СД, т. е. такие, которые не принадлежат исключительно некоторому конкретному слову, а одновременно определяют семантику и других слов. См. подробнее ниже в подглавке 04—10.

Например, *домá* различаются по размеру — *большой, маленький, огромный, низенький, длинный, короткий, высокий, приземистый*; они получают различные эстетические и этические оценки — *красивый, безобразный, великодушный, отвратительный, удобный, неуклюжий*; их называют в зависимости от их окраски — (в прямом смысле) *белый*, (в прямом смысле) *желтый, светлый, темный*; классифицируют по материалу — *деревянный, бревенчатый, из бруса, каменный, кирпичный, блочный, щитовой*; по времени постройки и состоянию — *новый, старый, допотопный, довоенный, ветхий, крепкий*; по применяемой технологии — *рубленый*⁴⁷, *сборный* и т. д. Отчасти эти признаки рассматриваются также ниже.

Перечисленные характеристики являются для *дома* общими с другими материальными предметами: они приложимы и к другим словам — *завод, кинотеатр, магазин, стол, диван...*

- Жилье, домá, жилые помещения классифицируются также на основании *внутренних* (собственных) признаков.

Наряду с общеязыковыми наименованиями (*дом, жилище, квартира, комната, угол, койка, жилье* и т. д.) имеется множество всем известных (*полу*)терминированных слов и словосочетаний: например, *жилплощадь, ведомственный дом, жилой дом/блок, особняк, коммунальная квартира, пятиэтажка, 17-этажный дом, загородный (дачный, садовый) домик, высотный дом, небоскреб, коттедж* и т. д. Ср.: «Мощную бомбу заложили под *садовый домик* директора в садоводческом товариществе» (МК, июль 1997); «Каждый *высотный дом* (такой, в котором насчитывается более 16 этажей) должен иметь два пути эвакуации — по балконным лестницам и незадымляемым лестничным пролетам» («Сегодня», июль 1997); «При разделе хорóм Андрею досталась *двухкомнатная малогабаритка в панельном доме*» (МК, июль 1997).

Одноэтажные дома,
Где одnodумы-генералы
Свой коротают век усталый,
Читая «Ниву» и Дюма —
Особняки, а не дома! (Мандельштам)

⁴⁷ Так, традиционная изба на севере России изготавливалась с помощью одного-единственного инструмента — *топора* (без применения *пилы* и даже *гвоздей*). *Топор* — рубит; *отсюда срубить дом/избу* — построить здание из бревен, орудя преимущественно топором. Дома, построенные по традиционной технологии, соответственно называются *рублеными*. Заметим, что признак *рублености*, вопреки первому беглому впечатлению, является для дома именно экзотерическим: *рубленой* может быть *ограда* (например, вокруг монастыря во времена Сергия Радонежского или крепости) и даже традиционный деревянный древнерусский *город*. Обращает на себя избирательная сочетаемость глаголов: если дом из бревен — *рубят*, то дом из кирпичей — *кладут*.

Нередко к «деловому» (близкому к понятийному) образу жилища присоединяются и даже выходят на первый план разнообразные эмоционально-этические обертоны. Так, распространено представление, что *особняк* («отдельно стоящее благоустроенное здание как правило для одной семьи»), или *вилла* («загородный дом, роскошная дача с садом или парком» [Краткий словарь: 93]), или *фазенда* («ироническое новоупотребление в отношении дачи, садово-огородного участка» [там же: 578]) должны быть построены непременно бесстыжими нуворишами (зачастую прямо жуликами) и не столько для проживания, сколько ради престижа, напоказ. «Но среди роскошных *особняков* один выделяется особо. Возведенный из дорогого мазуровского кирпича, он напоминает небольшой замок. 28 помещений различного назначения занимают площадь в 324 квадратных метра. Зимний сад с камином — придает сооружению особую привлекательность и шик. <...> Кроме того, рядом с *особняком* расположены хозблок площадью около 90 квадратных метров, две теплицы на железобетонных фундаментах. Разумеется, в особняк встроен гараж. Это *вилла* заместителя начальника УВД Кемеровской области полковника внутренней службы Владимира Семенюка» («Известия», июль 1997).

- К числу наименований жилища на основе собственных признаков относятся номинации по материалу и (соответствующей ему) технике строительства.

Ср.: *рубленый дом, глинобитный, саманный, из бревен, из бруса, земляной, кирпичный, (крупно)блочный, (крупно)панельный, щитовой, сборный, мазанка, землянка, шалаш, палатка, юрта, кибитка* и т. д. Дети могут построить *снежный дом* (в прямом смысле — из снега); ради потехи иногда и взрослые строят *ледяные дома*. В жизни не встречается, но как жилище животного возможен *лубяной дом*; ср. из сказки «Лиса, заяц и петух»: «Жили-были лиса да заяц. У лисы была избенка *ледяная*, а у зайца — *лубяная*⁴⁸» [Русские народные сказки 1987: 20]; ср. также название исторического романа И. Лажечникова «*Ледяной дом*».

Внукам-шалунишкам

По колено снег.

Весел ребяташкам

Быстрых санок бег...

Бегают, смеются,

Лепят *снежный дом*,

Звонко раздаются

Голоса кругом... (Блок)

- К числу наименований жилища на основе собственных признаков относятся номинации по статусу (т. е. по времени постройки, современному состоянию, местоположению строения).

Ср.: *старый (ветхий) дом, новый (новостройка), довоенной постройки, сталинский, хрущевский, лужковский; развалюха, хибара, дворец, хоромы, палаты, дом с соломенной крышей, с черепичной, дом под железной крышей; городской, деревенский (изба), загородный (дача, вилла)* и т. д. Ср.:

⁴⁸ «Луб — это подкорье, т. е. волокнистая внутренняя часть коры липы и некоторых других лиственных деревьев. Он шел на кровли, а с молодых деревьев на лыко — материал для изготовления лаптей, лукошек, туесов, рогож и т. п.» [Вакуров 1980: 42].

Ветхая избушка
 Вся в снегу стоит.
 Бабушка-старушка
 Из окна глядит. (Блок)

- Собственные признаки жилья выражаются также в наименованиях по принадлежности (по отношению некоторой организации и определенного лица к зданию или квартире).

Ср.: коммунальный, частный (жилой) фонд, (жилищно-строительный) кооператив, приватизированная квартира, частный дом, квартиросъемщик, подселенец, жилец, квартирант, постоялец, беженец, гость и т. д. Ср. также сословно-классовые и групповые наименования: *изба/хата, (крестьянский) двор, усадьба, боярские палаты, барский дом, усадьба, вертеп, шалман, притон, (у кочевников:) кибитка, шатер, юрта* и т. д.

В последнее десятилетие богатые люди (*«новые русские»*⁴⁹; кажется, перевод с английского: *New Russians*⁵⁰) создали свою архитектуру, ввели понятия *«евро-отделки»* и *«евроремонта»* квартир. Принадлежащие им здания все чаще называются *«домами новых русских»*⁵¹: *«Роскошный дом на Тверской. Домофон, мрамор, охрана»* (МК, июль 1997); *«...посмотрите на интерьеры в домах «новых русских»*. Какое количество богатейших людей едет в Англию, выписывает самых известных британских дизайнеров, покупает вещи в самых дорогих антикварных магазинах и обставляет свои дома» (*«Сегодня»*, июль 1997).

- К числу наименований жилища на основе собственных признаков относятся, далее, номинации по использованию здания или квартиры.

Так, если в доме (за плату) остаются на ночь чужие люди, то его можно назвать *гостиницей* или *ночлежкой*, а если в доме (или в квартире) собираются алкоголики и криминальные элементы, то он (или она) называется *притоном, вертепом, шалманом, бардаком* и т. д. Ср.: *«Хозяин квартиры (он также погиб) нигде не работал и уже давно превратил свое жилище в место встреч для алкоголиков из окрестных домов. В воскресенье в притон заглянула очередная пьяная компания. Люди приходили, уходили, и к утру в этом вертепе остались пять мужчин и две женщины в возрасте от 40 до 45 лет»* (МК, июль 1997); *«Вскоре выяснилось, что покойный хозяин сам накликал беду на свою голову. Он превратил свою квартиру в притон для алкашей из соседних домов, и в гости сюда постоянно навещались подозрительные личности (жена сбежала из этого вертепа)»* (МК, июль 1997).

⁴⁹ «Язык мы потеряли. Совсем русского языка мы не знаем. Как что назвать — мы не знаем, нет языка у нас. Леня ума у нас. И мы дали кличку „новые русские“ — кому? Грязнохватам, скорохватам, тем, кто наживается жадно, кто торгует народным добром. Юнцам, которым вдруг миллиарды откуда-то посыпались, и они не знают даже, куда их употребить. И мы дали им кличку, какой-то идиот придумал, а мы все повторяем: „новые русские, новые русские“. То есть, простите, мы признаём этим самым, что будущее России — за ними» [Солженицын 1995: 61].

⁵⁰ «Новый русский — российский предприниматель и коммерсант, занявшийся бизнесом в период перестройки и быстро разбогатевший» [ТС: 426].

⁵¹ Впрочем, как кажется, новые русские предпочитают жилье и недвижимость за границей: «Новые русские вообще с удовольствием приобретают недвижимость за границей. Как пишет «Санди Таймс», только в Лондоне за последние два года русские «спустили» на приобретение жилья и другой недвижимости по крайней мере 50 млн фунтов стерлингов (91 млн долларов)» [ТС: 426, со ссылкой на газету «Аргументы и факты»].

- Собственные признаки жилья выражаются также в шуточных наименованиях с использованием **гиперболы** и **литоты** (обратной гиперболы).

Впрочем, шуточные наименования с *overstatement* встречаются не слишком часто: Прошу вас на выходные к нам в *поместье!* (может в шутку сказать владелец скромного летнего домика); ср. далее: *усадьба, дворец, терем, хоромы, палаты, палатцо, вилла, фазенда...*

Живет моя отрада
В высоком *терему*,
А в *терем* тот *высокий*
Нет ходу никому. (Рус. нар. песня)

Гораздо чаще говорящий о своем жилье прибегает к *understatement*: Вот моя *хижина!*, Милости прошу к нашему *шалашу!* (разбор клише см. [Вакуров 1978: 70]); ср., далее: *хибара, лачуга/лачужка, берлога, нора, шатер, пристанище, приют...* «Ибо знаем, что, когда земной наш дом, эта *хижина*, разрушится, мы имеем от Бога жилище на небесах, дом нерукотворенный, вечный» (2 Кор 5: 1). На литоте построена половица: *С милым рай и в шалаше.*

Наша ветхая *лачужка*
И печальна, и темна.
Что же ты, моя старушка,
Приумолкла у окна? (Пушкин)

Городские дома (особенно многоэтажные, многоквартирные) весьма отличаются от (как правило, одноэтажных, для одной семьи) деревенских. Так, *подъезд* городского дома за последние годы включил в свой ЛФон неожиданную СДолю — «место, где наемные киллеры поджидают и уничтожают свою жертву или где террористы устанавливают взрывные устройства». Для предотвращения терактов администрация городов и сами жильцы принимают различные меры. Ср.: «Лев Гаврилин, член оргкомитета Игр доброй воли, эксперт дирекции внешнеэкономической деятельности Национального фонда спорта, в июле 1995 года убит семью выстрелами в упор в *подъезде* своего дома в Санкт-Петербурге. Результаты следствия неизвестны» («Известия», июль 1997); «Юрий Лужков также сообщил, что на следующей неделе он намерен подписать постановление о введении круглосуточного дежурства в *подъездах* московских *домов*» («Сегодня», июль 1997).

03–3. ТРАДИЦИОННОЕ РУССКОЕ ЖИЛИЩЕ

Ниже описываются феномены, часть из которых уже отошла в небытие. В средней полосе России исчезло и безвозвратно утратилось традиционное русское народное (крестьянское) жилище⁵² — нет больше ни избы, где топи-

⁵² Утратилось и *барское* жилище. Ср., как А. А. Фет описывает упадок господской усадьбы (в поэме «Две липки»):

Близ роши, на пригорке *серый дом*,
В полуверсте от речки судоходной,
Стоит лет сорок. Нынче пустырем
Он стал смотреть, угрюмый и негодный.

Срубили рошу на дрова кругом,
Не находя ее статьей доходной;
По трубам галки, ласточки в окошках,
И *допухи* на английских дорожках.

лась бы русская печь, ни крестьянского двора, откуда доносилось бы ржанье, мычанье, бляенье и где раздавались бы крики постоянно живущих здесь (а не приехавших на лето) детей.

Не существующее или лишь пережиточно существующее в реальной жизни пока еще *вполне живо* в общественной памяти, в том числе в языке. Язык цепко хранит даже мельчайшие детали традиционной жизни. Об этом свидетельствуют упоминания в распространенных клише о предметах, которые среднему носителю языка уже неизвестны.

Не имея представления о *шестке* и никогда не слышав и не видев *сверчка*, мы тем не менее говорим: *Всяк сверчок знай свой шесток. Коромысла* (с которыми «шли девицы за водой, за холодной ключевой») практически переместились в музеи, и этнографы охотятся за ними во время экспедиций; в современном доме не бывает *красного угла со святыми* (т. е. родовыми иконами), однако *дым коромыслом* случается и в отделанных по европейскому дизайну квартирах «новых русских», да так, что хоть *святых вон выноси*.

Именно поэтому в нижеследующем исчислении язык вышел на первый план.

Из дальнейшего можно увидеть, как ЛФоны, пережиточные СДоли которых некогда имели генезисом (уже утраченную) жизнь, *теперь* сами активно воздействуют на современную жизнь, на сознание и поведение русского человека начала XXI века.

- Традиционное русское жилище в средней полосе России и на севере называется *избой*, а на юге — *хатой*.

Хата — сельское жилище в южной России, на Украине и в Белоруссии: саманное, глинобитное, мазанка, с вымазанным глиной земляным полом, беленое, с камышовой или соломенной кровлей.

Изба с хозяйственными постройками и помещениями для скота, как это было повсеместно еще лет 30 назад (и лишь отчасти сохраняется поныне), образует *двор*, или *подворье*. В общественной памяти и в языке еще хранится представление о *курной*, или *черной*, избе — такой избе, в которой печь не имела трубы (дым выходил либо через дверь и окна, либо через дымницу в крыше).

- В избе имеются праздничное (например, *красный угол*) и повседневное (например, *завалинка*) пространства.

В самой избе, как неоднократно упоминалось, имелся *красный угол*, в котором стояли иконы. Ср. духовный стих, исполнители которого («славшики»), войдя в дом, перечисляют иконы, которые они замечают в красном углу:

В строфе много проективных показателей. Дома никогда не красили в *серый* цвет; стало быть, перед нами здание, вымытое дождями и давно не крашенное, т. е. заброшенное, нежилое. Если в трубах поселились *галки*, то перед нами еще один показатель заброшенности строения, — стало быть, печи давно не топились. *Ласточки* в окошках — оконные стекла разбиты. Сад «аглицкого строя», в отличие от «французского» (симметричного, подстриженного, со статуями), стремился подражать естественному пейзажу, но тем не менее дорожки-аллеи мостились щебнем (для оттока воды) и посыпались песком. Дорожки в барском саду обычно выметает дворник и пропалывает садовник, так что если на дорожках выросли *лопухи*, — а лопух — признак кладбища, — то перед нами еще один проективный показатель заброшенности строения.

Благословен Семенов ⁵³ дом:	Целитель Пантелеймон в ём.
Господь Спаситель в ём.	Благословен Семенов дом:
Благословен Семенов дом:	Преподобный Сергей в ём.
Пресвятая Богородица в ём.	Благословен Семенов дом:
Благословен Семенов дом:	Хоробрый Егорий в ём.
Угодник Никола в ём.	Благословен Семенов дом:
Благословен Семенов дом:	Все святые в ём.

С внешней стороны дома (для сохранения тепла) устраивалась *завалинка*. Завалинка нередко исполняла функцию лавки, скамьи. «Посидеть на завалинке в некоторых деревнях в теплые летние вечера являлось хорошим отдыхом для старших членов семьи» [Бусыгин 1966: 255]. В малоизвестном стихотворении С. Есенина «Исус-Младенец» (1916) «маленький боженька» сидит на *завалинке*:

В золоченой хате
Смотрит Божья Мати
В небо.
А сыночек маленький
Просит на *завалинке*
Хлеба. (Есенин)

Даже во второй половине XX в. завалинка, скамья у ворот все еще вызывали ностальгические чувства:

С чего начинается Родина?
С заветной *скамьи* у ворот... (М. Матусовский)

Собственно, деревня — это улица, на линии которой расположены избы. Избы (хаты) на концах улицы называются крайними. Ср. пословицу: *Моя хата с краю, я ничего не знаю.*

- Фантастическая изба в сказках.

Может ли изба *поворачиваться* в разные стороны? В сказке — может: «Избушка, избушка, оборотись к лесу задом, ко мне передом». В сказке, конечно, велик фантастический элемент, но не исключено, что в ней отражена практика поворота сруба ветряной мельницы с помощью бревна-воротила.

Иное дело сказочные *избушка на курьих ножках* и *избушка лубяная* (которую себе построил заяц).

- Специализация избы — *изба-читальня*.

В первые десятилетия советского времени (точнее, в 1920–1950-х гг.) в селах, с целями пропаганды, но и для ликвидации неграмотности, устраивались *избы-читальни* — впоследствии им на смену пришли сельские клубы и дома (дворцы) культуры.

Изба, в которой велась культурно-просветительная работа на селе, стала называться избой-читальней. Избы-читальни появились в первые годы советской власти и в 20–30-е гг. играли большую роль в жизни села. (В городах им соответствовали

⁵³ Имя хозяина дома варьируется. Славящие рассматривают иконы в красном углу и называют святых в зависимости от наличия их образа там.

красные уголки.) Избы-читальни были центром политической и культурно-просветительной работы в сельской местности. В своей деятельности они совмещали функции клубов, библиотек, агитпунктов (центров проведения политической работы среди населения во время выборов в органы государственной власти). Работники изб-читален — *избачи* разъясняли крестьянам политику советской власти, проводили занятия по ликвидации неграмотности, пропагандировали научные и сельскохозяйственные знания, помогали партийным и советским работникам в организации колхозов. В избах-читальнях устраивались лекции, беседы, проводились занятия сельской художественной самодеятельности, по вечерам показывали кинофильмы, здесь крестьяне всегда могли почитать свежие газеты и журналы. Избы-читальни были почти в каждом селе. Избачи наряду с учителями были представителями сельской интеллигенции и пользовались среди крестьян большим уважением. Постепенно, по мере роста благосостояния и культурного уровня сельского населения, избы-читальни утрачивали свое значение, и в 50-х гг. число их стало сокращаться. Избы-читальни сменились благоустроенными сельскими клубами, домами (дворцами) культуры, библиотеками [Чернявская 1984: 97–98].

- По традиции избы рубили *топором*.

Сначала рубили *сруб*, состоящий из *венцов* (четыре бревна, уложенные горизонтально в квадрат или прямоугольник и по углам связанные врубками). Бревна тщательно ошкуривались, а сучья обрубались; отсюда клише: *без сучка без задоринки*.

Работа, в том числе тонкая, производилась почти исключительно топором, и находились такие плотники-умельцы, которые умудрялись *топором побриться*. Известна (и до сих пор помнится) сказка о солдате, который *из топора кашу сварил*. Не ушла из жизни и пословица: *Что написано пером, не вырубишь топором*.

Любопытна динамика семантики прилагательного *топорный* «грубый, неуклюжий, как бы сделанный топором, не тонко» (семантизация выписана из Толкового словаря русского языка под ред. Д. Н. Ушакова). Ср. также:

Коль помянуть кого хотим мы не добром,
Честим его дела: *топорная работа*.
Но есть в Кижях собор. Он срублен топором,
И меркнет перед ним любая позолота. (М. Рыленков)

О происхождении выражения *топорная работа* см. [Богородский 1982]. В статье (на с. 130) приведена выписка (из статьи Плеханова о Некрасове), свидетельствующая, что некогда *топорная работа* воспринималась как «отличная». «Топор — очень полезное орудие труда; он составляет одно из первых по времени культурных приобретений человека. Но вещи, сделанные топором, необыкновенно изящны, недаром мы говорим: „топорная работа“».

Над крышей гордо возносится конек (верхний стык двух скатов кровли) — стилизованная голова лошади.

- Традиционные наименования помещений и предметов на крестьянском дворе (*горница, баня, ворота* и др.) перекочевали в городскую жизнь. Некоторые из них рассмотрены ниже.

Горница — «чистая» комната в крестьянском доме, в красном углу которой стояли иконы. О ней «помнит» пословица: *Наша горница с Богом не спорница: (на дворе хо-*

лодненько, так и в ней не тепленько). Мотив наименования (*горе* «наверху») показывает, что чем выше помещение, тем оно престижнее.

Светелка — еще одна «чистая» комната в доме. Мотив наименования (*светлая*) показывает, что чем лучше освещено помещение, тем оно престижнее.

Ср. из песни (из репертуара Лидии Руслановой):

Скажи, Катя, Катя-Катерина,
Не утай ты, люба, сердца своего.
Скажи, где у тебя жили гости без меня?
Гинерал жил во *горёнке*.
Капитан жил во *светличке*.

Подклет(ь) — нижний этаж избы, обычно хозяйственного назначения.

Дрожите в *подклети*,
Когда мы на добычу выйдем.
Всех больше на свете
Мы, волки, собак ненавидим. (Солоухин)

Знаменитая **русская баня** — неременная принадлежность крестьянского двора. Вопреки предубеждениям, русские следили за личной гигиеной, и среди дней недели один так и назывался банным. Ср. клише: *здать баню/пару* (головомойку), *поддать жару/пару, намылить голову, обдать варом*, (бежит, носится) *как ошпаренный*; *Баня — что мать родная*; *Пар костей не ломит*. Поздравление побывавшего в бане «С легким паром!» стало названием популярной кинокомедии (режиссера Э. Рязанова).

Поскольку на крестьянский двор заезжали лошади и заходили коровы, наряду с *калиткой* (для прохода людей) устраивались **ворота** (для прохода скота). Ср.: *смотреть/установиться как баран на новые ворота*; *Пришла беда — отворяй ворота*. От обычая чернить дегтем ворота двора, где жила нестрогая девушка, произошли выражения: *очернить, измазать* (кого-л.) [*дегтем*].

На подворье имелись отдельно хлевы для овец, коз и свиней и **стойла** для лошадей и коров. Едва ли там царила чистота; отсюда «городские» клише: (нагадили, намусорили) *как в хлеву, как в стойле*.

Другие клише, связанные с крестьянским подворьем, перечислим без комментариев: *хоть кол на голове теши*; *через пень-колоду*; *наводит тень на плетень*; *кидать камушки в (чей-то) огород*.

- Во внутреннем убранстве традиционной избы главное место занимала *русская печь*.

Особой конструкции *русская печь* недаром называется «русской»: она устроена с учетом довольно холодного климата средней и особенно северной России. Истопленная утром, печь хранит тепло до позднего вечера, позволяет приготовить пищу для людей и корм для скота. «...русская печь, как я пригляделся, неудобна для стряпни: варка идет скрыто от стряпухи, жар к чутунку подступает с разных сторон неравномерно. Но потому, должно быть, пришла она к нашим предкам из самого каменного века, что, протопленная раз на досветьи, весь день хранит в себе теплыми корм и пойло для скота, пищу и воду для человека. И спать тепло» (Солженицын, Матренин двор).

Правда, печь занимала около трети жилого помещения. «Русский мужик не любит простора в избе; ему довольно простора в своих широких полях, где он работает большую половину года; в избе ему нужны только полати да печь» (так писал один из этнографов середины XIX в.; цит. по: [Бусыгин 1966: 288]). Русские утешали себя пословицей: *В тесноте, да не в обиде*. И действительно, несмотря на известную скученность, ссоры в избе случались редко.

Заготовка дров для топки дома, печные приспособления и виды деятельности у печи упоминаются в различного рода клише; ср.: *наломать дров; просидеть век / сиднем на печи; лежать на печи (= лежать на боку); танцевать от печки; загребать жар (чужими руками); поставить заслон / закрыть заслонку; Как дела? — Как сажка бела. Наломать, а не нарубить дров* относится к заготовке хвороста (на растопку): хворост ломают на колене, поэтому куча ломаного хвороста выглядит не так аккуратно, как поленица дров (СРФ: 167). Пословица *Что есть в печи, всё на стол мечи* отражает обычай широкого русского гостеприимства. В известной сказке *Емеля «по шучьему веленью, по моему хотенью» развезжал на печи*.

- Возле печи стояло и лежало множество вспомогательных предметов и утвари.

Русская печь имела сложное устройство.

Печная труба помнится в клише: *пустить, вылететь в трубу* «понапрасну растратить деньги, разориться».

Возле печи стояли ухват, или *рогач* (которым цепляли горшки), *кочерга* (которой разбивали головешки и мешали угли) и помело-*метелка*. Считается, что ведьма *ездит (= летает)* на кочерге; ср. также: *Ни Богу свечка, ни черту кочерга*. Впрочем, Баба Яга летает и на помеле. (Справку о Бабе Яге см. [СРФ: 36–37].) О болтуне и сплетнике говорят: *Язык (у него) как помело*.

Как уже упоминалось, о шестке мы сейчас помним только благодаря пословице: *Всяк сверчок знай свой шесток*. Шесток — «часть рус. печи, представляющая собой открытую площадку перед *челом*, продолжение *пода* печи, расположенное под кожухом дымохода. На шесток из печи вынимали горшки, на нем *под таганом* разводили огонь для приготовления небольшого кол-ва пищи. На шестке выделялся небольшой угол в виде ниши — *загнетка* для сгребания жара и сохранения его под слоем золы, чтобы каждый раз не высекать огонь заново» [Беловинский 1999: 508].

Совершенно утратилось живое представление о тагане; и даже коренные москвичи не могут объяснить, почему одна из площадей города называется *Таганкой* (и соответственно станция метро — «*Таганской*»). В округе площади жили мастеровые, изготавливавшие предметы кухонного обихода. *Таган* «представлял собой небольшой железный обруч на ножках, на который ставились чугуны, горшки, тазы для приготовления пищи, варки варенья (на печном шестке или на улице); под таганом разводился небольшой огонь» [там же: 447].

Утратилось представление и о подпечке (сводчатом проеме под шестком, куда складывали ухваты, кочережки, метелки и др. Зимой в морозы там помещали кур. По поверьям, подпечек — дневной приют домового. (О домовом см. ниже в самостоятельном разделе.)

О том, что когда-то в обиходе не было спичек и *огонь*, чтобы разжечь печку, *высекали*, многократно ударяя огнивом о кремень, мы полностью забыли бы, если бы о человеке, владеющем своими чувствами, не говорили: *Не человек — кремень*. Ар-

хаичные представления сокрыты и в (устаревающем) клишированном вопросе: *Ты что, (из меня) огня добываешь?*

Пищу готовили в горшках; эта практика отражена в пословице: *Хоть горшком обзови (назови), только в печь не ставь*. Ср. также поговорку: *от горшка два вершка*. Поначалу горшки лепили из глины (и в каждой деревне был свой гончар), а когда распространились фабричные горшки из чугуна, их так и называли — *чугунками*.

- Кушанья «печного приготовления» (*щи да каша, кисель*) — почти все дожили до сих пор.

Что обыкновенно варилось в печи? Традиционные русские щи и не менее традиционная русская каша: *Щи да каша — пища наша*. Ср.: *попасть как кур во щи*; *Тех же щей да пожизне влей*. У Пушкина: *Щей горшок, да сам большой*. СДоля каши — липкость — отразилась к речениям: *каша во рту, в голове*. Ср. также: *заварить кашу / заварилась каша, (с кем-л.) каши не сварить, мало каши ел; Сам кашу заварил, сам и расхлебывай*.

Каша не обязательно варится из крупы; в частности, ее можно сварить и из гороха. *Зеленый горошек* и поныне используется как любимая приправа к блюду. Ср. клише *как об стенку горох* «ничто не действует на кого-л.» (за выражением стоит представление: сколько ни «стреляй» горохом в стену, стене не будет никакого ущерба). Пустой балагур почему-то называется *шутком гороховым*. Ткань на женское платье с мелкими кружками по контрастному полю называется *в горошек*. Гороховая каша считается «музыкальным блюдом»: ср. *просыпать/терять горошек; Ты что, гороху объелся?* Ср. также:

...Прет купец, треща с гороха. (Евтушенко)

К традиционным блюдам относится, далее, кисель — национальное повседневное кушанье из муки с добавлением крахмала и сахара. Известны также *молочный кисель* и *фруктовые кисели* — клюквенный, брусничный, смородиновый и т. д. Поскольку кисель вкусен, с ним связаны представления о зажиточной, счастливой жизни; ср. сказочную страну-утопию, в которой — *молочные реки, кисельные берега*. Застывший кисель дрожит, колеблется, поэтому метафорически *киселем* и *размазанной* называют безвольного, переменчивого в своих решениях человека. Ср. фразеологизм *за семь верст киселя хлебать* «напрасно и неоправданно стремиться куда-л., имея возможность достичь желаемого на месте»; «поскольку кисель никогда не считался необычным, редким и дорогим кушаньем, то ехать за ним далеко нет смысла — его и дома много» (СРФ: 75–76). Отдаленный родственник — *седьмая (десятая) вода на киселе*.

Если кисель как блюдо сохранился до сих пор, то другое лакомство — пареная репа — из обыденного меню русских вышло, но след в языке остался; ср.: *дешевле/проще пареной репы*.

- Выпекавшийся в печи *хлеб* оставил заметный след в языке.

До Октябрьской революции каждая семья в деревне выпекала для себя свой, домашний хлеб.

Сначала хозяйка просеивала муку решетом. Из детской загадки (*Чего кругом избы не обнесешь? — Воду в решете*) возник фразеологизм *носить воду решетом* «делать бессмысленную, невыполнимую работу».

Для измельчения добавок в тесто (соли, сахара) использовалась ступ(к)а с *пест(ик)ом*. Впрочем, толочь воду в ступе — «заниматься бессмысленным делом». Считалось, что в ступе перемещается Баба Яга; ср. из сказки: «Баба Яга, / костяная нога, / в ступе едет, / пестом упирается, / помелом след замечает». Ступу поэтизировал также Пушкин:

Там ступа с Бабою Ягой
Идет, бредет сама собой... («Руслан и Людмила»)

Просеяв муку, хозяйка *ставила опару*, т. е. на дрожжах замешивала тесто, которое вскоре увеличивалось в объеме, *подходило*. В игру «Каравай»⁵⁴ (*Каравай, каравай, выше неба вырастай*), в которой отражена память о растущей опаре, соавторы играли в своем (городском) детстве. Ср. также: *растет/поднимается/подходит как на дрожжах* (= очень быстро). Ср. далее: *На чужой каравай рот не разевай (а свой затевай)*.

В печи пекли также *лепешки, калачи, пироги, пирожки, пышки, колобки* и т. д., жарили блины, *оладьи, сочни, картошку* и т. д., варили *уху, борщ, пельмени, кисель* и т. д. Ср. поговорку: *Кому пироги да пышки, а мне синяки да шишки* «кому-то везет, а мне нет».

Ср.: *разбиться в лепешку* «прилагать все усилия для достижения цели», лепешку сделать (из кого-л.) «сильно избить, *измолотить*» (второй глагол — напоминание о работе цепями на току).

Ср., далее: *тертый калач, достанется на калачи, калачом не заманишь* [СРФ: 240—41].

Пирог — это русское национальное блюдо: *именной* (испеченный для именинника), *обетный* (испеченный по обещанию для кого-л.), для «своих» и для нищих, *глухой* (защищенный) или *расстегай* (незащищенный), *гороховник, крупеник, курник, грибник, кулебяка* (с мясной или рыбной начинкой), а также по бедности и «с такком», т. е. совсем без начинки. Без пирогов не обходились.

О «хлебных» словах (буханка, булка, колобок) см. [Максимов 1987б, Брагина 1983]. **Колобок** — небольшой круглый хлебец из остатков муки для пирога или лепешек. Отдавали детям, поэтому мать старалась сдобрить колобок маслом или сметанкой.

Я колобок, колобок,
По амбару метён,
По сусечкам скребён,
На сметане мешён,
На окошке стужён... (Из сказки «Колобок»)

Что такое *сусék?* — То же самое, что *зáкром* — в амбаре неподвижный ларь, большая дощатая или бревенчатая выгородка, приподнятая на ножках над полом. *Закромá* или *сусéки* употреблялись для хранения хлеба, муки, круп. Для их выборки внизу устанавливались окна с задвижками. Отсюда *закрома* — «запасы»: *Что у тебя в закромах? Открой свои закрома!*

Благоговейное отношение к хлебу, вообще к мучным изделиям воспитывалось всем традиционным бытом и поддерживалось церковью. Отрезанный и по недосмотру упавший ломоть непременно подбирали с пола; ср. клише *отрезанный ломоть* (его источник [поговорка], пожалуй, уже забылся: *Отрезанный ломоть к хлебу не пристанет*). После трапезы собирали со стола в ладонь и привычным движением

54 *Каравай* — большой круглый хлеб.

отправляли в рот *крошки* со стола. Отсюда метафорические выражения: *кроха/крошка* (маленького роста и деликатного телосложения), *ни крошки (не оставить)*, *до крошки (подобрать)*.

К числу «хлебных» изделий относится также домашняя *лапша* — мелко рубленое раскатанное пресное тесто. Лапшу запускали в суп, а также использовали как добавку «на второе». Загадка: Сидит на ложке, / *свесив ножки*. Ср. далее: *изрубить в лапшу «искромсать на мелкие кусочки»*; *вешать лапшу на уши «нагло врать, обманывать»*.

- Стоявшая на столе *соль* оставила заметный след в языке.

На крестьянском столе за трапезой стояли нарезанный хлеб на блюде и соль в закрытой солонке. Почтение к соли (важнейшему пищевому продукту для людей и скотины) объясняется тем, что это был почти единственный покупной продукт в натуральном хозяйстве крестьянина. Примета: *Просыпать соль — к ссоре* объясняется тем, что соль была (вплоть до 2-й половины XIX в.) недешева. Помните сюжет Тургенева? Барыня удивляется, что крестьянка в большом горе все-таки доедает свою похлебку: «Да она посолена!»

Антонимично: (уйти) *несолоно хлебавши* «обманувшись в своих ожиданиях, не добившись желаемого, встретив плохой прием». Из-за дороговизны соль приберегали, «пищу готовили без соли, солонку ставили на стол. Солил еду хозяин: больше тому, кого любил и уважал. Незнатному или нежеланному посетителю соли и вовсе не доставалось» [СРФ: 604].

Ср. также: *пуд соли съест* (с кем-л.) «хорошо узнать кого-л.»; мотивировка фразеологизма вытекает из того, что дорогую соль расходовали «по шепотке», поэтому «пуд соли» можно съесть только за долгий срок [там же: 477].

Соль занимала почетное место на крестьянском столе и в обрядах: на столе она хранилась в солонке в форме долбленной уточки или резного креслица, непременно с крышечкой. Солонка вмещала около фунта (400 г) соли. Гостей приветствовали словами «Хлеб да соль!». Обычай выносить в знак гостеприимства на блюде *хлеб-соль* в стилизованном виде сохранился и поныне (при [официальном] приеме высоких гостей): гость должен отломить от каравая кусочек, обмакнуть его в соль, отправить в рот и поблагодарить за честь. Ср. пословицу: *Хлеб-соль ешь, а правду режь*.

Русское гостеприимство иначе называется *хлебосольством*; *хлебосольный* — «любящий хорошо угостить гостей». Обратите внимание: в лексеме *угостить* проглядывает лексема *гость*, т. е. гостя по традиции нельзя *попотчевать стулом*, а следует обильно и вкусно накормить.

Соль в пище, конечно, хороша только в меру. Если суп пересолить, то он становится невкусным. Отсюда метафоры: *насолить кому-л.* «сделать неприятность»; *пересолить* «перестараться и излишним усердием испортить дело». Ср. также (устаревавшую) пословицу: *Недосол на столе* (т. е. в солонке), *пересол на спине* (= за него могут наказать пересолившего). Кроме того, растворенная соль — это кислота, так что если она попадает на ранки и порезы, то разъедает их. Отсюда выражение *сыпать соль на рану* «усугублять, усиливать несчастье»; ср.:

Не сыпь мне соль на рану,
 Не говори навзрыд!
 Не сыпь мне соль на рану,
 Она еще болит! (Из популярной песни)

- Традиционные русские напитки в избе — *квас* и (с XIX в.) *чай* (из самовара).

Квас, надо сказать, тесно связан с хлебом; это — кисловатый напиток, приготовленный на воде из хлеба (обычно из уже не годных в пищу хлебных корок) с солодом. Известен, впрочем, и фруктовый квас, и ягодный, но *хлебный квас* — распространен наиболее широко. Говорят, наиболее вкусен квас, который варили в монастырях; продаваемый в наше время квас в рекламных целях называется *«монастырским»*.

Если в квас *покрошить* холодной вареной картошки и мяса (или рыбы), добавить огурцов, лука и сметаны, то получится русская окрошка — излюбленное первое блюдо в жаркое время года. Поскольку в суп можно было положить все, что попадетсЯ, *окрошка* переносно означает «беспорядочную смесь». В аналогичном переносном смысле употребляется и название другого русского супа — *сборная солянка*.

Так как квас — истинно национальный напиток, его демонстративно пили славянофилы XIX в. Пили и нахваливали; отсюда пейоративное выражение *квасной патриотизм* «вид шовинизма (когда отвергается все заграничное)». В послеперестроечное время российских коммунистов, былая идеология которых — интернационализм, демократическая печать упорно называет *«квасными патриотами»*.

До XVIII–XIX вв. горячим напитком на Руси служили всевозможные *взвары* — напитки из овощей (моркови, свеклы), фруктов (яблок, груш), ягод, трав и цветов, сваренные на воде, а также на меду, пиве и квасе. Ягоды (например, малину) и травы (например, мяту) специально заготавливали и сушили летом, чтобы зимой добавлять в кипящую воду.

Когда же в Россию из Китая пришел чай, то эту «травку», как и заморский картофель, приняли не сразу. И до сих пор существуют старообрядческие толки, последователям которых запрещено пить чай («ведь его жиром дракона смазывают»). Тем не менее чай настолько распространился во всех слоях общества, что действительно стал национальным напитком.

Так, на протяжении всего XIX и в начале XX в. чай играл большую роль в общественном и семейном быту. Во множестве существовали *чайные*. Сосуд для кипячения воды по своему главному предназначению называется: *чайник*. Глагол *чаевничать* называет специальное времяпрепровождение — питье чая, а словосочетание *чай пить* стало настолько устойчивым, что малые дети воспринимают его как одно слово; ср. *Я уже почайпил, больше не хочу* — «попил чаю». Широко известна картина Перова «Чаепитие в Мытищах».

Самовар — бытовой прибор на древесных углях для кипячения воды к чаю. Время его появления в России неизвестно, но в 1730–1740 гг. он был уже известен. Первое заведение по производству самоваров в Туле было открыто в 1778 г., и перед 1917 г. в городе были десятки самоварных фабрик; отсюда наименование — *тульский самовар*. Наличие самовара в крестьянской семье говорило о зажиточности. Емкость самовара — от 2 до 80 (!) литров. И поныне дачники любят поставить самовар на углях, но, конечно, теперь в большем ходу электрические самовары. Ср. клише *кипятиться* (юмористически) «о горячо говорящем, взволнованном человеке»; *сияет как начищенный / тульский самовар* «о самодовольном».

Кипевший самовар в XIX в. в мещанском и дворянском доме не сходил со стола весь день. Возле хозяйки, разливавшей чай, стояла полоскательница, поскольку пили помногу. Мужчины пили из *стаканов* с подстаканниками, женщины — из *чашек* (и эта дифференциация по полу отчасти сохранилась и поныне: пришедшему в гости мужчине чай подают в стакане с подстаканником).

Разливание чая было важной функцией женщины за столом. У Б. А. Садовского, самобытного русского поэта, воспевавшего чай⁵⁵, сюжет «рассказа в стихах» под названием «Идеалист» вращается вокруг чайной церемонии:

Покойник барин приказали
Им компаньонку отыскать,
Чтоб чай садилась разливать
Здесь по утрам у самовара.
Так эта самая Варвара...

Концовка рассказа звучит ностальгически:

Я счастлив. — В тихий час, когда
Забудусь я у самовара
Под гул углей, под говор пара,
Мне голос слышен иногда:
— Хотите чаю? — Чаю? Да!

Другой бытописатель С. Н. Дурьлин, живший в Елохове (ныне округа станции метро «Бауманская»), вспоминает, сколько в дореволюционной Москве пили чая.

«А бесконечные домашние чаепития! Принято думать, что они были уделом одних купцов и купчих, „баловавшихся чайком“ до седьмого поту. Но это неправда. В елоховские времена я вспоминаю бесконечные чаепития, длившиеся часами, не только не в купеческих, а в противокупеческих местах: в комнатухе бедняка-студента где-нибудь на антресолях домика, трясущегося от ветхости, в еще более или менее тесной комнатке рабочего, к которому студенты пришли по „путаному“ делу, как выражалась няня. [...] „Чай да сахар!“ — это приветствие пьющим «китайскую травку» дома ли, в трактире ли было так же всеобщее на устах елоховского москвича 80–90-х годов, как общерусское приветствие человеку, вкушающему пищу: „Хлеб да соль!“ <...> Не угостить захожего человека чаем — считалось в Москве верхом ненужной жесточности и скарденности. „Он (или она) чаем не напоил!“ — такая, чья бы ни была жалоба на нерадушного или скарденного человека принималась всеми в Елохове и во всей Москве с полным и безусловным сочувствием к жалующемуся и со столь же решительным осуждением обидчику» (Дурьлин, В своем углу).

- Традиционная пища ответственна за особый запах русских крестьян.

Иностранцы, в Средние века приезжавшие в Московию, замечали, что от русских холопов пахнет хлебом (и землей). Таков *русский дух*; опорное слово имеет значение «запах». Несомненно, «потребляемая известным народом пища имеет влияние на его специфический естественный запах» ([СРФ: 174]; см. также [Максимов 1987а]). Ср. пословицу: *Изба жиллом пахнет*.

В переносном смысле *русский дух* — «русский народный характер, суть нации»; в этом случае опорное слово означает «истинный смысл, сущность». Впрочем, Пушкин в «Руслане и Людмиле» смело сочетал оба значения лексемы *дух*:

Там царь Кашей над златом чахнет;
Там русской дух... там Русью пахнет!

⁵⁵ Один из сборников его стихов, поносно изруганный в советское время, так и называется — «Самовар».

О том, что выражение *Русью пахнет* не обязательно понимать в прямом смысле, свидетельствует другой пушкинский фрагмент:

Бывало, что ни напишу,
Все для иных не *Русью пахнет*;
Об чем цензуру ни прошу,
Ото всего Тимковский ахнет.

- Предметы *обстановки* в избе расставлялись с учетом центрального места печи.

Так, полаты располагались над входом, под потолком и занимали всю верхнюю часть избы между боковой стеной дома и печью на расстоянии примерно 50–60 см от потолка: там спали дети, подростки и старики, хранилось различное имущество. И до сих пор хозяйственные *антресоли* в городских квартирах недавние сельские жители называют полатами.

Лавки (толстые длинные доски), в отличие от переносных *скамей* (или *скамеек*), наглухо врубались вдоль стен избы; над ними тянулись длинные полки для домашней утвари. Когда желают сослаться на (далекое) раннее (совсем не обязательно деревенское) детство, говорят: *Это когда я* (или: *ты*) *еще поперек лавки лежал / пешком под лавку ходил* (т. е. рост позволял не *залезать*, а *ходить* под лавку).

- В традиционном русском доме, по упорному суевию, обитали *домовой* и *кикимора*.

Домовой, домовик (иначе: *доможил, суседка, дедушка, хозяин, доброхот*); его жена — *доманя*. Домовой «внешне выглядит неопределенно, но известно, что он невелик ростом, порос шерстью, рогат, с хвостом и карнаухий» [Беловинский 1999: 125].

Современные русские, конечно, не верят в существование *домовых*, но почти все знают, что наши предки (далекие — всерьез, а близкие — в шутку) в них верили. Между прочим, *домовой* — прямой пережиток языческих домашних богов Рода и Чура⁵⁶, т. е. он еще дохристианского происхождения. Как бы то ни было, в самом современном «Большом толковом словаре русского языка» [БТС 2000] есть соответствующая статья; в ней читается:

В народных поверьях: добрый или злой дух, живущий в доме. Из всей нечистой силы *домовой* пользуется наибольшей любовью. В его ведении все жилые и хозяйственные помещения дома. Оставаясь по большей части невидимым, он может показываться людям в разных облициях: монахом, седым стариком, мужчиной, свиньей, собакой, котом, стогом сена, но чаще всего — кем-нибудь из членов семьи, например, самым старшим в семье — дедом или бабкой. *Домовой* любит проказничать: его легко обидеть, и тогда он может побить посуду, сорвать со спящего одеяло, навалиться косматой грудью на молодых. С *домовым* нельзя ссориться, поэтому важно суметь с ним поладить. Добившись его расположения, можно надеяться, что *домовой* стуком или каким-нибудь другим способом сообщит о грядущей беде или опасности. Но раз в году (30 марта) с вечерней зари до первых петухов *домовой* бесится. В это время он не узнаёт никого из

⁵⁶ См. подробнее [Афанасьев 1869]. Слово *род* в нарицательном значении продолжает жить и активно употребляться и сегодня, а языческие обертоны едва слышны в оборотах типа *без роду и племени, на роду написано, вести род* от кого-л. Слово *чур* перешло в разряд междометий, но восклицания, в которых оно встречается, имеют явную языческую окраску: *чур я первый!*, *чур это секрет!*, *чур меня!* Ср. в опере М. П. Мусоргского «Борис Годунов» «чуранье» царя:

Чур! Чур! Не я, не я твой лиходей!
Чур! Чур, дитя! Не я, не я, нет, не я...

домашних, тоскует и злится так, что готов весь дом сокрушить. Объясняется это тем, что у домового спадает старая шкура или что ему хочется жениться на ведьме.

В Словаре В. И. Даля сказано весьма кратко: *домовой*, *домовик* — дух-хранитель и обидчик дома. Вероятно, в середине прошлого века ассоциации *домового* были настолько всем известны, что объемная справка, подобная справке БТС, представлялась излишней. Пережитки язычества видны в том, что к домовому обращались с (шутливой) мольбой еще в прошлом веке; ср. у А. С. Пушкина, который называет «своего» домового — *незримым покровителем и тайным стражем*:

Поместья мирного *незримый покровитель*,
 Тебя молю, мой добрый домовой,
 Храни селенье, лес и дикий садик мой
 И скромную семьи моей обитель!
 Да не вредят полям опасный хлад дождей
 И ветра позднего осенние набеги;
 Да в пору благотворны снеги
 Покроют влажный тук полей!
 Останься, *тайный страж*, в наследственной сени,
 Постигни робостью полунощного вора
 И от недружеского взора
Счастливый домик охрани!
 Ходи вокруг его заботливым дозором,
 Люби мой малый сад и берег сонных вод,
 И сей укромный огород
 С калиткой ветхою, с обрушенным забором!
 Люби зеленый скат холмов,
 Луга, измятые моей бродящей ленью,
 Прохладу лип и кленов шумных кров —
 Они знакомы вдохновенью.

При переселении домового «перевозили» на новую квартиру. Ср. красочное описание у М. Горького (в «Детстве»): «Когда переезжали на квартиру, бабушка взяла старый лапоть на длинном оборе, закинула его в подпечек и, присев на корточки, начала вызывать домового: „Домовик-родовик, вот те — сани, поезжай-ка с нами на новое место, на иное счастье...“».

Аналоги *домового* имеются как у англичан, так и у немцев, поэтому информация типа «божество домашнего очага, хранитель дома», будучи эквивалентной в межкультурном смысле, помогает соотнести *домового* с *house-spirit*, *hob*, *hob-goblin*, *ruck* или с *Hausgeist*, *Kobold*. Тем не менее национально-культурные обертоны *домового* и его иноязычных понятийных аналогов — совсем другие.

Отметим, что *домовой* совсем не всегда ведет себя дружелюбно.

Бьются кони, грозно машут головой, —
 Ой, не любит черны косы *домовой*. (Есенин)

На днях пускаемся мы в путь;
 Хотел бы видеться с тобою,
 Но *домовой* ко мне на грудь
 Вновь наступил своей пятою. (Фет)

Кикимора — «домовой в юбке»; она жжет или путает куделю, оставленную на прялке на ночь без осенения крестом. Поскольку кикимора — уродлива и неряшливо одета, о не следящем за собой человеке можно сказать: *ходит как кикимора/кикиморой*. Кикимора постоянно находится дома, живет за печью, в голбце, в подзыбице или в том углу около печи, куда заматают мусор [СРФ: 260].

Почему в избе был «мусорный угол»? Потому что *выносить сор из избы* («на ветер») — запрещалось. «Суеверные обычаи рекомендовали сжигать мусор в печи, а не выбрасывать его за порог, поскольку злой человек мог якобы наслать беду на хозяина избы, произнося особые слова над мусором» [там же: 543]. Ныне клише *выносить сор из избы* означает «рассказывать посторонним о ссорах, неприятностях, происходящих между близкими людьми»; в принципе, как и в старину, выносить сор из избы не советуют.

- Традиционные занятия в избе — многообразные.

Конечно, были рутинные занятия — приготовление пищи, забота о младенцах, еженедельное мытье полов (с косарем), стирка белья, плетенье из *лыка* лаптей (см. [Вакуров 1980]), из *мочала* — рогож и кулей, из ивняка — корзин, прядение, ткачество, (в некоторых местностях) плетенье кружев, попутное шелканье семечек и т. д.

Ср.: *шелкать как семечки* «легко разрешать запутанные вопросы»; *это ему семечки* «легкая задача»; *лыка не вяжет* «сильно пьяный»; *кружева плетет* «мастерски исполняет мелкую работу». Ср. также докучную сказку: *У царя был двор. / На дворе был кол. / На колу мочало. / Не начать ли сказочку сначала?*

Рутинная жизнь прерывалась праздниками, приходом гостей и посиделками (или *беседами*) в избе: с работой (за прялками) и без работы (см. [Громыко 1986: 222–250]).

- Домашние животные традиционного русского двора — «кормильцы» (*лошадь, корова, овцы, козы, свиньи*).

Главной тягловой силой крестьянского двора была лошадь. Ср.: *Старый конь борозды не портит; Конь о четырех ногах, да спотыкается* «Каждый, даже самый опытный человек, может допустить ошибку»; *Дареному коню в зубы не смотрят; Куда конь с копытом, туда и рак с клешней* «о пестром обществе»; *С чужого коня середь грязи долой!* «говорится, когда предлагают немедленно освободить занятое чужое место для того, кому оно принадлежит по праву» [Фелицына, Прохоров 1988: 85]; (из сказки:) *Сивка-бурка, вещая курка, встань передо мной, как лист перед травой; Любил волк кобылу: оставил хвост да гриву; не в коня корм* «многие усилия не привели к успеху»; *конь с яйцами* «об излишне энергичной женщине»; (*еще и*) *конь не валялся* «ничего еще не сделано» (говорится, когда дело следовало давно начать); *врет/глуп как сивый мерин; укатили сивку крутые горки; откинуть копыта* «умереть»; *выпустить вожжи из рук, вожжа под хвост попала, гнуть в дугу, закусить удила, ход конем, ни тпру, ни ну* и др.

На втором месте по значимости была корова. Ср.: *Бодливой корове бог рог не дает; Чья бы корова ни мычала, а твоя бы молчала; Что-то я тебя, корова, толком не пойму* (песня из репертуара Л. Утесова); *корова* «толстая, неповоротливая женщина»; (*сидит/пристало*) *как на/к корове седло* «о чем-л. неподходящем»; *коровьи глаза* «большие, но глупые»; *теленки* «глупый неопытный человек»; *ребенок что теленок; сказка про белого бычка; ни мычит, ни телится; за морем телушка полушка (да рубль перевоз)* и т. д.

Из мелкого рогатого скота держали овец и коз. Ср.: *Молодец против овец* (, а против молодца сам овца); *смотрит/установился как баран на новые ворота*; *глуп как баран*; *бараний взгляд* «глупый взгляд»; *блеет как овца*; *овцы* «толпа посредственностей, которой легко манипулировать». Ср. также: *пустить козла в огород*; *(по)доить козла*; *(как) от козла молока*; *(Остались от козлика) рожки да ножки*; *козья ножка* «самокрутка», «инструмент изогнутой формы»; *делать козу* «забавлять ребенка»; *драть/лупить/бить как Сидорову козу*; *(к нему) на козе не подъедешь* и т. д.

Идет коза рогатая

За малыми ребятами.

Ножками топ-топ-топ,

Рожками хлоп-хлоп-хлоп.

«Забодаю! Забодаю! Забодаю!» (и делают козу; забава)

Наконец, крестьянское подворье трудно себе представить без свиней с приплодом. Ср.: *(настоящий) свиарник* «грязное, запущенное, вонючее помещение»; *свинья* «не умеющий себя вести, неблагодарный человек»; *свинья свиной* «сильно испачканный», «не умеющий себя держать на людях». «Все хриstopродавцы. Один там только и есть порядочный человек: прокурор; да и тот, если сказать правду, *свинья*» (Гоголь, Мертвые души).

Ср. далее: *извозился/изгваздался/вывалялся как свинья/чушка*; *(понимает/разбирается) как свинья в апельсинах*; *свинья под дубом* «человек, сам подрывающий основы собственного благополучия» (по басне Крылова); *рыло* «грубое, несимпатичное лицо»; *Свинья грязи найдет*; *поросычий визг* и т. д.

- Домашние животные традиционного русского двора — сторож (*собака*) и охотница (*кошка*).

Наряду со вышеперечисленными *животами*, *животинами*, или, иначе, *скотиной*, на крестьянском подворье, как правило, проживали еще *кошка* и *собака*. Кошка и собака обычно не переносят друг друга; отсюда выражение: *жить как кошка с собакой* «постоянно враждовать, ссориться».

В отличие от современной практики, собака считалась нечистым животным, не допускалась в дом и всегда оставалась на дворе. Отсюда назвать кого-л. *собакой* — оскорбление. Ср. также: *сукин сын* «мерзавец».

Для укрытия от дождя и снега ставили собачью конуру. Отсюда (*собачья*) *конура/конурка* «жалкое, тесное, недостойное человека жилище». Впрочем, иногда по принципу understatement человек может назвать и свое вполне приличное жилище *конурой*.

Если собака могла выскочить за калитку и искушать проходивших по улице, то ее *сажали на цепь* (а ночью в закрытом пространстве двора *спускали с цепи*). Отсюда: *как с цепи сорвался*; *цепной пес / цепная собака* «злой, бранчивый, идущий в бой за хозяина человек» (ср. газетный штамп \rightarrow *цепные псы империализма* «продажные, находящиеся на содержании журналисты»).

Ср. далее: *лаять/брехать/гавкать (как собака)* «браниться»; *(лежит) как собака на сене* (: *сама не ест и другим не дает*); *как собак нерезаных* «очень много»; *устал/измучился/промок/продрог/замерз/дрожит/голоден/злой как собака*; *гонять собаку* «бездельничать»; *гоняют как собаку* «не желают выслушать»; *(он в этом) собаку*

сьел «является знатоком, имеет богатый опыт (в чем-л.)»; *Собака лает — ветер носит; ходить на задних лапках, вилять хвостом; собачиться* «переругиваться»; *собачий голод, собачья жизнь; вешать (всех) собак на кого-л.* «несправедливо обвинять»; *сцепиться «задраться»; выть/плавать по-собачьи* и т. д.

Собака бывает кусачей

Только от жизни собачьей. (Т. и С. Никитины)

Кошка допускалась в избу, где имела свой угол. Кошка должна была отлавливать мышей и крыс. Кроме того, как ласковое животное, кошка была любимицей женщин; и до сих пор известны *кошатницы* (большие любительницы кошек, обычно одинокие женщины), *кошатники* тоже встречаются, но намного реже.

Ср. отражение кошки в языке: *мяукать* «вкрадчиво, распевно (или жалобно) говорить, упрашивать» (о женском или детском голосе); *мурлыкать* «петь себе под нос песенку», «выражать удовольствие»; *кошачий концерт* «громкое, резкое, неслаженное пение» (от «конcertов», которые устраивают коты и кошки в брачный период); *мартовский кот* «ошалевший во время весеннего брачного периода»; (*купить кота в мешке* «не рассмотрев предварительно товар»; *кот заплакал* «о чрезвычайно малом количестве чего-л.»; *носиться/лететь/мчаться/нестись как угорелая кошка* (поскольку кошки, проживая в избе, могли угореть, как и люди); *влюблена как кошка* «о безрассудно влюбленной, не слушающей резонов женщине»; *влюблива как кошка* «о женщине, часто меняющей предметы своих увлечений»; *гладить против шерсти/шёрстки* «противодействовать, вредить»; (по примете: Если кошка трет лапкой мордочку, то) *намывает гостей*; *Знает кошка, чье мясо съела*; *Кошка пробежала между ними* (= поссорились); *Кошку бьют — невестке острastку дают*; *Кошки скребут на душе* (на сердце); *играть в кошки-мышки* «прятаться от кого-л., скрывать свои намерения, хитрить, лукавить» (отражена детская игра: «мышка» должна спрятаться, а «кошка» — отыскать ее); *играть (с кем-л.) как кошка с мышкой* «мучить свою жертву (перед тем как ее уничтожить)»; (некто) *мышей не ловит* «не исполняет своих обязанностей»; *кошки скребут (у кого-л.) на душе / на сердце* «грустно, тоскливо, беспокойно, тревожно»; *тянуть кота за хвост* «слишком медленно делать дело или говорить»; *ходить по-кошачьи* «неслышной, пружинящей походкой», *Не всё коту масленица* (будет и великий пост) и т. д. Считается, что кошка, падая с высоты, непременно приземляется на лапы; отсюда выражение *живуч как кошка* «о человеке, который должен бы погибнуть (в том числе фигурально), но оказался жизнестойким», *заживает как на кошке*. Считается также, что кошка ласкова и обходительна; отсюда (любовно) *киска, кисанька, кошечка* — «нежная, ласковая, „во всех отношениях приятная“ женщина». Ср., далее: *Сильнее кошки зверя нет* «о человеке, которого принимают за всемогущего, хотя он совсем не таков» (из басни Крылова «Мышь и Крыса»). Ср. еще: (по примете: Если черная кошка перебежит дорогу, то) *пути не будет* (= предзнаменование неудачи).

Говорят: не повезёт,

Если черный кот дорогу перейдёт. (Из популярной песни)

Кошки весьма плодовиты, и вынашивают котят они недолго; поэтому нетерпеливцу, чтобы охладить его, говорят: *Быстро только кошки рождаются*. Новорожденных котят, пока они слепые, топят в лохани. Ср.: *как слепой котенок* (беспомощный).

Вынырнул подосланный бесенок,
Замяукал он как голодный котенок... (Пушкин)

У Пушкина в «Евгении Онегине» употреблена ныне неупотребительная лексема *кошурка*:

И вынулось колечко ей
Под песенку старинных дней:
«Там мужички-то все богаты,
Гребут лопатой серебро;
Кому поем, тому добро
И слава!» Но сулит утраты
Сей песни жалостный напев;
Милей *кошурка* сердцу дев.

Вероятно, слово уже современникам поэта было непонятно, поэтому он сам его прокомментировал: «*Зовет кот кошурку / В печурку спать*. Предвещание свадьбы; первая песня предрекает смерть».

Остается упомянуть, что кошку приманивают призывом *кис-кис!*, прогоняют криком *брысь! Брысь отсюда!* можно обратить и к детям. Клише (*у них между собой*) *кис-кис вась-вась* означает нежные отношения (обычно между любовниками и супругами).

Заметим под самый конец, что мы оставили в стороне клички собак и кошек (*Жучка, Полкан, Машка, Васька, Котофей* и т. д.).

- Домашняя птица традиционного русского двора — «кормильцы» (*куры, гуси, утки*).

На первом месте стоят, конечно, петух и курица.

Петух исполнял роль естественных часов: считалось, что петухи кричат три раза в ночь; отсюда: (*проспать/прогулять*) *до третьих петухов* «до утра», *вставать до петухов / с (первыми) петухами* «очень рано, затемно». Считалось, что, когда петух пропел во второй (или в третий) раз, нечистая сила, которая ночью пользуется свободой, обязана убраться в преисподнюю. «Раздался петуший крик. Это был уже второй крик <...>. Испуганные духи бросились, кто как попало, в окна и двери, чтобы поскорее вылететь, но не тут-то было: так и остались они там, завязнувши в дверях и окнах. Вошедший священник остановился при виде такого посрамления Божьей святыни и не посмел служить панихиду в таком месте. Так навеки и осталась церковь с завязнувшими в дверях и окнах чудовищами <...>; и никто не найдет теперь к ней дороги» (Гоголь, Вий).

Ср. далее: *распетушиться* «вести себя задорно, задиристо»; *расшаркиваться* (перед кем-л.); *распустить хвост* «красоваться (перед женщинами)»; *кукарекать* «говорить о чем-л., но не привлекать к себе внимание»; *Кукушка хвалит петуха* (*за то, что хвалит он кукушку*) (Крылов); *пустить красного петуха* «поджечь»; *петушок* «о задиристом, драчливом подростке».

Петушок, Петушок,
Золотой гребешок,
Масляна головушка,
Шелкова бородушка.

Что ты рано встаешь,

Ване (Мане и т. д.) спать не даёшь? (Из детской песенки)

И *курица* широко представлена в памяти языка: *клуша* «хлопотливая, громогласная, но неорганизованная женщина»; *наседка* «чадолюбивая, излишне беспокойная мать», *Р* «стукач-провокатор», т. е. «заключенный, специально посаженный в камеру к другому заключенному, дабы выведать то, что нужно начальству (чаще всего в следственной тюрьме)» [Росси 1991: 231]; *мокрая курица* «о человеке (в том числе мужчине), имеющем жалкий вид»; *куриная слепота* «слабое зрение при плохом освещении»; *слепая курица* «о близоруком человеке»; *куриная грудь* «сдавленная с боков, выпирающая вперед грудная клетка»; *ложиться с курами* «ложиться спать очень рано»; *цыплят по осени считают*; (*написал/нацарапал*) *как курица лапой* «написано неумело, неразборчивым почерком»; *Яйца курицу не учат, желторотый* «совсем юный, неопытный»; *Деньг куры не клюют*; *словно кур воровал* «о трясущихся руках»; *зарезать курицу, несущую золотые яйца*; *квохтать* — «много и неразборчиво говорить» (обычно о женщинах; ср. *квочка*).

Вторая по распространенности птица — *гусь* — также оставила след в языке: *гусь лапчатый* «пройдоха»; *гоготать* «заливисто смеяться»; (*идти*) *гуськом* «друг за другом вслед»; (*раз*)*дразнить гусей* «вызывать раздражение»; (*глупый*) *гусак*, (*глупая*) *гусыня* «о важничающем, но недалекоем человеке»; *как с гуся вода* «все нипочем», *гусиная кожа* «кожа с пупырышками (от холода)», *гусиное перо* (историзм:) «перо гуся, очиненное для письма чернилами», *гусиные лапки* «морщинки у самых уголков глаз»; «*Гусиные лапки*» (вкусные конфеты); *гусиная походка* «переваливающаяся»; *гуси-лебеди* (детская игра, см. ниже); *Хорош гусь!*, *Видали, каков гусь!* «о не вызывающем доверия, плутоватом человеке»; *Гусь свинье не товарищ* «о неподходящем товариществе». Все русские помнят: Иван Иванович смертельно обиделся на Ивана Никифоровича из-за того, что последний назвал его *гусаком*: «— А вы, Иван Иванович, настоящий *гусак*»⁵⁷. «Если бы Иван Никифорович не сказал этого слова, то они поспорили бы между собой и разошлись, как всегда, приятелями; но теперь произошло совсем другое. Иван Иванович весь вспыхнул» (Гоголь, Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем). Ср., наконец:

Гуси, гуси! — Га-га-га!

— Есть хотите? — Да, да, да!

— Ну, летите домой!

— Серый волк под горой!

— Ну, летите,

как хотите! (Детская игра)

- Птицы традиционного русского двора — «спутники человека» (*воробьи, вороны, сороки, грачи*).

Рядом с крестьянским двором искони жили также неприрученные, но не имеющие страха перед человеком птицы — воробьи, вороны, грачи и др. Воробьи и вороны не улетают на зиму.

Ср.: *стреляный воробей* «бывалый человек, которого трудно обмануть или перехитрить»; *нахохлился как воробей* «о человеке, внешним видом показывающем, что

⁵⁷ Гоголь сделал примечание: «то есть гусь-самец».

он обижен»; *Старого воробья на мякине не проведешь*. Последняя пословица «отражает реальные наблюдения над повадками воробьев, издавна доставляющих много хлопот земледельцам. В поисках пищи старый воробей никогда не подлетит к мякине, т. е. уже избитым молотильными цепями хлебным колосьям, а будет искать еще не обмолоченные скирды» [СРФ: 98].

Ворон (в том числе за то, что они отчасти питаются падалью) не любят и не переносят их карканья. Ср.: (*ждет/дожидается*) *как ворон крови* (обычно неодобрительно:) «о страстно желающем поживиться»; *куда ворон костей не заносил* «очень далеко, в глуши». Ср. также:

Чёрный ворон, что ты вьешься
Над моею головой?
Ты добычи не дождешься,
Черный ворон, я не твой! (Народная песня⁵⁸)

Ворон символизирует черный цвет (отсюда масть лошадей — *воронье*; *прокатить на вороных* — «набросать [при земских выборах] черных шаров), забаллотировать». Ср. также: *черный ворон*, или *воронок*, или *черная маруся*, Р «закрытый грузовичок, оборудованный для перевозки заключенных, прежде всего в период массовых репрессий конца 1930-х гг.»⁵⁹; обычно подобные автомобили были окрашены в темно-зеленый, почти черный цвет, отсюда — их название.

Звезды смерти стояли над нами,
И безвинная корчилась Русь
Под кровавыми сапогами
И под шинами *черных маруся*.
<...>

Затем, что и в смерти блаженно боюсь
Забуть громычание черных маруся. (Ахматова, Реквием)

Ворон считается зловещей птицей, а его карканье — провидческим. Отсюда переносное значение глагола *каркать* «предвещать беду»: *накаркал* «накликал беду»; *Не каркай!* «Не предсказывай плохого исхода дела!».

В отличие от черного ворона *белая ворона* — «чуждаковатый человек, резко выделяющийся среди других людей».

В отличие от вороны и особенно ворона, *сорока* не вызывает недобрых ассоциаций. Она непрерывно стрекочет, и не одна, а в компании таких же сорок, отчего и считается сплетницей. Ср.: *сорока на хвосте принесла* (известие) «узнал о чем-то из сплетни»; *Затвердила сорока Якова / одно про всякого* «о надоедливом повторении одного и того же». *Сорока-белобока* — любимый персонаж сказок и детских песенок; ср. считалку с загибом пальцев: *Сорока-ворона / кашу варила, / деток кормила: / этому дала, / этому дала, / этому дала, / этому дала, / а этому не дала!* Во времена Пушкина с сорокой, вероятно, была связана примета:

Стрекотунья белобока,
Под калиткою моей

⁵⁸ Слова Н. Вережкина.

⁵⁹ Первые *воронки* появились в Москве в 1927 г. [Росси 1991: 61].

Скачет пестрая сорока
И пророчит мне гостей.

Грачи — перелетные птицы. Они прилетают ранней весной — считается, что 4 (17) марта, на память св. Герасима, «иже на Иордане», который имеет соответствующий атрибут — *Грачевник*. Сам грач также называется *птицей весенней*. Широко известна картина Саврасова «Грачи прилетели» — в советское время соответствующую репродукцию можно было часто увидеть на стенке. Грачи сопровождают пахоту: они идут за сохой по борозде и выклеивают червей из перевернутой земли.

- Растения в избе (*фикусы, герань*).

Собственно говоря, растений в избе держали мало или не держали вовсе. Лишь со второй половины XIX в. (да и то, безусловно, под городским влиянием) на подоконниках в избе и на лавках появились горшки с фикусами, геранью и, редко, даже пальмой. Солженицын свидетельствует о времени середины XX в.: «Просторная изба и особенно лучшая приоконная ее часть была уставлена по табуреткам и лавкам — горшками и кадками с фикусами. <...> Они разрослись привольно, забирая небогатый свет северной стороны. <...> И вот всю толпу фикусов, которых Матрена так любила, что, проснувшись когда-то ночью в дыму, не избу бросилась спасать, а валить фикусы на пол (не задохнулись бы от дыму), — фикусы вынесли из избы» (Матренин двор).

Веселенькие цветочки *герани* на окнах крестьянского или городского дома почему-то считались символом мещанства (филистерства).

- Насекомые в избе (*мухи, комары, сверчки, тараканы, клопы, пауки*).

Докучливые *мухи* сильно досаждают обитателям избы и барского дома в деревне. Отсюда сравнение: *назойливый как муха*.

Ох, лето красное! любил бы я тебя,
Когда б не зной, да пыль, да комары, да мухи. (Пушкин)

Впрочем, Гоголь в «Мертвых душах» сумел дать поэтическое описание докучливых летних мух: «Вошедши в зал, Чичиков должен был на минуту зажмурить глаза, потому что блеск от свечей, ламп и дамских платьев был страшный. Все было залито светом. Черные фракы мелькали и носились врознь и кучами там и там, как *носятся мухи* на белом сияющем рафинаде в пору жаркого июльского лета, когда старая ключница рубит и делит его на сверкающие обломки перед открытым окном; дети все глядят, собравшись вокруг, следя любопытно за движениями жестких рук ее, подымающих молот, воздушные *эскадроны мух*, поднятые легким воздухом, влетают смело, как полные хозяева, и, пользуясь подслеповатостью старухи и солнцем, беспокоящим глаза ее, *обсыпают* лакомые *куски* где вразбитную, где густыми кучами. Насыщенные богатым летом, и без того на всяком шагу расставляющим лакомые блюда, они влетели вовсе не с тем, чтобы есть, но чтобы только показать себя, пройтись взад и вперед по сахарной куче, потереть одна о другую задние или передние ножки, или почесать ими у себя под крылышками, или, протянувши обе передние лапки, потереть ими у себя над головою, повернуться и опять улететь, и опять прилететь с новыми *докучными эскадронами*».

Мухи, особенно крупные (слепни, навозницы), кусают и человека, и скотину; отсюда фразеологизм: (*его*) *какая-то муха укусила* «о человеке, который без причи-

ны нервничает, *бесится*». Может быть, сюда же относится и выражение *быть под мухой* «находиться в алкогольном оживлении, навеселе».

Мух безжалостно уничтожают: давят пальцами, прихлопывают ладонью (ср. *прихлопнуть как муху* «без труда убить, [переносно:] походя уничтожить»), бьют *мухобойкой* (хлопушкой), ловят *мухоловкой*, выставляют для них отраву (из гриба, который так и называется — *мухомором*), в новейшее время развешивают клейкую ленту.

Он в том покое поселился,
Где деревенской старожил
Лет сорок с клюшницей бранился,
В окно смотрел и мух давил. (Пушкин)

Напротив, про смирного человека говорят, что он *мухи не обидит*.

Мух бывает очень много, они роятся; отсюда белые мухи — *хлопья снега*. Когда у уставшего или заболевшего *рябит в глазах*, говорят: (*черные*) *мухи/мушки бегают/побежали (перед глазами)*. Описание мушиного царства можно найти в «Старосветских помещиках»: «На стеклах окон звенело страшное множество мух, которых всех покрывал толстый бас шмеля, иногда сопровождаемый пронзительными визжаниями ос; но как только подавали свечи, вся эта ватага отправлялась на ночлег и покрывала *черною тучею* весь потолок».

Обычно возле блюда с мухомором за ночь образуется кладбище мух; отсюда выражение: *мрут как мухи* «умирают быстро и в больших количествах». Гоголь в «Ревизоре» обыграл этот фразеологизм: у него больные *как мухи... выздоравливают*.

Мухи своими крыльями издают характерный звук — они *цекочут* или *жужжат*. Соответственно, глагол *жужжать* переносно означает звук голосов множества собравшихся людей.

Но кушать подали. Четой
Идут за стол рука с рукой.
Теснятся барышни к Татьяне;
Мужчины против: и крестясь,
Толпа *жужжит* за стол садясь (Пушкин).

Впрочем, метафорически *жужжать* может и неодушевленный предмет.

Или бури завываньем
Ты, мой друг, утомлена,
Или дремлешь под *жужжаньем*
Своего веретена? (Пушкин)

Мушкой метафорически называют выступ на передней части винтовки или пистолета, служащий для прицеливания. Отсюда *взять на мушку* — «прицелиться», переносно — «сделать кого-л. объектом своих нападков». В советское время *Р* «рабоче-крестьянских корреспондентов» призывали *брать на мушку* чинуш и бюрократов.

Хотя мухи и не вызывают симпатии, тем не менее К. Чуковский восхитился *позолоченным брюхом* своей *Мухи-цокотухи* и сделал ее положительным героем популярной детской сказки.

Не менее мух в деревне досаждают комары. Отсюда о человеке, который без плотной одежды отправился в лес, говорят: *пошел комаров кормить*. Мошकारа и ко-

мары собирательно называются *гну́сом*; *гну́сный* — «внушающий отвращение, омерзительный». Укусы комаров не опасны, но болезненны; отсюда: *комариные укусы* «мелкие козны, которые устраивают недоброжелатели». Комары досаждают также своим пронзительным *звоном*; они *гну́сят*, *гну́савят*, отсюда *гну́савый голос* (человека) — «голос в нос, с носовым призвуком». Ср. также: *комариный писк* «отдаленные высокие голоса (детей)».

Не лед трещит,
 Не комар пищит,
 Это кум до кумы
 Судака тащит. (Из народной песни)

Одна из популярных плясовых русских песен называется «Комаринской».

Третий вид издающих звуки насекомых — сверчки (насекомые из отряда прямокрылых). Подобно полевым кузнечикам, они издают высокий монотонный звук — *стрекочут*. Специализированный глагол *стрекотать* (который в прямом значении прилагается только к насекомым и птицам) приобрел и переносный смысл — «говорить высоким голосом, быстро проговаривая слова; частить». *Стреко́туха* — «без умолку говорящая женщина с высоким голосом». О том, что сверчок сидит за печкой и *должен знать свой шесток*, уже упоминалось выше. Современные городские жители не имеют представления о сверчках; в городских квартирах они не обитают.

Если сверчки не вызывают к себе отрицательного отношения, то тараканов, клопов, пауков всеми силами стараются *вывести*, т. е. уничтожить. Впрочем, все они плодятся в огромных количествах, так что борьба с ними даже в городских условиях нередко обречена на неуспех.

Тараканы обычно обитают на кухне, возле еды, и питаются остатками пищи на тарелках. «Кроме Матрены и меня, жили в избе еще: кошка, мыши и тараканы. <...> тараканы <...> в кухоньке по ночам кишели, и если поздно вечером, зайдя испить воды, я зажигал там лампочку — пол весь, и скамья большая, и даже стены были чуть не сплошь бурыми и шевелились» (Солженицын, Матренин двор). У тараканов имеются усы, поэтому если у человека усы топорщатся, то их называют *тараканьими*. Говорят, некогда устраивали *тараканьи бега*, и, соответственно, до сих пор соревнования между людьми по ничтожному поводу называют *тараканьими бегами*.

Клопы обитают в спальнях и кусают сонного человека. Они обитают в матрацах, одеялах и перинах. Поскольку *перина* в советское время символизировала пресловутое \mathbb{R} мещанство, то и клопы стали символом обывательства:

Довольно / валяться / на *перине клоповой!* (Маяковский)

Клопы прячутся в щели, где пережидают опасность; отсюда мимикрирующих «благоразумных» мещан-обывателей в советское время также называли \mathbb{R} *клопами*. Ср. у «талантливейшего поэта нашей, советской эпохи» (Сталин):

Изобретатель, / даешь / порошок универсальный
 сразу / убивающий / *клопов* и *обывателей*. (Маяковский)

Поскольку клопы сосут кровь, возникло клише: *налился/надулся как клоп*. *Клопы* в советское время символизировали также \mathbb{R} «кровососов»-эксплуататоров (напри-

мер, кулаков). Ср. пьесу В. Маяковского «Клоп». Раздавленный клоп оставляет после себя отвратительный запах и лопается с характерным треском; отсюда *давить клопов* — «печатать на машинке». Подслушивающее устройство, вмонтированное в стену, называют *клопом* (или *жучком*).

Пауки развешивают свою паутину в укромных уголках, в необитаемых комнатах, чуланах и т. п., но чистоплотная хозяйка всегда ее *смахнет* или *сметет*.

Ср. клише: *попасться в паутину / запутаться в паутине / не выбраться из паутины* «стать жертвой хитроумных интриг». *Разорвать паутину* — «выбраться из расставленной ловушки». Советская пропаганда твердила, что *буржуазные капиталисты расставляют/раскидывают сети, опутывают «доверчивых людей» (паутиной лжи⁶⁰)*, создают *шпионскую сеть-паутину* и т. д. Еще помнятся карикатуры из газет, на которых пауки-эксплуататоры оплетали своей паутиной многие страны мира. Ныне лексема *паутина*, похоже, под иноязычным влиянием больше не вызывает негативных ассоциаций; ср.: *всемирная паутина* (WWW = World-Wide Web) «сервис в Интернет (Net — «сеть»), который представляет пользователю все тексты, находящиеся в этой сети» [ТС: 162].

Паук для людей не опасен, но когда в его паутине запутаются комар или муха, то он, как считается, высасывает из них кровь; отсюда паук, как и клоп, — символ *кровососа*. В упомянутой сказке Чуковского Муха-цокотуха чуть было не стала жертвой злодея-паука; ее вызволил «маленький комарик»:

Подлетает к пауку,
Саблю вынимает
И ему на всем скаку
Голову срубает.

Считается также, что пауки при встрече сжирают друг друга; отсюда сравнение: *пауки в банке* «о людях, занимающихся одной и той же деятельностью и вредящих друг другу».

По примете, увидеть паука утром — получить недобрую весть; напротив, увидеть паука вечером — к благополучию. Убить паука, по религиозным представлениям, — все равно что замолить грех.

- Предметы традиционного домашнего обихода (связанные с приемом пищи, гигиеной, традиционными занятиями в избе и т. д.) весьма многочисленны. Ниже упомянуты лишь некоторые.

Женские, девичьи занятия в избе — шитье, вязанье, штопанье, вышиванье, плетение кружев, прядение пряжи (изготовление ниток с помощью веретена), стирка, ношение воды (на коромысле), мытье полов, приготовление пищи и др. Ср.: «Толстый, *домашней вязки* свитер живо напомнил ему о недавно умершей матери. Кто теперь ему новый свяжет?» (МК, июль 1997). Чтобы свитер связал отец героя очерка — маловероятно.

Некоторые из традиционных женских домашних занятий перекочевали и в городской быт: несмотря на эмансипацию женщин, все же приготовление пищи, стирка, уборка квартиры и до сих пор остаются преимущественно сферой, в кото-

⁶⁰ Это речение даже вошло (в качестве оправдательной цитаты) в Словарь С. И. Ожегова (например, см. 3-е издание под словом *паутина*).

рую мужчины не вторгаются (и не желают вторгаться), причем многие русские женщины и сами отнюдь не желали бы видеть своих мужей и сыновей, предположим, активно действующими на кухне. Что же касается дочерей, то матери как раз приучают их «вкусненько готовить».

Современные русские мужчины по традиции также не вышивают и не вяжут. Когда один из персонажей «Мертвых душ» (губернатор города NN), как выяснилось, вышивает, мужское вышиванье, как сингулярное явление⁶¹, становится предметом специального упоминания: «Был с почтением у губернатора, который, как оказалось, подобно Чичикову, был ни толст, ни тонок собой, имел на шее Анну, и поговаривали даже, что был представлен к звезде; впрочем, был большой добряк и даже *сам вышивал* иногда по тюлю». Когда Чичиков и Манилов в разговоре упоминают об этой сингулярности губернатора, из контекста видно, что вышивание все же явно относится ими к числу женских занятий: «— Очень обходительный и приятный человек, — продолжал Чичиков, — и какой искусник! я даже *никак не мог предполагать этого*. Как хорошо вышивает разные домашние узоры! Он мне показывал своей работы кошелек: *редкая дама может так искусно вышить*».

Итак, как было сказано, хождение «пó воду» — традиционная женская обязанность. Соответственно *ведра* играли в хозяйстве немалую роль. Пока не возобладали металлические (цинковые) ведра, деревенский бондарь (ремесленник, изготавливавший бочки и деревянные ведра), вместе с кузнецом, входил в число уважаемых сельчан. Память об исчезнувшем промысле хранит распространенная фамилия — Бондарев (ее носит и один из писателей, популярный в советское время). В сказке о Емеле ведра сами идут по воду. Ср. также: *лет как из ведра* «о проливном дожде». Воду обычно брали на улице, из общего колодца, и *пó воду ходили*, как правило, женщины или девушки:

По улице мостовой,
По широкой столбовой,
Шла девица за водой,
За холодной ключевой.

За ней парень молодой
Кричит: «Девица, постой!
Пойдем вместе за водой,
Веселей идти с тобой». (Рус. нар. песня)

Не исключено, что именно эту песню имел в виду А. С. Пушкин:

Спой мне песню, как синица
Тихо за морем жила;
Спой мне песню, как *девица*
За водой поутру шла.

Ср., далее, пословицу: *Не плюй в колодец (пригодится / воды напиться)* «Не делай неприятностей, не вреди кому-л., так как этим можно лишить себя в будущем помощи, поддержки» [Фелицына, Прохоров 1979: 72]. Колодец в функции хранилища отразился в клише *кладезь премудрости* (шутливо): «о человеке с большими позна-

⁶¹ Осингулярном поведении как теме для дискурса см. подробно [Верещагин, Костомаров 2000в].

ниями». Если навстречу попался человек *с пустыми ведрами*, то, по примете, *пути не будет*, т. е. предстоит неудача.

Деревенский колодец имел важную общественную функцию: здесь женщины обменивались новостями, «судачили». Случалось, что здесь же бранились и ссорились; ср.: *дым (стоит) коромыслом* «о большом шуме, гаме, беспорядке, суматохе».

Положив на плечи расписное *коромысло*, сильная молодка шла от колодца танцующей походкой. Ведра, как и бочки, делались из дерева и скреплялись обручами, но со второй половины XIX в. им на смену пришли более легкие металлические ведра. И без помойного ведра в избе не обойтись; ср. *облить помоями* кого-л., *лить помои* на кого-л. «несправедливо очернять, клеветать».

Выше упоминалось также и о стирке белья как о женском занятии. Отсюда велика в хозяйстве роль *корыта*: в нем и стирали белье, и купали детей, и давали корм скоту. Знаменитым корыто сделалось после выхода в свет пушкинской «Сказки о рыбаке и рыбке»:

Ничего не сказала рыбка,
Лишь хвостом по воде плеснула
И ушла в глубокое море.
Долго у моря ждал он ответа,
Не дождался, к старухе воротился —
Глядь: опять перед ним землянка;
На пороге сидит его старуха,
А пред нею *разбитое корыто*.

Отсюда клише: *остаться у разбитого корыта* «потерять все приобретенное, нажитое (обычно — как справедливая расплата за неверные поступки, излишние притязания)» [СРФ: 307]. Фразеологизм *выплеснуть с водой и ребенка*, несмотря на его ясную мотивировку, как кажется, принадлежит к числу заимствований.

Из предметов домашнего обихода на первом месте следует, конечно, назвать *ложку*. В традиционном хозяйстве водились только деревянные ложки, которые предпочтительнее металлических, поскольку не обжигают рот. Ср.: *дорога ложка к обеду*. Выражение *через час по чайной ложке* «очень медленно, с большими перерывами» восходит не к традиционному быту, а к привычному предписанию аптекаря на пузырьке с микстурой.

Поскольку покупные свечи были дороги, да и изготовленные дома зажигали только по праздникам, повседневным источником света в избе служила *лучина*. Память о ней сохранилась в популярной народной песне:

Извела меня кручина,
Подколотная змея!
Догорай, моя *лучина*,
Догорю с тобой и я!

О традиционном женском занятии при свете лучины в длинные зимние вечера — прядении — помнит другая популярная народная песня:

В низенькой светелке
Огонек горит,
Молодая пряха
У окна сидит.

Днем пряжа усаживалась у окна, поближе к свету. Рядом подвешена к потолку зыбка (колыбель); молодуха прядет пряжу и между делом покачивает зыбку. Считается, что женщины («бабы»), живущие одним хозяйством, в отличие от мужчин («мужиков») неуживчивы и не ладят между собой; об этом говорит пословица: *Семь топоров вместе лежат, а две прялки врознь*.

Из инструментов, которые обычно использовались в традиционном крестьянском обиходе и которые оставили след в языке, назовем *лопату* (*гребет [деньги] лопатой*), *косу* (*нашла коса на камень*), *вилы* (*вилами на воде писано*), *грабли* (*наступить на те же грабли*) и *лом* (*против лома нет приёма*).

Распределение занятий по половому признаку обитателей избы выработалось по традиции; оно отражает физиологические особенности мужчин и женщин. Так, «тяжелые работы» (например, пила, колка и носка дров), как правило, оставались за мужчинами. Мальчики с ранних лет приучались к ним.

Ср. у Некрасова: «мужичок с ноготок», которому всего лишь миновал шестой годик, уже управляет лошадью и участвует в заготовке дров.

Однажды, в студеную зимнюю пору
Я из лесу вышел; был сильный мороз.
Гляжу, поднимается медленно в гору
Лошадка, везущая хворосту воз.
И шествуя важно, в спокойствии чинном,
Лошадку ведет под уздцы мужичок
В больших сапогах, в полушубке овчинном,
В больших рукавицах... а сам с ноготок!
«Здорово, парнище!» — «Ступай себе мимо!»
— «Уж больно ты грозен, как я погляжу!
Откуда *дровишки?*» — «Из лесу, вестимо;
Отец, слышишь, *рубит*, а я *отвожжу*».
(В лесу раздавался *топор дровосека*.)
«А что, у отца-то большая семья?»
— «Семья-то большая, да два человека
Всего мужиков-то: отец мой да я...» (Некрасов, Крестьянские дети).

Традиционным мужским занятием на досуге были «лычные работы» — плетение из лыка лаптей, рогож, коробов. Ср.: *лыка не вяжет* «сильно пьян». «— Позвать Синегубова. — Они лыка не вяжут... — Пьян? Ну, черт с ним» (Салтыков-Щедрин, Пошехонская старина). Ср. далее: *(не) всякое лыко в строку* «(не) всякая ошибка кому-л. ставится в вину»; *(не) лыком шит* «(не) лишен способностей, понимания».

- Традиционные орудия (сельскохозяйственного труда) и средства передвижения весьма многочисленны. Ниже упомянуты лишь некоторые.

Летом крестьяне передвигались на телегах, а зимой — на санях. Отсюда пословицы: *Готовь сани летом, а телегу зимой* «будь предусмотрительным»; *Не в свои сани не садись* «Не претендуй на большее, чем тебе положено». Ср. «тележные» фразеологизмы: *(скрипит/едет) как несмазанная телега*; *пятое колесо в телеге* «о чем-л. необязательном, излишнем». Пушкин использовал образ телеги как символ быстротекущей жизни человека:

Хоть тяжело подчас в ней бремя,
Телега на ходу легка;
Ямщик лихой, седое время,
Везет, не слезет с облучка.

С утра садимся мы в телегу;
Мы рады голову сломать
И, презирая лень и негу,
Кричим: пошел!.....

Но в полдень нет уж той отваги;
Порастрясло нас; нам страшней
И косогоры, и овраги;
Кричим: полегче, дуралей!

Катит по-прежнему телега;
Под вечер мы привыкли к ней
И дремля едем до ночлега —
А время гонит лошадей. (Телега жизни)

На этом заканчивается исчисление СДолей, относящихся к теме ДОМ, ЖИЛИЩЕ, взятой в аспекте народно-крестьянской традиции. Собственно, остановка является, строго говоря, произвольной: мы вынуждены прервать исчисление, потому что на нас сбылась пословица *Чем дальше в лес, тем больше дров*. Культурно-семантическая сфера ДОМА, ЖИЛИЩА имеет открытый ряд степеней, так сказать, вертикального углубления и, кроме того, обнаруживает тенденцию к непрерывному ассоциативному расширению по горизонтали; это означает, что у нее нет четких границ. Тем не менее обоснованно надеемся, что онтологическое ядро этой сферы мы выявили, причем выявили более или менее объективно, поскольку постоянно опирались на память реального бытия языка.

Действуя хронологически, нам следовало бы теперь последовательно рассмотреть еще три культурно-семантических среза: 1) (городское) жилище в России XIX — начала XX в.; 2) жилище в советской России (1917—1991); 3) жилище в постсоветской России. Изложение наше, однако, уже слишком разрослось; соответственно две сферы мы просто обозначили на их месте, а по отношению к третьей привели лишь выборочные исчисления.

03–4. Жилище в России XIX — начала XX в.
(СДоли не исчислены)

03–5. Жилище в советской России (1917–1991)
(СДоли не исчислены)

03–6. Жилище в постсоветской России

- Наряду с отдельными, изолированными квартирами все еще существуют *коммуналки* (квартиры, в которых проживает несколько неродственных семей).

☞ «Маргарита Николаевна никогда не прикасалась к примусу. Маргарита Николаевна не знала ужасов житья в совместной квартире» (Булгаков, Мастер и Маргарита). ☞ Проживание в коммунальной квартире и до сих пор считается «нормальным», и обитателя такой квартиры *не ставят на очередь* «на улучшение жилищных условий». «Случай представился в 1962 году. Дала ей любимая фабрика *комнату* в двухкомнатной коммуналке — живи, Елизавета, радуйся. С этой *коммуналкой* и связаны все страхи теперь уже 80-летней москвички. Несколько лет назад квартиру признали аварийной, и под эту сурдинку прежняя соседка выхлопотала-таки себе отдельное жилье. Бабуле же заделали дыру в стене, подремонтировали комнату. И... Правильно, в очередной раз отмахнулись от просьбы об отдельной квартире. Шутка сказать — комната-то площадью 15,6 квадратных метра! На учет для улучшения жилищных условий хозяйку таких хором даже ставить не захотели» (МК, июль 1997).

- Имеется несколько способов, чтобы вступить в обладание жильем.

В советское время демагогически заявляли, что все жилые здания в стране составляют ☞ «народное достояние»:

Вьется
улица-змея.
Дома
вдоль змеи.
Улица —
моя.
Дома —
мои. (Маяковский)

Конечно, получить хотя бы какую-то толику от этого достояния отдельному представителю народа было трудно. Тем не менее в советское время ☞ квартиру все же можно было *получить*: получали *очередники* от государства (ср. *государственная* квартира) или от министерства или другого ведомства (ср. *ведомственная*, или *служебная*, квартира). Квартиру можно было *построить*, фактически *купить* (существовали ЖСК, жилищно-строительные кооперативы [ср. *кооперативная* квартира]).

Все это происходило, как свидетельствует само ключевое слово *очередник*, — *по очереди*. Чтобы претендовать на получение жилья, надо было много лет простоять в очереди. Жильцы *аварийных квартир* и домов, запланированных *к сносу*, получали жилье «в первоочередном порядке».

Система жилищных очередей продолжает существовать поныне: ☞ в газете 2000 г. сообщалось, что в Москве «квартиры получали очередники, вставшие на учет аж до 1988 г.».

Система очередей, естественно, не затрагивает крупных чиновников. «Опять же в применении к Немцову Лужков коснулся и жилищного вопроса, точнее, *служебной жилплощади*, предоставленной первому вице-премьеру в виде четырехкомнатной квартиры в Крылатском. Подчеркнув, что квартира предоставлена столичными властями для обеспечения нормальной работы государственного чиновника, мэр поспешил заверить, что в личную собственность Немцова сия квартира не перейдет» (МК, июль 1997).

Ныне квартиры *свободно* (т. е. без каких-либо очередей) *продаются*. Правда, стоимость одного квадратного метра (исчисляемая в так наз. ☞ «у. е.», *условных еди-*

ницах, попросту сказать, в долларах) настолько велика (из газетного объявления: «Продаются квартиры. 420 у. е. за м²»), что законопослушный средний гражданин (скажем, рабочий, врач или учитель) покупку новой квартиры не может себе позволить ни при каких условиях (в том числе и в рассрочку). Поэтому в Москве можно увидеть новые жилые дома, которые некоторое время простаивают пустыми. Старые квартиры стоят дешевле, но все равно слишком дорого.

Появились так наз. *«грязные квартиры»*, или *«квартиры с накруткой»* (когда посредники на рынке жилья — *риэлтеры* — вздувают цены). «Предложение «грязных» квартир существенно сдерживает цены рынка» (МК, июль 1997).

Сохраняется унаследованная от советского времени система *прописки*; прописку в столичном городе по-прежнему трудно получить. Впрочем, достаточно набрать денег на покупку новой квартиры, и прописка дается автоматически. Если жильца *выписали* (т. е. лишили прописки), чего все панически боятся, то он лишается прав на квартиру. «Галина *прописана* по-прежнему на Иловойской, дом 2. То есть, с одной стороны, это ее квартира. А с другой — с практической — она давно принадлежит гостинице для бомжей. Считается, что оттуда все *выписались*. В ее квартире расположена ночлежка. Она говорит: „Я решусь. Это так просто. Всего-то пять лимонок надо. — Улыбается, заваривая кофе. — Все разнесет. Вместе со мной. А чего мне жалеть? У меня туберкулез. Я практически бомж“. Она не сумасшедшая. Чуть-чуть экзальтированная и необычная, но не сумасшедшая. Жизнь довела ее до отчаяния» (МК, июль 1997).

Наряду с покупкой продолжает существовать *аренда*⁶² (наём, поднаём) жилья, а также *обмен квартир*. Живущий на условиях аренды (*квартирант* или даже *уловой жилец*) часто бывает прописан не там, где фактически проживает. Появилось множество фирм, которые посредничают в осуществлении аренды и особенно обмена. Газеты давно выработали стандарт для публикации объявлений с предложениями квартирному обмену. Ср. соответствующие реминисценции:

Мы пьем чай в старых квартирах,
 Ждем лета в старых квартирах...
 В старых квартирах, где есть свет,
 Газ, телефон, горячая вода,
 Радиоточка, пол-паркет,
 Санузел раздельный, дом кирпичный,
 Одна семья, две семьи, три семьи,
 Много подсобных помещений,
 Первый, последний не предлагать,
 Рядом с метро, центр... (В. Цой, из песни [альбом «Группа крови»]).

Если человек *купил* или *получил* квартиру, то он *вселяется* в нее по *ордеру*, по официальному документу, письменному приказу, предписанию, распоряжению (ср. *ордер на вселение*). Напротив, если ордера нет, а отчаявшийся человек все равно *заселяется* (в пустующий дом), то он осуществляет *«самозахват»* — «самовольное

⁶² Аренда, на языке инструкции, — это «имущественный наем, когда одна сторона (арендодатель, наймодатель) предоставляет другой (арендатор, наниматель) землю, строения, имущество, средства производства и пр. во временное пользование на определенных условиях» [Краткий словарь: 40].

вселение, без наличия ордера и иных документов в квартиру в готовящемся к заселению доме, подъезде дома»; имеется и соответствующий *nomens agentis*: *самозахватчик*. Более широкий термин — *эсамосёл* — «человек, самовольно поселившийся на какой-л. территории, вселившийся в квартиру, дом». Самосёлы производят *самострой* — «самовольное строительство жилья без разрешения местных органов власти».

В последние годы появилась *эжилищная милиция (жилмилиция)* — «независимое специализированное профессиональное подразделение для целенаправленной борьбы с преступностью в сфере недвижимой собственности, главным образом с аферами на рынке приватизированного жилья, для защиты прав собственников (в Москве — в особенности одиноких пенсионеров и инвалидов, престарелых)» [там же: 174]. Вероятно, подразделение не остается без работы: газеты систематически сообщают об убийствах, прежде всего одиноких пенсионеров, ради завладения жилплощадью, а само слово *делка* (применительно к купле и продаже жилья) стало звучать зловеще.

Состоялась *эприватизация*⁶³ *жилого фонда*, которая, вопреки обещаниям, отнюдь не привела к снижению расходов семьи на содержание жилья. Новоявленные собственники жилья, заплатив деньги, получили в обмен, вместо старого *ордера*, новый документ — *эсертификат на квартиру*.

Жилищные сертификаты выдает и государство. «Пока всем увольняемым военнослужащим решено выдавать *вместо квартир „сертификаты“*. Таковую бумажку, где написано, что данная семья военнослужащих в принципе имеет право на квартиру. По степени полезности — что-то вроде приватизационного ваучера⁶⁴. Можно stellen „сертификат“ на землю и жить на нем всей семьей» (МК, июль 1997).

Возродилось сословие *квартирных маклеров*, или (выражаясь приличнее) *эриэлтеров*, появилось множество *риэлтерских* фирм. Слово *маклер* издавна имеет пейоративный оттенок в значении. Новое слово *риэлтер* не все понимают; один из авторов настоящего исследования слышал в пригородной электричке, что *риэлтер* — это якобы просто-напросто «жулик»; на самом деле *риэлтер* — это «тот, кто профессионально занимается продажей и покупкой недвижимости»⁶⁵. «Нынешняя волна приватизации коммунальных квартир в центре спровоцирована деятельностью риэлтеров на нарождающемся рынке недвижимости» (МК, июль 1997).

- Существенная послеперестроечная проблема — появление большого количества бездомных (или *бомжей*).

Может быть, — так иногда утверждается в философской литературе, посвященной судьбам России, — что историческая *бесприютность*, метафизическая *бездомность*, традиция *землепроходства* — это национальная черта народа, который проживает на огромном пространстве, как бы приглашающем к движению. Действительно, в

⁶³ *Приватизация* (или *разгосударствление, денационализация*) — «общий процесс смены собственника посредством передачи или продажи на различных условиях государственной или муниципальной собственности коллективам, кооперативам, акционерам, (иностранным) фирмам, частным лицам [Краткий словарь].

⁶⁴ Приватизационный чек, или *ваучер*, практически ничего не стоил с самого начала. Сейчас он вообще утратил роль ценной бумаги.

⁶⁵ Ср. столь же спокойное словарное определение: *house agent* (в американском варианте *realtor*) — это *someone who lets, buys or sells houses for others for fee* («человек, который сдает, покупает или продает дома для других за вознаграждение»).

царское время тысячи и тысячи людей избирали для себя путь *странничества*, *бродяжничества*, и эпидемия имела характер бедствия. К *страннику*, *скитальцу*, человеку пути (*homo viator*), паломнику, бредущему к святыням Киева или даже Иерусалима, оседлое население относилось доброжелательно: странников и странниц принимали в дома и избы, обогревали, кормили и поили. По одной из наивных этимологий, *скиталец* от *скифа*, а скифы вели кочевой образ жизни.

Бездомные, *бомжи* (люди *без определенного места жительства*), однако, не всегда кочуют. Они могут длительное время проживать на одной и той же территории. Они отличаются от оседлых жителей только тем, что у них нет «своего угла», так что приходится ютиться где придется. «Они разыскали Таля и вывели его на *бомжа*, обитавшего в том же микрорайоне в канализационном коллекторе» (МК, июль 1997). «До 10 июля будет разработана комплексная программа по приведению в порядок подвальных и чердачных помещений. Для того чтобы закрыть доступ *бомжам* в бесплатные «гостиницы», городские власти намерены организовать в подъездах дежурства» (там же). «Меня зовут Яков Михайлович. Как Свердлова, — представился *бомж*, а *бомжиха* внезапно добавила: — Ты только не обижайся, деточка, но Яшенька — еврей» (там же). «Бомжиха, живущая на лестничной площадке одного из этажей, один раз устроила даже небольшой пожар. В милицию ее, конечно, забрали, но с утра она снова появилась в доме, сходу обложив жителей трехэтажным матом, и заявила, что никуда отсюда не уедет» (там же). «Пожарные приехали довольно быстро, однако спасти старый дом было практически невозможно — дача Маяковского сгорела. По одной из версий, строение случайно подожгли *бомжи*» (там же). «Смотреть на упитого эстонского подростка из приличной семьи больно и страшно — худший вариант вокзального бомжа с валянием в грязных лужах, соплями и блевотиной, размазанной по одежде» (МК, сентябрь 1997).

Образовалось целое гнездо производных слов: *бомж*, *ѐбомжик*, *бомжиха*, *бомжевать*, *бомжатник*.

Дальнейшие СДоли тематической сферы ДОМ, ЖИЛИЩЕ только названы. Надеемся со временем подготовить их полное исчисление.

- Дóма — хорошо, приятно, комфортно.

Отсюда *домашний арест* (для подозреваемого), *домашний режим* (для больного) — пребывание с комфортом.

- Дом — защита от внешней угрозы.

Домофоны, селекторы, связывающие входную дверь дома с квартирой. Стальные двери. Решетки. Усовершенствованные замки. Система теленаблюдения. Дежурные в подъездах. Милицейская охрана: *поставить квартиру на охрану*.

- Дом — иногда недостаточная защита от внешнего вторжения.
- Функции поведения дома и вне дома различаются.
- Разрушается традиция, согласно которой в дом следовало обязательно принять мать и отца «на старости лет».
- Некоторые словосочетания, вышедшие из употребления в советское время, сейчас возвращаются.

«Дом ночного пребывания» = ночлежка. Архиерейский дом, дом причта, церковно-приходской дом. Публичный дом. Доходный дом. Игорный дом. И т. д.

- Лексема *дом* может выступать как элемент деривации (т. е. в функции суффикса).

«Дом-интернат для престарелых граждан», дом престарелых = *богадельня*. Питейный дом = *пивнушка*. Сумасшедший, желтый дом, дурдом = *психушка*, *бедлам*. Странноприимный, ночлежный дом = *ночлежка*. Детский дом = *приют*. Родильный дом = *родилка*. Дом заключения, домзак = *тюрьма*. Дом культуры = *клуб*. Дом ребенка. Дом отдыха. И т. д.

- Некоторые дома имеют *potina proorgia*.

Дом с препозицией прилагательного: Пушкинский дом. Пашков дом. Холодный дом (Диккенс). Большой дом (в СПб.; аналог Лубянки в Москве). Фонтанный дом (где творила Ахматова). Белый дом.

Дом с последующим существительным в родительном падеже: ~ архитектора, ~ ветеранов, ~ детской книги, ~ дружбы, ~ журналистов, ~ кино, ~ литераторов (писателей), ~ моды, ~ музыки, ~ народного творчества, ~ правительства, ~ приемов (дом Морозовой на Спиридоновке), ~ радио, ~ санитарного просвещения, ~ союзов, ~ студентов, ~ техники, ~ ученых, ~ учителя, ~ художника и т. д.

Ср. также: Дом Рябушинских (ныне Музей А. М. Горького). Переделкинский Дом-музей К. И. Чуковского. Дом-музей П. И. Чайковского в Клину. Домик Петра I. Домик няни Пушкина (или Арины Родионовны). Дом с мезонином (Чехов). Дом на набережной (Бережковской).

- Метафорические, эмоциональные и символические именованья дома.

Уподобления жилищам животных: *гнездо/гнездышко*, *берлога*, *нора*, *конура*, *будка* и т. д. Поэтико-эмоциональные наименования: *обитель*, *(свой) угол*, *очаг*, *приют*, *пенаты*, *пепелище*, *предел*, *сень* и т. д. Скажем, *домик*, *домок* — это, казалось бы, деминутивы по отношению к слову *дом*, но они почему-то вызывают у авторов ассоциации о скупости, накопительстве владельцев *домика* или, еще отчетливее, *домка*. Ср. у И. А. Крылова («Лисица и Сурок») о подобном стяжателе:

А смотришь, помаленьку
То *домик* выстроит, то купит деревеньку.

Дом вообще выступает как символ жизненного успеха и обеспеченности

Как прежде, чем освоился
Со службой, всё краснел,
А после успокоился,
Окреп и потолстел.
Как гнаться стал за деньгами,
Изрядно нажился,
Детьми, и деревеньками,
И домом завелся... (Некрасов, Записки петербургского жителя А. Ф. Белопяткина)

По службе вел дела свои примерно
И не бывал за взятки под судом,

Но (на жену, как водится) в Галерной
 Купил давно пятиэтажный дом.
 И радовал родительскую душу
 Сей прочный дом — спокойствия залог.
 И на Фому, Ванюшу и Феклушу
 Без сладких слез он посмотреть не мог... (Некрасов, Чиновник)

Ср. также коннотативно возникшее образное наименование накопителя-скупца:
скопи дом — скопидом.

Глава 4. *Лексический фон*: апостериорные наблюдения

Следующее ниже имеет характер подытоживания. Рассмотренный материал позволяет существенно конкретизировать априорные взгляды, составившие содержание пропедевтического раздела 01.

04–1. В ПОСЛЕДНИЙ РАЗ О СТРУКТУРЕ СЛОВА

Непонятная мотивировка наименования и непонятные, «добавочные к понятным», СДоли, которые можно объективировать разными способами (в том числе путем интроспекции), приводят к уверенному заключению, что (вопреки распространенному мнению) *семантика слова не исчерпывается одним лишь лексическим понятием.*

Опираясь на общелингвистические взгляды акад. Н. И. Толстого, внесем теперь необходимые терминологические уточнения. Пусть вся семантика, весь план содержания слова охватывается термином *семема*. Семема членима и складывается из множества СДолей. Те СДоли, которые обеспечивают классификацию и номинацию предмета, входят в состав лексического понятия.

Если из семемы «вычесть» понятные СДоли (так можно поступить, естественно, только в ходе научного анализа, в мысленном эксперименте), то в остатке окажется совокупность непонятных СД. Эту совокупность мы именуем *лексическим фоном*.

Сам термин предложен четверть века назад и мотивирован одним из авторов настоящего исследования (В. Г. Костомаровым). Краткая теория лексического фона была впервые опубликована в работе [Верещагин, Костомаров, Морковкин, 1974]. Термин является дериватом: он обусловлен терминологическим словосочетанием «фонные знания».

Концепция лексического фона сложилась в русле социалингвистической (точнее, лингвострановедческой) проблематики, сопряженной с задачами дидактического использования лексики в показе национальной культуры, обслуживаемой изучаемым языком.

Итак, *лексический фон* (ЛФон) — это те (взятые вместе) непонятные СДоли, которые входят в семему, но не участвуют в опосредованной языком классифицирующей деятельности человека. Эти СДоли выполняют другие немаловажные функции,

о чем говорится ниже. Непонятный СДоли, входящие в лексический фон, будем теперь называть по их принадлежности — *фоновыми* СДолями.

Общезыковая семантика лексемы *фон* («совокупность общих условий, или обстановка, для совершения какого-л. действия») успешно выражает суть явления: ЛФон действительно является, во-первых, совокупностью СДолей и, во-вторых, тем «фоном», на котором только и способна осуществляться осмысленная коммуникация (о чем см. ниже подглавку 04—3). Здесь допустима параллель: как общий свето-цветовой фон картины (светлый, мрачный и т. д.) определяет ее возможную (и исключает невозможную) цветовую гамму, так и ЛФон определяет социально допустимый (= возможный) контур, внутри которого протекает прагматичное общение, равно как и границы, за которыми общение обесмысливается.

Мысль о существовании в семантике слова «сверхпонятного» смысла, т. е. того явления, которое мы обозначили как лексический фон, вообще говоря, высказывалась в лингвистической науке, однако тенденция отождествлять план содержания слова с некоторой нечленимой, глобальной, целостной единицей сознания (со «значением» или с «понятием») сильна и обладает такой инерцией, что писавшие по данному вопросу не идут на разрыв с ней, хотя бы терминологический.

04—2. Кумулятивная функция языка

Поскольку фоновые СДоли генетически тесно сопряжены с национальной культурой, — а она отчасти имеет внеязыковую природу, — возникает естественный вопрос: какова онтологическая принадлежность ЛФона? Выше говорилось о *фоновых знаниях*, а сей термин в составе терминологической системы лингвистики не числится. Итак, принадлежит ли ЛФон к языку, к сфере ведения лингвистики?

Ответ на вопрос зависит от исходной теоретической позиции.

Предположим, что исходная позиция ученого сводится к тому, что язык — это средство коммуникации, т. е. средство *передачи* информации (или *обмена* сведениями, знаниями). Если из этого положения сделать логический вывод, то информация должна существовать *вне языка* и соединяться с ним только для (и во время) акта коммуникации. В таком случае лексический фон, действительно, следовало бы исключить из лингвистической проблематики, объявить его экстралингвистическим (внешним по отношению к языку и, в частности, к лексике) явлением. В таком случае по сходным соображениям вне языка и лингвистики должно быть оставлено и лексическое понятие, потому что и оно представляет собой «итог познания», «определенную совокупность знаний».

Сказанное было бы справедливо, если бы язык был только *средством* общения. Язык, несомненно, — коммуникативное средство, но не только: он является еще и *хранителем культуры*. Наряду с коммуникативной, ему свойственна еще функция, которую удобно именовать *кумулятивной*, функция накопления культуры.

Конечно, для целей анализа от этой функции можно отвлечься и рассматривать исключительно так называемую реляционную (внутрисистемную) семантику языка. Хотя подобная изоляция исследовательского предмета методологически правомерна, все же (с точки зрения реально существующего феномена, онтологически) язык не только *передает* внеязыковую информацию в процессе дискурса, но и *сильно* *накапливает* ее в своих единицах, а также более или менее длительно

хранит и, в процессе постоянно идущей социализации членов культурно-языковой общности, *сообщает* ее им, т. е. носителям языка.

Если, таким образом, исходить из единства языка и сознания, то именно язык представляет собой материальный субстрат для существования сознания, поскольку план выражения языка (на лексическом уровне — *лексема*) безусловно материален. Однако что касается плана содержания языка, то за вычетом внутриязыковой (реляционной) семантики он может быть весьма сближен с содержанием общественного сознания (которое отражает уровень познания действительности в некоторой этнокультурной общности).

Следовательно, если отвлечься от свойственных плану содержания языка реляционных значений, которые действительно возникают в результате противопоставленности системно-языковых форм друг другу (деривационная, морфологическая, отчасти синтаксическая семантика), то план содержания может быть приравнен к тому уровню познания окружающей действительности, который превалирует в данной культурно-языковой общности, т. е., иными словами, к общественному сознанию.

В свете изложенного слово — точнее, план выражения слова, т. е. *лексема*, — мыслится как материальная основа, опора для фиксации той совокупности знаний, которую языковая общность относит к классу предметов или явлений, обозначаемых данным словом. Итак, отвечая на вопрос об онтологической природе лексического фона, мы имеем все основания признать его «частью языка» и по дисциплинарной принадлежности отнести к сфере ведения лингвистики, филологии.

04–3. ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ И ОБЩЕСТВЕННЫЙ АСПЕКТЫ ПРОЦЕССА КОММУНИКАЦИИ

Коммуникация, по обычной дефиниции, — это сообщение или передача при помощи языка некоторого мысленного содержания от одного коммуниканта к другому. Следовательно, коммуникация через посредство естественного языка — в самом простом и одновременно типичном случае⁶⁶ — имеет место между двумя носителями одного и того же языка. Отсюда заключаем, что коммуникация (как общение между индивидами) — это индивидуальный поведенческий акт.

Но все же какое содержание передается в индивидуальном акте? На первый взгляд, можно подумать, что опять-таки индивидуальное: любой акт общения отражает конкретно-личную (часто и неповторимую) внеязыковую ситуацию. Как всегда бывает, первая догадка — ошибочна.

Действительно, акт коммуникации всегда имеет двойственный характер — как частный, так и общественный. Сообщение — это *индивидуальное* сочетание *социальных* средств выражения, причем общественный аспект коммуникации надо видеть в повторяющемся использовании слов и других номинативных единиц языка, а ее индивидуальный аспект — в сочетании этих слов во фразе.

Более того, эти последние, т. е. кажущиеся индивидуальными, сочетания слов в значительной мере надиндивидуальны и, следовательно, также манифестируют общественную природу коммуникации.

⁶⁶ Этот случай не является ли всеобъемлющим? Он, безусловно, охватывает как индивидуальную отсроченную коммуникацию (через посредство, скажем, письма, телеграммы), так и массовую коммуникацию (с помощью книг, печати, радио, телевидения).

На самом деле: сочетание слов в осмысленной фразе обусловлено их лексическими фонами⁶⁷. Бессмысленность или осмысленность словосочетания и всей фразы — целиком и полностью! — определяется внеязыковой действительностью, национальной культурой.

Сочетание слов в обыденном сообщении не есть плод сугубо индивидуального творчества: сочетания производны от лексических фонов и поэтому имеют в той же мере социальный характер, как и входящие в сочетания слова. Если же диктуемые лексическими фонами законы сочетаемости нарушаются, то коммуникация теряет смысл и не может состояться (или создается комический эффект).

Итак, в акте коммуникации сочетания слов оказываются или осмысленными, санкционированными в рамках данной культурно-языковой общности, или лишены смысла (опять-таки по социальным обстоятельствам). Отсюда следует, что общественная природа коммуникации видна не только в строевых единицах высказывания, т. е. в словах, но и в, казалось бы, индивидуальных сочетаниях слов.

В чем же тогда заключается индивидуальный, личностный план конкретного акта языковой коммуникации?

Он заключается, как мы полагаем, во-первых, в осуществлении выбора той СДоли из числа присутствующих в ЛФоне, которая отвечает данной ситуации (если только она не принадлежит к числу рутинных, повторяющихся) и реальному положению вещей, а также интенции говорящего. Операция выбора особенно актуальна применительно к тем фоновым СДолям, которые находятся в отношении альтернативности, т. е. взаимного исключения — это или антонимические, или тематически контрарные СДоли. Альтернативные СДоли вообще не сочетаются в одной фразе.

Индивидуальный план коммуникации виден, во-вторых, в осуществлении подбора уже выбранных фоновых СДолей. Так называемые комплементарные, дополняющие друг друга СДоли могут быть введены во фразу одновременно. Таковы синонимические и тематически коллокационные СДоли.

Комплементарные СДоли могут нанизываться бесконечно и разнообразно, и их подбор, как и выбор альтернативных СДолей, зависит от конкретной внеязыковой ситуации и от замысла говорящего.

Такова диалектика общественного и личного в построении коммуникативного акта: общественная природа языка обнаруживается в употребленных во фразе словах и в осмысленных словосочетаниях; личностная природа речи обнаруживается в индивидуальном выборе парадигматически сосуществующих СДолей и в столь же индивидуальном синтагматическом подборе выбранных слов. ЛФон своими СДолями как бы показывает возможные направления высказывания, но какое именно направление из числа возможных будет выбрано и в какой комбинации, зависит от конкретных коммуникантов, от отражаемой ими ситуации общения и от свойственных им интеллектуально-эмоциональных интенций.

04–4. *МОНОСЕМНОСТЬ РЕЧЕНИЙ В КОММУНИКАТИВНОМ АКТЕ*

Эта направляющая (содержание высказывания) функция ЛФона определяет еще один интересный аспект коммуникации (о котором скажем крат-

⁶⁷ Пока отвлекаемся от художественных текстов, а также от научной литературы.

ко), а именно: ее *моносемность* в непосредственно сочетающихся словах. СДоли ЛФонов в осмысленной коллокации не просто согласуются между собой, а реализуют одну и ту же СДолу.

Обратной стороной моносемности слова и словосочетания в акте коммуникации является нейтрализация в момент речи всех других СДолей, входящих в лексические фоны сочетающихся слов.

Таким образом, в операции выбора слов для акта коммуникации имеет место их *моносемизация* для непосредственного словосочетания. (В сказанном, естественно, нет утверждения о моносемности *всего* акта коммуникации.)

04–5. Два типа коммуникации — ПРАГМАТИЧЕСКАЯ И МЕТАЯЗЫКОВАЯ

Теперь о передаче знаний в акте коммуникации. Сообщаются ли в нем общественные знания? Отвечая, нужно иметь в виду два принципиально различных типа коммуникации и, соответственно, две языковые функции.

Во-первых, на поставленный вопрос можно ответить отрицательно, т. е. признать, что бывают такие акты коммуникации, которые представляют собой обмен *индивидуальными* мыслями, сугубо личностным знанием, без сообщения какого бы то ни было общественного опыта.

ЛФон слова, взятого в изоляции, делает его семантику в известной мере неопределенной.

Скажем, *ученик*, согласно входящим в семантику слова СДолям, может быть *прилежным и ленивым, умным и глупым, отличником и двоечником* и т. д.; во фразе эта неопределенность снимается: *Коля — способный ученик*. Что такое *ученик* (лексическое понятие) и какие бывают ученики (ЛФон), обоим участникам коммуникативного акта хорошо известно заранее, но одному из коммуникантов неизвестно, каковы качества именно данного пятиклассника Коли N как ученика.

В акте общения передается личное знание одного коммуниканта другому, и хотя эта передача возможна, конечно, только с опорой на общественное знание (т. е. на владение — обоюдное! — семантикой), тем не менее сообщения элементов общественного сознания нельзя усмотреть.

В этом и подобных актах общения коммуникативная функция языка выступает в своем, так сказать, чистом, неосложненном виде, а именно: *прагматическом*.

Скажем еще раз, что лексика служит процессу обмена мыслями только при условии, что фоновые СДоли заранее известны коммуникантам. Таким образом, отдельные слова сами по себе не содержат информации уже в силу того, что они отнюдь не новы для участников акта общения. Лишь сочетание слов создает новизну и порождает информативность речи.

Во-вторых, на вопрос о передаче в коммуникации общественных знаний можно ответить и положительно. Такие случаи наблюдаются регулярно, если коммуниканты по-разному понимают семантику слов, употребленных во фразе.

Мы уже ссылались на приведенный Р.О.Якобсоном диалог (отражающий повседневную жизнь в американском университете), когда коммуниканты уточняют

семантику слов, которыми пользуется один из говорящих и которые адресату непонятны: «Софомора завалили. — А что такое *завалили*? — *Завалили* — это то же самое, что *засыпали*. — А *засыпали*? — *Засыпаться* — это значит *не сдать экзамен*. — А что такое *софомор*? — *Софомор* — значит *второкурсник*». Обсуждая этот пример, Р. Якобсон приходит к выводу, что фразы, посредством которых устанавливается тождество высказываний, несут информацию лишь о лексическом коде языка; отсюда их функция является *метаязыковой* [Якобсон 1975: 202]. Соответственно в лингвистике выделяется особая — *метаязыковая* — функция речи, т. е. «функция толкования», идентификации языковых единиц, перевода одних слов в другие.

Она охватывает не только случаи эквиваленции одной формы языка другой (*софомор* = *второкурсник*), но используется также для того, чтобы один из коммуникантов или усвоил новое слово (как лексему, так и семему), или уточнил, модифицировал в целом-то известное ему слово (т. е. чтобы он прибавил к ЛФону или даже к лексическому понятию новую СДолю).

Метаязыковая коммуникация направлена, таким образом, на передачу не индивидуального, а общественного знания, т. е. этот вид передачи информации формирует семантику слов.

Итак, в акте коммуникации может передаваться как индивидуальное, так и общественное знание. В последнем случае в процессе коммуникации не только *используются* слова (строевые элементы), но и *формируются* новые лексические единицы.

04–6. КОМПРЕССИЯ МЕТАЯЗЫКОВЫХ ТЕКСТОВ В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ ЛФОНА

С логической необходимостью возникает дальнейший круг вопросов. Каким образом фиксируются в индивидуальном сознании переданные в метаязыковой коммуникации общественные знания? Запоминается ли сам текст? Имеет ли место компрессия (свертывание) текста? Если да, то какова природа этой компрессии? Короче говоря, мы снова сталкиваемся с фундаментальной для науки о человеке задачей определения субстрата и формы существования знаний в индивидуальном сознании.

Эмпирически ясно, что в индивидуальном сознании сведения, воспринятые от другого, ни в коем случае не фиксируются в своем исходном виде (исключая, конечно, редкие случаи заучивания правил, стихотворений наизусть), и это с несомненностью видно хотя бы в том, что полученные в коммуникации знания (как непосредственно, так и особенно после отсрочки) *никогда* не воспроизводятся в исходном виде. Более того: информант, как правило, не может указать на источник, из которого почерпнуто то или другое сведение.

И в общественном сознании знания не фиксируются и не существуют в форме текстов. Этот тезис вполне согласуется с положением о единстве и качественной однородности личности и общества, индивидуального и социального. На данном положении покоится и сама теория ЛФона, потому что лексическая семантика представляет собой одновременно и личностное, и общественное явление.

Если мы уверены в том, что воспринятый человеком текст при запоминании непременно преобразуется, то относительно природы процесса преобразования и

носителей преобразованной информации остается, к сожалению, повторить слова, сказанные четверть века назад: «...Ясно, что мы *должны* сокращать то, что запоминаем, до того момента, когда получаем своего рода резюме. <...> Как происходит подобная редукция, представляет для нас еще во многом тайну» [Слобин, Грин 1976: 176]. Радикального прорыва в исследовании вопроса — такого, который вышел бы за пределы схематичных умственных построений, — до сих пор незаметно.

Мы полагаем, что результатом перекодирования является не *слово* как таковое (слово — слишком сложная языковая единица, чтобы мы могли удовлетвориться простым указанием на него), а новая ассоциация, новая СДоля в семантике слова, т. е. обогащение ЛФона (а в некоторых случаях и лексического понятия).

Таким образом, изложенным имплицитно утверждается, что знания существуют в семантике слов, что они накапливаются с опорой на лексику, которая выступает как материальный субстрат получаемых человеком знаний, вбирая в себя извлекаемые из исходных текстов СДоли.

Таким образом, ЛФон и есть тот фиксатор информации, индивидуальной и общественной, которая передается в метаязыковых актах коммуникации. Следовательно, хотя знания передаются в актах речи, т. е. посредством текстов, накапливаются они, фиксируются и существуют в ЛФонах.

Если иметь в виду ту дихотомию *langue* и *parole*, которая, согласно Ф. Соссюру, снимается в общем понятии *langage*, то речи свойственна *коммуникативная* (прагматичная и метаязыковая) функция, а языку — *кумулятивная*.

Надо подчеркнуть, что кумулятивная функция свойственна семантике не только лексики, но, безусловно, еще семантике фразеологизмов и языковых афоризмов. (О существовании афористического уровня в иерархии языковых единиц см. [Верещагин, Костомаров, 1976].)

04–7. ГЕНЕЗИС И ИСХОДНАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ ФОНОВЫХ СДОЛЕЙ

Рассмотрим теперь лексический фон сначала с точки зрения *генезиса* (происхождения) входящих в него СДолей, а затем и с точки зрения их *принадлежности* (исконной или заимствованной) индивиду и коллективу, этнокультурной общности людей.

Исследуя генезис, можно установить, какие СДоли отражают исконное *ядро* и устойчивую специфику национальной культуры, какие *привносят* в нее элементы иной культуры, а какие *не имеют к ней отношения*, поскольку отражают только иную культуру.

Как уже говорилось, ЛФоны имеют индивидуальный статус, т. е. они входят в сознание данного (вполне конкретного) человека, будучи фиксатором всего объема его знаний.

Поскольку в сознании человека выделяются знания, принадлежащие исключительно ему, в индивидуальном лексическом фоне следует выделять *личностные* СД, являющиеся носителями единиц такого знания. Указанные СД возникают в результате преобразования текстов, воспринятых человеком в актах неповторимой коммуникации, а также в ходе его собственной речевой мыслительной деятельности. Таковы, например, обогащения семантики терминов в ходе научной работы,

следы «жизненного опыта», эмоциональные и эстетические впечатления (насколько они переводимы в слова), «личные тайны», художественно-образный подход к слову (характерный для литераторов) и многое другое.

Конечно, индивидуальный опыт человека принципиально неотделим от общественного, социального опыта, однако было бы неоправданным упрощением по этой причине закрывать глаза на существование личностных СДолей в ЛФоне.

Слово в плане его функционирования в речемыслительной деятельности человека одновременно принадлежит и конкретному индивиду, и всему обществу, поэтому личностные СДоли в семантике слова вытекают из онтологической природы данной языковой единицы.

Таково первое основание для членения входящих в ЛФон СДолей — их *индивидуальное* или *общественное* происхождение. Личностные СД, впрочем, в дальнейшем нас не будут интересовать.

Что же касается *социальных* СДолей, т. е. тех СДолей, которые конкретный носитель языка разделяет со своими соотечественниками и современниками, то они в зависимости от подхода допускают самые различные классификации.

Рассматривая понятийно-эквивалентные (переводимые) слова двух и более языков, мы уже говорили о том, что некоторые понятийные СДоли имеют межъязыковой статус, т. е. с самого начала (в результате независимого развития) совпадают в ряде языков и культур. Совершенно аналогично *межъязыковыми* бывают также и фоновые СДоли.

Некоторые социальные СДоли, однако, складываются, формируются только в границах определенной этнокультурной и национально-языковой общности. Данные *национально-культурные* СДоли объективируют особенности территории распространения национально-культурной общности, специфику ее экономической жизни, самобытность национальной психологии и своеобразие национальной культуры (отсюда и их наименование).

04–8. ОБЩЕСТВЕННАЯ ДИНАМИКА ЛФОНА

Общественная динамика лексических фонов — явление константное, поскольку динамика вообще внутренне присуща природе языка.

Надо, однако, обратить внимание на заметное отставание динамики ЛФонов от темпов изменения действительности. Когда определенный факт действительности исчез, вышел из активного употребления, это не означает, что и язык сразу же «забывает» о нем. Память языка обладает значительным запасом инерции.

ЛФон, частью своих СДолей отражая предшествующий этап развития национальной культуры, хранит «пережиточные» СДоли довольно долго, в чем как раз и видна самостоятельность хранительной, кумулятивной функции языка.

Следовательно, с точки зрения динамики лексического фона надо различать в его составе, во-первых, *диахронические* и, во-вторых, *синхронические* СДоли.

Как мы знаем, история входит в современность (и переходит в будущее), а предшествующие этапы развития национальной культуры в своей (отнюдь не механической, а избирательной) сумме определяют ее состояние в данный отрезок времени (и в будущем). Все члены некоторой этнокультурной общности путем обучения в школе и в результате неформальной социализации получают представление о

развитии своей страны в прошлом, ее возникновении, ее выдающихся государственных, военных деятелях, ученых, художниках, музыкантах и т. д., о сложившихся исторически явлениях и фактах материальной и духовной культуры. Все слушают в детстве и запоминают со слуха примерно одни и те же сказки, загадки. В школе, да и вне ее, читают и обсуждают в значительной мере одинаковый для всех круг «облигаторных» литературных произведений⁶⁸, в том числе и даже прежде всего писателей предшествующих периодов развития отечественной литературы. (Экстремисты, желающие кромсать школьные программы, пока ничего не могут добиться, но они проявляют завидную напористость.) Русских писателей-классиков XIX и XX веков следует по праву считать нашими современниками.

Короче говоря, передача культуры от поколения к поколению представляет собой грандиозный механизм, в котором именно слово, будучи носителем общественного знания, оказывается памятью культуры. Диахронические СДоли в составе ЛФона — это отнюдь не элементы лексической семантики, подлежащие механическому устранению. Диахронические СД на протяжении длительных периодов общественного развития могут оставаться столь же актуальными, как и синхронические, и бывает, что они даже и более актуальны.

Мы говорим об этом для того, чтобы обосновать один из ведущих принципов процедуры исчисления СДолей ЛФона — принцип *историзма*. Если синхронические СДоли в исчислении приводятся в согласии с логическими требованиями их следования (например, от общего к частному, от важного к менее существенному, от причины к результату и т. д.), то диахронические СДоли указываются непременно на хронологической основе, перечисляются в порядке их появления и фиксации в ЛФоне.

Хотя диахронические СДоли в составе ЛФона довольно устойчивы, тем не менее временная динамика лексического фона в первую очередь касается, конечно, именно диахронических СД. Из их числа с течением времени выпадает то одна СДоля, то другая.

Итак, ЛФон — (в категориях относительного времени) явление динамичное. С одной стороны, лексический фон накапливает некоторые СДоли, а с другой — некоторые из СД постепенно из него исключаются. Тем не менее семантика слова отражает перемены в актуальной культуре лишь до известного предела (в лучшем случае синхронические СД переходят в диахронические) — благодаря этому слово оказывается хранителем культуры и фиксатором исторических пластов в современном общественном сознании. Требуется относительно большой срок и особые ус-

⁶⁸ Во-первых, существует некоторый перечень произведений фольклора и художественной литературы, знакомство с которыми обязательно для каждого русского. Во-вторых, каждому этапу развития человека соответствуют определенные книги, так что литературный багаж взрослого человека (т. е. совокупность прочитанного или услышанного им) складывается из тех слоев, которые называются литературой для дошкольного возраста, для младшего, среднего и старшего школьного возраста, для юношества, для молодежи, а также из так называемой взрослой литературы. Этот список книг, типичных для литературного багажа «среднего» русского, нуждается в уточнении, но его существование нельзя отрицать. Входящие в этот список книги были нами названы *облигаторными*. См. подробнее: [Верещагин, Костомаров 1976: 293 и сл.]. В послеперестроечное время, правда, социальные и межрегиональные связи и особенно связи с соотечественниками в «ближнем зарубежье» ослабли, а средняя школа (в силу разнообразия программ и типов учебных заведений) отчасти утратила свою интегрирующую роль, так что нарисованная выше «идеальная картина» должна ныне восприниматься *cum grano salis*.

ловия, чтобы ставшая диахронической СДоля совершенно вышла из ЛФона и бесследно утратилась.

04–9. ПРИРОДА БЫТИЯ СДОЛЕЙ В ИНДИВИДУАЛЬНОМ СОЗНАНИИ

Какова собственная природа понятийных и фоновых СДолей? Ответы на поставленный вопрос оказываются альтернативными.

Во-первых, можно полагать, что СДоля имеет вербальную природу, т. е. представляет собой слово-ассоциат по отношению к слову-стимулу. Ассоциативные эксперименты как будто подтверждают справедливость понимания СДоли как «обычного» слова, связанного со стимулом.

Во-вторых, имеются основания думать, что СДоли лишены вербальной природы, что они в индивидуальном сознании человека существуют и фиксируются в некоторой (пока не определяемой ближе) форме: единственная характеристика этой формы как раз и есть отрицание ее вербального характера. Согласно данной точке зрения, существуя в индивидуальном сознании независимо от слова, СДоли присоединяются к «нужному» слову в акте речи.

Представляется, что альтернатива должна быть разрешена в пользу второй возможности.

Думать так нас заставляют те трудности поиска слова для выражения СДоли, которые наблюдаются во множестве случаев.

Кроме того, еще один аргумент покоится на наблюдениях за речепроизводством и речевосприятием билингов. Действительно, межъязыковое лексическое понятие, как неоднократно говорилось, способно присутствовать в двух этнокультурных общностях (например, в современной русской и в английской) и без потерь информации выражаться на двух разных языках. Межъязыковые лексические понятия билингвы легко переносят из языка в язык. Естественно, если мы говорим о переносе понятия из языка в язык, то этим молчаливо предполагается, что оно переносится невербально, без опоры на лексему: в противном случае нам пришлось бы говорить о переносе из языка в язык слова, а не понятия. Так как лексическое понятие складывается из СДолей, мысль о невербальности лексического понятия в то же время является утверждением невербальности и СДолей.

Поскольку между понятийными и фоновыми СДолями нет качественного различия, невербальны, естественно, как понятийные СДоли, так и фоновые.

Приняв вторую точку зрения из двух альтернативных, мы подчеркнули те признаки, которые существованию семантики в индивидуальном сознании *не свойственны* (невербальность, несловесность), но ничего не сообщили о позитивных качествах.

Это апофатическое знание относится к природе бытия лексической семантики, конечно, только в симультанном, даже вневременном аспекте, в тех условиях, когда некоторое слово или некоторая СДоля «неподвижно» хранится в индивидуальном языковом сознании, образуя лишь возможность для высказывания или для восприятия речи (слово *in potentia*).

Что же касается сукцессивного аспекта лексики, т. е. ее использования для производства или восприятия последовательно развертываемой во времени речи (слово *in praesentia*), то в речепроизводстве актуализация в сознании человека некоторого слова актуализирует (в зависимости от смысловой интенции) и соответствующую

СДолю ЛФона. Затем данная СДоля «ищет»⁶⁹ для себя — как мы видели, иногда и безуспешно (или не сразу успешно) — вербальную форму выражения. В процессе речевосприятия имеет место противоположное движение — от лексемы к СДоле, причем эта доля затем запоминается и хранится, а передавший ее текст, как правило, забывается.

Цепочка посылок и следствий строится так:

1) знания (передаваемые в текстовой форме) ни в индивидуальном, ни в общественном сознании не фиксируются и не существуют в форме исходных текстов (см. выше 04—6);

2) знания преобразуются в невербальные (понятийные и фоновые) СДоли для хранения в индивидуальном языковом сознании, т. е. отрываются от того текста (и языка), посредством которого они вошли в сознание человека.

Отсюда следует — и это подтверждается эмпирически, — что при хорошем владении двумя языками одни и те же знания могут быть введены на обоих известных человеку языках и затем воспроизведены в речи на любом из них. Знание, полученное посредством текста на языке А, может быть воспроизведено посредством текста на языке Б.

04–10. ЭКЗОТЕРИЧЕСКИЕ И ЭЗОТЕРИЧЕСКИЕ СДоли

Предприняв исчисление фоновых СДолей, мы обратили внимание на два обстоятельства.

Во-первых, в фоне слова оказывается довольно много СДолей.

Во-вторых, несмотря на отмеченное обилие, все же теоретически неясно, все ли фоновые СДоли выявлены (т. е. является ли исчисление исчерпывающим). Коротче говоря, пока неизвестно, является совокупность СДолей, входящих в ЛФон, закрытым, конечным множеством или это множество принципиально допускает прибавку либо опущение хотя бы одной СДоли (т. е. оказывается открытым).

Итак, определимо ли точно количество СДолей в ЛФоне, и если да, то как? Можно ли упорядочить СДоли в составе ЛФона на основании какого-либо признака, и как именно?

Поставив эту проблему, мы имеем в виду, конечно, не индивидуальное, а общественное сознание, потому что ЛФон в сознании отдельного человека отражает неповторимые условия социализации и прихотливо как включает в себя СДоли, так и исключает их.

Задача перечисления и группировки СДолей разумна лишь по отношению к общественному сознанию, потому что только применительно к слову как межличностной сущности можно говорить о полноте (в индивидуальном сознании ЛФон может быть усвоен не до конца) и о стабильности его семантики (семантика слова в личностном сознании более подвижна).

Конечно, как говорилось, из состава ЛФона выходят диахронические СДоли и актуальные (новые) СДоли входят в него. Тем не менее наблюдения над динами-

⁶⁹ Так как мы ничего определенного о процедуре поиска не можем сказать и судим только по результатам, приходится употреблять антропоморфные выражения. Они, конечно, употребляются метафорически, поэтому заключаем их в кавычки.

кой фона не запрещают думать о его стабильности, пусть применительно к меньшим временным периодам (по сравнению со стабильностью лексического понятия и особенно лексемы)⁷⁰. Рассуждаем чисто логически: будучи в постоянном развитии, семантика слова как средства общения должна быть одновременно постоянно устойчивой, в том числе и в области ЛФона; если бы она лишилась устойчивости и «поплыла», то общение не выходило бы из затруднений.

Вероятно, ответы окажутся противоположными в зависимости от того, какой вид фоновых СДолей иметь в виду.

Экзотерические СДоли — это связи данного слова с другими словами, причем через посредство словесной цепочки слово может оказаться сопряженным по смыслу с весьма отдаленными лексическими единицами. Экзотерические СДоли помещают слово в парадигму сопряженных слов. Так как степень абстракции экзотерических СДолей при движении от семантического ядра к его периферии повышается, значительно возрастают и количества СДолей, которые включаются в фон слова. Мы не оговорились: экзотерические СДоли не статически *включены* в ЛФон, а динамически *включаются* в него. Действительно, в общественном сознании ЛФон — это набор потенциалов для включения СДоли в семантику слова, а в индивидуальном — реализация потенциалов.

Итак, экзотерические СДоли называются внешними потому, что они находятся за пределами собственной семантики слова и лишь включаются в нее. Следовательно, будучи способными к постоянному количественному возрастанию, экзотерические СДоли принципиально перечислимы.

Эзотерические СДоли, напротив, объективируют собственную семантику слова, фиксируют в ней историю и современное состояние именно того класса предметов, который называется данным словом, поэтому они — теоретически — перечислимы.

Такова общая теория ЛФона, какой ее видят соавторы в середине 2004 г.

⁷⁰ Таковы, между прочим, всеобщие отношения между динамикой и статикой. Понятие движения непременно предполагает понятие покоя: о том, что вещь движется, можно судить только относительно ее же состояний покоя, и мы говорим, что вещь покойна, подразумевая, что в противоположном случае она движется. Если бы не было покоя, нельзя было бы судить о движении; обе категории в мышлении сопряжены. Сказанное относится к вещам в самом широком смысле философского термина, охватывая и духовное движение.

Аспект динамики:

ТЕКСТ

КАК НОСИТЕЛЬ И ИСТОЧНИК
НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ
ИНФОРМАЦИИ

Текст как совокупность национально-культурных рече-поведенческих тактик

Всн оὔκλονήσασα, ἐκτὸς ἐμπορεύμενη βίαια: ἡβέστη
τῶρα αἱ βίαια, ἡβέστη δὲ ἑδναίῳ (Пс 52: 4).

The subject of this paper, *Excuses*, <...> is, or might be, the name of the whole branch, even a ramified branch, of philosophy, or at least of one fashion of philosophy.

*J. L. Austin, A Plea for Excuses (1956)*¹

Хвалу и клевету приемли равнодушно (А. С. Пушкин)

*Les extrêmes se touchent (L. S. Mercier)*²

Глава 1. Вступительные замечания

Часть I Раздела второго настоящей книги, будучи по методу и материалу лингвистической, в то же время по дисциплинарной принадлежности находится на стыке ряда общественных наук, включая философию и историю религий и идеологий. Подобная интердисциплинарность задана извне: она обусловлена единственно задачами исчисления рече-поведенческих тактик. Конечный — неожиданный — результат отчасти вызвал шок у самих авторов.

Первый эпиграф свидетельствует о направленности главы: lamentationes Псалмопевца³ попадают в самую точку. Опираясь на обильный материал, мы хотели бы пред-

¹ См.: [Austin 1961: 123].

² Крайности сходятся: говорится о понятиях, взглядах, свойствах, исключающих друг друга, но тем не менее совмещающихся, объединяемых. Таково заглавие 348-й главы IV тома социально-критических репортажей «Tableau de Paris» французского писателя Луи Себастьяна Мерсье (1740–1814). Сама мысль, как сказано в комментарии Г. Бюхманна, восходит еще к античности. Так, у Аристотеля (Eudem. Ethik III, 7) читается: «Средина более противопоставлена концам, чем они друг другу, поскольку она не встречается ни с одним из них, тогда как они часто соприкасаются». Епифаний (Кипрский?; IV в.) в труде Adv. haereses III, 2 приводит в качестве знаменитого выражения языческих философов: αἱ ἀκρότητες ἰσότητες (= extremitates aequalitates). Также и Кассиан (†448 г.) в своих Collationes II, 16 называет выражение ἀκρότητες ἰσότητες (id est nimietates aequalitates sunt) — vetus sententia, и его комментатор Alardus Gazaeus ошибочно возводит ее к Nikom. Ethik (II, 6) Аристотеля; на самом деле здесь у Аристотеля указывается всего лишь, что добродетель есть средина между двумя пороками — «слишком много» и «слишком мало». Далее эта же мысль о схождении крайностей встречается у Монтеня, Лабрюйера, Паскаля и Руссо. «Уронить ее [„Библиотеки для чтения“] достоинства, так же как защитить недостатки или, лучше сказать, излишества (*Les extrêmes se touchent*), никто не может» (П. И. Мартос, Письмо А. С. Пушкину 13 окт. 1836 г.).

³ Как оно медью звучит в Танахе: אֵין עֲשׂוֹת טוֹב אֵין גַּם אֹדֵד (в Септуагинте: οὐκ ἔστιν ποιῶν ἀγαθόν, οὐκ ἔστιν ἕως ἑνός, в Вульгате: non est qui faciat bonum, non est usque ad unum).

принять лингвистическую дискрипцию одного из центральных фрагментов общечеловеческой и в первую очередь русской национальной культуры, а именно: культуры *вины* и *извинения*. Культура вины, греха и их изживания (т. е. *проступка*, *преступления*, *падения* [но также *невинности*, *праведности* и *святости*]; *обвинения*, *обличения*, *разоблачения* [но также *наговора* и *очернения*]; *сожаления*, *раскаяния*, *покаяния* [но также *нераскаянности* и *коснения во зле*]; *извинения*, *прощения*, *исповеди* [но также *непримиримости* и *злопаятности*]; *наказания*, *страдания*, *искупления* [но также *ропота* и *возмущения*]; *жалобы*, *печалования* и т. д.) находит свое отражение во множестве современных повсеместно распространенных РПТактик. Исчислением РПТактик эта культура может быть в научных целях объективирована⁴ (см. ниже главу 2).

Национальная культура, как неоднократно подчеркивалось, имеет, наряду с актуально-современной, еще и историческую составляющую. Соответственно, ряд РПТактик, может быть, уже и неупотребительных сейчас или употребительных лишь в небольших социальных группах, но отраженных в духовном багаже нации, не может быть пропущен в ходе упомянутого исчисления, особенно если в них аккумулированы мирозозерцания, некогда бывшие господствующими (например, для России — православие и коммунистическая идеология). Содержание главы 4 посвящено РПТактикам в аспекте *щадящей* этики. В главе 5 РПТактики описываются в аспекте *строгой* этики⁵.

Само наше исследование, оставаясь лингвистическим, имеет импликации не для *этики* (как философской [отчасти спекулятивно-созерцательной и прескрипционной] науки), а для *этологии*⁶, или науки о нравах, обычаях человека и о национальном характере, а эта последняя является дескриптивной и безоценочной.

Второй эпиграф отстоит от первого на три тысячи лет. Он обсуждается непосредственно ниже.

01–1. ДЕЛИКТ: ОПРАВДАНИЕ И ИЗВИНЕНИЕ ПО ДЖ. ОСТИНУ

Дж. Остин, как видим из цитаты, взятой в эпиграф, считал *исследование извинений* обширной и разветвленной (ramiculated) областью всеобщего научного знания. Он прав.

⁴ Напомним, что первые попытки авторов совместно разработать лингвистический инструментарий для объективации духовной культуры восходят к началу 70-х гг., когда вышло в свет первое издание монографии «Язык и культура» [Верещагин, Костомаров 1973].

⁵ Терминологическое подразделение позитивных нравственных оценок на *щадящую* и *строгую* этику заимствовано нами из «Лекций об этике» И. Канта по записям его слушателей 1780–1782 гг. Кант [1987: 575] учил: «Этика может формулировать законы нравственности, которые могут быть щадящими, приспособленными к слабостям человеческой природы; она может быть удобна человеку тем, что требует лишь столько, сколько люди могут выполнить. Однако этика может, с другой стороны, и быть строгой, требовать высшего совершенства». Добро и зло асимметричны, так что этическое благо, градуально повышаясь и накапливая свое количество, переходит в новое качество и может быть членимо на должное и сверх-должное. Забегая вперед, скажем уже сейчас, что триада нравственных оценок соотносится с триадой «нравственных состояний» человека, как они понимаются в христианском вероучении. *Грешник*, или *нечестивец*, противопоставлен *блаженному*, или *праведнику*, но обладание нравственным достоинством допускает градацию и возвышение: *праведник* — это еще не *святий*. *Святость* — удел немногих, тогда как *праведность* и *благочестие* доступны любому и каждому. Иными словами, выстраивается триада состояний: *грешный* — *праведный* — *святий*.

⁶ Термин принадлежит Дж. Миллю (предложен в его «Системе логики»); предмет и границы этологии определены В. Вундтом в его «Психологии народов».

Выдающийся философ (идеи которого оказались плодотворными и для лингвистов) иногда выступал перед широкой аудиторией и, в частности, читал радиолекции по Би-би-си. Одна из его лекций 1956 г. называлась «Performative Utterances»⁷. Ученый приступил к теме с оговорками: «You are more than entitled not to know what the word „performative“ means. It is a new word and an ugly word, and perhaps it does not mean anything very much»⁸ [Austin 1961: 220]. Когда в заголовок выносится слово, заведомо непривычное для потенциального слушателя или читателя, да к тому же еще явно «сомнительное эстетически» (таков смысл атрибута ugly), — приходится *виниться*, признавать вину. Остин осуществил соответствующий акт вполне эксплицитно (но не номинацией, а в форме трехчастного силлогизма): слушатели вправе (entitled) знать, что стоит за названием лекции; это право докладчиком нарушено; ergo, он виноват.

Повинившись, лектор *извинился*, т. е. привел причины своего поступка. Извинение свелось к дополнительному информированию аудитории. Образованное от обыденных слов (ср. глагол *perform* и существительное *performance*) по регулярной модели, прилагательное *performative* внятно носителям английского языка по денотату, но деривативная семантика вносит в итоговый смысл известную неопределенность. Стало быть, слово можно наполнить содержанием по воле ученого⁹, чем он и воспользовался. Иными словами, указав на свое право поступить так, как он поступил, Остин не только снял с себя вину, но и, напротив, показал, что «вина» на самом деле является заслугой.

На фоне сказанного и авторы данных строк виновны в том, что ключевое слово из заглавия подглавки 01–1 (*деликт*) амбивалентно; между тем эта амбивалентность как раз и требуется. Для предмета рассмотрения в настоящей работе важен концепт, для именованного которого, как оказалось, в русском языке нет принятого общего (родового) термина.

Если жизнь (= поведение) людей — это постоянная коммуникация¹⁰, то пусть нарушение коммуникантом-1 любых поведенческих норм¹¹, способное вызвать коммуниканта-2 (пусть даже только в интенции) на порицание коммуниканта-1, — его *промашка, проступок, провинность, прегрешение, преступление, грех* или *вина*, — называется *деликтом*. В русском языке слово *деликт* тяготеет к правовой сфере

⁷ «Перформативные высказывания».

⁸ «Вы более чем вправе не знать, что означает слово „перформативный“. Это новое слово, и слово уродливое, и может быть, оно и не означает чего-то весьма важного».

⁹ Таков обычный в науке процесс преобразования общезыкового слова в термин (*терминирование*).

¹⁰ Понимание жизни как коммуникации предполагает широкое толкование этой последней. В обычной жизни (если не рассматривать случаи Робинзона, Маугли или забытого отшельника) человек, общаясь с себе подобными, — с некоторыми несколько секунд, с другими годами и десятилетиями, с некоторыми изредка, с другими ежедневно, — является средоточием множества *линий коммуникации*, соответственно проходящих с разной степенью продолженности и интенсивности. Конкретное содержание, форма и все прочие особенности определенной линии коммуникации зависят, во-первых, от преобладающей темы общения (обычно она, меняясь, в то же время остается относительно константной) и, во-вторых, от характеристик коммуникантов (которые также хотя и меняются, но, как правило, медленно). В частности, перманентной линией коммуникации может быть извинение и покаяние.

¹¹ Норма — это принятый в определенной среде способ держать себя. Норма конвенциональна, и хотя она обычно принимается молчаливо, в принципе, в ответ на побуждение, член культурно-языковой общности способен ее сформулировать (например, в виде клише: *ladies first* или в виде своего высказывания: *женщин принято пропускать перед собой*).

(«всякое преступление»¹²), но мы хотели бы для «нашего» термина расширить сферу применения, — под деликтом понимается как юридически строго определяемое преступление, так и бытовой проступок, заслуживающий упрека, а также нравственная вина, совершаемая не «на деле», а в слове, мысли и даже умонастроении.

Пусть, далее, любая попытка (со стороны коммуниканта-1, или со стороны коммуниканта-2, или же с обеих сторон) изгладить деликт — путем высказанного сожаления, признания, раскаяния, покаяния, исповеди, обвинения, обличения, примирения и т. д.¹³ — называется снятием вины, или *извинением*.

Любое определение, предлагаемое с опорой на обиходные слова, — это *circulus vitiosus*, но тем не менее оно не бесполезно, потому что уточнение знания имеет место.

Закрепим на дальнейшее: пусть коммуникант-1 — это всегда тот участник интеракции, который ранее совершил деликт (т. е. «преступник»), а коммуникант-2 — это или «потерпевший», или лицо, присутствовавшее при совершении деликта (т. е. «свидетель»).

Предмет нашего рассмотрения — не сам деликт, а ситуации его выявления и особенно изглаживания. Ситуации извинения, за исключением экстраординарных, не бросаются в глаза, но тем не менее они занимают немаловажное место в русской национальной культуре. Их анализ, на наш взгляд, дает ключ к пониманию фундаментальных ценностей и специфики духовности носителей русского языка¹⁴, и это стало для нас мотивом, чтобы, не жалея усилий, искать рече-языковой материал и лингвистические инструменты, способствующие объективации духовного.

На уровне обыденного сознания извинение (*Я Вас толкнул, простите. — Ну, пустяки!*)¹⁵ представляется простым и атомарным актом коммуникации. Между тем инструмент объективации оказался сложным и, вполне в духе предвидения Остина, — *gamiculated*. Надеемся тем не менее, что наш инструмент анализа не сложнее самого исследовательского предмета.

Кстати сказать, и Остину пришлось отвечать на (правда, имажинарный) упрек, что явления, названные им перформативными речевыми актами, — *Клянусь молчать; Здесь не курят; Извиняюсь* — описаны в слишком сложной теории. Приняв самоупрек, ученый извинился и оправдался: «Well, it [theory] is complicated a bit, but life and truth and things do tend to be complicated. It's not things, it's philosophers that are simple. You will have heard it said, I expect, that over-simplification is the occupational disease of philosophers, and in a way one might agree with that»¹⁶ [Austin 1961: 239].

Примечательно, что, во второй раз оказавшись в ситуации извинения, Остин использует ту же РПТактику, что и в первый раз. Он обращает вину в заслугу: (в об-

¹² *Деликт* (лат. *delictum* «поведение против закона»), или проступок, — это поведение, которое (по конвенции в данной среде) считается предосудительным. Квалификация некоторого акта как деликта — относительна: она зависит от среды и от коммуникантов. В более узком смысле *деликт* — гражданское правонарушение, не составляющее уголовно наказуемого действия и влекущее лишь обязанность возместить причиненный ущерб.

¹³ Способы изглаживания деликта — конвенциональны.

¹⁴ Просим согласиться с допущением, что общая духовность русского народа — это реальность.

¹⁵ Здесь и далее все конкретные речевые реализации печатаются петитом. Если речение является узуальным и взято из картотеки авторов, то оно набирается курсивом. Речения, заимствованные из художественной литературы, набираются прямым шрифтом.

¹⁶ «Что ж, [теория] несколько сложновата, но жизнь и истина имеют тенденцию быть сложными. Не вещи просты, а простоваты философы. Полагаю, вы слышали мнение, по которому упрощенчество — это профессиональная болезнь философов, и в какой-то мере с ним можно согласиться».

шем случае похвальная) простота становится проступком, если описываемое явление — сложное.

Сказанное выше вполне приложимо к анализу того лингвистического феномена, имя которому — **рече-поведенческие тактики**¹⁷ (сокращение уже было введено ранее: *РПТактики*). Концепция РПТактик развивается авторами настоящей книги на протяжении уже немалого времени¹⁸. Ее сложность и разветвленность производна от того, что в конце концов предметом объективации оказывается большой фрагмент национальной духовной культуры¹⁹.

Из всего многообразия проблематики рассмотрим сейчас только дескрипцию самого понятия и две характеристики стоящего за понятием явления — его социальную природу и национально-культурную специфику.

01–2. РПТАКТИКА: ИНДУКТИВНАЯ ДЕСКРИПЦИЯ ПОНЯТИЯ

Понятие РПТактики²⁰, противопоставляемое понятию *РПСтратегии*²¹, определяется через смежные понятия типичной *рече-поведенческой ситуации*²² и *перлокутивной цели*. Сейчас мы осуществим операцию наведения (индукции) на определяемое понятие.

¹⁷ Термин восходит к греч. прилагательному *τακτικός* «относящийся к порядку построения войск» (от глагола *τάσσω* «располагать [строю], размещать, приводить в порядок»). Множ. число в греческом (*τά τακτικά*) семантически соответствует ед. числу в русском языке (*тактика*).

¹⁸ В развернутом виде явление и инструментарий его анализа впервые описаны нами в статье [Верещагин, Костомаров 1988а: 54–61] и затем в монографии [Верещагин, Костомаров 1990а: 218–226]. За истекшее время методом РПТактик были проанализированы рече-поведенческие ситуации — *актуальные (утешения* [Верещагин, Костомаров 1990а: 218–223]; *советования* [Верещагин, Костомаров 1990а: 228–230]; *угрозы* [Верещагин 1990б: 26–32]; *призывы к откровенности* [Верещагин 1991: 32–43], в том числе в сопоставительном аспекте [Верещагин, Ратмайр, Ройтер 1992: 82–93]; *отношения к деньгам* [Vereščagin 1997: 223–233]) и *пережиточные (жизни в миру-общине* [Верещагин, Костомаров 1990а: 223–226], *поведения в очередях* [Верещагин 1996а: 15–26], *отношения в деньгах* [Vereščagin 1997]). На материале художественной литературы мы рассматривали также и рече-поведенческую ситуацию *извинения* [Верещагин, Костомаров 1990а: 136–140]. — Относящийся сюда материал рассматривается также с позиций речевого этикета.

¹⁹ Если это так, то, следовательно, мы стоим на позиции антропоцентричной, а не системоцентричной лингвистики (подробнее относительно противопоставления см. [Алпатов 1993; 1995]). Описание, исходящее из представлений о системности и структурности материала, в своих выводах не может выйти за его пределы; мы же, изнутри описав свой материал (РПТактики), затем переходим к внешним заключениям относительно духовной культуры. Точнее сказать, мы комбинируем оба исследовательских подхода: однородный самодостаточный материал описывается как система (адекватного материалу качества); полученные данные экстраполируются на сродную, но все же другого рода духовную действительность. В первом случае используется непротиворечивая терминология; во втором невозможно обойтись без метафор.

²⁰ В близком значении Н. Д. Арутюнова использует термин *речеповеденческий акт* [Арутюнова 1998: 643 и сл.].

²¹ Термин восходит к греч. существительному *στρατηγία* «высшее командование войсками».

²² Типичной РПСитуацией можно назвать регулярно повторяющийся (итеративный) «фрагмент социальной жизни»: приветствие, просьбу, благодарность, призыв к откровенности, ритуал обсуждения цены при частной покупке, соболезнование, недовольство, плохое самочувствие, говорение комплиментов, демонстрацию дружелюбия (или враждебности), ухаживание, энтузиазм (или сдержанность) по поводу определенного предложения, приглашение, советование, запрещение (или разрешение) и т. д. Если придерживаться единого критерия при отграничении типичных ситуаций, то их список окажется исчислимым.

Предположим, перед нами ситуация, когда коммуникант-1 *утешает* попавшего в беду коммуниканта-2; такова стратегическая перлокутивная цель: *утешить*. Стратегия состоит в том, чтобы снять с пострадавшего угнетающий его моральный груз и вернуть его к нормальному мироощущению. Для достижения этой общей цели надо затратить определенное время и приложить усилия. Анализ ситуации утешения выделен в небольшой подраздел.

Потеря, беда, горе, неудача наступают любого человека. Его близкие не остаются безучастными. Они, конечно, помогают делами, но горящий человек нуждается и в словесном утешении. Эта ситуация словесного утешения является, по всей видимости, общечеловеческой.

РПТ-1. В русской культуре принято утешать минимизацией беды: *Велико дело!; Не велика беда!; Что за горе!; Это ли горе!; Это еще полбеда!; Все еще не так плохо!; Ничего страшного не произошло!; Ничего особенного не случилось!; Такое ли бывает!; Ты еще (настоящего) горя не видел!; Нашел с чего горевать!; С чего разнюнился?; Отчего страдаешь? Плюнуть и растереть!; Не так страшен черт, как его малюют; Это горюшко, не горе! Горе будет впереди!* и т. д. За приведенными выражениями²³ кроется один-единственный смысл: *беда не так велика*. Тем не менее сама РПТактика как явление духовное единственного наименования не имеет; ее можно назвать, предположим, — как и было сделано — через указание на выражаемый ею смысл; таким образом, пусть первая РПТактика в реализации перлокутивной цели *утешение* называется «не преувеличивай беды!»

Ср. известную песню В. Высоцкого, целиком построенную на утешении минимизацией беды:

Подумаешь — с женой не очень ладно,
Подумаешь — неважно с головой,
Подумаешь — ограбили в парадном, —
Скажи еще спасибо, что — живой!

Ну что ж такого — мучает саркома,
Ну что ж такого — начался запой,
Ну что ж такого — выгнали из дома, —
Скажи еще спасибо, что — живой!

Плевать — партнер по покеру дал дуба,
Плевать, что снится ночью домовой,
Плевать — в Софии выбили два зуба, —
Скажи еще спасибо, что — живой!

Да ладно — ну уснул вчера в опилках,
Да ладно — в челюсть врезали ногой,
Да ладно — потащили на носилках, —
Скажи еще спасибо, что — живой!

Эта РПТактика подытоживает многовековой опыт; отсюда ее сопряженность с пословицами и крылатыми выражениями. Люди знают, что собствен-

²³ Они не обязательно являются клишированными; важно, что они отсылают к какому-либо прецедентному тексту (дискурсу, знанию, событию, факту), являясь его «сверткой» или просто символом.

ное горе (в отличие от чужого) кажется невыносимым, — *чужую беду руками разведу, к своей ума не приложу*, — отсюда РПТактика утешения, построенная на приуменьшении беды. Вероятно, эта РПТактика эффективна, иначе она не обросла бы таким количеством клишированных выражений.

РПТ-2 «жизнь продолжается»: *Тожже мне, конец света!; Это не конец света!; Жизнь идет своим чередом!; Завтра новый день будет!* и т. д. Если известно, что именно случилось, то говорят: *Встретишь еще человека!; На Володе свет клином не сошелся!; До свадьбы заживет!; Забудешь и думать!; Время залечит раны* и т. д.

РПТ-3 «ничего не поделаешь, терпи»: *Ничего не поделаешь!; Ничего не напишешь!; Потерпи, дружок!; Что же делать!; Выше головы не прыгнешь!; Такая судьба (планида)!; От судьбы не уйдешь!; Что написано на роду, то и будет* и т. д.

РПТ-4 «не поддавайся печали» (обычно по отношению к мужчинам): *Ну-ну! Не плачь!; Не горюй!; Не печалься!; Не так грустно!; Не хнычь, ты же не девочка!; Нельзя так распускаться; Что ты нос повесил!; Ну полно!; Ну хватит!; Не падай духом!; Встряхнись!; Брось меркхлюндии!; Выше голову!; Не вешай головы!; Не унывай!; Ну улыбнись-улыбнись!; Плачем горю не поможешь!* и т. д. Нередко имплицитно: не отступай! держись! продолжай борьбу! «Уж ты плачь ли, не плачь, — / Слез никто не видит, / Оробей, загорюй — / Курица обидит» (Л. Никитин, Песня бобыля).

РПТ-5 «дай волю чувствам» (обычно по отношению к женщинам): *Ничего, поплачь-поплачь!; Не держи слез-то!; Что ты как каменная?; Поплачь, милая!; Поплачь-поплачь, легче станет* и т. д.

РПТ-6: «все еще наладится»: *В следующий раз получится!; В другой раз будет лучше!; Будет и на нашей улице праздник!; Жизнь-то в полосочку: будет и радость!; Потерпи, все пройдет* и т. д. Если утешающий знает, что конкретно произошло, то говорится: *В следующий раз сдашь/поступишь/выиграешь/встретишь хорошего человека!; Не опускай руки, пытаться надо!* и т. д.

РПТ-7: «апелляция к чужому опыту»: *С кем не бывает?; С каждым может случиться!; Не ты первый, не ты последний; Все перемелется, мука будет; Жизнь прожить — не поле перейти; Время все исцелит* и т. д. Связь ссылки на житейский опыт с утешением прекрасно подчеркнула М. Цветаева: «Все перемелется, будет мукóй! / Люди утешены этой наукой».

РПТ-8: «несчастье даже полезно». Эта РПТактика подробно разобрана несколько ниже.

РПТ-9: «давай-ка зальем горе!»: «Что за горе? Плонь, да пей! / Ты завей его, завей / Веревочкой горе! / Топи тоску в море!» (А. Григорьев, Цыганская венгерка).

Относительно полноты исчисления никогда нельзя быть уверенным, тем более что и степень детализации может быть различной. Наконец, коммуникант-1 может прибегнуть не к узуальной, а к личностной РПТактике и ее держаться.

Если попытожить, то РПТактика — это (в границах определенной рече-поведенческой ситуации) однородная по интенции и реализации линия поведения коммуниканта-1, входящая в его усилия ради достижения стратегического перлокутивного эффекта²⁴. Реализуя одну РПТактику, говорящий как бы ступает шаг за шагом: он

²⁴ Взамен описательного выражения «однородная по интенции и реализации линия поведения» можно было бы использовать термин *pattern*, употребительный в англоязычном мире как в лингвистике, так и в других науках о человеке. Подобного русского всеобъемлющего термина мы не смогли отыскать.

выполняет ряд рече-поведенческих актов, и их сумма, при благоприятном исходе, приводит к успеху. Если же одна конкретная РПТактика неуспешна, то применяется вторая, затем третья, четвертая и т. д., потом может иметь место возврат к первой и т. д. Скомбинировав несколько РПТактик, коммуникант-1 добивается изменений в информированности, эмоциональном состоянии, взглядах и оценках коммуниканта-2 и влияет на его поведение.

Важно заметить, что РПТактика вычленяется по признаку одного-единственного смысла, который может быть выражен самыми различными вербальными и невербальными средствами. Прежде чем окончательно отойти от фигуры Дж. Остина, сошлемся на него в последний раз. В двух своих извинениях он реализовал одну и ту же РПТ: «не вина, а заслуга». Эта РПТ, вероятно, является универсальной. Ср.: *Да я сознательно не дал сразу определения! Я хотел, чтобы аудитория подумала* (= опытный лектор); *Ты обидишься, но не могу с тобой согласиться — истина дороже* (= правдолюбец); *Извини за прямоту: ты сегодня выступил плохо* (= прямой человек); *Если бы я не опрокинул столик* (что плохо), *змея непременно ужалила бы малыша* (что было бы еще хуже). Цепь речений легко наращивается, и, имея в виду разнообразие жизненных эпизодов, практически невозможно довести ее до конца, но РПТактика «не вина, а заслуга» — одна-единственная.

01–3. СОЦИАЛЬНАЯ ПРИРОДА РПТАКТИКИ И РЕАЛИЗУЮЩИХ ЕЕ РЕЧЕНИЙ

Речения могут быть как клишированными, извлекаемыми из памяти, т. е. по генезису *социальными*, так и личностными, создаваемыми в момент речи, т. е. по происхождению *индивидуальными*, но сама РПТактика оправдания «я заслуживаю похвалы, а не обвинения», безусловно, есть явление *социальное* — действительно, она принята во всей национально-культурной среде говорящих по-русски и, следовательно, не является достоянием лишь одного, отдельного ее члена.

Таким образом, РПТактика — это *предпосылка* (программа) соответствующего речевого и невербального поведения, которую член языкового коллектива усвоил в процессе социализации. Поскольку РПТактика в значительной мере вербализуется через клишированные и полуклишированные речения, она остается социальным явлением также и в аспекте вербальной *реализации*.

Как уже упоминалось, клишированные речения, в отличие от изобретаемых в момент речи, извлекаются из памяти — таков социальный аспект речевого акта. Личностный аспект речевого акта состоит в приспособлении клишированных заготовок к конкретной ситуации и их комбинировании. Поскольку клише социальны, они заранее известны обоим коммуникантам. На самом деле, *Велико дело!; Не велика беда!; Что за горе!; Это ли горе!; Это еще полбеда!* — это речения-клише, вариации вокруг достояния, общего как для адресанта, так и адресата.

Из сказанного вытекает дальнейший вывод: типичная коммуникативная ситуация может быть уподоблена исполнению пьесы по заранее известному сценарию. Коммуниканты обмениваются информацией, известной с детства, причем облачают ее в затверженные вербальные формы. Тем не менее сама коммуникация отнюдь не бесполезна и не есть простое повторение: она имеет перлокутивный эффект, и она является

уникальной, поскольку коммуниканты учитывают в своих речениях конкретный жизненный эпизод. Так, попавший в беду испытывает большое облегчение, если его утешают *как следует*. Утешать *как следует* — значит держаться принятых в национальной культуре РПТактик и насыщать эти тактики узуальными речевыми клише²⁵.

В заключение подчеркнем: РПТактика сама по себе — *невербальна* (она представляет собой *sensus ritus*), но она состоит из *вербальных* (речевых) актов. На глубинном, может быть даже бессознательном, уровне ментальности человека РПТактика представляет собой конденсированный интегральный смысл-интенцию²⁶. На поверхностном уровне РПТактика вербализуется.

Новозаветное речение *От избытка сердца уста глаголют*²⁷ может хорошо иллюстрировать временное соотношение между РПТактикой и речениями: РПТактика, пребывающая в «сердце», — это предпосылка (или программа), и она предшествует порождению цепочки речений, когда «глаголют уста».

Речения — двуплановы: они имеют как прямой, или дифференциальный, так и отвлеченный, или интегральный, смысл. Необходимо, однако, научиться вычленять этот отвлеченный смысл и единообразно его формулировать. Например, когда утешают попавшего в беду, то ему могут сказать (РПТ-8): *Впредь будешь умнее!* (что значит: «несчастье для тебя урок», т. е. «оно как бы даже и полезно»); *Это тебе наука!* (что опять-таки значит: «несчастье даже полезно»); *На ошибках учимся!* (снова: «несчастье даже полезно»); *За битого двух небитых дают!* (еще раз: «несчастье даже полезно»); *Теперь будешь знать людей!* (еще раз: «несчастье полезно»); *Жизнь-то, она научит!* («Получил урок, скажи спасибо»). В случае, если утешающий знает обстоятельства беды, он выразится конкретнее: *Будешь знать, как полагаться на слово!*; *Теперь видишь, какие твои друзья!*; *Не верь встречному-поперечному!*; *Ничего, немного поколотили, впредь не будешь выступать!*²⁸ и т. д. Например, мать утешает сына, провалившегося на вступительном экзамене: *Теперь ты видишь, что надо было лучше готовиться зимой. Я даже рада: посидишь теперь за учебниками*. Она придерживается РПТактики СД-8, но говорит «своими словами».

Интегральный смысл, который, естественно, может быть сформулирован по-разному («несчастье даже полезно»; «беда учит»; «в несчастье есть не только плохое» и т. д.), — это и есть содержание РПТактики.

01–4. НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РПТАКТИКИ И РЕАЛИЗУЮЩИХ ЕЕ РЕЧЕНИЙ

Собственно, сам деликт варьируется от одной национально-языковой общности к другой. Характерный пример приводит В. М. Дорошевич («Маленькие чиновники»):

²⁵ Между прочим, эти два условия адекватного речевого поведения представляют собой наибольшую трудность при усвоении иностранного языка.

²⁶ Что является материальной основой ее бытия, мы не знаем.

²⁷ Полный контекст таков: «Порождения ехиднины! как вы можете говорить доброе, будучи злы? Ибо от избытка сердца говорят уста. Добрый человек из доброго сокровища выносит доброе, а злой человек из злого сокровища выносит злое» (Мф 12: 34–35).

²⁸ Глагол *выступать* употреблен в значении «задираться, вести себя провокационно».

«— Я больше не знаком с Карлом. Карл — негодяй: он не знал родительского падежа от слова *domus*. — Так рассуждали два маленьких школьника, когда Гейне выезжал из Дюссельдорфа. У нас Гейне этого бы не услышал!

— Скворцов Евдоким — зубрила! Он знает даже, как склоняется слово *domus*. — Бьют зубрил, и истинные герои сидят на последней скамейке. Поколениями школьников вырабатывалась традиция, что истинный негодяй — это тот, кто всегда учит уроки. К нему относятся так, как в департаменте относились бы к чиновнику, который стал бы моментально предупреждать всякое желание начальства, который таскал бы работу к себе на дом, не пил бы, не ел, не спал, чтоб только выполнить приказания начальства.

— Выслужиться хочет каналья! — Первый ученик — изменник класса. Гнуснейший из изменников. Он для того и зубрит исключения, чтоб подвести своих товарищей.

— Вы не успели приготовить урока? А почему же Скворцов Евдоким успел?! — Первый ученик — первый не только по отметкам, но и по количеству получаемых щелчков. Зато ученик, который списывает все *extemporalia*, уроки просматривает во время перемен, отвечает не иначе как с подсказкой, и даже книг домой не носит, а оставляет их в парте, — предмет удивления, благоговения, зависти всего класса» [Дорошевич 1986: 75–76].

Идеалы ученика и чиновника, вполне вероятно, были различными в Германии и России прошлого века, так что и те поступки, которые считались деликтами, выглядели противоположными. Из примера ясно видно, что импликатура отражающих деликты РПТактик, как правило, бывает не логико-коммуникативной (т. е. ее нельзя получить с помощью логического вывода), а конвенциональной [Грайс 1985: 227]. В силу конвенциональности импликаций, пресуппозиций, фоновых знаний, оценки рече-ситуативных контекстов и постулатов Принципа Кооперации, деликт одной национальной культуры может восприниматься нейтрально или даже одобрительно в другой, и наоборот. Отсюда нередкие рече-тактические ошибки иностранцев в России и русских за границей, иногда ведущие к культурному шоку.

Если же говорить только о социальной природе РПТактики, то она, эта природа, имеет две импликации.

Во-первых, при сопоставлении совокупности РПТактик одной национально-культурной и языковой общности (например, русских) с другой национально-культурной и языковой общностью (например, англичан) та и другая могут совпасть. Во-вторых, напротив, сопоставляемые общности могут и разойтись: каждая обнаруживает свои, только ей одной свойственные, особенности.

Приведем пример *тождества* РПТактик в двух культурах. Так, в ситуации утешения русские и англичане прибегают к одной и той же РПТактике «ничего не поделаешь, потерпи» (выше она показана как РПТ-3). *Ой, порезал пальчик! — Да ничего! Дай подую!; I've hurt my finger. — Never mind. I'll kiss it better; Снова провалился? Что ж, жизнь — не сплошной праздник; Sorry to hear you've failed your exam again, Sarah, but that's the way the cookie crumbles.* РПТактика утешения, стоящая за речениями, комментируется следующим образом: That is the state of affairs and nothing can be done about it: used when something unfortunate has happened [Manser 1983: 31]. Точно так же в английской национальной культуре используется РПТактика «жизнь продолжается» (выше РПТ-2): *Тот же мне, конец света! Встретишь еще человека; It's not the end of the world, Suzy. You'll soon forget Peter and there are lots of other nice*

boys around! Таким образом, налицо не специфика РПТактик, а их тождество (проистекающее из единства Homo sapiens)²⁹.

Приведем теперь пример *дивергенции* РПТактик в двух национальных культурах. Так, РПТактика «Не поддавайся печали! Don't worry!» (выше РПТ-4) в англо-американской культуре, как кажется, построена на напоминании о необходимости не подавать вида, что вас постигло несчастье, тогда как аналогичная РПТактика, принятая у русских, имеет перлокутивную целью реальное изгнание печали. Когда, согласно РПТ-4, русский коммуникант говорит *Да улыбнись ты, наконец!*, он имплицитно: сначала успокойся, потом — улыбнись. Для коммуниканта-англичанина, как кажется, важнее соблюдение приличий: собеседник может попасть в отчаянный переплет, но ему напоминают о важности приличий и декорума — *Keep smiling!* Исследователь [Manser 1983] комментирует имплицитный смысл РПТактики и речения именно в этом духе: *Whatever troubles you may be going through remember, Keep smiling! So remember in all your troubles: keep your chin up! Your face must be self-confident, healthy, defiant, stable and vigorous.* Кстати сказать, вокруг расхожего выражения сложилась целая (американская по происхождению) национальная философия — моральная философия успеха (*philosophy of success*). В согласии с ней, необходимо процветать любой ценой, а оказаться в беде — стыдно, поэтому попавший в беду обязан, чтобы себя не выдать, наблюдать за лицом и внешним обликом³⁰. Эта философия постепенно распространяется и в России³¹, но по традиции русские, придерживаясь пресуппозиций причастности и соучастия, ожидают нравственного сочувствия и деятельной помощи от друзей и сослуживцев, — поэтому личные бедствия нередко обсуждаются, даже и в широком кругу³². Более того: в традиционной культуре России неудача, неуспех вызывали симпатию и, во всяком случае, признаться в том, что «не везет», отнюдь не было стыдно³³. Сейчас подобная установка постепенно отмирает. Как бы то ни было, если от-

²⁹ Речевые реализации, естественно, никогда не совпадают точь-в-точь.

³⁰ Ср. свидетельство Андрея Кончаловского: «Адвокат Гарри..., типичный преуспевающий американец..., пригласил меня позавтракать, мы встретились, он курил, был бодр, подтянут. Рассказывал о том, что сегодня он восемь раз переплыл бассейн, о каких-то соревнованиях. Казалось, он — само воплощение духа Америки. Человек, у которого все в порядке. На следующий день он застрелился» [Кончаловский 1998: 216].

³¹ Данная тенденция как следствие американизации отмечается в литературе вопроса — см. [Rathmaug 1996: 29]. Впрочем, она, вероятно, и раньше присутствовала в определенной среде (например, у артистов: «Надо раз и навсегда отказаться от самооплакивания и самооплевывания. В обществе надо улыбаться. Плачь и грусти дома или про себя, а на людях будь бодр, весел и приятен. Надо выработать в себе такую дисциплину» (К. С. Станиславский, *Этика*). Под термином *этика* Станиславский имеет в виду *артистическую этику*.

³² Р. Ратмайр правильно назвала русскую культуру *Einmischungskultur* (букв. «культурой вмешательства», точнее «культурой причастности»), причем причастность одного к судьбе другого может выливаться как во взаимопомощь, солидарность, заботу, так и в подсматривание, любопытство, навязчивость [Rathmaug 1996: 213]. Во всяком случае, члены коллектива (например, сослуживцы) обычно (слишком) хорошо информированы друг о друге.

³³ Культура поражения и неудачи, в том числе и жизненной катастрофы (ср. русский феномен «лишнего человека», бывший предмет пристального внимания в литературе XIX в.), рассмотрена в ст. [Мальцев, интернет]. Автор пишет: «Можно сказать, что рассказ о неудаче <...> имеет большое количество источников и огромное количество вариаций в российской культуре. Существует культурное поощрение неудачи, неудачника. Так же как в американской культуре существует культурное поощрение удачливых и победителей, в российской культуре поощряется, до определенной степени, неудача, поражение, неудачники. Культура формирует возможные образцы ролей, объяснительных схем, поведенческих реакций, варианты идентификации в случае, если социального субъекта постигает неудача, он не может достигнуть желаемых целей, его притязания

носителем N. N. известно, что он испытывает затруднения, приклеенная улыбка на его лице будет воспринята или как легкомыслие, или как бесчувственность, или как лицемерие, т. е. всякий раз негативно.

Итак, при межъязыковых и межкультурных сопоставлениях некоторые РПТактики оказываются национально-культурными и, так сказать, несут на себе *приметы места*. А внутри национальной культуры некоторые РПТактики могут иметь *приметы времени* — они бывают или актуальными (употребительными сейчас и сегодня), или уже не актуальными (относящимися к прошлому), или еще не для всех и не повсеместно актуальными (т. е. становящимися и относящимися к будущему).

Например, если еще раз обратиться к РПТактикам утешения, то до насаждения в России массового атеизма среди них присутствовала РПТактика «Терпи за грехи!» (по общему счету — девятая), к которой прибегали верующие люди. Бабушка маленького Алеши (Горький, *Детство*) в любой печали говорила внуку: «О-хо-хо! Грехи наши тяжкие!»; «Бог терпел и нам велел»; «Потерпи маленько. Кого Бог любит, того и наказует»; «Наказание нам за грехи наши»; «Посетил нас Господь». Отсюда, кстати, фаталистическое отношение к беде: не нужно стремиться ее изжить, напротив, надо терпеливо снести ее до конца, — тогда Господь, может быть, смилостивится и убавит наказание, а в случае непокорности и бунта он его еще и прибавит. Такова РПТ-9; ныне она актуальна, может быть, в некоторых общинах, сохранивших религиозность, — например, у староверов, — но из массового употребления вышла. Никому сейчас не придет в голову всерьез утешать ребенка, придерживаясь РПТактики, вполне принятой в семье Кашириных.

Назовем и еще одну неактуальную РПТактику утешения — РПТ-10 «уповай на Бога!». Выше была названа РПТ-6 «все еще наладится», выражающая несколько неопределенную и отсюда неубедительную надежду на лучшее. РПТ-10 ей синонимична, только в ней назван источник надежды и имплицирован способ, с помощью которого пострадавший сам может себе помочь: *Бог ты не оставит!; Не отчаивайся, на Бога уповай!; Молись к божьему милосердию!* (все примеры из «Детства» Горького).

Ниже в главе 6 более подробно рассмотрен вопрос устаревания РПТактик — РПТактики производны от жизненных обстоятельств, и если они иногда способны измениться с сегодня на завтра, то столь же резко теряют свою актуальность и РПТактики. В главе 7 исследуются РПТактики будущего, т. е. те, которые пока еще не актуальны, точнее сказать: еще *не для всех* актуальны.

Иными словами, РПТактики — динамичны. Эта динамика никак не может быть уподоблена общему, потому что РПТактики устаревают или вводятся в употребление не равномерно, а избирательно.

Совокупности РПТактик с национально-культурным компонентом в семантике и мотивации ответственны за неуловимые, но реальные явления, которые метафорически описываются как «русский дух», «национальная психология», «душа народа» и т. п. Мы исходим из допущения, что национальная духовная культура — хотя бы в некоторых своих фрагментах — допускает исследование объективными методами лингвистического анализа, в частности через исчисление РПТактик³⁴.

не получают должного удовлетворения. Формируется определенная повествовательная идентичность, на основе которой реализуется модель поведения неудачника.

³⁴ Исчисление РПТактик — не единственный способ объективации национальной культуры. Между тем излагаемое ниже из-за большой концентрации материала может, вследствие законов восприятия, сместить реальные пропорции; поэтому *granum salis* да будет наготове.

При этом, конечно, не забудем, что любая национальная культура, в том числе и русская, есть продукт влияния различных цивилизаций, поэтому хотя мы и говорим о *русской* духовной культуре, но отнюдь не постулируем ее стерильности, имея в виду, наряду с некоторым автохтонным стержнем, также иноязычные и инокультурные влияния (например, греческого православия, немецкого марксизма и т. д.).

После сделанных общих замечаний обратимся к конкретной проблематике.

Ниже предпринято исчисление РПТактик во вполне определенной сфере культуры (выявления и изглаживания деликта), причем цель разысканий — двоякая: 1) продемонстрировать исследовательский метод и с его помощью 2) получить перечень РПТактик.

Имея в руках такой перечень, мы впоследствии подвергнем его анализу, чтобы выявить составляющие национальной культуры. Это означает, что к общим вопросам еще предстоит вернуться³⁵.

Глава 2. Морально-безоценочное (мирское) изглаживание деликта

02–1. ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ

Когда совершен деликт, то, в зависимости от обстоятельств и умонастроения участников коммуникативного акта, реально возможен ряд коммуникативных ситуаций.

При этом (на всем протяжении дальнейшего изложения) мы исходим из того, что коммуникантам свойственно нравственное сознание, господствующее в данной национальной духовной культуре, т. е. принятие³⁶ характерных для нее поведенческих норм³⁷. Имеются в виду «обыкновенные люди», т. е. коммуниканты, живущие повседневной жизнью, миропонимание которых лишено всепоглощающей и все себе подчиняющей духовной доминанты.

02–1А. Шесть рече-поведенческих ситуаций; показательные речения

Коммуникант-1 (т. е. лицо, «виновное» в совершении деликта) (1) может осознать свою вину, а (2) может и не осознать ее. Тогда коммуникант-2 («потерпевший» или «свидетель») иногда прибегает к РПТактикам вразумления. Осознав вину, коммуникант-1 может (3) проявить готовность извиниться³⁸ или (4) не

³⁵ РПТактики даны в прямом опыте и могут описываться эмпирически, т. е. на основе опыта, закономерно повторяющегося в одинаковых условиях. Общие вопросы, напротив, покоятся на косвенных показателях и предполагают доверие к интроспекции (хотя, правду сказать, прибегающие к интроспекции ученые могут далеко разойтись в своих выводах). Наша теоретическая позиция строится на предпочтениях, вытекающей из диалогичности, а именно: стремимся описать полно и объективно материал; ему отдаем предпочтение. В интерпретации материала элемента гадательности не избежать.

³⁶ То есть *интериоризация* — усвоение в процессе социализации (спонтанного воспитания в определенной среде) совокупности норм, которые становятся частью духовного мира личности.

³⁷ Усвоенные этические нормы не всегда четко осознаются; они могут быть и бессознательными программами поведения.

³⁸ О мотивах извинения писала Р. Ратмайр: «В личном взаимодействии мы пытаемся вновь поднять или вообще предотвратить снижение оценки нашей личности, вызванное обманутым ожиданием или про-

проявить такой готовности. И в этом случае коммуникант-2 иногда применяет РПТактики вразумления. Когда извинение состоялось, то коммуникант-2 может (5) принять извинение или (6) не принять его³⁹. В последнем случае коммуникант-1 иногда придерживается РПТактик упрощения, а коммуникант-2 — РПТактик наказания. Таковы полученные путем дихотомического членения шесть рече-поведенческих ситуаций. Входящих в них РПТактик и тем более реализующих РПТактики речений, однако, настолько много, что их невозможно вместить в рамки статьи. Поэтому мы рассмотрим всего лишь половину ситуаций, а именно: 1, 2 и 6, да и для них полный перечень РПТактик не приводится. Ситуации (3, 4 и 5), обозначенные на своих местах, пока оставлены без анализа. По части можно судить о целом.

Из большого числа речевых реализаций каждой РПТактики приводим, по возможности, в первую очередь *показательные* речения, т. е. такие, которые позволяют носителю русского языка⁴⁰ легко воссоздать конкретные обстоятельства говорения. Речения черпаются из повседневного быта, причем в первую очередь — полностью клишированные или полуклишированные⁴¹. Кроме того, предлагаем выписки из прецедентных книг (преимущественно из двух классических романов, в которых разрабатывается тема деликта и его изглаживания⁴²), поскольку они также обладают свойством показательности⁴³.

ступком. Кто извиняется, тот просит обратить вспять (*rückgängig machen*) негативную оценку своей личности... и возможный ущерб на уровне отношений, так что извинения высказываются с социальной целью поддержания гармонии между интерактантами» [Rathmayr 1996: 11]. Она же определяет *извинения* как корригирующие поступки одного из коммуникантов: их функция состоит в том, чтобы изменить значение, которое иначе второй коммуникант приписал бы определенному действию [Ibid.: 16]. Ссылаясь на Э. Гоффмана [Goffman 1974: 162], исследовательница перечисляет ряд эмоциональных и когнитивных характеристик ситуации извинения: провинившийся должен продемонстрировать свою озабоченность; он также обязан показать понимание того, что от него ожидалось альтернативное поведение и что проступок может вызвать негативные санкции (наказание); он должен словесно отвергнуть неправильный образ поведения и одновременно обвинить себя; он обязан встать на сторону правильной модели поведения и обещать, что в дальнейшем ее будет держаться; требуется, наконец, показать раскаяние, готовность возместить ущерб и понести наказание. Даже если эти сложные признаки ситуации извинения и редуцируются при незначительности повода, все же они всегда присутствуют [Rathmayr 1996: 51].

³⁹ Оба речения, которые здесь могут иметь место, — *Извиняюсь; Нет тебе прощенья*, — являются перформативами: это не сообщения о событиях-поступках, а сами события. К перформативам, по Остину, неприложимы логические оценки *истинности* или *ложности*.

⁴⁰ Имеется в виду носитель языка, прошедший социализацию в современной России и, стало быть, располагающий взвешенными (= общими для всех) *фоновыми знаниями*, или *предсуппозициями*.

⁴¹ Речение является клишированным, если оно целиком воспроизводится по памяти. Обычно это словицы, поговорки, итеративные реплики: *Свет не без добрых людей; До свадьбы заживет!; Дай подую! или Дай поглажу!* (так говорят ушибшемуся ребенку). Речение является полуклишированным, если оно содержит клише (в том числе устойчивое словосочетание) в каком-либо своем фрагменте (*Сам увидишь: свет не без добрых людей*) или состоит из преобразованного клише (*До свадьбы далеко — заживет сто раз!*). Узуальные речения, допуская свободное варьирование, обычно бывают полуклишированными. Узуальное речение отвечает оценке «так говорят (имеется в виду: в данной ситуации)».

⁴² Роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» цитируется по изданию [Достоевский 1956], роман Л. Н. Толстого «Воскресение» — по изданию [Толстой 1977]. Используются сокращения соответственно П и В; после двоеточия указывается страница. Остальные художественные произведения указываются полностью. Хорошо известно, что художественная литература, особенно реалистического направления, вполне достоверно отображает определенную национальную культуру.

⁴³ Не следует удивляться тому, что выписки из Псалтыри и Евангелия вводятся в раздел исследования, посвященный секулярной среде. Значительная часть текстов этих книг Свщ. Писания отражает как раз мирские отношения.

02–1Б. Метафорические представления о вине-деликте

В интересах дальнейшего изложения остановимся на метафорических представлениях о деликте-вине⁴⁴.

Вина мыслится как предмет и соответственно имеет размер и вес. Общие атрибуты размера и веса — *маленькая, крохотная, (не)большая, великая, огромная, гигантская*⁴⁵ и т. п. Весовые ассоциации развиты интенсивнее пространственных: *легкая, тяжелая, тяжкая, невыносимая вина; давит, тяготит* душу, на душе *тяжесть, сгибаться под тяжестью вины; ложится/падает* на кого-л.; *лежит камнем* на сердце; «с души как бремя скатится»⁴⁶; *облегчить* душу; Чья вина *перевесит?* Как предмет, вина допускает перемещения: *брать* на себя, *нести* на себе; *перекладывать/складывать/вешать/навешивать/сваливать/возлагать* вину на кого-л.⁴⁷; *снять* вину с себя; *валить* (с больной головы на здоровую). Как предмет, вина обладает еще свойством пачкать человека: *запачкал/замарал/запятнал* себя, *вывалялся в грязи, поливать/забрасывать* грязью. От грязи можно *очиститься* и *отмыться*: отсюда лавиативный способ очищения совести⁴⁸, частично имеющий и юридическое значение⁴⁹; отсюда ритуальное омовение (в частности то, к которому — через покаяние — призывал Иоанн Креститель, или Иван Купала); отсюда мотивация и генезис христианского таинства крещения (греч. βάπτισμα «омовение»). В религиозных представлениях Бог учитывает как грехи, так и добрые деяния человека и ведет книгу записей, несколько похожую на долговую, — ср. (это тебе) *зачтется, ставит в вину*. Соответственно, вину можно *загладить* и *искупить*. Кстати, по семантике и функционированию *искупить вину* близко глаголу *извиниться*⁵⁰: в первом случае — преимущественно поступками, во втором — словами.

02–1В. Невербальное бытие РПТактики и ее вербальные реализации

Хотя определенную РПТактику и нельзя пощупать, тем не менее постулируется ее реальное бытие.

Действительно, будучи онтологически невербальной, она, существуя в вербальных реализациях, отнюдь не есть фантом. Реализаций одной РПТактики может

⁴⁴ «Сущность метафоры состоит в понимании и опытном восприятии вещей одного рода в понятиях вещей другого рода» [Lakoff, Johnson 1980: 5].

⁴⁵ Не все атрибуты размера и веса приложимы к вине: ее нельзя назвать, скажем, *узкой* или *пудовой*.

⁴⁶ Лермонтов, Молитва («В минуту жизни трудную»).

⁴⁷ Ветхозаветное представление: на *козла отпущения* возлагались все вины народа (Лев 16: 20–22). Впрочем, и в Новом Завете Христос «берет на себя грехи мира» (Ин 1: 29).

⁴⁸ Ср. в Пс 50: 3, 4, 9: По множеству щедрот твоих очисти беззаконие мое; Наипаче **омый** мя от беззакония моего / и от греха моего **очисти** мя; / **Окропиши** мя иссопом, и очишуся, / **омыеши** мя, и паче снега убелюся.

⁴⁹ Ср. демонстративное умывание рук Пилатом (Мф 27: 24).

⁵⁰ Первичное употребление лексемы *извиниться* находим в Острожской библии (Притч 17: 5): *рѣгѣлся оубоѣгомъ, раздражаетъ сътворшаго и ѿ рѣдѣя же съ гнѣвѣщемъ не ѿзвинѣтсѣ. Оѡх ѡбѣщѡвѣтѣтѣи* означает «не избежит наказания» (Septuaginta) — глагол образован от ἀββός «освобожденный от наказания; оправданный; невиновный». В Танахе читается: *פָּרַן מֵאֵן*, и в данном контексте глагол *פָּרַן* «быть чистым» с отрицанием метафорически означает «не избежит виновности» (ср. употребление того же глагола без отрицания в Пс 18: 14: *очишуся от греха велика* и Пс 18: 13: *от тайных моих очисти мя*). О семантике глагола см. [König 1931]). В современном синодальном издании [Библия 1904] употреблен другой префикс: *не ѡвезвинѣтсѣ*.

быть неисчислимая цепь речений⁵¹, объединяемых в одно целое однородной по смыслу интенцией. Информант (носитель языка), если обратить его внимание, способен осознать, какой именно РПТактики придерживается он сам или второй участник дискурса, и привести мотивы ее выбора⁵².

Иными словами, мы описываем рече-поведенческую *реальность*, и получаемые в результате анализа дескрипции могут быть разными способами верифицированы на предмет их действительного бытия⁵³.

02–1Г. Конструкты и трехуровневое распределение РПТактик

Таким образом, описывается реальный материал, но отчасти он систематизирован с помощью *конструктов*. Эти последние, как было определено, являются продуктами научного анализа и призваны послужить исключительно удобству представления РПТактик в дескрипции.

Конструктами являются: наименования конкретных РПТактик; трехуровневое распределение и объединение РПТактик в зависимости от степени абстракции выявляемых смыслов.

Логическая структура нижеследующего описания такова: 1) первый (низший) уровень абстракции — выделение, или дифференциация, конкретной РПТактики в *единицу* описания (*distinctio*)⁵⁴; 2) второй (средний) уровень абстракции — объединение конкретных РПТактик по более отвлеченному (промежуточному) критерию в *группу* (*dispositio*); 3) третий (высший) уровень абстракции — объединение групп РПТактик по еще более отвлеченному (конечному) критерию в *совокупность* (*consortio*).

Конечно, трехуровневое членение — это решение исследователя⁵⁵; в принципе можно вообще обойтись без структуры или дать *двух-* и *многоуровневую* градацию (в зависимости от выбранной степени детализации). Более того, сам выбор критериев членения является конструктом, и, в частности, допустима классификация РПТактик признания деликта и его изглаживания по другим основаниям, чем те, которых придерживаемся мы.

Итак, за однородными рече-поведенческими реализациями, путем вычленения некоторого общего для них смысла, усматривается единичная конкретная РПТактика; однородные конкретные РПТактики объединяются в группу; однородные груп-

⁵¹ Это очевидно: даже клишированные речения трудно описать исчерпывающим образом; личностные, в том числе потенциальные, принципиально неисчислимы.

⁵² Писатель, интроспективно описывающий внутренние переживания своего героя, нередко обращает внимание как раз на выбор им тактик поведения. Ср. описание помыслов Коробочки: «Хорошо бы было, <...> если бы он забирал у меня в казну муку и скотину. Нужно его задобрить...» (Гоголь, Мертвые души). Приняв решение, она реализует тактику задабривания в серии поступков («загнутие пирога»), в том числе и речевых («Прошу покорно закусить»).

⁵³ Преимущественно путем консенсуса лиц, наделенных «чувством языка», причем не обязательно профессиональных лингвистов.

⁵⁴ Интенция выделенной тактики описывается краткой назывной фразой, достаточной для понимания стержневого смысла и для ограничения данной тактики от смежных и близких. Сама тактика подтверждается рече-поведенческим материалом — показательными речениями (преимущественно клише и другими воспроизводимыми по памяти речениями, а также выписками из прецедентных книг).

⁵⁵ Исходя исключительно из соображений компактности и обзорности дескрипции.

пы объединяются в совокупность⁵⁶. Объединение совокупностей РПТактик ведет к перемене качества предмета рассмотрения: совокупности, взятые как целое, создают *стратегию* рече-поведенческих актов.

02–1Д. Перлокутивный эффект и иллокутивные цели

Стратегия изглаживания деликта может иметь, в терминах концепции речевых актов, наряду с основным перлокутивным эффектом ряд побочных иллокутивных целей⁵⁷, а именно: ассертивную: *Вот как на самом деле обстояло дело!*; комиссивную: *Больше такого не повторится!*; директивную: *Ну, так ты меня извинишь или нет?*; декларативную: *Ну, так мир! Но чур об этом не поминать!*; экспрессивную: *Ах, я просто убита!* и т. д. Для их достижения, как всегда бывает, необходимы условия успешности (*felicity conditions*): например, разговор наедине; извинение в момент, когда уляжется гнев коммуниканта-2; извинение в письменном виде или, напротив, на людях; соматический и/или визуальный контакт (*Посмотри мне в глаза!*) и т. д.

Упомянутый перлокутивный эффект (в случае успеха примененных РПТактик) может оцениваться с позиций обоих коммуникантов: с точки зрения коммуниканта-1, эффект состоит в достижении эмоционального комфорта (*облегчил совесть; сохранил лицо*); с точки зрения коммуниканта-2, эффектом является пополнение информации (*теперь знаю, как было дело*). Возобновление отношений (*мы снова друзья; забудем прошлое*) затрагивает интересы как первого, так и второго коммуниканта.

Остается сказать, что РПТактики, в зависимости от их места в дискурсе, разделяются на инициальные, медиальные и финальные; место РПТактики в дискурсе сказывается на ее семантике. Переходим непосредственно к исчислению РПТактик.

02–2. СОВОКУПНОСТЬ РПТАКТИК САМООСОЗНАНИЯ ВИНЫ

02–2А. Группа РПТактик прямого признания себя виновным

Коммуникант-1 или для себя сознает, что совершенное им действие есть деликт, или же эмпатически предполагает, что это действие может быть воспринято коммуникантом-2 как деликт. В таком случае могут иметь место перформативные акты признания вины: они по последствиям равны поступкам.

- РПТактика: прямое признание конкретного деликта [1]

Рече-поведенческие реализации: *Да, здесь я ошибся!*; *Это с моей стороны нелогично!*; *Есть (был) такой грех!*; *Я просто забыл об этом упомянуть!*; *Но я ушел далеко в сторону!* и т. д. Раскольников: «Это я убил тогда старуху чиновницу и сестру ее Лизавету топором и ограбил» (П: 488).

- РПТ: признание деликта как следствие процесса раскаяния [2]

Рече-поведенческие реализации: *Я теперь многое осознала!*; *Я больше не тот, что раньше;* *Я стал совсем другим человеком!* и т. д. «На вопросы же, что именно по-

⁵⁶ Как видно, нам пришлось провести терминирование слов *группа* и *совокупность*, — они более не синонимы (группа входит в совокупность, совокупность состоит из групп).

⁵⁷ Понятие иллокутивной цели с выделением ее пяти видов (ассертивная, комиссивная, директивная, декларативная и экспрессивная) и иллокутивной силы см., например, [Сёрль, Вандерверкен 1986: 252–263].

будило его явиться с повинною, [Раскольников] прямо отвечал, что чистосердечное раскаяние» (П: 492). «...одно значительное лицо, скоро по уходе бедного распеченного в пух Акакия Акакиевича, почувствовал что-то вроде сожаления. <...> И с этих пор почти всякий день представлялся ему бледный Акакий Акакиевич, не выдержавший должностного распеканья. ...и когда донесли ему, что Акакий Акакиевич умер скорбостижно в горячке, он остался даже пораженным, слышал упреки совести и весь день был не в духе» (Гоголь, Шинель).

- РПТ: признание возможного, но не замеченного деликта [3]
Рече-поведенческие реализации: *Если что не так, то моя вина!; Кого обидел, у всех прошу прощения; Меня заносит, и я, возможно, сказал лишнего, Винюсь во всем!* и т. д.
- РПТ: допущение деликта с точки зрения коммуниканта-2 [4]
Рече-поведенческие реализации: *Вы можете мне на это возразить!; Вероятно, это [вам] не совсем ясно; Боюсь, что утомил аудиторию; Другой бы не заметил, но в Вашем присутствии признаю свою вину* и т. д.
Прямое признание вины обычно сопровождается ее оценкой — или в сторону приуменьшения деликта, или в сторону преувеличения. Отсюда две дальнейшие группы РПТактик (описаны ниже под литерами Б и В).

02–2Б. Группа РПТактик минимизации деликта⁵⁸

- Отрицание важности деликта [5]
Разве я опоздала? Я пришла почти вовремя; Я и сказал-то всего два слова; Это только одно название: украл. Я-то думал: взял ничейное; Практически я здесь ни при чем.
- Ссылка на уважительные причины [6]
Ссылаются на нездоровье, неполную информированность, недоразумение: *Я сегодня плохо себя чувствую; Я не подозревал, что это Ваша газета; Ах, я села на Ваше место!; Откуда мне знать, что это для Вас так важно?* Иногда уважительные причины изобретаются (отговорки): *Только собралась уходить, позвонил телефон; Вы не поверите, но застрял в лифте; Попал в пробку.*
- Ссылка на личные качества коммуниканта-1 (за которые он якобы не несет ответственности) [7]
Что поделаешь? Я всегда попадаю впросак; Я вообще человек невнимательный; Таковой уж я толстокожий; Я вашу женскую психологию не знаю и не понимаю. Дед: «Ты знай: когда свой, родной бьет — это не обида, а наука! Чужому не давайся, а свой ничего!» (Горький, Детство).
- Ссылка на смягчающие обстоятельства [8]
Сегодня, действительно, опоздал, но зато вчера пришел раньше всех; Я потратил деньги, но ведь на Брокгауза. Свидригайлов: «Он ограбил, вот и вся причина. Он взял деньги и вещи. Правда, он <...> не воспользовался ни деньгами, ни вещами, а

⁵⁸ Для дальнейшего предлагается сократить аппарат представления тактики за счет сокращения повторяющихся *termini technici*. Так, опускаем повторяющееся сокращение *РПТактики* и заголовок *рече-поведенческие реализации*. Иллюстративный материал печатается петитом: курсивом — узуальные формы; прямым шрифтом — выписки из литературы. Опускаем напоминание: *и т. д.*

снес их куда-то под камень, где они и теперь лежат» (П: 451). Обстоятельствами, редуцирующими вину, считаются чувства, эмоции и особенно аффекты: *Так мне стало обидно, ну и ударила!; Зачитался, захватило меня, проехал свою остановку!; Разнервничался, забыл себя!* — Ну, а обзывал-то зачем? Матерился-то зачем? — Тут любого злость возьмет! Копил, копил, елки зеленые!.. после бани четверку жадничал выпить, а она взяла шубу купила! И, главное, пальто же есть! Если бы хоть не было, а то ведь пальто есть!» (Шукшин, Мой зять украл машину дров!). Охотно (особенно в песнях) оправдывают любовь-страсть, в том числе «беззаконную»: «Не вините меня, не браните: / Не любить его я не могла»; «Виновата ли я, что люблю?»; «Не судите меня, люди, / Пожалей меня, родня, / Видно, в жизни суждено мне / Пить из грешного вина»⁵⁹ (из популярной песни 80-х гг.); «В чем я виновен пред тобою, / Чем тебя я прогневил? / Разве тем, что всей душою / Я жестокою любил» (А. Мерзляков).

- Призыв (часто юмористический) к коммуниканту-2 присоединиться к минимизации вины [9]

Ну, что уж такого ужасного я сделал?; Как Вы сами не видите: дело выведенного яйца не стоит; Я же никого не убил, не ограбил! Разве не правда?; Ой, каюсь, просто забыл! Разве с Вами этого не бывает? и т. д. (Военный сунул зевнувшей тетке палец в рот. Пошутил. Фекла Тимофеевна сильно тяпнула военного за палец) «Военный говорит: — Я, — говорит, — ну, просто пошутил. Если бы, говорит, я вам язык оторвал или что другое, тогда кусайте меня, а так, говорит, я не согласен» (Зощенко, Забавное происшествие).

- Ссылка на добрые намерения [10]

*Я пошутить хотел, а он обиделся; Вешал картину, ну, промахнулся, попал по пальцу; Хотели как лучше, а вышло как всегда*⁶⁰. «Погорячился, ваше высококордие, ну, да ведь без того нельзя, чтоб не побить. Ежели глупого человека не побьешь, на твоей же душе грех. Особливо, ежели за дело... ежели беспорядок» (Чехов, Унтер Пришибеев).

- Ссылка на ненамеренность деликта [11]

Я нечаянно; С языка само сорвалось. Но ты же знаешь, как я на самом деле к тебе отношусь!; Произошел несчастный случай, вот и всё. — Мне вот товарищ Козюлин объяснил... — Козулин, — поправил фельдшер. <...> — Извиняюсь, я без умысла» (Шукшин, Даешь сердце!). Извинительными считаются ситуации, когда интересы коммуниканта-2 затрагиваются из-за физиологического состояния коммуниканта-1. Червяков: «Извините, ваше-ство, я вас обрызгал... я нечаянно... <...> Ради Бога, извините. Я ведь... я не желал! <...> я чихнул-с и... нечаянно обрызгал. <...> Не нарочно, сами изволите знать-с!» (Чехов, Смерть чиновника). Дед: «Я тебя тогда перетово, брат. Разгорячился очень; укусил ты меня, царапал, ну, и я тоже рассердился!» (Горький, Детство). Для юридической оцен-

⁵⁹ «Преамбула» такова: «Все меня ругают: ты женат, / Что уже детишек у вас двое. / Что же делать мне с тобой тогда? / Что же делать мне с тобою?»

⁶⁰ Из телевизионного интервью В. С. Черномырдина по поводу обмена денежных купюр в августе 1993 г. [Душенко 1997: 393].

ки степени деликта особенно важно выяснить, имелось ли намерение: «Все так устали, так запутались в спорах, что никто не догадался прибавить к ответу: *да, но без намерения лишить жизни*» (В: 66).

• Ссылка на распространенность деликта [12]

Я вот попался, но ведь все списывают; У нас принято немного опаздывать; А я что, рыжий? Все побежали, и я со всеми; Ну, действительно, рублик спрятал. Не я первый, не я последний; Я подумал: раз все, значит, и мне можно. «Если Ты, Господи, будешь замечать беззакония, — Господи! кто устоит?» (Пс 129: 1). — Дуня: «Брат, брат, что ты это говоришь! Но ведь ты кровь пролил!» Раскольников: «Которую все проливают, <...> которая льется и всегда лилась на свете, как водопад, которую льют, как шампанское, и за которую венчают в Капитолии и называют потом благодетелем человечества» (П: 476). «— ... Для чего ты отвинчивал гайку? <...> — Мы из гаек грузила делаем... — Кто это — мы? — Мы, народ... Климовские мужики, то есть. <...> Уж сколько лет всей деревней гайки отвинчиваем» (Чехов, Злоумышленник). «По праздникам все пьют, — вякнул Васька. — А я что, рыжий?» (Шукшин, Крыша над головой).

• Ссылка на случайность в совершении деликта [13]

Да уж виноват. Но первый раз не в счет; Это было в первый и последний раз; Никогда себе лишнего не позволял, и вот тебе на!; Обещаю, что этого не повторится! Пословица: В первой вине и Бог прощает. «Князь Абрезков. Простите меня. Я невольно был свидетелем неприятной сцены. <...> Невольным свидетелем неприятной сцены. Я бы желал не слышать. Но, услышав, считаю долгом сказать, что слышал. Меня направили сюда, и у двери я должен был дожидаться выхода этих господ. Тем более что мои постукивания в дверь были не слышны за голосами очень громкими. Ф е д я. Да, да. Прошу покорно. Благодарю вас за то, что вы мне сказали это. Это дает мне право объяснить вам эту сцену» (Л. Толстой, Живой труп).

• Ссылка на вмешательство злой потусторонней силы [14]

Черт за язык дернул!; Тут без дьявола не обошлось!; Бес его знает, зачем я в свалку полез!

• Ссылка на то, что могло быть гораздо хуже [15]

Рюмку разбил! Это хорошо еще! А ведь весь стол мог опрокинуть! Проще простого!

02–2В. Группа РПТактик аггравации деликта

• Субъективная аггравация вины самим коммуникантом-1 или коммуникантом-2 [16]

Боже, что я натворил!; Нет мне прощения!; Дорого бы дал, чтобы этого не было!; (в рассказе Зоценко «Нервные люди» соседка по коммунальной квартире взяла на время чужой ежик для чистки примуса; владелец ежика усиливает масштаб «проступка»:) «— Я <...> ну ровно слон работаю за тридцать два рубля с копейками в кооперации, улыбаюсь <...> покупателям и колбасу им отвешиваю, и из этого <...> на трудовые гроши ежики себе покупаю, и нипочем то есть не разрешу постороннему чужому персоналу этими ежиками пользоваться».

• Ссылка на поступок, который от коммуниканта-1 не ожидался [17]

Вы мне так верили!; Да, я оказался плохим другом!; Уж я-то никак не должен был этого говорить!

- Демонстрация отчаяния [18]

Как мне теперь в глаза Вам смотреть?; Сгораю от стыда!; Готова сквозь землю провалиться; И как я мог на такое решиться!

- Демонстрация самоуничужения (иногда в нетрезвом состоянии) [19]

Какой же я хам!; Ну и дурак я, ну и дура-ак!; И всё я, бестолочь, напутала!; Как только меня земля носит! Нехлюдов вспоминает, что дал соблазненной Катюше деньги: «Ах, эти деньги! <...> Ах, ах! какая гадость! <...> Только мерзавец, негодяй мог это сделать! И я, я тот негодяй и тот мерзавец!» (В: 81).

- Демонстрация готовности понести тяжелое наказание или наказать себя [20]

Ну, казните меня!; Мне теперь впору хоть в петлю! «Рухнула бабка на колени перед агентом: — Да, — говорит, — попалась. И, — говорит, — пять ведер закваски — это так. И аппарат — это действительно верно. Все, — говорит, — находится в ванной комнате. Ведите меня в милицию» (Зощенко, Собачий нюх).

- Ироническое обвинение

Любимый вопрос учителей и экскурсоводов, когда кто-то ведет посторонние разговоры: «Иванов, я тебе не мешаю?». Ирония построена на статусной разнице: «лицо, обладающее более низким статусом, может мешать лицу с более высоким статусом, но не наоборот» [Санников 1999: 204]

02–3. Совокупность РПТактик ВЫНУЖДАЕМОГО ПРИЗНАНИЯ ВИНЫ

02–3А. Группа РПТактик истинного обвинения

Коммуникант-2 искренне полагает, что действия коммуниканта-1 являются деликтом, и стремится, по разным мотивам, побудить его осознать свою вину. Тематическая лексика и словосочетаемость с семантической долей «указывать на вину» довольно велика числом: *обвинять, обличать, разоблачать, укорять, упрекать, бросать/предъявлять обвинение, ставить на вид, колоть глаза и т. д.* Иллокутивно степень воздействия может быть разной: малая — это *упреки*, соразмерно интенсивная — *обличение*, излишне интенсивная — *распекание*. Если истинное обвинение перлокутивно успешно, то коммуникант-1, во-первых, может выразить осознание своей вины (см. выше группу РПТактик 1) и, во-вторых, изъявить готовность извиниться (см. ниже совокупность РПТактик 3), или же он может, в-третьих, не изъявить такой готовности (см. ниже совокупность РПТактик 4).

- Эксплицитное предъявление вины [21]

Ты что, сам не понимаешь, что нагрубил?; Подождите, подождите, здесь [у вас] невязка!; Вы не ввели термины, оттого и всё дальнейшее непонятно. «Кот Васька плут! Кот Васька вор!» (Крылов, Кот и Повар). «Коварный, злобный Черномор, / Ты, ты всех бед моих виною» (Пушкин, Руслан и Людмила). Пульхерия Ивановна: «Это вы продавили стул, Афанасий Иванович?» (Гоголь, Старосветские помещики). «Иван Макарович (к Феде). Нехорошо, барин, делаешь. Девку губишь. Ох, нехорошо, погано делаешь. Настасья Ивановна. Надевай платок, марш сейчас. Вишь, убежала. Что я хору скажу? Путаешься с голышем. Что с него взять? <...>» (Л. Тол-

стой, Живой труп). «— Ты, нехристь, сними шапку! <...> Нешто можно в шапке есть? А еще тоже барин!» (Чехов, Степь). Марья Васильевна Блохина: «Никак, батюшка, стакан тюкнули?» (Зощенко, Стакан). При эксплицитном обвинении обычно употребляется особый тематический (инвективный) пласт лексики, т. е. таких слов и номинативных словосочетаний, в лексическом фоне⁶¹ которых есть семантическая доля «деликта»: *безобразничать, бить, врать, воровать, грабить, доносить на кого-л., дразнить(ся), драться, лгать, лукавить, отречься, предавать, придираться, распутничать, хулиганить, цепляться, шантажировать, ябедничать* и т. д. (наряду с глаголами, возможны, конечно, также инвективные имена). Они могут использоваться при дескрипции ситуации как непосредственными коммуникантами, так и третьим, внешним, лицом: *Вовка наябедничал учительнице, а дома ему же от отца досталось*. Ноздрев: «Врешь, врешь! <...> Врешь, брат! <...> Ну врешь! врешь! <...> Голову ставлю, что врешь!» (Гоголь, Мертвые души).

• Перформативные обличения [22]

*А я публично заявляю, что так порядочные люди не поступают!; Я обвиняю!*⁶²; *Не могу молчать!* «— А теперь взгляни на себя, <...> нищий, оборванец, негодяй! Даже мещане и крестьяне получают образование, чтобы стать людьми, а ты, Полознев, имеющий знатных, благородных предков, стремишься в грязь!» (Чехов, Моя жизнь). «Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что даете десятину с мяты, аниса и тмина, и оставили важнейшее в законе: суд, милость и веру; сие надлежало делать, и того не оставлять. <...> Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что очищаете внешность чаши и блюда, между тем как внутри они полны хищения и неправды. <...> Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что уподобляетесь окрашенным гробам, которые снаружи кажутся красивыми, а внутри полны костей мертвых и всякой нечистоты <...>» (Мф 23: 23–31). Ср. также другие Drogreden в исследованиях «текстовых форм» Евангелия [Dibelius 1933; Berger 1984].

• Ссылка на оскорбительность деликта для коммуниканта-2 [23]

Как же мне не обижаться?; Ты даже не заметил, что оскорбил меня; Твои слова больно меня ударили. «Ну что „отстань“, опять „отстань“, / Обидно, Вань» (Высоцкий, Диалог у телевизора).

• Косвенное предъявление вины [24]

А двери закрывать, вероятно, Пушкин будет?; С помощью иносказания (пословиц и других паремических жанров): Верю, верю / всякому зверю, / вороне, ежу, / а тебе погожу! (= ты лгун). Предложение коммуниканту-1 встать на место обиженного им: *А как бы ты себя чувствовал, если бы тебе сказали такое?! Язвительное (саркастическое) обвинение: Конечно, ты не виноват! Картина сама виновата в том, что ты ее сорвал.* Обвинение через генерализацию (чтобы коммуникант-1 сам себя узнал): *Да нынче вся молодежь невыдержанная; Знаем мы вас, какие вы честные!; Нельзя возле воды быть и не замочиться.* Предъявление обвинения в форме номинативного обращения: *Ах ты лгунишка!; Муж твой наплачется с тобой, вертихвостка!*

⁶¹ О понятии лексического фона, в отличие от лексического понятия, см. [Верещагин, Костомаров 1990а: 43–45].

⁶² Заголовок (J'accuse!) открытого письма, опубликованного Э. Золя в 1898 г. в связи с делом Дрейфуса.

«О, род неверный! доколе буду с вами? доколе буду терпеть вас?» (Мк 9: 19). В фольклоре — в форме плача: «Тут узнал я, что плач над покойной не просто плач, а своего рода политика. Слетелись три сестры Матрены <...>. И над гробом плакали так: — Ах, нянька-нянька! Ах, лелька-лелька! И ты ж наша единственная! И жила бы ты тихо-мирно! И мы бы тебя всегда приласкали! А погубила тебя твоя горница! А доконала тебя, закаятая! И зачем ты ее ломала? И зачем мы нас не послушала? Так плачи сестер были обвинительные плачи против мужниной родни: не надо было понуждать Матрену горницу ломать» (Солженицын, Матренин двор). — Об оправдании в форме плача см. [50].

- Предъявление вины через метафору и аллегорию [25]

Ты как медведь: прешь напралом!; Уже прослышали, набежали шакалить!; А тебя, лисанька, мы давно знаем; У тебя, небось, трусишка зайка серенький, душа в пятки ушла?; Вы, охранники, — псы цепные!

- Предъявление вины через указания на парадигматичное поведение других [26]

Посмотри на Машу. Почему она всегда причесана?; Живи, как все. А тебе все выпендриться надо.

- Обличение⁶³ путем перечисления ряда деликтов и/или доказательств [27]

Ругаешься матом, куришь и, может быть, уже и пить начал. Эх, яблочко, куда ты котишься!; В статье нет ни материала, ни идеи, ни занимательности. Написана небрежно; Запустила учебу. На себя махнула рукой. Нос повесила. Разве так можно? Самообличение: «Да и вся-то жизнь, как раздумываешься, — тьфу! Вертелся всю жизнь, ловчил, дом крестовый рубил, всю жизнь всякими правдами и неправдами доставал то то, то се. <...> Приворовываю, батюшка. Ребятишек вон выучил — на какие бы шиши, так то?» (Шукшин, Билетик на второй сеанс).

- Предъявление вины через демонстрацию последствий деликта [28]

Вот, полюбуйся! Полный погром. Это твоя работа; Верю, что ничего не помнишь. Но кто стекла вставлял будет? «Какой же вы пример подаете молодым! Вы об этом подумали? Вы свою ответственность перед народом понимаете? <...> Задумались вы над этим? Нет, не задумались. Эгоисты» (Шукшин, Бессовестные).

- (Без)эмоциональное обличение [29]

Это ни в какие ворота не лезет!; У меня просто слов нет!; Да на тебя и надо кричать!; Что ж? И не такое бывало!; Я отвык чему-либо удивляться. Если кто-то призывает к спокойствию, то обличитель может отстаивать свое право на эмоции: Я вкладываю в свои слова столько гнева, сколько считаю нужным!

- Обличения в силу официального положения коммуниканта-2 [30]

Из советского быта: «Как председатель женсовета, делаю Вам, товарищ Петров, предупреждение: Вы унизили достоинство Нины Ивановны». «— Ну, рассказывай, Фекла, — сказал поп, — какие грехи? В чем грешна? Не злословишь ли по-пус-

⁶³ Хотя в речевом употреблении это и не выдерживается строго, условимся под *обвинением* понимать предъявление коммуниканту-1 одной-единственной вины, а под *обличением* — предъявление множества деликтов, вследствие чего все поведение или даже вся жизнь коммуниканта-1 оказываются порочными. Предпримем и еще одно разграничение: пусть реакция со стороны коммуниканта-1 на обвинение называется *раскаянием*, а реакция на обличение — *покаянием*.

тому? Не редко ли к Богу прибегаешь? <...> В Бога-то веруешь ли? Не сомневаешься ли?» (Зошенко, Исповедь).

• Аггравация вины [31]

Пусть бы ты уж промолчал. Но ты встал на сторону той команды!; Ну, стацил. Предположим, не удержался. Но ты стал валить вину на Ваню! Особенно тяжким считается вероломное или дерзкое поведение близкого потерпевшему человека (родного, друга), а также деликт по отношению к тому, что особенно дорого для потерпевшего: Я на тебя так полагаюсь. «Впереди шел один из двенадцати, называемый Иуда, и он подошел к Иисусу, чтобы поцеловать Его. Ибо он такой им дал знак: Кого я поцелую, Тот и есть. Иисус же сказал ему: Иуда! целованием ли предаешь Сына Человеческого? (Лк 22: 47—48). «Иван Макарович. Скверно, барин. Мы тебя любили, сколько тебе задаром пели, тебя жалели. А ты что сделал. Настасья Ивановна. Погубил ни за что дочку, кровную, единственную, ненаглядную, бриллиантовую, неоцененную в навоз втоптал, вот что сделал. Бога в тебе нет» (Л. Толстой, Живой труп). Отягчает вину лицемерие: Строишь из себя целку!; Когда Н. Н. к вам особенно сердечен, значит, уже сделал гадость!»⁶⁴

• Обвинение со ссылкой на третье лицо (в том числе Бога), свидетелей или общественное мнение [32]

Вот и Петр Иванович говорит: тебя как подменили!; Вас прокатили не случайно⁶⁵. Народ к Вам переменился; Спроси хотя бы Светку: она тоже видела, как ты дрался; Ты думаешь, никто не видел? А Бог? Он-то все видит!; Я умолкаю, а судья тебе — Бог!

• Конкретное обвинение со ссылкой на всеобщую греховность [33]

Кто Богу не грешен, царю не виноват? Чего ж ты-то запираешься?; Седина в бороде, а бес в ребро. Все на молоденьких смотришь? Городничий — Землянике: «Знаю, что за тобою, как за всяким, воядятся грешки» (Гоголь, Ревизор). Пословица: Кто пред Богом не грешен, пред царем не виноват?

• Обвинять и тем более обличать может не всякий, а только близкий или безупречный человек [34]

Позволь сказать на правах старого друга: так себя не ведут; Все Вам льстят, а мне терять нечего; Если я промолчу, кто тебе правду скажет?

• Обличение на будущее [35]

Как лгал, так и будешь лгать!; Горбатого могила исправит!; Смотри, снова не проболтайся!

• Распекательство, выговоры и претензии [36]

«Что, что, что? — сказал значительное лицо, — откуда вы набрались такого духу? откуда вы мыслей таких набрались? что за буйство такое распространилось между молодыми людьми против начальников и высших! <...> Знаете ли вы, кому это говорите? понимаете ли вы, кто стоит перед вами? Понимаете ли вы это, понимаете ли это? я вас спрашиваю» (Гоголь, Шинель).

⁶⁴ Из частных воспоминаний об одном деятеле лингвистической науки советского времени.

⁶⁵ Имплицируется: на выборах.

- Поиски виноватого «за всё» [37]

Такой развал! И кто в том виною?; Главные преступники-то — они знаешь где сидят!; Попробуйте найти виноватых — не найдете! «Русский» вопрос «Кто виноват?» впервые сформулирован А. И. Герценом в одноименном романе ⁶⁶.

- Элицитирование ⁶⁷ признания вины [38]

Признайся, и тебе сразу станет легче!; Лучше сам скажи, чем другие скажут; Стыдно? Это и хорошо, что стыдно. Теперь сознавайся.

- Отказ от обвинения, хотя оно прямо ожидается от пострадавшего [39]

У меня к Вам нет претензий!; А что, разве я на кого что сказала?; Не мне быть судьей в твоём деле. Записка самоубийцы: «В моей смерти прошу никого не винить» ⁶⁸. «Но вас / Я не виню: в тот страшный час / Вы поступили благородно» (Пушкин, Евгений Онегин). «Подруг не ругаю, / родных не корю» (из песни).

02–3Б. Группа РПТактик ложного обличения

Коммуникант-2 знает, что коммуникант-1 не совершал деликта, и тем не менее, по разным мотивам, прилагает (нередко за глаза) усилия, чтобы или приписать ему деликт, или объявить деликтом реально совершенное им действие, хотя оно деликтом не является. Малая интенсивность ложного обличения — *придирки*, средняя — *наговор*, высокая — *клевета*, *очернительство*. Имеется тематическая группа лексики с семантической долей «ложное обвинение»: *наговорить* на кого-л., *обнести*, *оболгать*, *оговорить*, *оклеветать*, *охаять*, *подсматривать* за кем-л., *подыскиваться*, *поносить*, *придраться*, *цепляться*, *возводить поклеп/напраслину*, *валить с больной головы на здоровую*, *клепать* на кого-л. *как на мертвого*, *наводить тень на плетень* (вариант: *на ясный день*) и т. д. Внешне со стороны коммуниканта-2 ложное обличение принимает те же формы, что и истинное (см. выше 02–2А). Поэтому проследим за РПТактиками отвержения ложных обличений коммуникантом-1, а также с позиции стороннего наблюдателя.

- Несогласие с огульным охаиванием [40]

Ну, послушать Вас, так он просто исчадие ада!; А я думаю, он еще выправится!; Зачем же так? Будем справедливы. «Не такой уж горький я пропойца» (Есенин, Письмо матери).

- Непринятие обвинения, поскольку оно дискомфортно [41]

Вы думаете, мне приятно выслушивать Ваши слова?; Замолчите! Не хочу Вас больше слушать!

- Ссылка на то, что деликт, по прошлому опыту, нехарактерен для коммуниканта-1 [42]

Я еще в жизни никого не оговаривал!; Разве хоть кто-нибудь может сказать, что я беру?; Никогда раньше не гонялся за чинами, и на старости лет не буду. Мавра

⁶⁶ Написан в 1846 г.; отдельным изданием вышел в 1847 г. Второй «русский» вопрос сформулирован в романе Н. Г. Чернышевского «Что делать?» (написан и опубликован в 1863 г.).

⁶⁷ Элицитирование — речевой акт, перлокутивная цель которого состоит в побуждении адресата выполнить определенное, в том числе речевое, действие. Ср. лат. *elicio* «выманывать, извлекать, возбуждать, побуждать».

⁶⁸ О так наз. «культуре самоубийства» в разные эпохи см. [Рарегно 1997].

Плюшкину: «Да за что же припекут, коли я не брала в руки четвертки? Уж скорее другой какой бабьей слабостью, а воровством меня еще никто не попрекал» (Гоголь, Мертвые души). «— За кого ж ты меня считаешь? — говорил Ноздрев. — Стану я разве плутовать?» (там же). Соответственно коммуникант-1 оскорбляется, если его обвиняют в том, что ему несвойственно. Диалог Ноздрева и Чичикова: «— Ну да ведь я знаю тебя: ведь ты большой мошенник! <...> — Всему есть границы, — сказал Чичиков с чувством достоинства» (там же).

- Явно ложные и абсурдные обвинения (*напраслина*) [43]

Ссылка на объективную невозможность совершения деликта. *Да я как раз в марте был за границей!; Вы меня с кем-то спутали: я и знать не знаю Ивана Петровича; Как я мог оказаться там за полчаса, если у меня машины нет?* Ситуация в басне Крылова «Волк и Ягненок»: «Ты виноват уж тем, что хочется мне кушать».

В. Шукшин в рассказе «Обида» описывает ситуацию, когда обвинительница (продавщица) обозналась и приняла за деликтанта невинного человека. Невинный постоянно ссылается на объективную невозможность проступка:

«— Чего глядишь? Гляди-ит! Ничего не было, да? Глядит, как Исусик. <...> — Слушайте, — сказал Сашка <...>. — Что вчера было? <...> — Забыл? — Что я забыл? Я вчера на работе был! — Да? И сколько плотют за такую работу? На работе он был. <...> Тут бы пожать плечами, повернуться и уйти к черту. Тетя-то уж больно того — негибамая. Может, она и поняла, что обозналась, но не станет же она, в самом деле, извиняться перед кем попало. С какой стати? (Далее объяснение в кабинете завотделом:) — Я вчера весь день был на работе... Я даже в магазине-то не был! А она мне начинает: я, мол, чего-то такое натворил у вас в магазине. Я и в магазине-то не был. (Объяснение с продавщицей в присутствии завотделом:) — Напился вчера, наскандалил, а сегодня я напомнила, — сделал вид, что забыл. Да еще возмущенный вид сделал. <...> — А что сделал-то? — Ну, выпил — не хватило. Пришел еще. А время вышло. Он — требовать... — Звонили? — Любка пошла звонить, а он, хоть и пьяный, а сообразил — ушел. Обзывал нас тут всяко... — Слушайте! — вмешался опять в их разговор Сашка. — Да не был я вчера в магазине! Не был! Вы понимаете? <...> Не был я вчера в магазине, вы можете это понять?! Я же вам русским языком говорю: я вчера в этом магазине не был!»

- Возражения против специального выслеживания [44]

Что Вы всё высматриваете, вынюхиваете?!; Да кто Вам дал право шпионить за мной? «Нечестивый подсматривает за праведником» (Пс 36: 32). «Книжники же и фарисеи наблюдали за Ним, не исцелит ли в субботу, чтобы найти обвинение против Него» (Лк 6: 7).

- Ссылка на то, что ложные обвинения — это деликт [45]

Как вам не стыдно — наговариваете на честную девушку!; Хорошенько подумайте, прежде чем говорить. «— Не виновата я, не виновата! — вдруг на всю залу вскрикнула она (Маслова). — Грех это» (В: 68).

- Извращение мотивов поступка коммуниканта-1 [46]

С чего Вы взяли, что я стащить собиралась? Я как раз собиралась вернуть!

- Чтобы отвести вину от другого [47]

Я знаю, почему Вы на меня всё валите! Вам хочется любимую Машеньку выгородить.

02–3В. Группа РПТактик неприятия обвинения

Отчасти эти РПТактики совпадают с РПТактиками приуменьшения вины (см. выше 02–1Б).

Заранее скажем, что РПТактики отвержения обвинения отнюдь не нарушают Принцип Кооперации Грайса [Грайс 1985: 222 и сл.]. Действительно, в дискурсе соблюдаются все вытекающие из Принципа постулаты — например, истинности и релевантности (связности речи). Что же касается эстетических, социальных и моральных постулатов (типа «Будь вежлив!»), то сам Грайс отмечал, что они релятивны и меняются на противоположные (типа «Будь груб!») в зависимости от обстоятельств, что и наблюдается в диалоге навязывания/неприятия обвинения. Естественно, диалог остается кооперативным (успешным), даже если в его итоге дальнейшая коммуникация надолго (или навсегда) становится невозможной.

- Ссылка на невиновность [48]

Зачем мне брать на себя чего не было?; Ничего подобного я не делал; И в мыслях не было; Ей-Богу, не я!; Да я и не думал Вас толкать! «Услышав решение, Маслова багрово покраснела. — Не виновата я, не виновата!» (В: 68).

- Запирательство, т. е. отказ сознаться в заведомо совершенном деликте [49]

Поскольку нет очевидных улик: *А Вы докажите; Не пойман — не вор; Это дело шито-крыто.* Нагло, надменно: *Ну и что, что ты видела? А я на людях не признаюсь; Говорите, что хотите, всё равно не сознаюсь; Вы знаете — и помалкивайте.* Ситуация наглого запирательства описана В. Шукшиным в рассказе «Дядя Ермолай»: «Да ты скажи честно: испужались, может, не нашли — нет, в глаза смотрют и врут. Обороты».

- Апология (аргументы в пользу невиновности) [50]. Обычно по неписаному праву на ответ (*audiatur et altera pars*).

На самом деле всё было по-другому; Позвольте, расскажу, что случилось на самом деле; Вы всё сказали? Теперь я отвечу. Ссылкой на всеобщую распространенность деликта: «Совсем никудышный стал народ! <...> Пьют, воруют... Я и то приворовываю на складе. Знамо, грех, но поглядишь кругом-то — господи-господи, что делается!» (Шукшин, Билетик на второй сеанс). Ссылкой на «подначивание» других лиц: «Сундук плетеный, не баба. Из-за нее больше и приворовываю-то. Жадная!.. Несусветно жадная!» (там же). В фольклоре — в форме плача: «Мужнина родня — матренины золовки, сестры Ефима и Фаддея, и еще племянницы разные приходили и плакали так: — Ах, тётанька-тётанька! И как же ты себя не берегла! И, наверно, теперь они на нас обиделись! И родимая ж ты наша, и вина вся твоя! И горница тут ни при чем. И зачем же пошла ты туда, где смерть тебя стерегла? И никто тебя туда не звал! И как ты умерла — не думала! И что же ты нас не слушалась? (И изо всех этих причитаний выпирал ответ: в смерти ее мы не виноваты <...>.)» (Солженицын, Матренин двор). — Об обвинении в форме плача см. [24].

- Ссылки на зависть, происки, злорадство и прочие недостатки врагов [51]

Да это клевета в чистом виде; Что Вы слушаете этого дурака? Он мне просто завидует; Чего только на меня не навесили! И все потому, что у меня всё хорошо! «Хвалу и клевету приемли равнодушно / И не оспаривай глупца» (Пушкин, Я памятник

себе воздвиг нерукоотворный). «Пускай я много виноват, / Пусть увеличит во сто крат / Мои вины людская злоба» (Некрасов, О муза! я у двери гроба!). — Зависть как побудительный мотив клеветы исследовал Ю. Олеша в одноименном романе.

• Ссылки на внешние причины или на физиологию [52]

Разве я виноват, что автобуса полчаса не было?; Я почувствовала дурноту, чуть не упала, и мне пришлось с полдороги вернуться. «Конечно, опоздавший приведет в свое оправдание сотни причин: не слышал звонка, не успел переодеться или перегримироваться, разорвался костюм и проч. и проч. Но разве все эти оправдания вернут излишнюю затяжку вечера, разве они излечат изъян, трещину?» (К. С. Станиславский, Этика).

• Переоценка вины [53]

Иногда с импликацией, что поступок — не деликт, а благое дело. Эта РПТактика отчасти рассмотрена выше. Раскольников: «Преступление? Какое преступление? <...> То, что я убил гадкую, зловредную вошь, старушонку-процентщицу, никому не нужную, которую убить сорок грехов простят, которая из бедных сок высасывала, и это-то преступление? Не думаю я о нем и смывать его не думаю» (П: 476).

• Встречное обвинение [54]

Сам подлец! От подлеца слышу!; Я ничем не виновнее Вас; На себя посмотрите! «— Да ты, брат, как я вижу, сочинитель! — Нет, брат, это, кажется, ты сочинитель, да только неудачно» (Гоголь, Мертвые души). Вследствие расхождения в оценках: *Ты сам во всем виноват!; Это ты должна передо мной извиниться!*

• Выявление истинного виновника [55]

Ах, где же эта книга? Так и есть: жена мне не положила ее в портфель; Меня толкают, и я толкаю. «Да, я прибил офицера! / Молод еще оскорблять / Старых солдат. Для примера / Должно меня расстрелять. / Выпил я... Кровь заиграла... / Дерзкие слышу слова — / Тень императора встала...» (Беранже. Старый капрал. Пер. В. Курочкина).

Как было сказано выше, далее, ради сбережения места, совокупности РПТактик 4—6 только перечисляются. В полной версии они имеют тот же вид, что группы 2—3. Совокупность 7 приведена целиком.

**02—4. Совокупность РПТактик добровольного извинения
(НЕ ИСЧИСЛЕНА)**

**02—5. Совокупность РПТактик вынуждаемого извинения
(НЕ ИСЧИСЛЕНА)**

**02—6. Совокупность РПТактик принятого извинения
(НЕ ИСЧИСЛЕНА)**

**02—7. Совокупность РПТактик отвергнутого извинения
(НЕ ИСЧИСЛЕНА)**

02–7А. Группа РПТактик коммуниканта-2

Коммуникант-2 отказывается принять извинения по причинам, которые лежат в основе ряда РПТактик.

- Вина, которую нельзя искупить, в том числе и вследствие непримиримости и злопамятности коммуниканта-2 [56]

Нет, Вы уж слишком далеко зашли; Это ни в какие ворота не лезет; Может, и хотел бы простить, но не могу; Я еще простил бы тебе любопытство, но грубости я никому не прощаю! «И вы не смоете всей вашей черной кровью / Поэта праведную кровь!» (Лермонтов, Смерть поэта). Злопамятность: *Век буду помнить!; Я это тебе припомню!; В жизни никогда не прощу!*
- Материальный ущерб слишком велик [57]

Это мое лучшее платье! В чем я теперь ходить буду?; Здесь одним «извините» не отделаешься. «То-то виноват! Из твоей вины мне не шубу шить!» (Мельников-Печерский, На горах). Пословица: *Из твоей вины не рукавицы шить, не сапоги тачать.*
- Коммуникант-1 обязан отвечать за себя в полной мере [58]

Был бы ты уличный мальчишка, а ты же получил воспитание!; Ребенку еще куда ни шло, но — Вам не пристало! «Она еще глупа, а ты уж не щенок!» (Крылов, Лев и Волк).
- Неудовлетворенность актом извинения [59]

Это Вы так извиняетесь?; Тебя что, за язык тянут?; Ладно, кончай волюнку. К чему лицемерить?; Да я вижу: тебе нисколючки не стыдно!; Опять ухмыляешься?; Ты что, сказал два слова и снова как ни в чем не бывало?!
- Коммуникант-1 — порочный человек [60]

Всё из-за того, что ты никогда не думаешь о людях!; Как можно быть таким невнимательным!; Да с Вами вообще нельзя иметь дела!
- Подозревается злой умысел [61]

Так уж само собой слово вырвалось!; А мне кажется, у тебя давно на меня зуб!; Может быть, Вы метите на мое место? «— А по-моему, тебя сама идея не устраивает. — Ты мне политику не шей» (Шукшин, Крыша над головой).
- Ссылка на то, что случившееся — не первый проступок коммуниканта-1 [62]

Ты и давеча извинялся. Сколько можно?; Это тебе не впервой. Больше не верю; Да ты завтра же снова нарежешься. Пословица: *Единойды солгавши, кто тебе поверит?*
- Разрыв отношений [63]

Знать тебя больше не хочу!; Между нами всё кончено; Пожалуйста, больше не ходите ко мне; Ноги моей здесь больше не будет!; (у детей:) Я с тобой больше не играю/разговариваю!
- Наложение наказания [64]

Подделом тебе!; Нет, ты сначала купи новый, а потом проси прощенья!; Вот постоишь в углу, а там — посмотрим!
- Условное (отложенное) наказание [65]

Еще раз попадешься, отстоишь не час, а два!; На сей раз так и быть, иди! Но еще раз закуришь, выдеру, так и знай!; Подрасту, задам тебе!

- По принципу талиона⁶⁹ [66]

Ты посмел руку на меня поднять?! Так вот — получай!; Не-е-ет! Ты меня подставил, подожди, отплату той же монетой! «Кто сделает повреждение на теле ближнего своего, тому должно сделать то же, что он сделал: перелом за перелом, око за око, зуб за зуб; как он сделал повреждение на теле человека, так и ему должно сделать. Кто убьет скотину, должен заплатить за нее; а кто убьет человека, того должно предать смерти» (Левит 24: 9–14). «Отмщение, государь, отмщение! <...> Будь справедлив и накажи убийцу» (из эпитафии к «Смерти поэта» Лермонтова)⁷⁰. По принципу отрицательного талиона: *Что ты всё цепляешься ко мне? Я тебя не трогаю, и ты оставь меня в покое.*

- Невозможность отказаться от наказания по воспитательным мотивам [67]

Если всё время спускать, так на тебя совсем управы не будет!; Вот выпорю, можешь, почувствуешь; За нечаянно бьют отчаянно! Урок на будущее: Это чтобы тебе больше неповадно было!

- Физическая расправа (у детей, в криминальной среде) [68]

Ты у меня слышишь!; Ну держись теперь!; Я тебе щас ка-ак дам!; Доберусь до тебя!; Ты у меня заплачешься!; Набью морду! «Высеку — прошу. <...> Ну-ка, снимай штаны-то!» (Горький, Детство). «Господа! — воскликнул вдруг Ипполит Матвеевич петушиным голосом. — Неужели вы будете нас бить? — Еще как! — загремели васюкинские любители» (Ильф и Петров, Двенадцать стульев). «Тогда взяли камень, чтобы бросить на Него» (Ин 8: 59).

- Соразмерное наказание, в том числе лишение привилегий [69]

Раз уж сам сознался, пойдика-ка всего на полчаса в угол!; Как покарать тебя по справедливости?; Ладно, плати штраф на месте, и всё!; Останешься без сладкого!; Сегодня не пойдешь гулять!; Мы тебя в цирк не возьмем!; Есть предложение: лишить его премии!

- Несоразмерное наказание, как правило, угроза [70]

Да я тебя в клочки порву!; Сотру в порошок!; Согну в дугу!; С дерьмом смешаю!; Запоешь не своим голосом!; Косточек не соберешь!

- Отказ от наказания или его смягчение из милости [71]

Надо бы участковому сказать, да жаль мне тебя!; Мягкое у меня сердце, вот ты и пользуешься!; Думаешь, мне самому хочется ставить тебе прогул? Иди уж!

- Коммуникант-2 делегирует экзекуцию⁷¹ [72]

Скажу брату, он тебе всыплет! В религиозной среде, особенно если налицо бессилие, экзекуторами выступают судьба, Бог и святые: *Отольются кошкины слезки!; Бог тебе судья!* (= покарает тебя); *Гореть будешь в огне негасимом!* «Вражду твою пусть Тот рассудит, / Кто слышит пролитую кровь» (Тютчев, 29 января 1837).

⁶⁹ Лат. talio «отплата за преступление нанесением того же самого ущерба».

⁷⁰ По копии стихотворения, которая вошла в «Дело о непозволительных стихах, написанных корнетом лейб-гвардии гусарского полка Лермонтовым».

⁷¹ Наказание может быть наложено одним человеком, а исполнено — другим. Во втором случае употребляем термин *экзекуция*.

«Но есть, есть Божий суд, наперсники разврата! / Есть грозный Судия» (Лермонтов, Смерть поэта). «И пошли они, солнцем палимы, / Повторяя: „Суди его Бог!“» (Некрасов, Размышления у парадного подъезда). Плюшкин Мавре: «Вот погоди-ка: на Страшном суде черти припекут тебя за это железными рогатками! вот посмотришь, как припекут!» (Гоголь, Мертвые души). «Не мстите за себя, возлюбленные, но дайте место гневу Божию. Ибо написано: Мне отмщение, Я воздам, говорит Господь» (Рим 12: 19; цитируется Втор 32: 35; повторено Евр 10: 30; эпиграф у Л. Н. Толстого).

• Проклятия как вид магического воздействия [73]

Чтоб тебе ни дна, ни покрывки!; Будь ты проклят, и весь род твой!; Да провались ты к дьяволу! Ветхозаветное проклятие врагов: «Да будут дни его кратки, и достоинство его да возьмет другой; дети его да будут сиротами, и жена его — вдовою; да скитаются дети его и нищенствуют, и просят хлеба из развалин своих; да захватит заимодавец все, что есть у него, и чужие да расхитят труд его; да не будет сострадающего ему, да не будет милующего сирот его; да будет потомство его на погибель, и да изгладится имя их в следующем роде; да будет воспомнано пред Господом беззаконие отцов его, и грех матери его да не изгладится; да будут они всегда в очах Господа, и да истребит Он память их на земле» (Пс 108: 8–15).

• Брань и ругачка как расправа на месте (в малообразованных кругах) [74]

Ноздрев: «Ну, черт с тобой, <...> фетюк! <...> Такая дрянь! <...> Фетюк, просто фетюк!» (Гоголь, Мертвые души)⁷². «Я видел, как две большие премьерши и артистки, встречаясь на сцене перед выходом, обменивались не только за кулисами, но и на самой сцене такими ругательствами, которым позавидовала бы рыночная торговка» (К. С. Станиславский, Этика). Использование матерной брани: *А пошел ты...!; Что бы там ни было, но Вы тоже перестаньте выражаться!* «С утра садимся мы в телегу; / Мы рады голову сломать / И, презирая лень и негу, / Кричим: пошел,» (Пушкин, Телега жизни). Ругачка обиженного ставит его на один уровень с обидчиком: *Сам иди ...!*

02–7Б. Группа РПТактик коммуниканта-1

• Упрашивание⁷³ [75]

Да уж прости меня, прости, прости!; Ну, пусть не сейчас, прости потом!; Что мне сделать, чтобы искупить вину?; Хочешь, на колени встану?; Как мне вымолить прощение?; Пойду, поважусь ему в ноги! Нехлюдов Катюше: «— Я пришел затем, чтобы просить у тебя прощения. <...> Прости меня, я страшно виноват перед... Я знаю, что вам трудно простить меня. <...> Не могу я так оставить этого. Я хоть теперь хочу искупить свой грех. <...> Катюша! Я пришел к тебе просить прощения, а ты не ответила мне, простила ли ты меня, простишь ли ты меня когда-нибудь... — Что старое поминать, — сухо сказала она. — Я вспоминаю затем, чтобы загладить, искупить свой грех, Катюша...» (В: 117–120). Анна Долли: «Я не знаю, насколько в

⁷² Писатель сделал примечание: «Фетюк — слово, обидное для мужчины, происходит от ф, — буквы, почитаемой некоторыми неприличною буквою».

⁷³ Упрашивание состоит из элицитивных речевых актов, а его перлокутивная цель заключается в стимулировании некоторого поведения адресата.

душе твоей есть еще любви к нему. Это ты знаешь, — настолько ли есть, чтобы можно было простить. Если есть, то прости! <...> Да, я простила бы. Я <...> простила бы, и так простила бы, как будто этого не было, совсем не было» (Л. Толстой, Анна Каренина).

• Обещание исправиться [76]

Такое больше не повторится, честное слово!; Я больше не подведу: вот увидите!; Я стану другим человеком! Маковкина: «Простите меня. <...> Чем выкуплю я грех свой? <...> Я переменю свою жизнь» (Л. Толстой, Отец Сергей).

• Обещание возместить ущерб [77]

Я куплю Вам новый свитер. Или деньгами отдам!; Да я сейчас же подотру пол!; Вот, возьмите вдвое больше! «Закхей же, став, сказал Господу: Господи! половину имения моего я отдам нищим, и, если кого чем обидел, воздам вчетверо» (Лк 19: 8).

• Готовность возложить на себя наказание и принять его от другого [78]

Ты уж лучше отругай меня как следует. Хватит дуться!; Да я с радостью заплачу штраф!; Что ж? Умел кататься, умей и саночки возить; Поделом вору и мука. «... а если что, то секи меня, как сидорову козу» (Чехов, Ванька). Коммуникант-2 обычно определяет для себя малое наказание: *Ну уж нет! Полчасика, так и быть, постою, но не больше.* «Носик действительно на меня похож. За носик <...> я всегда способен три рубля или три с половиной вносить» (Зоценко, Папаша).

• Отказ принять наказание вследствие его несправедливости в глазах коммуниканта-1 (ропот) [79]

Так уж сразу и на губу? Я опоздал-то всего на пять минут!; Вы от меня слишком многого требуете!; Да Вы просто куражитесь надо мной! «Непонятен ему [унтеру Пришибееву] и приговор: на месяц под арест. — За что?! — говорит он, разводя в недоумении руками. — По какому закону?» (Чехов, Унтер Пришибеев). Ропот против Бога: «„За что? За что? — думала она [Альбина], — и Юзё и я — мы ничего ни от кого не хотим, кроме того, чтоб ему жить так, как он родился и жили его деды и прадеды, а мне только — чтобы жить с ним, любить его, любить моих крошек, воспитать их. И вдруг его мучают, ссылают, а у меня отнимают то, что мне дороже света. Зачем? За что?“ — задавала она этот вопрос людям и Богу» (Л. Толстой, За что?).

• Отказ принять обличение (и наказание) вследствие неравенства статуса коммуникантов или моральной порочности обвинителя [80]

Дети не могут обвинять родителей, младшие — старших: *Ты от горшка два вершка и учишь меня уму-разуму?; Замолчи! Яйца курицу не учат; Сначала поживи с мое, а потом вякай!; Молоко на губах не обсохло, а уже как прокурор!* Из «Необыкновенного концерта»⁷⁴: «От такого слышу!»

• Отказ принять обличение вследствие его непозволительной формы [81]

Я виноват, но зачем Вы орете на меня?; Ну, уж если Вы теперь материться начинаете...; Я свою вину вижу, но обзываться-то зачем?!

⁷⁴ Так в советское время назывался спектакль-пародия в Театре кукол под руководством известного кукольника С. Образцова.

02–8. ВЫБОР СЕРИИ РПТАКТИК В ЗАВИСИМОСТИ ОТ СТРАТЕГИИ

Показательный пример. В рассказе В. Шукшина «Мой зять украл машину дров!» воспроизводится сцена показательного суда в сельском клубе. Веня Зблицкий обвиняется в злостном хулиганстве. Выступавшие разделились на его обвинителей и защитников.

РПТактики обвинителей:

Теща плакала на суде, опять говорила, что она создавала первые колхозы, рассказывала, какие она претерпела переживания, сидя в «карцере», — ей очень хотелось посадить Веню.

Говорил (прокурор), что преступление всегда — а в данном случае и полезней — лучше наказать малое, чем ждать большого. Приводил примеры, когда вот такие вот, на вид безобидные, пареньки пускали в ход ножи...

— Где уверенность, я вас спрашиваю, что он, обозленный теперь, завтра снова не напьется и не возьмет в руки топор? Или ружье? В доме — две женщины. Представьте себе.

— Это что он, после газировки взял молоток и заколотил тещу в уборной? Пожилую, заслуженную женщину! И за что? За то, что жена купила себе шубу, а ему, видите ли, не купили кожаное пальто!

— Нет, товарищи, наша гуманность будет именно в том, что сейчас мы не оставим без последствия этот проступок обвиняемого. Лучше сейчас. Этим мы оградим его от большой опасности. А она явно подстерегает его.

РПТактики защитников:

— Граждане судьи! <...> Я знал отца Венькиного — он пал смертью храбрых на поле брани. Мать Венькина надсадилась в колхозе — померла.

И старые и молодые говорили, что знают Веню с малых лет, что рос он сиротой, всегда был послушный, никого никогда пальцем не тронул.

Наказать, конечно, надо, но — не в тюрьму же!

— Сам Венька с десяти лет пошел работать... <...> Парень сам себя содержал, своим трудом... это надо ценить. <...> У него одних благодарностей штук десять! Его каждый праздник отмечают как передового труженика.

— Посадить легко, каково сидеть.

— А тут, наоборот, не надо торопиться, он еще подымеется.

Нельзя же, в самом деле, сразу, по первому заявлению, привлекать человека к уголовной ответственности. Вот если повторится, и если он будет в пьяном виде...

Одни и те же аргументы:

— Я первые колхозы создавала, а ты мне — курва! — громко закричала теща, появляясь в дверях.

— А про меня в газете писали, что я, хромой, — на машине работаю! — тоже закричал Веня. И постучал себя в грудь кулаком. — У меня пятнадцать лет трудового стажу!

02–9. МОРАЛЬНО-БЕЗОЦЕНОЧНЫЙ ОБЛИК ДВУХ КОММУНИКАНТОВ В СЕКУЛЯРНОМ МИРЕ

Таковы РПТактики⁷⁵ предъявления деликта и изглаживания вины, которые реально используются в наши дни в *секулярной* среде.

Поскольку подавляющее большинство русских в своей практической жизни не руководствуется ни религиозными, ни идеологическими мотивами, для соответствующей мирской духовной ментальности типично отсутствие обязательных для всех нравственных оценок. Конечно, для технократичного, секулярного, неконформного, эмансипированного и свободного общества эпохи Просвещения, как и любого другого, все же характерны некоторые абсолютные нравственные ориентиры, но этот набор, по сравнению с теократической или идеологизированной средой, невелик, и ситуации вины и ее изживания в него не входят. Релятивизм морали, за пределами полудюжины нормативов, — это, как известно, отличительная черта мирской среды [Guardini 1976; Küng 1975], так что деликт и его изживание⁷⁶ в современной России имеют место по вариабельным, вплоть до взаимного исключения, нормам. Соответственно полученный нами перечень РПТактик сам по себе, за отсутствием нормативов, этически оцениваться не может.

Этот перечень, далее, как уже упоминалось, заведомо не полон, но за что можно ругаться — это за узуальность речений⁷⁷.

Палитра РПТактик — велика. Собираательные портреты коммуникантов — противоречивы. Если учесть не только три рассмотренных выше совокупности РПТактик, а все шесть, то путем подытоживая (и используя лексику дескрипций) мы получили следующие генерализации.

Коммуникант-1 может быть совестливым, расположенным к раскаянию, признанию за собой вины и даже к ее преувеличению, готовым возместить ущерб и понести наказание, но объективно больше РПТактик, говорящих, что он склонен:

объявлять деликт не провинностью, а заслугой;

ссылаться на уважительные причины, чувства и страсти, плохое самочувствие, внешние обстоятельства и препятствия, приводить отговорки, отщучиваться, отмахиваться от проступка, стремиться отвлечь от него, запутать дело;

указывать на незначительность своей вины, ее случайность и нехарактерность, ненамеренность деликта, ограниченность ответственности вследствие большого душевного волнения (аффекта);

⁷⁵ Следует помнить, что мы рассмотрели только половину совокупностей тактик и что мы не ставили перед собой задачи провести полное их исчисление.

⁷⁶ Естественно, из рассмотрения исключаются юриспруденция и реальное судопроизводство.

⁷⁷ Чтобы верифицировать свой корпус узуальных речений, мы, авторы настоящих строк, давали первый вариант перечня для прочтения лингвистам (прошедшим социализацию в России) и просили их отмечать те фразы, которые представляются нарушающими узу или за которыми не всплывают ситуации, имеющиеся в жизненном опыте. (Жизненный опыт бывает личный и заемный, т. е. почерпнутый из книг, газет, журналов, радио- и телепередач, общения в своем кругу и т. д.) Примерно так, т. е. обращением к экспертным оценкам, верифицируется любое лексикографическое произведение. Чувство узуса у людей расходится, и коллеги делали замечания. Если какое-либо речение хотя бы одним из экспертов ставилось под сомнение, мы его немедленно исключали. Таким образом, приведенный выше второй вариант корпуса — это тот остаток, реальность которого была подтверждена всеми.

жаловаться на вмешательство чертовщины;
оправдываться искренним желанием поступить как лучше;
приводить в свое оправдание всеобщую распространенность деликта;
с возмущением разоблачать происки врагов, называть себя жертвой клеветы, наговоров, подсматривания и вторжения в частную жизнь;
прямо отречься от вины, запирается, в том числе грубо, нагло и вопреки очевидности, а также вследствие гордости и превозношения;
сваливать свою вину на другого, подставляя его под наказание;
протестовать против того, что его огульно охаивают и очерняют, временами даже предъявляя встречные обвинения;
отказываться принять наказание как якобы слишком тяжелое, унижительное и несправедливое, а также роптать и т. д.

Иными словами, если обобщить, то множество РПТактик лишь формально входят в ситуацию изглаживания деликта. Коммуникант-1 (виновный) склонен проводить линию на свою **апологию**.

Коммуникант-2 (потерпевший или сторонний обвинитель) может указывать на деликт своего адресата, искренне желая его исправить, или перевоспитать, или сохранить с ним добрые отношения, т. е. принести ему пользу, но значительно больше РПТактик, которые свидетельствуют, что обвинитель коммуникант-2 **склонен**:

обвинять невинного, вешать на него чужую вину;
неумеренно, неадекватно, язвительно, оскорбительно, иногда и абсурдно обвинять коммуниканта-1, оговаривать его, хулить, охаивать, мазать черной краской, не щадить его самолюбия, унижать, распекать и предъявлять претензии;
извращать мотивы проступка и во всем видеть злой умысел;
требовать возмещения ущерба по принципу талиона;
не сдерживать себя в гневе и возмущении, желать виноватому зла и крушения, проклинать его;
отказываться коммуниканту-2 в доверии;
усугублять его вину, клеветать, поливать/забрасывать грязью, возводить поклеп и напраслину, поносить в глаза и особенно заглазно, копать/интриговать против него, рыть ему яму, есть его поедом, сживать со света;
ругать и бранить виновного, в том числе непотребно и по-матерному, придирается, подыскиваться, цепляться, шпионить и распространять слухи;
не проявлять милосердия, широты души и снисходительности; прибегать к физической расправе и к несообразно большому наказанию;
уподоблять виновного диким и нечистым животным;
стремиться сделать деликт известным большому кругу лиц и т. д.

Таким образом, если подытожить, то множество РПТактик коммуниканта-2 лишь по внешнему виду входят в ситуацию изглаживания деликта. Коммуникант-2 (потерпевший или сторонний наблюдатель) склонен проводить линию на **конфронтацию**.

02–10. МОРАЛЬНАЯ ОЦЕНКА АПОЛОГИИ И КОНФРОНТАЦИИ В МИРЕ С ДУХОВНОЙ ДОМИНАНТОЙ

Установка на апологию и установка на конфронтацию — это вполне приемлемые и закономерные черты нормальной повседневности, так наз. *секулярного* мира, в котором нет духовной доминанты, способной подчинить себе всех и вся. Если же такая доминанта присутствует, то обе установки оказываются — хотя бы для приверженцев этой доминанты — неприемлемыми.

Действительно, они обе нарушают два основополагающих принципа *христианской* догматики и этики. С одной стороны, самооправдывающийся и отвергающий наказания человек, человек без чувства вины, исключает себя из поколенного преемства первородного греха⁷⁸, не признает искупительную роль Христа, не верит в загробный суд и мздовоздаяние. С другой стороны, человек с установкой на конфронтацию входит в противоречие с заповедью о любви к ближнему⁷⁹.

Те же самые установки на самоапологию и на конфронтацию с товарищами нарушают и два основополагающих принципа абсолютной (тотальной, тоталитарной) идеологии *революционеров* любого толка, действующих общинно и (в разной мере) подверженных болезни левизны (например, во Франции: *якобинцев* и в нашей стране: *декабристов, петрашевцев, народовольцев, анархистов, социал-революционеров* [эсеров], *большевиков, советских коммунистов, российских коммунистов* [нынешнего времени], *дзэсовцев* Валерии Новодворской⁸⁰ и т. д.).

Человек, который, вопреки мнению общины, считает себя правым, фактически не признаёт над собой власти коллектива, тогда как общество якобы всегда выше индивида, — так, советский человек был обязан «соблюдать принципы коммунистической морали, ставить общественные интересы выше личных» [Устав 1991: 6]. Кроме того, дерзкая конфронтация с «единомышленниками» — это есть отвержение принципа критики и самокритики, важность которого неоднократно подчеркивалась (например, в партийных документах), а также товарищеской атмосферы. Корпоративные суды и приговоры (включая их исполнение) существовали и существуют в любом революционном сообществе.

⁷⁸ С религиозной точки зрения, грех — это искажение замысла Бога о человеке, созданном по образу и подобию Божию. В силу своей свободной воли человек вносит в мир зло. «Он как бы портит творческое дело Бога или природы. На языке простого народа обычная порча работы называется *огрех*. На языке религии порча в себе образа и подобия Божия — *грех*» [Иванов 1998: 45].

⁷⁹ Учение о первородном грехе человечества и искуплении см. в любом пособии по догматическому богословию Православной Церкви (ср., например, [Макарий 1868]). Что касается заповеди любви к ближнему, то в христианстве она поставлена вровень с заповедью любви к Богу (Мк 12: 31), т. е. является наиважнейшей. Она восходит уже к Пятикнижию («Не мсти и не имей злобы на сынов народа твоего, но люби ближнего твоего, как самого себя»; Лев 19: 18), однако в Новом Завете она распространена не только на единоверцев, единоплеменников и праведников, но и на любого человека, в том числе врага и грешника. О точной семантике ветхозаветной лексемы У7 «ближний» см. [König 1931].

⁸⁰ *Дзэсовцы* — самоназвание членов Демократического Союза, партии, лидером которой является В. И. Новодворская. Относительно сходства большевиков и дзэсовцев ср. собственное суждение лидера: «... я поняла, что я из одного теста с Павкой Корчагиным, как я от него ни отрекайся. Все-таки КПСС, вопреки своим собственным интересам, удалось воспитать из меня настоящего коммуниста, хотя и с антикоммунистическим уклоном. <...> я была законченной большевичкой» [Новодворская 1993: 10–11].

Вот почему в покаянной дисциплине Православной Церкви или в воспитательной работе революционеров большое место отводится воспитанию как чувства личной вины перед организацией («недостойства»), так и любви к товарищам, к «ближним».

Вероятно, необходимы разъяснения. Конечно, воспитательная работа революционеров, в которой многое позаимствовано из церковной покаянной дисциплины и проповеди, — естественно, в вывороченном виде и с противоположными оценочными мерками, — вторична и подражательна; можно даже сказать, что она уворвана. Оба явления, однако, рассматриваются нами не в аспекте их генезиса или отношений между ними, а строго синхронно и отстраненно. Не следует также смущаться тем, что на одном дыхании говорится о православии и, например, о коммунизме советского типа или партии Новодворской. Мы ничуть не уравниваем их ни онтологически, ни тем более *этически*⁸¹. Они могут быть поставлены на один уровень лишь с точки зрения *этологии*, — исключительно к видению этологии, как упоминалось (сн. 5), относятся импликации приведенного выше и следующего ниже лингвистического анализа. Кроме того, и в реальности существует же такой, казалось бы, противоестественный феномен *как христианский социализм*.

Таким образом, да не станут преградой для объективной науки идола общественного мнения: сближающее рассмотрение не содержит в себе ничего оскорбительного или принижающего ни для религии, ни для идеологии.

В этологическом уравнивании религии и *квазирелигии* (или *авторитарной религии*⁸², или *идеологии*) мы следуем как раз за воззрениями ведущих богословов современности, а именно Рудольфа Отто и Пауля Тиллиха.

Религиозный философ и богослов Р. Отто⁸³ разработал понятие *нуминозного* (*das Numinose*)⁸⁴, или *нуменального*, — духовного опыта, вследствие которого может возникнуть массовое идейное движение (религия или идеология). «Классик богословия»⁸⁵ П. Тиллих подробно исследовал признаки, позволяющие сближать религию и идеологию вплоть до признания их одним феноменом. Ниже обе концепции изложены в самом кратком представлении.

⁸¹ Такие попытки известны. Достаточно сослаться на позицию известного протестантского богослова Эмиля Фукса, который, кажется, вполне искренне был уверен, что христианская (религиозная) этика и марксистская (атеистическая) этика настолько между собой близки, что почти совпадают (см. [Fuchs 1956]). Кроме того, ср. точку зрения П. Тиллиха, проponenta концепции *христианского социализма*, — она рассматривается ниже в небольшом очерке.

⁸² Авторитарная религия — это такой тип верований, когда человек подчиняется Высшему Авторитету (Богу или харизматическому лидеру) как внешней власти. Э. Фромм удачно написал об этом: «В обществах, которые управляются могущественным меньшинством, держащим массы в подчинении, индивид настолько охвачен страхом, что его религиозный опыт с необходимостью окажется авторитарным. Неважно, кому он поклоняется — наказующему, внушающему страх богу или похожему на него вождю» (цит. по: [Василенко 1998: 7]). В такой религии человек — никчемное и изначально виновное существо.

⁸³ В книге «*Das Heilige*», впервые опубликованной в 1917 г. и выдержавшей множество изданий. Мы пользовались изданием [Otto 1963].

⁸⁴ От лат. *numen* «божественное». Абстрактная семантика лат. лексемы производна от ее грамматического рода: *numen* — среднего рода. Краткую (и недостаточную) справку о нумене и нуменальном (нуминозном) в концепции Р. Отто на русском языке см. [Василенко 1998: 134–135].

⁸⁵ Статья о П. Тиллихе вошла в двухтомное издание «Классики богословия». См. эту статью: [Rolinck 1983].

Экскурс 1. Учение о нуминозном в религии и идеологии (Р. Отто)

Чувство нуминозного (подобно, например, абсолютному музыкальному слуху или синопсии) — это хотя и человеческий, но не общечеловеческий феномен; оно свойственно лишь отдельным особям, которые по признаку одинаковости нуминозного находят себе подобных и объединяются в группы энтузиастов. При благоприятных условиях подобная группа (безразлично — религиозная или идеологическая) способна подчинить себе и тех людей, которые чувством нуминозного не обладают, вплоть до пределов целой страны или даже ряда стран.

Понятие *нуминозного* предложил марбургский религиозный философ Рудольф Отто, и его концепция составила эпоху в западном богословии⁸⁶. Это понятие является проявлением строго дескриптивного (безоценочного и неангажированного) подхода к умственным движениям человечества — как к религии, так и к идеологии. Нуминозным Отто назвал не передаваемый словами, но реальный опыт человека, когда тот в определенные моменты отчетливо переживает присутствие чего-то *радикально иного*, чем он сам и окружающий его мир, потусторонне-духовного, непонятного и заведомо сущностно-непостижимого, хотя и бытийно-реального; нуминозное — это *mysterium*. Опыт нуминозного отличен от опыта секулярного как «радикально другой», но не как «совершенно другой»: между «посюсторонним» и «потусторонним» имеет место коммуникация, причем для носителя нуминозного опыта — безусловно реальная, хотя и неуловимая, непонятная. Такое чувство возникает при созерцании природы⁸⁷, восприятии великого произведения искусства, наблюдении подвига и героизма, в присутствии неординарной (харизматической) личности, знакомстве с каким-либо грандиозным (и не до конца понятным) учением и т. д., а также во время пребывания индивида в экзальтированной толпе.

Содержанием подобного переживания является *Нумен* (условный перевод: «божественность, величие, могущество, сверхъестественность»), и что это такое, сказать невозможно, потому что денотатом является эмоция. Во всяком случае, это не обязательно чувство личного Бога, потому что нуминозное переживается агностиками и даже милитантными атеистами. Кто имел или имеет опыт нуминозного, тот, по Отто, поймет, о чем идет речь, а кто этим опытом не располагает, тому не разъяснишь⁸⁸. Философы и поэты, впрочем, такие попытки предпринимают⁸⁹.

⁸⁶ Популяризатором идей Отто был другой известный богослов — Романо Гвардини [Guardini 1967: 152 и сл.].

⁸⁷ Например, благоговение Канта при виде звездного неба над собой производно от зрения, но не относится к сфере зрения. О чувстве благоговения при чтении Евангелия, Марксова «Капитала» или «Вопросов ленинизма» Сталина имеется множество свидетельств.

⁸⁸ Как, например, слепому от рождения объяснить, какого цвета трава, или убедить глухого, что трели соловья — прекрасны?

⁸⁹ Ср. у Тютчева: «Не то, что мните вы, природа: / Не слепок, не бездушный лик — / В ней есть душа, в ней есть свобода, / В ней есть любовь, в ней есть язык...» Тютчев, кстати заметить, понимает, что пережитое им восприятие нуминозного не может быть передано другому, невосприимчивому человеку: «Они не видят и не слышат, / Живут в сем мире как впотьмах, / Для них и солнца, зная, не дышат / И жизни нет в морских волнах. / Лучи к ним в душу не сходили, / Весна в груди их не цвела, / При них леса не говорили / И ночь в звездах нема была! / <...> Не их вина: пойми, коль может, / Органа жизнь — глухонемой! / Увы, души в нем не встревожит / И голос матери самой!» (Тютчев, Не то, что мните вы, природа).

Рациональное определение нуминозного невозможно, поскольку это — фундаментальная, изначальная и априорная (хотя и воспринимаемая апостериорно) категория. Переживание нуминозного сопровождается двумя разнонаправленными чувствами: чувством *страха-трепета-благоговения*⁹⁰ (*mysterium tremendum*) перед лицом *majestas*, «величественного», желанием бежать-скрыться, с одной стороны, и, с другой, чувством *блаженства-притяжения* (*mysterium fascinosum*). Оба чувства находятся между собой в своеобразной гармонии контрастов. От этих двух чувств производно чувство тварности и благочестия, т. е. желания послужить нуминозному. Благочестие дозируется, и если нуминозный опыт захватил всего человека, то он стремится поставить себя ему на службу — безраздельно, целиком и полностью⁹¹. Никакими рациональными аргументами человека с опытом нуминозного разубедить нельзя. Бывает как нуминозная глухота, так и нуминозная гениальность, а между ними — множество промежуточных степеней. См.: [Otto 1963: 13–16, 42 и сл.]⁹².

⁹⁰ *Благоговение* — это религиозный трепет, возникающий в присутствии святыни.

⁹¹ См. самосвидетельство революционера: «Когда я был отроком тихим и нежным, / Когда я был юношей страстно-мятежным, / И в возрасте зрелом, со старостью смежным, — / Всю жизнь мне все снова, и снова, и снова / Звучало одно неизменное слово: / Свобода! Свобода!» (Н. Огарев, Свобода).

⁹² К. С. Льюис попытался (что называется, на пальцах) объяснить понятие *нуминозного* (переводчица, правда, неправомочно заменила термин *нуминозное* на «*священный страх*»): «Если вам скажут: „В соседней комнате — тигр“, вы испугаетесь. Но если вам скажут, что в соседней комнате привидение, и вы поверите, вы испугаетесь иначе. Дело тут не в опасности — никто толком не знает, чем опасно привидение, — а в самом факте. Такой страх перед неизвестным можно назвать ужасом или жутью. Здесь мы касаемся каких-то границ „священного“. Теперь представьте себе, что вам скажут просто: „В соседней комнате — могучий дух“. Страх, чувство опасности будут еще меньше, смущение — еще больше. Вы ощутите несоответствие между собой и этим духом и даже преклонение перед ним, то есть чувство, которое можно выразить словами Шекспира: „Мой дух подавлен им“ (цитата из монолога Макбета). Вот это и есть благоговейный страх перед тем, что мы назвали „священным“. Нет сомнений, что человек с очень давних времен ощущал мир какместилище всяческих духов. Вероятно, профессор Отто не совсем прав и духи эти не сразу стали вызывать „священный страх“. Доказать это нельзя, ибо язык не различает толком страх перед священным и страх перед опасностью — мы и сейчас говорим, что „боимся привидений“ и „боимся повышения цен“. Вполне возможно, что когда-то люди просто боялись духов, как тигров. Несомненно другое: теперь, в наши дни, „ощущение священного“ существует и мы можем проследить его далеко в глубь веков» [Льюис 1992: 127–128]. Далее Льюис проводит немало примеров из художественной литературы — как новейшей, так и античной — и подходит к библейским свидетельствам: «Продвинемся дальше, и пророк Иезекииль скажет нам о небесных колесах, что „страшны были они“ (Иез 1: 18), а Иаков, вставши ото сна, воскликнет: „Страшно место сие!“ (Быт 28: 17). Мы не знаем, как далеко можно было бы еще продвигаться. Самые древние люди почти наверняка верили в вещи, которые вызывали бы такое чувство у нас, и только в этом смысле мы и вправе сказать, что „ощущение священного“ старо, как человечество». Льюис продолжает: «Ощущение, о котором мы говорим, не порождено воздействием видимого мира. <...> Переходя от телесного страха к „страху и трепету“ (Пс 54: 6), человек прыгает в бездну; он узнаёт то, что не может быть дано в физическом опыте и в логических выводах из него. Научные объяснения сами нуждаются в объяснении <...>. Мы же подчеркиваем, что ужас и жуть находятся совсем в других измерениях, чем страх перед опасностью. Никакое перечисление физических качеств не дает представления о красоте, кому она неизвестна; так и тут: никакое перечисление опасностей не дает и малого представления о том особом чувстве, которое я пытаюсь описать. По-видимому, из него логически вытекают лишь две точки зрения: или это болезнь нашей души, ничему объективно не соответствующая, но почему-то не исчезающая даже из таких полноценных душ, как души мыслителя, поэта или святого; или же это — ощущение действительных, но внеприродных явлений, которое мы вправе назвать откровением. Однако „священное“ — не то же самое, что „доброе“, и одержи-

Выявив нуминозное как априорную категорию, отличную от благого и прекрасного, Отто утвердил религию и идеологию как самостоятельную область человеческого духа и жизни, отграничил ее от философии. Характерно, что, по Отто, от *tremendum*'а производно переживание человеком своей *греховности-недостойности* (слишком близкого подхода к нуминозному). Вопреки поколениям моралистов Отто показал, что грех, или ощущение недостойности, — это не понятие морали или догматики и что эмоция виновности не имеет ничего общего с нравственными качествами. Это есть чувство собственной тотальной неценности, которое профанный человек испытывает в присутствии нуминозного⁹³. Лишь на религиозной, а не на нравственной основе вырастает потребность в «искуплении» и в таких «странных вещах», как «освящение» и «изглаживание грехов», что есть не что иное, как стремление слиться с Нуменом [Otto 1963: 165].

Нуминозное чувство способно принимать различные иррационально-рациональные формы: нуминозный человек может стать адептом некоторой религиозной конфессии, но может быть захвачен, скажем, обликом великого человека («вождя»), учением о переустройстве общества, «общем деле» (например, *воскрешения отцов* по Н. Ф. Федорову), верховенстве собственной расы и нации, всеобщности прав и свобод личности, гласности и перестройки и т. д. (и тогда он становится горячим приверженцем некоторой идеологии⁹⁴, вступающей в этом случае с религией в отношении конкуренции). Главное — там и здесь требуется служение («вере», «идее» или «вождю»), в том числе, может быть, до готовности отправиться в заключение, пролить свою (и чужую) кровь и пожертвовать жизнью (= *беззаветность*⁹⁵)⁹⁶. В рамках определенной конфессии или идеологии чувство нуминозного не утрачивается и не теряет своей интенсивности (а может, напротив, весьма усиливаться)⁹⁷: оно переводится в доктринальную область и конкретизируется в ряде рече-поведенческих РПТактик. РПТактики могут отражать императивы как щадящей, так и строгой этики, и они в некоторой своей части всегда противоречат нормам «сего века» (мирским, секулярным). Подобно религиозной праведности и святости, бывает идеологическая праведность и святость.

мый ужасом человек, предоставленный самому себе, может подумать, что оно „по ту сторону добра и зла“» [там же: 128–129].

⁹³ В религии ощущение недостойности проявляется как чувство тварности, временности пребывания на земле и неготовности к Страшному суду, в идеологии — как желание занять в движении самое скромное место (быть винтиком [выражение Сталина], «простым советским человеком»). Выражение заимствовано из статьи В. И. Ленина «Партийная организация и партийная литература» [Мокиенко, Никитина 1998: 81].

⁹⁴ Подобный тип людей описал Ф. М. Достоевский в образе Шатова. (Роман «Бесы» [сокращенно Б] здесь и далее цитируется по изданию: [Достоевский 1990].) «Это было одно из тех идеальных русских существ, которых вдруг поразит какая-нибудь сильная идея и тут же разом придавит их собою, иногда даже навеки. Справиться с нею они никогда не в силах, а уверуют страстно, и вот вся жизнь их проходит потом как бы в последних корчах под свалившимся на них и наполовину совсем уже раздавившим их камнем» (Б: 30). Убеденность адептов некоторой доктрины Достоевский выразил в крылатой фразе: «Но не вы ли говорили мне, что если бы математически доказали вам, что истина вне Христа, то вы бы согласились лучше остаться со Христом, нежели с истиной?» (Б: 237).

⁹⁵ *Беззаветный* — доходящий до самозабвения, готовый пожертвовать собой ради определенного идеала.

⁹⁶ Ср.: «Вы жертвою пали в борьбе роковой / Любви беззаветной к народу, / Вы отдали все, что могли, за него, / За честь его, жизнь и свободу!» (А. Архангельский [Амосов]).

⁹⁷ За исключением периодов упадка.

Экскурс 2. Учение о корреляции религии и идеологии (П. Тиллиха)

Учение Пауля Тиллиха неотделимо от его жизни. Побывав в качестве полевого проповедника на фронтах Первой мировой войны, П. Тиллих стал убежденным приверженцем религиозного социализма. Он присоединился к Берлинскому кружку философов, богословов, экономистов и юристов, сплотившемуся вокруг Карла Менника, цель которого состояла в том, чтобы навести мосты «между секулярной ортодоксией марксистского движения, с одной стороны, и религиозной и церковной ортодоксией лютеранской традиции, с другой»⁹⁸. Одухотворяясь желанием устранить препятствия для христианско-социалистического преобразования общества, П. Тиллих сосредоточился на выявлении общих признаков религии и идеологии и для этой цели разработал специальный *метод корреляции*. Основная идея такова: человеку свойственно задавать экзистенциальные вопросы (о смысле жизни, о нравственности, о развитии мира и общества и значении смерти и т. д.), и поскольку как религия, так и всеобъемлющая идеология готовы давать ответы на эти вопросы, они должны иметь много общего между собой, коррелировать. Различия же между ними оказываются, с этой точки зрения, маргинальными (что, конечно, не упраздняет онтологической истинности религии, а не идеологии). Более того: Тиллих считал, что, поскольку на Западе религиозная традиция утрачивается, именно идеология и, более широко, культура оказываются ныне более пригодными отвечать на экзистенциальные вопросы. Поэтому он объявляет идеологию *религией в широком смысле* (Religion im weiteren Sinn; в противоположность [традиционной] религии в узком смысле). Идеология и культура, даже если они объявляют себя атеистическими, являются, по Тиллиху, формой религии. Во всяком случае, по его мнению, перед лицом кризиса религии идеология все же «лучше» секулярного мира, поскольку она, как и религия, противостоит его бессмысленности и цинизму.

Из большого числа работ, конкретно посвященных сближению марксизма и (христианской) религии, см. подытоживающее резюме: [Die Religion des Marxismus 1984]. Характерно высказывание Глеба Якунина: «Партийная структура заимствована у церкви. Все элементы налицо: святая троица — Маркс, Энгельс, Ленин; святое писание — марксизм-ленинизм, как теория, объявленная „единственно верной“ и воспринимаемая только на веру; церковные соборы — съезды, священные синоды — пленумы, апостолы — Политбюро...» («Известия», 1991, № 253). Еще одно аналогичное суждение: «Для сочувствующих коммунистам тело Ленина играет такую же роль, как мощи святых для верующих православной и других религий, и само коммунистическое учение давно превратилось в своеобразную религию (не лучше, но и не хуже других). Никто не предлагает ликвидировать мощи обычных святых. Так почему надо торопиться лишить коммунистов их любимых мощей <...>?» (проф. А. Розен. «Независимая газета», 1999, № 139).

Отвлечение на учение о нуминозном Р. Отто и на учение о корреляции П. Тиллиха потребовалось для того, чтобы стало видно *по существу общее* этическое отношение православия и революционной идеологии к РПТактикам, объективно и отстраненно выявленным в безоценочном секулярном мире. Некоторые РПТакти-

⁹⁸ Ссылаемся на собрание сочинений (см. [Tillich: 1959–1975]). В данном случае т. 13, с. 235.

ки этого мира получают религиозную и идеологическую санкции, а с некоторыми РПТактиками религия и идеология вступают в борьбу, оценивая их негативно⁹⁹.

Этические оценки и там и здесь бывают *щадящими* и *строгими*. О том, где проходит грань между щадящей и строгой этикой, см. в главе 4 настоящего исследования.

Глава 3. Изглаживание деликта с позиции щадящей этики

Грубо говоря, щадящая этика содержит свод предписаний и запретов, предъявляемых *всем* членам определенного общества, имеющего духовную доминанту. Эти реалистичные, для всех посильные нормы, однако, вследствие влияния секулярного мира¹⁰⁰ постоянно нарушаются. Соответственно, носительница религии, Церковь, и носительница идеологии, Группа, Организация или Партия, вырабатывают РПТактики, так сказать, второго ряда — они призваны скоррегировать мирские РПТактики, оцениваемые негативно.

03–1. РПТактики в покаянной дисциплине Церкви и в воспитательной работе Партии

Чтобы воспитать чувство вины и любви к ближнему, христианство ввело в число своих таинств покаяние¹⁰¹ и в деталях разработало гомологетику¹⁰², или дисциплину и чин изложения верующим духовнику своих грехов и разрешения от них. Исповедь успешно проходят миллионы людей, и это косвенно означает, что этические нормы, которые освобождают человека от греха, посильны, снисходительны. Их соответственно можно, используя термин И. Канта, назвать *щадящей этикой*.

Современная исповедь в Русской Православной Церкви бывает общей и частной. О частной, поскольку она проходит без свидетелей, судить сейчас не будем, а

⁹⁹ В общем виде проблема оценки «в механизмах жизни и языка» исследована Н. Д. Арутюновой [Арутюнова 1998: 130 и сл.].

¹⁰⁰ А его невозможно устранить ни в теократической, ни в идеологически тоталитарной стране.

¹⁰¹ Таинство *покаяния* включает в себя открытие исповедником перед священником (*духовником*) греховных поступков и помыслов, за чем обычно следует отпущение грехов (может быть наложено и духовное наказание — *епитимия*), после чего, как правило, имеет место причастие — участие в главнейшем христианском таинстве.

¹⁰² *Гомологетика* (от греч. *ὁμολογέω* «исповедать, изложить свою веру», в специализированном значении: «изложить свои прегрешения и помыслы [духовному отцу]»), или *покаянная дисциплина*, составляет особую область душепопечительской деятельности христианской церкви. Покаянная дисциплина включает в себя (наряду с наставлением, «какову подобает быти духовнику», пенитенциалом [епитимийными канонами], пред- и послеисповедными поучениями и т. д.) многочисленные перечни прегрешений, иногда в форме вопросов, которые духовник прочитывает перед исповедником. Анализ покаянной дисциплины позволяет объективно выявить большую часть этических норм традиционного православия. История возникновения и развития гомологетики у восточных славян изложена в исследованиях [Алмазов 1894; Смирнов 1906; 1913; 1914]. О специфике православной гомологетики в отличие от католической см. [Иларион 1999].

общая исповедь похожа на обычную проповедь: она обращена к группе говеющих и зачастую состоит в перечислении грехов, вытекающих из Декалога. Регулярная проповедь за богослужением (сказанная по случаю праздника или памяти определенного святого) также непременно содержит этическую часть, но предисповедная¹⁰³ проповедь целиком посвящена нравственному наставлению.

РПТактики, которые поддерживаются или отвергаются в проповеди, оказываются или отличными от РПТактик секулярной среды, или прямо противоположными им. Немалую часть исповедного дискурса составляют речения, связанные с выявлением деликта и его изглаживанием.

В отечественной лингвистике, в отличие от зарубежной (см., например, [Grö-zinger 1991: 210–235; Striver 1996]¹⁰⁴), еще нет традиции исследования религиозного языка (см., впрочем, [Мечковская 1998]). Попытаемся перенести на исповедный речевой материал методику дескрипции, опробованную в подглавке 01–2.

Нижеследующий перечень РПТактик установлен анализом устных речений, собранных одним из авторов настоящей статьи. Речения почерпнуты преимущественно из предисповедных слов священника, а также из ряда проповедей, сказанных по другим случаям¹⁰⁵. Поскольку не все записи делались под кассетник, некоторые речения, записанные карандашом, могли быть пространнее, чем зафиксировано. Иногда мы, ради экономии места, консенсировали фрагменты текстов, записанных на магнитофон. Поскольку священникам весьма часто приходится проповедовать перед исповедью, в их среде выработался ряд клише, вполне подобных общеречевым клишированным фразам. На подобные клише обращалось особое внимание.

Устные речения набираются курсивом. В отличие от них петитом и прямым шрифтом печатаем выписки из прецедентной книги — *требника*; кроме того, эти цитаты заключаются в кавычки.

Требник (или *Потребник*) — наименование богослужебной книги Русской Православной Церкви, содержащей *требы*, т. е. последования частного богослужения, совершаемые «по нужде» для одного или нескольких верующих (например, чины крещения, венчания, панихиды, молебна, освящения воды, благословения «в путешествие» и т. д.). Среди прочего Требник содержит «последование об исповеди». Требник отражает только часть православно-христианской морали, а именно: мораль законничества. См., например, [Требник 1991].

Чтобы показать преемство традиции, мы приводим выписки не из современного, весьма сокращенного, Требника, а из книги «Священнические потребности» (Большого потребника) издания 1642 г. Московского Печатного двора, подготовленной знаменитым печатником Василием Федоровичем Бурцовым(-Протопоповым). Поскольку выписки приводятся только из Большого потребника, они никак не помечаются.

Требник дает много материала. Приведем для примера (в акрибическом воспроизведении: церковной кириллицей и с диакритикой) разрешительную молитву священника (л. 165^v–168^r) по изданию Бурцова; в ней содержатся целых 34 преди-

¹⁰³ Диктуемая правилами орфограмма *предисповедный* затрудняет восприятие слова.

¹⁰⁴ Здесь же см. и литературу вопроса.

¹⁰⁵ В том числе переданных по радио «Радонеж».

кации относительно выявления деликта и его изглаживания¹⁰⁶: ...тъи самъ гди... прости грѣхѣ же ѿ беззаконїа... бываемая ѿ раба твоего, *ѿик*... ѿи (1) словомъ ѿрости, ѿи (2) гнѣвомъ непод бѣнымъ ѿ хртїанъ когò (3) клалъ, ѿи (4) проклатъ, ѿи (5) ебесловилъ, ѿи (6) ѹкорїалъ, ѿи (7) оѹничжилъ, ѿи (8) осудїалъ, ѿи (9) оклеветалъ, ѿи (11) озлословилъ, ѿи (12) скверно глагола, ѿи (13) позавїдѣ, ѿи (14) солга, ѿи (15) зло воспоминалъ, ѿи (16) прогнѣвал сѧ, ѿи (17) разъѣрил сѧ, ѿи (18) прогнѣвалъ когò... ѿи (19) мыслїо похѣвилъ чтолюбо, ѿи (20) нечїстїа помыслы помыслалъ, ѿи (21) обїиделъ когò... (22) ѿи оболга, ѿи брата (23) оскорбїи, ѿи (24) презрѣ, ѿи (25) дгорчи... ѿи (26) дерзостно гла, ѿи (27) делѣдословилъ, мѧтерь нарицѧа, ѿи (28) безѹмно посмѣл сѧ... ѿи (29) непотрѣбная празднословилъ ѣсть... ѿи (30) братнѣ согрѣшенїе видѣвъ, ѿи (31) посмѣл сѧ ѿи (32) осудїалъ егò, ѧ (33) своѧ свгрѣшенїа ѿ беззаконїа пренебрежѣ ѿ презрѣ... ѿи (34) дерзновѣнно ѧко цѣломѹдрена мнѧ себѣ гла, ѿи что ѿно лѣкаво сотворилъ, ѿи что мнѹго воспоминѧ гла ѿ всѣхъ сїхъ злѣхъ, ѿи подобныхъ сїмъ... раба твоего, *ѿик*... помїлѹй ѿ прости емѹ всѧ.

Предикации весьма показательны: с одной стороны, они отражают жизнь и благодаря им мы можем судить, какие прегрешения были распространены на Руси первой половины XVII в.¹⁰⁷; с другой стороны, можно видеть, какие РПТактики мирского человека подвергаются церковному осуждению, а именно: гневное и яростное обличение, словесная несдержанность, проклятия в адрес пусть и виновного, укоризны, осуждение, очернительство, клевета, зависть, ложь, злопамятство, насмешки, матерная ругань и т. д. Характерно, что в каталоге прегрешений представлено и (19) *мысленное осуждение*. Казалось бы, в этом случае нет деликта, потому что коммуникант-2 не только не страдает, но и не узнает о такой возможности. Тем не менее для христианской этики характерна расширительная трактовка деликта: деликтом является и то, что может нанести ущерб душе самого коммуниканта-1, т. е. его *помыслы*, независимо от того, воплощены они в жизнь (и нанесли ущерб коммуниканту-2) или нет.

Дальнейшие цитаты из Большого потребника передаются гражданкой и упрощенно (дипломатически).

Что касается *воспитательной работы*, особенно с подрастающим поколением, то она в Советском Союзе проводилась систематически. Секулярный мир был объ-

¹⁰⁶ Купюры помечаем отточиями. Номером в круглых скобках помечаются лексемы и словосочетания, за которыми, по нашему мнению, может стоять самостоятельная РПТактика.

¹⁰⁷ В частности, много места отведено вопросам, отражающим распространенность языческих суеверий и магии (колдовства): «Не веруеши ли в чох, и в стречу, и в полаз, или не веровал ли еси в птичий грай, и во всяко животно рыкание. Или сон толковал еси, или к волхвом ходил еси, или к себе приводил еси. <...> Или сам волхвуеши, ворожбою и корением, жены или девицы или отрока на блуд к себе не обволхвовал ли еси»; «Согреших потворством, волхованием, и к волхвом хождением, наузами и чародейством, и таковым злодеем потаковник бых, и имже мзду и дары подавах» (112^г–112^в); «Согреших, от бабы и от волхвов волхвание приемля с потворы, и узлы с шептами и с чародейством, и таковым злодеем бабам и волхвом мзду и дары подавах» (135^в). Женщинам в связи с колдовством духовник задает особые вопросы: «Не давала ли еси потворных зелей и корения с волшебством мужю своему, или иному кому любви деля»; «Или пив зелие извергла еси дѣтя, или не крещено дѣтя уморила еси, или заворожила еси в себе дѣти. Или пила еси зелие и корение с волшебством дѣтей хотя. И мывшися млеком или медом, не давала ли еси кому пити, или свое млеко не давала ли еси кому» (127^г–127^в).

явлен буржуазным, и его РПТактики, воспроизводимые спонтанно, подлежали искоренению. При этом были разработаны приемы индоктринации и поведенческой коррекции, которые, по внешней форме отнюдь не напоминая исповеди, тем не менее настойчиво требовали от прорабатываемого отказа от апологии (т. е. признания деликта) и покаяния, иногда публичного, а также предотвращали конфронтацию «в среде товарищей».

Ниже исповедные и воспитательные РПТактики перечисляются совместно, но чтобы отличить религию от идеологии, в первом случае даем помету г, а во втором — і.

03–2. ИСЧИСЛЕНИЕ ИСПОВЕДНЫХ И ВОСПИТАТЕЛЬНЫХ РПТАКТИК

Естественно, что как в предъисповедных словах, так и в тресби-ке¹⁰⁸ похваляются добродетели и осуждаются преступления. Так, поскольку проповедь обычно следует схеме Декалога (Исх 20: 3–17; вторая версия Втор 5: 7–21), в ней даются расширительно истолкованные предписания и запреты типа: *Веруй в Бога!*; *Не сотвори себе кумира!*; *Не употребляй имени Господа всуе!*; *Почитай отца твоего и мать твою!*; *Не убий!*; *Не прелюбодействуй!*; *Не укради!*; *Не произноси ложного свидетельства на ближнего твоего!*; *Не завидуй!* и т. д. Подобные наставления занимают в указанных источниках центральное место, но мы, в согласии с темой статьи, сосредоточились только на РПТактиках, имеющих отношение к выявлению деликта и его изглаживанию.

Исчисление исповедных и воспитательных РПТактик предпринимается точно так же, как выше в подглавке 02–2. Отличие состоит в том, что после знака © (замещающего фразу: «в секулярной среде приняты иные РПТактики») в квадратных скобках показываются номера РПТактик из подглавки 02–2 и даются их предельно краткие именованья.

Исповедные и воспитательные РПТактики практически совпадают, поэтому те и другие сплошь нумеруются цифрами в фигурных скобках.

• Не следует вообще прибегать к апологии {1}

г *Вот вы стоите и думаете, чем бы оправдать свое нерадение о посте. Мол, нет условий, продукты дорогие. Если бы сильно пожелали, смогли бы; Зачем, о человек, ты даже перед Богом стараешься всеми силами выгородить себя? Или ты сомневаешься в его всеведении?; Да, у вас могут быть действительно извинительные причины. Но сами-то вы их не выискиваете.*

і (Классная руководительница во время проработки провинившегося на классном часе:) *Да что ты всё хочешь себя выгородить? Лучше признайся честно: да, я вел себя нехорошо. (На комсомольском собрании:) Посмотрите, вместо того чтобы чистосердечно признать свои ошибки, Петров хочет нам внушить: все вокруг виноваты, а он нет. Так нельзя! Будь самокритичнее, дорогой Ваня! Иначе товарищи перестанут тебе верить.*

¹⁰⁸ Надо, конечно, помнить, что парадигмы покаянного поведения содержатся не только в проповедях или в тресбице. Они разлиты во всех церковных текстах, в частности в литургических (см., например, [Виссарион 1891]).

Ср. выше: [6] ссылка на уважительные причины; [7] личные качества коммуниканта-1 (за которые он якобы не несет ответственности); [8] смягчающие обстоятельства, [10] добрые намерения, [12] распространенность деликта и т. д.

- Не следует в апологии ссылаться на подстрекательство дьявола и злых (внешних) сил {2}

г *Если бы сатана был всесилен, тогда не было бы ни праведных, ни грешных. Бог попускает сатане искушать нас, но пойдём ли мы за дьявольскими соблазнами — целиком в нашей воле.*

і (При обсуждении выездной характеристики:) *Послушать товарища Светляева, так он сам не пьёт. В вытрезвитель попал случайно: друзья, мол, затащили на день рождения и чуть ли не в глотку вливали. Очень может быть, но советский человек — стойкий, он не поддаётся чуждым влияниям. Нечего на других ссылаться. А если и за границей такое повторится?!*

Ср. выше [14]: ссылка на вмешательство злой потусторонней силы

- Нет мелких деликтов, и деликтами считаются также недобрые помыслы {3}

г *Помните, дорогие, что сказанным вскользь словом вы можете глубоко ранить ближнего своего; Вы не должны сами взвешивать свои проступки. Кайтесь и за самый пустяковый!* Здесь может быть ссылка на евангельскую парадигму¹⁰⁹: «Вы слышали, что сказано древним: не убивай, кто же убьёт, подлежит суду. А Я говорю вам, что всякий, гневающийся на брата своего напрасно, подлежит суду; кто же скажет брату своему: „рака“¹¹⁰, подлежит синедриону; а кто скажет: „безумный“, подлежит геенне огненной» (Мф 5: 21–22). Что касается помыслов, то здесь парадигмой может быть ежедневная (утренняя и вечерняя) коленопреклонная молитва (ср. 5-ю категорию прегрешений): ѡслави, ѡстави, прости, бже, прегрѣшенїа наша, (1) вѡльнаа и невѡльнаа, (2) ѡже въ словѣ и въ дѣлѣ, (3) ѡже въ вѣдѣнїи и не въ вѣдѣнїи, (4) ѡже во дни и въ нощи, (5) ѡже во оумѣ и въ помышлѣнїи всѧ намъ прости, ѡко блгъ и чѧколюбецъ. Ср. также из чина взаимного прощения перед Великим постом. Сотворив поклон на землю, настоятель глаголет братиям: «Блгословїте, отцы стїи, прости́те ми грѣшномѣ, елика согрѣшихъ словомъ, дѣломъ, помышлѣнїемъ, и всѣми моими чѡвѣствомъ».

і (Из воспитательной беседы завуча со старшеклассником:) *Вам только кажется, что раз-два затянулся — это пустяк. А это может быть началом полного падения: закурил, втянулся в дурную компанию, попал в колонию... Что же дальше-то будет!* (Активист на производственном собрании:) *Позвонили с проходной: токарь Никоненко из второго цеха пытался вынести десяток дюбелей. Конечно, суд не станет заниматься воровством на три рубля. Но у нас — не суд! Вернее, у нас суд товарищеский, и мы вправе придать большое значение мелкому проступку. С ручейка начинается река, с копеечных дюбелей начинается расхищение социалистической собственности. Позор токарю Никоненко! Предлагаю лишить его премиальных за этот месяц.*

¹⁰⁹ Работа над материалами Евангелия и Псалтыри значительно облегчается благодаря пособию [Библейский справочник 1995]. Ссылаясь на книги Свщ. Писания, мы придерживаемся сокращений, рекомендованных в данном справочнике. Придерживаемся также принятых в нем правил употребления прописных букв. Ср. также рецензию [Верещагин 1998].

¹¹⁰ Пустой человек.

Ср. выше [5]: Отрицание важности деликта. Дурные помыслы в секулярном мире в понятие деликта, даже мелкого, не входят (они рассматриваются исключительно как частная сфера).

- Другого следует смело обличать, но не ради уничтожения, а по-братски, по-товарищески {4}

г *Сколько раз можно слышать: я борюсь за правду и стою за православие. Правильно поступаешь: давай отпор безбожникам, кощунникам, иноверцам, сектантам, обновленцам и прочим еретикам, раздирающим хитон Христов. Борись при этом с грехом, но не с грешником, не кричи и не топай на него. «И не сварился ли еси с кем, или гневался еси на кого?» «Согреших в ожесточении сердечнем и в скрежетании зуб». «Согреших, к братии в ненависти, и в презрении, и в немилосердии на ближняго». «Согреших гневом и яростию и осуждением всех человек во всяком грехе». «Гнева не держи ни на какова человека».*

і (Из Устава КПСС [Устав 1961: 6, 26]:) «вести решительную борьбу с любыми проявлениями буржуазной идеологии, с остатками частнособственнической психологии, религиозными предрассудками и другими пережитками прошлого; <...> развивать критику и самокритику, смело вскрывать недостатки <...>, бороться против парадности, зазнайства, самоуспокоенности, местничества, давать решительный отпор всяким попыткам зажима критики, выступать против любых действий, наносящих ущерб партии и государству, и сообщать о них в партийные органы, вплоть до ЦК КПСС»; в то же время принципы морального кодекса строителя коммунизма гласят: «коллективизм и товарищеская взаимопомощь: каждый за всех, все за одного; гуманные отношения и взаимное уважение между людьми: человек человеку — друг, товарищ и брат».

Ср. выше [29]: Обличение с гневом.

- Недопустимость ложных обвинений {5}

г *Ничего нет хуже оклеветания ближнего. Наговаривая на другого, вы стремитесь его духовно убить, уничтожить. «Не послушествовал ли еси на криве?» «Согреших, господине отце, кривосудием и неправым послушством по мзде, и по дружбе, и по злобе». «Согреших осуждая всех человек о всяком грехе, а сама всех злее творя». «Или кого оклеветал еси не по правде?» «Согреших поклепом, злоречением, укорением». «Согреших, впадая в клеветы и в свады». «Согреших оболганием и оклеветанием, завистию, яростию, гневом, и злопомнением, <...> буесловием, безстудными словеси». «Согреших лганием, злословием, оболганием». «Согреших злословием, и осуждением, и оболганием, и оклеветанием».*

і (Из выступления пропагандиста:) *Посудите сами! Примкнувшему Шепилову был прекрасно известен высокий моральный облик членов Политбюро, сплотившихся вокруг товарища Хрущева, но он стал систематически вести записи их мнимых слабостей и проступков. Брал на карандаш все сплетни и слухи. И эти его записи были обнаружены! Клеветникам и очернителям нет места в партии!*

Ср. выше [36]: распекательство, выговоры и претензии; [37] поиски виноватого «за всё»; [40] огульное охаивание.

- Недопустимо отвергать обвинения, в том числе неприятные {6}

г *Кто вам говорит такую правду — не враг вам. Врач дает горькие лекарства, но излечивает; Мир во зле лежит: бывает, что и наговаривают на нас. Потерпите, до-*

рогие, и смирение вам зачтется. «Блажени, егда поносят вам и ижденут и рекут всяк зол глагол на вы лжуше, Мене ради» (Мф 5: 11–12).

і (Из выступления декана на студенческом комсомольском собрании с рассмотрением персонального дела:) Да, это тяжело, когда товарищи изгоняют из своих рядов! Но Вы прислушайтесь к критике, послужите в армии, испкуите свой проступок, а потом мы вернемся к Вашему делу, и, вполне вероятно, Вас восстановят и в комсомоле и в университете. Если же встанете в позу обиженного, то тем более справедливо Ваше исключение сегодня.

Ср. выше [41]: Непринятие обвинения, поскольку оно дискомфортно.

- Не следует считать чужой грех поводом для насмешек, укоров, ненависти {7}

г Лучше вообще замкнуть уста, чем насмехаться, даже над действительно виноватым. Как говорится, дело серьезное, шутки в сторону; Даже в разговор не вступайте, если чувствуете нерасположение. Все, пусть самое неприятное, можно сказать, но только с любовью. «Согреших, чужому греху посмеялся». «Друга не укори, не досади». «Согреших завистию, ненавистию, гневом, яростию, злобой, гордостью, и богомерзкими словеси». «Согреших многим ябедничеством». «Согреших завистию и ненавистию». «Согреших в злопомнении и в зрении братня согрешения и в сваде и в напраснстве и в сваре, и в которе, и в зависти, и в ненависти, и заклинании, и ругании, и в осуждении, и в окаменении сердца».

і (Из выступления:) Товарищи! Пусть N. N. оступился, но проступок его всё-таки мелкий. Надо поставить на вид, и этим ограничиться. В таких случаях критика должна быть товарищеской, то есть без огульного охаивания, очернительства и обидной иронии. Между тем не все сегодня повели себя по-товарищески. (Из Устава КПСС [Устав 1961: 9]:) «За незначительные проступки должны применяться меры партийного воспитания и воздействия в виде товарищеской критики, вынесения партийного порицания, предупреждения или указания».

Ср. выше [50]: зависть, происки, клевета, насмешки, злорадство.

- Не следует откладывать примирение с обидчиком {8}

г Гоните вон из памяти зло, которое пришлось перенести. Прощайте и забывайте, как будто ничего и не было промеж вами. «Согреших в злопоминании и во мнении злом». «Согреших злопомнением, глаголя: не забуду ти до смерти».

і (Из наставительного собеседования:) Валентина тебя правильно критикует. Она добра тебе желает. Не держи на нее зла. Напротив: скажи ей «спасибо», что вовремя забила тревогу. (Из Устава КПСС [Устав 1961: 7]:) «Лица, виновные в зажиме критики и преследовании за критику, должны привлекаться к строгой партийной ответственности, вплоть до исключения из рядов КПСС».

Ср. выше [55]: Непримиримость и злопамятность коммуниканта-2.

- Недопустимость физического наказания, даже детей. {9}

г Тебя ударили, и ты ударил. Смотри, как бы Бог тебя не ударил; Лучше, как говорится, лаской, чем таской. Сколько поротых детей травмировано на всю жизнь! «Не бивал ли еси без вины, и не лаял ли?» «Согреших... биением до крови, рванием за волосы и непощением».

і (На заседании женсовета:) Поступил сигнал, что дворничиха Макеева, проживающая в 34-й квартире, наказывает своего сына Владимира недолжным образом. По-

рет его, попросту говоря. Предлагаю вызвать тов. Макееву на наше заседание через неделю и проработать как следует.

Ср. выше [55]: Физическая расправа.

• Недопустимость оскорблений, ругани, матерной брани ¹¹¹ {10}

г «Согреших сквернословием». «И не сварился ли еси с кем, или гневался еси на кого?» «Или лалял еси кого матерны?» «Не лаяла ли кого матерны и всячески неподобно?» «Согреших... богомерзкими словесы». «Согреших, отче, в злословии нарицающая християны еретиком и жидовином и иноязычником и бесу словом вернаго предах». «Или дерзостно глагола, или осквернословил кого, или облудословил, мать нарицающая?»

і (Из воспитательной беседы вожатой в пионерском отряде:) *Сама раз застукала: некоторые пишут на стенах слова из трех букв и другие. Тетя Шура жалуется: только замает надписи в уборной для мальчиков, как снова пишут. Пионеры так себя не ведут! Пионер — всем ребятам пример. Еще раз замечу, вызовем родителей и будем досрочно отправлять из лагеря. «Мы презираем Квакина и других хулиганов: они дерутся и выражаются, залезают в чужие сады» (А. Гайдар, Тимур и его команда).*

Ср. выше [73]: Брань и ругачка ¹¹².

03–3. ПРЕДПИСАНИЯ И ЗАПРЕТЫ В ЭТИКЕ ВОЗДЕРЖАНИЯ

В настоящей подглавке РПТактики воспитательной работы не рассматриваются. Тем не менее общий вывод может быть распространен и на них.

Исповедные РПТактики, если их обратить во фразы с отчетливой ремой, преобразуются в императивы — *предписания* или *запреты*. Действительно, {1} может иметь вид: *Будь готов принять обвинения!* или *Не оправдывай себя!* Аналогично {2} дает прескрипцию *Во всем вини себя самого!* или прохибитивную фразу ¹¹³ *Не оправ-*

¹¹¹ *Матерные* ругательства (*мат*) иначе (лет 10 назад) назывались еще *нецензурными*: ни царская, ни советская цензура не пропускала их в печать, в том числе в словари, предназначенные для широкой циркуляции. Ср. характерное название словаря, содержавшего мат, изданного за границей, — «Beyond the Russian Dictionary» [Flegon 1973]. О табуировании ругательств говорит название другой заграничной книги — «Taboo Varieties of the Russian Language» [Timroth 1986]. В настоящее время цензуры в России нет, мат свободно проникает в печать, так что номинация *нецензурные выражения* устарела.

¹¹² В сноске отметим, что, если судить по Требнику, в XVII в. на Руси многие, в том числе и женщины, ругались по-матерному. Здесь можно провести параллель с современной Россией. То, что в «порядочном» обществе 1989 г., и особенно в женской среде, считалось абсолютно недопустимым, в таком же обществе 1999 г. стало «естественным». В. М. Мокиенко приводит и комментирует выписку из статьи бывшего мэра Санкт-Петербурга А. А. Собчака. Сначала цитата: «Но ведь многие понимают, что мы жили 70 с лишним лет в концлагере, лишённые возможности свободно говорить, писать, творить, видели весь абсурд, маразм Брежнева, Суслова, Черненко. Понимали, что происходило, и молчали, живя в постыдном унижении, *по уши в дерьме*». Комментарий ученого: «Трудно себе представить, пожалуй, чтобы профессор Санкт-Петербургского, Петроградского или Ленинградского университетов и «отец города» мог ранее употребить в печати столь полупечатное выражение, как *по уши в дерьме*. К тому же, кто знает, может быть, это выражение было даже вовсе непечатным, и дама-корреспондент по-женски смягчила его, заменив словом *дерьмо* его более вульгарный синоним» [Мокиенко 1994: 150]. См. также [Костомаров 1994: 65–69; Мокиенко 1995].

¹¹³ Лат. *prohibitio* «запрет».

дывай себя происками нечистой силы! Форма запрета (*Ты не должен проклинать; Ты не должен гневаться; Ты не должен никого оскорблять, или унижать, или осуждать; Ты не должен клеветать и наговаривать; Ты не должен помнить зла; Ты не должен лгать* и т. д.) представлена в покаянной дисциплине чаще, чем форма предписания.

Если акцентировать внимание на запретах (именно в этой форме были представлены РПТактики {1–10}), то из всего обильного исповедного материала видно, что лицом, достойным причастия¹¹⁴, считается человек, исполняющий одно-единственное, правда весьма обширное, условие, а именно: (прескриптивно) он должен отказываться от запретных действий или (прохибитивно) не должен совершать их.

Действительно, требник, если суммировать важнейшие наставления, предписывает: *Не* клянись сам и никого *не* проклинай, *не* злословь и *не* унижай, *не* осуждай, *не* клеветай, *не* сквернословь, *не* завидуй, *не* лги, сам *не* гневайся и никого *не* вводи в гнев, *не* помни зла, *не* гордись, *не* ленись стоять на молитве, *не* обманывай, *не* бери лишнего, *не* тщеславься, *не* будь сребролюбив, *не* пей вина до рвоты, *не* обращай к колдунам и волхвам, *не* объедайся и *не* лакомись, *не* распутствуй, *не* убивай, *не* прелюбодействуй, *не* занимайся рукоблудием, *не* оступись в кровосмешение, *не* растлевай детей, *не* допускай мужеложства и содомии, *не* наноси ран и ударов, *не* скупись при раздаче милостыни, *не* допускай хульных и нечистых помыслов, никого *не* обижай, (взяв чужое имущество) *не* запирайся, *не* оскорбляй брата, *не* презирай и *не* огорчай его, при молитвословии *не* давай уму рассеиваться, *не* будь самолюбив и чревоугодник, *не* вкушай недозволенного, *не* говори дерзостей и *не* бранись по-матерному, *не* предавайся бессмысленному смеху, *не* говори непотребного, *не* ощупывай ни своего, ни чужого тела, (вследствие подсматривания или воображения) *не* допускай семьяизвержения, *не* осуждай брата (а обращай внимание на собственные прегрешения и беззакония), *не* пренебрегай молитвой и *не* ленись за ней, храни заповеди своего отца духовного, *не* поддавайся унынию, *не* мни себя целомудренным и вообще *не* делай ничего лукавого.

В номенклатуре запретов некоторые прегрешения запрещаются целиком и полностью (например, драка, сквернословие), а другие действия, сами по себе, может быть, и похвальные, запрещаются лишь в том случае, если переступлена некоторая мера или если они исполняются недолжным образом. Так, обвинять и наказывать виновного в целом не запрещается, но, во-первых, оба действия не должны быть неумеренными и, во-вторых, нельзя клеветать, оскорблять, истязать виновного, т. е. оба действия должны выполняться этически корректно.

Соответственно чтобы достигнуть чистоты и быть допущенным к причастию, требуется или совершенно воздержаться от определенных действий, или при совершении разрешенного действия не преступать границы, когда нейтральное или даже добродетельное действие превращается в порок.

Есть и *terminus technicus* для обозначения такого состояния безгреховности; он содержится в самом Свщ. Писании: ап. Павел (Гал 5: 23) в качестве «плода Духа» (*καρπὸς τοῦ πνεύματος*) назвал *воздержание* (*ἐγκράτεια*) или, по другому текстологическому варианту, *чистоту* (*ἀγνεΐα*)¹¹⁵. Оба наименования хорошо передают смысл

¹¹⁴ Согласно ныне принятой практике, верующий сначала должен исповедаться у духовника, и только затем (при условии, что исповедь принята) он допускается к причастию.

¹¹⁵ См.: [Nestle, Aland 1975: 488].

того, что имеется в виду: ἐγκράτεια — это «воздержание¹¹⁶, терпение, сносливость, духовная стойкость»; тогда как ἀγνεία — это буквально «чистота»¹¹⁷, но в переносном смысле «стыдливость, невинность», т. е. «незапятнанность предосудительными поступками». Таким образом, можно заключить, что действие, вызывающее нравственное одобрение, состоит, так сказать, в бездействии, в *воздержании*.

В вопросе о том, что такое проступки («дела плоти»), в Свщ. Писании также наблюдается полная ясность: в нем имеются три соответствующих каталога (1 Кор 6: 9–10; Гал 5: 19–21; 1 Пет 4: 3). Среди грешников в сфере выявления и изглаживания деликта названы: λοῦδοι (т. е., по синодальному переводу, *зоречивые*; по славянской версии, *досадители*) (1 Кор 6: 10), а среди грехов: ἔχθραι (*вражда*), ἔρις (*ссоры*, или, по слав. версии, *рвения*), ζῆλος (*зависть*), θυμοί (*гнев*), ἐριθεῖαι (*распри*; по слав. Библии, *ражжения*), διχοστασίαι (*разногласия*), φθόνοι (*ненависть*; по слав. версии, *зависть*) (Гал 5: 20–21).

03–4. СТАТУС ПРАВЕДНОГО

Воздержание ведет к нравственному статусу человека (состоянию безгрешности), для которого в Свщ. Писании также есть технический термин. Действительно, в нем несколько раз приводятся так наз. макаризмы¹¹⁸ (или блаженства), в том числе в Нагорной проповеди (Мф 5: 3–12; вторая версия Лк 6: 20–22).

Но тем не менее надо выяснить, кого Свщ. Писание считает блаженным.

Ср. начало знаменитого первого псалма (Пс 1: 1)¹¹⁹:

אֲשֶׁר־יֵאֱמָר אִישׁ אֲשֶׁר לֹא הָלַךְ בְּעֵצַת רָשָׁעִים
 нечестивых на-совет не-ходит который муж Блажен
 וּבִרְדֵּךְ חַטָּאִים לֹא עָמַד וּבִמְשָׁב לְצִים לֹא יֵשֵׁב
 не-сидит развратителей в-собрании и не-стоит грешных на-пути и

Собственно, עָשָׂר — это, если быть точным, совсем не безбожник или бессовестный человек, но тот человек, который *сошел* с пути или *преступил* некоторую границу, поскольку глагол, от которого образовано существительное, означает «сворачивать, поворачивать, переходить (запретную линию; переносно: Закон)»¹²⁰. Второе ключевое слово חַטָּאִים представляет собой почти полный синоним лексемы עָשָׂר, а именно «виновный, заслуживающий наказания» (исходный глагол означает буквально: «проступаться ногами, оступаться», а отсюда переносно: «совершать проступки, грешить»). Третья номинация грешного человека לְצִים образована от глагола, который означает не только «смеяться», но и «насмехаться, дразнить, глумиться». Поскольку, по ветхозаветным представлениям, смех пред лицом Божиим

¹¹⁶ В словаре [Синайский 1869, 1: 250] сделано характерное уточнение: «во всех наслаждениях».

¹¹⁷ В переводе Лютера, который предпочел второй вариант, задана установка на переносное понимание греч. лексемы — *Keuschheit* «целомудрие».

¹¹⁸ Греч. μακάριος «блаженный».

¹¹⁹ Еврейский текст и русский перевод напечатаны билинейно: соответственно русский текст должен читаться справа налево строго слово за словом (чтобы обеспечить эту пословность, нам пришлось писать через дефис отрицание и глагол).

¹²⁰ Здесь и далее см. [König 1931].

представляет собой тяжкое преступление, לְצַיִם, будучи во всем равны רְשָׁעִים и מִטְאִים — это также греховные и подлежащие наказанию люди ¹²¹.

Характерный для Ветхого Завета *parallelismus membrorum* определенно свидетельствует, что и в данном конкретном случае три номинации дают тот же самый, одинаковый смысл. Тот «муж» блажен, который не входит в круг *виновных в проступках*. Достаточно воздерживаться, *не делать* чего-то определенного (*не ходить* [на совет нечестивых], *не стоять* [на пути грешных], *не сидеть* [в собрании развратителей]), и, согласно псалму, уже возникает состояние блаженства ¹²². Точно так же, т. е. через предписание воздержания, построены и дефиниции блаженства в Новом Завете.

В них, однако, делается также акцент на перенесении несправедливых преследований или незаслуженных наказаний: «Блаженны изгнанные за правду <...>; блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить за Меня» (Мф 5: 10–11). Если требование воздержания является обязательным, то, не исключено, требование терпеть угнетение является лишь факультативным (ведь оно зависит от наличия угнетателей).

Таким образом, в свете покаянной дисциплины блаженными, или *праведными*, являются те, кто воздерживается от запрещенных поступков. Вероятно, эта заповедь является реальной; во всяком случае, многомиллионная Церковь предъявляет ее ко всем своим членам (иначе отлучают от причастия). Именно таков общий смысл покаянных РПТактик, как они излагаются в предъисповедных словах и в требниках. Они отстаивают нормы и оценки *щадящей этики*.

«Простой советский человек» также был обязан придерживаться норм щадящей этики.

Глава 4. Изглаживание деликта с позиции строгой этики

В требниках их нет, и в проповедях для рядового верующего на них не настаивают, но в Свщ. Писании (особенно в Новом Завете) представлены, наряду с нормативами щадящей этики, также и *строгие* этические нормативы.

Соответственно нормативы строгой этики имеются и в идеологической сфере. На сей раз нет возможности давать исчисление религиозных и идеологических РПТактик параллельно, потому что отчасти они отрицают друг друга, поэтому те и другие помещены последовательно. РПТактики православия составили содержание глав 1–3, а РПТактики коммунистической идеологии описаны в главе 4.

¹²¹ Отсюда запрещение *вольнодумства* — т. е. скептического по содержанию и ироничного по форме отношения к религиозной вере и нравственности.

¹²² Ср. еще один характерный псалом (Пс 14: 1–5); он также построен на отрицании ряда предосудительных поступков: «Господи! кто может пребывать в жилище Твоем? <...> Тот, кто ходит непорочно <...>; кто не клеветает языком своим, не делает искреннему своему зла и не принимает поношения на ближнего своего; <...>; кто клянется, хотя бы злomu, и не изменяет; кто серебра своего не отдает в рост и не принимает даров против невинного».

РПТактики, реализующие строго-этикетные установки, оказываются регулятивами как бы третьего порядка: часть таких РПТактик корректирует нормы этики воздержания и даже претворяет их в противоположные. Кроме того, они вносят в поведение, подлежащее оценке, новую, небывалую семантику, явно идущую «с неба», т. е. от высших идеалов, не встречаемых «в миру», т. е. в жизни, свободной от духовной доминанты.

04–1. Триада ЭТИЧЕСКИХ ОЦЕНОК И ИДЕАЛ СВЯТОСТИ

Действительно, с точки зрения писателей Нового Завета, хотя человек практикует воздержание и любовь к ближнему, этим достигая праведности, еще более похвально поступать не просто как должно, но как *сверх-должно*. Ср. Лк 6: 32–35: «...Если любите любящих вас, какая вам за то благодарность? ибо и грешники любящих их любят. И если делаете добро тем, которые вам делают добро, какая вам за то благодарность? ибо и грешники то же делают. И если займы дадите тем, от которых надеетесь получить обратно, какая вам за то благодарность? ибо и грешники дают займы грешникам, чтобы получить обратно столько же. Но вы любите врагов ваших, и благотворите, и займы давайте, не ожидая ничего; и будет вам награда великая, и будете сынами Всевышнего; ибо Он благ и к неблагодарным и злым». Недостаточность простой праведности (следования букве нравственного закона) выражена в Новом Завете весьма четко: «Ибо, говорю вам, если праведность ваша не превзойдет праведности книжников и фарисеев, то вы не войдете в Царство Небесное» (Мф 5: 20).

Следовательно, для Нового Завета характерна (не удержанная в требниках) тринитарность этических оценок, а именно: греховности противостоят праведность (воздержание от греха) и святость (сверхдолжное деяние). Ниже прескрипционного Закона — вина и грех, на уровне Закона — (по генезису ветхозаветная) мирская праведность (блаженство); выше Закона — (новозаветная, парадоксальная) любовь (святость).

Плоды новозаветной любви, согласно ап. Павлу, далеко ушли от заповедей Декалога и прочих заповедей: на таковы́хъ нѣсть за́кона (Гал 5: 23)¹²³. Закон предназначается не для святых и не для праведных, а — *horribile dictu* — «для беззаконных и непокоривых, нечестивых и грешников, развратных и оскверненных, для оскорбителей отца и матери, для человекоубийц, для блудников, мужеложников, чело­векохищников, клеветников, скотоложников, лжецов, клятвопреступников, и для всего, что противно здравому учению» (1 Тим 1: 9–10).

Воздержаться от зла — это уже благо («Уклоняйся от зла и делай добро»¹²⁴; Пс 33: 15). Требник, обращенный к рядовым мирянам, не требует от них святости, не призывает творить сверх-должное добро; во всяком случае, святость остается за пределами нравственной прескрипции. Впрочем, *требование* святости было бы, конечно, *contradictio in adiecto*.

Между тем идеал святости занимает много места в русской национальной культуре. Сама Русь охотно называла себя *святой*, но атрибут, вероятно, надо по-

¹²³ Κατὰ τῶν τοιοῦτων οὐκ ἔστιν νόμος, adversus huiusmodi non est lex.

¹²⁴ סוּר מֵרַע וּעֲשֵׂה טוֹב; ἔκκλινον ἀπὸ κακοῦ καὶ ποιήσον ἀγαθόν; divertite a malo et fac bonum; οὐκλονίη σὺ εἶ, ἀλλὰ ἡ σὺντορίη βλάγη.

нимать не в самохвальном смысле, что она *была* святой, а в том, что в массовом сознании присутствовал *идеал* святости¹²⁵. О русском идеале святости см. [Троцкий 1906; Топоров 1995].

Он был воспитан прецедентными текстами, известными многим, если не всем (в том числе и женщинам, и детям, и неграмотным, и крещеным инородцам), поскольку эти тексты во всеуслышание прочитывались изо дня в день и прочно входили в народную память.

Как известно, центральное место за богослужением занимают молитвословные (литургические) книги (Псалтырь, Часослов, Служебник, Требник, Минея, Триодь), а из нарративно-наставительных книг ежедневно прочитывались Евангелие, Апостол, Пролог (или синаксарь = малая *минья-четья*) и изборники (типа Златоуста).

В нынешней практике удержалось ежедневное чтение только Евангелия и Апостола. Пролог¹²⁶, хотя его чтение и до сих пор предписывается Уставом, фактически не читается¹²⁷ (за исключением редких старообрядческих толков¹²⁸), а на место чтений из изборников пришла проповедь. Отсюда не только современное российское общество, но и общество прошлого века утратило знание о том идеале святости, который был характерен для Руси вплоть до XVII в. включительно.

Будучи заимствован у греков, Синаксарь-Пролог¹²⁹ как бы провиденчески получил себе на Руси новое имя и почти сразу же оторвался от греческого источника. В него очень рано вошли жития общеславянских святых (Кирилла и Мефодия, первоучителей славянских; Людмилы и Вячеслава [Вацлава] Чешских), а также жития русских святых — равноапостольной княгини Ольги, равноапостольного князя Владимира, князей-страстотерпцев Бориса и Глеба, основателей русского монашества Антония и Феодосия Печерских, князя-исповедника Михаила Черниговского и боярина его Феодора, а впоследствии также и Михаила Тверского (и многих других русских святых). Кроме того, в отличие от греческого оригинала, русские книжники почти на каждый день года предложили вниманию читателей и слушателей назидательные поучения (обычно также переводные).

¹²⁵ Точно так же Патриарха называют *Святейшим* не потому, что он безгреховен, а из уважения к громадности служения, на которое он поставлен (см. ниже подглавку 04–4, в которой рассматривается небезопасная обязанность патриарха обличать неправедных светских лиц). Титул, таким образом, выражает не реальное, а идеальное представление о патриаршестве.

¹²⁶ О том, что такое (славянский) Пролог, как он возник и каким образом получил свое название (вследствие недоразумения), см.: [Гурьев 1912; Литературный сборник 1978; Державина 1990; Верещагин 1996б: 84–92; 1997б].

¹²⁷ Вывод Пролога из богослужения совершился «явочным порядком» невзирая на то, что, как отмечает известный литургист [Скабалланович 1913: 286, 287], «это чтение рассматривается Уставом как особенно важное, не отменяясь и в воскресенье с нарочитыми праздниками», а «на будничных утрнях это был единственный материал для чтения».

¹²⁸ Так, в Москве Пролог читается только у беспоповцев-поморцев. См. подробнее [Верещагин 1997б].

¹²⁹ В конце X или в начале XI в. в Константинополе была создана книга, в которую вошли краткие жития святых на каждый день церковного года. Поскольку книга представляла собой *сборник житий* (из разных источников), она у греков и называться стала *Συναξαριον* («сборник»). Соответственно у славян, которые обычно заимствовали греческие титулы книг, она должна бы была называться *синаксарь*, или *синаксарий*. Греч. *Συναξαριον* открывался предисловием, а *предисловие* по-гречески — *πρόλογος* (отсюда и современное слово *пролог*). Перевод книги на славянский язык был выполнен, весьма вероятно, на Руси во второй половине XII в. Крупно написанное название греческого предисловия переводчики приняли за название всей книги. Так и стал греческий *Синаксарь* славянским *Прологом*.

Пролог сразу же по крещении Руси приобрел широкую известность, стал интенсивно переписываться (сохранилось около трех тысяч рукописных прологов!), а потом и издаваться типографски. Русские сводчики Пролога черпали из самых разнообразных источников, так что в итоге составила православная энциклопедия. Действительно, Пролог содержит сведения по всемирной, славянской и русской истории. Приобщает к догматике христианского вероучения. Дает географические, медицинские, астрономические, календарные и другие научные сведения. Прививает вкус к возвышенному церковно-книжному славяно-русскому языку. Читать Пролог не только познавательно и назидательно, но еще и увлекательно. Пролог хорошо знали, и не случайно, что он вошел в народное творчество и отразился в фольклоре. А хорошо Пролог знали даже и неграмотные, поскольку, по вышеизложенным предписаниям Устава, он во всеуслышание неопустительно прочитывался за богослужением.

Пролог перестали издавать на исходе XVIII в., и постепенно книга пришла в забвение.

Чтобы объективировать идеал русской святости, характерный для общества от времени христианизации (988 г.) и до XVII в. включительно, ниже (в подглавке 04–2) рассматриваются РПТактики выявления и изглаживания деликта, как их можно установить на материале старопечатного Пролога.

Уместно заметить, что носителями святости в Прологе, как правило, являются черноризцы, монашествующие. РПТактики, которых они придерживались, изложены на пергамене и бумаге, — они составляют содержание монастырских уставов, т. е. «правил внутреннего распорядка». Основатель определенного монастыря обычно оставлял после себя перечень таких правил, и они отражают представления о том, как должна протекать «неотмирная» жизнь.

Соответственно, наряду с Прологом, мы ввели в анализ и несколько (общим числом — четыре) ктиторских уставов. Извлеченные из этого источника РПТактики рассматриваются в подглавке 04–3.

РПТактики Пролога, уставов и революционно-коммунистической идеологии просчитаны общим счетом: они нумеруются цифрами в угловых скобках. Естественно, что на сей раз мы не всегда можем, за отсутствием таковых, приводить подтверждающие речения, так что, если быть точным, временами изучается чисто поведенческий, а не речевой аспект РПТактик. Исчисление тем не менее остается семиотическим, ибо знаковый характер имеет, естественно, и невербальное поведение.

04–2. РПТактики, полученные анализом Пролога

- РПТ: Обиженный охотно несет наказание за чужую вину и выгораживает обидчика <1>

О том, что эта РПТактика принятия на себя чужой вины и соответствующего наказания не является случайной, свидетельствуют три проложных повествования: под 12 и 29 февраля (фрагмент из жития преп. Иоанна, нареченного Варсонофием, еп. Дамасского, [V в.]), а также под 11 мая. Ниже они переданы частью в пересказе, частью с помощью цитат¹³⁰:

¹³⁰ Здесь и далее цитируем 2-е московское издание 1642/43 гг. Техника так наз. дипломатического воспроизведения текста — та же самая, которой придерживаются современные издатели Пролога [Литературный сборник 1978; Державина 1990; Верещагин 1996б: 84–92].

1) В той же день¹³¹ память преподобныя матери нашея Марии, преложившия себе Марином. Та, женскую изменивши одежду, с своим еже по плоти отцем Евгением вниде в монастырь и пострижесе и служаше с юными, братиею не знаема, яко жена есть. Единою убо прележавши в гостиннице, оболгана бысть, яко растли гостинникову дщерь. Она же поношение приемши и грех, егоже не содела, исповедаше. Тем из монастыря изгнана бысть и вне за три лета томившися и егоже не роди младенца питаше. Некогда же прията бысть во обитель, и бяше последствуя ей отроча мужеский пол. Открыся же яже о ней, ибо внегда умерши ей и братии опрятавшим ю, обретесе жена сущи. Гостинникова же дщи, сущи лукавым духом объята бывши, неволею дело исповеда, яко от некоего воина растлена бывши, а не от Марина. И тако внезапно игумен и братия, еже по всегда окаяннику нарицаху, блаженству велику сподобиша.

2) Един же монах, несовершен умом, многи пакости деяше ему (преп. Варсонофию), и укоризненными прозвищи нарицая его, и помоями обливаше его. Еще же от научения диаволя проверте стену келлии его и испущаше водный исход в рогозину его, и бяше всегда смеда. И сия уведев, игумен, призва злодейца брата, хотя казнити его. Варсонофий же пад мочаше нозе игумену слезами, на ся вину возлагая глаголаше: «Аз убо вопреки хожу брату, отдаждь ему господа ради». И тако избави его от вины. — Здесь парадигмой могла послужить молитва Христа за своих распинателей: «Иисус же говорил: Отче! прости им, ибо не знают, что делают» (Лк 23: 34).

3) Некий монах горы Синайской Никон был оклеветан, что он впал в блуд с девицей, дочерью некоего «фараонита», т. е. египтянина. Пресвитеры стали бить и изгонять его. Старец же только просил время на покаяние. Его отлучили от Церкви на три года. «И сотвори три лета, приходя на всяку неделю, и каися в церкви, и моляшеся, всем глаголя: *Помолитесь о мне.* Последи же возбесне сотворивый грех, иже возложи на отшельника, и исповеда пред церковью, яко *аз сотворих грех сей и оболгах раба божия.* И шед весь народ покаяшася старцу, глаголюще: *Прости нас, авво.* И рече им: *Еже простити, прощено есть вам».*

Некоторые монашествующие не отклоняли от себя самых абсурдных наветов, исключая единственно обвинения в ереси¹³². Парадигма принятия на себя чужой вины и готовности понести незаслуженное наказание освящается именем ап. Иоанна Богослова.

В «Слове о юноше, егоже спасе Иоанн Богослов»¹³³ (под 26 сентября) говорится о прощении апостолом разбойника, который «десницу свою крыя, кровава бо бе еще». Наперсник Христов сказал ему: «Не бойся, чадо, стани, не ужасайся. <...> Аз за тя постражду, и на мне кровь буди, юже ты пролил еси. На моей выи буди бремя грехов твоих, чадо».

Аналогичное поведение в жизни можно видеть в поступке матери Марии (Скобцевой), которая, по надежным сведениям, вошла в газовую камеру вместо другого человека. В литературе аналогичное поведение, но в смягченном виде, описал Л. Толстой. Аграфена Петровна в разговоре с Нехлюдовым: «— В чем же она судилась? — В убийстве, и все это сделал я. — Как же это вы могли сделать? <...> — Да, я всему

¹³¹ Месяца февраля в 12-й день.

¹³² Так, славянские первоучители Кирилл и Мефодий решительно и страстно протестовали, когда «триязычники» пытались объявить их еретиками за перевод Свщ. Писания на славянский язык.

¹³³ Более подробно историю этого сюжета см. [Верещагин 1997а: 103–114].

причиной. <...> — Я и прежде слышала, что она сбилась с пути, но кто же этому виноват? — Я виноват. А потому и хочу исправить» (В: 94–95). Толстой в явном виде отнес принятие на себя чужой вины к категории святости: «Если же меня обидят невинно, тогда мне еще лучше, потому что тогда со мной случается то, что случилось со всеми святыми людьми, и если я поступаю так же, как поступают эти все люди, то становлюсь похож на них» (Л. Толстой, Путь жизни).

• РПТ: Обиженный извиняется перед обидчиком <2>

В повествовании «Слово от патерика о гневе и о покаянии» (под 17 сентября) читается: Брат некий имяше на брата гнев. Слышав же той, прииде покаятися к нему, он же не отверзе ему дверей. Той же иде ко иному старцу и поведает ему вещь ту. И отвещает ему старец рек: «Блюда, еда оправдания имяше в сердцы своем, яко зазря брату своему, яко той есть повинен, себе же оправдая. И сего ради не известися ему отверсти дверей. Обаче се есть еже глаголю ти, аще и той согрешил есть к тебе, положи в сердцы своем, яко ты согрешил еси к нему, а брата своего оправдай. И тогда бог известит ему смириться с тобою». И рече старец: «Се есть исцеление велико человеку. И сему хошет бог, да человек изложет соблазн свой пред богом». Слышав же се брат, сотвори по словеси старца. И шед, толкну в двери братня. Он же токмо очюти утр, преже его покая ся, и отверзе ему, и лобзастася от душа. И бысть им мир велик.

Стержень повествований, призванных иллюстрировать РПТактики <1> и <2>, состоит в том, что если деликт совершен по отношению к коммуниканту-2, то не коммуникант-1 (виновник), а, напротив, потерпевший должен, во-первых, проявить инициативу примирения и, во-вторых, взять на себя вину обидчика и извиниться перед ним («Даже если он и согрешил перед тобою, положи в своем сердце, что это ты согрешил перед ним, а брата своего оправдай»). Подобное поведение невообразимо в секулярной среде: ему противоречат РПТактики [41, 54, 55, 59, 62, 66, 73]. Ср.: «Если мне кто-нибудь <...> сделает бяку в виде подножки, я поднимусь и дам по морде. Никаких — „подставь правую“. Дам по морде — и баста» (Шукшин, Верую!). Подобное поведение трудно представить себе и с точки зрения щадящей этики: ему противоречит РПТактика {4}, предписывающая (пусть и без гнева) обличать виновного и, следовательно, не брать его вину на себя; что же касается РПТактики {8}, то она, действительно, предписывает идти на быстрое примирение, но имплицитно, что инициатором примирения выступит все-таки обидчик, а не обиженный.

• РПТ: Потерпевший помогает преступникам совершать преступление против себя <3>

Ср. эпизод под 2 апреля: В келью к добродетельному старцу вломилась разбойники и забрали все имущество, однако не заметили одно вретисце (судя по контексту, *кошелек*). «Вземши же старец вретисце, течаше вслед их, вопияше глаголя: *Чада моя, возьмите и се, иже забыте в келии моеи*. Они же удивившася о беззлобии старца и возвратишася в келию его. И покаяша ся, рекоша к себе: *Во истину человек сей божии есть*». Другой монах, слышавший эту историю, желает подражать старцу. И к нему в двери стучатся грабители. Далее рассказ идет от первого лица. «И рех в себе: *Благодать богу, се ермя показати плоды покаяния*. И отверзох двери и приях я с радостию. И возжег светильник мой, начах казати им вещи, глаголя: *Не плищуйте, верую господеву, яко ничтоже скрью от вас*. И глаголаше ми: *Имаши ли злато?* И рех: *Ей, имам три златницы*. И отверз пред ними сосуд, и взявше я, отидоша с миром».

На сей раз разбойники не возвратились и не вернули имущества. Но рассказчик «не токмо опечалился, но и возрадовался, зане такового дара сподобися».

РПТактика <3> явно противоречит РПТактикам секулярного мира, а именно [72, 73]. Тот, кого ограбили, бывает рад, если грабители не открыли его тайника, и уж совершенно непредставимо, чтобы ограбленный бросился догонять преступников и вручил бы им то, что они забыли забрать. Щадящая этика также не предписывает ничего подобного. Ясно, что РПТактики Пролога — не от мира сего.

- РПТ: Чтобы предотвратить деликт, потерпевший готов понести существенный ущерб для себя <4>

Ср. эпизод из проложного «Слова о кузнеце, иже молитвою сотвори воздвигнуться горе и воврещися в Нил-реку» (под 7 октября):

«Во Александрии Египетстей бяше некто златокузнец, славен зело во всем граде том, хитрости ради рукоделия своего. К сему прииде некая жена, моляше и главную утварь сотворити на красоту своего телесе. Бывшу же спрошению их и беседе, и нача глаголати жена яже к любодеянию подобна. И блазняшесе златокузнец в помыслех на ню. И яко бывшу бесовску пленению о гресе, и осязанию руками, и помизанию очима, и неподобному смеху, преже даже не устремися ко греху, помяну слово евангельское, в немже глаголет: „Аще соблазняет тя рука твоя десная, или нога, отсеци ю. Или око, избоди е. Луче бо есть клосну со единым удом внити в царство небесное, неже целы уды имущу ввержену быти в озеро огнено“».

Поскольку версия евангельской цитаты, приведенная в Прологе, значительно отличается от привычной, ниже приведем соответствующие выписки из Евангелия: «Если же правый глаз твой соблазняет тебя, вырви его и брось от себя, ибо лучше для тебя, чтобы погиб один из членов твоих, а не все тело твое было ввержено в геенну. И если правая твоя рука соблазняет тебя, отсеки ее и брось от себя, ибо лучше для тебя, чтобы погиб один из членов твоих, а не все тело твое было ввержено в геенну» (Мф 5: 29–30). «Если же рука твоя или нога твоя соблазняет тебя, отсеки их и брось от себя: лучше тебе войти в жизнь без руки или без ноги, нежели с двумя руками и с двумя ногами быть ввержену в огонь вечный; и если глаз твой соблазняет тебя, вырви его и брось от себя: лучше тебе с одним глазом войти в жизнь, нежели с двумя глазами быть ввержену в геенну огненную» (Мф 18: 8–9). «И если соблазняет тебя рука твоя, отсеки ее: лучше тебе увечному войти в жизнь, нежели с двумя руками идти в геенну <...>. И если нога твоя соблазняет тебя, отсеки ее: лучше тебе войти в жизнь хромому, нежели с двумя ногами быть ввержену в геенну <...>. И если глаз твой соблазняет тебя, вырви его: лучше тебе с одним глазом войти в Царствие Божие, нежели с двумя глазами быть ввержену в геенну <...>» (Мк 9: 43–47).

Возвращаемся к проложному сказанию: «И возрев на жену, (златокузнец) рече: „Мало ми отступи, хошу бо сотворити повеленная нам“. И взял нож, удари ся во око десное и рече: „Виждь, Господи, яко сохранитель заповеди твоя есмь, да егда востребую помощи от тебе, не удалися от раба твоего“. И видевши жена ковачево дело, отбеже со страхом и иде в дом свой, оного язвою спасшися от греха».

Как известно, на основании данного проложного сказания, Н. С. Лесков написал повесть «Гора»¹³⁴. В беллетристической форме события изложены так: «Зенон <...> от-

¹³⁴ Лесков неоднократно пересказывал, весьма расцвечивая и перерабатывая их, сюжеты Пролога. Так, его «Легенда о совестном Даниле» соответствует проложному «Слову об отце Даниле» (7 июня); «Повесть о богоугодном дровоколе» — «Слову от Лимониса о мурии дровосечецье» (8 сен-

стрилил от себя страстные руки Нефоры <...>. По лицу его струилась кровь, а в глазу его стремил рукоятка ножа. Лезвие было в глазу, а другой глаз глядел на Нефору с тихим укором, а уста, бледнея, шептали кому-то, но только не ей: „Благодарю тебя, что ты не погнушался мной и явил свою власть над моей страстной природой. Мой глаз едва не соблазнил меня, но я сделал то, что ты повелел, и <...> теперь нет этого глаза“.

Из приведенного повествования видно, что поведение обусловлено внешним императивом — кузнец сам сослался на евангельскую заповедь (и он последовал ей буквально).

Данный проложный эпизод отдаленно напоминает известный эпизод с Маковкиной из повести Л. Н. Толстого «Отец Сергей»¹³⁵. Между применительно к данной повести тем имеется и прямой проложный источник: «Слово о черноризце, егоже блудница не прельстивши умре, и воскреси ю, помолився Богу» (под 27 декабря)¹³⁶.

«Монах некий бе в нижних странах Егупта именит, един живый в пугсте месте. И се, по силе сатаниине, жена некая блудница, слышавши о нем, глагола юношам: „Что ми хотите дати, и низложу монаха вашего?“ Они же обещашася дати ей вещь явленну. И шедши вечер, приде к келлии его, яко блудящи, и толкнувши в двери его. И, видев ю, смятеся, глаголя: „Како семо пришла еси?“ Она же плачушися рече: „Блудящи приидох семо“. И приим веде ю в свой двор, а сам влезе в келлию свою и затворися. И се окаянная возопи: „Отче, зверие мя снедают“. Он же паки смутився рече: „Откуда ми прииде напасть сия?“ И, суда Божия убоявся, отверз двери введе ю внутрь. И начал диавол разстреляти его к ней. Он же, разумев брань вражю, глагола в себе: „Козни вражия тма суть, а Сын Божий свет есть“. И востав, возже светилник и, разжизаемь похотию, глаголаше: „Яко творящии таковая в муку имут ити. Испушу убо себе zde, аще могу понести огонь вечный“. И положив персты своя на светилнице и сожже я, и не чуяше горяща я за преумножение разжжения плоти. И тако творя с вечера и до света, и сожже вся персты своя¹³⁷. Она же видящи, яже творяше, от страха окамене»¹³⁸.

тября); «Лев старца Герасима» — «Памяти преподобнаго отца нашего Герасима, иже на Иордане» (4 марта); «Аскалонский злодей» — «Слову о купце» (14 июня); «Сказание о Федоре-христианине и о друге его Абраме-жидовине» — «Слову о Феодоре купце, иже взимая злато у жидовина, дав поручника образ Христов, иже на вратех мусиею устроен» (31 октября) и т. д. В «опыте систематического обозрения» Н. С. Лескова «Легендарные характеры» беллетристически воспроизведены многие сюжеты Пролога, относящиеся к плотским искушениям.

¹³⁵ Эпизод с Маковкиной тщательно исследован в кн. [Гродецкая 2000: 218–225].

¹³⁶ Цитируем по первопечатному прологу. Близкий текст напечатан также в кн. [Николова 1980: 168–169]. Пересказ сюжета на русском языке см. под 27 декабря в кн.: [Гурьев 1912].

¹³⁷ Поведенческая парадигма египетского отшельника была не только известна на Руси, но и нашла здесь своих последователей: «Возлагает руку на пламя, следуя литературному и поведенческому канону, протопоп Аввакум; борясь с плотским искушением, держит руку над огнем свечи Тихон Задонский» [Гродецкая 2000: 224]. Исследовательница приводит запись Л. Н. Толстого, отражающую его замысел относительно повести «Отец Сергей» («Рука сожигается пустынноиком»); в текст повести, однако, введен другой «жест» персонажа. — Далее приведена выписка из Жития протопопа Аввакума: «Егда еще был в попех, прииде ко мне исповедатися девица, многими грехми обремененна, блудному делу и малакии всякой повинна; нача мне, плакавшися, подробно возвещати во церкви, пред Евангелием стоя. Аз же, троекаянный врач, сам разболелся, внутрь жгом огнем блудным, и горько мне бысть в той час: зажег три свечи и прилепил к налою, и возложил руку правую на пламя, и держал, дондеже во мне угасло злое разжение, и, отпустя девицу, сложа ризы, помоляся, пошел в дом свой зело скорбен».

¹³⁸ Сюжет стойкости анонимного египетского отшельника повторяется в Прологе под 13 февраля в житии преп. Мартиана, на долю которого выпало во всем подобное искушение: «Блудница некая, наложивши на ся одежду нишавую, поиде в гору, идеже пребываше святыи. И бывшу вече-

Примечательно, насколько точно следует Толстой за проложным сказанием.

Во-первых, он воспроизводит сцену заключения пари: «— Нет, я у Касатского буду ночевать. — Ну, уж это даже с вашим всемогуществом невозможно. — Невозможно? Пари. — Идет. Если вы ночуете у него, то я что хотите. — *A discrétion*¹³⁹. — А вы тоже! — Ну да. Едемте». Во-вторых, писатель вкладывает в уста Маковкиной глагол *заблудиться*, имеющий и переносное значение («сойти с истинного пути, встать на путь греха»): «— Да я не дьявол... — и слышно было, что улыбались уста, говорившие это. — Я не дьявол, я просто грешная женщина, заблудилась — не в переносном, а в прямом смысле (она засмеялась), измерзла и прошу приюта... <...> — Да отоприте же, — с капризным самовластьем сказала она. — Я измерзла. Говорю вам, заблудилась». В-третьих, укрытию египетского монаха во внутренней келлии (тогда как блудница осталась в преддверии) соответствует бегство о. Сергия в «каморочку»: «И он, сняв лампочку, зажег свечу и, низко поклонившись ей, вышел в каморочку за перегородкой, и она слышала, как он что-то стал двигать там. «Вероятно, запирается чем-нибудь от меня», — подумала она, улыбнувшись». Далее, в-четвертых, о. Сергей примеряет к себе парадигму поведения, аналогичную той, которой держался египетский отшельник: ««Да, я пойду, но так, как делал тот отец, который накладывал одну руку на блудницу, а другую клал в жаровню. Но жаровни нет». Он оглянулся. Лампа. Он выставил палец над огнем и нахмурился, готовясь терпеть, и довольно долго ему казалось, что он не чувствует, но вдруг — он еще не решил, больно ли и насколько, как он сморщился весь и отдернул руку, махая ею. „Нет, я не могу этого“». Наконец, в-пятых, как в Прологе сказано, что блудница переменяла жизнь («И отшедши сия, покаяся»¹⁴⁰), так и у Толстого Маковкина становится радикально иной: «— Отец Сергий. Простите меня. — Уйди. Бог простит. — Отец Сергий. Я переменяю свою жизнь. Не оставляйте меня. — Уйди. — Простите и благословите меня. — Во имя Отца и Сына и Святого Духа, — послышалось из-за перегородки. — Уйди. Она зарыдала и вышла из кельи. <...> Через год она была пострижена малым постригом и жила строгой жизнью в монастыре под руководством затворника Арсения, который изредка писал ей письма».

В проложном житии под 27 декабря имеется только история стойкости монаха, а в проложном житии Иоанна Постника (под 4 марта) — только эпизод, соответствующий истории падения о. Сергия с Марьей. Между тем пространная версия жития Иоанна Постника, отраженная в Четье-Минее, содержит не только аналог эпизода с Марьей, но и аналог эпизода с Маковкиной¹⁴¹.

ру, наченши плакаться и рыдати велми, яко с пути заблудивши, и помоливши святаго, еже прияти ю, да не зубы зверьскими снедена будет. Оному же не бяше можно презрети ю, но внутрь введе ю, тойже во внутреннюю келлию отлучися. Она же блудную утварь носящи и, отложивши нищавую одежду, украси себе блудною одеждею». Блудница выманивает отшельника из укрытия, а Мартиан удерживает себя от падения, восходя на зажженный костер. «Темже и много хвастая собрав и зажег е, вниде посреде, наказуя себе и глаголя: „Убогий Мартиане, аще можеши геенский огонь подъяти, сласти мерзостней возжелав, лязи с женою“. И тако опалив себе, смири телесное преизбытие».

¹³⁹ По усмотрению.

¹⁴⁰ В сказании из Патерика, напечатанном С. Николовой, сказано подробнее: «И шедши, пожит в целомудрии и чистоте до смерти своея» [Николова 1980: 169].

¹⁴¹ А. Г. Гродецкая считает, что св. Димитрий в своих Четьях-Минеех настолько изменил облик Иоанна, что тот может быть прямо назван «героем Димитрия Ростовского» [Гродецкая 2000: 220]. На самом же

Более подробно затронутая здесь тема сильной этики рассматривается далее в подглавке 03–3 Третьего раздела настоящей монографии.

- РПТ: Даже очевидец не должен осуждать согрешившего. <5>

Ср. «Слово о двою монасах и о блуднице» (под 3 августа): Черноризец шел по городу, и непотребная жена по имени Порфирия возопила к нему, чтобы он спас ее, «яко и Христос блудницу». Старец «ем за руку ея, изыде сквозе народ из града, всем видящим. Бысть же прослытие, яко черноризец поят жену ту». На самом же деле старец повел Порфирию в монастырь. По дороге она увидела у одной церкви подброшенного младенца и взяла себе на воспитание. Сразу распространился слух, «яко родила есть жена Порфирия от старца, и мы видехом отроча очима нашими подобно ему». На смертном одре старец собрал вокруг себя народ. «И глагола: „Принесите огонь“. И яко принесоша кадилницу, и взем углие горящее старец и всыпа в стихарь свой, и рече: „Известно вам буди, братие: зане якоже Бог сохранив купину огнем непалиму и якоже и стихарю моему не прикоснушася угля сия, тако и яз не познах греха женска, отнеле же рожден есмь“. И вси дивишася, яко не сгоре стихарь его от огня, и прославиша Бога, имущаго тайныя рабы». К этому рассказу присовокуплено нравоучение: «О чада, не будите готови на осуждение чуждих грехов. Множицею бо блудника согрешающа видехом, покаяния же творяща не видехом. Или крадуща некоего видехом, въздыхания же и слез, яже принесе Господеви, не вемы, — яко от Бога прият бысть в тайне покаянием его и исповеданием». Евангельской парадигмой здесь может быть эпизод с женщиной, взятой в прелюбодеянии (Ин 8: 1–11).

04–3. РПТАКТИКИ, ПОЛУЧЕННЫЕ АНАЛИЗОМ КТИТОРСКИХ УСТАВОВ

Выше было сказано, что требовать от человека, чтобы он руководствовался строгими этическими нормами, т. е. требовать святости, — это логическое противоречие. И тем не менее можно указать на РПТактики, которые выдвигают подобное требование по отношению к определенному сословию в сообществе верующих.

Речь идет об уже упомянутых ктиторских уставах. Пользуемся публикацией [Феофан 1892]¹⁴², в которой собраны уставы наиболее авторитетных ктиторов — Пахомия Великого, Василия Великого, Иоанна Кассиана и Венедикта. Их анализ позволяет установить ряд сверх-должных РПТактик, и из их числа мы рассмотрим только те, которые связаны с выявлением и изглаживанием деликта. Цифрами в круглых скобках указаны страницы в издании Феофана.

- Отношение монашествующего к деликтам отличается от поведения мирского человека <6>

Монашеские обязанности: «не обходиться ни с кем коварно, вовсе не говорить ни о ком худо, не оговаривать, вовсе не слушать с приятностью оговоров, не скоро

деле Димитрий продолжает весьма древнюю традицию: все выписки исследовательницы текстуально восходят к древней Мартовской минее-четье, славянский перевод которой дошел до нас как 46-я глава Супрасльской рукописи (XI в.) [Займов, Каралдо 1983: 514–518 (первый эпизод), 519–522 (второй эпизод)].

¹⁴² Далее при цитировании этого издания номера страниц даются в круглых скобках.

верить тому, что говорят на кого, <...> не гневаться на ближнего понапрасну, не держать ни на кого неудовольствия, не воздавать злом за зло, лучше самому выслушать оскорбительное слово, нежели оскорбить другого, быть биту, нежели бить, стерпеть обиду, нежели обидеть, понести лишение, нежели другого лишить чего» (469).

- Не следует обличать коммуниканта-1, если это действие обусловлено желанием отомстить или позлословить (даже при условии, что обличение — истинно) <7>

«Того, кто обличает согрешающего не из желания исправить брата, но по страсти отомстить за себя, правила предписывают самого исправлять» (400). «Всякое слово, сказанное с намерением обесчестить, — есть злословие, хотя бы слово само по себе и не казалось укорительным» (414). «Если кто-либо, узнав за кем-либо прегрешение, примется обличать его и исправлять не в мире и с любовью о Христе, а с горечью, более торжествуя над братом, чем врачую повинного греху, таковой да будет отлучен вместе с обличаемым в прегрешении на две недели, потому что принялся обличать как враг, а не как брат» (476) {3}.
- Всего лишь в двух случаях допустимо выступать с обличениями: ради исправления преступника и ради предостережения других от общения с ним <8>

«Думаю, что есть два случая, когда позволительно говорить о ком-нибудь дурное, а именно: когда необходимо кому посоветовать с другими опытными о том, как исправить согрешившего, и еще, когда бывает нужда предостеречь других, которые по неведению могут быть нередко в сообществе с худым человеком, почитая его добрым. А кто без таковой необходимости говорит что-нибудь о другом, с намерением разгласить или очернить, тот клеветник, хотя бы говорил и правду» (414).
- Согрешает не только тот, кто клеветает, но и кто слушает клеветника <9>

«И кто клеветает на брата, и кто слушает клеветника, — оба достойны отлучения» (ср. Пс 100: 5; Притч 20: 13) (414).
- Коммуникант-1 должен быть готов немедленно извиниться, а коммуникант-2 должен быть готов немедленно принять извинение (= простить). Прощать следует и при повторных деликтах <10>

«Если кто рассерчает понапрасну и тотчас не уприсит опечаленного тем брата простить ему грех, каким согрешил против него, да будет отлучен на одну неделю» (477). [AB1] «Если кто во время Причащения, имея на какого-нибудь брата огорчение, не даст ему мира, да будет отлучен» (479). «Если тебе кажется, что кто-нибудь виноват перед тобой, — забудь это и прости. И узнаешь счастье прощать» (Л. Толстой, Путь жизни). И в данном случае имеется евангельская парадигма: «Петр приступил к Нему и сказал: Господи! сколько раз прощать брату моему, согрешающему против меня? до семи ли раз? Иисус говорит ему: не говорю тебе: до семи раз, но до седмижды семидесяти раз» (Мф 18: 21–22). «Если же согрешит против тебя брат <...> семь раз в день <...> и семь раз в день обратится, и скажет: каюсь, — прости ему» (Лк 17: 3–4).
- Следует не только прощать обидчика, но и молиться о нем, чтобы его грех был отпущен <11>

«Надо показать плод терпения, с истинным расположением принося Богу молитву об обидевшем» (401). Ктитор при этом ссылается на два новозаветных наставления: «Отпускайте, аще что имате на кого» (Мк 11: 25); «Господи, не постави

ему греха» (Деян 7: 60)¹⁴³. «Прощать — значит не мстить, не платить добром за зло, значит любить» (Л. Толстой, *Путь жизни*). Александр II в ответ на просьбу покушавшегося на его жизнь Каракозова о помиловании: «Я давно простил преступника как христианин, но как государь простить его не считаю вправе» (О. Форш, *Одежды камнем*).

- От монашествующего ожидается внешне полностью бесстрастное поведение <12>

Для братьев поставлено законом, чтобы «ничто в них не было признаком гнева или памятозлобия: ни вид, ни движение, ни слово, ни пристальный взгляд, ни расположение лица, или что еще обыкновенно возбуждает к гневу живущих вместе с другими» (404). «Надобно воздерживаться от всякой шутливости» (412).

- Предписывается полное благодушие при перенесении напрасных преследований <13>

«Пример Апостола: *укоряеми благословляем, хулими утешаемся* (1 Кор 4: 12–13) учит сохранять незлобие ко всем, и поступающим с нами лукаво воздавать добром. Не побежден бывай злом, но побеждай благим злое (Рим 12: 21). Каким образом можно не приходиться в гнев? — Если всегда будешь в той мысли, что ты пред очами Зрителя Бога и близ тебя Сушного Господа. Второе средство — не искать преобладания и не ожидать, чтобы все было по нашей воле» (405–406). «Если тебя или другого кого будет кто злословить или другим каким образом обижать, — будь неподвижен и не противотвечай ничего, будто немой» (583). Евангельская парадигма заключается в речении Христа: «Горе вам, когда все люди будут говорить о вас хорошо! ибо так поступали с лжепророками отцы их. Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить за Меня» (Мф 5: 26).

- Необходимо открывать на исповеди самые мелкие деликты, в том числе проступки мысли <14>

«Ни одного своего движения душевного не оставлять в скрытости, ни одного слова не пропускать без испытания» (455). «Надобно знать, что в Новом Завете нельзя видеть различия малых и важных грехов. Ибо на все грехи падает один приговор: *творяй грех от диавола есть*¹⁴⁴» (471).

- Предписывается постоянное самообвинение и покаяние <15>

«Покаяние не должно прекращаться всю жизнь <...>. Поминутно согрешаем, если не делом, то словом, если не словом, то помышлением» (454). «Что ты смотришь на сучок в глазе брата твоего, а бревна в твоём глазе не чувствуешь? <...> Лицемер! вынь прежде бревно из твоего глаза, и тогда увидишь, как вынуть сучок из глаза брата твоего» (Лк 6: 41–42). Парадигмой является также великопостная молитва Ефрема Сирина о даре замечать свои грехи: «Даруй ми зрети моя прегрешения и не осуждати брата моего»; ср. ее парафраз у Пушкина («Отцы пустынноики и жены непорочны»): «Но дай мне зреть мои, о Боже, прегрешенья, / Да брат мой от меня не примет осужденья».

Таков перечень 15 РПТтактик строгой этики, выведенных из Пролога и из дисциплинарных монашеских уставов. Они, конечно, производны от Свщ. Писания. Действи-

¹⁴³ Молитва первомученика Стефана, побиваемого камнями (Деян 7: 58–60).

¹⁴⁴ 1 Ин 3: 8.

тельно, «неотмирность», принципиальный отказ следовать секулярным РПТактикам прямо рекомендуется в Новом Завете ¹⁴⁵: «Не сообразуйтесь с веком сим» (Рим 12: 2).

Аналогичные предикации достигают кульминации в знаменитом фрагменте 1 Кор 1: 17–25: «Ибо Христос послал меня <...> благовествовать не в премудрости слова, чтобы не упразднить креста Христова. Ибо слово о кресте для погибающих юродство есть, а для нас, спасаемых, — сила Божия. Ибо написано: погублю мудрость мудрецов, и разум разумных отвергну. Где мудрец? где книжник? где совопросник века сего? Не обратил ли Бог мудрость мира сего в безумие? Ибо когда мир своею мудростью не познал Бога в премудрости Божией, то благоугодно было Богу юродством проповеди спасти верующих. Ибо и Иудеи требуют чудес, и Еллины ищут мудрости; а мы проповедуем Христа распятого, для Иудеев соблазн, а для Еллинов безумие, для самих же призванных, Иудеев и Еллинов, Христа, Божию силу и Божию премудрость; потому что немудрое Божие премудрее человеков, и немощное Божие сильнее человеков».

В Ктиторском уставе Иоанна Кассиана приведено определение «неотмирности»: «Отречение от мира есть не что иное, как взятие на себя креста Христова и показание самоумерщвления» (578). Остается напомнить, что юродство на Руси, вплоть до прославленных в мае 1999 г. Матренушки и Илариона (Троицкого), было излюбленным подвигом святости.

04–4. РПТАКТИКИ, ПОЛУЧЕННЫЕ ИСТОРИЧЕСКИМ АНАЛИЗОМ ОДНОЙ СЕМАНТИКО-ПОВЕДЕНЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЫ: ἐλέγχειν и ОБЛИЧАТИ

В древнейшей славяно-русской служебной минее за декабрь седален последования 7-го дня, на память св. Амвросия, епископа Медиоланского, начинается так:

Прр̑оку илии рвьноуѣта
иоаню такоже кр̑стителеви
моу̑жскѣи обличилъ иеси (διήλεγχας) ц̑р̑м̑ безаконьнѣи...

Пророк Илия, действительно, укорял царя Ахава и его жену Иезавель за идолослужение, после чего царь покаялся, а царица продолжала упорствовать и даже пыталась убить пророка (3 и 4 Цар). Что же касается Иоанна Крестителя, то последний ветхозаветный пророк также укорял одного из современных ему владетелей — четверовластника Ирода Антипу за незаконное сожительство. По настоянию царицы Иоанн Креститель был обезглавлен (Мф 14: 1–12, Мк 6: 14–30).

Вернемся к Амвросию Медиоланскому. 3-я стихира на стиховне в той же службе ему читается:

Правовѣрнаго ц̑с̑с̑р̑а съгр̑ѣшивъша древле
так̑о давъѣда нафанъ съ д̑ръзновениемъ обличи (ἐλήγχας),

¹⁴⁵ Собственно, формы святости, парадигматичные в христианстве, — например, добровольное распятие Богочеловека на кресте, — решительно противоречат всем секулярным и слабым этическим нормам.

амъвроснѣ преблагенѣ,
того гавѣ въ отълоученнѣ вължн
и покапаныемъ наказавъ боголѣпно
причета стадоу своемоу.

Пророк Нафан, упоминаемый в стихире, дерзновенно пришел к царю Давиду и, прибегнув к притче, обличил его в грехе прелюбодеяния, — царь незаконно взял себе новую жену — Вирсавию (2 Цар 11–12).

Приведем 3-й тропарь 6-й песни канона:

Ръвность твоа ниннѣ рвности подобнт сѧ, блжне,
црѧ бо вѣрна осквернша сѧ кровьми
обличивъ отгналъ нси отъ бѣствнзихъ привратни
достойное хранѧ бви.

В стихире и тропаре вспоминается некий царь, а в седальне — цари, с которыми у св. Амвросия были столкновения, что и позволяет гимнографу уподобить христианского святого трем ветхозаветным пророкам — Нафану, Илии и Иоанну Крестителю.

Известно, что литургическая поэзия, как правило, отсылает к определенному эпизоду из жития святого. И на самом деле, в проложном чтении (под 7 декабря) упоминается о противостоянии Амвросия могущественному императору Феодосию I:

И царю Феодосию от селунскаго убийства и кровопролития пришедшу в Медиоланский град, и вход божественныя церкви тому запретив, иже и на воспоминание принесе таковое дерзновение.

В пространном Житии Амвросия, принадлежащем Павлину-пресвитеру, говорится о столкновениях Амвросия с царем Валентианом и его матерью Иустой, державшейся арианства.

Что же касается Феодосия, то в пространном Житии приведенный выше краткий проложный рассказ о диалоге между святителем и царем расцвечен упоминанием о грехопадении царя Давида. Цитируем повествование Павлина по версии декабрьской минеи-четьи Димитрия Ростовского (с нашими орфографическими и пунктуационными изменениями. — *Е. В., В. К.*):

В то же время ина вещь прилучися. В Фессалоникии народ воста на воеводу Вофирска и уби его, чесо ради, зело разгневався, царь посла воинов на град той, и убиено бысть народа до седми тысяч, идеже множество неповинных острием меча умроша. Воини бо на град нападше, не искаху повинных убийству, но всех случившихся на стогнах града — старыя, и юношы, и младенцы — посещаху. Слышав же то, Амвросий печален бысть зело, и праведным гневом на царя гневашеся, за такое неразумное кровопролитие. Единою же в день праздничный грядущу царю со славою в церковь, архиерей Божий небаязненно противу изыде, возбраняя ему церковный вход и о убийстве неправедном обличая. Не подобает тебе [рече], о царю, с верными приобщитися, толикое убийство сотворшу и покаяния не совершившу. Како бо приимеши тело Христово руками, неповинною кровию омоченными? Како же кровь Господню пиеши устнами, имиже дал еси повеление на лютое убийство? Глагола же к нему царь: и Давид согреси, убийство и прелюбодеяние сотвори, обаче не лишился Божия милосердия. Отвеща ему епископ: Аще под-

ражал еси Давиду грешащему, подражай убо ему и кающемся. И возвратися царь в палаты своя смущен, жалея о гресе своем. Потому приуготовися, прия покаяние от святителя наложенное, и яве яко един от простых каяшеса, повергая себе ниц на землю пред церковию и стоя с кающимися и многия слезы проливая. По совершении же покаяния прият бысть Амвросием святым в церковь. Хотя же царь причастится пречистых Тайн, вниде в олтарь, да со освященными причастся, но Амвросий святыи посла к нему архидиакона своего, велящи, да пред олтарем с прочиими людьми ожидает причащения, ибо порфира царей [рече], а не священников соделовает. Царь же смиренно прия епископово повеление и изыде из олтаря <...> и ожидале времени причащения с общим народом в церкви.

Противостояние Амвросия Феодосию, — оно (что видно по употреблению ключевой лексемы в песнопениях) осмысляется как *обличение*, — завершилось благополучно, поскольку царь подвинулся к покаянию. Однако в аналогичном столкновении святителя Иоанна Златоуста с царицей Евдоксией (оно описано в его пространном Житии, а также в Повести о Епифании Кипрском) исход был совсем другой: Иоанн выступил на защиту вдовы, которую ограбила Евдоксия, но вследствие интриг царицы был дважды осужден на соборах и отправлен в изгнание, где и скончался.

Отметим, что царица прямо запрещает Иоанну подвергать ее публичному обличению¹⁴⁶: Не мози обличити на лици църь. Из ее слов вытекает, что царей вообще нельзя ни укорять, ни осуждать. Иначе она прямо угрожала вернуться в язычество, ибо в старой вере богоуподобление императора исключало любое его обличение.

Святитель Иоанн, естественно, не признал подобной царской исключительности. Вопреки ее ожиданиям, другой авторитетный святитель — Епифаний, которого царица вызвала в Константинополь, чтобы он осудил Иоанна, — также напомнил царице о ее обязанности терпеливо сносить обличения духовных лиц: црѣмъ кѣтъ оукоризноу приимати. и пращати. и имъже и въ иматѣ црѣ на нѣсъхъ. кѣмоу въиноу съгрѣшаѣте¹⁴⁷.

Обратим внимание и на то, что Иоанн Златоуст, обличая, прибегает, подобно Амвросию, к аналогиям из Свщ. Писания. Таково знаменитое слово Златоуста на праздник усекновения главы Иоанна Крестителя (которое, кстати сказать, и переполнило чашу терпения Евдоксии): Паки иродиа вѣсит се паки моутит се паки метет се. паки плещеть. паки просит главъи юана крѣтителл беззаконаа отъ ирода оусѣкноути¹⁴⁸. Слово это, поставленное в контекст известных событий, для слушателей было вполне прозрачно.

Между тем в другом своем Слове Иоанн Златоуст ясно говорит о благонамеренной цели обличений Иоанна Крестителя (и, безусловно, своих собственных): Иоань свезаноу юго (т. е. Ирода) дѣшо плѣнницами грѣховнами обличѣемъ хотѣаше раздрѣшити. а онь раздрѣшаюцааго везашѣ¹⁴⁹. Обличение, следовательно, отнюдь не подрывает основы власти как таковой, а должно послужить спасению согрешившего властителя.

¹⁴⁶ Цитируем Повесть о Епифании по [Успенский сборник 1971: 168г]. Далее сокращенно: Усп. сб.

¹⁴⁷ Усп. сб.: 169г.

¹⁴⁸ Цитируем по Гомилию Михановичу [Mihanović 1957: 262b]. Далее сокращенно: Мих.

¹⁴⁹ Мих.: 261а.

Если же обличающего епископа или патриарха пытаются остановить и высказывают угрозы, то не только земные узы не помогут (нъ аще и везаше и юань глше. и въ тьмницю вьмѣтаемь обличаше и ¹⁵⁰), но и само лишение святителя жизни (несома же глава юанова на блюдѣ на вечерю. глше къ роду не достонтъ ти женъ имѣти брата своего. и по смърти бо правдивъи живь ¹⁵¹).

В византийской агио- и гимнографии наряду с Амвросием Медиоланским и Иоанном Златоустом немало и других святых, которые без боязни предстают перед неправедными царями (например, ересиархами) и во всеуслышание обличают их. Акт такого поведения с течением времени приобрел повторяющиеся, стереотипные черты.

Соответственно и в семантике глагола обличати и имени обличение появился — путем генерализации контекстов (как это обычно бывает в развитии литературного языка) — многочисленный набор устойчивых семантических долей. В рамках небольшого исследования невозможно проследить за генезисом и статусом (к XII в.) каждой из этих семантических долей, поэтому ниже приводятся лишь минимальные комментарии и излагаются скорее прямо результаты, чем сам ход лингвокультурологического анализа.

Непосредственно по принятии крещения подавляющая часть книжного достояния Руси состояла, как известно, из переводных текстов. Как всегда бывает, оригинальная словесность была отсрочена по времени: на первых порах она не представляла собой большого массива, да и по читаемости находилась на периферии внимания. Не случайно все рассмотренные выше фрагменты из книжности, обращавшейся на Руси, — песнопения, выписки из житий и проповеднических слов, — все они были переведены с греческого.

В процессе переводов потребовалось заново образовать немалое число слов молодого славянского литературного языка, особенно отвлеченных. Например, в седалне царь Феодосий назван вє-з-акон-ьнъ: перед нами последовательный поморфемный перевод (калькирование) греч. лексемы ἄ-νομ-ος. Таковы же по механизму происхождения сложные слова типа: вездъна, благотворити, домоустроити, жестосрдие, законоучитель, засъвѣдѣтельствовати, зълодѣи, зълословити, искоренити, къ-нижьникъ, лихоньствие, маловѣръ, невѣрънъ, неповинънъ, нержкотьворьнъ, просвѣтити, прѣображение, самовидьць, сълужение, ѡзъчьникъ и т. д.

Казалось бы, и лексема об-лич-и-ти должна быть калькой. На самом же деле она, прозрачная в своем словопроизводстве и семантически мотивированная, — автохтонного происхождения: она отнюдь не калькирует соответствующий греч. глагол ἐλέγχειν. Лексическая основа с чередованием согласных ли-к-/-ц-/-ч- уже в книжно-письменном языке Древней Руси дала множество производных ¹⁵².

Глагол обличати образован от семантически весьма насыщенного имени лице, и среди его непонятных (т. е. фоновых) смыслов есть и такой: лице — это подлинный, истинный, сущностный моральный облик человека; отсюда беззаконники и грешники стараются скрыть свое лицо; чтобы представить себя в более выгодном

¹⁵⁰ Мих.: 261а.

¹⁵¹ Мих.: 262а.

¹⁵² Относительно современного словообразовательного гнезда см., например: [Кузнецова, Ефремова 1986: 188–189].

(и одновременно неподлинном) виде, они надевают на себя личину-маску; отсюда затруднительно увидеть настоящее лицо грешника, ибо оно глубоко упрятано. Иногда маска-личина по какой-либо причине спадает¹⁵³ или же ее срывают. Следовательно, изложенное фоновое представление покоится на противопоставлении *лица* (как феномена истинного и сущностного) — *личине* (как феномену неподлинного и второстепенного, но выставяемого напоказ).

Если это так, то деривационная семантика глагола *об-лич-и-ть* является вполне регулярной. Как *обнажить* означает «показать наготу» или *объявить* — «сделать явным», так и *обличить* — «показать» скрытое за маской подлинное лицо некоего человека, обычно для него невыгодное.

Следовательно, внутренняя форма слова является славянской и вполне само-бытной.

Греческие контексты создали, однако, совокупность заимствованных, перенятых семантических долей (сем). Для православного — шире, христианского — сознания *обличение* — это (1) обязанность духовных лиц (2) публично и (3) с негодованием (4) ставить на вид человеку (5) доказанные (6) его прегрешения (7) в надежде, что он усвоит укоризны, исправится и будет благодарен обличителю, а также [при несоблюдении условия (7)] подвергая себя риску преследований и мести, в том числе и риску лишиться жизни.

Языковая и поведенческая реальность каждой из семантических долей подтверждается регулярными контекстами.

Так, когда Святослав согнал с великокняжеского стола своего старшего брата Изяслава, то основатель русского монашества Феодосий, который пользовался всеобщим уважением, начать того обличати тако неправедно сътворивъша¹⁵⁴. Феодосий был неутомим в своих укоризнах: тако обличаше того. овъгда епистолима посылалаше тому. овъгда же вельможамъ его приходашемъ къ нему. обличаше того о неправдѣмъ прогнании брата. вела тѣмъ повѣдати тому. се же и послѣ же въписа къ нему епистолину великую зѣло. обличаю того и гла. гласъ крѣве брата твоего въпию на тя къ боу¹⁵⁵.

В личной беседе со Святославом преподобный объясняет свое поведение именно непреложной обязанностью духовного лица [сема 1]: се намъ подобаетъ обличити и глаати вамъ еже на спасение души. и вамъ лѣпо естъ послушати [Усп. сб.: 59в]. Здесь одновременно мы видим и реализацию [сема 7].

Святослав, однако, не проявил готовности к покаянию, и Феодосий стал подвергаться немалой опасности: и тако ть проутье епистолину тоу. разгнѣва сѧ зѣло и тако лъвъ рикнувъ на правдѣнааго. и оударн тоу о землю [Усп. сб.: 59в]. В этом контексте представлена [сема 8].

Против подобного поведения в христианской книжности имеются прямые предупреждения. Так, одно из них гласит: ненавиди обличения наследити грѣ-

¹⁵³ Это представление присутствует в ряде полуклишированных речений: *Вот он и показал-таки свое лицо!*; *Тут-то его мурло и вылезло наружу*; *Срывание всех и всяческих масок*; *Личина приклеилась к лицу, и не поймешь, где он от себя говорит, а где играет роль* и т. д.

¹⁵⁴ Усп. сб.: 58б.

¹⁵⁵ Усп. сб.: 58б–в. Последняя фраза содержит прямую цитату из эпизода обличения Каина: «И сказал [Господь]: что ты сделал? голос крови брата твоего вопиет ко Мне от земли» (Быт 4: 10).

хъ¹⁵⁶. Нормативная, одобряемая реакция на укоризны духовенства должна, следовательно, состоять в раскаянии и отказе от прежнего предосудительного поведения¹⁵⁷.

Необходимо указать на коренное отличие обличения от клеветы. Обличают не за мнимые или известные по навету, а за реальные проступки, поэтому прежде чем обличать, духовное лицо обязано исследовать, что произошло, и доказать [сема 8] справедливость обвинений: как себе самому, так и обличаемому. Соответственно в некоторых случаях глагол обличати семантически приближается к глаголу испытывати. Изборник 1076 г., например, настоятельно советует не обличать никого, пока не проведено испытание: како подобаетъ много испытание имѣти. и не отъ слоуха осоуждати съгрѣшающаго. ни безъ обличения отъвѣтъ износити. Обличи друуга мзногашьды. бо бываеетъ клевета и не всакомоу словеси вѣроу кѣми [Изб. 1076: 97г–97v].

Выяснение истинности дела может потребовать обращения к свидетелям: об этом есть прямое указание в Евангелии¹⁵⁸. Привлечение свидетелей стало юридической нормой; ср. в Ефремовской кормчей: Аще ли обличенъ воудетъ отъ дъвою ли трини послоухъ, да престанетъ отъ причѣта. Такова одна сторона вопроса: обличающий должен быть уверен, что он не взял на веру злонамеренную клевету и тем самым не включился в греховное дело. Есть и другая: строгая доказательность обличений строится на имплицитной уверенности, что бессовестный обличаемый едва ли по доброй воле признает свою вину, скорее наоборот, он сделает все возможное, чтобы скрыть прегрешения и разрушить доказательства¹⁵⁹.

Наконец, нужно еще упомянуть о воспитательной функции обличения. В Апостоле¹⁶⁰ авторитетно сказано о необходимости обличать грешников перед всеми, чтобы и прочие страх имели. И ему вторит Злотоуструй XII в.: Съгрѣшаа прѣдъ всѣми обличан, да друэини зряще тѣхъ страхъ имоутъ¹⁶¹. Таким образом, поведенческая ситуация обличения согрешившего властителя (в том числе и царя) духовным лицом (особенно епископом и патриархом) — это духовная ценность византийской христианской культуры, имеющая глубочайшие корни. Она восходит к нормативному поведению ветхозаветных пророков, подтверждается в Новом Завете и многократно закрепляется в житиях святых.

Следовательно, перед нами так называемое парадигматическое поведение — способ вести себя, предписанный религиозной этикой и продемонстрированный авторитетными лицами.

¹⁵⁶ [Изборник 1965: 179v]. Далее: Изб. 1076.

¹⁵⁷ Между прочим, Святослав, так и не желая примириться с братом, все же внял обличениям Феодосия относительно срамных игр и плясаний в своем доме: Тоже тоу авни онъ съ словьмъ блаженааго. оумили сѧ и малы просльзи си. повелѣ тѣмъ прѣстати. и оттолѣ аще коли приставаше тѣмъ играти. ти слышаша блаженаго пришьдъша. то повелѣваше тѣмъ прѣстати. от такоуша игры (Усп. сб.: 60а).

¹⁵⁸ «Если же согрешит против тебя брат твой, пойд и обличи его между тобою и им одним; если послушает тебя, то приобрел ты брата твоего; если же не послушает, возьми с собою еще одного или двух, дабы устами двух или трех свидетелей подтвердилось всякое слово» (Мф18: 15–16). «Обвинение на пресвитера не иначе принимай, как при двух или трех свидетелях» (1 Тим 5: 19).

¹⁵⁹ «Всякий, делающий злое, ненавидит свет и не идет к свету, чтобы не обличились дела его, потому что они злы» (Ин 3: 20).

¹⁶⁰ «Согрешающих обличай перед всеми, чтобы и прочие страх имели» (1 Тим 5: 20).

¹⁶¹ Цитируем по «Материалам» Срезневского.

Корни этой парадигмы восходят к Византии, но все же выше мы обильно цитировали Житие Феодосия Печерского, а это произведение не переводной, а оригинальной книжности. Феодосий считал своей обязанностью [сема 1] публично [сема 2] и с негодованием [сема 3] ставить на вид [сема 4] князю Святославу доказанные [сема 5] его прегрешения [сема 6], причем в одном случае — когда святой выступил против бесчинных песен и плясок — великий князь воспринял укоризны [сема 7], а в другом — отверг их и принялся преследовать обличителя [сема 8].

Следовательно, поведение печерского инока уже полностью воспроизводит поведенческую парадигму, пришедшую из Византии. Она же вполне усвоена и списателем Жития Феодосия Печерского (летописцем Нестором), которому она представляется не просто похвальной, а единственно возможной.

Эта парадигма на Руси стала настоящим императивом, и мы видим ее регулярное повторение.

Когда начались бесчинства царя Ивана («Грозного») и его «опришнителей», то с обличениями восстал митрополит Филипп. В его проложном Житии (под 9 января) читается¹⁶²:

Блаженный же Филипп царя молит, паче же и обличает еже такового начинания престати; и того ради царь гневашеся на святого и муками и изгнанием претяше. Он же яко адамант непоколебим пребываше и цареву прещению ни во что же вменяше, о истине же глаголати не престающе.

Подобно Иоанну Златоусту, святитель Филипп не прекращал обличений, был сам оклеветан, сведен со своего стола, удален в изгнание и (здесь в отличие от Иоанна) умер насильственной смертью:

И вскоре (царь), хотя гнев свой исполнити, посылает боярина своего Алексия Басманова со многими воины. Он же, пришед в соборную церковь, повеле перед всем народом лжесоставныя на святого книги чести. По том пришедши с ним нападоша на святого аки суровии зверие, и совлекоша с него святительский сан, и возложиша на него ризы инокския многошвенныя и раздранныя, и изгнаша его из церкви, и посадиша его на возило и вне града повезоша ругающесея и метлами биюще. <...> Конечнее же в заточение изгнанием осуждается во Отрочь монастырь града Тфери. И много зла по пути блаженный пострадал от скудоумных приставников. <...> Малюта Скуратов внезапно без опасения прииде в келию святого. <...> Каменосердечный же он муж зяят праведнаго уста подглавием, и тако святыи предаде душу свою в руце Божии в лето 7078 (1569 г.), декаврия в 23-й день.

Если Феодосий Печерский — это начальное звено в ряду русских страстотерпцев и строптивцев, то митрополит Филипп — срединное, а если иметь в виду аналогичные ситуации в последующие времена, то нельзя не вспомнить, с одной стороны, о патриархе Никоне и, с другой, о протопопе Аввакуме (оба, с противоположных позиций, противостояли царю Алексею Михайловичу). Нельзя не вспомнить также о патриархе Адриане и, сделав большой скачок во времени, о патриархе Тихоне, уже нашем современнике.

¹⁶² Продолжаем цитировать (дипломатически) первопечатный Пролог.

Нет сомнения в том, что устойчивость этой парадигмы к исходу XVII в. побудила царя Петра воспрепятствовать избранию, после кончины Адриана, нового патриарха и заставила его ввести синодальное церковное управление.

Парадигма настолько живуча, что и нынешнее российское церковное сознание продолжает видеть в иерархе судью внешней власти и ожидает от него отнюдь не непрерывной симфонии, а когда нужно — бесстрашного обличения.

Путем контекстного анализа и на примере одного-единственного слова (и соответствующей поведенческой парадигмы) мы старались показать, как проходил процесс наследования духовной ценности, пришедшей на Русь вместе с принятием христианства. Фоновые смыслы греч. глагола ἐλέγχειν были восприняты слав. глаголом *обличати*, хотя этот последний не является словообразовательной калькой и, следовательно, его мотивация отличалась от греч. соответствия.

Вокруг лексем *обличати* и *обличение* сложилось целое поле соположенной (т. е. синонимической, антонимической и тематической) лексики: *сѣднѣти, осѣждати, оубѣждати, оустѣдѣти, оубѣщати, въразоумѣти, винѣти* и т. д. (с соответствующими производными). На первом месте следует, конечно, назвать тот христианский феномен внутреннего обличения, который обозначается с помощью кальки *съ-вѣсть*.

Примененный выше контекстный анализ, если его распространить на лексико-семантическое поле, вызывает наглядный образ сопряженных зубчатых колес: поворот одного, самого малого, колеса приводит в движение всю систему. Думается, что благодаря подобному подходу духовное наследование — от Византии к Руси — может быть изучено вполне конкретно.

Еще одно историко-лингвистическое исследование с использованием методики исчисления РПТактик см. в конце этой части (Приложение 1. Исчисление РПТактик тропарей древнейшего канона св. Димитрию Солунскому).

04–5. ИДЕОЛОГИЧЕСКИ МОТИВИРОВАННАЯ СТРОГАЯ ЭТИКА

Нечто подобное неотмирности и юродству свойственно не только православию, вообще христианству или какой-либо другой религиозной конфессии. Противоречащие мирским РПТактики встречаются также в поведении членов сплоченных и связанных обетами (как в монастыре) групп революционеров, живущих по собственной абсолютной идеологии¹⁶³.

В свете изложенного предпринимаем исчисление ряда РПТактик выявления и изглаживания деликта, свойственных приверженцам революционной идеологии в России. Выписываются лишь РПТактики, производные от строгой этики¹⁶⁴. Поэтому продолжается их общий (для всей главы 4) счет.

- Ради победы «общего дела» возможны поступки, которые «обычно» считаются деликтами («цель оправдывает средства») <16>

Допустимо насилие. Не умеешь — научим, не хочешь — заставим!; Ты что это — противопоставляешь себя коллективу?! Так он тебя перевоспитает; Давайте от лица

¹⁶³ О вторичности идеологии и о ее зависимости от религии говорит, в частности, общая терминология; наиболее характерен «Катехизис революционера» М. Бакунина и С. Нечаева.

¹⁶⁴ Примером слабой этики в области идеологии может послужить «Моральный кодекс строителя коммунизма», имеющий параллель в Декалоге.

нашего факультетского комсомольского собрания попросим деканат отчислить В. из университета за поведение, несовместимое со званием советского студента. Ставлю на голосование. Ленин: «А сегодня гладить по головке никого нельзя — руку откусят, и надобно бить по головкам, бить безжалостно, хотя мы, в идеале, против всякого насилия над людьми» (Горький, В. И. Ленин). «Страна (Россия) не выбирала либерализм <...>. Речь идет о том, как его стране навязать. Я хочу, чтобы была создана жесткая конструкция экономического принуждения. То есть сзади будут некие заградотряды: все уже разрушено, можно идти только вперед. Поэтому я разрушаю сознательно и с мстительным наслаждением» [Новодворская 1993: 261]. Допустим отказ от патриотизма: «Как сладостно отчизну ненавидеть / И жадно ждать ее уничтоженья, / И в разрушении отчизны видеть / Всемирного денницу возрождения» (В. Печерин, Замогильные записки; см. [Русское общество 1989: 161])¹⁶⁵.

Допустимо предательство друзей и родных, отказ от них и донос на них: «Всякое чувство привязанности, дружбы, любви, благодарности, всякое родственное побуждение он (революционер) обязан задушить ради единственной, холодной страсти — страсти революционной работы» (М. Бакунин, С. Нечаев, Катехизис революционера). «Но мне сказал мой шеф с лицом аскета, / что партия дороже дружбы с кем-то» (Евтушенко, Братская ГЭС). Павлик Морозов донес на собственного отца и стал общенародным героем. «Я всегда использовала людей вокруг себя как средство для спасения России: знала, что это грех, и не каялась» [Новодворская 1993: 99]. Перестают действовать нормы половой и семейной морали; Виргинский после того, как его жена, «дама самых последних убеждений», объявила ему, что он отставлен и что она предпочитает Лебядкина, реагирует, как и положено нигилисту: «Друг мой, до сих пор я только любил тебя, теперь уважаю» (Б: 32). Ф. Достоевский, изложив программу шигалевщины, нарисовал карикатуру, но сам принцип дозволенности деликтов ради переустройства мира передан точно¹⁶⁶: «Одна десятая доля получает свободу личности и безграничное право над остальными девятью десятими. Те же должны потерять личность и обратиться вроде как в стадо <...>. ...каждый член общества смотрит за другим и обязан доносом. <...> В крайних случаях клевета и убийство, а главное — равенство. Первым делом понижается уровень образования, наук и талантов. <...> Цицерону отрезывается язык, Копернику выкалывают глаза, Шекспир побивается камнями — вот шигалевщина! Рабы должны быть равны: без деспотизма еще не бывало ни свободы, ни равенства <...>. Мы уморим желание: мы пустим пьянство, сплетни, донос; мы пустим неслыханный разврат; мы всякого гения потушим во младенчестве» (Б: 379, 392). Преступление, совершенное по идеологическим мотивам, не вызывает раскаяния: Александра Ульянова, схваченного при подготовке царубийства, по мольбам матери обещали помиловать, если он раскается. Он не раскаялся и был казнен (как изверг)

¹⁶⁵ Автор четверостишия знаменитый «русский католик» Владимир Сергеевич Печерин (1807–1885) в 1836 г. по политическим мотивам эмигрировал из России. В Европе был на первых порах, по собственным словам, «республиканцем, коммунистом, сен-симонистом», но разочаровался в революционерах и в 1840 г. стал пламенным католиком. Четверостишие написано в Берлине, видимо, вскоре после эмиграции. О биографии В. С. Печерина и о его «Замогильных записках (*Apologia pro vita mea*)» см. комментарии С. Л. Чернова в [Русское общество 1989: 381].

¹⁶⁶ Подобную же карикатуру на советского человека (впрочем, и на западного), но с точными наблюдениями см.: [Зиновьев 1991: 127–319].

[Rathmaug 1996: 32]. Допустимо принимать средства из сомнительного источника (например, из-за рубежа): «Спасибо американскому финансисту Джорджу Соросу, подарившему компьютер, принтер и ксерокс — с чего и началось издание журнала¹⁶⁷. Спасибо редактору парижской „Русской Мысли“ Ирине Иловойской, подарившей другой компьютер и поддерживавшей журнал во все годы его существования» [Референдум 1992: 6]. Допустимость насилия. О подпольной антикоммунистической партии, существовавшей в Воронеже: «Во главе партии жесткий лидер (Борис Батуев — сын секретаря обкома), вождь, чье мнение непререкаемо, — он сам и к смерти не шутя приговаривает, сам и милует <...>. Что поделаешь, революционная романтика требует готовности к насилию, даже готовности к убийству. Таковы законы игры. Революционер не знает сомнения. Не должен знать. Его партия берет на себя решать, каков должен быть порядок жизни вокруг — порядок чужой жизни. Это ничего, что люди жили по-своему. Теперь будут жить по-нашему. И ко всему (или ко всем), что и кто в этот порядок не вписывается, применяется насилие — вплоть до физического уничтожения» [там же: 282]. Допустимо убийство. Покотилон: «Я верю в террор. Для меня вся революция в терроре. <...> Вот завтра, может быть, не будет меня. Я счастлив этим, я горд: завтра Плеве будет убит» [Савинков 1990: 38]¹⁶⁸. «Я написала, <...> что считаю оправданными теракты против лидеров КПСС и руководства Гб» [Новодворская 1993: 115]. «Горька жизнь в лагере? Готовим побег. Для романтика свобода всегда была священна и требовала жертв. Свобода дороже жизни! Чьей жизни? Это ничего, что придется убить двух солдат охраны (кто эти двое обреченных — садисты, охотники за людьми, или несчастные, сочувствующие энкам юнцы, вся вина которых в том, что по мобилизации их угораздило попасть на Колыму?). А может быть, придется убить еще и вовсе уж посторонних людей — шофера и заключенного-бесконвойника в машине, которую предстоит захватить? Что поделаешь, романтика есть романтика» [Референдум 1992: 283]. Случаи идейно мотивированного убийства исследованы Ф. Достоевским в «Преступлении и наказании» и в «Бесах»: Свидригайлов: «Вор ворует, зато уж он про себя и знает, что он подлец; а вот я слышал про одного благородного человека, что почту разбил; так кто его знает, может он и в самом деле думал, что порядочное дело сделал! <...> Тут, как бы вам это выразить, своего рода теория, то же самое дело, по которому я нахожу, например, что единичное злодейство позволительно, если главная цель хороша. Единственное зло и сто добрых дел!» (II: 451–452). Допустимо самоубийство: «А тот, кто больше терпеть не в силах, — / партком разрешает самоубийство слабым» (Б. Слуцкий). При угрозе взятия в немецкий плен красноармейцам рекомендовалось самоубийство. Допустимо нарушение общепринятых

¹⁶⁷ Речь идет о журнале «Референдум», который совместно с ныне широко известными диссидентами (Анатолием Стреляным, свящ. Георгием Эдельштейном, покойной Ларисой Богораз, Сергеем Ковалевым, Ларисой Пияшевой и др.) издавал Лев Тимофеев.

¹⁶⁸ В 1866 г. Д. В. Каракозов стрелял в императора Александра II. Вера Засулич тяжело ранила петербургского градоначальника Трепова. Был заколот кинжалом начальник тайной полиции генерал Мезенцев. Гольденберг убил харьковского губарнатора князя Кропоткина. 5 февраля 1880 г. Халтурин устроил взрыв в Зимнем дворце, вследствие чего было убито и ранено сорок солдат Финляндского полка. 1 марта 1881 г. был, наконец, убит Александр II. Волна террора, не ослабевая, перехлестнула и в XX в. Примечательно, что революционер П. А. Кропоткин, двоюродный брат убитого Д. Н. Кропоткина, не только не высказал сожаления, но привел доводы, которые оправдывали убийство близкого родственника [Кропоткин 1988: 414].

норм поведения: так, «классового» противника можно бранить словами, обманывать, шантажировать, царапать, бить и т. д. Пример «плевка» как способа выражения презрения см. в Приложении к настоящему разделу. После убийства министра внутренних дел В. К. Плеве, вопреки принципу *de mortui aut nihil aut bene*, В. М. Дорошевич написал антинекролог и нравственно оправдал убийцу Созонова [Дорошевич 1986: 134–161]. Пренебрежительное отношение к общественному мнению: «Его преследуют хулы: / Он ловит звуки одобренья / Не в сладком ропоте хвалы, / А в диких криках озлобленья. <...> Со всех сторон его клянут» (Некрасов, Блажен незлобивый поэт). Допустимость заведомой оголтелой клеветы на идейного противника: «Солженицын, хоть и великий писатель, но по убеждениям — монархист и антисемит <...>. Антисемит убежденный, идейный. Почитайте у него об убийстве Столыпина эсером Богровым, и вы увидите, как напирает он на то, что Богров еврей. <...> А подобранный им список организаторов и начальников ГУЛАГа! Одни евреи. Понимаете? Будто бы не коммунисты, но именно евреи организовали истребление миллионов... И теперь он поддерживает самые черные силы России. Говорят, что его друг Шафаревич, излагая свои бредовые идеи, берет на себя право заявлять, что, мол, и Солженицын так же думает. И ничего, Солженицын не опровергает... Черносотенный „Наш современник“ влачил жалкое существование, пока не был поддержан из Вермонта „Октябрем 16-го“, — ведь советский читатель с нетерпением ожидает ленинские главы! Те самые, в которых Ленин, по сути, продается еврею Парвусу, заключает с ним адскую сделку... <...> Обратите внимание, в антисемитских изданиях, вроде „Литературной России“, ни номера без дифирамбов Учителю... Вернись он, и это будет вроде въезда аятоллы Хомейни... Нас ждет полная солженизация всей страны: перманентный погром и кровавая баня евреям и, как теперь говорят, „породненным“ — и фашизм всем прочим...» [Референдум 1992: 180].

В христианстве этого нет, но в Ветхом Завете похвально убийство, совершенное по религиозным мотивам. Апофеоз — готовность праотца Авраама принести в жертву (т. е. зарезать) своего единственного сына Исаака¹⁶⁹. Рассматривая этот фе-

¹⁶⁹ «И было, после сих происшествий Бог искушал Авраама и сказал ему: Авраам! Он сказал: вот я. Бог сказал: возьми сына твоего, единственного твоего, которого ты любишь, Исаака; и пойдь в землю Мориа и там принеси его во всесожжение на одной из гор, о которой Я скажу тебе. Авраам встал рано утром, оседлал осла своего, взял с собою двоих из отроков своих и Исаака, сына своего; наколот дров для всесожжения, и встав пошел на место, о котором сказал ему Бог. На третий день Авраам возвел очи свои, и увидел то место издалека. И сказал Авраам отрокам своим: останьтесь вы здесь с ослом, а я и сын пойдем туда и поклонимся, и возвратимся к вам. И взял Авраам дрова для всесожжения, и возложил на Исаака, сына своего; взял в руки огонь и нож, и пошли оба вместе. И начал Исаак говорить Аврааму, отцу своему, и сказал: отец мой! Он отвечал: вот я, сын мой. Он сказал: вот огонь и дрова, где же агнец для всесожжения? Авраам сказал: Бог усмотрит Себе агнца для всесожжения, сын мой. И шли далее оба вместе. И пришли на место, о котором сказал ему Бог; и устроил там Авраам жертвенник, разложил дрова и, связав сына своего Исаака, положил его на жертвенник поверх дров. И простер Авраам руку свою и взял нож, чтобы заколоть сына своего. Но Ангел Господень воззвал к нему с неба и сказал: Авраам! Авраам! Он сказал: вот я. Ангел сказал: не поднимай руки твоей на отрока и не делай над ним ничего, ибо теперь Я знаю, что боишься ты Бога и не пожалел сына твоего, единственного твоего, для Меня. И возвел Авраам очи свои и увидел: и вот, позади овец, запутавшийся в чаще рогами своими. Авраам пошел, взял овна и принес его во всесожжение вместо [Исаака], сына своего. И нарек Авраам имя месту тому: Иегова-ире. Посему и ныне говорится: на горе Иеговы усмотрится. И вторично воззвал к Аврааму Ангел Господень с неба и сказал: Мною клянусь, говорит Господь, что, так как ты сделал сие дело, и не пожалел сына твоего, единственного твоего, [для Меня,] то Я благословляя благословлю тебя и

номен, С. Кьеркегор писал: «Вера — это как раз такой парадокс, согласно которому единичный индивид в качестве единичного стоит выше всеобщего, единичный оправдан перед всеобщим, не подчинен ему, но превосходит его, правда таким образом, что единичный индивид, после того как он в качестве единичного был подчинен всеобщему, теперь посредством этого всеобщего становится единичным, который в качестве единичного превосходит всеобщее; вера — это парадокс, согласно которому единичный индивид в качестве единичного стоит в абсолютном отношении к абсолюту». Так, Авраам, который ради веры в Господа, готов убить сына и переступить нормы общечеловеческой морали, в данном своем поступке возвышается над всеобщим, не осуждается как убийца и своей верой заслуживает со стороны всеобщего честь и славу. Авраам идет на (в бытовых понятиях) преступление, по словам Кьеркегора, «ради Господа и, что совершенно то же самое, — ради себя самого. Он делает это ради Господа, поскольку Бог требует доказательства его веры, и он делает это ради себя самого, чтобы суметь представить такое доказательство» [Кьеркегор 1993: 54–55; 58]. — На наш взгляд, перед нами явная параллель «героям революции», фанатикам политической идеи, которые также в знак доказательства своей верности — как перед товарищами, так и для самих себя — шли на террор (убийство), диффамацию (клевету), экспроприацию (воровство) и т. д.

- Ради «общего дела» надо быть готовым пожертвовать личной судьбой и даже жизнью <17>

Готовность отказаться от любви и семьи: «Вера ни на что ему [Бейдеману¹⁷⁰] не нужна. <...> Этот фанатик, очевидно, любил только мгновение: не сам ли он признавался, что женщине не принадлежит в его жизни решающая роль? <...> Жестокый, как все фанатики, Бейдеман не думал ни о ком из людей, с ним связанных. Он не пожелал войти и в положение своей бедной матушки» (Ф)¹⁷¹. «Когда ухаживающий за мной мальчик с телевидения что-то сказал мне насчет „консолидации нашего общества после Чехословакии“, я вырвала руку прямо на улице и ушла и никогда больше не отвечала на его звонки» [Новодворская 1993: 21]. Готовность быть стойким: «Гвозди бы делать из этих людей: / Крепче бы не было в мире гвоздей» (Н. Тихонов). Готовность занять любое, самое малое, место: «Она [Вера] остриглась, курила прескверные папиросы и манеры свои изменила соответственно типу окружавших ее фельдшерниц, акушерок, курсисток. <...> на мой вопрос, зачем она себя изуродовала, она серьезно сказала: — Так легче мне жить. Меня прежней нет вовсе, а есть только винтик сложной машины, которому легче делать работу, когда он смазан тем же маслом, что и соседние с ним винты» (Ф). Готовность быть анонимным: «— Я не знаю, кто вы. — И нет нужды. Слуга народа — вот мое имя!» (Ф). Готовность отдать свободу и жизнь ради «дела»: «Каляев любил революцию так

умножая умножу семя твое, как звезды небесные и как песок на берегу моря; и овладеет семя твое городами врагов своих; и благословятся в семени твоем все народы земли за то, что ты послушался гласа Моего» (Быт 22: 1–18).

¹⁷⁰ Михаил Степанович Бейдеман (1840–1887) — историческое лицо (см. [Щеголев 1920]). 29 августа 1861 г. был заключен в Алексеевский рavelин Петропавловской крепости. В объяснительной записке признался, что готовил царевубийство.

¹⁷¹ В дальнейшем — по тем же причинам, по которым мы ссылались на «Воскресение» Л. Толстого и на «Преступление и наказание» Достоевского — нередко цитируется роман О. Форш «Оде-ты камнем» (по изданию [Форш 1962: 39–316]; сокращенно: Ф).

глубоко и нежно, как любят ее только те, кто отдает за нее жизнь». В терроре он «видел не только наилучшую форму политической борьбы, но и моральную, может быть, религиозную жертву». Для него была характерна «готовность пожертвовать своей жизнью в любую минуту, более того — страстное желание такой жертвы» [Савинков 1990: 45–46]. «Суров ты был, ты в молодые годы / Умел рассудку страсти подчинять. / Учил ты жить для славы, для свободы, / Но более учил ты умирать» (Некрасов, Памяти Добролюбова). «Мы трое: князь Глеб Федорович, Михаил и я, хотим нашей рабской родине свободы, и за это дело мы готовы на смерть» (Ф). Вера Лагутина: «Сейчас для революции одно важно, что правительство знало нашу непримиримость до смерти» (Ф). Она же: «Сережа, я принадлежу в революционному обществу, которое зовется „ад“ и члены его — „мортусы“» (Ф). Она же: «Сейчас нет свободной жизни, сейчас нельзя жить для себя. Сейчас время гибели за грядущее. Пойдем вместе с нами!» (Ф). Каракозов¹⁷²: «Если бы у меня была не одна, а сто жизней, и все бы их отдал на благо народа! Эти слова общеизвестны. Каракозов написал их государю» (Ф). «Когда членов ДС¹⁷³ не брали, они пытались влезть в автобус добровольно, чтобы разделить участь своих товарищей»¹⁷⁴ [Новодворская 1993: 193]. Готовность принести неслыханные жертвы: «Даже если весь народ обалдеет от восторга (в случае победы «фундаменталистов»)..., пойдем против народа, мы ему ничем не обязаны. <...> Пойдем против всех, кто пойдет против свободы. <...> На месте России может остаться пепелище, тайга, братская могила...» [там же: 115].

- Движение имеет собственный суд и кодекс <18>

Мы будем судить Вас неподкупным судом партии!; Посмотри: ты в кругу товарищей. Расскажи честно, как всё было. Если оступился — поддержим. Если живешь неправильно, скажем тебе прямо в глаза.

- От партии и общественности не бывает никаких (в том числе личных) тайн <19>

Вы должны полностью разоружиться перед партией!; Товарищи коммунисты! В партком поступило заявление Сагдеевой Нины Сергеевны об аморальном поведении ее мужа, члена нашей парторганизации Сагдеева Рифката Хабибуловича. Партком создал комиссию, которая изучила дело. Тов. Сагдеев в зале присутствует. Кто за то, чтобы включить вопрос об аморальном поведении тов. Сагдеева в повестку дня нашего собрания? <...> Кто за то, чтобы исключить тов. Сагдеева Р. Х. из партии за морально-бытовое разложение? Так, подавляющее большинство. Кто против? Нет. Кто воздержался? Нет. Принято единогласно; «Когда на собрании в зале / неверного судят супруга, / желая интимных деталей, / ревет порнография духа» (Вознесенский, Порнография духа).

- Деликты, особенно социальные, изглаживаются насильем. <20>

Павел Николаевич Русанов: «Так сюсюкалка ваш Толстой! Он во многом, очень по многом не разбирался! А злу надо противиться, паренек, со злом надо бороться!» (Солженицын, Раковый корпус).

¹⁷² Как и М. С. Бейдеман, Димитрий Владимирович Каракозов (1840–1866) — историческое лицо. 4 апреля 1866 г. стрелял в императора Александра II. Входил в организацию *ишутинцев*, тайного революционного общества в Москве. Повешен.

¹⁷³ Демократический Союз, партия, лидером которой является В. И. Новодворская.

¹⁷⁴ Речь идет об арестованных участниках митинга, посаженных в автобус.

- Готовность принять от товарищей любое наказание <21>

Дайте мне любой срок, дайте возможность честным трудом на благо Отчизны испустить свою вину! «После большевиков, мне кажется, никто так не был счастлив со своей партией, как дээсовцы, и никто не трясся так над своим партбилетом, как мы. Побывав в ДС, я стала понимать, почему большевики дрожали перед исключением из партии» [Новодворская 1993: 195]. В условиях отбывания наказания сохраняется верность идеологии: Карцев (большевик, пострадавший от репрессий): «И я шептал портрету в исступлении: / „Прости ты нас, прости, товарищ Ленин... / Мы победим их именем твоим. / Пусть плохо нам, пусть будет еще хуже, / не продадим, товарищ Ленин, души, / и коммунизма мы не продадим!“» (Евтушенко, Братская ГЭС).

- Противников «общего дела» обвиняют во всех грехах, подвергают террору и уничтожают беспощадно, в том числе физически <22>

Шулубин: «Вас арестовывали, а нас на собрания загоняли: *прорабатывать* вас. Вас казнили — а нас заставляли стоя хлопать оглашенным приговорам. Да не хлопать, а — требовать расстрела, т р е б о в а т ь» (Солженицын, Раковый корпус).

Мы ни в коем случае не хотели бы создавать впечатления, будто идеологически мотивированная этика должна оцениваться исключительно со знаком минус. Во-первых, этические мерки задаются внутри самой идеологии, — они релятивируются, — так что к ним нельзя подходить с внешними критериями ни «сего века», ни православия. Во-вторых, даже и внешние критерии далеко не всегда ведут к негативным оценкам. Во всяком случае, искренние адепты учения, особенно на начальных этапах его бытия, могут быть лично «кристально честными», совестливыми, безупречными, неспособными на (по-своему понимаемое) преступление, а беззаветность — это, несомненно, вид святости.

В заключение приведем неполный (но представительный) перечень¹⁷⁵ нравственных качеств как индивида, так и всего общества, соответствующих санкции строгой идеологической этики:

бдительность, «безумство храбрых», (беспредельная, беззаветная) преданность делу партии, большевистский дух, идеологическая вооруженность, выдержанность, трудовая доблесть, добросовестный и бескорыстный труд, высокое сознание общественного долга, непримиримость к несправедливости и нечестности, верность моральному долгу строителя коммунизма, интернационализм, дух товарищества и коллективизма, идейная закалка и убежденность, любовь к социалистической Родине, политическая зрелость, инициативность, новаторство, партийность, гражданская ответственность, советский патриотизм, политическая подкованность, подлинная революционность, самокритика, сознательность, солидарность, сплоченность, товарищество, убежденность, чуткость и внимательность к людям, быть примером коммунистического отношения к труду, быть общественником (ставить общественные интересы выше личных), быть застрельщиком всего нового, быть проводником идей коммунизма в массы и т. д.

Ушла идеология, и соответствующие термины строгой этики, некогда весьма расхожие, перешли в разряд историзмов. Большинство общества, естественно, никогда не руководствовалось этими нормами.

¹⁷⁵ Отчасти почерпнут из [Устав 1961].

Глава 5. Лингвострановедческая археология: исчисление РПТактик *очередника*

«Всю осень я чуть ли не каждый день становился в какую-нибудь очередь. Миллионы бросили работу на производстве, в конторах, по дому и перешли на эту, в магазины. Как они ее выдерживают? Стоят целыми днями и не сходят с ума. Присматриваясь, я замечал, что люди в очередях чувствуют себя, как некогда мужики и бабы в летнюю страду. Страда есть страда, весь день должен быть отдан ей, грешно отвлекаться, радостно заканчивать день, зная, что все удалось сделать: до часу, постояв с семи, купить литр молока, потом, после перерыва, — килограмм сосисок. В промежутках были моменты нежданной летучей удачи: сдобные булочки были взяты почти не стоявши!.. В середине осени я понял, что для людей это больше, чем работа. В очередь они перешли жить» [Стреляный 1992].

Нынче год идет за три, и все изменилось: это в конце 90-х гг. можно было встретить человека, обещанного сосисками, как гирляндами, — теперь «колбасные изделия» из-за дороговизны больше не покупают килограммами. Но теперь нет и очередей, в которых можно было бы прожить жизнь.

А когда-то советская очередь славилась и процветала. Она становилась предметом не только публицистического, но и полноценного литературно-художественного исследования (см. [Горенштейн 1989; Сорокин 1985]). Не исключено, что через какое-то время вообще позабудется, что такое *очередь*, какое место она занимала в повседневной культуре и как было положено вести себя в ней. Тогда, действительно, за материалом придется обращаться к зарисовкам журналистов и свидетельствам писателей. Но не следует забывать, что хотя художественная литература и является «второй действительностью», она все же есть преобразующее, а не прямо отражающее зеркало. Поэтому без лингвострановедческого анализа, без научного исследования не обойтись¹⁷⁶.

Ниже по методике обычного исчисления РПТактик дан синхронный снимок очереди, как она бытовала в Советском Союзе в 80–90-е гг. (вплоть до исхода 1991 г.)¹⁷⁷.

Названная методика (в модификации применительно к данному конкретному объекту описания) предполагает два разнонаправленных подхода: с одной стороны, РПТактики исчисляются применительно к очереди как к цельному и похожему на биологический организм коллективу; с другой стороны, исчисляются также РПТактики отдельного человека, а он не только кооперирует с очередью, но и борется с ней.

05–1. СЛОВАРНОЕ И ОБИХОДНОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ОЧЕРЕДИ

В словаре [Ожегов, Шведова 1992: 500] дефиниция очереди такова: «Люди, расположившиеся один за другим для получения или совершения чего-нибудь в последовательном порядке».

¹⁷⁶ Описанные ниже закономерности не наблюдались в «очереди № 1» — в мавзолее В. И. Ленина.

¹⁷⁷ А. Стреляный, вопреки дате его публикации, не мог наблюдать очередь весной 1992 г., — цены уже были опущены, и хотя снабжение товарами не улучшилось ни в коей мере, очереди исчезли в мгновение ока. Впрочем, и сейчас (лето 2004 г.) очередь немедленно возникает, как только определенный товар начинают продавать по низкой цене (например, вследствие того, что срок употребления истек или истекает). Можно догадаться, что феномен очереди зависит не столько от наличия или отсутствия товара, сколько от его цены.

Для нынешнего времени это, скорее всего, так и есть. Но не так было в советское время. В дефиниции пропущен существенный признак.

Одно дело — вдоль прилавка выстроилось человек десять¹⁷⁸. В таком случае домашняя хозяйка бежит к телефону-автомату и сообщает соседке: «Сырки выбросили! Подходи, пока *нет* очереди. Набегут!» Перед нами имплицитный отказ назвать малую группу — *очередью*. Вот когда с разных сторон *набегают*, возникнет и *очередь*. В подобных ситуациях, т. е. когда чисто стоящих невелико, — ибо в советское время при товарном дефиците денег на руках у населения было много, и не случалось, чтобы к продавцу с товаром никто не подходил, — типичны вербальные оценки: *Ну, какая это очередь!; Разве это очередь?* и т. д.

Какое количество людей должно быть в собравшейся группе, чтобы ее можно было назвать *очередью*, однозначно не скажешь. Обычно в дело вступали привычные экспектации: считалось, что за продуктами питания «положено» стоять меньшее время, чем за промышленным дефицитом, поэтому 20 человек за мясом — это уже очередь, а за модной обувью — это *еще* не очередь.

Очередь начиналась с того момента, когда некто, имеющий право на привилегии, — например, ветеран войны, многодетная мать, инвалид или другой *льготник*, — доставал свое удостоверение, чтобы получить товар *вне очереди*, или когда проныра-пролаза приступал к своим обманным действиям, чтобы купить желаемое *без очереди*. (Есть четкая семантическая грань в употреблении предлогов *вне* и *без* в сочетании с лексемой *очередь*.) Если группа стоящих еще не достигла качества *очереди*, считалось абсолютно безнравственным, чтобы льготник пользовался своими правами или чтобы кто-то — даже кавказец — пытался втереться в число первых. Если такое случалось, то подобное «безобразие» оценивалось с неподдельным возмущением: *И всего-то пять человек, а он сует свою книжечку!* (это о льготнике); *И так народу нет, а всё норовите протянуть деньги!* (это о пролазе).

Если сделать грубую прикидку, то *настоящая очередь* начинается тогда, когда перспектива провести время, глядя в затылок стоящего впереди, достигала примерно получаса. Если оценивалось, что стоять придется час или больше (бывало, что ради дефицита люди оставались в числе стоящих на весь день и даже на ночь), тогда говорили: *Сколько народу! Не протолкнешься!; Мать честная! Тьма тьмущая!; Вот это очередь так очередь!*

05–2. СТРАТЕГИИ В ПОВЕДЕНИИ МАССЫ ОЧЕРЕДНИКОВ

В некоторых социологических системах проводится терминологическое различие между *толпой* и *массой*. *Толпа* — это просто механическое скопище людей, а *масса* — это собравшиеся люди, объединенные некоторой общей целью (например, участники митинга, болельщики или как раз *очередники*). Масса

¹⁷⁸ В дальнейшем мы рассматриваем только т. н. *живую очередь*, причем только в магазине, т. е. группу людей, стоящих за товаром без *предварительной записи*. РПТактики в очереди *по записи* в магазине, а также в заочной очереди по документам (например, на получение жилья или автомобиля) и живой очереди в учреждении, не рассматриваются. См. о них в словаре [Мокиенко, Никитина 1998: 412–413]. Там же см. и о понятии *очередности*. Между прочим, словарь содержит гораздо меньше информации, чем ожидалось бы, — все-таки очередь была существенным элементом повседневной жизни «в Совдепии».

может быть уподоблена живому и даже одушевленному существу: у нее возникает самостоятельная, от индивида и от всех собравшихся независимая, целеустремленная и самодвижущаяся душа.

Очередь-масса обычно преследует две стратегические цели. Первая состоит в том, чтобы в условиях дефицита (когда каждую минуту могут, например, объявить: *Сорок второй заканчивается! Остаются только большие размеры!*) даже стоящие сзади могли овладеть вожаемым товаром, чтобы «его всем *досталось*». Вторая цель — это чтобы каждый очередник добрался до кассы или прилавка как можно скорее. Эти две стратегии подразделяются на ряд РПТактик, и каждая тактика может осуществляться набором внешне разнородных действий, равно как, наоборот, одно и то же действие может сопрягаться с разными тактиками. Сами же действия бывают или чисто соматическими, выполняемыми в молчании, или чисто речевыми, но довольно часто они комбинируются и выступают как соматико-речевые (отсюда и наименование тактик: *рече-поведенческие*).

Любая масса нивелирует частные особенности своих членов. Поэтому имеет лишь вторичное значение, кто оказался в очереди — вежливый интеллигент или склочная «доставалка», мастерски описанная в рассказе «Кошелочка» Ф. Горенштейном, — очередь сама по себе, хотя и через своих членов, реализует свойственные ей РПТактики. Форма проявления РПТактики, правда, меняется в зависимости от того, кто принял на себя роль глашатая толпы. Чем больше времени проведено в очереди, тем более сглаживаются индивидуальные различия.

05—3. РПТАКТИКИ ПОВЕДЕНИЯ В МАССЕ

Сначала перечислим *коллективные* РПТактики.

- Требование никого не пропускать без очереди [1]

В очередь / в конец / в хвост становитесь!; Граждане, не пропускайте перед собой!; Нет, Вы здесь не стояли!; Вытолкайте / вытолкните ее!; Не занимайте на других!; Вы уже второго человека перед собой пропускаете!; Покажите удостоверение!; Знаем мы, какие вы ветераны!; Ты смотри, как лезет!; Ну, кавказцы опять полезли! Не пускайте их!; Отойди, отойди, не пристраивайся!; Нечего делать вид, что стоял здесь!; Не надо было отходить! Теперь не пустим! Ничего не знаем! Только после меня! Юмористическое клише *Вас здесь не стояло!*, представляющее собой интеллигентскую стилизацию (под простонародье) и генерализацию одной из главных РПТактик, стало как бы этикеткой целой эпохи.

- Требование соблюдать норму отпуска товаров [2]

По два кило в руки!; По одной паре на нос!; Куда вам столько?! На меня оставьте!; Не давайте им столько — они спекулируют!; Во хапают! Во хватают!; Не набирайте по столько!; Вы уже в третий раз подходите! Я вас давно заметила!; Какие эгоисты! Только о себе думают!

- Требование ускорить движение очереди [3]

Тару, тару готовьте заранее!; Не задерживайтесь! Скорей подходите!; Старайтесь без сдачи!; Мелочь, мелочь давайте!; Не копайтесь! Чего ковыряетесь?; Нечего выбирать! Бери, что дают; Не хотите брать, отходите! Другие с руками оторвут!; Быстрее, быстрее, скоро перерыв!; Быстро, быстро, до закрытия полчаса! Если воз-

никает задержка, то очередь принимает меры, чтобы ее устранить (и обычно берет сторону того, от кого зависит движение, т. е. продавца, заискивает перед ним).

В рассказе В. Шукшина «Обида» описывается ситуация скандала между продавщицей (Розой) и несправедливо обвиненным ею покупателем (Сашкой): «Между тем сзади образовалась уже очередь. И стали раздаваться голоса: — Да хватит там: был, не был! — Отпускайте! — Но как же так? — повернулся Сашка к очереди. — Я вчера и в магазине-то не был, а они мне какой-то скандал приписывают! Вы-то что?! — Тут выступил один пожилой, в плаще. — Хватит! Не был он в магазине?! Вас тут каждый вечер — не пробьешься. Соображают стоят. Раз говорят, значит, был. <...> — Стоит — возмущается! Это на вас надо возмущаться. На вас надо возмущаться-то. <...> — Работайте, — сказали Розе из очереди. — Работайте спокойно, не обращайтесь внимания на всяких тут... — Сашка пошел к выходу <...>. Он решил дожидаться этого, в плаще. Поговорить. Как же так? С какой стати он выскочил таким подхалимом? Что за манера? Что за странное желание угодить — продавцу, чиновнику, хамоватому бюрократу?! Угодить, во что бы то ни стало!»

• Желание устроиться в очереди покомфортнее [4]

Во напирают!; На руках внесут!; Затопчут!; Что вы давитесь? Скорее не будет!; Все ноги оттоптали!; Не жмите! Ребенка задавите!; Вы меня совсем к стенке прижали!; Не облокачивайтесь на меня!; Не наваливайтесь!; Снимите руки!; Вы меня всё время в спину тычете!; Я не виноват: сзади напирают; Ой, ребра ломаете!; Потихие, потихие, подвиньтесь назад!; Назад, назад подайте! Здесь есть переключки с РПТактиками обвинения и оправдания: см. 02–3А [21], 02–2Б [11] и многие другие.

• Обмен тематической информацией [5]

Говорят, завоз большой! Кажется, на всех хватит!; Совсем не движемся! Как приросли к месту!; Уже кончилось!; Подождите, может, еще выбросят!; Говорят, остались только маленькие размеры!; Там за углом талоны на сахар отоваривают! И народу нет!; Я точно знаю: в очереди слышала! Вообще говоря, эту РПТактику тематически можно разбить на несколько более конкретных.

В любой долго стоящей очереди можно наблюдать все пять исчисленных выше РПТактик:

- очередь защищает себя от тех, кто *проходит/пролезает* без очереди;
- очередь заботится о том, чтобы и стоящие сзади получили товар, то есть она проявляет, выражаясь старомодно, свой *коллективизм*;
- очередь дорожит временем, и не только как таковым, а еще и потому, что магазин могут закрыть (на перерыв, поскольку закончилось время работы);
- в очереди стоять всегда дискомфортно, поэтому, как правило, можно услышать множество, обычно совершенно неэффективных, реплик-жалоб на неудобства;
- наконец, длинная очередь — это место, где между очередниками возникают личные отношения, где обмениваются информацией, сначала непосредственно относящейся к вожделенному товару, а потом также и о вещах отвлеченных, включая политику, спорт, кино, телевидение и т. д. До 1991 г. очередь существенно влияла на формирование общественного мнения определенного населенного пункта.

Примечательно, далее, что многие речения из числа приведенных выше можно уподобить верхней части айсберга, потому что семантическая нагрузка реплики отнюдь не сводится к суммарному смыслу вошедших в нее слов.

Например, *Покажите удостоверение!* выражала не личное недоверие именно к данному пожилому человеку с орденской планкой на пиджаке (демонстративное поведение!), а распространенное представление, что ветераны, пользующиеся льготами (о чем извещают объявления в магазине), злоупотребляли правом покупки «вне очереди». Они якобы ходили от очереди к очереди и, что при учете небольших пенсий вызывает подозрения, везде совершали покупки — не лично для себя, а для родных и знакомых и даже для спекуляции. Кроме того, ветераны имели так называемые «столы прикрепления», где они получали «заказы», т. е. набор дефицитных продуктов, причем по сравнительно низкой цене. Впрочем, обычно все же очередь смирялась и пропускала-таки ветеранов *вне очереди*.

Иными словами, как сами РПТактики, так и реализующие их речения на чисто вербальном уровне лишь мнимо понятны. Для иностранца необходим лингвострановедческий комментарий. Он необходим и для соотечественника, когда социально-культурная ситуация изменилась и прошло время, достаточное, чтобы ее прежний вид, хотя бы в подробностях, уже забылся. Перед лицом стремительных перемен пора ставить вопрос о лингвострановедческой археологии.

По этой причине переведенный на немецкий язык роман «Очередь» В. Сорокина, в котором реплики-клише воссозданы виртуозно, но без комментариев, то есть без представления *за-* и *контекстной* семантики, все же на природного немца производит совсем иное впечатление, чем на русского начала 90-х гг. В попытках интерпретации житель ФРГ или пожимает плечами, или высказывает фантастические догадки.

Те же молодые русские люди, которым в 1991 г. было 10–12 лет, — конечно, к счастью! — не успели овладеть ассоциативным полем советской очереди.

05–4. РПТАКТИКИ ПОВЕДЕНИЯ ИНДИВИДА

Приступаем теперь к исчислению *индивидуальных* рече-поведенческих РПТактик.

Подходящий к очереди отдельный человек вступает с ней в диалог, а если он подходит не с целью *пролезть* без очереди, а *занять* очередь, то очередь, как правило, его включает в себя, и его личные черты по мере стояния (как упоминалось) начинают сглаживаться.

Поскольку вплоть до декабря 1991 г. советский человек ежедневно бывал в очереди, и даже не один раз в день, реплики стали клише, и каждый вел себя по неписаным, но твердым правилам.

- Ориентация, выяснение своего места в очереди [6]

Кто последний? Я за вами!: Скажите, вы последний?; Кто за вами?; А кто перед вами?; Вы не отойдете? Будете стоять?; А вы перед кем?; Многие отошли?

Эта РПТактика занятия места в очереди для индивида очень существенна. Важно, чтобы очередь согласилась, что вот этот «гражданин» действительно *стоял*, что здесь его законное место. Это важно потому, что люди из очереди обычно отходили на определенное время, но право на место за ними по общему согласию тем не менее сохранялось. По этой причине вставшие в очередь старались, чтобы их запомнили, — они сами называли свои яркие отличительные признаки: *Я с ребен-*

ком!; У меня вот видите — книга большая в руках!; Посмотрите, я в мохеровой голубенькой шапочке!..

• Выяснение, какой товар имеется [7]

А что выбросили?; А что дают?; По сколько дают?; А цвет какой?; А очередь быстро идет?; Те, которые с утра стояли, — прошли уже?; Вы давно стоите?; Быстро отпускают?; Как — сначала в кассу или продавцы сами получают?; А нагрузка есть?; Тут по талонам или как?; Там впереди — свалка большая?..

Обычно подходящий к очереди сначала осуществлял РПТактику [6], а лишь затем переходил к РПТактике [7]. Это не случайно: во-первых, если стоит очередь, то это значит, что продают дефицит, так что велика вероятность, что и «мне» понадобится; во-вторых, если «я» сначала пойду посмотреть, что *дают*, и окажется, что надо встать в очередь, за время проталкивания к витрине «набежит народ» и надо будет «становиться в хвост», тогда как, если сначала занять очередь, а потом сориентироваться, чем торгуют, возможна экономия времени. Иногда можно было видеть, как человек, обстоятельно закрепивший за собой место, потом узнавал, что *выброшенный* товар ему не нужен (или же выяснялось, что очередь движется слишком медленно, так что у занявшего место не оставалось времени), и тогда покидающий очередь громко объявлял: *Я уйду совсем!* Бывали переспросы: *Вы не будете стоять?; Совсем уходите?* Когда подтверждение получено, стоящий за тем, кто уходит, вновь закрепляет свое — новое — место в очереди. Любое сокращение очереди для стоящих приятно, поэтому на уходящего обычно смотрят с эгоистическим одобрением, стараются, чтобы он не передумал.

• Отлучка на время [8]

Я на полчаса отойду!; Я на минутку к автомату сбегаю и сейчас вернусь!; У меня как раз в другом месте очередь подходит!; Я еще там очередь заняла!; Так вы меня пустите? Я отойду ненадолго!; Простите, я за вами стоял!; Я отходил, а сейчас подошел снова!; Как вы меня не помните?! Вы же за мной стояли!..

Эта РПТактика отлучки из очереди часто объясняется тем, что если в магазине есть еще одна очередь за другим нужным товаром, то очень многие из тех, кто стоит в первой очереди, одновременно занимают места и во второй. Потом они переходят из очереди в очередь, чтобы не потерять своего места. Иногда и вообще уходят из магазина «по делам», особенно если ясно, что стоять придется несколько часов.

Очередь не любила тех, кто отлучался: во-первых, оставшимся «непонятно», почему они должны томиться в духоте и давке, тогда как отошедшие «гуляют себе»; во-вторых, когда близок финиш и отошедшие начинают *подходить*, движение очереди замедляется, — а остававшиеся в глубине души надеялись, что отошедшие не вернуться или опоздают. Поэтому «законно» возвращающихся встречают, как правило, недружелюбно и при любой возможности стараются не «пустить назад».

• Получение товара по норме и по льготам [9]

А мне на двоих! У меня во-он муж стоит! Вася, подойди сюда!; Да это дочь моя, я на нее занимала!; Успокойтесь, она стояла здесь, она занимала!; У меня двое детей вписано, я имею право!..

Когда товар нормирован, — например, отпускают всего по одному килограмму сахара, — очередники вызывают по телефону родных и знакомых и пытаются по-

ставить их перед собой. Если случайно зашедшая в магазин женщина увидела в очереди свою соседку, то проверкой женской солидарности является искусство, благодаря которому «законная» очередница обычно поставит подругу перед собой. В следующий раз подруга поступит точно так же. Очереди как организму такие хитрости не нравятся: отсюда постоянные выяснения, «стоял(а) или не стоял(а)».

Опытные домашние хозяйки и другие люди (например, спекулянты), которым часто приходилось стоять в очередях за дефицитом, выработали систему приемов, чтобы обмануть очередь. Например, они в той же самой очереди занимают место через определенный промежуток, а когда подходят к прилавку, меняют свою внешность (скажем, снимают или, наоборот, надевают шапку), чтобы их не узнали и не *вывели из очереди*.

Кстати, угроза *вывести из очереди* — настоящий кошмар. Из очереди с позором выводят пролаз, обличенных спекулянтов, повторников (т. е. занявших место во второй раз), причем когда за порядком в очереди наблюдает милиционер, то он иногда применяет угрозу *Или я выведу вас из очереди!* даже к правдоискателям, если они возвышают голос и, к примеру, требуют не пропускать ветеранов или пропускать «хотя бы через одного».

- Уловки, чтобы не стоять в очереди [10]

Желающий втереться в очередь становится рядом, чтобы примелькаться, и изображает очередника:

Вот из очереди, гады

Выперли меня

Я стоял за виноградом

Полакомиться мня

Налетели злые бабы

Говорят, что не стоял

Ну, *всю очередь-то не стоял*

Но немножечко-то простоял

Рядом (Д. Пригов; знаки препинания — как у автора. — *Е. В., В. К.*)

Желающий получить товар без очереди может сослаться на чрезвычайные обстоятельства:

«Гляжу, в магазине народищу уйма. Прямо не протолкнешься. Стал я в очередь. Терпеливо жду. Кругом — домашние хозяйки шумят и норовят без очереди протиснуться. Все время приходится одергивать. И вдруг входит в магазин быстрым шагом какая-то дамочка. Нестарая еще, в небольшой черной шляпке — креп полощется. Вообще, видно, в трауре. И протискивается эта дамочка к прилавку. И что-то такое говорит приказчику. За шумом не слышать. Приказчик говорит: — Да я не знаю, гражданка. Одним словом, как другие — дозволят, так мое дело пятое. — А чего такое? — спрашивают в очереди. — Об чем речь? — Да вот, — говорит приказчик, — у них то есть семейный случай. Ихний супруг застрелившись... Так они просят отпустить им фунт сметаны и два десятка яиц без очереди. — Конечно дело, отпустить. Обязательно отпустить. Чего там! — заговорили все сразу. — Пушай идет без очереди. <...> — Ну, хорошо, — сказала какая-то фигура в очереди. — Ну, ихний супруг застрелив-

шись. А почему такая спешка и яйца без очереди? Неправильно!» (Зошенко, Дамское горе).

05–5. ОБРАЗЧИК ДИСКУРСА В ОЧЕРЕДИ

Исчисление как коллективных РПТактик, так и индивидуальных, предпринятое сейчас, конечно, не является исчерпывающим, равно как здесь не приведены все клише, повторяемые в очереди. Достаточно сослаться на роман «Очередь» В. Сорокина: примерно четвертую часть обширного (более 10 а. л.) произведения занимают как раз клишированные реплики, но они и там все-таки отнюдь не исчерпаны.

«— Товарищи, кто последний? — Наверно, я, но за мной еще женщина в синем пальто. — Значит, я за ней? — Да. Она щас придет. Становитесь за мной пока. — А вы будете стоять? — Да. — Я на минуту отойти хотел, буквально на минуту... — Лучше, наверно, ее дожидаться. А то подойдут, а мне что объяснить? Подождите. Она сказала, что быстро... — Ладно. Подожду. Вы давно стоите? — Да не очень... — А не знаете, по скольку дают? — Черт их знает... Даже и не спрашивал. Не знаете, по скольку дают? — Сегодня не знаю. Я слышала, вчера по два давали. — Ага. Сначала по четыре, а потом по два. — Мало как! Так и стоять смысла нет... — А вы займите две очереди. Тут приезжие по три занимают. — По три? — Ага. — Так это целый день стоять! — Да что вы! Тут быстро отпускают. — Чего-то не верится. Мы вон с места не сдвинулись. — Это там подошли, которые отходили. Там много. — Отойдут, а потом подваливают... — Ничего, щас быстро пойдет... — Говорят, по три. — Ну, это еще нормально! Возле Савеловского вообще по одному. — Так там нет смысла больше давать, все равно приезжие разберут все... — Скажите, а вчера очередь такая же была? — Почти. — А вы и вчера стояли? — Стояла. — Долго? — Да не очень... — Не очень мятые? — Вначале ничего, а под конец всякие были. — Сегодня тоже, наверно, получше разберут, а плохие нам достанутся. — Да они все одинаковые, я видел. — Правда? — Ага. Плохие они отбирают. — Да, отберут они! Жди! — Обязаны отбирать и списывать. — Да бросьте вы! Обязаны! Они наживаются на этом будь здоров... — Ну, посмотрим, чего спорить... — Вон женщина идет. Вы за ней. — Это та высокая? — Да. — Я за вами, значит? — Наверно. Я вот за этим гражданином. — Тогда я за вами. — А я за вами. — А вы за мной, хорошо. Теперь мне отойти можно? — Конечно. — Я на минутку, мне белье получить... это рядом... (и такое плетение продолжается страница за страницей!).

Сколько шуток, прибауток, анекдотов, стишков, песенок, острот, эстрадных сценок было в свое время посвящено очереди! Сколько о ней говорилось изо дня в день! Люди воспринимали очередь как непреложную данность, наподобие дождя или ночной темноты.

Выражение *Хочешь жить — умей вертеться!* в Советском Союзе охватывало прежде всего ловкость в обеспечении себя и семьи продуктами питания и дефицитными товарами. «Умей вертеться!» — умей стоять сразу в трех очередях, умей *доставать дефицит* (т. е. узнавать, когда и где его будут продавать, и занимать очередь, а еще лучше иметь знакомого продавца), умей *просочиться, пролезть, прорваться, пробиться в очередь, отхватить, вырвать, поймать на лету, унести в клюве* и т. д.

05–6. КОЛЛИЗИИ В ОЧЕРЕДИ

Коллизии в очереди — по-простецки говоря, *свары, склоки, стычки* и другие «беспорядки» — возникали, когда коллективные и индивидуальные РПТактики приходили в противоречие.

Вот, к примеру, коллизия вследствие несовместимости РПТактик [1] и [8]. Предположим, Н. Н. действительно занял место в очереди, а потом *отошел*. Отпрашивался он, по его заверениям, на «минутку», на «полчасика», в самом крайнем случае на «часок», но на деле отсутствовал долго и *подошел* прямо к моменту, когда до получения товара оставалось несколько минут.

Даже если его и узнали, вполне мыслимо и такое: будет сделан вид, что узнавание не состоялось. Тогда начинается противоборство РПТактик внедрения в очередь и отторжения:

— Простите, я за вами стоял? — Нет, я вас не помню! — Ну как же? Я еще сказал: у меня в руках вот книга большая! — Да я вас в первый раз вижу! — Нет, вы только подумайте! Я занял за ним, а теперь: «В первый раз вижу!» — Да не стояли вы, и все тут! А если стояли, нечего уходить на целый день! Действительно, мы тут стой себе, а он будет прохлаждаться! — Да стоял я! Вот вас, дама с лисой, отлично помню! Я еще улыбнулся вам! — Кто знает? Может, и стояли...

Такого же рода коллизия [2] и [9].

— Я имею право на двойную норму! — Знать ничего не знаем, каждому по кило в руки — и все! — Но у меня трое детей! Вот визитка — они вписаны! — Контора пишет! Сказано: по кило в руки, значит по кило! — Да идите вы! Дети вписаны! — Мало что вписаны! Надо еще посмотреть: может, вы сами их вписали!..

В ходе коллизий в очереди обнаруживаются исполнители разных ролей. Например, тот, кого, если употребить слово XIX в., можно назвать *желчевиком*, будет упорно отрицать право отошедшего, даже если тот «на самом деле» занимал очередь. Напротив, *сердобольный* и в случае сомнения поведет себя иначе: *Да я его помню!; Успокойтесь, он действительно стоял!; Что вы так переживаете из-за одного человека?; Пусть женщина возьмет два кило: у нее дети!; Да ладно вам! Всем достанется!..*

Хотя коллизии и ролевые отношения очень интересны, мы их пока оставим. Интересно также расходящееся поведение стоящих в зависимости от типа очереди (живая, по списку, по талонам, в кассу, к прилавку, продовольственная, промтоварная, винная и т. д.). Интересно, кроме того, изменение поведения стоящих, когда они находятся в *хвосте*, в середине очереди или, наконец-то, уже близки к прилавку. Интересно, далее, поведение в очереди различных социальных слоев и особенно людей различных национальных темпераментов. Интересны, наконец, реакции, когда, с одной стороны, стояние увенчалось успехом, — *Досталось!; Отхватила!* — или же, с другой, когда товар закончился или магазин закрыли: *Перед носом закончилось!; Так и знала: не успею пройти!*

Иными словами, хотя мы и пытались представить размеры жизненно важного советского явления, называвшегося *очередью*, исчерпать его в кратком описании совершенно нереально. Если уж очередь удостоилась романа, то лингвисты, несомненно, должны посвятить ей полномасштабную монографию.

Ср. выписку из «Ракового корпуса» А. И. Солженицына: «Но пока она (Людмила Афанасьевна) тут стояла за двумя человеками — какой-то оживленный шум поднялся в магазине, повалил с улицы народ, и все выстраивались в гастрономический и в кассу. Людмила Афанасьевна дрогнула и, не дождавшись получить в бакалейном, ускоренным шагом пошла тоже занимать и к продавцу и в кассу. Еще ничего не было за изогнутым оргстеклом прилавка, но теснившиеся женщины точно сказали, что будут давать ветчинно-рубленую по килограмму в руки. Так удачно она попала, что был смысл чуть позже занять и вторую очередь» (гл. 7).

«Пришли другие времена, взошли другие имена». И соответственно вышли из употребления прежние: слово *очередь* в обществе рыночных отношений не играет центральной роли. Тем важнее зафиксировать прежние ассоциации, пока они еще помнятся.

Таков *диахронический* анализ — исследование РПТактик, уже вышедших из активного употребления.

Глава 6. Динамическое исчисление РПТактик: незавершенные переменны в отношении русских к деньгам

06–1. Два показательных примера и постановка проблемы

Сначала сошлемся на одно интересное наблюдение [Сальников 1996: 151–154]:

Немецкие слова *Handwerk*, *Handwerker* имеют следующие русские соответствия: *ремесло*, *ремесленник/кустарь*. Эквивалентность, однако, полна только на понятийном уровне. Что же касается коннотаций, то лексемы контрастивно расходятся между собой. Так, немецкий оборот *Handwerk hat goldenen Boden* (буквально: «ремесло — это золотое дно») содержит явно позитивную установку. Но все русские выражения вокруг ключевого слова *ремесло*, напротив, сопряжены с негативными оценками: *приняться за старое ремесло* означает «вернуться к прежнему, предосудительному образу жизни». В немецком языке это коннотативное со-значение — невообразимо: *das alte Handwerk* (старое ремесло) — исключительно похвальное и ни в коем случае не негативное занятие.

Таким образом, одни и те же общественные феномены в различных культурных традициях подлежат различным, в крайних случаях и противоположным, оценкам, что, естественно, отражается и в национальных языках. (Подобное несовпадение национальных культур как раз и было одной из причин возникновения *лингвострановедения*.)

Рассмотрим еще один конкретный пример.

Непридуманная история, относящаяся к весне 1996 г. Профессор Н. Н. (примерно 60 лет) приехал из Санкт-Петербурга в Москву, чтобы, как принято в России, участвовать в качестве официального оппонента в защите докторской диссертации. После того как он зачитал свой отзыв, ему в бухгалтерии выплатили символическую сумму гонорара. Когда же он, как в его практике бывало многократно, предъявил проездные

документы, желая получить возмещение транспортных расходов, то оказалось, что этот вопрос не был согласован заранее, — следовательно, оплаты не будет. (А расходы составляют по нынешним временам немалую сумму.) Молодая сотрудница бухгалтерии, которая по поручению своего начальства звонила профессору в Санкт-Петербург и договаривалась о поездке, приводила в свое оправдание тот факт, что «вопрос денег в разговоре не поднимался»: *Такие дела всегда обговаривают*. Седовласый профессор, со своей стороны, исходил из того, что обсуждать денежные вопросы «неприлично», тем более с дамой: *Кто же говорит о деньгах, да еще с дамой?* Короче говоря, коллизия возникла из-за того, что молодая служащая исходила из одной определенной комбинации РПТактик, тогда как пожилой человек — из совсем другой. И для подтверждения правильности своих действий оба ссылались на общепринятую практику, приводя клише, которые были выдержаны в безличной форме (что подчеркивает их роль как выразителей «общего мнения»). Пожилой человек был имплицитно убежден, что «платящая» сторона охотно предоставит ему необходимую сумму. Точка зрения молодой служащей, представлявшей интересы работодателя, состояла в том, чтобы расходы оказались как можно ниже. Она посчитала бы нормальным, если бы профессор детально обсудил с ней все финансовые вопросы своего путешествия; для профессора же говорить о деньгах, как мы видели, — вообще «неприлично».

Пример показывает, что несовпадения устанавливаются не только между двумя национальными культурами (см. особенно [Верещагин, Ратмайр, Ройтер 1992]), но и между двумя этапами развития одной и той же культуры. Если определенная национальная культура, как это уже дважды случилось за столетие с русской культурой, претерпевает радикальные и быстрые перемены с переоценкой всех ценностей, то два поколения по одним и тем же вопросам могут представлять различные, даже противоположные традиции, причем не всегда бесконфликтно.

Ниже кратко рассматривается упомянутая мена коннотаций — на примере РПТактик русских в центральной ныне области общественной жизни (в области денежных отношений).

Как известно, в настоящее время в России внедряется так наз. *свободный рынок*. Под свободным рынком следует, видимо, понимать *капиталистическую систему*¹⁷⁹, когда свободные цены, спрос и предложение должны направить всю общественную жизнь к полному преуспеянию. При этом, естественно, деньги должны сыграть центральную роль, чего раньше не было¹⁸⁰.

Старшему поколению (людям, которым сейчас 50 лет и старше) в прошлом прививалось отношение к деньгам, которое, как ни удивительно, продолжает старую традицию русского *дворянства*, *крестьянства* и *Православной Церкви*, тогда как младшее поколение восприняло традицию русских *купцов* и *предпринимателей* царского времени (не продолжая ее, а усвоив заново).

Вот выписка из Послания ап. Павла: *Ничтѣже бо внесѣдохомъ въ мѣръ сей, тавѣ, такъ ниже изнестѣ что мѣжемъ. Имѣюще же нищѣ и вѣдѣніе, сіми доволни бѣдемъ. А хотѣиши богатѣтисѣ, владѣютъ въ напѣсти и сѣтъ, и въ похоти многѣ несмысленны и вреждѣющыя, ꙗже погрѣшѣютъ члвѣки во всегѣбительство и по-*

¹⁷⁹ Вводится в стране начиная с конца 1991 г.

¹⁸⁰ В условиях т. н. *административной системы* деньгам не придавалось подобного значения.

гибель. Корень во всёмъ злымъ сребролюбіе есть (1 Тим 6: 7–10). В Евангелии помещены два знаменитых чеканных стиха: Оудобѣе есть вельбѣдѣ сквозѣ иглины оушы протти, неже богаты въ царствіе бжїе внити¹⁸¹; Что бо пользы иматъ чловѣкъ, прѣверѣтъ миръ весь, себѣ же погубивъ или штѣтитъ¹⁸² (Мф 19: 24; Лк 9: 25). Притча о верблюде и игольном ушке, через которое не протиснуться, вошла в поговорку, а поговорки, как известно, определяют нормы бытового поведения.

На православной исповеди богатые люди подвергались строгому «допросу», поскольку считалось, что они особенно близки к духовной гибели: Или облапѣлъ еси когѣ (т. е. не лишил ли кого последнего посредством обмана или безбожно высоких цен?); Согрѣшихъ, во оудержаніи наёмничи мзды; Корчмѣ и владню собраніа ради богатства не держалъ ли еси (из первопечатного Требника 1642 г.).

Конфликту между традицией *дворянства* и традицией *купцов* и *предпринимателей* в царской России (второй половины XIX в.) посвящена, как известно, классическая пьеса А. Чехова «Вишневый сад», изучение которой в советское время предусматривалось школьной программой.

Не отрицая за художественными произведениями доказательной силы, все же в дальнейшем строим свой анализ на свидетельстве языка, а именно: на изучении идиоматических выражений и фразеологических клише, которые (по большей части неосознанно, но тем не менее реально) определяют (и в то же время объективируют) внутренний мир и формы внешнего поведения говорящих.

Как уже говорилось, РПТактики обычно присутствуют в национальной культуре некоторое (как правило, продолжительное) время. Некоторые из них относительно «молоды», другие — «стары». Некоторые из них существуют, как представляется, равноправно друг с другом рядом, но такое случается относительно редко, потому что общество на различных фазах своего развития предпочитает и одобряет один круг РПТактик и, соответственно, вытесняет и подавляет другой. Если же некогда господствовавшие нравственные вехи оказываются переставленными или даже перемененными на противоположные, то меняют свои места по употребительности также и РПТактики. Период нового *смутного времени* в России продолжается, и конфликты между старыми и новыми РПТактиками находятся в самом разгаре.

06–2. ГРУППА РПТАКТИК

«ДЕНЬГИ — ЭТО (НЕ) ВСЁ В НАШЕМ МИРЕ»

Как вытекает из приведенного примера, старшему поколению русских (из интеллектуальных кругов) свойственна РПТ:

¹⁸¹ Если иметь в виду этику идеолога капитализма Макса Вебера, то в этом пункте принципы протестантизма и православия расходятся.

¹⁸² Согласно отменной, но ныне признанной устаревшей версии Библии Лютера этот стих звучал весьма патетически: Was hülfе es einem Menschen, wenn er die ganze Welt gewönne und doch Schaden nehme an seiner Seele? В романе Л. Фейхтвангера «Братья Лаутензак» герою постоянно вспоминается евангельское наставление именно в данной форме (затверженной им в детстве); максима Лк 9: 25, которую он нарушает, тем не менее имеет для него нравственно-руководящее значение. По версиям Евангелия в переводе на современный русский язык и в переводе на современный немецкий эта патетика (и запоминаемость) утрачена.

• Говорить о деньгах — неприлично [1]

О деньгах говорить не будем! Что, нам поговорить не о чем? — такие или подобные клише составляли «нормальную» (т. е. усредненную) реакцию образованного русского старшего поколения. Если тем не менее приходилось называть какие-то денежные суммы, то партнер по коммуникации воспринимался как человек бестактный, низкий, невоспитанный, грубый, мелочный, неприятный, недостойный, жадный и т. д. Репутация жадюги считалась особенно неприятной. Можно было в самом крайнем случае поговорить о деньгах с глазу на глаз, причем тематика разговора выставлялась как второстепенная и не заслуживающая никакого внимания.

Если свежее испеченный выпускник высшего учебного заведения беседовал с директором (предположим, научно-исследовательского института или средней школы) о своем возможном трудоустройстве, то в разговоре тщательно перечислялся круг его будущих обязанностей, прав и привилегий, но что касается зарплаты, то она упоминалась вскользь или в придаточном предложении. Молодой человек обычно сразу заливался красной краской и уверял (конечно, не всегда искренне), что его интересует только и исключительно заманчивая работа. Если же размер зарплаты тем не менее не устраивал соискателя места, то при отказе эта причина никогда не называлась как главная. Как правило, делались ссылки на более высокие обстоятельства, и тогда случалось, что и директор — опять-таки по внешнему виду мимоходом — указывал на возможность увеличения зарплаты «месяца через два-три». Эти неписанные правила «игры», — всем, впрочем, внятной, — тем не менее соблюдались довольно строго, и если новичок попытался бы нарушить их, его бы, скорее всего, не приняли на работу: *Карьерист! Только о деньгах и думает!* — Прикровенность денежного обращения в советский период отмечена объективным наблюдателем-современником: «...Если бы лет через пятьдесят или сто по нашим фильмам (имеется в виду советская кинематография. — Е. В., В. К.) захотели изучить общественные отношения на рубеже пятидесятих-шестидесятых годов двадцатого века, никто не смог бы установить, были ли в этот период деньги и какую роль играли они в жизни людей» [Бауман 1966: 46].

Примечательно, что и в традиционной русской культуре денежные претензии любого рода считались «неприличными». Коммуниканты изо всех сил старались произвести впечатление, что они вообще не интересуются деньгами.

Даже предприниматели (заводчики, фабриканты) прошлого века не одобряли, если наемные рабочие предварительно оговаривали сумму «жалованья». Заводчик обычно говорил: *Ну, я тебя не обижу!* Мотивировка самого слова *жалованье* подсказывает, что деньги выплачиваются как бы не за труд, как бы не вынужденно, а — добровольно, из чувства сострадания и от широкого сердца «хозяина».

До недавнего времени считалось невоспитанным поступком, если человеку, взявшему займы, напоминали о необходимости вернуть деньги, даже если срок возврата давно истек и даже если речь шла о значительной сумме. Конечно, в дальнейшем уже не стали бы (под любым предлогом) ссужать данное лицо деньгами, да предупредили бы и друзей и знакомых, но тем не менее не возникало вопроса о том, чтобы ясно потребовать деньги назад.

Конечно, пунктуальность в денежных вопросах считалась само собой разумеющейся. Обычно должники остерегались пропустить срок возврата долга хотя бы на один день. Пословица *Долг платежом красен* воспринималась буквально. Для должника было делом чести ни при каких обстоятельствах не пропустить согласованного срока. Кстати сказать, и срок этот назначал обычно сам берущий в долг.

Вероятно, нет необходимости упоминать о том, что практика предоставления денег займа под проценты была совершенно неизвестна. Из художественной литературы и кино о ней, безусловно, знали, и сословие ростовщиков считалось особенно отвратительным¹⁸³.

Погоню за деньгами едко разоблачал А. Пушкин¹⁸⁴, и в его творчестве отразились господствующие воззрения (и предрассудки!) класса дворян. Его воззрения многие разделяли, поскольку жадность до денег считалась сопряженной с другими нравственными пороками. «*Всяк суетится, лжет за двух, / И всюду меркантильный дух*» (Пушкин, Евгений Онегин). *Меркантильный* — значит торгашеский, а купцы и торговцы находились, особенно в глазах благородного класса, под подозрением в нечестности. Их деляческий дух и приверженность деньгам отвергались с возмущением.

«— У, какие шельмы эти толстосумы! — сказал он (адвокат Фанарин). — Видели этого молодца? У него миллионов двенадцать капитала. <...> Ну, а если только может вытянуть у вас двадцатипятирублевый билет — зубами вырвет» (Л. Толстой, Воскресение).

В дворянской среде XIX в. и в среде интеллигенции вплоть до конца 80-х гг. XX в., как правило, возникала проблема, если надо было вручить деньги человеку из своей среды. Каков должен быть размер гонорара, самого врача или адвоката не спрашивали, и те не стали бы отвечать, перепоручая «щекотливый вопрос» своим помощникам, которые разъясняли, почему определена та или иная сумма. Торговаться было немыслимо:

«— Благодарю вас, гонорар, стало быть...

— Помощник передаст вам беловую жалобу и скажет. <...>

В приемной помощник передал Нехлюдову готовое прошение и на вопрос о гонораре сказал, что Анатолий Петрович назначил тысячу рублей, объяснив при этом, что, собственно, таких дел Анатолий Петрович не берет, но делает это для него» (Л. Толстой, Воскресение).

Собственно, любая операция с деньгами воспринималась как что-то «нехорошее», «неприятное» и даже как *faux pas*. Получатель — ныне невообразимо! — мог отказаться принять деньги, даже если испытывал в них нужду. Ср.:

«Л и з а. <...> А только напрасно послал ему деньги.

К а р е н и н. Нельзя же. Это могло быть причиной остановки.

Л и з а. Нет, деньги что-то нехоршее».

¹⁸³ Ср. поведение разбогатевшего отставного унтер-офицера Силы Ерофеевича Грознова (А. Островский, Правда хорошо, а счастье лучше): «— Вот у меня деньги, и много, а я вам не дам! <...> — Да почему же? — Жалко. — Денег? — Нет, вас. — Как же это? — Я проценты очень большие беру».

¹⁸⁴ См. подробнее [Аникин 1989].

Из письма Феи Протасова: «Очень жаль, что вы прислали мне деньги на ведение дела развода. Это неприятно и непохоже на вас. Ну, что же делать. Я столько раз ошибался. Можно и вам раз ошибиться. Деньги возвращаются» (Л. Толстой, Живой труп).

Презрение к деньгам выражалось, в частности, в том, что их вручали исключительно в конверте; импликация: уже одно прикосновение к купюрам способно замарать¹⁸⁵. Даже в первые послереволюционные годы, когда были отброшены все и всяческие «буржуазные» предрассудки, обычай передачи денег в конверте (даже в таком низменном акте, как взятка) держался твердо.

В условиях нарождающегося нового российского капитализма, в кругах предпринимателей, бизнесменов, банкиров, челноков, торговцев, членов их семей, да и вообще в широких кругах ныне единственно возможной является иная РПТактика, а именно:

- Говорить о деньгах — вполне приемлемо [2]

О чем же еще говорить? Постоянно и с большим интересом обсуждаются удачные и неудачные челночные поездки в Турцию или в Индию, где закупаются дешевые товары и в России перепродаются дороже. Профессионально обсуждаются пути и уловки (включая взятки), как легче пройти через таможню или уклониться от налогов и т. д.

Ранее подобный род деятельности считался спекуляцией, и тогда назвать человека *спекулянтом* или даже *дельцом* (черного рынка) было равносильно смертельному оскорблению. Впрочем, новая жизнь вторгается и в крути старших поколений. После проведенной в 1992 г. девальвации рубля повсеместно обсуждалась утрата сбережений, начиная с 1996 г. люди, в том числе и из высших кругов интеллигенции, при встрече спрашивают друг друга, выплачивается ли зарплата и пенсия. Даже в одной многотиражной демократической и антикоммунистической газете за два дня до выборов президента (лето 1996 г.) были помещены следующие нецензурные стихи: *Голосуй — не голосуй, / всё равно получишь х..!* Слово, переданное сейчас отточием, было напечатано в газете полностью.

Появилась практика брачных договоров с регулированием денежных отношений. Их, правда, до сих пор заключает меньшинство. Как заметил один священнослужитель, когда это будет большинство, мы перестанем быть русскими.

- Деньги — это зло [3]

Данная воспитанная установка отложилась в бесчисленных мирских пословицах и речевых оборотах, как например, в следующих, употребительных до сих пор: *Не в деньгах счастье; Деньги что вода (уплывают); Деньги / богатства с собой не возьмешь / не захватишь; За деньги отца и матери не купишь; Ума за деньги не купишь; Уговор дороже денег; Мне не дорог твой подарок, дорога твоя любовь* (из известной песни «По улице мостовой»); *Не имей сто рублей, а имей сто друзей; Не с деньгами жить, а с добрыми людьми.*

¹⁸⁵ Ср. выписку из «Подростка» Ф. М. Достоевского: «И вдруг — сорок рублей через лакея, в переднюю, да еще после десяти минут ожидания, да еще прямо из рук, из лакейских пальцев, а не на тарелке, не в конверте!»

Бытовали представления о *широкой натуре* и умении *легко тратить* деньги: *Деньги — дело наживное*. Герой куплета Беранже вызывал сочувствие:

Есть деньги — прокутит,
 Нет денег — обойдется,
 Да как еще смеется!
 «Да ну их», говорит,
 «Вот», говорит, «потеха,
 Ей-ей умру,
 ей-ей умру,
 ей-ей умру от смеха!» (пер. В. Курочкина).

Были весьма распространены некоторые клише с однозначно негативной установкой на деньги, причем наряду с Библией и Церковью свой вклад в их совокупность внесла и коммунистическая пропаганда: *золотой телец* (Исх 32: 4); *служить Маммоне* (Мф 6: 24, Лк 16: 13); Как трудно имеющим богатство войти в Царствие Божие! Удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царство Небесное (Мф 10: 23–24, Лк 18: 25); «Деньги — это не просто деньги, а зачастую плод насилия, слез и кровопролития. К этим деньгам мы не должны прикасаться» (Серафим Саровский); *желтый дьявол* («неограниченная власть капитала»; из памфлета «Город Желтого Дьявола» [1906] М. Горького); *презренный металл*.

С помощью денег в советское время достигалось далеко не все. Оказывалось сильное моральное давление, так что довольно много всевозможной работы совершалось *на общественных началах* (т. е. вследствие «высокой сознательности», стало быть, без оплаты и вне рабочего времени): Ср.: *бескорыстный труд*; *общественная нагрузка* (особенно любили «нагружать» интеллигенцию, от которой требовали особенно *высокой сознательности*).

Поскольку при прошлом режиме цены искусственно сдерживались на низком уровне, а зарплаты выплачивались регулярно, покупательная способность общества была высока, и спрос не удовлетворялся. *Дефицитные товары* отсутствовали на прилавках годами. Чтобы получить к ним доступ, требовались *связи* (т. е. личные контакты с торговыми работниками), *блат* (протекция).

Пословица *От трудов праведных не наживешь палат каменных* еще помнится частью старшего поколения. Вот почему «новые русские», предприниматели, банкиры и дельцы, разбогатевшие в результате процессов приватизации («*прихватизации*»), в сознании старшего поколения имеют прочную репутацию жуликов и грабителей («*демокрады*»). «Бес оголтелой коммерции внедрен как верховная идеология» [Солженицын 1999].

Отсюда бытовала негативная установка по отношению к богатым ¹⁸⁶.

Ныне утвердилась противоположная РПТактика:

¹⁸⁶ Она поддержана в Свщ. Писании: «Горе вам, богатые! ибо вы уже получили свое утешение. Горе вам, пресыщенные ныне! ибо взалчете» (Лк 6: 24–25); «Послушайте, братия мои возлюбленные: не бедных ли мира избрал Бог быть богатыми верою и наследниками Царствия, которое Он обещал любящим Его? А вы презрели бедного. Не богатые ли притесняют вас, и не они ли влекут вас в суды?» (Иак 2: 5–6); «Послушайте вы, богатые: плачьте и рыдайте о бедствиях ваших, находящихся на вас. <...> Вот, плата, удержанная вами у работников, пожавших поля ваши, вопиет, и вопли жнецов дошли до слуха Господа Саваофа» (Иак 5: 1–4).

- Деньги — это благо [4]

Старые клише отчасти подверглись полемическим преобразованиям: *Не в деньгах счастье* получило продолжение: *...а в их наличии* [Белянин, Бутенко 1993: 47]; другая пословица *Не имей сто рублей, а имей сто друзей* доводилась до конца со все новыми и новыми вариантами по мере того, как падал курс рубля (особенно после 1992 г.): *Не имей сто рублей, а имей тысячу, ...а имей сто тысяч, ...а имей сто миллионов*; еще одна пословица *Бедность не порок* дополняется *...а большое свинство*. Старое пропагандистское клише *всемогущий доллар* (впервые появилось в новелле В. Ирвинга «Креольская деревня»), которое в прошлом употреблялось весьма пейоративно, ныне звучит вполне позитивно, тем более что доллар имеет свободную циркуляцию в России и является второй (первой?) национальной валютой. Старые куплеты из популярной в начале XX в. песни, ранее исполнявшиеся юмористически и как бы отражавшие условия или «царского режима», или нэпа, ныне могут быть спеты вполне серьезно:

Всюду деньги, деньги, деньги,
 Всюду деньги, господа,
 А без денег жизнь плохая,
 Не годится никуда.
 Деньги есть — и ты как барин
 Одеваешься во фрак,
 Благороден и шикарен,
 А без денег ты — червяк.

Точность в отдаче долгов стала старомодной: *Должна не спорю, отдам не скоро; Кому что должен — всем прощаю* [Белянин, Бутенко 1993: 28, 38].

Ныне невозможно представить себе, что некогда что-то исполнялось «за спасибо» или «на общественных началах»:

Из спасибо шубы не шить; За спасибо — некрасиво, надо денежки платить;
 Спасибо на хлеб не намажешь; «Дай» будет при коммунизме, а теперь — «продай».

Часто приводится цитата из романа «Двенадцать стульев» Ильфа и Петрова: «Вечером деньги — утром стулья, утром деньги — вечером стулья».

Другие контрарные РПТактики, выражающие отношение к деньгам, только назовем:

- Деньги следует презирать [5] ⇔ Деньги следует уважать превыше всего [6]
- Надо быть готовым платить за другого [7] ⇔ Каждый платит сам за себя [8]
- Хорошие деньги можно скопить рачительностью (экономностью) и прилежным трудом [9] ⇔ Хорошие деньги можно получить только благодаря обману, воровству и спекуляции [10]

Мы не собираемся давать нравственные оценки. Совершенно отчужденно необходимо признать, что вчерашние моральные плюсы (позитивные оценки) превратились (или превращаются) ныне в моральные минусы (негативные оценки), и наоборот. Белое стало черным, а черное белым. Предшествующее неодобрительное отношение к бесчестным средствам приобретения денег стало меняться. Общество

спокойно относится к случаям воровства и бесчестного обогащения, о которых постоянно сообщается в СМИ.

Без доли иронии или бывшего осуждения говорится: *Деньги не пахнут; Не подмажешь — не поедешь; Не пойман — не вор!; А вы докажите!* Презумпция невинности извращается вплоть до всеобъемлющей терпимости, включая притерпелость к очевидной коррупции чиновничьего аппарата, взяточничеству и злоупотреблениям общественными фондами. Изменилось отношение и к так наз. *ловкачам, людям нечистым на руку*; их удачливость вызывает восхищение. Считается вполне нормальным иметь *грязные деньги и отмывать их*.

Философское осмысление отношения в обществе к деньгам в свое время предложил Н. А. Бердяев, и его оценки — в которых он, впрочем, отнюдь не одинок — не только не потеряли своего значения, но, пожалуй, стали еще актуальнее.

«Для буржуа „дело“ — его бог, его абсолют. Это буржуа распял Христа. Буржуа на Голгофе отрезал мир от Христа, „деньги“ от бедняка. <...> Существует мистерия „денег“, таинственное отделение их от духа. Посюсторонний буржуазный мир управляется „деньгами“, отделенными от духа» [Бердяев 1926: 4–5]. Для обличения буржуазного мира денег великий философ находит яркие слова и краски: «И тем, кого избрал Иисус, Он сказал: „если бы вы были от мира, то мир бы любил бы свое; а как вы не от мира, то я избрал вас от мира, посему ненавидит вас мир“¹⁸⁷. „Мир“ и есть духовная буржуазность. „Мир“ не есть Божье творение, Космос, который не мог отрицать Сын Божий. „Мир“ есть порабощение и отяжеление Божьего творения самых первооснов буржуазности прозвучало в словах: „не любите мира, ни того, что в мире“¹⁸⁸. Буржуазность и есть прикованность к этому „миру“. Связанность с ним, порабощенность им. Буржуазность и есть отвержение той свободы духа, которая дается свободой от власти „мира“» [там же: 6]. Расширительно понимая буржуазность, Бердяев парадоксальным образом одним из проявлений буржуазного мира считает попытку построения социалистического общества в России: «Наша родина в последние годы явила в коммунизме этот тип нового буржуа-завоевателя, тип жуткий своим безбожием. Дух буржуазности явил себя в более чистой, ничем не ограниченной и не ослабленной форме. Новый буржуа окончательно исповедует религию земного могущества, земной власти, земного блаженства» [там же: 8]. «Социализм по духу своему буржуазен. Буржуазность есть отяжеленность „миром“» [там же: 10].

Примечательно, что миру денег Бердяев противопоставляет *странничество* — феномен, может быть, и не слишком распространенный количественно, но чрезвычайно характерный для традиционной русской культуры:

«Духу буржуазному противоположен дух страннический. Христиане — странники в этом мире. Это внутреннее чувство странничества присуще христианину в отличие от буржуа и оно возможно при каком угодно общественном положении, хотя бы самом высоком. Христиане града своего не имеют, Града грядущего взыскуют¹⁸⁹. И Град грядущий не может быть Градом этого „мира“». Феномену странничества в настоящей монографии уделено внимание: см. в Разделе третьем главу 2.

¹⁸⁷ Ин 15: 19.

¹⁸⁸ 1 Ин 2: 15.

¹⁸⁹ Евр 13: 14.

Из сказанного выше следует, что, когда мы получим в описании перечень РПТактик, относящихся к определенному периоду бытия национальной ментальности, это не значит, что он (перечень) останется стабильным, ибо за периодом относительной стабильности может последовать период быстрых перемен.

Коллективная ментальная мена понятий, норм и оценок проходит более энергично у молодого поколения; старшее же поколение обычно оказывается ригидным и не столь быстро подвижным.

Таким образом, некоторые речевые РПТактики могут исследоваться в становлении, борьбе, гибели и утверждении; таков динамический аспект исчисления РПТактик¹⁹⁰.

Глава 7. Дальнейшие примеры исчисления РПТактик

07–1. ПРИЗЫВ К ОТКРОВЕННОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ)

Сначала — серия литературных примеров:

«А царь, улыбаясь, ему говорит: / „Садко, мое милое чадо, / Поведай, зачем так печален твой вид? / Скажи мне, чего тебе надо?“» (А. К. Толстой, Садко). «...Ты признайся, чего тебе надо, / Ты скажи, гармонист молодой» (М. Исаковский).

«В порыве нежной любви [к сестре]... я обнял ее за плечи и поцеловал. — Что с тобой? — спросил я. — Ты страдаешь, я давно это вижу. Скажи, что с тобой? — Мне страшно... — проговорила она, дрожа. — Что же с тобой? — допытывался я. — Ради Бога, будь откровенна. — Я буду, буду откровенна, я скажу тебе всю правду. Скрывать от тебя — это так тяжело, так мучительно! Мисаил, я люблю... — продолжала она шепотом, — Я люблю, я люблю... Я счастлива, но почему мне так страшно?» (Чехов, Моя жизнь).

Прекрасный пример — «Садко» А. К. Толстого: выяснение, в чем причина недовольства; демонстрация несостоятельности претензий; заманчивые предложения.

Далее следуют два эпизода из «Анны Карениной».

Долли хочет откровенно поговорить с Алексеем Александровичем о причинах разлада в его семье. Они наконец остались наедине.

«— Алексей Александрович, — сказала она, с отчаянною решительностью глядя ему в глаза. — Я спрашивала у вас про Анну, вы мне не ответили. Что она? — Она, кажется, здорова, Дарья Александровна, — не глядя на нее, отвечал Алексей Алек-

¹⁹⁰ Теодор Фонтане однажды сочинил двустишие, в котором две противоположные мысли выражены посредством замены всего одной-единственной буквы:

«*Du dichest, das ist das Wichtigste...*»

«*Du dichest, das ist das Wichtigste...*».

Если парафразировать двустишие, то будет весьма хорошо выражена перемена рече-поведенческих тактик применительно к деньгам:

(*ранее*) «*Du bist reich, das ist das Wichtigste...*»

(*ныне*) «*Du bist reich, das ist das Wichtigste...*»

сандрович. — Алексей Александрович, простите меня, я не имею права... но я, как сестру, люблю и уважаю Анну; я прошу, умоляю вас сказать мне, что такое между вами? в чем вы ее обвиняете?»

В другом случае Долли пытается завязать откровенный разговор с Кити после того, как Вронский ее оставил.

«— Мне хочется поговорить с тобой. — О чем? — испуганно подняв голову, быстро спросила Кити. — О чем, как не о твоём горе? — У меня нет горя. — Полно, Кити. Неужели ты думаешь, что я могу не знать? Я все знаю. И поверь мне, это так ничтожно...».

Ключевое слово, объединяющее оба эпизода, — сказано. И там, и здесь Долли добивается от своих собеседников *откровенности*.

Как по отношению к Алексею Александровичу, так и по отношению к Кити Долли уверена, что они владеют — каждый своей — некоторой тайной. Коммуниканта, который в данном акте общения выступает как носитель тайны, назовем — за неимением более подходящей бирки — несколько неуклюжим термином-неологизмом *секретник* (или *секретница*). Пусть, далее, коммуникант, которому (всегда избирательно) сообщается тайна, называется *конфидентом*. Откровенность — это и есть акт общения, в котором секретник открывает конфиденту свою тайну.

Откровенность бывает интенциональной: секретник сам отыскивает себе конфидента и без понуждений сообщает ему свою тайну. Гораздо чаще, однако, наблюдается откровенность навязанная: здесь активен не секретник, а человек, предлагающий себя в конфиденты. Секретник же, особенно в начале разговора, уклоняется от откровенности: отводит глаза; делает вид, что не понимает, о чем идет речь; отвечает на вопрос, который не приоткрывает секрета, и т. д. В ситуации вынуждаемой откровенности коммуниканты некоторое время остаются, так сказать, на стартовой площадке будущего акта общения: секретник колеблется (стоит ли вообще выдавать тайну, подходит ли данный собеседник в конфиденты, в какой мере сказать правду и в какой разыграть правдоподобную сцену и т. д.), а конфидент настаивает и убеждает (о тайне поговорить надо, «я» именно подходящий человек для откровенности, рассказать надо все и без утайки). Оба эпизода из «Анны Карениной» иллюстрируют как раз способ протекания побуждения к откровенности в навязываемом общении: хорошо видно, как секретник и конфиденты играют свои роли и к каким РПТактикам они прибегают.

В дальнейшем мы имеем в виду рассмотреть, пусть бегло, все коммуникативные РПТактики, наблюдаемые в разговоре, который называется откровенным. Соответственно, по их месту в дискурсе выделяем три вида РПТактик — инициальные (или начальные, стартовые), медиальные (срединные, управляющие ходом коммуникации) и финальные (конечные, или, если продолжить спортивное словоупотребление, финишные). Для краткости используются аббревиатуры: соответственно ИТ (инициальная РПТактика), МТ и ФТ.

Коммуникативные РПТактики могут быть индивидуальными, «изобретенными» именно данным человеком, однако все же сплошь и рядом мы видим РПТактики, к которым секретники и конфиденты прибегают вследствие подражания, накопленного опыта и, — этому вопросу посвящена существенная часть настоящей подглавки, — введения в дискурс извлекаемых из памяти, клишированных фраз и фра-

зосочетаний. Эти последние РПТактики, социальные по своему происхождению, рассматриваются непосредственно ниже.

Если индивидуальные РПТактики, вероятно, принципиально неперечислимы, то РПТактики социальные, напротив, допускают перечисление в виде инвентаря. Поэтому далее каждой социальной РПТактике приписан (облегчающий отсылки) инвентарный номер.

Наконец, социальная РПТактика может быть выражена индивидуальными, творчески созданными в момент говорения, речениями. Тем не менее коммуниканты, как правило, прибегают к клише, иногда без модификаций, но обычно с определенными опущениями, заменами или добавлениями. Именно клише и показываются дальше.

Таким образом, ниже приведены результаты попытки достаточно полно перечислить коммуникативные РПТактики социальной природы и показать их реализацию в клишированных речениях.

Каждая РПТактика в вербальном выражении состоит из синонимических речений, смысловой инвариант которых, будучи единым, собственно говоря, и есть эта тактика. Этот инвариант, естественно, может быть выражен лишь с помощью специально созданного семантического языка, а в обиходном языке он, как всегда бывает, реально присутствует в речениях, все же в чистом виде невыразим. Тем не менее мы все же решили приписать имя каждой РПТактике на этом неадекватном повседневном языке (иначе мы не справились бы с композицией нынешних разысканий). Именования тактик предлагаются эмпирически: мы старались, чтобы имя-этикетка хорошо соотносилась с семантическим инвариантом, но критика этикеток, безусловно, вполне правомерна.

Итак, сначала инициальные РПТактики.

ИТ-1 «Мы близкие люди». *Свои же люди!; Мы же старые друзья!; Разве мы не подруги?; Сколько лет мы знаем друг друга!; Не знаю, кто тебе ближе?; С кем тебе еще поделиться?; Свой своему поневоле друг; Твоя судьба кого еще волнует?*

ИТ-2 «Мои личные качества высоки»: *В ком-ком, а во мне ты можешь быть уверен!; Уж я-то молчать умею!; Я — могила!; Как раз я-то и смогу тебе помочь; (следовательское клише в ситуации допроса:) Это вам еще повезло, что на меня напали. Попадете к другому, не так запоете!*

ИТ-3 «Мы — одного поля ягода»: *Я и сам из таковских!; Что я, из другого теста, что ли?; Я-то тебя не осужу!; И я был молод, пошаливал!; И чтобы русские люди не поняли друг друга!; (из реплик 30-х годов прошлого века:) Расскажите обо всем как партиец партицу; Да я же тоже дворянин!*

ИТ-4 «Теперь твоя очередь»: *Я же тебе все рассказываю!; У меня же нет от тебя тайн!; Ну вот, я тебе все о себе рассказал!; Ну раз ты так, теперь от меня ничего не услышишь!*

Московские барышни, в круг которых попала Татьяна Ларина,

...покорствуя природе,
Дружатся с ней, к себе ведут,
Взбивают кудри ей по моде,
И поверяют нараспев
Сердечны тайны, тайны дев,
Чужие и свои победы,

Надежды, шалости, мечты.
Текут невинные беседы
С прикрасой легкой клеветы.

Потом, в отплату лепетанья,
Ее сердечного признанья
Умилно требуют оне.
Но Таня, точно как во сне,
Их речи слышит без участия,
Не понимает ничего,
И тайну сердца своего,
Заветный клад и слез и счастья,
Хранит безмолвно между тем
И им не делится ни с кем. (Пушкин)

ИТ-5 «Я это должен знать!»: *Просто сгораю от любопытства!; Расскажи, интересно же!; Не думай, что мне просто любопытно. Я тебе помочь хочу!*

ИТ-6 «От меня никто ничего не узнает»: *Будь спокоен, никому не скажу!; От меня это дальше не пойдет!; Уж я-то не использую твои слова во зло; Клянусь, буду нем, как рыба!* Иногда обещания быть конфиденциальным «гарантируются» ритуально, перформативно: *Даю честное слово!* (имплицуруется: *что не проболтаюсь*); *Гад буду!* (в среде блатных).

ИТ-7 «Никто не подсмотрит, не подслушает»: *Давай-ка отойдем в сторонку!; Нам надо поговорить наедине (с глазу на глаз); Подожди, пусть пройдут эти двое; Это не телефонный разговор.*

Общество признает за своими членами право на беседу без свидетелей. Поэтому если некто замечает, что двоим нужно что-то сказать друг другу откровенно, он, этот третий, сам предлагает: *Я могу выйти, пока вы переговариваете!; Может быть, я здесь лишний?* Если же при откровенной беседе двоих случайно оказался не замеченный ими посторонний человек, он обязан как-то обозначить свое присутствие. А уж если все же почему-либо пришлось присутствовать при таком разговоре, невольный свидетель, как правило, дает от себя гарантии конфиденциальности.

ИТ-8 «Соберись с духом!»: *Говори, не бойся!; Да ты не стесняйся!; Чего ты жмешься? Начинай!; Ладно тебе уж! Чего там!; Хорошо, посиди, подумай, а потом выкладывай!*

ИТ-9 «Нужен стимулятор»: *Давай-ка лучше вытъем!; Давай закурим!; Давно пора посидеть с бутылочкой!; Пропусти-ка еще рюмочку!; Тут была рядом забегаловка неплохая, посидеть можно!*

ИТ-10 «Нужен соматический контакт»: *Сядем рядом, поговорим ладком!; Дай-ка твою руку!; Посмотри мне в глаза!; Дай-ка я обниму тебя! Вот так!; Ты приляг, а я посижу возле!; Ничего, ничего, не стыдись, поплачь, поплачь!*

Примечательно, что откровенное общение между Долли и Кити началось как раз тогда, когда были пролиты слезы. «Как будто слезы были та необходимая мазь, без которой не могла идти успешно машина взаимного общения между сестрами, — сестры после слез разговорились...» (Л. Толстой, Анна Каренина).

ИТ-11 «Все так поступают»: *Поделишься — сразу легче станет; Расскажи, облегчи душу; Не держи в себе! Выговоришься!*

Русское народное представление о том, что открытие тайны (особенно неблагоприятного поступка) облегчает душу, восходит, несомненно, к христианскому таинству исповеди и покаяния. Ср. фольклорный обряд покаяния «матери сырой земле».

ИТ-12 «Мы выяснили, о чем будем и о чем не будем говорить»: *Не бойся, никто не собирается выворачивать тебя наизнанку!; Поговорим только об одном!; Нет, твои отношения с Ниной меня не интересуют; Не знаю, можем ли мы с тобой откровенно поговорить о...*

Когда конфиденгент замечает, что всеобъемлющего разговора не получается, он предпринимает нечто вроде минимизации своих притязаний: *Расскажи хотя бы о...; Скажи хоть, (когда это случилось); Скажи только одно: (ударил или не ударил); Ты, по крайней мере, (имена не называл)?* В круглые скобки, как обычно, заключена варьируемая часть фразы.

ИТ-13 «Да говори же!»: *Ну, так и будешь молчать?; Или ты онемел?; Будешь говорить или нет?; Вам что, нечего сообщить (следствию)?; И долго еще будем играть в молчанку?; Последний раз прошу: давай говори!*

ИТ-14 «Говори, и тебе будет хорошо (или тебе будет плохо)!»: *Как только назовешь зачинщика, сразу пойдешь к ребятам!; Смотри, потом поздно будет; Жду еще минуту, потом пеняй на себя!; Ну, раз ты так, то и от меня не жди поддержки!; А я-то хотел тебе помочь!; Чем больше ты упорствуешь, тем для тебя хуже!; Не хочешь добром, применим другие меры!*

Вторая половина РПТактики ИТ-14 тесно смыкается с коммуникативным поведением, называемым угрозой. Совокупность РПТактик угрозы подробно описана нами ниже, в подглавке 07—4.

Остается заметить, что ИТ-14 — это действительно единая РПТактика, а не две альтернативных, как можно было бы подумать. Ее единство видно в том, что благоприятное и неблагоприятное последствия могут быть введены в цельный коммуникативный акт: *Не назовешь сообщников — подпишу и будешь сидеть. Назовешь — сейчас же пойдешь домой.*

На этом заканчивается перечисление *инициальных* РПТактик. Эти РПТактики потому и называются *начальными*, что они, собственно, лишь приводят к откровенности, а сам так названный коммуникативный акт начинается (или не начинается) впоследствии. Тогда вступают в действие РПТактики другой природы — с их помощью конфиденгент управляет ходом разговора, причем это управление касается именно *откровенности* (установления степени правдивости, обличения уловок, вскрытия противоречий и т. д.). Эти медиальные РПТактики ради экономии места ниже просто перечисляются (т. е. реализующие их речения не приводятся). Думается, что читатель, живущий в русской речевой стихии, без труда сам припишет эти речения, действуя по аналогии с инициальными тактиками.

Итак, *медиальные РПТактики*.

МТ-1 «Вернемся к теме нашего разговора».

МТ-2 «Я не отстану».

МТ-3 «Не запирайся — ты знаешь».

МТ-4 «Ты лжешь, но твоя ложь заметна».

МТ-5 «Ты недоговариваешь».

МТ-6 «Где же твоя нравственность?»

МТ-7 «Может быть, дело было так?»

МТ-8 «Сейчас удостоверимся, говоришь ли ты правду».

МТ-9 «Я тебе верю!»

МТ-10 «Ты — нравственный человек!»

Наконец, *финальные РПТактики*.

ФТ-1 «Спасибо за откровенность».

ФТ-2 «Мы стали еще ближе».

ФТ-3 «Все рассказал, и тебе стало (или будет) лучше». Между прочим, это ощущение («с души камень скатился/свалился») субъективно весьма реально. Когда обнаружилась неверность Стивы, Долли была в угнетенном состоянии духа длительное время, но после откровенного разговора с Анной воскликнула: «Мне легче, мне гораздо легче стало».

ФТ-4 «Во мне будь уверен!»

ФТ-5 «Мы беседовали без свидетелей». РПТактики ФТ-4 и ФТ-5 по сути дела представляют собой реитерацию РПТактик ФТ-6 и ФТ-7.

ФТ-6 «Знать тебя больше не хочу!». РПТактика применяется, естественно, в том случае, когда откровенного разговора не получилось. Полный разрыв общения.

ФТ-7 «Решишь быть откровенным, обратись снова».

Таким образом, в распоряжении *конфидента* имеется 14 инициальных, 10 медиальных и 7 финальных, стало быть, всего 31 РПТактика побуждения к откровенности. Надо при этом учесть, что материал отнюдь не исчерпан. В зависимости от позиции исследователя и выбранного им уровня абстракции при описании, — напомним, его описание имеет своим предметом семантику, — число РПТактик способно или возрасти, или сократиться. Действительно, скажем, РПТактики ИТ-1, ИТ-2, ИТ-3, ИТ-4 и ИТ-5 могут быть обобщены в одной группе под условным названием «Я вполне подхожу в качестве конфидента», а РПТактики ИТ-6 и ИТ-7 допускают обобщение под шапкой «Конфиденциальность гарантируется». Кроме того, РПТактики ИТ-8 — ИТ-12 на более высоком уровне абстракции означают также одно и то же, а именно «Все барьеры устранены», в то время как оставшиеся две инициальные РПТактики — это фактически два проявления одного призыва «Хватит запираяться». Получается, что число инициальных РПТактик с 14 может сократиться до 4. Если же встать на позицию семантической дробности, то количество инициальных РПТактик вполне может увеличиться в три раза.

Что же касается *секретника*, то и в его распоряжении не меньше РПТактик, а явно больше. Каждая РПТактика конфидента может вызвать со стороны секретника или положительную, или отрицательную реакцию, т. е. одной РПТактике конфидента, рассуждая априорно, как правило, соответствует два секретника. Между прочим, примечательно, что в ситуации вынуждаемой откровенности противодействующие РПТактики секретника развиты значительно больше кооперативных. Ср., например, в ответ на ИТ-1 РПТактику секретника «Нет, мы не близкие люди»: *С каких это пор мы с вами друзья?!; Что общего между нами?!; Да я и знать вас не желаю!; Ну и что из того, что мы давно знакомы?!; Как раз в вас-то я и не уверен!;*

Что за родня! Седьмая вода на киселе! Ср., далее, противодействие РПТактике МТ-3 (его можно назвать «Ничего не видел, не слышал!»): *Ей-Богу, ничего об этом не знаю!; Ничего не видел!* (С конкретизацией причин-отговорок:) *Было темно. Я вообще плохо вижу. Я в этот момент как раз отвернулся; Нет, не помню!; Что вспомнить-то? Сказал: не помню, и всё!; Извините, я не прислушиваюсь к чужим разговорам!* Для баланса приведем пример и кооперативной РПТактики секретника. Зеркальным отражением РПТактики конфиденнта ФТ-4 можно считать РПТактику секретника «Дайте мне слово (что будете молчать)»: *Ну я теперь полагаюсь на вас!; Надеюсь, ты не злоупотребишь моим доверием!; Смотри! Молчи до гроба!; Узнаю, что проболтался, — тогда держись!; Дай честное слово!; Поклонись! Побожись!; Ну, в тебе-то я уверен!*

Чтобы не сложилось неадекватного впечатления, необходимо соотнести представленные в виде инвентаря РПТактики (продукт научных разысканий) с реальными механизмами коммуникации. Как можно думать, представленность РПТактик в естественном дискурсе принимает три основные формы.

Во-первых, иногда конфиденнт, задающий направление разговора, придерживается только одной РПТактики, так что и секретник оказывается монотактичен; при семантическом инварианте варьируются лишь реплики: — *Разве мы не друзья? — Какие мы такие друзья! — Но мы столько лет знаем друг друга! — «Целую вечность»: всего-то три года! — Но с кем же тебе еще поделиться? — Да уж найду кого-нибудь! — А я чем не гожусь! — Да уж тем!*

Во-вторых, бывает, что каждой новой реплике коммуникантов соответствует отдельная новая РПТактика: — *Разве мы не друзья? — Какие мы друзья? — Но ведь ты знаешь, я молчать умею! — Это еще «надо посмотреть!» — Да ты не бойся, я не осужу тебя ни в чем! — А я ни в чем не виноват! — Ладно уж тебе. Я-то все выкладываю, а от тебя не дождешься! — А ты не выкладывай!*

Наконец, в-третьих, в естественном дискурсе одна синтаксически цельная (и не обязательно сложная) реплика может реализовать сразу две-три РПТактики: *Как честный человек (ИТ-2); клянусь, буду нем, как рыба! (ИТ-6); Подожди, запру дверку (ИТ-7); достану бутылочку (ИТ-9); сядем рядом (ИТ-10) да поговорим как люди ладком! (ИТ-11); Никогда не поверю (МТ-4), что ты ничего не видел! (МТ-3).*

Следовательно, между репликами и РПТактиками, хотя оно и возможно, совсем не обязательно устанавливается одно-однозначное соответствие.

На этом завершается анализ конкретной поведенческо-коммуникативной ситуации «Откровенность». Хотя приведенный фактический материал и заслуживает внимания сам по себе, все же он помещен в подглавке отчасти ради теоретического (т. е. в общем виде) рассмотрения феномена коммуникативной РПТактики, а также метода исчисления таких тактик.

Откажемся на время от изучения природы РПТактик и сосредоточимся на роли тактик для национальной культуры и для языка.

1. Сама коммуникативная ситуация (например, та же «Откровенность») может позитивно или негативно оцениваться в разных культурах и соответственно или быть, или не быть узуальной. Для традиционной русской культуры откровенность, т. е. отсутствие тайн между коммуникантами, — это конститутивный признак близких (родственных, дружественных) отношений, особенно между женщинами.

Так, княгиня Щербатская всегда ждет откровенности от своей дочери Кити: «— Но одно, моя душа: ты мне обещала, что у тебя не будет от меня тайны. Не будет? — Никогда, мама, никакой, — отвечала Кити, покраснев и взглянув прямо в лицо матери. — Но мне нечего говорить теперь. Я... я... если бы хотела, не знаю, что сказать и как... я не знаю... «Нет, неправду не может она сказать с этими глазами», — подумала мать, улыбаясь не ее волнение и счастье».

Обычай *откровенничать, открывать (раскрывать) душу, делиться, говорить все до конца* — третьим лицом со стороны ситуация может быть названа, конечно, и без похвалы: *выворачиваться наизнанку* — настолько укоренился, что входит в идеологию (женской) дружбы, поэтому, когда одна из подруг замечает, что другая «недоговаривает», дружеские отношения обычно ставятся под вопрос. Между тем в ряде других национальных культур (в том числе западноевропейских) право человека на тайну признается безусловно, и от друга не ожидают «стеклянной прозрачности».

2. Если же коммуникативные ситуации в различных национальных культурах в общем оцениваются одинаково — скажем, и русские и англичане «утешают» находящегося в горе, — то с точки зрения их приемлемости или узуальности некоторые РПТактики все же могут не совпадать. Так, русские советуют горюющему *дать волю чувствам* (особенно если утешают женщину): *Ничего, поплачь-поплачь!; Не держи слез-то!; Что ты как каменная?; Выплачешься, легче станет*. Англичане же советуют прежде всего сохранять лицо, держать даже улыбку, что бы ни случилось. Знаменитое *keep smiling!* истолковано в одном словаре следующим образом: *Whatever troubles you may be going through remember «Keep smiling»*. Вокруг этого выражения, можно думать, сложилась целая национальная философия, согласно которой, а здесь часто вопреки «русским» акспектациям, во всем нужна сдержанность — в проявлении не только горя, но и радости, а также обиды, гнева, страха, разочарования, удивления и т. д.

3. Предположим теперь, что условия, изложенные в двух предыдущих тезисах, соблюдены: пусть некоторая коммуникативная ситуация в сопоставляемых национальных культурах имеет одинаковый узус и пусть для них характерна одинаковая оценка определенной РПТактики из инвентаря. Скажем, и русские и англичане призывают напавших детей признаваться в проступках. И русские и англичане прибегают в такой ситуации к РПТактике «признаться полезно»: *It is better to own up*. Но клишированные реплики совсем расходятся. Русский скажет: *Повинись — не накажут; Признаешься — сразу легче станет; Не признаешься — хуже будет; «Повинную голову меч не сечет»* (и т. д.) Ср. английские реплики при той же РПТактике и, естественно, в той же ситуации: *You'll feel better if you tell the truth!; If you tell the truth you won't be punished!; I won't tell you off (I won't shout at you) if you tell everything*.

4. Таким образом, речемыслительная деятельность и соответственно коммуникативное поведение в различных культурах и языках различны. Как общее положение эта мысль, скорее всего, присутствовала уже у Аристотеля; важно, однако, точно указать, где именно и в чем именно заключается культурно-языковое различие — в рамках нашего рассмотрения это различие проявляется в ситуациях, РПТактиках и клишированных репликах. Последовательное и сопоставительное, контрастивное, описание ситуаций, РПТактик и реплик двух культурно-языковых общностей способно недвусмысленно и объективно установить область рече-языковой идиоматики. Указанный путь нами уже неоднократно испробован, но до хотя бы в первом приближении полного

описания русских коммуникативных РПТактик и соответственно речевых клише еще очень далеко.

5. Выше мы говорили исключительно о синхронической проблематике коммуникативных РПТактик. Между тем проблема имеет также и диахроническое измерение. Для познания рече-поведенческой идиоматики, вообще говоря, необходим сопоставительный подход: в сфере синхронии он обеспечивается обращением ко второму языку; в сфере же диахронии можно поставить в отношении контраста два временных состояния одного и того же языка.

Так, некогда ведущий культурный элемент в складывании клише *Повинную голову меч не сечет* становится очевидным, если от нынешнего состояния, когда прямая номинация уже потеряна, обратиться к периоду, когда она была актуальной. (Напомним, что по традиционным русским законам обидчика обиженному власть *выдавала головой*, т. е. на полную расправу. Обыкновенно обидчик посылался от царя с дьяком или с сыном боярским в дом к обиженному, особенно в спорах о местничестве, и должен был поклониться ему в землю, не вставая до тех пор, пока тот сам не поднимет обидчика и не произнесет ритуально-юридическую формулу: *Повинную голову и меч не сечет*. Обычай соблюдался неукоснительно: даже князь Димитрий Пожарский, спаситель Москвы, виновный в нарушении местничества, был выдан головой более родовитому боярину Салтыкову.

6. В единстве «язык и культура», примененном к РПТактикам, оба элемента пары могут по очереди выходить на первый план и становиться движущей силой развития.

Так, стоит измениться общенациональным духовным ценностям — меняются и наборы РПТактик (сокращаются или увеличиваются), равно как и модифицируются речевые клише.

Если обратиться к ситуации утешения, то в русской среде еще в прошлом веке присутствовала РПТактика поведения, которую можно назвать так: «терпи за грехи!» Бабушка Алеши (Горький, *Детство*) в любой печали говорила внуку: *О-хо-хо! Грехи наши тяжкие!; Бог терпел и нам велел!; Потерпи маленько! Кого Бог любит, того и наказует; Наказание нам за грехи наши; Посетил нас Господь!* Отсюда, кстати, фаталистическое отношение к беде: ее надо, не стремясь избыть, терпеливо снести до конца.

Причины перемен клишированных реплик (одни выходят из употребления, а другие появляются) не столь очевидны: причуды динамики речевого узуса и обычно весьма эфемерной речевой моды слишком множественны. Тем не менее сопоставление клише, разделенных промежутком в сто лет, уже показательно, а наборы клише (в сохранившихся РПТактиках) более отдаленного времени приводят к выводу об их тотальном обновлении к «текущему моменту».

Ср. клише, взятые из разговорника второй половины позапрошлого (XIX—го) века и реализующие ситуацию высказывания комплиментов: *Вы отменно хорошо говорите; Вы произносите изрядно; Вы очень успели в русском языке; Вы говорите по-русски как природный язык; Сердце у него хорошо и поведение учтиво; Это блаженный и чинный молодец; Он преученой человек; Он отличает себя многими дарованиями* (и т. д.) [Корнет 1870].

Если из набора выпадает некоторая коммуникативная РПТактика, то теряются и все клишированные реплики, но клишированные реплики обладают собственной динамикой — они исчезают и появляются и при сохранности той же РПТактики.

Следовательно, мы еще раз можем убедиться, что в философских терминах качество соотношения языка и культуры — это единство, но не тождество.

7. Как видно из сказанного выше, попытка систематизации разговорно-речевых выражений, реализующих коммуникативные РПТактики, а также опыт установления набора таких РПТактик, равно как, наконец, выявление коммуникативных ситуаций, обнимающих РПТактики, оборачивается лучшим пониманием народной (национально-русской, идиоматичной) психологии. Продвигаясь по этому пути, мы смогли бы приблизиться к трудноуловимому, но тем не менее вполне реальному феномену, имеющему много имен и лучше всего называемому «русским духом».

*07–2. РПТАКТИКИ ПРИЗЫВА К ОТКРОВЕННОСТИ:
ПОПЫТКА КОНТРАСТИВНЫМ ПУТЕМ ПРОНИКНУТЬ
В ИДИОМАТИКУ РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ**

07–2А. Показательные примеры и постановка проблемы

Разговор среди друзей. Только что закончилось студенческое собрание в одном из австрийских университетов, студентки-подруги ведут «трудный» разговор. Одна из них (А) только что «нарушила» верность: она не поддержала подругу (Б) в важном для нее деле.

А: Ist irgendwas los? В: Nichts Besonderes. А: Du, jetzt kennen wir uns schon so lange, sag doch, was los ist! В: Na gut, dann sag ich's eben. Ich hätte mir da eigentlich von Dir mehr Unterstützung erwartet.

А: Ты, я вижу, чем-то недовольна? Б: Да нет, ничего. А: Ну все же скажи, в чем дело. Мы столько лет дружим. Б: Ну ладно, так и быть. Я так рассчитывала на твою поддержку.

Разговор матери с ребенком. Мальчик 10–11 лет (Б) без разрешения съел кусок пирога, оставленный его брату. Мать (А) в воспитательных целях хочет добиться от сына признания поступка. Мальчик некоторое время сопротивляется, тем не менее в конце концов признается.

А: Jetzt gib doch zu, daß Du den Kuchen aufgegessen hast! В: Nein, das war nicht ich. А: Wer soll's denn sonst gewesen sein? В: Ich nicht. А: Na, ist nichts dabei, kannst's ja ruhig sagen. В: Na ja, Mama, ich war's eh.

А: Да ведь ты же съел этот кусок!? Б: Нет, не я. А: А кто же? Б: Да уж не я. А: Чего ты боишься? Тебе ничего не будет. Б: Ну ладно уж — я.

Третья ситуация заимствована из художественной литературы — это разговор мужа (Арбенина) и жены (Нины) из драмы М. Лермонтова «Маскарад». Вспомним, что героиня драмы Нина теряет на балу одно из своих украшений. В начале 4-го выхода 2-й сцены 1-го действия у нее с руки спадает браслет. Ее муж, Арбенин, полагает,

* В основе подглавки лежит статья [Верещагин, Ратмайр, Ройтер 1992].

что Нина не просто потеряла безделушку, а подарила ее князю Звездичу в знак любви. Снедаемый жгучей ревностью, Арбенин пытается выведать у жены причину отсутствия браслета. Он непреклонно уверен, что речь идет именно о сокровенной тайне Нины, а не о случайной потере, но читателю (или зрителю) известно: справедливо не первое, а второе.

Ниже мы выписали (из 1-го и 3-го действий драмы) соответствующие диалоги.

Арбенин: (целует ее руки и вдруг на одной не видит браслета, останавливается и бледнеет).

...где твой другой браслет?

Нина: Потерян.

Арбенин: А! Потерян.

Нина: Что же?

Беды великой в этом нет.

Он двадцати пяти рублей, конечно, не дороже.

Арбенин: (про себя) Потерян... Отчего я этим так смущен, Какое странное мне шепчет подозрень? <...>

Арбенин: (пронзительно на нее смотрит сложив руки) Браслет потерян?

Нина: (обида) Нет, я не лгу!..

Арбенин: С кем были вы?

Нина: Спросите у людей <...>

Арбенин: Прощайте, я знаю все. (Ей) Прочь от меня, гиена!

И думал я, глупец, что, тронута, с тоской,

С раскаяньем во всем передо мной

Она откроется... упавши на колена?

Да, я б смягчился, если б увидал

Одну слезу... одну...

Нина: Но слушай... я невинна... пусть

Меня накажет Бог, — послушай...

Арбенин: Наизусть

Я знаю все, что скажешь ты. <...>

Нина: (в слезах упадает на колени и поднимает руки к небу)

Творец небесный, пощади!

Не слышит он, но Ты все слышишь — Ты все знаешь,

и Ты меня, Всесильный, оправдаешь!

Арбенин: Остановись — хоть перед Ним не лги!

Нина: Нет, я не лгу <...>

Итак, Арбенин ждет, что Нина «откроется», т. е. приоткроет ему правду.

Действительно, глагол *открывать*, будучи полисемичным, среди своих значений имеет и такое: «объявлять тайну или неведомое, оглашать, обнародовать (неизвестное)». Соответственно производное прилагательное *откровенный*, семантизируемое путем перечисления синонимов, — это «открытый, искренний, чистосердечный, прямодушный, правдивый, прямой, обнаженный, задушевный, нараспашку» или (в апофатическом ряду) «непокрытый, неприкровенный, нескрываемый, неложный».

Далее, существительное *откровенность* имеет два значения, которые, на наш взгляд, важно четко отделять одно от другого: 1) качество (*Больше всего я ценю в те-*

бе откровенность) и 2) действие-сообщение о сокровенном (*Ты пожалеешь о своей откровенности*).

Легко заметить, что Арбенин — из нашего литературного примера — не признает за своей женой откровенности как качества, но все же добивается от нее откровенности как действия. То же самое мы видим в общении матери с сыном и, наконец, двух подруг-студенток.

В дальнейшем в подглавке изучается «откровенность» лишь как действие.

07–2Б. Анализ понятия «откровенность»

Если за обозначением цельных по смыслу информационных единиц, включаемых в коммуникативные акты, закрепить термин *тема разговора*, то семантика слова *откровенность* заставляет усматривать в *тематическом пространстве* каждого человека (т. е. в совокупности возможных для него тем разговора) две сферы.

Ряд тем обсуждается свободно со всеми потенциальными собеседниками — такова *сфера тематической свободы*. Например, бытовая потеря (в «Маскараде» — браслета) вполне может быть предметом любого свободного разговора.

Некоторые же темы обсуждаются отнюдь не с любым и каждым, а лишь с особыми (чем-то отличными от всех прочих) собеседниками. Так, неверная жена — а Арбенин подозревает Нину именно в неверности — не скажет о своем увлечении мужу (и тем более малознакомому человеку), но она, вполне вероятно, поделится с близкой подругой. Такова хранимая от чужого проникновения, тайная предметная область — пусть она и называется *сферой тематической тайны*¹⁹¹.

Коммуниканта, который в данном коммуникативном акте выступает как носитель тематической тайны, назовем (за неимением более подходящего), как это уже сделано в предшествующей подглавке, непривычным термином-неологизмом *секретник* (от лат. *secretus* «тайный, скрытый, сокровенный»). Реального или потенциального коммуниканта, которому избирательно сообщается тайна, станем называть общеязыковым словом *конфидент* (от лат. *confido* «твердо надеяться, полагаться на кого-либо», ср. *confidentia* «доверие»). Последним заодно подчеркиваем, что необходимым условием для появления откровенности в разговоре является то, что секретник с какого-то момента начинает считать своего собеседника достойным доверия.

Таким образом, эксплицирование содержания откровенности привело к выявлению сферы тематической тайны и к разделению коммуникантов на секретника и конфидента. Соответственно откровенностью-действием называется такой коммуникативный акт, в ходе которого секретник сообщает конфиденту свою тайну. При этом следует иметь в виду, что сообщение тайны обычно подразумевает преодоление какого-либо внутреннего психологического барьера со стороны секретника.

Случается, однако, что секретник ведет себя активно, сам сообщает конфиденту о сокровенном. Конфидент же поначалу держит себя пассивно. Так, героиня «Матрениного двора» А. Солженицына под влиянием внешнего импульса решается рассказать о тайне своей молодости:

¹⁹¹ В сфере тематической тайны, вообще говоря, имеются и такие темы, которые в принципе никогда и ни с кем не затрагиваются, — они всплывают лишь в уникальных, экстраординарных ситуациях (ср. исповедь умирающего или допрос под пыткой), так что мы вправе выделить подсферу тематического табу, но эта подсфера сейчас называется только для полноты картины (в дальнейшем она не рассматривается).

«Матрена вдруг из темного своего угла сказала: — Я, Игнатич, когда-то за него чуть замуж не вышла. — Я и о Матрене-то самой забыл, что она здесь, не слышал ее, — но так взволнованно она это сказала из темноты, будто и сейчас еще тот старик домогался ее. Видно, весь вечер Матрена только об этом и думала» [Солженицын 1990: 129–130].

И далее следует (вполне добровольный) откровенный рассказ старой русской женщины.

Такой вид коммуникации предлагаем назвать *навязываемой откровенностью*. Откровенность, когда активен секретник, будучи частным случаем так называемого *Mitteilungsbedürfnis* (русское близкое соответствие — *болтливость* — не передает полностью существа немецкого понятия), наблюдается, конечно, в национальных культурах стран распространения немецкого языка, но все же она представляет собой, пожалуй, одну из черт русской национальной культуры. Например, в Германии или Австрии трудно себе представить, чтобы попутчики, случайно оказавшиеся в одном купе, начали откровенничать, даже если им предстоит долгая поездка. В России это случается довольно часто.

Как бы в качестве обратного зеркального отражения наблюдаются случаи, когда роли коммуникантов полярно меняются: активно ведет себя конфидент (точнее сказать: тот, кто навязывает себя в конфиденты), а секретник или остается ведомым в разговоре, или же (довольно часто) отражает намерения конфидента. Именно такой коммуникативный акт мы видим в наших немецких примерах и в диалоге Арбенина и Нины. Здесь перед нами так называемая *вынуждаемая откровенность*. Она-то и станет предметом нашего дальнейшего анализа.

Таким образом, мы постоянно суживаем свой исследовательский предмет путем сегментации такого обширного явления человеческого общения, каким является откровенность. Эту процедуру придется продолжить на еще один, последний, шаг.

Отсечем все поведение-реакцию секретника на призыв к откровенности и сосредоточимся исключительно на речевых действиях активного конфидента. Отвлекаемся, наконец, от психологической проблематики: заинтересован конфидент в откровенной беседе или лишь из вежливости имитирует заинтересованность; доверяет конфидент секретнику или подозревает его в нечестности; важна ли раскрываемая тайна для конфидента или им движет простое любопытство и т. д. В стороне оставлена и социология: какова социальная принадлежность конфидента и секретника; каковы внешние обстоятельства общения и т. д. Иными словами, непосредственно здесь нами изучается одно лишь речевое поведение конфидента в коммуникативных актах вынуждаемой откровенности. Нам хотелось бы составить себе представление об инвентаре поведенческих РПТактик, ведущих к откровенности. Соответственно мы решаем одну-единственную задачу — (упорядоченного) перечисления указанных РПТактик.

07–2В. Сверхзадача «призыв к откровенности» и реализующие ее РПТактики

Переходим к анализу РПТактик *призыва к откровенности*.

Хотя следующие далее терминоподобные выражения и не определены, допустим, мы знаем, что такое «общий мотив действия», «высшая интенция», «глобальная цель» или же (это выражение мы выбираем) *сверхзадача*, которую преследует один

из коммуникантов (у Ван-Дейка нашей *сверхзадаче* соответствует термин *макроакт* [van Dijk 1980]).

Теперь рассмотрим (в качестве иллюстрации к нашей теме) несколько реплик с реализованной в них сверхзадачей «призыв к откровенности». Реплики качественно однородны, хотя они могут быть различного происхождения, а именно: они либо прямо взяты из действительности (т. е. записаны во время некогда имевшего место вполне определенного, документированного разговора), либо заимствованы из художественной литературы, этой «второй действительности», либо, наконец, извлечены из памяти авторов подглавки ¹⁹².

Начнем с краткого разбора нашего литературного примера из пьесы «Маскарад». В нем усматриваем три коммуникативных действия конфиденца (Арбенина) в ситуации вынуждаемой откровенности.

Во-первых, Арбенин трижды повторяет тематический глагол *потерян*: «А! потерян»; «Потерян...»; «Браслет потерян?» Такие настойчивые повторы сообщают секретнику, что конфиденц либо удивляется сообщаемому, либо не принимает версии секретника, считает рассказ неискренним, неправдивым, ложным. Нина, конечно, улавливает смысл повтора. «Нет, я не лгу!» — восклицает она, и Лермонтов дает ремарку (*обидясь*). Она отчетливо поняла, что ей хотели сказать: «Теперь говори правду». РПТактика реитерации ключевых слов секретника в ситуации вынуждаемой откровенности — не личная особенность Арбенина, а типичное коммуникативное поведение, реализующее сверхзадачу «призыв к откровенности».

Во-вторых, конфиденц имитирует знание тайны секретника. Не вынудив признания, Арбенин делает вид, что он и без слов знает причину исчезновения браслета. «Наизусть я знаю все, что скажешь ты». Имплицируется: «Какой смысл записываться? Говори правду!»

В-третьих, наконец, Арбенин использует апелляцию к высшему нравственному императиву: «Остановись — хоть перед Ним [Богом] не лги!»

Итак, требуя от жены откровенности, Арбенин прибегает к трем коммуникативным действиям, а именно к РПТактикам: 1) реитерации тематического слова, 2) имитации знания тайны, 3) апелляции к нравственному императиву.

Теперь перейдем к некоторым репликам, собранным авторами этой статьи. Первая группа реплик: *Свои же люди! Мы же (старые) друзья! Разве мы не подруги? Сколько лет мы знаем друг друга? Не знаю, кто тебе ближе!* (Wir sind doch Freunde! Schliesslich sind wir doch verwandt/befreundet! Wir kennen uns doch schon ewig!)

Вторая группа реплик: *В ком-ком, а во мне можешь быть уверен! Уж я-то молчать умею! Дальше меня не пойдет! Никому не скажу! Я — могила!* (Auf mich kannst Du Dich verlassen! Ich sag kein Wort weiter! Ich sag zu niemandem ein Wort! Ich schweig wie ein Grab!)

Третья группа реплик: *Говори, не стесняйся! Тебе ничего не будет! Чего ты боишься?* (Du brauchst Dich nicht zu genießen! Niemand wird über Dich herfallen! Wovor hast Du denn Angst?)

¹⁹² Как носители своих родных языков, прошедшие социализацию в соответствующих национальных культурах и не порывавшие с ними, соавторы подглавки на данном этапе сочли возможным во многих случаях исходить из личного опыта, проверив его с помощью ограниченного числа информантов.

В зависимости от уровня абстракции, на котором описывается смысл, реплики предстают в разном качестве. Если ради аналогии обратиться к терминам логической систематизации, то между репликами можно усмотреть видовые различия, родовые сходства и различия и, наконец, категориальное тождество.

Действительно, если, во-первых, встать на лексико-синтаксический уровень рассмотрения, то все реплики совершенно различны. Так, реплики *Свои же люди!* и *Сколько лет мы знаем друг друга?* не обнаруживают между собой ничего общего. Точно так же лексически и синтаксически несопоставимы *Дальше меня не пойдет!* и *Я — могила!*

Во-вторых, если сделать шаг в абстрагировании вверх и заняться поисками во фразах каждой группы интеграционных смысловых признаков, то высказывания *Свои же люди!* и *Сколько лет мы знаем друг друга?* можно перифразировать как *Мы же близкие люди*. Соответственно *Дальше меня не пойдет!* и *Я — могила!* одинаково объединяются в родовой перифразе *Обещаю конфиденциальность*. В последней группе реплик можно также усмотреть общий смысл средней ступени абстракции (т. е. родовой смысл): *Не бойся!*

В-третьих, еще один шаг вверх по лестнице абстрагирования уравнивает по смыслу реплики всех трех групп. *Мы же друзья; Обещаю конфиденциальность* и *Не бойся!* можно переписать как *Будь откровенен*. Здесь устранены не только видовые, но и родовые дифференциальные признаки, но оставлены интеграционные. Следовательно, мы поднялись на категориальный уровень отвлечения.

Смысловые феномены на низшем (первом) и высшем (третьем) уровнях абстракции мы, можно считать, знаем и умеем называть — соответственно *реплики* и *сверхзадачи*.

Что же касается феномена на среднем уровне отвлечения, то он, насколько нам известно, в науках, изучающих язык и речь, вообще не выделялся в качестве самостоятельного предмета исследования. Поэтому и не было для него устойчивого термина-бирки. Мы же для него выше предложили термин *РПТактика*¹⁹³. Общей мотивацией для выбора этого термина является то, что «РПТактики» входят в какую-то общую *стратегию*, т. е. сверхзадачу. Схематически данное отношение можно представить так:

Сверхзадачи могут быть универсальны, а РПТактики производны от национальной культуры. Реплики, разделяясь на воспроизводимые по памяти клише и на творимые в момент коммуникативного акта новые высказывания, исчислимы как клише и неисчислимы как творческие высказывания. Для номинации сверхзадачи мы считаем нужным подыскать достаточно абстрактную номинативную единицу, а

¹⁹³ Р. Ратмайр, на примере ситуаций, когда один из собеседников выражает *отказ*, а другой настаивает на своем, также изучала речевые тактики реализации сверхзадач в русском языке, применяя другую терминологию — *Gesprächsstrategien* [Rathmayr 1989].

для номинации РПТактики нам приходится либо «изобретать» искусственную бирку (типа «демонстрация близости»), либо принимать за общее название одну из реплик-клише (например, *Мы же близкие люди*). На данном этапе исследования мы предпочитаем избирать предикативную фразу, которая имитирует неизменную предикативную природу входящих в данную РПТактику реплик.

*07–2Г. Прагматическая характеристика
«призыва к откровенности»*

Место сверхзадачи, РПТактик и реплик в диалоговой структуре.

Призыв к откровенности (далее ПО) всегда возникает в результате какого-либо предшествующего общения. Это — показатель напряжения у одного из коммуникантов, отражающий психологическое переживание информационного неравенства: потенциальный конфидент подозревает, что у собеседника есть тайна, и прилагает усилия, чтобы узнать ее.

«Пусковым» моментом ПО могут быть некоторые признаки в поведении секретника, а именно: он явно лжет, или его подозревают во лжи (ср. разговор матери с ребенком и Арбенина с Ниной); он обходит сферу тематической тайны (ср. разговор двух студенток); он эксплицитно или имплицитно выражает недоверие по отношению к конфиденту или проявляет недовольство конфидентом.

Типичными реакциями на ПО — имеется в виду роль секретника — можно считать: откровенное сообщение (или имитацию откровенности); выдачу все еще неполной информации, уклонение от темы, отказ от дальнейшего разговора, просто молчание. В последних четырех случаях конфидент может продолжать ПО.

Чем дольше реализуется сверхзадача, тем вероятнее, что конфидент употребит несколько различных РПТактик. Более того, выбор одной РПТактики из инвентаря не исключает употребления другой непосредственно рядом. Встречается также расположенное употребление различных реплик из одной и той же РПТактики (смысловая, но не буквальная реитерация).

Взаимное иерархическое положение секретника и конфиденга. В случае иерархического равенства коммуникантов роли секретника и конфиденга могут свободно переходить от одного к другому.

В случае иерархического неравенства чаще всего старший по иерархии выступает в роли конфиденга, а младший — в роли секретника. Бывают, однако, и случаи, когда младший по иерархии пытается выведать тайну (планы, замыслы, оценки и т. п.) у старшего.

Отметим, что фразы типа *Ну скажи(те) же; Скажи(те) мне, пожалуйста, в чем дело!* (Sag (sagen Sie) mir doch bitte, was los ist!) употребляются довольно широко и свободно, т. е. имеются достаточно универсальные, независимые от иерархии средства реализации ПО.

Кроме того, иерархическая связанность в русской культуре, как кажется, больше, чем в современной немецкой.

Наиболее типичные коммуникативные ситуации реализации ПО. Имеются коммуникативные ситуации, исключительно профессиональные, в которых ПО закреплен формально, а именно: общение педагога и ученика, общение интервьюера и интер-

вьюируемого, общение врача и пациента, общение следователя и подследственного (или милиционера и нарушителя порядка), общение священника и исповедующегося.

Имеются также коммуникативные ситуации, как правило, неформального, интимно-личного общения, в которых откровенность по традиции занимает большое место, а именно: общение родителей и ребенка, общение супругов или близких друзей.

Таким образом, ПО встречается и в официальной, и в личной сферах общения. Реплики, реализующие ПО, естественно, различны в зависимости от коммуникативной ситуации, но материал в дальнейшем дается — за редким исключением — без ссылок на конкретную ситуацию.

Конечные цели ПО. За сверхзадачей ПО обычно стоит некоторая конечная цель. Например, конфидент может добиваться откровенности, либо чтобы помочь секретнику, либо чтобы предать секретника, либо чтобы сблизиться с секретником и т. д. Наличие конечной цели не имеет языковой манифестации и поэтому должно быть исключено из лингвистического рассмотрения.

*07–2Д. РПТактики призыва к откровенности:
языковой материал*

Перечисляемые непосредственно ниже РПТактики призыва к откровенности (ТПО) даются в виде инвентаря, и, стало быть, каждой может быть приписан инвентарный номер. В качестве более крупных группировок предлагаем следующие: «элементарные ТПО», «редуцирующие и конкретизирующие ТПО», «мягкие (или успокаивающие) ТПО» и «жесткие (или угрожающие) ТПО».

Уже из этих группировок следует, что только маленькая часть приводимых ниже реплик выражает ПО прямо и исключительно, т. е. путем так называемых прямых речевых актов (см. в первую очередь 2Д–1 и 2Д–2; см. ниже). Большинство же реплик выражает ПО имплицитно, т. е. в форме так называемых косвенных речевых актов, и могут быть употреблены и в совершенно других коммуникативных целях.

Имея в виду рассмотрение на контрастивных основаниях, мы публикуем русские и немецкие реплики параллельно. Эти реплики не представляют собой, конечно, прямых переводов друг с друга. Перед нами исключительно лишь аналоги — как смысловые, так и, что еще важнее, интенционные. Остается сказать, что хотя коммуникативные РПТактики далеко не всегда манифестируют себя в клишированных высказываниях, все же сейчас мы приводим по преимуществу именно клише (без различий по степени воспроизводимости и свободы варьирования компонентов). Наименования РПТактик предлагаются эмпирически: важно, чтобы имя-бирка хорошо передавало основной смысл всей группы реплик.

Элементарные ТПО. Начнем с перечисления наиболее элементарных РПТактик. Отметим следующий парадокс: в качестве элементарных РПТактик выступают, с одной стороны, очень специфические для данной сверхзадачи прямые побуждения, а с другой стороны, не специфическая РПТактика реитерации тематического слова (см. выше).

ТПО-1 «Говори же!». Эта РПТактика реализуется путем прямого побуждения к высказыванию: *Скажи же (в чем дело / что случилось)! Расскажи (интересно же)! Ну, ты все-таки скажи! Валяй же!* (Jetzt sag doch (was los ist)! So erzähl schon (mich

interessiert's doch)! Jetzt leg endlich los! Na geh / na komm (sag schon)! Geh weiter¹⁹⁴. Sei net fad¹⁹⁵.)

ТПО-2 «Будь откровенным/-ой!». Эта РПТактика реализуется путем прямого побуждения быть откровенным. *Скажи прямо! Не знаю, можем ли мы с вами откровенно поговорить о... (сексе, политике)? (Jetzt sag einmal offen / ehrlich, (was Du meinst / Du möchtest / da los ist / Du über ... denkst)! Können wir einmal offen über ... sprechen?)*

Редуцирующие и конкретизирующие ТПО. ТПО-3 «Скажи хоть...». Редуцирование призыва характерно для продвинутого этапа разговора, когда конфидент понимает, что всеобъемлющего раскрытия тайны не получается, и он предпринимает нечто вроде минимизации своих притязаний¹⁹⁶. *Расскажи хотя бы о... / Хоть примерно скажи (когда это случилось). Дай хоть намек! Скажи только одно (ударил или не ударил). Ты, по крайней мере (имена не называл)? Неужели совсем ничего не... (видел)? Поговорим только об одном... / Никто не собирается выворачивать тебя наизнанку! (Reden wir doch wenigstens über... Na, ungefähr kannst Du es vielleicht sagen! Na, deut's halt an! Sag wenigstens eines. ...Hast Du wirklich ganz und gar nichts... (gesehen)? Reden wir halt nur von einem... / Ich will ja eh nicht alles wissen.)*

ТПО-4 «Не скрывай самого главного!». Призыв не скрывать самое главное, т. е. конкретизация, содержит хотя бы маленький упрек, что кое-что утаивается или является реакцией на уловки. *И это все? Больше ничего не было? Ты мне не все говоришь! Самого главного-то ты и не говоришь! Да ты о главном говори! Говори все до конца! Выкладывай все на чистоту! Да ты прячешь концы в воду! Ты просто выгораживаешь себя! Что ты заметаешь следы? Скажи же, наконец, определенно. Вы должны отвечать полно и точно. Вы обязаны сказать не просто правду, а полную правду. Ничего не утаивай! Не уходи в сторону! Не виляй! Не увиливай! Не отвлекайся! Не выкручивайся! (Und das soll alles sein? Da muss doch noch etwas sein? Irgendwas verheimlichst Du doch (noch)! Das Wichtigste verschweigst Du mir! Eigentlich geht es doch um etwas ganz anderes. Worum geht's denn wirklich? Was steckt denn dahinter? Also, was meinst Du jetzt genau? Red nicht (um den heißen Brei) herum! Lass nicht alles aus der Nase ziehen! Na, spuck's endlich aus! Einmal mochte ich erleben, dass Du (wirklich) sagst, was Du (eigentlich) meinst! Sie müssen alles sagen, was Sie wissen. Verheimliche mir nichts! Bleib beim Thema! Schweif nicht ab! Drück nicht herum! Red Dich nicht heraus! Mach keine Ausflüchte!)*

Частным случаем этой РПТактики может считаться управление мыслями секретника, особенно если он не может (или не хочет) сосредоточиться и перескакивает с предмета на предмет: *Давай все сначала! Давай все по порядку! Ничего не пропускай! Итак, что было сначала? Что потом? Чем кончилось? Подожди, давай еще*

¹⁹⁴ Хотя здесь в первую очередь имеется в виду эксплицитное употребление глаголов речи, характерной чертой немецкого языка является использование глаголов gehen, kommen в форме повелительного наклонения в качестве частиц.

¹⁹⁵ Легко заметить, что эта фраза выражает данную тактику только имплицитно. Имплицитность вообще является характерной чертой немецкого языка относительно рассматриваемых здесь тактик.

¹⁹⁶ Тактика частично сводится к тому, что конфидент выясняет, где границы между собственно тайной (которую, пусть не всем, но все же приоткрывают) и табуированными темами, затрагивать которые совершенно бесперспективно.

раз о том же! И все же я еще раз задам тот же вопрос! Все-таки ты не ответил мне! Что это за ответ? Извини мою настойчивость, но я вынужден вернуться к старому. Пока вы не ответите на первый вопрос, дальше мы не продвинемся. (Erzähl das noch einmal von Anfang an! Erzähl eines nach dem anderen! Was war zuerst? Was dann? Und was zum Schluss? Jetzt noch einmal dasselbe! Ich muss die Frage noch einmal stellen! Das war keine Antwort auf meine Frage! War das vielleicht eine Antwort? Entschuldig, dass ich so lästig bin, aber ich muss noch einmal auf etwas Früheres zurückkommen!)

Вообще рассматриваемая здесь РПТактика может считаться частным случаем реализации сверхзадачи «выспрашивания» (а оно имеет место и не обязательно в ситуации откровенности), т. е. постановки конфиденнтом множества уточняющих вопросов.

ТПО-5 «Не так ли?». РПТактика-подсказка и высказывание конфиденнтом догадок и предположений в ожидании реакции секретника — нередкий способ ведения откровенного дискурса. Подобно РПТактике реитерации тематических слов, ее также трудно проиллюстрировать типичными общими клишированными репликами, поскольку лексическое наполнение всегда тематическое. *А ты, случайно, (не любишь ее, ...)? (Тебя не взяли из-за пятого пункта...), так? Да ведь ты же... (съел этот кусок)? А кто же...? Ах, вы не знаете? А кто знает? (Und Du hast nicht vielleicht (einfach verschlafen...)? (Du liebst sie doch...), oder? Jetzt gib doch zu, dass... Wer soll denn sonst...?)*

Мягкие (или успокаивающие) ТПО. ТПО-6 «Мы же близкие люди». Эта РПТактика реализуется ссылкой на старое знакомство, общий жизненный опыт, сходство в некотором отношении¹⁹⁷. *Свои же люди! Мы же (старые) друзья! Мы столько лет дружим! Разве мы не подруги? Сколько лет мы знаем друг друга? Не знаю, кто тебе ближе! Свой своему поневоле друг. С кем тебе еще поделиться? Я тебя вполне пойму! Я и сам из таковских! Я сам не святой! Кто же без греха? Что я, из другого теста, что ли? И я был молод, пошлавал / Как будто я сам... (по бабам не ходил)! И чтобы русские люди не поняли друг друга (быть такого не может)! (Wir sing doch Freunde! Schliesslich sind wir doch verwandt/befreundet! Wir kennen uns doch schon so lange / ewig / eine Ewigkeit! Mit wem willst Du denn sonst reden? Wen interessiert denn das sonst? Ich versteh Dich voll und ganz. Mir ist das auch schon passiert. Ich war auch einmal jung! Ich bin doch auch nur ein Mensch! Ich bin doch auch kein Heiliger! Wer ist schon ohne Fehler?)*

ТПО-7 «Я тоже откровенен с тобой». Эта РПТактика заключается в том, что конфиденнт начинает разговор с личного примера. Имплицируется: *Теперь и ты скажи! Я же тебе все рассказываю! Ну вот, я тебе все о себе рассказал, а ты? У меня же от тебя нет тайн!* (Ich erzähl' Dir doch auch immer alles. Ich bin doch auch offen gewesen, und Du? Ich hab' doch auch keine Geheimnisse vor Dir.)

ТПО-8 «Обещаю конфиденциальность». Этой РПТактикой конфиденнт уверяет секретника в том, что тайна останется тайной. В некоторых бытовых ситуациях это обещание является конституирующим фактором, например сохранение тайн врачом, священником. Таким образом, в рамках этой РПТактики также много от «должностной конфиденциальности». *В ком-ком, а во мне ты можешь быть уверен! На меня можешь положиться! Уж я-то молчать умею! Дальше меня не пойдет! Будь спокоен, никому не скажу! Я — могила! Да и кому мне рассказывать-то? Клянусь (всем свя-*

¹⁹⁷ Частным случаем данной тактики является злонамеренная мимикрия под секретника, поддакивание и провокаторство (например, работник спецслужбы выдает себя за диссидента и т. д.).

тым / детьми, здоровьем...), буду нем как рыба! Мы не оглашаем списки сотрудничающих с нами. Меня предупредили об ответственности за разглашение оперативной тайны. (Auf mich kannst Du Dich verlassen! Also mir kannst Du vertrauen! Zu mir kannst Du ganz offen sein! Ich halte dicht! Ich sag zu niemandem ein Wort! Ich sag kein Wort weiter! Wie kannst Du denn glauben, dass ich etwas weitersage? Ich schweige wie ein Grab! Wem sollte ich denn etwas erzählen? Ich bin doch kein Redhaus!)

Здесь можно было бы выделить подтактику «перформативное закрепление конфиденциальности»: *Даю честное слово!* (Имплицитно: ...что не проболтаюсь). *Гад буду!* (в среде блатных). (Ehrenwort, der Schlag soll mich treffen / der Teufel soll mich holen, wenn ich etwas weitersage!)

ТПО-9 «Не бойся!». Эта РПТактика служит успокоению партнера и снимает страх перед дурными последствиями. *Говори. не стесняйся! Тебе ничего не будет! Чего ты боишься/жмешься? Ладно уж! Чего там! Я тебя не осужу!* (Du brauchst Dich nicht zu genieren! Niemand wird über Dich herfallen! Wovor hast Du denn Angst? Ist ja nichts dabei, sag doch ruhig, was los ist.)

ТПО-10 «Тебе/Вам лучше будет!». Путем этой РПТактики конфидент указывает на преимущества откровенности для секретника¹⁹⁸. *Признайся откровенно — сразу легче станет. Расскажи, облегчи душу. Не держи в себе! Как раз я-то и смогу тебе помочь. Выговорись! Поделишься, и увидишь, как полегчает. Ничего, ничего, поплачь, поплачь! Как только назовешь зачинщика, сразу пойдешь к ребятам!*¹⁹⁹ *Суд примет во внимание ваше чистосердечное признание / явку с повинной. «Откровенно назвав всех вовлекших вас в пагубное заблуждение, вы тем самым смягчите вашу участь»* (речение заимствовано из [Форш 1962: 294]). (Da wird Dir gleich leichter werden! Kannst Dir ruhig das Herz ausschütten! Das wird Dir bestimmt gut tun! Ich kann Dir ja wenigstens / immerhin helfen. Für Sie ist es besser, alles zu sagen, was Sie wissen.)

ТПО-11 «Давай выпьем/закурим!». Русская национальная традиция душевных бесед «под рюмочку» получила наименование «пьяной откровенности». Ср. пословицу: *Что у трезвого на уме, то у пьяного на языке*. В советское время в интеллигентской (= диссидентской) среде были приняты откровенные разговоры «на кухне», «с поллитрой»; сейчас они стали реже. Немецкие реплики этого типа гораздо реже, чем русские, означают именно ПО. *Давно пора посидеть с рюмочкой! Пропусти еще стаканчик! Давай-ка закурим, потолкуем! Тут есть забегаловка неплохая, посидеть можно!* (Gehen wir auf einen Kaffee / auf ein Achterl / auf einen Schnaps / ein Bier! Willst Du vielleicht (zuerst) ein Schnapsler!? Komm, rauchen wir eine zusammen!)

ТПО-12 «Пододвинься ко мне!». Данная РПТактика в первую очередь предполагает соматические действия (потенциальный конфидент прикасается, поглаживая, к плечу секретника, берет его за руки, привлекает к себе и т. д.). Подруги откровенничают,

¹⁹⁸ Русское народное представление о том, что раскрытие тайны (особенно неблагоприятного поступка) облегчает душу, восходит, несомненно, к христианскому таинству исповеди и покаяния. В гипертрофированной форме, как известно из фольклора и художественной литературы XIX в., покаяние приносится «матери сырой земле» и всему народу. Призывы ко всенародному покаянию — характерная примета времени перестройки. Между прочим, покаяние и исповедь — коммуникативные акты, не предполагающие, в отличие от вынуждаемой откровенности, возможности искажения правды или утаек. Ср. также исповедь как литературный жанр.

¹⁹⁹ В современной практике немецкого воспитания не принято ставить ребенка в положение, когда он должен выдать своих сверстников.

обняв друг друга. Мать кладет голову ребенка себе на плечо. Мужчины сдвигают стулья, сближают головы, смотрят в глаза друг другу. Таким образом, физический контакт важен. Объясняется это тем, что, будучи неоткровенными, коммуниканты нередко ведут себя противоположным образом: например, неискренний секретник избегает соматического контакта (отсаживается от конфиденнта, отворачивается от него, смотрит в сторону, прячет глаза и т. д.), в то время как конфиденнт, напротив, напряженно следит за мимикой и жестикующей собеседника. Данная РПТактика маркирует «переломный» физический момент, призывающий к преодолению психологического барьера: *Сядем рядом, поговорим ладком! Дай-ка твою руку! Посмотри мне в глаза! Не отводи глаз-то! Дай-ка я тебя обниму! Ты приляг, а я посижу возле! (Komm, setz Dich her zu mir! Verschnauf einmal! Komm, gib mir die Hand! Jetzt schau mich einmal an!)*

Жесткие (или угрожающие) ТПО. ТПО-13 «Хватит молчать и запираться». Эту РПТактику конфиденнт использует, когда первоначальные попытки склонить секретника к откровенности не удалась. Чаще всего — это реакция на молчание²⁰⁰. *Ну, так и будешь молчать? Или ты онемел? Будешь говорить или нет? Тебе что, нечего сказать? И долго еще будем играть в молчанку? Сколько еще ждать? Не тяни! Последний раз прошу: давай поговорим! Нет, ты все-таки скажи! (Was soll das Schweigen? Sagst Du jetzt was oder nicht? Sollen wir uns noch lange anschweigen? Wirst Du noch lange herumdrücken? Hast Du nichts zu sagen? Du solltest endlich einmal etwas sagen. Also, wieso sagst Du denn nichts? Jetzt fang endlich an zu reden! Also, wird's bald?!)*

ТПО-14 «А я и так все знаю». На серединном этапе разговора конфиденнт может прибегать к некоторой хитрости, делая вид, что и без откровения секретника он все знает (см. диалог Арбенина с Ниной)²⁰¹. *Мне и без того все ясно. (Glaubst Du, ich weiss nicht ohnedies / eh schon alles.)*

ТПО-15 «Только не обманывай!». Данная РПТактика примыкает к предыдущей, с той разницей, что эксплицитно указывает на обман. *Не вздумай обманывать! Меня не проведешь! Не лукавь! Не хитри! Не темни! Нет, ты меня не запутаешь! Да не строй ты из себя невинность/целку! Имей в виду: вранье я увижу сразу! Давайте с самого начала договоримся: не врать друг другу! Что ты мне мозги пудришь / лапшу на уши вешаешь / голову морочишь / зубы заговариваешь? (Glaubst Du nicht, dass Du mich anlügen kannst. Aber Schmääh brauchst Du keinen machen. Tu nicht so unschuldig! Spiel da nicht den Unschuldigen / die Unschuldige! Glaubst Du, ich durchschau' das nicht! Mir machst Du doch nichts vor!)*

ТПО-16 «Хуже будет!». Путем этой РПТактики конфиденнт указывает на отрицательные для секретника последствия неоткровенности. Часто эта РПТактика приобретает форму угрозы²⁰². *Смотри, потом будет поздно / Жду еще минуту, по-*

²⁰⁰ Прибегающий к этой тактике конфиденнт довольно часто доказывает, что секретник не может не знать того, от чего он отрекается, что в его ответах возникают противоречия (*Как это может быть: стоял рядом и ничего не заметил? Ты же не слепой? Или у тебя начисто память отшибло?*).

²⁰¹ Эта тактика может также употребляться в качестве «покупки», т. е. заведомо ложного заявления конфиденнта, направленного как раз на вынужденную откровенность. Особенно часто прибегают к имитации знания тайны недобросовестные педагоги, кадровики, следователи и т. д.; *Следствием точно установлено, что...; От тебя самого хочу услышать, а я и так знаю.*

²⁰² Налицо случай пересечения двух разных сверхзадач, а именно сверхзадачи призыва к откровенности и сверхзадачи угрозы. Имеет место спецификация угрозы как таковой для особой це-

том пеняй на себя! Ну, раз ты так, то и от меня ничего не узнаешь / А я-то хотел тебе помочь! Чем больше ты упорствуешь, тем для тебя же хуже! Не хочешь добром, применим другие меры / поговорим по-другому! Это вам еще повезло, что на меня напали. Попадете к другому, еще не так запоете! (слова следователя). (Du wirst schon sehen! So wird's auch nicht besser. Da kriegst noch ein Magengeschwür. Gib acht, sonst ist es zu spät! Wenn Du nicht reden willst, dann lass es halt. Dann eben nicht!²⁰³. Sie können froh sein, dass Sie an mich geraten sind. Wenn Sie da an einen anderen kommen!)

ТПО-17 «Где же твоя нравственность?». С помощью данной РПТактики конфидент ссылается на нравственные нормы. Сюда же входит РПТактика апелляции к высшему нравственному императиву (к божеству, к идеологическим ценностям), о чем, в связи с подобным поведением Арбенина, уже говорилось. Подобное речевое поведение характерно для русской культуры, в то время как в немецкой культуре оно встречается чаще всего в общении с детьми (Zeigefingerpädagogik). *Где же твоя совесть? С чужими не откровенничай, но со своими... С друзьями надо быть откровенным. Если ты мне не доверяешь, то лучше и не говорить вовсе! Разве это честно? А еще считаешь себя порядочным человеком! С друзьями так не поступают. И кого ты обманываешь, самого близкого тебе человека!* (Soll das vielleicht ehrlich sein? Und Du willst ein ehrlicher Mensch sein? Das tut man unter Freunden nicht. Den Eltern muss man alles erzählen. Zu den Eltern muss man doch offen sein.)

ТПО-18 «Я должен это знать!». Ссылка на должностной интерес иногда вставляется в обращение начальника, врача, работника отдела кадров, следователя, адвоката, священнослужителя к лицам, обращение с которыми предписано должностью²⁰⁴. *Какой может быть стыд перед врачом?* (Mir als Arzt müssen Sie das schon sagen!)

07–2Е. Некоторые результаты контрастивного анализа

Изложенные выше наблюдения позволяют прийти к следующим общим выводам.

1. Реализующие РПТактики реплики в двух языках, как правило, не совпадают, если сопоставлять их слово за словом. Они часто клишированные, с точки зрения владения языком их необходимо знать заранее. Сами РПТактики, однако, очень часто повторяются в языках близкой культурной сферы.

2. Типичной чертой культуры общения говорящих на немецком языке является достаточно большое уважение личного (сокровенного) достоинства собеседника. Отсюда частое употребление имплицитных формулировок (яркий пример: *Sei net*

ли — вызвать секретника на откровенность. Все многочисленные тактики, входящие в угрожающее поведение и описанные нами в другом месте, могут быть перенесены сюда, а спецификация достигается тематическим лексическим наполнением. Проблема взаимодействия тактик из разнородных коммуникативных действий в едином коммуникативном акте, перекрестного включения в него этих тактик и их модифицирования является обычным делом, описываемым в современной прагматике. Взаимосвязь сверхзадач «угрозы» и ТПО дает возможность их более абстрактного рассмотрения под биркой «Говори, или будут последствия». См. тот случай, когда они обе возводятся в одну реплику: *Не назовешь, у кого взял книгу и кто тебе помогал, подпишу и будешь сидеть. Назовешь — сейчас же пойдешь домой.*

²⁰³ Данная фраза содержит указание на то, что конфидент обижен и не видит смысла в дальнейшей поддержке секретника.

²⁰⁴ Должностной интерес способен принимать форму документа (анкеты, автобиографии), и в таком случае вопросы анкеты или матрица автобиографии исполняют роль конфиденанта.

fad!) и почти полное отсутствие выражений «воспитательного» характера, т. е. формулировок «под указательный палец» (*Zeigefingerpädagogik*). Кроме того, в немецких репликах заметно сплошное присутствие разного рода частиц, как бы смягчающих ПО, ср.: *Was meinst Du denn/eigentlich/überhaupt? Glaubst Du wirklich, dass ich etwas weitersage? Na geh / na komm, sag schon! Na sag's schon/halt/ruhig.*

В русской культуре, напротив, частиц меньше, но больше приняты прямые призывы к откровенности; наблюдается также широкое употребление сугубо фразеологических выражений типа *Свой своему поневоле друг. В ком-ком, а во мне ты можешь быть уверен/-а. И долго еще будем играть в молчанку?*

Наконец, ТПО «Давай выпьем/закурим!», широко представленная в недавней и современной русской культуре, в немецкой культуре представлена значительно слабее.

07-3. ПЕССИМИСТИЧЕСКИЕ ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЯ И ПРОГНОЗЫ

Если так дальше пойдет, то дело сумой кончится!; Смотри, ты катишься по наклонной плоскости!; Остановись, иначе втянешься!; Так и начинается: сегодня стопочку и завтра стопочку, а потом под забором будешь валяться! (хотя в Москве давно нет заборов).

«Я жил <...> у своей няни Карповны, доброй, но мрачной старушки, которая всегда предчувствовала что-нибудь дурное <...>. И то, что я сделался рабочим, по ее мнению, не предвещало ничего хорошего. — Пропала твоя головушка! — говорила она печально, покачивая головой. — Пропала! <...> — Ох, батюшки! — вздыхала за дверь старуха. — Пропала твоя головушка! Быть беде, родимые мои, быть беде! <...> — Батюшки-светы! — бормотала за дверь. — Бедная, несчастная твоя головушка! Ох чует мое сердце, чует!» (Чехов, *Моя жизнь*).

Герой фильма «Калина красная» при виде ворон: «Нет, уж вы надо мной не каркайте!».

07-4. УГРОЗА

В «Грозе» А. Н. Островского есть роль всего на два выхода, которую тем не менее любили и с блеском исполняли знаменитые «старухи» московского Малого театра.

«Барыня с двумя лакеями, старуха 70-ти лет, полусумасшедшая», — так характеризуется интересующий нас персонаж в списке действующих лиц, — появляется в первом и четвертом актах, чтобы прокричать одно и то же: «— Что, красавицы? Что тут делаете? Молодцов поджидаете, кавалеров? Вам весело? Красота-то ваша вас радует? Вот красота-то куда ведет. (*Показывает на Волгу*.) Вот, вот в самый омут. Что смеетесь! Не радуйтесь! (*Стучит палкой*.) Все в огне гореть будете неугасимом. Все в смоле будете кипеть неуголимой. (*Уходя*.) Вон, вон куда красота-то ведет! <...> — Ха, ха, ха! Красота! А ты молись Богу, чтоб отнял красоту-то! Красота-то ведь погибель наша! Себя погубишь, людей соблазнишь, вон тогда и радуйся красоте-то своей. Много, много народу в грех введешь! <...> А кто отвечать будет? За все тебе отвечать придется. В омут лучше с красотой-то! Да скорей, скорей!»

(*Катерина прячется.*) Куда прячешься, глупая? От Бога-то не уйдешь! (*Удар грома.*) Все в огне гореть будете неугасимом!»

Не в силах вынести такой угрозы, угрозы загробным воздаянием, Катерина, и без того казнямая совестью, действительно бросается в омут. Не появившись грозная старуха, да еще во время грозы, кто знает, возможно, развязка драмы, название которой может быть понято двояко, была бы другой...

Присмотримся не столько к семантике слов *гроза*, *угроза*, сколько к совокупности РПТактик, которые могут быть названы угрожающими. Что касается смысла слова, то семантизация, даваемая толковыми словарями, довольно проста. *Угроза* интерпретируется как двузначная лексема: «обещание причинить кому-либо зло, неприятность; возможная опасность». Однако простое слово — далее мы его изучаем лишь в первом значении — описывает сложную, многоаспектную и, к сожалению, почти не изученную поведенческую ситуацию.

Поведенческая ситуация «угрозы» — двусоставна: это 1) перспектива (обещание, предвидение, неизбежность) неблагоприятных последствий (кары, наказания, зла, болезни, неприятностей) для адресата; 2) с целью заставить его изменить нынешнее поведение (прекратить некоторый род действий или, напротив, выполнить определенные действия). Таким образом, угроза — это просьба (пожелание, уговор, призыв, требование) и одновременное воздействие на волю адресата демонстрацией отрицательных для него последствий в случае отказа.

От ситуации «Угроза» надо отличать близкие, но все же иные совокупности РПТактик вербального поведения — «Шантаж», «Ультиматум», «Блеф», «Запугивание»; о них далее не говорится. Антонимична интересующей нас ситуации ситуация «Мольба»: это, подобно угрозе, попытка изменить поведение адресата, но, в отличие от угрозы, открытием перспективы положительных для него последствий (выгод, приобретений, успеха). «Мольба» также оставляется без рассмотрения. Наконец, за рамками работы остается и ситуация — скажем так — *предугрозы*, когда требование высказано (*Прекрати! Перестань!, Брось!*, в том числе с конкретизацией: *Не шуми!, Не суйся!, Посиди спокойно!*), но перспектива неблагоприятных последствий лишь подразумевается, не будучи высказанной.

Ситуация «Угроза», как и любая другая поведенческая ситуация, складывается из длинного ряда отдельных конкретных РПТактик. Эти РПТактики допускают различные группировки: положив в основание классификации *обстоятельства* общения, мы выделили пять групп.

А. Группа РПТактик «перечисления» неблагоприятных последствий, или: ЧЕМ УГРОЖАЮТ?

А-1. Общая (неопределенная, неконкретизированная) угроза: *Подумай о последствиях!; Как бы не стало хуже!; Я Вас предупредил, а Вы смотрите сами!; Испортишь себе жизнь!*

А-2. Апелляция к естественным последствиям (болезни, несчастному случаю): (*Допрыгаешься* —) *свернешь себе шею!; Простудишься!; (Не ныряй,) уши заболят!; Смотри, совсем одна останешься!; Рожать не сможешь!* Частной РПТактикой здесь является указание на усугубление зла: *Совсем оглохнешь!; Останешься без ног!* Еще одним частным случаем можно считать предостережения: *Смотри, не ударь по пальцам!; Не влезай — убьет!* (трафареты на линиях электропередач).

А-3. Указание на конкретное (часто собственное) лицо как на носителя кары: *Выпорю!; Я тебе щас ка-ак дам!; Доберусь до тебя!; Схлопочешь!; Ты у меня заплачешься!; Стой! Стрелять буду!* Сюда же относится перспектива личного конфликта с неблагоприятными для адресата последствиями: *Иначе я обижусь на тебя!; Знать тебя больше не хочу!; Будешь иметь дело со мной!; Ноги моей здесь больше не будет!* Кроме того, сюда же надо отнести возможность личного поединка: *Давай выйдем!; Отойдем в сторонку!; Набью морду!;* (у дворян:) *Потребую сатисфакции!; К барьеру!*

А-4. Указание на авторитетное (часто отсутствующее) лицо как на носителя кары: *Пожалуюсь брату!; Вызовем родителей!; Смотри, дойдет до (Ивана Ивановича)!; Позову постового!; Донесут на тебя!; Сообщим по месту работы!; Вот тебя баба Яга заберет!*

А-5. Указание на самого адресата как на исполнителя собственной кары: *Пеняй на себя!; Заварил кашу — сам и расхлебывай!; Не я начал эту свару!; Сам себя накажешь!*

А-6. Указание на коллективного носителя наказания:

а) со стороны общественных организаций (в советское время): *Вызовем на педсовет!; Вылетишь из комсомола!; Отвечать будете на парткоме!;*

б) со стороны административных органов и учреждений: *Заявим на Вас участковому!; В колонию попадешь!; Под трибунал пойдете!; «За нарушение штраф 100 рублей»; «Читатели, нарушающие правила, исключаются из числа абонентов».*

А-7. Апелляция к сверхъестественной силе: *Бог все видит!; Побойся Бога! (— он накажет); Отольются кошке мышкены слезки; «Но есть и Божий суд, наперсники разврата!»* (Лермонтов); *Черти-то тебя припекут, припекут!* (Гоголь, Мертвые души). Сумасшедшая барыня А. Н. Островского прибегает именно к данной РПТактике угрозы: *Все в огне гореть будете неугасимом!; Все в смоле будете кипеть неуголимой!*

РПТактики 1–7 сводятся к демонстрации потенциального ущерба по сравнению с настоящим положением адресата. Имеется, однако, РПТактика, в которой угрожают, что ожидаемое в будущем благо может не состояться.

А-8. Указание на лишение привилегии в будущем: *Останешься без десерта!; Премия-то — тью-тью!; Не пойдешь гулять (пока не сделаешь уроков);* (в советское время:) *На хорошую характеристику не надейся!; Лишить его путевки!; Мы можем передвинуть Вас в очереди с первого места!*

Такова состоящая из восьми РПТактик группа А «Чем угрожают?».

Б. Группа РПТактик «способов выражения» угрозы, или: КАК УГРОЖАЮТ?

Б-1. Установление предела, после которого угроза реализуется: *Считаю до трех!; Терплю-терплю, а потом ка-ак дам!; Всякому терпению приходит конец!; Жду еще пять минут!; Ну все, лопнуло мое терпение!; Теперь держись!; «Положите деньги к трем часам завтра, потом пеняйте на себя!»* Сюда же относится РПТактика констатации неэффективности просьбы: *Долго мне еще говорить?; Ты что, не слышишь меня?!; Больше тебе говорить не буду!* (т. е. перехожу к действию).

Иногда указывается на весьма далекий срок реализации угрозы: *Подрасту, задам тебе!; погоди, доберусь до тебя!; Ты еще у меня в ногах повалешься!; «Будет и на нашей улице праздник».* С установлением предела связано избирательное употребление некоторых приставок: *на-* (*наплачешься/насидишься/набегаешься ты у меня!*), *до-* (*допрыгаешься/додразнишься/допляшешься/добалуешься/допешься ты у меня!*) и *по-* (*Ты мне еще посмейся/постучи/попляши; Ты у меня еще посмеешься/постучишь/попляшешь*).

Б-2. Намеренное употребление личной и безличной форм: *Напишу/донесу на тебя!* (здесь я как агент угрозы подчеркивается) в отличие от *Донесут/напишут на тебя!* (где имеются в виду они, но не я). Правда, иногда противопоставление я/они столь же намеренно затушевывается: *Вyleтeшь из института!*

Б-3. Употребление косвенных угроз с оговорками: *Я не собираюсь Вас запугивать!; Я не хочу никому угрожать!; Я не беру тебя на испуг!* Оговорки особенно часто встречаются в интеллигентной среде, потому что в ней угрожающее поведение расценивается как плохое воспитание.

Б-4. Демонстрация решимости, непреклонности: *Я это сделаю!; Со дна морского достану!; Не успокоюсь, (пока не доберусь до тебя)!; «Неволей иль волей, а будешь ты мой» («Лесной царь» Гёте в пер. В. Жуковского).* Сюда же относится выставление напоказ непримиримости (частично в связи с обычаем мести): *Я тебе этого никогда не прощу!; Отплачу той же монетой!; Век буду помнить!*

Б-5. Варьирование интенсивности угрозы (по сравнению с «обычной»):

а) в сторону снижения (understatement в интеллигентской среде, а также в связи с общим отвержением угроз): *Твое положение может теперь несколько осложниться; Боюсь, это может стать известным Н. Н.;*

б) в сторону гиперболизации (с целью вызвать испуг): *В порошок сотру!; В бараний рог согну!; Зададим тебе баню/перцу!; Живого места не останется!; Уничтожу!; Небо с овчинку покажется!; С дерьмом смешаю!; «Мы вам покажем Кузькину мать!» (Н. С. Хрущев); Будешь у меня по ниточке ходить!; Запоешь не своим голосом!; Косточки не соберешь!;*

в) аллюзивным путем (что может создавать впечатление как смягчения, так и нагнетания угрозы): *Знаешь, что тебе за это будет?; Попадешь сам знаешь куда!; Должат о тебе куда следует!*

Таким образом, в группе Б («Как угрожают?») оказалось пять РПТактик.

На очереди еще две группы:

В. РПТактики поведения в зависимости от статуса адресанта, или: КТО УГРОЖАЕТ?

Г. РПТактики поведения в зависимости от статуса адресата, или: КОМУ УГРОЖАЮТ?

Мы называем обе группы для систематизации, не помещая подтверждающего материала. Скажем только, что и содержание РПТактик (из группы А) и форма их реализации (из группы Б) тесно связаны, с одной стороны, с тем, кто говорит (университетский профессор, [в советское время:] работник партаппарата, врач, учитель, священнослужитель или хулиган, заключенный или мафиози-блатной), и, с другой, с тем, к кому обращаются (к ребенку, военному, министру или к неустановленному точно адресату — например, когда виновник происшествия не найден). Указав на наличие групп РПТактик В и Г, перейдем теперь к последней группе.

Д. РПТактики реагирования на угрозу, или: КАК ВОСПРИНИМАЮТ УГРОЗУ?

Д-1. Демонстрация готовности модифицировать свое поведение, послушание (т. е. случай, когда угроза подействовала):

а) обещание прекратить нежелательную деятельность: *Больше не буду!; Сейчас перестану; Ну, еще один круг — и всё!;*

б) признание собственной вины: *Виноват!; Ошибся!; Думал, что это можно; Я не знал, что бегать запрещается;*

в) извинение (вплоть до мольбы): *Простите меня!; Извините, пожалуйста!; Виноват!;*

г) обещание исправиться: *Больше такого не повторится!; Я сейчас все поставлю на место!; Молод, исправлюсь!*

Д-2. Показ отвержения угрозы, непослушания, упорства и протеста (т. е. случай, когда угроза оказалась недейственной):

а) (публичное) разоблачение скрытой угрозы: *Это форменный шантаж!; На испуг меня не возьмешь!; Вы что — угрожаете мне?!*

б) ссылка на то, что адресат не имеет возможности реализовать свою угрозу: *Не боюсь я тебя!; Не запугаете!; Видали таковых!; Как же, час побежала!;*

в) ссылка на более высокий статус адресата (по сравнению с адресантом): *Кто ты такой, чтобы ставить мне условия?!*; *Вы берете на себя смелость угрожать — мне?;* «Дерзает нам писать угрозы» (Пушкин, Борис Годунов);

г) приуменьшение адресатом опасности для себя: *Попробуйте только лишит меня премии!; Да я и сам не буду разговаривать с тобой!; Что я, другой работы себе не найду?* Сюда же относится полное отвержение валидности угрозы: если для Катерины нет ничего важнее загробного воздаяния, на которое ссылается старая барыня, то атеист ответил бы: *А никакого бога нет!*

д) демонстрация индифферентности к возможной реализации угрозы: *На коллегии отвечать придется? Что ж, и отвечу!; Загратишь в ссылку! — И в ссылке люди живут.*

На этом заканчивается (как мы видели, неполное) представление поведенческой ситуации «Угроза». Именно так она в типическом представлении реализуется совокупным «средним русским», нашим соотечественником и современником. С помощью той же дескрипторной методики можно зафиксировать и изучить другие ситуации: например, «Советование», «Извинение», «Комплименты», «Согласие», «Несогласие», «Позитивная оценка», «Негативная оценка», «Дискуссия», «Прощание», «Откровенность», «Неискренность», «Признание вины», «Разговор по телефону», «Оскорбление», «Перебранка» и другие.

Думается, что принципиально возможно и практически достижимо исчерпать все РПТактики, входящие в ситуацию. Их количество невелико и исчислимо. Что же касается речений, подобных тем, которыми мы выше подтверждали реальное бытие той или другой РПТактики, — ведь тактики представляют собой смысловые инварианты синсемантических речений и, стало быть, вне речений не могут существовать, — то такие реплики-фразы принципиально неисчислимы. Такое заключение способно вызывать вопросы: на самом деле, абсолютное большинство перечисленных выше реплик производит впечатление клише, устойчивых выражений, а количество клише, как бы ни было велико, все же конечно, так что в принципе устойчивые, воспроизводимые речения, выражающие угрозу или утешение, должны быть исчислимы.

Чтобы разрешить затруднение, рассмотрим природу ситуативных речений.

Во-первых, среди них встречаются целиком устойчивые, без изменений по памяти воспроизводимые реплики-фразы: пословицы (*Отольются кошке мышканы слезки*, А-7; *Будет и на нашей улице праздник*, Б-1); цитаты («Но есть, есть Божий суд, наперники разврата», А-7); трафаретные надписи («Не влезай — убьет!», А-2; «За нарушение штраф», А-6); уставные возгласы (*Стой! Стрелять буду!*, А-3) и т. д. Речения такого рода — клише без всякого сомнения, и они не только исчислимы, но и на практике исчисляются в словарях разного рода (например, пословиц и поговорок, крылатых слов).

Во-вторых, среди ситуативных речений множество таких реплик, которые клишированы лишь в известной степени. Например, речение *Доберусь до тебя!* (А-3) име-

ет открытый ряд вариантов: *Доберусь я до тебя!*; *Доберутся до тебя!*; *Доберутся до Вас!*; *Я еще доберусь до Вас!*; *Подождите — до Вас еще доберутся!* и т. д. Тем не менее клишированность всех этих и других потенциальных речений явственно ощущается носителями языка, так что считать их полностью свободными, творчески сконструированными не приходится. На наш взгляд, рассматриваемое явление вариативной клишированности лучше всего охватывается понятием *фразеосхемы* [Шмелев 1977: 327–330]. Во фразеосхеме реализуется не только определенный устойчивый синтаксический каркас, но и запас лексических заготовок отдельных тематических слов, а чаще тематических словосочетаний; ср.: *свернуть шею*, А-2; *набить морду*, А-3; *донести на кого-либо*, А-4; *наказать кого-либо*, А-5; *пойти под трибунал*, А-6б; *лопнуло терпение*, Б-1; *валяться в ногах*, Б-1; *брать на испуг*, Б-3; *показать Кузькину мать*, Б-5б и т. д.

Наконец, в-третьих, в числе ситуативных речений немало и таких, которые сконструированы в момент речи. Более того, даже их принадлежность к определенной ситуации не всегда очевидна. Например, реплика *Твое положение может теперь несколько измениться!* (Б-5а), если она взята вне контекста, может быть расценена как выражение дружеской озабоченности, а не как угроза. Ср. и вторую реплику из этой же РПТактики: *Боюсь, это может стать известно Н. Н.* Подобные речения мы сознательно включили в наши материалы лишь в минимальной степени, отдав предпочтение клишированным или полуклишированным репликам. Их присутствие без комментариев было бы трудно понять.

И здесь мы подошли к существу вербально-поведенческой реализации некоторой РПТактики. Помещенные выше перечни реплик могут создать ложное впечатление, будто бы ситуативная РПТактика связана с одной-единственной определенной репликой. Как раз напротив, РПТактика, как правило, реализуется в серии реплик, выражающих (с нюансами) один и тот же смысл. Ср. для примера одну из реализаций РПТактики А-4 (конкретно: опытный сотрудник предостерегает молодого от преждевременного ухода с работы): *Боюсь, что это может стать известным. Ольга Эдуардовна сообщит обязательно. Да мало ли кто нашептать может? У него и самого глаза есть. Так что скорее всего узнает. И не сдобровать тебе тогда. Нет, пожалуй, сиди на месте, не рыпайся.* В ответе — опять-таки в цепи реплик — реализуется РПТактика Д-2д: *Пусть узнает. Я объясню. Голова, мол, разболелась, а спросить разрешения не у кого. А вызовет на ковер — не привыкать!*

Приведенный пример — а аналогичным диалогам несть числа — показывает, что исчислимые РПТактики реализуются не только в клишированных репликах, но и во фразах, создаваемых в момент речи, а таковые в силу неповторяемости принципиально не перечисляются. Следовательно, если суть ситуативной РПТактики заключается в том, что адресат руководствуется лишь общей интенцией, то существо соответствующих реплик состоит в их бесконечной вариативности. Сама РПТактика всегда социальна (скажем, апелляция к божеству как орудию мести, А-7), но вербальное воплощение РПТактики допускает как воспроизводимые, т. е. также социальные, так и заново создаваемые реплики. Например, старая барыня из «Грозы», прибегая к РПТактике А-7, воспроизводит многие клише, но М. Лермонтов в стихотворении «Смерть поэта», опираясь на ту же РПТактику, порождает личностный текст:

Но есть и Божий суд, наперсники разврата!
Есть грозный Судия: он ждет;

Он не доступен звону злата,
И мысли и дела он знает наперед²⁰⁵.

Область социального в поведении человека, в том числе и в вербальном поведении, шире области материально воспроизводимого, формально (с внешним выражением) устойчивого, лексического и фразеологического. Концепция ситуативных РПТактик, развиваемая нами, отличается важной эвристической чертой: она позволяет видеть социальное в личностных фразах, которые эфемерны, неповторимы и бесчисленны.

Такова попытка теоретического осмысления однородного фактического материала. На повестку дня ставятся теперь дальнейшие разыскания.

Так, мы пока не располагаем хотя бы приблизительным каталогом вербально-поведенческих ситуаций (с перечислением сгруппированных РПТактик внутри каждой из них). Можно высказать догадку, что, когда подобные каталоги будут составлены по разным языкам, их сопоставление выявит многозначительные несовпадения (если не по самим ситуациям, то по ситуативным РПТактикам), позволяющие судить о национально-культурной специфике сопоставляемых языков.

Кроме того, предстоит большая работа по сбору и классификации клишированных (в разной степени) реплик, в том числе содержащих в себе образцы фразеосхем. Опять-таки трудно удержаться от догадки, что сопоставление семантики и внешней формы близких реплик разных языков даст возможность судить о национальной культуре соответствующих народов.

Крайне интересными представляются исследования диахронического характера (ведь ситуации и РПТактики входят в употребление и выходят из него, так что в тексте они являются приметам времени), а также географического (ситуации и РПТактики нередко прикреплены к определенной территории, поэтому они могут служить приметам места).

В заключение необходимо предостеречь против возможного отождествления и даже сближения теоретической базы изложенной здесь концепции с теориями речевых актов, дискурса, речевого этикета и другими. Обобщающая теория была нами в свое время суммирована в понятии *проективного текста* [Верещагин, Костомаров 1990: гл. 2]; см. главу 3 в Части II настоящего раздела монографии.

Глава 8. Заключительные замечания

Остается обсудить общие черты *методики исчисления РПТактик*, примененной выше к обширному фактическому материалу.

Думается, эта методика способна стать эффективным инструментом лингвистического анализа, приводящим к результатам, значительным и для смежных с лингвистикой научных дисциплин.

²⁰⁵ В большинстве дореволюционных изданий вторая строка печаталась в варианте «Есть грозный Судия», но в советское время был принят вариант «Есть грозный суд». Автограф знаменитого «прибавления» к «Смерти поэта» (16 строк, с 57-й по 72-ю) не отыскан, поэтому уверенное суждение об аутентичности того или другого варианта пока невозможно (см.: [Дермонтовская энциклопедия: 513]). Для тактики А-7 вариант «Есть грозный Судия» более выразителен.

Методика имеет ряд разнородных функций; из них мы рассмотрим только пять: 1) генерализирующую, 2) стимулятивную, 3) прогностическую, 4) моделирующую и 5) эвристическую.

1. Выявлением РПТактики, благодаря операции абстрагирования, признается однородным некоторый корпус речений; такова функция *генерализации*. Исследователь, как уже говорилось, обязан выбрать из речевого потока речения, однородные по стоящей за ними интенции, назвать эту интенцию, представить речения в виде списка и приписать ему наименование интенции. В этом аспекте генерализация выступает как экономный итог разысканий.

2. Любая адекватно описанная РПТактика обладает пусковым эффектом; такова *стимулятивная* функция методики. Получив и осознав наименование интенции, носитель языка способен от себя произвести множество речений, реализующих эту РПТактику. Например, РПТактика [11] «Ссылка на ненамеренность деликта» может быть генератором множества клишированных и узуальных речений: (А)²⁰⁶ *Я нечаянно*; (В) *С языка сорвалось*; (С) *Случилось помимо моей воли*; (D) *Я этого не хотел*; (Е) *Думать не думал, что так получится*; (F) *Хотел как лучше* и т. д. Каждое клишированное речение допускает варианты и распространения, так что множество принципиально является открытым.

3. РПТактика может предсказать, какой вид примут личностные речения коммуникантов, а также опознать их как свои реализации; такова *прогностическая* функция методики. Ср. цель личностных речений, реализующих ту же РПТактику [11]: Сережа Русанов: «Видит Бог, не хотел (доносить — *Е. В., В. К.*) И в мыслях не было! <...> Если бы не сошлись обстоятельства, не подвернулся Мосеич, Михаил остался бы на свободе. <...> Ах, если бы Вера была ко мне внимательней, она бы остановила меня. <...> Я пробрался в беседку, сам не зная, что и зачем делаю. <...> Не я, а рок вершил свое дело» (О. Форш, Одеты камнем).

4. Выявления РПТактик, согласно предложенному нами анализу, воспроизводит естественную интериоризацию (и девербализацию) речений и поведенческой тактики в процессе социализации индивида; такова *моделирующая* функция методики.

Процессы (*де*)*вербализации*, изучаемые весьма интенсивно, тем не менее могут быть пока представлены только как схема-конструкт²⁰⁷. Ниже в самом сжатом изложении суммированы современные взгляды, причем в первую очередь мы опираемся на конструкт Чейфа (см. [Chafe 1973; 1977]), хотя отчасти используем терминологию, почерпнутую также у других авторов.

Определение *девербализации* построено на метафорах: это посткоммуникативный и не осознаваемый человеком процесс преобразования вербальной информации (полученной в коммуникативных актах), механизм которого состоит в том, что исходная информация подвергается компрессии и лишается вербальной формы, а назначение заключается в подготовке информации к экономному хранению в памяти (т. е. к меморизации, запоминанию).

Получаемые таким образом «смысловые куски» (chunks of content) называются «ментальными единицами» (mental units), или, сокращенно, MUs²⁰⁸. (Далее удобнее

²⁰⁶ Назначение литер в круглых скобках выяснится из дальнейшего.

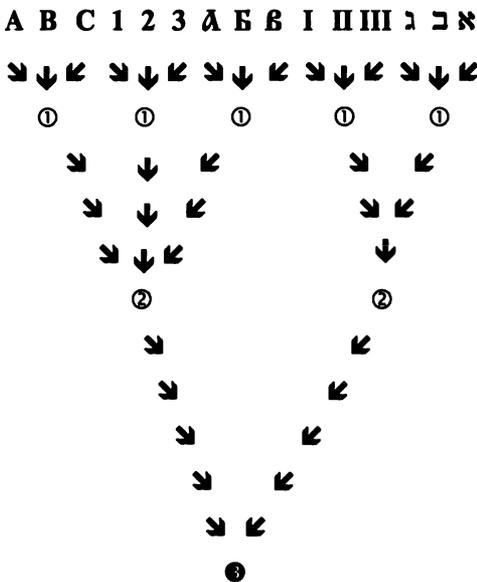
²⁰⁷ Схематизация — полезна; она ведет к приращению знания; не исключено, что схема отражает определенные принципы функционирования реального механизма.

²⁰⁸ Суждение явно (хотя и вынужденно) построено как *порочный круг*.

пользоваться английским сокращением.) «Новые» MUs — по своей природе — имеют свойство интегрироваться и сливаться с однородными «старыми» MUs (т. е. теми, которые уже хранятся в памяти). Однородность бывает на разных основаниях: например, это может быть принадлежность информации к одной и той же тематической сфере. Наряду с интегративной способностью MUs имеют также свойство «абстрактивного возвышения», т. е. MUs низшего уровня абстракции включаются в MUs более высокого уровня, а те — в MUs еще более высокого и так, видимо, до какого-то предела.

Например, вся информация извне, которую, начиная с младенчества и до старости, получают люди относительно РПТактики [11], имеет вербальный характер. Конкретные речения забываются, но сама РПТактика хранится в памяти — в девербализованном виде и как элемент в разветвленной структуре.

Сказанное представлено также на схеме. Буквы и цифры обозначают речения (например, клишированные и узуальные): буквами латиницы (А, В, С...) показаны речения одной РПТактики (например, [11]), арабскими цифрами — речения второй РПТактики (например, [12]), буквами церковной кириллицы (А Б В) — речения третьей, римскими цифрами — четвертой, еврейскими буквами — пятой. Кружочки символизируют MUs различных уровней абстракции: первого (⊙), второго (⊚) и условно конечного — третьего (⊛); третий кружочек зачернен, чтобы показать его терминальный статус. Собственно, как упоминалось, сколько именно степеней абстракции бывает, мы не знаем. Можно только утверждать, что различающиеся РПТактики, логически не допускающие слияния, не интегрируются и в процессе естественной девербализации; они хранятся как отделенные друг от друга «фрагменты ментальности» (fragments of mentality).

Легко заметно, что полученная иерархия вполне согласуется с методикой исчисления и упорядочения РПТактик: уровню ① соответствует операция *distinctio*; уровню ② — операция *dispositio*; уровню ③ — операция *consortio* (см. выше подглаву 02—1Г).

Этим свидетельствуется, что методика действительно обладает моделирующей функцией.

5. Когда выявлены списки РПТактик, то обсуждение их генезиса, места в ментальности, директивной роли в поведении отдельного человека, социальных групп и всей нации и т. д., причем с привлечением понятийно-терминологического аппарата смежных с лингвистикой наук, способно привести к нетривиальным результатам, в

том числе и к неожиданным для самих исследователей; такова *эвристическая* функция рассматриваемой методики. Действительно, до анализа мы не предвидели, что РПТактики распадутся на секулярные и «неотмирные» (производные от нуминозного), а эти последние — на РПТактики слабой и сильной этики.

Систематическое описание рече-поведенческих РПТактик (хотя бы основных сфер современного общения) — это *desideratum* отечественной русистики. Такое описание потребует немало сил и много времени, но и его значения для науки невозможно переоценить.

Под конец — несколько слов о РПТактиках выявления и изглаживания деликта. Мы видели, что РПТактики слабой этики в религии и в идеологии по содержанию совпадают, тогда как РПТактики сильной этики — расходятся, вплоть до взаимного отрицания. Однако не является ли это расхождение поверхностным и не стоит ли за контрарными линиями поведения некая ментальная скрепа, восходящая, может быть, к фундаментальной и единой духовной ценности национальной культуры?

Вот — тема для дальнейшего исследования.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1. *Исчисление РПТактик тропарей древнейшего канона св. Димитрию Солунскому*

(к подглавке 04–4)

На 26 октября выпадает память великомученика *Димитрия Солунского*, или *Мироточца* (τοῦ Μυροβλύτου). Богослужбное последование Димитрию принадлежит к числу древнейших церковнославянских гимнографических текстов. В литературе вопроса старший список Димитровского последования обычно усматривают в известной (по месту первоначального хранения именуемой *Типографской*) Службной минее за октябрь 1096 г. (сокращенно далее: *Tn*): здесь имеются два канона святому; они опубликованы; см.: [Ягич 1986: 182–186 (первый канон²⁰⁹), 186–190 (второй канон)].

Внимание палеославистов издавна²¹⁰ привлекает к себе *второй канон Tn*²¹¹ (известный и по другим спискам), к которому, в отличие от первого, до сих пор не приискан греческий оригинал. Ниже и рассматривается только упомянутый второй — славянский — *Димитровский канон* (далее [на протяжении настоящего Приложения]: ДК).

Как известно, имеются серьезные основания полагать, что ДК не переведен с греческого, а прямо сочинен по-славянски. Соответственно составители «Предварительного списка Кирилло-Мефодиевских источников», суммировав мнения большинства исследователей, поставили ДК *на первое место* среди оригинальных славянских текстов IX в.²¹² Что касается поисков возможного автора ДК, то хотя позиции ученых разделились, все же превалирует всесторонне и многократно мотивированная догадка,

²⁰⁹ Первый канон (incipit: Бѣствънъимъ мѣнна вѣнъцъмъ оубавъ са) представляет собой точный перевод того канона, который в греческих служебных минеях усвоится известному гимнографу — Феофану Начертанному (incipit: Τὸν θεῖον τοῦ μαρτυρίου στέφανου ἀναδησόμενος).

²¹⁰ С момента, когда о каноне упомянул А. В. Горский и напечатал из него несколько фрагментов [Горский 1865].

²¹¹ Incipit второго канона: Отъ мѣглы лютьца и невѣдѣнна очисти мѣ. Его вынес в заголовок недавней своей статьи Л. Матейко [Matejko 2001].

²¹² С. Кожухаров отмечает, что «среди письменных источников о жизни и деятельности Кирилла и Мефодия должен, несомненно, присутствовать и Канон Димитрию Солунскому в качестве свидетельства о духовной культуре эпохи, о духовной биографии первоучителей, независимо от того, кого мы посчитаем автором — Кирилла, или Мефодия, или кого-то из их учеников» [Кожухаров 1986: 72–73].

согласно которой ДК сочинен Мефодием²¹³. Нижеследующие разыскания также указывают на авторство первоучителя: во-первых, посредством опоры на методичку исчисления РПТактик уточняем время и первоначальные обстоятельства написания канона; во-вторых, излагаем доводы, согласно которым Мефодий предпринял редактуру канона, когда эти обстоятельства изменились.

Впрочем, наши материалы, подкрепляя аргументы, изложенные в литературе вопроса, и увеличивая их число, все же не меняют природы догадок и остаются *гипотезами*²¹⁴. Это означает, что их критика, при минимальной дисциплине ума, методологически возможна или демонстрацией нового фактического материала, или путем выдвижения альтернативных гипотез²¹⁵. Огульные ссылки на «сомнительность» («аргумент Станиславского»: *Не верю!*) — несостоятельны по существу, а также этически (ибо эгоцентричны): они противоречат принятой в современной текстологии практике опоры на здравый смысл²¹⁶ и консенсус специалистов²¹⁷. У тотальных отрицателей самоуверенность нередко находится в обратной пропорции к объему и качеству аргументации²¹⁸.

Гиперкритичность (например, Тюбингенской школы), вопреки декларациям, по сути иррациональна, но мода на нее, хотя и не идет ни в какое сравнение с нигилизмом XIX века²¹⁹, все еще считается хорошим тоном. Напротив, любые текстологические догадки, особенно в том, что касается конъектур, выявления реми-

²¹³ Наиболее развернутую собственную аргументацию предложили Р.О.Якобсон [Jakobson 1965] и Т. Батлер [Бътльр 1987]; общий обзор аргументации [со ссылками на работы предшественников] в пользу авторства первоучителя Мефодия (не только Канона, но и стихир) см. [Кожухаров 1988: 421–430]. Общий вывод исследователя таков: «Исследователите, които се застъпват за Методиевото авторство на канона, приемят, че той е написан *в началото на 80-те г. на IX в.* В полза на такава датировка говорят редица реални в творбата, особено в топарите на девета песнь» [Кожухаров 1995: 216; курсив мой. — *Е.В.*]. Точка зрения одного из авторов настоящих строк (Е. М. Верещагина), как будет видно из дальнейшего, состоит в том, что ДК Мефодий сочинил *до* 880 г.

²¹⁴ С ДК, как одним из важнейших Кирилло-Мефодиевских текстов, связано множество гипотез.

²¹⁵ Это означает также, что очевидные суждения типа Ascriptions of the canon variously to Cyril, Methodius or Clement of Ochrid are all purely speculative [Thomson 1992: 69] не могут считаться состоятельной критикой.

²¹⁶ В частности, здравый смысл ограничивает применимость аргумента *ex silentio*.

²¹⁷ Естественно, в науке решения не принимаются перевесом голосов. Тем не менее если приходится идти против т. е. «принятого мнения», т. е. мнения, доказательно разделяемого многими, то, во-первых, аргументы большинства следует непременно принимать во внимание и, во-вторых, обстоятельно опровергать их один за другим. «Принятое мнение» может быть разрушено, если вводится новый фактический материал, который, естественно, предшественники не могли учесть.

²¹⁸ Так, в частности, оценил итоги в свое время нашумевшей книги А. Брюкнера с претенциозным названием «Die Wahrheit über die Slavenapostel» («Правда о славянских апостолах»; см. [Brückner 1913]) его оппонент Г. фон Шуберт [Schubert 1916: 3]. Сам Брюкнер весьма скептически оценивал состояние исследования Кирилло-Мефодиевской проблемы: *Nichts scheint festzustehen — die tollsten Einfälle jagen einander* («Нет ничего определенного — одни дикие домыслы стремительно сменяют другие») [Brückner 1913: 4].

²¹⁹ Как пишет современный исследователь, метод радикальной историческо-филологической критики, в XIX в. приложенный к Евангелию, несмотря на отдельные конкретные достижения, привел к негативному итогу: «Результат подобного пути отрезвляет. Собственно, профессора хотели всего лишь сорвать с Иисуса „догматические“ облачения, смыть с Него „церковные подмалевки“, высвободить Его из „оков“ догмы. Но в итоге „подлинный“ образ Иисуса из Назарета так и не был получен. Нам стали предлагать один за другим образы Иисуса, несшие на себе приметы того или другого умонастроения, или духа, своего времени» [Schönborn 2002: 30].

нисценций и аллюзий, датировок по косвенным показателям, прочтения (= интерпретации) текстов в интенционном аспекте и т. д., предполагают согласие умеренной части коллег со вниманием относиться к гипотезам, имеющим не строго доказательный, а вероятностный (правдоподобный) характер. Здравый смысл — это и есть рационалистическая критика текста²²⁰.

В 1986 г. С. Кожухаров перечислил 7 древних (не моложе XIV в.) списков ДК (см. [Кожухаров 1995: 216–217]), причем два из них ввел в научное обращение сам исследователь²²¹. В 1998 г. по *Ильиной книге* (далее: *Ил*), архаичному славяно-русскому богослужебному сборнику²²², мы опубликовали 8-й список²²³. Обратившись к ныне забытым источникам, на которые указывали исследователи XIX в., а также на основании собственных разысканий Л. Матејко довел количество списков ДК до 14 [Matejko 2001: 388–390]. Сейчас мы можем указать и на еще один, 15-й, вновь отысканный список: имеется в виду ДК в так наз. *Шестоднев служебном*²²⁴ второй половины XIV в. (сокращенно: *Шд*; РГАДА, ф. 381, № 70; см. описание [Каталог № 170]).

Указанный список ДК интересен, среди прочего, тем, что в нем представлен редкий тропарь IX песни канона Потъци са, славне²²⁵, к тому же в особой редакции. Этот тропарь имеет значение для гипотезы, развиваемой в настоящем Приложении, и соответственно публикуется ниже²²⁶.

Как упоминалось, старшим списком ДК по традиции считается текст, содержащийся в *Тп*. Так продолжает думать и Л. Матејко: Najstarší zachovaný odpis skladby pochádza z г. 1096 [Matejko 2001: 390]. Между тем версия ДК по *Ил* в аспекте языка явно архаичнее, и как раз Матејко мог бы сам наглядно убедиться в этом. Он на-

²²⁰ Аналогичная точка зрения представлена в исследовании [Алексеев 2001]. Эта же позиция развернуто изложена также в руководстве К. и Б. Аландов [Aland 1989: 299], причем авторы сопоставили «здравый смысл» со «здравым учением» Свщ. Писания» (ὀρθαῖνοισα διδασκαλία; 1 Тим 1: 10). Поскольку практически все конъектуры и другие догадки текстолога имеют вероятностный характер, без их оценки с точки зрения здравого смысла прогресс в текстологии был бы заранее исключен.

²²¹ Ученый [Кожухаров 1986] фототипически опубликовал два списка: 1) по Служ. минее XIII в. за три первых месяца церковного года из собрания Зографского монастыря на Афоне (сокращенное наименование источника: *Зе*), инв. № которой он указал как 88 (воспроизведены л. 126^v–128^v); 2) по Служ. минее конца XIII — начала XIV в. за те же месяцы из собрания Народной библиотеки им. Кирилла и Мефодия в Софии (№ 516; описание см. [Цонев 1923: 26]; воспроизведены л. 22^r–28^v); эту минею Кожухаров предложил именовать (по месту хранения) — *Софийской* (сокращенно: *Сф*). Обе рукописи — южнославянского (сербского) происхождения. Кожухаров приводит номер *Зе* по известному описанию [Ильинский 1908: 253–276]; по новому каталогу Зографского монастыря источник имеет теперь № 53 (см. [Райков, Кожухаров 1994: 52; Турилов, Мошкова 1999: № 367, с. 151]).

²²² Об *Ильиной книге* (сокращенно *Ил*) речь неоднократно шла выше.

²²³ Димитровское последование по *Ил* (канон, три стихир, седален; всего 29 отдельных песнопений на шести листах [28^r–33^v]) опубликовано дважды: один раз — строка в строку, слово в слово, буква в букву, толь-в-толь (с приложением ксерокопий страниц) [Верещагин 1998: 27–41] и другой раз — стихометрически (с вариантами по *Тп*) [Верещагин 2001а: 384–390].

²²⁴ Полное название источника: *Шестоднев служебный, праздники со вставками из Триоди цветной и службы избранным святым*. Присутствие последования вмч. Димитрию Солунскому в Каталоге отмечено.

²²⁵ Он представлен в *Ил*, а также в так наз. Скопльской, или *Второй Софийской*, служебной минее (сокращенно: *2Сф*), опубликованной Б. Ст. Ангеловым [Ангелов 1958: 19–35].

²²⁶ Одним из соавторов (Е. М. Верещагиным) подготавливается и полное издание ДК по *Шд*.

печатал, опираясь на предшествующий опыт Р. Якобсона, реконструкцию IX песни (четыре тропаря и троицен; см. [Matejko 2001: 398–400]). Если взять его реконструкцию и сопоставить ее с версиями *Ил* и *Тп*, то по количественным показателям *Ил* намного меньше (примерно на одну треть) отходит от реконструированного текста, чем *Тп*.

Ниже, построив троестрочие, мы *предприняли* подобное сопоставление применительно к тропарям IX/1, 2²²⁷ и троицен IX/Т: первая строка (подчеркнутая) — реконструкция по Матейко; вторая (корпус) — по *Ил*²²⁸; третья (курсив) — по *Тп*. (Публикация этих трех песнопений потребуется и для дальнейшего изложения.) Расхождения учитываются лишь в употреблении редуцированных, литер ъ/ѣ и замены носовых (йотация, как признак конвенциональной орфографии, не учитывается); приняты во внимание и показательные морфологические варианты. Варьирование отъ/ѡ, естественно, не учитывается. Фрагмент слова, содержащий расхождения, подчеркнут и набран полужирным шрифтом; в конце каждой строки показано количество расхождений. Притекстовые комментарии, набранные петитом, нужны для дальнейшего.

IX/1

- (1) Прѣстолоу божию свѣтло прѣдъстоа, мѣдре дѣмитрие,
Прѣстолоу бѣжию свѣтло прѣдъ|стоа, мѣдре дѣмитрие, (0)
Престолоу бѣжию свѣтло предъстоа, мѣдре дѣмитрие, (4)
- (2) не забѣди насъ нъ чѣстѣно моли са
не забѣ|ди же насъ нъ чѣстѣно моли са (0)
не забуди насъ нъ чѣстѣно моли са (1)
- (3) о нашѣмъ окаѣнии страннѣемъ, свате,
о| нашѣмъ окаани страннѣимъ,| сѣѣ, (2)
о нашѣмъ окаани страннѣимъ, сѣѣ, (2)
- (4) нзынѣ поющимъ твоѣ величѣ
нзынѣ поющимъ ^а[твоя величѣа (2)
нзынѣ поющимъ твоя величѣа²²⁹ (1)
- (5) ѣко възираемъ надѣище са твърдо на твоѣ мольбѣ.
яко възиграюще^а надѣюще| са твърдо на твоѣ сѣино.| (2)
яко възирающе²³⁰ надѣимъ са твърдо на твою мольбу. (3)

а-я: Фрагмента в строках (4–5) *твоя величѣа* *яко възирающе* в *Ил* нет; между тем, если судить по ирмосу *Всакъ земьнъ* (он хорошо известен, а о его месте в литургических книгах судим по современной практике²³¹), а также по другим тропарям IX песни, в указанных строках наблюдается нехватка слогов. Поэтому мы предприняли восполнение по *Тп*. — По отношению к этому вставному фрагменту, однако, нужна контекстно-смысловая конъектура: не *възирающе* (что не дает смысла), а *възиграюще*. Глагол *възиграати са* употреблен в ирмосе.

²²⁷ Тропарь IX/3 отсутствует в *Ил*, а Тропарь IX/4 отсутствует в *Тп*.

²²⁸ Следуем привычным эдиционным правилам, о которых неоднократно говорилось выше.

²²⁹ Поскольку фрагмент *твоя величѣа* отсутствует в *Ил*, он исключен из подсчетов.

²³⁰ Поскольку фрагмент *яко възиграюще* отсутствует в *Ил*, он исключен из подсчетов.

²³¹ Он взят из набора ирмосов Троичного канона 4-го гласа Воскресной полунощницы.

IX/2

- (1) Оуслъши, славьне, ницаа твоа нзинѣ
 Оуслъши нзи, сѣе, ницаа своа ра|бъи (0)
 Оуслъши, славьне, ницаа твоа^а нзинѣ (0)
- (2) и оумили са ѣко отължчихомъ са
 и оумили са ѣко ѡлжчихо|мъ са (1)
 и оумили са ѣко ѡлоучихомъ са (2)
- (3) далече сже отъ свѣтъла храма твоего
 далече сже ѡ свѣтъла| храма твоего (0)
 далече соуже ѡ свѣтлаго храма твоего (2)
- (4) и горатъ възнтръ наша срьдца
 и горатъ възн|тръ| наша срдца (2)
 и горатъ взноутръ срдца наша (2)
- (5) и желаемъ, свате, твоа цркъве
 и желаемъ, сѣе, тво|на цркве (0)
 и желаемъ, сѣе, твоа| цркве (0)
- (6) и поклонити са кгда твоими молитвами.
 поклонити са когда| твоими мольбами.| (1)
 и поклонити са кгда твоими молитвами. (0)

а: Поскольку рабъи представлено в четырех списках [Matejko 2001: 398], вероятно, в *Tn* — пропуск.

IX/Т

- (1) Безначальнаѣ тронце, еаже трепещитъ
 Безначальна тр|це, еаже трепещи|тъ (2)
Безначальнаа тр|це еаже трепещи|тъ (2)
- (2) ангели и страшнаѣ серафимъ
 ан|гли и многострашнаа сера|фимъ (1)
 ан|гли и страшнаа серафимъ (1)
- (3) даждь хвалациимъ та
 дан хвалациимъ та (1)
 дан хвалациимъ та (1)
- (4) вѣрж оупъвание и любъвь неразлжчимж
 вѣро|ж оупъвание и л|бъвь неразл|чимж (2)
 вѣроу оупъвание и любъвь неразлжчимую (3)
- (5) къ цьсарствоу божию наставаѣжши
 къ црствн|ж б|жию наста|ва|ющи нзи (1)
 къ црств|оу с|тоумоу настава|ющи нзи (1)
- (6) мольбами нзинѣ мченика ти
 мольбами мч|ка ти (0)
 мольбами мч|ка ти (0)
- (7) и застѣпника тврѣда градоу нашему.
 и застоу|пника тв|рѣда гра|доу нашему.| (2)
 и застоу|пника тв|рѣда гра|доу нашему. (2)

Таким образом, языковых расхождений с реконструкцией: у *Ил* — 18, у *Tn* — 26. Наряду с количественными показателями (в *Tn*, по сравнению с *Ил*, отличий

больше примерно на треть²³²), важны и качественные (скажем, в *Ил*, хотя и представлены случаи неорганичных написаний, присутствует и обычно правильно употребляется ж, тогда как в *Тн* большой юс вообще не представлен)²³³. О близости текста *Ил* к южнославянской основе Матейко упоминает сам [Matejko 2001: 394]. Иными словами, не затрагивая сейчас вопроса абсолютной датировки *Ил*, подчеркнем, что этот источник по языку, да и по литургическим признакам²³⁴, архаичнее *Тн*. Соответственно *pajstarší zachovaný odpis* ДК находится в *Ил*.

Почти все исследователи, начиная с А. В. Горского, обращали внимание на IX песнь ДК и выдвигали гипотезы о ее природе и происхождении. В отличие от других песней она, во-первых, написана не от лица всех христиан экумены, празднующих 26 октября память великомученика Димитрия, а от лица *конкретной группы*, которая четко описана. Кроме того, во-вторых, тропари и троицен IX песни ДК отражают не всеобщие молитвословные рече-поведенческие ситуации, а *ситуации конкретные* (причем, как увидим, в одном из тропарей можно заметить даже следование за изменениями текущей ситуации). Наконец, в-третьих, молитвенные интенции, изложенные прямо или аллюзивно, также имеют не всеобщий, а *конкретно-избирательный* (отражающий нужды группы) *характер*.

Это означает, что содержательное прочтение песнопений IX песни лингвистом может быть представлено в виде трех исчислений. Во-первых, предполагается применение референтного анализа (в итоге которого будет получен перечень отличительных признаков конкретной группы). Во-вторых, следует предпринять исчисление РПТактик (по методике, изложенной в основном корпусе части I настоящего раздела монографии), вследствие чего надеемся получить список характеристик конкретной ситуации (поскольку для рече-поведенческой ситуации типична *переменчивость*, ожидается фиксация ситуации для определенного временного периода). В-третьих, в силу специфики литургического (*прекативного*²³⁵) текста, необходимо выявить молитвенные интенции, которые дадут представление о том, в каком направлении, согласно мнению составителя ДК, по вмешательству святого должна измениться (или, может быть, уже изменилась) текущая ситуация. Для этого требуется исчислить иллюкутивные цели. Иными словами, речь идет о трех видах лингвистического анализа²³⁶, сумма итогов которого приводит к прочтению источника.

Когда будут получены все три исчисления, то, — такова гипотеза, — не исключено, что окажется возможным соотнести конкретную группу, как она обрисована в IX песни, с определенной группой людей, известной по другим источникам. Не исключено также, что полученные выводы приведут к гипотетичному разрешению спорных вопросов Кирилло-Мефодиевской проблематики. В этом мы и усматриваем *почит* нижеследующих разысканий.

²³² Этот показатель в среднем выдерживается и по всему канону.

²³³ О других архаичных языковых характеристиках *Ил*, в том числе о развитой паронимии, см. [Верещагин, Крысько 1999].

²³⁴ См. подробнее [Верещагин 2001а: 251–299].

²³⁵ Развернутый анализ *прекативного* (от *precatio* «молитвословие») общения см. [Кунцлер 2001–2002].

²³⁶ Что касается *референтного анализа*, то мы *mutatis mutandis* преимущественно держимся взглядов Е. Гофмана [Goffman 1974]. *Рече-поведенческий анализ* покоится на собственной концепции *рече-поведенческих тактик*. В исчислении *перлокутивных целей* в целом не отходим от взглядов, принятых в теории речевых актов (см., например, [Сёрль 1986; Сёрль, Вандервекен 1986]).

Таким образом, ниже, в подглавке I Приложения, предлагается чисто лингвистический анализ IX песни ДК; в подглавке II анализ имеет историко-филологическую природу.

I.

Итак, по контрасту с другими песнями ДК, тропари IX песни отражают нужды группы людей, имевших бытие во времени и пространстве. Такой была допустимая практика сочинения канона в начальный период бытования жанра: гимнографы обязывались в песнях канона I–VIII безличностно (или обобщенно-лично) отражать молитвенные нужды *всех* христиан, а в IX песни имели право изложить и свою *личную* жизненную ситуацию.

Об этом писал, например, Н. Л. Туницкий: в IX песнь «по правилам византийской гимнографии составители служб могли вносить собственный автобиографический материал и возбуждаемые им чувства» [Туницкий 1913: 79]. Не все гимнографы пользовались этой привилегией: в ДК перед нами довольно редкий случай.

Прежде чем перейдем к анализу, необходимо в дополнение к тропарям IX/1, 2 и троицну IX/Т поместить еще два тропаря — (по нумерации Л. Матейко) IX/3 и IX/4. Тропарь IX/3 представлен в *Tn*, но отсутствует в *Ил* (так что печатается по *Tn*), тогда как тропарь IX/4, напротив, имеется в *Ил* (по которой и печатается), но отсутствует в *Tn*.

Всего сейчас по всем спискам мы знаем в составе и IX песни (общим числом) восемь песнопений. Три из них Л. Матейко по веским причинам исключил из рассмотрения, и мы разделяем его позицию.

IX/3 (по *Tn*)

- (1) По чѣто, моудре, нищїи твон рабн
- (2) ѣдини лишаемъ сѧ твоеѧ оубо красотѣ
- (3) любѣве ради зижителѧ
- (4) по чѣжимъ землямъ и градомъ ходяще
- (5) на посрамленїе, блжне,
- (6) тридѣзичьникъ и еретикъ люте
- (7) вонни бѣвающе.

Этот тропарь представлен в 13 списках и в 12 из них имеет обычные (т. е. типичные для всего ДК) орфографические, морфологические и лексические варианты²³⁷ (типа чѣто/чѣто, чѣжимъ/тоужимъ, градомъ/градовомъ, посрамленїе/постраданїе). Между тем в одном-единственном списке (а именно: *Сф* [27^v 22–26; по фотокопии, опубликованной С. Кожухаровым²³⁸]) три последние строки текста настолько радикально отличаются от версии *Tn*, что обычное варьирование, объясняемое бытованием источника во времени и в пространстве, приходится исключить. Ср.:

²³⁷ Сводку разночтений см. [Матейко 2001: 399].

²³⁸ См. [Кожухаров 1986], в альбоме репродукций — приложение к указанной статье, № фотокопии: 1–14. Листу 27^v соответствует фотокопия № 12.

- (5) и посрамилъ ѳси
- (6) крети҃гы три҃нез҃ычникы
- (7) люти҃е воини оубѣли ѳси.

Об этой концовке еще предстоит говорить, а сейчас ниже следует последний тропарь IX песни:

IX/4 (по Ил)

- (1) Потѣци сѧ, славыне, <и> [в]ари ²³⁹ дѧ|ньсь
- (2) воневодѣствомъ си льсть попираѧ триа҃з҃ычникъ||
- (3) и чѣстнѡ нѣи сѣхрани
- (4) и варварѣхъ, сѣе, сѣща оѣства ти
- (5) напра|ви абиѣ въ пристанище
- (6) чѣстнѡе| хѣво не вѣлающе сѧ.|

Тропарь IX/4 мог бы вызвать затруднения при прочтении, если бы в двух других списках, содержащих это редкое песнопение (2Сф²⁴⁰; Шд [см. выше]), — строка (4) не читалась значительно яснее. Поскольку в дальнейшем потребуется полный текст тропаря по Шд (лист 222^v), он и публикуется ниже:

- (1) Потци сѧ, славыне, и вари днѣ
- (2) мужествомъ си льсть попираѧ нзинѣ поганъхъ треазы
- (3) чѣтно нзинѣ схранни
- (4) и въ варварѣхъ, сѣе, сѣща оѣства ти
- (5) настави ѣ въ пристанище
- (6) честное хѣво не влающе.

Напротив недописанной лексемы *треазы* (а ею в рукописи начинается строка) поздней рукой на поле даны пять букв *А Б В Г Д*. Тропарь несет на себе следы модификаций не вследствие бытования, а — редактур. Интенции тропаря изменились: он теперь написан не от 1-го, а от 3-го лица. Вместо *нѣи* стоит *нзинѣ*. *Въ варварѣхъ сѣща* — это больше не «мы», а «они»: ср. местоимение *ѣ* в строке (5). Лексема *треазы*, скорее всего, попала из антиграфа: переписчик хотел заменить ставшее неактуальным слово *триа҃з҃ычникъ* на более понятное именование язычников. Он вписал от себя новую лексему *поганъхъ*, а дальше по инерции начал писать и слово антиграфа, написал шесть букв, затем спохватился и не стал дописывать.

В 2Сф строка (4) имеет вид: *въ варварѣхъ, сѣе, сѣщѣ ѣ чѣства ти*. С учетом данной версии и версии Шд ясно, что эта строка в Ил пострадала в процессе бытования, так что ее следует читать с двумя конъектурами: *въ варварѣхъ, сѣе, сѣща*.

Все пять песнопений IX песни (четыре тропаря и троичен) имеют прозрачную синтаксическую структуру и, за исключением версии Шд, не содержат испорченной лексики. Соответственно их можно герменевтически читать без дальнейших конъектур.

В то же время следует помнить об особенностях *прекативной* коммуникации: лукавство и утаивание здесь исключаются²⁴¹.

²³⁹ Трудночитаемые в рукописи литеры, заключенные в квадратные скобки, прочитаны В. Б. Крысько.

²⁴⁰ См. сн. 18.

²⁴¹ См сн. 29.

Референтным анализом, как известно, могут быть выявлены не только фоновые семантические доли объекта номинации, но и характеристики самого адресанта. В частности, выявляется ряд референтных семантических долей, т. е. частных смыслов, характеризующих группу, от имени которой пишет автор ДК. В качестве подтверждающего материала приводим (в минимальных контекстах) выписки из *Ил* (применительно к тропарю IX/3 — из *Tn*).

Итак, референтная группа:

[в аспекте духовности]

- 1) состоит из горячих приверженцев св. Димитрия: Оүслъши ны... свои рабы (2: 4)²⁴², твои раби (3: 1), — особо отмечены величие святого: поюцимъ твоа величя (1: 4), его мудрость: мѣдре дѣмитрие (1: 1), близость к Богу: прѣстолау вѣню свѣтлоу прѣдѣстоа (1: 1) и скорый отклик на молитву: направи ани (4: 5);
- 2) (группа) возносит ему (литургические) хваления-песнопения: нѣнгѣ поюцимъ твоа величя (1: 4);
- 3) твердо надеется на его заступление: надѣюще са твърдо на твоѣ стѣзю (1: 5);

[в локальном аспекте]

- 4) включает в себя уроженцев Солуни, отечества св. Димитрия: сѣцаа оѣства ти (4: 4)²⁴³;
- 5) считает Димитрия надежным заступником родного («нашего») города: мольбами ... застоупника твърда градоу нашемоу (Т: 7);
- 6) знает и помнит великолепную базилику св. Димитрия в Солуни²⁴⁴: см. ниже п. 7;
- 7) отделена расстоянием от базилики: далече сѣце ѿ свѣтла храма твоего (2: 3), лишаемъ са твоеа оубо красоты (3: 2);
- 8) сердечно скорбит по этому поводу: горать вѣнѣтърѣ наша срѣца (2: 4);

[в аспекте текущего времени]

- 9) сознает свое нынешнее положение как несчастное: Оүслъши... ницаа свои рабы (2: 1), нициѣ твои раби... лишаемъ са (3: 1–2)²⁴⁵;

²⁴² Цифры от 1 до 4 и литера Т до двоеточия указывают соответственно на номер тропаря или на троицен; цифры после двоеточия указывают номер строки внутри песнопений.

²⁴³ Об этом свидетельствует седален 2-го гласа, известный по *Ил*. Для него не отыскалось греч. соответствия. Гимн представляет собой вдохновенное прославление Солуни. Примечательно, что город назван не Солунью (селѣнь), а по-гречески, путем транскрипции (ѳесалоники). Ср.:

- (1) Хвали вѣроу, ѳесалоники,
- (2) тебе просвѣщаа мѣниемъ дѣмитрии дѣньсь
- (3) всеспрадноуѣ славоу трѣ|свѣтло просвѣщающѣ
- (4) яко прѣ|мѣдрости ани и въ дѣвѣствѣ|
- (5) трѣплетънѣи вѣнѣць носить и вѣ|нѣчаютъ
- (6) яко въ страсти всесла|вноуѣ память твораще
- (7) пожѣца и славаща чѣстною
- (8) прѣчѣсть|ноуѣ славоу и прѣвогатън дѣнь|
- (9) яко просвѣщающѣ вѣрънѣца во|гоносьно дѣньсь|

²⁴⁴ Судя по окличке св. Димитрия, не может быть сомнения, что речь идет о главном храме Солуни (храмъ твои, цркъы твоа = *Димитриев[а]*), в котором совершается торжество в день памяти святого.

²⁴⁵ Лексема ниць, употребленная дважды, не означает просто «бедный» и тем более «просящий подаяние», а применена в расширительном духовном смысле («терпящий какой-либо недостаток»): нищими в обоих случаях названы отлучившиеся от базилики св. Димитрия в Солуни и лишённые зрения ее красоты.

10) считает молитвы святого особо действенными: *мольбамаи мчѣка ти* (Т: 6), *твомни мольбамаи* (2: 6);

[*в аспекте будущего времени*]

11) надеется, по молитвам святого, когда-нибудь вернуться в Солунь и к базилике: см. ниже п. 12;

12) чтобы поклониться там (имплицитно: мощам святого): *желаемъ, стѣ, твояка црѣве поклонити сѧ* когда (2: 5–6).

Референтный анализ, как всегда бывает, может проводиться на разных семантических основаниях и с различными степенями подробности, но тем не менее исследователи, как правило, приходят к сопоставимым результатам. Так, С. Кожухаров отметил, что хотя «содержание девятой песни не дает прямых указаний об авторстве канона», тем не менее «несомненно, что его автор — уроженец Солуни» [Кожухаров 1988: 423]. Соответственно ср. выше 4-ю референтную семантическую долю.

Переходим к исчислению РПТактик, реализованных в песнопениях²⁴⁶. Итоговая совокупность РПТактик, по замыслу, позволит выявить главные смыслы текущей ситуации, в которой оказалась референтная группа.

Концепция РПТактик покоится на пресуппозиции, что адресант, говорящий от себя (или от имени референтной группы) и о себе, особенно если он предается реминисценциям (о себе) или говорит о (своем) будущем, действует по закону *непосредственного вербального реагирования* на актуальный раздражитель. Важно при этом, чтобы аффект был сильным, и тогда человек невольно фиксируется на нем, вплоть до навязчивости; особенно текущие негативные аффекты (травмы) способны надолго завладеть произвольным вниманием говорящего. Конечно, непосредственное реагирование, как правило, не охватывает всего текста целиком; оно способно содержаться во фрагментах текста, временами весьма малых. Реагирование имеет множество конвенциональных ограничителей, прежде всего этического и этнокультурного свойства. На бытовом уровне закон выражен в пословицах: например, в евангельской: *Ἐκ γάρ περισσεύματος τῆς καρδίας τὸ στόμα λαλεῖ* («От избытка сердца глаголют уста»; Мф 12: 34) или народной: «У кого что болит, тот о том и говорит». Адресант, говоря о себе, но даже и на отвлеченные темы, время от времени, как бы ходя по кругу, возвращается к своим актуальным раздражителям²⁴⁷. РПТактики актуального реагирования зачастую бывают закамуфлированы, реализованы вскользь, в шутке или оговорке; они сублимируются. Задача герменевта как раз и состоит в том, чтобы заметить и расшифровать их²⁴⁸. Правда, в прекативных тек-

²⁴⁶ См. сн. 30.

²⁴⁷ В бихевиористских терминах параллелизм ситуации и речи обстоятельно изложен К. Пайком [Pike 1967: 120–149]. См. также: [Аршинов 1999; Бахтин 1979; Брудный 1998; Гадамер 1991; Гаспаров 1996; Гиленок 1999; Грайс 1985; Иссерс 1999; Крипке 1986; Лопатин 1896; Лурия 1970; Серебренников 1988; Чейф 1983; Russel 1922] и др.

²⁴⁸ Прекрасные образцы выявления затекстной информации оставили свв. отцы, толкователи Свщ. Писания. Ср., например, интерпретацию Иоанном Златоустом лексемы *τότε* (*тогда*) в начале фразы *Τότε πορεύεις... Τούδας Ἰσκαριώτης* («Тогда шед... Иуда Искариотский»; Мф 26: 14) [Творения 1899: 416]. Герменевт задается вопросами: «...Евангелист ... не просто сказал: *шед*, но прибавил: *тогда шед*. *Тогда*; скажи мне: когда? И для чего он означает время? Чему он хочет научить меня?

стах информация, в том числе облакаемая в привычные метафоры, обычно сообщается открыто.

Скажем в заключение, что РПТактики сами по себе — невербальны, так что их именование привносится исследователем.

Поскольку тропари — это распетые молитвы, то по свойствам жанра молитвы (напомним, что в IX песни может выражаться личностное содержание) адресант вправе, во-первых, откровенно говорить о своих обстоятельствах и, во-вторых, просить помощи свыше (но не проявляя при этом нетерпения). Множество святоотеческих наставлений о молитве построено именно таким образом.

Итак, РПТактики IX песни ДК таковы:

[в аспекте общения со святым]

- 1) озабоченность тем, что молитва может оказаться недоходна до святого: не забжди же насъ (1: 2), оуслъши ны, сѣе (2: 1);
- 2) препоручение себя покровительству святого: своа рабъы (2: 1), твои раби (3: 1);
- 3) апелляция к милосердию святого: и оумили сѧ²⁴⁹ (2: 1);
- 4) предвосхищение (в будущем) радости от того, что святой поможет: яко възиграюще (1: 5);
- 5) надежда (в настоящем) на помощь святого: надѣюще сѧ твердо на твоѧ сѣънию (1: 5);
- 6) право на заступничество именно Димитрия, поскольку молитву возносят — земляки святого: застоупника твердо градоу нашему (Г: 7), сжцага очьства ти (4: 4);
- 7) демонстрация горячей любви-приверженности святому посредством метафоры: горать възнѣтърѧ наша срдца (2: 4);

[в аспекте изложения неблагоприятной ситуации]

- 8) сетование (θρήνος) на нынешнее неблагоприятное местопребывание: Ѡлжчихомъ сѧ далече... Ѡ... храма (2: 2–3);
- 9) сетование на духовный ущерб от неблагоприятного местопребывания: лишаемъ сѧ твоѧа... красотъы (3: 2);
- 10) указание на желанное местопребывание в будущем: желаемъ... твоѧа цркве поклонити сѧ когда (2: 5–6);
- 11) сетование на (по макроконтексту: вынужденный) неоседлый, скитальческий (стало быть, в том числе и опасный) образ жизни: окаание конкретно названо страннъимъ²⁵⁰ (1: 3) — да еще и за пределами своей страны: по чѣжимъ землямъ и градомъ ходяще (3: 4), да еще и в среде варваров: въ варварѣхъ... сжцага (4: 4);

Не без цели сказано это: *тогда*, — говорящий Духом не говорит напрасно и без цели. Что же значит это *тогда*?» Герменевт отдает себе отчет в том, что без специального исследования сокрытая информация не открывается: «Эти слова, по-видимому, ясны и ничего более в них не подразумевается; но если кто тщательно исследует каждое из этих слов, то найдет в них много предметов для размышления и великую глубину мыслей» [там же].

²⁴⁹ Характерный вариант в Тл и других источниках: оумоли сѧ.

²⁵⁰ Страннъ — 'путник, странник; человек, идущий куда-либо (иди бродящий без цели) и потому сейчас, временно или постоянно, не имеющий дома' (ср. в Мариином четвроевангелии (Мф 25: 35): страннъ въхъ и въвѣсте мл).

- 12) соответственно общая оценка ситуации как тяжелой, достойной жалости: наше окаание²⁵¹ (1: 3); раби Димитрия дважды назвали себя ницини (2: 1; 3: 1); *[в аспекте выставления собственной добродетели]*
- 13) ссылка на благородный мотив противоборства с неправо верующими христианами: на посрамление... тригъзычникъ²⁵² и еретникъ... воини бзываюте (3: 5–7);
- 14) при этом восприятие триязычников как большей опасности, чем еретики, — они упоминаются в двух тропарях: на посрамление... тригъзычникъ (3: 5–6) и льсть тригъзычникъ (4: 5–7);
- 15) ссылка на собственную жертвенность, ради любви Бога-творца: лишаемъ сѧ... любвѣ ради зжителѧ (3: 2–3);
- [в аспекте изменения ситуации по вмешательству святого]*
- 16) побуждение святого к молитве с целью изменения общей ситуации: чьстьно моли сѧ о нашемъ окаании (1: 2–3);
- 17) моление (ἐχτενής) о прекращении скитальчества и обретении оседлого места (пристанища): ... о нашемъ окаании страньнымъ (1: 2–3), направи авие въ пристанище... не вблагъше сѧ;
- 18) моление о возвращении в Солунь, к базилике святого: желаемъ, сѣе, твоѣѧ црѣве... твоими молитвами (2: 5–6).

Результаты референтного и рече-поведенческого анализов, как видим, частично перекрываются. Это не удивительно: характеристики референтной группы органично выражаются в однородных РПТактиках адресанта, говорящего от ее лица. Что же касается перлокутивной цели адресанта в речевом акте²⁵³, т. е. его интенции, — а святой выступает как адресат молитвы, — то и формулировка перлокуции, как правило, отчасти пересекается с информацией, добытой в референтном и рече-поведенческом анализах.

В тексте, в том числе и небольшом по размеру, может быть несколько перлокутивных целей (своя для каждого фрагмента), но может быть и только одна. Напомним, что в теории речевых актов, наряду с перлокутивной целью, входящей в замысел адресанта, учитывается еще и приводящий иллокутивный эффект²⁵⁴, но сейчас от него отвлечемся.

²⁵¹ Лексема *окаѣние/окаание*, как и лексема *страньнъ*, на фоне русского языка принадлежит к числу межъязыковых омонимов: *окаанный* — «проклятый, греховный, нечестивый; очень плохой». Отчасти эта семантика присутствовала и в церковнославянском древнейшего периода; ср. Пс 136: 8 по Синайской псалтыри: *Дъшти вавилоньска окаанаа (ή ταλαίπωρος; синодальный перевод: «опустошительница»)*. Между тем *окаанъ* или *окааньнъ* имело и другое значение — «достойный жалости, злосчастный, бедный (= попавший в беду)»; оно реализовано в контексте тропаря IX/1.

²⁵² По мнению Ф. Томсона, созданный Кириллом обличительный термин *трыязычникъ* — неудачен, поскольку противоречив: это и trilinguist и triparan [Thomson 1992: 67]. Известна также попытка А. Д. Воронова понять лексему *тригъзычникъ* как геминированную номинацию *язычников* (*три- εθνικοί*) [Воронов 1878, IV: 157]. Можно также думать, что варьирование *поганъхъ/тригъзычникъ*, представленное в *Шд*, отражает синонимику. Между тем отождествление «пилатников» и «триязычников» (*пилатъны и трыязычникъ*), предпринятое в Пространном житии Мефодия, исключает возможность понять обличительную номинацию как triparan и предписывает прилагать ее лишь к тем людям (христианам), которые говорили: не достоинъ никоторомуже языку имѣти боукъ своихъ, разве еври и гркъ и латинъ.

²⁵³ Или, в иных терминах, основной интенции.

²⁵⁴ Так, одна и та же перлокуция находит себе выражение в иллокуции определенного вида [Сёрль, Вандервекен 1986: 252–263].

Итак, нам предстоит выявить, с какими конкретными целями написаны четыре тропаря и троичен.

В двух песнопениях выявлено по одной перлокутивной цели и в еще двух — по две; в IX/1 перлокутивная цель имеет не конкретный, а общехристианский характер.

Тропарь IX/1 структурно состоит из пяти компонентов: оклички-инвокации святого (строка 1); призывания его на помощь (строка 2); изложения основной для группы нужды (в данном случае — именованная бедствий, проистекающих из бездомности и скитальчества: [моли с.а.] о нашем окаании страньнымъ; строка 3); самоидентификации группы (строка 4) и выражения твердой надежды на помощь святого (строка 5).

Поскольку окличка святого, призывание его на помощь и твердое на него упование — это рутинные элементы молитвы (loc. communes²⁵⁵) и так как самоидентификация группы, естественно, не может быть основной целью прекативной коммуникации, путем исключения получаем, что единственная перлокутивная цель тропаря — *сетование* (ἄρῳος) на *скитальческий образ жизни*, который группа хотела бы при помощи святого переменить.

Таким образом, вопреки представленному даже в Свщ. Писании стереотипному представлению, что скитальчество — общий признак христианина, в данном случае сетование на скитальчество представляет собой именно locus proptius — признак конкретной ситуации, в которой оказалась данная референтная группа.

Тропарь IX/2 также состоит из оклички святого, supplicium'a (призыва его на помощь), а далее недвусмысленно сказано, в чем состоит бедствие референтной группы — в невозможности в день памяти св. Димитрия побывать в его храме и поклониться его мощам. Почему? Потому что «мы отлучились». Причина отлучки не названа. Ясно лишь, что отлучка воспринимается как тягота. Следовательно, перлокутивная цель тропаря IX/2 не отличается от таковой тропаря IX/1: *сетование на скитальчество*, одним из бедствий которого является удаленность от «светлого храма».

Собственно, на первый взгляд может показаться, что та же перлокутивная цель характерна и для тропаря IX/3, причем на сей раз скитальчество отчетливо названо по имени — «по чужим землям и градам хождение» (3: 4). Тем не менее в третий раз называть одну и ту же прекативную интенцию было бы излишним: на сей раз обозначена, наконец, причина скитальчества — посрамление неправоверия, в частности *ложной доктрины* (в следующем тропаре будет сказано: *лести*) триязычников. Отметим, что, похоже, дружина скитальцев (употреблен термин военной сферы: *воини*) надеется справиться с неправоверными собственными силами.

Видимо, сопротивление неправоверных оказалось упорным, так что в тропаре IX/4, напротив, оставлена надежда на свои силы и на борьбу с лестью триязычников призван святой (потъци с.а., славне; вари дньсь; 4: 1–2). Здесь снова употреблена лексема военной тематической сферы: *воиводьство*. Здесь даже предвидится возможность поражения дружины в борьбе с триязычниками, так что святой должен вступить: и чьстьно ны съхрани (4: 3). Таким образом, перлокуция состоит в побуждении святого присоединиться к борьбе с неправоверными. Кроме того, поскольку тропарь IX/4 распадается на

²⁵⁵ Если сказать точнее, то это loci theologici, т. е. общепринятые богословские атрибуты коммуникации между земным адресантом и носителем святости.

две тематически самостоятельные и даже количественно равные части (строки 1–3; строки 4–6), в нем легко выявляется и вторая перлокутивная цель, выраженная метафорически: святого умоляют *положить конец скитальчеству* группы, находящейся в среде варваров.

Что же касается триязычников, то упоминания о борьбе с ними имеются в *Ил* еще в двух случаях в составе Последования на успение первоучителя Кирилла (под 14-м февраля): в 1-м тропаре III-й песни (128^г 6–10) и в заключительном седальне (132^г 16, 132^в 1–10). Ср.:

- (1) Словомъ и срдцьемъ и ѡззыкѡмъ| х̄а с̄на проповѣда
 (2) прѣмъдрѡ|сть же и сила и слово възплъщъ|ше с̄а, блжне,
 (3) стрѣлами притъчъ|нами оудиви* триѡззыкьникы|
 *В рукописи Син. 164 (XII в.; ГИМ) — оудави²⁵⁶.

- (1) ѡко з̄ара просвѣщъ всю з̄емлю| еретикы гоншии въз...каѡ|
 (2) на възстоцѣ и западѣ и сѣ|верн и оузѣ
 (3) и триѡчникы| правшии проповѣдаѡ коньце|мъ
 (4) въз ѡззыкъ ихъ г̄ла книгы прѣлагаѡ
 (5) рима же дошъдъ| тж и тѣло свое положи, блжне,
 (6) и дшю свою въз ржцѣ г̄ни прѣда|сть
 (7) блговѣрьнзыи оучителю|
 (8) моли х̄а б̄а грѣхѡвъ оставле|

*Испорчено (гаплография); должно быть (по Син. 164): *триѡззыкьникы*.

Наконец, обращаемся к последнему песнопению IX песни ДК. В троицне IX/Т выделяются две части: первая — это моление к Пресв. Троице, состоящее из общих догматических мест, вторая — инвокация святого, примечательная тем, что референтная группа самым недвусмысленным образом объявляет себя уроженцами города, избирательным заступником которого является св. Димитрий, т. е. Солуни. Перлокутивная цель в троицне для целей настоящего исследования не имеет значения, поскольку она изложена в общехристианском духе и лишена конкретности.

Таким образом, референтный, рече-поведенческий и перлокутивный анализ текстов IX ДК (за исключением IX/Т) позволил выявить две основные интенции, содержащиеся в них: 1) сетование на скитальческий образ жизни; 2) переживание острой борьбы с неправовверными. Эти тяготы сопряжены: скитальчество обусловлено борьбой с неправовверными. Ситуация, в которой оказались члены референтной группы, по их самосвидетельству, характеризуется именно названными двумя бедами. Примечательно, что они обе изложены в тропарях не путем аллюзивирования (как нередко бывает в гимнографии), а совершенно открыто и явно.

II.

Теперь наступило время соотнести информацию, извлеченную исключительно из песнопений, с теми сведениями о первоучителях Кирилле и Мефодии

²⁵⁶ Ф. Томсон считает первичным именно это чтение: оудави (= stifled) [Thomson 1992: 69]. Здесь и далее мы учитываем мнения Ф. Томсона, поскольку он является автором серьезной монографии о доктрине триязычия.

и дружине их учеников, которые известны из других надежных источников. Гипотеза, согласно которой тропари IX песни отражают нужды и чаяния именно этой группы, многократно высказывалась в литературе вопроса.

Были первоучители скитальцами-странниками? Да, были. Начиная от сарацинской миссии, первоучители — сначала вместе, а затем один лишь старший брат (с учениками) — постоянно перемещались в пространстве.

Может быть, состояние скитальца является обязательным для христианина? Нет, не является. Множество христиан живет оседло, имеет домá и обитает в них (такова обиходная жизненная норма, имеющая, кстати сказать, по Платону, характер врожденной идеи: «жилище — это благо»).

С одной стороны, христианство не отрицает ни оседлого образа жизни, ни важности для человека собственного дома. Наиболее характерна, пожалуй, притча о благоразумном и безрассудном домохозяине: «Итак всякого, кто слушает слова Мои сии и исполняет их, уподоблю мужу благоразумному (ὁ σοφὸς οἰκοδόμος), который построил дом свой на камне <...>. А всякий, кто слушает сии слова Мои и не исполняет их, уподобится человеку безрассудному (ὁ ἀσοφὸς οἰκοδόμος), который построил дом свой на песке <...>» (Мф 7: 24–27). Ясно видно, что Иисус исходит из обычной предпосылки, что иметь дом — ничуть не зазорно; напротив, благоразумный домохозяин удостоен похвалы. — На пресуппозиции важности дома в жизни человека построены, например: призыв бодрствовать, чтобы не пустить вора в дом (Мф 24: 43); заповедь ученикам приветствовать тех, кто находится в доме (Лк 10: 5); предостережение против разделений в доме (Мф 12: 25); ссылка на бедствия от запустения в доме (Мф 23: 38) и т. д.

С другой стороны, сам Христос все же был скитальцем («странствующим рабби») ²⁵⁷, а его апостолы также не имели постоянного жилища. Действительно, Христос не имел где приклонить главу (снѣ члвчскы не имать кѣде главы подыклонити [Мф 8: 20; так же Лк 9: 58; здесь и далее цитируем по Мариинскому евангелию]); он неоднократно призывал своих учеников последовать своему примеру. Отъвѣштавъ же Гсѣ рече. аминь глѣж вамъ. никтоже естѣ иже оставитъ домъ <...> мене ради и евангѣлїѣ. аште не имать приати <...> въ вѣкъ градштин животъ вѣчннн (Мк 10: 29–30). Призыв нашел многочисленных последователей. Например, объясняя, почему первоверховный апостол Петр, совершивший троекратное отречение от своего учителя, тем не менее помилован, Иоанн Хризостом в знаменитом Поучении в неделю Пасхи вкладывает в уста Христа риторический вопрос (цитируем по старопечатному Златоусту): Тѣбѣ же, ѡстававшѣ мене ради домъ, женѣ и дѣти, единачу ли грѣхѣ не ѡставаю. Далее, ап. Павел, перечисляя жизненные испытания, которые христиане взяли на себя ради проповеди новой религии, пишет: καὶ ἀστατοῦμεν «и скитаемся» (1 Кор 4: 11). Ср., наконец, тематический ряд тягот, в который поставлено ски-

²⁵⁷ Это его состояние всячески подчеркивалось в святоотеческой книжности. В частности, см. цепочку соответствующих преδικаций в Слове на погребение Христова Епифания Кипрского (по тексту Супрасльской рукописи). Иосиф Аримафейский является к игемону Пилату и увещевает его выдать тело Иисусово: даждь ми тѣло мрътво на погребение... Исоуса ништааго. Исоуса бесхрамника... небрѣгома вьсѣми... Даждь ми сего страннааго. имоуже мѣста и жилишта не съвѣмъ... Даждь ми сего страннааго. не няшштааго съде кде главы подыклонити. даждь ми сего страннааго въ страннннннхъ яко странна бесхрамника... Даждь ми сего страннааго... иже ни града ни вьси. ни храма ни обитѣли ни рода имать. въ стоужден странѣ (Супр 454, 15 — 455, 6).

тальчество (цитируем по синодальному изданию слав. Библии): ...до нѣнѣшнаго часа ѿ ѡлчемъ, ѿ жаждемъ, ѿ наготѣемъ, ѿ страждемъ, ѿ скитѣемса, ѿ трѣждаемса, дѣлающе своиими рѣками.

С учетом возможности выбора между оседлой и скитальческой жизнью члены референтной группы не последовали (совсем не зазорному) императиву обыденной этики иметь жилище, а выбрали для себя альтернативный путь этики строгой²⁵⁸. Этот выбор едва ли был им навязан; ясно сказано, что он был сделан добровольно: любуѣе ради зжителѣа (3: 3).

В свете сказанного сошлемся на ситуацию аналогичного выбора, известную из Пространного жития Мефодия.

О последних днях Константина-Кирилла в нем сказано: По днѣхъ же мнозѣхъ философъ, на соудъ градъзи, рече къ мѣфодию братоу своему: «се, брате, бѣ соупроуга еахове, единою браздоу тажаща, и азъ на лѣсѣ падаю, свои днѣ съконьчавъ; а ты любяши гороу вельми, то не мози горъ ради вставиши оучениа своего, паче же можеша кымъ спсѣенъ възгнѣи» (цитируем Успенский сборник; по изданию [Лавров 1930: 73]). Говоря иначе, незадолго до смерти Кирилл почувствовал опасение, что брат его Мефодий (по человеческому естеству, ищущему оседлости и покоя), пожелает вернуться на место игумена в свой любимый монастырь (предположительно Полихрон на малоазийской горе Олимп). Оседлость и покой, как упоминалось, — желанная и законная цель любого человека. Тем не менее Кирилл призывает брата продолжить тяжкий путь скитальчества и беспокойства. Спасительной для брата первоучитель объявил «безместную», неприютную жизнь: проповедью оучениа своего среди славян Мефодий может спсѣенъ възгнѣи. Поскольку в увещании содержится фактическое предупреждение против оседлой жизни (ты любяши гороу вельми, но: не мози горъ ради вставиши оучениа), имплицитно, что в данной конкретной ситуации скитальчество скорее (паче же) приведет к спасению души. Мефодий сделал выбор и последовал заповеди брата.

Тема скитальчества развернута в замечательной стихире 5-го гласа из последования Димитрию по З₂ (в издании [Кожухаров 1988: 425])²⁵⁹:

- (1) Приди, мнѣнче хвѣ, къ намъ
- (2) трѣвоующимъ мѣтвѣна посѣщенниа
- (3) избави възобленниа мѣнчѣнными прѣщенни
- (4) и лютиимъ неистовѣствомъ кереси
- (5) юеже вѣко плѣнни и назнѣ гонимѣ кесѣми
- (6) мѣсто Ѡ мѣста често прѣждающе

²⁵⁸ Вопрос выбора скитальчества как образа жизни ради служения нуминозному, т. е. по императиву сильной этики, обстоятельно обсуждается ниже (Раздел третий, Часть IV, подглавка 01–1).

²⁵⁹ В целокупном последовании Димитрию среди стихир имеются песнопения, переведенные с греческого [Верещагин 2001а: 389]. Известны и стихирь, для которых греч. соответствия не приисканы. Стихира из З₂, по мнению С. Кожухарова, входит в число последних: «Предварительные наблюдения върху стихирарниа състав дават основание да се допусне, че Методий е написал и стихирь към Канона, чийто брой засега е невъзможно да се предположи. Съ сигурност обаче може да се приеме, че авторът на Канона е автор и на стихирѣа <...> Приди, мнѣнче хвѣ, къ намъ» [Кожухаров 1986: 77].

- (7) и влоудеще въ врьтъпѣхъ и въ горахъ
 (8) оущедри оубо, прѣхвальне,
 (9) и даждь намъ ославоу и оустави боуроу
 (10) и разрѣши негодование еже на насъ
 (11) боу помоли се подающемуу мироу велию милость.

На этом заканчивается конкретно-историческое рассмотрение сетования на скитальчество — первой из двух главных интенций IX песни ДК. Что же касается второй главной интенции — противоборства с триязычниками, то ее анализ, на наш взгляд, может послужить уточнению времени создания ДК, точнее — выявить *terminus ante quem*, а также поставить вопрос о редактировании одного из тропарей канона под влиянием изменившейся текущей ситуации.

Мотив противостояния триязычникам звучит в житиях неоднократно ²⁶⁰.

В Пространном житии Мефодия читается: ...блдоху же етера многа чадь, таже гоужа-хоу словѣньскыа книгы, глюще, тако не достонгъ никоторомоуже гзъкоу имѣти боуковъ своихъ, разве еврѣи и гркъъ и латинъ, по пилатовоу писанию, еже на крестѣ гни написа, еже апостоликъ ²⁶¹ пилатъны и трызъчычныкы нареклъ проклатъ ²⁶²... В Пространном житии Константина-Кирилла сказано: въ нѣтъцѣхъ (= Венеции) же бѣвшоу емоу, собравшеса намъ латиньстѣи епископи и поповѣ и чернорисци, тако врани на сокола и въздвигоша трызъчную ересь, глаголюще: (чловѣче,) скажи намъ, како ты еси нѣнѣ створилъ словѣномъ книгы, и оучиши а, нуже нѣсть никтоже ннъ первѣе обрѣлъ, ни апостолъ, ни римьскын папезь, ни феоологъ григорѣи, ни иеронимъ, ни авгоустинъ, мзы же три езъкъ токмо вѣмзы, илиже достонгъ въ книгахъ славити бога, еврѣискы, еллиньскы, латиньскы.

Сведения о концепции триязычия в связи с миссией Кирилла и Мефодия к славянам Центральной Европы можно найти в ряде публикаций ²⁶³.

Триязычная доктрина, как известно, состоит в том, что в скриптурном ²⁶⁴ и литургическом употреблении могут быть по праву всего лишь три «священных» языка, — те самые, которые использовал Пилат в надписании на кресте Иисуса Христа, а именно: еврейский, греческий и латынь. Пропоненты концепции ссылались на суждения некоторых отцов и учителей Церкви — Иеронима Стридонского (ок. 342–420), Илария Пиктавийского (или: из Пуатье; ок. 310/320–367), Исидора Севильского (ок. 560–636) и др.

В середине XIX в. австрийский историк Э. Дюммлер (см. [Dümmeler 1854: 179 и сл.]) выступил с догадкой, согласно которой истоки концепции триязычия усмат-

²⁶⁰ Славянские тексты выписываем по изданию [Лавров 1930]; переводы житий на современный русский язык заимствуются из кн. [Флоря 2000].

²⁶¹ То есть папа Римский. Имеется в виду папа Адриан II.

²⁶² По мнению Ф. Томсона, когда папа Адриан II произвел термин *пилатъны* и проклял *пилатников*, речь может идти не об *анафеме*, а только об *отлучении* от церкви (*экскоммуникации*). Именно в IX в. в Риме и в Империи франков стали проводить четкое различие между *анафемой* (вечным проклятьем) и *отлучением* (оно предполагало [временный] запрет причащаться) [Thomson 1992: 68].

²⁶³ См., например, [Grivec 1960: 76–77], [Dujčev I. 1961], [Dvornik 1970: 367], [Kujew 1966: 53–65], [Флоря 2000: 251–252] и т. д.; в названных книгах см. и библиографию вопроса.

²⁶⁴ Скриптурный (от [sacra/divina] scriptura) жанр книжности — жанр книг Свщ. Писания.

риваются именно у Исидора, богослова энциклопедической образованности в эпоху темных веков (*postri saeculi doctor egregius*²⁶⁵). Действительно, в знаменитом трактате «*Etymologiae*» Исидор отстаивает мысль об исключительности иврита, греческого и латыни; во всяком случае, у него в эксплицитном виде присутствует понятие «священного языка», и именно он приводит «аргумент от Пилата»: *Tres autem sunt linguae sacrae: Hebraea, Graeca, Latina, quae toto orbe maxime excellent. Hic enim tribus linguis super Crucem Domini a Pilato fuit causa eius scripta* [*Etymologiae*, XI, 13²⁶⁶] («Имеются всего три священных языка: еврейский, греческий, латинский, и они наиболее выделяются во всем мире. Посему и Пилатом на трех языках была сделана надпись на Кресте Господнем»).

Суждения Исидора можно интерпретировать по-разному, но в сап. 50 поместного Франкфуртского собора 794 г. следы концепции триязычия выражены недвусмысленно: там говорится, что в проповеди и во внелитургических молитвах использование родных языков паствы — разрешается²⁶⁷; этим имплицитно, что не допускается использование за богослужением и при чтении Свщ. Писания родных языков²⁶⁸.

Соответственно в полемическом анонимном трактате «*Opusculum Contra Francos*» (*Περὶ Φράγγων καὶ τῶν λοιπῶν Λατίνων*)²⁶⁹ доктрина триязычия приведена в качестве одного из заблуждений латинян. Хотя сочинение восходит ко 2-й половине XI в. (или даже к началу XII в.), в нем содержатся заимствования из трактата 2-й половины IX в., приписываемого патр. Фотию (опубликован Гергенрёттером [Hergengöther 1869: 62–71]; см. также [Papadopoulos-Kerameus 1897]). В частности, в трактате с осуждением говорится: (франки = латиняне) *λέγουσι μὴ δεῖν ἄλλαις γλώσσαις τὸ θεῖον γεραίρεσθαι*²⁷⁰, *εἰ μὴ ταῖς τρισὶ ταῦτα διαλέκταις: ἑβραϊστὶ, ἑλληνιστὶ, ῥωμαϊστὶ*²⁷¹

²⁶⁵ Так его назвали на VIII поместном Соборе в Толедо (653 г.).

²⁶⁶ Migne, PL, t. 82, 3–4 (1878), col. 326.

²⁶⁷ Впрочем, в сап. 52 указанное ограничение как будто снимается: *Ut nullus credat, quod non nisi in tribus linguis Deus orandus sit, quia in omni lingua Deus adoratur et homo exauditur, si iusta petierit* («Никто да не верует, что Богу можно молиться только на трех языках, поскольку Богу можно поклоняться, и человек будет услышан, на любом языке, если он просит то, что праведно») [Dvornik 1970: 367]. На деле же здесь говорится о том, что допустимы на родных языках лишь частные молитвы. В решениях поместных соборов Западной Церкви начала IX в. (Аахенском 802 г., Майнцском 813 г.) говорилось о необходимости «для духовенства проповеди населению на домашнем языке» и даже предписывался «с этой целью перевод некоторых проповедей на народную латынь или немецкий. Одновременно людям, которые не знают латыни, разрешалось молиться Богу на своем языке. Однако совершение богослужения допускалось лишь на трех „священных“ языках» [Флоря 2000: 251–252]. Исключительное употребление латыни как литургического языка на Западе продолжалось вплоть до решения II Ватиканского собора от 4 декабря 1963 г., отменившего монополию.

²⁶⁸ Даже весьма ангажированный Ф. Томсон, выражаясь очень осторожно, решения Франкфуртского собора признал свидетельством, пусть и «единственным», способным указать на концепцию, которая подобна триязычию в смысле Кирилла и Мефодия.

²⁶⁹ См. подробнее: [Beck 1977: 538].

²⁷⁰ По Лексикону Лиддела/Скотта, *γεραίρω* — 1) *to honour or reward with a gift*; 2) *to celebrate*. По Лексикону Лампе, 1) *to honour*; 2) *esp. to God, worship*. Если семантика истолкована правильно, — а Лампе ссылается на целый ряд выписок из свв. отцов, — то речь идет специально о запрещении совершать богослужения, т. е. о запрете именно на литургию.

²⁷¹ Есть и точный слав. перевод: *молваѣтъ во тѣи, јако не достоитъ инѣмъ языкомъ хвалити Бога, но токмо тремя языки, жидовьскыиъ языкомъ, еллинскыиъ и римскыиъ* [Попов 1875: 115].

[Hergenröther 1869: 68]. Если сделать скидку на полемический задор трактата, все-таки в нем адекватно отражается превалирующая практика Западной Церкви²⁷².

Что касается позиции самого патр. Фотия, современника Кирилла и Мефодия, то она косвенно отразилась в документе конца XII в.: ее подытожил великий канонист Феодор Вальсамон, патриарх Антиохийский (род. ок. 1140 — ск. не ранее 1195 г.)²⁷³. Вальсамон, как известно, толковал канонические тексты, написанные задолго до него, — например, при патр. Фотии и раньше, — так что и в его авторитетном определении относительно переводного богослужения не-ромеев усматривается отражение многовековых воззрений. Отвечая на вопросы патриарха Александрийского Марка, в частности на 5-й вопрос²⁷⁴, он сначала сослался на авторитетнейшее мнение ап. Павла²⁷⁵, а затем (как бы в качестве вывода) заявил: Οἱ γοῦν Ὀρθοδοξοῦντες ἐν πᾶσι, ἂν ὡσι τῆς Ἑλληνίδος φωνῆς πάντων ἀμέτοχοι, μετὰ τῆς ἰδίας διαλέκτου ἱερουργήσουσιν, ἀντίγραφα ἔχοντες τῶν συνήθων ἀγίων εὐχῶν ἀπαράλλαхта, ὡς μεταγραφέντα ἐκ χονταχίων καλλιγραφηθέντων διὰ γραμμᾶτων Ἑλληνικῶν [Migne, PG, vol. 88, 1865: 957]. Таким образом, он указал, что православные не-ромеев вправе священнодействовать на родных языках, но (лишь) при условии, что они «имеют совершенно одинаковые²⁷⁶ списки принятых святых молитв, переведенные²⁷⁷ с исправно переписанных греческих литургических книг²⁷⁸». Феодор Вальсамон, как представляется, фактически выставил два ограничивающих условия: во-первых, все литургические книги на местном языке должны быть одинаковыми; во-вторых, литургические книги должны содержать точные переводы с греческого. Если эти (вполне выполнимые) условия соблюдены, то нет препятствий для богослужения на местном языке. Будучи патриархом Антиохийским, он прекрасно знал, что в его патриархате богослужения издавна правятся на сирийском и арабском языках.

²⁷² Ф. Томсон исследовал еще три полемических каталога латинских заблуждений с упоминаниями о трингвизме (из рукописи митр. Кирилла Кизичского [после в 1204 г.]; из кодекса, переписанного в 1281 г. неким Львом; из послания, направленного митр. Никифором Киевским [1104–1121] Ярополку Вольнскому [ск. в 1123 г.]); все они взяты из *Opusculum*'a. Все византийские ссылки на западный трингвизм не связаны с миссией Кирилла и Мефодия и представляют собой самостоятельный источник.

²⁷³ Подробнее о личности и трудах Феодора Вальсамона см. [Beck 1977: 657–658] и [Красножен 1911].

²⁷⁴ «Нет ли ущерба при совершении священных действий на местном диалекте православными верующими, сирийцами или из Армении, а также из других областей, или им необходимо священнодействовать по греческим книгам?» [Migne 1865: 957].

²⁷⁵ Ὁ μέγας ἀπόστολος Παῦλος, Ῥωμαίους ἐπιστέλλων, φησὶν ἢ τοῦδαίων μόνον ὁ Θεὸς, οὐχὶ δὲ καὶ ἔθνῶν; καὶ καὶ ἔθνῶν [Ibid.] («Великий ап. Павел, в послании к Римлянам, говорит: Неужели Бог есть Бог Иудеев только, а не и язычников? Конечно, и язычников [Рим 3: 29]»).

²⁷⁶ Переводческим эквивалентом «совершенно одинаковые» (можно было бы также сказать: «ни в чем не отличные») мы передаем (употребленный патр. Феодором) ключевой патристический термин ἀπαράλλαχτος. В Лексиконе [Lampe 1976: 174–175] он толкуется как: *invariable, unchanging, precisely similar, identical, in no way varying or differing*.

²⁷⁷ Употребленный здесь в подлиннике глагол μεταγράφω в медиопассиве означает «переводить с языка на язык».

²⁷⁸ Словосочетанием *литургические книги* мы передали оборот оригинала ἐκ χονταχίων. Κοινάχιον — это не только жанр литургической поэзии, сопряженный с именем Романа Сладкопевца, но и тип литургической книги — род служебника, содержащий литургии Иоанна Златоуста, Василия Великого и Преждеосвященных Даров [Lampe 1976: 768]. В данном контексте термин употреблен в расширительном смысле.

Иными словами, если для Восточной Церкви доктрина триязычия, можно считать, нехарактерна, то для Церкви Западной прямое отрицание присутствия такой доктрины — невозможно.

Иное дело, как *квалифицировать* эту доктрину. Ф. Томсон назвал триязычие «мифической ересью Запада». Собственно, ученый не отрицает присутствие триязычной доктрины на Западе²⁷⁹, и пафос его монографии фактически состоит в том, чтобы именовать ее не ересью²⁸⁰, а как-то иначе, слабее (например, *erratum, propositio falsa, sententia improbabilis*; см. [Thomson 1992: 98]). Пусть будет так²⁸¹; суть противостояния, острота и *odium theologicum* от этого не меняются.

Рассмотрим документы, которые без натяжек можно признать за подлинные²⁸².

Папа Иоанн VIII (понтификат: 872—882 гг.) в апостольском послании²⁸³ от конца июня — начала июля 879 г. запретил²⁸⁴ Мефодию служить литургию (= мессу) по-славянски и потребовал, чтобы она служилась или по-латыни, или по-гре-

²⁷⁹ В большей мере доверяя латинским источникам, чем славянским, Ф. Томсон тщательно исследовал их (Легенду Кристиана [Vita et passio S. Wenceslai et S. Ludmle], Моравскую легенду [Tempori Michaelis imperatori], Богемскую легенду [Diffudiente sole] и Легенду Quetadmodum) и пришел к выводу, что они определенно сообщают о разногласиях относительно славянской литургии и о подозрительности папства (they record initial papal suspicion of the innovation) [Thomson 1992: 70].

²⁸⁰ Томсон дает собственное определение *ереси*: «намеренное, упорное отрицание определенной сформулированной вероучительной догмы, или сомнение в ней, или же исповедание и распространение доктрины, которая была осуждена как противоречащая откровенной истине» [Thomson 1992: 98]. Между тем, конечно, имеются и другие, значительно более широкие понимания того, что есть *ересь*. Так, в Номоканоне XIV титулов читается: «Кто не православный — тот еретик» (ἀρετικός ἐστὶ τῆς μὴ ὀρθοδοξίας) [Правила 1994, 2: 370]. В Алфавитной Синтагме Матфея Властаря сказано: «И тот еретик и подлежит законам на еретиков, кто и мало уклоняется от православной веры» [Алфавитная Синтагма 1996: 58]. Собственно, достаточно бывает отличия в обычае: например, *аристеры* всего лишь гнушались принимать что-либо левой рукой, и уже были причислены к еретикам. Некто Нават, не желавший иметь общения с двубрачными, не совершил догматических ошибок, но за «братоненавидение» был, по сообщению Евсевия Памфила, отлучен и предан анафеме на Римском соборе, бывшем при Папе Корнилии (понтификат: 251—253 гг.). В Кормчей печати патр. Иосифа на л. ҃ (в главе Ѡ фрѣзѣхъ, ѡ прѣчихъ латинѣхъ) сказано: ѣликоже западнымъ страны хрѣтѣне ... ничимъ же Ѡ вѣтчихъ ѣлинизъ разанчнн соуть.

²⁸¹ Со снисходительной же точки зрения, триязычников можно причислить к *парасинагоге* (παρὰ συναγωγή, *illicitus conventus*), поскольку их отступничество выразилось, в частности, в том, что они обходили своего законного епископа и хулили его за поступки (например, совершение Литургии по-славянски), отнюдь не предосудительные. Снисходительная точка зрения может применяться и к таким церковным потрясениям, как, например, иконоборчество. В Житии исповедника Никиты, игумена Мидийского, сказано: «Некоторые считают эту ересь менее важной и не ставят ее ни во что <...>; а некоторые полагают, что это и не ересь, а только препирательство. Я же думаю, <...> что она очень страшна, потому что идет против домостроительства Христова» [Житие 2001: 119].

²⁸² В Житии Мефодия (у Лаврова: с. 73—74) и в Похвальном слове Кириллу и Мефодию (у Лаврова: с. 85) содержится славянская версия апостольского послания Адриана II, относимая к 868—869 гг. Она весьма значима для нашей темы. Тем не менее не ссылаемся на нее, поскольку латинский документ в Ватиканском архиве не сохранился.

²⁸³ Нередко эти документы 879 и 880 гг. в научной литературе называют *буллами*. Между тем в слав. традиции (в Житии Мефодия, гл. VII; [Лавров 1930: 73]; в Слове похвальном на память Кирилла и Мефодия [Лавров 1930: 85]) употреблен другой церковно-дипломатический термин — *епистолина* (ἐπιστολή «письмо, послание»). Кроме того, лицу, которому надлежит ведать, также называется документ 880 г. не *буллой*, а *посланием* (см. [Апостольское послание 2001: 313]).

²⁸⁴ Он использовал недвусмысленный глагол *prohibeo* «препятствовать, не допускать, запрещать».

чески, но в согласии с канонем Франкфуртского синода допустил славянскую проповедь и катехизацию.

Audimus etiam, quod missas cantes in barbara, hoc est in Sclavina lingua, unde iam litteris nostris per Paulum episcopum Anconitanum tibi directis prohibuimus, ne in ea lingua sacra missarum sollempnia celebrares, sed vel in Latina vel in Graeca lingua <...>. Predicare vero aut sermonem in populo facere tibi licet, quoniam psalmista omnes ammonet Dominum gentes laudare et apostolus: «Omnis», inquit, «lingua confiteatur, quia Dominus Iesus in gloria est Dei Patris» («Мы слышали еще, что ты служишь Мессы на варварском, стало быть славянском, языке, что мы запретили в нашем письме, направленном тебе посредством Павла, епископа Анконского²⁸⁵, чтобы ты служил святые торжественные мессы не на их языке, а или по-латыни, или по-гречески <...>. Тебе, однако, подобает говорить или проповедовать к народу²⁸⁶, как псалмопевец зовет все народы восхвалять Господа (Пс. 116: 1) и апостол говорит, чтобы „всякий язык исповедал, что Господь Иисус в славу Бога Отца“»).

Такова одна папская позиция — фактической поддержки доктрины триязычия (с ее церковно-дисциплинарными следствиями). Она вскоре, даже вдруг сменилась другой, противоположной, — отрицания доктрины, и опять-таки с последствиями для церковной дисциплины. В апостольском послании князю Святополку, написанном в июне 880 г., ныне широко известном по начальным словам «*Industriae tuae*», тот же папа Иоанн VIII, упомянув о «трех главных языках», совершенно недвусмысленно одобрил славянские переводы, выполненные св. Кириллом, проверил и подтвердил правоверие св. Мефодия и, приведя серьезное богословское обоснование, допустил на славянском языке как богослужение (и суточного круга Часов, и Мессы = Литургии), так и чтение Свщ. Писания. Иными словами, не кто иной как сам Римский папа в решительных выражениях дезавуировал доктрину триязычия.

Документ 880 г. очень важен²⁸⁷, и ниже из него приведены показательные выписки в порядке их следования в источнике.

Igitur hunc Methodium, venerabilem archiepiscopum vestrum, interrogavimus coram positis fratribus nostris episcopis, si orthodoxe fidei symbolum ita crederet et inter sacra missarum sollempnia caneret, sicuti Sanctum Romanam Ecclesiam tenere et in sanctis sex universalibus synodis a sanctis patribus secundum evangelicam Christi Dei nostri auctoritatem promulgatum atque traditum constat. Ille autem professus est, se iuxta evangelicam et apostolicam doctrinam, sicuti Sancta Romana Ecclesia docet et a patribus

²⁸⁵ Это письмо не сохранилось.

²⁸⁶ Имплицируется: на славянском языке.

²⁸⁷ Папские письма IX в. в одновременном сборнике не дошли до нас. Однако сохранился точный список этих регистров, выполненный в XI в. (может быть, с черновиков писем IX в.). Этот сборник написан так наз. беневентанским письмом, содержит 314 посланий папы Иоанна VIII за период 876–882 гг. и хранится в Ватиканском архиве под шифром Reg. Vat. 1 (см. подробнее [Дуйчев 1972: 261]). Интересующее нас письмо № 257 занимает в источнике листы 99^v–100^v. Оно многократно публиковалось; (легко читаемое) факсимильное воспроизведение см.: [Od slovienskej liturgie 1992: 10–12]); мы цитируем по критическому изданию [Sveta brata 1985: 93–95], но в использовании прописных букв придерживаемся пиетических написаний.

traditum est, tenere et psallere. Nos autem illum in omnibus ecclesiasticis doctrinis et utilitatibus orthodoxum et proficuum esse repperientes, vobis iterum ad regendam commissam sibi Ecclesiam Dei remisimus²⁸⁸ («Затем мы задавали вопросы сему Мефодию, вашему высокочтимому архиепископу, перед собранием наших братьев-епископов, исповедует ли он по-православному Символ веры и поет ли за святыми торжествами Мессы так, как хранит Святая Римская Церковь и как было изложено и передано на шести Вселенских соборах и свв. Отцами, в согласии с Евангельской властью Христа, Бога нашего. Он же публично объявил, что сохраняет [Евангелие] и поет [Мессу] в согласии с евангельским и апостольским учением, как учит Святая Римская Церковь и как заповедано Отцами. Мы же, нашедши его православным во всех церковных учениях и умелым в служении, посылаем его к вам назад для управления Церковью Божиею, врученной ему»).

Litteras denique Sclavinicas, a Constantino quondam Philosopho reppertas, quibus Deo laudes debite resonent, iure laudamus, et in eadem lingua Christi Domini nostri ptesonia et opera enarrentur, iubemus («Наконец, мы по закону похвалием славянские письма, некогда созданные Константином Философом, которыми по достоинству воспеваются похвалы Богу, и предписываем, чтобы на этом языке возносились хвалы Господу нашему Иисусу Христу и его деяниям»²⁸⁹).

После этого в апостольском послании дается богословски фундированное утверждение роли всех языков в проповеди Христа и в богослужении, а триязычная доктрина осуждается даже по имени: Neque enim tribus tantum, sed omnibus linguis Dominum laudare auctoritate sacra monemur, que precipit dicens: «Laudate Dominum omnes gentes et collaudate eum omnes populi» («Священная власть требует, чтобы мы хвалили Господа не только на трех, но на всех языках, как предписано в словах: „Хвалите Господа, все народы, прославляйте Его, все племена»²⁹⁰»).

Далее в апостольском послании содержится ссылка на событие Пятидесятницы, когда апостолы, по дару Св. Духа, заговорили на многих языках (Деян 2: 1–12) и выделено место и подчеркнута фраза (2: 11), подтверждающая правомерность использования всех языков для похваления Бога. Согласно «Деяниям», парфяне, мидяне, эламиты, жители Месопотамии, Иудеи, Каппадокии, Понта, Азии, Фригии, Памфилии, Египта, частей Ливии, прилежащих к Киринее, критяне, аравитяне и представители других народов «все изумлялись и дивились, говоря между собою»: «Как же мы слышим каждый собственное наречие, <...> слышим их нашими языками говорящих о великих делах Божиих?» (Деян 2: 7–11).

В документе приводится, далее, выписка из послания ап. Павла (Флп 2: 11), в которой содержится призыв, чтобы «всякий язык исповедал, что Господь Иисус

²⁸⁸ Этот фрагмент и следующий по-русски приведен в кн. [Флоря 2000: 383]. Предпочитаем, однако, пользоваться собственным переводом.

²⁸⁹ Папа Иоанн Павел II 31 декабря 1980 г. выпустил апостольское послание «Egregiae virtutis», приуроченное к 1100-летию апостольского послания папы Иоанна VIII князю Светополку. В послании 1980 г. свв. Кирилл и Мефодий объявлены, наряду со св. Венедиктом Нурсийским, «на все времена небесными сопокровителями всей Европы у престола Божия». В послании 1980 г. дана высокая оценка послания 880 г., содержится выписка из последнего и, в частности, сказано: «В этом послании одобряется и рекомендуется употребление славянского языка в литургии, чтобы „на этом языке возносились хвалы Господу нашему Иисусу Христу и его делам“» [Апостольское послание 2001: 313].

²⁹⁰ Пс. 116: 1.

Христос в славу Бога Отца». Дается ссылка на другое послание того же апостола (1 Кор 14: 5): «Желаю, чтобы вы все говорили языками».

Не удивительно, что на столь солидном богословском фоне сделан и вполне эксплицитный вывод о легитимности славянского языка в церковном употреблении: *Nec sane fidei vel doctrine aliquid obstat sive Missas in eadem Sclavinica lingua canere sive Sacrum Evangelium vel lectiones divinas Novi et Veteris Testamenti bene translatas et interpretatas legere aut alia horarum officia omnia psallere, quoniam, qui fecit tres linguas principales, Hebream scilicet, Grecam et Latinam, ipse creavit et alias omnes ad laudem et gloriam suam* («Никакая здравая вера или учение не препятствуют, чтобы на этом славянском языке пелись Мессы, или прочитывались как Священное Евангелие, так и божественные наставления Нового и Ветхого Завета, если они хорошо переведены и истолкованы, равно как совершались прочие службы Часов²⁹¹; ибо Тот, кто сотворил три главных языка, то есть еврейский, греческий и латынь, Тот же сотворил и все прочие на похвалу Себе и славу»).

Сделано единственное и несущественное ограничение: папа предписал, повторяя отчасти повеление своего предшественника Адриана II, как оно отразилось в славянской версии²⁹², чтобы за богослужением Евангелие сначала прочитывалось по-латыни, а затем в переводе на славянский, да сѧ испълнитъ книжьное слово, тако възхвалять ꙗко вси язъци.

Послание 880 г. было отправлено князю Святополку через посредство Мефодия; стало быть, Мефодий прочитал о прямом осуждении триязычников — одним из первых.

Соответственно текущая ситуация для Мефодия и его дружины изменилась теперь радикальным образом, и изменилась к добру. Отсюда, по закону непосредственного вербального реагирования только на актуальный раздражитель, должны были радикально измениться и РПТактики, а также и перлокутивные цели в прекативной коммуникации. Лукавить в анабатическом общении со святым (например, не замечать изменения к благу и не благодарить за него) — этически невозможно.

Действительно, получив папскую поддержку, Мефодий с учениками, естественно, мог в дальнейшем предъявлять триязычникам авторитетнейший документ — приговор крайнего судии в богословских вопросах, наместника первоверховного апостола Петра. Триязычники, по церковной дисциплине, были теперь обязаны или замолкнуть²⁹³ и покаяться, или же им надлежало выйти из ограды

²⁹¹ Под *horarum officia* (службы Часов) понимаются последования суточного круга, ныне включающие в себя утреню, дневные часы, вечерню и повечерие, за исключением Мессы (= Литургии). (Состав службы Часов в IX в. точно неизвестен.) О допустимости совершения Мессы по-славянски в цитируемом фрагменте сказано также и отдельно.

²⁹² Имеется в виду апостольское послание папы Адриана II славянским князьям Ростиславу, Святополку и Коцелю, отправленное ориентировочно в 868–869 гг. и, к сожалению, не сохранившееся в Ватиканском архиве. Отсюда сомнения в его подлинности. Послание дошло до нас в славянском переводе (в Житии Мефодия, гл. VIII), и в нем сказано: сѧ же єдинъ хранити овъчѧи, да на мѧши първѣе чѧтоутъ аплъ и евангѧлиє римскъзи, таче словѣнскъзи [Лавров 1930: 73–74]. В этом послании далее сказано: аще же кѧто <...> начьнетъ, дързнуѡвъ, инако развращати възи, гада книгъзи язъка вашего, да боудеть отълоученъ <...> си бо соутъ вѧци, а не овъца, ꙗже достоинтъ ѿ плодъ нхъ знати и хранитисѧ нхъ.

²⁹³ К ним можно отнести заключительные слова Жития Мефодия: первоучитель оуста многоръчънънхъ загради.

Церкви. Папский авторитет, в отличие от авторитета епископского и тем более священнического, в состоянии *искоренить* ересь.

Соответственно для славянского первоучителя триязычная опасность подрыва всего его (и Кириллова) жизненного дела существенно пошла на спад и даже совсем исчезла. В любом случае, она больше не стояла, как раньше, на переднем плане.

Формулируем гипотезу. В прекратившей коммуникации столь страстная словесная борьба с триязычниками, какую мы видим в тропарях IX/3 и IX/4 ДК, *после июня 880 года* невозможна. Напротив, для первоучителя и его присных должен был наступить период или умолчания о том, что отодвинулось в прошлое, или реминисценций о прошлом, но тогда с использованием глаголов прошедшего времени²⁹⁴. Следовательно, имеются основания для мотивированной догадки, что оба тропаря написаны в момент актуального противоборства с триязычниками, а отсюда, путем отсеечения невозможного, и может быть установлен (по отношению ко времени написания ДК) *terminus ante quem* — до июня 880 г.

После указанного рубежа новые (= другие) ковы противоборцев-франков завладели вниманием первоучителей²⁹⁵. (Иное дело, что в дальнейшем для позиции преемников папы Иоанна VIII, начиная уже с 885 г., были характерны колебания и даже рецидивы впадения в осужденную ересь.)

Собственно, изложенная выше аргументация, добытая лингвистическим анализом, сама по себе уже достаточна для изложения гипотезы. Мы, однако, можем подтвердить ее еще аргументами, полученными от введения в научный оборот нового фактического материала (неизвестного исследователям предшествующего времени). Всего ниже обсуждаются две версии тропарей по источникам XIII—XIV вв.

Так, выше мы поместили версию концовки тропаря IX/3 по *Сф*, серьезно изменяющую перлокутивный эффект: и посрамилъ ꙗси крети҃гы три҃язычникы лютиѣ воини оубѣзѣи²⁹⁶ ꙗси.

При сопоставлении с тропарем IX/3 по версии *Тп* видно, что содержательные перемены значительны: они отражают иную (переменившуюся) реальность. Пала триязычная ересь, триязычники посрамлены; их посрамление в *Сф*, в отличие от версии *Тп*, приписано теперь не чаемой и отнесенной к будущему деятельности Мефодиевой книжной дружины, а — великомученику Димитрию, уже сыгравшему свою роль.

Грамматически дважды использованы формы перифрастического прошедшего времени (перфекта), а они показывают, что борьба с триязычниками отныне отошла в прошлое.

²⁹⁴ Если же предположить реминисценцию, то после триумфа воспоминания бывают спокойнее, а главное — все признаки текста, указывающие на текущий момент, переводятся в прошедшее время.

²⁹⁵ Противники слав. архиепископа не успокоились: по выражению spisателя Жития Мефодия, «не прекратилась их злоба». Но теперь они стали выдвигать новые обвинения (в частности, в том, что он нарушает сложившиеся границы между диоцезами) и строить новые козни, о чем и говорится в заключительных главах Жития (дело дошло даже до ареста первоучителя); характерно, однако, что триязычная ересь в источнике больше не упоминается ни разу.

²⁹⁶ Вероятно, нужна конъектура — оубѣзѣи. Она обсуждалась с А. А. Туриловым, которого благодарим за советы.

Естественно, мы не можем точно знать, кто предпринял редактуру текста, дошедшего до нас в *Сф*. Ясно, однако, что правка текста ДК предпринята человеком, который входил в ту же самую референтную группу, от лица которой писал автор ДК. Иначе он, редактор текста, переменял бы также строки (IX/1–4), отождествляющие совокупность скитальцев по землям и градам (Мефодий и его дружина). Следовательно, на редактуру решился из числа членов группы человек, обладавший на то полномочиями и авторитетом. Это, конечно, в первую очередь мог быть сам автор ДК.

Ситуация реконструируется следующим образом: когда при очередном праздновании памяти Димитрия (в октябре того же 880 года или, вероятнее, позже на год или два-три) Мефодию стало ясно, что предикации наличествующей версии устарели, он и решился переписать текст и воздать должное уже проявившему себя заступничеству великомученика. Фактически строки (5)–(7) — это благодарение.

Первоучитель, несомненно, сознавал, что ересь разрушилась отнюдь не только по усилиям его книжной дружины. Переменить за год умонастроение одного и того же лица (Римского первосвященника) и перенастроить его от фактической поддержки ереси к ее отвержению — естественным путем невозможно. Исследователи и до сих пор не могут ответить на вопрос о том, что стало причиной радикальной перемены.

Стало быть, с учетом кончины первоучителя, а также если предположить, что правка была предпринята именно по случаю праздника, модификация текста могла иметь место — самое позднее в октябре 884 г. Первоучитель не только переменял грамматическое время, но и перестроил синтаксическое членение.

Итак, как мы думаем, первая версия тропаря была создана до июня 880 г., а вторая — или в октябре 880 г., или, вероятнее, в 881–884 гг., когда падение ереси стало общеизвестным.

Когда высказывается лингвотекстологическая гипотеза, необходимо, во-первых, рассмотреть другие возможные объяснения генезиса явления и, во-вторых, описать вероятный механизм, приведший к изменениям именно наблюденного вида.

Итак, не может ли быть такого, что строки (5) и (6) претерпели в *Сф* модификации просто вследствие бытования текста, т. е. в ходе его копирования? Выше мы показали, какого характера варьирование возникает спонтанным путем: на этом фоне столь масштабная перестройка текста может быть названа только редактурой-справой. Доводы идут от противного: на фоне строк (1)–(4) перемены в строках (5)–(7) слишком сконцентрированы (тогда как ошибки в тексте одинаковой сложности должны быть распределены примерно поровну); в строках (5)–(7) нет ни одного случая атомизма слова²⁹⁷, т. е. нарушения когерентности текста песнопения (тогда как уже при неполно-синонимических и тем более паронимических заменах несвязность текста, как правило, возникает²⁹⁸).

Следовательно, речь может идти не о спонтанной порче тропаря, а о его целенаправленной и сознательной правке. Чем руководствовался этот справщик (Мефо-

²⁹⁷ *Атомизм слова* в древнем тексте — осмысленность отдельного слова (ошибочного варианта) при возможной смысловой гетерогенности текста; писец, совершая ошибку, тем не менее следил, чтобы отдельное слово давало смысл. См. подробнее [Верещагин 2001а: 280, 595].

²⁹⁸ См. подробнее: [Верещагин 2001а: 280–281, 595].

дий), легко понять, если согласиться, что значение триязычной ереси после 880 г. сошло на нет. Просительная молитва стала благодарственной.

Теперь о возможном механизме редакции. Поскольку мерность тропаря не нарушена и объемы исходного и отредактированного текстов по количеству слов и букв примерно одинаковы, представляется, что редакция проходила путем смыыва или подчистки фрагментов, которые надлежало устранить, и написания на подчищенном месте фрагментов, которые вводились заново. Такова обычная процедура соразмерной справки (например, когда одно слово заменяется на другое при условии примерно одинакового числа литер). При этом редактор мог использовать те исходные фрагменты, которые сохраняли свое значение, т. е. не смыть, не подчистить их, а, напротив, навести заново.

Гипотетичная справка протекала так, как представлено ниже. Вверху — текст 5–7-й строк тропаря по версии *Tn* (т. е. предполагаемого текста до редакции; внизу — тот же тропарь по версии *Сф* (т. е. после редактирования). Прямым шрифтом с подчеркиванием показаны сохраняемые при справе фрагменты; курсивом показаны вверху — подчищенный текст, внизу — текст, написанный по подчищенному:

на посрамление, блжне, триязычникъ и еретикъ лютъ вонни бывающе.
и посрамилъ иеси еретигы триязычники лютии вонни оубыли иеси.

Если принять догадку о записи справщика поверх подчищенного текста, то возникает вопрос: почему он не использовал фрагмент *триязычникъ и еретикъ*, а посчитал нужным предпринять перестановку — *еретигы триязычники*? (В других списках такой перестановки нет.) Ответов, на наш взгляд, может быть два; мы придерживаемся второго.

Прежде всего, возможно, что *еретигы триязычники* — это результат обычной в процессе бытования текста спонтанной метатезы парного словосочетания с равноположенными членами.

В то же время можно предположить и мотивированную, намеренную перестановку.

Тропари IX песни ДК прописаны богословски точно, акрибически. Так, в IX/4 содержится прошение уничтожить триязычную «лесь» и сказано, выражаясь по-современному, «аккуратно»: святой должен выступить не на телесную, а на духовную брань и попать не самих людей-триязычников²⁹⁹, а исключительно их *учение* — *лесь* попирама триязычникъ.

Такую же точность предполагаем и относительно тропаря IX/4 *Tn*: пока папа Римский, как высший авторитет в богословских спорах, не обозначил сторонников триязычной доктрины как *еретиков*, они и в тропаре не получили клейма. *Триязычники*, правда, поставлены с еретиками в один ряд: на *посрамление*, *блжне*, *триязычникъ* и *еретикъ*, но тем не менее копулятивный союз и имплицитно, что триязычники и еретики — разные категории людей³⁰⁰.

Точно так же, кстати сказать, триязычники и еретики разведены в седальне *Ил* из Последования Кириллу Философу (см. выше). Триязычники не подходят под категорию,

²⁹⁹ Т. е. не уничтожить их телесно.

³⁰⁰ Сошлемся на аналогию: *мытари* и *грешники* (Лк 15: 1), *фарисеи* и *книжники* (Лк 15: 2), *друзья* и *соседи* (Лк 15: 6), *подруги* и *соседки* (Лк 15: 9) и т. д. — это хотя и близкие, но разные категории людей.

например, *еретиков на Востоке*. Стало быть, *триязычники* и *еретики* не слиты; догматико-вероисповедный статус триязычников оставлен без квалификации.

Когда в июне 880 г. высший авторитет дезавуировал главный тезис триязычников об исключительности священных языков для богослужения и богопознания, теперь сторонников тезиса можно было не по субъективному суждению (пусть даже архиерея), а по церковному праву (*iure*) именовать *еретиками*. Эта перемена, на наш взгляд, и отразилась как в перестановке слов, так и в неслучайном пропуске союза и: по итогам строго грамматического анализа порождения смыслов, *еретигы триязычники* — это единая, цельная группа людей³⁰¹, а именно: людей, учение которых является разновидностью ереси.

Метатеза лексем — не случайна, *еретики-триязычники* теперь встали в ряд с *еретиками-арианами* или *еретиками-монофизитами* и т. д. Перед нами не бывшее соположение номинаций, а новая единая номинация: синтаксическая модель (не с копуляцией, а с примыканием существительных) — *еретигы триязычники* — первую позицию замещает лексемой, называющей видовой понятийный признак, а вторую — лексемой, называющей родовой.

Победа над триязычниками не была продолжительной. После смерти папы Иоанна VIII (882 г.), а также когда ушел из жизни архиепископ Мефодий (885 г.), т. е. когда исчезли сдерживающие авторитеты, триязычники снова подняли голову³⁰². Изгнанные из Моравии ученики Мефодия восприняли свою участь как возобновление преследований со стороны триязычников.

Действительно, одна стихира Шафариковой и Орбельской триодей, вошедшая в последование пятка пятой седмицы Великого поста (обнаружена и опубликована И. Карабиновым [Карабинов 1910: 227]), содержит горькое сетование и прямо указывает на «еретиков триязычников» (строка 3). Стихира пострадала в процессе бытования, и В. Мошин (на основе ряда списков) предпринял ее реконструкцию, которая (в нашей стихометрической версии) и помещается ниже [Mosin 1972: 123]:

- (1) Страсти спасныя приемъ ты, спасе рода чловѣческаго,
- (2) от страсти хотѣ свободити ны, новозванные языки,
- (3) прогнавъ еретиги триязычники
- (4) по земѣмъ и странамъ страсти приемлеще
- (5) оутѣши, милостиве, съхрани, оумножи и възрасти
- (6) нѣже искоупи крвию своєю чьстною
- (7) тѣло страстно, прѣщедре боже, весмьртне господи.

Н. Л. Туницкий считал стихиру произведением Климента Охридского [Тунцикий 1913: 79].

Иными словами, период торжества над триязычниками продолжался с июня 880 по апрель 885 г., лишь при жизни Мефодия; это наблюдение лишней раз подтверждает, что редакция тропаря IX/3, сохранившаяся в *Сф*, скорее всего, выполнена им.

³⁰¹ Т. е. не две группы, как раньше, — отдельно *еретики* и отдельно *триязычники*.

³⁰² Так, уже преемник Иоанна папа Стефан в послании Святополку (от времени ок. 885 г.), еще полагая Мефодия в живых, обвинил святителя в том, что он якобы неправо судит о Троице (стало быть, о *Filioque*) и что он при жизни назначил себе преемника (Горазда). Для князя, и без того настроенного враждебно, это был сигнал к атаке.

Приведем в заключение еще один, последний, аргумент. В том, что редактором тропаря IX/3 *Сф* был член той же самой референтной группы, что и автор того же тропаря в *Тн*, можно убедиться, если исследовать качественные особенности sprawy текста, явно предпринятой «посторонним». У нас есть подобная счастливая возможность: тропарь IX/4, представленный в *Шд* (публикацию см. выше), отредактирован именно сторонним лицом.

Если редактура антиграфа *Сф* проходила путем смыва или подчистки старого текста и записи на том же пергамене новой версии, то, напротив, непосредственную редактуру, имевшую результатом версию *Шд*, предпринял переписчик прямо в ходе своей работы с антиграфом: он пошел на модификацию текста, поскольку тот, по всей видимости, показался ему непонятным.

Все признаки установки на внесение ясности в текст — налицо.

Переписчик-редактор оставил неприкосновенной 1-ю строку (*Потцин сѧ, славнѧ, и вари днѧ*), а во 2-й предпринял две замены: вместо *воиводѣство* вписал *мужество*, а вместо *триязычникъ* — *поганъхъ*. К моменту копирования канона (вторая половина XIV в.) представление о ереси IX в. уже давно утратилось, и существовавшая временно и сейчас позабытая *льсть триязычникъ* была заменена на всегда актуальную *льсть поганъхъ*. Антиграф, однако, к счастью, оставил свой след: редактор, написав *поганъхъ*, должен был выпустить заменяемую лексему *триязычникъ* антиграфа, но по инерции он принялся выписывать излишнее слово, пока не спохватился. Подобные недосмотры особенно часты при переходе со строки на строку, что и наблюдается в данном случае. Однако уже написанные шесть букв *триязы* переписчик оставил; возможно, в дальнейшем он намеревался их вымарать.

В строке (3) элиминировано местоимение 1-го л.: вместо конкретного *чѣстною ны сѣхрани* стало всеобщее *чѣтно нынѣ схранан*.

Далее, референтная номинация 4-й строки *въ варварѣхъ, сѣе, сѣцаа оѣства*, видимо, также показалась редактору неясной: отнести ее к себе, в том числе к себе как к члену христианской экмены, он не мог, поэтому номинация была отнесена к кому-то неизвестному — к «ним». Отсюда включение местоимения 3-го лица: *наставн ѣ въ пристанциѣ чѣстною*. Из моления «за себя» тропарь превратился в моление «за другого», и соответственно, конечно, переменялась его перлокутивная цель.

Если теперь сравнить две редакции по существенным характеристикам, то в первой мы без труда видим модификацию текста (вслед за изменением ситуации) членом той же самой референтной группы выходцев из Солуни, тогда как во второй модификация предпринята человеком, не имеющим к ней отношения. Редактором версии *Шд* Мефодий не мог бы быть ни в коем случае. Однако чтобы посчитать его редактором версии *Сд* — препятствий нет.

В заключение остается сказать, что результаты референтного, рече-поведенческого и перлокутивного анализа IX песни ДК, затем сопоставленные со свидетельствами других источников, а также подключение нового материала (на первом месте тропаря IX/3 в версии *Сф*) позволили изложить догадку о времени создания и редакции знаменитого канона. Разнообразные аргументы столь велики числом, что действительно дают основание для выдвижения гипотезы. Подчеркнем также, что если бы мы не располагали общеприменимой методикой исчисления РПТактик, мы не получили бы конкретных результатов, к которым пришли.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2.

(К ГЛАВЕ 5)

«СКРЫТЫМ СЕБЯ ОСЕНИЛИ КРЕСТОМ»:

РПТАКТИКИ СОВЕТСКИХ ПРАВОСЛАВНЫХ КРИПТОХРИСТИАН

В настоящем Приложении исчисляются некоторые РПТактики советских православных криптохристиан. Изложение ведется от лица члена реально существовавшей группы друзей-единомышленников, для которых православная вера стояла не на последнем месте в жизни, но которые в то же время, не желая оказаться на задворках советского общества, вынуждены были скрывать ее от окружающих³⁰³. Охвачен период протяженностью без малого в тридцать лет (от начала 60-х до конца 80-х гг.).

Как раз в начале 60-х гг. Н. С. Хрущев широковещательно грозился уже к 1980-му г. построить в СССР утопическое общество³⁰⁴, а оно, по его мнению, несовместимо с религией. В пику сталинским послевоенным послаблениям он повелел начать новый массивированный натиск на веру, прежде всего на православие. Прокатилась кампания по закрытию и разрушению храмов, духовных учебных заведений, началась упорная идеологическая кампания. В вузах был введен обязательный курс «научного атеизма»³⁰⁵; выдвигалось безусловное требование, чтобы интеллигенты, как «работники идеологического фронта», были сплошь не просто неверующими, а активными пропагандистами воинствующего безбожия. Иначе, — нет, больше не сажали, но с работы прогоняли. Л. И. Брежнев, правда, отменяя хрущевские перегибы, ослабил натиск, но не прекратил его. За два десятилетия чиновный пыл просто сам по себе повыветрился, даже и цивилизовался. Этот для Русской Православной Церкви очередной (будем надеяться, последний) студеный период продолжался вплоть до 1988 г., когда М. С. Горбачев в связи с тысячелетием крещения Руси сказал, что «событие это большое». Записным атеистам приказали прикусить язык³⁰⁶.

Для начала приведем пример. В стихотворении, из которого название Приложения, Белла Ахмадулина описывает кончину безвестного больного в переполненной палате обыкновенной советской больницы:

Все свидетели скрытым себя осенили крестом.
За оградой — не знаю, а здесь нездоровый упадок
атеизма заметен. Все хочется под потолком
вдур увидеть утешный и здраво-опрятный порядок.

Собеседник, интеллигентный юноша, студент одного из православных университетов Москвы (православный университет в Москве?! — еще пятнадцать лет назад такое было невообразимо), задал два вопроса: кто такая Белла Ахмадулина и что такое *скрытый крест*.

³⁰³ В основе Приложения лежат мемуары [Верещагин 1999: 233–260]. См. также [Верещагин 2004: 215–218; 228–231; 233–234].

³⁰⁴ «Нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме» — сей лозунг красовался на каждом заборе.

³⁰⁵ Большая группа так наз. обществоведов получила новую кормушку. Как шутили в те времена, обществоведы-атеисты должны молиться Богу, потому что Он, хотя (с их точки зрения) и не существует, тем не менее реально их кормит.

³⁰⁶ Впрочем, сейчас распространилось мнение, что гонения на Церковь имели и положительный аспект — они ее очистили от прихлебателей и нестойких христиан.

Когда есть душевная потребность перекреститься, но не исключается, что за вами наблюдают, тогда-то и совершается скрытое крестное знамение. Вы подносите кисть правой руки к животу (или ко груди), поворачиваетесь в сторону, откуда наблюдение наименее вероятно (например, к стене), складываете три перста и совсем неприметно, чуть-чуть перемещаете их вверх, вниз, направо и налево. Отдаленнейшая имитация: никакого вознесения десницы на чело и перемещения на рамена. Достаточно того, что она покоится на пупе (или на сердце). Весьма рекомендуется творить скрытый крест под одеждой, и мужчинам это удобно: рука заводится под левый борт пиджака, и в таком случае движения могут быть шире. В экстремальных ситуациях достаточно поднесения правой руки ко груди (как будто у вас невзначай прихватило сердце). А если и скрытый крест сотворить по обстоятельствам невозможно, то творился крест *мысленный* — только в голове, без внешних проявлений.

Поклоны в пояс на людях также были скрытыми: вместо перегиба туловища склонялась голова или просто глаза опускались долу.

Под подобный вид благочестия в интеллигентской среде подводилась сначала филологическая, затем историко-культурная, а под конец и богословская база. В Евангелии неоднократно говорится, что Бог наш — «видяй в тайне» (Мф 6: 4, 6, 18), причем греческое соответствие здесь $\delta \beta \lambda \acute{\epsilon} \pi \omega \nu \acute{\epsilon} \nu \tau \acute{\omega} \chi \rho \iota \sigma \tau \acute{\omega}$ буквально означает «видящий скрытое, прикровенное, непоказное, утаенное», а слово $\chi \rho \iota \sigma \tau \acute{\omega}$ — это отнюдь не *тайна* в значении $\mu \sigma \tau \acute{\epsilon} \rho \iota \omega \nu$. Судя по контекстам, Христос отчетливо советует быть именно скрытными в проявлениях благочестия. «Вниди в клеть» (Мф 6: 6) — это (по-гречески) $\epsilon \dot{\iota} \sigma \epsilon \lambda \theta \epsilon \epsilon \dot{\iota} \varsigma \tau \acute{o} \tau \alpha \mu \epsilon \dot{\iota} \tau \omega \nu$, а $\tau \alpha \mu \epsilon \dot{\iota} \tau \omega \nu$ — буквально «кладовка» (в крестьянском хозяйстве Ближнего Востока — нечто вроде амбара, не имеющего окон, да к тому же единственное помещение, где можно было закрыть за собой засов). Это место, где вы гарантированно остаетесь наедине, вне наблюдения.

Кроме того, были хорошо усвоены уроки встречи Христа с Никодимом, «человеком от фарисей», который приходил к Господу для беседы, но «страха ради иудейска» не при свете дня, а под покровом ночной тьмы.

Никодим исповедал Иисуса учителем Божиим, однако не перед народом, а только наедине (Ин 3: 2). Не исключено, что днем и прилюдно Никодим, в силу своего положения «князя жидовского» и «учителя Израилева», принужден бывал и отрицаться Христа. Все это не помешало его прославлению в лике святых (память в неделю жен-мироносиц). В общезыковом употреблении едва ли присутствует глагол *никодимствовать*, но в группе единомышленников он употреблялся часто, ибо члены ее — *никодимствовали*.

Примечательно и удивительно, что скрытый или мысленный крест творился не только в так называемых общественных местах, — в музее, сидя на экзамене или в больнице, — но и в церкви, за богослужением! Причем не только квартетом друзей, поведение которого описывается, но и многими.

Так, в те годы в Преображенском, больше известном как Скорбященский, храм, что на Б. Ордынке, где славился хор, в урочные дни исполнялись «Всенощная» Рахманинова и «Литургия» Чайковского. Храм забит, причем молодежью, так что иголку не всунешь³⁰⁷. Но никто из молодых людей не крестился! Старики и средове-

³⁰⁷ Тогда о вентиляции не помышляли, и случались обмороки, но упасть наземь было невозможно.

ки — да, а остальные — нет! Стояли с каменными лицами или даже натужно демонстрировали свою отчужденность, хотя среди присутствовавших было немало верующих.

В те годы вездеприсутствие КГБ, хотя и сильно преувеличивалось, все же не было мифом. Известно немало случаев: заметят в церкви, «возьмут на заметку», «сообщат по месту работы» в партком или партбюро... За посещение храма пресекалась карьера и прекращались зарубежные поездки ученых³⁰⁸. Бывало и хуже: узнают в «органах», что NN верующий, и начнут шантажировать.

Вообще весьма опасались стукачей, поэтому на новые знакомства или не шли, или шли с осторожностью. Лишь при надежной рекомендации нового человека «признавали» сразу.

Посещение храма (особенно в 60-е гг.) напоминало посещение конспиративной квартиры.

Вы прилагаете все силы, чтобы проскользнуть в храм как можно неприметней, по возможности через боковой или служебный вход. Кроме того, приходите пораньше и становитесь или в темном углу, или в нише, или за столпом-колонной, чтобы не было видно сзади, а спереди закрыла толпа. Надо было зорко следить, когда какой-нибудь фотокорреспондент начинал наводить свою камеру (такое бывало в патриаршем Богоявленском соборе). Тогда полагалось пригнуться почти до земли и спрятать лицо за головами впереди стоящих. Друг друга дергали за рукав. Еще лучше, если у вас в церкви есть знакомый из персонала, — он может вас вообще поставить на левом клиросе или даже провести наверх на хоры, где вы уж точно недосыгаемы.

При непредвиденной встрече в храме с сомнительными знакомыми надо было постараться незаметно ретироваться.

Если столкновения лицом к лицу избежать не удавалось, то на этот случай обычно имелось наготове благовидное объяснение. «Сегодня Чайковского поют. Где еще можно услышать?» «Случайно шел мимо, дай, думаю, загляну». «Зашел посмотреть на Спаса Нерукотворного Симона Ушакова» (это по отношению к церкви Илии Обыденного). «Просто интересно, никогда в церкви по-настоящему не был!» (это уж прямое лукавство). Таким образом, создавали впечатление неверующих. Так было. Из песни слова не выкинешь.

Существовало неписаное правило (не относившееся, правда, к Богоявленскому собору): не ходить в одну и ту же церковь чаще двух раз в год. Иначе примелькаешься! Вот почему криптохристиане объезжали, как бы прочесывали (сообразуясь, впрочем, с престольными праздниками) все храмы Москвы. Они были немногочисленны, и приходилось выезжать в область (присовокупляя экскурсионные цели).

То Введенская церковь в Дмитрове, то Благовещенская в Зарайске, то Скорбященская в Клину, то Богоявленская в Коломне, то Успенский собор в Кашире... Если не было возможности выделить целый день, то устремлялись в Вешняки, Удельную, Переделкино, Расторгуево, Люберцы... Не помню, вместе с А. Ч. или с недавно почившим

³⁰⁸ Свидетельствует П. П. Недошивин (Заметки и суждения православного человека. Машинопись): (Из доклада о бдительности:) «...Или другой пример. Командируем человека за границу в составе делегации на научный конгресс. Видный советский ученый, книжки пишет. И вдруг обнаруживается, что он ходит в церковь. Хорошо, что успели отозвать его из делегации — уже на аэродроме, перед самой посадкой в самолет».

Сашей (Александром Ивановичем) Роговым несколько раз ездили в Алабино, в Петровскую церковь, к такому тогда еще ослепительно молодому о. Александру Меню.

Для Богоявленского собора в Елохове, как упомянуто, было сделано изъятие из правила. Во-первых, это все-таки было настоящее сердце церковной жизни, с образцово-уставным служением (там много лет регентовал незабвенный Виктор Комаров). А во-вторых, полагались на русский авось: «Там все равно проходной двор, авось не примелькаемся!» — говаривал А. Ч.

Надо сказать, на светской работе криптохристиане старались ничем не отличаться от сотоварищей. Ходили на политзанятия и, если поручали, выступали на них; учились в «университетах марксизма-ленинизма» и т. д. Двоедушие было общераспространенным³⁰⁹. Впрочем, любое осуждение с позиций нынешнего дня было бы здесь едва ли уместно.

Иконы в частных домах открыто не держали. Они, особенно родительские, хранились бережно, но за дверцей шкафа, за занавесочкой. Чтобы все-таки иметь образ перед глазами, вывешивали официальный настенный календарь, содержащий репродукцию, например, «Троицы» Рублева. Ставили на стол соответствующую открытку. Соблюдался скрытый пост: это сейчас в общественных столовых готовят постные блюда, а раньше в общей столовой нельзя было не оскоромиться, так что постом (как бы ради компенсации) ограничивали себя в житейских радостях (скажем, воздерживались от посещения театра). Если была вероятность, что придется обнажить (например, при посещении врача или при купании), снимали с шеи крест.

По телефону на церковные темы не решались открыто говорить и прибегали к фантастическому (и очень наивному) условному языку.

Например, председатель правительственного Совета по делам религий В. А. Куродов шел под шифром *любитель курятины*, архиеп. Киприан (Зернов; в прошлом актер) — *лицедей*, о. Александр Мень — *который по Киевской дороге*³¹⁰, патр. Пимен (греч. ποιμήν «пастух») — *чабан*, митр. Никодим (Ротов) — *питерец* или *приходивший ночью*³¹¹, митр. Ювеналий (Поярков) — *который сатирик* (по ассоциации с поэтом Ювеналом), близкий друг патр. Алексия I так наз. Данила Андреич (Остапов) — *который всегда рядом*, протопресвитер Виталий Боровой (проповеди которого на пассиях в конце 70-х гг. вызвали фурор³¹²) — *белорус* (за польский акцент) или *живчик* (за порывистость в движениях), Николай Васильевич Матвеев (регент прославленного Скорбященского хора) — *Гоголь*, архиеп. Питирим (Нечаев) — *Костя* (по светскому имени), еп. Алексей (Кутепов; викарий Московский, который часто возглавлял служащих в Елохове во время продолжительной болезни патр. Пимена) — *красавчик* (за благообразный вид),

³⁰⁹ Еще одно свидетельство П. П. Недошивина (Заметки и суждения православного человека. Машинопись): «На митинге, посвященном полету космонавтов, назначено было выступить и нашему старику-бухгалтеру. Его речь была весьма темпераментна, с размахиванием кулаками и выпадами на шаг то вправо, то влево. Она несла старинный тезис: „Мы на небо залезем, разгоним всех богов...“ А на другой день он мне сообщил доверительно: „А знаете, я ведь вчера внучку крестил в Н-ской церкви. Так-то вернее будет“».

³¹⁰ Он тогда служил в Алабине.

³¹¹ Евангельская аллюзия: некто, именем Никодим, один из начальников иудейских, тайный ученик Христов, чтобы не быть замеченным, т. е. «страха ради иудейска», приходил к Иисусу для беседы *ночью* (Ин 3: 2).

³¹² Они частично опубликованы: см. ж. «Православная община», 1996, № 33, 35.

митр. Филарет (Денисенко) — *Немилостивый* (по контрасту с св. прав. Филаретом Милостивым), архиеп. Иов (Тывонюк; викарий Московский) — *который на гноище*, свящ. Дмитрий Дудко (которого травило КГБ) — *труба* и т. д. Вместо «служил» говорили: *действовал*; вместо «ему сослужил» — *с ним был в паре*. Если сослуживших было несколько, то выражались так: *с ним были в пристяжке*. Широко использовались топонимы: *Бауманская* (Богоявленский собор), *Ордынка* (Скорбященский храм), *Якиманка* (храм муч. Иоанна Воина), *Рижская* (храм муч. Трифона), *Таганка* (Успенский храм), *на Спортивной* (Новодевичий монастырь), *на Старом Арбате* (храм ап. Филиппа), *на Соколе* (храм Всех Святых), *на Кропоткинской* (Ильинский храм), *на Красной Пресне* (храм Рождества Иоанна Предтечи), *на Новослободской* (храм преп. Пимена Великого), *в Телеграфном* (храм Архангела Гавриила), *в Алексеевском* (Тихвинская церковь), *в Сокольниках* (храм Воскресения Христова), *в Богородском* (Преображенская церковь), *в Черкизове* (Ильинская церковь), *в Хамовниках* (храм святителя Николая), *в Медведкове* (Покровская церковь), *Залесск* или *по Северной дороге* (Загорск) и т. д.

Например, зашифрованные фразы «Вчера с трудом, но все же попал на лекцию профессора Цветкова. Не все разобрал, но о сути при случае расскажу Вам» переводятся на открытую речь следующим образом: *Вчера после ряда попыток (в разных диапазонах) поймал-таки радиопроповедь митр. Антония Блума (нем. Blume «цветок»). Глушили сильно, но суть понял, хотя и не могу о ней говорить по телефону.*

Интересно, что обиходные прозвища и телефонные расходились: например, митр. Питирима в обиходе называли *Пит*, но поскольку это было бы слишком понятно для мнимого подслушивателя, то по телефону говорили или *Костя*, или (редко) *костыльник*³¹³ (потому что помнили его иподиаконом патр. Алексия I). Жена одного из членов квартета, которая иногда присутствовала при подобных разговорах, говаривала: «Если бы гебисты подслушали вас, то из-за такой доморощенной „конспиративной“ речи они бы немедленно насторожились и взяли вас на заметку».

С церковными праздниками мы поздравляли друг друга также скрытно.

Обычно имитировалось новогоднее или первомайское поздравление, в котором содержался для адресата внятный намек: *Поздравляю с Новым годом и последующим праздником* (= Рождеством Христовым); *Поздравляю с Первомаем, с весенним праздником* (= Пасхой). При этом из числа продажных выбиралась открытка с более или менее «намекательной» репродукцией. Краснознаменных открыток никогда, естественно, не посылали. Письменное поздравление с Днем Ангела выглядело так: *Приветствую и поздравляю Вас с личным праздником.*

И требы совершались по-никодимски.

Регистрации крестин за свечным ящиком боялись как огня. Власти одно время строго предписывали, чтобы при крещении младенца в церкви присутствовали родители и предъявляли паспорта, сведения из которых регистрировались и затем, как все были уверены, поступали «куда следует» (в аппарат уполномоченного). Поэтому, скажем, когда один из четверицы криптохристиан крестил сына (в 1969 г.), верный священник (ныне покойный о. Владимир из Ильи-Обыденской церкви) пришел на дом (естественно, в светской одежде; это только сейчас на улицах Моск-

³¹³ Иподиакон, держащий архиерейский жезл.

вы можно увидеть человека в подряснике). О. Владимир трогательно спрашивал, не слишком ли громко поет, читает и произносит возгласы (т. е. не услышат ли соседи).

Приобретение церковных журналов и книг также осуществлялось скрытно.

Открыто подписаться на «Журнал Московской Патриархии» и этим засветиться никто не решался, поэтому выписывали журнал на адрес какого-нибудь знакомого старичка-пенсионера. Чтобы купить книгу в Издательском отделе, надо было предварительно выписать квитанцию, и в нее вносилось имя покупателя. Опять—таки, предварительно договорившись, посылали подставное лицо или называли произвольную фамилию. Бывало, что сотрудники Отдела (например, архим. Иннокентий [Просвирнин]) обращались с просьбами помочь при подготовке тех или иных материалов. Отказывать не полагалось, но вплоть до 90-х гг. никто не давал своего имени для публикации. Будущему историку еще предстоит работа по выявлению, кто в действительности стоит за тем или иным псевдонимом или даже за реальным именем.

Включиться в протестную акцию было мыслимо, но — опять-таки скрытно.

В середине 60-х гг., кажется, в «Комсомолке» (или в «Московском комсомольце») были напечатаны фотографии крестного хода у староверов Белокрыницкой иерархии, на которых был виден молодой стихарный Евгений Бобков, студент-юрист Московского университета, кандидат на красный диплом. Была развязана кампания оголтелой травли (Женю обвиняли в лицемерии и двурушничестве), завершившаяся исключением молодого человека. Один из четверки сочинил статью, в которой стопроцентно доказывалось, что исключение есть явный случай дискриминации верующих, то есть отказ представителю значительной части населения в доступе к образованию. Статья за подставной подписью была послана в газету. И как ни удивительно, возымела успех (вероятно, в газету поступили и другие протесты). Е. А. Бобкову через год позволили восстановиться (правда, на заочном отделении), и он все-таки университет закончил.

Криптохристиане читали множество религиозной литературы, в том числе и сам- и тамиздата.

Письма, обращенные к патриархам Алексию и Пимену³¹⁴, в которых бичевались очевидные и всем известные факты, отзыва у них не находили: у святейших зажат рот, они связаны по рукам и ногам, и зачем прибавлять им горя? Четверка друзей была единодушна в убеждении, что стране повезло на всех трех патриархов (Алексия I, Пимена, Алексия II). Никогда ни в чем их не осуждали! Не осуждали

³¹⁴ Например, письмо двух священников (Николая Эшлимана и Глеба Якунина) патр. Алексию и великопостное письмо А. И. Солженицына патр. Пимену. Хотя мы чрезвычайно высоко ставили творчество Александра Исаевича, восторгались им, считали, что он спас честь русского народа, и с воодушевлением проглатывали все, что можно было достать в самиздате, — тем не менее единственно письмо писателя патриарху вызвало у нас неприятие. Открытое письмо Солженицыну свящ. Сергея Желудкова хорошо выразило точку зрения криптохристиан. О. Сергей (ясно показавший, что в тоталитарном государстве не может быть никакого резервата полной свободы) писал: «Что же нам остается в такой ситуации делать? Сказать: либо все, либо ничего? Попробовать уйти в подполье, которое в данной системе немислимо? Или же как-то вписаться в систему и воспользоваться пока что всеми теми возможностями, которые позволены? Русская иерархия приняла второе решение. Отсюда и происходит сегодня все зло, но другого выбора не было». Цит. по: [Степанов (Русак) 1993: 251]. Действительно, альтернативой послушанию мог быть только уход в подполье (естественно, с утратой многомиллионной паствы). В книге В. Степанова свидетельствуется, что неприятие писем было типично для широких кругов тогдашней церковной интеллигенции; их воспринимали как «новый вид духовной гордыни».

также и патр. Сергия³¹⁵; напротив, высоко ставили его заслугу в том, что Церковь все же осталась легальной и тем самым доступной для многомиллионной паствы.

Пастырское, церковное служение в советские годы вообще считали подвигом.

Е то время и часть духовенства никодимствовала: батюшки совершали службу по уставу, но от общения с верующими под благовидными предложениями уклонялись. Один священник, живший в коммунальной квартире, по коридорному телефону просил подзывать по имени-отчеству, поскольку скрывал свое служение от соседей. И таких не осуждали: если священник, любя храм, благоговейно священнодействует и живет церковно, то, значит, личным примером спасает вокруг себя многие души. Входили даже в положение загнанного в угол священнослужителя, может быть, и завербованного КГБ: какой это ужас совершать бескровную жертву и помнить, что ты должен потом кому-то что-то и на кого-то снаушничать. Сочувствовали, когда «советскому» митрополиту или даже самому патриарху приходилось вынужденно лукавить, отвечая на бестактные и провокационные вопросы зарубежных журналистов. Душевные муки отвечавшего были обычно слишком хорошо видны... Критерии, по мнению А. Ч., допустимы только конкретно-исторические: может быть, именно не чуждавшиеся служения кесарю духовные лица — велики, потому что обеспечили легальность Церкви в воинственно безбожном обществе. Уйти в катакомбы для Церкви означало бы прекратить окормление многомиллионной паствы и выродиться (что мы видели на примере так наз. Истинно-православной церкви, из недр которой вышло такое исчадие ада, как так наз. «Церковь Божией Матери Преображающейся»). Будучи единственной легальной формой духовной свободы в тоталитарной стране, РПЦ спасла от нравственной катастрофы множество народа. Выждать, заплатить за право бытия дорогой ценой, затаиться, замереть, даже притвориться полумертвым, но не дать себя искоренить! В таком случае стоит измениться внешним обстоятельствам, — а все течет, все изменяется, — как Церковь может и на минимальной базе стремительно возродиться!

Принятая в кружке РПТактика скрытого крестного знамения, скрытого хождения в храм, скрытого бытия на светской работе, вообще *скрытой жизни* — оказалась эффективной. Сеть, расставленная тоталитарным государством на Церковь и на прихожан, оказалась с широкими ячейками (и со временем они все расширялись): у духовенства в конечном итоге для душепопечения и богослужения руки связаны не были, а церковный народ исчислялся десятками миллионов. Если держаться определенных «правил игры», то можно было жить полноценной православной жизнью³¹⁶.

³¹⁵ Примечательно свидетельство митр. Антония Храповицкого, одного из кандидатов на патриарший престол на Поместном соборе 1917/18 гг., в дальнейшем главы Русской Православной Церкви Заграницей, сохраненное в семье акад. Н. И. Толстого (†1996 г.). «Память семьи сохранила пронизательный отзыв владыки Антония о так наз. Декларации митрополита Сергия (Страгородского), местоблестителя Патриаршего престола; владыка сказал: „Не осуждайте! Митрополит Сергей вершит в России свое дело, а я здесь, за границей, — свое“. Митрополиту Антонию приходилось с разных сторон слышать поношения „красной церкви в Совдепии“, а он в ответ демонстративно говорил: „Я денно и ночью молюсь о своем собрате — митрополите Сергии“». См.: [Верещагин, Тарасьев 1997: 4].

³¹⁶ Подробнее см.: [Ардов 1995: 245]. В данной книге собрано множество наблюдений, отлично характеризующих описываемую эпоху советского криптохристианства.

ПРИЛОЖЕНИЕ 3. «В ВЫРАЖЕНИЯХ НЕ СТЕСНЯЕМСЯ»: (к главе 6) **РУССКИЙ МАТ И КУЛЬТУРА НИЗА**

Расхожий анекдот советского времени:

— В чем разница между *диаматом* и *матом*? — *Диамат* никто не знает, но все притворяются, что знают. А *мат*, напротив, все знают, но делают вид, что не знают.

Шутка устарела. Ныне едва ли есть нужда кому-либо, даже девушке, делать вид, что матерная брань не известна: мат, в том числе и «трехэтажный» (виртуозный, бесстыдный и кощунственный), интенсивно внедрен не только в разговорную речь, но и в литературные тексты, в том числе и высшего регистра — поэтические.

В частности, произведения признанных поэтов последних трех десятилетий XX в. (особенно десятилетия 1990-х гг. и начала XXI в.) насыщаются матерной бранью, что само по себе непреложно сигнализирует о соответствующем активном процессе в современном русском литературном языке.

Напомним, что на всем протяжении развития на Руси, в России книжно-письменного (литературного) языка взаимодействовали и противоборствовали две линии, именуемые обычно с использованием пространственных метафор, а именно — *высокая*, книжная, идущая от церковнославянского языка, богословия, гимнографии, агиографии, гомилетики, ориентированная на строгие (орфографические, узуальные, стилистико-нарративные) нормы, и *низкая*, отражающая (вследствие недостаточной образованности книжника) нарушения нетвердо усвоенных норм под влиянием просторечно-разговорной стихии, т. е. идущая от бытового фольклора и от обиходной речи.

Обе линии имеют многослойную структуру: как в высокой линии тексты поэтических жанров занимают *наивысший* регистр, так и в низкой линии, наряду с просторечием, диалектными формами, разговоризмами и т. д., выделяется так наз. *низовой* уровень: таковы как лексика, называющая «телесный низ» человека (его клоаку, половые органы и соответствующие физиологические отправления), так и забористая брань и матерные «выражения» (а также «феня братков», тюремные жаргоны, жаргоны некоторых молодежных групп и т. д.). Бывали периоды, когда низовые элементы, в противоположность низким, (в аспекте письменной фиксации) совершенно не проникали в книжно-письменные тексты. Так, вплоть до середины XVII в. матерная брань, о существовании которой на Руси достоверно известно из типовых вопросов исповеди (см. ниже), в письменных текстах все же не встречалась. «Скандалные слова», называющие клоаку и гениталии, также не проникали в книжную продукцию. Использовались исключительно эвфемизмы, а нарушители речевого этикета подвергались остракизму.

Так, знаменитый актер и поэт Л. Филатов в пьеске «Дилижанс» (парафраз новеллы Ги де Мопассана «Пышка»³¹⁷) по внешним обстоятельствам описывает ситуацию во Франции, но неловкий эпизод с лексемой *жопы* вполне мог произойти и в России XIX в.:

Мадам Ламадон (*издевательски*)
А где буржуазия — соль Европы?
Куда девались наши буржуа?

³¹⁷ Пользуемся изданием: [Филатов 2004: 427–520].

Корнюде (*ровно*)
 Да у своих каминов греют *жопы*,
 Телятину с брусникою жуя!..

Слова Корнюде повергают присутствующих в шок. Повисает пауза. Первым приходит в себя Граф.

Граф (*Корнюде, с укоризной*)
 Ну, ладно — мы, но дам хоть уважайте!..
 Не очень-то изящный оборот!..

Корнюде (*разводит руками*)
 Прошу простить, но в этом дилижансе
 Я представляю грубый наш народ!..

(*Примирительно*)
 Но, чтоб не вызвать ругани потопа,
 Беру словцо скандальное назад...
 И обязуюсь вместо слова «*жопы*»
 Произносить в дальнейшем слово «*зад*».
 Вернемся ж к нашим доблестным мужчинам!..
 Что делают они ввиду беды?
 Сидят в особняках, прижав к каминам
 Свои — прошу прощения! — *зады*!..

В советской литературе «скандальные слова» и тем более мат, как известно, считались «нецензурными» (и авторы не вставляли их в свои произведения), поэтому в печатных текстах мы их в явном виде никогда не видели, а об их реальном присутствии в книгах сигнализировали более или менее прозрачные аллюзии.

Например, когда тот же Л. Филатов в свое время поместил в журнале «Юность» свою (прославленную) сказку «Про Федота-стрельца, удалого молодца», — а сказка стилизована под народно-фольклорную речь и перенасыщена ненормативными («простонародными») языковыми элементами, — в этом произведении «советского времени» мат обозначен лишь посредством аллюзий и эвфемистических замен:

...Царь сердает, не замечает,
 Как Федьку *по матери величает*...
 ...Ну, даешь, *ядрена вошь!*
 И олень тебе не гож?..
 ...В нашей пишущей стране
Пишут даже на стене...
 ...Так что впредь колдуй сурьезней,
 С чувством, *так твою растак!*..
 ...Энто как же, *вашу мать*,
 Извиняюсь, понимать?..

В своих более поздних (начала 90-х гг.) парафразах (например, в комедии по мотивам Карло Гоцци «Любовь к трем апельсинам») Л. Филатов уже не использует ни аллюзий, ни эвфемизмов, а прямо рассчитывает, что мат будет открыто звучать со сцены, и не стесняется возможным присутствием в зрительном зале детей:

Креонта (*Пекарке*)
 Позор! А ты куда смотрела, *блядь*?
 Пекарка
 Вольно же вам, хозяйка, оскорблять!
 Мы не одни, хозяйка, и заметьте,
 Что в зале находиться могут дети!

В ответ Креонта произносит монолог в защиту мата:

Креонта
 Я говорю народным языком,
 Который нынче каждому знаком!..
 Так говорят на сцене и на рынке,
 Так отмечают свадьбы и поминки,
 И люди не придумали пока
 Точнее и сочнее языка!..

Итак, в разные периоды истории языка преобладала то высокая линия, то низкая, и сейчас, как и в 20-е гг. прошлого (XX) века (когда интеллигенция была уничтожена или выехала за границу, а «комсомольская буза» вошла в силу), в литературном языке (может быть, временно, поскольку литературный язык поддается волевому нормированию) восторжествовала низкая линия, в том числе ее низовой слой.

Так, в замечательном цикле «Двадцать сонетов к Марии Стюарт» нобелевского лауреата Иосифа Бродского две стихии соединяются в стихе не так, как бывало раньше. Поэма написана высоким стилем, но с большой примесью низового. Ср.:

Земной свой путь пройдя до середины,
 я, заявившись в Люксембургский сад,
 смотрю на затвердевшие седины
 мыслителей, письменников; и взад-
 вперед гуляют дамы, господины,
 жандарм сияет в зелени, усат,
 фонтан мурлычет, дети голоса,
 и обратиться не к кому с «*иди на...*» <...>

Твоим шотландцам было не понять,
 чем койка отличается от трона.
 В своем столетьи белая ворона,
 для современников была ты *блядь* <...>

«Ей отрубили голову. Увы.»
 «Представьте, как рассердятся в Париже.»
 «Французы? Из-за чьей-то головы?»
 «Вот если бы ей тяпнули пониже...»
 «Так не мужик ведь. Вышла в неглиже.»
 «Ну, это, как хотите, не основа...»
 «Бесстыдство! Как просвечивала *жэ!*»...

Отменно владеющий высоким стилем русского языка Т. Кибилов³¹⁸ — а он не отрекается от того, что Бродский оказал на него большое влияние, — довел свое владение ненормативной речью до виртуозности:

Даже если очень больно,
 это не ...дец всему,
 и, вообще, ...дец не полный —
 а тебе лишь одному!
 Так, ...дёнши! Посему
 хватит выть и лаять полно,
 как Акелла на луну!
 Се ...дэж, а не ...дец!
 Провокация и ложь!
 Ну а кто её отец,
 ты в Писании прочтёшь! <...>
 Вот, бля, какие бывали дела —
 страсть моё сердце томила и жгла —
 лю, бля, и блю, бля,
 и жить не могу, бля,
 я не могу без тебя! <...>

Слава Богу, никто не добавит,
 Не дай Бог ничего добавлять!
 К нашей горькой, *убищной* славе...
 К Нашей Славе, *ебвашумать!!!*
 А вопрос... Да какие вопросы.
 Уж ответил, *едрить*-колотить,
 За вел., бел., мал., а также не-россов —
 Не безмолвными ж нам уходить.

Еще один поэт, Д. Пригов, также мастерски владеющий матом, подвел и теоретическую базу: «весь мат <...> представляет собой как бы язык сакральный».

Таким образом, поэзия, которая, казалось бы, по определению противится проникновению низового пласта языка, определенно говорит о том, что этот пласт постепенно может (по функции) выйти наверх. Стихи, вышедшие из-под (обычно целомудренного) женского пера, свидетельствуют о том же³¹⁹.

³¹⁸ Он показал себя блестящим мастером высокой стилизации, например, в поэме «История села Перхурова».

³¹⁹ Сошлемся на мнение Д. Самойлова:

Поэзия пусть отстаёт	За это время отпадёт
От просторечья,	Всё то, что лживо.
И не на день, и не на год —	И в грудь поэзии падет
На полстолетья.	Всё то, что живо.

Эти строки взяты из теоретической статьи поэта, помещенной в профессиональном издании («Литературная газета», 1982, № 46). Д. Самойлов, в частности, пишет: «Изображая повседневное, она (поэзия. — Е. В., В. К.) вводит его в некий высший ряд, отыскивает в нем высшее значение. И естественно, что специфика поэтического взгляда на природу, человека и общество требует своего специфического способа выражения, своего языка». И далее: «Важно и то, что в поэтической речи накоплен огромный потенциал национальной культуры, огромный запас образов и ассоциа-

Сквернословие, вернее его неистребимость, представляет собой довольно серьезную национальную проблему русского народа. Если судить по историческим свидетельствам, то *матерщина* — брань, в которой всячески поносятся и непотребным образом хулятся *мать* оскорбляемого лица, — обычно сопровождала языческие обряды славян: через ее посредство общались с нечистой силой, потому что бесы и домовые, сами отъявленные матерщинники, будто бы не понимали никаких других слов. Соответственно обценная лексика в русском языке считается (по сравнению с другими языками) многочисленной и семантически разветвленной. Так, дескрипции одного-единственного слова, называющего мужской чадородный орган и центрального в матерном дискурсе, посвящен целый словарь³²⁰.

Но и с принятием христианства, к сожалению, ругань «по матушке» хоть и была потеснена, все же не слишком сократилась. Во всяком случае, на исповеди священник вычитывал из Требника среди прочих и такие вопросы: *лаял еси кого матерны? облудословил кого, мать нарицаю?* Церковь, конечно, упорно и бескомпромиссно сражалась с матом, подвергая матерщинников всем видам духовных наказаний, даже вплоть до отлучения, но тем не менее порок укоренился весьма глубоко.

Салтыков-Щедрин писал не без сарказма: «Кому не лень, только тот не ругает, и все самыми скверными словами. Исправник ругается, становой ругается, посредник ругается, старшина ругается, сторожа ругаются, и нынче еще урядников ругаться нажали». Великий сатирик не дает спуска и «интеллигенции»: «Никто так не любит посквернословить... как русский культурный человек».

Однако если до 1917 года матерщина все же была на «нелегальном» положении, после революции и особенно в период гражданской войны ее как бы узаконили. Семиэтажная брань — и чем забористей, тем лучше — считалась признаком демократизма и вообще выражением лояльности советской власти. Революционные матросы, как известно, особо отличались заезжательством, да и в высших партийно-правительственных кругах черное слово останавливало далеко не всех.

«Советский академик» А. М. Румянцев вспоминает, что и вплоть до конца 90-х гг. прошлого века в партаппарате господствовала «грубость, доходящая до мата. Ругательства, помню, настолько въелись, что их почитали чуть ли не за отеческое ласковое добродушие. Правда, в беседах со мной один на один Никита Сергеевич Хрущев почему-то не ругался матом. А вообще-то он в выражениях не стеснялся. А ему подражали другие. Все шло по цепочке». Румянцев продолжает: «Зато мат перекочевал в среду, которая именует себя интеллигенцией. Да еще творческой. Сквернословят, актеры, литераторы, научные работники. И это считается хорошим тоном. Народным, что ли».

О том, что горбачевская перестройка и гласность, сняв многие запреты, в известной мере раскрепостила и матерщинников, свидетельствует частушка того времени:

ций, отказ от которого чрезвычайно обеднит наш внутренний мир». Критериями языка поэзии Д. Самойлов объявил: общепонятность и долговечность.

³²⁰ См. [Плуцер-Сарно 2001]. Автор выявляет в семантике трехбуквенного слова, названного «самым сильным» в русском лексиконе, 19 значений, 9 подзначений, 9 оттенков значения, 23 оттенка употребления слова; в словаре содержатся 523 фразеологические статьи, в которых представлено около 400 идиом и языковых клише и более 1000 фразеологически связанных значений слова.

Ты, Семеновна,
в пору гласности
кроешь матом всех,
а меня в частности.

Свидетельств из нынешней художественной прозы (о поэзии говорилось выше) можно привести множество.

Конечно, еще лет пятнадцать назад прямо поместить в газете, журнале или книге матерные слова было невозможно. Поэтому писатели и журналисты разработали систему приемов, позволяющих обойти цензуру и воспроизвести *нецензурное* слово или напечатать-таки *непечатные* «выражения».

Так, употребляли (и сейчас, конечно, употребляют) намекающие замены — звукоподражательные или местоименные: «Так как же ты мог составить фальшивый акт, трам-тара-рам!»; «Да как ты посмел, такой-сякой?» Употребляются описательные выражения: «Иди ты... сам знаешь куда», или легкие деформации бранных слов: «елы-палы», «мля»/«бля», «блин», «гребаный», «едасть тя мухи»; «Опять, едренить, свалился. Опять синяк будет!», «Да забудь ты про эту шапку, да задержись она в доску!» и так далее без конца. Литераторы совершенно неистощимы в изобретении подобных прикрытий, которые на деле как раз открывают, и вполне внятно, матюги и матюгальники.

Наконец, со временем все набирает силу тенденция печатать брань без прикрытия. Началось, естественно, с грубых, но не матерных слов: «Сдай свои книжки, буддист сраный»; «А из меня такой же писатель, как из говна пуля». А завершилось той самой практикой, которую можно видеть на страницах «Вестника новой литературы», причем «Вестник» совсем не является белой вороной.

Продолжая исследовать вопрос, спросим себя: отчего так много ругливости в жизни?

Причин много, и все они отрицательного характера. Некоторые исследователи, правда, пытаются увидеть в сквернословии отголоски средневековых карнавальных вольностей и представить его как часть смеховой культуры. Мы встречали высококолобых чудаков, которые находили в виртуозном мате «некоторое обаяние». И тем не менее, как ни крути, мат в его нынешнем функционировании — это скверна, т. е., по толкованию Даля, «мерзость, гадость, пакость, все гнусное, противное, отвратительное, непотребное, что мерзит плотски и духовно; нечистота, грязь, гниль, тление, мертвечина, извержения, кал; смрад, вонь; непотребство, разврат, нравственное растление».

Этимология первого корня из *скверно-словия* надежно неизвестна, однако весьма вероятно, что *сквернити* восходит к санскритскому глаголу, означающему «выплевывать, извергать, блевать», и этот глагол стоит в одном ряду со словом, означающим извержение нечистот через задний проход. Таким образом, *сквернослов* — это (больной) человек, рот которого забит рвотными массами. С мудростью языка не поспоришь.

Итак, отчего люди матерятся и для чего они «загибают матюги»? Общая причина — низкий уровень культуры и нравственности, а отсюда неуважение к личности другого человека и агрессивность.

Если говорить более конкретно, то, конечно, на Руси издавна ведется ужасный обычай несдержанности в гневе. Гнева не стыдятся, распоясываются вовсю, особенно перед безответными и беспомощными «ближними».

Кроме того, очень сильно влияние лагерных традиций: «Речь зэка прямо идет к цели. Он говорит, будто лепит своему собеседнику в морду, бьет словами. Как опытный боец старается сшибить противника с ног первым же ударом, так и зэк старается озадачить собеседника, сделать его немым, даже заставить захрипеть от первой же фразы» (Солженицын).

Далее, почему-то считается, что «простой человек», «человек из народа» — обязательно матерщинник, хотя в традиционной русской деревне, особенно строгой (скажем, старообрядческой), охальников и поносников просто не терпели в своей среде. Тем не менее тот, кто желает сыграть под демократа, подпускает матерщинку.

Среди причин, способствующих росту матерной ругани, есть и наша общая притерпелость — мы считаем «нормальным», когда вошедший в автобус пьяный непристойно поминает не просто чью-то мать, а Богоматерь. Кстати, безусловный атеизм оправдывает известное высказывание Достоевского и на уровне языка: «Если Бога нет, то все позволено».

Торжествующий хам слишком часто в нашей жизни добивается своего, и, чтобы мы не связывались с ним, он и кроет матом, который словесно выражает тот самый моральный беспредел, распространившийся в раскультуренной стране.

Матерщина выражает ненависть, а не было и не будет на земле общества, построенного на ненависти! Вот почему матерщина — это совсем не невинное «загрязнение языка». Ее нельзя уподобить ни молодежному жаргону, ни засорению речи иностранными словечками.

И все же как быть писателям и журналистам? Отказаться от прямого или прикровенного воспроизведения матерной брани и этим исказить действительность? Или показывать ее без лакировки, во всей полноте, в красоте, но и в безобразии, и тогда не без ругачки «по матушке»?

Чтобы совместно найти хотя бы приблизительный ответ, вспомним несколько прописных истин. Любое произведение словесности, безусловно, отражает жизнь. Но не только. Поскольку литературе свойственна воспитывающая функция, книга или газета создает то, чего еще нет в жизни, то есть творит будущее. Словесность может подчиняться, а может и не подчиняться господствующему общественному настроению.

В обществе на самом деле есть снисходительное и даже одобрительное отношение к похабству, скабрёзности, непристойностям, заезжательству и сквернословью. Озорство, мол, и ничего больше. Молодечество. Свой брат, душа нараспашку. «Брань на восточном ветру не виснет». «Языком и шелкай и шипи, лишь рукам воли не давай». «От мата никто еще не умер». Не думающий о будущем своего народа литератор или публицист может подыграть таким мнениям, принять их и смириться с ними. Плетью обуха не перешибешь.

Но нам все же следует думать о будущем русской нации. Матерщинник, выражаясь по-старинному, — *лаятель*, а в Свщ. Писании есть прямое предостережение против лаятелей, потому что со сквернословия, с греха мысли и речи начинается нравственное падение сообщества людей. «Вот, тьма покроеет землю, а мрак народы. И лицо поколения будет собачье». С исправления и возвышения речи начинается покаяние и восхождение мысли, а затем и всей жизни.

Приведем себе на память пример Солженицына, который в своем творчестве дает образец сочетания отражательной функции литературы и публицистики с воспита-

тельной. Описывая нравы ГУЛАГа и вообще тоталитарного общества, великий писатель, естественно, не может миновать и мата. Мат показывается и воспроизводится, так что никакого искажения жизни нет и в помине. Но одновременно постоянно чувствуется собственное отношение Солженицына к «лаянию матерны» (пользуясь выражением Требника). Это отношение ощущается пронзительно и недвусмысленно, но без малейшей назидательности.

Пусть пока скверна языка еще остается нашей национальной чертой. Тут ни убавить, ни прибавить. Но не потерять бы надежды на исцеление от позорного недуга!

РАЗДЕЛ ВТОРОЙ. ЧАСТЬ II

Нарративный текст в лингвострановедческом рассмотрении

Любое сравнение хромает, но все же прибегнем к аналогии.

Язык — это совокупность (инвентарь) языковых единиц, создающих потенциальную основу для высказывания. Чтобы высказывание осуществилось, языковые единицы нужно скомбинировать.

Уподобим языковые единицы кубикам, хранящимся в коробке. Чтобы построить из них фигуру, надо расположить их на плоскости — в определенном порядке. Если соединить, скомбинировать хотя бы два кубика, между ними возникает новое качество, не присущее каждому из них по отдельности, а именно — фигурность.

Фигурность может существовать и вне связи с материальными кубиками: если в голове имеется представление об определенной фигуре (т. е. ее модель), можно затем выложить эту фигуру из кубиков.

Новое качество, возникающее при соединении номинативных языковых единиц (слов и словосочетаний) в текст и называемое предикативностью, — это качество подобно фигурности. Совершенно аналогично предикативные модели существуют в отвлечении от языковых единиц, которые сочетаются.

Предикативность представляет собой намеренное отнесение некоторого содержания (предмета мысли) к действительности. Таким образом, предикативностью называется языковая реализация интенции адресанта. При одном и том же объективном содержании высказывание является или констатацией, или побуждением, или вопросом, или восклицанием, или еще каким-либо отношением адресанта к ситуации (в которой и о которой он говорит), а также к адресату. Предикативные модели являются реляционными языковыми единицами синтаксического уровня.

Минимальной синтаксической моделью, имеющей предикацию, является фразовая модель. По этой причине текст не бывает меньше фразы.

Предикативность — неотъемлемый признак текста. Все другие признаки, которые обсуждаются в научной литературе (смысловая завершенность, логическая и

формальная согласованность частей, наличие формальных показателей начала, середины, конца и некоторые другие категории), на наш взгляд, остаются факультативными. Следовательно, текст можно определить как *предикативное высказывание*.

Текст может быть адресован самому себе; на вербальной основе проходят все мыслительные процессы. Этот случай нами рассматривается, но все же мы преимущественно изучаем *обращенный текст*, т. е. сознательно адресованный другому человеку.

Обращенный текст состоит в передаче информации, которая нова для адресата или которую отправитель информации считает для собеседника или читателя новой. Текст сообщает, воздействует, побуждает, даже если он имеет форму вопроса (стало быть, когда, по-видимому, в коммуникации больше заинтересован адресант).

Что есть сообщение новой информации? В определенном аспекте сообщение представляет собой снятие неопределенности — выбор из двух и более возможностей. Если сказано *Пойду в кино*, тем самым отрицается, что говорящий не пойдет в кино или что он пойдет в театр, хотя такие возможности сами по себе не исключаются.

Номинативные единицы языка, будучи зеркалом действительности, предоставляют поле для выбора, а индивидуальный говорящий его осуществляет. Так язык в качестве социального средства коммуникации обеспечивает выполнение индивидуальных коммуникативных задач.

Глава 1. Прагматичные и проективные тексты

Новая информация может быть сообщена двумя принципиально разными путями, способами, приемами.

Во-первых, ее можно выразить «по-деловому», прямо, т. е. без обиняков и недвусмысленно: *На дворе тепло; Петенька очень способный мальчик; Я живу в Центральном округе Москвы*. Здесь каждое слово взято в его основном, «словарном», значении, и, если его заменить описанием-семантизацией, общий смысл фраз сохраняется. Так, вместо первого высказывания можно поставить: *За пределами стен дома воздух достаточно прогрелся*.

Во-вторых, новую информацию можно выразить обиняками, косвенно, через указание на близкие или смежные явления и факты, на причинно-следственные связи. Например, пусть адресант по-прежнему хочет сказать о теплой погоде на улице, но на сей раз говорит: *На дворе сосульки потекли*. Две другие фразы при сохранности общего смысла также допускают перефразировку: *Петенька пошел в школу пяти лет; Я живу на Тверской улице*.

Во всех этих случаях, однако, нужно сделать пусть и несложное, но все же умозаключение. Адресант соотнес новизну в своем сообщении как бы со второй (малой) посылкой силлогизма, а большую посылку и умозаключение адресат (именно адресат!) должен добавить от себя:

- (А) *От тепла лед тает.*
- (В) *Сосульки потекли;*
- (С) *следовательно, на дворе тепло.*

Отметим, что полный вывод по закону классического силлогизма предполагает взаимодействие адресанта и адресата, — первый сообщает, что Петеньке было пять лет, когда он пошел в школу, а второй должен догадаться, что если Петенька был принят до достижения школьного возраста, то он умен и развит не по летам.

Если речевая интенция переведена в рационально-логическое, прямое и самодостаточное высказывание (для его понимания умозаключения не требуется), то соответствующий текст назовем *прагматичным*. Термин образован от греч. *πράγμα* «вещь, предмет, явление, данность, сущность, дело»; он должен показать, что тексты, которые мы имеем в виду, непосредственно нацелены на сообщение «деловой», «сущностной» информации, так что роль адресата сводится к сложению смыслов номинативных единиц, включенных в высказывание.

Если же речевая интенция соотнесена с чем-то аналогичным, близким, подобным, но не прямо с предметом мысли, если она в типичном случае представляет собой посылку, а не вывод умозаключения, то соответствующий текст назовем *проективным*. Термин образован с учетом геометрической аналогии. В геометрии объемный предмет может быть представлен в трех одномерных изображениях: при известном навыке рассматривающий эти проекции получает возможность представить себе весь объемный предмет. Точно так же речевой замысел проецируется на сопряженную тему, переводится из одной плоскости в другую, но при достаточном навыке и готовности к кооперации коммуниканты поймут друг друга.

Таким образом, следует различать прагматичный и проективный способы передачи информации. В приведенных выше примерах все фразы легко отнести или к первой, или ко второй группе. Иногда же оба способа переплетаются между собой, так что текст одновременно должен восприниматься и прямо, и переосмысленно.

Следовательно, в одной и той же фразе могут сочетаться оба способа сообщения новой для адресата информации. Возможны такие тексты, в том числе и весьма пространные, в которых исключен проективный способ изложения, но практически не бывает текстов, в которых отсутствовал бы прагматичный способ.

Некоторые жанры словесности целиком состоят из прагматичных текстов. Таковы справочники, словари, учебники и учебные пособия, официальные сообщения, юридические и дипломатические документы, протоколы, сводки и т. д. Практически вся научная, учебная и справочная литература ориентирована исключительно на прагматичные тексты.

Проективными текстами насыщена в первую очередь художественная литература, а на втором месте стоит публицистика. Сюда же относится и разговорная речь. Напомним, что и в перечисленных жанрах словесности велика роль прагматичных изложений, но все же их специфика заключается именно в проективном способе сообщения нового. Если художественный и публицистический тексты изложить прагматично, то исчезнет то главное (и одновременно трудноуловимое) в них, что называется художественностью и воздействием.

Однако постижение проективных способов изложения дается не без некоторых предпосылок. До прочтения проективного текста необходимо уже владеть информацией, составляющей большую посылку силлогизма. В самом деле, если не знать заранее, что школьный возраст в России сейчас начинается с шести-семи лет, то проективная информация о выдающихся способностях пятилетнего Петеньки останется невоспринятой.

В только что разобранным примере фоновые знания, необходимые для правильного умозаключения, можно создать быстро и легко — сведения о школьном возрасте уместятся в одной фразе. Другое дело, когда требуется большой массив фоновых знаний. Адекватное прочтение проективных текстов — вопрос чрезвычайно важный для лингвострановедческого аспекта преподавания русского языка иностранцам. Когда изучающий русский язык приступает к чтению газеты, рассчитанной, естественно, на носителей языка, или когда он погружается в художественную книгу, написанную для нашего соотечественника и современника, в этих случаях проективные тексты нередко принимаются за прагматичные. Масса информации теряется (причем сам-то читающий, конечно, не замечает этого), а в результате общий замысел публицистического или художественного произведения не может быть схвачен адекватно.

Следует еще прибавить, что для одного адресата, «непосвященного», текст может быть прагматичным, тогда как для другого, обладающего фоновыми знаниями, т. е. «посвященного», он оказывается проективным (конечно, если адресат его так замыслил).

Так, один из продолжателей поэмы «Василий Теркин» обходит военную цензуру, хитроумно создавая для нее прагматичный текст, тогда как адресат-односельчанин воспринимает его как проективный:

А писал в письме мне Паша:
«Жизнь — зажиточная наша,
Дружно трудится колхоз:
Урожай едва весь свеж.
Все одеты и обуты,
Чаша полная всему.
Я оделся — фу-ты, ну-ты, —
Переплюнул и *Фому!*
А едим, что даже *Зинке*
Стало нравиться... А мать
Так поправилась, что к *Димке*
Хочет в гости уезжать!»
Только тот *Фома* был нищим —
Век в тряпье ходил одним,
Дядя *Димка* на кладбище
Был свезен давным-давно.
Что ж касается про *Зинку* —
Так в колхозе звали свинку. [Юрасов 1953: 141–142]

С понятием проективного текста тесно связаны такие категории, как *подтекст*, *контекст* и *затекст*. Они рассматриваются далее, через главу (т. е. в главе 3); сейчас, однако, обратимся к прагматичным текстам, к вопросам их лингвострановедческой ценности.

Глава 2. Прагматичный текст

Текст, который допустимо и эффективно включить в преподавание русского языка иностранцам, называется учебным. Он может иметь любой объем: в грамматическом упражнении, как правило, он состоит из одной фразы, а в книгах для чтения занимает несколько страниц. Если объемное художественное произведение (например, повесть) используется для преподавания языка, то и его называют учебным текстом.

Учебные тексты бывают двоякого происхождения.

Во-первых, они заново создаются авторами учебников и пособий. В учебниках для начального этапа, когда очень важно обеспечить представленность и повторяемость вводимого и закрепляемого языкового материала, большинство текстов как раз и принадлежит к их числу. Когда текст специально пишется для учебника, составители, конечно, принимают во внимание как содержательные, так и языковые критерии, которым должен отвечать учебный текст.

Во-вторых, иногда учебные тексты представляют собой модификации материалов, предназначенных для других целей. Мы окружены морем газет, журналов, сборников, справочников, словарей, профильных учебников, художественных книг, но содержащиеся в них тексты далеко не всегда пригодны к использованию в учебных целях. Поэтому авторы учебников русского языка должны просмотреть массивы всевозможной литературы, прежде чем удастся отобрать текст, который потенциально способен сыграть обучающую роль.

Отобранный текст в исходном виде, как правило, еще нельзя переносить в учебную аудиторию. Такой текст сокращают, перестраивают, даже перефразируют с целью повысить его учебную отдачу. Не все тексты по этическим соображениям можно перерабатывать: применительно к художественному произведению допустимы лишь сокращения (с кратким изложением пропущенного), но перефразировки не практикуются. Тексты справочного, учебно-профильного, публицистического жанров допустимо модифицировать более радикально. Итак, если текст заимствуется из какого-либо источника, то он должен пройти процедуру отбора, а потом подвергнуться модификациям.

Как составленные, так и заимствованные учебные тексты на этапе их включения в учебник или пособие весьма близки между собой. Они соответствуют содержательным критериям, описанным в предыдущей главе, а также требованиям насыщенности необходимым языковым материалом, доступности, смысловой цельности, фабульной законченности, интересности, эстетической и этической ценности и некоторым другим. Конечно, критерии будут различны, если текст предназначен для изучающего чтения (с расчетом на полное восприятие имеющейся в нем информации) или если учащийся должен лишь охватить смысл читаемого. Дальше на всем протяжении главы мы говорим только об изучающем чтении.

В качестве образца учебного текста, отвечающего содержательным и языковым требованиям, приводим фрагмент прагматичного текста «О Санкт-Петербурге»:

Все, кто бывал в Петербурге, с уверенностью говорят, что Петербург можно назвать одним из самых красивых городов в мире. Петербург — особенный город. Он не похож на древнюю красавицу Москву с ее Кремлем и исторической Красной площа-

дью; не похож он и на древние русские города, такие, как Владимир и Суздаль, Псков и Новгород. Он совсем молодой — городу всего триста лет, он основан в 1703 году.

В городе вы не увидите памятников далекой русской старины. Зато вы увидите город удивительно красивой архитектуры, который иногда называют «Северной Венецией», потому что он стоит на островах (их в Петербурге 105), город с прекрасными дворцами, мостами и набережными. В двух самых, пожалуй, красивых зданиях-дворцах сейчас находятся знаменитые на весь мир музеи — Эрмитаж и Русский музей.

Город расположен на берегах реки Невы недалеко от Финского залива. Он был столицей русского государства в течение двух веков — с момента основания до 1918 года и назывался сначала Петербургом, а позднее — Петроградом и Ленинградом.

Петербург — второй по величине город после Москвы. В нем живет более 5 миллионов жителей. Это крупный промышленный город. Здесь находится много заводов, которые строят океанские корабли, выпускают турбины, тракторы, точные приборы. Петербург не только промышленный город, но и важный морской порт на Балтике. Это огромный современный город, в котором нет окраин в старом смысле слова. Вокруг исторического города построены новые районы с широкими зелеными проспектами, с современными жилыми домами. В новых районах так же много парков и зелени, как и в исторической части города.

Петербург называют городом дождей и туманов. И действительно — 200 дней в году там идет дождь или снег. И еще его называют городом белых ночей — в конце мая и в июне в Петербурге бывают белые ночи. Это совершенно особое время в жизни города. Все кажется сказочным, потому что нет теней. Нет ни черного, ни белого цвета — город становится прозрачным. Бывают ночи, когда на улице можно читать газету.

Но не только сам город знаменит своей прекрасной архитектурой. Не менее прекрасны и пригороды Петербурга с парками и дворцами, в которых сейчас расположены музеи.

Оставим в стороне содержательные характеристики учебного текста и обратимся к вопросам его формы (они иногда обсуждаются под именем эксплуатационного плана текста). На наш взгляд, еще нет устойчивой традиции анализа ни дозировки страноведческих сведений в тексте, ни их эффективной подачи, ни привлечения внимания к ним, ни их запоминаемости и т. д.

В самом деле, если мы ввели определенное количество страноведческой информации, то что происходит с ней в сознании учащегося? Можем ли мы подсчитать, сколько информативных единиц текст содержит? Известно ли, сколько единиц информации адресат физически способен усвоить за одно прочтение текста (за два прочтения и т. д.)? Допустим, что в тексте наличествует обязательная для усвоения и факультативная страноведческая информация. Умеем ли мы ее различать для самих себя? Умеем ли мы специально привлечь внимание адресата к обязательным сведениям? Наконец, имеем ли мы представление о том, как хранится введенная информация в памяти? Сколько времени? Как она участвует в коммуникации? Когда нужно вернуться к ней, чтобы воспрепятствовать ее полному изглаживанию? Вопросов, связанных с лингвострановедческой отдачей содержательно ценных учебных текстов, возникает немало.

Ответы на них принадлежат к сфере психологии, потому что здесь нельзя не учитывать, скажем, пределов объема внимания и памяти, сроков и причин утомле-

ния, закономерностей забывания сведений, роли повторений и концентризма для стимулирования сохранности знаний, механизмов сопряжения покоящихся знаний с актуальной коммуникацией и т. д.

В психологии установлена тесная связь между пониманием и запоминанием текста. Конечно, существует и механическая память, так что текст, приложив усилия, можно затвердить даже на неизвестном языке, однако о механическом запоминании сейчас не говорим. Нас интересует смысловое запоминание, и, как показывает термин, основой запоминания в этом случае является смысл, т. е. извлеченная из текста и разумно познанная содержательная информация.

Чем полнее учащийся осмыслил, понял текст, тем легче и прочнее он его запомнит и тем точнее воспроизведет. Получается, что в первую очередь нужно стремиться помочь студенту или школьнику именно в понимании текста, а запоминание придет само собой.

При понимании текста, если пойти на известную схематизацию, имеют место три психических процесса.

Во-первых, читающий спонтанно и бессознательно разделяет любой сплошной текст (напомним: речь идет только о прагматично-справочном, обучающем) на отдельные смысловые части. В итоге в сознании читателя запечатлевается его смысловой каркас, структура. Этот процесс и называется *структурированием* текста. Не следует думать, что если два человека читают один и тот же текст, то они и структурируют его одинаково. Как раз справедливо противоположное: из одного и того же текста разные читатели вычитывают разное содержание, потому что они обращают преимущественное внимание не на те же самые сведения. В структурировании текста сказывается жизненный опыт человека, его интересы, его общее развитие, а также такие факторы, как вхождение читаемого текста в круг прежде прочитанных материалов той же тематики, установка на развлекательное или на учебное чтение, свойства внимания и логического мышления индивида.

Например, если обратиться к тексту «О Петербурге», то один учащийся может вычитать информацию, что город стоит на островах, другого заинтересует смена названий города, а третьего поразят белые ночи. Эти предположения не априорны. Таким образом, структурирование — это первый психический процесс, проходящий при чтении с пониманием.

Во-вторых, одновременно проходит процесс *компрессии*, смыслового сжатия текста. Каждая структурная часть текста в сознании человека перерабатывается в сторону значительного сокращения: некоторые информационные единицы вообще отбрасываются, другие включаются в семантическое поле смежной информационной единицы, третьи лишаются реляционно-языковых показателей, причем характерной чертой этого процесса является поиск некоторого единого, краткого фиксатора компрессивного смысла. Данный фиксатор должен обладать способностью к эффективному развертыванию. Функционально он подобен, например, мнемоническому узелку, завязанному на носовом платке. Этот узелок может стать отправной точкой целого потока извлекаемых из запасников памяти сведений — конечно, они должны быть ассоциативно сцеплены между собой.

Фиксатор (или носитель) компрессивной (сведенной до цельного смысла) текстовой информации называется *смысловой вехой*. Смысловая веха — это материальная форма компрессивной информации, но что именно ею станет — слово, номи-

нативное словосочетание, афоризм, зрительный образ, символ, интонация или даже значащее молчание, — сказать трудно. Замечено только, что внешняя форма смысловой вехи должна «выпадать из ряда», что она или должна иметь непосредственное отношение к читающему, затрагивать его лично; или ей следует быть экстравагантной, яркой, необычной; или, напротив, ей должно быть очень простой, зато хорошо усвояемой. Чем ярче форма смысловой вехи, тем больше шансов, что стоящая за ней информация сохранится надолго и будет адекватно воспроизведена.

Таким образом, понимание текста заключается в структурировании, компрессии и, в-третьих, в *провешивании* (приписывании компрессивным структурным единицам смысловых *вех*; отсюда *провешивание*). Три процесса не сменяют друг друга при чтении, а проходят одновременно, наслаиваясь друг на друга. Когда структурная часть выделена, это в равной степени означает, что она уже компрессирована и что она получила смысловой фиксатор. Все три процесса являются естественными: они спонтанно, без воли читающего включаются в действие, как только индивид приступает к тексту.

Можно ли процессы структурирования, компрессии и провешивания поставить на службу эффективности усвоения содержания страноведческого текста? Как построить текст со стороны его внутренней и внешней формы, чтобы он облегчал структурирование и компрессию и давал материал для провешивания.

В большинстве действующих учебников русского языка для иностранцев тексты страноведческого содержания печатаются сплошным массивом — за исключением, конечно, начальных заголовков (выделяемых шрифтами) и абзацев (показанных отступами). Следовательно, иностранный учащийся сам членит текст на смысловые части и самостоятельно приписывает каждой смысловую веху. Между тем не каждый студент и тем более школьник способен осуществить эти процессы эффективно (с позиции обучающего, конечно). Поэтому мы иногда (и нередко) отмечаем, что запечатлелась периферийная информация, а центральная пропущена, усвоены лишь фрагменты, но не образовались связи между объективно сопряженными сведениями, а самое главное — сплошь да рядом приходится констатировать исчезновение знаний из головы студента, его «странную» забывчивость. Объяснение простое: если пользователь разделил текст на основании несущественных, побочных признаков или выбрал неэффективные смысловые вехи, — правильное было бы использовать безличные конструкции: текст разделился, вехи выбрались (процессы — то бессознательные), — то текст или забывается полностью, или оставляет в памяти лишь отрывочные и мелкие сведения.

А между тем страноведческие тексты учебника рассчитаны на непосредственное усвоение их содержания, они нужны не только для тренировки речевых навыков и умений. Следовательно, важно научиться управлять естественными, спонтанными, но, к сожалению, не всегда эффективными психическими механизмами, подчинить их преподавательским задачам.

В свете изложенного пусть методист, работающий над учебным текстом (неважно, создает он его заново или преобразует заимствованный источник), возьмет на себя его структурирование и «провешивание». В таком случае, можно полагать, понимание текста и соответственно его запоминание увеличатся.

Что значит усилить структурирование страноведческого текста? Это означает сделать прозрачной и очевидной для читающего его внутреннюю композицию,

движение мысли, переход от одной темы к другой. Если иначе выразить это требование, то оно гласит, что однородные темы и смыслы не должны быть рассеяны по тексту и что, напротив, их следует собирать в одно место и больше к ним не возвращаться. Таково внутреннее структурирование.

Его результаты, однако, необходимо выявить внешне, поэтому структурные части следует отделить одну от другой с помощью полиграфической организации текстового массива.

Сначала о внутреннем структурировании. В тексте «О Петербурге» есть тема «Город и вода». Она затронута в трех абзацах. Сначала говорится, что город стоит на островах, затем, что он расположен на Неве и, наконец, что он является важным морским портом. Логическое следование информации лучше переменить: сначала сказать, что город расположен у моря в устье реки. Тогда две дальнейшие единицы информации окажутся следствиями из этого общего тезиса: город на островах; морской порт. И, кроме того, согласно требованию смыслового единства структурной части, тезис и следствия нужно свести в одно место.

Теперь о внешнем структурировании. Всю тему «Город и вода» отделим от прочих структурных частей текста границами абзаца. Придадим этой теме смысловую веху. Она, как упоминалось, должна быть яркой, способной к дальнейшему развертыванию. Подобным носителем «ударной информации» (выражение Ч. Аткисона) могло бы стать, например, номинативное словосочетание *город на островах*, но в тексте присутствует и более удачная потенциальная веха — *Северная Венеция*. Это выражение более информативно, поскольку оно опирается на предполагаемый предшествующий опыт учащихся и способность стимулировать его перенос в новые условия.

Остается заметить, что структурирование предполагает исключение из цельной смысловой части той информации, которая противоречит единому смыслу, и перенос ее в другие места. Например, во фразе *Петербург иногда называют «Северной Венецией», потому что он стоит на островах (их в Петербурге 105), город с прекрасными дворцами, мостами и набережными* следовало бы исключить упоминание о дворцах, потому что оно отвлекает от темы «Город и вода» и вводит в другую — «Архитектура города».

В заключение надо подчеркнуть, что если в самом тексте не находится единицы, способной стать смысловой вехой по своим качествам, то ее следовало бы создать. Если же в исходном тексте оказывается слово или словосочетание, по своей природе подобное смысловой вехе, но которое по какой-либо причине не должно послужить яркой меморизации, то его столь же сознательно требуется устранить из текста.

Смысловые вехи внешне выделены полиграфически: в нашем примере они напечатаны полужирным шрифтом (см. ниже). Однако это можно сделать иначе — разрядкой, сменой типографской краски, вынесением вехи на поля и т. д.

Мы приводим текст «О Петербурге», содержание которого осталось по сравнению с вышеприведенным исходным текстом учебника неизменным, но который преобразован с целью повышения его понимаемости и, соответственно, мнемонического потенциала.

Петербург не похож на древнюю красавицу Москву с ее Кремлем и исторической Красной площадью. Не похож он и на древние русские города, такие, как Владимир к

Суздаль, Псков и Новгород. Петербург — молодой город, ему всего триста лет, он основан в 1703 году. В городе вы не увидите памятников далекой русской старины.

Зато вы увидите город удивительно красивой архитектуры, город музеев, город дворцов. В двух, пожалуй, самых красивых зданиях-дворцах сейчас находятся знаменитые на весь мир музеи — Эрмитаж и Русский музей. Но не только сам город знаменит своей прекрасной архитектурой. Не менее прекрасны и пригороды Петербурга с парками и дворцами, в которых сейчас расположены музеи.

Петербург иногда называют «Северной Венецией». Он расположен на берегах реки Невы, недалеко от Финского залива. Город стоит на островах (их более 100), поэтому в нем много мостов и набережных. Петербург — важный морской порт на Балтике.

Он был столицей русского государства в течение двух веков — с момента основания до 1918 года и назывался сначала Петербургом, а позднее — Петроградом и Ленинградом.

Петербург — второй по величине город России (после Москвы). В нем живет более пяти миллионов жителей. Это крупный промышленный город. Здесь находится много заводов, на которых строятся океанские корабли, выпускаются турбины, тракторы, точные приборы.

Петербург наших дней очень отличается от дореволюционного Петербурга.

Сейчас это огромный современный город, в котором нет окраин в старом смысле слова. Вокруг исторического города построены новые районы с широкими зелеными проспектами, с современными жилыми домами. В новых районах так же много парков и зелени, как и в исторической части города.

И еще Петербург называют городом белых ночей. В конце мая и в июне в Петербурге бывают белые ночи. Это совершенно особое время в жизни города. Все кажется сказочным, потому что нет теней. Нет ни черного, ни белого цвета — город становится прозрачным. Бывают ночи, когда на улице можно читать газету.

Вернемся к основной мысли, ради которой было проведено структурирование и «провешивание» учебного текста. Повышается ли его понимание? Возрастают ли его запоминание и сохранность в памяти, т. е. его мнемонический потенциал? Ответ на эти вопросы можно получить только опытным, экспериментальным путем.

Глава 3. Проективный текст

03–1. О ПОДТЕКСТЕ И КОНТЕКСТЕ

Прежде чем перейти к лингводидактическим вопросам, необходимо познакомиться еще с некоторыми общими сведениями из теории текста. Не исключено, что по отдельности они уже известны читателю, однако назначение помещенного ниже изложения заключается, пожалуй, отнюдь не в принципиальной новизне информации, а в ее систематизации с целью дальнейшего применения общенаучного багажа в лингводидактике.

Итак, мы уже видели, что прагматичное сообщение состоит из слов, которые благодаря объединяющей их предикативности фразы складывают свои значения, —

так возникает общий итоговый смысл высказывания. Если же интенция говорящего выходит за рамки такого итогового смысла, то сообщение является проективным, поскольку в этом случае речевой замысел адресанта лишь спроецирован на прагматический семантический план, отнюдь не вытекая из него.

Интенционный смысл проективного сообщения называется *подтекстом*. Подтекст — это та субъективная информация, которая сопряжена с речевым намерением адресанта и которая не следует из объективного итогового смысла высказывания.

Если подтекст закладывается в сообщение как бы в виде второго слоя на прагматической семантике, то надо полагать, что он воспринимается адресатом иначе, чем прагматичная информация.

На первый взгляд представляется, что проективное сообщение чуть ли не произвольно и что оно не имеет надежной связи с интенционной информацией.

Основания, чтобы так думать, имеются. К примеру, фраза *На дворе сосульки потекли* совсем не обязана выражать один только смысл — «на улице тепло». Не исключено, что в подтексте имелось в виду побуждение «подойди, посмотри!». Одновременно допустимо предположить, что подтекст состоит в отказе участвовать в лыжной прогулке — «тающий снег липнет к лыжам». Наконец, — впрочем, перечисление подтекстов прерывается задолго до конца, — нет причин, чтобы не видеть во фразе восклицания «наступает весна!».

Если продолжить геометрическую аналогию, то проективные тексты подобны не трехмерной проекции (она дает возможность точно представить себе объемный предмет), а одномерной. Проективное сообщение, казалось бы, допускает множество подтекстов, равно как и одномерная проекция может быть основой множества объемных представлений.

И все же проективное сообщение не делает коммуникацию двусмысленной: специальный текстовый механизм снимает объективно возможную неопределенность подтекстов. Этот механизм называется смысловым подравниванием (или унификацией) фраз, входящих в цельное и законченное сообщение. Так, если первой фразой цельного диалога был вопрос *Какая сегодня погода?*, то ответ *Сосульки потекли* нельзя интерпретировать ни как отказ от лыжной прогулки, ни как приглашение полюбоваться природой, но только как сообщение о погоде. Иными словами, проективное высказывание малого размера снимает свою неопределенность в пределах большего по размерам высказывания, потому что оно как бы пропитывается общим цементирующим смыслом, единым и цельным для законченного коммуникативного акта.

По отношению к этому высказыванию малого размера (например, фразе) все другие фразы, которые ему предшествуют или которые следуют за ним, называются *контекстом*. Контекст представляет собой проявление механизма смыслового подравнивания: контекстно-связанными являются лишь те фразы, которые способны выражать один-единственный цельный смысл. Следовательно, в нерасчлененном высказывании может быть несколько контекстных единств, которые не нужно смешивать.

Например, вот начало небольшого рассказа:

Еще на прошлой неделе надумал Игнат съездить к брату в заречное село. Сегодня вышел на крыльцо и удивился. Грачи прилетели. Снег почернел и осунулся.

Потекли сосульки. Не судьба, видно, навещать брата: не ровён час, лёд под лошадью проломится.

Перед нами два контекстных единства — о размышлениях персонажа и о наступлении весны. Второй контекст можно назвать *контактным*: три фразы, объективирующие смысл о весне через проективное перечисление ее признаков, расположены впритык, друг за другом. Первый контекст называется *дистактным*: размышления героя рассказа (они являются цельными, однотемными — намерение и отказ от него) изложены в начальной и конечной фразах, а между ними вклинилось другое контекстное единство. Таким образом, проективное высказывание снимает свою неопределенность благодаря *подравниванию* под единый смысл контекста, но фразы, составляющие контекстное единство и проясняющие друг друга, не всегда расположены рядом.

Более того: в художественном произведении первая фраза контекстного единства может быть отделена от второй несколькими страницами повествования, и эффект иногда сознательно создается тем, что первая проективная фраза остается с двусмысленным подтекстом.

Тем не менее размеры контекста не безграничны. Они задаются пределами оперативной (текущей, не долговременной) памяти человека, а адресант (интуитивно, но в общем-то точно) ориентируется на возможности адресата. Получается, что контекст — это категория скорее психологическая, чем лингвистическая.

В свете изложенного зададимся вопросом. Можно ли думать, что подтекст присущ отдельной проективной фразе? Нет, нельзя. Подтекст фразы *Я живу на Тверской* зависит от того, в каких контекстах она произносится. Если адресант хочет сказать, что он сможет быстро добраться, предположим, до Арбата, то подтекст «я живу в центре города» подается контекстно-связанной фразой *Приеду через четверть часа*. Если же адресант отвечает на вопрос *Какое метро к вам ближе всего?*, то проективная фраза сообщает подтекст «ближайшее метро у меня — „Тверская“». Следовательно, подтекст производится не самой проективной фразой, взятой отдельно, а контекстным единством. Иными словами, подтекст производится всем цельным и завершенным (по смыслу) высказыванием и только во вторую очередь является продуктом проективной фразы из его состава.

Приведенное наблюдение имеет всеобщий характер, так что его можно выразить в виде генеральной закономерности: подтекст проективной фразы выводится лишь из сверхфразового контекстного единства. Здесь имплицитно содержится мысль: подтекст есть результат смыслового *подравнивания* контекстно-соотнесенных фраз. Пусть наблюдаемая закономерность ради краткости называется *правилом контекста*.

Из правила контекста вытекает несколько следствий, существенных для лингвострановедческого чтения проективных текстов.

Во-первых, рассмотрим случай, когда в контекстное единство входит, наряду с проективными, хотя бы одна прагматичная фраза. Например: *Мальчик — способный? — Петенька пошел в школу пяти лет*. Первая фраза содержит «деловой» вопрос, а ответ спроецирован на косвенную тему. Подтекст, вернее ключ к подтексту, задается прагматичной фразой, и так бывает всегда. Если в контекстном единстве есть прагматичное сообщение, то именно оно задает установку на тот или иной подтекст проективных фраз единства.

Во-вторых, рассмотрим случай, когда контекстное единство состоит исключительно из проективных фраз. Если еще раз вернуться к отрывку из рассказа, в котором говорится о наступлении весны, то все три фразы проективны, и прагматического сообщения в данном контексте нет; подтекст вытекает из сочлененности проективных фраз, так что каждая фраза уточняется другими, а другие в свой черед уточняются этой фразой. Подтекст появляется как бы в виде приращения — собственного приобретения не каждой фразы по отдельности, а их совокупности. Обычно уже двух контекстно-соотнесенных проективных фраз достаточно, чтобы у каждой снялась смысловая неопределенность.

В-третьих, следует отметить, что контекстные смысловые связи уподобляют проективные фразы, даже уравнивают, независимо от их общего итогового значения на прагматическом уровне. Так, *Грачи прилетели* на прагматическом смысловом уровне, естественно, не то же самое, что *Снег почернел и осунулся*, но приращенный подтекст сочетания этих двух фраз — один и тот же («наступила весна»). Заметим, что один и тот же подтекст способен выражаться прагматически разными высказываниями. Скажем и иначе: разные прагматические фразы могут быть (или стать) проекциями одного и того же подтекста.

Наконец, в-четвертых, иногда вполне удастся перевести подтекст в прагматические высказывания. В некоторых же случаях (в текстах публицистики и художественной литературы) подтекст нелегко выразить «зримо». Затруднения возрастают, если подтекст относится не к рациональной сфере духовной деятельности человека, а к эмоциональной или этико-эстетической. Прагматичное выражение делает замысел адресанта плоским и примитивным и тем самым искажает его.

03–2. О ПОДТЕКСТЕ И ЗАТЕКСТЕ

До сих пор мы говорили о проективных фразах, включенных в контекстные единства, — в них подтекст есть смысл, производный от контекста. На этом основании можно было бы сделать вывод, что вне контекста нет подтекста, т. е. проективное сообщение или не бывает без контекста, или остается непонятным при его отсечении. Между тем подобный вывод, при всей его логичности, неверен.

В некоторых случаях проективные фразы на всем протяжении сообщения так и не получают контекстного разъяснения. И все же они не остаются без подтекста. Скажем, писатель или журналист не разъясняет (в своем произведении), в каком интенционном смысле надо понимать то или иное высказывание, а читатель все равно проявляет проницательность. Как же это происходит? Рассмотрим пример.

Во второй главе «Капитанской дочки» рассказывается, как заблудившийся Гринев во время бурана был выведен чернобородым мужиком к постоялому двору. Вожатый завел с хозяином постоялого двора «воровской разговор»:

«Отколе Бог принес?» Вожатый мой мигнул значительно и отвечал поговоркою: «В огород летал, конопли клевал, швырнула бабушка камушком — да мимо. Ну, а что ваши?» — «Да что наши! — отвечал хозяин, продолжая иносказательный разговор. — Стали было к вечерне звонить, да попадаья не велит: поп в гостях, черти на погосте». — «Молчи, дядя, — возразил мой бродяга, — будет дождик, будут и гриб-

ки; а будут грибки, будет и кузов. А теперь (тут он мигнул опять) заткни топор за спину: лесничий ходит».

Ни читатель, ни сам Гринев не могут понять, в каком смысле следует истолковывать контекстно-целостную беседу, хотя каждому ясно, что она является проективной и, следовательно, должна иметь подтекст.

А. Пушкин немного ниже снимает неопределенность. Повесть написана от первого лица, и Гринев замечает:

Я ничего не мог тогда понять из этого воровского разговора; но после уж догадался, что дело шло о делах Яицкого войска, в то время только что усмирленного после бунта 1772 года.

Так была сообщена информация, благодаря которой стало возможно понять беседу единомышленников и определить ее подлинный смысл.

Недостающая информация касается внеязыковой атмосферы, общественных условий, вообще обстоятельств жизни, обсуждаемых в беседе. Те внешние по отношению к публицистическому или художественному произведению жизненные обстоятельства, отраженные в этом произведении, а также духовная атмосфера, в которой оно писалось, образуют *затекст* проективного высказывания. Укажем две его черты.

Во-первых, затекст — это совокупность знаний и сведений, относящихся ко времени, о котором идет речь в проективном тексте.

Так, в нашем примере эти знания примерно таковы. В течение всего XVIII века казацкие вольности систематически урезывались и ущемлялись царским правительством. Была отменена выборность атаманов, казаки стали подсудны не собственному, а царскому суду, у них отбирали земли и речные угодья. В 1769—1771 гг. царское правительство потребовало, чтобы казаки, жившие на реке Яик, послали свои полки для участия в действиях регулярных войск. Казаки подали жалобу. По жалобе выехала следственная комиссия генерала Траубенберга, которая повела расследование круто и враждебно. 13 января 1772 года вспыхнуло восстание, Траубенберг был убит, а восстание было подавлено лишь через полгода. Его участники подверглись жестоким наказаниям, что еще больше накалило обстановку. Бунт в Яицком войске явился прологом народной войны под руководством Пугачева. В своей «Истории Пугачева» Пушкин так писал об этом: «Все предвещало новый мятеж. Недоставало предводителя. Предводитель сыскался...».

Во-вторых, затекст — это знания и сведения, которые относятся ко времени, когда был произнесен или записан проективный текст. Поскольку повествование ведется от лица дворянина Гринева, ясно, почему Пугачев назван бродягой, а разговор — воровским.

Что же касается функций затекста и его характеристик, то они почти не отличаются от свойств контекста. Поэтому общее правило таково: подтекст проективного высказывания при отсутствии контекста выводится лишь из затекстной внеязыковой информации. Подтекст — это результат смыслового подравнивания к затексту контекстно-соотнесенных фраз.

Таким образом, публицистика и художественная литература диалогичны: они предполагают диалог с читателем, привлечение его к сотворчеству, к привнесению

в читаемый текст некоторой информации от себя. Упомянутая привносимая информация и является *затекстной*.

Сами журналисты и писатели отчетливо сознают, что без затекста, который читатель добавляет от себя, их произведения не достигают цели, и верят во вдумчивого, даже талантливого адресата. А. Чехов так писал по этому поводу: «Когда я пишу, я вполне рассчитываю на читателя, полагая, что недостающие в рассказе субъективные элементы он подбавит сам».

Итак, достаточное знание внетекстового, или затекстного, мира — важное условие для понимания проективных сообщений, типичных для публицистики и художественной литературы. Мы имеем в виду понимание, адекватное замыслу автора.

03–3. О СЮЖЕТЕ И ЗАМЫСЛЕ

Сюжет — это определенное событие, о котором рассказывает журналист или писатель, развивающееся во времени. Это то, что «произошло на самом деле». Фабула представляет собой порядок, в котором читатель узнает о развитии события. Так, в «Капитанской дочке» сюжет и фабула совпадают, а в «Воскресении» Л. Толстого расходятся (сначала рассказывается о суде над Катюшей Масловой, а затем писатель возвращается к описанию ее жизни до суда).

Сюжет всегда конкретен: в таком-то месте в такое-то время случилось то-то и то-то. Имеются жанры художественной и публицистической литературы, которые почти полностью нацелены на сюжет: таковы детективы, приключения, фантастика, путешествия, а также информация, хроникальные заметки, спортивные отчеты, репортажи.

Другие жанры словесности сюжетными линиями повествования не исчерпываются. Не занимательность фабулы и острота сюжета в конечном счете определяют значимость литературного произведения. Важно, чтобы за конкретным сюжетом стояло определенное абстрактное, общее, непреходящее содержание.

Ведущая мысль журналиста или писателя, его намерение показать общее в единичном, вечное в скоротечном, значительное в мелком — пожалуй, так можно описать феномен, называемый *замыслом* художественного или публицистического произведения. Замысел автора принципиально не отличается от речевой интенции говорящего, который прибегает к проективному способу сообщения сведений: говорится о пятилетнем мальчике, а на самом деле сообщается о его умственных способностях; рассказывается анекдотический случай (как в «Смерти чиновника» А. Чехова), а при полном постижении замысла писателя «казус» превращается в общественное «явление».

«Прекрасного экзекутора» Ивана Дмитрича Червякова, на первый взгляд, беспокоит, что его посчитают невежей, который не умеет себя «в публике держать». Невежа нарушает правила приличия несознательно, и все это понимают. Следовательно, и генерал Брижжалов не мог не понять, что Червяков обрызгал его ненамеренно. В таком случае почему же Иван Дмитрич с такой настойчивостью говорит: «Я нечаянно», «Я не желал», «Я ведь... не то чтобы...», «Я вовсе не желал», «Нечаянно обрызгал»?

Затекст произведения сейчас в значительной мере забылся, а он таков. Рассказ написан в 1883 году, когда вся Россия еще находилась под впечатлением убийства народовольцами царя Александра II.

Это было время, когда высшие государственные чины, «персоны» подвергались оскорблениям и насмешкам со стороны «мыслящей» молодежи. Прокатилась волна покушений на жизнь царских сановников и генералов (Трепова, Мезенцева, Дрентельна и др.). Имя Веры Засулич, стрелявшей в Трепова, было у всех на устах. Короче говоря, генералы отнюдь не чувствовали себя в безопасности.

Затекст проясняет опасения Червякова. Молодой человек (Червяков, вопреки расхожему мнению, молод), только начинающий свою карьеру, боится, что его невольное чихание будет принято за сознательный плевок, за намеренное оскорбление «персоны». «А то подумают, что я плюнуть хотел», — вполне в духе мятежного времени рассуждает он. Глагол поставлен на предикативно самое сильное место: он не случайно чихнул, а плюнуть — *хотел*, намеревался!

Опасения Червякова подтверждаются.

Выведенный из себя Бризжалов произнес роковую фразу: «Да вы просто смеетесь, милостисдарь!» Теперь благонамеренному чиновнику приходится отводить от себя второе «ужасное подозрение»: «...а смеяться я и не думал. Смею ли я смеяться?» Червяков прекрасно понимает, что именно в те времена выражалось смехом: «Ежели мы будем смеяться, так никакого тогда, значит, и уважения к персонам... не будет...» «Мы» — это «молодежь», новое поколение чиновников, и употреблением местоимения 1-го лица Червяков отнес себя к данной референтной группе.

«Смерть чиновника» — своеобразная грань между Антошей Чехонте, изобретателем остроумных сюжетов, и Антоном Павловичем Чеховым, в произведениях которого за сюжетом таится глубокий замысел.

Сюжет и замысел — два пласта информации публицистического очерка, рассказа или романа. Эти пласты воспринимаются по-разному. Все читающие книгу или общественно-политический журнал без труда и особой подготовки — причем всегда — постигают сюжетные линии. Часть читателей так и остается на уровне восприятия сюжета: они пропускают все «рассуждения» и «описания», которые, по их мнению, отвлекают от того, «что там случилось». Другие улавливают замысел автора, однако чтение с ориентацией на замысел требует и труда, и специальной подготовки, да и при исполнении этих условий все же дойти до адекватного прочтения удастся не всегда.

Проделать путь от конкретного «казуса» к абстрактному «явлению» трудно, однако, если ставить перед собой не только развлекательно-занимательные цели, необходимо.

Подтекст, контекст, затекст и замысел — категории, тесно сопряженные с историей и культурой народа.

03–4. ЛИНГВОСТРАНОВЕДЧЕСКИЙ КОММЕНТАРИЙ

В предыдущей главе рассматривались тексты, созданные специально для иностранца. При их создании составители учитывают меру подготовленности адресата и уstraняют из исходных текстов все потенциальные трудности. Те-

перь наше внимание переключается на тексты, которые *написаны для носителей языка (и культуры)* и которые (по ряду причин) без существенных модификаций вводятся в обучение иностранцев.

Когда в языковой учебный процесс вводится подлинная газета или неадаптированный отрывок из романа, то о предварительно снятых трудностях (внутритекстовых) говорить, конечно, не приходится. Поэтому чтение текстов можно облегчить только с помощью комментирования.

Комментарий — это любое разъяснение, относимое к определенному слову или выражению текста, к определенному фрагменту или ко всему тексту целиком. В некоторых случаях комментарий ничем не отличается от других способов семантизации лексики и других языковых единиц, однако ему присуща специфическая, только для него характерная особенность — комментарий всегда соотнесен с текстом, ради которого написан. Независимо от того, для какой читательской категории комментарий предназначен, он не представляет собой чего-то автономного от текста, а подчинен ему — он должен помочь читателю понять текст.

Чтение комментария не может быть самостоятельным: он должен всегда читаться одновременно и параллельно с соответствующим текстом. Комментарий не всесилен: он только помогает читательскому восприятию, но не отменяет ни труда, который читателю предстоит затратить, ни обязательного интереса к произведению. Наконец, его характеристики (что именно будет разъясняться и какова будет глубина разъяснений) задаются адресатом. Никакой комментарий не может (и не должен) объяснять все. Если занизить представление об уровне подготовленности адресата и начать «разжевывать» достаточно понятное, то это не только бесполезно и расточительно, но еще и обидно для пользователя.

Потенциальные трудности, с которыми (иностраный) читатель сталкивается при погружении в публицистику и художественную литературу, — двоякого рода.

Во-первых, могут встретиться слова и выражения, выходящие за пределы лексического запаса читателя, или неупотребительные и периферийные для современного русского литературного языка, или отличающиеся своей семантикой от «обычного» словоупотребления. Перечисленные затруднения снимаются в *лингвистическом комментарии*, который обычно не касается значения текстовых единиц: он просто переводит трудное выражение (диалектное, жаргонное, архаичное и т. д.) в доступное адресату. На форму текстовых единиц направлен также *стилистический комментарий*, демонстрирующий внешние приемы выразительности, эстетику художественного текста. Лингвистический и стилистический комментарии, понятые таким образом, далее нами не рассматриваются.

Во-вторых, в тексте встречаются слова и выражения с национально-культурной семантикой (названия учреждений, документации, чинов, званий, должностей, отличий, денежных единиц, всевозможных мер, административного деления, блюд и напитков и т. д.), которые невозможно разъяснить путем синонимических замен, перефразирования. Комментарий, цель которого заключается в изъяснении внеязыковых явлений, называют по-разному — реальным, историко-литературным, бытовым, социальным, текстуальным. Поскольку, как станет ясно из дальнейшего, он сводится к лингвострановедческой семантизации, вполне аналогичной той, которая обсуждалась раньше, данный вид комментария правильно именовать *лингвострановедческим*.

03–5. ПЕРВЫЙ ВИД ЛИНГВОСТРАНОВЕДЧЕСКОГО КОММЕНТАРИЯ: ПРАГМАТИЧНЫЙ

Обратимся к лингвострановедческому комментированию текстов, которые или написаны с прагматичным замыслом, или первоначально должны быть поняты прагматично.

Продолжаем анализ рассказа А. Чехова «Смерть чиновника»:

«В один прекрасный вечер не менее прекрасный экзекутор, Иван Дмитрич Червяков, сидел во втором ряду кресел и глядел в бинокль на „Корневильские колокола“».

Эта фраза имеет прямой, буквальный смысл: Иван Дмитрич на самом деле был в театре. Однако на прагматичном уровне ее полное понимание затрудняется, поскольку неизвестно, кто такой *экзекутор*.

Комментатор разъясняет: «*экзекутор* — чиновник по хозяйственной части в учреждении». Точно так же прокомментированы два других текстовых фрагмента, которые затруднительны для понимания (в силу перемен в обществе): «*кресла* — места в партере театра» (этот комментарий-перефразирование является лингвистическим); «Корневильские колокола» — название оперетты Р. Планкета, либретто Л. Клервиля и Ш. Габе».

Поскольку три приведенных комментария являются типичными для своего рода, уже на их основе можно сделать обобщающие выводы. Лингвострановедческий комментарий к прагматичному тексту — это краткая справка, построенная в виде ответа на вопрос: что есть что и кто есть кто. Обычно источниками подобных справок служат энциклопедии, толковые словари, справочники, откуда составитель комментария черпает информацию, как правило сокращая ее, упрощая и вмещая в рамки одной семантизирующей фразы.

Пусть вид комментария, присоединяемого к тексту, который исчерпывается прагматичным смыслом, так и называется — *прагматичным*. В нем толкуются и определяются понятия, раскрываются имена (идентифицируются личности, географические объекты), отождествляются исторические события и социальные явления, равно как сообщаются и другие сведения, необходимые для понимания текста.

03–6. ВТОРОЙ ВИД ЛИНГВОСТРАНОВЕДЧЕСКОГО КОММЕНТАРИЯ: ПРОЕКТИВНЫЙ С ОРИЕНТАЦИЕЙ НА КОНТЕКСТ

Продолжим выписку из «Смерти чиновника»: «Он сидел и чувствовал себя на вершине блаженства». Данная фраза примыкает к начальной, являясь следствием из нее, т. е. обе они отражают один и тот же контекстный смысл. Одновременно этой фразой завершается экспозиционная часть рассказа, потому что дальше следует «Но вдруг...» и писатель динамично разворачивает действие.

Следовательно, дальше начинается второй контекст.

Конечно, Червяков мог испытывать блаженство от того, что он просто был в театре. Однако Чехов сообщает проективную информацию, благодаря которой проницательный читатель должен «сам подбавить недостающие в рассказе субъективные элементы».

Экзекутор — должность чиновника 12-го или, самое большое, 10-го класса, т. е. с небольшим жалованьем. Кресла второго ряда — дорогие места. Мелкому чиновнику они не по карману, и если Червяков покупает дорогой билет, то это значит, что он стремится в «высшее общество», в среду «персон». Амбиция в данном случае удовлетворена — есть от чего быть довольным.

Кроме того, оперетта названа не случайно: «Корневильские колокола» были чрезвычайно популярны, на них стремились попасть, побывать на них было делом престижа.

Учтем также, что для усиления наслаждения Червяков из близкого к сцене второго ряда смотрел в бинокль. Всех этих индикаторов — удовлетворение амбиции и престижа — сверхдостаточно, чтобы полностью представить себе охватившее экзекутора чувство, которое писатель назвал «верхом блаженства».

Можно ли из приведенных выше прагматичных комментариев извлечь информацию, которая позволила бы постигнуть проективный смысл фразы? Конечно, полезно знать, что экзекутор отвечает за хозяйственную часть в учреждении, но замысел писателя состоит в том, чтобы сказать: Червяков — весьма небогат. Нет сомнения, что сведения о либреттистах обогащают эрудицию, но ведь дело-то не в них, а в том, что оперетта — была в свое время очень модна.

Говоря о «Евгении Онегине», Ю. М. Лотман подчеркивает: в комментарии важно не просто разъяснить, что есть что, но «существенно указать, являлась та или иная вещь модной новинкой или обломком старины, какую художественную цель преследовал Пушкин, вводя ее в свой роман» [Лотман 1980: 5]. Иными словами, исходя из контекста, требуется для сведения проницательного читателя намекнуть, в какой проективной роли способно выступить то или другое явление жизни.

Проективно-контекстный комментарий к тем же трем фрагментам текста, которые уже были прагматично прокомментированы, мог бы теперь принять примерно такой вид: *экзекутор* — мелкий чиновник с ничтожным жалованьем; *кресла* — дорогие места в театре; «*Корневильские колокола*» — модная оперетта 80-х годов XIX в.

Проективный комментарий — это информация о социальной функции и общественном месте предмета или явления, об их осмыслении, об их сопряженности с другими сферами действительности.

Согласно правилу контекста, контекстная информация задается прагматичной фразой (если она есть). В нашем примере она наличествует, и это заставляет включать в проективные комментарии сведения, поясняющие источник «блаженства» Червякова. Если бы прагматичная фраза-ключ была другой, то и наполнение комментариев изменилось бы. Здесь особенно четко видно, что проективный комментарий — это сателлит текста, вне которого нельзя понять мотивы включения в разъяснение тех, а не других сведений.

Прагматичные комментарии напоминают также о том, что мы можем подвести пользователя к определенному выводу, но умозаключение (скажем, связать бедность Червякова и дорогие места в театре) читатель должен сделать — сам.

Итак, проективный комментарий содержательно отличается от прагматичного непосредственной привязкой к контексту, которым он обусловлен, и в свой черед служит восприятию подтекста, заключенного в этом же контексте. Если прагматичные комментарии в принципе можно собрать в одно место и преобразовать их в

самостоятельный словарь-гlossарий (подобно тому, который составил, например, В. В. Виноградов к произведениям Пушкина), то проективные комментарии могут быть только и исключительно построчными.

03–7. ТРЕТИЙ ВИД ЛИНГВОСТРАНОВЕДЧЕСКОГО КОММЕНТАРИЯ: ПРОЕКТИВНЫЙ С ОРИЕНТАЦИЕЙ НА ЗАТЕКСТ

Продолжим анализ показательного примера. В прошлой главе мы сообщили о социальной атмосфере 80-х годов позапрошлого (т. е. XIX) века. Это описание и представляет собой проективный комментарий с ориентацией на затекст. Благодаря этому комментарию возможно воспринять рассказ «Смерть чиновника» не как нелепое происшествие, а как обличающую иллюстрацию громкого общественного звучания.

Однако предположить, что Червяков похож на революционера, допустимо лишь при условии, что Чехов обрисовал его как молодого человека. И подобная информация в тексте есть. Более того: она заложена в самой первой фразе произведения.

Червяков назван экзекутором не только для того, чтобы сообщить читателю о его бедности. Экзекуторами в царской России бывали начинающие и, следовательно, молодые чиновники. Если они служили исправно, то по выслуге лет им автоматически — как и на военной службе — следовали дальнейшие чины и должности. Седовласого экзекутора невозможно себе представить. Вопреки расхожим представлениям, Иван Дмитрич ничем не похож на гоголевского Акакия Акакиевича. Он развит, амбициозен, заботится о престиже, он неглуп и, наконец, он правильно постигает веяние времени.

Не исключено, что он даже в духе времени немного фрондирует. Чехов, который последовательно приучал читателя к «работе», к сотворчеству, к умению по намеку автора, по какой-нибудь характерной черте понять авторский замысел, душевный мир изображенного лица, сложную ситуацию, отнюдь не случайно упоминает, что перед визитом к генералу (ради объяснения) Червяков «подстригся». Следовательно, в театре он был с прической, которая, по мнению Червякова, могла показаться Бризжалову «вольнодумной». Иван Дмитрич немедленно расстался с фрондирующими волосами, чтобы полностью засвидетельствовать свою благонамеренность. Остается еще раз сказать, что на всем протяжении рассказа нет и намека на то, что Червяков стар. (Поэтому интерпретация образа, например, великим Ильинским как старца, как ни неприятно это говорить, основана на беглом прочтении рассказа.)

В комментарии, ориентированном на затекст, следовало бы как минимум указать, что экзекутор — это молодой человек. Пусть читатель перенесет эту информацию на литературного героя, — она безусловно необходима ему для прочтения рассказа с выходом за рамки сюжета.

Если теперь мы сведем воедино три разных типа комментария, то лингвострановедческая семантизация слова *экзекутор* — прагматичная, контекстно-проективная и затекстно-проективная — может принять следующий вид:

Экзекутор — чиновник по хозяйственной части в учреждении. Начинающий, молодой человек с весьма скромным жалованьем.

Таким образом, затекстные комментарии могут иметь две формы.

Во-первых, проективный комментарий должен создать установку на выявление «подводного течения» в произведении. В некоторых случаях писатель делает это сам, например в «Слове от автора». Если же такого введения нет, то создание концепции, общей точки зрения, которой будет соответствовать погружение иностранного читателя в текст, ложится на плечи комментатора.

Концепционный комментарий не является интерпретацией художественного или публицистического произведения, но должен подготовить читателя к адекватной интерпретации. Он по содержанию представляет собой моделирование тех фоновых знаний, которые служат для писателя опорой в данной работе. Объем фоновых знаний, которые преподаватель сообщает перед тем как иностранные учащиеся приступят к очерку или рассказу, должен быть тесно согласован с проективной линией произведения, так что в конечном итоге концепционный комментарий — это продукт подлежащего чтению текста, вне увязки с произведением теряющий всякий смысл. Подчеркнем, что комментарий данного типа следует предлагать вниманию учащегося именно до начала работы с публицистическим или художественным текстом, потому что иначе будет воспринят только сюжет. Комментарий может принять форму вступительной статьи или заметки, опережающей справки, выдержки из критического труда, энциклопедической выписки. Концепционный комментарий нельзя себе мыслить вне привязки к двум временным вехам — ко времени, о котором идет речь в произведении, и ко времени, когда произведение было создано. Наконец, он может содержать и третью временную веху — сообщать о том, как произведение понимается сегодня, нашими соотечественниками и современниками.

Во-вторых, затекстный комментарий, подобно контекстному, может быть построчным — в таком случае он относится или к отдельному слову и выражению из повествования, или к определенному законченному отрезку текста.

Таковы необходимые сведения о трех видах лингвострановедческого комментария. Их объединяет общая основная перлокутивная задача: они должны произвести перемены в сознании читателя.

Глава 4. Лингвострановедческое чтение: прагматичный и проективный тексты в связке

Эффективность правила, формулируемого как закономерность, демонстрируется на конкретном примере. Соответственно, и в преподавании абстрактные и общие формулировки желательно сопровождать их конкретными и единичными реализациями; таков, как известно, общедидактический принцип наглядности.

Использование в учебнике или на уроке чертежей, схем, рисунков, фотографий, картин и других источников информации, воспринимаемых зрительно, — один из случаев реализации принципа наглядности. В лингводидактике говорят, однако, и о слуховой наглядности, а также о речевом иллюстративном материале (под которым понимается приведение примеров на какое-либо грамматическое

правило и т. д.). Следовательно, внутренняя форма термина «наглядность» (от глагола *глядеть*) сужает его фактический смысловой объем.

Различаем — в свете изложенного — два типа текстов по способам сообщения информации.

Прагматичный текст является справочным, откровенно обучающим, нацеленным на передачу достаточно полной и систематичной совокупности страноведческих сведений. Пусть прагматичные тексты, взятые в аспекте их предназначенности, называются *обзорными*: они охватывают явление или тему целиком, представляя целостную картину.

Проективные тексты (публицистика и художественная литература) могут быть уподоблены иллюстративному материалу. Они отражают на прагматическом уровне единичные предметы, описывают судьбы конкретных людей и только на уровне замысла передают обобщенный смысл. Пусть проективные тексты, взятые в качестве средств наглядности, называются *экземplarными*: не охватывая всей проблемы, они (при сокращении угла зрения) выигрывают в интенсивности впечатления, подключая к восприятию информации, наряду с разумом, чувства и эмоции.

Если считать текст «О Петербурге» обзорным, то *экземplarным* является знаменитый отрывок из вступления к поэме Пушкина «Медный всадник»:

Люблю тебя, Петра творенье,
Люблю твой строгий, стройный вид,
Невы державное течение,
Береговой ее гранит,
Твоих оград узор чугунный,
Твоих задумчивых ночей
Прозрачный сумрак, блеск безлунный...

Обзорный текст *сообщает*, что *Петербург* называют городом белых ночей, *экземplarный* эмоционально *иллюстрирует* эту рациональную информацию. Кроме того, проективные выражения (*Петра творенье*) заставляют припомнить время основания города и имя основателя, а также (*адмиралтейская игла*) стимулируют вопросы, т. е. питают дальнейший интерес. Взаимное дополнение двух типов текстов повышает отдачу каждого текста по отдельности.

Приведенный пример связки обзорного и *экземplarного* текстов иллюстрирует способ их последовательного сочетания. Порядок следования указанных типов текстов в данном случае возможен только один — от обзорного к *экземplarному*: первый вводит новую страноведческую информацию, второй ее конкретизирует и этим способствует ее пониманию и запоминанию.

Наряду с последовательной возможна и перемежающаяся связка обзорных и *экземplarных* фрагментов в рамках единого цельного обучающего текста. Ниже приведен образец такого способа связки на материале знаменитой поэтической переписки Пушкина с декабристами.

- (1) Во глубине сибирских руд
- (2) Храните гордое терпенье,
- (3) Не пропадет ваш скорбный труд
- (4) И дум высокое стремленье.

(1) *во глубине сибирских руд* — в глубоких сибирских рудниках, подземных шахтах; (3) *скорбный труд* — поэтическое наименование каторжной (физически тяжелой и подневольной) работы заключенного.

Крылатое четверостишие открывает собой послание, которое великий русский поэт адресовал в Сибирь своим друзьям-декабристам. Ныне в российском обществе отношение к декабристам меняется: во всяком случае, заявившие о себе монархисты декабристов проклинаяют — они, будучи по происхождению дворянами, с оружием в руках выступили против «священной особы» государя императора. Их вооруженное выступление произошло в декабре 1825 г.; отсюда название.

В 1816 г. в Петербурге группа молодых офицеров создала тайное общество «Союз спасения». Затем там же возникло Северное общество, а на Украине — Южное общество, члены которых готовили государственный переворот с целью уничтожения самодержавия и установления республики.

В конце 1825 г. умер царь Александр I. Руководители Северного общества решили воспользоваться сложившейся неразберихой. 14 декабря 1825 г. они вывели войска на площадь и отказались признать нового царя Николая I. Новый царь приказал стрелять по восставшим из пушек. К ночи восстание было подавлено, в городе начались аресты. Восстание на Украине началось 29 декабря, но и оно не имело успеха. По делу декабристов было арестовано около 600 человек.

Пятерых руководителей восстания — Пестеля, Рылеева, Муравьева-Апостола, Бестужева-Рюмина и Каховского — казнили. Декабристов-офицеров лишали дворянства и ссылали в Сибирь на каторгу.

Пушкин прямо не участвовал в деятельности тайных обществ, однако вольнолюбивые стихи поэта (особенно «К Чаадаеву», «Деревня»), широко распространившиеся в списках, оказывали большое воздействие на общество. Их хорошо знали и декабристы. После разгрома восстания Пушкину писал его друг поэт В. Жуковский: «Ты ни в чем не замешан, это правда. Но в бумагах каждого из действовавших (т. е. декабристов. — Е. В., В. К.) находятся стихи твои. Это худой способ подружиться с правительством...».

Во время восстания Пушкина не было в Петербурге. Среди участников — Пущин, Кюхельбекер, Рылеев, Каховский и другие друзья и знакомые поэта. Поэтому Пушкин очень тревожился о судьбе декабристов, которых отправляли в Сибирь на каторгу и в ссылку. В одном из писем он писал: «...каторга 120 друзей, братьев, товарищей ужасна».

В 1827 г. Пушкину представилась возможность послать декабристам слова приветия. Жены восставших уезжали за своими мужьями в добровольное изгнание. С одной из них — Александрой Григорьевной Муравьевой — Пушкин передал свои стихи «Во глубине сибирских руд...» и «К Пушкину».

Начало первого стихотворения приведено выше. Дальше в нем такие строки:

- (5) Несчастью верная сестра,
- (6) Надежда в мрачном подземелье
- (7) Разбудит бодрость и веселье,
- (8) Придет желанная пора:
- (9) Любовь и дружество до вас
- (10) Дойдут сквозь мрачные затворы,
- (11) Как в ваши каторжные норы

- (12) Доходит мой свободный глас.
- (13) Оковы тяжкие падут,
- (14) Темницы рухнут — и свобода
- (15) Вас примет радостно у входа,
- (16) И братья меч вам отдадут.

Поэтическая переписка Пушкина с декабристами — историко-культурное достояние русского народа. Даже и после революции 1989–1993 гг., когда идеалы советского времени были отринуты, ее продолжают изучать в школах, а старшее поколение, конечно, продолжает помнить ее наизусть.

Приведенный комментарий с перемежающимся сочетанием обзорного и экземплярного текстов, связкой прагматичного способа сообщения информации с проективным открывает большие возможности для страноведческой аккультурации иностранного учащегося. Ясен мотив сообщения прагматичных сведений: они нужны для постижения художественного текста, который сам по себе есть центральное явление отечественной культуры и истории. Кроме того, проективный стихотворный текст, который, казалось бы, должен быть объектом комментирования и разъяснения, фактически выполняет функцию наглядности — он на единичном факте иллюстрирует общее событие. Наконец, именно художественное произведение в нашем примере обладает мнемоническим потенциалом.

К вопросам, сопряженным с лингвострановедческим чтением, мы вернемся, когда будем рассматривать соотношение лингвострановедения и филологии.

С сожалением заметим, что по сравнению с национально-культурным потенциалом номинативных языковых единиц проблематика лингвострановедческого чтения разработана слабее. Пока еще не сложилась завершенная и самостоятельная система обучения чтению с ориентацией на познание страны.

Глава 5. Лингвострановедческое освоение произведений искусства

Два основных метода постижения человеком окружающей его реальности — рационально-логический, или понятийный, и эмоционально-чувственный, или образный, иначе именуемый художественным, в повседневной практике оба метода переплетаются, но все же в каждом акте познания один из них выступает как основной, ведущий, а другой соответственно играет подчиненную роль.

Язык остается материальным субстратом как понятийного мышления, так и мышления в образах. Например, слово *буря* на понятийном уровне познания и отражения окружающего нас мира — это название явления, которое с помощью СДолей описывается как «ненастье с сильным разрушительным ветром». Та же лексема на чувственно-образном уровне познания может означать, например, протест против застоя, жажду перемен («А он, мятежный, просит бури!» — М. Лермонтов).

Образ живет ассоциациями. Имея в виду поэзию А. Пушкина, Н. Гоголь точно заметил, что в образном слове «бездна пространства» и что «каждое слово необъят-

но». Это высказывание в полной мере приложимо к любому художественному образу — к картине, скульптуре, танцу, мелодии и т. д.

Если образ как категорию познания сопоставить с понятием как познавательной категорией, то обнаруживаются характеристики, которые на первый взгляд кажутся противоположными, но противоречивость которых оборачивается диалектическим взаимодополнением. Образ и понятие — антиподы: первый конкретен, доступен чувственному восприятию, а второе абстрактно, и поэтому его нельзя ни увидеть, ни ощутить. Одновременно образ и понятие близки между собой: как и понятие, художественный образ не является слепком с какого-либо единичного предмета или явления, а представляет собой продукт обобщения, абстрагирования — правда, речь идет об абстрагировании особого рода, поскольку всеобщее и особенное образа непременно воплощены в конкретном. Об отношениях дополнительности между образом и понятием свидетельствуют их взаимные переходы друг в друга: например, от образа Обломова, созданного в художественной литературе, произведено понятие *обломовщина*, которое вошло в общеупотребительный язык и используется в прагматичной (а не только в художественной) речи.

Итак, обратимся к эстетической функции русского языка. Эстетико-образный план языка не сводится к одной лишь лексике и далеко не исчерпывается также и другими языковыми единицами. В самом деле: эффективнейшим средством создания эстетических образов является художественный текст, произведения фольклора и литературы. Не случайно фольклор и художественная литература так и называются — *искусством слова*.

Кроме того, — и это следует подчеркнуть, — вербальный язык в его эстетической функции присутствует и в других видах искусства, особенно в изобразительных.

Искусство — зеркало жизни, но этот образ нельзя понимать прямолинейно. Картина тем и отличается от документальной фотографии, что в ней художник преобразует действительность, представляет ее в осмысленном, типизированном виде. Любой художественный образ обобщает, т. е. вскрывает, несет в себе черты не одного явления, а многих.

Отсюда сложность взаимоотношений искусства и действительности: искусство отражает действительность, но не копирует, а преобразует ее, придает ей новый вид. Творчество — это деятельность, порождающая нечто новое, никогда ранее не бывшее. Стремясь к обобщению, к выявлению общего в единичном, а также воплощая в искусстве свои идеалы, автор вносит в произведение искусства черты своей личности. Следовательно, в искусстве действительность не регистрируется фактографически, как это делает, например, бесстрастный протокол, а воспроизводится, т. е. производится заново.

Эту преобразованную, претворенную в новые образы реальность вполне правильно назвать «второй действительностью». Если произведение искусства приобретает широкое распространение и становится фактом массового сознания, то существующая в нем «вторая действительность» становится таким же объективным, непреложным элементом жизни, как и сама жизнь. Так, Онегин для нас реальнее многих наших подлинных знакомых, хотя это собирательный образ. Пушкинские образы вещего Олега, Бориса Годунова, Петра Великого, Пугачева, вымышленный образ Дубровского — такие же факты национальной культуры, как и сами перечисленные фигуры.

Каким образом, однако, искусство, т. е. изображение вымышленного, иногда вернее достигает своей цели, чем изложение достоверных фактов?

Во-первых, искусство (благодаря обобщающей способности образов) нередко отображает то или другое явление жизни в более концентрированном виде, чем оно наблюдается фактически. Следовательно, читатель или зритель освобождается от необходимости самому обобщать, так что путь познания жизни с помощью искусства он проделывает скорее. «В действительности типичность лиц как бы разбавляется водой... все эти Жорж Дандены и Подколесины... снуют и бегают перед нами ежедневно, но как бы несколько в разжиженном состоянии» (Достоевский). В этом смысле искусство, будучи выдумкой, ни в коем случае не есть ложь, а художественный образ значительно лучше «реального прототипа», поскольку в нем произведен отбор существенного, его концентрация и усилены характерные детали.

Во-вторых, поскольку художественный образ апеллирует не только и не в первую очередь к разуму, а к чувствам и эмоциям, он в большей мере способен захватить всего человека целиком, чем рациональный и безупречный научный трактат: *со-чувствовать* — значит чувствовать то же самое, что испытывает персонаж повести или картины, а *переживать* — значит пополнять свой собственный, сугубо личный опыт, делать какое-либо событие фактом собственной биографии. «Память сердца» сильнее «памяти рассудка», и в силу «самодержавия чувств» художественный образ, если, конечно, сила заложенного в нем заряда велика, не менее убедителен, чем силлогизм.

К сказанному можно добавить, что сухая логика утомляет. Захватывающий образ, напротив, приводит к напряжению внимания, к его концентрации, а интерес к воспринимаемой информации — неременная предпосылка его прочного усвоения.

Вот почему «ничто не объясняет лучше читателю известного явления, как представление его в живом образе» (М. Салтыков-Щедрин). Писатель, художник, композитор сознательно ориентируются на названный выше эффект эмоционального отклика.

Природе искусства противопоказаны эксплицитно выраженные функции объяснения и оценки: если писатель недвусмысленно заявляет о своей позиции, если читатель без труда обнаруживает его намерение обличать или умиляться, то на первый план выступает тенденциозность автора, а произведение искусства терпит ущерб.

Итак, человек располагает опытом двух видов: собственным, личным, приобретенным из самой жизни и опытом «второй действительности» — искусства. И этот последний в отличие от рационально-логического усвоения знаний приближен к непосредственному жизненному опыту, потому что он переживается.

Следовательно, произведения искусства отражают действительность и творят собственный мир. Они обладают гносеологической функцией: автор закладывает в свое творение опыт познания жизни. Цельное понимание — а именно оно, как правило, соответствует замыслу автора — покоится на важном условии: адресат должен быть готов к восприятию информации. Это условие соблюдается далеко не всегда, поэтому и коммуникативная функция искусства нередко реализуется лишь частично, не полностью.

Готовность к восприятию художественного произведения, при некотором упрощении вопроса, складывается из двух предпосылок.

Во-первых, адресат должен владеть условным языком соответствующего вида искусства. Например, условными являются па и жестикуляция классического бале-

та, свои средства выражения развивают в словесности сентиментализм и романтизм, стилистически выравниваются художественные средства в различных направлениях архитектуры и скульптуры. Так, знаменитый памятник К. Минину и Д. Пожарскому в Москве, созданный И. Мартосом в 1804–1818 гг., представляет купца и князя в виде греческих героев; заимствованными являются также позы и жесты фигур.

Во-вторых, адресат должен располагать знанием эпохи, в которую было создано произведение искусства. А. Блок пишет, что в стихах поэта девять десятых принадлежат не личности творца, а «среде, эпохе, ветру». Следовательно, художественное творение не только сообщает определенные сведения об эпохе, но и предполагает известное «владение» эпохой для его расшифровки. Это и понятно: автор всегда обращается к своим современникам и вполне рассчитывает на свойственные им фоновые знания.

Без соблюдения этих условий цельное понимание художественного образа разрушается. Если в рассказе описано некоторое событие, то важно понять, во-первых, что случилось, во-вторых, почему (т. е. каковы мотивы и чувства действующих лиц) и, в-третьих, как писатель оценивает случившееся (какова тенденция, идея писателя).

Эта триада вопросов возникает перед любым адресатом: сверхзадача произведения искусства реализована в частностях, в деталях, и если зритель или читатель не может «собрать» их в целое, неспособен из конкретной ткани образа вычленить абстрактный смысл, оценку изображенного, то следствием является утрата его эмоционального заряда. Поскольку дидактизм в явном виде искусству противопоставлен, авторская идея, идеал автора, его тенденция, замысел, сверхзадача, пристрастность заключаются в подтекст. Подтекстный смысл недаром называется сокровенным: он на самом деле скрыт, упрятан.

У механизма реализации познавательной функции искусства есть весьма примечательная особенность. В обычной ситуации разгадывания загадки человек точно знает, что «девица в темнице» — это совсем не девушка, попавшая в тюрьму, равно как «коса на улице» — это не заплетенные волосы, которые отправились на прогулку. Здесь имеет место установка, определенно ощущаемая настройка на поиск сокровенного смысла. Отгадывающий не успокаивается, пока не раскроет его. Совсем не так обстоит дело с сокровенным смыслом произведения искусства.

При недостаточной готовности к рецепции воспринимающий книгу или картину может не почувствовать, что он должен искать за поверхностной видимостью более глубокий смысл. Поэтому он удовлетворяется ответом на вопрос «что случилось?» или «что нарисовано?». Дальнейшими двумя вопросами «почему это случилось?» и «каков смысл случившегося?» читатель, зритель не задается, потому что он просто-напросто не испытывает в этом субъективной потребности.

Из сказанного вытекает, что готовность к восприятию произведения искусства складывается из владения языком искусства, из знания эпохи и из особой установки на эмоциональное погружение в книгу, картину, танец, из «вчувствования» в них, эмпатии. Для этого, кроме всего прочего, необходимо еще, чтобы возникла рационально-эмоциональная ситуация общения с прекрасным. Даже если известен условный язык и известно, о чем повествует стихотворение, холст или прелюдия, но в данный момент по какой-либо причине нет желания наслаждаться искусством, ничто не поможет — коммуникативная функция искусства останется нереализованной.

Одновременно художественный способ постижения мира труден, поскольку он предъявляет немало требований, причем повышенных, к готовности адресата. Как мы уже отмечали, они нередко затрудняют восприятие искусства даже членами национальной культуры: без образованности нет образности и т. д. Однако насколько эти трудности возрастают, если иметь в виду иностранного учащегося.

05–1. ЧТО ТАКОЕ ОБЛИГАТОРНОЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ ИСКУССТВА?

В одной из своих книг С. Михалков приводит характерный диалог двух русских людей — девяти и семидесяти лет.

— А «Тараса Бульбу» ты читал? — Нет, не читал. — «Руслана и Людмилу» читал? — Нет, не читал. — Читал ли «Золотой ключик»? — Не читал, но про Буратино слышал. — И «Капитанскую дочку» не читал? — Не читал. — Счастливый, как много хорошего ты еще узнаешь!

Действительно, ребенку, проходящему социализацию в культурно-языковой общности, предстоит познакомиться со всеми книгами, которые были упомянуты в диалоге, и еще со многими другими. *Libri legendi*, т. е. книги, которые любой человек непременно должен прочитать, — так и называются обязательными, *облигаторными*.

Понятие облигаторности распространяется на все виды искусств. Существуют песни, которые у всех на слуху. Имеются произведения скульптуры, живописи, архитектуры, музыки, хореографии, безусловно известные каждому русскому и составляющие важную часть его национально-культурного самосознания.

Что можно сказать о корпусе облигаторных произведений искусства?

Во-первых, они преодолели время, которое производит весьма взыскательный и неумолимый отбор: в среднем в постоянно хранимый «золотой фонд» входит от 0,01 до 0,1% творений из их общего числа. Это означает, что облигаторные произведения являются вечными спутниками народа — иными словами, они всегда современны. «Евгений Онегин» (роман А. Пушкина и опера П. Чайковского) — это отнюдь не достояние прошлого: произведение актуально для текущего дня и останется в активе будущего.

Во-вторых, в облигаторный корпус русского сознания входят преимущественно, если не исключительно, подлинные шедевры литературы, живописи, музыки. Перед нами тот редкий случай, когда совпадают вкусы большинства людей. Облигаторные произведения иначе называются классическими.

В-третьих, облигаторные произведения, как правило, имеют высокую познавательную, в том числе и страноведческую, ценность. По этой причине благодаря облигаторным книгам и картинам сами носители языка приобщаются к своей собственной национальной культуре.

В-четвертых, произведения «золотого фонда» обладают свойством, которое можно условно назвать художественной иррадиацией: они не ограничиваются жизнью в том виде искусства, в котором родились, а постепенно становятся достоянием всего эстетико-художественного богатства нации. Так, пушкинский роман «Евгений Онегин» лежит в основе оперы П. Чайковского, а опера в свою очередь вышла на киноэкран. Уместно упомянуть и о многочисленных иллюстрациях к роману.

05–2. НАВОДЯЩИЙ МЕТОД
ЛИНГВОСТРАНОВЕДЧЕСКОГО ОСВОЕНИЯ
ПРОИЗВЕДЕНИЙ ИСКУССТВА

Художественный образ конкретен. В повести «Капитанская дочка» А. Пушкин представляет нам мужика «с черной бородой», лицо которого «имело выражение довольно приятное, но плутовское». Художественный образ одновременно абстрактен. Он выражает более общую, отвлеченную идею автора. Рассказывая о Пугачеве, Пушкин стремится показать вождя народного восстания. Писатели не декларируют своих намерений, и читателю следует догадаться о них самому.

Если иметь в виду преподавание русской литературы иностранцам, то преподаватель выступает в роли акушера. По происхождению предлагаемый нами — *наводящий* — метод является «сократическим». В спорах Сократ никогда не заявлял с самого начала свою точку зрения. Искусно задавая собеседнику вопросы и умело отвечая, он ставил оппонента в такое положение, когда тот не мог не сделать требуемого вывода. Метод «повивального» искусства, которого придерживался великий греческий философ, приводит к устойчивому усвоению истины: она не передается от собеседника к собеседнику, а добывается в ходе беседы.

Аналогично преподаватель, который использует наводящий метод, не переводит художественный образ из конкретного плана в абстрактный посредством противопоставленного искусству логического сообщения, а лишь создает условия, чтобы сверхзадача была понята, раскрыта.

Наводящий метод состоит из нескольких приемов, и необходимы терминологические уточнения.

Пусть общая, абстрактная семантика художественного образа (ее называют по-разному: идеей, тенденцией, направленностью, сверхзадачей, мотивом, темой, заданностью и т. д.) именуется его *смыслом*. Конечно, любой образ представляет собой переплетение всевозможных мотивов, так что он объективно неоднозначен для восприятия. Поэтому смыслом образа надо считать лишь какой-либо один план его более сложной семантики: так, применительно к пушкинскому Пугачеву сверхзадача «подлинный народный вождь» не исчерпывает всего образа, который включает в себя, например, еще такие черты, как хладнокровие, сметливость, удаля, справедливость, готовность пожертвовать собой ради народа, великодушие, бесстрашие и др. В дальнейшем, когда мы говорим о смысле образа, эпизода или всего произведения, мы всегда имеем в виду лишь один определенный (не всегда даже и центральный) смысл, отнюдь не претендуя на исчерпывающие характеристики.

Восприятие смысла назовем *осмыслением*. Если учащийся вышел за пределы конкретно-чувственного познания и увидел общее в конкретном, то можно сказать, что имеет место осмысленное постижение художественного произведения.

Не следует связывать осмысление только с концепционным содержанием образа. Искусство, даже если в художественное произведение внешне не включен человек, все же непременно решает этические вопросы, исследует нравственность человека. Поэтому осмысление предполагает понимание мотивов поведения как персонажей, так и самого автора. Кроме того, образ, покоящийся на нравственных началах, всегда несет аксиологический, оценивающий заряд.

Итак, наводящий метод призван обеспечить осмысление произведения искусства. Сам по себе он не снимает с художественного образа «налета недосказанности», но подводит учащегося к проникновению в концепционную и этическую семантику.

В чем именно заключается наводящий метод, удобнее изложить на конкретных примерах. Из них будет видно, что все приемы этого метода неотделимы от эстетической функции языка.

05–3. ПЕРВЫЙ ПРИЕМ НАВОДЯЩЕГО МЕТОДА:

ВЫЧЛЕНЕНИЕ ОСНОВНОГО СМЫСЛА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ОБРАЗА

Широко известен портрет М. Горького, написанный И. Бродским. Писатель представлен смотрящим вдаль, лицо освещено косыми лучами солнца, брови сведены, глаза прищурены, широкополая шляпа сдвинута назад, откровенно высокий лоб. Идеино-символические мотивы образа многочисленны и разноплановы: подчеркнут ум великого пролетарского писателя, его целеустремленность, сосредоточенность, упорство в достижении цели, уверенность в своей правоте. На другом уровне рассмотрения можно увидеть глубокую народность изображенного человека, его русские черты лица, его простоту, большой жизненный опыт, отсутствие исключительности во внешнем поведении. Возможны и другие интерпретации знаменитого портрета.

Все они, естественно, не могут найти себе места в процессе знакомства иностранного учащегося с картиной. Надо выявить тот смысл образа, который мы считаем полезным акцентировать в первую очередь: лишь при самоограничении формулируется достижимая цель. Привлечем внимание учащихся к фону, на котором изображен Горький, — волнующееся море, затянутое облаками небо создают ощущение ветреной погоды, вызывают чувство напряженного, тревожного ожидания. За спиной писателя, ближе к середине портрета, видна белая птица с узкими и длинными крыльями. Зритель, прошедший социализацию за пределами советской культуры, едва ли скажет, что за птица парит над морем, в то время как для каждого русского ясно: это — буревестник. Сразу же на ум приходят памятные с детства слова: «Между тучами и морем гордо реет Буревестник, черной молнии подобный». Нет, далеко не случайно помещены на портрете море и парящая над ним птица. Художник представляет Горького в еще одном качестве — как провозвестника революции.

Вот этот-то смысл и считаем основным. Аргументы таковы: мы сразу видим ключ к творчеству Горького, получаем повод еще раз вернуться к истории развития революционного движения в России на рубеже прошлого и настоящего веков, а иррадиация сопрягает живописное полотно с художественной литературой, с облигаторной «Песнью о Буревестнике». Следует еще раз подчеркнуть, что выбор основного смысла есть продукт научно-методической целесообразности, здесь нет претензии распознать подлинный лейтмотив самого художника (хотя в данном случае, кажется, он не противоречит нашей интерпретации).

На аналогичных соображениях покоится выделение основного смысла образа Пугачева в «Капитанской дочке»: подлинный народный вождь, а не грабитель и злодей.

Как только принято решение относительно основного смысла образа (эпизода или всего произведения), одновременно имеет место отсечение от дальнейшей работы всех прочих смыслов.

В другой раз, на следующем этапе знакомства с произведением можно к ним вернуться, но сейчас они игнорируются. Надо также предусмотреть допустимость параллельной работы над двумя-тремя основными смыслами, но не над большим числом. Сознательно ограничив себя, мы получаем реальный шанс достигнуть поставленной цели. Рассредоточение усилий вообще не приводит к рецепции художественного образа.

**05–4. ВТОРОЙ ПРИЕМ НАВОДЯЩЕГО МЕТОДА:
ПРИСОЕДИНЕНИЕ ПРОЕКТИВНЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ
К ОСНОВНОМУ СМЫСЛУ**

Собственно, основной смысл с самого начала вычленяется благодаря интуитивному учету носителей проективной информации. Теперь требуется произвести среди них отбор: остановиться на наиболее очевидных, ярких, доступных и — что очень важно — контекстно-однозначных.

Так, смысл «Пугачев — народный вождь» следует из ряда мельком брошенных фраз. Накануне приступа казаки, которые должны были охранять Белогорскую крепость, сами «ночью выступили из крепости», т. е. перешли на сторону восставших. Воззвание Пугачева было написано в «сильных выражениях и должно было произвести опасное впечатление на умы простых людей», следовательно, оно действительно отражало их чаяния. Когда крепость пала и восставшие входили в нее, «жители выходили из домов с хлебом и солью. Раздавался колокольный звон», стало быть, народ радовался освобождению. Во время пира «все обходились между собою как товарищи и не оказывали никакого особенного предпочтения своему предводителю»; иными словами, даже став «царем», Пугачев не оторвался от простых людей и не возгордился: на пиру «каждый хвастал, предлагал свои мнения и свободно оспаривал Пугачева». Когда Пугачев выезжал из мятежной слободы, «народ на улице останавливался и кланялся в пояс», и Пугачев не оставался равнодушным: он «кивал головою на обе стороны», в этом проявилось единство предводителя и восставших.

Приведенные носители проективной информации действительно позволяют сделать вывод о подлинной народности Пугачева, и на них и стоит строить наводящий метод страноведческого осмысления образа. Когда проективные фразы собраны воедино, основной смысл представляется даже очевидным, однако в самой повести они произнесены вскользь, между ними большие массивы текста, поэтому велика вероятность, что читатель не зафиксирует на них своего внимания.

Что касается картины И. Бродского, то для подтверждения основного смысла «Горький — провозвестник революции» проективных показателей только художественного полотна явно недостаточно. Требуется привлечь текст «Песни о Буревестнике»: в нем на самом деле присутствуют носители интересующей нас информации. Надо только их рассмотреть.

Так, мы уже отмечали, что буря на чувственно-образном уровне познания означает протест против застоя, крутые общественные перемены. Несомненно, что имя птицы — Буревестник — потребовалось писателю не для того, чтобы точно обозначить ее породу (ср. словарное определение: большая морская птица, родственная альбатросу), а для того, чтобы указать на ее функцию — предвещать бурю.

Кроме того, Горький назвал Буревестника демоном: «Вот он носится, как демон, — гордый, черный демон бури, — и смеется, и рыдает...»; «В гневе грома, — чуткий демон, — он давно усталость слышит». На словарно-лексическом (рационально-логическом) уровне демон — это злой дух, падший ангел, дьявол, натура коварная и властная. Совсем не то на поэтическом языке, особенно в образной системе романтизма. Здесь демон выступает как дух отрицания существующей несправедливости, как богоборец, как символ протеста против угнетения во имя свободы и прав личности. Демон одержим философским сомнением, он олицетворяет активность мятежного разума, для него характерно тотальное неприятие сущего. В этом смысле образ демона поднимает огромные культурные пласты, начиная от библейских, и повсюду он выступает как вестник и сторонник социальных перемен. Наконец, Буревестник поименован еще пророком: «...то кричит пророк победы: — Пусть сильнее грянет буря!» Опять-таки и в этом случае для понимания образа необходимо разорвать пределы словарного толкования. В системе поэтической выразительности пророк — метафорическое изображение поэта-гражданина, гражданской совести, голоса этой совести, призванного «глаголом жечь сердца людей». Как и демон, пророк провозглашает протест против угнетения и зла и предвещает грядущее торжество справедливости.

Таким образом, буревестник, демон и пророк — это литературные образы провозвестника перемен, радикальных перемен в обществе. А что имеется в виду именно социальная революция, вытекает из затекста художественного произведения (о понятии затекста см. выше подглавку 03—2). Исходя из приведенной затекстной информации, образ бури необходимо осмыслить как атмосферу нарастания революционной ситуации: по свидетельству современников, «Песня...» имела не меньшее революционное воздействие на массы, чем прокламации, она и распространялась как воззвание.

Иными словами, сам Горький выполнил роль провозвестника неизбежных социальных перемен, почему созданный им образ прочно слился с ним самим, так что писателя стали называть «буревестником» и «буреглашатаем» русской революции.

Итак, второй прием реализации наводящего метода состоит в подкреплении основного смысла произведения искусства проективными показателями, которые или присутствуют в нем самом, или извлекаются из соположенных художественных произведений, или выводятся из затекста.

Основных требований к проективным показателям два. Во-первых, они должны точно соответствовать основному смыслу. Косвенные или отдаленные сведения всегда воспринимаются как натяжки и своеволие. Во-вторых, их не должно быть излишне много: в противном случае возникает монотонность. Следовательно, если они избыточны, то некоторые индикаторы полезно просто пропустить.

Заключительное замечание. Выше мы весьма подробно описали лабораторию присоединения проективных показателей к основному смыслу; приведенные аргументы и наблюдения, однако, не являются готовой реализацией метода наведения.

Они не предназначены для перенесения в среду иностранных учащихся, потому что непригодна их форма.

05–5. ТРЕТИЙ ПРИЕМ НАВОДЯЩЕГО МЕТОДА: НАСТРОЙКА НА ОСНОВНОЙ СМЫСЛ

Мы уже говорили о важности настройки на поиск сокровенного смысла произведения искусства. Для этого нужны предварительные знания: если зритель не знает, чем знаменита боярыня Морозова, изображенная на не менее знаменитом полотне В. Сурикова, то его восприятие радикально отличается от восприятия человека, которому соответствующие обстоятельства известны. Предварительные знания определяют и готовность зрителя искать смысл за пределами конкретного содержания образа: если читатель ничего не слышал о крестьянской войне под предводительством Емельяна Пугачева, то повесть А. Пушкина может быть воспринята как приключенческий рассказ о том, как Петр Гринев женился на Марье Мироновой.

Следовательно, настройка на восприятие учащимися основного смысла произведения должна в первую очередь моделировать, сообщать те минимальные знания, которые его окружают. Сведения, сообщаемые для рецепции определенного художественного произведения, называются мини-фоном. В задачи мини-фона не может входить воспроизведение всей информации, относящейся к явлению: данные оказываются достаточными, если они освещают основной смысл, и только его.

Например, мини-фон к смыслу «Пугачев — народный вождь» может принять следующий вид.

Емельян Иванович Пугачев (1740 или 1742–1775) — предводитель крестьянской войны 1773–1775 годов. Он был донским казаком. Назвал себя именем императора Петра III и в августе 1773 года поднял восстание казаков и крестьян на Урале. Вначале отряд насчитывал всего 80 человек, но уже в декабре в армии Пугачева было 30 тысяч бойцов и 86 орудий. В своих манифестах Пугачев обещал крестьянам свободу от угнетения их помещиками. В планы Пугачева входил поход на Москву и Петербург. Весной 1774 года против восставших действовала большая армия, которая нанесла им ряд поражений. В сентябре 1774 года Пугачева схватили, и он был казнен в начале 1775 года.

Эта краткая энциклопедическая справка не имеет иной цели, как ответить на естественный при чтении «Капитанской дочки» вопрос: кто такой Пугачев. Однако она весьма нацелена на основной смысл: упомянуто, к каким слоям русского общества обращался Пугачев; на статистическом материале доказана популярность его восстания; изложено содержание манифестов.

Достаточно ли в мини-фоне рассказать о событиях, которые лежат в основе художественного произведения? Нет, недостаточно, потому что необходимо еще дать сведения об эпохе, в которую было создано это произведение. Следовательно, «настроечная» информация должна быть продолжена.

Александр Сергеевич Пушкин постоянно интересовался народными движениями. Он специально изучал историю восстания Пугачева: работал с архивными материалами, ездил по местам, где действовал Пугачев, встречался и беседовал с

людьми, которые его помнили. Пушкин совершил свое путешествие в 1833 году, когда еще были живы очевидцы событий. В 1834 году вышло в свет историческое исследование Пушкина «История Пугачева». Вот к каким заключениям пришел поэт: «Весь черный народ был за Пугачева»; «Уральские казаки (особливо старые люди) донныне привязаны к памяти Пугачева. Грех сказать, говорила мне 80-летняя казачка, на него мы не жалуемся: он нам зла не сделал». Таким образом, повесть «Капитанская дочка» (она писалась параллельно с «Историей Пугачева» и была окончена в 1836 году) основана на прочной исторической базе. Однако Пушкин не имел возможности прямо и открыто изложить свое истинное отношение к Пугачеву. В царской России о нем можно было говорить лишь как о мятежнике, убийце и злодее. Россия при императоре Николае I — это казни, ссылки, доносы, разгул цензуры и расправа с передовыми людьми. Кроме того, надо иметь в виду, что повесть написана не от лица ее автора, а от имени дворянина Петра Гринева, который разделял (пусть не до конца) точку зрения своего класса на крестьянского предводителя. Поэтому он вместе с другими дворянами называл Пугачева то пьяницей, то бродягой. Гринева — это не рупор идей самого Пушкина.

Целью данной настройки является зарождение в читателе настороженности: он теперь понимает, что не каждое слово повести можно воспринимать в его прямом смысле. Фактически мы сказали: перед тобой задача, попытайся ее разгадать, читай и думай, будь внимателен.

Настройка читателя производится, естественно, до чтения книги или до знакомства с произведением другого вида искусства.

05–6. ЧЕТВЕРТЫЙ ПРИЕМ НАВОДЯЩЕГО МЕТОДА: УСИЛЕНИЕ ПРОЕКТИВНЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ

Проективные показатели находятся непосредственно в тексте книги или на полотне картины, поэтому их усиление сопровождает чтение или разглядывание.

Перевод конкретной информации проективного показателя в абстрактный смысл бывает двояким.

Во-первых, можно прибегнуть к толкованию, — тогда проективное высказывание кем-то (посторонним для воспринимающего) преобразуется в прагматичное, недвусмысленное, прямое. Например, деталь «странного» военного совета — «все обходились между собою как товарищи» — вполне правильно изложить прагматично: Пугачев был демократичен. Плохо то, что толкование предполагает посредника, между тем как читатель должен сам проявить догадливость.

Во-вторых, можно использовать как раз усиление. Этот прием заключается в том, что к проективной информации литературного текста прибавляется еще несколько подобных единиц. Здесь нет перевода проективного высказывания в прагматичное, но все же читателю легче сделать правильное заключение относительно основного смысла. Усиление подобно подсказке, которая приводит к решению задачи, хотя и не сообщает готового ответа. Акт осмысления остается за читателем. Вот примеры. По-прежнему черпаем иллюстративный материал из «Капитанской дочки». Усиление имеет внешнюю форму построчного комментария (он должен

помещаться после строки, в которой находится слово, нуждающееся в истолковании; выполнить это требование в отдельных примерах, приводимых нами, не пред- ставилось возможным).

Вожатый мой мигнул значительно и отвечал поговоркою: «В огород летал, ко- нопли клевал, швырнула бабушка камушком — да мимо. Ну, а что ваши?»

«Да что наши! — отвечал хозяин, продолжая иносказательный разговор. — Стали было к вечерне звонить, да попадья не велит: поп в гостях, черти на погосте». — «Молчи, дядя, — возразил мой бродяга, — будет дождик, будут и грибки; а будут грибки, будет и кузов».

Речь вожатого ничем не отличается от речи хозяина постоянного двора: она народна. Пугачев знает много поговорок и прибауток, он поет народные песни (см. гл. VIII) и рассказывает сказки (см. гл. XI).

Господину коменданту Белогорской крепости капитану Миронову. По секрету. Сим извещаю вас, что убежавший из-под караула донской казак и раскольник Емельян Пугачев, учиня непростительную дерзость...

Раскольник — сторонник «старой веры». Для народных масс церковный рас- кол превратился в одну из форм протеста против феодального гнета. Царь, ко- торый придерживается «старой веры», в глазах простого народа «свой царь».

...приглашал казаков и солдат в свою шайку, а командиров увещевал не сопро- тивляться, угрожая казнию в противном случае. Воззвание написано было в гру- бых, но сильных выражениях и должно было произвести опасное впечатление на умы простых людей.

Сам Пушкин так оценивал манифесты Пугачева: «Первое возмутительное воззвание Пугачева к яицким казакам есть удивительный образец народного красноречия». Что же содержалось в указе, который так привлек Пушкина? Пугачев писал: «...жаловать буду вас всех, воперво: вечною вольностью, реками, лугами, всеми выгодами, жалованием, провиантом... а вольность, хоть и не ле- гулярные, но всяк навеки получит». Мужичкий «царь» обещает простому наро- ду, крепостным крестьянам самое важное — личную свободу (навеки!) и землю.

Нас потащили по улицам; жители выходили из домов с хлебом и солью. Разда- вался колокольный звон.

Встречать с хлебом и солью — старинный русский обычай. Когда гость дорог хозяевам, то они выносят ему навстречу на блюде каравай хлеба и соль. Коло- кольным звоном встречали важного и дорогого гостя. В колокола звонили во дни народных торжеств и ликований.

Лошади поскакали; народ на улице останавливался и кланялся в пояс. Пугачев кивал головою на обе стороны.

Поясные поклоны выражают уважение к человеку. Это знак приветствия, благодарности. Пугачев отвечал на приветствия, в свою очередь выражая уваже- ние к народу. Видимо, ему было важно видеть, как относится к нему народ, как его принимает, — он дорожил народным мнением.

Усиливающие комментарии весьма отличаются от разъяснений типа «кто это» и «что это». Здесь добавлены сведения, чтобы можно было без труда догадаться, например, что Пугачев — выходец из народа, что он выражает народные чаяния, что он воспринимается народом как «свой», что простые люди его любят и ему рады. Остается замкнуть эти сведения: Пугачев — народный вождь. Однако произвести это умозаключение должен сам читатель: в комментарии от вывода следует воздержаться.

Выгоды от усиления перевешивают достоинства толкования: оно точно соответствует природе искусства, потому что не снимает иллюзии «недосказанности» и не сводит писательский замысел до уровня нравоучения. Одновременно прием усиления, в сочетании с приемом настройки, значительно повышает вероятность адекватного восприятия, осмысления образа. Мы не хотим сказать, что основной смысл будет воспринят всеми и всегда, но он будет воспринят большинством читателей.

05–7. ЕЩЕ РАЗ О РОЛИ ФИЛОЛОГИИ В ЛИНГВОСТРАНОВЕДЕНИИ

Выше был освещен один из возможных методов чтения художественной литературы с целями познания нашей страны. Однако что такое чтение?

Г. О. Винокур остроумно отвечает на этот вопрос: когда мы читаем, мы вторично познаем уже познанное. Художественный образ, даже если он полностью вымышлен, представляет собой отражение жизни, но не механически-документальное, а сквозь призму писателя: образ проникнут его мыслями, чувствами, переживаниями, оценками, суждениями и наставлениями. Следовательно, писатель вкладывает в рассказ или повесть свое восприятие действительности; так осуществляется первичный акт познания. Теперь через посредство художественного текста читатель должен познать, воспринять, пережить то, что уже было освоено другим человеком.

Филология, как ее определяет Г. О. Винокур, — особый вид познания вообще, а конкретно — это умение видеть и воспринимать действительность в осуществленных уже актах ее восприятия и осмысления. Однако это умение не дается без усилий: необходимо уметь извлекать сведения о действительности из соответствующих сообщений, иначе говоря, уметь видеть в сообщениях то, о чем они сообщают, уметь их читать.

Для того чтобы овладеть филологической техникой чтения русской художественной литературы, иностранный студент или школьник должен внутренне согласиться, что возможны не только те способы поведения или общественно-этические идеалы, к которым он привык у себя на родине. Более того, на время чтения учащийся должен считать новые нормы и идеалы как бы своими и оценивать поступки персонажей и все происходящее исходя из них.

Если мы желаем включить произведения искусства в круг источников лингвострановедческой информации, то должны главное внимание направить на формирование умений и навыков восприятия этой информации. Постоянно истолковывать явления искусства, «опускать» их на уровень готовности адресата — далеко не всегда правильно.

Филологическое чтение — труд и искусство. Учащемуся надо показать, что первоначальное восприятие прочитанного обычно бывает недостаточным, что из

текста можно, с одной стороны, многое «вычитать» и что, с другой, в текст можно многое от себя «вчитать». Для этого его надо познакомить с принятыми в филологии приемами и способами интерпретации текста. Следовательно, суть нашего предложения сводится к продумыванию стратегии, которая позволила бы привить иностранному учащемуся навыки и умения филологического чтения-труда, чтения-искусства, нацеленного на освоение национальной культуры русского народа.

Какие формы учебной работы здесь окажутся пригодными — отдельный вопрос, и к нему предстоит еще не раз возвращаться. Вероятно, настало время задуматься над созданием специального учебника лингвострановедческого чтения, который формировал бы названные умения и навыки. Несомненно, что филологизация языкового учебного процесса (мы имеем в виду, конечно, отнюдь не только тех, кто изучает русский язык, чтобы приобрести филологическое образование) обернется повышением его страноведческой отдачи.

Приобщение к художественной литературе и к национальному искусству обычно присутствует, кстати, среди целей изучения русского языка иностранцами.

Художественный текст:
анализ
путем исчисления
РПТактик

Глава 1. Исчисление воздержательных (*абстинативных*)
рече-поведенческих тактик
в повести А. С. Пушкина
«Станционный смотритель»

В воспоминаниях П. И. Миллера о Пушкине имеется запись: «Вскоре по выходе повестей Белкина [середина октября 1831 г.] я на минуту зашел к Александру Сергеевичу; они лежали у него на столе. Я и не подозревал, что автор их — он сам. — „Какие это повести? И кто этот Белкин?“ — спросил я, заглядывая в книгу. — „Кто бы он там ни был, а писать повести надо вот этак: просто, коротко и ясно“» (цит. по [Вересаев 1984: 278]).

«Станционный смотритель» из «Повестей Белкина», безусловно, отвечает критериям *простоты* и *краткости*. Вероятно, он отвечает и критерию буквальной *ясности*: Дуня Вырина сбежала с ротмистром Минским; Самсон Вырин, покинутый отец, пытался вернуть ее домой, но безуспешно; старик начинает заливать свое горе и умирает; Дуня, заехав в родные места, уже не застает отца в живых.

Но все же что стоит за сюжетом? Неужели простодушно рассказан единичный казус — и на этом все? Консенсус исследователей является ответом: почти все писавшие о «Смотрителе» пытались распознать в истории Авдотьи Самсоновны и ее несчастного отца нечто большее, чем поверхностный смысл¹. Вырин, конечно, «спился», но умер-то он, вероятно, все-таки не от «русской болезни».

¹ Художественное произведение высоких достоинств отличается множественностью разноуровневых смыслов. В «Смотрителе» можно увидеть и занимательный, авантюрный сюжет, и любовную линию, и психологическую драму, и бытописание, и социальный подтекст и т. д.

Ниже предпринята попытка применить к тексту повести Пушкина исследовательский аппарат двух концепций — той разновидности концепции текстовых жанров, которая известна под именем *Textsortenlehre*², и концепции *рече-поведенческих тактик*.

Таким образом, ряд уже имеющихся догадок о том, «что хотел сказать» Пушкин, переиначив Притчу о блудном сыне³, будет пополнен.

Настоящая глава состоит из пяти подглавок. В *первой* подытоживаются основные результаты исследований наших предшественников, посвященные «Смотрителю». Во *второй* представлены оценочные *РПТактики* шести персонажей повести (Вырина, Минского, хмельного ямщика, лекаря-немца, «пивоваровой жены» и «мальчишки» Ваньки). *Третья* подглавка имеет пропедевтический характер: в ней рассматривается специфика притчи как *Textsorte*, содержащего поведенческую парадигму, и затем вводится понятие абстинативной («воздержательной») рече-поведенческой тактики. В *четвертой* подглавке исследуются абстинативные *РПТактики*, которых придерживалась Авдотья Самсоновна, причем на фоне поведенческой парадигмы Притчи о блудном сыне (далее иногда сокращенно: ПБС). ПБС формировала нормативные ожидания современной Пушкину читающей публики. Здесь же излагается наша точка зрения на замысел Пушкина, который, как мы думаем, перевел этический вектор Притчи из сферы ветхозаветного Закона в область новозаветной Благодати. Наконец, в *пятой* подглавке кратко рассматривается психологический процесс покаяния в свете возможного отнесения ПБС к жизненной судьбе самого поэта.

Все наши соображения — дискуссионны, и прежде всего мы не настаиваем на доводах, изложенных в пятой подглавке.

01–1. РАЗНОГОЛОСИЦА ИНТЕРПРЕТАЦИЙ

Многочисленные исследования, посвященные «Станционному зрителю», распадаются на два направления. Первое — это реконструкция *литературной истории* повести, а второе — выяснение *авторского замысла*.

Реконструкция литературной истории повести. Мы не ставим перед собой задачи дать *исчерпывающий* обзор концепций, представляющих первое направление. Важно продемонстрировать несколько характерных подходов, чтобы стало ясно, в каком направлении движется мысль исследователей.

Так, В. Н. Турбин привел — отчасти вслед за своими предшественниками — длинный ряд остроумных сближений пушкинского «Станционного зрителя» с нравоучительной одноименной повестью второстепенного писателя В. И. Карлгофа⁴

² Изложение концепции см., например, [Hinck 1977].

³ На связь «Станционного зрителя» с евангельской Притчей о блудном сыне указывали многие исследователи: кто видел в повести пересказ притчи, а кто — пародирование. Подытоживающую статью см.: [Shaw 1977].

⁴ Генерал-майор Вильгельм Иванович Карлгоф (1796–1841), писатель и переводчик, входил в круг петербургских знакомых Пушкина. См.: [Черейский 1989: 184–185]. Повесть «Станционный зритель» Карлгофа была опубликована в журнале «Славянин» в 1827 г. (№ 7) и отдельной книгой вышла в свет в 1832 г. Общий вывод В. Н. Турбина применительно к повести Карлгофа та-

и с эпизодом на почтовой станции из популярного в 1829–1830 гг. романа Ф. В. Булгарина «Иван Выжигин»⁵. Ученый убедительно показал: Пушкин форсировал содержащиеся в них мотивы (причем внятными для читающей публики 30-х гг. образом). «И непутевый гусар, поступивший праведно; и бредущий пешком в Петербург паломник-отец; и отвернувшаяся от него дочь; и конечное успокоение — все становится очень жизненным именно потому, что повесть сплошь пронизана литературными реминисценциями» [Турбин 1978: 79]. Соответственно главная задача анализа, по Турбину, состоит в том, чтобы «взглянуть на Пушкина археологически» [там же: 8].

Аналогичные поиски литературных произведений, — в том числе зарубежных, — которые могли повлиять на творчество Пушкина, наблюдаем и у других многочисленных пушкинистов.

Ср. характерные суждения: «„Станционный смотритель“ Пушкина непонятен вне широкой историко-литературной перспективы, вне Бомарше, Лессинга, Шиллера, вне „Бедной Лизы“ Карамзина, с которой в тексте его есть даже любопытные, почти буквальные совпадения» [Гиппиус 1966: 18–19]; «Повесть „Станционный смотритель“ является примером развития и преобразования Пушкиным художественных достижений лучшей повести Карамзина „Бедная Лиза“» [Богомолец 1969: 104]. Е. Н. Купреянова показала, что «картинки» в «Станционном смотрителе» заимствованы из хроники Шекспира «Генрих IV» [Купреянова 1981: 289]. Д. М. Шарыпкин вскрыл близость «Станционного смотрителя» к «нравоучительной повести» Ж.-Ф. Мармонтеля «Лоретта» и даже посчитал ее «основным литературным источником» Пушкина [Шарыпкин 1978: 127–136]. Г. М. Фридендер указывает на стихотворение П. А. Вяземского «Станция», из которого взят эпиграф к пушкинской повести и которое, по его мнению, имеет принципиальное значение для генезиса «Станционного смотрителя» [Фридендер 1983: 170–173]. М. В. Разумовская исследовала переключки между повестью Пушкина и «Историей одной деревенской девушки» аббата А. Ф. Прево, а также романом «Векфилдский священник» О. Голдсмита [Разумовская 1986].

Как уже было сказано, имеются и другие исследования по теме. Разброс точек зрения довольно велик.

Выяснение авторского замысла. Что же касается второго направления исследований (выяснение того, «что хотел сказать автор»), то и здесь разногласия велика. Объединяет исследовательский поиск нацеленность на выяснение неочевидных причин трагедии. Сам Пушкин своей точки зрения не заявил и, откровенно говоря, загадал загадку⁶.

ков: «„Станционный смотритель“ Пушкина — негативное отражение повести В. Карлгофа» [Турбин 1978: 70]; «Можно предположить, что Пушкин отвечает Карлгофу с истинно немецким педантизмом. Что он сделал достаточно точный филологический анализ, так сказать, „Станционного смотрителя“ № 1; рассмотрел его и ничего не просмотрел» [там же: 77].

⁵ Пушкин был отлично знаком с романом «Иван Выжигин», имевшим большой издательский успех. За подписью «Феофилакт Косичкин» он опубликовал разбор «Ивана Выжигина» и даже содержание «существующего» романа-памфлета «Настоящий Выжигин».

⁶ Ср. хороший образ: «Станционный смотритель» похож «на те загадочные картинки для детей, когда нарисован лес, а под ним напечатано: «где тигр?». Очертания ветвей образуют фигуру тигра;

Прямая причина гибели Самсона Вырина очевидна: получив «убийственное известие» о бегстве Дуни с гусаром, старый смотритель «не снес своего несчастья», «занемог сильной горячкою» и в конце концов, говоря словами «жены пивоваровой», «спился» и «помер».

Но все же кто виноват в смерти станционного смотрителя? Ни ротмистр Минский, ни Авдотья Самсоновна не суть исчадия ада. Может быть, тогда виноват сам Вырин? Или безликая социальная среда? (Такой ответ еще лет пятнадцать назад был всегда наготове.) Или судьба, которая, как известно, слепа и — «пусть неудачник плачет»?

Ответы ученых на вопрос весьма разошлись между собой. Опять-таки не ставя перед собой задачу исчерпать тему, рассмотрим несколько характерных концепций.

М. О. Гершензон считает, что подлинным виновником гибели Самсона Вырина являясь... картинки, украшавшие «его смиренную, но опрятную обитель». (Картинки, как известно, иллюстрировали Притчу о блудном сыне⁷.) «Дуня, бежав с Минским, вышла на путь своего счастья; Минский действительно любит ее, и она — его, они венчаются, она счастлива, богата, все пошло как нельзя лучше; если бы ложная идея не застилала глаза смотрителю, <...> он был бы счастлив счастьем Дуни». Но ложная идея поработила его себе, ибо «смотритель непоколебимо убежден, что в немецких картинах изображена универсальная истина, что офицер, сманивший Дуню, несомненно, поиграет ею и бросит, — и потому он не видит вещей, впадает в отчаяние и спивается». «Станционного смотрителя сгубила ходячая мораль; сама призрак, ничто, она совершенно реально высасывает кровь из людей; ее тирания — вот мысль, выраженная Пушкиным в „Станционном смотрителе“» [Гершензон 1919: 126–127].

Отчасти соглашаясь и отчасти полемизируя с Гершензоном, Н. Я. Берковский отводит от Дуни подозрение в том, что именно она, согласившись ехать с Минским «по своей воле», явилась причиной гибели отца. Виновником гибели Вырина ученый считает социальные условия сословной России. Отталкиваясь от картинок о блудном сыне, Берковский размышляет: «Блудный сын у Пушкина ушел не от отцовского богатства — он бежал от бедности. Вернуться новому блудному сыну некуда — у смотрителя нет тучного тельца, которого он мог бы заколоть»; «„Немец-

однажды разглядев ее, потом видишь ее уже сразу и дивишься, как другие не видят» [Гершензон 1919: 122]. Любое сравнение хромает, и вопреки Гершензону хотелось бы заметить: на реальной загадочной картинке художник действительно изобразил тигра; Пушкин же нарисовал «лес» и, может быть, даже дал задание отыскать в нем «тигра», но «тигра»-то и не изобразил. Поэтому исследователь А видит полосатую кошку в одной комбинации ветвей, а исследователь Б — в другой. Обычно — и это психологически понятно — ученые склонны абсолютизировать «свои» абрисы; вот и Гершензону представляется, что он безусловно разгадал загадку («Идея нисколько не спрятана, — напротив, она вся налицо, так что всякий может ее видеть; и однако все видят только лес»). Ученый не допускает мысли, что вследствие сознательной недоговоренности пушкинское повествование может по праву иметь множественные интерпретации.

⁷ «Стенные картинки о блудном сыне были в 20–40 годах, по-видимому, частой принадлежностью станционной обстановки; может быть, какой-нибудь немецкий коммивояжер развозил по русским почтовым станциям это произведение немецкой художественной промышленности. Гр. В. А. Соллогуб в „Тарантасе“ описывает комнату на почтовой станции: „Между окон красуются изображения Малек-Аделя на разъяренном коне, возвращение блудного сына, портрет графа Платова“ и т. д.» [Гершензон 1919: 123; выделено автором].

кая“ мораль сводится к верности тому, что есть, к неисканию лучшего. Пушкин на стороне искания»; «Ее (Дуни) поступок, ее бегство — необходимость, долг перед собой. Она ушла от узости жизни <...>. Дуня хочет вырваться в большую жизнь. <...> Пушкин, не колеблясь, отпускает свою героиню в большой мир»; «Пушкин за большой мир, за ломку в судьбе своей героини, но тот мир, в который она вошла, потому и сомнителен, что он принял дочь и никогда не примет отца» [Берковский 1985: 86–88].

Возражая Берковскому, Р. Поддубная, напротив, отрицает любые социальные причины и считает виновными в трагедии как Минского, так и Дуню. «Человеческое доверие Вырина обмануто и попрано Минским. <...> Он предлагает деньги как эквивалент этических ценностей» [Поддубная 1980: 19]. «Увидев отца в своей петербургской квартире, она (Дуня) не бросилась к нему, а упала в обморок. От стыда? от жалости? от сознания своей вины? Скорее все-таки от страха, что будет нарушено ее счастье. Для нее вторжение отца так же непрошенно и нежеланно, как и для ее возлюбленного. В столкновении Вырин — Дуня нет социальных оснований, только нравственные. В нем с одной стороны — со стороны «блудной дочери» — достижение собственного счастья за счет обманутого доверия и страданий другого человека. Такое разрешение нравственной коллизии прямо противоположно тому, которое чуть позднее предложил Пушкин в финальной коллизии „Евгения Онегина“ <...>. Однако Дуня — не Татьяна. <...> Дуня разрешила свой нравственный долг подобно Минскому: дала попу денег и Ваньке пятак серебром <...>; правда, еще на могиле отца поплакала» [там же: 19].

По мнению Н. Н. Петруниной, станционный смотритель считает истинным виновником случившегося — самого себя (поскольку он не сумел ни предвидеть бегства, ни привести домой «заблудшую овечку» свою). «Он (Вырин) не в силах повлиять на ход событий, но прежде чем склониться перед судьбой, пытается повернуть историю вспять, спасти Дуню от того, что представляется бедному отцу гибелью его „дитяти“. Герой осмысляет происшедшее и — более того — сходит в могилу от бессильного сознания собственной вины и непоправимости беды» [Петрунина 1987: 107]⁸. Впрочем, исследовательница не снимает вины и с Дуни: «Мы не знаем, чем обернулся для нее самой (Дуни) выбор, сделанный однажды без особого раздумья, быть может — „по ветрености молодых лет“. Ведомо нам одно: та цена, которую уплатил старый смотритель за бездумно эгоистический молодой порыв своего дитяти. <...> И что известно читателю наверное, ни радости, ни горе не заглушили в душе „прекрасной барыни“ сознания дочерней ее вины» [там же: 107].

Примерно такова же точка зрения М. Г. Бройде: «Дуне выпало испытание богатством. И испытания этого она не выдержала. <...> Завороженная признаниями и посулами гусара <...>, Дуня, вероятно, перестала плакать, еще не въехав в Петербург. А там для нее начались радости любви и не изведанная ранее обеспеченная, беззаботная жизнь. Не мудрено, что она так быстро „отвыкла от прежнего своего состояния“. Отвыкла она и от отца, точнее — захотела отвыкнуть. <...> Дуня не могла более любить своего отца — олицетворение содеянного ею зла» [Бройде 1999:

⁸ К мнению о виновности старого смотрителя фактически примыкает также Г. П. Макагоненко: по его словам, «смирение, как показывает Пушкин, унижает человека, делает жизнь бессмысленной, вытравляет из души гордость, достоинство, независимость, превращает человека в добровольного раба, в покорную ударам судьбы жертву» [Макагоненко 1974: 148].

113–114]. М. Г. Бройде отказывает Дуне и в загробном примирении с отцом: она не специально приехала испросить прощения, а просто «проезжала»; кроме того, «оплакивать мертвых легче, чем жалеть живых: мертвым много не надо, в любви к живым приходится жертвовать многим» (там же: 114–115).

Такова разногласица в ответах на вопрос «Отчего умер Самсон Вырин?». Отчего интерпретаторы противоречат друг другу? Может быть, потому, что, стремясь к оригинальности, — своевольны⁹, полагаются на свой вкус и рассудок и совсем не задумываются о методологии исследования.

Лингвисты, как кажется, в дискуссии не участвовали¹⁰. Между тем лингвистический подход, покоящийся на следовании единообразным исследовательским приемам, на наш взгляд, способен дать свои результаты, принципиально отличные от тех, которые достигаются в традиционном литературоведческом анализе.

01–2. АНАЛИЗ РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ ШЕСТИ ПЕРСОНАЖЕЙ ПОВЕСТИ

Итак, посмотрим на коллизию глазами лингвиста.

Хотелось бы применить к конкретному художественному произведению методику исчисления рече-поведенческих тактик (напомним сокращенную запись: *РПТактики*)¹¹. Указанная методика, хотя и не может быть полностью объективной, все же значительно сокращает объем субъективных суждений исследователя.

Краткое повторное представление концепции рече-поведенческих тактик. РПТактика, как изложено выше (в части I настоящего раздела [второго] книги), — это (в границах определенной рече-поведенческой ситуации) однородная по интенции и реализации линия поведения коммуниканта, входящая в его усилия ради достижения стратегического перлокутивного эффекта. Важно заметить, что РПТактика вычленяется по признаку одного-единственного смысла. Представляя собой конденсированный интегральный смысл-интенцию, РПТактика сама по себе, т. е. на глубинном уровне, — это *sensus purus*, но на поверхностном уровне она реализуется в *вербальных* (речевых) и *невербальных* (поведенческих) актах или, чаще, в их комбинации.

Как правило, РПТактики *социальны*, т. е. свойственны всем носителям языка и культуры. На этом их качестве и покоится гипотеза, побудившая нас привлечь методику исчислений РПТактик к индивидуальному художественному тексту. Если писатель заставляет своих персонажей говорить и действовать в согласии с *социальными РПТактиками*, то это означает, что хотя бы часть смыслов индивидуального художественного текста оказывается общенародной и, следовательно, допускает строгую объективацию.

⁹ Т. Кибиров писал в этой связи:

Нет, ты только погляди, как они куражатся! Отъинтерпретируют — мало не покажется!
Лучше нам их обойти, эту молодежь! Так деконструируют — костей не соберешь!

¹⁰ Обращение к пушкинской тематике не является для соавторов случайным; см.: [Верещагин 1987; Верещагин 1988; Верещагин, Костомаров 1988б; Верещагин 1992; Костомаров 1999].

¹¹ В близком значении Н. Д. Арутюнова использует термин *речеповеденческий акт* [Арутюнова 1998: 643 и сл.].

Во избежание терминологической путаницы хотелось бы подчеркнуть, что термин *социальность* (и *социальный*) используется нами в одном-единственном значении, а именно: **массовая распространенность определенной РПТактики в среде носителей языка и культуры**. *Социальность*, в таком понимании, — это *общенародность*. В данной монографии отсутствует социологическая интерпретация понятия *социальности*, — а именно в таком значении термин используется в литературоведении (особенно в школах, практикующих классовый подход). С сожалением отмечаем, что нам не удалось избежать омонимии терминов. *Социальная РПТактика* противопоставляется у нас *групповой (сословной, классовой, конфессиональной и т. д.) и индивидуальной*.

Художественные тексты новейшего времени покоятся на намеренной недосказанности, и читатель как бы приглашается в соавторы, — ибо писатель оставляет поле для домыслов.

Пушкин — наш современник, и социальные РПТактики, к которым прибегают его персонажи, да и он сам, в своем большинстве не устарели, не утратили своей массовой распространенности и остаются внятными русским людям начала XXI в.

Семь действующих лиц «Станционного смотрителя» — Вырин, Дуня, Минский, хмельной ямщик, лекарь-немец, «пивоварова жена» и «мальчишка» Ванька — так или иначе выражают свое отношение к теме вины-деликта, приведшей к трагедии. Авдотья Самсоновна, правда, после бегства не произносит в повести ни слова и вплоть до своего возвращения на станцию*** не совершает ни одного поступка, но тем не менее, как будет видно (см. ниже подглавку 01–4), и к ней может быть приложена методика РПТактик. Восьмой персонаж, присутствующий в повести, — рассказчик («титularный советник А. Г. Н.») — оценочных суждений не высказывает, а поступки от него и не могут ожидать.

Итак, исследуем, как персонажи повести отвечают на вопрос «Кто виноват и в чем именно?». РПТактик выявилось много, и соответственно, ради экономии места, мы не можем подтверждать социальную природу (т. е. характерность для языка и культуры) каждой из них. По этой причине ограничимся демонстрацией их социальности только в пунктах 1–3 непосредственно следующего далее исчисления под шапкой «Смотритель». По части, конечно, можно судить обо всем целом.

Подтверждающие социальность РПТактик речения набраны курсивом. О том, как читать исчисления, сказано в сноске¹².

¹² Итог исчисления грамматически построен как фраза, фрагменты которой, называющие группу однородных РПТактик, набраны **полужирным курсивом**, а фрагменты, называющие сами тактики, — *курсивом*. Так, результат следующего в основном тексте статьи первого исчисления прочитывается следующим образом:

Смотритель

1. *обвиняет свое злосчастье;*
2. *обвиняет самого себя*, потому что —
 - *сам пошел в западню,*
 - *не проявил осторожности (и)*
 - *оказался глуп;*
3. *смягчает вину Дуни* (отчасти извиняет ее) —
 - *ссылкой на свойственную молодости неопытность (и)*
 - *упоминанием о том, что деликт совершен с сознанием его греховности;*

РПТактики Самсона Вырина.

Смотритель

1. *обвиняет свое злосчастие*: «Да нет, от беды не отбожишься; что суждено, тому не миновать»¹³.

Социальность, т. е. представленность данной РПТактики в среде носителей русского языка и культуры, видна в том, что она актуальна и до сих пор¹⁴; она реализуется в ряде узуальных (клишированных и полуклишированных) фраз: *Так уж, видно, на роду написано; Чему быть, того не миновать; Кому быть повешену, тот не утонет; От судьбы не уйдешь; Выше головы не прыгнешь; Ничего не поделаешь!; Ничего не попишешь!; Такая судьба (планида)!; Что написано на роду, то и будет* (и т. д.). За приведенными речениями¹⁵, включая пословицу Вырина, кроется один-единственный смысл: *в беде виновата судьба*;

2. *обвиняет самого себя*, потому что —

- *сам зашел в западню*: «Бедный смотритель не понимал, каким образом мог он сам позволить своей Дуне ехать вместе с гусаром»; «Дуня стояла в недоумении... „Чего же ты боишься? — сказал ей отец, — ведь его высокоблагородие не волк и тебя не съест: прокатись-ка до церкви“».

И кто толкал меня в ту подворотню! Сам сунулся; Промолчать — так нет, полез с советами; Знал, что опасно, и все-таки рискнул! Вот и результат; Я сам шел навстречу своей гибели (и т. д.). Сергей Русанов рассказывает, как он потерял Веру Лагутину: «И можно ль

4. *обвиняет Дуню* —

- *в глупости,*
- *недальновидности,*
- *сознательном нарушении долга (и)*
- *нераскаянности;*

5. *обвиняет Минского* в том, что тот —

- *притворщик,*
- *похититель чужого,*
- *сластолюбец,*
- *душегуб,*
- *низкий человек, желающий откупиться,* (так что он)
- *подлежит (судебному или административному) преследованию.*

¹³ Здесь подспудно — и пронзительно! — звучит мотив Иова Многострадального («Господь дал, Господь и взял» [Иов 1: 21]).

¹⁴ Здесь и повсюду далее речевые реализации, объективирующие определенную современную РПТактику, даются как перечисление узуальных фраз. Эти фразы печатаются петитом и отделяются друг от друга точкой с запятой. Речения, взятые из картотеки авторов, набираются курсивом; цитаты из художественных произведений напечатаны прямым шрифтом и закавычены.

¹⁵ Речение является клишированным, если оно целиком воспроизводится по памяти. Обычно это пословицы, поговорки, итеративные реплики: *Свет не без добрых людей; До свадьбы заживет!; Дай подую!* или *Дай поглажу!* (так говорят ушибшемуся ребенку). Речение является полуклишированным, если оно содержит клише (в том числе устойчивое словосочетание) в каком-либо своем фрагменте (*Сам увидишь: свет не без добрых людей*) или состоит из преобразованного клише (*До свадьбы далеко — заживет сто раз!*). Узуальные речения, допуская свободное варьирование, обычно бывают полуклишированными. Узуальное речение отвечает оценке «так говорят (имеется в виду: в данной ситуации)». ПТактики, впрочем, не обязательно являются клишированными; важно, что они отсылают к какому-либо прецедентному тексту (дискурсу, знанию, событию, факту), являясь его «сверткой» или просто символом..

поверить нелепости? Михаила <...> я сам подговорил ехать на торжественный бал <...>. Глупец! Как было мне не понять, что если сам я им столь зачарован, то как избегнуть этих чар существу, которому по самой его природе надлежит был плененным силой и мужеством?» (О. Форш, Одеты камнем);

- *не проявил осторожности*: «Бедный зритель не понимал, <...> как нашло на него ослепление».

Все чуяли беду, один я ничего не замечал; И что бы мне не посмотреть сначала?; С открытыми глазами ничего не видел; Нашло какое-то затмение, настоящий black-out (и т. д.). «Щелк щелку ведь розь. / Да понадеялся он на русский авось» (Пушкин, Сказка о Балде).

- *оказался глуп*: «Бедный зритель не понимал, <...> что тогда было с его разумом». *И на старуху бывает проруха; Мне и в голову не пришло, что заманиваю; Как не надо — умен, а тут дурак дураком оказался; Пораскинуть бы умишком, а потом и соглашаться!; Русский человек задним умом крепок (и т. д.). «Глупый ты бес, / Куда ж ты за нами полез?» (Пушкин, Сказка о Балде).*

3. смягчает вину Дуни (отчасти извиняет ее) —

- *ссылкой на свойственную молодости неопытность*: «Одна оставалась ему надежда: Дуня по ветрености молодых лет вздумала, может быть, прокатиться до следующей станции, где жила ее крестная мать».

Что с него взять? Молодо-зелено, погулять велено; Шестнадцати еще нет: ветер в голове свистит/гуляет; Молод — исправлюсь; Напроказил по молодости (и т. д.). «Ты мог бы, пленник, обмануть / Мою неопытную младость» (Пушкин, Кавказский пленник).

- *упоминанием о том, что деликт совершен с сознанием его греховности*: «Дуня стояла в недоумении»; «Ямщик, который вез его (Минского), сказывал, что во всю дорогу Дуня плакала».

Совет — и не задумается; Поначалу отказывался, но все же пошел на дело; Давай по рукам! Чего жмешься?; Не сомневайся — ничего тебе не будет!; Выпей, и забудешь думать! (и т. п.). «Но так и быть: я сам себе / Противиться не в силах боле; / Все решено: я в вашей воле, / И предаюсь моей судьбе» (Пушкин, Евгений Онегин, гл. VIII: Письмо Онегина к Татьяне). «Марья Гавриловна долго колебалась; множество планов побега было отвергнуто» (Пушкин, Метель).

4. обвиняет Дуню —

- *в глупости*: «Много их в Петербурге, молоденьких дур»;
- *в недалекновидности*: «Не ее первую, не ее последнюю сманил проезжий повеса, а там подержал да и бросил. Много их в Петербурге <...> сегодня в атласе да бархате, а завтра, поглядишь, метут улицу, вместе с голью кабацкою»;
- *в сознательном нарушении долга*: «Авось, — думал зритель, — приведу я домой заблудшую овечку мою». *Заблудившийся* — это сошедший с истинного пути помимо своей воли, а *зablудший* — это *соблудивший*, сошедший с прямой дороги самовольно. В том, что Дуня не была похищена насильственно, зритель не мог сомневаться — ямщик сказал ему определенно, что Дуня «ехала по своей охоте»;
- *в нераскаянности*: «Как подумаешь порою, что и Дуня, может быть, тут же пропадает, так поневоле согрешишь, да пожелаешь ей могилы».

Виновность дочери настолько тяготит зрителя, что он прибегает к РПТактике уклонения от тяжелого разговора: «„Здорова ли твоя Дуня?“ — продолжал я.

Старик нахмурился¹⁶. „А Бог ее знает“, — отвечал он. „Так, видно, она замужем?“ — сказал я¹⁷. Старик притворился, будто бы не слышал моего вопроса и продолжал пошептом читать мою подорожную. Я прекратил свои вопросы¹⁸».

5. *обвиняет Минского* в том, что он —

- *притворщик*: «...он (Вырин) тут же слег в ту самую постель, где накануне лежал молодой обманщик. Теперь смотритель, соображая все обстоятельства, догадывался, что болезнь была притворная»;
- *похититель чужого*: «Ваше высокоблагородие! <...> Что с возу упало, то пропало»;
- *сластолюбец*: «Ведь вы натешились ею»;
- *душегуб*: «Не погубите же ее понапрасну»;
- *подлежит судебному или административному преследованию*: «Старик пришел к себе на квартиру. Приятель его советовал ему жаловаться; но смотритель подумал, махнул рукой и решился отступить». Вырин явно считает, что основания для жалобы по начальству есть, иначе он просто не стал бы и думать. Отступает он только потому, что не верит в возможность добиться правды»;
- *низкий человек, желающий откупиться*. После разговора с Минским смотритель у себя за обшлагом обнаруживает деньги: «Слезы опять навернулись на глаза его, слезы негодования! Он сжал бумажки в комок, бросил их наземь, притоптал каблучком, и пошел». Перед нами знаковое поведение: не просто выбрасывают, а втаптывают в грязь предмет, вызывающий ненависть и презрение. Хотя через какое-то время Вырин одумался и хотел было подобрать ассигнации (да было уже поздно!), он совсем не похож на Мельника, отца еще одной блудной дочери (из незаконченной пушкинской драмы «Русалка»), который готов удовлетвориться отступным¹⁹.

Экскурс 1. Какой суммой ротмистр хотел откупиться?

В данной связи интересно нижеследующее текстологическое наблюдение.

Какой суммой ротмистр Минский откупился от пришедшего за дочью смотрителя?

Вот выписка из повести: «...сунув ему что-то за рукав, он (Минский) отворил дверь, и смотритель, сам не помня как, очутился на улице. Долго стоял он неподвижно, наконец увидел за обшлагом своего рукава сверток бумаг; он вынул их и развернул несколько <...> смятых ассигнаций».

На месте отточия в ряде дореволюционных изданий (например, в знаменитом издании Т-ва И. Д. Сытина на с. 569) читаем: «...развернул нѣсколько *пятидесяти-*

¹⁶ = ему неприятен вопрос.

¹⁷ Рассказчик высказывает правдоподобную догадку: Дуня, выйдя замуж, укатила далеко, так что ежедневные контакты между отцом и дочерью прекратились, — отсюда он не знает, здорова ли Дуня «сейчас». Рассказчик сделал вид, будто не понял реплики «А Бог ее знает!» (= «не знаю и знать не хочу»).

¹⁸ = Вырин добился своего.

¹⁹ ...ба, ба, ба! какая
Повязка! вся в камнях дорогих!
Так и горит! и бусы!.. Ну, скажу:
Подарок царский. Ах он благодетель!
А это что? мошонка! уж не деньги ль?

рублевых смятых ассигнаций»²⁰. Уже одна ассигнация достоинством в 50 рублей составляет, с точки зрения станционного зрителя, этого «сущего мученика четырнадцатого класса», большую сумму²¹, а Минский дал их не одну, и не две, и не три, а — сразу не сосчитать! — несколько.

В советских изданиях сумма, которую Минский посчитал достаточной в качестве отступного, существенно занижена. Так, и в Большом (16-томном²²), и в Малом (10-томном) академическом Полном собрании сочинений Пушкина, а также в Словаре языка Пушкина читается: «...развернул несколько *пяти и десятирублевых смятых ассигнаций*»²³.

Есть и еще одно прочтение. Н. Я. Берковский, автор обстоятельного анализа «Станционного зрителя», пишет, что Минский сунул за обшлаг зрителю «*пять десятирублевых бумажек*» [Берковский 1960: 192]²⁴.

Думается, вероятнее все-таки первая версия²⁵. Минский богат: он не затруднился взять для Авдотьи Самсоновны «прекрасно убранную» квартиру, одеть ее «со всей роскошью моды» и унизать бриллиантами ее «сверкающие пальцы». Он не скуп: лекарь-немец получил «двадцать пять рублей за визит»; зритель был щедро награжден «за постой и угощение». Психологически трудно предположить, чтобы гусар, «широкая душа», откупился ничтожной суммой.

Экскурс 2. Самсон Вырин или, может быть, все-таки Симеон?

В издании Сытина есть и еще одно немаловажное текстологическое расхождение: станционный зритель поименован в нем не *Самсоном* (Сампсоном), а *Симеоном*. «Это быть, точно, *Симеонъ* Выринъ; но какъ онъ постарель!»; «Здѣсь стоитъ Авдотья *Симеоновна?*»; «У Авдотьи *Симеоновны* гости!». Не обратившись к рукописи и не исследовав традиции изданий повести (особенно прижизненных, которых было два), никаких суждений произнести невозможно.

В поддержку версии о том, что имя Вырина — *Сам(н)сон*, говорит, казалось бы, атрибутивезименитого святого — *Странноприимец*. Ссылаясь на мысли другого ученого [Шмид 1996], В. И. Тюпа отмечает и еще одну «неслучайность» имени Самсон: «Отсыл-

²⁰ Переводчик Пушкина на украинский язык дал недвусмысленное прочтение: «Довго стояв він нерухомо, нарешті побачив за обшлагом свого рукава згорток паперів: він виїняв їх и разгорнув кілька зим'ятих асигнацій *по п'ятдесят карбованців*» [Пушкин 1949: 664].

²¹ Так, рассказчику, «титularному советнику А. Г. Н.», чиновнику выше Вырина пятью классами и, следовательно, значительно более обеспеченному, ощутима трата всего семи рублей, израсходованных на «вольных лошадей»: «Мне стало жаль <...> семи рублей, издержанных даром». Заметим кстати, что зритель отправился в Петербург «пешком»; вероятно, у него денег на лошадей совсем не было.

²² 17-й том (М., 1959) — «Справочный».

²³ Именно так напечатано как в Большом, так и в Малом академическом Полном собрании сочинений А. С. Пушкина. Между тем необходима пометка дефиса: *пяти- и десятирублевые ассигнации*.

²⁴ Правда, в немного переработанной версии той же статьи на этом месте приведена прямая цитата из Большого академического Полного собрания сочинений [Берковский 1985: 97].

²⁵ Косвенным аргументом может послужить и то, что лексемы *пятирублевый* и *десятирублевый* встречаются у Пушкина только в приведенной фразе из «Станционного зрителя», между тем лексема *пятидесятирублевый* представлена у него еще раз, причем как раз в «Повестях покойного Ивана Петровича Белкина» (в части «От издателя»): «Сия глупая старуха не умела никогда различить двадцатипятирублевой ассигнации от *пятидесятирублевой*».

ка к сакральному авторитету библейского Самсона, погубленного женским коварством, здесь очевидна (вплоть до мотива „ослепления“, хотя и в переносном смысле)» [Тюпа 1999].

В поддержку имени *Симеон* говорит близость памяти Симеона Столпника (1 сентября) ко времени написания «Станционного зрителя» (завершение повести помечено 14 сентября. Но когда она была начата? — Явно раньше). Память Симеона приходится не на рядовой, а на изрядный день месяцеслова: 1 сентября — начало индикта, т. е. церковного новолетия. С начала сентября и для Пушкина начался новый творческий год («Болдинская осень»). О том, что Пушкин соотносил свои поступки со Святыми, см.: [Краваль 1999: 53–59]. Высказывается даже догадка, что Пушкин был «человеком, знавшим наизусть Святы» [Лебедева 1999: 77]. В указанной статье Л.А. Краваль читаем: «Когда портреты в рукописях Пушкина не связаны ни с текстом, ни с мыслью зарисовки, ни с реалиями его текущей жизни, это — почти всегда знак „именинности“» (т. е. памятования поэтом одне тезоименитства родных и знакомых) [Краваль 1999: 55]. Правда, в указанной статье не отмечено, чтобы Пушкин давал по Святым имена своим персонажам. Остается сказать, что имя *Симеон* (именно в такой форме) встречается у Пушкина в «Евгении Онегине» (V, 41):

«Кузина, помнишь Грандисона?»
— Как, Грандисон?.. а, Грандисон!
Да, помню, помню. Где же он? —
«В Москве, живет у Симеона;
Меня в сочельник навестил;
Недавно сына он женил».

Отметим, что в разговоре с Минским зритель не столько *обвиняет* ротмистра, сколько *упрашивает* его. Вырин прибегает к следующим элицитивным²⁶ тактикам:

- *увещевание с апелляцией к Богу*: «...он (Самсон Вырин) дрожащим голосом произнес только: „Ваше высокоблагородие!.. сделайте такую божескую милость!“»;
- осознание *невозможности вернуться* к доделиктному состоянию: «Ваше высокоблагородие! — продолжал старик, — что с возу упало, то пропало...»;
- согласие на хотя бы *частичное восстановление* доделиктного состояния: «...отдайте мне, по крайней мере, бедную мою Дуню».

Ротмистровы тактики *отказа* таковы:

- он не замышляет зла: «...не думай, чтоб я Дуню мог покинуть»;
- объективно лучше не исполнить просьбы: «...она (Дуня) будет счастлива»;
- исполнение просьбы не принесет пользы просителю: «Зачем она тебе?»;
- отказ совершается в интересах третьего лица: «Она меня любит; она отвыкла от прежнего своего состояния»;
- в перспективе исполнение просьбы обернется бедой: «Ни ты, ни она — вы не забудете того, что случилось».

Хочется отметить, что противоположно направленные РПТактики (например, упрашивания и отказа) отнюдь не нарушают Принцип Кооперации Грайса [Грайс 1985: 222 и сл.]. Действительно, в дискурсе соблюдаются все вытекающие из Принципа постулаты — например, истинности и релевантности (связности речи). Что же каса-

²⁶ Упрашивание состоит из элицитивных речевых актов, а его перлокутивная цель заключается в стимулировании некоторого поведения адресата.

ется эстетических, социальных и моральных постулатов, то сам Грайс отмечал, что они релятивны и меняются на противоположные в зависимости от обстоятельств.

На этом заканчивается рассмотрение РПТактик выявления деликта и оправдания, к которым прибегнул бедный отец блудной дочери. На очереди — следующие персонажи повести.

РПТактики ротмистра Минского.

Ротмистр Минский

1. *обвиняет самого себя* —

- эксплицитно признав свою вину: «...виноват перед тобою...»;
- понимая, что явился причиной несчастья: «Что сделано, того не воротить, — сказал молодой человек». Вина, правда, не названа, а всего лишь имплицитно: действительно, за определенным счастливым состоянием X наступило бедственное состояние Y (из которого уже нет пути назад); ergo, человек, разрушивший состояние X и вызвавший состояние Y, — виновен, а если состояние Y оказалось необратимым, то он сугубо виновен;
- испытывая чувство стыда: «...сказал молодой человек в крайнем замешательстве»; (при виде Вырина) «Минский <...> вспыхнул». Поскольку Минскому стыдно, он отказывается от дальнейших встреч со зрителем: «...дни через два воротился он (Вырин) к Минскому; но военный лакей сказал ему сурово, что барин никого не принимает, грудью вытеснил его из передней и хлопнул двери ему под нос»;
- но одновременно считая свою вину извинительной: «...и рад просить у тебя прощения»;
- потому что берет на себя благородные обязательства: «...даю тебе честное слово»;
- потому что прибегает к компенсации: «Потом, сунув ему что-то за рукав, он (Минский) отворил дверь».

2. (заведомо ложно²⁷) *обвиняет зрителя* —

- в том, что тот преследует Минского: «Чего тебе надобно? — сказал он (Минский) ему, стиснув зубы, — что ты за мною всюду крадешься <...>?»;
- способен его ограбить: «...крадешься, как разбойник?»;
- желает лишить его жизни: «...или хочешь меня зарезать?».

Заведомо абсурдные обвинения-напраслина (в них извращаются внутренние мотивы внешнего поведения облыжно обвиненного), как обычно бывает, служат цели затушевать собственное замешательство и хотя бы для вида сделать виноватым того, перед которым очернитель сам виноват. Эта напраслина позволила Минскому «задрожать от гнева»: «„...Пошел вон!“ — и, сильной рукою схватив старика за ворот, вытолкнул его на лестницу».

РПТактики лекаря-немца.

Лекарь

обвиняет Минского —

- в притворстве: «Он (лекарь) уверил зрителя, что молодой человек был совсем здоров»;

²⁷ Т. е. Минский сам понимает, что его обвинения — ложны.

- *в злом умысле*: «...уверил зрителя, что <...> тогда еще догадывался он о его злобном намерении»;
- *в готовности к рукоприкладству* «...догадывался о его злобном намерении, но молчал, опасаясь его нагайки».

РПТактики хмельного ямщика.

Хмельной ямщик

1. *возлагает вину на Дуню* (а не на гусара), потому что она
 - *действовала по своей воле*: «Наконец, к вечеру приехал он (ямщик) <...> с убийственным известием: „Дуня с той станции отправилась далее с гусаром“»; «Ямщик <...> сказывал, что <...> Дуня <...> ехала по своей охоте»;
2. *смягчает вину Дуни*, так как она
 - *горевала*: «Ямщик <...> сказывал, что во всю дорогу Дуня плакала».

РПТактики «жены пивоваровой».

«Жена пивоварова» —

обвиняет зрителя: «„Отчего ж он умер?“ — спросил я пивоварову жену. — „Спился, батюшка“, — отвечала она».

РПТактики «рыжего и кривого» Ваньки.

«Рыжий и кривой» Ванька —

1. (неосознанно²⁸) *обвиняет Авдотью Самсоновну* в бесчувствии (потому что та, утратив связь, даже не знала о смерти отца): «...ей сказали, что старый зритель умер...»;
2. (неосознанно) *оправдывает ее*
 - *поскольку она все же в конце концов вспомнила об отце*: «Вот летом проезжала барыня, так та спрашивала о старом зрителе»;
 - *горюет об отце*: (узнав о смерти зрителя,) «она заплакала и сказала детям: «Сидите смирно, а я схожу на кладбище»;
 - *поминает отца по-церковному*: «А потом барыня пошла в село и призвала попа, дала ему денег». Здесь, вероятно, имеются в виду два смежных, но все же различных события: «призвала» священника — значит, пригласила его отслужить панихиду или хотя бы заупокойную литию над могилой (вероятно, в ее присутствии); «дала ему денег» — внесла сумму, достаточную для «вечного поминовения» покойника в сельском храме;
 - *испросила у отца прощения*: «Она легла здесь (на могиле зрителя) и лежала долго». «Лежать на дорогой могиле — черта крестьянская, как выражались современники Пушкина — „простонародная“» [Берковский 1985: 94]. Народное лежание на могиле непременно (и сейчас) сопровождается *прощей* — испрашиванием у покойника прощения за все прегрешения перед ним, (говоря по-церковному) «вольная и невольная, яже словом, яже делом, яже ведением и неведением».

²⁸ Мальчик наивно излагает факты, а нравственную оценку им должны дать читатели.

Такова разногласия персонажей. Каждое суждение отражает личную точку зрения действующего лица. Рассказчик выступает как объективный наблюдатель и фиксирует реплики и мысли, которые, в общем и целом, предсказуемы, поскольку продиктованы логикой развития сюжета и индивидуальностью персонажа (его социальным положением, возрастом, темпераментом, умением проникать в суть происходящего и т. д.).

Едва ли Пушкин передал кому-либо из персонажей свой собственный взгляд. Думать так тем более бесосновательно, что поэт заставил каждого из своих героев занять собственную позицию. Их суждения невозможно интегрировать и подвести под общий знаменатель.

01–3. TEXTSORTE ПРИТЧА; ВОЗДЕРЖАТЕЛЬНЫЕ (АБСТИНАТИВНЫЕ) РПТАКТИКИ

Как известно, седьмое действующее лицо «Станционного смотрителя» — Авдотья Самсоновна — после побега не совершает (по отношению к отцу) поступков — совсем никаких. Она исчезает для него, причем в земной жизни — навсегда.

По нашему предположению, разгадка замысла Пушкина кроется именно в **бездействии** Дуни после того, как она «по своей охоте» «отправилась далее с гусаром».

Кроме того, мы полагаем, что показательно не бездействие само по себе, а **бездействие на фоне** определенной нравственно-поведенческой **парадигмы**, которая в определенной типовой жизненной ситуации предписывает ряд поступков.

Конкретная парадигма, имеющая прямое отношение к ситуации станционного смотрителя, — **задана евангельской Притчей** о блудном сыне, картинки на темы которой украшали «смирненную обитель» станционного смотрителя.

Три предшествующих фразы содержат гипотезу. Она в дальнейшем подлежит верификации. Предварительно, однако, для отчетливого изложения нашей точки зрения необходимо систематизировать ряд общих положений:

во-первых, рассмотреть, в свете Textsortenlehre, признаки *притчи*, отличающие ее от других нарративов, и, в частности, исследовать притчевую поведенческую парадигму;

во-вторых, ввести понятие *абстинативной* (= воздержательной) РПТактики (в отличие от РПТактики, которая имеет внешнее выражение) и показать, какая информация сообщается человеком, когда он не совершает ожидаемого от него поступка (в том числе речевого);

в-третьих, выявить смысловую, в том числе нравственно-богословскую, специфику Притчи о блудном сыне, как она рассказана в Евангелии и пересказана Пушкиным.

Жанровые признаки притчи. *Притча* (ивр. *משל*, греч. *παράβολή*, лат. *parabola*) — это нравственно-дидактический жанр нарратива (Textsorte), типизирующий *жизненные ситуации* (т. е. выявляющий сходство между ними) и построенный на приеме *аллегории*²⁹.

²⁹ Литература вопроса необозрима. «Устройство» притчи (Gleichnis) наиболее обстоятельно разработано в концепции Formgeschichte (см., например, [Berger 1984]). Энциклопедическую ста-

Условимся под *жизненной ситуацией* понимать любую коллизию (или конфликт) во взаимоотношениях между людьми. Жизненная ситуация подлежит высшей этической оценке: кто прав, кто виноват. Конкретные жизненные ситуации не совпадают точь-в-точь, но все же путем отвлечения-абстрагирования замечается общее, повторяющееся (т. е. типическое) в тех из них, которые по существенным признакам между собой сходны.

Литературный прием, когда некоторая умозрительная (например, нравственная) идея выступает в живом образе, известен под именем *аллегории* (иносказания). Аллегория в притче всегда обладает свойством *симилятивности*: «похожесть» образа и идеи, в том числе и конвенциональная, позволяет осуществить перенос содержания притчи на другие сходные жизненные ситуации. Притча состоит из двух частей: художественно-образной (повествования) и нравоучительно-наставительной (толкования), и даже если вторая часть реально отсутствует (т. е. толкование предоставлено адресату), все же без нее параболический жанр невозможен (притча тем и отличается от других видов нарративов, что не исчерпывается повествованием).

Приведем показательный пример. «В одном городе были два человека: один богатый, а другой бедный; у богатого было очень много мелкого и крупного скота, а у бедного ничего, кроме одной овечки, которую он купил маленькую и выкормил, и она выросла у него вместе с детьми его; от хлеба его она ела, и из его чаши пила, и была для него как дочь; и пришел к богатому странник, и тот пожалел взять из своих овец или волов, чтобы приготовить [обед] для странника, который пришел к нему, а взял овечку бедняка и приготовил ее для человека, который пришел к нему» (2 Цар 12: 1–4).

Без толкования перед нами — повествование о конкретном, частном происшествии. Если же прибавить обобщающее и типизирующее толкование, то нарратив становится притчей: не раз и не два бывало (есть и будет), что сильный богатый по произволу отбирает у беззащитного бедного его последнее достояние.

Царь Давид, которому пророк Нафан предложил это повествование поначалу без толкования, воспринял рассказ как реальный казус: «Сильно разгневался Давид на этого человека и сказал Нафану: жив Господь! Достоин смерти человек, сделавший это, а за овечку он должен заплатить четверо» (12: 5–6). И в этот момент пророк открывает перед царем, что он, собственно, имел в виду совсем не каких-то неизвестных людей (богача и бедняка), а людей известных (самого Давида и его верного раба Урию Хеттеянина) и не зарезанную овечку, а красавицу Вирсавию, нынешнюю жену царя, уже успевшую родить ему сына. «И сказал Нафан Давиду: ты — тот человек, [который сделал это]. <...> Урию Хеттеянина ты поразил мечом; жену его взял себе в жены» (12: 7,9). Здесь необходимо располагать предшествующим фоновым знанием: пророк пришел к царю после того, как тот отнял жену (эту самую Вирсавию) у воина Урии и даже устранил его, приказав поставить в бою на самое опасное место (2 Цар 11: 2–27).

Рассказ об овечке потребовался пророку только ради дидактической функции, т. е. ради нравоучения. После истолкования Нафана царь и сам увидел в истории произвола богача полную аналогию тому, что совершил, и покаялся перед обличителем, и наложил на себя пост, и с готовностью принял наказание.

тью с обширной библиографией см. [Peisker 1993: 583–589]. Хороший анализ интересующих нас притч «об утраченном» (Мф 18: 12–14; Лк 15: 1–32), в том числе и Притчи о блудном сыне (Лк 15: 11–32), см. [Linnemann 1975: 70–87].

Не повторяются ли ситуации самовластия богатых? Мы, несомненно, видим повторение смысла притчи Нафана и в той жизненной ситуации, в которой оказался стационарный зритель: кроме Дуни, у него не было иного достояния; вторгается богач и отбирает эту самую овечку, которая «выросла у него» и которая была для него, в отличие от ситуации ветхозаветного владельца овечки, не «как дочь», а именно дочь.

Из приведенного примера видно, что притча имеет два аспекта — *ретроспективный* (потому что она подытоживает целый ряд ситуаций, имевших между собой общие, повторяющиеся, т. е. типические, черты) и *перспективный* (потому что слушатели способны применить содержание притчи к новой конкретной ситуации, в которой оказались)³⁰. Таким образом, характерной чертой притчи является то, что она панхронически *типизирует* жизненные ситуации — как прошлого, так и настоящего, равно как и будущего.

Персонажи притчи выступают как субъекты нравственного выбора и соответственно — нравственной оценки. Собственно, притчевый рассказ, отражающий жизненные ситуации, подтверждает сентенцию: (в области человеческих взаимоотношений) «что было, то и будет; и что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем» (Еккл 1: 9). Зло из мира неустранимо, но тем не менее: «Уклоняйся от зла и делай добро» (Пс 33: 15).

Обратим внимание на то, что притча, наряду с функцией типизации жизненных ситуаций, имеет еще одной целью управление поведением адресата. Именно поэтому притча столь широко используется в богооткровении, особенно через пророков³¹.

Действительно, притча эксплицитно содержит *парадигму поведения*, т. е. она, притча, описывая реальное поведение персонажей, одновременно этически оценивает его. Притча — тенденциозна: она одобряет или осуждает и, в случае неодобрения, предписывает, как следовало бы вести себя «правильно». Богач, укравший овечку, не покался; его поведение «неправильно», и светский правитель осуждает его на смерть. Более того, в свете притчи может быть однозначно оценено и поведение участников новой конкретной ситуации: царь Давид покался и заслужил благоволение божества³²; с точки зрения притчи, рассказанной Нафаном, ротмистр Минский подлежит осуждению (тем более что он за дни «болезни» в доме Вырина мог убедиться в том, насколько дорога зрителю его Дуня).

³⁰ Этот аспект, если его перевести в нравственный план, может быть назван императивным: «Притча творит универсальную и притом *императивную* картину мира, где герой — субъект этического выбора перед лицом некоего нравственного закона (императива)» [Тюпа 1999; выделено автором. — Е. В., В. К.].

³¹ Ср.: «Я говорил к пророкам, и умножал видения, и чрез пророков *употреблял притчи* (= *hmda*; букв. *делал уподобления*)» (Осия 12: 10). (Так в синодальном русском переводе, восходящем к масоретскому тексту; в славянской Библии, восходящей к Септуагинте, дана другая, менее вразумительная, версия: *и въ рѣкъхъ прорѣческѣхъ оуподобнѣхъ.*) Развернутое обоснование закономерности использования в Свщ. Писании метафор предложил Фома Аквинский (Сумма теологии, часть I, вопрос 1, статья IX). Он же (в следующей, X статье) показал, что слова Свщ. Писания, наряду с «четверичным значением» (имеются в виду смыслы: исторический, или буквальный, аллегорический, аналогический, тропологический, или моральный), в некоторых случаях могут иметь еще пятое значение — именно *параболическое* [Фома Аквинский 1999: 82–86].

³² Хотя первый ребенок царя от Вирсавии умер, все же именно к браку с Вирсавией восходит родословие Иисуса Христа.

Таким образом, притча не только отражает типичные жизненные ситуации, но и задает парадигмы поведения в них. Парадигмы эти бывают позитивными и негативными, они получают этическое одобрение или не получают его.

Понятие абстинативной (воздержательной) РПТактики. Сейчас будет введено понятие *абстинативной* рече-поведенческой тактики, но предварительно обратимся еще к одной притче. На сей раз имеется в виду евангельская парабола, на которую Пушкин указывает всего одной фразой, но от этого не менее отчетливо. Между тем в имеющихся в литературе вопросах интерпретациях «Станционного зрителя», даже и серьезных, — *nomina sunt odiosa* — ее отождествляют неправильно.

Фраза «Авось, — думал зритель, — приведу я домой заблудшую овечку мою» иногда воспринимается как еще одна отсылка к Притче о блудном сыне. Однако на самом деле эта фраза отсылает к Притче о заблудшей овце (Мф 18: 12–13, Лк 15: 3–7). Правда, притча о заблудшей овце сопряжена с Притчей о блудном сыне, поскольку они обе входят в цикл притч «об утраченном» (vom Verlorenen [Linnemann 1975: 70]), — этот цикл имеется только у ап. Луки³³.

В Притче об овце представлено поведение Отца небесного и вообще — парадигматически — любого отца в ситуации, когда его чадо утратило ориентиры: «Если бы у кого было сто овец, и одна из них заблудилась, то не оставит ли он девяносто девять в горах и не пойдет ли искать заблудившуюся (и шѣдъ ѣцѣтъ заблѣждшїа)? И если случится найти ее, то, истинно говорю вам, он радуется о ней больше, чем о девяносто девяти незаблудившихся (нѣ заблѣждшихъ)». Так нет воли Отца нашего Небесного, чтобы погиб один из малых сих» (Мф 18: 12–14). Примечательно, что в славянском тексте притчи дважды употреблена лексема (заблѣждшїй), которую Пушкин вложил в помышление Вырина; иными словами, пушкинская отсылка именно в Притче о заблудшей овце не подлежит никакому сомнению.

Вырин, обосновывая (для самого себя) мотивы ухода в Петербург, — может быть, подсознательно, но все же совершенно отчетливо — опирается на эту Притчу и поступает в согласии с парадигмой, содержащейся в ней. Его овечка заблудилась, и он, все оставив, отправляется на ее поиски. Вырин ведет себя так, как продиктовано моралью. Надо подчеркнуть, что предписание, чтобы отец шел на помощь своему дитяти, — это (как бы ни судить о генезисе императива) требование общераспространенной и, в частности, вытекающей из православного нравственного богословия морали (см. подробнее [Попов 1901]).

Вторая притча понадобилась нам не только для того, чтобы выявить ее роль в «Станционном зрителе», но и ради демонстрации рече-поведенческого явления, названного нами абстинативной РПТактикой.

Представим себе, что Вырин, узнав о бегстве дочери, никак бы не реагировал на него: не слез бы в постель, не отправился бы на поиски дочери, а продолжал бы принимать подорожные и жить своей обычной жизнью. Вследствие распространенности требования «Отец должен спасти свое дитя» подобное поведение было бы воспринято как аномалия. Сторонний наблюдатель отметил бы: *Единственная дочь пропала, а ему хоть бы что!; Шагу не ступил (палец о палец не ударил), чтобы выволить Дуню!; Он и не горюет нисколечко!; Другой бы все бросил и кинулся на выручку, а он — нет!; Сделал вид, словно ничего не случилось!* и т. д.

³³ В цикл входит еще и третья притча — о потерянной драхме (Лк 15: 8–10).

В подобных случаях окружающие (обычно безотчетно) отмечают в поведении человека отсутствие некоторых действий, считающихся обязательными, а когда им приходится сообщать о жизненной ситуации, они специально упоминают в сообщении о том, что именно не случилось, не произошло, не имело места. Этим поименным перечислением выявляется, что в коллективной ментальности членов определенной национально-культурной общности есть представление о некотором наборе *нормативных* (= типовых, «обычных», «естественных», «нормальных») реакций в той или другой жизненной ситуации. Когда же «нормальной» реакции не наблюдается, нулевое поведение, в том числе и речевое (молчание), становится знаковым.

Ср. небольшую коллекцию современных реплик:

Ей ученики в глаза дерзят, а она [учительница] слова не скажет. Имплицируется: (в нормативной ситуации) учительница обязана пресекать дерзости учеников. Тема сообщения состоит в том, что адресант отмечает отклонение от нормативного поведения, а это отклонение, в свою очередь, позволяет судить о человеке, который воздерживается от общепринятой тактики (учительница, может быть, молода, неопытна или, может быть, она не обладает характером).

Ни один мускул не дрогнул на его лице. Имплицируется: (в нормативной ситуации) на лице должна отобразиться определенная эмоция (страх, горе, радость и т. д.).

Иногда нормативная реакция прямо указывается адресантом: *Мать стойко перенесла удар: не повалилась, не зарыдала.*

В дальнейшем выражение *нормативная ситуация* записывается аббревиатурой Nm (лат. погта «правило, предписание»).

Нормативные ситуации членятся на общепринятые и на социально-групповые. Если перед нами Nm первого рода, то все члены определенной культурно-языковой общности обязаны вести себя одинаковым образом; три вышеприведенных примера относятся к культурно-обусловленным нормативным ситуациям.

Напротив, реплика: *Ну, думал, — все: завтра же донесет. Нет, не донес* — отражает социально-групповую Nm: общепринятая в русской среде мораль запрещает доносительство, но есть группа лиц, которым оно, видимо, свойственно, — поэтому отмечается, что, прибегнув к абстинативной РПТактике, конкретный денунциант нарушил поведенческую норму группы, в которую входит. Характерно, что лицо, индивидуальное поведение которого (вследствие его вхождения в группу) в некотором аспекте отлично от общепринятого, получает номинацию по соответствующему категориальному признаку — *болтун, брюзга, доносчик, драчун, забияка, мот, налец, наркоман, насмешник, нахал, плакса, повеса, попрошайка, пьяница, сквернослов, скупердяй, хулиган, ябедник* и т. д. Иногда адресант называет сообщество людей, к которому принадлежит он сам или третье лицо (о котором идет речь), чтобы обозначить ожидаемое от него поведение: *Как, Вы мне не верите? Между прочим, Вы говорите с профессором!* [Nm: на слова профессора можно положиться]; *Не женись на Машке! На лице написано: хищница.* [Nm: хищница способна разрушить брак]; «Не такой уж горький я пропойца, / Чтоб, тебя не видя, умереть» (Есенин) [Nm: горький пропойца может неожиданно умереть]. Примечательно, что социально-групповые нормы, как правило, отрицают общепринятые нормы или, по крайней мере, существенно отличаются от них.

Ср. ряд современных реплик, отражающих абстинативные поведенческие тактики:

Мишка, пьяный, тут же опрокинул соус. Никто даже не взглянул в его сторону [Nп: на происшествие обращают внимание]; Рассказывает — все лежат, а сам не улыбнется ни разу [Nп: юморист, рассказав анекдот, смеется вместе со слушателями]; В глаза врешь и не краснеешь [Nп: лгуший человек обычно краснеет]; Хоть бы извинился — куда там!; Часами говорит и не запнется ни разу; Что ты стоишь, как вкопанный? Беги скорее!; Плюй ему в глаза — для него все Божья роса; Выпил — и не поморщился; Сделает гадость и не стесняется лезть с поцелуями!; Мне бы исчезнуть незаметно, а я остался; Неужели не волнуешься? Ведь решается твоя судьба!; Да ты еще улыбаешься! Как ты можешь!; Бутылку выпил — и ни в одном глазу! и т. д. «Сняла решительно пиджак наброшенный. / Казаться гордою хватило сил. / Ему сказала я: „Всего хорошего“, / А он прощения не попросил» (из популярной песни).

С точки зрения грамматической формы, абстинативные РПТактики не всегда описываются через конструкции, содержащие отрицание. Тем не менее глаголы и словосочетания с семантикой бездействия типа *промолчал, сдержался, овладел собой, продолжал (сидеть, улыбаться)* легко переводятся во фразы, называющие несостоявшееся действие: *не сказал ни единого слова*³⁴, *не вскипел и не взорвался, не встал, не перестал улыбаться* и т. д.

Отсутствие некоторых ожидаемых поступков и реакций обычно тщательно фиксируется в художественной литературе, поскольку оно позволяет судить о внутреннем мире персонажей.

Экскурс 3. Почему Сильвио не хотел стрелять?

В частности, этот феномен исследован Пушкиным в повести «Выстрел». Сильвио следит за поведением на дуэли графа Б***: «Жизнь его наконец была в моих руках; я глядел на него жадно, стараясь уловить хотя бы одну тень беспокойства... Он стоял под пистолетом, выбирая из фуражки спелые черешни и выплевывая косточки, которые долетали до меня. Его равнодушие взбесило меня. Что пользы, подумал я, лишить его жизни, когда он ею вовсе не дорожит?» Во время второго поединка Сильвио вплоть до возвращения графини опять-таки не видит на лице своего противника никакой тревоги: тот даже пытается ускорить свою смерть. Об этом мы знаем со слов самого графа: «Я отмерил двенадцать шагов и стал там в углу, прося его выстрелить скорее, пока жена не воротилась. Он (Сильвио) медлил — он спросил огня. Подали свечи. Я запер двери, не велел никому входить и снова просил его выстрелить». Лишь когда в комнату вбежала Маша и Сильвио стал прицеливаться при ней, он, наконец, заметил ожидаемую («нормальную») реакцию: «...я видел твое смятение, твою робость; <...> с меня довольно»³⁵.

³⁴ Ср. в Евангелии: [Христос] «не отвечал ему [Пилату] ни на одно слово, так что правитель весьма дивился (Мф 27: 14) [Nп: на обвинения подсудимый обычно отвечает].

³⁵ Первая глава повести «Выстрел» имеет для Пушкина автобиографический характер. В ней отразились обстоятельства его собственной дуэли в Кишиневе (июнь 1822 г.) с офицером Зубовым. По рассказам, на поединке с Зубовым Пушкин «явился с черешнями и завтракал ими, пока тот стрелял» [ПСС-10, 7: 759].

Собственно, опираясь на пусть неотчетливую, общеязыковую семантику, сам термин — *абстинативные тактики* — мы уже ввели (явочным порядком). Теперь, подытоживая, дадим дефиницию. Пусть РПТактики, согласно которым один из участников жизненной ситуации не совершает **нормативных** (ему предписываемых и ожидаемых окружающими) культурно- или индивидуально-обусловленных **действий**, называются *тактиками воздержания* или, поскольку для дальнейшего необходимо терминологическое прилагательное, — *абстинативными тактиками*³⁶.

Абстинативные тактики, конечно, отличаются от тактик, получивших внешнее выражение, но в аспекте коммуникации те и другие равнозначны. Отсутствие некоторых поступков — это тоже поступок, и, в частности, молчание — это, хотя бы и нулевая, но все же речь. Так, в зависимости от ситуации молчание бывает знаком то согласия, то несогласия, то возмущения, то пораженности, то недогадливости, то робости, то нежелания говорить с кем-либо и т. д.

Рече-поведенческая парадигма в Притче о блудном сыне. Абстинативные РПТактики играют особо важную роль на фоне притчевой морали, ибо она, эта мораль, — при условии ее распространенности в обществе, — диктует одному из участников жизненной ситуации, как себя вести и от какого поведения воздерживаться, и, с другой стороны, формирует поведенческие ожидания-экспектации у сторонних наблюдателей.

Обратимся теперь к Притче о блудном сыне (ПБС).

Пушкин, безусловно, мог бы положиться на память своих читателей, но, видимо, история блудного сына была настолько важна для повествования о судьбе бедной Дуни, что поэт решил, не жалея места, «своими словами» пересказать евангельский текст. Пересказ Пушкина является пунктирным: он пропускает некоторые сюжетные звенья, — стало быть, все же рассчитывает на фоновые знания тогдашней российской читающей публики.

Заметим кстати, что ПБС интересовала Пушкина и до написания «Станционного зрителя». Эта последняя повесть сопряжена с начатым раньше ее и не доведенным до конца прозаическим сочинением, известным как «Записки молодого человека». Видимо, отказавшись от мысли когда-либо дописать эти «Записки», Пушкин предполагал включить — и действительно включил — в «Зрителя» несколько фрагментов из покинутой вещи. Так, те картинки, которые рассказчик рассматривает в «обители» Самсона Вырина, в рукописи «Зрителя» отсутствуют, но на соответствующем месте помечено: «Из записок молодого человека». Этот фрагмент и был перенесен почти слово в слово (в «Записках» он немного пространнее).

Картинок, которые рассматривает «титularный советник А. Г. Н.», всего четыре.

«В первой почтенный старик в колпаке и шлафроке отпускает беспокойного юношу, который поспешно принимает его благословение и мешок с деньгами». «В другой яркими чертами изображено развратное поведение молодого человека: он сидит за столом, окруженный ложными друзьями и бесстыдными женщинами». «Далее, промотавшийся юноша, в рубище и в треугольной шляпе, пасет свиней и разделяет с ними трапезу; в его лице изображены глубокая печаль и раскаяние». «Наконец, представлено возвращение его к отцу; добрый старик в том же колпаке и шлафроке

³⁶ Лат. *se abstinere* «воздерживаться (от какого-либо ожидаемого) действия»; ср. *абстинент*.

выбегает к нему навстречу: блудный сын стоит на коленях, в перспективе повар убивает упитанного тельца, и старший брат вопрошает слуг о причине таковой радости». «Под картинками напечатаны немецкие стихи. Я прочел их с удовольствием и списал, чтобы на досуге перевести».

Так картинки описаны в «Записках молодого человека». Что же касается «Станционного зрителя», то к ним внимание читателя привлекается и во второй раз. Рассказчик попадает на ту же станцию через несколько лет: «Лошади стали у почтового домика. Вошел в комнату, я тотчас узнал картинки, изображающие историю блудного сына».

Как уже упоминалось, в Евангелии жанр паремии-притчи употребляется довольно часто, но история блудного сына — это, безусловно, один из ярчайших образцов этого жанра. Не случайно сюжет возвращения блудного сына столь популярен в живописи и в словесности. Этот сюжет чрезвычайно важен также для нравственного богословия. Действительно, в притче тщательно разработана тема покаяния и психологически точно выписаны все его составляющие. Покаяние начинается с осознания гибельности своего греховного состояния, и блудный сын, действительно, заключает: «Аз же гиблю». Затем необходимо признать, исповедать свои грехи, и младший сын говорит о них дважды: «Отче, согреших на небо и перед тобою». Кроме того, обязателен стыд, а также смирение и самоосуждение; ср.: «Несмы достоин нарешися сын твой». Далее необходима готовность принять заслуженное наказание и понести его: «Сотвори мя яко единого от наемник твоих». И наконец, предполагается не одно лишь намерение, а действие, реальное обращение на праведный путь. Так и поступает блудный сын: «И востав иде ко отцу своему». Именно поэтому данную притчу прочитывают в тех случаях, когда необходимо призвать к покаянию: так, в старое время перед этапированием преступников (в Сибирь) им в качестве напутствия читалась 15-я глава Евангелия от Луки, содержащая эту самую притчу. Эта же притча читается во второе пригласительное воскресенье к Великому посту, в так называемую *Неделю о блудном сыне*. Ср. одну из стихир Недели о блудном сыне:

Отческаго дара расточив богатство,
сь безсловесными скоты пасохся окаянный,
и тех желая пищи, гладом таях не насыщаяся,
но возвратився къ благоутробному отцу,
взываю со слезами: приими мя яко наемника
припадающа человеколюбию твоему и спаси мя.

В проложном чтении, положенном в субботний вечер накануне Недели о блудном сыне, истолкование несколько уточняется. Нет такого прегрешения, чтобы впасть в отчаяние и посчитать себя недостойным прощения. Необходимо только покаяться от глубины души и понести заслуженное наказание: «В сий день блуднаго сына воззвание празднуем вины ради сицевыя. Понеже бо суть нецци многая безместная въ себе сведуще, блудне же зело от юнаго возраста живуше, и пьянствы, и нечистотами оупражняющесе, и во глубину злыхъ сице впадше, во отъчаяние приходять, еже оубо рождение есть гордости, и отсюду к попечению добродетели никакоже приходити хотять. Человеколюбиво и отчески святии отцы, таковыя человеки

отвести от отъчаяния хотяще, таковую притчу злу оучиниша, отъчаяния страсть из корене востерзающе, и к добродетели восприятию возставляюще...».

Пушкин нигде этого в явном виде не говорит, но столь значительное композиционное место картинок как бы подталкивает приложить их, а с ними и Притчу о блудном сыне к жизненной ситуации Авдотьи Самсоновны.

01–4. АБСТИНАТИВНЫЕ РПТАКТИКИ АВДОТЬИ САМСОНОВНЫ И ИХ СМЫСЛ

Сопоставим теперь парадигматичное поведение Блудного сына из Притчи и отклоняющееся от него поведение «заблудшей овечки» (или Блудной дочери³⁷) из «Станционного зрителя». Анализ смысловых компонентов ПБС сочетается у нас с анализом абстинативных РПТактик, которых держалась Дуня вплоть до своего приезда на могилу отца.

Общее между ними в том, что и Блудный сын и Блудная дочь одинаково покидают любящих отцов и решаются на порочную жизнь. Общее между ними также в том, что и Блудный сын и Блудная дочь — одинаково возвращаются домой и испрашивают у отцов прощения (по христианскому вероучению, покойники — живы; стало быть, Самсон Вырин, пусть и за гробом, знает о раскаянии дочери). Если взять только начальную и конечную точки ПБС и «Станционного зрителя», то они совпадают, и может показаться, что Пушкин, сменив одежды персонажей и приняв меры, чтобы избежать явных повторений, просто-напросто пересказал евангельскую притчу. Может сложиться впечатление, что Дуня в целом следует парадигме Блудного сына: согрешив³⁸, она покаялась.

На самом же деле Пушкин вступает в явную полемику с ветхозаветным Законом и далеко отходит от поведенческой парадигмы ПБС.

Жизненный (не)успех как стимул к покаянию. Во-первых, Блудный сын раскаивается под влиянием жизненного краха. Остается переменить знаки плюс на знаки минус: под влиянием жизненного успеха Блудная дочь не раскаивается и не возвращается домой.

Поэт лишает Дуню внешнего стимула к покаянию.

В свете пятой заповеди Декалога (Исх 20: 12)³⁹ лишь почтительному к родителям сыну уготовано земное преуспеяние и долголетие, тогда как непочтительный неминуемо потерпит крах. Эту, довольно прямолинейную, связь наблюдаем в ПБС; Блудный сын расточи имѣніе своё и начатъ лишѣтисѧ; он произносит слова, которые звучат пронзительно не только в оригинале: ἐγὼ δὲ λιμῶ ἀπόλλυμαι, но и в церковнославянском переводе: ѧзъ же глѧдомъ гѧблю (Лк 15: 13–14,17). Между тем Дуня, бежав с гусаром, совсем не оказывается на улице, и ей не приходится

³⁷ В пушкиноведческой литературе Авдотью Самсонову не без оснований обычно именуют Блудной дочерью (последний пример — [Бройде 1999]).

³⁸ С религиозной точки зрения *грех* — это искажение замысла Бога о человеке, созданном по образу и подобию Божию.

³⁹ «Почитай отца твоего и мать твою, [чтобы тебе было хорошо и] чтобы продлились дни твои на земле, которую Господь, Бог твой, дает тебе».

якшаться с «голю кабацкою». Став барыней, Авдотья Самсоновна «ехала в карете в шесть лошадей, с тремя маленькими барчатами и с кормилицей, и с черной моською».

Поскольку внешний жизненный успех, если взглянуть на него *sub specie aeternitatis*, совсем не равноценен успешной прожитой жизни, может быть, для нравственности Дуни (и уж определенно для Самсона Вырина) было бы лучше, если бы перспектива гибели от глада заставила Блудную дочь одуматься. Таков, кстати сказать, императив слабой (общепринятой) этики: Бог вразумляет несчастьями и наставляет на путь истинный.

Существует и мотивация в свете сильной (собственно христианской) этики. Если бы Дуня вернулась к отцу на фоне полного благополучия, а не гонимая нуждой, — это был бы поступок, лишенный внешнего мотива, не вынужденный, а свободный, мотивированный не заботой о себе («некуда деваться»), а исключительно чувством любви к родителю.

Экскурс 4. Пушкинская выписка из Жития Иоанна Кушника

Можно думать, что Пушкина интересовал сам феномен деятельной любви к родному дому. Об этом косвенно свидетельствует сделанная им выписка из январского тома Минеи-Четии митр. Димитрия Ростовского.

Под 15 января, в Житии преп. Иоанна Кушника, рассказывается о том, как юный монах, ушедший из дома в обитель и хорошо прижившийся там, смертельно тоскует по родителям и в конце концов возвращается в родной дом. Выписка берет за душу, и мы ниже ее воспроизводим (в пушкинском объеме, но с полным соблюдением всех особенностей церковнославянского печатного текста по изданию 1759 г. [которое и могло быть в распоряжении поэта]): Вложн оубо емѹ мысль ѡ родителехъ, ѡкв жалостію сокръшатнса срѣцѹ егѡ, воспоминаючи велію Ѡца и мѣре любовь, юже къ немѹ имѣша, и глаше емѹ помыслъ: что нынѣ творятъ родители твои безъ тебе, колику многѡю имѣтъ скорбь, и тѣгѹ, и плачь ѡ тебе, ѡкв не вѣдѹщимъ имъ ѡшѣлъ еси: Ѡтець плачетъ, мать рыдаетъ, братіа сѣтѹютъ, сродницы и ближїи жалѹютъ по тебе, и весь домъ Ѡца твоегѡ въ печали есть тебе ради. Еще же вспоминаше емѹ лѹкавый богатство и славу родителей, и честь братїи егѡ, и различнаа мїрскѡа свѣтствѡа во оумъ егѡ привождаше: день же и ноць непрестѡннѡ таковыми помыслами смѹщаше егѡ, ѡкв оубо и знемоци ѡмѹ тѣломъ, и еде живѹ быти: Ѡво бо ѡ великагѡ воздержанїа и иноческнхъ подвиговъ, Ѡво же ѡ смѹщенїа помыславъ, и зсше ѡкв скѹдѣль крѣпость егѡ, и плоть егѡ бѣ ѡкв трѡсть вѣтромъ колѣблема [Книга житїи 1759: л. сѣа об.].

Как бы то ни было, Блудной дочери любовь к родному дому явно чужда, и в отличие от поступка Иоанна Кушника она не способна действовать с позиции бескорыстной сильной этики. Между тем слабо-этического стимула к покаянию Пушкин ее лишил. Жизненный успех заставил Дуню коснеть в своем прегрешении. Такова первая причина свойственных ей абстинативных РПТактик.

Благовременность покаяния как поведенческая парадигма в Притче о блудном сыне. Во-вторых, если Блудный сын раскаивается (согрѣшихъ на небо и прѣдъ тобою) и

возвращается домой (востáвъ ѿде ко Ѡтцѣ своему) еще при жизни отца, т. е. относительно быстро⁴⁰, когда все еще можно поправить, то Блудная дочь не раскаивается настолько долго, что ситуация становится необратимой — такой, когда уже ничего не поправишь. Урок ПБС и «Станционного зрителя» заключается в том, что есть существенная разница между, скажем так, *благовременным* покаянием (в первом случае) и покаянием надолго отложенным, *запоздалым* (во втором). Конечно, и запоздалое покаяние похвально, но в отличие от благовременного оно, вероятно, не ведет к полному изглаживанию греха. Время течет только в одну сторону, его нельзя обратить вспять, и то, что унесено временем, — *невозвратно, unwiederbringlich*⁴¹. Лежащего в могиле старика-зрителя уже не воскресишь, и он, в отличие от отца Блудного сына, не может порадоваться ни возвращению дочери, ни приезду внучат.

Подчеркнем, что указанная импликация благовременности покаяния — неустраима из ПБС. Что было бы с ее дидактическим потенциалом, если бы Блудный сын раскаялся и вернулся *после* смерти отца? — Смысл данной параболы утратился бы полностью! Поэтому важно не просто покаяние Блудного сына, а именно — *благовременное покаяние*.

Между тем в «Станционном зрителе» мы наблюдаем покаяние — *запоздалое*.

Срок после бегства Дуни вплоть до смерти ее отца действительно прошел большой⁴². Старый человек и без пристрастия к кабаку вполне мог бы за это время умереть. Что это так, мы узнаем от рассказчика, «титularного советника А. Г. Н.» который, в третий раз направляясь на станцию***, делает соответствующее предположение: «На вопрос мой: „Жив ли старый зритель?“ — никто не мог дать мне удовлетворительного ответа». Для подобного вопроса, несомненно, имелись основания, причем рассказчик, безусловно, ничего не знал о пагубном пристрастии зрителя. Прибавим к этому, что Дуня вернулась не сразу после кончины отца, а еще позже — тем летом, когда он уже «с год как помер».

Таким образом, если иметь перед глазами поведенческую парадигму ПБС, то перед нами коллизия: (Nm) ты должен раскаяться «во благовремении»⁴³ ⇔ Дуня раскаялась запоздало.

И это запоздание восходит исключительно к отсутствию чувства раскаяния. После того, когда ее положение определилось и упрочилось, Дуня могла поступить так, как поступил блудный сын в евангельской притче. «Въ себѣ же пришѣдъ, <...>

⁴⁰ Правда, абсолютные временные рамки в тексте Притчи не указаны. Тем не менее можно судить с позиции здравого смысла: обычно даже большое именование проматывается за короткий срок.

⁴¹ Нем. слово стало крылатым и приобрело интенсивные эмоциональные обертоны в семантике после выхода в свет (1891) одноименного популярного романа Теодора Фонтане. Впрочем, семантически очень близко рус. наречие *невозвратно*. Ср.: «Гадает старость сквозь очки / У гробовой своей доски, / Все потеряв *невозвратно*» (Пушкин, Евгений Онегин, V, 7).

⁴² Пушкин не дает точных временных рамок действия. Лишь во время второго заезда «титularного советника А. Г. Н.» на станцию*** отмечено, что бегство Дуни случилось «три года тому назад, однажды, в зимний вечер».

⁴³ Терминологическая калька *благоврѣмѣнїе* (εὐκαιρία; oportunitas) и калькированное словосочетание *благó врѣмѣ* имеют библейское происхождение. Они не означают всего лишь «хорошее (доброе) время». В сочетании с предлогом *во* они означают «во время благопотребно», т. е. именно тогда, когда нужда того требует (см. подробнее: [Гильтебрандт 1898: 17]). Действование «во благоврѣмѣнїи» — атрибут Бога; Бог никогда не опережает события и не опаздывает.

(сын) воста́въ ѿде ко ѡтцѣ́ своемѹ. <...> Рече́ же ѹ́мѹ сы́нъ: *О́тче, согрѣ́шихъ на нѣ́бо ѿ пре́д тобою, ѿ о́уже нѣ́смь досто́ннъ наре́щисѧ сы́нъ тво́й*» (Лк 15: 17,20–21)⁴⁴. А что зритель раскрыл бы дочери свои объятья, нет никакого сомнения, — ведь он был готов принять ее в том двусмысленном состоянии, в котором она находилась, проживая на содержании.

Пушкин как проponent новозаветной этики. В-третьих, феномен запоздалого покаяния осмыслен Пушкиным в свете многовариантной новозаветной этики. Дерзнув, можно высказать догадку, что поэт устанавливает этическую закономерность, которая хорошо согласуется с Новым Заветом, но входит в решительное противоречие с Ветхим.

С точки зрения прямолинейных ветхозаветных представлений потерпеть крушение в этой жизни должен коснеющий во грехе блудный сын, и только он один, тогда как праведник обязательно процветет⁴⁵. Новозаветная этика воздаяния не отрицает такой возможности, но одновременно она не отвергает и возможности земного преуспевания грешника и бедствования праведника вплоть до скончания их дней (ибо воздаяние в таком случае переносится в загробный мир).

Действительно, в «Станционном зрителе» знак плюс меняется на минус: в этой жизни терпит крушение добродетельный отец! Блудная дочь, вопреки закону прижизненного воздаяния, благоденствует, а влачит свои дни и затем погибает — опять-таки в противоречии с Моисеевым законом — человек, ничем не заслуживший своей плачевной судьбы.

Настенные картинки дважды — и притом одинаково — изображают отца: когда сын уходит, мы видим «почтенного старика в колпаке и шлафроке»; когда сын возвращается, его встречает тот же «добрый старик в том же колпаке и шлафроке». Уезжая, Дуня покидает «человека лет пятидесяти, свежего и бодрого». Получив известие о бегстве Дуни, «бедняк занемог сильной горячкою». Когда рассказчик во второй раз встретился со зрителем, он «не мог надивиться, как три или четыре года могли превратить бодрого мужчину в хилого старика». В конце концов, лишь на поверхностный взгляд Вырин «спился» — на самом деле он умер от сердечной тоски: «А я-то, старый дурак, не нагляжусь, бывало, не нарадуюсь, уж я ли не любил моей Дуни, я ль не лелеял моего дитяти; уж ей ли не было житье?» Когда же Авдотья Самсоновна наконец вновь приезжает в родное село Н., то находит лишь «грудку песку, в которую врыт был черный крест с медным образом». Читатель с ужасом наблюдает за процессом разрушения праведного отца, а читательское чувство справедливости обмануто, поскольку в финале, несмотря на возвращение Дуни, порок не наказан и добродетель не восторжествовала⁴⁶.

⁴⁴ Цитируем по синодальному изданию славянского Евангелия — подобный текст мог быть в руках Пушкина.

⁴⁵ Эта убежденность в воздаянии грешнику и в вознаграждении праведнику именно на земле наиболее выпукло выражена в знаменитом 1-м псалме «Блажен муж». Праведник «будет яко древо насажденное при исходящих вод, еже плод свой даст во время свое, и лист его не отпадет, и вся, елико аще творит, успеет». Совсем иная судьба грешника: «но яко прах, егоже возметает ветр от лица земли, <...> и путь нечестивых погибнет».

⁴⁶ Вопреки Гершензону, зритель не мог быть «счастлив счастьем Дуни», потому что Дуня — абстинативно — ничего не сообщала ему о себе.

Иными словами, Пушкин заострил теолого-нравственную насыщенность притчи ПБС. Грех блудного «дитяти» не непременно ведет его к жизненному краху. Своевольно согрешающий вовлекает во зло окружающих людей, в том числе сын или дочь оказываются способны погубить родителя. Следовательно, грешник ответствен за проступок не только потому, что он губит самого себя, но и потому, что он оказывается причиной жизненного краха других людей. Отменив ветхозаветную связь греха/праведности с жизненным благополучием/крахом, Пушкин ввел в Притчу о блудной дочери новозаветный теологумен — «твой грех губит другого человека».

Парафрастичность «Станционного зрителя», конечно, неочевидна. Относительно справедливости нашей попытки богословской интерпретации можно судить по-разному. Тем не менее если жизнь и тем более смерть человека — это мерило всех ценностей, кончина Самсона Вырина объективно обвиняет непосредственную виновницу его смерти — Дуню. Блудный сын, по ветхозаветному Закону, не мог стать причиной краха своего отца; новозаветная этика, с ее благодатным обетованием неочевидного и загробного воздаяния, усиливает понятие греха, заставляя подпадать под его воздействие как самого грешника, так и окружающих его людей. Обернув другой стороной ветхозаветную заповедь «Возлюби ближнего как самого себя» (= *Возлюби себя и возлюби ближнего*), в новозаветных этических понятиях можно было бы сказать: «Не губи ближнего своего» (= *Не губи себя и не губи [этим] ближнего*).

Таково этико-богословское содержание, которое можно извлечь из «Станционного зрителя», если абстинативные РПТактики Блудной дочери рассматривать на фоне нормативных РПТактик Блудного сына.

Абстинативные тактики Авдотьи Самсоновны, не сопряженные с Притчей о блудном сыне. Другие абстинативные РПТактики Блудной дочери имеют периферийное значение, и мы перечислим их весьма кратко.

Дуня

- *не остается в воле родителя* (Nп: дети должны быть послушными). Так, непослушание и, в частности, выходы или отлучки из дома без ведома родителей запрещены уже в Ветхом Завете⁴⁷: *и́ли не жезлъ рѣки нашелъ ѣсть, внигда входити емѣ [сыну нашему] и исходити предъ нами* (Тов 5: 18); *Коль хѣленъ ѡставилъи о́тца, и проклатъ гдемъ раздражалъ мѣтеръ свою* (Сир 3: 16). Заповедь послушания чад родителям присутствует и в Новом Завете, и при этом примечательно, что эксплицитно подтверждается преемство:

⁴⁷ Обычно, когда необходимо представить ветхозаветную этику взаимоотношений детей и родителей, ссылаются на наставления Иисуса, сына Сирахова (3, 1–16). Здесь читается: «Дети, послушайте меня, отца, и поступайте так, чтобы вам спастись, ибо Господь возвысил отца над детьми и утвердил суд матери над сыновьями. Почитающий отца очистится от грехов, и уважающий мать свою — как приобретающий сокровища. Почитающий отца будет иметь радость от детей своих и в день молитвы своей будет услышан. Уважающий отца будет долгоденствовать, и послушный Господу успокоит мать свою. Боящийся Господа почитает отца и, как владыкам, послужит родившим его. Делом и словом почитай отца твоего и мать, чтобы пришло на тебя благословение от них, ибо благословение отца утверждает дома детей, а клятва матери разрушает до основания. Не ищи славы в бесчестии отца твоего, ибо не слава тебе бесчестие отца. Слава человека — от чести отца его, и позор детям — мать в беславии. Сын! прими отца твоего в старости его и не огорчай его в жизни его. Хотя бы он и оскудел разумом, имей снисхождение и не пренебрегай им при полноте силы твоей, ибо милосердие к отцу не будет забыто; несмотря на грехи твои, благосостояние твое умножится. В день скорби твоей вспоманется о тебе: как лед от теплоты, разрешатся грехи твои. Оставляющий отца — то же, что богохульник, и проклят от Господа раздражающий мать свою (Сир 3: 1–16).

Чада, послушайте своих родителей ѿ Гдѣ: сѣе во ѣсть праведно. Чтѣ отца твоего и матерь: ѡже ѣсть заповѣдь первая во ѡбѣтованіи (Еф 6: 1–2)⁴⁸. Эта и подобные ей (следующие ниже) прописные истины ходячей морали были в России всем известны, потому что они входили в основы всесословной социализации детей согласно религиозной морали⁴⁹ (см. подробнее: [Возвращение 1999: 61–62]). Заповедь почитания детей родителей обосновывается узами благодарности, связывающими тех и других⁵⁰;

- не дает отцу знать о себе (Nп: дети должны постоянно оставаться в контакте с родителями). Авдотья Самсоновна могла поступить так, как в аналогичной ситуации поступила Марья Гавриловна Р**, героиня «Метели», также вошедшей в состав «Повестей Белкина». Решившись тайно венчаться с Владимиром Николаевичем, она прибегла к РПТактикам разъяснения мотивов своего деликта: в письме к родителям она «прощалась с ними в самых трогательных выражениях, извиняла свой проступок неодолимою силою страсти и оканчивала тем, что блаженнейшей минутою жизни почтет она ту, когда позволено будет ей броситься к ногам дражайших ее родителей». Абстинативная тактика Дуни в свете сказанного такова: она не послала с ямщиком отцу никакой вести и не сказала о своих намерениях⁵¹. Действительно, и через три года бедный отец на вопрос о здоровье Дуни отвечает: «А Бог ее знает». Три года оставаясь в неизвестности, он терпит душевные муки, предполагая, что Дуню постигла обычная судьба соблазненных беглянок⁵², и даже желает ей смерти: «Как подумаешь порою, что и Дуня, может быть, тут же пропадает, так поневоле согрешишь, да пожелаешь ей могилы».

Собственно, если в «Метели» ожидание читателей подтверждается, то в «Станционном смотрителе» оно не оправдывается⁵³. Не исключено, что Дуня, став барыней, стала стыдиться своего простого отца⁵⁴;

⁴⁸ За непочитание родителей в Ветхом Завете полагалась смертная казнь: «Кто злословит отца своего, или свою мать, того должно предать смерти» (Исх 21: 17).

⁴⁹ Ср. настойчивое повторение заповеди беспрекословного послушания: «Слушай, сын мой, наставление отца твоего и не отвергай завета матери твоей» (Притч 1: 8); «Дети, будьте послушны родителям вашим во всем, ибо это благоугодно Господу» (Кол 3: 20).

⁵⁰ «Всем сердцем почитай отца твоего и не забывай родильных болезней матери твоей. Помни, что ты рожден от них: и что можешь ты воздать им, как они тебе?» (Сир 7: 29–30).

⁵¹ «Девочка лет четырнадцати» оказалась лицемеркой, и ее лицемерие стало даже сугубым грехом: Дуня совершила обман в святой воскресный день, да еще сделала вид, что собирается к обедне. Богопротивный поступок она представила как богоугодный.

⁵² Она отражена, например, в городском романсе «Когда б имел золотыя горы»:

— Прси у сердца ты совета,	Умчались мы в страну чужую,
Страданьем тронута моим.	А через год он изменил.
И веря святости обета,	Забыл и клятву роковую,
Беги с возлюбленным своим.	Когда другую полюбил.
— Но как же, милый, я покину	А мне сказал, стыдясь измены:
Семью родную и страну?	«Ступай обратно в дом отца.
Ведь ты заедешь на чужбину	Оставь, Мария, мои стены».
И бросишь там меня одну.	И проводил меня с крыльца.

⁵³ Читатель может (вместе с Р. Поддубной; см. выше) подумать, что Дуня эгоистически строит свое счастье «за счет обманутого доверия и страданий другого человека». Читательские экспектации обмануты: читатель никак не может осмыслить мотивы поведения девушки, которую, бывало, «всякий похвалит, никто не осудит».

⁵⁴ Религиозная мораль осуждает этот ложный стыд: «Помни об отце и о матери твоей, когда сидишь среди вельмож» (Сир 23: 17).

- *не отдает родителю последнего долга.* Между тем последний долг чада перед родителями состоит в погребении их. Эта заповедь особенно остро звучит в Ветхом Завете: ср. завет Товита сыну: *Чадо, аще оумрѣ, погребѣи ма <...>. ѣгда оумретъ [мать твоя], погребѣи ю* (Тов 4: 3–4). Она же воспринята и в Новом.

Таким образом, если в евангельской притче говорится о *возвращении* блудного сына, то в «Станционном смотрителе» рассказано о его *невозвращении*. Тем не менее притчевый характер сюжетной линии «бегство дочери — невозвращение — гибель отца» выражен вполне отчетливо: с формальной точки зрения он ничем не отличен от линии «уход сына — возвращение — радость отца». По содержанию, как видим, поэт переменял притчевые знаки плюс на знаки минус, и если в Притче дана парадигма одобряемого поведения сына (с триумфом в финале), то в «Станционном смотрителе» дала парадигма поведения неодобряемого (с трагедией в финале).

Сейчас будет произнесено суждение, способное показаться психологически неприемлемым, — тем не менее над ним стоит поразмышлять. *Дуня повинна в отцеубийстве!* Естественно, не в прямом⁵⁵, а в том самом, которое некогда имел в виду праотец Иаков: *сведѣте старость мою съ печалію во ѣдъ* (под *адом* понимается *могила*; Быт 42: 38)⁵⁶.

Обиходный язык подсказывает реальную возможность смерти тоскующего человека; ср.: *убиваться, убит* горем, *горевать/печалиться до смерти, умер* от тоски / от печали. Ср. также: *спился с горя*.

01–5. ПРИТЧА О БЛУДНОМ СЫНЕ В ПРИЛОЖЕНИИ К САМОМУ ПУШКИНУ

В заключение, уже отвлекаясь от Авдотьи Самсоновны, скажем несколько общих слов по теме покаяния, которой завершается «Станционный смотритель».

Возвращение блудного сына — это (в переносном смысле) *покаяние*, т. е. возврат к состоянию до совершения греха. Метафорическая связь между возвращением и раскаянием наиболее отчетливо выражена в иврите: глагол *חָשַׁב*, как он употребляется в Танахе, означает: 1) «возвращаться, приходить на то место, откуда вышел» и 2) «раскаиваться» [König 1931: 486–488]. Отглагольное имя *חֲשִׁיבָהּ* также имеет два значения, но переносное («покаяние») уже выходит на первый план [ibid.: 559]. Богословские обертоны глагола *חָשַׁב* и имени *חֲשִׁיבָהּ* (покаяния как возвращения) рассмотрены в [Jenni, Westermann 2: 884–891]. Мотивировки греч. понятия *μετάνοια* (букв. «поворот ума, перемена мыслей») и слав. *покаѣнїе* — другие.

⁵⁵ В общем даже для Ветхого Завета прямое отцеубийство — редчайший случай; один лишь Авессалом покушался на жизнь своего отца Давида.

⁵⁶ Речение взято из контекста, когда Иаков должен был отпустить в опасный путь своего младшего и самого любимого сына Вениамина. «И сказал им [другим детям] Иаков, отец их: вы лишили меня детей: Иосифа нет, и Симеона нет, и Вениамина взять хотите, — все это на меня! И сказал Рувим отцу своему, говоря: убей двух моих сыновей, если я не приведу его к тебе; отдай его на мои руки; я возвращу его тебе. Он сказал: не пойдет сын мой с вами; потому что брат его умер, и он один остался; если случится с ним несчастье на пути, в который вы пойдете, то сведете вы седину мою с печалью во гроб (Быт 42: 36–38).

Синкретичная сопряженность возвращения-покаяния психологически точно отражена в ПБС. Покаяние, которое затем приведет к возвращению, начинается с осознания гибельности своего греховного состояния, и блудный сын, действительно, заключает: «А я умираю». Затем кающийся обязан признать, исповедать свои грехи, и младший сын говорит о них дважды: «Отче! я согрешил против неба и пред тобою». Кроме того, обязателен стыд, а также смирение и самоосуждение; сравните: «Уже недостойн называться сыном твоим». Далее необходима готовность принять заслуженное наказание и понести его: «Прими меня в число наемников твоих». И наконец, предполагается не одно лишь намерение, а действие, реальное возвращение на праведный путь. Так и поступает блудный сын: «Встал и пошел к отцу своему».

В свое время Притчу о блудном сыне применяли и к Пушкину: «...несомненно то, что в последних годах совершался в нем нравственный переворот, переворот глубокий, но медленный и тяжелый» [Никанор 1996: 197]).

Знал ли сам Пушкин чувство покаяния? Вопрос риторический! Достаточно обратиться к хрестоматийному «Воспоминанию» («Когда для смертного умолкнет шумный день»), написанному за неделю до дня рождения поэта (19 мая 1828 г.) и как бы подводящему жизненные итоги. По белой рукописи стихотворение кончается так:

В бездействии ночном живей горят во мне
Змеи сердечной угрызенья:
Мечты кипят; в уме, подавленном тоской,
Теснится тяжких дум избыток;
Воспоминание безмолвно предо мной
Свой длинный развивает свиток:
И с отвращением читая жизнь мою,
Я трепещу и проклиная,
И горько жалуюсь, и горько слезы лью,
Но строк печальных не смываю.

В черновой рукописи «Воспоминание» продолжается:

Я вижу в праздности, в неистовых пирах,
В безумстве гибельной свободы,
В неволе, бедности, изгнании, в степях
Мои утраченные годы.
Я слышу вновь друзей предательский привет
На играх Вакха и Киприды.
Вновь сердцу моему наносит хладный свет
Неотразимые обиды...

Перед нами самый настоящий покаянный псалом — столь же пронзительный, как 50-й псалом осознавшего свое падение царя Давида⁵⁷. Лишь предположив не-

⁵⁷ Псалом «Помилуй мя, Боже» царя Давида имеет два надписания: *внегда вни́ти къ немѹ нафа́нъ пророкъ* (т. е. после того как пришел к нему пророк Нафан и рассказал свою притчу); *егда вни́де ко вирсави́ женѣ оу́риевѣ* (т. е. когда он [царь] вошел к Вирсавии, жене Урия [Хеттеянина]).

искренность и отбросив черновое продолжение, можно допустить, что фраза «Но строк печальных не смываю» истолковывается как «не желаю смыть» (т. е. дорожу своими памятными грехами). Нет, у Пушкина было как раз жгучее желание изгладить грехи, но он не видел в себе сил остановиться. М. О. Гершензон весьма тонко уловил такое психологическое состояние: «Пушкин хорошо знал чистое чувство греховности, то настроение, когда человек говорит себе: пусть я не властен не согрешать, но мне больно и стыдно, что я так далек от совершенства».

А второй пушкинский покаянный псалом — связан как раз с образом блудного сына. На исходе 1829 г. Пушкин вернулся к форме стихотворения «Воспоминания в Царском Селе» (1814), того самого, прочитанного в Лицее в присутствии Державина. Удержав для нового стихотворения старое название и старую строфику, частично сохранив и прежнее содержание, все же в первых двух строфах Пушкин создает себя совершенно по-другому, и доминанта раскаяния нашла адекватное выражение в ассоциативном пространстве знаменитой евангельской притчи:

Воспоминаньями смущенный,
 Исполнен сладкою тоской,
 Сады прекрасные, под сумрак ваш священный
 Вхожу с поникшей головой.
 Так отрок Библии, безумный расточитель,
 До капли истощив раскаянья фиал,
 Увидев наконец родимую обитель,
 Главой поник и зарыдал.
 В пылу восторгов скоротечных,
 В бесплодном вихре суеты,
 О, много расточил сокровищ я сердечных
 За недоступные мечты.
 И долго я блуждал, и часто, утомленный,
 Раскаяньем горя, предчувствуя беды,
 Я думал о тебе, предел благословенный,
 Воображал сии сады.

Прямые отождествления, которые, впрочем, в рациональном анализе могут иметь место, просты и очевидны: *отрок Библии* — это, конечно, косвенное (аллюзивное) именование Блудного сына из притчи. Перед нами перечисление едва ли не всех признаков истинного покаяния: сознание губительности греха («предчувствуя беды»); исповедание прегрешений («О, много расточил сокровищ я сердечных»); обязательность стыда («главой поник»). Очень характерен глагол *блуждать* («И долго я блуждал») — в переносном смысле — совершать неправильные поступки⁵⁸.

Да, да! Самое знаменитое покаянное поэтическое произведение было создано после гибели Урии и похищения Вирсавии.

⁵⁸ ПБС — это призыв к покаянию *par excellence*. Не случайно, в согласии с церковной традицией, именно ее прочитывают в тех случаях, когда необходимо вызвать покаянное чувство. Так, она читается во второе пригласительное воскресенье к Великому посту, в так называемую Неделю о блудном сыне. Интересно, в частности, что в старое время перед этапированием преступников (в Сибирь) им в качестве напутствия читалась 15-я глава Евангелия от Луки, содержащая ПБС.

Обратите внимание на то, что во второй строфе Пушкин явно отделяет себя от уже обратившегося к добру блудного сына. Он лишь уподобляет себя ему, но не отождествляет себя с ним.

Отождествляет же себя поэт с блудным сыном, по мнению архиеп. Никанора, только в момент кончины: «Умирая в тяжких муках на своем кресте, раб Божий Александр, мы верим, только в эту минуту воззвал к милосердию Отца Небесного решительным гласом блудного сына: *Отче! согреших на небо и пред Тобою, и несьм достоин нарещися сын Твой. Но прими мя якоже единого от наемник Твоих.* А говорим мы все это, чтобы выяснить себе и другим, что величайший наш поэт был действительно любимый сын Отца Небесного, был в жизни сын заблуждающийся, а в тяжелой смерти сын кающийся; что он родился христианином, жил полухристианином и полуязычником, а умер христианином, примиренным со Христом и Церковью» [Никанор 1999: 207, 212]. Знаменитый архипастырь в заключение прилагает к Пушкину парафраз строки из Притчи о блудном сыне: *Веселитися и возрадоватися подобаше, яко сей сын Отца Небесного мертв бе и оживе, и изгибл бе и обретеса* (там же: 212).

Надо признать, что в среде священнослужителей присутствует и резкое неприятие точки зрения, выраженной архиеп. Никанором. Так, прот. Михаил Ардов предъявил поэту длинный список его прегрешений (этот «свиток», впрочем, самому Пушкину был хорошо известен). По мнению о. протоиерея, перед нами человек, «который при гениальном даровании и уме почти всю жизнь прожил кощунником, развратником, дуэлянтом, картежником, чревоугодником», так что его, «по меткому августейшему выражению, „насилу заставили умереть как христианина“» [Ардов 1998: 283].

Заключительные замечания. Подведем итоги. Лингвистический анализ вносит некоторую объективность в решение вопроса об авторском замысле. Конечно, Пушкин имел в виду разные интерпретации — в зависимости от персонажей. Каждый из шести героев повести «Станционный смотритель» обладает правдой, но — *своей*. Если Евгений Онегин — не столько живой человек, сколько «вешалка для разных масок», то в «Станционном смотрителе» — герои живые, действующие по собственной логике. Здесь Пушкин куда больше реалист, он вплотную подошел к идее независимости героев от автора художественного произведения, поскольку это последнее способно приобрести самостоятельную инерцию развития.

Тем не менее авторская позиция — есть! Есть и авторская оценка. Есть **высшая Правда**. Пушкин не декларировал ее, — что противоречило бы природе художественного произведения, — а выразил через специально пригодную для нравоучения притчевую форму. Столкнув Притчу о блудном сыне со своей собственной Притчей о блудной дочери, он на фоне первой притчи (и вполне внятно для читателей [его современников]) представил свою собственную поведенческую парадигму. Она может быть сформулирована во множестве сентенций, например: «твой грех губит другого человека», «не губи ближнего своего». Поэт совершил переход из ветхозаветного царства Закона воздаяния в область новозаветной Благодати, т. е. в область (возможно, и не наказуемой при жизни) полнейшей свободы человека в выборе добра или зла. Человек, действующий «по своей охоте», берет на себя ответственность не только за свою судьбу, но и за судьбу любящих его людей. Если покаяние сверх всяких пределов затягивается, то обычно бывает трагедия.

Пушкинский текст еще раз убеждает в реальности, социальности и устойчивости РПТактик. Отсюда общее заключение: их описание и анализ могут быть одним из путей к пониманию национальной русской ментальности.

Глава 2. Сингулярные рече-поведенческие тактики в стихотворном рассказе Б. Садовского «Федя Косопуз»

Глава внутренне распадается на две части.

Первая половина (подглавки 01–05) содержит постановку проблемы, причем в качестве развернутого показательного примера мы привлекаем одно забытое, но значительное — интересное само по себе — поэтическое произведение, как нельзя лучше подходящее для иллюстрации решаемых в главе задач.

Русская литература действительно неисчерпаема: мы хорошо знаем писателей первого ряда, и ими фактически ограничиваем (и обедняем) себя, однако в творчестве тех литераторов, которые по тем или иным причинам оказались на обочине магистрального литературного процесса, — например, из-за того, что не вписались в условия России после 1917 г., — есть немало великолепных творений. Одно из них мы извлекли из забвения.

Здесь же изложена концепция так наз. *сингулярных* РПТактик. Сингулярное поведение бывает как *реальным*, т. е. состоящим из совершенных поступков, так и *виртуальным*⁵⁹, т. е. состоящим из возможных, но все же не совершённых поступков, и этим последним мы уделяем преимущественное внимание.

Во второй половине (подглавки 6–10) представлен фрагмент исчисления сингулярных РПТактик с отражающими их речениями и фразеосхемами. Мы сознательно, так сказать, явочным порядком, постепенно вводим полупонятный термин. *Сингулярное поведение* — это такое поведение другого человека, которое не согласуется с нашими представлениями о том, как ему следовало бы себя вести. Таким образом, *идущее-вразрез-с-нашими-ожиданиями*, отклоняющееся от наших представлений о норме поведение — собственное или, чаще, третьего лица — называется *сингулярным*. В подглавках 07–10 сингулярные рече-поведенческие тактики рассматриваются в различных аспектах.

02–1. РАЗБОР СТИХОТВОРНОГО РАССКАЗА Б. САДОВСКОГО «ФЕДЯ КОСОПУЗ» И ОПРЕДЕЛЕНИЕ БАЗОВЫХ ТЕРМИНОВ

В (сознательно рассчитанной на узкий круг гурманов-ценителей) книге «Морозные узоры» (Пг., 1922) самобытный литератор Б. А. Садовской⁶⁰

⁵⁹ Восходящий к средневековой латыни термин заимствован из французского (*virtuel* «неявный, но тем не менее существующий; предположительный, возможный; потенциальный, не реализованный»).

⁶⁰ Подробнее о жизни и творчестве писателя см. [Шумихин 1990а; Шумихин 1990б]. Краткое представление биографии Б. А. Садовского см. во введении (написанном С. В. Шумихиным) к га-

поместил среди других и (написанный в 1918 г.) «рассказ в стихах»⁶¹ «Федя Косоуз»⁶².

зетной публикации забытого рассказа писателя «Кукушечье гнездо» («Независимая газета», 25 марта 1999 г.). Оно перепечатано нами полностью: «Жизнь прожившего 71 год Бориса Александровича Садовского (1881 — 1952) расколота на две почти равные половины. Первые 35 лет, после того как он приехал из Нижнего в Москву и поступил в университет (университетского курса так и не окончив), — это участие в ведущих символистских журналах тех лет („Весак“, „Золотом Руне“, „Аполлоне“); авторитет „неоклассика“ и „неопушкинца“ в поэзии, острого литературного критика, тонкого прозаика. Крах Российской империи совпал с его собственным телесным крахом: Садовского в конце 1916-го разбил паралич. Последние годы — уединенная жизнь передвигающегося в инвалидном кресле Садовского, душевный и духовный кризис („Кант помог мне мало, а Шопенгауэр сделал то, что меня дважды вынимали из петли“, — писал он Андрею Белому 15 декабря 1918 г.), переезд из Нижнего в Москву, где писатель поселился в подвале под церковью Новодевичьего монастыря. Жизнь на кладбище, чуть ли не в склепе, почти всеми забытого, нищенствующего, парализованного, выпавшего из обыденного мира автора похожа на скверную аллгорию — но она не раздавила Садовского. Он продолжает писать, создавая не рассчитанные на опубликование такие яркие, необычные, в чем-то даже провокативные произведения, как роман о Лермонтове и Мартынове „Пшеница и плевелы“ (см. „Новый мир“, 1993, № 11). Он приходит к православию в его наиболее традиционных и ортодоксальных формах, старается „изжить“ и „преодолеть“ наследие „серебряного века“, воспринимаемого им отныне в качестве одного из главных реагентов, разложивших столь любезную Садовскому старую дворянскую Россию». Архивный фонд Садовского находится в РГАЛИ. На писателе, может быть, сбился приговор, в свое время вынесенный им поэтессе Каролине Павловой: «Ежели забываются люди, дела и стихи, значит, они это свое забвение заслужили, и стараться их воскресить будет бесплодным трудом» [Садовской 1990а: 417]. Загадочный и многомерный феномен Садовского один из авторов настоящей книги (Е. М. Вережагин) подробно обсуждал с Т. В. Марченко, о чем да будет здесь упомянуто с благодарностью.

⁶¹ Стихотворные рассказы Садовского — это шедевры версификации: строфа — очень сложная, с тройной рифмой; она повсюду выдерживается, и без натуги; в итоге получается легкий для чтения, ажурный, эlegantный текст. Соответственно ниже, приводя выписки из рассказа, стараемся сохранять строфу.

⁶² К сожалению, текст книги «Морозные узоры» плохо вычитан, так что в некоторых случаях приходится, не упоминая об этом, изменять пунктуацию. — Через много-много лет рассказ был перепечатан в «малом собрании» поэтических сочинений Б. Садовского [Садовской 2001: 197–207]. Он вычитан современным редактором. В книге «Морозные узоры» читается: *Ему не скучно / Травить лисиц и рУсаков*; в версии 2001 г. объектом охоты оказываются ... лошади: ... и *рЫсаков* (с. 197). В прижизненном издании было: *Тревожить вальсом фортепЬяны / И при свечах читать романы*; в посмертном издании (за счет прибавления слога в первой строке) нарушена стройность поэтического строя: *Тревожить вальсом фортепИяны / И при свечах читать романы*. Любопытно, однако, другое. В новейшем собрании сочинений рассказ, по воле составителя (С. В. Шумихина), публикуется не по изданию 1922 г., а по «позднейшей редакции», представляющей собой «карандашный рукописный список с исправлениями Садовского, сделанными также карандашом» [Садовской 2001: 377]. Как пишет С. В. Шумихин, писатель «до конца жизни продолжал работать, распределяя свои сочинения для какого-то мифического шеститомника (никаких иллюзий относительно того, что его будут издавать, Садовской не испытывал, занятие это было чисто библиофильской прихотью)». Тем не менее, надо полагать, все же определенные надежды у писателя были: правка новейшей редакции сделана в сторону упрощения текста, его «демократизации», удаления понятных только образованному дворянину аллюзий, спрямления сюжета, даже с элементами «обличения» дворянского общества — возможно, в расчете на то, что в обновленном виде рассказ и в советских условиях можно будет напечатать. Если в старом варианте заголовок не содержал разгадки сюжета и читатель долгое время оставался в напряженном недоумении, то новый заголовок — «Кровь» — с самого начала плоско разъясняет затекстный замысел. От предпринятых упрощений читатель оказывается в явном проигрыше. В одном-двух случаях новые строки представляются удачными (они выравнивают сложную строфу), но в целом текст 1922 г. намного лучше отредактированного, и далее цитируется именно первый.

Повествование относится ко второй половине 1830-х гг.

Фабула рассказа — что называется *с загогулиной*, т. е. допускает множество истолкований. Мы, однако, совсем не собираемся выяснять, «что хотел сказать» сочинитель. Привлекаем произведение исключительно в прикладных, иллюстративных целях. Оно ценно для нас не только тем, что в нем описывается сингулярное поведение главного героя, но еще и тем, что действие разворачивается на подлинном фоне дворянской культуры, а культура этого сословия нашими современниками уже подзабыта (и ее элементы нужно — в толкованиях — возобновлять). Так что мы отчасти оказываемся в положении иностранцев, испытывающих недостаток фоновых знаний.

С точки зрения автора, герой рассказа, Théodore (Феодор Николаевич) Тугарин, по прозвищу *Косопуз*, потомственный дворянин, крупный помещик и большой барин, постоянно ведет себя не так, как ожидают окружающие. Это поведение проявилось в целой серии как реальных, так и виртуальных поступков. Рассмотрим сначала только реальные.

02–2. ЧТО ЗАМЕЧАЛИ ОКРУЖАЮЩИЕ ВО ВЗГЛЯДЕ ФЕДИ

С раннего детства в поведении Феде обнаружили странности. В частности, Садовской описывает время, когда, по вековому обычаю, началось домашнее обучение мальчика. В усадьбу был приглашен француз; уроки русского и арифметики давал родной дядя мальчика.

Нет спору, Федя не был глуп.
Ученье он легко усвоил,
Языки знал, задачи строил.
Пусть не остёр, зато не туп.
Но мать и дядю беспокоил
Его косой и ровный взгляд.
Глядит он как-то исподлобья.
Какие дети так глядят?
В нем нет чего-то, нет подобья
Того, что не могли б назвать
Ни дядя, ни француз, ни мать. (1)⁶³

Казалось бы, как и куда ребенок направляет свой взор — сущий пустяк. Между тем в дворянском воспитании ребенка постоянно приучали *смотреть* собеседнику *прямо в глаза*.

Современная исследовательница дворянских традиций пишет: «Верх невоспитанности — во время разговора „вперять взоры“ в окно или в угол, играть с собакой или крутить что-нибудь в руках. Отсюда непреложное правило: „Говоря с людьми, всегда смотри им в глаза!“» [Муравьева 1999: 99–100].

Нет сомнения, что родные неоднократно, весьма настойчиво, может быть и без наказаний, внушали мальчику «непреложное правило», но добиться от него *от-*

⁶³ Предпринимается счет контекстов стихотворного рассказа Б. Садовского (нумерация в круглых скобках; помещается *после* выписок).

крытого взгляда так и не смогли⁶⁴. Садовской говорит вполне определенно: «И так двенадцать долгих лет / Они над Федей тщетно бились».

Примечательно, как Садовской строит свое сообщение. Сначала он говорит, что Феде ученье давалось легко и что он, следовательно, не отличался от сверстников; *на фоне нормы* он отмечает и *сингулярное* (т. е., с точки зрения автора, ненормативное) поведение.

02–3. ОПРЕДЕЛЕНИЕ ГНЕЗДА ТЕРМИНОВ С ОПОРНЫМ СЛОВОМ СИНГУЛЯРНЫЙ

Вернемся к вопросу о терминологии. Иностранного происхождения однословный термин — *сингулярный* — действительно нужен: во-первых, технически, поскольку он один замещает многословное словосочетание (*идуший-вразрез-с-нашими-ожиданиями*), и, во-вторых, содержательно.

Термин с внешней стороны хорошо известен, и не только лингвистам. Франц. *singulier*, англ. *singular*, нем. *Singular* — это название грамматической категории единственного числа, с которой изучающие европейский иностранный язык знакомятся в средней школе.

Между тем лат. прилагательное *singularis*, образованное от *singulus* «отдельный, единичный», в отличие от этого последнего имеет специализацию и нюансировку значения, на которую мы и хотели бы опереться. Эта спецификация семантики производного слова такова: *singularis* — «отличный (от обыкновенного)», т. е. «необычный», далее: «исключительный», «чрезвычайный», «небывалый» «беспримерный», «единственный (в своем роде)», «уникальный», «специфичный», «удивительный», «достойный внимания» или «обращающий на себя внимание», «замечательный», «странный», «из ряда вон выходящий» и даже «противоречащий ожиданиям».

Соответственно можно перенести термин *сингулярный* из грамматической сферы в область прагматической семантики (в область исследования речевого поведения и, в частности, в сферу исчисления рече-поведенческих тактик)⁶⁵.

Понятие *сингулярного поведения* выше уже было введено. Условимся теперь отдельную линию в таком поведении или конкретный поступок называть *сингулярностью*.

Далее, пусть сообщения внешнего наблюдателя о некоторых сингулярных событиях называются *сингулярными речениями*. Иначе сказать, *сингулярное речение* — это такое речение, в котором не просто говорится об определенном событии или обстоятельстве, а одновременно имплицитно (для адресата вполне внятно!) сообщается о том, что это событие или обстоятельство чем-либо нарушает ожидания адресанта (и обычно не оставляет его равнодушным).

Если иметь в виду устную форму произнесения сингулярных речений, то они, как правило, произносятся эмоционально (удивленно, гневно, возмущенно или

⁶⁴ Ср.: «Ивин не изъявил особенной радости при виде меня, и я заметил, что, разговаривая со мной, он смотрел мне в брови. Хотя он был очень учтив, мне казалось <...>, что особенного влечения ко мне он не чувствовал, а надобности в моем знакомстве ему не было, так как у него, верно, был свой, другой круг знакомства. Все это я сообразил преимущественно потому, что он смотрел мне в брови» (Толстой, Яюность, гл. XX).

⁶⁵ Попытку переноса термина в общеязыковое употребление см. [Никонов 2004].

одобрительно, восторженно, восхищенно т. д.), т. е. они дают возможность воспринять отношение говорящего к сообщаемому. Впрочем, бывает, что адресант намеренно сдерживает себя и произносит сингулярные речения подчеркнуто бесстрастно, отстраненно (но эта наигранность не ускользает от восприятия адресата).

Назовем, наконец, РПТактику *сингулярной*, если она описывает отклоняющееся поведение.

02–4. ЧТО ЗАМЕЧАЛИ ОКРУЖАЮЩИЕ, КОГДА ФЕДЯ ГОВОРИЛ И СОВЕРШАЛ ПОСТУПКИ

Обратимся вновь к рассказу Садовского. Сингулярности в поведении Феде все умножались.

Бывало, выйдет он на двор
И, позабыв, что он — Тугарин,
Помещик будущий и барин,
Затеет с кучерами спор.
То ходит крадучись, как вор,
То будто кипятком ошпарен,
То скачет, лезет на забор.
Француз кричит: «Ah, quel malheur!»
Не спорил Федя. За французом
Он шел, насупясь, на урок,
Скосив глаза и губы вбок
И выпятив живот арбузом. (2)

Безусловно, хотя дворянин и должен держать себя с служающими ровно и вежливо, он ни в коем случае не вступает с ними в спор. Он, так сказать, не опускается до их уровня⁶⁶.

Даже и двенадцатилетний недоросль уже обязан сдерживать свои порывы, выступать с достоинством, особенно на людях, не бесноваться и не скакать.

В дворянском воспитании огромную роль играли понятия: *comme il faut* «как должно, как надо»⁶⁷, *bon ton* «хороший тон», *belles manières* «хорошие манеры»,

⁶⁶ Ср. поведение в казарме одного дворянина-демократа (первая четверть XIX в.): «Когда солдаты делали мне фронт (а как же? майорскому-то сыну!), я снимал картуз и учтиво раскланивался. Это было смешно и совершенно неприлично. Мне надлежало бы пройти мимо с надменным видом, не обращая на них ни малейшего внимания. Все это было так из рук вон, что даже Афонька, камердинер нашего полкового командира, потерял терпение и в каком-то порыве священного холопского негодования сделал мне выговор. „Помилуйте, батюшка Владимир Сергеевич! Ведь вы вовсе не как следует русскому барину: вы словно какой-нибудь француз или итальянец!“ Ах! если б в эту минуту я замахнулся и дал бы ему оплеуху, — он, наверное, глубоко бы передо мною преклонился и признал бы меня за истого русского дворянина!» [Печерин 1989: 155].

⁶⁷ Пространное обсуждение понятия *comme il faut* составило содержание XXXI главы последней части трилогии «Детство. Отрочество. Юность» Л. Толстого. В зрелом возрасте писатель пересмотрел свое отношение к *comme il faut*; однако нижеследующая выписка, отражающая умонастроение героя трилогии, показывает, какую большую роль это понятие играло для него в молодости. В то время для молодого человека представлялось кошмаром, если бы он был принят за неотесанного мужлана-деревенщину (*manant*). Ср.: «Род человеческий можно разделять на множество отделов —

vulgaire (или в англ. варианте vulgar) «вульгарный». Жизненным девизом дворянина была максима *La noblesse oblige* «Положение обязывает». Слово *noblesse*, кстати заметить, имеет два значения: *дворянство* и *благородство*.

Не удивительно, что, примечая, насколько Федя *comme il ne faut pas*, воспитатель-француз приходил в ужас. Мать с горечью спрашивала брата мужа (дядя Павел заменил Феде погибшего на охоте отца), «в кого таким он выйти мог».

Француз, правда, пытался найти объяснение сингулярностям и истолковать их в выгодном для мальчишке свете. Странности в Федюшином поведении француз извиняет предполагаемой поэтической натурой мальчика, а все поэты «ветреники». Дядя Павел объясняет эти странности переходным возрастом ребенка; он уверен, что по мере взросления они пройдут. Иными словами, в нормативном для дворянина поведении были допустимы некоторые отклонения-«вольности» (для поэтов, вообще для вертопрахов-ветрогонов). Так, дворянское общество и даже двор многое спускали поэтам (ибо они — люди «со странностями»). Денис Давыдов, партизан Отечественной войны 1812 г., прославился своими эскападами, но о них говорили «с пониманием», поскольку «гусарство» было легализовано. Поблажки делались и детям. Следовательно, поведенческие нормы не исключали отклоняющихся, но приемлемых поступков, если дворянин входил в категорию лиц молодого возраста, горячего темперамента или поэтической натуры.

— C'est un poète! Ah, ventriloque!

Твердил француз, смеясь сердито.

— Cousin, я право... я убита.

В кого таким он выйти мог?

— Ma chère Annette, даю вам слово,

на богатых и бедных, на добрых и злых, на военных и статских, на умных и глупых и т. д., и т. д., но у каждого человека есть непременно свое любимое главное подразделение, под которое он бесознательно подводит каждое новое лицо. Мое любимое и главное подразделение людей в то время, о котором я пишу, было на людей *comme il faut* и на *comme il ne faut pas*. Второй род подразделялся еще на людей собственно не *comme il faut* и простой народ. Людей *comme il faut* я уважал и считал достойными иметь со мной равные отношения; вторых — притворялся, что презираю, но в сущности ненавидел их, питая к ним какое-то оскорбленное чувство личности; третьи для меня не существовали — я их презирал совершенно. Мое *comme il faut* состояло, первое и главное, в отличном французском языке и особенно в выговоре. Человек, дурно выговаривавший по-французски, тотчас же возбуждал во мне чувство ненависти. „Для чего же ты хочешь говорить, как мы, когда не умеешь?“ — с ядовитой насмешкой спрашивал я его мысленно. Второе условие *comme il faut* были ногти — длинные, отчищенные и чистые; третье было умение кланяться, танцевать и разговаривать; четвертое, и очень важное, было равнодушие ко всему и постоянное выражение некоторой изящной, презрительной скуки. Кроме того, у меня были общие признаки, по которым я, не говоря с человеком, решал, к какому разряду он принадлежит. Главным из этих признаков, кроме убранства комнаты, печатки, почерка, экипажа, были ноги. Отношение сапог к панталонам тотчас решало в моих глазах положение человека. Сапоги без каблука с угловатым носком и концы панталон узкие, без штрипок, — это был простой: сапог с узким круглым носком и каблуком и панталоны узкие внизу, со штрипками, облегающие ногу, или широкие, со штрипками, как багдахин стоящие над носком, — это был человек *mauvais genre*, и т. п.» (гл. XXXI). Человек определенного круга не будет следовать нормам другого круга: «Кажется, что Оперов пробормотал что-то, кажется даже, что он пробормотал: „А ты глупый мальчишка“, — но я решительно не слышал этого. Да и какая бы была польза, ежели бы я это слышал? браниться, как *manants* какие-нибудь, больше ничего? (Я очень любил это слово *manant*, и оно мне было ответом и разрешением многих запутанных отношений.)» (гл. XXXVII).

С годами это все пройдет.
Parole d'honneur. Мы через год
Увидим мальчика другого. (3)

Вскоре Федю отвозят в Петербург и отдают в только что открытое Училище правоведения (что позволяет точно установить время действия: училище было основано в 1835 г.). Там он ничуть не изменяет своей манеры косить глаза и выпячивать живот арбузом; к нему прилипает характерная кличка:

И точно: к Феде ненароком
За то, что выступал он боком
И был в мундирчике кургуз,
Пристала кличка: Косопуз. (4)

Садовской еще раз прибегает к уже испробованному им приему сообщения о продолжающихся сингулярностях мальчика, затем молодого человека, а именно: первоначально говорится о его отвечающем норме и только затем об отклоняющемся от нормы поведении.

Нельзя сказать, чтоб не любили
Федюшу в классе, но шесть лет
Его ничуть не изменили.
Он был исправный правовед,
Всегда прилежен и послушен,
Но как-то странно равнодушен
И ко всему на свете сух.
Казалось, юной жизни дух
Покинул плоть его с рожденья. (5)
По праздникам и воскресеньям
Он к важным тетушкам ездил,
Съедал обед, пил чай с вареньем
И незаметно исчезал.
Когда товарищи кутили,
И он шампанское глотал,
Но молча шарики катал,
Покуда тосты говорили.
Кривился рот, глаза косили.
Казалось, Федя твердо знал,
Что в мире все: вино, наука
И женщины — тоска и мука. (6)

По контрасту с одушевленностью окружавшей Федю дворянской молодежи его флегматичность действительно казалась странной. Дворянское радушие по отношению к родственникам, — а дворяне, повторяя слова А. Блока в «Возмездии», были все родня друг другу, — также не касалось Феде. Кутежи «гусарствующей» части правоведов, на которых произносились тосты и давались клятвы вечного товарищества, вызывали у Феде гримасу отвращения. Шампанское он глотал, словно лекарство, одним духом. Серьезные правоведа видели свое будущее в науке, но и

наука представлялась герою рассказа, по рифме, — мукой. Наконец, достигнув возраста любви, Федя, казалось, не интересовался женским полом. Он, конечно, не танцевал.

Нужны, однако, уточнения. Молодого человека не интересовали женщины дворянского круга, но своя сексуальность у Феди была, и она диктовала ему сингулярные поступки. Однажды на балу он повел себя скандально и, с точки зрения его однокашника барона фон Горна, — *по-хамски* (т. е. по-простонародному).

Фон-Горн, пощипывая ус,
Явился с Федею последний.
Вдруг что-то хлопнуло в передней.
Барон глядит: какой конфуз!
Служанку по спине с размаху
Шутя ударил Косопуз
И сам же обомлел со страху,
Присев за дверь. — Хам, дурак!,
Горн молвил. Девушка рыдала,
Но обошлось без скандала,
Лишь Федя красен был, как рак. (7)

Забавно также, что, не жалуя шампанское, Косопуз, вообще говоря, не был врагом горячительного. Не танцуя мазурки или вальса, он, в целом, не чуждался и пляски. Однажды, во время деревенского праздника, Федя оказался в самом простом питейном заведении, где, конечно, не подавали ничего, кроме водки.

А вот кабак. Плешивый Яков
Стаканчик барину налил,
И Федя, крякнув, жадно пил.
Потом в лад бубнам и гармошкам
Плясал и гикал под окошком
И приседал и семенил.
Кричал, не слушая издевок,
Щипал и звонко чмокал девок,
Свистал, засунув пальцы в рот.
— Откуда едакий урод?
— Да барин, слышь. — Какой тут барин?
Да, бают, будто сам Тугарин.
Чего народ не наплетет! (8)

**02–5. ЧТО ЗАМЕЧАЛИ ОКРУЖАЮЩИЕ,
КОГДА ФЕДЯ НИЧЕГО НЕ ГОВОРИЛ И НЕ СОВЕРШАЛ ПОСТУПКОВ**

До сих пор Садовской перечислял *совершенные* Федей поступки, и они шокировали окружающих. Не менее шокирующим для наблюдателей было также *отсутствие* некоторых поступков в поведении Косопуза. Эти виртуальные сингулярности Феди поэт фиксирует не менее тщательно, чем реальные слова и действия.

Когда к ним в школу приезжал
Высокий гость в плаще и каске,
Он не метался, не дрожал,
И вслед торжественной коляске
С победным кликом не бежал. (9)

«Согласно русской самодержавной мифологии, царь являлся „отцом“ своих подданных» [Муравьева 1999: 149–150]. Отсюда у воспитанников российских учебных заведений культивировалось к царю — отношение *поклонения* (понятие лучше передается французским эквивалентом: *vénération*) и *обожания* (*adoration*). Точнее сказать: императора *боготворили*.

Собственно, восторженное отношение к императору, особенно в первой половине XIX в., захватывало все сословия. Достаточно вспомнить встречу Александра I в Московском кремле, как она описана Л. Толстым, и ощущения Пети Ростова.

«За обедом государя Валуев сказал, оглянувшись в окно:

— Народ все еще надеется увидеть Ваше Величество.

Обед уже кончился, государь встал, доедая бисквит, и вышел на балкон. Народ, с Петей в середине, бросился к балкону.

— Ангел, батюшка! Ура! Отец!.. — кричал народ и с ним Петя, и опять бабы и некоторые мужчины послабее, в том числе и Петя, заплакали от счастья. Довольно большой обломок бисквита, который держал в руке государь, отломившись, упал на перилы балкона, с перил на землю. Ближе всех стоявший кучер в поддевке бросился к этому кусочку бисквита и схватил его. Некоторые из толпы бросились к кучеру. Заметив это, государь велел подать свою тарелку с бисквитами и стал кидать бисквиты с балкона. Глаза Пети налились кровью, опасность быть задавленным еще более возбуждала его, он бросился на бисквиты. Он не знал зачем, но нужно было взять один бисквит из рук царя, и нужно было не поддаться. Он бросился и сбил с ног старушку, ловившую бисквит. Но старушка не считала себя побежденной, хотя и лежала на земле (старушка ловила бисквиты и не попадала руками). Петя коленкой отбил ее руку, схватил бисквит и, как будто боясь опоздать, опять закричал «ура!», уже охриплым голосом.

Государь ушел, и после этого большая часть народа стала расходиться.

— Вот я говорил, что еще подождать — так и вышло, — с разных сторон радостно говорили в народе.

Как ни счастлив был Петя, но ему все-таки грустно было идти домой и знать, что все наслаждение этого дня кончилось» («Война и мир», 3, 1).

Можно указать также на внутренний мир кадета Степана Касатского, описанный Л. Толстым в «Отце Сергии». Касатский был вполне готов пожертвовать собой ради императора. В повести отразились и «наезды» Николая Павловича в корпус, которые ничем не отличались от его визитов в Училище правоведения.

«...Касатский... еще со времен корпуса страстно, именно страстно, любил Николая Павловича. Всякий приезд Николая Павловича в корпус, — а он часто ездил к ним, — когда входила бодрым шагом эта высокая, с выпяченной грудью, горбатым носом над усами и с подрезанными бакенбардами фигура в военном сюртуке и могучим голосом здоровалась с кадетами, Касатский испытывал восторг влюбленного, такой же, какой

он испытывал после, когда встречал предмет любви. Только влюбленный восторг к Николаю Павловичу был сильнее. Хотелось показать ему свою беспредельную преданность, пожертвовать чем-нибудь, всем собой ему. И Николай Павлович знал, что возбуждает этот восторг, и умышленно вызывал его. Он играл с кадетами, окружал себя ими, то ребячески просто, то дружески, то торжественно-величественно обращаясь с ними. ...Когда же выпущенные кадеты являлись ему, он... сказал, как всегда, что они все могут прямо обращаться к нему, чтобы они верно служили ему и отечеству, а он всегда останется их первым другом. Все, как всегда, были тронуты, а Касатский... плакал слезами и дал обет служить любимому царю всеми своими силами».

Свидетельства художественной литературы вполне подтверждаются мемуарами.

Князь П. А. Кропоткин (будущий революционер), воспитанник Пажеского корпуса, свидетельствует о своей юношеской готовности отдать «жизнь за царя»: «...я относился восторженно к Александру II... Воображение часто уносит мальчика далеко за пределы действительности, и мое чувство тогда было таково, что если бы в моем присутствии кто-нибудь совершил покушение на царя, я бы грудью закрыл Александра II» [Кропоткин 1988: 140].

Живые картины обожания, по личным впечатлениям, оставила Л. А. Чарская (ср. главы «Высочайшие гости» и «К Августейшей Хозяйке» соответственно в повестях «Записки институтки» и «Люда Влассовская»). «Мы не сводили глаз с обожаемых Государя и Государыни, и сердца наши замирали от счастья» [Чарская 1993: 92]. «Мы бежали с тем же оглушительным „ура!“ по коридорам и лестницам и, дойдя до прихожей, вырвали из рук высокого внушительного гайдука соболью ротонду Императрицы и форменное пальто Государя с барашковым воротником и накинули их на царственные плечи наших гостей. Потом мы надели теплые меховые калоши на миниатюрные ножки Царицы и уже готовились проделать то же и с Государем, но он вовремя предупредил нас, отвлекая наше внимание брошенным в воздух носовым платком. Какая-то счастливица поймала платок, но кто-то тотчас вырвал его у нее из рук, и затем небольшой шелковый платок Государя был тут же разорван на массу кусков и дружно разделен „на память“ между старшими» [там же: 93–94]. После получения золотой медали из рук Императрицы институтку переполняли чувства: «Я машинально принимаю награду и все гляжу, гляжу не отрываясь, восторженным взором в лицо Императрицы... Ее рука протягивается ко мне, я склоняюсь к ее белым пальчикам и как святыню подношу их к моим трепещущим губам... Не объяснимый словами восторг охватывает всю мою душу... Мне хочется упасть на колени, к ее ногам, целовать подол ее платья и, рыдая, кричать о моей безграничной, громадной любви к ней» [там же: 271].

Исследователь быта институтов благородных девиц пишет: «Общим и главным „предметом“ институтского обожания были особы царствующего дома, и прежде всего сам Государь. „Обожание“ царя выглядело настоящим обожанием со всеми характерными для него особенностями: когда Александр II приезжал в московский Николаевский институт, его обступят, целуют руки, спину, во всех местах! А он доволен. <...> Институтки собирали и тщательно хранили „кусочки жаркого, огурца, хлеба“ со стола, за которым обедал Государь; выкрадывали платок, который разрезался на маленькие кусочки и распределялся между воспитанницами, носившими эти „талисманы“ у себя на груди. Зная об этом, царь сам отдавал свой платок институткам. „Со мной делайте,

что хотите, — говорил Александр II воспитанницам московского Александровского института, — но Милорда моего (собаку) не трогайте, не вздумайте стричь у него шерсть на память, как это было, говорят, в некоторых заведениях“. Однако „институтки совсем отрезали шерсть не только у собаки, но даже ухитрились вырезать в нескольких местах дорогой мех от шубы Государя“» [Белоусов 2003: 18–19] (закавыченные фрагменты заимствованы из мемуаров [Ф. Л. 1900; Гарулли 1901]).

Наконец, сам Б. А. Садовской оставил характерный фрагмент, принадлежность которого к определенному целому, к сожалению, неизвестна: «На кресле у стола Государь в тужурке без погон, задумчивый и грустный. А я на коленях, обливаясь слезами, целую его руки, клянусь ему в верности, обещаюсь умереть за него» [Садовской 1990б: 442].

Отсутствие у Феи верноподданнических чувств и любви к монарху — весьма странная и нуждающаяся в объяснении аномалия. Садовской продолжает перечислять другие *отрицательные сингулярности*, т. е. значимое отсутствие определенных поступков в ситуациях, когда они в глазах дворянского общества признавались обязательными.

Его театр Александринский	Не радовал гвардейский строй.
Не чаровал своей игрой,	Молился ль Федя — неизвестно,
Был чужд ему Фингал-герой,	Но лоб себе крестил порой. (10)
Не увлекал его Марлинский.	

Вся «развитая молодежь» безудержно увлекалась Марлинским (литературный псевдоним Александра Александровича Бестужева [1797–1837]). Сама романтическая жизнь и смерть Бестужева-Марлинского стали легендой. Он был принят К. Рылеевым в Северное общество, во время «петербургских происшествий 14 декабря» находился на Сенатской площади, явился с повинной, был причислен к I разряду «злоумышленников», осужден на 20 лет каторжных работ и отправлен на поселение в Якутск. Пересмотрел свои убеждения. По личной просьбе переведен рядовым на Кавказ в действующую армию и семь лет воевал простым солдатом, проявив при этом необыкновенную храбрость. За героизм произведен, вопреки общему предписанию относительно «прикосновенных к происшествиям», в прапорщики. Пал в бою с горцами у мыса Адлер. Как литератор Бестужев-Марлинский был приверженцем романтического направления. Его повести, выходявшие одна за другой в 1830-е гг. под псевдонимом *А. Марлинский*, — «Испытание», «Лейтенант Белозор», «Аммалат Бек», «Мореход Никитин», — а также рассказы и очерки на военные и кавказские темы пользовались огромной популярностью. Ими зачитывались, их неоднократно переиздавали, им подражали. Даже скептический по отношению к романтизму Белинский считал Бестужева-Марлинского весьма талантливым литератором и «зачинателем русской повести». По свидетельству И. С. Тургенева, Марлинский затмил в глазах современников еще жившего тогда и создававшего лучшие свои произведения Пушкина, а Гоголь в лучах славы Марлинского был едва приметен. Марлинскому, наряду с Н. В. Кукольниковом и В. А. Озеровым (о котором говорится ниже), пророчили бессмертие. См. подробнее [Лебедев 1982: 84].

Федя же не разделял общей увлеченности литературным идолом.

Его не интересовал знаменитый Александринский театр, в 1832 г. получивший новое здание (построенное архитектором К. И. Росси) и усердно посещавшийся восторженной молодежью. Театр 20–40-х гг. XIX в. воспринимался не только как зрелище, но

и как средоточие общественной жизни: овации и свистки различных «театральных партий» имели оттенки политических акций [Лотман 1980: 145]. *Фингал-герой* — это главный персонаж трагедии «Фингал» прославленного драматурга-неоклассика В. А. Озерова (трагедия написана на сюжет одноименной поэмы Оссиана [Дж. Макферсона]). В свое время пользовался неслыханным успехом (действительно весьма выразительный) монолог Фингала из последнего акта «Нет, гласам никогда надгробным я не внемлю»; многие русские трагики прославились великолепным исполнением этого элегического текста. Отчасти театральный успех Озерова зафиксирован Пушкиным, причем он имеет в виду именно трагедию «Фингал»; упоминаемая в приводимой ниже выписке из «Евгения Онегина» *Моина* — это героиня трагедии, невеста Фингала. Выписка дает также прекрасное представление о роли театра в жизни молодежи.

...Почетный гражданин кулис, Онегин полетел к театру, Где каждый, вольностью дыша, Готов охлопать entrechât, Обшикать Федру, Клеопатру, <i>Моину</i> вызвать (для того, Чтоб только слышали его). Волшебный край! там в стары годы,	Сатиры смелый властелин, Блистал Фонвизин, друг свободы, И переимчивый Княжнин; <i>Там Озеров невольны дани Народных слез, рукоплесканий С молодой Семеновой делил;</i> Там наш Катенин воскресил Корнеля гений величавый...
--	---

Косопуз, однако, в отличие от сверстников, не был увлечен театром.

Петербургжцы разделяли фронтонию императора, т. е. его приверженность к парадам и смотрам. Отшлифованный гвардейский строй — пришелся им по вкусу. Призовем в свидетели Пушкина:

Люблю воинственную живость Потешных Марсовых полей, Пехотных ратей и коней Однообразную красоту,	В их стройно зыблемом строю Лоскутья сих знамен победных, Сиянье шапок этих медных, Насквозь простреленных в бою.
---	--

(«Медный всадник»)

Федюшу он не радовал. Не было у него и религиозного рвения, так что неучастие в светской жизни столичного града нельзя объяснить желанием пойти по духовной стезе и, в частности, постричься в монахи.

Самая главная сингулярность Феде заключалась в том, что он, скорее всего, по окончании Училища правопедения (в котором готовили государственных чиновников), — а он окончил курс успешно, сдал экзамен на чин чиновника десятого класса (коллежского секретаря), — отнюдь не готовился служить «царю и отечеству». Возвратившись в деревню и схоронив мать, он остался жить в усадьбе подле дяди, и ничто не предвещало, что он вернется в столицу и станет служить.

Тянулось время. Дни летели. Уже экзамен Федя сдал Десятым классом. Вдруг примчал Курьер письмо. — Матан в постели, Печальный дядя извещал Племянника. На самом деле	Матан была уж на столе. Вот Федя дома. Опустели Родные стены. Мать в земле, Стареет дядя. Дни летели, Тянулось время. (11)
--	--

Время — тянулось, дни — летели, а Федя все оставался в деревне. Между тем для дворянской культуры начала и всей первой половины XIX в. было характерно «служение Отечеству», т. е. пребывание на государственной, в том числе и особенно на военной, службе.

«Отношение к военной и государственной службе связывалось в понимании дворянина со служением обществу, России. <...> Правило „служить верно“ входило в кодекс дворянской чести и, таким образом, имело статус этической ценности. <...> Нужно подчеркнуть, что ревностное отношение к службе не имело ничего общего с верноподданничеством или карьеризмом» [Муравьева 1999: 23, 25, 28]⁶⁸. Дворяне весьма гордились своими предками, которые на протяжении поколений служили Государю «верой и правдой». Известно, насколько дорожил историей своих предков Пушкин («Моя родословная»): «Мой предок Рача мышцей бранной / Святому Невскому служил». О «служилом» роде Ратши, среди потомков которого (в седьмом колене) был Григорий Пушка, т. е. о роде поэта, см. подробнее [Веселовский 1990].

Ю. М. Лотман пишет: «Военное поприще представлялось настолько естественным для дворянина, что отсутствие этой черты в биографии должно было иметь какое-либо специальное объяснение: болезнь или физический недостаток <...> Штатская служба в престижном отношении стояла значительно ниже военной»; «В России дворянство почти поголовно было военным сословием» [Лотман 1980: 48; 156]. По наблюдениям Л. Н. Киселевой, на которые ссылается Ю. М. Лотман, среди 137 старших ровесников Пушкина (родившихся в промежутке между 1794 и 1798 гг.) не было ни одного человека, который никогда не служил бы и не имел никакого чина [там же 1980: 49].

Каждая отдельная сингулярность, реализованная или абстинативная, сама по себе, вероятно, может быть приемлемой как чудачество, эскапада, Entgleisung. Кричал же Суворов петухом, но дворянское общество не отказывало ему в уважении и во всяком случае продолжало считать своим. Однако немалая совокупность и регулярность повторения сингулярностей Феди заставляла заподозрить, что с Косопузом «что-то не в порядке».

Анна Сергеевна, мать Феди, не раз задавалась вопросом, «в чем же дело». Вот сын приехал на вакации в деревню. Он не обнаруживает сыновних, родственных чувств. У него нет привязанности к родовому гнезду.

Весной, приехавши на лето	— Ma chère Annette, я сам не знаю.
К себе в деревню, он скучал	Вам больно. Да, я понимаю.
И равнодушно отвечал	Но наступает век иной.
Объятаям и словам привета.	Что делать: чужд Федюша музам.
Не отводила мать лорнета	Tiens! Слышал я, что в школе вдруг
И дядя головой качал.	Его прозвали Косопузом.
— Cousin, мне, право, страшно это.	Как остроумен высший круг! (12)
В кого он выйти мог такой?	

В реакции Павла Николаича Тугарина, дяди Феди, — а он заменил ему отца, — видны новые попытки как-то осмыслить и оправдать сингулярности молодого ба-

⁶⁸ Ср.: «Батюшка сказал мне: Прощай, Петр. Служи верно, кому присягнешь...» (Пушкин, Капитанская дочка).

рина: дядя ссылается на изменившиеся социальные условия; он пытается проникнуть в духовный мир племянника. Может быть, во всем просто-напросто виноват рационалистический, материалистический дух времени? Вопреки первоначальному предположению француза, может быть, сухость и равнодушие Феди объясняются как раз непоэтичностью его натуры?

Матери — страшно. Дядя теряется в домыслах. «В чем же дело?» Садовской почти до конца своего рассказа не дает ответа⁶⁹.

02–6. НАРУШЕНИЯ ПОВЕДЕНЧЕСКОЙ НОРМЫ КАК СТИМУЛ И СОДЕРЖАНИЕ СИНГУЛЯРНОГО РЕЧЕНИЯ

Адресант (предположим, гость, приехавший в усадьбу) наблюдает поведение уже известного нам юного лица на протяжении дня: вот отрок поднимается с постели, умывается и, позевывая, причесывает волосы, читает утренние молитвы, одевается, выходит к завтраку, целует ручку матери, отвечает на ее вопросы, закрывается с учителем-французом в классной комнате и разбирает с ним «Федру»; на смену французу приходит дядя Павел, с которым подросток читает Державина и решает задачи⁷⁰; потом с учителем Федя отправляется на прогулку, обедает, предается послеобеденному сну, затем снова сидит в классной, выполняет упражнения по русскому языку, после чего ужинает за общим столом, присутствует при домашнем чтении вслух, чешет у кота за ушами, выслушивает напоминание о том, что пора в постель, подходит под благословение, прощается со взрослыми на ночь, чистит зубы и споласкивает лицо, читает вечерние молитвы, забирается под одеяло, задувает свечу, сворачивается калачиком и тут же засыпает.

Собственно, это поведение подростка, живущего в усадьбе, сейчас описано лишь пунктиром. Каждый эпизод может быть развернут в цепь составивших его поступков и событий. Например, во время прогулки: мальчик наблюдает полет клина журавлей и прислушивается к их курлыканью, подходит к распрягаемым во дворе лошадям и гладит их, играет с Жучкой и берет ее с собой в путь, подставляет лицо весеннему солнышку, прыгает на одной ножке, рвет раннюю травку, гоняет мяч, считает, сколько лет жизни накукует кукушка, и сбивается со счета, старается в шутку убежать от учителя, швыряет палку и заставляет собаку приносить ее, наблюдает редкие льдины на реке, ос-

⁶⁹ Если исходить из того, что в художественном произведении не бывает ничего случайного, то, может быть, разгадка кроется в родовой фамилии главного героя? *Змей Тугарин* — быллинный персонаж времен Владимира Красна Солнышка. Ср. великолепный пересказ былины А. К. Толстым. Змей Тугарин вышел из татарского племени. Отец Феди, по мимолетному замечанию Садовского, также был «смуглый, как татарин». Облик Косопуза напоминает восточный облик змея:

Глаза словно щели, растянутый рот,
Лицо на лицо не похоже,
И выдались скулы углами вперед,

И ахнул от ужаса русский народ:
— Ай, рожа, ай, страшная рожа!

Хотя фамилия *Тугарин* внешне напоминает *Гагарин* и аллюзирует древность рода, все же именно такой дворянской фамилии, кажется, нет. Откровенно говоря, изложенная догадка заманчива, но маловероятна.

⁷⁰ Ребенок быстро подрастал.
Француз его лелеять стал
И «Федру» разбирать заставил.
Уроки русского давал

Племяннику сам дядя Павел:
Державина ему читал,
Склады и цифры толковал
И прописи в тетрадах правил.

тупается и забрызгивает одежду грязью, старается оттянуть время возвращения в дом, но, наконец, все-таки поднимается на крыльцо, потому что уже зовут обедать.

Степень подробности может быть и еще увеличена. Например, отрок провожает взглядом льдины на реке, хочет спуститься по тропке вниз с крутого обрыва, но учитель, опасаясь, что мальчик поскользнется и запачкает новенький сюртучок, останавливает его, возникает легкая перепалка, ребенок оставляет свое намерение и, чтобы досадить наставнику, намеренно оступается в лужу. Вот так! Сюртучок все-таки не удалось уберечь.

Мозаика поступков мальчика за день велика. Но когда адресант рассказывает о них, он не станет перечислять их один за другим (как было сделано выше), а упомянет только о некоторых эпизодах. Причины выбора определенных эпизодов, а не других — не случайны.

Итак, зададимся вопросом: какой эпизод из большого множества, а главное почему именно этот, адресант включает в свое сообщение?

У Садовского адресант-рассказчик выбрал для сообщения два элемента.

Во-первых, он упомянул, что у Феде — «неправильный взгляд»: *Глядит он как-то исподлобья*. Эту особенность, надо думать, снова с огорчением заметила мать, когда сын утром подходил к ручке. Ей, вероятно, принадлежит реплика: *Какие дети так глядят!* [контекст (1); см. выше]. Скорее всего, она уже в который раз потребовала от сына: *Смотри мне прямо в глаза!*

Кроме того, во-вторых, адресант упомянул, что во время полуденной прогулки *Федя скакал, лез на забор* и даже — неслыханная эскапада! — *затеял с кучерами спор* [контекст (2)]. Опять-таки рассказчик не был одинок, когда его внимание остановили на себе подобные сингулярности. Они вызывали ужас и у учителя: *Француз кричит: «Ah, quel malheur!»* Не исключено, что последовали наставления: *Дворяне — не деревенщина (tapants), они не лазают по заборам!; Как можно опускаться до перебранки с дворовыми?!*

Все остальные элементы поведения Феде на протяжении дня внимания адресанта на себе не остановили.

Если обобщить предложенные наблюдения, — а аналогичный материал легко умножается, — то можно сделать общий вывод. Он содержит в себе два суждения.

Если некоторые элементы из поведения наблюдаемого лица соответствуют ожиданиям адресанта, т. е. согласуются с его представлениями о поведенческой норме, то адресант их не замечает и не упоминает. Если же в поведении лица наблюдаются сингулярности, элементы, идущие вразрез с представлениями адресанта о поведенческой норме, то они-то и становятся стимулом коммуникативного акта и его содержанием.

Действительно, зачем отдельно говорить о том, что Федя, поднявшись с постели, вымылся и причесал волосы? Что он учил французский язык и занимался арифметикой? Что он завтракал, обедал и ужинал? Тысячи его сверстников-дворян на территории николаевской Российской империи ежедневно завтракали, обедали и ужинали, овладевали французским и соблюдали правила личной гигиены. Волга с незапамятных времен впадает в Каспийское море, а лошади кушают овес и сено, но эти истины, если не считать шуток, не бывают содержанием сообщений адресанта. Сообщается именно о сингулярностях. Если собака ухватила человека за ногу — это не новость, но если человек укусил собаку — об этом можно печатать в газете.

Все-таки, правда, нормативные поступки могут упоминаться, но, как было сказано выше, обычно для того, чтобы на их фоне еще отчетливее выступили сингулярности. Когда говорится, что Федя *не был глуп*, что *ученье он легко усвоил*, что *он языки знал и задачи строил*, то можно быть уверенным, что вскоре перечисление нормативного закончится и по контрасту будет сказано о том, что составляет суть сообщения:

Но мать и дядю беспокоил
Его *косой* и ровный *взгляд*.

Подобные контрастные сообщения строятся по схеме: вот это в поведении NN нормально, и это хорошо, и это похвально, но... И далее будет сказано о том, что сингулярно. Собственно, перечисления нормативных элементов в поведении наблюдаемого лица нужны как бы для разгона, а истинная цель сообщения состоит в том, чтобы сообщить как раз не о них, а о сингулярностях.

С опорой на дихотомию *тема/рема* можно сказать: сообщение об ожидаемом поведении составляет *тему* и не исчерпывает коммуникативного акта, тогда как сообщение о сингулярностях составляет *рему* и является целью. Эта контрастивность отчетливо выявляется интонацией и тембровыми характеристиками противопоставляемых частей коммуникативного акта: интонация похвалы и одобрения резко сменяется интонацией обвинения и возмущения.

Итак, сингулярность — это для адресанта как мотив к сообщению, так и содержание (*рема*) сообщения.

02–7. СИЛЛОГИЗМ КАК ЛОГИЧЕСКАЯ ПРИРОДА СИНГУЛЯРНОГО РЕЧЕНИЯ

Ниже мы будем заниматься соотношением логики и лингвистики. В этой пограничной области знания все еще остается много неясного (см., впрочем, обзорные статьи [Петров 1986; Павилёнис 1986]), и, в частности, почти не исследованы вопросы взаимопонимания в ситуации, когда адресант строит свое сообщение в расчете на то, что адресат выполнит операцию умозаключения. Отчасти были приняты во внимание исследования: [Эрвин-Трипп 1975; Чарняк 1983; Грайс 1985; Крипке 1986; Сёрль 1986; Фоллесдаль 1986].

Выше мы видели, что оценка поступка или эпизода как сингулярного (*Какие дети так глядят?! Ah, quel malheur!*) может быть включена в сообщение в явном виде. Но так бывает не всегда. Причина сообщения о сингулярности может и не быть изложена эксплицитно.

Так, сказано, что при приезде государя императора Федя: *вслед торжественной коляске / С победным кликом не бежал* (9). Больше — ни слова. Нет никакой оценки, но тем не менее имплицитно, что Федино поведение — сингулярно. Оно бросалось в глаза на *общем* фоне: другие правоведы как раз за коляской бежали и кричали «ура!». Иными словами, распространенность некоторого поведения — «все так поступают» — может быть приравнена к поведенческой норме. Адресант, как правило, полагается на то, что адресат располагает соответствующими фоновыми знаниями.

Действительно, почему Садовской подчеркивает: *Его театр Александринский / Не чаровал своей игрой* (10)? Или почему он специально упоминает: *Не радовал гвар-*

дейский строй? Или отчего считает важным отметить, что Федю *не увлекал Марлинский?* — Только потому, что **все** были очарованы Александринкой, **все** радовались на парадах и **все** увлекались Марлинским. Конечно, «все» — не значит «100 процентов»; это значит: абсолютное (но, конечно, не поголовное⁷¹) большинство. Автор «рассказа в стихах» надеется, что его читатели еще помнят, как вели себя «типичные» петербуржцы в эпоху Николая I.

Таким образом, сообщение о сингулярности — это не всегда информация, принимаемая к сведению в том виде, как она поступила. Сообщение о сингулярности — это зачастую приглашение адресата к повторению или самостоятельному выполнению операции Аристотелева силлогизма. Сам термин *συλλογισμός* «процесс сосчитывания, вывода (из предыдущей посылки [пропозиции]), умозаключения» (термин образован от *συλλογίζω* букв. «собирать вместе (доказательства), соображать») указывает на естественную логическую операцию (опосредствованного двумя посылками) получения новой информации, которая хотя и содержится в посылках, но не выражена в явном виде.

Иногда, правда, бывает, что адресант сам приводит обе посылки силлогизма и сам делает умозаключение (логический вывод). Так поступают, когда имеется намерение быть предельно ясным, когда, например, говорят с детьми или с людьми невысоких умственных способностей. В таком случае от адресата умозаключения не требуется.

Гораздо чаще, однако, адресант приводит лишь обе пропозиции, но не приводит вывода; или приводит одну из пропозиций и делает вывод, но не приводит второй; или же приводит всего лишь одну (малую или большую) посылку, но не упоминает о второй и не делает вывода. В подобных случаях Аристотель употреблял термин *ἐνθύμημα* букв. «неполное рассуждение, не доведенная до завершения мысль» (от *ἐνθυμέομαι* «обдумывать, продолжать размышлять»), и в коммуникативном акте обычно представлены

⁷¹ Исключения только подтверждают общее правило. Чудаки и отщепенцы выявляются именно потому, что они заметны на фоне общего правила. Ср. начало другого, столь же замечательного, «рассказа в стихах» Б. Садовского, а именно рассказа «Идеалист»:

Осиротев, я жил в Казани
У старой тетушки. Тогда,
В давно минувшие года
Любил я не балы, не сани
С лихою тройкой, не вино,

Не женщин, не охоту. Но,
Как старцу-схимнику вериги,
Мне были милы только книги
Да мой уютный кабинет.
Я был философ и поэт.

Имплицитруется: нормативное поведение молодого дворянина как раз состояло в посещении балов, пристрастии к быстрой езде (на «птице-тройке»), умеренном винопитии, страстной приверженности охоте и, конечно, в ухаживании за дамами. Отшельники (философы и поэты) квалифицировались как чудаки и сумасброды. Обращает на себя внимание, что перечисление с отрицанием («не» + глагол в личной форме; «не» перед существительным) состоит из речений, отражающих распространенные и поэтому признаваемые нормативными поведенческие феномены. Ср. у Пушкина:

Сосед наш неуч; сумасбродит;
Он фармазон; он пьет одно
Стаканом красное вино;

Он дамам к ручке не подходит;
Все да, да нет; не скажет да-с
Иль нет-с. Таков был общий глас.

Во второй выписке содержатся все четыре элемента сообщения о сингулярности и восприятия такого сообщения (три звена из цепочки силлогизма; именование казуальности): названа большая посылка, описывающая норму («следует говорить: *да-с* и *нет-с*»); названа малая посылка («Онегин не говорит, как следует»); сделан вывод («Онегин не ведет себя, как должно» = «сумасбродит» [букв. «ведет себя как сумасшедший»]); установлена каузальность («Онегин — фармазон»). *Фармазон* (правильнее: *франкмасон*) — общее наименование вольнодумца (не обязательно подлинного члена масонской ложи), в данном случае: не по-дворянски воспитанного человека или человека, сознательно отвергающего приличия.

именно *энтимемы*, недоговоренности, недосказанности, или (в логических терминах) сокращенные силлогизмы. Пропуская в сообщении логическое звено или звенья, адресант полагается на сообразительность адресата. И действительно, когда отправитель сообщения сообщает лишь энтимему, у получателя немедленно включается (как правило, неосознаваемый) механизм восстановления всей цепи умозаключения, так что одну из посылок он подбавляет сам и сам же осуществляет вывод.

В случаях недоговоренности адресат активно (т. е. без подсказки извне) выполняет операцию логического вывода. Она не всегда оказывается успешной: может быть так, что адресант ошибся в оценке фоновых знаний адресата (и тот не обладает информацией, способной образовать одну из пропозиций) или же недооценил возможности альтернативного вывода.

Рассмотрим случай, когда адресант сообщает как большую, так и малую посылки силлогизма. Порядок их следования в сообщении для восприятия информации не имеет значения.

Итак, вот *большая* посылка (*propositio maior*) (в ней находится предикат заключения): «Какие дети так (т. е. исподлобья) глядят?» Если поэтическую строку (= риторический вопрос) перевести в сухое аффирмативное высказывание, то получим: «Воспитанные дети смотрят открыто».

Вот теперь *малая* посылка (*propositio minor*) (в ней находится субъект заключения): «Глядит он как-то исподлобья». Чтобы составить очевидное умозаключение, речение следует по форме подверстать к большой посылке, т. е. парафразировать по ее образцу (с использованием той же синтаксической конструкции и той же лексики): «Федя не смотрит открыто».

Соотношение большой и малой посылок силлогизма хорошо иллюстрируется известным афоризмом Джона из Солсбери (John of Salisbury, 1115 — 1180): малые посылки — *nominantur singularia*, а большие — *significantur universalia*⁷². Характерно, что мы в настоящей главе можем воспользоваться терминологией мыслителя без модификаций: (в наших терминах) *сингулярности* отсылают к *универсалиям*.

Когда обе посылки налицо, их требуется сопоставить, вычленив в них так наз. *средний*, т. е. общий, *член* (*terminus medius*) и затем извлечь из них третье (итоговое) суждение, или *заключение* (*conclusio*).

Если обе посылки содержат в себе утверждение, то и заключение будет утвердительным. Если одна из посылок содержит в себе отрицание (таков наш случай), то будет получено заключение, также содержащее отрицание. Итак:

Воспитанные дети смотрят открыто
Федя не смотрит открыто

Ergo, Федя — невоспитанный ребенок

Большая посылка показывает, что в коллективной ментальности членов определенной национально-культурной общности или же в индивидуальном сознании адресанта есть представление о некотором наборе нормативных (= типовых, «есте-

⁷² Исходное изречение Джон из Солсбери относил к соотношению универсальной (родовой) семантики слова и ее конкретного (видового) номинативного употребления: *Nominantur singularia, sed universalia significantur*.

ственных», «обычных», «нормальных») реакций в той или другой жизненной ситуации. Когда же «нормальной» реакции не наблюдается, нулевое поведение, в том числе и речевое нулевое поведение (т. е. молчание), становится знаковым.

Напомним, что ситуация, в которой адресант не видит ничего, что бы шло вразрез с его поведенческими ожиданиями, т. е. не отмечает сингулярностей, называется *нормативной* и сокращенно записывается как *Nm*. Пусть *сингулярная ситуация* сокращенно обозначается как *Sg* (от *singularis* «отклоняющийся от нормы»). В таком случае произведенный путем сопоставления двух ситуаций вывод-умозаключение обозначим как *Cl* (от *conclusio*).

Иногда, как говорилось, адресант сообщает только малую посылку, а большую адресат должен добавить от себя. Большая посылка при этом предполагается заведомо известной адресату, поскольку она восходит к фоновым знаниям. Действительно, от адресанта мы узнаем только лишь *Sg*: «Федя не любил Александринки» (малая посылка). Больше ничего не сказано. *Sapienti sat*⁷³. И действительно, зачем распространяться, когда адресат и так знает *Nm*: «Передовая молодежь была без ума от Александринки»?

В некоторых исключительных случаях (при неуверенности в том, что большая посылка адресату известна, или же в его проницательности) адресант может сообщить и заключение, но, как правило, заключение остается за адресатом. Так, сделать вывод, что мальчиком Федя не входил в круг воспитанных детей, а молодым человеком не принадлежал к числу передовой молодежи, читатель должен сам.

На этом месте надо отметить, что большая посылка всегда представляет собой описание поведенческой нормы. Это означает, что если при чтении художественной литературы мы будем внимательны к сингулярным речениям и станем фиксировать большие посылки, имплицитно стоящие за ними (или даже эксплицитно выраженные адресантом), то фактически сможем выявить совокупность поведенческих норм, характерных для того культурного среза, который отражается в художественном произведении.

Ср. непосредственно ниже список поведенческих норм, характерных для просвещенного дворянского круга второй половины 30-х гг. XIX в. Когда ниже сказано *ребенок*, то имеется в виду *дворянский ребенок*, а когда говорится *молодой человек*, то речь также идет о *дворянине*. В круглых скобках показаны контексты, заимствованные из стихотворного рассказа Садовского. Прямым шрифтом печатается большая посылка, а курсивом — малая (чтобы подверстаться к большой, она нуждается в парафразировании, которое здесь, ради цитирования, не выполнено).

1. *Nm* Ребенок прямо и открыто смотрит в глаза собеседнику (1): *Sg* *Федя смотрел исподлобья*;
2. *Nm* Ребенок умеет себя держать, соблюдает приличия (2): *Sg* *Федя скакал, лазал по заборам и носился, «будто кипятком ошпарен»*;

⁷³ Иногда крылатое выражение переводят как «Мудрому достаточно». Между тем оно не имеет в виду мудреца, т. е. человека необыкновенных умственных способностей. Напротив, речь идет о любом человеке, обладающем способностью выполнять логические операции, пусть на бытовом уровне. Глагол *sapio* означает «быть рассудительным, способным увидеть взаимосвязь явлений»; отсюда лишь вторично: «быть (раз)умным, мудрым». Применительно к силлогизму афоризм можно перевести так: «Достаточно двух посылок (чтобы рассудительный человек сделал заключение)».

3. Nm Ребенок ровно, отчужденно держит себя с служащими (2): Sg *Федя вступал с кучерами в спор*;
4. Nm Ребенок имеет правильную осанку (2): Sg *Федя кривил губы, гримасничал, выпячивал живот*;
5. Nm Молодой человек имеет прямую походку (4): Sg *Федя выступал боком*;
6. Nm Для молодого человека характерна воодушевленность и восторженность (5): Sg *Федя был «ко всему на свете» равнодушен и сух*;
7. Nm Молодой человек поддерживает родственные связи (6): Sg *Федя старался незаметно улизнуть с родственных обедов*;
8. Nm Для молодого человека естественно желание покутить (6): Sg *Федя лишь принужденно участвовал в товарищеских застольях*;
9. Nm Дворянин пьет шампанское и вино (6): Sg *Федя с отвращением глотал шампанское, а винопитие считал мукой*;
10. Nm Произнесение и сочувственное выслушивание тостов — элемент дворянского застолья (6): Sg *во время произнесения тоста Федя от скуки катал хлебные шарики*;
11. Nm Молодой человек ухаживает за девушками и женщинами своего круга (6): Sg *Федя «твердо знал», что (благородные) женщины — это мука*;
12. Nm В процессе ухаживания молодой человек придерживается определенного ритуала (6): Sg *Федя однажды прилюдно хлопнул девушку, пусть всего лишь служанку, «по спине» (читай: «ниже спины»)*;
13. Nm Дворянин может наблюдать простонародные увеселения, но воздерживается от участия в них, разве только в шутку и отстраненно (8): Sg *Федя хлестал водку, плясал вприсядку, щипал и чмокал девок и «свистал, засунув пальцы в рот»*;
14. Nm Дворянин боготворит императора (9): Sg *Федя был к царю — равнодушен*;
15. Nm При встрече с императором дворянин испытывает и внешне проявляет свой восторг (9): Sg *Федя не бегал за царской коляской и не издавал «победного клика» (т. е. не кричал «ура!»)*;
16. Nm Молодой человек, живущий в столице, увлекается театром (10): Sg *Федя не жаловал Александринку*;
17. Nm Трагедии Озерова в первой половине XIX в. пользовались завидным успехом (10): Sg *Федю Озеров оставлял равнодушным*;
18. Nm Марлинский как человек и писатель был чрезвычайно популярен в 30-е гг. XIX в. (10): Sg *Федя не любил Марлинского*;
19. Nm Парады, смотры, марши на плацу, гвардейская выправка и прямой («по снурку») строй нравились обывателю Петербурга (10): Sg *Федю «не радовал гвардейский строй»*;
20. Nm Наконец, дворяне — это, по определению, служилое сословие (11): Sg *Федя не собирался служить и оставался в деревне*.

Итак, выше мы перечислили 20 парных посылок силлогизма: 20 больших и столько же малых. Примечательно, между прочим, что умозаключения, которые можно сделать на основании этих пар, представляют собой по сути дела один и тот же вывод: *Федя ведет себя не как дворянин, а как представитель низшего сословия*. Фон Горн, свидетель невозможной сцены, когда Косопуз стал заигрывать со служанкой и, ко всеобщему ужасу, хлопнул ее ниже поясицы, этот вывод сделал: *Хам!* В остальных случаях читатель сам должен заключить (и он действительно так и судит), что поведение Феде — не благо-

родное, не воспитанное, не благопристойное, не дворянское, не *comme il faut*, а, совсем напротив, — низкое, невоспитанное, плебейское, хамское, *comme il ne faut pas*.

В заключение остается повторить, что если *нейтральное сообщение* адресат воспринимает благодаря аккумулярованию (присоединению друг к другу и смысловому объединению) квантов информации, передаваемой строевыми (номинативными) единицами (т. е. словами) во фразе, то *сингулярное сообщение* адресат воспринимает через операцию силлогизма (обычно неявного, свернутого и сокращенного). Операция силлогизма — это активный процесс, и, выполняя ее, адресат не просто усваивает информацию, поступающую к нему извне, а сам добывает и пополняет ее, активно сопоставляя пропозиции, выявляя в них средний член и производя умозаключение. Не забудем при этом, что адресант, как правило, строит свое сообщение как *энтимему*, как недосказанную мысль.

Механизм восприятия сингулярных сообщений еще раз убеждает в том, что в акте коммуникации от адресата иногда требуется не только пассивно-кумулятивная, но и активно-логическая восприимчивость.

02–8. ВЫЯВЛЕНИЕ КАУЗАЛЬНОСТИ КАК КОНЕЧНАЯ ЦЕЛЬ СИНГУЛЯРНЫХ РЕЧЕНИЙ

Когда сопоставлены большая и малая посылки и выполнено логическое умозаключение, на этом коммуникативный акт, содержащий сингулярные речения, — не заканчивается.

Мало установить странности в поведении человека и квалифицировать их (например, как в случае Косопуза, подвести их к общему знаменателю: *недворянское поведение*), следует еще выяснить, чем вызваны сингулярности и что стоит за ними.

Действительно, двадцать наблюдений за поведением Феди привели к однозначному выводу, что он — неблагородный и невоспитанный человек. Но почему? Ведь он родился именно в благородной семье и получил не какое-либо, а лучшее по тем временам образование и воспитание. В чем же дело?

Напомним, что этим вопросом задавались и мать ребенка, и заменивший ему отца дядя Павел, и учитель-француз, и, вероятно, знатные тетушки (когда, хватившись, они примечали, что Федя ушел и — почему же?, почему? — даже не простился), и, вероятно, соученики Феди (прилепившие к нему нелестную, но весьма выразительную кличку), и, надо думать, преподаватели Училища правоведения, и граф Баккара (в доме которого Федя не смог противостоять чарам служанки), и подвыпившие в воскресный день мужики (*Откуда едакий урод?*), да и сами читатели, которых Б. Садовской сумел заинтриговать.

Опытный литератор, поэт надолго скрыл от них разгадку природы Феди. Перед нами тот логический феномен, который Аристотель назвал *σωρεΐτης* «нагромождение, куча» (в логике — *сорит*: цепь [т. е. взаимосвязь] нагроможденных умозаключений, среди которых есть и такие, для которых одна из посылок отсутствует). В итоге субъективного переживания сорита, особенно если человек предавался рефлексии некоторое время, возникает эмоциональное состояние *апории*⁷⁴ (невозможности объяснить себе, что и почему произошло или происходит). Апория — это иное именование *досады*.

⁷⁴ 'Απορία «недоумение, затруднение, нехватка доводов»; τὸ ἀποροῦμενον в Аристотелевой логике «искомое в рассуждении, предмет логического вывода».

Связь между определенными качествами человека и их причиной — не лежит на поверхности. Одни и те же качества могут проистекать от разных причин. Одна и та же причина может иметь своим следствием некоторое множество качеств. Федя — порывист, носится как ошпаренный. Качество — не дворянское. Но, может быть, мальчик — будущий поэт или, в крайнем случае, вертопрах, эксцентрик? Федя не проявляет родственных чувств. Качество — не дворянское. Но, может быть, молодой человек стал жертвой черствого, материалистического века? Косопуз не жалуется царю. И это качество — не дворянское. Но, может быть, он продолжатель традиции декабристов, революционер или тип вечного бунтаря, представленный в любом обществе ⁷⁵?

В конце концов выясняется, что ни первое, ни второе и ни третье. Апория, возникающая вследствие сорита, полностью разрешается лишь тогда, когда в «куче» доводов появляется еще один, решающий.

Однажды за завтраком дядя Павел завел разговор:

— Théodore! Ты помнишь мамку Палагею?	На барина. Я прикажу
— Да, помню, дядюшка! — Она	Ей отнести хоть чаю, что ли.
На кухне. При смерти больна.	Куда же ты? — Схожу туда.
Твердит, что умереть не смею,	— Ну что ж, иди. В своей ты воле,
Пока глазком не погляжу	Хоть это будет слишком. Да! (13)

В экспозиции «рассказа в стихах» мимоходом говорилось, что младенца Федюшу вскормила, как обычно бывало в дворянской среде, «мамка Палагея». Когда Федя пришел на кухню, кормилица поведала ему тайну.

На кухне тишь. Не без труда	— Как?! — Ты — барченок подменённый!
Старуха, охая от боли, Кому узнать?	Одни кресты
Приподнялась. — Лежи, лежи!	Да кости! Сделала я дело:
Но что такое? — Ох, мой милый,	Скончалось барское дитя,
Врать не хочу перед могилой!	Я ж, вишь, концы укрыть хотела,
Сказать аль нет? — Ну, ну, скажи!	Взяла... Старуха захрипела.
— Ох, дай Господь собраться с силой.	Молчит. Конеч. Синее тело.
Федюшенька! Не барин ты!	И Федя вышел вон, свистя. (14)
Ты мой сынок! Ты мой рождённый!	

⁷⁵ Можно сослаться на партикулярный пример: во второй половине 30-х гг. XIX в. некто Владимир Сергеевич Печерин (1807–1885), благополучный молодой человек, экстраординарный профессор Московского университета, успешный литератор и подающий большие надежды ученый, выехал из России и, движимый неукротимой ненавистью, навсегда покинул родину. Ему принадлежат строки, которые он сам впоследствии назовет безумными:

Как сладостно отчизну ненавидеть	И в разрушении отчизны видеть
И жадно ждать ее уничтоженья,	Всемирного денницу возрожденья!

Мотивом поступка Печерина, как он впоследствии написал сам, была невозможность прозябать в царстве рабства. В дальнейшем, на личном опыте познакомившись с жизнью европейских стран и не одобряя ее, В. С. Печерин разочаровался во всех социалистических доктринах, разбранился с Герценом, принял католичество и стал священником, затем разочаровался и в своей новой вере, назвал католическую церковь «отличной школой ненависти», стал непримиримым критиком папства и Римской курии, после чего, однако, из материальных соображений не сложил духовного сана, а продолжал (до конца своих дней) служить, переходил из ордена в орден и, прожив долгую жизнь, нигде не обрел себе новой родины. См.: [Печерин 1989: 148–311; биографический очерк: 381–390].

Теперь все сингулярности Феди, ранее необъяснимые, получили себе разъяснение. Он действительно не был благородным, он действительно (по факту рождения) происходил из низкого сословия⁷⁶. Первоклассное образование и многолетнее воспитание в дворянской среде оказались не в состоянии преодолеть тот комплекс врожденных (стало быть, непререкаемых: *выше лба уши не растут*) мотивов и побуждений, который зовется «голосом крови»⁷⁷.

Мы здесь, естественно, не собираемся углубляться в генетику и тем более судить о том, насколько описанная Б. Садовским ситуация согласуется с жизнью, — известны и даже не являются редкими случаи, когда, к примеру, низкорожденный уличный продавец блинов (из мещан: Меншиков) или певец-клирошанин (из духовного сословия: Разумовский) входили в российское дворянское общество и занимали важные государственные посты⁷⁸. Исключения только подтверждают правило: *яблоко от яблони недалеко падает. Из хама не сделаешь пана. Сколь волка ни корми, все в лес смотрит. Не в свои сани не садись*. Несомненно, именно такова позиция самого Садовского: недаром во второй редакции новеллы он переименовал нейтральное название рассказа на приоткрывающее замысел — «Кровь».

Да, генетическое наследие отцов, иначе называемое *кровью (зовом крови)*, этот — наряду с личной волей человека и волей Божией — третий актанта, определяет судьбу человека. У Феди влияние простонародной крови удержало его жизнь в пределах медицинской нормы, однако особенно выпукло роль третьего актанта видна в *наследственных* заболеваниях.

В конце позапрошлого (XIX) и начале прошлого века почти все чтецы-декламаторы в столицах и в провинции выступали с эстрады с гремевшим тогда стихотворным монологом А. Н. Апухтина «Сумасшедший», в котором, среди прочего, говорится:

...доктор уверяет,
 Что это легкий рецидив,
 Что скоро все пройдет, что нужно лишь терпенье...
 О да, я терпелив, я очень терпелив,
 Но все-таки... за что? В чем наше преступленье?..
 Что дед мой болен был, что болен был отец,
 Что этим призраком меня пугали с детства, —

⁷⁶ Впрочем, реальная коллизия «рассказа в стихах» — сложнее. Может быть, кто-либо из литературоведов когда-нибудь выяснит, «что в действительности хотел сказать автор».

⁷⁷ Сюжетная развязка такова. Запершись в портретной галерее барского дома, Федя покончил с собой.

В неверном, зыбком полусвете	В крови на матовом полу
Огонь свечи, мерцаая, рдел,	Валялся Федя с пистолетом.
Ряд гордых лиц со стен глядел,	Лицо дышало мирным светом,
Виднелись букли, фижмы, ленты,	Как будто сбросив тяжкий груз.
Чепцы, кафтаны, позументы,	Так умер Федя Косопуз.
Бродили блики по стеклу.	

Тема подмены младенца, видимо, не отпускала от себя поэта. В прозаическом рассказе «Кукушечье гнездо» (см. выше сн. 3) Садовской к ней обратился снова, но на сей раз сюжетная коллизия разрешилась вполне счастливо.

⁷⁸ Не торговал мой дед блинами, И не был беглым он солдатом
 Не ваксил царских сапогов, Австрийских пудренных дружин;
 Не пел с придворными дьячками, Так мне ли быть аристократом?
 В князья не прыгал из хохлов, Я, слава богу, мещанин. (Пушкин, Моя родословная)

Так что ж из этого? Я мог же, наконец,
 Не получить проклятого наследства!..
 Так много лет прошло, и жили мы с тобой
 Так дружно, хорошо, и все нам улыбалось...
 Как это началось? Да, летом, в сильный зной,
 Мы рвали васильки, и вдруг мне показалось...

«Так судьба стучится в дверь...» («So klopft das Schicksal an die Tür/ an die Pforte») — сказал в подобной ситуации начавший гложуть Бетховен, автор симфонии, которая, естественно, имеет порядковый номер (5-й), но более известна именно как «Schicksalssymphonie». Третий актант — неумолим и неотвратим: человеческая воля бессильна, а Бог, не будучи источником зла, *пускает* и болезни, и даже (как в случае Феди) крах всей жизни. Впрочем, третий актант может действовать и во благо — тогда говорят о наследственном здоровье или таланте.

Как бы ни относиться к проблеме *parvenu* (возвысившегося плебея), применительно к художественному произведению замысел и взгляды автора не подлежат дискуссии.

Итак, сингулярное поведение может объясняться личными особенностями человека. Наряду с общими чертами характера, свою роль в поведении человека играют и внешние обстоятельства, в которых ему приходится действовать. Скажем, Косопуз едва ли бы стал приседать и семенить в пляске, если бы он был не на воскресном базаре в селе, а на светском балу. Но не только: рассказ Садовского высветил роль наследственного фактора.

Завершая данную подглавку, скажем еще раз, что полученное на основе силлогизмов суждение о качестве того или иного поступка наблюдаемого лица само по себе недостаточно, чтобы до конца понять линию его поведения. Для полного понимания сингулярностей необходимо еще установить *каузальную связь* между качеством конкретного поступка и, во-первых, общими чертами человека и, во-вторых, *внешними обстоятельствами*, которые совокупно вызвали к жизни сингулярный поступок. Пусть процесс выявления каузальной связи и/или результат такого выявления сокращенно записывается, в отличие от записи элементов «поведенческого» силлогизма, не двумя литерами (Nm, Sg, Cl), а четырьмя — Caus (от *causa* «причина, основание, обстоятельство»).

Экскурс 1. Свидетельство ветхозаветной пословицы

Далее, вплоть до подглавки 02–9, мы приводим суждения о роли судьбы в жизни человека, которые, как представляется, сейчас уместны.

Судьба Феди трагична: он не мог найти себе места ни в семье, ни в обществе. Кто виноват? Он сам? Попустивший или, может быть, даже предопределивший подмену ребенка Бог? Совокупность его врожденных качеств?

В поисках разгадки мы обратили внимание на одну из статей В. Г. Гака, многозначительно посвященную взаимозависимости судьбы и мудрости [Гак 1994].

Определив *судьбу* как «движение жизни, изменение в положениях человека», ученый затем — по критерию человеческого само- или безвластия — дает исчисленные четырех видов судьбы [там же: 198]. Homo sapiens, безусловно, способен вы-

брать и устроить свою судьбу. Самовластие человека, однако, не беспредельно: «движение жизни», согласно классификации ученого, зависит еще от слепого случая, неотвратимого фатума или всемогущего Бога.

Собственно, в христианстве самодовлеющий («самобытный») рок (который якобы сильнее божества) — отрицается. Как независимый феномен отрицается и случайность⁷⁹. По христианским воззрениям, то, что кажется случайностью или представляется как фатум, на деле есть следствие или человеческих (иногда неосознанных) решений, или предопределения (промысла) Божия. Если встать на эту точку зрения, то исчисление можно сократить: лишь два актанта (самостоятельная воля человека и направляющая воля Божия) в совокупном взаимодействии (*синергии*) дают промежуточный или (когда жизнь завершилась) окончательный итог, называемый *судьбой*.

Между тем рассказ Садовского показывает, что синергия, о которой идет речь, состоит не из двух суверенно действующих волей, а из трех. Он подтверждает реальное бытие третьего актанта в определении судьбы человека — зова крови, голоса своего племени.

Если мы принимаем как аргумент свидетельство художественного произведения, то, значит, мы с доверием относимся к обыденному знанию, зафиксированному в произведениях словесности.

Ниже рассматривается свидетельство еще одного жанра словесности — *пословицы* (притчи).

Присутствие третьего актанта было стихийно (т. е. на обыденном уровне сознания) осмыслено человечеством. Это архаичное общее знание отложилось в одном иносказательном, воспроизводимом и компактном речении, письменно зафиксированном в Танахе⁸⁰. Когда его записали? — 27 веков назад!

Чтобы не затруднять печати, приведем это знаменитое речение без огласовок: כָּבוֹד כָּלֹ כֶסֶד וְשֵׁנִי בָנִים תִּקְהִי. Интересующий нас текст помещен в Книге книг дважды, причем у разных пророков — во-первых, у Иеремии (VII в. до н. э.; Иер 31: 28/29⁸¹) и, во-вторых, у его преемника Иезекииля (VI в. до н. э.; Иез 18: 2). Обе версии совпадают слово в слово. Речение нам потребовалось, чтобы сделать общий вывод о компонентном составе судьбы как феномена, но вначале ниже мы поместили его конкретный филологический анализ, любопытный сам по себе.

Перевод пословицы не составлял бы труда, если бы не последний глагол תָּקַח. «Отцы ели *босер* (*кислянку* [зеленый, незрелый виноград]), и зубы детей — תָּקַח». Что именно случилось с зубами? Что стало с ними?

Первообразный глагол תָּקַח встретился в Танахе всего 4 раза, причем трижды в одном и том же контексте, так что установление его семантики затруднено. Тем не

⁷⁹ Ср. анафематствование того и другого по чину в Неделю православия (согласно Уставу XIX в.): «...утверждающим, яко мир сей есть *самобытен*, и вся в нем без промысла Божия, и по случаю бывают — анафема!»

⁸⁰ Имеется в виду речение жанра מַשָּׁל (*машал*; букв. «уподобление»). *Машал* — родовой термин ветхозаветной словесности, включающий в себя *пословицу*, *поговорку*, *афоризм*, *апофтегму*, *максиму*, *цитату*, *параболу*, *притчу*, *паремию* и т. д. Коренной признак машала — присутствие иносказания. Два других признака — воспроизводимость текста (но не всегда слово в слово) и компактность текста (впрочем, может быть, как в притче, и многофразового). См. [Науек s. a.: 744–748].

⁸¹ Таков счет глав и стихов обиходных изданий Ветхого Завета. По счету научного издания Септуагинты Ральфа — Иер 38: 29.

менее сопоставлением с родственными ивритскому языкам, а также анализом древней переводческой практики установлено, что הֶבֶט означает: *hebetatus est, obtusus factus est* [Lexicon s. a.], *be blunt, dull* [BDB], т. е. (о режущем и колющем предмете) «становиться/стать/быть тупым». К тому же имеется и довольно ясный библейский контекст, содержащий показательный параллелизм строк (Еккл 10: 10): «Если притупится (הֶבֶט-אֵם) топор (הַכַּרְלֵל) и если лезвие его не будет отточено [], то надобно будет напрягать силы; мудрость умеет это исправить]»⁸². Ср. и в современном иврите הֶבֶט «тупой» (о предмете).

Стало быть, «зубы детей» — *притупились*? О том, что в поговорке, как она приведена у Иереми и Иезекииля, конечный глагол, с точки зрения знатоков иврита, можно понимать именно так, свидетельствует, среди прочего, аутентичный перевод Иезекииля середины позапрошлого века на «чисто-немецкий язык», выполненный гебраистами-евреями для соплеменников (и напечатанный квадратным письмом): $\text{דִּי דֵּי צֶהְנֶה דֵּר קִינְדֶּר ווּרְדֶּר ווּרְדֶּר שְׂטֻמְפִּי}$ (*di cehne der kinder verden štumpf*)⁸³.

Точно так же концовка поговорки переведена в Септуагинте: $\text{o\acute{i} \delta\delta\acute{o}\nu\tau\epsilon\varsigma \tau\acute{\omega}\nu \tau\acute{\epsilon}\chi\text{ν}\omega\nu \eta\mu\omega\delta\acute{\iota}\alpha\sigma\alpha\nu}$ (Иер 31: 29). Употребленный в Септуагинте всего три раза (Hatch, Redpath I: 33), глагол $\text{\alpha\iota\mu\omega\delta\acute{\iota}\alpha\omega}$, по справке надежного словаря [Liddel, Scott], — это в прямом смысле *to become dull* «становиться тупым»⁸⁴. Точно так же эта концовка передана и в Вульгате: *dentes filiorum obstupuerunt*. Инхоатив (*ob*)*stupesco* через нейтральный глагол *stureo* деривационно сопряжен с хорошо известным *stupidus* (в прямом смысле «тупой», в переносном [о человеке] «тупоумный») ⁸⁵.

Что касается Иез 18: 2, то здесь Септуагинта содержит вариативный глагол ($\text{o\acute{i} \delta\delta\acute{o}\nu\tau\epsilon\varsigma \tau\acute{\omega}\nu \tau\acute{\epsilon}\chi\text{ν}\omega\nu \epsilon\gamma\omega\mu\acute{\phi}\acute{\iota}\alpha\sigma\alpha\nu}$)⁸⁶, но Вульгата не дает лексического варьирования (*dentes filiorum obstupescunt*). Семантические отношения — такие же, как в Иер 31: 29.

Представление о том, что от кислянки зубы притупляются (т. е. что возникает ноющая боль, образно называемая *тупой*), из Вульгаты перешло в некоторые европейские переводы Священного Писания. Ср., например, Иер 31: 29 у Лютера: *Die Väter haben Herlinge gegessen, und der Kinder Zähne sind stumpf geworden*. В других

⁸² Синодальный перевод этого стиха на русский язык выполнен с масоретского текста. В Септуагинте (может быть, потому, что перед переводчиками был неисправный ивритский текст) и в зависящей от нее славянской Библии здесь форменная абракадабра: *лице спадѣтъ съчнво, ѡ самъ лицѣмъ смачѣтѣса: ѡ силы оукрѣпитъ, ѡ ѡзобиліе мѡжѣ мудростѣ...*

⁸³ Пользуемся имеющимся в нашем распоряжении редким изданием [Жрпттъ 1849: 138] (из библиотеки Вульфа Барона). Наряду с обычными комментариями, в книге имеется идущий на полях перевод на немецкий язык ($\text{\textcircled{Y}I\textcircled{Z}W\textcircled{K} \textcircled{O}I\textcircled{Z}I\textcircled{N}}$), напечатанный квадратным алфавитом, причем воспроизводится, насколько возможно, и немецкая орфография.

⁸⁴ Синайский, впрочем, своим эквивалентом недвусмысленно показывает, что за состояние имеется в виду: «чувствую онемение, боль зубов» [Греческо-русский 1869: 18].

⁸⁵ Производная от него *stupiditas* 'тупость, глупость' уже утратила прямое значение.

⁸⁶ Глагол $\text{\gamma\omega\mu\acute{\phi}\acute{\iota}\alpha\omega}$ — такой же редкий, как и $\text{\alpha\iota\mu\omega\delta\acute{\iota}\alpha\omega}$; он употреблен в Септуагинте всего два раза [Hatch, Redpath: 274], и его семантика устанавливается с трудом. Оба раза ему соответствует הֶבֶט . Поскольку глагол произведен от $\text{\gamma\omega\mu\acute{\phi}\acute{\iota}\omega\varsigma}$ 'коренной зуб', ясно, что он означает какое-то действие или состояние, связанное с зубами. В Сир 30: 10 (а стих принадлежит фрагменту, посвященному воспитанию детей) глагол, похоже, описывая мимику, выражает неудовольствие: $\text{\mu\eta \sigma\upsilon\gamma\gamma\epsilon\lambda\acute{\alpha}\sigma\eta\varsigma \alpha\upsilon\tau\acute{\omega}, \text{\textcircled{I}n\textcircled{a} \textcircled{m\textcircled{h}} \textcircled{\sigma\upsilon\gamma\gamma\epsilon\lambda\acute{\alpha}\sigma\eta\varsigma, \text{\textcircled{k}\textcircled{a}\textcircled{i} \textcircled{\epsilon\pi'} \textcircled{\epsilon\sigma\chi\acute{\alpha}\tau\omega\nu} \textcircled{\gamma\omega\mu\acute{\phi}\acute{\iota}\alpha\sigma\epsilon\iota\varsigma} \textcircled{\tau\omicron\upsilon\delta} \textcircled{\delta\delta\acute{o}\nu\tau\alpha\varsigma} \textcircled{\sigma\omicron\upsilon}.}$ В Славянской Библии: *Не смѣйса съ нимъ (с чадом), да не позволѣши ѡ немъ ѡ на послѣдокъ стѣснешн зѣбы твоѡ (в Остр. сотрѣши съ зѣбы); в русском переводе: Не смейся с ним, чтобы не горевать с ним и после не скрежетать зубами своими.*

переводах может быть использован и контрастный образ, но тем не менее он остается в рамках дихотомии «тупой-острый»: ... the children's teeth are set on edge.

Между тем переводчики Свщ. Писания на славянский язык отказались от опоры на конкретные представления и прямо передали смысл второй половины пословицы. Цитируем синодальную версию славянской Библии: *Ѡтцѣи ѡдѡша кѣслаа, а зѣбы дѣтемъ ѡскѡминшася* (Иер); *Ѡтцѣи ѡдѡша терпкое, а зѣбѡмъ чадѣи ѡскѡмины быша* (Иез). Синодальное издание, в силу позднего происхождения, можно объявить непоказательным, но на деле *оскоминити* (ся) и производные от него представлены уже в Острожской Библии и даже в древнейшей славянской словесности. Так, в источнике XI в. читается⁸⁷: *оци гаша кысѣло. и зѡуби чадомъ оскоминни бышаж гадъшнимъ кысѣло зѡуби оскоминни*⁸⁸ *боудѡу(ть)* (Изборник 1073 г.: л. 146 об.).

Таким образом, изложенный материал позволяет сделать нетривиальное конкретное наблюдение: в отличие от исходного текста на иврите, в отличие от древних переводов на греческий и латынь, в отличие от переводов на европейские языки, славянский перевод не соотнесен с чувственным образом, лежащим в основе номинации физиологического состояния, а называет его прямо. Действительно, *оскоми[ни]ть* связано со *скомить*, *скомлеть* «болеть, ныть»⁸⁹, а также — посредством чередования — и со *щемить*. Подобный тип переводческого решения, исследованный нами под именем *ментализации*, характерен — и это немаловажно — для эпохи книжной деятельности славянских первоучителей Кирилла и Мефодия и их непосредственных учеников (Верещагин 2001а: 67–72). Каждое переводческое решение по принципу ментализации — это вклад в своеобразие славянской переводной книжности (в частности, Евангелия⁹⁰) на фоне мирового социокультурного контекста.

Признак машала — присутствие иносказания. Сошлемся еще раз на аутентичную фиксацию непрямого смысла, выполненную знатоками Танаха, но на этот раз изложенную (в таргуме с комментариями) на иври-дайч (שׁוֹרֵי יְדֵי יִשְׂרָאֵל). Выписка произведена без огласовок:

דיא פֿעטער האבן גיזינדיגט און דיא קינדער ווערן גישטרעפט איבער זייערע זינד (di feter habin gizindigt un di kinder vern gištraft iber zejere zind), т. е. «отцы нагреслили, а детей наказывают за их грехи» (רמיה' 1883: л. 95 об.).

Такова точная формулировка роли третьего актанта в судьбе человека, полученная анализом как пословицы, так и (см. подглаву 01–09) рассказа: судьба отчасти зависит от *крови*, т. е. от традируемого наследия предков, и в целом неизвестно, на сколько поколений распространяется это традирование. Здесь-то и haeret aqua: с важнейшей философско-богословской апорией лучшие умы смирились, но не справились. Здесь теодицея обычно не удается.

⁸⁷ В ст. 43-й под заглавием *Како правьда снабдѣваеъ сѧ аште за оѡа чадѧ моуѡать сѧ*.

⁸⁸ От причастия типа (*зѣбы*) *оскоминныѣ* путем морфологического упрощения в итоге возникло существительное *оскомина* («вяжущее ощущение во рту от чего-либо кислого, терпкого»). Ср. выписку из словаря Даля: «У зобавшего пародки зубы оскоминны будут».

⁸⁹ Вероятно, имеется в виду неострая боль. Примечательно, насколько широко в номинациях боли используются метафоры, сопряженные с острыми предметами: *острая, колющая, режущая, сверлящая, тупая* и др.

⁹⁰ См., например, [Верещагин 2004д].

Собственно, по христианским воззрениям, третий актант присутствовал не всегда; он явился следствием первородного греха: ответственность за грех Адама была возложена на его потомство (Быт 3: 16–19). Роль третьего актанта не связана напрямую с *промыслом* Божиим о данном человеке (предопределением, предестинацией), но посредством *провидения* Бог, естественно, всегда (и наперед) знает о том, как этот актант реализует себя (и Бог, в том числе по молитвам, может вмешаться).

Представления о том, что судьба детей зависит от непреложного наследия предков, являются общим местом как в Ветхом (Исх 20: 5, Чис 14: 18), так и в Новом (Ин 9: 2–3) Завете. Между тем уже в Танахе есть пророчество, что третий актант когда-нибудь будет отменен. За счет его отмены роль самовластия (и ответственности) человека возрастет намного. Тот же Иеремия пишет: «В те дни уже не будут говорить: „отцы ели кислый виноград, а у детей на зубах оскомины“, но каждый будет умирать за свое собственное беззаконие; кто будет есть кислый виноград, у того на зубах и оскомины будет» (Иер 31: 29–30). Иеремии вторит Иезекииль (18: 1–4).

Когда-то сие сбудется? Нет ответа. Не нам судить о временах и сроках.

02–9. РАЗНОРЕЧИВОСТЬ ОЦЕНОК ПОВЕДЕНЧЕСКОЙ НОРМЫ

Общие черты человека, о которых упомянуто выше, складываются из его (неизменного) характера и (изменчивых) душевных и соматических состояний. В быту также постоянно проводится различие между **постоянной компонентой личности** («голос крови», [не]воспитанность, холерический темперамент, целеустремленность, [не]учтивость, [не]обязательность, [не]тактичность и т. д.) и **переменной составляющей** (усталость, раздраженность, подавленность или, напротив, подъем сил, невозмутимость, бодрость и т. д.).

Как кажется, о необходимости видеть перед собой в общении не «человека как такового», а конкретное взаимопереплетение характера и обстоятельств и соответственно по-разному (всякий раз применяясь к своему собеседнику) строить свое поведение — первым сказал Адольф фон Книгге (Adolph Freiherr von Knigge; 1752–1796; писатель средней руки, многотомные романы которого давно забыты). Фон Книгге сражался с иезуитами, иронизировал над сословными предрассудками. Известен как автор переиздаваемого до сих пор бестселлера «Ueber den Umgang mit Menschen» («Об обхождении с людьми»), ставшего одной из главных книг немецкого Просвещения. Это не просто книга о хороших манерах или об этикете периода позднего абсолютизма, а трактат по практической жизненной философии, *Welt- und Menschenkunde*, в том числе и практической нравственности, *Sittenlehre*. Имя писателя как автора бестселлера («der Knigge») в Германии вошло в поговорку и стало столь же нарицательным, как «der Duden» или «der Brockhaus». Фон Книгге разработал типологию людей (по разным основаниям), и поскольку она имеет отношение к проблематике настоящего доклада, мы хотели бы ее отчасти воспроизвести. Главное наставление Книгге в сфере практической нравственности: «*Прежде всего пойми, с кем имеешь дело*». Итак, во-первых, далее частично перечисляются типы людей в зависимости от духовной направленности (ума и сердца) каждого, темперамента и настроения: властолюбцы; честолюбцы; любители блеснуть и похвастаться; выскочки; тщеславные; высокомерные (в отличие от гордецов); не

желающие нисходить до разговора с вами; душевно ранимые и мнительные; сумасброды; спорщики, раздорники, возражатели; любители парадоксов; вспылчивые; агрессивные; затаившие злобу и мстительные; мелочные; колеблющиеся и нерешительные; косные, неподвижные, тяжелые на подъем; филантропы и мизантропы; привязчивые, «репы»; легковыеры и недоверчивые; брюзги и ворчуны; всем (не)довольные; «отшельники», замкнутые, живущие в своей скорлупе; завистники; хамы и ругатели; клеветники; злорадные; ревностные к чужому успеху; накопители, скупердя и расточители, моты; лжецы и правдолюбцы; интриганы; неблагодарные; бездельники; вздорные; прихлебатели; подлецы; льстецы; наглецы; бесстыдники и эксгибиционисты; застенчивые и дерзкие; ветреники, пустоголовые; ненадежные; болтуны и обещатели; нетерпеливцы и выдержанные; любопытные и ко всему безразличные; рассеянные; забывчивые; чудачки и эксцентрики; переменчивые (по настроению); богомолы, безбожники и суеверы; глупцы и умники; добросердечные и бессердечные; слабаки, паникеры; трусы и отважные; романтики, энтузиасты и сухари; приверженцы (какой-либо идеи или идола); фанатики; нетерпимые к чужому мнению; авантюристы; дебоширы; насмешники; скептики; благодушные; имеющие увлечения (собачники, кошатники, филателисты, шахматисты и т. д.); азартные игроки; пьяницы; развратники; святоши; лицемеры; свободомыслящие и члены тайных обществ; огорченные и находящиеся в трауре; бешеные, гневливые; невежи; невежды; воры; необразованные и высокоученые. Фон Книгге ссылается на литературные и общественные типы; если привести примеры из русской культуры, то он имеет в виду: Плюшкина, Манилова, Ноздрева, Митрофанушку, Кабаниху и т. д. или же (из современности) Чубайса, Жириновского, Новодворскую и т. д. Приводим, во-вторых, перечень человеческих типов фон Книгге в зависимости от пола, возраста, родственных отношений (он описывает детские, женские, старческие и т. д. качества): младенцы; малые дети; отроки, подростки; молодежь; средовики; молодящиеся и кичащиеся своей старостью; (не)солидные; маразматики. К женским качествам фон Книгге относит: любопытство, ветренность, непостоянство, подверженность (быстро меняющимся) настроениям, кокетство, желание нравиться и т. д. Женские типы по Книгге: недотроги, мессалины, святоши, церковницы, старые девы, сплетницы, сводни, интриганки, наушницы, сластены и т. д. На третьем месте приведем типологию в зависимости от физических особенностей: тугоухие и глухие; слабовидящие, слепые и имеющие бельмо; лишенные какого-либо члена и инвалиды; увальни, толстяки и «скелеты»; дылды и коротышки; красавцы, уроды и рябые; лысые; рыжие; короткопалые и коротконогие и т. д. Наконец, в-четвертых, фон Книгге дает типологию в зависимости от социального статуса и национальности: влиятельные и зависимые; «у которых есть рука»; раболепные и начальствующие; прихлебатели, приживалы, угодники; богатеи; бедняки; соседи; продавцы и покупатели; священники; учителя; полицейские; французы, англичане, русские, евреи и т. д.

Для людей разных темпераментов и разных характеров в обществе обычно устанавливаются свои, иногда противоположные, поведенческие нормы. Если сморозит глупость человек, вообще-то считающийся умным, то для него это сингулярность; если же посредственность вещает банальности, то для нее они — норма.

Устанавливаются свои, в том числе противоположные, нормы и для различных состояний (и настроений). Когда заплетется язык у усталого, больного или взвол-

нованного человека, то еще далеко до того, чтобы считать его вообще косноязычным⁹¹. Заплетающийся язык в речи человека, «обычно» говорящего чисто и гладко, — это как бы «норма» для ненормальной ситуации (душевного волнения, рассеянности, углубленности в свои мысли и т. д.). Текущее состояние (настроение) может «отменять» некоторые черты характера. Ср. реплики: *Валя — человек сдержанный. Сегодня его словно подменили. — Он очень издержался за последнее время; Чего это Петрович сегодня со всеми за руку здоровается? — А ты еще не знаешь? Его же с треском перли из главка.*

Короче говоря, лицо, поведение которого описывается в коммуникативном акте, может держаться расходящихся, временами и взаимоисключающих, поведенческих норм, и о том, что нормы текучи и релятивны, по опыту известно и адресанту, и адресату. Они и сами, не сговариваясь, по неписаному закону принимают подобную текучесть норм.

Более того, адресант и адресат — люди, они ничем не отличаются от лица, о котором говорится, поэтому и тот и другой могут руководствоваться своими постоянными или переменчивыми нормами и соответственно расходиться в оценках сингулярности. Предположим, адресант сегодня настроен взыскательно, а адресат всепрощающе; тогда возможен обмен репликами: *Как только Петровича выперли, так такой вежливый стал! — А мне кажется, он всегда был обходительный.* Предположим, далее, что адресат считает, что начальник имеет право повышать голос, а адресант выступает против начальственного крика: *Ну, покричал на меня малость! Брань на ворота не виснет. — И ты позволяешь?!* Предположим, наконец, возможность перемены оценки сингулярности, когда адресат в ходе коммуникативного акта получает дополнительную информацию: ср. поведение полицейского надзирателя Очумелова (Чехов, Хамелеон).

Таким образом, и адресат, и наблюдаемое лицо, и адресант — все трое могут придерживаться расходящихся представлений о поведенческой норме. Поэтому если адресат находит некоторый поступок сингулярным, то адресат может посчитать его нормальным и высказать возражения. И тем более лицо, действия которого объявляются сингулярными, отнюдь не склонно считать их таковыми: так, начальник, которого обвиняют в крикливости, может объявить свое поведение нормативным, поскольку он — «зато» — не интриган и, выкричавшись, ничего дурного дальше не сделает.

И тем не менее релятивизировать понятие поведенческой нормы полностью — никак нельзя. Действительно существуют абсолютные, всеми признанные нормы — общенародные, социально-групповые и индивидуальные. Но и здесь разногласия между адресантом и адресатом не исключаются: они могут разойтись в квалификации поведения (одному покажется, что уже нарушена норма, а другому — что еще не нарушена).

Лингвострановедческое прочтение художественного произведения, о значении которого для преподавания русского языка иностранцам мы говорили выше в Час-

⁹¹ «— Да, вы только себя помните, но страдания человека, который был вашим мужем, вам не интересны. Вам все равно, что вся жизнь его рушилась, что он *пеле... пеле... пелестрадал*. — Алексей Александрович говорил так скоро, что он запутался и никак не мог выговорить этого слова. Он выговорил его под конец: *пелестрадал*» (Толстой, Анна Каренина).

ти II настоящего раздела нашей книги, должно быть направлено именно на выявление общенациональных поведенческих норм.

Ниже, предлагая фрагмент исчисления РПТактик, мы как раз в первую очередь ориентируемся на подобные, преимущественно традиционные, поведенческие нормы. Одновременно просим читателя не упускать из виду и разноречивость оценок, рассмотренную в настоящем разделе главы.

Итак, мы выяснили несколько закономерностей сингулярных речений.

Во-первых, внимание адресанта избирательно: он строит свое сообщение как цепь сингулярных речений, игнорируя при этом все нормативные поступки наблюдаемого лица.

Во-вторых, адресант в сингулярном сообщении не всегда прямо информирует адресата, а иногда побуждает его выполнить операцию умозаключения (по законам силлогизма), опираясь при этом на фоновые знания адресата и рассчитывая, что он правильно осуществит логический вывод.

В-третьих, когда адресат осуществил умозаключение, он еще должен установить каузальную связь качества поступка с характерными чертами описываемого лица, а также с обстоятельствами, в которых совершены поступки.

Наконец, в-четвертых, хотя представления о поведенческой норме могут быть абсолютными, все же они бывают и текучими, так что у каждого из участников коммуникативного акта (адресанта, наблюдаемого лица и адресата) может оказаться своя «правда» и своя оценка.

Проблема сингулярных речений, как видим, — довольно сложна. Соответственно, вероятно, найдется читатель, который не без осуждения скажет, что содержание настоящей главы — слишком сложно. Ничего не поделаешь! Стоящее за теорией явление (сингулярное поведение и сингулярные РПТактики) сложно по природе, и пойти на упрощение в описании — значило бы исказить и даже извратить его.

Проблема сингулярных речений — сейчас представляется нам необозримой. Тем интереснее ее исследовать.

02–10. ИСЧИСЛЕНИЕ СИНГУЛЯРНЫХ РЕЧЕ-ПОВЕДЕНЧЕСКИХ ТАКТИК

Сложность и разветвленность анализа того лингвистического феномена, имя которому — **рече-поведенческие тактики**, производна от того, что в конце концов предметом объективации оказывается большой фрагмент национальной духовной культуры⁹².

Напомним, что понятие рече-поведенческой тактики, противопоставляемое понятию РП *Стратегии*, определяется через смежные понятия типичной *рече-пове-*

⁹² Если это так, то, следовательно, мы стоим на позиции антропоцентричной, а не системоцентричной лингвистики. Описание, исходящее из представлений о системности и структурности материала, в своих выводах не может выйти за его пределы; мы же, изнутри описав свой материал (РПТактики), затем переходим к внешним заключениям относительно духовной культуры. Точнее сказать, мы комбинируем оба исследовательских подхода: однородный самодостаточный материал описывается как система (адекватного материалу качества); полученные данные экстраполируются на сродную, но все же другого рода духовную действительность. В первом случае используется непротиворечивая терминология; во втором невозможно обойтись без метафор.

денческой ситуации⁹³ и перлокутивной цели. Приступаем к исчислению РПТактик, благодаря которым адресант сообщает о сингулярном поведении, а адресат воспринимает подобное сообщение.

Сингулярные РПТактики весьма многообразны и могут классифицироваться на различных основаниях. В частности, с учетом изложенного в первой части главы (и с опорой на введенные выше сокращения) их можно было бы распределить по четырем группам, а именно:

1) РПТактики, выявляющие *норму* (Nm) при имплицировании Sg и Cl. Например, *Хорошие мальчики не лгут!* Имплицированы Sg и Cl; например: *Ты лжешь; Ты — нехороший мальчик;*

2) РПТактики, выявляющие *сингулярность* (Sg) при имплицировании Nm и Cl; например: *Как тебе не стыдно лгать?* Имплицированы Nm (и Cl): *Лгать — стыдно; Ты — бесстыжий мальчик;*

3) РПТактики, выявляющие *умозаключение* (Cl) при имплицировании Nm и Sg. Адресант, прямо приводя свой вывод, обычно указывает (в том числе и в ответ на вопрос адресата), на основании каких сингулярностей этот вывод получен. *Знаешь, Лена вообще нехорошая девочка.* Имплицированы Nm и Sg; например: *Обмануть может; Вчера снова напела мне с три короба;*

4) РПТактики, выявляющие *каузальность* (Caus) на основании полученного Cl. В отличие от первых трех случаев, в данной поведенческой ситуации оценочное суждение не может быть получено путем логического вывода — к нему приходят лишь путем прибавления новой информации. *Почему же все-таки Лена так плохо воспитана?* Информация, вскрывающая причину (Caus), поступает со стороны; например: *А ты не знаешь? Она же из неполной семьи. Ею никогда никто всерьез не занимался.*

Естественное (реальное) речевое поведение, однако, синкретично, и все четыре группы тактик могут вычленяться и противопоставляться одна другой лишь в искусственном анализе. Чтобы избежать искусственности, мы решили остановиться на синкретичном же исчислении.

Кроме того, наконец, задачи исчерпывающего или даже относительно полного исчисления сингулярных РПТактик мы пока перед собой не ставим.

Речения, которыми иллюстрируются РПТактики, — как и в своих предыдущих публикациях — подбираются или из числа клишированных (т. е. ходовых, ходячих), или из числа таковых, которые позволяют легко воссоздать рече-поведенческую ситуацию.

Пусть не покажется странным широкое использование в иллюстративных речениях местоимений. Местоимения, с одной стороны, демонстрируют всеобъемлющий характер клише; кроме того, с другой стороны, в разговорной речи, особенно когда третье лицо находится в поле зрения, местоимения употребляются интенсивнее, чем в письменной.

⁹³ Типичной РП-ситуацией можно назвать регулярно повторяющийся (итеративный) «фрагмент социальной жизни»: приветствие, просьбу, благодарность, призыв к откровенности, ритуал обсуждения цены при частной покупке, соболезнование, недовольство, плохое самочувствие, говорение комплиментов, демонстрацию дружелюбия (или враждебности), ухаживание, энтузиазм (или сдержанность) по поводу определенного предложения, приглашение, советование, запрещение (или разрешение) и т. д. Если придерживаться единого критерия при отграничении типичных ситуаций, то их список окажется исчислимым.

Человек по своей природе — существо, устанавливающее (и воспринимающее) нормы и законы и способное следовать им. Нормы формулируются в виде авторитетного императива — или предписывающего (в Декалоге: *Почитай отца твоего и мать твою* [Исх 20: 12]), или запрещающего (там же: *Не убивай; Не прелюбодействуй; Не кради* [Исх 20: 13–15]).

Часть норм может быть эксплицитно и не сформулирована, но если следование им освящено временем, то их авторитетность ничуть не ниже писанных норм (в том числе и суеверных: *Не возвращайся — пути не будет*).

С течением времени имеет место сакрализация подведенческих норм (путем включения их в религиозную систему или же вследствие их клиширования и превращения в несудимую поговорку).

Далее непосредственно следует исчисление, состоящее из 15 единиц. Единого основания для классификации (в силу многоаспектности феномена) мы не смогли найти: соответственно, в зависимости от уровня абстракции некоторые единицы можно было бы слить или, напротив, разделить. Кроме того, хотя порядок перечисления соответствует критериям «от простого к сложному» и «от общего к частному», все же этот порядок не является логически строгим.

(1) На первом месте рассмотрим РПТактику **эксплицитного формулирования** нормы (большой посылки силлогизма). Тактика применяется, когда налицо сингулярность, т. е. нарушение сформулированной (или способной быть сформулированной) нормы. Ср.: *Воспитанные люди не говорят таких слов; Воспитанные люди не выставляют себя напоказ; Воспитанный человек смотрит прямо в глаза; Воспитанный человек встает, когда входит дама; Воспитанные люди не замечают оплошностей другого; Воспитанный человек никогда не опаздывает; Воспитанный человек держит свое слово; Воспитанные люди всегда опрятно одеты и причесаны; Воспитанный человек тактичен; Воспитанный человек неспособен на подлость; Воспитанные люди держатся своего круга* и т. д. Исчерпать предписания, которых должен держаться воспитанный человек, путем априорного исчисления, вероятно, невозможно. (Эти предписания, впрочем, заполняют наставления по этикету и хорошему тону.) Эксплицитная формулировка, однако, обнаруживает свое присутствие в общественном сознании, когда наблюдается конкретная сингулярность и нужно ее выявить для другого.

Примечательно, что с определенной категорией людей сопрягаются особые нормы. Впрочем, имеются устойчивые представления и о том, как допустимо себя вести человеку вообще (как species). *Знаете, все мы люди!* (в оправдание ошибки, или жалости, или непоследовательного поведения); *Что я, не человек, что ли?; Но по-человечески-то можно подойти!* (например, когда просят «войти в положение» и сделать поблажку [при отсутствии права]); *Он — человек: всегда посочувствует*. Характерно название некогда популярного произведения Б. Полевого — «*Повесть о настоящем человеке*».

Эксплицитные формулировки нормы используются при воспитании детей: «Надо, надо умываться / По утрам и вечерам, / А нечистым трубочистам / Стыд и срам!» (Маршак, Мойдодыр).

Сообщения с эксплицитно выявленной нормой представляются особо интересными в лингвострановедческом отношении. Именно в этих случаях адресант формулирует как общенациональную, так и групповую («людей одного круга»), равно как и личностную («я вот такой») поведенческую норму.

Нормы, которыми человек руководствуется в своем поведении и которые он прилагает как оценочный критерий к поведению других людей, по большей части относятся к сфере «бессознательного», но если адресант формулирует большую посылку, то он выводит норму наружу, иногда даже неожиданно для себя. Более того, человек нередко руководствуется такими нормами, о существовании которых он не отдает себе отчета или реальное присутствие которых склонен даже отрицать (литература вопроса довольно велика; см., например, проявив снисходительность к фразеологии застойного времени, дельную книгу [Николаичев 1976: 53–88]). При формулировании большой посылки адресант как бы проговаривается. Не станем сейчас приводить примеров, но здесь мы имеем в виду такие феномены, как предрассудки, предубеждения, суеверия, стереотипы сознания, вытесненные в подсознание фобии, обожествления идолов или механизмы слепой ненависти (см., в частности, [ван Дейк 1989]). На ум, естественно, приходит учение Фрейда, но все же часть подобных вытесняемых из светлого поля сознания норм имеет не личностный, а общенациональный генезис (в частности, подпитывается пословицами и «ходячим опытом»).

(2) На втором месте назовем РПТактику прямого именованя сингулярности: *Как он тяжело дышит!; В глаза врешь и не краснеешь; Хоть бы извинился — куда там!; Часами говорит и не запнется ни разу; Совсем разнюнился!; Соврет — недорого возьмет; Продаст тебя, и не задумается; Слямзил — и вся недолга!; Никого не слушает, твердит свое; Единожды солгавши, кто тебе поверит?; Сделает гадость, и лезет с поцелуями!; Мне бы исчезнуть незаметно, а я остался; Неужели не волнуешься? Ведь решается твоя судьба!; Да ты еще улыбаешься! Как ты можешь!; Какая безвкусица! Красное платье и зеленая сумочка!; Да ему начхать на нас: вышел в несвежей сорочке; Откуда у него столько самоуверенности? — Да у него брат замминистра; Я больше от него не получаю писем. Видать, обиделся на что.*

Ср. также перечисление сингулярностей как итоговую характеристику человека:

Что он не ведает святыни,
 Что он не помнит благостыни,
 Что он не любит ничего,
 Что кровь готов он лить как воду,
 Что презирает он свободу,
 Что нет отчизны для него. (Пушкин, Полтава)

Прямые наименования сингулярностей могут иметь форму риторического вопроса: *Разве ей идет эта прическа?; И ты считаешь, не стоило обращать внимания?!; Сколько можно терпеть?!; И это называется чистая работа?; Куда только руководство смотрит?*

К числу прямых названий сингулярностей относятся также уподобления: *Он, словно волк, набросился на пирог!; Ты же не поросенок! Что все время в грязь лезешь?; И эта лисица, наорав, потом принялась лебезить передо мной!; Кто везет, того и нагружают! Научись отказываться; Что молчишь словно воды в рот набрал? Скажи что-нибудь!*

Сюда же относятся РПТактики привлечения внимания адресата к предмету или поведению, которое адресант считает сингулярным: *И так-таки ничего и не видишь?!; По-моему, Вера чем-то расстроена. Тебе не кажется?; Неужели не видишь?*

Да у меня пятно на блузке!; У Наташи руки белые-белые, совсем не рабочие; Раскрой глаза! Он же явный гомик!; Нацепи очки! Там в углу паутина; Да нет, с чего ты взяла, что он толстый!; Почему это Иван Петрович отсел от нас? Он и глаза все время отводит!

(3) Наименования нормы и сингулярностей могут принимать форму РПТактик косвенного наименования: *Так что, по-твоему, все в порядке?; И кто это устроил — наверно, Пушкин? Сюда относятся эвфемистические наименования. Ну, Петрович своего не упустил. Охулки на руку не положит; Она, конечно, цап-царап и — дёрю; Позаимствовал, и, что называется, с концами; Попользовался насчет клубнички; С него что возьмешь? Взятки гладки. Как с гуся вода.*

(4) Среди номинаций нормы имеется РПТактика ссылки на авторитет. Как правило, в таком случае излагается сильная, резолютная норма: *Вот и в Писании сказано: не кради! А ты что делаешь?; Даже его собутыльники говорят: умей остановиться!; И где это сказано, что все дозволено?; Не пойман — не вор; За нечаянно быют отчаянно; Не плюй в колодец — пригодится воды напиться* и т. д. Обычно ссылка на авторитет или ходячее мнение имеет место, когда адресант считает нарушение именно данной нормы — абсолютно недопустимым: *Как его только земля носит?* (имплицитруется: сингулярность настолько велика, что земля должна расступиться и поглотить преступника); *Это же вопиет к небу!; У тебя язык отсохнет — говоришь такие вещи.* «Как, — говорит, — у вас руки не отсохнут производить такие жесты?» (Зощенко, Мелкий случай из личной жизни).

(5) В противоположность тактике сильного формулирования нормы имеется и РПТактика слабого формулирования. Подобный understatement мы наблюдали, заметим мимоходом, в повествовании Садовского: «*Нельзя сказать, чтоб не любили Федюшу в классе*», — на самом же деле в среде дворянской молодежи он оставался чужаком.

Норма оказывается гибкой в зависимости от установки говорящего. Доброжелательно настроенный адресант говорит с извинительными интонациями: (например, о лжеце) *У него просто богатая фантазия!; У него плохо с памятью; Он немного рассеянный и может перепутать.* Недоброжелательная установка выражается в интонациях обличения: *Лжец, обманщик, ему нельзя верить.* О пьянице может быть сказано двояко: *Он увлекающийся; Ему время от времени нужна разрядка. Это в его положении так понятно; В компании он не может отказаться. Отъявленный алкоголик; Запойный пьяница. Он и не просыхает никогда.*

Сюда же относится релятивность нормы в зависимости от привходящих обстоятельств. Ср. нормы поведения Вронского в обхождении с портным или картежным шулером (и тому и другому он должен деньги). «Жизнь Вронского тем была особенно счастлива, что у него был свод правил, несомненно определяющих все, что должно и не должно делать. Свод этих правил обнимал очень малый круг условий, но зато правила были несомненны, и Вронский, никогда не выходя из этого круга, никогда ни на минуту не колебался в исполнении того, что должно. Правила эти несомненно определяли, что нужно заплатить шулеру, а портному не нужно, — что лгать не надо мужчинам, но женщинам можно, — что обманывать нельзя никого, но мужа можно, — что нельзя прощать оскорблений и можно оскорблять и т. д. Все эти правила могли быть неразумны, нехороши, но они были несомненны, и, исполняя их, Вронский чувствовал, что он спокоен и может высоко носить голову» (Толстой, Анна Ка-

ренина). Вронскому важно только опознать, с кем он в данный момент имеет дело, а поведенческая норма — сама по себе совсем не эластична.

(6) Особый вид РПТактики реализуется при формулировании так наз. **категориальной нормы**. В таком случае вступают в действие ассоциации, сопряженные с определенной категорией лиц. Так, сказываются этнические стереотипы: *Никогда не улыбнется. Чего ты хочешь? Чопорный англичанин!; Поет себе целый день! Ведь итальянцы прирожденные певцы; Конечно, Пушкин был ревнив, ведь он эфиоп*. Ср. далее: *Не плачь — ты же мужчина!; Не пачкайся — ты же девочка!; Для вашего возраста этот плащ слишком кричит; Что ты все в черном? Ты же еще не старуха*.

Категориальная норма выявляется также при упоминаниях лиц, для которых систематическое нарушение **общей нормы** является **групповой нормой**: *Да он самый настоящий лжец (алкоголик, болтун, брызга, доносчик, драчун, забяйка, матерщинник⁹⁴, мот, наглец, наркоман, насмешник, нахал, плакса, повеса, потаскун, попрошайка, пьяница, ругатель, сквернослов, скупердяй, хулиган, ябедник и т. д.); Не женись на Машке. У нее на лице написано: хищница!; С пьяного какой спрос? Первым делом сломал дорогой столик!; Плюй ему в глаза — все божья роса!; Чуть ярче оделась — старухи уже оговорили!; Какие вы, мужчины, все невнимательные!; «Сердце красавицы склонно к измене!; Да нет, не снимайте, мы же не бусурмане!» (в ответ на предложение гостей сменить обувь); У них по-татарски дома в шерстяных носках ходят; Она — как это? — феминистка, и ей пальто подавать нельзя; Не говори при ней шепотом, примет на свой счет (= мнительная); Ему нельзя советовать: во всем видит подвох; Что делать? Он такой забывчивый!; Ох уж эти кавказцы! Опять полезли без очереди!; Еврей — он всегда возле денег; Лимитчики — что с них взять? Молодежь к тому же! Так и шьют, с кем бы сцепиться!*

Сюда же относятся случаи, когда человек не входит в определенную группу, а ведет себя так, как если бы он членом этой группы — был: *Ты же не нахал, а смеешься над физическими недостатками!; Вы — всегда такой находчивый, а растерялись!* «— Однако послушай, — сказал раз Степан Аркадьич Левину <...> — есть у тебя свидетельство о том, что ты был на духу? — Нет. А что? — Без этого нельзя венчать. — Ай, ай, ай! — вскрикнул Левин. — Я ведь, кажется, уже лет девять не говел. Я и не подумал. — Хорош! — смеясь, сказал Степан Аркадьич, — а меня же называешь *нигилистом!*» (Толстой, Анна Каренина). Имплицируется: Левин, не являющийся *нигилистом*, ведет себя как *нигилист-безбожник*, поскольку не подходит к причастию. Анна рассказывает Долли, которая приехала к ней в деревню, о сложившемся здесь обществе: «Потом увидишь управляющего. Немец, очень хороший и знает свое дело. Алексей очень ценит его. Потом доктор, молодой человек, не то что совсем *нигилист*, но, знаешь, ест ножом... но очень хороший доктор» (Толстой, Анна Каренина). Имплицируется: *нигилисты*, не придающие значения условностям, могут вести себя за столом, как *простолюдины*.

Категориальная норма наблюдается и в тех случаях, когда категория, казалось бы, состоит всего из одного человека. На самом же деле *сингулярное поведение*

⁹⁴ Ср. фактическую легализацию матерщины... в органах правопорядка: «Генеральному прокурору позвонили из аппарата правительства с просьбой подготовить <...> спецсообщение, резюме по делу, которое ведет следователь Туранский. С итогом расследования хочет познакомиться премьер-министр. Срок предоставления (!! — *Е. В., В. К*) спецсообщения — два дня. Туранский засел в кабинете, выпил пару литров крепчайшего кофе, выкурил две пачки сигарет, *изматерился* и про себя и вслух *вдрызг*» (Ф. Незнанский, Король казино. М., 1998, с. 565).

всегда описывается или объясняется через сродную группу: *Ты вечно опаздываешь!; Никогда не убираешь за собой!; Вы ни разу не исполнили задания в срок; Ты вообще лентяй (грязнуха, копуха, неряха, тупица, бездельник, лгун...).*

Частным случаем тактики подверстывания к категории являются негативные именованья лиц, которые принадлежат к определенной группе, но не придерживаются ее норм или не соответствует ее нормам: *Хотя и лорд, но не джентльмен; Не Цицерон (о косноязычном премьер-министре); Вы что, Лев Толстой? (о второразрядном писателе); Какая из нее балерина? Зря только время тратит!; С его-то весом и бегать наперегонки!; Для моряка ему широты не хватает; Для бизнесмена он слишком простоват.* «— Да полно тебе, Иван Петрович, на старости лет романтические слова говорить! — остановила его жена» (Лесков, На ножах).

(7) Переходим к РПТактике именованья нормы и сингулярностей, которая релятивизируется в зависимости от обстоятельств. Когда используется эта тактика, то здесь и сейчас наблюдаемое поведение признаётся неуместным, но в целом оно может быть нормативным в других обстоятельствах: *Куда ты летишь? Не горит же! (имплицитно: вот когда дом горит, тогда нужна скорость); И что ты хватаешь? Ведь не голодный год!; Поспешность нужна лишь при ловле блох! Чего суетишься?; Здесь не торгуются. Не на базаре.* «Торопится поп, — думала Фекла. — И чего торопиться? Не на пожар ведь» (Зоценко, Исповедь).

Релятивизация нормы исходит также из признания некоторой формы поведения нормативной, если бы человек находился в другом состоянии: *Ну был бы он пьян, я еще понимаю; Если бы он был голоден и взял, еще можно было бы простить; Ты все прекрасно понимаешь, с тебя иной спорос, чем с глупенького.* «Она еще глупа, а ты уж не щенок» (Крылов).

(8) Используя РПТактику выявления динамики поведения, адресант воспринимает перемену в поведении и соотносит ее с прежней нормой: *Что ты перестал звонить?; После болезни вся ее веселость исчезла.* Когда человек меняет амплуа, обычно выясняют «к чему бы это?»: *Всегда был вежливым, а сегодня вожджа под хвост попала!; Он переменялся; Стал невнимателен; У него испортился характер; Перестал понимать очевидное.*

(9) РПТактика «уравновешенных» наименований (когда отмечается как Nm, так и Sg): *Умен, этого у него не отнимешь! Но на что направлен его ум?; Всегда учтив и вежлив, но в душе-то людей не уважает; Обычно месяц крепится, два ни в одном глазу. А потом как загудит!* Когда начинается перечисление достоинств человека, обычно следует «но» и наименование такой сингулярности, которая все «похвалы» сводит на нет: *Конечно, Севка недурен, обходителен, умеет обворожить. И тебя, вижу, уже обольстил. Но, должна тебя огорчить, — он колется.*

(10) РПТактика констатации расхождения относится к выявлению разницы между сингулярным поведением человека и нормами группы, в которую он входит: *Вася вроде бы штаны носит, а треплет языком, словно баба; Ему лет тридцать, а уже зубов нет; Чего ты стоишь, как вкопанный?! Беги скорее!; Хотя не беден, копейки лишней не даст; В Бога веришь, а злорадствуешь; Врет как сивый мерин; Что ты все кривляешься? Ты же не клоун и не в цирке; Не украинец, а говорит: хород; Сорит деньгами, словно Крез; Прет напролом, как танк.* «В компании личин и кукол / Комедии я не ломал, / И в тон начальству не сюсюкал / В толпе льстецов и прихлебал» (Пастернак). «...Обезьяна взяла бабушкину конфету и запихала ее в свой рот. Ну —

обезьяна. Не человек. Тот, если возьмет, так не на глазах же у бабушки» (Зощенко, Приключения обезьяны).

На подобной коллизии (сшибке воспитаний) построена миниатюра «Ши» из «Senilia» И. С. Тургенева. Барыня пришла к бабе, только что потерявшей сына, и застала ее с ложкой в руке — та хлебала варево. Барыня подумала: «Она может есть в такую минуту!» и сделала заключение: «Какие, однако, у них у всех грубые чувства!»

(11) РПТактика выявления разницы между **нынешним** и **нормативным поведением** человека — это еще одна динамичная тактика: *Что-то ты сегодня не активный, Петя!; Обычно он такой веселый, а сегодня совсем нос повесил; Его как будто подменили; Не узнать человека; Послушай, да это ты ли?* Ср. явное указание на ожидание дескриптора:

Он мог бы чувства обнаружить,
А не щегиниться как зверь;
Он должен был обезоружить
Младое сердце. Но теперь
Уж поздно; время улетело... (Пушкин, Евгений Онегин, VI, 11)

(12) Весьма распространенной является РПТактика выявления разницы между адресантом и адресатом в оценке нарушения (или степени нарушения) нормы (что ведет к разнице в номинациях): *Да нет, он не прижимист, а просто хороший хозяин!; Я бы сказала: скуповат, это да! Но что он скупердяй — это слишком; Какой из него семьянин? По три ночи дома не ночует!; Да что в этом такого (особенного)!; Ну, немного покачивается. Но ведь не пристает, не выражается!; Конечно, погорячился! Но за рамки приличий, по-моему, не вышел; Он — все что угодно, только не подлец!; Да ему далеко до Цицерона!; Кто в молодые годы не шаливал?; И где это записано, чтобы в праздник не выпить?; Пожалуй, ты прав: там в углу кто-то шевелится!; Да, теперь вижу: и где он так нагрузился?; Ну, выпил человек с устатку! С ног же не валится!; Ты преувеличиваешь: ничего он глаза не отводит; Да нет там никакой паутины!; Ну, не пятно, а пятнышко; Вера не расстроена, а просто у нее глаза слипаются; Что у нее: руки? Руки как руки!* и т. д.

Частный случай рассматриваемой РПТактики: ссылка на то, что нарушения нормы распространились и уже стали «нормой»: *Все тащат, а мне что? Нельзя?; Сейчас малые дети и бабы пьют, а нам, плотникам, сам Бог велел.*

(13) РПТактика «компенсации» представляет собой противопоставление: *Пьян, да умен — два угодя в нем!; Он несдержан, но исподтишка не ударит; Суворов кричал петухом, да перевалил же через Альпы; Он ни слова в ответ, только вспыхнул.* «По мне — так пей, / Да дело разумеи!» (Крылов). В «Герое нашего времени» исследован вопрос компенсации, а именно: более слабой (по сравнению с ожидаемой) реакции. Ср.: «...он (Максим Максимыч) хотел кинуться на шею Печорину, но тот довольно холодно, хотя с приветливой улыбкой, протянул ему руку. <...> Добрый Максим Максимыч сделался упрямым, сварливым штабс-капитаном! И отчего? Оттого, что Печорин в рассеянности или от другой причины протянул ему руку, когда тот хотел кинуться ему на шею!»

Частным случаем тактики «компенсации» является указание, как могли себя повести в данной ситуации другие, более испорченные, люди: *Он же не дрался, не оскорблял никого, ну просто плюнул в ее сторону; Другой бы полез в бутылку, а я даже*

не выражался. Ну, может, пару раз не сдержался; Посмотри на Петра Федоровича. Вот это, я понимаю, на самом деле жулик!

(14) РПТактики указания на норму через отрицание: *Не упади!* (= там все падают); *Вы только не волнуйтесь!* (= есть от чего взволноваться); *Не обижайтесь!* (= хотя я говорю обидные вещи). Подобные предостерегающие речения свидетельствуют, что адресант по опыту знает о «нормативном» (распространенном) нарушении нормы: (мать наставляет сына перед уходом на работу) *Суп не ешь холодный. Не ленись, разогрей* (= обычно не разогреваешь). *Мусорное ведро не забудь, вынеси. Ребят не пускай. На улицу не ходи. Сиди и делай уроки, а телевизор не включай.* Ср. также:

В заветных ладанках не носим на груди,
О ней стихи навзрыд не сочиняем.
Наш горький сон она не бередит,
Не кажется обетованным раем.
Не делаем ее в душе своей
Предметом купли и продажи,
Хворая, бедствуя, немотствуя на ней,
О ней не вспоминаем даже. (Ахматова)

(15) Под самый конец рассмотрим РПТактику абстинативных наименований.

Напомним, что РПТактики, согласно которым один из участников жизненной ситуации не совершает действий, ожидаемых от него, называются *тактиками воздержания* или, поскольку для дальнейшего необходимо терминологическое прилагательное, — *абстинативными тактиками*⁹⁵. «Флора не плакала и не убивалась при материнном гробе, и поцеловала лоб и руку покойной с таким спокойствием, как будто здесь вовсе и не шло дело о разлуке» (Лесков, На ножах).

Абстинативные тактики, конечно, отличаются от тактик, получивших внешнее выражение, но в аспекте коммуникации те и другие равнозначны. Отсутствие некоторых поступков — это тоже поступок и, в частности, молчание — это хотя бы и нулевая, но все же речь. Так, в зависимости от ситуации молчание бывает знаком то согласия, то несогласия, то возмущения, то пораженности увиденным или услышанным, то недогадливости, то робости, то нежелания говорить с кем-либо и т. д.

Ненормативное поведение может, впрочем, в некоторых случаях выступать как норма: *Я вам больше руки не подам!; Ноги моей здесь больше не будет!; После всего сказанного знать тебя больше не знаю!* Принято извиняться за негативную тактику, которая может толковаться как деликт: *Прости, не предупредил тебя. Забыл, отвлекся.*

Остается повторить, что настоящее исчисление сингулярных РПТактик из 15 единиц не является исчерпывающим.

Псалтырный стих звучит весьма резolutно: *Всї оуклонїшася, вкѣпѣ непотрѣбни вѣша: нѣсть творай блгоє, нѣсть до ѣдинаго* (Пс 52: 4). Псалмопевец ни для кого не делает исключения.

Неужели на самом деле нет на земле ни единого, кто не уклонился бы от Закона, не отступил от заповедей и не нарушил бы поведенческих норм?

С точки зрения человеческого правосудия сентенция вполне справедлива. Поскольку у каждого лица нормы — свои, он не может судить другого в тех самых

⁹⁵ Лат. *se abstinere* «воздерживаться (от какого-либо ожидаемого) действия»; ср. *абстинент*.

нормах, которых держится этот другой. Если это так, то «другой» в «моих» глазах не может не быть сингулярным, равно как и «я» — всегда отклоняюсь от нормативных представлений «другого». Сингулярность — столь регулярна, что стала «нормой ненормативности». С другой стороны, предписывающая или запрещающая норма — зачем она, какой она имела бы смысл, если бы не регулярные сингулярности?

Таким образом, выходит, что в анализе человеческого поведения следует исходить из всегда-и-езде-присутствия и неустранимости сингулярностей. Это в свой черед означает, что отражающие сингулярность речения и стоящие за ними речеповеденческие тактики составляют ядро коммуникации.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ
В КОМПЛЕКСНОМ
ЛИНГВОСТРАНОВЕДЧЕСКОМ
РАССМОТРЕНИИ

Глава 1. «Бородино» М. Ю. Лермонтова
в лингвострановедческом рассмотрении

Вернемся на время к уже обсужденной (в подглавке 05–7 Части II) филологизации как основному лингвострановедческому подходу к языковым единицам и к художественным текстам. Данная глава, как и следующая, имеет лингводидактическую природу. Обе главы объединены тематически: в них рассматриваются два знаменитых русских поля — *Бородинское* и *Куликово*. Они объединены также и тем, что в них рассматриваются стихотворные произведения.

Начнем с представления возможной конкретной познавательной беседы для зарубежных преподавателей-русистов и студентов-филологов.

Почитаем Лермонтова вместе!

Сухая статистика называет впечатляющую цифру: ежегодно здесь бывает более 300 тысяч человек! Вот и сейчас здесь очень многолюдно: сегодня — 26 августа, очередная годовщина знаменитой Бородинской битвы.

Как только прозвучит название некогда небольшого сельца — Бородино, в памяти любого русского человека оживает множество ассоциаций. Они связаны не только с Отечественной войной 1812 г., но и с Великой Отечественной войной 1941–1945 гг., когда Бородинское поле вновь стало символом-мужества и стойкости. На поле до 200 монументальных памятников и знаков из камня и бронзы. С полем также связано немало памятников живописи, музыки, литературы. Так, почти все русские поэты — современники событий 1812 г. откликнулись на прогремевшую здесь битву — Державин, Карамзин, Крылов, Жуковский, Батюшков, Вяземский, Дельвиг, Пушкин, Языков, Тютчев...

В этой поэтической летописи выдающееся место занимает стихотворение М. Ю. Лермонтова «Бородино». Оно, безусловно, как входило, так и пока входит в фоновые

знания всех русских людей: его изучают в средней школе, и почти все помнят его наизусть.

— Скажи-ка, дядя, ведь не даром
Москва, спаленная пожаром,
Французу отдана?
Ведь были ж схватки боевые,
Да, говорят, еще какие!
Недаром помнит вся Россия
Про день Бородина!

Лермонтов избрал для своего стихотворения форму воображаемой беседы между старым солдатом, участником Отечественной войны 1812 г., и молодым солдатом-новобранцем. Лермонтов написал «Бородино» в 1837 г., к 25-летию юбилею сражения. Скорее всего, и разговор двух простых людей происходит во время этой годовщины. Новобранцу, вероятно, лет 18–20, и неудивительно, что он не все знает об отшумевших событиях. Разница в возрасте подчеркнута, в частности, обращением *дядя*: так младший по возрасту обращается к старшему. В русской литературе едва ли не впервые важное историческое событие воссоздается через восприятие простого человека, рядового участника.

— Да, были люди в наше время,
Не то, что нынешнее племя:
Богатыри — не вы!
Плохая им досталась доля:
Немногие вернулись с поля...
Не будь на то Господня воля,
Не отдали б Москвы!

Наше время для старого солдата — это 1812 год. 12 июня Великая армия Наполеона (600 тыс. человек) перешла русскую границу. Численный состав российской армии был всего 240 тыс. человек. Началось вынужденное отступление русских войск вглубь страны.

Мы долго молча отступали,
Досадно было, боя ждали,
Ворчали старики:
«Что ж мы? на зимние квартиры?
Не смеют, что ли, командиры,
Чужие изорвать мундиры
О русские штыки?»

Чтобы собрать силы, русские войска действительно отступали *долго*: лишь через полтора месяца, 26 августа, главнокомандующий М. И. Кутузов дал бой на Бородинском поле, на равнине у селца Бородино, в 124 км от Москвы. Действительно отступали *молча*, простые солдаты и даже офицеры не понимали тактики командования, и им хотелось как можно скорее остановить ненавистного врага. Молчание в данном случае выражает горе и непонимание, даже растерянность. Иные даже открыто *ворчали*. Все *боя ждали*.

И вот нашли большое поле:
Есть разгуляться где на воле!
Построили редут.
У наших ушки на макушке!
Чуть утро осветило пушки
И леса синие верхушки –
Французы тут как тут.

Бородинское поле на самом деле большое: почти 300 тыс. человек без труда заняли на нем свои позиции. План Наполеона, как и Гитлера, «молниеносно» выиграть войну провалился: русские войска сами навязали французскому императору время и место сражения, успели укрепиться и подготовиться, *построили редут*.

Забил снаряд я в пушку туго
И думал: угощу я друга!
Постой-ка, брат мусью!
Что тут хитрить, пожалуй к бою;
Уж мы пойдем ломить стеною,
Уж постоим мы головою
За Родину свою!

Итак, старый солдат был артиллеристом. Вопреки ожиданиям генералов Наполеона, русская артиллерия оказалась не хуже французской. Пушки-единороги, отлитые на отечественных заводах, были даже дальнобойнее австрийских и французских гаубиц. Артиллерист не случайно гордится своим мастерством.

Два дня мы были в перестрелке.
Что толку в этакой безделке?
Мы ждали третий день.
Повсюду стали слышны речи:
«Пора добраться до картечи!»
И вот на поле грозной сечи
Ночная пала тень.

Прилег вздремнуть я у лафета
И слышно было до рассвета
Как ликовал француз.
Но тих был наш бивак открытый:
Кто кивер чистил весь избитый,
Кто штык точил, ворча сердито,
Кусая длинный ус.

По сообщению современника, накануне битвы в армии Наполеона «громкие песни, лязг металла и дробь барабанов слышны были за несколько верст от Бородина». Непобедимое воинство было уверено в своей победе. Как же обманул их день *Бородина!*

И только небо засветилось,
Все шумно вдруг зашевелилось,

Сверкнул за строем строй.
Полковник наш рожден был хватом:
Слуга царю, отец солдатам...
Да, жаль его: сражен булатом,
Он спит в земле сырой.

Сражение началось ранним утром — *только небо засветилось* и продолжалось до наступления темноты. Русская армия была едина в борьбе с захватчиками: и рядовой солдат, и полковник одинаково чувствовали ответственность за Родину.

И молвил он, сверкнув очами:
«Ребята! не Москва ль за нами?
Умремте ж под Москвой,
Как наши братья умирали!»
И умереть мы обещали,
И клятву верности сдержали
Мы в Бородинский бой.

Призыв командира стал крылатым выражением: *Ребята! не Москва ль за нами? Умремте ж под Москвой!* Когда через 129 лет после Бородинского сражения фашистские войска рвались к Москве и достигли Бородинского поля, строки стихотворения приобрели новый смысл. Пожалуй, никогда прежде художественное слово не становилось таким мощным выразителем патриотических чувств.

Ну ж был денек! Сквозь дым летучий
Французы двинулись, как тучи,
И всё на наш редут.
Уланы с пестрыми значками,
Драгуны с конскими хвостами.
Все промелькнули перед нами,
Все побывали тут.

Вам не видать таких сражений!
Носились знамена, как тени,
В дыму огонь блестел.
Звучал булат, картечь визжала,
Рука бойцов колоть устала,
И ядрам пролетать мешала
Гора кровавых тел.

Бородинское сражение оказалось очень кровопролитным: французы потеряли 50 тыс. человек, русские — 44 тысячи. Сам Наполеон был вынужден признать: «Из всех моих сражений — самое ужасное то, что я дал под Москвой. Французы в нем показали себя достойными одержать победу, а русские стяжали право быть непобедимыми».

Изведал враг в тот день немало,
Что значит русский бой удалый,
Наш рукопашный бой!

Земля тряслась, как наши груди:
 Смешались в кучу кони, люди,
 И залпы тысячи орудий
 Слились в протяжный вой...

Вот смерклось. Были все готовы
 Завтра бой затеять новый
 И до конца стоять...
 Вот затрещали барабаны —
 И отступили бусурманы.
 Тогда считать мы стали раны,
 Товарищей считать.

Бородинская битва не принесла успеха Великой армии. Русские войска не были разгромлены. И тем не менее силы Наполеона все еще превосходили русских почти в три раза. М. И. Кутузов приказал войскам отступить, а 1 сентября он принял трудное решение оставить Москву. Полководец произнес при этом крылатую фразу: «С потерей Москвы еще не потеряна Россия». В дальнейшем жизнь доказала его дальновидность.

Да, были люди в наше время,
 Могучее, лихое племя:
 Богатыри — не вы.
 Плохая им досталась доля:
 Немногие вернулись с поля.
 Когда б на то не Божья воля,
 Не отдали б Москвы!

Что было после решения Кутузова? Итог известен. Москва не встретила Наполеона, как другие столицы, делегацией с ключами от города. Напротив, было полностью дезорганизовано снабжение вражеских войск. Начались пожары. Население успело покинуть город. Не получив ответа на предложения о мире, в октябре Наполеон оставил Москву и двинулся восвояси. Под ударами русской армии, которая все усиливалась, и партизанских отрядов таяло на глазах когда-то непобедимое воинство.

Велика и замечательна роль Кутузова. И все же главным действующим лицом в Отечественной войне 1812 г. явился простой народ, те самые русские люди, которые, подобно старому артиллеристу, никогда не подчеркивают собственной роли. У этого артиллериста его я полностью растворилось в *мы*: *мы долго молча отступали; уж мы пойдем ломить стеною; и умереть мы обещали*. Человек из народа, старый солдат и говорит языком простонародным — живым и образным. Вместо *сжечь* — у него *спалить*, вместо *судьба* — *доля*, вместо *свобода* — *воля*. Полковник для него не *молодец*, а *хват*, французы не *чужеземцы*, а *басурманы*. В речи рассказчика Лермонтов воспроизводит народные фразеологизмы: *ушки на макушке; тут как тут; ломить стеною*. Многовековой русский фольклор звучит в устойчивых сочетаниях *грозная сеча, сырая земля*.

Укажем на два интересных для филолога исконно русских, непередаваемых выражения. «Есть разгуляться где на воле!» Что такое *раз-гулять-ся*? Нет эквивалента ни по-английски, ни по-французски. В непередаваемом глаголе отразилась любовь

русского человека к бескрайнему пространству: *разгуляться* — это *развернуться*, действовать без преград и стеснений, дать себе волю. «Что значит русский бой уда-
лый». *Удалый* — также неперебиваемое прилагательное: это и красивый, и смелый, и
отважный, и мужественный, и бойкий. *Удалец* — *молодец, любо молодцу разгуляться!*

Без назидательных речей и восклицаний великий поэт показал роль народа в
Бородинском сражении, в освободительной Отечественной войне 1812 г. И помог
ему в этом русский язык.

Систематически приводимые выше притекстовые (построфные) комментарии
можно уподобить «ступенькам вглубь страницы»: они обеспечивают восприятие
страноведческого потенциала текста. Предлагаемая методика прочтения художест-
венного произведения имеет целью приобщить иностранных учащихся к познанию
России, поскольку, сошлемся еще раз на слова Салтыкова-Щедрина, литература —
это «отраженная вселенная». Важно, чтобы выдающееся, хрестоматийное произве-
дение классической русской (да и советской¹) литературы предстало перед учащи-
мися не только как событие в мире искусства, но и как общественное событие. Из
песни слова не выкинешь: эпоха 1990-х гг. и начала XXI в. не породила ни стихо-
творных, ни прозаических шедевров, которые стали бы общественным событием.

По принадлежности показанная выше на примере методика является фило-
логической: в ней внимание концентрируется на слове, на контекстной и затекст-
ной информации, на языковых комментариях. Соответственно она и ориентирова-
на прежде всего на аудиторию студентов или преподавателей-филологов. Одновре-
менно хочется подчеркнуть, что отнюдь не одни филологи способны к зрелому
чтению художественной литературы. Художественные произведения создаются для
всех людей, без различия профессий, поэтому филологическая методика, вероятно,
способна с успехом применяться также в аудитории студентов естественно-науч-
ных и технических специальностей.

Иногда говорят, что медленный, въедливый, скрупулезный разбор художествен-
ного произведения есть недопустимое анатомирование, разятие живого. Между тем
сами писатели не только не возражают против дотошного прочтения своих произведе-
ний, но и призывают к нему. По достоверному воспоминанию мемуариста, А. П. Чехов
«не раз» говорил об этом: «Я бы сделал так: взял его рассказ (Чехов имеет в виду прозу
как раз М. Ю. Лермонтова. — *Е. В., В. К.*) и разбирал бы, как разбирают в школах, —
по предложениям, по частям предложения... Так бы и учился писать». Данная мысль
Чехова ниже обсуждается еще раз, подробнее (в главе 3 настоящей Части IV).

Принцип филологизации теснейшим образом связан с принципом актуального
историзма. Лингвострановедческое чтение, требующее немалых затрат сил и вре-
мени, рекомендуется прилагать лишь к тем художественным произведениям, кото-
рые безусловно прошли проверку временем, а точнее: историей. Сиюминутная по-
эзия и проза, даже если она в данный момент у всех на устах, может включаться в
учебный процесс лишь для широкоохватного, концептуального, даже просмотрового
чтения. Углубленное филологическое погружение в текст рекомендуется примени-
тельно к произведениям, которые определенно никогда не устареют и тем оправ-
дают затраченные усилия.

¹ Мы вынуждены извиниться за банальное суждение: из отечественной истории и литературы
ни одного периода выбросить невозможно.

Глава 2. «На поле Куликовом» А. А. Блока в лингвострановедческом рассмотрении

Данная глава построена примерно так же, как предыдущая — она содержит лингвострановедческий комментарий к облигаторному поэтическому произведению.

Память языка — один из наиболее объективных источников исторических сведений. Чтобы конкретно подтвердить этот общий тезис, ниже рассматриваются избранные строки из цикла А. А. Блока «На поле Куликовом».

Река раскинулась. Течет, грустит лениво
И моет берега.
Над скудной глиной желтого обрыва
В степи грустят стога.

Печально-спокойные, ностальгические строки Александра Блока... С каким чувством, с каким настроением где-то здесь, на Дону, сентябрьским вечером 1380 года стоял князь Димитрий², которому в дальнейшем предстояло войти в историю с прозвищем *Донской*? Вместе с воеводой и тезкой Димитрием Боброком-Волынским он отправился на поиски места для завтрашней битвы. Русское войско уже перешло Дон, великий князь приказал сжечь мосты, кругом вода, отступить некуда. В «Сказании о Мамаевом побоище» повествуется: «По десной же стране... бысть трепеть птичей, великъ велми, ...по реце же Непрядве гуси и лебеди крыльми плещуше, необычную грозу падающе» («На правой же стороне беспокоились очень птицы, по реке Непрядве гуси и лебеди всплескивали крыльями, предсказывая необычную грозу»).

Насколько точно и психологически достоверно описывает Блок душевное состояние князя и воеводы:

Мы, сам-друг, над степью ночью стали:
Не вернуться, не взглянуть назад.
За Непрядвой лебеди кричали,
И опять, опять они кричат...

Сам-друг — вдвоем. Скорее всего имеются в виду князь Димитрий и воевода Боброк. Смущено, взволновано, встревожено сердце молодого князя. Воевода сходит с коня, опускается и надолго принакает ухом к земле. Затем встает и сообщает две вести. Прежде всего он предсказывает князю трудную, но — победу.

И, к земле склонившись головою,
Говорит мне друг: «Остри свой меч,
Чтоб недаром биться с татарвою,
За святое дело мертвым лечь!»

² Примечательно, что церковная и древнерусская форма имени близка греческой (Διμήτριος) — не *Дмитрий* (как сейчас часто говорят и пишут), а *Димитрий*. На предпочтение имени Димитрий как на признак «прогрессиста» конца XIX в. (считалось, что надо знать историю Руси, России) обратил внимание проницательный А. П. Чехов: «Это была женщина высокая, с темными бровями, прямая, важная, солидная и, как она сама себя называла, мыслящая. Она много читала, не писала в письмах ъ, называла мужа не *Дмитрием*, а *Димитрием*...» (Дама с собачкой).

А вторая весть — скорбная. Боброк услышал, как неутешно плачет вдова, как мать бьется о стремя сына. Лебединый крик грозил бедой. Польшали далекие зарницы.

Закат в крови! Из сердца кровь струится!
Плачь, сердце, плачь...

...В начале XIII в. из Центральной Азии началось движение на запад кочевых племен — *орды* под водительством Чингисхана. Русские князья не смогли выступить все вместе, поэтому сильный враг разбивал их поодиночке. В 1240 г. была захвачена столица Древней Руси — Киев. Так началось *ордынское иго*, то есть неволя, рабство, которое продолжалось 240 лет.

Русские люди не мирились с завоевателями. В разных концах Руси поднимались восстания, и Золотая Орда (так называлось государство, основанное кочевниками) должна была постоянно держать наготове сильное войско. Эта упорная кровопролитная борьба русского народа защитила европейские страны от опустошительного нашествия. Лучше Пушкина и сказать невозможно: «России определено было великое предназначение: ее необозримые равнины поглотили силу монголов и остановили их нашествие на самом краю Европы; варвары не осмелились оставить у себя в тылу поработенную Русь и возвратились в степи своего Востока. Образующееся просвещение было спасено растерзанной Россией».

Для успешной борьбы с захватчиками надо было объединить русские княжества. Центром объединения стала Москва. При Димитрии на месте деревянного града с 1367 г. началось в Москве строительство Кремля из белого камня. Оттого Москва надолго осталась в памяти народа белокаменной.

Из Золотой Орды с тревогой следили за усилением Москвы. А когда в 1378 г. русские разбили небольшой ордынский отряд, хан Мамай понял, что скоро будет и вовсе потеряна власть над покоренной страной. Он собрал огромное войско и пошел на Русь.

Память языка — один из наиболее объективных источников исторических сведений. В современном словоупотреблении *орда* — это бесчисленное количество дикого народа, полчище, туча. Словно туча, шли *ордынцы* к Москве, все сжигая и опустошая за собой. *Мамаево нашествие* — так говорят, когда неожиданно появляются неприятные нам люди. А если они оставили после себя большой беспорядок, то говорится: *как Мамай прошел*.

Русские, не теряя времени, собрали объединенное войско во главе с великим князем Димитрием. Это войско тоже было очень большим.

6 сентября 1380 г. противники появились возле Дона, а 7 сентября мы застаем князя Димитрия и его воеводу Боброка за поисками места для битвы. Нашли естественную дугу — поле, которое слева ограничивалось Непрядвой, а справа — Доном. Ордынская конница успешно атаковала с флангов, заходила в тыл, а здесь реки не давали такой возможности. Это, тогда неизвестное, *Куликово поле* скоро прогремело по всей Руси и стало, как потом и *Бородинское поле*, одним из символов побед русского оружия в освободительных войнах.

Русское войско выстроилось в боевом порядке. «Пусть никто не думает об отступлении, — сказал в напутственной речи князь Димитрий, — мы пришли, чтобы спасти Русь от разорения или положить свои головы!» В рядом расположенной дубраве был скрыт конный засадный полк. Все готово к решающему бою. Все смотрят на полководца и на развернутое знамя за ним.

Во время битвы *знамя* играло особо важную роль. Оно было огромным (до шести метров длины): его хорошо видели все участники сражения. Знамя ставилось в самом

центре войска. Противники стремились пробиться к знамени и повалить его, потому что *упавшее знамя* означало поражение, конец битвы. Мы и сейчас говорим: *высоко держать знамя* чего-либо, то есть твердо держаться определенных принципов, хранить идеалы. *Идти под знаменем* чего-либо или кого-либо значит: руководствоваться какой-то идеей. *Поднять знамя борьбы* за что-либо — начать бороться за определенное дело. Думается, что даже выражение *переходящее Красное знамя*, которое в советское время вручали за победу в социалистическом соревновании, также стоит в этом историческом ряду.

...Итак, князь Димитрий решил принять участие в битве наравне с другими воинами. Поэтому он, сняв с себя одежду, приличествующую главе войска и государства, надевает обычные военные доспехи: на голове у него шлем, в руках — меч и щит.

Обратим внимание на слова: *щит, меч и шлем*. Они оставили заметный след в современном языке и вошли в некоторые устойчивые словосочетания. Например, *поднять на щит* — «неумеренно хвалить кого-либо». Производное от *щит* — *за-щит-а* (охрана кого-либо или чего-либо от грозящей опасности) — активное слово русского языка: *защитник* (в последнее время часто: *правозащитник*), *беззащитный*, *подзащитный*, *самозащита*, *лесозащитный*, *теплозащитный*. Актуальная задача — *защита окружающей среды*. *Поднять меч* на кого-либо — «объявить войну, напасть»; *скрестить мечи* — «бороться, сражаться с кем-либо»; *вложить меч в ножны* — «заключить мир, прекратить борьбу»; *огнем и мечом* — «беспощадно уничтожать что-либо в ходе военных действий». *Мамай огнем и мечом прошел по Руси*. Что касается *шлема*, то по-древнерусски слово звучало как *шелом*. Отсюда современный глагол *ошеломить* — «сильно удивить кого-либо, неприятно поразить, озадачить». *Ошеломить* — буквально: «ударить в бою по шелому, лишить сознания, сбить с ног»; отсюда переносное значение, актуальное и сейчас.

Итак, воины в шлемах и доспехах, с мечами и щитами в руках готовы к битве. По обычаю, бой начался поединком двух богатырей — русского Пересвета и ордынского Челубея. Несколько часов шла жестокая сеча. Воины Мамаю постоянно шли в атаку и даже прорвали строй русских. Казалось, победа для них обеспечена. В критический момент воевода Димитрий Боброк-Волынский вывел из засады свежий конный полк. Это и решило исход битвы. Еще некоторое время бой продолжался, но потом ордынцы дрогнули и вскоре беспорядочно побежали. Они бросали свои щиты и копья. Мамай пытался остановить бегущих, его никто не слушал. Наконец, он и сам вскочил на коня и пустился в бегство.

Русские воины далеко (на 50 верст) преследовали ордынцев, вплоть до реки Красивая Меча. Были захвачены шатер Мамаю, его знамена, большие стада коней, волов и верблюдов, множество оружия, одежды, продовольствия. Катастрофа постигла войско степняков-кочевников, а самого Мамаю вскоре убили в Золотой Орде. Еще в древности Куликовскую битву называли *Мамаевым побоищем*, то есть избиением, уничтожением Мамаю, и это образное выражение (конечно, в переносном смысле) дошло до наших дней. Сейчас *Мамаево побоище* — это любой большой беспорядок, разгром, драка, особенно если понесены большие потери. Все три выражения, связанные с Мамаем — *Мамаево шествие*, как *Мамай прошел*, *Мамаево побоище*, — могут употребляться все-речь, но все-таки чаще их употребляют юмористически, в шутку.

И последнее, четвертое, выражение — *Мамаев курган* — также связано с героизмом русского, советского народа в защите Отечества. Так называется возвышение, высота в центральной части Волгограда (Сталинграда). Здесь во время Великой Отечественной войны, особенно в сентябре 1942 г. и в январе 1943-го, происходили упорные бои, завершившиеся, как известно, разгромом крупнейшей гитлеровской группировки войск, что привело к перелому в войне и к окончательной победе в

мае 1945 г. Сейчас на Мамаевом кургане сооружен величественный ансамбль-памятник в честь победы под Сталинградом.

А что касается победителя Мамаю Димитрия Донского, то его имя в грозную осень 1941 г. не случайно было названо среди имен величайших русских полководцев — Александра Невского, Александра Суворова, Михаила Кутузова.

Победа на Куликовом поле вызвала мощный подъем русского национального сознания. Хотя ордынское иго все же еще продолжалось, его падение было теперь предопределено. Русский народ понял, что Золотую Орду победить можно. Победа будет обеспечена, если удельные князья объединятся и вместе *поднимут меч* на врага.

Вот почему свержение ордынского ига совпало с окончанием феодальной раздробленности Руси. К 1480 г. все русские удельные княжества объединились вокруг Москвы.

Лингвострановедческая беседа дает основания для учебной работы двоякого рода: во-первых, ее можно построить вокруг стихотворений А. А. Блока; во-вторых — организовать с опорой на русскую лексику и фразеологию, связанную с Куликовской битвой.

Если учащиеся хорошо владеют языком и имеют склонность к поэзии, то полезно познакомить их со стихотворным циклом А. А. Блока «На поле Куликовом», написанным в 1908 г. В нем отражены не только события древней русской истории. Предварительно полезно рассказать учащимся об особенностях художественного метода поэта. Некоторые слова могут вызвать затруднения (например, *скудный, пронзить, мгла, домчаться, ковыль, круча, вскачь*). Лучше их ввести через перевод.

Теперь кратко о возможности учебной деятельности с опорой на историческую лексику и фразеологию. Очень эффективно вводить лексику и фразеологию с опорой на зрительную наглядность. У выдающегося художника Павла Дмитриевича Корина (1892—1967) есть мозаика «Димитрий Донской», которой украшена станция «Комсомольская-кольцевая» Московского метрополитена. Репродукцию этой картины достать несложно. Можно продемонстрировать на занятии и слайд с нее, обращая особое внимание на *иллы, мечи, щиты и знамя*, потому что эти реалии лежат в основе устойчивой словосочетаемости и фразеологии, наделенной национально-культурным компонентом в семантике.

Глава 3. «Матренин двор» А. Солженицына в лингвострановедческом рассмотрении

Солженицына можно принимать или не принимать, слушать или не слушать, любить или ненавидеть, но трагическая эпоха, которую мы переживаем, протекает под его знаком...

Владимир Максимов

Гражданские деяния великого писателя значительны для всех; для филологов особенно интересен и показателен язык произведений нобелевского лауреата.

Этот язык можно принимать или не принимать, солженицынские словечки и выражения одних восхищают, а других раздражают, пристрастие писателя к пословицам, славянизмам или, напротив, к лагерному жаргону вызывает самые разноречивые оценки, но все же ясно одно — современный русский литературный язык

охотно воспринял и продолжает впитывать в себя самобытнейший вклад Александра Исаевича. Не на последнем месте стоят и сами произведения, рассматриваемые как литературные явления, а точнее сказать — как события. Персонажи Солженицына одним кажутся полнокровными и взятыми прямо из жизни, а другим — холодными; солженицынские приемы построения сюжета могут разочаровывать и очаровывать; диалоги, да и авторская речь вызывают и хвалу, и хулу — однако нельзя не сказать совершенно определенно: перед нами литература высочайшей пробы и ей обеспечено место в золотом фонде мировой культуры.

В том числе — и знаменитому рассказу «Матренин двор». Попытаемся «пристально рассмотреть» этот рассказ и с его помощью подойти к решению двух сложнейших проблем русской духовности — национального идеала и национальной самокритичности. Собственно, тот вид чтения, о котором говорится в настоящей главе книги, в филологии старой школы так и назывался — «пристальным чтением».

03–1. ПРОБЛЕМА НАЦИОНАЛЬНОГО ИДЕАЛА

Трудноуловимый — а потому иногда шельмуемый — вопрос бытия собирательной «русской души» сопряжен с национальными чувствами. Образ «русской души» в повседневной жизни искажен, — но живет ли он в коллективной этнической памяти хотя бы как идеал? Образ человека любой национальности — всегда позитивен. И нет ничего ни удивительного, ни тем более шовинистического в том, что русский или татарин, эстонец или еврей в собственных идеализированных представлениях рисуют благородные образы. Какое же идеальное представление имеют русские сами о себе?

Национальная психология русских, хотя она и подверглась жестокой ломке в XX в., — как была, так и остается категорией исторической. Следовательно, чтобы понять «русский идеал», нет другого пути, кроме актуального историзма. Есть знания и представления, которые вышли или выходят из памяти национально-культурной общности, но есть и такие, которые помнятся долго, «вечно».

«Матренин двор» написан в 1959 г. Нарисован в нем образ женщины, родившейся и даже успевшей выйти замуж до революции 1917 г. Неграмотная больная старуха то тащит на себе торфины, то копает «картовь», то ходит из канцелярии в канцелярию и добивается пенсии. Интересна ли, а главное — поучительна ли эта повседневность? Что дало Солженицыну основание закончить рассказ высокосторжественными словами, которые следуют ниже?

«Все мы жили рядом с ней и не поняли, что есть она тот самый праведник, без которого, по пословице, не стоит село.

Ни город.

Ни вся земля наша».

Матрена не просто праведница, а — русская праведница. Ее праведность отлична от благочестия египетского пустытника или благотворительности активистки из Армии спасения.

Надо при этом определенно сказать, что хотя категория *праведности* относится к области православия, саму Матрену, вопреки ожиданиям, религиозной не назовешь. Ей свойственна так наз. *бытовая вера*:

«Не сказать, однако, чтобы Матрена верила как-то истово. Даже скорей была она язычница, брали в ней верх суеверия: что на Ивана Постного в огород зайти нельзя — на будущий год урожая не будет; что если мятель крутит — значит, кто-то где-то удавился, а дверью ногу прищемишь — быть гостю. Сколько жил я у нее — никогда не видал ее молящейся, ни что она хоть раз перекрестилась. А дело всякое начинала «с Богом!» и мне всякий раз «с Богом!» говорила, когда я шел в школу. Может быть, она и молилась, но не показно, стесняясь меня или боясь меня притеснить. Был святой угол в чистой избе, и иконка Николая Угодника в кухоньке. Забудни стояли они темные, а во время всенощной и с утра по праздникам зажигала Матрена лампадку. Только грехов у нее было меньше, чем у колченогой кошки. Та — мышей душила».

Относительно роли православия в прошлом и настоящем России см. Часть III Раздела первого настоящей монографии.

Отличительная черта русской праведности — ее *неброскость*. Образ Матрены соткан из повседневных и неприметных черт характера, не привлекающих к себе внимания. Необходимо «пристальное чтение», о котором выше уже упоминалось.

Матрена — *терпелива*. Вот налетает на нее «тяжелая немочь», и она валится и сутки-двое лежит пластом.

«Она не жаловалась, не стонала и не шевелилась почти». «Вызвать на дом врача из поселкового медпункта было в Тальнове вдвоу, как-то неприлично перед соседями — мол, барыня». «Дела звали к жизни. Скоро Матрена начинала вставать, сперва двигалась медленно, а потом опять живо».

К тяготам нездоровья прибавляется крайняя бедность.

«Я только потом узнал, что год за годом, многие годы, ниоткуда не зарабатывала Матрена Васильевна ни рубля. Потому что пенсии ей не платили. Родные ей помогали мало. А в колхозе она работала не за деньги — за палочки. За палочки трудней в замусоленной книжке учетчика».

Ниоткуда взять топлива, и Матрена тащит на себе торф — ворованный, потому что «не продавалось торфу жителям».

(Бабы) «зараз уносили в мешке торфин шесть, если были сыроваты, торфин десять, если сухие. Одного мешка такого, принесенного иногда километра за три (и весил он пуда два), хватало на одну протопку. А дней в зиме двести. А топить надо: утром русскую, вечером „голландку“».

Ниоткуда взять сена для козы, и опять-таки Матрена, ничуть не ропща и не возмущаясь, несет свои тяготы.

«Брала она с утра мешок и серп и уходила в места, которые помнила, где трава росла по обмежкам, по задороге, по островкам среди болота. Набив мешок свежей тяжелой травой, она тащила ее домой и во дворике у себя раскладывала пластом. С мешка травы получалось подсохшего сена — навильник».

Любой начальник творит произвол, но Матрена сносит его молча и без злобы.

«Председатель новый, недавний, присланный из города, первым делом обрезал всем инвалидам огороды. Пятнадцать соток песочка оставил Матрене, а десять соток так и поустовало за забором».

Когда же колхозу нужно помочь, Матрена, имеющая право отказаться, именно безотказно выходит на бесплатную работу.

«Когда рук не хватало, когда отнекивались бабы уж очень упорно, жена председателя приходила к Матрене».

Наконец, в бесконечных хлопотах с пенсией Матрена измучилась до такой меры, вернее сверх меры, что мы впервые слышим из ее уст кроткую жалобу.

«Из канцелярии в канцелярию и гоняли ее два месяца — то за точкой, то за запятой. Каждая проходка — день. Сходит в сельсовет, а секретаря сегодня нет, просто так вот нет, как это бывает в селах. Значит, завтра опять иди. Теперь секретарь есть, да печати у него нет. Третий день опять иди. Четвертый день иди потому, что сослепу они не на той бумажке расписались, бумажки-то все у Матрены одной пачкой сколоты.

— Притесняют меня, Игнатич, — жаловалась она мне после таких бесплодных ходок. — Иззаботилась я».

Писатель, однако, продолжает:

«Но лоб ее ненадолго оставался омраченным».

Долготерпение и кротость брали верх. И здесь выступает на поверхность еще одна, и очень важная, черта праведности Матрены — *трудолюбие*.

«Но лоб ее недолго оставался омраченным. Я заметил: у нее было верное средство вернуть себе доброе расположение духа — работа. Тотчас же она или хваталась за лопату и копала картовь. Или с мешком под мышкой шла за торфом. А то с плетеным кузовом — по ягоды в дальний лес. И не столам конторским кланяясь, а лесным кустам, да наломавши спину ношей, в избу возвращалась Матрена уже просветленная, всем довольная, со своей доброй улыбкой».

Свободный труд представляется ей праздником.

«По-бывалошному кипели с сеном в межень³, с Петрова до Ильина. Считалось, трава — медовая...» «Когда, бывалоча, *по себе* работали, так никакого *звуку* не было, только ой-ой-ойиньки, вот обед подкатил, вот вечер подступил».

Насколько радуется Матрена Васильевна красивому труду, настолько же она тяготится подневольной работой на колхозном поле.

«Да что говорить, Игнатич! Ни к столбу, ни к перилу эта работа. Станешь, об лопату опершись, и ждешь, скоро ли с фабрики гудок на двенадцать. Да еще заведутся бабы, счета сводят, кто вышел, кто не вышел».

Надо отметить, что в русской деревне средней полосы сложился *тип сильной, выносливой, неутомимой и жадной до труда крестьянской женщины*.

«Это ты меня прежде не видал, Игнатич <...>. Все мешки мои были, по пять пудов тижелью не считала. Свекор кричал: „Матрена! Спину сломаешь!“ Ко мне дивирь не подходил, чтоб мой конец бревна на передок подсадить».

³ *Межень* — июль.

Продолжая этот свой рассказ, Матрена упоминает о случае, видимо, нередком в крестьянской среде и многопамятном в контексте русской литературы.

«Конь был... у нас Волчок, здоровый... <...> А он стиховой какой-то попался. Раз с испугу сани понес в озеро, мужики отскакивали, а я, правда, за узду схватила, остановила».

Конечно, сразу на ум приходят некрасовские строки:

В игре ее конный не словит,
В беде — не сробеет, — спасет:
Коня на скаку остановит,
В горящую избу войдет!

Что ж, и другие качества Матрены можно перечислять одно за другим: *общительность, веселый нрав, приветливость, честность, доброту, готовность помочь, любовь к сельской жизни, деликатность*... Все эти добродетели, равно как долготерпение и трудолюбие Матрены, покрываются, по очень точному наблюдению писателя, определяющей чертой русской праведности — *полнейшим бескорытием*. Солженицын высвечивает эту ее черту мастерски — путем контраста.

Вот Фаддей, за которого Матрена чуть замуж не вышла, разбирает и увозит Матренину горницу, а когда случается несчастье на переезде и погибает его собственный сын, он все старается «спасти бревна горницы от огня и от козней Матрениных сестер».

К сожалению, стяжателей и приобретателей много развелось на российской земле, и число их все прибывает. Может быть, сейчас тем более наступило их время. Солженицын редко делает прямые обобщения, но здесь он не сдерживает своего негодования.

«Перебрав тальновских, я понял, что Фаддей был в деревне такой не один. Что добром нашим, народным или моим, странно называет язык имущество наше. И его-то терять считается перед людьми постыдно и глупо».

Действительно, что *доброго* связано с домом и пожитками, приобретенными и приобретаемыми?! Ведь только что на переезде тысяча жизней должна была оборваться.

«Из-за жадности нескольких людей: захватить участок земли или не делать второго рейса трактором».

Матрена — из совсем другого теста. Золовка, которая не упустит своего, неодобрительно отзываясь о покойной Матрене: «и за обзаводом не гналась; и не бережная; и даже поросенка не держала, выкармливать почему-то не любила; и, глупая, помогала чужим людям бесплатно <...>».

«И только тут — из этих неодобрительных отзывов золовки — выплыл передо мною образ Матрены, какой я не понимал ее, даже живя с нею бок о бок.

В самом деле! — ведь поросенок-то в каждой избе! А у нее не было. Что может быть легче — выкармливать жадного поросенка, ничего в мире не признающего, кроме еды! Трижды в день варить ему, жить для него — и потом зарезать и иметь сало.

А она не имела...

Не гналась за обзаводом... Не выбивалась, чтобы купить вещи и потом беречь их больше своей жизни.

Не гналась за нарядами. За одеждой, приукрашивающей уродов и злодеев.

Не понятая и брошенная даже мужем своим, схоронившая шесть детей, но не нрав свой общительный, чужая сестрам, золовкам, смешная, по-глупому работающая на других бесплатно — она не скопила имущества к смерти. Грязно-белая коза, колченогая кошка, фикусы...»

Большинство окружающих Матрену людей — это поборники собственного добра, имущества. Но национальный идеал не измеряется количеством. В образ русского человека входит именно нестяжательство, полное бескорыстие. Вспоминается давняя распря Иосифа Волоцкого, помышлявшего о монастырском «обзаводе», и заволжских старцев, призывавших не иметь ничего своего. Тогда-то и родилось позабытое ныне слово *нестяжатели*, но выражаемая им суть бескорыстия не забывалась никогда.

Итак, Матрена — «тот самый *праведник*, без которого, по пословице, не стоит село». Пословицу можно найти в словаре Даля: *Не стоит город без святого, селение без праведника*⁴. Однако ассоциации, по которым благоденствие города или села

⁴ *Праведник* — ключевое слово русского языка, в том числе и даже скорее всего в эпоху поиска Россией своей новой (возврата к старой?) духовности. Рассмотрим пример. В Мф 1: 19 относительно Иосифа Обручника в синодальном переводе сказано: «Иосиф же муж Ее, будучи *праведен* (δίκαιος) и не желая огласить Ее, хотел тайно отпустить Ее». В трех современных переводах этого стиха на русский язык ключевой атрибут Обручника (под которым он, кстати сказать, почитается в Неделю по Р. Х.) заменен: «Жених Марии, Иосиф, был *порядочным* человеком...» (перевод ИБС); «Иосиф, ее нареченный, как человек *благочестивый*...» (перевод Кузнецовой); «Иосиф же, жених ее, будучи *честным* человеком...» (перевод Лутковского). Когда современные переводчики по тем или иным причинам отказываются от удержания церковнославянизма *праведный*, они могут сослаться на разветвленную традицию переводов на европейские языки. Так, в восьми употребительных версиях перевода Евангелия на английский язык атрибут Иосифа в данном стихе передан по-разному: being a just man «будучи безупречным человеком» (*King James Version, Revised Standard Version*); being a man of stern principle «будучи человеком твердых принципов» (*Living Bible*); was a man who always did what was right «как человек, который всегда поступал правильно» (*Today's English Version*); a righteous man «справедливый человек» (*New International Version*); who was a good man «который был хорошим человеком» (*Phillips Modern English*); being a man of honor «будучи человеком чести» (*Jerusalem Bible*) и being a man of principle «будучи принципиальным человеком» (*New English Bible*). Если обобщить смыслы европейских переводов, то обнаруживается большой спектр атрибутов, прилагаемых к Иосифу: *справедливый, безупречный, честный, принципиальный, хороший, добрый, правдивый, богобоязненный, прямой, достойный, религиозный, преданный, почтенный*, и т. д. Таким образом, переводчикам Нового Завета на живые европейские языки (и на русский в том числе) свойственны колебания и неуверенность: однозначного переводческого эквивалента они не знают. Между прочим, по контрасту уместно сказать, что все переводчики Нового Завета на иврит никакого колебания не проявили, а, напротив, обнаружили полное единодушие. И тем не менее атрибуты, выписанные из новейших переводов, отнюдь не передают семантики δίκαιος и просвечивающего за ним רָצָה. Все данные конкретные атрибуты, вполне вероятно, приложимы к праведному человеку, но только если имеется в виду частность, а не суммарная характеристика. Далее, они не синонимичны и даже могут быть поставлены и в контрарные отношения. Рассмотрим три первых атрибута. Парадоксальным образом *справедливый* человек (т. е. действующий ради неуклонного соблюдения формальных прав) может и не быть *праведным*. Будь Иосиф непреклонно справедлив, то, действуя формально, он как раз прогнал бы от себя Приснодеву. Праведник — это и не *безупречный* человек, о чем в свое время прекрасно написал бл. Иероним: «Называются они праведными не потому, что вовсе не имели порока, но потому, что заявили себя большей частью добродетелей. И Захария напоследок осуждается на молчание, и Иов прерывается во время речи, и Иосафат с Иосией, хотя и названы *праведниками*, сделали, как повествуется, негодное Богу. Один из них оказал помощь нечестивому (ср. 3 Цар 22) и получил упрек от пророка; другой, вопреки заповеди Господа из уст Иеремии, вышел навстречу египетскому царю Нехаю и был убит (ср. 4 Цар 23; 2 Пар 35). Тем не менее каждый из них называется *праведным*» [Диесперов 2002:

зависит от того, живет ли в них праведник, — иначе городу-селу «не стояти», — тянутся вглубь веков, тысячелетий.

Будучи принесенной на Русь с христианством, Библия в книге Бытия (в главе 18) повествует: Города Содом и Гоморра настолько наполнились грешниками, что Господь Бог решил их стереть с лица земли. Ветхозаветный патриарх заступает за обреченные города и переубеждает самого Бога: тот обещает не губить города, если в них найдутся праведники. И действительно, пока праведный Лот обитал в Содоме, город «стоял», но когда Лот перешел в Сигор, Содом сгорел в дожде серном и огненном. Такова, по ветхозаветным представлениям, покрывающая сила одного праведника!

По известному речению Салтыкова-Щедрина, литература — это «отраженная вселенная». Соответственно, «пристальное чтение» Солженицына позволило за развитием сюжета усмотреть затекстную информацию (о которой говорилось в подглавке 03–2 Части II настоящего раздела книги) и распознать нравственный идеал русского народа.

При этом надо заметить, что линии развития российской духовной культуры — многообразны. Национальная культура была и остается *полифоничной*: в ней находят себе место верующие и безбожники, ниспровергатели-«нетерпеливцы» и эволюционисты-«постепеновцы», западники и славянофилы, философы-материалисты и идеалисты, художники-реалисты и символисты, непротивленцы и — страшно сказать! — террористы-бомбометатели XIX — начала XX в. и т. д.

03–2. ПРОБЛЕМА НАЦИОНАЛЬНОЙ САМОКРИТИЧНОСТИ

Продолжаем анализировать рассказ «Матренин двор». На сей раз внимание направляется на вторую весьма чувствительную проблему национальной психологии — выявление тех духовных черт нации, которые едва ли принадлежат к национальному идеалу и которые скорее могут быть обозначены как национальные пороки. Кроме того, рассмотрим также и некоторые издержки идеологизации повседневной жизни советского времени.

Начав с конкретного материала, надеемся под конец сформулировать и теоретическое обобщение.

Авось, небось да как-нибудь. Жизнь праведницы Матрены Васильевны оборвалась нелепо. Потребовалось спешно перевезти в Черусти горницу Матрены: ее разобрали, соштабелевали бревна и договорились с трактористом.

«Перед сумерками, возвращаясь из школы, я увидел движение близ нашего дома. Большие новые тракторные сани были уже нагружены бревнами, но многое еще не поместилось — и семья деда Фаддея, и приглашенные кончали сбивать еще одни сани, самодельные. Все работали, как безумные <...>. Кричали друг на друга,

369]. В современном представлении праведник — не всегда *честен*: праведница Матрена у Солженицына (так и названная им) то травы незаконно накосит, то не принадлежащие ей торфины принесет и от чужого взгляда спрячет. Ср. целую галерею праведников в каждом сословии, выведенную Н. С. Лесковым (с опорой на древнерусский Пролог): среди них были люди со слабостями, по обстоятельствам не безгрешные.

спорили. Спор шел о том, как везти сани — порознь или вместе. Один сын Фаддея, хромой, и зять-машинист толковали, что сразу обои сани нельзя, трактор не утянет; тракторист же, самоуверенный толстомордый здоровяга, хрипел, что ему видней, что он *водитель* и повезет сани вместе. Расчет его был ясен: по уговору машинист платил ему за перевоз горницы, а не за рейсы. Двух рейсов за ночь — по двадцать пять километров да один раз назад — он никак бы не сделал. А к утру ему надо было быть с трактором уже в гараже, откуда он увел его тайком для левой. Старик Фаддею не терпелось сегодня же увезти всю горницу — и он кивнул своим утупить. Вторые, наспех сколоченные сани подцепили за крепкими первыми».

Понимают же люди, что вторые сани непригодны и что риск очень велик, — сам опытный водитель-тракторист не может этого не знать, — и все-таки, вопреки очевидному, решаются на гиблое дело! Матрена выражает свое сомнение и протестует до последнего, но она не в силах противостоять общему настроению.

«Последней торопливо выскочила из-за перегородки Матрена. Она тревожно качала головой вслед ушедшим. Надела телогрейку, накинула платок. В дверях сказала мне: — И что было двух не срядить? Один бы трактор занемог — другой подтянул. А теперь чего будет — Богу весть!..»

Легкомыслие, чреватое трагедией! И одно накладывается на другое: мужчины, которым, казалось бы, в рискованной ситуации нужно иметь свежие головы, отваливаются крепко выпить перед отъездом, не исключая и горе-водителя.

«Погрузка закончилась, и все, кто работал, человек до десяти мужчин, прогремели мимо моего стола и нырнули под занавеску в кухню. Оттуда глуховато застучали стаканы, иногда звякала бутылка, голоса становились все громче, похвальба — задорнее. Особенно хвастался тракторист. Тяжелый запах самогона докатился до меня. Но пили недолго — темнота заставляла спешить. Стали выходить».

И неизбежного, в точном согласии с прямой семантикой слова, не удалось избежать. Самодельные сани застряли на железнодорожном переезде. Их стали вытаскивать. Матрена, по своему обычаю, помогала. Из-за шума тянувшего изо всех сил трактора захваченные работой люди не заметили, что от станции шли к переезду два сцепленных паровоза. А шли они, между прочим, без огней, причем «почему без огней — неведомо». И как, захлебываясь слезами, рассказывала Маша, подруга Матрены, «налетели — и в мясо тех троих расплющили, кто между трактором и саними. Трактор изувечили, сани в щепки, рельсы вздыбили, и паровоза оба набок». Еле-еле успели остановить скорый пассажирский поезд, а иначе «в ту ночь в уральском скором тысяча жизней людей, мирно спавших на первых и вторых полках при полусвете поездных ламп, должна была оборваться»...

Так нелепо, бессмысленно, безобразно закончилась прекрасная жизнь Матрены Васильевны — русской женщины из числа тех праведниц, без которых, по словице, не стоит ни село, ни город, ни вся земля.

Может быть, в замысел писателя это и не входило, но описанный им страшный случай, в силу его типичности, отражает одну из характерных и ярких черт традиционной психологии немалой части русского народа. На вторые сани хорошего лесу не было дано — *авось* не развалится! Трактору тяжело было «утянуть» сразу двое

саней — *небось* потянет! Пресловутый водитель не имел права пить перед дорогой — да ладно, *как-нибудь* довезет! Машинисты, по инструкции, обязаны были включить огни, да не включили — *ничего*, и так сойдет!

Вот эта четверка словечек — *авось*, *небось*, *как-нибудь* и *ничего* — и выражает ту черту русской национальной психологии, которую мы имеем в виду, а именно: беспечность, или беззаботность, или бесшабашность, или непредусмотрительность, или легкомыслие, или, наконец, необдуманную готовность к неоправданному риску.

Авось — это непереводаемая на другие языки частица. Формально говоря, она равнозначна словосочетанию *может быть*, но приводящие семантические доли у нашего «авосья» настолько велики, что указанное отождествление лишь затемняет проникновение в смысл самобытнейшей русской частицы. Авось — не простое предположение того, что может случиться в будущем, а страстное пожелание говорящего, чтобы так и случилось, причем при непременно условии: для осуществления желания довольно мало шансов. До отхода поезда полчаса, а на метро ехать сорок минут, и тем не менее говорится: *Авось не опоздаем!*, что, конечно, совсем не приводит к чуду. Тучи обложили небо, проблескивают зарницы, дождь висит в воздухе, но собравшиеся на рыбалку, — а они давно предвкушали ее, — махнув рукой (*Авось прояснится!*), выходят из дома и через полтора часа возвращаются промокшими до нитки.

Обратимся к авторитету А. С. Пушкина. Работник Балда соглашается служить у попа всего за три щелчка в лоб.

Призадумался поп,
 Стал себе почесывать лоб.
 Щелк щелку ведь розь.
 Да понадеялся он на русский авось.

Интересно, что вся сказка написана от имени народного рассказчика, выдержана в просторечной манере, но здесь Пушкин как бы «проговаривается», выдает свое собственное присутствие, — ведь он дает оценку *авосю*, называет его «русским», смотрит как бы со стороны и этим, явно играя с читателем, обозначает авторскую ремарку. Русский *авось*, смеем думать, очень интересовал поэта. Он сам довольно часто употреблял слово (согласно Словарю языка Пушкина, *авось* употреблен 47 раз) и, что, конечно, еще показательнее, посвятил ему несколько стихотворных строк.

В сожженной десятой главе «Евгения Онегина», известной лишь по черновым наброскам и зашифрованным записям, есть примечательная (по счету — шестая) строфа:

Авось, о Шиболет народный,
 Тебе б я оду посвятил,
 Но стихоплет великородный
 Меня уже предупредил.

Напомним, что *шибболет* — это характерный, безошибочный, хотя, может быть, и минимальный, признак чего-либо. Скажем, Пушкин частицу *авось* — шутивым тоном, но и по всему видно, во многом всерьез — объявил шибболетом русского народа, т. е. одним из характерных выражений его национальной психологии. Пушкин намеревался эту частицу «воспеть», а на деле — по-видимому, осмеять и ославить. Собственно, в следующей (седьмой) строфе он это отчасти и сделал:

Авось, аренды забывая,
 Ханжа запрется в монастырь,
 Авось по манью Николая
 Семействам возвратит Сибирь...

.....

Авось дороги нам исправят...

Чтобы довести до конца интерпретацию приведенной выше шестой строфы, надо заметить, что «стихоплет великородный», которого упоминает поэт, — это князь Иван Михайлович Долгорукий, у которого есть сатирическое стихотворение, так и называемое — «Авось».

О, слово милое, простое!
 Тебя в стихах я восхваляю!
 Слово ты русское, прямое,
 Тебя всем сердцем я люблю!

Следует обратить внимание на то, что Долгорукий, подобно Пушкину, считает *авось* — русским словом, стало быть, непереводаемым на другие языки (а оба литератора иностранные языки знали).

«Русский авось» очень часто подводит. «Поп, толоконный лоб», как известно, подпрыгнув до потолка, лишился языка и ума. Белогорская крепость, с юмором описанная в «Капитанской дочке», ни в коей мере не готова к неизбежной осаде пугачевцами, но Иван Игнатьевич, «кривой гарнизонный поручик», благонадежен: «Авось дадим отпор Пугачеву. Господь не выдаст, свинья не съест!», и ему вторит даже сама комендантша Василиса Егоровна: «Видали и башкирцев и киргизцев: *авось* и от Пугачева отсидимся!» — хотя она, казалось бы, известна за рассудительного человека. Отпора не дали и не отсиделись! Иван Игнатьич вскорости оказался на виселице, а Василису Егоровну «молодой казак ударил саблею по голове, и она упала мертвая на ступени крыльца».

Откажемся от столь же подробного анализа двух других характерных словечек — *небось* (сокращение *не бойся*; «*не трусь, не опасайся, смелее*») и *как-нибудь* («как ни попало, кое-как, как-никак, т. е. небрежно») и, как пишет Даль, «лишь бы сбить с рук»).

Близость семантики *авося*, *небося* и *как-нибудь* весьма отчетливо ощущается в народном сознании. Пословицы — а пословицы несудимы — прямо говорят: *Русский бог — авось, небось да как-нибудь*; *Русак на трех сваях крепок: авось, небось да как-нибудь*. С. Максимов в «Крылатых словах» говорит об этих «русских сваях» и считает их общеизвестными: «Их три, и кто их не знает, и кто ими не тычет». Гончаров во «Фрегате „Паллада“» отмечает то же самое: «Говорят, что беспечность в характере русского человека».

Как всегда бывает, пословицы и относительно *авося* противоречивы. С одной стороны, представлены народные речения, одобряющие безрассудный риск, — *Авось живы будем, не помрем*; *Авось Бог поможет*; *Авось — вся надежда наша*; *Авось — велико слово*; *Авось не бог, а полбога есть*. С другой стороны, имеются и суждения, обличающие беспечность, — *Держись за небось, доколе не сорвалось*; *Авоська веревку вьет, небоська петлю накидывает*; *Авось, небось да как-нибудь первые сопотаты наши*; *Авось — хоть брось*.

И тем не менее, несмотря на обилие предостережений, безрассудность и легкомыслие, основанные на вере в благоприятный случай, в удачу, весьма распространены в русском народе. Об этом косвенно свидетельствует обилие устойчивых выражений, описывающих нерасчетливые и авантюрные поступки: *на ура, на арапа, на шарапа, на шермака, наобум лазаря, куда кривая вывезет, очертя голову, с бухты-барахты, с закрытыми глазами, вслепую, втемную, наудачу, наудалую, наугад, наобум.*

Положительная народная оценка действий *наудалую* связана с тем, что в таких действиях порою усматривается молодечество, удаль, широта натуры, размах, бесстрашие и даже самоотверженность.

Мы иногда гордимся тем, чего скорее следовало бы стыдиться.

В. А. Гиляровский поэтизирует последнее словечко из четверки — *ничего*. Поначалу кажется, что великий журналист издевается, а потом видишь, что он мыслит всерьез. «Это — удивительное слово, и в нем непоколебимая сила русская. Состав не подан, раненым приходится брести пешком, а они бодрятся: *Ничего!* К умирающему не подходит врач, а он крепится: *Ничего!* В. И. Немирович-Данченко⁵ на японской войне писал свои газетные отчеты под огнем артиллерии; позовут его в укрытие, а он отмахнется рукой и отвечает: *Ничего!*». И дальше Гиляровский, принимая всю безалаберность ведения русско-японской войны и тем не менее оправдывая ее, бодрячески пишет: «Да, это великое слово, в нем непоколебимость России, в нем могучая сила русского народа. Чем больше испытаний, тем крепче страна: *Ничего!* Вытерпим!»

Для поэтизации явно негодного слепого ожидания удачи, ожидания бездеятельного и фаталистического, Гиляровскому все годится, в том числе исторический анекдот: «Бисмарк когда-то на охоте в России вывалил в лужу ямщик. Когда Бисмарк на него закричал, извозчик успокоительно ответил ему: *Ничего*. Это слово так понравилось «железному канцлеру», что он во многих случаях повторял его и даже носил железный перстень с надписью «*Ничего*». Понадеялись — *Ничего!* Вытерпим! Шапками закидаем! — и позорно проиграли войну 1905—1907 гг.»

Акад. А. П. Александров, разбирая причины чернобыльского взрыва, прямо пишет, что обслуживающий персонал действовал *на авось*. Теплоход и грузовоз пересекаются фарватерами; стоявший у штурвала надеется: *Небось* проскочим! Газопровод строится с многочисленными отступлениями от нормативов, лишь бы сбыть с рук: *Как-нибудь* послужит! Не было в последние перестроечные годы на прилавках ни пресловутой колбасы, ни даже хлеба; записные активисты, однако, не теряли бодрости: *Ничего!* В войну еще хуже было! — *Пронесет! Пройдет! Обойдется! Повезет, и так сойдет! Получится! Поглядим, попробуем!*

Здесь-то и нужно взять лингвострановедческий урок у А. И. Солженицына. «Матренин двор», по замыслу, — портрет русской праведницы, и писатель любит ее, восхищается такими русскими народными чертами, как терпеливость, трудолюбие, приветливость, общительность, доброта, готовность помочь и особенно бескорыстие. Но одновременно из рассказа (если проследить за его фабулой) мож-

⁵ Имеется в виду не знаменитый режиссер, а его брат — писатель и журналист Василий Иванович Немирович-Данченко (1844—1936).

но вычитать и осуждение некоторых не лучших черт, свойственных многим русским людям, и на первом месте — осуждение этой самой надежды на *авось*, веры в *небось* и любви к *как-нибудь*. Рассказ «Матренин двор» — это непреложно свидетельствует не только о светлой, но и о туманной стороне «русской души».

Любой народ имеет свои неоспоримые достоинства, и их не следует замалчивать. Любой народ, в значительной своей части, имеет также и недостатки, сокрытие которых не совсем безобидно, — в крайнем проявлении оно ведет к шовинизму. Ни один народ не лучше и не хуже другого. Ни один народ не может и не должен быть ни превознесен, ни унижен. В том числе и русский.

В ситуации чтения рассказа в аудитории иностранцев — стоит ли преподавателю подчеркивать туманную сторону российской истории и культуры? Конечно, правовое государство тем и отличается от тоталитарного, что в нем не может ставиться под вопрос преподавание, покоящееся на истине, какой бы неприятной она ни была. И тем не менее в таком деликатном деле, как национальный характер, ответ на вопрос не может быть простым. Далее будет изложен небесспорный тезис.

Словно по камертону, постараемся настроить наше суждение, как не раз бывало, на чистый пушкинский тон. В письме П. А. Вяземскому от 27 мая 1826 г. А. С. Пушкин среди прочего писал: «Я, конечно, презираю отечество мое с головы до ног — но мне досадно, если иностранец разделяет со мною это чувство». В письме П. Я. Чаадаеву от 19 октября 1836 г. содержится близкая мысль: «...я далеко не восторгаюсь всем, что вижу вокруг себя; как литератора — меня раздражают, как человек с предрассудками — я оскорблен, — но клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество, или иметь другую историю, кроме истории наших предков, какой нам Бог ее дал».

Получается, что нравственное право на критику некоторого народа имеет только человек, являющийся выходцем из этого народа. Более того, не всякий выходец получает подобное нравственное право, а, пожалуй, лишь тот, который не отрекается от своего народа, не разочаровался в нем и не поставил себя в положение отщепенца или изгоя. В других случаях велик риск того, что даже добронамеренная критика (но со стороны иностранца или вообще нерусского, а также и русского, но порвавшего связи с народом) может быть воспринята как оскорбление или глумление. Национальные чувства очень ранимы (у многочисленного народа, пожалуй, не в такой степени, как у малочисленного), и их действительно надо щадить.

Так, мы готовы прислушаться к тому же Солженицыну («Как нам обустроить Россию? Посильные соображения»), когда он обличает нас: «Надо перестать попугайски повторять: „мы гордимся, что мы русские“, „мы гордимся своей необъятной родиной“, „мы гордимся...“. <...> Не „гордиться“ нам, не протягивать лапы к чужим жизням — а осознать свой народ в провале измождающей болезни, и молиться, чтобы послал нам Бог выздороветь, и разум действий для того».

«Высокий процент успеваемости». Начнем с суждений, которые, на первый взгляд, могут показаться не имеющими отношения к «Матренину двору» А. И. Солженицына.

Из песни слова не выкинешь: последствия застойного периода отечественной истории (70–80-е гг. прошлого века) оставили заметные следы именно в лингвострановедении. Наряду с правдивым информированием, учебники русского языка для иностранцев лакировали советскую действительность, а гуманистическое вос-

питание (вообще говоря, неотделимое от преподавания языков) было вытеснено примитивной индоктринацией. Как, мол, можно фиксироваться на негативном, когда мы вступили в общество развитого социализма и должны воспитывать в учащихся оптимистическое отношение к жизни?!

Тенденциозная пристрастность в отборе страноведческих сведений была заметна во всем: в учебных текстах, зрительной наглядности, словарных статьях, комментариях и т. д. Прямая ложь, пожалуй, встречалась не слишком часто, но зато фигура умолчания — нередко господствовала. Так пытались создать впечатление беспроблемности, якобы характерной для общества «развитого социализма».

Из-за порочной установки подрывалось доверие к действительным ценностям русской культуры, накопленным на тысячелетнем пути ее развития. Самое нетерпимое состояло, пожалуй, в том, что болезненно усекался и *искажался* сам русский язык: в учебниках и учебных пособиях начисто отсутствовали те языковые единицы (слова, словосочетания), которые могли бы испортить благостную картину.

Мы поневоле выражаемся в безличной форме: духовная атмосфера охватывала поголовно всех, и, что бы сейчас ни говорили новые фарисеи, — а наиболее рьяные «блюстители коммунистической идеологии» ныне превратились в столь же рьяных ее обличителей, — никто, за исключением отошедших в сторону, не имел возможности сохранить чистоту риз. Тем не менее авторы данной монографии, как инициаторы и настойчивые проponentы лингвострановедения, обязаны признать за собой свою меру личной вины: они повинны как в автоцензуре, так и в уступчивости. После публичных избиений первого издания «Языка и культуры» (в частности, за «внеклассовый подход к культуре») они, страха ради иудейска, никодимствовали и действительно шли на компромиссы или просто пасовали перед издательскими редакторами.

Вспоминается, как издательство настойчиво требовало (и, не без угроз расторгнуть договор, добилось своего), чтобы из лингвострановедческого словаря «Русские пословицы, поговорки и крылатые выражения» [Фелицина, Прохоров 1979] были вычищены все словарные статьи, имеющие хотя бы косвенное отношение к религиозности русского народа или к его снисходительному отношению к «пьяненьким». Протесты и ссылки на реальную представленность той или другой единицы в языке во внимание не принимались.

Когда готовился лингвострановедческий словарь «Русские фразеологизмы» [Фелицына, Мокиенко 1990], нравы смягчились, и тем не менее в нем нет ни одного фразеологизма с опорным словом *бог*. Фразеологизмов таких пруд пруди (*бог весть*; *бог даст*; *извлечь на свет божий*; *бог с тобой*; *бог посетил*; (угостить) *чем бог послал*⁶; *бог не выдаст, свинья не съест*; *бог его знает*; *помилуй бог*; *как бог на душу положит*; *бог тебе судья*; *боже сохрани*; *дай бог здоровья* и т. д.), причем ключевое слово здесь десемантизировалось, но тем не менее заслон был поставлен крепкий.

Словарь — лингвострановедческий, поэтому важно было включить в него фразеологизмы, содержащие лексику, отражающую русскую природу и русскую куль-

⁶ Ср. у Ильфа и Петрова в «Двенадцати стульях»: «Застенчивый Александр Яковлевич тут же, без промедления, пригласил пожарного инспектора отобедать, *чем бог послал*. В этот день бог послал Александру Яковлевичу на обед бутылку зубровки, домашние грибки, форшмак из селедки, украинский борщ с мясом первого сорта, курицу с рисом и компот из сушеных яблок».

туру. Например, в нем есть выражение *(не)лыком шит*, и введено оно не в последнюю очередь для того, чтобы рассказать о лыке — внутренней части коры молодых лиственных деревьев (преимущественно липы), из которой получается материал для изготовления предметов традиционного русского быта (коробов, рогож, мочала, лаптей и т. д.). Итак, фразеологизм *(не) лыком шит* в словаре есть. Но более употребительный фразеологизм *лыка не вяжет* мы были вынуждены выбросить! В словаре тщательно подобраны фразеологизмы, содержащие в своем составе буквы славяно-русской азбуки (*не знать ни аза, от аза до ижицы, прописать ижицу, сделать на ять, ходить фертом* и т. д.). С большим трудом нам удалось отстоять выражение *выписывать/выделять мыслете*. Вот как, однако, семантизируется этот фразеологизм: «Иди нетвердой походкой, шатаясь из стороны в сторону. Выражение устаревашее. Говорится с насмешкой, неодобрительно о человеке, который идет зигзагами, ступая ногами то в одну, то в другую сторону, как бы оставляя след, похожий на волнистую линию, на букву *М*». И точка! Между тем *выписывать/выделять мыслете*, как известно, употребляется почти исключительно для обозначения походки не просто неустойчиво держащегося на ногах человека (например, старика), а — пьяного! Семантизация явно вводит читателя в заблуждение. Но не составители повинны в этом! Словарь составлялся в самый разгар антиалкогольной кампании, начатой М. С. Горбачевым, когда в хрестоматиях даже из «Судьбы человека» Шолохова выбрасывали известный эпизод, связанный с тремя стаканами, выпитыми Андреем Соколовым. *Лыка не вяжет* не удалось отстоять, а фразеологизм с *мыслете* хотя и вошел в словник, но получил, как мы видели, неадекватную семантизацию. Нечего было и думать о том, чтобы ввести в словник, скажем, единицы, подобные поговоркам: *пьян как сапожник*⁷ или *заложить за воротник*.

О том же писала известная составительница словаря «Новые слова и значения» (М., 1971) и серии «Новое в русской лексике» (см. 1-й выпуск: М., 1982) Н. З. Котелова. Она отразила атмосферу нетерпимости, охватившую не только редакторскую среду, — в ней, надо думать, подозрительность и «бдительность» (по отношению к «идеологическим диверсиям») насаждались сверху, — но и все общество. Так, из одного из выпусков по требованию редакции пришлось убрать более 50 слов типа: *салага, невезуха, чувак, маг* «магнитофон», *телек* «телевизор», *железно* и т. п. «Но даже эта хирургическая операция не спасла нас, авторов, от писем, в которых мы обвинялись в засорении языка». Читатели протестовали⁸ против слов: *выкаблучиваться, прошивнуться, хохма, дойти* «обессилеть», *чокнутый* и т. д. Зато «буржуазные» лексикографы не дремали. «Зарубежные лингвисты издают более полные словари русской лексики. Один из них называется „Словарь непризнанных слов русского языка и жаргона“. Туда-то и попали *автостоп, чувиха, неотложка* и другие» (Н. Котелова. Откуда приходит слово // «Литературная газета» 1982, № 30). И Грекова, описавшая кухню литредактирования художественных произведений в советское время, заключила: из сосен создаются телеграфные столбы («Литературная газета» 1982, № 26).

⁷ Ср.: «...Максим Телятников, сапожник. Хе, сапожник! Пьян, как сапожник, говорит пословица» (Гоголь, Мертвые души).

⁸ Так, в «Книжном обозрении» (1980, № 47) некто И. Матвеев упрекал Н. З. Котелову в том, что она включила в словарь «ненужные и даже вредные» слова типа *балдеж, брезентуха, крепленка*. По его мнению, тираж словаря (100 тыс.) был слишком большим.

Между тем, изгоняя лексику, фразеологизмы и афоризмы из словника или давая им неадекватные толкования, не изгонишь соответствующего явления из жизни: издавна известно пристрастие русских к винопитию. Нестор-летописец передал слова великого князя Киевского Владимира и отразил в них, к сожалению, народное мнение: *Руси веселие есть пити*. Несудимые пословицы не только не осуждают пьянство, но иногда и прямо одобряют его: *Пьян, да умен, два угодыя в нем; По мне, так пей, да дело разумей*. В постперестроечное время иные из русских людей перестали даже стыдиться пристрастия к алкоголю, а «общественное мнение» больше не имеет значения. Разгул и запой порой даже причислялись к понятию *широкой русской натуры*:

Признак русской широкой природы —
 Жажду выдвинуть личность свою
 Насыщает он в юные годы
 Удальством в рукопашном бою,
Гомерической, дикой попойкой...
 Да игрой, да отчаянной тройкой... (Некрасов, Недавнее время)

Кстати сказать, о распространенности бытовой привычки к пьянству свидетельствуется также и в «Матренином дворе»: если бы перед дорогой не было попойки, кто знает, может быть, тракторист сразу догадался бы, что сани через переезд надо перетаскивать порознь, а не сплоткой.

Что же касается религиозности русских людей, то и она нашла отражение в рассказе: у гроба Матрены старушка мурлыкала Псалтырь, состоялось отпевание, поминки прошли с молитвой, причем наблюдательный писатель не скрыл, что истая вера, возвышающая человека и дающая ему нравственность, здесь все же сильно перемешана с суеверием и обрядоверием.

Иногда цензура советского времени руководствовалась не идеологическими мотивами, а соображениями пристойности. Так, в лингвострановедческом словаре «Жесты и мимика в русской речи» [Акишина, Кано, Акишина 1991] нет ни одного жеста, сопряженного с сексуальной сферой. Обо всем этом говорится не ради запоздалых упреков, а чтобы напомнить о духовной атмосфере застойного времени.

Важно и нужно оглянуться на прошлое и, не зачеркивая позитивного (а лингвострановедческая концепция как плод лингвистической и лингводидактической мысли ничуть не поколеблена), размежеваться с негативным в этом прошлом.

Собственно, в чем состояло упомянутое выше *искажение языка*?

Для ответа на вопрос кратко рассмотрим словник вышедшего двумя изданиями лингвострановедческого словаря «Народное образование в СССР» [Денисова 1983]. В нем, наряду со страноведческой информацией, по ясно сформулированному замыслу инициаторов, должны быть приведены все слова и словосочетания из тематической области воспитания и обучения молодежи в Советском Союзе. И действительно, один только Указатель тематической словосочетаемости, отраженной в словаре, занимает немало места (с. 214–250), оставляя впечатление, что стремление к исчерпанности языкового материала проведено в жизнь. Кстати, присутствие в словаре (специально выделяемой) тематической лексики и словосочетаемости все рецензенты отмечали в качестве немаловажного достоинства. Начинаясь со слова

абитуриент и заканчиваясь словом *юннат*, словарь содержит множество (очень ценных для иностранного преподавателя-русиста⁹ и истолкованных специально для него) лексем и словосочетаний.

Ср. показательную выборку:

актив: ~ комсомольский, ~ пионерский, ~ студенческий, ~ ученический, ~ класса, ~ школы, выбирать ~, избирать ~;

вести: ~ дневник, ~ занятия, ~ кружок, ~ обучение, ~ преподавание, ~ семинар, ~ собрание, ~ урок, ~ факультатив, ~ внеклассную/внешкольную работу;

вечерний: ~ вуз, ~ институт, ~ рабфак, ~ техникум, ~ факультет, ~ яя школа, ~ ее образование, ~ обучение, ~ отделение, ~ училище, ~ ие занятия);

выпускной: ~ вечер, ~ класс, ~ экзамен;

выдержать: ~ экзамен, ~ конкурс;

пройти: ~ собеседование, ~ переподготовку, ~ отбор;

грамота: ~ похвальная, ~ почетная;

дисциплины: ~ гуманитарные, ~ общественные, ~ педагогические, ~ профилирующие, ~ теоретические, ~ учебные;

дневник: вести ~, просматривать ~, проверять ~, подписывать ~; сделать запись в ~е;

занятия: ~ вечерние, ~ выездные, ~ дополнительные, ~ лабораторные, ~ практические, ~ семинарские, ~ теоретические, ~ учебные, ~ факультативные; проведение ~й, посещать ~я, пропускать ~я, приступить к ~ям

и т. д.

Справедливо ли утверждать, что весь тщательно коллекционированный огромный тематический массив языковых единиц собран с одним-единственным желанием представить систему образования в розовом свете? Нет, несправедливо: в общем и целом на основании словаря 1983 г. можно получить адекватное представление о тематической лексике и здраво судить о принципах и практике воспитания детей и молодежи в Советском Союзе. Составительница последовательно ориентировалась на язык, а язык в любом обществе, в том числе и в тоталитарном, отражает жизнь объективно. Так, она не могла миновать целый ряд слов негативно-оценочной семантики: в словаре упоминается о *неуспеваемости*, *академической задолженности*, *отстающих учениках*, *неудовлетворительных оценках*, *второгодничестве*, *отчислениях* из школы или института и т. д.

И тем не менее словарь рисует беспроблемную, предельно оптимистическую, исключительно радужную картину. Особенно показательны в этом отношении типично «лакировочные» фотографии, за которые было стыдно в момент издания словаря и особенно стыдно сейчас.

Спору нет, — и за последние 15 лет это практически признали все, — советская система образования была лучшей в мире, но свои недостатки она, несомненно, имела. Ради приукрашивания советской средней и высшей школы были пропущены (вернее сказать: не были пропущены в печать) характерные слова и выражения, за которыми стояли жгучие, а потому пропагандистски «невыгодные» проблемы и вопросы.

⁹ Впрочем, поскольку отраженная в словаре эпоха канула в прошлое, он начинает служить источником сведений и для отечественного пользователя.

Например, о *бесплатности* обучения в словаре упоминается не раз и не два, а о его оборотной стороне — *снижении общего уровня образования* — нет никакого упоминания. Не упомянут, естественно, и *остаточный принцип* финансирования народного образования. Рассказывается о *показательных* (или *открытых*) уроках, но не сказано о *заорганизованности* и *показухе*. Сообщается о *высокой успеваемости*, но не сообщается в *завышении оценок, процентомании и выводиловке*. Даже такое распространенное явление, как *натаскивание* абитуриентов и *репетиторство*, обойдено молчанием. Много внимания уделено *студенческим трудовым отрядам*, но та же фигура умолчания применена к так называемой *шефской помощи* студентов и школьников (выездам на картошку или на хлопок). Ср. далее другие опущенные лексемы: *формализм, начетничество, двуличие, лицемерие, валовый подход, перегрузка преподавателей, карьеризм активистов, беспризорность/безнадзорность, хулиганство, нехватка мест в общежитии, неформальные объединения молодежи* (хиппи, рокеры, панки и т. д.), *упадок национальной школы, рукоприкладство* (в ПТУ и детских колониях), *рост преступности, милитаризация школы* и др. Курсивом выделены языковые (воспроизводимые) единицы, поэтому их пропуск, с теоретических позиций, оправдать нечем. Нечем, кстати, оправдать и ориентацию словаря исключительно на официально-деловой стиль и пренебрежение разговорным (скажем, *сдать задолженность* есть, но *сдавать хвосты* — нет; нет даже *двоечника, прогульщика*, не говоря уж о живописном школьном или институтском жаргоне¹⁰). На эти пропуски в словаре указывали его западные рецензенты, но в условиях конца 70-х — начала 80-х гг. прошлого века на неполноту словника приходилось соглашаться хотя и вынужденно, но вполне осознанно, ибо иначе публикация повисала в воздухе.

Здесь-то и возможно взять еще один лингвострановедческий урок у Солженицына.

Герой «Матренина двора», преподаватель математики сельской школы, возвращается домой и находит там ждущего его высокого черного старика достойного вида:

«— Батюшка!.. Вижу вас плохо. Сын мой учится у вас. Григорьев Антошка...

Дальше мог бы он и не говорить... При всем моем порыве помочь этому почтенному старику, заранее знал я и отвергал все то бесполезное, что скажет старик сейчас. Григорьев Антошка был круглый румяный малец из 8-го «Г», выглядевший, как кот после блинов. В школу он приходил как бы отдохнуть, за партой сидел и улыбался лениво. Уж тем более он никогда не готовил уроков дома. Но, главное, борясь за тот высокий процент успеваемости, которыми славились школы нашего района, нашей области и соседних областей, — из году в год его переводили, и он ясно усвоил, что, как бы учителя ни грозились, все равно в конце года переведут, и не надо для этого учиться. Он просто смеялся над нами. Он сидел в 8-м классе, однако не владел дробями и не различал, какие бывают тре-

¹⁰ Речь не идет при этом, конечно, о том, чтобы рекомендовать активизировать, например, лексику хиппи. Мы имеем в виду одно лишь ознакомление с ней: словарь рассчитан на преподавателей-филологов, а филологи должны познакомиться со всеми регистрами живого языка.

угольники. По первым четвертям он был в цепкой хватке моих двоек — и то же ожидало его в третьей четверти.

Но этому полуслепому старику <...> — как было сказать теперь, что год за годом школа его обманывала, дальше же обманывать я не могу, иначе развалю весь класс, и превращусь в балаболку, и наплевать должен буду на весь свой труд и звание свое?

И теперь я терпеливо объяснял ему, что запущено у сына очень, и он в школе и дома лжет, надо дневник проверять у него почаще и круто браться с двух сторон».

Несомненно, художественная литература — это не лингвострановедческое пособие. Но непроходимой преграды между жизнью и реалистическим искусством не бывает! В приведенном эпизоде, — а он не имеет большого значения для развития сюжета, так что при беглом чтении его можно «проскочить», — виден как в капле воды коренной порок советской школы — настойчивое стремление начальства показать «высокий процент успеваемости», приводящий к тому, что ученики теряли стимулы к учебе, привыкали к двоедушию и обману. Несомненно, советская школа готовила образованных людей, но неспособные и нерадивые ученики, получая документ об образовании, образованными людьми не становились. Их, к сожалению, на определенном этапе не *отсеивали*.

Когда в аудитории иностранных студентов-филологов под лингвострановедческим углом зрения прочитывается «Матренин двор», то на материале этого эпизода можно побеседовать не только о теневых (и до сих пор, откровенно говоря, не изжитых) сторонах обязательности, принудительности всеобщего среднего образования. Желательно также привлечь внимание студентов к нравственной позиции передовых учителей — они всеми силами, причем и в самые трудные годы, непреклонно выступали против процентомании и не участвовали в показухе. Сам рассказчик — *Игнатич* (прототипом был сам Солженицын) — наглядный тому пример. В конце концов, если учитель проявлял принципиальность и не страшился проработок на педсовете или в РОНО, то он имел суверенное право выставить *двойку* или *неуд* неуспевающему школьнику или студенту.

Итак, лингвострановедческое преподавание покоится на принципе полного показа реальной жизни России. Скажем, говоря о советской системе образования, не стоит (как сейчас к такому подталкивают) забывать о ее несомненных достижениях (равные возможности для поступления в вуз, бесплатность образования, выплата стипендий, соотносенных с прожиточным минимумом, и т. д.), но одновременно нельзя скрывать и ее столь же несомненных недостатков и трудностей (коррупция и протекционизм при проведении конкурса, загруженность общественной работой¹¹ и т. д.). К настойчивому этическому императиву расчета с прошлым необходимо отнести полный отказ от утаивания определенной «невыгодной» информации и, соответственно, от противоестественного усечения, обеднения языка. Тот же императив, конечно, не допустит и наметившегося ныне крена в злопыхательство, очернительство, охаивание, педалирование недостатков, приуменьшения подлинных ценностей, попыток зачеркнуть целую эпоху отечественной истории.

¹¹ Об этом см. в Первом разделе монографии: Приложение 2 (к подглавке 03–5). Лингвострановедческая археология: *активист и общественник*.

При этом нет ничего дурного в том, что любая страна, организующая преподавание своего языка иностранцам, по праву стремится представить себя в вершинных достижениях национальной культуры. Указанное законное стремление и индоктринационное извращение действительности (предполагающее обман) — совершенно разные, несовместимые понятия. Язык всегда выступает как надежный критерий: что присутствует в нем и что в нем фиксируется без ангажированности и предустановки, то присуще и жизни. Как мы видели на примере А. И. Солженицына, в равной мере и произведения честных писателей являются таким критерием. Прислушиваться к языку и к национальной литературе и руководствоваться ими — в этом и состоит подлинный профессионализм преподавателя-русиста.

Синтез статики
и динамики:
умозрение сапиентемы

Выше, создав в монографии для каждого явления отдельный композиционный раздел, мы последовательно рассмотрели два феномена — *ЛФона* и *РПТактики*.

Оба феномена манифестируют *культурноносную* функцию языка¹ — ту языковую функцию, которая по преимуществу и составляет исследовательский предмет лингвострановедения.

Общие и отвлеченные (поскольку они выведены из философии) тезисы о том, что язык — это, во-первых, не только орудие *общения* между людьми, т. е. внешнее для познания мира средство, и, во-вторых, не только средство *познания* мира, т. е. плоть способной к спекуляции мысли, но и, в-третьих, средство *хранения* в (индивидуальном и коллективном) сознании человека информации о познанном, причем это вместилище способно принимать, накапливать, хранить и выдавать информацию, — вследствие чего и вся наша концепция была названа *континической*², — эти тезисы мы постарались конкретизировать и поставить на эмпирическую почву посредством анализа *ЛФона* и *РПТактики*. Как кажется, фактический материал (а мы намеренно приводили его обильно и из разных историко-культурных сфер) отнюдь не сопротивляется осмыслению посредством *ЛФона* и *РПТактик*; напротив, методика исчисления смыслов, вытекающая из концепции *фона* и *тактики*, позволяет приходить к нетривиальным научным результатам.

Если *ЛФон*, понимаемый расширительно (т. е. отнесенный не только к лексике, но и ко всем другим номинативным единицам языка [например, фразеологии и афористике]), соответствует *статичному* аспекту континической концепции, то *РПТактика* как явление, посредством которой та или другая *СДоля ЛФона* воплощается и разворачивается в тексте, соответствует скорее *динамическому* аспекту изложенной концепции.

Статика и динамика — парные взаимодополняющие понятия, и они, как две половины, в совокупности охватывая целокупное, казалось бы, свидетельствуют, что континическая концепция изложена полно, исчерпательно. Собственно, так оно и есть, но лишь при условии, что решающим критерием полноты концепции будет признан аспект *покоя/движения*, *симультанности/сукцессивности*, *вневременности/продолженности* во времени.

Если же, памятуя, что континическая концепция получена путем анализа природы (имеющего временное бытие) человека, оценивать ее (эту концепцию) в аспекте *генезиса ЛФона* и *РПТактик*, т. е. (может быть) вне и (второе очевидно) внутри человеческой истории, то логической полноты, подобной исчерпательности статики и динамики, на сей раз не получится. Внеисторической проблематики, которая на первый взгляд вообще представляется неорганичной, мы и вообще не затрагивали.

ЛФон и *РПТактика*, как может показаться, равным образом погружены в историю, поэтому они (таково логическое следствие) имеют характер исключительно апостериорный, производный от опережающего их бытия. Человек черпает информацию из действительности и из общения с себе подобными, накапливает ее, и она (информация) в его сознании преобразуется в *СДоли*, входящие в тот или иной

¹ Эта функция, как говорилось ранее, называется еще и иначе — *кумулятивной*, или *накопительной*.

² См.: Раздел первый, Часть I, подглавка 15–5.

ЛФон, а затем в коммуникации реализуется в РПТактиках. Этот процесс по традиции именуют *социализацией* или аккультурацией. Впрочем, нельзя представлять себе его вульгарно-механически, т. е. как линейную последовательность. (Еще одно «впрочем»: процесс этот еще далеко не постигнут, но тем не менее ясно, что он — не линейный.)

Если, таким образом, констатируется, что ЛФон и РПТактика имеют апостериорный, производный от времени (т. е. *внутриисторический*) генезис, то *внеисторический* аспект континентической концепции нами до сих пор рассмотрен не был. Тем не менее формальная логика принудительно подсказывает, что, поскольку перед нами еще одна контрарность парных понятий (во всем подобная статике/динамике), этот внеисторический аспект должен (или хотя бы может) иметь реальное, пусть и трудноуловимое, бытие. Во всяком случае, над внеисторической природой (всех или только части) ЛФонов и РПТактик допустимо и даже нужно задуматься. Стало быть, имея целеустановкой полноту концепции, к внеисторическому аспекту обратиться нужно, и к его анализу мы переходим охотно. Как будет видно из дальнейшего, здесь возможны не только важные теоретические прозрения, но и нетривиальные конкретные исследовательские результаты.

Сторонники *материалистического* мировоззрения вправе сомневаться в самой постановке вопроса, и в пределах своей логики они не погрешают: если, по определению, человек — всецело продукт общественных отношений, то искать в его природе чего-то внеисторического — неправомерно. Как может быть в ней что-то помимо истории? Ведь допустить иное — впасть в *contradictio in adjecto*. Возразить можно указанием на то, что определение навязано исследовательскому предмету и, будучи обусловлено горизонтом ученого, не отражает сути феномена человека. Поэтому, отказавшись от материалистической дефиниции, мы можем и не встретиться с *contradictio in subjecto*.

Действительно, альтернативные взгляды, — как свидетельствует все, начиная с античности, развитие философии (и филологии)³, — удается выстроить в непротиворечивую систему, а это означает, что перед нами, возможно, совсем не гелуха. В границах *идеализма* постановка вопроса не только правомочна, но, при условии последовательности, даже является необходимой.

Мы до сих пор не знаем, каков внутренний толчок познавательной активности человека (понимаемого как коллективно, так и индивидуально), т. е. тот первоэлемент информации, который, по вековой догадке, не был добыт человеческим родом самостоятельно, а прирожден ему (иначе сказать: дан ему в откровении [стало быть, извне]). В принципе наличие априорной прирожденной информации, отмечаемой и у бессловесных животных, оспаривать не приходится. Для человека эта

³ Возможен взгляд, согласно которому филология и философия оказываются в отношении рода и вида. Так мыслил, например, И. А. Бодуэн де Куртенэ [1974: 201]: филология «является своего рода энциклопедией, в которой найдется место и для истории общих понятий, т. е. истории философии; и для истории литературного творчества и умственного движения, т. е. истории литературы; и для истории общества и политике социальной борьбы, т. е. так называемой всеобщей истории и для истории правовой организации, для истории обычного права и законодательства». Ученый перечисляет еще немало областей знания, однако он настоятельно подчеркивает, что филология не рассеивается по отдельным наукам, а постоянно остается внутренне цельной: «Будучи слепком с разных наук, филология соединяется в одно целое единством изучаемого предмета, т. е. единством народа, духовная и общественная жизнь которого составляет ей материал» [там же: 202].

информация не ограничивается биологическим уровнем и, стало быть, на других уровнях качественно отлична от (пусть и не жесткой) запрограммированности животного мира. Сейчас, однако, подчеркнем другое: допускать *наличие прирожденной информации* не противоречит даже обыденным представлениям.

Если постулировать бытие прирожденных элементов информации, то возникает множество дальнейших вопросов, и важнейший среди них таков: как соотносены с упомянутыми элементами феномены ЛФона и РПТактик? Иными словами, может быть, именно эти априорные элементы дают толчок для накопления апостериорной (однородной?) информации (движение *от себя*)? Может быть, эти элементы являются притягательным центром для накопления вносимых извне сведений и итогов внутренних прозрений (движение *к себе*)? Или, может быть, имеет место и то и другое?

И, наконец, пожалуй, еще более важное и совсем не изведенное: не влияют ли первоэлементы не только на *рационально-логическое* накопление информации, но еще и на накопление информации *этической* (и эстетической) природы?

Таким образом, Раздел третий настоящей монографии — это неотъемлемая ее часть. В нем развивается всеобъемлющая концепция *сапиентемы*⁴, предпринимается попытка справиться с качественно новой постановкой проблематики и дать ответ на производные вопросы.

Развиваемые ниже взгляды едва ли будут приняты немедленно и всеми. Опыт устного представления концепции коллегам-специалистам обычно показывает: одна часть аудитории, отчасти полагаясь на свою интуицию, бывает готова сразу же признать, что «в этом что-то есть»; другая часть, перебрав аргументы *pro*, по прошествии времени присоединяется к первой; наконец, третья (и, надо отметить, большая) часть, сосредоточившись на аргументах *contra*, и по прошествии времени не меняет отрицательного отношения. Итак, мы считаемся с реакцией неприятия⁵. Стало быть, если Раздел первый и Раздел второй монографии открыты для дискуссии, то Раздел третий открыт для нее, так сказать, в кубе.

Прояснить интуиции о сапиентеме, поставить их в контекст духовных исканий предшественников, — а этот феномен хорошо соотносится с феноменом *идеи* по Платону, — причем изложить теорию не посредством умственных спекуляций, а путем как бы отстраненного наведения читателя на вывод (т. е. на основании об-

⁴ В предыдущих совместных публикациях соавторы использовали другой термин — *(лого)эпистема*. Удачный термин *логоэпистема* предложен В. Г. Костомаровым и уже имеет традицию употребления. Он и был воспринят нами в двух предшествующих публикациях и даже вынесен в заглавие [Верещагин, Костомаров 2000, 2002]. Тем не менее в ходе дальнейшего развития разысканий обнаружилась омонимия термина: так, в публикациях В. Г. Костомарова и Н. Д. Бурвиковой (см. [Костомаров, Бурвикова 1997, 1998, 1999а, 1999б, 2000, 2001]), а также в их же докладе на X Конгрессе МАПРЯЛ (2003) термин *логоэпистема* оказался наполнен иным содержанием по сравнению с тем, который нужен для настоящей монографии. Посоветовавшись, соавторы решились — и это далось им небезболезненно — на дальнейшее отказаться от термина *логоэпистема* и предложить новое именование, еще не имеющее традиции употребления. По длительном размышлении остановились на термине *сапиентема*; семантическое обоснование термина будет предложено ниже. Во всяком случае нынешняя *сапиентема* — это *логоэпистема* двух вышеуказанных совместных публикаций. Таким образом, да обратит читатель внимание на перемену термина ради устранения омонимии. Обычно термины меняют явочным порядком, как говорится, *stillschweigend*; мы же заняли открыто и ясно.

⁵ Такое уже имело место. См.: [Морковкин 2002: 165–168].

ширного фактического материала) — такова стоящая перед нами задача. Однородный фактический материал сам по себе обладает доказательной силой, но при условии его обильности. Мы не вправе позволить себе скороговорку.

Авторам неизвестны целостные и законченные исследования, посвященные феномену, хотя бы отдаленно напоминающему *сапиентему*.

В свое время У. Джеймс, философ и психолог⁶, один из основоположников прагматизма, обозначил свою концепцию как «a new name for some old ways of thinking» ([James 1914]; см. русский перевод [Джеймс 1910]); мы бы никак не могли сказать того же самого относительно сапиентемы. Напротив, сапиентема — это a new name for some new ways of thinking.

Поэтому мы потратили много сил на разъяснение умозрительного, но не воображаемого феномена, имеющегося в виду.

Джеймс, кстати сказать, в согласии со своим «радикальным эмпиризмом», с порога отказал бы ему в праве на существование. Сапиентема отчасти принадлежит к метафизической сфере человеческого (по)знания; поэтому уловить ее суть с помощью приемов, свойственных прагматизму, — невозможно. Прагматизм призывает закрыть очи умозрения по отношению ко всей духовной сфере бытия, поскольку ее действительно не увидишь чувственными глазами. Этим он выводит ее из поля внимания науки. С другой стороны, К. Н. Леонтьев в трактате «Византизм и славянство» еще в 1875 г. написал о философии типа прагматизма: она представляет собой «реализм феноменальный, отвергающий отвлеченную философию, метафизику: материалисты, деисты, атеисты. Реализм очень прост, ибо он даже не система, а просто метод, способ: он есть смерть предыдущих систем. Материализм же есть бесспорно система, но, конечно, самая простая, ибо ничего не может быть проще и грубее, малосложнее, как сказать, что все — вещество и что нет ни Бога, ни духа, ни бессмертия души, ибо мы этого не видим и не трогаем руками. В наше время это вторичное упрощение философии доступно не только образованным юношам, стоящим по летам своим на степени первобытной простоты, на степени незрелых яблок, или семинаристам циклопической постройки, но даже парижским работникам, трактирным лакеям и т. п.» [Леонтьев 1991: 241]. Заранее скажем: мы принимаем свидетельства контемплации и интуиции. Заранее предупредим: имеющий предубеждение против умозрения да отложит сию монографию в сторону, ибо она предназначена не для него.

Умозрительно действующий исследователь приобретает научное (воспроизводимое и сообщаемое другому) знание, но знание это — *sui generis*. Воспринимается и накапливается метафизический («запредельный») опыт, в рассудочной немецкой науке известный под именем опыта *нуминозного*. Соответственно было бы очень важно, чтобы читатель помнил о понимании *нуминозного*, характерном для соавторов. Учение о нуминозном пространно изложено у нас выше (см. Экскурс 1 в подглавке 02—10 Раздела второго), а сейчас еще раз приведем (в новых формулировках) несколько тезисов, важных для дальнейшего.

⁶ Между прочим, родной брат знаменитого новеллиста Генри Джеймса. В России больше известен своим психологическим трудом «Многообразие религиозного опыта».

Марбургский философ Рудольф Отто назвал *нуминозным* невыразимый, но реальный опыт человека, когда тот в определенные неординарные моменты (на бытовом языке: в моменты «выхода из себя», *экстаза*) отчетливо переживает присутствие чего-то *радикально иного*, чем он сам и окружающий его мир, потусторонне-духовного, непонятного и заведомо сущностно-непостижимого, хотя и бытийно-реального. Нуминозное — это *mysterium*. Опыт нуминозного радикально (не кардинально!) отличен от рутинного, повседневного опыта, но между ними все же бывает сообщение, т. е. экстатичный нуминозный опыт постфактум можно обдумать, подвергнуть анализу для себя и затем путем метафор и аналогий внятно описать для сродной души. Переживание нуминозного возникает не только при созерцании грандиозных природных явлений (например, как у Канта, звездного неба), не только при восхищении чудом этики (как у того же Канта, наблюдавшего внутренний закон в себе), не только при восприятии великого произведения искусства, наблюдении подвига и героизма, отчаянного циркового трюка, в присутствии гениальной (харизматической) личности, да еще если она вещает в экзальтированной толпе приверженцев, но и (весьма нечасто) в итоге напряженного, требующего всех сил умозрения, когда в конце концов обретается то знание или созерцание, которого мы долго-долго ждали, но до сей поры не могли добиться. Подобно музыкальному слуху, дару художника или стихотворца, способность к переживанию нуминозного дается не всем людям. У кого этот опыт был, тот поймет, о чем идет речь, а у кого не было — сколько ни разъясняй. Потому-то рациональная дефиниция нуминозного невозможна, поскольку это — фундаментальная, изначальная и априорная (хотя и воспринимаемая и тем более развивающаяся апостериорно), т. е. — в смысле Платона, врожденная — категория. (О Платоне далее говорится отдельно.) См.: [Otto 1963: 13–16; 42 и сл.]. Выявив нуминозное как априорную категорию, отличную от благого и прекрасного, Отто утвердил религию и идеологию как самостоятельную (и, несмотря на отличие религии от идеологии, единую) область человеческого духа и жизни, отграничил ее от философии. Религия и идеология производны от нуминозного опыта. Более или менее развитый человек, который жив не только хлебом насущным, не может не задавать экзистенциальных вопросов (о смысле жизни, нравственности, целеполагании в развитии мира и общества, предназначении смерти и т. д.), и поскольку как религия, так и всеобъемлющая идеология действительно дают чувство нуминозной осмысленности жизни (имея среди приверженцев людей безусловно честных и с горящими глазами), они обе, будучи в принципиальном сходны, даже и в деталях коррелируют между собой. П. Гиллих⁷ объявил идеологию *религией в широком смысле слова*. Перед лицом кризиса религии идеология все же «лучше» ординарного бездуховного мира, поскольку она, как и религия, пусть иногда и с издержками в виде извращения ценностей, противостоит его (сего мира) бессмысленности и цинизму.

Выше в Части V Раздела первого настоящей монографии (см. главы 2 и 3) мы предприняли исчисление СДолей ЛФона лексем *дом*, *жилище*; сейчас (в Частях I [главы 1 и 2] и III [главы 1–3]) в качестве сквозного примера также используется сфера человеческого жилища, точнее сказать *врожденная идея* «жилище — это вла-

⁷ О концепции Гиллиха см. выше Экскурс 2 в подглавке 02–10 Раздела второго.

го». Она, эта сфера, — грандиозна и за счет метафоричности и других семантических процессов имеет тенденцию к необозримой экспансии. Между тем мы увидим, что если биологическая программа поиска укрытия и постоянного пристанища является у человека общей с высшими животными, то под влиянием нуминозного человека, в отличие от животного, способен отказаться от нее.

Если ранее фактический материал преимущественно черпался из произведений русской художественной литературы и из современных газет, то сейчас мы широко опираемся на свидетельства Библии (в славянском и русском переводах), особенно Нового Завета. Это вызвано, во-первых, тем, что Библия оказала определяющее влияние на духовность христианского мира, в том числе и на духовность Руси, России⁸; отсюда возможны отождествления. Кроме того, во-вторых, отраженная в Библии ближневосточная бытовая культура, в том числе культура жилища, существенно отличается от русской, а это позволяет ссылаться на знакомые факты и тут же отчуждать их; иными словами, наряду с отождествлениями, возможны и противопоставления. Главное, однако, состоит не в этом: поскольку, в-третьих, идея «жилище — это благо» для некоторых — нуминозно мотивированных — носителей языка сопряжена не только с шадящей, но и со строгой этикой, для адекватности суждений полезно анализировать именно Библию, и на первом месте Новый Завет, — мы получаем возможность прикинуть к истокам как индивидуального, так и массового этического ригоризма. Не забудем, наконец, в-четвертых, что в силу своего места в национальной культуре Библия (как в славянском, так и в русском переводах) — это фактор сложения и функционирования современного русского литературного языка⁹.

Хотя сей Раздел посвящен общей проблеме, все же мы насытили его, как и первые два, серией конкретных наблюдений (имеющих, в силу нетривиальности, самостоятельное значение). Тем самым книга адресована специалистам, которым, наряду с теорией, интересна материя филологии — «мелкие» факты, «невьясненные» обстоятельства, подробности, частности, детали. Может случиться, что читатель, которому не подойдет общая концепция сапиентемы, все же получит пользу от знакомства с самоценным материалом.

Сделать изложение неочевидного и спорного убедительным, естественно, не просто. Нужно приложить усилия и выбрать успешную тактику изложения. Во всяком случае, доктринально-догматический (авторитарный) способ представления концепции (нередко встречаемый у философов, пишущих на языковые темы) для нас не подходит. Мы решили следовать путем постепенной индукции. Если это так, то прежде чем перейти к существу дела, следует указать на предпосылки, на фундамент, лежащий в основе всего построения. Соответственно две нижеследующие части имеют пропедевтическое значение.

В Части I настоящего раздела в трех главах рассматривается *синхроническая* проблематика. Во-первых, сначала мы представляем и как бы оправдываем избранный нами интуитивно-дискурсивный способ изложения, а затем предлагаем

⁸ Это удивительно, но семь десятилетий насильственного атеизма в нашей стране, когда Библия не печаталась, не выдавалась в библиотеках и когда ее строжайше запрещалось ввозить из-за границы, не смогли искоренить библейской основы культуры России.

⁹ Один из соавторов выпустил научно-популярную книжку по библеистике, в которой эти вопросы нашли отражение; см. [Верещагин 2000а].

первоначальную (самую общую) интуицию о сапиенте. Во-вторых, показываем, что в речепорождении невербальный аспект характерен не только для номинативных языковых единиц¹⁰, но и для синтаксиса (поскольку нам важно передать читателю тезис о том, что отсутствие материальных носителей — это вообще сущностный признак коммуникативной деятельности человека). Наконец, в-третьих, поскольку этическая установка решающим образом определяет духовный мир как индивида, так и референтной группы, в которую он входит, разграничением щадящей и строгой этики (определяющей отношение к одному и тому же фрагменту жизни [в данном случае, к дому, жилищу]) показываем, что этические импульсы, — а они, как будет показано далее, определяют качественный строй сапиентемы, — реально бывают не только разными, но и прямо противоположными. Таким образом, несмотря на кажущееся отвлечение от магистральной линии изложения в Части I, вошедшие в нее материалы и особенно сделанные в ней выводы принадлежат к краеугольным основаниям концепции сапиентемы.

В Части II рассматривается *диахроническая* проблематика. Для нас весьма важно включить концепцию сапиентемы в историю развития аналогичных или близких научных догадок. Мы подробно разбираем учение Платона об идеях и во многом принимаем его, но Платоновое представление о врожденности идей у нас пополнено представлением о внушенности идей (и там и здесь имеет место внедрение идеи извне), так что мир идей человека, на наш взгляд, способен изменяться: часть врожденных идей может быть из него изгнана и пополнена другими, внушенными.

Наконец, в Части III, в которой синтезируется информация двух предыдущих частей, сапиентема рассматривается как сущность и в тех своих качествах, которые нам удалось уловить на сегодня (ноябрь 2004 г.).

¹⁰ Невербальность ЛФона и РПТактики подробно рассмотрена в разделах первом и втором.

Предварительные подступы к концепции *сапиентемы*

Глава 1. Первый предварительный подступ: *Cogito, ergo sapienteme est*

01–1. От интуиции к дискурсии: о способе изложения

У своеобразного мыслителя Олдоса Хаксли (Aldous Huxley) есть определение философии, которое, как мы думаем, приложимо — хотя бы отчасти — к любой гуманитарной науке. Мы приведем его немного спустя и применим к своим филологическим разысканиям.

Предварительно, однако, несколько слов о личном.

На протяжении десятилетий размышляя над проблемой нераздельного и неслиянного соотношения языка и культуры, авторы настоящего труда, как им кажется, нашли определенное решение. Конечно, имеется в виду осмысление лишь фрагмента необозримого комплекса вопросов (правда, центрального фрагмента), но экспликативно-познавательная сила предлагаемого подхода такова, что он не может не сказаться и на всей проблематике. Наше видение представляет собой, несомненно, плод неотступных контемплаций, но в то же время оно получено как бы не только своими силами, а отчасти преподано нам в субъективном прозрении¹. О механизме этого прозрения судить трудно, но мы ни в коем случае не свели бы его к аутосуггестии. Субъективность, которую мы имеем в виду, — своеобразная, так сказать «объективная», поскольку она распространяется на мини-коллектив (хотя бы из двух

¹ «Как возникает научная идея и что для нее характерно? Задавая этот вопрос, я, конечно, не имею в виду заняться подробным анализом тонких умственных процессов, происходящих в сознании исследователя и особенно в его подсознательном. Эти процессы — божественные тайны, которые или совсем не поддаются объяснению, или могут быть освещены лишь в известной степени; пытаться проникнуть в их сущность было бы неразумным и самонадеянным» [Планк 1958: 47].

лиц²). Итоги конTEMPLации можно уподобить цепочке интеллектуальных вспышек. Каждая присутствует в сознании мгновенно (симультанно). На нее можно намекнуть, если употребить номинацию, *интеллектуальное чувство*. В совокупности они образуют *интеллектуальное состояние*. Интеллектуальная эмоция (т. е. ощущение присутствия особого — чувственного — знания) тянется во времени: она всегда с нами. Состояние это, однако, — рода противоречивого: оно, действительно, присутствует здесь и сейчас, но в каждую единицу времени остается мгновенным, цельным и невыразимым. *Невыразимый* — (стало быть, как можно подумать) не способный развертываться рациональным образом и вербализоваться. На самом же деле точнее сказать: интеллектуальное невыразимо лишь в определенных частях, а отчасти — допускает перевод в обычный (логический, научный) дискурс. Адекватный ли перевод, всегда ли понятный — другое дело.

Сказав о *чувстве* (*emotio*), соотнесенном с *рассудком* (*ratio*), мы, казалось бы, смешали противоположные миры. И тем не менее опыт духовного состояния, который имеется в виду, присущ многим.

Как известно, сложилось целое направление в методологии философии, исследующее именно интеллектуальное состояние, возникающее поверх пятичувственного (эмпирического) опыта, — *интуитивизм*. *Интуиция* — это определенное знание, полученное не вследствие наблюдения и не путем логического вывода, а явившееся уму «невесть откуда» (иными словами, получивший интуитивное знание не ведает, откуда оно происходит). Интуитивное знание можно преобразовать в дискурс и апостериори обосновать логически. Интуитивное знание дается (как ответ) подготовленному и прилагающему от себя усилия человеку, т. е. тому, кто неотступно размышляет о некотором предмете, но, вообще говоря, может быть и просто «даровано». Интуитивизм, — а он в наиболее развитом виде представлен в концепции А. Бергсона (в рус. переводе см. [Бергсон 1913–1914]) и в отчасти зависящей от нее, но в целом самостоятельной концепции Н. О. Лосского³ ([Лосский 1906⁴, 1922; 1995]; итоговое изложение [Лосский 1992]) — исходит из того, что познающий субъект способен полностью отождествить себя с познаваемым объектом и включить последний в свой *élan vital*.

Скажем еще раз, что интеллектуальное чувство и состояние — это не процесс дискурсивного мышления, требующий времени для своего развертывания, а именно симультанная (в каждый данный момент цельная) нагруженность ума с уверенностью, что вы схватили объект в его полноте и отчетливо усматриваете за феноменами — ноумены (способные вербализоваться).

В то же время носители интеллектуального состояния подобны сжатой пружине: под влиянием невесть откуда взявшегося императива они чувствуют потребность изложить свою доктрину как для себя, так и в первую очередь для других, передать ее всем желающим слушать, (пере)убедить их, чтобы в итоге и у них появились интуиции, заставляющие воскликнуть: «А в этом что-то есть!».

Посему носители интеллектуального состояния всегда активно продвигают свои доктрины и упорно стремятся — конечно, лишь в податливых тематических

² Весьма вероятно, в него входит и значительно большее число лиц (поскольку ряд ученых высказывает сходные взгляды).

³ Справку о его жизни и творчестве см. [Русская философия 1995: 327–329].

⁴ Данный труд перепечатан также в кн.: [Лосский 1991].

сферах — *рационализировать* собственное интуитивное знание (т. е. перевести его из эмоциональной сферы в интеллектуальную) и соответственно *вербализовать* (т. е. выразить путем терминотворчества и отчасти терминологирования или же семантического отчуждения обиходных слов). Когда продуцируются новые взгляды, они должны быть и поименованы необычно⁵.

Вербализация имеет начало и конец, а когда, таким образом, вносится временная динамика, симультанное состояние претворяется в сукцессивное рассуждение, а оно, имея аутоадресацию, в то же время может быть обращено и к другому. В последнем случае рассуждение, вследствие обычного процесса компрессии воспринятого содержания, у адресата снова обратится в чувство.

Сукцессивное рассуждение — это вербальный дискурс, состоящий из эмпирических наблюдений и логических умозаключений на их основе. Рассуждение — апостериорно, но излагающий включает в него элементы собственного априорного знания. При этом он имплицитно исходит из того, что подобный же априорный опыт — в силу его врожденности — уже имеется и у адресата (пусть в неосознанном виде); соответственно дискурс обязан всего лишь вывести этот опыт в светлое поле сознания.

Итак, предстоит перейти от *интуиции* к *дискурсии*.

О. Павел Флоренский, говоря о субъективной интуиции, заметил однажды, что она, «приватная истина», претворяется в истину объективную (т. е. приемлемую и для другого), если адресант, открывая свой мир, становится на путь научной дискурсии (ведь ему теперь приходится держаться общечеловеческой логики). Согласно о. Павлу, *истина — это и есть интуиция и дискурсия*. Иное дело, что визионеры в своем дискурсе иногда говорят метафорами и уподоблениями; сейчас, однако, художественно-образный способ вербализации интуиции оставим в стороне. Здесь и далее имеется в виду исключительно научный дискурс. (*Коррективное примечание*. Если еще в недавнее время ссылаться на о. Павла считалось хорошим тоном, то сейчас некоторые исследователи [в том числе и там, где ссылки совершенно необходимы] покрывают его имя молчанием. Действительно, может быть, у мыслителя и были определенные антииудейские и антисемитские предрассудки⁶ [о чем остается только искренне пожалеть], но было бы неправильно из-за них списывать все его духовное наследие⁷.)

Интеллектуальное чувство, полученное в прозрении и не опирающееся на сенсорный опыт, тем не менее все же может быть вербализовано хотя бы отчасти адекватно и отчасти вразумительно (для других). Такая возможность, естественно, отрицается в концепциях, принципиально ориентированных на сенсуализм, эмпиризм или позитивизм.

⁵ Ср.: «Слишком часто забывают, что мыслителю — и нет иного мыслителя, кроме создателя новых мыслей — помимо аналитического таланта необходим особый талант именовать свои открытия. Этот талант есть словесный и тем самым поэтический талант. Я называю его „именовательным“ талантом. Были гениальные мыслители, обделенные этим талантом, страдающие от плачевной немоты. Очевиднейшим примером здесь служит Дильтей. Он никогда не умел с глубиной и значительностью выразить то, что видел, и поэтому не смог повлиять на свое время как философ. Напротив, Гуссерль обладал могучим именовательным даром» [Ортега-и-Гассет 1975: 156].

⁶ О них, в свете последних текстологических отождествлений, в апреле 2000 г. на симпозиуме, состоявшемся в Потсдаме и посвященном наследию о. Павла Флоренского, сообщил Михаил Хагемейстер [Hagemeister 2001].

⁷ Такова, например, здравая позиция оппонента Хагемейстера Х. Куссе [Kusse 2001].

Так, представляется, что И. А. Бодуэн де Куртенэ, особенно в ранних публикациях, держался позитивистских взглядов в радикальной форме: «Языкознание есть наука естественная (филология же историческая). Метод языкознания есть метод естественных наук: он состоит в точном наблюдении объекта и в выводах, извлеченных из наблюдения. <...> Априористические же постройки разных идеальных философов трудно считать наукой, т. е. суммой положительных знаний» [Бодуэн 1963 1: 37]. Исследователям лингвофилософского толка он даже отказывал в добросовестности: «Люди этого направления чувствуют потребность в объяснении явлений, но берутся за дело не так, как следует. Они придумывают известные начала, известные априористические принципы как в общем, так и в частностях, и под эти принципы подгоняют факты, поступая с ними крайне бесцеремонно. <...> Здесь источник всевозможных бесчисленных произвольных объяснений и выводов, не основанных на индукции и свидетельствующих иногда об отсутствии здравого смысла у их виновников» [там же: 54]. Неизвестно, какие у Бодуэна были основания для подобной резкости, но всего Платона, взгляды которого подробно рассматриваются нами ниже, можно включить в объем денотата, очерченного Бодуэном. С другой стороны, Бодуэн с одобрением относился к обобщениям: «Существенным признаком „Казанской лингвистической школы“ является стремление к обобщениям, стремление, многими порицаемое и даже осмеиваемое, но тем не менее стремление, без которого немыслима ни одна настоящая наука» [Бодуэн 1963 2: 52]. Ученый протестовал против ползучего эмпиризма: «У самого „основателя Казанской лингвистической школы“ (так Бодуэн называл самого себя. — *Е. В., В. К.*) это стремление к обобщениям, проявившееся еще в его первых лингвистических трудах, усиливалось потребностью реакции против мертвящих, духоубийственных разглагольствований, которые приходилось ему выслушивать от его петербургских „руководителей“, видевших всю задачу языковедения в издании памятников и в составлении более или менее бессмысленных словарей» [там же]. Не возражал Бодуэн и против лингвистической философии как самостоятельной области знания: он постулировал отдельное бытие «высшего обобщающего философского языковедения, „философии языка“ <...>, обнимающей вершины лингвистических обобщений» [там же: 98–99]. Развивая концепцию В. Гумбольдта, Бодуэн отчасти высказывал мысли, к которым можно прийти только путем контемплации. В частности, таково его учение о языковом знании — «восприятии и познании мира в языковых формах» [там же: 95]. Таким образом, живой человек, великий ученый бывал и противоречив.

На фоне противоречивых взглядов И. А. Бодуэна де Куртенэ мы хотели бы подчеркнуть, что развиваемые в книге гипотезы не имеют чисто эмпирического происхождения.

Вербализованное интеллектуальное чувство не обладает принудительностью (по типу вывода в теоремах); адресат, даже вполне уловив суть нашего построения, тем не менее не обязан его принять за истину. Впрочем, такова судьба любых конструкций, имеющих не только сенсорное происхождение⁸.

Это правда, что интеллектуальное чувство для адресантов сродни вере, а вера, по определению, есть субъективная убежденность в невозможности альтернативного взгляда.

⁸ «Я надеюсь, что рано или поздно философия получит, в противоположность науке, такое определение: философия есть учение о ни для кого не обязательных истинах» [Шестов 1908: 128].

Упомянув о Павла Флоренского, сошлемся и на второе авторитетное имя. Пришло время привести анонсированное раньше *речение* ироничного, эпатажного и в то же время серьезного О. Хаксли: «*Философия — отыскивание сомнительных причин в обоснование того, во что веришь инстинктивно*». Речение приложимо и к филологии, особенно если филолог затрагивает общие вопросы генезиса, теории и истории, современного бытия и будущего языка, т. е. подходит к пограничной с философией области человеческого духа.

Говорят, любую, в том числе весьма развитую, интеллектуальную систему можно подытожить лапидарной фразой. Нам достаточно всего четырех слов, а само речение построено по известной модели Декарта: *Cogito ergo logoepisteme*⁹ est («Мыслю — стало быть, существует *сапиентема*»). По своей общеязыковой семантике союз *ergo* имеет прежде всего временную, а уже потом причинную семантику; следовательно, мы хотим сказать: поскольку опережающе существует *сапиентема*, постольку *post hoc*, а стало быть *propter hoc* возможно мышление человека (и язык и речь).

Мы склонны отклонить точку зрения¹⁰, по которой духовный мир человека при рождении — это *tabula rasa*, заполняемая собственным сенсорным опытом и посредуемым языком опытом других людей (об этом подробнее ниже).

Чтобы, однако, дискурсивно развернуть четырехсловное речение *Cogito ergo sapienteme est*, потребовался целый раздел в настоящей монографии.

01–2. ПРОПЕДЕВТИЧЕСКАЯ ДЕМОСТРАЦИЯ ИНТУИЦИИ О САПИЕНТЕМЕ

Сейчас, однако, в пропедевтических целях кратко напомним, что имеется в виду под *сапиентемой*¹¹. Предварительно, однако, требуется взгляд в сторону.

Космогонические номинации Быт 1: 1–10. В первой книге Пятикнижия, содержащей космогонию, имеются предикации, отражающие интуиции о соотношении смыслов и их номинаций.

Сначала Элохим сотворил *небо и землю*; затем — *свет* (который был отделен от *тьмы*); затем — (по синодальному переводу) *твердь* (אֶרֶץ, *ракия*)¹², στερέωμα; вероятно, лучше перевести: *пространство*); затем — *собрание вод и сушу* (Быт 1: 1–10).

⁹ Латинской вокабулы *sapienteme* не существует.

¹⁰ Наиболее отчетливо выражена Дж. Локком. По Локку, как индивидуальный, так и общественный человек — продукт исключительно апостериорного развития (посредством органов чувств: «нет ничего в интеллекте, чего прежде не было бы в органах чувств»). Система Локка противостоит концепции Декарта, вслед за Платоном полагающего, что некоторые идеи (а также нравственные принципы) человеку врождены.

¹¹ Ниже в основном тексте следует образчик небольшого конкретного и самоценного наблюдения, которыми наполнена наша книга, пропозиционально написанная, однако, на общую тему. Об этой особенности изложения упоминалось во Введении.

¹² Общепринятой транслитерации древнееврейских текстов кириллическими буквами не существует. Мы пользуемся системой проф. Б. М. Гранде с небольшими изменениями. Буква «'алеф» (*spiritus lenis*) обозначается значком ' (и практически не произносится); буква «'аин» (*spiritus asper*) передается значком ' (гортанный взрыв, отдаленно напоминающий покашливание; *Knacklaut*); буква «хе» — как h. Характерный для иврита звук «ш'ва» показан знаком °: «ш'ва» — это сверхкраткая гласная, немного похожая на «э». Если «ш'ва» стоит по орфографическим причинам, но не произносится, у нас нет никакой пометы. Предлоги, союзы и артикли, согласно ивритской орфографии, пишутся слитно со словом, но, чтобы их можно было легко распознать, мы отделяем их дефисом.

Примечательно, что когда описываются акты творения, то для именования их результатов используются слова абстрактной семантики, причем полярные: *небо* противоположно *земле*, *свет* — *тьме*, *собрание вод* — *суше*. Казалось бы, лишь *твердь* (= пространство) не образует бинорма, но если вспомнить, что речь идет в одном случае о «воде, которая *под* твердью», в другом — о «воде, которая *над* твердью», то полярная бинарность прослеживается и здесь.

По причине, которая отнюдь не лежит на поверхности, — а толкователи Библии странным образом на ней не останавливаются, — Элохим затем приступает к переименованиям, так что плоды творения на протяжении первого десятка стихов книги Бытия получают, как кажется, двойную номинацию.

Действительно, ср.: «И назвал (אֱלֹהִים, *ѳ'-йикра'*) Бог свет (אֵר, *ла-'ор*) *днем* (יוֹם, *йом*), а тьму (חֹשֶׁךְ, *ла-хошех*) [назвал] *ночью* (לַיְלָה, *лайлах*). <...> И назвал Бог *твердь* (רָקִיעַ, *ла-ракийа'*) *небом* (שָׁמַיִם, *шамайим*). <...> И назвал Бог *сушу* (יַבֵּשֶׁת, *ла-йабашаһ*) *землею* (אֶרֶץ, *'эрец*), а собрание вод (מִקְוֵה הַמַּיִם, *л'-миквеһ һа-майим*) назвал *морями* (יַמִּים, *йамим*)» (Быт 1: 5, 8, 10).

Две лексемы для называния одного и того же? Нет, не так.

Если *'ор* — это действительно *свет* (по словарному определению, «лучистая энергия, воспринимаемая глазом и делающая видимым окружающий мир») и если *хошех* — *тьма* («темнота, мрак; отсутствие света»), то *йом-день* — не просто свет и *лайлах-ночь* — не просто тьма.

В современной русской культуре *день* — это «часть суток от восхода до захода солнца», а *ночь* — это соответственно «часть суток от захода до восхода солнца». Между тем значение библейской лексемы *йом* точно неизвестно. Из начальных строк книги Бытия можно заключить, что *йом* начинался не тогда, когда наступало утро, и наоборот — когда наступал вечер: «И был вечер, и было утро: день один» (Быт 1: 5); «И был вечер, и было утро: день второй» (Быт 1: 8); «И был вечер, и было утро: день третий» (Быт 1: 5). Эта практика начала отсчета суток с вечера перешла к христианам, в том числе и православным, — так, для них календарный день (в том числе память святого или другой праздник) начинается с вечернего богослужения.

Во всяком случае, различие между житейским и не-житейским представлениями о том, что такое день, сознавалось уже самими писателями Свщ. Писания. Ср. оценку дня в сознании псалмопевца. С житейской точки зрения, день для него — половина суток, парная мера времени, вытекающая из смены света и тьмы: «...в законе Господа воля его, и о законе Его размышляет он *день и ночь*» (Пс 1: 2) С другой стороны, псалмопевец осознает относительность продолжительности дня. Видимо, постоянно сталкиваясь с непониманием, он восклицает: «Ибо пред очами Твоими тысяча лет, как день вчерашний» (Пс 89: 5). Во всяком случае, никак нельзя утверждать, что каждый день творения — первый, второй и так до шестого — продолжался по 24 часа.

Таким образом, хотя в сообщении о космогонии при двойной номинации явно одного и того же *свет* и *день* поставлены в отношении эквиваленции, на самом деле понятийно они не эквиваленты, потому что *день* явно выступает в качестве *меры времени*.

Аналогичному анализу можно подвергнуть и пары *тьма* ↔ *ночь*, *твердь* ↔ *небо*, *суша* ↔ *земля* и *собрание вод* ↔ *море*.

Библейский пример потребовался для того, чтобы предварительно обозначить подход к феномену связи языка и культуры, характерный для данной книги.

Можно заметить, что направление номинаций в 1-й главе Книги Бытия противоположно тому направлению смысловой динамики, которая семасиологами считается обычной. Да, действительно, мы часто наблюдаем развитие семантики номинативной единицы от конкретного именованного к абстрактному. Однако, по свидетельству Свщ. Писания, — а мы по отношению к нему не являемся нигилистами, — существуют такие общие идеи, которые развертывают свою семантику в направлении от абстрактного к конкретному.

Сначала дается самая общая идея, которая может или быть лишена номинации (например, *верх* и *низ* применительно к *небу* и *земле*), или иметь составной и неузусальный характер (например, *собрание вод*), а затем эта идея, осложняясь (т. е. конкретизируясь), преобразуется в понятия, получающие номинацию в национальном языке.

Если общие идеи, как мы думаем (вслед за Платоном), даются всему человечеству или (если использовать архаичный глагол) *прираждаются* ему, то их развертывание в понятия совершается в лингвокультурной сфере определенного народа. Определенные элементы априорного знания имеют, так сказать, вертикальный генезис, а их переход на горизонтальный уровень — это вклад гения известного народа, его души в познание видимого (и невидимого) мира.

Это никогда не прекращающееся вертикально-горизонтальное освоение человеком мира и затем преобразование его совершается, по нашей догадке, в рамках некоего невербально-вербального *механизма*¹³ (какое другое слово подошло бы более?). Данный комплексный механизм мы и предлагаем называть *сапиентемой*.

Глава 2. Второй предварительный подступ: латентность в речепорождении как свидетельство о его невербальности

В исследовании процессов речепорождения и -восприятия обычно разделяют, не противопоставляя их друг другу, две основных грамматики — универсальную и конкретную. Универсальная грамматика, называемая иногда также метатеорией грамматики или даже просто лингвистической теорией, есть исследование языковых универсалий, т. е. тех характеристик *любой* языковой системы, которые ей внутренне присущи. Конкретная грамматика представляет собой описание механизмов речи, функционирующих в *определённом* языке. Неоднократно высказывалась мысль о том, что универсальная грамматика является врожденной и что поэтому ребенку, проходящему социализацию в конкретной этно-языковой общности, нужно лишь «уяснить себе», как семантические универсалии выражают-

¹³ От *μηχανή* (с прибавкой латинизированной [-ismus] концовки *-ισμός*) «(человеческое) приспособление», причем может иметься в виду как приспособление, искусственно созданное человеком, так и приспособление неизвестного генезиса, свойственное человеку.

ся в конкретном языке или, если речь идет об универсалиях плана выражения, как они функционируют. Таким образом, можно думать, что ребенок рождается в мир с некоторой языковой компетенцией.

Так, говоря о врожденной (т. е. универсальной) языковой компетенции ребенка, можно думать, что она конституирует раннюю детскую речь. При таком подходе ранняя детская речь не апостериорна: она не является сокращенной и деформированной речью взрослых, а представляет собой реализацию единой для всех детей мира универсальной грамматики. Впрочем, реализация универсальной грамматики и становление конкретной грамматики проходят параллельно, так что наблюдать универсальную грамматику в чистом виде никому не приходилось.

В композиционном плане настоящая глава состоит из двух подглавок, из которых первая служит экспозиционным целям, а вторая содержит доказательный материал.

02–1. УТОЧНЕНИЕ ТЕРМИНОЛОГИИ

Согласимся на время, что исследовательским предметом лингвистики являются тексты и только тексты [Ахманова 1966: 530]. В таком случае под грамматикой как описательной дисциплиной понимается «совокупность правил изменения и сочетания слов» [там же: 113]. Процедура лингвистической работы состоит, говоря вообще, в движении от текстов к выявляемым языковым единицам (анализ). Однако лингвистика исследует также и переход от языковых единиц, которые в этом случае рассматриваются как исходный материал, к текстам (синтез). Таким образом, грамматическое описание имеет два аспекта — анализирующую и синтезирующую грамматики.

Анализирующая грамматика. Анализирующая¹⁴ грамматика, как и прочие описательные лингвистические дисциплины, работающие в аспекте анализа, по итогам исследования перечисляет в списке языковые единицы своего (и только своего) уровня. Допустим, что достаточно выделять всего две таких единицы, а именно: морфемы (реляционные форманты, организующие слово) и модели группировки (patterns) (схемы расположения: морфем вокруг лексемы [носителя номинации] и оформленных лексем¹⁵ внутри словосочетания, фразы и сверхфразового единства).

Анализ можно себе представить как сегментацию текста (первая ступень), идентификацию повторяющихся единиц текста (вторая ступень) и перечисление последних в списке (третья ступень). Четвертая ступень анализа представляет собой определение собственно грамматических (т. е. языковых) единиц: на данном этапе процедуры ряд повторяющихся единиц текста может быть объявлен вариантами одной и той же грамматической единицы. Некоторые фразы текста, по-разному наполненные лексически, признаются идентичными, поскольку в них представлена одна и та же модель. Таким образом, последняя ступень анализа сопряжена с

¹⁴ Можно было бы сказать: *аналитическая*, но в таком случае утратилась бы переключка с парным термином — *синтезирующая* грамматика.

¹⁵ В иной системе терминов: *членов предложения*.

понятиями инварианта и аллоединицы. Список грамматических единиц, установленных анализом корпуса текстов, и называется грамматической системой языка. Описание грамматической системы языка (в смысле установления списков единиц) — единственная цель анализирующей грамматики.

Дальнейшее сокращение числа единиц списка, установленного анализом текстов, наблюдаем в двух исследовательских процедурах, интенсивно обсуждавшихся в 1960-е гг. и к настоящему времени вошедших в общепринятый инструментарий.

Так, во-первых, анализ по непосредственным составляющим (НС), в отличие от традиционной процедуры, позволил применить ко всем моделям группировки (безразлично: морфем вокруг лексемы или лексем внутри словосочетания и фразы) единообразную процедуру описания. Некоторые зримо различающиеся модели были объявлены идентичными, так как часть из них стала рассматриваться как расширение (развертывание) или сжатие (свертывание) одной и той же модели, так что общее количество моделей оказалось возможным уменьшить (количество морфем, разумеется, осталось прежним). Однако одновременно были сформулированы правила расширения/сжатия, и эти правила, если их представить в виде схем, в свою очередь причисляются к моделям, но особого рода: модели расширения/сжатия — это частный случай моделей группировки. Таким образом, относительная разнородность грамматических единиц теперь увеличилась: в списке мы наблюдаем морфемы, модели группировки и модели расширения/сжатия. Такова, по нашему мнению, квинтэссенция процедуры анализа по НС. Во-вторых, трансформационный анализ построен на применении к моделям расширения/сжатия процедуры дальнейшей идентификации: часть из них стала рассматриваться в качестве ядерных моделей (*kernel patterns*), а оставшаяся часть — как их трансформы (*transformations*). Число ядерных моделей невелико. В то же время были сформулированы правила трансформации, которые в принципе допускают формальное изложение и могут быть в свой черед представлены опять-таки в виде моделей. Эти модели иногда называют трансформационными (*transformational patterns*), но лучше назвать их моделями трансформаций. Итак, трансформационный анализ привел, с одной стороны, к сокращению числа единиц списка, но, с другой стороны, количество разнородных единиц увеличилось, так как трансформационная методика работы не приводит к отрицанию ни традиционной процедуры, ни процедуры анализа НС. В список единиц в итоге вошли: морфемы, модели группировки, модели расширения/сжатия и модели трансформаций. (О трансформационном анализе см., в частности, [Хэррис 1962; Топоров 1964]).

Структурный анализ речи сопряжен с ее синтезом, т. е., как полагали особенно в период одушевления (1960-е гг.), при обращении процедуры якобы возможно получение текстов [Ревзин 1964].

Синтезирующая грамматика. Синтезирующая грамматика в 1960-е гг. чаще называлась *порождающей*, но мы сохраняем термин, вынесенный в заголовок, для того, чтобы не терять эксплицитной парности анализа и синтеза. Динамический принцип в синтезирующей грамматике реализован направлением движения не от текста к списку языковых единиц, а от языковых единиц списка к тексту. Поэтому линг-

вистическое описание должно пониматься и как анализ и как синтез. Основная мысль состоит в постулировании обратимости лингвистической процедуры, предложенной для целей анализа [Хомский 1961], причем, естественно, все понимают, что выполнить анализ и произвести синтез — задачи, хотя и соотнесенные между собой, но все же разные. Таким образом, синтезирующая грамматика остается в границах чисто лингвистической работы, а лингвисты исходят из текста и к нему же возвращаются. Синтезирующая грамматика — «некий алгоритм порождения языка из набора заданных элементов с помощью ряда определенных правил» (под языком, конечно, разумеется текст) [Топоров 1964: 146].

Следует подчеркнуть, что ни анализирующая, ни синтезирующая грамматики, будучи лингвистическими дисциплинами, реального акта порождения речи человеком не моделируют, так как этот акт состоит в движении от *мысли* к *текстам*, тогда как обе грамматики оперируют в сфере движения или от *текста* к *номенклатуре* единиц, или от *номенклатуры* единиц к *тексту*. Во всяком случае, при моделировании порождения речи человеком нельзя игнорировать то, что обычно называется содержательным планом речи.

Стало быть, если ставить задачу моделирования реального речепорождения, то нужна еще одна грамматика.

Креационная грамматика. Назовем моделирование речепорождения *креационной* грамматикой. Собственно, хотя соответствующие разыскания идут начиная со второй половины прошлого века, сам названный термин не употребляется. Мы остановились на термине *креационный* потому, что теории, разбираемые ниже, содержат идею претворения мысли (или совокупности смыслов) в текст.

Прежде чем прямо перейти к креационной грамматике и пояснить, что имеется в виду под данным термином, следует остановиться на проблеме акта речи, — и здесь нельзя не напомнить о (в свое время много дискутировавшемся) вопросе соотношения языка и мышления.

Если не считать промежуточных концепций, усматривается всего два подхода к решению указанной проблемы. Сторонники первого из них обычно полагают, что язык/речь «неразрывно» связан/а с мышлением, причем эта связь такова, что не могут существовать ни мысль без речи, ни речь без мысли. Один из апологетов концепции, ссылаясь на классиков марксизма, говорил «о *речи-мысли*, самим написанием этих слов через дефис подчеркивая единство, органическую связь обозначаемых ими явлений» [Ардентов 1964: 5–6]¹⁶. Сторонники второй и противоположной концепции обычно полагают, что язык/речь и мышление обладают определенной самостоятельностью и могут быть дефинированы как форма и содержание. Если «язык является формой существования и формой выражения мышления» [Философский словарь 1963: 535]¹⁷, то в паре язык—мышление второй компонент является ведущим. В таком случае при порождении или, напротив, восприятии ре-

¹⁶ На этих позициях в свое время стояла большая группа авторов; см. [Ковтун 1955: 65; Щедровицкий 1957: 56; Панфилов 1957: 163; Хэгболдт 1963: 24; Беляев 1964: 21] и др.

¹⁷ На этих позициях в свое время также стояла большая группа авторов; см. [Выготский 1956: 337; Лурья 1959: 56; Вулридж 1965: 21; Мельников 1967: 234; Керт 1967: 31] и др.

чи имеет место или отставание речи по отношению к мысли (поскольку симультанная мысль облекается в сукцессивную последовательность слов; такова *вербализация*), или отставание мысли по отношению к речи (поскольку слова, одно за другим отдавая смыслы, в кумулятивном итоге производят мгновенную мысль; такова *девербализация*). Таким образом, между мыслью и речью наблюдается некоторая динамика во времени: соответственно Л. С. Выготский учил о «переходе», «превращении», «претворении» речи в мысль или мысли в речь, т. е. о временной динамике между двумя явлениями [Выготский 1956: 337 и сл.].

В дальнейшем сосредоточимся на одной лишь *вербализации*.

Для того чтобы исследовательская модель не осталась на уровне кода/сообщения, а отражала реальный процесс акта речи, требуется смоделировать движение от *мысли* к фразе. Но что такое *мысль*? Обиходное слово не стало и едва ли когда станет общепринятым однозначным термином. Не терминологизировано также и соотносимое с «мыслью» именование *смысл*. Хотя мысль и смысл допускают не одну интерпретацию, тем не менее *связь* между ними можно терминологизировать¹⁸: будем считать, что мысль в своей динамике развертывается в последовательность (или цепочку) смыслов.

02–2. МОДЕЛИРОВАНИЕ РЕЧЕПОРОЖДЕНИЯ

Моделировать порождение речи человеком (т. е. описывать механизмы перехода от мысли/смыслов к тексту) можно в четырех аспектах: функциональном, структурном и функционально-структурном.

Функциональная модель порождения речи сводится к учету только начального и конечного этапов процесса. Требуется, чтобы с помощью известных процедур, предлагаемых безотносительно к моделируемому процессу и оцениваемых только по их эффективности, обеспечивался переход от смыслов к текстам или обратно. Ведущим является динамический аспект — функционирование модели, и это может быть всего лишь логическое функционирование. *Структурная* модель изучает и отражает реальное строение моделируемого объекта (в виде графической схемы или устройства, созданного по аналогичным принципам). Однако для структурной модели не является существенным динамический аспект: она отражает строение объекта в статике. Значение структурной модели — в ее объяснительной силе. *Функционально-структурная* модель объединяет в себе оба принципа.

¹⁸ С той точностью и непротиворечивостью, которая характерна для гуманитарных наук. Кстати сказать, удовлетворительный уровень гуманитарных дефиниций был задан на Тридентском соборе, для отцов которого характерна высокая ученость. Так, определяя термин *ordo* «порядок», необходимый для понимания иерархии, они записали: *Est enim ordo, si propriam eius vim et notionem accipiamus, dispositio superiorum et inferiorum rerum, quae inter se ita aptae sunt, ut una ad alteram referatur. Quum itaque an hoc ministerio multi sint gradus et variae functiones, omnia vero certa rationae distributa sint et collocata, recte et commode ordinis nomen ei impositum videtur* [Catechismus 1886: 240]. «Ибо *порядок*, если мы примем его подобающее значение и понятие, есть расположение более высоких и более низких вещей, сопряженных между собой таким образом, что одна соотносится с другой. Поскольку же в этом служении имеются многие ступени и различные предназначения, и все они распределены и собраны по установленному принципу, представляется правильным и удобным придать ему [служению] имя *порядка*» (перевод наш. — Е. В., В. К.). Сейчас эта дефиниция приведена для иллюстрации. В дальнейшем она понадобится нам, когда придется говорить о иерархии сапиентем.

Приведем наглядные примеры: функциональной моделью деятельности паука является ткацкий станок; структурной моделью Солнечной системы — совокупность разной величины шариков, которую можно видеть в любом школьном физическом кабинете; структурно-функциональной моделью зубов — протез, повторяющий форму и воспроизводящий функции замещаемого объекта. Впрочем, в дальнейшем мы говорим исключительно о логических моделях.

Латентный процесс речепорождения: сознаваемые механизмы. Догадка о вербализации строится на пресуппозиции, что между мыслью и речью существует динамика во времени, причем мысль опережает речь. Стало быть, при порождении речи с момента актуализации мысли до начала речи проходит некоторое время, потребное для работы механизмов вербализации. Предположим, мы умеем измерять или хотя бы отмечать это время. Назовем тогда процесс речепорождения, имевший место в указанный промежуток времени, *латентным*¹⁹, или скрытым.

В дальнейшем предпринимается попытка уточнить количество операций, составляющих латентный процесс. Таким образом, изучается структура процесса. С другой стороны, структура рассматривается в динамике, т. е. в функциональном аспекте. Следовательно, речь идет о структурно-функциональной модели. — Для дальнейшего требуется кратко рассмотреть понятие «внутренняя речь» и отделить его от понятия «латентный процесс». Обычно полагают, что внутренняя речь — это субстрат мышления «для себя» и соответственно «про себя»²⁰. Внутренняя речь характеризуется свернутостью, предикативностью и субъективной направленностью. Внутренняя речь может и вообще не выводиться вовне (и отсюда можно заключить, что она самоценна). Между тем, если внутренняя речь — это опора мышления «для себя» (а не само мышление), то она самостоятельной ценности не имеет. Иными словами, она латентного процесса не исчерпывает.

Латентный процесс прямому наблюдению недоступен, и о его структуре приходится судить на основании зримых, но косвенных показателей. Эти объективирующие показатели (фиксируемые наблюдателем непосредственно или с помощью приборов) предварительно должны быть рассмотрены на предмет выявления их действительной связи со скрытым изучаемым явлением. Так, фиксируя движения глаз человека при решении шахматной задачи или сосудистые реакции при назывании значимых для испытуемого (например, стрессовых) слов, мы можем исследовать умственную деятельность.

¹⁹ Термин *латентный* используется в физиологии и психологии в экспериментах, когда замеряется время, протекшее от момента приложения внешнего раздражителя до начала реакции на него (см., например, [Бойко 1964]). Естественно, при речепорождении внешний раздражитель отсутствует, поэтому в начале латентного процесса постулируется актуализация («вспышка») мысли (интенции), которую, вообще говоря, невозможно зафиксировать инструментально.

²⁰ Так думал, надо заметить, и Л. С. Выготский: «Мы не соглашаемся с теми, кто рассматривает внутреннюю речь как то, что предшествует внешней, как ее внутреннюю сторону»; «Внутренняя речь есть речь для себя»; «Внешняя речь есть речь для других. Нельзя допустить даже наперед, что это коренное и фундаментальное различие в функциях той или другой речи может остаться без последствий для структурной природы обеих речевых функций <...>. В известном смысле можно сказать, что внутренняя речь не только не есть то, что предшествует внешней речи или воспроизводит ее в памяти, но противоположна внешней» [Выготский 1956: 340–341].

Первый объективирующий показатель при изучении латентного процесса — время, протекшее с момента актуализации мысли и до момента речи. Если актуализация мысли обусловлена внешним воздействием (например, предъявлено изображение предмета и предложено его назвать), то время от предъявления до номинации можно измерить [Верещагин 1966а]. Тем не менее замер времени способен свидетельствовать лишь о том, что латентный процесс имеет место, и не более того. Судить о качестве этого процесса, о его строении замер, естественно, не позволяет. Кроме того, во-вторых, объективирующим показателем могут быть явления хезитации (неуверенности при говорении, ведущей к задержке речепорождения), аутокоррекции говорящим своей речи, построения им (непривычной) фразы на основе инструкции (например, ортологической типа «так не говорят», «говори правильно»), а также речевая патология (например, наблюдения за речью страдающего афазией [особенно при синдроме выпадения лексики]) и речепорождение в состоянии гипноза. Во всех этих случаях процесс речепорождения отчасти выносится вовне, становится наблюдаемым.

Если латентный процесс — это не просто внутреннее проговаривание («речь минус звук»), а нечто другое, то, следовательно, надо ожидать, что и объективироваться этот процесс будет в речевых произведениях, отличных от «обычных» текстов. Однако следует удостовериться, что «необычные» речевые произведения отражают именно латентный процесс.

Действительно, фраза *Он ехал на [э]лектричке и на тра[н]вае* свидетельствует только о том, что говорящий не вполне владеет орфоэпическими нормами русского литературного языка, а к латентному процессу отношения не имеет. Иное дело аутокоррекция и самооценка собственной речи: говорящий сам замечает, что в латентном процессе имели место «сбои», и стремится их скорректировать. Всего мы наблюдаем два осознаваемых механизма латентного речепорождения.

Таков механизм (сознаваемого) *самоконтроля*.

Присутствие этого механизма подтверждается, во-первых, интроспекцией. Если испытуемому предъявить определенный предмет и если он, по самонаблюдению, знает, что это за предмет, но по какой-то причине не сразу отыскивает лексему, то он сознает, чем занят: «ищет слово». На этом этапе слова, «приходящие в голову», контролируются: отсеиваются «неподходящие» до тех пор, пока не всплывет «подходящее», которое и будет выведено в звучащую речь. Так, в свое время один из соавторов исследовал поиск слова при билингвизме: испытуемые единодушно свидетельствовали, что по предъявлению знакомого изображения иногда «в голову приходило слово» не того языка, на который была установка; тогда приходилось сознательным усилием производить нечто вроде внутреннего перевода (и это занимало дополнительное время) [Верещагин 1966а]. Аналогично афатик, по предъявлении заведомо известного изображения не нашедший подходящего слова, путем интроспекции сообщает: «Я не мог вспомнить слово *бабочка*, и тогда пытался найти слово *мотылек*» [Пенфилд, Робертс 1964: 208]. *Pathologia illustrat physiologiam*: и здоровый информант, в рассказе об одной экзотической болезни забывший ее название, свидетельствует о поиске слова путем перебора: «Сначала вспомнились всякие болезни. Нет, думаю, не *холера*, не *тиф*, не *чума*, не *рак*. Потом — ага! — *проказа*». Во-вторых, о наличии этапа контроля можно судить по модификациям речи, проводимым говорящим по инструкции,

т. е. посредством сознательного усилия. Например, сказавшего «Ты *позв[о]нишь* мне?» поправили, и в следующий раз, обычно немного промедлив, он модифицирует привычную речь: «Ты *позвон[и]шь?*». Когда речепроизводство протекает путем актуализации знаний, латентный процесс обычно осознается. Этап контроля способен даже выходить на первый план и длительное время удерживаться в светлом поле сознания, если речевая ситуация — социально-значима. Тогда говорящий активно контролирует не только, что сказать, но и как сказать [Дульзон 1956: 319 и сл.; Верещагин 1966б: 41–45].

Таким образом, латентный процесс речепорождения включает в себя этап (сознаваемого) самоконтроля.

Другой механизм — *селекция*.

Этот механизм отличается от неосознанных этапов поиска содержания и формы при движении от мысли к тексту тем, что, будучи целенаправленной деятельностью, запускается по сознательному и волевому усилию говорящего. Примеры, приведенные выше, уже содержат в себе селекцию. Дополнительный пример: афатик, подыскивающий слово *нож*, «выводит наружу, что происходит внутри»: «Это к обеду, не *ложка*, не *вилка*... Это *нож*». Варианты путем перебора отвергаются до тех пор, пока не будет найден подходящий. Особенно часто этап селекции обращает на себя внимание информантов во время поиска лексемы на иностранном языке.

Следует отметить, что оба механизма объективируются не только с помощью интроспекции. Они отражаются также посредством *зияний*. Такова их первая совместная характеристика.

Зияния — это свободные от звучания отрезки текста, не являющиеся обычными паузами. Зияния, как правило, по абсолютному времени длиннее пауз. Зияния, далее, могут являться там, где паузы невозможны. Так, (в плавной речи) атрибутивно-субстантивное словосочетание (типа *маленький мальчик*) не имеет границы между словами по принципу «нуль звука» (т. е. пауза отсутствует). Если тем не менее между лексемами обнаруживается отсутствие звука, говорим о зиянии (в данном случае — пустом). Пустым зияниям противопоставляются полные, т. е. отрезки текста, заполняющие потенциальные пустоты. Выразителями хезитации в русском языке обычно бывают («паразитические») междометия или краткие фразы типа *э-э-э*, *а-а*, *сейчас-сейчас*, *минуточку*, *как это?* и т. д. Внимание информанта можно обратить на наличие зияний, и он сам, часто с досадой, отмечает их в своей речи. Информант способен рассказать, чем была занята его голова, пока он говорил: *Минуточку, минуточку!*

Второй совместной характеристикой механизмов контроля и селекции является то обстоятельство, что они не отделены друг от друга, а протекают в переплетении, параллельно и одновременно. Действительно, нет оснований представлять себе оба механизма в виде следования или чередования. Кроме того, в-третьих, оба механизма продолжают действовать и на этапе звучащей речи, если по какой-либо причине (например, дефицита времени) неподходящие слова или предложения все же были выведены наружу, т. е. случился *lapsus linguae*.

Говорящий посредством сознаваемого механизма контроля замечает погрешность и может даже ее на полуслове приостановить («прикусить язык»), а затем посредством механизма селекции выдать желанную версию: «Удивительно, Саша, как ты

потол... возмужал». Иногда аутокоррекция может быть и отсроченной: «Чего это *бабы* здесь собрались? Виноват — *женщины*». Сюда же относятся также оговорки (например, паронимические замены) [Мчедlishvili 1966], а в письменной речи — описки.

Отметим, что в некоторых ситуациях механизмы контроля и селекции оказываются выключенными.

Такие отключения бывают при отвлечении и распределении внимания говорящего, быстром темпе речи, утомлении, соматическом или душевном нездоровье и т. д. Названные этапы пропускаются при спонтанной речи во время «гонки идей», а также в некоторых формах афазии. Особенно интересна речь билингвов (лиц, владеющих двумя языками), поскольку в ней обнаруживается феномен разноязычной принадлежности вводимых в речь лексических единиц²¹. Поскольку такую разноязычность сами говорящие оценивают как речь дефектную, надо думать, что она возникает в результате отключения механизмов контроля и селекции. Следовательно, она также может служить объективирующим показателем латентного процесса. В дальнейшем на речь билингвов в силу ее показательности обращается особое внимание.

Латентный процесс речепорождения: несознаваемые механизмы. В качестве отправной точки нижеследующего изложения служит как раз разноязычная принадлежность входящих во фразу единиц текста.

Однако прежде чем перейти непосредственно к рассмотрению разноязычности фразы, в качестве пресуппозиций необходимо, во-первых, показать, что некоторые языковые единицы, содержащиеся в лингвистических описаниях, психически реальны, т. е. не суть конструкты, а также, во-вторых, продемонстрировать роль устойчивости единицы выражения для ее актуализации при речепорождении билингва независимо от языковой принадлежности.

К осознаваемым и, стало быть, психически реальным языковым единицам, безусловно, относятся слог, слово и фраза.

Если испытуемого попросить произнести фразу «слово за словом» или слово — «по слогу», то это задание воспринимается как разумное, а что такое фраза, слово или слог — носители языка знают. Другие языковые единицы, которыми оперируют лингвисты, — например, *фонема*, *морф(ема)*, *граммема*, *лексема*, *семантема* и т. д. — могут быть плодом чистого поуровневого абстрагирования. Между тем, подобно тому как законы мышления, разрабатываемые логиками, не суть законы мышления, на самом деле наблюдаемые во время умственных действий реального человека, так и языковые единицы лингвистических теорий не всегда прямым образом соотносятся с механизмами речи. Между прочим, психически реальны словообразовательные схемы, хотя говорящие и не осознают их. Дж. Миллер предъявлял своим информантам сложную лексику *understander*, отсутствующую в английском современном употреблении и поэтому ни разу не бывшую в предварительном опыте испытуемых; тем не менее она всем понятна («лицо, производящее действие»), подобно узуальным производным словам типа *teacher*, *drinker* [Miller 1965] и т. п. Подтверждением психической реальности (установленных учеными) словообразовательных схем служат также легко понимаемые всеми неологизмы — экстравагантные (типа «новых слов» Маяковского) и «последовательные» деривации в детской речи (типа

²¹ Обзор проблематики, с более широким охватом, см.: [Верещагин 1967b].

рукти «ногти на руках», *самее*, *лошада* [Чуковский 1966]). Изучалась также психическая реальность синтаксических моделей [Clifton, Kurcz, Jenkins 1965]. С подобных позиций рассмотрены — и показана их реальность — также модели развертывания/свертывания по НС и трансформационные модели.

Переходим к рассмотрению роли устойчивости единицы выражения для ее актуализации при речепорождении билингва.

Тезис таков: в неосознаваемые периоды латентного процесса речепорождения билингва актуализируются *наиболее устойчивые* единицы выражения (вне зависимости от языковой принадлежности). Определенная мысль, если она не отлилась в клише (половицу или апофтегму), может быть выражена разными способами. Так как имеются синонимичные выразительные возможности, уникальная мысль, переходя в речь, проходит этап поиска формы выражения, и чем устойчивее эта форма, тем скорее она будет найдена, так сказать, сама заявит о себе, т. е. актуализируется. Механизм *поиска* хочется отождествить с механизмом селекции, но селекция, как мы видели, осознаваема, тогда как поиск — нет. И по другим параметрам эти механизмы различны (о чем — ниже).

Но что понимается под *большой/меньшей устойчивостью* единицы выражения? В качестве показательного примера (допускающего обобщение) рассмотрим движение движения от мысли к номинации (к лексеме). Выше (в Разделе первом [Часть I, глава 1]) слово было рассмотрено как соотношение (ассоциация) планов содержания и выражения. Содержательная сторона лексемы — понятие, выразительная — лексема. Понятие и лексема ассоциированы друг с другом (в онтогенезе — ассоциация по смежности во времени). Если между понятием и лексемой установлена ассоциативная связь, то она, как и любая ассоциация, не являющаяся врожденной, характеризуется с привлечением критерия (не)устойчивости: чем старше ассоциация по генезису и чем чаще она актуализируется, тем она устойчивее. Ассоциации по критерию устойчивости не допускают абсолютного измерения, но их можно сравнивать между собой: так, в сознании билингва слова родного языка (т. е. ассоциации между понятиями и лексемами) более устойчивы, чем слова языка изучаемого или изученного: билингв приступает к изучению вторичного языка позже, а пользуется им реже. Если же, напротив, говорящему чаще приходится говорить на изученном языке, то более устойчивыми могут оказаться слова этого последнего. Заметим, что понятие устойчивости применимо не только к словам, но и ко всем прочим единицам выражения.

Ниже кратко излагается содержание эксперимента, подтверждающего существование упомянутой зависимости. Описание техники и результатов эксперимента опубликовано [Верещагин 1966а], поэтому рассматривается общая идея. Была составлена группа информантов-билингвов (немцев-первокурсников из б. ГДР, изучавших русский язык). Информантам предлагались для называния изображения некоторых заведомо известных предметов. Когда информант узнаёт предмет, т. е. относит его к классу, можно считать, что в его сознании соответствующее понятие актуализировалось. Узнавание, по инструкции, должно было сопровождаться номинацией предмета (то на одном языке, то на другом). Результаты эксперимента разделились на две части. Номинация на родном языке протекала незатрудненно. Что же касается номинации на вторичном языке, то, если не было отказа, в небольшом числе случаев для номинации требовалось времени больше — в два-три раза. Объясняя задержки, информанты-билингвы отмечали, что в ходе номинации на

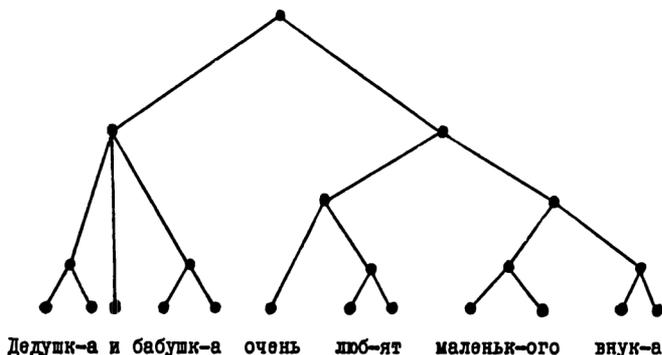
русском языке, прежде чем «в голову приходит» требуемое русское слово, «всплывает» немецкое, замещаемое лишь впоследствии.

Итак, у билингвов лексемы одного языка более устойчивы, чем другого, и актуализируются быстрее, причем вне зависимости от установки на тот или иной язык. Когда в осознаваемый период латентного процесса устойчивые слова проходят контроль и селекцию, они заменяются менее устойчивыми, но единственно пригодными. Если привлечь психологические термины *воспоминание* и *припоминание*, то в несознаваемом латентном процессе наблюдается воспоминание (спонтанная актуализация наиболее устойчивой ассоциации), а в сознаваемом — припоминание (целенаправленный и волевой акт, в результате которого отыскивается и менее устойчивая ассоциация).

Не следует думать, что актуализация наиболее устойчивой единицы выражения наблюдается только при билингвизме. Она характерна и для монолингвизма. Примеры с речью билингвов, однако, особенно наглядны, потому что в случае актуализации лексем не того языка, на который имеется установка, а другого мы наблюдаем закономерность первоочередности более устойчивой единицы. Не станем абсолютизировать результатов, но тем не менее, наряду с другими обстоятельствами, устойчивость ассоциации определяет актуализацию единицы выражения.

Завершив рассмотрение психически реальных языковых единиц и роли устойчивости языковой единицы для ее актуализации, переходим теперь к анализу механизма поиска средств выражения.

Сначала уточним понятие групповой модели. Групповой моделью, как говорилось, называются эмпирически наблюдаемые, но сформулированные благодаря применению абстракции *правила группировки* языковых единиц относительно друг друга, обычно представляемые в виде схемы. Групповые модели разделяются на модели грамматически оформленного слова, словосочетания, словосочетательного конгломерата и, наконец, фразы. Групповые модели находятся между собой в иерархических отношениях: так, модель фразы содержит в своем составе модель словосочетательного конгломерата и далее «вниз» вплоть до слова. Иерархические отношения в контексте грамматики НС могут мыслиться как развертывание/свертывание моделей, и соответствующие процессы ради наглядности удобно представлять графически. Изображается «растущее вниз» дерево: его «сучки»-узлы символизируют модель или морф, а *ветви* — операции развертывания/свертывания. Соположенные модели изображаются на одном уровне, а находящиеся в иерархических отношениях — на разных. См. пример:

Модели развертывания/свертывания принадлежат к числу психически реальных сущностей; стало быть, иерархия находит свое выражение во временном плане: сначала актуализируются модели фраз и затем в порядке следования модель первого слова, второго и т. д. вплоть до модели последнего. (Пока до нее дойдет очередь, проходит время.)

Формулируем догадку: в неосознаваемый период латентного процесса рече-порождения вариативный поиск единицы выражения (по правилу устойчивости ассоциации) осуществляется только в узлах, а в ветвях действует детерминация. (Под детерминацией понимаем вероятность совместного появления двух и более единиц выражения, равную единице.)

Так, вероятность появления морфемы *-ой* при порождении фразы *Дом большой* равна единице. Кроме того, далее, в незавершенной фразе *Это большой...* детерминируется класс слов муж. рода, ед. числа и им. падежа, т. е. предписываются слова типа *стол, пирог, завод, мальчик* и со стопроцентной вероятностью исключаются *табуретка, ватрушка, фабрика, девочка; столу, пирога, заводы, мальчиками*. Здесь детерминация сочетается с принципом поиска: класс лексем — предписывается (детерминация), но допускается вариативная актуализация (выбор) некоторой конкретной лексемы, входящей в этот класс.

С вероятностью, равной единице, модель будет развернута до первого иерархического уровня, расположенного ниже. Например, если известно, что фрагмент *Этот дом* — не завершен, то актуализируется субъектно-предикативная модель, так что предикативный элемент модели как грамматический не ищется, а детерминируется, т. е. заранее известно, что далее последует предикативная словосочетательная группа. Но что будет в этой группе, окажется ли она простой (состоящей из одного слова) или сложной, именной или глагольной и т. п., предсказать нельзя, так как на уровне узла говорящий осуществляет поиск.

Сейчас догадка о поиске и детерминации будет приложена к речи билингвов: мена языка невозможна в ветвях (детерминация) и возможна только в узлах (поиск). Сколько имеется узлов, столько возможно случаев языковой мены, а сколько ветвей — столько же случаев ее невозможности.

Вернемся к вышеприведенному дереву фразы *Дедушка и бабушка очень любят маленького внука*. Где здесь возможна языковая мена? В группах субъекта и предиката языковая мена возможна в каждом из них²²: *Der kluge Hans* сначала любил одну девушку; *Маленький мальчик Сережа weinte bitterlich*. Языковая мена возможна также в пределах словосочетания: *Сережа и seine Eltern* вечером ушли в гости; *Мы* вчера были в книжном *Buchladen*. Мена бывает, наконец, даже в пределах грамматически оформленного слова: *Во время праздника дети* посещают регименты, *осматривают казарны* (фраза отражает условия б. ГДР); *Они рассказывают о свои героические таты*. Итак, возможность языковой мены в узлах дерева подтверждается материалом.

Но в ветвях дерева развертывания она невозможна. Так, Л. В. Щерба, указывая, что гетерогенность лексемного состава фразы ничего не говорит о ее языковой принадлежности, сформулировал общее правило: «Речь принадлежит тому языку,

²² Приводимые примеры взяты из реальной речи билингвов.

на котором выражены грамматические связи» ([Щерба 1958: 51]; см. также [Stolt 1965: 55]). Стало быть, фраза *Hol eine банка mit варенье von der полка im чулан* принадлежит немецкому языку, хотя и не содержит ни одной немецкой лексемы. Бывают, правда, случаи, когда бесспорные суждения затруднены. Например, от немца, проживавшего на Алтае (середина 1960-х гг.), нами была записана фраза: *Zi hot di таблетки принимала* «Она принимала таблетки», в которой, казалось бы, наблюдается мена языка в рамках ветви дерева [Верещагин 1966б]. Однако при более внимательном рассмотрении оказывается, что невозможно установить место, где совершилась мена языка. Действительно, устанавливаемые семь граммем, выраженные в «смешанной» конструкции (время, число, лицо, наклонение, залог, вид и род), зависят от обеих ее компонентов, в то время как в соответствующей русской конструкции *она принимала* выражается только шесть граммем (время, число, наклонение, залог, вид и род), а в соответствующей немецкой (ср. регулярное: *Zi hot gebrinimajet*) только пять (время, число, лицо, наклонение и залог). Более того, использование вспомогательного глагола и формы, трактуемой как причастие, заставляет все-таки думать, что перед нами единая (немецкая) модель фразы.

А теперь переведем сделанные конкретные наблюдения в более общий контекст.

Языковая мена возможна только в случае, если единица текста, отождествляемая с соответствующей языковой единицей, обладает структурной и семантической протяженностью, т. е. состоит по крайней мере из двух структурных и семантических единиц. В противном случае языковая мена невозможна. Так, если модель сложного будущего русского языка (типа *буду писать*) рассматривать на уровне морфем, то данная модель обладает как структурной, так и семантической протяженностью. Однако если данную модель рассматривать на уровне формообразовательных моделей, то она, сохраняя структурную протяженность, лишается протяженности семантической.

Из всего сказанного вытекают по крайней мере три следствия.

Во-первых, если актуализировавшаяся модель начала реализовываться, то ее содержательный план будет выражен непременно. Если сказано А, то будет сказано и Б. Любая модель (фразы, словосочетательного конгломерата и т. п.) обладает единством противоречий: с одной стороны, содержательная сторона модели глобальна, т. е. не может быть расчленена (она лишена семантической протяженности); с другой стороны, выразительная сторона модели структурирована, т. е. допускает членение (она имеет структурную протяженность). По своей второй характеристике модель, реализуясь в конкретной конструкции текста, развертывается в течение некоторого времени. Но первая характеристика — глобальность — исключает временной аспект: отсутствие семантической протяженности не допускает мысли о постепенной аккумуляции смыслов. В свое время К. Боост ввел для данного феномена наименование *Spannungsfeld* («поле напряженности»): при введении в текст единицы текста, соответствующей первой структурной единице модели, грамматическая информация, свойственная всей модели, не может быть передана слушающему до тех пор, пока не будет сказана последняя единица текста, соответствующая последней структурной части модели [Boost 1957]. Говорение — это возникновение и разрешение напряженностей: напряженность возникает при частичной реализации модели, а при полной реализации она снимается. Иными сло-

вами, детерминации в психологическом плане соответствует напряженность — потребность «закончить мысль», «поставить точку» (а невозможность разрешить напряженность высказана в речении «прервался на полуслове»). В результате возникновения напряженности к одной единице текста, актуализирующей модель лишь частично, в обычных условиях речи непременно прибавляется вторая, третья и т. д. единица, пока модель не будет выражена полностью. Напряжение возникает на каждом уровне развертывания, и чем ниже уровень, тем меньшее время эта напряженность занимает. Ср. графическое представление:

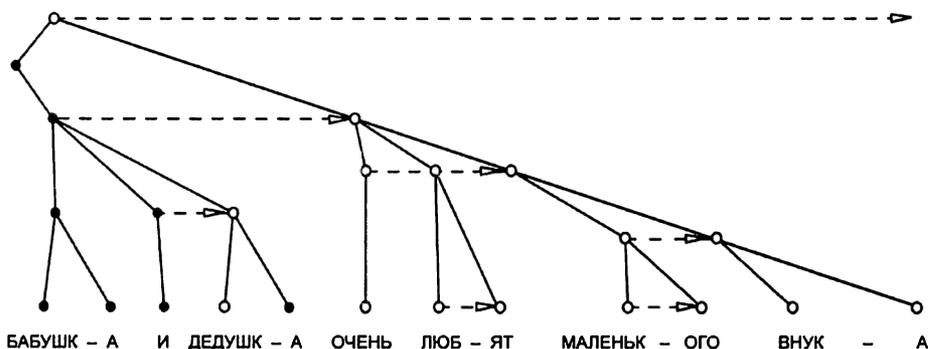
Бабуш-а и дедуш-а очень люб-ят малень-ого вук-а

Каждая линия символизирует отдельную напряженность, причем напряженность, возникающая в связи с актуализацией модели фразы, возникает в момент произнесения первой единицы текста. Если только фраза будет завершена, то первая единица фактически детерминирует класс языковых единиц, одна из которых и будет произнесена. Здесь видна связь концепции «поля напряженности» с «гипотезой глубины» В. Ингве, в которой как раз психологические сведения используются для объяснения лингвистических данных [Ингве 1965]. Ингве признаёт психическую реальность речепорождения по НС: говорящий сначала работает над левой ветвью и развертывает все узлы этой последней также влево вплоть до морфа (терминального элемента). Напряженности, возникающие при этом (Ингве, правда, не использует термина *напряженность*, а говорит об *обязательствах*), записываются в кратковременной памяти. После актуализации крайнего левого морфа имеет место движение вверх: сначала актуализируется ближайший правый морф и снимается напряженность, обусловленная неполной актуализацией самого низкого узла, и далее продолжается аналогичная процедура до конца фразы. Модель Ингве хорошо обоснована психологически: автор учитывает ограниченность оперативной памяти, установленную Дж. А. Миллером [Миллер 1964].

Во-вторых, групповые модели-схемы не связаны с конкретным выражением, причем (в случае билингвизма) в том числе и с реализацией на определенном языке. Тем не менее модель не есть нечто, совсем не принадлежащее определенному языку. Действительно, против этого свидетельствовали бы кальки, реализующие модель одного языка путем заполнения ее элементами другого языка. Ср. тексты, имеющие в своем составе немецкие модели, но не имеющие ни одной немецкой лексемы: *Она работает без жаловаться* (ohne zu klagen); *Год позже он уехал* (ein Jahr spdter); *Я говорю три языка* (Ich spreche drei Sprachen); *От времени революции до теперь* (von... bis...); *Я объясню это с примерами* (mit den Beispielen). Принципиальная возможность калек показывает, что грамматические категории двух языков, известных билингву, в его сознании отождествляются. Тем скорее, естественно, отождествляются те модели двух языков, структура которых идентична (типа *большой стол* и *der grosse Tisch*). Они отождествляются, конечно, только на уровне словосочетания: лексическое и морфологическое различие возникает после того, как пройдены узлы слов, а в ветвях этого различия нет.

Наконец, **в-третьих**, семантический принцип порождения речи в пределах фразы ограничен инвентарем языка: не только мысль, которая по допущению актуализируется до поисков выражения, оказывает влияние на актуализацию единиц выражения (т. е. определяет выбор), но и единицы выражения, актуализировавшиеся во вторую очередь, оказывают влияние на мысль (т. е. определяют ее развертывание в последовательность смыслов). Уникальная мысль вмещается в границы наличных языковых моделей и, стало быть, ограничивается.

Следует предупредить возможное заблуждение. На основании вышеизложенного может создаться впечатление, что сначала фраза в неосознаваемом латентном процессе формируется целиком, а только потом вводится в звучащую речь. Кроме того, можно подумать, что сознаваемые контроль и селекция включаются после того, как в неосознаваемом периоде порождение фразы доведено до конца. На самом же деле в момент интенции актуализируется только ядерная (высшая) модель фразы, и сразу же начинается говорение. Трансформация или развертывание ядерной модели относятся только к левой ветви. Уже в процессе говорения (латентно) актуализируется иерархически следующая модель, которая также развертывается только влево. Каждая ветвь, остающаяся справа, создает напряжение и сохраняется в кратковременной памяти. Напряжение снимается снизу вверх вплоть до первой правой ветви модели фразы, которая начинает развертываться вниз по тому же принципу левого развертывания. Таким образом, при порождении фразы наблюдается многократное движение (развертывание) сверху вниз и снизу вверх. Таким образом, уже звучащая речь не прекращает латентного процесса порождения той же фразы, т. е. фразы, начальные фрагменты которой уже выведены во вне. Сказанное ниже обобщено в виде схемы. Схема ориентирована во времени: временная динамика — слева направо. Помещение графических элементов друг под другом (на одной вертикальной линии) символизирует их одновременность; в противном случае изображается разновременность. Узлы, помеченные черными точками, изображают актуализировавшийся и хотя бы одной структурной единицей выраженный узел. Узлы, помеченные светлыми точками, символизируют напряженность. Сохранение напряженности символизируется пунктирными линиями, своими правыми концами (со стрелкой) указывающими на момент снятия напряженности.

Суммируем. Выше мы старались продемонстрировать психическую реальность некоторых языковых единиц, полученных в лингвистическом описании. В частности, психически реальны морфемы и модели (групповые, развертывания или свертывания и трансформационные). Кроме того, как кажется, удалось установить, что в неосознаваемый латентный период речепорождения (при движении от мысли к ее выражению) ак-

туализируются наиболее устойчивые языковые единицы (как морфемы, так и модели). Наконец, было отмечено, что при актуализации языковой модели, имеющей структурную протяженность, но не имеющей протяженности семантической, эта последняя должна быть выражена непременно, вследствие чего фраза уподобляется электрическому Spannungsfeld.

Самый главный вывод из всего построения состоит в том, что в процессе речепорождения, вопреки концепции о неразрывности языка и мышления, действуют механизмы **невербальные**, материальных носителей не имеющие.

Глава 3. Третий предварительный подступ: этичное, неэтичное и сверхэтичное поведение

03–1. ПЕРВОЕ НАБЛЮДЕНИЕ: ДОМА ХОРОШО, А СКИТАТЬСЯ — БЛАГОДАТНО

У И. А. Бунина есть пронзительное, но почему-то малоизвестное стихотворение:

У птицы есть гнездо, у зверя есть нора...	У зверя есть нора, у птицы есть гнездо...
Как грустно было сердцу молодому,	Как бьется сердце горестно и громко,
Когда я уходил с отцовского двора,	Когда вхожу, крестясь, в чужой, наемный дом
Сказать «Прощай!» родному дому.	С моей уж ветхою котомкой.

Это восьмистишие, если раззять его логически, ведет к апории. Оно построено по принципу содержательного параллелизма двух строф.

Построфный анализ стихотворения И. А. Бунина. Первая строфа. У зверя есть нора, у птицы есть гнездо; остается продолжить: у человека есть дом. И у лирического героя дом — есть, дом — родной, отцовский, принадлежащий ему по праву. Это совершенно нормально и для млекопитающих, и для пернатых — иметь место постоянного пребывания, в котором безопасно, тепло и уютно. Почему же герой, невзирая на свою грусть (стало быть, несмотря на нежелание покидать родной дом) все же говорит ему «Прощай»?

Вторая строфа. Человек не может вообще обходиться без дома. Поэтому, покинув родной дом, он принужден обитать в чужих домах. В чужих домах жить нехорошо, и оттого-то сердце странника бьется горестно. Тем не менее в родной дом он не возвращается²³. Странничество продолжается уже долгое время (судим по косвенному показателю: котомка обветшала).

²³ Не у всех странников сердце бьется горестно. В знаменитых «Откровенных рассказах странника» читаем: «С месяц шел я потихоньку <...> Молитва сердца столько меня улаждала, что я не полагал, есть ли кто счастливее меня на земле, и недоумевал, какое может быть большее и лучшее наслаждение в царствии небесном. Не токмо чувствовал сие внутри души моей, но все и наружное представлялось мне в восхитительном виде, все влекло к любви и благодарению Бога... <...> Иногда чувствовал такую легкость, как бы не имел тела, и не шел, а как бы отрадно плыл по воздуху» [Откровенные рассказы 1991: 46].

Вот и логическая апория: что может заставить человека отказаться от счастливой доли? что может побудить его сознательно выбрать для себя тернистый путь и упорно его держаться? Примечательно, что удел странничества на Руси, в России (до 1917 г.) выбирали тысячи людей²⁴. Достаточно вспомнить о *каликах переходящих* и о реальной возможности всю жизнь переходить с места на место, кормясь *Христовым именем*. Правительство приходило в отчаяние, наблюдая, как значительные массы глубоко верующих, стало быть, добропорядочных людей переходят с места на место, причем оседлое население (особенно крестьяне, городские мещане [домовладельцы] и купечество) относилось к странникам вполне благодушно, давало им приют и пропитание²⁵. Былой феномен *странноприимства, страннолюбия, странноприимательства* описан в кн. [Громыко, Буганов 2000: 155–156]²⁶.

Феномен странничества в повести Л. Н. Толстого «Отец Сергей». Феномен отчасти описан Толстым в конце небольшой повести «Отец Сергей». Степан Касатский (в монашестве Сергей) после падения, оставив монастырь, становится странником. Современная исследовательница правильно относит развязку повести к числу традиционных сюжетов: «„Уход“ отца Сергея совмещает и устойчивый житийный мотив „бегства от славы“, <...> и ряд символических мотивов, спроецированных как на житийную традицию, так и непосредственно на Евангелие: добровольное нищенство, безымянное странничество; наконец, и добровольное „рабство“, „рабское“ служение многим» [Гродецкая 2000: 255].

У Толстого читаем: «И он (Сергий) пошел <...> от деревни до деревни, сходясь и расходясь со странниками и странницами и прося Христа ради хлеба и ночлега. Изредка его бранила злая хозяйка, ругал выпивший мужик, но большей частью его кормили, поили, давали даже на дорогу. <...> Он часто, находя в доме Евангелие, читал его, и люди всегда, везде умилялись и удивлялись, как новое и вместе с тем давно знакомое слушали его.

Если удавалось ему послужить людям или советом, или грамотой, или уговором ссорящихся, он не видел благодарности, потому что уходил. И понемногу Бог стал проявляться в нем.

Один раз он шел с двумя старушками и солдатом. Барин с барыней на шарабране, запряженном рысаком, и мужчина и дама верховые остановили их. Муж барыни ехал с дочерью верхами, а в шарабане ехала барыня с, очевидно, путешественником-французом.

Они остановили их, чтобы показать ему *les pèlerins*¹, которые, по свойственному русскому народу суеверию, вместо того чтобы работать, ходят из места в место.

²⁴ Ср. свидетельство 1914 г.: «За городом по дорогам можно видеть толпы богомольцев, мужчин и женщин. Обутые в лапти и с котомками за плечами, они направляются в какие-нибудь дальние монастыри, по обещанию. Есть богомольцы, которые начинают свои странствования с ранней весны и ходят до поздней осени. За это время они успевают побывать очень далеко. Некоторые доходят до Соловецкого монастыря и до Афона и даже до Иерусалима» [Циллиакус, Вогак 1914: 28–29].

²⁵ Достаточно сослаться на характерный факт: граф Николай Шереметев явился основателем огромного *Странноприимного* дома в Москве; в строении сейчас размещается Институт скорой помощи (знаменитый «Склиф»).

²⁶ «Каждый русский человек, имевший страх Божий, понимал, что, отказав в приеме страннику-богомольцу, он может навлечь на себя Божий гнев» [Громыко, Буганов 2000: 156].

Они говорили по-французски, думая, что не понимают их.

– Demandez leur, — сказал француз, — s'ils sont bien surs de ce que leur pèlerinage est agréable à Dieu ².

Их спросили. Старушки отвечали:

– Как Бог примет. Ногами-то были, сердцем будем ли.

Спросили солдата. Он сказал, что один, деться некуда.

Спросили Касатского, кто он?

– Раб Божий. <...>

Восемь месяцев проходил так Касатский, на девятом месяце его задержали в губернском городе, в приюте, в котором он ночевал со странниками, и как беспаспортного взяли в часть. На вопросы, где его билет и кто он, он отвечал, что билета у него нет, а что он раб Божий. Его причислили к бродягам, судили и сослали в Сибирь.

¹странников (франц.).

²Спросите у них, твердо ли они уверены, что их паломничество угодно Богу (франц.).

Феномену странничества посвящена кн. [Максимов 1877]; см. также новейшее исследование М. Евдокимова [М. Evdokimov 1987].

Характерно, что странники сами выделяли себя в особое сословие («звание»). Ср. выписку из широко известной книги «Откровенные рассказы странника духовному своему отцу» ²⁷: «Я по милости Божией человек-христианин, по делам великий грешник, по званию *бесприютный странник*, скитающийся с места на место. Имение мое следующее: за плечами сумка сухарей, да под пазухой Священная Библия; вот и все» [Откровенные рассказы 1991: 15].

Странники, строго говоря, близки сословию нищих, поскольку нередко побираются именем Христовым и охотно принимают подавания разного рода (обещая молиться за своих доброхотов). «Во время странствования моего по Тобольской губернии случилось мне проходить через какой-то уездный город. Сухарей оставалось у меня очень мало, а потому я и вошел в один дом, чтобы выпросить хлеба на дорогу. Хозяин сказал мне: слава Богу, ты пришел ко время, только что сейчас жена моя вынула хлебы из печи, вот тебе теплая коврига, молись за нас Богу. Я поблагодарил, стал укладывать хлеб в сумку, а хозяйка, увидя, сказала: какой мешок-то худой, весь истерся, я перемену тебе, и дала мне хороший, твердый мешок. От души поблагодарив их, я пошел далее. На выходе в мелочной лавке попросил немного соли, и лавочник насыпал мне небольшой мешочек. Радовался я духом и благодарил Бога, что Он указывает мне недостойному таких добрых людей. Вот, думал я, теперь на неделю без заботы о пище...» [там же: 82–83].

С другой стороны, странники отделяли себя от профессиональных нищих. «Не успел отойти шагов десять от церкви, как услышал за собой крик: нищенкой! нищенкой! постой! Это кричали <...> мальчик и девочка; я остановился, а они, под-

²⁷ «Рассказы» многократно печатались анонимно, но в парижском журнале «Символ» (№ 27) они помещены под именем архим. Михаила (Козлова); см. [Михаил (Козлов), архим. 1992]. Обоснование авторства содержится в опубликованных в том же номере журнала статьях А. Пентковского и И. Басина.

бежав, схватили меня за руку: пойдём к маменьке, она нищих любит. Я не нищий, говорю им, а прохожий человек. А как же у тебя мешок? Это мой дорожный хлеб. Нет, пойдём непременно, маменька даст тебе денег на дорогу» [там же: 83].

Сочувственное отношение доброхотов к странникам мотивировано религией. «...Я встал, да и говорю: прошу прощения, матушка, мне пора идти <...>. Ан нет! Боже тебя сохрани уходить, не пушу тебя. Вот к вечеру муж мой придет из города <...>. Как он обрадуется, увидевши тебя! Он каждого странника почитает за посланника Божия» [там же: 84].

Ср. основанную отчасти на личных впечатлениях восторженную справку о соловии странников архим. Киприана Керна, содержащуюся в его предисловии к названным «Рассказам» издания 1948 г. Говоря об «откровенном страннике», знаменитый богослов пишет:

«Это — путь странника по бесконечным дорогам, большакам и проселкам Св. Руси; одного из представителей той „во Христе бродячей Руси“, которую мы так хорошо знали тогда, давно, давно... — России, которой теперь нет и, вероятно, никогда больше и не будет. Это те, кто от преп. Сергия шли в Саров и на Валаам, в Оптину и к киевским угодникам; заходили и к Тихону и Митрофанию, бывали и в Иркутске у святителя Иннокентия, доходили и до Афона и до Св. Земли. Они, „не имея пребывающего града, искали грядущего“. Это те, кого манила даль и беспечная легкость бездомного жития. Оставив свой дом, они находили его в иноческих обителях. Сладости семейного уюта они предпочли назидательную беседу старцев и схимников. Крепкому укладу векового быта они противопоставили ритм монастырского богослужебного года с его праздниками и церковными воспоминаниями». Странник ночует «то у мужика-полесовщика, то у купца, или в захолустной сибирской обители, а то у благочестивого помещика или священника». Странник не имеет «ничего с собою, кроме сумки сухарей, Библии за пазухой, да „Добролюбия“ в своей сумке». И тем не менее он богат: его «сокровище — молитва. Тот дар и та стихия, которым безмерно богаты те, кто его стяжали. Это — то духовное богатство, которое отцы-аскеты называли „умным деланием“ или „духовным трезвением“ <...>. Это — то богатство, которое близко всем мистикам всех религий, то внутреннее самоуглубление, которое открывает „потаенное сердца человека“, которое показывает подвижнику „видение логосов твари“, т. е. премирный смысл и художественный замысел Божественного плана созданной вселенной. <...> Исихасту-страннику, повествователю своих откровенных рассказов, открылось целое миропонимание и мироощущение, неведомое мудрецам позитивного знания. За „грубою корою вещества“ он видит Божественные логосы этих тварей, ту настоящую реальность, отраженными символами которой являются вещи этого мира. Это наполняет его такой любовью к миру, к природе, к зверям и людям, что не только нельзя говорить о мироненавистничестве, но, наоборот, в его безыскусственном рассказе можно прочесть настоящий гимн любви к этому миру и человеку» [Откровенные рассказы 1991: 8, 9, 11]²⁸.

²⁸ На фоне подобного описания словосочетание *высокомерный странник*, приложенное к одному из оригинальнейших русских мыслителей, звучит так же, как *круглый квадрат* (см. [Володихин 2000]).

Краткая и значительно более скептическая справка о сословии странников²⁹ приведена также в кн. [Ашукин, Ожегов, Филиппов 1993: 202–203]; при ее чтении, однако, надо делать понятную скидку на цензурные условия эпохи (40-е гг. прошлого века):

Странники, странные люди, странствовавшие по «святым местам», из одного монастыря в другой, питавшиеся подаванием, были в дореволюционной России довольно многочисленны. Иные из них, совершив «по обету» паломничество в тот или иной монастырь или в «святую землю», т. е. в Палестину, возвращались к своей прежней, «мирской» жизни. Другие делали из своего хождения по монастырям профессию, прикидываясь юрдовыми, блаженными, прозорливыми, которым открыто будущее, которые с помощью Бога могут исцелять болезни; они рассказывали всякие небылицы о своих странствованиях и искушениях, старались поразить слушателей маловразумительными изречениями, выдаваемыми за пророческие, и т. п. Под страннической, полумонашеской одеждой иногда скрывались беглый каторжник, ловкий вор и т. д. Странники пользовались большой популярностью среди людей суеверных, а также ханжей и святош³⁰.

Откуда взялся этот, если сказать обобщая, феномен странничества — исторической бесприютности, метафизической бездомности³¹, характерный для Руси и совсем неизвестный в других странах? Во французском языке даже не нашлось подходящего слова: *pèlerins* — это, вопреки подстрочному переводу в советском издании, не *странники*, а *паломники* (совсем другая категория путешественников)³². Соответственно, поскольку в

²⁹ Ср. поэтическое описание сословия у М. Кузмина («Два старца»):

Странники, убогие, Божии люди,	Нищая братия, Христовы братцы.
-----------------------------------	-----------------------------------

Поэтизация странничества есть также у Ф. Тютчева:

Угоден Зевсу бедный странник, Над ним святой его покров!.. Домашних очагов изгнанник, Он гостем стал благих богов!.. Сей дивный мир, их рук создание, С разнообразием своим,	Легит, развитый перед ним В утеху, пользу, назиданье... Чрез веси, грады и поля, Светлея, стелется дорога, — Ему отверста вся земля, Он видит все и славит Бога!.. («Странник»)
---	--

³⁰ Странники и странницы фигурируют и упоминаются в широко известных пьесах А. Н. Островского «Гроза» и «На всякого мудреца довольно простоты»; отношение драматурга к ним скептическое. Разоблачительная линия представлена и в описании И. Г. Прыжова (см. [Прыжов 1934]).

³¹ В философской литературе, посвященной судьбам России, иногда утверждает, что историческая *бесприютность*, метафизическая *бездомность*, традиция *землепроходства* — это национальная черта народа, который проживает на огромном пространстве, как бы приглашающем к движению. Ср. другую точку зрения: «Неотмирность, непривязанность к месту, бродяжничество и странничество (отношения в пространстве) и сиротство (отношение во времени) — проявления все той же нищеты. Нищета — это не простое определение, не укор или похвала, это состояние онтологической Другости» [Горичева 1996: 289–290].

³² Исследовательница странничества как современного феномена предложила точную дифференциацию: «Странничество воспринимается как своего рода духовный подвиг, один из путей спасения наряду с монашеством или юродством. Именно это отличает *странников* от обыкновенных *паломников* и ставит их неизмеримо выше в глазах „церковных людей“. *Паломник* — человек обычный, *странник* же на одну ступень ближе к Царствию Небесному, чем все остальные»; «Если к страннику в церковной среде отношение почтительное, то к паломнику — самое обычное, так как каждый представитель прихрамовой среды периодически совершает паломничество» [Тарабукина 2000]. Исследовательница продолжает: «Мы располагаем единственным сообщением об обязательных для всех

переводах «Откровенных рассказов *странника*» на иностранные языки (например, на немецкий и английский) в качестве ключевого понятия выбирается слово со значением «*паломник*» (Pilger, pilgrim) [Aufrichtige Erzählungen 1974; The Way of a Pilgrim 1973], уже заголовки книг вводят в заблуждение. Так, авторы этих строк не раз бывали *паломниками*, или (по словоупотреблению XIX в.) *поклонниками*, но никогда не были *странниками*.

«Да, скифы — мы!» (А. Блок). Этноним *скиф* звучит как *скит*(алец). (Феномен *странничества* и *скитальчества*, кстати сказать, весьма отличен от кочевничества как «нормального» образа жизни³³. Для русских, как земледельческого народа, кочевничество не характерно.) Одно дело скитальчество ради прибытка (например, скоморохов, циркачей, бродячих кузнецов или портных), но каковы мотивы странничества, бродяжничества, покоящегося на чувстве обладания полнотой христианской веры и совершаемого отнюдь не юродивыми или опустившимися на социальное дно? (Странничество — это не паломничество в строгом смысле слова [паломничество сродни путешествию: оно имеет конечную цель и предполагает возврат к оседлости³⁴]. Между тем русский homo viator никогда не живет оседло.) Пусть пока вопросы остаются без ответа.

странников нормах поведения: „У них ничего нет. Своего ничего. Что на них одето, то и все. И книжки, конечно, духовные, псалтырь или молитвослов для выполнения правил. А больше у них ничего“. (А где живут странники?) „А где живут? Кто пустит. Не пустят ночевать, они на улице ночуют. А только могут, если вот так куда едут, только могут два дня ночевать. Две ночки ночевать, надо идти потом дальше. Такой у них подвиг“. (Они по монастырям ездят?) „И по монастырям, по святыням, по монастырям, по источникам. Они оставили все, мир оставили, пошли странничать“. (Они пешком ходят или ездят?) „Ну, как приходится, больше пешком. Ну, вот была у нас одна странница, где-то она так говорила. У ней ребенок маленький был, а она оставила все и пошла. И она у нас была в Минске, она все меня звала: „Пойдем, пойдем странничать“ — меня. А видимо Бог не дал благословения, я попала сюда. Странник, он милостыню не может просить. Подадут ему, подадут, Господь положит кому-нибудь на сердце: „Вот дай ему там денег или кусочек хлеба“, — и дают“ (Е., около 75 лет, зап. в г. Печеры, март 1993 г.). Остановка на ночлег не более, чем на двое суток, и запрет просить милостыню, по имеющимся у нас материалам, не являются обязательными для всех странников».

³³ На ум приходят живущие среди русских цыгане, для которых кочевничество как раз характерно. Ср.:

Подобно птичке беззаботной
И он, изгнанник перелетный,

Гнезда надежного не знал
И ни к чему не привыкал. (Пушкин, Цыганы)

³⁴ Не случайно в монографии «О воззрениях русского народа» паломничество разъяснено как «хождение на богомолье» [Громько, Буганов 2000: 130]. Цель паломничества в книге изложена так: «Человек оставляет обычное место жительства и отправляется в дальний или не очень дальний путь для того, чтобы помолиться в другом месте: у конкретной чудотворной святыни, в особенно благодатном храме, с особенно духовными людьми. Часто к этому подвигала болезнь и упование на то, что особо чтимый святой поможет — через мощи свои или прославленный чудесами образ» (там же). По совершении паломничества богомолец возвращается на постоянное место жительства и остается дома надолго, пока у него не возгорится желание совершить еще одно паломничество. Странник же не имеет дома, и его образ жизни — непрерывное пребывание в пути. «Понятие *странник* иногда отличали от понятия *богомалец* в обиходе и в письменных текстах, иногда же отождествляли их. Различие, если оно соблюдалось, состояло в следующем: *странник* — человек, который всю свою жизнь посвятил хождению по святым местам, оставив другие занятия; а *богомалец* отправляется в конкретное паломничество, после которого возвращается к обычной своей жизни» [там же: 155]. Бывали, впрочем, странники лишь на определенный срок (по благословению духовника или по собственному обету); по истечении срока они возвращались к обычным занятиям. О традиции паломничества в Древней Руси см. [Корнилов 1995].

Перейдем к другому, но сопряженному сюжету. Свой рефрен «У зверя есть нора, у птицы есть гнездо» Бунин, безусловно, не изобрел, а заимствовал.

Феномен бездомности в Евангелии. Два евангелиста-синоптика (Матфей [8: 20]³⁵ и Лука [9: 58]³⁶) воспроизводят — и текстуально точь-в-точь — речение Иисуса: αἱ ἀλώπεκες φωλεοὺς ἔχουσιν καὶ τὰ πετεινὰ τοῦ οὐρανοῦ κατασκηνώσει, ὁ δὲ υἱὸς τοῦ ἀνθρώπου οὐκ ἔχει ποῦ τὴν κεφαλὴν κλίνει. В апокрифическом коптском Евангелии от Фомы, которое мы цитируем по-латыни [Synopsis 1978: 527], речение продолжено на одно слово: *Vulpes habent foveas suas et volucres habent nidum suum, filius autem hominis non habet locum ad reclinandum caput suum et requiescendum.*

В славянском переводе Евангелия (сейчас цитируем по Мариинскому евангелию XI в.) интересующая нас фраза переведена так: лиси ѣзвинѣ имѣтъ. ꙗ птица небскыя гнѣзда. а сынъ члвчскы не иматъ кѣде главы подѣклонити (Мф 8: 20; версия синоптика отлична только порядком слов). Добавление в Евангелии от Фомы et requiescendum можно перевести как: *...и опочить; ...и отдохнуть; ...и упокоиться.*

Кирилло-Мефодиевское наследство продолжает неповрежденно жить в ныне употребительном в Русской Православной Церкви церковнославянском Свщ. Писании: лиси ѣзвини имѣтъ, ꙗ птици небесныя гнѣзда: сынъ же члвчскѣй не иматъ гдѣ главы подклониѣти.

Образ птичьего гнезда как символ дома человека встречается и в Ветхом Завете: ꙗко птица ѡбрѣте себѣ храмине, ꙗ горлица гнѣздо себѣ, ꙗдѣже положитъ птенцы своѣ (Пс 83: 4). В знаменитом «предначинательном» псалме говорится об убежищах для всех животных: Насытътса древа пльскаѣ, кѣдри ливанстѣи, ꙗже еси насадилъ. Тамъ птици вогнѣздаѣтса, ервдѣево жилище предводителствѣетъ ѣми. Горы высѡкѣѣ еленемъ, камень пригѣжище зѡлцемъ (Пс 103: 16–19). Пророк Исаия (11: 8) упоминает о «норе аспида» и о «гнезде змеи». Если уж пресмыкающиеся, птицы и звери имеют свои «прибежища», насколько обязан иметь свой дом человек!

Вернемся, однако, к речению Иисуса. Надо принять во внимание, что оно было сказано в ответ на желание одного из книжников стать учеником Господа. Потенциальный ученик желал пойти туда, куда идет Учитель (ἀκολουθήσω σοι ὅπου ἐὰν ἀπέρχῃ), т. е. на место его обитания, к нему в дом. Ученик, зная, что Иисус из Галилеи, выразил готовность проделать большой путь до этого дома, но в чем ученик был непреложно уверен — это в том, что у Иисуса свой дом — есть.

У каждого человека, тем более с признанным общественным статусом, по пресуппозиции, должен быть дом. В Евангелии представлено немало эпизодов, построенных на этой пресуппозиции.

³⁵ Полностью эпизод в пересказе евангелиста Матфея (в синодальном переводе на рус. язык) читается так: «Тогда один книжник, подойдя, сказал Ему: Учитель! я пойду за Тобою, куда бы Ты ни пошел. И говорит ему Иисус: Лисицы имеют норы и птицы небесные — гнезда, а Сын Человеческий не имеет, где приклонить голову» (Мф 8: 19–20).

³⁶ Полностью эпизод в пересказе евангелиста Луки изложен так: «Случилось, что когда они были в пути, некто сказал Ему: Господи! я пойду за Тобою, куда бы Ты ни пошел. Иисус сказал ему: Лисицы имеют норы, и птицы небесные — гнезда; а Сын Человеческий не имеет, где приклонить голову» (Лк 9: 57–58).

Наиболее характерна, пожалуй, притча о благоразумном и безрассудном домохозяине: «Итак всякого, кто слушает слова Мои сии и исполняет их, уподоблю мужу благоразумному (*ἀνδρὶ φρονίμῳ*), который построил дом свой на камне <...>. А всякий, кто слушает сии слова Мои и не исполняет их, уподобится человеку безрассудному (*ἀνδρὶ μωρῷ*³⁷), который построил дом свой на песке...» (Мф 7: 4–27). Ясно видно, что Иисус исходит из обычной предпосылки, что иметь дом — ничуть не зазорно; напротив, благоразумный домохозяин удостоен похвалы. — На пресуппозиции важности дома в жизни человека построены, например: призыв бодрствовать, чтобы не пустить вора в дом (Мф 24: 43); заповедь ученикам приветствовать тех, кто находится в доме (Лк 10: 5); предостережение против разделений в доме (Мф 12: 25); ссылка на бедствия от запустения в доме (Мф 23: 38) и т. д.

Таким образом, представляется идущим вразрез со сказанным то обстоятельством, что, при высокой оценке Иисусом феномена дома как такового, тем не менее у него самого дома не было. Иисус Христос родился в вертепе, и если не считать детства, проведенного под кровом родительского дома, Он никогда не жил в *собственном* доме. Его скитальчество не было вынужденным: Он сам выбрал для себя образ жизни «странствующего рабби».

Более того, Он и учеников своих призывает покидать оседлый и домашний образ жизни и странствовать, подобно Ему.

Пресуппозиция «дом — это благо» на фоне новозаветной заповеди странничества. «Иисус сказал в ответ: истинно говорю вам: нет никого, кто оставил бы дом, или братьев, или сестер, или отца, или мать, или жену, или детей, или земли, ради Меня и Евангелия, и не получил бы ныне, во время сие, среди гонений, во сто крат более домов, и братьев и сестер, и отцов, и матерей, и детей, и земель, а в веке грядущем жизни вечной» (Мк 10: 29–30). Примечательно, однако, что, призывая учеников оставлять родные дома, Иисус не отрицает важности для человека дома как такового — дается обетование, что будет дано «во сто крат больше домов».

Надо сказать, что призыву странствовать последовали как непосредственные ученики Христовы (апостолы), так и ранние христиане. Например, объясняя, почему первоверховный апостол Петр, совершивший трехкратное отречение от своего учителя, тем не менее помилован, Иоанн Златоуст в знаменитом Поучении в неделю Пасхи³⁸ вкладывает в уста Христа риторический вопрос: Τετάρτῃ ἡμέρᾳ ὡςτάβλησθ' ἐμὲ ῥάδι δόμῳ, γυνὴ ἢ τέττι, ἑδνάγαθω λι γρῆχα ἢ ὡςτάβλω. Далее, ап. Павел, перечисляя жизненные испытания, которые христиане взяли на себя ради проповеди новой религии, пишет: καὶ ἀστατοῦμεν «и скитаемся» (1 Кор 4: 11). Глагол ἀστατέω Бауэр, автор наиболее авторитетного словаря новозаветного греческого языка [Baueer 1971],

³⁷ Слав. версия — мѣжѣ оубрѣднѣ. Мѣрѣс «глупый» (= «дурак»); выбранное синодальными переводчиками соответствие *безрассудный* представляется слабоватым (кроме того, *безрассудство* иногда [в российской культуре] противопоставляется расчетливости и воспринимается как позитивное качество: «Коль любить, так *без рассудку*» [А. К. Толстой]). И. Синайский, увлеченный близостью формы и совпадением семантики двух слов, сопоставил μωρός и «морозъ (его)» (= «дурач его»; ср. *сморозил* = «сказал глупость») [Синайский 1869, I: 487].

³⁸ Цитируем старопечатный Златоуст по воспроизведению старообрядческой типографии граде Уральска «въ лѣто з҃҃҃».

передает как *obdachlos sein* («не иметь крова») и помечает: *von unsteter Lebensweise* («о неоседлом образе жизни»); Дворецкий дает два значения: 1) быть неустойчивым, постоянно колебаться; 2) блуждать, скитаться [Дворецкий 1958]. Ср. тематический ряд, в который поставлено скитальчество: ...до нѣмѣшнаго часа ѿ ѡчѣмъ, ѿ жаждемъ, ѿ наготѣемъ, ѿ страждемъ, ѿ скитаѣмса (*καὶ ἄστατοῦμεν*), ѿ τρῶждаѣмса, дѣлающе своими рѣкѣми.

Заповедь скитальчества оставалась руководством к действию и впоследствии. Так, знаменитый «мандРОВанный философ»³⁹ Григорий Саввич Сковорода (о котором нам еще предстоит говорить), оценивая свой образ жизни, не случайно употребляет новозаветный глагол. В его письме А. Базиливичу (1788 г.) читается: *Ne scandalizet te, quod ἄστατέω* «Да не соблазнит тебя, что я *скитаюсь*».

Последствия скитальческой жизни нетрудно предвидеть, и автор новозаветного «Послания к евреям»⁴⁰, прибегая в ветхозаветному языку, засвидетельствовал о бедах, реально выпавших на долю как его самого, так и других христиан. Глагол *скитаться*, согласно синодальному переводу на русский язык, в кратком сообщении употреблен два раза. Несмотря на бедствия скитальчества, автор послания увещевает своих единоверцев все же по-прежнему проходить свое «поприще»⁴¹. Поприще это — мученическое, и не случайно зачало 330 (Евр 11: 33–40) предписано вычитывать на службе «мученика общей». Ср.:

«...испытали поругания и побои, а также узы и темницу, были побиваемы камнями, перепиливаемы, подвергаемы пытке, умирали от меча, *скитались* (*περιήλθον*)⁴² в милотях и козых кожах, терпя недостатки, скорби, озлобления; те, которых весь мир не был достоин, *скитались* (*πλανώμενοι*)⁴³ по пустыням и горам, по пещерам и ущельям земли. <...> Посему и мы <...> свергнем с себя всякое бремя и запинаящий нас грех и с терпением будем проходить предлежащее нам поприще» (Евр 11: 36–38; 12: 1).

Итак, если для человека Ветхого Завета изгнание из дома, бездомность, вообще изгнанничество, скитальчество, отсутствие оседлости — самое страшное, что только можно себе представить, то в Новом Завете изгнанным (= лишенным родного дома) и скитальцам обетовано Царство Небесное. Обетование, в частности, входит в состав так наз. *блаженн обедни*⁴⁴, т. е. выпеваается за каждой литургией и, стало быть, прочно удерживается памятью каждого православного.

³⁹ Так акад. Д. Багалий назвал свою книгу о Сковороде — «мандРОВанный философ» [Багалий 1926]. *МандРовать* — от нем. wandern — «скитаться, переходить с места на место».

⁴⁰ Автором «Послания к евреям», почти определенно, не является ап. Павел, именем которого источник тем не менее надписан.

⁴¹ Слово *поприще* «период человеческой жизни», как кажется, до сих пор еще не утратило своего прямого значения — «путь, отрезок пути». Ср.: «...кто принудит тебя идти с ним одно поприще, иди с ним два» (Мф 5: 41).

⁴² Глагол *περιήρхεσθαι* буквально означает «обходить, переходить (с места на место)»; в слав. версии перевода — *прондбша*.

⁴³ Глагол *πλανῶ* буквально означает «блуждать, не зная дороги»; в слав. версии перевода — *скитающеся*.

⁴⁴ Развернутую справку о *блаженнах* см. [Верещагин 2001а: 304–305].

Ветхозаветные предикации о ценности дома. Действительно, первым изгнанником на земле был не кто иной, как праотец Адам: «И изгнал (Бог) Адама» (Быт 3: 24). Скитальцем был также праотец Авраам: «И жил Авраам в земле Филистимской, как странник, дни многие» (Быт 21: 34). — Душа не только человека, но и Бога привязана к дому: «Я оставил дом Мой; покинул удел Мой; самое любезное для души Моей отдал в руки врагов его» (Иер 12: 7). «Как птица, покинувшая гнездо свое, так человек, покинувший место свое» (Притч 27: 8). — О тяжести бездомности говорит Псалтырь: «Услышь, Господи, молитву мою и внемли воплю моему; не будь безмолвен к слезам моим, ибо странник я у Тебя и пришлец» (Пс 38: 13). Горькая судьба бесприютного описана в библейской книге Иисуса, сына Сирахова (29: 27 и сл.): «Худая жизнь — скитаться из дома в дом, и где водворишься, не посмеешь и рта открыть; будешь подавать пищу и питье без благодарности, да и сверх того еще услышишь горькое: «пойди сюда, пришлец, приготовь стол и, если есть что у тебя, накорми меня»; «удались, пришлец, ради почетного лица: брат пришел ко мне в гости, дом нужен». Тяжел для человека с чувством упрек за приют в доме и порицание за одолжение». — Странничество ставится в один ряд с другими несчастьями, постигающими человека: «Господи! когда мы видели Тебя алчущим, или жаждущим, или странником, или нагим, или больным, или в темнице, и не послужили Тебе?» (Мф 25: 44). Ср. также: «Даже донныне терпим голод и жажду, и наготу и побои, и скитаемся» (1 Кор 4: 11). Ср., наконец, двустигшие, которое мы уже выше рассматривали: «...были побиваемы камнями, перепиливаемы, подвергаемы пытке, умирали от меча, скитались в милотях и козьих кожах, терпя недостатки, скорби, озлобления; те, которых весь мир не был достоин, скитались по пустыням и горам, по пещерам и ущельям земли» (Евр 11: 37–38). — Характерно ветхозаветное проклятье врага и нечестивого: «...да скитаются дети его и нищенствуют, и просят хлеба из развалин своих» (Пс 108: 10). — Нет доверия и уважения «человеку, не имеющему оседлости и останавливающемуся для ночлега там, где он запоздает» (Сир 36: 29). — Несчастные скитальцы достойны сострадания: «...раздели с голодным хлеб твой, и скитающихся бедных введи в дом; когда увидишь нагого, одень его, и от единокровного твоего не укрывайся» (Ис 58: 7). — Наказание скитальчеством, когда человеку негде приклонить голову, особенно тяжко: «Народ Мой был как погибшие овцы; пастыри их совратили их с пути, разогнали их по горам; скитались они с горы на холм, забыли ложе свое» (Иер 50: 6); «Дом надменных разорит Господь» (Притч 15: 25). — С другой стороны, обретение оседлости воспринимается как высшая награда: «...если удалишь мерзости твои от лица Моего, то не будешь скитаться» (Иер 4: 1). — Приведенных выписок, несомненно, достаточно, чтобы сделать заключение: в Ветхом Завете, равно как в предикациях Нового Завета, отражающих «нормальный» этический опыт, бездомность, изгнанничество и скитальчество воспринимаются как самое большое зло, какое только может выпасть на долю человека.

Бл́жéни и́згнáни прáвды рáдн. С другой стороны, в Новом Завете представлены и предикации, в которых скитальчество похвально как самое большое благо (ибо оно вводит в Царствие Небесное). Как упоминалось, таковы *заповеди блаженства*. Называемые так тексты представлены у двух синоптиков; упоминание об изгнанниках, однако, есть только в пространной версии евангелиста Матфея (5: 3–12); в

краткой версии Луки [6: 20—23] его нет. Примечательно, что зато у Матфея изгнанничество похваляется как блаженное состояние не единожды, а в трех стихах подряд! Ср.: *Блжєни изгнани правды ради: ѿко тѣхъ єсть црѣтїе нѣноє. Блжєни єсте, єгда поносатъ вамъ и ѿждѣнѣтъ и рекѣтъ всѧкъ зѡлъ глаголъ на вѣи лжѣще, менє ради: радѣйтеся и веселїтеся, ѿко мзда ваша многа на нбсѣхъ: [тѧкъ во изгнѧша прѡрки, иже (бѣша) прѣжде васъ]* (Мф 5: 10—12). Заключенное в квадратные скобки не выпевается за обедней.

Итак, перед нами коллизия этических ценностей: с одной стороны, иметь дом — это *одна норма*; с другой стороны, не иметь дома (ради определенной высокой цели) — это *другая норма*, отменяющая первую и превосходящая ее. Перед нами явление, известное в гносеологии под именем *realis gerupnantia* («реальное противостояние»), — противоречие, присущее самим явлениям, а не кажущееся противоречие вследствие логической ошибки или недопонимания.

03–2. ВТОРОЕ НАБЛЮДЕНИЕ:

«НЕ МОЗИ ГОРЫ РАДИ ОСТАВИТИ УЧЕНИЯ СВОЕГО»

Кончиной св. Кирилла, первоучителя славян, по традиции считается 14 февраля 869 г. В Житии Мефодия о последних днях его младшего брата повествуется так:

По днѣхъ же многѣхъ философъ, на соудъ градъин, рече къ мѣфодию братоу своему: се, брате, бѣ соупроуга блжове, єдиноу браздоу тлжаша, и азъ на лѣсѣ падаю, свои днѣ съкончавъ; а тѣи любїши гороу вельми, то не мози горъ ради оставити оучения своего, паче же можши кѣмъ спсєнѣ въгнї (цитируется Успенский сборник; по изданию [Лавров 1930: 73]).

Итак, незадолго до смерти Константин-Кирилл, «прощаяся и с братом и с друзьями», почувствовал опасение, что брат его Мефодий, с которым «вместе тянули борозду среди соблазнов и сомнений», по человеческому естеству, ищущему оседлости и покоя, возжелает «сойти с нее» и вернуться на место игумена в свой любимый монастырь (предположительно Полихрон на малоазийской горе Олимп). Оседлость и покой — желанная и законная цель любого человека.

Тем не менее Кирилл призывает брата «не покидать великого служения славянам» и продолжить (для любого тяжкий) путь скитальчества и беспокойства⁴⁵.

⁴⁵ Закавыченные фрагменты — выписки или перифразы из известного стихотворения Тютчева, написанного 13 февраля 1869 г. Ниже оно воспроизводится целиком:

Великий день Кирилловой кончины —
Каким приветствием сердечным и простым
Тысячелетней годовщины
Святую память мы почтим?

Какими этот день запечатлеть словами,
Как не словами, сказанными им,
Когда, прощаяся и с братом и с друзьями,
Он нехотя свой прах тебе оставил, Рим...

Причастные его труду,
Чрез целый ряд веков, чрез столько поколений,

И мы, и мы его тянули борозду
Среди соблазнов и сомнений.

И в свой черед, как он, не довершив труда,
И мы с нее сойдем, и, словеса святые
Его вспомняв, воскликнем мы тогда:
«Не изменяй себе, великая Россия!

Не верь, не верь чужим, родимый край,
Их ложной мудрости иль наглым их обманам,
И, как святой Кирилл, и ты не покидай
Великого служения славянам»...

Опять-таки перед нами коллизия. С одной стороны, что можно сказать против служения игумена и оседлого, мирного жития в милом сердце монастыре? Монастырь — это, несомненно, место спасения. С другой стороны, спасительной для брата первоучитель объявил не это место, а именно «безместную», бесприютную жизнь странствующего проповедника.

И Мефодий последовал заповеди брата. До конца дней своих ему пришлось вынести и тюремное заключение, и вражду сильных мира сего, и изгнанничество, и бесприютность, причем перед кончиной он ясно предвидел возможность окончательного изгнания своих учеников (что и случилось).

См. также Приложение 1 к подглавке 04—4 в Части I Раздела второго.

03—3. И. КАНТ И ИОАНН ЗЛАТОУСТ О РАЗДЕЛЕНИИ ЩАДЯЩЕЙ И СТРОГОЙ ЭТИКИ

Позитивные нравственные оценки разделяются, по терминологии И. Канта, на *щадящую* и *строгую* этику. В «Лекциях об этике», как они известны по записям студентов 1780—1782 гг., мыслитель предложил следующее разделение: «Этика может формулировать законы нравственности, которые могут быть *щадящими*, приспособленными к слабостям человеческой природы; она может быть удобна человеку тем, что требует лишь столько, сколько люди могут выполнить. Однако этика может, с другой стороны, и быть *строгой*, требовать высшего совершенства» [Кант 1987: 575]. Кант не был первым, кто указал на этические ценности двух видов⁴⁶.

Так, Иоанн Златоуст (в 20-й беседе на Евангелие от Иоанна) уже проводит строгое разграничение между «нормальной» (или «немошной») и «высокой» (или «строгой») добродетелью. Он рассматривает речение, на которое нам уже приходилось неоднократно сослаться («Лиси язвыны имут и птицы небесныя гнезда: Сын же человеческий не имет, где главы подклонити» [Лк 9: 58]), и пишет: «...Это, может быть, многим показалось бы делом трудным и тягостным. Итак, ради вашей *немощи*, я оставляю эту *строгость*, а требую только, чтобы вы не имели пристрастия к богатству, — и как, ради *немощи* многих, я не требую от вас такой *высокой* добродетели, так убеждаю вас, и тем более удаляться пороков. Я не осуждаю тех, которые имеют дома, поля, деньги, слуг; а только хочу, чтобы они владели этим осмотрительно и надлежащим образом» (цит. по: [Собрание поучений II 1895: 8]).

В чем все-таки состоит различие между строгой и щадящей этикой? Чтоб уяснить себе разницу, рассмотрим материал.

03—4. ПРИМЕР ЩАДЯЩЕЙ ЭТИКИ

Церковная книга *Требник* (или *Потребник*), среди прочего, содержит «последование об исповеди». Чтобы показать преемство традиции, мы приводим выписки не из современного, весьма сокращенного, требника, а из книги «Священнические потребности» (Большого потребника) издания 1642 г. Московского

⁴⁶ Канту принадлежит не само различие, а только терминология.

Печатного двора, подготовленной знаменитым печатником Василием Федоровичем Бурцовым(-Протопоповым). Ниже воспроизводится разрешительная молитва священника; в ней содержатся целых 34 предикации относительно выявления вины (проступка, прегрешения) и ее изглаживания:

Последование исповеди в старопечатном Потребнике. «...ты́ самъ гди ... прости грѣхѹ же ѿ беззаконїа ... бываемаа ѿ раба твоего, *имѣ* ... илїи (1) словомъ ꙗрости, илїи (2) гтѣвомъ неподобнымъ ... ѿ хртїанъ кого (3) клалъ, илїи (4) проклялъ, илїи (5) вѣслобилъ, илїи (6) оукорилъ, илїи (7) оуничжилъ, илїи (8) осудилъ, илїи (9) оклеветалъ, илїи (11) злословилъ, илїи (12) скверно глагола, илїи (13) позавидѣ, илїи (14) солга, илїи (15) слово вспоминалъ, илїи (16) прогнѣвалса, илїи (17) развѣрилъ са, илїи (18) прогнѣвалъ кого, ... илїи (19) мыслию похвалалъ чтолюбо, илїи (20) нечистыа помыслы пмыслилъ, илїи (21) обиделъ кого, ... (22) илїи оболга, илїи брата (23) оскорбил, илїи (24) презрѣ, илїи (25) огорчи, ... илїи (26) дерзостно гла, илїи (27) обзлословилъ, матьер нарицалъ, илїи (28) безумно посмѣлса, ... илїи (29) непотребнаа празднословилъ есть, ... илїи (30) братнѣ согрѣшенїа видѣвъ, ѿ (31) посмѣлса ѿ (32) осудилъ его, а (33) своимъ свгрѣшенїа ѿ беззаконїа пренебреже ѿ презрѣ, ... илїи (34) дерзобенно ꙗко цѣломудрена мнѧ себе гла, илїи что ѿно лѣкаво сотворилъ, ѿ что много вспоминаа гла ѿ всѣхъ сихъ злыхъ, ѿ подобныхъ симъ, ... раба твоего, *имѣ* ... помилуй ѿ прости емѣ всѧ».

Потребник, если суммировать эти и другие важнейшие наставления, предписывает: *не* клянись сам и никого *не* проклинай, *не* злословь и *не* уничижай, *не* осуждай, *не* клеветай, *не* сквернословь, *не* завидуй, *не* лги, сам *не* гневайся и никого *не* вводи в гнев, *не* помни зла, *не* гордись, *не* ленись стоять на молитве, *не* обманывай, *не* бери лишнего, *не* тщеславься, *не* будь сребролюбив, *не* пей вина до рвоты, *не* обращайся к колдунам и волхвам, *не* объедайся и *не* лакопись, *не* распутствуй, *не* убивай, *не* прелюбодействуй, *не* занимайся рукоблудием, *не* оступись в кровосмешение, *не* растлевай детей, *не* допускай мужеложства и содомии, *не* наноси ран и ударов, *не* скупись при раздаче милостыни, *не* допускай хульных и нечистыхъ помыслов, никого *не* обижай, (взяв чужое имущество) *не* запирайся, *не* оскорбляй брата, *не* презирай и *не* огорчай его, при молитвословии *не* давай уму рассеиваться, *не* будь самолюбив и чревоугодник, *не* вкушай недозволенного, *не* говори дерзостей и *не* бранись по-матерному, *не* предавайся бессмысленному смеху, *не* говори непотребного, *не* ошупывай ни своего, ни чужого тела, (вследствие подсматривания или воображения) *не* допускай семьяизвержения, *не* осуждай брата (а обращай внимание на собственные прегрешения и беззакония), *не* пренебрегай молитвой и *не* ленись за ней, храни заповеди своего отца духовного, *не* поддавайся унынию, *не* мни себя целомудреннымъ и вообще *не* делай ничего лукавого.

Дальнейшие интересные вопрошания и прещения Потребника, равно как сведения о его происхождении, вынесены в Приложение 1.

В номенклатуре запретов некоторые прегрешения запрещаются целиком и полностью (например, смертоубийство, сквернословие), а другие действия, сами по себе допустимые и, может быть, даже похвальные, запрещаются лишь в том случае, если переступлена некоторая мера или если они исполняются недолжным образом. Так, вкушать пищу отнюдь не запрещается, — осуждается только чревоугодие. Соответственно чтобы достигнуть чистоты и быть допущенным к причастию, требуется или со-

вершенно воздержаться от определенных действий, или при совершении разрешенного действия не преступать границы, когда нейтральное или даже добродетельное действие превращается в порок.

Есть и *terminus technicus* для обозначения такого состояния безгреховности. Он содержится в самом Свщ. Писании: ап. Павел (Гал 5: 23) в качестве «плода Духа» (*καρπὸς τοῦ πνεύματος*) назвал *воздержание* (*ἐγκράτεια*) или, по другому текстологическому варианту, *чистоту* (*ἁγνεία*). Оба наименования хорошо передают смысл того, что имеется в виду: *ἐγκράτεια* — это «воздержание, терпение, сносливость, духовная стойкость»; тогда как *ἁγνεία* — это буквально «чистота», но в переносном смысле «стыдливость, невинность», т. е. «незапятнанность предосудительными поступками».

Таким образом, можно заключить, что действие, вызывающее нравственное одобрение, состоит, так сказать, в бездействии, в *воздержании*.

Этика бездействия (воздержательности) в Пс 1: 1. Ср. начало знаменитого первого псалма (Пс 1: 1) ⁴⁷:

אשרי האיש אשר לא הלך בעצת רשעים
 нечестивых на-совет не-ходит который муж Блажен
 וברך קטאים לא עמד ובמש לצים לא ישב
 не-сидит развратителей в-собрании и не-стоит грешных на-пути и

Собственно, *עשׂר* — это, если быть точным, совсем не безбожник или бессовестный человек, но тот человек, который *сошел* с пути или *преступил* некоторую границу, поскольку глагол, от которого образовано существительное, означает «сворачивать, поворачивать, переходить (запретную линию; переносно: Закон)» ⁴⁸. Второе ключевое слово *קטן* представляет собой почти полный синоним лексемы *עשׂר*, а именно: «виновный, заслуживающий наказания» (исходный глагол означает буквально: «проступить ногами, оступаться», а отсюда переносно: «совершать проступки, грешить»). Третья номинация грешного человека *לצ* образована от глагола, который означает не только «смеяться», но и «насмехаться, дразнить, глумиться». Поскольку, по ветхозаветным представлениям, смех пред лицом Божиим представляет собой тяжкое преступление, *לצים* «шуты, насмешники, глумливые, пересмешники», даже «пасквилянты», будучи во всем равны *רשעים* и *קטאים*, — это также греховные и подлежащие наказанию люди ⁴⁹. Греческий, славянский и

⁴⁷ Еврейский текст и русский перевод напечатаны билинеарно: соответственно русский текст должен читаться справа налево строго слово за словом (чтобы обеспечить эту пословность, пришлось писать через дефис отрицание и глагол).

⁴⁸ Здесь и далее см. [König 1931].

⁴⁹ Отсюда запрещение *вольнодумства* — т. е. скептического по содержанию и ироничного по форме отношения к религиозной вере и нравственности. Ср. характерную точку зрения современного комментатора-иудаиста: «Некоторые говорят, что *насмешники* — это не просто легкомысленные люди, которые занимаются пустословием, а люди злонамеренные, которые умеют говорить, умеют влиять на людей, и склоняют народ к злодейскому пути. В частности, такой выдающийся авторитет в комментировании Торы, как рабби Ицхак ha-Рама, один из поздних ришоним, <...> считает, что *насмешники* — *лецим* хуже всех. Однако, все-таки преобладающее мнение комментаторов, что *лецим* — это те люди, которые начинают с разных шуточек и легкомысленных слов, а потом переходят к тому, что поносят мудрецов и доходят до разных нехороших идей. <...> Одним из классических персона-

русский переводы — λοῦσοί, ἁγνίται и *развратители* — не имеют «смеховых» ассоциаций.

Характерный для Ветхого Завета *parallelismus membrorum* определенно свидетельствует, что и в данном конкретном случае три номинации дают тот же самый, одинаковый смысл. Тот «муж» блажен, который не входит в круг *виновных в проступках*. Достаточно *не делать* чего-то определенного (*не ходить* [на совет нечестивых], *не стоять* [на пути грешных], *не сидеть* [в собрании развратителей]), и, согласно псалму, уже возникает состояние блаженства⁵⁰.

Точно так же, т. е. через предписание воздержания, построены и дефиниции блаженства (макаризмы⁵¹) в Новом Завете, особенно в Нагорной проповеди (Мф 5: 3–12; вторая версия Лк 6: 20–22).

Таким образом, блажен, или *праведен*, — тот, кто *воздерживается* от запрещенных поступков. Вероятно, эта заповедь является реальной; во всяком случае, многомиллионная Церковь предъявляет ее ко всем своим членам (иначе отлучают от причастия). Именно таков общий смысл покаянных тактик, как они излагаются в предписповедных словах и в требниках. Они отстаивают нормы и оценки *щадящей* этики.

03–5. ПРИМЕРЫ СТРОГОЙ ЭТИКИ В СВЦ. ПИСАНИИ

В требниках их нет, и в проповедях для рядового верующего на них не настаивают, но в СВц. Писании (особенно в Новом Завете) представлены, наряду с нормативами щадящей этики, также и *строгие* этические нормативы. Часть этих нормативов корректирует нормы этики воздержания и даже претворяет их в противоположные. Кроме того, они вносят в поведение, подлежащее оценке, новую, небывалую семантику, явно идущую «с неба», т. е. от высших идеалов, не встречаемых «в миру».

Примером строгой этики в Ветхом Завете может послужить готовность праотца Авраама принести в жертву всесожжения (т. е. зарезать и полностью сжечь) своего единственного сына Исаака (Быт 22: 1–18).

С точки зрения писателей Нового Завета, хотя человек практикует воздержание и любовь к ближнему, этим достигая праведности, еще более похвально поступать не просто как *должно*, но как *сверх-должно*.

жей, который на языке мудрецов определяется, как *лец*, является Амалек. Амалек в изображении мудрецов выступает, как сила, которая отрицает, что в этом мире есть вообще что-либо серьезное. Народ Израиля пришел в этот мир для того, чтобы утвердить, что есть нечто серьезное, а именно задание, которое дано Всевышним человеку, а Амалек выступает отрицателем этой идеи и говорит, что серьезного нет ничего. <...> Интересно то, что змей-искуситель тоже в традиции называется этим словом *лец*. Он начал с того, что он оговорил Всевышнего» [Дашевский, из интернета].

⁵⁰ Ср. еще один характерный псалом (Пс 14: 1–5); он также построен на отрицании ряда предосудительных поступков: «Господи! кто может пребывать в жилище Твоем? <...> Тот, кто ходит непорочно <...>; кто не клеветает языком своим, не делает искреннему своему зла и не принимает поношения на ближнего своего; <...>; кто клянется, хотя бы злему, и не изменяет; кто серебра своего не отдает в рост и не принимает даров против невинного».

⁵¹ Греч. μακάριος «блаженный».

Ср. Лк 6: 32–35: «...Если любите любящих вас, какая вам за то благодарность? ибо и грешники любящих их любят. И если делаете добро тем, которые вам делают добро, какая вам за то благодарность? ибо и грешники то же делают. И если займы даете тем, от которых надеетесь получить обратно, какая вам за то благодарность? ибо и грешники дают займы грешникам, чтобы получить обратно столько же. Но вы любите врагов ваших, и благотворите, и займы давайте, не ожидая ничего; и будет вам награда великая, и будете сынами Всевышнего; ибо Он благ и к неблагодарным и злым».

Недостаточность простой праведности (следования букве нравственного закона) выражена в Новом Завете весьма четко: «Ибо, говорю вам, если праведность ваша не превзойдет праведности книжников и фарисеев, то вы не войдете в Царство Небесное» (Мф 5: 20).

Следовательно, для Нового Завета характерна (не удержанная в тринитарных) тринитарность этических оценок, а именно: греховности противостоят праведность (воздержание от греха) и святость (сверх-должное деяние). Ниже прескрипционного Закона — вина и грех; на уровне Закона — (по генезису ветхозаветная) мирская праведность (блаженство); выше Закона — (новозаветная, парадоксальная) любовь (святость).

Плоды новозаветной любви, согласно ап. Павлу, далеко ушли от заповедей Декалога и прочих заповедей: на таковы́хъ нѣсть закона (Гал 5: 23)⁵². Закон предназначается не для святых и не для праведных, а — *horribile dictu* — «для беззаконных и непокоривых, нечестивых и грешников, развратных и оскверненных, для оскорбителей отца и матери, для человекоубийц, для блудников, мужеложников, человекохищников, (клеветников, скотоложников,) лжецов, клятвoprеступников, и для всего, что противно здравому учению» (1 Тим 1: 9–10).

Воздержаться от зла — это уже благо («Уклоняйся от зла и делай добро»⁵³; Пс 33: 15). Требник, обращенный к рядовым мирянам, не требует от них святости, не призывает творить сверх-должное добро; во всяком случае, святость остается за пределами нравственной прескрипции. Впрочем, *требование* святости было бы, конечно, *contradictio in adiecto*.

03–6. ПРИМЕРЫ СТРОГОЙ ЭТИКИ В СЛАВЯНО-РУССКОМ ПРОЛОГЕ

Между тем идеал святости занимает много места в русской национальной культуре. Сама Русь охотно называла себя *святой*, но атрибут, вероятно, надо понимать не в том смысле, что она *была* святой, а в том, что в массовом сознании присутствовала *идея* или имелся *идеал* святости.

Он был воспитан прецедентными нарративными текстами, известными многим, если не всем (в том числе и женщинам, и детям, и неграмотным, и крещеным инородцам), — эти тексты во всеуслышание прочитывались изо дня в день и прочно входили в народную память.

⁵² Κατὰ τῶν τοιοῦτων οὐκ ἔστιν νόμος; adversus huiusmodi non est lex.

⁵³ כּוּר מרע ועשה טוב; ἔκκλινον ἀπὸ κακοῦ καὶ ποίησον ἀγαθόν; divertite a malo et fac bonum; οὐκλονί σα ἦ εὐλά ἢ σοτηριὴ εὐάγο.

Как известно, центральное место за богослужением занимают молитвословные (литургические) книги (Псалтырь, Часослов, Служебник, Требник, Минея, Триодь), а из нарративно-наставительных книг вплоть до исхода XVII в. ежедневно прочитывались Евангелие, Апостол, Прѣлог (или синоксарь = малая *минья-четы*) и изборники (типа Златоуста). В нынешней практике удержалось ежедневное чтение только Евангелия и Апостола. Пролог⁵⁴, хотя его чтение и до сих пор предписывается Уставом, фактически не читается⁵⁵ (за исключением редких старообрядческих толков⁵⁶), а на место чтений из изборников пришла проповедь.

Отсюда не только современное российское общество, но и общество XIX в. утратило знание о том идеале святости, который был характерен для Руси вплоть до XVII в. включительно.

Краткая история возникновения Прѣлога. Будучи заимствован у греков, Синаксарь-Пролог⁵⁷ как бы провиденчески получил себе на Руси новое имя и почти сразу же оторвался от греческого источника. В него очень рано вошли жития общеславянских святых (Кирилла и Мефодия, первоучителей славянских; Людмилы и Вячеслава [Вацлава] Чешских), а также жития русских святых — равноапостольной княгини Ольги, равноапостольного князя Владимира, князей-страстотерпцев Бориса и Глеба, основателей русского монашества Антония и Феодосия Печерских, князя-исповедника Михаила Черниговского и боярина его Феодора, а впоследствии также и Михаила Тверского (и многих других русских святых). Кроме того, в отличие от греческого оригинала, русские книжники почти на каждый день года предложили вниманию читателей и слушателей назидательные поучения (обычно также переводные).

Пролог сразу же по крещении Руси приобрел широкую известность, стал интенсивно переписываться (сохранилось около трех тысяч рукописных прологов!), а потом и издаваться типографски. Русские сводчики Пролога черпали из самых разнообразных источников, так что в итоге составила православная энциклопедия. Действительно, Пролог содержит сведения по всемирной, славянской и русской истории. Приобщает к догматике христианского вероучения. Дает географические, медицинские, астрономические, календарные и другие научные сведения.

⁵⁴ О том, что такое (славянский) Прѣлог, как он возник и каким образом получил свое название (вследствие недоразумения), см. [Державина 1990: 193–391; Литературный сборник 1978; Верешагин 1997б: 84].

⁵⁵ Вывод Пролога из богослужения совершился «явочным порядком» невзирая на то, что, как отмечает известный литургист, «это чтение рассматривается Уставом как особенно важное, не отменяясь и в воскресенья с нарочитыми праздниками», а «на будничных утрених это был единственный материал для чтения» [Скабалланович 1913: 286, 287].

⁵⁶ Так, в Москве Пролог читается только у беспоповцев-поморцев в известном разделенном Никольском храме на Преображенском кладбище.

⁵⁷ В конце X или в начале XI в. в Константинополе была создана книга, в которую вошли краткие жития святых на каждый день церковного года. Поскольку книга представляла собой *сборник житий* (из разных источников), она у греков и называться стала *Συναξάριον* («сборник»). Соответственно у славян, которые обычно заимствовали греческие титулы книг, она должна бы была называться *синаксарь*, или *синаксарий*. Греч. *Συναξάριον* открывался предисловием, а *предисловие* по-гречески — *πρόλογος* (отсюда и современное слово *прѣлог*). Перевод книги на славянский язык был выполнен, весьма вероятно, на Руси во второй половине XII в. Крупно написанное название греческого предисловия переводчики приняли за название всей книги. Так и стал греческий *Синаксарь* славянским *Прѣлогом*.

Прививает вкус к возвышенному церковно-книжному славяно-русскому языку. Читать Пролог не только познавательно и назидательно, но еще и увлекательно. Пролог хорошо знали, и не случайно, что он вошел в народное творчество и отразился в фольклоре. А хорошо Пролог знали даже и неграмотные, поскольку, по вышеизложенным предписаниям Устава, он во всеуслышание неопустительно прочитывался за богослужением. Пролог перестали издавать — за ненужностью! — в XVIII в., и постепенно книга пришла в забвение.

Многие повествования Пролога, если их продумать до конца, нацелены на воспитание строгой этики.

Например, было бы абсурдно на исповеди требовать покаяния за то, что гонимый не берет на себя чужие прегрешения и не несет за них наказания. Между тем персонажи Пролога поступают именно так и создают парадигму. Эта тактика не является случайной, о чем свидетельствует три проложных повествования: под 1) 12-м и 2) 29-м февраля (фрагмент из жития преп. Иоанна, нареченного Варсонофием, еп. Дамасского, [V в.]), а также под 3) 11-м мая. Ниже они переданы частью в пересказе, частью с помощью цитат⁵⁸:

Из Жития прп. Марии, преложившей себя Марином. 1) В той же день⁵⁹ память преподобныя матери нашея Марии, преложившия себе Марином. Та, женскую изменивши одежду, с своим еже по плоти отцем Евгением вниде в монастырь и пострижеса и служаше с юными, братиею не знаема, яко жена есть. Единою убо прележавши в гостиннице, оболгана бысть, яко растли гостинникову дщерь. Она же поношение приимши и грех, егоже не содела, исповедаше. Тем из монастыря изгнана бысть и вне за три лета томившися и егоже не роди младенца питаше. Некогда же прията бысть во обитель, и бяше последствуя ей отроча мужеский пол. Открыся же яже о ней, ибо внегда умерши ей и братии опрятавшим ю, обретеса жена сущи. Гостинникова же дщи, сущи лукавым духом объята бывши, неволею дело исповеда, яко от некоего воина растлена бывши, а не от Марина. И тако внезапно игумен и братия, еже по всегда окаянницу нарицаху, блаженству велику сподобиша.

Из Жития прп. Иоанна, нареченного Варсонофием. 2) Един же монах, несовершен умом, многи пакости деяше ему (преп. Варсонофию), и укоризненными прозвищи нарицая его, и помоями обливаше его. Еще же от научения диаволя проверте стену келлии его и испущаше водный исход в рогозину его, и бяше всегда смедя. И сия уведев, игумен, призва злодейца брата, хотя казнити его. Варсонофий же пад мочаше нозе игумену слезами, на ся вину возлагая глаголаше: «Аз убо вопреки хожу брату, отдаждь ему господа ради». И тако избави его от вины.

Из Жития прп. Никона Синайского, якобы соблудившего с дочерью некоего «фараонита». 3) Некий монах горы Синайской Никон был оклеветан, что он впал в блуд с девицей, дочерью некоего «фараонита», т. е. египтянина. Пресвитеры стали бить (!)

⁵⁸ Здесь и далее цитируем 2-е московское издание 1642/43 гг. Техника так наз. дипломатического воспроизведения текста — та же самая, которой придерживаются современные издатели Пролога; см. подробнее: [Верещагин 1996б: 84–92].

⁵⁹ Месяца февраля в 12-й день.

и изгонять его. Старец же только просил время на покаяние. Его отлучили от Церкви на три года. «И сотвори три лета, приходя на всяку неделю, и каясь в церкви, и моляшеся, всем глаголя: „Помолитесь о мне“. Последи же возбеснѣ сотворивый грех, иже возложи на отшельника, и исповеда пред церковию, яко *аз сотворих грех сей и оболгах раба божия*. И шед весь народ покаяшася старцу, глаголюще: „Прости нас, авво“. И рече им: „Еже простити, прощено есть вам“».

Некоторые монашествующие не отклоняли от себя самых абсурдных наветов, исключая единственно обвинения в ереси⁶⁰. Парадигма принятия на себя чужой вины и готовности понести незаслуженное наказание освящается именем ап. Иоанна Богослова.

В «Слове о юноше, егоже спасе Иоанн Богослов»⁶¹ (под 26-м сентября) говорится о прощении апостолом разбойника, который «десницу свою крыя, кровава бо бе еще». Наперсник Христов сказал ему: «Не бойся, чадо, стани, не ужасайся. <...> Аз за тя постражду, и на мне кровь буди, юже ты пролиял еси. На моей выи буди бремя грехов твоих, чадо».

Приведем пример еще одной парадоксальной тактики, похвальной в Прологе, — обиженный извиняется перед обидчиком.

Слово от патерика: обиженный извиняется перед обидчиком. В повествовании «Слово от патерика о гневе и о покаянии» (под 17-м сентября) читается: «Брат некий имяше на брата гнев. Слышав же той, прииде покаятися к нему, он же не отверзе ему дверей. Той же иде ко иному старцу и поведи ему вещь ту. И отвеща ему старец рек: „Блюди, еда оправдания имейше в сердце своем, яко зазря брату своему, яко той есть повинен, себе же оправдая. И сего ради не известися ему отверести дверей. Обаче се есть еже глаголю ти, аще и той согрешил есть к тебе, положи в сердце своем, яко ты согрешил еси к нему, а брата своего оправдай. И тогда бог известит ему смириться с тобою“. И рече старец: „Се есть исцеление велико человеку. И сему хошет бог, да человек изложет соблазн свой пред богом“. Слышав же се брат, сотвори по словеси старца. И шед, толкну в двери братня. Он же токмо очюти утръ, преже его покая ся, и отверзе ему, и лобзастася от душа. И бысть им мир велик».

Дальнейшие поступки персонажей Пролога в духе строгой этики примерно такого же парадоксального свойства: потерпевший помогает преступникам совершить преступление против себя (эпизод под 2-м апреля); чтобы предотвратить прегрешение другого человека, потерпевший готов понести существенный ущерб для себя (под 7-м октября); прямой очевидец не осуждает согрешившего (под 3-м августа) и т. д.

Таким образом, *щадящая* этика содержит свод предписаний и запретов, предьявляемых всем христианам. Эти реалистичные, для всех посильные нормы тем не менее — вследствие влияния секулярного мира — постоянно нарушаются. Чтобы воспитать чувство личной вины и любви к ближнему, христианство ввело в число своих таинств покаяние и в деталях разработало гомологетику, или дисциплину и чин изложения верующим духовнику своих грехов и разрешения от них. Исповедь

⁶⁰ Так, славянские первоучители Кирилл и Мефодий решительно и страстно протестовали, когда «триязычники» пытались объявить их еретиками за перевод Свщ. Писания на славянский язык.

⁶¹ Более подробно историю этого сюжета см.: [Верещагин 1997а: 103–114].

успешно проходят миллионы людей, и это означает, что этические нормы, которые освобождают человека от греха, сильны, снисходительны. Традиция воспитания христианина в духе щадящей этики продолжается до сего дня⁶².

Иное дело — *строгая* этика. Собственно, ее предписания не формулируются в виде свода заповедей; такое заведомо невозможно. *Знание* строгой этики привить нельзя, но воспитать (может быть, подсознательное) *чувство* идеала святости — можно. Именно на это были направлены нарративные тексты Пролога: чтение во всеуслышание проложных житий и наставлений позволяло всем христианам (= крестьянам), в том числе и неграмотным простецам, за долгую жизнь пройти Высшую школу православия. Следовать безотчетным импульсам строгой этики — удел малого стада, но чутья святость могли, вероятно, многие.

Напомним о том, что было сказано во вступительном фрагменте настоящей части монографии. Да не возникнет у читателя впечатления, что за многочисленными наблюдениями, как бы они ни были интересны сами по себе (что уже само по себе может быть оправданием их публикации), мы забыли магистральную линию исследования и уклонились от обсуждения феномена *сапиентемы*. На самом же деле мы обсудили три фундаментальных предпосылки концепции: указали на интуитивно-дискурсивный способ ее изложения; постарались показать, что все речепорождение (включая, наряду с номинацией, также и синтаксис) отчасти характеризуется невербальностью, так что не следует удивляться, что и сапиентема невербальна; наконец, поскольку сапиентема, как будет видно из дальнейшего, производна от этических установок, чтобы подготовленно судить о ней, необходимо заранее иметь представление о вариативности этики (что было показано на примере щадящей и строгой морали).

ПРИЛОЖЕНИЕ 1. *ВОПРОШАНИЯ ПОТРЕБНИКА* (к подглавке 03–4) *КАК ЗЕРКАЛО НРАВОВ НА РУСИ СЕРЕДИНЫ XVII В.*

Ниже ради полноты картины приведен избор вопрошаний Потребника в дополнение к вопросам, помещенным в подглавке 03–4. На сей раз диакритика, за исключением паерка, не воспроизводится. Прежде, однако, кратчайшая информация о происхождении Требника.

Требник (или *Потребник*) — наименование богослужебной книги Русской Православной Церкви, содержащей *требы*, т. е. последования частного богослужения, совершаемые «по нужде» для одного или нескольких верующих (например, чины таинств [крещения, венчания, исповеди] и богослужебных последований [панихиды, молебна, освящения воды, благословения «в путьшествие»]). Имеются разновидности — *требники* Большой, Малый и Дополнительный. Среди прочего Требник содержит «последование об исповеди»; только о нем (в этическом аспекте) и гово-

⁶² Известный своим бунтарством германский богослов Ойген Древерман считает, что имеются такие нормы щадящей этики, которые хуже пороков (поскольку исполняющие простые правила всегда считают себя правыми) [Drewertmann 2001].

рится далее. По Требнику совершается таинство *покаяния*, включающее в себя открытие исповедником перед священником (*духовником*) греховных поступков и помыслов, за чем обычно следует отпущение грехов (может быть наложено и духовное наказание — *епитимия*), после чего исповедника, как правило, допускают к причащению — участию в главнейшем христианском таинстве. Вокруг практики исповеди сложилась *покаянная дисциплина*, (отдельная область душепопечительной деятельности церкви), включающая в себя (наряду с наставлением, «какову подобает быти духовнику», пенитенциалом [епитимийными канонами], пред- и послеисповедными поучениями и т. д.) многочисленные перечни прегрешений, иногда в форме вопросов, которые духовник прочитывает перед исповедником. Анализ покаянной дисциплины позволяет объективно выявить большую часть этических норм традиционного православия. Требник возник путем разделения греческого *Евхология* (= Молитвослова) на две книги. Впрочем, в первые века христианства у славян (в том числе на Руси) чин (устав) исповеди также содержался в Евхологии. Древнейшим славянским источником является так наз. Синайский евхологий, написанный глаголицей (XI в.; 106 листов пергамена). Содержащееся в нем чинопоследование исповеди, конечно, опирается на греческие образцы, но точный его оригинал пока не отыскан, да и по другим соображениям можно заключить, что оно представляет собой не простой перевод, а самостоятельную компиляцию.

«Чин над исповедующимся» в Синайском евхологии содержит обширную номенклатуру (точно обозначенных) добродетелей и грехов. Эта номенклатура может принимать форму простого перечисления:

Се дѣла (т. е. *добродетели*): алканіе, жаданіе, землелѣганіе, кланеніе, покореніе, претрѣпѣніе обидѣ, ницьлюбїе, странѣнолюбїе, срдечное рѣданіе, плачѣ очесѣнѣ, бес плача во невѣзможно естѣ покаати сѣ, паче же всего истово естѣ покаяніе, еже единою отѣстѣпївѣше отѣ грѣхѣ, кѣ томоу не вѣрацати сѣ кѣ нимѣ... Аналогично построен и перечень *прегрешений*: Исповѣдаѣ сѣ ... всѣхѣ вѣцїслѣнѣхѣ монохѣ грѣхѣ ... ѣже ... сѣгрѣшихѣ ... лихонѣ дѣнѣ, пїтѣнствомѣ, присно вѣпадаѣ вѣ блѣдѣ и прелюбодѣанїѣ, вѣ разбоѣ, вѣ дѣтогоубленїѣ, вѣ татѣвѣ, вѣ пїтѣнство, вѣ клеветѣ, вѣ сѣвадѣ, вѣ пла[са]нїѣ, вѣ игри зѣлы, вѣ сварѣ, вѣ прѣстѣпоклѣтїѣ, вѣ чародѣанїѣ, вѣ враженїѣ, вѣ сѣмьненїѣ, сѣраца похотѣнаѣ вѣ зѣрѣнїѣ на стоужде лице, вѣ прислѣгы неправедѣнѣ, вѣ вѣсхѣщїенїѣ тоуждего имѣнїѣ, всего того отѣрицаѣ сѣ...

Наряду с простым перечислением, номенклатура может иметь вид *антонимического противопоставления*:

...тѣ, чѣдо, бѣди
вѣ доброврашноѣденїѣ мѣсто соухѣдець,
вѣ винопитнїѣ мѣсто водопица,
вѣ смѣха мѣсто слѣзоточнїкѣ,
вѣ величїѣ мѣсто сѣмѣраѣ сѣ,
вѣ макѣколѣганїѣ мѣсто жестоколѣганѣннїкѣ,
вѣ сѣвадѣннїкѣ мѣсто миротворецѣ,
вѣ сварѣннїкѣ мѣсто кротолубецѣ,
вѣ хѣщїеннїкѣ мѣсто раздавнїкѣ имѣнїѣ своего,

въ обидливѣзства мѣсто нищелюбець,
 въ татѣзгы мѣсто страннопримець,
 въ блждолюбнѣ мѣсто чистолубець,
 въ скврѣзньнолюбнѣ и въ влѣхволюбнѣ мѣсто бголюбець,
 и аще са тако покаеши, бждеши чадо свѣтоу...

Устав исповеди Синайского евхология, конечно, на протяжении веков претерпел редакционные изменения (= поновления, особенно с учетом отдельных групп исповедников [мирян, монашествующих, белого духовенства; властных людей, больных, глухонемых и т. д.]), но он все же просуществовал в церковном обиходе вплоть до XVI в. (включительно). Отдельные его элементы перекочевали в требники и более позднего времени.

Действительно, в книге «Священнические потребности» (т. е. в требнике) издания 1642 г. Московского Печатного Двора, подготовленной знаменитым печатником Василием Федоровичем Бурцовым-(Протопоповым), каталоги добродетелей и грехов изложены почти так же и в той же форме. Примерно так же составлен знаменитый «Евхологион, альбо молитвослов» (1646) Петра Могилы (1596/97–1647), митрополита Киевского и Галицкого, отчасти, впрочем, подвергшийся латинскому влиянию.

В требниках XVII в. представлен бесконечный ряд вопросов, обращенных к кающемуся, и временами сама их постановка — от горького опыта — свидетельствует о реальной распространенности прегрешений. Так, много внимания уделено языческим суевериям и волхвованию, развлечениям с участием скоморохов, воровству, отношениям между полами и половым извращениям. Требник дает основание считать, что повседневным явлением на Руси была матерная брань. Свидетельствуется также о распространении пьянства, в том числе даже в среде священников. Отсюда — страшно сказать! — у священников трясение рук, небрежность в обращении со свв. дарами и профанирование литургии.

В XVIII–XIX вв. устав исповеди в Требнике значительно сокращается и упрощается. Вид, который книга приобрела в конце прошлого столетия, тиражируется (нередко фотомеханически) и в наше время. Требник отражает только часть православно-христианской морали, а именно: мораль законничества. Действительно, антонимические противопоставления в Требнике создают впечатление, что прегрешение и добродетель находятся в парных отношениях. Наименования добродетелей в Требнике, если перевести их в проявленные предикации, оказываются предписаниями, а номинации прегрешений соответственно становятся запретами. Иными словами, Требник продолжает линию ветхозаветного Декалога: с одной стороны, «помни день субботний», а с другой, «не делай в оный никакого дела» и т. д. Для того, чтобы оказаться достойным причастия, требуется только одно: не совершать запрещенных действий вообще (не убий!) или не переходить грань при совершении разрешенных действий (не объедайся!). Не совершать проступков — значит воздерживаться. Перечни запретительных наставлений типа «Не клянись сам и никого не проклинай, не злословь и не унижай... (и т. д.)» приведены выше в подглавке 03–1. Термин ап. Павла *воздержание-энкратия* (ἐγκράτεια «терпение, сносливость»; Гал 5: 23) разъясняет, кого можно считать (без)грешным (тем более что в Новом Завете имеются исчерпывающие каталоги пороков: 1 Пет 4: 3; 1 Кор 6: 9–10;

Гал 5: 19–22). К *праведному, блаженному*, т. е. безгреховному, в Свщ. Писании прилагаются *макаризмы* (или *ублажения*, от греч. μακάριος «блаженный»), сводящиеся опять-таки к энкратии: «Блажен муж, который *не* ходит на совет нечестивых, и на пути грешных *не* стоит, и *не* сидит в собрании развратителей» (см. анализ выше).

Справка составлена на основании фундаментальных исследований А. И. Алмазова и С. Смирнова (см. [Алмазов 1894; Смирнов 1914]), а также рассмотрения обиходного Требника [Требник 1991]. См. также: [Верещагин 2001б: 498–499].

Далее следует обширная и весьма показательная (для познания нравов XVII в.) выписка:

Не wskвернилъ ли тѣла своего по естественъ, или чрезъ естество... Нечистъ в црковь не хаживалъ ли... В церкви бжїи во время ст҃аго пѣнїа не смѣивалса ли, или говорилъ еси съ кѣмъ праздына глаголы, или шепты дѣлалъ, или помышлалъ еси невѣрїе на ст҃ыню бжїю, или ремество иконное хулилъ еси, или осудилъ еси іереа или дїакона, во чтенїи и пѣнїи, или во иномъ в чем... Креста не цѣловалъ ли еси на кривѣ... И не послѣшествовалъ ли еси на кривѣ... Не крадѣвалъ ли еси, или подвѣживалъ еси кого красти, или велѣлъ еси комѣ красти... Не оубилъ ли еси на рати чїка крещена, ... или велѣлъ еси комѣ оубити или оутопити, или зелнемъ оуморити, или иною какою смертїю, или бивалъ еси кого до крове... Не вѣрѣши ли в чоухъ, и въ стрѣчѣ, и в полазѣ, или не вѣровалъ ли еси во птичей граи, и во всако животнo рыканїе... Или сон толковалъ еси, или к волхвѣомъ ходилъ еси, ... или самъ волхвѣши ворожею и коренїемъ... Корчмъ и бладно собранїа ради богатства не держалъ ли еси... Или сотворилъ еси пиръ съ смѣхотворенїемъ и пласанїемъ, или слѣшалъ еси скомороховъ, или гѣселниквъ, или пѣлъ еси пѣсни бѣсѣвскїа, или слѣшалъ еси нныхъ пьющихъ... Или лалъ еси кого матерны... Или обалупилъ еси кого... Или завидѣлъ еси комѣ, или имѣеши на кого гнѣвъ... Венчалса ли еси с женою своею, и по законѣ ли съ женою живеши... Въ великїи постъ, и на ст҃ой неделѣ не бывалъ ли еси с нею, или в воскресенїе, или в средѣ, или в патокъ, в господскїа праздници, и въ богородиныны, и в памяти ст҃ыхъ великихъ, или с нечистою во исходѣ крови не бывалъ ли еси... И не блѣживалъ ли еси со женою своею содомски в заднїи проходъ, или создаи в преднїи проход, и жены на себя не пѣцалъ ли еси, и языка своего в ротъ женѣ не вкладывалъ ли еси, и еа языка не имывалъ ли еси, и за сосца жены не сысалъ ли еси, срама своего цѣловати женѣ не давалъ ли еси, и самъ не цѣловалъ ли еси... Или бивъ съ женою, и не забывъ ли еси еже омыгнїса... И ѿ своеа жены с чужею не блѣживалъ ли еси... И не велѣлъ ли еси женѣ, или рабѣ оуморити дитя... И не мѣчивалъ ли еси жену напрасно, а не по законѣ...

Стѣ приказнымъ людемъ и властїемъ глаголи: Госѣдарю крестъ цѣловавъ, корысти себѣ не хотѣлъ ли еси, и не користовалса ли чѣмъ... Или посѣлъ оу кого взималъ еси, или судилъ еси сѣдъ по мздѣ, или по любви, или по враждѣ... Или госѣдарю кого оклеветалъ еси не по правдѣ... Или презрѣлъ еси кого просаща что оу тебе... Согрѣшихъ обоганїемъ, и оклеветанїемъ, завистїю, лжею, лростїю, гнѣвомъ, и злопомнѣнїемъ, и гордынею, и тщеславїемъ и бѣсловїемъ, безстѣдными словесы, лихвою, лестїю, и сребролюбїемъ, чревоовладенїемъ, и пїанствомъ, чародѣйствомъ, и потворствомъ, волхвованїемъ, и обаянїемъ, и подобными смѣ... Согрѣшихъ, со ино-вѣрными лдохъ и пїахъ и любовь творахъ им и честь воздалъ имъ, и радовахса с

ними, и здравствовати, ако же и христїанѣмъ сѣцимъ, глаголахъ имъ, и ѿ безвѣмїа неразсѣднаго, нравы и обычая ихъ похваляла ихъ многаци, и побъчаша ихъ многимъ злѣдѣніемъ, проклятымъ... Согрешихъ, вѣ кощїнахъ, и вѣ баснословїи, и вѣ сквернословїи, и на зло и на грѣхъ многихъ наобчихъ, и чюжемѹ грѣхѹ посмѣлахса... Согрешихъ, во оудержанїи наемничи мзды... Согрешихъ, ... многостлажанїемъ, самолюбїемъ, любовнмѣнїемъ, хищенїемъ, неправдою, сквернопривыгнїчествомъ, мшелонїемъствомъ...

(Еще приказнымъ людемъ:) Согрешихъ, ... ѿ царьскихъ даней корыстовахса, ... и налоги тажки на христїаны налагахъ... Согрешихъ мздонменїемъ, и сѣдихъ неправедно по мздѣ, и по любви, и по враждѣ, и любовнымъ свонмъ вѣ сѣдѣ оугодїе творахъ, а иныхъ по враждѣ обвинихъ, и госбдарю сѣдъ неправо сказахъ, праваго виновата сотворихъ, а виноватаго правымъ, и неповинныа на казнь и на смерть предаахъ. Согрешихъ, ѿ неправедныхъ привыгтковъ, ѿ татей и ѿ разбойниковъ и ѿ корчемства и ѿ зерцниковъ и ѿ лѣбедниковъ и ѿ блѣдильщїи, и ѿ дѹшегѹбцевъ волхвовъ корыстовахса. И все богатство насилствомъ и кривымъ сѣдомъ, и неправдою стлжахъ, и злодѣйствомъ прїобѣтохъ.

(Девичамъ и женамъ:) Сѣ дѣвицами не блѣдила ли еси, на нихъ не возлазила ли, и на себе не въпыцала ли, и с бабами богомерзскими блѣдила не сотворила ли еси, или сама во свое естество перстомъ, или инымъ чѣмъ не блѣдила ли еси..., или оукорнила еси мѹжа своего, или инаго кого срамотою... Блѣды, отрочате оу себя не оуморила ли еси... Не разлѣчила ли еси женѹ сѣ мѹжемъ, или остѣдила мѹжа ѿ жены, или женѹ ѿ мѹжа...

Рецепция умозрения Платона об идеях и об их врожденности

Глава 1. Рецепция Платоновой концепции *идеи*

...более по умозрениям божественного Платона,
нежели по собственному опыту.

Пушкин, Повесть из римской жизни

01–1. ЕЩЕ РАЗ О СПОСОБЕ ИЗЛОЖЕНИЯ: НАВЕДЕНИЕ НА ВНУТРЕННЕЕ ОПЫТНОЕ ЗНАНИЕ

Чтобы разрешить указанные в части I коллизии, — а они, естественно, возникают отнюдь не только в тематической сфере жилища человека, — ниже (в Части III) будет изложена дискуссионная концепция (*лого*)эпистемы.

Ignoramus et ignorabimus или ignoramus, sed non ignorabimus? Излагаемые ниже воззрения на феномен (*лого*)эпистемы как кардинальной категории рече-мысли ничуть не призваны ни поразить кого-либо, ни эпатировать. Они не суть плод игры ума или теоретизирования ради теоретизирования. Они — не экстравагантны; может быть, они — непривычны, но ни сознательной, ни подсознательной установки на экстравагантность у авторов книги не было. Напротив, нам представляется, что концепция (*лого*)эпистемы, ни в коем случае не будучи криптограммой, принадлежит к числу ясных, отчетливых, здравых, посюсторонних воззрений, так что непредвзятый и скептический читатель (любой мировоззренческой ориентации) вполне сможет, если пожелает, в нее вникнуть.

Это правда, что наш способ изложения отличается от дискурсивно-логического и тому, кто воспитан в прагматико-позитивистской школе, покажется ненаучным. Мы нередко отправляемся от определенного внутреннего опыта, свойственного нам самим и, по нашему предположению, хотя бы части наших адресатов. Предположение это, однако, вполне способно не оправдаться.

Внутренний опыт — опять-таки это правда — априорный. Он дается хотя и всем, но не всем в равной мере. Можно даже допустить, что как бывают дальтоники или люди, неспособные различать музыкальные интервалы, так и в человеческом сообществе найдутся индивиды, не обладающие опытом, который требуется.

Этот опыт тем не менее является общечеловеческим, о его реальности непременно свидетельствует множество людей, и поэтому его наличие мы вправе предполагать также у своего читателя. Однако активизировать этот опыт у другого и описать его внятными для другого средствами — задача не простая. Тем не менее избранный нами способ апелляции к опыту, о котором говорим, — метод наведения на внутреннее опытное знание, — действительно вызывает отклик, понимание, догадку и прозрение. Он совсем не всегда вызывает согласие с нашей интерпретацией опыта, но в то же время наличие самого опыта, как правило, не отрицается.

Поскольку мы обращаемся к внутреннему (и — например, в эксперименте — не проверяемому) опыту, наша концепция, с одной стороны, не подлежит рационально-рассудочной критике, но с другой стороны, весьма уязвима для нее и даже беззащитна перед нею. Определенно найдутся малoverы и полuverы, а также и радикальные критики, для которых рационализация внутреннего опыта — то же самое, что «горячий лед». Переубеждать бесполезно: позитивистам не докажешь, что признание врожденного априорного опыта, наличествующего у каждого человека и всего человечества, совсем не есть мистика. Упрек в обскурантизме в таком случае, кстати сказать, следовало бы вернуть.

Одновременно концепция — строгая. В том смысле, что к себе же мы предъявляем весьма строгие требования, пусть даже гносеология внеопытных форм познания еще не построена.

Конечно, было бы можно из принципиальных соображений отказаться работать в той области «мировых загадок», где неприменимы научно-эмпирические методы исследования и где приходится полагаться на прозрения и умозрения (пусть и такого масштаба, как учение Платона об идеях). Сказать вместе с Б. Спинозой: *pescio* («не знаю»); повторить за Э. Дюбуа-Реймоном (E. du Bois-Reymond): *ignoramus et ignorabimus*¹ («[сейчас] не знаем и [никогда] не узнаем»), да отойти в сторону, как будто исполнен долг?

Щадящая этика предписала бы именно такое поведение, но следовать ей не хочется. Не забудем, что *ignorantia non est argumentum* — принцип, действующий не только в юридической практике. Одновременно вполне вероятно, что нашу кон-

¹ Афоризм восходит к нашумевшей речи ученого о границах естественно-научного познания, сказанной в Лейпциге 14 августа 1872 г. Дюбуа-Реймон считал, что мы никогда не разгадаем семи «мировых загадок», а именно: каково отношение между материей и силой (в современных терминах: энергией); каково происхождение движения; каково происхождение жизни; откуда берется целесообразность в природе; на чем основано и каково происхождение ощущения и сознания; что такое и откуда берется свобода воли и, наконец, каково происхождение мышления. Последней загадке и посвящена настоящая книга: может быть, целиком загадка действительно неразрешима, но область непознанного в той или иной степени может быть сокращена (для этого, по нашему мнению, надо отказать от стихийного материалистического основания современной филологии). Приведем аналогию: область непознанного в области перехода материи в энергию и обратно ныне, по сравнению с эпохой Дюбуа-Реймона, значительно сократилась. Что касается резонанса от лекции в Лейпциге, то материалисты-монисты вскоре принялись рвать ученого за «обскурантизм» (см., например, [Haeckel 1961: 231 и сл.]). Был сформулирован оптимистический парафраз афоризма, а именно: *Ignoramus, sed non ignorabimus* (букв.: «[Пока] не знаем, но не не узнаем [впоследствии]» = в будущем узнаем).

цепцию ждет обычная судьба других гипотез (в том числе, между прочим, и эмпирического происхождения)².

Без проникновения в сферу, где незримо совершается начало духовной деятельности, — а сфера эта бестелесна, лишена материальных носителей и, стало быть, не подлежит непосредственной фиксации, — мы не сможем осмыслить эмпирически наблюдаемые феномены ЛФона и РПТактики и тем более не увидим качественной общности между ними.

Осмысление и дескрипция феномена, названного (лого)эпистемой, обладает, как представляется, значительной объяснительной силой. В то же время интерпретация феномена, как упоминалось, может натолкнуться на серьезные (фактические и принципиальные) возражения, которые уже сейчас вняты для нас. Стало быть, аргументация должна быть изложена с опережающим учетом контраргументов: во-первых, на убедительном (обширном и разнообразном) фактическом материале; во-вторых, в форме законченного (полного и непротиворечивого) логического построения.

01–2. ПЛАТОНОВО УЧЕНИЕ ОБ ИДЕЯХ: АНАЛИЗ ДВУХ ИНТЕРПРЕТАЦИЙ

Гипотеза (лого)эпистемы имеет в своей основе мысли Платона об *идеях* и о *врожденности* некоторых из них. Соответственно прежде чем приступить к изложению гипотезы, необходимо сообщить, хотя бы кратко, о нашем собственном понимании учения Платона³.

Платон ввел термин *идея* и выступил с догадкой о *врожденности* хотя бы некоторых идей; тем не менее систематического изложения концепции в своих диалогах и письмах ученый не представил. Более того, к Платонову понятию *врожденной идеи* (*ideae innatae*) нельзя приложить основные законы формальной логики — *тождества* (*principium identitatis*) и *противоречия*, или, точнее, дифференциации (*principium contradictionis*), поскольку в одном месте в понятие вкладывается одно содержание, а в другом — другое. В дальнейшем систематизаторы-неоплатоники, а также и самостоятельные мыслители определяли *идею* настолько различно, что можно говорить о настоящей омонимии терминов. Текучесть понятия не исключает возможности приписывать ему противоположные атрибуты.

Мысли Платона рассеяны на большом протяжении беллетризованных текстов, да к тому же для диалогов характерно «множество разных отклонений в сторону, ненужных для логики повествовательных элементов» [Лосев 1993: 501]. Комментатору приходится самому сводить фрагменты в систему; более того, иногда «комментатору приходится самому домысливать Платона» [там же: 503].

Соответственно и у нас сложилось собственное представление как о самом понятии идеи, так и о врожденности некоторых идей. Оно, безусловно, возникло вследствие чтения Платона; с другой стороны, оно представляет собой активную рецепцию

² Афоризм: «Наука — кладбище гипотез».

³ Платон (Πλάτων) букв. «Широкий»; от πλατύς «расширять» или πλατύς «широкоплечий») — прозвище философа, полученное им, по свидетельству Диогена Лаэртского, то ли за крепкое телосложение, то ли за широту слога, то ли за широкий лоб. Его подлинное имя, по всей видимости, Аристокл.

(собственное осмысление и систематизацию) Платоновых прозрений, т. е., возможно, содержит и «домыслы».

Перечень смыслов (семантических долей), которые мы приписываем лексеме *идея* по прочтении корпуса диалогов и писем Платона, школьных изложений учения великого философа неоплатониками, а также и писаний некоторых интерпретаторов приведен в настоящем разделе в 3-й главе.

Итак, сначала (непосредственно ниже) — о нашей рецепции понятия *идеи*, а затем (во 2-й главе) — о рецепции *врожденности* идей.

Платон, создатель первой законченной философской системы, первым же принял терминовое обозначение общезыковых слов-синонимов *ἰδέα* и *εἶδος*; они оба в обиходном языке означают «фигура, наружность, изображение, образ, форма», а также «род, тип» и «способ». Платон, естественно, пользуется терминами *ἰδέα* и *εἶδος* в своих диалогах, но довольно скупо и через большие промежутки текстов, в которых термины не встречаются. Из-за этого процесс терминования для него еще не закончился: Платон придает своей «идее» то одно содержание, то другое. Более того, то содержание, которое у Платона покрывается термином «идея», может быть приписано им же и другим терминам. Как пишет Диоген Лаэртский, Платон «пользуется разными словами или обозначениями одного и того же — например, „идею“ (*ἰδέα*) он называет и „образ“ (*εἶδος*), и „род“ (*γένος*), и „образец“ (*παράδειγμα*), и „начало“ (*ἀρχή*), и „причина“ (*αἴτιον*). <...> Это его обычаем во многих случаях» [Учебники 1995: 27]. См. также [Диоген 1986]. Кроме того, надо принять во внимание особенности философствования Платона: он мыслит полемически и в развертывании аргументации нередко следует не за логикой описания предмета, а за логикой дискуссии; временами он «изрекает истины», но не обосновывает их; поскольку диалоги писались на протяжении длительного времени, в разновременных текстах нет единства в употреблении терминологии.

Эту нестрогость в употреблении термина «идея» у Платона отмечали все исследователи (в частности, и П. Наторп, автор фундаментального труда о «Платоновом учении об идеях»; см. [Natorp 1920]). Более того: свое учение об идеях Платон зачастую излагает, избегая номинативной терминологии. А. Ф. Лосев в одном месте даже заявил: «Нам говорили об „идеях“ Платона, которых у самого Платона, кстати сказать, днем с огнем не сыщешь» [Лосев 1927б: 11]. Впоследствии ученый исследовал все 504 случая употребления Платоном слов «идея» и «эйдос»: имеется 408 контекстов с «эйдосом» и только 96 контекстов — с «идеями» [Лосев 1930: 277]. Заключение таково: «И нужно прямо сказать, „учение об идеях“ у Платона трактуется и может быть изложено *совершенно без помощи терминов „эйдос“ и „идея“*» [там же].

И действительно, можно отметить, что иногда *идея* для Платона — это *то же самое, что* (в ныне принятой терминологии) *лексическое понятие*, которое статично.

Идея коня, конности. В юности Платон был приверженцем Гераклита, учившего, что чувственные вещи находятся в постоянном движении, т. е. динамичны. Затем Платон познакомился с этическим учением Сократа, который усматривал за моральными поступками некие общие определения. Как свидетельствует Аристотель⁴, «Платон, усвоив взгляд Сократа, по указанной причине признал, что такие

⁴ Аристотель, как известно, был противником теории идей в духе Платона. Суть его аргументации кратко изложена, например, в кн. [Чанышев 1981: 52–54].

(т. е. общие) определения имеют своим предметом нечто другое, а не чувственные вещи, поскольку вещи эти постоянно изменяются. Идя указанным путем, он подобные реальности назвал идеями, а что касается чувственных вещей, то о них [по его словам] речь всегда идет отдельно от идей и [в то же время] в соответствии с ними; ибо все множество вещей существует в силу приобщения (*κατὰ μέθεξιν*) к одноименным [сущностям]» [Аристотель 1934: I 6, 987b]. Таким образом, противоречия чувственного мира снимаются — одновременно уничтожаются и сохраняются — в концепции идеи, представляющей собой сущность одноименных (= однородных) вещей (или, что то же самое, понятие вещи).

В диалоге «Государство» (596b; рус. перевод А. Н. Егунова цитируем по изданию [Платон 1990—1994 3: 390]) недвусмысленно читается: «...например, кроватей и столов на свете множество. — Конечно. — Но идей этих предметов только две: одна для кровати и одна для стола».

В школьном «Учебнике Платоновской философии» Алкиноя⁵ (содержится в кн. [Учебники 1995]) говорится примерно то же самое: «Поскольку для существующего от природы единичного чувственно воспринимаемого идеи суть определенные образцы, они же должны быть знаниями и определениями этого: за всеми людьми мыслится один человек, за всеми конями — один конь и вообще за всеми живыми существами — нерожденное и негибнущее живое существо. Как одна печать может давать множество отпечатков, так от одного человека возникает тысяча отображений» [там же: 79]. В другом школьном учебнике «Платон и его учение» Апулея (в переводе Ю. А. Шичалина содержится в кн. [Учебники 1995]) формулировки, пусть и не столь определенные, кажется, идут в том же направлении: «Идеи, или формы всего, — просты и вечны, однако не суть тела; из них бог выбрал образцы вещей, которые есть и будут; нельзя усматривать в этих образцах нечто большее, нежели отдельные образцы для отдельных видов, в силу чего формы и очертания всего возникающего оказываются отпечатками, словно на воске, этих образцов» [там же: 41—42].

В. Ф. Асмус хорошо представил понимание Платоном конкретной идеи (= лексического понятия) *коня*: «Каждому классу предметов чувственного мира, например классу коней, соответствует в бестелесном мире некоторый вид⁶, или идея, — вид коня, идея коня. Этот вид не может быть постигаем чувствами, как обычный конь, но может быть лишь созерцаем *умом*, к тому же умом, хорошо подготовленным к такому постижению. Многие современники Платона не понимали <...>, и потому возражали против платоновской гипотезы идей. Например, глава школы киников Антисфен прямо глумился над Платоном. Этого коня перед собой, — таков был смысл его возражений, — я вижу, а вот „идеи“ коня, „конности“, „лошадности“, о которой ты, Платон, твердишь, не вижу. Платон отвечал ему, и смысл его возражений таков: Да, „идеи“ коня ты не видишь, но это происходит только от-

⁵ По мнению Ю. А. Шичалина, данный учебник, будучи переведен на латынь, «сформировал новоевропейское представление о Платоне» (см. статью «От составителя» в кн. [Учебники 1995: 4]). Примечательно, что именно в этом учебнике содержится то определение философии («Философия есть тяга к мудрости <...>; мудрость состоит в познании дел божественных и человеческих»; [Учебники 1995: 67]), которое привел, согласно IV главе его Пространного Жития, первоучитель Константин-Кирилл: *вожѣмъ и чловѣчѣмъ вѣщѣмъ разумѣ* [Лавров 1930: 5].

⁶ εἶδος.

того, что ты хочешь и надеешься увидеть ее обычными глазами. Я же утверждаю, что ее можно увидеть только „глазами ума“, с помощью „интуиции ума“» [Асмус 1984: 10]. И далее исследователь заключает: «Коней в чувственном мире множество, а идея коней в умопостигаемом мире — некоторая целостность, и, как такая целостность, она — только одна. Эта идея — то, что *всякого* чувственно воспринимаемого коня делает именно конем, и ничем иным. Но общее для многих предметов, — так думал Платон, — не может открыться чувствами. По своей природе оно *бестелесно, запредельно* по отношению ко всему чувственному. Оно доступно только уму» [там же; курсив автора. — Е. В., В. К].

Такова первая интерпретация Платоном термина *идея*; он приравнял *идею* к духовному феномену, который ныне в общепринятом языке логики и психологии называется *понятием*, а в языке лингвистики — (с уточнением) *лексическим понятием*. Мы остановились на первой интерпретации бегло, потому что для дальнейшего она не потребуется.

Иногда же *идея* интерпретируется у Платона в том смысле, который особенно интересен для наших задач и единственно который мы и будем иметь в виду в дальнейшем. В этой, второй, интерпретации *идея* — это совокупность некоего статичного общего (= категориального) знания, обширного по объему и способного к динамической конкретизации, знания, которое не зависит от материального носителя (в случае слова — *лексемы*). Знание это, по Платону, хранится в некоем сверхчувственном месте, сообщается бессмертной душе человека и, следовательно, приражается ему на земную жизнь. Идеи в латентном виде присутствуют в сознании человека и, если бывает внешний толчок, то они переходят в светлое поле сознания и обнаруживают тенденцию к самостоятельному обогащению (уже апостериорно, т. е. за счет прижизненного опыта). Динамичность идеи видна в том, что она как правило сопровождается осознанием целей и перспектив дальнейшего движения. Идея отличается от тех форм познания, которые ныне называются представлениями, понятиями, концепциями, теориями, и даже противопоставляется им.

А. Ф. Лосев подобное понимание удачно назвал учением об идее как о порождающей модели.

Столь общего — сугубо пропедевтического — описания идеи-категории явно недостаточно, и если остановиться на нем, то может возникнуть впечатление, что перед нами простая умственная спекуляция, к тому же представляющая собой или *petitio principii* (= предвосхищение основания, когда одни понятия, не получившие определения, неправомерно служат основой для определения других), или, может быть, *circulus vitiosus* (= порочный круг, когда в определение и доказательство скрытым образом вводится само определяемое понятие или доказываемое положение). Чтобы избавиться от наваждения, необходимо продвигаться вперед и углубляться в мысли, а также образы первого из философов.

С сожалением отметим, что, не продвинувшись далее лишь начального знакомства с концепцией, да и то из вторых рук (по книге Г. Гегеля «Лекции по истории философии»), В. И. Ленин в «Философских тетрадах» назвал Платонову учение «архивздорной мистикой идей» [Ленин 1973: 254]. Соответственно в российской философии XX в. (применительно к рациональному зерну платонизма) возник застой, сопровождаемый хулой и бранью. С другой стороны, греческий идеализм, а

точнее сказать платонизм, получив со временем христианское преломление, привел к возникновению учения о Логосе; таково одно, и наиболее значительное, из естественных завершений платонизма (ср. подробнее: [Трубецкой 1896; 1897; 1898]).

Итак, *идея* — это суть категориального знания, всеобщее, неизменное и подлинно сущее в отличие от единичности, текучести и случайности (= неподлинности) конкретного языкового понятия (включающего в свой объем конкретную вещь).

В одном хотя и старом, но весьма добротном философском справочнике удачно перечислены необходимые и достаточные атрибуты идеи и описывающие ее предикации:

Als einfaches, für sich seiendes, selbständiges, vollkommenes, unkörperliches und unräumliches Wesen beharrt jede Idee unveränderlich im Wechsel der Erscheinungen. Als lebendige Kräfte sind die Ideen die ewigen Musterbilder (*παράδειγματα*), deren Abbilder (*εἶδωλα, ὁμοιώματα*) die sinnlichen Einzeldinge sind. Die Ideen existieren gesondert von der Erscheinungswelt. Das Verhältnis der scheinbar für uns existierenden Einzeldinge zu den Ideen ist das des Anteilhabens (*μέθεξις, κοινωνία*) oder der Nachahmung (*μίμησις, ὁμοίωσις*). <...> Es gibt Ideen des Schönen, des Gerechten, des Guten, aber <...> alle Ideen werden durch die Idee des Guten beherrscht [Kirchner's Wörterbuch 1911: 427] («Как простая, сама для себя живущая, самостоятельная и совершенная сущность вне пространства и времени, каждая идея остается неизменной в потоке явлений. Будучи живыми силами, идеи представляют собой вечные образцы (*παράδειγματα*), отпечатки (*εἶδωλα, ὁμοιώματα*) которых представляют собой отдельные вещи, доступные чувственному восприятию. Идеи существуют в отчуждении от мира явлений. Отношение отдельных вещей, которые лишь по видимости существуют для нас, к идеям — это отношение или причастности (*μέθεξις, κοινωνία*), или подражания (*μίμησις, ὁμοίωσις*). <...> Наличествуют идеи прекрасного, праведного, благого, но <...> над всеми идеями возвышается идея блага»). (Перевод наш. — Е. В., В. К.)

Суть учения Платона об идеях отлично изложена также В. Ф. Асмусом [Асмус 1969: 31–60; 115–125]⁷. Ниже (в виде выписок и отчасти пересказа) представлены некоторые фрагменты из этого изложения, успешно создающие, как и пространная цитата из Кирхнерова лексикона, начальное впечатление о содержании учения⁸. В. Ф. Асмус вслед за многими отмечает, что «ни в одном из своих диалогов Платон не развивает свое учение об *идеях* в полном и систематическом виде» (39); вместо него это делают интерпретаторы.

«...идеализм есть учение, по которому истинное бытие вещей — мысль, идея, понятие. Особенно сильно содействовал укоренению этого представления в новое время Гегель. Для Гегеля действительно суть бытия вещи и даже мира в целом есть „идея“» (31). — «...само слово *идея* было введено в греческую философию не Платоном», а его старшим современником Демокритом (33). — «Принципиальную перемену в применение термина *идея* вносит Платон. У Платона слово *идея* и близкое

⁷ Аналогичное, но не столь пространное изложение учения об идеях содержится также в статье [Асмус 1984: 10–14].

⁸ В круглых скобках указаны страницы книги. Знаками тире показаны переходы от одной темы к другой.

к нему этимологически слово *вид* (εἶδος) применяется для обозначения сущности предмета, равно как и для обозначения *формы, фигуры, облика, вида*. У него, как и у Демокрита, *идея* (или *вид*) есть форма, постигаемая не чувствами, а умом» (34). «Итак, *идеи* Платона — зримые умом фигуры, или формы, вещей» (44). — «Платоновские идеи-формы бестелесны. <...> „Формы“ Платона — нечувственные формы, и познание (или созерцание) этих форм принципиально иное, чем познание (или созерцание) чувственных вещей» (35). — От Парменида и Зенона Платон усвоил различие между сущностью и явлением: «он различает сущность прекрасного и его явление, сущность доброго и его явление и т. д.» (37). — Согласно Платону, «каждому классу одноименных вещей чувственного мира соответствует в мире вещей, постигаемых умом, некая вечная, не возникающая и не погибающая, безотносительная причина того, что делает вещь именно вещью этого и никакого другого класса» (39). — Область идей не представлялась Платону одноплановой, и он усматривал в ней иерархию. «К области *идей* <...> принадлежат *идеи* высших по ценности категорий бытия. Таковы идеи *блага, истины, прекрасного, справедливого*», или идеи абсолютных качеств. Существуют также низшие по ценности идеи: *покоя, движения, цвета, звука, животного, человека*, ряда качеств и отношений (например, *равенства*), равно как и таких конкретных предметов, как *стол и кровать* (41). «Платон поясняет, что в системе *идей* имеются идеи высшие и низшие»: к числу высших идей относятся идеи *истины и прекрасного*, а наивысшей идеей является (разбираемая у нас ниже) идея *блага* (51). — Идея у Платона — это сочетание *причины* (или источника бытия вещей), *образца* (имея который, демиург творит мир вещей) и *цели* (к которой, как к высшему благу, стремится все существующее). В этом свете идею можно понять и как *замысел*, руководящий принцип для творчества, план (42). — Признаки идеи — «объективность ее бытия, безотносительность, независимость от всех чувственных определений, от всех условий и ограничений пространства, времени и т. д.» (45). — «Идея противопоставляется у Платона всем ее чувственным аналогам, подобиям и отображениям в мире вещей, воспринимаемых посредством чувств. Чувственные вещи необходимо изменчивы и преходящи, в них нет ничего прочного, устойчивого, тождественного, постоянного» (45). — Идеализм Платона — объективный: «идеи Платона — не понятия человеческого ума, не формы человеческого сознания, не явления человеческой субъективности» (49). Идеализм Платона — исторический прообраз объективного идеализма Гегеля: «абсолютная идея Гегеля — прежде всего идея как абсолютно сущее *бытие*. Понятием идея становится лишь на определенной ступени своего диалектического развития» (50). — Поскольку наивысшей является идея *блага* (см. выше), «Бог и есть само благо. Направляя все к благой цели, он создает мир по собственному подобию, т. е. согласно *идее* совершеннейшего живого существа» (52). Отношение *вещей* к *идеям* — это отношение *порожденности*, отношение *причастности* вещей идеям: «поскольку чувственная вещь *причастна* своей идее, она есть пусть несовершенное и искаженное, но все же ее *отображение, или подобие*» (58). Впрочем, свои же представления о причастности вещей идеям сам Платон подверг критике: «идея не может заключаться в вещах ни целиком, ни частью» (117).

Таким образом, идея у Платона — объективная сущность, т. е. она (вспомним, что *сущность* — от *сущего*) и есть подлинное бытие (οὐσία «то, что существует»): «Идея есть *объективная мысль*, которая признается нематериальной, разумною твор-

ческой силой» [Трубецкой 1897: 93]. По мнению С. Н. Трубецкого, развитие Платоновой концепции идеи закономерно привело (у стоиков⁹: у Зенона и Эпиктета) к выработке понятия о Логосе, или об универсальном вселенском разуме. Он же считает, что даже отцы Церкви первых веков по своей философии должны быть причислены к стоикам. Соответственно применительно к человеческому разуму, живущему в нас, следует говорить об эманации, или излучении, всеобщего, Нуминозного разума, и он, согласно стоикам, составляет в нас как бы наше «внутреннее слово» (λόγος ἐνδιάθετος) — в противоположность высказанному, «произнесенному слову» (λόγος προφορικός), которое его выражает. Правда, поскольку Нуминозный разум в человеческом сознании фрагментируется, следует скорее применять множественное число и говорить о «внутренних словах», которые в таком случае ничем не отличаются от Платоновых «идей».

Вот что сказано о Платоновых идеях в школьном «Учебнике Платоновской философии» Алкиной (см.: [Учебники 1995: 76–77]): «Помимо материи Платон в качестве начал признаёт образец, т. е. идеи, и бога-отца и причину всего. Идея у бога есть его мышление, для нас она — первое умопостигаемое <...>. Вообще все возникающее по замыслу должно возникать в соответствии с чем-либо: до него (как в случае возникновения чего-то одного от другого, например от меня — моего отражения) должен существовать образец. И хотя не для всего есть внешний образец, любой ремесленник придерживается образца в себе самом, а его форму воспроизводит в материи. <...> В существовании идей можно убедиться и так. Ум ли бог или вообще нечто мыслящее, — оно должно иметь мысли, причем мысли вечные и неизменные; а раз так — существуют идеи. В самом деле, раз материя по своему собственному смыслу лишена меры, она должна столкнуться с чем-то иным, лучшим, нематериальным, с мерами <...>. А раз так, значит, идеи суть некие бестелесные меры».

Примерно так же пишет, излагая взгляды Платона, христианский апологет Ипполит Римский в своем «Опровержении всех ересей» (фрагменты содержатся в кн. [Учебники 1995: 101–104]): «Образец есть мышление бога. Он (= Платон) называет его также идеей, поскольку это как бы некое изображение, смотря на которое в душе, бог создавал все вещи» [там же: 101].

01–3. ПЛАТОНОВО УЧЕНИЕ ОБ ИДЕЕ БЛАГА

Собственно, когда Платон говорит об *идее блага*, которой завершается дескрипция идеи из Кирхнерова Философского словаря, то он расширяет ее содержание вплоть до того, что в конечном итоге именно благо считает источником всего бытия, т. е. ставит знак равенства между благом и божеством-демиургом¹⁰.

⁹ Как нередко бывает, греч. философские школы получают свое именование по какому-либо внешнему признаку, вследствие чего по именованию нельзя судить о сути линии философствования. Зенон (ок. 336 — ок. 264), основатель собственной школы, развивал свою деятельность вблизи афинского «пестрого портика» (στῶα ποικίλη); соответственно οἱ ἐκ τῆς στῶας φιλόσοφοι («философы из портика») — это и есть *стоики*, последователи Зенона. Ср.: Платон учил в парке при святилище героя *Академа* (или *Гекадема*) вблизи Афин (отсюда его последователей называют *академиками*); Аристотель учил в парке при храме Аполлона Ликейского, отчего его школа называется *лицеем*.

¹⁰ Поскольку концепция Платона приводила не просто к признанию божества, но прямо к монотеизму, многие отцы Церкви относили мыслителя к предтечам христианства. Так, Климент

Чтобы точнее понять, что понимает Платон под идеей и какую роль для него играет идея *блага* (τὸ ἀγαθόν¹¹), рассмотрим, предприняв сокращения и построив цепочку выписок, знаменитый фрагмент «Эйдос блага» из Шестой книги Платонова диалога «Государство» (505a–509c; рус. перевод А. Н. Егунова цитируем по изданию [Платон 1990–1994, 3: 286–292]). Кстати сказать, обширнейший диалог «Государство» содержит в себе изложение всей Платоновой философии.

«Ты часто уже слышал: *идея блага — вот это самое важное знание; через нее становятся пригодными и полезными справедливость и все остальное*». — «*К благу стремится любая душа и ради него все совершает*». — «Я думаю, что справедливость и красота, если неизвестно, в каком отношении они суть благо, не найдут для себя достойного стража в лице человека, которому это неведомо». — «Ради Зевса, Сократ, — воскликнул Главкон, — не отстраняйся, словно ты уже закончил рассуждение. С нас будет достаточно, если ты разберешь вопрос о благе так, как ты рассматривал справедливость, рассудительность и все остальное. — Мне же, дорогой мой, этого тем более будет достаточно. <...> Но, мои милые, что такое благо само по себе, это мы пока оставим в стороне <...>. А вот о том, что рождается от блага и чрезвычайно на него походит, я охотно поговорил бы...». — «Мы считаем, что есть много красивых вещей, много благ и так далее, и мы разграничиваем их с помощью определения. <...> А также, что *есть прекрасное само по себе, благо само по себе и так далее в отношении всех вещей*, хотя мы и признаем, что их много. А что такое каждая вещь, мы уже обозначаем соответственно единой идее, одной для каждой вещи. <...> И мы говорим, что те вещи можно видеть, но не мыслить, *идеи же, напротив, можно мыслить, но не видеть*». — «Какими бы зоркими и восприимчивыми к цвету ни были у человека глаза, <...> он ничего не увидит и не различит цвета, если будет пользоваться своим зрением без наличия чего-то третьего, специально для этого предназначенного. <...> чем будет благо в умопостигаемой области по отношению к уму и умопостигаемому, тем в области зримого будет Солнце по отношению к зрению и зрительно воспринимаемым вещам». — «...всякий раз, когда она [душа] устремляется туда, где сияют истина и бытие, она воспринимает их и познает, что показывает ее разумность. <...> Так вот, *то, что придает познаваемым вещам истинность, а человека наделяет способностью познавать, это ты и считай идеей блага* — причиной знания и познаваемости истины. Как ни прекрасно и то и другое — познание и истина, но, если идею блага ты будешь считать чем-то еще более прекрасным, ты будешь прав. Как правильно было считать свет и зрение солнцезобразными, но признать их Солнцем было бы неправильно, так и здесь: правильно считать познание и истину имеющими образ блага, но признать что-либо из них самим благом было бы неправильно: благо по его свойствам надо ценить еще больше». «Солнце дает всему, что мы видим, не только возможность быть видимым, но и рождение, рост, а также питание, хотя само оно не есть становление. <...> Считай, что и *познаваемые вещи не только могут познаваться лишь*

Александрийский (Stromata I,251) уподобил Платона Моисею: Τί γάρ ἐστι Πλάτων ἢ Μωϋσῆς ἀπεικάζων; Впрочем, так мыслили не только христиане; Филон еще раньше Климента находил Платона в Моисее.

¹¹ Обиходное слово τὸ ἀγαθόν до его философского терминологического терминологирования было конкретным: «польза, прибыток» (ср. τὰ ἀγαθὰ «имуущество, богатство»).

благодаря благу, но оно дает им и бытие, и существование, хотя само благо не есть существование, оно — за пределами существования, превышая его достоинством и силой».

В отвлеченные понятия, однако, смысл учения об идеях уложить невозможно. Соответственно, сущностно излагая свою точку зрения, Платон прибегает к притчам и образам. Иногда думают, что притчевой и образной формой Платон желал представить свою высшую мудрость амбивалентно и тем самым предохранить ее от упрощенчества последующих комментаторов. Думается, однако, что временами ему было не в подъем высказать истину, присутствующую в сознании, но не поддающуюся вербализации, тем более в дискурсивно-логической форме (для которой еще и не было средств выражения). Отсюда энигматичность¹² (= «темнота») части знания, сообщаемого Платоном.

Так, учение об идеях и догадки о верховенстве идеи блага Платон иллюстрирует на примере развернутой притчи об узниках пещеры (в Седьмой книге того же диалога; 514а–517с). Ради сокращения ниже притча приведена не посредством выписок, а в отличном пересказе В. Ф. Асмуса [Платон 1990–1994, 3: 533–534].

Притча об узниках пещеры. Человеческое земное бытие Платон уподобил существованию узников, скованных на дне пещеры таким образом, что они могут видеть лишь то, что у них прямо перед глазами. Во всю длину пещеры идет широкий выход для доступа света. Но люди, скованные в пещере, не могут повернуться к выходу. Они обращены своими спинами к выходу и к свету, исходящему от огня, который горит далеко в вышине. Между этим огнем и узниками наверху проходит дорога, огражденная низкой стеной, а по той дороге за стеной идут люди и несут различную утварь, статуи и изображения живых существ, сделанные из камня или дерева. Одни из путников при этом молчат, другие переговариваются между собой. — Но ничего этого не увидят и не услышат в своей пещере прикованные в ней узники. Они видят лишь отбрасываемые огнем на стену пещеры тени от самих себя и от предметов, которые несут люди, проходящие по дороге над пещерой. Они слышат не сами речи проходящих по дороге путников, а только отзвуки или эхо их голосов, раздающиеся под сводами пещеры. Если бы заключенные в пещере были способны рассуждать, то они стали бы давать названия, но не настоящим вещам, которые проносят мимо них по дороге путники вне пещеры, а скользящим по ее стене теням. Только эти тени они принимали бы за настоящее. И звуки, разносящиеся внутри пещеры, они тоже приписали бы скользящим перед их глазами теням. — Таково положение узников пещеры <...>. Но Платон рисует не только их нынешнее положение. Он рисует и возможное для них освобождение, восхождение из мрака к свету самого разума и самой истины. Совершается это освобождение не вдруг. Если бы с кого-нибудь из узников сняли оковы, а его самого заставили бы встать, повернуть шею и взглянуть в сторону света, то он оказался бы не в силах глядеть при ярком свете на вещи, тени которых он видел ранее в своей пещере. Такой человек подумал бы, что гораздо больше истины в том, что он видел там раньше, чем в том, что ему теперь показали наверху. И если бы даже его, сопротивляющегося, насильно вывели на яркий свет, глаза его были бы настолько поражены сиянием, что он не смог бы разглядеть ни одного предмета из тех, подлинность которых теперь ему провозглашают. Чтобы увидеть истину всего, что там наверху, необходимы

¹² От αἰνύματα «темная речь, загадка» (αἰνίσσομαι «говорить темно, двусмысленно, намеками»).

долгая привычка и упражнение в созерцании. Начинать необходимо с самого легкого. Сначала надо посмотреть на *тени* истинных вещей, затем на *отражения* их на воде, т. е. на *подобия* людей и различных предметов, и только уж затем посмотреть на *самые вещи*. Но и в этом созерцании необходимы постепенность и привычка. <...> — Платон сам раскрывает философский смысл своего мифа о пещере. Он поясняет, что жилище в темнице — подобие области, охватываемой чувственным зрением. Напротив, восхождение и созерцание вещей, находящихся в вышине, есть «подъем души в область умопостигаемого». Превыше всех умопостигаемых идей, или причин вещей чувственного мира, идея *блага*. Она на крайнем пределе познаваемости и едва различима. Однако стоит только ее там различить, и тотчас получается вывод, что именно она причина всего истинного и прекрасного. (Курсив везде В. Ф. Асмуса. — *Е. В., В. К.*)

Философские дефиниции идей согласно линии Платона можно найти у Декарта, Спинозы, Мальбранша, Беркли, Канта, Шеллинга, Шопенгауэра, Гегеля и других ученых, которых в советское время огульно называли идеалистами. *Идеализм*, напомним, — это такая монистическая система метафизики, которая признаёт реальное существование как раз *идеи*, души, духа, причем речь идет о самостоятельном существовании духовного начала, т. е. без его привязки к материальным носителям.

Итак, мы рассмотрели два понимания термина *идея* по Платону. (У него интерпретаций больше, но мы остановились только на двух.) Во-первых, идея — это суть, сущность (= понятие) однородных «вещей»; во-вторых, идея — это вечный образец (= категория), отпечатком которого является понятие однородных «вещей», равно как и «отдельная вещь», доступная непосредственному чувственному восприятию.

Вторая интерпретация, однако, для Платона более характерна. Действительно, он признаёт существование идей отнюдь не для всех «вещей» на свете. В диалоге «Парменид» (130bd; рус. перевод А. Н. Томасова цитируем по изданию [Платон 1990–1994 2: 350–351]), признав существование «идеи справедливого самого по себе, прекрасного, доброго и всего подобного», а также «идеи человека», «идеи огня, воды», Платон отказался признать существование самостоятельных предметов для ряда «низких явлений».

Идеи волоса, грязи, сора не имеют бытия. «— А как относительно таких вещей, Сократ, которые могли бы показаться даже смешными, как, например, *волос*, *грязь*, *сор* и всякая другая не заслуживающая внимания дрянь, ты тоже недоумеваешь, следует или нет для каждого из них признать отдельно существующую идею <...>? — *Вовсе нет*, — ответил Сократ, — я полагаю, что такие вещи только таковы, какими мы их видим. Предположить для них существование какой-то идеи было бы слишком странно».

Правда, сам Платон делает оговорку («...меня иногда беспокоила мысль, уж нет ли чего-нибудь в этом роде для всех вещей...»), но последующая рецепция платонизма пошла в том направлении, что идеи были поставлены в ряд именно с категориями, а не с понятиями. Так, в школьном «Учебнике Платоновской философии» Алкиноя¹³ (в переводе на рус. язык Ю. А. Шичалина помещен в кн. [Учебники 1995: 67–100]) есть ссылка на мнение большинства:

¹³ Этот учебник был приписан Альбину [Альбин 1986: 437–475] и во вступительной статье (с. 576) Ю. А. Шичалин обосновал колебания в атрибуции произведения то Альбину, то Алкиною; окончательная перемена атрибуции имела место в связи с новым изданием источника Дж. Уиттекером во Франции. В указанном издании [Учебники 1995: 7–10] Альбину приписывается авторство «Введения к диалогам Платона».

«Идея определяется как вечный образец для естественно (κατὰ φύσιν) существующего, поскольку, по мнению большинства платоников, нет идей для создаваемого искусственно, например для щита или лиры; для того, кто нарушает естественный порядок, например для лихорадки или холеры; для отдельного, например для Сократа и Платона, а также для ничтожного, например для грязи или сора, и для относительного, например для большего или меньшего. Все это потому, что идеи суть вечные и самодовлеющие акты божественного мышления» [там же: 76].

На этом заканчивается рассмотрение аутентичных источников. Русская традиция переводов Платона вполне надежна, так что мы действительно вправе довериться ей.

Глава 2. Рецепция Платонова учения о врожденности идей

Factum, non fabula
(«Факт, а не сказочка»).

Petronius

Врожденным (ἐμφυτός, innatus) называется все, чем человек обладает в силу того, что рождается человеком. *Иннативными*, наследуемыми от родителей, как известно, являются определенные, общие с другими млекопитающими, инстинкты. В гносеологии, однако, неоднократно высказывались догадки о том, что прирожденными, или врожденными, являются также определенные представления, идеи и принципы (категории), а также некоторые (так наз. естественные) права человека. Прекрасные предметы не могут существовать и мыслиться без прекрасного самого по себе (идеи прекрасного), тогда как последнее без прекрасных предметов вполне мыслимо. Иными словами, чтобы подняться ко всеобщему, его уже нужно заранее знать, иметь в сознании от рождения.

Учения подобного рода иногда обобщают под именем *нативизма* (от *nati* «рожденные», отсюда «дети»). Главные представители нативизма — Платон (для которого опытное познание было равно воспоминанию [ἀνάμνησις]¹⁴ врожденных идей), Цицерон¹⁵, Фома Аквинский, Декарт (дал систематическое изложение нативизма; учил о врожденности ряда понятий и аксиом), Мальбранш, Спиноза, а также (с существенными поправками по сравнению с платонизмом) Аристотель, Лейбниц, Кант и Гегель. Противники нативизма — Локк, Гельвеций, Гольбах, Фейербах и, естест-

¹⁴ *Анамнесис* («воспоминание» [элементов врожденного знания]) Платон отличал от *μνήμη* («памяти» [припоминания элементов опытного знания]): «...память связана с чувственными ощущениями и знаниями, а воспоминание — с чисто духовным ощущением и знанием. Представление об „анамнесисе“ принадлежит, видимо, самому Платону, так как в досократовской философии даже сам термин не встречается ни разу, за исключением одного места у пифагорейцев, где говорится о „восстановлении в памяти недавних событий“» (комм. А. А. Тахо-Годи в кн: [Платон 1990—1994 4: 823]).

¹⁵ В трактате «О природе богов» (II, 12) он высказался вполне недвусмысленно: «...всем людям всех народов в общем известно, что есть боги, ибо это знание у всех врожденное и как бы запечатленное в душе» (рус. перевод М. И. Рижского цитируем по изданию [Цицерон 1985: 104]). Платона Цицерон, кстати сказать, называл «богом философов» (там же, II, 32).

венно, приверженцы той линии в философии, которая (может быть, слишком общо) называется материализмом¹⁶.

Итак, в том, что касается генезиса идей, в истории философии выработались две позиции. Они отражают противоположные взгляды на происхождение как индивидуального знания человека, так и любого коллективного знания, вплоть до общечеловеческого. Согласно первой точке зрения, некоторые составляющие знания имеются у человека до жизненного опыта и независимо от него, т. е. даются ему от рождения; такова позиция — назовем их так — *априористов*. Пропоненты второй точки зрения — *апостериористы* — считают, что все человеческое знание, без исключений (т. е. в том числе и идея Бога), приобретается лишь опытным путем, а новорожденный младенец, согласно метафоре, к которой (вслед за Аристотелем) любил прибегать убежденный апостериорист Дж. Локк, — это *tabula rasa*. Вторая концепция нас в дальнейшем не интересует.

Какое именно априорное знание получает человек от рождения, об этом философы судят по-разному.

Платон считал, что врожденные идеи представляют собой хотя и абстрактное, но тем не менее содержательное знание (см. воспроизведенный нами выше анализ Платоном врожденной идеи *блага*).

Кант в «Критике чистого разума» держался взгляда, что врожденные идеи — это только инструменты, категории для познания человеком мира (пространство, время; причинность, следствие, необходимость, случайность и др.), но не содержание. Поскольку мы придерживаемся линии Платона, вторая точка зрения, будучи обозначена на своем месте, на дальнейшее оставлена в стороне.

Платон учил, что врожденные человеку идеи под влиянием обстоятельств припоминаются им в разные периоды жизни.

Познавать — значит припоминать. В диалоге «Менон» (81cd; рус. перевод С. А. Ошерова цитируем по изданию [Платон 1990–1994, 1: 589, 596]) можно прочитать: «— А раз душа бессмертна, часто рождается и видела все и здесь и в Аиде, то нет ничего такого, чего бы она не познала; поэтому ничего удивительного нет в том, что и насчет добродетели, и насчет всего прочего *она способна вспомнить то, что прежде ей было известно*. А раз все в природе друг другу родственно, а душа все познала, ничто не мешает тому, кто вспомнил что-нибудь одно, — люди называют это познанием, — самому найти и все остальное <...>: ведь *искать и познавать — это как раз и значит припоминать*». И далее на геометрических примерах, путем сократической майевтики¹⁷, пространно показано, как в сознании человека постепенно актуализируют-

¹⁶ Материалисты полагают, что врожденных идей не бывает и что все они так или иначе вырабатываются самими людьми апостериорно. Ср.: «...Люди сообразно своим производительным силам производят также *общественные отношения*... <...> Люди, производящие общественные отношения, соответственно своему материальному производству, создают также и *идеи и категории*, то есть отвлеченные, идеальные выражения этих самых общественных отношений» (К. Маркс; см. [Маркс, Энгельс 27: 408–409]). Ср. далее: «Все идеи извлечены из опыта, они — отражения действительности, верные или искаженные» (Ф. Энгельс; см. [Маркс, Энгельс 20: 629]).

¹⁷ *Майевтика*, или (по Рейхлинову чтению) *мэээтика* (μαίευτική [τέχνη] — букв. «родовспомогательное искусство») переносно (применительно к беседам Сократа) означает метод извлекать знание, о присутствии которого у себя человек не подозревает, когда философ (уподобившись акушери, помогающему выходу плода из утробы матери) посредством «испытания» (ἔξετασις), т. е. с

ся знания, о существовании которых он и не помышлял. Это позволяет сделать вывод: «Так если правда обо всем сущем живет у нас в душе, а сама душа бессмертна, то не следует ли нам смело пускаться в поиски и припоминать то, что мы сейчас не знаем, то есть не помним?» (86b).

В диалоге «Федон» (72e; рус. перевод С. П. Маркиша — по изданию [Платон 1990—1994 2: 26]) читается: «— Постой-ка, Сократ, — подхватил Кебет, — твои мысли подтверждают еще один довод, <...> а именно что знание на самом деле не что иное, как припоминание: то, что мы теперь припоминаем, мы должны были знать в прошлом, — вот что с необходимостью следует из этого довода. Но это было бы невозможно, если бы наша душа не существовала уже в каком-то месте, прежде чем родиться в нашем человеческом образе». И далее в диалоге содержится развернутое рассуждение аналогичного характера (73a—76e); в частности, заслуживают внимания следующие мысли: «...если человеку предстоит что-либо припомнить, он должен уже знать это заранее»; «Если человек, что-то увидев, или услышав, или восприняв каким-либо чувством, не только узнаёт это, но еще и примыслит нечто иное, принадлежащее к иному знанию, разве не вправе мы утверждать, что он вспомнил то, о чем мыслит?»; «А если мы приобрели его [знание о равном¹⁸] до рождения и с ним появились на свет, наверно, мы знали — и до рождения, и сразу после — не только равное, большее и меньшее, но и все остальное подобного рода? Ведь не на одно равное распространяется наше доказательство, но совершенно так же и на прекрасное само по себе, и на доброе само по себе, и справедливое, и священное — одним словом, <...> на все, что мы <...> помечаем печатью „бытия самого по себе“¹⁹. Так что мы должны были знать все это, еще не родившись»; «...если, рождаясь, мы теряем то, чем владели до рождения, а потом с помощью чувств восстанавливаем прежние знания, тогда, по-моему, „познавать“ означает восстанавливать знание, уже тебе принадлежащее. И называя это „припоминанием“, мы бы, пожалуй, употребили правильное слово»; «...наши души и до того, как им довелось оказаться в человеческом образе, существовали вне тела и уже тогда обладали разумом»; «...если существует то, что постоянно у нас на языке, — прекрасное и доброе, и другие подобного рода сущности, причем обнаруживается, что все это досталось нам с самого начала, — если это так, то с той же необходимостью, с какой есть эти сущности, существует и наша душа, прежде чем мы родимся на свет».

Наконец, в диалоге «Федр», которому А. Ф. Лосев придал характерный подзаголовок: «Учение об идее как о порождающей модели», сказано: «...душа, никогда не видавшая истины, не примет такого образа, ведь человек должен постигать [ее] в соответствии с идеей, исходящей от многих чувственных восприятий, но сводимой рассудком воедино. А это есть припоминание того, что некогда видела наша душа, когда она сопутствовала богу, свысока глядя на то, что мы теперь называем бытием, и поднималась до подлинного бытия» (249bc; рус. перевод А. Н. Егунова цитируем по изданию [Платон 1990—1994 2: 158]).

Итоговый перечень смыслов (СДолей), которые мы приписываем лексеме *идея* с учетом догадки о врожденности идей, приведен непосредственно ниже, в 3-й главе.

помощью цепочки (требующих от испытуемого однозначных ответов) вопросов, помогает скрытому знанию выйти на свет Божий, причем субъективно весьма убедительно для отвечающего.

¹⁸ Об этом шла речь в предшествующем разделе диалога.

¹⁹ Выражение $\alpha\upsilon\tau\omicron\delta\ \delta\ \epsilon\sigma\tau\iota$, переданное как «бытие само по себе», допускает и иной перевод, отличающийся по оттенку мысли, а именно: «то, что существует» или просто «существующее».

Глава 3. Исчисление СДолей *идеи* (с учетом ее *врожденности*)

Nomenclator²⁰ = calculator²¹.
Неочевидное отождествление

Теперь, подытоживая, мы хотели бы представить в виде упорядоченного перечня результаты исчисления семантических долей понятия и фона терминологемы *идея*, как это исчисление сложилось в сознании авторов настоящего исследования. Как неоднократно подчеркивалось, в силу амбивалентности контекстов, в которых встречается лексема, наша рецепция Платона может быть субъективной (и содержать «домыслы»). Поскольку мы предлагаем ниже суждения, которым запрещено быть противоречивыми, амбивалентность Платона нами снята.

Оговоримся еще раз, что исчисление относится только ко второй интерпретации термина *идея*.

03–1. ДЕФИНИЦИЯ ИДЕИ ЧЕРЕЗ ЭКВИВАЛЕНЦИЮ

Если применить операцию эквиваленции и опираться на средства современного русского языка (спорадически применяя и философски нагруженные греческие термины), то *идея* (ἰδέα, εἶδος) — это (по алфавиту) *вид*; *замысел*; (общее = категориальное) *знание* (стоящее за «вещами»); *изображение*; *истинность* («вещи»); *категория*; (для Бога) *мысль*; *мыслимое*, но *невидимое*; *наружность*; *начало* (ἄρχή); *невидимое*, но *мыслимое*; *облик*; *образ* (εἶδος); *образец* (παράδειγμα); *определение*; «*общее*» (для «вещей»); (для людей) *первое умопостигаемое*; (по уподоблению) *печать* (способная дать множество отпечатков); *план* (Творения и в человеческом творчестве); *понятие* («вещи»); *представление*; *принцип*; *причина* (αἴτιον); *род* (γένος); *тип*; (нечто) «*само по себе*»; *способ*; *суть* (или *сущность* [предмета = одноименных, т. е. однородных, «вещей»]); *фигура*; *форма*; *цель* (развития = τέλος). Поскольку приведенный ряд состоит отнюдь не из синонимов, единственность интерпретации феноменов, называемых идеями, естественно, исключается. Не забудем, что учение об идеях может быть изложено без обращения к терминам *эйдос* и *идея*.

03–2. ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ АТТРИБУТЫ ИДЕИ

Идея — *нематериальна*; она представляет собой духовное явление и имеет бытие внутри индивида²² и, если признавать реальность «народного духа», внутри этноса (может быть, и внутри любого коллектива, сплоченного традицией). Следовательно, *идея* не сопряжена с категориями пространства и времени.

В то же время *идея* — *объективна*, она существует независимо от познающего субъекта. Соответственно учение Платона не случайно названо *объективным* идеа-

²⁰ Nomenclator — (в древнем Риме) раб, в обязанности которого входило *перечисление* для господина имен встречаемых или посетителей.

²¹ Calculator — (в древнем Риме) раб или наемный, производивший разного рода подсчеты, а также учитель счета.

²² По модели бл. Августина (intra te quaere Deum!) можно сказать: intra te quaere ideam!

лизмом; духовный мир — такая же непреложная реальность, как окружающая нас (и воспринимаемая органами чувств) действительность.

Идея — категориальна: она есть предельно общее (= абстрактное) знание. Из этого следует, что объем категории — максимально велик; он включает в себя множество понятий, т. е. инструментов классификации мира ступенью ниже (и далее последовательностью ступеней ниже), чем категория. Если считать, что категория — это именно предельное знание, то, для примера, категорией может быть признано *бытие*, а *жизнь* (органических «вещей»: скажем, растений) и *существование* (неорганических «вещей»: скажем, минералов) — это (охватываемые категорией *бытия*) два понятия первой ступени конкретизации (каждое из них имеет по отношению к категории *бытия* половинный объем).

Идеи — иерархичны: они различаются по степени своей категориальности и соответственно вступают между собой *в отношения иерархии* как по степени абстрактности, так и по (этической) ценности: наивысшей идеей является идея блага; к числу высших принадлежат идеи *прекрасного, истины, справедливости (= правды), доброты, священного, бытия, предшествования и последования, одно- и одновременности, равенства* (а также *большого и меньшего*) и другие. Примечательно, что о низших идеях Платон нигде не упоминает. Он, правда, в несколько двусмысленном контексте говорит, что идеи для ряда «низких явлений», а также для искусственных предметов вообще не существуют.

Идеи — неперечислимы: действительно, исчерпывающего списка идей у Платона нет. У разных ученых, последователей философа, выдвигаются на передний план разные по составу и по основаниям для их выделения (и всегда незавершенные) номенклатуры идей.

03–3. ИДЕЯ — ПОНЯТИЕ — «ВЕЩЬ»

В силу категориальности идеи ей *не может соответствовать* (включаться в ее объем) никакая *реальная «вещь»*.

Понятию, начиная с известной степени конкретности, могут соответствовать реальные «вещи»; они получают — «в силу приобщения (*κατὰ μέθεξιν*)» — одно и то же наименование (в том числе и синонимичными средствами номинации).

03–4. ГЕНЕТИЧЕСКИЕ АТТРИБУТЫ ИДЕИ

Идея имеет *внечеловеческое происхождение*. Это означает, что учение об идеях возможно лишь в случае признания реальности бытия не только человеческого, но и внечеловеческого Разума (у Платона $\delta \Theta\epsilon\iota\omicron\varsigma \text{ Νοῦς}$ или $\tau\omicron \Theta\epsilon\iota\omicron\nu$). На иных основаниях этот Разум может быть назван *Нуминозным началом*; чувство нуминозного свойственно людям как *species*. (Понятие нуминозного не совпадает с понятием Бога; чувство нуминозного, как упоминалось, бывает свойственно и нерелигиозным людям.)

Идея — иннативна: имея внечеловеческое происхождение, идеи поступают в сознание (или, может быть, в первую очередь в подсознание) всех людей (и, далее, совокупного человечества) вследствие их *врожденности*.

Идея — инспиративна. У Платона этого нет, но в ходе рецепции его учения о врожденности идей мы (с учетом прежде всего библейских учений о том, что Бог

иногда говорит устами избранных людей²³) пришли к заключению, что некоторые внечеловеческие идеи сообщаются *не всем людям*, а лишь некоторым, и *не при рождении*, а в определенные моменты жизни человека. Таким образом, наряду с врожденностью, по отношению к генезису идей может быть приложена и догадка об их (бого)вдохновенности, или богодухновенности (инспирации²⁴).

Intra te quaere Deum! Инспирация = интеллектуальная (или интеллигибельная) интуиция. Инспирация — получение некоторой информации, действующей «ощутительно», осязаемо. Путь внутреннего опыта. Например, искание Бога «делами помыслов [= усилиями рассудка] и выпотением мозга», лишь в книгах и писаниях, — значит искать живого между мертвыми. «Желать посредством исследования и расспросов дознавать тайны есть неразумие души». Духовное ведение = ощущение сокровенного. Сначала слух, потом созерцание; созерцание несомненное слуха. Бл.Августин: *intra te quaere Deum!* Бог лучше познается, так сказать, духовным осязанием. «*Вкусите и видите, яко благ Господь!*» — В инспирации, как свидетельствуют религиозные люди, надо дождаться активности Нуминозного начала; упорной настройкой на тему-проблему человек может «подстегнуть» инспирацию.

Атрибут *априорности*, относимый к учению о врожденности идей, вполне приложим и к учению об инспирации идей.

03–5. СТАТИЧНОСТЬ И ДИНАМИЧНОСТЬ ИДЕИ

В силу категориальности, далее, идея — *статична*, неизменна: она, стало быть, остается подобной себе, никогда не возникая, не погибая и не подвергаясь метаморфозам.

Эта статичность идеи — *безотносительна*. Безотносительность означает самоидентичность той или другой идеи по отношению как ко всему человечеству, так и его фрагменту (например, культурно-этнической и языковой, а также территориальной общности) или части (например, сословию, гильдии или любому другому внутриэтническому объединению), равно как и индивиду (если он имеет способность или возвысился до способности воспринимать идеи).

Идея — *генеративна*: статичности идеи-категории не противоречит ее динамизм по отношению к нижеположенным (= в разной мере конкретным) понятиям. Конкретизация идеи — это, по удачному выражению А. Ф. Лосева, *порождающая* (= генеративная) *модель*. С ним по сути согласен и В. Ф. Асмус: идея превращается в понятия «лишь на определенной ступени своего развития».

Спускаясь вниз по лестнице конкретизации и постоянно дробя свой объем (т. е. все сокращая и сокращая его в понятиях среднего, низкого и нижайшего уровней

²³ Если, как упоминалось, в аспекте приобщения эллинов к монотеизму роль Платона можно сопоставить с ролью Моисея для иудеев, то устами Моисея как раз говорил Бог: «Итак пойди, и Я буду при устах твоих и научу тебя, что тебе говорить» (Исх 4: 12).

²⁴ In-spiratio = в-дохновение. Наглядный образ: наполняя человека своим дыханием, божество передает ему свой «дух»; затем человек мыслит (и говорит, проповедует) не от себя, а под воздействием внечеловеческого духа. Православно-христианские взгляды на инспирацию систематически изложены в двух выпусках «Религиозно-философской библиотеки» (см. [Новоселов 1991; О непосредственном откровении 1995]).

абстракции), одна и та же идея способна породить совокупность понятий и таким образом стать причиной великого множества «вещей». Конечно, в гносеологии известны продукты человеческого мышления, завершающие процесс восхождения от конкретного к абстрактному (который единственно и признаётся реальным в философских учениях *эмпирического* [в привычных из советского прошлого терминах, *материалистического*] толка). В то же время, по Платону, идея, на собственном (= максимальном) уровне абстракции оставаясь самоподобной (неизменной), реально запускает механизм конкретизации, а порождаемые таким образом понятия оказываются не только неподвижными, но и способными как к самостоятельному развитию, так и к взаимодействию с другими понятиями.

В динамическом аспекте развертывание идеи в понятия протекает двояко. С одной стороны, в понятии, не утрачиваясь, *удерживаются* некоторые (= не все) духовные элементы из содержания исходной идеи (по происхождению — внечеловеческие); такова *причастность*, или, лучше сказать, *приобщенность* (κοινωνία) понятий к идеям. С другой стороны, за счет прижизненного опыта коллектива людей или индивида некоторые духовные элементы (= семантические доли) *прибавляются*; таково *отчуждение*²⁵ понятий от идей. Таким образом, понятия, в которые развертывается идея, имеют — в силу причастности идее — отчасти внечеловеческое и — в силу принесения опытного знания — отчасти человеческое происхождение.

Идея в аспекте динамики — *релятивна*: когда идея конкретизируется (развертывается в понятия), она теряет свою безотносительность, т. е. *релятивируется*. Понятия всегда складываются в определенной этно-культурной и языковой общности, в определенной внутриэтнической группе людей или в сознании определенного индивида.

В (под)сознании отдельного человека идея также может выступать в аспектах статики и динамики. Некоторые идеи — *латентны*: в сознании человека как врожденные, так и инспирированные идеи способны присутствовать *в сокровитом* для носителя (= латентном) *виде*. Если то же самое сказать иначе, то идеи способны обитать не в сознании, а в подсознании.

Термина *подсознание* (subscientia) как такового и тем более в интерпретации, сложившейся под влиянием З. Фрейда, в Платоновой терминологии, конечно, нет; он намеренно употреблен нами анахронистически.

Латентные идеи переходят в активное поле сознания (по словам Платона, «припоминаются») или вследствие инспирации, или под воздействием случайного внешнего толчка, или же благодаря целенаправленным усилиям соответствующего лица (причем другое лицо [в частности, прибегая к искусству майевтики] может оказать свое содействие).

²⁵ У Платона нет соответствующего термина; если опереться на прилагательное ξένος «чужой, чуждый», то по деривационной модели модели κοινός «общий» ⇒ κοινωνία «приобщение» можно, вероятно, образовать искусственный термин ξενωνία «отчуждение» (в общем греч. языке соответствующего слова нет).

Суть феномена
сапиентемы

Глава 1. Сапиентема «жилище — (это) благо»: уможрение синэргетической сущности

Остаемся впотьмах,
Если искру задуть.
Не лови на словах,
А улавливай суть.
*иером. Димитрий*¹

01–1. ТРИ ПОКАЗАТЕЛЬНЫХ ПРИМЕРА

Слово *бомж* впервые зафиксировано в стандартном массовом словаре издания 1991 г. [ССРЛЯ-2, I]. Хотя оно и попало в число единиц «языка Совдепии» [Мокиенко, Никитина 1998], его едва ли можно отнести к советизмам².

Бомжи. *Бомж* — аббревиатура: (лицо) *без Определенного Места Жительства*. Так называют — бродяг, бездомных, тех, кто не имеет в паспорте штампа о прописке (нередко не имеет и самого паспорта) и, естественно, постоянно нигде не работает. Сперва аббревиатура употреблялась только на канцелярите (например, в милицеских протоколах³), и слово первоначально писалось прописными буквами (как КПСС) и не склонялось, а теперь *бомж* имеет все признаки самого обычного (общеупотребительного) слова. В лю-

¹ См. [Димирий (Захаров) 2000: 185].

² «Прежний, если можно так выразиться, советский бомж существенно отличался от бомжа нынешнего. Я не хочу идеализировать ушедшие времена, но у тех бомжей в сумке всегда был кусок мыла, а то и мочалка. Сегодняшний бомж — это что-то страшное. Ни о какой личной гигиене этих людей говорить, конечно, не приходится» (из массового журнала 1994 г.; цит. по [ТС: 110]).

³ «13 августа сотрудниками 7-го отдела РУОП при содействии СОБР совместно с сотрудниками 25-го отделения милиции по подозрению в совершении данного преступления [вымогательства] задержаны два жителя Дагестана (1968 и 1964 годов рождения) и житель Азербайджана (1970 года рождения). Все лица — БОМЖ» (из массового журнала 1994 г.; цит. по [ТС: 109]).

бой газетной криминальной хронике *бомжи* поминаются не раз и не два. Образовалось обширное гнездо производных слов: *бомжатник* «пристанище для бомжей», *бомжес-вать* или *бомжировать* «вести образ жизни бомжа», *бомжиха* или *бомжовка* «женск. к *бомжэ*», *бомжонок* (мн. *бомжата*, -ат) «бездомный ребенок (обычно убежавший из семьи, из детского дома, интерната и т. п.)» [ТС: 110]. Бомжи не всегда кочуют. Они могут длительное время проживать на одной и той же территории. Они отличаются от оседлых жителей только тем, что у них нет «своего угла», так что приходится ютиться где придется. Между прочим, бомжи — это не *бездомные* люди, или не совсем *бездомные* (если под *бездомным* понимать того, кто постоянно ночует «под открытым небом»). Бомжи забираются на ночлег в незапертые подъезды домов, а также приходят на ночь в ночлежки, известные по дореволюционной России и возродившиеся в последнее время⁴. Некоторые устраивают себе «дом» в подземном переходе или под мостом. Ср. несколько соответствующих выписок из массовой печати: «Они разыскали бомжа, обитавшего в том же микрорайоне в *канализационном коллекторе*»; «Что ж касается нашего героя, Козлова (бомжа. — *Е. В., В. К.*), то он по-прежнему не *имеет крыши над головой*, хотя имеет *крышку* от канализационного люка. И все-таки это еще не *крышка гроба*»; «До 10 июля будет разработана комплексная программа по приведению в порядок *подвальных и чердачных* помещений. Для того чтобы закрыть доступ бомжам в бесплатные „гостиницы“, городские власти намерены организовать в подъездах дежурства»; «Бомжиха, живущая на лестничной площадке одного из этажей, один раз устроила даже небольшой пожар. В милицию ее, конечно, забрали, но с утра она снова появилась в доме, сходу обложив жителей трехэтажным матом, и заявила, что никуда отсюда не уедет». — Ср. выписку из воспоминаний русской эмигрантки (отражающих ситуацию начала 20-х гг. XIX в.): «Мне очень было жаль несчастных безработных русских эмигрантов, которые, не имея убежища, жили под мостом, идущим через реку Сену. Жили в особых каменных люльках» [Чудеса Святителя Николая 1972: 31]. — Эрзацы дома для скитальцев известны с глубокой древности. Ср.: «И встал он [пророк Илия], поел и напился, и, подкрепившись тою пищею, шел сорок дней и сорок ночей до горы Божией Хорива. И вошел он там *в пещеру и ночевал в ней*» (3 Цар 19: 8–9).

В сознании любого человека страшно *не иметь дома* — хотя бы временного (*общежитие, гостиницу*), наемного (*снимать угол*) и самого безвидного (*хрущовку, халупу, трущобу, развалюху*), хотя бы *ютиться на птичьих правах* (скажем, быть *приживальщиком*).

Лишиться дома — вот кошмар, самое ужасное, что только может случиться с человеком⁵.

Бесприютный Иов. Когда человек, только что благоденствовавший в уютном гнезде, выставляется на панель, к нему могут быть приложены горькие слова многостра-

⁴ Ср. выписку из газеты: «Решение властей *отписать дом* на Иловайской под *гостиницу для бомжей* было, несомненно, разумным: для нормального жилья он все равно был уже малопригоден». «В ее квартире расположилась *ночлежка*». — Ср. также: «Оно [постановление Правительства Москвы] содержит перечень мер по предотвращению в Москве детской безнадзорности. В частности, предлагается создать такие *дома ночного пребывания*, куда мог бы прийти любой ребенок без каких бы то ни было документов».

⁵ Ср. метафорическое осмысление ужаса бездомности в поэзии:

Двадцатый век... Еще *бездомней*,
Еще страшнее жизни мгла

(Еще чернее и огромней
Тень Люциферова крыла). (Блок, Возмездие)

дального Иова, очутившегося в аналогичной ситуации. Ср. пронзительную конст-
рукцию *parallelismi membrorum* (Иов 3: 24–25):

слезю́ же ѿзъ ѿдержимъ стра́хомъ:
стра́хъ бо, егѡ́же оужасѡхса, прїиде мнѣ,
и егѡ́же воѡхса, срѣте мѡ⁶.

Пришел к Иову вестник и рассказал: «Сыновья твои и дочери твои ели и вино пи-
ли в доме первородного брата своего; и вот, большой ветер пришел от пустыни и ох-
ватил четыре угла дома, и *дом упал* на отроков, и они умерли» (Иов 1: 18–19). Пора-
женный проказой, Иов принужден выйти из селения. По словам жены, Иов живет
теперь, *ѡвнощевѡмъ внѣ везъ покрѡва*⁷, а она сама, не имея заразной болезни и будучи
допущена к людям, проводит дни *скитѡюущисѡ ѿ слѡжѡци, мѣсто ѡ мѣста прехо-
дѡци, ѿ дѡмъ ѡ дѡмъ*. Обреченная на скитальчество, женщина призывала Иова по-
хулить Бога, а Иов верно определил ее состояние — она от горя потеряла рассудок.
Бесприютность и утрата семьи побудили Иова проклясть день собственного зачатия:

Погибни день, в который я родился,
и ночь, в которую сказано: зачался человек!
День тот да будет тьмою;
да не възщет его Бог свыше,
и да не воссияет над ним свет!
Да омрачит его тьма и тень смертная,
да обложит его туча,
да страшатся его, как палящего зноя!
Ночь та, — да обладает ею мрак,
да не сочтется она в днях года,
да не войдет в число месяцев!
О! ночь та — да будет она безплодна;

да не войдет в нее веселье!
Да проклянут ее проклинаящие день,
способные разбудить левиафана!
Да померкнут звезды рассвета ее:
пусть ждет она света, и он не приходит,
и да не увидит она ресниц денницы
за то, что не затворила дверей чрева матери моей
и не сокрыла горести от очей моих!
Для чего не умер я, выходя из утробы,
и не скончался, когда вышел из чрева?
Зачем приняли меня колени?
зачем было мне сосать сосцы?

Нормальное состояние для человека — жить в доме, и когда он по какой-либо
причине не живет в доме, это всегда отмечают наблюдающие со стороны, а также
нередко указывают причину эксцесса.

Характерно противопоставленное именование нормы и нарушения нормы в
следующей выписке из Евангелия: «Когда же вышел Он [Христос] на берег, встре-
тил Его один человек из города, одержимый бесами с давнего времени, и в одежду
не одевавшийся, и *живший не в доме, а в гробах* (Лк 8: 27). Причина — указана: не но-
сивший одежды и не желавший жить в доме был мучим бесами, «так что его связывали
цепями и узами, сберегая его; но он разрывал узы» (Лк 8: 29). Оказалось, что имя бесу —
легион, потому что в несчастного вошло много бесов.

Андрей Гаврилович Дубровский, перед которым разверзлась перспектива ли-
шиться своего «домишка», доставшегося ему «по наследству после смерти отца его,

⁶ В синодальном переводе: «Ибо ужасное, чего я ужасался, то и постигло меня; и чего я боялся,
то и пришло ко мне».

⁷ Стиха, содержащего приведенные слова, в масоретском тексте нет; он имеется только в тек-
сте Септуагинты.

артиллерии подпоручика Гаврила Евграфова сына», от потрясения стал «как дитя глупое» и затем умер. Владимира Андреевича Дубровского, когда исправник объявил ему, что приехал «просить *иных прочих* убраться подобру-поздорову», обуревали горестные мысли, и известно, чем все завершилось.

Бездомный Владимир Дубровский. «„Итак, все кончено, — сказал он [Владимир] сам себе, — еще утром имел я угол и кусок хлеба. Завтра должен я буду оставить дом, где я родился и где умер мой отец, виновнику его смерти и моей нищеты“. И глаза его неподвижно остановились на портрете его матери. Живописец представил ее облокоченною на перила, в белом утреннем платье с алой розою в волосах. „И портрет этот достанется врагу моего семейства, — подумал Владимир, — он заброшен будет в кладовую вместе с изломанными стульями, или повешен в передней, предметом насмешек и замечаний его псарей, а в ее спальней, в комнате, где умер отец, поселится его приказчик, или поместится его гарем. Нет! нет! пускай же и ему не достанется печальный дом, из которого он выгоняет меня“. Владимир стиснул зубы — страшные мысли рождались в уме его».

Если вспомнить парадоксальное поведение персонажей Пролога, то Владимир мог бы рассуждать иначе и не прийти к «страшным мыслям», которые вскоре были реализованы. Пусть дом достанется Кириле Петровичу, пусть стану скитальцем; «блажени изгнани правды ради, яко тех есть Царствие Небесное». В Евангелии приведено речение, весьма близко подходящее к ситуации молодого Дубровского (когда по суду совершилось беззаконие): «Кто захочет судиться с тобою и взять у тебя рубашку, отдай ему...» (Мф 5: 40). Владимир, однако, как видим, предпочел держаться не строгой, а шадящей этики. Последняя призывает человека всеми силами защищать свой дом, тем более родовое гнездо.

01–2. САПИЕНТЕМА — КОПУЛЯЦИЯ ИДЕЙ

Итак, дом — условие (настоящей) *жизни*⁸: дом недаром называется по-русски *жйлом*⁹, *жилищем*, *жильем*, *жилищным* фондом, *жилой* площадью, а обитатели дома — *жильцом* и *жиличкой*. Все эти слова связаны с идеей жизни; *проживать* где-либо — это и значит *жить*.

Поскольку в дальнейшем мы будем говорить не только о *домах* в строгом смысле слова¹⁰, но и о любых укрытиях и помещениях, в том числе естественного происхождения, в которых могут обитать люди, предлагаем впредь употреблять (в самом широком смысле) номинацию *жилище*. Впрочем, во многих наших контекстах лексемы *дом* и *жилище* взаимозаменяемы, т. е. выступают как синонимы. Действительно, *дом* — это не только строение с крышей, но и любое место обитания человека, вплоть до страны и всего Земного шара.

⁸ А не прозябания, выживания.

⁹ В БТС лексема *жило* отсутствует; возможно, она уже вышла из употребления. Впрочем, ее хотя бы пассивное знание может поддерживаться облигаторными текстами. Ср.: «...я глядел во все стороны, надеясь увидеть хоть признак *жила*...»; «— Ну, слава Богу, *жило* недалеко... — ...почему думаешь ты, что *жило* недалече?» (Пушкин, Капитанская дочка).

¹⁰ По определению БТС, *дом* — «здание, строение, предназначенное для жилья, для размещения различных учреждений и предприятий».

Когда номинация прилагается к *идее* или (в дальнейшем) к *сапиентеме*, — а они, по нашим взглядам, представляют собой нуминозные, невербальные феномены, — используем шрифтовое выделение (малые прописные, полужирный), чтобы в необходимых случаях показать их принципиальное отличие от ЛФонов и РПТактик.

Когда у человека нет жилища, особенно ясно обнаруживается, что оно — жизненная необходимость, т. е. без него нельзя выжить. Действительно, в климатических условиях России оставшийся на ночь под осенним дождем или застигнутый метелью в поле погибает от переохлаждения тела. Соответственно любое жилище (имплицитруется: в нем поддерживается температура выше наружной) — *благо*.

В речении *жилище* — (*это*) *благо* второе слово по грамматической принадлежности есть существительное; следовательно, если прояснить импликации, то речение должно пониматься: *иметь жилище* — *вот добро*. Если бы речь шла о качестве жилища, то второе слово соответствующего речения было бы прилагательным и, скорее всего, его пришлось бы употребить в полной форме: (*это*) *жилище* — *благое*. Вне контекста речение представляется экспериментальным, но можно представить себе ситуацию, в которой фраза была бы и узуальной.

Данная единица знания свойственна *всем людям*, в том числе и, вероятно, как раз в первую очередь бездомным. Это знание — императивно: оно руководит человеком на всем протяжении его бытия (нужно унаследовать или добыть себе жильё [*купить, нанять-арендовать, выменять, построить, отсудить, получить от государства* и т. д.], обезопасить его [*поставить забор, врезать замок, поставить решетки на окна, а также застраховать*], обустроить, меблировать, поселиться в нем и поселить жену и детей, *улучшить, расширить* жилплощадь, *сохранить, выплатить* ссуду, *передать по наследству* и т. д.).

Вокруг жилья совершается жизненный круг: когда обретено жилище-1, на повестку дня становится обретение жилища-2 (например, *дачи*); жилище-1 через определенный срок начинает казаться тесным, удаленным, неудобным и т. д., и в таком случае ищется жилище-3 («расширение жилплощади»); затем и жилище-3 меняется на еще более удобное или престижное жилище-4. Если принять во внимание мобильность современного человека, то жизнь можно уподобить постоянной, многократной смене квартир и домов.

Итак, императив «Имей жилище!» (имплицитруется: «Жилище — благо») является всеобщим, даже если значительной части «человеков» ни разу не приходилось переводить его в слова. Да и зачем? Общеизвестное не формулируется. Одним из признаков врожденности идеи как раз является отсутствие потребности выразить ее в словах, — в силу общеизвестности, — да и семантический объем идеи настолько велик, что не хватит и трактата для ее вербальной объективации.

Вода, хлеб, риза и дом. И все же в одной из премудростных¹¹ библейских книг, к более подробному анализу которой мы вскоре обратимся, сказано прямо: *Начало житiя*

¹¹ К «письменности мудрых Израиля» или к числу «премудростных книг Библии» относятся: Книга Иова; Псалтырь; Книга притчей Соломоновых; Книга Екклезиаста; Книга Песни песней Соломона; Книга Премудрости Соломона; Книга Премудрости Иисуса, сына Сирахова.

человѣча вода, ѿ хлѣбъ, ѿ риза, ѿ домы... (Сир 29: 24)¹². Порядок следования, как кажется, правильный, пусть и относительно: утоление жажды — более настоятельная потребность, чем утоление голода. Утоление голода относительно настоятельнее потребности в одежде. Дом-жилище поставлен на четвертое место. Ср. также оценочное суждение Аристотеля: «Гесиод правильно сказал: *прежде всего* дом, потом жена и рабочий вол» [Аристотель 1893: 4]. Ср. также [Гесиод 1927].

Благо, по Платону, — врожденная идея, и выше (в подглавке 01–3 Части II) мы подробно рассмотрели Платонову концепцию блага.

К аргументам Платона можно прибавить успешную и апеллирующую к очевидности аргументацию Иоанна Златоуста: «Человек, в начале созидавая человека, даровал ему естественный закон. Что такое — естественный закон? Бог впечатлел в нас совесть, и познание добра и зла сделал врожденным. Нам не надо учиться, что блуд есть зло, а целомудрие — добро; мы знаем это от начала (от природы). А для удостоверения, что мы знаем это от начала, Законодатель, давая нам впоследствии законы и сказав: *не убий* (Втор 7: 17), не прибавил, что убийство есть зло, а сказал просто: не убий; Он только запретил грех, а не учил о нем. Почему же, сказав: *не убий*, Он не прибавил, что убийство есть зло? Потому что совесть предварительно научила нас этому, и Он говорит об этом как уже со знающими и понимающими». Святитель Иоанн богословски разъясняет также, как отличить врожденное знание от апостериорного: «Но когда [Законодатель] говорит о другой заповеди, не открытой нам совестью, тогда не только запрещает, но прилагает и причину. Так, полагая закон о субботе и говоря: *в день седьмый да не сотвориши дела*, Он присовокупил и причину покоя. Какую? *Зане на день седьмый почи Бог от всех дел своих, яже нача творити* (Исх 20: 10–11); и еще: *яко раб был еси в земли Египетской* (Втор 24: 18). Почему же, скажи мне, к заповеди о субботе Он присовокупил и причину, а касательно убийства не сделал ничего такого? Почто что та не из первоначальных и не открыта нам совестью, но есть заповедь частная и временная; — поэтому она и отменена впоследствии ...» [Собрание поучений II 1895: 315].

Что касается **ЖИЛИЩА**, то Платон, несомненно, отнес бы то общее, что стоит за всеми помещениями, в которых может поселиться и обитать человек, к числу идей, но является идея **ЖИЛИЩА** врожденной или опытной — конкретно об этом мыслитель не высказался.

Тем не менее почти несомненно, идею **ЖИЛИЩА** следует отнести к числу врожденных: люди разделяют ее с животными, в том числе и низкой организации, которым свойствен инстинкт выбора для себя и устройства себе *норы, гнезда, стана, логова, лежбища, берлоги* и т. д. «Домá» животных нередко представляют собой со всех сторон закрытое пространство с соразмерным отверстием для входа.

Итак, **БЛАГО** и **ЖИЛИЩЕ** — это идеи (вполне в духе Платона). Но между ними есть различие: если **ЖИЛИЩЕ** — это категория из сферы бытия, онтологии, так что конечной конкретизацией **ЖИЛИЩА** может быть тот или иной воспринимаемый органами чувств *предмет* (на который можно указать пальцем), то **БЛАГО** — это категория из

¹² Другой — более пространный — перечень потребного для жизни см. Сир 39: 32: «Главное из всех потребностей для жизни человека — вода, огонь, железо, соль, пшеничная мука, мед, молоко, виноградный сок, масло и одежда». В следующем стихе прибавлено: «Все это благочестивым служит в пользу, а грешникам может обратиться во вред» (Сир 39: 33).

сферы оценок, аксиологии, этики, так что конкретизацией БЛАГА всегда бывает вещь, некий «кусоч» (chunk) умозрительного смысла, который допускает объективацию только путем дескрипции (ср. *добро, благополучие, благодать, благоденствие, благообразие, благодать, благоустройство, счастье, спокойствие, справедливость, долг, совесть* и т. д.).

И сейчас нам предстоит изложить догадку, которая, как кажется, позволит рядом с Платоновой концепцией *идеи* поставить концепцию *сапиентемы*, а затем и *лингвосапиентемы*.

Мы полагаем, что *некоторые врожденные идеи*, неизменные (статичные¹³) по своей семантической природе¹⁴, если только они совместимы, не остаются изолированными, а *вступают в некое отношение между собой*.

В частности, принципиально совместимы онтологические и аксиологические (этические) идеи.

Так, идея БЛАГА и идея ЖИЛИЩА обнаруживают как бы взаимное тяготение и, вступив в отношение, приводят к роду врожденного знания, условно формулируемого как высказывание «ЖИЛИЩЕ — (это) БЛАГО». Действительно, идея БЛАГА — по сути «прилагательное»; она должна быть приписана определенной другой идее, поскольку оценка сама по себе (без предмета) — нонсенс. С другой стороны, идея ЖИЛИЩА, хотя и не предполагает обязательной оценки, тем не менее оценку допускает (и даже имплицитно). Следовательно, обе идеи обнаруживают нечто вроде химической или лингвистической *валентности* (способности вступать в связи).

Когда же сочетание идей состоялось, то возникает интеллектуально-этическое сознание, представленное в условном речении ЖИЛИЩЕ — (это) БЛАГО. Поскольку исходные идеи принадлежат к числу врожденных, итоговое сознание также может быть только таковым, т. е. оно остается априорным.

Идея БЛАГА выражается и в негативной форме (ЗЛО). Идея ЖИЛИЩА также допускает отрицательное выражение (ОТСУТСТВИЕ ЖИЛИЩА или, что то же самое, БЕЗДОМНОСТЬ). Соответственно высказывание БЕЗДОМНОСТЬ — (это) ЗЛО представляет собой зеркальное обращение речения ЖИЛИЩЕ — (это) БЛАГО; обе формулировки выражают одно и то же врожденное сознание.

Сознание, о котором говорим, по природе представляет собой интеллектуальное чувство, а чувство — безотчетно, так что когда его необходимо перевести в тезис, то готового тезиса не обнаруживается и возможен спектр вариативных формулировок, находящихся между собой в отношениях парафразирования. Вот почему для номинации как идеи, так и сочетания идей можно лишь условно выбрать устойчивый ярлык типа «жилище — благо». Действительно, ярлыки-клише «есть где жить — уже хорошо», «крыша над головой — первое дело» или «оказаться на улице — врагу не пожелаю» и т. д. также подошли бы.

Имея в виду перспективу дальнейшего изложения, зададимся, однако, вопросом: как трактовать допускаемые языком высказывания типа «жилище — (это) зло» или «бездомность — (это) благо»? Критерии логической истинности к суждениям, содержащим этико-оценочный предикат, неприменимы, но относительно врож-

¹³ Статичность семантики самой идеи не следует смешивать с ее способностью быть программой порождения конкретных смыслов.

¹⁴ О чем говорилось выше.

денности и по крайней мере всеобщей приемлемости подобных мнений можно судить как интроспективно, так и посредством наблюдений за другими людьми. — Так, философ-киник Диоген Синопский (412–323 гг. до Р. Х.), несмотря на свою крайнюю неприязнательность, тем не менее не мог обходиться хотя бы без бочки, в которой укрывался от дождя и ветра. Яростный отрицатель культуры и комфорта, Диоген, как известно, жил подаянием, переходил с места на место, сидел и спал где придется, ел что попадется, призывал к «переоценке всех ценностей»¹⁵ и вообще проповедовал и сам практиковал неприхотливость в крайней форме (за что и получил от современников презрительное прозвище: *Собака* [κύων¹⁶]). Тем не менее он все же в какой-то мере жил оседло и, согласно свидетельству Диогена Лаэртского, приспособил себе в Метрооне (храме Кибелы, матери богов) для жилья большую бочку. В этой бочке, по легенде, он и лежал, когда его нашел Александр Македонский (356–323). — Юродивый Андрей, византийский святой времени императора Льва Великого (886–911), — между прочим, этнический «словенин»¹⁷, — обычно скитался без пристанища, не имея крова даже ночью, в холод и непогоду. Когда же начались особо лютые морозы, Андрей не остался на открытой улице, а приискал себе крышу-εμβολъ (= кров, укрытие; ἔμβολον [архитектурный термин] «перекрытие, поддерживаемое колоннами; галерея») [Молдован 2000: 195, 471]. Место, впрочем, уже служило домом для бродячего пса. Сам Андрей так излагает соответствующий эпизод: *вшедъ же въ единъ оутолъ εμβола и обрѣте песъ. легохъ блнзъ его. надѣваса съгрѣти ѿ него. ѿн же видивъ. тако блнзъ его легохъ. възставъ. штиде. рѣхъ же к себѣ. «лишене. видиши ли. кольми еси грѣшенъ. тако и пси врѣзгають тобою. ... да оуже что хоцеши дѣяти. да оумри. бладе. оумри. сдѣ во тебе спина нѣ»* [Молдован 2000: 195]. Лексема εμβολъ в некоторых рукописях истолкована: *покровна оулица и темнаа оулица покровена*. Андрей искал себе и нашел кров над головою. — Типичный пустынный-отшельник, выбрав себе место, первым делом ставит келейку, на первых порах хотя бы шалаш или землянку, а потом и более добротную. Так, в изложении современного агиографа, Варфоломей (будущий инок Сергей [Радонежский]) и его старший брат Стефан, «после долгих поисков, остановились на одном удаленном от всякого жилья месте, в густом лесу, отстоящем в 12 верстах от Радонежа. Там, устроив себе хижину из древесных ветвей, они принялись рубить лес и, приготовив достаточное количество материала, построили келлию...» [Протопопов 1885: 428]. — Пророк Иона, лишившись укрытия, отчаялся до такой степени, что даже испрашивал себе у Бога смерти. «И вышел Иона из города, и сел с восточной стороны у города, и сделал себе там кушу, и сел под нею в тени, чтобы увидеть, что будет с городом. И произрастил Господь Бог растение (в славянской версии — *тыква*), и оно поднялось над Ионою, чтобы над головою его была тень и чтобы избавить его от огорчения его;

¹⁵ Выражение *Umwertung aller Werte*, которое в немецкой форме, конечно, восходит к Ницше, с точки зрения истории мысли принадлежит Диогену из Синопа.

¹⁶ Κύων «собака» как домашнее животное в античности играла позитивную роль: использовалась в бою, на охоте, в качестве сторожа, проводника слепцов и т. д. Тем не менее собаке приписывались преимущественно отрицательные свойства: переносно κύων — это «бесстыдный, наглый, навязчивый человек». Ср. κύωνος, κυνικός «свойственный собаке, бесстыдный», κυνογνώμων, κυνόφρων «имеющий собачьи чувства, бесстыжий», κυνοδαρτής «наглый, дерзкий (как собака)», κυνώπιος «с собачьим взором, бесстыдный, наглый» и т. д. Не случайно философскую школу, которой приписывалась проповедь бесстыдства, называли κυνισμός «цинизм», а ее представителя — ὁ κυνικός «циником».

¹⁷ Ударение поставлено в согласии со старопечатным славяно-русским Прологом.

и возрадовался́ иона́ въ тѣхвѣ́ радостію великою. И устроил Бог так, что на другой день при появлении зари червь подточил растение, и оно засохло. Когда же взошло солнце, навел Бог знойный восточный ветер, и солнце стало палить голову Ионы, так что он изнемог и просил себе смерти, и сказал: лучше мне умереть, нежели жить. И сказал Бог Ионе: неужели так сильно огорчился ты за растение? Он сказал: очень огорчился, даже до смерти» (Иона 4: 5–9).

Если, однако, имеется или может появиться ситуация выбора между видами жилища, то к жилищу начинают предъявлять требования, обычно по восходящей. Благо, как и любая другая оценочно-этическая категория, — релятивно: в зависимости от обстоятельств и установки человека, оно в субъективном сознании претворяется во зло (равно как и зло, при перемене обстоятельств, начинает расцениваться как благо). В условиях войны, разрухи, изгнанничества, безденежья землянки, бараки и ветхие строения — *благо* (как была для Андрея Юродивого благом крытая галерея), но в других условиях они расцениваются как *зло*.

Ср. ряд в «Сказке о рыбаке и рыбке»: ветхая *землянка* — *изба* со светелкой — высокий *терем* — царские *палаты*. Каждый элемент поначалу оценивается как благо, а при появлении новых возможностей — как «меньшее благо», т. е. как зло.

Жил старик со своею старухой

У самого синего моря;

Они жили в *ветхой землянке*

Ровно тридцать лет и три года.

<...>

Подошел он ко своей *землянке*,

А *землянки* нет уж и следа;

Перед ним *изба со светелкой*,

С кирпичною, беленою трубою,

С дубовыми, тесовыми вороты...

<...>

Воротился старик ко старухе.

Что же он видит? *Высокий терем*.

На крыльце стоит его старуха

В дорогой собольей душегрейке.

<...>

Старичок к старухе воротился.

Что ж? пред ним *царские палаты*.

В палатах видит свою старуху,

За столом сидит она царицей...

Назовем условия, несоблюдение которых (в условиях возможного предпочтения) не позволяет считать данное жилище абсолютным благом. Во-первых, жилище должно защищать человека и его имущество от злоумышленников, и если оно потенциально не исполняет эту функцию (а также после горького опыта), насельники дома ставят прочные замки, забирают окна решетками и т. д. Во-вторых, жилище должно защищать человека от непогоды, и если оно продувается или протекает, насельники дома заклеивают на зиму окна и хотя бы латают крышу. В-третьих, жи-

лише должно давать человеку возможность восстановить свои силы — как ежедневно, после утомительных «трудов праведных», так и в случае болезни, и если оно шумно или перенаселено, то насельники дома стараются каким-либо образом каждый «выгородить» себе уединенный уголок и «отселить» часть сожителей. И т. д.

Таким образом, по наблюдению (как интроспективном, так и внешне-опытном) можно остановиться на допущении, что, в противоположность высказыванию «жилище — (это) благо», суждение «бездомность — (это) благо» не является ни врожденным, ни общеприемлемым. (Имеются в виду «нормальные» сообщества людей; для так наз. *экстернальных групп*¹⁸ это суждение как раз может быть общепринятым.) Если бы бездомность воспринималась как благо, то не было бы стремления избавиться от нее. Между тем даже самые непритязательные философы, неприхотливые святые-юроды и стойкие пророки делали уступки запросам бренного тела, держались общепринятой нормы, пусть и сокращая свои запросы до крайнего предела. (Ограничимся сказанным. Сейчас, вплоть до дальнейшего, парадоксальное речение оставим в стороне и обратимся к общепринятому [врожденному] знанию.)

С внешней стороны высказывание «ЖИЛИЩЕ — (это) БЛАГО» выглядит как (в логике) *тезис*¹⁹ или как (в лингвистике) *фраза* (или *предложение*²⁰). Этот тезис-фраза без смысловых утрат не переводится в номинативное словосочетание (типа: *хороший дом*), хотя словосочетание и может быть итогом данного тезиса (предположим, в случае, если он ложится в основу другого, следующего тезиса [например, «хороший дом бывает прочным»]).

Тезис «ЖИЛИЩЕ — (это) БЛАГО» содержит *копуляцию*²¹, а именно: не простое соположение двух идей (как бывает, например, при перечислении, когда внимание считающего последовательно перемещается с одной идеи на другую), а их *сопряжение*, вследствие чего на основе двух смыслов возникает новое, третье, смысловое качество.

Сопряжение (*копуляция, конъюнкция*) идей — то же самое, что, если прибегнуть к образу упряжи из житейского обихода, *припряжение*, или *пристяжка*, одной идеи к другой. Коренник, когда припряжена пристяжная, в итоге приобретает новую мощь; так и *приписывание* некоторой идее определенного состояния, процесса или качества, которые в силу своей категориальности также являются идеями, создает новое семантическое качество. В логических и синтаксических терминах *копуляция* равна *предикату, предикативности*.

¹⁸ Термин предложен Т. Б. Щепанской: *экстернальными* («выпавшими») группами исследовательница называет такие сообщества, которые отрицают господствующие ценности и не желают следовать господствующим этическим нормам (таковы, например, некоторые молодежные группы [хиппи] или «прицерковный круг» православных верующих). *Экстерналы* — это «локальные коммуникативные системы, расположенные вне рамок основной сети (той, что определяет государственное устройство)» [Щепанская 1993: 17–18].

¹⁹ Иногда под тезисом понимают утверждение, истинность которого предполагается доказать. Мы держимся другого понимания: *тезис* — это любое (истинное или ложное) утверждение в ходе дискурса, выражающее некоторое знание (плод собственного эмпирического наблюдения и умозаключения или же плод почерпнутого у других людей).

²⁰ Основная категория синтаксиса, *предложение* отличается от слова и словосочетания тем, что содержит *рему* (или *предикат*), т. е. то, что утверждается или отрицается о предмете мысли.

²¹ *Copulatio* — «сопряжение, соединение, сочетание». Как биологический термин, *копуляция* особенно пригодна метафорически выразить содержание, которое имеется в виду. Вследствие копуляции двух элементов смысла появляется третий элемент.

Номинации элементов тезиса могут быть самыми разными («жилище — благо»; «дом — добро»; «иметь обитель — хорошо» и т. д.), но сама копуляция никуда не исчезает. В наших примерах она никак не сформулирована, хотя явно присутствует; знак тире показывает, что на его месте может стоять любое именование атрибуции.

Присутствие копуляции и составляет логический смысл тезиса; она решающим образом обеспечивает достижение перлокутивной цели. При номинализации тезиса мыслительный процесс превращается в *результат*, и это еще раз подтверждает, что перевод фразы в номинативное словосочетание без семантических утрат — невозможен.

Если так, то тезис, будучи сопряжением (в нашем случае — двух) идей, по своей мыслительной природе *не есть (третья) идея*. Во всяком случае, рассматриваемый феномен не ложится в концепцию Платоновой идеи. Следовательно, перед нами феномен иного по сравнению с *идеей* качества.

Действительно, семантика тезиса — динамична, а динамика — непрерывна, так что его (тезиса) смысл — *regretium mobile* идей, копуляция которых совершается вне времени (ее невозможно себе помыслить завершенной). Напряженное состояние тезиса разрешается, если предпринять номинализацию его элементов, но в таком случае сам тезис как феномен (по определению) исчезает.

Если семантика тезиса — динамична, то *идея* (если судить по исчислению ее характеристик [см. выше]) — подобна себе самой, неподвижна, статична.

Динамичности тезиса как копуляции идей не противоречит его мыслительная устойчивость. Струя фонтана состоит из непрерывной череды капелек воды, но если взглянуть на нее с удаления, то она представляется неподвижной. Аналогично мыслительное содержание «ЖИЛИЩЕ — (это) БЛАГО» является устойчивым, и мы даже приписали его коллективному, массовому сознанию.

Массово представленные тезисы, содержащие копуляцию (типа «вода — благо», «пища — благо», «одежда — благо»; «безопасность — благо», «здоровье — благо», «достаток — благо» и т. д.), — это ментальная реальность. Они состоят из идей-категорий, но примечательно, что если при сочетании понятий всегда имеет место сокращение объема предметов, способных войти в пересечение, то при сочетании идей возникает не *пересечение*, а *атрибуция*, т. е. объем феноменов для номинации не изменяется.

Таким образом, категориальные тезисы-копуляции — реальны в той же мере, в какой реальны идеи. (Позитивист-эмпирик, не допускающий бытия идей, естественно, не согласится и с гипотезой бытия копуляций.)

Копуляции вполне сопоставимы с идеями, поскольку они состоят из них. В то же время копуляции идей к идеям не сводятся: копуляции отличны от идей, поскольку при копуляции возникает новая (константно динамичная) семантика; идеи ни в коем случае не суть перечисление (соположение) идей. В отличие от идей, традиция исследования которых исчисляется тысячелетиями, копуляции идей, как кажется, до сих пор не были предметом рассмотрения в аспекте гносеологии и соответственно не имеют своего именования.

Именовывать их *копуляциями* — нельзя, потому что под *копуляцией* понимается одна из характеристик явления, о котором сейчас говорим. Остановиться на термине *тезис* также нельзя, поскольку он, безусловно, уже занят и широко используется в различных областях знания. Между тем нам нужен не неопределенный, а именно дифференцирующий термин. Попытаемся восполнить пробел.

Итак, пусть *тезис*, представляющий собой копуляцию (двух) идей (и дающий новый [третий] смысл), называется *сапиентемой*. Семантика исходного обиходного лат. слова *sapientia*, как представляется, хорошо пригодна для терминирования.

Нам нужен не неопределенный термин, который был бы просто памятной меткой (типа узелка на носовом платке), а термин дифференцирующий, самоговорящий (типа стрелки на распустье, задающей конкретное направление), термин, способный вступить в связь с термином *идея* и, стало быть, по духу родственный ему. Лат. *sapientia* (от *sapio* «быть [раз]умным, понимать, постигать», и отсюда и «знать, ведать»), как отглагольное существительное, отчасти выражает семантику действия. Это не просто (статичное) знание (может быть, хранимое в закоулках памяти), а активное, полученное вследствие рассмотрения феномена и размышлений о нем. Важно, что в обыденных представлениях *sapientia* бытует в отвлечении от человека, т. е. сама по себе, и она может быть ему дарована извне или же удержана от него. Не случайно *Sapientia* (סָפִיָּה, σοφία, премудрость) в Ветхом Завете персонифицируется, ведет себя активно и, в частности, строит себе метафорический дом: בִּיתָהּ בָּנְתָהּ סָפִיָּה, ή σοφία ᾠκοδόμησεν ἑαυτῇ οἶκον, *sapientia aedificavit sibi domum*, премудрость созда себе домъ (Притч 9: 1). В Библии выделяется целых семь «премудростных книг», из которых две (правда, неканонические) имеют лексему *премудрость* в надписании: Книга *Премудрости* Соломона и Книга *Премудрости* Иисуса, сына Сирахова. Кроме того, на выбор термина повлияло именование рода человеческого (в классификации Карла Линнея) как *homo sapiens*, а также распространенность апофтегмы *sapienti sat*.

01–3. ЖИЛИЩЕ КАК УБЕЖИЩЕ ОТ ВТОРЖЕНИЯ ИЗВНЕ

Любая сапиентема (стало быть, в том числе и сапиентема «ЖИЛИЩЕ — БЛАГО»), во всем подобно идее, обладает способностью к «развертыванию вниз», т. е. способностью к конкретизации. Подобно идее, сапиентема представляет собой потенциальную программу постепенного («по-ступен-ного») перехода от общего знания к более частному, затем к еще более частному, и конкретизация продолжается и продолжается — вероятно, вплоть до какого-то мыслимого нижнего предела.

Сапиентема, отличаясь от идеи динамичностью своей семантики, вместе с идеей представляет собой, с точки зрения механизма, *программу* порождения смыслов. Динамичность собственной семантики сапиентемы и способность сапиентемы к развертыванию (и конкретизации) смыслов — это разные аспекты явления. Поэтому не следует думать, что, приписывая динамичность сапиентеме, мы тем самым исключаем для идеи возможность быть программой порождения смыслов. И идея, и сапиентема обладают такими программами.

Так, к жилищу, как к благу жизни, могут предъявляться определенные уточняющие требования в зависимости от ситуации. В условиях войны и разрухи *благо* — землянки, бараки и ветхие строения, но в других условиях они расцениваются не как благо, а как зло. Благо, как и любая другая этическая категория, — относительно.

В частности, дом должен обеспечивать безопасность и, особенно если преступность в округе разгулялась, дом должен быть убежищем от злоумышленни-

ков — защищать жизнь и здоровье своих насельников и препятствовать расхищению хранимого в нем имущества.

Наф-Наф «дом построил из камней». В еще недавно популярной сказке «Три поросенка» (С. Михалкова) три поросенка построили — каждый для себя — по дому: один — из соломы, другой — из веток и, наконец, третий — из камней. В последнем случае предусмотрительный Наф-Наф навесил тяжелую дубовую дверь с засовом, чтобы волк из соседнего леса не мог к небу забраться, и сам себе пропел хвалу:

Я, конечно, всех умней,	Никакой на свете зверь,
Всех умней, всех умней!	Хитрый зверь, страшный зверь,
Дом я строю из камней,	Не ворвется в эту дверь,
Из камней, из камней!	В эту дверь, в эту дверь!

Соломенный домик и дом из веток были легко разрушены разбойником-волком; двум братцам это едва не стоило жизни. И лишь прочный дом, стены которого были выложены из камней, выдержал натиск: он устоял как крепость. — Отсюда выражение: *как за каменной стеной* = в полной безопасности. Ср. из популярной песни:

Каждый день ты со мной,
Словно я за стеной
Каменной спряталась, и самой смешно.
Создаю тебе уют
И дарю любовь свою.

Кто бы мог подумать, как приятно быть женой!

Впрочем, если случается катаклизм, то и прочные дома не выдерживают: «Ибо вот, Господь даст повеление и поразит большие дома расселинами, а малые дома — трещинами» (Ам 6: 11). — Хотя по климатическим условиям ближневосточные дома можно было бы устраивать легкими, их все-таки нередко складывали из камней или из кирпичей — именно по соображениям прочности. Ср.: «Итак за то, что вы попираете бедного и берете от него подарки хлебом, вы построите дома из *тесаных камней*, но жить не будете в них» (Ам 5: 11).

Против современных, совсем не сказочных, злоумышленников (убийц, насильников, налетчиков, взломщиков, грабителей-*домушников* [воров, специализирующихся на ограблении квартир и домов²²]) в домах возводятся толстые *стены*, устанавливаются железные *двери* (снабженные *запорами*, *защелками*, *щеколдами*, *замками*, *засовами*)²³ и защищенные *окна* (снабженные *решетками* или [в домах «новых рус-

²² Есть и глагол: *домушничать* — «заниматься квартирным воровством». Как кажется, в БТС дано слишком узкое определение: *домушник* — «квартирный вор, проникающий в помещение с помощью подбора ключей». Между тем *домушник*, идущий на *скок* (или *скачок*, т. е. на домашнюю кражу), не всегда имеет при себе набор отмычек: иногда он высаживает оконное стекло, иногда орудует заурядной *фомкой* (ломиком), иногда прикидывается *водопроводчиком*, а также прибегает к помощи *форточника*, т. е. воришки-малолетки, который залезает в квартиру через распахнутую форточку и затем открывает окно (или, если возможно, дверь) изнутри. Дефиниция данной воровской профессии в специализированном справочнике (*домушник* — «вор, грабящий квартиры» [Росси 1991]) представляется более точной.

²³ Нынешний милиционер, пришедший по вызову, в первую очередь выговаривает потерпевшему, что тот не позаботился устроить себе прочную (желательно стальную = *сейфную*) дверь.

ских] пуленепробиваемыми *стеклами*, иногда закрываемые бронированными *ставнями*)²⁴, устраивается телевизионное (или с помощью системы зеркал) внешнее наблюдение. Сами дома огораживаются *заборами*. Принимаются меры, чтобы обезопасить подъезд и лестничную клетку от проникновения неизвестных, для чего при входе (например, в многоквартирный дом) устанавливается дополнительный (кодовый) замок и проводится *домофон*, нередко усаживается консьержка или прямо охрана из молодых, в том числе вооруженных. Часть граждан полагается на защиту органов правопорядка: дом можно «поставить на охрану» (когда злоумышленники вскроют окна или дверь, в отделение милиции поступает сигнал, по которому выезжает оперативная группа).

Ниже следует несколько характерных выписок из московских газет середины и конца 90-х гг. XX в. Их эмоциональный заряд весьма поблек после событий 11 сентября 2001 г. в Америке: дома, конечно, не являются защитой против падающих на них боингов.

«...убиты в подъездах собственных домов». «Лев Гаврилин, член оргкомитета Игр доброй воли, эксперт дирекции внешнеэкономической деятельности Национального фонда спорта, в июле 1995 года убит семью выстрелами в упор в *подъезде своего дома* в Санкт-Петербурге. Результаты следствия неизвестны». — «Александр Дузенко, мастер спорта СССР по вольной борьбе, инструктор ЦСКА, в ноябре 1995 года убит в Москве возле *подъезда своего дома* по улице Дыбенко. Как идет расследование, неизвестно»²⁵. — «В ночь на 7 июля в поселке Майском в *дом* русской жительницы Антонины Сидоровой ворвались четверо в камуфляже, масках, вооруженных автоматами Калашникова. Налетчики требовали денег, полученных недавно за *проданный дом*. Не добившись своего, бандиты связали Сидорову и забрали с собой ее 18-летнюю дочь Татьяну. Ее местонахождение до сих пор неизвестно». — «Юрий Лужков сообщил, что на следующей неделе он намерен подписать постановление о введении круглосуточного дежурства в *подъездах* московских домов».

Из последней выписки видно, что дома должны быть укреплены против террористов, подкладывающих взрывчатку, и это, конечно, в исторической перспективе — *factum novum*²⁶. Само же вторжение злоумышленников в дом и укрепление дома для защиты от вторжения — «старо, как мир».

Каменная твердыня, дом прибежища. «Дом тут стоял, с краю города, и богатый тут жил один мещанин, добра пропасть, ночью и положили проведать. Да только мы у богатого-то мещанина тут все впятером, в ту же ночь, и попались. Взяли нас в часть, а потом к самому исправнику» (Достоевский, Записки из мертвого дома). — «В одном из флигелей его дома жили 16 горничных, занимаясь рукоделиями, свойственными их полу. *Окны* во флигеле *были загорожены* деревянную *решеткою*; *двери запирались зам-*

²⁴ Ныне в некоторых учреждениях и квартирах на каждое оконное стекло устанавливают датчики: если злоумышленник выдавит стекло, в милиции сработает сигнализация. В последнее время защита дома от грабителей, лазающих в окна, стала особенно актуальной: в рекламной газете «Из рук в руки» множество фирм предлагает установить *решетки на окна*, а также *провести сигнализацию*. Предлагают также вставить в окна *пуленепробиваемые стекла*.

²⁵ Так, *подъезд* городского дома за последние годы стал ассоциироваться с местом, где наемные *киллеры* поджидают и уничтожают свою жертву. В ТС слово *киллер* показано как новое (как слово 90-х гг.).

²⁶ Прилагательное *novus* в спектре значений имеет и «неслыханный, небывалый».

ками, от коих ключи хранились у Кирилы Петровича» (Пушкин, Дубровский). — «Приклони ко мне ухо Твое, поспеши избавить меня. Будь мне *каменную твердыню*²⁷, *домом прибежища*, чтобы спасти меня» (Пс 30: 2). — «Ворота Рыбные строили уроженцы Сенаи: они покрыли²⁸ их, и вставили *двери их, замки их и засовы их*» (Неем 3: 3). — «...лучше *дверь в доме, охраняющая в нем имущество*, нежели ложные боги» (Посл. Иер 58²⁹). — «Вот, однажды смотрел я в *окно дома* моего, сквозь *решетку мою*» (Притч 7: 6). — «Бегают по городу, поднимаются на стены, влезают на дома, *входят в окна, как вор*» (Иоил 2: 9). — «В тот же первый день недели вечером, когда *двери* дома, где собирались ученики Его, *были заперты из опасения* от Иудеев, пришел Иисус, и стал посреди, и говорит им: мир вам!» (Ин 20: 19; также Ин 20: 26). — «Но это вы знаете, что, если бы ведал хозяин дома, в какую стражу придет вор, то бодрствовал бы и не дал бы *подкопать дома своего*» (Мф 24: 43). — «Когда хозяин дома встанет и *затворит двери*, тогда вы, стоя вне, станете стучать в двери и говорить: Господи! Господи! отвори нам; но Он скажет вам в ответ: не знаю вас, откуда вы» (Лк 13: 25).

Отношение к дому как к прибежищу от опасности человек разделяет с животными, имеющими свои норы и логовища (не только для сна, но и для защиты):

звѣрѣе ... могутъ ѣзвѣгше подъ кровъ себѣ пользоваться; Звери... *убегая под кров*, могут помочь себе (Посл. Иер 67). Ср. также: «Тогда зверь уходит в *убежище* и остается в своих *логовищах*» (Иов 37: 8).

Случаем нападения извне является также нарушение приватности жизни в доме — оно так и называется *вторжением* (в частную жизнь). Дом должен защитить от подслушивающего и подсматривающего: чужие не должны знать, что происходит в доме. (Насельники жилища сами этого обычно не желают.)

Приватность за закрытыми дверями. Соответственно принимаются меры для сохранения приватности: собеседники уходят в особое помещение и прикрывают за собой двери (отсюда выражение *за закрытыми дверями* = тайно). «Большую часть времени встреча проходила без журналистов, *за закрытыми дверями*» (из газеты). О решениях узкого круга лиц говорят, что они приняты *келейно*, поскольку имплицитно, что двери в монашескую келью всегда закрыты. — Ср. также: «Ты же, когда молишься, войди в комнату твою и, *затворив дверь* твою, помолись Отцу твоему, Который втайне; и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно» (Мф 6: 6). Тем не менее соблюсти приватность не всегда удастся: *стены имеют уши*. Отсюда премудростное наставление: «Даже и в мыслях твоих не злословь царя, и в *спальной комнате* твоей не злословь богатого; потому что птица небесная может перенести слово твое, и крылатая — пересказать речь твою» (Еккл 10: 20); «Посему, что вы сказали в темноте, то услышится во свете; и что говорили на ухо *внутри дома*, то будет провозглашено на кровлях» (Лк 12: 3). — Этически подслушивание осуждается: «Неразумный *сквозь дверь* заглядывает в дом, а человек благовоспитанный остановится вне; невежество человека — *подслушивать у дверей*, благоразумный же огорчится таким бесстыдством» (Сир 21: 26–27).

²⁷ Упоминание о каменной твердыне есть только в масоретской версии; в Септуагинте (и в славянском переводе Библии) его нет.

²⁸ Имеется в виду: обложили листьями из металла.

²⁹ В Послании Иеремином деления на главы нет; просчитаны только стихи.

Такова одна из иллюстраций сапиентемы «ЖИЛИЩЕ — БЛАГО»: дом защищает жизнь и имущество своих насельников от вторжения извне, от злоумышленников. Собственно, мы взяли сапиентему не в общем виде, а лишь в одной из ее конкретизаций. Иначе и нельзя поступить: описать в научных целях врожденную сапиентему — значит собрать все ее конкретизации и затем, поднявшись вверх, обобщить их (т. е. совершить акт абстрагирования).

Естественная динамика, однако, идет в противоположном направлении: от врожденной абстрактной *идеи*, от копуляции абстрактных идей (т. е. от *сапиентемы*) — вниз, вниз, путем расщепления и конкретизации смыслов.

01–4. Жилище как убежище от непогоды и место для сна

Напомним о приведенной в начале главы выписке из Книги Премудрости Иисуса, сына Сирахова: *Начало житiа челоуѣча вода, и хлѣбъ, и рiза, и дѣмъ...* Цитата оборвана; она продолжается указанием на одну из важнейших функций дома: *...и дѣмъ покрывааи стѣдъ. Стѣдъ «стыд» в этимологическом родстве со стѣдѣнь (ж. р. — «холод»), стѣдѣнъи «холодный», стѣдѣнць «колодец». «Главная потребность для жизни — вода и хлеб, и одежда и дом, прикрывающий наготу» (Сир 29: 24). Дом должен поддерживать температуру, (физиологически) благоприятную для самочувствия человека; благоприятная температура соответственно и называется *комнатной*. Дом — защита, убежище от холода, более широко — от любой непогоды.*

Кстати сказать, эта функция (защиты от непогоды) поставлена на первое место в определении жилища этнографами. Жилище (dwelling [habitation], demeure, Behausung) — «естественное или искусственное убежище человека для защиты от непогоды, различным образом устроенное в соответствии с климатическими условиями, для удовлетворения общих человеческих потребностей в жилье (преимущественно для приготовления и приема пищи, отдыха и сна), а начиная с эпохи социальной дифференциации — и из престижных соображений» (СЭП-3: 36).

Если говорить о Ближнем Востоке, этой колыбели библейских книг, то там, действительно, бывают относительно холодные месяцы, когда нужно утеплять дом и согревать его, — иначе заколеченешь (что и отразилось в только что приведенной выписке).

Ср., далее: «Царь³⁰ в то время, в девятом месяце, сидел в *зимнем* доме, и перед ним горела *жаровня*³¹. Когда Иегудий прочитывал три или четыре столбца, царь отрезывал их писцовым ножиком и бросал на огонь в жаровне, доколе не уничтожен был весь свиток на огне, который был в жаровне» (Иер 36: 22–23).

На Руси, в России холода настолько знамениты, что даже есть словосочетание — *русский мороз*. Русский мороз в квадрате — это *сибирский мороз*. Оправдывая свое поражение под Москвой зимой 1941 г., гитлеровцы утверждали, что на стороне противника одержал победу General Frost «генерал Мороз».

³⁰ Речь идет о нечестивом царе иудейском Иоакиме, сыне Иосии.

³¹ Жаровня горела для обогрева.

В ожидании длительных зимних холодов избы всегда утепляют (подсыпают *завалинку*³², вставляют вторые рамы в окна, заклеивают их и т. д.), а печь, источник обогрева, — важнейшая принадлежность русского дома. Печь — это не легковесная переносная жаровня, которая сегодня стоит посреди комнаты, а завтра будет вынесена; печи на Ближнем Востоке известны только для приготовления пищи и для выплавки металлов. Домашний очаг употреблялся прежде всего для варки или жарения. Напротив, на Руси, в России печь — основной элемент дома, и ее главная функция — обогревать дом. Она, как и мороз, имеет постоянный атрибут — *русская печь*³³. Соответственно одна из существенных забот традиционного деревенского быта — *заготовка дров* на зиму. В Ветхом Завете, однако, дрова заготавливали совсем для другой цели: «И бросили мы жребии о доставке дров, священники, левиты и народ, когда которому поколению нашему в назначенные времена, из года в год, привозить их к дому Бога нашего, чтоб они горели на жертвеннике Господа Бога нашего, по написанному в законе» (Неем 10: 34).

Что касается Палестины, то еще большие бедствия, чем мороз, населникам страны доставляет невыносимая жара. Поэтому ближневосточные дома имеют функцию быть убежищем от жары. Несмотря на относительно жаркое лето (в России климат — континентальный), этой функции традиционные русские жилища не имели.

Ср.: «И будет шатер для осенения днем от зноя и для убежища и защиты от непогоды и дождя» (Ис 4: 6). Оставить человека в полдень под палящим солнцем — это, действительно, тяжкое наказание: «Бог одиноких вводит в дом, <...> а непокорные остаются в знойной пустыне» (Пс 67: 7)³⁴. Ср. далее: «Он положит детей своих под кровом ее [Премудрости] и будет иметь ночлег под сенью ее. Он прикроется ею от зноя и будет жить в славе ее» (Сир 14: 26–27). — Отметим кстати, что у кочевых (пастушеских) народов Ближнего Востока домами издревле служили *пещеры* — как естественные (их было много в Иудее), так и высеченные в скалах. В пе-

³² *Завалинка*, или *завалина*, — невысокая земляная насыпь, образующая выступ вдоль наружных стен избы, сделанная для утепления. В современном сознании завалинка преимущественно ассоциируется с ее вторичным использованием. На завалинке перед избой в прошлом усаживались обитатели дома и соседи — обычно среднее и особенно старшее поколение, — чтобы покалякать на досуге (обычно перед сном). Ср. свидетельство этнографа: «Посидеть на завалинке в некоторых деревнях в теплые летние вечера являлось хорошим отдыхом для старших членов семьи» [Бусыгин 1966: 255].

³³ Особой конструкции *русская печь* устроена с учетом довольно холодного климата средней и особенно северной России. Истопленная утром, печь хранит тепло до позднего вечера, позволяет приготовить пищу для людей и корм для скота. «...русская печь, как я пригляделся, неудобна для стряпни: варка идет скрыто от стряпухи, жар к чугунку подступает с разных сторон неравномерно. Но потому, должно быть, пришла она к нашим предкам из самого каменного века, что, протопленная раз на досветьи, весь день хранит в себе теплыми корм и поило для скота, пищу и воду для человека. И спать тепло» (Солженицын, Матренин двор). — Характерной приметой российской действительности является печь-*буржуйка* — металлическая бочка на ножках (с дверкой, конфоркой, поддоном для золы и коленчатой трубой, выводимой, как правило, в форточку). Буржуйками широко пользовались в годы топливного кризиса, когда не было дров, чтобы топить стационарные печи, и когда система центрального отопления выходила из строя (в послереволюционный период, в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.). Ср. строку из песни военного времени: «Бьется в тесной печурке огонь».

³⁴ Такова масоретская версия. Тем не менее в Септуагинте и соответственно в славянском переводе сохраняется упоминание о важности дома: *Бѣгъ вселѣтъ ѣдиномысленныа въ дѣмъ, <...> такожде прѣхгортчѣваѣущыа живѣщыа во гробѣхъ.*

щере близ Вифлеема родился Иисус Христос (Лк 2: 7). Известны древние христианские монастыри в пещерах (в Сирии, Египте, Палестине, на Синае); традиция пещерного монашества была перенесена и на Русь (ср. две знаменитых обители — Киево-Печерскую и Псково-Печерскую). Наряду с пещерами, жилищами служили также *шатры* (ср. выше Ис 4: 6) и *палатки*. И пещеры, и шатры, и палатки, давая укрытие от палящего солнца, облегчали перенесение зноя. Когда же, по обретении Земли Обетованной, евреи стали оседлым народом и стали строить стационарные дома, в них иногда устраивались отдельные комнаты для холодного и знойного времени года. — Ср. повествование о кончине Еглона, царя моавитян. Вступив в союз с аммонитянами, Еглон на протяжении 18 лет держал в рабстве народ израильский, и судии Аоду, посредством коварства, удалось его убийство; оно совершилось в прохладной комнате. «Аод сделал себе меч с двумя остриями, длиною в локоть³⁵, и припоясал его под плащом своим к правому бедру³⁶, [и пришел,] и поднес дары Еглому³⁷, царю Моавитскому; Еглон же был человек очень тучный. Когда поднес Аод все дары и проводил людей, принесших дары, то <...> сказал: у меня есть тайное слово до тебя, царь. Он сказал: тише! И вышли от него все стоявшие при нем³⁸. Аод вошел к нему: он сидел в *прохладной горнице*³⁹, которая была у него отдельно. И сказал Аод: у меня есть до тебя, [царь,] слово Божие. [Еглон] встал со стула [пред ним]. [Когда он встал,] Аод простер левую руку⁴⁰ свою и взял меч с правого бедра своего и вонзил его в чрево его, так что вошла за острием и рукоять, и тук закрыл острие, ибо Аод не вынул меча из чрева его, и он прошел в задние части» (Суд 3: 16–22).

Непогода — это не только внешняя температура, неблагоприятная для человека, но и осадки (дождь, снег, роса), способные повредить его здоровью. Так, дождь, даже если он умеренный и теплый, для человека вреден, тем более проливной, тем более холодный, тем более с порывами ветра, с градом, громом и молнией. В таких обстоятельствах люди ищут убежища в доме, под крышей.

Ужасы грома и молнии. Ср.: «Нагие ночуют без покрова и без одеяния на стуже; мокнут от горных дождей и, не имея убежища, жмутся к скале» (Иов 24: 7–8). — «...Левин замолчал и обратил внимание гостей на то, что тучки собрались и что от дождя лучше идти домой. <...> Князь и Сергей Иванович сели в тележку и поехали; остальное общество, ускорив шаг, пешком *пошло домой*. Но туча, то белея, то чернея, так быстро надвигалась, что надо было еще прибавить шага, чтобы *до дождя поспеть домой*. Передовые ее, низкие и черные, как дым с копотью, облака с необыкновенной быстротой бежали по небу. *До дома* еще было шагов двести, а уже поднялся ветер, и всякую се-

³⁵ *Локоть* — мера длины: от сгиба локтя до конца среднего пальца. В славянском переводе, однако, указана еще меньшая мера: на *пядь единъ долготѣ ѿгч*. *Пядь*, или *пядень*, — расстояние от большого пальца до конца мизинца, если вытянуть их вправо и влево насколько возможно.

³⁶ Охранники царя не заметили меча, потому что мечи обычно припоясывались к левому бедру (кроме того, меч был длиною всего в локоть, или даже в пядень, т. е. намного короче обычного).

³⁷ Судия Аод принес дары от имени народа в знак покорности.

³⁸ Таков обычай: когда посланный объявлял, что он должен провести тайные переговоры, свита властителя выходила из приемной залы.

³⁹ В слав. переводе: *въ горницѣ лѣтнѣй*.

⁴⁰ Аод был *мѣжъ ѿводеснорѣчънъ*, т. е. левша. Он происходил из колена Вениамина, а многие вениамитяне были левшами.

кунду можно было ждать ливня. Дети с испуганным и радостным визгом бежали впереди. Дарья Александровна, с трудом борясь с своими облепившими ее ноги юбками, уже не шла, а бежала, не спуская с глаз детей. Мужчины, придерживая шляпы, шли большими шагами. Они были уже у самого крыльца, как большая капля ударилась и разбилась о край железного желоба. Дети и за ними большие с веселым говором вбежали *под защиту крыши*» (Толстой, Анна Каренина). — Почему все веселы? Потому что они успели добраться под крышу и чувствуют себя в безопасности. В ином положении оказались Кити с младенцем-сыном, застрявшие в Колке, в ближайшем лесу. Левин, помчавшийся выручать их, «уже подбежал к Колку и уже видел что-то белеющее за дубом, как вдруг все вспыхнуло, загорелась вся земля, и как будто над головой треснул свод небес. Открыв ослепленные глаза, Левин сквозь густую завесу дождя, отделявшую его теперь от Колка, с ужасом увидел прежде всего странно изменившую свое положение зеленую макушку знакомого дуба в середине леса. «Неужели разбилось?» — едва успел подумать Левин, как, все убыстряя и убыстряя движение, макушка дуба скрылась за другими деревьями, и он услышал треск упавшего на другие деревья большого дерева. Свет молнии, звук грома и ощущение мгновенно обданного холодом тела слились для Левина в одно впечатление ужаса. — Боже мой! Боже мой, чтоб не на них! — проговорил он. И хотя он тотчас же подумал о том, как бессмысленна его просьба о том, чтоб они не были убиты дубом, который уже упал теперь, он повторил ее, зная, что лучше этой бессмысленной молитвы он ничего не может сделать» (там же).

Нам придется еще раз обратиться к вопросу прочности жилища. Злоумышленник может подкопать дом, взломать двери или выпилить решетки на окнах, но едва ли он разрушит дом целиком; в доме, опустошенном злоумышленниками, продолжают жить. А природный ураган или наводнение способны разрушить дом до основания (и даже похоронить под обломками его насельников) или повредить настолько, что жилище становится непригодным к обитанию.

Деревянная связь в доме, фундамент. Летом и осенью 2001 г. телевизор постоянно сообщал о катастрофическом наводнении в г. Ленске (Якутия). Каменные дома и деревянные дома на солидном фундаменте натиск стихии выдержали, а так наз. «ветхий жилищный фонд» или был смыт, или приведен в негодное состояние. — В Ветхом Завете есть совет для крепости устраивать в доме *связь*, внутреннюю несущую конструкцию; она обеспечивает устойчивость дома при землетрясении: *Сключеніе древа́но связа́но на создáніе хра́мины въ трясѣніи не разбѣрнетсѧ «...деревянная связь в доме, крепко устроенная, не дает ему распадаться при сотрясении...»* (Сир 22: 17). В Евангелии имеется нечто вроде наставления, как надлежит закладывать фундамент дома, устойчивый против стихии: «*Всякий, приходящий ко Мне и слушающий слова Мои и исполняющий их, скажу вам, кому подобен. Он подобен человеку, строящему дом, который копал, углубился и положил основание на камне; почему, когда случилось наводнение и вода наперла на этот дом, то не могла поколебать его, потому что он основан был на камне. А слушающий и не исполняющий подобен человеку, построившему дом на земле без основания, который, когда наперла на него вода, тотчас обрушился; и разрушение дома сего было великое»* (Лк 6: 47–49). — Ср. образ *карточного дома* как символа непрочности, безосновательности: «Но стоило забыть искусственный ход мысли <...>, и вдруг вся эта искусственная постройка заваливалась, как *карточный дом*, и ясно было, что *постройка* была сделана

сделана из тех же перестановленных слов, независимо от чего-то более важного в жизни...» (Толстой, Анна Каренина).

У дома как убежища, наряду с функциями защиты от вторжения извне и защиты от непогоды, есть еще и функция защиты насельников во время сна. Ее приходится выделять особо, потому что во время сна, этой временной смерти, человек не замечает опасности, не может ни бежать, ни обороняться, и его легко убить и ограбить. Кроме того, время сна — ночь, темное время суток, полное страхов.

Выдвигая на первый план функцию дома как убежища на время сна, Иисус предпочел обозначить свою бездомность ссылкой именно на то, что ему негде «*приклонить главу*», т. е. положить ее в определенном постоянном месте на *возглавие*⁴¹ и заснуть с чувством безопасности.

Добавим, что место для сна в доме, т. е. *спальня*, а в спальне приспособления для сна, *постель*, вкупе с прикрытием тела, с *одеялом*⁴², играют для блага жизни важную роль, пусть, может быть, и меньшую, чем печь (для обогрева) и очаг (для приготовления пищи).

«Сон — очима, веждама — дремание». Животные и птицы имеют свои норы и гнезда на время сна. Те из них, которые ведут ночной образ жизни, убираются «домой» на день: «Ты простираешь тьму и бывает ночь: во время нее бродят все лесные звери; львы рыкают о добыче и просят у Бога пищу себе. Восходит солнце, [и] они собираются и *ложатся в свои логовища* (Пс 103: 20–22). — Ср. клятвенное обетование (Давидом построить Храм); в нем потребность во сне выделена особо: *ѧще внидѧ въ селѣнїе дѡмѧ моего, ѧли възидѧ на ѡдрѧ постѣли моеѧ: ѧще дамъ сонъ очїма моїма, ѧ веждама моїма дреманїе, ѧ покой скранїама*⁴³ моїма: *дѡндеже ѡбръщѧ мѣсто гдѣви: селѣнїе бгѧ ѧаквлю* («Не войду в шатер дома моего, *не взойду на ложе мое; не дам сна очам моим и веждам моим — дремания*, доколе не найду места Господу, жилища — Сильному Иакова» [Пс 131: 3–5])⁴⁴. — С отсутствием постели связаны всякие ужасы. Плохо, когда места для сна неудобно или, еще хуже, начинено нечистью, а такое наказание за грехи может быть и бывает наслано: «Слишком *коротка* будет *постель*, чтобы протянуться; слишком *узко* и *одеяло*, чтобы завернуться в него» (Ис 28: 20)⁴⁵; «И воскишит река жабами, и они выйдут и войдут в дом твой, и в *спальню* твою, и на *постель* твою...» (Исх 8: 3). При взыскании долга самое страшное — изъятие постели: «Не будь из тех, которые

⁴¹ *Возглавие* (προσκεφάλαιον; Мк 4: 38) — это некоторый род *изголовья*, ближе неизвестный. Ясно, однако, что по функции это эквивалент *подушки*.

⁴² Одеяло (= «одевало») — это однокоренное слово с *одеянием*, *одеждой*.

⁴³ *Скранїа* — «висок». В масоретской версии псалма система параллелизма сокращена на единицу и фрагмента *ѧ покой скранїама моїма* — нет. Имеются и другие расхождения. Об употреблении слав. условного союза *ѧще* «если» (как регулярного соответствия евр. *אם* и греч. *εἰ*) в значении категорического отрицания при клятве см. [Верещагин 2001: 153–157].

⁴⁴ Псалом 131-й (по масоретскому счету 132-й) замечателен первой фразой, которая в дореволюционной России была крылатой: *Помани, гдїи, дѣда и всю крѡтость єгѡ*. Фраза произносилась в ситуации, когда надо было укротить гнев другого, а также когда человеку самому удавалось овладеть собой и не проявить своего гнева. Сам псалом 131-й имел именование — «на утоление гневных сердец»: «Стихнул Василий Борисыч перед вспыхнувшим тысячником... Только вздыхает да псалом на утоление гневных сердец про себя говорит: „Помяни, Господи, царя Давыда и всю крѡтость его“» (Мельников-Печерский, В лесах).

⁴⁵ Такова масоретская версия. В Септуагинте и в слав. Библии текст совсем другой.

дают руки и поручаются за долги: если тебе нечем заплатить, то для чего доводить себя, чтобы взяли *постель* твою из-под тебя?» (Притч 22: 26–27). — Наконец, самое ужасное — это быть убитым в собственной постели, в уязвимом состоянии. Во время распри между Давидом и Иевосфеем два воеводы последнего совершили предательство: «И пошли <...> Рихав и Баана, и пришли в самый жар дня к дому Иевосфея; а он *спал на постели* в полдень. [А привратник дома, очищавший пшеницу, задремал и уснул] и Рихав и Баана, брат его, вошли внутрь дома, как бы для того, чтобы взять пшеницы; и поразили его в живот и убежали. Когда они вошли в дом, [Иевосфей] *лежал на постели своей, в спальне своей*; и они поразили его, и умертвили его» (2 Цар 4: 5–7). Когда убийцы принесли голову Иевосфея Давиду в надежде на награду, то царь осудил их за бесчестность и предал казни: «...Теперь, когда негодные люди убили человека невинного *в его доме на постели его*, неужели я не взыщу крови его от руки вашей и не истреблю вас с земли?» (2 Цар 4: 11). — Давид, когда в его руки попал его враг — спящий Саул, и сам не стал убивать спящего, и сподвижнику своему Авессе запретил (1 Цар 26: 7–12).

Казалось бы, для чего так много выписок, особенно из Свщ. Писания? — Для того, чтобы количество преобразовалось в качество и можно было приступить к выводам. Сейчас же, завершая, сделаем несколько замечаний, касающихся двойкой функции дома как убежища — от злоумышленников и от непогоды.

Эти функции отчасти одинаковы (поскольку дома должны быть прочными) и отчасти не одинаковы (потому что под прочностью понимаются разные вещи). Как мы уже говорили ранее, чтобы в дом нельзя было проникнуть, на окна ставят решетки, а двери делают стальными. Решетки и листовая сталь, однако, не защищают от холода, поэтому окна — застекляют, на зиму вставляют двойные рамы и (в традиционном быту) заклеивают щели полосками бумаги, тогда как наружные двери — обивают (например, войлоком) и изобретают всякие устройства (противовесы, пружины), не позволяющие двери по забывчивости оставаться открытой (и выхолаживать дом).

Глава 2. Сапиентема — программа развертывания априорных смыслов

Итак, вследствие развертывания сапиентемы «Дом — убежище» слово *убежище* имеет в ЛФоне СДоли, а также реализующие его РПТактики, которые выражают тему «надежности». *Ненадежное, доступное* для злоумышленника убежище было бы противоречием в терминах: убегают туда, куда неприятель не имеет доступа. СДоли и РПТактики — это, практически, именованная превентивных мер, усилий, которые должны предотвратить вторжение извне. Все они сводятся к обеспечению такого качества дома, которое — на предельной степени абстрактности — можно было бы назвать, например, его *фирмативностью*⁴⁶.

Сами по себе эти меры, если исключить неясную перспективу, не имели бы смысла и могли показаться бесцельными. По слухам, действительно, в некоторых

⁴⁶ От лат. *firmus* «крепкий, стабильный, прочный, устойчивый».

человеческих сообществах воровство вообще неизвестно, и тогда, конечно, меры предосторожности за ненадобностью отпадали бы полностью⁴⁷. Но в сообществах, в которых домушники бывают, в действие вступает элемент риска (= вероятности ограбления), — а он выводится на основе прошлого опыта, — и устройство себе убежища на будущее еще раз подтверждает сущностное тождество понятий *предвидения* и *осторожности* (в нем. слове *Vorsicht* они совпали: *providentia* и *cautio*).

СДоли и РПТактики темы *надежного убежища*. Ниже (для примера) часть соответствующих СДолей исчислена:

- дом-убежище должен быть прочным, неразрушимым (*мой дом — моя крепость*⁴⁸);
- в безопасном доме двери — *из толстых досок, да еще в несколько рядов, на прочных петлях, крытые железом (или цинком), стальные; на металлической раме*⁴⁹; *с запорами, защелками, щеколдами, засовами, замками*⁵⁰, *с (поперечным) брусом (закладываемым изнутри), с цепочкой; двери должны быть заперты, заложены, перекрыты;*
- окна — *с вмазанными решетками, ставнями; со стеклами из пуленепробиваемого стекла; узкие (как бойницы); высоко от земли;*
- безопасный дом хорошо *огородить забором*, поместить за забором *сторожевую собаку* и для острастки повесить табличку «Осторожно — злая собака!»; хорошо также иметь *охранника* или *сторожа*, хотя бы *ночного*⁵¹;
- в смысле безопасности еще лучше, если дом находится *на охраняемой территории*» (например, *военгородка*)⁵²;
- во многоквартирном доме хорошо иметь *домофон* и *консьержку (охрану)* при входе, поскольку наиболее уязвимое пространство — *подъезд и лестничная клетка;*
- для безопасности квартиру хорошо «поставить на охрану» в милиции, *провести сигнализацию* — и т. д.

Ниже исчислена также часть РПТактик:

- Выяснение криминальной ситуации в округе: *Как там у вас на Пресне — спокойно-но?; У меня прямо напротив отделение*⁵³ — *не полезут!; У них (у бандитов) с мусо-*

⁴⁷ Ср. библейское свидетельство о жителях г. Асора, столицы хананеев: это народ, «живущий беспечно...; ни дверей, ни запоров нет у него, живут поодиночке» (Иер 49: 31). Говорят, что в Финляндии XIX в. честность жителей была такова, что двери домов не запирались. Один из героев М. Зошенко прокомментировал этот слух: «Не знаю. Не думаю».

⁴⁸ Точный перевод с английского: *My home is my castle*.

⁴⁹ Сейчас рама двери укрепляется длинными штырями, вбиваемыми глубоко в стену, чтобы металлическую дверь нельзя было вышибить вместе с рамой.

⁵⁰ Замок должен быть не только прочным, но и сложным, чтобы вор-профессионал, обычно располагающий связкой распространенных ключей, не смог подобрать подходящий.

⁵¹ *Ночной сторож* — неперменный атрибут барской усадьбы XIX в. Ср.: «Ванька <...> живо вообразил себе своего деда Константина Макарыча, служащего ночным сторожем у господ Живаревых. <...> Днем он спит в людской кухне или балагурит с кухарками, ночью же, окутанный в просторный тулуп, ходит вокруг усадьбы и стучит в свою колотушку. За ним, опустив головы, шагают старая Каштанка и кобелек Вьюн...» (Чехов, Ванька).

⁵² *Военгородок* — несколько жилых домов, обнесенных высоким забором; войти «на территорию *военгородка*» можно только через охраняемую проходную.

⁵³ Имеется в виду отделение милиции.

- рами*⁵⁴ *стачка!*; *Средь бела дня забираются!*; *У нас дача — в деревне, и зимой народ есть*⁵⁵; *Где живут — там они не грабят!*
- Типичный нарратив («Вот как было дело»): *Видать, хотели денег — все перетрясли!*; *Вынесли все подчистую!*; *Продукты взяли, а обстановку не тронули!*; *Фомкой накладку сорвали;* *Это свои — знали, где искать!*; *Милиция нас же и выругала: почему, мол, не поставили железную дверь;* *Собака и показала, где прятали краденое;* *Да их сразу же и отпустили — какой спрос с божжей?;*
 - «Не будь беспечным!»: *Почему же ты дверь-то не запер?!;* *На милицию особенно не полагайся!*; *А ты бы не хвастала, что есть в доме. Вот и приманила!*; *Да ты ничего на даче не держи!* *За ломаными ложками-то не полезут!;*
 - «Учись на чужом опыте!»: *А вы себе сигнализацию проведите!*; *Поставили кодовый замок в подъезде — немного легче стало!*; *У меня три замка: два сломали, а третий не смогли;* *Никогда незнакомым не открывай!*; *У нас решетки на окнах: декоративные. Но все же отпугивают;* *У меня рядом с кроватью всегда топор лежит;* *Как потеряла ключи, сразу все замки сменила!*
 - «Не огорчайся!» (с импликациями: могло быть еще хуже; другие пострадали больше и т. д.): *Хорошо еще, что книги не вынесли!*; *Вон у Похмелькиных мало что обчистили — еще и подожгли!*; *Добро — дело наживное!*; *Впредь умней будешь!* — и т. д.

Когда в речевом акте речения, реализующие одну РПТактику, сочетаются с речениями, реализующими другую РПТактику, но принадлежащую той же самой сапиентеме, возникает не чересполосный текст, а текст внутренне цельный, поскольку он построен на единой рече-поведенческой стратегии.

Хотя мы уже давно пользуемся термином РПТактика, только сейчас явилась возможность ввести (путем указания на родо-видовые отношения) неперенный парный термин — РПСтратегия. Действительно, когда нами был выбран термин тактика, то явно подразумевалось, что будет введен и термин стратегия, однако без опоры на понятия идеи и сапиентемы понятия РПСтратегии мы пока не могли определить.

Итак, пусть рече-поведенческой стратегией называется совокупность РПТактик, сложившихся вследствие развертывания или одной и той же идеи, или одной и той же сапиентемы.

Сапиентема, надо сказать, ответственна и за невербальное поведение, но, обозначив тему, мы о нем в данной монографии не говорим.

Теперь предпримем дальнейшее терминологическое уточнение. Мы уже не раз использовали термин лингвосапиентема. Сейчас, в свете всего изложенного выше и опираясь на вновь введенные соположенные понятия, пришло время дать дескрипцию термина. Пусть невербальная сапиентема, взятая в совокупности с вербальными итогами своего развертывания, т. е. в совокупности с лексическими фонами и рече-поведенческими стратегиями (и тактиками), называется лингвосапиентемой.

Первая половина термина, произведенная от лексемы *lingua*, указывает на то, что когда сапиентема, с какого-то момента своего развертывания, начинает кумулироваться в номинативных единицах языка (в словах, точнее в ЛФонах) и речи (в

⁵⁴ *Мусор* — в уголовном и молодежном жаргоне милиционер (презрительное именование). Ср. [БСЖ 362].

⁵⁵ По контексту ситуация противопоставлена дачному участку: зимой он пустует, и злоумышленники легко грабят дачи, потому что никто не видит.

РПТактиках), то она отчасти материализуется, приобретает внешнюю оболочку и, соответственно, становится непосредственно наблюдаемой.

Если *сапиентема*, взятая на предельно абстрактном уровне своего бытия, а также и на тех уровнях своего развертывания, которые все еще остаются невербализуемыми, — чисто духовный феномен, то *лингвосапиентема* — феномен как духовный, так и материальный. Ее двуприродность сигнализируется двусоставностью термина.

Действительно, сапиентема «ЖИЛИЩЕ — БЛАГО» — это конкретизация сапиентемы «БЫТИЕ — БЛАГО». Но сапиентема «ЖИЛИЩЕ — БЛАГО» все еще остается настолько абстрактной, что ее можно только ощутить. Ее можно ощутить весьма отчетливо (например, вплоть до восприятия кожей всежизненного императива «Имей дом!»), но все же только ощутить, а не сформулировать.

Действительно, сапиентема «БЫТИЕ — БЛАГО» и сапиентема «ЖИЛИЩЕ — БЛАГО» в реальных условиях не формулируются, а для целей научного описания приходится давать условные этикетки. Этикетки эти множественны, что еще раз свидетельствует о невербализуемости сапиентемы в естественных обстоятельствах.

Но стоит сапиентеме «ЖИЛИЩЕ — БЛАГО» спуститься на одну-две-три ступени в процессе конкретизации — например, получить конкретизацию типа «дом — убежище (от злоумышленников)», — как вербализация уже становится возможной, так что в последнем случае мы говорим не о *сапиентеме* просто, а, согласно вышеприведенной дескрипции, пользуемся составным термином *лингвосапиентема*.

За невербальной конкретизацией сапиентемы можно следить только априорно. Соответственно, как правило, есть хотя и мотивированная, но все же субъективная возможность или опустить одно из звеньев развертывания, или прибавить. Путем интроспекции добывается знание, по которому сапиентема, развертываясь, во-первых, проходит несколько этапов, делает, так сказать, несколько шагов и, во-вторых, дробится на каждом шаге. Схематически это можно представить себе в виде ветвящегося древа.

В то же время (этого не скроешь) мы не способны постигнуть, каков механизм конкретизации развертывания сапиентемы «в действительности», какова схема развертывания сапиентемы «на самом деле». Следовательно, по отношению к интроспективным представлениям, излагаемым ниже, не следует прилагать «любовых» вопросов, насколько они онтологически достоверны. Если они согласуются с интроспекцией и здравым смыслом, то уже можно допустить их бытие. Если же они противоречат интроспекции и оскорбляют здравый смысл, то их бытие оказывается под вопросом. Интроспекция и здравый смысл при этом требуют объективации, т. е. они должны пройти количественную оценку. Таким образом, онтологические вопросы, допустимые в указанном выше смысле, не могут ставиться как требование для всех обязательной верификации. Напротив, вполне закономерны вопросы и оценки гносеологического характера: нуминозна ли, логична ли, психологична ли, полна ли, вероятна ли, эстетична ли и т. д. предлагаемая умозрительная схема, а самое главное — достаточна ли ее объяснительная сила?

С учетом сделанной оговорки рассмотрим теперь схему программы порождения смыслов⁵⁶, пока представляющую собой, правда, всего лишь одну из линий

⁵⁶ Наша схема представляет собой одну из возможных догадок. Догадка сложилась у соавторов по наблюдению феномена, который, собственно, сущностному наблюдению не поддается. Ср.: «В на-

конкретизации. Подчеркиванием выделяем второй — новый, рематический — элемент копуляции.

1-й шаг развертывания сапиентемы:

«БЫТИЕ (жизнь) — БЛАГО»

«БЛАГО (жизни) — ЖИЛИЩЕ»

Блага жизни жилищем не исчерпываются. Благами жизни, с определенной (мирской, секулярной) точки зрения, являются также: здоровье, долголетие, счастливый брак, желанное количество детей, успехи на жизненном поприще, высокий социальный статус, обеспеченность или даже богатство, душевная умиротворенность и т. д. Хорошо известно, что блага жизни — релятивны, и то, что представляется жизненным благом одному, другим расценивается как жизненное зло, а для третьего — просто не имеет никакого значения.

В чем Г. С. Сковорода видел для себя *жизненное благо*? Подтвердим сказанное на примере творчества «мандрованного» (скитающегося) философа Г. С. Сковороды. Для него жизненное благо состояло в том, чтобы успеть подготовиться к смерти.

Сковородина песнь «Всякому городу нрав и права» из сборника «Сад божественных песней, прозябший из зерн Священного Писания» (см. [Сковорода 1973, 1: 67]) была в свое время, как бы сейчас сказали, весьма популярна.

Песни «Сада» написаны на мотивы речений из Свщ. Писания, а Библию «старчик» знал отлично. Не раз и не два он, подписывая письма, избирал показательную формулу: «любитель священных Библии Григорий Варсава Сковорода»⁵⁷. Песни «Всякому городу» предпосланы слова из Сир 14: 21: *Блаженъ мъжъ, йже в премъдрости оумретъ, њ йже въ разумъ своемъ поучаетса сватъни*⁵⁸. Кроме того, песнь в черновике имеет и еще один эпиграф: *Solum cito feliciter mori* («Забочусь [лишь] об одном: чтобы умереть благополучно»).

Во 2-й и 3-й строфах имеются предикации о жизненных благах, как они понимаются разными людьми⁵⁹ (выделены курсивом).

шем стремлении понять реальность, мы отчасти подобны человеку, который хочет понять механизм закрытых часов. Он видит циферблат и движущиеся стрелки, даже слышит тиканье, но не имеет средств открыть их корпус. Если он остроумен, он может нарисовать себе некую картину механизма, которая бы отвечала всему, что он наблюдает, но он никогда не может быть уверен в том, что его картина — единственная, которая могла бы объяснить его наблюдения. Он никогда не будет в состоянии сравнить свою картину с реальным механизмом, и он не может даже представить себе возможность или смысл такого сравнения» [Эйнштейн, Инфельд 1965: 30].

⁵⁷ Свое переименованное отчество философ сам прокомментировал так: «Вар, правдивъ же Бар, есть слово еврейское, значит сын; Сава же есть слово сирское, значит субботу, покой, праздник, мир. И так Вар-Сава — сын Савын, сиръчь сын мира, так как Вар-Иона есть сын голубицы» [Сковорода 1973, 2: 99]. Философ иногда подписывался: «любитель и сын мира Григорий Варсава Сковорода» [там же: 202].

⁵⁸ Ср. синодальный перевод, не содержащий упоминания о смерти: «Блажен человек, который упражняется в мудрости и в разуме своем поучается святому». Если судить по критерию параллелизма членов, то он вероятнее версии славянской Библии.

⁵⁹ Воспроизводим по орфографии, принятой в двухтомнике 1973 г. (ее обоснование см. [Сковорода 1973, 1: 6–7]).

Петр для чинов углы панскіи трет, Федька-купец при аршинѣ все лжет, <i>Тот строит дом свой на новый манер,</i> Тот все в процентах, пожалуй, повѣрь! А мнѣ одна только в свѣтѣ дума, А мне одно только нейдет с ума. <...>	Тот непрестанно стягает грунта, Сей иностранны заводит скота, Тѣ формируют на ловлю собак, <i>Сих шумит дом от гостей, как кабак,</i> — А мнѣ одна только в свѣтѣ дума, А мне одно только нейдет с ума.
---	--

Что же это за «думá» (мысль), которая «одна только нейдет с ума»? Она выражена в двустишии:

А мнѣ одна только в свѣтѣ дума,
Как бы умрети мнѣ не без ума.

Сделаем на материале песни Сковороды еще два наблюдения.

Референтная группа, от имени которой говорил философ-скиталец. Во-первых, хотя Сковорода использует местоимение 1-го лица единственного числа («а мне...») и говорит, стало быть, от своего собственного имени, на самом деле он имеет в виду некую референтную группу. В нее в прошлом входил хотя бы Иисус, сын Сирахов, автор первого эпиграфа, употребленного Сковородой; в нее же входил и сочинитель второго, латинского, эпиграфа (оставшегося в черновике). Кроме того, поскольку песнь проникла в народ и, по свидетельству современников Сковороды и по позднейшим свидетельствам, исполнялась на территории Слободской Украины народными рапсодами (ватагами нищих, распевавших возле храмов), она отразила умонастроение множества людей.

Такова закономерность. Представления о жизненном благе, равно как этические представления вообще, никогда не бывают чисто индивидуальными. Если они не высказываются с целью эпатажа или провокации (как, например, философствовали киники или, в новейшее время, Ницше или Лимонов), то они, эти представления, если усмотреть общее за многообразными формами выражения, всегда социальные.

Умозрительная, практическая и «словесная» жизнь. Во-вторых, показывая своим жизненным благом подготовку к смерти, Сковорода, возможно, имел в виду жизненный идеал, а не реальный образ жизни. (Впрочем, Сковорода все-таки сумел осуществить свой идеал. О членах его референтной группы, однако, этого не скажешь.)

Некоторые этические нормы человеком прокламируются или принимаются внутренне, но из-за их невыполнимости или из-за раздвоенности человеческого «я» все же не практикуются или не всегда практикуются.

Сознавая отмеченную раздвоенность, суровые стойки поначалу требовали, чтобы βίος θεωρητικός (умозрительная, т. е. этически правильная, жизнь) была равна βίος πρακτικός (жизни практической). Между тем настойчивое предписание этического идеала может осознаваться, но не претворяться в жизнь. Один из соавторов, прогуливаясь (в Риме) в сообществе одного священника, услышал от него при виде бездомного (вонючего и покрытого язвами) сомалийца: «Нет, я еще не готов к тому, чтобы ввести его под свой кров». Нравственный императив налицо, но налицо и сознательный отказ следовать императиву. Даже стойки, осознав неосуществимость

идеала, в конце, пусть и в виде уступки, согласовали умозрение и практику в понятии «словесной (= разумной) жизни» (λογική βίος): когда сие тебе под силу, поступай по строгой этической норме; когда не под силу, действуй по шадящей. Впрочем, нет ли здесь логической ошибки? Нормы строгой этики всегда превосходят силы человека.

Таким образом, на каждом шаге развертывания сапиентемы имеет место *дробление* ее смыслового поля на ряд соположенных сапиентем, переход от одного (менее определенного) к множеству (более определенного), т. е. *конкретизация*. (На материале 3-го шага развертывания вопрос конкретизации будет обсужден подробнее.)

Релятивизм абстрактного и конкретного. *Абстрактный* (abstractus) — причастие прошедшего времени от глагола ab-strahō «отделять»; среди прямых значений которого есть и «отвлекать, удалять». Переносно *абстрактный* «отвлеченный» — это «освобожденный от некоторых признаков явления с целью выявления его более общих черт». Например, *тополя, клены, дубы, березы, ели, сосны* в отвлечении от множества дифференцирующих признаков и при акцентировании всем им общих черт — это все деревья. В то же время невозможно предметно указать на «*дерево* как таковое» (всякий раз это будет или *дуб*, или *сосна*). — *Конкретный* (concretus) — от глагола con-cre-scere «срастаться», среди прямых значений которого есть и «огустевать, приобретать твердость» (например, aer concretus «спертый воздух», lac concretum «загустевшее кислое молоко, простокваша»). Concretus — «загустевший», т. е. «более твердый» (чем раньше). Стало быть, атрибут имплицитно предполагает сопоставление: более твердый по сравнению с более мягким. Имплицитно и релятивизм: простокваша — тверже парного молока, но все же не такая твердая, как брусок металла. Переносно *конкретный* — «более определенный». По сравнению с чем — более определенный? — По сравнению с ближайшим абстрактным понятием. Так, понятие «*лиственные* (деревья)» — конкретнее понятия «*деревья как таковые*», потому что объем первого понятия уже объема второго (*ель* и *сосна*, являясь деревьями, к лиственным деревьям не принадлежат). Как не существует в зримом мире «*дерева как такового*», так в нем не существует и «*лиственного дерева как такового*»; если указывать предметно, то перед нами всякий раз будет или *дуб*, или *береза*. — Следовательно, абстрактное и конкретное понятия бывают такими, что их предметный объем — пуст. Но в отличие от абстрактных, конкретные понятия бывают и такими, что их предметный объем — не пуст. (Скажем, на *дуб* уже можно указать рукой.) — Иногда *конкретным* называют только то явление, которое имеет место во времени и пространстве и доступно восприятию органами чувств. Эта вторая интерпретация, однако, несмотря на ее распространенность, не является обязательной. Более того, она логически неправомерна, поскольку в противопоставление абстрактного и конкретного вводится не один дифференцирующий признак, а сразу два. — Таким образом, *конкретное* — это понятие меньшего объема по сравнению с ближайшим абстрактным понятием; *абстрактное* — это понятие большего объема по сравнению с ближайшим конкретным понятием. Релятивизм рассматриваемой пары атрибутов и их взаимозависимость — лежат на поверхности. Действительно, если *деревья* — абстрактное понятие по отношению к *лиственным*, то *лиственные* — это абстрактное понятие по отношению к *дубам*.

Теперь условимся о символикe.

Пусть, по конвенции, абстрактное понятие или абстрактная идея на схеме пространственно помещается *выше* конкретного понятия или конкретной идеи. Соответственно конкретное помещается *ниже* абстрактного.

Если логический процесс проходит путем *развертывания*, т. е. посредством движения от абстрактного к конкретному, то пусть он символизируется стрелкой, направленной вниз (↓).

2-й шаг развертывания сапиентемы:

«БЛАГО (жизни) — ЖИЛИЩЕ»

«ЖИЛИЩЕ — УБЕЖИЩЕ»

Место обитания человека должно защищать его жизнь, здоровье, а также имущество. Одновременно исходная сапиентема может быть развернута и иначе: жилище не только убежище, но еще и владение, и место обитания, и показатель статуса владельца, и предмет архитектуры, и источник наживы и т. д.

3-й шаг развертывания сапиентемы (без учета горизонтали):

«ЖИЛИЩЕ — УБЕЖИЩЕ»

«УБЕЖИЩЕ — ОТ ЗЛОУМЫШЛЕННИКОВ»

Поскольку на всем протяжении истории человечества, да и в доисторическое время у каждого индивида бывали враги, а его дом бывал предметом вождления похитителей чужой собственности (= воров), жилище своим устройством должно препятствовать проникновению в дом извне.

Дом, однако, бывает убежищем не только от злоумышленников, но и от погодных условий, а также местом для сна, когда человек беспомощен и уязвим.

СДоли и РПТактики темы *прочного убежища*. Ниже (для примера) часть соответствующих СДолей исчислена:

- крыша дома не должна *протекать*, окна и двери — *продуваться* и *выпускать тепло*;
- дом должен стоять на *прочном фундаменте*;
- в доме должна быть *комнатная температура*;
- в доме должен быть источник обогрева — *жаровня*, (*русская* или другая) *печь*, *плитка*, а также должно быть *заготовлено* достаточное количество *топлива* (*дров*, *угля*, *торфа*, других горючих материалов);
- дом перед наступлением холодов *утепляют*: *заделывают щели*, (в избе) *подсыпаят завалинку*, в окна *вставляют вторые рамы*, двери *обивают* (кошмой, войлоком, клеенкой, кожей);
- на время грозы, бурана, другой непогоды *населники дома укрываются* в нем (т. е. поскорее приходят/прибегают в дом и, пока не кончится непогода, не выходят из него) — и т. д.

Исчислена также часть РПТактик:

- Выяснение климатической ситуации в округе: *Да у нас больших холодов не бывает; Случается — до сорока доходит!; Мы на холме живем — все время дует; До середины мая приходится протапливать!; У нас сыро, промозгло — хочется, чтобы дома уж было сухо; Да мы вообще без печки обойтись можем!; «Тут как зима закрутит, да дуэль в окна, так не столько топишь, сколько выдувает» (Солженицын, Матренин двор);*
- Типичный нарратив (оценка состояния жилища): *Имба — решето! Три машины на зиму мало!; Отец постарался — у нас тепло!; Грех жаловаться: не дует и не каплет; На веранде протекло — тазы подставляла!; Фортку как рванет — и вдребезги. Пока забили фанерой; Дом — загляденье! АГВ поставили, трубы провели; Недоделок много: в дверях щели, окна не закрываются; «Так я поселился у Матрены Васильевны. <...> Может, кому из деревни, кто побогаче, изба Матрены и не казалась доброжилой, нам же с ней в ту осень и зиму вполне была хороша: от дождей она еще не протекала и ветрами студенными выдувало из нее печное грево не сразу. лишь под утро, особенно тогда, когда дул ветер с прохуdivшейся стороны» (Солженицын, Матренин двор);*
- «Не будь беспечным!»: *Да ты бы летом кровельщиков позвал!; Думал — еще годик продержится!; Надо было настоящую печь сложить!; Ты что надеялся — зимы не будет?!;*
- «Учись на чужом опыте!»: *Переходи на газ — никакой мороки!; Тут важно не прозевать и вовремя вьюшку закрыть!; Дверь надо обить снаружи тоже!; Если из Глазьева тучи идут, беги домой сей же секунд, — дождь непременно будет. А если из Овсянникова — может, и рассеются;*
- «Не огорчайся!» (с импликациями: могло быть еще хуже; другие пострадали больше и т. д.): *Если в доме прохладно, для здоровья хорошо!; На веранде — это что! Хорошо еще, что в доме не течет; Ничего! Лето уже близко!; Зима в этом году теплая! — И т. д.*

Если теперь учесть развертывание сапиентемы не только по вертикали (сверху вниз), но и по горизонтали, то схема 3-го шага развертывания могла бы принять следующий вид:

3-й шаг развертывания сапиентемы (с учетом горизонтали):

Мы этого ради простоты изложения не сделали, но аналогично можно было бы представить и итоги 1-го и 2-го шагов развертывания сапиентемы.

Собственно, фактический материал, относящийся к убежищу *от вторжения извне* и к убежищу *от непогоды* и *месту для сна*, мы уже рассмотрели. Вскоре будет возможно перейти к анализу дальнейших теоретических проблем: на 3-м шаге проблематика развертывания сапиентемы «БЫТИЕ — БЛАГО» еще не завершилась.

Тем не менее на 3-м шаге развертывания пока придется на время остановиться, поскольку необходим анализ дальнейшего фактического материала, ведущий к новым обобщениям, которые призваны показать роль человека — как индивидуального, так и собирательного — в формировании и функционировании сапиентемы.

Глава 3. Лингвосапиентема — программа развертывания апостериорных смыслов

На 3-м шаге своего развертывания («жилище — *УБЕЖИЩЕ ОТ...*») исходная внепространственная и вневременная (= общечеловеческая) сапиентема «БЫТИЕ — БЛАГО», нисходя в процессе конкретизации, обрела себе место в пространстве и времени. Одно дело — переносной ближневосточный *шатер* и другое — недвижимая русская *изба*. Изба прежде всего защищает от холода и лишь между прочим — от жары; шатер, напротив, в первую очередь представляет собой укрытие от зноя. В избе печь служит как для обогрева, так и для приготовления пищи; очаг ближневосточного жилища предназначен только для приготовления пищи.

Вместе с тем имеется немало единиц смысла, которые являются общими как для традиционной ближневосточной, так и для русской культуры. И там и здесь имеются запоры на дверях и решетки на окнах. И там и здесь дома защищают от холода и осадков. И там и здесь дома надо ставить на фундаменте, иначе они не выдержат напора стихии. И там и здесь дома́ имеют функцию быть защищенным местом для сна.

Если сапиентема вошла в национальную культуру, это означает, что она теперь вербализуется: может быть сформулирована в общем виде (например, как наставление), а также получает свое бытие в лексических фонах и в рече-поведенческих тактиках.

Пока априорная сапиентема, развертываясь, все еще остается «внутренним голосом», — в нашем случае это шаги развертывания 1-й и 2-й, — она присутствует в сознании индивида симультанно; это значит, что она принципиально не может быть сопряжена с каким-либо языком, в том числе и в латентной внутренней речи. В этом смысле сапиентема — феномен общечеловеческий, прирожденное свойство *species humana*.

Когда же сапиентема, нисходя по лестнице конкретизации, достигает момента вербализации, т. е. становится *лингвосапиентемой*, она приобретает апостериорный характер и начинает выражаться (в том числе и во внутренней речи) в единицах определенного национального языка, т. е. теряет свой общечеловеческий характер и становится элементом национальной культуры.

Если прибегнуть к образности Платона, то с началом вербализации божество, наделившее людей свободой воли и искрой творчества, как бы отдает инициативу людям, и (буквально понимаемое) «слово» (*verbum*) теперь получает человек. Кончается априорная и невербализуемая часть «безъязыкового говорения» *сапиентемы* и начинается апостериорный и вербализуемый период говорения *лингвосапиентемы* на этническом (национальном) языке, в том числе во внутренней речи.

Действительно, общечеловеческого вербального языка не существует, а все этнические (и национальные) языки возникают, развиваются (и исчезают) в историческом времени. Однако Numen с чисто логической точки зрения действует поверх истории, и его наставления обращены ко всему человечеству. Их нельзя привязать к определенному народу и соответственно к определенному человеческому языку (и тем самым поставить им пределы).

Культура этноса, имея общечеловеческий компонент, в то же время, с одной стороны, отчасти обусловлена частными условиями его проживания и, с другой, она, эта культура, в рамках свойственной людям игры (в философском понимании термина; см. [Хейзинга 1992]), отчасти привносит свои *предпочтения* в обустройство

мира (в тех допустимых границах, которые так и называются Spielraum «пространство для игры»).

Двускатная и плоская крыша. Например, чтобы дом защищал от непогоды, он имеет крышу. Русская крыша прежде всего защищает от дождя; ср. поговорку: *В дождь крышу не кроют, а в ведро сама не каплет*. Перед нами отговорка лентяя, но построена она на пресуппозиции, что крыша нужна прежде всего для того, чтобы «с потолка не капало»⁶⁰. Кстати сказать, *протечки* — иногда случаются как в односемейных домах, так и в домах многоквартирных. Русская крыша защищает также и от снега, и чтобы дождь и снег беспрепятственно стекали и *скатывались* с крыши, — иначе возникает излишняя нагрузка на сводчатые (криволинейные) перекрытия⁶¹, и они могут рухнуть, — русский дом имеет крышу, которая (по функции) так и называется — *скатной*. Она обычно имеет два *ската* (две наклонных поверхности), но может быть и в один *скат*. Индустриальное строительство жилых домов привело к тому, что появились *бескатные, плоские* крыши (с особой системой для стока воды); феномен подобного дома — явление сравнительно новое. Как говорилось, на крыше русского дома можно увидеть разве что петуха или кошку, а из людей только кровельщика (или — в прошлом — трубочиста), так что для пребывания на ней «обычных» людей она не используется. На крыше нельзя ни гулять, ни спать, ни беседовать.

Иное дело — ближневосточная крыша-кровля. Она строится плоской, обносится перилами, на ней можно безопасно спать под открытым небом, а также выполнять некоторые работы, прогуливаться, переговариваться с соседями (т. е. с крыши на крышу), говорить с находящимися внизу и т. д. Ср.: «Однажды под вечер Давид, встав с постели, *прогуливался на кровле* царского дома и *увидел с кровли* купающуюся женщину; а та женщина была очень красива» (2 Цар 11: 2). — Поскольку по крыше дома можно ходить, одна из ветхозаветных заповедей предписывает устраивать перила и этим предупреждать возможные несчастия: «Если будешь строить новый дом, то сделай *перила около* (= вокруг) *кровли* твоей, чтобы не навести тебе крови на дом твой, когда кто-нибудь упадет с него» (Втор 22: 8). — Когда Самсон обрушил дом на пировавших, то прежде всего пострадали зеваки, находившиеся на крыше: «Дом же был полон мужчин и женщин; там были все владельцы Филистимские, и *на кровле* было до трех тысяч мужчин и женщин, смотревших на забавляющего их Самсона» (Суд 16: 27). — По обычаю, на крыше ближневосточного дома спали в жаркое время года: «И сошли они с высоты в город, и Самуил разговаривал с Саулом *на кровле*, [и *постлали* Саулу *на кровле*, и он спал]. Утром встали они так: когда взошла заря, Самуил *воззвал* к Саулу *на кровлю* и сказал: встань, я провожу тебя» (1 Цар 9: 25–26). — Ближневосточная крыша употреблялась для хозяйственных надобностей, в частности для просушки снопов: «А сама [Раава] отвела их [соглядатаев] *на кровлю* и скрыла их в снопах льна, *разложенных у нее на кровле*» (Нав 2: 6). — На праздник кушей (шалашей-па-

⁶⁰ Вероятно, ситуация капели с потолка в прошлом возникала чаще, чем теперь. Особенно страдали недостаточные люди, не имевшие возможности устроить себе прочный дом; ср. (устаревшую) поговорку: *На бедного везде каплет*. Во всяком случае, капель с потолка стала символом дела, которое необходимо сделать неотложно. Ср.: «(Жениться?) Куда нам торопиться-то? Над нами не каплет» (А. Островский, Бедность не порок).

⁶¹ Лексема *своды* допускает метонимическое употребление, подобное лексеме *крыша*. Ср.: Юность Пушкина протекала *под сводами* Царскосельского лицея; Мы быстро вошли *под своды* галереи.

латок) куши ставили в том числе и на крышах домов: «И пошел народ, и принесли, и сделали себе куши, каждый *на своей кровле* и на дворах своих» (Неем 8: 16). — С кровли ближневосточного дома можно беседовать с людьми, стоящими внизу: «Что говорю вам в темноте, говорите при свете; и что на ухо слышите, *проповедуйте на кровлях*» (Мф 10: 27). — Евангельский эпизод исцеления расслабленного возможен только потому, что в доме была плоская крыша: «И пришли к Нему с расслабленным, которого несли четверо; и, не имея возможности приблизиться к Нему за многолюдством, *раскрыли кровлю дома*, где Он находился, и, *прокопав ее*, спустили постель, на которой лежал расслабленный» (Мк 2: 3—4); «...не найдя, где пронести его за многолюдством, *влезли на верх дома и сквозь кровлю* спустили его с постелью на середину пред Иисуса» (Лк 5: 19).

Таким образом, если абстрагироваться от частных случаев, то сапиентема «ЖИЛИЩЕ — (это) БЛАГО» на 3-м шаге своего развертывания («ЖИЛИЩЕ — УБЕЖИЩЕ» от непогоды и место для сна), когда дело доходит до конкретного — русского или ближневосточного — дома, перестает быть чисто нуминозной и подключает к себе семантические результаты деятельности человеческих коллективов (прежде всего — этнических, национально-культурных общностей). Эти результаты могут оказаться как идентичными, так и контрастными. Например, русские никогда не спят на крышах своих домов⁶² — на скатных крышах такое и невозможно, — тогда как библейские персонажи для прохлады устраиваются на ночь именно на своих плоских крышах, возвышенное положение которых гарантирует безопасность.

Поскольку этническая культура и этнический (национальный) язык согласованы между собой, язык вырабатывает свое *видение* национального мира, и это его семантическое своеобразие на фоне другого языка называется *идиоматичностью*⁶³. Отсюда можно расширительно говорить об идиоматичности всей этно-языковой общности: это — совокупность национально-культурных предпочтений и частно-языкового видения.

Лингвосапиентема, будучи национально-культурным феноменом, тем не менее не утрачивает и семантики сапиентемы: компоненты знания, полученные нуминозным способом, входят в нее и решающим образом сказываются на ее вербализуемом содержании. Поэтому ЛСапиентема — это поле синергии⁶⁴, когда Numen и Homo sapiens взаимодействуют, и границы Spielraum'a для Homo задаются сапиентемой, т. е. Нуменом.

Если сапиентема — это программа развертывания копуляций *априорных* и врожденных (по генезису — нуминозных) идей, то лингвосапиентема (взятая в своей вербализуемой части) представляет собой развертывание *апостериорного* опыта.

Итак, раскрывая место, где сапиентема «встречается» или «стыкуется» с лингвосапиентемой, обратимся, опустив один элемент, еще раз к 3-му, уже обсужденному, шагу развертывания:

⁶² Когда в жару спать в избе душно, то укладываются во дворе (огороженный дом берет на себя функцию защиты спящего).

⁶³ От термина средневековой латыни *idioma* «местный способ выражения, местный (= отличный от «моего», особый) язык». Хорошее введение в проблематику этнолингвистики с обильной библиографией см. [Копыленко 1995].

⁶⁴ Встречается и другой термин: синергетика. Представлены ортограммы: *синергия* и *синергетика*; они провоцируют «простецкое» произношение и представляются неудачными. См. [Сильницкий 1995; Событие и смысл 1999].

пятствие, делающее невозможным ее открытие злоумышленником, а именно: крепкий замок или несколько замков, к которым невозможно подобрать отмычки; засов(ы), щеколда, поперечный брус (закладываемый изнутри), предохранительная цепочка и т. д.

Дом, как говорилось — надежный, если окна имеют решетки, или ставни, или если в окна вставлены толстые пуленепробиваемые стекла.

Таким образом, ЛФон *надежного дома* складывается из целого ряда сопряженных слов и СДолей. Сопряженные слова и СДоли чисто хронологически — первичны, а ЛФон — вторичен, поскольку в недрах культуры и цивилизации сначала вырабатываются элементы, которые только затем складываются в целое. Например, пока стекло оставалось хрупким, оно могло служить цели хранения тепла в доме (при одновременном обеспечении доступа света). Лексема *стекло* в ЛФон *надежного дома* не входила. Когда же человечество научилось варить стекла, которые невозможно выдавить и которые даже пуля не пробивает, тогда лексема *стекло* вошла в ЛФон *надежного дома*. Ныне *стекло* имеет СДолю *пуленепробиваемость*, и это значит, что теперь стекло — элемент не только прочного (= теплого), но и надежного (= защищающего от вторжения) дома.

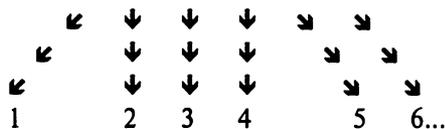
Упомянем еще раз о домофонах, консьержках, вооруженной охране, камерах внешнего наблюдения, ограждениях территории.

Иными словами, апостериорное семантическое движение имеет направленность, противоположную априорному, а именно: не от абстрактного к конкретному (динамика *развертывания*), а, наоборот, от конкретного к абстрактному (динамика *свертывания*). Действительно, если ради наглядности представить на схеме изложенное в настоящей подглавке, то может быть получена нижеследующая картина. Она, конечно, далеко не полна.

5-й шаг — отклик ЛСапиентемы:

априорный опыт развертывается в апостериорный

«ДОМ — НАДЕЖНЫЙ»

1 стены: кирпичные, каменные, бетонные, метровой толщины...

2 крыша: в три наката

3 двери: толстые, металлические, бронированные⁶⁶, на замке, с глазком, с домофоном...

4 окна: забранные решетками, со ставнями, из пуленепробиваемого стекла...

5 (вооруженная) охрана...

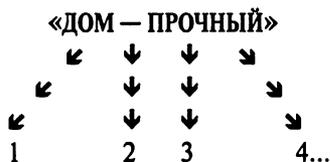
6 огражденная территория...

Таким же или сходным образом можно представить себе свертывание апостериорного опыта применительно к сапиентеме «ДОМ — ПРОЧНЫЙ» (т. е. защищающий от непогоды):

⁶⁶ Ср.: «Но вот оперативник <...> запустил в *публичный дом* группу захвата, представленную двумя муниципальными милиционерами в забавных беретах. Увидев врага, почти все обитательницы *притона* вместе с тремя клиентами заперлись в одной из комнат *массивной железной дверию*» (из газеты).

5-й шаг — отклик ЛСапиентемы:

априорный опыт разворачивается в апостериорный

1 стены: без щелей, проконопаченные⁶⁷, обшитые⁶⁸...

2 крыша: крытая черепицей/(оцинкованым) железом⁶⁹, (одно-/дву-)скатная, недавно перекрытая⁷⁰...

3 двери: с утеплителем, обшитые кожей⁷¹, хорошо пригнанные, без щелей, самозакрывающиеся⁷²...

4 окна: (в традиционном быту:) вставлены вторые рамы, рамы зашпаклеваны⁷³ (замазкой), окна заклеены, «из окон (не) дует/садит»...

5-й шаг можно назвать срединным, ибо он представляет собой завершение, с одной стороны, разворачивания априорных идей-знаний; с другой стороны, здесь же начинается разворачивание апостериорных знаний, полученных в общественном опыте.

Невозможно все сказать сразу: да не сложится у читателя впечатления, что свертывание, в отличие от разворачивания, состоит из одного шага. На самом же деле, «в реальности» интроспекции, апостериорный опыт, свернутый до СДолей ЛФона русского слова *дом*, размещается на различных уровнях конкретности/абстрактности, так что его свертывание предполагает несколько шагов. На вышеприведенной схеме представлены компоненты дома (*стены, крыша* и т. д.), и каждый из них обладает развитым ЛФоном. Стало быть, если бы мы представили реальную картину, то к шагам свертывания опыта, представляющего собой ход от конкретного к абстрактному и достигшего кульминации в лексеме *дом*, прибавились бы еще шаги, отражающие динамику свертывания применительно к компонентам дома.

Сейчас, учитывая разросшийся объем книги, мы от компонентов отвлечемся, но все же покажем динамику градуального свертывания смыслов, дающую в итоге СДоли ЛФона слова *дом*.

⁶⁷ *Конопатить* — плотно затыкать щели, дыры в стенах паклей или (в традиционном быту) мхом, чтобы воспрепятствовать выдуванию тепла из избы.

⁶⁸ *Обшить* — обить стены досками, тесом, вагонкой, чтобы улучшить теплоизоляцию дома.

⁶⁹ В отличие от крыши, крытой, например, соломой. Когда говорящий подчеркивает, что крыша дома покрыта железом, то имплицитруется, что крыша — не протекает.

⁷⁰ Имплицитруется: раньше крыша протекала, а после ремонта — не протекает.

⁷¹ Когда внешнюю дверь обивают каким-либо материалом, то под материал (кожу, дерюгу) обычно подкладывают утеплитель (войлок, кошму, вату). Обшитая внутренняя дверь имеет функцию звукоизоляции (и гарантирует приватность).

⁷² Имплицитруется: если вошедший в дом забудет закрыть за собой дверь, то она захлопнется или (в случае раздвижной двери) сдвинется автоматически (потому что установлена пружина или специальное устройство с фотоэлементом [дверь с фотоэлементом и открывается «сама»]).

⁷³ *Шпаклевать* — замазывать особым составом («замазкой») щели в оконных рамах и между стеклами и пазами, чтобы «из окон не дуло». Русская зима — ветреная, и если в окнах и дверях есть щели, то натопленную избу быстро «выдует».

По различным основаниям *дом-жилище* имеет ряд номинаций. Ср.: *изба, хата; ма-занка, землянка; дворец, палаты, хоромы; времянка, развалюха, халупа, хибара; хрущовка, распашонка, малометражка; государственный, ведомственный, кооперативный, частный дом; пяти-, двенадцати-, многоэтажка* и т. д. Возможен, конечно, и более пространный список именовании по материалу и технике строительства (*рубленый, глинобитный дом* и т. д.), по статусу (*городской, деревенский дом* и т. д.), по принадлежности (*государственная, приватизированная квартира* и т. д.), по использованию (*ночлежка, шалман, вертеп* и т. д.), а также с применением гиперболы (*поместье, терем* и т. д.) и литоты (*лачужка, шалаш* и т. д.).

Ср. далее: «Дом с нужными в хозяйстве строениями называется *усадьбой*. Усадьбы бывают не только помещичьи-дворянские, но и крестьянские. Однако если крестьянская усадьба стоит среди деревни, то она называется *двором*» [Циллиакус, Вогак 1914: 19]. Семантическое наполнение именовании претерпевает изменения с течением времени. Циллиакус и Вогак в 1914 г. писали: «Загородный дом с парком и садом называется *дачей*». Сейчас *дача* — это по-прежнему «загородный дом» для (летнего) отдыха, но парка при даче не бывает, да и сад — факультативен.

У каждого есть представление, какова типичная конструкция дома. Обычно в доме выделяют: фундамент, подвал, комнаты (гостиную, спальню, кухню, [в XIX в.] детскую и т. д.), подъезд, этажи, лифт, чердак, крышу и т. д. Ср.: «Если представить, что твое сознание — большой дом, есть чердак, крыша, кухня, — в каком месте этого дома ты хранишь свое прошлое? Или вообще из окон выбрасываешь?» (из газеты).

Пришедшему в дом гостю обычно предлагают трапезу. В частности, когда приглашают в гости, то в церемониальной номинации упоминают именно непременно трапезу: *Пожалуйста откушать (отведать) хлеба-соли*. Отсюда обычай при торжественной встрече высокого гостя подносить ему на блюде каравай с солонкой: он должен отломить кусочек, обмакнуть его в соль и съесть. Этот церемониал вошел даже в российский дипломатический протокол.

Русское *широкое гостеприимство* зачастую сопровождается излишествами как в еде, так и в «возлияниях». Сложилась устойчивая традиция *потчевания* (уговаривания гостей есть до отвала «закуски и горячее» и пить спиртное). Она, в частности, отразилась в хрестоматийной басне:

Соседушка, мой свет,
Пожалуйста, покушай! <...>
Так потчевал сосед Демьян соседа Фоку
И не давал ему ни отдыха, ни сроку... (Крылов, Демьянова уха).

Отсюда выражение «Демьянова уха» — излишне настойчивое потчевание, идущее во вред гостю.

Домом-жилем можно завладеть разными способами: построить, купить, унаследовать, получить в приданое, получить от государства, выменять. Свой дом, свое жилье получить трудно и удается не всем. Если вспомнить четырехэлементный перечень Иисуса, сына Сирахова, то вода, как и воздух, обычно даются человеку без труда и достаются каждо-

му. Но хлеб-пропитание и ризу-одежду человек получает уже «в поте лица своего»⁷⁴, а свой собственный дом удаётся (за)получить далеко не всем.

Постройка. Для постройки жилплощади можно взять ссуду, получить кредит; однако уже в Библии есть предостережение: «Строящий дом свой на чужие деньги — то же, что собирающий камни для своей могилы» (Сир 21: 9).

Покупка. Для покупки дома надо, конечно, иметь немалые деньги: «Только начала Наташа раскатывать епитрахиль, смотрим: из него упал запечатанный конверт на мое имя, а в том конверте пятьсот рублей с самую малою запиской, тою же рукой писанною. Пишет: „Дабы ожидающее семью твою при несчастьи излишне тебя не смущало, у алтаря предстоящего, купи себе хибару и возрасти тыкву»⁷⁵; тогда спокойнее можешь о строении дела Божия думать“. Ну за что мне сии? Ну, чем я сего достоин? Отчего же она не так, как консistorский секретарь и ключарь, рассуждает, что легче устроить дело Божие, не имея, где головы подклонить? Что сие и взаправду все за случайности! Вот и ты, поп Савелий, не бездомовник! И у тебя своя хатина будет; но увы! должен добавить, что будет она случаем» (Лесков, Соборяне).

Обмен. В сфере покупки и обмена жилья «трудится» немало лиц, желающих погреть руки. Возродилось сословие квартирных *маклеров* (посредников).

Наследование. Особенно дорог человеку дом, в котором жили поколения его предков, «родительский дом». Если человеку по обстоятельствам не приходится жить в родном доме, то он испытывает ностальгические чувства (воспоминания о «счастлимом детстве»). Ср.: «Дом был большой, старинный <...> дом этот был целый мир для Левина. Это был мир, в котором жили и умерли его отец и мать. Они жили тою жизнью, которая для Левина казалась идеалом всякого совершенства и которую он мечтал возобновить с своею женой, с своею семьей» (Толстой, Анна Каренина). — Ср. также:

Усталый труженик, спешу к родной стране
Заснуть желанным сном под кровлею родимой.
О дом отеческий! О край, всегда любимый!
Родные небеса! (Баратынский)

Не искал я ни славы, ни покоя,
Я с тщетой этой славы знаком.
А сейчас, как глаза закрою,
Вижу только родительский дом. (Есенин)

Ср., наконец: «Я давно не был в церкви. Великопостная служба, так знакомая еще с далекого детства, в родительском доме, торжественные молитвы, земные поклоны — все это расшевеливало в душе моей далекое-далекое минувшее, напоминало впечатления еще детских лет...» (Достоевский, Записки из мертвого дома). — Человек, не имевший родительского дома, чувствует себя обделенным: «Аким Акимыч тоже очень готовился к празднику. У него не было ни *семейных воспоминаний*, потому что он вырос сиротой в чужом доме и чуть не с пятнадцати лет пошел на тяжелую службу» (там же).

Получение в приданое. Жених, которого в старые времена называли бы *интересантом*, рассуждает относительно приданого: «.. деньгами или, может быть, домик на фундаменте. Ежели деньгами — благородный родитель объявляет сумму. А ежели домик на фундаменте, то опять-таки иная речь — какой это домик? Может, деревянный, а может, он и каменный» (Зоценко, Брак по расчету).

Получение жилья от государства.

⁷⁴ В полном согласии с библейским речением: «...в поте лица твоего будешь есть хлеб» (Быт 3: 19).

⁷⁵ «Возрасти тыкву» — (библейзм:) «устрой себе на пропитание огород». Аллюзируется эпизод из Книги пророка Ионы: ...и повелъ гдъ въгъ тыквѣ, и возрастѣ надъ главою ѳинниною... и возрадоваса ѳина ѡ тыквѣ радостію великою (Иона 4: 6).

Собственный дом высоко ценится. Построенный, купленный или унаследованный дом (который никто не может отобрать) — это дом *свой, собственный* (в отличие от государственной, казенной, наемной квартиры, с которой рано или поздно придется *свезжать*).

«Свой дом» (ласкательно: *домок*) на шкале ценностей стоит высоко: она ставится выше, может быть, благоустроенного, но чужого (временного) дома. Ср.: «Дом у нас был еще так себе, ничего, хоть гнилой, да свой...» (Достоевский, Записки из мертвого дома). — «Там, говорят, ссыльный может жить своим домком» (там же). — «— Скоро ж, батюшка, вернулись, — сказала Агафья Михайловна. — Соскучился, Агафья Михайловна. В гостях хорошо, а дома лучше, — отвечал он (Левин) ей и прошел в кабинет» (Толстой, Анна Каренина). — «Левин нахмурился. Оскорбление отказа, через которое он прошел, как будто свежее, только что полученною раной загло его в сердце. Он был дома, а дома стены помогают» (там же). — «Она (Кити) знала, что у Левина есть дело в деревне, которое он любит. Она, как он видел, не только не понимала этого дела, но и не хотела понимать. Это не мешало ей, однако, считать это дело очень важным. И потому она знала, что их дом будет в деревне, и желала ехать не за границу, где она не будет жить, а туда, где будет их дом» (там же).

Наличие жилья — условие семейного благополучия. Молодая пара, готовая вступить в брачные отношения, нередко откладывает свой брак, если нет приемлемого жилья. В таком случае на первое место выходит забота о приобретении квартиры.

Если же жилье есть, то оно как бы побуждает основать семью. Ср.: «Наш плац-майор, занимавший тоже казенный дом, в свою очередь потребовал Б-ма и велел расписать ему все стены и потолки. Тут уж Б-м постарался: у генерал-губернатора не было так расписано. Дом был деревянный, одноэтажный, довольно дряхлый и чрезвычайно шелудивый снаружи: расписано же внутри было, как во дворце, и майор был в восторге... Он потирал руки и поговаривал, что теперь непременно женится. „При такой квартире нельзя не жениться“, — прибавлял он очень серьезно» (Достоевский, Записки из мертвого дома).

Арсений Тарковский обрисовал всю жизнь «среднего человека» (советской эпохи), протекшую в теснейшей сопряженности с родным домом. Тематическая лексика показана курсивом:

Ломали старый *деревянный дом*.
 Уехали *жильцы* со всем *добром*:
 С *диванами, кастрюлями, цветами,*
*Косыми зеркалами*⁷⁶ и *котами*.
 Старик взглянул на дом с *грузовика*,
 И время *подхватило* старика,
 И все *осталось навсегда*, как было...
 Но *обнажились* между тем *стропила*,

⁷⁶ *Косое* (или *наклонное*) зеркало в квартире — (как правило, большое) зеркало (обычно для прихожей), нижняя часть которого (на тумбочке) придвинута к стене, а верхняя посредством веревочного держателя немного отодвинута от стены (*наклонена*), чтобы «было удобнее себя видеть с головы до ног». Примерно так же в середине прошлого века крепились на стенах фотографии и картины.

Забрезжила в проемах без стекла
 Сухая пыль. И выступила мгла.
 Остались в доме сны, воспоминанья.
 Забытые надежды и желанья.
 Сруб разобрали, бревна увезли,
 Но ни на шаг от милой им земли
 Не отходили призраки былого:
 И про рябину⁷⁷ песню пели снова,
 На свадьбах пили белое вино⁷⁸,
 Ходили на работу⁷⁹ и в кино⁸⁰,
 Гробы на полотенцах выносили,
 И друг у друга денег в долг просили,
 И спали парами в пуховиках,
 И первенцев держали на руках,
 Пока железная десна машины
 Не выгрызла их шелудивой глины,
 Пока над ними кран, как буква Г,
 Не повернулся на одной ноге.

Дом нуждается в постоянных усилиях по поддержанию; иначе разрушается.

У бурмистра Власа	«Вот приедет барин,
бабушка Ненила	Барин нас рассудит.
починить избенку	Барин сам увидит,
лесу попросила.	Что плоха избушка,
Отвечал: «Нет лесу,	И велит дать лесу», —
И не жди: не будет».	Думает старушка. (Некрасов, Забытая деревня)

Дом допускает многообразное использование: для проживания семьи, вложения денег, извлечения дохода. Проживание семьи. В таком своем качестве дом в дворянском быту почитался святыней. Ср.: «Тот лишь дом и тверд и прочен, / Где семейный свят устав» (Тютчев). — «— Я больше тебя знаю свет, — сказала она (Анна). — Я знаю этих людей, как Стива, как они смотрят на это. Ты говоришь, что он с ней говорил об тебе. Этого не было. Эти люди делают неверности, но свой домашний очаг и жена — это для них святыня. Как-то у них эти женщины остаются в презрении и не мешают семье. Они какую-то черту проводят непроходимую между семьей и этим. Я этого не понимаю, но это так» (Толстой, Анна Каренина). «— Мужчина должен быть мужествен, — сказал Облонский, отворяя ворота. — То есть что же? Пойти ухаживать за дворовыми девками? — спросил Левин. — Отчего же и не пойти, если весело. <...> Главное дело — блюда святыню дома. В доме чтобы ничего не было. А рук себе не завязывай» (там же).

⁷⁷ Имеется в виду популярная народная песня «Что, стоишь, качаясь, тонкая рябина?».

⁷⁸ Так — «деликатно» — называлась водка.

⁷⁹ Женщины, как правило, также работали.

⁸⁰ В эпоху до господства телевизора кино было любимым развлечением.

Инвестиции. «Хорошим и полезным вложением капитала станет *дом*: сейчас прекрасное время для начала ремонта, обновления интерьера, различных переделок и перестановки мебели» (из газеты).

Получение дохода. «Согласно указу президента, Русской Церкви возвращаются не только храмы, но и те *дома*, которыми она владела до революции. Ни для кого не секрет, что московская *недвижимость* приносит баснословные доходы» (из либеральной газеты).

Роль главы дома оценивается высоко. «Власть домохозяина есть монархическая власть (потому что весь дом находится под властью одного)» [Аристотель 1893: 17]. Философ ссылается на традицию глубокой древности: «Изречение Гомера: *каждый властвует над детьми и женами* — относится именно к эпохе спорадического образа жизни, а так действительно жили люди в древности» [там же: 6]. Действительно, у Гомера применительно к быту циклопов читается: $\theta\epsilon\mu\sigma\tau\epsilon\upsilon\epsilon\iota\ \delta\grave{\epsilon}\ \epsilon\chi\alpha\sigma\tau\omicron\varsigma\ \pi\alpha\iota\delta\omega\nu\ \eta\delta'\ \acute{\alpha}\lambda\omicron\chi\omega\nu$; *jus autem dat unusquisque / liberis atque uxorigibus*; «Над женой и детьми безответно там каждый / властвует» (Од. IX. 114–115 [Homeri carmina 1837: 372]; рус. перевод В. А. Жуковского). Монархическая власть домохозяина, по Аристотелю, вполне оправданна: «Власть над детьми, над женою и над всей семьей, власть, которую мы обыкновенно называем властью домохозяина, имеет в виду пользу...» [Аристотель 1893: 109]. Действительно, «забота о стяжании имущества, поскольку она естественна, входит в круг деятельности домохозяев» [там же: 22].

Если кто-либо из домочадцев, включая жену, слушается домохозяина, то тот вправе наказывать их. Когда царица Астинь однажды послушалась своего мужа, царя Артаксеркса, то князь Мемухан заметил, что этого нельзя так оставить, «потому что поступок царицы дойдет до всех жен, и они будут пренебрегать мужьями своими», и «пренебрежения и огорчения будет довольно». Артаксеркс отнял у Астини «царское достоинство», и «послал во все области царя письма, писанные в каждую область письменами ее и к каждому народу на языке его, чтобы всякий муж был *господином в доме своем*, и чтобы это было объявлено каждому на природном языке его» (Есф 1: 22).

Глава дома внушает уважение домочадцам, и они не стесняются выражать его. Ср.: «Это выражение в лице предводителя было особенно трогательно Левину, потому что вчера только он по делу опеки был у него дома и видел его во всем величии доброго и семейного человека. Большой дом со старою семейною мебелью; не щеголеватые, грязноватые, но почтительные старые лакеи, очевидно еще из прежних крепостных, не переменявшие хозяина; толстая, добродушная жена в чепчике с кружевами и турецкой шали, ласкавшая хорошенькую внучку, дочь дочери; молодой сын, гимназист шестого класса, приехавший из гимназии и, здороваясь с отцом, поцеловавший его большую руку; внушительные ласковые речи и жесты хозяина — все это вчера возбудило в Левине невольное уважение и сочувствие» (Толстой, Анна Каренина).

Человек, хорошо управляющий своим домом, и вообще заслуживает доверия. «Но епископ должен быть хорошо управляющий домом своим, детей содержащий в послушании со всякою честностью; ибо, *кто не умеет управлять собственным домом, тот будет ли пецись о Церкви Божией?*» (1 Тим 3: 4–5). «Диакон должен быть муж одной жены, *хорошо управляющий детьми и домом своим*» (1 Тим 3: 12).

Поскольку некоторые домохозяйства руководят авторитарно, Свщ. Писание предупреждает: «Не будь, как лев, в доме твоём и подозрителен к домочадцам твоим» (Сир 4: 34).

Богатый домохозяин может передать часть своей власти специально назначенному управляющему. «И сказал Авраам рабу своему, старшему в доме его, управлявшему всем, что у него было: положи руку твою под стегно мое» (Быт 24: 2). В дворянском быту роль управляющих исполняли *дворецкие*⁸¹. Бывают добросовестные домоправители, но бывают и хищники.

Роль жены, хозяйки в доме оценивается высоко. Женщина считается нераздельной хозяйкой в доме (в делах его благосостояния); обычно хозяйка дома = супруга домохозяина. В традиционных воззрениях нормальное состояние для женщины — быть замужем и «вести дом»: «Итак, я желаю, чтобы молодые вдовы вступали в брак, рождали детей, *управляли домом* и не подавали противнику никакого повода к злощестию» (1 Тим 5: 14).

Сложилось многочисленное сословие домашних хозяек (*домохозяек*). Ср.:

Ты не получишь воздаянья,	Но быть дала ты обещанье
Ты не узнаешь ничего,	<i>Хозяйкой дома</i> моего. (Блок)

Ср. далее: «Ею (Дуней) дом держался: что прибрать, что приготовить, за всем успевала» (Пушкин, Станционный смотритель). — «*Дом и имение* — наследство от родителей, а разумная жена — от Господа» (Притч 19: 14). — «Она встает еще ночью и раздаст пищу в доме своем и урочное служанкам своим» (Притч 31: 15). — «Она наблюдает за хозяйством в доме своем и не ест хлеба праздности» (Притч 31: 27). — «Красота доброй жены в *убранстве* дома ее» (Сир 26: 21). — «Левин <...> не понимал еще, что она (Кити) готовилась к тому периоду деятельности, который должен был наступить для нее, когда она будет в одно и то же время женой мужа, хозяйкой дома, будет носить, кормить и воспитывать детей. Он не подумал, что она чутьем знала это и, готовясь к этому страшному труду, не упрекала себя в минутах беззаботности и счастья любви, которыми она пользовалась теперь, весело свивая свое будущее гнездо» (Толстой, Анна Каренина).

От женщины, хозяйки дома, по традиционным представлениям, ожидали миротворчества: «Говорят иносказательно, что наилучшее, чтобы женщина ходила с водой против мужчины, ходящего с огнем, то есть дабы, если он с пылкостью, то она была бы с кротостью» (Лесков, Соборяне).

По традиционным представлениям жена должна находиться в подчинении мужа и ограничивать свой мир домом. Ср.: «Если же они (женщины) хотят чему научиться, пусть спрашивают о том дома у мужей своих; ибо неприлично жене говорить в церкви» (1 Кор 14: 35).

Домашние хозяйки в советское время приобрели дурную славу. У Солженицына в «Круге первом» Сталин причисляет их к вредителям. Духовный мир домашних хозяек по инерции и сейчас считается узким: «Влияние телесериалов на общество выходит за рамки ввода *домохозяек* в состояние анабиоза во время трансляции очередной серии одного из бесконечных повествований о, как правило, несчастной

⁸¹ *Дворецкий* — «в помещичьем и буржуазном быту: старший слуга, ведающий столом и домашней прислугой» (БТС).

любви, которое все же, как это известно всем заранее, будет иметь счастливый конец» (из газеты).

Злые жены — это притча во языцех; видимо, злая домохозяйка — не столь уж редкое явление. Ср.: «Лучше *жить* в углу на *кровле*, нежели со сварливою женою в просторном доме» (там же 21: 9)⁸². — «Мудрая жена устроит дом свой, а глупая разрушит его своими руками» (Притч 14: 1). — Разве может человек, который что-нибудь чувствует, жить с своею преступною женой в одном доме? Разве можно говорить с ней? Говорить ей ты?» (Толстой, Анна Каренина). Ср. также: «Чисто народных песен пелось мало. Помню только одну, молодецки пропетую:

Я вчор, млада,
Во пиру была.

И здесь я услышал новый вариант этой песни, которого прежде не встречал. В конце песни прибавлялось несколько стихов:

У меня ль, молодой,
Дома убрано:
Ложки вымыла,
Во щи вылила;
С косяков сскребла,
Пирогі спекла». (Достоевский, Записки из мертвого дома)

Благосостоятельный дом должен быть обеспечен водой и пищевыми припасами. Одна из главных функций дома — обеспечивать своих насельников пищей и водой. «Разве у вас нет домов на то, чтобы есть и пить?» (1 Кор 11: 22).

Вода. Обычно при доме бывает колодец или (в условиях современной цивилизации) водопровод. «...с домами, наполненными всяким добром, <...> и с колодцами, высеченными из камня...» (Втор 6: 11).

Приготовление пищи.

Прием пищи. Проводится различие между повседневной и праздничной едой. Если пищи избыток, то в традиционном быту было принято раздавать остатки неимущим. «Когда я возвратился в дом свой, <...> в праздник пятидесятницы, в святую седмицу седмиц, приготовлен у меня был *хороший обед*, и я *возлег есть*. Увидев много *снедей*, я сказал сыну моему: пойди и приведи, кого найдешь, бедного из братьев наших, который помнит Господа, а я подожду тебя» (Тов 2: 1–2). Изысканная пища за столом, к тому же подаваемая служащими, свидетельствует о высоком статусе домохозяйина: «И увидела царица Савская мудрость Соломона и дом, который он построил, и пищу за столом его, <...> и чинность служащих ему и одежду их, и виночерпиев его и одежду их, <...> — и была она вне себя» (2 Пар 9: 3–4).

Отсутствие пищевых запасов — бедствие. «И сказал ей Елисей: что мне сделать тебе? скажи мне, *что есть у тебя в доме?* Она сказала: нет у рабы твоей ничего в доме, кроме сосуда с елеем» (4 Цар 4: 2).

⁸² Имеется множество анекдотов и историй, героиней которых выступает сварливая жена. Имя склочной жены Сократа — *Ксанטיפпа* — стало нарицательным. В древнерусской книжности бытовало специальное наставление, как обходиться со злой женой, — «Беседа отца с сыном о женской злобе» (см. [Титова 1987]).

Благополучный дом — зажиточный. Впрочем, иногда для благополучного проживания достаточно самого минимального имущества: «И сказала она (сонамитянка) мужу своему: вот, я знаю, что человек Божий (Елисей), который проходит мимо нас постоянно, святой; сделаем небольшую *горницу* над стеною и поставим ему там *постель*, и *стол*, и *седалище*, и *светильник*; и когда он будет приходить к нам, пусть заходит туда» (4 Цар 4 : 9–10).

Зажиточность — наличие имущества, накопленность *за жизнь*. Пословица гласит: «Камень, и тот мхом обрастает». Это значит, что в доме накапливаются всевозможные вещи: мебель, утварь, посуда, убранство, одежда и т. д. «В тот день, кто будет на кровле, а вещи его в доме, тот не сходи взять их; и кто будет на поле, также не обращайся назад» (Лк 17: 31). — Если человек приобретает имущество несправедливым путем, то его пейоративно называют стяжателем: «Небо откроет беззаконие его, и земля восстанет против него. Исчезнет стяжание дома его; все расплывется в день гнева Его» (Иов 20: 27–28).

В доме обычно имеется посуда: «столовые сосуды, оловяники и братины и ковши, укусницы, перечницы, росолницы, солоницы, ставцы, блюда, ложки, скатерти» [Домострой 1994: 25]. Посуда разделяется на повседневную («затрапезную») и казовую, праздничную, гостевую: «А в большом доме есть сосуды не только золотые и серебряные, но и деревянные и глиняные; и одни в почетном, а другие в низком употреблении» (2 Тим 2: 20).

Отношение к собственности, зажиточности, домовитости в религии и идеологии парадоксальное. С одной стороны, хорошее хозяйствование одобряется. С другой стороны, «слишком хорошее» хозяйствование (стяжательство) — порицается.

О возможности согласования христианства и коммунизма: в некогда сделавшей эпоху книжке «Евангелие бедного грешника» (написана в 1839 г.) коммуниста-утописта В. Вейтлинга⁸³ «более чем 100 цитатами из Библии доказывается, что самые смелые выводы свободной мысли вполне соответствуют духу учения Христа» [Вейтлинг 1907: 7]. В книжке имеются главки, говорящие сами за себя, а именно: «Иисус проповедует отмену собственности», «Иисус проповедует отмену наследства», «Иисус проповедует отмену денег», «Принцип учения Иисуса — общность труда и пользования», «Иисус не питает никакого почтения к собственности».

Дети, дети, куда вас дети? В православно-христианской культуре, как и в ближневосточной (ветхозаветной), обилие детей считалось благословением Божиим. Отсутствие детей почиталось наказанием. Ср.: «Пятиоконный, немного покосившийся серый дом отца Захарии похож скорее на большой птичник, и к довершению сходства его с этим заведением во все маленькие переплеты его зеленых окон постоянно толкутся различные носы и хохлики, друг друга оттирающие и друг друга преследующие. Это все потомство отца Захарии, которого бог благословил яко Иакова, а жену его умножил яко Рахиль. У отца Захарии далеко не было ни зеркальной чистоты протопопского дома, ни его строгого порядка: на всем здесь лежали следы детских запачканных лапок; изо всякого угла торчала детская головенка; и

⁸³ Это тот самый Вейтлинг (1808–1871), наивный коммунист до-Марковского периода, который встречался с Гейне (описание эпизода есть в «Исповеди» поэта) и основал колонию «Коммуния» в североамериканском штате Висконсин.

все это шевелилось детьми, все здесь и пищало и пело о детях, начиная с запечных сверчков и оканчивая матерью, убаюкивавшую свое потомство песенкой:

Дети мои, дети!
Куда мне вас дети?
Где вас положить?» (Лесков, Соборяне)

Ср. также: «В домике у отца протопоба всякая чистота и всякий порядок, потому что ни сорить, ни пачкать, ни нарушать порядок у него некому. Он бездетен, и это составляет одну из непреходящих скорбей его и его протопобицы» (там же).

Дом — (только) для «своих», не для «чужих». Декларации типа «Мой дом открыт. Переступи порог» (Волошин), — имплицитно: открыт для всех, — никогда не исполняются на практике, что в данном случае и засвидетельствовали бывавшие в Коктебеле.

Родного, действительно, принято приглашать, вводить в дом и поселять его в доме. «Лаван, услышав о Иакове, сыне сестры своей, выбежал ему навстречу, обнял его и поцеловал его, и *ввел его в дом свой*» (Быт 29: 13).

Похвально, если зажиточный родственник дает в своем доме приют «бедному родственнику». — Иоанн Златоуст однажды сказал поучение, озаглавленное: «Не имеющий попечения о родных — хуже неверного». По словам знаменитого проповедника, ап. Павел «говорит: *еще же кто о своих, паче же о присных не промышляет, веры отвергся есть*. Промышление понимает всякое — и о душе и о теле; ибо и последнее есть тоже промышление. Тот, кто не печется *о своих паче же о присных*, то есть принадлежащих к его роду, *неверного горший есть* (1 Тим 5: 8). Это говорит и Исаия, глава пророков: *от свойственных племени твоего не презри* (Ис 58: 7). <...> Кто нерадит о своих, тот нарушает и закон Божий и закон природы. <...> Бог для того и учредил родственные связи, чтобы мы имели больше случаев благотворить друг другу» [Иоанн Златоуст 1893: 413]. — Обратной стороной благотворительности родным является nepoтизм:

При мне служащие чужие очень редки:
Все больше сестрины, свояченицы детки.
Как станешь представлять к крестишку, иль к местечку,
Ну как не порадеть родному человечку? (Грибоедов, Горе от ума)

Примечательно расхождение в оценках, кто является родным и кто — нет. На Руси, в России овдовевшая женщина остается навсегда в новой для нее семье; по ближневосточным обычаям вдова возвращается в дом отца своего. «Когда же дочь священника будет вдова, или разведенная, и детей нет у нее, и *возвратится в дом отца своего*, как была в юности своей, тогда она может есть хлеб отца своего; а посторонний никто не должен есть его (Лев 22: 13). «И сказал Иуда Фамари, невестке своей [по смерти двух сыновей своих]: *живи вдовою в доме отца твоего* <...>. Фамарь пошла и стала *жить в доме отца своего*» (Быт 38: 11–12). — На фоне этого обычая построен сюжет библейской Книги Руфи.

В богатых дворянских домах нередко проживали весьма дальние бедные родственники (ведь, по Пушкину, все дворяне — родня между собой); таковы *прижи-*

вальщики и приживалки. Ср.: «Есть натуры, чрезвычайно приживающиеся к дому, точно комнатные собачки. <...> „Друг мой, — говорил мне Степан Трофимович через две недели, под величайшим секретом, — друг мой, я открыл ужасную для меня... новость: je suis un простой приживальщик et rien de plus! Mais r-r-rien de plus!“» (Достоевский, Бесы).

По контрасту дом закрыт для чужих, поскольку они склонны к злему умыслу и сеют смуту. Если же чужой все-таки водворяется в доме, то «хоть из дому беги». Если чужой задерживается в доме, то ему могут «указать на дверь». Ср.: «Не всякого человека води в дом твой, ибо много козней у коварного» (Сир11: 29). — «Посели в доме твоём чужого, и он расстроит тебя смутами и сделает тебя *чужим для твоих*» (Сир11: 34). — Даже в христианстве есть запрет относительно иноверцев: «Кто приходит к вам и не приносит сего учения, того не *принимайте в дом* и не приветствуйте его» (2 Ин 1: 10). — «Ужас начался в тот день, когда после развода мать *привела в дом* нового мужчину, второго мужа — здорового лысого верзилу» (из газеты). — «Било 11, и никто не думал о сне. Наконец Кирила Петрович сказал сердито исправнику: — Ну что? ведь не до свету же тебе здесь оставаться, *дом мой не харчевня* <...>. *Отправляйся-ка восвояси*» (Пушкин, Дубровский).

Метафорическое (расширительное) использование понятия дома. Дом — вся вселенная (небесный Домовладыка, Домостроитель = Бог); родная страна (ср. наименование исчезнувшей правой партии: «Наш дом — Россия»); любоеместилище, в том числе и человек: О дивная Владычня Палато (= Богородица), дом Духа Божественна мене сотвори (Из Молитв утренних 7-я).

Дом имеет помещения для физиологических отправлений. Столовая. Спальня. Нужник.

Глава 4. Сапиентема как программа тройких этических оценок

04–1. ЕЩЕ РАЗ ОБ ЭТИЧНОМ, НЕЭТИЧНОМ И СВЕРХЭТИЧНОМ

Тема, названная в заглавии подглавки, рассматривалась в настоящем Разделе книги в Части I (глава 3). Еще одно обращение к той же теме призвано продемонстрировать объяснительную силу концепции сапиентемы.

Сначала, как обычно, рассмотрим пример. В неканонической библейской Книге Премудрости Иисуса, сына Сирахова (33: 14–15), отражено расхожее мнение относительно морали, а именно: «или — или». Этический выбор бывает *только* между добром и злом; этот выбор («одно напротив другого») — *строго* бинарен:

Ἀπέναντι τοῦ κακοῦ τὸ ἀγαθόν,
καὶ ἀπέναντι τοῦ θανάτου ἡ ζωή,
οὕτως ἀπέναντι εὐσεβοῦς ἀμαρτωλός
καὶ οὕτως ἔμβλεψον εἰς πάντα τὰ ἔργα τοῦ ὑψίστου,
δύο δύο, ἐν κατέναντι τοῦ ἑνός.

Противѣ злобѣ благое
и противѣ смѣрти живѣтъ,
тѣкъ противѣ благочестнѣвагъ грѣшникъ.
И сице воззри во всѣ дѣла вѣшнагъ:
двое двое, единое противѣ единому.

В синодальном русском переводе две последних строки изложены совершенно недвусмысленно:

Так смотри и на все дела Всевышнего:
их *по два*, одно напротив другого.

Наблюденная мудрецом бинарность, вероятно, хорошо согласована с жизнью. Так, если вернуться к нашему проходящему примеру, условием благоденствия семьи является присутствие в доме определенного имущества, особенно насущно-необходимого (продуктов питания, одежды, постелей, светильников, дров и т. д.). Когда насущного в доме нет, то функция последнего быть убежищем теряет свое значение.

Припасы в доме — условие жизни. Что нашел пророк Илия в доме у Сарептской вдовы? Отвечая на вопрос, вдова сказала: «У меня <...> только есть горсть муки в кадке и немного масла в кувшине; и вот, я наберу полена два дров, и пойду, и приготовлю это для себя и для сына моего; съедим это и умрем» (3 Цар 17: 12).

Ср. свидетельство, отражающее ситуацию голодного деревенского дома во время Великой Отечественной войны:

К нам похоронка постучалась по весне,
Весна была голодная и злая.
Страшнее криков матери во сне
Я с той поры не слышал и не знаю.
А днем стояла в доме тишина,
Как будто в нем давно уже не жили.
А голод гнул, свое беря сполна,
Последние вытягивая жилы.
Мы ждали — лебеда вот-вот пойдет,
Крапива у стены пустого хлева.
Кто сыт всю жизнь — вовеки не поймет,
Что значит вкус приснившегося хлеба. (М. Палиевский⁸⁴)

Итак, припасы, вообще имущество в доме — условие жизни. Иисус, сын Сирахов (о котором уже шла речь), живший за 300 лет до Рождества Христова, оставил нам настоящий «Домострой» — целый свод сентенций и предписаний, касающихся дома и ведения домашнего хозяйства. Так, в источнике сказано: «Главное из всех потребностей для жизни человека — вода, огонь, железо, соль, пшеничная мука, мед, молоко, виноградный сок, масло и одежда» (Сир 39: 32–33). В другом «Домострое» — древнерусском (XVI в.) — пространно говорится о том, как делать припасы: «Коли чему навозь, или чего много и дешево у приѣждихъ людей и у християнь, в тѣ поры и закупить на весь годъ» [Домострой 1994: 49–50]. — «Добрые жены <...> старьи запасъ держать на много лѣтъ кои не портитца» [там же: 53]. — Название главы (63-й): «Указъ ключнику какъ держати ему в погребѣ всякой запасъ, просоль и в кадехъ, и в бочкахъ, и въ мѣрникахъ, и во

⁸⁴ «Комс. правда», 1983, 6 мая.

тщанехъ, и въ ведерцахъ, мясо, рыба, капуста, огурци, сливы, лимоны, икра, рыжики, и грузди» [там же: 63]. — Обоснование важности домашнего имущества предложил, например, Аристотель: «Если владение имуществом есть одно из условий семейного быта, то умение приобретать имущество составляет одну из сторон домашнего хозяйства (потому что без необходимого нельзя не только хорошо жить, но и просто жить)» [Аристотель 1893: 10].

Итак, суждения о припасах — строго полярны в своих оценках. Если в доме имеются продовольственные запасы и вообще имущество — это добро, благо. Если же запасов нет — это зло. Именно поэтому авторы наставительных книг — как ветхозаветного «Домостроя», так и «Домостроя», вышедшего из-под пера русского книжника XVI в., — дают советы, как успешно достигнуть блага и избежать зла. Иисус, сын Сирахов, так и обозначил цель своих наставлений; он выясняет: «Что есть человек и что польза его? что благо его и что зло его?» (Сир 18: 7). Его поражает присутствие в человеческом общежитии зла; ср. насколько идиоматичен (в глаголе) славянский перевод: ѡ ѡбѣмъ помышлѣнїи, ѡкъдѣ ѡзвалїлосѣ єси покрѣгти сѣшѣ лѣстїю; («О, злая мысль (ὁ ποιηρὸν ἐνθὺμημα)! откуда вторглась ты, чтобы покрыть землю коварством?» [Сир 37: 3]).

Казалось бы, на фоне всего сказанного бинарностью добра и зла только и могут исчерпываться нравственные оценки. Между тем, как пространно говорилось в главе 3 Части I, в некоторых ситуациях и для некоторых людей общепринятое добро — это зло, а то, что всем кажется злом, — добро.

Добровольная смерть как сверхэтичное поведение. Конечно, смерть — зло, а жизнь — добро, и бесчисленны примеры, когда человек, поставленный в ситуацию выбора, «идет на все» и без колебаний принимает решение в пользу жизни. Но разве не бывает и добровольной смерти? Во время гонений при Епифане Антиохе «был некто Елеазар, из первых книжников, <...> его принуждали, раскрывая ему рот, есть свиное мясо. Предпочитая славную смерть опозоренной жизни, он добровольно пошел на мучение» (2 Мак 6: 18–19). Высшей ценностью для книжника оказалась не жизнь, а вера отцов. — В 7-й главе той же книги подробно рассказывается, как, по наставлению своей матери (и на ее глазах), погибли семь братьев, отказавшихся есть идоложертвенное. Соломония⁸⁵ не только не противилась гибели сыновей, но всячески побуждала их не страшиться смерти, а напоследок и сама умерла добровольно. Первый из сыновей, умирая, от имени всех учеников заявил царю: «Мы готовы лучше умереть, нежели преступить отеческие законы» (2 Мак 7: 2). Память семи ветхозаветных мучеников Маккавеев, матери их Соломонии и учителя их Елеазара празднуется Церковью 1/14 августа. — Если добровольная смерть в Ветхом Завете упоминается редко⁸⁶, то в Новом Завете она находится в центре повествования: Христос, ради искупления человечества, пошел именно на вольную страсть

⁸⁵ В тексте имя матери не названо; оно известно по преданию.

⁸⁶ Впрочем, ср. описание добровольной смерти другого Елеазара, так сказать, первого камикадзе: «Тогда Елеазар, сын Саварана, увидел, что один из слонов покрыт броней царскою и превосходил всех, и казалось, что на нем был царь, — и он предал себя, чтобы спасти народ свой и приобрести себе вечное имя; и <...> подбежал он под того слона, лег под него и убил его, и пал на него слон на землю, и он умер там» (1 Мак 6: 43–46).

и смерть. Христианская эпоха обагрена кровью страдальцев, вплоть до новомучеников и исповедников Российских, пострадавших в годину «большевицких» гонений. — Таким образом, хотя, вообще говоря, смерть — зло, а жизнь — благо, при некоторых (исключительных) обстоятельствах и для некоторых (вероятно, немногих) людей бывает, что ценностные отношения оборачиваются: жизнь становится злом, а смерть — благом. — Нужна, конечно, мощная мотивация: лишь при глубочайшей убежденности возможна гибель летчиков-камикадзе как, для примера, во время Второй мировой войны, так и 11 сентября 2001 г.

Напомним, что в главе 3 Части III, на которую уже приходилось ссылаться, мы наблюдали, как лирический герой И. А. Бунина, которому дорог родной дом (эта установка согласуется с этическим благом) и страшна бездомность (она соответствует этическому злу), тем не менее во имя некоего высшего идеала говорит «Прощай!» родному дому и, больше в него не возвращаясь, становится странником. Может быть, высшая (или строгая) этика — это удел одиночек, экстерналов, маргиналов и вообще душевно неуравновешенных лиц? Нет, не так. В той же главе на примере повести «Отец Сергей» Л. Н. Толстого мы наблюдали феномен массового странничества: в XIX в. по шляхам России ходили, добровольно не имея своего пристанища, миллионы людей. Феномен, по свидетельству современной исследовательницы, не исчез и до сего дня. Странники искали для спасения души не обычного блага, а блага высшего, и в итоге избирали для себя ту долю, которая большинству русских представлялась кошмаром, поскольку бездомность в их глазах — наихудшее зло. Возникает дальнейший вопрос: пусть были странниками и миллионы людей, но разве не следует все равно считать их маргиналами (ведь известны и весьма многочисленные секты)? Соответственно в той же главе были рассмотрены евангельские события и евангельские советы, и рассмотрение показало, что сам Иисус Христос во время своего служения был странником (и негде было ему «главу подклонити») и что, не отрицая важности дома как такового, он тем не менее советовал своим последователям покидать дома, братьев, сестер, отца, жену, детей и родную землю (например, см. Мк 19: 29–30). Апостолы и ранние христиане, следуя этому его совету, именно переходили с места на место, т. е. «скитались» (περιῆλθον) (Евр 11: 37). В качестве близкого славянам равноапостола мы исследовали Житие Мефодия, получившего от своего брата Кирилла завет не жить оседло в монастыре, а ради служения постоянно переходить с места на место. Наконец, чтобы продемонстрировать, что скитальчество — это удел не только низших слоев, мы рассмотрели жизнь «интеллигента» — «мандрованного» (кочующего) философа Г. С. Сковороды. Иными словами, феномен странничества, когда этическое зло (отсутствие дома) становится высшим этическим благом, — существенный пласт христианской культуры, в том числе и на первом месте православной культуры Руси, России. Когда бездомность вытекает из внешних обстоятельств — это одно; когда она выбирается по доброй воле, — это другое, ибо решение согласовано с высшим этическим решением, когда человек, обычно стремящийся к благополучию, сам ставит себя в условия бедствия. Собственно, в глазах странников внешнее неблагополучие — не в счет, поскольку оно искупается благополучием души (о чем непреложно свидетельствует автор знаменитых «Откровенных рассказов странника»).

Примечательно, что Православная Церковь никогда не требовала и ныне отнюдь не требует скитальчества от своих членов. Так, Иоанн Златоуст, комментируя стих Лк 9: 58⁸⁷, авторитетно учил: «Ради немощи многих, я не требую от вас такой высокой добродетели <...> Я не осуждаю тех, которые имеют дома <...>; а только хочу, чтобы они владели этим осмотрительно и надлежащим образом». Такова щадящая этика воздержательности. Новый Завет намного радикальнее.

Так, в нем содержится теологумен непринятия секулярного, профанного мира, того мира, который в Ветхом Завете назван «посюсторонним» (תּוֹכַח עוֹלָם): Μη συσχηματίζεσθε τῷ αἰῶνι τούτῳ! (Рим 12: 2). Латинская версия послания прямо запрещает конформизм: Nolite conformari huic saeculo! Ср. далее: Не сообразѣйтесь вѣкъ семѣ! Призыв «быть не от мира сего» прозвучал уже в Псалтыри (72,12: сѣ сн грѣшницы ѿ говзбѣщїи в вѣкъ «И вот, эти нечестивые благоденствуют в веке сем, умножают богатство»).

Итак, перед нами коллизия этических ценностей. Этическая противопоставленность (с одной стороны, не иметь дома — зло, с другой стороны, иметь дом — благо) может быть опрокинута: с третьей стороны, добровольно не иметь дома — не зло, а преизбыточествующее, высшее благо.

Это в свой черед означает, что рассмотренная выше (безотносительно к этике) сапиентема «ЖИЛИЩЕ — (это) БЛАГО», безусловно, приложима к большинству членов и социальных слоев российской национально-культурной общности, тем не менее к определенному слою (например, по терминологии А. В. Тарабукиной, к «прихрамовому кругу») неприменима. Напомним, что в вышеупомянутой 3-й главе были изучены (на материале Прѣлога) и другие случаи опрокидывания этики: так, оклеветанный соглашается с клеветником, обиженный извиняется перед обидчиком, ограбленный отдает грабителям и не найденные ими златницы, изувеченный ходатайствует за своих мучителей и т. д.

04–2. ДВОЯКАЯ ЭТИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА

Рассмотрев обильный материал, возвращаемся к непосредственному обсуждению феномена сапиентемы.

Бытие и жизнь — идеи бинарные: бытию противостоит небытие, а жизни — нерождение и смерть. Всему живому свойственно (врожденное, «инстинктивное») ощущение непрочности жизни и стремление избежать смерти. Имея вместе с другими живыми существами чувство непрочности бытия, ежедневно избегая опасностей, угрожающих жизни (например, при переходе улицы⁸⁸), человек как индивид аксиологически ставит *свою жизнь* на первое место и вырабатывает для себя этические нормы, соответствующие сапиентеме «ЖИЗНЬ — (это) БЛАГО».

Императивы, имеющие аутоадресацию, и императивы, определяющие поведение индивида по отношению к другому, к «ближнему», расходятся между собой. Те, кото-

⁸⁷ «Лиси язвыны имут и птицы небесныя гнезда: Сын же человеческий не имет, где главы подклонити».

⁸⁸ В 3-й диаконской молитве на литии (на всенощной под праздник) эти опасности перечислены в общем виде: *Ще молимся ѿ ѣже сохрани́тиса ... ѿ глада, губительства, труса, потѣпа, огня, меча, нашествя инопла́нникѣвъ и междоусѣбныхъ бранн.*

рые затрагивают самого себя, т. е. «эгоистические»⁸⁹, могут быть отнесены к *категорическим*: «изолируйся от непогоды!»; «защитись от злоумышленника!». Те, которые затрагивают другого, «ближнего твоего» (по-славянски также: йскренни҃го), т. е. «альтруистические»⁹⁰, имеют всего лишь *благопожелательный* характер: «приюти странника!»; «не приобретай богатства за счет другого!».

Кто мне ближний? Кстати, кого следует по праву называть *ближним*?

Согласно ветхозаветному представлению, это далеко не всякий другой человек. Так, иноплеменников и вообще всех врагов надлежит ненавидеть и уничтожать. Ср.: «Я гоняюсь за врагами моими и истребляю их (אַרְרַפָּה אֶיְבִי וְאֶשְׂמַדֵּם), и не возвращаюсь, доколе не уничтожу их; и истребляю их и поражаю их, и не встают и падают под ноги мои» (2 Цар 22: 38–39); «Истреби противника и уничтожь врага» (ἔξαρων ἀντιδίκων καὶ ἔχθριφον ἐχθρόν; Сир 36: 8⁹¹); «Ибо он истребил окрестных врагов и смирил враждебных Филистимлян⁹², — даже доньше сокрушил рог их» (Сир 47: 8). — Под *ближним* в Ветхом Завете в первую очередь понимается соплеменник, «сын собственного народа». Ср.: «Не мсти и не имей злобы на сынов народа твоего, но люби ближнего твоего, как самого себя» (וְאַהַבְתָּ לְרֵעֶךָ כְּמוֹךָ; Лев 19: 18); «Говорите истину друг другу; по истине и миролюбиво судите у ворот ваших. Никто из вас да не мыслит в сердце своем зла против ближнего своего» (Зах 8: 16–17). Рекомендуются даже брать пример с животных, ибо они не ведут внутривидовой борьбы: «Всякое животное любит подобное себе, и всякий человек — ближнего своего» (Сир 13: 19).

В Новом Завете строгие этические нормы отчасти формулируются через противопоставление ветхозаветным. Ср.: «Вы слышали, что сказано: люби ближнего твоего и ненавидь врага твоего⁹³. А Я говорю вам: любите врагов ваших (ἀγαπᾶτε τοὺς ἐχθρούς ὑμῶν), благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас» (Мф 5: 43–44). Выходит, что в категорию *ближнего* попадают все «другие люди» без исключения. — Впрочем, когда Иисуса попросили дать ответ на вопрос, кто есть ближний, он рассказал Притчу о милостивом самарянине: ни священник, ни левит не оказали помощи попавшему в беду единоплеменнику и единоверцу, тогда как самарянин, — а самаряне и иудеи не общались между собой (Ин 4: 9), — пришел на помощь. Иисус сделал общее заключение в духе щадящей этики: ближний — это милостивый к нам (Лк 10: 30–37).

Стало быть, идея *собственной жизни* является категорией двусоставной (онтологической и аксиологической): во-первых, она состоит, как упоминалось, из идеи непрочного бытия и, во-вторых, она обладает аутоадресованной⁹⁴ идеей первоцен-

⁸⁹ От ego «я». Термин *эгоизм* используется безоценочно.

⁹⁰ От alter «другой». Термин *альтруизм* используется безоценочно.

⁹¹ Нумерация стихов Книги премудрости Иисуса, сына Сирахова, в синодальном русском переводе и в Штутгартской Септуагинте немного расходится; мы ссылаемся на синодальную практику.

⁹² Борьба за Палестину не стихает до сих пор.

⁹³ Комментаторы Нового Завета, выявляющие присутствующие в нем ветхозаветные цитаты и аллюзии, ссылаются на Лев 19: 17–18. Полного текстуального совпадения, однако, нет.

⁹⁴ Жизнь другого человека первоценностью не является.

ности; такова сапиентема «СОБСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ — ДОРОЖЕ ВСЕГО». Последняя может быть переведена и в этический императив: «Храни свою жизнь во что бы то ни стало!».

Пришло время напомнить о том, что Платонова *идея блага* является бинарной, а именно: *благо* имеет бытие только потому, что существует *зло*, а категория *зла* предполагает присутствие *блага* (или *добра*). Соответственно все сопровождающие бытие человека обстоятельства (перипетии⁹⁵) непременно вызывают бинарную этическую оценку: которые способствуют жизни, оцениваются как *благо*; которые не способствуют — как *зло*.

Платон недаром считал *идею блага* высшей категорией: действительно, она сопровождает бытие человека от пробуждения развитого сознания до момента последнего вздоха. «От прочих животных человек отличается именно тем, что имеет познание о добре и зле, и о справедливом и несправедливом и о другом подобном» [Аристотель 1893: 7].

Совесть как естественный закон. Напомним, что Иоанн Златоуст (в 11-й Беседе на низвержение статуй) написал, что Бог, создавая человека, даровал ему естественный закон (называемый *совестью*), а познание добра и зла сделал врожденным [Иоанн Златоуст 1895: 315].

Как видим, у Иоанна Златоуста говорится о том, что категория блага — бинарна; она потеряла бы смысл, если бы не было категории зла, равно как и зло воспринимается только на фоне блага.

Жизненное благо (как и жизненное зло) имеет весьма широкие пределы. Приводимые сейчас и далее житейские примеры просты, но не наивны. Итак, к житейскому благу может быть отнесено как большое, так и малое, как позитивное, так и негативное: благо — пуля, просвистевшая мимо (зло — зацепившая хотя бы мизинец), благо — прибавка к зарплате (зло — вычеты), благо — удобная подушечка под голову (зло — когда «думочка» затерялась), благо — поступление сына в университет, отъезд шумливых соседей, слово признания от коллеги, любимая конфета на языке, прогноз ясной погоды на выходные и даже период в жизни, когда «нет новостей»⁹⁶.

Хотелось бы лишний раз подчеркнуть, что подходить с мерилom *жизненного блага* или *зла* можно к предметам и явлениям, которые на первый взгляд представляются совершенно незначительными.

Перебежала дорогу черная кошка — пустяк, ерунда. Но субъективно — жизненное зло, и даже не верящему в приметы черный кот на пути (подсознательно) портит настроение⁹⁷. Ушел перед носом поезд метро — потеря двух минут ничего не значит, но тем не менее если так и не удалось вскочить в вагон в последний момент — это жизненное зло.

⁹⁵ От греч. *περίπτεσις* «событие, жизненная перемена».

⁹⁶ Ср. афоризм: «Нет новостей — хорошая новость».

⁹⁷ Ср. некогда популярную песню из репертуара Э. Пьехи:

Говорят: не повезет,
Если черный кот дорогу перейдет,
А пока наоборот —
Только черному коту и не везет.

Целый день во дворе суета:
Прогоняют с дороги кота,
Только песня совсем не о том,
Как охотился двор за котом.

Категории жизненного блага и зла для различных групп людей неодинаковы. По-разному оценивают жизненный (не)успех монашествующий и мирянин, «честный» гражданин и жулик, трезвенник и алкоголик, старец и отрок «среднего школьного возраста». Бывают, однако, и для всех одинаковые оценки.

При всем аксиологическом разномое тем не менее для индивида жизнь — это всегда бинарная оценка и двойственное поведение: человек стремится к благу и уклоняется от зла.

Так, любой человек стремится жить в доме. Бытие под крышей и за закрытой дверью — благо. Бытие под открытым небом (и вне закрытого пространства) — зло. Таковы абсолютные оценки блага и зла. Они не представляют собой какого-то одномоментного ментального акта в сознании человека. Они симультанно присутствуют в сознании, точнее в подсознании, и, совершенно не думая о них, человек тем не менее непрерывно воспринимает идеи и предметы или как благие, или как злые, а также как временами благие, а временами — злые.

Соответственно, если предпринять попытку быть умозрительно точным, то те *сапиентемы*, которые уже сопряжены с этико-аксиологическими приметам, равно как и соответствующие лексические фоны и рече-поведенческие тактики должны формулироваться амбивалентно. Так, постулировать бытие сапиентемы «ЖИЛИЩЕ — БЛАГО» необходимо одновременно с сапиентемой «БЕЗДОМНОСТЬ — ЗЛО», поскольку первая неотделима от второй (и без нее теряет смысл), а вторая — имманентна первой. С учетом бинарности более близки к ментальной реальности были бы «двухэтажные» записи типа:

Жилище — благо
Бездомность — зло

Записи подобного типа хороши тем, что они наглядно показывают, с одной стороны, симультанность духовного феномена, а с другой — его невербальную природу.

Тем не менее графическая «двухэтажность» — громоздка, поэтому конвенционально согласимся заместить ее записью «ЖИЛИЩЕ± — БЛАГО±». Запись должна быть прочитана по смыслу так: *есть* жилище — *есть* благо; *нет* жилища (= бездомность) — *нет* блага (= зло).

Дальше начинаются градации, казалось бы, по степени возрастания или уменьшения блага: лучше жить в своем, а не наемном доме; лучше жить в прочном доме, а не в халупе; лучшие иметь изобилие в доме, чем недостаток; лучше жить с доброй женой, чем со сварливой; лучше квартира площадью в сто метров, чем в шестьдесят; лучше платить за жилье пять процентов зарплаты, чем десять. И т. д. Между тем градация — не обязательна; приведенные выше суждения сохраняют смысл и в абсолютном представлении:

свой± дом — благо±, стало быть: чужой или временно свой (= *наемный*) дом — зло;
прочный± дом — благо±, стало быть: непрочный дом (= *халупа*) — зло;
изобилие± в доме — благо, стало быть: отсутствие изобилия (= *недостаток*) — зло и т. д.

Даже там, где присутствует количество, и когда, казалось бы, перед нами безусловная градация, все же возможна переформулировка, предполагающая абсолютный порог:

квартира в 100 м²± — благо±, стало быть: квартира меньшей площади (например, в 60 метров) — зло.

Когда наблюдается градация, это значит, что оценки зла и блага способны поменяться местами, т. е. становятся релятивными. Жить в общежитии благо (не на улице же), но перемещение в общежитие из отдельной квартиры — зло. Пять процентов от зарплаты за двухкомнатную квартиру — благо, но если до этого вы платили десять процентов за десятикомнатный особняк, то экономия от ухудшения качества жизни — зло. Примеры могут быть легко умножены.

04–3. ТРОЯКАЯ ЭТИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА

Как следует из материалов, приведенных в данной главе, в некоторых случаях человек сознательно отказывается иметь дом, жить оседло и предпочитает бездомность, безместное пребывание и скитальчество. Тогда следует говорить не о бинарных оценках (которые общеизвестны и, стало быть, в том числе знакомы перечисленным лицам и единомысленным им людям), а о третьей оценке, которая отнюдь не является общепринятой и, напротив, большинству людей представляется безумием.

Если большинство людей живет в миру и держится мирских правил, то узкая прослойка среди них отвергает мир, выходит из него и держится норм, противоположных мирским.

Соответственно если не пренебрегать этой группой, «солью земли», то сапиентемы, видимо, должны записываться с подключением третьей оценки. Пусть в таком случае плюс или минус занимает всю строку, а отделенность нормы от мирской демонстрируется косой чертой. Ср.:

свой± дом — благо±/–;
 прочный± дом — благо±/–;
 избытие± в доме — благо±/– и т. д.

Сейчас мы вступили в уже неоднократно очерченную область строгой этики (противопоставляемой этике шадящей). Если взять лингвистический аспект, то мы вступили в область бытия языка в сознании индивида или в коллективном сознании (социального слоя или всей национально-культурной общности). Перед нами отдельная и огромная проблема.

Над ней бились лучшие умы человечества. В частности, ее имел в виду Ф. М. Достоевский:

«Красота — это страшная, ужасная вещь!». «Я тебе хочу сказать теперь о „насекомых“, вот о тех, которых Бог одарил сладострастьем <...>. Я, брат, это самое насекомое и есть, и это обо мне специально и сказано. И мы все, Карамазовы, такие же, и в тебе, ангеле, это насекомое живет и в крови твоей бури родит. Это — бури, потому что сладострастье — буря, больше бури! Красота — это страшная, ужасная вещь! Страшная, потому что неопределимая, а определить нельзя потому, что Бог задал одни загадки. Тут берега сходятся, тут все противоречия вместе живут. <...> Красота! Перенести я притом не могу, что иной, высший даже сердцем человек и с умом высоким, начинает с идеала Мадонны, а кончает идеалом содомским. Еще страшнее, кто уже с идеалом содомским в душе не отрицает и идеала Мадонны, и горит от него сердце его и воистину, воистину горит, как и в юные беспорочные

годы. Нет, широк человек, слишком даже широк, я бы сузил. Черт знает что такое даже, вот что! Что уму представляется позором, то сердцу сплошь красотой. В содоме ли красота? Верь, что в содоме-то она и сидит для огромного большинства людей, знал ли ты эту тайну иль нет? Ужасно то, что красота есть не только страшная, но и таинственная вещь. Тут дьявол с Богом борется, а поле битвы — сердца людей (Достоевский, Братья Карамазовы).

Представления о жизненном благе, равно как этические представления вообще, никогда не бывают чисто индивидуальными; они, эти представления, если усмотреть общее за многообразными формами выражения, всегда социальны.

И сейчас мы подошли к моменту, когда особенно ясно видно, что рецепция врожденной сапиентемы жилище — благо зависит от Нумена.

Большинству людей эта сапиентема дается как *прямое* этическое наставление, и тогда они начинают устраивать себе дома-убежища и развивают соответствующую культуру, культуру *domicilium'a*, которая и представляет собой ответ на императив Нумена. Большинство людей принадлежит к виду *homo habitator* («человек обитающий», т. е. располагающий жилищем).

Некоторой же группе людей эта сапиентема дается как *обращенное* этическое наставление: ради спасения *других* бездомность — благо (случай Кирилла и Мефодия); ради спасения *себя* опять-таки бездомность — благо (случай Сковороды). Впрочем, по известным словам, спаси себя, и тысячи спасутся вокруг тебя. Вечные странники также развивают свою культуру, культуру *peregrinatio*, и эта культура также есть ответ на (другой) императив Нумена. Конечно, лишь меньшинство людей принадлежит к виду *homo viator* («человек идущий по дороге», т. е. странствующий [и, как имплицитно, бездомный]). Сапиентема как «поле битвы» оценок строгой этики с оценками этики шадящей, равно как преэминентность и противопоставленность группового языка по отношению к общему языку, сейчас только обозначена нами. Она заслуживает самостоятельного исследования.

Глава 5. Десять ИТОВЫХ ТЕЗИСОВ О сапиентеме

Argumenta ponderantur... et numerantur
(«Доводы надлежит взвешивать... и подсчитывать»).

В свое время Уильям Оккамский (ок. 1285 — 1347) выставил гносеологический принцип, получивший известность как «брита Оккама», а именно: *Entia non sunt multiplicanda praeter necessitatem* («Сущности не должны быть умножаемы сверх необходимого»). Введение понятия *лингвосапиентемы* (как и понятий *ЛФона* и *РПТактики*) не нарушает принципа: нам представляется, — и мы убеждены в этом, — что *ЛСапиентема*, как и два других понятия, будучи реальной *ens* («сущностью»), — отнюдь не умственный конструкт.

Остается в виде тезисов подытожить содержание книги. Подытожить — не то же самое, что повторить.

Известный принцип *Argumenta ponderantur non numerantur* («Доводы надлежит взвешивать, а не подсчитывать») содержит ложное противопоставление: легковесные

аргументы, конечно, следует отводить, но почему не умножать весомые? Мы держимся точки зрения, которая выражена в перифразе, вынесенном в эпиграф.

1. *ЛСапиентема* — пограничный феномен, отчасти данный и отчасти не данный в непосредственном наблюдении, отчасти вербальный, отчасти не способный иметь материальных носителей. В последнем случае ЛСапиентема постигается путем контемплиации⁹⁸. Поскольку контемплативный путь в познании ЛСапиентемы преобладает, фактически мы сейчас сказали, что наша интуиция принадлежит метафизической (запредельной) сфере человеческого знания. Метафизическое познание, вопреки ложному мнению, способно быть рациональным⁹⁹. Если думать иначе, то разрешение «мировых загадок» лишается перспективы: *ignoramus et ignorabimus*. Кроме того, не забудем, что философия, в том числе и лингвофилософия, вообще не знает окончательных приговоров, и все ее умозрительные выводы, проясняя проблему, тем не менее остаются приблизительными¹⁰⁰.

Сообщить о сути ЛСапиентемы другому в надежде, что этот другой получит сходный с нашим интуитивный опыт, — задача, настоятельно требующая способов коммуникации, принятых не в позитивных науках, а именно в метафизической контемплиации.

2. Концепция ЛСапиентемы представляет собой развитие учения Платона об идеях. Наряду с первообразной *Идей-Παράδειγμα* (по отношению к материи) Платон указывал на существование еще ряда (поэтому во множественном числе) априорных «идей» (τὰς ἰδέας) — априорных, поскольку они по природе врождены всему человечеству; имеются в виду «идеи» типа [не]бытия, [бес]телесности, [без]духовности, *единичного/множественного, начала/конца и безначальности/бесконечности* [време-

⁹⁸ *Контемплиация* (или, по иному орфографическому варианту, *контемпляция*) — созерцание, способ познания, требующий участия в нем всех чувственных, рациональных и сверхчувственных потенций человека. Контемплативное обладание люминативной истиной (т. е. истиной, полученной в прозрении) не может быть вербально сообщено другому человеку, но с помощью вербальной индукции и подсказки этот другой может повторить путь контемплиации и прийти к сходному (иногда и тождественному) результату. Здесь требуется «из-ум», тот тип восприимчивости, который В. Хлебников — пусть вычурно, но все же довольно точно — обозначил как «выпрыг из пределов бытового ума». Ср. также другое суждение: «Как возникает научная идея и что для нее характерно? Задавая этот вопрос, я, конечно, не имею в виду заняться подробным анализом тонких умственных процессов, происходящих в сознании исследователя и особенно в его подсознательном. Эти процессы — божественные тайны, которые или совсем не поддаются объяснению, или могут быть освещены лишь в известной степени; пытаться проникнуть в их сущность было бы неразумным и самонадеянным» [Планк 1958: 47].

⁹⁹ Метафизическое познание, действительно, может быть рациональным. Тем не менее оно бывает чувственно-интуитивным, и в таком случае (как ранее говорилось подробно) строится на диалектическом синтезе двух противоположных чувств — *мистериальности* (присутствия [по природе неразрешимой] загадки-тайны) и *фасциозности* (пусть и заведомо обреченного на неуспех, но тем не менее неуправляемого — оттого «мучительного» — стремления приблизиться к разгадке).

¹⁰⁰ Ср.: «В нашем стремлении понять реальность мы отчасти подобны человеку, который хочет понять механизм закрытых часов. Он видит циферблат и движущиеся стрелки, даже слышит тиканье, но не имеет средств открыть их корпус. Если он остроумен, он может нарисовать себе некую картину механизма, которая бы отвечала всему, что он наблюдает, но он никогда не может быть уверен в том, что его картина — единственная, которая могла бы объяснить его наблюдения. Он никогда не будет в состоянии сравнить свою картину с реальным механизмом, и он не может даже представить себе возможность или смысл такого сравнения» [Эйнштейн, Инфельд 1965: 30].

ни; пространства], *причины/следствия и беспричинности/автономности, движения/покоя, прекрасного/безобразного, [нравственного] блага/зла, [не]защищенности* и т. д.

3. Копуляция (т. е. динамическое [предикативное] сопряжение) хотя бы двух идей, особенно онтологической и этической, — это и есть, в наших терминах, *сапиентема per se*, априорное и невербальное врожденное сознание (знание и этическая установка). В этом отличие нашей концепции от Платоновой: у него идеи выступают атомарно. Сапиентема способна к разворачиванию = конкретизации. Это разворачивание онтологически является, вероятно, плавным, но в исследовательских целях (по промежуточным итогам разворачивания) приходится усматривать в нем ряд шагов. Сапиентема есть умозрительная сущность или безусловный образ бытия, совпадающий с безусловным образом мышления (яснее сказать невозможно). Как и идея Платона, сапиентема есть самобытная объективная сущность (οὐσία), объективная мысль, т. е., во многом подобно ветхозаветному רַב־רָו и новозаветному λόγος — нематериальная, разумная, действенно-творческая сила. Если רַב־רָו и λόγος — это самый общий, всеобъемлющий творческий принцип, вселенский разум, атрибут божества, то сапиентема, представляя собой эманацию всеобъемлющего, ориентированную на *homo sapiens*, конкретизируется, тогда как лингвосапиентема вообще представляет собой не диктат, а синэргию нуминозного и человеческого. Имея в виду большую конкретность сапиентемы, ее можно отождествить с нашим «внутренним словом» (λόγος ἐνδιάθετος), которое по модусу противоположно высказанному, «произнесенному слову» (λόγος προφορικός), но в содержательном аспекте его обуславливает и производит. Как удачно выразился С. Н. Трубецкой, «человеческое сознание предполагает чувственную, телесную организацию, и вместе оно имеет самобытное, идеальное начало», т. е. оно является «полуживотным, полубожественным» [Трубецкой 1891, кн. 6: 132].

4. Априорно-общечеловеческая сапиентема на определенном шаге разворачивания получает свою специфику в каждой национальной культуре и в каждом языке, и именно эту апостериорную, «этно-лингво-окультуренную» (т. е. в ее благоприобретенной культурно-языковой ипостаси), копуляцию идей, переставшую быть общечеловеческой и ставшую национальной, и предлагается считать *ЛСапиентемой*. Сапиентема есть, если к нашим задачам приспособить терминологию Платона, «основание» (ὑπόθεσις «ипотеса»), или исходная точка, «истечения» (ῥύσις) априорных идей вплоть до их вербализации, когда следует говорить уже о *ЛСапиентеме*. Собственно говоря, ЛСапиентема — это составная часть сапиентемы *per se*. Кроме того, следует помнить, что ЛСапиентема в определенном социальном слове и тем более в голове индивида может далеко отходить от общепринятых знаний и этических установок, а этические установки могут даже опрокидываться.

5. Изложенный взгляд на всем протяжении монографии иллюстрируется на примере ЛСапиентемы *ЖИЛИЩА КАК БЛАГА*, в которой реализованы врожденные идеи (*не*)бытия, (*без*)опасности, (*не*)защищенности и блага/зла.

6. Слова и предложения имеют материальный план своего бытия; ЛСапиентема, однако, — отчасти материальна и отчасти нематериальна. Если быть последовательным и, не страшась, довести концепцию (в ее духовном аспекте) до логического завершения, то ЛСапиентема — фрагмент и модус души (как индивида, так и нацио-

нально-культурной общности [= «души народа»]). Об этом, правда, мы с должной обстоятельностью в данном труде не говорили.

7. Сапиентема тесно сопряжена как с щадящей, так и со строгой этикой: она допускает двойкие и тройкие оценки.

8. ЛСапиентема — это единый источник формирования и хранения как семантики, так и внешней формы ЛФонов и РПТактик. ЛФоны и РПТактики в значительной мере пересекаются: они совместно отражают одно и то же знание и одни и те же этические установки, и общим знаменателем для них как раз и является ЛСапиентема. В предшествующем анализе ЛФон и РПТактика были разведены и противопоставлены, как статика и динамика, как покоящееся слово и движущееся речение, как ἔργον и ἐνέργεια. Между тем, хотя и допустимая в исследовательских целях, указанная дихотомия онтологически все же не имеет места. Знание направляет действие, т. е. переходит в действие, а опыт действия, кристаллизуясь, аккумулируется, т. е. переходит в знание.

9. Косвенных путей постижения ЛСапиентемы мы усматриваем три. Во-первых, с помощью метафор и уподоблений¹⁰¹ ЛСапиентема описывается обиходными словами: или как «встреча» априорного (нуминозного) знания с апостериорным (человеческим), или как «отклик» конкретной этно-языковой общности на «отклик» Нуменом всего человечества, или как «присовокупление» к врожденной и невербализуемой сапиентеме приобретенного и аккумулированного в языке опыта. Во-вторых, ЛСапиентему можно (пусть логически нестрого) определить путем двукратного (зеркального) соотнесения сапиентемы со смежными лингвистическими понятиями, а именно: или как совокупность ЛФонов и РПТактик, присоединяемых к сапиентеме, или как совокупность Фонов и Тактик, (обычно латентно) хранящих память об сапиентеме. Наконец, в-третьих, возможно положиться (как мы это делали до сих пор) на гносеологические потенции графической схематизации наших представлений.

10. ЛСапиентема — это путь к конкретному результату: она позволяет понять (и временами предвидеть), почему и как человек поступит по социальной модели (при творческом говорении); почему и как человек поступит, следуя РПТактикам; почему и как человек построит свою речь с опорой на ЛФоны. Скажем еще раз: конкретные единицы статичного опыта в латентном состоянии — это ЛФоны («что я [как носитель определенной культуры] знаю о том-то и том-то?»); конкретные единицы динамичного опыта в латентном состоянии — это РПТактики («как мне [как носителю определенной культуры] вести себя, чтобы добиться желанного результата?»).

Изложение лингвострановедческой концепции ЛСапиентемы следует остановить: исчерпать ее мы не можем. Несмотря на большой объем монографии, мы здраво оцениваем объем не(до)сказанного: дано столько, сколько, по пословице, смогло вместиться in a nutshell, в скорлупу ореха.

¹⁰¹ Таков законный путь познания, в том числе и научного.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подошедшая к завершению книга представляет собой попытку свести многообразие фактов¹ взаимодействия языка и культуры к каузальному единству путем постулирования сверхконцепта (*лингво*)*сапиентемы*, включающего в себя соположенные концепты *лексического фона* и *рече-поведенческой тактики*.

Под разными наименованиями догадки о гиперфеномене, названном первым, были известны и ранее². Думается, однако, что в монографии умозрение ЛСапиентемы переведено с энigmatического уровня на уровень рационалистической теоретической системы. Кроме того, феномены ЛФона и РПТактики, на наш взгляд, не только описаны, но и небезуспешно применены в частных разысканиях³.

Несмотря на их духовную природу, все три сущности рассмотрены и представлены объективно — конечно, с той мерой объективности, которая присуща гуманитарному знанию⁴.

Развивая свои лингвострановедческие концепции, мы ни к кому не примкнули, ни с кем не вступили в соревнование и никого не пытались опровергнуть. Безусловно, открыв себя для критики, сознаем, что наша терминология и аргументация способны вызвать у читателя, особенно в качестве первой реакции, смущение (и возмущение).

Завершая книгу, обычно так или иначе повторяют сказанное в основном корпусе изложения. Что ж? Традиция славная. Тем не менее удовлетвориться общим резюме было бы противно нашей установке на сопряженность теории и практики. Поэтому сейчас мы хотели бы, опираясь на прецедент (на пример нашего же Введения), не только суммировать теоретические результаты, но и предпринять демонстрацию их приложимости к конкретному материалу.

Во Введении, на примере одной из песен Высоцкого, мы рассмотрели РПТактики, реализующие отношение русских к деньгам в 1960-е гг. (и, с формальной стороны, содержащие «*ne*» *improvisum*), а затем сей частный анализ позволил пропедевтически обозначить всю обширную проблематику, которой посвящена монография. Заключение построено зеркально, но с отличиями: в целом держась образца, мы решили выйти из профанной сферы жизни и по контрасту обратиться к филологическому исследованию в области сакральной. Предметом нашего частного (но способного вызывать общественный резонанс) рассмотрения явилась современная практика переводов Швц. Писания на русский язык.

Недавно Российское Библийское общество⁵ выпустило в свет (уже вторым изданием) свою версию Нового Завета на русском языке. Она опубликована под названием

¹ Не все факты, а значительную их часть.

² Уайтхед заметил, что вся философия (значит, и философия языка) — это подстрочные комментарии к Платону. См. у нас выше в Разделе Третьем часть II.

³ Поскольку получены нетривиальные результаты, эвристический потенциал методик исчисления СДолей ЛФона и РПТактик оказался высоким.

⁴ Так, предпринятые нами исчисления смыслов воспроизводимы и допускают верификацию.

⁵ Имя переводчика не упоминается (хотя он [точнее: она] хорошо известен). Вероятно, подобная анонимность сигнализирует о том, что издание осуществлено от имени самого Библийского общества.

«Радостная Весть» (далее: РВВ⁶ [«Радостная Весть» Библейского общества]). РВВ явно предназначена для широкой циркуляции⁷. Ныне, когда страна отходит от ледникового периода государственного атеизма и религиозность заняла в мироощущении индивида и общества определенное место, необходимо с особой серьезностью отнестись к появлению на рынке книги, самой важной для приверженцев всех христианских деноминаций, способной вступить в конкуренцию с синодальным переводом Библии и даже, может быть (при условии интенсивной PR-кампании) вытеснить его.

Мы нацелены на конкретику и не собираемся сейчас давать оценку всей книги. Разберем всего два характерных (и однородных) переводческих решения, а далее, как всегда бывает, пусть читатель по части судит о целом.

Сосредоточимся на том, как в РВВ представлена фигура знаменитого новозаветного персонажа — Иоанна, сына Захарии и Елисаветы, того самого Ангела пустыни, второго Илии, пророка, предтечи, крестителя, друга Жениха, который совершил погружение Иисуса из Назарета в струи Иордана, после чего и началось общественное служение Мессии⁸.

В РВВ ритуально-обрядовое поведение Иоанна⁹ регулярно получает номинацию, отличную от укоренившейся, принятой в многочисленных изданиях синодального русского перевода Нового Завета¹⁰, а также и в других переводах на современный русский язык.

Как известно, Иоанн погружал приходивших к нему в воду и поэтому выбирал места, где было много воды¹¹. Это его ритуально-символическое действие по-гречески называется βάπτισμα; пусть для дальнейшего оно (временно) и по-русски именуется *баптисмой*¹².

Если в синодальной версии относительно баптисмы говорится, что приходившие «крестились от него (Иоанна) во Иордане», то в РВВ сказано иначе: «он (Иоанн) *омывал* приходивших» (Мф 3: 6). В последнее время вышло в свет немало переводов Евангелия на русский язык (вот неполный список: АВР, БЛВ, ВИШ, КАС, КЕК,

⁶ Здесь и далее издания Свщ. Писания показываются трехбуквенными шифрами. Полный перечень этих изданий (с выходными данными) включен в общий Список литературы, но помещен в нем после основного корпуса.

⁷ Об этом говорит редкое обстоятельство: тираж книги выпущен в различных модификациях полиграфического оформления, рассчитанных на российских христиан разных конфессий.

⁸ Выход Иоанна Крестителя на проповедь — важнейшее событие новозаветной истории. Евангелист Лука посчитал событие столь значительным, что датировал его шестью различными способами: «В пятнадцатый же год правления Тиверия кесаря, когда Понтий Пилат начальствовал в Иудее, Ирод был четвертовластником в Галилее, Филипп, брат его, четвертовластником в Итурее и Трахонитской области, а Лисаний четвертовластником в Авилинее, при первосвященниках Анне и Каиафе, был глагол Божий к Иоанну, сыну Захарии, в пустыне. И он проходил по всей окрестной стране Иорданской, проповедуя крещение покаяния для прощения грехов» (Лк 3: 1–3).

⁹ К Иоанну, как сказано в книге, «приходили все жители Иерусалима, а также всей Иудеи и окрестностей Иордана» (Мф 3: 5).

¹⁰ В дореволюционной России неоднократно издавался («по благословению Святейшего Правительствующаго Синода», откуда и название: *синодальный*) Новый Завет на русском языке (в том числе в виде «книги для народа» — компактной, дешевой и массовой; см. НЗН). Он же издавался, и с учетом обстоятельств даже немалыми тиражами, в советское время (по новой орфографии; см., например, НЗП). Он же широко тиражируется после 1991 г. (см., например, НЗР).

¹¹ «Иоанн также крестил в Еноне, близ Салима, потому что там было много воды» (Ин 3: 23).

¹² При заимствовании переменялся род существительного: греч. βάπτισμα — среднего рода.

КУЛ, ЛУТ, МИР, РВБ, СЛЖ и ЮНЦ), и только еще в двух из них (КУЗ¹³ и КАП) глагол *крестить* заменен на *омывать*.

Баптизма Иоанна описывается всеми тремя синоптиками, и в РВБ (КУЗ и КАП) совершенно последовательно использован глагол *омывать*, а также производная от него лексика. Далее цитируется только РВБ.

Согласно Евангелию от Матфея, Иоанн видел, что «приходят к нему для *омовения* многие фарисеи» (Мф 3: 7), и обратился к ним: «Я *омываю* вас всего лишь водой в знак обращения к Богу, но Тот, кто идет за мной, <...> *омоет* вас Духом Святым и огнем» (3: 11). Затем показался сам Иисус, «пришедший к Иоанну для *омовения*» (3: 13). Иоанн сначала этому противился: «Это я нуждаюсь в том, чтобы Ты меня *омыл*» (3: 15), но потом согласился. «Сразу после *омовения* Иисус вышел из воды» (3: 16).

Нарратив о действиях Иоанна на Иордане имеется также у евангелиста Марка. «В пустыне появился Иоанн, который *омывал* водой и призывал людей обратиться к Богу и в знак этого *омыть* себя, чтобы получить прощение грехов» (Мк 1: 4). Иоанн «*омывал* пришедших в реке Иордане» (1: 5) и, имея в виду Иисуса Христа, говорил: «Я вас водой *омываю*, а Он *омоет* вас Духом Святым» (1: 8). Когда Иисус пришел к Иоанну, тот «*омыл* Его в Иордане» (1: 9).

У евангелиста Луки об Иоанне читаем, что он «стал обходить земли вдоль Иордана, призывая людей обратиться к Богу и в знак этого *омыться*, чтобы получить прощение грехов» (Лк 3: 3). «Пришли *омыться* и сборщики податей» (3: 12). В третий раз повторяется пророчество Иоанна об Иисусе Христе: «Я вас *омываю* водою», но Иисус «*омоет* вас Духом Святым и огнем» (3: 16). «После того, как *омылся* весь народ, Иисус также принял *омовение*» (3: 21).

Во всех приведенных случаях синодальная русская версия Нового Завета (далее: НЗ) последовательно использует глагол *крестить/крещать* и производные от него: «Я *крещу* вас в воде в покаяние, но Идущий за мною <...> будет *крестить* вас Духом Святым» (Мф 3: 11); «Тогда приходит Иисус из Галилеи на Иордан к Иоанну *креститься* от него» (Мф 3: 13) и так далее (без единого исключения).

Надо сказать, что глагол *крестить* отнюдь не внесен в текст русского НЗ синодальными переводчиками XIX в. Он восходит к церковнославянской (Елисаветинской) Библии (цитируем по 2-му изданию [1756 г.]): *ѿзъ оубо крѣщаю въ водою въ покаянїе: градый же по мнѣ <...> тойъ вы крѣтитъ дѣхомъ стѣымъ* (Мф 3: 11); *Тогда приходитъ ѿисъ ѿ Галїлеи на ѿрданъ ко ѿваннѣ крѣтитисѣ ѿ него* (Мф 3: 13) и т. д. Елисаветинская же Библия в свою очередь продолжает Кирилло-Мефодиевскую традицию: *приде ѿс отъ галилеа на иорданъ къ иваннѣ крѣстити сѣ отъ него. и ѿ же възбранаше емѣ гла азъ хоуж отъ тебе крѣстити сѣ* (Мф 3: 13–14 и т. д.; цит. по [Саввина 1999]¹⁴).

Там, где слав. первоучители использовали глагол *крѣтити сѣ*, в греч. первоисточнике всегда стоит глагол *βαπτίζω/βαπτίζομαι*, а он в новозаветной койне имел два значения: «погружать(ся) (в жидкость), обливаться (водой), кропить, обрызгивать» и

¹³ Хотя об этом в издании РВБ нигде не сказано, фактически оно представляет собой лишь чуть измененное переиздание КУЗ (Радостная весть. Новый Завет в переводе с древнегреческого / Пер. и примеч. В. Н. Кузнецовой. Ред. Ц. Г. Гурвиц. М., 2001).

¹⁴ Обычно мы ссылаемся на Маринское евангелие, но данных стихов в указанном источнике нет, поэтому сейчас цитируем Саввину книгу.

«крестить» (посредством водного обряда совершать таинство инициации над новым членом христианской общины).

Итак, применительно к обряду, который Иоанн совершал на Иордане, глагол *крестить(ся)*, внесенный в синодальный НЗ на русском языке из церковнославянского текста, имеет традицию бытования в одиннадцать веков.

Феномен *крещения* не устарел, а, напротив, закрепился в общественной жизни: по статистике, большинство рожденных в России младенцев проходит через таинство, да и немало взрослых, родившихся в доперестроечный период и своевременно не крещенных, восполняют упущенное¹⁵. Соответственно не устарел и глагол *крестить(ся)*: его все понимают, причем в двух значениях¹⁶, и в словарях русского языка даже в советское время к нему не присоединяли пометы *устар.*

Соответственно для того, чтобы отказаться от употребления глагола в новом переводе, требуются веские основания. Обычно при выполнении лексических замен ссылаются на то, что часть лексики синодального НЗ на русском языке стала или совсем непонятна, или переменялась в семантике. В данном случае, однако, на этот аргумент не сошлешься. Между тем регулярное именование в РВБ баптизмы Иоанна не *крещением*, а *омовением* свидетельствует о принципиальном решении переводчика и стоящих за ним сотрудников Российского Библейского общества. Чем оно обусловлено?

Собственно, не нужно гадать. Фактическая переводчица РВБ (В. Н. Кузнецова) в своем комментарии, пусть и очень кратко, указала причину: «Иоанн в пустыне омывал людей. Он даже получил прозвище „Ха-Матвйл“¹⁷, то есть „погружающий в воду, омывающий, очищающий от грехов“, что по-русски передается как *Креститель*. Этот перевод, к сожалению, неудачен, потому что в русском языке слова „креститель“ и „крещение“ семантически связаны со словом „крест“ или даже „Христос“» [Кузнецова 2000: комм. к Мк 1: 4].

Действительно, глагол *крестить* — это дериват от существительного *крест*, а это последнее, скорее всего, представляет собой герм. заимствование имени Christ, Krist «Христос», так что *крестить* — от *kristen «делать христианином». Семантика исходного германского слова у славян расширилась: *крестить(ся)* означает не только совершение религиозной инициации, но и осенение (себя и других) крестным знаменем.

Когда Иоанн Креститель говорит: ἐγὼ μὲν βαπτίζω ὑμᾶς ἐν ὕδατι (Мф 3: 11), то поскольку греч. βαπτίζω, как упоминалось, в прямом смысле означает «погружать в воду», он скорее всего имеет в виду омовение — ритуал, известный из Ветхого Завета, но переосмысленный в Завете Новом (усилиями в том числе и самого Иоанна).

Если в семантике глагола *крестить* (для современного сознания) просвечивает *крест* (как орудие казни), то, надо думать, перевод «Я *крещу* вас в воде» на самом деле является анахронизмом (как и полагает В. Н. Кузнецова). Действительно, когда эти слова говорились, Иоанн даже еще не знал Иисуса Христа¹⁸, за три года до

¹⁵ Недавно из уст глубокой старухи пришлось слышать мотивацию: «А иначе отпевать меня не будут».

¹⁶ «Совершать над кем-л. обряд крещения»; «делать знак креста над кем-л.».

¹⁷ Скорее должно быть: *матвил*.

¹⁸ Свидетельство Иоанна «Я не знал Его» в Евангелии повторяется дважды (Ин 1: 31, 33); во втором случае указан признак, по которому может быть опознан Христос-Мессия: «И свидетель-

события не мог предвидеть его крестной смерти и не мог совершать таинства инициации в ту конфессию (христианство), которая еще не возникла. Стало быть, заместительный перевод «Я вас *омываю* водою» лишен анахронистических примет и может показаться адекватным. В конце концов, нелепо удерживать традицию ради нее самой, и если какое-то переводческое решение, пусть и освященное традицией, представляется неудачным, то пиетет не должен удерживать от вмешательства.

Первое впечатление нередко бывает ошибочным: затруднение состоит в том, что тот ритуал, который практиковал Иоанн, значительно отличается от ветхозаветных *омовений*. Последние были в первую очередь связаны с представлениями о ритуальной нечистоте, тогда как ассоциации Иоанновой баптизмы и особенно той баптизмы, которой подверг себя Иисус Христос, — совсем другие (о чем ниже). Стало быть, если мы станем называть баптизму, которую совершал Иоанн над народом, и баптизму, которую Иоанн совершил над Иисусом, *омовениями*, то как Ангел пустыни, так и сам Христос однозначно остаются в Ветхом Завете, а событие второй баптизмы в таком случае даже ведет к заключению, что Христос нуждался в покаянии и, стало быть, был подвержен греху. Короче говоря, с христианской точки зрения, ассоциации эти — небезопасные.

Соответственно далее следует рассмотреть символику ветхозаветных омовений.

Согласно ветхозаветной вере, *грех* (חטא, букв. «проступок», т. е. «схождение с [правильного] пути»), понимаемый как нарушение Закона (т. е. божественных заповедей-предписаний и заповедей-запрещений), конечно, включает в себя прежде всего идолопоклонство, разврат, кровопролитие, а также ненависть к ближнему, ложную клятву, обман, гнев, жестокость, несправедливость, притворство, лицепрятство на суде и т. д. В то же время весьма большое место в семантике греха занимает ритуальная нечистота (טומאה), влекущая за собой состояние «мерзости» (קדושה), а несоблюдение чистоты далеко не всегда предполагает совершение безнравственного поступка (так что в Новом Завете нечистота грехом не считается). Действительно, ветхозаветная нечистота возникает вследствие некоторых физиологических отклонений (например, у роженицы), ненамеренного нарушения пищевых и гигиенических запретов, ненамеренного приближения к скрытой могиле. Она чисто механически — прикосновением (иногда и вследствие нахождения в том же помещении) — передается чистому человеку от нечистого предмета, другого человека или трупа (как бы во всем подобно инфекции). Понятие ритуальной нечистоты распространяется на предметы, — а предметы явно безгреховны, — в том числе на пищу и посуду.

Щепетильное соблюдение предписаний о чистоте требует от верующего многих знаний и сопряжено с немалыми практическими затруднениями. Подробно предписания о (не)чистоте и об очищении изложены в пяти главах Третьей книги Моисеевой (Лев 11–15), а также в многочисленных галахических трактатах.

Бог, естественно, вправе самовластно отпустить грехи, и грешник молится об этом (ср. моление царя Давида, отразившееся в знаменитом 50-м [51-м] псалме

ствовал Иоанн, говоря: я видел Духа, сходящего с неба, как голубя, и пребывающего на Нем (на Иисусе). Я не знал Его; но Пославший меня крестить в воде сказал мне: на Кого увидишь Духа сходящего и пребывающего на Нем, Тот есть крестящийся Духом Святым». Иными словами, не зная Иисуса из Назарета лично, Иоанн распознал в нем Мессию по признаку, который был сообщен «Пославшим крестить».

«Помилуй мя, Боже»). Тем не менее община в ряде случаев обязана сама осуществить наказание: в зависимости от тяжести греха, согласно заповедям, предписаны «истребление» (כָּרַח, лишение души бессмертия¹⁹), смертная казнь (различных видов), бичевание (מִלְכָּח) и разные формы временного удаления из общины или постоянного отлучения. С другой стороны, согрешивший человек способен и сам избавиться от греха: так, имелась система заглаживания грехов посредством жертвы (двух видов: «искупительной» [קָרַח] и «повинной» [פְּשָׁעִים]), кропления кровью жертвенного животного или особой очистительной водой (раствором золы, полученной от сожжения рыжей телицы), а также посредством интересующего нас сейчас использования очистительной функции воды (קָדְשֵׁי מַיִם) — стирки носимой одежды (Лев 14: 8, 9), купания человека (с погружением всего тела) или обмывания частей тела — рук (Втор 21: 6, Мф 27: 24, Мк 7: 3, 5), рук и ног (Исх 30: 18–21, Евр 6: 2), а также окропления тела не только кровью, но водой (Исх 24: 5–8, Евр 9: 19 и т. д.). Имеются аллюзивные упоминания об этом обряде (Пс 25: 6, 50: 9, Иез 36: 25, Евр 10: 22).

Итак, омовение может быть как обливанием тела водой (כִּוְיָהוּ), так и полным погружением (טָבַח) в проточную воду или же в воду ритуального бассейна (*миквы*), причем именно такое полное погружение-*тавила* (в струи Иордана) и практиковал Иоанн, атрибут которого на иврите соответственно гласит: הַמְטַבֵּחַ «*ha-матбил*» (см. [ЗЕР, КНЗ]). Стало быть, строго говоря, (с точки зрения ветхозаветного ритуала *тавила*) Иоанн, несомненно, продолжал древнюю религиозную практику. Бытовой глагол טָבַח (*tāval*; «поместить некий предмет в какую-либо среду») встретился в Танахе 16 раз, и на русский язык он переводится, за исключением двух случаев, соответствиями, выражающими не общую идею омовения, а погружения в воду, а именно: *окунуть(ся), обмакнуть, омочить, погрузить*. Ср. : «возьмите пучок иссопа, и *обмочите* в кровь» (Исх 12: 22); «благословен между сынами Асир, он будет любим братьями своими, и *окунет* в елей ногу свою» (Втор 33: 24); «Ионафан... *обмакнул* ее (палку) в сот медовый» (1 Цар 14: 27); «И пошел он (Нееман) и *окунулся* в Иордане семь раз» (4 Цар 5: 14); «ешь хлеб и *обмакивай* кусок твой в уксус» (Руфь 2: 14).

Ритуально нечистые предметы (например כְּלִים «сосуды», в том числе посуда) очищаются или проведением через огонь, или водным омовением, и в последнем случае они также погружаются в ритуальный бассейн — микву.

Ритуал омовения применялся при инициации (т. е. принятии в религиозную общину единоверцев) прозелитов-«геров» из числа язычников²⁰. Для «туземцев», т. е. природных иудеев, полного ритуального омовения не предполагалось, в том числе даже в День искупления²¹. Неукоснительным условием для гера мужского пола было обрезание, принесение жертвы и принятие на себя обязательств соблюдать субботу и праздновать Пасху и другие праздники. Кроме того, как можно ду-

¹⁹ «Карет» провозглашался общиной.

²⁰ Номинация *гер* (גֵּר, мн. ч. גֵּרִים) — «приш(е)лец» (или «поселенец», или «прозелит»), в отличие от *туземца* (אֲדָמָה), в Ветхом Завете (не обязательно, но нередко) означает лицо из язычников, принявшее иудаизм.

²¹ Ежегодное очищение народа в День искупления, по Закону, состояло в том, что священник входил «за завесу» (т. е. в Святая Святых) и кроплением крови тельца и козла очищал святилище, скинию собрания и жертвенник, после чего грехи народа возлагались на голову второго козла, затем изгоняемого в пустыню (отсюда крылатое словосочетание *козел отпущения*). Ритуалу посвящена 16-я глава Книги Левит; см. также Лев 23: 27–31 и Чис 29: 7–11.

мать, в позднюю эпоху раввины при инициации геров требовали от них также и омовения «за всю жизнь», ссылаясь при этом на Исх 19: 10. Язычник считался нечистым, потому что он никогда не соблюдал ни одного правила иудейского закона, и соответственно полное омовение символизировало очищение от всякой скверны прошлой жизни. Реальное существование подобного омовения для обращенных подтверждается сообщением в Евангелии (Ин 1: 25, 3: 5, 10). Тем не менее в самой Библии упоминания об обязательном омовении геров — нет²².

Иудеи были знакомы с ритуальными омовениями во всех деталях.

В согласии с логикой исследования, мы теперь должны предпринять сопоставление ветхозаветной баптисмы сначала с баптисмой Иоанна, а затем и с христианскими баптисмами, и для того, чтобы провести это сопоставление формализованно, приведенная выше справка сейчас будет представлена в виде исчисления СДолей ЛФонов трех слов, выражающих идею *очищения-омовения* (а именно: פָּזַזוּ, נִתְיַנֵּן וְטָבַלָה). Методика исчисления СДолей в общем виде изложена в основном корпусе книги (Раздел Первый, часть V, гл. 1 и 2). В перечне *ветхозаветных* СДолей применены арабские цифры, заключаемые в косые скобки. Итак,

- ветхозаветное очищение-омовение сопряжено не столько с понятием греха, сколько с представлениями о ритуальной нечистоте (и мерзости) [СД-1];
- ритуальная нечистота возникает механически, помимо намерения и воли человека [СД-2];
- ритуально нечистыми могут быть и безразличные к этике предметы [СД-3];
- от нечистоты можно избавиться как посредством жертвы, так и посредством очищения [СД-4];
- очищение строго регламентировано и представляет собой сложный ритуал [СД-5];
- для номинации омовения используется глагол טָבַל «окунуть(ся), погрузить(ся) в воду», и в Ветхом Завете его семантика, оставаясь расплывчатой, еще не закрепились в чисто религиозной сфере [СД-6];
- омовение-погружение практиковалось при инициации (приеме в общину) прозелитов (и, естественно, не применялось по отношению к «туземцам», с рождения состоящим в общине) [СД-7].

Рассмотрим теперь фоновую информацию, сопряженную с баптисмой Иоанна Крестителя. Совпадает ли и во всем ли совпадает обряд Иоанна с ритуальными ветхозаветными омовениями?

С одной стороны, Иоанн продолжал традиционный ритуал полного омовения при инициации прозелитов (выше [СД-7]), и в этом смысле его практика была «старой». Радикальная новизна состояла в том, что пройти через ритуал, которому подвергались язычники-геры, теперь предлагалось природным иудеям. Тем самым Иоанн отчетливо утверждал, что кровная принадлежность к избранному народу автоматического искупления не дает: по грехам потомок Авраама может оказаться хуже язычника. Эта революционная проповедь, естественно, не была воспринята всеми: часть народа крестилась, а другая часть — с возмущением отказалась²³.

²² Регламентация принятия геров в кагал изложена в Исх 20: 10, 23: 12, 12: 19, 48; Втор 5: 14, 16: 11, 14 и т. д.

²³ «И весь народ... и мытари воздали славу Богу, крестившись крещением Иоанновым; а фарисеи и законники отвергли волю Божию о себе, не крестившись от него» (Лк 7: 29–30). В РВБ важная номинация «крещение Иоанново» обойдена (переведена в глагольную конструкцию): «Весь

Чтобы во втором исчислении отличить СДоли Иоанновой баптизмы от СДолей ветхозаветных омовений, мы нумеруем их римскими цифрами и помещаем в квадратные скобки. Итак,

- Иоаннова баптизма отчасти повторяла ритуал омовения геров [СД-I];
- она предлагала этот ритуал природным иудеям [СД-II];
- Иоаннова баптизма частью народа была отвергнута [СД-III].

Переходим теперь к греч. материалу. В греч. НЗ смысл «совершать ритуальное омовение» передается глаголом βαπτίζω. Βαπτίζω безразлично употребляется, когда речь идет о ритуальном очищении как всего тела человека, так и частей тела (например рук) или предметов (например посуды). Характерно, однако, что лишь в первом случае первоучители Кирилл и Мефодий употребляли слав. глагол кръстити (сѧ), а во втором — использовали другую лексику.

Так, в описании обычаев иудеев, в частности, сказано (Мк 7: 4): ἀπό ἀγορᾶς ἐάν μὴ βαπτίζωσιν οὐκ ἐσθίουσιν; в слав. переводе имеем: ѿ торжища, аще не покъплютъ (в версии Мариинского евангелия: покъплютъ сѧ) не ѡдѣтъ. Далее в этом же стихе говорится о ритуальном омовении посуды: καὶ ἄλλα πολλά ἐστὶν ἃ παρέλαβον κρατεῖν βαπτισμοὺς ποτηρίων καὶ ξεστῶν καὶ χαλκίων καὶ κλινῶν; переводчик дает версию: И ѡна мнѡга сѣтъ, ꙗже прѣѡша держати: погрѣженїѧ стклѧницѧмъ и чвѧнѡмъ и котлѡмъ и ѡдрѡмъ. В другом месте еще раз сказано о ритуальном омовении посуды (Мк 7: 8): ἀφέντες γὰρ τὴν ἐντολὴν τοῦ θεοῦ κρατεῖτε τὴν παράδοσιν τῶν ἀνθρώπων βαπτισμοὺς ξεστῶν καὶ ποτηρίων; на сей раз вместо «погружения» проскакивает механический перевод: ѡстаѡльше во заповѣдъ вѣжю, держитѣ предѧнїѧ чловѣческаѧ, крещенїѧ чвѧнѡмъ и стклѧницѧмъ, но в синодальном издании (НЗР) тотчас же сделана сноска и дано толкование: ѡмовенїѧ.

Таким образом, слав. первоучители сознавали, что βαπτίζω и βάπτισμα могут иметь прямое значение, отсылающее к ветхозаветному ритуалу снятия нечистоты. Они также отыскивали подходящие слав. эквиваленты — покъпати (сѧ) и погрѣженїе.

И тем не менее применительно к обряду Иоанна они употребляли исключительно глагол кръстити (сѧ) и производные от него. Чем объясняется подобный анахронизм? Является он действительным или кажущимся? Argumentum ad hominem: чтобы столь просвещенные люди, какими были Кирилл и Мефодий, могли не заметить, что Иоаннова баптизма не совершалась во имя Христа и не имела никакого отношения к кресту, психологически допустить невозможно. Кроме того, почему просвещенные — все с академическим образованием — синодальные справщики не пошли на то, на что решились издатели РВБ, т. е. отчего они не заменили кръстити хотя бы на то же омъгнн/омъвати, тем более что последний глагол засвидетельствован как в древнейших (т. е. XI в.) церковнославянских рукописях Евангелия, так и в современных им (справщикам) изданиях?

Христианские богословы тщательно разработали учение о баптизме Иоанна, и они подчеркивали, что между ней и омовениями иудеев имеется принципиальная разница. С другой стороны, подчеркивалась и разница между баптизмом Иоанна и христианской баптизмом во имя Пресв. Троицы, заповедь совершать которую ученики получили от самого Господа: ...πορευθέντες οὖν μαθητεύσατε πάντα τὰ ἔθνη, βαπτίζοντες

народ... — даже сборщики податей, — признал правым замысел Божий и пришел к Иоанну омыться. А фарисеи и учителя Закона отвергли волю Бога и отказались омыться у Иоанна».

αὐτοὺς εἰς τὸ ὄνομα τοῦ πατρὸς καὶ τοῦ υἱοῦ καὶ τοῦ ἁγίου πνεύματος «...идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа» (Мф 28: 19).

В Патристическом словаре Лампе собраны соответствующие суждения свв. отцов, и, если не считать СДолей [I–III], указанных выше, то дальнейших отличий от ветхозаветных омовений указано общим числом шесть [Lampe 1976: 284]:

- баптизма Иоанна завершает и отменяет прежнюю заповедь омовения [СД-IV];
- она, как высший обряд, противопоставляется омовению [СД-V];
- совершается не ради снятия ритуальной нечистоты, а в знак покаяния и во отпущение грехов [СД-VI];
- предвосхищает пришествие Христово и свидетельствует о богосыновстве [СД-VII];
- предвосхищает крещение Св. Духом и во имя Пресв. Троицы, введенное Христом [СД-VIII],
- является первой ступенью христианского крещения [СД-IX].

Различия между тремя видами баптизм хорошо подытожено св. Григорием Богословом. Назвав ветхозаветное омовение *баптисмой Моисея*, богослов из Назианза в своем 39-м слове (цит. по [Lampe 1976: 283]) фактически перечислил три СДоли:

Ἐβάπτισε Μωϋσῆς, ἀλλ' ἐν ὕδατι· καὶ πρὸ τοῦτου ἐν νεφέλῃ καὶ ἐν θαλάσῃ <...> τυπικῶς δὲ τοῦτο ἦν <...>· ἐβάπτισε καὶ Ἰωάννης, οὐκ ἔτι μὲν Ἰουδαϊκῶς· οὐ γὰρ ἐν ὕδατι μόρον, ἀλλ' καὶ εἰς μετάνοιαν <...>· βαπτίζει καὶ Ἰησοῦς, ἀλλ' ἐν πνεύματι.

Крестил²⁴ Моисей, но в воде; а прежде сего во облаке и в море²⁵; <...> и сие имело прообразовательный смысл <...>. Крестил и Иоанн, уже не по-иудейски [СД-IV], потому что не водою только, но и в покаяние [СД-VI] <...>. Крестит и Иисус, но Духом» [Творения, I: 541–542].

Что же касается ветхозаветных *омовений*, то они, с патристической точки зрения, на фоне христианского крещения (поскольку являются плотскими, а не духовными) признаны потерявшими ценность, ибо прообраз при наступлении события сохраняет лишь историческое значение. Как любой прототип после события, омовения замещены крещением, так что, следовательно, их роль сыграна, и они должны отойти в историю. С какого момента? Согласно Григорию Богослову, с момента проповеди Иоанна, который крестил «уже не по-иудейски».

Чтобы не создалось впечатления, что выше отражена всего лишь частная точка зрения пусть и весьма авторитетного, но одного богослова, ниже помещены выписки из имевшего широкую циркуляцию «Слова в день Богоявления»²⁶ Иоанна Златоуста. Греч. текст даем по изданию аббата Миня (в электронной версии проекта MUSAIOS), а рус. перевод — по изданию [Творения 1987], представляющему собой антологию дореволюционных переводов святителя²⁷. Подчеркиваниями выделены

²⁴ Примечательно, что переводчики-академики даже омовение Моисея назвали *крещением*.

²⁵ Аллюзируется 1 Кор 10: 1–2: «Не хочу оставить вас, братия, в неведении, что отцы наши <...> все крестились в Моисея в облаке и в море». Перед нами перенесение в прошлое новой оценки события.

²⁶ «Слово» имеет подзаголовок: «Против не присутствующих в священных собраниях, и о святом спасительном крещении Спасителя нашего Иисуса Христа, и о недостойно причащающихся, и о том, что оставляющие божественную литургию прежде ее окончания и выходящие прежде заключительной молитвы уподобляются Иуде».

²⁷ Правда, если в дореволюционных изданиях цитаты из Свщ. Писания приводились по-славянски, то в указанном трехтомнике они заменены цитатами на русском языке (по тексту синодальной Библии).

предикации, существенные для определения СДолей ЛФона как греч. βάπτισμα, так и слав.-рус. *крещение*. Полу жирным шрифтом в обоих текстах выделены терминологические соответствия для номинации различных видов *омовений, очищений и баптизм*.

1) Βάπτισμα ἦν τὸ Ἰουδαϊκόν, τὸ ῥύπων σωματικῶν ἀπαλλάττον, οὐ τῶν κατὰ τὸ συνειδὸς ἁμαρτημάτων. Οὐ γὰρ εἴ τις μοιχείαν εἰργάσατο, οὐδὲ εἴ τις κλοπὴν ἐτόλμησεν, οὐδὲ εἴ τις ἄλλο τι τοιοῦτον παρηνόμησεν, ἀπήλλαττεν αὐτὸν τῶν ἐγκλημάτων· ἀλλ' εἴ τις ὁσῶν ἤφατο νεκρῶν, εἴ τις μὴ νενομισμένης ἐγεύσατο τροφῆς, εἴ τις ἐκ φθορᾶς παρεγένετο, εἴ τις λεπροῖς συνεγένετο, ἐλούετο, καὶ μέχρι τῆς ἑσπέρας ἀκάθαρτος ἦν, εἶτα ἐκαθαίρετο. Λούσεται γὰρ τὸ σῶμα αὐτοῦ ὕδατι καθαρῶ, φησὶν, καὶ ἀκάθαρτος ἔσται ἕως ἑσπέρας, καὶ καθαρῶσθεται. Οὐ γὰρ ἀληθῶς ἁμαρτία ταῦτα ἦν οὐδὲ ἀκαθαρ-σία, ἀλλὰ ἀτελεστέρους ὄντας διὰ τῶν τοιούτων ποιῶν εὐλαβεστέρους ὁ Θεὸς, πρὸς τὴν τῶν μειζδῶν παρατήρησιν ἀκριβεστέρους ἄνωθεν παρεσκεύασε.

2) Τὸ μὲν οὖν Ἰουδαϊκόν καθάρσιον ἁμαρτημάτων μὲν οὐκ ἀπήλλαττε, ῥύπων δὲ σωματικῶν μόνον, τὸ δὲ ἡμέτερον οὐ τοιοῦτον, ἀλλὰ πολλῶ μείζον καὶ πολλῆς γέμον χάριτος καὶ γὰρ ἁμαρτημάτων ἀπαλλάττει, καὶ ψυχὴν ἀποσιμῆχει, καὶ Πνεύματος δίδωσι χορηγίαν.

3) Τὸ δὲ τοῦ Ἰωάννου τοῦ μὲν Ἰουδαϊκοῦ σφόδρα ὑψηλότερον ἦν, τοῦ δὲ ἡμετέρου ταπεινότερον, καθάπερ γέφυρά τις ὃν ἑκατέρων τούτων τῶν βαπτισμάτων, ἀπ' ἐκείνου πρὸς τοῦτο δι' ἑαυτοῦ χειραγωγοῦν· οὐ γὰρ δὴ εἰς παρατήρησιν καθαρῶν σωματικῶν αὐτοὺς ἐνήγεν, ἀλλ' ἀποστῆσαν ἐκείνων παρήνει καὶ συνεβούλευε μεταβαλεῖν ἀπὸ κακίας εἰς ἀρετὴν, καὶ ἐν τοῖς τῶν ἔργων κατορθώμασι τὰς ἐλπίδας τῆς σωτηρίας ἔχειν, οὐκ ἐν βαπτισμοῖς διαφόροις καὶ καθαρμοῖς ὕδατων.

4) Οὐ γὰρ ἔλεγε· Πλύνον τὰ ἱμάτιά σου, καὶ λοῦσον τὸ σῶμά σου, καὶ ἔση καθαρὸς· ἀλλὰ τί; Ποιῆσατε καρπὸν ἄξιον τῆς μετανοίας. Καὶ κατὰ τοῦτο ψηλότερον ἦν τοῦ Ἰουδαϊκοῦ, τοῦ δὲ ἡμετέρου ταπεινότερον· ἐπειδὴ μήτε Πνεῦμα ἅγιον ἐδίδου τὸ βάπτισμα Ἰωάννου, μήτε τὴν διὰ τῆς

1) Было крещение иудейское, которое очищало телесные нечистоты, но не грехи совести. Так, кто совершал прелюбодеяние, или кто решался на воровство, или кто сделал какое-нибудь другое беззаконие, того оно не освобождало от вины. Но кто касался костей умершего, кто вкушал пищу, запрещенную законом, кто приходил из [места] заразы, кто обращался с прокаженными, тот омывался, и до вечера был нечист, а потом очищался. «Да омоет тело свое водою чистою», говорится в Писании, «и нечист будет до вечера, и чист будет» (Лев 5: 5, 22: 7). Это не были в самом деле грехи или нечистоты, но так как иудеи были несовершенны, то Бог, делая их чрез это более благочестивыми, с самого начала приготавливал их к точнейшему соблюдению важнейшего.

2) Итак, иудейское очищение освобождало не от грехов, а только от телесных нечистот. Не таково наше: оно гораздо выше и исполнено великой благодати, потому что освобождает от грехов, очищает душу и полагает дар Духа.

3) И крещение Иоанново было гораздо выше иудейского, но ниже²⁸ нашего; оно было как бы мостом между обоими крещениями, ведущим чрез себя от первого к последнему, так как понуждало их [иудеев] не к соблюдению телесных очищений, но вместо таковых увещивало и советовало переходить от порока к добродетели и надежду спасения полагать в совершении [добрых] дел, а не в разных омовениях и очищениях водою.

4) [Иоанн] не говорил: вымой одежду твою, омой тело твое, и будешь чист; но что? «Сотворите достойный плод покаяния» (Мф 3: 8). Потому именно оно было выше иудейского, но ниже нашего, что крещение Иоанново не со-общало Духа Святого и не доставляло благо-

²⁸ В греч. «смирненное».

χάριτος παρέιχε συγχώρησιν' μετανοεῖν γὰρ ἐκέλευεν, οὐκ ἀφιέναι κύριος ἦν.

5) Εἶδες πῶς ἀτελὲς ἦν τὸ Ἰωάννου βάπτισμα; Εἰ γὰρ μὴ ἦν ἀτελὲς, οὐκ ἂν αὐτοὺς πάλιν ἐβάπτισεν ὁ Παῦλος, οὐκ ἂν αὐτοῖς τὰς χεῖρας ἐπέθηκε· νυνὶ δὲ ἀμφοτέρωτα ταῦτα ποιήσας, ἐδήλωσε τὴν ὑπεροχὴν τοῦ βαπτίσματος τοῦ ἀποστολικοῦ, καὶ ὅτι ἐκεῖνο τούτου πολὺ κατώτερον ἦν. Ἀλλὰ τὴν μὲν τῶν βαπτισμάτων διαφορὰν ἐκ τούτων ἐμάθομεν· τίνας δὲ ἔνεκεν ὁ Χριστὸς βαπτίζεται, καὶ ποῖον βάπτισμα, λοιπὸν ἀναγκαῖον εἶπεν. Οὐτε τὸ Ἰουδαϊκὸν τὸ πρότερον, οὐτε τὸ ἡμέτερον τὸ μετὰ ταῦτα· οὐτε γὰρ ἀμαρτημάτων συγχώρησεως ἐδεῖτο· πῶς γὰρ ὁ μηδεμίαν ἀμαρτίαν ἔχων;

6) Ἀλλὰ πρότερον ἀναγκαῖον μαθεῖν ποῖον ἐβάπτισατο βάπτισμα, καὶ τότε καὶ τοῦτο σαφέστερον ἡμῖν γενήσεται. Ποῖον οὖν ἐβάπτισατο; Οὐτε τὸ Ἰουδαϊκὸν, οὐτε τὸ ἡμέτερον, ἀλλὰ τὸ Ἰωάννου. Διὰ τί; Ἰνα καὶ δι' αὐτῆς τῆς τοῦ βαπτίσματος φύσεως μάθῃς, ὅτι οὐ δι' ἀμαρτίας ἐβάπτισατο, οὐδὲ ὡς τῆς τοῦ Πνεύματος δεόμενος χορηγίας· ἐκατέρωθεν γὰρ τούτων ἐρημιον ἐκεῖνο τὸ βάπτισμα, καθάπερ οὖν καὶ ἀπεδείξαμεν. Καὶ ὅτι μὲν οὐτε δι' ἄφεσιν ἀμαρτημάτων, οὐτε διὰ Πνεύματος χορηγίαν ἦλθεν ἐπὶ τὸν Ἰορδάνην, δῆλον ἐκ τούτων.

7) Τίνας οὖν ἔνεκεν ἐβαπτίζετο, εἰ μήτε ἐπὶ μετανοίᾳ, μήτε ἐπὶ ἀμαρτημάτων ἀφέσει, μήτε ἐπὶ Πνεύματος χορηγίᾳ τοῦτο ἐποίει; Ἐτέρων δυοῖν ἔνεκεν αἰτιῶν, μιᾶς μὲν ἧς φησὶν ὁ μαθητῆς, ἑτέρας δὲ ἧς αὐτὸς πρὸς τὸν Ἰωάννην εἶπε. Τίνας οὖν φησὶν ὁ Ἰωάννης αἰτίαν τοῦ βαπτίσματος εἶναι τούτου; Ἰνα γνωρισθῇ τοῖς πολλοῖς, καθὼς καὶ ὁ Παῦλος ἔλεγεν, ὅτι Ἰωάννης μὲν ἐβάπτισε βάπτισμα μετανοίας, εἰς τὸν ἐρχόμενον μετ' αὐτὸν ἵνα πιστεῦσωσιν· τοῦτο ἦν τὸ κατόρθωμα τοῦ βαπτίσματος.

8) Καὶ δι' ἑτέραν δὲ αἰτίαν, ἦν αὐτὸς φησὶ ποῖαν δὴ ταύτην; Τοῦ Ἰωάννου εἰπόντος, Ἐγὼ χρεῖαν ἔχω ὑπὸ σοῦ βαπτισθῆναι, καὶ σὺ ἔρχη πρὸς με; αὐτὸς ἀπεκρίνατο λέγων· Ἄφες ἄρτι· οὕτω γὰρ πρέπειν ἐστὶν ἡμῖν πληρῶσαι πᾶσαν δικαιοσύνην. Εἶδες εὐγνωμοσύνην οἰκέτου; εἶδες ταπεινοφροσύνην Δεσπότη; Τί ποτέ ἐστι τὸ, Πλη-

ратного прощения; оно повелевало каяться, но не было властно отпускать [грехи].

5) Видишь ли, как несовершенно было крещение Иоанново? Если бы оно не было несовершенно, то Павел не крестил бы их снова, не возлагал бы на них рук; исполнив же то и другое, он показал превосходство апостольского крещения, и то, что крещение Иоанново гораздо ниже его. Но из этого мы узнали различие крещений; теперь необходимо сказать, для чего Христос крестился и каким крещением. Ни прежним — иудейским, ни последующим — нашим, потому что Он не имел нужды в отпущении грехов; да и как может нуждаться в этом Тот, Кто не имеет никакого греха?

6) Но прежде нам нужно узнать, каким Он крестился крещением, тогда и то будет ясным для нас. Каким же крещением Он крестился? Не иудейским, и не нашим, но Иоанновым. Для чего? Для того, чтобы ты из самого свойства крещения познал, что Он крестился не по причине греха и не потому что имел нужду в даре Духа; как мы показали, это крещение было чуждо того и другого. Отсюда видно, что Он приходил на Иордан не для отпущения грехов, и не для получения дара Духа.

7) Для чего же Он крестился, если сделал это ни для покаяния, ни для отпущения грехов, ни для получения дара Духа? По другим двум причинам, из которых об одной говорит ученик, а о другой Он Сам сказал Иоанну. Итак, какую же причину этого крещения высказал Иоанн? Ту, чтобы Христос стал известным народу, как и Павел говорил: Иоанн крестил крещением покаяния, говоря людям, чтобы веровали в Грядущего по нем, то есть во Христа Иисуса (Деян 19: 4). Это было завершением крещения.

8) Была и другая причина, о которой Он Сам говорит; какая же именно? Когда Иоанн сказал: мне надобно креститься от Тебя, и Ты ли приходишь ко мне? — то Он отвечал так: «оставь теперь, ибо так надлежит нам исполнить всякую правду» (Мф 3: 14, 15). Видишь ли благородствие раба? Видишь ли смирение Вла-

ρῶσαι πᾶσαν δικαιοσύνην; Δικαιοσύνη λέγεται τῶν ἐντολῶν πασῶν ἢ πλήρως· ὡπερ ὅταν λέγη: Ἦσαν ἀμφοτέροι δίκαιοι πορευόμενοι ἐν ταῖς ἐντολαῖς τοῦ Κυρίου ἀμεμπτοι. Ἐπεὶ οὖν ἔδει πληρῶσαι τὴν δικαιοσύνην ταύτην τοὺς ἀνθρώπους ἅπαντας, οὐδεὶς δὲ αὐτὴν ἀπῆρτισεν οὐδὲ ἐπλήρωσεν, ἔλθῶν ὁ Χριστὸς πληροῖ τὴν δικαιοσύνην ταύτην.

9) Καὶ ποία δικαιοσύνη, φησὶ, τὸ βαπτισθῆναι; Τὸ τῷ προφῆτῃ πεισθῆναι δικαιοσύνη ἦν. Ὡπερ οὖν περιετέμνετο, καὶ θυσίαν ἀνήνεγκε, καὶ σάββατα ἐτήρησε, καὶ ἑορτὰς ἐπλήρωσεν Ἰουδαϊκὰς, οὕτω καὶ τοῦτο τὸ λειπόμενον προσέθηκε, τὸ πεισθῆναι προφῆτῃ βαπτίζοντι. Ὅτι γὰρ Θεοῦ βούλημα ἦν τὸ βαπτίζεσθαι πάντας τότε, ἄκουσον τί φησιν ὁ Ἰωάννης: Ὁ πέμφας με βαπτίζειν ἐν ὕδατι· καὶ πάλιν ὁ Χριστὸς, Οἱ τελῶναι καὶ ὁ ὄχλος ἐδικαίωσαν τὸν Θεόν, βαπτισθέντες τὸ βάπτισμα Ἰωάννου· οἱ δὲ Φαρισαῖοι καὶ οἱ γραμματεῖς ἠθέτησαν τὴν βουλὴν τοῦ Θεοῦ μὴ βαπτισθέντες ὑπ' αὐτοῦ. Εἰ τοίνυν τὸ τῷ Θεῷ πείθεσθαι δικαιοσύνη, ὁ δὲ Θεὸς ἐπεμψε τὸν Ἰωάννην, ὥστε βαπτίσει τὸν λαόν, μετὰ τῶν ἄλλων ἀπάντων τῶν νομικῶν καὶ τοῦτο ἐπλήρωσεν ὁ Χριστὸς.

На наш взгляд, чтение двух текстов, облегчаемое их расположением en regard, весьма поучительно, особенно в аспекте выбора терминологии: у Иоанна постоянно используется глагол βαπτίζω/βαπτίζομαι и имя βάπτισμα, тогда как высокоученые переводчики (а в дореволюционных духовных академиях опыт перевода свв. отцов был накоплен немалый), ничуть не смущаясь регулярно возникающими анахронизмами, постоянно используют глагол крестить(ся) и имя крещение, за исключением одного случая (выше № 3: здесь, в силу отчетливого контекста, βάπτισμα переведено как омовение).

В дальнейшем текст Иоанна Златоуста исследуется с помощью методики исчисления РПТактик (эта методика в общем виде изложена в Разделе Втором [часть I, гл. 1; часть III, подглавка 01–2]). Напомним, что установить определенную РПТактику, грубо говоря, означает выявить некоторое общее намерение, стоящее за рядом реальных однородных рече-поведенческих актов. Соответственно именование РПТактики формулируется абстрактно и затем конкретизируется в выписках из текстов, чуть модифицированных для ясности.

Для отличия от нумерации СДолей нумерация РПТактик заключается в фигурные скобки. Поскольку Иоаннова баптисма и христианское крещение ближе друг к другу, чем к ветхозаветному омовению, мы хотели бы отметить это обстоятельство, продолжая употреблять при перечислении РПТактик римские (а не арабские) цифры. Баптисма Иисуса, будучи, в отличие от всех других «общественных» баптисм, персональной и единичной, рассматривается нами отдельно. Номера тактик для сути изучаемого феномена значения не имеют, но они отражают последовательность появления предикаций в исходном Златоустовом «Слове», а также и их логическую последовательность:

дыки? Что же значит: исполнить всякую правду? Правдою называется исполнение всех заповедей, как говорится: «поступая по всем заповедям и уставам Господним беспорочно» (Лк 1: 6). Так как исполнять эту правду должны были все люди, но никто из них не соблюл и не исполнил ее, то Христос, приходя, исполняет эту правду.

9) А какая, скажет кто-нибудь, правда в том, чтобы креститься? Повиновение пророку было правдою. Как Христос обрезался, принес жертву, хранил субботы и соблюдал иудейские праздники, так присоединил и это остальное — повиновался крестившему пророку. Воля Божия была, чтобы тогда все крестились, о чем, послушай, как говорит Иоанн: «пославший меня крестить в воде» (Ин 1: 33); также и Христос: «мытари воздали славу Богу, крестившись крещением Иоанновым; а фарисеи и законники отвергли волю Божию о себе, не крестившись от него» (Лк 7: 29, 30). Итак, если повиновение Богу составляет правду, а Бог послал Иоанна, чтобы крестить народ, то Христос со всем другим, что требуется законом, исполнил и это.

- Следует различать разные сущности (по времени появления: первую, вторую и третью) {РПТ-I}. Реализации: *Было крещение иудейское; Было крещение Иоанново; Было крещение Иисусово; Есть крещение «наше», т. е. христианское; Мы узнали различие крещений;*
- Первая сущность имела ценность для своего времени {РПТ- II}. *Крещение иудейское очищало телесные нечистоты; Иудеи были несовершенны, но Бог посредством омовений делал их более благочестивыми;*
- Первая сущность имела приготовительное значение (а значит, ей на смену должна была прийти другая) {РПТ-III}. *Бог с самого начала готовил иудеев к точнейшему соблюдению важнейшего; Крещение Иоанново дано «вместо» телесных очищений;*
- Первая сущность была все-таки недостаточно ценна, причем с самого начала {РПТ-IV}. *Крещение иудейское не очищало грехи совести и не освобождало от вины;*
- Вторая сущность совершеннее первой {РПТ-V}. *Крещение Иоанново было гораздо выше иудейского; Оно побуждало не к телесному очищению, а к покаянию; Оно повелевало каяться;*
- Вторая сущность, как и первая, все-таки недостаточно ценна {РПТ-VI}. *Крещение Иоанново не сообщало Духа Святого и не доставляло благодатного прощения; оно повелевало каяться, но не было властно отпустить [грехи]; Видишь ли, как несовершенно было крещение Иоанново?*
- Соответственно вторая сущность также должна была уступить место другой {РПТ-VII}. *Если бы крещение Иоанново не было несовершенно, то Павел не крестил бы принявших его снова (христианским крещением);*
- Третья сущность намного совершеннее первой {РПТ-VIII}. *Наше (т. е. христианское) крещение гораздо выше (иудейского) и исполнено великой благодати; Оно, в отличие от иудейских омовений, освобождает от грехов, очищает душу и подает дар Духа;*
- Третья сущность совершеннее и второй {РПТ-IX}. *Христианское крещение, в отличие от Иоаннова, было сообщением Святого Духа и вело к отпущению грехов.*

Что касается баптизмы, которой Иоанн подверг пришедшего к нему Иисуса, то златоустый автор «Слова на Богоявление» подчеркивает, что Иисус, с одной стороны, в ней не нуждался (ибо, как сказано во фрагменте б, он не был подвержен греху, а Св. Духом обладал изначально) и что, с другой стороны, эта баптизма имела важное значение для истории домостроительства спасения, так как именно после нее Иисус выступил на общественное служение (причина крещения — «чтобы Христос стал известным народу»). Иначе говоря, эта баптизма, подобно баптизме геров, все-таки оказалась равнозначной обряду инициации, но, в отличие от баптизмы геров, она отнюдь не была обрядом покаяния и очищения от грехов.

Отсюда легко заключить: считать баптизму Иоанна известным из Ветхого Завета *омовением* значит остаться в Ветхом Завете, между тем как исчисления СДолей и РПТактик недвусмысленно показывают, что баптизма Крестителя, даже если и не забывать об аспекте преемства, представляет собой новозаветную качественную новацию, шаг прочь от *омовения* и в направлении к христианскому крещению.

Следует, однако, допустить, что, возможно, в момент написания евангелий столь четкого богословского различия между ветхозаветной и новозаветной баптизмой, которое характерно для Григория Богослова и Иоанна Златоуста, еще не проводилось. Отсюда определенная терминологическая непоследовательность.

Тем не менее в IX в., когда славянские первоучители приступили к евангельским переводам, эта принципиальная разница уже давно была известна любому бо-

лее или менее подкованному христианину. Она, несомненно, была известна и переводчику Евангелия на слав. язык Кириллу Философу, который, конечно, не мог не знать творений Иоанна Златоуста и который, как известно из его Пространного жития, был особенно привержен Григорию Богослову²⁹. Сознательно отказавшись от глагола *омъггн/омъивати* и выбрав отнюдь не синонимичный глагол *кръстити/кръщати*, первоучитель Кирилл дал свидетельство о своей ясной богословской позиции. Он заложил тысячелетнюю традицию, которая вышла за пределы церковнославянского языка и перешла в русскую версию Евангелия.

Можно ли от этой традиции отказаться? Если отвергнуть догматическую и охранительную роль Свщ. Предания, то, конечно, почему бы и нет? Примером, как видим, как раз и является РВБ³⁰.

Между тем Православная Церковь, в том числе, конечно, и Русская, отвергает (в отличие от протестантов) принцип *sola Scriptura*, строго держится, наряду со Свщ. Писанием, также и Свщ. Предания, не абсолютизирует Свщ. Писания³¹ и не принимает его за единственный *locus theologicus* (источник догматики). В частности, догматические решения вселенских соборов, суждения свв. отцов и других лиц, выражающих поступательно пополняемое общецерковное сознание, принимаются во внимание при интерпретации Библии (а переводы Библии — это частный случай интерпретации). Так в Свщ. Писание проникают *приращения* смыслов как лексики, так и текста (*sensus plenior*³²) — те приращения, которые имели место в более поздние эпохи, когда канон уже закрепился и началась церковная история его интерпретации³³.

²⁹ Константин-Кирилл знал книги Григория наизусть и написал ему Похвалу в стихах. Отрок Константин *сѣдѣше въ дому своемъ, оучася книгамъ изъоучь святаго григория филолога и похваля написа сѣвѣтому григорию* [Fontes II: 64]. Анализ стихотворной Похвалы Григорию см. [Верещагин 2001a: 78–93].

³⁰ Замена крещения омовением — в РВБ не единственный случай отказа от Кирилло-Мефодиевской традиции. Так, в РВБ вместо *воскресения* Христова регулярно говорится о том, что он был *«поднят из гроба»*. Книжно-жанровый термин *евангелие* и именование христианской проповеди *благовестием* заменены на словосочетание *радостная весть* (и последняя номинация распространена на весь НЗ). Традиционное именование Иисуса *Христом* заменено на *Ломазанника*. Примеры отказа от традиции легко умножаются. См. [Верещагин 2004e].

³¹ Это правда, что принципиальное допущение приращений смыслов ведет к релятивизму. Этот релятивизм особенно заметен в сфере нравственности. Безусловно, в Библии содержатся многочисленные наставления по безупречному человеческому поведению: заповеди, запреты, предписания, предостережения, обличения и т. д. Часть из них имеет всеобщий и непреходящий характер, а часть — конкретно-исторический и действительный лишь для определенного народа и известного времени (таковы, например, рассмотренные нами предписания о ритуальной чистоте, некоторые пищевые разрешения и запреты и т. д.); между этими наставлениями, однако, разделение не проведено, и они перемешаны. Следовательно, абсолютизировать все предписания Ветхого Завета никак нельзя (например, этику рабовладельческого общества, бракоразводные правила, предписания уничтожить противников на войне и т. д.): в нем содержится, говоря словами Папской Библейской комиссии [Die Interpretation 1994: 97], «несовершенное и обусловленное временем», т. е. то, чего божественная педагогика по разным причинам не успела устранить. Отказ от абсолютизации — это не только устранение «несовершенного», но и дополнительное внесение «обусловленного нашим временем».

³² *Sensus plenior* — это более глубокий смысл библейского текста, который, согласно Преданию, *Auctor Principalis* Свщ. Писания имел в намерении и даже выразил подспудно, но который в свое время, по промыслу, *auctor humanus* (конкретный автор определенной библейской книги) не выразил отчетливо.

³³ Например, учение свв. отцов и соборов о Пресв. Троице явно вносит *sensus plenior* в интерпретацию суждения Нового Завета о Боге-Отце, Боге-Сыне и Боге-Св. Духе.

Кроме того, не забудем, что Свщ. Писание подлежит не только интерпретации, но и инкультурации³⁴.

Таким образом, хотя фиксация формы библейского текста на момент создания очень важна, еще важнее — именно так: еще важнее! — тот его вид, который сложился к настоящему времени как итог и сумма всего развития библейского канона в Церкви за две тысячи лет ее бытия. Попытки вычеркнуть тысячелетия из истории прочтения (т. е. все большего и большего раскрытия) Свщ. Писания можно приравнять к отрицанию непрерывности Откровения. Постижение Свщ. Писания совершается кумулятивным путем, т. е. посредством накопления решений, удерживаемых в согласии с консенсусом свв. отцов. Стало быть, Кирилл и Мефодий своими переводческими решениями в богословски ответственных фрагментах Евангелия также внесли прямой вклад в освоение этой книги православными славянами. Они названы равноапостолами в том числе и потому, что были, подобно известной четверице, *евангелистами*, создателями своеобразного славянского Евангелия.

Все изложенное сейчас хорошо иллюстрирует и, на наш взгляд, подтверждает концепцию сапиентемы. В настоящем разделе Заклучения она будет рассмотрена только как программа развертывания смыслов, а к сапиентеме как программе этических оценок обратимся ниже.

Напомним, что, в согласии с изложенным выше (в Разделе Третьем основного корпуса монографии), *сапиентема* — это подлинный гносеологический субъект (или, иначе, самодвижный механизм)³⁵, т. е. «генератор», «продуцент» познания и фиксации познанного³⁶. Сапиентема — поле для со-деятельности (синэргии) Нуминозного³⁷ и Человека³⁸.

Для позитивиста (типа Э. Маха) и прагматика (типа В. Джеймса) эти тезисы, конечно, заведомо неприемлемы. Действительно, в рамках двух общепринятых видов гносеологического опыта человека (перцептуального и концептуального) они невозможны, а признаваемый нами третий вид опыта — манифестативный, т. е. получаемый посредством дара/откровения/внушения/озарения³⁹, — лежит, по Маху и Джеймсу, вне науки. К счастью, не все философы отвергают бытие манифестативности: так, по словам Э. Гуссерля, она представляет собой «чудо из чудес» — *Wesensschau* ([непосредственное] «видение сущностей»).

Из сказанного не вытекает, что наша концепция сапиентемы является идеологической: на деле она открыта для критики, в том числе тотальной; она отчасти состоит

³⁴ *Инкультурация* — это усилия в различных странах и культурных кругах по трансплантации библейского благовестия. Подробнее см. [Верещагин 2000а: 256–258].

³⁵ Всегда надличностный.

³⁶ Фиксация является, во-первых, кумулятивной (симультанно хранящей невербальную информацию) и, во-вторых, способной к сукцессивной вербализации этой информации.

³⁷ Изложение концепта Нуминозного см. у нас в Разделе Втором (часть I, подглавка 02–10, экскурс 1).

³⁸ Прописная литера сигнализирует, что имеется в виду Человек как *collectivum* (человечество, народ, социальный слой, группа и т. д.) и как *individuum* (личность).

³⁹ Заметим кстати, что принцип феноменологической редукции, осуществленной Гуссерлем, грубо говоря, состоит в отождествлении сущности предмета с рефлексией по поводу этого предмета.

из посюсторонних утверждений одного порядка с теми, которые приняты в историко-гуманитарных науках; а те утверждения, которые надо с открытыми глазами признать метафизическими⁴⁰, (не)доказуемы⁴¹ точно так же, как и прочие метафизические тезисы⁴². Логического построения ждать не следует⁴³. Стало быть, если кто-либо отказывается судить концепцию в рамках ею же заданных принципов, то, естественно, и дискуссия невозможна: *contra neganda principia non est disputandum*.

Когда описываются смыслы сапиентемы и их развертывание, происходит не изобретение чего-то небывалого, а открытие — в том смысле, в каком мореплаватели открывают всегда существовавший, но не занесенный на карту остров.

Что конкретно касается *омовения/крещения*, то выявление стоящей за обрядами сапиентемы, как и в случае «жилища», приходится начинать издалека. Шаги развертывания сапиентемы нумеруются арабскими цифрами с круглой скобкой справа.

Первым нуминозно-внушенным смыслом является (свойственный только человеку и создаваемый им) универсальный смысл (*sensus generalissimus*)⁴⁴ 1) *текущей времени*. Отношением взаимодополнительности он связан с идеей (вневременной и поэтому неподвижной) вечности. В философских терминах понятие *смысл* близко подходит к понятию *ценность*, так что гиперфеномен *сапиентемы* неотделим от этико-эстетических ассоциаций. Сапиентема совкупляет в себе ценностные категории: в сфере гносеологии — «истинности», в сфере этики — (нравственного) «блага» и в сфере эстетики — «прекрасного».

Сапиентема, в зависимости от установки исследователя, может получить номинацию по смыслу любого шага развертывания (или даже по смыслам двух-трех шагов), в том числе и первого. Стало быть, ее уже сейчас можно было бы поименовать — например, сапиентемой «*Тока времени*». Но нас интересуют шаги б) и 8), так что выбор ярлыка состоится ниже.

⁴⁰ Принципы метафизического познания подытожены — на наш взгляд, емко и систематично — Л. П. Корсавиным (см. [Корсавин 1992]).

⁴¹ То есть опытно доказуемы, но недоказуемы логически.

⁴² Чтобы избежать декларативности, мы принуждены умножать аргументы. Возникает известная монотонность и обстоятельность, и этим нарушается один из современных (и сомнительных) принципов верификации новой теории — требование, чтобы в манере изложения присутствовал пресловутый *esprit*. Если теория красива и принципиальное значение имеет форма ее презентации, то, на наш взгляд, она как раз скорее окажется ложной: во всяком случае, проверка сего построения на истинность должна быть особо взыскательной. Элегантность, парадоксальность и афористичность текста не могут быть самоцелью.

⁴³ Говоря о своем методе «любомудрия», Григорий Богослов в свое время сказал, что судит и излагает «по-рыбарски, а не по-аристотелевски» (ἀλιευτικῶς, ἄλλ' οὐκ Ἀριστοτελικῶς). Он имел в виду, конечно, рыбарей, ставших апостолами, которые не пасовали перед сложнейшими богословскими проблемами: они по разуму решали их, но тем не менее нередко апеллировали прямо к нуминозному опыту и излагали его догматически.

⁴⁴ Как легко сейчас же спросить: а что такое *смысл*? Концепт *информации* (или семантики, или значения, или смысла), наряду с *материей* и *энергией*, принадлежит к числу фундаментальных феноменов, о природе которых в науке не задают вопросов. Физики не спрашивают, что такое *материя*; биологи не пытаются разрешить, что такое *жизнь*; философы отступились от спекуляций относительно *духа* и т. д. Используя перечисленные номинации, мы как бы размашистым пунктиром очерчиваем область действительности (не обязательно материальной), в которой производятся разыскания. В подобных случаях не только для частных отраслей науки, но и для философии достаточно обыденного, интуитивного понимания, даже и не выведенного в светлое поле внимания, а всего лишь подразумеваемого (*quod subintellegitur*).

Идея текучести времени на втором шаге нуминозного развертывания имплицитирует 2) *идею границ* (пределов) и соответственно *внутриграницной заполненности* бытия. Бытия чего или кого? — Бытия в сем мире любого материального тела, общества или лица.

На третьем шаге идея границ преобразуется в представления о временной триаде — 3) *начале бытия, континууме и конце*.

Четвертый шаг, скорее всего, все еще имеет нуминозное происхождение: начала и концы (как разрывы времени⁴⁵) обладают 4) *сакральным смыслом*. Этот смысл, если он от Нумена, то — не от Человека: поэтому, вопреки стараниям скептиков, его нельзя объявить галлюцинацией, душевным фантомом.

Все четыре шага для Человека непреложны именно в силу их нуминозной природы: никто из людей не может уклониться от врожденного знания о времени, его промежутках, границах между ними, а также и от ощущения святости того или другого (признаваемого важным) начала и конца.

И здесь, вероятно, к монологу нуминозного откровения присоединяется синэргийный отклик Человека.

Имеется в виду как планетарный Человек, так и представитель определенного культурного круга, или национальной культуры, или определенного социального слоя, или, наконец, «репрезентант самого себя», т. е. индивид. Это не означает, что нуминозные стимулы, оборвавшись, совсем прекращаются, или что программа развертывания априорных смыслов (см.: Раздел Третий, часть III, глава 2) теряет всю свою роль. Это означает иное: теперь Человек преломляет нуминозные стимулы посредством своего *ratio* и *emotio*, причем в силу свободы воли оказывается способным как принять, так и отвергнуть их. Способом принятия нуминозной семантики является придание ей более чем одной этической установки (об этом говорится в следующем разделе Заклучения).

Итак, человек откликается тем, что сопровождает *начало* любого значимого периода жизни 5) *обрядами*, выявляющими его *сакральный смысл*.

Здесь происходит раздвоение сапиентемы: далее мы следим за обрядами только *начала*. Можно проследить и за обрядами *конца*, и тогда итоги окажутся другими⁴⁶.

Если начало насыщено сакральным смыслом, то человечество в целом и каждое сообщество людей вырабатывает обряды инициации. На пятом шаге стимул все-таки проистекает от Нуминозного, но для Человека теперь открывается поле выбора: по свободной воле (по произволению-произволу) он формирует свой ритуал и семантику обряда, и уж конечно сам создает обрядовые тексты (с распределением ролей). Скажем, хранить Субботу — это заповедь (Исх 20: 10), но ритуалы начала (встречи) и конца (проводов) Субботы сочиняются людьми.

Стало быть, на шестом шаге определенно вступает в действие программа развертывания апостериорных смыслов (см.: Раздел третий, Часть III, глава 3).

Поскольку нижеследующие шаги развертывания сапиентемы связаны с откликом человека, далее каждому шагу мы приписываем СДоли и РПТактики из исчис-

⁴⁵ Имеется в виду противоположно направленное движение: прорыв из вечности в сей мир и из сего мира в вечность.

⁴⁶ Действительно, если христианские обряды начала концентрируются вокруг таинства *крещения*, то обряды конца (не обязательно всей жизни; конец бывает у любого жизненного периода) — вокруг таинства *исповеди*.

лений, предпринятых выше. Так каждый шаг наполняется лингвострановедческим (рече-языковым и национально-культурным) содержанием и приобретает конкретность. Применительно к шагу 6) СДоли и РПТактики для примера расписаны, а далее указываются только их номера.

Итак, в некоторых культурах обряд инициации предполагает 6) *очищение-омовение* иницируемого, причем обрядовые предписания могут (как в Ветхом Завете) принимать вид заповедей свыше (ср. [СД-1: ритуальная нечистота], [СД-2: возникает механически], [СД-4: устраняется омовением], [СД-5: посредством ритуала], [СД-7: ритуал становится обрядом инициации новых членов религиозной общины]; {РПТ-II: омовение имело ценность для своего времени}, {РПТ-IV: омовение было несовершенно}).

В этом случае обряды очищения меняются по мере того, как меняется или самооткровение Нуминозного, или отношение людей к нему (или сразу и то, и другое), так что на место физического омовения приходит, например, требование очищения морального — 7) *покаяния и очищения от грехов* (ср. [СД-I, IV, V, VI]).

В дальнейшем, по мере прогресса религиозных воззрений, в семиотике обряда, наряду с очищением, на первое место может (как в Новом Завете) выйти мистериальный аспект, и тогда из ритуала очищения развивается 8) *таинство крещения* — получения благодати во имя Иисуса Христа (посредством стяжания Св. Духа) (ср. [СД- VI, VII], {РПТ-I, V, VIII}).

Когда некоторая религиозная доктрина бытует на протяжении длительного времени, она вследствие синэргии Нуминозного и Человеческого приобретает приращения религиозных смыслов, так что ритуал таинства — 9) *меняется*.

С другой стороны, в традиционной общине он может быть (например, решением собора или других авторитетов) — 10) *закреплен*.

Шаги 9) и 10) еще раз наглядно демонстрируют, что сапиентема представляет собой двуединство покоя и движения и может быть понята и как *motus stabilis*, и как *status mobilis*.

Если некоторая религиозная доктрина перемещается из одной национально-культурной среды в другую, она приобретает, наряду с приращениями смыслов, еще и новую семантику вследствие 11) *инкультурации* (влияния воспринимающей национальной культуры).

Обращаемся снова — в последний раз — к тому, что нас весьма заботит, — к читательской рецепции наших взглядов. Возможно возражение: суть всех шагов изложена слишком широко. Однако так и должно быть, поскольку важнейшие принципы обязаны быть гибкими. Возможно еще одно возражение: сторонники концепции сапиентемы едва ли обретут единомышленников. И в данном случае так и должно быть: In every age and time we see / Two of a trade can ne'er agree. Наконец, упомянем и о третьей возможности — тотального отвержения (типа «все не так»); подобную эмоциональную позицию критиков из рода зоилов понять можно, но логической ценности она не имеет: *Negativa non sunt probanda*.

Теперь несколько замечаний по поводу номинации рассмотренной сапиентемы.

В рамках настоящего исследования нас прежде всего интересует изменение обряда инициации от семантики омовения (шаг 6) к семантике таинства крещения (шаг 8), поэтому в названии хотелось бы закрепить идею перехода от одного к

другому; соответственно назовем изменение-переход *транзитивом*. Стало быть, развернутое именование может принять вид: «Транзитив от омовения к крещению». Громоздко! Если вспомнить, что и омовение и крещение покрываются лексемой *баптисма*, то ярлык может стать более компактным: сапиентема «Транзитив баптисм». Для сути дела именование, конечно, не важно, но оно становится существенным, когда мы желаем подчеркнуть только один (два-три) аспект(а) из многошаговой сапиентемы.

Из изложенного следует, что шаги 1)–4) имеют метафизический характер, а соответствующие врожденные идеи, как всегда бывает, воспринимаются смутно, представляют собой гносеологическое состояние и, стало быть, или вообще не могут быть сформулированы, или (при усилении) формулируются с субъективным чувством неадекватности средств выражения. Нет, на духе не лежит проклятье быть отягощенным материей *с самого начала*. Напротив, если из лингвистики вытеснить невербальную и невербализируемую действительность, то нечего замахиваться на полноценный анализ семантики и вербальных номинативных единиц.

Вклад в синергию, идущий от Человека, начинается с пятого шага. Стало быть, шаги 5)–11) — вербальны, и роль языка как носителя и выразителя аккумулируемых знаний теперь выходит на первый план. Как говорилось ранее, подчеркнуть сопряженность сапиентемы с языком удобно посредством двусоставного термина *лингвосапиентема*.

По привычке говорим: «дар слова» и думаем, что это метафора. Между тем в свете изложенного данное клише может быть понято как прямая номинация: нуминозный стимул, как любой другой, вызывает реакцию, и этот отклик оказывается вербальным. Приведем показательную аналогию: «дар» — то же, что откровение догматов: смысл подается извне и бессловесно, а формулировка — дело человеческое. В качестве примера можно сослаться на эпоху тринитарных споров: догмат природы ипостасей был дарован с достаточной отчетливостью, но потребовалось много времени, пока было найдено слово, — *ἰσοούσιος* «единосущный», *ἰσοουσία* «единосущие», — способное его выразить. Подытожить сказанное удобно двустилишем А. П. Сумарокова (нам далее предстоит и еще раз на него сослаться); поэт имеет в виду обычный межъязыковой перевод, а сапиентему легко по аналогии уподобить другому переводу, а именно: переводу симультанной интуиции в слова и тексты:

...Не мни, переводя, что склад в Творце готов:
Творец дарует мысль, но не дарует слов...

Как говорилось ранее, подчеркнуть сопряженность сапиентемы с языком удобно посредством двусоставного термина *лингвосапиентема*.

Чтобы наглядно представить и обобщить изложенное, используем на сей раз (в отличие от основного изложения; см.: Раздел Третий, часть III, главы 2 и 3) не вертикальную, а горизонтальную символику. Пусть стрелка, повернутая вправо, означает нуминозные (априорные) идеи-смыслы. Две вертикальные линии (||) слева и справа показывают момент встречи априорного с апостериорным.

Итак, сапиентема «Транзитив баптисм» состоит из шагов, представляющих собой развертывание смыслов. Четыре шага — от Нуминозного, один шаг — встреча Нуминозного и Человеческого и, наконец, еще шесть шагов — от Человеческого:

Нуминозное ⁴⁷ : невербальный фрагмент сапиентемы	1) <i>текучесть времени</i> сопряжена с → 2) <i>временными границами</i> , → 3) из которых одна — это <i>начало</i> , → 4) и оно способно приобрести <i>сакральный смысл</i>
Встреча	→ 5) через <i>обряд инициации</i> ,
Человеческое ⁴⁸ : вербализуемый фрагмент сапиентемы (= лингвосапиентема)	→ 6) включающий в себя сначала только <i>омовение ритуальной нечистоты</i> , → 7) а затем также <i>покаяние и очищение от грехов</i> , → 8) и тогда в христианстве обряд становится <i>таинством крещения</i> , → 9) причем это таинство <i>меняется</i> , → 10) бывает <i>закреплено</i> → 11) и подвергнуто <i>инкультурации</i> .

Таково еще одно общее изложение концепции (*лого*)сапиентемы. Система представленных взглядов не соответствует расхожему, но ничем не мотивированному методологическому требованию, чтобы научная концепция была непременно проста. В нашем случае она, безусловно, сложна⁴⁹. Поэтому и не рассчитываем на мгновенную рецепцию со стороны коллег.

Переходим к дальнейшему этапу подытоживающего изложения концепции сапиентемы — на сей раз как программы этических оценок.

Вскоре мы возвратимся к анализу переводческих решений исполнителей книги РВБ и рассмотрим правомочность отказа от кирилло-мефодиевской традиции на примере лексемы *крещение*. Предварительно, однако, исследуем другой, но однородный случай из переводческой практики Кирилла и Мефодия.

Известно, что в свое время отрок Константин, спрошенный логофетом, что *есть любовь к мудрости*, не задумываясь, тотчас ответил: *бѣинмь и чѣльскынмь вещьмь разоумь*. Самому первоучителю это афористичное речение не принадлежит: он воспро-

⁴⁷ Хотелось бы еще раз предостеречь от неосторожного отождествления Нуминозного с божественным; см. подробнее в Разделе Втором (часть I, подглавка 02–10, экскурс 1).

⁴⁸ Хотелось бы напомнить, что имеется в виду человеческая способность к речи («дар слова»), которая под другим углом рассмотрения представляет собой способность к познанию через опыт, в том числе посредством манифестативного опыта.

⁴⁹ Если гуманитарная концепция сложна, то к ней следует применить две логические теоремы Курта Гёделя о неполноте. Смысл (переформулированной нами) первой теоремы: в любой сложной концепции (взятой во всей совокупности явных аксиом и выводов, а также при условии, что эксплицированы содержащиеся в ней неявные допущения) непременно имеются: наряду со строгими — нестрогие определения; наряду с исчерпывающими описаниями — недоговоренности; наряду с непротиворечивыми — противоречивые (т. е. противоречащие друг другу) выводы. Смысл второй теоремы Гёделя (представляющей собой следствие первой): показать собственную нестрогость, недоговоренность и противоречивость системы в рамках ее самой — нельзя. Строгим, исчерпывающим и непротиворечивым может быть только элемент концепции.

извел его по памяти. Действительно, у Григория Богослова, которого, как упоминалось, Константин-Кирилл избрал себе в наставники и в путеводители, в IV проповеди «О Сыне» [PG, t. 35: col. 129] точь-в-точь говорится, что «мудрость» — это *ἐπιστήμη θεῶν τε καὶ ἀνθρώπων πραγμάτων*. Надо думать, чеканная формула была общей для Каппадокийских отцов, потому что она отыскивается и у Василия Великого: Ἔστι δὲ σοφία ἐπιστήμη θεῶν τε καὶ ἀνθρώπων πραγμάτων, καὶ τῶν τούτοις αἰτιῶν (PG, t. 31, col. 389)⁵⁰.

Соφία — это по-латыни sapientia (от последнего слова образован термин *сапиентема*), а ἐπιστήμη — scientia «(по)знание». Формулировка Кирилла, Григория и Василия, если ее применить к сапиентеме, отлично выражает суть феномена в аспекте со-деятельности (син-эргии) Нуминозного и Человека: сапиентема, по определению, и есть механизм познания «нуминозных и человеческих вещей».

При этом уже в Ветхом Завете было известно, что сокровенные «нуминозные вещи» воспринимаются посредством манифестативного опыта: τὰ ἄδηλα καὶ τὰ κρύφια τῆς σοφίας σου ἐλώσας μοι, безвѣстная и тайная премудрости твоя; ἀβιάζ μὴ ἔσι (Пс 50: 8). Такова версия стиха по Септуагинте и по зависящей от нее слав. Библии⁵¹.

Если посредством манифестации-откровения подаются «нуминозные вещи», то под ΠΝΩΠ-σοφία нельзя понимать обычную мудрость человека, приобретаемую посредством чувственного (перцептуального) и рассудочного (концептуального) опыта. Мы можем быть в этом совершенно уверены, потому что к приведенной выше формулировке Василий Великий добавил еще выписку из Послания ап. Павла, а именно: σοφίαν δὲ λαλοῦμεν <...> οὐ τοῦ αἰῶνος τούτου <...>, ἀλλὰ λαλοῦμεν θεοῦ σοφίαν ἐν μυστηρίῳ, τὴν ἀποκρυμμένην (1 Кор 2: 6–7).

Лексема σοφία (она выделена) представлена в этой выписке дважды, но «первая» σοφία совсем не тождественна «второй». В первом случае использована стилистическая фигура именованья через негацию и явно имеется в виду σοφία «от века сего», т. е. σοφία мирская, посясторонняя, светская, профанная — та, которая, с использованием латинского корня⁵², может быть точно обозначена как *секулярная*. Во втором случае имеется в виду σοφία божественная (θεοῦ σοφία), потусторонняя, мистическая, сакральная — та, которая «в тайне», которая «сокрыта».

Таким образом, по сути «нуминозные вещи» — это совсем не то же, что «человеческие вещи», но в лексемах — как по-еврейски (в обоих случаях — ΠΝΩΠ), так и по-гречески (в обоих случаях — σοφία) — это кардинальное различие внеконтекстно не выражено, поскольку употреблена одна и та же лексема. Для точности ап. Павлу пришлось присовокуплять разъяснения.

Однако в синодальном переводе 1 Кор 2: 6–7 на русский язык в соответствии этой σοφία поставлены две лексемы — пусть однокоренные, но все же две: один раз σοφία передана как *мудрость*, а другой раз — как *премудрость*: «Мудрость же мы проповедуем <...> не века сего, <...> но проповедуем премудрость Божию тайную, сокровенную».

Синодальные переводчики не являются создателями лексемы *премудрость*, потому что в Елисаветинской слав. Библии (как и раньше, цитируем второе издание)

⁵⁰ Как видим, Василий предпринял усиление апофтегмы: ...καὶ τῶν τούτοις αἰτιῶν, «...и их причин».

⁵¹ В масоретской версии, видимо, имело место сокращение текста: בסודי כחמך חודיעני (Пс 51: 8). Синодальный перевод на русский язык держится veritas hebraica: «...внутри меня явил мне мудрость [Твою]».

⁵² Saeculum «век». Примечательно, что слово употреблялось и для номинации язычества.

она уже употреблена: Премѣдрость же глаголемъ <...> не вѣка сегѡ <...>, но глаголемъ премѣдрость вѣю, въ тайнѣ сокровеннѣю⁵³.

В свою очередь и справщики, подготовившие Елисаветинскую Библию, отнюдь не стали новаторами, поскольку лексема премѣдрость встречается в древнейших славянских рукописях, содержащих Священное Писание, и, стало быть, восходит к Кирилло-Мефодиевской традиции.

Рассмотрим материал. Он, как обычно, черпается из Мариинского евангелия, с незначительным упрощением орфографии. Исследовалось распределение лексем мѣдрость и премѣдрость; соответственно были получены две серии контекстов.

В притче о десяти девах (Мф 25: 1–12) пять «умных» постоянно называются *мудрыми*: пать же бѣ отъ ннхъ боуи і пать мѣдръ <...> мѣдрѣиа приыша олѣи <...> боуиа рѣша мѣдрѣимъ <...> отъвѣшташа же мѣдрѣиа. В увещании к бодрствованию (Мф 24: 36–51) точно так же назван верный раб: кто оубо естъ вѣрнѣи рабъ и мѣдрѣи. Отправляя апостолов на проповедь (Мф 10: 1–42), Иисус наставляет их: вѣдѣте же мѣдрѣи ѣко змиа. В притче о доме на камне (Мф 7, 24: 27) Спаситель говорит, что слушающего его слова он уподобляет мѣжжж мѣдрѡу. иже создѣа храмѣнѣ своѣж на камене. Наконец, в притче о неверном управителе (Лк 16: 1–9) Иисус одобрил практичное поведение в миру и назвал его *мудрым*: похвали гѣ икономѣ неправедѣнааго. ѣко и мѣдрѣ сътвори. ѣко ѣнѣе вѣка сего мѣдрѣише паче ѣнѣвъ свѣта въ родъ своемъ жтѣ. Такова одна серия контекстов.

Теперь другая. Евангелист Лука, повествуя о детстве Иисуса, дважды подчеркивает, что тот возрастал разумом, — отрочѣ же растѣаше и крѣплѣше сѣ дѣхмѣ. исплѣнѣж сѣ прѣмѣдрости. І благодать вѣиѣ бѣ на немъ (2: 40); ісѣ же спѣаше прѣмѣдрѣиѣж и тѣломъ и благодатѣж. отъ ба. и чѣкѣ (2: 52). Упомянув о царице Савской, Иисус говорит, что она приходила слѣшати прѣмоудрости солѡмонѣ (Мф 12: 42; так же Лк 11: 31)⁵⁴. В Евангелии встречается и персонификация Божественной премудрости: сего ради и прѣмѣдрѡсть ѣжиѣ рече (Лк 11: 49). Об Иисусе, проповедовавшем в Назарете, сказано: отъ кждѣ сѣмоу естѣ прѣмѣдрѡсть си и сила (Мф 13: 54); і что прѣмѣдрѡсть данѣ ѣмоу (Мк 6: 2). Обличая лицемерие книжников и фарисеев, Христос упрекает их в непринятии посланников Божиих: азъ сълѣж къ вамъ прѣкѣи и прѣмѣдрѣи (Мф 23: 34) Действительно, книжники и фарисеи не прислушались к свидетельствам о пришедшем Мессии: і оправдѣи сѣ прѣмѣдрѡсть отъ чадѣ своихъ (Мф 11: 19; так же Лк 7: 35). Наконец, в пророчестве о втором пришествии Сына Человеческого сказано, что не следует страшиться преследований: азъ бо дамъ (вамъ) оуста и прѣмѣдрѡсть. еиже не възмогѣтѣ противити сѣ (Лк 21: 15).

Умственное качество, выражаемое лексическими единицами мѣдрость и прѣмѣдрѡсть, — в общем, казалось бы, одно и то же. Тем не менее Кирилл и Мефодий (как постараемся показать) употребляли близкие слова не безразлично и отнюдь не считали их синонимами.

На самом деле, в первой серии примеров речь постоянно идет об опытности (= мудрости) человека — существа, так сказать, естественного, земного, мирского, практического, действующего по природной сметке и на основе разума, обогащенного

⁵³ В этой версии, однако, имела место универбизация: в соответствии *σοφία* (в разных контекстах) безразлично поставлена *премѣдрость*.

⁵⁴ В дальнейшем эта кирилло-мефодиевская версия в слав. Библии не удержалась.

личным знанием и собственной медитацией⁵⁵. Во второй серии примеров столь же постоянно имеется в виду не человеческая, а *божественная* мудрость. Если сказать точнее, речь идет о сверхразуме, который или составляет одно из сущностных качеств Бога, или же свыше даруется человеку⁵⁶. Допустимо предположить, что в содержательном плане на первоучителей повлияла трактовка двух видов разумности, содержащаяся в Апостоле⁵⁷ (о чем отчасти мы говорили выше).

Между тем собственно лексическими средствами это противопоставление в греческом Евангелии никак не выражено. И там, где имплицитно мудрость (от) Бога, и там, где предполагается обычный опыт и рассудок, в греч. источнике безразлично используются *φρόνιμος*, *φρόνησις* или *σοφός*, *σοφία*. В греч. евангелиях, по данным исчерпывающего словаря В. Бауэра, вообще не употребляются ни *ὑπερ-σοφός*, ни *ὑπερ-σοφία*, богословские термины патристического времени, а ведь именно они, безусловно, послужили образцами для калькирования лексем *прѣ-мѣдръ* и *прѣ-мѣдрость*..

В греч. патристическом богословии субстантивированное прилагательное *ὁ ὑπέρσοφος* прилагается только к Богу (в том числе и в сочетании: *ὁ θεὸς ὁ ὑπέρσοφος*), к божественным атрибутам и к людям, получившим от него наставления. Так, например, (из того, что мы смогли проверить) у Дионисия Ареопагита в трактате «О божественных именах», в «Библиотеке» современника Кирилла Философа патр. Фотия. Синонимично используется именование *ὁ πάνσοφος* «Всемудрый». Приставка *ὑπερ-* была поставлена на службу богословию, и наряду с *ὑπέρσοφος* ее стали получать многие прилагательные, называющие качества, приписываемые Богу: *ὑπεράγαθος* «преблагой», *ὑπεράγιος* «пресвятой», *ὑπερούσιος* «пресущный».

Как в случае с глаголом *кръстити*, которым описывалась деятельность Иоанна, совершавшего омовение отнюдь не во Христа и без преподания креста, перед нами снова — анахронизм: патристический термин *прѣ-мѣдрость* попал в евангельский текст, в котором концепт божественной премудрости (в отличие от разумности человека) передается не лексически, а только контекстом.

Таково было *личностное решение* первоучителей: противопоставлением терминов *мѣдръ* и *прѣ-мѣдръ* они разграничили и размежевали то, что следовало четко разделить, причем сделали это — внеконтекстно⁵⁸. Отмеченное лексическое про-

⁵⁵ Например, чтобы предвидеть, что светильники надо предварительно наполнить маслом, — а иначе их не зажечь ночью, — достаточно самого обычного разумения человека. Чтобы предвидеть, что дом без фундамента быстро разрушится, потребен повседневный строительный опыт (и ничего больше).

⁵⁶ Соответственно в евангельских повествованиях Иисус и как дитя сверхприродно мудр. Что касается царя Соломона, которого слушала царица Савская, то он мудр также не человеческим, а свыше дарованным ему Божественным умом. Аналогично и верные, когда их поведет къ цѣсаремъ и вѣд(к)мъ, могут не обдумывать заранее, что и как им отвечать, потому что они будут руководимы свыше.

⁵⁷ В апостольских деяниях и посланиях человеческое мудрствование редко упоминается в похвальном смысле. Напротив, самовластная «мудрость» человека, как правило, осуждается (1 Кор 1: 17–29; 2 Кор 1: 12; Рим 1: 22; Иак 3: 15), потому что она проистекает из «похотей мира сего». «Мудрость мудрых» расценивается, с апостольской точки зрения, как истинная глупость (1 Кор 3: 19), а подлинная премудрость достигается не человеческим трудом и опытом, а ниспосылается свыше (Иак 3: 17; Еф 1: 17 и сл.; 1 Кор 12: 8). Апостол Павел прямо называет Иисуса Христа премудростию Божией (1 Кор 1: 24, 30). Поэтому можно не сомневаться, что как в Ветхом Завете персонафицируется Хохма-Мудрость, так и в Новом апостолы, в том числе и евангелисты, видели во Христе вочеловечившуюся Премудрость (ср. особенно иоаннитский Пролог Ин 1: 1–18).

⁵⁸ Надо сказать, что это личностное решение было принято в духе славянского языка. Если в греч. текстах атрибуты-прилагательные с приставкой *ὑπερ-* и производные от них не получили большого рас-

тивопоставление проведено в начальном слав. переводе Евангелия совершенно последовательно: если не считать одного-единственного, да и то сомнительного, случая⁵⁹, переводчики-мыслители ни разу не ошиблись в своем выборе.

Здесь мы и должны вновь обратиться к эвристической помощи концепта сапиентемы. Напомним, что нуминозным является знание, во-первых, получаемое человеком извне, внушенное ему; но этого недостаточно. Нуминозным, во-вторых, является извне полученное знание лишь при условии, что источник этого знания вызывает чувство благоговейного страха-трепета (*mysterium tremendum*; см. в Разделе втором, Часть I, подглавку 02–10, экскурс 1). В таком случае человеку невозможно ни отклонить это знание, ни изменить (= «извратить») его, ни практически от него отречься (т. е. делать вид, что его не существует), ни уклониться от его императивов.

Такова наша реконструкция процесса перевода под влиянием нуминозного знания: если знающий свв. отцов и испытывающий трепет переводчик видит, что в тексте, пусть самом авторитетном, применительно к Богу черным по белому написано, что он σοφός (и, стало быть, подобен человеку), то такой переводчик духовными очами прочитывает: ὑπερσοφός (так что Бог перестает быть подобен человеку). Затем возникает задача, как перевыразить это кардинальное различие между σοφός и ὑπερσοφός средствами другого языка. (Морфологически членимые греч. термины в переводах Кирилла и Мефодия обычно калькируются.) Не помогут никакие ссылки на то, что в оригинале нет приставки (жупел анахроничности в IX в., в отличие от нашего времени, едва ли выдвигался). Приписать Божеству негативно оцениваемую профанную и даже языческую *мудрость* нуминозно мотивированный книжник никогда не решится⁶⁰, потому что это означало бы кощунство — оскорбление Нуминозного⁶¹.

пространения, то в славянских переводах приставкой пре- постепенно стали снабжать весьма многие именованья качеств божества. Например, в «Акафисте Сладчайшему Господу нашему Иисусу Христу» содержится целый ряд таких зуперлативов: *пречудный, пресильный, пресладкий, преславный, прелюбимый, предивный, претихий, премилостивый, премилосердый, пресладостный, пречестный, преблагий, пресветлый, превышший, прекрепкий, пребезсмертный, предобрый, прецедрый*. Продуктивная словообразовательная модель перешла и в русский язык; во всяком случае Н. Нахимов в переводе данного Акафиста на русский язык все перечисленные атрибуты оставил без перевода [Нахимов 1912: 209–217].

⁵⁹ Укоряя нераскаянные города, Иисус говорит, что Бог утаил (Божественную) премудрость от мирских мудрецов, но открыл ее детям. Тем не менее и по отношению к человеческой мудрости мира сего употреблен термин прѣмудрость: оутанлъ се отъ прѣмждръхъ и разоумънхъ (Мф 11: 25; так же Лк 10: 21). Можно предположить, что мы видим не результат работы первопереводчиков, а следствие бытования слав. Евангелия во времени.

⁶⁰ Проверженность Константина-Кирилла *премудрости* (не *мудрости!*) подчеркнул митр. Филарет (Дроздов) в одном из тропарей (3-м) единственной составленной им (а именно: 1-й) песни Первого канона Кириллу и Мефодию (на 11-е мая): «Емуже ведома суть от века вся дела Его, еще в отрочестве твоём, *богомудре* Кирилле, назнамена тя быти *премудрости* Его любителя и служителя, показав тебе во сне обручение твое с девою *Софиею*, *София* бо толкуется *премудрость*». Эксплицитное противопоставление *премудрости* и *мудрости* (с отвержением последней) содержится в остальных песнях того же канона, авторство которых неизвестно. Так, во 2-м тропаре IV-й песни читается: «„Даждь ми, да разумею, что есть угодно Тебе, Владыко“, — взывал еси, блаженне Кирилле, егда со юным царем, в научение книжное вдан был еси. Сего ради купно с внешним *любомудрием*, Духа *Премудрости* и страха Божия свыше приял еси, земную же *мудрость* ни во чтоже вменил еси...» Характерно, что позитивного характера внешней учености составитель тропаря не отрицает, но предпочитает называть ее *любомудрием* (= φιλοσοφία).

⁶¹ *Кощунство*, по словарному определению, — это оскорбление не только религиозной святыни, но и глумление, надругательство над чем-нибудь глубоко почитаемым, над тем, что свято и дорого кому-нибудь. Отсюда ясно, что как этическая категория *кощунство* — относительно.

Человек, слепо и бездумно воспроизводящий оригинал и формально ссылающийся на него для оправдания своего перевода, — а таковы рядовые переводчики, — следует предписаниям *щадящей* этики (он на самом деле не погрешает; см. в Разделе третьем, Часть I, главу 3, а также Часть III, главу 4), тогда как человек, готовый «исправить» или «пополнить» оригинал, чтобы не исказить нуминозное знание, и берущий на себя риск ответственности, действует по императивам этики *строгой* (он «погрешает», но на деле оказывается на более высокой ступени добродетели).

Теперь можно понять, почему исполнители синодального перевода Нового Завета на русский язык, невзирая на противоречащее свидетельство греч. оригинала, повсюду оставили *премудрый* и *премудрость* там, где эти слова стоят в Елисаветинской Библии, продолжающей Кирилло-Мефодиевскую традицию. Они, вероятно, понимали, что переступают через собственные переводческие принципы, — переводить с греческого, — однако благоговение перед традицией возобладавало.

По контрасту у издателей РВБ явно нет *mysterium tremendum* ни по отношению к свв. отцам, ни по отношению к славянским первоучителям, поэтому, будучи в состоянии формально сослаться на греч. источник, они везде, не оставив ни разу, вымарали *премудрость* и поставили *мудрость*.

Ниже слева напечатана версия синодального перевода, а справа — РВБ:

И оправдана *премудрость* чадами ее Божья *мудрость* своими делами оправдана;
(Мф 11: 19, так же Лк 7: 35);

Откуда у Него такая *премудрость* и силы? Откуда у Него (у Иисуса) такая *мудрость* и такая сила?;
(Мф 13: 54, так же Мк 6: 2);

Младенец же возрастал <...>, исполняясь Ребенок рос, набирался <...> *мудрости*;
премудрости (Лк 2: 40);

Иисус же преуспевал в *премудрости* и воз- Иисус рос, и вместе с годами возрастали
расте и в любви (Лк 2: 52); Его *мудрость* и любовь;

Потому и *премудрость* Божия сказала Потому и изрекла Божья *мудрость*;
(Лк 11: 49);

Я дам вам уста и *премудрость*, которой не Я вам дам такое красноречие и *мудрость*,
возмогут противоречить ни противостоят что им не сможет ни противостоят, ни
все, противящиеся вам (Лк 21: 15). возразить никто из ваших противников.

Как видим, в версии РВБ состоялся возврат к ступени экспликации Евангелия времени не только до Кирилла и Мефодия, но и до экзегезы свв. отцов. Что ж? Такова «сола-скриптурная» позиция протестантов, таково идущее от них нуминозное знание, также способное вызвать трепет у переводчика, воспитанного на принципах динамической эквиваленции, и продиктовать ему угодные решения⁶². Обяза-

⁶² В 4-м тропаре 1-й песни Канона Кириллу и Мефодию (на 11-е мая) митр. Филарет (Дроздов) предостерегает от иноземных и иноверных «странных учений»: «...Моли Христа, Божию Премудрость, да сынове россиястии, книжнаго учения вожделевше, не прелагаются в научения странна и различна, но словом Божиим и учением святых да просвещают разумы своя...» Впрочем, отрица-

тельно ли оно, однако, для переводчика, считающего себя православным и держащегося принципов эквивалентности⁶³ формальной? Важно подчеркнуть, что решения в пользу *мудрости* не вызваны тем, что лексема *премудрость* якобы устарела и стала непонятной; она вполне присутствует в составе современного русского языка.

Тот же самый возврат к состоянию, которое было (в Гегелевском смысле) «снято» (*aufgehoben*) свв. отцами, наблюдается и в случае замены «анахронистичного» *крещения* (Иоаннова и тем более Христова) на *омовение*. Анахронизм, который усмотрели издатели РВБ (а В. Н. Кузнецова отчетливо сказала о нем в своем комментарии), оказывается мнимым, поскольку номинация *крещение* на практике означает зрелую богословскую ступень осмысления евангельского события, как она сложилась к моменту перевода (т. е. к IX в.). Постижение Свщ. Писания совершается кумулятивным путем, т. е. посредством накопления решений, удерживаемых по традиции. Нуминозное через сапиентему действует, не переставая и не прерываясь.

Если бы перевод осуществлялся на язык племени, в котором концепт Иоаннова *крещения* еще не получил своего закрепленного выражения, то была бы надежда, что его, этот концепт, и можно было бы обозначить как «омовение», или «купание», или «погружение» (да и любым другим подобным способом)⁶⁴. Однако, русский язык, в области лексики продолжающий язык церковнославянский, не относится к числу бесписьменных или младописьменных языков или языков нехристианской духовной традиции, так что если необходимо назвать баптизму Иоанна, нет другой возможности, как употребить только и единственно номинацию *крещение*.

Соответственно если сейчас, имея в виду *крещение*, сказать *омовение*, то правильное внеконтекстное понимание едва ли состоится⁶⁵. Это все равно, как если вместо *воскресение* (Христа) сказать *поднятие из мертвых*, а вместо *Евангелие* — *Радостная Весть*⁶⁶.

Именно Кирилло-Мефодиевская традиция придает своеобразие славянскому и зависящему от него русскому Евангелию. Восходящее к славянским первоучителям

ние наследия отцов не имеет ни территориальных, ни временных границ. Хранение этого наследия, как писал А. П. Сумароков (Хор к превратному свету), бывает лишь в Утопии («только там»):

Там язык отцовский не в презренье;
Только там в презренье те невежи,
Кои свой язык уничтожают.

⁶³ Англ. опорное слово (в исследованиях теоретика библейских переводов Ю. Найды) — *equivalence*, и обычно дают перевод: *эквивалентность*. Поскольку, однако, имеется в виду процесс, а не состояние, мы предпочитаем вариант *эквивалентия*.

⁶⁴ Об этом пишут авторы комментария, адресованного переводчикам Свщ. Писания на бесписьменные или младописьменные языки и изданного от имени Российского Библейского общества: «Во многих культурах *крещение* совершенно не известно. <...> Для того, чтобы избежать затруднений, переводчики либо заимствуют греческое слово *крестить*, либо используют такие выражения, как *окроплять водой*, *окроплять Божьей водой*, *омывать*» [Ньюман, Стайн 1998: 56].

⁶⁵ Об этом предупреждают авторы комментария, адресованного библейским переводчикам: «...Переводы зависят от того, как переводится глагол βαπτίζω «крещу», а здесь могут возникнуть большие затруднения. <...> Переводчикам следует внимательно относиться к этой проблеме, не забывая о терминах, используемых церковью в их регионах, и о практике самого ритуала» [Ньюман, Стайн 1998: 56].

⁶⁶ Когда переводчик имеет в виду *ἀνάστασις* Христа, у него нет выбора и по-русски он может сказать только: *воскресение*. Мнимые синонимы (*возвращение к жизни*, *поднятие из мертвых* и т. д.) невозможны, потому что это не синонимы (в терминологии не бывает синоними), а парафразы. Парафраз же не дает прямой номинации; номинация парафразы — косвенная (путем догадки, умозаключения).

своеобразие «нашего» Евангелия и есть вклад славянских народов в освоение Нового Завета⁶⁷. Кроме того, традиционные номинации уже вошли в нашу плоть и кровь, т. е. в российскую культуру⁶⁸.

В целом нашей национальной задачей остается получение стабильного и всеми признаваемого Свщ. Писания на современном русском языке⁶⁹.

На этом заканчивается анализ конкретного материала, призванного подытожить общее содержание монографии.

В ней мы — и для себя впервые — целокупно и всесторонне изложили собственное (а значит, и дискуссионное) лингвострановедческое понимание соотношения языка и культуры, ввели ряд концептов и категорий, в том числе и такую, которая имеет этическое измерение.

Предлагаемый филологический инструментарий, смеем надеяться, действительно позволяет объективировать национальную культуру через язык (и тексты) и улавливать специфику семантики языка в аспекте генезиса и функционирования культуры.

7 ноября 2004 г.
Москва

⁶⁷ В этом можно увидеть частное проявление общего учения В. С. Соловьева о национальности. По мнению мыслителя, задача каждого народа состоит не только в том, чтобы служить единой Истине, но и в том, чтобы служить «по-своему», т. е. вносить нечто от себя. Национальность, по Соловьеву, — это народная индивидуальность, которая не должна быть утрачена на пути эволюции всего человечества.

⁶⁸ Над множеством младенцев (и взрослых) в современной России совершается таинство *крещения*, и они получают *крестильные* имена. 6/19 января, когда трещат *крещенские* морозы, празднуется праздник *Крещения*. Церковный год, не считая *Крещения*, содержит еще шесть праздников и памятей, связанных с Иваном *Крестителем* (даты указаны по старому стилю): его собор (7 января); первое и второе обречение главы (24 февраля); третье обречение главы (25 мая); рождество (24 июня); усекновение главы (29 августа) и зачатие (23 сентября). С образом Ивана *Крестителя* связаны крылатые выражения: *глас вопиющего в пустыне* (восходит к Ин 1: 23); *недостойн развязать ремень у сапог его* (Мк 1: 7); *питаться медом и акридами* (Мк 1: 6). Все они, надо сказать, переименованы в РВБ: *голос глашатая в пустыне; недостойн развязать у него ремни сандалий; питался саранчой и диким медом*.

⁶⁹ Сошлемся хотя бы на аналогию. Поэт (и мыслитель) Вяч. Ив. Иванов однажды сказал: «Каждый классик должен быть переведен окончательно, канонизированно. Таковы, скажем, фоссковский перевод Гомера и шлегелевский — Шекспира. В России классическим переводом является „Одиссея“ Жуковского. А „Илиада“ Гнедича, хотя и не классический перевод, но занимает крепкое место» [Альтман 1968: 311].

ЛИТЕРАТУРА

- Абаев 1970 — *Абаев В. И.* Отражение работы сознания в лексико-семантической системе языка // Ленинизм и теоретические проблемы языкознания. М., 1970.
- Абаев 1982 — *Абаев В. И.* Slavavestica // ВЯ. 1982. № 2.
- Абаев 1986 — *Абаев В. И.* Pagega 2. Языкознание описательное и объяснительное. О классификации наук // ВЯ. 1986. № 2.
- Абдуллин 2002 — *Абдуллин А. Р.* Виды и сущность онтологического мышления. Докт. дисс. Уфа, 2002.
- Аверинцев 1979 — *Аверинцев С. С.* Классическая греческая философия как явление историко-литературного ряда // Новое в современной классической филологии. М., 1979.
- Аверинцев 1996 — *Аверинцев С. С.* Русское подвижничество и русская культура // Русское подвижничество. М., 1996.
- Авилова 1967 — *Авилова Н. С.* Слова интернационального происхождения в русском литературном языке нового времени. М., 1967.
- Австралия и Новая Зеландия 1998 — Австралия и Новая Зеландия. Лингвострановедческий словарь / Под рук. В. В. Ощепковой. М., 1998.
- Австьян 1968 — *Австьян Э. Г.* Природа лингвистического знака. Ереван, 1968.
- Агаркова 2001 — *Агаркова Н. Э.* Концепт «деньги» как фрагмент английской языковой картины мира (на материале американского варианта английского языка). Автореферат канд. дисс. Иркутск, 2001.
- Адам, б. г. — Еврейская энциклопедия. Свод знаний о еврействе и его культуре в прошлом и настоящем. СПб., б. г. Т. 1 (репринт: 1991).
- Адам 1993 — Христианство. Энциклопедический словарь: В 3 т. М., 1993. Т. 1.
- Адрианова-Перетц 1970 — *Адрианова-Перетц В. П.* Афоризмы Изборника Святослава 1076 г. и русские пословицы // ТОДРЛ. 1970. Т. 25.
- Азимов, Шукин 1999 — *Азимов Э. Г., Шукин А. Н.* Словарь методических терминов (теория и практика преподавания языков). СПб., 1999.
- Акишина А., Кано, Акишина Т. 1991 — *Акишина А. А., Кано Х., Акишина Т. Е.* Жесты и мимика в русской речи. Лингвострановедческий словарь. М., 1991.
- Акишина, Формановская 1978 — *Акишина А. А., Формановская Н. И.* Русский речевой этикет. М., 1978.
- Александров, Тишков, Шмелёв 1999 — *Александров В. А., Тишков В. А., Шмелёв М. Н.* Русские // Народы и религии мира. Энциклопедия / Гл. ред. В. А. Тишков. М., 1999.
- Алексеев 1996 — *Алексеев А. А.* Праведники славянской библистики // Русское подвижничество. М., 1996.
- Алексеев 2001 — *Алексеев А. А.* Текстология переводных произведений (Священное Писание) // Текстология на материале русской литературы X–XVII вв. / Д. С. Лихачев (отв. ред.), А. А. Алексеев, А. Г. Бобров. СПб., 2001.
- Алексеев 1982 — *Алексеев М. П.* Русское слово *ничего* и его зарубежные интерпретации // СиЛ.
- Алмазов 1894 — *Алмазов А. [И.]* Тайная исповедь в Православной Восточной Церкви. Опыт внешней истории. Исследование преимущественно по рукописям. Т. 1: Общий устав совершения исповеди. Т. 2: Специальные уставы, отдельные молитвословия и церковно-гражданские постановления, относящиеся к исповеди. Т. 3: Приложения. Одесса, 1894.
- Алпатов 1993 — *Алпатов В. М.* Об антропоцентричном и системоцентричном подходе к языку // ВЯ. 1993. № 3.
- Алпатов 1995 — *Алпатов В. М.* Предварительные итоги лингвистики XX века // Вестник МГУ. Филология. 1995. № 5.
- Алфавитная Синтагма 1996 — Алфавитная Синтагма М. Властаря / Пер. с греч. Н. Ильинского. М., 1996.
- Альбин 1986 — *Альбин.* Учебник платоновской философии // Платон. Диалоги / Сост., ред., вступ. ст. А. Ф. Лосева. Пер. Ю. А. Шичалина. М., 1986.

- Альбрехт 1977 — *Альбрехт Э.* Критика современной лингвистической философии. М., 1977.
- Альперин 1973 — *Альперин В. А.* Словарная статья БОЛЬНИЦА // Предварительные публикации Проблемной группы по экспериментальной и прикладной лингвистике Института русского языка АН СССР. М., 1973. Вып. 42.
- Альтман 1968 — *Альтман М. С.* Из бесед с поэтом Вячеславом Ивановичем Ивановым (Баку, 1921) // Труды по русской и славянской филологии. [Уч. Зап. Тартуского гос. университета.] Тарту, 1968. Вып. 209. Т. 11.
- Амбарцумова 1979 — *Амбарцумова Ж. Э.* Лингвострановедческое описание русских фразеологизмов, восходящих к жестам. Ташкент, 1979.
- Амбарцумова 1982 — *Амбарцумова Ж. Э.* Русские соматические словосочетания и их возможная лексикографическая фиксация // *СиЛ*.
- Американа 2000 — *Англо-русский лингвострановедческий словарь* / Под ред. Г. В. Чернова. М., 2000.
- Ангелов 1958 — *Ангелов Б. Ст.* Из старата българска, руска и сръбска литература. София, 1958.
- Ангелов 1966 — *Ангелов Б. Ст.* Няколко наблюдения върху книжовното дело на Климент Охридски // *Климент Охридски*. Сборник от статии по случай 1050 години от смъртта му. София, 1966.
- Андрейчина 1977а — *Андрейчина К.* Вопросы учета национальной культуры учащихся при составлении лингвострановедческого учебного словаря. Канд. дисс. М., 1977.
- Андрейчина 1977б — *Андрейчина К.* Компарация семантических долей фона слова как прием в написании ориентированных статей лингвострановедческого словаря // *ИОС*.
- Андрианова, Ионисиани 1976 — *Андрианова Т. П., Ионисиани М. А.* О соотношении обыденного и энциклопедического знания в структуре изъяснения русской безэквивалентной и фоновой лексики (из опыта создания учебного лингвострановедческого словаря) // *Научно-методические основы составления учебных словарей русского языка для нерусских и проблемы обучения лексике. Тезисы докладов и сообщений*. М., 1976.
- Андроников 1979 — *Андроников И. [Л.]* Веду рассказ о Маршаке // *Литературная газета*. 1979. № 26.
- Аникин 1989 — *Аникин А. В.* Муза и мамона. Социально-экономические мотивы у Пушкина. М., 1989.
- Аноним — (рефераты:) Проблемы коммуникации. Лингвистический аспект лингвострановедения. Язык как средство хранения культурно-исторической информации. Социально-культурный аспект значения // (http://referat.su/refs_new/13246/ref_), (начало: part_0.shtml, конец: part_9.shtml; всего 10 страниц).
- Анонимные пролегомены — Анонимные пролегомены к Платоновской философии // *Платон*. Диалоги / Сост., ред., вступ. ст. А. Ф. Лосева. Пер. Т. Ю. Бородай, А. А. Пичхадзе. М., 1986.
- Антоний Падуанский 1997 — *Проповеди* / Под ред. В. Л. Задворного. М., 1997.
- Апостольское послание 2001 — *Апостольское послание «Egregiae virtutis»* // *Православие и католичество: от конфронтации к диалогу*. Хрестоматия / Сост. А. Юдин. М., 2001.
- Апостол толковой — *Апостол толковой* / С переводу древняго греческаго писменнаго на российский язык переведенной. Почаев, (в лето от сотворения мира) 7292.
- Апресян, Богуславская, Левонтина, Урысон 1995 — *Апресян Ю. Д., Богуславская О. Ю., Левонтина И. Б., Урысон Е. В.* Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Проспект / Под общ. ред. акад. Ю. Д. Апресяна. М., 1995.
- Арбатский 1977 — *Арбатский Д. И.* Толкования значений слов. Семантические определения. Ижевск, 1977.
- Ардентов 1964 — *Ардентов Б. П.* О взаимном отношении грамматики и психологии // *Уч. зап. Кишиневского гос. ун-та*. 1964. Т. 71.
- Ардов 1995 — *Ардов М.* Мелочи архи..., прото... и просто иерейской жизни. М., 1995.
- Ардов 1998 — *Ардов М.* Пушкин и христианство // *Ардов М.* прот. Возвращение на Ордынку. Воспоминания публициста. СПб., 1998.
- Аристотель 1893 — «*Политика*» Аристотеля / Пер. с греч. с примеч. Н. Скворцова. Изд. 2-е. М., 1893.
- Аристотель 1934 — *Аристотель*. Метафизика. М., 1934.
- Аристотель 1983 — *Аристотель*. Сочинения: В 4 т. М., 1983.

- Арно, Николь 1991 — *Арно А., Николь П.* Логика, или Искусство мыслить, где помимо обычных правил содержатся некоторые новые соображения, полезные для развития способности суждения. М., 1991.
- Арутюнов 1978 — *Арутюнов С. А.* Билингвизм и бикультурализм // Советская этнография. 1978. № 2.
- Арутюнова 1988 — *Арутюнова Н. Д.* Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. М., 1988.
- Арутюнова 1990 — *Арутюнова Н. Д.* Метафора и дискурс // Теория метафоры. М., 1990.
- Арутюнова 1995 — *Арутюнова Н. Д.* Истина и этика // Логический анализ языка. Истина и истинность в культуре и языке / Под ред. Н. Д. Арутюновой, Н. К. Рябцевой. М., 1995.
- Арутюнова 1998 — *Арутюнова Н. Д.* Язык и мир человека. М., 1998.
- Арутюнова 2000 — *Арутюнова Н. Д.* О стыде и совести // Логический анализ языка. Языки этики / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова, Т. Е. Янко, Н. К. Рябцева. М., 2000.
- Архангельский 1964 — *Архангельский В. Л.* Устойчивые фразы в современном русском языке. Основы теории устойчивых фраз и проблемы общей фразеологии. Ростов-на-Дону, 1964.
- Аршинов 1999 — *Аршинов В.* Событие и смысл в синергетическом измерении // Событие и смысл (Синергетический опыт языка). М., 1999.
- Асмус 1927 — *Асмус В. Ф.* Философия языка Вильгельма Гумбольдта в интерпретации проф. Г. Г. Шпета // Вестник Коммунистической Академии. 1927. Вып. 23.
- Асмус 1969 — *Асмус В. Ф.* Платон. М., 1969.
- Асмус 1984 — *Асмус В. Ф.* Платон: эйдология, эстетика, учение об искусстве // *Асмус В. Ф.* Историко-философские этюды. М., 1984.
- Афанасьев 1869 — *Афанасьев А. Н.* Поэтические воззрения славян на природу. М., 1869. Т. 2.
- Ахманова 1956 — *Ахманова О. С.* О фонетических и морфологических вариантах слова // Академику В. В. Виноградову к его 60-летию. Сборник статей. М., 1956.
- Ахманова 1966 — *Ахманова О. С.* Словарь лингвистических терминов. М., 1966.
- Ахманова, Бельчиков, Веселитский 1960 — *Ахманова О. С., Бельчиков Ю. А., Веселитский В. В.* К вопросу о «правильности» речи // ВЯ. 1960. № 2.
- Ахматова 1987 — *Ахматова А. [А.]* Сочинения: В 2 т. М., 1987.
- Ашукин, Ашукина 1966 — *Ашукин Н. С., Ашукина М. Г.* Крылатые слова. Литературные цитаты. Образные выражения. М., 1966.
- Ашукин, Ожегов, Филиппов 1993 — *Ашукин Н. С., Ожегов С. И., Филиппов В. А.* Словарь к пьесам А. Н. Островского. Справочник для актеров, режиссеров, переводчиков / Под общ. ред. Вл. Филиппова. М., 1993. (Репринт).
- Бабкин 1970 — *Бабкин А. М.* Русская фразеология, ее развитие и источники. Л., 1970.
- Бабов, Въргулев 1961 — *Бабов К., Въргулев А.* Тематичен руско-български речник. София, 1961.
- Багалій 1926 — *Багалій Д.* Український мандрований філософ Григорій Сковорода. [Харьків,] 1926.
- Балашов 2001 — *Балашов Н.* прот. На пути к литургическому возрождению. М., 2001.
- Баня и печь 2004 — *Баня и печь в русской народной традиции.* Коллективная монография / Отв. ред. В. А. Липинская. М., 2004.
- Барабаш 1989 — *Барабаш Ю. Я.* «Знаю человека...» Григорий Сковорода: Поэзия. Философия. Жизнь. М., 1989.
- Бартенев 1925 — Рассказы о Пушкине, записанные со слов его друзей П. И. Бартеневым в 1851–1860 гг. М., 1925.
- Бартенев 1992 — *Бартенев П. И.* О Пушкине. Страницы жизни поэта. Воспоминания современников. М., 1992.
- Басин 1992 — *Басин И.* Авторство «Откровенных рассказов странника» // Символ. Париж, 1992. № 27.
- Баскаков 1988 — *Баскаков В. Н.* Пушкинский дом / Отв. ред. Д. С. Лихачев. Л., 1988.
- Бахмутова 1967 — *Бахмутова Е. А.* Выразительные средства русского языка. Лексика и фразеология. Казань, 1967.
- Бахтелер, Верещагин, Прохоров 1979 — *Бахтелер Ф., Верещагин Е. М., Прохоров Ю. Е.* Лингвострановедческое приложение как составная часть учебного комплекса по русскому языку (из

практики создания лингвострановедческого приложения к комплексу «Русский язык для всех») // ЛСП.

- Бахтин 1979а — *Бахтин М. М.* Высказывание как единица речевого общения. Отличие этой единицы от единиц языка (слова и предложения) // *Бахтин М. М.* Эстетика словесного творчества. М., 1979.
- Бахтин 1979б — *Бахтин М. М.* Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках. Опыт философского анализа // *Бахтин М. М.* Эстетика словесного творчества. М., 1979.
- Бауман Ел. 1966 — *Бауман Ел.* Испытание временем // Искусство кино. 1966. № 1.
- Бедуелл 1996 — *Бедуелл Г.* История Церкви / Пер. с франц. М., 1996.
- Безыменский 1925 — *Безыменский А.* Иное солнце. Стихи и поэмы. М., 1925.
- Бейтсон 2000 — *Бейтсон Г.* Экология разума. Избранные статьи по антропологии, психиатрии и эпистемологии / Пер. с англ. М., 2000.
- Беликов, Крысин 2001 — *Беликов В. И., Крысин Л. П.* Социоллингвистика. М., 2001.
- Белинский 1–13 — Полное собрание сочинений. М.; Л., 1953–1959. Т. 1–13.
- Белл 1980 — *Белл Р. Т.* Социоллингвистика. Цели, методы и проблемы. М., 1980.
- Белова 2001 — *Белова О. В.* Славянский бестиарий. Словарь названий и символики. М., 2001.
- Беловинский 1999 — Российский историко-бытовой словарь / Авт.-сост. Л. В. Беловинский. М., 1999.
- Белоусов 2003 — *Белоусов А. Ф.* Институтки // Институтки. Воспоминания воспитанниц институтов благородных девиц. М., 2003.
- Белоцерковский 2003 — *Белоцерковский В.* Путешествие в будущее и обратно. Повесть о жизни идей. М., 2003.
- Беляев 1954 — *Беляев Б. В.* О слове и понятии // Уч. зап. I Моск. гос. пед. ин-та иностр. языков. М., 1954.
- Беляев 1964 — *Беляев Б. В.* Психологические основы усвоения лексики иностранного языка. М., 1964.
- Белянин, Бутенко 1993 — *Белянин В. П., Бутенко И. А.* Толковый словарь современных разговорных фразеологизмов и присловий. 1111 единиц. М., 1993.
- Белянин, Бутенко 1994 — *Белянин В. П., Бутенко И. А.* Живая речь. Словарь. М., 1994.
- Бем 2001 — *Бем А. Л.* Исследования. Письма о литературе. М., 2001.
- Бенешевич 1906 — *Бенешевич В. Н.* Древнеславянская кормчая XIV титулов без толкований. СПб., 1906. Т. 1.
- Бергсон 1913–1914 — *Бергсон А.* Собрание сочинений. СПб., 1913–1914. Т. 1–5.
- Бердяев 1926 — *Бердяев Н. А.* О духовной буржуазности // Путь. 1926. № 3.
- Бердяев 1989а — *Бердяев Н. А.* Об отношении русских к идеям // *Бердяев Н.* Собрание сочинений. Париж, 1989. Т. 3.
- Бердяев 1989б — *Бердяев Н. А.* О «вечно бабьем» в русской душе // *Бердяев Н. А.* Собрание сочинений. Париж, 1989. Т. 3.
- Бердяев 1990а — *Бердяев Н. А.* Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века // О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья. М., 1990.
- Бердяев 1990б — *Бердяев Н. А.* Психология русского народа. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века // *Бердяев Н. А.* Судьба России. М., 1990.
- Бердяев 1991 — *Бердяев Н. А.* Самопознание (Опыт философской автобиографии). М., 1991.
- Берковский 1960 — *Берковский Н. [Я.]* О «Повестях Белкина» (Пушкин 30-х гг. и вопросы народности и реализма) // О русском реализме XIX века и вопросах народности литературы. Сборник статей. М.; Л., 1960.
- Берковский 1985 — *Берковский Н. Я.* О «Повестях Белкина» // *Берковский Н. Я.* О русской литературе. Сборник статей. Л., 1985.
- Берн 1992 — *Берн Э.* Игры, в которые играют люди. Психология человеческих взаимоотношений. Люди, которые играют в игры. Психология человеческой судьбы. Пер. с англ. СПб., 1992.
- Бибихин 1993 — *Бибихин В. В.* Язык философии. М., 1993.

- Библейский справочник 1995 — Библейский компьютерный справочник. Разработан в фирме ComPTek International. М., 1995.
- Библер 1990 — *Библер В. С.* Бахтин и всеобщность гуманитарного мышления (в каком речевом жанре мыслит М. М. Бахтин) // Механизмы культуры / Отв. ред. Б. А. Успенский. М., 1990.
- Библия 1581 — *Біблія сірѣчь кни́ги вѣтхаго и новаго заветѣ по азъкъ словенскѣ.* МѡФѡ.
- Библия 1904 — *Біблія сірѣчь кни́ги свѣщеннаго писанія вѣтхаго и новаго заветѣ.* Москва, МѡФѡ.
- Библия 1968 — Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. С синодального издания 1912 г. М., 1968.
- Бикчентай, Лаврова-Бикчентай 1929 — *Бикчентай Й., Лаврова-Бикчентай З.* Мышление на родном и чужом языках. М., 1929.
- Блок 1986 — *Блок М.* Апология истории, или Ремесло историка / Пер. Е. М. Лысенко. Примеч. и ст. А. Я. Гуревича. М., 1986.
- Блонский 1964 — *Блонский П. П.* Психологический анализ припоминания // *Блонский П. П.* Избранные психологические произведения. М., 1964.
- Богомолец 1969 — *Богомолец В. К.* «Бедная Лиза» Карамзина и «Станционный смотритель» Пушкина (тезисы доклада) // Проблемы стиля, метода и направления в изучении и преподавании художественной литературы. М., 1969.
- Богомолов 1982 — *Богомолов А. С.* Диалектический логос. Становление античной диалектики. М., 1982.
- Богородский 1982 — *Богородский Б. Л.* Топорная работа // Русская речь. 1982. № 5.
- Богуславский 1957 — *Богуславский В. М.* Слово и понятие // Мышление и язык. Сб. статей под ред. Д. П. Горского. М., 1957.
- Бодуэн де Куртенэ 1963 — *Бодуэн де Куртенэ И. А.* Избранные труды по общему языкознанию. М., 1963. Т. 1–2.
- Бодуэн де Куртенэ 1974 — *Бодуэн де Куртенэ И. А.* Очерк истории языкознания, или лингвистики (глоттологии) // Теория и история языкознания. Реферативный сборник. М., 1974. Вып. 11.
- Бойко 1964 — *Бойко Е. И.* Время реакции человека. М., 1964.
- Болотов 1986 — Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков / Сост., вступ. ст. А. В. Гулыги. М., 1986.
- Борген 1988 — *Борген Ю.* Слова, живущие во времени. Статьи и эссе. Пер. с норв. / Сост. Э. Панкратовой. М., 1988.
- Бочаров 1969 — *Бочаров С. Г.* Пушкин и Гоголь («Станционный смотритель» и «Шинель») // Проблемы типологии русского реализма. М., 1969.
- Брагина 1983 — *Брагина А. А.* «Хлебные» слова: буханка, булка ... колобок // Русская речь. 1983. № 2.
- Брагина 1986 — *Брагина А. А.* Лексика языка и культура страны. Изучение лексики в лингвострановедческом аспекте. Изд. 2-е, перераб. и доп. М., 1986.
- Брандт 1884 — *Брандт Р. Ф.* Несколько замечаний об употреблении иностранных слов // Известия историко-филологического института <...> в Нежине. 1884. Т. 8.
- Бродский 1994 — *Бродский А. И.* Михаил Тареев. («Мыслители России») СПб., 1994.
- Бройде 1999 — *Бройде М. Г.* История блудной дочери: испытание сокровищами земными («Станционный смотритель») // *Бройде М. Г.* Читая Пушкина. М., 1999.
- Брудный 1998 — *Брудный А. А.* Психологическая герменевтика. Учебное пособие. М., 1998.
- Брусенская, Киселева 1988 — *Брусенская Г. А., Киселева Л. А.* Лингвострановедческий практикум. М., 1988.
- Брушлинский 1968 — *Брушлинский А. Н.* Культурно-историческая теория мышления. М., 1968.
- Брюсов 1924 — *Брюсов В.* Основы стиховедения. М., 1924.
- БСЖ — *Мокиенко В. М., Никитина Т. Г.* Большой словарь русского жаргона. СПб., 2000.
- БТС — Большой толковый словарь русского языка / Под ред. А. М. Кузнецова. СПб., 2000.
- Будагов 1971 — *Будагов Р. А.* История слов в истории общества. М., 1971.
- Булгаков 1915 — *Булгаков С. [Н.]* «Отрицательное богословие» // Вопросы философии и психологии. 1915. Т. 26. Кн. 1 (126), 3 (128). [= *Булгаков С. Н.* Светневечерний. Созерцания и умозрения. М., 1994.]

- Булгаков 1953 — *Булгаков С. [Н.]* Философия имени. Париж, 1953.
- Булгаков 1991а — *Булгаков С. Н.* Церковь и социальный вопрос // *Булгаков С. Н.* Христианский социализм. Новосибирск, 1991.
- Булгаков 1991б — *Булгаков С. Н.* Героизм и подвижничество (Из размышлений о религиозной природе русской интеллигенции) // *Булгаков С. Н.* Христианский социализм. Новосибирск, 1991.
- Булгаков 1991в — *Булгаков С. Н.* Православие. Очерки учения Православной Церкви. Киев, 1991.
- Булгаков 1993а — *Булгаков С. Н.* Размышления о национальности // *Булгаков С. Н.* Сочинения в двух томах. Т. 2. Избранные статьи. Составление, подготовка текста, вступительная статья и примечания И. Б. Роднянской. М., 1993.
- Булгаков 1993б — *Булгаков С. Н.* Русская трагедия // *Булгаков С. Н.* Сочинения: В 2 т. Т. 2: Избранные статьи / Сост., подг. текста, вступ. ст. и примеч. И. Б. Роднянской. М., 1993.
- Булыгина, Шмелев 1997 — *Булыгина Т. В., Шмелев А. Д.* Референция и смысл выражений *мясопуст* (мясопустная неделя) и *сыропуст* (сыропустная неделя) // ВЯ. 1997. № 3.
- Бусыгин 1966 — *Бусыгин Е. М.* Русское сельское население Среднего Поволжья. Историко-этнографическое исследование материальной культуры (середина XIX — нач. XX в.). Казань, 1966.
- Бушев, интернет — *Бушев А. Б.* Понимание этноспецифичности менталитета в рамках англосаксонской культуры // www.ethnonet.ru/lib/0803-01.html.
- Бътлър 1987 — *Бътлър Т.* Методиевият канон в чест на Димитър Солунски // Кирило-Методиевски студии. София, 1987. Кн. 4.
- Бюркле 2001 — *Бюркле Х.* Человек в поисках Бога. Проблема нехристианских религий / Пер. с нем. М., 2001.
- Вакуров 1978 — *Вакуров В. Н.* Милости прошу к нашему шалашу // Рабоче-крестьянский корреспондент. 1978. № 1.
- Вакуров 1980 — *Вакуров В. Н.* Лапти плетъ — лыко драть // Русская речь. 1980. № 4.
- Вакуров 1981 — *Вакуров В. Н.* Калач // Русская речь. 1980. № 4.
- Вакуров 1983 — *Вакуров В. Н.* Из избы сор не выноси, а в уголке копи // Русская речь. 1983. № 6.
- Вайль, Генис 2001 — *Вайль П., Генис А.* 60-е. Мир советского человека. М., 2001.
- Вайнрих 1987 — *Вайнрих Х.* Лингвистика лжи. Язык и моделирование социального взаимодействия. М., 1987.
- Вальверде 2000 — *Вальверде К.* Философская антропология. Пер. с исп. М., 2000.
- Ван Дейк 1989 — *Ван Дейк Т. А.* Когнитивные модели этнических ситуаций; Предубеждения в дискурсе: рассказы об этнических меньшинствах; Когнитивные и речевые стратегии выражения этнических предубеждений // *Ван Дейк Т. А.* Язык. Познание. Коммуникация. Сборник работ. М., 1989.
- Васева-Кадынкowa 1978 — *Васева-Кадынкowa И.* Перевод как средство выявления расхождений между языками // Русский язык за рубежом. 1978. № 1.
- Василенко 1998 — *Василенко Л. И.* Краткий религиозно-философский словарь. М., 1998.
- Василий (Кривошеин) 1996 — *Василий (Кривошеин)*, архиеп. Ангелы и бесы в духовной жизни: По учению восточных отцов // *Василий (Кривошеин)* архиеп. Богословские труды 1952–1983 гг. Статьи, доклады, переводы. Нижний Новгород, 1996.
- Вежбицкая 1997а — *Вежбицкая А.* Русский язык // *Вежбицкая А.* Язык. Культура. Познание / Отв. ред. и сост. М. А. Кронгауз. Вступ. ст. Е. В. Падучевой. М., 1997.
- Вежбицкая 1997б — *Вежбицкая А.* Концептуальные основы психологии культуры // *Вежбицкая А.* Язык. Культура. Познание / Отв. ред. и сост. М. А. Кронгауз. Вступ. ст. Е. В. Падучевой. М., 1997.
- Вежбицкая 2001 — *Вежбицкая А.* Понимание культур через посредство ключевых слов. М., 2001.
- Вежбицкая 2004 — *Вежбицкая А.* Еврейские культурные скрипты и понимание Евангелия // Сокровенные смыслы. Слово. Текст. Культура. Сб. статей в честь Н. Д. Арутюновой / Отв. ред. Ю. Д. Апресян. М., 2004.
- Вейтлинг 1907 — *Вейтлинг В.* Евангелие бедного грешника / Пер. с нем. д-ра А. Ц-на. Лейпциг; СПб., 1907.
- Великобритания 1978 — *Рум А. Р. У., Колесников Л. В., Пасечник Г. А., Петрова А. В., Рогов Е. Ф., Сапрыкин И. А., Славин В. И., Тимофеева Н. А.* Великобритания. Лингвострановедческий словарь / Под ред. Е. Ф. Рогова. М., 1978.

- Вересаев 1984 — *Вересаев В. В.* Пушкин в жизни. Систематический свод подлинных свидетельств современников. М., 1984.
- Верещагин 1964 — *Верещагин Е. М.* Пассивный и активный билингвизм и языковое контактирование // Материалы конференции «Актуальные вопросы современного языкознания и лингвистическое наследие Е. Д. Поливанова». Самарканд, 1964. Т. 1.
- Верещагин 1966а — *Верещагин Е. М.* К вопросу опосредствованной ассоциации лексем с понятиями // Вопросы психологии. 1966. № 5.
- Верещагин 1966б — *Верещагин Е. М.* К проблеме разносистемной принадлежности лексем при билингвизме. Канд. дисс. М., 1966.
- Верещагин 1967а — *Верещагин Е. М.* Слово: соотношение планов содержания и выражения // Вопросы порождения речи и обучения языку / Под ред. А. А. Леонтьева и Т. В. Рябовой. М., 1967.
- Верещагин 1967б — *Верещагин Е. М.* Психолингвистическая проблематика теории языковых контактов // Вопросы языкознания. 1967. № 6.
- Верещагин 1968 — *Верещагин Е. М.* Порождение речи: латентный процесс. М., 1968.
- Верещагин 1969а — *Верещагин Е. М.* Роль и место страноведения в практике преподавания русского языка как иностранного // РИМ.
- Верещагин 1969б — *Верещагин Е. М.* Психологическая и методическая характеристика двуязычия (билингвизма). М., 1969.
- Верещагин 1978 — *Верещагин Е. М.* К изучению семантики лексического фонда древнеславянского языка. Доклад на VIII Международном съезде славистов. М., 1978.
- Верещагин 1979 — *Верещагин Е. М.* К психолингвистической теории слова. Тексты лекций. М., 1979.
- Верещагин 1987а — *Верещагин Е. М.* К счастью, явился Пушкин // РР. 1987. № 5.
- Верещагин 1987б — *Верещагин Е. М.* Серия ежемесячных научно-популярных статей в журнале «Отчизна» за 1987 г.: Родной, родимый, Родина, народ (№ 1); Течет жизнь — меняется язык (№ 2); «Совет» — понятие коренное (№ 3); «Я знаю слов набат!» (№ 4); «Пора подорожить народным языком» (№ 5); Ищите свой корень! (№ 6); Месяцы зноя и туч (№ 7); Эта песня идет по наследству (№ 8); Покой нам только снится (№ 9); Тонкий вкус — это и хороший стиль (№ 10); Звучат во всех краях планеты (№ 12).
- Верещагин 1988 — *Верещагин Е. М.* «От Пушкина до наших дней» // РР. 1988. № 1.
- Верещагин 1990а — *Верещагин Е. М.* О сленге любителей хайратников // Рабоче-крестьянский корреспондент. 1990. № 2.
- Верещагин 1990б — *Верещагин Е. М.* Лингвострановедение в эпоху гласности и перестройки: уроки А. И. Солженицына // Русский язык и литература в киргизской школе. 1990. № 3.
- Верещагин 1990в — *Верещагин Е. М.* Тактико-ситуативный подход к речевому поведению. (Поведенческая ситуация «Угроза») // Rissistik. Русистика. 1990. № 1.
- Верещагин 1991 — *Верещагин Е. М.* Коммуникативные тактики как поле взаимодействия языка и культуры // Русский язык и современность. Проблемы и перспективы развития русистики. Всесоюзная научная конференция. Москва, 20–23 мая 1991 г. Доклады. М., 1991. Ч. 1.
- Верещагин 1992 — *Верещагин Е. М.* «...читал и любил читать Евангелие». Что входит в состав российской словесности? // Русский язык в СНГ. 1992. № 10–12.
- Верещагин 1994 — *Верещагин Е. М.* Григорий Богослов в «Похвале» Константина Философа: ангел или лишь святой человек? // Н. С. Трубецкой и современная филология. М., 1994.
- Верещагин 1995 — *Верещагин Е. М.* Один случай семантико-поведенческой парадигмы: ἐλέγχειν и обличати // Филологический сборник. К 100-летию со дня рождения академика В. В. Виноградова. М., 1995.
- Верещагин 1996а — *Верещагин Е. М.* Из лингвострановедческой археологии. Ключевое советское слово *очередь* // Сборник научных трудов Московского гос. лингвистического университета. М., 1996. Вып. 426.
- Верещагин 1996б — *Верещагин Е. М.* Христианская книжность Древней Руси. (Научно-популярное издание.) М., 1996.

- Верещагин 1996в — *Верещагин Е. М.* «Написание о правой вере» Константина-Кирилла Философа: билинейно-спатическая публикация источника; представление и оценка нового издательского метода. Статья вторая // Русистика сегодня. 1996. № 4.
- Верещагин 1997а — *Верещагин Е. М.* История возникновения древнего общеславянского литературного языка. Переводческая деятельность Кирилла и Мефодия и их учеников. М., 1997.
- Верещагин 1997б — *Верещагин Е. М.* Проложное житие великого князя Михаила Черниговского, тезоименитого прадеда Михаила Ярославича Тверского, в прочтении поморской погласицей // Великий князь Тверской и Владимирский Михаил Ярославич: личность, эпоха, наследие. Сборник докладов. Тверь, 1997.
- Верещагин 1998а — *Верещагин Е. М.* Два исследовательских инструмента в приложении к концепции русской Библии митр. Филарета (Дроздова) // Вопросы языкознания. 1998. № 5.
- Верещагин 1998б — *Верещагин Е. М.* Древний список последования св. Димитрию Солунскому // *Palaeobulgaria*. Старобългаристика. 22 (1998). № 4.
- Верещагин 1999 — *Верещагин Е. М.* Хотя и скрытая, но всё же полная и счастливая жизнь! Из воспоминаний о проф. А. Ч. Козаржевском и доперестроечной церковной жизни в Москве // Континент—99. М., 1999.
- Верещагин 2000а — *Верещагин Е. М.* Библистика для всех. (Научно-популярное издание.) М., 2000.
- Верещагин 2000б — *Верещагин Е. М.* Об относительности мирской этической нормы // Логический анализ языка. Языки этики. М., 2000.
- Верещагин 2000в — *Верещагин Е. М.* Жизнь, животъ, житиѣ в древнейшей славяно-русской гимнографии: исчисление фоновых семантических долей // Слово и текст в диалоге культур. Юбилейный сборник [в честь В. Г. Костомарова]. М., 2000.
- Верещагин 2000г — *Верещагин Е. М.* Словомъ и срдцьемъ и азъкомъ хѣ проповѣда... Древнейшая служба св. Кириллу, первоучителю славянства // Русская историческая лексикография на современном этапе. [Отечественная лексикография. Вып. 4.] М., 2000.
- Верещагин 2000д — *Верещагин Е. М.* Архистратига поимъ свѣтло... Древнейшая служба архистратигу Михаилу // *Folia Slavistica* Рале Михайловне Цейтлин. Сб. статей. М., 2000. С. 13–29.
- Верещагин 2001а — *Верещагин Е. М.* Церковнославянская книжность на Руси. Лингвотекстологические разыскания. М., 2001.
- Верещагин 2001б — *Верещагин Е. М.* Требник // Этика. Энциклопедический словарь / Под ред. Р. Г. Апресяна и А. А. Гусейнова. М., 2001.
- Верещагин 2003а — *Верещагин Е. М.* Рече-поведенческие тактики в аспекте лингвострановедения (новые материалы и интерпретации) // Русское слово в мировой культуре. Пленарные заседания: сборник докладов [на X Конгрессе МАПРЯЛ]. СПб., 2001. Т. 1.
- Верещагин 2003б — *Верещагин Е. М.* Благодать: хаотичный космос // Логический анализ языка. Космос и хаос: концептуальные поля порядка и беспорядка / Сост. и отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М., 2003.
- Верещагин 2004а — *Верещагин Е. М.* Иван Предтеча — креститель или омыватель? // Филологические науки. 2004. № 1.
- Верещагин 2004б — *Верещагин Е. М.* Богоявленский Патриарший собор в 1960–1990-е гг. глазами рядового прихожанина // *Люботорович В. А., Юхименко Е. М.* Собор Богоявления в Елохове. История храма и прихода. М., 2004.
- Верещагин 2004в — *Верещагин Е. М.* Слава (= כבוד, δόξα): богословская эстетика в древнейшей славяно-русской гимнографии? // Логический анализ языка. Языки эстетики: концептуальные поля прекрасного и безобразного. М., 2004.
- Верещагин 2004г — *Верещагин Е. М.* «И в ус не дует»: как сообщают о сингулярном поведении? // КСФ.
- Верещагин 2004д — *Верещагин Е. М.* Ментальная преемственность на протяжении тысячи лет: Кирилло-Мефодиевское Свщ. Писание в современном языковом сознании // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2004. № 2 (16).
- Верещагин 2004е — *Верещагин Е. М.* Всегда ли возможен диалог переводчиков Свщ. Писания? // Вера — Диалог — Общение. Материалы Международной научно-богословской конференции. М., 2004.

- Верещагин, Вуйович 1984 — *Верещагин Е. М., Вуйович И.* Страноведение СССР. 1: Краткий очерк русской истории и культуры с древнейших времен до конца XVIII в. / Под ред. А. Холлоша. Budapest, 1984.
- Верещагин, Костомаров 1971 — *Верещагин Е. М., Костомаров В. Г.* Лингвистическая проблематика страноведения в преподавании русского языка иностранцам. Доклад на международном симпозиуме «Страноведение и преподавание русского языка как иностранного» (Ленинград, 22–26 июня 1971 г.). М., 1971.
- Верещагин, Костомаров 1973а — *Верещагин Е. М., Костомаров В. Г.* Язык и культура. М., 1973.
- Верещагин, Костомаров 1973б — *Верещагин Е. М., Костомаров В. Г.* Лингвострановедческий аспект учебника русского языка для иностранцев // Вопросы страноведения в учебниках русского языка. II Международный конгресс преподавателей русского языка и литературы. Доклады советской делегации. М., 1973.
- Верещагин, Костомаров 1974а — *Верещагин Е. М., Костомаров В. Г.* Об учебном лингвострановедческом словаре безэквивалентной лексики // Лингвострановедческий аспект преподавания русского языка иностранцам. М., 1974.
- Верещагин, Костомаров 1974б — *Верещагин Е. М., Костомаров В. Г.* Лингвострановедческий словарь: зрительная семантизация русских слов // Русский язык за рубежом. 1974. № 4.
- Верещагин, Костомаров 1975 — *Верещагин Е. М., Костомаров В. Г.* О культурном компоненте русских собственных имен // Болгарская русистика. 1975. № 6.
- Верещагин, Костомаров 1976 — *Верещагин Е. М., Костомаров В. Г.* Язык и культура. Изд. 2-е, перераб. и доп., М., 1976.
- Верещагин, Костомаров 1977а — *Верещагин Е. М., Костомаров В. Г.* Состав семейства учебных лингвострановедческих словарей: ономастический словарь // Актуальные проблемы учебной лексикографии / Сост. В. А. Редькин. М., 1977.
- Верещагин, Костомаров 1977б — *Верещагин Е. М., Костомаров В. Г.* Национально-культурный компонент семантики научно-технического термина и лингвострановедение // Русский язык за рубежом. 1977. № 1.
- Верещагин, Костомаров 1979 — *Верещагин Е. М., Костомаров В. Г.* Представленность национально-культурной семантики на всех языковых уровнях и проблема объекта и объема лингвострановедения // Доклады советской делегации (на IV Международном конгрессе преподавателей русского языка и литературы). М., 1979.
- Верещагин, Костомаров 1980а — *Верещагин Е. М., Костомаров В. Г.* О предмете, объеме и функциях лингвострановедения. Доклад на международном симпозиуме «Лингвострановедческий аспект в преподавании русского языка как иностранного» (Воронеж, 24–30 ноября 1980 г.). Воронеж, 1980.
- Верещагин, Костомаров 1980б — *Верещагин Е. М., Костомаров В. Г.* Лингвострановедческая теория слова. М., 1980.
- Верещагин, Костомаров 1981а — *Верещагин Е. М., Костомаров В. Г.* О своеобразии отражения мимики и жестов вербальными средствами: на материале русского языка // Вопросы языкознания. 1981. № 1.
- Верещагин, Костомаров 1981б — *Верещагин Е. М., Костомаров В. Г.* Русский язык как феномен национальной культуры // Русский язык: предмет изучения и средство воспитания. Киев; Лейпциг, 1981.
- Верещагин, Костомаров 1982 — *Верещагин Е. М., Костомаров В. Г.* Национально-культурная семантика русских фразеологизмов // Словари и лингвострановедение. Сб. статей. М., 1982.
- Верещагин, Костомаров 1983а — *Верещагин Е. М., Костомаров В. Г.* Язык и культура. Изд. 3-е, перераб. и доп., М., 1983.
- Верещагин, Костомаров 1983б — *Верещагин Е. М., Костомаров В. Г.* Слово как вместилище знаний // Русский язык и литература в киргизской школе. 1983. № 4.
- Верещагин, Костомаров 1985а — *Верещагин Е. М., Костомаров В. Г.* О национально-культурной семантике слова, обусловленной его внешней формой // История русского литературного языка и стилистика. Сб. научн. трудов. Калинин, 1985.

- Верещагин, Костомаров 1985б — *Верещагин Е. М., Костомаров В. Г.* К вопросу о лингвострановедческом аспекте прочтения произведений русской и советской классической литературы // ЛиТ.
- Верещагин, Костомаров 1985в — *Верещагин Е. М., Костомаров В. Г.* Серия научно-популярных статей в журнале «Отчизна» за 1985 г.: «Всем знаниям и всей природе ключ» (№ 10); «Отметиться галочкой, подвести черту» (№ 11); «Идет волшебница-зима» (№ 12).
- Верещагин, Костомаров 1986 — *Верещагин Е. М., Костомаров В. Г.* Серия ежемесячных научно-популярных статей в журнале «Отчизна» за 1986 г.: «В каждом слове бездна пространства» (№ 1); Не яростию, а любовным обычаем (№ 2); Дороже цвета красного не было и нет (№ 3); О чем поведали крылатые слова (№ 4); История принадлежит поэту (№ 5); Говорящие имена (№ 6); Что в имени моем (№ 7); Непреложный свидетель (№ 8); Недаром помнит вся Россия (№ 9); Созвучье слов не случайно! (№ 10); Животворящий, полный разума (№ 11); Елка у шефов (№ 12).
- Верещагин, Костомаров 1987 — *Верещагин Е. М., Костомаров В. Г.* О направленном возрастании семантической емкости слова в ходе лингвострановедческого чтения художественных текстов // РСЛ.
- Верещагин, Костомаров 1988а — *Верещагин Е. М., Костомаров В. Г.* Приметы времени и места в идиоматике речемыслительной деятельности // Язык: система и функционирование. М., 1988. См. также в интернете (www.teneta.ru/rus/ve/vereshchagin_kostomarov-primety_.htm).
- Верещагин, Костомаров 1988б — *Верещагин Е. М., Костомаров В. Г.* «Языковое представление варьируется от языка к языку» // Вопросы философии. Межвузовский сборник научных трудов. Ереван, 1988. Вып. 6–7.
- Верещагин, Костомаров 1990 — *Верещагин Е. М., Костомаров В. Г.* Язык и культура. Изд. 4-е, перераб. и доп. М., 1990.
- Верещагин, Костомаров 1999 — *Верещагин Е. М., Костомаров В. Г.* В поисках новых путей лингвострановедения: концепция рече-поведенческих тактик. М., 1999.
- Верещагин, Костомаров 2000а — *Верещагин Е. М., Костомаров В. Г.* Рече-поведенческое исследование Притчи Пушкина о блудной дочери // Вопросы языкознания, 2000, 2.
- Верещагин, Костомаров 2000б — *Верещагин Е. М., Костомаров В. Г.* Хранитель и Творец русского языка и культуры. Пушкиноведческие разыскания с применением методик исчисления смыслов. М., 2000.
- Верещагин, Костомаров 2000в — *Верещагин Е. М., Костомаров В. Г.* В поисках новых путей лингвострановедения: сингулярные рече-поведенческие тактики. М., 2000.
- Верещагин, Костомаров 2000г — *Верещагин Е. М., Костомаров В. Г.* Дом бытия языка. В поисках новых путей лингвострановедения. М., 2000.
- Верещагин, Костомаров 2001а — *Верещагин Е. М., Костомаров В. Г.* *«... како црскоу красотѣ василина вси да похвалимъ...»* Первая публикация последования св. Василию Великому по древнейшему славяно-русскому списку и фоновое комментирование образа святого // Василию Ивановичу Абаеву 100 лет. М., 2001.
- Верещагин, Костомаров 2001б — *Верещагин Е. М., Костомаров В. Г.* Лексический фон: апостериорные наблюдения // Изучение и преподавание русского языка. Юбилейный сборник [в честь С. П. Лопушанской]. Волгоград, 2001.
- Верещагин, Костомаров 2002а — *Верещагин Е. М., Костомаров В. Г.* Мирознание вне и посредством языка. В поисках новых путей лингвострановедения. М., 2002.
- Верещагин, Костомаров 2002б — *Верещагин Е. М., Костомаров В. Г.* Пушкинский Молок и ветхозаветный Молох // Русская речь, 2002, 3.
- Верещагин, Костомаров, Морковкин 1974 — *Верещагин Е. М., Костомаров В. Г., Морковкин В. В.* Лингвострановедческий словарь: изъяснение слова в учебных целях // Русский язык за рубежом. 1974. № 4.
- Верещагин, Костомаров, Морковкин 1977 — *Верещагин Е. М., Костомаров В. Г., Морковкин В. В.* Проспект учебного лингвострановедческого словаря современного русского литературного языка // Проблемы учебной лексикографии / Под ред. П. Н. Денисова, В. В. Морковкина. М., 1977.
- Верещагин, Костомаров, Прохоров 1975 — *Верещагин Е. М., Костомаров В. Г., Прохоров Ю. Е.* Лингвострановедческий словарь: к вопросу об учебной паремиографии // Русский язык за рубежом. 1975. № 1.

- Верещагин, Крысько 1999 — *Верещагин Е. М., Крысько В. Б.* Наблюдения над языком и текстом архаичного источника — Ильиной книги. Статья первая // ВЯ. 1999. № 2.
- Верещагин, Крысько 1999 — *Верещагин Е. М., Крысько В. Б.* Наблюдения над языком и текстом архаичного источника — Ильиной книги. Статья вторая // ВЯ. 1999. № 3.
- Верещагин, Ратмайр, Ройтер 1992 — *Верещагин Е. М., Ратмайр Р., Ройтер Т.* Речевые тактики «призыва к откровенности». Еще одна попытка проникнуть в идиоматику речевого поведения и русско-немецкий контрастивный подход // ВЯ. 1992. № 6.
- Верещагин, Тамм 1978 — *Верещагин Е. М., Тамм Э. И.* Межъязыковые лексические сближения на лингвострановедческой основе // Аспект/Aspekti (Финляндия). 1978. № 1.
- Верещагин, Тамм 1979 — *Верещагин Е. М., Тамм Э. И.* К дальнейшему развитию теории и практики лингвострановедческой компарации лексики в преподавании русского языка иностранцам // ЛСП.
- Верещагин, Тарасьев 1996 — *Верещагин Е. М., Тарасьев А. В.* Его святыней было русское православие. К духовному портрету Никиты Ильича Толстого // Уч зап. Росс. Православн. университета ап. Иоанна Богослова. М., 1996. Вып. 2.
- Веселитский 1965 — *Веселитский В. В.* О некоторых понятиях правильной речи // Вопросы культуры речи. М., 1965. Вып. 6.
- Веселовский 1974 — *Веселовский С. Б.* Ономастикон. М., 1974.
- Веселовский 1990 — *Веселовский С. Б.* Род и предки А. С. Пушкина в истории. М., 1990.
- Виноградов 1949 — *Виноградов В. В.* Работа Пушкина над повестью «Станционный смотритель» // Русский язык в школе. 1949. № 3.
- Виноградов 1964 — *Виноградов В. В.* Проблемы культуры речи и некоторые задачи русского языкознания // Вопросы языкознания. 1964. № 3.
- Виноградов 1978 — *Виноградов В. В.* О новых исследованиях по истории русского литературного языка // *Виноградов В. В.* Избранные труды: История русского литературного языка. М., 1978.
- Виноградов 1997 — *Виноградов В. В.* Основные типы лексических значений слова // *Виноградов В. В.* Избранные труды. Лексикология и лексикография. М., 1997.
- Виноградов 1982 — *Виноградов В. В.* Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX вв. М., 1982.
- Виноградов 1994 — *Виноградов В. В.* История слов. Около 1500 слов и выражений и более 5000 слов, с ними связанных. М., 1994.
- Виноградов, Костомаров 1967 — *Виноградов В. В., Костомаров В. Г.* Некоторые перспективы изучения русского языка // Русский язык за рубежом. 1967. № 2.
- Виноградов Г. 1926 — *Виноградов Г.* Детские тайные языки // Сибирская живая старина. Иркутск, 1926. Вып. 6.
- Винокур 1929 — *Винокур Г. О.* Культура языка. М., 1929.
- Винокур 1959 — *Винокур Г. О.* О славянизмах в современном русском литературном языке // Избранные работы по русскому языку. М., 1959.
- Винокур 2000 — *Винокур Г. О.* Введение в изучение филологических наук. М., 2000.
- Виссарион 1891 — Уроки покаяния в Великом каноне св. Андрея Критского, заимствованные из библейских сказаний, еп. Виссариона. М., 1891.
- Влахов, Флорин 1980 — *Влахов С., Флорин С.* Непереводимое в переводе. М., 1980.
- Возвращение 1999 — Возвращение блудного сына. Родители и дети: взаимоотношения. Составитель Галина Громова. М., 1999.
- Волков 1987 — *Волков С. С.* Лингвострановедческое комментирование художественного текста (слова-реалии в «Бурмистре» И. С. Тургенева) // РСЛ.
- Володихин 2000 — *Володихин Д. М.* «Высокомерный странник»: философия и жизнь Константина Леонтьева. М., 2000.
- Волос 1972 — *Волос Р. П.* Введение в изучение невербальной коммуникации русского языка // СПР.
- Волоцкая, Николаева и др. 1962 — *Волоцкая З. М., Николаева Т. М. и др.* Жестовая коммуникация и ее место среди других систем человеческого общения // Симпозиум по структурному изучению знаковых систем. М., 1962.

- Воробьев 1992 — *Воробьев В. В.* Культурологический аспект функционирования и описания русского языка. Автореферат докт. дисс. М., 1992.
- Воробьев 1996 — *Воробьев В. В.* Лингвокультурологическая перспектива личности. М., 1996.
- Воронов 1878 — *Воробьев В. В.* Древнеславянский канон св. Димитрию Солунскому // Труды Киевской Духовной Академии. 1878. Вып. 1, 4.
- Воронцова 1979 — *Воронцова В. Л.* Русское литературное ударение XVIII–XX вв.: Формы словоизменения. М., 1979.
- Воротников 2003 — *Воротников Ю. Л.* Качество, каковство, естество, или История одного церковнославянизма // *Воротников Ю. Л.* Слова и время. М., 2003.
- Воротников 1999 — *Воротников Ю. Л.* Степени качества в современном русском языке. М., 1999.
- Воротников 2003 — *Воротников Ю. Л.* Совок — как зеркало, или Что такое ключевые слова // *Воротников Ю. Л.* Слова и время. М., 2003.
- Воротников 2003а — *Воротников Ю. Л.* Качество, каковство, естество, или История одного церковнославянизма // *Воротников Ю. Л.* Слова и время. М., 2003.
- Воротников 2003б — *Воротников Ю. Л.* Златая цепь. О переложении памятников древнерусской книжности на современный русский язык. М., 2003.
- Воскресенская 1985 — *Воскресенская Л. Б.* Лингвострановедческая паспортизация лексики. М., 1985.
- Врасский 1979 — *Врасский Г.* Роль страноведения в преподавании русского языка и литературы в Кантерберийском университете // ЛСП.
- Вуйович 1979 — *Вуйович И.* Динамика лексического фона ключевых слов русского языка и лингвострановедческое преподавание в венгерской средней школе. Канд. дисс. М., 1979.
- Вулдридж 1965 — *Вулдридж Дж.* Механизмы мозга. М., 1965.
- Выготский 1956 — *Выготский Л. С.* Мышление и речь // *Выготский Л. С.* Избранные психологические произведения. М., 1956.
- Высоцкий 2002 — *Высоцкий В. С.* Сочинения: В 2 т. Т. 1. Песни. Екатеринбург, 2002.
- Вытженс 1981 — *Вытженс Г.* Пражские поэмы Марины Цветаевой // *Umjetnost i pjesi.* Zagreb, 1981. Vol. 25.
- Вышеславцев 1957 — *Вышеславцев Б. П.* Философская нишета марксизма. Frankfurt/M., 1957.
- Габидулина 2000 — *Габидулина А. Р.* Анекдот с точки зрения прагмалингвистики // Восточноукраинский лингвистический сборник. Донецк, 2000. Вып. 6.
- Габитова 1985 — *Габитова Р. М.* «Универсальная» герменевтика Фридриха Шлейермахера // Герменевтика: история и современность. Критические очерки. М., 1985.
- Гадамер 1988 — *Гадамер Х.-Г.* Истина и метод. Основы философской герменевтики / Пер. с нем. Общ. ред. и вступ. ст. доктора философских наук Б. Н. Бессонова. М., 1988.
- Гадамер 1991а — *Гадамер Г.-Г.* Язык и понимание // *Гадамер Г.-Г.* Актуальность прекрасного. М., 1991.
- Гадамер 1991б — *Гадамер Г.-Г.* Семантика и герменевтика // *Гадамер Г.-Г.* Актуальность прекрасного. М., 1991.
- Гайденко 1963 — *Гайденко П. П.* Экзистенциализм и проблема культуры. Критика философии М. Хайдеггера. М., 1963.
- Гайденко 1970 — *Гайденко П. [П.]* Хайдеггер Мартин // Философская энциклопедия. М., 1970. Т. 5.
- Гак 1977 — *Гак В. Г.* Сопоставительная лексикология. На материале французского и русского языков. М., 1977.
- Гак 1974 — *Гак В. Г.* Ситуативные обозначения в страноведческом аспекте // ЛСА.
- Гак 1994 — *Гак В. Г.* Судьба и мудрость // Понятие судьбы в контексте разных культур. Сб. статей Под ред. Н. Д. Арутюновой. М., 1994.
- Галахов 1910 — *Галахов А.* Русская хрестоматия: В 2 т.. Изд. 33-е. М., 1910.
- Галицкий 1975 — *Галицкий А. В.* Щедрый жар. Очерки о русской бане и ее близких и дальних родичах. М., 1975.
- Галковский 2002 — *Галковский Д. Е.* Уткоречь. Антология советской поэзии. Псков, 2002.
- Гарулли 1901 — *Гарулли В.* Институтские воспоминания и стихотворения. Нежин, 1901.
- Гаспаров 1996 — *Гаспаров Б. М.* Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. М., 1996.

- Гачев 1988 — *Гачев Г.* Национальные образы мира. М., 1988.
- Гельгардт 1969 — *Гельгардт Р. Р.* Стиль писателя: Опыт восприятия и стилистической интерпретации произведений И. А. Крылова добасенного периода // Сборник докладов и сообщений Лингвистического об-ва. Калинин, 1969. Вып. 1. Т. 4.
- Гельгардт 1971 — *Гельгардт Р. Р.* Рассуждение о диалогах и монологах: К общей теории высказывания // Сборник докладов и сообщений Лингвистического общества. Калинин, 1971. Вып. 1. Т. 2.
- Гельгардт 1978 — *Гельгардт Р. Р.* Лексические единицы и устойчивые словосочетания в связи со смысловым восприятием высказывания // Филологические науки. 1978. № 5.
- Гераклит Эфесский 1910 — *Гераклит Эфесский.* Фрагменты / Пер. В. Нилендера. М., 1910.
- Гершензон 1919 — *Гершензон М. О.* «Станционный смотритель» // *Гершензон М. [О.]* Мудрость Пушкина. М., 1919.
- Гесиод 1927 — *Гесиод.* Работы и дни / Пер. В. В. Вересаева. М., 1927.
- Гильтебрандт 1898 — Справочный и объяснительный словарь к Псалтири, составленный Петром Гильтебрандтом (Рязанским). СПб., 1898.
- Гиппиус 1966 — *Гиппиус В. В.* Повести Белкина // *Гиппиус В. В.* От Пушкина до Блока. М.; Л., 1966.
- Гиренок 1999 — *Гиренок Ф.* Археография события // Событие и смысл (Синергетический опыт языка). М., 1999.
- Глинский, Грязнов, Дьнин, Никитин 1965 — *Глинский Б. А., Грязнов Б. С., Дьнин Б. С., Никитин Е. П.* Моделирование как метод научного исследования (гносеологический анализ). М., 1965.
- Глубоковский 1991 — *Глубоковский Н. Н.* Православие по его существу // Церковь и время. 1991. № 1.
- Говердовский 1989 — *Говердовский В. И.* Коннотемная структура слова. Харьков, 1989.
- Гоголь 1959 — *Гоголь Н. В.* Несколько слов о Пушкине // *Гоголь Н. В.* Собр. соч.: В 6 т. М., 1959. Т. 6.
- Голосовкер 1987 — *Голосовкер Я. Э.* Имагинативный абсолют. Часть первая (фрагменты) // *Голосовкер Я. Э.* Логика мифа. М., 1987.
- Голосовкер 1993 — *Голосовкер Я. [Э.]* Имагинативная эстетика (как опыт имагинативной гносеологии) // Символ. Париж, 1993. № 29.
- Голубцов 1999 — *Голубцов С. А.* Московская Духовная Академия в начале XX в. Профессура и сотрудники. Основные биографические сведения. Краткий справочник. По материалам архивов, публикаций и официальных изданий. М., 1999.
- Горбаневский 1996 — *Горбаневский М. В.* Русская городская топонимия. М., 1996.
- Горбачевич 1965 — *Горбачевич К. С.* Язык — памятник культуры. Л., 1965.
- Горбачевич 1978 — *Горбачевич К. С.* Вариантность слова и языковая норма. На материале современного русского языка. Л., 1978.
- Горбачевич, Хабло 1979 — *Горбачевич К. С., Хабло Е. П.* Словарь эпитетов русского литературного языка. Л., 1979.
- Гореликова 1976 — *Гореликова М. И.* Лингвистический анализ художественного текста в процессе изучения русского языка как иностранного // Русский язык. Для студентов-иностранцев. М., 1976. Вып. 16.
- Гореликова 1984 — *Гореликова М. И.* Имена собственные (антропонимы) как самостоятельный класс безэквивалентной лексики // ЛАП.
- Горелов 1980 — *Горелов И. Н.* Невербальные компоненты коммуникации. М., 1980.
- Горенштейн 1989 — *Горенштейн Ф.* Кошелочка (рассказ) // Огонек. 1989. № 44.
- Горичева 1996 — *Горичева Т. [М.]* Россия и Запад // *Горичева Т.* Христианство и современный мир. СПб., 1996.
- Горнфельд 1922а — *Горнфельд А. Г.* Новые словечки и старые слова. Речь на съезде преподавателей русского языка и словесности в Петербурге 5 сентября 1921 г. Пб., 1922.
- Горнфельд 1922б — *Горнфельд А. Г.* Муки слова // *Горнфельд А. Г.* Пути творчества. Пб., 1922.
- Горский 1865 — *Горский А. В.* О древних канонах святым Кириллу и Мефодию // Кирилло-Мефодиевский сборник. В память о совершившемся тысячелетии славянской письменности и христианства в России, [...] изд. М. [П.] Погодиным. М., 1865.

- Горский, Невоструев 1917 — *Горский А. В., Невоструев К. И.* Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. Отдел 3. Книги богослужебные. М., 1917. Вып. 2.
- Гостеева 1987 — *Гостеева С. А.* Национально-культурное содержание русской афористики // РСЛ.
- Грайс 1985 — *Грайс Г. П.* Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1985. Вып. 16.
- Грдличка 1979 — *Грдличка М.* Лингвострановедение и эквивалентность устойчивых словосочетаний // ЛСП.
- Греческо-русский 1869 — *Греческо-русский словарь* / Сост. И. Синайский. М., 1869. Ч 1–2.
- Григоренко 1987 — *Григоренко В. А.* Лингвострановедческая интерпретация басни И. А. Крылова «Ворона и Лисица» // РСЛ.
- Григорий 1994 — Творения иже во святых отца нашего Григория Богослова, архиеп. Константинопольского. Т. 1–2, б. г. (репринт Свято-Троицкой Лавры, 1994).
- Григорий (В. М. Лурье) 2003 — *Григорий (В. М. Лурье)*, иером. Православие в постхристианском мире. СПб., 2003.
- Григорий Нисский 1995 — *Иже во святых отца нашего святителя Григория, епископа Нисского, Об устройении человека* / Пер. В. М. Лурье. СПб., 1995.
- Гречухин 1996 — *Гречухин В. А.* Уездные праведники // Русское подвижничество. М., 1996.
- Григорьев 1963 — *Григорьев В. П.* Культура языка — языковая политика // Вопросы культуры речи. М., 1963. Вып. 4.
- Григорьев 1975 — *Григорьев В. П.* Паронимическая аттракция в русской поэзии XX в. // Сб. докл. и сообщ. Лингвистического об-ва. Калинин, 1975. Т. 5.
- Григорьев 1985 — *Григорьев В. П.* Паронимия // Языковые процессы современной русской художественной литературы: Поэзия. М., 1977.
- Григорьева, Иванова 1985 — *Григорьева А. Д., Иванова Н. Н.* Язык поэзии XIX–XX вв. М., 1985.
- Григорьева, Григорьев, Крейдлин 2001 — *Григорьева С. А., Григорьев Н. В., Крейдлин Г. Е.* Словарь языка русских жестов. М.; Вена, 2001.
- Гродецкая 2000 — *Гродецкая А. Г.* Ответы предания: жития святых в духовном поиске Льва Толстого. СПб., 2000.
- Грот 1876 — *Грот Я. К.* Филологические разыскания. СПб., 1876. Т. 1.
- Грот 1911 — *Грот К. Я.* Пушкинский лицей. СПб., 1911.
- Громов, Эйхенбаум 1956 — *Громов П., Эйхенбаум Б. Н. С. Лесков (Очерк творчества)* // *Лесков Н. С.* Собр. соч.: В 11 т. М., 1956. Т. 1.
- Громыко 1986 — *Громыко М. М.* Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в. М., 1986.
- Громыко 1991 — *Громыко М. М.* Мир русской деревни. М. 1991.
- Громыко 1994 — *Громыко М. М.* О народном благочестии у русских XIX в. // Православие и русская народная культура. Научный сборник. М., 1994. Вып. 1.
- Громыко, Буганов 2000 — *Громыко М. М., Буганов А. В.* О воззрениях русского народа. М., 2000.
- Грот 1876 — *Грот Я. К.* Филологические разыскания. СПб., 1876. Т. 1.
- Грунченко, Попов 2004 — *Грунченко О. М., Попов Р. Н.* О национально-культурной специфике фразеологизмов литературного языка и народных говоров // КСФ.
- Грязнов 1991 — *Грязнов А. Ф.* Язык как деятельность. М., 1991.
- Гудков 2003 — *Гудков Д. Б.* Теория и практика межкультурной коммуникации. М., 2003.
- Гумбольдт 1956 — *Гумбольдт В.* О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человеческого рода // *Зевгинцев В. А.* Хрестоматия по истории развития языкознания XIX и XX вв. М., 1956. Ч. 1.
- Гурьев 1912 — Пролог в поучениях / Сост. протоиерей В. Гурьев. М., 1912.
- Гусейнов 2003 — *Гусейнов Г. Д.* С. П.: Материалы к русскому словарю общественно-политического языка XX века. М., 2003.
- Давыдов 1965 — *Давыдов М. В.* Паралингвистические функции английского языка в сопоставлении с русским. Канд. дисс. М., 1965.

- Дале 1963 — *Дале П. К.* О кратких и подробных определениях значений слов в словарях филологического и энциклопедического типов // Проблема толкования слов в филологических словарях. Рига, 1963.
- Дамаскин 2002 — Творения преподобного Иоанна Дамаскина. Источник знания / Пер. и комм. Д. Е. Афиногенова, А. А. Бронзова, А. И. Сарагды, Н. И. Сарагды. М., 2002.
- Даниленко 1977 — *Даниленко В. П.* Русская терминология. Опыт лингвистического описания. М., 1977.
- Данилова 1986 — *Данилова Л. И.* Окно с затейливой резьбой. М., 1986.
- Дашевский, интернет — *Дашевский З.* Лекции по псалмам // http://machanaim.org/tanach/n1-thil/indn1_001.htm.
- Два чиха 1996 — Два чиха. Русские басни. Ростов-на-Дону, 1996.
- Дворецкий 1958 — Древнегреческо-русский словарь / Сост. И. Х. Дворецкий. М., 1958. Т. 1–2.
- Девкин 1998 — *Девкин В. Д.* Занимательная лексикология. Язык и юмор. Пособие для развлекательного чтения и лингвистического анализа. М., 1998.
- Дедова 1987 — *Дедова О. М.* Слово «хлеб» в лингвострановедческом аспекте // РСЛ.
- Демьянков 1983 — *Демьянков В. З.* Понимание как интерпретирующая деятельность // Вопросы языкознания. 1983. № 6.
- Демьянков 1985 — *Демьянков В. З.* Основы теории интерпретации и ее приложения в вычислительной технике. М., 1985.
- Демьянков 1996 — *Демьянков В. З.* Прототипический подход // Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1996.
- Денисова 1983 — *Денисова М. А.* Народное образование в СССР. Лингвострановедческий словарь / Под ред. Е. М. Верещагина и В. Г. Костомарова. Изд. 2-е, доп. М., 1983.
- День за днем 1912 — День за днем. Карманная записная книжка на 1912 год. СПб., б. г.
- Державина 1990 — *Державина О. А.* Пролог. Избранные тексты // *Державина О. А.* Древняя Русь в русской литературе XIX века (Сюжеты и образы древнерусской литературы в творчестве писателей XIX века). М., 1990.
- Джемс 1910 — *Джемс В.* Прагматизм. СПб., 1910.
- Джилас 1992 — *Джилас М.* Лицо тоталитаризма. М., 1992.
- Диденко 1984 — *Диденко Л. А.* Лингвострановедческая организация работы над текстами произведений художественной и публицистической литературы // ЛАП.
- Диесперов 2002 — *Диесперов А.* Блаженный Иероним и его век // Бл. Иероним. Избранные письма / Сост. и комм. А. А. Столярова. М., 2002. Приложение к кн.
- Дильтей 1912 — *Дильтей В.* Типы мировоззрения и обнаружение их в метафизических системах // Новые идеи в философии. 1 / Под ред. Н. О. Лосского, Э. Л. Радлова. СПб., 1912.
- Дильтей 1924 — *Дильтей В.* Описательная психология. Под ред. Г. Г. Шпета. М., 1924.
- Димитрий (Захаров) 2000 — *Димитрий (Захаров)*, иер. Всё обретает смысл. Клин, 2000.
- Динерштейн 1986 — *Динерштейн Е. А.* «Фабрикант» читателей: А. Ф. Маркс. М., 1986.
- Диоген 1986 — *Диоген Лазертский.* О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / Под ред. А. Ф. Лосева. М., 1986.
- Дионисий 1995 — *Дионисий Ареопагит.* Об именах «Премудрость», «Ум», «Слово», «Истина», «Вера» // *Дионисий Ареопагит.* О Божественных именах. О мистическом богословии. Изд. 2-е / Изд. подг. Г. М. Прохоров. СПб., 1995.
- Дмитриев 1986 — *Дмитриев В. Г.* Придуманые имена. Рассказы о псевдонимах. М., 1986.
- Дмитриев 1989 — *Дмитриев Л. А.* Житие Иоанна Новгородского // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1989. Вып. 2. Часть 2. (Разд. «Дополнения». С. 514–517.)
- Долгопольский 1963 — *Долгопольский А. Б.* Категория вида в русском языке и вероятностный характер связи означаемого с означающим // Проблемы структурной лингвистики. М., 1963.
- Домострой 1994 — Домострой / Изд. подг. В. В. Колесов, В. В. Рождественская. СПб., 1994.
- Доризо 1986 — *Доризо Н.* России первая любовь. Мой Пушкин. Стихотворения, поэмы, проза. М., 1986.
- Дорошевич 1986 — *Дорошевич В. М.* Рассказы и очерки. М., 1986.

- Достоевский 1956 — *Достоевский Ф. М.* Преступление и наказание. М., 1956.
- Достоевский 1990 — *Достоевский Ф. М.* Бесы // Собрание сочинений: В 15 т. М., 1990. Т. 7.
- Дрезен 1932 — *Дрезен Э.* Основы языкознания, теории и истории международного языка. М., 1932.
- Дринов 1892 — *Дринов М. С.* Записка о сочинении А. А. Потебни «Мысль и язык» // Сборник Харьковского историко-филологического общества. Харьков, 1892. Вып. 4.
- Друзья 1984 — Друзья Пушкина. Переписка; Воспоминания; Дневники / Сост., вступ. очерки В. В. Кунина. М., 1984. Т. 1–2.
- Дуйчев 1972 — *Дуйчев И.* За документите из Ватиканския архив, относящи се до българската история (IX—XIV век) // *Дуйчев И.* Българско средновековие. Проучвания върху политическата и културната история на средновековна България. София, 1972.
- Дуличенко 1994 — *Дуличенко А. Д.* Русский язык конца XX столетия. München, 1994.
- Дульзон 1956 — *Дульзон А. П.* О наблюдениях над речью для установления особенностей языка // Уч. зап. Томского гос. пед. ин-та. 1956. Т. 15.
- Душенко 1997 — *Душенко К. В.* Словарь современных цитат. 4300 ходячих цитат и выражений XX века, их источники, авторы, датировка. М., 1997; 2-е изд., перераб. и доп.: 4750 цитат и выражений. М., 2002.
- Дьяченко 1993 — *Дьяченко Г.* Полный церковно-славянский словарь (с внесением в него важнейших древнерусских слов и выражений). [Фотомеханическая допечатка:] М., 1993.
- Елистратов 1994 — *Елистратов В. С.* Словарь московского арго (материалы 1980–1994 гг.). М., 1994.
- Елистратов 1995 — *Елистратов В. С.* Арго и культура. М., 1995.
- Елистратов 1998 — *Елистратов В. С.* «Сниженный язык» и «национальный характер» // Вопросы философии. 1998. № 10.
- Ермолаева 1960 — *Ермолаева Л. С.* Неогумбольдтианское направление в современном буржуазном языкознании // Проблемы общего и частного языкознания / Под ред. Т. А. Дегтяревой. М., 1960.
- Еськов, Кузнецов 1988 — *Еськов Г. С., Кузнецов В. Г.* Советские общество. Лингвострановедческий словарь для говорящих на французском языке / Под ред. Г. С. Еськова. М., 1988.
- Еськова 1963 — *Еськова Н. А.* Ван Клиберн или Вэн Клайберн? // Вопросы культуры речи. М., 1963. Вып. 4.
- Жданова 2004 — *Жданова В. В.* Пословицы и поговорки как источник изучения русского культурно-языкового сознания // КСФ.
- Жельвис 1997 — *Жельвис В. И.* Поле брани. Сквернословие как социальная проблема в языках и культурах мира. М., 1997.
- Жизнь 1988 — Жизнь Пушкина, рассказанная им самим и его современниками. Переписка; Воспоминания; Дневники / Сост., вступ. очерки В. В. Кунина. М., 1988. Т. 1–2.
- Житие 2001 — Житие преподобного отца нашего Константина, что из иудеев. Житие св. исповедника Никиты, игумена Мидикийского. Пер., сост., ст. Д. Е. Афиногенова. М., 2001.
- Жития на светиите 1974 — Жития на светиите. София, 1974.
- Жолковский, Леонтьева, Мартемьянов 1961 — *Жолковский А. К., Леонтьева Н. И., Мартемьянов Ю. С.* О принципиальном использовании смысла при машинном переводе // Машинный перевод. Сб. статей. М., 1961. Вып. 2.
- Жуков 1966 — *Жуков В. П.* Словарь русских пословиц и поговорок. М., 1966.
- Журавлев 1974 — *Журавлев А. П.* Фонетическое значение. Л., 1974.
- Журавлев 2002 — *Журавлев В. К.* Русский язык и русский характер. М., 2002.
- Забелин 1869 — *Забелин И. Е.* Домашний быт русских цариц. М., 1869.
- Забьлин 1880 — *Забьлин М.* Русский народ. Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия. В четырех частях. М., 1889 (репринт: 1991).
- Заимов, Капалдо 1983 — *Заимов Й., Капалдо М.* Супрасълски или Ретков сборник. В два тома. София, 1983. Т. 2.
- Зализняк Анна А., Левонтина, Шмелев 1995 — *Зализняк Анна А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д.* «Энциклопедия русской души» // Этническое и языковое самосознание. Материалы конференции (Москва, 13–15 декабря 1995 г.). М., 1995.

- Замкова 1975 — *Замкова В. В.* Славянизм как стилистическая категория в русском литературном языке XVIII в. Л., 1975.
- Занадворова 2001 — *Занадворова А. В.* Функционирование русского языка в малых социальных группах (речевое общение в семье). Автореферат канд. дисс. М., 2001.
- Захаренко, Красных 1998 — *Захаренко И. В., Красных В. В.* Русская когнитивная база и русское культурное пространство в зеркале кроссвордов // *Язык, сознание, коммуникация*. Вып. 5: Филология. М., 1998.
- Зелинский б. г. — *Зелинский Ф. Ф.* Филология // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Б. г. Т. 35 А.
- Земляной 1976 — *Земляной С. Н.* Проблема «понимания» в герменевтике XIX в. Ф. Шлейермахер и В. Дильтей // *История философии и современность*. М., 1976.
- Земская 1996 — *Земская Е. А.* Клише новозая и цитация в языке постсоветского общества // *Вопросы языкознания*. 1996. № 3.
- Зильберман 1996 — *Зильберман Т. Б.* Традиция как коммуникация: трансляция ценностей, письменность // *Вопросы философии*. 1996. № 4.
- Зимин, Пак 2004 — *Зимин В. И., Пак Сон Гу.* О национально-культурных особенностях устойчивых сравнений // *КСФ*.
- Зиновьева А. 1991 — *Зиновьева А. А.* Гомо советикус. Мой дом — моя чужбина. М., 1991.
- Зиновьева 1977 — *Зиновьева М. Д.* Страноведческая и лингвострановедческая работа по теме «Город» на начальном этапе обучения русскому языку // *ИОС*.
- Зиновьева 2000. *Зиновьева М. Д.* Культурологическая основа «Словаря истории культуры России» // *Материалы V Международной конференции «Теория и практика преподавания славянских языков и литератур»*. Венгрия, Печ, 5–7 мая 2000г.
- Зиновьева 2002 — *Зиновьева М. Д.* Национальные особенности русского художественного текста // *Язык и культура*. Сб. статей. Киев, 2002.
- Зиновьева 2003 — *Зиновьева М. Д.* Язык и культура при обучении русскому языку как иностранному в XXI веке // *X Международный конгресс МАПРЯЛ «Русское слово в мировой культуре»*. СПб., 2003. Т. 1.
- Зиновьева, Златкина, Князева 1979 — *Зиновьева М. Д., Златкина С. И., Князева В. П.* К проблеме создания лингвострановедческого минимума для начального этапа // *ЛСП*.
- Иванов Вяч. Вс. 1962 — *Иванов Вяч. Вс.* Лингвистика и исследование афазии // *Структурно-типологические исследования* / Отв. ред. Т. Н. Молошная. М., 1962.
- Иванов 1990 — *Иванов Вяч. Вс. П. А.* Флоренский и проблема языка // *Механизмы культуры* / Отв. ред. Б. А. Успенский. М., 1990.
- Иванов 1998 — *Иванов Н. [П.]* О смысле жизни. Богословские миниатюры. Клин, 1998.
- Иванов 1994 — *Размышления о России и русских. Штрихи к истории русского национального характера* / Сост. С. К. Иванов. Тит. ред. Ю. П. Сенокосов. М., 1994.
- Иврит-русский словарь 1963 — *Иврит-русский словарь* / Сост. Ф. Л. Шапиро. Под ред. проф. Б. М. Гранде. С прилож. краткого грамматического очерка языка иврит, сост. проф. Б. М. Гранде. М., 1963.
- Иже во святых отца нашего Иринаея 1900 — *Иже во святых отца нашего Иринаея, епископа Лионского, пять книг обличения и опровержения лжеименного знания* // *Сочинения св. Иринаея, епископа Лионского* / Изд. в рус. пер. прот. П. Преображенским. СПб., 1900. С. 435. (Фото-мех. переиздание: М., 1996.)
- Изборник 1965 — *Изборник 1076 года* / Изд. подгот. В. С. Гольштенко, В. Ф. Дубровина, В. Г. Демьянов, Г. Ф. Нефедов. М., 1965.
- Изборник Святослава 1983 — *Изборник Святослава 1073 года*. Факсимильное издание. М., 1983.
- Икута 1990 — *Икута М.* Двупланивость семантики соматического речеия и межкультурная коммуникация // *Japanese Slavic and East European Studies*. 1990. Vol. 11.
- Иларион (Троицкий) 1999 — *Иларион (Троицкий)*, архиеп. Покаяние в Церкви и покаяние в католичестве // *Без Церкви нет спасения*. М.; СПб., 1999.

- Иларион (Алфеев) 2001a — *Иларион (Алфеев)*, иг. Жизнь и учение св. Григория Богослова. СПб., 2001.
- Иларион (Алфеев) 2001b — *Иларион (Алфеев)*, иг. О диаволе и демонах // *Иларион (Алфеев)*, иг. Вы — свет мира. Беседы о христианской жизни. Клин, 2001.
- Иллюстров 1915 — *Иллюстров И. И.* Жизнь русского народа в его пословицах и поговорках. Сборник русских пословиц и поговорок. М., 1915.
- Ильин И. А. 1993 — *Ильин И. А.* Одинокий художник. Статьи. Речи. Лекции. М., 1993.
- Ильин И. [П.] 2001 — *Ильин И. [П.]* Постмодернизм. Словарь терминов. М., 2001.
- Ильинская 1970 — *Ильинская И. С.* Лексика стихотворной речи Пушкина. «Высокие» и поэтические славянизмы. М., 1970.
- Ильинский 1908 — *Ильинский Г. А.* Рукописи Зографского монастыря на Афоне // Известия Русского археологического института в Константинополе. 1908. Т. 13.
- Ингве 1965 — *Ингве В.* Гипотеза глубины // Новое в лингвистике. М., 1965. Вып. 4.
- Иоанн Златоуст 1893, 1895 — Собрание поучений, избранных из творений святого отца нашего Иоанна, архиепископа Константинопольского, Златоустого, Стефаном Дерябиным. М., 1893. Т. 1; М., 1895. Т. 2.
- Иоанн (Кологривов) 1961 — *Иоанн (Кологривов)*, иером. Очерки по истории русской святости. Брюссель, 1961.
- Иоанн (Шаховской) архиеп. 1996 — *Иоанн (Шаховской)*, архиеп. Философия православного пастырства. Издание подготовил прот. Владимир Федоров. СПб., 1996.
- ИОС — Из опыта создания лингвострановедческих пособий по русскому языку. Сб. статей / Под ред. Е. М. Верещагина, В. Г. Костомарова и Ю. Е. Прохорова. М., 1977.
- Исаева 1974 — *Исаева Э. А.* Использование произведений художественной литературы в целях страноведения // ЛСА.
- Иссерс 1999 — *Иссерс О. С.* Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. Автореферат докт. дисс. Екатеринбург, 1999.
- Исторические песни 1986 — *Исторические песни.* Баллады / Сост., вступ. ст. С. Н. Азбелева. М., 1986.
- История культур 2003 — *История культур славянских народов:* В 3 т. М., 2003. Т. 1.
- Истрин 2003 — *Истрин В. М.* Очерк истории древнерусской литературы домосковского периода (XI–XIII вв.). М., 2003.
- Истрина 1946 — *Истрина Е. С. А. А.* Шахматов как редактор словаря русского языка // Изв. АН СССР. Серия литературы и языка. 1946. № 5.
- Ицкович 1968 — *Ицкович В. А.* Языковая норма. М., 1968.
- Кабакчи 1985 — *Кабакчи В. В.* Англоязычное описание советской культуры. Л., 1985.
- Кабакчи 1985 — *Кабакчи В. В.* Английский язык межкультурного общения. Cross-Cultural English. Л., 1985.
- Кабакчи 1998 — *Кабакчи В. В.* Основы англоязычной межкультурной коммуникации. СПб., 1998.
- Казьмина 1999 — *Казьмина О. Е.* Православие // Народы и религии мира. Энциклопедия / Гл. ред. В. А. Тишков. М., 1999.
- Калачева 1986 — *Калачева С. В.* Эволюция русского стиха. М., 1986.
- Каменская 1965 — *Каменская О. Л.* Некоторые проблемы описания лексико-семантической системы языка. Канд. дисс. М., 1965.
- Каменецкий — *А. С. К.* (= *А. С. Каменецкий*). Молах // Еврейская энциклопедия. СПб., 6. г. Т. 11.
- Канделаки 1977 — *Канделаки Т. Л.* Семантика и мотивированность терминов. М., 1977.
- Канкава 1958 — *Канкава М. В. В. И.* Даль как лексикограф. Тбилиси, 1958.
- Кант 1987 — *Кант И.* Лекции об этике. Приложение // *Гусейнов А. А., Иррлиц Г.* Краткая история этики. М., 1987.
- Кантор 1983 — *Кантор В. К.* «Братья Карамазовы» Ф. Достоевского. М., 1983.
- Капанадзе, Красильникова 1973 — *Капанадзе Л. А., Красильникова Е. В.* Жест в разговорной речи // Русская разговорная речь. М., 1973.

- Каполь 1992 — *Каполь К.* Предисловие к русскому изданию // *Бальтазар Г. У. фон.* Ты имеешь глаголы вечной жизни. Размышления над Священным Писанием. М., 1992.
- Кара-Мурза 2001 — *Кара-Мурза С. Г.* Советская цивилизация. М., 2001. Т. 1–2.
- Карабинов 1910 — *Карабинов И.* Постная триодь. Исторический обзор ее плана, состава, редакций и славянских переводов. СПб., 1910.
- Караулов 1992 — *Караулов Ю. Н.* Словарь Пушкина и эволюция русской языковой способности. М., 1992.
- Кармин 1997 — *Кармин А. С.* Основы культурологии. Мифология культуры. СПб., 1997.
- Карский 1962 — *Карский Е. Ф.* О влиянии поэтической деятельности А. С. Пушкина на развитие русского литературного языка // *Карский Е. Ф.* Труды по белорусскому и другим славянским языкам. М., 1962.
- Каталог 1988 — Каталог славяно-русских рукописных книг XI–XIV вв., хранящихся в ЦГАДА СССР. М., 1988. Ч. 1, 2.
- Каутский 1907 — *Каутский К.* Этика и исторический материализм / Пер. с нем. Лейпциг; СПб., 1907.
- Керт 1967 — *Керт Г. М.* К вопросу о взаимоотношении языка и мышления // *Язык и мышление.* Сб. статей / Под ред. Ф. П. Филина. М., 1967.
- Клейст. 1977 — *Клейст Г.* О том, как постепенно составляется мысль, когда говоришь // *Клейст Г.* Избранное. М., 1977.
- Климент Охридски 1970 — Събрани съчинения / Обработ. Б. Ст. Ангелов, К. М. Куев, Хр. Кодов. София, 1970. Т. 1.
- Климент Охридски 1973 — Събрани съчинения. Пространни жития на Кирил и Методий / Подгот. на печат Б. Ст. Ангелов и Хр. Кодов. София, 1973. Т. 3.
- Клычков, Демусьяк 1983 — *Клычков Г. С., Демусьяк М. А.* Лингвострановедческая специфика образования новых слов в соответствии со структурно-семантическим принципом аналогии // ЛИО.
- Клюканов 1999 — *Клюканов И. Э.* Динамика межкультурного общения: к построению нового концептуального аппарата. Автореферат дисс. ... доктора филологич. наук. Саратов, 1999.
- Книга житий — *Книга житий свѣтыхъ на три мѣца вторыа.* М., 1759, л. сѣа об.
- Ковалевский 2000 — *Ковалевский И.* Подвиг юродства. М., 2000.
- Ковтун 1955 — *Ковтун Л. С.* О значении слова // ВЯ. 1955. № 5.
- Ковшова 1996 — *Ковшова М. Л.* Культурно-национальная специфика фразеологических единиц: когнитивные аспекты. Автореферат канд. дисс. М., 1996.
- Ковшова 2004 — *Ковшова М. Л.* Ни кола, ни двора: образ бездомного в русском фольклоре и фразеологии // КСФ.
- Кодухов 1984 — *Кодухов В. И.* Лингвострановедческий принцип описания языка и методики обучения лексике и фразеологии // ЛАП.
- Кожухаров 1986 — *Кожухаров С.* Методиевият канон за Димитър Солунски (нови данни за история на текста) // Кирило-Методиевски студии. София, 1986. Кн. 3.
- Кожухаров 1988 — *Кожухаров С.* Мефодий и Наум Охридский и формирование славянской гимнографической традиции // Symposium Methodianum / Hrsg. von K. Trost, E. Völkl, E. Wedel. Neuried, 1988.
- Кожухаров 1995 — *Кожухаров С.* Канон за Димитър Солунски // Кирило-Методиевска енциклопедия. София, 1995. Т. 2.
- Кокс 1994 — *Кокс Х.* К теологии социальных перемен // Социально-политическое измерение христианства. Избранные теологические тексты XX века. Переводы с нем., англ. и исп. М., 1994.
- Колесов 1994 — Домострой как памятник средневековой культуры // Домострой / Изд. подгот. В. В. Колесов, В. В. Рождественская. СПб., 1994.
- Колесов 1999 — *Колесов В. В.* «Жизнь происходит от слова...» СПб., 1999.
- Колшанский 1974 — *Колшанский Г. В.* Паралингвистика. М., 1974.
- Комлев 1966 — *Комлев Н. Г.* О культурном компоненте лексического значения // Вестник Московского университета. Филология. 1966. № 5.

- Комлев 1969 — *Комлев Н. Г.* Компоненты содержательной структуры слова. М., 1969.
- Кондратьева 1967 — *Кондратьева Т. Н.* Собственные имена в русском эпосе. Казань, 1967.
- Кончаловский 1998 — *Кончаловский А.* Низкие истины. М., 1998.
- Копорский 1956 — *Копорский С. А.* Собственные имена в языке писателей-демократов Н. Успенского, Слепцова и Решетникова // Уч. зап. Моск. обл. ГПИ. 1956. Т. 35. Вып. 3.
- Копыленко 1972 — *Копыленко М. М.* Об этикете обращения // СПР. 1972.
- Корженевска-Берчинска 1996 — *Корженевска-Берчинска И.* Новации в языковой картине мира российского человека. Olsztyn, 1996.
- Корженевска-Берчинска 2002 — *Корженевска-Берчинска И.* Лингвострановедение и лингвокультурология. Конфликт идей или их обогащение? // Русская современность: лингвокультурология и межкультурная коммуникация. Материалы IV Международной научно-практической конференции. 28–29 июня 2001 г. СПб., 2002.
- Коринфский 1901 — *Коринфский А. А.* Народная Русь. Круглый год сказаний, поверий, обычаев и пословиц русского народа. М., 1901 (репринт: 1995).
- Корнет Ю. 1870 — Руководство к изучению русского, французского и немецкого разговора / Сост. Юлий Корнет. Лейпциг, 1870.
- Корнилов 1995 — *Корнилов С. В.* Древнерусское паломничество. Калининград, 1995.
- Корсавин 1992 — *Корсавин Л. П.* О личности // *Корсавин Лев.* Религиозно-философские сочинения / Сост. и вступит. статья С. С. Хоружего. М., 1992. Т. 1.
- Косериу 1963 — *Косериу Э.* Синхрония, диахрония и история // Новое в лингвистике. М., 1963. Вып. 3.
- Костомаров 1989 — *Костомаров В. Г.* Американская версия лингвострановедения (обзор концепции «литературной грамотности») // Русский язык за рубежом. 1989. № 6.
- Костомаров 1994 — *Костомаров В. Г.* Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. М., 1994.
- Костомаров 1999 — *Костомаров В. Г.* Пушкин и современный русский литературный язык // Русский язык за рубежом. 1999. № 2.
- Костомаров, Бурвикова 1994 — *Костомаров В. Г., Бурвикова Н. Д.* Так тексты становятся прецедентными // Русский язык за рубежом. 1994. № 1.
- Костомаров, Бурвикова 1997 — *Костомаров В. Г., Бурвикова Н. Д.* Современное состояние русского языка и проблемы обучения ему иностранцев // Русский язык как государственный. Материалы международной конференции (Челябинск, 5–6 июня 1997 г.). М., 1997.
- Костомаров, Бурвикова 1998 — *Костомаров В. Г., Бурвикова Н. Д.* Читая и почитая Грибоедова. Крылатые слова и выражения. М., 1998.
- Костомаров, Бурвикова 1999а — *Костомаров В. Г., Бурвикова Н. Д.* Пространство современного русского дискурса и единицы его описания // Русский язык в центре Европы. Банска Бистрица, 1999. № 1.
- Костомаров, Бурвикова 1999б — *Костомаров В. Г., Бурвикова Н. Д.* Единицы семиотической системы русского языка как предмет описания и освоения // Материалы IX Конгресса МАПРЯЛ. Братислава, 1999. Доклады и сообщения российских ученых. М., 1999.
- Костомаров, Бурвикова 2000 — *Костомаров В. Г., Бурвикова Н. Д.* Логоэпистема как категория лингвокультурологического поиска. // Лингводидактический поиск на рубеже веков. М., 2000.
- Костомаров, Бурвикова 2001 — *Костомаров В. Г., Бурвикова Н. Д.* Старые мехи и молодое вино. Из наблюдений над русским словоупотреблением конца XX века. СПб., 2001.
- Костомаров, Верещагин 1982 — *Костомаров В. Г., Верещагин Е. М.* Отбор и семантизация фразеологизмов в учебном лингвострановедческом словаре // СЛ.
- Костомаров, Прохоров, Чернявская 1994 — *Костомаров В. Г., Прохоров Ю. Е., Чернявская Т. Н.* Язык и культура. Новое в теории и практике лингвострановедения. Доклад на VIII Конгрессе МАПРЯЛ. ФРГ, Регенсбург, 1994 г. М., 1994.
- Коул, Скрибнер 1977 — *Коул М., Скрибнер С.* Культура и понятийные процессы; Культура и познавательные процессы: предварительные данные // *Коул М., Скрибнер С.* Культура и мыш-

- ление. Психологический очерк / Пер. с английского П. Тульвисте. Под ред. и с предисл. А. Р. Лурия. М., 1977.
- Кошаев 2001 — Кошаев В. Б. Дом — образ. Художественно-образные процессы сложения традиционного жилища Западного Приуралья. Автореф. докт. дисс. М., 2001.
- Краваль 1999 — Краваль Л. А. Пушкин и святцы // Духовный труженик. А. С. Пушкин в контексте русской культуры. СПб., 1999.
- Кравец 2000 — Кравец В. В. Разговор о Сковороде. С приложением хрестоматии по сквородоведению. Київ, 2000.
- Кравченко, Лазарев 1967 — Кравченко А., Лазарев Б. Понятие // Философская энциклопедия. М., 1967. Т. 4.
- Красножен 1911 — Красножен М. [Е.] Толкователи канонического кодекса Восточной Церкви Аристин, Зонара и Вальсамон. Юрьев, 1911.
- Красных 2002 — Красных В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. М., 2002.
- Краткий словарь — Бунимович Т. Н., Жаркова Г. Г., Корнилова Т. М. и др. Краткий словарь современных понятий и терминов / Сост. и общ. ред. доц. В. А. Макаренко. М., 2000.
- Крачковский 1946 — Крачковский И. Ю. Над арабскими рукописями. М.; Л., 1946.
- Крейдлин 2000 — Крейдлин Г. Е. Невербальная семиотика в ее соотношении с вербальной. Докт. дисс. М., 2000.
- Крикпе 1986 — Крикпе С. Загадка контекстов мнения // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1986. Вып. 18.
- Кропоткин 1988 — Кропоткин П. А. Записки революционера. М., 1988.
- Крысин 1989 — Крысин Л. П. Социоллингвистические аспекты изучения современного русского языка. М., 1989.
- Крысин 2000 — Крысин Л. П. Эвфемизмы в современной русской жизни // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). М., 2000.
- КСФ — Культурные слои во фразеологизмах и в дискурсивных практиках / Отв. ред. В. Н. Телия. М., 2004.
- Кубрякова 1986 — Кубрякова Е. С. Номинативный аспект речевой деятельности. М., 1986.
- Кубрякова 1996 — Кубрякова Е. С. Концепт // Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1996.
- Кубрякова, Харитончик 1976 — Кубрякова Е. С., Харитончик З. А. О словообразовательном значении и описании смысловой структуры производных суффиксального типа // Принципы и методы семантических исследований. М., 1976.
- Кузминская 1968/1988 — Кузминская Т. А. Письмо Г. П. Блоку (публикация) // Русская литература. 1968. № 2. [Перепеч. в кн.: Фет А. А. Стихотворения. Поэмы. Современники о Фете. М., 1988.]
- Кузнецов 1913 — Алексей (Кузнецов), иеромонах. Юродство и столпничество. Религиозно-психологическое, моральное и социальное исследование. СПб., 1913. (Репринт: М., 2000.)
- Кузнецов 1987 — Кузнецов А. М. Национально-культурное своеобразие слова // Язык и культура. Сб. обзоров. М., 1987.
- Кузнецов 1991 — Кузнецов В. Г. Герменевтика и гуманитарное познание. М., 1991.
- Кузнецова 1987 — Кузнецова Л. И. Национальная специфика сравнений в русском языке (в сопоставлении с французским) // РСЛ.
- Кузнецова, Ефремова 1986 — Кузнецова А. П., Ефремова Т. Ф. Словарь морфем русского языка. М., 1986.
- Кулибина 1987 — Кулибина Н. В. Лингвострановедческий подход к художественному тексту (страноведчески ценные реляционные единицы языка как средство создания словесной образности) // ЛиТ.
- Кулибина 2001 — Кулибина Н. В. Зачем, что и как читать на уроке. Художественный текст при изучении русского языка как иностранного. СПб., 2001.
- Куликов, Мартиневский 1986 — Куликов Г. И., Мартиневский В. И. Страноведческие реалии немецкого языка. Минск., 1986.
- Кунцлер 2001–2002 — Кунцлер М. Литургия Церкви / Пер. с нем. М., 2001. Ч. 1–2; М., 2002. Ч. 3.
- Купина 1995 — Купина Н. А. Тоталитарный язык. Екатеринбург; Пермь, 1995.

- Куприянова 1981 — *Куприянова Е. Н. А. С. Пушкин // История русской литературы: В 4 т. Л., 1981. Т. 2.*
- Кьеркегор 1993а — *Кьеркегор С. Страх и трепет // Кьеркегор Сёрен. Страх и трепет. М., 1993.*
- Кьеркегор 1993б — *Кьеркегор С. Понятие страха // Кьеркегор Сёрен. Страх и трепет. М., 1993.*
- де-Кюстин 1990 — *Маркиз де-Кюстин [А]. Николаевская Россия. М., 1990.*
- Лавров 1930 — *Лавров П. А. Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности. Л., 1930.*
- Лазарев 1986 — *Лазарев В. Н. История византийской живописи: В 2-х кн. М., 1986.*
- Лакофф, Джонсон 1987 — *Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. (Главы I, XIII, XXI, XXIII, XXIV) // Язык и моделирование социального взаимодействия. М., 1987.*
- Лакофф, Джонсон 1990 — *Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. (Главы I–VI) // Теория метафоры. М., 1990.*
- ЛАП — *Лингвострановедческий аспект в преподавании русского языка как иностранного. Сб. статей / Под ред. А. И. Попова. Воронеж, 1984.*
- Ласера 1974 — *Ласера Ж. Реалии французской культуры на уроках французского языка // ЛСА.*
- Лафарг 1930 — *Лафарг П. Язык и революция. Французский язык до и после революции. Очерки происхождения современной буржуазии / Пер. с франц. Т. Фалькович и Е. Шишмаревой. Под ред. и со вступ. ст. В. Гоффеншефера. М.; Л., 1930.*
- Лебедев 1999 — *Лебедева А. Куда влечет тебя свободный ум. М., 1982.*
- Лебедева 1999 — *Лебедева Э. С. Пушкин и даты церковного календаря // Духовный труженик. А. С. Пушкин в контексте русской культуры. СПб., 1999.*
- Лебедева 2002 — *Лебедева Г. А. Моя жизнь в Стране Советов. М., 2002.*
- Левидов 1977 — *Левидов А. М. Автор — образ — читатель. Л., 1977.*
- Левидов 1987 — *Левидов А. М. Литература и действительность. Л., 1987.*
- Левин-Штайнманн. 2004 — *Левин-Штайнманн А. Лингвоспецифический компонент при оформлении концептов фразеологизмами // КСФ.*
- Лексикон словенороский 1961 — *Лексикон словенороский Памви Беринди / Подгот. тексту і вступна стаття В. В. Німчука. Київ, 1961.*
- Ленин 1973 — *Ленин В. И. Философские тетради. М., 1973.*
- Леонидова 1974 — *Леонидова М. А. Место собственного имени в лексической и фразеологической системе языка // Годишник на Софийския университет. Факултет по славянски филологии. София, 1974. Т. 61/1.*
- Леонидова 1984 — *Леонидова М. А. Фразеологизмы со страноведческим компонентом в русском и болгарском языках // ЛАП.*
- Леонидова 1986 — *Леонидова М. А. Проблемы структурно-семантической типологии болгарских и русских фразеологизмов. София 1986.*
- Леонтович 1995 — *Леонтович В. В. История либерализма в России. 1762–1914. М., 1995. [Исследования новейшей русской истории / Под общ. ред. А. И. Солженицына. Вып. 1.]*
- Леонтьев 1991 — *Леонтьев К. Н. Византизм и славянство // Россия глазами русского. СПб., 1991.*
- Леонтьев 1993 — *Леонтьев К. Н. Избранное. М., 1993.*
- Лепяхин 1999а — *Лепяхин В. В. Икона в изящной словесности. Сегед, 1999.*
- Лепяхин 1999б — *Лепяхин В. В. Икона в русской поэзии XX в. Сегед, 1999.*
- Лепяхин 2000а — *Лепяхин В. В. Икона в русской прозе XX в. Сегед, 2000.*
- Лепяхин 2000б — *Лепяхин В. В. Икона и иконичность. Сегед, 2000.*
- Лепяхин 2001 — *Лепяхин В. В. Функции иконы. Сомбатхей, 2001.*
- Лермонтов 1958 — *Лермонтов М. Ю. Собр. соч.: В 4-х т. Т. 3: Драммы. М., 1958.*
- Лермонтовская энциклопедия — *Лермонтовская энциклопедия / Гл. ред. В. А. Мануйлов. М., 1981.*
- Лилиенфельд 2004 — *Лилиенфельд Ф. фон. Жизнь. Церковь. Наука и вера. Проф. Фэри фон Лилиенфельд рассказывает о себе и своем видении православия и лютеранства. Беседы с проф. Е. М. Верещагиным, состоявшиеся в Германии в 1996–2002 гг. Авторизованный текст. М.; Эрланген, 2004.*

- Лилова 1985 — *Лилова А.* Введение в общую теорию перевода. М., 1985.
- Лингвокультурологический словарь 2004 — Лингвокультурологический словарь / Под ред. И. В. Захаренко, В. В. Красных, Д. Б. Гудкова. М., 2004. . Вып. 1.
- Листрова-Павда 1987 — *Листрова-Павда Ю. Т.* Выявление национально-культурной семантики номинативных языковых единиц // РСЛ.
- ЛИО — Лингвострановедческое описание лексики английского языка. Сб. научных трудов / Отв. ред. Г. С. Клычков. М., 1983.
- ЛиТ — Лингвострановедение и текст. Сб. статей / Сост. Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. М., 1987.
- Литературный сборник 1978 — Литературный сборник XVII века. Пролог / Изд. подг. О. А. Державина, А. С. Демин, А. С. Елеонская, Ф. С. Капица, А. С. Курилов, Л. И. Сазонова, Л. А. Черная. Под ред. А. С. Демина. М., 1978.
- Лихачев 1961 — *Лихачев Д. С.* Культура русского народа. М., 1961.
- Лихачев 1983 — *Лихачев Д. С.* Заметки о русском // *Лихачев Д. С.* Земля родная. М., 1983.
- Лихачев 1985 — *Лихачев Д. С.* Прошлое — будущему. Л., 1985.
- Логинова, Прохоров 1979 — *Логинова Л. А., Прохоров Ю. Е.* Страноведческий аспект русской фразеологии и афористики в обучении студентов-нефилологов // ЛСП.
- Логический словарь 1994 — Логический словарь Дефорт (ДЕдуктивная ФОРмализация Теорий). М., 1994.
- Ломтев 1976 — *Ломтев Т. П.* Принципы выделения дифференциальных семантических признаков // Общее языкознание. Хрестоматия. Минск, 1976.
- Лопатин 1896 — *Лопатин Л. М.* Понятие о душе по данным внутреннего опыта // Вопросы философии и психологии. 1896. Т. 7. Кн. 2 (32).
- Лосев 1927а — *Лосев А. Ф.* Музыка как предмет логики. М., 1927. [= *Лосев А. Ф.* Из ранних произведений. М., 1990.]
- Лосев 1927б — *Лосев А. Ф.* Античный космос и современная наука. М., 1927.
- Лосев 1930 — *Лосев А. Ф.* Очерки античного символизма и мифологии. М., 1930.
- Лосев 1976 — *Лосев А. Ф.* Проблема символа и реалистическое искусство. М., 1976.
- Лосев 1989 — *Лосев А. Ф.* История античной философии в конспективном изложении. М., 1989.
- Лосев 1990 — *Лосев А. Ф.* Философия имени // *Лосев А. Ф.* Из ранних произведений. М., 1990.
- Лосев 1993 — [Вводная статья к диалогу «Парменид»] // *Платон.* Собр. соч.: В 4 т. М., 1993. Т. 2.
- Лосева, интернет — *Лосева М. А.* Место «расплывчатых» категорий в структуре современного знания // www.auditorium.ru/aud/newforum/index.php?method=showtunllist&list=message&rollid=26%2C520&clearoff=1&.
- Лосский В. 1991 — *Лосский В. Н.* Образ и подобие // *Лосский В. Н.* Очерк мистического богословия Восточной Церкви. Догматическое богословие. М., 1991.
- Лосский В. 1995 — *Лосский В. Н.* По образу и подобию. М., 1995.
- Лосский В. 1996 — *Лосский В. [Н.]* Апофатическое богословие в учении Дионисия Ареопагита // *Лосский Вл.* Спор о Софии. Статьи разных лет. М., 1996.
- Лосский Н. 1906 — *Лосский Н. О.* Обоснование интуитивизма. СПб., 1906.
- Лосский Н. 1922 — *Лосский Н. О.* Интуитивная философия Бергсона. Пг., 1922.
- Лосский Н. 1957 — *Лосский Н. О.* Характер русского народа. Frankfurt/M., 1957. Кн. 1, 2.
- Лосский Н. 1991 — *Лосский Н. О.* Избранное. М., 1991.
- Лосский Н. 1992 — *Лосский Н. О.* Интуитивизм // *Лосский Н. О.* Учение о перевоплощении. Интуитивизм. М., 1992.
- Лосский Н. 1995 — *Лосский Н. О.* Чувственная, интеллектуальная и мистическая интуиция. М., 1995.
- Лотман 1980 — *Лотман Ю. М.* Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий. Л., 1980.
- ЛСА — Лингвострановедческий аспект преподавания русского языка иностранцам / Под ред. Е. М. Верещагина и В. Г. Костомарова. М., 1974.
- ЛСП — Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. Сб. научно-методических статей / Под ред. Е. М. Верещагина и В. Г. Костомарова. М., 1979.

- Лудольф 1937 — *Лудольф Г. В.* Русская грамматика / Переизд., пер., вступ. ст. и примеч. Б. А. Ларина. Л., 1937.
- Лука 1988 — *Лука (Войно-Ясенецкий)*, архиеп. Дух, душа, тело. Bruxelles, 1988.
- Лурия 1947 — *Лурия А. Р.* Травматическая афазия. М., 1947.
- Лурия 1959 — *Лурия А. Р.* Афазия и анализ речевых процессов // Вопросы языкознания. 1959. № 2.
- Лурия 1963 — *Лурия А. Р.* Мозг человека и психические процессы. М., 1963.
- Лурия 1970 — *Лурия А. Р.* Мозг человека и психические процессы. М., 1970. Т. 2.
- Лурия 1974 — *Лурия А. Р.* Об историческом развитии познавательных процессов. М., 1974.
- Льюис 1992 — *Льюис К. С.* Страдание // *Льюис К. С.* Любовь. Страдание. Надежда. (Притчи. Тракаты) / Пер. с англ. М., 1992.
- Майка 1994 — *Майка Ю.* Социальное учение Католической Церкви / Пер. с польск. Рим; Люблин, 1994.
- Макагоненко 1974 — *Макагоненко Г. П.* Творчество А. С. Пушкина в 1830-е годы (1830–1833). Л., 1974.
- Макаренко 1991 — Словарь языка преступников («блатная музыка») / Сост. по материалам ОГПУ-НКВД-МВД А. А. Макаренко. Тверь, 1991.
- Макарий 1868 — Православно-догматическое богословие Макария, архиеп. Харьковского. СПб, 1868. Т. 1.
- Макловски, Кляйн, Шуплов 1997 — *Макловски Т., Кляйн М., Шуплов А.* Жаргон — энциклопедия московской тусовки. М., 1997.
- Максимов Д. 1986 — *Максимов Д.* Русские поэты начала века. Л., 1986.
- Максимов 1877 — *Максимов С. В.* Бродячая Русь Христа ради. СПб., 1877.
- Максимов 1987а — *Максимов С. В.* Русский дух // *Максимов С. В.* Куль хлеба. Рассказы и очерки. Л., 1987.
- Максимов 1987б — *Максимов С. В.* Куль хлеба и его похождения // *Максимов С. В.* Куль хлеба. Рассказы и очерки. Л., 1987.
- Мальцев, интернет — *Мальцев А. А.* Ценность неудачи в пространстве русской культуры XIX–XX вв. // {www.auditorium.ru/aud/v/index.php?a=vconf&c=getForm&r=thesisDesc&id_thesis=2837}.
- Мальцева 1998 — *Мальцева Д. Г.* Германия: страна и язык. Landeskunde durch die Sprache. Лингвострановедческий словарь. М., 1998.
- Мальцева 2002 — *Мальцева Д. Г.* Немецко-русский фразеологический словарь с лингвострановедческим комментарием. М., 1998.
- Манликова 1989 — *Манликова М. Х.* Ассоциативный словарь русской этнокультуроведческой лексики / Под ред. Л. А. Шеймана. Фрунзе, 1989.
- Марин 1986 — *Марин.* Прокл, или О счастье // Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / Под ред. А. Ф. Лосева. М., 1986.
- Маркарян 1976 — *Маркарян Э. Б.* Язык как способ существования сознания // Методологические проблемы анализа языка / Отв. ред. Г. А. Брутян. Ереван, 1976.
- Марков 1971 — *Марков Ю. А.* Некоторые статистические данные о русских личных именах, отчествах и фамилиях // Русский язык за рубежом. 1971. 1.
- Маркс, Энгельс — *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. 2-е изд. М., 1955–1966—. Т. 1–39—.
- Марченко 1991 — *Марченко О. В.* Экзегеза у Григория Сковороды: некоторые аспекты изучения // Вестник Харьковского университета. 1991. № 354.
- Маслова 1997 — *Маслова В. А.* Введение в лингвокультурологию. М., 1997.
- Маслова 2001 — *Маслова В. А.* Лингвокультурология. Учебное пособие для студентов высших учебных заведений. М., 2001.
- Маслова 2004 — *Маслова В. А.* Культурно-национальная специфика русской фразеологии // КСФ.
- Махароблидзе 1963 — *Махароблидзе Г. А.* О некоторых особенностях русского произношения в Грузии // Вопросы культуры речи. М., 1963. Вып. 4.
- Мгеладзе, Колесников 1970 — *Мгеладзе Д. С., Колесников Н. П.* От имен собственных к нарицательным. Слова антропонимического происхождения в русском языке. Тбилиси, 1970.

- Медынцева 1978 — *Медынцева А. А.* Древнерусские надписи Новгородского Софийского собора. XI–XIV века. М., 1978.
- Медынцева 2000 — *Медынцева А. А.* Грамотность в Древней Руси. По памятникам эпиграфики X — первой половины XIII века. М., 2000.
- Межаков-Корякин 1974 — *Межаков-Корякин И. И.* Страноведение в Мельбурнском университете // ЛСА.
- Мейлах 1987 — *Мейлах Б. С.* Декабристы и Пушкин. Страницы героико-трагической истории. Иркутск, 1987.
- Мелиоранский 1906 — *Мелиоранский Б. Н.* Теоретическая философия С. Н. Трубецкого (Речь, произнесенная в годовом собрании Философского Общества при С.-П.-Бургском университете 28 февраля 1906 г.) // Вопросы философии и психологии. 1906. Т. 17. Кн. 2 (82).
- Мельников 1967 — *Мельников Г. П.* Кибернетический аспект различения сознания, мышления, языка и речи // Язык и мышление. Сб. статей / Под ред. Ф. П. Филина. М., 1967.
- Мельчук 1964 — *Мельчук И. А.* Автоматический синтаксический анализ. Новосибирск, 1964.
- Мельчук, Равич 1967 — *Мельчук И. А., Равич Р. Д.* Автоматический перевод. 1949–1963. М., 1967.
- Мельчук, Жолковский 1984 — *Мельчук И. А., Жолковский А. К.* Толково-комбинаторный словарь современного русского языка. Опыт семантико-синтаксического описания русской лексики. Вена, 1984 [Wiener Slawistischer Almanach, Sonderband 14].
- Мемуары 1871 — Мемуары Гавриила Добрынина // Русская старина. 1871. № 1–6.
- Мечковская 1990 — *Мечковская Н. Б.* Язык и культура // *Мечковская Н. Б., Плотников Б. А., Супрун А. Е.* Общее языкознание. Сущность и история языка / Под общ. ред. А. Е. Супруна. Минск, 1993.
- Мечковская 1998 — *Мечковская Н. Б.* Язык и религия. Лекции по филологии и истории религий. М., 1998.
- Мещерский, Бурыкин 1985 — *Мещерский Н. А., Бурыкин А. А.* Комментарии к тексту «Слова о полку Игореве» // Слово о полку Игореве. Сборник. Л., 1985 (Библиотека поэта. Большая серия).
- МИКРАЕ КОДЕШ 1849 — МИКРАЕ КОДЕШ (Священное Писание с чисто немецким переводом и комментариями Рахе и Беур). Вильно, 1849.
- Микулина 1977 — *Микулина Л. Т.* Национальное своеобразие русской коннотативной лексики // ИОС.
- Миллер 1964 — *Миллер Дж. А.* Магическое число семь, плюс или минус два. О некоторых пределах нашей способности перерабатывать информацию // Инженерная психология. Сб. переводов научных статей / Под ред. Д. Ю. Панова, В. П. Зинченко. М., 1964.
- «Минувшее меня объемлет живо» 1989 — «Минувшее меня объемлет живо...» Воспоминания русских писателей XVIII– начала XIX в. и их современников. Рекомендательная библиографическая энциклопедия / Науч. ред. В. А. Ковалев. М., 1989.
- Мир русской культуры 2000 — Мир русской культуры. Энциклопедический справочник / Рук. авт. кол. А. Н. Мячин. М., 2000.
- Михаил (Козлов) 1992 — *Михаил (Козлов)*, архим. Рассказ странника, искателя молитвы. Приложение: Рассказ пятый, шестой, седьмой // Символ. Париж, 1992. № 27.
- Михайлов 1983 — *Михайлов Н. Н.* Страноведческий аспект лексического фона слов с культурным компонентом // ЛИО.
- Михайловская 1972 — *Михайловская Н. Г.* Символика собственных имен в современной русской поэзии // СПР. 1972.
- Миханович 1957 — см. *Mihanović* 1957.
- Михельсон М. И. 1896 — *Михельсон М. И.* Ходячие и меткие слова. Изд. 2-е. СПб., 1896.
- Михельсон б. г. — *Михельсон М. И.* Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний. СПб., б. г. Т. 1–2 (фотомех. допеч. с предисл. В. М. Мокиенко: М., 1994).
- Мокиенко 1980 — *Мокиенко В. М.* Славянская фразеология. Л., 1980.
- Мокиенко 1986 — *Мокиенко В. М.* Образы русской речи. Историко-этимологические и этнолингвистические очерки фразеологии. Л., 1986.

- Мокиенко 1987 — *Мокиенко В. М.* Фразеология, текст и лингвострановедение // ЛиТ.
- Мокиенко 1994 — *Мокиенко В. М.* Субстандартная фразеология русского языка и некоторые проблемы ее лингвистического изучения // Динамика русского слова. Межвузовский сборник статей к 60-летию проф. В. В. Колесова. СПб., 1994.
- Мокиенко 1995 — *Мокиенко В. М.* Словарь бранной лексики. Матизмы. Обсценизмы. Эвфемизмы. Berlin, 1995.
- Мокиенко 2003 — *Мокиенко В. М.* Словарь сравнений русского языка. 11 000 единиц. СПб., 2003.
- Мокиенко, Никитина 1998 — *Мокиенко В. М., Никитина Т. Г.* Толковый словарь языка Совдепии. СПб., 1998.
- Молдован 2000 — *Молдован А. М.* Житие Андрея Юродивого в славянской письменности. М., 2000.
- Молчановский 1985 — *Молчановский В. В.* Теоретическая разработка и практическая реализация лингвострановедческого аспекта преподавания русского языка как иностранного. Аналитический обзор / Под ред. Т. Н. Чернявской. М., 1985.
- Молчановский 1987 — *Молчановский В. В.* Использование лингвострановедческого потенциала топонимической лексики русского языка // ЛиТ.
- Морковкин 1970 — *Морковкин В. В.* Идеографические словари. М., 1970.
- Морковкин 1977 — Идеографическое описание лексики (анализ слов со значением времени в русском языке). М., 1977.
- Морковкин 1984 — *Морковкин В. В.* О лингвострановедении и некоторых смежных вопросах // ЛАП.
- Морковкин 1982 — *Морковкин В. В.* Слово как номинативная и коммуникативная единица // Probleme der sprachlichen Nomination. Leipzig, 1982.
- Морковкин 2002 — *Морковкин В. В.* Отзыв о книге Е. М. Верещагина и В. Г. Костомарова «Мирознание вне и посредством языка» // *Верещагин Е. М., Костомаров В. Г.* Мирознание вне и посредством языка. М., 2002.
- Мотрошилова 1992 — *Мотрошилова Н. В.* Драма жизни, идей и грехопадений Мартина Хайдеггера // Квинтэссенция. Философский альманах. 1991. М., 1992.
- Мудрое слово — Мудрое слово Древней Руси (XI—XVII вв.) / Сост. В. В. Колесов. М. 1989.
- Мулуд 1979 — *Мулуд Н.* Анализ и смысл. Очерк семантических предпосылок логики и эпистемологии / Пер. с франц. Общ. ред. и вступ. ст. В. И. Метлова. М., 1979.
- Муравлева 1997 — *Муравлева Н. В.* Австрия. Лингвострановедческий словарь. М., 1997.
- Муравьев 1975 — *Муравьев В. Л.* Лексические лакуны (на материале лексики французского и русского языков). Владимир, 1975.
- Муравьева 1999 — *Муравьева О. С.* Как воспитывали русского дворянина. СПб., 1999.
- Мурьянов 1979 — *Мурьянов М. Ф.* Об одном восточном мотиве у Пушкина // Пушкин в странах зарубежного Востока. М., 1979.
- Мустонен 1984 — *Мустонен Л.* Учет культуры адресата в процессе преподавания русского языка в финской основной и высшей школах // ЛАП.
- Мчедlishvili 1966 — *Мчедlishvili Г.* К проблеме психологии ошибок устной речи // Психологические исследования. Сб. статей / Под ред. А. С. Прангишвили. Тбилиси, 1966.
- Мысль, вооруженная рифмами 1987 — Мысль, вооруженная рифмами. Поэтическая антология по истории русского стиха / Сост., вступ. ст. В. Е. Холщевникова. Л., 1987.
- Мюллер 2000 — *Мюллер Л.* Понять Россию: историко-культурные исследования / Сост. Л. И. Сазонова. Авторизованные переводы с нем. М., 2000.
- Национально-культурная специфика 1977 — Национально-культурная специфика речевого поведения. М., 1977.
- Нахимов 1912 [псевдоним Н. Ч. Зайончковского] — Молитвы и песнопения Православного Молитвослова (для мирян), с переводом на русский язык, объяснениями и примечаниями Николая Нахимова. СПб., 1912.
- Нейхауз 1994 — *Нейхауз Р. Д.* Бизнес и Евангелие. Вызов христианину-капиталисту / Пер. с англ. Познань; М., 1994.

- Несмелов 1994 — *Несмелов В. И.* Наука о человеке. Казань, 1994. Т. 1–2. (Репринт изданий 1905 и 1906 гг. с добавлением библиографической статьи, иллюстраций, отзывов на книгу, послесловия, комментария и библиографии.)
- Нечунаева 2000 — *Нечунаева Н. А.* Миня как тип славяно-греческого средневекового текста. Tallinn, 2000.
- Никанор (Бровкович) 1996 — *Никанор (Бровкович)*, архиеп. Беседа в Неделю блудного сына, при поминовении раба Божия Александра (поэта Пушкина), по истечении пятидесятилетия по смерти его // А. С. Пушкин: путь к Православию. М., 1996.
- Никитин 1964 — *Никитин С.* Горькая ягода // Библиотека советских писателей: В 5 т. М., 1964. Т. 1.
- Никитина, Кукушкина 2000 — *Никитина С. Е., Кукушкина Е. Ю.* Дом в свадебных причитаниях и духовных стихах. Опыт тезаурусного описания. М., 2000.
- Никитина 1998 — *Никитина Т. Г.* Так говорит молодежь. М., 1976.
- Никифоров 1990 — *Никифоров А. Л.* Философия как личный опыт // Заблуждающийся разум? Многообразии вненаучного знания / Отв. ред. и сост. И. Т. Касавин. М., 1990.
- Николаева 1969 — *Николаева Т. М.* Невербальные средства человеческой коммуникации и их место в преподавании языка // РИМ.
- Николаева 1972 — *Николаева Т. М.* К вопросу о назывании и самоназывании в русском языке (речевом общении) // СПР. 1972.
- Николаева, Успенский 1966 — *Николаева Т. М., Успенский Б. А.* Языкознание и паралингвистика // Лингвистические исследования по общей и славянской типологии. М., 1966.
- Николаичев 1976 — *Николаичев Б. О.* Осознаваемое и неосознаваемое в нравственном поведении личности. М., 1976.
- Николау 1995 — *Николау Н. Г.* Греция. Лингвострановедческий словарь. М., 1995.
- Николаюк 1998 — *Николаюк Н.[Г.]* Библейское слово в нашей речи. Словарь-справочник. СПб., 1998.
- Николова 1980 — *Николова С.* Патеричните разкази в българската средновековна литература. София, 1980.
- Никольский 1900 — *Никольский Д. А.* О происхождении и смысле собственных имен некоторых животных // Филологические записки. 1900. № 45.
- Никонов 2004 — *Никонов А.* Апгрейд обезьяны. Большая история маленькой сингулярности. М., 2004.
- Никонов 1967 — *Никонов В. А.* Личные имена в современной России // ВЯ. 1967. № 6.
- Никонов 1972, 1973 — *Никонов В. А.* Опыт словаря русских фамилий, Т–П // Этимология 1970; Этимология 1971. М., 1972, 1973.
- Никонов 1974 — *Никонов В. А.* Имя и общество. М., 1974.
- Новодворская 1993 — *Новодворская В. И.* По ту сторону отчаяния. М., 1993.
- Новое в русской лексике 1982 — Новое в русской лексике. Словарные материалы — 79 / Под ред. Н. З. Котеловой. М., 1982.
- Новоселов 1991 — *Новоселов М. А.* Забытый путь опытного богопознания (в связи с вопросом о характере православной миссии). Вышний Волочек, 1902 (репринт: М., 1991). [Религиозно-философская библиотека / Под ред. М. А. Новоселова. Вып. 1.]
- Новые материалы 1982 — Новые материалы к словарю А. С. Пушкина. М., 1982.
- Новые слова и значения 1971 — Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы [19]60-х годов / Под ред. Н. З. Котеловой и Ю. С. Сорокина. М., 1971.
- Новый Завет, 6. г. — Новый Завет по-еврейски и по-русски / Пер. проф. Франца Делича. The Society for Distributing Hebrew Scriptures, 6. г.
- Норман 1987 — *Норман Б. Ю.* Язык: знакомый незнакомец. Минск, 1987.
- Норман 1991 — *Норман Б. Ю.* Лингвистика каждого дня. Минск, 1991.
- Норман 1998 — *Норман Б. Ю.* Речевая масс-культура носителя языка: от цитаты до фразеологизма // Przegląd rusycystyczny. 1998. Z. 3–4 (83–84).
- Ньюман, Стайн 1998 — *Ньюман Б., Стайн Ф.* Комментарии к Евангелию от Матфея. Пособие для переводчиков Священного Писания / Пер. с англ. Под ред. А. Л. Хосроева. 1998. S. 1.
- О вере и нравственности 1991 — О вере и нравственности по учению Православной Церкви. Сборник статей. М., 1991.

- О непосредственном откровении 1995 — О непосредственном откровении по учению Слова Божия. [Религиозно-философская библиотека / Под ред. М. А. Новоселова. Вып. 29.] М., 1912 (репринт: М., 1995).
- Овруцкий 1962 — *Овруцкий Н. О.* Крылатые латинские изречения в литературе. Киев, 1962.
- Овсянко-Куликовский 1922 — *Овсянко-Куликовский Д. Н.* Психология национальности. Пг., 1922.
- Одуев 1985 — *Одуев С. Ф.* Герменевтика и описательная психология в «философии жизни» Вильгельма Дильтея // Герменевтика: история и современность. Критические очерки. М., 1985.
- Ожегов 1955 — *Ожегов С. И.* Очередные вопросы культуры речи // Вопросы культуры речи. М., 1955. Вып. 1.
- Ожегов, Шведова 1992 — *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка. М., 1992.
- Ольшанский 1998 — *Ольшанский И. Г.* Этно(психо)семантика и национально-культурное своеобразие языков // Проблемы этносемантики. Сб. обзоров. М., 1998.
- Ольшанский — *Ольшанский И. Г.* Лексика, фразеология, текст: лингвокультурологические компоненты // Язык и культура. Сб. обзоров. М., 1999.
- Омэнн Дж. 1994 — *Омэнн Дж.* Христианская духовность в католической традиции / Пер. с англ. Рим; Люблин, 1994.
- Опарина 1999а — *Опарина Е. О.* Введение // Язык и культура. Сб. обзоров. М., 1999.
- Опарина 1999б — *Опарина Е. О.* Лингвокультурология: методологические основания и базовые понятия // Язык и культура. Сб. обзоров. М., 1999.
- Опыт исторического словаря 1987 — Опыт исторического словаря о российских писателях: В 2-х кн. / Собрал Н. Новиков. М., 1987 (факсим. изд.)
- Орлов 1974 — *Орлов Л. Г.* Научное наследство Л. В. Щербы и проблемы лингвострановедения // ЛСА.
- Ортега-и-Гассет 1975 — *Ортега-и-Гассет Х.* О философском стиле. (Пер. с исп.) // Онтологическая проблематика языка в современной западной философии. (Сборник переводов.) Часть 2 / Отв. ред. И. С. Шерн-Борисова. М., 1975.
- Ортега-и-Гассет 1991 — *Ортега-и-Гассет Х.* Эстетика. Философия культуры / Пер. с исп. М., 1991.
- Отин 2000 — *Отин Е. С.* Материалы к Словарю коннотативных собственных имен (буква А) // Восточноукраинский лингвистический сборник. Донецк, 2000. Вып. 6.
- Откровенные рассказы 1973 — Откровенные рассказы странника духовному своему отцу. Л., 1991.
- Ошеров 1986 — *Ошеров С. А.* Сенека. От Рима к миру // *Луций Анней Сенека.* Нравственные письма к Луцилию. Кемерово, 1986.
- Очерки по патологии 1960 — Очерки по патологии речи и голоса / Под ред. С. С. Ляпидевского. М., 1960. Вып. 1.
- Павилёнис 1986 — *Павилёнис Р. И.* Понимание речи и философия языка // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1986. Вып. 17.
- Павлова, Федоров 1986 — *Павлова Г. Е., Федоров А. С.* Михаил Васильевич Ломоносов. 1711—1765. М., 1986.
- Павловский 1900 — *Павловский И. Я.* Русско-немецкий словарь. 3-е изд. Рига, 1900.
- Панов 1979 — *Панов М. В.* Современный русский язык: Фонетика. М., 1979.
- Панфилов 1957 — *Панфилов В. З.* К вопросу о соотношении языка и мышления // Мышление и язык. Сб. статей / Под ред. Д. П. Горского. М., 1957.
- Паремиологический сборник — Паремиологический сборник. Пословица, загадка. (Структура, смысл, текст). М., 1978.
- Пассов 1997 — *Пассов Е. И.* Овладение иноязычной культурой как основы взаимопонимания в межкультурном диалоге // Вестник филиала Института русского языка им. А. С. Пушкина. Будапешт, 1997. Вып. 7.
- Певзнер — *П-рь М. (=Певзнер М.).* Бен-Гинном // Еврейская энциклопедия. СПб., б. г. Т. 4.
- Пентковский 1992 — *Пентковский А. [М.]* От «Искателя непрестанной молитвы» до «Откровенных рассказов странника» (К вопросу об истории текста) // Символ. Париж, 1992. № 27.
- Пенфильд, Робертс 1964 — *Пенфильд В., Робертс Л.* Речь и мозговые механизмы. Л., 1964.

- Пермяков 1970 — *Пермяков Г. Л.* От поговорки до сказки. Заметки по общей теории клише. М., 1970.
- Пермяков 1971 — *Пермяков Г. Л.* 538 русских народных изречений с усеченной второй частью или окончанием. М., 1971 (напеч. множ. аппаратом на правах рукописи).
- Пермяков 1975 — *Пермяков Г. Л.* К вопросу о структуре паремиологического фонда // Типологические исследования по фольклору. Сб. статей памяти В. Я. Проппа / Сост. Е. М. Мелетинский, С. Ю. Неклюдов. М., 1975.
- Пермяков 1982 — *Пермяков Г. Л.* К вопросу о русском паремиологическом минимуме // *СиЛ*.
- Пермяков 1988 — *Пермяков Г. Л.* Основы структурной паремиологии. М., 1988.
- Песни русских поэтов 1988 — *Песни русских поэтов: В 2-х т. / Вступ. ст., сост., подг. текста, биографические справки В. Е. Гусева. Л., 1988.*
- Петюки В. 1979 — *Петюки В.* Место культуры и реалий в подготовке переводчиков // *ЛСП*.
- Петрици 1984 — *Петрици И.* Рассмотрение Платоновской философии и Прокла Диадоха. М., 1984. [Философское наследие. Т. 91].
- Петров 1986 — *Петров В. В.* Язык и логическая теория // Новое в зарубежной лингвистике. Логический анализ естественного языка. М., 1986. Вып. 18.
- Петров 1991 — *Петров М. К.* Следы акта речи и наукометрическая аналогия // *Язык, знак, культура. М., 1991.*
- Петрунина 1987 — *Петрунина Н. Н.* «Станционный смотритель» // *Петрунина Н. Н.* Проза Пушкина (пути эволюции). Л., 1987.
- Петров 1986 — *Петров В. В.* Язык и логическая теория // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 18. Логический анализ естественного языка. М., 1986.
- Петровский 1966 — *Петровский Н. А.* Словарь русских личных имен. М., 1966.
- Пешков 1996 — *Пешков И. В. М. М. Бахтин: от «К философии поступка» к риторике поступка. М., 1996.*
- Печенев 2004 — *Печенев В.* «Смутное время» в новейшей истории России (1985–2003). Исторические свидетельства и размышления участника событий. М., 2004.
- Печерин 1989 — *Печерин В. С.* Замогильные записки (Aprologia pro vita mea) // Русское общество 30-х годов XIX в. Люди и идеи. Мемуары современников / Под ред. И. А. Федосова. М., 1989.
- Пиз 1992 — *Пиз А.* Язык жестов / Пер. с англ. Воронеж, 1992.
- Пиккио Р. 2002 — *Пиккио Р.* Древнерусская литература. М., 2002.
- Планк 1958 — *Планк М.* Происхождение научных идей и влияние их на развитие науки // *Планк М. М., 1958.*
- Платон 1923–1929 — Полное собрание творений Платона: В 15 т. / Под ред. С. А. Жебелева, Л. П. Карсавина, Э. Л. Радлова. [Фактически вышли в свет т. 1, 4, 5, 9, 13 и 14.] Пг.; Л., 1923–1929.
- Платон 1965 — *Избранные диалоги / Сост., вступ. ст. и комм. В. [Ф.] Асмуса. М., 1965.*
- Платон, Кратил 1968 — *Платон. Сочинения: В 3 т. М., 1968. Т. 1.*
- Платон 1990–1994 — *Платон. Сочинения: В 4 т. / Общ. ред. А. Ф. Лосева, В. Ф. Асмуса, А. А. Тахо-Годи. М., 1990–1994.*
- Плотников 1990 — *Плотников Б. А.* Язык и мышление // *Мечковская Н. Б., Плотников Б. А., Супрун А. Е.* Общее языкознание. Сущность и история языка / Под общ. ред. А. Е. Супруна. Минск, 1993.
- Плутарх 1987 — *Избранные жизнеописания: В 2 т. / Сост. М. Томашевская. М., 1987.*
- Плуцер-Сарно 2001 — *Плуцер-Сарно А.* Большой словарь мата. СПб., 2001. Т. 1.
- Поддубная 1980 — *Поддубная Р.* Творчество Пушкина Болдинской осени 1830 г. как проблемно-художественный цикл. Сентябрь. Статья первая // *Stidia rossica posnaniensia. 1979. Zesz. 12. Poznań, 1980.*
- Подольская 1982 — *Подольская Н. В.* Лингвострановедческий словарь топонимов // *СиЛ*.
- Позняк 1996 — *Позняк И. Д.* Соотношение лексического и грамматического компонентов в семантике слова (на материале лексико-семантической группы «жилище» в сербском и русском языках). Автореферат канд. дисс. Минск, 1996.
- Поливанов Е. Д. 1928 — *Поливанов Е. Д.* Задачи социальной диалектологии русского языка // *Родной язык и литература в трудовой школе. 1928. № 2.*
- Поливанов Е. Д. 1968 — *Поливанов Е. Д.* Статьи по общему языкознанию. М., 1968.

- Поплавская 2001 — *Поплавская Х. В.* Паломничество, странноприимство и почитание святых (по материалам Рязанского края) // *Православная жизнь русских крестьян XIX–XX веков. Итоги этнографических исследований.* М., 2001.
- Попов 1875 — *Попов А. [Н.]* Историко-литературный обзор древнерусских полемических сочинений против латинян XI–XV вв. М., 1875.
- Попов 1901 — *Евгений Попов*, прот. Грехи детей в отношении родителей // *Евгений Попов*, прот. Общенародные чтения по православно-нравственному богословию. СПб., 1901.
- Попов 1967 — *Попов Р. Н.* Фразеологические единицы современного русского литературного языка с историзмами и лексическими архаизмами. Вологда, 1967.
- Пословицы 1986 — *Пословицы. Поговорки. Загадки* / Сост. А. Н. Мартынова, В. В. Митрофанова. М., 1986.
- Поспеловский 1996 — *Поспеловский Д. В.* Православная Церковь в истории Руси, России и СССР. Учебное пособие. М., 1996
- Потапов 1927 — *Потапов С.* Словарь жаргона преступников. М., 1927.
- Потебня 1976 — *Потебня А. А.* Эстетика и поэтика. М., 1976.
- Правила 1994 — *Правила Православной Церкви.* С толкованиями Никодима, еп. Далматинско-Истринского. Т. I. СПб., 1911; т. II. СПб., 1912. (Допечатка:) М., 1994 (в 2-х тт.).
- Православная жизнь 2001 — *Православная жизнь русских крестьян XIX–XX вв. Итоги этнографических исследований* / Отв. ред. Т. А. Листова. М., 2001.
- Православный календарь — *Православный церковный календарь 2000.* Русская Православная Церковь. М., 1999.
- Причудница 1988 — *Причудница.* Русские стихотворные сказки конца XVIII — начала XX в. / Сост., вступ. ст. В. Б. Муравьева. М., 1988.
- ПРН — *Пословицы русского народа.* Сборник В. Даля. М., 1957.
- Прокл 1972 — *Первоосновы теологии* / Перевод А. Ф. Лосева. Тбилиси, 1993.
- Протопопов 1885 — *Протопопов Д. И.* Жития святых, чтимых Православною Российской Церковью, а также чтимых Греческою Церковью, южнославянских, грузинских и местно чтимых в России. Месяц сентябрь. М., 1885.
- Прохоров 1977 — *Прохоров Ю. Е.* Лингвострановедческое описание русской афористики в учебных целях. Канд. дисс. М., 1977.
- Прохоров 1982 — *Прохоров Ю. Е.* Из истории описания национально-культурного компонента семантики русских пословиц, поговорок и крылатых выражений // *Сил*.
- Прохоров 1997 — *Прохоров Ю. Е.* Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев. М., 1997.
- Прохоров, Бахтелер 1980 — *Прохоров Ю. [Е.], Бахтелер Ф.* Русский язык для всех. Лингвострановедческие тексты // *Russische Sprache für alle. Texte für eine sprachbezogene Landeskunde* / Под ред. В. Г. Костомарова. М., 1980.
- Прохоров, Фелицына 1977 — *Прохоров Ю. Е., Фелицына В. П.* Принципы создания учебного словаря русский паремий // *ИОС*.
- Прохоров, Чернявская 1998 — *Прохоров Ю. Е., Чернявская Т. Н.* Лингвострановедческий аспект методики преподавания русского языка как иностранного. Программа курса лекций и семинарских занятий. М., 1998.
- Прыжов 1934 — *Прыжов И. Г.* 25 московских пророков, юродивых, дур и дураков // *Прыжов И. Г.* Очерки, статьи, письма. М.; Л., 1934.
- ПСС-16 — *Пушкин А. С.* Полное собрание сочинений: В 16 т. М.; Л., 1937–1949; Т. 17 — справочный.
- ПСС-10 — *Пушкин А. С.* Полное собрание сочинений: В 10 т. М., 1956–1958.
- Пукшанский 1987 — *Пукшанский Б. Я.* Обыденное знание. Опыт философского осмысления. Л., 1987.
- Путеводитель 1997 — *Путеводитель по Пушкину.* СПб., 1997.
- Пушкин 1949 — *Пушкин О. С.* Станционный доглядяч // *Пушкин О. С.* Твори / Переклад за редакцією А. Хуторяна. Київ, 1949.

- Пушкин в воспоминаниях 1985 — А. С. Пушкин в воспоминаниях современников: В 2 т. М., 1985.
- Пыпин 2000 — *Пыпин А. Н.* Российское библейское общество (1812–1826) // *Пыпин А. Н.* Религиозные движения при Александре I. СПб., 2000.
- Рабинович 1988 — *Рабинович М. Г.* Очерки материальной культуры русского феодального города. М., 1988.
- Работы Э. Жильсона 1988 — Работы Э. Жильсона по культурологии и истории мысли. Реферативный сборник. М., 1988. Вып. 2.
- Радциг 1965 — *Радциг С. И.* Введение в классическую филологию. М., 1965.
- Раев 1990 — *Раев М.* Понять дореволюционную Россию. Государство и общество в Российской Империи / Пер. с франц. London, 1990.
- Разговоры 1929 — Разговоры Пушкина / Сост. С. Гессен, Л. Модзалевский. М., 1929 (допечатка: 1991).
- Размышления 1994 — Размышления о России и русских. Штрихи к истории русского национального характера / Сост. С. К. Иванов. М., 1994.
- Разновидности городской устной речи 1988 — Разновидности городской устной речи. Сборник научных трудов / Отв. ред. Д. Н. Шмелев, Е. А. Земская. М., 1988.
- Разумова 2001 — *Разумова И. А.* Потаенное знание современной русской семьи. Быт. Фольклор. История. М., 2001.
- Разумовская 1986 — *Разумовская М. В.* К вопросу о некоторых литературных традициях в «Станционном смотрителе» // Русская литература. 1986. № 3.
- Райков, Кожухаров, Миклас, Кодов 1994 — *Райков Б., Кожухаров Ст., Миклас Х., Кодов Хр.* Каталог на славянските ръкописи в библиотеката на Зографския манастир в Света Гора. София, 1994.
- Райхштейн 1971 — *Райхштейн А. Д.* Немецкие устойчивые фразы. Л., 1971.
- Райхштейн 1982 — *Райхштейн А. Д.* Лингвострановедческий аспект устойчивых словесных комплексов // Сил.
- Райхштейн 1987 — *Райхштейн А. Д.* Национально-культурная значимость слов и словесных комплексов в художественном тексте // Лит.
- Рапов 1998 — *Рапов О. М.* Русская церковь в IX — первой трети XII в. Принятие христианства. М., 1998.
- Рассел 2001 — *Рассел Дж. Б.* Дьявол. Восприятие зла с древнейших времен до раннего христианства. СПб., 2001.
- Расторгуев 2001 — *Расторгуев С. П.* Философия информационной войны. М., 2001.
- Ратмайр 2003 — *Ратмайр Р.* Прагматика извинения. Сравнительное исследование на материале русского языка и культуры. М., 2003.
- Ревзин 1964 — *Ревзин И. И.* Трансформационный анализ и трансформационный синтез // Трансформационный метод в структурной лингвистике. Сб. статей / Под ред. С. К. Шаумяна. М., 1964.
- Ревзин 1967 — *Ревзин И. И.* Метод моделирования и типология славянских языков. М., 1967.
- Ревзин, Розенцвейг 1964 — *Ревзин И. И., Розенцвейг В. Ю.* Основы общего и машинного перевода. М., 1964.
- Референдум 1992 — Референдум. Журнал независимых мнений / Изд., ред. Лев Тимофеев. Избранные материалы (№ 1–37). Вильнюс; М., 1992.
- Реформатский 1955 — *Реформатский А. А.* Речь и музыка в пении // Вопросы культуры речи. М., 1955. Вып. 1.
- Реформатский А. А. 1967 — *Реформатский А. А.* Введение в языкознание. М., 1967.
- Реформатский 1979 — *Реформатский А. А.* Очерки по фонологии, морфонологии и морфологии. М., 1979.
- Реформатский 1987 — *Реформатский А. А.* Лингвистика и поэтика. М., 1987.
- Рильке 1977 — *Рильке Р. М.* Новые стихотворения. Новых стихотворений вторая часть / Изд. подг. К. П. Богатырев, Г. И. Ратгауз, Н. И. Балашов. М., 1977.
- Рильке 1994 — *Рильке Р. М.* Часослов. Пер с нем. Архангельск, 1994.
- РиМ — Роль и место страноведения в практике преподавания русского языка как иностранного. Сб. статей / Под ред. Е. М. Верещагина. М., 1969.

- РНП — Русские народные песни / Сост. и вводные тексты В. В. Варгановой. М., 1988.
- Розанов 1990 — *Розанов В. В.* Религия и культура. М., 1990. Т. 1.
- Розеншток-Хюсси 1994 — *Розеншток-Хюсси О.* Речь и действительность. М., 1994.
- Ройзензон 1977 — *Ройзензон Л. И.* Русская фразеология. Самарканд, 1977.
- Роль человеческого фактора 1988 — Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира / Отв. ред. Б. А. Серебренников. М., 1988.
- Роман 1995 — *Роман (Матюшин)*, иер. Избранное. Минск, 1995.
- Ромашко 1987 — *Ромашко С. А.* Культура, структура коммуникации и языковое сознание // Язык и культура. Сб. обзоров. М., 1987.
- Росси 1991 — *Росси Ж.* Справочник по ГУЛАГу. В двух частях. Изд. 2-е, доп. М., 1991.
- Россия XV–XVII вв. 1986 — Россия XV–XVII вв. глазами иностранцев. Переводы / Подг. текстов, вступ. ст. Ю. А. Лимонова. Л., 1986.
- Россия — Энциклопедический словарь «Россия» / Изд. Ф. А. Брокгауз (Лейпциг), И. А. Ефрон (С.-Петербург). СПб., 1898. (Репринт: Л., 1991.)
- Ростова 1987 — *Ростова Е. Г.* Роль лингвострановедческого комментария в раскрытии национальной специфики художественного образа литературного произведения // ЛиТ.
- Ростова 1989 — *Ростова Е. Г.* Лингвострановедческий анализ и интерпретация художественного текста в практическом курсе русского языка для зарубежных студентов-филологов. Канд. дисс. М., 1989.
- Ростова 1993 — *Ростова Е. Г.* Использование прецедентных текстов в преподавании РКИ: цели и перспективы // Русский язык за рубежом. 1993. № 1.
- РСЛ — Русское слово в лингвострановедческом аспекте. Межвузовский сб. научных работ / Отв. ред. Ю. Т. Листрова-Правда. Воронеж, 1987
- Руденко 1993 — *Руденко Д. И.* Лингвофилософские парадигмы: границы языка и границы культуры // Философия языка: в границах и вне границ. Международная серия монографий. Харьков, 1993. 1.
- Руднев 2003 — *Руднев В. [Л.]* Энциклопедический словарь культуры XX века. Ключевые понятия и тексты. М., 2003.
- Русская басня 1986 — Русская басня. Под общей редакцией В. П. Степанова. М., 1986.
- Русская грамматика — Русская грамматика. Т. 1–2. М., 1982.
- Русская пародия 1993 — Русская литература XX века в зеркале пародии. Антология / Сост., вступ. ст., ст. к разд., послесл., комм. О. Б. Кушлиной. М., 1993.
- Русская разговорная речь — Русская разговорная речь / Отв. редактор Е. А. Земская. М., 1973.
- Русская стихотворная повесть 1986 — Русская стихотворная повесть первой половины XIX в. Антология / Подг. текста, сост. В. Афанасьева. М., 1986.
- Русская философия — Русская философия. Малый энциклопедический словарь. М., 1995.
- Русские народные сказки — Русские народные сказки / Сост., вступ. ст. В. П. Аникина. М., 1987.
- Русские песни и романсы 1989 — Русские песни и романсы / Сост., вступ. ст. В. Гусева. М., 1989.
- Русские писатели о языке — Русские писатели о языке (XVIII–XX вв.). Л., 1954.
- Русский язык — Русский язык конца XX столетия 1985–1995 / Под ред. Е. А. Земской. М., 1996.
- Русский язык и советское общество 1968 — Русский язык и советское общество. Лексика современного русского языка. М., 1968.
- Русское общество 1989 — Русское общество 30-х годов XIX в. Люди и идеи. Мемуары современников / Под ред. И. А. Федосова. М., 1989.
- Рыбакин А. И. 1973 — *Рыбакин А. И.* Словарь английских личных имен. М., 1973.
- Рыбникова 1961 — *Рыбникова М. А.* Русские пословицы и поговорки. М., 1961.
- Савваитов 1859 — *Савваитов П.* Библейская герменевтика. СПб., 1859.
- Саввина 1999 — Саввина книга. Древнеславянская рукопись XI, XI–XII и конца XIII века. М., 1999.
- Савинков 1990 — *Савинков Б. В.* Воспоминания террориста. Конь бледный. Конь вороной. М., 1990.

- Садовников 1959 — *Садовников Д. Н.* Загадки русского народа. Сборник загадок, вопросов, притч и задач. М., 1959.
- Садовской 1916 — *Садовской Б. А.* Ледоход. Статьи и заметки. Пг., 1916.
- Садовской 1922 — *Садовской Б.* Федя Косопуз // *Садовской Б.* Морозные узоры. Рассказы в стихах и прозе. Петербург, 1922.
- Садовской 1990а — *Садовской Б.* Каролина Павлова // *Садовской Б.* Лебединые клики. М., 1990.
- Садовской 1990б — *Садовской Б.* Сны // *Садовской Б.* Лебединые клики. М., 1990.
- Садовской 2001 — *Садовской Б.* Кровь // *Садовской Б.* Стихотворения. Рассказы в стихах. Пьесы. СПб., 1990.
- Сальников 1996 — *Сальников Н. М.* Язык — культура — перевод (Из практики перевода) / Сборник научных трудов Московского гос. лингвистич. университета. М., 1996. Вып. 426.
- Самарин 1962 — *Самарин Ю. А.* Очерки психологии ума. М., 1962.
- САН — Словарь ассоциативных норм русского языка / Под ред. А. А. Леонтьева. М., 1977.
- Санников 1999 — *Санников В. З.* Русский язык в зеркале языковой игры. М., 1999.
- Сарнов 2002 — *Сарнов Б. М.* Наш советский новояз. Маленькая энциклопедия реального социализма. М., 2002.
- Сартр 1966 — *Сартр Ж.-П.* Слова. М., 1966.
- Сафонкина 1983 — *Сафонкина С. А.* О способе представления энциклопедической и лингвострановедческой информации в толковом словаре // ЛИО.
- Сахарный, Орлова 1969 — *Сахарный Л. В., Орлова О. Д.* Типы употребления в речи нескольких вариантов одной гиперлексемы (опыт психолингвистического анализа текста) // Живое слово в русской речи Прикамья / Отв. ред. Ф. Л. Скитова. Пермь, 1969. Вып. 1.
- Селищев 1928 — *Селищев А. М.* Язык революционной эпохи. Из наблюдений над русским языком последних лет (1917–1926). М., 1928. (Перепеч. в кн.: *Селищев А. М.* Труды по русскому языку. Социолингвистика. М., 2003. Т. 1.)
- Семенкович 1902/1988 — *Семенкович В. Н.* Памяти А. А. Фета-Шеншина // Исторический вестник. 1902. № 11. (Перепеч. в кн.: *Фет А. А.* Стихотворения. Поэмы. Современники о Фете. М., 1988.)
- Серебренников 1988 — *Серебренников Б. А.* Общественное и индивидуальное сознание. Проблема объективного и субъективного в сознании // *Серебренников Б. А.* Роль человеческого фактора в языке. Язык и мышление. М., 1988.
- Серебряный 1977 — *Серебряный С.* Классическая поэзия Индии // Классическая поэзия Индии, Китая, Кореи, Вьетнама, Японии. М., 1977.
- Сёрль 1982 — *Сёрль Дж.* Референция как речевой акт // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1982. Вып. 11.
- Сёрль 1986 — *Сёрль Дж.* Косвенные речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. Теория речевых актов. М., 1986.
- Сёрль, Вандервекен 1986 — *Сёрль Дж., Вандервекен Д.* Основные понятия исчисления речевых актов // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1986. Вып. 18.
- СиЛ — Словари и лингвострановедение. Сборник статей / Под ред. Е. М. Верещагина. М., 1982.
- Сильницкий 1995 — *Сильницкий Г. Г.* Разум человека по учениям исихастского и схоластического богословия // Синергия. Проблемы аскетики и мистики православия. Научный сборник / Под общ. ред. С. С. Хоружего. М., 1995.
- Синайский 1869 — Греческо-русский словарь, составленный Иваном Синайским. М., 1869. Ч. 1–2.
- Синявский 1999 — *Синявский А. Д.* Основы советской цивилизации. М., 1999.
- Словарь 1989 — Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). М., 1989. Т. 2.
- СК — Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР. XI–XIII вв. М., 1984.
- Скабалланович 1913 — Толковый Типикон. Объяснительное изложение Типикона с историческим введением / Сост. профессор Киевской Духовной Академии Михаил Скабалланович. Киев, 1913. Вып. 2 (допечатка: 1994).

- Скребнев 1960 — *Скребнев Ю. М.* К вопросу об «ортологии» // Вопросы языкознания. 1960. № 1.
- Сковорода 1973 — *Сковорода Г. С.* Повне зібрання творів у двох томах. Київ, 1973.
- Слобин, Грин 1976 — *Слобин Д., Грин Дж.* Психолінгвістика. М., 1976.
- Словарь языка Пушкина 1956–1961 — Словарь языка Пушкина. М., 1956–1961. Т. 1–4.
- Смирнов Н. 1910 — *Смирнов Н. А.* Западное влияние на русский язык в Петровскую эпоху. СПб., 1910.
- Смирнов 1906 — *Смирнов С.* Духовный отец в древней Восточной Церкви. История духовничества на Востоке. М., 1906.
- Смирнов 1913 — *Смирнов С.* Материалы для истории древнерусской покаянной дисциплины. М., 1913.
- Смирнов 1914 — *Смирнов С.* Древнерусский духовник. Исследование по истории церковного быта. М., 1914.
- Смирнова 1971 — *Смирнова Н. И.* Невербальные аспекты коммуникации: на материале русского и английского языков. Канд. дисс. М., 1971.
- Смоленский 1901 — О древне-русских певческих нотациях. СПб., 1901.
- Снегирев 1831–1834 — Русские в своих пословицах. М., 1831–1834. Кн. 1–4.
- Соблазн социализма 1995 — Соблазн социализма. Революция в России и евреи / Сост. А. Серебренников. Париж; М., 1995. [Исследования новейшей русской истории / Под общ. ред. А. И. Солженицына. Вып. 12.]
- Соболевский 1900 — *Соболевский А. И.* Церковнославянские тексты моравского происхождения // Русский филологический вестник. 1900. № 1–2.
- Собрание 1875 — Собрание древних литургий, восточных и западных, в переводе на русский язык, составленное редакцией «Христианского чтения». СПб., 1875. Вып. 2 (репринт: М., 1998).
- Собрание поучений 1893 — Собрание поучений, избранных из творений <...> Иоанна, архиепископа Константинопольского, Златоустого, Стефаном Деябиным. М., 1893. Т. 1.
- Современная западная философия 1991 — Современная западная философия. Словарь / Сост. В. С. Малахов, В. П. Филатов. М., 1991.
- Современный русский язык 2003 — Современный русский язык. Социальная и функциональная дифференциация / Отв. ред. Л. П. Крысин. М., 2003.
- Соколов 1986 — *Соколов М. Н.* Интерьер в зеркале живописи. Заметки об образах и мотивах интерьера в русском и советском искусстве. Альбом. М., 1986.
- Солженицын 1990 — *Солженицын А. И.* Рассказы. М., 1990.
- Солженицын 1995 — *Солженицын А. И.* По минуте в день. М., 1995.
- Солженицын 1975–1997 — *Солженицын А. И.* Публицистика: В 3 т. Ярославль, 1995–1997. Т. 1–3.
- Солженицын 1998 — *Солженицын А. И.* Россия в обвале. М., 1998.
- Солженицын 1999 — *Солженицын А. И.* Наука в пиратском государстве. Слово при получении Большой Ломоносовской медали Российской Академии Наук // «Независимая газета» от 3 июня 1999 г.
- Солженицын 2000 — *Солженицын А. И.* Живем среди руин (выступление в программе «Итоги» НТВ 14 мая 2000 г.) // «Советская Россия» от 16 мая 2000 г.
- Соловьев 1988 — *Соловьев В. С.* Сочинения: В 2 т. / Сост., общ. ред., вступ. ст. А. Ф. Лосева, А. В. Гулыги. М., 1988.
- Соловьев 1991а — *Соловьев В. С.* Русская идея. Пер. с французского Г. А. Рачинского // *Соловьев В. С.* Смысл любви. Избранные произведения. М., 1991.
- Соловьев 1991б — *Соловьев В. С.* Русский национальный идеал (По поводу статьи Н. Я. Грота в «Вопросах философии и психологии») // *Соловьев В. С.* Смысл любви. Избранные произведения. М., 1991.
- Сорокин 1965 — *Сорокин Ю. С.* Развитие словарного состава русского литературного языка. М.; Л., 1965.
- Сорокин 1990 — *Сорокин П. А.* Основные черты русской нации в двадцатом столетии // О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья. М., 1990.
- Сорокин 1991 — *Сорокин П. А.* Человек. Цивилизация. Общество. М., 1991.

- Сорокин 2002 — *Сорокин В.* Очередь. М., 2002.
- Соссюр 1933 — *Соссюр Ф.* Курс общей лингвистики. М., 1933.
- Соссюр 1960 — *Соссюр Ф.* Курс общей лингвистики (фрагменты) // *Звегинцев В. А.* История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях. М., 1960. Ч. 1.
- Сочинения А. С. Пушкина б. г. — Сочинения А. С. Пушкина. Издание Т-ва И. Д. Сытина. М., б. г.
- Спивак 1989 — *Спивак Д. Л.* Язык при измененных состояниях сознания. Л., 1989.
- СПР — Страноведение и преподавание русского языка иностранцам. Сб. статей / Под ред. Е. М. Верещагина и В. Г. Костомарова. М., 1972.
- Срезневский 1893–1912 — *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1893–1903. Т. 1–3. Дополнения. СПб., 1912.
- СРФ — *Бирх А. К., В Мокиенко М., Степанова Л. И.* Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник. СПб., 1999.
- СРЯ — Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М., 1984.
- СС — *Лермонтов М. Ю.* Собрание сочинений: В 4 т. М., 1957–1958.
- ССРЛЯ-1 — Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. М.; Л. 1950–1965.
- ССРЛЯ-2 — Словарь современного русского литературного языка: В 20 т. М., 1991–.
- Станиславский 1981 — *Станиславский К. С.* Этика. М., 1981.
- Старостин 2003 — *Старостин Д.* Американский ГУЛАГ. Пять лет на звездно-полосатых нарах. М., 2003.
- Степанов 1988 — *Степанов Г. В.* Воспитание языкового сознания // *Степанов Г. В.* Язык. Литература. Поэтика. М., 1988.
- Степанов 1971 — *Степанов Ю. С.* Семиотика. М., 1971.
- Степанов 1972 — *Степанов Ю. С.* Слова правда и цивилизация в русском языке // Известия АН СССР. СЛЯ, 1972. № 2.
- Степанов 1975 — *Степанов Ю. С.* Основы общего языкознания. М., 1975.
- Степанов 1985 — *Степанов Ю. С.* В трехмерном пространстве языка. Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства. М., 1985.
- Степанов 1996 — *Степанов Ю. С.* Концепт «духовного странничества» в России XIX и XX вв. // Русское подвижничество. М., 1996.
- Степанов 1997/2001 — *Степанов Ю. С.* Константы: Словарь русской культуры. М., 1997; 2001. 2-е изд.
- Степанов 2004 — *Степанов Ю. С.* Протей. Очерки хаотической эволюции. М., 2004.
- Степанов, Демьянков 1991 — *Степанов Ю. С., Демьянков В. З.* Философия языка // Современная западная философия. Словарь. М., 1991.
- Степанов (Русак) 1993 — *Степанов (Русак) В.* Свидетельство обвинения. М., 1993. Т. 2.
- Степун 1962 — *Степун Ф.* Встречи. Мюнхен, 1962.
- Страхов 1894/1988 — *Страхов Н. Н.* А. А. Фет. Биографический очерк // *Фет А. А.* Лирические стихотворения. М., 1894. Ч. 1–2. [Перепеч. в кн.: *Фет А. А.* Стихотворения. Поэмы. Современники о Фете. М., 1988.]
- Стреляный 1992 — *Стреляный А.* В очередях // Русская мысль, 22 мая 1992 г.
- Суперанская 1965 — *Суперанская А. В.* Блуминг или блюминг? Фрейндшафт или фройндшафт? // Вопросы культуры речи. М., 1965. Вып. 6.
- Суперанская 1973 — *Суперанская А. В.* Общая теория имени собственного. М., 1973.
- Суперанская, Сулова 1984 — *Суперанская А. В., Сулова А. В.* Современные русские фамилии. М., 1984.
- Супрун 1983 — *Супрун А. Е.* Существенное событие в лингводидактике. [Рец. на:] *Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров.* Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. Методическое руководство. Изд. 3-е, перераб. и доп. М., 1983] // Русский язык и литература в киргизской школе. 1983. № 4.
- Супрун 1998 — *Супрун А. Е.* Текстовые реминисценции как часть языка. Доклад на VIII международном Конгрессе МАПРЯЛ, 1998.
- Сухаревский 1966 — *Сухаревский Л. М.* Клиника мимических расстройств. М., 1966.

- СЭП-1 — Свод этнографических понятий и терминов. Социально-экономические отношения и соционормативная культура. М., 1986.
- СЭП-2 — Свод этнографических понятий и терминов. Этнография и смежные дисциплины. Этнографические субдисциплины. Школы и направления. Методы. М., 1988.
- СЭП-3 — Свод этнографических понятий и терминов. Материальная культура. М., 1989.
- СЯП — Словарь языка Пушкина. М., 1956–1961. Т. 1–4.
- Тайный правитель 2001 — Тайный правитель России. К. П. Победоносцев и его корреспонденты. Письма и записки 1866–1895. Статьи. Очерки. Воспоминания. М., 2001.
- Тамм 1982 — Тамм Э. И. Лингвострановедческая работа над лексикой в национально-ориентированном преподавании русского языка финским студентам. На материале преподавания русского языка финским студентам. Канд. дисс. М., 1982.
- Тарабукина 2000 — Тарабукина А. В. Фольклор и культура прицерковного круга. Канд. дисс. СПб., 2000. С сайта: {http://www.ruthenia.ru/folktee/CYBERSTOL/books/Tarabukina/arina_tarabukina.html}.
- Тарасов 1969 — Тарасов Е. Ф. Социологические аспекты речевого общения // РиМ.
- Тареев 1902 — Тареев М. [М.] Цель и смысл жизни. М., 1902.
- Тареев 1908 — Тареев М. М. Основы христианства. Система религиозной мысли. Т. 1. Христос. Т. 2. Евангелие. Т. 3. Христианское мировоззрение. Т. 4. Христианская свобода. 2-е изд. Сергиев Посад, 1908.
- Тареев 1913 — Тареев М. М. Основы христианства. Краткое изложение автора. (Всеобщая библиотека. № 72.) СПб., 1913.
- Тареев 1916 — Тареев М. М. Философия жизни, 1891–1916. Сергиев Посад, 1916.
- Тареев 1917 — Тареев М. М. Христианская философия. М., 1917.
- Тархов 1988 — Тархов А. [Е.] «Дать жизни вздох...» [Вступительная статья] // Фет А. А. Стихотворения. Поэмы. Современники о Фете. М., 1988.
- Тахо-Годи 1980 — Тахо-Годи А. А. Термин «символ» в древнегреческой литературе // Образ и слово («Вопросы классической филологии», VII.) М., 1980.
- Творения — Творения иже во святых отца нашего Григория Богослова, архиеп. Константинопольского. СПб., s. a. Т. 1.
- Творения 1987 — Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, Архиепископа Константинопольского / Сост. Л. А. Городецкий, С. П. Свистун. СПб., 1987. Т. 1–3.
- Творения 1899 — Творения Платона. Пер. с греч. М., 1899. Т. 1.
- Творения 1993 — Творения св. отца нашего Иоанна Златоуста, архиеп. Константинопольского, в русском переводе. СПб., 1899. Т. 2. Кн. 1.
- Творения аввы Евагрия 1994 — Аскетические и богословские трактаты / Пер., вступ. ст. и комм. А. И. Сидорова. М., 1994.
- Творения Василия — Творения иже во святых отца нашего Василия Великого, архиепископа Кесарии Каппадокийския. Новый исправленный перевод Московской Духовной Академии. СПб., 1911. Т. 1–2.
- Творения Григория — Творения иже во святых отца нашего Григория Богослова, архиепископа Константинопольского. СПб., 1889. Т. 1–2.
- Тейяр де Шарден П. 1994 — Тейяр де Шарден П. Божественная среда. М., 1994.
- Текст как явление культуры 1989 — Текст как явление культуры. Новосибирск, 1989.
- Телия 1986 — Телия В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М., 1986.
- Телия 1993 — Телия В. Н. Культурно-национальные коннотации фразеологизмов: от мировидения к миропониманию // Славянское языкознание. Доклады российской делегации [на XI Международном съезде славистов]. М., 1993.
- Телия 1996 — Телия В. Н. Роль образных средств языка в культурно-национальной окраске миропонимания // Этно-психолингвистические аспекты преподавания иностранных языков. М., 1996.
- Телия 2004а — Телия В. Н. Культурно-языковая компетенция: ее высокая вероятность и глубокая сокровенность в единицах фразеологического состава языка // КСФ.

- Телия 2004б — Телия В. Н. Фактор культуры и воспроизводимость фразеологизмов — знаково-микротекстов // Сокровенные смыслы. Слово. Текст. Культура. Сб. статей в честь Н. Д. Арутюновой / Отв. ред. Ю. Д. Апресян. М., 2004.
- Телия 1996б — Телия В. Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М., 1996.
- Телохранитель России 2001 — Телохранитель России. А. С. Суворин в воспоминаниях современников. Воронеж, 2001.
- Терц 1992 — Терц Абрам (Андрей Синяевский). Собрание сочинений: В 2 т. М., 1992.
- Титова 1987 — Титова Л. В. «Беседа отца с сыном о женской злобе». Исследование и публикация текстов. Новосибирск, 1987.
- Тобит — Тобит, книга // Еврейская энциклопедия. СПб., б. г. Т. 14.
- Токарева 1999 — Токарева И. И. Этнокультурные стереотипы коммуникативного поведения. Докт. дисс. Минск, 1999.
- Толстая 2000 — Толстая Т. Н. Кысь. Роман. М., 2000.
- Толстой 1963 — Толстой Н. И. Из опытов типологического исследования славянского словарного состава // Вопросы языкознания. 1963. № 1.
- Толстой 1977 — Толстой Л. Н. Воскресение. М., 1977.
- Толстой 1978 — Толстой А. К. Колокольчики мои... М., 1978
- Толстой 1982 — Толстой Н. И. Некоторые проблемы и перспективы славянской и общей этнолингвистики // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1982. № 5.
- Толстой 1983 — Толстой Н. И. О предмете этнолингвистики и ее роли в изучении языка и этноса // Ареальные исследования в языкознании и этнография. Язык и этнос. Л., 1983.
- Толстой 1991 — Толстой Н. И. Язык и культура // Русский язык и современность. Проблемы и перспективы развития русистики. Всесоюзная научная конференция. Москва, 20–23 мая 1991 г. Доклады. М., 1991. Ч. 1.
- Томахин 1982 — Томахин Г. Д. Америка через американизмы. М., 1982.
- Томахин 1984 — Томахин Г. Д. Теоретические основы лингвострановедения (на материале лексических американизмов английского языка). Докт. дисс. М., 1984.
- Томахин 1988 — Томахин Г. Д. Реалии — американизмы. Пособие по страноведению. М., 1982.
- Томахин 1995 — Томахин Г. Д. От страноведения к фоновым знаниям носителей языка и национально-культурной семантике языковых единиц в их языковом сознании // Русский язык за рубежом, 1995, № 1.
- Томахин 1999а — Страны Соединенного Королевства. Лингвострановедческий справочник / Сост. Г. Д. Томахин. М., 1999.
- Томахин 1999б — США. Лингвострановедческий словарь. М., 1999.
- Топоров 1964 — Топоров В. Н. О трансформационном методе // Трансформационный метод в структурной лингвистике. Сб. статей / Под ред. С. К. Шаумяна. М., 1964.
- Топоров 1995 — Топоров В. Н. Святость и святые в русской духовной культуре. Т. I. Первый век христианства на Руси. М., 1995.
- Тора 1993 — Тора. Пятикнижие Моисеево / Ред. рус. пер. П. Гиль. Под общ. ред. проф. Г. Брановера. Иерусалим; Москва, 1993.
- Трахтенберг 1908 — Трахтенберг В. Ф. Блатная музыка. СПб., 1908.
- Требник 1991 — Требник в двух частях. М.: Московская Патриархия, 1991.
- Троицкий 1996 — Троицкий В. [Ю.] Филология и воспитание национального сознания // ALMA MATER. 1996. № 3.
- Троцкий 1906 — Троцкий Н. И. Идеалы русского народа. М., 1906.
- Трубачев 1959 — Трубачев О. Н. История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя. М., 1959.
- Трубачев 1960 — Трубачев О. Н. Происхождение названий домашних животных в славянских языках. М., 1960.

- Трубачев 1966 — *Трубачев О. Н.* Ремесленная терминология в славянских языках. М., 1966.
- Трубачев 1976 — *Трубачев О. Н.* Этимологические исследования и лексическая семантика // Принципы и методы семантических исследований. М., 1976.
- Трубецкой 1896 — *Трубецкой С. Н.* Основания идеализма // Вопросы философии и психологии. 1896. Т. 7. Кн. 1 (31), 2 (32), 3 (33), 4 (34), 5 (35).
- Трубецкой 1897 — *Трубецкой С. Н.* Учение о Логосе в древней философии в связи с развитием идеализма // Вопросы философии и психологии. 1897. Т. 7. Кн. 1 (36).
- Трубецкой 1898 — *Трубецкой С. Н.* Мессианический идеал евреев в его отношении к учению о Логосе // Вопросы философии и психологии. 1898. Т. 9. Кн. 3 (43), 4 (44).
- Трубецкой 1916 — *Трубецкой Е. Н.* Умозрение в красках. Вопрос о смысле жизни в древнерусской религиозной живописи. Публичная лекция. М., 1916.
- Трубецкой 1917 — *Трубецкой Е. [Н.]* Метафизические предположения познания. Опыт преодоления Канта и кантианства. М., 1917.
- ТС — Толковый словарь русского языка конца XX в. Языковые изменения / Гл. ред. Г. Н. Складчиков. СПб., 1998.
- ТСЖВЯ — *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1978–1980. Т. 1–4.
- Туницкий 1913 — *Туницкий Н. Л.* Св. Климент, епископ Словенский. Его жизнь и просветительская деятельность. Сергиев Посад, 1913.
- Тупиков 1903 — *Тупиков Н. М.* Словарь древнерусских личных собственных имен. СПб., 1903.
- Турбин 1978 — *Турбин В. Н.* Пушкин. Гоголь. Лермонтов. Об изучении литературных жанров. М., 1978.
- Турилов, Мошкова 1999 — Славянские рукописи Афонских обителей / Сост. А. А. Турилов, Л. В. Мошкова. Под ред. А.-Э. Н. Тахиаоса. Фессалоники, 1999.
- Турчанинова 1987 — *Турчанинова Э. М.* Узуально-поведенческий тип учебного страноведческого текста и его коммуникативно-речевая ценность // ЛиТ.
- Тюпа 1983 — *Тюпа В. И.* Притча о блудном сыне в контексте «Повестей Белкина» как художественного целого // Болдинские чтения. Горький, 1983.
- Тюпа 1999 — *Тюпа В. И.* Двухязычие «Повестей Белкина»: анекдот и притча // Гуманитарные науки в Сибири. Новосибирск, 1999, № 4; [цит. по:] интернет: {durov.com/literature2/tyupa-99.htm}.
- Уваров 1908 — *Уваров А. С.* Христианская символика. Часть первая. Символика древнехристианского периода. М., 1908 (фотомех. допеч.: М., 2001).
- Уилер 1979 — *Уилер М.* Лингвострановедение и лексика // ЛСП.
- Унбегаун 1971 — *Унбегаун Б.* Русский литературный язык: проблемы и задачи его изучения // Поэтика и стилистика русской литературы: Памяти акад. В. В. Виноградова. Л., 1971.
- Унбегаун 1971 — *Унбегаун Б.* Русские фамилии / Пер. с англ. М., 1989.
- Уолш, Берков 1984 — *Уолш И. А., Берков В. П.* Русско-английский словарь крылатых слов. М., 1984.
- Усачева 1989 — *Усачева О. Н.* Русская безэквивалентная лексика в языке современной газеты (на фоне чешского и французского языков). Канд. дисс. Л., 1989.
- Успенский 1965 — *Успенский Н. Д.* Древне-русское певческое искусство. М., 1965.
- Успенский 1969 — *Успенский Б. А.* Из истории русских канонических имен: (История ударения в канонических именах собственных в их отношении к русским литературным и разговорным формам). М., 1969.
- Успенский 1983 — *Успенский Б. А.* Языковая ситуация Киевской Руси и ее значение для истории русского литературного языка: Доклад на IX Международном съезде славистов. М., 1983.
- Успенский сборник 1971 — Успенский сборник XII–XIII вв. / Изд. подгот. О. А. Князевская, В. Г. Демьянов, М. В. Ляпон. М., 1971.
- Устав 1961 — Устав Коммунистической Партии Советского Союза. Утвержден XXII съездом КПСС. М., 1961.
- Устинова 1976 — *Устинова Т. А.* Русский народный танец. М., 1976.
- Учебники 1995 — Учебники Платоновской философии / Сост. Ю. А. Шичалин. М.; Томск, 1995.

- Учебный словарь 1978 — Учебный словарь сочетаемости слов русского языка / Под ред. П. Н. Денисова, В. В. Морковкина. М., 1978.
- Фарисенкова 2000 — *Фарисенкова Л. В.* Уровни коммуникативной компетенции в теории и на практике. М., 2000.
- Федоров 1988 — *Федоров В. А.* «Своей судьбой гордимся мы...». Следствие и суд над декабристами. М., 1988.
- Федорова 1987 — *Федорова Е. Л.* Профессионально ориентированный страноведческий текст в процессе обучения русскому языку студентов-нефилологов // ЛиТ.
- Федосюк 1982 — *Федосюк Ю. А.* О словаре русских фамилий для иностранцев // СиЛ.
- Федотов 1991–1992 — *Федотов Г. П.* Судьба и грехи России. Избранные статьи по философии русской истории и культуры. СПб., 1991–1992. Т. 1–2.
- Фелицына 1974 — *Фелицына В. П.* О пословицах и поговорках как материале для страноведческого словаря // Проблемы фразеологии. Исследования и материалы. Сб. статей / Под ред. А. М. Бабкина. Л., 1974.
- Фелицына, Мокиенко 1990 — *Фелицына В. П., Мокиенко В. М.* Русские фразеологизмы. Лингвострановедческий словарь / Под ред. Е. М. Верещагина и В. Г. Костомарова. М., 1990.
- Фелицына, Прохоров 1979/1988 — *Фелицына В. П., Прохоров Ю. Е.* Русские пословицы, поговорки и крылатые выражения. Лингвострановедческий словарь / Под ред. Е. М. Верещагина и В. Г. Костомарова. М., 1979. 2-е изд. М., 1988.
- Феофан 1892 — Древние иноческие уставы пр. Пахомия Великого, св. Василия Великого, пр. Иоанна Кассиана и пр. Венедикта, собранные еп. Феофаном [Говоровым]. М., 1892.
- Феофан 1899 — *Феофан*, епископ. Путь ко спасению. Краткий очерк аскетике. Третья часть: Начертания христианского нравоучения. Изд. 8-е. М., 1899.
- Ферм 1994 — *Ферм Л.* Особенности развития русской лексики в новейший период (на материале газет). Uppsala, 1994.
- Фет 1890 — *Фет А. А.* Мои воспоминания. 1848–1889 гг. М., 1890. Ч. 1–2.
- Фет 1982 — *Фет А. А.* Сочинения: В 2 т. М., 1982.
- Фет 1988 — *Фет А. А.* Стихотворения. Поэмы. Современники о Фете / Вступ. ст. А. Е. Тархова; Сост. и примеч. Г. Д. Аслановой и А. Е. Тархова. М., 1988.
- Филарет 1990 — *Филарет*, игумен. Конспект по нравственному богословию. По книге «Христианская жизнь» прот. Н. Вознесенского. М., 1990.
- Филатов 2004а — *Филатов Л. А.* Избранные. М., 2004.
- Филатов 2004б — *Филатов Л. А.* И год как день. Поэзия и проза. М., 2004.
- Филон Александрийский 1971 — *Филон Александрийский.* О созерцательной жизни // Памятники письменности Востока / Пер. М. М. Елизаровой. М., 1971.
- Философский словарь 1963 — *Философский словарь.* М., 1963.
- Ф. Л. 1900 — *Ф. Л. [Левицкая Ф.]* Из воспоминаний о Московском Александровском институте // Исторический вестник. 1900. № 9.
- Флоренский 1914 — *Флоренский П. (А.)* Столп и утверждение истины. Опыт православной теодицеи в двенадцати письмах. М., 1914.
- Флоренский 1973 — *Флоренский П. А.* Строение слова // Контекст 1972. Литературно-теоретические исследования. М., 1973.
- Флоровский 1931 — *Флоровский Г. В.* Восточные отцы IV в. Париж, 1931.
- Флоря 2000 — *Флоря Б. Н.* Сказания о начале славянской письменности. СПб., 2000.
- Фоллесдаль 1986 — *Фоллесдаль Д.* Понимание и рациональность // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1986. Вып. 181.
- Фома Аквинский 1999 — *Фома Аквинский.* Сумма теологии (пер. с латыни) // Покров. Альманах российских католиков. М., 1999. Вып. 2.
- Формозов 1979 — *Формозов А. А.* Пушкин и древности. Наблюдения археолога. М., 1979.
- Форш 1962 — *Форш О. Д.* Собрание сочинений: В 8 т. М.; Л., 1962. Т. 1.
- Форш О. 1972 — *Форш О. Д.* Одеты камнем // *Форш О. Д.* Избр. произведения: В 2 т. Л., 1972. Т. 1.

- Фразеологический словарь 1976 — Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А. И. Молоткова. М., 1967.
- Франк 1992а — Франк С. Л. Духовные основы общества // Франк С. Л. Духовные основы общества. М., 1991.
- Франк 1992б — Франк С. Л. Русское мировоззрение // Франк С. Л. Духовные основы общества. М., 1991.
- Франк 1995 — Франк С. Л. Душа человека. Опыт введения в философскую психологию // Франк С. Л. Предмет знания. Об основах и пределах отвлеченного знания. — Душа человека. Опыт введения в философскую психологию. СПб., 1991.
- Франция 1997 — Франция. Лингвострановедческий словарь / Под ред. Л. Г. Ведениной. М., 1997.
- Фроянов, Дворниченко 1988 — Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю. Города-государства Древней Руси. Л., 1988.
- Фридендер 1983 — Фридендер Г. М. Поэтический диалог Пушкина с Вяземским // Фридендер Г. М. Пушкин. Исследования и материалы. Л., 1983. Т. 11.
- ФСРЯ — Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А. И. Молоткова. М., 1967.
- Хайдеггер 1993а — Хайдеггер М. Работы и размышления разных лет / Сост., пер., вступ. ст., примеч. А. В. Михайлова. М., 1993.
- Хайдеггер 1993б — Хайдеггер М. Время и бытие. Статьи и выступления / Сост., пер., вступ. ст., комм. и указат. В. В. Библихина. М., 1993.
- Хайдеггер 1997 — Хайдеггер М. Бытие и время / Пер. В. В. Библихина. М., 1997.
- Хайнади 1998 — Хайнади З. Культура как память. Главы из истории русской культуры. Будапешт, 1998.
- Хайруллин 1995 — Хайруллин В. И. Лингвокультурологические и когнитивные аспекты перевода. Автореферат докт. дисс. М., 1995.
- Хализев, Шешунова 1989 — Хализев В. Е., Шешунова С. В. Цикл А. С. Пушкина «Повести Белкина». М., 1989.
- Хан Санг Хюунг 1998 — Хан Санг Хюунг. Языковые единицы с национально-культурной семантикой в произведении В. Ерофеева «Москва-Петушки». Канд. дисс. М., 1998.
- Хейзинга 1992 — Хейзинга Й. Концепция и выражение понятия игры в языке // Хейзинга Й. Homo ludens. В тени завтрашнего дня / Пер. с нидерланд. и примеч. В. В. Ошиса. Общ. ред. и послесл. Г. М. Тавризян. М., 1992.
- Химик 2000 — Химик В. В. Поэтика низкого, или просторечие как культурный феномен. СПб., 2000.
- Ходина 1975 — Ходина Н. Т. Отражение поверий, предрассудков, обычаев во фразеологии // Вопросы структуры и семантики германских и романских языков. Воронеж, 1975.
- Хомский 1961 — Хомский Н. Синтаксические структуры // Новое в лингвистике. М., 1961. Вып. 2.
- Хомский 1965 — Хомский Н. О понятии «правило грамматики» // Новое в лингвистике. М., 1965. Вып. 4.
- Хохряков 1889 — Хохряков П. Язык и психология. Казань, 1889.
- Христианство 1993 — Христианство. Энциклопедический словарь. М., 1993. Т. 1.
- Хэббл 1963 — Хэббл П. Изучение иностранных языков. М., 1963.
- Хэррис 1962 — Хэррис З. Совместная встречаемость и трансформация в языковой структуре // Новое в лингвистике. М., 1962. Вып. 2.
- Цейтлин 1958 — Цейтлин Р. М. Краткий очерк истории русской лексикографии. М., 1958.
- Циллиакус, Вогак 1914 — Циллиакус В. Р., Вогак К. А. Россия и русские. Русская хрестоматия. Для средних и высших классов средних учебных заведений Финляндии. Helsingfors, 1914.
- Цисовска, интернет — Цисовска Г. К вопросу о языке современной российской прессы // {www.pap.edu.pl/neofilologia/Methodyka/Methodyka/for17.html}.
- Цицерон 1985 — Цицерон. Философские трактаты / Отв. ред. Г. Г. Майоров. Пер. с лат. М., 1985.
- Цонев 1923 — Цонев Б. Опис на славянските ръкописи в Софийската народна библиотека. София, 1923. Т. 2.
- Цявловская 1986 — Цявловская Т. Г. Рисунки Пушкина. М., 1986.
- Чалидзе 1977 — Чалидзе В. Уголовная Россия. New York, 1977.
- Чанышев 1981 — Чанышев А. Н. Аристотель. М., 1981.

- Чарняк 1983 — *Чарняк Ю.* Умозаключения и знания // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1983. Вып. 12.
- Чейф 1983 — *Чейф У. Л.* Память и вербализация прошлого опыта // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1983. Вып. 12.
- Человек — Человек. Философско-энциклопедический словарь / Под общ. ред. акад. И. Т. Фролова. М., 2000.
- Черейский 1989 — *Черейский Л. А.* Пушкин и его окружение. Л., 1989.
- Черных 1994 — *Черных П. Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка. М., 1994. Т. 1–2.
- Чернышев 1970 — *Чернышев В. И.* Правильность и чистота русской речи: Опыт русской стилистической грамматики // *Чернышев В. И.* Избранные труды: В 2 т. М., 1970. Т. 1.
- Чернявская 1984 — *Чернявская Т. Н.* Художественная культура СССР. Лингвострановедческий словарь / Под ред. Е. М. Верещагина, В. Г. Костомарова. М., 1984.
- Чернявская 1987 — *Чернявская Т. Н.* Лингвострановедческая адаптация как прием создания страноведчески ценных учебных текстов // ЛиТ.
- Чичагов 1959 — *Чичагов В. К.* Из истории русских имен, отчеств и фамилий. М., 1959.
- Чудеса Святытеля Николая 1972 — Чудеса Святытеля Николая в современной жизни // Православная жизнь. Ежемесячное приложение к журналу «Православная Русь» [Jordanville]. 1972. № 1.
- Чуковский 1966 — *Чуковский К.* От двух до пяти. М., 1966.
- Шабанова 1987 — *Шабанова А. Б.* Фольклорные языковые элементы в лингвострановедческом аспекте (на материале литературной сказки для детей) // РСЛ.
- Шаклеин 1997 — *Шаклеин В. М.* Лингвокультурная ситуация и исследование текста. М., 1997.
- Шапошников 1998 — *Шапошников В. Н.* Русская речь 1990-х. Современная Россия в языковом изображении. М., 1998.
- Шарыпкин 1978 — *Шарыпкин Д. М.* Пушкин и «Нравоучительные рассказы» Мармонтеля // Пушкин. Исследования и материалы. Л., 1978. Т. 8.
- Шаумян 1965 — *Шаумян С. К.* Структурная лингвистика. М., 1965.
- Шафф 1963 — *Шафф А.* Введение в семантику. М., 1963.
- Шварц 1983 — *Шварц Е. Д.* Проблемы национальной самобытности лексического значения слова // ЛИО.
- Шведова 1960 — *Шведова Н. Ю.* Очерки по синтаксису русской разговорной речи. М., 1960.
- Шейман, Соронкулов 2004 — *Шейман Л. А., Соронкулов Г. У.* Кыргызы, казахи и другие народы Востока в мире Пушкина. Бишкек, 2004.
- Шелгунова 1979 — *Шелгунова Л. М.* Указания на рече-жестовое поведение персонажей как средство создания образа в русской повествовательной реалистической художественной прозе. Волгоград, 1979.
- Шёнборн 1998 — *Шёнборн Х.* Икона Иисуса Христа. Богословское введение. Пер. с нем. М., 1998.
- Шёнборн 2003 — *Шёнборн Х.* (При участии М. Конрада и Х. Ф. Вебера) Бог послал Сына своего. Христорология / Пер. с нем. М., 2003.
- Шергин 1977 — *Шергин Б.* Одно дело делаешь, другое не порть. Пословицы в рассказах. М., 1977.
- Шестов 1908 — *Шестов Л.* Начала и концы. СПб., 1908.
- Шибутани 1969 — *Шибутани Т.* Социальная психология. Сокр. пер. с англ. / Общ. ред. и послеслов. Г. В. Осипова. М., 1969.
- Шиманюк 2001 — *Шиманюк Е. Г.* Коммуникативно-прагматическое описание дискурса с общим значением одобрения. Автореферат канд. дисс. М., 2001.
- Шифман 1987 — *Шифман И. Ш.* Ветхий Завет и его мир. Ветхий Завет как памятник литературы и общественной мысли древней Передней Азии. М., 1987.
- Шлейермахер 1993 — *Шлейермахер Ф. Д. Е.* Герменевтика. Пер. с нем. // Общественная мысль: исследования и публикации. М., 1993. Вып. 4.
- Шмелев 1977 — *Шмелев Д. Н.* Современный русский язык. Лексика. М., 1977.

- Шмелев 2002 — *Шмелев А. Д.* Русский язык и внеязыковая действительность. М., 2002.
- Шмид 1996 — *Шмид В.* Проза Пушкина в поэтическом прочтении: «Повести Белкина». СПб., 1996.
- Шпет 1923 — *Шпет Г. Г.* Эстетические фрагменты. Пг., 1923. Вып. 1, 2, 3.
- Шпет 1927 — *Шпет Г. Г.* Внутренняя форма слова. М., 1927.
- Шпет 1989 — *Шпет Г. Г.* Очерк развития русской философии // *Шпет Г. Г.* Сочинения. М., 1989.
- Шпет 1989, 1990, 1991 — *Шпет Г. Г.* Герменевтика и ее проблемы // Контекст-1989. Литературно-теоретические исследования. М. 1989; Контекст-1990. Литературно-теоретические исследования. М. 1989; Контекст-1991. Литературно-теоретические исследования. М. 1989.
- Шпет 1994 — *Шпет Г. Г.* Сознание и его собственник // *Шпет Г. Г.* Философские этюды. М., 1994.
- Штофф 1966 — *Штофф В. А.* Моделирование и философия. М.; Л., 1966.
- Шукшин 1973 — *Шукшин В. М.* Характеры. Рассказы. М., 1973.
- Шулежкова 1995 — *Шулежкова С. Г.* Крылатые выражения русского языка, их источники и развитие. Челябинск, 1995.
- Шумихин 1990а — *Шумихин С. В.* Садовской (Садовский) Борис Александрович // Русские писатели. Биобиблиографический словарь. М., 1990. Т. 2.
- Шумихин 1990б — *Шумихин С. В.* Писатель из Новодевичьего монастыря. Послесловие // *Садовской Б.* Лебединые клики. М., 1990.
- Щеглов 1999/5759 — *Щеглов А.* [П.] Древнерусская ноуменальная натурфилософия. М., 1999; Иерусалим, 5759.
- Щеголев 1920 — *Щеголев П. Е.* Таинственный узник. Из книги об Алексеевском равелине. Пг., 1920.
- Щеголев 1931 — *Щеголев П. Е.* Из жизни и творчества Пушкина. М.; Л., 1931.
- Щеголева 2001 — *Щеголева Л.* Путятина минея (XI век) в круге текстов и истолкования. 1–10 мая. М., 2001.
- Щедровицкий 1957 — *Щедровицкий Г. П.* «Языковое мышление» и его анализ // Вопросы языкознания. 1957. № 1.
- Щепанская 1993 — *Щепанская Т. Б.* Символика молодежной субкультуры. Опыт этнографического исследования системы. СПб., 1993.
- Щерба 1915 — *Щерба Л. В.* О разных стилях произношения и об идеальном фонетическом составе слов // Записки Неофилологического общества при Петроградском университете. Пг., 1915. Вып. 8.
- Щерба 1957 — *Щерба Л. В.* Современный русский литературный язык // *Щерба Л. В.* Избранные работы по русскому языку. М., 1957.
- Щерба 1958 — *Щерба Л. В.* О понятии смешения языков // *Щерба Л. В.* Избранные работы по языкознанию и фонетике. Л., 1958. Т. 1.
- Щерба 1962 — *Щерба Л. В.* Некоторые выгоды из моих диалектологических лужицких наблюдений // *Щерба Л. В.* Избранные работы. М., 1962. Т. 1.
- Щерба 1974 — *Щерба Л. В.* Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974.
- Эйдельман 1987 — *Эйдельман Н. Я.* Пушкин. Из биографии и творчества. 1826–1837. М., 1987.
- Эйнштейн, Инфельд 1965 — *Эйнштейн А., Инфельд Л.* Эволюция физики. М., 1965.
- Энциклопедия 1999 — Энциклопедия Третьего Рейха / Сост. С. Воропаев. 4-е изд. М., 1999.
- Эрвин-Трипп 1975 — *Эрвин-Трипп С. М.* Язык. Тема. Слушатель. Анализ взаимодействия // Новое в лингвистике. М., 1975. Вып. 7.
- Эрн 1912 — *Эрн В.* Григорий Саввич Сковорода. Жизнь и учение. М., 1912.
- Юрасов 1953 — *Юрасов С.* Василий Теркин после войны (по А. Твардовскому). Нью-Йорк, 1953.
- Яворская 2004 — *Яворская Г. М.* О концепте 'ДОМ' в украинском языке // Сокровенные смыслы. Слово. Текст. Культура. Сб. статей в честь Н. Д. Арутюновой / Отв. ред. Ю. Д. Апресян. М., 2004.
- Ягич 1886 — Служебные минеи за сентябрь, октябрь и ноябрь. В церковнославянском переводе по русским рукописям 1095–1097 г. СПб., 1886. (Памятники древнерусского языка. Т. 1.)
- Языковая номинация 1977а — Языковая номинация. Общие вопросы. М., 1977.

- Языковая номинация 19776 — Языковая номинация. Виды наименований. М., 1977.
- Якобсон 1975 — *Якобсон Р. [О.] Лингвистика и поэтика // Якобсон Р. Структурализм: «за» и «против» / Под ред. Е. Я. Басина, М. Я. Полякова. М., 1975.*
- Якобсон 1976 — *Якобсон Р. [О.] Словесное (языковое) общение // Якобсон Р. Общее языкознание. Хрестоматия / Сост. Б. И. Косовский. Под ред. А. Е. Супруна. Минск, 1976.*
- Якубинский 1931 — *Якубинский Л. П. Ф. де Соссюр о невозможности языковой политики // Языковедение и марксизм. М.; Л., 1931. Вып. 2.*
- Ярошевский 1960 — *Ярошевский М. Г. Ассоциация // Философская энциклопедия. М., 1960. Т. 1.*
- Опыт словаря 1989 — 50/50: Опыт словаря нового мышления / Под общ. ред. Ю. Афанасьева, М. Ферро. М., 1989.
- Aall 1896/1899 — *Aall A. Geschichte der Logosidee in der griechischen Philosophie. Leipzig, 1896–1899. Bd. 1–2.*
- Adam 1967 — *Bibeltheologisches Wörterbuch / Hrsg. von J. B. Bauer. Bd. 1–2. Graz, Wien, Köln, 1967.*
- Adam 1993 — *Theologisches Begriffslexikon / Hrsg. von L. Coenen, E. Beyreuther und H. Bietenhard. 1993. S. 1.*
- Adelung 1774 — *Adelung J. Ch. Versuch eines vollständigen grammatisch-kritischen Wörterbuches der Hochdeutschen Mundart. Leipzig, 1774.*
- Aland 1989 — *Aland B., Aland K. Der Text des Neuen Testaments/ Einführung in die wissenschaftliche Ausgabe sowie in Theorie und Praxis der modernen Textkritik. Stuttgart, 1989.*
- Albrecht 1975 — *Albrecht E. Sprache und Philosophie. Berlin, 1975.*
- Apelt 1967 — *Die kulturkundliche Bewegung im Unterricht der neueren Sprachen in Deutschland in den Jahren 1886 bis 1945. Ein Irrweg deutscher Philologen. Berlin, 1967.*
- Argyle 1975 — *Argyle M. Bodily Communication. London, 1975.*
- Arnim 1922 — *Arnim B. Stoicorum veterum fragmenta. Leipzig, 1922.*
- Aufrichtige Erzählungen 1974 — *Aufrichtige Erzählungen eines russischen Pilgers / Hrsg. und eingeleitet von Emmanuel Jungclaussen. Freiburg; Basel; Wien, 1974.*
- Austin 1961 — *Austin J. L. A Plea for Excises // Austin J. L. Philosophical Papers. Oxfors, 1961 (2-nd ed. 1970).*
- Avenarius 1973 — *Avenarius A. Die Awaren und die Slaven in den Miracula sancti Demetrii // Byzantina. 1973. Bd. 5.*
- Balthasar 1988, 1984, 1975, 1989, 1988 — *Balthasar H. U. von. Herrlichkeit. Eine theologische Ästhetik. Bd. 1: Schau der Gestalt. 1988; Bd. 2: Fächer der Gestalt. 1. Teil: Klerikale Stile. 1984, 2. Teil: Laikale Stile. 1984; Bd. 3/1: Im Raum der Metaphysik. 1. Teil: Altertum. 1975, 2. Teil: Neuzeit. 1975; Bd. 3/2: Theologie. 1. Teil: Alter Bund. 1989, 2. Teil: Neuer Bund. 1988.*
- Balthasar 1989 — *Balthasar H. U. von. Gestalt und Werk. Köln, 1989.*
- Balthasar 1990 — *Balthasar H. U. von. Mein Werk. Durchblicke. Einsiedeln, 1990.*
- Bardenhewer 1901 — *Bardenhewer O. Patrologie. Freiburg i. Br., 1901.*
- Bauer 1971 — *Griechisch-deutsches Wörterbuch zu den Schriften des Neuen Testaments und der übrigen urchristlichen Literatur. Berlin; New York, 1971.*
- Baur 1961 — *Baur K. Die Geschichte des Wortes «Kultur» und seiner Zusammensetzungen // Muttersprache. 1961. № 7–8.*
- Baur 1983 — *Baur K. Materialien zur Landeskunde der Sowjetunion / Hrsg. von Rupprecht S. Baur. München, 1983.*
- BDB — *Brown F., Driver S. R., Briggs Ch. A. A Hebrew and English Lexicon of the Old Testament. Oxford, 1962.*
- Beck 1977 — *Beck H.-G. Kirche und theologische Literatur im byzantinischen Reich. München, 1977.*
- Berger K. 1984 — *Formgeschichte des Neuen Testaments. Heidelberg, 1984.*
- Betti 1967 — *Betti E. Allgemeine Auslegungslehre im Rahmen der Geisteswissenschaften. Tübingen, 1967.*
- Betti E. 1967 — *Betti E. Problematik einer Allgemeinen Auslegungslehre als Methodik der Geisteswissenschaft // Hermeneutik als Weg heutiger Wissenschaft. Salzburg; München, 1971.*
- Birdwhistell 1952 — *Introduction to Kinesics. Washington, 1952.*

- Boost 1957 — *Boost K.* Neue Untersuchungen zum Wesen und zur Struktur des deutschen Satzes. Der Satz als Spannungsfeld. Berlin, 1957.
- Brückner 1913 — *Brückner A.* Die Wahrheit über die Slavenapostel. Berlin, 1913.
- Bultmann 1933 — *Bultmann R.* ἀσχύρω, ἐπαισχύνω, κατασχύνω, ἀσχύνη, ἀσχύρος, ἀσχύρτης // Theologisches Wörterbuch zum Neuen Testament / Hrsg. von G. Kittel. Stuttgart, 1933. Bd 1.
- Catechismus 1886 — Catechismus ex Decreto Consilii Tridentini. Regensburg, 1886.
- Chafe 1973 — *Chafe W. L.* Language and Memory // Language. 1973. Vol. 49.
- Chafe 1977 — *Chafe W. L.* The recall and verbalisation of past experience // Current Issues in Linguistic Theory / Ed. by R. W. Cole. Bloomington; London, 1977. [Pyc. nep.: Чейф 1983.]
- Clifton, Kurcz, Jenkins 1965 — *Clifton Ch., Kurcz I., Jenkins J.* Grammatical Relations as Determinants of Sentence Similarity // Journal of Verbal Learning and Verbal Behavior. 1965. Vol. 4. № 2.
- Critchley 1952 — *Critchley M.* The Language of Gestures. London, 1952.
- Darwin 1972 — *Darwin Ch.* The Expression of the Emotions in Man and Animals. London, 1972.
- Davidson 1966 — *Davidson R. F.* Rudolf Otto's Interpretation of Religion. Princeton, 1947.
- Deese 1966 — *Deese J.* The Structure of Associations in Language and Thought. Baltimore, 1966.
- Deutsch als Fremdsprache 1993 — Langenscheidts Grosswörterbuch. Deutsch als Fremdsprache. Das neue einsprachige Wörterbuch für Deutschlernende. Berlin etc., 1993.
- Dibelius 1933 — *Dibelius M.* Die Formgeschichte des Evangeliums. Tübingen, 1973.
- Die Religion des Marxismus 1984 — Die Religion des Marxismus: Anspruch und Wirklichkeit. Institut Christian Wecker für nachmarxistischen Fortschritt. Neuhausen-Stuttgart, 1984.
- Dijk 1980 — *Dijk T. A. van.* Textwissenschaft. Eine interdisziplinäre Einführung. München, 1980.
- Drewermann 2001 — *Drewermann E.* Ein Mensch braucht mehr als nur Moral. Über Tugenden und Laster. Düsseldorf, 2001.
- Duchaček 1960 — *Duchaček O.* Le champ conceptuel de la beauté en français moderne. Praha, 1960.
- Dujčev 1961 — *Dujčev I.* Il problema delle lingue nazionali nel Medio Evo e gli Slavi // Recherche slavistiche. 1961. VIII.
- Duncan 1977 — *Duncan S.* Face-to-Face Interaction. Hillsdale, 1977.
- Dvornik 1970 — *Dvornik F.* Byzantine Missions among the Slavs. SS. Constantine-Cyril and Methodius. New Brunswick, 1970.
- Dümmler 1854 — *Dümmler E.* Die Pannonische Legende vom hl. Methodius // Archiv für Kunde österreichischer Geschichtsquellen. 1854. Bd. 13.
- Ekman 1974 — *Ekman P.* Universal Facial Expressions of Emotions // Culture and Personality: Contemporary Readings. Chicago, 1974.
- Ekman, Friesen, Elisworth 1971 — *Ekman P., Friesen W., Elisworth P.* The Face and Emotions. New York, 1971.
- Evdokimov 1987 — *Evdokimov M.* Pèlerins russes et vagabonds mystiques. Paris, 1987.
- Flegon 1973 — *Flegon A.* Beyond the Russian Dictionary. London, 1973.
- Fontes 1967 — *Magnae Moraviae Fontes Historici.* Brno, 1967. T. 2.
- Fuchs 1956 — *Fuchs E.* Christliche und Marxistische Ethik. Lebenshaltung und Lebensverantwortung des Christen im Zeitalter des werdenden Sozialismus. Leipzig, 1956. Teil 1.
- Fayer 1969 — *Fayer M. H.* Basic Russian. Book One. New York e. a., 1969.
- Gaede 1980 — *Gaede K.* Lew Nikolajewitsch Tolstoi. Schriftsteller und Bibelinterpret. Berlin, 1980.
- Gerhart 1974 — *Gerhart G.* The Russian's Words. Life and Language. New York e. a., 1974.
- Glinz 1965 — *Glinz G.* Grundbegriffe und Methoden inhaltbezogener Text- und Sprachanalyse. Düsseldorf, 1965.
- Goffman 1974 — *Goffman E.* Das Individuum im öffentlichen Austausch. Frankfurt/M., 1974.
- Goldstein 1948 — *Goldstein K.* Language and Language Disturbances. New York, 1948.
- Grözinger 1991 — *Grözinger A.* Die Sprache des Menschen. Ein Handbuch. Grundwissen für Theologinnen und Theologen. München, 1991.
- Guardini 1967 — *Guardini R.* Die religiöse Sprache // Sprache und Wirklichkeit. Essays. München, 1967.
- Ha-Brit Ha-Hadasha — *הברית החדשה*. תרגום חדש. United Bible Societies, 1976.

- Haecel 1961 — *Haecel E.* Die Welträtsel. Gemeinverständliche Studien über monistische Philosophie. Berlin, 1961.
- Hagemester 2001 — Wiederverzauberung der Welt: Pavel Florenskijs Neues Mittelalter // Pavel Florenskij — Tradition und Moderne. Beiträge zum internationalen Symposium an der Universität Potsdam. 5. bis 9. April 2000 / Hrsg. von N. Franz, M. Hagemester, F. Haney. Frankfurt/M. u. a., 2001. [Рус. пер.: Вопросы философии. 2004. № 11.]
- Halkin 1957 — *Halkin F.* Bibliotheca Hagiographica Graeca. Brussels, 1957.
- Hall 1959 — *Hall E. T.* The Silent Language. New York, 1959.
- Hallig, Wartburg 1952 — *Hallig R., Wartburg W.* Begriffssysteme als Grundlage für Lexikographie. Versuch eines Ordnungsschemas. Berlin, 1952.
- Hatch, Redpath 1897 — A Concordance to the Septuagint <...> by E. Hatch, H. A. Redpath. Oxford, 1897. V. 1–2.
- Hauck s. a. — *Hauck F.* Παράβολή // Theologisches Wörterbuch zum Neuen Testament / Hrsg. von G. Friedrich. Stuttgart, s. a. Bd. 5.
- Heidegger 1965 — *Heidegger M.* Unterwegs zur Sprache. Tübingen, 1965. [Рус. пер.: Путь к языку // Онтологическая проблематика языка в современной западной философии (сборник переводов) / Пер. В. В. Библихина. Отв. ред. И. С. Шерн-Борисова. М., 1975. Ч. 1. Включено в кн.: *Хайдеггер М.* Время и бытие. Статьи и выступления / Сост., пер., вступ. ст., комм. и указатели В. В. Библихина. М., 1993.]
- Heidegger 1977 — *Heidegger M.* Holzwege. Frankfurt/M., 1977.
- Hergenröther 1869 — *Hergenröther J.* Monumenta Graeca ad Photium eiusque Historiam Pertinentia. Ratiosbonae (= Regensburg), 1869.
- Hinck 1977 — Textsortenlehre — Gattungsgeschichte / Hinck (Hrsg.). Heidelberg, 1977.
- Hirsch, Kett, Trefil 1988 — *Hirsch E. D., Kett J. F., Trefil J.* The Dictionary of Cultural Literacy: What Every American Need to know. Boston, 1988.
- Hoberg 1970 — *Hoberg R.* Die Lehre vom sprachlichen Feld. Ein Beitrag zu ihrer Geschichte, Methodik und Anwendung. Düsseldorf, 1970.
- Homeri carmina 1837 — Homeri carmina et cycli epici reliquiae. Graece et Latine. Parisiis, MDCCCXXXVII.
- Humboldt 1936 — *Humboldt W.* Über die Kawi-Spreche auf der Insel Java nebst einer Einleitung über die Verschiedenheit des menschlichen Sprechbaues und ihren Einfluss auf die geistige Entwicklung des Menschengeschlechtes. Berlin, 1936. Bd. 1.
- Hymes 1974 — *Hymes D.* Foundations in Culture and Society. An Ethnographic Aspect. Philadelphia, 1974.
- Indeks a tergo 1985 — *Bartoszewicz A., Komendacka I.* Indeks a tergo do słownika języka Aleksandra Puszkina. Warszawa, 1985.
- Jackson 1958 — *Jackson H. J.* Notes on the Psychology and Pathology of Language; On the Duality of Brain; On Affections of Speech from Disease of the Brain; Words and other Symbols in Mentation // *Jackson H. J.* Selected Writings. New York, 1958. Vol. 2.
- Jacob 1947 — *Jacob H.* A Planned Auxiliary Language. London, 1947.
- Jagić 1913 — *Jagić V.* Entstehungsgeschichte der kirchenslavischen Sprache. Berlin, 1913.
- Jakobson 1959 — *Jakobson R.* Linguistic Glosses to Goldstein's «Wortbegriff» // Journal of Individual Psychology. 1959. May.
- Jakobson 1965 — *Jakobson R.* Methodius' Canon to Demetrius of Thessalonica and the Old Church Slavonic Hirmoi // Sbornik prací Filosofické Faculty Brněnské University. 1965. XIV. Řada umenovedna. F 9 [= Selected Writings. 1985. VI. 1].
- Jakobson 1985 — *Jakobson R.* Sketches for the History of the Oldest Slavic Hymnody: Commemorations of Christ's Saint and Great Martyr Demetrius // Selected Writings. Berlin etc., 1985. Vol. 6. P. 1.
- James 1914 — *James W.* Pragmatism. A new name for some old ways of thinking. Popular lectures on philosophy. New York, 1914.
- Jaspers 1962 — *Jaspers K.* Der Philosophische Glaube angesichts der Offenbarung. München, 1962.
- Jenni, Westermann 1984 — Theologisches Handwörterbuch zum Alten Testament / Hrgb. von Ernst Jenni unter Mitarbeit von Claus Westermann. München; Zürich, 1984. Bd. 1–2.
- Kainz 1956 — *Kainz F.* Psychologie der Sprache. Wien, 1956. Bd. 4.

- Kainz s. a. — *Kainz F.* Linguistisches und Sprachpathologisches zum Problem der sprachlichen Fehlleistungen // Oesterreichische Akademie der Wissenschaften. Phil.-hist. Klasse, Sitzungsberichte. Bd. 230. Abh. 5.
- Kegler 1975 — *Kegler D.* Untersuchungen zur Bedeutungsgeschichte von *Istina* und *Pravda* im Russischen. Frankfurt/M., 1975.
- Keil 1978 — *Keil D.* *Nerukotvornyj* // Studien zu Literatur und Aufklärung in Osteuropa. (Bausteine zur Geschichte der Literatur bei den Slawen. 13). Giessen, 1978.
- Kirchner's Wörterbuch 1911 — Kirchner's Wörterbuch der philosophischen Grundbegriffe / Dritte Neubearbeitung von C. Michaelis. Leipzig, 1911.
- Kloss 1927 — *Kloss H.* Nebensprachen. Wien; Leipzig, 1927.
- Kluge, Götze 1948 — *Kluge F., Götze A.* Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. Berlin, 1948.
- Knapp 1963 — *Knapp P. H.* Expression of the Emotions in Man. New York, 1963.
- Kostomarov, Vereščagin 1975 — *Kostomarov V. G., Vereščagin E. M.* Linguocultural Studies and the Linguocultural Dictionary // Slavic and East European Journal., 1975. Vol. № 1 [= Soviet-American Russian Language Contributions / Ed. by R. D. Brecht and D. E. Davidson. Tucson, Ariz., 1977.]
- Kujew 1966 — *Kujew K. M.* Zur Geschichte der «Dreisprachendoktrin» // Byzantinobulgarica Sofia. 1966. Vol. 1.
- Kunzler 1993 — *Kunzler M.* Porta Orientalis. Fünf Ost-West-Versuche über Theologie und Ästhetik der Liturgie. Paderborn, 1993.
- Kusse 2001 — *Kusse H.* Harmonieangst. Anmerkungen zur dunklen Seite Pavel Florenskijs // Appendix. Materialien zu Pavel Florenskij / Hrgb. vom M. Hagemester und T. Metelka, als Anhang zu Pavel Florenski, Werke in zehn Lieferungen, Berlin und Zepernik, 2001. [Рус. пер.: Вопросы философии. 2004. № 11.]
- König 1931 — *König E.* Hebräisches und aramäisches Wörterbuch zum Alten Testament. Leipzig, 1931.
- Küng 1975 — *Küng H.* Christ sein. München, 1975.
- Kürschner Lexikon s. a. — Kürschner Lexikon der sechs Weltsprachen. Berlin; Leipzig, s. a. Bd. 1–2.
- LaBarre 1964 — *LaBarre W.* Paralinguistics, Kinesics and Cultural Anthropology // Approaches to Semiotics. London; The Hague; Paris, 1964.
- LaBarre 1966 — *LaBarre W.* Die kulturelle Grundlage von Emotionen und Gesten // Kulturantropologie. Köln; Berlin, 1966.
- Lado 1957 — *Lado R.* Linguistics across Cultures. Ann Arbor, 1957.
- LaFrance, Mayo 1978 — *LaFrance M., Mayo C.* Moving Bodies: Nonverbal Communication in Social Relationships. Monterey, 1978.
- Lakoff, Johnson 1980 — *Lakoff G., Johnson M.* Metaphors We Live By. Chicago and London, 1980.
- Lampe 1976 — A Patristic Greek Lexicon / Ed. G. W. H. Lampe. Oxford, 1976.
- Landar 1966 — *Landar H.* Language and Culture. Oxford, 1966.
- Landeskunde 1976 — Landeskunde im Fremdsprachenunterricht. Kultur und Kommunikation als didaktisches Konzept. München, 1976.
- Lehmann 1898–1901 — *Lehmann A.* Die körperlichen Äusserungen seelischer Zustände. Leipzig, 1898–1901.
- Lemerle 1953 — *Lemerle P.* La composition et la chronologie des deux premiers livres des Miracles de Saint Demetrios // Byzantinische Zeitschrift. 1953. Bd. 56.
- Lemerle 1979–1981 — *Lemerle P.* Les plus anciens recueils des Miracles de Saint Demetrios. Paris, 1979–1981. Vol. 1–2.
- Lexicon — Lexicon Hebraicum et Chaldaicum in libris Veteris Testamenti <...> edidit E. F. Leopold. Roma, s. a.
- Licklider 1951 — *Licklider J. C. R.* The Manner in which and the Extend to which Speech can be Disordered and Remain Intelligible // Cybernetics. Transactions of the 7th Conference. New York, 1951.
- Liddell, Scott — *Liddell H. G., Scott R. A.* A Greek-English Lexicon / New Edition by H. S. Jones, R. McKenzie. Oxford, 1925–1940.
- Linnemann 1975 — *Linnemann E.* Gleichnisse Jesu. Einführung und Auslegung. Göttingen, 1975.
- Loseff 1984 — *Loseff L.* On the Beneficence of Censorship. Aesopian Language in Modern Russian Literature. München, 1984.
- Manser 1983 — *Manser M. N.* A Dictionary of Contemporary Idioms. London, 1983.
- Marque 1962 — *Marque Ch.* Dictionnaire analogique (répertoire moderne des mots par les idées, des idées par les mots). Paris, 1962.

- Matejko 2001 — *Matejko L. ΟΤῶΣ ΜΕΓΑΛῆΣ ΛΟΥΤΡΙΑΣ ΚΑΙ ΗΕΣΒΕΚΔΕΣΤΕΡΗΕ ΟΚΗΣΤΗ ΗΣῆΣ* // Cyrillo-Methodiana. In honorem Aemiliae Bláhová et Venceslai Konzal. Praha, 2001.
- Μηναῖα 1888–1901 — *Μηναῖα τοῦ ἔλου ἐνιαυτοῦ. Ἐν Ῥώμη, 1888–1901.*
- Mihanović 1957 — *Mihanović Homiliar. Graz, 1957.*
- Momina 1990 — *Momina M. A. Zum Problem der Korrektur slavischer gottesdienstlicher hymnographischer Bücher in der Rus' des XI. Jh. // Zeitschrift für slavische Philologie. 1990. Bd. L.*
- Mošin 1972 — *Mošin V. Heretici trojezičnici u staroslavskom prijevodu Trioda // Slovo. Zagreb, 1972. Vol. 22.*
- Muret-Sanders Wörterbuch 1910 — *Muret-Sanders enzyklopädisches englisch-deutsches und deutsch-englisches Wörterbuch. Teil 2. Deutsch-Englisch / Von H. Baumann. Berlin, 1910.*
- Nabokov 1990 — *Nabokov V. Selected Prose and Verse. Moscow, 1990.*
- Natorp 1920 — *Natorp P. Platos Ideenlehre. Leipzig, 1920.*
- Nestle, Aland 1975 — *Novum Testamentum Graece / Eds. Eb. Nestle, Er. Nestle, K. Aland. 25. Aufl. London; Stuttgart, 1975.*
- Nonverbal Communication 1974 — *Nonverbal Communication. Toronto; New York, 1974.*
- Obolensky 1994 — *Obolensky D. The Cult of St. Demetrius of Thessaloniki in the History of Byzantine-Slav Relations // Obolensky D. Byzantium and the Slavs. Crestwood, 1994.*
- Od slovienskej liturgie 1992 — *Od slovienskej liturgie ku slovenskej provincii. Korene krest'anskej kultúry na Slovensku. Bratislava, 1992.*
- Ogden, Richards 1927 — *Ogden C., Richards I. The Meaning of Meaning. New York, 1927.*
- Otto 1932 — *Otto R. Das Heilige. Über das Irrationale in der Idee des Göttlichen und sein Verhältnis zum Rationalen. München, 1963.*
- Papadopoulos-Kerameus 1897 — *Papadopoulos-Kerameus A. Φωτιακά. St. Petersburg, 1897.*
- Paperno 1997 — *Paperno I. Suicide as a Cultural Institution in Dostoevsky's Russia. Ithaca; London, 1997.*
- Paul 1975 — *Paul A. A. Guide to the English-Speaking World. London, 1975.*
- Paus 1966 — *Paus A. Herkunft und Wesen der Aprioritheorie Rudolf Ottos. Leiden, 1966.*
- Pei 1966 — *Pei M. The Story of Language. New York, 1966.*
- Peisker 1993 — *Peisker C. H. Gleichnis // Theologisches Begriffslexikon zum Neuen Testament / Hrsg. von L. Coenen, E. Beyreuter, H. Bietenhard. S. l., R. Brockhaus Verlag, 1993.*
- Permyakov 1979 — *Permyakov G. L. From Proverb to Folk-Tale. M., 1979.*
- Pflaum 1961 — *Pflaum V. M. Geschichte des Wortes «Zivilisation». München, 1961.*
- PG — *Patrologia Graeca / Ed. J.-P. Migne. Paris, 1857–1866.*
- Pike 1969 — *Pike K. L. Language in Relation to a Unified Theory of Human Behavior. The Hague, 1967.*
- Pollaschek 1831 — *Regulae Pastorales, conscripta a Francisco Pollaschek. Szokolczae, MDCCCXXXI.*
- Popper 1966 — *Popper K. Open Society and Its Enemies. London, 1966. Vol. 1–2.*
- Querriero 1991 — *Querriero E. Hans Urs von Balthasar. Une stile teologico. Milano, 1991.*
- Rad, Kittel 1957 — *Rad G. von, Kittel G. δοκέω, δόξα, δοξάζω etc. // Theologisches Wörterbuch zum Neuen Testament / Hrsg. von G. Kittel. Stuttgart 1935. Bd. 2. (Nachdruck: 1957).*
- Rathmayr 1989 — *Rathmayr R. Ein net ist noch lange kein net. Ablehnen und Insistieren im Russischen // Slavische Linguistik. 1988: Referate des XIV. Konstanzer Slavistischen Arbeitstreffens. Mainz 27.–30.9.1988 / Hrsg. W. Girke. München. 1989.*
- Rathmayr 1996 — *Rathmayr R. Pragmatik der Entschuldigungen. Vergleichende Untersuchung am Beispiel der russischen Sprache und Kultur. Köln; Weimar; Wien, 1996. [На рус. яз.: Патмайр 2003].*
- Rilke 1981 — *Rainer Maria Rilke. Gedichte / Сост., предисл. А. В. Карельского. Комм. Н. С. Литвинец. Moskau, 1981.*
- Rilke 1986 — *Rilke und Russland. Briefe, Erinnerungen, Gedichte / Hrsg. von K. Asadowski. Berlin; Weimar, 1986.*
- Rolinck 1983 — *Rolinck A. Paul Tillich (1886–1965) // Klassiker der Theologie. 2. Bd. Von Richard Simon bis Dietrich Bonhoeffer / Hrsg. v. H. Fries, G. Kretschmar. München, 1983.*
- Rothe 1978 — *Rothe H. Prjamoj // Studien zu Literatur und Aufklärung in Osteuropa. Giessen, 1978.*

- Rothe, Vereščagin 1993, 1996, 1997 — Rothe H., Vereščagin E. M., Hrsg. 1993, 1996, 1997 — 1) Gottesdiensträum für den Monat Dezember nach den slavischen Handschriften des 12. und 13. Jahrhunderts. Службная миinea за декабрь в церковнославянском переводе по русским рукописям. Facsimile der Handschriften CGADA, f. 381, № 96 und 97. Köln; Weimar; Wien, 1993; 2) Gottesdiensträum für den Monat Dezember nach den slavischen Handschriften des 12. und 13. Jahrhunderts. Службная миinea за декабрь в церковнославянском переводе по русским рукописям. Т. 1: 1. bis 8. Dezember. Opladen, 1997; 3) Т. 2: 9. bis 19. Dezember. Opladen, 1997; 4) Т. 3: 20. bis 24. Dezember. Opladen, 1999.
- Rudskoger 1970 — *Rudskoger A.* Plain. A Study in Co-text and Con-text. Stockholm, 1970.
- Russell 1922 — *Russell B.* The Analysis of Mind. London; New York, 1922.
- Saitz, Cervenka 1972 — *Saitz R. L., Cervenka E. J.* Handbook of Gestures: Coolmbia and the United States. The Hague, 1972.
- Schleiermacher 1911 — Hermeneutik. Aus Schleiermachers handschriftlichem Nachlasse // *Schleiermacher F. D. E.* Werke. Leipzig, 1911. Bd. 4.
- Schneider 1865 — *Schneider R.* Christliche Klänge aus den griechischen und römischen Klassikern. Gotha, 1865.
- Schubert 1916 — *Schubert H.* Die sogenannten Slavenapostel Constantin und Methodius. Ein grundlegendes Kapitel aus den Beziehungen Deutschlands zum Südosten. Vortrag, gehalten in der Gesamtsitzung der Heidelberger Akademie der Wissenschaften am 26. Februar 1916. Heidelberg, 1916.
- Schuchardt 1884 — *Schuchardt H.* Slawo-Deutsches and Slawo-Italienisches. Graz, 1884.
- Schuell, Jenkins 1961 — *Schuell H., Jenkins J.* Reduction of Vocabulary in Aphasia // *Brain*, 1961. № 2.
- Schönborn Ch. unter Mitarbeit von M. Konrad und H. P. Weber 2002 — Gott sandte seinen Sohn. Christologie. AMATECA, Lehrbücher zur katholischen Theologie. 2002. Bd. 7. [Рус. пер.: Шёнборн 2003.]
- Seidl, McMordie 1979 — *Seidl J., McMordie W.* English Idioms and How to Use them. Oxford, 1979.
- Septuaginta 1971 — Septuaginta, id est Vetus Testamentum graece iuxta LXX interpretes, edidit Alfred Rahlfs. Stuttgart, 1971. Vol. 1–2.
- Shaw 1997 — *Shaw J. T.* Pushkin's «The Stationmaster» and the New Testament Parable // *Slavic and East European Journal*. 1977. 21.
- Stokie 1972 — *Stokie W.* Semiotics and Human Sign Languages. The Hague, 1972.
- Stolt 1965 — *Stolt B.* Die Sprachmischung in Luthers Tischreden. Uppsala, 1965.
- Striver 1996 — *Striver D. R.* The Philosophy of Religious Language. Sign, Symbol, and Story. Cambridge; Mass., 1996.
- Stuttgarter Bibel 1992 — Stuttgarter Erklärungsbibel. Die Heilige Schrift nach der Übersetzung Martin Luthers. Mit Einführungen und Erklärungen. Stuttgart, 1992.
- Sveta brata 1985 — Sveta brata Ciril in Method v zgodovinskih virih ob 1100 letnici Metodove smrti. Ljubljana, 1985 = *Acta Ecclesiastica Sloveniae*. 7.
- Synopsis 1978 — Synopsis Quattuor Evangeliorum ... edidit Kurt Alland. Editio decima. Stuttgart, 1978.
- The Way of a Pilgrim 1973 — «The Way of a Pilgrim» and «The Pilgrim Continues His Way» / Translated from the Russian by R. M. French. San Francisco, 1973.
- Theologisches Begriffslexikon 1993 — Theologisches Begriffslexikon zum Neuen Testament / Hrsg. von L. Coehen, E. Beyreuther, H. Bietenhard. S. I. 1993.
- Theologisches Handwörterbuch — Theologisches Handwörterbuch zum Alten Testament. Zwei Bände / Hrsg. von E. Jenni unter Mitarbeit von C. Westermann. München; Zürich, 1984.
- Thomson 1992 — *Thomson F.* SS. Cyril and Methodius and a Mythical Western Heresy: Trilingualism. A Contribution to the Study of Patristic and Medieval Theories of Sacred Languages // *Analecta Bollandiana*, *Revue critique d'hagiographie*. Bruxelles, 1992. T. 110. Fasc. 3–4.
- Tillich 1959–1975 — *Tillich P.* Gesammelte Werke / Hrsg. von R. Albrecht. Stuttgart, 1959–1975. Bd. 1–14.
- Timroth 1986 — *Timroth W. V.* Russian and Soviet Sociolinguistics and Taboo Varieties of the Russian Language. München, 1986.
- Trier 1931 — *Trier Y.* Der deutsche Wortschatz im Sinnbezirk des Verstandes. Heidelberg, 1931.
- Tucker 1972 — *Tucker S.* Enthusiasm. A Study in Semantic Change. Cambridge, 1972.
- Unbegaun 1972 — *Unbegaun B.* Russian Surnames, Oxford, 1972. [Рус. пер.: Унбегаун 1989].
- Vahros 1966 — *Vahros I.* Zur Geschichte und Folklore der grossrussischen Sauna. Helsinki, 1966.

- Vereščagin 1995 — Vereščagin E. M. Postkommunistisches «Newspeak»: ein Erbe des Totalitarismus // Die Sprache der Diktaturen und Diktatoren. Heidelberg, 1995.
- Špidlík 1994 — Špidlík T. L'idée russe. Une autre vision de l'homme. Troyes, 1994.
- Vereščagin 1997 — Vereščagin E. M. Wandel traditioneller Rede- und Verhaltensstaktiken von Russen unter Bedingungen des freien Marktes // Dialog und Divergenz. Interkulturelle Studien. Frankfurt/M etc., 1997.
- Vereščagin 2001 — Vereščagin E. M. Wenn die Zeit stillsteht. Das Gebet in der russischen orthodoxen Kirche // Konflikt und Konsens. [...] Ergebnisse des 5. Internationalen Seminars 1999. Frankfurt/M etc., 2001.
- Vereščagin, Kostomarov 1974 — Vereščagin E. M., Kostomarov V. G. Sprachbezogene Landeskunde // PRAXIS des neusprachlichen Unterrichts. Hf. 3. 1974.
- Vuorela 1964 — Vuorela T. Kansatieteen sanasto. Helsinki, 1964.
- Weinreich 1963 — Weinreich U. Languages in Contact. The Hague, 1963.
- Weisgerber 1958 — Weisgerber L. Verschiebungen in der sprachlichen Einschätzungen von Menschen und Sachen. Köln; Opladen, 1958.
- Westermann 1984 — כבד *kbd* schwer sein // Theologisches Handwörterbuch zum Alten Testament. Zwei Bände / Hrsg. von E. Jenni unter Mitarbeit von C. Westermann. München; Zürich, 1984. Bd. 1.
- White 1949 — White L. The Science of Culture. A Study of Man and Civilisation. New York, 1949.
- Whorf 1952 — Whorf B. The Relation of Habitual Thought and Behavior to Language // Language, Meaning and Maturity. New York, 1952.
- Whorf 1956 — Whorf B. Language, Thought and Reality. New York, 1956.
- Wieser, Rauter 1974 — Wieser A., Rauter K. Philosophie. Logik und kritische Problemlhre. Wien, 1974.
- Wiens 1961 — Wiens G. Beginning Russian Reader. New York, 1961.
- Wifstrand 1942 — Wifstrand A. Die griechischen Verba für 'wollen' // Eranos. 1942. V. 40. № 1.
- Wittgenstein 1963 — Wittgenstein L. Philosophische Untersuchungen. Oxford, 1953. [Рус. перевод: Философские исследования // Онтологическая проблематика языка в современной западной философии (сборник переводов) / Отв. редактор И. С. Шерн-Борисова. Пер. Н. Г. Артемьевой и В. В. Бибихина. М., 1975. Ч. 2.]
- Wittgenstein 1963 — Wittgenstein L. Tractatus logico-philosophicus. Frankfurt/M, 1963. [Рус. яз.: Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. М., 1958.]
- Wundt 1904 — Wundt W. Völkerpsychologie: Eine Untersuchung der Entwicklungsgesetze von Sprache, Mythos und Sitte. Leipzig, 1904. Bd. 1. T. 1.
- Zahn 1964 — Zahn E. Soziologie der Prosperität. Wirtschaft und Gesellschaft im Zeichen des Wohlstandes. München, 1964.
- Zahrnt 1967 — Zahrnt H. Die Sache mit Gott. Die protestantische Theologie im 20. Jahrhundert. München, 1967.
- Zubatow 1995 — Zubatow L. N. Russisch im Wandel. Die russische Sprache seit der Perestrojka. Wiesbaden, 1995.
- Žust 2002 — Žust M. À la recherche de la Vérité vivante. L'expérience religieuse de Pavel A. Florensky (1882–1937). Roma, 2002.
- ישעיה 1883 — פירוש עברייירי עם [...] עשרים וארבעה ישעיה עם. (По описанию на русском языке:) Эсрим ве-арба. Исаия. Варшава, 1883.

Перечень изданий Свщ. Писания *

- ABP — С. С. Аверинцев. (Перевод) глав V–VII и стихов 26: 17–28: 20 Евангелия от Матфея // Альфа и омега. М., 1994. № 2 (5); М., 1995. № 3 (6).
- БЛВ — Благая Весть. Новый Завет / Пер. с греч. текста. М.: World Bible Translation Center, 1993 // Входит в состав: Библия. Иллюстрированное издание для семьи. (В переводе Всемирного Библейского Переводческого Центра.) М., 1994.

* Издания показываются трехбуквенными шифрами. Полу жирным шрифтом выделены три литеры, на основе которых образована аббревиатура.

- БНЗ — (Брюссельский Новый Завет) Новый Завет Господа нашего Иисуса Христа. В русском переводе с параллельными местами и приложениями. Bruxelles, б. г.
- БРБ — Библия. Книги Свщ. Писания Ветхого и Нового завета. Канонические. В русском переводе с параллельными местами и приложениями. Российское Библейское общество. М., 1995.
- ВИШ — Новозаветные писания и комментарии / Пер., ком. и ил. Гелия Вишенчука. Chattanooga, Tennessee, 2001.
- ЗЕР — Новый Завет по-еврейский и по-русски / Пер. Франца Делича. Edgware, Middx., s. a.
- КАП — Канонические евангелия. Новая русская редакция / Вступ., примеч., перевод-пересказ, прилож. Е. Г. Капкова. М., 1997.
- КАС — Новый Завет Господа нашего Иисуса Христа / Пер. с греч. подлинника под ред. епископа Кассиана (Безобразова). М., 2001.
- КЕК — Канонические евангелия / Пер. с греч. В. Н. Кузнецовой. Под ред. С. В. Лёзова и С. В. Тищенко. М., 1992.
- КНЗ — (Книги НЗ) ספרי הכרית החדש: תרגום הדרש // United Bible Societies. Jerusalem, 1976.
- КУЗ — Радостная весть. Новый Завет в переводе с древнегреческого / Пер. и примеч. В. Н. Кузнецовой. Ред. Ц. Г. Гурвиц. М., 2001.
- КУЛ — Новый Завет и Псалтырь в современном русском переводе / Пер. с греч. и примеч. под ред. д-ра богословия М. П. Кулакова. (Заокский), 2002.
- ЛУТ — Евангелие. Перевод с древнегреческого священника Православной Церкви о. Леонида Лутковского. М., 1991. (Ранее опубликовано в журнальном варианте: «Литературная учеба», 1990, № 1–4.)
- МИР — Евангелие от Марка. Евангелие от Иоанна. Послание к Римлянам. Апокалипсис. СПб., 1997.
- НЗН — Новый Завет Господа нашего Иисуса Христа в русском переводе. Издание восьмое. СПб., Синодальная типография, 1890. (На второй крышке переплета вытиснено: «Для русского народа. 25 коп.».)
- НЗП — (Новый Завет Патриархии) Новый Завет Господа нашего Иисуса Христа. Издание Московской Патриархии. М., 1976.
- НЗР — (Новый Завет издательства «Рарог») Новый Завет Господа нашего Иисуса Христа. На славянском и русском языках. М., Издательство «Рарог» 1998.
- ПОБ — Новый Завет Господа нашего Иисуса Христа в новом русском переводе К. П. Победоносцева. Опыт к усовершенствованию перевода на русский язык священных книг Нового Завета. СПб., 1906. (Фотомеханическое воспроизведение в кн.: Новый Завет в переводе К. П. Победоносцева. М., 2000.)
- ПРК — Послание к Римлянам ап. Павла. Новый перевод с греческого В. Н. Кузнецовой. М., 1993.
- РБО — Господа нашего Иисуса Христа Новый Завет. Третьим изданием. СПб., в Типографии Российского Библейского Общества, 1824. (Фотомеханическое воспроизведение в кн.: Новый Завет в переводе Российского Библейского Общества. М., 2000.)
- РВБ — (Радостная Весть Библейского общества) Радостная весть. Новый Завет в переводе с древнегреческого. Изд. второе, испр. и доп., с параллельными местами, историко-филологическими примеч. и прил. Российское Библейское общество. М., 2003. (Об этом в книге не сказано, однако воспроизводится перевод В. Н. Кузнецовой [КУЗ] с небольшой редакторской правкой.)
- СЛЖ — Слово Жизни. Новый Завет в современном переводе. (Russian Living New Testament.) М., Living Bibles International, 1991 // То же: Книга Жизни. Библия, Новый Завет в современном переводе. М.: Протестант, 1992.
- ТОЛ — Л. Н. Толстой. Краткое изложение Евангелия // Евангелие Толстого. Избранные религиозно-философские произведения Л. Н. Толстого. М., 1992.
- ЮНЦ — Евангелие в изложении Луки. Новая русская Библия. Новый Завет / Пер. с древнегреч. и послесл. Э. Г. Юнца. Ред. С. В. Тищенко. М., 1994.

Вот читатель закончил читать эту книгу, а может быть даже еще и не закончил: она трудна и обширна. Наверняка не закончил, еще будет к ней возвращаться не раз...

А тут вдруг — на тебе! Кто-то предлагает почитать еще раз, в «Послесловии»... Господи, да куда же еще! После всего сказанного Авторами! Ну разве что совсем коротко...

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Авторы поставили своей целью охватить в одном сочинении (которому, впрочем, предшествовало пять меньших книг) весь окружающий человека мир («Окружающая человека действительность дана в виде *природы* и *культуры*» — «Введение»). Их непосредственный предмет, конечно, один — *культура* («Культура противопоставляется природе»). Но зато уж в самой культуре ничто ничему не противопоставляется. Так она и возникает перед нами в этой книге — обширная, может быть, беспредельная, сфера...

Но она вся пронизана тончайшими наблюдениями, мыслями, примечаниями к наблюдениям и мыслям, примечаниями к примечаниям к наблюдениям и мыслям... Ах, слишком много всего.

¹ «Слишком много всего!» — говорила и великая Коко Шанель на своих гениальных репетициях-показах мод. (Держала перед своими моделями большие ножницы и часто пускала их в ход.)

В действительности, в этой книге Авторов, кроме «природы» и «культуры», есть еще нечто третье, а именно — «*Мир знания*». Да он никуда и не девался со времени Платона. В этой книге в виде отдельного раздела он возникнет как «Сапиентема». Но если говорить о терминах, то в нашем веке этот термин (и его сфера) впервые был введен Карлом Поппером (с 1967 по 1979 г. под названиями «Объективное знание», «Эпистемология без познающего субъекта», «Третий мир — мир объективного знания»). К. Поппер приводит два примера (два «мысленных эксперимента»): (1) Предположим, что все наши машины и орудия труда разрушены, уничтожены и все наши субъективные знания, включая знания о машинах и орудиях труда и умениях пользоваться ими. Понятно, что после преодоления значительных трудностей наш мир может начать раз-

виваться снова. (2) Предположим теперь, что, как и прежде, машины и орудия труда разрушены, уничтожены и наши субъективные знания и умения. Но на этот раз уничтожены и все библиотеки, так что наша способность учиться, используя книги, становится невозможной.

«Если вы поразмыслите над этими двумя экспериментами, то реальность, значение и степень автономии третьего мира, возможно, сделаются для вас немного более ясными» (К. Поппер. Логика и рост научного знания. М.: Прогресс, 1983. С. 441).

Сведушему читателю книги Авторов (а он, как и пишущий это «Послесловие», если и не был сведущим, то становится им в процессе чтения) очевидно, что речь идет о платоновском мире (ср. также с. 33 «Введения»): «По своей гносеологической принадлежности наша монография представляет собой не только головное знание, но и „мирознание“, онтологическую рефлексию — в ней речь идет о „сущем“, об объективных „сущностях“ (у Платона: *οὐσίαι*), за которыми мы признаем реальное бытие, пусть они и не допускают чувственно-материальной объективации и, может быть, еще не были прямыми объектами специального изучения».

«Послесловец» (автор «Послесловия») целиком к этому присоединится. Может быть, только добавив: почему же Авторы, так блестяще описывая платоновскую традицию, не присовокупили как раз одну из самых блестящих ее страниц — сочинения Памфила Даниловича Юркевича (1827–1874), хотя бы его работу «Идея». (За П. Д. Юркевичем прямо шли В. В. Ключевский, В. С. Соловьев, Г. Г. Шпет.)

«Почему же не присовокупили... — говорю я, — а быть может, вот почему: они слишком много сами знают о Платоне, их слишком увлекает их собственное — актуальное и современное — его развитие. Они так и пишут (и правильно, что так и пишут): «Новацией настоящей книги является Раздел третий („Синтез статики и динамики: умозрение сапиентемы“»». «...Феномен *сапиентемы* представляет собой не что иное, как пополнение учения Платона об *идеях*...».

Они спешат вперед — к научному русскому языку наших дней.

И тут перед нами целое богатство, целые россыпи русских слов, речений, афоризмов наших дней и церковнославянских, и целых художественных вещей, из которых и масса цитат.

Тут и Владимир Высоцкий (в «образе»)

Рупь — не деньги, рупь — бумажка,
 Экономить — тяжкий грех,
 Ах, душа моя тельняшка —
 В сорок пóлос, семь прорех!

Тут и Иосиф Бродский («неподкупный») рядом с Высоцким просто (Высоцкий, значит, только «на любителя»? — Ю. С.), тут и Иоанн Салисберийский (из XIII века) с его латинскими терминами (без перевода), тут и Л. Толстой («Живой труп»), и А. Безыменский 1925 года, и А. Солженицын и многое, многое другое...

Прямо современный Джойс со своим «Улиссом»! Автор превосходного Комментария к «Улиссу» С. С. Хоружий (или надо сказать: превосходный автор Комментария? Говорили же в Средние века «*magister elegantiae*») превосходно пишет: «Перед читателем — роман века. Редкий случай, когда дешевый оборотец не требует к себе иронии. „Улисс“ — роман века, потому что он — роман-веха. ...В соответствии со столь необычной ролью, „Улисс“ — роман необычный и трудный для чтения. Это общеизвестно; однако не надо преувеличивать и пугаться. Не надо думать, что без массы дополнительных сведений и разъяснений книгу вообще бесполезно открывать. ...Все по-настоящему важное литература доносит уже самую свою форму, письмом, способом речи — *тем, как все говорится*». Говорят, и Хайдеггер советовал для понимания своих текстов «следить за ходом показыванья» (Д. Джойс. Улисс. М.: «Симпозиум», 2000. С. 681).

Джойс тут в нашем (не Авторском) воображении возникает не случайно. Я думаю, что и книга наших двух Авторков — тоже и книга-веха и книга века, и Авторы — своеобразные «магистры элгантности», «магистры элганции».

Постоянно их русский текст перемежается латинскими терминами (без перевода, т. е. как «элитарно известными»). (Так и тянет так же прочитать и их главный — и трудный — термин «сапиентема» — «*Sapienti sat*», «Мудрому будет довольно этого» [«И так поймет»].) Вот некоторые из этого списка:

- «*ne improvisum*»
- «*ad fontes*»
- «*sententia communis*: несогласных нет»
- «*sensus purus*»
- «первоначала — *praemissi*»
- «*hodie ignoramus*» — «*sed ignorabimus*»

- «emenda, ubi errat»
- «exempla sunt necessaria» и т. п.

(Своего собственного толкования латинизмов Авторы, как правило, не дают, трактуя их как общеизвестные в элитарной среде этикетки. Между тем это, возможно, могло бы прояснить их собственный текст. Так, понятие «метафизика» они, по-видимому, склонны понимать только в новейшем смысле как «метафизическое познание, познание сути вещей». Однако в первоначальном смысле, как установила уже старинная «текстология», оно означало просто «те части аристотелевского текста (канона), которые идут после «физического», Τῶν μετὰ τὰ φυσικά. Мы, хотя бы для целей нашего «Послесловия», хотели бы вернуть в написанное Авторами, в данном месте и вообще, его текстологическое значение — как «современной формы современного вида текста». То есть еще и как некую новую ценность.)

Постепенно, с развитием авторского текста отмеченное многоязычие — уже не русско-латинского, а джойсовского типа — уплотняется. Вовсе не случайно, примером является «Заключение»: «Подошедшая к завершению книга представляет собой попытку свести многообразие фактов взаимодействия языка и культуры к каузальному единству путем постулирования сверхконцепта (*лингво*)сапиентемы, включающего в себя соположенные концепты лексического фона и рече-поведенческой тактики».

Во «Введении» Авторы рассмотрели это как пример на одной из песен Высоцкого, а в «Заключении», построенном зеркально, решили выйти из профанной сферы жизни и по контрасту обратиться к филологическому исследованию в области сакральной к современной практике перевода Свщ. Писания на русский язык. Речь идет конкретно о переводе группы глаголов и имен существительных «крестити/крещати». И это, конечно, нечто более значительное, чем просто «перевод» — становление сапиентемы от ее нуминального (или, в терминологии Авторов, *нуминозного*) — через «Встречу» — к «Человеческому» (феноменальному).

В ходе всей книги (не только в данном конкретном месте) совершается постоянное взаимодействие двух научных (и языковых) стихий — науки и, так сказать, «практического» («обыденного»)

(называют как угодно) рассуждения. (В сущности, это тот же самый процесс, что и в только что названном переходе от «ноуменального» к «феноменальному», от «нуминозного» к «человеческому».)

Но вот тут (не в данном конкретном месте), а, так сказать, — в движении всей линии, что-то, на взгляд «Послесловца», нет-нет да и дрогнет и линия искривится.

Так, например, в понятии «силлогизма» (в начале «Введения»): «рече-поведенческая практика производна от вывода силлогизма».

С этим согласиться нельзя: одно и другое *похожи* по типу операций, но не более, чем научный силлогизм похож на практический силлогизм. Давно уже Э. Энскомб (G. E. M. Anscombe) (еще в 1957 г.) и вслед за ней Г. Х. фон Вригт показали, что «практический силлогизм» (эта идея восходит к Аристотелю и, по мнению многих исследователей, является одним из его лучших открытий) есть, в сущности, *форма действия*; практический силлогизм *не является формой доказательства*, рассуждение этого типа качественно отличается от доказательного силлогизма (ср. Г. Х. фон Вригт. Логико-философские исследования. Избр. труды. М.: Прогресс, 1986. С. 210).

В чем-то подобный упрек можно высказать и в понимании «сингулярности, сингулярного» у Авторов, с которым, думается, вряд ли согласились бы логики. Все-таки «логика» — это «наука», «всего лишь наука». А перед нами — замечательная и своеобразная книга — особый тип текста, — соединившая науку и философию языка.

Но тогда — почему бы не закончить просто образцом прекрасного русского языка, на пользу если не Авторам, то во всяком случае «Послесловцу». Это М. Ю. Лермонтов «Герой нашего времени» [Предисловие]:

«Во всякой книге предисловие есть первая и вместе с тем последняя вещь; оно или служит объяснением цели сочинения, или оправданием и ответом на критики. Но обыкновенно читателям нет дела до нравственной цели и до журнальных нападок, и потому они не читают предисловий. (И послесловий. — Ю. С.) А жаль, что это так, особенно у нас...»

Ю. Степанов

Научное издание

*Евгений Михайлович Верещагин,
Виталий Григорьевич Костомаров*

Язык и культура.
Три лингвострановедческие концепции:
лексического фона, рече-поведенческих тактик
и сапиентемы

Редактор *А. И. Рыко*
Редактор-корректор *Т. И. Томашевская*
Оригинал-макет *Л. Е. Коритысская*
Оформление *А. С. Старчеус*

На первой и последней страницах обложки:
статьи из «Всероссийского „словаря-толкователя“»
(СПб., 1894. Т. 2; 1895. Т. 3)

В оформлении книги использован растительный инициал **ИА**
из Евангелия тетр «Ананьинское». Конец XVI — начало XVII в. Л. 331

Издательство «Индрик»

INDRIK Publishers has the exceptional right to sell this book outside Russia
and CIS countries. This book as well as other **INDRIK** publications may be ordered by

e-mail: **nina_dom@mtu-net.ru**
or by tel./fax: **+7 095 959-21-03**

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции (ОКП) — 95 3800 5

ЛР № 070644, выдан 19 декабря 1997 г.
Формат 70×100¹/₁₆. Гарнитура «Newton». Печать офсетная.
65,0 п. л. Тираж 1000 экз. Заказ № 11355

Отпечатано с оригинал-макета
в ППП «Типография „Наука“».
121099, Москва, Г–99, Шубинский пер., д. 6